КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ LXXXVIII.

1905 г.

ЯНВАРЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.
1905.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

I. В. Н. КАРАЗИНЪ. (Его жизнь и общественная дѣятельность). *Н. Тихаго* . . . . 1—47
II. ЗАМѢТКИ КЪ ИСТОРІИ КІЕВСКОЙ КОЗАЧЧИНЫ 1855 г. Сообщ. *Л. М.* . . . . 48—65
III. ПѢСНИ О НЕЧАѢ. (Новые варіанты и литература пѣсни). Сообщ. *В. Доманицкій.* . . . . 66—88
IV. ОБЫЧАЙ ПОМИЛОВАНІЯ ПРЕСТУПНИКА, ИЗБРАННАГО ДѢВУШКОЙ ВЪ МУЖЬЯ. *Ор. Левицкаго* . . 89—97
V. БЫТОПИСАТЕЛЬ ПОРЕФОРМЕННОЙ УКРАИНЫ. *Сергія Ефремова.* . . . . 98—116
VI. ГОЛОТА. Повисть. *В. Винниченка.* . . . . 117—188

Отдѣлъ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Искъ о вырытомъ тайно кладѣ. Сообщ. *Ор. Левицкій;* б) Былъ-ли игуменъ Мелхиседекъ Значко-Яворскій организаторомъ украинскаго возстанія 1768 г. *Вл. Н—ка;* в) Къ исторіи украинскихъ духовныхъ стиховъ. *Влад. Данилова;* г) Договоръ прихожанъ села Бѣлоусовки, пирятинск. у., съ священникомъ 1742 г. Сообщ. *В. Модзалевскій;* д) Письмо графини Александры Браницкой министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія кн. А. Голицыну съ ходатайствомъ о базиліанахъ. Сообщ. *В. Страшкевичъ;* е) Рождественская вирша. Сообщ. свящ. *А. Рудневъ;* ж) Къ тексту стихотвореній П. П. Гулака-Артемовскаго; з) В. О. Корніенко. (Некрологъ). *Гр. Сьогобочній;* і) Письмо въ редакцію. *Вл. Н—ко;* и) Извѣщенія редакціи. . . . . 1—18
ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ. . . . . 19—41
II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Варшавскій военный журн. 1904 г. П. А. Гейсманъ. Русскія войска и конфедераціи въ Польшѣ въ 1767 и 1768 гг. *Вл. Н—ко;* б) „Wiz i perewiz“, czyli Ukraina Galicyjska w prawdziwem oświetleniu przez Ukrainca“. *Н.*; в) Л. Ж. Запорожская Сичъ съ новымъ содержаніемъ (Изъ дорожныхъ впечатлѣній). *В. Д.*; г) Красильниковъ Ф. С. Малороссія и малороссы. *В. Доманицкій*; д) Обзоръ журналовъ конца 1904 года; е) Извѣстія о новыхъ книгахъ . . . . . . 42—72
III. ОБЪЯВЛЕНІЯ . . . .

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

ТОМЪ LXXXVIII.

1905 г.

ЯНВАРЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра Акціон. О-ва печ. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1905.

Дозволено Цензурою. Кіевъ. 18 декабря 1904 г.

Результаты конкурса, объявленнаго редакціей журнала „Кіевская Старина“ въ 1904-мъ году, и объявленіе о новомъ конкурсѣ на 1905-й годъ.

Въ началѣ 1904 г. нашей редакціей объявленъ былъ конкурсъ для представленія на преміи беллетристическихъ произведеній на украинскомъ языкѣ. Ко времени истеченія срока конкурса, т. е. къ 1 ноября 1904 г., было всего представлено 27 рукописей. По прочтеніи этихъ рукописей, оказалось, что одна рукопись, присланная подъ девизомъ „Excelsior“, по неразборчивости почерка не могла быть прочитана членами жюри, почему она и осталась внѣ конкурса; изъ остальныхъ 26 признаны заслуживающими *половинной преміи* (по 50 руб. за печатный листъ) *три*, а именно: 1) „Голота“—повисть, подъ дивизомъ „На те й лыхо, щобъ зъ тымъ лыхомъ бытысь“; 2) „Vae victis“—повисть подъ девизомъ „Оріонъ“; 3) „Цидъ минаретамы“—повисть подъ девизомъ „Fiat lux“. По вскрытіи конвертовъ съ означенными девизами, авторами премированныхъ произведеній оказались; перваго—*В. Винниченко*, второго—*М. Чернявскій*, третьяго—*М. Коцюбинскій*. Въ настоящей книжкѣ журнала печатается первая половина повѣсти В. Винниченка—„Голота“. Редакція покорнѣйше проситъ гг. авторовъ остальныхъ 24 произведеній сообщить, указавши заглавія своихъ произведеній и девизы, по какому адресу должны быть возвращены имъ ихъ рукописи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ редакція журнала „Кіевская Старина“ объявляетъ новый конкурсъ, на 1905-й годъ, на слѣдующихъ условіяхъ:

1) За лучшіе разсказы, повѣсти и поэмы, написанные по-украински, авторамъ будутъ выданы преміи: *1-ая премія — по 100 руб.* за печатный листъ въ 16 стр.; *2-ая премія—по 75 руб.* за листъ; *3-ья премія*—по 50 руб. за листъ.

2) Представляемые на конкурсъ повѣсти, разсказы и поэмы должны быть оригинальные, а не переводные и передѣланные.

3) Авторамъ предоставляется свободный выборъ темъ и сюжетовъ.

4) Срокъ представленія разсказовъ, повѣстей и поэмъ — *не позже 1 октября 1905 года.*

5) Рукописи должны быть представлены переписанными не рукою автора и безъ имени его, а только съ девизомъ, при чемъ нужно въ запечатанномъ конвертѣ, съ надписью того-же девиза, указать свой точный адресъ (имя, отчество, фамилія и почтовая станція).

Василій Назаровичъ Каразинъ.

(Его жизнь и общественная дѣятельность).

ГЛАВА I.

Происхожденіе. Предки. Назаръ Каразинъ и его походы. Отставка Назара Каразина и пожалованіе деревень. Мать и рожденіе Василія Назаровича Каразина. Н. А. Каразинъ помѣщикъ. Обстановка первыхъ лѣтъ жизни Василія Назаровича. Столкновеніе съ Ольховскимъ. Колоколъ Назара Каразина. Церковь въ Кручикѣ. Нравственная личность Назара Каразина.

Кѣмъ былъ по происхожденію Василій Назаровичъ Каразинъ, до сихъ поръ было наиболѣе неопредѣленнымъ вопросомъ, который лишь въ послѣднее время нѣсколько выяснился. По имѣющимся печатнымъ свѣдѣніямъ можно было только заключить, что родомъ онъ былъ или грекъ, или сербъ, или болгаринъ. Согласно «запискѣ» Филадельфа Васильевича Каразина [1] (сына В. Н—ча), Каразины происходятъ отъ дворянскаго греческаго рода Караджи, при чемъ Фил. Вас. не упоминаетъ о какихъ либо родовыхъ документахъ, сохранившихся или ему извѣстныхъ, откуда онъ сообщаетъ данное свѣдѣніе. Тѣмъ не менѣе мнѣніе о греческомъ происхожденіи В. Н. Каразина являлось наиболѣе рас-

---

[1]) Г. П. Данилевскій, «Украинская Старина», Харьковъ 1866 г., стр. 101.

пространеннымъ; его придерживались Я. В. Абрамовъ [1]), Срезневскій [2]), проф. Д. И. Багалѣй [3]), Чириковъ [4]), и лишь въ одномъ случаѣ встрѣчается мнѣніе о болгарскомъ происхожденіи Каразина [5]),

Личныя показанія В. Н. Каразина не только не устраняютъ двѣ указанныя редакціи о его происхожденіи, но выдвигаютъ еще третью, о сербскомъ происхожденіи его рода. Въ самомъ дѣлѣ, въ письмѣ къ кн. Адаму Чарторыжскому отъ 21 ноября 1804 г., по поводу волненія въ Сербіи, Каразинъ замѣчаетъ, что «сербы его соотечественники», и что «дѣдъ его по происхожденію былъ сербъ» [6]).

Въ письмѣ отъ 22 сент. къ Михаилу Ивановичу (чиновнику, фамилія котораго остается неизвѣстной) В. Н. Каразинъ, говоря о желаніи своемъ видѣть въ стѣнахъ Харьковскаго университета греческую молодежь (которымъ онъ-де руководился при основаніи университета), совершенно ясно заявляетъ, что онъ «соплеменникъ грековъ» [7]). Точно также въ найденномъ нами собственноручномъ формулярѣ В. Н. Каразина о происхожденіи его читаемъ: «Дворянинъ, сынъ Россійскаго полковника; дѣдъ его изъ благородныхъ грековъ (фаналіотовъ), извѣстный у нихъ Александръ Караджа, при вступленіи, въ царствованіе Петра Великаго, въ воинскую службу, названъ въ спискахъ съ россійскимъ окончаніемъ *(инъ)*: что и осталось» [8]).

---

1) «В. Н. Каразинъ, его жизнь и общ. дѣят.» Спб. 1891 г. стр. 8.

2) «Каразинъ Вас. Наз.» Русск. біограф. слов. подъ ред. Половцева.

3) «Каразинъ Вас. Наз.» Энцикл. слов. подъ ред. Брокгауза и Ефрона, т. XXVII. Также «Сборн. Харьк. Ист. Фил. Общ.» т. III, Харьковъ, 1891 г. стр. 307.

4) «Біографія В. Н. Каразина», неизданная рукопись. Историч. архивъ Харьк. ун-та.

5) А. П. Барсукова. «Валахскій господарь... взятъ военноплѣннымъ въ своей столицѣ... подполковникомъ Назаромъ Каразинымъ *(родомъ Болгаринъ)*, отцомъ достопамятнаго Каразина». «Старина и Новизна», ист. сборн. общ. ревн. русск. ист. просв. Ал. III, Спб.. 1897 г. кн. I, стр. 296, прим. 66.

6) ... «m'ont informé de l'existence d'une mission secrète auprès de notre souverain de la part de Serbes Turcs insurgés, mes si devant compatriotes (Mon grand-père en était originaire)». «Русс. Стар.» 1871 г. т. III, стр. 701—702.

7) Эти данныя найдены проф. Д. И. Багалѣемъ въ Арх. Мин. Н. Просв. и пока не опубликованы.

8) Арх. Харьк. Дв. Деп. Собр. По описи дѣлъ Харьк. Губ. Предв. Двор. 1830 г. № 65, листъ 2 и 3.

Въ письмѣ къ С. Н. Муханову (служившему при канц. шефа жанд. Бенкендорфа) отъ 21 ноября 1831 г. Каразинъ, высказывая якобы свое завѣтное желаніе основать въ Болгаріи университетъ, который былъ бы средоточіемъ образованія южнаго славянства, называетъ столицу Болгаріи Софію—«отечествомъ предковъ своихъ болгаръ» [1]). О болгарскомъ своемъ происхожденіи В. Н. Каразинъ говоритъ въ найденномъ недавно проф. Багалѣемъ прошеніи, которое подано было въ 1797 году въ Геральдію съ заявленіемъ объ оффиціальномъ утвержденіи за родомъ Каразиныхъ герба, которымъ пользовались предки Каразина родомъ болгары съ 1627 года [2]).

Изъ приведенныхъ противорѣчивыхъ данныхъ можно заключить только то, что В. Н. Каразину въ вопросѣ о происхожденіи его довѣрять нельзя. Но есть еще два оффиціальныхъ документа, довѣрять которымъ есть серьезныя основанія. Это два рескрипта императрицы Екатерины II: одинъ—данный на имя графа Алексѣя Орлова (29 янв. 1769 г.), другой—на имя Назара Каразина (31 дек. 1770 г.). Въ первомъ, императрица, поручая графу привести въ исполненіе его планъ возмущенія Балканскаго полуострова противъ турокъ, перечисляетъ агентовъ, которыхъ съ своей стороны намѣрена послать для успѣха дѣла, и говоритъ объ отцѣ В. Н. Каразина въ такихъ словахъ:... «отправляется нынѣ службы нашей подполковникъ Назаръ Каразинъ, *родомъ болгаръ*, въ Валахію, Молдавію и другія турецкія провинціи [3]). Во второмъ рескриптѣ Назаръ Каразинъ награждается чиномъ полковника, при чемъ говорится, что «Назаръ Каразинъ находился въ нашей военной службѣ изъ иностранныхъ народовъ *болгарской націи* съ 1745-го года» [4])... Принимая во вниманіе оффиціальность документовъ и то, что составитель рескриптовъ долженъ былъ заимствовать свои свѣдѣнія изъ достовѣрнаго источника, *указаніе на болгарское происхожденіе рода Каразиныхъ надо считать наиболѣе доказаннымъ.*

О предкахъ Василія Назаровича мы имѣемъ крайне скудныя свѣдѣнія, не восходящія раньше XVIII столѣтія [5]). Семейная

---

1) «Русская Старина» 1903 г., апрѣль, стр. 16.

2) Докладъ пр. Д. И. Багалѣя въ засѣд. Ист.-Фил. Общ. при Харьк. ун. 27 сент. 1904 г.

3) Сборн. Русс. Ист. Общ. т. I, Спб. 1867 г. стр. 5.

4) Архивъ Харьк. Двор. Деп. Собр. «Дѣло Василія Каразина о внесеніи его въ родословн. книгу» 1799 г. № 8, листъ 3-й.

5) Есть еще одинъ рукописный документъ, свидѣтельствующій о выходѣ нѣкоего Каразина въ Россію въ началѣ XVII ст. Найденъ документъ пр. Д. И. Багалѣемъ и прочтенъ въ засѣд. Ист.-Фил. Общ.

хроника Каразиныхъ [1]) гласитъ, что родоначальникъ семейства Караджи, Григорій Караджи, былъ Софійскимъ архіепископомъ въ Болгаріи. При императорѣ Петрѣ Великомъ Караджи переселились въ Россію. Сынъ Григорія Караджи, Александръ, уже былъ на русской военной службѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ найденная нами копія съ именного указа отъ 8-го января 1748 г., когда Александръ Каразинъ былъ произведенъ въ капитаны русской гвардіи [2]). Умеръ онъ въ 1753 году въ селѣ Рублевкѣ, близъ украинскаго мѣстечка Мурафы.

Сынъ Александра Георгіевича, Назаръ, отецъ В. Н—ча, родился въ 1731 г. 14 окт. Съ 1745 г. числился на военной службѣ «и происходилъ чинами по порядку, наконецъ, состоялъ подполковникомъ съ 23 янв. 1769 г.», какъ гласитъ именной указъ

при Хар. ун. 10 февр. 1904 г.—Здѣсь говорится о «сербинѣ турченинѣ» Петрѣ Каразинѣ, выходцѣ изъ Молдавіи въ царствованіе Михаила Θеодоровича. Этотъ Каразинъ «служилъ прежде турскому султану», былъ «басурманской вѣры» и лишь незадолго до переселенія въ Россію принялъ православіе, Въ 1641 г. Каразинъ выѣхалъ въ Москву съ сербскимъ митрополитомъ Симеономъ и получилъ за выходъ 10 рублей (послѣднее обстоятельство доказываетъ незнатность происхожденія выходца, такъ какъ знатные люди, и даже низшіе офицера, получали за выходъ значительно бо́льшую плату)—Генеалогическую связь упомянутаго Петра Каразина съ извѣстными предками В. Н-ча нѣтъ никакой возможности установить.

[1]) «Украинск. Старина» Г. П. Данилевскаго Харьк. 1866.

[2]) Архивъ Харьк. Двор Деп. Собр. «Дѣло по внесенію въ двор. род. кн. Василія Каразина» 1799 г. № 8, листъ 2-й: «Божіею Милостію, Мы Елисаветь Первая Императрица и Самодержица Всероссійская и прочая и прочая и прочая.

Извѣстно и вѣдомо да будетъ каждому, что Мы Александра Каразина, который Намъ порутчикомъ служитъ за оказанную его къ службѣ нашей ревность и примѣрность въ Наши капитаны тысяча седьмьсотъ четыредесятъ седьмого года ноября двадесять осьмого дня Всемилостивѣйше пожаловали и учредили; яко же Мы симъ жалуемъ и учреждаемъ, повелѣваемъ всѣмъ нашимъ подданнымъ помянутаго Александра Каразина за нашего капитана надлежащимъ образомъ признавать и почитать; и Мы надѣемся, что онъ, въ семъ ему отъ Насъ Всемилостивѣйше пожалованномъ чинѣ такъ честно и примѣрно поступать будетъ, какъ то вѣрному и доброму офицеру надлежитъ. Въ свидѣтельство того Мы сіе Нашей военной коллегіи подписать и Государственной Нашею печатью укрѣпить повелѣли. Данъ въ С.-Петербургѣ, лѣта 1748 генваря 8 дня». Подлиный подписали: генералъ Степанъ Апраксинъ, ген.-маіоръ Иванъ Козловъ, секретарь Сергѣй Поповъ.

имп. Екатерины II [1]). Въ 1760 г. онъ вступилъ въ военную службу и во время участія въ семилѣтней войнѣ былъ раненъ въ ногу [2]). Предъ началомъ первой турецкой войны, императрица Екатерина II, надѣясь на помощь «запазушныхъ враговъ» Турціи, грековъ и славянъ, послала по предложенію гр. Орлова въ Средиземное море эскадру, чтобы поднять возстаніе въ Мореѣ и Черногоріи, и, кромѣ того, были посланы въ Турцію нѣсколько лицъ для ознакомленія съ силами турокъ на мѣстѣ. Въ числѣ послѣднихъ былъ Назаръ Александровичъ Каразинъ. Онъ былъ представленъ императрицѣ, какъ человѣкъ, умѣющій говорить по-турецки и гречески, и какъ хорошій инженерный офицеръ, и вызвался взять на себя пропаганду возмущенія Валахіи, Молдавіи и другихъ внутреннихъ турецкихъ провинцій. Успѣхъ предпріятія былъ отчасти обезпеченъ тѣмъ, что лѣтомъ 1768 г. Каразинъ видѣлся съ «мультянскимъ баномъ Первуломъ Кантакузинымъ», который и обѣщалъ, со своей стороны, возможное содѣйствіе возстанію названныхъ провинцій. Съ Каразинымъ императрица отправила къ Кантакузину печатныя воззванія къ возстанію для распространенія среди балканскихъ христіанъ [3]). «Переодѣтый монахомъ, съ отрощенной бородой, съ просительной книгой въ рукахъ и съ боченкомъ воды за плечами (въ боченкѣ было 4 дна, между средними были спрятаны бумаги и чертежные инструменты), онъ отправился въ путь пѣшкомъ, проникъ въ глубь Турціи, все осмотрѣлъ, вывѣдалъ и снялъ на бумагѣ. Въ Андріанополѣ его схватили на разсвѣтѣ утра, за работой надъ съемкою какого-то бастіона. Онъ успѣлъ бросить боченокъ въ кусты. Но его, по приказанію паши, чуть не посадили на колъ. Онъ убѣжалъ изъ заключенія, доставивъ въ Россію свои замѣтки и планы, и привелъ еще съ собою 3000 арнаутовъ вслѣдъ за нимъ бросившихъ Турцію. Его сдѣлали начальникомъ ихъ, и съ этимъ отрядомъ онъ пошелъ передъ нашей арміей, открывшей войну съ невѣрными» [4]). Василій Назаровичъ Каразинъ въ примѣчаніи къ одной изъ сво-

---

[1]) Арх. Х. Двор. Собр. «Дѣло о внесеніи В. Каразина 1799 г.» № 8, листъ 3-ій.

[2]) О хронологич. данн. см. «Этнографіумъ Наз. Ал. Каразина»; Сборн. Харьк. Ист.-Фил. Общ., кн. 3 стр. 308—310, Харьковъ 1891 г.

[3]) Сборн. Русс. Ист. Общ. т. I. Спб. 1867 г. стр. 5.

[4]) Фактъ вывода изъ Турціи арнаутовъ опровергался Фил. Вас. Каразинымъ (Сѣв. Пч. 1860 г. № 92 «Письмо къ Издателю»). Тѣмъ не менѣе, вслѣдъ за біографомъ В. Н. Каразина Г. П. Данилевскимъ, точныя свѣдѣнія объ указанномъ фактѣ находимъ въ приб. къ оффиціальному документу, помѣщенному въ «Сборн. Русс. Общ.» т. I, стр. 5,

ихъ печатныхъ статей [1]) говоритъ: «Маіоръ, впослѣдствіи полковникъ, Назаръ Каразинъ былъ употребленъ въ 1768 и въ слѣдующихъ годахъ до открытія турецкой войны въ секретныя посылки и въ негоціаціи въ Молдавію, Валахію и Морею. Великій графъ Румянцевъ-Задунайскій жаловалъ его лично, удостаивалъ его своими письмами даже послѣ его отставки, а Екатерина II наградила недвижимымъ имѣніемъ». Въ печатныхъ реляціяхъ о Екатерининскихъ войнахъ сохранилось нѣсколько извѣстій о Назарѣ Каразинѣ: 18 октября 1769 г. [2]) «Каразинъ со ввѣренными ему арнаутами, приблизясь къ Бухаресту, столицѣ княжества Валахскаго, выгналъ изъ него турецкое войско и взялъ въ полонъ Валахскаго господаря Григорія Гику, съ братомъ его, сыномъ и всѣми придворными, коихъ привелъ въ городъ Яссы». По словамъ реляціи 1770 г.: «7000 турокъ напали на полковника Каразина, бывшаго въ монастырѣ Комитѣ, въ тридцати верстахъ отъ Бухареста. Всѣ почти предводимые Каразинымъ пали»... Спасся одинъ предводитель съ немногими арнаутами [3]). Самъ Вас. Наз. подтверждаетъ и пополняетъ нѣсколько оффиціальныя данныя; наводя справки въ Архивѣ Военной Коллегіи, онъ нашелъ небезъинтересное свѣдѣніе о Назарѣ Александровичѣ, о чемъ разсказывалъ такъ (въ 1818 г.): «14 декабря 1769 г. въ турецкую войну состоявшій въ корпусѣ ген.-поручика Штофельна маіоръ Анрепъ съ шестью офицерами, имѣя не болѣе ста сорока шести егерей и другихъ нижнихъ чиновъ, велъ оныхъ къ Волховскому монастырю Комину, для освобожденія подполковника Каразина (моего отца), который съ нѣсколькими стами ввѣренныхъ ему арнаутъ отстрѣливался въ семъ монастырѣ отъ окружавшаго оный съ пушками семитысячнаго турецкаго корпуса. Егери знали уже прежде отправленія съ мѣста, что никакой не будетъ возможности совладѣть съ непріятелемъ столь малой командѣ и что они посылаются на неизбѣжную смерть»... «Дѣйствительно, храбрый Анрепъ, и вся его команда, кромѣ одного раненаго, въ плѣнъ взятаго офицера (отъ котораго упомянутый мой отецъ впослѣдствіи слышалъ сей разсказъ), легли, не дошедши до стѣнъ монастырскихъ» [4]).

---

[1]) «Рѣчь о истинной и ложной любви къ отечеству»; «Украинск. Вѣстн.» 1818 г. кн. IX, стр. 340—43.

[2]) «Этнографіумъ»; также см. Сборн. ревн. русс. просв. «Старина и Новизна» Спб. 1897.

[3]) «Укр. Стар.» Г. П. Данилевскаго, который черпаетъ послѣднее свѣдѣніе изъ «Русс. Ист.» Глинки, т. IX.

[4]) «Россійскій Анекдотъ». Благонамѣренный, 1818 г. кн. 4, дек. Смѣсь, стр. 328—329.

Изъ оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ документовъ надо заключить, что Назаръ Александровичъ, выступивъ на поле военныхъ дѣйствій въ чинѣ подполковника въ сентябрѣ 1769 года, именнымъ указомъ отъ 31 дек. 1770 г. былъ произведенъ въ полковники. Съ этимъ чиномъ и наградой въ 6000 руб. тѣмъ же указомъ былъ уволенъ въ отставку по прошенію [1]). Еще «7 іюня 1770 г. императрица Екатерина II именнымъ указомъ Сенату пожаловала Назару Александровичу изъ описныхъ дворцовыхъ маетностей въ Ахтырской провинціи Слоб. Укр. губ. деревню Гниловку, въ которой числилось 26 дворовъ и 140 душъ крестьянъ» [2]). Но по справкамъ оказалось, что дер. Гниловка, иначе Добрянская, входила прежде во владѣнія разныхъ частныхъ лицъ, а въ 1768 г. 127 д. крестьянъ было переведено изъ Гниловки въ дворцовое село Яблучное, а земли гниличскія были переданы однодворцамъ, такъ что уже въ 1769 г. дер. Гниловка находилась въ вѣдѣніи Вольновской воеводской канцеляріи. Въ виду всего этого 19 ноября 1770 г. послѣдовалъ новый Высоч. указъ о пожалованіи Каразину въ вѣчное и потомственное владѣніе, вмѣсто дер. Гниловки, с. Кручика и дер. Основицы изъ описныхъ же дворцовыхъ вотчинъ Ахтырской провинціи Слоб.-Укр. губ. Въ селѣ Кручикѣ считалось 244 души, а въ дер. Основицы187 д. [3]).

---

[1]) Архивъ Харьк. Двор. Деп. Собр. «Дѣло Василія Каразина о внесеніи въ двор. род. кн. 1790 г. № 8., листъ 3; копія съ указа за № 374:

«Божіею Милостію Мы Екатерина Вторая Императрица и Самодержица Всероссійская и прочая и прочая и прочая.

Извѣстно и вѣдомо да будетъ каждому, что оказатель сего, Назаръ Каразинъ, находился въ Нашей военной службѣ изъ иностранныхъ народовъ болгарской націи съ 1745 года, и происходилъ чинами по порядку, наконецъ состоялъ подполковникомъ 1769 генваря съ 23, и будучи онъ Каразинъ въ службѣ Нашей во всемъ такъ поступалъ, и себя содержалъ, какъ честному, вѣрному храброму солдату, и искусному офицеру надлежитъ; а сего 1770 году маія 25 числа оной Каразинъ по прошенію его уволенъ отъ всякой службы, съ награжденіемъ полковничья чина, во свидѣтельство чего Мы сіе собственною рукою подписали и Государственной печатью укрѣпить повелѣли; Данъ въ С.-Петербургѣ, лѣта 1770-го декабря 31 дня». Подлиный подписанъ собственной ея Императорскаго Величества рукою тако: Екатерина. Генералъ графъ Захаръ Чернышовъ.

[2]) Сборн. Харьк. Ист.-Фил. Общ. кн. 3 стр. 307—308, Харьковъ 1891.

[3]) Арх. Х. Дв. Г. Собр. «Дѣло Вас. Каразина о внес. въ Дв. род. кн. 1799 г.» № 9, листъ 4. Въ форм. спискѣ В. Н. Каразина отъ 1830 г. значится, что с. Кручикъ Богодух. уѣзда пожаловано за службу отца и дѣда и что при селѣ числится 2660 дес. земли.

Въ январѣ 1771 года [1]) Назаръ Александровичъ прибылъ въ пожалованныя царицей владѣнія и началъ хозяйничать. Женился на дочери сотника Харьковскаго полка Як. Ив. Ковалевскаго. Послѣдній былъ женатъ на М. В. Магденко, по первому мужу своему Логачевой. Въ 1773 г. онъ строилъ домъ. Въ это то время 30-го января на разсвѣтѣ въ хатѣ кручанскаго крестьянина Минченка родился Василій Назаровичъ; былъ названъ Богданомъ, а при крещеніи это имя было замѣнено Василіемъ.

О жизни Назара Александровича Каразина, какъ помѣщика пожалованныхъ деревень, извѣстно немногое, а между тѣмъ это время для насъ особенно интересно, интересна обстановка, въ которой жилъ первые годы жизни Василій Назаровичъ. «Интересно поставить вопросъ, говоритъ проф. Д. И. Багалѣй, не вліяла ли на образованіе характера Василія Назаровича наслѣдственность и домашняя обстановка. Слишкомъ необычайными для украинца (каковымъ всегда себя считалъ и называлъ Василій Назаровичъ) являются тѣ черты, которыми запечатлѣна дѣятельность этого выходца изъ южной славянщины; это была безпокойная, бурная натура, человѣкъ, обладавшій огромнымъ запасомъ жизненной энергіи, не могшій сосредоточиться на чемъ-нибудь одномъ и переходившій постоянно отъ одного увлеченія къ другому. Такая же безпокойная натура была и у отца его» [2]). Къ самымъ первымъ годамъ жизни Василія Назаровича относится характерный для своего времени эпизодъ ссоры его отца съ сосѣдомъ помѣщикомъ села Шаровки, Ольховскимъ, который также служилъ въ военной службѣ и получилъ имѣніе въ Украйнѣ. «Это былъ типъ буйнаго воина, не желавшій разстаться со своими военными привычками и замашками даже въ мирномъ деревенскомъ уголкѣ». Ольховскій въ качествѣ полковника Козловскаго пѣхотнаго полка держалъ при себѣ военную команду, «что давало преимущество ему предъ другими мирными сосѣдями», «не исполнялъ никакихъ служебныхъ обязанностей, а все свое время посвящалъ хожденію по дѣламъ въ Ахтырской провинціальной и въ слободско-украинской губернскихъ канцеляріяхъ, вот-

---

1) Свѣдѣнія о жизни Назара Александровича въ деревнѣ находимъ отчасти въ «Эпитафіумѣ» его и «запискѣ о жизни отца» Ф. В. Каразина, напечатанной въ «Украинской Старинѣ» Г. П. Данилевскаго.

2) Проф. Д. И. Багалѣй «Назарій Александровичъ Каразинъ и его колоколъ». «Кіевская Старина» 1892 г. ноябрь, стр. 163.

чинномъ департаментѣ и межевой конторѣ»[1]). О буйствахъ помѣщиковъ въ XVIII в. хорошо извѣстно изъ многихъ фактовъ. Постоянные разбойническіе ихъ наѣзды на сосѣдей помѣщиковъ сопровождались грабежами, пожарами, увѣчьями и убійствомъ. Объ этихъ наѣздахъ много писали и наши беллетристы; подтверждается фактъ и оффиціальными документами[2]); не всегда помѣщики получали справедливый судъ за свои преступленія. Такимъ головорѣзомъ былъ и Савва Петровичъ Ольховскій, не могшій или не хотѣвшій отстать отъ своихъ военныхъ замашекъ. Много разсказывали старожилы Шаровки и окрестныхъ деревень о его жестокостяхъ; говорили, что у него въ подвалахъ гнили люди на цѣпяхъ и что онъ высокомѣрно относился къ сосѣдямъ, нерѣдко дѣлалъ наѣзды ночью на мелкаго владѣльца, сжигалъ его усадьбу и тотчасъ запахивалъ и засѣвалъ землю. Когда ограбленный пріѣзжалъ судомъ на мѣсто разслѣдовать дѣло (вспомнимъ при этомъ о бумажномъ дѣлопроизводствѣ того времени и подкупности судей), то на мѣстѣ усадьбы волновалась нива, что и служило основаніемъ доказательствъ Саввы, будто бы здѣсь никогда никакой усадьбы не было и земля издавна принадлежала ему. Съ такимъ-то человѣкомъ столкнулся Назаръ Александровичъ Каразинъ.

Причиной столкновенія сосѣдей, по «храмозданной грамотѣ» села Кручика[3]), былъ споръ «за какую то землю, которою хотѣлось владѣть и тому и другому». Столкновеніе между Ольховскимъ и Каразинымъ произошло въ январѣ 1775 г. Ольховскій ночью прислалъ къ мельницѣ Каразина, стоявшей на рѣкѣ Мерлѣ, своего приказчика съ 20-ью человѣками команды, вооруженной ружьями и дубинами; они разломали въ избѣ двери и окна и избили 4-хъ человѣкъ Каразина и захватили ихъ съ собою въ с. Шаровку. Въ августѣ мѣсяцѣ того же года приказчики его съ шаровскими и мураховскими подданными захватили 7 скирдъ сѣна, накошеннаго людьми Каразина на его собственныхъ поземельныхъ дачахъ, и на другую ночь снова воровски увезли 6 скирдъ сѣна изъ хутора Каразина. Каразинъ сдѣлалъ заявленіе объ этомъ краснокутскому коммисарскому правленію, вахмистръ котораго Андрей Чаговецъ вмѣстѣ съ понятыми прослѣдилъ движеніе подводъ съ сѣномъ въ Шаровку. Ахтырская провинціальная канцелярія потребовала къ отвѣту Ольховскаго, но тотъ объявилъ,

---

[1]) На основ. документ. оффиц. характера, тамъ же стр. 171, 172.

[2]) Проф. Д. И. Багалѣй «Назар. Алекс. Каразинъ». Рядъ набѣговъ въ 1700 г. «Кіевск. Стар.» 1892 г. ноябрь стр. 164—165.

[3]) Тамъ же, стр. 169.

что не явится, такъ какъ находится здѣсь по казенному дѣлу для покупки на полкъ воловъ и лошадей; при этомъ прибавилъ, что провинціальная канцелярія имѣетъ въ своей инструкціи «вздоръ и бредню». Каразинъ указывалъ, что это одна отговорка и что Ольховскій, проживая здѣсь съ командою, только даромъ получаетъ жалованье. Въ 1776 г. послѣдовалъ новый ночной наѣздъ Ольховскаго на хуторъ Каразина, наѣздъ, имѣвшій характеръ настоящаго нападенія. Иванъ Ивановичъ Каразинъ, внукъ Назара Александровича, разсказывалъ, что столкновеніе это было «съ пушками и вооруженными людьми», причемъ пушки были «очаковскія маленькія, привезенныя Назаромъ Александровичемъ съ войны». Дѣло окончилось тѣмъ, что двое подданныхъ Каразина было убито, а двадцать девять ранено и изувѣчено, захвачено было также много разныхъ пожитковъ». Легенда гласитъ, что самъ Савва Ольховскій былъ взятъ въ плѣнъ и за стражей отправленъ въ Краснокутскъ. Изъ подъ ареста будто бы Ольховскій бѣжалъ отъ опоенныхъ его матерью Татьяною Абазиной водкой и дурманомъ стражниковъ.

Но «храмозданная грамота преосв. Аггея» говоритъ, что одолѣли Ольховцы. Какъ бы то ни было, но оффиціально удостовѣрено, что началось послѣ дѣла этого судебное слѣдствіе, которое тянулось до 1779 г., но и въ этомъ году не было еще вполнѣ закончено; состоялась «сентенція» слободско-украинской губернской канцеляріи, которая должна была пойти на аппробацію малоросс. генер.-губерн. П. А. Румянцева-Задунайскаго, а можетъ быть Правительствующаго Сената. Чѣмъ кончилась канцелярская процедура, въ точности неизвѣстно, но по прошенію уѣзднаго предводителя Куликовскаго, представленному въ намѣстническое правленіе и уголовную палату во время процесса о колоколѣ, рѣчь о которомъ ниже, можно судить, что Правительствующій Сенатъ въ 1781 г. присудилъ Ольховскаго къ лишенію чина, содержанію на хлѣбѣ и водѣ и церковному покаянію за избіеніе подданныхъ черкасъ села Кручика. Легенда полетѣла на крыльяхъ фантазіи дальше. «Когда вступилъ на престолъ Павелъ Петровичъ, гласитъ она, Савву вызвали въ Петербургъ, гдѣ и высѣкли». Проф. Д. И. Багалѣй не даетъ вѣроятія послѣдней версіи, склоняясь скорѣе въ пользу первой, но въ доказательство того, что дѣло обвиняемыхъ было не въ ихъ пользу, указываетъ на распоряженіе губернской канцеляріи «сыскать мать Ольховскаго Абазину и содержать до конфирмаціи приговора ее при губернской канцеляріи подъ карауломъ», что канцелярія съ настойчивостью привела въ исполненіе, а по свидѣтельству Каразина, женщина эта была даже подвергнута тѣлесному наказанію.

Посылая жалобу за жалобой на медленныя дѣйствія властей, Н. А. Каразинъ, въ то-же время рѣшилъ наказать Ольховскаго нравственно, въ чемъ и успѣлъ. Онъ заказалъ 15-ти пудовый колоколъ для своей сельской церкви, на которомъ по-славянски были вылиты слѣдующія слова: «сей колоколъ—кровь, вопіющая къ Богу людей, побитыхъ села Кручика и деревни Основинецъ Саввою Васильевымъ, сыномъ Ольховскимъ въ 1776 г. августа 15-го числа». [1]) У этого колокола рядомъ висѣли боевые часы, молотъ которыхъ ударялъ какъ разъ въ слово имени Саввы. Согласно разсказу Ивана Ивановича Каразина и показанію г-жи О. М. Подольской, супруги недавно умершаго Кручанскаго священника, съ внутренней стороны колокола была вылита рельефомъ голова Саввы, такъ что языкъ колокола ударялъ какъ разъ по ней во время благовѣста. Намъ приходилось осматривать внутренность колокола; языкъ его дѣйствительно ударяетъ въ одно мѣсто, о чемъ можно судить по густой ржавчинѣ кругомъ внутренности колокола и по одному блестящему вогнутому пятну на мѣстѣ удара языка о колоколъ. Рѣшить, была ли выпуклость внѣ пятна, надо отрицательно, такъ какъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ даже сбитаго рельефа (а судя по сбитымъ буквамъ, эта операція производилась чрезвычайно грубо, несмотря на удобство снять инструментомъ, не повреждая тѣла колокола, маленькую выпуклую букву); внутренняя поверхность колокола совершенно гладка; было ли изображеніе на мѣстѣ вогнутаго блестящаго пятна, едва-ли можно рѣшить, такъ какъ первоначальной поверхности колокола въ этомъ мѣстѣ нѣтъ, а если слѣдовать показанію Ив. Ив. Каразина, что языкъ ударялъ въ лобъ рельефнаго изображенія головы Саввы, то, принявъ во вниманіе небольшой діаметръ пятна (вершка 1—2) и отсутствіе слѣдовъ исправленія, можно думать, что таковаго изображенія вовсе не было. Какъ бы то ни было, своеобразное мщеніе Каразина пришлось не по вкусу Ольховскому [2]). Какъ говорятъ Крученцы-крестьяне [3]), онъ сильно заболѣлъ и въ религіозномъ страхѣ, приписывая причину болѣзни выходкѣ сосѣда, оффиціально потребовалъ немедленнаго предписанія краснокутскому нижнему земскому суду и исправнику изслѣдовать надпись на колоколѣ, снять его и наказать церковнослужителей, которые обязались подпиской сохранять колоколъ, доказывая справедливость своего требованія тѣмъ, что «колоколъ

---

[1]) Теперь осталось на колоколѣ нѣсколько словъ и окончаній.

[2]) «Кіевск. Стар.» 1892 г. ноябрь, стр. 167.

[3]) Показанія старожиловъ Кручика авторъ сочиненія слышалъ самъ.

не о молитвѣ къ исправленію, но на тяжкое имени его, Ольховскаго, поруганіе къ услажденію противящихся божественнымъ и монаршимъ правоученіямъ сердецъ гласомъ злобы вопіеть, чему при храмѣ Божіемъ быть не должно». Намѣстническое правленіе не оставило дѣла безъ вниманія; было предписано провѣрить доносъ Ольховскаго земскому суду съ депутатомъ отъ духовнаго правленія; фактъ подтвердился, и надпись была въ существенныхъ, смыслъ фразы объясняющихъ, словахъ, сбита—«*по приказанію правительства*» еще Назаромъ Каразинамъ, а по «храмозданной грамотѣ» сынъ его «Василій Назаровичъ изгладилъ изъ той надписи нѣкоторыя слова, чтобы и самому забыть, и чтобы потомки не знали о враждѣ, бывшей между его отцомъ и сосѣдомъ помѣщикомъ [1]). Впрочемъ, справедливѣе послѣдняя версія, ибо процессъ о надписи на колоколѣ происходилъ въ 1795 г. и, слѣдовательно, послѣ смерти Назара Александровича Каразина [2]) Изъ другихъ обстоятельствъ жизни и дѣятельности Назара Каразина извѣстно немногое о постройкѣ церкви въ Кручикѣ. Тамъ была старая ветхая церковь—Крестовоздвиженская еще до перехода села во владѣніе Каразина, но она развалилась и, по неудобному мѣстоположенію, нерѣдко затоплялась водою рѣки Мерлы. Еще въ 1770 г., въ годъ жалованія Каразина деревнями, онъ хлопоталъ о разрѣшеніи построить новую церковь, на что 31 декабря того же года послѣдовало разрѣшеніе отъ Синода; въ силу этого указа 30-го апр. 1774 г. было разрѣшеніе отъ епископа Аггея. 14 сентября церковь заложена, 30 авг. 1776 г. освящена выстроенная деревянная церковь преосвященнымъ Аггемъ во имя Воздвиженія Креста Господня. Церковь выстроена была въ формѣ креста, подъ нею и колокольней устроенъ склепъ, въ которомъ было 8 нишъ для восьми же гробовъ [3]).

[1]) «Кіев. Стар.» 1892, ноябрь стр. 169.

[2]) Наз. Ал. Каразинъ скончался въ 1783 г.

[3]) Согласно описанію церкви, составленному въ 1817 г., слѣдовательно при жизни В. Н. Каразина, и найденному нами въ архивѣ ея, «Крестовоздвиженская церковь есть деревянная однопрестольная, построенная на ровномъ мѣстѣ и отъ улицы оградою отдѣленномъ въ 1776 г. помѣщикомъ с. Кручика Назаріемъ Каразинымъ и освящена лично преосв. Аггеемъ епископомъ Бѣлогородскимъ и Обоянскимъ, оная заложена на кирпичномъ основаніи, составляющемъ подъ оною и подъ колокольнею погреба. Верхи обоихъ крыты бѣлымъ желѣзомъ; глава и кресты вызлащены, стѣны же снаружи и снутри вышелеваны. Колокольня соединена съ церковью посредствомъ паперти, колоколовъ на оной пять, изъ нихъ въ первомъ 15 пудъ, во второмъ 6, въ третьемъ 1 п. 13 ф., въ четвертомъ и пятомъ по 1 п.; надъ ними

Назаръ Адександровичъ скончался въ 1783 г. 14 марта въ 2 часа пополудни. О смерти его разсказывалъ мнѣ со словъ своего отца крестьянинъ села Кручика Сильвестръ Романовичъ Сѣренко[1]) слѣдующее. У Назара Ал—ча былъ любимый конь, на которомъ онъ всегда ѣздилъ. Разъ въ сильный морозъ онъ по обыкновенію выѣзжалъ изъ воротъ для наблюденій за своимъ хозяйствомъ. Ночью конь набилъ въ подковы навозу, который заледенѣлъ, образовавъ на копытахъ лошади скользкіе выступы. Лошадь, вступивъ на замерзшую въ воротахъ лужу, грохнулась на земь и переломила всаднику лѣвую берцовую кость. Досада и боль обозлили послѣдняго; онъ схватилъ близъ лежащій колъ и убилъ имъ лошадь. Вскорѣ послѣ этого Назаръ Александровичъ скончался, 14 марта 1783 г., а 16 числа былъ погребенъ подъ алтаремъ въ склепѣ собственной церкви «архимандритомъ Ахтырскаго монастыря Венедиктомъ со священнымъ соборомъ и надлежащею церемоніею». По смерти Назара Александровича былъ написанъ ему «Эпитафіумъ» или надгробная надпись философомъ Г. С. Сковородою, какъ говоритъ преданіе; тотъ эпитафій написанъ красными буквами на черномъ фонѣ доски въ лѣвой сторонѣ церкви на задней сторонѣ кіота, куда ее перевѣсили изъ склепа, ходъ къ которому недавно задѣлали наглухо. Содержаніе эпитафіума написано четырехъ и пяти-стопнымъ размѣромъ и представляетъ краткую (изъ 76 стиховъ) біографію покойнаго, иногда маскируемую витіеватымъ слогомъ. Начальныя буквы стиховъ составляютъ слѣдующую фразу: «Назару Александровичу господину полковнику Каразину вѣчная память буди и буди упокоеніе». Эпитафій представляетъ также нравственную характеристику покойнаго. Характеръ Назара Александровича отличался многими чертами, какія потомъ замѣчались у сына его:

утверждены боевые часы, приведенные въ движеніе гирьми. Церковь, начиная отъ первой олтарной стѣны до послѣдней колокольной, долготою 34 арш; олтарь въ ширину 8 арш., середина церкви 20¼ арш., со внутренними крѣпкими замками; во всѣхъ стѣнахъ церкви шестнадцать окошекъ листового стекла. Иконостасъ рѣзной; по сребренному грунту покрытъ зеленой краской, въ карнизахъ и другихъ пристойныхъ мѣстахъ вызолоченъ. Писанъ благолѣпно по преданіямъ Грекороссійскія церкви; рѣзныхъ и отлитыхъ иконъ нѣтъ. Около церкви ограда каменная новая».

[1]) Одинъ Сѣренко сопровождалъ Василія Назаровича за границу. другой наблюдалъ за больными въ Кручикской больницѣ (Рус. Стар. 1902 г. апр. 223), третій былъ пономаремъ въ церкви Кручика (Харьк. Сборн. 1887).

та же любовь къ правдѣ, тотъ же глубокій умъ, домовитость, отвращеніе къ лести и готовность помочь обиженнымъ и несчастнымъ.

ГЛАВА II.

Первые шаги.

(1783—1801).

Первоначальное воспитаніе Василія Назаровича. Военная служба и горный корпусъ. Отставка. Царствованіе имп. Павла и причины бѣгства заграницу. Продажа имѣнія и ходатайство о заграничномъ паспортѣ. Бѣгство и арестъ. Письма къ государю. Вступленіе въ гражданскую службу. Положеніе въ Петербургскомъ обществѣ и научныя занятія; по исторіи медицины и финансовъ.

До смерти отца Василій Назаровичъ получалъ воспитаніе сперва въ домѣ своего родителя, потомъ главнымъ образомъ въ частныхъ пансіонахъ Христіана Ивановича Фильдинга въ Кременчугѣ и Ивана Петровича Шульца въ Харьковѣ. Выборъ преподавателей Василію Назаровичу оказался удачнымъ: «оба они, по признанію ихъ воспитанника [1]), были людьми просвѣщенными и благороднѣйшими, которые горячо любили Россію и учили своихъ питомцевъ прежде всего любить ее. Они то и «отецъ—воинъ» [2]) вдохнули то неудержимое чувство любви къ родинѣ, которое руководило всю жизнь Василіемъ Назаровичемъ, и въ которомъ можно найти объясненіе всѣхъ его дѣйствій, ибо оно толкало его на самыя смѣлыя выходки, заставляя пренебрегать собственною безопасностью, своимъ благополучіемъ и благополучіемъ своей семьи. Еще ребенкомъ Василій Назаровичъ мечталъ дѣйствовать на пользу родины и эти мечты выразились самымъ дѣтскимъ образомъ: онъ хотѣлъ быть воителемъ и на полѣ военныхъ дѣйствій снискать славу своему царю и дорогому отечеству. Отъ идеи до приведенія въ исполненіе у Василія Назаровича былъ одинъ шагъ. И вотъ десятилѣтній мальчикъ, придя изъ пансіона Шульца, подаетъ собственноручное прошеніе графу Румянцеву-Задунайскому, проѣзжавшему чрезъ Харьковъ, гдѣ выра-

---

1) „Рѣчь о истинной и ложной любви къ отечеству“ Украинскій Вѣстникъ т. IX стр. 343.

2) Тамъ же стр. 342.

жаетъ желаніе поступить на военную службу. Графъ, хорошо знавшій отца Василія Назаровича, служившаго подъ его начальствомъ, и отличавшій всегда его службу [1]), съ улыбкой записалъ мальчика 11 іюня 1783 г. въ кирасирскій орденскій полкъ, шефомъ котораго самъ состоялъ [2]). 23-го января 1791 г. Василій Назаровичъ отправился въ Петербургъ и вступилъ на военную службу въ Лейбъ-Гвардіи Семеновскій полкъ сержантомъ [3]). Служба тогдашнихъ гвардейцевъ предоставляла имъ много свободы; по крайней мѣрѣ Василій Назаровичъ гораздо больше занимался науками въ этотъ періодъ своей жизни, чѣмъ артикулами. Ему по собственному признанію нѣсколько разъ можно было добиться чина тѣмъ или инымъ способомъ, но онъ всегда отказывался отъ того, полагая, что ни за какіе чины онъ не достигнетъ счастья деревенской жизни, которой лишится. Онъ постоянно, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, посѣщалъ Горный корпусъ, лучшее изъ тогдашнихъ высшихъ учебныхъ заведеній, и тамъ пріобрѣлъ тѣ обширныя познанія въ естественныхъ наукахъ, которыми удивлялъ своихъ современниковъ. Насколько внимательно учился Василій Назаровичъ, можетъ служить тотъ фактъ, что профессоръ Кнорре не хотѣлъ вѣрить, что астрономія была не единственнымъ предметомъ его занятій. Нѣкоторыя его открытія изъ области химіи обратили вниманіе ученаго міра только много времени спустя. То же самое можно сказать, судя по результатамъ позднѣйшихъ работъ Каразина, о его занятіяхъ физикой, ботаникой, медициной и математикой. Въ это время онъ основательно изучилъ языки французскій и нѣмецкій и подробно ознакомился со священнымъ писаніемъ, знаніе котораго видно въ его рѣчахъ и сочиненіяхъ. Здѣсь же, можетъ быть, онъ началъ интересоваться общественными вопросами, а при помощи языковъ познакомился съ важнѣйшимъ, что имѣлось тогда въ всемірной литературѣ по этимъ вопросамъ.

Но цѣлью жизни поставилъ себѣ Василій Назаровичъ не науку, а благо родины. Для вѣрнѣйшаго достиженія этой цѣли онъ, имѣя уже необходимыя теоретическія свѣдѣнія и пользуясь свободой гвардейцевъ, отправился путешествовать по Россіи, чтобы

---

[1]) «Рѣчь о истинной и ложной любви къ отечеству» «Украинскій Вѣстн.» т. IX, стр. 343

[2]) Копія съ формулярнаго списка 1820 г.—оттуда же и хронологическія даты.

[3]) Копія съ формулярнаго списка 1830 г. По показанію же отъ 1 окт. 1798 г. самого Вас. Наз. онъ съ 1785 г. «находился на службѣ по спискамъ, но на лицо никогда». Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. за 1866 г. т. III, Смѣсь, стр. 34—35.

узнать на мѣстѣ жизнь и нужды народа. Вернувшись изъ путешествія въ Петербургъ, онъ рѣшилъ, что гораздо полезнѣе служить отечеству на гражданскомъ поприщѣ, чѣмъ на военномъ. Кромѣ того и слабое здоровье заставляетъ его оставить военную службу. Онъ уѣзжаетъ въ деревню, ведетъ тамъ замкнутую жизнь. Въ началѣ 1796 г. Василій Назаровичъ женился на 14-лѣтней крѣпостной дѣвушкѣ Домнѣ Ивановнѣ, воспитанницѣ своей матери [1]), и съ рвеніемъ хотѣлъ дѣйствовать на гражданской службѣ, или даже занимаясь хозяйствомъ у себя въ деревнѣ. Тѣмъ не менѣе, какъ во время путешествія, такъ и во время жизни въ деревнѣ, Каразинъ числился на военной службѣ, получалъ жалованіе и т. д. Это явленіе не было единичнымъ или сколько-нибудь выдающимся изъ ряда фактомъ. Большинствомъ дворянъ именно такъ неслась военная служба въ концѣ царствованія Екатерины Великой. Павелъ Петровичъ вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ издалъ указъ явиться въ 24 часа на смотръ всѣмъ дворянамъ, числившимся на военной службѣ въ гвардіи, и неявившихся приказалъ исключить изъ нея, уничтожая тѣмъ вкоренившееся злоупотребленіе. Василій Назаровичъ Каразинъ не могъ исполнить повелѣнія и подвергся общей участи—былъ исключенъ со службы: «По восшествіи на престолъ его императорскаго величества,—пишетъ онъ въ показаніи о своей личности 1798 г.,—вѣроятно выключенъ я изъ полку, но объ этомъ я не освѣдомился» [2]).

Отставка отъ службы и порядки, сопровождавшіе царствованіе императора Павла, охладили пылкія стремленія Василія Назаровича Каразина. Тотъ панический ужасъ, который охватилъ все дворянское общество, особенно подѣйствовалъ на впечатлительнаго Каразина. «Многіе примѣры» столь богатаго немилостями царствованія Павла «грозили моему воображенію день и ночь. Я не зналъ за собою вины, но свободный образъ моихъ мыслей могъ быть для того времени уже преступленіемъ»—говорилъ онъ [3]). Напряженные нервы Василія Назаровича получили и съ другой стороны уколы. Какъ было сказано, онъ женился на бѣдной воспитанницѣ своей матери «въ противоположность обычаямъ богатого свѣта», за что постоянно и долженъ былъ переносить

---

[1]) Показаніе В. Н. Каразина отъ 1-го окт. 1798 г. «Чтенія» 1866, т III, стр. 35; Смѣсь.

[2]) Фактъ выключенія В. Н. Каразина изъ военной службы въ томъ же видѣ излагаетъ Ярославскій «Воспоминанія о В. Н. Каразина». «Харьк. Сборн. 1887, стр 65

[3]) Въ письмѣ къ императору Павлу отъ 14 авг. 1798 г. «Рус. Стар.» 1873 г. т. VII, стр. 566—567.

«укоризны родственниковъ». Если прибавить сюда ненасытную жажду знанія и слабое здоровье В. Н. Каразина, то можно имѣть представленіе о причинахъ, побудившихъ его искать «счастья», какъ писалъ онъ царю, за-границей, гдѣ «давно уже онъ имѣлъ намѣреніе провести жизнь свою, гдѣ можно было излѣчиться, сдѣлаться полезнымъ и гдѣ различіе между состояніемъ и званіемъ будетъ между прочимъ», т. е. не будетъ имѣть для окружающихъ существеннаго значенія [1]). И вотъ Василій Назаровичъ рѣшилъ уѣхать изъ Россіи. Въ полной увѣренности получить заграничный паспортъ, онъ отдаетъ свое имѣніе въ аренду на весьма тяжелыхъ для себя условіяхъ, почему по пріѣздѣ въ Петербургъ окончательно продаетъ его за 29 тысячъ. Купившій обязался 10000 выплатить въ банкъ на имя В. Н. Каразина, уплатить долги 8000 руб. кредиторамъ его и выдалъ 11000 руб. самому Василію Назаровичу, которые тотъ за крупный процентъ («съ великою потерею») промѣнялъ въ банкирскомъ домѣ Томсона и К° и у рижскихъ банкировъ Цукербеккера и Клейна на полторы тысячи гамбургскихъ талеровъ и на чеки въ 7000 р.

По указу Павла паспорты для заграничныхъ поѣздокъ выдавались только по Высочайшему повелѣнію. Василій Назаровичъ обратился съ просьбой къ Императору о дозволеніи ему ѣхать

---

[1]) Письмо къ императору Павлу отъ 30 авг. 1798 г. Показаніе В. Н. Каразина 1-го окт. 1798 г. Въ «Украинской Стар.» Фил. Вас. Каразинъ цитируетъ слова Василія Назаровича такъ: «Великій Монархъ! Я не имѣлъ нужды спасаться бѣгствомъ, оно будетъ загадочно для моихъ слѣдователей. Я бѣжалъ учиться»!.. Послѣдней прибавки въ собственноручномъ письмѣ Василія Назаровича, напечатанномъ въ «Русской Старинѣ» нѣтъ. Но въ письмѣ 30 авг. 1798 г. В. Н. Каразинъ пишетъ, что его побудило бѣжать «одно любопытство», «одно невинное желаніе быть счастливымъ»... Проф. Д. И. Багалѣй тоже полагаетъ, что желаніе учиться было однимъ изъ мотивовъ бѣгства Каразина (См. записки Харьк. ун-та 1893 г. I. Просвѣтительная дѣятельность В. Н. Каразина на стр. 31 прим. 1). Позднѣе (1810 г.) Василій Назаровичъ объяснялъ свое бѣгство горячностью своего молодого воображенія: «я не убѣжалъ тогда соблазна отъ лживыхъ прелестей французскаго переворота, который не только до губерніи нашей, но и до глубины самой Сибири простеръ свое вліяніе на молодые умы. Естественно было поколебаться всѣмъ намъ, воспитаннымъ на началахъ восемнадцатаго вѣка. Обманутое наше воображеніе носилось въ мечтательномъ мірѣ, который никогда не былъ и, вѣроятно, не будетъ, который предполагаетъ людей совершенными»... «Практическое защищеніе противу иностранцевъ». Чтенія Моск. Общ. Ист. 1861 г. кн. III, 135 и въ «Руск. Стар.» 1871 г. мартъ. стр. 335.

за границу. Государь, несочувственно относившійся къ заграничнымъ поѣздкамъ и вообще къ западно-европейскимъ вѣяніямъ, отказалъ въ просьбѣ Каразину; тотъ рѣшилъ уѣхать тайкомъ. Со своей беременной женой и съ крѣпостнымъ Евстафіемъ Сѣренкомъ отправился онъ чрезъ Псковъ и Ковно къ границѣ, а отъ нея къ Гамбургу, въ окрестностяхъ котораго думалъ поселиться Василій Назаровичъ. Въ Псковѣ думали Каразины отпустить Сѣренка, но не могли нанять человѣка и взяли его до границы [1]). «10 авг. 1798 г. прибыли они въ Гродно [2]). Въ ночь съ 12-го на 13-е число Каразинъ приготовился бѣжать заграницу, нашелъ 4 жидовъ, которые должны были перевезти его чрезъ рѣку» [3]). Разъѣздъ екатерининскихъ драгунъ поймалъ бѣглецовъ и доставилъ въ Ковно. Василія Назаровича посадили па гауптвахту, а жену его «въ особомъ мѣстѣ также подъ карауломъ» [4]). Подробности о захватѣ Каразина сообщаетъ намъ г. Е. Трефильевъ, черпая ихъ изъ государственнаго архива [5]). «Въ ночь съ 12-го на 13-ое августа 1798 г. по берегу Нѣмана ходили обходомъ «для присмотра бѣглецовъ» два рядовыхъ, Иванъ Васильевъ и Петръ Абалмасовъ. У самаго устья рѣки Виліи, между слободой Виліампольской и рядомъ съ ней лежащей деревней Верши, увидѣли они идущаго жида, котораго бросились ловить, но онъ скрылся, а предъ ними выскочилъ вдругъ «неизвѣстно какой, а послѣ уже названный дворянинъ Каразинъ», который крикнулъ Абалмасову: «что ты за человѣкъ?» Абалмасовъ отвѣтилъ, что солдатъ и что находится здѣсь для присмотра бѣглыхъ. На вопросъ же послѣдняго, что онъ за человѣкъ, неизвѣстный отвѣчалъ, что офицеръ и «тебѣ дела нѣтъ дѣла». Затѣмъ вынулъ горсть серебряныхъ денегъ и сталъ солдату класть въ карманъ. Но послѣдній, «имѣя не малое сомнѣніе, не сталъ ихъ брать, сказавъ «служу Государю вѣрою до

---

[1]) Все это черпается изъ показаній самого В. Н. Каразина. Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. 1866 г. кн. Ш, стр. 34—35.

[2]) Показаніе О. Бодянскаго въ «Чтеніяхъ». А по объясненію Е. Трефильева въ Ковно (см. Зап. Харьк. ун-та 1902 г. II. 172). Впрочемъ Каразинъ, самъ въ письмѣ 30 авг. упоминаетъ, что, «покушался близъ гор. *Ковно* ускользнуть отъ стражи пограничной». «Чтенія» 1866 г. кн. Ш, стр. 32.

[3]) Въ письмѣ къ императору Павлу 14 авг. 1798 г. значится, что Василій Назаровичъ былъ пойманъ въ ночь на 3-ье число (см. «Русск. Стар.» 1873 г. т. VII).

[4]) «Изъ Правительственнаго Источника» «Чтенія» 1866 г. т. Ш. Смѣсь, стр. 31.

[5]) «О Харьковскомъ дворянинѣ Каразинѣ, намѣревавшемся тайно уйти за границу». Записки Харьков. универ. 1901. II, стр. 171—179.

капли крови и съ дезертировъ денегъ никогда не беру». Тогда неизвѣстный въ гнѣвѣ вскричалъ «такъ ты правдой служишь и съ дезертировъ денегъ не берешь»? и приставя къ груди солдата пистолетъ, продолжалъ: «вотъ тебѣ смерть или бери деньги, а мнѣ не мѣшай»! Солдатъ, видя себѣ таковую неминуемую смерть», отвѣчалъ: «я не хочу вашихъ денегъ, а только не лишайте меня жизни, и я васъ проведу до лодки». Въ то время какъ Абалмасовъ объяснялся съ бѣглецомъ, другой солдатъ Иванъ Васильевъ успѣлъ сбѣгать къ лодкѣ неизвѣстнаго, взялъ изъ нея ружье и поспѣшилъ съ нимъ на помощь къ товарищу. Когда неизвѣстный увидѣлъ въ рукахъ солдата ружье, онъ бросился къ ружью и спустилъ курокъ. Вспыхнулъ на полкѣ порохъ, но выстрѣла не произошло. Тогда солдаты набросились на врага. Васильевъ силой вырвалъ изъ рукъ неизвѣстнаго ружье, а Абалмасовъ сзади обхватилъ его руками, и оба стали такъ громко кричать, что на ихъ крики изъ Виліампольской слободы прибѣжало 6 караульныхъ солдатъ. Борьба быстро кончилась. Побѣжденный покорился своей участи. Вмѣстѣ съ нимъ арестованы были жена его и дворовый человѣкъ».

На допросѣ, произведенномъ полковникомъ Гапомъ, полкъ котораго оберегалъ въ этомъ мѣстѣ границу, выяснилось, что Каразинъ ѣхалъ съ подорожною Петербургскаго военнаго губернатора графа Буксгевдена, которая была записана въ Ковно 10-го августа въ книгу на гауптвахтѣ. Подорожная была взята на Гродно и Кіевъ. Изъ найденныхъ при бѣглецѣ денегъ, векселей на нѣмецкомъ языкѣ на 7000 руб. и на 1421 р. гамбургскихъ талеровъ съ переводомъ заграницу и 100 червонцевъ были опечатаны, а изъ остальныхъ 100 руб. арестованнымъ выдавалось на содержаніе.

При суровости порядковъ, Каразину, какъ ослушнику Государевой воли, предстояла строгая кара; преступленіе Каразина было двойное: онъ ослушался общаго запрещенія императора и къ нему лично относящагося въ отвѣтъ на его прошеніе. Василій Назаровичъ хватается за послѣднее средство и, предупреждая оффиціальное донесеніе, на слѣдующій же день 14 августа пишетъ и отправляетъ изъ Ковно съ эстафетою письмо непосредственно къ самому императору. Письмо это до насъ дошло лишь въ воспроизведенномъ по памяти видѣ [1]). Въ напыщенныхъ, подчасъ рѣзкихъ, выраженіяхъ Василій Назаровичъ проситъ о помилованіи, называя себя преступникомъ противъ лич-

[1]) «Русск. Стар.» 1873 т. VI, стр. 567, 568.

наго приказанія государя, но не «противу чести, совѣсти, религіи и отечественныхъ законовъ». «Я желалъ», пишетъ онъ о причинѣ своего бѣгства, «укрыться отъ твоего правленія, страшась его жестокости». Неизвѣстно по какимъ причинамъ, но это письмо не было получено государемъ. Во всякомъ случаѣ оно принесло бы не мало вреда самому Каразину, если бы непосредственно попалось въ руки государю, строго требовавшему соблюденія формальности въ обращеніи къ его особѣ, которое непремѣнно должно было итти черезъ извѣстныхъ должностныхъ лицъ [1]). Отвѣтомъ на подобное письмо могъ бы быть лишь взрывъ негодованія, поддержанный и оффиціальнымъ донесеніемъ о захватѣ Каразина на границѣ. Вѣроятно, сообразивъ неумѣстность своего образа дѣйствій и не будучи увѣренъ въ своемъ первомъ посланіи. Каразинъ 30 августа пишетъ письмо рекетмейстеру князю Вяземскому, гдѣ проситъ сжалиться надъ нимъ и заклинаетъ представить прилагаемое прошеніе государю «подлинникомъ» «въ часъ милости» [2]). Тонъ «Письма къ государю», какъ обозначено прошеніе, совсѣмъ другой; замѣтно изобиліе восхваленій «самой кротости», «человѣколюбія» и «милосердія» государя, причиной бѣгства выставляется «одно любопытство, одно невинное желаніе быть счастливымъ» [3]). При всемъ томъ письмо поражаетъ силою

---

[1]) Примѣры того, какъ сильно гнѣвался императоръ при попыткахъ подавать ему бумаги, минуя узаконенныя инстанціи, можно видѣть въ соч. И. К. Шильдера «Имп. Павелъ I».

[2]) Подлинное письмо «Чтенія» 1866 г. кн. III, стр. 31—32.

[3]) Противорѣчіе этихъ двухъ писемъ прямо поражаетъ. Правда, письмо В. Н-ча было воспроизведено имъ много лѣтъ спустя, по памяти; можно было, конечно, упустить подробности, но нельзя забыть свое мнѣніе о государѣ, да еще ему самому высказанное. Я. В. Абрамовъ въ своей книжкѣ «В. Н. Каразинъ» руководится письмомъ исключительно отъ 14 авг. и ни слова не говоритъ о напечатанномъ въ «Чтеніяхъ Ист. и Др. Росс.» за 1866 г. кн. III, гдѣ ясно значится, что было послано *два* письма. Е. Трефильевъ въ своей статьѣ «Къ біографіи В. Н. Каразина» (Зап. Харьк. ун. за 1901 г. кн. II, стр. 173) совершенно увѣренъ, что было послано два раза одно и тоже письмо. Мы обращаемъ вниманіе на то обстоятельство, что воспроизведенное В. Н. Каразинымъ письмо по памяти помѣчено 14 авг., а посланное черезъ рекетмейстера кн. Вяземскаго—30 авг. Намъ кажется вѣроятнымъ, что Каразинъ написалъ первое письмо нѣсколько рѣзко въ пылу, можетъ быть, досады на неудачу побѣга и предстоящее наказаніе; вѣдь какъ долго и энергично добивался онъ своей цѣли; а самая борьба съ солдатами на границѣ! Если прибавить къ тому открытый, правдивый характеръ В. Н. Каразина, то ничего нѣтъ уди-

чувства, дышетъ глубокою искренностью, сознаніемъ своей вины и полнымъ раскаяніемъ. Эта искренность и это прямодушіе больше

вительнаго въ первомъ письмѣ къ государю. А второе, подъ вліяніемъ безрезультатнаго ожиданія и естественнаго опасенія за судьбу свою въ гораздо болѣе мягкомъ тонѣ. Въ примѣчаніи къ кн. Вяземскому Каразинъ, прилагая прошеніе къ государю, пишетъ: «*Прошеніе сіе посылается другой разъ, ибо случай, съ которымъ первое подобное ему было отправлено, былъ сомнителенъ*»; «подобное»—но развѣ можемъ мы знать, подобное ли по изложенію? По содержанію—это такъ, понятно, содержаніе писемъ одинаково—изложеніе причинъ побѣга и просьба о помилованіи; но написать два тождественныхъ письма, хотя бы и одному лицу болѣе чѣмъ черезъ двѣ недѣли времени (14—30 авг.) едва ли возможно: форма изложенія всегда зависитъ отъ настроенія, которое владѣетъ въ данный моментъ человѣкомъ. Е. Трефильевъ говоритъ, что «менѣе всего можно приписывать причину бѣгства жестокости правленія Павла, какъ объясняетъ самъ Каразинъ въ позднѣйшемъ письмѣ», что, «возстановляя это прошеніе многіе годы спустя послѣ 1798 г., Каразинъ выразилъ въ этомъ объясненіи повидимому свой взглядъ вообще на эпоху царствованія Павла, сложившійся у него значительно позже». Мы далеки отъ мысли, что самъ государь былъ жестокъ по характеру, но и Каразинъ говорилъ о «жестокости правленія» того времени, но не о жестокости государя. «Многіе примѣры, разнесенные молвою въ пространствѣ царства твоего, молвою, вѣроятно удесятеренною, грозили моему воображенію день и ночь», писалъ Каразинъ. Не могло быть успокоено это воображеніе и по пріѣздѣ въ Петербургъ (передъ попыткой проникнуть за границу), гдѣ особенно ясно выдѣлялись странности жизни, хотя бы происходившія по приказанію неумѣлыхъ сотрудниковъ государя (такъ, петербургскій градоначальникъ Архаровъ, невѣрно понимая или извращая повелѣнія государя, въ стремленіи угодить ему, издавалъ самыя удивительныя распоряженія по городу, какъ, напр., запрещеніе ѣздить въ экипажахъ не прусскаго образца, красить заборы, шлагбаумы, будки городовыхъ и т. под., въ прусскія соцвѣтія—черную и желтую краску, жителямъ снимать при прохожденіи мимо дворца шапки съ головы хотя бы и въ сильный морозъ, и т. д.), повторяемъ, хотя бы причиной подобныхъ странностей и не былъ государь, однако фактъ остается фактомъ, который не могъ успокаивающе подѣйствовать на Каразина, къ тому же недавно *выключеннаго* за неявку со службы.— Не кажется намъ, что въ письмѣ, воспроизведенномъ по памяти, Каразинъ излагалъ свое мнѣніе о царствованіи Павла, составившееся впослѣдствіи; въ самомъ дѣлѣ, Каразинъ воспроизводилъ письмо къ имп. Павлу, воспроизводилъ то, что онъ чувствовалъ въ 1798 г., и о этихъ чувствахъ могъ навѣрное помнить хорошо; подобные случаи жизни, каковымъ было бѣгство и арестъ Каразина въ 1798 г., никогда не изглаживаются изъ памяти дѣйствовавшаго—страдательнаго лица до полнаго ихъ извращенія.

всего, конечно, и должны были произвести впечатлѣнія на Павла, которому эти черты были въ высшей степени присущи [1]). Дѣйствительно, чистосердечіе В. Н. Каразина тронуло императора, и 9 сентября генералъ-прокуроромъ кн. Лопухинымъ была послана Сакену въ Ковно резолюція государя по этому дѣлу: «Государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ къ господину Сакену послать нарочнаго, чтобы онъ Каразина прислалъ въ С.-Петербургъ немедля». 20 сент. Сакенъ увѣдомилъ о полученіи резолюціи и ея исполненіи. Каразина доставили съ женою въ Петербургъ, гдѣ 1-го октября было потребовано отъ него curriculum vitae. Въ этомъ показаніи, написанномъ вперемежку отъ перваго и третьяго лица, В. Н. обмолвился нѣсколькими словами о своемъ воспитаніи, о заманчивости всегда для него чужихъ краевъ, объ обстоятельствахъ продажи имѣнія и своей военной службы [2]). Дѣло Каразина было доложено государю 4 октября [3]), а согласно запискѣ Фил. Вас. Каразина, онъ былъ лично пред-

---

[1]) Е. Трефильевъ. «Къ біогр. В. Н. Каразина». Зап. Харьк. Ун. 1891 г. кн. II, стр. 176.

[2]) «Въ службѣ находился въ Лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку по спискамъ съ 1785 г., но на лицо никогда. *Страсть моя къ наукамъ* и родъ философской жизни, какую я вести началъ съ дѣтства моего, наконецъ и самое здоровье, отвлекли отъ иной мысли навсегда. Я много разъ имѣлъ случай быть выпущену въ армію или другимъ образомъ получить чинъ, но я добровольно отказывался отъ него, не взирая на усилія моихъ родственниковъ, и сіе изъ двухъ причинъ: зналъ, что я умру прежде, нежели заслужу оный по достоинству, даромъ же носить отличіе я гнушался; сверхъ того боялся я, что не дойду со всѣми возможными отличіями того счастья, которое находилъ у себя въ кабинетѣ или въ сельской рощѣ своей». Изъ показанія видно, что «женѣ Каразина, Домнѣ Ивановнѣ, было 16 лѣтъ и что въ супружествѣ она живетъ 2 года и 8 мѣсяцевъ», что «живъ въ глубокомъ уединеніи почти все время жизни, не имѣлъ онъ (Каразинъ) ни съ кѣмъ сношенія, что еще болѣе подтверждаетъ его женитьба, въ противность обычаямъ большого свѣта, на бѣдной воспитанницѣ матери его, подданной, съ которой онъ не взирая на укоризны родственниковъ его, расположенъ былъ проводить жизнь свою. Воображалъ онъ, что въ отдаленномъ краю самое сіе различіе между состояніями и званіями супруговъ будетъ между прочимъ, и сіе было одною изъ причинъ, побудившихъ его бросить отечество». «Другихъ намѣреній вредныхъ, или высшей власти противныхъ онъ, Каразинъ, никогда въ себѣ не питалъ и имѣть не могъ, что подтвердятъ безъ сомнѣнія самыя точнѣйшія выправки». Чтенія въ Общ. Ист. и Др. 1866 г. кн. III, Смѣсь, стр. 34—35.

[3]) «Чтен. въ Общ. Ист. и Др.» 1866 г. кн, III, См., стр. 34.

ставленъ императору. Государь сказалъ ему: «Я докажу тебѣ, молодой человѣкъ, что ты ошибаешся! Скажи, при комъ ты хочешь находиться?» В. Н. былъ сильно смущенъ милостивымъ пріемомъ строгаго монарха и назвалъ наугадъ одно изъ правительственныхъ лицъ, къ которому немедленно былъ опредѣленъ секретаремъ [1]).

Результатомъ письма Каразина, допроса и наведенныхъ справокъ «Каразина высочайше повелѣно было опредѣлить въ штатную службу», и генералъ-прокуроръ П. Лопухинъ 9 окт. 1798 г. сообщилъ барону А. И. Васильеву, государственному казначею и главному директору медицинской коллегіи о волѣ государя и поручилъ отъ себя В. Н—ча его покровительству [2]). Письмо это, которое передалъ барону Васильеву самъ Каразинъ, пополняетъ обстоятельства поступленія Каразина въ штатскую службу: «Его императорское величество, писалъ Лопухинъ, высочайше повелѣть соизволить Харьковскаго дворянина Каразина опредѣлить въ службу по его желанію, а какъ объявилъ онъ желаніе быть подъ начальствомъ вашего высокопревосходительства, то, препровождая его при семъ къ вамъ, милостивый государь мой, покорно прошу его, какъ молодого человѣка, имѣющаго нѣкоторыя познанія, употребить при дѣлахъ по его способности и принять въ свое покровительство» [3]) 15 октября 1798 г. Василій

---

[1]) «Укр. Стар.» Г. П. Данилевскаго. Харьк. 1866 г. стр. 104. Вотъ еще редакція пріема Каразина императоромъ: «Стоя въ третьей танцовальной позиціи и опираясь преднамѣренно неловко на трость, Павелъ сказалъ приведенному къ нему *преступнику* своимъ сиплымъ голосомъ: «Я докажу тебѣ, молодой человѣкъ, что ты ошибаешься, что служба въ Россіи можетъ быть недурна и при мнѣ. При комъ хочешь ты служить?» Герценъ. «Имп. Ал. I и В. Н. Каразинъ». Пол. Звѣзда, кн. VII, вып. II, Лондонъ, 1862 г.

[2]) Письмо ген.-прок. Лопухина находимъ въ Чтен. Ист. и Др. за 1866 г т. III стр. 36, (также Записки Харьковскаго Университ. 1891 г. II, 178); оно ясно свидѣтельствуетъ, что Василій Назаровичъ назвалъ Васильева, а не Трощинскаго, какъ о томъ писали до сихъ поръ (Абрамовъ, Шильдеръ).

[3]) Записки Харьк. Унив. 1901 г. кн. II. О вышеприведенномъ случаѣ изъ жизни Каразина среди его знакомыхъ ходили самые разнообразные и неправдоподобнѣйшіе слухи, которые, къ сожалѣнію, мало чѣмъ дополняютъ оффиціальныя данныя и болѣе интересны для характеристики общества, въ которомъ приходилось вращаться Василію Назаровичу Каразину. Вотъ что разсказываетъ объ исторіи съ Каразинымъ знакомецъ его В. И. Ярославскій, съ которымъ Василій Назаровичъ былъ въ перепискѣ. «Наскучивъ праздною и безнадежною

Назаровичъ Каразинъ вступилъ въ гражданскую службу подъ вѣ-

жизнію въ деревнѣ, онъ поѣхалъ въ Петербургъ. Неизвѣстно, искалъ ли онъ тамъ мѣста или нѣтъ, но взявши паспортъ до послѣдняго города при прусской границѣ, поѣхалъ туда на легкѣ, какъ разсказывали, но съ любовницею и ея дитятею. Высмотрѣвъ тамъ, что жители отлучаются иногда по билетамъ коменданта для гулянья за-границу, сталъ и самъ брать туда билеты и ѣздить, а къ вечеру съ прочими возвращаться. Въ послѣдній разъ, взявъ билетъ, выѣхалъ съ любовницей и уже не возвратился. Комендантъ требовалъ отыскать его и выслать въ Россію, что и было исполнено прусскимъ начальствомъ. Комендантъ о бѣгствѣ Каразина долженъ былъ донесть въ Петербургъ, такъ какъ тогда, кажется, запрещено было ѣздить за-границу. Государь хотѣлъ лично видѣть дерзкаго нарушителя его повелѣнія. Разсказывали, что, когда представленъ былъ ему Каразинъ, онъ спросилъ, что побудило его бѣжать за-границу? Онъ разсказалъ свою выключку изъ гвардіи и, не имѣя никакого чина, хотѣлъ въ другихъ государствахъ его заслужить и съ званіемъ возвратиться въ Россію. Государь, слыша его неробкіе отвѣты, былъ или въ добромъ расположеніи духа, или находились при немъ въ то время благодѣтельные покровители Каразина: какъ за вѣрное разсказывали, что государь прямо пожаловалъ его титулярнымъ совѣтникомъ и велѣлъ Дм. Пр. Трощинскому помѣстить его въ канцелярію. Достовѣрно только извѣстно, что при восшествіи на престолъ императора Александра, онъ былъ уже титулярнымъ совѣтникомъ. Впрочемъ есть много примѣровъ, что отважность и рѣшимость людей, вмѣсто несчастья служила имъ путемъ къ счастью».—(Харьковскій Сборн. 1887 г. стр. 65) В. Г. Анастасевичъ, человѣкъ, которому нѣсколько позже Каразинъ оказалъ услугу, передаетъ намъ слѣдующую легенду: «Государь приказалъ Каразина—«за глупую просьбу» выѣхать изъ Россіи—нѣсколько времени провозить въ мѣшкѣ на катерѣ вокругъ Кронштадта, а потомъ посадить въ С.-Петербургскую Петропавловскую крѣпость, гдѣ онъ находился до вступленія на престолъ государя Александра I, который, будучи великимъ княземъ и наслѣдникомъ и въ званіи губернатора столицы, часто посѣщая Петербургскую крѣпость, замѣтилъ въ числѣ узниковъ Василія Назаровича, а, послѣ бесѣды съ нимъ, полюбивъ его, оказывалъ ему возможныя по тогдашнему времени благоволенія и пособіе. Согласно съ симъ окончаніемъ слышалъ я и отъ Д. Н. Б.-Каменскаго, но иначе разсказывалъ мнѣ самъ Василій Назаровичъ въ началѣ моего съ нимъ знакомства. Василій Назаровичъ намѣренъ быть тайно уѣхать въ чужіе края, но схваченъ на границѣ нашей и, по повелѣнію Павла I, посаженный въ крѣпость, содержался во все время царствованія сего государя. Александръ I, узнавъ его тамъ, какъ выше сказано, по вступленіи на престолъ, тотчасъ освободилъ его а приблизилъ къ себѣ» (Чтенія 61 г. III, стр. 193—194. И. П. Сахаровъ тоже разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что императоръ Павелъ приказалъ посадить пойманнаго Каразина въ закрытый

домствомъ новаго начальника [1]). «3-го февраля 1800 г., согласно формуляру, Василій Назаровичъ—«былъ произведенъ при опредѣленіи по высочайшему повелѣнію, и статскимъ дѣламъ въ канцелярію государственнаго казначея и главнаго медицинской коллегіи директора барона Васильева, коллежскимъ переводчикомъ».

На новомъ поприщѣ дѣятельности Василій Назаровичъ не заставилъ себя долго ждать и съ жаромъ принялся за работу Онъ выразилъ желаніе и получилъ разрѣшеніе работать въ архивахъ въ Петербургѣ и Москвѣ для собиранія матеріаловъ по исторіи Россіи вообще и въ особенности исторіи финансовъ и медицины. Вліятельныя лица, а позднѣе и самъ государь облегчали Василію Назаровичу трудъ. Сохранилось письмо графа Растопчина отъ 31 мая 1800 г. къ начальнику архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ Н. Н. Бантышъ-Каменскому: «Милостивый Государь мой Ник. Ник.! Баронъ Алексѣй Ивановичъ Васильевъ, отправивъ въ Москву г. Каразина для собранія сколько и гдѣ можетъ изъ разныхъ архивовъ матеріаловъ къ сочиненію исторіи о введеніи и успѣхахъ врачебнаго искусства въ Россіи, просилъ меня, чтобы г. Каразину позволено было и въ архвахъ иностраннаго департамента отыскивать нужные ему свѣдѣнія—вотъ предметъ сего письма; и я надѣюсь, что Ваше Превосходительство окажетъ г. Каразину по возможности всякое отъ Васъ зависящее пособіе въ успѣшномъ окончаніи возложеннаго на него порученія» [2]).

Вообще, послѣ своего неудачнаго побѣга за границу Василій Назаровичъ Каразинъ привлекаетъ къ себѣ общее вниманіе, знакомится на службѣ съ новыми важными лицами, входитъ такимъ образомъ и въ петербургское общество и привлекаетъ его симпатіи. Вотъ какъ писалъ ему Сперанскій еще во время архивныхъ занятій его (въ началѣ 800-тыхъ годовъ). «Пользуясь отъѣздомъ курьера изъ Павловска, считаю нужнымъ написать къ Вамъ, любезный Василій Назаровичъ, нѣсколько строчекъ, коихъ главнѣйшимъ предметомъ будетъ сказать Вамъ, что я Васъ

ботъ и возить трое сутокъ около Кронштадта («Русск. Арх. 1873 т. I., 962—963.

[1]) Дата взята изъ собственноручнаго прошенія В. Н. Каразина объ отставкѣ (11 авг. 1804 г.). Документъ этотъ (ненапечатанный) извлеченъ изъ Арх. Мин. Н. Пр. проф. Д. И. Багалѣемъ.

[2]) Изъ Моск. Илл. Газ. 1862 г. Перепеч. въ Южн. Кр. за 1892 г. 8 ноября № 4070.

люблю и душевно обнимаю... Когда Вы возвратитесь? Когда отрясете ученую пыль, что съ такимъ стараніемъ собираете?» [1]).

По исторіи финансовъ и медицины за три года почти занятій Василія Назаровича Каразина было собрано, принимая во вниманіе его энергію, вѣроятно, много матеріаловъ, но матеріалы эти, переданные государственному казначею, кажется, не получили никакого употребленія, хотя есть извѣстіе, что Василіемъ Назаровичемъ Каразинымъ были не только собраны матеріалы, но написано изслѣдованіе «Исторія Медицины въ Россіи». Въ одной газетной статьѣ (Южный Край 1892 г. 8 ноября № 4070) появилось предположеніе, что историческія изслѣдованія Каразина послужили основаніемъ для «Исторіи Медицины въ Россіи» Рихтера. Мы не думаемъ, что воспользовался трудами Каразина Рихтеръ, ибо въ одной изъ своихъ брошюръ [2]) Каразинъ слишкомъ хорошо отзывается о Рихтерѣ, чего не позволилъ бы себѣ по отношенію къ литературному хищнику. Но предположеніе о кражѣ, случайно брошенное, оказывается вѣрнымъ. Въ «Запискахъ К. Ф. Калайдовича», знакомаго Каразина, находимъ слѣдующія строки: «8 марта обѣдалъ у Василія Назаровича Каразина. Говоря между прочимъ объ ученой кражѣ, онъ упоминалъ, что съ нимъ нѣкто въ С.-Петербургскомъ журналѣ сшутилъ подобнымъ образомъ съ его «Исторіею Медицины въ Россіи», поданной давно имъ въ Коллегію, напечатавъ ее подъ своимъ именемъ» [3]).

Что касается до работъ по исторіи финансовъ, то результатомъ ихъ было сочиненіе В. Н. Каразина, помѣченное іюнемъ 1801 г., для государя Александра Павловича: «О причинахъ постепеннаго упадка курса въ Россіи и о средствахъ поднять оный» [4]). Это интересный историко-политическій трактатъ, въ которомъ излагается исторія колебанія русскаго рубля со временъ до-петровскихъ и проектъ повысить русскую денежную единицу путемъ передачи всѣхъ казенныхъ крестьянъ въ руки частныхъ

---

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. за 1875 г. № 241.

[2]) «О самомъ удобнѣйшемъ способѣ сохранять питательныя вещества» Москв. 1829.

[3]) «Лѣтописи русской литературы и древности» Н. Тихонравова т. III. Москва 1861 г. стр. 105.

[4]) «Чтенія въ Общ. Ист. Др. Рос.» за 1861 г. т. III, стр. 17—691.

владѣльцевъ [1]). Труды В. Н—ча обратили на себя вниманіе, и 22 января 1801 г. онъ «за собраніе матеріаловъ къ исторіи финансовъ» награжденъ чиномъ коллежскаго асессора [2]).

ГЛАВА III.

Возвышеніе.

(1801—1802).

Перемѣна царствованія. Записка къ имп. Александру I-му 22 марта 1801 г. Встрѣча и сближеніе съ государемъ. Нѣсколько версій о „случаѣ“ Каразина (Герценъ, Чириковъ, Сахаровъ). Каразинъ—депутатъ Слободско-Украинскаго дворянства. Близость къ государю и значеніе В. Н. Каразина. Дѣло Надаржинской и особыя порученія.

Роль В. Н. Каразина въ созданіи Министерства Народнаго Просвѣщенія и учрежденіе Министерства. Каразинъ—правитель дѣлъ Коммиссіи и Главнаго правленія училищъ.

Гнетущее настроеніе петербургскаго общества во время царствованія Павла Петровича, боязнь каждаго за свою безопасность и дѣйствія государя, отличавшіяся какимъ-то лихорадочнымъ характеромъ, разрѣшились событіями съ 11-го на 12-ое марта 1801 г.

Послѣ сильныхъ стѣсненій въ общественной и даже частной жизни [3]), условія которой такъ быстро перемѣнились съ началомъ царствованія Павла Петровича, русскіе люди услышали, что начнется милостивое царствованіе, что государь, вступая на прародительскій престолъ, намѣренъ управлять своимъ народомъ «по законамъ и по сердцу Екатерины Великой», стремившейся сдѣлать людей лучшими путемъ развитія просвѣщенія и усовершенствованія воспитанія. «Повѣяло чѣмъ-то новымъ оживляющимъ

---

[1]) Формулярный списокъ о службѣ ст. сов. и кав. В. Каразина.

[2]) Подробно проектъ Каразина разобранъ будетъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ сочиненія при обозрѣніи политическихъ воззрѣній В. Н. Каразина.

[3]) Подъ конецъ царствованія Павла I въ Петербургѣ было запрещено употреблять извѣстныя слова, носить извѣстнаго рода платье, прически; экипажи имѣть можно было только опредѣленнаго образца, все главнымъ образомъ на прусскій манеръ; изъ дому никто не имѣлъ права выходить позже 9 часовъ вечера и улицы были заставлены рогатками. Я. В. Абрамовъ «В. Н. Каразинъ» Спб. 1891 г. стр. 13—14.

съ воцареніемъ Александра, всѣ почувствовали какой-то нравственный просторъ, взгляды сдѣлались у всѣхъ благосклоннѣе, поступь смѣлѣе, дыханіе свободнѣе». Немедленно былъ разрѣшенъ ввозъ и печатаніе внутри страны книгъ. «Много литераторовъ, говоритъ современникъ Вигель [1]), «существовало непримѣтнымъ образомъ, скрывалось по деревнямъ, какъ бы ожидая назначеннаго часа: онъ пробилъ 12-го марта. Я былъ тогда въ Москвѣ и помню этотъ часъ: откуда что взялось? Какъ будто изъ земли выросло. Все съ истиннымъ равнымъ восторгомъ, хотя и не съ равнымъ искусствомъ пустилось привѣтствовать и славить Александра, все кинулось—кто къ трубамъ и лирамъ, кто къ балалайкамъ и гудкамъ, принимая одни за другія, все загремѣло, запѣло, запищало. Однимъ одамъ счету не было». Литература заговорила свободно. Державинъ привѣтствовалъ новое царствованіе стихами:

Взявъ лиру, прахъ съ нея стряси,
И сердцемъ, радостнымъ, свободнымъ
Вѣщай [2])....

Такъ привѣтствовалъ новаго царя старикъ Державинъ, и немудрено, что на 28-лѣтняго Василія Назаровича перемѣна царствованія подѣйствовала, какъ видъ новой чудной панорамы, въ которой видѣлись осуществленными завѣтныя мечты его. Симпатичная личность императора Александра I, его добрый характеръ, желаніе служить всецѣло на благо Россіи, выраженное въ манифестѣ, стремленіе помочь крѣпостнымъ крестьянамъ, все это было извѣстно Василію Назаровичу и отвѣчало, какъ нельзя лучше, мечтамъ молодого идеалиста. Какъ ни усердно занимался учеными архивными изысканіями В. Н. Каразинъ, какъ ни много выписывалъ и составлялъ историческихъ сочиненій, эта кропотливая, однообразная работа не могла удовлетворить его пылкаго характера, его стремленія къ широкой, кажется, все бы захватившей дѣятельности. «Это была», пишетъ проф. Д. И. Багалѣй, «безпокойная, бурная натура, человѣкъ, обладавшій огромнымъ запасомъ жизненной энергіи, не могшій сосредоточиться на чемъ-нибудь одномъ и переходившій постоянно отъ одного увлеченія

---

[1]) Сухомлиновъ «Матеріалы для Исторіи Образованія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I» Журн. Минист. Нар. Просвѣщ. ч. I, 28 февр. стр. 12.

[2]) Ода на восшествіе на престолъ императора Александра I.

къ другому» [1]). По независящимъ отъ себя обстоятельствамъ Каразинъ долженъ быть сдержать свои стремленія и хранить полное спокойствіе на разъ указанномъ ему мѣстѣ изъ боязни, можетъ быть, двойного наказанія отъ строгаго императора, «не любившаго прощать дерзновеннаго». Вотъ уже больше двухъ лѣтъ Василій Назаровичъ Каразинъ былъ въ такомъ положеніи, не соотвѣтствующемъ его характеру, а чѣмъ извѣстныя психическія движенія долѣе сдерживаются, тѣмъ сильнѣе, порывистѣе они проявляются. Такъ было и съ Каразинымъ. Неудержимая рѣшимость произвела послѣдній толчекъ. Рѣкой полились болѣе десятка лѣтъ лелѣянныя мысли; хлынули онѣ на извѣстную бумагу 22-го марта, доставившую Василію Назаровичу и радость, и горе, и счастье, и несчастье, первое время заставившую говорить о немъ весь Петербургъ и наполнившую отрадными воспоминаніями все его послѣдующее многострадальное существованіе.

«22-го марта 1801 г., въ десятый день по восшествіи государя Александра I на престолъ, была скрытно доставлена ему бумага, безъ подписанія имени» [2]). Василій Назаровичъ воспользовался однимъ изъ дворцовыхъ церемоніаловъ, пробрался въ царскіе покои и тамъ оставилъ на рабочемъ столѣ государя запечатанное письмо надписанное ему [3]). Содержаніе письма [4]) представляло политическое вѣроисповѣданіе автора (какъ говоритъ онъ въ примѣчаніи къ запискѣ по памяти), его мечты, отъ исполненія которыхъ зависѣло, по его мнѣнію, благоденствіе отечества. Исполненіе же своихъ задушевныхъ желаній онъ считалъ вполнѣ своевременнымъ. «Какимъ прекраснымъ днемъ началось твое царствованіе, восклицаетъ онъ въ началѣ своего письма!—Казалось

---

[1]) „Н. А. Каразинъ и его колоколъ“ „Кіевская Стар.“ 1892 г. ноябрь стр. 163.

[2]) Приписка къ копіи этой бумаги Василія Назаровича. Отчетъ Имп. Пуб. Библ. за 1878 г. Спб. 1879 г. стр. 20—21.

[3]) Укр. Стар. Г. П. Данилевскаго, стр. 104—105.

[4]) Это письмо хранится въ военно-учебномъ архивѣ (IV № 127) и напечатано полностью въ прибавленіяхъ соч. Шильдера: „Императоръ Александръ I“, т. II стр. 324. Кромѣ этого письма существуетъ воспроизведеніе его *по памяти* Василіемъ Назаровичемъ для А. С. Шишкова (адмирала) въ 1812 г.; оно напечатано съ пропусками въ „Русск. Стар.“ за 1871 г. т. IV стр. 69 (вѣрнѣе, *по черновику*, потому что много тождественныхъ выраженій). Отрывокъ помѣщенъ въ I кн. Вѣстн. Евр. 1813 г.

намъ, что сама природа въ восторгѣ встрѣтила тебя [1]), Александръ, любимецъ сердецъ нашихъ! Десятый разъ уже освѣщаетъ весеннее солнце твоихъ надеждами исполненныхъ подданныхъ и день ото дня, часъ отъ часу ты оправдываешь сіи надежды. Какая лестная будущность насъ ожидаетъ»! Привести въ исполненіе эту будущность вполнѣ возможно; Европа находится въ такомъ состояніи, когда голосъ Россіи имѣетъ въ ней рѣшающее значеніе, когда Россія чрезъ неожиданное стеченіе обстоятельствъ вышла изъ всегдашней войны съ европейскими державами». Въ формѣ надеждъ Каразинъ даетъ указанія молодому царю, какъ надо царствовать. Надо сохранить миръ съ державами, чтобы достигнуть преуспѣянія у себя. При такомъ условіи «внутренніе и внѣшніе долги государства не важны, судя по великости доходовъ, кои не расточены еще столько, чтобы простымъ отмѣненіемъ нѣкоторыхъ предложенныхъ издержекъ не можно было вывести казну въ нѣсколько мѣсяцевъ изъ всякаго сомнительнаго положенія» [2]). Онъ твердо вѣритъ, что государь «удовольствію самовластія не пожертвуетъ надеждою народовъ и безсмертною славою, которая ожидаетъ добродѣтельныхъ монарховъ», что «онъ раскроетъ великую книгу судьбы нашей, которую указалъ перстъ Екатерины, что онъ «дастъ намъ непреложные законы и клятвою утвердитъ ихъ въ роды родовъ»... «Онъ скажетъ Россіи: се предѣлъ самодержавія моего и моихъ наслѣдниковъ, навѣки нерушимый!... И Россія войдетъ, наконецъ, въ число державъ монархическихъ, и желѣзный своеправія скипетръ не возможетъ сокрушить скрыжалей ея завѣта». Государь навѣрно учредитъ правый независимый судъ изъ людей, умудренныхъ опытомъ, удѣливъ имъ часть своей власти для соблюденія имъ данныхъ законовъ. Онъ улучшитъ финансы и доведетъ ихъ до избытка посредствомъ мудраго сокращенія расходовъ и уравненія повинности каждаго. Каразинъ ждалъ, распространенія въ народѣ воспитанія и образованія, такъ какъ «не жезлъ денно-нощно властію поднятый заставитъ исполнять законы, но законы будутъ охраняемы нравами

---

[1]) 11-го марта 1801 г. въ Петербургѣ былъ самый непріятный зимній день; сквозь туманъ въ нѣсколькихъ шагахъ ничего не было видно. 12-го, напротивъ, погода сдѣлалась тихая, теплая и ясная, какъ будто весна вдругъ наступила. Прим. 1812 г. В. К. (Русск. Стар. 1871 г. т. IV, стр. 68).

[2]) Это „сомнительное положеніе хорошо было извѣстно Каразину, какъ сослуживцу государственнаго казначея барона Васильева, которому Державинъ сказалъ о его финансовой дѣятельности: „Вы, графъ, въ такомъ болотѣ безотчетностью Вашей, изъ какого вѣкъ Вамъ не выбраться“ „Записки Державина“, царствованіе императора Александра I стр. 439, М. 1860.

и правы законами»; что помѣщичьимъ крестьянамъ будутъ даны человѣческія права; будутъ поставлены предѣлы ихъ зависимости, введено право собственности и тѣмъ самымъ искоренится пьянство и своеволіе, «свойственныя отчаянію и безысходному рабству». Онъ ждалъ распространенія и улучшенія земледѣлія и правильнаго лѣсоводства, заселенія пространныхъ степей Россіи посредствомъ непринудительнаго вызова жителей изъ сосѣднихъ населеннѣйшихъ мѣстъ при ободреніи ихъ къ переселенію наградами и льготами. Онъ надѣялся на поднятіе промышленности не при помощи запретительной системы, а снятіемъ съ мануфактуръ и фабрикъ стѣснительныхъ налоговъ, отнимающихъ охоту заводить новыя. Онъ ожидалъ превращенія безводныхъ пространствъ въ цвѣтущія равнины проведеніемъ каналовъ, цвѣтущаго состоянія внѣшней и внутренней торговли, и всѣ граждане, воины и поселяне и прочія состоянія «будутъ соединены союзомъ взаимной пользы, братолюбіемъ и подданнической обязанностью». Усилившееся государство будетъ наслаждаться миромъ и употребитъ «милліонъ рукъ здоровыхъ и сильныхъ, ежедневно стоющихъ болѣе трети государственныхъ доходовъ, не заставляя ихъ лить кровь рѣками въ странахъ и дѣлахъ чужихъ, на постройку водоводовъ, дорогъ и др. общеполезныхъ сооруженій». «Александръ, любимецъ народа,—заключилъ свое посланіе Каразинъ,—совершитъ великое сіе дѣло... онъ будетъ блаженнѣйшій изъ смертныхъ, и слава его, утвержденная на любви подданныхъ, переходящей изъ рода въ родъ, будетъ предметомъ желаній величайшихъ монарховъ»! Государь! въ душѣ моей повергаюсь къ стопамъ твоимъ, орошаю ихъ слезами чистѣйшей вѣчной преданности. Геній-благотворитель моего любезнаго отечества»!... Такъ писалъ 28-лѣтній Каразинъ. Чтобы судить о впечатлѣніи, которое можетъ произвести на человѣка горячая, восторженная, въ одно и то же время и радостная и рыдающая отъ избытка счастья рѣчь, хотя бы и письменно изложенная, надо прочесть въ подлинникѣ письмо Каразина; «Возлюбленному царю! одинъ изъ подданныхъ»—стояло вмѣсто заголовка письма.

Впечатлительный Александръ былъ пораженъ идеями, высказанными въ анонимной бумагѣ; онѣ прямо отвѣчали его первымъ манифестамъ и указамъ. Чистосердечное изліяніе чувствъ тронуло государя до слезъ. Во что бы то ни стало онъ приказалъ графу Палену и Д. Пр. Трощинскому [1]) отыскать автора

---

[1]) „Укр. Стар." Г. П. Данилевскаго стр. 106. Въ друг. мѣстѣ по свид. того же Фил. Вас. Каразина—Державину. Русск. Арх. 1894 г. т. I стр. 566.

записки. Тѣ обратились между прочимъ къ сослуживцамъ В. Н. Каразина—Державину и Сперанскому, который потребовалъ къ себѣ В. Н. Каразина и приказалъ ему подписаться на листѣ бумаги, который и отослалъ Трощинскому для сличенія почерка [1]. «11-го апр. Д. П. Трощинскій, призвавъ меня къ себѣ, пишетъ Каразинъ [2], требовалъ чтобы я ему открылъ истину». «Я признался». Немедленно Каразинъ былъ представленъ императору. «Ты написалъ эту бумагу»? «Я, государь»! Дай обнять тебя и поблагодарить тебя за благія твои пожеланія мнѣ и чувства истиннаго сына отечества! Продолжай такъ всегда чувствовать и дѣйствовать сообразно съ этими чувствами. Продолжай всегда говорить мнѣ правду, я желалъ бы больше имѣть такихъ подданныхъ»! Государь прижалъ его къ своей груди, и Каразинъ рыдая, какъ ребенокъ, бросился къ его ногамъ со словами: «Клянусь, что буду всегда говорить правду». Александръ усадилъ Каразина и сказалъ, что онъ коснулся въ бумагѣ столькихъ предметовъ, что надобно подумать, съ чего начать работу. «Конечно съ образованія народнаго», отвѣчалъ Каразинъ. Началась продолжительная бесѣда по этому предмету, которая кончилась тѣмъ, что государь велѣлъ ему писать къ себѣ въ собственныя руки. «11 апрѣля 1801 г.», по словамъ формуляра, Каразинъ «за труды, кои были извѣстны государю императору Александру Благословенному пожалованъ чрезъ чинъ въ коллежскіе совѣтники и въ тотъ же день награжденъ богатымъ перстнемъ». Согласно новооткрытымъ документамъ проф. Д. И. Багалѣемъ (въ Арх. Мин. Н. Пр.) чинъ колежскаго совѣтника В. Н. Каразинъ получилъ указомъ 21-го апр. 1801 г., тогда же онъ перешелъ подъ вѣдомство Трощинскаго. Василій Назаровичъ началъ пользоваться неограниченнымъ довѣріеемъ государя—двери кабинета государя были во всякое время открыты для него [3].

---

1) Ѳ. Фортунатовъ „Памятныя записки Вологжанина“ Рус. Архивъ“ 1867 г. стр. 1678.

2) Отчетъ Импер. Публ. Библ. за 1878 г. стр. 24. Вотъ примѣчаніе В. Н. Каразина полностью къ оригиналу бумаги 22-го марта: „Государю угодно было немедленно по прочтеніи ея поручить графу Палену и Дмитрію Пр. Трощинскому отыскать виновника. 17-го апр. послѣдній по нѣкоторымъ догадкамъ, призвавъ автора къ себѣ, потребовалъ, чтобы онъ открылъ ему истину. Онъ признался. И вотъ источникъ личнаго особливѣйшаго благоволенія его величества къ сему послѣднему и повелѣнія даннаго ему, писать съ подобною же откровенностью, что и продолжалось до ноября 1808 г.

3) Шильдеръ. Императоръ Александръ I т. II стр. 34—36.

Вотъ еще разсказъ о знаменитой бумагѣ Каразина, передаваемый Герценомъ со словъ его: „Прошло дней десять послѣ смерти Павла,

Государь искренне полюбилъ Василія Назаровича, старался отличить его работу, «удостаивалъ въ различное время нѣсколькими

во дворцѣ былъ большой пріемъ, радостныя лица, одѣтыя въ глубокій трауръ, входили, выходили, низко кланялись повторяли раболѣпныя рѣчи. Застѣнчивый Александръ, мало привыкнувшій къ этой работѣ, и къ этой роли Бога, предъ которымъ все падаетъ, на котораго все уповаетъ, взошелъ послѣ пріема въ свой кабинетъ и бросился въ кресло, предъ своимъ рабочимъ столомъ. На его столѣ, въ его кабинетѣ, въ который никто не смѣлъ войти, лежало толстое письмо... запечатанное и подписанное ему. Онъ сорвалъ печать и развернулъ письмо; послѣ чтенія глаза его наполнились слезами; щеки горѣли; онъ положилъ письмо, и крупныя слезы продолжали катиться по его щекамъ. Ихъ видѣли графъ Паленъ и Трощинскій. „Господа!—сказалъ имъ государь,—неизвѣстный человѣкъ положилъ на мой столъ это письмо, оно безъ подписи; сыщите мнѣ непремѣнно, кто это писалъ». На другой день Трощинскій доложилъ государю, что привезъ автора письма, что онъ чиновникъ одной изъ его канцелярій, Василій Назаровичъ Каразинъ. Государь, отпустивъ Трощинскаго, пригласилъ въ кабинетъ Каразина и, оставшись съ нимъ одинъ, спросилъ его: „Вы писали ко мнѣ это письмо?"—„Виноватъ, государь!" отвѣчалъ Каразинъ. „Дайте же мнѣ обнять Васъ за него, благодарю Васъ, я желалъ бы, чтобы у меня больше было такихъ подданныхъ. Продолжайте всегда говорить со мной такъ откровенно!". Александръ усадилъ его, долго бесѣдовалъ съ нимъ, велѣлъ ему писать къ себѣ въ собственныя руки—двери кабинета были открыты для него...

„Маркиза Позу допускать ко мнѣ
Впередъ безъ всякаго доклада"...

(Герценъ. „Полярная Звѣзда" 1862 г. Лондонъ. Изъ рукописи Чирпкова).

Чириковъ писалъ въ неизданныхъ своихъ запискахъ о Каразинѣ: По воспоминаніямъ харьковскихъ старожиловъ, „у Каразина въ Петербургѣ былъ задушевный пріятель Евг. Алекс. Васильевъ, служившій въ полиціи частнымъ приставомъ, но по занятію архитекторъ. Васильевъ доставилъ записку оберъ-полиціймейстеру, а тотъ донесъ о ней государю. Каразинъ притворно скрывалъ свое авторство, когда автора разыскивали. Каразинъ открылся только тогда, когда узналъ, какъ была принята его записка царемъ. Васильеву Каразинъ чрезъ нѣсколько лѣтъ выхлопоталъ мѣсто архитектора и адъюнкта въ Харьковскомъ университетѣ, но впослѣдствіи совершенно разошелся съ нимъ. Сахаровъ свидѣтельствуетъ со словъ Д. И. Языкова и Полѣнова: „Каразинъ въ дежурной комнатѣ дворца положилъ конвертъ на имя государя. Дежурный офицеръ передалъ дежурному генералу и такимъ образомъ дошелъ по адресу. Государь обратился къ Сперанскому... Каразинъ прямо сказалъ, что онъ писалъ. Идутъ оба къ Балашову; Балашовъ требуетъ подтвержденія, и Каразинъ въ доказательство представилъ свои черновыя бумаги.

милостивыми собственноручными рескриптами» [1]), помогалъ ему въ занятіяхъ личнымъ вліяніемъ, писалъ къ нему, начиная словами: «Mon cher Karasin» [2]).—Какъ всегда, Василій Назаровичъ горячо принялся за дѣло. Онъ бесѣдовалъ съ государемъ, давалъ ему совѣты, высказанные вообще въ письмѣ, мечты, названныя Н. М. Каразинымъ «pia desideria», которыя однако нашли себѣ нынѣ большею частью примѣненіе. Какъ было сказано, прежде всего Каразинъ обратилъ вниманіе императора на необходимость поднять уровень народнаго образованія. Онъ предлагалъ для этого искоренить рабство [3]), исподволь давая крестьянамъ голосъ въ ихъ дѣлахъ, право выбора представителей въ сельскую думу; предлагалъ уравновѣсить размѣръ подати помѣщику, извѣстный процентъ которой шелъ-бы на содержаніе священника, воспитательному вліянію котораго онъ придавалъ особенное значеніе. Онъ подалъ мысль, хотя и *не впервые*, о необходимости устройства отдѣльнаго вѣдомства народнаго образованія, которое завѣдывало бы и распоряжалось самостоятельно столь важною частью государственной жизни.

О необыкновенномъ «случаѣ», какъ тогда говорили, Каразина, его приближеніи къ государю, навѣрное знали его согражданe и возлагали, какъ въ частности (что увидимъ ниже), такъ и всѣ вмѣстѣ—большія надежды. Уже 7-го мая 1801 г. Василій Назаровичъ былъ избранъ отъ слободско-украинскаго дворянства депутатомъ, для исправленія подтвержденія государемъ спеціальныхъ привилегій дворянъ. Каразинъ присоединился къ Харьковскимъ депутатамъ Донецъ-Захаржевскому и Куколь-Яснопольскому и помогъ имъ своимъ, тогда сильнымъ, вліяніемъ. Миссія была

---

[1]) Копія съ формуляра В. Н. Каразина 1830 г.

[2]) Записки Анастасевича „Украинская Старина" Г. П. Данилевскаго стр. 114. См. также „В. Н. Каразинъ, основ. Х. ун-та" Фил. Каразина. Русс. Стар. 1875 г. т. 13.

[3]) О связи вопроса объ образованіи и крѣпостной зависимости Лагарпъ, воспитатель Александра I, говорилъ слѣдующее: „Главнымъ препятствіемъ для повсемѣстнаго распространенія школьнаго образованія служитъ крѣпостное состояніе въ Россіи огромной массы народонаселенія. Какое образованіе возможно для людей, прикрѣпленныхъ къ землѣ, которыми владѣльцы ихъ могутъ распоряжаться произвольно, чтобы не сказать безнаказанно. Народное просвѣщеніе соприкасается здѣсь съ крѣпостнымъ правомъ, о которомъ очень легко рѣшаютъ въ кабинетѣ, но съ величайшимъ трудомъ въ дѣйствительной жизни. Во всякомъ случаѣ вопросъ этотъ долженъ быть рѣшаемъ постепенно, безъ шума и тревоги (Шильдеръ. Императоръ Александръ I т. II. 49—50.

выполнена съ успѣхомъ [1]), и весьма вѣроятно, что Василій Назаровичъ былъ главной причиной этого устройства [2]), такъ какъ въ слѣдующемъ году на Василія Назаровича то же слободско-украинское общество возложило новое порученіе, о которомъ будетъ сказано ниже.

15 сентября было назначено коронованіе въ Москвѣ новаго императора, куда государь и отправился взявъ съ собою Каразина, съ которымъ, кажется, не могъ разстаться. Въ Москвѣ государь пользовался всякимъ случаемъ, чтобы отличить В. Н. Каразина. Такъ, сохранился слѣдующій разсказъ Анастасевича [3]). Во время пребыванія Каразина въ Москвѣ у графа И. П. Салтыкова долженъ былъ быть вечеръ, на который, по желанію государя, не приглашали никого кромѣ родныхъ и близкихъ графу. Вдругъ является какой-то неизвѣстный никому субъектъ, поведеніе котораго изобличаетъ въ немъ новичка въ кругу собравшейся высшей аристократіи. Графъ послалъ адъютанта узнать отъ незнакомца о цѣли его прихода. Вмѣсто объясненія послѣдній подалъ собственноручное письмо государя, въ которомъ послѣдній просилъ «не въ примѣръ прочимъ» благосклонно принять Каразина. Когда государь прибылъ, онъ лично представилъ обществу своего любимца. Въ Москвѣ же государь собственноручно писалъ графу Ивану Петровичу Салтыкову [4]) письмо слѣдующаго содержанія: «Графъ Иванъ Петровичъ. Вручитель сего колегскій совѣтникъ Каразинъ оставленъ мною въ Москвѣ на нѣкоторое время для пріисканія въ здѣшнихъ архивахъ историческихъ свѣдѣній. Онъ мнѣ лично

---

[1]) 29-го дек. 1801 г. послѣдовалъ высочайшій рескриптъ, въ которомъ было сказано: „въ ознаменованіе всегдашняго благоволенія нашего къ непоколебимымъ вѣрности, усердію и заслугамъ слободско-украинскаго дворянства, всѣ права и преимущества въ различныя времена ему присвоенныя и доселѣ безъ отмѣны существующія“... „признали за благо утвердить и навсегда удостовѣрить, яко же симъ утверждаемъ и удовлетворяемъ во всей ихъ силѣ и неприкосновенности“. Проф. Д И. Багалѣй «Опытъ Исторіи Харьков. ун-та» т. I отд. II, стр. 55.

[2]) Что все дѣло вынесъ на своихъ плечахъ В. Н. Каразинъ, доказываютъ, какъ недавно найденные „Историческая записка о пожертвованіи на университетъ“, составленная имъ (докладъ проф. Багалѣя въ засѣд. Ист.-Фил. Общ. 27 сент. 1904 г.), такъ и найденное нами „Дѣло объ отправленіи депутатовъ въ Москву“ 1801 г. въ Арх. Харьк. Двор. Собр. (По описи 1827 г. дѣло 1801 г. № 6, листы 132 и 134.

[3]) „Чтенія“ 1861. 3 т. Отд. Смѣси; тоже „Укр. Стар.“, стр. 114.

[4]) Московскому военному губернатору.

извѣстенъ съ хорошей стороны, почему и пріятно мнѣ поручить его въ ваше особенное благорасположеніе. Пребываю въ протчемъ вамъ доброжелательный Александръ» [1]). Цѣль этого письма была доставить возможность Каразину работать по историческимъ матеріаламъ въ Московскихъ архивахъ, чѣмъ онъ и занимался, оставаясь на нѣкоторое время въ Москвѣ.

Отказа В. Н. Каразину никогда не было. Извѣстно дѣло свящ. о. В. Фотіева, друга В. Н. Каразина, и Надаржинской. О первомъ [2]), онъ доложилъ государю, какъ о невинно пострадавшемъ (когда тотъ принесъ губернатору приклеенный къ дверямъ церкви политическій пасквиль [3]) и выхлопоталъ ему орденъ Анны II ст., который и возложилъ собственноручно во время заутрени на о. Василія [4]). Хлопоты В. Н. Каразина по дѣлу Надаржинской надѣлали въ свое время много шуму въ Петербургѣ и навлекли несправедливыя на него нареканія. Дѣло было такъ. Въ Государственный Совѣтъ поступило дѣло между Надаржинской и Кондратьевымъ. Послѣдній указалъ на незаконность ея брака и

---

[1]) «Русскій Архивъ» 1876 г. янв., стр. 59. Помѣтка: получено 18 окт. 1801 г.

[2]) Изъ воспоминаній В. И. Ярославскаго «Харьк. Сборн.» 1887 стр. 65—66; тоже у В. Анастасевича; у послѣдняго только упоминается не Фотіевъ, а Прокоповичъ; какая редакція правильнѣе, нельзя рѣшить за исключительностью этихъ показаній, да это и не касается сущности, такъ какъ мы намѣрены указать на значеніе Каразина въ періодъ отъ 1801 г. до половины 1802 г. у государя.

[3]) Дѣло о В. Фотіевѣ, по прозванію Грѣшнаго, по разсказу старожиловъ. У входа въ Вознесенскую церковь нѣсколько бабъ хохлушекъ увидѣли приклеенный клочекъ бумаги. Подошелъ дьяконъ, снялъ его и прочелъ вслухъ. Этотъ клочекъ оказался пасквилемъ на императора Павла I. Діаконъ струсилъ, представилъ пасквиль о. Фотіеву, который, въ свою очередь, струсилъ, передалъ губернатору: тотъ въ страхѣ обо всемъ донесъ императору. Началась исторія. Всѣхъ такъ или иначе причастныхъ къ дѣлу выписывали въ Петербургъ, допрашивалъ самъ Павелъ I. Отца В. Фотіева высѣкли (Записки Чирикова Историч. Арх. Х. ун-та).

[4]) И. Ярославскій и Анастасевичъ видѣли въ этомъ стремленіе Каразина бравировать своимъ положеніемъ и значеніемъ у государя. Намъ кажется, что это едва-ли такъ. Вглядѣвшись въ открытый и восторженный характеръ В. Н Каразина, можно навѣрное сказать, что онъ стремился здѣсь, какъ и всегда, только къ особенной эффектной обстановкѣ безъ всякаго чувства тщеславія, чтобы рѣзче показать, какъ справедливо награждаются вѣрные слуги отечества. Чувства личныя никогда не играли роли у Каразина.

слѣдовательно незаконное рожденіе ея дочери, которая, слѣдовательно, не имѣла права получить громадное наслѣдство, на которое заявилъ свои претязанія Кондратьевъ, приходившійся роднымъ племянникомъ умершаго отца дѣвицы Надаржинской. Дѣло склонялось въ пользу Кондратьева, на сторонѣ котораго былъ графъ Зубовъ и его сильнѣйшая въ то время партія. В. Н. Каразинъ, узнавъ отъ Надаржинскихъ, хорошо ему извѣстныхъ, о грозящемъ несправедливомъ исходѣ дѣла, посовѣтовалъ государю отдать дѣло на разсмотрѣніе «людей совѣстныхъ и знающихъ юриспруденцію [1]), Лагарпу и Державину, коему, по случаю отъѣзда Лагарпа изъ Петербурга, поручено дѣло для представленія императору мнѣнія. «По принесеніи Державинымъ подробныхъ объясненій и доказательствъ правости дѣвицы, состоялся указъ въ ея пользу» [2]).

---

[1]) Записки Г. Р. Державина, изд. «Русской Бесѣды», стр. 462. Свѣдѣнія о дѣлѣ Надаржинской есть въ воспоминаніяхъ Ярославскаго и Анастасевича, менѣе полныя, но не менѣе односторонния.

[2]) Послѣднія слова нарочно цитируемъ, чтобы указать на противорѣчіе Державина самому себѣ; въ тѣхъ же запискахъ онъ замѣтилъ, что В. Н. Каразинъ «человѣкъ не весьма завидной честности» и возбудилъ дѣло изъ корыстолюбивыхъ видовъ, желая путемъ женитьбы на дѣвицѣ Надаржинской воспользоваться богатствомъ ея. Что Василій Назаровичъ поступилъ честно, доказывается его предложеніемъ разсмотрѣть дѣло „людьми совѣстными" и тѣмъ, что дѣло было рѣшено не въ пользу Кондратьева, только „благодаря честности Зубова и Державина". (Записки). Затѣмъ всѣ показанія современниковъ (Фортуновъ, Чириковъ, Анастасевичъ, Державинъ за исключеніемъ Ярославскаго, особенно непріязненно относившагося къ Каразину, увеличившаго и цифру предлож. денегъ), согласны, что Василій Назаровичъ не принялъ предлагаемаго ему вознагражденія 50000 рубл.; они объясняютъ это досадой Каразина на упущенное богатство—на бракъ де мать Надаржинской не согласилась. Но намъ кажется, что человѣку, дѣйствовавшему изъ денежныхъ интересовъ и при томъ матеріальныя обстоятельства котораго находились далеко не въ благопріятномъ положеніи (на сумму 50000 было долговъ у Василія Назаровича), не было смысла отказываться отъ такой крупной суммы. Вѣрнѣе предположить, что Василій Назаровичъ былъ оскорбленъ предложеніемъ платы за дѣло его совѣсти. Дѣйствительно-ли любилъ онъ 13-тилѣтнюю дѣвочку, провѣрить трудно. Въ концѣ 1802 г. Василій Назаровичъ имѣлъ невѣсту, Александру Васильевну Мухину (Анастасевичъ), впослѣдствіи жену, что видно изъ письма его къ государю 18-го февр. 1803 г. («Русск. Стар.» 1875 г. т. XIV стр. 196—199).

О дѣлѣ Надаржинской Чириковъ передаетъ и придерживается такой редакціи хода дѣла: по его мнѣнію В. Н. Каразинъ сдѣлалъ подлогъ вмѣстѣ съ синодальнымъ оберъ-прокуроромъ Пукаловымъ— или подчистилъ въ рѣшеніи государственнаго совѣта частицу *не* (не

Итакъ, дѣло было рѣшено, благодаря Василію Назаровичу «не въ примѣръ», т. е. имъ не умалялось значеніе закона Алексѣя Михайловича (что тѣ только дѣти признаются законными, которыя родятся въ 9 мѣсяцевъ), такъ какъ рѣшеніе было неправильно строго-юридически (Надаржинская родилась 2 мѣс. спустя послѣ брака), но нравственная правда была на сторонѣ Надаржинскихъ (См. донесеніе Государю Державина. Записки стр. 453). Государь лично выразилъ сочувствіе кліенткѣ В. Н. Каразина, пославъ черезъ него ей подарокъ (серьги или фермуаръ) [1]).

Въ бытность свою въ Москвѣ В. Н. Каразинъ, кромѣ упомянутыхъ занятій своихъ чисто научнаго характера, пользуясь близостью къ Государю «увѣдомлялъ его о всякаго рода происшествіяхъ по извѣту безыменныхъ лицъ, къ свѣдѣнію Императора дошедшихъ» (Записки Державина). Что это за тайные доносы были Государю, покажутъ слѣдующія порученія его Василію Назаровичу. Государь, прослышавъ о серьезныхъ преступленіяхъ Калужскаго Губернатора Лопухина, назначилъ Г. Р. Державина разслѣдовать дѣло. Слѣды преступленія были разысканы и должны были быть доставлены Каразинымъ, находившимся еще въ Москвѣ. Дѣло было въ началѣ 1802 г. Главное преступленіе Лопухина заклю-

признавать законной наслѣдницей), или подсунулъ государю въ то время, какъ онъ смотрѣлъ на проходившій по площади полкъ, факсимиле, сдѣланное имъ изъ страницы въ страницу съ разрѣшенія государственнаго Совѣта, измѣнивъ его въ пользу Надаржинской. Этотъ подложный документъ Александръ I подписалъ охотно. Тогда Каразинъ въ порывѣ радости воскликнулъ: «Государь! Вы меня вдвойнѣ осчастливили, защитивши несчастную и вмѣстѣ меня: она моя невѣста»! Государь тотчасъ подарилъ серьги или фермуаръ. Священнику Прокоповичу, содѣйствовавшему Каразину, онъ выхлопоталъ орденъ Анны II ст. Не безкорыстныя дѣйствія Каразина, по словамъ Чирикова (тоже у Ярославскаго) не увѣнчались успѣхомъ. Надаржиская, заявивъ, что будетъ всегда считать Василія Назаровича своимъ другомъ и благодѣтелемъ, и предложивъ ему векселя на 50000 рубл., тогда же вышла замужъ за нѣкоего Корсакова, а Каразинъ такъ былъ пораженъ исходомъ дѣла, что, бросивъ векселя, выбѣжалъ изъ дому и ночью уже бродилъ по деревнѣ, пока не наткнулся на плетень и застылъ на одномъ мѣстѣ; наконецъ, лакей и кучеръ нашли его и привезли домой. Каразинъ поѣхалъ въ Петербургъ; признался государю въ мошенничествѣ и просилъ прощенія. Государь, молча выслушалъ его и, ничего не отвѣчая, вышелъ изъ комнаты. Съ тѣхъ поръ Каразинъ потерялъ всякое значеніе и вліяніе у Императора Александра I.

[1]) Анастасевичъ. „Записки“, Чтенія въ общ. ист. и древн. за 1861 г. т. III. Смѣсь, стр. 195. Тоже - Ярославскій и Чириковъ.

чалось въ томъ, что онъ выпросилъ у помѣщика Гончарова заимнообразно 30000 руб. и, чтобы не возвратить ихъ, рѣшилъ погубить своего кредитора; съ этой цѣлью онъ вытребовалъ его къ себѣ и подъ предлогомъ допускаемыхъ имъ у себя въ домѣ азартныхъ игръ, пригрозилъ ссылкой въ Сибирь, намекнувъ при этомъ, что дѣло будетъ забыто, если 30000-ный вексель будетъ уничтоженъ. Гончаровъ, струсивъ, согласился, но Василій Назаровичъ провѣдалъ объ этомъ злоупотребленіи и взялъ по секрету у Гончарова собственноручную подписку въ совершенномъ губернаторомъ преступленіи, подписку, подтвержденную присягой. Преступленія были раскрыты еще и другія (ихъ оказалось 34 важныхъ и 12 неважныхъ). Лопухинъ преданъ суду и обвиненъ во всемъ. Тѣмъ не менѣе Державинъ обвинилъ В. Н. Каразина въ «инквизиціонныхъ средствахъ, безславящихъ кроткое царствованіе Государя». Такъ рѣшилъ Державинъ, но интересно знать, какъ можно было К—ну поступить иначе. Гласно Гончаровъ едва-ли бы рискнулъ подать жалобу на Лопухина (предложеніе о томъ Державина имѣло слѣдствіемъ апоплексическій ударъ и безъ того уже напуганнаго Гончарова); вещественныхъ доказательствъ тоже не было, и предупрежденный о слѣдствіи Лопухинъ сумѣлъ бы схоронить концы въ воду и отомстить доносчику.

Этотъ случай и еще нѣсколько другихъ ему подобныхъ, порученныхъ Василію Назаровичу и имъ обнаруженныхъ [1]), нисколько не унижаютъ по моему мнѣнію личности Каразина, какъ дѣйствовавшаго не въ личныхъ, а въ общественныхъ интересахъ. Странно было бы объявить о своемъ намѣреніи — раскрыть преступленія и быть одураченнымъ завѣдомымъ преступникомъ. Не понимаемъ и того, что плохого видѣлъ Державинъ въ сообщеніи Государю свѣдѣній о противозаконныхъ дѣйствіяхъ начальствующихъ лицъ, назвавъ эти сообщенія «доносами». Мы бы объяснили такую непріязнь не какимъ-либо существенно важнымъ недостаткомъ Каразина, а просто Державинъ, безпрестанно жалуясь на враговъ своихъ, соперниковъ по службѣ, не могъ не задѣть мимоходомъ новаго любимца фортуны, отодвинувшаго нѣсколько на задній планъ старыхъ вельможъ.

Василій Назаровичъ Каразинъ не переставалъ развивать идею объ учрежденіи особаго Министерства Народнаго Просвѣщенія; на сколько близко онъ стоялъ къ этому дѣлу, служитъ

---

[1]) Въ запискахъ упоминается о вопіющихъ преступленіяхъ, братоубійствѣ, покрытомъ кучею денегъ. Между прочимъ губернатору было дано 100000 руб.

Записки Фил. Вас. Каразина «Украинск. Стар.» Г. П. Данилевскаго. Харьковъ 1866 стр. 123.

мнѣніе, что и самое названіе министерства принадлежитъ ему[1]). 8-го сент. 1802 г. было учреждено вмѣстѣ съ другими министерствами и желанное имъ Министерство Народнаго Просвѣщенія, первоначальный проектъ котораго, подвергшійся впослѣдствіи, по меньшей мѣрѣ, значительному измѣненію, былъ составленъ Каразинымъ. Самъ Василій Назаровичъ считалъ себя всецѣло виновникомъ учрежденія Министерства Народнаго Просвѣщенія: «Оффиціальнымъ доказательствомъ того, что я былъ *первоначальною* причиною не только Харьковскаго Университета, но и всего Департамента Народнаго Просвѣщенія, можетъ служить высочайшій указъ Правительствующему Сенату отъ 8-го сентября 1802 г., въ которомъ *я одинъ* (въ лицѣ правителя дѣлъ комиссіи объ училищахъ) именованъ на ряду съ членами и министрами, назначенными *въ тотъ-же день*. Воля Государя въ семъ случаѣ не могла быть безъ особливой причины—всего меньше по представленію тѣхъ лицъ, кои сами въ тотъ же день назначены, слѣдовательно не успѣли еще ни о чемъ докладывать—и я думаю, что это единственный примѣръ въ своемъ родѣ. Назначеніе дикреторовъ и правителей канцеляріи свойственно быть не иначе, какъ по докладу, подписанному завѣдующимъ министрами. Въ дѣлахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія есть еще одно отношеніе Михаила Никитьевича Муравьева отъ 12-го ноября 1802 г. за № 1924 къ министру, доказывающее то же. Прочее не выходило изъ комнаты Его Величества, слѣдовательно не можетъ быть предметомъ ссылки. Одинадцати бумагъ, пред-

---

[1]) Записки о В. Н. Каразинѣ Филадельфа Васильевича Каразина (Русс. Арх. 1894 г т. I стр. 566). А согласно показаніямъ Колбасина, біографа И И. Мартынова (преемника В. Н. Каразина въ Мин. Нар. Просв.), «новое вѣдомство названо министерствомъ народнаго просвѣщенія по предложенію Мартынова» (Сухомлиновъ «Матеріалы для систематич. образ. въ Россіи». «Журн. Минист. Народн. Просвѣщ. 1865 г. 128). Но еще въ 1878 г. вышелъ переводъ съ нѣмецкаго языка книги Е. Шмида, гдѣ цитируется споръ членовъ «Коммиссіи Училищъ», который совершенно исключаетъ возможность приписать теперешнее наименованіе министерства иниціативѣ Каразина или Мартынова: они даже не высказывали мнѣнія своего въ 14 засѣданіи коммиссіи (12 мая 1802 г.), въ которомъ прошелъ этотъ вопросъ. Къ тому же упомянутыя предположенія основаны только на личныхъ свидѣтельствахъ Ф. В. Каразина (Русск. Арх. 94 г. т. I стр. 566) и Мартынова (Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1865 г. т. 128. Сухомлиновъ, Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи, примѣч. 10). Не находимъ подтвержденія свидѣтельствамъ Ф. В. Каразина и Колбасина и въ оффиціальномъ изданіи „Историческій обзоръ дѣятельности Министерства Нар. Просвѣщенія" С. В. Рождественскаго. Спб. 1902, стр. 34—35.

ставленныхъ графу Виктору Павловичу (Кочубею) въ концѣ 1804 г. помнится и въ томъ числѣ одной рѣшительной по сему дѣлу, я не получалъ обратно, равно какъ и другихъ для меня и моего семейства довольно важныхъ, которыя взяты были тайно экспедиціеею въ несчастную ночь съ 26 ноября 1820 г. въ С.-Петербургѣ» [1]). Въ письмѣ 23-го мая 1842 г. къ Погодину В. Н. Каразинъ такъ говоритъ о роли своей въ созданіи Министерства Народнаго Просвѣщенія: «Кто знаетъ, что живущій нынѣ, хотя уже въ гробъ заглядывающій старикъ, далъ идею и выполнилъ ее на полустопѣ бумаги своею рукою объ отдѣльномъ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, которое нигдѣ въ Европѣ не существовало [2]).

Цитированныя показанія В. Н. Каразина нуждаются и въ освѣщеніи со стороны. Дѣло въ томъ, что ни показанія изслѣдователей исторіи образованія въ Россіи (Е. Шмидъ, Сухомлиновъ, Рождественскій), ни документальныя данныя не подтверждаютъ того, что В. Н. Каразинъ первый или одинъ далъ идею отдѣльнаго Министерства Народнаго Просвѣщенія и своими трудами положилъ дѣйствительное существованіе его. Уже въ годъ воцаренія императора Александра I (23 дек. 1801 г.) Неоффиціальный комитетъ, состоявшій изъ друзей государя (кн. Чарторыйскаго, гр. Строганова, гр. А. Воронцова, Новосильцова и немногихъ другихъ), занимался обсужденіемъ постановки образованія въ Россіи и разсматривалъ по этому предмету записку Лагарпа [3]). Комитетъ не оставлялъ занятій по учебному дѣлу и въ слѣдующемъ году; есть указаніе, что еще 12 мая 1802 г. происходило обсужденіе проектовъ гр. Воронцова и Строганова по учрежденію отдѣльнаго вѣдомства Народнаго Просвѣщенія и окончательное опредѣленіе названія учрежденія, которое послѣ нѣкотораго спора, въ коемъ не упоминается имени В. Н. Каразина, положено было назвать Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія [4]).— То обстоятельство, что В. Н. Каразинъ составилъ одинъ изъ проектовъ Министерства, какъ мы увидимъ, очень вѣроятно; сынъ его Фил. В. Каразинъ свидѣтельствовалъ, напр., о томъ, что у

---

[1]) Письмо къ А. А. Долгорукому отъ 8 іюля 1829 г. «Русск. Стар.» 1903 г. апр. стр. 10—11.

[2]) Москвитянинъ за 1843 г. часть I, № 2, стр. 628.

[3]) С. В. Рождественскій. «Историческій обзоръ дѣятельности Мин. Н. Пр.» 1902, стр. 32—33. См. также Е. Шмидъ. „Ист. ср. уч. зав. въ Россіи“ Спб. 1878, стр. 9.

[4]) Рождественскій, стр. 34—35.

него сохранились черновыя бумаги этого проекта, писанныя рукою его отца [1]).

Въ манифестѣ объ учрежденіи министерствъ было сказано, что «Министръ Народнаго Просвѣщенія, воспитанія юношества и распространенія наукъ имѣетъ въ непосредственномъ вѣдѣніи своемъ Главное Училищное Правленіе со всѣми принадлежащими ему частями, Академію Наукъ, Россійскую Академію, Университеты и всѣ другія училища, кромѣ учрежденій Императрицы Маріи Θеодоровны и спеціальныхъ, каковы, напр., военныя» [2]). Дѣятельность Министерства Нар. Пр. началась исполненіемъ порученія, возложеннаго на Комиссію Училищъ, которая была возобновлена (подъ именемъ Главнаго Правленія училищъ) въ день учрежденія министерствъ. Комиссія Училищъ существовала съ 1782 г., но во времена Павла Петровича совершенно бездѣйствовала [3]). Личный составъ комиссіи былъ увеличенъ; въ него вошли нѣсколько вліятельныхъ вельможъ, знавшихъ Каразина и сочувствовавшихъ его идеямъ. Правителемъ дѣлъ былъ назначенъ Вас. Наз. Главнымъ назначеніемъ комиссіи было учрежденіе университетовъ, какъ центральныхъ и высшихъ учебныхъ заведеній въ учебномъ округѣ. Кромѣ того, комиссія должна была выработать общій планъ устройства учебной части въ Россіи [4]). «Члены сей комиссіи, гласитъ указъ, раздѣляютъ между собою вѣдѣніе всѣхъ состоящихъ въ имперіи верхнихъ и нижнихъ училищъ по полосамъ или провинціямъ. Главною цѣлію, которую должны имѣть члены тѣхъ отдѣленій, гдѣ еще нѣтъ университетовъ, есть учрежденіе оныхъ». Надо замѣтить, что въ то время былъ одинъ

---

[1]) „Записки о жизни отца“ Русск. Архивъ 1894, т. I, стр. 566.

[2]) „Сборн. постановленій по Мин. Народ. Просв.“ т. I, стр. 4, § VII. Спб. 1864 г.

[3]) Шмидъ. „Ист. ср. уч. зав.“ Здѣсь показаны и статистическія даты.

[4]) «Въ Коммиссіи объ училищахъ, говорится въ указѣ отъ 8 сент. 1802 г., состоящей подъ управленіемъ Министра Народнаго Просвѣщенія, повелѣваемъ присутствовать: тайнымъ совѣтникамъ князю Адаму Чарторыжскому, графу Северину Потоцкому; генералъ маіоромъ Клингеру и Хитрово, академикамъ статскимъ совѣтникамъ Озерецковскому и Фуссу“ (кромѣ того въ комиссіи училищъ работали Муравьевъ и Янковичъ де Миріево); „правителемъ же дѣлъ назначаемъ коллежскаго совѣтника Каразина“. Въ копіи формулярнаго списка 1830 г. значится: 2 сентября 1802 г. при обрвизованіи Министерства Народнаго Просвѣщенія Высочайше опредѣленъ Правителемъ дѣлъ главнаго правленія училищъ».

русскій университетъ въ Москвѣ. «Комиссія не оставитъ сочинить полный планъ, въ коемъ объяснятся тѣ правила, на которыхъ должны быть основаны сношенія и зависимость окружныхъ училищъ отъ центральныхъ университетовъ, а сихъ послѣднихъ отъ членовъ комиссіи» [1]).

Каковы же были занятія В. Н. Каразина въ званіи правителя дѣлъ комиссіи училищъ, велико ли было его значеніе и участіе въ составленныхъ этой комиссіей проектахъ? Къ сожалѣнію матеріалы о дѣятельности В. Н. Каразина за это время очень скудны, а литература по исторіи образованія въ періодъ начала 800-тыхъ годовъ едва-едва касается дѣятельности Вас. Н—ча. Вотъ выводы, какіе можно сдѣлать изъ имѣющейся у насъ подъ руками литературы. Плодомъ занятій комиссіи объ училищахъ явились «предварительныя правила для народнаго просвѣщенія», которыя были учреждены 24 янв. 1803 года. Это, какъ видно [2]), очень серьезный и большой трудъ и мнѣнія изслѣдователей расходятся во взглядахъ на участіе В. Н. Каразина въ его составленіи. «Для того, чтобы дать университетамъ окончательное устройство въ связи со всѣми учебными заведеніями, пишетъ Сухомлиновъ, приступлено къ разсмотрѣнію общаго плана народнаго воспитанія, *который составленъ подъ руководствомъ комиссіи правителемъ дѣлъ ея В. Н. Каразинымъ*» [3]). 4 октября комиссія училищъ поручила дѣло Каразину, который въ недѣлю справился съ заданной ему задачей [4]). Предначертаніе устава объ общественномъ воспитаніи было уже читано въ V засѣданіи (11 окт. 1802 г.) комиссіи [5]) и утверждено 24 января 1803 г. подъ именемъ Предварительныхъ правилъ Народнаго Просвѣщенія, говоритъ Е. Шмидъ [6]). Если это заключеніе вѣрно, то все-

---

[1]) Сборн. постановл. по М. Н. Пр. т. I, § 2, 1802 г. стр. 4—5 (№ 20, 407). Спб. 1864.

[2]) Рождественскій. „Ист. обз. Мин. Нар. Пр.“ Спб. 1902, стр. 43—44.

[3]) Сухомлиновъ. „Матеріалы для ист. образ. въ Россіи“ т. I, стр. 59—60.

[4]) Рождественскій. „Ист. обз. д. М. Н. Пр.“, стр. 49. Анастасевичъ свидѣтельствуетъ: Занятія мои съ В. Н. особенно состояли въ начертаніи „Предварительныхъ правилъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ „Чтенія въ Общ. Ист. и Др.“ 1861, кн. III, Смѣсь, стр. 192.

[5]) Тамъ же.

[6]) „Исторія ср. уч. зав. въ Россіи“ Спб., 1878 г. стр. 18—19.

таки требуетъ нѣкотораго дополненія, именно: «Предварительныя правила» представляютъ пересмотрѣнное и дополненное членами комиссіи «Предначертаніе устава объ общественномъ воспитаніи» [1]).

Другой работой В. Н. Каразина, самостоятельной, хотя и входившей въ составъ выше названной, было составленіе первоначальнаго университетскаго устава. «Члены главнаго правленія училищъ признали нужнымъ составить проэктъ общаго устава университетовъ, который не могъ служить образцомъ для частныхъ, и положили: взявъ за основаніе предначертаніе *университетскаго устава, составленнаго Каразинымъ*, главу объ учебной части поручить Фуссу, главу о внутреннемъ управленіи университета—Озерецковскому, главу объ управленіи училищъ—Янковичу-де-Миріево, а главу о хозяйственной части предоставить попечителю Дерптскаго округа» [2]).

На основаніи указаній Сухомлинова, Н. А. Лавровскій приписалъ В. Н. Каразину основныя мысли какъ въ «предначертаніи университетскаго устава», такъ и въ «предначертаніи устава объ общественномъ воспитаніи», ибо *началомъ* его служилъ университетскій уставъ. [3]) Е. Шмидъ замѣтилъ на такое заключеніе, что «такъ какъ правителемъ дѣлъ В. Н. Каразинымъ все было изготовлено въ слѣдствіе и по содержанію приказаній ея» («т. е. комиссіи или главнаго правленія училищъ»), то ему принадлежитъ только редакція, а не основныя идеи, какъ полагаетъ Н. Лавровскій. [4]) Самое значительное вліяніе при этомъ имѣли два проекта; одинъ внесенный Фуссомъ, а другой, позднѣе, Чарторыйскимъ». Итакъ Е. Шмидъ умаляетъ, почти уничтожаетъ значеніе В. Н. Каразина въ дѣлѣ созданія «Предварительныхъ правилъ народнаго просвѣ-

---

[1]) Сухомлиновъ. „Матеріалы" I, 60. Подтвержденіе этого мнѣнія находимъ у С. В. Рождественскаго: „Предварительныя правила нар. просвѣщенія" представляютъ уже *общій планъ* (*выработанный* лишь къ началу 1803 г.) учебной системы Выс. утвержденной 24 янв. 1803 г. („Ист. обз." стр. 50). Самъ В. Н. Каразинъ въ одномъ письмѣ къ Государю въ концѣ 1803 г., говоря объ участи составленныхъ имъ „правилъ народнаго просвѣщенія", продолжаетъ..: *„я могъ сберечь только тѣнь нѣкоторыхъ изъ нихъ (правилъ) и то, конечно, самыхъ маловажнѣйшихъ"*. Русская старина за 1875 г., т. XIV, стр. 476.

[2]) Сухомлиновъ. „Матеріалы", I, 60.

[3]) Журн. Мин. Нар. Просвѣщ., ч. CLIX, 1872 г., стр. 59.

[4]) „Ист. ср. уч. зав. въ Россіи" Спб. 1878.

щенія». [1]) При недостаткѣ матеріаловъ мы, конечно, не можемъ установить точныхъ взглядовъ на разбираемый вопросъ объ участіи В. Н-ча въ составленіи проектовъ по организаціи народнаго просвѣщенія, но позволимъ себѣ высказать предположеніе: что, во-первыхъ, согласно *ясному* изслѣдованію документовъ Рождественскимъ и Сухомлиновымъ, *первоначальное* «Предначертаніе университетскаго устава», равно какъ и первоначальныя «Предварительныя правила», подъ названіемъ «Предначертаніе устава объ общественномъ воспитаніи», составлены Каразинымъ; во-вторыхъ, какъ бы ни энергична была работа комиссіи объ училищахъ, она не была бы въ состояніи приготовить и даже руководить составленіемъ обширнѣйшаго проекта организаціи народнаго просвѣщенія (по указанію В. Н. Каразина, написаннаго имъ *на полустопъ бумаги*) въ теченіе *одной недѣли*, отъ 4 до 11 октября того же 1802 г., когда было уже читано «Предначертаніе устава о общественномъ воспитаніи». Слѣдовательно, этотъ проектъ былъ изготовленъ уже раньше, по крайней мѣрѣ, въ большей своей части, а въ доказательство того, что эта предварительная работа могла принадлежать Каразину, ссылаемся на цитированное выше письмо къ кн. А. А. Долгорукому въ 1829 г.; изъ него можно видѣть, что если на ряду съ генералами, князьями, академиками, которымъ до указа 8 сент. 1802 г. поручались работы по реорганизаціи учебнаго дѣла въ Россіи, былъ назначенъ *коллежскій совѣтникъ Каразинъ*, такъ настойчиво обращавшій на образованіе народное вниманіе государя, то такое назначеніе, вѣроятно, имѣло какія нибудь основанія, вродѣ предварительныхъ работъ его по организаціи народнаго просвѣщенія. — Другой вопросъ, насколько труды Каразина сохранились въ отдѣльныхъ и утвержденныхъ проектахъ: мы уже высказывались въ пользу того мнѣнія, что вліяніе его было не велико,—въ томъ сознавался и самъ В. Н. Но очень интересно знать, какую же «тѣнь» своего проекта В. Н. Каразинъ сберегъ въ «Предварительныхъ правилахъ»? Не лежитъ-ли эта тѣнь въ основномъ положеніи «Предварительныхъ правилъ»: «училища опредѣляются для нравственнаго образованія гражданъ соотвѣтственно обязанностямъ и пользамъ каждаго состоянія». [2]) Въ «Предначертаніи Харьковскаго Университета», составленномъ В. Н. Каразинымъ, и проектиру-

---

[1]) Надо замѣтить, что этотъ ученый, вообще говоря, умалчиваетъ о *какой бы то ни было дѣятельности* В. Н. Каразина въ дѣлѣ организаціи учебнаго дѣла въ Россіи (стр. 10 его сочиненія).

[2]) Сухомлиновъ, „Мат.“ I, 60.

емомъ соотвѣтственно его убѣжденіямъ, тоже предлагались отдѣленія для разныхъ состояній — сословій общества. Здѣсь были отдѣленія ученыя, ремеслъ и рукодѣлій, агрономическое. Какъ увидимъ, идею объ образованіи всѣхъ состояній — сословій общества В. Н. проводилъ и въ глубокой старости.

Съ 24 января 1803 года В. Н. числился правителемъ дѣлъ Главнаго Правленія Училищъ. «Занятія мои съ Василіемъ Назаровичемъ, пишетъ Анастасевичъ, состояли въ нѣкоторыхъ проектахъ для образованія Харьковскаго Университета и, въ особенности, по канцеляріи князя Чарторыжскаго, также въ приготовленіи диплома и общихъ уставовъ для преобразованія Виленскаго Университета и его округа, по прежнимъ уставамъ бывшей училищной (эдукаціонной) комиссіи, существовавшей въ послѣдніе годы (до 1794 г.) прежняго Польскаго Правительства съ примѣненіемъ ихъ къ настоящему времени; а когда образовалась часть Виленскаго Округа, то мои служебныя сношенія съ Василіемъ Назаровичемъ продолжались, какъ съ правителемъ дѣлъ главнаго правленія училищъ и по случаю *основаннаго имъ* изданія отъ того же Правленія «Ежемѣсячное сочиненіе объ успѣхахъ Народнаго просвѣщенія»... Какъ видимъ, Анастасевичъ свидѣтельствуетъ еще о двухъ работахъ Каразина. О первой скажемъ немного ниже, а послѣднему свидѣтельству нельзя еще довѣрять безусловно, такъ какъ есть разногласіе. С. В. Рождественскій указываетъ, что «Періодическое сочиненіе объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія» предпринято было по плану Озерецковскаго, назначеннаго редакторомъ этого изданія. [1])

Указомъ 24 января 1803 г., утверждавшимъ «Предварительныя правила», Россія была подѣлена на 6 учебныхъ округовъ. Князь А. Чарторыжскій былъ назначенъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа. Чарторыжскій составилъ, между прочимъ, на французскомъ языкѣ, общій планъ училищъ подъ названіемъ «Началъ для образованія народнаго воспитанія въ Россійской имперіи». Проектомъ этимъ впослѣдствіи онъ пользовался при организаціи своего Виленскаго округа. [2]) Какъ видимъ изъ записокъ Анастасевича, В. Н. Каразинъ также участвовалъ въ этой работѣ, и Н. А. Лавровскій полагалъ, что «при непосредственномъ участіи В. Н. Каразина составленъ общій планъ училищъ Чарторыжскаго подъ названіемъ «Начала народнаго образованія въ Россійской Имперіи» (доложенный Комиссіи училищъ 4 окт.

---

[1]) „Историч. обз. дѣятельн. Мин. Нар. Просв.“ Спб., 1902, стр. 45.

[2]) Сухомлиновъ. „Матеріалы“, I, 60.

1802 г.), такъ какъ и «предварительныя правила» и планъ Чарторыжскаго заключаютъ въ себѣ одно и тоже распредѣленіе училищъ имперіи» [1]).

Можно указать еще на одну работу В. Н. Каразина, имъ, можетъ быть, совершенную, но неиспользованную. 8 августа Главное Правленіе постановило «приступить къ сочиненію проекта такого наказа, въ коемъ бы предписаны были подробнымъ и опредѣленнымъ образомъ должности вообще Главнаго Училищъ Правленія, и въ особенности попечителей и ихъ сочленовъ». Сочиненіе проекта поручили Каразину. Но чѣмъ кончилось это дѣло, изъ журналовъ Главнаго Правленія не видно. [2])

Н. Тихій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) „Воспоминанія о В. Н. Каразинѣ“ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1873 г. февраль, стр. 298.

[2]) Рождественскій. „Ист. обз. М. Н. Пр.“, стр 54—55.

Замѣтки къ исторіи Кіевской козаччины 1855 г.[1]

1. Священникъ Михаилъ Вышинскій.

Личность священника Кіевской епархіи Михаила Авксентіевича Вышинскаго имѣетъ выдающееся значеніе въ исторіи Кіевской козаччины 1855 г. Съ него, такъ сказать, начинается эта исторія, то-есть, онъ былъ поводомъ къ этой исторіи, корни которой глубоко таились въ тогдашнемъ народномъ быту. Крѣпостное право лежало тяжелымъ гнетомъ на массѣ украинскаго народа, еще хорошо помнившаго времена своей свободы... Безпросвѣтная тьма обняла народъ и, казалось, ниоткуда не могъ блеснуть ни одинъ лучъ надежды на избавленіе его отъ чисто египетскаго рабства... Но вотъ—съ началомъ Крымской войны—въ церквахъ изъ устъ священниковъ стали раздаваться торжественныя слова царскихъ манифестовъ, въ которыхъ русскій царь обращался непосредственно ко всѣмъ своимъ вѣрнымъ подданнымъ и, излагая предъ ними бѣдственныя обстоятельства, постигшія Россію, взывалъ ко всѣмъ о необходимости защищать Отечество... Въ народѣ, до сихъ поръ скованномъ и нѣмотствующемъ, началось постепенно патріотическое движеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ блеснулъ лучъ надежды, побуждавшій воспользоваться этимъ моментомъ, чтобы легально освободиться отъ невыносимаго рабства—панщины.—Первый царскій манифестъ императора Николая Павловича отъ 8-го февраля 1854 г., въ которомъ, послѣ

---

[1]) Замѣтки эти могутъ служить дополненіемъ къ «Запискамъ прот. П. Г. Лебединцева» о томъ-же предметѣ. «Записки» эти, сообщенныя намъ свящ. І. Гордіевскимъ, напечат. были въ «Кіев. Стар.» 1900 г. № 7—8. *Ред.*

объявленія о томъ, что на помощь воевавшей съ Россіею Турціи вызвались Англія и Франція, высказывается царская надежда, что русскій народъ покажетъ и теперь тѣ же доблести, какія онъ обнаружилъ въ памятный еще многимъ 1812-й годъ... Образчикъ того, что происходило въ это время среди народа, по прочтеніи указаннаго манифеста, какія мысли и чувства стали оживлять украинскій народъ, можно видѣть изъ тѣхъ фактовъ, которые имѣли мѣсто въ селѣ Чѐркасѣ, васильковскаго уѣзда кіевской губерніи, и которые описаны были священникомъ этого села Михаиломъ Вышинскимъ—въ статьѣ, помѣщенной въ «Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ». Вотъ эта небольшая статья, получившая впослѣдствіи значеніе историческое.

«Потапъ Гарасыменко».

«Получивши Высочайшій манифестъ о войнѣ Россіи съ Турціею и ея союзниками Англіею и Франціею,—въ слѣдующій воскресный день, согласно съ волею монаршею, по совершеніи литургіи въ Поправской кладбищенской церкви [1]) и передъ начатіемъ молебна о побѣдѣ надъ врагами, я прочиталъ таковый своимъ прихожанамъ—жителямъ деревни Поправки. По выходѣ изъ церкви, меня окружило нѣсколько десятковъ поправскихъ прихожанъ, и впереди ихъ широкоплечій, высокій, длинноусый, отличающійся отъ прочихъ особенною смѣтливостію и бойкостію рѣчи—крестьянинъ, житель поправскій—Потапъ Гарасименко. Принявши благословеніе, Гарасыменко вѣжливо просилъ меня объяснить ему и прочимъ прихожанамъ прочтенный въ церкви манифестъ. Не могъ я не удовлетворить просьбы и любопытства добрыхъ прихожанъ своихъ, а потому и разсказалъ имъ, въ чемъ состоитъ сущность прочитаннаго Высочайшаго манифеста. Но, вопреки понятію и чаянію, умъ и сердце мое вдругъ поражены были отраднымъ удивленіемъ. Гарасыменко, выслушавши изъ-

[1]) Пóправка—деревня, составляющая присёлокъ къ приходу села Чѐркаса.

ясненный мною Высочайшій манифестъ, покачалъ головою, глубоко вздохнулъ и съ гнѣвомъ промолвилъ: «Горе, горе наше!! Трохъ нехрыстивъ-поганьцивъ хотять завладиты нашою кровавыцею, хотять переломать нашу святу виру хрыстыяньську и глумытыся надъ нашымы жонамы и дитьмы!.. О, ни!.. Цёго не буде!.. Мынуло те время, що Орда набигала, та народъ христыяньскій по лисамъ, очеретамъ. и болотамъ розганяла, та безъ пощады погубляла. Теперь Господь за намы та крипка рука Мылого Батька нашого—Царя Руського. Нехай тильки, якъ потрибно буде, мудрый Царь нашъ скаже та позволять намъ систы на кони— и мы напомнымъ нечыстій сыли Турецькій Гетьманщину. Бо выдно, що вже прокляти Бусурмены позабувалы, якъ наши прадиды туркивъ на баранивъ мипялы»!—Вслѣдъ за симъ, одушевленные чувствомъ патріотизма со слезами на глазахъ вмѣстѣ съ Гарасыменкомъ, нѣсколько десятковъ мущинъ изъ крестьянъ единогласно проговорили: «Пышы́, отче духовный, до кого слидуе, що мы вси окримъ старого та малого, готовы йты на войну за виру хрыстыяньску, за честь цареву и за родыну; и грудьмы станемо противъ врага, а не позволымъ, щобъ нога поганого топтала святую землю руськую».

«Васильковскаго уѣзда, села Черкаса священникъ Михаилъ Вышинскій» [1]).

Конечно, статейка эта сдѣлалась извѣстною въ приходѣ села Черкаса—отъ самаго же ея автора, получавшаго «Кіевскія Губернскія Вѣдомости» и съ удовольствіемъ увидѣвшаго свой трудъ въ печати.—Между тѣмъ знаменательныя событія Крымской войны продолжали идти своимъ чередомъ. 14 декабря 1854 г. послѣдовалъ новый манифестъ императора Николая I, гдѣ уже болѣе опредѣленно высказалось обращеніе царя къ народу о защитѣ отечества. «Россіяне,—взывалъ царь къ народу русскому,—вѣрные сыны наши! Вы привыкли не щадить ничего, когда Провидѣніе призываетъ васъ къ великому и святому дѣлу, ни достоянія, мно-

---

[1]) См. «Кіевскія Губернскія Вѣдомости» 1854 г. № 42-й. Суббота, октября 16-го дня.

голѣтними трудами пріобрѣтеннаго, ни жизни и крови вашей и чадъ вашихъ... Буде нужно, мы всѣ, царь и подданные, повторяя слова императора Александра, произнесенныя имъ въ подобную нынѣшней годину искушенія, съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ станемъ передъ рядами враговъ, на защиту драгоцѣннѣйшаго въ мірѣ блага: безопасности и чести отечества» [1]).—Наконецъ, насталъ роковой 1855-й годъ—и 29-го января появился новый манифестъ Императора Николая I—государственномъ ополченіи. «Обращаемся,—говорилъ государь,—съ симъ новымъ воззваніемъ ко всѣмъ сословіямъ государства, повелѣвая: приступить къ всеобщему государственному ополченію... Не разъ уже предстояли Россіи и постигали ее тягостныя, иногда жестокія испытанія. Но ее спасали всегда смиренная вѣра въ провидѣніе и тѣсная, ничѣмъ незыблемая связь царя съ подданными, усердными дѣтьми его... Да будетъ такъ и нынѣ» [2])! Этотъ манифестъ, конечно, произвелъ въ народѣ еще болѣе сильное впечатлѣніе и породилъ среди него разные толки... Такъ какъ что у кого болитъ, тотъ о томъ думаетъ и говоритъ,—то естественно, что среди народа появилась мысль о томъ, что нужно и ему откликнуться на царскій призывъ, за что и получится имъ послѣ награда въ видѣ освобожденія отъ панщины... Уже и раньше, какъ мы видѣли,—народъ въ с. Черкасѣ, обращаясь къ священнику, говорилъ: «Пиши, отецъ, до кого слѣдуетъ, что мы всѣ готовы»! А когда услышали, что священникъ написалъ о нихъ и даже напечаталъ, —то въ простотѣ сердца и усвоили себѣ мысль, что пипъ позапысувавъ ихъ въ козаки—т. е. въ воинскую службу. «Козакъ», «козаччина»—это та форма, въ которой народъ украинскій споконъ вѣка привыкъ олицетворять свободу и независимость, но вмѣстѣ съ тѣмъ и службу на пользу родной земли... Толки о козаччинѣ—изъ села Черкаса, конечно, шли и въ другія окрестныя села, дальше и дальше, и съ теченіемъ времени

[1]) См. Н. Барсукова: «Жизнь и труды М. П. Погодина»—книга 13-я—стран. 197-я.

[2]) Ibidem—стран. 378-я.

путемъ развитія и наслоеній возвращались обратно уже въ преображенномъ и увеличенномъ видѣ—сообразно съ насущными народными чаяніями... Теперь, съ появленіемъ манифеста о государственномъ ополченіи, мысль народа получила для себя толчокъ для болѣе рѣшительнаго образа дѣйствованія и выработала для себя такую формулу: «кто запишется въ козаки, т. е. въ ополченіе, тотъ чрезъ это получитъ свободу отъ ненавистной панщины». Манифестъ объ ополченіи въ народномъ представленіи, такимъ образомъ, получилъ значеніе уже прямой царской призывной грамоты къ свободѣ, царскаго призывнаго указа о свободѣ—подъ условіемъ готовности и обязательства защищать отечество... Нуженъ былъ еще одинъ моментъ въ работѣ народной мысли, еще одинъ толчокъ со стороны внѣшнихъ совершающихся событій, чтобы народъ пришелъ уже къ опредѣленному рѣшенію дѣйствовать на основаніи убѣжденія въ непререкаемой истинѣ извѣстнаго совершившагося факта... Такой толчокъ явился... Умираетъ императоръ Николай Павловичъ—и 18 февраля 1855 г. появляется манифестъ о восшествіи на престолъ императора Александра II, призывающій къ присягѣ новому царю... Всѣ свободныя сословія стали исполнять обязанность присяги, въ томъ числѣ и евреи; только по отношенію къ однимъ крѣпостнымъ крестьянамъ послѣдовало запрещеніе приводить ихъ къ присягѣ новому царю своему, отъ котораго только они и могли ждать себѣ лучшей участи... Это было сигналомъ къ началу со стороны крестьянъ рѣшительнаго образа дѣйствій... Появилось опасеніе, что недопущеніе къ присягѣ есть знакъ еще болѣе сильнаго закрѣпощенія народа на будущее время... Съ быстротою молніи разносится по селамъ кіевской губерніи слухъ, что царскій указъ набирать въ козаки давно есть, что онъ хранится въ церквахъ у священниковъ, что нужно непремѣнно записываться въ козаки къ извѣстному сроку (именно весною 1855 года), и что кто не запишется къ этому сроку, тотъ лишится навсегда столь желаннаго права на свободу отъ панщины... Среди народа началось сильнѣйшее броженіе... Спѣшили во чтобы то ни стало поскорѣе записаться въ козаки. Цѣлыми массами на-

родъ по селамъ сталъ обращаться къ своимъ приходскимъ священникамъ дать имъ царскій указъ о волѣ, открыть имъ ихъ добро,—и при этомъ настоятельно, неотступно требовали записывать ихъ въ козаки. Священники, конечно, стали отрицать существованіе такого указа и отказывать въ записи желающихъ въ козаки... Началось, естественно, враждебное отношеніе народа къ священникамъ... Послѣдніе заподозрѣвались въ измѣнѣ своему народу и въ стачкѣ съ панами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, болѣе рьяныя и смѣлыя сельскія громады стали употреблять насилія надъ священниками, чтобы вынудить у нихъ обнародованіе скрываемаго царскаго указа... Началась смута... Волненіе въ особенности обняло таращанскій, васильковскій и каневскій уѣзды... Вотъ такая смута произошла и въ селѣ Че́ркасѣ, гдѣ въ прошломъ 1854 г. былъ положенъ и зародышъ ея. Этотъ зародышъ отмѣченъ историкомъ юго-западнаго края, извѣстнымъ профессоромъ Кіевскаго университета и основателемъ газеты «Кіевлянинъ», Виталіемъ Шульгинымъ—въ его книгѣ: «Юго-Западный край за послѣднія 25 лѣтъ (1838—1863 гг.)». Вотъ что здѣсь сказано въ отдѣлѣ книги: «Крестьянскія волненія въ кіевской губерніи»: «Два знаменательные акта подали поводъ къ этимъ волненіямъ: манифестъ 29 января о государственномъ ополченіи и 19-го февраля о присягѣ новому императору... Зародышъ смуты произошелъ въ февралѣ мѣсяцѣ, на масляной, въ селѣ Че́ркасѣ, таращанскаго уѣзда [1]), гдѣ священникъ, по прочтеніи манифеста, принявъ за обыкновенное чисто-патріотическое движеніе готовность крестьянъ идти, по первому призыву царя, въ козаки: написалъ объ этомъ статью въ мѣстныхъ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ». Слухъ объ этой статьѣ дошелъ до крестьянъ въ искаженномъ видѣ, какъ извѣстіе, что священникъ записалъ ихъ всѣхъ въ козаки. Сначала идея о томъ, что «пипъ безъ спросу запысавъ усихъ въ козакы», какъ будто поразила крестьянъ села Че́ркаса, но потомъ пришлось имъ очень по душѣ, и на страстной недѣлѣ, едва живой, въ изорванной рубашкѣ, бѣжалъ отъ нихъ этотъ

---

[1]) Не таращанскаго, а васильковскаго.

самый священникъ, истязуемый за то, что не хотѣлъ, уже по ихъ требованію, записывать ихъ въ козаки» [1]). Вотъ этотъ-то, не называемый г. В. Шульгинымъ по имени, священникъ села Черкаса, авторъ статейки, послужившей искрой для начавшагося пожара, и былъ Михаилъ Авксентіевичъ Вышинскій. Такъ какъ пребываніе его въ с. Черкасѣ, послѣ взаимныхъ недоразумѣній съ прихожанами, было неудобно, то епархіальное начальство перемѣстило его въ началѣ 1856 г. въ село Яцки, васильковскаго же уѣзда. Здѣсь онъ служилъ, получая отъ начальства разныя отличія и награды, до самой своей кончины, послѣдовавшей 1-го іюля 1902 г. Въ 17-мъ № «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» за 1902 г. появился маленькій некрологъ о. Михаила Вышинскаго въ отдѣлѣ подъ рубрикою: «Памяти новопреставленныхъ пастырей Кіевской епархіи», составляемомъ въ самой редакціи, на основаніи послужныхъ списковъ скончавшихся пастырей. Мы приведемъ этотъ некрологъ, какъ образчикъ печальнаго невѣдѣнія новой редакціи «Кіевскихъ Епарх. Вѣдомостей» о личностяхъ, имѣющихъ для Кіевской епархіи значеніе историческое. «1-го іюля,—такъ гласитъ этотъ некрологъ,—скончался одинъ изъ старѣйшихъ священнослужителей Кіевской епархіи, протоіерей с. Яцекъ, васильковскаго уѣзда, Михаилъ Авксентіевичъ Вышинскій. Сынъ священника, почившій, по окончаніи семинарскаго курса въ 1849 г.,—6-го августа того же года былъ рукоположенъ къ церкви Яшвотова (sic!) таращанскаго уѣзда, а 11-го апрѣля 1850 г. былъ перемѣщенъ по прошенію, въ г. Черкасы къ Михайловской церкви, откуда 11 февраля 1856 г., по случаю волненія крестьянъ, указомъ св. Синода былъ перемѣщенъ въ с. Яцки васильковскаго уѣзда, къ Николаевской церкви, гдѣ за отличное исполненіе пастырскихъ обязанностей митр. Арсеніемъ 10 марта 1863 г. былъ награжденъ набедренникомъ.

---

[1]) Смотр. стран. 140-ю. Эпизодъ въ с. Черкасѣ изложенъ вообще въ книгѣ Шульгина не совсѣмъ точно. Статейка о. Михаила Вышинскаго видимо пріурочивается имъ къ веснѣ 1855-го года, тогда какъ она появилась въ печати еще въ октябрѣ 1854 года...

Почившій имѣлъ кромѣ того награды: скуфью (1872), камилавку (1879 г.), наперсный крестъ (1888 г.), орденъ св. Владиміра 4-й степени (1900 г.), а также получалъ неоднократно изъявленія благодарности, благословеніе св. Синода и книгу «Библія», отъ св. Синода выдаваемую. Въ теченіе многихъ лѣтъ исполнялъ обязанности благочиннаго. Миръ душѣ почившаго»!—Въ этомъ некрологѣ названіе мѣстности, гдѣ первоначально служилъ о. М. А. Вышинскій, совершенно извращено. Никакого Яшвотова нигдѣ въ Кіевской епархіи нѣтъ. Это такъ перековеркано названіе м. Животóва, таращ. уѣзда, гдѣ священникомъ былъ еще раньше отецъ Михаила Вышинскаго—Авксентій Вышинскій—и гдѣ родился самъ о. Михаилъ. Скажутъ: это опечатка. Но скорѣе—не опечатка (ибо въ такомъ случаѣ она была бы исправлена въ позднѣйшемъ №, какъ это обыкновенно дѣлается), а такъ именно прочиталъ авторъ некролога тотъ письменный матеріалъ, который былъ у него подъ рукою и, незнакомый съ мѣстностями кіевской губерніи, допустилъ искаженіе написаннаго.—Затѣмъ дальше сказано, что о. Михаилъ Вышинскій былъ перемѣщенъ въ г. Черкасы—къ Михайловской церкви. Ничего подобнаго не было. Это опять выдумка автора некролога, которую психологически можно объяснить такъ: авторъ слышалъ, что есть въ Кіевской епархіи городъ Черкасы, а между тѣмъ въ бывшей у него подъ рукою рукописи онъ увидѣлъ не г. Черкасы, а с. Черкасъ, и почелъ это ошибкой и постарался ее исправить, не принимая во вниманіе того, что никакой Михайловской церкви въ г. Черкасахъ нѣтъ, а таковая Михайловская церковь есть именно въ с. Черкасѣ, васильк. уѣзда, куда и перемѣстился о. М. Вышинскій изъ м. Животова и откуда писалъ въ 1854 г. свою, сдѣлавшуюся исторической, статейку: «Потапъ Гарасыменко». Да и волненій крестьянъ въ г. Черкасахъ никакихъ не было... Печально, что такое отношеніе къ мѣстной исторіи допускается на страницахъ епархіальнаго органа, который долженъ быть руководителемъ мѣстнаго духовенства въ историческомъ изученіи епархіи, возбуждая въ немъ охоту къ этому важному дѣлу собственнымъ любовнымъ и тщательнымъ отношеніемъ къ нему. Печально и

то, что ни одинъ изъ обязательныхъ читателей «Кіевск. Епарх. Вѣдомостей» не подумалъ исправить допущенныя въ некрологѣ о. М. А. Вышинскаго ошибки; не сдѣлалъ этого даже никто изъ ближайшихъ родственниковъ почившаго отца протоіерея... Такое отсутствіе исторической чуткости въ современномъ поколѣніи кіевскаго духовенства и полное равнодушіе его ко всякимъ, даже грубымъ, ошибкамъ, появляющимся на страницахъ епархіальнаго органа,—очень, очень неутѣшительныя явленія...

---

2. Разсказы священника Северіана Павл. Вышинскаго.

Въ исторіи Кіевской козаччины 1855 г. важно установить связь села Черкаса, гдѣ первоначально возникла въ народѣ идея о козаччинѣ, съ селомъ Федюковкою, таращанскаго уѣзда, гдѣ идея эта возрасла и укрѣпилась и въ такомъ видѣ перешла обратно въ с. Черкасъ и въ другія мѣста кіевской губерніи. Въ то время, когда между народомъ стала циркулировать легенда о существованіи царскаго указа о козаччинѣ, хранящагося въ церквахъ и не открываемаго священниками по пріязни ихъ къ панамъ,—въ это время діаконъ села Федюковки, Слотвинскій, утвердилъ мысль о существованіи такого указа въ народномъ убѣжденіи; именно—онъ нашелъ какой-то старинный указъ о государственномъ ополченіи, хранившійся въ архивѣ Федюковской церкви, и сталъ выдавать его предъ народомъ именно за царскій указъ о козаччинѣ. Это, конечно, подлило масла въ огонь разгорѣвшейся народной смуты.—Эта связь с. Черкаса съ с. Федюковкою отмѣчена и въ упомянутой книгѣ В. Я. Шульгина. Именно—онъ говоритъ о діаконѣ Слотвинскомъ и о томъ, что онъ, нашедши въ церкви копію съ указа 1806 г. о государственной милиціи, сталъ выдавать его за царскій указъ о козаччинѣ и за плату читать его крестьянамъ села Федюковки; а эти послѣдніе, сойдясь съ крестьянами с. Черкаса на порубкѣ лѣса въ таращанскомъ уѣздѣ, съ великою радостію стали говорить имъ о драгоцѣнной находкѣ желаннаго царскаго указа (стран. 140—145).—Съ Федюковкою же

связанъ и другой очень важный фактъ въ исторіи Кіевской козаччины 1855 г. Была попытка со стороны поляковъ обратить начинавшееся народное движеніе въ свою пользу и подготовить въ средѣ украинскаго народа бунтъ противъ русскаго правительства. Эта попытка осуществилась въ поступкѣ студента Кіевскаго университета Іосифа Розенталя, происшедшемъ именно въ окрестности с. Федюковки... Она совсѣмъ не удалась и еще больше выставила на видъ совершенно иныя чувства и намѣренія украинскаго народа... Объ этомъ фактѣ также упоминаетъ въ своей книгѣ В. Я. Шульгинъ.—Вотъ объ этомъ-то діаконѣ Слотвинскомъ, а также о Розенталѣ и вообщѣ о Федюковскихъ дѣлахъ мы записали еще въ 1868 г. подробный разсказъ священника села Багвы, а затѣмъ села Хижны—уманскаго уѣзда, о. Северіана Павловича Вышинскаго, скончавшагося въ 1895 г. О. Северіанъ былъ самъ родомъ изъ с. Федюковки и былъ сынъ того самаго священника села Федюковки Павла Вышинскаго, который изъ-за крестьянскихъ волненій въ Федюковкѣ былъ переведенъ изъ этого села въ другое... Въ то же время о. Северіанъ былъ ближайшимъ родственникомъ священника села Черкаса о. Михаила Вышинскаго... По словамъ о. Северіана, онъ еще въ свои молодыя лѣта бывалъ въ м. Животовѣ у своего цяди священника Авксентія Вышинскаго. Этотъ о. Авксентій былъ типъ старосвѣтскаго батюшки... Онъ говорилъ и любилъ пѣть по-малорусски. У него было два сына: Михаилъ и Фавстъ [1]). Когда о. Авксентій

---

[1]) Фавстъ былъ женатъ на родной сестрѣ Евфима Михайловича Крыжановскаго, наставника Кіевской семинаріи и потомъ Кіевской академіи, извѣстнаго мѣстнаго Кіевскаго историка, друга братьевъ Лебединцевыхъ—Петра и Ѳеофана—и дѣятельнѣйшаго сотрудника ихъ въ «Кіевск. Епарх. Вѣдомостяхъ» и «Руководствѣ для Сельскихъ Пастырей», а потомъ нѣсколько и въ «Кіевской Старинѣ»... Собраніе его сочиненій, очень важное для исторіи южно-русской церкви,—издано при св. Синодѣ К. Л. Побѣдоносцевымъ—подъ редакціею професс. Ив. Игн. Малышевскаго.—Женившись на сестрѣ Е. М. Крыжановскаго,—Фавстъ Вышинскій занялъ священническое мѣсто въ селѣ Купіеватой, липовецкаго уѣзда, гдѣ прежде былъ отецъ Е. М.

бывалъ немножко навеселѣ, то, бывало, по словамъ о. Северіана, поетъ обыкновенно такую пѣсеньку при встрѣчѣ гостя вечеромъ:

Гей, Мыхалку,
Свиты скалку,
Щобъ намъ выдко було...
Нехай же я прыдывлюся,
Чи що людське воно...

Неудивительно поэтому, что о. Северіанъ Павл. Вышинскій былъ посвященъ во всѣ подробности тогдашнихъ историческихъ событій, имѣвшихъ мѣсто въ его родномъ селѣ Федюковкѣ, и потому разсказы его заслуживаютъ вниманія. Вотъ они:

а) «Движеніе въ с. Федюковкѣ.—Явился извѣстный манифестъ о государственномъ ополченіи. Стали по селамъ проходить ратники изъ Россіи... Ратники идутъ съ музыкой—гуляютъ-поютъ, а наши мужики—подъ панщиной!—«Ходимо и мы на помичъ цареви,—хиба и мы не таки люде».—Все такіе толки пошли по селамъ. Вотъ такъ точно—и въ с. Федюковкѣ. Въ постъ—передъ Великоднемъ—пришли мужики толпою къ священнику федюковскому Павлу Вышинскому (моему отцу), стали говорить ему, что они согласны итти въ козаки и настоятельно просили его позаписывать ихъ въ списокъ. Священникъ говоритъ: «Люде добри! Якъ прійде звистка видъ губернатора, тоди я васъ и позапысую». А мужики къ нему: «Ни,—проше—батюшка; але жъ якъ чоловикъ выйде на панщыну раньше, то панъ ёго за те похвалыть. Оттакъ и мы, батюшка, зробымъ,—то за це и насъ царь похвалыть».—«Ну—добре; то вже я васъ позапысую, та и подамъ до губернатора; тильки вы, люде добри, теперъ розійдитесь!»—«Добре, добре, батюшка!»—Отца моего мужики очень уважали,—онъ былъ человѣкъ уже старый... Вотъ

Крыжановскаго, въ которомъ родился Е. М. Крыжановскій и которое онъ такъ прекрасно описалъ въ «Кіевской Старинѣ» 1882 г.—въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Украинская деревня въ первой половинѣ 19 вѣка».

священникъ и позаписывалъ ихъ—и отослалъ списокъ губернатору. Вышла резолюція: «въ свое время, когда придетъ къ нимъ очередь,—то само начальство распорядится».—У моего отца были сыновья младшіе—учились въ Кіевѣ—въ духовныхъ школахъ. Ѣдучи изъ Федюковки въ Кіевъ, они заѣхали, по обыкновенію, въ с. Черкасъ къ нашему родственнику о. Михаилу Вышинскому. Ихній фурманъ (кучеръ), пріѣхавши въ с. Черкасъ, сталъ разсказывать: «вотъ уже у насъ въ Федюковкѣ въ козаки позаписывались».—Все бы это еще ничего: этимъ бы дѣло и кончилось, если бы не федюковскій діаконъ Слотвинскій—старикъ. Прежде онъ былъ діакономъ въ с. Рожкахъ, таращанскаго уѣзда, а еще раньше былъ дякóмъ въ с. Веселомъ Кутѣ, уманскаго уѣзда. Все позывался съ попами; съ священникомъ Ольшевскимъ—въ Рожкахъ—задирался, вслѣдствіе чего и переведенъ былъ въ с. Федюковку. Характера былъ вообще не спокойнаго. Вотъ онъ и выдралъ гдѣ-то въ церкви какой-то старый указъ Екатерины, началъ объяснять его по своему, сталъ ѣздить по ближайшимъ селамъ, наприм. въ с. Красиловку, и бралъ за запись въ козаки съ каждаго по 3 копѣйки... Красиловскіе мужики дали ему фуръ три-четыре всякой пашни и съ честію провожали его за свое добро (такъ они звали открытый Слотвинскимъ указъ) до корчмы Малёванки. Красиловскій становой приставъ уже зналъ обо всемъ этомъ и хотѣлъ схватить Слотвинскаго, но боялся; ибо Слотвинскаго сопровождало около 60-ти душъ мужиковъ съ дрючками... Пили въ корчмѣ горѣлку, гуляли.. Въ это время—немного въ сторонѣ—на полѣ—въ Саврановой левадѣ [1]), возлѣ Ку-

---

[1]) Савранова Левада или Савранова хуторъ имѣетъ историческое значеніе. Вотъ что сказано о немъ въ книгѣ Похилевича „Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ кіевской губерніи при описаніи села Федюковки: „Замѣчателенъ близъ села нынѣ существующій хуторъ, называемый Савранов—тѣмъ, что въ немъ въ 1762 г. имѣли притонъ тогдашніе инсургенты, называемые отъ поляковъ гайдамаками. На близъ проходящей дорогѣ отъ Ставищъ въ Лысянку и Звенигородку, они, по тогдашнему выраженію, охотились на волковъ и лисицъ и разумѣли подъ первымъ названіемъ ляховъ, а подъ вто-

ценковаго хутора, федюковскіе мужики-молотники въ числѣ 18 человѣкъ молотили панскую пшеню. Становой хотѣлъ воспользоваться ими, чтобы взять Слотвинскаго... Но молотники не послушались, отговариваясь тѣмъ, что мужики красиловскіе пьяны и въ большомъ количествѣ, а ихъ мало и они утомились—цѣлый день молотили. Можетъ быть, у нихъ была и другая, внутренняя, причина—сочувствіе! Какъ бы тамъ ни было, но станового они не послушались—и онъ уѣхалъ. Къ вечеру красиловскіе мужики препроводили Слотвинскаго въ Федюковку и, попрощавшись съ нимъ, отправились домой. Становой донесъ обо всемъ исправнику... По распоряженію послѣдняго, становой скоро пріѣхалъ въ Федюковку, чтобы взять Слотвинскаго. Но мужики федюковскіе стали было противиться становому. Мужики федюковскіе—все народъ рослый, красивый... Они говорили становому: «хиба мы—юды, або що, щобъ выдаваты такого чоловика?»—И началось межъ ними волненіе. Но священникъ, имѣя на нихъ вліяніе по своей старости и тихому нраву, уговорилъ ихъ не противиться распоряженіямъ начальства. «Не бунтуймося противъ начальства!», рѣшили они. Діаконъ Слотвинскій былъ взятъ и посаженъ въ таращанскій острогъ, гдѣ и содержался до рѣшенія его дѣла. А рѣшеніе это состояло въ томъ, что онъ сосланъ былъ въ Сибирь.—Между тѣмъ—и священника федюковскаго начальство духовное вытребовало въ Кіевъ... А въ это время началось слѣдствіе въ Федюковкѣ по дѣлу Слотвинскаго, которое производилъ какой-то полковникъ и съ нимъ еще какой-то... Въ отсутствіе священника, Федюковку посѣтилъ проѣздомъ викарій кіевскій—преосв. Аполлинарій, епископъ чигиринскій. Онъ сказалъ мужикамъ въ Федюковкѣ: «вы неблагоразумно поступили, что позаписывались въ козаки и за ваше неразуміе будетъ отвѣчать священникъ». Всѣ мужики сильно стояли за батюшку. Но такъ какъ подобные факты со священниками были и по другимъ се-

---

рымъ—жидовъ—этихъ давнихъ паразитовъ нашего края. По усмиреніи революціи, при помощи русскихъ войскъ,—12-ть изъ этихъ охотниковъ были казнены въ Саврановѣ Хуторѣ“ (стран. 442).

ламъ и таковыхъ священниковъ, записавшихъ крестьянъ въ козаки, начальство рѣшило перемѣщать въ другіе приходы, то и отца моего—свящ. Павла Вышинскаго—перевели изъ села Федюковки въ с. Хижну, уманскаго уѣзда... Но онъ скоро по старости вышелъ за штатъ—и въ село Хижну перемѣстился изъ Багвы я, такъ какъ Хижна—несравненно лучшій приходъ.—Отецъ же мой—по выходѣ за штатъ—еще прожилъ лѣтъ десять и скончался въ глубокой старости у другого своего сына—священника села Новоселицы, звенигородскаго уѣзда, Романа Павловича Вышинскаго, и тамъ погребенъ при Новоселицкой церкви».

б) Прокламація Розенталя. Въ с. Волнянкѣ—въ 12 верстахъ отъ Федюковки, былъ посессоръ Розенталь изъ Бѣло-церковскихъ рондзовъ, т. е. управителей имѣніями графовъ Браницкихъ. У него былъ сынъ, учившійся въ Кіевскомъ университетѣ по медицинскому факультету. Сынъ этотъ учился хорошо и понималъ медицину. У меня тамъ, въ Волнянкѣ, была тетка, вдова капитана Чеховичева, дочь тамошняго когда-то бывшаго священника Іоанна Вышинскаго—и молодой Розенталь, когда пріѣзжалъ домой, часто писалъ ей рецепты... Вотъ этотъ молодой Розенталь пріѣхалъ къ отцу на праздникъ Пасхи въ 1855 г. Вѣроятно у него съ отцомъ былъ предварительно уговоръ, и вотъ что онъ сдѣлалъ: на первый день праздника приказалъ вынесть столы на выгонъ, поставилъ на нихъ много водки и всякой закуски, пригласилъ мужиковъ, христосовался съ ними, чего прежде никогда не бывало со стороны поляковъ—шляхетская амбиція не дозволяла этого. Прежде мужикъ только и слышалъ отъ польскаго пана и его семейства слова: шельма, лайдакъ, гунстводъ... А вотъ теперь вдругъ такая дружба пана съ мужиками... А передъ этимъ, когда мужики сѣяли панскій овесъ, то экономъ подговорилъ ихъ: «Эй хлопци! А ну-те и вы—въ козакы!» А уже слышно было, что по другимъ селамъ люди записываются въ козаки.—На другой или на третій день праздника, Розенталь—сынъ, собравши мужиковъ въ одну мужицкую хату, началъ читать имъ прокламацію. Я эту прокламацію послѣ самъ видѣлъ—въ точной копіи. Писана она была польскими б[illegible], но языкомъ мало-

русскимъ. Сущность ея была такова: «перше не було ни царивъ, ни королнвъ, ни панивъ. А воны явылысь изъ Рыму. И теперъ не треба, щобъ йихъ було. Теперъ беруть васъ, якъ баранивъ въ рекруты, сына отъ батька и видъ матери одрываають» и т. п... Въ хатѣ было около 40 человѣкъ—мужиковъ. Слушали они слушали, а свое думали... Стали у него выпытывать: «а де жъ мы визьмемъ оружія?»—«Э, не журитця! Жыды намъ усёго достарчать!»—Мужики слушали-слушали, думали-думали, а потомъ стали давать другъ другу знаки и сдѣлали по этимъ знакамъ то, что схватили Розенталя за руки, чтобъ не порвалъ онъ прокламаціи, и по маленьку вытянули у него изъ жмени прокламацію—цѣлою и невредимою. Розенталя же пустили—и онъ ушелъ въ лѣсъ и скрылся... Долго онъ скрывался, покуда наконецъ не поймали его на австрійской границѣ и сослали въ Сибирь.—Мужики же съ прокламаціею, такъ какъ священника ихъ Мельниковскаго не было въ то время дома, пошли въ сосѣднее село—въ Юшковъ-Рогъ—къ священнику Василію Креховецкому. Но сей не захотѣлъ ни принять ихъ, ни читать прокламаціи.—И вотъ ходятъ мужики таборомъ—человѣкъ по 6-ть—то сюда, то туда. Пошли они въ с. Малую-Березянку къ священнику Николаю Инфимовскому, но и этотъ отказался имѣть съ ними дѣло. Наконецъ, на третій или на четвертый уже день пришли они опять къ своему священнику и застали тамъ зятя его, священника села Березовки, Корнилія Прокоповича—и этотъ послѣдній согласился принять участіе въ ихъ просьбѣ. Прочиталъ прокламацію, снялъ съ нея копію и послѣ, проѣзжая чрезъ село Багву, оставилъ эту копію у меня. Рѣшилъ онъ съ мужиками—отправить подлинную прокламацію въ Кіевъ. Но какъ была тогда большáя грязь, то сейчасъ никто изъ мужиковъ не соглашался ѣхать въ Кіевъ, а по почтѣ никакъ не рѣшались ее отсылать—боялись: «пропаде,—тамъ прочитають, скажуть, що мы збунтовалысь»... Оставили ее у священника Прокоповича, чтобы онъ поступилъ съ нею какъ самъ знаетъ. Не извѣстно мнѣ—какимъ способомъ Прокоповичъ передалъ прокламацію въ Кіевъ священнику села Косяковки Бутовскому, находившемуся въ то время въ Кіевѣ по

своимъ дѣламъ (онъ хлопоталъ о переводѣ его въ другой приходъ);—съ порученіемъ непремѣнно представить ее митрополиту. Бутовскій продержалъ ее у себя слишкомъ долго и представилъ митрополиту не такъ скоро, какъ бы слѣдовало. За это—за несвоевременную и медленную присылку прокламаціи—священника Прокоповича оштрафовали 10-тью рублями... «Зачѣмъ ты боялся отсылать ее по почтѣ?»—говорили ему.—Тѣмъ дѣло и кончилось.— Не извѣстно какъ узнали, что въ Багвѣ, у священника Северіана Вышинскаго, т. е. у меня, есть копія съ прокламаціями Розенталя. Пріѣзжали ко мнѣ исправникъ и благочинный для допроса... Но я сказалъ, что сжегъ эту копію. И больше меня уже небезпокоили»...

---

3. **Судьба священника Софронія Погорецкаго**.

Какъ мы уже сказали, мысль о томъ, что есть царскій манифестъ о волѣ, но что онъ скрывается священниками изъ-за дружбы съ панами, повела въ нѣкоторыхъ селахъ къ насильственнымъ дѣйствіямъ крестьянъ по отношенію къ своимъ приходскимъ священникамъ. Разсказы объ этомъ уже помѣщались въ «Кіевской Старинѣ» [1]). Особенно потерпѣли священники отъ крестьянъ въ сквирскомъ уѣздѣ. Село Берéзна получило въ этомъ отношеніи особенную историческую извѣстность. Въ упомянутой книгѣ В. Я. Шульгина говорится, что «сюда, въ село Березну, крестьяне согнали изъ 15-ти окрестныхъ селъ своихъ измученныхъ пытками священниковъ и заперли ихъ въ колокольнѣ».—Въ числѣ этихъ несчастныхъ священниковъ былъ о. Софроній Погорецкій. Объ немъ мы нашли воспоминаніе въ доставшихся намъ бумагахъ священника села Барахтъ, васильковскаго уѣзда,—о. Ти-

---

[1]) Въ „Кіевской Старинѣ“ 1882 г. помѣщены слѣдующіе разсказы потерпѣвшихъ въ 1855 г. священниковъ: а) „Посмертный разсказъ о. Антонія Ковальскаго“ (къ исторіи крестьянскихъ волненій въ кіевской губерніи—1855 г.) и b) „Въ Изъ воспоминаній потерпѣвшаго во время крестьянскихъ волненій въ 1855 г.—протоіерея Вас. Сикорскаго“. См. 1-ю и 4-ю книжки „Кіевской Старины“ 1882 г.

моѳея Стеф. Маціевича († въ 1865 г.), который былъ женатъ на родной племянницѣ о. Софронія Погорецкаго, Аннѣ Ивановнѣ, дочери старшаго брата его, священника Іоанна Погорецкаго. Это «воспоминаніе» написано о. Тимоѳеемъ М-мъ—въ числѣ прочихъ біографическихъ очерковъ и памятныхъ замѣтокъ—въ 1862 г. Вотъ оно—въ буквальномъ видѣ:

Воспоминаніе о священникѣ о. Софроніи Погорецкомъ.

Первоначальное мѣсто служенія отца Софронія есть село Пинчуки, въ васильковскомъ уѣздѣ. Здѣсь онъ устроилъ церковь, отлично велъ свое хозяйство, занималъ должность благочиннаго и писалъ проповѣди на цѣлый круглый годъ. И какъ градъ не можетъ укрыться, въ верху горы стоя, такъ и труды, распорядительность и примѣрная служба о. Софронія не могли укрыться отъ внимательнаго ока епархіальнаго начальства,—и о. Софроній, за отличное служеніе свое, переводится митрополитомъ Филаретомъ въ с. Пустоваровку, сквирскаго уѣзда, съ возведеніемъ въ санъ присутствующаго въ Сквирскомъ духовномъ правленіи, а также получаетъ въ награду скуфью. Въ этомъ приходѣ о. Софроній распоряжается по прежнему своему доброму настроенію—трудится, служитъ; онъ исправилъ церковь и оградилъ ее прекрасною оградою, а внутри украсилъ ее достаточно масляными красками...—Но нельзя прожить на семъ свѣтѣ человѣку безъ искушеній... Въ Пустоваровкѣ являются люди, готовые быть козаками, приходятъ къ священнику, требуютъ отъ него указа, объявляющаго яко-бы-то людямъ вольное козачество, и никакія увѣщанія и убѣжденія пастыря не могутъ вразумить взволнованныхъ возмутителей... Никакія заслуги священника тутъ не имѣютъ мѣста, и чѣмъ больше у него чинъ, тѣмъ болѣе ему пытки... «Понеже вы маете чинъ, отецъ батюшка, то вамъ стыдно итты въ Березну пишки: мы васъ на плéчахъ понесемо». И бѣднаго добраго священника о. Софронія объявившіе себя козаками берутъ на свои плечи и не шутя несутъ до Березны—села, отстоящаго отъ Пустоваровки въ 7-ми верстахъ—для общаго между собою совѣщанія и для имѣющаго послѣдовать тюремнаго въ

церкви Березнянской заключенія своего батюшки. Какъ это дѣло шло предъ свѣтлой—въ мѣсяцѣ мартѣ,—то не трудно представить, что въ это время человѣку легко было простудиться и достать неисцѣлимую болѣзнь... И дѣйствительно, о. Софронію обстоятельство это даромъ не прошло: онъ крѣпко простудился, досталъ чахотку и, перемѣстившись въ с. Шпендовку (васильк. у.), къ зеленому празднику предалъ духъ свой въ руцѣ Того, кто живыми и мертвыми обладаетъ... Оставшаяся послѣ него супруга бѣдствуетъ въ жизни сей... Сироты ея скоро поумирали,—остался только одинъ сынъ.

Мы не думаемъ ограничиться настоящими нашими замѣтками относительно кіевской козаччины 1855 г... Мнѣ хотѣлось бы еще разсказать о слѣдахъ ея и отраженіяхъ въ моемъ родномъ селѣ—Безпечнѣ, уманскаго уѣзда, гдѣ я отчасти самъ лично былъ свидѣтелемъ этихъ слѣдовъ и отраженій—въ пору моего отрочества, въ тоже время видѣвъ и слышавъ, не только во время отрочества, но и зрѣлой юности моей, всѣ жестокости панщины въ этомъ родномъ селѣ моемъ—съ тѣхъ поръ, какъ оно поступило въ 1850 г. на 12 лѣтъ въ посессію пана Пясецкого, столь памятную моимъ односельчанамъ («quae ipse miserrima vidi!..»); затѣмъ мнѣ хотѣлось бы изложить взглядъ на кіевскую козаччину тогдашняго кіевскаго митрополита Филарета Амфитеатрова—взглядъ, въ которомъ теплилось глубокое сочувствіе къ украинскому народу этого приснопамятнаго по простотѣ ума и по любвеобилію сердца іерарха русской церкви; и наконецъ мы предполагаемъ еще привести сужденія нѣкоторыхъ свѣдущихъ людей о сущности и характерѣ кіевской козаччины 1855 г., этого замѣчательнаго народнаго движенія, нѣкоторыя стороны котораго поражаютъ своимъ трагизмомъ... Но обо всемъ этомъ мы, если Богъ дастъ,—поговоримъ уже когда-нибудь въ другой разъ...

Сообщ. **Л. М.**

ПѢСНИ О НЕЧАѢ.

(Новые варіанты и литература пѣсни).

Одной изъ наиболѣе популярныхъ историческихъ пѣсенъ, продолжающихъ и понынѣ жить въ устахъ украинскаго народа отъ Карпатъ и до Кавказа, является пѣсня о Данилѣ Нечаѣ, полковникѣ брацлавскомъ, сподвижникѣ Богдана Хмельницкаго. Необычайная популярность этого героя въ народѣ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ былъ «однимъ изъ сторонниковъ народныхъ массъ на Украинѣ и одною изъ жертвъ шляхетскихъ притязаній въ рѣшительный для народа моментъ козацкаго движенія при Хмельницкомъ» [1]). Послѣ Збаражской побѣды козаковъ надъ поляками (1640 г.) заключенъ былъ Зборовскій договоръ, по которому въ трехъ воеводствахъ (Черниговскомъ, Кіевскомъ и Брацлавскомъ) признано было нормальнымъ козацкое устройство, и число козаковъ опредѣлено въ 40,000; остальнымъ козакамъ, такимъ образомъ, предстояло возвратиться въ подданство старостамъ и панамъ. Со стороны Хмельницкаго это была не только политическая ошибка, но явная обида для своего народа. Понятно, что упомянутый реестръ вызвалъ негодованіе со стороны народныхъ массъ, не желавшихъ «раскозаковаться»;

[1]) Антоновичъ и Драгомановъ. Историческія пѣсни малорусскаго народа, т. II, 94.

начались мятежи, борьба съ прежними владѣльцами; составлялись шайки. Владѣльцы жаловались Хмельницкому, и Хмельницкій непослушныхъ казнилъ, вѣшалъ, сажалъ на колъ, «и чрезъ то имя его, которое до того времени произносилось съ благоговѣніемъ русскими, стало у многихъ предметомъ омерзенія» [1]). «Наипаче,—говоритъ Грабянка,—забужане и поднѣстряне о семъ роптаху; имъ же предводителемъ о томъ Нечай бяше» [2]). Они составляли шайки, называемыя въ томъ краѣ ватагами левенцовъ, а въ Червоной Руси—опришками. Начались по-прежнему убійства и пожары подъ начальствомъ храбраго брацлавскаго полковника, противъ котораго боялся рѣзко выступить Хмельницкій, такъ какъ Нечай «былъ богачъ и въ народѣ имѣлъ силу, равную съ Хмельницкимъ» [3]).

Противъ этого «гультайства» подъ предводительствомъ Нечая, гетманъ польный Калиновскій, вопреки 6-й статьѣ Зборовскаго договора, двинулъ въ 1651 г. войско въ Брацлавское воеводство. Тогда и Нечай выступилъ ему навстрѣчу, къ Бару, черезъ лѣсную полосу,—около Тульчина,—называемую и теперь Чорнымъ лѣсомъ (ср. въ Пѣсняхъ «съ-пидъ чорного гаю»). Узнавъ о быстромъ наступленіи Калиновскаго и не желая встрѣчаться съ нимъ въ лѣсу (ср. вар. пѣсенъ), Нечай отступилъ къ Красному (теперь мѣст. ямпольскаго уѣзда) и расположился тамъ со своимъ трехтысячнымъ отрядомъ, поджидая подкрѣпленій изъ окрестныхъ селъ. Наступила масляница. Козаки начали гулять. Нечай поставилъ передовую стражу въ Ворошиловкѣ подъ начальствомъ сотника Шпаченка: онъ долженъ былъ наблюдать за движеніемъ непріятеля, который стоялъ въ Станиславовѣ. Въ прощальное воскресенье Нечай отправился къ какой-то кумѣ гулять; козаки, съ часу на часъ, дожидались нападенія и уговаривали своего начальника не предаваться безпечности.

---

[1]) Костомаровъ. Богданъ Хмельницкій, т. II, 216.

[2]) Лѣтопись, 1854, 93.

[3]) Jak. Michałowski. Księga pamiętnicza, Kraków, 1864, стр. 551.

«Эй, пане Нечаю,—говорили они,—держы коныка въ сидли а шаблю пидъ опанчею»!

«У меня,—отвѣчалъ Нечай:—есть Шпакъ, добрый хлопецъ: онъ мнѣ дастъ знать о тревогѣ»!

Козаки послѣдовали примѣру начальника и начали пьянствовать [1]).

Между тѣмъ Калиновскій 20 февраля 1651 г. [2]) выступилъ изъ Станиславова, стремительно бросился на отрядъ Шпаченка и поразилъ его такъ, что не осталось ни одного человѣка принести въ Красное вѣсть о несчастіи. Послѣ этого, передовой отрядъ, подъ начальствомъ Пясочинскаго и ротмистра Корецкаго подступилъ къ городу. Пьяная стража была перебита, и конные полки вступили въ мѣстечко. Это было въ третьемъ часу по-полуночи. «Случилось такъ,—говоритъ Коховскій,—что нѣкоторые изъ жителей Краснаго, угадывая по гулу земли и сильному лаю собакъ на предмѣстьяхъ, приближеніе войска,—предупреждали полковника объ опасности, но онъ, думая, что это или возвращается патруль, или идутъ свои, которыхъ онъ ждалъ, не обращалъ вниманія на предостереженія» [3])... Козаки кричали ему: «Гей, утикаймо, Нечаю,—ляхы въ мисти!» Но разгоряченный виномъ полковникъ, вскочивъ изъ-за стола, закричалъ: «Утикаты? Щобъ-то козакъ Нечай утикавъ!.. Якъ можно славу свою козацькую пидъ ногы топтаты? Давай швыдче коня, джуро! Выриже̇мо всихъ ляхивъ, такы всихъ до одного!» Онъ вскочилъ на своего буланого «óхляпъ» [4]) и выѣхалъ на улицу, гдѣ козаки уже рѣзались съ жолнерами въ темнотѣ. «О, та до сына вражыхъ сынивъ!—кричалъ Нечай.—А ну лышъ, хлопци, быймо ихъ, якъ курей!»

---

[1]) Костомаровъ. Богданъ-Хмельницкій, II, 281—282.

[2]) Антоновичъ и Драгомановъ почему-то относятъ эти событія, сопровождавшіяся смертью Нечая, къ 1650 г.

[3]) Annalium Poloniae ab abitu Vladislavi IV... a Kochovo Kochowski. Crakoviae, 1683, стр. 224.

[4]) Безъ сѣдла.

И ринувшись на враговъ, онъ собственноручно выбилъ изъ рукъ хорунжаго знамя, повалилъ его на землю; козаки, слабо владѣвшіе въ то время своими головами, принялись, по выраженію пѣсни, «сикты ляхивъ на капусту», а жители тѣмъ временемъ палили на враговъ съ крышъ, изъ оконъ, съ заборовъ. Жолнеры попятились; вся улица была завалена трупами; журчали ручьи крови. Поляки бѣжали, козаки преслѣдовали ихъ за городскую браму, но въ это время, съ другой стороны, ворвался многочисленный отрядъ изъ польскихъ шляхтичей подъ начальствомъ Коссаковскаго въ мѣстечко и зажегъ его въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Козаки начали отступать въ замокъ, а поляки тѣснить ихъ съ тылу. Среди пылавшихъ строеній козаки рѣзались отчаянно, отбиваясь отъ враговъ. Братъ Нечая, Матвѣй, палъ на его глазахъ; полковникъ, изстрѣленный, изрубленный, еще отмахивался саблею; поляки силились взять его живымъ, и не взяли; только полковничья булава его да породистый конь достались Пясочинскому. «Нечай съ братомъ своимъ, отчаянно сражаясь, погибъ»,— говоритъ современникъ описываемыхъ событій;—«раненаго и уклонившагося среди козаковъ хотѣлъ его схватить Доброцѣскій, и когда Нечай еще оборонялся, убилъ его выстрѣломъ изъ мушкета,—и затѣмъ шляхта, выгнанная изъ брацлавскаго воеводства, порубила его, какъ лишителя ихъ имѣній (jako wydzierce fortun onych) [1]). Козаки унесли останки Нечая въ замокъ, гдѣ еще отбивались три дня, наконецъ, были истреблены, при чемъ поляки, заставъ въ церкви трупъ Нечая и священниковъ, отпѣвавшихъ въ черныхъ ризахъ козацкаго рыцаря, побили послѣднихъ и, наругавшись надъ трупомъ Нечая, сожгли все мѣстечко. Народная пѣсня говоритъ, что русскіе предлагали полякамъ окупъ за тѣло Нечая, дабы похоронить его съ честью, но «вражи ляхы» (выраж. пѣсни) не взяли ни серебра, ни золота, искрошили рыцаря на мелкія части («въ дрибный макъ зрубалы») и пустили ихъ по водѣ; только голова Нечая спаслась отъ посрамленія: русскіе

---

[1]) Pamiętniki do panowania Zigmunta III, Władyslawa IV i Jana Kazimierza. Z rękopismy wydał K. Wojcicki, Warszawa, 1846, II, 154.

какъ-то унесли ее, предали погребенію гдѣ-то въ церкви великомученицы Варвары и произнесли надъ нею завѣтное прощаніе: «Прощай, козаче! Зажывъ есы велыкои славы!» [1]).

Таковы историческія данныя о героѣ общеизвѣстной украинской пѣсни. Переходя къ самымъ пѣснямъ о Нечаѣ, видимъ, что мѣстность событія названа вѣрно въ немногихъ случаяхъ: «у Краснимъ» (Ант. и Драг. т. II, 57, Б, то же ibid., 77, П: «одъ Красного броду, одъ Чорнои воды», «одъ Красной горы»—печатаемый ниже вар. № 8); въ другихъ мѣстахъ она именуется то Берестечкомъ (Ант. и Драг. 81, Ф); то Паволочью (ib. 63). Въ варіантахъ А (стр. 57) и С (стр. 79)—Берестечко названо какъ мѣсто жительства семьи Нечая. Изъ послѣдней въ пѣсняхъ упоминается: жена (Ант. и Драг. стр. 57, вар. А; 79, С; 59, Б); дѣти (57, А; 59, Б; 79, С); мать (57, 64, 79, 86, 93 ж); братъ (78 и печатаемый № 8), иногда отецъ и невѣстка (см. печатаемые нами вар.). Довольно часто упоминается Шпакъ, Шпачекъ — сотникъ Шпаченко (Ант. и Драг. 56, 77, 88, 90 а; Лисенко, Укр. Сборн. I, 3). Имя лица, убившаго Нечая, ни въ одномъ варіантѣ не названо согласно съ письменными источниками. Чаще всего таковымъ является Потоцкій, бывшій главою войска, дѣйствовавшаго въ то время въ Подольи; называется онъ иногда Калиновскимъ (ib. 77, О; 78, П; 93, ж; 94, з), затѣмъ Канёвскій (80, Т) (позднѣйшая вставка имени очень извѣстнаго въ народѣ по пѣснѣ о Бондаривнѣ Николая Потоцкаго, старосты Каневскаго 2-ой полов. XVIII в.), Чарнецкій (88, Ю; 89, Θ) — вѣроятно тотъ Чарнецкій, который въ 60 гг. опустошилъ Украину; наконецъ, изрѣдка: Подольскій (86), Хмѣлевскій (81, Ф), Борейко (59, Б), Зборовскій (70).

Кума, съ которой пьетъ Нечай, чаще всего именуется Хмельницкою. Передаетъ ли въ данномъ случаѣ народная память дѣйствительную фамилію (извѣстно, напр., что полковникъ Иванъ Не-

---

[1]) Костомаровъ. Богд. Хмельницкій, II, 281—284; Антоновичъ и Драгомановъ, II, 94—96.

чай былъ женатъ на дочери Хмельницкаго, Еленѣ), [1]) ручаться не можемъ. Очень часто имя кумы фигурируетъ въ формѣ: Мельныцькои (Ант. и Драг. 71, 72, 84), Мельнецькои (62 — 64), Мельнычкы (повидимому—какъ имя нарицательное) (ib. 62; Кіев. Стар. 1887, VIII, 787), Хме́льнычки (печатаем. ниже вар. № 7), Хильмицькои (Ант. и Драг., 85, Щ), наконецъ, Ведельскои (ib. 66).

Своего любимаго героя народная память погребаетъ съ особеннымъ почетомъ въ церкви: «у Кыиви крій Варвары» (Ант. и Драг. 69, 75), или менѣе опредѣленно: «де церква Варвары» (ib. 65), «въ церкви у Варвары» (70, 90 ж); иногда же «у Мыколы» (72), Пречыстій и Покрови (75); однажды «въ польскимъ костели» (Метл. 404), и однажды «на стовпи убыто» (Ант. и Др. 70). Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ Нечая хоронятъ, сообразно эпическому пріему, на могилѣ подъ калиной (Ант. и Др., 70, I и печатаемый ниже № 2.)

Наконецъ, нѣкоторые варіанты представляютъ Нечая *характерникомъ*, котораго нельзя убить простой пулей, а для этого надо было «гудзикы врываты, на Нечая, на козака куленьку злываты» (Ант. и Др. 77, О; 80, Т; 86, Щ; 88, Ю; Кіев. Стар. 1887, VIII, 788),—мотивъ обычный въ народномъ эпосѣ (то же видимъ въ пѣсняхъ о Кармелюкѣ, Бондаривнѣ).

Пѣсня о Нечаѣ извѣстна въ литературѣ въ огромномъ количествѣ варіантовъ; въ нижеслѣдующихъ строкахъ мы приводимъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ. Наиболѣе древняя запись относится еще къ началу XIX ст., — къ 1813 — 1814 (не позже) годамъ и принадлежитъ извѣстному этнографу — Зоріану Доленга-Ходаковскому, рукописи котораго являются въ настоящее время собственностью В. П. Науменка. Въ одномъ изъ сборниковъ Ходаковскаго (истрепанн. экземпл. № 883) имѣется и пѣсня о Нечаѣ, перепечатанная дословно Максимовичемъ въ

---

[1]) Костомаровъ, Богд. Хмельницкій, III, 251.

его изданіи украинскихъ пѣсенъ (М. 1834, стр. 99—100). Но еще раньше Максимовича варіантъ пѣсни о Нечаѣ напечаталъ Wacław z Oleska. («Piśni polskie i ruskie ludu galicyjskiego. We Llowie, 1833, стр. 479—480). Далѣе варіанты встрѣчаемъ: въ томъ-же изданіи пѣсенъ Максимовича (М. 1834, стр. 97—99 и о Перебійносѣ стр. 101), Лукашевича (Малоросс. и червонорусс. народныя думы и пѣсни. Спб. 1836, стр. 109—110, и тамъ же варіанты пѣсенъ о Перебійносѣ, стр. 32—36, относящихся однако же къ Нечаю), Zegota Pauli (Piesni ludu ruskiego w Galicyi. We Lwowie, 1839, стр. 143—144, 145), Евецкаго (Отеч. Зап. 1841 г., т. XV, отд. II,—перепечатка изъ Ż. Pauli), «Черниг. Губ. Вѣдом.» 1851, № 50, Метлинскаго (Народныя Южнорусскія пѣсни. Кіевъ, 1854, стр. 403, 404, 405, 407, и о Перебійносѣ (=Нечай), стр. 400, 402, 403), Закревскаго (Старосвѣтскій Бандуристъ. М. 1860, стр. 111), Коципинського (Писни, думкы и шумкы... К., 1862,—1 сотня, 8 десят., № 1 (=Ż. Pauli) и 9 дес. № 10 (=Wacł. z Oleska), Головацкаго (Чтен. въ Общ. И. и Др. Моск. 1863, Ш, 7—9), въ Русалкѣ (Львовскомъ журналѣ за 1866 г., № 1), у Лисенка (Збирныкъ украинськыхъ писень. Кыивъ — Лысськый, 1868, вып. I, 3), Данильченка (Этнографич. свѣдѣнія о подольской губ. К.-Подольскъ, 1869, 51), Головацкаго (Чтен. въ Общ. Ист. и Др. Моск., 1870, кн. 2, стр. 3 и кн. 3, стр. 6), Антоновича и Драгоманова (Историч. пѣсни малорусскаго народа. Т. II, вып. I, Кіевъ, 1875, 55—97, а также 42—47), у Лисенка (Збирныкъ укр. писень, Ш. Кыивъ, 1876, № 2), C. Neymana (Zbiór. Wiadowosci do antr. krajowej, т. XVIII, Краковъ, 1884, стр. 50—Materyały z okolic Pliskowa), B. Popowskiego (Ibid., стр. 4.—Pieśni ludu ruskiego ze wsi Zalewańszczyzny). Костомарова (Богданъ Хмельницкій. Томъ Ш. Спб., 1884, 357—394), C. Neymana (въ «Ateneum» 1885 г., Dumy ukraińskie, 119), въ «Зорѣ» (львовской) за 1885 г., № 5-й, стр. 52), Екатеринославскомъ юбилейномъ листкѣ (за 1887 г., № 15), «Кіевской Старинѣ» (1887 г., VIII, стр. 787—788), у Лисенка (Збирн. укр. писень, IV. Кыивъ, 1887, № 1), Новицкаго (Малорусскія пѣсни, пре-

имущ. историческія, въ «Сборн. Харьковск. Истор.-Филол. Общества, т. 6. Харьковъ, 1894, стр. 13—14, 16), «Жыви Струны» (сборн. изъ перепечатокъ, у Чернигови, 1897, стр., 36—37), въ «Кіевской Старинѣ» (1897, 9, стр. 308, № 53), Двисти найкращыхъ укр. писень (Одесса, 1897, 53—54,—перепеч. изъ сборн. Лисенка), Колессы Ф. (Квартети мужескі. Серия 2. Козаки в піснях народних. Львів, 1898) и наконецъ, «Трыста найкращыхъ укр. писень» (Кыивъ, 1904, № 109,—перепечатки изъ сборниковъ Лисенка).

Итого 68 варіантовъ, въ томъ числѣ 28 перепечатокъ уже извѣстныхъ раньше въ печати. Къ этому числу мы можемъ добавить еще 9 варіантовъ, имѣющихся въ нашемъ распоряженіи, а именно: 1) Варіантъ, записанный въ м. Варвѣ, лохвицк. у. въ 1836 году Федоромъ Бодянскимъ, братомъ извѣстнаго Осипа Бодянскаго (изъ рукописи, принадлежащей въ настоящее время О. И. Левицкому), 2) варіантъ изъ хутора Водяной, павловск. у. екатеринославск. губ., записанный въ 60—70 г.г. и присланный кѣмъ-то Н. В. Лисенку (изъ этнографическаго рукописнаго собранія Н. В. Лисенка), 3) Вар. изъ м. Борисполя, переясл. у.—записанный во второй половинѣ 90 г.г. XIX ст. крестьяниномъ А. Калитою отъ Сергѣя Зайца, старика 70 лѣтъ (изъ рукописн. собранія Н. В. Лисенка), 4) Варіантъ изъ с. Гороховатки, кіевск. у. (сообщилъ С. А. Ефремовъ), 5) Вар. изъ с. Псяровки, уманск. у. (сообщилъ С. А. Ефремовъ), 6) Запись М. Черкавскаго въ 80 г. XIX ст. изъ с. Якимовецъ (поблизу Берестечка) кременецк. у. (изъ матеріаловъ редакціи «Кіевской Старины»), 7) Запись А. Грепачевскаго въ с. Мизякивськыхъ хуторахъ, винницкаго у. неизв. времени (недавняя) (изъ матеріаловъ редакціи «Кіевской Старины»), 8) Варіантъ изъ с. Верешина, люблинск. губ.—запись Я. Сенчака (изъ матеріаловъ редакціи «Кіевской Старины» и 9) наша запись въ с. Колодистомъ, звенигородск. у., въ 1904 году отъ крестьянки м. Лысакъ, 60 лѣтъ.

Сообщаемые нами варіанты не даютъ какихъ-либо особенно рѣзкихъ чертъ, могущихъ внести новое историческое освѣщеніе, но они могутъ послужить дополненіемъ къ извѣстному уже въ

печати матеріалу: нѣкоторыя мелочи все же довольно характерны, и будутъ, надѣемся, не лишними въ общей суммѣ варіантовъ пѣсни о Нечаѣ. Любопытно отмѣтить, что болѣе близкія къ нашему времени изъ нашихъ записей интереснѣе и лучше болѣе старыхъ записей, какъ по содержанію, такъ и по формѣ.

1.

Ой зъ-пидъ луга, зъ-пидъ темного,
Зъ-пидъ зеленого гаю,
Ой крыкнулы козаченькы: «утикай, Нечаю»!
А Нечай того да й не слухае,
Винъ того й не гадае,—
Зъ кумасею, зъ Хмельныцькою
Медъ-выно кружае.
Ой якъ крыкнувъ панъ Нечаенко
Да на хлопка малого:
«Да сидлай, хлопку, да сидлай, малый,
Да коня вороного!
А пидъ себе, малый хлопку,
Да попругы зтуга,
Бо буде намъ одъ вражыхъ ляхивъ (вар.: панивъ ляхивъ)
Да превелыкая туга!»
Ой якъ пробигъ панъ Нечаенко
Одъ башты до башты,—
Да взявъ же винъ вражыхъ ляхивъ (вар.: панивъ ляхивъ)
У тры ряды класты.
Ой якъ повернувсь панъ Нечаенко
Одъ брамы до брамы,—
Да й поставывъ вражыхъ ляхивъ (вар.: панивъ ляхивъ)
У чотыры лавы.
Ой якъ глянувъ да панъ Нечаенко
На правее плече—

Ажъ зъ-пидъ вражыхъ ляхивъ (вар.: панивъ ляхивъ)
Да кровавая ричка тече.
Ой якъ глянувъ да панъ Нечаенко
А на ливую руку,
«Да вже жъ, малый хлопку, не выскочышъ
Изъ лядського трупу!»
Якъ побижыть панъ Нечаенко
Изъ горы да въ долыну,—
Якъ угнався панъ Потоцькый,
Да й взявъ ёго за чупрыну.

(м. Варва, 1836 г. Запис. Федоръ Бодянскій).

2.

Ой зъ-за горы, ой изъ-за крутои
Орда выступае,—
Ой гукнулы славни запорожци:
«Тикаймо Нечаю»!
Нечай того та й не гадае,
Коня не сидлае,
Все зъ кумасею, гей изъ Хмельныцькою
Медъ-выно й кружае!..
Якъ одсуне та Нечаенко
Видъ рынку кватырку,—
Ой уже жъ ляхы, гей уже жъ паны
Та ходять по рынку!
Ой якъ гукне та Нечаенко
На чуру малого:
«Та сидлай, чуро, гей сидлай, малый,
Коня вороного!
Та пидтягай, чуро, та пидтягай, малый,
Изтуга й попругы;
Ой и сподивайся; коню вороненькый,
На себе й потугы»!

Ой якъ ставъ же та Нечаенко
На коня сидаты,—
Сталы въ коня вороненького
Ниженькы дрижаты!..
Якъ ударе та Нечаенко
Коня острогамы—
«Не прыторкайся, коню вороненькый,
До земли ногамы»!..
Ой не далеко жъ винъ та зайихавъ,—
Одъ башты до башты;
Ой якъ ставъ ляхивъ, гей якъ ставъ панивъ
У дви лавы класты!
Якъ погляне та Нечаенко
На правую руку, —
Ой не выскоче кинь вороненькый
Изъ ляцького трупу!
Якъ погляне та Нечаенко
На ливее плече, —
Ой уже-жъ зъ ляхивъ, гей уже жъ зъ панивъ
Кривавая ричка тече!..
Не за велыкый часъ, не за велыкый часъ,
За малую годыну
Покотылася Нечаева голова
Изъ горы въ долыну!..
Ой нумо жъ мы, премылее браття,
Думаты-гадаты:
Де намъ ёго й поховаты!...
Ой зійдемось, премылее браття,
На высоку могылу
Та выкопаемъ, премылее браття,
Глыбокую яму!...
Та нагорнемъ, премылее браття,
Высоку могылу,
Та посадымъ, премылее браття,
Червону калыну!..

Гей, щобъ зайшла лыцарьская слава
На всю й Украину.

(Екат. губ., Павловск. пов. хуторъ Водяпа).

Данный варіантъ поразительно близокъ къ напечатанному у Ант. и Драгоманова, II, 81 (вар. У). Въ третьей строкѣ съ конца замѣчается пропускъ; судя по аналогіи съ указаннымъ только что варіантомъ, пропущены слова: «де намъ сее тило Нечаеве било»...

3.

Ой изъ-пидъ пызу, та изъ-пидъ лыману,
Зъ-пидъ зеленого гаю,
Ой гукнулы наши козаченькы:
«Утикаймо, Нечаю!»
А Нечай сёго та й не чуває,
Та й ничого не гадае,
Зъ кумасею *та зъ невисткою*
Медъ-выно кружляе.
Ой постановывъ та й Нечаенко
Та й стороженьку въ мисти,
А самъ пишовъ до кумасенькы
Щукы-рыбы йисты.
Ой не успивъ ще та й Нечаенко
Та й за скамныцю систы, —
Одчынывъ винъ та и кватырочку —
Уже ляшенькы въ мисти.
Ой якъ гукнувъ та й Нечаенко
Та й на джуру малого:
«Сидлай, джуро, та сидлай, малый,
Коныченька вороного!
Та й пидтягай, джуро, пидтягай, малый,
Та изтуга попругы:
Буде ляхивъ ажъ сорокъ тысячъ—
Велыка потуга».
Ой якъ ставъ джура, та й ставъ малый

Та й попругы пидтягаты,
Сталы въ коня, коня вороного,
Ниженькы дрижаты.
Ой не успивъ та й Нечаенко
Та й на коныка впасты—
Якъ ставъ ляхивъ, та й сорокъ тысячъ,
Якъ снопыкы класты.
Ой не успивъ же та Нечаенко
Та й на коныка систы —
Вже ставъ ляхивъ, та й сорокъ тысячъ,
Якъ капусту сикты.
Ой якъ глянувъ тай Нечаенко
Та й на праве плечé, —
Течуть рикы та й кровавыи,
Що й конемъ не втече.
Ой якъ глянувъ та й Нечаенко
Та й одъ шынку до рынку:
Покотылась изъ Нечаенка
Голивка въ долынку.
Ой нумо та й мылее браття,
Та й думаты-гадаты:
Ой де-жъ цюю, та и Нечаенка,
Голивку сховаты.
Ой, заховаймо, та й мылее браття,
Та й у церкви Мыколы,
Бо не буде въ насъ Нечаенка
Николы, николы!

(М. Борысполь, переясл. у. Записалъ А. Калита отъ Сергія Зайця, дѣда 70 лѣтъ).

Выраженіе во 2-й строфѣ: «съ кумасею та *зъ невисткою*» — очевидно замѣна вм. «зъ Хмельныцькою»; окончаніе—какъ у Ант. и Драгом., II, стр. 72—73 (вар. К.).

4.

Изъ-за лиса, зъ-за пролиса,
Зъ зеленого гаю
Йде ляшкивъ сорокъ тысячъ:
«Стережысь, Нечаю»!
А Нечай, добрый хлопець,
На те не впувае—
Зъ кумасею Хмельныцькою
Медъ-выно кружляе.
А якъ крыкнувъ козакъ Нечай
На хлопця малого:
«Сидлай коня вороного пидъ себе,
А пидъ мене старого, гнидого!»
Не вспивъ козакъ, не вспивъ Нечай
На коныка впасты,
А взявъ ляшкивъ, якъ снопыкы, класты.
Не вспивъ козакъ, не вспивъ Нечай
На коныка систы
А почавъ ляшкивъ, якъ капусту, сикты.

(Записалъ въ с. Гороховаткѣ, кіев. уѣзда, Чуприна; сообщилъ С. А. Ефремовъ).

5.

Ой въ темному лиси, въ зеленому гаю,
Крыкнулы козаченькы: «утикай, Нечаю!»
Козакъ Нечай, добрый хлопець, на те не впувае—
Зъ *панною* Хмельныцькою медъ-выно кружляе.
Колы крыкнувъ козакъ Нечай на хлопця малого:
«Сидлай соби вороного, а мени ґнидого!»
Не вспивъ козакъ, не вспивъ Нечай на коныка впасты
А вже ляшкы, якъ снопыкы, почавъ скоро класты.
Не встыгъ козакъ, не встыгъ Нечай на коныка систы,—
А вже ляшкивъ, якъ капусту, почавъ скоро сикты.

(Зап. въ с. Псяровкѣ, уманск. у. А. Чуприна; сообщилъ С. А. Ефремовъ).

6.

Ой у лузи, въ лузи,
Пры зеленимъ гаю,
Закрычалы козаченькы;
«Тикаймо, Нечаю»!
— Ой на що жъ я маю
Изъ гаю втикаты,
Свою славу козацькую,
Такъ марне теряты!
Есть у мене паны
И есть атаманы.
Поставлю я стороженьку
Всима сторонамы.—
И на тее Нечай-козакъ,
На те не вважае—
Изъ кумою *мелнычкою*
Медъ-выно кружае.
Але глянувъ Нечай-козакъ
Въ викно, въ кватырочку,—
Ажъ гуляе сорокъ тысячъ
Ляшкивъ по рыночку...
Якъ вдарывся Нечай-козакъ
Одъ брамы до брамы,
То сколотывъ ляшенькамы,
Якъ звиръ овечкамы.
Ще не поспивъ Нечай-козакъ
На коныка впасты,—
То ставъ панкивъ, то ставъ ляшкивъ,
Якъ снопыкы, класты.
Ударывся Нечай-козакъ
У правую руку—
Не выскочыть кинь вороный
Изъ ляцького трупу.
Ударывся Нечай-козакъ

У правее плече—
За нымъ, за нымъ ляцькая кровъ
Риченькою тече.
Але пославъ Господь зъ неба
Велыку прычыну,
Що зпидкнувся кинь вороный
На *малу дытыну,*
Якъ зпидкнувся кинь вороный
На малу дытыну,
Понявъ ёго графъ Потоцькый
Зъ коня за чупрыну.
«Ой чы той-то хмиль, хмиль,
Що въ кучеры вьется? —
Ой чы той-то Нечай-козакъ,
Що зъ ляхамы бьется?..
— Той же-жъ то хмиль, хмиль,
Що въ кучеры вьется—
Той же-жъ то Нечай-козакъ,
Що зъ ляхамы бьется...
— А де-жъ твои, Нечай-козакъ,
Изъ золотомъ скрыни?»
— «А въ мистечку-Берестечку
Закопани въ глыни».
«А де-жъ твои, Нечаенку,
Вороныи кони»?..
— «А въ мистечку-Берестечку
Стоять па прыпони».
«А де-жъ твои, Нечаенку,
Кованіи возы»?..
— «А въ мистечку-Берестечку
Заточани въ лозы».
«А де-жъ твоя, Нечай-козакъ,
Молодая жинка?..»
— «Вража ін маты знае,
Десь ще вона дивка»!

Якъ побачывъ Нечай-козакъ
Свого *батька* на мисти:
«Поклониться моій жинци,
А своій невистци.
Мае вона срибло-злато,
Мае вона гроши,
Нехай мене выкупляе,
А на решти й просыть...
За малую хвыльку,
За малу годынку
Качается Нечаева
Голова по рынку́...

(Зап. М. Черкавскимъ въ с. Якимовцахъ, кременецк. у., лѣтъ 15 тому назадъ отъ старухи-крестьянки).

Въ данномъ варіантѣ рѣдкими особенностями являются отвѣтъ Нечая: «есть у мене паны и есть отаманы»; сравненіе: «то сколотывъ ляшенькамы, якъ звиръ овечкамы» (подобное встрѣчаемъ у Ант. и Драг. II, 67 (вар. Ж): «сколотывъ ляшенькамы, якъ вовкъ вивцямы»); эпизодъ: «Але славъ Господь зъ неба велыку прычыну: що спидкнувся кинь вороный на малу дытыну»: обычно конь спотыкается на «купыну», «тычыну», «хмиль-хмелыну»...; отвѣтъ Нечая на вопросъ, гдѣ находится его жена: «Вража іи маты знае, десь ще вона дивка». (Подобный отвѣтъ: «Ой Богъ знае, Богъ видае, може ще де дивка» находимъ у Ант. и Драг. II, 67 (вар. Ж), но тамъ нѣтъ противорѣчія съ дальнѣйшимъ, какъ въ нашемъ варіантѣ: изъ дальнѣйшаго слѣдуетъ, что у Нечая жена есть, и онъ проситъ отца передать ей поклонъ); упоминаніе объ отцѣ Нечая кажется впервые. Вообще данный варіантъ близокъ къ галицкой записи П. Бѣлинскаго (въ Тарнополѣ)—см. Ант. и Драг., II, 67 (вар. Ж).

7.

Козакъ Нечай.

Ой зъ-за горы высокои, зъ глыбокого яру,
Ой (Та) крыкнулы козаченькы: «тикаймо, Нечаю»!

Козакъ Нечай на той звычай (?), на те не вважае,
А зъ кумою *Хмельнычкою* медъ-выпо кругляе.
Подывывся козакъ Нечай въ виконце-кватырку:
Шатаются вражи ляшкы, *якъ шашкы* по рынку.
Крыкнувъ козакъ: «сидлай, хлопче, сидлай, малый, коня
вороного»,
А пидъ мене молодого ниго-буланого!
Не вспивъ козакъ, не вспивъ Нечай на коныка систы,
Зачавъ панкивъ, зачавъ ляшкивъ якъ капусту сикты.—
Не вспивъ козакъ, не вспивъ Нечай на коныка впасты—
Зачавъ панивъ, зачавъ ляшкивъ а въ тры лавы класты.
Оглянувся козакъ Нечай та на праве вухо —
Не выскоче кинь козацькый изъ ляцького трупу.
А нагнувся козакъ Нечай та браты хустыну, —
Попавъ ёго панъ Потоцькый зъ коня за чупрыну.
«Теперъ же вы, вражи ляшкы, славы доказалы,
Шо козака та Нечая за чупрыну взялы!»
Чы не то́-то хмиль-хмиль, шо по тыну вьется;
Чы не той то козакъ Нечай, шо зъ ляшкамы бьется.
А де жъ твои та Нечаю дорогіи возы?
Пидъ мистечкомъ-Берестечкомъ заточани въ лозы.

(Зап. А. Грепачевскій въ с. Мизякивськыхъ хуторахъ, винницкаго у.).

Варіантъ неполный. Сравненіе: «шатаются вражи ляшкы, якъ *шашкы*, по рынку» имѣется и у Ант. и Драг., II, 74 (вар. М. и 92 д): «ой грають ляхы, ще ляськи паны, якъ шашкы по рынку»; упоминаніе о томъ, что Нечай попался, наклонившись, чтобъ поднять «хустыну», также встрѣчаемъ у Ант. и Драг. (II, 94, ж): «ой пыпустывъ изъ кышени билую хустыну». Имя кумы «Хмельнычка» встрѣчается впервые.

8.

У краснои горы,
У зеленимъ гаю,

Ой крыкнулы козаченькы:
«Утикай, Нечаю!»
Ой якъ же я маю
Видъ васъ утикаты,
Свою службу та й козацьку
Ногамы доптаты?
Зъ зеленого голя,
Изъ чыстои воды
Иде ляхивъ сорокъ тысячъ
Хорошои вроды.
А Нечай козакъ
На тее не дбае—
Винъ зъ кумою, зъ Хмельныцькою,
Выно пье, гуляе.
«Всидлай, хлопче, соби
Коня вороного,—
Отправляйся въ чысте поле:
Чы йде ляхивъ много?»
Повернувся хлопець
И вже съ *Полонного*:
Иде ляхивъ сорокъ тысячъ,
Но якъ безъ одного.
Ходять, ходять ляшкы
По мисти, по рынку,
Обступылы вороженькы—
Нема вже ратунку.
«Всидлай, мени, хлопче
Коня *полового*—
Мы пойидемъ до ляшенькивъ,
Хочъ насъ есть немного!»
Ой не вспивъ Нечай
На коныка впасты,—
Ставъ ляхамы якъ снопамы
У тры ряды класты
Оглянувся Нечай

Туда и сюда:
Ой плыве кровъ та й ричкамы—
Кругомъ вже бида!
Тоди козакъ Нечай
Взявся утикаты,
За нымъ гонять вражи ляхы—
Хочуть ёго піймаТЫ.
Спот(ы)кнувся пидъ Нечаемъ
Коныкъ на *корыни*,
А тутъ ёго панъ Каньóвськый
Зверху по чупрыни.
Чы не хмиль хмилизный,
Що у пыви кысне?
Ой чы то козакъ Нечай,
Же ляшенькивъ тысне?
—«Де твои, Нечаю,
Вороніи кони?»
— У гетьмана есть ихъ много—
Стоять на прыпони.
— «Де твои, Нечаю,
Кованіи возы?»
— Ой въ мистечку, въ Берестечку,
Стоять на залози...
Ой зобачывъ Нечай
Свого *брата* въ мисти:
«Поклоныся всимъ ызенько,
Жинци и невистци:
Нехъ воны поспишають,
Досыть возьмуть злота,
Нехъ скорійше выкупляють,
Бо я вже у плота.
И въ-остатне ляхивъ просе,
Но не хочуть злота браты,
А велилы Нечаенка
Въ дрибный макъ зрубаты.

А то еще за годыну,
За малую хвыльку
Котылася Нечаева
Голова по рынку.

(Зап. Я. Сеичакъ въ с. Верешынѣ, люблинск. губ.).

Данный варіантъ представляетъ немалый интересъ по полнотѣ подробностей, восходящихъ, очевидно, къ довольно отдаленному времени ихъ возникновенія: здѣсь мы имѣемъ и датировку мѣстности: «у *Красной* горы», и упоминаніе о Полонномъ (недалеко отъ р. Случи, служившей въ эпоху описываемыхъ событій границей Кіевскаго воеводства, т. е. предѣломъ мѣстности, куда, по Зборовскому договору, не должны были вступать польскія войска). Варіантъ этотъ весьма близокъ къ записи Żegota Pauli, 1839 г. (I, 143—144), гдѣ имѣются аналогичныя подробности: «Одъ *Красного броду*, одъ *Чорнои воды*», коня сѣдлаютъ Нечаю «*половою*» (масть, свойственная болѣе воламъ), конь спотыкается «*на корыни*», Нечай передаетъ поклонъ женѣ черезъ *брата*, за то нѣтъ тамъ упоминанія о Полонномъ.

9.

Изъ темного лугу,
Зъ зеленого гаю,
А крыкнулы козаченькы:
«Тикаймо, Нечаю!»
Тикаймо, Нечаю,
Зъ высокою мосту,
Бо йде ляшкивъ сорокъ тысячъ
Огромного росту!»
«Ой чого намъ, паны браты,
Изъ гаю тикаты,
Нашу славу козацькую
Пидъ ногы топтаты?
Есть у мене такый значокъ—
Малесенькый Шпачокъ,
То той мени дасть знаты,

Якъ зъ гаю тикаты».
«Я тебе, Нечаю, не обезпечаю:
Держы коня на прынони,
Не пускай на станю».
А козакъ Нечай—*недбайлыця*,—
Винъ цёму(-го?) не дбае,
Винъ зъ кумою Хмельныцькою
Медъ-выно кружляе.
Сидлай, хлопче, сидлай, малый,
Коня воропого,
А пидъ мене, молодого,—
Старого, гнидого.
Не вспивъ козакъ, не вспивъ Нечай
На коныка систы,—
Начавъ ляшкивъ, вражыхъ панкивъ,
Якъ капусту сикты.
Не вспивъ козакъ, не вспивъ Нечай
На коныка впасты—
Начавъ ляшкивъ, вражыхъ панкивъ,
Якъ снопыкы класты.
Оглянется козакъ Нечай
На правее плече—
За нымъ ричка кривавая
У тры ряды тече.
Оглянется козакъ Нечай
На правую руку—
Не выскочыть кинь козацькый
Изъ лядського трупу.

(Запис. для насъ въ 1904 г. въ с. Колодистомъ, звенигородск. у., крестьяниномъ Иваномъ Лысакомъ отъ своей матери, 60-лѣтъ).

Особенности даннаго варіанта: «тикаймо, Нечаю, зъ высокого *мосту*, бо и... ляшкивъ огромного *росту*». Аналогію имѣемъ у Ант. и Драгом. II, 85 (вар. Щ): «Стережыся, Нечай

козакъ, видъ *жовтого мосту*, бо... хорошого зросту»); «Нашу славу козацькую ногамы топтаты» (аналог. Ант. и Драг. II, 56, вар. А.: «славу свою козацькую марне потеряты»); упоминаніе о Шпачкѣ (Шпаченкѣ) (аналог. см. выше); «держы коня на прыпони, *не пускай на станю*» (впервые); эпитетъ Нечая «недбайлыця» (впервые).

—

Просматривая варіанты пѣсенъ о Нечаѣ, можно констатировать, что пѣсни эти широко распространены какъ въ Галиціи (Коломыя, Станиславовъ, Тернополь и др. мѣст.), такъ и у насъ—въ губерніяхъ подольской, волынской, люблинской, кіевской, харьковской, полтавской и въ Черноморіи; повидимому, нѣтъ записей изъ губ. херсонской и черниговской; но это, быть можетъ, объясняется просто случайнымъ явленіемъ; отсутствіе записей въ этихъ губерніяхъ было бы странно относительно херсонской губ., смежной, съ одной стороны, съ кіевской, съ другой — съ екатеринославской. Но болѣе всего варіантовъ, какъ и слѣдовало ожидать, приходится на губерніи подольскую и кіевскую.

В. Доманицкій.

Обычай помилованія преступника, избраннаго дѣвушкой въ мужья.

(Страничка изъ исторіи обычнаго права въ Малороссіи).

Въ малорусскихъ народныхъ преданіяхъ отчетливо сохранилось воспоминаніе объ одномъ весьма оригинальномъ обычаѣ, по которому осужденный къ смертной казни преступникъ могъ быть отъ нея освобожденъ, если находилась дѣвушка, всенародно высказывавшая желаніе выйти за него замужъ, и если онъ, съ своей стороны, изъявлялъ согласіе вступить съ нею въ бракъ. Въ первый разъ такое преданіе было записано въ первой четверти прошлаго вѣка изъ устъ извѣстнаго запорожца Коржа. Повѣствуя о запорожскомъ бытѣ и жизни, Коржъ, между прочимъ, сообщаетъ слѣдующій разсказъ. Въ г. Самари (нынѣшнемъ Новомосковскѣ) однажды вели къ мѣсту казни осужденнаго на смерть козака. Толпа народа безмолвно слѣдовала за нимъ. Вдругъ на дорогѣ показывается дѣвушка подъ бѣлымъ покрываломъ; она подходитъ къ осужденному и всенародно заявляетъ о своемъ желаніи имѣть его своимъ мужемъ. Шествіе останавливается; толпа съ любопытствомъ ожидаетъ, что отвѣтитъ на это осужденный. Онъ требуетъ, чтобы дѣвушка сняла покрывало. Когда это было исполнено, онъ, посмотрѣвъ въ лицо своей избавительницѣ, восклицаетъ: «Якъ маты таку дзюбу [1]) весты до шлюбу, лишше на

---

[1]) *Дзюба* (отъ гл. *дзёбаты*, клевать)—человѣкъ съ лицомъ испорченнымъ оспой.

шыбеныци дать дубу!»—и требуетъ, чтобы его вели къ мѣсту казни [1]).

Долгое время это любопытное преданіе оставалось одинокимъ, и потому можно было не придавать ему большого значенія или, давая даже полную вѣру разсказанному происшествію, относить его къ числу мѣстныхъ, спеціально запорожскихъ обычаевъ, въ которыхъ вообще было такъ много своеобразнаго, оригинальнаго. Но лѣтъ болѣе тридцати назадъ такое же точно преданіе записано въ противоположномъ концѣ Малороссіи, именно въ западной окраинѣ Волыни, въ м. Крупцѣ, дубенскаго у.; записалъ его мѣстный священникъ Ѳ. Думицкій и тогда же напечаталъ въ «Волынскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ». На погостѣ мѣстной церкви сохранился курганъ, о происхожденіи котораго существуетъ въ народѣ такое преданіе. Молодой красивый козакъ за какое-то преступленіе былъ приговоренъ къ смертной казни. Когда прочитанъ былъ декретъ и палачъ подвелъ осужденнаго къ плахѣ, изъ толпы вышла дѣвушка и накрыла платкомъ его голову, давая тѣмъ знакъ, что она избираетъ его себѣ въ мужья и тѣмъ (въ случаѣ его согласія) освобождаетъ его отъ смерти. Исполнители приговора остановились въ ожиданіи, что скажетъ осужденный; но когда онъ, освободивъ голову изъ-подъ платка, увидѣлъ свою невѣсту-избавительницу, то съ горькою усмѣшкою и презрѣніемъ, плюнувъ въ сторону, обратился къ палачу и сказалъ: «Э, рубай краще, а жыты съ такою поганою не хочу». Приговоръ былъ исполненъ. Казненнаго похоронили на церковномъ погостѣ и насыпали надъ нимъ высокую могилу [2]).

Мнѣ неизвѣстно, были ли еще гдѣ-либо записаны подобныя преданія; но, во всякомъ случаѣ, такія преданія если и существуютъ еще гдѣ-нибудь, то они такъ немногочисленны, а главное—настолько легендарны, что сами по себѣ едва ли могутъ служить прочнымъ основаніемъ для научнаго утвержденія, что данный обычай дѣйствительно существовалъ въ Малороссіи, какъ юридическое установленіе.

---

[1]) Устное повѣствованіе запорожца Коржа, стр. 24.

[2]) Волынскія Епарх. Вѣдомости, 1872 г., стр. 561.

Иное дѣло, когда преданіе находитъ для себя подтвержденіе въ документальномъ свидѣтельствѣ. Такое именно свидѣтельство объ интересующемъ насъ обычаѣ мнѣ посчастливилось найти въ одной изъ актовыхъ книгъ XVII ст., хранящихся въ кіевскомъ Центральномъ Архивѣ. Въ документѣ 1606 года дѣло идетъ объ одномъ случаѣ, происходившемъ въ м. Олыкѣ, гдѣ въ то время существовалъ войтовскій и радецкій, т. е. магистратскій урядъ. Суду этого уряда былъ преданъ нѣкто Янушъ Кобринецъ, слуга пана Николая Глѣбовича, подстолія литовскаго, по обвиненію въ убійствѣ своего товарища Михайла Венгрина, вмѣстѣ съ нимъ несшаго «гайдуцкую службу» у того же пана. При разборѣ дѣла открылось, что убійство совершено было непреднамѣренно, въ ссорѣ, тѣмъ не менѣе убійца былъ оставленъ въ тюрьмѣ подъ арестомъ, и окончательное рѣшеніе его судьбы было передано на волю его господина, п. Глѣбовича. Въ то же самое время случилось и такое обстоятельство, что въ моментъ разбора дѣла въ магистратъ пришла «учтивая девочка местская (одна изъ горожанокъ) и велю людей шляхетныхъ и учтивыхъ причинъ уживала (т. е. обратилась къ ихъ ходатайству), хотечи его (обвиняемаго) собе впросити въ станъ святый малженскій». Присутствовавшій въ судѣ въ качествѣ уполномоченнаго со стороны п. Глѣбовича, капитанъ его гайдуковъ, нѣкто п. Телевичъ призналъ это обстоятельство настолько важнымъ, что немедленно донесъ о немъ своему довѣрителю и получилъ отъ него согласіе на такой приговоръ: убійца можетъ быть освобожденъ отъ наказанія подъ тѣмъ условіемъ, если немедленно «пріиметъ шлюбъ съ тою девочкою учтивою явне, въ костелѣ католицкомъ», въ противномъ случаѣ «южъ бы речъ инша зъ нимъ се деяла». Янушъ Кобринецъ былъ сговорчивѣе тѣхъ удалыхъ козаковъ, о которыхъ говорятъ преданія, и безпрекословно согласился обвѣнчаться съ своею неожиданною избавительницею. Прямо изъ тюрьмы онъ отправленъ былъ въ костелъ. Для присутствія при обрядѣ вѣнчанья приданъ былъ отъ уряда возный, который на другой день, явившись въ Луцкій гродскій судъ, заявилъ старостѣ и внесъ въ актовыя книги «реляцію» о томъ, что въ сопровожденіи многихъ шляхтичей, «людей вѣры годныхъ», онъ

лично присутствовалъ въ Олыцкомъ костелѣ, когда тамъ происходилъ «актъ» вѣнчанья Януша Кобринца съ «местскою дѣвочкою», и можетъ удостовѣрить, что послѣдній «во всемъ декрету досыть учинилъ» [1]).

Такимъ образомъ, въ виду приведеннаго документальнаго свидѣтельства, во всемъ подтверждающаго народныя преданія, можно, мнѣ кажется, съ полною достовѣрностью утверждать, что въ Малороссіи въ XVII—XVIII вв. (а можетъ быть, и въ болѣе раннее время) несомнѣнно существовалъ правовой обычай, по которому осужденный на смерть преступникъ получалъ помилованіе, если находилась дѣвушка, желавшая имѣть его своимъ мужемъ. Какъ ни малочисленны и не скудны наши свѣдѣнія объ этомъ давно исчезнувшемъ обычаѣ, но и на основаніи ихъ можно установить нѣкоторыя основныя черты этого крайне любопытнаго установленія изъ области обычнаго права:

1) Во всѣхъ извѣстныхъ намъ случаяхъ избавительницей осужденнаго является *дѣвушка*. Очевидно, это право принадлежало не всякой женщинѣ (наприм., вдовѣ), которая пожелала бы избрать себѣ въ мужья человѣка, обреченнаго висѣлицѣ, а только *дѣвушкѣ* и притомъ, какъ выражено въ документѣ 1606 года, *учтивой*, т. е. честной, цѣломудренной.

2) Осужденный имѣлъ право отказаться отъ вступленія въ бракъ съ своею избавительницей, и въ такомъ случаѣ судебный приговоръ о немъ приводился въ исполненіе. Безъ сомнѣнія, подобные отказы случались весьма рѣдко, потому что инстинктъ самосохраненія сильнѣе въ человѣкѣ, положимъ, чувства отвращенія къ безобразной женщинѣ, тѣмъ не менѣе случаи отказа всетаки бывали, какъ о томъ свидѣтельствуютъ народныя преданія. Быть можетъ, и самыя эти преданія потому такъ малочисленны, что передаютъ именно объ этихъ исключительныхъ случаяхъ, поражавшихъ народное воображеніе своего рода трагическимъ удальствомъ, тогда какъ болѣе частые—противоположные случаи, какъ нѣчто ординарное, не сохранились въ народной памяти.

---

[1]) Книга гродская Луцкая, 1606 г., № 2421. Актъ этотъ напечатанъ нами въ имѣющемъ скоро выйти въ свѣтъ 3-мъ томѣ 8-й части «Архива Югозап. Россіи».

3) Быть можетъ, не лишена ритуальнаго значенія подробность о *покрывалѣ* или *платкѣ*, которымъ дѣвушка (по волынскому преданію) покрывала осужденнаго въ знакъ того, что она избираетъ его себѣ въ мужья и тѣмъ беретъ какъ-бы подъ свою защиту. Въ запорожскомъ преданіи дѣвушка сама выступаетъ подъ бѣлымъ покрываломъ. Первый варіантъ представляется намъ болѣе сообразнымъ и можетъ быть поставленъ въ аналогію съ нѣкоторыми свадебными малорусскими обрядами, напримѣръ съ съ повязываніемъ платкомъ руки жениха на сговорѣ, что также знаменуетъ собою со стороны невѣсты актъ добровольнаго избранія его въ мужья.

Установивъ историческую достовѣрность даннаго обычая, слѣдовало бы объяснить его происхожденіе. Откуда и когда возникъ у насъ этотъ оригинальный обычай? Что онъ не самобытенъ, это видно уже изъ того, что ни въ Литовскомъ статутѣ, ни въ другихъ дѣйствовавшихъ у насъ юридическихъ кодексахъ о немъ нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія. Между тѣмъ онъ несомнѣнно существовалъ въ быту многихъ западно-европейскихъ народовъ. Быть можетъ, его первоисточникомъ слѣдуетъ считать существовавшій въ древнемъ Римѣ обычай помилованія приговоренныхъ къ смерти преступниковъ, когда они на пути къ мѣсту казни встрѣчали святыхъ дѣвъ, служительницъ богини Весты. Въ средніе вѣка, въ эпоху рыцарскаго поклоненія женщинѣ, прерогатива спасать отъ казни осужденныхъ, искавшихъ защиты, принадлежала высокопоставленнымъ дамамъ, а иногда и простымъ женщинамъ. По словамъ Я. Гримма, въ сказаніяхъ этой эпохи «спасительнымъ представляется приближеніе къ королевамъ, княгинямъ, которыя берутъ кого-либо подъ свой плащъ, даже вообще къ женщинамъ... Жители мѣстности Barèges, въ провинціи Bigorre, въ старой Франціи, между другими древними обычаями, долго сохраняли и тотъ, что всякій преступникъ, который успѣетъ подбѣжать къ женщинѣ, долженъ быть помилованъ» [1]). Въ XV ст.

---

[1]) J. Grimm, Rechts-Alterthümer, s. 892. Настоящая, (какъ и всѣ почти дальнѣйшія) цитата заимствована изъ книги Liebrecht'a Zur Volkskunde. Alte und neue Aufsätze, гдѣ въ статьѣ „Frauenprärogativ" собраны многочисленные факты изъ исторіи обычнаго западно-европейскаго права, касающіеся даннаго обычая.

въ обычномъ правѣ той же Франціи наблюдается уже значительное ограниченіе и вмѣстѣ видоизмѣненіе древняго обычая: не всякая женщина освобождаетъ преступника отъ присужденной ему казни, а лишь дѣвушка, рѣшившаяся выйти за него замужъ. Древнѣйшій изъ числа извѣстныхъ примѣровъ такого установленія случился въ Парижѣ въ 1430 году. Съ тѣхъ поръ этотъ обычай во Франціи получилъ общее распространеніе, а въ XVII ст. встрѣчаются уже случаи его ограниченія. Въ 1606 г. парламентъ г. Гренобля отказалъ двумъ дѣвушкамъ, просившимъ о помилованіи осужденныхъ, за которыхъ онѣ желали выйти замужъ. Людовикъ XVI противился примѣненію этого обычая въ отношеніи дезертировъ: въ 1668 г. онъ издалъ указъ, запрещавшій судамъ освобождать отъ смертной казни осужденныхъ за побѣгъ изъ войска и въ томъ случаѣ, «если, по обычаю, дѣвушка, заявитъ желаніе вступить въ бракъ съ такимъ преступникомъ». [1])

Тотъ же обычай существовалъ нѣкогда и въ Германіи о чемъ можно найти свѣдѣнія въ книгахъ: *Burkhard Waldis* VI, 67, «О приговоренномъ къ смерти парнѣ», *Horae Belgicae* Bd. II, S. XLVIII f. и *Mittler*, Deutsche Volkslieder, № 243, стр., 3, 7. У Бирлингера (Aus Schwaben und s. w. II, 460) приводится забавный разсказъ, очень напоминающій наши запорожскія преданія. Одинъ осужденный преступникъ, котораго хотѣла спасти отъ висѣлицы остроносая старая дѣва, предложивъ ему руку и сердце, посмотрѣлъ на нее и сказалъ: «Острый носъ, острый подбородокъ—навѣрное въ ней сидитъ чортъ! Лучше полѣзать въ петлю!» и съ этими словами отправился къ висѣлицѣ.

Былъ такой же обычай и въ Пьемонтѣ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ народная пѣсенка *La Brunetta* (Ferraro, Canti Monferrini, Torino-Firenze, 1870, № 19), въ которой разсказывается о дѣвушкѣ, спасающей отъ висѣлицы убійцу своего отца согласіемъ выйти за него замужъ. То же было и въ обычномъ правѣ Испаніи, но съ тою разницею, что въ то время, какъ въ другихъ

---

[1]) Loiseleur, Des crimes et les peines dans l'antiquité et dans les temps modernes, Paris, 1863, 272—273.

европейскихъ странахъ спасительницею осужденнаго могла быть только честная дѣвушка, здѣсь эта прерогатива принадлежала публичной женщинѣ. Конечно, это было уже явнымъ извращеніемъ первоначальной идеи, легшей въ основу древняго обычая.

Такимъ же случайно сходнымъ явленіемъ, не имѣющимъ ничего общаго съ идеей дѣвической прерогативы, представляется намъ существовавшій въ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ странахъ обычай, въ силу котораго приговоренную къ смерти преступницу миловали, если *палачъ* соглашался на ней жениться. Въ 1525 г. въ Нюрнбергѣ одна женщина, убившая ребенка, была избавлена отъ утопленія (по судебному приговору) благодаря тому, что на ней согласился жениться палачъ [1]). На существованіе подобнаго обычая въ Пьемонтѣ указываетъ народная пѣсенка «*La parricida*», въ которой палачъ, надѣвая петлю на осужденную за отцеубійство, спрашиваетъ ее, не хочетъ ли она выйти за него замужъ, но послѣдняя отвергаетъ это предложеніе (Ferraro, Canti Monferrini, № 11). Тотъ же обычай существовалъ и во Франціи [2]) Но, повторяемъ, обычай этотъ по существу едва ли имѣлъ что-нибудь общее съ тѣмъ, о которомъ мы ведемъ рѣчь, и возникъ онъ совсѣмъ изъ другихъ соображеній. Это была одна изъ многихъ привилегій палача, являвшихся своего рода сверхъ-урочной платой за его позорное ремесло,—привилегія въ родѣ той, какою палачи пользовались нѣкогда и въ Малороссіи, когда появлялись на ярмаркахъ и базарахъ и съ грознымъ окрикомъ: «дай кату плату!» безнаказанно грабили людей [3]). Въ параллель съ упомянутою привилегіею палача освобождать отъ казни понравившуюся ему преступницу посредствомъ женитьбы на ней можно поставить практиковавшійся во время французской революціи обычай—выпускать изъ тюремъ тѣхъ дворянокъ,

---

[1]) Zeitschrift für deutsche Culturgesch. 2, 229.

[2]) Bujeaud, Chants et chansons pop. des provinces de l' ouest. Niort, 1866, II, 145.

[3]) См. преданіе объ этомъ въ «Укр. Записяхъ» П. Мартиновича, въ XI кн. «Кіев. Стар.» 1904 г., стр. 254.

съ которыми соглашались вступить въ бракъ республиканскіе солдаты. То же самое наблюдаемъ и въ Малороссіи при Хмельницкомъ, когда евреи и шляхтичи подвергались безпощадному истребленію, а «жоны шляхецкія зостали жонами козацкими» [1], что нерѣдко бывало и съ молодыми еврейками.

Итакъ обычай помилованья преступника по просьбѣ дѣвушки, рѣшавшейся выйти за него замужъ, несомнѣнно былъ занесенъ въ Малороссію изъ западной Европы въ числѣ многихъ другихъ культурныхъ заимствованій. Когда именно и какъ произошло это заимствованіе—объ этомъ можно представить лишь общія соображенія болѣе или менѣе гадательнаго характера, но точныхъ фактическихъ указаній сдѣлать невозможно по недостатку данныхъ. Точно также трудно рѣшить и другой вопросъ: насколько широко былъ распространенъ въ Малороссіи данный обычай? Крайняя скудость сохранившихся о немъ воспоминаній въ народныхъ преданіяхъ, повидимому, свидѣтельствуетъ о томъ, что этотъ обычай весьма рѣдко и, можетъ быть, не повсемѣстно практиковался въ старой Малороссіи. Еще скуднѣе документальныя о немъ свидѣтельства; за исключеніемъ приведеннаго выше декрета Олыкской ратуши 1606 года, намъ не приходилось встрѣчать даже косвенныхъ указаній на существованіе этого обычая ни въ актовыхъ книгахъ нынѣшняго Югозападнаго края XVI—XVIII ст., ни въ актахъ собственно малороссійскихъ судовъ — полковыхъ, сотенныхъ и магистратскихъ. Тѣмъ не менѣе и это обстоятельство еще не даетъ изслѣдователю права ставить рѣшительный приговоръ о степени распространенности даннаго обычая—и это вотъ почему: изъ актовыхъ книгъ правобережной Малороссіи въ наименьшемъ числѣ сохранились акты именно тѣхъ судовъ, которые въ своихъ рѣшеніяхъ чаще всего примѣняли воззрѣнія мѣстнаго обычнаго права и гдѣ всего скорѣе могли бы оказаться слѣды и того обычая, о которомъ мы ведемъ рѣчь,—разумѣемъ суды магистратскіе и ратушные. Еще съ большею интенсивностью и свободою проявляются

[1]) Лѣтоп. Самовидца, стр. 13.

народные обычаи и правовыя понятія въ декретахъ собственно козацкихъ судовъ; но къ сожалѣнію, изъ огромнаго запаса актовыхъ книгъ, какой долженъ былъ скопиться въ лѣвобережной Малороссіи въ теченіе болѣе чѣмъ столѣтняго существованія въ ней своихъ судовъ, до настоящаго времени мы имѣемъ лишь ничтожныя крупицы, разсѣянныя по разнымъ книгохранилищамъ и потому мало доступныя для изслѣдователей [1]. Лично мы не сомнѣваемся, что эти драгоцѣнные памятники правовой жизни старой Малороссіи не всѣ погибли безвозвратно и что многія актовыя книги козацкихъ судовъ отыщутся со временемъ въ столичныхъ архивахъ, куда онѣ попали послѣ упраздненія дореформенныхъ уѣздныхъ судовъ. До тѣхъ же поръ, пока этотъ драгоцѣнный матеріалъ не будетъ собранъ и изученъ, не возможны, по нашему мнѣнію, категорическіе приговоры по многимъ вопросамъ обычнаго права старой Малороссіи.

Ор. Левицкій.

---

[1]) Перечень всего, что доселѣ извѣстно, какъ остатокъ малороссійскихъ актовыхъ книгъ, можно найти въ нашемъ рефератѣ «Объ актовыхъ книгахъ, относящихся къ исторіи Югозап. края и Малороссіи», помѣщенномъ въ «Трудахъ XI Археол. Съѣзда». Тамъ же приведены историческія свѣдѣнія объ актовыхъ книгахъ бывшихъ малороссійскихъ судовъ.

Бытописатель пореформенной Украины.

Къ 35-лѣтнему юбилею литературной дѣятельности И. С. Нечуя-Левицкаго.

Въ декабрѣ прошлаго года украинское общество праздновало 35-лѣтній юбилей одного изъ выдающихся своихъ писателей—Ивана Семеновича Левицкаго. Рѣдкое лицо среди современныхъ украинскихъ дѣятелей пользуется такою широкою и вполнѣ заслуженною популярностью на Украинѣ, какъ авторъ безсмертныхъ «бабы Параски та бабы Палажки», «Кайдашевои симьи», «Старосвитськыхъ батюшокъ и матушокъ» и многихъ другихъ произведеній, и потому юбилей его объединилъ всѣхъ представителей украинскаго общества, сошедшихся на юбилейномъ торжествѣ въ Кіевѣ, чтобы «едиными усты и единымъ сердцемъ» чествовать любимаго писателя. Но и помимо чисто литературныхъ заслугъ, мягкая, симпатичная, отзывчивая личность его, стоящая внѣ всякихъ партійныхъ споровъ и личныхъ счетовъ, много способствовала этому единодушію, проявившемуся на юбилейномъ чествованіи.

И. С. Левицкій, въ началѣ своей литературной дѣятельности болѣе извѣстный подъ псевдонимомъ—Иванъ Нечуй, родился 13 ноября 1838 года въ м. Стеблевѣ, кіевской губерніи, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Родъ Левицкихъ былъ старый духовный родъ, связанный семейными преданіями и сословными традиціями съ тѣми временами, когда на Украинѣ при замѣщеніи духовныхъ «посадъ» еще въ полной силѣ было выборное начало и когда это выборное

духовенство жило одною жизнью съ народомъ, отличаясь отъ последняго лишь бо́льшимъ сравнительно уровнемъ развитія. Отецъ И. С. Левицкаго для своего времени былъ весьма незаурядной личностью: онъ очень любилъ книги, говорилъ проповѣди на родномъ народу языкѣ, основалъ школу, мечталъ даже о потребительской лавкѣ, чтобы избавить своихъ прихожанъ отъ эксплоатаціи мѣстныхъ торговцевъ. Своихъ дѣтей онъ знакомилъ съ украинской исторіей и современными отношеніями на Украинѣ и вообще вліялъ на развитіе среди нихъ симпатій къ родному краю и народу; Ив. Сем. еще въ дѣтствѣ познакомился съ исторіей Украины по сочиненіямъ Бантышъ-Каменскаго и Маркевича, по лѣтописи Самовидца, которыя имѣлись въ библіотекѣ его отца. Въ томъ же направленіи, съ другой стороны, вліялъ и общій складъ жизни тогдашняго духовенства, близость послѣдняго къ народу. Мать И. С. Левицкаго, происходившая изъ стараго козацкаго рода, по-русски совсѣмъ не говорила, благодаря чему въ домѣ господствовала украинская рѣчь. Дѣти всегда вращались въ обществѣ крестьянъ, слушали тѣ же сказки, пѣли тѣ же пѣсни, что и ихъ ровесники-крестьяне, участвовали во всѣхъ церемоніяхъ, въ родѣ крестинъ, свадьбъ, похоронъ и т. п., исполнявшихся по строго народнымъ обычаямъ. Не зная никакого «средостѣнія» между собой и народной массой, И. С. Левицкій еще въ дѣтствѣ, совершенно безсознательно, впиталъ то здоровое зерно искренняго демократизма, которое впослѣдствіи стало руководящей нитью всей его литературной дѣятельности и котораго не смогла вытравить даже все обезличивающая школа, построенная на совершенно иныхъ началахъ. Было еще одно обстоятельство, фиксировавшее указанное вліяніе окружавшей будущаго писателя среды. «Ще якъ я бувъ малымъ хлопцемъ,—пишетъ онъ въ своей автобіографіи,—я чувъ про Шевченка; тоди въ насъ по селахъ скризь говорылы про його, бо Кереливка, де родывся Шевченко, всього за двадцять верстовъ одъ Стеблева. Я чувъ, що винъ пробувавъ у Корсуни у свого родыча, Варфоломея Шевченка, за висимъ верстовъ одъ Стеблева. Знакоми наши заносылы зъ Корсуня навить урывкы його виршивъ, котри винъ тоди складавъ.

Слава його тоди ходыла скризь по селахъ»[1]). Обаяніе имени Шевченка, подкрѣпленное раннимъ знакомствомъ съ произведеніями геніальнаго украинскаго Кобзаря, дало, по всей вѣроятности, первый сознательный толчокъ въ томъ направленіи, которое было уже подготовлено вліяніемъ родителей и окружающей обстановкой.

Въ 1847 г. И. С. Левицкаго отдали въ Богуславское духовное училище, типическую «бурсу» добраго стараго времени, такъ талантливо изображенную безвременно скончавшимся ровесникомъ нашего писателя, Анатоліемъ Свидницкимъ. Жестокая до послѣднихъ предѣловъ тиранства фигура смотрителя училища, игумена Өеодора, наложила на всю школьную жизнь крайне тяжелый отпечатокъ забитости и безпощаднаго сѣченія, дополняемыхъ латинской и греческой мертвечиной, преслѣдованьемъ за «мужычи слова» и т. п. И если дореформенная бурса не вполнѣ обезличивала своихъ питомцевъ, то это объясняется лишь относительной свободой учениковъ во внѣучебное время и близостью ихъ къ здоровой окружающей обстановкѣ.

Четырнадцати лѣтъ И. С. Левицкій перешелъ въ Кіевскую семинарію, которая по постановкѣ учебнаго дѣла и пріемамъ мало отличалась отъ бурсы, но за то давала болѣе широкій просторъ индивидуальнымъ наклонностямъ семинаристовъ. Желающіе могли удовлетворять свою духовную жажду, по крайней мѣрѣ, внѣ стѣнъ семинаріи, изъ постороннихъ источниковъ. И. С. Левицкій заинтересовался французской литературой, съ которой и познакомился основательно, тратя на пріобрѣтеніе книгъ свои скудныя семинарскія средства. Тогда же ему впервые случилось прочитать сочиненія Пушкина и Гоголя; съ произведеніями Шевченка онъ былъ знакомъ раньше и нѣкоторыя изъ нихъ зналъ даже наизусть.

Прослуживъ нѣкоторое время по окончаніи семинаріи учителемъ того же Богуславскаго училища, въ которомъ самъ когда-то учился, И. С. Левицкій въ 1861 г. поступаетъ въ Кіевскую

---

[1]) Сьвіт, 1881, стр. 156. Ср. Ив. Левицькый «Повисьти й оповидання» т. I, стр. 302.

духовную академію. Въ русской жизни это время было, какъ извѣстно, лучемъ свѣта, ворвавшагося яркой полосой въ сплошное темное царство забитости, безправія и крѣпостныхъ отношеній; въ воздухѣ повѣяло весной, рухнуло крѣпостное право, и на его развалинахъ всѣмъ прогрессивнымъ людямъ грезилось уже полное обновленіе Россіи. Всеобщее оживленіе коснулось и питомцевъ духовной академіи, и въ ея стѣнахъ горячо дебатировались волновавшіе всѣхъ вопросы жизни; прогрессивные журналы читались запоемъ и обсуждались со всею пылкостью, на которую только способна горячая юность. Вѣроятно, въ стѣнахъ академіи впервые всталъ предъ г. Левицкимъ во всей своей настоятельности и національный вопросъ, для возбужденія котораго академія представляла весьма удобную почву. Здѣсь царствовала невообразимая смѣсь «одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній»; здѣсь сталкивались бокъ-о-бокъ представители различныхъ національностей, разныхъ культуръ; здѣсь въ одной комнатѣ часто приходилось жить студентамъ—украинцу, великороссу, болгарину, сербу, греку. На фонѣ племенныхъ отличій, привычекъ, языка и другихъ условій естественнѣе всего было возникнуть вопросамъ: «хто мы? чыи сыны, якыхъ батькивъ?..» — тѣмъ болѣе, что южные славяне и въ Россію приносили съ собой горькія воспоминанія о турецкихъ звѣрствахъ и горячія мечты объ освобожденіи родного народа изъ-подъ чужеплеменнаго ига. «Украинськи студенты,—говоритъ И. С. Левицкій въ повѣсти «Хмары»—ще не малы тоди ясного почуття національносты; але слухаючы серба й болгара, воны й соби згадалы про свій нещасный народъ, зовсимъ побытый зъ языкомъ, литературою й исторіею» [1]). Выходившая въ то время въ Петербургѣ «Основа» давала матеріалъ для постановки національнаго вопроса и вмѣстѣ съ тѣмъ представляла готовую арену для лицъ, обладавшихъ литературными наклонностями. У И. С. Левицкаго уже въ то время возникаетъ мысль—писать для «Основы», оставшаяся впрочемъ не осуществленной, такъ какъ первый украинскій органъ скоро прекратилъ свое существованіе.

---

[1]) «Повісті Івана Левіцького», Кіевъ, 1876, стр. 12.

Тѣмъ не менѣе дѣло пробужденія было сдѣлано; вопросъ твердо запалъ въ душу и настоятельно требовалъ своего разрѣшенія. Отрицательное отношеніе къ украинскому вопросу окружающей среды, какъ это ни странно, въ сильной степени способствовало его разрѣшенію именно въ положительномъ направленіи. Нужно замѣтить, что за исключеніемъ весьма немногихъ, товарищи-великороссы весьма нетерпимо относились къ стремленіямъ украинцевъ, отказывая украинскому народу и его литературѣ въ правѣ на существованіе, а одинъ изъ профессоровъ ex cathedra объявилъ, что въ интересахъ государства необходимо сжечь украинскую литературу, равно какъ и бѣлорусскую, если бы послѣдняя появилась. Несомнѣнно, подобное нетерпимое отношеніе всегда достигаетъ результатовъ, совершенно противоположныхъ тѣмъ, какіе имѣлись въ виду, такъ какъ ставитъ вопросы національнаго существованія въ совершенно ясной и категорической формѣ даже предъ тѣми кто мало ими интересуется. Такимъ образомъ уже въ академіи совершенно ясно намѣченъ былъ И. С. Левицкимъ тотъ путь, съ котораго нашъ писатель не сходилъ уже въ теченіе всей своей жизни. Въ этомъ и кроется разгадка того не понятнаго, на первый взглядъ, обстоятельства, какъ могъ появиться этотъ крупный талантъ, посвятившій себя мало популярной тогда литературѣ, при обстоятельствахъ, невольно вызывающихъ на извѣстный вопросъ: «изъ Назарета можетъ ли что добро быти?»—при томъ совершенно самостоятельно, безъ связи съ тѣми кружками, въ которыхъ въ то время сосредоточивалось украинское движеніе. Личныя знакомства въ украинскихъ сферахъ Ив. Сем. Левицкій пріобрѣтаетъ уже впослѣдствіи.

По окончаніи академіи въ 1865 г., Ив. Сем. Левицкому пришлось служить нѣкоторое время въ Полтавѣ учителемъ семинаріи. Матеріальная необезпеченность и справедливыя опасенія за свою судьбу въ томъ случаѣ, если характеръ и направленіе его литературныхъ трудовъ станетъ извѣстнымъ духовному начальству, побудили начинающаго писателя перемѣнить службу. Изъ Полтавы И. С. Левицкій переходитъ учителемъ гимназіи въ Калишъ, гдѣ ему представилась возможность прекрасно изучить жизнь поль-

скаго общества, такъ выпукло изображенную впослѣдствіи въ его произведеніяхъ. Въ началѣ службы И. С. Левицкаго въ Царствѣ Польскомъ, преподаваніе въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ происходило на польскомъ языкѣ, за исключеніемъ немногихъ предметовъ, порученныхъ И. С. Левицкому. Еще не было и слуху о «располяченіи» польской школы, и потому среди своихъ товарищей-поляковъ И. С. Левицкій не замѣтилъ и тѣни какого-нибудь враждебнаго къ себѣ отношенія. Но уже спустя полъ года обстоятельства рѣзко измѣнились, и И. С. Левицкому пришлось быть свидѣтелемъ введенія въ польскую школу русскаго языка, которое какъ громомъ поразило польское общество. «Ця подія,—пишетъ И. С. Левицкій проф. Огоновскому объ извѣстномъ циркулярѣ, изгонявшемъ польскій языкъ изъ польской школы,—лягла важкымъ впечаткомъ на мою душу. Я знавъ, що колысь и Польща карала Украину такымы бумагамы, що й наши предкы вынеслы одъ Польщи таку саму сумну моральну муку. Я бачывъ своимы очыма, якъ историчня Немезида повернула на саму Польщу ихъ же оружжя, *але мени все-такы было сумно дывытысь, якъ націю жывцемъ кладуть въ домовыну*» [1]). Жизнь въ Калишѣ, благодаря этому обстоятельству, сдѣлалась для И. С. Левицкаго мало привлекательной и онъ перешелъ первоначально въ Сѣдлецъ, а затѣмъ ближе къ Украинѣ—въ Кишиневъ, гдѣ и служилъ до 1885 г. когда вышелъ въ отставку и поселился въ Кіевѣ, отдавшись уже исключительно литературѣ. Бывшіе ученики украинскаго писателя сохраняютъ о немъ самыя теплыя воспоминанія. Какъ учитель, онъ всегда пользовался большимъ вліяніемъ среди учениковъ, будучи врагомъ узкаго педантизма и формализма и обращая преимущественное вниманіе на развитіе въ своихъ ученикахъ любви къ наукѣ и литературѣ.

Первое произведеніе Ив. Сем. Левицкаго, начатое еще въ Полтавѣ, появилось въ печати въ 1868 г.,—это былъ разсказъ «Дви московкы», напечатанный въ львовскомъ журналѣ «Правда». Несмотря

---

[1]) Огоновскій проф.—Исторія литературы рускои. Ч. III, в. I. Львів, 1891. Стор. 576.

на нѣкоторую подражательность въ манерѣ, обнаруживающую вліяніе лучшаго тогда въ украинской литературѣ прозаика Марка Вовчка, разсказъ несомнѣнно показывалъ, что молодой авторъ имѣетъ на своей палитрѣ и собственныя краски, хотя и не обладаетъ пока достаточной опытностью и умѣньемъ примѣнить ихъ къ дѣлу. Слѣдовавшія непосредственно за «Двома московкамы» произведенія вполнѣ подтвердили это, и издатели ихъ съ полнымъ основаніемъ могли заявить о надеждахъ, возлагавшихся на новаго писателя. Второе по времени произведеніе И. С. Левицкаго «Горіславськa ничъ» («Рыбалка Панасъ Круть») носитъ уже всѣ черты оригинальнаго художественнаго дарованія, глубоко проникающаго въ народную жизнь; слѣдующее—повѣсть «Прычепа»—дало поводъ ветерану украинской литературы Кулишу заявить, что Нечуй «першый доторкнувся жыття нашого товарыського, та тымъ поклавъ засновокъ до романивъ соцыяльныхъ» [1]. И вообще первые шаги нашего писателя были замѣчены и оцѣнены по заслугамъ. «Иванъ Нечуй,—читаемъ въ предисловіи къ I т. его произведеній,—у своихъ повистяхъ, чы то малюючы ситуаціи душы чоловичои, чы ставляючы передъ очи наши образы зъ прыроды, показався велыкымъ артыстомъ, а вся Украина покладае у його талантови що найбильши надіи» [2].

Направленіе и содержаніе литературной дѣятельности И. С. Левицкаго вполнѣ опредѣляется особенностями той замѣчательной эпохи, когда онъ впервые раскрылъ свои глаза, чтобы сознательно относиться къ общественнымъ явленіямъ. Началъ свою сознательную жизнь въ эпоху перелома общественныхъ отношеній въ Россіи, онъ вмѣстѣ съ г. Панасомъ Мырнымъ явился лучшимъ истолкователемъ и выразителемъ этого перелома въ украинской литературѣ и бытописателемъ украинской жизни пореформеннаго періода, хотя, конечно, корни его міровоззрѣнія заходили гораздо глубже, выражаясь въ отрицательномъ отношеніи къ дореформенному строю. «Хто зъ кыянъ,—

---

[1]) «Повісті Івана Нечуя». Т. І. У Львові, 1872. Предисловіе.

[2]) Ibid.

пишетъ онъ въ повѣсти «Причепа»—не памятае часу передъ Севастопольською війною? То бувъ тяжкый часъ для Украины, то було іи лыхолиття. Простый народъ стогнавъ у тяжкій неволи пидъ панамы, мусивъ мовчаты и терпиты гирше, якъ до Хмельныцького. А за кожный стонъ його московськымъ звычаемъ катовано. Украина забула исторични перекази и не могла наукою дійты до страченыхъ думокъ. На обохъ бокахъ Днипра опынылысь у чужыхъ порядкахъ, въ чужій шкури, набиралыся чужои мовы, забувалы свою. Згынула наука, впала просвита, зоставшысь тилькы въ схоластычныхъ латынськыхъ духовныхъ школахъ. Универсытетська наука була тильки азбука европейськои просвиты, обрізанои по казенній мири. Та наука хотила повыучуваты соби людей на москаливъ, до війська, до уряду. Зъ украинськыхъ университетивъ и другыхъ шкилъ повыходылы ти хаптурныкы, хабарныкы-урядныкы, неправедни судди, що правого робылы вынымъ, а выноватого правымъ,—ти консерватори вчытели и професоры, що вертилы історіею по московському наказу,—ти офицери-москали, що забывалы свій же народъ на закуціяхъ. А народъ робывъ панщыну, а помищыкы-ляхы и москали дерлы останню шкуру зъ Украины, тымъ часомъ, якъ наши щыроукраинци за свою молоду украинську идею сыдилы вже въ неволи, на далекій московській пивночи. То бувъ тяжкый часъ, бодай винъ не вертався»! [1]) Разложеніе и гниль дореформеннаго строя, выраженное И. С. Левицкимъ въ этихъ рѣзкихъ штрихахъ, къ сожалѣнію, не было устранено вполнѣ и эпохою великихъ реформъ, оставшихся не доведенными до естественнаго конца. Слѣды дореформенной гнили сказываются поэтому и въ послѣдующій періодъ, и тѣмъ яснѣе, чѣмъ дальше данная область общественныхъ отношеній была остановлена на пути къ полному обновленію жизненныхъ устоевъ. На первомъ планѣ въ этомъ отношеніи, помнѣнію И. С. Левицкаго, стоитъ неудовлетворительность разрѣшенія экономическаго и національнаго вопросовъ. «Тымъ часомъ насталы,—пишетъ онъ въ повѣсти «Бурлачка»,—не легки часы.

---

1) Ibid, 258—259.

Народъ ишовъ на роботу до панивъ зъ велыкою неохотою, бо плата за роботу була мала, и тильки нужда гнала його на панську роботу... Паны почалы найматы на рикъ строковыхъ за малу цину въ зимній часъ, корыстуючысь народнымъ голодомъ та холодомъ та всякою пуждою: сталы на Украини звисни порціи, *маленька нова панщына*» [1]). Связь между настоящимъ крѣпостнымъ правомъ и современной «маленькою новою панщыною» особенно ясно обнаруживается изъ повѣсти «Мыкола Джеря».

Дѣйствіе ея открывается еще при крѣпостномъ правѣ. На сценѣ крѣпостныя отношенія, характеризуемыя полною приниженностью человѣческой личности, безпощадной эксплоатаціей человѣческаго инвентаря и совершеннымъ препебреженіемъ къ его личной жизни и матеріальнымъ интересамъ. Молодой парубокъ Мыкола Джеря сосваталъ дѣвушку изъ сосѣдней деревни, принадлежавшей другому помѣщику. Этотъ послѣдній соглашался на бракъ лишь подъ условіемъ, что вмѣсто уходящей отъ него работницы онъ получитъ другую, равноцѣнную. Что пережила несчастная пара—легко представить, но вотъ совершенно случайно требуемая замѣна произошла и молодые получили возможность соединить свою судьбу, казалось бы, на вѣки. Свадьба закончилась, молодые вступаютъ въ новую жизнь. Вотъ какъ началась эта новая жизнь.

> Ввечери по-пидъ дворамы йиздывъ осавула на кони й загадувавъ усимъ на панщыну до току. Крыкъ осавулы давъ знаты людямъ, що весилля скинчылось. Вси почалы росходытыся додому. Джерына хата опорожнылась.
>
> Ввечери въ Джерыній хати блыщавъ каганець. Джерыха и Немыдора кынулысь прыбираты въ хати й перемываты посуду. Весильный чадъ выйшовъ у всихъ зъ головы. Джеря и Джерыха на воли передумувалы, скилькы воны вытратылы грошей на весилля. Треба було заплатыты жыдови, заплатыты подушне, нашаткуваты другу дижку капусты. Грошей не було ни копійкы.

---

[1]) Иванъ Левицькый. Повисьти й оповидання, т. I, Спб. 1899, стор. 184, 134—135.

— А що, стара, будемо робыты? Чымъ будемо оплачуватысь?—промовывъ батько.

— Змолотымо та продамо половыну хлиба. Хвалыты Бога, хлибъ уродывъ.

— А якъ не стане хлиба, що будемо йисты,—сказавъ батько.

— То заробымо; хиба жъ не маемо рукъ чы що?—обизвався сынъ.

— А колы жъ мы його заробымо? Хиба за тiею панщыною похопысся заробыты?—сказавъ батько.

— Бодай ту панщыну дидько забравъ соби до пекла!—промовывъ сынъ [1]).

Таково было въ эпоху крѣпостныхъ порядковъ пробужденіе послѣ «весильного чаду» и вступленіе въ новую жизнь. Страшнымъ контрастомъ звучитъ это привѣтствіе па ея порогѣ изъ устъ «осавулы», напоминавшаго, что завтра молодыхъ ждетъ подневольная работа на помѣщичьемъ току. Ужасомъ черной безысходности вѣетъ отъ этого заключительнаго восклицанія: «бодай тую панщыну дидько забравъ соби до пекла!»...

Мыкола молотывъ поручъ зъ батькомъ.

— А що, музыко, выгравай ципомъ писля свого весилля!—жартувалы чоловикы надъ Мыколою.

Мыкола глянувъ на незличенни скырты, задумався и спытавъ у батька.

— На що одному чоловикови такъ багато хлиба? Господы! чы вже жъ винъ пойисть оце все?.. [2]).

Естественно зародившаяся въ подобныхъ условіяхъ мысль о соціальной несправедливости уже не оставляетъ Мыколу и приводитъ его къ активному протесту, въ результатѣ котораго произошла лишь безпощадная экзекуція, подлившая новаго масла въ огонь протеста. Жизнь становится все болѣе невыносимой, тяготы

---

[1]) Ibid., 25.

[2]) Ibid., 27.

ощущаются все сильнѣе; выходъ одинъ—бѣжать изъ родного села куда глаза глядятъ, оставивъ близкихъ людей и на прощаніе отомстивъ помѣщику единственнымъ бывшимъ въ рукахъ у бѣглецовъ средствомъ — поджогомъ. Мы не будемъ слѣдовать за бѣглецами въ ихъ тяжелыхъ скитаніяхъ по заводамъ, фабрикамъ, по степямъ Новороссіи, по рыбнымъ промысламъ, отсылая читателя къ самой повѣсти. Напомнимъ лишь, что когда, по отмѣнѣ крѣпостного права, Мыкола получилъ возможность вернуться на родину, онъ нашелъ здѣсь ту же эксплоатацію, въ нѣсколько иныхъ, правда, формахъ, ту же систему выжиманіи пота непосильной работой, всяческими поборами и притѣсненіями. «Отъ тоби й воля!—говорывъ Джеря.—Отъ тоби й вернувся до господы. И на що було вертатысь у цей проклятый край! Будь винъ трычи проклятъ одъ Бога й одъ людей!» [1])—таково резюме жизненнаго опыта у нашего протестанта. Не нашелъ успокоенія старый «бурлака», хотя авторъ и смягчаетъ безотрадное впечатлѣніе, закончивъ повѣсть идиллической картинкой мирной жизни на пасѣкѣ.

Эта повѣсть, дѣйствіе которой протекаетъ въ условіяхъ крѣпостного хозяйства, служитъ какъ бы введеніемъ къ цѣлому ряду произведеній, живописующихъ пореформенную жизнь украинской деревни, которая все такъ же продолжаетъ биться въ крѣпкомъ зажимѣ неблагопріятныхъ экономическихъ и соціальныхъ условій, сохранивъ къ тому же и всю первобытную темноту и примитивность отношеній. Благодаря этому, просторъ для эксплоататорской дѣятельности представляется безграничный. Уже въ повѣсти «Мыкола Джеря» И. С. Левицкимъ представлены потрясающія картины этой эксплоатаціи на основѣ свободнаго якобы договора бѣглецовъ отъ ужасовъ крѣпостного состоянія и хозяевъ различнаго рода промышленныхъ предпріятій, и къ этой темѣ онъ возвращается не однократно давая каждый разъ яркую характеристику возобновленной «маленькои панщыны». Предъ читателемъ проходитъ цѣлый рядъ ярко, жизненно-правдиво и художественно-сильно очерченныхъ фигуръ и сценъ,

---

[1]) Ibid., 134.

въ совокупности развертывающихъ безотрадную картину условій жизни народа. Вотъ эпическая фигура рыбалки Панаса («Рыбалка Панасъ Круть»), испробовавшаго всевозможныя ремесла и нигдѣ не нашедшаго «щастя-доли»; сдѣлавшись наконецъ рыбакомъ, онъ двадцать три года ловитъ рыбу въ Роси,—«годуе и зодягае мене Рось, спасыби ій, якъ та ридна маты» [1]), говоритъ онъ, — но полное успокоеніе все-таки нашелъ лишь на днѣ рѣки. гдѣ «оддячыла своему ворогови рыба». Вотъ гнетущія картины фабрично-промысловой жизни изъ «Бурлачки», воскрешающія весь ужасъ крѣпостного права при новой обстановкѣ. Вотъ тяжелая доля «Двохъ московокъ», ставшихъ неповинными жертвами, неизвѣстно кѣмъ принесенными на алтарь милитаризма. Вотъ безсмертныя бабы—Параска и Палажка («Баба Параска та баба Палажка»), олицетвореніе всей той безпросвѣтной темноты, которая густымъ флеромъ окутала украинскую деревню. Вотъ семья Кайдашей («Кайдашева симья»), разбившаяся на безпрерывно воюющіе враждебные лагери, благодаря все тѣмъ же невозможнымъ условіямъ существованія, заставляющимъ съ завистью глядѣть на всякій кусокъ въ рукахъ своего же брата. Вотѣ цѣлый рядъ погибшихъ, нравственно разбитыхъ существъ («Пропащи»), принесшихъ всѣ лучшія влеченія своего сердца въ жертву матеріальной полуобезпеченности, такъ и оставшейся, впрочемъ, не достигнутой. Вотъ цѣлыя массы лишенныхъ «на законномъ основаніи» пищи и крова («Жывцемъ поховани»), уже не знающихъ, гдѣ голову приклонить и чѣмъ обезпечить себѣ полуголодное существованіе. . Вопросъ, поставленный въ русской литературѣ Некрасовымъ: «народъ освобожденъ, но счастливъ ли народъ»?—рѣшается и нашимъ писателемъ вполнѣ отрицательно; въ подтвержденіе этого рѣшенія имъ представлена такая масса подлинныхъ «человѣческихъ документовъ», что поневолѣ припоминается пророчество: «на мѣсто цѣпей крѣпостныхъ люди придумаютъ много иныхъ»... Мы не имѣли, конечно, и слабаго поползновенія использовать весь матеріалъ этого рода, заключаю-

---

[1]) Ibid., 489.

щійся въ произведеніяхъ И. С. Левицкаго, пересмотрѣвъ длинный мартирологъ погибшихъ и погибающихъ подъ гнетомъ соціальной неправды. Да едва ли, впрочемъ, этотъ матеріалъ и нуждается въ нашемъ подробномъ изложеніи, такъ какъ—мы увѣрены—онъ живетъ въ памяти каждаго читателя или легко можетъ быть освѣженъ по первоисточнику. Мы хотѣли отмѣтить лишь господствующее въ произведеніяхъ украинскаго писателя содержаніе, съ поразительнымъ реализмомъ и пониманіемъ изображающее переломъ въ народной жизни и его тягостныя послѣдствія. Маруся изъ сказки «Запорожци», возвратившись на родную землю спустя столѣтіе, находитъ положеніе родной деревни еще болѣе ухудшившимся и предпочитаетъ по прежнему обратиться въ кустъ калины, чѣмъ влачить жалкое существованіе среди современныхъ условій. Таковъ по существу выводъ и самого автора...

Но не одно экономическое оскудѣніе тяжелымъ гнетомъ лежитъ на народѣ; въ связи съ этимъ оскудѣніемъ и какъ необходимое его последствіе—стоитъ умственная и нравственная темнота народной массы, поддерживаемая исключительными отношеніями на Украинѣ. Эта темнота выражается и въ самобытной формѣ—въ видѣ розни, непониманія собственныхъ интересовъ, неумѣнья приспособиться къ обстоятельствамъ; и въ наносной—въ видѣ того презрѣнія къ родной обстановкѣ, которая является какъ результатъ пресловутаго «обрусенія» и пріобщенія къ лакейской цивилизаціи. Фигуры военнаго писаря («Дви московки») и Бубкы («Хмары»), горделиво именующаго себя уже Бубковымъ,—относятся къ числу первыхъ образовъ этого рода въ нашей литературѣ. Не смотря на комическое впечатлѣніе, которое производятъ эти и подобныя фигуры, не смотря вообще на обиліе юмористическаго элемента въ произведеніяхъ И. С. Левицкаго, ясно видно, что авторъ видитъ въ нихъ не одну комическую сторону, но тяжело задумывается надъ тѣми общими условіями, которыя производятъ на свѣтъ этихъ «перевертнивъ», своего рода «ни павъ ни воронъ», отставшихъ отъ одного берега и не приставшихъ къ другому, заполняющихъ только собою ряды чужеземныхъ эксплоататоровъ, съ удобствомъ усѣвшихся на шеѣ на-

рода... Кстати, у И. С. Левицкаго экономическіе эксплоататоры вообще являются большею частью чужеземцами, какъ это и въ дѣйствительности было въ первое послѣ реформы время. Нарожденіе собственныхъ «глытаивъ», всѣхъ этихъ Калытокъ, Пузыривъ и прочихъ розуваевскаго типа господъ, особенно ярко изображенныхъ въ комедіяхъ г. Карпенка-Караго, у И. С. Левицкаго не отмѣчено. На смѣну ему въ этомъ отношеніи идутъ уже новые писатели, которые заполняютъ допущенный имъ пробѣлъ въ изображеніи народной жизни.

Интересуясь болѣе всего изображеніемъ народной среды, И. С. Левицкій не оставилъ тѣмъ не менѣе безъ вниманія и нашу интеллигенцію, представивъ въ своихъ произведеніяхъ анализъ тѣхъ условій, среди которыхъ ей приходится жить и дѣйствовать. Разсматривая произведенія нашего писателя съ этой стороны, приходится отмѣтить глубоко-пессимистическій въ общемъ взглядъ его на представителей интеллигенціи на Украинѣ. Причина этому—прежде всего чужія вліянія, которыя въ силу существующихъ условій самымъ фатальнымъ образомъ отражаются на воспитаніи интеллигенціи, оторванной отъ родной почвы. «Московська школа на нашій Украини багато одризныла луччыхъ людей одъ свого народу, одъ свого племя, одъ симьи, одъ батька й матери. А зновъ народъ дуже одризнывъ самъ себе одъ панивъ, одъ вченыхъ украинцивъ и косымъ окомъ споглядае на ихъ. Межъ нымы выкопана велыка безодня! И потрибно велыкои-велыкои праци не одного генія, щобъ засыпаты ту провалыну, почату ляхамы, скинчену москалямы, щобъ звязаты те, що порвала наша недбайлывисть та стыдка украинська байдужисть та ледача недобачлывисть» [1]). Первое зарожденіе этой «безодни» представлено И. С. Левицкимъ въ бытовыхъ очеркахъ «Старосвитськи батюшкы и матушкы», гдѣ ясно уже намѣчены условія и процессы, приводящіе къ полному разрыву народа съ интеллигенціей, на первыхъ порахъ, какъ въ данномъ случаѣ—съ духовенствомъ. Процессъ разъединенія, начало котораго изображено въ «Старосвитськыхъ батюшкахъ та матушкахъ», въ позднѣйшихъ произведеніяхъ

[1]) Ив. Левицький.—Повисти й оповидання, т. III, Кіевъ, 1901, стр. 126.

И. С. Левицкаго является уже вполнѣ законченнымъ; робкія проявленія своекорыстія у «старосвитськыхъ» священниковъ превращаются въ воинствующій антагонизмъ съ народомъ у современныхъ. О. Артемій («По-мижъ ворогамы»), читающій «Московскія Вѣдомости», является уже сущимъ врагомъ своей паствы, своекорыстнымъ и преслѣдующимъ исключительно свои личныя цѣли и интересы, оторваннымъ отъ народа безповоротно эгоистомъ. Изъ всѣхъ произведеній И. С. Левицкаго наиболѣе яркую иллюстрацію этого процесса распаденія народнаго организма на враждебно настроенные классы представляютъ двѣ повѣсти: «Прычепа» («Нахаба») и «Хмары». Обѣ онѣ изображаютъ процессъ денаціонализаціи украинской интеллигенціи,—первая въ сторону ополяченія, вторая въ сторону обрусенія. Такъ какъ разрывъ съ народомъ представляетъ, по мнѣнію автора, измѣну жизненнымъ интересамъ массъ и вызывается своекорыстными разсчетами, то И. С. Левицкій не щадитъ сатирическихъ красокъ по адресу интеллигенціи. Въ обѣихъ названныхъ повѣстяхъ талантливый авторъ мастерскою рукою даетъ рядъ картинъ, изображающихъ разбродъ интеллигенціи, ея своекорыстіе, неумѣніе и нежеланіе жить съ пользой для народа, отсутствіе ясныхъ идеаловъ; это въ большинствѣ случаевъ инертная, пассивная, податливая масса, «къ добру и злу позорно равнодушная», которую легко можетъ одурачить и повести за собой всякій ловкій проходимецъ. Денаціонализаціи при этомъ подпадаютъ не только полуинтеллигентные Серединскіе и Лемишковскіе, но и высоко образованные люди, въ родѣ профессора Дашковича, который въ началѣ трезво и сознательно смотрѣлъ на свои обязанности по отношенію къ родному народу, но впослѣдствіи заблудился межъ трехъ сосонъ—науки для науки, панславизма и метафизики. Рѣдкія минуты просвѣтлѣнія, въ родѣ той, которую пережилъ Дашковичъ во время своей поѣздки на родину, безсильны возвратить этихъ завянувшихъ и выдохшихся мумій къ живому источнику народной жизни и лишь ярче подчеркиваютъ ихъ внутреннее ничтожество и безсиліе. Часто при изображеніи этихъ «дѣятелей» родной страны у спокойнаго и сдержаннаго обыкновенно автора слышатся публи-

цистическія нотки; возмущенное чувство не выдерживаетъ и прорывается рядомъ отступленій, вредящихъ, можетъ быть, художественной цѣльности, но весьма ярко характеризующихъ общее міровоззрѣніе автора.

Но на ряду съ этими отрицательными типами интеллигентныхъ слоевъ И. С. Левицкій пытается дать и положительные образы настоящихъ народныхъ дѣятелей. Таковъ Радюкъ въ «Хмарахъ», таковъ Комашко въ позднѣйшей повѣсти «Надъ Чорнымъ моремъ». Къ сожалѣнію, положительные типы нашего писателя страдаютъ недостатками, свойственными вообще положительнымъ типамъ, для созданія которыхъ текущая дѣйствительность представляетъ слишкомъ недостаточно матеріала. Не отражая жизни, а опережая, такъ сказать, ее, такія созданія весьма неопредѣленны, блѣдны и лишены тѣхъ рѣзкихъ индивидуальныхъ чертъ, которыми изобилуютъ другія образы нашего писателя.

Обращаясь къ художественнымъ средствамъ И. С. Левицкаго, мы должны отмѣтить прежде всего его крупныя достоинства, какъ бытописателя, основывающіяся на прекрасномъ знаніи той сферы, изъ области которой онъ заимствуетъ темы для своихъ произведеній, а также умѣнье пользоваться этимъ знаніемъ. По характеру своего творчества, по манерѣ—это типичный эпикъ, спокойно и безпристрастно разбирающійся и въ сложныхъ проявленіяхъ души человѣческой, и въ явленіяхъ природы и лишь сравнительно рѣдко не выдерживающій спокойнаго тона. Особенно любитъ И. С. Левицкій останавливаться на картинахъ и явленіяхъ природы, и въ этомъ отношеніи онъ представляетъ несомнѣнно крупнаго мастера, давшаго много прекрасныхъ образцовъ описательной прозы. Въ описаніяхъ И. С. Левицкаго преобладаетъ пластика, внѣшнее изображеніе, производящее тѣмъ не менѣе сильное впечатлѣніе своею свѣжестью и колоритностью. Къ сожалѣнію, по мѣрѣ того, какъ И. С. Левицкій отходитъ дальше отъ вдохновлявшей его на зарѣ литературной дѣятельности эпохи перелома и шатанія, его произведенія становятся блѣднѣе, эскизнѣе, а реальной и художественной правды въ нихъ меньше. Произведенія послѣдняго періода вообще отмѣчены пе-

чатью усталости, въ зависимости отъ чего достоинства ихъ выступаютъ слабѣе, а недостатки (нѣкоторая условность, реторичность и растянутость) вырисовываются рѣзче. Лучшими произведеніями И. С. Левицкаго по прежнему остаются его старыя повѣсти и разсказы, о которыхъ мы упоминали выше.

По характеру своей дѣятельности И. С. Левицкій вообще занимаетъ особенное, исключительное мѣсто среди украинскихъ дѣятелей. Натура въ высшей степени спокойная, уравновѣшенная, онъ былъ свободенъ въ своей дѣятельности отъ той неровности и нервности, какой отличались почти всѣ другіе наши выдающіеся писатели. Въ то время, какъ болѣе страстныя натуры безпомощно бились въ тискахъ невозможныхъ условій, кидались изъ стороны въ сторону, размѣниваясь часто на мелочи—И. С. Левицкій твердо шелъ въ одномъ направленіи, систематически работая, регулярно производя на свѣтъ повѣсть за повѣстью, разсказъ за разсказомъ, находя при томъ еще возможность служить народу и въ качествѣ популяризатора и откликаясь иногда на злобы дня публицистическими произведеніями [1]). Благодаря этому отсутствію нервности, въ дѣятельности И. С. Левицкаго почти незамѣтно перерывовъ, антрактовъ, которыми такъ богата дѣятельность другихъ украинскихъ писателей; на немъ всего менѣе отразились общія неблагопріятныя условія существованія украинской литературы. Было время (вторая половина 80-хъ годовъ), когда онъ одинъ изъ болѣе крупныхъ старыхъ писателей появлялся предъ украинской публикой въ Россіи, и только по его произведеніямъ читатели могли судить объ украинской литературѣ Можно съ увѣренностью сказать, что въ данныхъ предѣлахъ И. С. Левицкій все земное совершилъ, занялъ прочное мѣсто среди дѣятелей украинскаго народа и спокойно можетъ оглядываться на пройден-

---

[1]) Наибольшею извѣстностью изъ публицистическихъ опытовъ И. С. Левицкаго пользуется его работа по поводу статьи Пыпина «Особая исторія русской литературы», озаглавленная—«Украинство на литературныхъ позвахъ зъ Московщыною» (подписана псевдонимомъ Баштовый).

-ный путь. Если украинская идея не заглохла окончательно въ тяжелые 80-ые годы, если мы теперь наблюдаемъ оживленіе среди украинскаго общества, распространеніе украинскаго движенія въ ширь и въ глубь, что между прочимъ отмѣтилъ въ одной изъ своихъ рѣчей и самъ юбиляръ, то этимъ мы обязаны въ значительной мѣрѣ ему, давшему образецъ систематическаго, спокойнаго и неторопливаго труда...

Далеко не все изъ написаннаго нашимъ писателемъ увидѣло свѣтъ въ Россіи: вышедшіе до сихъ поръ три тома полнаго собранія его сочиненій («Повисти й оповидання») заключаютъ въ себѣ лишь незначительную часть его литературной продукціи. Многое не допускается къ печати, многое появляется съ весьма значительными купюрами. Причина этого лежитъ въ общихъ условіяхъ существованія украинской литературы, которое до сихъ поръ носитъ всѣ признаки случайности, полу-признанія и едва-едва терпится въ самыхъ ограниченныхъ предѣлахъ. Ненормальность такого положенія дѣлъ всѣми сознана, и потому весьма удачной является мысль, возникшая на юбилеѣ И. С. Левицкаго, просить у подлежащихъ сферъ освобожденія украинской литературы отъ того отношенія къ ней, которое, продолжаясь уже болѣе 40 лѣтъ (съ 1863 года), особенно обострилось съ 1876 г., когда издано было ограничительное распоряженіе, извѣстное подъ именемъ Lex Josephoviana. Въ этомъ смыслѣ была составлена присутствовавшими на юбилейномъ торжествѣ соотвѣтственная резолюція. Повторяю — удачна и самая мысль, такъ какъ все общество должно, наконецъ, само взять въ свои руки иниціативу справедливаго и удовлетворительнаго разрѣшенія наболѣвшаго вопроса, не сваливая всю его тяжесть на отдѣльныхъ лицъ; не менѣе удачно и пріуроченіе этой мысли къ юбилею одного изъ выдающихся украинскихъ писателей, въ теченіе всей своей жизни практически осуществлявшаго ее своими единоличными усиліями и испытавшаго на себѣ самомъ тяготу неудовлетворительной постановки украинскаго вопроса. Упомянутое ходатайство, имѣющее вообще громадное общественное значеніе, служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и естественной данью уваженія къ

заслугамъ любимаго писателя, подчеркивая, съ другой стороны, все растущую солидарность различныхъ круговъ украинскаго общества—по крайней мѣрѣ, относительно самого, быть можетъ, больного вопроса нашей жизни. Если общество сумѣетъ достигнуть отмѣны ограниченій, созданныхъ спеціально для украинской литературы, то этимъ оно выразитъ лучшую признательность дѣятелямъ ея и крупнѣйшему среди нихъ—И. С. Левицкому...

Сергій Ефремовъ.

ГОЛОТА.

(Повисть).

I.

Балачка потроху, якъ той вогонь безъ палыва, затыхла; вси замовклы и, наче прыслухаючысь до жалибного витру въ дымари, дывылысь на червоне свитло полумья зъ грубкы—лежанкы. Въ велыкій сій брудній хати, що недурно звалася, «чорною скарбовою кухнею», було вохко, холодно и занадто незатышно; пахтило чымсь кыслымъ—чы то намоклымъ кожухомъ, чы то старою капустою, чы то заприлымы онучамы. Въ вечирній тьми, яку розбывало червоне свитло полумья зъ лежанкы та жовтенькый свитъ видъ невелычкои керосыновои лампочкы зъ розбытымъ и залипленымъ жовтымъ паперомъ скломъ, плававъ сыній дымъ, наче хмары, по-пидъ стелею и гостро щыпавъ у носи и за очи. Занадто вже незатышна була ся «кимната». Всякому выдно було, що тутъ жылы люде, якымъ не до затышку, що сю «кимнату» прызначено не до бенкетивъ, не до втихъ, а до захысту у негоду, щобъ було де йисты и спаты тоди, якъ не було «скарбовои» роботы. До сёго жъ тутъ було все, що треба. Щобъ зпекты хлиба, була здоровенна зъ пузатымъ коминомъ пичъ, яка почыналась видъ дверей и займала мало не всю стину; вздовжъ неи тяглася довжелезна лежанка зъ двома вмурованымы казанамы, въ

якыхъ варывся для сыхъ людей «кандёръ» и брудна юшка, яку тильки зъ завычкы звалы «борщемъ»; вздовжъ стины, що проты дверей, стоявъ довгый, ничымъ не вкрытый стилъ та довги лавы. Для спання — одъ печи до стины тягся довгый, шырокый пилъ, на якому було накыдано жужмомъ усякого шмаття. Вгори була стеля; знызу—чорна, земляна доливка; въ одній стини—двери, въ другыхъ—-тры-чотыри диркы, що мусылы буты викнамы.

Було тыхо и сумно. По зеленкуватыхъ шыбкахъ бывъ и шелестивъ дощъ, наче хто знадвору посувавъ по ныхъ виныкомъ; гудивъ витеръ, та десь далеко глухо гавкала собака, одноманитно, ривно, безъ злосты й захопленя выгукуючи: гавъ! гавъ! гавъ!..

— А чы не можно-бъ тамъ скорище зъ вашою вечерею?— раптомъ промовывъ зъ переднёго кутка Трохымъ своимъ похмурымъ, здушенымъ голосомъ и злегка повернувъ голову до печи. Очи ёму, якъ и разъ-у-разъ, дывылысь у бикъ; тонки сыни губы зъ риденькымы невелыкымы вусамы булы тисно зложени, и зъ усёго худого, гострого облычча ёго, колёру миляного пьятака, зъ густымъ рябо̀тыннямъ, выявлялась здержана, зла нетерплячка.

— Бо ёму вже на музыкы часъ иты!—роблено-байдуже, зъ захованою насмишкою, додавъ Андрій, лежучы зъ краю на полу, спершысь на ликоть и похытуючы ногою въ чоботи «бутылкою». Трохымъ тильки мовчкы блыснувъ на ёго своимы чорнымы, гострымы, якъ дви голкы, очыма и зновъ зупынывъ свій поглядъ десь въ кутку на полу.

— Всты-ы-гне!—байдуже, не озыраючысь промовыла Кылына и, вытершы рукы объ полы, взяла зъ лавы велыку, якъ лопата, деревьяну ложку—полоныкъ—и почала мишаты въ казани, зъ якого клубкамы выходыла пара.

— Подай силь, Марынко!—додала вона, не повертаючы головы.

Марынка покынула соваты въ грубку солому, що купою лежала передъ лежанкою, и кынулась до лавы. Схопывшы силь у чорній, зъ одбытымъ краемъ, рынци, вона повернулась и поспишаючысь понесла іи до Кылыны,—але, спиткнувшысь на пивъ-

дорогы, махнула рукою и простяглась на доливци, далеко одкынувшы видъ себе рынку, що розлетилась на черепкы. Не встаючы зовсимъ на ногы, але ставшы тильки на колина, вона пидняла свое худе, блиде лычко зъ маленькымы очыма, въ якыхъ и такъ завше свитывся страхъ, а теперъ дывывся цилый жахъ, и мовчкы, пиднявшы злякано бровы, стала дывытысь на Кылыну. Та жъ, тильки безсыло пустывшы рукы вздовжъ тила, озырнула іи, стыснула плечыма и, чы то зъ жалемъ, чы то зъ незадоволенням', промовыла:

— Чы ты зъ розумомъ, дивчыно? Летыть, женется, наче іи хто въ шыю штовха...

Марынка все такъ же мовчкы, не зводячы шыроко росплющеныхъ очей, дывылась на неи. Кылына ще разъ стыснула плечыма и, поклавшы ложку на лежанку, почала збыраты розсыпану силь, а Марынка одповзла до лежанкы и почала соваты въ грубку солому.

— Що, посіяла?—добродушно всмихаючысь, промовывъ дидъ Юхымъ, пидходячы до лежанкы зъ своею набытою тютюномъ, закоптилою й обмотаною посередыни дротомъ, люлькою.— Не жаліешъ панськои соли, га?—прысидаючы до грубкы и дывлячысь на Марынку своимы ще молодымы, карымы очыма, пидъ якымы высилы два зморщени михурчыкы, спытався винъ. Вогонь загравъ по круглій лысыни и сывуватій бороди зъ закуреньымы тютюномъ жовто-зеленымы вусамы, на ривному, тонкому носи и, перескочывшы зъ ёго, облывъ своимъ жовто-червонымъ колёромъ невелычке, худе тильце Марынкы въ якійсь подраній, велыкій кохтыни, зъ босымы, брудными, сынимы й порепанымы ногамы, зъ дытячымы ще рукамы. Вона, якъ вынна, боязко всмихнулась и трохы видсунулась, даючы мисце Юхымови.

— Дарма, дарма... сыды... вары... Я ось тильки люльку запалю та й тикатыму...—выбираючы соломынку, промовывъ винъ своимъ гунявымъ голосомъ. (Якъ винъ говорывъ, то здавалось, нибы винъ попавъ у хату, повну дымомъ, и позатулювавъ соби низдри. Кримъ того «к» винъ зовсимъ не вымовлявъ; скоро доходывъ до сеи литеры, такъ ёго наче хто за языкъ шарпавъ у

той ментъ). Соломынка знайшлась. Запалывшы іи, винъ пиднисъ до люлькы и, прытоптуючы тютюнъ короткымъ, зъ покаличенымъ нигтемъ пальцемъ, почавъ напружено й пыльно смоктаты. И смоктавъ винъ такъ старанно, такъ голосно, що де-хто ажъ задывывся на ёго, навить Кылына, повернувшы свою горду, темнорусу голову зъ поважно серьёзнымы, сирымы очима, дывылась згоры на люльку. Тильки Трохымъ у своему кутку «пидъ богамы» та ти, що спалы, або такъ соби лежалы на обгорнутому напивъ-тьмою полу, не рухалысь и не зверталы на ёго увагы.

— Горыть? а?—смоктнувшы въ останне, звернувся дидъ до Марынкы и ласкаво простягъ до іи головы руку. Але Марынка злякано одхылылась и, мовъ захыщаючысь, пидняла ликоть.

— Та чого ты, дурненька!—усмихнувся винъ,—я погладыты тебе хотивъ, а ты боишся... Залякана!—пидводячысь, сказавъ винъ до Кылыны. Та махнула безнадійно рукою.

— Я вамъ кажу—таке затуркане, таке залякане,—промовыла вона зъ жалемъ,—що ажъ сумно дывытысь. Вже отъ скильки я тутъ... вже отъ зъ пивъ-року... николы ій ничого... и пальцемъ не торкнула. А отъ... боится та й годи. Чысто якъ те цуценя...

— Тутъ іи Горпына, що передъ тобою була, дуже была. Та що хочешъ?.. Безъ батька, безъ матери, яке вже воно буде. Пожалиты то мало хто догадается, а штовхнуты никому не важко. Да-а. Сыроти у наймахъ не весёлая прыпорція..

— Та то вона Трохыма такъ боится!—гукнувъ зъ полу Андрій своимъ дзвинкымъ, молодымъ голосомъ.—Винъ іи сватаtыме, якъ выросте. Боится, щобъ не ревнувавъ...

Дидъ Юхымъ мовчкы глянувъ на ёго и поволи одійшовъ до столу, позыркуючы мымохидь на Трохыма, якый, зачувшы свое имя, хутко обвивъ всихъ очима и зновъ, тарабанючи пальцямы по столи, ставъ дывытысь на пилъ.

— Щыпае винъ тебе?—моргаючы въ той бикъ, де лежавъ Андрій, усмихнувся Юхымъ, звертаючысь до Трохыма.

— Хай скавучыть, не вкусе!—похмуро всмихнувшысь, бовкнувъ той, не пидводячы очей.

— Х-мъ... Не вкусыть...—прогунявывъ роздумлыво Юхымъ.— А якъ укусыть?.. скавучыть, скавучыть та й грызне... А?..

— Та й дывно було бъ, якъ бы не погрызлысь!—вмыть озыраючысь до ныхъ незадоволено промовыла Кылына.—Стари, а ще й соби...

— Хе, хе, хе!.. весело засміявся Юхымъ, одхыляючы трохы назадъ свою лысу голову.

— Та-їй Богу! Наче мали: пиццьковують та й пиццьковують!

— Та хай побьются, дурна!—скрыкнувъ Юхымъ.—Чоловикъ тоди й жыве, колы бьется.

— Эге! «тоди й жыве»...

— А то жъ! И кровъ горыть, и думка литае!.. Хочъ выдно, що чоловикъ... Я, якъ бувъ молодымъ, такъ не було того тыжня, щобъ не бывся зъ кымъ-сь. А теперъ хоча на другыхъ подывытысь...

Въ сей ментъ на двори биля хаты зачувся якыйсь смихъ, гоминъ, тупотиння нигъ, яке незабаромъ перейшло до дверей, а тамъ и въ сины.

— Мабуть, Софійка зъ хлопцямы зъ села вертаются...—прыслухавшысь, промовывъ Юхымъ и, позихнувшы, почавъ довбатысь въ люльци.

— А-ге-ей! Прыймайте гостей!—голосно, весело залунало у синяхъ. Двери розчынылысь, и въ хату зпершу влетивъ сывый, велыкый клубокъ морозу, за нымъ сирый песъ Тикай, а вже за Тикаемъ, регочучысь, перебываючы одне одного, засапавшысь, вбиглы Софійка, Киндратъ и Грыцько.

— А вы вже вечерю?—озыраючысь на вси бокы, заговорыла швыдко-весело Софійка, на ходи розвьязуючы велыку хустку й пидбигаючы до полу.—А тутъ сплять? Ой, матинко! Сёгодня недиля, а вони сплять!.. А у панивъ, Господы, гостей, госте-ей!.. Некыпаживъ тыхъ повенъ двиръ, якъ на ярмарку!.. А компаты ажъ горять?.. Варять, печуть... Таке тамъ на билій кухни, ажъ

страхъ!.. А насъ и не кличуть!.. Уси кучери на тій кухни, а до насъ чортови задаваки й не плюне ни одынъ... Пхы! Чортъ ихъ беры!.. Мы й такъ погулялы!.. А знаешъ, Кылыно, що намъ було на сели?.. Цыть, Грыцю, не кажы... Хай покортыть!..

Зроду жвава, вона сёгодня була ще жвавища, якось нервово жвава. Краплыны дощу блыщалы на іи довгыхъ, білявыхъ віяхъ, на бровахъ, на повныхъ, румяныхъ видъ холоду щокахъ, густо засіяныхъ (надто биля носу) ластовыннямъ, одблыскувалы й наче сміялысь разомъ зъ іи сынимы, вузькымы, довгымы очима, разомъ зъ губамы, яки якось такъ высоко пидіймалысь, що выдно було не тильки ривни, били зубы, але й червони ясна. Але се було навить мыло у неи. Зкынувшы драптыву, стару, пожовклу свыту, вона раптомъ выстрыбнула на пилъ и почала шарпаты й тягаты якусь людыну, що лежала, прыкрывшысь кожухомъ. Людына заворушылась, захрыпила и глухо закашлялась, пидскакуючы й соваючы ногамы.

— Ой! Це дядько Панасъ!—зареготалась Софійка и, перескочывшы черезъ ёго, нахылылась надъ якоюсь чорною кучею свытокъ, зъ-пидъ якои вже давно чулось прыдушене шепотиння й хихикання, и почала давыты іи рукамы. Зъ пидъ кучы вызырнула голова зъ невелычкымы вусамы и, озырнувшысь навкругы, зупынулась на Софійци.

— А тоби чого?—хрыпло спытала голова.

— А до васъ! Прыймете? Чы вамъ и безъ мене тисно?

— Та нáщо жъ свыту тягнешъ? Ты!.. Софійко! Та ну!.. А дывы!.. Тю, дурна!..

— Сёгодня недиля! не можно спать!—тягнучы за свыту, серьезно одмовыла вона, але въ сей ментъ свыта вырвалась и Софійка, поточывшысь, захыталась и зъ веселымъ смихомъ упала на якусь жиночу постать, що лежала, тисно обнявшысь зъ хазяиномъ головы. Перекотывшись черезъ неи, вона лягла мижъ нымы и почала жартивлыво обнимаiы парубка. Але, глянувшы якось до столу, де щось жыво оповидавъ Грыць, вона раптомъ стурбовано схопылась, зстрыбнула зъ полу до-долу такъ, що ажъ загуло, и, пидбигшы до Грыця, стала пыльно прыслухатысь до

ёго. Грыць, звертаючысь здебильшого до Трохыма, або до дида Юхыма, щось весело одповидавъ, голосно своимъ звычаемъ регочучысь и закыдаючысь всимъ велыкымъ своимъ станомъ назадъ. Чорный чубъ ёго, ривно пидстрыженый на лоби, тоди кудовчывся; шыроке, засмажене сонцемъ и негодою лыце налывалось кровью, нибы винъ пидиймавъ якусь велыку вагу; трохы лупасти очи ховалысь у зморшкахъ, а зъ шырокыхъ грудей, на якыхъ телипався засмальцёваный пиджакъ, голосно, якъ зъ велычезнои порожнёи дижкы, вылитало: «гу́-гу-гу-гу!.. го́-о-го-го»! Биля ёго стоявъ Киндратъ у своёму чудернацькому жупани, якого винъ купывъ у старого Хаима за 20 коп. й якый прыходывся ёму станомъ якъ разъ трохы ныжче сутулыхъ плечей; стоявъ, заклавшы рукы за спыну пидъ поламы свого жупана, и, выставляючы до свитла зелену плысову жылетку зъ перламутровымы гудзыкамы, всмихався своею тыхою, добродушною усмишкою. Правда, винъ завше такъ всмихався, кого-бъ и шобъ не слухавъ; хиба вже бачывъ слёзы або велыку лайку, то робывся серьезнымъ; тоди ёго тонки губы складалысь тисно, а довгобразе, прыщувате облычча зъ довгымъ гострымъ носомъ и маленькымы сиренькымы очима дывылось пыльно, напружено й збентежено. Слухаючы Грыця, винъ водывъ очима зъ Трохыма на дида, зъ дида на Грыця, зъ того зновъ на Трохыма,—хто въ той часъ говорывъ, и добродушно посмихався. Трохымъ слухавъ, не дывлячысь ни на кого, зъ своею звычайною скрывленою похмурою усмишкою, тарабанячы чорнымы видъ бруду й праци пальцямы по столи; дидъ Юхымъ поблыскувавъ своимы молодымы въ михурчыкахъ очима и, поглажуючы бороду, иноди перепынявъ оповидача. Кылына й Марынка поралысь биля лежанкы, а Лука все такъ же лежавъ на полу и похытувавъ своимъ блыскучымъ чоботомъ.

— Та, братъ, якъ не учёпытся до ёго, а той якъ не крутне нею, якъ не заколотытся у хати!.. Я до ихъ...

— Та брешешъ! Отъ же й брешешъ!—раптомъ перепынила Грыця Софийка, що зъ якымсь напруженымъ стурбованнямъ слухала и заразъ же, звертаючысь то до Трохыма, то до дида, хутко заговорыла:

— Зовсимъ не такъ... Бо винъ ставъ уперед чипляться до мене...

— Та я жъ кажу...

— Кажешъ та не такъ! Винъ усе хотивъ, щобъ я сама сила коло ёго, а мени що? Пхи!.. Удывительно!..

Грыць, що стоявъ и, кумедно застыгшы, дывывся на Софійку, якъ вона говорыла, на сёму слови наче прокынувся,— спершу зареготався, одкынувшысь назадъ, потимъ видъ задоволення кынувся на неи и жартивлыво почавъ душыты іи, не звертаючы увагы ни на Софійчынъ веселый крыкъ, ни на увищання Юхыма, ни навить на поважне шарпання Киндрата, що ще шырше усмихався.

— Тю, скаженый!—засапавшысь, вырвалась нарешти Софійка. Кровъ ударыла ій въ лыце, низдри маленького носу ходылы ходоромъ, груды хвылювалысь пидъ сынёю зъ червонымы гудзыкамы кохтыною; вся вона невелычка, повна, пашила здоровьямъ и жыттямъ.

— Та говорить же хтось!—нетерпляче крыкнула видъ печи Кылына.—Почалы та й...

— Та колы жъ цей... дурмануватый... Ну, та й той... Ну й почавъ винъ чипляться до мене...

— Хто?—зачулось зъ полу видъ розбурканои парочкы, що зновъ укрылась свытамы и тильки вызырала прытуленымы одна до однои головамы.

— «Хто!»—хутко озырнувшысь до ныхъ и зновъ повертаючысь до всихъ, скрыкнула Софійка.—Та той же... Цыбатый! Задается такъ, прямо хочъ куды! Я, мовлявъ...

— Иванъ, чы Хведиръ?

— Та вже жъ Хведиръ!.. Иванъ, той ничого... Той плохый соби. А той несется, якъ жыдивськый гындыкъ... Пфа! Я, мовлявъ, багачъ, а вы що? Голодрабци!..

— Такъ и казавъ?—встромывшы на ментъ въ Софію свои дви голкы-очи, бовкнувъ Трохымъ, зновъ нахыляючы свое мидяне, подзюбане лыце до столу.

— А то-жъ! «Я, каже, хазяинъ!»—весело скрыкнувъ Грыць.

— «А вы гольтипакы, голодрабци!»—пидхопыла Софія.— «Чого, каже, сюда ходыте? Забирайтесь на свою економію»!..

— А вы жъ имъ що... кисткою въ горли сталы?—прогунявывъ Юхымъ, зновъ выймаючы люльку зъ своихъ латаныхъ и перелатаныхъ «брукивъ», якъ винъ пазывавъ свои штаны зъ того часу, якъ самъ панъ власноручно вынисъ и виддавъ ёму ихъ у вичпю власнисть.

— А я знаю? Каже: «у васъ йе свои дивчата», а самъ до насъ чипляется... Тильки мы прыйшлы, винъ заразъ ставъ лизты до мене... А мени що? Удывительно! Мени що багачъ, що голодрабець—все одно. Правда? Пхе! гулять все одно зъ кымъ!..

— Та чого жъ вы завелыся?—роблено позихаючы, спытавъ Андрій, сидаючы на полу и пацаючы ногамы.—Того, що винъ багачъ?

— Ба ни! А того, що винъ—дурень!

— То бъ то хазяйськый сынъ та дурень?—мыркнувъ Трохымъ, дывлячысь у стилъ и ехыдно всмихаючысь.

— Гó-о-го-го!—зареготався Грыць.

— А ну, ще на копійку—зневажлыво й холодно всмихаючысь, промовывъ Андрій.

— Тю! трясця бъ вамъ въ жывитъ!—скыпила Кылына, нервово встаючы й кыдаючы злистно картоплю въ макитру.—Николы не дадуть договорыты! Прямо чорты и бильше пичого!

— Гý-у-гу-гу!—ще голоснище загувъ Грыць и навить зъ велыкои втихы насивъ па Кипдрата, що добродушно всмихався соби, й почавъ дýшыты ёго.

— Грыцько! Покынь!—бовкнувъ Трохымъ:—дай, хай говорыть...

Грыць заразъ же покынувъ и, навить обнявшы Киндрата, сивъ лагидно разомъ зъ нымъ на лаву и промовывъ до Софійкы:

— Ну, говоры, удывительна! А то я буду говорыть.

— Ты сыды краще тамъ!—почулось зъ полу.—Говоры Софійко!

— Та що говорыть? Я ёму втерла носа, щобъ не задавався, а винъ... почавъ бытысь.

— Э?

— Ій-Богу! Якъ дала ёму одкошá, такъ винъ заразъ же почавъ щось одному, другому «шы-шы-шы» на ухо. А ти, звисно, кому гроши ёго мыли, почалы зачипаты насъ... А я на злисть... Начхать на самого Хведора й на ёго гроши. Узяла та й обняла Хомченкового Сыдирка. А винъ, наче скажена собака вкусыла ёго, якъ схопытся... «Забирайтесь, каже, голодрабци»! А я ёму: «хочъ голодрабци, та не грабылы никого, а хазяйськи сыны й не голодрабци, такъ граблять до голого тила». Винъ до мене... А мени що? Пхы! Начхать я хотила! Узяла та й пхнула на всю руку... А винъ тоди и вдарывъ. Ну, наши хотилы вступыться, та не далы...

— Насылу, брать, втеклы!—скрыкнувъ Грыць.—Прямо... якъ чорты лизуть...

— А вдарывъ катюга дуже,—весело додала Софійка, сміючысь,—ажъ доси болыть!

— Х-мъ... Воно разъ-у-разъ болыть, якъ бьють,—иронычно вставывъ Юхымъ, набираючы люлькою тютюнъ зъ долони.

— Та-а-къ...—потягуючысь, вставъ Андрій зъ полу и, позихаючы, пидійшовъ до столу.

— А може не такъ?—зъ веселымъ задоромъ кынула ёму Софійка.

— Не чипай ёго, винъ тежъ хазяйськый сынъ!—муркнувъ Трохымъ.

— То що?—здержуючысь, зневажлыво спытавъ Андрій. На молодому, вкрытому ще нижнымъ пухомъ лыци ёго почавъ розлыватысь зъ-за шыи румьянець.

— То ничого,—усмихнувся Трохымъ.

— Бытыме?—крутнулась до Андрія Софійка.

— А то пожаліе, думаешъ?—зареготався Грыць.—Ого! Хазяйськи сыны, брать, голодрабцивъ не люблять...

— А ты такы справедлывый голодрабець!—зачувся зъ полу жиночый голосъ.

— О! Хазяйська дочка обизвалась!

— Хто? Санька—хазяйська дочка?—пиднявъ бровы Кинд**р**атъ.

— А чымъ бы вона не хазяйська дочка?—встаючы, промовывъ Юхымъ.—Пивторы козы на прыпони, у запичку квочка на трёхъ бовтунахъ, сама взута, ажъ пьятамы свитыть... Ще тоби не хазяйка?

— Ой, диду, хто-бъ казавъ ще!—крыкнула Санька.—Бодай вже зъ такымы хазяйнамы, якъ и вы!

— Оттакъ!—усмихнувся дидъ.—А хиба жъ я не хазяинъ? Хе-хе-хе! За пазухою такого худобы, що й пана Гаврыльчука переможу!..

— Ой, Господы!—зитхнула Кылына. Якъ вже мени въ печинкахъ сыдыть ваша лайка, такъ и ну ёго къ чорту!

— Ничого, дивко!—прысидаючы зновъ до грубкы, заспокоивъ іи Юхымъ.—Полаемось та й побьемось!

— А васъ бы першого!

— Мене?

— Та вже не мене...

— Ни! Мени ось що дывно:—озыраючы всихъ гострымъ, насмишкуватымъ поглядомъ, промовывъ Трохымъ.—Чого це такъ—хазяйськи сыны, та по наймахъ тыняются? У голодрабцивъ хлибъ одбываютъ...

— То-бъ то, сынку: «навздогадъ буряkивъ, щобъ далы капусты?»—озырнувся, сыдячы Юхымъ.—Чы не голодрабци й мы соби, благословы насъ Господы? Хе-хе-хе!..

— Та вже до васъ не пишовъ бы позычать,—кынувъ Андрій.

— У самого багато?

— А багато!

— Дывы!—хытнувъ головою Трохымъ.—Може бъ и намъ ще позычывъ?

— На вичне оддаля?

— Такъ ты жъ хазяинъ!

Андрій повернувся, щобъ щось сказаты ёму, але махнувъ тильки рукою и пидийшовъ до полу, де порпалась Софійка. Дехто засміявся.

— Ни, винъ насъ и такъ почастуе,—весело, насмишкувато промовыла Софійка, складаючы свою кынуту свыту.—Правда, Андрію?

Андрій ничого не промовывъ. Румьянець все бильше розлывався ёму по лыци и вже выразною смужкою доходывъ до носа и червонывъ лоба. Тонки, золотысти бровы ёго все бильше хмурылысь, а верхня, задерта трохы вгору губа почала здригатысь. Чысте, молоде, хлопчаче ще облычча ёго зъ ямкою на пидборидди и зъ золотымы кинчыкамы кучерявого, ясно-русого чуба було напружене й збентежене.

— Почастуешъ? А?—засміялась Софійка.

— Одъ Хведора мало дистала, дакъ ще й видъ Андрія хочешъ?—байдуже промовыла Кылына видъ лежанкы.

Андрій хутко, пыльно подывывся на неи, потимъ звернувся до Софійкы й промовывъ:

— А хочешъ, дамъ заразъ на горилку?

— Хочу!

— Та бреше! Не дасть! Задается!—зареготався Грыць.

— Брешу?? Такъ отъ же... На!.. — палко, гордо крыкнувъ Адрій и, ришуче кынувшысь до кышени, вытягъ гаманець, поколупавъ у ёму и, вытягшы де-килькы монетъ, подавъ ихъ Грыцеви. Той здывовано подывывся на ёго, але грошн взявъ и заразъ же почавъ рахуваты.

— А багато?—зазыраючы черезъ плече ёму, спытавъ, пидійшовшы, Юхымъ.

— 55 копіёкъ.

— 55? Х-мъ... Що жъ за ихъ можно выструганы?—замыслывся дидъ.—Тильки, значыть, понюхаты та облызаться?

Андрій знову мовчкы розстибнувъ гаманця и ставъ колупаты въ ёму, але вже не зъ тымъ посмихомъ и запаломъ, що ранище.

— Скильки тамъ?—похмуро кынувъ винъ до Грыця.

— Ха-ха-ха!—зареготався Трохымъ.—Ховайте скорище ти, що давъ, бо одбере.

Андрій спалахнувъ и ненавыстно подывывся въ той бикъ, де сыдивъ Трохымъ.

— Та плюнь на ёго!—мыролюбыво взявъ Андрія за ликоть Юхымъ— винъ тильки такъ соби.... дражнытся... зъ тебе... Отъ

сядьмо соби тутъ... О!.. Ты хочешъ насъ частуваты? Х-мъ. . Насъ... одынъ, два, тры, чотыри... одынадцять чы дванадцять чоловикъ.. Пивъ кварты на всихъ? Чы по чарци хочъ буде? Стій, стій... хиба я кажу, щобъ мы вси понапывалысь, якъ свынюкы? Отъ тоби й маешъ! Чарку, другу... отъ и харашо! Да-а... А колы нема й по чарци, то чы стоить гроши кыдать по дурному? Такъ уже карбованця кынь имъ межы зубы та ще й прыкажы до цёго: «Нате, мовлявъ, та знайте мою ласку»!.. О... Отъ це я понимаю... А якъ, выходыть, що тильки, значыть, подражныты, дакъ и заходу жаль.

Дидъ Юхымъ пыльно скоса подывывся на Андрія, що, знов хапаючысь, колупавъ у гаманци. Вынявшы звидты ще скильки-сь монетъ, винъ гордо подавъ ихъ Грыцеви й додавъ:

— На вси!

Грыць подывывся на Андрія, на Юхыма и зновъ на Андрія, що державъ гроши. Потимъ, все-такы не зовсимъ довиряючы, взявъ монеты и, здвыгнувшы плечыма, озырнувся до Софійкы и Кындрата, що пыльнувалы всёго того.

— Не вирыть!—моргнувшы Андріеви на Грыця, усмихнувся Юхымъ.

— Та цилого, братъ карбованця давъ!—крыкнувъ Грыць, перелычывшы гроши. Потимъ, махнувшы у себе надъ головою кулакомъ, крутнувся, кынувся до полу и почавъ хутко одягатысь.

— Отъ тоби й хазяйськый сынъ!—гукнувъ винъ до Трохыма, зъ такымъ выглядомъ, якый нибы говорывъ: «я жъ тоби казавъ, якый се чоловикъ»!

Але Трохымъ тильки мицнише зтулывъ губы, черезъ що усмишка здавалась тонкою, якъ кинчыкъ добре выклепаной косы. Грыць одягся и, на ходу пидперизуючысь, весело выбигъ зъ хаты.

II.

Въ кухни затыхла, потимъ зновъ зачалась балачка, але Трохымъ вже не мишався: винъ мовчкы сыдивъ и постукувавъ

пальцямы по столи. За те Андрій якось занадто вже розвеселывсь: балакавъ, жартувавъ, ганявся за Софійкою и дзвинко, якъ хлопчыкъ, реготавсь на всю хату. А румъянець ще бильше червонывъ ёму щокы и наче вызыравъ зъ жывыхъ очей, яки сталы ще жывищи и блескучищи. Винъ навить почавъ вчыты Тикая стояты на заднихъ лапахъ, але заразъ же покынувъ и зновъ завивъ цилый гармыдеръ зъ Софійкою.

Солома въ грубци спалахнула веселымъ полумьямъ, зъ казана здіймалася все густище и густище пара и, лоскочучы роздратованый апетытъ, розходылася по хати и змишувалася зъ дымомъ въ якыйсь особлывый, гострый духъ. Навить Тикай не вытрымавъ ёго сылы и ставъ пыльно дывытысь до Кылыны, замисць хвоста ласкаво покручуючы всимъ задомъ. Але Кылына навить не помичала ёго. Вона задумлыво, дывлячысь кудысь за мысныкъ своимы велыкымы, спокійнымы, якъ у вола, очима, мишала у казани и, здавалось, ничого не бачыла, навить Лукы, якый чогось все спынявся биля неи и навить ненарокомъ торкався іи поважнои, высокои, дужои постати. Вона тильки злегка одхылялась и все дывылась за мысныкъ.

А Тикай все не зводывъ зъ неи очей и крутывъ задомъ.

— Пишовъ!.. Ты!..—тыхо проганяла ёго Марынка, махаючы жмутомъ соломы. Але винъ нашвыдку озырався на неи, ступавъ у бикъ де-кильки ступнивъ и зновъ уважно дывывся угору до Кылыны, мовъ видъ сеи ёго пыльносты залежала вся справа зъ вечерею.

— Та палыцею ёго!—порадывъ Киндратъ Марынци, але та тильки несмило глянула на ёго и, зновъ махнувшы на Тикая соломою, повернулась до грубкы. Трохымъ, мовъ выведеный зъ задумы, подывывся на ныхъ и, довше зупынывшысь очима на Тикаеви, раптомъ усмихнувся и вставъ зъ-за столу. Повернувшысь спыною до лежанкы, винъ одломывъ шматокъ хлиба видъ окрайця, що лежавъ на столи, и, сховавшы въ кышеню, пидійшовъ до грубкы. Сившы до вогню и пиднявшы солому, винъ прутыкомъ знайшовъ велыку жарыну и пидкотывъ іи до самого краю грубкы. Потимъ зъ тою жъ мовчазною усмишкою поманывъ до себе Ти-

кая и, одломывшы де-килька невелычкыхъ шматочкивъ хлиба, почавъ кыдаты ихъ тому въ ротъ. Тикай покынувъ платонычне поглядання у-гору и залюбкы повернувся до Трохыма; зъ голоснымъ плямканнямъ роззявляючы рота до шматочкивъ хлиба, зручно хапаючы и въ одынъментъ ковтаючы ихъ, винъ прывитно вылявъ задомъ и пыльнувавъ кожного Трохымового руху. Софійка и Андрій покынулы выдыраты одне у одного червоный поясъ и разомъ зо всима сталы дывытыся на Трохыма, якый непомитно накрывъ жарыну однымъ шматочкомъ хлиба, другымъ пиднявъ іи, и, хутко залипывшы іи обома шматочкамы, кынувъ Тикаеви. Той ажъ зубамы плямкнувъ, роззявляючы рота и хапаючы доволи велыкый шматокъ. Крутнувшы вдячлыво задомъ, винъ смаковыто заплющывъ одно око и зъ трыскомъ розкусывъ хлибъ, але заразъ же голосно завыщавъ, выкынувъ ёго зъ рота, и зъ жалибнымъ, болистнымъ скавучаннямъ забигавъ по хати.

— Ха-ха-ха!—зареготалысь зъ полу.

— Хе-хе-хе!—гуняво засміявся Юхымъ, зъ задоволеннямъ слидкуючы за Тикаемъ.

А Трохымъ стоявъ зъ прутыкомъ у руци и, не миняючы своеи усмишкы, все такъ же мовчкы дывывся на пса, що, побигавшы, забывся пидъ лаву и почавъ голосно скавучаты.

— А тоби собака хату заняла?—гнивно звернулась Кылына до Трохыма,—тебе бъ вогнемъ погодуваты!

— А, думаешъ, не годувалы?—не дывлячысь на неи и все такы однаково всмихаючысь, бовкнувъ винъ и рушывъ до столу.

— «Годува-а-лы»!—перекрывыла ёго Кылына.

— Та ще и якъ!—раптомъ озыраючысь, зыркнувъ винъ до неи очима и зъ такою невымовною злистю зареготався, блыснувшы рядомъ билыхъ зубивъ, що Кылына тильки задывылась на ёго, пошырывшы очи.

— Хе-хе-хе!—пиддержавъ ёго дидъ Юхымъ, слидкуючы за Софійкою, яка нахылылась до Тикая и, нижно мылуючы ёго, сылкувалась утишыты ёго ласкавымъ голосомъ.

— Поцилуй ёго, а винъ тебе, то будете родычи...—насмишкувато порадывъ Трохымъ.

— Ухъ, ты!—встала та и гнивно змиряла ёго зъ нигъ до головы:—чыстый вовкъ!

Довги сыни очи іи зъ довгымы билявымы віямы горилы обуреннямъ и гнивомъ, а весели, трохы товсти губы ажъ побилилы зъ роздратовання.

— Якъ бы могла, я бъ тоби показала!—додала вона, нервово одходячы до полу.

— Э! якъ бы жъ то!—хытнувъ нибы сумно головою дидъ Юхымъ. Якъ бы то можно було подужаты дужчого за насъ! А то горе, що тильки слабшого!..

— А вы тежъ! пиддражнюють!—кынула до ёго Софійка, сидаючы биля Андрія, якый знову лигъ на пилъ и ни словомъ не обизвався на сцену зъ Тикаемъ.

Дидъ Юхымъ хотивъ щось одмовыты, але въ сю хвылыну у синяхъ зачулось якесь шарудиння, наче хто мацавъ рукамы по стини, потимъ одчынылысь двери и до хаты вступывъ прыкащыкъ Халабуда. Не здіймаючы своеи «каракульнои» шапкы, поважно заклавшы ливу руку въ кышеню свого зимового, теплого пиджака, що зверху бувъ покрытый чорною шкурою, а правою—чыстячы своимъ звычаемъ низдри и поглажуючы чорни, кучеряви вуса и коротеньку круглу бороду, винъ наче вплывъ у хату. Вузьки, довги очи ёго дывылысь мягко, добродушно, а все облычча ёго зъ шырокымъ носомъ, зъ велыкымъ ротомъ, зъ нызенькымъ лобомъ, облычча, яке, здавалось, хтось, узявшы за отстобурчени вуха, дуже ростягъ та такъ и зоставывъ, выявляло якусь хытру тыхисть. Ступывшы де-кильки крокивъ, винъ зупынывся, понюхавъ повитря и, хытнувшы головою, добродушно сказавъ:

— Ну, та й воздухъ же!... Безъ сомнѣнія, настоящая фіалка... Х-хе!

— Яка хата, такый и воздухъ!—спокійно сказала Кылына. Не дывлячысь на ёго тыхисть, якъ тильки винъ вступывъ у хату, вси зразу замовклы и нибы напружылысь. Трохымъ насупывся, дидъ Юхымъ зробывся поважнищый, Киндратъ зтулывъ губы и одійшовъ до полу, навить Софійка утыхла и заспокоилась. На Кылынину одповидь Халабуда тильки мовчкы подывывся на неи

своимы очима, що вызыралы зъ-пидъ густыхъ, кучерявыхъ бривъ, якъ зъ-пидъ стрихъ, и почавъ гладыты вуса и чыстыты кинчыкъ носа. Потимъ заклавъ рукы назадъ, пахылывъ голову, подывывся на калоши и, зновъ пидвившы голову, звернувся до хлопцивъ, мягко вымовляючы:

— Завтра жъ... хлопци... той... не забувайте: весь той гній, що передъ стайнею, нада вывезты ажъ геть за Косу Межу.

— Увесь?—бовкнувъ, не дывлячысь на Халабуду, Трохымъ.

— Если мало буде, знайдёмъ ще... Затрудненія не будеть...

— Мало?—скрыкнувъ Грыць.—Та тамъ дай Боже за два дни перетаскаты!

— Ну-чу, повыдимъ, повыдимъ... Ну, а той, какъ его мм...

Винъ наче забувъ и, зновъ пахылывшы голову, ставъ пры-гадуваты.

— Ага! Кылыно! Ганна, кажысь, одходыть скоро. Место ослобоняется. Може бъ стала?

— Це прачкою на билу кухню?—спытала Кылына. Андрій негостро глянувъ на Халабуду, потимъ на Кылыну и прудко перебигъ по всихъ очыма. И помитно було, якъ по сыхъ Халабудыныхъ словахъ вси якось надто пыльно сталы прыслухатысь и дывытысь на Кылыну.

— Да, прачкою...—байдуже водячы очима по стинахъ, потвердывъ Халабуда, не дывлячысь на Кылыну и наче мало цикавлячысь іи одповиддю.

Кылына жъ ничого не одмовыла, а замисць того пидійшла до мысныка й почала выйматы мыскы, ложкы й готуваты до вечери.

— Ну що жъ ты?—пыльно роздывляючысь на сволокы въ стели, спытавъ винъ.

— Не хочу!—твердо й ришуче промовыла Кылына, поважно проходячы повзъ его зъ мыскамы въ рукахъ и спокійно дывлячысь ёму въ лыце, яке зосталось такымъ же байдужымъ и тыхымъ, тильки очи пыльно подывылысь на неи та губы якось втягнулысь въ ротъ.

— Якъ знаешъ.. —мягко сказавъ винъ и, погладывшы вуса, повернувся, й не поспитаючы, выйшовъ изъ хаты. За нымъ прожогомъ выскочывъ и Тикай, якый давно вже ждавъ сёго, крутячысь биля дверей. И знову Андрій помитывъ, що не винъ одынъ зъ напруженнямъ ждавъ іи одповиди, але й уси, и навить Трохымъ, якый ажъ подержавъ на ній свій занепокоеный, похмурый поглядъ.

Але не встыгла ще Софійка выхопытысь на середыну хаты и, хутко повертаючысь до всихъ, вылаяты добре Халабуду, якъ въ викно биля мысныка щось раптомъ застукало и зтыхло. Вси замовклы.

— Кылыно!—зачувся знадвору Халабудынъ голосъ.—Я забылъ тебе ще сказать щось. Выйды сюда на мынуту... Скарей!

— Ще «скарей!»—прошопотила, надувшы губы, Софійка.— Удивительно! Знаемо, що ты забувъ... Не ходы, Кылыно!—звернулась вона до Кылыны, але та, загадково якось усмихаючысь, ничого не одповидаючы, спокійно стягла зъ жердкы свыту, накынула іи соби на голову и выйшла зъ хаты.

— Та-а къ...—прогунявывъ Юхымъ, сплёвуючы въ бикъ и перекладаючы люльку зъ одного кутка роту въ другый.—Хочъ такъ, бабо, сядь, хочъ такъ, а все такы сядь... Чы на чорній, чы на билій кухни будешъ, а моихъ, мовлявъ, рукъ не мынешъ... Хе-хе-хе... Да-а...

Дидъ Юхымъ похытавъ головою и скоса подывывся на Андрія. Той зъ занадто байдужымъ выглядомъ, пидвившы голову, ходывъ видъ лежанкы до столу, заклавшы рукы въ кышени пиджака и тыхо посвыстуючы. Тильки на щокахъ ёму гравъ выразный румьянецъ.

— А якъ думаете, диду,—крывлячы губы въ усмишку, спытавъ Трохымъ.—Хто кого обманыть: чы вона Халабуду, чы Халабуда іи?

Андрій блыснувъ на ёго очима й ще дужче почервонивъ.

— Хто кого?—роздумлыво перепытавъ Юхымъ.—Якъ тоби сказать? Вона дивка... одно слово .. молодець... О!.. Винъ тоже... не жменею кашу йисть... Тыхенькый соби, а зпидтышка мишкы

рве... О... А хто обманыть, то вже не звесно... Да-а... А Андрій зивка дае, то тоже правда!—вмыть додавъ винъ и подывывся на Андрія, що по сій мови, подывывшысь на дида, зупынывся, почервонивъ, крыво-ніяково всмихнувся и, не знаючы певно, що сказать, одійшовъ и сивъ па пилъ.

— Ій Богу зивка дае...—повторывъ Юхымъ.—Зъ дивкою такъ не можно... Дивка... Що дивка?.. Одно слово—женщына и бильше пичого... Просто баба! А баба якъ не круты, все до свого кутка мостытся... А Кылына аж дрыжыть, щобъ хазяйкою статы... Ге! Це дивка не дурна, э э, не дурна-а... Іи обманыть,—не зъ горы побигты...

Дидъ Юхымъ зъ задоволенпямъ досмоктавъ люльку и, цыркнувшы, плюнувъ кризь зубы.

— Кылына не така... не дасть себе обманыты...—якось тыхо промовыла Софійка, задумлыво дывлячысь кудысь черезъ свитло лампочкы, шыроко розплющывшы сыни очи. Усмишка іи счезла зъ повныхъ губъ, румянець кудысь пропавъ, вся вона прытыхла, якось зигнулась, прывьяла. Стало тыхо. Було чуты, якъ лопотивъ дощъ по шыбкахъ, якъ клекотивъ кандёръ у казани, але знадвору не доходыло ніякого гомону. Марынка почыстыла всю картоплю и прыбирала на лави, згортаючы лушпайкы въ цеберъ; на полу ледве чулось шопотиння; гудивъ витеръ.

— Такъ, такъ...—зитхнувъ Юхымъ.—Всякому свое... Той за шматокъ хлиба бьется, той за хату, бо хлибъ уже йе, а той уже за гарною дивчыною, бо й хата йе, а той ще чого...

У синяхъ зачулась голосна балачка, смихъ, тупотня нигъ.

— О! здается, вже й Грыць вернувся!—промовывъ Киндратъ.—Скоро!

— Э!.. Винъ по горилку якъ на крылахъ!—усмихнувся Юхымъ, дывлячысь на двери, въ якыхъ справди зъявывся Грыць.—До цёго ёго мама родыла...

— Що!—заразъ же закрычавъ той, вступаючы въ хату.—Ще не ковтнулы языкивъ?.. Софійко! Сыпъ вечерю, будемъ гулять!

И по сёму слови винъ якось велычно вынявъ зъ-за пазухы дви пляшкы «монополькы» и, любьязно обтершы ихъ свытою,

поставывъ на стилъ. Поставывшы, весело озырнувся и подывывся навкругы. Але вси якось мало звернулы увагы на горилку. Дидъ Юхымъ тильки трохы подержавъ на ній свій поглядъ и заразъ же перевивъ очи на Кылыну, що зъ тою жъ таемнычою усмишкою роздягалась биля жердкы, Трохымъ тежъ зыркнувъ и зновъ похнюпывся. Софія сыдила задумлыва; Андрій червоный зновъ ходывъ по хати.

— Що таке?—здывовано пиднявъ бровы Грыць.—Побылысь чы що?

Нихто ничого не одмовывъ ёму.

— За прачку на билу кухню клыче,—промовыла Кылына, пидходячы до столу й усмихаючысь.—По симъ рублывъ у мисяць на ихній одежи...

— По симъ?!—скрыкнула Санька и, схопывшысь зъ полу, зстрыбнула до долу. Кохтына на грудяхъ у неи була розстибнута и выдно було смугляве тило; чорне волосся розкудовчылось и пасмамы спадало на смугляве лыце зъ дуже загостренымъ пидбориддямъ, зъ загостренымъ носомъ, зъ загостренымы губамы и гострымы карымы очима. Хутко пидбигшы до Кылыны, вона на-пивъ-здывовано, на-пивъ-заздристно сплеснула рукамы й озырнулась на всихъ.

— Застибнысь!—коротко кынула ій Софійка, показуючы головою на груды. Санька трохы змишалась и почала застибуватысь.

— Ну, а ты жъ що?—застибуючысь, глянула вона на Кылыну, яка зъ тымъ же такы выглядомъ спокійно змитала рукою крыхты хлиба зъ столу...

— Ничого...

— Якъ «ничого»?

— Такъ...

— Вона ще поторгуется!—бовкнувъ Трохымъ, дывлячысь на свои пальци, що тарабанылы по столи.

Андрій раптомъ зупынывся, озырнувся до Трохыма и хотивъ щось сказаты, але зновъ шарпнувся всимъ тиломъ и заходывъ по хати.

Кылына жъ ничого не сказала, наче не чула, и одійшла до мысныка.

— Та скажить же, що тутъ таке?—запытавъ Грыць.—Хто симъ рублывъ? За вищо?

— Х-мъ... За вищо?—усмихнувся Юхымъ,—за роботу!

— Та за яку?

Вси засміялысь.

— Йды, я тоби скажу!— зачулось зъ полу.

— Онъ тоби Петрыкъ скаже, винъ знае...—хытнувъ головою Юхымъ и глянувъ на Саньку, яка занадто пыльно почала обтрусюваты подилъ спидныци. Грыць шыроко розплющывъ очи, подывывся на пилъ, на Саньку и вмыть просыявъ весь.

— А-а?! Гу-у-гу-гу!—зареготався винъ.—Та бре?!

— Отъ тоби й «бре!»

— Халабуда?!

— А то жъ?

— Го-о-го-го-го!!...

Всимъ спершу якось ніяково, а потимъ дуже весело стало. Почалысь доволи скоромни жарты, прыказкы, выгадкы. Зтяглы зъ полу Петрыка, збудылы на печи Савку, навить хотилы чипаты дядька Панаса, та Юхымъ не давъ. Покы Санька й Кылына, пораючысь биля лежанкы, готувалы вечерю, Петрыкъ ставъ середъ хаты и, хымерно выпъявшы впередъ жывитъ и поглажуючы кинчыкъ носа, почавъ «прыставлять» Халабуду. Самъ невелычкый, чорненькый, зъ кырпатымъ куцымъ носомъ и товстымы, якъ у арапа губамы, винъ досыть правдыво передражнювавъ прыкащыка й до того иноди жыво удававъ ёго голосъ и выразы, що навить Марынка не здержувалась, забувала свій страхъ и выбухала голоснымъ, дытячымъ смихомъ. Правда, вона заразъ же змовкла й несмило дывылась на Кылыну, але та, здавалось, мало що чула й бачыла. Напружено щось думаючы, але поважно, не хапаючысь, зъ мягкымы рухамы, вона ходыла биля казана и тильки иноди позырала до столу своимы велыкымы, розумнымы, сирымы очима. Навить Савка, той Савка, що разъ-у-разъ ходывъ зъ такымъ выглядомъ, нибы ёго тильки що збудылы, круглопыкый, зъ за-

смаженымы бронзовымы щокамы, байдужый до всёго, кримъ йижы та сну, навить Савка, слухаючы Петрыка, широко роспынавъ рота въ усмишку й мымоволи выбухавъ иноди голоснымъ, урывкомъ «гы-ы»! А Андріеви наче веселище за всихъ було. Румьянець выразно червонывъ ёму щокы й наче цвивъ пидъ золотыстымъ пухомъ; молоде облычча зъ ямкою на пидборидди й трохы пиднятою верхнёю губою разъ-позъ-разъ дрижало видъ первового голосного смиху; рухы булы швыдки, напружени. Дидъ Юхымъ пыхкавъ люлькою, чвыркавъ кризь зубы й весело бигавъ по хати жывымы очима; Киндратъ застыгъ у добродушному посмиху; тильки Трохымъ сыдивъ мовчкы, похмуро, позыраючы иноди до печи гострымъ, попурымъ поглядомъ.

— Та сыпте рукамы тамъ!—вмыть повернувся Петрыкъ до Кылыны й Санькы.—А то Грыць такъ пече очима пляшкы, що й горилку выпече!

Потимъ знову, не слухаючы одповиди, повернувся до столу, заклавъ рукы назадъ и, дывлячысь на ногы промовывъ:

—- М-мъ... Грыцько Товстогубъ... Тамъ ослобоняется место громадського свынопаса... Желаешъ?

Грыцько Товстогубъ ажъ покотывся видъ завдоволення й вже хотивъ насисты всимъ своимъ тиломъ на Петрыка, колы въ сей ментъ одъ печи рушыла Санька зъ мыскою кандёру въ обохъ рукахъ, и Грыць мусывъ поступытысь.

— Со страхомъ пры-ы-ступи-и-ты!—проспивавъ Петрыкъ, слидкуючы за тыхою, обережною ходою Санькы; потимъ щось згадавшы, кынувся до столу, схопывъ пляшкы, поставывъ ихъ соби на голову и почавъ поважно ходыты по хати.

— Гы!—вырвалось у Савкы, якому взагали не въ натури було спокійно дывытысь на йижу, а тутъ ще й горилка.

— А ну! Здуривъ!--обурылась Санька.—Найшовъ забавку...

— Дай сюды!—кынувся на ёго Грыць и, однявшы пляшкы, одну сховавъ у кышеню, а другу почавъ быты дномъ объ долоню. За третимъ разомъ затычка выскочыла.

— Ну, будить дядька Панаса,—промовыла Кылына, ставлнючы другу мыску на стилъ и розкладаючы передъ кожнымъ

ложкы. Дядько Панасъ пидвивея, почухавсь и почавъ злазыты зъ полу.

— Выспалысь, дядьку?—спыталась Софія.

— Э!—махнувъ рукою Панасъ, нибы хотивъ сказаты: «якый тамъ уже сонъ», але заразъ же схопывся за груды и хрыпко, надовго закашлявся. Вси якось трохы прытыхлы, слухаючы ёго кашель, якый не хутко скинчывся. Утершысь и оддыхавшы, Панасъ пидійшовъ до столу и сивъ поручъ Юхыма, якый посунувся трохы по лави. Ридке, якесь сире волосся звысало ёму на жовте, худе облычча зъ выпнутымы щелепамы, зъ ридкою цапыною боридкою; очи мижъ густыхъ зморшокъ, зъ червонымы жылкамы на банькахъ, дывылысь мутно, вьяло; зъ болистно зложеного рота выходыло хрыпке дыхання.

— Та хиба за такымы мерзавцямы заснешъ...—зъ серьёзнымъ выглядомъ промовывъ Петрыкъ.—Якъ на жыдивськимъ весилли всё рамно!

— Ухъ, ты хорошый!—кынула до ёго Санька, ласкаво дывлячысь на ёго своимы гострымы очима, яки въ ти хвылыны, колы вона говорыла зъ нымъ, ставалы нибы мягчи. И вся вона тоди ставала навить краща: здавалось, гостре пидбориддя закруглялось, тонки губы ставалы повнищи, нисъ прытуплявся, смугляви щокы червонилысь кровью, а въ голоси счезала та жорстокисть, сухисть, зъ якымы вона говорыла до всихъ, и зъявлялась якась тепла мягкисть.

— Благословы о-о-тче-е!—раптомъ загудивъ Грыць, пидимаючы пляшку й палываючы въ зеленувату, опецькувату чарку горилку, и самъ першый весело засміявся.

— Благословля-я-ю тебе струпомъ на всю го-о-о-лову-у!—козлячымъ голосомъ одмовывъ ёму Петрыкъ, допомагаючы Киндратови прысунуты довгу лаву до столу.

— Отъ чорты!—засміялась Санька за всима.

Першу чарку пиднеслы дидови Юхымови. Винъ взявъ іи, подывывся на всихъ, хытнувъ головою и тыхо перехылывъ у ротъ. Заплющывшысь, ковтнувъ; смаковыто, зъ завдоволенням' крекнувъ и почавъ йисты кандёръ. Другу пиднеслы Панасови. Винъ

также мовчкы взявъ, байдуже выпывъ, и, поставывшы чарку на стилъ, тежъ узявся за ложку. Кылына спершу одмовылась, але заразъ же, усмихнувшысь, попросыла и зважлыво выпыла. Санька «запышалась» и почала тежъ одмовлятысь, але якъ іи попрохалы, несмило взяла и, крывлячысь, почала «прыгублюваты», що-разу вертаючы недопыту чарку. Але іи прыпрохувалы, и вона ще «прыгублювала». Такъ «прыгублюючы», й выпыла всю. Навпакы, Софійка весело хытнула головою, крыкнула всимъ «на здоровья» и одразу хыльнула всю чарку й навить не скрывылась. Не промынулы й Марынкы, яка сыдила мижъ Санькою та Софійкою, и сказалы ій выпыты. Вона покирлыво взяла чарку, несмило усмихнулась и разомъ потягнула въ себе всю чарку. Ковтнувшы, дуже скрывылась, закашлялась и соромлыво глянула на всихъ очима, въ якыхъ ажъ слёзы выступылы. Що до хлопцивъ, то певно, що вопы не одмовлялысь. Але колы дійшла черга до Трохыма, винъ тильки скоса глянувъ на чарку и холодно мурнувъ:

— Не хочу!

— Не хочешъ?!—скрыкнувъ здывовано Грыць, держучы чарку; а Савка ажъ зупынывъ на пивдорози до рота ложку зъ кандёромъ и шыроко вытрищывъ очи на Трохыма.

— А не хоче, то й не треба!.. Намъ бильше буде!—сухо промовывъ Андрій.

— Давай!—вмыть простягъ руку за чаркою Трохымъ и, всмихаючысь своею чудною всмишкою, додавъ:

— Я й забувъ, що Андрій заручыны справляе... Дай Боже счастя молодымъ!—и ажъ зубамы клацнувъ объ чарку, выпываючы горилку. Андрій почервонивъ, де-хто всмихнувся, де-кому ніяково стало, а Кылына мовчкы подывылась на Трохыма и, знову потягшысь ложкою до мыскы, сказала, всмихаючысь:

— Правда, що вовкъ!

Затыхлы; тильки чуты було плямкання, стукъ ложокъ объ мыскы, иноди голосне сякання та тяжке сопиння Савкы, якый зъ напруженою увагою й обережнистю носывъ ложку видъ мыскы до роту, пиддержуючы іи шматкомъ хлиба.

— А ну!—хытнувъ Юхымъ Грыцеви головою, пидморгуючы до пляшкы.

Зновъ заходыла чарка по рукахъ, знову Санька почала «прыгублюваты», зновъ Петрыкъ, схылывшы по бабьячы голову на руку, почавъ жалибнымъ голосомъ прыговорюваты до чаркы, зновъ Кылына одважно простягла руку за горилкою, и зъ прыдушеною огыдлывистю выпыла іи. И зновъ Марынка покирлыво ковтнула, але вже не закашлялась, тильки на всёму іи худенькому лычку выступывъ рум'янець та очи зробылысь смилывищи й веселищи. Але розмова все зрывалась: почне хто небудь, другый додасть, и зновъ замовкнуть. Почалы по третій. Але Кылына вже не змогла бильше й одмовылась, Санька ще бильше «запышалась», але «прыгубыла» й третю. А Марынци зновъ сказалы выпыты, и хоча де-хто вступывся за неи, але Грыць зъ веселымъ смихомъ зъ допомогою Трохыма такы досяглы свого, и Марынка выпыла. Почалы й другу «пивкварты».

— Да-а...—протягнувъ завдоволено дидъ Юхымъ, вытыраючы долонею вуса—отъ и не думаючы выпылы. Люде полаялысь, а мы пожывылысь. Отъ такъ воно и повсигда. Здается погано лаятся, а зъ лайкы и добре выйшло. Отъ и прыпорція!. Да-а... Такъ воно на свити вже зъ давнихъ давенъ ведется: що одному пагано, то другому добре. Ну, ще по одній, та й спочынемо.

За кожною чаркою Трохымъ насмишкувато дывывся на Андрія й неодминно щось прыговорювавъ. Кровъ ударыла ёму въ лыце й воно стало ще червонище, наче добре вышарованый объ цеглу пьятакъ. Чорни, маленьки очи ёго заблыщалы гострымъ вогнемъ, усмишка ставала все тоньшою, уйидлывищою.

— Пыймо хазяйську горилку!—промовывъ винъ, простягаючы руку за чаркою.—Воны зъ насъ пылы!

Андрій глянувъ на ёго.

— А я зъ тебе пывъ?—тыхо спытавъ винъ.

— Ты? Ну, тоби бъ то я ще й не пиддався бъ!..

— Такъ чого жъ ты чипляешся до мене? Чого ты хочешъ одъ мене?

— Ничого я одъ тебе не хочу.

— Ни, слухай Трохыме,—спираючы ложку на край мыскы, заговорывъ раптомъ дрижачымъ, але щырымъ, мыролюбывымъ голосомъ Андрій.—Я вже давно збираюсь тоби сказаты. Та й усимъ. Що я вамъ зробывъ?.. Що я тоби... чымъ я тоби. Пидожды, дай я скажу. Ты разъ-у-разъ чипляешся до мене. Чы я тоби поперекъ дорогы ставъ?.. Чы зло яке зробывъ кому?.. Уси, наче я якыйсь... чужый. А я бъ хотивъ... Эхъ!

Винъ махнувъ рукою й одвернувъ трохы голову въ бикъ. Очи ёму й видъ горилкы й видъ зворушення блыщалы, верхня губа нервово здригувалась, пидборидця зъ ямкою й золотыстымъ, блыскучымъ пухомъ почало тремтиты.

— А ну, заплачъ!—метнувшы въ ёго поглядомъ и усмихаючысь, кынувъ Трохымъ.

— Ну, й заплачу, то що?.. Я до васъ, якъ до бративъ. Зо всима хотивъ бы жыты. Трохымъ каже «хлибъ одбывае». А кому я одбывъ? Га?

— Та що тамъ?.. Та плюнь! Эхъ!—промовывъ Грыцько такожъ зворушено. — Що було... то. Этъ, що тамъ! Нихто тоби ничого, якъ и зо всима...

Але въ сей ментъ Грыцивъ поглядъ упавъ на Петрыка, якый, смишно вытягнувшы губы внызъ и хлипаючы очима, уявлявъ, що збирается заплакать. И Грыць весело зареготався.

Кылына мовчкы сыдила й дывылась на кульку зъ хлиба, качаючы іи пальцемъ по столи. Довги, темни віи закрылы ій очи й кыдалы невелычку тинь на чысти, нижни щокы, на якыхъ якъразъ по середыни червонилы два невелычки, завбильшкы въ дви копійкы румьянци. Софія задумлыво носыла ложку одъ мыскы до рота й, не клипаючы, дывылась напроты кудысь черезъ голову Юхымови, що такожъ мовчавъ и тильки хутко бигавъ по всихъ очима. Тильки Марынка, дядько Панасъ та Савка, здавалось, мало вважалы на балачку, а бильше на кандёръ.

— А чымъ я выненъ, що въ мого батька йе, а въ твого немаъ?—скрыкнувъ Андрій.

— Та хто тебе выныть?—злистно глянувъ на ёго Трохымъ.— Йе, то й чортъ тебе беры!..

— Та ты спытай ще, чы йе ще въ Трохыма батько!—усмихнувся дидъ Юхымъ.

— Ну, въ цёго взнаешъ!—сказала Санька.—Якъ чортъ той... скильки жыве, а що воно, звидкы воно,—а ни словомъ не похвалытся. Хочъ пытай, хочъ ни...

— Хиба ты порозумнищала бъ, якъ бы я тоби «похвалывся, що я й звидкы я?»—посмихнувся Трохымъ, не дывлячысь на Саньку.

— «Порозумни-и-щала»!—перекрывыла ёго Санька, похытавшы головою.—Охъ, ты розумный!.. Тильки й зна, щобъ укусыть когось. Чыстый халамыдныкъ!.. Не дурно не хоче про себе говорыты. Десь багато доброго наробывъ. Голодрабець!..

Дидъ Юхымъ серьёзно подывывся на пеи.

— Це ты... напра-а-сно.—Протяжно прогунявывъ винъ.—Ничого, може, чоловикъ и не наробывъ, а ты вже. А що Андрій жаліется, дакъ я ёму скажу одну писню. Гуляла соби, значыть, голота, а багачъ-дукачъ ишовъ мымо та й почавъ сміятысь. Нибы то: «гей, за що жъ, за що та бидна голота напывается». А воны ёму: «а хто зъ насъ, братця, та буде сміятся, того будемъ быть»! Та й далы такы бобу. О! Не насмихайся. Чоловикъ, може, горе запывае, щобъ и не чуты, а той ще сміется. Непрыятно.

— А хыба я зъ тебе сміявся колы?—звернувся Андрій до Трохыма, але той якъ скыпивъ:

— Та чого тоби треба?!—Не люблю я васъ... дукачивъ... отъ и все!

— А горилку ихню любышъ?--ехыдно вставыла Санька.

Трохымъ раптомъ заспокоився й, усмихнувшыся, кынувъ:

— А чого жъ? Зъ паршывои вивци хочъ вовны клапоть.

— То правда!—згодывся Юхымъ.—«То, мовляла, батюшко, вамъ за упокой, а це такы за здравіе». Не все те, що мы любымо, дивко, у прыгоди стае намъ. Бува, що й ворогъ лютый мылище за батька ридного бувае. Такъ то, дивко!—Дають,—хватай, скубуть,—тикай!.. А свого не впускай. Отъ тоби й оченашъ...

— Ами-и-нь!—проспивавъ Петрыкъ.

— Да-а!—хытнувъ головою Юхымъ.—Всяке шукае кращого..., всяке бьется за себе. Кажуть, грихъ тильки про себе думаты. Брехня! Грихъ не думаты про себе! Покы й свиту сонця, все на свити дбало й дбатыме тильки про себе!.. Бо такъ уже положено. А люде выгадалы, що треба себе напослидокъ ставыты. Та натура въ одынъ бикъ тягне, а люде въ другый, та й выходыть ни Богови свичка, ни чортови люлька. А якъ бы кожный та помигъ ще натури, якъ розумни люде роблять, то вышло бъ не те. А такъ... покы дурнивъ, поты й горя. Эхъ! Якъ бы то кожный умивъ про себе дбаты!

— А вы багато надбалы?— ущипнула Санька.

— Я? Ни, не багато. Сыве волосся, лысыну та 65 литъ. Отъ и все...

— Що жъ такъ мало? Не хотилы бильше, чы що?

— Ба, хотивъ, та розуму не було. А якъ поскублы трохы, тоди й розуму набрався. Теперъ бы дбаты, та сылы нема вже. Ну, выпьемо чы що?

Панасъ та дивчата ришуче одмовылысь. Воны вже й такъ булы на пидпытку. Очи всимъ блыщалы, щокы запарылысь, рухы сталы непевни, а Марынка навить до того насмилылась, що про щось узялась розпытуваты Софійку. Дывылася вона жваво, смилыво, слухала якось жадно-пыльно, не спускаючы напруженыхъ, блыскучыхъ очей зъ оповидача.

Тильки Софійка, нервово сміючысь, сама налыла соби и зъ якымсь завзяттямъ перехылыла горилку въ ротъ.

— Чортъ ёго беры! Гулять такъ гулять! Правда, Кылынко?—озырнулась вона на ту. Червони ясна надъ билымы зубамы, здава[illegible]сь, ще бильше почервонилы ій; сыни довги очи горилы, щокы [illegible]ы.

— Хай говорять люде! Ихе! Удивительно! Гуляй и все!

— Верно!—закрычавъ Грыць и такъ бухнувъ Киндрата по спыни, що той ажъ хытнувся впередъ усимъ тиломъ.

Але инчи сыдилы якось невесело й задумлыво. Андрій потроху затыхъ, ослабъ якось, зперъ голову на руку и дывывся

кудысь мутнымы очима, поглядаючы иноди на Кылыну, що не переставала качаты кульку. Трохымъ ще бильше насупывся.

— Такъ, та-акъ—протягнувъ, зитхнувшы, дидъ Юхымъ—отъ и все. Теперъ вставай, диду, беры свою калаталку та йды стерегты чуже добро...

Винъ трохы помовчавъ, потимъ, иронычно всмихнувшысь, почавъ знов:

— Жывъ, робывъ.., а для чого жывъ, на що робывъ, то й самъ тоби жыдивськый рабынъ не скаже. Отъ 65 литъ маю, а спытай мене, щó я заробывъ соби? Калаталку. (Винъ хытнувъ головою). А все, що дурный бувъ. Эхъ, вернысь мени лита мои! Ге! Наплювавъ бы я тому въ вичи, хто сказавъ бы мени, що себе забуваты треба, що за свою долю бытысь—грихъ. Я бъ ёму сказавъ бы!..

— Э, диду!—махнула рукою Санька.—Ничого те не поможе. По правди робы, по правди й буде тоби. Отъ що!..

— То по правди й очи вылизуть—хрыпло промовывъ Панасъ, байдуже, вьяло дывлячысь попередъ себе.

— По правди?—усмихнувся дидъ.—Эхъ, дурна ты дивко, мало кашы йила. Та знаешъ ты, щó таке правда? Правда—то от-той самый пьятакъ: подывысь зъ одного боку—орелъ; переверны той самый пьятакъ на другый бикъ—буде тоби орешка. Отъ такъ и правда вся. Що на корысть мени, отъ то й правда, а що на шкоду, то—неправда А що шкодыть одному, то другому на корысть. Отъ тоби й правда уся...

— То, выходыть, якъ мени на корысть красты, то й красты можно? И по правди буде?

— А то-бъ то йе такый чоловикъ, щобъ не вкравъ ни разу на вику? Га? Эхъ, ты! И святый краде. Що то таке вкравъ?.. Узявъ те, чого самъ не заробывъ. Правда, инчый все свое жыття краде, и добре краде—и жыве добре.., а другый и погано вкраде, и разъ украде—й жыве погано. Та то вже бисъ одынъ, чы мало, чы багато. Э, дивко, дивко. Сыдивъ я й по тюрьмахъ за ту неправду и пóтомъ умывався за правду, а теперъ бачу, що тои вашои правды ще й доси не бачывъ. Щó на мою думку було прав-

дою,—то другымъ було неправдою; що мени неправдою,—то другымъ правдою. А де вона та одна правда, то мабуть и самъ чортъ іи не бачывъ, бо и въ ёго йе своя правда. Правда, дивко, то все одно, якъ, бува, та городська барыня. Подывышся ззаду: ривна, гарна; не ногамы йде, а плыве; чепурна, пахуча,—хочъ молысь до неи! А подывышся спереду—то такъ тоби зробытся, наче муху ковтнувъ. Ій-Богу! А барыня та-жъ такы одна...

— А то, мабуть, ти барыни, що той...—трохы замнялась Софійка—що... якъ вы колысь казалы. Ну, якъ у насъ... нечестни...

— Та кажы прямо!—гукнувъ Грыць на всю хату:—шлюхы та й усе.

— Всяки, всяки. Це я такъ... для прымиру. А тамъ йе и шлюхы, и чесни... всяки. Тильки щось чесныхъ тыхъ мало. На мою думку, тыхъ чесныхъ перевишаты бъ усихъ на одній гыляци, а папы ихъ у ручку цилують. Отъ тоби й маешъ правду. А шлюхы... що шлюхы? Такы жъ люде, якъ и мы. Жывуть соби. Ге! Та ще й якъ, бува, жывуть. Все одно вже, дума соби, не вернуть... ну, такъ хочъ пожыву жъ!.. Ну, й жыве! Такы люде мають соби всяки перепоны, або тамъ соромъ, або щось инче А тымъ що?.. Одно—гуляй, та такъ гуляй, щобъ и на старисть выстарчыло. Ге!.. Котра гарна та розумна... Одну я знавъ тамъ... Гарна канальська дивка... отъ бы не гирше нашои Кылыны, тильки кеначе менча й тонча. Такъ скажу вамъ не жыла, а кыпила. Гришмы курыла, якъ я тютюномъ. У шовкахъ вся. А такы жъ зъ нашого брата, зъ простыхъ, десь казала зъ Полтавськои. Да-а! Правда, трохы, бувало, крадькома сумувала. Ну, та безъ суму й втиха не така солодка. Жывуть!.. Хочъ и трохы, та добре!..

— То тежъ усе правда, що вы казалы?...—пидвела голову Кылына и роблено байдуже позихнула.

— А мени чого брехать?—спокійно усмихнувся Юхымъ.— Пиды та подывыся сама, колы не вирышъ. А хочешъ, то й сама до ихъ пострыжысь. Гирше не буде. А будешъ жыть такъ, якъ и не прысныться николы. Хе-хе-хе!

— Мели-ить!—якось ніяково всмихнулась Кылына и, потягнувшысь всимъ своимъ дужымъ, гарнымъ станомъ, зновъ нахылыла голову й взялась до кулькы.

— Э! Послухать дида, то зразу счаслывымъ будешъ!—сказала насмишкувато Санька.—Тильки горе, що дидъ сами доси тильки сторожа пры окономіи доскочылы. А кажуть, що й по тюрьмахъ сыдилы, й по свитахъ бувалы.

Дидъ усмихнувся.

— Да-а, и по тюрьмахъ сыдивъ, и по свитахъ бувавъ. Та дурного, дивко, и въ церкви бьють. Така вже планета дурневи. А якъ бы я зъ розумомъ робывъ, то може бъ и не тынявся бъ оце по скарбахъ.

Винъ трохы помовчавъ, потимъ почавъ зновъ.

— Да-а... розумъ—велыке дило. Колы бъ я зъ розумомъ кравъ, то й по тюрьмахъ не сыдивъ бы. Колы хочешъ красты, то вже крадь такъ, щобъ хочъ и въ тюрьми посыдиты, такъ вже потимъ и пожыты. Крадь у того, хто багато мае, а ще краще, хто самъ краде. Укравъ разъ та гараздъ. А на те, що грихъ, плюнь. То грихъ для того, у кого берешъ, а колы винъ самъ братыме, то вже не буде грихъ...

— А Богъ? а правда?—скрыкнула Санька.

— Ха-ха-ха!—злистно, терпко зареготався Трохымъ.—А тоби Богъ багато давъ, хочъ ты й свята та Божа?

— То, по твоему, вже й Бога немае?

Трохымъ тильки ще злистнище зареготався.

— Ни, ты, Трохыме, не смійся,—уважно промовывъ Юхымъ.—У Бога, брате, треба вирыты. Бо нашъ братъ—безъ виры въ Бога одна худоба й бильше ничого. Безъ Бога нашъ братъ—не чоловикъ. Понимаешъ? Ты хочъ те визьмы: що ты, або я? Худоба та й усе!.. Для чого ты жывешъ, для чого я... ни которого понятія нема!.. Або отъ наша Марынка! Подывысь на неи—ну, для чого воно жыве?.. До чого? но вищо? Залякане, засмоктане. Воно тоби не то що вкрасты не посміе, а й за себе постояты не може. Всяке іи штовха, усяке іи щыпа, зъ роботы не вылазыть, голодне, холодне, забыте, чорне... кому воно, на що воно? Собаци

та й то краще, отъ же, ій-Богу краще: та хочъ и выспытся, и полежыть, и пограется, а ця... вона хочъ ласку чыю бачыла?.. Безъ батька, безъ матери, байстря... жыве тутъ соби зъ мылости. А для чого жыве воно?

Марынка, що впывалась просто въ кожне слово, раптомъ почервонила вся, смилыво пидняла на дида свои залякани очи и промовыла:

— Я теперъ вже никого не буду боятыся. Я вже теперъ... Я не боюсь...

Де-хто здывовано, де-хто зъ усмишкою подывылысь на неи, а дидъ Юхымъ похытавъ головою и сумно сказавъ:

— Дивчыно, дивчыно!.. Не такъ тебе былы, щобъ такъ ты зразу не забоялася. Це горилка, дивчыно, не боится, а не ты...

Марынка хотила щось сказаты, але дидъ Юхымъ повернувся до Трохыма и заговорывъ дали:

— Ну, а ты, а я, а мы вси тутъ? Та жъ худоба та й годи! Зъ ранку до вечора, зъ малечку до сывого волосу тыняешся по наймахъ, зъ роботы не вылазышъ, та ще й радый, що зъ голоду не здыхаешъ. А разомъ зъ тымъ и Марынка, и ты, и я—люде! Понимаешъ: не худоба, а люде. О!.. А чого? Бо ты ще Бога маешъ. О! А не вирь у Бога, й выходыть, що ты ни которои разныци зъ воломъ або конякою не маешъ. А це вже зовсимъ... обыдно. Отъ багатому—друге дило. Багатому, панови Бога не треба. На що панови Богъ? Ему й такъ выдно, що винъ не коняка. Винъ соби знае й бачыть на кожному мисци, що винъ людына, бо жыве не такъ, якъ худоба. Одтого то паны такъ и не дуже то вирять у Бога. А нашому брату треба вирыть, треба держатысь за Бога, бо якъ одирвешся, то й буде: що ты, що вилъ—усе одно. А вирышъ,—воно якось и терпытся легче. Все такы людына, значыть, и ты для чогось здався. О!.. Такъ, Панасе?

Сутулый, жовтый, згорбленый Панасъ трохы пидвивъ свою довгу голову й, ледве дывлячысь своимы мутнымы очима, промовывъ:

— Колы чоловикъ мае здоровля, то й счастя мае. А загубывъ здоров...—Винъ не скинчывъ и глухо закашлявся, похытуючы головою й хапаючысь рукамы за груды. Вси сыдилы мовчазни, насуплени, похмури. Трохымъ усмихався злистно й жорстко, а Марынка хутко бигала по всихъ очима, наче боялась прогавыты хочъ одне слово.

— Такъ пидождить же, диду!—крыкнула Санька, подумавшы.—Що жъ вы говорыте: и про себе тильки думай, и въ Бога треба вирыты?.. А Богъ сказавъ, щобъ... що такъ грихъ думаты...

Дидъ Юхымъ усмихнувся, але, ничого не одмовляючы, вставъ, перехрыстывся трычи до иконъ, сивъ зновъ и, шукаючы люлькы въ «брукахъ», промовывъ:

— Хочъ ты, дивко, й гостра на языкъ, а все такы дурна. Понимаешъ?

— Ба ни, не понимаю.

— То слухай же .. Хиба тоби хто говорыть, щобъ ты крывдыла другого, колы про себе думать будешъ?.. А може воно тоди ще й лучче буде, якъ вси будуть про себе думаты. А то погано, що дурный не дума, а розумный прытворяется, що не дума. Та й выходыть, що розумному добре, а дурневи—дуля. А хиба Богъ говорывъ, щобъ одному було добре, а другому погано? Понимаешъ?

— Ни, не понимаю.

— Бо дурна. Богъ одне, а грихъ друге. Хиба ты зъ Богомъ говорыла про грихы?.. Зъ людьмы. А люде чого не выгадають?.. По панськы одне грихъ, а по мужыцькы друге. По жыдивськы одне грихъ, а по нашому друге. А чыя сыла, того й правда. А Богъ одынъ. Понимаешъ?

— Ни!

— Ну, то йды къ чорту, що зъ тобою патякать!

И почавъ насыпаты въ люльку тютюну.

— Ни, диду!—вмыть почавъ Трохымъ зъ якоюсь похмурою ніяковистю.—Це все... може й такъ, може й не такъ. Не знаю

А отъ якъ... прымиромъ... сказать... мени найты таку точку... свою... значыть... точку...

— Точку?.. Яку точку?

Трохымъ ніяково усмихнувся.

— Таку точку, щобъ... якъ жыть. Таку лынію...

— Та такому, якъ ты, одна лынія: на Сыбиръ та й годи!— сухо засміялась Санька.

Очи Трохымови занялысь, але винъ зразу здержався й повернувся знову до дида.

— Ша, не займай ёго...—звернувся той до Санькы.—Винъ чоловикъ попеченый: ёму, де не торкнысь, болыть. Сміятысь не треба. Чоловикъ дорогы шукае. Де винъ іи знайде, чы на Сибиру, чы въ палатахъ—то вже не намъ знаты. А колы хочешъ, щобъ самій добре було, то поможы ёму. Бо и ты, и винъ—ридни соби. И ты гола, и винъ голый—значыть и правда одна въ васъ. Выходыть, не сміяться, а помогты треба, бо поможешъ ёму, то все одно, що соби поможешъ. Дурна ты, дивко! Якъ бы ты поподходыла пичку, другу, та кынула окомъ на себе та подумала про жыття свое... отъ и другого понимала бъ. А нашого брата... попеченого... понимать треба. А такыхъ попеченыхъ багато розвелось теперъ. Перше то й не чуты було, щобъ чоловикъ викъ свій тынявся видъ økономіи до økономіи. А теперъ? И-ги-ги! Мабуть не вже въ двадцятого пана служышъ теперъ?—звернувся винъ до Трохыма.

— Хай ихъ чортъ личыть, а я вже й ликы загубывъ!—зъ ненавыстю промовывъ той.

— А батькы десь померлы?

— Померлы.

— Та-акъ. А по økономіяхъ... скризь добре було?

— Добре!.. Эхъ, диду!—вмыть спалахнувъ якось дыко Трохымъ и зъ сылою вдарывъ кулакомъ по столи.—Давыть мене тутъ... горыть!.. (показавъ винъ на груды). Пече, вогнемъ пече! и сыла йе, а точкы нема...

— Х-мъ!..—розвивъ рукамы Юхымъ.—Точкы?.. Точку, хлопче, не знайдешъ зразу. Багато треба слизъ ковтнуты, багато кровы

пропустыты, щобъ твердо стать на свою точку. А ты—чоловикъ попеченый, уразлывый. Самъ кажешъ, горыть у тебе. Тоби не покажешъ. Самъ шукай. Та шукай не по за собою, не шукай у чужыхъ, бо въ чужыхъ и правда чужа. А колы голодрабець, то въ голодрабця й правды шукай. Та думай бильше про себе... може й выдумаешъ. Отъ я вже додумався; спочыты бъ трохы та й... (Винъ махнувъ тильки рукою). Та я—не ты. Въ тебе горыть, а въ мене вже попилъ... Мени бъ теперъ хатынку свою. Эхъ, хороша то штука своя хата: хочъ здохнуть йе де... нихто вже не выжене тебе, нихто не штовхне. Самъ соби панъ! Правда, Кылыно?

Кылына пидвела голову, глыбоко-глыбоко зитхнула и зновъ нахылылась

— А мени, знаете, диду, все одно,—заговорывъ, червоніючы й шыроко-тыхо всмихаючысь Киндратъ. Колы винъ почынавъ говорыты, то разъ-у-разъ зъ початку трохы червонивъ.—Чы йе хата, чы нема, абы добре було... Може то черезъ те, що я вже забувъ, що то свое хазяйство?.. Винъ ще шырше усмихнувся и допытлыво подывывся навкругы. Забувъ уже... Знаю, що якъ свое хазяйство, то морокы багато; робышъ не менче, якъ и по економіяхъ, а клопоту... ажъ до вуха... А нема нічого, то й клопоту нема... Абы харчъ добрый та роботы менче... та платылы добре... То й жыты якось можно... А що жъ робытымешъ!

— А якъ заслабнешъ та выженуть тебе? Де здыхать будешъ безъ хаты? Пидъ тыномъ?—хрыпло, похмуро спытавъ Панасъ.

— Э! Шо тамъ!—раптомъ скрыкнула Софійка, схопывшысь зъ мисьця.—Выженуть—выженуть! Чортъ ихъ беры! Гуляй та й годи!.. На що намъ хата! Ось мы зъ Грыцемъ та Киндратомъ пидемо въ Бесарабію, або въ Таврію на заробиткы. Тамъ, кажуть, музыкы грають, хлопци, дивчата... Гуляй та й все!.. Давайте, диду, я вамъ налью!

— Ни!—зважлыво крутнувъ головою Юхымъ.—Я вже не буду. Гряныця! У мене вже така гряныця: якъ не дойиду, то ще держатымусь, а перейиду, такъ уже прощай: пытыму, покы й

сорочкы не збудуся... А теперъ ще холодно... Якъ выжене Халабуда, то й до Адеса не доберусь... Хай молодши пьють...

— Киндрате, пый!—подала чарку Софія. Киндратъ мовчкы взявъ чарку, выпывъ, утерся и, сплюнувшы, почавъ закусюваты хлибомъ.

— А теперь я!—знову налываючы, скрыкнула Софійка, обводячы всихъ блыскучымы, трохы посоловилымы очима.—Гулять, такъ гулять! Правда, Грыцю? Эхъ!

Вона вытягла руку зъ чаркою, пидвела голову, крутнула нею и чыстымъ, гарнымъ контральто заспивала:

Тамъ дивчы-на гуляла-á,
Охъ дивчына гуляла-á;

— Грыцю, поможы!—хытнула вона тому головою,

Ну, што жъ, кому дѣло гуляла-á...

пидхопывъ Грыць и штовхнувъ ликтемъ Киндрата. Той нашвыдку проковтнувъ хлибъ, прытулывъ руку до щокы и трохы розбытымъ, але сердечнымъ голосомъ уступывъ у писню и наче поплывъ мягко, ривно у гори.

Ну, што жъ кому дело, гуляла-á!
Ну, какое кому дело гуляла-á—

залуналы весели, буйни згукы въ сумній, темній «чорній» кухни.

Софія поставыла на стилъ налыту чарку, выскочыла на середыну хаты и, топнувшы ногою, палко повела плечыма, граючы до Грыця очима й усмишкою. Потимъ раптомъ повернулась до Савкы й пидморгуючы, манячы за собою, весело поклыкала:

Ходы, мылый, не журысь!
Ходы, любый, не журысь;

Савка задоволено «гыгыкавъ», а Грыць та Киндратъ, переплитаючысь голосамы наче пидбадёрювалы ёго:

Ну, што жъ, кому дело, не журысь,
Разкакое кому дело, не журысь!

— Ни, стій! Давай другу!—спынывся раптомъ Киндратъ и, не чекаючы никого, трохы заплющывшысь, прытулывъ знову руку до щокы и тыхо-тыхо почавъ:

Ге-ей, ты гори-и-лочка,
Гей, ты медова-а-а-я-а...
Ге-ей, зъ кымъ я тебе пы-ыть бу-уду молода-а-я...

Сумни згукы заплакалы десь пидъ закуреною стелею, перебиглы сумомъ по облыччахъ и поплывлы, розлылысь по хати. Софія спынылась, прыслухалась, потимъ хутко пидбигла до Киндрата, сила блызько ёго й, обнявшы, прытулывшысь ёму до плеча головою, тужлыво пидхопыла:

Ге-е-ей, зъ кымъ я тебе пыть буду молодая-я-а!

По хати наче пройшла сама туга.

Ге-ей, пойихавъ мылый мій
Въ далеку доро-о-огу-у...

— хытнувъ зъ болемъ головою Киндратъ, перекладаючы щоку на праву руку, а ливою обнимаючы Софійку.

Ге-ей, мене молоду-у-ю...

зъ одчаемъ залылась Софія,—

... кынувъ самотою-ою...
Ге-е-е-ей!..

безнадійно махнувъ рукою Грыць, вкрываючы ихни голосы своимъ густымъ, свижымъ басомъ, —

... —мене молодую кынувъ самото-о-ю-у...

Згукы рыдалы; здавалось, доля сыхъ сирыхъ, прыгниченыхъ людей звидкысь вынирнула, одяглась въ отси згукы й клыкала

маныла ихъ кудысь. Здавалося, тутъ, у сей брудній, на-пивъ темній хати не було вже ни сёго довгого столу зъ порожнимы, велыкымы мыскамы, зъ роскыданымы ложкамы, зъ плямамы кандёру, не було ни чорнои, блыскучои видъ бруду доливкы, ни смердючого, важкого повитря,—здавалось, си згукы вымылы сей брудъ своимъ сумомъ, налылы сюды вильного, чыстого повитря, покрылы все своимъ нижнымъ, тужлывымъ чуттямъ.

Кылына сыдила, пидперши голову рукою, й дывылась, не моргаючи, въ свитло лямпочкы. Выдно було, що вона не бачыла ни спиваківъ, ни Андрія, що, здавывшы голову рукамы, дывывся нерухомо въ стилъ, не бачыла. Марынка, яка почала жваво прыбыраты зъ столу,—никого й ничого не бачыла Губы свижи й горди булы зложени якось гирко, бровы нахмурылысь, на щокахъ гравъ невелычкый румьянець, высоки груды пидіймалысь иноди пидъ довгымъ, задержанымъ зитханнямъ.

— Ге-ей, та немае правдонькы на свити,—

жалився Киндратъ, заплющывшы очи й журлыво схылывшы голову на руку.

— Эхъ! Тяжко, гирко, мылый, да по наймахъ жыты...

зъ мукою зтожувалась Софійка, прытулывшысь ёму до плеча щокою й дывлячысь передъ собою шырокымы, сынимы, засмученымы очима.

— Эхъ! Тяжко, гирко, мылый, да по наймахъ жыты...

меланхолійно, сумно гудивъ Грыць, мнягко перелываючысь видъ Киндратовои прымы до Софійчыной вторы.

Було боляче-сумно.

Дидъ Юхымъ сыдивъ, спершысь рукамы въ колина й задумлыво попыхкувавъ люлькою; Панасъ та Савка тыхо перейшлы на пилъ, и хутко стало чуты Савчыне хропиння; Петрыкъ и Санька сыдилы, обнявшысь, на полу и мовчкы слухалы; Трохымъ зновъ тарабанывъ пальцямы по столи, и зновъ на тонкыхъ, сынихъ губахъ ёго грала злистно иронычна усмишка, тильки гостри, маленьки очи ёго зробылысь ще гострищи, лыце налылось кровью, й на лоби гралы проты свитла лямпочкы дрибни крапли поту.

Вмыть Софійка зкынула зъ свого стапу Киндратову руку, глыбоко-глыбоко зитхнула й, трипнувшы головою, схопылась и зъ усмишкою, въ якій, здавалось, ще плакала писня, крыкнула:

— А ну ёго къ бису!... Ще заплакать можно! Давайте краще веселои... Чого намъ журыться? Горилка йе... Давайте, диду, выпьемъ. Этъ!... Начхайте!.. Гулять—такъ гулять!.. Отъ и все... Наши паны гуляють и мы гуляемъ... Удивительно!

Вона, сміючысь, пидбигла до столу, схопыла налыту чарку й, розхлюпуючы горилку, высоко пидняла іи.

— Хай люде говорять!.. А намъ начхать!.. Правда?.. Хведиръ каже: «шлюха»!.. Ну, й шлюха, ну то що! Шлюхамъ все можно!.. Вы й не знаете: винъ назвавъ мене шлюхою... Я не хотила вамъ цёго говорыть, а теперъ... пхе!... Ще й набывъ, якъ шлюху! «Ще, каже, й шлюхы уміють вередуваты». Ха-ха-ха! А онъ дидъ Юхымъ кажуть, що й шлюхы таки жъ люде... Правда, диду?

Вона вже не сміялась, а якось болистно, жалько крывыла губы въ усмишку й все бильше та бильше розхлюпувала горилку дрижачою рукою. Потимъ раптомъ безсыло упала на лаву, выпустывшы чарку, яка покотылась до-долу, прыпала головою до столу й голосно, здригуючысь, зарыдала. Петрыкъ та Санька, що почалы щось шопотиты мижъ собою, зразу змовклы й зляканo глянулы до столу.

— Отъ тоби й маешъ!—тыхо промовывъ Грыць, збентожено дывлячысь на всихъ своимы лупастымы очима й якось крыво всмихаючысь.—Чого вона?

Кылына, наче мало дывуючысь сёму, глянула мовчкы на Софію и знову стала дывытысь у лямпочку; тильки въ лыци іи вже не було задумы, а щось холодне, жорстке, щось тверде и зважлыве. Вона навить не звернула увагы на Андрія, що, зачувшы рыдання, хутко пидвивъ голову и ставъ дывытысь спершу на Софійку, а потимъ на всихъ шыроко розплющенымы очима, въ якыхъ зляканo дывылось пытання.

— Що таке?—звернувся винъ до Киндрата, але той ничого не одмовывъ ёму й тильки пыльно, напружено, понуро дывывся на пилъ.

— Бижы, спытай у свого товарыша, Хведора,—усмихнувся Трохымъ.—Винъ знае.

— Я тебе не пытаю!—спалахнувъ Андрій, повернувшысь до ёго всимъ тиломъ и миряючы очима. Але Трохымъ тильки гостро подывывся ёму въ налыти кровью очи й байдуже одвернувся.

— Що тако? Чого вона плаче?—нетерпляче, палко скрыкнувъ Андрій, звертаючысь до всихъ.

— Та ничого... такъ ..—махнувъ рукою Грыць, встаючы й пидходячы до Софійкы.—Годи, Софійко!.. Чортъ ихъ беры... Эть! що тамъ!.. Удивительно!—И хотивъ усмихнутысь, але тильки скрывывся...

— Не займай іи,—похмуро промовывъ Юхымъ,—хай выплачется... Горилка іи розмягчыла...

Грыць хотивъ щось сказать, але въ сей менть щось стукнуло въ одне викно, потимъ въ друге, потимъ затупало въ синяхъ, и въ хату хутко вбигла дивчына въ «панській» одежи, се-бъ то въ сытцевій довгій спидныци, въ кофточци «въ талію» и зъ чыстымъ, билымъ хвартухомъ на шлейкахъ.

— Дивчата!—заразъ же почала вона, захыкавшысь и важко дышучы.—Идить .. намъ .. помогать... Посуду пере... мывать..., бо не управымся... Ху!.. Казавъ Халабуда... А що то у... васъ?.. Монополька?.. Дывы!.. А що то плаче?—вмыть спынылась вона и злякано подывылась на Софійку.—Чого вона? Хто то?

— Софійка—промовывъ Грыць.

— Чого жъ вона?

— Та... такъ... Годи, Софійко.. Онъ краще йды въ кимнаты... На панивъ подывышся... Фроська прыйшла... Посуду перемывать...

Софія трохы зтыхла, але не пидводылась, тильки иноди схлыпувала й тоди хыталась всимъ тиломъ.

— Чуешъ, Софійко?—пидсила до неи Фроська й обняла злегка за станъ. Плюнь на ихъ!.. Нехай обижають!.. Лучче пайдемъ у кóмнаты... Пущай плачуть ти, што гроши мають... А у насъ весело! Панивъ, пани-ивъ! Танцюють, грають на хуртопла-

нахъ... Вставай, пайдёмъ! Та й Санька, й Марынка пущай идуть!—звернулась вона до всихъ.

— А я чого туды пиду?—сказала Санька.

— «Чого!» посуду перемывать!

— Отъ не бачыла..

— Тю, дурна! Та я бъ ажъ побигла! Подасы якомусь панови шубу або що, то й «на чай» получышъ!

— Ну-да!—недовирлыво протягнула Санька.

— Ій-Богу! Дурна!

Санька повагалась трохы, потимъ почала шопотиты щось Петрыкови, якый незадоволено скрывывъ губы, потимъ схопылась, зстрыбнула зъ полу и почала хутко шукать на жердци свою хустку.

— Вставай, Софійко,—нахылылась знову Фроська до Софіи.—Тамъ харашо! Ій-Богу! А панычи яки понайизжалы, Софійко! Знаешъ...—вона раптомъ закрыла рота рукою й почала щось шопотиты Софійци на вухо, хихыкаючы й, нибы засоромывшысь, ховаючы лыце кудысь ій пидъ плече. Софійка вже не схлыпувала, але все-такы не пидводылась. Нарешти, колы Фроська щось прошопотила ій тыхо-тыхо на вухо, боязко наперёдъ озырнувшысь на всихъ, вона трохы пидвела заплакане, червоне лыце зъ мокрымы щокамы й прыпухлымъ носомъ и, слабо всмихнувшысь, промовыла:

— Та невже?

— Отъ тоби хрестъ святый! Поважно и зъ запаломъ перехрестылась Фроська й, наче згадавшы щось, знов обняла іи й почала шопотиты, дывлячысь на Юхыма своимъ дуже блидымъ зъ сынимы жылкамы облыччямъ, зъ сынимы кругамы пидъ очима й трохы кырпатымъ носомъ. Софійка ще ширше всмихнулась и, соромлыво глянувшы на всихъ, почала вытыраты наппутымъ на кулакъ рукавомъ мокре лыце.

— Та брешешъ!—раптомъ засміялась вона, але Фроська ще зъ більшымъ запаломъ почала шопотиты. Тоди Софійка, мовъ не вытрымавшы, схопылась зъ мисця й весело побигла до жердкы.

— Гулять, такъ гулять!—блыснувшы до Юхыма билымы зубамы й червонымы яснамы, крыкнула вона й почала зтягаты зъ жердкы одижъ, хутко перебираючы й одкыдаючы на бикъ чуже.

Всимъ наче трохы легче стало: забалакалы, засміялысь. Фроська почала оповидать про гостей, шыроко розплющуючы очи, сплескуючы рукамы й мало не за кожнымъ словомъ божачысь.

— Тамъ одынъ оце прыйихавъ—зъ жахомъ прыклала вона долони до своихъ блидыхъ щокъ.—Пуза-а-тый, пузатый, ажъ у дверя не войдёть... Усё кашля... А другый—зъ мындалёю... На стёжци зъ боку высыть... Якъ хрестъ всё рамнó... Та уси поздравляють ёго, ручкаются... Та всё на мындаль ту смотрять... Отъ хрестъ мене вбый! Бухвечыкъ говóрыть: шо якъ бы ёму таку мындаль, такъ винъ бы сичасъ у городи трахтыръ зъ катерынкою очынывъ бы... Накажы мене Богъ! Десь дорогá, верно!

— Отъ бы таку мындаль украсты, диду!—зареготався Грыць—Га? Було-бъ на що хату поставыть?

— Да-а. .—усмихнувся Юхымъ.

— Санько!—гукнувъ Грыць.—Ты тамъ зивка не давай... Прыдывысь, де спатыме, та ниччю й пидберысь до мындали... Петрыкъ спасыби скаже!

— А якъ мы вже поженымся, вы будете зо мною ручкаться, поздравлять!..—промовывъ важно Петрыкъ.—А вона велыка?— звернувся винъ до Фроськы.

— Та-де! Якъ слыва завбильшкы. .

— Пхе! Чорзна яка мындаль!—зневажлыво плюнувъ Петрыкъ.

Софійка та Санька вже одяглысь, а Марынци не було чого одягатысь. Вона давно вже стояла биля Фроськы и, пыльно дывлячысь кожному въ ротъ, слухала кожне слово.

— Ну, гайда!—крыкнула Фроська, и вси тры, весело озыраючысь, жартивлыво прощаючысь и сміючысь на жарты хлопцивъ, выскочылы зъ хаты. За нымы хутко заляпала босымы ногамы Марынка въ своій довгій кофти й брудній сытцевій хустынци на голови.

Стало тыхо. Кылына поралась биля мысныка; Андрій и Трохымъ сыдилы биля столу, похмури й задумлыви; Петрыкъ пидсивъ до Грыця и зтыха почавъ якусь писню. Киндратъ спершу мовчавъ, потимъ ледве чутно почавъ пидголосюваты, и сумни згукы знову забылысь, заплакалы десь пидъ стелею.

Тымъ часомъ дидъ Юхымъ набывъ люльку, запалывъ іи и ставъ выряжатысь «на службу». Напнувъ на лысу голову шапку, зъ якои выглядала подекуды бавовна, замотавъ ганчиркамы подрани чоботы, увьязавъ ихъ мотузкамы й напьявъ на себе «пальто» свое. Се «пальто»—жовте на плечахъ, зелене пидъ пахвамы, брудне спереду, зъ велыкымы, чорнымы латкамы биля кышень и зъ однымъ однисенькымъ салдацькымъ жовтымъ гудзыкомъ биля комира— було Юхымови и за постиль, и за свыту, и за вси його маеткы, колы не забувать ще про люльку, шапку, «брукы» та ще де-яки «вещы». Напьявшы зъ кректанням «пальто», Юхымъ тисно пидперезався мотузкомъ, пыхнувъ люлькою й, вытягшы зъ-пидъ полу деревьяну калаталку, закалатавъ нею й промовывъ:

— А що!.. А ще кажуть, що не козакъ! Х-хе!.. Хочъ заразъ до халамыдныкивъ... Да-а...

Винъ щильнище насунувъ шапку на лоба, пыхнувъ люлькою й зачовгавъ своимы обмотанымы въ ганчиркы чобитьмы зъ хаты.

III.

Вечиръ бувъ темный. Неба не выдно було, а здавалося, хтось розипьявъ у гори безкраю чорну запону и трусывъ зъ неи дрибнымъ, холоднымъ дощемъ. Витеръ пидхоплювавъ дощъ, крутывъ його, розкыдавъ и гостро ризавъ нымъ по лыци. Але въ повитри чулась не нудна, одноманитна, тяжка осинь, а щось бадёре, свиже, молоде,—чулась весна. Витеръ нисъ не запахъ гнылого пожовклого лыстя, а першый дужый подыхъ земли, що скынула зъ себе холодный, мертвый, сниговый жупанъ и могуче набыралася сылы. Дощъ нагадувавъ не довги безкраи, мокри ночи зъ выттямъ витру въ комыни, а зелене море сходивъ, зелену,

оксамытову траву, поле, працю, надіи, одчай, радисть, слёзы— пагадувавъ жыття.

Дидъ Юхымъ выйшовъ зъ хаты, ступывъ де-кильки крокивъ и озырнувся. Праворучъ ёго темно и тыхо. Чорнилы стайни, загоны, клуни, амбары... Ныжче до будынку чорнилы вершечкы саду, а мижъ нымы далеко-далеко жовтилы вогныкы,—то село внызу, въ долыни. По ливу руку було бильше жыття. За «чорною» свитыла викнамы «била» кухня; биля неи стоялы брычкы усякыхъ фасонивъ, ходылы люде, бигалы собакы; а передъ «кóмнатамы» було выдно, якъ у-день. Увесь довгый рядъ велыкыхъ виконъ будынку бувъ залытымъ свитомъ, що вырывалось на двиръ и шырокымы смугамы залывало подвирья, потоптане ногамы коней та поризане колесамы брычокъ. У викнахъ мыготилы постати, а на ганку, що бувъ якъ разъ посередыни будынку, одчынялысь двери, звидты вылитавъ глухый галасъ, наче зъ вулыка.—Таръ-таръ-таръ!.. Таръ-таръ-таръ!..—раптомъ закалатавъ Юхымъ, наче бажаючы заглушыты той веселый гоминъ. Таръ-таръ-таръ...—неслось зъ нымъ по ėкономіи, то стыхаючы, то ще дужче рижучы вухо зъ кожнымъ подыхомъ витру. Винъ обійшовъ стайню, комору, пройшовъ у садъ и ставъ то порынаты у свитло, то вырынаты зъ ёго, бо воно смугамы тяглось изъ заднихъ виконъ будынку. Обійшовъ будынокъ, «билу» кухню и знову ставъ наблыжатысь до «чорнои». Зъ чорнои запоны хтось переставъ трусыты дощемъ, наче замыслывся; витеръ, не маючы впыну, кружывсь и свыстивъ у стрихахъ та голыхъ витяхъ деревыны, наче навмысне не хотивъ даты Юхымови насыпаты въ люльку тютюну. Дидъ на ментъ зупынывся, озырнувся и почовгавъ пидъ стину «чорнои» кухни. Тутъ було затышно, тильки иноди витеръ, мовъ жартуючы, зразу вырывався десь зъ-за рогу и, дмухнувшы пронызувато въ лыце Юхымови, зновъ счезавъ десь у чорну яму долыны. Дидъ прытулывся до стины, поклавъ до-долу калаталку и почавъ выйматы кысетъ; але раптомъ пидвивъ голову и, прыслухаючысь, ставъ дывытысь за тынъ, що видилявъ Юхыма видъ подвирья и тягся видъ рогу «чорнои» кухни ажъ до рогу билои: тутъ зачулось якесь шарудиння.

Спершысь ликтемъ на тынъ, тамъ чорнила якась постать въ гострій шапци, що була даже схо́жа на Трохымову. Поворушывшысь, вона зновъ застыгла, наче настромленый на тынъ стовпъ зъ горщыкомъ зверху. Але не встыгъ ще Юхымъ пасыпаты въ люльку тютюну, якъ биля рогу зачулась чыясь хода, а за нею затемнила биля першои постати друга постать.

— А це хто тутъ?—рантомъ зачувся спокійный, твердый, жиночый голосъ.

— Чортъ!—насмишкувато здушенымъ, похмурымъ голосомъ промовыла постать, не миняючы позы, а лышъ злегка повертаючы голову.

«Ага, то Трохымъ, а то Кылына»—впизнавъ Юхымъ, насыпаючы пучкамы въ люльку тютюну и пыльно прыдывляючысь до рукъ, боячысь розсыпаты.

— Правда, що чортъ!—промовыла Кылына, пидходячы блыжче.—Що жъ ты тутъ робышъ?

— А хиба не бачышъ? Танцюю...

Кылына трохы помовчала, потимъ тыхше и щыро якось сказала:

— Скажы мени, Трохыме, чого ты такый злый разъ-у-разъ?

— А чого ты така добра?

— Я? Ни, здается, и я не дуже, але жъ...

— Безъ палыци мымо не йды?—кынувъ Трохымъ и сухо засміявся.

Кылына щось сказала, але витеръ, наче не бажаючы, щобъ Юхымъ чувъ, шарпнувъ іи слова и потаскавъ кудысь за стайню.

— А мене вже такымъ маты породыла та люде зробылы—зачувся зновъ Трохымивъ голосъ. Такымъ и дивчата любылы,—и злистно-иронычно засміявся.

— А ты любывъ кого-небудь?

Трохымъ мовчавъ.

— Въ тебе маты йе?

— Була.

— А батько?

— А ты що... сватать мене хочешъ, що допытуешся?

— А хочъ бы и сватать.

Замовклы. Дидъ Юхымъ переставъ навить люльку набывать.

— Слухай, Кылыно,—терпко заговорывъ Трохымъ,—я жарты люблю, але колы мене кусають, то и я зубы маю... Маешъ соби Андрія, то и грайся зъ нымъ, а я хазяйства не маю, то и торгуватысь зо мною нема чого... Колы бъ...

Витеръ зновъ наче на злисть Юхымови одирвавъ кинець мовы и нибы въ кышеню сховавъ іи. Дидъ Юхымъ тыхо, обережно ступаючы, ховаючысь за тыномъ, пидійшовъ блыжче и зупынывся ступнивъ на тры видъ ныхъ. Теперъ ёму навить выдно було, якъ витеръ гравъ хусткою на голови у Кылыны.

— Ну, та й ты ниврoку кусаться уміешъ—спокійно сказала Кылына.—Десь довго зубы гострывъ... А бидный Андрій ажъ муляе тоби...

— А тоби жаль ёго?

— Не жаль... а... а,—Кылына трохы замнялась.

— А такъ, мовлявъ, згодытся колысь... Чы замижъ выйты, чы переночуваты колы... Хо-хе-хе!

— Може и замижъ выйду.

— Якъ буде на те ёго ласка.

— Правда, що чортъ!—трохы зъ серцемъ промовыла Кылына, а дидъ Юхымъ завдоволено посмихнувся соби пидъ нисъ. Ему, страшенно хотилось запалыты люльку, але винъ, прытаившысь за тыномъ, навить не ворушывся.

— Скажы ты мени, Кылыно, чого ты прычепылась до мене?—раптомъ повернувся Трохымъ до неи.—Пишла бъ соби до Андрія та втерла бъ ёму слёзы... Краще буде!

Кылына не зразу одповила.

— Мени жаль тебе—тыхо сказала вона.—Злый ты, безъ серця... Попеченый...

Трохымъ ничого не сказавъ, а тильки, выдно було Юхымови, одвернувъ одъ неи голову и наче поправывъ шапку. Зъ неба хтось почавъ сіяты дрибно-дрибно дощемъ. Витеръ мовъ

прыбытый до земли, не такъ уже казывся, а нибы зтомленый дыхавъ спокійнище и ривнище. Биля «билои» кухни та «комнатъ» мыготилы постати, чулось гукання, биганына...

— Справди жаль?—не повертаючысь, якось напружено и безъ звычайного смиху спытавъ Трохымъ.

— А чого жъ бы я тебе обманювала?

— Не сміешся!—повертаючы голову бовкнувъ винъ.

— Ну, отъ!.. ще що выгадай...

— Ну, такъ поцилуй мене, колы справди жаль..,—вырвалось у ёго зъ якымсь ніяковымъ, напруженымъ смишкомъ у голоси.—Колы не сміешся...

Кылына повела плечыма, помовчала и нарешти тежъ зъ ніяковистю тыхо спытала:

— Хиба тоби поможется видъ сёго?

— Поможется. . Поцилуй...—якось грубо и дыко прошопотивъ винъ.

Кылына одхылылась навить трохы назадъ и ничого не промовыла.

— Ха-ха-ха!—вмыть голосно, зъ ненавыстю зареготався Трохымъ.—Жалибныця! Злякалась... Думала и справди! Ха-ха-ха! Не бійсь, я пошуткувавъ... У мене жъ нема грошей. Ха-ха-ха!

И сміючысь, винъ, не хапаючысь, одійшовъ видъ тыну и озыраючысь пишовъ до стайни.

— Трохыме!—тыхо гукнула Кылына. Въ голоси іи чулось щось выпувате, ніякове и боляче. Але Трохымивъ смихъ стававъ все тыхищый, и хутко чорна постать ёго мовъ розплылась у тьми.

«Та-акъ», хотилось промовыты Юхымови, але винъ тильки переступывъ зъ ногы на ногу и пыльно дывывся на Кылыну, що сперлась на те саме мисце на тыну, де тильки що лежала Трохымова рука, и наче закамьянила. Биля кухни зачулась чыясь хода, але Юхымови не выдно було, чы то Трохымъ вертався въ хату, чы выходывъ хто зъ хаты. Кылына жъ не рушылась.

— Кылыно!—вмыть поклыкавъ хтось тыхо. Кылына поволи озырнулась, але не обизвалась.

— Кылыно!—голоснище вже поклыкало вдруге, и чутно було, якъ хтось чвакавъ чобитьмы по грязюци, наблыжаючысь до рогу.

— Ну, чого тамъ?—незавдоволено обизвалась Кылына. Зъ-за хаты зъявылася постать и помалу пидійшла до неи.

— Ты тутъ?—впизнавъ Юхымъ Андріивъ голосъ.—А я шукаю тебе... чого жъ ты тутъ стоишъ... дощъ, холодно...

— Такъ, стою та й годи...

— Може выйшла до кого?

— А якъ же!.. До Халабуды выйшла...

— А-а!—протягнувъ зъ ноткамы ніяковосты й ображення въ голоси Андрій.—Такъ я може... Такъ я пиду!—шарпнувся винъ раптомъ, и вже хотивъ справди йты, але Кылына спыныла ёго.

— Этъ!—зъ ласкавою досадою узяла вона ёго за руку.—«Пиду»... Куды пидешъ?.. Не жену жъ я тебе... Не схочу, сама скажу... Заразъ—«пиду»...

Андрій трохы постоявъ мовчкы, потимъ Юхымови стало выдно проты свитла зъ будынку, якъ винъ заворушывся, наблызывся до Кылыны и наче злывся зъ нею въ обіймы.

— Такъ ты не до Халабуды выйшла?—зачулось ёго тыхе пытання. Юхымови не чуты було, що вона одмовыла, тильки, колы вона скинчыла, до ёго долетило Андріеве «голубко». Потимъ голова ёго нахылылась блызько до Кылынынои головы и чуты було, якъ губы ёго зъ цмоканнямъ то прытулялысь, то одрывалысь видъ іи щокы. Але Кылына стояла непорушно, не забороняючы, але й не обнимаючы, наче ти поцилункы булы щось немынуче й байдуже, якъ си крапли дощу.

— Кылыно!—зачувъ зновъ Юхымъ одрывысте, важке Андріеве шопотиння.—Я прыйду... Можно?.. Кылыно?..

Кылына мовкы, не згожуючысь, покрутыла головою.

— Ну, чого?.. Чого?.. Нихто не почуе..., вси спатымуть... Кылыно!

Кылына не рухалась.

— Не хочешъ? Ни?

— Не хочу!—твердо промовыла Кылына.

— Чому?

— Такъ, не хочу та й годи.

— Значыть, ты мене не любышъ... Значыть...

Кылына не дала ёму договорыты. Раптово повернулась до ёго всимъ тиломъ и разомъ скынувшы ёго руку зъ свого стану, вона, нибы тильки й чекала сёго, заговорыла якось терпко, сухо й разомъ зъ тымъ палко:

— «Не любышъ!» Ну, й не люблю, ну, то що? Хыба я тоби казала, що люблю? Хыба я тебе обманювала?.. И не люблю! Бо любыты можно того, хто мене любыть... хто мени добро робыть... А тебе за що маю любыты? За те, що молодый та гарне лычко маешъ? Э!.. Бачыла я це... Ты любы мене, отъ що!.. Любытымешъ мене, любытыму й тебе...

Андрій щось сказавъ, але Кылына не слухала ёго.

— .. А ты не мене любышъ, а себе... Ось вже скоро пивроку, якъ ты спиваешъ мени про свое кохання... А чы я що мала зъ ёго?.. Чы не такъ я оддаю свою працю другымъ, чы не така жъ я наймычка, якою була й до тебе? Хыба я жыву? Га... А я жыты хочу!.. И буду жыть! Продамъ себе, шлюхою стану, а буду жыть! Чуешъ? Колы пропадать, такъ знать за що пропадать!.. А ты мени що? Що ты мени?.. Не мала я такыхъ хазяйськыхъ сынкивъ? Ого!.. Вси вы ласи... Знаю... До Халабуды пиду, до чорта, а такъ не буду жыть... И плювать я на васъ усихъ хочу!.. Ненавыжу я васъ... Кожному зъ васъ хочется на дурнычку пожывыться, а ты соби—якъ знаешъ... Ну, то й я-жъ знаю! «Прыйду». Ни, ты визьмы мене за жинку, а тоди прыходь... А я Софійкою не хочу буты! Не хочу, щобъ мене якась паскуда прылюдно по морди была та шлюхою очи выпикала... Не хочу, щобъ мои диты, якъ Марынка, пидъ стусанамы выросталы... Не хочу!.. Я хочу жыты якъ люде... Отъ що!.. «Не любышъ». И не люблю, и не любыла, и не любытыму!.. Я впередъ себе люблю, а потимъ того, хто мене любыть, хто мене любыть для мене, а не для себе, для своеи потихы... Зъ наймычкою, мовлявъ, все

можно... Вона наймычка. Я—наймычка. Хазяйському сынови соромъ женытысь зъ наймычкою!.. Такъ не лизь же до неи... Чуешъ?.. Не лизь!.. Ненавыжу васъ, проклятыхъ!.. И плювать на васъ хочу!.. На злисть вамъ шлюхою буду... пиду въ городъ и прыстану до тыхъ! Чувъ, що дидъ говорывъ!.. Шлюхою всесвитнёю буду, а не дамъ обдурыты...

Вона спынылась, одвернулась видъ Андрія, що нерухомо слухавъ іи, й, повернувшысь знову, раптомъ схопыла ёго за руку выще ликтя й прытягуючы до себе, заговорыла якымсь злякамымъ, болистнымъ, вмоляючымъ голосомъ:

— Голубе!.. Андрію!.. Серце.. Пиды знову до батька... Крычы, гвалтуй... на колина падай, хай дозволыть женытысь... Я любытыму тебе..., цилуватыму... Все, що хочешъ... Робытыму, якъ вилъ... Слухатымусь... Обниматымусь... Дывысь...

Юхымъ напружено дывывся, якъ вона обхопыла ёго, якъ впылась ёму устамы въ уста и наче замерла; якъ, одирвавшысь, вона глыбоко зитхнула и знову, щось шопочучы, прыгортала, впывалась ёму въ лыце и знову щось палко шопотила. Потимъ, не выпускаючы зъ своихъ обіймивъ, одвела голову и, важко дыхаючы, промовыла:

— Пидешъ?

— Пиду!—задыхаючысь сказавъ Андрій.—Пиду заразъ!.. А якъ знову не дозволыть...—и спынывся.

— Ну? Ну, а якъ не дозволыть?! Ну, що жъ, говоры!—шарпнула вона ёго за плечи.

— То я вже й не знаю, що робыть...—тыхо й безсыло промовывъ винъ.

Кылына ничого не сказала, тильки одняла видъ ёго свои рукы й одвернула трохы голову

— Колы пидешъ?—вяло спытала вона.

— Пиду заразъ!.. Щобъ до ранку й вернутысь...

— Якъ знаешъ...

Андрій постоявъ трохы, потимъ несмило обнявъ іи, прыгорнувъ и почавъ цилуваты. Вона знову стояла, не одхыляючысь и не обнимаючы, тильки похытуючысь въ ёго обіймахъ.

— Ну, буде.. Иды вже...—нарешти поволи одвела вона ёго рукы.

Андрій ще разъ замерь биля неи, потимъ энергично одирвався, насунувъ щильнище шапку на голову й, ничого не кажучы, хутко й твердо пишовъ видъ тыну вныз. Незабаромъ винъ промыготивъ у свитли зъ виконъ и счезъ по-за будынкомъ. Кылына ще трохы постояла, потимъ повела, наче зъ холоду, плечыма й тыхо пишла въ хату. Юхымъ заразъ же почавъ кресаты вогонь. Запалывшы люльку, винъ довго задумлыво смоктавъ іи, прыдавлюючы пальцемъ тютюнъ и не видходячы видъ тыну. Потимъ озырнувся, помацкы знайшовъ свою калаталку пидъ стиною й рушывъ зновъ у нызъ до «билои» кухни. Стукитъ ёго калаталкы знову залунавъ по подвирью, але Юхымъ стукавъ, махавъ рукою, смоктавъ люльку и все се робывъ такъ, наче ничого не чувъ и не бачывъ передъ собою. Биля «билои» кухни й будынку рухъ бувъ бильшый,—хтось гукавъ, десь реготалысь, бигалы зъ кухни въ будынокъ и зъ будынка въ кухню дивчата, несучы поперѣдъ себе якусь посуду; хтось стукавъ десь по чомусь зализному мижъ брычкамы, що скупчылысь вси биля лёху; гавкалы собакы, иржалы нерозпряжени ще кони.

Проходячы повзъ будынокъ, Юхымъ помитывъ биля тынка, що тягнувся вздовжъ фасаду, якусь постать. Облыччя винъ не мигъ роздывытысь, але бачывъ, якъ вона нерухомо дывылась въ залыти свитломъ викна, спершысь грудьмы на частокилъ. Зривнявшысь зъ нею, дидъ Юхымъ зазырнувъ ій въ лыце и впизнавъ Трохыма, що озырнувся на ментъ и зновъ перевивъ очи на викна.

— Любуешся?—спыняючысь, прогунявывъ Юхымъ.

Трохымъ, ничого не одмовляючы й не повертаючы головы, скрывывъ губы въ усмишку.

— Д-да, гуляють люде...—зитхнувъ дидъ, дывлячысь и соби на викна, въ якыхъ то зъявлялысь, то счезалы чоловичи й жиночи постати.—Жывуть, що называется. Да-а... Це сына охвыцера выправляють зновъ у військо... Посли празныковъ, значыть...

Помовчавшы трохы, винъ сперся тежъ на тынокъ и, зитхнувшы, заговорывъ:

— Пагано, братъ, у голови мени стало писля горилкы... Наче хто писку насыпавъ туды... И коло серця нудыть... Ссе, якъ пьявка... Мабуть, запью я... А запью,—выжене Халабуда. А холодно, не доберусь до Адеса. Отъ и выбырай... Не треба було почынать... Та ще й весна до цёго... Усяке по весни жыты рвется... А жыты нема якъ... Эхъ, якъ бы вже скорище тепло!.. Потягну на волю...

Видъ кухни до будынку хутко пробигла одна дивчына, несучы щось попередъ себе, за нею друга, третя... Назустричъ имъ побигъ якыйсь чоловикъ. Сказавшы щось имъ на бигу, винъ побигъ дали и вскочывъ у двери кухни.

— Понеслы панамъ йисты...—промовывъ Юхымъ.—Выголодалысь за танцямы... Да-а... Жывуть люде...

Винъ подывывся задумлыво у викна, потимъ усмихнувся и заговорывъ знову:

— А отъ подывысь... Здается, кому вже жыты, якъ не панамъ... А про те й воны свое горе мають.. Мы горюемо зъ тымъ, а воны соби зъ другымъ... Та все не безъ лыха... А нема такъ, щобъ николы чоловикови ніякого горя не було... Бо тоди й счастя не було бъ... Черезъ те то й звется воно счастемъ, що горе йе... Не будь горя, то й жывъ бы чоловикъ соби байдуже..., наче такъ и треба... А горе заставля ёго знаты, що счастя, а що лыхо... Зъ горемъ, выходыть, краще жыты...

Трохымъ подывывся на ёго такымъ окомъ, нибы хотивъ упевнытысь, чы не сыплется въ дида зъ головы той писокъ, про якый винъ говорывъ. Але той тильки посмихнувся, похытавъ головою й заговорывъ дали:

— Такъ, такъ, хлопче... Це я тоби скажу такъ... Колы я сыдивъ въ Адеси въ тюрьми, такъ мене посадовылы за одну тамъ сторію въ темный канцуръ. Це такъ соби кимната... аршынивъ зо тры... безъ виконъ... порожня, ажъ у подвалли. Якъ зачынять двери, то такъ темно, наче тоби очи повыколювалы... Ну, такъ якъ посыдивъ я въ тій кимнатци симъ сутокъ та якъ выйшовъ на свитъ, такъ ажъ... захытався одъ свиту... ажъ боляче въ очи стало... Отъ тоди я й узнавъ, що то свитъ, а що то тьма... А

якъ жывъ упередъ, то николы й не думавъ про ёго... Отъ такъ и зъ счастемъ...[Тильки, братъ, тутъ така штука выходыть: що одни жывуть нибы въ темному канцури весь викъ и тильки на якусь тамъ хвылыну выскакують на свитъ, щобъ не забуваты, що воны въ канцури и що кримъ подвалля йе ще свитъ; це нашъ братъ... И йе други люде, що жывуть весь викъ у свити, въ счастю и тильки на хвылыну вскакують въ канцуръ, щобъ не звыкнуты дуже до свиту,—це паны... А якъ ни ти, ни други безъ канцура не можуть... Да-а...

Винъ пыльно почавъ смоктаты погаслу люльку, потимъ вывывъ зъ неи попилъ, обтеръ и поклавъ у кышеню. Зъ будынку зновъ выскочылы дивчата й регочучысь побиглы навыпередкы до кухни. Трохымъ мовчкы подывывся на дивчатъ, потимъ перевивъ очи на викна, довго дывывся на ныхъ и, наче не бажаючы дали дражныты себе, круто повернувся й пишовъ у гору до «чорнои» кухни. А Юхымъ довго ще стоявъ и дывывся у викна, мовъ бажаючы зазырнуты туды, въ той невидомый ёму свитъ, до тыхъ людей, що такъ инакше проты ёго жывуть, яки не знають ни калаталокъ, ни холоду, ни голоду, ни «канцуривъ». Мымоволи винъ кыдавъ иноди окомъ до чорнои кухни. Тамъ було темно. Уявлялась велыка хата, чорна, брудна, холодна... Довгый пилъ, смердюче повитря, важке сопиння грубыхъ, темныхъ людей, яки не вміють ни ходыты такъ, якъ си, ни такъ гарно бавытысь, ни граты, ни говорыты... Зтомлени, знесылени, воны сплять теперъ. Довго стоявъ дидъ, забувшы й про калаталку и навить про люльку. Потимъ зитхнувъ, озырнувся и тыхо пишовъ по-надъ будынкомъ. Выйшовшы на дорогу, що йшла биля будынку до села, винъ несподивано зустрився зъ Андріемъ, що помалу йшовъ зъ ныза зъ похыленою головою. Зривнявшысь, винъ пишовъ разомъ зъ тымъ и, зазыркнувшы въ лыце, спытавъ:

— А де це бувъ, Андрію?

— Дома—тыхо промовывъ якымсь безнадійнымъ голосомъ Андрій.

— Ага!.. Що жъ тамъ?... якъ тамъ батько, маты?

— Нема батька дома...

— Ага!.. А маты?

— Не знаю... Я ничого не знаю. Не чыпляйтесь до мене!— вмыть роздратовано крыкнувъ винъ.—Идить соби, калатайте оттамъ!—и, прыбавывшы ходу, выпередывъ Юхыма й сховавсь у тьми.

— Та-акъ—прогунявывъ соби пидъ нисъ Юхымъ и, постоявшы трохы недвыжымо, раптомъ такъ закалатавъ, що ажъ у стайни захроплы кони, а биля кухни псы такъ и залылысь голоснымъ гавканемъ.

Таръ-таръ-таръ!.. Таръ-таръ-таръ!—котылось по подвирью, за будынкомъ, за токомъ, то зтыхаючы, то ще голоснище выбухаючы. «Чорна» кухня спала, а будынокъ сявъ, и чуты було иноди згукы музыкы, то тыхи и пижни, якъ матерыни пестощи, то гарячи й палки, якъ обiймы коханои, то весели, якъ той будынокъ, то сумни, якъ та кухня.

Таръ-таръ-таръ!.. Таръ-таръ-таръ!.. Таръ-таръ-таръ!—аккомпонувавъ имъ дидъ.

IV.

Скоро повставалы паны (а се було не ранишъ, якъ у робитнычый обидъ),—заразъ же по экономiи пройшла дывна, страшна чутка: у одного панського гостя, вчытеля зъ города, вкрадено... «мындаль»! Ту саму «мындаль», що такъ красувалась на гордыхъ грудяхъ у вчытеля, за яку зъ нымъ «ручкалысь и поздравлялы», за яку можно бъ у городи «трахтыръ зъ катерынкою» завесты, ту саму «мындаль» теперъ вкрадено... Хто, якъ, колы—невидомо; одно слово—вкрадено. Спершу думалы, що хтось зъ гостей пожартувавъ, щобъ налякаты пана Луценкова, але колы розмиркувалы, що хто жъ такы жартуватыме зъ «мындалью», то поставлено було въ одынъ голосъ, що «мындаль» не инакше, якъ украдено. Оповидалы, що по всихъ «кимнатахъ» у всеи «билои» челяди було зроблено велыкый трусъ, поперекыдано всяки скрыньки, познаходжено такого, що никому и не снылось, а

«мындали» не знайдено. У буфетчыка вытяглы зъ-пидъ матраца на лижку шисть срибныхъ панськыхъ ложокъ, яки винъ «туды заховавъ, щобъ вычыстыть, та забувся; у Маруськы, що зъ косымъ окомъ, знайшлы золотый перстень, що колысь бувъ закотывсь кудысь; «довготелеса Устына» сама выняла, якъ прыйшлы до неи, панины довги панчохы и «баночку зъ помадною мастю», яки вона знайшла за кухнею; перетрусылы все и всихъ, а «мындали» все-такы не було. Де-хто зъ гостей пойихавъ, де-хто зостався, и, «панычъ Олександръ», якый мавъ сёгодня видйиздыты у полкъ, мусивъ лышытыся, щобъ якось залагодыты справу вчытелеви. А самъ учытель, оповидалы, якъ не плакавъ за «мындалёю». Старый панъ дуже сердывся, панны пидсміювалыся, паничи жартувалы, старши жалкувалы. Одно слово, по всихъ закуткахъ экономіи пана Гаврильчука тильки и мовы було, що про «мындаль».

А на чорній кухни нема вже що и казаты: розмова про страшну подію не змовкала весь часъ. Перебиралы, догадувалысь, миркувалы и на той бикъ и на сей, вказувалы на одного, потимъ на другого, лаялысь, сміялысь. Спершу Грыць постановывъ, що то вкрала Санька, бо навить винъ ій учора радывъ се зробыть, але колы та страшенно обурылась на ёго, винъ зъгодывся, що помылывся. Потимъ, подумавшы, вмыть зъ веселымъ реготомъ догадався, що то не хто взявъ «мындаль», якъ Марынка. Марынка, що и такъ увесь ранокъ була якась инча, нижъ перше, яка и такъ хутко зъ напруженнямъ бигала по всихъ очима, дуже почервонила и злякано зупыныла свій непокійный поглядъ на Грыцеви. Але за неи вступылась Кылына, и розмова перешла на инше. Тильки Трохымъ та Андрій мало мишалысь до балачкы, а бильше сыдилы мовчкы, одынъ зъ своею звычайною сухою усмишкою, а другый зъ похмурымъ, задумлывымъ облыччямъ, яке иноди зъ якымсь несмилымъ и вынуватымъ выразомъ поверталось до спокійнои, тильки трохы блидои сёгодня Кылыны. Савка тежъ не дуже балакавъ: сонный, винъ незавдоволено дывывся на всихъ ридко розставленымы очима и тильки дывувався, що воны знайшлы дывного, що вкралы «мындаль». Укралы то и укралы, такъ че-

резъ се вже и не йисты никому. Колы жъ на столи зъявывся борщъ и каша, винъ и зовсимъ замовкъ. По обиди, не встыгъ ще дидъ Юхымъ запалыты люлькы, а хлопци зкрутыты цыгарокъ, якъ до кухни вступыла панська няня, баба Устына. Въ одній кохти, въ одній сытцевій хустци на голови, маленька, зъ гострымъ, зморщенымъ лычкомъ, зъ якого мягко дывылась пара невелычкыхъ оченятъ, зъ запалымъ ротомъ, до якого и видъ якого розбигалысь на вси бокы глыбоки зморшкы, звычайно балакуча, вона теперъ мовчкы ввійшла въ хату, пройшла до лавы и, не кажучы ни слова никому, сила и стала дывытысь передъ себе. Де-хто ззырнувся, де-хто всмихнувся, де-хто пыльно, здывовано дывывся на неи, чекаючы, що дали буде. Устына жъ якъ закамьянила.

— Отъ це и все?—усмихнувся дидъ Юхымъ, зыркнувшы на бабу и зновъ звертаючысь до люлькы. Няня клипнула на ёго очима и нычого не промовыла.

Зновъ де-хто ззырнувся, де-хто усмихнувся.

— Мало, бабо, мало,—покрутывъ головою Юхымъ, це мы давно вже чулы.

— Чулы?—зновъ подывылась на ёго Устына.—Ой, ни! Цёго ще зроду-звику нигде не чувано.

Вона безнадійно, сумно похытала головою и зновъ стала дывытысь якось мутно пепередъ себе.

— Що мындаль вкрадено?—стыснувъ плечыма Юхымъ.— Такъ то, бабо, не новына. Крадуть не то що мындали, а и циле жыття!.. Волю, бабо, крадуть, сылы, счастя... Э-ге-ге-е! Дай Боже мени стильки здоровья, а тымъ злодіямъ хоробы, скильки то воно крадется на билому свити!

— Не мындаль,—тыхо перебыла ёго Устына.

— А що жъ?

Устына помовчала, потимъ повернулась до дида, вытнула якось вперёдъ все лыце и роздильно промовыла:

— Вы-га-няють мене!

И поклавшы ликоть правои рукы въ долоню ливои, сперла лыце на руку, втянула якось въ себе и такъ тонки губы и знову стала дывытысь передъ себе.

— Хто выганяе? За вищо? Якъ?—посыпалысь пытання. Няня тильки позырала на кожного, хто пытавъ, мовъ дывуючысь пытаннямъ сымъ, и зновъ дывылась впередъ, ничого не кажучы.

— Та хто жъ выганяе?—Паны, бабо?—скрыкнула Софійка.

— А хто жъ бильше?—подывылась на неи Устына.—Хто жъ бильше, якъ не паны? Охъ, паны, паны,—покрутыла вона головою.

— ...Хто васъ тильки на свитъ породывъ?—на-пивъ серьёзно, на-пивъ зъ усмишкою додавъ Юхымъ, налагожуючы на креминь шматокъ прозоленои ганчиркы, що мала буты за губку. Устына мовчкы, сумно похытала головою.

— Та за що жъ?—широко розплющыла очи Софійка.

Няня трохы помовчала, потимъ зновъ вытягнула впередъ лыце и таемныче заговорыла:

— Черезъ отту прокляту мындаль... Хай мене Богъ тильки простыть (вона перехрестылась), а я бъ іи, хочъ вона и хрестомъ зроблена, не то що на груды почепыла, я бъ іи собакамъ выкынула... Вона мени потрибна... Потрибна, якъ тій сыроти трясця... «А може, каже, ты, няню, думала, що вона дорога та забагатиты на старисть захотила». Ой, не дай Боже вже никому такъ багатиты... Забагатила коло васъ...

— То жъ хто такъ казавъ?—спытавъ Юхымъ, схылывшы голову трохы на ливе плече и цокаючы кресаломъ объ креминь.

— Та хто жъ? Наша жъ пани Зина, та, що на рукахъ іи выносыла, своимъ молокомъ іи выгодувала... Впадала коло ихъ, якъ коло своихъ, убывалася, щобъ воно и въ теплому и въ чыстому було... И отъ тоби... «За що жъ, кажу, мени соромъ такый? Чы я жъ такы, кажу, не заслужыла того, щобъ мене хочъ за злодійку не малы? На́ що жъ ще мене трусыты?»—«А хто ёго зна—це вже панычъ Олександръ каже—а хто ёго зна, каже, няню, може такый грихъ и на тебе впавъ». Та й давай перекыдаты... Халабуда старався... Бодай зъ ёго лыха доля вже старалась... Узяла я, знялась та й пишла... Жывить соби якъ знаете, а я дожылась вже, злодійкою стала...

Мутни очи іи ще бильшъ помутнищалы, заблыщалы, и зъ куточкивъ ихъ тыхо выкотылысь и поповзлы по лыци, якъ въ осены по склу крапли дощу, дрибни слёзы. Вона взяла краечокъ хусткы, якою повьязана була голова, вытерла очи, высякалась и заговорыла зновъ:

— Иду вже я, а пани Зина и пытается: Що жъ це ты, каже, няню, вже, може, одходышъ видъ насъ?» Мовчу я... «Ну, що жъ, каже, не хочешъ служыты, то й не треба.. Все одно, видъ тебе тои роботы, тильки слава одна»... Отъ вамъ!—хытнула вона головою и подывылась на всихъ.

— Ну...

— «Охъ, кажу, пани, пани!.. А кому жъ я лита свои оддала, на кого жъ жыття все робыла?»—«Якъ робыла, каже, то и годувалы тебе»...—«А теперъ кажу, якъ сылы не стало, то вже и выгнаты можно? Ну, кажу, колы вже такъ, то дайте жъ мени хочъ те, що заробыла у васъ, може, кажу, хочъ не пидъ тыномъ десь здохну»... А вона: «Що жъ ты, каже, заробыла? Що заробыла, те й зносыла, або зйила. Посчытаемо, каже, та й дамо, скильки тоби тамъ прыходытся». Плюнула я, заплакала та й пишла. Не треба мени ничого...

Слёзы зновъ закапалы у неи зъ очей; поморщене, жовте пидборидця задрижало, але вона не вытыралась. Вси сыдилы тыхо, сумно.

— Ну и куды жъ теперъ?—спытавъ Юхымъ.

— А я знаю?—ривно якось одмовыла Устына.—До дочкы пишла бъ, такъ сама у наймахъ.

— Да-а... Пагана прыпорція—сплёвуючы сказавъ Юхымъ.—Якъ стара стала, то вже и на смитныкъ бабу, а якъ молодою була, то десь и панычамъ люба була. Такъ воно, брате, все...

— Ну, а про мындаль не знаты, хто взявъ?—перебыла ёго Санька, цикаво-пыльно дывлячысь на няню.

Няня заплющыла очи, втягла губы и, одвернувшы трохы голову, махнула зневажлыво рукою. Потимъ утерла очи краечкомъ хусткы и промовыла:

— Тамъ такого клопоту, наче и справди що путне пропало... Ажъ языкы повысолоплювалы...

— А вчытель що?

— Що жъ ёму? Бидкуется... Просыть уже: «Пожалуста, каже, оддайте назадъ. Я благодарыть васъ буду». Хто жъ ёму оддасть? Колы брало, то вже не для того, щобъ оддать, а щобъ самому пожывыться...

Потроху вона нибы заспокоилась, ожывылась и навить розбалакалась. Часто озыраючысь зъ такымъ выглядомъ, чы не пидслухае хто, вона оповила, скильки пишло грошей на вчорашній бенькетъ; потимъ похытуючы безнадійно и зъ зневагою головою, вона «не побоялась гриха и просто такы заприсяглась, що хай воны (се бъ то паны) ще рокивъ зо два оттакъ пофыськають гришмы, то й сами зйидуть на старцивську лынію»; потимъ зновъ зійшла на «мындаль» и постановыла, що не инакше вкрадено, якъ у ночи, колы вси спалы. Бо свитлыця, де спавъ учытель, дверыма выходыть у сины. Хтось зайшовъ у ночи, прокрався та й узявъ. А мындаль лежала биля лижка на столыку разомъ зъ гришмы. Та грошей не взяло, а тильки мындаль. А мындаль ту дано вчытелеви за те, що школяривъ добре вчывъ. А панна Наташа заслабла, бо вчора батько заставъ іи въ темній кимнати зъ офыцеромъ. Та ще яка чутка ходыть, нибы чоловикъ Зины зійшовся тамъ десь у Кыиви зъ якоюсь повіею и хоче розводъ браты...

Сонце весело грало на чорній доливци, але пидъ ёго блыскучымъ свитломъ хата здавалась ще сумнишою, ще бильшъ незатышною... Потрискани стины, пузатый коминъ, пилъ зъ розкыданою соломою, голи лавы, голый довгый стилъ зъ недойидкамы обиду, все, здавалось, выставляло якъ на показъ все свое негарне, пагане.

— Халабуда, панычъ Олександръ и ще якыйсь панокъ зъ нымы... идуть соби...—не повертаючысь и не пидіймаючы голосу, холодно и ривно промовывъ Трохымъ, що сыдивъ биля викна и весь часъ дывывся у ёго. Де хто кынувся до викна, де хто одійшовъ до полу, де хто зостався на мисци. Няня пидперла голову рукою и одвернулась видъ дверей. Незабаромъ рыпнулы двери и въ кухню одынъ за одным увійшлы: попереду панычъ Олек-

сандръ въ картузи зъ червонымъ верхомъ, въ сынёму офыцерському жупани, якый гарно обхоплювавъ ёго дужый станъ, въ вузькыхъ у чоботы штаняхъ, яки такъ щильно обтягалы ёму ногы, що выдно було, якъ здригувалысь на ныхъ мускулы, и зъ хлыстомъ у рукахъ. За нымъ прудко всунувся «панокъ» у чорному картузи зъ сынёю оксамытовою околыцею и зъ кокардою, въ довгому сюртуци и зъ такымы высокымы комирчыками, що, здавалось, воны ёму ось-ось поодризують вуха. Ускочывшы дрибнымъ поступцемъ у хату, винъ нибы вклонывся, нибы нахылывся всимъ тиломъ упередъ, мовъ бажаючы стрибнуты и, скынувшы картуза правою рукою, ливою почавъ заразъ прыглажуваты свій пидстрыженый чубъ, що дуже бувъ схожый на билу щитку, якою чыстять одижъ. За нымы просунувся Халабуда въ своёму кожаному пиджаци и въ глыбокыхъ калошахъ, яки булы мало не до верху замазани грязюкою. Не обтыраючы нигъ, но зкыдаючы шапокъ, Олександръ и Халабуда пидійшлы до столу и, озыраючы всихъ, зупынылысь. Вси, кримъ Трохыма, Устыны та Панаса, що зрана ще лежавъ на полу зовсимъ хорый, не встававшы навить до обиду, заразъ повставалы, и выдно було, якъ кожному хотилось яко мога менче мисця на той часъ займаты.

— А то что за баринъ такой?—хытнувшы головою на Трохыма и кыдаючы мымохидъ окомъ на Устыну, що сыдила побиля того, спытався въ Халабуды Олександръ. Трохымъ не рушывся, мовъ не чувъ, тильки очи ёго якось гостро дывылысь въ виконце и мидяне порыте виспою лыце ёго стало нибы темнище.

— Почему не встаетъ? Слышь, ты! Рябая морда! я кому говорю?!

Гарне, выпещене лыце офыцера зъ чысто выголенымы, трохы сынимы въ тыхъ мисцяхъ щокамы и пушыстымы зъ пидвуснымы вусамы, почервонило, а велыки, довги очи пидъ темнымы и трохы шырокымы бровамы загорилысь вогнемъ. Трохымъ зъ-пидъ лоба, похмуро подывывся на ёго.

— Встать!

Трохымъ, не спускаючы зъ ёго очей, тыхо пидвився и ставъ на ногы. Панычъ Олександръ подывывся ще трохы на ёго и,

мовъ заспокоившысь, одвернувся. Червоне зъ лыця ёму зійшло, и воно спершу пожовкло, а потимъ знову укрылось своимъ звычайнымъ нижно-рожевымъ колёромъ.

Халабуда почавъ незвычайно тыхымъ, деликатнымъ голоскомъ оповидаты про крадижъ и допытуваты, чы не зна хто чого. Певно, що нихто ничого не мигъ ёму сказаты. Але Халабуда, не дывлячысь на вси «я ничого не знаю», навить не зминявъ интонаціи голосу и зъ одного, мовъ по черзи, переходывъ до другого. Але и на друге одповидалы «не знаемо». Тоди винъ переходывъ до третёго и зновъ выяснявъ, що «мындаль» та ничого не варта, що за неи багато грошей не дадуть, що той, хто прызнается, тому ничого не буде, абы тильки вернувъ. И весь часъ скоса поглядавъ то на офыцера, то на панка, якый и бувъ самъ учытель «господинъ Луценковъ», якъ деликатно высловывся Халабуда. Пры панахъ винъ не поглажувавъ кинчыкъ носа, бо вважавъ се за надто вильне поводження, а пустывшы рукы «по швамъ», иноди тильки поводывъ одъ себе въ повитря правою рукою, мовъ щось одгортаючы видъ свого пиджака. Яко колышній вояка та ще унтеръ-офицеръ, винъ добре «понималъ обращеніе зъ благородными».

Панокъ слухавъ допытування напружено пыльно, и невеличке лычко його, зъ билявымъ пухомъ на щокахъ, зъ билявыми вусыкамы, віямы, бровамы, зъ гострымъ носыкомъ, наче курча, що вылупылось зъ яйця, хутко дывылось то на одного, то на другого. Картуза винъ тако жъ надивъ.

Офыцеръ не мишався до допыту; подрыгуючы лыткамы то правои, то ливои ногы, винъ або крутывъ свои довги, темни вуса, надуваючы щокы й дывлячысь тоди на ныхъ, або, позихаючы, водывъ окомъ по стинахъ, по стели, по застыглыхъ постатяхъ и хлёскавъ себе хлыстомъ по блескучій халяви. Иноди винъ зупынявъ на хвылыну поглядъ на Устыни, всмихався соби пидъ вусомъ и зновъ, позихаючы, блукавъ очима. Потимъ, мовъ се надокучыло ёму, винъ раптомъ звернувся до тои й, усмихаючысь однымы очима, спытався:

— А правда, здѣсь лучше, чѣмъ у насъ, няня? а?.. А въ полѣ еще лучше, навѣрно...

Няня пыльно и суворо подывылась на ёго й ничого не одмовыла. Ёму, очевыдячкы, стало трохы ніяково.

— Оскорбилась старушенція...—засміявся винъ до Луценкова.—Служила, понимаете, чуть ли не всю жизнь и вдругъ какъ укусило ее...—бросать хочетъ. Что жъ...—розвивъ винъ жартивлыво-сумно рукамы.—Приневолить нельзя... Счастливой дороги!..

Халабуда, що деликатно замовкъ бувъ, пидождавъ трохы и почавъ знов̆ъ:

— Потому которая узяла, то хай безъ сомненія прызнаецця, бо разъ, що всё рамно́ знайдёмъ, а друге—грехъ большой... Када жъ прызнаецця, такъ никакого прытесненія не будеть ій, бо безъ сомненія сама прызналась...

— Тѣмъ болѣе, господа,—поспишно, зъ ніяковою усмишкою вмишався Луценковъ—что эта вещь, это... медаль, что ли, она никакой цѣнности сама по себѣ не имѣетъ... За нее никто ничего не дастъ... Видите ли... А я бы тому даже возпагражденіе далъ бы...

Ёму нихто ничого не одмовывъ. Дидъ Юхымъ мовчкы бигавъ по всихъ очима; Санька й Софійка булы зтурбовани, Кылына поралась биля казанивъ, мыючы ихъ велыкою ганчиркою, и тильки иноди выпрамляла спыну, повертала до столу голову й, выкручуючы надъ казаномъ ганчирку, дывылась на панивъ. Биля мыснyка на лави вовтузылась зъ мыскамы й ложкамы Марынка и зъ якымсь новымъ выразомъ въ очахъ и въ лыци поглядала на допытувачивъ. Въ неи выявлялось щось уперто-завзяте й злистне, якъ у молодого вовчаты, захопленого псамы; навить страху менше выдно було. Хлопци зъ-пидъ лоба позыралы на гостей и иноди тильки несмило озывалысь мижъ собою словомъ, другымъ.

— О, Боже, Боже!—зитхнувъ офыцеръ.—Вѣдь это же смѣшно наконецъ! Искать орденъ гдѣ-то на черной кухнѣ.

Учытель жыво повернувся до ёго.

— Нѣтъ, почему же?—зъ тою жъ ніяковою й ввичлывою усмишкою хутко заговорывъ винъ.—Вѣдь они могли какъ-нибудь... э... э... ну, пожалуй, найти какъ-нибудь, или же... даже похи-

тить... Почему же?.. Конечно, это похоже на водевиль... Мнѣ самому ужасно... непріятно... Но что же дѣлать? Вѣдь... я право, знаете... Вѣдь вообразите: такъ сказать, въ первый разъ получилъ орденъ, вниманіе въ нѣкоторомъ смыслѣ... и вдругъ... украли! Оно бы еще ничего... Но вѣдь все могутъ подумать: напился, потерялъ... однимъ словомъ... небрежность... э... неуваженіе, что ли, если хотите... Я понимаю, конечно... съ вашей стороны...

— Д-да..., конечно...—линыво процидывъ кризь зубы Олександръ.—Но я думаю все-таки, что можно бы здѣсь и прекратить распросы... Вѣдь ихъ тутъ... Одинъ, два, три...—винъ почавъ для чогось рахувать всихъ очима. Дійшовшы до Кылыны, винъ глянувъ на неи и раптомъ зупынывся. На-пивъ здывовано, на-пивъ зъ захопленямъ обдывывшысь на іи поважну, струнку постать зъ пышнымы грудьмы и гордою головою, винъ зустрився зъ іи спокійнымъ, глыбокымъ поглядомъ и наче замеръ на яку хвылыну. Не рухаючысь, не одводячы одне видъ одного очей, воны такъ стоялы зъ якыйсь ментъ, потимъ Олександръ ще разъ озырнувъ іи зъ головы до нигъ, ще разъ подывывся въ іи променясти очи, яки дывылысь на ёго твердо и разомъ зъ тымъ прываблюючы, и наче ничого не було, почавъ рахуваты дали. Але хоча се було всёго якыйсь ментъ, хоча Кылына ледве-ледве посмихнулася й заразъ же тако жъ одвернулась до свого каз апа але де-хто помитывъ такы ихъ поглядъ, а надто Андрій, якый спершу зблидъ, а потимъ почервонивъ по самый чубъ.

Олександръ, переличывшы чы не переличывшы, повернувся до вчытеля, що зъ чеканнямъ дывывся на ёго и, показуючы однымы очима назадъ, до Кылыны, тыхо промовывъ:

— Посмотрите туда, къ печкѣ... Видите... дѣвочку?.. Только смотрите такъ, чтобы не очень замѣтно было... Видите?

— Вижу, вижу...—пыльно й зъ надією зыркнувъ на Кылыну панокъ.

—Какъ вамъ нравится эта... мындаль, а?—захоплено проговорывъ Олександръ. Вѣдь... Юнона!.. Настоящая Юнона!... А?.. Смотрите, фигура какая!.. Грудь.., глаза... Чортъ возьми!

— Да, да...—пробурмотавъ розчаровапо Луценковъ.—Очень красивая... Но я думалъ, что вы мнѣ о... пропажѣ...

— А, что пропажа!—весело перебывъ ёго офыцеръ.—Находка есть! Ну, что же Халабуда?—раптомъ голосно й серьёзно-диловыто звернувся винъ до прыкащыка, що пыльно слидкувавъ за всимъ своимы розтягнутымы тыхымы очима и робывъ такый выглядъ, нибы винъ ничого не помичавъ.

— Нужно же найти пропажу! Такъ вѣдь нельзя.

— Такъ точно, ваше благородіе,—трохы выпрямывся й наче ожывъ Халабуда.—Дестлительно такъ нельзя...

— Такъ вотъ! нужно обыскать всѣхъ хорошенько.. осмотрѣть всѣ вещи... Кто нуженъ,—того оставить... Кто не нуженъ,—отослать... Вѣдь у каждаго работа навѣрно есть?

— Такъ точно!.. Такъ вы вси... можете уйтить...—звернувся Халабуда до парубкивъ.—А то хто лежыть?

— То—Панасъ... слабый—прогудивъ Грыць, шукаючы свою шапку на полу.

— Чого жъ винъ слабый?

— Такъ... заслабъ ..

— Ага!—завдовольнывся одповиддю Халабуда.—Такъ по какой же надобности онъ тутъ лежыть? Разли тутъ больныця? Заслабелъ,—беры безъ сомненія рощотъ и йды соби, слабуй на посторонемъ месци .. А економія—не больныця... Панасъ!—гукнувъ винъ, пидходячы до полу, але Панасъ тильки пидвивъ трохы голову й знову безсыло поклавъ іи назадъ.

— Слушай, э... э... Халабуда!—спынывъ прыкащыка офыцеръ.—Это можно будетъ потомъ.. Пусть лежитъ... Потомъ ты его отправишь въ село или въ волость... что ли... А теперь пусть лишніе выйдутъ... Пусть останутся только тѣ, кто былъ въ комнатахъ... Или у кого работа здѣсь есть—додавъ винъ, глянувшы на Кылыну.

Вси, не выключаючы й дида Юхыма, одынъ по одному повыходылы зъ хаты; зосталысь тильки Марынка та Кылына биля печи, Санька та Софійка биля жердкы, Панасъ на полу та няня биля викна.

— Ну, а ты, няня,—звернувся Олександръ до сеи—можетъ быть, тоже ушла бы куда-нибудь? А?

Няня не поверталась и мовчала. Офыцерь нетерпляче подывывся на неи и похлёскавъ себе по халяви.

— Ну, что жъ ты няня? Пойдешь?

— Куды жъ я пиду?—тыхо промовыла, не повертаючысь, Устына й дрижачею рукою пиднесла краечокъ хустки до очей. Олександръ зробывъ нетерплячый рухъ, але заразъ же здержавъ себе и, ступывшы блыжче до неи, почавъ тыхище й навить мягко:

— Видишъ, няня, ты погорячилась немного... Никакого оскорбленія тебѣ никто не дѣлалъ, а только... ну... э... просто ты... Да чортъ съ нимъ! Однимъ словомъ. я тебѣ вотъ что говорю: оставь свою глупую обидчивость и иди домой. Тамъ навѣрно ужъ Колька соскучился по тебѣ... Скажешь сестрѣ, что я послалъ тебя... Вотъ и все. А то тутъ, видишь, сейчасъ допросъ будетъ, можетъ быть при тебѣ будутъ стѣсняться говорить... Все равно тебѣ некуда идти... Ну?

Няня ще хвылыну посыдила, потимъ встала й тыхо почовгала зъ хаты, ни па кого не дывлячысь и вытыраючы очи.

Олександръ уже не крутывъ лиыыво вуса, не блукавъ байдужымъ окомъ по стинахъ та стели, а наче ожывъ. Весело одсунувшы свій червоный картузъ на потылыцю й озырнувшы усихъ, а надто Кылыну, винъ жартивлыво почавъ засукуваты рукава, голосно говорячы:

— А теперь можно и... допросъ сдѣлать... Ей Богу, я не зналъ, что на нашей кухнѣ такія дивчата!.. Право!.. Ну, что жъ, начнемъ...

И посмихаючысь, пидійшовъ до Софіи та Санькы, що, прытулывшысь одна до однои, спершу булы зрушени, а потимъ потроху почалы всмихатысь, а колы Олександръ, прыступывшы зовсимъ блызько, схопывъ за руку Софійку й потягъ іи до себе, воны захихикалы й сталы пручатысь. Почалась боротьба. Софійка щыро, весело реготалась, смилыво й задырлыво зачипала панычa говорыла ёму въ лыце доволи скоромни речи; Санька жъ роблено соромлыво хихикала, ховала голову въ рукы и, колы офы-

церъ, нибы обшукуючы, обнимавъ іи, вона тоненько пыщала й слабо выпручувалась. Але обнимаючы то Софійку, то Саньку, офыцеръ усе поглядавъ на Кылыну и нибы вагався. Нарешти покынувъ тыхъ и, пидходячы до неи, промовывъ:

— Ну, у тѣхъ мындали нѣтъ... Навѣрно ужъ у этой... Правда? А?

И зазыраючы въ лыце ій, винъ протягнувъ руку до стану й обнявъ іи. Розпаленый боротьбою, зъ почервонилымы щокамы, зъ очима вкрытымы маснымъ блыскомъ, зъ пушыстымы, темнымы вусамы, винъ бувъ дуже гарный. Але Кылына хутко одвела ёго руку видъ свого стану и, глянувшы на ёго, спокійно, але строго протягнула:

— Ну-у!

Офыцеръ здывовано пиднявъ бровы.

— Ого! Королева неприступная!.. Смотрите...

И сміючысь, винъ знову мицно обхопывъ іи за станъ и хотивъ вже протягнуты свои губы до іи лыця, колы вона зновъ спокійно, але ришуче вызволылась, нахмурыла бровы и, держачы ливою рукою мижъ нымъ и собою мокру ганчирку, промовыла:

— Панычу! Прыйшлы за диломъ, то й робить ёго... А сёго не треба.

Очи іи дывылысь спокійно, твердо, але безъ тіеи прывабы, що перше. Офыцеръ ще выще пиднявъ бровы й, стыснувшы плечыма, зъ ніяковистю повернувся до Халабуды. А сей, якъ той вирный песъ, що, бувае, ласково махаючы хвостомъ, прыхыльно такъ дывытся, якъ хазяинъ ёго йисть щось смачне й пахуче, и, не сміючы выявыты своеи заздросты, чекае тильки, колы хазяинъ пиде, щобъ накыпутысь зъ радистнымъ гарчанемъ на недойидкы,—ласкаво й пидлабузнювато всмихався й, слидкуючы за кожнымъ рухомъ Кылыны й офыцера, добродушно й деликатно хихикавъ. Якъ повернувсь до ёго Олександръ, винъ зробывся серьёзнище й услужлыво выпнувъ напередъ голову, мовъ бажаючы ротомъ ловыты кожне слово паныча.

— Она давно у насъ?—хытнувъ сей на Калыну головою. Прыкащыкъ выривнявся.

— Такъ точно... Продолжительное время вже служыть... На должности кухаркы.

— Но почему жъ я не видѣлъ ея не разу?.. Около мѣсяца здѣсь, и ни разу не видѣлъ...

— Не могу знать—покирлыво схылывъ на ливе плече голову Халабуда.—Потому она усё больше въ безвыходномъ положеніи... Другыи дивчата, которыи, значыть, на посторонниxъ мисцяхъ занимають роботу, такъ тыхъ скарее на замиченіе узять можна... А Кылына, какъ безъ сомненія кухарка, то никогда зъ хаты не выходыть и... и трудней павидеть её...

— Она со всѣми такая... э... э...—офицеръ замнявся й ніяково посмихнувся—такая... неприступная?

— Такъ точно...—хутко й нибы заспокоююче проговорывъ Халабуда.—Она очень скромного обращенія... Она не на подобіе... тыхъ (винъ хытнувъ головою до Санькы та Софіи, що, позыраючы на офыцера, щось шопотилы одна одній и весело хихикалы). И зъ парубкамы сурьёзно сибе держыть... Оны даже боятьця зъ нею, какъ зъ прочымы, у всякыи играшкы вступать. Безъ сомненія, ваше благородіе, девушка серьёзная.

Кылына наче не чула: спокійно, не хапаючысь пошарувала ще трохы въ казани, выпросталась, одвела голымъ ликтемъ пасмо темного волосся, що лизло ій въ очи, обдывылась, наче прыгадуючы щось, и попрямувала до лавы. Не вважаючы на погляды гостей, вона такъ саме спокійно пидняла велыкый и досыть тяжкый цеберъ зъ помыямы и, легко несучы ёго попередъ себе, пиднесла до лежанкы и поставыла биля казанивъ. Потимъ зновъ одкынула повнымъ ликтемъ волосся зъ очей и стала вычерпуваты горщыкомъ воду зъ казана и вылываты іи въ цеберъ.

— Д-да-а. .—якось задумлыво протягнувъ Олександръ, пыльнуючы Кылыны и покручуючы вуса; потимъ раптомъ зитхнувъ, трипнувся и повернувся до панка, якый весь часъ, ховаючы нетерплячку, зъ ніяковистю, ходывъ по кухни, то усмихаючысь ввичлыво-ніяковою усмишкою, колы стривався зъ выпадковымъ, розпаленымъ поглядомъ офыцера, то пудлыво-безнадійно озыраючы хату.

— Ну-съ, очевидно мы и здѣсь не найдемъ вашего ордена!—голосно и нибы зъ жалемъ промовывъ Олександръ, дывлячысь на Луценкова.—Придется обождать вамъ нѣсколько дней... Можетъ быть... какъ нибудь... Ну, пойдемъ, что ли...

Винъ ласкаво хытнувъ головою Софіи та Саньци, озырнувся навкругы и разомъ зъ Луценковымъ и Халабудою рушывъ изъ хаты. Проходячы повзъ Кылыну, винъ знову зустривcя зъ іи глыбокымъ, твердымъ и прываблюючымъ поглядомъ и зновъ наче ставъ до бою зъ нымъ. Потимъ знову перпый одвивъ свои очи, посмихнувся пидъ вуса и поволи пишовъ за Луценковымъ, а за имъ Халабуда. Выходячи вже зъ синешныхъ дверей, воны зустрилысь зъ Андріемъ, якый зъ заклопотано-диловытымъ выглядомъ поспишавъ до кухни. Побачывшы папивъ, винъ уступывся зъ дорогы и, кынувшы похмурымъ поглядомъ въ высоку, дужу постать офыцера, хотивъ пройты въ двери, колы раптомъ Халабуда спынывъ ёго:

— А ты куды? Почему не на роботи?

— Забувъ батигъ у хати,—муркнувъ Андрій и, не дывлячысь на Халабуду, прошмыгнувъ у сины. Той провивъ ёго пыльнымъ поглядомъ и пишовъ за панамы.

Ускочывшы въ кухню, Андрій кынувъ гострымъ, пыльнымъ окомъ на Кылыну и зъ тымъ же диловытымъ выглядомъ ставъ ходыты по хати, заглядаючы въ уси закуткы. Лыце ёго нибы прояснищало.

— А чого, Андрію, шукаешъ? Учорашнёго дня, а?—весело спытала Санька, пидходячы до ёго зъ перевязаною навхрестъ черезъ уси груды велыкою хусткою и въ теплій кохти.—Чы ту мындаль, що паны шукають? Не шукай, іи вже панычъ знайшовъ!

— Знайшовъ??—здывувався Андрій,—невже? У кого жъ вона була.

— Э-э!..—якось загадково посмихнулась Санька и, глянувшы спершу на Кылыну, а потимъ на Софійку, яка одягалась биля полу, одійшла до дзеркальця, що було вмазане въ простинку

мижъ двома викнамы. Андрій спіймавъ той поглядъ іи и густо зразу почервонивъ весь.

— Андрію! поможы мени цеберъ вынесты,—раптомъ звернулась до ёго Кылына. Винъ хутко кынувся до кочергъ, знайшовъ мижъ нымы рогачъ зъ тонкымъ держальномъ и, протинувшы въ вуха цебра, чекаюче подывывся на Кылыну. Вона выкрутыла зъ ганчиркы останню воду и, мовчкы взявшысь за передній кинець рогача, пиднялa поволи цеберъ и хоча важко, але гарно ступаючы, наче повела за собою изъ хаты Андрія. Зупынывшысь на смитныку, вона перехылыла цеберъ и, не выпускаючы одного вуха зъ рукъ, напивъ схылывшысь надъ нымъ, стала задумлыво дывытысь, якъ лушпайкы картопли, покрутывшысь коло краю, нибы не бажаючы выходыты зъ цебра, раптомъ выскакувалы зъ брудною течією и счезалы въ смитти. Потимъ, не повертаючы головы до Андрія, вона тыхо спытала:

— Батько сёгодня прыйидуть?

— Сёгодня,—поспишно обизвався Андрій.

— Сёгодня и пидешъ?

— Сёгодня у-вечери...

Кылына помовчала трохы, потимъ поклала цеберъ зовсимъ на бикъ, и, выпрямывшысь до Андрія и якось зъ натыскомъ и навить суворо промовыла:

— Тильки, слухай Андрію: колы хочешъ говорыты зо мною, то не круты, говоры прямо:—будешъ щыро прохаты батька, чы тильки такъ, для чуткы, для славы, що прохавъ? Ты мени скажы це теперъ.. Мени треба це заразъ знаты...

— Андрій зблидъ, потимъ трохы одвернувъ лыце и, крыво, гирко всмихаючысь, промовывъ:

— Добре жъ ты про мене думаешъ, колы за таке просышъ. Не бійсь, буду щыро прохаты.

Кылыни, выдно, ніяково стало. Вона хутко подывылась на ёго, потимъ одвела свій поглядъ и глухо сказала:

— Ты не сердься, я не для того сказала це... Може ты и справди любышъ и справди думаешъ браты, я не знаю. Сердыться нема чого. Тильки, колы знаешъ, що тебе пече зо всихъ боkивъ,

а одъ кожного бачышъ, що якъ бы то ёму пойихать на твоій спыни, то и пикому не вирытымешъ. А кому не вирышъ, то и любыты важко. А до того. Ты не сердься мене, Андрію, я теперъ ци дни якась зовсимъ дурна стала... Цей Халабуда, потимъ думкы всяки...

— А панычъ, не той, не чыплявся?—похмуро бовкнувъ Андрій.

— Ни, ничого!—скороговоркою кынула вона.—Ну и той... якъ его... Ну, и ты ще туть... дурышъ, не дурышъ, а.... Одно слово, Андрію, я тоби ось що говбрю:—додала вона якось рішуче, жорстко и гордо выпрямылась—твоею полюбовныцею я не буду николы... Чуешъ? Женышся,—полюблю, якъ батька, якъ счастя. Не женышся,—все одно не дамъ обдурыты себе...

— Жéнышся...—сумно, иронычно усмихнувся Андрій.— Жéнышся, маючы такого батька.

Кылына вмыть скыпила вся.

— «Батька!»—зъ зневагою, гнивно подывылась вона на его.— Докы вже ты зъ своимъ батькомъ носытысь будешъ?.. Батько!.. Самъ хазяйство мае, а сына въ наймы дае... Хлибъ ёму за зиму перейисть... А сей и слуха... Ще женытысь хоче!.. Та що жъ ты хочешъ, щобъ я тоби оддала все жыття, а ты мене прыведешъ до свого батька та зъ его ласкою та розумомъ жыты прымусышъ? Х-ха! Мени такого счастя не треба!.. Мени неволя вже надокучыла, я воли хочу! . Чуешъ? Воли!!

Вона трохы навить задыхалась, наче швыдко йшла десь; груды ій пидіймалысь, губы злегка дрижалы и на матовыхъ щокахъ выступывъ той невелычкый румьянець, що, якъ знавъ Андрій, выступавъ у часы велыкого хвылювання Кылыны и якый такъ гривъ у тому мисци щокы, що, здавалось, тамъ навмысне збиравсь весь жаръ іи кровы. Андрій пахылывъ голову и усмихнувся.

— Добре тоби говорыты. А взнала бъ мого батька. Отъ визьме та й выжене, що тоди? И не дасть ничого...

— Не дасть?—скрыкнула вона злистно, гордо.—И не треба!.. Докажемо, що и безъ его обійдемось, колы вже пиде на те!..

— Обійдешся...—глухо промовывъ Андрій.

— Кылына раптомъ спынылася, пыльно подывылась на ёго и, нибы заспокоившысь зразу, взялась за одынъ кинець рогача и, хытнувшы ёму на другый, коротко сказала:

— Беры...

Колы воны, мовчазни и похмури, ввійшлы въ хату, тамъ вже не було дивчатъ, тильки на полу лежавъ Панасъ, та дидъ Юхымъ, позихаючы, укладався недалеко видъ ёго спаты. Мовчкы поставывшы цеберъ биля лавы, Андрій походывъ трохы по хати, потимъ зупынывся позадъ Кылыны, певне бажаючы щось сказаты, але тильки махнувъ рукою и швыдко выйшовъ зъ хаты.

В. Винниченко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Документы, извѣстія и замѣтки.

Искъ о вырытомъ тайно кладѣ. Въ декабрѣ 1751 г. полтавскій полковой судъ, подъ предсѣдательствомъ самого полковника Андрея Горленка, обсуждалъ такое необычное дѣло: козакъ Керебердянской сотни Иванъ Малоусенко жаловался на свою «братову» (вдову брата), козачку той же сотни, Палажку Малоусиху, «о найденомъ и винятомъ онои Малоусихи мужемъ умершимъ Мокіемъ Малоусенкомъ и значковимъ товаришемъ Карпомъ Полонскимъ з могили, обрѣтаючойся между селами Власовкою и Максимовкою, скарбу» (кладѣ). По словамъ жалобщика, дѣло происходило такъ. Весною предыдущаго года наймитъ Ивана Малоусенка Федоръ, «по обѣщанію своему», отправился на богомолье къ предстоявшему празднику св. Николая въ м. Городище (нынѣ Градижскъ), гдѣ въ то время существовалъ Пивогорскій монастырь. Въ пути его застигла ночь, и онъ заночевалъ въ полѣ между селами Власовкою и Максимовкою, «а проснувшись рано, на свѣтанню, увидѣлъ неподалеку отъ себе три свѣчки, горящихъ на могилѣ (курганѣ)». Федоръ тотчасъ догадался, что тамъ долженъ находиться «скарбъ», но такъ какъ онъ былъ одинъ и въ рукахъ у него ничего не было, кромѣ дорожнаго посоха, то нельзя было и думать о раскопкѣ могилы; поэтому онъ ограничился тѣмъ, что на разсвѣтѣ хорошенько осмотрѣлъ могилу, замѣтилъ ея мѣстоположеніе и затѣмъ отправился въ свой путь. Возвратившись благополучно изъ Городища, вѣрный служитель разсказалъ подробно своему «господарю» обо всемъ, что съ нимъ приключилось въ пути. Малоусенко тотчасъ принялъ рѣшеніе заняться раскопкой чудесной могилы, но разсчитывая, что вдвоемъ съ наймитомъ они, пожалуй, не справятся съ этимъ дѣ-

мемъ, а, можетъ быть, и побуждаемый родственнымъ расположеніемъ, онъ сообщилъ секретъ родному своему брату Мокію Малоусенку и предложилъ ему принять участіе въ отысканіи клада. Мокій охотно на это согласился, и въ тотъ же день они втроемъ съ Федоромъ, вооружившись заступами и ломомъ, на подводѣ Мокія, отправились на раскопки. Къ вечеру они были на мѣстѣ; но осмотрѣвъ указанную Федоромъ могилу, на которой тотъ видѣлъ горѣвшія свѣчи, они невольно смутились: передъ ними былъ огромной величины курганъ, одинъ изъ тѣхъ, какихъ такъ много сохранилось и понынѣ по «заломамъ», отдѣляющимъ Днѣпровскую долину отъ возвышеннаго плато, на которомъ, между прочими, возвышается с. Максимовка. Трудность предстоявшей раскопки усугублялась еще и тѣмъ, что работу можно было производить только ночью, днемъ же здѣсь паслись стада, и пастухи конечно тотчасъ донесли бы о раскопкѣ владѣльцу земли, на которой находился таинственный курганъ. Но нашимъ искателямъ не было выбора, и они, дождавшись ночи, принялись за работу, а съ наступленіемъ утра, чтобы не возбуждать ничьихъ подозрѣній, отъѣхали къ Днѣпровскому берегу, дѣлая видъ, будто занимаются рыболовствомъ, ночью же возвратились на работу. Такъ продолжалось трое сутокъ, и только на четвертую ночь они, по словамъ жалобщика, откопали «нѣби (будто) ящикъ съ палуба[1]), окованый штабами залѣзными, и казанъ мѣдный подъ крышкою, невѣдомо съ чего сдѣланною, якобы броварскій» (пивной). Осмотрѣвъ эти предметы (очевидно, при помощи зажженной свѣчи), Мокій Малоусенко вылѣзъ изъ ямы и объявилъ, что «ничего въ нихъ не имѣется», а затѣмъ сталъ стращать Ивана:

— Знаешъ, брате, залышмо (бросимъ) сее дило, бо певно черезъ те попадемося въ превелыку биду.

Иванъ и безъ того трясся отъ суевѣрнаго страха и потому не сталъ прекословить брату, бросилъ работу и вмѣстѣ съ нимъ возвратился въ Кереберду. А спустя два мѣсяца послѣ того Мокій Малоусенко будто бы хвалился матери:

— Якый, мамо, несчаслывый нашъ Иванъ: йиздывъ я зъ нымъ копаты гроши, та й не взявъ ихъ, а якъ пойихавъ удруге зъ иншымы людьмы, съ Карпомъ Полонскымъ, то заразъ и взявъ».

Мать не утерпѣла, чтобы не передать Ивану объ этомъ секретномъ признаніи, послѣ чего тотъ присталъ къ Мокію съ требованіемъ

[1]) Палубъ—будка на повозкѣ.

подѣлиться съ нимъ найденнымъ по его же указанію кладомъ. Мокій сначала отрицалъ фактъ нахожденія имъ клада, но потомъ будто бы пообѣщалъ дать Ивану сто рублей послѣ того, какъ «переведетъ на россійскую монету» откопанныя деньги. А скоро послѣ того Мокій умеръ, не исполнивъ обѣщанія, вдова же его и значковый товарищъ Карпо Полонскій и теперь «владѣютъ» тѣми деньгами и не хотятъ подѣлиться ими съ жалобщикомъ.

Такъ разсказана вся эта исторія въ исковой жалобѣ Ивана Малоусенка, но въ подтвержденіе ея онъ не могъ представить ни письменныхъ «документовъ», ни свидѣтельскихъ показаній, такъ какъ не было уже въ живыхъ и матери жалобщика, которой Мокій будто бы признавался въ нахожденіи клада; поэтому истецъ изъявлялъ готовность «на доводъ» справедливости своей претензіи «выконать присягу» или же предлагалъ отвѣтчицѣ вмѣстѣ съ Полонскимъ «отприсягнуться въ томъ, что объявленного кладу они не брали и не знаютъ, кимъ вынято».

На допросѣ въ Керебердянскомъ сотенномъ правленіи, а затѣмъ и въ полковомъ судѣ, Пелагея Малоусиха показала, что ей совершенно невѣдомо, «зъ якими людьми умершій мужъ ея Мокій Малоусенко до тои могилы ездили и що тамъ выкопали, и отъ своего мужа и ни отъ кого того не чула и ничого не видаетъ, и зъ тихъ денегъ не владѣетъ», что готова подтвердить и присягою. Карпо Полонскій тоже показалъ, что онъ съ умершимъ Малоусенкомъ «нигде ніякои могилы къ винятію поклажи не роскопувавъ и о винятомъ кладу ни за кимъ не видаетъ, и какая въ иной могили поклажа була и кимъ винята—не знаетъ и о томъ ни отъ кого не слихавъ, и въ томъ готовъ отвестись присягою».

Судъ справился, какъ въ такихъ случаяхъ велитъ поступать «право малороссійское», и нашелъ въ 30-мъ артыкулѣ 9-го роздѣла «книги Статута напечатано»: «хто бы ся ку такому найденю кладу знати не хотелъ, а тотъ, хто би того искалъ, брался до присяги, тогди тая противная сторона, на комъ ищутъ, близшая будетъ отъ того отприсягнутись, же не нашолъ»; поэтому судъ опредѣлилъ: «за силу оного права» отвѣтчицѣ Малоусихѣ и значковому товарищу Полонскому «въ отводѣ» дать присягу въ томъ, что они «показанного кладу съ могили не винимали и въ себе не имѣютъ и не владѣютъ, и кимъ именно оной кладъ винятъ, о томъ нѣ отъ кого не слихали и не знаютъ, которую присягу, по силѣ права, тоей же книги Статута розд. 4, въ артикулѣ 81 напечатаного, сложить имъ третого дня до полудня

и виконать оную, по силѣ того же права, на судѣ полковомъ», въ **личномъ** присутствіи истца.

Внизу протокола имѣется запись: «Оной приговоръ обидвѣ стороны слухали и, будучи доволни, на томъ подписалися», но по неграмотности, вмѣсто себя, просили «руки приложить» суда полкового полтавскаго подканцеляристовъ Петра Волковицкаго и Григорія Петренка. *(Актовая книга Полт. полк. суда 1750—1753 г., изъ собранія А. М. Лазаревскаго).*

Ор. Левицкій.

Былъ-ли игуменъ Мелхиседекъ Значко-Яворскій организаторомъ украинскаго возстанія 1768 г.? Осенью 1904 г. въ Петербургѣ вышла изъ печати новая цѣнная работа извѣстнаго украинскаго историка, проф. Мих. Грушевскаго,—«Очеркъ исторіи украинскаго народа» (Спб., 1904 г.).

Не считая себя достаточно компетентнымъ для того, чтобы производить оцѣнку всего труда почтеннаго ученаго, я хочу остановиться на одномъ явленіи изъ жизни украинскаго народа, въ освѣщеніи котораго проф. Грушевскимъ допущена нѣкоторая неточность. Я имѣю въ виду Колiивщину, говоря о которой, проф. Грушевскій утверждаетъ: «Выдающуюся роль въ немъ (т. е. въ украинскомъ возстаніи 1768 г.) сыгралъ игуменъ Мотронинскаго монастыря Мелхиседекъ Значко-Яворскій, бывшій наблюдателемъ православныхъ приходовъ правобережной Украины: онъ *принялъ участіе въ организаціи движенія* и т. д. (стр. 325)». Категорическое утвержденіе г. Грушевскаго, что Мелхиседекъ былъ организаторомъ возстанія на Украинѣ, бывшаго въ 1768 г. и извѣстнаго подъ именемъ Колiивщины,—это утвержденіе, думается мнѣ, врядъ-ли соотвѣтствуетъ исторической правдѣ и во всякомъ случаѣ не можетъ быть научно доказано. Мысль объ организаторской дѣятельности Мелхиседека въ возстаніи въ 1768 г., вышедшая изъ польскихъ источниковъ и укрѣпившаяся среди польскихъ историковъ, не безъ вѣскихъ основаній многими отвергается. Если, можетъ быть, тѣ данныя, которыя обычно приводятся въ доказательство неучастія Мелхиседека въ возстаніи, и не безусловно доказательны, то еще *менѣе убѣдительны* основанія, которыя имѣются для доказательства истинности взгляда г. Грушевскаго.

Разберемъ эти основанія.

Если Репнинъ, а за нимъ и Панинъ и императрица Екатерина, видѣли въ Мелхиседекѣ (какъ и въ Гервасіи Линцевскомъ) «нѣкоторую причину» возстанія и были недовольны ими и ихъ дѣятельностью, то это еще ничего не говоритъ о Мелхиседекѣ, какъ объ организаторѣ политическаго движенія. Русское правительство, добившись въ началѣ 1768 г. того, что Польша подпала подъ его опеку, боялось теперь всякаго новаго обстоятельства, усложняющаго польскія дѣла, а тѣмъ болѣе возстанія въ предѣлахъ Польши, которое могло уничтожить плоды пятилѣтнихъ усилій русской дипломатіи. Это съ одной стороны. Съ другой стороны, связь, связь несомнѣнная, движенія политическаго на Украинѣ съ предшествовавшимъ ему религіознымъ была очевидна и для петербургскаго двора, обычно смотрѣвшаго на явленія религіозной жизни съ точки зрѣнія политическо-государственной. Отсюда понятно неудовольствіе на Мелхиседека за его противоуніатскую дѣятельность на Украинѣ, вообще *расшевелившую* украинскій народъ,—отсюда сѣтованія русскихъ дипломатовъ на «безпокойный нравъ» Мелхиседека[1]). Но и въ Петербургѣ, видно, смотрѣли на Мелхиседека, только какъ на *нѣкоторую* причину возстанія, а не какъ на организатора его. Данныя архива св Синода приводятъ насъ къ той мысли, что *суда надъ Гервасіемъ* и *Мелхиседекомъ производимо не было*, и отъ должностей они собственно удаляемы не были. Гервасій былъ просто поселенъ на жительство въ Кіевѣ, безъ увольненія отъ управленія епархіею [2]).

Что же касается Мелхиседека, то его даже не сочли нужнымъ удалять изъ Переяслава, его рѣшили только не пускать на правую сторону Днѣпра. Синодъ, по давленію свѣтской власти, во исполненіе ея желанія, предписалъ Гервасію: „игумена Мелхиседека пристойнымъ образомъ оттуда (т. е. съ западнаго берега Днѣпра—собственно отъ управленія Мотронинскимъ монастыремъ) смѣнить и опредѣлить переяславскія епархіи своея, кромѣ заграничныхъ, въ пристойной монастырь по своему разсмотрѣнію“.[3]). Гервасій назначилъ Мелхиседека настоятелемъ переяславскаго Михайловскаго монастыря.

---

[1]) Объ этомъ писалъ Панинъ еп. Гервасію 2 сент. 1768 г., письмо это см. въ 27 т. Соловьева „Истор. Россіи“, и въ 87 т. Сб. Русс. ист. Общ., стр. 161.

[2]) См. арх. св. Синода, дѣло 1768 г., № 95, также 1770 г., № 102.

[3]) См. арх. св. Синода, дѣло 1766 г., № 91, приложеніе.

Мелхиседека не судили,—видимо, не было для того данныхъ,—тѣмъ болѣе, что онъ послѣднее время предъ возстаніемъ жилъ въ Переяславѣ и на другую сторону Днѣпра не ѣздилъ вовсе.

Если бы Мелхиседекъ былъ замѣшанъ въ участіи въ возстаніи. особенно же въ организаціи его, конечно, его судили-бы, какъ судили тогда многихъ духовныхъ лицъ, часто по одному, ничѣмъ недоказанному подозрѣнію ихъ въ соучастіи съ гайдамаками. Нужно при этомъ принять во вниманіе желаніе тогдашняго петербургскаго правительства,—«на нашей сторонѣ всю Польшу имѣть», боязнь раздраженія поляковъ противъ Россіи, заботы объ утвержденіи въ Польшѣ „повѣренности націи къ намъ" и т. д. [1]). При такомъ настроеніи русскихъ дипломатовъ, трудно было бы отъ нихъ ожидать пощады Мелхиседеку. Достойно вниманія, что польскіе мемуаристы и историки, обвиняющіе Мелхиседека въ организаціи Коліившины, говорятъ обычно о томъ, что Мелхиседека, по окончаніи возстанія, судили и послѣ суда—по утвержденію однихъ—сослали въ Сибирь [2]), по утвержденію другихъ—лишили должности и отправили въ Кіевъ [3]). Видимо, обвинители Мелхиседека, увѣренные въ томъ, что онъ былъ организаторомъ возстанія, *не допускаютъ и мысли о томъ, что его, какъ организатора возстанія, могли не судить.* Такимъ образомъ, самый фактъ отсутствія суда надъ Мелхиседекомъ говоритъ нѣсколько противъ г. Грушевскаго.

Если, затѣмъ, ссылаются на польскихъ мемуаристовъ и на народныя украинскія пѣсни, то сбивчивость ихъ показаній, разнорѣчивость даже о самой личности игумена—организатора возстанія, въ которой часто совершенно нельзя видѣть Мелхиседека,—все это заставляетъ относиться къ этого рода источникамъ съ осмотрительностью. Что касается польскихъ мемуаровъ, то при чтеніи ихъ, кромѣ того, что приходится сталкиваться съ историческими неточностями, нужно еще имѣть въ виду спеціальную точку зрѣнія тогдашнихъ поляковъ, по взгляду которыхъ, какъ справедливо утверждаетъ г. Каманинъ, „бунтомъ считалось простое возвращеніе народа отъ уніи къ вѣрѣ отцовъ, хотя народная масса при этомъ оставалась спокойною [4]).

---

[1]) Сб. Русск. Ист. Общ., т. 87, стр. 185, 186, 279 и др.

[2]) См. напр. „Ист. польск. народа" поляка В. Смоленскаго (перев., Спб., 1899 г., стр. 279).

[3]) „T. Korzon, Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta". wyd. 2, Warszawa, 1897 г.; t. I, и стр. 199—200.

[4]) Кіев. Стар. 1882 г., іюль, стр. 59.

Далѣе, думается, еслибы Мелхиседекъ, котораго сплошь и рядомъ упрекаютъ въ религіозномъ фанатизмѣ, былъ организаторомъ возстанія, оно носило-бы болѣе рѣзко очерченную религіозную окраску. Прочитайте воззваніе къ панскимъ хлопамъ [1]), распространявшееся на Украинѣ главарями возстанія; въ немъ говорится только о неволѣ, ярмѣ и тягостяхъ отъ пановъ, и ни слова нѣтъ о религіозныхъ притѣсненіяхъ. Еслибы Мелхиседекъ принялъ участіе въ организаціи возстанія, онъ, конечно, фабриковалъ-бы не одну „золотую грамоту", но и воззванія къ народу, и тогда эти воззванія прежде всего носили бы сильный *религіозный* колоритъ.

Говоря вообще, особое подчеркиваніе роли Мелхиседека въ возстаніи 1768 г. понятно только въ устахъ тѣхъ, кто въ этомъ возстаніи не видитъ ничего, кромѣ дѣла, устроеннаго „*попами*". Между тѣмъ самъ проф. М. Грушевскій согласенъ съ тѣмъ, что, помимо случайныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ (цѣлаго ряда ихъ), вызвавшихъ народное движеніе въ данный именно моментъ, въ основѣ его лежали глубокія причины—религіозно-національныя и соціально-экономическія.

Закончу тѣмъ, что о роли Мелхиседека въ возстаніи 1768 г. лучше говорить *гипотетически, а не категорически*.

Вл. П—ко.

Къ исторіи украинскихъ духовныхъ стиховъ. Христіанская легенда въ древней Руси, шедшая въ послѣднюю книжнымъ путемъ съ юга и отчасти съ запада, не замкнулась въ тѣсномъ кругу древне-русскихъ книжныхъ почитателей,—она вышла на свѣтъ и проникла глубоко въ народъ, вызвавъ въ немъ созданіе религіозной поэзіи—духовныхъ стиховъ. Духовные стихи въ Малороссіи, какъ и стихи русскіе, къ которымъ первые очень близки, отражаютъ общіе имъ источники—произведенія древне-русской книжности, главнымъ образомъ, сочиненія апокрифическія, имѣвшія въ средѣ древне-русскаго общества большее распространеніе, чѣмъ Св. Писаніе и книги церковныя. Исторія литературы достаточно полно освѣтила эту тѣсную зависимость духовнаго стиха отъ книжной христіанской легенды, такъ что вполнѣ положительно можно говорить лишь о самостоятельности обработки народной средою христіанскихъ мотивовъ въ духовныхъ стихахъ, но не о самостоятельности этихъ мотивовъ. Однако среди

---

[1]) См. у Костомарова, „Посл. годы Рѣчи Посп." 2 изд., 1870 г., стр. 102.

духовныхъ стиховъ, бытующихъ на Украинѣ, имѣется стихъ, который по своему происхожденію представляетъ рѣзкій примѣръ непосредственнаго возникновенія изъ среды самого народа помимо книжнаго вліянія. Привожу его въ самой поздней записи изъ статьи проф. М. Н. Сперанскаго, «Южно-русская пѣсня и современные ея носители» (1904 г.), сохраняя правописаніе подлинника [1]).

Іще сонце не заходить,
Я спати ложуся,
До споведі готуюся,
Богу не молюся.
Спамьетай же, гріешний человече,
На прежвіі дари,
Бо якъ вузьмуть твое грішне тіло,
Возложеть на море;
Дадуть ему смутну труну
І темную ложу.
А зволь, Боже, у грехахъ умерти,
Отъ муй вічний Боже.
Зустаеться сребро і злато,
Дорогіі шати,
Трудно міні його ізъ собою
На той світъ забрати;
Забравъ же бъ я його ізъ собою,—
Тамъ сього не треба:
Туилькі треба сажень землі
Да чотирі дошкі,
Спасеніе зъ неба.
Якъ ударить усі звони
Прі скорой годині,
Атклонюся я всему міру
І прешней родині.
У Давидовомъ домі
Страхі пребальшиі:

---

[1]) Сборникъ Ист.-Фил. Общ. при Инст. кн. Безбородко въ г. Нѣжинѣ, т. V.

Агонь гарить, зуби скрижуть:
То жъ вішная мука.
Якъ приде Міхаілъ Орхангелъ
На Сеяньскую гору,
Якъ вострубить Міхаілъ Орхангелъ
Въ семігласную трубу,
Якъ вазбудить Міхаілъ Орхангелъ
Усихъ мертвихъ одъ гроба:
Уставайте, праведни і грішни,
Васъ Богъ судить буде.
Праведниі просять
Конця віку і страшного суду:
Будемъ піти—воспівати,
У небі царствовати.

Стихъ дѣлится на двѣ половины: первая—носитъ личный характеръ; вторая—содержитъ изображеніе страшнаго суда. На первую половину стиха—25 стиховъ—я и обращаю вниманіе. Эти 25 стиховъ—варіація мало распространенной украинской лирической пѣсни, слѣдующая редакція которой помѣщена въ Тр. Этн.-Ст. Эксп., т. V, стр. 144, № 4:

А ще сонце не заходило, а я спати ложуся,
А за лінощами Богу не молюся,—чимъ я Богу надоблюся?
Та болить больно моя головонька, та либонь хоче вмерти,
А призовіте мою родиноньку придоглянуть смерті.
Збіралася моя родинонька, та й не розважае.
Тільно мою та смерть престрашную хуже розражае.
А вдарили въ усі дзвони объ третій годині,—
Одклонюся близькимъ сосідонькамъ, своій рідній родині:
«Ой, прощайте, близькі сосідоньки и рідна родина,
Прощайте, маленькі діти и вірная дружина!
Остается срібло-злото много, дорогиі шати,—
А вже жъ мені у гробъ за собою не забрати.
Хоть би могъ я ёго забрати, тамъ ёго не треба,
Тілько треба сажень землі, та чотирі дошки, та спасення
зъ неба [1]).

(Роменскій у., изъ собр. П. А. Кулиша).

---

[1]) Удерживаю правописаніе подлинника. Варіантъ—у Метлинскаго (Нар. ю.-рус. пѣсни, стр. 371—372); въ немъ меньше бытовыхъ чертъ,

Такимъ образомъ мы видимъ въ данномъ случаѣ, что обыкновенная лирическая пѣсня претворилась въ духовный стихъ, при чемъ въ средѣ профессіональныхъ исполнителей ея была распространена въ опредѣленную религіозную сторону подъ вліяніемъ другихъ духовныхъ стиховъ, что заключается во второй половинѣ стиха, содержаніе которой восходитъ къ тѣмъ же книжнымъ источникамъ, указаннымъ мною выше.

Приводимый фактъ превращенія лирической пѣсни бытового характера въ духовный стихъ представляется незауряднымъ явленіемъ, почему я и рѣшился указать на него здѣсь.

Владиміръ Даниловъ.

Договоръ прихожанъ села Бѣлоусовки (пирятинскаго уѣзда) съ священникомъ 1742 г. Къ числу уже ранѣе помѣщенныхъ въ „Кіевской Старинѣ" (1893 г., нояб., стр. 325; 1898 г., кн. I; 1904 г. кн. II) подобныхъ договоровъ принадлежитъ и договоръ прихожанъ села Бѣлоусовки, входившей ранѣе въ составъ селъ, заключавшихъ въ себѣ Городищенскую, или Городисскую сотню лубенскаго полка. Въ сравненіи съ договоромъ 1804 года настоящее условіе показываетъ, что въ половинѣ XVIII вѣка цѣны за требы въ Бѣлоусовкѣ были значительно ниже; что же касается годовой платы натурою, то она была такой же, какъ и въ Воронежѣ въ 1804 году. Участія сотника или державцы въ составленіи договора 1742 года не видно.

1742 году, априля 22 дня.

Ми, нижеподписаніе, села Бѣлоусовки (жители) чинимо вѣдомо симъ нашимъ писаниемъ, понеже приймуемъ себѣ Федора Корнилиева за духовного, аще будетъ Божие благословение и архипастирское благословение: за вѣнчане—по двѣ гривнѣ в своемъ селѣ; за похоронъ—по гривнѣ; за младенческій похоронъ—шисть копѣекъ грошей; роковое: отъ парахианъ непахатнихъ—по четверику, отъ пахатнихъ-же—по полчетверика. На семъ и подписуемся.

чѣмъ въ вар. Кулиша. Варенцовъ (Сборникъ рус. дух. ст. 248 стр.) помѣстилъ первый вар. среди малорус. духовныхъ стиховъ, но ясно, что данная пѣсня ничуть не можетъ быть отнесена къ послѣднимъ по своему содержанію; отдѣльные стихи изъ нея встрѣчаются также въ другихъ пѣсняхъ бытового характера, напр.: Чубинскій, Труды, V, стр. 741, № 331 Г.; стр. 153, № 323; Даниловъ: „Пѣсни с. Андреевки", 61, № 177.

Громада села Бѣлоусовки: Козаки: Панасъ Передерий—атаманъ, Хведоръ Мѣзъ—ктиторъ, Кондратъ Бондарь, Іванъ Сенекъ, Андрѣй Шушко, Панко Богунъ, Сидоръ Семенюта, Хведоръ Усикъ, Хведоръ Малежикъ. Посполитие: Петро Чорний—войтъ, Грицко Подорожний, Іванъ Гавришъ, Петро Литвинъ, Іванъ....., Хведоръ Гавришъ, Грицко Михайликъ.

Сведено слово в слово 1742 году, юня 9 дня, в Бѣлоусовцѣ, когда на поповство Наковскаго громада приняла. (Съ современной копіи).

Сообщ. **В. Модзалевскій.**

Письмо графини Александры Браницкой министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князю А. Голицыну съ ходатайствомъ о базиліанахъ.

«Милостивый Государь мой князь Александръ Николаевичъ!

Базиліанское общество просило меня, дабы я исходатайствовала у васъ, Милостивый Государь, для него ваше покровительство и защиты, которыхъ оное столь достойно; я живу въ здѣшнемъ краѣ [1]) близъ сорока лѣтъ, то могу смѣло увѣрить ваше сіятельство, что я кромѣ справедливой похвалы не имѣю иного ничего сказать о семъ полезномъ обществѣ, которое занимается только воспитаніемъ юношества, наставленіемъ его въ благонравіи, наукахъ, а особливо въ христіанскомъ законѣ, на которомъ основано щастіе частное и общее; справедливость ваша мнѣ извѣстна, то я не сумнѣваюсь, чтобы вы Милостивый Государь мой могли отказать быть защитою столь почтеннаго Общества, которое полагаетъ на васъ одного всю свою надежду,— а я съ моей стороны вамъ буду не менѣе благодарна, естли вы сію прозьбу не оставите безъ уваженія.—Прошу васъ покорно принять увереніе того истиннаго и отличнаго уваженія, съ коими пребыть честь имѣю.

Милостивый Государь мой»

Далѣе слѣдуетъ подпись [2]).

---

[1]) Письмо писано изъ м. Бѣлой-Церкви, кіевск. г., имѣнія графовъ Браницкихъ.

[2]) Архивъ Св. Синода. Канцеляр. Об.-Прок. Дѣло № 22542.

Письмо датировано 17 марта 1823 г. Оно вызвано настоятельными просьбами базиліанскихъ монаховъ, которые искали поддержку у вліятельныхъ лицъ, въ виду производившагося въ то время дѣла о закрытіи базиліанскихъ монастырей въ Россіи.

Сообщ. **В. Страшкевичъ.**

Рождественская вирша. На дняхъ мнѣ пришлось записать рождественскую виршу со словъ украинца изъ воронежской губ. Хотя она выдерживаетъ ритмъ почти вездѣ, но записана она мной безъ раздѣленія на стихотворныя строчки.

Будьмо здорови хлопци! та не лайте, а чого оце я прыйшовъ до васъ, колы хочете, попытайте; видвичаты буду заразъ та не самъ, а здотепомъ та ще й зъ виртепомъ, а колы хочете щобъ вамъ про се все сказаты, такъ цуру не перебываты, я самъ буду казаты. Якъ паслы мы съ хлопцями овець ватагу на трави, та не сподивайтесь на отвагу, це було дило въ теплому краи. Кормокъ прыдався зелененькый, кошари булы готовеньки, та що й казаты—все було гараздъ. День бувъ ясненькій весьденычки до смеркў, а якъ тильки темно стало, я всимъ хлопцямъ давъ раду таку, сказавъ Яцку: «гонить овець до шалашў, та заварыйте съ саломъ круту кашу, а тоди по своимъ мистамъ. А самъ обперся на кгирлыгу тай ставъ думать думу превелыку. Ка, вража маты! що такъ сумно? ажъ морозъ по кожи дере,— а вже щось та не такъ болыть серце у мене: або ватага захворое, або воряга прычвалае, а дали одумавсь, та й кажу: якъ захвора—то воля Божа, а видъ вора у насъ йе осторожа. Насъ було пьятеро, та собакъ шестеро, а звалы: я—Опанасъ, Яцко, Стецько, Протасъ, та ще бувъ Явтухъ пидпасочокъ у насъ. Пишовъ я до тырла, посвыстивъ, насъ була гурба не маненька, а я надъ ными бувъ лычманъ; найилысь каши, повставалы, кой про що розмовляты сталы; хто що вмивъ—те й пливъ; хто казку, кто прыказку, а хто про Ягу-Бабу, а я наслухавсь до упаду, та всимъ хлопцямъ по мистамъ, бресты веливъ. Сказавъ Яцку: идыжъ съ пидпасомъ, та зачыняй кошару зъ выкрутасомъ, та ще й щобъ изъ васъ котрый тамъ спавъ. Тильки що поснулы, а нашу ватагу неначе якый чортъ въ пывоварни збунтувавъ брагу, а мои хлопци зъ ляку не знають на кого крычать: чы на мене, чы на собаку. А дали давай лыбезуваты: эй Опанасъ! варяга прычвалавъ до насъ, а я й кажу: визьмить вы, хлопци, добрую дубыну, та и спытить ему

ище добрійше спыну, щобъ винъ у другый разъ—не ворувавъ. Наши хлопци и ну повзты: хто ракомъ, хто пупомъ, а хто на спыни; повыпатралысь якъ ти свыни (признаться грязненько було—дощыкъ йшовъ). Колы туды гулькъ, а тамъ такъ и сяе, на овци крыламы махае, вивци видъ ёго до стины, мои хлопци навтикача, а я й кажу: стій хлопци; це не саранча! Грыцько каже: ну та й птаха, Стецько каже: ну та й пряха, а я такъ у слухъ и мовывъ (неначе знавъ) кажу: тю, дурни—це янголь Божій: ба—якій винъ хорошій, та на колины ёму пуцъ, та й давай ёго пытаты: Янголь Божій! повидай намъ, чого ты до насъ прыйшовъ, чы души вытягаты, чы овець позабыраты, а винъ и каже: «Я не за душамы посланъ небесамы, а повидать вамъ висть, що Богъ прыйшовъ на землю». Такъ мы й закрычалы: ой, лыхо! чы не за грихы караты? „Ни, винъ хоче вси грихы на себе взяты и тыхъ душокъ, яки вмыралы, якихъ чорты до пекла пхалы, винъ избаве отъ гіенскихъ мукъ“. Гай, гай! отъ такъ чудасія, а збулась та профитія дида Моисія, а винъ казавъ, що настане те время, що скынуть люде гриховне бремя и стануть чысти, якъ лыни. Тутъ мы до ёго блыжче пидступылы, сталы ёго прохаты: Янголь Божій! потрудысь и насъ туды доведы—де ёго домъ хорошій, щобъ мы де инде не забрелы, а винъ и каже: радъ бы я васъ, хлопци, туды довесты, та мени треба на небо лита́ты—„дива днесь“ спива́ты, а вы идить оттакъ пряменько, та дывиться на отцю зирочку пылненько, вона васъ доведе.

Поговорывшы зъ ными, замахавъ крылами и колы мы гулькъ у гору, а винъ уже пидъ небесамы—неначе по драбынци йде. Мы тутъ що робыты! а що робыты?—ягня ловыты, та пертысь въ Вифлеемъ. Вловылы, та й попхалысь, та на ту зирочку пылненько прыглядалысь, яку намъ янголь указавъ. А та-жъ зирочка то пнется, то вертнется, неначе скаче, тебъ казавъ сперва лизла все выще, выще, а дали ныжче, ныжче, та й стала протывъ насъ, а я на неи задывывся, та лобомъ въ стину такъ огрився, що гарный гудзь на лоби нарядывся, ажъ у кошари огонь засвитывся, а дали бачу що не въ сылу, узявъ та й повалывсь на спыну: лежу, тай слухаю чмеливъ. А мои хлопци не догадалысь та дали попхалысь, а якъ схаменулысь що мене нема, Яцко и закрычавъ: Эй Опанасъ! чого отставъ одъ насъ? Але! кажу—на стину нахопывсь, ажъ у кошари огонь засвитывсь. Оцежъ мы туды й прищлы, чого треба було, те й нашлы, а дали дирку проломалы, та вси на кошарю й війшлы, а тамъ сыдыть породильня Божа, якъ паненька хороша, держе на рукахъ дытятко, а те дытятко рученятка

простягае, якъ-якъ слова не вымовляе. Биля ныхъ стоить батацько царивъ, ажъ цилыхъ тры, шось у рукахъ держуть—мабуть подаркы прынеслы, части поклоны чухраютъ, та Божу матинку прохаютъ: шобъ вона отъ ихъ прыйняла. Вона все це видъ ихъ прыйняла и старому диду виддала. Тутъ мы до неи блыжче пидступылы и сталы ïи прохаты, части поклоны чухраты: Ты наша Матинко Божа, якъ ясонька хороша, прыймы одъ насъ оце ягнятко, та кормы свое дытятко, бо черезъ ёго счаслыви люде будутъ. Вона видъ насъ се прыйняла и тожъ старому диду виддала. А намъ двадцять разъ спасыби сказала. Спасыби вамъ, хлопци, спасыби! Хай у васъ плодытся ватага и всяке счастя буде вамъ, не позыча у васъ воряга, ны звиръ по темнымъ по ночамъ. Тутъ мы нызенько поклонылысь та й пишлы. Хто до ватагы пишовъ, а я до васъ оце зайшовъ розсказаты про се чудо, що я бачывъ самъ и чувъ, а колы хочете подаруваты, то хоть по чарци треба даты, то й я скажу спасыби вамъ.

1904 года 18 ноября.

Сообщ. свящ. **А. Рудневъ**.

Къ тексту стихотвореній П. П. Гулака-Артемовскаго. Въ архивѣ „Кіевской Старины“, въ числѣ другихъ документовъ, оставшихся отъ перваго ея редактора Ѳ. Г. Лебединцéва, имѣется, между прочимъ, списокъ нѣсколькихъ стихотвореній П. П. Гулака-Артемовскаго, въ настоящее время уже извѣстныхъ въ печати, присланныхъ въ то время въ редакцію Л. Маціевичемъ. Неизвѣстно, почему покойный Лебединцевъ не напечаталъ этихъ стихотвореній: въ то время они еще были новинкой... Въ данный моментъ списокъ г. Маціевича также можетъ оказать нѣкоторую услугу: онъ даетъ возможность проконтролировать напечатанный текстъ и сдѣлать нѣкоторыя къ нему поправки.

Итакъ, въ стихотв. „На отъѣздъ изъ Полтавы Н. М. Л. (Никол. Мих. Лонгинова)—22 мая 1842 г.“—въ послѣдней строкѣ стихотворенія (см. „Кіевск. Стар.“ 1897 г., т. 56, стр. 476) стоитъ: „Ай!... *бигъ-ма* ничого“,—въ спискѣ г. Маціевича: „*бисъ-ма* ничого». Къ стихотворенію 1842 г.:

„Булы жъ мы й въ Святогорскимъ,
И церковъ бачылы змурованy *Самборськимъ*“ (ibid. 480),

г. Маціевичъ даетъ небезъинтересное поясненіе относительно Самбор-

скаго: „*Самборскій*, Андрей Аѳанасьевичъ, духовникъ велик. княгини Александры Павловны, вышедшей въ 1799 г. замужъ за венгерскаго палатина—эрцгерцога Іосифа, но вскорѣ, именно въ 1801 году 16 марта скончавшейся на 18 году своей жизни... Стараніями и трудами о. Андрея Самборскаго была построена небольшая церковь—въ деревушкѣ Иремъ, въ 15 верстахъ отъ Будапешта, куда и былъ перенесенъ гробъ велик. княгини. Церковь эта существуетъ и доселѣ, и причтъ ея русскій—содержится на счетъ русскаго правительства. О. Андрей Самборскій былъ родомъ изъ харьковской губ. Къ нему очень благоволилъ имп. Александръ Благословенный, подарившій ему за его заслуги село *Стратилатовку*, харьков. губ. Протоіерей Самборскій скончался въ С.-Петербургѣ въ 1815 году на 82 г. жизни и погребенъ на кладбищѣ Большой Охты“.

Стихотвор. „Сыдыть Петро у Полтави“ (ibid., 486)—написано не 24 *іюня* 1848“, а „24 *іюля*“...

Въ стихотвор. „Отъ и допывсь! И дохмелывсь“ (XXXIV ода Горація“), сравнительно съ текстомъ, напечат. въ „Кіев. Старинѣ“ 1888 г., кн. V, имѣются слѣдующія разночтенія: въ 5-мъ съ начала и въ 4-мъ съ конца куплетахъ въ напечатанномъ текстѣ стоитъ:

„Зубивъ щось зъ двохъ
И нигъ не доличусь“,—

въ спискѣ г. Маціевича въ обоихъ случаяхъ: „*У ничъ* не доличуся“. Въ 17-мъ куплетѣ того же стихотворенія въ напечатанномъ текстѣ: „Ще винъ же и *здрочывся*“,—въ спискѣ г. Маціевича просто „*дрочывся*.

Василій Онисимовичъ Корніенко. (*Некрологъ*). Читатели и почитатели украинской литературы, и украинцы по національности и не украинцы, обратили, конечно, вниманіе на рисунки къ „Энеидѣ“ Котляревскаго, помѣщенные въ сборникѣ „На вичну память Котляревському“. Замѣтили они также и надпись на этихъ рисункахъ „Малюнокъ В. Корніенка“. Возможно, что большинство изъ этой публики больше нигдѣ и не встрѣчалось съ этимъ именемъ, но уже вышеупомянутые рисунки могли каждому подать надежду еще гдѣ-нибудь встрѣтиться съ нимъ, т. к. въ нихъ видна молодая сила, истинный талантъ.

Судьба, однако, рѣшила иначе.

11-го декабря прошлаго года въ одесской городской больницѣ, послѣ продолжительной болѣзни скончался художникъ В. О. Корніенко;

это и есть тотъ Корніенко, съ которымъ знакомы читатели альманаха, посвященнаго Котляревскому—одна изъ незамѣтныхъ, но многообѣщавшихъ для украинской народности личностей.

Хотя о лицахъ, ничѣмъ выдающимся не проявившихъ себя, не принято писать некрологовъ, но мы считаемъ долгомъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о покойномъ художникѣ, тѣмъ болѣе, что и судьба его не совсѣмъ-то заурядна.

В. О. Корніенко вышелъ изъ народа[1]. Онъ сынъ крестьянина, села Поповки, екатеринославской губерніи. Рисованіемъ началъ заниматься еще въ начальной школѣ, а по окончаніи ея работалъ до 18 лѣтняго возраста у какого то маляра въ Екатеринославѣ; здѣсь онъ какимъ то образомъ обратилъ на себя вниманіе бывшаго тогда губернатора Рокосовскаго, который отправилъ его въ Севастополь въ художественную школу Макухиной, устроивши, между прочимъ, лотерею рисункамъ Корніенка и выручивши такимъ образомъ за нихъ 100 р. ему на дорогу. Здѣсь Корніенко пробылъ около года и поступилъ отсюда въ Спб. академію художествъ, которую и окончилъ неклассным художникомъ.

Въ 1902 году Корніенко участвовалъ въ 1-й Екатеринославской выставкѣ мѣстныхъ художниковъ, выставивъ двѣ картины и нѣсколько этюдовъ. Его картина „У корчмы“ обратила тогда вниманіе мѣстной прессы. Покойный всю жизнь крайне нуждался въ средствахъ; съ одной стороны, нужда и необходимость добывать средства къ существованію, съ другой—болѣзненное состояніе и физическій недостатокъ не позволяли ему развивать свой талантъ. Онъ положительно лишенъ былъ возможности бывать въ экскурсіяхъ на этюдахъ и, проживая, напримѣръ, въ Одессѣ, вынужденъ былъ добывать средства къ существованію исключительно рисованіемъ на дому портретовъ. Только въ послѣднее время ему представилась возможность сойтись съ мѣстнымъ украинскимъ обществомъ, которое, заинтересовавшись имъ, предложило ему нарисовать серію изъ 20 рисунковъ къ «Энеидѣ» Котляревскаго, имѣя въ виду издать ихъ отдѣльнымъ альбомомъ или выпустить иллюстрированную поэму. Не успѣлъ покойный выполнить эту

[1]) Біографическія данныя намъ любезно сообщилъ М. Ф. Комаровъ и студентъ Новороссійскаго университета г. Гейманъ, семья котораго принимала горячее участіе въ покойномъ, включительно до хлопотъ о похоронахъ. Останки покойнаго перевезены въ его родное село Поповку.

задачу: онъ нарисовалъ только 10 рисунковъ, вошедшихъ въ сборникъ памяти Котляревскаго. Кромѣ того, мѣстные украинцы предполагали издать, при помощи покойнаго, произведенія Шевченка съ иллюстраціями. Но надежды не сбылись: В. О. Корніенко заболѣлъ саркомой на лицѣ, которая распространилась и на носовую полость, слегъ въ больницу, перенесъ нѣсколько операцій, но не перенесъ болѣзни, будучи отъ природы хилымъ, и умеръ на 37 году жизни.

В. О. былъ безкорыстный труженикъ; онъ, напримѣръ, будучи уже больнымъ и безусловно нуждаясь въ деньгахъ, отказался отъ полученія полностью причитающагося ему гонорара за 10 рисунковъ къ Энеидѣ, прося отослать деньги въ Петербургское общество изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ для малорусскаго народа... Послѣ покойнаго, какъ намъ передавалъ его братъ, осталось кое-какое наслѣдіе въ видѣ оконченныхъ и неоконченныхъ картинъ и этюдовъ (всего около 20), среди которыхъ есть украинскіе сюжеты (напр.—три этюда къ думѣ «про трёхъ братывъ азовськыхъ» и др.). Всѣ они хранятся у родныхъ покойнаго въ с. Половкѣ.

Въ заключеніе скажемъ: если для народности, обладающей всѣми средствами для свободнаго развитія своей культуры, бываетъ ощутительна потеря одного изъ двигателей этой культуры, то тѣмъ болѣе должна быть ощутительна такая потеря для Украины, гдѣ съ такими затрудненіями и преградами совершается ростъ и развитіе самобытнаго начала во всѣхъ областяхъ науки и искусства.

Гр. Сьогобочний.

Письмо въ редакцію. Милостивый Государь господинъ Редакторъ! Не откажите помѣстить въ ближайшей книжкѣ «Кіев. Ст.» это письмо съ указаніемъ неточностей, вкравшихся въ мою статью «Гервасій Линцевскій», напечатанную въ декабр. кн. «Кіев. Ст.» за 1904-й годъ.

На страницѣ 408 напечатано: «но другія данныя склоняютъ отнести рожденіе его къ *1690 году*»—слѣдуетъ читать: «но другія данныя, болѣе достовѣрныя, склоняютъ отнести рожденіе его къ *1690-мъ годамъ* (между 1693 и 1698 г.г.).

На страницѣ 409, прим. 2, подвергается сомнѣнію достовѣрность извѣстія Строева о томъ, что въ 1757 г. Гервасій былъ настоятелемъ черниговъ. Елецкаго монастыря. Данныя архива Св. Синода

такъ разрѣшаютъ этотъ вопросъ (см. дѣла: 1756 г. № 381 и 1757 г. № 166): 18 февраля 1757 г. св. Синодъ дѣйствительно постановилъ Гервасію быть настоятелемъ черниговск. Елецкаго Успенск. монастыря, но Гервасій имъ вовсе не управлялъ, но все время пробылъ въ Москвѣ безвыѣздно до полученія назначенія на каѳедру епископа переяславскаго, о каковомъ назначеніи св. Синоду было сдѣлано 20 апрѣля того-же 1757 г. представленіе духовникомъ и любимцемъ императрицы Елизаветы, протоіереемъ Ѳеодоромъ Дубянскимъ, малороссомъ по происхожденію.

На стр. 411 напеч. «На епархію Гервасій прибылъ *только къ ноябрю*» и на стр. 413—«Прибывъ *къ началу октября* 1757 года на епархію»—въ обоихъ случаяхъ слѣдуетъ читать «прибылъ *въ началѣ октября*» и «прибывъ *въ началѣ октября*» и т. д.

Указы консисторіи №№ 3 и 4, помѣщенные *на стр. 435—437, въ извлеченіи* были приведены въ август. кн. «Странника» за 1872 г.

На стр. 440, прим. 3. напеч. «Сборникъ Русск. Историч. Общества, томъ 7»,—слѣдуетъ читать «Сборникъ Русск. Историч. Обществомъ, томъ 7, *стр. 378*».

На стр. 411 напечатано: «онѣ (вотчины) малодоходны по *внѣшнимъ* народнымъ отягощеніямъ»; слѣдуетъ читать— «по *нынѣшнимъ*».

Вл. П—ко.

Извѣщенія редакціи. 1) *Изъ Екатеринослава* прислано на поддержаніе въ порядкѣ могилы Т. Г. Шевченка: И. И. Тимофеевымъ—2 р., П. П. Афанасьевымъ—2 р. В. Д. Однороженкомъ—1 р., Ф. П. Гриндлеромъ—80 к., всего—*5 р. 80 к.*, что вмѣстѣ съ прежде поступившими 349 р. 30 к. (см. № 11-й 1904 г.) составитъ 355 р. 10 к.

2) На образованіе капитала *имени И. С. Левицкаго*, по поводу исполнившагося 35-тилѣтія его литературной дѣятельности, для изданія украинскихъ книгъ для народа поступили: а) собранные на вечерѣ 20-го декабря въ школѣ Н. В. Лисенка—22 р. 79 к.; б) собранные студентами украинцами вмѣсто папки для адреса И. С. Левицкому—12 р. 7 к., а всего—34 р. 86 к.

Текущія извѣстія.

Юбилей И. С. Левицкаго въ Кіевѣ. Юбилейныя торжества начались 18-го ноября вечеромъ спектаклемъ труппы Саксаганскаго и Садовскаго, поставившей комедію „За двома зайцямы“, передѣланную Старицкимъ изъ комедіи юбиляра „На Кожумякахъ“.

На спектаклѣ труппа поднесла юбиляру вѣнокъ и адресъ, прочитанный г. Садовскимъ.

На второй день съ часу дня обширный залъ „литературно-артистическаго общества“, организовавшаго весь юбилей, началъ наполняться разнообразной публикой: товарищи по перу—украинскіе писатели, представители мѣстной прессы, профессора университета и вообще почитатели юбиляра, между которыми множество молодежи—студенты, гимназисты и проч. Всеобщее вниманіе возбуждали гости изъ Галиціи и Буковины, между которыми три дамы: г-жи Рыбчакивны и г-жа Трилёвская, выдѣлявшаяся картиннымъ народнымъ костюмомъ галицкихъ украинокъ. Кое-гдѣ мелькали простыя украинскія чумарки.

На эстрадѣ столъ, устланный украинскими расшитыми „рушниками“, а внизу около стола—изящный коверъ въ украинскомъ стилѣ—подарокъ отъ полтавской губернской земской управы. Когда появился юбиляръ, его встрѣтили громомъ горячихъ и продолжительныхъ аплодисментовъ. Вмѣстѣ съ юбиляромъ заняло мѣсто за столомъ правленіе „литературно-артистическаго общества“. Предсѣдатель его, Н. П. Рузскій, взошелъ на трибуну и, выразивъ сожалѣніе, что онъ, какъ великороссъ, не имѣетъ возможности обратиться къ чествуемому писателю на родномъ его языкѣ, привѣтствовалъ юбиляра прекрасной рѣчью, подчеркивавшей тотъ фактъ, что въ настоящее время уже нѣтъ возможности не считаться съ развивающейся украинской литературой и не относиться къ этому развитію съ симпатіей. Затѣмъ членъ правленія общества г-жа О. П. Косачъ (Олена Пчилка) поднесла И. С. Левицкому, отъ имени общества, портретъ Шевченка въ серебряной рамѣ съ привѣтственной надписью.

Послѣ этого и началось чтеніе адресовъ,—они почти всѣ на украинскомъ языкѣ. Первымъ читалъ адресъ отъ украинскихъ писателей Б. Д. Гринченко; передавая адресъ безъ всякихъ украшеній, онъ сообщилъ, что деньги, предназначавшіяся для этихъ украшеній, рѣшено употребить на основаніе капитала имени И. С. Левицкаго для изданія

народныхъ книгъ. Затѣмъ слѣдовали многочисленныя привѣтствія галицкихъ и буковинскихъ представителей; общества „Просвіта“ читалъ редакторъ „Діла“ г. Борковскій, сообщившій, что „Просвіта“ избрала юбиляра своимъ почетнымъ членомъ, „Наукове товарыство имени Шевченка у Львови“ (проф. К. Студинскій), „Литературно-науковый Вістныкъ“ (онъ-же), „Руська Бесида у Львови“ также избираетъ юбиляра почетнымъ членомъ (читалъ д-ръ Федакъ); то-же дѣлаетъ и львовское „Товарыство педагогичне“ (д-ръ Кормашъ); г. Левъ Лопатинскій, редакторъ газеты „Русланъ“, читалъ привѣтствія отъ своей газеты и отъ „Драматычного товарыства им. Котляревського у Львови“, г. А. Борковскій—отъ „товарыства прыхыльныкивъ украинськои литературы, наукы и штукы“, г-жа Рыбчакивна—отъ учительской женской семинаріи во Львовѣ; д-ръ К. Трылёвскій—отъ украинцевъ изъ Коломыи (Галиція), г. А. Борковскій—отъ газеты „Дило“, которой онъ состоитъ редакторомъ; проф. Студинскій—отъ „Выдавнычои Спилкы у Львови“, г. Федакъ--отъ львовскаго пѣвческаго общества“, г-жа И. Рыбчакивна—отъ „клубу русынокъ у Львови“, г. Загайкевичъ отъ двухъ студенческихъ обществъ: „Основа“ (политехники) и „Академична громада“ (студенты университета), а также отъ гимназической львовской молодежи; одно изъ его привѣтствій, красиво сказанное и бодрящее надеждами на лучшее будущее, вызываетъ особенно горячія рукоплесканія; г-жа С. Рыбчакивна привѣтствовала юбиляра отъ львовскаго «Кружка украинскихъ дивчатъ».

Буковина прислала большой адресъ, прочитанный извѣстнымъ писателемъ О. Маковеемъ и замѣчательный по художественному рисунку (гуцулка на конѣ) подъ текстомъ адреса—цѣлая страница, заполненная печатями буковинскихъ украинскихъ обществъ и подписями ихъ предсѣдателей; г-нъ Маковей прочелъ также адресъ отъ учениковъ черновецкой учительской семинаріи.

Изъ Вѣны прислала привѣтствіе редакція журнала «Ruthenische Revue», посвященнаго украинской литературѣ и вообще украинскимъ дѣламъ съ цѣлью популяризировать ихъ въ Европѣ.

Кіевъ также подалъ цѣлый рядъ привѣтствій: «Кіевскаго Общества грамотности» (В. П. Науменко), редакція «Кіевской Старины» (онъ же), «Выдавныцьтво Викъ» (В. А. Козловскій), студенты университета, студенты политехникума, студенты кіевской духовной академіи, ученики кіевской художественной школы, подарокъ отъ учащейся молодежи (К. І. Стеценко); затѣмъ украинцы изъ Кіева (И. И. Федор-

ченко), «литературно-музыкальна молодижъ у Кыиви», снова украинцы изъ Кіева (читала красиво одѣтая въ нарядный костюмъ дѣвочка). Всеобщее вниманіе обратила на себя группа кіевскихъ украинокъ въ живописныхъ народныхъ костюмахъ, явившаяся съ привѣтствіемъ отъ «украинскихъ жинокъ у Кыиви», прочитаннымъ г-жею Малюгивною. Русскія привѣтствія были отъ редакціи «Кіевскихъ Откликовъ (проф. И. Лучицкій) и «Общества Нестора Лѣтописца» (гг. О. И. Левицкій, Павлуцкій и Чаговецъ); польское—отъ кіевскихъ поляковъ, прочитанное О. И. Глинкой.

Изъ Одессы привѣтствовали юбиляра: городское общественное управленіе (г. Шульга—по-русски), славянское общество (онъ же), общество вспомоществованія литераторамъ и ученымъ, южно-русское музыкальное о-во (д-ръ И. Луценко), одесскіе украинцы.

Изъ Полтавы: г. Дмитріевъ отъ редакціи «Хуторянина» привѣтствовалъ юбиляра слѣдующей рѣчью: «Глубокоуважаемый юбиляръ! Редакція «Хуторянина», глубоко сознавая ваши заслуги на пользу украинскаго слова и духовной жизни всего украинскаго народа,—шлетъ сердечныя пожеланія еще многіе годы работать на дорогой вамъ нивѣ. Мы, редакція Хуторянина, всесторонне изучая жизнь нашего края, работая среди украинцевъ хлѣборобовъ на одномъ русскомъ языкѣ, вѣримъ, что не далекъ тотъ часъ, когда и періодическая пресса будетъ имѣть право говорить съ этимъ хлѣборобомъ на его родномъ украинскомъ языкѣ».

Затѣмъ г. Головня привѣтствовалъ юбиляра, какъ хранителя малорусскаго языка, и хранителя въ такое время, когда языкъ этотъ особенно сильно преслѣдовался въ интеллигентномъ обществѣ. Въ то время, когда говорить по-малорусски считалось въ высшей степени предосудительнымъ, когда русскіе интеллигенты оберегали своихъ дѣтей отъ крестьянскихъ, какъ отъ чумы, боясь, чтобы они не научились «мужичьему» языку, въ это время Ив. Семеновичъ выступилъ на литературное поприще и началъ писать свои «творы» на всѣми гонимомъ малорусскомъ языкѣ. Ораторъ, привѣтствуя юбиляра по поводу его 35-лѣтней плодотворной дѣятельности, выразилъ пожеланіе, чтобы дѣти теперешнихъ отцовъ могли привѣтствовать его на будущемъ юбилеѣ уже не на русскомъ языкѣ, а на своемъ родномъ—малороссійскомъ. Въ заключеніе г. Головня просилъ юбиляра принять въ даръ отъ дегтяревской мастерской вышитые «рушники» и прелестный коверъ издѣлія той же мастерской; онъ упомянулъ, между прочимъ, о

томъ, что и дегтяревская мастерская трудится надъ возсозданіемъ рисунковъ и издѣлій, составляющихъ исключительно малороссійскій старинный стиль.

Послѣ того поднесли адресъ львовскіе студенты, которые заявили, что въ лицѣ юбиляра они привѣтствуютъ всю Украйну, съ которой они живутъ одною духовною жизнью; они убѣждены, что украинская молодежь приложитъ всѣ свои силы для того, чтобы возможно скорѣе добиться свободы направлять свою дѣятельность на благо украинскаго народа и открыто защищать его интересы и права; они, галичане, подаютъ руку украинцамъ и всегда готовы совмѣстно трудиться на благо общей Украйны. Чтеніе адреса было покрыто бурными и долго несмолкавшими апплодисментами.

Далѣе шли поздравленія отъ полтавскихъ земляковъ (г. Дмитріевъ)—извѣстнаго писателя П. Мырнаго, редакціи «Полтавщины» (Л. Н. Жебуневъ); общее вниманіе обратили на себя своимъ короткимъ и простымъ, но хорошимъ адресомъ два крестьянина изъ Пирятинскаго уѣзда; вообще всѣ адресы встрѣчали болѣе или менѣе горячіе апплодисменты, но это мужицкое привѣтствіе было покрыто рукоплесканіями особенно пылкими и продолжительными.

Изъ Чернигова—отъ черниговцевъ и гимназической молодежи—прочелъ М. М. Коцюбинскій. Затѣмъ были еще привѣтствія отъ «Харьковскаго Листка» (по-русски), студентовъ-украинцевъ изъ Варшавы, изъ Дерпта, отъ чигиринцевъ и пр. Всего около шестидесяти адресовъ.

Затѣмъ наступило чтеніе телеграммъ изъ различныхъ мѣстностей Украины, а также изъ Петербурга, Москвы, Кракова, Праги, Парижа и пр.—всего не менѣе 80; изъ нихъ слѣдуетъ отмѣтить привѣтствія губернскихъ земскихъ управъ: херсонской и черниговской, историко-филологическаго факультета харьковскаго университета, профессоровъ и доцентовъ томскаго университета, харьковской городской управы, полтавской общественной библіотеки (за подписью В. Г. Короленко), редакціи «Русскаго Богатства», редакціи «Русской Мысли» (за подписью В. Г. Гольцева), московскаго литературно-художественнаго кружка (за подписью кн. Сумбатова), одесскаго городского головы и пр.

Этотъ сухой перечень привѣтствій не даетъ никакого понятія о томъ воодушевленіи, которое царило въ залѣ при чтеніи ихъ, особенно тѣхъ, въ которыхъ звучали бодрящія ноты надеждъ на лучшее

будущее. Когда поднялся юбиляръ, желая сказать отвѣтъ на привѣтствія, присутствующіе въ залѣ встали со своихъ мѣстъ. Съ характеризующей вообще И. С. Левицкаго скромностью, онъ въ простой и искренней рѣчи пытался убѣдить слушателей, что его заслуги сильно переоцѣнены въ привѣтствіяхъ и горячо благодарилъ всѣхъ собравшихся почтить его. Рѣчь эта вызвала новый взрывъ симпатій и рядъ новыхъ, долго тянувшихся овацій...

Въ шесть часовъ вечера, въ гостинницѣ «Континенталь» назначено было собраніе въ честь юбиляра и состоялось при большомъ стеченіи публики. Говорились рѣчи цѣлымъ рядомъ лицъ, читались привѣтствія, опоздавшія къ утреннему собранію. Кромѣ рѣчей, посвященныхъ непосредственно юбиляру, много говорилось вообще на тему современнаго тяжелаго положенія украинской литературы. Какъ результатъ этихъ дебатовъ была составлена и подписана резолюція, въ которой указывалось, что существующія запретительныя противъ украинскаго языка распоряженія не только лишаютъ украинскую интеллигенцію возможности выраженія своихъ мнѣній, но и отнимаютъ у народа единственно возможное средство для проведенія знаній въ массы—книгу и школу на родномъ языкѣ, чѣмъ поддерживается тьма и невѣжество, убивающія духовныя силы народа и наносящія вредъ его экономическому благосостоянію. Въ виду этого здѣсь-же намѣчена комиссія для составленія и подачи петиціи объ отмѣнѣ помянутыхъ запрещеній.

На слѣдующій день, 20-го декабря, вечеромъ пріѣхавшіе гости и кіевляне заканчивали празднество, слушая пѣніе, музыку и декламацію въ музыкальной школѣ Н. В. Лисенка. Юбиляръ, чувствуя себя не вполнѣ здоровымъ, не могъ, однако, присутствовать на этомъ вечерѣ,—о немъ напоминалъ его бюстъ, стоявшій на спеціально для того убранномъ плахтами и рушниками возвышеніи. Музыкальная и декламаторская часть вечера смѣнилась обмѣномъ мнѣній по различнымъ животрепещущимъ вопросамъ, и вечеръ закончился далеко за полночь.

И гости, и кіевляне расходились подъ свѣтлыми и бодрящими впечатлѣніями всего трехдневнаго празднества... («Полтавщина» № 4).

Докладъ П. А. Зеленаго по вопросу о нуждахъ народнаго образованія. Въ Одесскую городскую думу внесенъ на обсужденіе

обширный докладъ о нуждахъ народнаго образованія. Прекрасно мотивированный докладъ этотъ касается разнообразныхъ нуждъ по народному образованію и организаціи школьнаго дѣла, и между прочимъ останавливается на вопросѣ о доступности учебниковъ и книгъ для чтенія мѣстному населенію по содержанію и языку.

Несмотря на разноплеменность г. Одессы, какъ крупнаго портоваго города, кореннымъ населеніемъ въ ней являются все же малороссы. Даже по даннымъ оффиціальной статистики, роднымъ языкомъ является малорусскій для 50 тыс. жителей Одессы, при чемъ все населеніе пригородовъ сплошь состоитъ изъ малороссовъ. Между тѣмъ существующіе буквари и книги для чтенія, и по содержанію, и по формѣ, являются мало подходящими для малороссовъ, такъ какъ помѣщенныя въ нихъ беллетристическія, географическія и историческія статьи разсчитаны прежде всего, главнымъ образомъ, на великороссовъ; между тѣмъ, въ силу основного педагогическаго принципа—«обученіе ребенка должно идти отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, а не наоборотъ»—учебная книга должна обращать вниманіе прежде всего на мѣстныя культурныя, географическія и историческія особенности, начинать развитіе души извѣстнаго, понятнаго, болѣе близкаго и только затѣмъ восходить къ менѣе извѣстному и болѣе далекому. Примѣры: пахота сохой, столь часто фигурирующая въ учебникахъ, чужда малороссу, который пашетъ плугомъ, а слово «соха» по-малорусски имѣетъ совершенно другое значеніе (столбъ); такія выраженія, какъ «курится овинъ», непонятны малороссу; «наша родная матушка Волга» странно звучитъ въ ушахъ школьника, выросшаго на Днѣстрѣ, Днѣпрѣ или Черномъ морѣ.

Тотъ-же основной педагогическій принципъ нарушается, и пожалуй еще въ большей степени, въ отношеніи языка, какимъ писаны учебники. Стремленіе научить великорусскому языку при посредствѣ неизвѣстнаго малороссу великорусскаго-же языка, съ воспрещеніемъ даже давать объясненія на малорусскомъ языкѣ, продиктовано, конечно, не педагогическими, а иными, не имѣющими никакого отношенія къ педагогикѣ, соображеніями, какъ равно и запрещеніе въ низшихъ еврейскихъ школахъ (хедерахъ) преподаванія на русскомъ языкѣ и вообще русскаго языка. Вслѣдствіе этого, мѣстному учителю приходится преодолѣвать невѣроятныя затрудненія даже при обученіи русскому букварю, такъ какъ сразу же малорусскій ребенокъ наталкивается на непонятныя, хотя и простыя для великоросса слова: изба

(по-малорусски хата), глазъ (око), потолокъ (стеля), соръ (смиття), лукъ (цыбуля), мука (борошно), топоръ (сокира), соты (сцильныкы), утка (качка), мужъ (чоловикъ), туча (хмара), лучъ (проминь), зола (попилъ), зипунъ (свыта), эхо (луна), возлѣ (биля), ли (чи), молнія (блыскавка), скамья (лава), прудъ (сажалка) и проч. Къ этому необходимо прибавить существованіе омонимовъ, когда одно и тоже слово означаетъ разное на русскомъ и малорусскомъ языкѣ: *гладкій* по малорусски значитъ *толстый*, *луна—эхо*, *гроши—деньги*, *пашня—кормъ*, *суша—засуха* и проч. Обиліе морфологическихъ особенностей (наприм., хлѣбъ—хлибъ, столъ—стилъ) въ связи съ особенностями грамматическими и синтаксическими (*женѣ—жинци*, *отцу—батькови*, *шолъ—ишовъ*, *мнѣ—мени*; рѣдкое сравнительно употребленіе причастій и дѣепричастій въ малорусской рѣчи и мн. др.), является другимъ камнемъ преткновенія при обученіи русскому языку посредствомъ русскаго языка въ малорусской мѣстности.

Естественно, что, при такомъ положеніи дѣла, усвоивши коекакъ элементы великорусской рѣчи, ученики наталкиваются въ дальнѣйшемъ на болѣе сложные обороты, выраженія, странные и непонятные образы, аллегоріи, загадки, пословицы, вслѣдствіе чего съ неохотою и часто со смѣхомъ механически и безтолково передаютъ, сильно акцентируя и то и дѣло сбиваясь на малорусскую рѣчь, содержаніе нерѣдко хорошаго разсказа, стихотворенія и пр. Становится поэтому понятной та характеристика, какую далъ современной школѣ въ Малороссіи такой авторитетный русскій педагогъ, какимъ является авторъ прекрасныхъ (для великороссовъ) учебниковъ «Родное Слово» и «Дѣтскій Міръ», Ушинскій, человѣкъ, казалось бы, заинтересованный матеріально въ поддержаніи существующей системы преподаванія. Онъ говоритъ: «Эта школа (т. е. школа, въ которой преподается малороссамъ по великорусски), во-1-хъ, гораздо ниже народа: что значитъ она со своею сотнею плохо заученныхъ словъ предъ той безконечно глубокою, живою и полною рѣчью, которую выработалъ и выстрадалъ себѣ народѣ въ продолженіи тысячелѣтій; во-2-хъ, такая школа безсильна, потому что не строитъ развитія дитяти на единственно плодотворной душевной почвѣ—на народной рѣчи и отразившемся въ ней народномъ чувствѣ; въ 3-хъ, наконецъ, такая школа безполезна: ребенокъ не только входитъ въ нее изъ сферы совершенно чуждой, но и выходитъ изъ нея въ туже, чуждую ей сферу. Скоро онъ позабываетъ тотъ десятокъ великорусскихъ словъ, которымъ выучился въ школѣ.

а вмѣстѣ съ тѣмъ позабываетъ и тѣ понятія, которыя къ нимъ привязаны,—народный языкъ и народная жизнь снова овладѣваютъ его душой и заливаютъ и изглаживаютъ всякое впечатлѣніе школы, какъ нѣчто совершенно имъ чуждое. Что же сдѣлала школа? Хуже, чѣмъ ничего: она на нѣсколько лѣтъ задержала естественное развитіе дитяти. Остается грамотность или, лучше сказать, полуграмотность, да и то не всегда, которая можетъ пригодиться къ тому, чтобы на полурусскомъ языкѣ написать какую-нибудь ябеду; душу же человѣка такая школа не развиваетъ, а портитъ».

Ничего не дала современная система преподаванія и для ассимиляціи малороссовъ съ великороссами. Исторія другихъ народностей также показываетъ, какъ мало оффиціальная школа способствуетъ ассимиляціи. Наиболѣе рѣзкимъ примѣромъ можетъ служить сохраненіе въ одномъ пунктѣ южной Италіи представителей хорватской народности, попавшихъ сюда какимъ-то образомъ еще въ 16 вѣкѣ, никогда не видавшихъ книги на родномъ языкѣ, обучавшихся все время итальянскому языку въ итальянской школѣ, имѣющихъ богослуженіе на итальянскомъ языкѣ и тѣмъ не менѣе до самаго послѣдняго времени сохранившихъ въ себѣ свою старую славянскую стихію, свой языкъ, свою колыбельную пѣсню, и при первомъ удобномъ случаѣ дружно и радостно пошедшихъ на встрѣчу родной школѣ, литературѣ, роднымъ пѣснямъ [1]).

Опираясь на все изложенное, необходимо ввести такіе учебники (объявивъ конкурсъ на ихъ составленіе), которые были бы близки къ интересамъ населенія мѣстнаго края, какъ по содержанію, такъ и по формѣ. Для послѣдней цѣли необходимы;

1) отмѣна циркуляровъ, запрещающихъ давать объясненія въ школахъ на малорусскомъ языкѣ, каковыя объясненія являются безусловно необходимыми и фактически несомнѣнно примѣняются и теперь, какъ неизбѣжныя;

2) статьи на малорусскомъ языкѣ въ учебникахъ должны быть допускаемы въ перемежку съ русскими и церковно-славянскими статьями, если только нельзя сдѣлать русскаго языка особымъ предметомъ преподаванія въ мѣстностяхъ съ малорусскимъ населеніемъ и вести все преподаваніе на малорусскомъ языкѣ;

---

[1]) „Новое Время“, 1904 г., № 10327, отъ 29 ноября.

3) малорусскія книги должны быть допущены въ библіотеки школъ и народныя на равныхъ правахъ съ русскими, какъ развивающій матеріалъ;

4) такъ какъ для развитія популярной научной литературы на малорусскомъ языкѣ, равно и переводной литературы, существуютъ спеціальныя цензурныя ограниченія, какихъ нѣтъ ни для одной національной литературы въ предѣлахъ Россіи, то необходимо снятіе спеціальныхъ ограниченій, т.-е. отмѣна циркулярнаго распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ отъ 18 мая 1876 года.

Медицинскія народныя брошюры и рѣшеніе этого вопроса въ кіевской уѣздной управѣ. Въ № 210 газ. «Волынь» помѣщена по этому поводу слѣдующая замѣтка *Гр. Сѣгобочнѣго.*

Прочелъ заключеніе кіевской уѣздной управы на постановленіе совѣщанія участковыхъ врачей кіевскаго уѣзда и удивился.

Совѣщаніе признало, что, въ цѣляхъ широкаго распространенія среди населенія популярно-научныхъ свѣдѣній о заразныхъ болѣзняхъ и мѣрахъ предосторожности и леченія ихъ, весьма полезно издать на земскія средства брошюры и листки на языкѣ малорусскомъ.

Казалось бы, что въ этомъ вопросѣ, т. е. въ вопросѣ, на какомъ языкѣ распространять среди народа элементарныя понятія по медицинѣ, гигіенѣ, санитаріи и пр., не должно быть двухъ мнѣній.

Человѣкъ безпристрастный, не задающійся никакими предвзятыми цѣлями, ничего общаго не имѣющими съ народными интересами, особенно, когда рѣчь идетъ о народномъ здравіи, если бы ему предложили такой вопросъ, непремѣнно отвѣтилъ бы, что разъ мы хотимъ, чтобы народъ насъ понималъ, чтобы наша рѣчь и заключающіяся въ ней извѣстныя понятія шли непосредственно къ сердцу народа, мы должны говорить къ нему на его родномъ языкѣ. Въ противномъ случаѣ, мы будемъ приносить содержаніе въ жертву формѣ.

Правило это давно уже стало аксіомой. А между тѣмъ, не такъ поступила кіевская уѣздная управа: давъ свое заключеніе на постановленіе врачей, она признала желательнымъ издать брошюры на русскомъ языкѣ, а не на родномъ для населенія—малорусскомъ.

Спрашивается, не приноситъ ли здѣсь уѣздная управа содержаніе въ жертву формѣ? И это въ то время, когда, напримѣръ, полтавское земство постановило ходатайствовать о допущеніи въ программы

народныхъ школъ малорусскаго языка, какъ особаго предмета (см. № 340 «К. Г.»). Въ такомъ же духѣ высказались, какъ извѣстно, и многіе комитеты особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, а по затронутому нами вопросу специально бывшій начальникъ края ген.-адъютантъ Драгомировъ, не обвинуясь, высказался за распространеніе брошюръ и листковъ по медицинѣ, гигіенѣ и пр. въ народѣ на родномъ для этого народа языкѣ. Да и должно ли быть, повторяемъ, иначе, если смотрѣть съ точки зрѣнія пользы для народа?

Предполагаемый украинскій журналъ. Какъ сообщаетъ «Придн. Кр.», проживающій въ г. Екатеринославѣ З. В. Ткаченко подалъ въ главное управленіе по дѣламъ печати прошеніе о разрѣшеніи ему издавать на украинскомъ языкѣ еженедѣльный журналъ— «Этнографычный Вистникъ—Село».

Областной музей имени А. Н. Поля. Городъ Екатеринославъ украсился превосходнымъ зданіемъ, строго дорическаго стиля, областнымъ музеемъ имени А. Н. Поля.

Музей сооруженъ, благодаря энергіи и, можно сказать, отвагѣ предсѣдателя екатеринославской губернской управы, М. В. Родзянко. Благодаря же вниманію нашего городского головы А. Я. Толстикова, музей построенъ на самомъ лучшемъ мѣстѣ города, на Соборной площади, противъ памятника Императрицы Екатерины II и каѳедральнаго собора.

Стоимость всего зданія обойдется около 80,000 рублей, но за то во всемъ городѣ до сихъ поръ не было такого превосходнаго зданія, какъ областной музей имени А. Н. Поля.

Сооруженный по первоначальному плану гражданскаго инженера Панафутина, онъ положительно плѣняетъ и своей красотой, и своей грандіозностью.

Музей предназначенъ увѣковѣчить имя дорогого для всего Новороссійскаго края человѣка, А. Н. Поля, обогатившаго край открытіемъ желѣзной руды въ Кривомъ-Рогѣ, а также способствовавшаго возникновенію множества въ нашемъ краѣ чугунно-плавильныхъ и желѣзо-дѣлательныхъ заводовъ, хлопотавшаго о постройкѣ екатеринин-

ской желѣзнодорожной вѣтки, а также о сооруженіи противъ г. Екатеринослава, черезъ рѣку Днѣпръ, колоссальнаго моста.

Уже тотчасъ послѣ смерти А. Н. Поля въ Екатеринославѣ поднятъ былъ вопросъ объ увѣковѣченіи имени А. Н. Поля постановкой ему монумента на видномъ мѣстѣ города.

Но затѣмъ, вмѣсто монумента, рѣшили увѣковѣчить имя А. Н. Поля сооруженіемъ зданія областного музея, куда можно было-бы собирать всевозможные предметы старины, а также и предметы естественныхъ богатствъ края, предметы палеонтологіи, этнографіи и всякіе другіе раритеты, которые будутъ случайно и неслучайно находимы въ разныхъ мѣстахъ края.

Для наполненія музея предметами старины и другими рѣдкостями, совѣтъ музея обратился съ просьбой къ извѣстнымъ южно-русскимъ коллекціонерамъ, и первымъ на такую просьбу откликнулся проф. Д. И. Эварницкій, принесшій въ даръ всю свою коллецкію козацкихъ и другихъ древностей, собранную имъ въ теченіе двадцати лѣтъ при разъѣздахъ по различнымъ мѣстамъ бывшаго Запорожья.

Въ настоящее время проф. Д. И. Эварницкій состоитъ директоромъ областного музея и продолжаетъ пополнять его цѣнными курганными находками, какія не всегда можно видѣть и въ Императорскомъ Эрмитажѣ, въ Петербургѣ.

Такъ, въ 1903 году Д. И. Эварницкій разрылъ 47 кургановъ въ предѣлахъ екатеринославской губерніи и всѣ добытыя древности доставилъ въ областной музей имени Поля.

Въ минувшемъ году онъ разрылъ 23 кургана и также всю свою археологическую добычу помѣстилъ въ областномъ музеѣ. Кромѣ того, объѣзжая Новороссійскій край, онъ знакомился съ другими коллекціонерами и всякими доводами убѣждалъ ихъ нести свое добро въ общую сокровищницу, екатеринославскій областной музей имени Поля.

Такъ, имъ получены и доставлены въ музей слѣдующія коллекціи древностей: А. А. Иваненко въ с. Андреевкѣ, александровскаго уѣзда; Я. П. Новицкаго въ г. Александровскѣ; П. М. Сочинскаго въ Новомосковскѣ; Н. С. Бѣлаго въ г. Павлоградѣ; Д. Н. Мартынова, бывшаго екатеринославскаго теперь варшавскаго губернатора; Н. П. Корнилова и П. П. Зуйченка въ г. Екатеринославѣ; Великаго князя Михаила Николаевича въ с. Покровскомъ, екатеринославскаго уѣзда; наконецъ, въ самое послѣднее время Д. И. Эварницкій привезъ для областного музея изъ г. Полтавы 300 штукъ шитыхъ малороссійскихъ

хустокъ, 100 штукъ шитыхъ старинныхъ рушниковъ и нѣсколько десятковъ малороссійскихъ узорчатыхъ писанокъ; въ самомъ же Екатеринославѣ онъ добылъ у внука послѣдняго кошевого атамана запорожскихъ козаковъ Осипа Михайловича Гладкаго, собственноручныя записныя атаманскія книжки.

Для собиранія предметовъ этнографіи вызванъ былъ изъ харьковской губерніи извѣстный этнографъ В. А. Бабенко, который въ теченіе весны и минувшаго лѣта на средства, ассигнованныя предсѣдателемъ губернской управы, М. В. Родзянко, объѣздилъ, по указанію проф. Д. П. Эварницкаго, пять уѣздовъ екатеринославской губерніи и доставилъ въ музей огромный и во всѣхъ отношеніяхъ цѣнный этнографическій матеріалъ.

Съ весны будущаго года г. Бабенко объѣздитъ остальные уѣзды нашей губерніи, и тогда областной музей имени Поля будетъ имѣть полностью этнографическій отдѣлъ.

Наконецъ, областной музей имени Поля будетъ имѣть и особый отдѣлъ церковныхъ древностей.

По предложенію его преосвященства, епископа екатеринославскаго и таганрогскаго Симеона, въ ознаменованіе столѣтія существованія екатеринославской духовной семинаріи, на съѣздѣ духовенства минувшаго лѣта постановлено было передать всѣ церковныя древности въ областной музей имени Поля, для чего ассигновать 1,000 рублей на изготовленіе витринъ, просить директора музея, Д. И. Эварницкаго, обсудить вопросъ о витринахъ совмѣстно съ гражданскимъ инженеромъ Панафутинымъ и принять церковныя древности въ свое вѣдѣніе.

Такимъ образомъ, г. Екатеринославъ въ настоящее время можетъ съ достоинствомъ принять у себя археологическій съѣздъ, который имѣетъ быть въ будущемъ 1905 году, въ августѣ мѣсяцѣ, и привлечетъ въ нашъ городъ многія не только русскія, но и заграничныя ученыя силы. («Приднѣпровск. Край», № 2355).

Археологическая находка. Близъ с. Андреевки, александровскаго уѣзда, крест. Гирманъ, разрывая на собственной землѣ курганъ, нашелъ въ немъ рѣдкія въ археологическомъ смыслѣ вещи: жабу, черепаху и кабана—всѣ три изъ камня-песчаника, причемъ одинъ кабанъ—до трехъ пудовъ вѣса. Крестьянинъ Гирманъ не придалъ ни-

какого значенія такимъ находкамъ, а потому каменная жаба была разбита, черепаха пошла, вмѣсто стояна, подъ деревянный «млынъ» (мельницу), а кабанъ былъ привезенъ въ село и поставленъ возлѣ хаты Гирмана, откуда его деревенскіе хлопцы вытаскивали на средину дороги и „смалили“ для собственной потѣхи. Обо всемъ этомъ случайно узналъ московскій студентъ Б. К. Жукъ, объѣзжавшій пороги Днѣпра по указанію проф. Д. И. Эварницкаго и сообщившій объ этомъ профессору въ Москву. Въ настоящее время каменный кабанъ, благодаря Я. П. Новицкому, ѣздившему въ с. Андреевку къ крест. Гирману, доставленъ въ Екатеринославъ и водворенъ въ областной музей имени А. Н. Поля. Остается лишь пожалѣть, что остальныя находки—каменная жаба и черепаха—не попали въ музей. Можетъ быть, черепаху какъ-нибудь можно будетъ извлечь изъ-подъ „млына“, но жаба совершенно исчезла для науки. Съ наступленіемъ весны курганъ на землѣ крест. Гирмана будетъ обслѣдованъ Д. И. Эварницкимъ и все, что въ немъ будетъ найдено, сдѣлается достояніемъ науки.

Постановленія Полтавскаго губернскаго земскаго собранія, касающіяся украинскаго вопроса. Состоявшееся въ первой половинѣ декабря прошлаго года очередное Полтавское губернское земское собраніе, отличавшееся вообще большой оживленностью и затронувшее много живыхъ и насущныхъ вопросовъ земской жизни, между прочимъ коснулось и вопросовъ, связанныхъ съ мѣстными нуждами населенія въ области просвѣтительной. Всѣ эти вопросы обсуждались съ полной объективностью, вполнѣ корректно, и въ результатѣ получились слѣдующія постановленія земскаго собранія:

1) По вопросу объ изданіи газеты для народа, рѣшено ходатайствовать о разрѣшеніи Полтавскому губернскому земству издавать ежедневно „Листъ Полтавскаго Земства“, по цѣнѣ 2 р. въ годъ, при чемъ статьи могутъ помѣщаться, и на русскомъ, и на малорусскомъ языкахъ, въ зависимости отъ желанія авторовъ.

2) По вопросу о премированіи популярнаго руководства по земледѣлію и о выработкѣ правилъ для составленія такого руководства, возникъ споръ о томъ, должно-ли быть такое руководство написано исключительно на русскомъ языкѣ, или должна быть предоставлена авторамъ возможность излагать его на малорусскомъ языкѣ

Громаднымъ большинствомъ собраніе постановило: внести въ правила пунктъ о представленіи на премію руководствъ на обоихъ языкахъ.

3) По вопросу о допущеніи въ библіотеки-читальни и школьныя библіотеки книгъ на малорусскомъ языкѣ, земское собраніе не только высказалось за необходимость допущенія ихъ, но рѣшило возбудить вообще ходатайство объ отмѣнѣ закона 18-го мая 1876 года, стѣсняющаго печатаніе книгъ на малорусскомъ языкѣ, и въ частности—научно-популярныхъ изданій для народа.

4) По докладу управы объ устраненіи нѣкоторыхъ препятствій, мѣшающихъ дѣлу народнаго образованія, затронутъ былъ, между прочимъ, вопросъ о необходимости составленія такихъ учебниковъ, которые были-бы приноровлены къ условіямъ мѣстной жизни, при чемъ управа предлагала ходатайствовать о разрѣшеніи учительскому персоналу права пользоваться малорусскимъ языкомъ, какъ объяснительнымъ при обученіи грамотѣ. Вопросъ этотъ въ земскомъ собраніи былъ поставленъ значительно шире, а именно: малорусскій языкъ въ школѣ долженъ быть поставленъ не только какъ помогающій объясненію, но какъ изучаемый наряду съ государственнымъ. Помимо того педагогическаго значенія, какое можетъ имѣть для успѣшнаго хода ученія родной языкъ, есть еще и другая сторона—нравственно-воспитательная: изученіе родной рѣчи въ школѣ заставить дѣтей уважать тотъ языкъ, который есть достояніе его семьи, и не стараться, яко-бы во имя ложной культурности, говорить на какомъ-то коверканномъ языкѣ, отдаленномъ значительно отъ родного и еще болѣе недошедшемъ до правильной русской рѣчи. Ввиду этихъ мотивовъ, собраніе постановило ходатайствовать о допущеніи права земствамъ вводить въ школьный курсъ изученіе малорусскаго языка, проводя это изученіе черезъ всю школу.

5) По предложенію одного изъ гласныхъ, земское собраніе постановило поддержать ходатайство золотоношскаго земства о постановкѣ общественнаго памятника Т. Г. Шевченку и объ открытіи для этой цѣли подписки. Вмѣстѣ съ тѣмъ собраніе поручило управѣ выработать проектъ предстоящаго въ 1911 г. чествованія 50-тилѣтія со дня смерти Шевченка со стороны Полтавскаго земства.

50-тилѣтній юбилей Д. Л. Мордовцева. 22 января текущаго года въ Петербургѣ предположено устроить чествованіе одного изъ старѣйшихъ литераторовъ русскихъ, не мало потрудившагося и на

ницѣ украинскаго слова, Данiила Лукича Мордовцева, по поводу исполнившагося 50-тилѣтія его литературной дѣятельности.

Украинскій декламаторъ. Книгоиздательствомъ «Современникъ» получено разрѣшеніе главнаго управленія по дѣламъ печати на изданіе сборника избранныхъ малорусскихъ стихотвореній для декламаціи. Въ сборникъ войдетъ много малорусскихъ орнаментовъ и портретовъ малорусскихъ писателей и артистовъ.

Злоключенія галиційскихъ сичей. Подъ такимъ заглавіемъ въ «Вѣстн. Юга» отъ 5 дек. 1904 г. напечатана слѣд. замѣтка. Такъ приходится назвать событія, происходящія теперь съ деревенскими корпораціями въ Галиціи, очерку которыхъ была посвящена моя путевая замѣтка («Запорожская сичь съ новымъ содержаніемъ» въ 688 № „Вѣстника Юга" отъ 15 августа 1904 г.). [1]) Когда я присутствовалъ на праздникѣ открытія новой „сичи" въ Галичѣ, я радовался тому, что хотя часть родственнаго намъ народа пользуется возможностью свободно развивать эти полезныя организаціи. Но все на свѣтѣ не вѣчно... Идиллическое благополучіе „сичей" кончилось, и настала борьба и гоненія на нихъ, возникла цѣлая эпопея преслѣдованій ихъ, которая занимаетъ вниманіе всей галицiйской прессы и отразилась даже въ вѣнской журналистикѣ...

Какъ я говорилъ въ моей замѣткѣ, „сичи" представляютъ собою гимнастическія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вольныя пожарныя общества, членами которыхъ состоитъ деревенская мужская молодежь въ селахъ восточной Галиціи. Кромѣ своего техническаго назначенія, эти общества имѣютъ широкое просвѣтительное и моральное значеніе, ибо въ основаніе ихъ положенъ, хотя и не названъ, девизъ „свѣтъ и солидарность". Вотъ эта вторая часть девиза и послужила камнемъ преткновенія, возбудила разныя подозрѣнія (для чего солидарность?) въ средѣ господствующей въ Галиціи народности—поляковъ. Къ ней примкнула партія русиновъ, вообще заигрывающая теперь съ поляками, и вотъ, онѣ вмѣстѣ возбудили цѣлый рядъ преслѣдованій противъ сичей, пользуясь для этого всѣми средствами.

Чтобы понять возникшія подозрѣнія и опасенія, надо вспомнить, что повсемѣстный въ восточной Галиціи „страйкъ" (земледѣльческія

---

[1]) См. объ этой брошюрѣ въ отдѣлѣ „Библіографіи".

стачки), бывшій въ 1902 г., сильно напугалъ помѣстный слой страны, представителями котораго состоятъ поляки и богатые евреи. „Страйкъ“ былъ очень мирный сначала, держался въ границахъ законности, но чрезвычайно стойкій и почти всеобщій. Онъ угрожалъ крупнымъ землевладѣльцамъ, что весь урожай того года пропадетъ на поляхъ, если не будетъ повышена заработная плата рабочихъ, кстати сказать—необычайно низкая во всей Галиціи. Это испугало „пановъ“, польская пресса объявила Галицію „объятою хлопскимъ мятежомъ“, въ Вѣну помчалась депутація отъ помѣщиковъ съ просьбою къ Керберу представить ее императору и подавить „мятежъ“ военною силою. Министръ принялъ депутацію холодно, аудіенцію съ императоромъ отклонилъ и заявилъ, что улаженіе „страйка“ есть дѣло самихъ помѣщиковъ. Въ дополненіе къ этому печальному исходу депутаціи, газеты оповѣстили еще большій скандалъ: уніатскій митрополитъ, графъ Шептицкій, потомокъ древняго польскаго рода, владѣющій обширными помѣстьями въ Галиціи, телеграфировалъ своимъ управляющимъ, чтобъ они согласились на всѣ требованія „страйкующихъ“. Это извѣстіе подлило масла въ огонь, и страйкъ еще больше окрѣпъ. Паны стали перевозить на свои неубранныя поля „мазуровъ“ изъ западной Галиціи, но русины встрѣчали ихъ враждебно, не давали имъ работать, возникали схватки на поляхъ, которыя давали поводъ полиціи вмѣшиваться, призывая иногда солдатъ; русиновъ арестовывали, карали штрафами и короткимъ заключеніемъ въ тюрьмы. Но ничто не помогало: страйкъ держался, возбуждаемый массою брошюръ, распространенныхъ въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ. Брошюры излагали статьи закона, допускающаго стачки, и настаивали держаться крѣпче, не выходя изъ границъ дозволеннаго. Въ большинствѣ случаевъ возникновенія стачекъ, страйкующіе выиграли, и заработная плата, какъ денежная, такъ и натурою („со снопа“, „съ копны“ и т. п.) была повышена вдвое, втрое, и панскій хлѣбъ убранъ.

Вотъ эта стачка 1902 года и преисполнила пановъ большимъ страхомъ къ тому, чтобы „страйкъ“ не обратился въ хроническое ежегодное явленіе, которое будетъ проявляться не только въ экономической области, но и въ политической, напримѣръ—при выборахъ въ сеймъ и парламентъ. Словомъ, боялись, что „хлопъ поднимаетъ голову“, хотя и въ легальной формѣ, на основаніи законовъ конституціонной Австріи. Слѣдовательно, надо всѣми мѣрами предотвращать возможность сплоченія народа, а между тѣмъ сичи съ своимъ основнымъ принципомъ

„свѣтъ и солидарность“ какъ разъ могли сыграть опасную роль... Такъ думали паны, землевладѣльцы-евреи и попы. Эта боязнь раздула *въ ихъ воображеніи* сичи въ революціонныя организаціи, которыя грозятъ благополучному существованію въ странѣ поляковъ, евреевъ и вообще пановъ. Извѣстно, когда людьми овладѣваетъ паника, то перекатываясь волною отъ одного лица къ другому, она упраздняетъ разумъ и реальность вещей, и по мѣрѣ того, какъ молва удаляется отъ первоисточника, къ ней прирастаютъ все новыя измышленія, одно другого чудовищнѣе .. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Сначала слухи и газеты польскія выражали смутныя опасенія, а потомъ прямо утверждали, что „сичи ведутъ къ гайдамачинѣ“, «хлопы вырѣжутъ пановъ и жидовъ», что организація ихъ имѣетъ въ виду именно такую цѣль...

Конечно, далеко не всѣ распространители этихъ слуховъ искренно вѣрили этому, многіе изъ нихъ отлично понимали ложность своихъ опасеній, но надо было сдѣлать какъ можно больше шума, обратить вниманіе предержащихъ властей—и имъ это вполнѣ удалось.

Еще въ концѣ 1903 года послышались громы съ церковныхъ кафедръ противъ сичей и предостереженія противъ Трильовскаго, какъ „исчадія ада“; начались гоненія со стороны училищнаго вѣдомства на народныхъ учителей и учительницъ, сочувствующихъ сичамъ, стали переводить ихъ „на мазуры“ (въ Зап. Галицію), а нѣкоторыхъ вовсе увольняли; попы-украйнофилы также терпѣли не мало непріятностей. Но все это не имѣло никакого вліянія на развитіе «сичевого руха», который быстро и энергично росъ, благодаря неутомимости иниціатора ихъ—Трильовскаго. Сичъ за сичью открывались то въ одномъ, то въ другомъ селѣ, сичевые съѣзды и праздники, сопровождавшіе ихъ, справлялись шумно, красиво и безукоризненно мирно. Ничто въ поведеніи сичей не давало повода придраться къ нимъ и найти какое нибудь нарушеніе той или иной статьи конституціи. Это злило враговъ и побуждало ихъ тѣмъ громче клеветать на сичи, усматривая грозные признаки даже въ ношеніи сичевиками знаковъ корпораціи (ленты черезъ плечо, деревянные «топорцы», фольговыя звѣзды) и строевыхъ «походахъ» въ церковь и т. п. Но все это было недостаточно для того, чтобы возбудить законное преслѣдованіе ихъ судомъ. Тогда были пущены въ ходъ болѣе дѣйствительныя средства: явились лжесвидѣтели, которые утверждали предъ лицомъ власти, что на сичевыхъ «зборахъ», въ рѣчахъ ораторовъ, и, главнымъ образомъ,—

Трильовскаго, они слышали „оскорбленіе Величества", противозаконныя намѣренія и угрозы. Газетныя сообщенія и частные слухи то же самое утверждали...

Это было уже иное дѣло и давало поводъ къ обвиненію въ нарушеніи конституціи. Началось явное и законное преслѣдованіе сичей, которое особенно разгорѣлось весною 1904 года.

Въ мартѣ былъ произведенъ у Трильовскаго тщательный обыскъ, и онъ привлекается къ суду на основаніи лжесвидѣтельскихъ показаній. Процессъ его будетъ чрезвычайно интересенъ, потому что онъ выяснитъ настоящую цѣль организаціи сичей; защищать его будетъ лучшій адвокатъ въ Галиціи и ораторъ въ сеймѣ—Олесницкій, хотя самъ Трильовскій тоже извѣстный адвокатъ.

Вмѣстѣ съ нимъ будетъ судиться сичевикъ Войчукъ, заключенный въ тюрьмѣ уже 5 мѣсяцевъ. Судъ будетъ происходить во Львовѣ въ декарѣ с. г. Послѣ обыска у Трильовскаго (онъ не былъ арестованъ) былъ конфискованъ изданный имъ въ 1903 г. календарь для сичевиковъ подъ названіемъ „Запорожецъ". Этотъ календарь 3—4 мѣсяца свободно циркулировалъ во всей Галиціи, продавался въ магазинахъ, распространялся во множествѣ среди народа, и ничего преступнаго никто не находилъ въ немъ, а въ мартѣ 1904 г. онъ оказался достойнымъ запрета. Но этого было мало врагамъ сичей, которые ожидали, что обыскъ у Трильовскаго обнаружитъ нивѣсть какія злоумышленія, а въ результатѣ оказался обнародованный календарь и смутныя показанія лжесвидѣтелей о преступныхъ рѣчахъ Трильовскаго на «зборахъ сичевыхъ». Поэтому надо было создать нѣчто болѣе страшное и угрожающее общественному спокойствію.

И вотъ въ маѣ с. г. полетѣли во Львовъ изъ села Жабьего (въ Карпатахъ) телеграммы, извѣщающія начальство и газеты, что въ Жабьемъ готовится возстаніе гуцуловъ, которые намѣрены «вырѣзать всѣхъ пановъ и жидовъ». Тотчасъ было послано въ Жабье войско, которое, къ величайшемъ своему изумленію, нашло въ Жабьемъ полнѣйшее спокойствіе и отсутстіе всякихъ признаковъ народнаго возмущенія или даже волненія...

Войско возвратилось назадъ, видя, что ему нечего дѣлать тамъ, но мѣстное „староство" никакъ не хотѣло согласиться съ тѣмъ, что гайдамачины нѣтъ и не предвидится", и арестовало необыкновенно энергичнаго организатора сичей, гуцула Юру Соломійчука, стоявшаго во главѣ мѣстной сичи, считавшей своихъ членовъ въ количествѣ

800 человѣкъ. Этотъ Юра Соломійчукъ давно мозолилъ глаза мѣстнымъ „панкамъ", какъ неутомимый и ловкій человѣкъ, сумѣвшій сплотить такое множество людей. Вмѣстѣ съ нимъ было арестовано еще нѣсколько сичевиковъ и священникъ Попель, поощрявшій развитіе сичей. Чрезъ три дня священника освободили, а Соломійчука держали въ въ тюрьмѣ 6 недѣль. Послѣ процесса Трильовскаго будутъ судить въ колоніи Соломійчука съ двѣнадцатью другими сичевиками, и защищать ихъ будутъ: Трильовскій, Олесницкій и третій адвокатъ, фамиліи котораго я не помню. Сичевики, какъ и вся русинская интеллигенція, ожидаютъ этихъ процессовъ съ большимъ нетерпѣніемъ, ибо разъ дѣло поставлено на судебную почву, а не административно карается, то надо думать, что вздутый миѳъ относительно сичей разсѣется, и сичи будуть вполнѣ легализированы. Это нужно тѣмъ болѣе потому, что частныя, преслѣдованія сичей не прекращаются до сихъ поръ, и подъ тѣмъ или инымъ формальнымъ предлогомъ въ теченіе 1904 года было закрыто до 20 сичей.

Правда, что эти преслѣдованія имѣли совершенно неожиданный результатъ: народъ не только не испугался ихъ, но сталъ приливать къ сичамъ съ такой охотой и энергіей, какихъ не обнаруживалъ прежде. Вотъ цифры: до 1904 года считалось всѣхъ сичей въ Галиціи и Буковинѣ 120—130, а теперь въ Галиціи—250, въ Буковинѣ—60. Общая организація сичей имѣетъ свой литературный органъ „Новый громадскій голосъ"; сичевые съѣзды и праздники справляются такъ-же помпезно, какъ и прежде, организаторы ихъ не унываютъ и планы ихъ все больше расширяются: въ маѣ 1905 г. Трильовскій подалъ въ министерство на утвержденіе проектъ „украинскаго сичевого союза", который имѣетъ цѣлью связать всѣ сичи въ Галиціи и Буковинѣ въ одну организацію. Все это происходитъ въ то время, когда сичевики и творецъ сичей готовится предстать предъ судомъ, который вѣдь можетъ и покарать ихъ болѣе или менѣе долговременнымъ тюремнымъ заключеніемъ отъ 2 до 8 мѣсяцевъ. Такова сила вѣры въ справедливость гласнаго и нелицепріятнаго суда, а можетъ быть тутъ дѣйствуетъ сила вѣры въ идею дѣла, не взирая на личныя невзгоды?!...

Въ заключеніе я долженъ сказать, что въ Буковинѣ сичи развиваются безпрепятственно, и буковинское правительство (тамъ есть свой парламентъ) не мѣшаетъ имъ. Когда въ августѣ 1904 года былъ въ Буковинѣ министръ президентъ Керберъ, то мѣстныя сичи устроили ему

торжественный парадъ, который былъ принятъ министромъ очень благосклонно. Не то было въ Галиціи, во Львовѣ, куда Керберъ пріѣзжалъ заручиться поддержкою поляковъ въ парламентѣ для своей политики противъ чеховъ. Здѣсь Керберъ весьма холодно отнесся къ депутаціи сичевиковъ, пришедшихъ подать ему жалобу на преслѣдованіе сичей, а двухъ депутатовъ даже велѣлъ подвергнуть легкимъ карамъ за то, что они имѣли на себѣ ленты, корпоративные знаки. Чтобы понять такую разницу отношенія къ одному и тому же явленію, надо имѣть въ виду, что Керберъ искалъ симпатіи въ своей политикѣ среди знати польской, а графъ Потоцкій, намѣстникъ Галиціи, въ домѣ котораго и остановился Керберъ, есть ярый ненавистникъ сичей... [1])

Л. Ж.

Народная рада и народный съѣздъ во Львовѣ. Во Львовѣ въ залѣ «руской бесиды», состоялось общее собраніе галицкаго политическаго общества «народная рада», а затѣмъ „народный съѣздъ". Главнымъ предметомъ совѣщанія было современное положеніе политическихъ дѣлъ русинскаго народа. «Народный съѣздъ» констатировалъ крайнюю безотрадность современнаго положенія дѣлъ и выразилъ протестъ противъ австрійскаго правительства, отдавшаго русинскій народъ всецѣло во власть галицкаго сейма, въ которомъ большинство состоитъ изъ представителей польско-шляхетской партіи и мѣстныхъ правительственныхъ органовъ, и задерживающаго, такимъ образомъ, самостоятельное развитіе русинскаго народа. Русинскому сеймовому клубу, и особенно главѣ его д-ру Олесницкому, было выражено съѣздомъ довѣріе и признательность за неустанную дѣятельность въ дѣлѣ огражденія правъ русинскаго народа; но, въ виду слабой дѣятельности оппозиціи, указано было на необходимость принятія самыхъ рѣшительныхъ мѣръ парламентской борьбы какъ въ галицкомъ сеймѣ, такъ и въ рейхсратѣ. Въ заключеніе съѣздъ призывалъ всѣ русинскія демократическія организаціи къ непрерывной интенсивной дѣятельности въ дѣлѣ культурнаго, экономическаго и политическаго развитія народныхъ массъ. (Спб. В.).

---

[1]) Процессъ надъ сичевиками уже закончился; д-ръ Трильовскій приговоренъ къ 6 недѣлямъ ареста, а Войчукъ—къ 3 недѣлямъ строгаго ареста. *Ред.*

Развитіе русинской школы въ Буковинѣ въ 1895—1904 гг. Черновицкая «Буковина» дѣлаетъ обозрѣніе тѣхъ успѣховъ, которые сдѣлала школа въ Буковинѣ за истекшее десятилѣтіе. Если въ 1894 г. вообще школы Буковины не могли похвалиться своимъ развитіемъ, то о русинской школѣ это приходится сказать съ еще большимъ правомъ: изъ 319 народныхъ школъ Буковины на долю русинскихъ приходилось всего лишь 120 школъ, притомъ 3/4 ихъ были одноклассныя (всего 2—трехклассныя и 3—четырехклассныя). Въ 157 классахъ этихъ школъ, при такомъ же числѣ учителей, обучается около 40 проц. всѣхъ русинскихъ дѣтей, обязанныхъ по закону посѣщать школу (36,000 чел.). Въ половинѣ 90-хъ годовъ русины начинаютъ проникать въ составъ провинціальнаго школьнаго совѣта и окружныхъ совѣтовъ; въ нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ они—уже въ большинствѣ. Появляются и школьные инспектора изъ русиновъ. Скоро начинаютъ сказываться и результаты этихъ успѣховъ. Въ черновицкомъ университетѣ устраиваются первыя русинскія каѳедры. При 2-ой черновицкой гимназіи открывается нѣсколько русинскихъ классовъ, а въ Клумани—и цѣлая русинская гимназія; при 2-ой гимназіи въ Черновицахъ и въ учительскихъ семинаріяхъ введены особые курсы русинскаго языка. Появляется цѣлый рядъ учебныхъ книгъ. Особенно же замѣтно стало улучшеніе въ области народной школы. Въ настоящее время изъ 392 буковинскихъ школъ русинскихъ школъ 174, причемъ 30 изъ нихъ—трехклассныя и 33—четырехклассныя, 16—пятиклассныхъ и 9—шестиклассныхъ. За 10 лѣтъ прибавилось 54 русинскихъ школы и 340 классовъ. Дѣтей школьнаго возраста насчитывается теперь въ Буковинѣ болѣе 40,000; 85 проц. этого количества обучается въ школѣ. («Спб. Вѣд.», № 347).

Количество періодическихъ изданій во Львовѣ. Весьма интересныя свѣдѣнія о количествѣ выходящихъ во Львовѣ періодическихъ изданій сообщаетъ правительственный отчетъ. Въ началѣ 1904 года всего періодическихъ изданій выходило во Львовѣ 107, въ теченіе же 1904 г. число ихъ увеличилось на 53, такъ что въ настоящее время выходитъ во Львовѣ 160 періодическихъ изданій. Изъ этого числа 110 изданій выходитъ на польскомъ языкѣ, 45 изданій на русинскомъ яз. (что составляетъ, между прочимъ, 65 проц. всѣхъ выходящихъ на русинскомъ яз. въ Европѣ и Америкѣ періодическихъ

изданій, которыхъ въ общемъ, 69), 3 газеты на еврейскомъ яз. и 3—на еврейскомъ жаргонѣ. Изъ общаго числа выходящихъ въ настоящее время періодическихъ изданій, въ 1904 г. возникло вновь на польскомъ яз. 18 изданій, на русинскомъ—20. Нѣмецкихъ газетъ во Львовѣ и во всей Галиціи не издается совершенно.

Нѣкоторое улучшеніе въ дѣлахъ галицкихъ. Старшина русинскаго парламентскаго клуба г. Романчукъ въ рѣчи своей, произнесенной въ вѣнской палатѣ депутатовъ, говоря о положеніи русиновъ въ Галиціи и объ отношеніи къ нимъ польскаго сеймоваго большинства, счелъ необходимымъ отмѣтить «нѣкоторое улучшеніе», происшедшее, по его словамъ за послѣднее время въ этомъ направленіи. Такъ какъ, тѣмъ не менѣе, и г. Романчукъ, и его единомышленники-сородичи продолжаютъ оставаться недовольными существующимъ въ Галиціи порядкомъ вещей, то небезъинтересно выяснить, чѣмъ именно это «улучшеніе» обусловливается и чего русинское парламентское представительство добивается.

Улучшеніе это состоитъ, прежде всего, въ уступкахъ, сдѣланныхъ сеймовымъ большинствомъ русинамъ въ послѣднюю сессію, и вообще въ миролюбивомъ настроеніи, проявленномъ этимъ большинствомъ по отношенію къ оппозиціонному русинскому меньшинству.

Тутъ слѣдуетъ замѣтить, что среди 159 членовъ упомянутаго сейма насчитываютъ всего на всего 19 русиновъ, изъ коихъ далеко не всѣ принадлежатъ къ оппозиціи, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ прошли на выборахъ прямо, какъ правительственные кандидаты.

Принимая во вниманіе требованія этого меньшинства, сеймъ постановилъ:

1) Открыть новую чисто-русинскую гимназію въ Станиславовѣ, такъ что русины располагаютъ въ настоящее время пятью національными гимназіями.

2) Ввести преподаваніе русинскаго языка, какъ обязательнаго предмета, постепенно и по указанію предсѣдателя автономнаго школьнаго совѣта, во всѣхъ польскихъ гимназіяхъ и наоборотъ—преподаваніе польскаго въ русинскихъ. Эта мѣра имѣетъ въ виду, съ одной стороны, чтобы всѣ служащіе въ автономной администраціи понимали русинскій языкъ, съ другой же, чтобы русинская молодежь имѣла воз-

можность поступать на правительственную службу, гдѣ знаніе польскаго языка, какъ автономно-государственнаго, обязательно.

3) Предоставить въ только-что упомянутомъ автономномъ школьномъ совѣтѣ нѣсколько мѣстъ представителямъ русиновъ.

4) Выдать русинамъ 300,000 кронъ на постройку новаго русинскаго театра во Львовѣ на такихъ условіяхъ, на которыхъ въ свое время была выдана субсидія польскому театру въ Краковѣ.

5) Выдать, по примѣру прежнихъ лѣтъ, 60,000 кронъ на разныя „культурныя цѣли" русиновъ, напримѣръ, театральной труппѣ общества «Бесѣда» (субсидія въ 17,500 кронъ), обществу имени Шевченка и т. д.

Уступки эти оппозиціонными русинами считаются ничтожными. Русины остаются недовольными не только своимъ настоящимъ положеніемъ въ Галиціи, но и вообще всѣмъ государственнымъ строемъ Австріи. Парламентскіе и сеймовые депутаты ихъ рѣшили требовать отъ центральнаго правительства слѣдующихъ реформъ:

1) Измѣненія государственнаго строя въ Австріи на основаніи введенія автономіи всѣхъ народностей.

2) Введенія всеобщей подачи голосовъ при парламентскихъ и сеймовыхъ выборахъ.

3) Строгаго соблюденія конституціонныхъ законоположеній.

4) Полнаго удовлетворенія всѣхъ культурныхъ и экономическихъ нуждъ русиновъ.

Наибольшее значеніе послѣдніе придаютъ введенію всеобщей подачи голосовъ при выборахъ, которое упразднило-бы существующія въ настоящее время избирательныя куріи. Они разсчитываютъ, что при такой реформѣ имъ удалось бы пріобрѣсти бо́льшее число голосовъ въ сеймѣ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Варшавскій военный журналъ 1904 г. П. А. Гейсманъ. Русскія войска и конфедераціи въ Польшѣ въ 1767 и 1768 гг.

Въ «Варшавскомъ военномъ журналѣ» въ теченіи 1904 г. печатались П. А. Гейсманомъ документы, взятые изъ Московскаго Отдѣленія Общаго Архива Главнаго Штаба и рисующіе дѣятельность русскихъ войскъ и конфедерацій, составленныхъ при участіи Россіи въ Польшѣ въ 1767—68 гг. Хотя эти архивные матеріалы и не имѣютъ прямого отношенія къ исторіи Малороссіи, тѣмъ не менѣе уясненіе польско-русскихъ отношеній въ 1767 и 68 гг. важно для пониманія поднявшагося въ то время движенія на Украйнѣ и отношенія къ нему русскаго правительства. Печатаемые матеріалы не представляютъ собою особой научной цѣнности въ томъ смыслѣ, что не даютъ данныхъ для новыхъ историческихъ заключеній.

Матеріаламъ г. Гейсманъ предпосылаетъ свою объяснительную записку, которая представляетъ такое освѣщеніе польско-русскихъ отношеній того времени, съ которымъ трудно согласиться.

Трудно, напримѣръ, согласиться съ авторомъ записки, что тогдашній руководитель русской политики гр. Н. И. Панинъ былъ «опасный фантазеръ», что «его политическія идеи отличались характеромъ идиллическимъ» и т. п.

Если вы станете внимательно читать въ Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества записки, письма и проекты Панина, то вы скорѣе согласитесь не съ мнѣніемъ о немъ г. Гейсмана, а съ взглядомъ на него г. Чечулина, который въ своей докторской диссертаціи

«Внѣшняя политика Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II» (40 ч. «Записокъ ист.-филол. факульт. Спб. унив.», Спб. 1896 г.) съ вѣскими основаніями утверждаетъ, что Панинъ въ своей политикѣ прежде всего преслѣдовалъ выгоды Россіи (стр. 47), болѣе всего заботился о внѣшнихъ пріобрѣтеніяхъ Россіи, о ея матеріальномъ усиленіи (102 стр.) и т. п. Упреки г. Гейсмана по адресу Панина, будто онъ не имѣлъ въ виду реальныхъ интересовъ Россіи и на каждомъ шагу своей польской политики дѣлалъ промахи, думается, прямо попадаютъ въ пустое мѣсто. Г. Гейсманъ представляетъ Панина рабомъ своей излюбленной «сѣверной системы» и думаетъ, что вся польская политика Панина сводилась къ тому, чтобы усилить Польшу до возможности ей стать сильнымъ союзникомъ Россіи. На самомъ дѣлѣ мы видимъ не то: Панинъ часто поступается своей «сѣверной системой» и видитъ въ ней лишь средство, а не цѣль. Заботы его о Польшѣ сводятся къ тому, чтобы упрочить тамъ «инфлюэнцію» одной только Россіи, чтобы привлечь къ Россіи Польшу и поставить ее въ зависимость отъ Россіи и не дать другимъ государствамъ, давно съ аппетитомъ поглядывавшимъ на куски польскихъ земель, возможности осуществить свои желанія.

Установленіемъ гарантіи Россіи за положеніе дѣлъ въ Польшѣ въ 1768 г. достиглось торжество плановъ Панина; другіе сосѣди Польши должны были отступить. Недаромъ Т. Корзонъ считаетъ фактъ установленія русской гарантіи въ Польшѣ первымъ ударомъ, лишившимъ Польшу независимости. Польшѣ оставалось или подчиниться Россіи, или ждать раздѣловъ. Панинъ надѣялся на первое; раздраженные поляки, поддержанные извнѣ, ринулись на второе. Это была серьезная ставка Польши въ азартной дипломатической игрѣ: въ случаѣ выигрыша, Россія получила-бы всю Польшу; въ случаѣ проигрыша, она получала то, что ей досталось-бы и безъ тѣхъ усилій, на которыя Панинъ потратилъ нѣсколько лѣтъ.

Именно съ этой точки зрѣнія нужно смотрѣть и на фактъ отрицательнаго отношенія Россіи къ Коліивщинѣ. Не политическая деликатность, какъ утверждалъ М. О. Кояловичъ, не увлеченіе теоріей «сѣверной системы», какъ утверждаетъ г. Шульгинъ (авторъ «Очерка Коліивщины»), заставило Россію взяться за оружіе для подавленія украинскаго возстанія 1768 г.,—а чисто государственная точка зрѣнія—нежеланіе выпускать изъ своихъ рукъ всю Польшу. Позже Россіи пришлось отказаться отъ этой мысли, но въ 1768 г. надежды на

привлеченіе на свою сторону всей Польши въ Петербургѣ были еще сильны.

Дѣйствія Россіи по отношенію къ возстанію украинцевъ 1768 г. были ошибкой не съ государственной точки зрѣнія; эти дѣйствія игнорировали точки зрѣнія—религіозную, національную, соціальную, но не государственную.

И вообще въ своей польской политикѣ Панинъ обнаруживалъ замѣчательное пониманіе государственныхъ интересовъ Россіи, и напрасно въ этомъ отказываетъ ему г. Гейсманъ.

Вл. П—ко.

„Wiz i perewiz", czyli Ukraina Galicyjska w prawdziwem oświetleniu przez Ukrainca" *Lwów 1904. Cena 50 groszy.*

Подъ такимъ заглавіемъ появилась недавно во Львовѣ сенсаціонная книжка, выходу которой изъ печати предшествовало усердное рекламированіе громадными афишами, мозолившими на каждомъ шагу глаза даже не любопытнаго прохожаго. Этотъ chef-d'oeuvre печатался сначала въ польскомъ «Reformator'ѣ» въ видѣ фельетоновъ, а потомъ уже въ видѣ оттиска выпущенъ былъ отдѣльной книжкой. Сердобольный авторъ охаетъ и вздыхаетъ надъ долей несчастной Украины и въ своемъ великодушіи рѣшается ей помочь, употребивъ для этого самое радикальное средсто—забрасываніе грязью всѣхъ ея виднѣйшихъ дѣятелей (Рѣчь все время идетъ объ Украинѣ Галицкой. Чтобы не обидѣть Украину Россійскую, авторъ обѣщаетъ поговорить о ней въ слѣдующей книгѣ). Посмотримъ же, какъ справляется со своей задачей этотъ рыцарь новыхъ временъ, считающій клевету самымъ благороднымъ оружіемъ.

Авторъ начинаетъ извѣстными словами Шевченка.

Кляти! Кляти!
Де жъ слава ваша? На словахъ.
Де ваше золото, палаты,
Де власть великая? Въ склепахъ.
Въ склепахъ поваленыхъ катамы
Такымы жъ самымы якъ вы́.

Жылы вы лютымы звирьмы,
А въ свыни перейшлы!!

По одному этому вступленію уже можно предположить, каковъ будетъ тонъ статьи. Но вначалѣ, однако, «все обстоитъ благополучно». Авторъ со слезами на глазахъ скорбитъ о междоусобной войнѣ, ведущейся между родственными народами—поляками и русинами. Онъ предвидитъ ея печальный конецъ, печальный для обоихъ борющихся сторонъ, потому что и побѣдитель для одержанія побѣды долженъ понести много жертвъ. Но наиболѣе тяжело война эта отразится на русинахъ, которые, несомнѣнно, будутъ побѣждены. Это послѣднее положеніе авторъ поставилъ себѣ цѣлью доказать во что бы то ни стало, а такъ какъ ему не хотѣлось поискать экономическихъ и культурныхъ данныхъ, на которыхъ можно бы было обосновать подобное предположеніе, то онъ обратился къ способу доказательства гораздо болѣе легкому и простому, но въ то же время ничего общаго съ серьезнымъ отношеніемъ къ дѣлу не имѣющему.

Предвидя то впечатлѣніе, которое должно произвести на читателя его произведеніе, и тѣ догадки, которыя помимо воли должны прійти въ голову каждому по прочтеніи, этотъ великій патріотъ всѣми силами старается увѣрить публику, что онъ не взялъ за свою статью ни гроша и что онъ дѣйствуетъ такъ единственно изъ безкорыстнаго желанія указать своимъ соотечественникамъ на ихъ ошибки. Но такое увѣреніе какъ то не вяжется съ дальнѣйшимъ тономъ статьи, гдѣ авторъ съ пѣной у рта набрасывается на каждаго хотя бы немного извѣстнаго представителя культурнаго украинскаго движенія въ Галиціи. Невольно припоминается извѣстная басня о лебедѣ и гусяхъ, старающихся его запачкать иломъ, чтобы и онъ сдѣлался такимъ же сѣрымъ, какъ и они.

Послѣ маленькаго предисловія авторъ приступаетъ, наконецъ, къ своему благородному дѣлу. Онъ не щадитъ ни кого на своемъ пути, твердо рѣшившись достигнуть разъ намѣченной цѣли. Не стану подробно останавливаться на этой самой отвратительной части книги,—приведу лишь нѣсколько примѣровъ, ярко характеризующихъ правдивость автора. Прежде всего должно замѣтить, что онъ, очевидно, помѣшанъ на пунктѣ различныхъ растратъ, присваиванія общественныхъ денегъ и т. д. Денежный вопросъ играетъ важнѣйшую и непремѣнную роль въ характеристикѣ каждаго изъ отдѣльныхъ лицъ, которымъ авторъ сдѣ-

лалъ честь, выдѣливъ ихъ изъ толпы. Первое мѣсто отведено извѣстному д-ру Франку, котораго авторъ упрекаетъ въ скупости, жадности, зависти, жестокости и т. д. и т. д. Кажется нѣтъ такого порока, котораго бы авторъ не приписалъ этому извѣстному писателю и ученому. Франко никогда, говоритъ онъ, не одолжитъ никому ни гульдена, его имя еще не было встрѣчено въ спискѣ жертвователей на общественныя цѣли; авторъ высоко гуманныхъ разсказовъ изъ жизни рабочаго люда, онъ не дастъ крейцера бѣдному рабочему, умирающему у подножія его прекрасной виллы. (Вообще надо замѣтить, что авторъ большой любитель красивыхъ виллъ и хорошихъ домовъ и очень заинтересованъ вопросомъ, откуда можно взять денегъ на ихъ постройку). Кто знакомъ хоть немного съ біографіей Франка, кто знаетъ, какъ ему приходилось въ буквальномъ смыслѣ умирать отъ голода, благодаря только лишь тому, что онъ не хотѣлъ скрывать своихъ убѣжденій; кто потрудится припомнить, что благодаря же этой откровенности онъ былъ исключенъ изъ многихъ галицкихъ кружковъ и обществъ, что то время еще не такъ давно, когда поляки по всему городу расклеили воззванія «Precz z Frankem»,— тотъ не заподозритъ этого замѣчательнаго человѣка въ корыстолюбіи и не обвинитъ его въ томъ, что у него слово расходится съ дѣломъ. Далѣе авторъ начинаетъ кататься въ семейной жизни проф. Грушевскаго, рѣшая вопросъ, кто изъ супруговъ большее имѣетъ вліяніе, высчитываетъ съ поразительной точностью, доходившей до смѣшного, сколько и гдѣ проф. Шухевичъ присвоилъ общественныхъ денегъ и т. д. Приходится только удивляться компетенціи автора въ подобныхъ дѣлахъ. Не стану приводить больше примѣровъ, думая, что для читателей достаточно приведенныхъ выше, чтобы составить себѣ понятіе о книжкѣ. Въ концѣ ея авторъ, въ видѣ вывода изъ всего выше сказаннаго, даетъ совѣтъ всѣмъ работать прежде всего надъ улучшеніемъ экономическаго положенія украинскаго народа. Національная борьба по его мнѣнію въ настоящее время въ Галиціи не можетъ имѣть мѣста, потому что народъ еще къ ней не подготовленъ и вслѣдствіе этого останется, безъ сомнѣнія, побѣжденнымъ. Надо отдать справедливость автору, что въ промежуткахъ между самой отвратительной клеветой у него иногда встрѣчаются дѣльныя мысли. Къ тому же книжка блещетъ остроуміемъ, такъ что читатель по временамъ не можетъ воздержаться отъ неподдѣльнаго, искренняго смѣха, продолжая въ то же время не менѣе искренно возмущаться. Но эти положитель-

ныя стороны, къ сожалѣнію только болѣе увеличиваютъ отрицательное значеніе этого произведенія. Какъ уже было замѣчено выше авторъ, очевидно вполнѣ предвидѣлъ волненіе, которое вызвано будетъ въ галицкомъ обществѣ его пасквилемъ, такъ какъ благоразумно отказался подписаться. Это послѣднее обстоятельство совершенно исключаетъ возможность „геростратовской славы", и авторъ напрасно потерялъ столько силы, чтобы увѣрить общество въ отсутствіи у него стремленія къ ней.

Н.

Л. Ж. Запорожская Сичъ съ новымъ содержаніемъ. (Изъ дорожныхъ впечатлѣній). *(Оттискъ изъ газеты „Вѣстникъ Юга", отъ 15 августа 1904 г. за № 688).*

Авторъ говоритъ о галицкихъ „Сичахъ"—гимнастическихъ „товариствахъ", составленныхъ изъ молодыхъ крестьянъ, холостыхъ и женатыхъ, на подобіе чешскихъ „соколовъ", сыгравшихъ видную роль въ дѣлѣ культурнаго и политическаго возрожденія Чехіи. Главное достоинство „Сичей" заключается въ томъ, что онѣ объединяютъ своихъ членовъ и интересы ихъ, воспитываютъ ихъ въ смыслѣ общественной солидарности и дисциплины, и развиваютъ самостоятельность и чувство чести своей организаціи. Періодически „Сичи" всѣхъ селъ съѣзжаются въ опредѣленномъ заранѣе мѣстѣ, обсуждаютъ свои дѣла, принимаютъ рѣшенія, всѣмъ съѣздомъ постановленныя, и такъ какъ вмѣстѣ съ этой дѣловой стороной съѣздъ являются и „сичовымъ" праздникомъ, сопровождаемымъ музыкой, пѣніемъ, гимнастическими упражненіями, происходящими на площади города, и параднымъ входомъ въ городъ и выходомъ, то все это выглядитъ красиво и торжественно, и несомнѣнно дѣйствуетъ въ сильной степени на развитіе сознанія собственнаго достоинства у угнетеннаго до сихъ поръ галиційскаго мужика и будитъ духъ народной мощи...

Автору пришлось присутствовать на открытіи одной изъ такихъ „Сичей" (въ с. Залукьѣ, близъ Галича). Извѣстный организаторъ „Сичей", адвокатъ Трильовскій, сказалъ по этому поводу рѣчь, продолжавшуюся $1^1/_2$ часа, которая „по своей содержательности, величинѣ и обстоятельности походила больше на лекцію, чѣмъ на праздничную рѣчь... Я слушалъ ее и думалъ: „неужели такая рѣчь можетъ быть понятна мужику, такъ разительно напоминавшему своимъ внѣш-

нимъ видомъ нашего русскаго украинца? Для кого онъ говоритъ эту лекцію?“ Но оказалось, что рѣчь прекрасно была понята присутствующими, и одинъ изъ «сичовиковъ» немедленно же произнесъ, обращаясь къ г. Трильовскому, отвѣтную рѣчь,—и сказалъ ее очень складно и почти литературно. «Очевидно, что здѣсь въ дѣлѣ взаимнаго пониманія играетъ большую роль общность языка, которымъ говоритъ интеллигенція и народъ»,—справедливо замѣчаетъ авторъ.

Послѣ рѣчей пѣли хоромъ, а присутствовавшіе въ толпѣ три гимназиста, сыновья крестьянъ, декламировали стихотворенія Шевчена и другихъ любимыхъ народомъ поэтовъ. «Все это происходило непринужденно, легко и свободно, и мнѣ казалось, что я нахожусь въ интеллигентномъ обществѣ людей, одѣтыхъ въ сермяжныя свитки. Какъ это было все ново для меня, удивляло и трогало душу!»

Вступивши въ разговоръ съ «сичовиками», авторъ разспрашивалъ ихъ, интересуясь бытомъ галицкихъ крестьянъ, экономическимъ положеніемъ его и классовыми отношеніями. Они охотно разсказывали ему, касаясь дѣлъ и явленій, выходящихъ изъ сферъ деревни, и разсказывали такъ толково, что авторъ диву давался: «откуда они знаютъ?» Послѣ онъ узналъ, что они получаютъ такія свѣдѣнія изъ газетъ, которыя издаются въ Галичинѣ для народа разными политическими партіями. Газеты-- маленькія, дешевыя, приготовленныя для пониманія элементарно-образованнаго читателя, но сообщающія всѣ крупныя новости и политическія событія своей страны. Состоятельные крестьяне выписываютъ ихъ, а бѣдные читаютъ въ сельскихъ читальняхъ, которыя устроены во многихъ селахъ восточной Галичины... «Съ сожалѣніемъ я разстался съ своими собесѣдниками, усердно приглашавшими меня посѣтить лѣтомъ «загальни сичови зборы», и, сидя уже въ вагонѣ, думалъ: «какъ это все, что я видѣлъ и слышалъ сегодня, близко отъ насъ географически, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ далеко въ бытовомъ и духовномъ отношеніяхъ!»

Да, «какъ далеко!» И какъ важно у насъ, чтобы китайская стѣна, отдѣляющая интеллигенцію отъ народа, наконецъ, волею судебъ, рушилась; чтобы въ народъ проникли зерна самосознанія—залогъ лучшаго его будущаго! И какъ это неотложно необходимо!

В. Д.

Красильниковъ Ф. С. Малороссія и малороссы. (Географическо-Этнографическій очеркъ), съ 19 рисунками. *Москва, 1904. 1—56. Ц. 25 коп.*

Г. Красильниковъ взялъ на себя роль Колумба и задался цѣлью открыть для великороссовъ, если не Малороссію во всемъ ея объемѣ, то въ нѣкоторой ея части, причемъ привлекаетъ его духовный міръ малоросса: обряды, религіозныя вѣрованія, обычаи. Напрасно бы читатель надѣялся найти въ книжкѣ г. Красильникова дѣйствительную Малороссію съ ея дѣйствительными нуждами и жизнью, узнать что-либо объ экономическихъ отношеніяхъ, землевладѣніи и т. п.: его глазамъ предстанетъ какая-то счастливая Аркадія, цвѣтущая, веселая, беззаботная, текущая медомъ и млекомъ страна, гдѣ всѣ лишь поютъ да пляшутъ, пьютъ водку и курятъ табакъ да люльку, которую малороссъ «считаетъ важнѣй всего на свѣтѣ» (стр. 35). Это говорится серьезно, и ссылки сдѣланы на Тараса Бульбу и... Сагайдачнаго—въ пѣснѣ «Ой на гори та женци жнуть»!! И неудивительно, что у автора получилась не живая Малороссія, а красивая сценическая картинка съ театральныхъ подмостковъ, въ театральныхъ костюмахъ, гдѣ все такъ красиво, изящно, поэтично, гдѣ и шаржу немного — не вредитъ,—онъ характеризуетъ ее не на основаніи личнаго опыта и наблюденія, а выдержками изъ Гоголя, Пушкина, А. Толстого, Кольцова, М. Горькаго и т. п.; кое-что онъ разузналъ, повидимому, у добрыхъ людей, или и самъ однимъ глазомъ видѣлъ, но разобраться во всей массѣ оригинальнаго, богатаго матеріала не сумѣлъ, и важное опустилъ, а совсѣмъ не важное или исключительно свойственное опредѣленной мѣстности или району—обобщилъ. Что же касается историческихъ свѣдѣній о Малороссіи, то они весьма любопытны въ томъ смыслѣ, какъ мало знаютъ нашу исторію даже лица, собирающіяся серьезно трактовать о ней.

Итакъ славяне жили «родами, семьями» (стр. 7), затѣмъ, видите ли, раздѣлились эти роды на полянъ, древлянъ и т. д.; эти же послѣдніе поссорились. Надоѣло имъ ссориться, и вотъ наиболѣе благоразумные (Кривичи), которымъ «надоѣли ссоры и раздоры, порѣшили образовать государство» и позвали Рюрика... Во время татарскаго нашествія «жители западной Руси частію отодвинулись дальше на западъ» (очевидно, въ Галичину по теоріи г.г. Погодина и Соболевскаго) Настало Литовское государство. «*Съ этихъ поръ доселѣ жившія вмѣ-*

сть родныя племена раздѣлились и подъ вліяніемъ разныхъ историческихъ событій, а также и различной окружающей природы, *выработали изъ себя рѣзко различающіеся типы малорусса и великорусса* (стр. 8). Итакъ, читатель, мы уже знаемъ теперь въ точности время возникновенія двухъ русскихъ народностей! «Козаки,—сословіе, впервые упоминаемое въ XVI вѣкѣ» (стр. 9). Но зачѣмъ же? О нихъ мы слышимъ уже съ 70 г.г. XV ст., и въ 1489 видимъ во главѣ одного козачьяго нападенія козака Муху. «Наливайко былъ сожжонъ въ мѣдномъ быкѣ въ Варшавѣ» (стр. 13)—сказка, которую взрослымъ людямъ теперь не пристало уже повторять. Въ 1654 г. «козаки... добровольно отдались подъ высокую руку государеву царя Ал. Мих... При этомъ присоединеніи имъ оставлено *все ихъ прежнее управленіе* (стр. 13). Но для читателя будетъ пріятнымъ сюрпризомъ узнать, что правительство русское... «*наконецъ, въ 1764 году отмѣнило всѣ вольности козачьи*, уничтожило Сѣчь Запорожскую, упразднило гетманство и *ввело общее русское управленіе въ странѣ* (стр. 13). Сколько новинокъ! А главное, что Малороссія, какъ оказывается, 100 съ лишнимъ лѣтъ «благоденствовала, и только въ 1764 г. русское правительство, «*наконецъ*», наложило на нее руку... «Кончилась и исторія Малороссіи» (13)—и авторъ не поясняетъ, какая? Можно было бы подумать, что съ 1764-го года Малороссію стерли съ лица земли, но авторъ предупредительно отвлекаетъ читателя отъ столь дурныхъ мыслей: «теперь она вошла въ составъ Россійской имперіи и зажила общегосударственной жизнью». Слава Богу и на томъ! Но авторъ простираетъ свою любезность и дальше: «Но не зажилъ народъ одной жизнью съ великоруссомъ»,—оказывается, что «малоруссъ и до сихъ поръ живетъ своими обычаями, преданіями, говоритъ *инымъ нарѣчіемъ*, одежду носитъ отличную отъ жителя центральной Россіи»... ну, и поетъ пѣсни... То-есть, онъ умеръ—но живетъ! И какъ же весело и поэтично живетъ (Зри, passim, въ книжкѣ г. Красильникова)...

Но переходимъ къ характеристикѣ современнаго малоросса. Рекомендуемъ: «наблюдается въ его характерѣ и мстительность, но это уже наслѣдіе польскаго ига» (стр. 19).—Очень просто и опредѣленно! «Если отъ горилки малоруссъ не можетъ отказаться и *пьетъ ее сколько влѣзетъ* (тоже genre!), то съ табакомъ и люлькой *не только не можетъ разстаться, но даже считаетъ ихъ важнѣй всего на свѣтѣ* (стр. 35). Этотъ перлъ мы можемъ сопоставить лишь съ подобнымъ

ему; но напередъ прошу: risum teneatis, amici! «*Какъ бы ни былъ дорогъ умершій окружающимъ, они всегда говорятъ: «слава Богу, що вмеръ», боясь прогнѣвить Бога ропотомъ о смерти человѣка*» (стр. 42). И правъ авторъ, восклицая далѣе (стр. 45): «Какъ видите, много смѣшного и нелѣпаго въ религіозныхъ обрядахъ малорусскихъ»... О, много!—Стоитъ лишь заглянуть въ книжку г. Красильникова! Много можно было бы отмѣтить еще оригинальныхъ подробностей въ книжкѣ г. Красильникова,—ну хотя бы такихъ, что «въ ночь наканунѣ Рождества *очень часто сидятъ всѣ въ «стани»*, т. е. конюшнѣ и прислушиваются къ тому, что дѣлаютъ волы» (стр. 48); или что «*дѣвушки* (?) и дѣти колядуютъ... и въ колядкахъ излагаютъ событія далекаго прошлаго, *времена походовъ козаковъ въ Туреччину*» (стр. 48),—но подробное исчисленіе такихъ красотъ заняло бы слишкомъ много мѣста. Да и вообще мы не стали бы такъ долго утруждать вниманіе читателей по поводу данной небольшой книжки, если бы она предварительно не была «читана публично въ Москвѣ, въ Императорскомъ Историческомъ Музеѣ 19 января и 13 апрѣля 1903 г.» (см вкладной листъ) и если бы она не была «Особ. Отд. Ук. Ком. М. Н. Пр. допущена въ ученич. библіотеки среднихъ учебныхъ зав., въ безпл. нар. читальни и библіотеки (отнош. № 20406 отъ 3 іюля 1904 г.)»...

Книжка издана прекрасно, иллюстрирована художественными рисунками съ картинъ художниковъ-малороссовъ (Пимоненко, Рѣпинъ, Маковскій, Гороновичъ) и съ фотографій. Внѣшность не оставляетъ желать ничего лучшаго... Но если бы и содержаніе соотвѣтствовало ей!

В. Доманицкій.

Обзоръ журналовъ конца 1904 года.

Для настоящей книжки разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 11—12; 2) Русская Старина, № 11—12; 3) Историч. Вѣстн., № 11—12; 4) Всеміри. Вѣстн., № 10—12; 5) Вѣстн. Европы, № 11—12; 6) Русская Мысль, № 11—12; 7) Міръ Божій, № 11—12; 8) Журн. Мин. Нар. Пр., № 7—12; 9) Русск. Богатство, № 7—12; 10) Літер.-Наук. Віст. № 6—12; 11) Образованіе, № 10—11; 12) Изв. Имп. Акад. Наукъ, № 2—4; 13) Варшав. Унив. Изв., № 6; 14) Zeitschrift des Vereins für

Volkskunde, H. 4; 15) Zeitschrift für Ethnologie, H. 5); 16) Филолог. Зап., № 2—4.

Русская Старина, № 11 и 12.

Письма П. А. Кулиша къ С. Т. Аксакову. Сообщ. В. И. Шенрокъ (№ 12, стр. 693—710). Заглавіе не совсѣмъ отвѣчаетъ дѣйствительности: напечатаны письма не только къ С. Т. Аксакову, но и къ сыну его, И. С. Аксакову, а въ концѣ приложено письмо К. С. Аксакова къ князю В. А. Черкасскому. Письма расположены (всѣхъ ихъ 11) не въ хронологическомъ порядкѣ: начинается письмомъ 1857 г., далѣе идутъ—1853, 1856, 1859, 1864 г.г., а затѣмъ опять 1858 г. Въ письмахъ этихъ часто идетъ рѣчь объ изданіи Кулишомъ „Записокъ о Южной Руси“, „Чорной рады“; но особенный интересъ представляетъ письмо къ И. С. Аксакову отъ 28 ноября 1858 г., гдѣ говорится о необходимости изданія своего малорусскаго органа, для оппозиціи централизаціоннымъ стремленіямъ „Русской Бесѣды“ и «Паруса».

Всемірный Вѣстникъ, № 10—12.

Въ № 10 напечатанъ переводъ съ малорусскаго Мих. Могилянскаго одного стихотворенія Ив. Франка: „Твои глаза, какъ море спокойное свѣтлы“. (стр. 49).

Вѣстникъ Европы, № 11 и 12.

Ѳ. Ѳ. Воропоновъ. Моя Петербургская служба. 1872—1882 г. (№ 11, 135—185). Въ цѣломъ рядѣ интересныхъ статей, помѣщенныхъ Ѳ. Ѳ. Воропоновымъ въ Вѣст. Европы 1900 г. (№ 8 и 9), 1901 г. (№ 7), 1902 г. (№ 1, 2 и 9), разсказано было о службѣ автора въ юго-западномъ краѣ въ качествѣ работника по крестьянскому дѣлу. Послѣ измѣнившихся въ администраціи взглядовъ на крестьянскій вопросъ, съ назначеніемъ генералъ-губернаторомъ кн. Дондукова-Корсакова, авторъ воспоминаній рѣшилъ покинуть службу на югѣ и въ 1872 г. переѣхалъ въ Петербургъ. Нѣсколько ранѣе этого переѣзда шли между Ѳ. Ѳ. Воропоновымъ и Н. П Сокальскимъ, редакторомъ „Одесскаго Вѣстника“, переговоры о сотрудничествѣ перваго въ этой газетѣ, для чего ему нужно было бы поселиться въ Одессѣ; но смерть

Н. П. Сокальскаго не дала осуществиться этому плану. Не состоялся и планъ сотрудничества его въ „Кіевлянинѣ" В. Я. Шульгина (стр. 137—141).

Русская Мысль, № 11—12.

С. Русова. Къ сорокалѣтію черниговскаго земства 1865—1905 г.г. (№ 12, стр. 94—134). Въ сравнительно краткой статьѣ авторъ очень мѣтко и живо сгруппировалъ всѣ характерные моменты въ жизни черниговскаго земства за сорокъ лѣтъ его существованія и отмѣтилъ болѣе всего всѣ тѣ затрудненія, какія выпадали на долю земствъ вообще, и черниговскаго—въ частности, иллюстрируя особенно характерные моменты фактами.

В. Семевскій. Памяти А. Н. Пыпина (№ 12, стр. 164—171).

Журн. Мин. Нар. Просв. № 7—12.

В. Н. Мочульскій. Отношеніе южно-русской схоластики XVII в. къ ложно-классицизму XVIII вѣка (№ 8, стр. 361—379). Указавъ на мнѣніе акад. А. Соболевскаго, будто ложно-классицизмъ начался у насъ на югѣ Россіи, а оттуда перенесенъ былъ въ Москву,— авторъ статьи доказываетъ, что поэтическія формы южнорусской поэзіи XVII вѣка, въ особенности драмы и панегирики или оды, слагались совсѣмъ не подъ вліяніемъ французскихъ ложноклассиковъ, и что только у Симеона Полоцкаго и Ѳеофана Прокоповича замѣчается знакомство съ французскимъ ложноклассицизмомъ.

Въ отдѣлѣ *„Критика и Библіографія"* помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ: 1) *В. Нарбековъ* «Южнорусское религіозное искусство XVII—XVIII в.в.» Казань, 1903 г.—рецензія *Д. Шестакова* (№ 9, стр. 232—242); 2) *Н. И. Петровъ* «Значеніе Кіевской Академіи въ развитіи духовныхъ школъ въ Россіи съ учрежденія Св. Синода въ 1721 году и до половины 18-го вѣка. Кіевъ, 1904 г.»—рецензія *А. Соболевскаго* (№ 10, стр. 442—444).

Русское Богатство, № 7—12.

Въ отдѣлѣ «Случайныя замѣтки» (въ № 8) помѣщена замѣтка *С. Ю.* о книгѣ проф. А. Крымскаго «Филологія и Погодинская гипо-

теза» (стр. 175—176). Здѣсь указывается, что ученый споръ по поводу гипотезы о великорусской народности въ древней Кіевщинѣ носитъ очень необъективный характеръ, а между тѣмъ, по мнѣнію автора замѣтки, можно бы гораздо хладнокровнѣе относиться къ вопросу о томъ, гдѣ жили предки теперешнихъ обитателей Поднѣпровья въ XII вѣкѣ, такъ какъ теперь это ихъ родина и они имѣютъ право и называть ее своей родиной.

Литературно-Науковый Вистнык, № 6—12.

Книжка VI.

І. Кревецькый. «Не было, нѣтъ и быть не можетъ!» (стр. 129—158). Вспомнивъ о празднествахъ въ память Котляревскаго въ Полтавѣ и Лисенка во Львовѣ и Кіевѣ, авторъ напоминаетъ, что по времени эти свѣтлые моменты въ исторіи украинскаго національнаго возрожденія почти совпадаютъ съ двумя другими юбилеями совершенно иного рода: во-первыхъ, 250 лѣтъ тому назадъ Украина присоединена къ Московскому государству, а, во-вторыхъ, 40 лѣтъ прошло со времени указа, въ силу котораго «никакого малороссійскаго языка не было, нѣтъ и быть не можетъ». Указавъ на тѣ мѣры, которыя принимались русскимъ правительслвомъ съ первыхъ дней присоединенія Украины къ Московскому государству, «щоб і сліда не було з того, що нинішні «южно-русскія губерніи» российськои Імперіи мали колись свій автономний устрій», авторъ отмѣчаетъ начальные моменты книгопечатанія въ Зап. Европѣ и Московскомъ государствѣ. Между тѣмъ какъ книгопечатаніе въ Зап. Европѣ не составляло исключительной привилегіи куріи и двора, а быстро стало общественнымъ достояніемъ, въ Москвѣ первыя типографіи устраиваются правительствомъ и духовенствомъ. Конечно, при такихъ условіяхъ не было надобности въ особой цензурѣ, которая могла возникнуть лишь съ появленіемъ частныхъ типографій въ государствѣ. Это и случилось съ присоединеніемъ Украины къ Московскому государству: духовенство отнеслось враждебно къ частнымъ типографіямъ въ Кіевѣ и Черниговѣ, и извѣстно, «що в московській державі заведено першу цензуру и то власне для Украини». Если сначала цензура была вызвана подозрѣніемъ, что южно-русскіе богословы впали въ католицизмъ и прочія ереси, то со времени Петра I преслѣдованіе открывается цензурой и

синодомъ «проти вживаня особого нарѣчія», себ-то украинськоі мови в письменстві, щоб зробити місце для державноі мови московськоі та довести з часом до літературного «объединенія» Украіни з Московщиною». Не станемъ пересказывать здѣсь содержаніе дальнѣйшаго очерка цензурныхъ стѣсненій украинской литературы и языка въ XVIII ст., такъ какъ иначе намъ пришлось бы переписать цѣликомъ слова автора, а отмѣтимъ лишь выводъ автора. «Коли порівняти, говоритъ онъ, Котляревського «Енеиду» з кінця XVIII в. та з початку XIX в. зі змістом тих украінських книжок, що их нині цензура заборонює за самий тільки зміст, то прийдеться назвати більш ліберальною цензуру з кінця XVIII в., ніж з початку XX в.» Разсмотрѣвъ отношеніе цензуры, къ украинской литературѣ въ первой половинѣ XIX ст., авторъ указываетъ, что положеніе ея было и тогда много тяжелѣе положенія русской литературы. Въ дальнѣйшемъ авторъ говоритъ о томъ, какъ отнеслась къ этому распоряженію иностранная печать, при чемъ приводитъ всѣ извѣстные ему отзывы, говорящіе, конечно, отрицательно о подобныхъ мѣрахъ. Напомнивъ нѣсколько извѣстныхъ примѣровъ изъ области цензуры, авторъ приводитъ циркуляръ по министерству внутреннихъ дѣлъ 1881 г., въ силу котораго извѣстный уже указъ 1876 г. снова подтверждался лишь съ самыми незначительными облегченіями. Въ настоящей книжкѣ статья ограничивается обзоромъ украинской литературы въ Россіи за 80-е годы.

І. Франко. Шевченко і Еремія (стр. 170—173). Д-р. В. Щуратъ прочиталъ 12 мая въ Вѣнѣ «на вечерницях уладжених віденськими руськими товариствами» «Кружок земляків», «Родина» і «Січ» на честь Шевченка промову, яку наші газети поспішили вихвалити як «бисер реторики». По поводу этой рѣчи г. Щурата и написана настоящая статья. Не говоря о фактическихъ ошибкахъ, встрѣчающихся въ рѣчи г. Щурата, и проводимые имъ взгляды на поэзію вообще и поэтію Т. Г. Шевченка въ частности отличаются своеобразностью. Поэзію онъ считаетъ «мовою богів», а Шевченка сравниваетъ съ пророкомъ Іереміей. Конечно, это сближеніе можетъ повести только къ такому выводу о рѣчи г. Щурата, какъ сдѣланный д-р. І. Франкомъ: «вільно йому й далі пробувати сеі гри, але було-б ліпше, як би він не мішав до неі Шевченка».

В. Гнатюк. «Поетичный талантъ між бачванськими Русинами (стр. 174—188)». Бачванські Русини жиють у полудневій Угорщині, в комітаті Бач-Бодры у кількох селах. Число їх виносить до 10.000. Вони зайшли там як кольоністи з північноі Угорщини за часів Маріі Тереси. Звідти вже кольонізували вони де які села в Славоніі, у комітаті Срим. де іх назбиралось до 4.000; Іх мова сильно пословачена, але вони почувають себе національно Русинами і маніфестують себе такъ і перед урядом і перед иньшими народами». Вотъ среди этихъ Русиновъ явился поэтъ въ лицѣ Габора Костелника Гомзова, обширная поэма котораго недавно вышла въ свѣтъ подъ заглавіемъ «З мойого валала. Идилски веньецъ. Жовква. 1904». Авторъ этой идиллической поэмы еще молодой человѣкъ (род. въ 1886 г.) и только кончаетъ теперь гимназію въ Загребѣ, но имъ написанъ, кромѣ этого, рядъ стихотвореній подъ общими заголовками «Серенчі і мілей» і «Елегія любови». В. Гнатюкъ останавливается на произведеніяхъ Г. Костелника не только по соображеніямъ литературнымъ, но также вслѣдствіе увѣреній нѣкоторыхъ ученыхъ, будто Бачванскіе Русины принадлежатъ къ числу Словаковъ. Не останавливаясь на содержаніи этой поэмы, состоящей изъ 5 пѣсенъ, отмѣтимъ, что она обнаруживаетъ большой талантъ въ авторѣ, которому пришлось выступить въ качествѣ реформатора не только языка, но и правописанія.

Въ концѣ своей замѣтки В. Гнатюк приводитъ нѣсколько выдержекъ изъ цикла «Серенчі і мілей» и «Думкі» изъ Елегіи любови».

Книжка VII.

І. Кревецький. «Не было, нѣтъ и быть не можетъ!» (стр. 1—18). Въ настоящей книжкѣ помѣщено окончаніе интереснѣйшей статьи г. І. Кревецького. Авторъ приводитъ многіе примѣры тѣхъ притѣсненій, которымъ подвергалась со стороны цензуры украинская сцена и литература. Между прочимъ онъ припоминаетъ тщетныя старанія проф. Пулюя и Имп. Академіи Наукъ издать въ Россіи украинскій переводъ Священнаго Писанія.

М. Л. Деякі религійні обряди та звичаі з погляду гігієни тіла й духа (стр. 19—38). Статья написана по поводу нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядовъ и обычаевъ, встрѣчающихся и на Украинѣ.

Въ отдѣлѣ «*Наукові Листки*» къ Украинѣ относится только слѣдующая (II-я) статья:

В. Чи слово «піп» образливе? (стр. 41—44). Статья г. В. написана по поводу замѣтки въ «Нивѣ» (ч. 5, ст. 123), въ которой указываютъ на обидность слова «піп». Въ настоящей статьѣ г. В. отмѣчаетъ прежде всего происхожденіе украинскаго слова «піп» отъ греческаго πάππας, а затѣмъ слѣдитъ за тѣми значеніями, какія имѣетъ и имѣло слово «піп» въ украинскомъ языкѣ. На основаніи собранныхъ имъ данныхъ г. В. приходитъ къ заключенію, что слово «піп» не можетъ заключать въ себѣ ничего обиднаго.

Листъ до редакциї «Літературно-Наукового Вістника» (стр. 45—48). Письмо прислано группой читателей «Л.-Н. Вістника» изъ Херсона. Означенныя лица усмотрѣли въ эскизѣ О. Коваленка «Де беруться сюжети», помѣщенномъ въ VI книжкѣ «Л.-Н. Вістника» за 1904 г., какой-то памфлетъ на извѣстнаго украинскаго драматурга, причемъ въ доказательство своихъ подозрѣній они выбираютъ 5 пунктовъ изъ отмѣченной выше статьи. Конечно, редакція снабдила письмо своимъ примѣчаніемъ, въ которомъ разъясняетъ, что всѣ обвиненія противъ О. Коваленка являются плодомъ недоразумѣнія». В ескізі д. Коваленка, говоритъ редакція, ми добачили власне сатиру на сучасні драматичні конкурси, але зовсім не добачили намиру шарпнути славу заслуженого і нами не меньше від усіх Украiнців шанованого письменника.

М. Грушевський. Гуцульська вистава (стр. 49—51). Въ настоящей замѣткѣ М. С. Грушевський даетъ краткій отчетъ о повѣтовой промышленной выставкѣ въ Косовѣ. Выставка была устроена спѣшно поляками, а Русины были устранены, и только, потомъ устроители вспомнили о русинскихъ правахъ. «Але при тім усім богацтво народнього гуцульського промислу, сього найбільш артистичного кута не тільки Украiни, а може й цілоi Славянщини, таке велике, що при всіх тих недогідних обставинах вистава була дуже інтересна». Къ статьѣ приложенъ портретъ одного изъ гуцульскихъ ремесленниковъ Миколи Шкрибляка.

Наукові вакаційні курси (стр. 52—56). Въ настоящей замѣткѣ сообщается объ открытіи лѣтнихъ каникулярныхъ курсовъ общеобразовательнаго характера и приводится распредѣленіе лекцій по днямъ и часамъ. При случаѣ отмѣчается, что подобные курсы являются почти новостью для Австріи, а потому объясняется и значеніе ихъ.

Эти весьма важные курсы устроило «Товариство прихильників украінськоі науки, літератури і штуки». На нихъ записались по 2 іюля 101 слушатель.

Книжка XIII.

С. Загородний. Війна і опозиційни елементи въ Россії (стр. 69—78). Въ настоящей статьѣ авторъ даетъ краткій очеркъ русскихъ и инородческихъ оппозиціонныхъ партій въ Россіи.

В. Пандеко. Фільософія оптимізму (стр. 79—91). Настоящая замѣтка написана по поводу послѣдняго сочиненія проф. Мечникова о человѣческой природѣ и содержитъ краткое изложеніе взглядовъ извѣстнаго ученаго.

Музично-драматична школа М. В. Лисенка в Киіві (стр. 92—96). Въ этой статьѣ сообщены уставъ и программы муз.-драм. школы М. В. Лисенка въ Кіевѣ.

І. Кревецький Вільні університети (стр. 97—101). Указавъ на значеніе общеобразовательныхъ народныхъ курсовъ для большой публики, авторъ въ краткихъ чертахъ излагаетъ исторію свободныхъ университетовъ въ Европѣ. Въ заключеніе онъ останавливается на первой попыткѣ подобнаго рода въ Галичинѣ. Товариство прихильників украінськоі літератури, науки і штуки устроило во Львовѣ лѣтніе научные курсы, въ программу которыхъ входили какъ историческія дисциплины, такъ и естествознаніе. Въ чтеніи лекцій на курсахъ приняли участіе профессора и ученые: проф. М. Грушевський, др. І. Франко, проф. Хв. Вовк, проф. К. Студинський і ин. Правда, этимъ курсамъ предшествовали лекціи по доисторической антропологіи, читанныя лѣтомъ 1903 года проф. Хв. Вовком. Эти лекціи организовало Наукове Товариство імени Шевченка. Но проф. Хв. Вовкъ читалъ лекціи лишь по одному предмету, а курсы съ обширной и разнообразной программой организованы были впервые лѣтомъ 1904 года. Предоставляя возможность слушателямъ пополнить свои общія знанія, организаторы курсовъ въ основу положили ознакомленіе публики особенно съ исторіей, литературой и этнографіей Украины.

М. Грушевський. Украінсько-руські наукові курси (стр. 102—113). Настоящая статья посвящена тѣмъ же лѣтнимъ курсамъ, о ко-

торыхъ шла рѣчь въ предшествующей замѣткѣ, и даетъ подробный отчетъ занятій. Популярность свободныхъ университетовъ въ современномъ населеніи культурныхъ странъ должна была способствовать успѣху предпринятыхъ общеобразовательныхъ лекцій. Впрочемъ, этому содѣйствовали и другія причины. Надежды многихъ на учрежденіе украинскаго университета австрійскимъ правительствомъ оказались тщетными. Думали основать университетъ во Львовѣ на частныя средства въ надеждѣ, что правительство приметъ его потомъ на казенное иждивеніе, но и это оказалось непрактичнымъ и прямо невозможнымъ. Тогда возникла мысль организовать систематичные научные курсы, и сначала этимъ дѣломъ занялись разныя секціи Наукового Товариства імени Шевченка. Но вотъ многіе украинцы начали обращаться къ М. С. Грушевскому съ просьбой устроить лѣтніе курсы, чтобы ихъ могли послушать и россійскіе украинцы. Товариство прихильників українськоі літератури, науки и штуки, предсѣдателемъ котораго состоитъ М. С. Грушевський, отнеслось сочувственно къ просьбѣ своихъ зарубежныхъ земляковъ и организовало для устройства курсовъ особый комитетъ: М. Грушевський, І. Франко, М. Грушевська и В. Гнатюк. Комитетъ рѣшилъ устроить курсы въ концѣ лѣтнято семестра и для помѣщенія ихъ нанялъ залу въ отелѣ Belle vue. Курсы были открыты 10 (23) іюня въ $9^1/_2$ ч. у. рѣчью М. С. Грушевського, выдержку изъ которой онъ и приводитъ въ настоящей своей статьѣ.

Привѣтствовавъ слушателей, особенно изъ Украины, М. С. Грушевський намѣтилъ въ общихъ чертахъ исторію національной школы у украинскаго народа и перешелъ затѣмъ къ современному состоянію этого вопроса въ Галичинѣ и на Украинѣ. За отсутствеімъ украинскаго университета не только на Украинѣ, но и въ Галичинѣ, настоящіе курсы имѣютъ цѣлью датъ рядъ лекцій по украиновѣдѣнію на народномъ языкѣ прежде всего землякамъ изъ Россіи.

Послѣ этой рѣчи д-ръ Франко прочиталъ вступительную лекцію по исторіи украинско-русской литературы.

Лекціи читались съ 10 іюня по 9 іюля, кромѣ воскресныхъ дней, и такимъ образомъ вышло 25 лекціонныхъ дней, а лекцій прочитано 90. Сначала читалось по 3 лекціи въ день, а потомъ и по

четыре, отъ $8^1/_2$ до $12^1/_2$ ч. утра, при чемъ иныя лекціи тянулись безъ перерыва по 90—100 минутъ. Но оказалось, что 4 лекціи въ день утомляли слушателей, и только треть ихъ посѣщала всѣ лекціи, большинство же ходило на первые или послѣдніе 2 часа.

Въ основу программы для курсовъ положены три науки: исторія, исторія литературы и этнографія, при чемъ главное мѣсто удѣлено украиновѣдѣнію. По указаннымъ отдѣламъ были прочтены общіе курсы, которые казались комитету особенно необходимыми, но сверхъ того были допущены и спеціальные курсы и отдѣльныя лекціи. Подробному обозрѣнію этихъ курсовъ посвящена почти исключительно дальнѣйшая часть настоящей статьи, но мы ограничимся только перечнемъ ихъ, чтобы не перепечатывать все дословно.

По исторіи М. С. Грушевскій объявилъ «Огляд историі Украіни-Руси», но прочиталъ по нездоровью лишь 9 лекцій. Продолженіемъ его долженъ былъ служить курсъ С. Томашівського «З історіі українсько-польских відносин XVII в.», но онъ ограничился лишь одной лекціей. За то М. Ганкевичъ далъ слушателямъ большой и законченный курсъ (15 лекцій) по новѣйшей исторіи З. Европы, начиная съ французской революціи и почти до нашихъ дней.

По исторіи украинской литературы др. І. Франко прочиталъ общій курсъ подъ заглавіемъ Огляд украінськоі літератури від найдавнійших часів до кинця XIX віка“ (18 лекцій), а дополненіемъ къ лекціямъ д-ра Франка является меньшій курсъ д-ра К. Студинського: «Культурный рух у Галичині від виступу М. Шашкевича до 1860 р.»

Хв. Вовкъ сдѣлалъ сначала краткій обзоръ антропологіи (6 лекцій), а затѣмъ прочиталъ общій курсъ по украинской этнографіи (16 лекцій). Его лекціи были иллюстрированы многочисленными фотографіями и рисунками, а также сопровождались осмотромъ археологическихъ и этнографическихъ собраній Наук. Товариства ім. Шевченка, музея Дідушицкого и иныхъ. Показывая коллекціи Товар. ім. Шевченка, лекторъ сообщилъ слушателямъ много свѣдѣній по археологіи.

Въ связи съ этими курсами стояли слѣдующія чтенія: І. Раковського „Онто-і фільогенезіс чоловіка“ (6 лекцій) и Ст. Томашівського „Угорська Русь“ (1 лекція).

Совершенно особое мѣсто въ программѣ занималъ практическій курсъ украинско-руского языка, порученный д-ру І. Брику и разсчитанный главнымъ образомъ на заграничныхъ слушателей.

7 іюля состоялось засѣданіе комитета, въ которомъ приняли участіе лекторы и слушатели. Собравшіеся обсудили вопросъ объ устройствѣ подобныхъ курсовъ на будущее время, при чемъ присутствующіе высказались за то, чтобы программа была ограничена одними общественными знаніями, и главное вниманіе было обращено на украиновѣдѣніе. А 9 іюля состоялось закрытіе курсовъ, при чемъ былъ оглашенъ краткій отчетъ, изъ котораго видно, что слушателей было 135, внесено ими на расходы 345 кор., а остальное покрыли Товариство и одинъ изъ украинцевъ. Въ общемъ первый опытъ необходимо признать удачнымъ.

М. Грушевський Антін Чехов (стр. 114—117). Статья посвящена памяти покойнаго писателя и даетъ краткую характеристику его личности и литературной дѣятельности.

Книжка XI.

Др. Е. Олесницький. З перед четвертини столітя (стр. 125—132). Авторъ сообщаетъ свои воспоминанія объ университетской жизни во Львовѣ въ 1878—79 годахъ, останавливаясь преимущественно на извѣстномъ академическомъ кружкѣ «Дружний Лихвяр».

І. Раковський. Вплив цівілізації на людські нерви (стр. 133—143). Авторъ излагаетъ современные взгляды на нервность и зависимость этого явленія отъ успѣховъ цивилизаціи.

І. Франко. Схидно-захидні непорозуміня (стр. 144—173). Настоящая статья написана по поводу книжки Пидеши «Востокъ і Запад» Охарактеризовавъ русскихъ патріотовъ своего отечества, авторъ рисуетъ очень живо галицкаго Рутенца, такъ какъ этотъ типъ и внѣшнимъ и внутреннимъ образомъ близокъ къ первому. Послѣ этого онъ переходитъ къ книжкѣ Пидеши и сначала останавливается на мнѣніяхъ рецензентовъ этого произведенія, при чемъ перепечатываетъ замѣтку г. Ефремова. Но отзывы другихъ критиковъ не удовлетворяютъ д-ра І. Франка, и онъ даетъ свое весьма оригинальное объясненіе данной книжки, при чемъ взглядъ его можетъ быть формулированъ весьма кратко: д-ръ Пидеша стремился изобразить возможно полнѣе Рутенца и исполнилъ это съ рѣдкимъ совершенствомъ,—этотъ отрицательный типъ вышелъ у него живымъ.

П. В справі перекладу Съвятого Письма. (стр. 174—176). Въ настоящей замѣткѣ сообщается извѣстный уже фактъ, какъ изданный Библейскимъ Обществомъ украинскій переводъ Священнаго Писанія

не былъ допущенъ въ Россію. Въ этой статейкѣ данъ и текстъ прошенія проф. Пулюя въ Академію Наукъ.

Книжка X.

І. Франко. Соціяльна акція, соціяльне питане і соціялізм (стр. 1—23). Статья написана по поводу пастырскаго посланія, митрополита Андрея Шептицкаго къ духовенству „о квестіі соціяльній“.

В. Гнатюк. Еретик між москвофілами (стр. 24—37). Авторъ указываетъ, что съ прошлаго года во Львовѣ выходитъ небольшой журналъ для молодежи «Живая Мысль». Его редактируетъ І. Сьвятицькій, при чемъ въ отличіе отъ другихъ органовъ часть статей въ этомъ журналѣ печатается на украинскомъ языкѣ, хотя и не совсѣмъ правильномъ. Но г. Сьвятицький не ограничился этимъ и сталъ высказывать въ своихъ статьяхъ такія мысли, которыя менѣе всего подходятъ ему. Такъ, онъ открыто высказался за устройство украинскаго университета, призналъ культурное превосходство галицкихъ украинцевъ и т. д. и т. д. Все это показываетъ, что въ его партіи произошелъ какой-то расколъ, что въ ней началась культурная эволюція. Конечно, представители ея испугались дѣяній г. Сьвятицького, обвинили его въ ереси и для искорененія этого пустили въ ходъ г. Мончаловського, который обрушился на еретика въ статьѣ „Главныя основы русской народности“. Эта статья напечатана въ „Галичанинѣ“ и имѣетъ цѣлью доказать, что г. Сьвятицький либералъ и т д. и т. д. Подводя итогъ писаніямъ г. Мончаловського и прочихъ его сторонниковъ, д. В. Гнатюкъ старается опредѣлить, что представляютъ собой они, чѣмъ руководятся они въ своей дѣятельности, которая отмѣчается и двуличностью и другими загадочными чертами?

І. Франко. Новини нашоі літератури (стр. 43– 54). Въ настоящей замѣткѣ авторъ даетъ отзывъ о книгѣ „На вічну памьять Котляревському. Литературный збирникъ (Выдавництво „Викъ“). У Кыиві. 1904 г.

Болючі питаня. І. П. Вилляpi. Ірредентизм (стр. 49—54). Авторъ этой замѣтки считаетъ виновной въ ирредентизмѣ Австрію, а не Италію.

Книжка XI.

І. Кривецький. Киівське історичне товариство Нестора Літописца стр. (65—72). Авторъ излагаетъ въ краткихъ чертахъ исторію Общества Нестора-Літописца и характеризуетъ его дѣятельность ученую и просвѣтительную.

Non Severus. Шевченко і критики (стр. 116—129). Настоящая статья написана по поводу рѣчи д-ра Щурата, который доказывалъ сходство Т. Г. Шевченка съ прор. Іереміей (см. выше VI, кн. Л. Н. В., стр. 170—173).

Книжка XII.

М. О. З українських розрухів (стр. 198—203). Настоящая замѣтка даетъ описаніе волненій, которыми сопровождалась осенняя мобилизація въ Каневскомъ уѣздѣ.

В. Два ювилеї (стр. 204—207). Авторъ въ краткихъ словахъ напоминаетъ о 30-лѣтіи литературной и общественной дѣятельности М. Павлика, библіотекаря Наукового Товариства імени Шевченка у Львові, и 30-лѣтіи литературной дѣятельности о. Юрія Жатковича, настоятеля въ Стройні, въ Угорщинѣ, и указываетъ на значеніе обоихъ юбиляровъ.

Д. Лукіянович. Евгенія Ярошинська (стр. 208—213). Авторъ даетъ списокъ произведеній покойной писательницы, помѣщенныхъ въ „Буковинѣ“, и характеризуетъ ея творческую дѣятельность. Главный мотивъ въ произведеніяхъ Е. Ярошинской—эротическая любовь, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ трудахъ писательницы ярко выступаютъ ея любовь къ народу и патріотизмъ. Для иллюстраціи своей характеристики авторъ останавливается на болѣе крупныхъ твореніяхъ покойной и обрисовываетъ главныхъ героевъ каждаго изъ нихъ. Къ статьѣ приложенъ портретъ писательницы.

В. Гнатюк. До сбирачів етнографичніх матеріялів (стр. 214—217). Автора часто спрашиваютъ, что и какъ записывать среди народа. Поэтому онъ составилъ настоящую статью, такъ какъ въ немъ даетъ необходимыя указанія по этому вопросу.

Прежде всего запись должна отмѣчаться безусловной точностью. Текстъ долженъ быть написанъ четко и на одной сторонѣ листа, а другую не слѣдуетъ исписывать. Въ записи необходимо указать мѣсто, гдѣ сдѣлана она, и время ея, а также должны быть отмѣчены имя и фамилія лица, со словъ котораго записанъ текстъ (при мелкихъ записяхъ, какъ поговорки и пр., это—излишне), и фамилія записывавшаго. Переходимъ теперь къ тому, что интересно записывать.

I. *Пісни* а) Колядки, б) Козачки и коломийки, в) Гагілки (желательно записать въ одномъ селѣ всѣ гагілки, какія тамъ встрѣ-

чаются), г) При случаѣ слѣдуетъ описывать и дѣлать рисунки вертепа, козы и т. д.

II. *Проза* а) Вездѣ слѣдуетъ обращать особое вниманіе на демонологическіе матеріалы, б) Місцеві перекази (про гори, ріки і ин.), в) Оповиданя про історичні особи і події, г) Зьвірячний епос, д) Приповідки і загадки, е) Віруваня и народні ліки, ж) Анекдоти, казки і ин.

Желающіе заняться записываніемъ матеріаловъ по всѣмъ отдѣламъ программы или по одному изъ многихъ могутъ обращаться за совѣтами въ Наукове Товариство імени Шевченка у Львові, по указанному ниже адресу, при чемъ Товариство оказываетъ посильное содѣйствіе обращающимся къ нему. Лица, приславшія свои записи, получаютъ тотъ томъ «Этногр. Збірника», въ которомъ онѣ будутъ напечатаны. Если же будутъ доставлены цѣнные и обширные матеріалы, то приславшій можетъ получить всѣ томы «Этногр. Збірника», а то и другія этнографическія изданія Товариства.

Помѣстивъ программу г. В. Гнатюка, редакція Л. Н. В. обращается съ просьбой къ другимъ періодическимъ изданіямъ перепечатать ее.

Адресъ, по которому надлежитъ обращаться за справками и отсылать собранные матеріалы: Львів, ул. Чарнецкого, 26, Наукове Товариство імени Шевченка, для этнографічної комісії.

Образованіе, № 10.

А. Каминка. Арендныя отношенія у крестьянъ по работамъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности (стр. 1—32). Въ настоящей книжкѣ авторъ даетъ окончаніе своей интересной статьи объ арендныхъ отношеніяхъ у крестьянъ.

Извѣстія Имп. Акад. Наукъ, № 2—4.

В. И. Срезневскій. Свѣдѣнія о рукописяхъ, печатныхъ изданіяхъ и другихъ предметахъ, поступившихъ въ Рукописное Отдѣленіе Библіотеки Имп. Академіи Наукъ въ 1903 году (№ 2—4, стр. 049—0208). Въ частяхъ настоящей статьи, которая помѣщена въ № 2—4, для южно-русскаго читателя представляютъ интересъ слѣдующіе №№ описанія В. И. Срезневскаго: 1) 53. Матеріалы для біографіи А. Д. Яновскаго, дѣда Н. В. Гоголя, за 1783—7 г.г. (стр. 055—056). 2) 93. Изъ матеріаловъ П. А. Кулиша къ его запискамъ о жизни Н. В. Гоголя и къ изданію сочиненій (стр. 75). 3) 104. Замѣтки по исторіи

и географіи Бессарабіи И. Г. Яцимирскаго 1870 годовъ (стр. 079). 4) 105. Его-же «Историко-статистическое описаніе мѣстечка Ганчемтъ, Кишин. у. Бессар. г. (стр. 079).

Въ 1903 г. Академіи Наукъ Ѳ. А. Витбергъ принесъ въ даръ свое собраніе рукописей; въ описаніи В. И. Срезневскаго оно, какъ и бумаги Н. Н. Страхова, помѣщено особо и имѣетъ отдѣльную нумерацію. Въ особыя рубрики съ отдѣльными номерами выдѣлены въ настоящемъ описаніи книги церковной печати, лубочныя изданія и т. д. Изъ описаннаго подъ указанными выше особыми заголовками для южнорусскаго читателя интересны: *I. Собраніе Ѳ. А. Витберга:* 1) 32. Семейныя бумаги А. П. Борейши, среди которыхъ имѣются письмо кіев. митр. Евгенія къ Г. Д. Богацкому и копія письма гр П. Н. Кочубею отъ 11 апр. 1822 г. (стр. 092—093). 2) 51. Копіи съ бумагъ 1847—52 гг. по поводу постройки новыхъ зданій для кіевскаго училища граф. Левашовой (стр. 097) 3) 53. «Мертвыя души» Н. В. Гоголя; списокъ серед. XIX ст. (стр. 098). 4). 81. Молодые побѣги. Ежемѣсячный литературный журналъ, издаваемый воспитанниками 5—7 классовъ Черниговской губернской гимназіи. Августъ № 4, 1860 г. (стр. 0130). *II. Изъ бумагъ Н. Н. Страхова:* 7. Письмо М. Драгоманова въ Спб. Славян. общество отъ 24 янв. 1885 года по подводу рѣчи В. И. Ламанскаго, произнесенной 14 февр. 1884 года. *III. Книги церковной печати:* 1) 17. Молитвословъ. Почаевъ. 1793. У Ундольскаго и Родосскаго не поминается (стр. 0119). 2) 18. Сборникъ молитвъ. Кіевъ, 1794. У Ундольскаго и Родосскаго не упоминается (стр. 0119—0120). 2) 18. Естествословіе. Будикъ. 1811 (стр. 0120).

Въ рукописное отдѣленіе поступилъ Архивъ Имп. Россійской Академіи: онъ описанъ Ѳ. И. Покровскимъ, но 4-томная опись его пока не напечатана, а вмѣсто нея въ настоящемъ описаніи приведенъ указатель къ описанію архива (съ 1014 стр.), составленный Ѳ. И. Покровскимъ. Пересматривая этотъ алфавитъ, мы встрѣтили слѣдующія имена, имѣющія какое-либо отношеніе къ Южной Руси: Д. Н. Бантышъ-Каменскій, кн. А. А. Безбородко, О. М. Бодянскій, И. Вагилевичъ, Гродно, митр. кіев. Евгеній, Житоміръ, К. П. Зеленецкій, арх. херсон. Инокентій Борисовъ, Кіевскій Университетъ, Левъ Даніиловичъ, кн. галицкій, М. А. Максимовичъ, Малорусскія лѣтописи, А. И. Мартосъ, А. А. Метлинскій, гр. М. А. Милорадовичъ, еп. черниг. Михаилъ Десницкій, Новицкій, Одесское общество исторіи и древностей, А. Повловскій, Пубичныя библіотеки въ Гродно, Житомірѣ,

Черниговѣ, Симферополѣ, гр. А. К. Разумовскій, Ришельевскій лицей, о. І. Савченко, митр. кіев. Самуилъ, Словарь малороссійско-русскій Новицкаго, И. И. Срезневскій, Д. П. Трощинскій, Г. И. Фовицкій, И. Фовицкій, Харьковскій Университетъ.

Извѣстія о новыхъ книгахъ.

Архивъ юго-западной Россіи, издаваемый Кіевскою Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, часть первая, томъ X. Акты, относящіеся къ исторіи галицко-русской православной церкви (1423—1714 гг.). Кіевъ, 1904 г, стр. 1—28+1—967. Цѣна 2 р.

Архивъ юго-зап. Россіи — часть первая, томъ XI. Акты, относящіеся къ исторіи Львовскаго Ставропигіальнаго братства: протоколы и другія дѣловыя бумаги братства (1599—1702 гг.). Кіевъ, 1904 г., стр. 1—58+772. Цѣна 2 р.

Львовское Ставропигіальное братство. Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія (съ тремя рисунками). А. Крыловскаго. Кіевъ, 1904, стр. I—XXII+1—314+1—230.

А. В. Стороженко. Стефанъ Баторій и Днѣпровскіе козаки. Изслѣдованія, памятники, документы и замѣтки. Съ портретомъ Стефана Баторія. Кіевъ, 1904 г. стр. 1—327.

Америка. Збірка віршів (Видавництво ім. А. Бончевского. ч. 2) Скрентон, Пс. 1904. З друкарні „Свободи". Ст. 32, 8⁰. Ц. 15 цент.

Андрукович К. З житя Русинів в Америці. Спомин з років 1889—1892. Коломия, 102, 8⁰.

Антонович Володимир. Польсько-українські відносини XVII ст. в сучасній польскій призмі (З нагоди повісти І. Сенкевича „Огнем і Мечем"). Переклав Вол. Гнатюк (Літер.-Наук. Бібліотека, ч. 86). У Львові, 1904, 66, 18⁰. Ц. 40 с.

Барвінський Олександр. Історія України—Руси (з образками). У Львові, 1904, накладом товар. „Просьвіта", 40, 8⁰. Ц. 10 с.

Барвінський Олександр. Історія України-Руси (Видавництво товариства „Просьвіта"). У Львові, 1904, 126, 8⁰. Ц. 80 с.

Бачинський Юліян. Гльосси. Львів, 1904, стр. 142, 8⁰. Ц. 2 к.

Берло А. Арсеній Берло епископъ Переяславскій и Бориспольскій (+1744). Біографическій очеркъ. Кіевъ, 1904. 1—56 (отт. изъ Чтеній въ Истор. Общ. Нест. Лѣтописца).

Боберскій. Забави і гри рухові. (Відб. зі „Звіту“ львівськоі укр. гімназиі“) У Львові, 1904., 31, 8⁰. Ц. 10 с.

Буцманюк Іван. Унів і его монастирі. На підставі народних переказів, старих грамот та жерел історичних. Жовква, 1904, 116, 8⁰.

Бѣгунъ П. Подземный Римъ. (Поучительное Чтеніе, ч. 5). Унгваръ, 1904, 32, 16⁰. Ц. 20 с.

Бѣлиньскій П. Проповѣди на свята и недѣлѣ цѣлого року. Жовква, 1904, 293—III, 8⁰.

Весоловський Яр. Стефанъ Баторий а Русини. Накладом товариства укр. студентів „Січ“. Чернівці, 1904, 16, 8⁰. Ц. 10 с.

Візнер Юлій. Жите ростин у морі. З німецького переклав Ст. Дольницький (Літерат.-Наукова Бібліотека, ч. 83). У Львові, 1904, 25, 16⁰. Ц. 16 сот.

Габор Костелник Голозов. З мойого валала. Идилски веньец. Жовква, 1904 Ст. 46, 8⁰. Ц. 50 с,

Goetz K. K. Das Kiewer Höhlenkloster als Kulturzentrum des Vormongolischen Russlands. Passau, 1904, ц. 7 марокъ.

Голубинскій Е. Е. Исторія Русской церкви. Томъ I. Періодъ Кіевскій или домонгольскій. *Вторая половина* (Москва, 1904, 1000 с.

Гринюк Лесь. Весняні вечери. В Коломиі, 1904; стр. 96, 16⁰. ц. 1. 20. кор.

Грушевський Михайло. Історня Украіни-Руси. Том 1. До початку XI. в. Видане друге, розширене. У Львові, 1904, 628, 8⁰. ц. 7.50 к.

Грушевскій Мих. Очеркъ исторіи украинскаго народа. Спбр. 1904, I—II, 1—380. Цѣна 2 рубля.

Грушевськый Мыхайло. Оповидання. (Выдавныцтво „Викъ“. Ч. 13). У Кыиви, 1904, VIII+148, 8⁰. ц. 35 к.

Дорошенко Д. Народная украинская литература. Сборникъ отзывовъ на народныя украинскія изданія. Собр. 1904, 72, 8⁰. ц. 40 к.

Дорошенко Д. Указатель источниковъ для ознакомленія съ южной Русью. С.-Петерб. 1904, IV+60, 8⁰. ц. 40 к.

Драгоманов М. Літературно-суспільні партіі в Галичині (до року 1880) З російського переклав М. П. Літерат.-Наукова Библіотека Ч. 78). У Львові, 1904, 70, 16⁰. ц. 40 с.

Дрепер Дж. Історня боротьби віри з наукою. Переклав з 21-го англійського виданя М. Павлик. 2-е укр. виданне. Львів, 1904, 276, 8⁰. ц. 1 кор.

Застосоване навозу при весіннім посіві. II. О піднесеню вартости наших лук. У Львові, 1904, 15+8, 8⁰.

Звіт з діяльности Товариства „Просьвіта“ за час від I січня 1902 до 31 грудня 1903. Львів, 1904. Накладом товар. „Просьвіта“, 48, 16⁰.

Zdziarski St. Pokucie. Uzupelnienie dawniej ogloszonego dzieła s. p. Oskara Kolberga. Z rękopisów pozgonnych. Kraków, 1904, (odbicie z Mater. Komisyi antropol. i etnogr., т. VII, л. II), стр. 32, 8°.

Ивановскій А. А. Объ антропологическомъ составѣ населенія Россіи. М. 1904, I—VI, 1—286, т. 4°. (извѣст. И. О. Любит. естест. Антроп. и Этногр. т. CV).

Ицко и Яцко. (Анекдоты). Собралъ Ивановичъ. (Поучит. Чтеніе, Ч. 7). Унгваръ, 1904, 32, 16°. ц. 20 стр.

К. М. Про жіночий рух. Видавництво „Кружка укр. дівчат". Львів, 1904, VIII+48, 8°. ц. 30 с.

Каталогъ библіотеки Н. И. Костомарова, пожертвованной въ 1894 г. Имп. Универ. Св. Владиміра А. Л. Костомаровой К. 1903, 1—83.

Книга Псальмів. З церковно-словеньскои на мову руско-українську дословно переложена. Віденъ, 1903. Накладомъ А. Гольцгаузена, стр. 150, мал. 8° ц. 20 с.

Кобриньска Наталія. Ядзя і Катруся та інші оповіданя. (Белетристична Бібліотека, ч. 63). Львів, 1904, 160, 8°. Ц. 1 80 кр.

Кониський Ол. Листи про Ірляндію (Літерат.-Наукова Бібліотека, ч. 8°). У Львові, 1904, IV+64, 16°. Ц. 45 стр.

Костомаровъ Н. И. Богданъ Хмѣльницкій. С.-Пб. 1904.

Коцюбинський М. Fata morgana. Зъ сильськыхъ настроивъ. (Отт. изъ „Кіев. Стар.") Кіевъ, 1904, 30, 8°. Ц. 15 к.

Крымськый А. Е. Изъ повистокъ и эскизивъ. Выдання третье, выправлене. Звыногородка, 1904, 1—138, 8°. Ц. 50 к.

Крымскій А. Е. Филологія и Погодинская гипотеза. Оттискъ изъ „Кіевск. Старины"; Кіевъ, 1904, XXXVI+114, 8°. Предисловіе не было напечатано въ «Кіевской Старинѣ»).

Л. Ж. Запорожская Сичъ съ новымъ содержаніемъ (изъ дорожнихъ впечатлѣній) (отт. изъ газеты «Вѣстникъ Юга», № 688).

Левицький Іван. Гумористи (Літерат.-Наукова Бібліотека. Ч. 81—82). У Львові. 1904, 128, 16°. Зміст. 1) Баба Параска та баба Палажка, 2) Невинна, 3) Чортяча спокуса.

Левицький Іван. Хмари. Повість. Перше повне видане (Белетристична Бібліотека, ч. 67—69). Львів, 1904, 532, 8°. Ц. 4. 80 кор.

Likowski Eduard. Die ruthenisch-römische Kirchenvereinigung, genant Union zu Brest. Aus dem Polnischen übertragen von dr. Paul Jedzink. Freiburg im Breisgau, 1904, XXIV+384, 8°. Ц. 6 марокъ.

Лукіянович Д. Від кривди (Белетристична Бібліотека, ч. 64). Львів, 1904, 176, 8°. Ц. 2 кор.

Марко Вовчок. Народні оповіданя. Т. III. Переклав Василь Доманицький (Белетристична Бібліотека, ч. 66). Львів, 1904, 336, 8⁰. Ц. 3. 80 кор. Зміст: 1) Маруся, 2) Пройдиствіт, 3) Лимерівна, 4) Тюлева баба, 5) Глухий городокъ.

Марко-Вовчокъ. Кармелюкъ. Невильнычка. (Выдавныцтво «Викъ», № 38). У Кыиви, 1—85. Ц. 10 к.

Материяли до украінсько-руськоі етнольогіі. Видане етнографічноі комісіи за редакциею Хв. Вовка. Том VII. Гуцульщина. Написав проф. Володымир Шухевич. Четверта часть. У Львові 1904. 272, 8⁰.

Мигалка І. О земледѣльствѣ. (Получит. Чтеніе, ч. 6). Унгваръ, 1904, 48, 16⁰. Ц. 20 с.

Мордовець Д, Оповиданя (Старці, Дзвонарь, Салдатка) (Літерат.-Наук. Бібліотека, ч. 79). У Львові, 1904, 102, 16⁰. Ц. 60 с.

Мырный Панасъ. Морозенко. Оповидання. (Выдавныцтво „Викъ", № 40). У Кыиви, 1904. 1—60. Ц. 8 к.

На вичну пам'ять Котляревському. Литературный збирныкъ (Выдавныцтво „Викъ"). У Кыиви, 1904, 510+XII, 8⁰. Ціна 3 руб. 50 коп.

Нижаковський О. Пісні народні. 1. Ой в полю садок. 2. Атамане, батьку наш. На оден голос в супроводі фортепяна (Видавництво музичне Станиславівського Бояна. Ч. 18). Станиславів, 1904, 8, 4⁰. Ц. 40 к.

Нижаковський. Люблю дивитить... дует в супроводі фортепяна, слова Кониського. Вид. муз. стаписи Бояна, ч. 19). Станиславів, 1904, 8⁰. 4⁰. Ц. 80 с.

Ніщинський (Петро Байда). Гомерова Іліяда. Рапсодіі Д. Е. З. (Літерат.-Наукова Библіотека, ч. 84—85). У Львові, 1904, 148, 16⁰. Ц. 80 с.

О руській університет у Львові. Львів, 1904. Накладом редакціі «Діла», 48, 16⁰.

Петрина Антін. Подрібний росклад материалу наукового уложений на місці для усіх категорий шкіл устрою сільського з языком викладовим руським. Жовква, 1904, 28⁰, мал. folio.

Писаренко Н. Коринь. Народня драма въ V діяхъ. Харьковъ, 1904. Типогр. В. Романова. Ст. 54, 8⁰. Ц. 35 к.

Попович Ом. Осип Федьковичъ шкільним інспектором (Відб. з Bukoviner Schule, II вип. 1904). Чернівці, 1904, 10, 8⁰.

Prawidła pisowni ruskiej ze słowniczkiem. We Lwowie, 1904. Nakładem C. K. Wydawnictwa książek szkolnych, стр. 16⁰, 8⁰. Ц. 80 с.

Радомскій. М. Наука пчолярства для угро-рускаго народа. (Поучит. Чтеніе, 7, 8—9). Унгваръ, 1904, 78, 16°. Ц. 40 с.

Рѣдинъ Е. К. Музей изящныхъ искусствъ и древностей Имп. Харьковск. университета (1805—1905). Х. 1904, 1—64.

Руска письменність. I. Твори Івана Котляревского, Петра Артемовского Гулака, Евгенія Гребінки. Вид. товар. „Просьвіта". У Львові, 1904, ст. 536, 8°. Ц. 1 корона.

Руська правопись з словарцем. У Львові, 1904. Накладом ц. к. Видавництва книжок шкільних, стр. 152, 8°. Ц. 80 с.

Сборникъ статей по исторіи права, посвященный М. Ф. Владимірскому-Буданову его учениками и почитателями. К. 1904, I—ЦVII, 1—465.

Святе Письмо Господа нашого Іисуса Христа. Мовою русько-українською. У Відні, 1904. Видане британського і заграничного біблійного товариства. З друкарні Гальцгаузена, стр. 460. мал. 8°. Ц. 30 сот. (Новый завѣтъ, напечат. Кирилицею).

Святе Письмо Старого і Нового Завіту. Мовою русько-українською. Переклад П. О. Куліша, І. С. Левіцького і Пулюя. У Відні, 1904, стр. 825+249. Видание Британського і Заграничного Біблійного товариства.

Сеньобо Д. Религійні вірованя старинних народів. Подав Стефан Макар. (Видавництво ім. А. Бончевского, ч. 3). З друкарніі „Свободи". Scranton, Pa, 1904, стр. 46, 8°. Ц. 20 цент.

Слово. Видавництво ім. А. Бончевского. Ч. 4 і 5 (двѣ книжки). Scranton, Pa, 1904, 32, 8°. Ц. 15 центрів.

Слюсарчукъ А. Псалтиря розширена въ дусѣ христіяньского и церковного богослуженія. Жовква, 1904, 526, 8°.

Stefanowitsch A. Aus der Arbeit únter den Stundisten (Hefte zum christl. Orient. 3). Berlin, 1904, Deutsch Orient—Mission). Ц. 30 пфен.

Столпянскій. Матеріалы къ исторіи русской литературы и науки въ XVIII в. Вып. 1. Опытъ библіографическаго указателя книгъ по географіи, изданныхъ въ Россіи въ царствованіе Императрицы Екатерины II (1762—1796 г). Оренбургъ. 1903, 1—92. (Оттискъ изъ «Извѣстій Оренб. Отд. И. Р. Г. Общества»).

Стороженко Олекса. Оповіданя II (Літературно-наукова Бібліотека, ч. 91—92). У Львові, 1904, 204, 16° Ц. 110 кор.

Студинський К. Кобзареви України, промова в память 43 роковин Т. Шевченка (Відб. з «Руслана»). Львів, 1904, 8, 8° ц. 10 с.

Сумцовъ Н. Ѳ. Двадцатипятилѣтіе Ист.-Филологич. Общества при Имп. Харьк. Университетѣ. Х. 1904, 1—12, in 8°.

Сушко Олександер. Впроваджене езуітів до Польщи. Історично-критична студия. Відб. з «Записокъ», т. LVII—LIX). Львив, 1904, 60, 8°. Ц. 60 с.

Тершаковецъ М. Причинки до житепису Маркіяна Шашкевича та дещо із його письменськоі спадщини (Відбитка з «Записок» т. LVIII). Львів, 1904, 48°, 8°. Ц. 50 с.

Trylowski Cyryl. Nacyonalny ruch Rysinów „Sicze" Kraków, 1905, стр. 44, 8°.

Тургеневъ Іван. Муму. З російського переклав І. Г. (Литерат.-Наукова бібліотека, ч. 87). У Львові, 1904, 52, 16°. Ц. 30 с.

300 найкращыхъ украинськыхъ писень. (Выдавныцтво «Викъ»). У Кыиви, 1904, стр. 1—284. Ц. 20 к.

Украинсько-руські наукові курсы вакацийні 1908 р. Уряджені у Львові. У Львові 1904, 16, 8°+III табл.

Франко Ів. Симонъ Болівар. Львів, 1904. Накладом «Новаго Громадського Голосу», стр. 20, 8°. Ц. 10 с.

Christophilos. Ein Blatt aus der Geschichte des Stundists in Russland. (Hefte zum chrisl Orient. 6). Berlin, 1904. Ц. 20 перен.

Хроніка. укр.-руського Наукового Товариства ім. Шевченка у Львові. Р. 1904. Вып. І. Ч. 17. Справоздане за рік 1903. У Львові, 1904. 58, 8°. Ц. 1 кор.

Chronik der ukrainischen Ševčenco-Gesellschaft der Wissenschaften in Lemberg. 1903, September- December. Heft IV. № 16. Львів, 1904, 32, 8°. 30 с.

Хроника. Укр.-руського Наукового Товариства ім. Шевченка у Львові. Р. 1904, січень-цвітень. Вып II. Ч. 18. Львів, 1904, 24, 8°. Ц. 30 с.

Chronik der ukrainischen Ševčenko-Gesellschaft der Wissenschaften in Lemberg. Ihrgg. 1904. Heft I. № 17. Львив, 1904, 64, 8°.

Чайковський Андрій. Своіми силами. Повість в 3-х томах. Бібліотека найзнаменитших повістей, LXCIII—LXI). Накладом редакціі «Діла». Львів. 1904„ ст. 530, 8°.

Часопись правнича і економічна. Рік VI. Т. VI ч. VII. У Львові, 1904, 292, 8°.

Шаміссо А. Петро Шлеміль. Переклад і передмова Миколи Стадника (Літерат.-Наукова Бібліотека, ч. 76—77) Львів, 1904, 122, 16°. Ц. 70 сот.

Яворская П. Марына (поэма). Кіевъ, 1904, 1—108, in 16°. (Цѣна ?).

Яворская П. Вирши украинськи. Кіевъ, 1904, 1—89. (Цѣна ?).

Яричевський Сильвестр. Пестрі звуки. Поезиі. Чернівц, 1904, 160, 8°. Ц. 2. 30 кор.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанскаго Университета

на 1905 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. **Въ отдѣлѣ наукъ**: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по научнымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и заграницей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-воспитательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣніе преподаванія, распредѣленіе лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями, и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *А. Александровъ.*

НОВЫЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ЮЖНЫЯ ЗАПИСКИ"

выходитъ въ г. Одессѣ

книжками *около 100 страницъ* каждая.

Главныя задачи изданія: 1) отстаивать права личности и общественныхъ учрежденій, 2) содѣйствовать развитію и росту общественной самодѣятельности и 3) изучать и всесторонне разрабатывать вопросы областной жизни Юга и Россіи.

„Южныя Записки", представляя собою областной журналъ для Южной Россіи, удѣляютъ въ тоже время столько мѣста и вниманія вопросамъ и главнымъ событіямъ общерусской и иностранной жизни, сколько и столичныя изданія. Этой цѣли служатъ систематическіе обзоры, освѣщающіе съ широкой точки зрѣнія всѣ значительныя явленія русской и европейской жизни, а также военная хроника и обзоръ печати. Кромѣ того, **„Южныя Записки"** даютъ читателямъ и чисто журнальный матеріалъ въ видѣ беллетристическихъ произведеній и статей критическаго, публицистическаго и научнаго характера. Видное мѣсто отводится разработкѣ вопросовъ земскаго и городского самоуправленія, экономическаго и правового положенія населенія и вопросамъ просвѣщенія. Такимъ образомъ, **„Южныя Записки"** могутъ замѣнить и ежедневную газету и ежемѣсячный журналъ. Въ журналѣ помѣщаются, кромѣ того, многочисленныя статьи по мѣстнымъ вопросамъ и обширныя письма провинціальныхъ общественныхъ дѣятелей и литераторовъ изъ всѣхъ значительныхъ городовъ Юга.

„Южныя Записки" издаются при ближайшемъ участіи **К. М. Панкѣева** и **М. А. Славинскаго** *(общая редакція)*, **В. В. Водовозова** *(еженедѣльная военная хроника и иностранное обозрѣніе)*, **А. С. Изгоева** *(еженедѣльное внутреннее обозрѣніе)*, **М. В. Гельрота** *(изъ жизни и печати)*, **А. А. Яблоновскаго** *(Петербургскія письма и фельетонъ)*, **В. И. Масальскаго** *(Московскія письма)*.

Въ вышедшихъ до сихъ поръ книжкахъ **„Южныхъ Записокъ"** помѣщены произведенія слѣдующихъ авторовъ:

I. Беллетристика. Разсказы А. И. Куприна, А. Серафимовича, А. А. Яблоновскаго, А. М. Федорова, И. П. Бѣлоконскаго, А. Б. Петрищева. К. Пономарева и другихъ.

II. Стихотворенія. А. Федорова, Ив. Бѣлоусова и другихъ.

III. Беллетристика переводная. Разсказы лучшихъ иностранныхъ новеллистовъ, переводы съ малорусскаго изъ Ив. Франка, В. Стефаника, Т. Бордуляка, Б. Гринченка и другихъ.

IV. Литература и искусство. Статьи проф. Д. Овсянико-Куликовскаго, Ник. Ашешова, А. Федорова, С. Русовой, Гельрота, И. Брусиловскаго, Иг. Житецкаго и друг.

V. Научно-популярныя статьи: проф. Н. Н. Ланге, прив.-доц. М. Орженцкаго, Л. Зака, Англовѣда, д-ра И. К. Хмѣлевскаго и другихъ.

VI. Политика и иностранная жизнь. Статьи С. Волькенштейна, Я. Н. Новикова, М. Гельрота, А. М. Федорова, Я. Гр-ра и друг.

VII. Общественные и экономическіе вопросы. Статьи проф. Е. Васьковскаго, С. Русовой, А. Лотоцкаго, А. Шлихтера, Л. С. Личкова, С. Лисенка, И. А. Хмѣльницкаго, Ив. Соколовскаго и друг.

VIII. Публицистика и фельетонъ. Статьи А. А. Яблоновскаго, А. С. Изгоева, С. Протопопова, Владиміра Ж. (Altalena), М. Славинскаго и друг.

IX. Земское и городское самоуправленіе. Статьи проф. И. В. Лучицкаго, И. П. Бѣлоконскаго, А. А. Русова, С. И. Лисенка, Н. П. Цакни, А. Ѳ. Саликовскаго, С. Б. Лазаровича и друг.

X. Народное образованіе. Статьи И. П. Бѣлоконскаго, Г. Е. Афанасьева, А. Б. Петрищева, С. Лисенка и друг.

XI. Статьи по мѣстнымъ вопросамъ. *И. П. Бѣлоконскій.* Дѣятельность южныхъ земствъ по народному образованію. *С. Б. Лазоровичъ.* Письма объ Одесскихъ городскихъ дѣлахъ. *Ф. А. Щербина.* Чеховъ о казакахъ. *И. П. Бѣлоконскій.* Историческій очеркъ курскаго земства. *А. Русовъ.* О херсонской земской статистикѣ. *С. Лисенко.* Днѣпровское земство. *Я. К. Имшенецкій.* Подымная подать въ Полтавскомъ земствѣ. *В. А. Бертенсонъ.* Сельское хозяйство въ Подольской и Волынской губ. *А. Саликовскій.* Юго-западное земство. *М. Морозъ.* Хозяйственно-экономическое положеніе крестьянъ Пирятинскаго уѣзда. *В. Ад-ръ.* Къ исторіи заселенія Новороссіи. *Вл. Н. Р-ръ.* Криворожскій рудный районъ. *Ал. С-кій.* О курортныхъ нуждахъ. *И. Порошинъ.* На крымской Ривьерѣ. *В. Терешкевичъ.* Переселеніе изъ Полтавской губ. *А. П. Сокальскій.* Переселеніе и аренда земель въ Херсонской губ. *М. Неручевъ.* Земельное барышничество—Выселеніе десятинщика—Земельное устройство татаръ. *В. Адлеръ.* Дунайскіе хищники. *А. Киппенъ.* Винодѣльческій кризисъ и питейная реформа.—Филоксера въ Бессарабіи—Къ вопросу о фальсификаціи винъ. *Эм. Баленъ-де-Баллю.* Филоксерный кризисъ въ Бессарабіи. **N.**

Криница. Интеллигентная колонія на Кавказскомъ берегу Чернаго моря. *В. Терешкевичъ.* Экономическая дѣятельность Полтавскаго земства. *М. Рклицкій.* Подымная подать въ земствѣ. *Н. Калишевичъ.* Первые шаги Подольскаго земства и много др.

XII. Письма изъ провинціи. Кавказскія письма *Ф. А. Щербины.* Кіевскія письма. *А. И. Матюшенскаго* и *Ал. Саликовскаго,* Волынскія письма. *М. Д. Городецкаго,* Крымскія письма. *А. М. Михайлова,* письма изъ Закавказья. *А. Сегеля* и *В. Герценштейна,* изъ Таврической губерніи. *К. Л. Фастыковскаго, М. Неручева* и *А. Ельяшевича,* изъ Ессентукъ. *А. М. Колончанова,* изъ Батума, Ялты, Симферополя, изъ Екатеринодара. *В. С.,* изъ Херсона. *Гр. Сьогобочняго,* и *Dixi,* изъ Херсонской губерніи *Г. Загородникова,* изъ Курска. *Ж. Р.* и *Е. А. Звягинцева,* изъ Полтавы. *М. Сосновскаго* и *М. Рклицкаго,* изъ Чернигова *М. Могилянскаго,* изъ Каменецъ-Подольска *Ал. С-каго,* и *Н. В. Калишевича,* изъ Подольской губерніи *О. Зновицкаго,* изъ Волынской губерніи *Д. Марковича, Мих. Безсонова, И. Коварскаго* и *Ник. Угрюмова.* и др.

XIII. Библіографія. Отзывы о русскихъ и малорусскихъ книгахъ.

XIV. Коммерческій отдѣлъ. Съ указаніемъ курсовъ бумагъ, фрахтовъ, тарифовъ и цѣнъ на хлѣба.

Кромѣ вышеупомянутыхъ авторовъ въ **„Южныхъ Запискахъ"** принимаютъ участіе слѣдующія лица: *Д. Я. Айзманъ, К. С. Баранцевичъ, В. Я. Богучарскій, П. И. Вейнбергъ, І. В. Гессенъ, В. А. Гольцевъ, Кн. П. Д. Долгоруковъ, С. Я. Елпатьевскій, А. Я. Ефименко, Н. Іорданскій, Вл. Г. Короленко, А. В. Пѣшехоновъ, П. Д. Телешовъ, В. Ѳ. Тотоміанцъ, Г. И. Шрейдеръ. С. Н. Южаковъ, Е. Н. Чириковъ* и много друг.

Условія подписки: На годъ—**6** руб., полгода—**3** руб., на три мѣсяца—**1** руб. **50** коп., на одинъ мѣсяцъ—**50** коп. Народнымъ учителямъ и городскимъ служащимъ, сельскому духовенству и учащимся «Южныя Записки» высылаются за **4** руб. въ годъ, за **2** руб. въ полгода и за **1** руб. на 3 мѣсяца.

Номеръ „Южныхъ Записокъ" высылается для ознакомленія безплатно по первому требованію.

Адресъ редакціи и конторы „Южныхъ Записокъ": **Одесса, Троицкая ул., № 26.**

Розничная продажа номеровъ и пріемъ подписки производится во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и земскихъ складахъ Юга Россіи, Цѣна отдѣльнаго номера въ розничной продажѣ 15 коп.

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1905 ГОДЪ

на ежемѣсячный литературный, общественный, политическій и исторической журналъ

ВСЕМІРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

(третій годъ изданія).

Направленіе журнала общественно-прогрессивное. Редакція будетъ слѣдить за ходомъ литературы, науки и культурной жизни за границей и, по мѣрѣ появленія выдающихся трудовъ въ этой области, а также событій, будетъ знакомить съ ними своихъ читателей. Журналъ издается при сотрудничествѣ: Вал. И. Анненскаго, П. А. Антропова, К. И. Арабажина, кн. Л. Б. Барятинской (Яворской), кн. В. В. Барятинскаго, В. П. Батуринскаго, В. П. Бередникова Н. Н. Болтина, В. В. Бородаевскаго, Б. П. Бурдесъ, И. Н. Божерянова, А. І. Буковецкаго, А. В. Васильева, Н. А. Гастфрейнда, Е. А. Герцыкъ, Д. Г. Глоба, С. Ф. Годлевскаго, М. Б. Городецкаго, Е. В. Давыдова, проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго, Е. Дубельтъ (Заландъ), И. И. Забрежнева, С. В. Каменскаго, Г. В. Квятковскаго, И. И. дю-Кира, А. С. Кушнерева, проф. М. М. Ковалевскаго, проф. П. И. Ковалевскаго, В. Я. Ленскаго, Е. Н. Лебедевой, доктора исторіи Н. П. Лихачева, Г. Ф. Львовича, В. А. Мазуркевича, И. Н. Малыхъ, Н. И. Михайловой, М. М. Могилянскаго, Н. К. Никифорова, В. Н. Никитина, В. П. Панаева, проф. П. Перетца, А. П. Плетнева, И. А. Попова, И. И. Рачинскаго, Л. М. Рейнгольда, проф. М. А. Рейснера, П. А. Россовскаго, доктора политической экономіи В. В. Святловскаго, Скитальца (О. Яковлева), Т. О. Соколовской, М. К. Соколовскаго, П. Н. Столпянскаго, Ф. Н. Фальковскаго, Н. А. Фалѣева, Н. Б. Хвостова, В. Е. Чешихина и мн. др.

Для гг. *годовыхъ* подписчиковъ будетъ дана въ приложеніяхъ особая премія—библіотека писателей декабристовъ: въ 1905 году—1) полное собраніе сочиненій: **Кондратія Федоровича Рылѣева**, съ его портретомъ и біографіей. Съ первой же книги начнется печатаніемъ «Дѣло Третьяго Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи о коллежскомъ секретарѣ **Александрѣ Пушкинѣ**». (Дѣло включаетъ въ себѣ всѣ архивные документы и переписку о Пушкинѣ, а также неизданные его письма и стихи). **Александръ Ивановичъ Герценъ**, его друзья и зна-

Семевскій, А. Серафимовичъ, А. А. Стаховичъ, С. Н. Сторожевскій, А. С. Фейгельсонъ, Б. И. Харитонъ, академ. А. А. Шахматовъ, Г. И. Шрейдеръ, Д. И. Шрейдеръ, С. П. Юрицынъ, А. А. Яблоновскій, В. Е. Якушкинъ.

Собственные корреспонденты въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Лондонѣ, Неаполѣ, Нью-Іоркѣ, Парижѣ и Римѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.
1 изданіе:	12	11	10	9	8	7	6	5	4	3	2	1
За границу	20	19	18	17	15	13	11	10	8	6	4	2

II изданіе: годъ — 4 р., $^1/_2$ года - 2 р., 3 м — 1 р.
За границу „ 12 „ „ 6 „ „ 3 „

1-й № перваго изданія выйдетъ 18-го ноября 1904 г.

Подписная цѣна до конца 1904 года 1 руб.

Второе изданіе начнетъ выходить съ 1-го декабря 1904 г. Годовые подписчики на второе изданіе получаютъ газету до конца года безплатно.

Редакторъ-издатель **С. П. Юрицынъ**.

Редакція и Главная Контора: Невскій 90. Телеф. 5989.

Для пріема подписки и объявленій Главная Контора открыта отъ 10 ч. утра до 5 ч. вечера. Въ праздники отъ 1 ч. до 3 ч дня.

2—3

ИЗДАНІЕ ГОДЪ III.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1905-й ГОДЪ

на ежедневную газету

ЕЛИСАВЕТГРАДСКІЯ НОВОСТИ,

которая будетъ въ 1905 г. выходить въ увеличенномъ семистолбцовомъ форматѣ.

Въ газетѣ принимаютъ постоянное ближайшее участіе:

А. А. Адабашъ, С. М. Бѣлина-Бѣлиновичъ, А. С. Вознесенскій, Н. Г. Вучетичъ, С. С. Гусевъ, (Слово глаголь), А. С. Изгоевъ, Н.

В. Левитскій, Ѳ. П. Литвицкій, Е. Н. Любичъ, Э. А. Любарская, Н. Ѳ. Марковъ, Ф. Ф. Пуже, Л. Д. Теплицкій, И. Б. Тенеромо, М. Н. Фонбергъ, В. Е. Жаботинскій, Ѳ. М. Ѳедоровъ и др.

Постоянные корреспонденты заграницей:

М. С. Сукениковъ (Берлинъ), Берлацкій (Гамбургъ), А. Мексинъ (Базель), А. Баккъ (Цюрихъ), П. А Фонъ-Меренштильдъ (Нью-Іоркъ), И. Симонъ (Вѣна).

Кромѣ телеграммъ собственныхъ корреспондентовъ и Россійскаго Телеграфнаго Агентства будутъ печататься также телеграммы „Петербургскаго Телеграфнаго Агентства“.

Иллюстрированное приложеніе выходитъ въ случаѣ необходимости.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Елисаветградѣ.		**Для иногородныхъ.**	
На годъ	7 р. 20 к.	На годъ	8 р. — к.
„ 1/2 года . . .	4 р. — к.	„ 1/2 года . . .	4 р. 50 к.
„ 3 мѣсяца . .	2 р. 10 к.	„ 3 мѣсяца . . .	2 р. 50 к.
„ 1 „ . .	— р. 70 к.	„ 1 „ . . .	— р. 85 к.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ три срока:

1) Въ Елисаветградѣ при подпискѣ 3 р. 20 к., 1-го апрѣля 2 р. и 1-го августа 2 руб.

Для иногородныхъ: при подпискѣ 4 руб., 1-го апрѣля 2 р. и 1-го августа 2 руб.

За пересылку заграницу доплачивается 1 р. въ мѣсяцъ.

Квитанція, выдаваемая конторою въ полученіи подписныхъ денегъ, должна быть оплачена 5 коп. гербовою маркою за счетъ подписчика.

Подписка принимается въ главной Конторѣ и во всѣхъ ея Отдѣленіяхъ.

Главная Контора и Редакція въ Елисаветградѣ, В.-Донская ул., домъ № 1. Телефонъ № 66.

Редакторъ-Издатель **В. С. ЛАПИДУСЪ.**

2—3

выхъ произведеній искусства, русскихъ и иностранныхъ,—въ гравюрахъ на деревѣ, автотипіяхъ и др. репродукціяхъ, по новѣйшимъ способамъ; оригинальными рисунками, портретами, этюдами—черными и цвѣтными.

„Новый Міръ“ съ „Живописной Россіей“, „Мозаикой“ и „Современной Лѣтописью“ выходитъ 1-го и 16-го каждаго мѣсяца.

2) 24 №№ „ВѢСТНИКА ЛИТЕРАТУРЫ“, выходитъ 8-го и 23-го каждаго мѣсяца. Изданіе это имѣетъ своей задачей объяснить все, что касается литературнаго міра, русскаго и иностраннаго, критику, литературныя воспоминанія, статьи и корреспонденціи по вопросамъ изящной словесности, библіографіи и пр.

и 3) 24 КНИГИ „БИБЛІОТЕКИ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ“, которыя будутъ заключать въ себѣ серію оригинальныхъ и переводныхъ историческихъ, бытовыхъ и соціальныхъ романовъ, повѣстей, очерковъ и т. д. Изданіе это будетъ разсылаться вмѣстѣ съ „Вѣстникомъ Литературы“, т. е. каждаго 8-го и 23-го числа.

ОСОБЫЯ ПРЕМІИ:

Въ продолженіе года при журналѣ будутъ прилагаться:

Большія полихромныя картины,

Акварельныя копіи въ краскахъ,

наклеенныя на особые и прочные листы,

Геліогравюры-mezzotinto и пр., и пр.

Всѣ преміи къ „Новому Міру“ заказаны лучшимъ заграничнымъ полиграфическимъ заведеніямъ и будутъ представлять **большую художественную цѣнность.**

Подписная цѣна „Новаго Міра“, съ доставкой и пересылкой: на годъ—**14** р., на полгода—**7** р., на четверть года—**3** р. **50** к.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается льготная разсрочка, именно - при подпискѣ и ежемѣсячно, до уплаты всей подписной стоимости, по **2** р.

Съ требованіями обращаться: **въ контору журнала „Новый Міръ“**, при книжномъ магазинѣ Товарищества М. О. ВОЛЬФЪ,—**С.-Петербургъ, Гостиный Дворъ, № 18.**

Отвѣтственный редакторъ *П. М. Ольхинъ.*

Издатели: *Товарищество М. О. Вольфъ.*

При каждомъ № „НИВЫ“, независимо отъ другихъ приложеній, **подписчики получатъ по одной книгѣ**, а новые подписчики, выписывающіе также (за 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.) **первыя 20 книгъ Шеллера-Михайлова за 1904 г.**, получатъ ихъ при первомъ № „НИВЫ“ 1905 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1905 годъ
(36-й годъ изданія)

НИВА,

на еженедѣльный иллюстрированный журналъ

со многими приложеніями.

Спеціальные корреспонденты на театрѣ военныхъ дѣйствій акад. Н. С. Самокишъ, художн. В. А. Табуринъ, фотогр. В К. Булла.

Гг. подписчики „Нивы“ получатъ въ теченіе 1905 года:

52 №№ художественно-литературнаго журнала „НИВА“, заключающаго въ себѣ въ теченіе года до 2000 столбцовъ текста и 1200 гравюръ, рисунковъ и художественныхъ снимковъ.

40 книгъ „Сборника Нивы“ (каждая отъ 10—15 листовъ, а въ общемъ около 3000 страницъ), отпечатанныхъ четкимъ шрифтомъ, на хорошо глазированной бумагѣ и содержащихъ:

первыя 10 книгъ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА.

(„Губернскіе очерки“, „Помпадуры и помпадурши“, „Господа Головлевы“ и друг.). Съ портретомъ автора и „Матеріалами для біографіи“, К. К. Арсеньева. (Цѣна полн. собр. въ отдѣльной продажѣ съ перес. 21 руб.).

остальныя 30 книгъ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА.

Подъ редакціею и со вступительною статьею А. М. Скабичевскаго. (Цѣна полн. собр. въ отдѣльной продажѣ съ перес. 27 руб.).

12 книгъ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ И ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ“, содержащихъ романы, повѣсти, разсказы, популярно-научныя и критическія статьи современныхъ авторовъ и отдѣлы библіографіи, смѣси, шахматовъ и шашекъ, задачъ и разныхъ игръ. До 2000 столбцовъ текста съ рисунками.

12 №№ „Парижскихъ Модъ“. До 200 столбцовъ текста и 300 модныхъ гравюръ съ почтовымъ ящикомъ для отвѣтовъ на разнообразные вопросы подписчиковъ.

12 листовъ рисунковъ (около 300) для рукодѣльныхъ, выпильныхъ работъ и для выжиганія и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину.

1 „Стѣнной Календарь“ на 1905 годъ, отпечатан. въ 10 красокъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всѣми приложеніями на годъ:

Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки **6** р. **50** к., съ доставкой и пересылкой **7** р. **50** к.

Безъ доставки: 1) въ **Москвѣ**, въ конторѣ К. Печковской **7** р. **25** к. 2) въ **Одессѣ** въ книжномъ магаз. „Образованіе“—**7** р. **50** к.

Съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи 8 р. —За границу **12** р.

Допускается разсрочка платежа въ 2, 3 и 4 срока.

Новые подписчики, желающіе получить, кромѣ „Нивы“ 1905 г. со всѣми ея приложеніями, еще первыя 20 книгъ А. К. Шеллера-Михайлова за 1904 г., доплачиваютъ единовременно при подпискѣ: безъ доставки въ С.-Петербургѣ—2 р. 50 к., безъ дост. въ Москвѣ и Одессѣ—2 р. 75 к.; съ дост. въ СПБ. и съ перес. иногороднимъ и за границу - 3 р

Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается безплатно.

Адресъ: С.-Петербургъ, въ Контору журнала „НИВА“, улица Гоголя № 22.

школѣ. *П. Варнеке*; 28) Къ вопросу объ упрощеніи русскаго правописанія. *П. Селиванова*; 29) Прикладное значеніе языкознанія. Проф. *Д. Кудрявскаго*; 30) Введеніе въ методику русскаго языка, какъ учебнаго предмета. *М. Тростникова*; 31) Обученіе грамотѣ. *Его же*; 32) Къ вопросу о преподаваніи Закона Божія въ народныхъ училищахъ. *А. Красева*; 33) Рисованіе и чистописаніе въ народной школѣ. *И. Шапошникова;* 34) Коллективное чтеніе въ начальныхъ школахъ. *О. Павловичъ и К. Рѣпиной*; 35) Круговая тетрадь. *Т. Лубенца*.

Въ каждой книжкѣ «Русской Школы», кромѣ отдѣла критики и библіографіи, печатаются: хроника народнаго образованія въ Зап. Европѣ. *Е. Р.*; хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библіотекъ *Я. В. Абрамова*; хроника воскресныхъ школъ подъ редакціей *Х. Д. Алчевской* и *М. Н. Салтыковой*; хроника профессіональнаго образованія. *В. В. Бирюковича* и пр.

«Русская Школа» выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе *пятнадцати* печ. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—*семь* руб., съ доставкою—*7* руб. *50* коп.; для иногородныхъ съ пересылкою—*восемь* руб.; за границу—*девять* руб. въ годъ. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за *шесть* руб. въ годъ, съ разсрочкою уплаты въ два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 15%.

Журналъ «Р. Ш» допущенъ Ученымъ Комитет. Мин. Нар. Просв. къ выпискѣ для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, также въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

Золотая медаль на международной выставкѣ «Дѣтскій міръ» въ 1904 году.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул., 1).

Редакторъ-издатель *Я. Г. Гуревичъ*

Редакторъ *Л. Л. Гуревичъ*.

1—3

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

КНИГА 1-я.—ЯНВАРЬ. 1905.

I. Бл. Августинъ въ исторіи монашества и аскетизма.—Часть первая I-VI.—*В. И. Герье.*—II.—Минотавръ.—Повѣсть.—I-XI. *П. Д. Боборыкина.*—III.—Дневникъ Гр. А. К. Толстого.—1831 годъ.—IV.—Изъ Виктора Гюго.—I-III.—*Е. М. Миличъ.*—V.—Китайцы, какъ самостоятельная раса.—По личнымъ наблюденіямъ.—I-XII.— *Э. В. Эриксона.*—VI.—Строитель —Романъ.—Felix Hollaender, Der Baumeister, roman.—I-X.—Съ нѣм. *З. В.*—VI.—Этюды ѳ Байронизмѣ.—Часть первая: Западныя литературы.—*Алексѣя Веселовскаго.*—VIII.—Гражданская смерть.—Разсказъ.—Bürgerlicher Tod. Nevelle von Prinz Em. v. Schönaich-Carolath.—Съ нѣм. *О. Ч.*—IX.—Изъ М. Конопницкой.—Стих. въ перев. *Ив. Бѣлоусова.*—X.—Хроника.—Внутреннее обозрѣніе.—Именной Высочайшій указъ 12-го декабря.— «Правительственное сообщеніе».—Записка С. Ю. Витте по крестьянскому вопросу.—Тревога, возбужденная ею въ нѣкоторыхъ органахъ печати.—«Духъ сословности» и мнимо-сословная льгота.—Проектъ сельскаго устава о наслѣдованіи.—Реформа губернскаго управленія.—Письмо къ редактору, Н. А. Зиновьева.—А. А. Книримъ †—XI.—Иностранное обозрѣніе.—Политическія событія истекшаго года.—Русско-Японская война.—Ходъ военныхъ дѣйствій на сушѣ и на морѣ.—Печальная судьба нашего флота.—Балтійская эскадра и патріотическія разъясненія капитана Кладо.—Настроеніе въ Японіи и японскій парламентъ.—Политическія дѣла въ западной Европѣ и въ Сѣверной Америкѣ.—XII.—Литературное Обозрѣніе.—I. Н. Гаринъ. Корейскія сказки.—G. Ducrocq. Pauvre et douce Corée.—*А. П.*—II. А. В. Никитенко, Записки и Дневникъ.—III. В. Стоюнинъ, О преподаваніи русской литературы.—IV. С. К. Буличъ, Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи.—V. П. И. Щукинъ, Щукинскій Сборникъ и пр.—VI. Л. Шепелевичъ, Историко-литературные этюды.—VII. На вичну пам'ять Котляревському.—*Евг. Л.*—VIII. С. Н. Прокоповичъ. Мѣстные люди о нуждахъ Россіи.—IX. В. А. Косинскій. Къ

вопросу о мѣрахъ къ развитію производительныхъ силъ Россіи.— X. Очерки по крестьянскому вопросу, п. р. проф. А. Мануилова, вып. II.—*В. В.*—Новыя книги и брошюры.—XIII.—Замѣтки.— По поводу книги г. Аничкова «Литературные образы и мнѣнія».— *Евг. Л.*—XIV.—Новости иностранной литературы.—I. Die Herzogin v. Padua. O. Wilde.—C. Hagemann, O. Wilde.—II. H. Bahr. «Theater». Ein Wiener Roman.—*З. В.*—XV.—Некрологъ.— Александръ Николаевичъ Пыпинъ.—XVI.—Изъ общественной хроники.—Минувшій годъ.—Сессія губернскихъ земскихъ собраній.—Странное происшествіе въ Тамбовѣ.—Идеологія и законность.—Спорный вопросъ государственнаго права.—Реакціонная печать и реформы.—Еще о положеніи политическихъ ссыльныхъ.— Изъ области цензуры и печати.—Юбилеи «Русской Мысли“, Н. П. Карабчевскаго и В. И. Ламанскаго.—Е. И. Лихачева, Н. М. Коркуновъ и П. Н. Обнинскій †.—XVII.—Извѣщенія.— Отъ учрежденія для отсталыхъ дѣтей, М. И. Маляревскаго и Е. П. Радина.—XVIII.—Библіографическій листокъ.—Кн. В. А. Черкасскій, и его ученіе по разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, т. I, кн. О. Трубецкой.—Памяти И. В. Мушкетова. Сборникъ статей по геологіи, изд. п. р. К. И. Богдановича и А. П. Герасимова.—Геологія, т. I, А. А. Иностранцева —Современная международная правоспособность папства, А. Байкова.—Матеріалы въ исторіи русскаго театра, бар. Н. В. Дризена.—Былины: Вольга́, изд. И. Билибина.— XIX.—Объявленія.—I-IV; I-XII.

Подписка на 1905-й годъ

(Сороковой годъ).

Редакція журнала: Спб., Галерная, 20.—Контора: В. О., 5 лин., 28.

Безъ доставки: на годъ 15 р. 50 к., на полгода 7 р. 75 к., на четверть 3 р. 90 к. Съ дост. въ Спб.: на годъ 16 р., на полгода 8 р., на четверть 4 р. Съ пересылкою: на годъ 17 р., на полгода 9 р. 8 р., на четверть 5, 4 р. За границей: на годъ 19 р., на полгода 10 р. 9 р., на четверть 5, 4 р.

Издатель и отвѣтственный редакторъ *М. М. Стасюлевичъ.*

мяти А. Н. Пыпина.—*В. И. Семевскаго*. XVII. Журнальн. обозр. XVIII. Внутр. обозр. XIX. Иностр. обозр.—*В. А. Г*. XX. Современ. искусство.—*Ю. А.* и *М. П. С.* XXI. Замѣтки читателя.—*В. Г.* XXII. Библіографія. XXIII. Объявленія.

Предполагаемое содержаніе Январск. книги I. Изгои пов.—*П. Д. Боборыкина.* II. На полѣ славы. ром.—*Генрика Сенкевича.* пер. *В. М. Лаврова.* III. Не по закону, разск. *Е. М. Милицыной.* IV. Петръ Каменциндъ, ром.—*Г. Гессе.* пер. съ нѣм. *Н. П. Корелиной.* V. Человѣкъ съ системой, разск.—*Н. И. Тимковскаго.* VI. Изъ набросковъ.—*А. П. Чехова.* VII. Московскій университетъ и его традиціи.—*А. А. Кизиветтера.* VIII. Памяти Г. Тарда.—*Е. Аркина.* IX. Мобилизація землевладѣнія въ Россіи.—*П. Лященко.* X. Ясная Поляна и островъ Капрера (изъ воспоминаній гарибальдійца).—*Н. Попова.* XI. Изъ муниципальной жизни въ Германіи.—*В. Я. Канеля.* XII. Къ сорокалѣтію судебныхъ уставовъ 1864 г.—*Н. В.* XIII. Годъ въ Пекинѣ.—*В. В. Корсакова.* XIV. Радій и № лучи.—*А. Л. Лѣтника.* XV. О Глѣбѣ Успенскомъ.—*Ю. Альда.* XVI. Памяти Чехова. XVII. Журнальн. обозрѣніе. XVIII. Современное искусство. XIX. Внутреннее обозрѣніе. XX. 1904 годъ въ политическомъ отношеніи. XXI. Библіографія. XXII. Объявленія.

Ближайшее участіе въ редакціи принимаютъ В. А. Гольцевъ и А. А. Кизеветтеръ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Подп. цѣна съ дост. и	12 м.	9 м.	6 м.	3 м.	1 м.
перес. во всѣ мѣста Рос.	12 р.	9 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу	14 р.	10 р. 50 к.	7 р.	3 р. 50 к.	1 р. 25 к.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ годовой цѣны журнала. Подписка въ разсрочку отъ книгопродавцовъ не принимается.

Адресъ редакціи: Москва, Ваганьков. пер. д. Куманина.

Редакторъ-издатель *В. Лавровъ.*

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ «Кіевской Старинѣ» печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ LXXXVIII.

1905 г.

ФЕВРАЛЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.
1905.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

I. МАТЕРІАЛЫ КЪ ИСТОРІИ НАЦІОНАЛЬНАГО ДВИЖЕНІЯ 60-хъ ГОДОВЪ ПРОШЛАГО ВѢКА. Сообщ. *Л. Сокальскій.* . . . . 189—200
II. ТРИ ДѢЛА „О РЯДОВОМЪ ЛИНЕЙНАГО ОРЕНБУРГСКАГО № 1 БАТАЛІОНА ТАРАСѢ ШЕВЧЕНКѢ". Сообщ. *С. Рклицкій.* . . . . 201—208
III. ГОЛОТА. Повисть. (Окончаніе). *В. Винниченка.* . . . 209—262
IV. В. Н. КАРАЗИНЪ. Его жизнь и общественная дѣятельность. (Продолженіе). *Н. Тихаго.* . . . . 263—301
V. ЛИТЕРАТУРНЫЙ БАНАВЕНТУРА. Замѣтки читателя. *Сергія Ефремова.* . . . . 302—323
VI. ПЕРЕВОДЪ П. А. КУЛИША НА УКРАИНСКІЙ ЯЗЫКЪ МАНИФЕСТА 19 ФЕВРАЛЯ 1861 г. И ПОЛОЖЕНІЯ О КРЕСТЬЯНАХЪ. сообщ. *I. Вашкевичъ.* . . . . 324—341
VII. ВОСПОМИНАНІЯ ДѢТСТВА О ДЯДѢ П. А. КУЛИШѢ. *Леси и Гали.* . . . . 342—348

Отдѣлъ II.

I. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Гуцульщина. Написав проф. Володимир Шухевич. *М. Р.*; б) Мыхайло Грушевськый. Оповидання. *Л. Ш.*; . . . . 73—127
II. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Одинъ изъ питомцевъ Сѣчевой школы. *О. Л.*; б) Иванъ Чарнышъ и Михаилъ Милорадовичъ. Сообщ. *В. Модзалевскій*; в) О базиліанахъ въ с. Мамовцахъ, Подольск. губ. Сообщ. *В. Страшкевичъ*; г) Нѣсколько словъ о малороссійскихъ архивахъ. *Вл. П—ко.*; д) Письмо В. М. Бѣлозерскаго къ Т. Г. Шевченку; е) Николай Андреевичъ Вербицкій-Антіоховъ; ж) Муж. пансіонъ Гедуэна въ Кіевѣ. з) Музей имени Котляревскаго въ Полтавѣ; и) Извѣщеніе редакціи . . . . 128—148
ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ . . . . 149—157
ЗАМѢТКИ НА ТЕКУЩІЯ ТЕМЫ. *Сергій Ефремовъ.* . 158—190
ОБЪЯВЛЕНІЯ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

ТОМЪ LXXXVIII.

1905 г.

ФЕВРАЛЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра Акціон. О-ва печ. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1905.

Дозволено Цензурою. Кіевъ. 27 января 1905 г.

Общество имени Т. Г. Шевченка для вспомоществованія нуждающимся уроженцамъ Южной Россіи, учащимся въ высшихъ заведеніяхъ С.-Петербурга, издало I томъ сборника сочиненій

А. Я. Ефименко

„ЮЖНАЯ РУСЬ",

въ который вошли слѣдующія сочиненія: Очерки исторіи правобережной Украины. Малорусское дворянство и его судьба. Южнорусскія братства. Копные суды въ лѣвобережной Украинѣ. Народный судъ въ Западной Руси. Дворищное землевладѣніе въ Южной Руси. Архаическія формы землевладѣнія у германцевъ и славянъ. Литовско-русскіе данники и ихъ дани.

Цѣна I тому (съ портретомъ автора)—2 рубля.

Второй томъ выйдетъ въ мартѣ-апрѣлѣ текущаго года и будетъ заключать въ себѣ еще 16 очерковъ, изслѣдованій и замѣтокъ г-жи Ефименко, печатавшихся въ періодическихъ изданіяхъ за послѣднія 30 лѣтъ.

Главный складъ изданія въ «Литературно-книжной лавкѣ М. В. Пирожкова» (С.-Петербургъ, Васильевскій Островъ, 2 линія, д. № 13). Книгопродавцамъ обычная уступка.

I томъ разосланъ г.г. подписчикамъ

Матеріалы къ исторіи національнаго движенія 60-хъ годовъ прошлаго вѣка.

Въ бумагахъ, оставшихся послѣ П. П. Сокальскаго (1832—1887 г.г.[1]), нашлись рукописи и замѣтки, могущія имѣть нѣкоторое историческое значеніе для ознакомленія съ характеромъ того идейнаго національнаго возрожденія, которое охватило передовую часть малорусскаго общества въ серединѣ прошлаго вѣка. Общій духъ реформъ императора Александра II, какъ извѣстно, возбудилъ широкія ожиданія и поставилъ народные интересы въ центрѣ сосредоточеннаго вниманія общества. Эти надежды вызвали и въ культурной части малорусскаго населенія рядъ очередныхъ заботъ о родномъ краѣ, носившихъ на первыхъ порахъ, главнымъ образомъ, просвѣтительный характеръ. Польское возстаніе, вызвавшее въ Европѣ оживленное обсужденіе связанныхъ съ нимъ вопросовъ, выдвинуло на очередь особыя задачи, требовавшія выясненія и рѣшенія. Къ послѣднимъ присоединилась необходимость разоблачить обвиненія, поднятыя въ то время нѣкоторой частью русской печати, въ сепаратистическихъ стрем-

[1]) Автора изслѣдованій: „Русская народная музыка—великорусская и малорусская“; „Механизмъ музыкальныхъ впечатлѣній“; оперъ: „Осада Дубно“ (Андрій Бульба), „Майская ночь“; сборника — „Малорусскія и бѣлорусскія пѣсни“ и проч.

леніяхъ малороссовъ, яко-бы скрытыхъ въ ихъ заботахъ о своей родинѣ. Всѣ эти вопросы составили жгучія темы для обсужденій на собраніяхъ малороссовъ того времени въ Петербургѣ.

Какъ обозначено въ замѣткахъ П. П. Сокальскаго, въ этихъ собраніяхъ, при обсужденіи упомянутыхъ вопросовъ, принимали дѣятельное участіе слѣдующія лица: *А. Тюринъ* (академикъ), *Н. И. Костомаровъ* (историкъ), *Н. Бѣлозерскій* (историкъ), *Лазаревскій* (историкъ), *Г. П. Данилевскій* (писатель, впослѣдствіи редакторъ «Правительст. Вѣст.»), *Недоборовскій*, *П. П. Сокальскій*, *М. Сухомлиновъ* (академикъ), *Глушановскій*, *Петровъ*, *Стефанъ Опатовичъ* (священникъ, авторъ «Оповидання зъ святого пысанія». Спб. 1863 г. Типогр. Академіи Наукъ). *Н. Щербина* (поэтъ)...

Тогда-же рѣшено было вмѣшаться въ обсужденіе европейской печатью польскаго вопроса и дать отпоръ отъ лица малороссовъ тѣмъ одностороннимъ притязаніямъ [1])—въ интересахъ одной лишь націи—при рѣшеніи сложнаго вопроса, какія находили себѣ мѣсто на ея страницахъ.

Этой цѣли и долженъ былъ служить политическій памфлетъ— «Малорусская національность рядомъ съ польскою», предназначавшійся спеціально для заграничной печати Но, повидимому, онъ не былъ изданъ за опозданіемъ или по другой причинѣ. Теперь онъ представляетъ интересъ, какъ образчикъ тѣхъ воззрѣній, которыя были въ ходу въ 60-хъ годахъ среди передовыхъ кружковъ украинско-народническаго движенія.

Проектъ этого памфлета, имѣвшаго въ виду исключительно политическія цѣли, былъ составленъ П. П. Сокальскимъ и потомъ, по разсмотрѣніи его на петербургскихъ собраніяхъ, былъ измѣненъ участниками собраній и, такимъ образомъ, въ конеч-

---

[1]) О которыхъ Герценъ выразился въ своихъ воспоминаніяхъ: «слишкомъ мало интересовались народомъ и очень много—провинціями».

номъ видѣ, представляемомъ здѣсь, является, какъ плодъ коллективнаго обсужденія затронутыхъ въ немъ вопросовъ.

Всѣ исходныя положенія памфлета, повидимому, основаны были, главнымъ образомъ, на тѣхъ ожиданіяхъ, упомянутыхъ выше, которыя далеко не оправдались въ дѣйствительности. Быть можетъ, это грустное предчувствіе и задержало изданіе этого публичнаго обращенія къ европейскому общественному мнѣнію.

Печатаемъ текстъ этого памфлета съ нѣкоторыми пропусками.

Л. Сокальскій.

Малорусская національность рядомъ съ польскою.

Письмо къ Editeur de. ...

М. Г. Польскій вопросъ занялъ теперь общее вниманіе Европы и вызвалъ различныя соображенія, касающіяся польской національности и наилучшаго устройства ея судебъ.

Рѣчь идетъ о возстановленіи Польши.

Но въ какихъ границахъ?

Вотъ пунктъ, который при неполнотѣ и неточности этнографическихъ и историческихъ свѣдѣній о мѣстностяхъ, сосѣднихъ съ Польшею, легко можетъ подать поводъ къ невѣрнымъ обсужденіямъ. А между тѣмъ эти обсужденія, каковы бы они ни были, въ случаѣ новаго устройства Польши, волею-неволею будутъ служить исходною точкою для дѣйствій дипломатіи, и, какъ выраженіе общественнаго мнѣнія Европы, будутъ имѣть для нея всю силу правды.

Въ виду подобной возможности, мы, члены сосѣдней съ Польшею національности, рѣшились подать о себѣ голосъ. Наше слово будетъ о народѣ, который извѣстенъ подъ именами: малоруссовъ, ruthéniens, украинцевъ, русиновъ, южноруссовъ, черкасовъ, козаковъ d'Ukraine, запорожцевъ,—а самъ себя называетъ русскимъ народомъ. Въ литературѣ для него общепринятое названіе—малоруссы и украинцы, и потому мы для ясности будемъ придерживаться одного изъ этихъ именъ.

Для Европы, повидимому, не существуетъ малороссійской національности. Она знаетъ польскую и россійскую, и далѣе этого не идетъ. Малороссійскую же національность она—по невѣдѣнію и безъ всякаго дурного умысла—легко можетъ разорвать, раздѣлить на части, принести въ жертву другимъ національностямъ, и вообще на вѣсахъ политики поступить съ нею такъ, какъ поступали въ старое блаженное время глубокомысленные дипломаты, ни слова не слыхавшіе о народахъ, которыхъ они брались благодѣтельствовать.

Что о малороссійской національности очень мало знаютъ въ Европѣ, можно судить по газетнымъ статьямъ, посвященнымъ нынѣ развитію польскаго вопроса: въ нихъ нигдѣ ни однимъ словомъ не упоминается объ этой національности, которая численностью превосходитъ польскую въ полтора раза, отличается отъ нея вѣрою, языкомъ, преданіями, нравами, характеромъ и историческою ролью на Востокѣ. А между тѣмъ говорить о Польшѣ и не говорить о Малороссіи—вещь совершенно невозможная, до того невозможная, что европейскіе публицисты даже говорятъ о фактахъ, относящихся къ Малороссіи, приписывая ихъ Польшѣ.

Украйна съ древнихъ временъ составляла одно цѣлое съ Сѣверной Русью. Разгромъ татаръ нарушилъ естественный ходъ исторіи и связь земель на Руси. Украйна сначала жила отдѣльной жизнью, а потомъ съ остальными частями—Волынь, Подолія, Кіевъ, Черниговъ—вошла въ составъ Литовскаго княжества. На долю Южной Руси выпала защита своей земли отъ громадныхъ остатковъ татарскихъ ордъ: она вооружилась на два вѣка и создала свое вооруженное братство за вѣру и землю,—извѣстное подъ именемъ *козачества.* Дѣйствія козачества не исчерпывали всей жизни Южной Руси, которая въ то же время развивала и свою гражданственность. Именно въ эту эпоху одиночной борьбы съ врагами вѣры и земли обозначились черты особой національности Южной Руси. Изнемогая въ борьбѣ, она искала поддержки въ сосѣдяхъ и, какъ къ ближайшему, обратилась къ Польшѣ. Произошло добровольное соединеніе ея съ Польшею на началахъ федераціи, какъ равный съ равнымъ. Это было въ XVI вѣкѣ.

Главнѣйшія основанія, на которыхъ совершилось это добровольное соединеніе, были тѣ, что Южная Русь сохраняла неприкосновенными свою вѣру, свой языкъ и свое самоуправленіе такъ, что всѣ должностныя лица въ странѣ должны были быть изъ мѣстныхъ жителей.

Отъ тѣхъ поръ началась ожесточенная вражда между поляками и южноруссами. Знаменемъ у Польши было—католичество и европейская цивилизація, у Малороссіи—православіе, защита своей народности и освобожденіе ея изъ оковъ рабства у шляхты. Польша, болѣе сильная цивилизаціей, успѣла большую часть южнорусскаго народа превратить въ рабовъ. При посредствѣ іезуитскаго воспитанія значительная часть южно-русскаго дворянства приняла католичество и польскую національность. Для народа поляки выдумали своего рода компромиссъ въ дѣлѣ вѣры, на которомъ разсчитывали обезоружить фанатизмъ южноруссовъ и затѣмъ полнѣе подчинить ихъ своимъ видамъ. Этотъ компромиссъ, извѣстный подъ именемъ уніи, начавшейся въ концѣ 16-го вѣка, совершенно не удался. Южнорусскій народъ видѣлъ свои права и договоры нарушенными и не поддавался ни на какія сдѣлки.

Вся половина XVII вѣка ознаменована кровавой борьбою Польши съ Малороссіей.

Къ половинѣ XVII вѣка отчаяніе южноруссовъ достигло крайнихъ предѣловъ: у нихъ явился искусный вождь, гетманъ Богданъ Хмельницкій, который нанесъ жестокія пораженія полякамъ и потрясъ до основанія Польшу.

Освободивши «русскій народъ изъ лядской неволи» (собственное выраженіе Хмельницкаго), гетманъ задумалъ затѣмъ совершить дѣло, которое давно было предметомъ народныхъ желаній южноруссовъ и плодомъ той здоровой политики, какая вырабатывается только вѣками несчастій. Чувствуя невозможность составить отдѣльное политическее тѣло среди сильныхъ сосѣдей: Польши, Московскаго государства и Турціи,—Южная Русь въ лицѣ своего гетмана заявила голосъ о добровольномъ соединеніи ея съ Сѣверной Русью, т. е. Московскимъ государствомъ. Это

единеніе произошло въ 1654 году, почти непосредственно вслѣдъ за освобожденіемъ Малороссіи отъ польскаго ига, на основаніи Переяславскаго договора, по которому Южная Русь, отдаваясь подъ покровительство московскаго государя, удерживала права своей національности и свои старые обычаи.

Соединяясь съ Московіей, Южная Русь чувствовала старинную историческую связь свою со всей православной русской землей и съ сѣвернорусской народностью.

Но Южная Русь знала также, что, соединяясь съ Московіею, она встрѣтится и съ московскимъ абсолютизмомъ и со всѣми неудобствами централизаціонной правительственной системы, которую тяжело чувствовалъ и сѣвернорусскій народъ... Что она все это сознавала, есть полныя доказательства въ лѣтописяхъ исторіи.

Такимъ образомъ, принуждаемая историческою и политическою необходимостью, Южная Русь, сознательно предпочитая меньшее зло большему, добровольно присоединилась, какъ равная съ равной, съ Сѣверной Русью и составила съ нею одно политическое цѣлое.

Что́ южноруссы много терпѣли за вѣру отъ Польши, доказываютъ слова самихъ образованныхъ поляковъ. Такъ, благороднѣйшій изъ сыновъ Польши—Косцюшко говорилъ, обращаясь къ русинскому духовенству: «ваша судьба, сама жизнь ваша была вѣчно подавляема несправедливымъ гнетомъ, и положеніе ваше до сихъ поръ самое ужасное. Свободные и независимые поляки облегчатъ вашу тяжелую участь» [1]).

Что́ Польша имѣла всегда наступательную политику въ отношеніи къ южнорусской національности, доказывается тѣмъ, что даже и теперь, въ половинѣ XIX-го вѣка, говоря о границахъ древней Польши, она включаетъ туда земли и народности, которыя кровью отбились отъ ея ласкъ и дружбы и давно уже отказались отъ желаній начинать снова вѣковую распрю. Это хо-

---

[1]) S. Ergänzungsblätter zur österreich. Zeitschrift für Geschihts und Staatskunde. 1835. s. 10.

рошо извѣстно всѣмъ полякамъ, знакомымъ съ исторіею. И если Европа могла быть введена въ заблужденіе на счетъ границъ древней Польши, въ которыя поляки готовы нынѣ включить и западныя и юго-западныя губерніи и часть Украйны съ Кіевомъ, Смоленскомъ и другими городами, то это легко объясняется неточностью историческихъ свѣдѣній Европы объ этой части свѣта. Мы приглашаемъ обратиться къ исторіи и этнографіи. Отъ себя-же прибавимъ слѣдующее. Вскорѣ послѣ присоединенія Малороссіи къ Московіи, у послѣдней возникла война съ Польшею, кончившаяся несчастнымъ для Малороссіи Андрусовскимъ договорамъ въ 1667 г. По этому договору половина Малороссіи—на правой сторонѣ Днѣпра—вмѣстѣ съ Кіевомъ, а также нынѣшнія западныя губерніи со Смоленскомъ были отданы Московіей Польшѣ, старинному врагу малороссійской національности. Такое странное распоряженіе съ независимыми территоріями и народностями объясняется лишь военными неудачами московскаго оружія въ тогдашней борьбѣ съ Польшею и обезсиленіемъ Малороссіи послѣ двухвѣковыхъ войнъ.

Протестомъ въ народѣ противъ такого распоряженія его судьбами явились ожесточенныя возстанія, изъ которыхъ наиболѣе знаменательны: возстаніе подъ предводительствомъ Дорошенка, и возстанія, извѣстныя подъ именами—Паліивщины, Коліивщины, и пр. Только спустя сто лѣтъ, въ царствованіе Екатерины II, были *возвращены* (а не завоеваны) обратно Россіи и Малороссія, и западныя губерніи, насильно бывшія цѣлый вѣкъ въ составѣ Польскаго королевства. Такимъ образомъ, во второй половинѣ XVIII в. была вновь возстановлена естественная и добровольная связь двухъ народностей: великорусской и малорусской. Это было не завоеваніе и не отторженіе отъ Польши ея естественной части, а возвращеніе стараго, и это хорошо знаетъ народъ: онъ встрѣтилъ этотъ фактъ безъ всякой вражды, чего не бываетъ съ завоеванными народностями. Объ этомъ же говоритъ и знаменитый Малте-Брюнъ...[1])

---

1) Въ подлинной рукописи здѣсь оставлено мѣсто для вставки цитаты. Самой же цитаты—нѣтъ. Вѣроятно, имѣется въ виду главный трудъ *Конрада Мальтбрена* «Précis de géographie universelle».

Екатерина II въ своемъ манифестѣ о присоединеніи западныхъ и юго-западныхъ областей къ Россіи объяснила предъ Европою этотъ фактъ въ исторически вѣрномъ свѣтѣ. Къ сожалѣнію, это объясненіе прошло почти незамѣченнымъ: Европу безпокоилъ тогда быстрый политическій ростъ Россіи; въ дипломатическихъ соображеніяхъ того времени вопросъ о національностяхъ игралъ еще очень мало значенія,—что доказываетъ между прочимъ и самый актъ раздѣла Польши,—и потому на такое присоединеніе смотрѣли исключительно съ политической точки зрѣнія, какъ на расширеніе государства, которое политикою своихъ императоровъ возбуждало очень мало сочувствія въ Европѣ.

Неудивительно, что теперь совершенно забыли смыслъ и значеніе факта возвращенія Малороссіи въ составъ Россіи. Этому помогли: несчастія Польши и патріотизмъ ея сыновъ за послѣднія 80 лѣтъ, возбудившіе къ нимъ общее сочувствіе всего образованнаго міра, и постоянно ретроградная и антилиберальная политика Русскаго правительства, заслужившаго въ Европѣ упреки въ тиранствѣ, жестокости и презрѣніи къ человѣчеству. Итакъ, обстоятельства помогли тому, что смыслъ *народной* исторіи западной, юго-западной и южной Руси покрылся для Европы мракомъ забвенія. Чисто *политическія* симпатіи и антипатіи Европы закрыли для нея смыслъ чисто *народныхъ* движеній, совершавшихся въ западной и южной Россіи по сосѣдству съ Польшею. По симпатіи къ Польшѣ она готова была бы теперь совершить актъ насилія надъ другими національностями, о которыхъ ничего не знаетъ.

Если поляки включаютъ въ границы древней Польши часть Украйны (на правой сторонѣ Днѣпра), Подолію и западныя губерніи, то они основываются на томъ лишь, что со времени Андрусовскаго договора, до уничтоженія его Екатериною II, въ теченіи 100 лѣтъ они владѣли ими на правѣ побѣдителей. До того времени съ этими землями у нихъ были добровольныя, федеративныя отношенія, которыя превратились въ кровавую борьбу при первомъ же наступательномъ дѣйствіи поляковъ.

Итакъ, возстановляя свои границы, поляки прибѣгаютъ къ преданіямъ завоевательной политики и совершенно отрицаютъ автономію національностей. Справедливо ли это? Не разрушаетъ ли это и тѣ принципы, на которыхъ они основываютъ свое право?

Самые толки газетъ и различные слухи о возможныхъ комбинаціяхъ въ дѣлѣ возстановленія Польши указываютъ, что въ этомъ дѣлѣ общественное мнѣніе Европы увлечено лишь въ одну сторону вліяніемъ польскихъ видовъ и совершенно не замѣчаетъ тутъ національнаго вопроса. Говорятъ, напр., что часть Галиціи съ русинами будетъ уступлена Польшѣ взамѣнъ какихъ то другихъ земельныхъ вознагражденій Австріи. Вѣдь если смотрѣть на вопросъ съ точки зрѣнія національной, то русины Галиціи должны отойти къ своимъ соотечественникамъ—южноруссамъ, ибо это—одинъ и тотъ же народъ. Факты послѣдняго времени говорятъ, что русины охотнѣе сносили австрійское владычество, чѣмъ польское—ради сохраненія своей національности. [1])

Остановимся на минуту. Итакъ, чего же мы хотимъ?

Мы, лица сознающія себя членами малорусской національности, чувствуемъ на себѣ нравственный долгъ, при настоящемъ моментѣ развитія польскаго вопроса, заявить предъ лицомъ общественнаго мнѣнія Европы и Россіи:

---

[1]) Вотъ что они говорили въ 1848 году: русинамъ во имя своей національности оставался выборъ между Австріею и Польшею. «Они выбрали Австрію, потому что она представляла болѣе гарантій для ихъ народности, чѣмъ Польша». Касательно параллели между германизаціей и ополяченіемъ, русины замѣчали: «предлагая вмѣсто русинской народности германскую съ ея богатою цивилизаціею, нѣмцы предлагали купить, хотя и страшною цѣною, но все-таки великое умственное сокровище. Замѣна же малорусской народности польскою не была бы даже и восхожденіемъ отъ народнаго момента къ общечеловѣческому, какъ называли нѣмцы германизацію, а просто переходомъ отъ скромнаго сельскаго быта къ блестящей обстановкѣ съ неопредѣленнымъ содержаніемъ и съ неизбѣжною панщиною». («Основа».—*Русины.*—)

1) Малорусская національность, какъ одна изъ личностей въ общемъ хорѣ народовъ, считаетъ законнымъ правомъ своимъ сохранять и защищать эту личность отъ всякихъ насильственныхъ попытокъ, съ чьей бы то ни было стороны, стереть ее съ лица исторіи.

2) Мы глубоко сочувствуемъ и высоко уважаемъ благородное и геройское стремленіе поляковъ завоевать свою національную независимость. Въ этихъ стремленіяхъ всѣ народы и національности—родные братья между собою. Если лордъ Кларендинъ въ депешѣ своей къ Пальмерстону отъ ... числа говоритъ, «что поляки были бы довольны ... [1]) ... то мы можемъ съ своей стороны прибавить, что тѣмъ же самымъ были бы довольны и мы, южноруссы, и наши родные братья—великоруссы.

3) Въ нашихъ воззрѣніяхъ мы исключаемъ всякія враждебныя отношенія между различными національностями и полагаемъ, что только въ свободномъ развитіи ихъ и уваженіи заключаются основы для прочнаго мира, любви и братства народовъ. Итакъ, въ отношеніи нашей національности мы принимаемъ только *оборонительное* положеніе, требуемъ, чтобы ее не смѣшивали съ другими и не приносили ее, по невѣдѣнію, въ жертву политическимъ соображеніямъ. Національный вопросъ мы отдѣляемъ отъ политическаго.

4) Мы очертили бѣгло главные моменты исторіи Южной Россіи для того, чтобы отчасти обрисовать физіономію южнорусской національности и показать причины, по которымъ она не можетъ желать самовольнаго, чисто внѣшняго присоединенія къ Польшѣ, въ случаѣ возстановленія послѣдней въ отдѣльной политической формѣ.

Страданія свои южноруссы раздѣляютъ вмѣстѣ съ остальнымъ русскимъ народомъ. Они роднятся съ остальной Русью по вѣрѣ. Экономическіе интересы, развитіе промышленности, распредѣленіе бассейновъ рѣкъ и дорогъ—все это естественно связываетъ

---

[1]) Въ этомъ мѣстѣ оставлены строки для депеши Кларендина, которой въ рукописи нѣтъ.

Южную Русь съ Сѣверною въ одно государственное цѣлое. Наконецъ, что всего важнѣе, нынѣшній императоръ Россіи своими реформами явно показалъ, что мы можемъ надѣяться на общій прогрессъ учрежденій въ Россіи, и на увеличеніе индивидуальной, а съ нею и національной свободы народностей, составляющихъ Россію. Мы вѣримъ и ждемъ дѣйствительныхъ улучшеній. Вотъ каковы наши отношенія къ великорусской національности и къ государству, называемому Россіей.

Совершенно другая перспектива является при взглядѣ на отношенія южнорусской національности къ польской. Между ними лежитъ кровь и вражда вѣковъ, религіозное разновѣріе и опасность для Украйны потерять свою народность. Не сводите насильно того, что уже пробовало сходиться и никакъ не могло.

Со времени же присоединенія Украйны къ Великороссіи не было надобности къ поголовному возстанію южноруссовъ въ защиту своей національности.

5) Мы заявляемъ, что справедливость требуетъ, чтобы судьбами южноруссовъ и землею, политою кровью столькихъ поколѣній южноруссовъ, не распоряжался никто помимо воли самого народа. Онъ одинъ можетъ знать, что ему нужно и что ему любо. Всякое вмѣшательство въ его судьбы—будетъ дѣломъ насилія. Каждый народъ стремится всѣми силами души къ разумной политической жизни и желалъ бы поскорѣе видѣть на своемъ знамени лозунгъ—политическая и національная свобода.

6) Мы отвѣтимъ, наконецъ, на послѣдній и, можетъ быть, самый важный вопросъ, какой намъ могутъ предложить: въ чемъ наши права на національность, каковы ея проявленія и размѣры?

Историческая роль Южной Руси въ судьбахъ Европы обозначена уже нами въ бѣгломъ историческомъ эскизѣ. Южная Русь дала на востокѣ Европы отпоръ мусульманству и монгольской расѣ, шедшимъ съ востока на западъ, и отпоръ католичеству и іезуитизму (угнетеніе народностей), шедшимъ съ запада на востокъ. Такимъ образомъ, Южная Русь попала между двухъ огней, и вслѣдствіе постоянной напряженной борьбы и періоди-

ческихъ опустошеній не успѣла выработать прочнаго государственнаго уклада.

Но это не помѣшало южноруссамъ не только сохранить, но и укрѣпить и развить свои національныя черты. Характеръ, нравы, внутренній семейный бытъ, интеллектуальный складъ и особенности хозяйственной жизни рѣзко выдѣляють южноруссовъ среди другихъ славянскихъ народностей. Южнорусское нарѣчіе по изслѣдованіямъ филологовъ есть такое же самостоятельное славянское нарѣчіе, какъ и великорусское, сербское, чешское и т. д. Народъ, говорящій этимъ языкомъ, своею численностью доходитъ до 14 милліоновъ душъ.

Населяетъ онъ слѣдующія мѣстности: большую часть австрійской Галиціи, часть люблинской губерніи царства Польскаго, части гродненской и минской губерній, всю волынскую, каменецъ-подольскую, кіевскую, херсонскую, полтавскую, харьковскую, черниговскую, екатеринославскую, третью часть таврической губерніи, части курской и воронежской губерній и землю Черноморско-Кубанскаго войска. Вообще, страна, населенная малороссами, занимаетъ часть восточной Европы, съ запада на востокъ почти 20 градусовъ долготы, отъ 38 до 58 вост. долготы (по м-ну отъ Ферро). Край этотъ входитъ въ составъ двухъ государствъ: Россіи и Австріи. Послѣдней принадлежитъ около $^1/_{14}$ части. Пространство этого края—10870 кв. миль, изъ которыхъ на австрійскія владѣнія приходится 1650 кв. миль—въ Галиціи, Венгріи и Буковинѣ. Такимъ образомъ, по пространству Малороссія превышаетъ Францію почти на 1000 миль, а по количеству населенія уступаетъ Испаніи на два милліона жителей.

1863 г.

Три дѣла „о рядовомъ линейнаго Оренбургскаго № 1 баталіона Тарасѣ Шевченкѣ“.

Приводимые ниже документы лишній разъ вскрываютъ предъ нами дѣйствительно многострадальную жизнь пѣвца Украины; особенно характерно второе дѣло за № 88. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, какъ оно разрѣшилось... врядъ-ли въ пользу Тараса Григорьевича.

Документы эти, составляющіе собственность извѣстнаго коллекціонера и любителя старины въ Донской Области, Ѳ. С. Романовича, были временно предоставлены въ наше распоряженіе.

Дѣло № 69. Комендантскаго управленія Ново-Петровскаго укрѣпленія о прибытіи въ укрѣпленіе изъ города Уральска рядового Линейнаго Оренбургскаго № 1 баталіона Тараса Шевченки, отданнаго въ военную службу изъ политическихъ преступниковъ.

Началось 17 октября 1850 года.

Кончено...

Коменданту Ново-Петровскаго укрѣпленія господину подполковнику и кавалеру Маевскому

За отсутствіемъ командира Линейнаго Оренбургскаго баталіона № 1 капитана Коржова

Рапортъ.

По распоряженію Его Высокопревосходительства господина корпуснаго командира и кавалера, рядовой изъ политическихъ преступниковъ Тарасъ Шевченко, переведенный за преступленіе изъ 5-го въ завѣдываемый мною баталіонъ съ отправленіемъ въ двѣ роты, въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи расположенныя, и съ зачисленіемъ его въ 4-ую роту подъ надзоръ ротнаго командира штабсъ-капитана Потапова; съ нимъ вмѣстѣ за присмотромъ унтеръ-офицера Булатова изъ Уральска отправленъ съ тѣмъ, чтобы, какъ предписано господиномъ корпуснымъ командиромъ, непремѣнно онъ былъ отправленъ въ Укрѣпленіе нынѣшнею навигаціею, о чемъ сообщено господину начальнику Гурьева Городка, и съ симъ же вмѣстѣ къ господину Штабсъ-Капитану на рядового этого препровождены и подлежащія письменныя свѣдѣнія.

Дальше, какъ видно изъ дѣла, капитанъ Коржовъ проситъ Маевскаго «вернуть унтеръ-офицера Булатова обратно теперь же, а не въ будущую новигацію».

Къ 8 октября 1850 г. Шевченко былъ уже въ Гурьевомъ Городкѣ, о чемъ начальникъ Городка, эсаулъ Назаровъ, донесъ Маевскому—«доставленнаго рядового изъ политическихъ при семъ къ Вашему Высокородію на почтовой лодкѣ подъ присмотромъ унтеръ-офицера Булатова имѣю честь препроводить»; 17-го октября Т. Григ. былъ уже въ Ново-Петровскомъ Укрѣпленіи, тогда же прекратилась навигація, почему и Булатовъ долженъ былъ ожидать весны 1851 г., когда въ мартѣ мѣсяцѣ (24) смогъ отправиться къ мѣсту своей службы (конецъ дѣла за № 69 [1]).

---

[1]) Это, по всей вѣроятности, то самое „дѣло о прибытіи изъ г. Уральска политическаго преступника Шевченка“, упоминаніе о которомъ нашелъ г. Оберучевъ среди бумагъ заброшеннаго архива бывшаго Ново-Петровскаго укрѣпленія. См. Кіев. Ст. 1900 г. № 2, стр. 159.

Дѣло № 88. Комендантскаго Управленія Ново-Петровскаго Укрѣпленія: О доставленіи изъ Оренбургскаго Линейнаго № 1 баталіона формулярнаго списка о службѣ рядового Тараса Шевченка и объ исходатайствованіи разрѣшенія у господина начальника Штаба Отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса относительно рисованія масляными красками запрестольнаго образа рядовымъ Шевченко на свой счетъ

Началось 5 января 1854 года.

Кончилось 16 апрѣля 1854 года.

Дѣло это началось съ предложенія отъ имени коменданта Н.-Петровскаго укрѣпленія маіора Ускова штабсъ-капитану Косареву—«доставить формулярный списокъ о службѣ какъ ведетъ себя во все продолженіе времени нахожденія своего въ Н.-Петр., не замѣчено-ли вами за нимъ какихъ предосудительныхъ поступковъ».

Въ отвѣтномъ рапортѣ Т. Гр. аттестуется такъ: «въ поведеніи велъ себя хорошо и ни въ какихъ предосудительныхъ поступкахъ мною замѣченъ не былъ, а формулярнаго списка на него здѣсь не имѣется, а просилъ я (Косаревъ) его два раза господина баталіоннаго командира въ 1853 г. 24 іюня за № 391 и 8 іюня за № 470».

Получивъ такой отзывъ, Усковъ счелъ возможнымъ просьбѣ Т. Гр. дать дальнѣйшій ходъ: при дѣлѣ имѣется его рапортъ начальнику штаба отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса. Приводимъ его подлинникомъ.

«Находившійся здѣсь при двухъ ротахъ на службѣ рядовой оренбургскаго линейнаго № 1-го баталіона Тарасъ Шевченко объявилъ мнѣ, что онъ желаетъ для благолепія церкви ввѣреннаго мнѣ укрѣпленія нарисовать масленными красками запрестольный образъ на свой счетъ. Зная, что рядовой Шевченко былъ прежде художникъ С. Петербургской Академіи Художествъ, почему можетъ нарисовать образъ хорошей живописи, и желая способствовать къ украшенію храма, я осмѣливаюсь почтительнѣйше представить сіе ни милостивое благоусмотрѣніе Вашего Превосходительства и всепокорнѣйше просить разрѣшенія. При

этомъ имѣю честь доложить, что рядовой Шевченко по отзыву завѣдующаго здѣсь двумя ротами штабсъ капитана Косарева впродолженіе четырехлѣтняго своего пребыванія въ укрѣпленіи ведетъ себя хорошо и ни въ коихъ предосудительныхъ поступкахъ не замѣченъ».

Рапортъ помѣченъ 7 января 1854 года за № 50.

Любопытенъ приложенный «къ дѣлу формулярный списокъ Т. Г., присланный, наконецъ, послѣ нѣсколькихъ «отношеній и предписаній» 24 февраля 1854 г. за № 381 отъ командира линейнаго оренбургскаго баталіона № 1.

«Рядовой Тарасъ Андреевъ (sic!) Шевченко, православнаго исповѣданія».

«39 лѣтъ»

«Росту 2 ар. 5 вер.»

«Лицомъ чистъ, волосы на головѣ и бровяхъ темно-русыя, глаза темно-сѣрые, носъ обыкновенный».

«Бывшій художникъ С.-Петербургской Академіи Художествъ, а происхожденіе коего по неполученіи свѣдѣній неизвѣстно, по Высочайшему повелѣнію за политическія преступленія въ службу поступилъ рядовымъ 1847 года іюня 23.

«Въ линейный оренбургскій баталіонъ № 5, изъ оннаго переведенъ въ сей баталіонъ 1850 г. ноября 8».

«Въ походахъ и дѣйствіяхъ противъ непріятелей не былъ»

«Грамотѣ читать и писать умѣетъ».

«Въ отпускахъ домовыхъ небылъ».

«Холостъ, состоитъ въ комплектѣ».

«По Высочайшему повелѣнію, изъясненному въ предписаніи господина командовавшаго отдѣльнымъ оренбургскимъ корпусомъ къ г. Командующему 23-ею пѣхотною дивизіею отъ 10 іюня 1847 г. за № 25, за сочиненіе возмутительныхъ стиховъ опредѣленъ на службу въ отдѣльный оренбургскій корпусъ рядовымъ съ правомъ выслуги подъ строжайшій надзоръ съ запрещеніемъ писать и рисовать и чтобы отъ него ни подъ какимъ видомъ не

могло выходить возмутительныхъ и пасквильныхъ сочиненій [1]). Первоначально рядовой Шевченко въ 1847 г. былъ опредѣленъ въ линейный оренбургскій № 5 баталіонъ, какъ изъяснено въ предписаніи господина командира 1-ой бригады 23-ей пѣхотной дивизіи отъ 28 сентября 1850 года за № 19, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1850 года найдены у него нѣкоторыя партикулярныя ношебныя вещи, въ которыхъ онъ иногда ходилъ, а также письма отъ разныхъ лицъ и два альбома съ малороссійскими стихами, пѣснями и рисунками, сдѣланными карандашемъ [2]), о чемъ господиномъ корпуснымъ командиромъ въ то же время было донесено господину военному министру, а онъ Шевченко отправленъ изъ Раимскаго (нынѣ Аральскаго) укрѣпленія въ баталіонъ № 5 въ крѣпость Орскую, съ тѣмъ чтобы за нимъ со стороны начальства былъ учрежденъ самый бдительный надзоръ. Дежурный генералъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества 8 іюня 1850 года за № 1526 увѣдомилъ Его Высокопревосходительство, что Государь Императоръ по Всеподданнѣйшему докладу представленіе его и содержаніе представленныхъ приономъ бумагъ, отобранныхъ отъ рядового Шевченко, высочайше повелѣть соизволилъ— его Шевченка, не исполнившаго воспрещенія писать и рисовать, подвергнуть немедля строжайшему аресту и содержать подъ онымъ до изслѣдованія виновныхъ, допустившихъ его вести переписку и заниматься рисованіемъ [3]). По произведенному изслѣдованію открыто, что изъ числа найденныхъ у него, Шевченка, писемъ часть была получена имъ во время нахожденія его на службѣ въ баталіонѣ № 5 съ 23 іюня 1847 года по 1 мая 1848 года черёзъ Орскую почтовую станцію, стихи и пѣсни въ двухъ аль-

---

[1]) См. Кіев. Стар. 1896 г. № 2, стр. 129—130.

[2]) Полную опись бумагъ, книгъ и вещей найденныхъ у Шевченка при обыскѣ,—смотр.—Кіев. Ст. 1896 г. № 2, стр. 136—138; 1898 г. № 2, стр. 424—427.

[3]) Подробности объ этомъ дѣлѣ, а равно и самый допросъ Шевченка, произведенный 12 іюля 1850 г.—См. въ Кіев. Стар. 1896 г. № 2. Стр. 139—145.

бомахъ на налорусскомъ нарѣчіи не его сочиненія, а записаны имъ только какъ пѣсни народныя во время бытности его въ 1847 году въ Каменецъ Подольской, Кіевской, Волынской губерніяхъ, которыя были на разсмотрѣніи въ 3 отдѣленіи собственной Его Величества канцеляріи и ему возвращены; рисунки, найденные въ тѣхъ альбомахъ, сдѣланы большею частью въ Малороссіи въ 1846 году и нѣсколько въ 1849 въ бытность его на Аральскомъ морѣ по приказанію капитанъ лейтенанта Булгакова какъ воды (виды?) годро графическія (гидро-графическіе?), копіи съ которыхъ поступили къ описанію береговъ Аральскаго моря [1]). Относительно переписки съ разными лицами онъ, рядовой Шевченко, на допросахъ показалъ, что о письмахъ этихъ онъ не объявлялъ начальству потому, что подъ словомъ запрещеніе писать онъ разумѣлъ сочиненія или разсужденія недозволительныя закономъ, и что во всѣхъ его письмахъ не содержится ни одного выраженія, подлежащаго сомнѣнію въ нарушеніи Высочайшей Воли, которая со дня объявленія ему конфирмаціи сохраняется имъ свято. По разсмотрѣніи господиномъ корпуснымъ командиромъ слѣдовательнаго дѣла, Его Превосходительствомъ было донесено господину военному министру съ подробнымъ объясненіемъ все, что открыто, вслѣдствіе чего дежурный генералъ главнаго Штаба Его Императорскаго Величества отъ 9 августа за № 847 увѣдомилъ, что господинъ военный министръ, усматривая изъ отзыва Его Высокопревосходительства, что какъ по произведенному слѣдствію ничего новаго къ обвиненію рядового Шевченка не обнаружено, то во исполненіе Высочайшей Воли вмѣнить ему Шевченко въ наказаніе содержаніе въ гауптвахтѣ, освободивъ изъ подъ ареста, строго внушить ему, чтобы онъ ни подъ какимъ видомъ не осмѣливался нарушать Высочайшаго повелѣнія, коимъ ему воспрещено писать и рисовать, и перевесть его изъ 5-го въ

---

[1]) Это мѣсто приведено нѣсколько не правильно: Капитанъ-лейтенантъ названъ Булгаковымъ, а его фамилія была «Бутаковъ». См. Кіев. Ст. 1896 г. № 2, стр. 144.

другой отдаленнный оренбургскій баталіонъ, съ тѣмъ чтобы ближайшему начальству имѣть за нимъ и за исполненіемъ поименованнаго Высочайшаго воспрещенія самое бдительное наблюденіе, почему и переведенъ въ двѣ роты сего баталіона, въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи расположенныя [1]).

Подлинный подписалъ командиръ баталіона маіоръ Львовъ и баталіонный адъютантъ подпоручикъ Шлиттеръ.

Дѣло № 95. Комендантскаго управленія Ново-Петровскаго укрѣпленія о высылкѣ изъ канцеляріи попечителя кіевскаго учебнаго округа аттестата, бывше выданнаго на званіе свободнаго художника Императорской Академіи Художествъ рядовому линейнаго Оренбургскаго № 1 баталіона Тарасу Шевченкѣ.

Началось 7 января 1855 года.
Кончилось марта » 1855.

Въ канцелярію попечителя
Кіевскаго Учебнаго Округа.

Находясь на службѣ во ввѣренномъ мнѣ укрѣпленіи Оренбургскаго линейнаго № 1 баталіона рядовой Тарасъ Шевченко объявилъ мнѣ, что выданный ему отъ Императорской Академіи Художествъ на званіе свободнаго художника аттестатъ былъ имъ поданъ при прошеніи въ 1846 году въ декабрѣ мѣсяцѣ объ опредѣленіи его учителемъ въ Университетъ Святаго Владиміра. Нынѣ Шевченко, желая имѣть аттестатъ при себѣ, проситъ выслать оный къ мѣсту его служенія, сообщая о чемъ въ канцелярію попечителя кіевскаго учебнаго округа, я имѣю честь покорнѣйше просить не оставить выслать ко мнѣ помянутый аттестатъ, если невстрѣтится къ тому законныхъ препятствій, адресуя оный на имя

[1]) Сравни—Кіев. Стар. 1896 г. № 2, стр. 147.

мое въ Ново-Петровское укрѣпленіе отдѣльнаго оренбургскаго корпуса.

Этимъ и заключается дѣло за № 95. Получилъ-ли Тар. Григ. просимый аттестатъ—неизвѣстно. (Изъ библіотеки Ѳ. С. Романовича).

Сообщ. **С. Рклицкій.**

ГОЛОТА.[1]

(Повистъ).

V.

Прокынувся Юхымъ видъ якогось штовхання у бикъ. Пидвившы голову, винъ озырнувся и зразу передъ собою побачывъ блиде, довгасте, худорляве лычко Марынкы, що, стоячы биля ёго на колиняхъ, дывылась просто на ёго своимы шыроко розплющенымы, сыненькымы оченятамы. Въ хати було жовто видъ сонця, що заходыло й наче на прощання кыдало въ виконце декильки своихъ червоныхъ проминивъ.

— Ты чого? Що тоби?—спытавъ дидъ, спираючысь на ликоть. Марынка боязко подывылась на ёго, потимъ спустыла очи до-долу, потимъ зновъ, наче збираючысь щось сказаты, глянула ёму въ лыце и зновъ неришуче похнюпылась.

— Та що таке?—здывувався Юхымъ, прыдывляючысь пыльнище до неи й до якогось незвычайного выразу іи лыця, на якому теперъ выднилось, кримъ страху, ще бильше тои завзятои упертосты й злистнои одвагы, що ще вранци видблыскувалысь въ іи погляди.

— Та що жъ ты мовчышъ? Чого будыла?

Марынка зновъ зъ-пидъ лоба глянула на ёго и, похнюпывшысь, тыхо, ледве чутно, але твердо промовыла:

---

[1]) См. Кіевск. Стар. №· 1.

— То я вкрала мындаль...

И глянула зновъ въ лыце ёму. Дидъ ажъ сивъ на постели и, высоко пиднявшы бровы, шыроко розплющывъ очи на неи.

— Ты... вкрала...—нарешти скрыкнувъ винъ, але не договорывъ и хутко оглядився по хати. Не було никого, тильки на другому кинци полу биля лежанкы лежавъ прыкрытый кожухамы слабый Панасъ, якому певно не було чутно ничого.

— Ты вкрала мындаль?—тыхище, але все-такы здывовано повторывъ Юхымъ, нахыляючысь и якось прыдывляючысь до неи.

— Украла...—не пидводячы очей, прошопотила Марынка, мнучы дрижачою рукою рукавъ «пальто», якымъ бувъ укрытый Юхымъ.

— Ты?

— Я...

— Мындаль?

— А то жъ...

Дидъ ажъ у бороди почавъ чухатысь.

— Отъ тоби, братъ, и той... и прыпорція!—скрыкнувъ винъ и мовчкы ставъ дывытысь на Марынку, яка то позырала на ёго, то прудко бигала очима по полу, то дывылась соби на колина.

— И такъ такы не побоялась, пишла, взяла та й усе?—спытавъ винъ.

— А то жъ..

Дидъ зновъ якось и заклопотано, и зтурбовано, и разомъ зъ тымъ здывовано почавъ чухатысь въ бороди, дывлячысь на Марынку.

— Да-а.., это, братъ, той... Х-мъ... Прыпорція... Якъ же ты брала іи?

— Такъ. Винъ спавъ, а я прыйшла та й узяла.

— Значыть, ты вже ранищъ дывылась за нымъ, де винъ ляже, де положыть... чы якъ?

— А то жъ...

— Х-мъ... Отъ тоби й Марынка!.. Ну, а для чого жъ ты взяла іи?—раптомъ спытавъ винъ, пыльно дывлячысь на неи.

Марынка хутко пидвела очи й трохы здывовано глянула на ёго, але, зустрившысь зъ ёго поглядомъ, забигала по хати очима й тыхо, похмуро промовыла:

— Такъ...

— Ну, отъ тоби й маешъ!.. «Такъ»... Хто жъ такы «такъ» таке робыть? Для чогось же та брала?

Марынка трохы помовчала, погладыла пальцямы рукавъ «пальто» й проговорыла:

— Продамо... та купымо хату... Утичемъ одъ панивъ... Вы та я... Я іи заховала...—И несмилыво й разомъ зъ тымъ уперто й зъ надіею подывылась на Юхыма. Той мовчкы роздывлявся на неи, мовъ уперше бачывъ іи. Потимъ, такожъ ни слова не кажучы, поволи зкынувъ зъ себе «пальто», злизъ зъ полу й, шукаючы въ кышеняхъ люльку, ставъ задумлыво ходыты по хати. Волосся кругъ лысыны ёму позадыралось до-горы, борода накудовчылась, розтрипалась, але винъ навить и рукою не провивъ.

— Дд-а-а...—нарешти зупынывся винъ проты Марынкы, яка поволи повернулась и сила такъ само на колинахъ лыцемъ до ёго. Проты свитла лыце іи выглядало ще блидше, ще гострище й сынякы пидъ очима булы наче навмысне пидведени симметрычно й выразно.

— Це ты.., дивчыно, той... устругну-ула...—протягнувъ винъ гуняво.—Ій-Богу!.. Одважылась!..

Винъ зновъ почавъ ходыты по хати й колупатысь у кышеняхъ, щось шукаючы. Потимъ вынявъ зъ «брукивъ» люльку, озырнувся, сивъ на лаву й «хмыкнувшы про себе, почавъ насыпаты въ неи тютюну.

— Да... Прыдумала дивчына... Прыдумала... Здорово...—бурмотивъ винъ зъ усмишкою.—«Продамо.., купымо хату... Вы та я»... Хм... То це, значыть, ты мене того й будыла?

— А то жъ...—прошопотила Марынка й смилывище глянула на ёго.

— Та-акъ... Х-мъ... Отъ тоби й Марынка!.. И вона зубы мае... Х-хе!.. та-акъ..

— Я й тюрьмы не боюсь—раптомъ промовыла вона якось завзято й похмуро.

— Такъ, та-акъ...—знову промовывъ Юхымъ, глянувшы на неи тымъ же пыльнымъ поглядомъ, въ якому було й дывування, й якась думка и навить повага.

— И никого не боюсь!—додала вона ще смилывище.—Хай теперъ... садовлять у тюрьму... Купымо соби хату... Вы продасте, диду?

Дидъ зтурбовано подывывся на Панаса, хоча той такъ само лежавъ и не ворушывся, и посмихнувся.

— Продасте?

— Х-мъ... Та продать, дивчыно, можно, та... хто ёго зна, що зъ того буде... Хату... х-мъ... Не за всяку мындаль и купышъ хату... Якъ не знать яка мындаль, то й дадуть небагато... Усяки бувають...

— Якъ «небагато»?—перебыла напружено, суворо Марынка.—За царську мындаль та небагато? А буфечыкъ казавъ, що трахтыръ поставывъ бы?

— Х-мъ... Хто ёго зна... Буфечыкъ... А вона де́ въ тебе?

— У саду.., закопана.

— Ну, такъ ты ось що... Катай, визьмы та прынесы, я подывлюсь на неи...

Марынка схопылась и, зстрыбнувшы зъ полу, хотила вже бигты, колы дидъ зупынывъ іи.

— Пидожды! Сюды не несы, бо тутъ або хтось буде, або надійде саме въ той часъ... Краще такъ... Я пиду заразъ за стайню, а ты прынесешъ мени туды... Та гляды, щобъ нихто не бачывъ... Понимаешъ?

Марынка тильки слухала й хытала головою. Потимъ повернулась и заляпала босымы ногамы зъ хаты. А дидъ набывъ люльку зъ тымъ же задумлыво-заклопотаным выглядомъ, запалывъ іи, насунувъ на голову шапку, накынувъ на плечи «пальто» и поволи, поважно выйшовъ зъ кухни. Сонце вже спускалось за селянськымы витрякамы ажъ по той бикъ яру й золотыло вершечкы саду, дымари на зализній зеленій покривли панського

будынку й старе гниздо чорногузивъ на вершечку высокои клуни, що стояла за загонамы. На подвирьи стоявъ велыкый рухъ. Коло стайни й загонивъ, що булы якъ-разъ проты кухни, биля двохъ велыкыхъ купъ гною та кизякивъ стояло два возы, въ яки Трохымъ, Киндратъ та Андрій вылкамы кыдалы гній, Андрій—та Грыць удвохъ булы биля одного воза, а Трохымъ самъ коло другого, якый стоявъ ступнивъ на сорокъ видъ ихнёго, блыжче до шырокыхъ дверей стайни. У загони лунало ревиння воливъ, Савчыне гукання на когось; зъ розчыняныхъ дверей амбару йшовъ густый стовпъ пороху й чувся гуркитъ віялкы и гоминъ людськыхъ голосивъ; биля билои кухни бигалы покойивкы, ходылы кучери.

Юхымъ, поволи ступаючы, наблызывся до хлопцивъ и зупынывся, дывлячысь, якъ гній, перемишаный зъ соломою, неривнымы пасмамы падавъ и звысавъ зъ полудрабкивъ Трохымового возу.

— Це щé разъ думаете одтарабаныты?—звертаючысь до Трохыма, хытнувъ дидъ на воза.

— Ще разъ...—бовкнувъ той понуро и, зачепывшы вылкамы червоно-бурого гною, шпурнувъ ёго на визъ. Потимъ настромывъ знову вылкы и знову, не дывлячысь на визъ, нахылывся и знову шпурнувъ, и все зъ тымъ же похмурымъ, суворымъ выглядомъ.

— А куды це дидъ зиб-ра-алысь?—зачувся Грыцивъ голосъ видъ другого воза.—Уже зъ калата-алкою?

— Ни!—крыкнувъ Юхымъ.—Такъ... На проходку...

Ёму выдно було, якъ Грыць щось сказавъ Андріеви, потимъ жартовлыво вдарывъ того по плечи й, колы той хутко повернувся до ёго й почавъ щось палко-сердыто говорыты, винъ одкынувся назадъ и по всёму повдирью голосно залунало: гý-угу-гу-гу!»

Юхымъ не хапаючысь, почовгавъ соби дали, пидійшовъ до стайни, зазырнувъ у двери, поторгавъ за штабу, потимъ постоявъ, подывывся на небо, позихнувъ и мляво, линыво рушывъ за стайню, яка заднёю стинкою выходыла въ садъ. Тамъ, сыня зъ

холоду, вже стояла Марынка й напружено дывылася до вузенького проходу, що бувъ мижъ стинкою загону й стайни и черезъ якый тильки й можно було пройты сюды. Видъ іи голыхъ, забрудженыхъ нигъ биглы по чорній, розмытій земли слиды ажъ у глыбъ саду. Забачывшы Юхыма, вона хутко пидійшла до ёго й, озырнувшысь навкругы, подала ёму щось замотане въ грубу полотняну ганчирку и перевьязане брудным мотузкомъ. Дидъ мовчкы сховавъ ёго въ кышеню и, зробывшы ій знакъ иты назадъ, самъ повернувся, пролизъ у проходъ и, почекавшы, покы Марынка не счезла за деревамы саду, выйшовъ зновъ, розмотавъ ганчирку й почавъ обережно роздывлятыся на невелычкый хрестъ зъ кильцемъ на одному рози, черезъ яке була протягнута штучно зложена рижноколёрова стёжка. Оглядившы ёго зо всихъ бокивъ, дидъ Юхымъ зневажлыво похытавъ головою и сякъ такъ замотавшы ёго, сунувъ у кышеню и тыхо выйшовъ зъ-за стайни. На устахъ ёму грала сумна иронычна усмишка. Поривнявшысь зъ Трохымомъ, винъ зупынывся и довго стоявъ, якось заклопотано замыслывшысь, то стыскуючы плечыма, то глузлыво всмихаючысь, то знову стыскуючы плечыма. Нарешти подывывся на Трохыма, що докыдавъ вже воза, и тыхо сказавъ:

— Трохыме!

Трохымъ озырнувся.

— А знаешъ, хто мындаль узявъ?

Трохымъ похмуро подывывся на ёго й коротко спытавъ:

— Хто?

— А вгадай...

— Хыба знайшлы вже?

Дидъ загадково всмихнувся.

— Знайты то знайшлы, та не ти, кому треба...

Трохымъ мовчкы встромывъ вылка въ купу и ставъ полою свыты вытыраты зъ лоба питъ, ни слова все-такы не кажучы.

— Николы, братъ, не вгадавъ бы... Сказать? Га?—промовывъ Юхымъ.

— Софійка?—похмуро спытавъ Трохымъ.

— Ни..

— Ну, то не знаю.

Дидъ озырнувся, потимъ хвылыны зо тры дывывся на Трохыма, нибы вагаючысь, чы говорыты, чы ни, нарешти приставывъ долоню до рота и тыхо промовывъ:

— Ма-рын-ка!

Трохыма нибы вкололо що. Винъ хутко подывывся на Юхыма й недовирлыво промовывъ:

— Ну, отъ! Говори-ить!

— Верное слово!

— Звидкы знаете?

— Знаю вже... Я бъ и самъ николы не повирывъ, якъ бы мени хто сказавъ...

Трохымъ ще разъ неймовирно подывывся на дида, потимъ схопывъ вылка и ще зъ бильшымъ завзяттямъ почавъ шпурляты гній. Потимъ раптомъ спынывся й, повернувшысь до Юхыма, спытавъ зъ якоюсь злистно-завдоволеною усмишкою:

— Якъ же воно, кошеня, насмилылось такъ? Таке паршыве, засмоктане...

— А отъ пиды жъ ты!—хытнувъ головою Юхымъ, тежъ завдоволено всмихаючысь.—Засмоктане, засмоктане, а отъ тоби!.. Та ще, братъ, яка выходыть сторія... Прямо такы чыста прыпорція та й годи!—(Дидъ озырнувся навкругы, а Трохымъ, прыслухуючысь, поволи почавъ знову кыдаты гній).—Спавъ отто я писля обиду... Щось таке ще мени десь снытся, колы чую: щось шарпъ!.. шарпъ!.. за полу. Що за прытенція? думаю соби. Пидвожусь... Дывлюсь, вона; сыдыть коло мене, дывытся такъ якось чудно... «Чого кажу, що треба?» А вона мнялась, мнялась та якъ выстрилыть прямо такъ: «я, каже, украла мындаль». Що? якъ?.. Не панимаю такы просто зъ первоначалу... Объяснила... «На́ що жъ ты вкрала?»—«А, каже, утичемъ одъ панивъ, продамо та купымо соби хату»... Панимаешъ?!—(Трохымъ зновъ мовчкы завдоволено посмихнувся).—Це, значыть, я и вона... Отъ тоби й засмоктане... Я, каже, й тюрьмы не боюся и ничого теперъ не боюся...

— Та ну?!—скрыкнувъ Трохымъ.

— Ій-Богу!.. то воно вчора слухало соби, а теперъ и той...

Трохымъ раптомъ завдоволено зареготався. Винъ взагали сміявся дуже ридко, але колы сміявся, то се выходыло у ёго якось сухо, жорстко, такъ що, дывлячысь въ той часъ на ёго дрибни, били зубы, яки ривно вызыралы зъ-за тонкыхъ, розтягнутыхъ губъ, не тильки не хотилось, якъ звычайно, сміятысь и соби, а навпакы робылось якось ніяково й важко.

— И мындаль дала вже мени...

— Дала?!

— Дала... Оченята зробылысь таки жвави, сама наче постарищала... Ій-Богу!

— Ну, й мындаль справди щось путне!

Юхымъ сумно, насмишкувато всмихнувся и махнувъ рукою.

— Я думавъ справди, що то мындаль, якъ мындаль: зъ золота, або зъ драгоцинныхъ каменивъ, а то такъ тоби ни те, ни се... Правда, хрестомъ зроблена, та що зъ того? Що за неи дадуть? А продавать треба тыхо, щобъ и свое вухо не почуло... Може й кыне хто якыхъ тры, пьять рубливъ... Такъ за ихъ хаты не купышъ. Отъ и выходыть клопитъ: продай—горе, не продай—бида. Продай—такъ не повирыть, що такъ мало далы, подума—й свои обманюють... Не продай—те жъ горе. Не хочуть, мовлявъ, помогты свои... А кынется до инчого, то ще й у тюрьму попаде... О... Та не такъ тюрьма, якъ те, що вона, братъ, теперъ такъ сподивается, такъ вирыть, а тутъ на́ тоби, така ій прыпорція... Отъ що!.. Обизлытся, зачерствіе дивчына... Буде така якъ... ты...

Трохымъ зновъ нахнюпывсь и мовчкы, ходячы навкругы, почавъ прыбываты вылкамы вывершеный вже визъ, якый теперъ дуже бувъ схожый на маленьку хатку, тильки безъ дымаря. Дидъ выйнявъ люльку и ставъ задумлыво набываты іи.

— Ну, а ты що скажешъ?—нарешти звернувся винъ до Трохыма, якый устромывъ вылка збоку въ визъ и почавъ упорядковуваты биля дышла мотузяни шлеи.

— Я?—подывывся на ёго Трохымъ.—Що жъ я скажу?.. Вона пры васъ?

— Пры мени...

Трохымъ кынувъ въ-останне на наготовлени вже до упряжи шлеи и мовчкы попрямувавъ до стайни. Юхымъ выкресавъ огню, запалывъ люльку и соби пишовъ туды. Трохымъ возывся щось биля хомута, що высивъ на стини на килку и, трохы схылывшы голову на бикъ, грызъ зубамы якыйсь вузолъ, сылкуючысь розвьязаты ёго. Кровъ одъ натуґы и злосты прылыла ёму до лыця, и воно було ажъ сыне, а на шыи такъ понапыналысь жылы, нибы ёму хто пидъ шкурою протягъ тонкый дритъ. Кони, якъ и разъ-у-разъ, колы въ стайню ввиходывъ Трохымъ, булы мовъ збентежени, боязко-косо дывылысь на ёго своимы чорно-сынимы блыскучымы очима й щильно тулылысь одне до одного. Вмыть Трохымъ злистно шпурнувъ одъ себе хомутъ, вылаявся и, вытершы губы, пидийшовъ до коней.

— Поверны-ысь!—хрыпко, зъ ненавыстю крыкнувъ винъ. Невелычка, кудлата, чала конячынка и трохы выща за неи вороненька, зъ рудымы, вытертымы бокамы, зтурбовано затупалы ногамы по угноеній, мокрій земли и, тулячысь бокамы, заразъ же повернулысь. Трохымъ мовчкы озырнувся до дида и, хытнувшы головою, похмуро поманувъ за собою. Дидъ трохы здывовано подывывся на ёго, але заразъ же пишовъ до яселъ, де зупынывся Трохымъ.

— А ну, покажить!—бовкнувъ той, показуючы головою на ёго кышеню.

— Що показать?—не зрозумивъ Юхымъ.

— Та мындаль же!

— А-а!!...

Дидъ похапцемъ встромывъ люльку въ ротъ, кынувся до кышени—вынявъ ганчирку, розгорнувъ іи и, держачы «мындаль» за стёжку, пиднисъ іи мало не до самого Трохымового носу. Той ажъ одхылывся трохы и, взявшы зъ рукъ дида невелычкый хрестъ, почавъ пыльно, зъ злорадною всмишкою розглядать на вси бокы, то мнучы ёго въ замазаныхъ гноемъ пальцяхъ, то держачы на вкрытій мозолямы долони й не перестаючы ввесь часъ усмихатысь. Нарешти подавъ ёго дидови, що, тежъ усмихаючысь и

пыхкаючы люлькою, слидкувавъ за нымъ и, здвыгнувшы плечыма, промовывъ:

— Сховайте... Може що й буде зъ неи... Чортъ іи зна, може вона й дорога...

— Та, звисно, заховаю...—замотуючы знову у ганчирку хрестъ, згодывся Юхымъ.—Це не штука... А отъ якъ зъ Марынкою... отъ що!.. Що ій сказать?

Трохымъ ничого не одмовывъ ёму. Пидійшовшы до высокои гнидои кобылы Рухли, винъ штовхнувъ іи кулакомъ у морду, такъ що вона ажъ хытнула вгору головою, и почавъ одвьязуваты недоуздокъ видъ ясель. Одвьязавшы, шарпнувъ нымъ и мовчкы пишовъ изъ стайни, ведучы за собою Рухлю. Та спершу йшла спокійно, але де дали, то все ставала неспокійнищою: то прыщулыть вуха, то раптомъ зупынытся нибы для того, щобъ почухаты головою ногу и шарпне недоуздкомъ такъ, що мало не вырве ёго зъ рукъ у Трохыма, то почне хропты наче зъ переляку. Се була одна зъ найлукавищыхъ кобылъ на всю экономію. Але Трохымъ тильки позыравъ на неи й, очевыдячкы, здержуючы себе, йшовъ дали. Пидвившы іи до воза, винъ зупынывся, пиднявъ зъ землі шлею и хотивъ надиты іи на голову, але вона, наче злякавшысь, раптомъ шарпнулась, кынулась у бикъ и мало-мало не вырвалась ёму зъ рукъ.

— А-а, ты та-акъ!—кынувъ мовъ про себе Трохымъ и, не выпускаючы недоуздка, пидійшовъ до воза, вытягъ зъ ёго вылка и, одвившы ихъ одъ себе, вмыть зо всеи сылы такъ ударывъ іи по ребрахъ, що въ жывоти у неи ажъ ёкнуло щось, а сама вона спершу шарпнулась знову, але заразъ же заспокоилась и, скоса поглядаючы на вылка очима, покирлыво пишла за нымъ.

— Поверны-сь!—крыкнувъ винъ. Рухля трохы подалась задомъ и наступыла на посторонокъ.

— Ножку!—ударывъ винъ іи чоботомъ по нози. Рухля прыщулыла, якъ заиць, вуха, пидняла ногу, але знову поставыла іи на посторонокъ.

— Ножку!!—голоснище сказавъ Трохымъ и зо всеи сылы вдарывъ іи пидборомъ трохы выще копыта. Рухля, нибы роздра-

тована такою несправедлывистю, прыщулыла вуха и, хутко повернувшы голову, хотила грызнуты його за плече и якъ бы винъ не одскочывъ, то певне зоставыла бъ кривавый слидъ своихъ жовтыхъ велыкыхъ зубивъ.

— А-а!—захрыпивъ винъ.—Ты ще хочешъ?.. Добре!..—и, не выпускаючы недоуздка, потягся знову до кынутыхъ биля возу вылокъ. Але Рухля, наче догадавшысь, до чого воно йдется, раптомъ шарпнула головою, посунулась задомъ и прыщулывшы ще щильнише вуха, пидняла высоко голову.

— Но!—потягъ винъ за недоуздокъ. Рухля тильки ще бильше посунулась назадъ.

— Н-н-о!!—прошыпивъ винъ, дрижучы весь и налываючысь кривью. И раптомъ зигнувся, якъ звирь, що кыдается на здобычъ, чудно якось хрыпнувъ, стрыбнувъ упередъ и, вхопывшысь рукамы за шыю, впывся ій зубамы въ холку.

—И-и!!—заржала зъ болю Рухля й хотила повернуты морду, але заразъ же дистала та́къ по голови, що ажъ мотнула нею й якъ шалена закрутылась на одному мисци... А винъ, вскочывшы ій на спыну, мицнище обхопывъ іи и зъ ревомъ якымсь грызъ ій шыю, хытаючы головою й наче бажаючы яко мога глыбше вгрызтыся въ жыве мясо. Грыць та Андрій ажъ вылка повыпускалы й перелякано дывылысь на сю дыку боротьбу, а дидъ Юхымъ, якъ нисъ люльку до роту, то такъ и застыгъ на одному мисци. Нарешти Рухля скажено фыцнула задомъ, шарпнулась впередъ; Трохымъ зстрыбнувъ на землю и дрижучы весь, якъ у пропасныци, пиднявъ зъ земли шапку и, шарпнувшы недоуздкомъ, прошыпивъ:

— Бу-удешъ?!

Рухля вся тремтила и, трусячы шыею, мовъ бажаючы скынуты щось зъ неи, покирлыво стояла й водыла на вси бокы очима, зъ куточкивъ якыхъ теклы слёзы.

— Н-но! — крыкнувъ Трохымъ знову, надиваючы шапку на голову й не вытыраючы губъ, на якыхъ выступыла пина, змишана зъ кривью. Рухля хутко посунулась впередъ и, труснувшы грывою, подывылась на його.

— Повернысь!

Вона вже не щулылась, а навить сама всунула голову въ шлею и стала, якъ слидъ, вздовжъ дышла.

-- Я... тоби покажу-у!..—важко сопучы промовывъ винъ, поправляючы й оглядаючы іи зо всихъ бокивъ. Потимъ повернувся и мовчкы пишовъ до стайни.

— Ну, братъ!.. Вона добра, а ты... ще луччый!—покрутывшы головою, сказавъ дидъ, колы той проходывъ повзъ ёго. Але Трохымъ тильки кынувъ на ёго похмуро окомъ и мовчкы пишовъ у стайню. Въ сей ментъ биля другого возу залунавъ голосный Грыцивъ регитъ и тыха мова Андрія.

— Отъ, диду!—раптомъ зачувъ Юхымъ видъ ныхъ.—Добрый жеребець? Га?—Го́-го-го! А подывится, чы держытся ще голова тамъ!

-- Та й злый же, братъ ты мой!—тыхище почулось видъ Андрія.

— Гу́-у-гу-гу!—завдоволено одкынувся назадъ Грыць, але въ сей ментъ изъ стайни выйшовъ знову Трохымъ, ведучы за собою Вороненького, якый ще дожовувавъ сино й меланхолычно похытуючы головою, поважно й спокійно ступавъ за нымъ. Грыць трохы зтыхъ, а дидъ постоявъ ще трохы, подывывся, якъ Трохымъ запрягавъ Вороненького, и, покручуючы головою й усмихаючысь, поволи пишовъ до хаты.

Въ кухни вже не було жовтого свитла сонця, але ще було досыть выдно, такъ що Юхымъ заразъ же, тильки переступывъ поригъ, помитывъ офыцера, що въ сей ментъ зъ дуже байдужымъ выглядомъ одходывъ видъ мыспыка, биля якого стояла Кылына. Не важко було жывымъ, прудкымъ очамъ дида побачыты тако-жъ, що груды Кылыны высоко й неривно здіймалысь, а на щокахъ выступылы два червони кружкы. Колы жъ офыцеръ повернувся, а дидъ, уклонывшысь, зыркнувъ на ёго, то такожъ не промынувъ того, що въ ёго одынъ вусъ стырчавъ у гору, другый розкудовчывся й дывывся у ныз, лыце було червоне, здавалось, винъ тильки що добре вышарувався сухымъ, грубымъ рушныкомъ. Биля печи, доли, сыдила Марынка и чыстыла кар-

топлю, кыдаючы іи въ велыку макитру, и хутко бигала по всихъ очима.

— Такъ Халабуды здѣсь не было?—поправляючы картуза й прыглажуючы вуса, спытавъ Олександръ.

— Ни, не було...—не повертаючысь, глухо промовыла Кылына.

— Х-мъ... странно... Если придетъ, скажите ему, что я ищу его...

— Добре...

Офыцеръ постоявъ ще трохы, дывлячысь въ спыну Кылыны, яка щось заклопотано колупалась у мысныку, покрутывъ вуса й, дывлячысь соби на чоботы, помалу выйшовъ зъ кухни. Кылына злегка повернула голову до викна, провела очима струнку постать офыцера, зитхнула и, повернувшысь, пидійшла до лежанкы й мовчкы стала поратысь биля казанивъ. Юхымъ такожъ мовчкы наблызывся до полу, подывывся на Панаса, коло якого стояла мыска зъ недойидкамы сметаны и крыхтамы хлиба, вылизъ на пилъ и, крекчучы, лигъ головою на кожухъ и прыкрывся своимъ «пальто». Въ хати було тыхо, тильки биля лежанкы плескала водою Кылына та шарудила картоплею Марынка. Юхымъ не счувся, якъ и заснувъ.

Колы жъ винъ прокынувся, протеръ очи и, сыдячы на полу, подывывся навкругы—въ хати вже горила лампочка и було людно. Посередъ кухни стоявъ въ шапци Халабуда, заклавшы одну руку за спыну, а другою своимъ звычаемъ поглажуючы нисъ и кучеряви вусы, и щось говорывъ до Кылыны, що стояла биля лежанкы. У кутку, пидъ образамы, на своему звычайному мисци сыдивъ Трохымъ и гостро подывлявся на прыкащыка. Биля его, коло лавы, стоявъ Киндратъ та Грыць и мовчкы похмуро слухалы; дали сыдивъ на лави Савка зъ своимъ незавдоволенымъ, шырокымъ лыцемъ и здоровенными, рудымы видъ воды чобитьмы. По другый кинець столу стоявъ Андрій и пыльнувавъ губъ Халабудыныхъ, роззявывшы трохы рота. Петрыкъ, Санька и Софія стоялы биля полу спыною до дида.

— Отъ и выходыть окончательно, шо ты нехорошая кухарка,—сказавъ Халабуда, дывлячысь на Кылыну.—И борщъ, говорять, безъ сомненія не смашной, и хлебъ глывкой. И каша плохая...

— Бо погане пшоно дають,—бовкнувъ несподивано Савка, дывлячысь у вогонь зъ грубкы.

Халабуда хутко повернувся до ёго.

— Какъ?—спытавъ винъ.

— Такъ,—клипнувшы на ёго очима, посмихнувся Савка.

— Говоры голосней, я не разобралъ... Какое пшоно?

— Погане! Какое жъ бильшъ?—злистно муркнувъ Савка.—Погане пшоно, то погана й каша.

Халабуда мовчкы зъ зневажлывою усмишкою подывывся на ёго, потимъ махнувъ рукою, мовлявъ: «йе, що зъ нымъ, биднымъ, говорыты»! и зновъ повернувся до Кылыны, яка спокійно стояла соби биля казанивъ и тильки всмихалася зъ такымъ выглядомъ, якый наче говорывъ: «Говоры соби! Знаю я все, чого хочешъ!»

— Да,—почавъ знову Халабуда добродушно.—А какъ на должности, прымеромъ, прачкы ты... той... окончательно хорошая була бъ... Потому здоровья имеишъ сибе... Да-а... И чыста робота безъ сомненія... А на твое место тутъ другая просытся... Бедная женчына.. Потому нада жъ такы и до бедныхъ сострадать... Сказать, прымеромъ

— Знаете що?—перебыла ёго Кылына.—Вы хочете мени рощотъ дать? То такъ и кажить... А то и бидныхъ сюды и... Казалы бъ прямо...

— Кылыно!—зъ мягкымъ докоромъ скрыкнувъ Халабуда и навить руку простягнувъ, мовъ захыщаючысь.—Какъ же тибе не стыдно оттакое говорыть?.. Ей-е-ей! Я іи мѣсто даю хороше, а вона... Э, ето вже не хорошо... безъ сомненія не хорошо... Разли жъ я вынувать, шо ты не подходышъ на должности кухаркы?.. Правда,—безсыло розвивъ винъ рукою,—если не захочешъ за прачку стать, то прыйдеться тибе розчытать, але упьять такы тутъ уже я... не касательный, бо тутъ вже... самъ панъ прыказавъ. Такъ отъ, выбирай...

Кылына ничого не одмовыла, тильки похмурылась и пыльно почала коштуваты вечерю. Халабуда зыркнувъ на неи и, такожъ ничого дали не кажучы, мовъ боячысь іи поспишнои одповиди, одвернувся видъ лежанкы. Подывывшысь мягкымъ поглядомъ по хати, винъ зупынывъ поглядъ на Панасови, якый лежавъ прыкрытый до грудей кожухомъ, и наче згадавшы щось, ни до кого власне не звертаючысь, промовывъ:

— Ну, а Панаса завтра хтось одвезеть такы у Глыняне... Бо на ёго место вже другой будеть... Запряжуть Сыву й Хлопчыка у вкрытый визъ, соломкы безъ сомненія и... какъ-тось нада одвезты челаека...

Панасъ байдуже, тупо подывывся на ёго и хрыпло, важко дыхаючы, пидмостывъ пидъ плечи свыту й сперся на неи. Нихто ничого не одмовывъ Халабуди,—хто дывывся соби пидъ ногы, хто похмуро грызъ нигти, а хто бигавъ очима по хати, нибы шукаючы такого куточка, де бъ не можна було зустритыся зъ тыхымъ, мягкымъ поглядомъ прыкащыка.

— Що жъ ёму тутъ лежать?—заговорывъ сей зновъ, роздывляючысь на Панаса.—Никоторого тутъ ёму... э... окончательно сказать, успомо... успомоществованія... нема... Безполезно лежыть сибе... Да... А тамъ усё такы какыись сродственыкы знайдуця, чы такъ хто-сь...—О... Отъ завтра Грыцько безъ сомненія соберётця та й завезёть слабого...—(Грыцько ніяко посмихнувся и незадоволено почавъ чухаты потылыцю).—Раненько соберётця, та й рушыть сибе... Тутъ недалёко, верстовъ зъ десять не бо́ліе...

— Де десять?!—скрыкнувъ Грыць.—У Глыняне десять? Та туды й пьятнадцять мало!

— Ну, чы десять, чы бо́ліе... ето все рамно!

— Хмъ... «усё рамно́»...—зновъ замнявся Грыць, чухаючысь уже на самій потылыци.—Якъ бы самому, такъ воно ничого, а зъ слабымъ чоловикомъ... А якъ Панасъ помруть по дорози, що я тоди?

— Ну, отъ!—усмихнувся добродушно Халабуда.—Чого жъ ёму помирать? Безъ сомненія ще й насъ пережывётъ... Немножко заслабелъ... челаекъ, то верно. Такъ ето жъ у ёго часто буваеть...

Послабееть, та й выдужаеть окончательно сибе на здоровья... Да... А помирать... зачымъ? Чудачокъ, ій-Богу...

— Такъ хай Панасъ тутъ соби выдужають, а по здоровью й пидуть соби, якъ що не схочете держать...—хутко проговорывъ Грыць и зъ надіею подывывся на прыкащыка. Але той тильки мягко-нетерпляче повивъ головою и, якъ маленькому хлопчыкови, ставъ ёму выясняты, що економія зовсимъ не больныця и що «окончательно» николы для хорыхъ не будувалась. А черезъ се винъ мусыть неодминно завтра везты Панаса та й годи.

— Я не знаю, ій-Богу...—пиднявъ якось бровы й, скрывывшысь, почухався Грыць.—Хай хтось другый повезе...

— Ну, хто жъ другый?—мягко спытавъ Халабуда и повивъ по всихъ очима.

Петрыкъ, що прудко бигавъ очима по хати, вмыть повернувся до Санькы и заклопотано почавъ ій щось говорыты.

— Ну, пущай Трохымъ повезёть...

Петрыкъ переставъ говорыты и подывывся на Трохыма.

— Трохымъ не повезе!—твердо й злистно сказавъ той.— Ще не бувъ душегубцемъ и не хочу буты!

Халабуда якось пыльно подывывся на ёго, але наче ничого особлывого не почувъ, одвернувся, почыстывъ двома пальцямы кинчыкъ носа й хотивъ дали говорыты, але въ сей ментъ Киндратъ прокашлявся и, трохы почервонившы, зъ запынкамы заговорывъ:

— Вы отъ сами... той... кажете, що у дядька Панаса бувае це часто... Такъ нехай воны полежать, выдужають... А то жъ хиба можна... у негоду, по мокрому везты слабого?.. Воны жъ не у кого заслаблы, якъ тутъ... По фельшера послаты бъ... А то жъ... Це жъ смерть може буты... Якъ той... колы...

Винъ заплутався, почервонивъ ще бильше и, замовкнувшы, ніяково-соромлыво всмихнувся до всихъ.

— Годують вивсякамы та помыямы, та ще хочуть, щобъ не заслабъ,—почулось раптомъ видъ Савкы.—Та щей выганяють на смерть... Отъ не повеземъ та й усе! Отъ нихто хай не везе!

Винъ навить уставъ и завзято озырнувъ усихъ.

— Ну, ты, Савко, помалкуй соби тамъ!—махнувъ на ёго рукою Халабуда.

— А то що?—зневажлыво подывывся на его Савка.—Розсчытаете? Ой-ой-ой! Злякався... Охъ, Боже жъ мій!.. Яке горе... То й розсчытуйте! Наче тильки й свиту, що ваша окономія!

— Х-мъ! Отъ неблагодарность!—хытнувъ на его головою Халабуда.—Уже забувъ, какъ просылся со слёзамы на глазахъ, щобъ прыйнялы его... А теперъ... смотры какой!.. Какъ будто я на самъ-дели хочу шось такое зделать зъ Панасомъ... Даешъ безъ сомненія коней, воза, одвезуть, какъ следъ, спокойно, благородно... Ще не хорошо! Не благодарно! не благода-арно! Прыймаешъ ихъ окончательно какъ людей, даешъ имъ помищеніе, пропытаніе, усё какъ следъ, а воны тебе... Отъ, прымеромъ, Трохымъ... Я не посмотрелъ, шо его прогналы одъ Кованьковського... Безъ сомненія прыйнялъ... Челаекъ просыть, какъ одказать... А выходыть окончательно, шо онъ... неблагодарный...

— А якъ вы прыйнялы Трохыма?—перебывъ его той.—На пивъ дешевше, нижъ у Кованьковського. Та за це вамъ у ногы падать? На душогубство йты? Хо! Дуже вже жырно буде! Самъ не повезу и повезты не дамъ... Чуете? Хай спробуе хтось повезты!

Винъ усмихнувся спокійно, але въ голоси дзвенила така тверда, непохытна ришучисть, таке зле, повне ненавысты чуття, що Халабуда зновъ пыльно-пыльно подывывся на его и зновъ ничого не одмовывъ, а, одвернувшысь, ще тыхище, ще лагиднище заговорывъ соби доли:

— И послабленія усяки имъ робышъ и... вольготы... У село хоче йты—иды. Погулять?.. Погуляй сибе... А окончательно выходыть усё то напрасно... Прыходыть, скажемо, какойсь отець... Просыть: «Бога рады, прыймить сына до економіи... Зима такая важкая теперъ».. Отъ, прымеромъ, отець Андрія... И не бедный, хазяинъ.., а прыйнялъ... А отъ кынься теперь до Андрея, такъ и онъ безъ сомненія за всема скаже «не повезу».

— Ну, цей не скаже!—усмихнувся Трохымъ.—То—вашъ! Хазяйськи сыны благодарни... То мы вже голодрабци...

Андрій, що напружено, вперто дывывся пидъ лежанку, пры сій мови пидвивъ раптово голову, почервонивъ и, блыснувшы

очима до Трохыма, повернувся до Халабуды й одрывчысто, ришуче-палко промовывъ:

— Я повезу завтра!.. Дасте коней... Я повезу!

— Повезешъ?!—не всмихаючысь и впывшысь у його своимы чорненькымы, пронызуватымы очима, спытавъ Трохымъ.

— И повезу!—пиднявъ голову до горы Андрій.—Думаешъ, тебе злякався? Голодрабця? А-ну, спробуй тильки зачепыты!

— Добре!—хытнувъ головою Трохымъ.—Везы!

Халабуда хотивъ вмишатысь, але въ сей ментъ на полу заворушывся Панасъ. Прохрыпивши щось тыхо, винъ одитхнувъ и голоснище проговорывъ:

— Не чипай, Трохыме... Хай... везуть... Що тамъ! Все одно... Тамъ що... слидъ мени—(звернувся винъ до Халабуды)— посчытайте... Все одно... Чы тутъ, чы тамъ...

Блиде, затягнуте въ середыну лыце його, зъ ридкымъ, звыслымъ волоссямъ и цапыною рудою боридкою, було якесь байдуже, мляве й выявляло одну тильки безсылисть и муку видъ хоробы. Винъ збирався ще щось сказаты, але захрыпивъ, захытався пидъ глухымъ кашлемъ и, махнувшы рукою, сперся на свыту.

— Ну, отъ и харашо!.. И окончательно... той... харашо!— пидхопывъ добродушно Халабуда.—Андрій повезёть сибе завтра и... и конецъ. Да... А теперъ я й пойду... Вы жъ, хлопци, завтра, якъ я говорылъ... Грыцько поедить за поденнымы...

— Та знаемо!—перебывъ його Трохымъ.—Чулы...

— Мени треба на село!—раптомъ промовывъ Андрій, звертаючысь до Халабуды.—Я не довго буду!..

— А чого жъ!.. А чого жъ!..—заразъ же згодывся той.— Када нада, то йды... А чого жъ!.. Тольки не барысь, потому... той...

И не договорывшы, наче справди поспишаючыся, винъ повернувся и, глянувшы мымохидь на Кылыну, що стояла биля казанивъ спыною до столу, зъ диловытымъ выглядомъ выйшовъ изъ хаты. За нымъ, не дывлячысь ни на кого, якось завзято гордо, накынувшы на опацкы свыту, выйшовъ и Андрій. Якъ тильки воны выйшлы, въ хати пиднявся гоминъ. Грыць и Со-

фійка гнивно, зъ запаломъ почалы лаяты Андрія, Санька боронила ёго, Петрыкъ вылявъ и не стоявъ ни за тыхъ, ни за сыхъ, Кылына мовчала, а Трохымъ, пидійшовъ до Юхыма и, щось промовывшы ёму тыхо, накынувъ на голову шапку и выйшовъ изъ хаты. Заразъ же выйшовъ за нымъ и Юхымъ. Якъ тильки винъ переступывъ за пörигъ синей, Трохымъ, що чекавъ вже на ёго, заразъ же тыхо, ришуче спытавъ ёго:

— Мындаль пры васъ?

— Пры мени.

— Дайте іи сюды!

— Та що буде?

— Щось... Я ёму покажу...

Дидъ почавъ колупатысь за пазухою и хутко выйнявъ звидты загорнуту «мындаль».

— Я ёму покажу...—глухо злистно промовывъ Трохымъ, беручы зъ рукъ Юхыма ганчирку й розгортуючы іи.—Буде винъ знать, якъ голодрабцивъ на смерть возыты... Щеня!..

— Що жъ ты ёму зробышъ?—зацикавлено спытавъ дидъ.

— Що?.. Я ёму пидкыну мындаль, а завтра скажу, що у когось есть... Хай пошукають...

— Та-акъ?—протягнувъ дидъ.—Х-мъ... Це жъ, брать, тюрьмою пахне..

— Тюрьмою?.. Ха-ха-ха!—терпко засміявся Трохымъ, нызько нахыляючысь до рукъ, въ якыхъ ледве сиривъ невелычкый хрестъ.— А я не знавъ... Ну, ничого, хай покуштуе... и хазяйськый сынъ.

— Х-мъ...—замыслывся Юхымъ.—Це той... И мындаль пропаде задурно и.. все такы... Воно то правда, парубокъ дуже вже задается... але жъ тутъ...

— А щобъ Марынка не дуже жалкувала,—не слухаючы ёго заговорывъ знову Трохымъ—то мы панкови ось що зробымо...—И винъ, держучы хреста въ пальцяхъ обохъ рукъ, зробывъ нымы такъ, нибы хотивъ переломыты на двое. Дидъ ажъ за рукы схопывъ ёго, якъ догадався, що винъ хоче робыты.

— Тю! Сказывся, хлопче?—злякано прошопотивъ винъ, вырываючы видъ его хрестъ.—Та тоди жъ заразъ же догадаются, що на злисть зроблено. Ну, й ты жъ...

— Х-мъ... справди...—зъ жалемъ згодывся Трохымъ.—Ну, чортъ его беры, хай вже носыть панокъ. Ну, а мындаль все такы дайте сюды.

— Щобъ поламавъ?—усмихнувся дидъ, вертаючы хрестъ. Трохымъ взявъ, замотавъ у ганчирку й сховавъ у кышеню. А дидъ, подумавшы трохы, поволи почавъ:

— Бачъ... колы вже дило на те йде... х-мъ... то треба его й робыты добре. А такъ, якъ ты хочешъ, такъ не годытся, такъ заразъ же впизнають, що пидкынено. Тутъ треба якось мудрище. (Дидъ трохы подумавъ). Тутъ треба такъ зробыты. Я пиду заразъ до того панка и скажу ему: «Такъ и такъ, мовлявъ, ваше благородіе, десь у когось въ економіи мындаль йе, та не звисно у кого. А отъ якъ дасте такъ рубливъ пьять, десять, щобъ, значыть, пидпойиты та выпытать, то, може, й знайдется». О! А завтра рано можно й сказать, що «такъ и такъ, мовлявъ, шукайте у нашыхъ. У кого, не знаемо, але десь у хати йе». Зроблять трусъ и знайдуть. И выйде гладко, и мы не безъ корысти,—рубливъ якыхсь пьять, десять та выручымо. Себе, братъ, николы не треба забувать. Отъ тильки Марынка. Якъ зъ нею?.. Х-мъ. Ще якъ обизлытся, то може наробыты шелесту...

— Я зъ Марынкою самъ побалакаю. Вы йдить заразъ...—промовывъ Трохымъ.

— Добре, добре. Тильки ты вже тамъ зъ дивчыною якось... помнягче. Жаль...

— Та вже знаю. Йдить прямо. И въ хату не заходьте...

— А чого мени въ хати треба?

Дидъ охоче, бадёро застибнувъ свій пиджакъ и ришуче попрямувавъ до будынку. А Трохымъ постоявъ, ще трохы подывывся за дидомъ и пишовъ у кухню. Ввійшовъ, походывъ по хати, не вважаючы ни на кого, и, пидійшовшы до Марынкы, що стояла биля Кылыны зъ макитрою въ рукахъ, коротко сказавъ:

— Иды за мною, Марынко.

Марынка злякано подывылась на ёго, а Кылына здывовано пошырыла очи й спытала:

— А тоби вона на що здалась?

— Треба.

Марынка перевела очи на Кылыну.

— Иды...— здвыгнула та плечыма и, взявшы зъ рукъ у неи макитру, поставыла на лежанку. Трохымъ поволи пишовъ зъ хаты, а за нымъ злякана, здывована Марынка.

— Ты взяла мындаль у пана?—зупыняючысь за порогомъ синей, повернувся раптомъ Трохымъ до неи. Та мовчкы дывылась на ёго, пиднявшы голову до горы.

— Я тебе пытаю: ты взяла? Не бійсь, говоры. Я знаю...

— Ни, я не брала,—прошопотила Марынка.

— Х-мъ... — усмихнувся Трохымъ завдоволено. — Брешешъ. Дидъ Юхымъ казавъ, що ты взяла. А ось и мындаль та...—выймаючы зъ кышени ганчирку й розгортуючы іи, показавъ винъ хрестъ.—Ну?

Марынка дывылась на «мындаль» и мовчала.

— Узяла?

— Узяла,—ледве чутно прошопотила вона.

— На що жъ ты взяла?

— Такъ. Одъ панивъ утикты...

— Не любышъ ихъ?

— Не люблю...

Трохымъ мовчкы подывывся на неи, потимъ оглянувся позадъ себе, сивъ на прызьбу й, озырнувшысь навкругы, промовывъ:

— Пидійды блыжче.

— Чого?—опаслыво прошопотила Марынка, не пидходячы, а навпакы подаючысь трохы назадъ.

— Та не бійсь, иды...

Марынка повагалась трохы, потимъ несмилыво пидступыла до ёго й зупынылась биля самыхъ ёго колинъ. Винъ мовчкы тыхо обнявъ іи, прытягнувъ блыжче до себе й посадывъ на ко-

лина. И замовклы. Очевыдячкы, обомъ було и ніяково, и гарно, и солодко-сумно У стайни чуты було иноди злистне иржане коней, що былысь мижъ собою, далеко въ сели гуртомъ гавкалы собакы та подыхавъ свижый, морозный витрець.

— За що жъ ты не любышъ панивъ?—нарешти тыхо промовывъ Трохымъ, щильнище прытуляючы іи до себе. Въ голоси ёму не було звычайнои насмишкы, не було черствого, злистного тону, а щось тепле й мягке. Марынци захотилось плакаты.

— Бьются...—прошопотила вона дрижачымъ голосомъ.

— Дуже бьются?

— Дуже...

Помовчалы.

— Бачъ, Марынко,—зновъ почавъ Трохымъ,—ця мындаль, що ты взяла, вона не дорога. За неи не можно хаты купыты. Погана мындаль..

— Якъ?!—повернувшысь и дывлячысь ёму блызько въ лыце, мало не торкаючысь носомъ до носа, прошопотила вона зляканo.—А буфечыкъ казавъ...

— Буфечыкъ дурець...

— Та за царську мындаль не можна купыты хату?—уперто й якось недовирлыво перепытала Марынка. И чулось, що вона не вирыть, чулось, що вона бачыть обманъ. И чулысь такожъ ноткы злосты, одчаю, суворого, упертого завзяття. Вона навить заворушылась и хотила злизты зъ колинъ, але Трохымъ ще дужче обнявъ и не пустывъ іи.

— Хочъ бы й царська... все одно—навчаюче заговорывъ винъ зновъ.—Якъ не дорога, то вже ничого не зробышъ. А, бачышъ, мы зробымъ краще таке. Ты чула, що Андрій хоче везты дядька Панаса у волость?

— Чула, — прошопотила Марынка.

— О... А якъ повезуть, то дядько Панасъ помруть по дорози, бо холодно, а воны слаби. А мы зъ дидомъ хочемо, щобъ Панасъ выдужавъ тутъ. Такъ отъ мы пидкынемо цю мындаль Андріеви; у ёго знайдуть, и винъ не пойде, бо... бо ёго заберуть у тюрьму...

— У тюрьму??

— А то жъ. А тоби хиба жаль ёго?

— Жаль.

— Х-мъ...

Трохымъ помовчавъ трохы.

— Дурна ты ще,—сказавъ винъ нарешти и въ голоси въ ёго зновъ загучала злисть и насмишка.—«Жаль». Мало, выдно, ще былы тебе. Не выбылы ще жалю. Х-мъ. «Жаль». А воны тебе дуже жаліють? Га?.. эхъ!.. Жалиты ихъ? У-у-у!!..—зашыпивъ винъ раптомъ зъ невымовною, скаженою, дыкою ненавыстю. — Не жалій ихъ!.. Чуешъ, Марынко! не жалій николы!.. Никого не жалій зъ ихъ, бо нихто тебе не жаліе. Выростешъ, сама це скажешъ. Грызы ихъ, проклятыхъ, одгрызайсь, кусайсь. А не жалій! На мындаль плюнь, кажу, бо въ тюрьму тильки за неи попадешъ. Хай воны, ти, що бьють тебе, идуть въ тюрьму. А будешъ жалиты, то воны тебе такъ заштовхають, що й чоловикомъ не будешъ. Онъ и теперъ вже й малои дытыны боишся.

— Я не боюсь уже никого. Я й тюрьмы не боюсь!—завзято прошопотила Марынка.

— Не боишся...—на пивъ-сумно, на пивъ завдоволено, але зновъ мягко сказавъ винъ и ніяково, несмило якось пиднисъ руку до щокы їй и нижно, обережно погладывъ іи. Марынка мовчкы щильно прытулылась ёму до грудей и застыгла. У неби високо-высоко выразно жовтилы золотымы кружкамы зори, блыщала вода пидъ смугамы свитла, що выбывалось изъ виконъ кухни, одномапитно, ледве чутно гавкалы собакы на сели. Десь биля стайни зачулась чыясь хода, неголосна мова, потимъ жиночый, прыдушеный смихъ—и зновъ затыхло. Трохымъ швыдко зсадывъ Марынку на землю и, подывывшысь до стайни, сказавъ суворо:

— Такъ чуешъ же, Марынко? Завтра а ни окомъ не моргны, колы знайдуть у Андрія. А то я .. Гляды!

— Значыть... мы тутъ и зостанемся?—глухо, здавлено спытала Марынка.

— Не знаю!—бовкнувъ винъ холодно, жорстко и мовчкы пишовъ у гору до току. Марынка тыхо попленталась въ хату.

VI.

Дидъ Юхымъ стоявъ биля порогу, заклавшы одну руку за спыну, а другою поглажуючы бороду, и балакавъ зъ «панкомъ». Олександръ напивъ лежавъ у кресли, заклавшы ногу на ногу и, пускаючы дымъ черезъ вуса, пыльно слидкувавъ за ихъ розмовою.

— А звесно..., а звесно...—охоче згожувався Юхымъ на доказы вчытеля, якый выяснявъ, що корысты зъ «мындали» не може буты ніякои, що красты не годытся, що за крадижъ можно й тюрмы достукатысь.

— Верно, верно...—зитхнувъ винъ нарешти.—И себе никоторой пользы, и другому одна шкода... А всё по недоразуменію своему. Не розкынеть умомъ своимъ, що й до чого и... и делаеть непрыятности. И поправыть уже трудно... Прымеромъ сказать, за етымъ случаемъ. Оно то, я жъ говорю, догадка есть, що хтось укравъ, а хто, де, якъ... то вже и незвесно... Положымъ, можна бъ знайты, када бъ...

Дидъ замнявся, погладывъ бороду и глянувъ на панка.

— Такъ въ чемъ же дѣло?—пидбадёрюючы й зъ надіею скрыкнувъ панокъ.

— Та бачыте... дело въ тимъ—дидъ знову замнявся, почухався въ бороди, потимъ, мовъ одважывшысь, ришуче однявъ руку видъ бороды и сказавъ: знаете, я вамъ такъ скажу: у всякого челаека можна всёго дизнатыся, абы знавъ, якъ пидийхаты до ёго... Бувае такый, що ничымъ ты ёго не визьмешъ, ни грозьбою ни прозьбою,—якъ до стины всё рамно. А розсердь тильки, такъ все тоби й выкладе, якъ по пысаному... Да... А другой... бувае, хвастаться любыть... Готовъ себе самого зъ грязюкою змишаты, абы тильки хвастнуть... О... И зъ такымъ добре дило маты... А который водочку любыть... У всякого своя натура... Зъ чоловикомъ треба вмиты поводыться... А ще якъ есть пособныця-водочка... о, тоди беры ёго прямо рукамы... Отъ, пры-

меромъ, и тутъ... Будь такъ, значыть, за що поставыть хлопцямъ нашымъ разъ, другой водочкы, такъ и можна бъ и мындаль знайты.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ?!—радистно спытавъ панокъ.— Можно?

— А чого жъ?.. Я жъ говорю, вона десь есть, тильки вотъ...—Винъ зупынывся и пыльно ставъ дывытысь, якъ панокъ хутко полизъ у кышеню и, вынявшы гаманець, почавъ тамъ щось шукаты. Потимъ, наче те мало ёго торкается, заговорывъ дали зновъ про те, якъ ёму жаль стало за «господына», якъ досадно зробылось, колы покражи не знайшлы, и якъ винъ постановывъ соби неодминно знайты вынуватого. Колы нарешти «господынъ» знайшовъ золоти пьять рублывъ и зъ ввичлывою усмишкою подавъ ихъ дидови, винъ спокійно, не хапаючысь взявъ ихъ и зновъ говорывъ соби дали. Умовывшысь про все й твердо пообицявшы неодминно знайты пропажу, Юхымъ ще разъ уклонывся панамъ и ставъ уже выходыты, колы раптомъ офыцеръ зупынывъ ёго и сказавъ ёму почекаты ёго на ганку для особыстои розмовы. Дидъ мовчкы уклонывся и выйшовъ. Чекать довелось ёму не довго. Заразъ же за нымъ выйшовъ и офыцеръ.

— Вотъ что, Юхымъ,—заговорывъ винъ заразъ же зъ ноткамы ніяковосты въ голоси.—Я хотѣлъ тебя спросить... э..., что это за дивчына у васъ на кухнѣ, что за кухарку... какъ ее?..

— Кылына?

— Да, да, Кылына... Что она... э... какъ на счетъ тамъ... э... ну, съ хлопцами какъ она тамъ?.. Гуляетъ? а?..

— Хто ёго зна...—нахылывъ голову Юхымъ.—Не скажу вамъ про це ничого... Знаете, мое дило старыкивське, а то соби молодь... Кажысь, чеспа дивчына, а про те...

— Ну, а такъ... э... ходитъ къ ней кто-нибудь?..

— Господь іи зна...—здвыгнувъ плечыма Юхымъ—може й ходыть, може й ни... А выдно сподобалась пану?

— Да!—скрыкнувъ офыцеръ.—Дѣвочка... первый сортъ!.. Я много бы далъ, чтобы какъ нибудь... Нельзя ли тамъ, Юхымъ, какъ нибудь... такъ... (винъ ніяково й пидлабузнювато захихи-

хавъ)... немножко, значить, ко мнѣ ее? а?.. Я бы ужъ тебѣ на цѣлое ведро далъ бы... А, Юхимъ? Постараешся?

— Х-мъ... хто ёго зна...—неохоче промымрывъ дидъ.—Знаете, це дило таке, що якось зъ нымъ и пидступатыся не той... не ловко... Та й не звесно, чы пиде ще вона... Дивка строга ..

— Ну, пустяки!.. Хе!.. Ты тамъ какъ нибудь... такъ знаешъ... Э!.. Такой, какъ ты не съумѣеть?.. Хе-хе!.. Скажи ей, что ничего не пожалѣю, съ собой возьму... Понимаешъ? А вотъ и задаточекъ тебѣ...—и офыцеръ, вынявшы гаманця, почавъ колупатысь въ ёму. Юхымъ жыво подывывся, але заразъ же й одвернувся.

— Вотъ... не знаю, сколько, но все равно...—протягуючы грошi, сказавъ Олександръ.—Выйдетъ дѣло, еще столько же... Тутъ, кажется, рублей пять...

Юхымъ ще разъ глянувъ на грошi и зновъ одвернувся. Потимъ раптомъ протягнувъ руку и беручы грошi, промовывъ:

— Тильки ось що, панычу: не пиде—вына не моя... Добре?..

— Ну конечно, конечно!...—згодывся той.—Я и не буду винить тебя... Что жъ... Я только тебя прошу, чтобы ты ей сказалъ,—вотъ и все... Ну конечно, и съ своей стороны посовѣтовалъ... Вѣдь, все равно ей одна дорога... Такъ ужъ лучше пусть хоть городъ увидитъ... Скажи ей, что устрою ее, какъ барыню, будетъ себѣ жить, ни о чемъ не думая... Чего жъ ей еще?..

Дидъ усмихнувся.

— Жыть?—хытнувъ винъ головою.—Яке вже тамъ жыття? Знаю вже я... Правда, спершу то й жыве, а тамъ?.. Эхъ! А Кылына шукае не того... Дивка воли шукае..., щобъ справди жыты...

— А развѣ я ее на вѣки беру къ себѣ?—засміявся паничъ.—Будетъ имѣть воли, сколько угодно...

— Ни!—зитхнувъ Юхымъ—не тои воли.

— Э! ерунда!—перепынывъ ёго офыцеръ.—Ты ей просто скажи все подробно, вотъ и все,—и никакой тамъ воли не нужно... Скажите, нѣжности какія!.. Ха-ха-ха!..

— Добре!—хытнувъ головою Юхымъ и хотивъ йты, але офыцеръ спынывъ ёго:

— Такъ ты это, Юхимъ, сейчасъ постарайся и если того... такъ валяй сейчасъ же ко мнѣ съ ней, я ужъ буду ждать... Понимаешъ? Прямо сюда... Она пусть обождетъ, а ты ко мнѣ...

— Добре, добре!..

И Юхымъ тыхо поплентався до кухни. И де дали йшовъ винъ, то тыхище й тыхище посувався. Колы винъ вступывъ у хату, тамъ уже готувалы до вечери—ставылы мыскы на стилъ, ризалы хлибъ то що. Посыдившы трохы мовкы, напружено-задумлыво на лави, дидъ, нарешти, вставъ, походывъ по хати и, зупынывшысь биля Кылыны, тыхо, кризь зубы пробурмотивъ до неи.

— Выйды на часынку на двиръ, маю щось казаты...

Кылына трохы здывовано подывылась на ёго, але мовчкы, непомитно хытнула головою на знакъ згоды. Дидъ поволи запалывъ люльку, походывъ ще по хати и раптомъ, щось згадавшы, прудко полизъ въ кышеню, вынявъ гроши и голосно попрохавъ Грыця збигаты по горилку. Уси ажъ застыглы здывовани. Але Юхымъ, не даючы ніякои одповиди на вси розпытування, весело жартувавъ и обицявъ сю ничъ затопыты горилкою всю кухню. И справди, у голоси ёго чулась якась злистна, запекла ришучисть. Певно, що Грыць не довго вагався,—пакынувъ свыту, схопывъ шапку и въ одынъ ментъ вылетивъ зъ хаты, тильки витеръ пишовъ за нымъ. Останни, писля невелычкои суперечкы зъ Савкою, що хотивъ почынаты заразъ же вечерю, постановылы чекаты на Грыця, а дидъ Юхымъ навить пораявъ, щобъ Кылына, якъ головна представныця интересивъ кухни, заразъ же пишла до экономкы и якымъ небудь способомъ добула сала, яке можна було бъ дрибно покрышыты и добре засмажыты на сковороди. До цеи дорады вси, не включаючы й зрадилого Савкы, прысталы одноголосно, тильки сама Кылына знайшла, що це незручно, бо сёгодня не було ни свята ніякого, ни надзвычайного выпадку зъ жыття. Але колы Юхымъ непомитно моргнувъ їй однымъ окомъ, вона взяла свое слово назадъ и навить, на-

кынувшы на голову свою велыку, темну хустку, заразъ же згодылась иты до экономкы. И справди, подывывшысь пыльно на дида, вона щильно закуталась и повагомъ выйшла зъ хаты. Але Юхымъ щось раптомъ згадавъ и, схопывшы шапку, побигъ за нею. Вона вже чекала на ёго. Дидъ довго не думавъ. Поважно и зъ тою жъ злистною ришучистю винъ переказавъ ій бажання офыцера и, самъ не додаючы видъ себе ни слова, замовкъ.

— Оттаке?!—протягнула здывовано Кылына.—А чорта пухлого винъ не схотивъ бы? Га?.. Ха-ха-ха! Дывы якый!.. Оттакъ знимусь заразъ та й побижу...

Але мижъ смихомъ у неи чулось якесь зтурбовання, хвылювання, якесь вагання, якесь безсылля.

— Бачъ, Кылыно,—тыхо, сумно почавъ дидъ,—я тоби такъ скажу: все одно чы теперъ, чы въ четвергъ, а не мынешъ ты цёго... Не така ты..., щобъ зйихаты на Софійку... Дуже багато сылы въ тебе... Тильки ты не думай, що я за панычa стараюсь!—(раптомъ хутко додавъ винъ). Верно, винъ давъ мени на чай, щобъ я тебе пидговорывъ... Та хочъ бы винъ мени й утрое бильше давъ, такъ воно бъ мени не завадыло пиддурыты ёго... Колы жъ правда правдою зостанется... Чы визьме ще тебе Андрій, це ще баба на-двое ворожыла... не такый у ёго й батько... Винъ за копійку сына въ скарбъ оддае, а тутъ наймычку за невистку визьме... Шкода, дивко! . Отъ и выйде те, що мусыть выйты... Бо й ты зъ одпои глыны злиплена, що й вси... Мабуть, вже й теперъ до офыцера серце мре? Га?..

— Пхи! — роблено зневажлыво повела плечыма Кылына, але дидъ тильки всмихнувся.

— Ой, не «пхи»...—сказавъ винъ сумно.—Выдно, дивко, выдно... Шо вже тутъ?.. Такъ чы варто-жъ лобомъ стинку быты? Пропадаты такъ хочъ пожыты за те... Эхъ!

Дидъ зъ якымсь одчаемъ махнувъ рукою и въ рухови тому, въ голоси ёго тыхому й хрыпкому чулась та безнадійнисть, яка штовхае й на велыки злочынства и на дрибну бездіяльнисть, и мляву покирлывисть—чулась безсыла злисть, прыдушеный биль...

Кылына мовчкы слухала, не выказуючы ни рухомъ, ни голосомъ, що вона думае про Юхымови слова. Выразу жъ облыччя не можно було роздывытысь. Але Юхымъ якось и не дуже добывався одповиди, наче заздалегидь знавъ іи. Винъ тильки говорывъ. Гунявый голосъ ёго дзвенивъ то злистно, то насмишкувато, то сумно, и малювавъ ій картыны за картынамы. Въ тыхъ картынахъ, правда, спокою не було, не було у ныхъ тыхого, счаслывого затышку, твердои самопевности,—въ ныхъ кыпило жыття, вильне, дыке, шалене жыття.

— Однымъ словомъ, дивко...—закинчывъ ришуче дидъ,—я тоби ось що скажу: требуй зъ ёго, що можешъ..., коды вже на те йде... Требуй напередъ грошей, 200—300—500,—скильки въ голову прыйде... Требуй кватыру, одижъ.., вына, меду... чорта, биса... Всёго... й жывы! Жывы, покы можешъ жыты... Винъ все зробыть.., бо ажъ горыть... Та й плюнь на все! Эхъ! И я плюну! Загуляю—и чортъ ёго беры все на свити. Гулять—такъ гулять, якъ каже наша Софійка... Ну, й гуляй! Одынъ разъ жывешъ, такъ хочъ разъ же й гуляй!

— Ни!—вмыть трипнула уперто головою Кылына и круто повернулась до хаты.—Краще зъ голоду пропадаты на своій воли та чесно, нижъ оттакъ жыты... Такъ ёму и скажить!—кынула вона гордо и прудко пишла въ сины.

— Оттуды къ бису!—здывовано протягнувъ Юхымъ, певно не сподивавшысь такои одповиди, и помалу й соби пишовъ у хату.

— Погано, погано!—заразъ же добродушно звернувся винъ до Кылыны, яку вже розпытувалы, чого вона вернулась безъ сала.—Не годытся такъ робыты, дивко... То не хоче йты, то зновъ хоче, то впьять не хоче... Якъ та попивна... А сало бъ це згодылось... Ій-Богу! Такъ до чаркы... шматочокъ... Верное слово!.. Гляды, щобъ не жалкувала... Може пишла бъ? Га?—зновъ кынувъ винъ до неи.

— Диду!—зъ ненавыстю позырнула на ёго Кылына.—Не будьте тымъ, що въ болоти сыдыть! Сказала вамъ разъ... Заробыть хочете?.. Чужымъ соромомъ хочете....

Вона нервово одвернулась и почала для чогось зниматы покрышкы зъ казанивъ, зъ якыхъ заразъ же пиднявся вгору стовпъ пары. Дидъ мовчкы подывывся на неи, наче прыголомшеный іи словамы, потимъ раптомъ махнувъ рукою, одвернувся й сивъ на лаву.

— Не хоче!—хытнувъ винъ зъ ніяковою усмишкою на неи головою, звертаючысь до дивчатъ, що булы здывовани трохы и, выдно, ничого зо всёго не розумилы.—Не хоче... Х-хе... Заробыть... Отъ тоби... Такъ... Э-э!.. Все одно! Сёгодня все потопымо, и добре, и погане... не буде вже дида Юхыма!.. Годи!.. Соромомъ... заробыть... Эхъ!..

Кылына роздратовано, нетерпляче-злистно стукала мыскамы, горщыкамы, кочергамы, штовхнула навить разивъ зо два Марынку, яка подывлялась на неи злякано-здывованымы очима. А Юхымъ, одповидаючы усимъ на дывування, що Кылыну нибы щось вкусыло, такожъ нибы загубывъ ривновагу: то весело, нервово жартувавъ и сміявся, то зразу замыслювався й мовчкы задумлыво, похмуро пыхкавъ люлькою.

Раптомъ Кылына кынула ложку на лежанку, вытерла рукы и, пидійшовшы до полу, мовчкы стала напынаты на себе кынуту хустку. Дидъ пыльно понуро почавъ дывытысь на неи.

— Ходимте!—вмыть, повернувшысь до ёго, крыво й ніяково всмихнулась вона.—Я хочу сала!.. Тильки зъ вамы пидемъ до экономкы... Сама не смію!...

И не дывлячысь на здывованыхъ и трохы навить зтурбованыхъ товарышивъ, вона ришуче пишла зъ хаты. Дидъ Юхымъ зъ тымъ же понурымъ и навить суворымъ выглядомъ пишовъ за нею, навить не звертаючы увагы на те, що такымъ своимъ поводженямъ воны дають прывидъ робыты рижни догадкы. Биля стины чорнила высока, дужа постать Кылыны.

— Ведить!—прошопотила вона здавлено... Юхымъ почухався.

— Бачышъ, Кылыно,—понуро й сумно заговорывъ винъ.— Ты краще не ходы... Ій-Богу... Колы ты мени сказала те слово... «соромомъ заробыть»... Мени спершу дуже боляче було, а потимъ... я роздумався... Ты просты мене... знаешъ... эхъ! Однымъ

словомъ, Кылыно, не ходы... Одъ серця тоби говорю... Не треба... Обманыть ще... обдурыть... Ты гаряча...

— Кого? Мене обдурыть?!—скрыкнула вона гордо.—Х-хо!.. Це побачымо ще!.. Ведить, я хочу... Ну, хочу посыдиты зъ нымъ!.. Отъ и все!.. Не зийисть же винъ мене, хè!

Въ голоси іи чулась и ніяковисть, и хвылювання, и злисть, и якась безвыхидность.

— Якъ знаешъ...—серьёзно и сумно промовывъ Юхымъ и, постоявшы ще трохы, наче чекаючы видповиди, винъ нарешти повернувся й мовчкы пишовъ до будынку. Кылына за нымъ. Не зустривши никого, воны добралысь до ганку, биля якого Кылына зосталась, а Юхымъ счезъ у дверяхъ. Хвылыны черезъ дви винъ выйшовъ, махнувъ ій рукою и, колы вона вийшла, не поспишаючы, на ганокъ, винъ мовчкы поступывся, даючы ій дорогу въ сины, и заразъ же, якъ вона ввійшла туды, зачынывъ двери, постоявъ трохы и тыхо пишовъ до кухни.

— А, королева моя!—заразъ же гаряче прошопотивъ у Кылыны надъ вухомъ офыцеривъ голосъ, якъ тильки вона вступыла въ тепли на-пивъ темни сины, въ якыхъ булы прыкручени лампы й не було ни души.

— Пришла все-таки!

И, мицно обнявшы за станъ, винъ обережно повивъ іи черезъ сины, одчынывъ якиєь двери и нижно пустывъ іи впередъ себе. Кылына ввійшла и заразъ же зупынылась биля порогу, цикаво озыраючысь. Свитлыця була невелычка, але, осяяна блакитнымъ свитломъ гарного, круглого лыхтаря, що звысавъ зи стели, обвишана малюнкамы, кылымамы, обставлена мягкою меблею, вона вся дыхала затышкомъ, тепломъ, пестощамы.

— Гарно у васъ...—тыхо промовыла Кылына, сылкуючыся не дывытысь на ёго.—Любо такъ...

— Развѣ?—прошопотивъ винъ, нахыляючысь до неи и жадибно обнимаючы за станъ.—Хорошо?.. Да?.. Нравится? Славная моя...., гордая.., пришла.

Винъ хотивъ зазырнуты ій въ очи, але вона навмысне закрыла ихъ и, трохы розкрывшы сухи, гарячи губы, зблидшы,

спершысь на стину, мовчкы пидставляла лыце пидъ ёго дыки, жадибни поцилункы.

— Сядемъ...—одкынувъ винъ трохы голову й озырнувся. Вона росплющыла очи и подывылась соби на чоботы, видъ якыхъ на пидлози булы слиды грязи.

— Ногы у мене... чоботы въ болоти...—промовыла вона тыхо.

Винъ подывывся ій на чоботы, потимъ на кылымъ, що бувъ простеленый мало не на всю пидлогу, и, щось згадавшы, пидбигъ до шырокого турецького дывану, що стоявъ биля стины, и пиднявъ щось зъ земли.

— Сбрасывай сапоги! — сказавъ винъ, вертаючысь и держучы въ одній руци гарни вышыти пантофли, а другою зновъ обнимаючы іи. Кылына зъ усмишкою подывылась на пантофли, злегка одвела ёго руку и почала зкыдаты чоботы.

— Ну, вотъ! — завдоволено промовывъ винъ, колы вона поставыла до стины незграбни свои чоботы и всунула хоча невелыки, але груби й червони ногы свои въ мягки, тепли пантофли. — А теперь и сѣсть можно.

И не выпускаючы іи стану зъ обіймивъ, винъ пидвивъ іи до канапкы, обережно посадывъ іи и сивъ самъ поручъ неи, вдывлаючысь блыскучымы, маслянымы очимя въ гарпе, зблидле лыце іи зъ выразнымы, дуже червонымы кружечкамы румянцю на щокахъ, зъ велыкымы, сирымы очима, яки, здавалось, потемнищалы й булы глыбши, нижъ разъ-у-разъ.

— Но хорошая же какая!! — зъ захопленнямъ скрыкнувъ винъ, любуючысь нею. — Боже, какая хорошая!

— «Хорошая»... — повторыла вона и соромлыво-ласкаво глянула на ёго — справди «хорошая»?

— Прелесть!!

— И вы хороши... — промовыла вона, не зводячы зъ ёго очей. — Дуже хороши... — Ажъ тутъ болыть — (вона показала на серце) — якъ дывышся вамъ у очи... — И холодно такъ... Гарно...

Винъ радистно засміявся и скажено почавъ цилуваты іи, то одипхуючы, то знову забираючы въ обіймы. Вмыть Кылына злегка одипхнула ёго, одсунулась и, проводячы рукою по гарячому лыци й по очахъ, що сталы, якъ пьяни, лукаво промовыла:

— А я жъ все-таки й доси не знаю, чого вы клыкалы мене... Дидъ казалы, дило йе велыке... Ну, що жъ вы мени скажете? чого клыкалы?

— Чого?? — винъ схопывъ іи обома рукамы, прытягнувъ блызько до себе и, щось прошопотивши на вухо, почавъ ще скаженище цилуваты. Кылына хотила вызволытысь, хотила одипхнуты ёго, але винъ ще зъ бильшою сылою, якоюсь божевильною сылою, тягъ до себе и, весь дрижучы, щось шопотивъ ій. Раптомъ вона одхылылась трохы назадъ, схопыла ёго голову и, подывывшысь въ ёго затуманени очи, дыко, несамовыто вгрызлась губамы въ гарячи уста ёго й замерла; потимъ знову одхылыла, знову глянула и знову застыгла довгымъ поцилункомъ. Потимъ вмыть дуже шарпнулась, вырвалась и, одстрыбнувшы, стала на ногы, дывлячысь на ёго якымсь зляканымъ, пьянымъ поглядомъ. Винъ, щось бурмочучы, хотивъ знову схопыты іи, але вона хутко ступыла ще трохы назадъ и, тремтячы вся, зашопотила:

— Ни, ни, ни!.. Буду крычать... Сыдить тыхо... Я щось хотила вамъ говорыты... Забула...

Вона провела тремтячею рукою по дуже блидому лыци и напружено задумалась, важко дыхаючы.

— Ахъ, да оставь... Кылына!.. Ну, иди же... — якось простогнавъ винъ, але вона вмыть пидняла голову, якось чудно глянула на ёго и, зразу жъ зъ блидои зробывшысь вся червона, якось одрывысто й холодно почала:

— Слухайте, панычу: колы я йшла до васъ, я... хотила вамъ .. (голосъ у неи перерывався часто, нибы ій важко було говорыты)... ось що сказать... Вы... переказуете... черезъ дида, що... визьмете мене зъ собою, колы... я... колы я... ну, колы я стану... вашою... полюбовныцею... Такъ?

— Ну, такъ... Ахъ, оставь ты это... — протягнувъ винъ зъ мукою рукы до неи, але вона одступыла ще на ступинь и ще холоднище, ще суворище провадыла дали:

— Казалы, що дасте кватыру и... все... Такъ?

Винъ трохы розумнище й здывовано подывывся на неи.

— Такъ?

— Н-ну... та-акъ... Это все?..

— Ни... Пидождить...

Лыце іи де-дали ставало холоднищымъ, якымсь напружено-ришучымъ. Губы складалысь якось терпко, твердо, лыце знову стало блиде, ажъ жовте, але се надало ій нибы ще бильше красы.

— Вы говорыте «такъ»?.. Ну, такъ отъ же що!.. Вона на хвылыну зупынылась, мовъ не маючы сылы дали говорыты, але вмыть почервонила знову вся й, ришуче, уперто зупынывшы на ёму поглядъ, заговорыла: Такъ слухайте... Вы кажете, що любыте мене... Я цёму не вирю... И сама васъ не люблю... А вы хочете мене за полюбовныцю взять... Такъ? Ну, такъ отъ що: визьмете мене въ городъ, дасте мени кватыру..,—вона на менть зупынылась,—дасте мени въ рукы 300 рублывъ... Чуете? и тоди... тоди я васъ слухатымусь... Отъ все... Хочете, то...

Выдно було, що ій було безмирно тяжко; вона нервово давыла соби одною рукою пальци другои рукы, очи ій ніяково ходылы по кимнати, груды важко й нервно здіймалысь, сама стала зновъ мертво-блида. Зупынывшысь, вона подывылась ёму въ лыце, яке стало те жъ спокійнище й дуже здываване, и не знаючы, що дали говорыты, зъ мукою почала ще дужче давыты пальци.

— Х-мъ... Такъ вотъ ты какая!.. — насмишкувато промовывъ нарешти офыцеръ, цикаво дывлячысь на неи. — Я и не зналъ... Думалъ, въ самомъ дѣлѣ... невинная... А ты бывалая, значитъ... Кто жъ это тебя такъ научилъ? а?.. Молодчина! . Х-мъ... Винъ вытягнувъ одну ногу, захытавъ нею и любуючысь іи мукою, погладывъ вуса... Недурно придумала... Откровенно... Ну, и не стыдно жъ тебѣ? а? А стыдъ то свой...

Кылына вмыть здригнулась вся, спалахнула на все лыце полумьямъ, блыснула въ ёго очима й, якъ выхоръ, повернувшысь, кынулась до дверей зшпурнула зъ нигъ своихъ пантофли и дрижачымы рукамы хутко, нервно почала взуваты чоботы. Офыцеръ зпершу шыроко, злякано розплющывъ очи, потимъ схаменувся,

кынувся до неи й, умовляючы, прохаючы выбачення, хотивъ знову обняты іи, але вона такъ повела всимъ тиломъ, такъ позырнула на ёго, що винъ ажъ одступывъ видъ неи трохы.

Выпустить мене! — хрыпнула вона, узувшы чоботы й выпрямляючысь.

— Да что съ тобой? Кылына! Да плюнь!.. Я согласенъ, я на все согласенъ... Я вѣдь... Завтра же...

— Пустить, я вамъ кажу, а то буду крычать!!—прошопотила вона зъ такымъ вогнемъ ненавысты, що винъ тильки зъ острахомъ и дывуваннямъ подывывся на неи, потимъ поспишно вызырнувъ у двери, чы нема кого въ синяхъ, и мовчкы пишовъ уперед. Кылына, закутавшысь по сами очи въ хустку пишла за нымъ. Одчиняючы вже двери, що велы на двиръ, винъ ще разъ несмило спробувавъ обняты іи, щось шепочучы на вухо, але вона дуже одипхнула ёго, шарпнула двери и выскочыла на ганокъ. Мало не перестрибнувшы черезъ вси схидци, вона хутко пишла вгору, не озыраючысь и щильнище кутаючысь въ хустку. Ввійшовшы въ кухню, вона заразъ же звернулась до дида и голосно промовыла:

— Нема, диду, сала и не буде! Будемо й такъ!

Вси вже сыдили за вечерею и мовъ по команди повернулы до неи головы. На столи стоялы мыскы зъ кандёромъ, лежавъ поризаный хлибъ и блыщалы дви велыки пляшкы горилкы.

— Та-акъ?—протягнувъ дидъ, задержуючы на-пивъ дорогы ложку.—Ну, й слава Богу!—хытнувъ винъ зъ якоюсь полегкистю въ голоси.—Хай ёму бисъ зъ ихнимъ саломъ! Сидай краще вечеряты... Нашы вже тутъ думалы, що ты на село вже пишла..

Але «наши» выдно не тильки се́ одно думалы, а кожный, певно, гадавъ про себе рижне. Але Кылына, не одмовляючы ничого ни на розпытування, ни на хытри пидступы й догадкы, пидійшла до жердкы, нервово скынула зъ себе хустку и якось чудно посмихнулась. Потимъ озырнувшысь по хати, помитыла Андріа, що не сыдивъ разомъ зо всима, а зъ похмурымъ выглядомъ ходывъ по хати, нахмурылась и, кывнувшы ёму головою, одійшла до дверей.

— Ну? — тыхо, але зъ напруженымъ чеканнямъ кынула вона, якъ тильки винъ пидійшовъ до неи. Биля столу зачувся зъ ихъ смихъ и выгадкы.

— Говорывъ... — заговорывъ Андрій жыво й повеселищавшы зразу. — Батько зхыляются...

— Зхылытся?

— Ій-Богу... Тильки, кажуть, чого це така нетерплячка взяла мене... Ну, й той... и кажуть пидожды до осены... Якъ жныва покажуть... Ну, а жныва...

— Ха-ха-ха! — не слухаючы его дали, голосно зареготалась вона и, ажъ хытаючысь всимъ своимъ дужымъ, стрункымъ станомъ, одійшла видъ его.

— Та пидожды, послухай!— скрыкнувъ напивъ ображено, напивъ злякано Андрій, але вона тильки ще голоснище выбухнула нервовымъ смихомъ и, махнувшы рукою, пидійшла до столу.

— Чуете, диду!—крыкнула вона, сміючысь. — Кажуть люде, що брехня правдою хоче буты! Ха-ха-ха! Налыйте мени, диду, чарку.., змерзла... треба хочъ погритысь... Вси холодни таки... Отъ тильки Грыць теплый!.. Правда, Грыцю? — сидаючы бокомъ до Грыця й обнимаючы его за груды, зазырнула вона ёму въ лыце. Грыць сперщу здывувався, потимъ поклавъ ложку, втерся й засміявся. Выдно було, що ёму стало й ніяково и прыемно. Тымъ часомъ Юхымъ мовчкы взявъ чарку, налывъ іи и такожъ мовчкы подавъ іи Кылыни, яка сыдила спыною до столу й не бачыла того. Замисць неи чарку взявъ Грыць и, одхылывшысь трохы, пиднисъ Кылыни.

— А! — скрыкнула вона, беручы чарку й встаючы. — Будьмо здорови!

И по-парубоцькы перехылывшы чарку въ ротъ, ковтнула, скрывылась и, не закусюючы, простягла руку зъ чаркою зновъ до дида.

— Ще? — пиднявъ винъ на неи очи зъ тымъ же серьёзнымъ и похмуро сумнымъ выразомъ лыця.

— Ще! — засміялась вона. — Будемъ гулять!.. Ха-ха-ха! Чого вы вси вытрищылысь... Хиба й я не можу горилкы пыты?.. Ого!.. Лыйте, диду, лыйте! Нема сала, такъ хочъ горилка йе... Ха-ха-ха!!.

Навить Трохымъ трохы зтурбовано зупынывъ на ній свои похмури, сувори очи и де-кильки хвылынъ не одводывъ ихъ видъ іи дуже блидого лыця, на якому грало щось неспокійне, боляче.

Дидъ налывъ, поставывъ на мисце пляшку и знову взявся за ложку.

— А ты, Софійко, пыла? — держучы чарку и дывлячысь на Софійку, спытала Кылына.

— Пыла! — роблено-весело мотнула та головою, не дывлячысь на неи.

Кылына знову перехылыла чарку, ковтнула и ажъ здригнулась всимъ тиломъ.

— Н-ни! — поводячы зъ огыдлывистю плечыма й ставлючы на стилъ чарку, промовыла вона. — Пагана дуже!.. Брр... Якъ вы пьете іи?..

— Кылыно! — вмыть почувся позадъ неи зворушеный, дрижачый голосъ Андрія. Кылына повернулась.

— Чого тоби? — холодно озырнула вона ёго зъ нигъ до головы.

— Йды, я тоби щось скажу... Ты жъ не дослухала...

— Писля жнывъ скажешъ! — сухо, терпко кынула вона й одвернулась. Андрій густо почервонивъ, але якъ стоявъ, такъ и застыгъ, дывлячысь ій въ спыну. Потимъ хутко повернувся, одійшовъ до полу и мовчкы сивъ на ёго.

— Ха-ха-ха! — зареготався Трохымъ, зазыраючы повзъ Кылыну до Андрія. — Що? Опикся, неборачe? Постуды тропкы, смачнище буде!.. Ха-ха-ха!..

— А тоби чого?... Вовкъ! — гнивно глянула на ёго Кылына.—Жеры онъ тамъ!

Андрій голосно, гыдко, вылаявъ ёго на всю хату. Трохымъ зразу переставъ сміятысь.

— Що-о?! — въ одынъ ментъ посынивши й дыко блыснувши очима, прошопотивъ винъ. — Ты будешъ лаяться?!

И тыхо, поволи пидвившысь, загнувшысь, выпнувшы впередъ голову, якъ той звирь, що збирается кынутысь на ворога, винъ уставъ и почавъ вылазыты зъ-за столу. Якъ и въ той разъ, колы винъ грызъ шыю Рухли, на выскахъ ёму повыпыналысь жылы, зъ носу выходыло важке, часте сопиння, губы побилилы, а въ очахъ бигало щось фосфорычне й страшне. Уси затурбувалысь. Киндратъ зробывся серьёзнымъ и пыльно дывывся на ёго, Грыць и соби чогось уставъ, Петрыкъ одсунувся видъ столу й одійшовъ до полу, мовлявъ, «моя хата зъ краю»; навить Савка поклавъ ложку и разомъ зъ дивчатамы злякано дывывся то на Андрія, то на Трохыма. Тильки дидъ Юхымъ наче ничого не бачывъ и не чувъ: уперто-похмуро носывъ соби ложку одъ мыскы до рота и тильки голосно сопивъ носомъ. Темна постать Андрія зъ ледве выднымъ облыччемъ не ворушылась на полу.

— Ты ще будешъ тутъ лаяться?—тыхо, зъ свыстомъ якымсь прошыпивъ зновъ Трохымъ, вылазючы зъ-за столу й поволи пидходячы до полу.

— А ты що таке? Панъ велыкый? — зачулось видъ Андрія, але голосъ ёго хоча й гучавъ задырлыво, выявлявъ не то страхъ, не то ніяковисть.

— Покынь ёго! — похмуро промовыла Кылына до Трохыма. — Не чипай.

Трохымъ наче не чувъ, навить не подывывся на неи; не спускаючы зъ Андрія очей, звисывшы якось ривно рукы по стану, винъ ишовъ просто до полу все бильше й бильше нахыляючыся впередъ, мовъ збираючысь раптомъ стрибнуты и впытысь тому зубамы въ груды. Вмыть Кылына хутко зайшла попередъ ёго, стала передъ самымъ ёго лыцемъ и, беручы ёго за рукы трохы выще ликтя, мягко промовыла:

— Не треба, Трохыме... Сядь... Хай соби...

— Пусты! — скыдаючы іи рукы, хрыпивъ винъ и хотивъ помынуты іи, але вона зновъ переступыла ёму дорогу и ще мягче сказала:

— Ну, я просю тебе, Трохыме... Зробы для мене. Покынь... Иды вечеряй... Ну, зробы жъ хочъ разъ, колы тебе просять...

Трохымъ вмыть мовчкы круто повернувся, пидійшовъ до столу, зализъ на свое мисце и, не дывлячысь ни на кого, похмуро почавъ йисты. Юхымъ тильки зыркнувъ на ёго и зновъ звернувъ всю свою увагу на кандёръ. Вси легче зитхнулы. А Кылына пидійшла до Андрія, щось сказала ёму и пишла зъ хаты. Андрій схопывъ свыту, шапку й поясъ и соби пишовъ за нею.

Вернулась Кылына сама. Вона нибы заспокоилась и не сміялась тымъ нервовымъ, чуднымъ смихомъ, а навпакы ступала дуже спокійно, мягко, тильки бровы булы насуплени якось твердо, суворо-рипгуче, наче вона щось постановыла и тильки чекае теперъ, що буде дали. Не вважаючы на жарты товарышивъ зъ прыводу балачкы зъ Андріемъ, вона спокійно одмовылась видъ горилкы, яку пиднисъ ій Грыць, и тильки пидсила до кандёру. Пойившы трохы, вона поклала ложку, встала, перехрыстылась до Трохыма, що сыдивъ пидъ образамы, и одійшла до полу.

— Сметану йистымете? — звернулась вона до Панаса. Той заворушывся, повернувъ трохы голову, що ледве темнила за билымъ верхомъ кожуха, и прошопотивъ:

— Спасыби... Колы йе, дай трохы... Добра ты, Кылыно...

Вона, не хапаючысь, взяла ложку й полумысокъ зъ мысныка, выйшла зъ хаты й незабаромъ вернулась зъ сметаною, яку разомъ зъ шматкомъ хлиба поставыла биля Панаса. Винъ пидвився трохы, поставывъ полумысокъ биля себе и, обережно вмочаючы хлибъ у сметану, почавъ йисты. Въ хати трохы утыхло, потимъ балачка потроху знову почалась, закружляла чарка, заблыщалы очи, посыпалысь жарты спершу на Кылыну й Андрія, потимъ на Петрыка й Саньку, дали на кого попало, задзвенивъ смихъ, зачулыся писни, — голота загуляла. Забулыся сваркы, забулысь прыгоды, счезло горе, запанувавъ одынъ буйный, душный чадъ, що налывся въ серце дыко-веселого чуття, що мишае думкы, вкрывъ темною запоною будуче й ховае въ пьянимъ забутти мынуле. Загуляла голота. Спершу трохы здержувалысь черезъ Панаса, але якъ спорожнено одну кварту чаду й почато

було другу, товарыство вже ничого не бачыло й не чуло, кримъ якогось туману въ очахъ та шуму у вухахъ. Навить Трохымъ розвеселывся: зъ дуже почервонилымъ лыцемъ, на якому ще выразнище теперъ выступало ряботыння, зъ прыпухлымы трохы губамы, яки наче хтось помазавъ саломъ, и блыскучымы очима, винъ жорстко смiявся дрибнымъ смихомъ и часто стукавъ кулакомъ по столи, але стукавъ та́къ, що ажъ мыскы пидскакувалы. Марынка, яку й сёгодня пидпойилы, тежъ розвеселылася и навить стала ґоворыты щось про «мындаль», але колы Трохымъ пыльно, гостро глянувъ на неи, збентежылась и почала щось бурмотаты про панивъ. Потимъ раптомъ замовкла, очи, що булы розгорилыся, посовилы, потухлы, все худе лычко iи ще бильше зблидло, укрылось холоднымъ потомъ, вона почала блюваты... Iи схопылы, однеслы зо смихомъ до лежанкы и поклалы на земли. Колы вона нарешти безсыло схылылась на другый бикъ и хотила заснуты, iи зновъ взялы, поклалы на пилъ и вкрылы чыимсь кожухомъ. Вона заразъ же й заснула. Кылына жъ хочъ постелылась на лежанци и навить лягла, выдно було, не спала. Колы знадвору доходывъ якыйсь гоминъ, або хто проходывъ повзъ викна, вона трохы пидводыла голову, прыслухалась и зновъ лягала. А голота гуляла. Дидъ Юхымъ перейшовъ уже «гряныцю» и наче зминывся весь. То, звычайно, винъ говорывъ и рухався поволи, поважно, спокiйно, а теперъ нибы хто налывъ ёму въ жылы молодои, гарячои кровы. Завзято взявшысь одною рукою у бокы, а другою пиддержуючы люльку, винъ жваво водывъ головою, стрилявъ очима и залывчасто-шыроко смiявся. И хоча товарыство було здебильшого не въ такому стани, щобъ помичаты що небудь, все такы звернуло увагу, що дидъ переродывсь.

— Х-ха!—гордо хытнувъ головою Юхымъ, колы Софiйка обняла й поцилувала «дидуся за те, що воны таки сталы молоди».—Я, дивко, ще не такый бувъ... Ого!.. Я тоби говорю!.. Стiй, стiй, стiй!..—повивъ винъ рукою, наче спыняючы когось, хочъ нихто ёму не перечывъ.—Стiй, ты слухай мене... Я, братъ... Колы я молодой бувъ...

И почыналось оповидання якои-небудь плутанои, довгои «сторiи». Товарыство зпочатку слухало пыльно, потимъ хто-не-

будь про щось заговорювавъ, и почынався регитъ, спивы, жарты. Нарешти почалы розходытысь спаты; спершу пишовъ Савка, потимъ Трохымъ, дали Петрыкъ та Санька, яка була зовсимъ пьяна видъ «прыгублювання» и говорыла Петрыкови зъ докоромъ про якусь любовну сцену. Остались тильки Юхымъ, що тежъ прысьянувъ и щось мымрывъ про себе, та Грыць, Киндратъ и Софійка, яка сыдила мижъ сымы двома, обнявшы кожного и схыляючы то до одного на плече свое зашариле, гаряче лыце зъ сонными, млявыми очима й вохкымы губамы, то до другого. Воны вси трое похытувалысь зъ боку въ бикъ и хрыплымы, розбытымы голосамы спивалы:

На ё-омъ памятны-ыкъ чы-ы-жо-о-олый,
Девя-а-носто-о се-емъ пудо-о-о-овъ,
Девя-а-но-сто-о семъ пудо-о-въ...

....

Колы Андрій, вернувшысь зъ села, ввійшовъ у хату, вси вже спалы: дидъ Юхымъ, схылывшысь на стилъ, Софійка, обнявшысь зъ Грыцемъ, дали биля столу; Киндратъ на лави, звисывшы ногы и поклавшы голову на руку. Гасъ у лампочци выгоривъ и вона ледве-ледве блымала и чадила нагорилымъ копотомъ. Въ хати смердило горилкою, людськымъ дыханнямъ, потомъ, гасомъ. Було душно и важко дыхаты.

Андрій тыхо пидійшовъ до лежанкы й зупынывся биля Кылыны. Вона дыхала ривно и спокійно. Постоявшы трохы, винъ несмило торкнувъ за плече и злегка похытавъ іи. Кылына вмыть заворушылась, пидвела трохы голову и, помитывшы якусь постать биля себе, суворо спытала:

— Ну, чого?

— Це я... Андрій—прошепотивъ винъ.

Кылына прыдывылась блыжче и, пидвившысь, сперлась на ликоть. Потимъ озырнулась навкругы, прыслухалась и тыхо спытала:

— Чого такъ пизно? Ну, що?

Андрій не зразу одмовывъ. Наче збираючысь зъ думкамы, винъ нахылывъ трохы голову, потеръ лоба и тыхо почавъ:

— Бачъ, Кылыно, я все думавъ теперъ... Туды йшовъ та думавъ и назадъ... Ты зовсимъ мене не любышъ, а хочешъ, щобъ я тебе бравъ... Якъ... якъ же це буде такъ?

— Ну?—суворо кынула Кылына.

— Ну, та й... що жъ це... Зъ татомъ я говорывъ, воны зхыляются, щобъ и теперъ... Тильки хотять ще трохы обдывытысь... А що тильки було вдома!.. Маты мало не былысь зъ татомъ. Братъ хотивъ мене выгнать... Я ажъ за нижъ ухопывся...

— Невже?—тыхо спытала Кылына и, нижно поклавшы ёму на плече руку, мягко прытягнула до себе; але Андрій поволи вызволывся и тремтячымъ голосомъ заговорывъ дали:

— А потимъ я ставъ соби думаты: навищо оце все? Вона все одно не любыть мене, при всихъ сміется, глузуе зъ мене... Ты жъ мене не любышъ? Не любышъ, правда?

Кылына помовчала трохы, потимъ озырнулась, прыслухалась и, подумавшы, заговорыла:

— Ты зновъ про це... Ну, скажу тоби и теперъ: не люблю... Пидожды! Ну, не люблю... А чому не люблю? Тому, що не вирю тоби.., никому не вирю. Хиба я знаю, чы ты справди любышъ мене, чы тильки такъ... хочешъ погулять зъ... голодрабкою... Пидожды, дай договорыты!.. Що правда, то правда!.. Отъ и не люблю черезъ це... Не можу прямо... Хотила бъ, може, и сама, такъ не можу... Якъ подумаю соби тильки, що обманыты думаешъ, такъ така злисть бере, що... Яке жъ уже тутъ кохання?.. Просто не можу... Не можу, якъ други дивчата тамъ; хочь и не дывытся на неи, а вона все такы ажъ упадае за нымъ... А я не можу такъ... Не любышъ? И не треба? У мене таке серце,—якъ бачу, що хтось до мене зъ щырымъ серцемъ, такъ я до ёго удвое; ну, вже колы й бачу, що зломъ дыхае, такъ и я не кохатыму... А ты... Я не знаю... Ты любышъ мене не для мене, а для себе... А такои любовы багато знайты можно... Ну, и сама вже не можу... Отъ тоби и вся правда... Хочешъ—беры, хочешъ—ни. Я не обманюю тебе... Визьмешъ—буду любыты такъ, якъ никого не

любыла, бо бачытыму, що любышъ мене не тильки для себе, а и для мене...

Панасъ заворушывся, захрыпивъ и глухо закашлявся. Кылына замовкла, и обое довго чекалы, покы винъ змовкне.

— Такъ отъ, якъ хочешъ,—проговорыла знову Кылына, колы Панасъ заспокоився.—Колы вирышъ мени—беры, а ни... то такъ и кажы. Вирышъ?

Вона зновъ прытягнула ёго до себе и, поклавшы ёго руку соби за спыну, почала потыху гладыты ёго мягке, шовкове волосся.

— Ну, вирышъ, чы ни?

— Вирю,—прошопотивъ винъ и, прытулывшысь ій головою до грудей, замеръ.

— А чы не пора бъ уже спаты!—раптомъ зачувся зъ полу похмурый, злистный голосъ Трохыма —Ни въ день, ни въ ночи нема покою одъ ихъ...

Кылына спокійно, поволи одвела ёго голову одъ грудей, прытягла іи до свого лыця и безгучно впылась ёму въ уста. Потимъ такожъ поволи одвела зновъ и, злегка одипхнувшы ёго, прошопотила:

— Ну, годи... Иды спать.

Андрій, якъ пьяный, одійшовъ одъ неи, вылизъ на пилъ и не роздягаючысь лигъ биля Савкы. Лампочка почала часто моргаты, наче тильки и чекала, щобъ Андрій лигъ уже, потимъ тыхище, ридше и ридше и, нарешти, клипнула въ-останне и погасла; тильки у тьми замисць неи червонивъ на столи нагорилый кгнитъ.

Вси ще спалы, колы Трохымъ, розбудывшы Юхыма, почавъ ёму щось тыхо шопотиты. Той сивъ на лаву, почухався, протеръ заспани очи и хрыпло спытавъ:

— Хиба вже?

Трохымъ тильки головою хытнувъ и мовчкы показавъ ёму невелычку, зелену скрыньку, що стояла пидъ лавою биля жердкы.

Въ хати було вже зовсимъ выдно. Юхымъ уставъ зъ-за столу, глянувъ на сонне товарыство и усмихнувся. Але не встыгъ винъ взяты кухоль въ рукы, щобъ умытысь, якъ у хату ввійшовъ несподивано... Халабуда. Зробывшы де-кильки крокивъ, винъ зупынывся, здывовано пиднявъ бровы и, дывлячысь на Грыця и Софійку, яки порозкочувалысь вже и одынъ201 ализъ ажъ пидъ стилъ, а друга пидъ лаву,—одеревенивъ.

— А... ето жъ по какому?—нарешти опамьятався винъ и повернувся до Юхыма, якый усмихаючысь дывывся на ёго.— Какъ же это воны сплять до такой поры? Я вже думавъ, що тутъ провалылысь уси кудысь.

Замисть одповиди Юхымъ вмыть хытнувъ ёму таемныче головою и поманывъ за собою изъ хаты.

— Що таке?—ще бильше здывувався той. Але Юхымъ зновъ хытнувъ ёму и пишовъ озыраючысь у сины. Халабуда стыснувъ плечыма, але пишовъ все-такы. Хвылыны черезъ тры Юхымъ вернувся, але безъ Халабуды вже. Моргнувшы Трохымови, винъ пидійшовъ до Кылыны и почавъ будыты іи. Вона довго не прокыдалась, потимъ, колы Юхымъ не на жартъ штовхнувъ іи въ бикъ, зразу пидвелась, озырнулась и здывувалась, що вона могла такъ заспатысь. Потимъ дидъ пидійшовъ до Грыця и почавъ штовхаты ёго ногою. Грыць зперщу щось бурмотивъ, цмокавъ губамы, потимъ помалу пидвився и сивъ падъ столомъ. Здывовано озырнувшысь, винъ раптомъ одкынувся назадъ и весело, гучно на всю хату зареготався. Видъ ёго смиху навить прокынувся Киндратъ. Нарешти повставалы вси, зъ сонными, мутнымы очима, зъ попухлымы носамы, зъ пересохлымы губамы, сердыти, зли, розкудовчени, брудни. На слова Юхыма, що бувъ Халабуда и лаявся дуже, де-хто усмихнувся, де-хто вылаявся, де-хто почухався, але нихто не хапався до роботы. Савка ухопывъ шматокъ хлиба и, сопучы, почавъ намынаты ёго; але, пожувавшы трохы, поклавъ на стилъ, зитхнувъ и промовывъ:

— Я бъ це кыслого чого зйивъ бы... Нема, Кылыно?

— Казало, що буде!—весело засміялась та, вытыраючы мокре лыце брудным рушныком и вызыраючы зъ-за ёго своимы велыкымы, гарнымы очима, яки дывылысь сёгодня якось надто жваво, бадёро и весело.

— Да-а.., це бъ огирка солоного не погано бъ... Проквасыты душу,—скребучы пигтемъ брову и поглядаючы чогось на пилъ, протягъ роздумлыво Юхымъ. Потимъ хытнувъ ришуче головою, пидійшовъ до свого «пальто» и, вытягшы зъ ёго пляшку зъ недопывкамы горилкы, подывывся на всихъ, перехылывъ іи въ ротъ и заклякъ. Було чуты тильки «буль, буль, буль»! Колы булькання зтыхло, винъ одтулывъ пляшку видъ рота, подывывся черезъ свитъ на дно, перехылывъ зновъ у ротъ, потрусывъ пляшкою и, подывывшысь знову на неи, сховавъ іи въ «пальто», утерся и завдоволено крекнувъ:

— Отъ теперъ нибы зовсимъ друга прыпорція,—весело хытнувъ винъ головою.—Теперъ можно и пидождаты трошкы.

Винъ хотивъ ще щось говорыты, але глянувъ у викно и здывовано промовывъ:

— О! Дывы... А чого це такъ рано паны до насъ?

-- Де? Куды? Яки паны?—посыпалысь зтурбовани пытання, але не встыглы дизнатысь, якъ у хату ввійшлы: попереду Халабуда зъ поважнымъ и погрозлывымъ выглядомъ, дали офыцеръ въ шынели на опашку и вчытель. Останни обыдва, выдно, и не вмывалысь, бо облыччя булы помъяти, сонни, тильки вуса въ офыцера булы розчисани, якъ слидъ. Звернувшысь до здывованыхъ робитныкивъ, Олександръ зъ липывою зневагою выяснывъ имъ, що ёму стало видомо, нибы вкрадена «мындаль» знаходытся теперъ у ныхъ на кухни, а черезъ те нихто хай не выходыть зъ хаты, покы не буде скинчено трусъ. Хытнувшы потимъ мовчкы головою Халабуди на робитныкивъ, винъ неспишно озырнувся, поводывъ байдуже очима по хати и зупынывъ поглядъ на Кылыни, яка, зустрившысь зъ ёго поглядомъ, спершу одвернулась була, але заразъ же подывылась зновъ, наче не маючы сылъ боротысь, дуже зблидла и застыгла у погляди. Офыцеръ ледве всмихнувся, одвернувся, байдуже подывывся по стели, позихнувъ,

прыкрывшы рота трёма пальцямы, и повернувся до Халабуды, якый вже старанно порався биля Трохыма, щильно облапуючы ёго зъ головы до нигъ. Той усмихався якоюсь похмуро-завдоволеною всмишкою и покирлыво повертався на вси бокы. Биля ныхъ стоявъ вчытель и, жадибно дывлячысь за кожнымъ ихнимъ рухомъ, нетерпляче топтався кругъ ихъ.

— Нѣть?—спытавъ офыцеръ, колы Халабуда взявся до Савкы.

— Никакъ нетъ!—озырнувся той и, кынувшысь до Савкы, почавъ ще старанныще шукаты. Не знайшлось и у Савкы, якъ не знайшлось и въ останнихъ.

— Вещи пересмотри!—холодно кынувъ офыцеръ, колы вси булы обшукани. Кынулысь до шмаття, до одежы, перетрусылы все и перейшлы до скрынь, якыхъ було тильки дви: бильша, жовта—Кылынына, и менча, зелена—Андріева. Вытяглы зпершу зелену и почалы выкладаты на лаву сорочкы, хусточкы, рижну дрибныцю. Потрусывшы одну сорочку, потимъ другу, Халабуда раптомъ нахылывся и, пидиявшы зъ земли якусь ганчирку, розгорнувъ іи, глянувъ и, весь просіявшы, кынувся до Олександра.

— Ваше благородіе!.. Знайшлась... Вотъ!—скрыкнувъ винъ радисно и подавъ тому ганчирку. Панокъ кынувся и, выхопывшы зъ рукъ офыцера орденъ, обдывывся, наче неймучы виры своимъ очамъ, и показавъ ёго Олександрови.

— Дѣйствительно!.. Посмотрите... Очень радъ... Очень радъ... Это просто... Очень благодаренъ вамъ!—звернувся винъ до прыкащыка, якый трошкы выпрямывся и серьёзно сказавъ:

— Не стоить благодарности за такыи малости!

— Ну, какъ же не стоитъ?—радистно-збентежено пробурмотивъ той, звертаючысь до Олександра и любовно дывлячысь на хрестъ, якый той зъ усмишкою повертавъ у пальцяхъ.

— Удивительно? Правда?

— Д-да...—протягнувъ нарешти офыцеръ и, зробывшы раптомъ серьёзне и грызне лыце, повернувся до всихъ и строго спытавъ:

— Чей это сундукъ?

Вси зразу подывылысь на Андрія, якый, якъ тильки зъ ёго сорочкы выпала «мындаль», здывовано-переляканo пиднявъ бровы и страшенно почервонивъ увесь. Покы жъ роздывлялысь на хрестъ, винъ прудко бигавъ по всихъ очима, наче пытаючысь, якъ се воно могло статысь такъ, що вкрадена «мындаль» опыпылась у ёго въ скрынци; але вси мовчкы и такожъ здывовано дывылысь одне на одного и нихто навить не рушывся на своёму мисци. Андрій глянувъ на Юхыма, той здывовано стыснувъ до ёго плечыма, глянувъ на Трохыма, той тильки похмуро-радистно всмихнувся до ёго; глянувъ на Кылыну и ще дужче почервонивъ увесь,--вона, блида вся, якъ стина, зъ шырокымы очима, пыльно дывылась на ёго. Але зачувшы пытання офыцера, винъ прокашлявся и, запынаючысь, сказавъ:

— Це мій... сундукъ. Тильки я не бравъ ціи мындали... Я и не знаю, якъ вона... Це хтось пидкынувъ мени...

— Да?--иронычно-холодно промовывъ Олександръ.--Странно! Кто-то, значитъ, специально кралъ для того, чтобы подкинуть тебѣ? Удивительно!.. Но... довольно... Кто тебѣ далъ этотъ... эту медаль?

— Мени нихто не дававъ... Я не знаю... Їй-Богу, не знаю... Отъ вамъ хрестъ святый, що и не знавъ, що вона у мене въ скрыньци...—зъ одчаемъ скрыкнувъ Андрій и ажъ перехрестывся до образивъ. Верхня, пиднята губа ёму дрижала, на лоби выступывъ питъ, очи булы шыроко розплющени и дывылысь злякано и напружено.

— Ну, однимъ словомъ, не хочешъ сказать!—повертаючысь до Халабуды, сказавъ офыцеръ.—Хорошо... Это разберетъ судъ... Взять его и отправить къ старостѣ.. П-под-лецы!

— Вы хотите его... предать суду?—жыво спытавъ учытель, якось зтурбовано дывлячысь на Олександра.

— Конечно!—здывовано скрыкнувъ той.—Не по головкѣ же его погладить за это?!

— Да...—замнявся той и понызывъ голосъ.—Но видите ли... Я просилъ бы васъ... э... пустить его и... не подымать этого дѣла... Начнется слѣдствіе, вызовутъ меня, васъ, подымется, цѣ-

лый скандалъ... Мнѣ это ужасно непріятно.—Пожалуйста... Я согласенъ, преступленіе, такъ сказать, съ поличнымъ. Но понимаете, этотъ комичный характеръ. Все это... Богъ съ нимъ! Пустите ёго!..

— Х-мъ...

— Пожалуйста, я васъ прошу...

Офыцеръ замыслывся.

— Ну, хорошо...—стыснувъ винъ плечима и подавъ орденъ, якого той обережно пидхопывъ и разомъ зъ ганчиркою пхнувъ у кишеню.—Пусть такъ, хотя... знаете... но все равно... Ну, слушай ты!—звернувся винъ раптомъ до Андрія.—Слушай сюда... Этотъ баринъ проситъ за тебя... Слышишь?.. И я отпускаю тебя и не предамъ суду... Понимаешь?

— Колы жъ я не бравъ!—скрыкнувъ Андрій. Офыцеръ скыпивъ.

— Молчать!!—грымнувъ винъ, зчервонивши разомъ.—Негодяй! Его отъ тюрьмы освобождаютъ, а онъ еще продолжаетъ нагло врать тебѣ въ лицо... Мерзавецъ!.. Выгнать его сейчасъ съ собаками изъ экономіи и не дать ему ни копѣйки! Забирай свои паскудныя вещи и въ одинъ мигъ маршъ отсюда... Скоти-и-на!

Андрій хотивъ щось говорыты, але, глянувшы на офыцера, хаплыво нахылывся и тремтячымы рукамы почавъ зкыдать у скрыньку розкыдани речи. Замкнувшы скрыньку, винъ скоса подывывся на «паныча», якый не зводывъ зъ ёго очей, и пидійшовъ до полу. Склавшы въ купу кожухъ, пиджакъ, ще де-яки речи, винъ хапаючысь натягъ свыту, такъ-сякъ пидперезався, схопывъ пидъ одну пахву скрыньку, а пидъ другу клунокъ и, не дывлячышъ ни на кого, мовчкы, червоный, переляканый, пишовъ изъ хаты. Вси провелы ёго очыма и заразъ же перевелы поглядъ на панивъ.

— Мер-рзавцы!—промовывъ кризь зубы офыцеръ, повертаючысь, щобъ выходыты, але Халабуда крекнувъ, переступывъ зъ ногы на ногу и, пустывшы рукы «по швамъ», зупынывъ ёго.

— Ваше благородіе!

Ихне благородіе озырнулось.

— Ну?

— Тутъ, ваше благородіе, знаходытся одынъ болезненый челаекъ.., котрый безъ сомненія заслабелъ... и той... не способный работать... Такъ вы звелели, щобъ ёго одправыть у волость... Онъ той самый, который лежыть на полу...

— Ну?

— Такъ я хотелъ одослать ще вчерась... А оны (винъ показавъ головою до робитныкивъ, яки переглянулысь и похмурылысь ще дужче)... не зхотели...

— Какъ это не «зхотели»?—гордо спытавъ офыцеръ.—Просить ихъ нужно, что ли?

— Такъ точно, безъ сомненія... И я думалъ такъ... Такъ тотъ.., который тильки шо пошолъ, шо укралъ мындаль... той хотелъ везты... А теперъ нема кому, потому оны усе не слушаютъ... Особенно той, ваше благородіе, который рябой... Той усехъ безъ сомненія бунтуеть... повсигда... Вредный такой... Настоящій, ваше благородіе, малахольныкъ...

— Какой «малахольныкъ»?

— Такой, значыть, какъ разбойныкъ всё рамно... Не слушаеть.., сопротывляетця...

«Благородіе» перевело очи на Трохыма, якый, насупывшы бровы, дывывся въ викно и навить не глянувъ въ ихъ бикъ.

— Та ще, ваше благородіе, говóрыть, що побьёть тому морду, хто повезёть у волость...

«Благородіе» зновъ подывылось на Трохыма, що все-такы не рушывся, тильки губы ёму насмишкувато скрывылысь.

— Выгнать его въ двадцать четыре часа изъ экономіи!— очевыдячкы здержуючы себе, глухо кынувъ офыцеръ до Халабуды.— Чтобъ и духу его къ вечеру не было!

— Слушаю...—вытягнувся трохы Халабуда.

— Тильки впередъ розсчетъ мени дайте!—спокійно и не усмихаючысь вже, бовкнувъ Трохымъ, повертаючысь до ныхъ и бигаючы очима по хати.

— Никакого разсчета!—не дывлячысь па ёго кынувъ «панычъ».—Нагайки еще получишь!

Трохымъ зупынывъ на ёму свій гострый, тяжкый поглядъ и наче потемнивъ весь.

— А нагайкы за що?—прыдушено спытавъ винъ.

— За бунтъ! Па-а-нима-аешъ?!—раптомъ озвирило «благородіе» й повернулось до ёго всимъ тиломъ.—За бунтъ!.. Ссволочь этакая! Деньги брать умѣешь, а работать не любишь?.. Сскоты проклятые!.. Перепорю всѣхъ!..

Трохымъ почавъ важко сопты; жылы ёму понапыналыся на выскахъ, рйботыння налылось сынёю кровью, бровы зійшлысь зъ віямы й черезъ се очи здавалысь ще гострищымы. Панокъ злякано дывывся на ныхъ и, очевыдячкы, не знавъ, що ёму робыты. Халабуда стоявъ зъ покирлывымъ выглядомъ; «скоты» ще бильше похмурылысь, прыщулылысь.

— Нагайкы мени нема за що...—заговорывъ нарешти Трохымъ хрыпкымъ голосомъ.—А що я не послу́хався, такъ за це мени розсчотъ дайте... А не дасте... такъ...—(винъ забигавъ очима по хати й крыво, дыко посмихнувся)—такъ я вже... Я вамъ не Андрій... Грабувать себе не дамъ...

Винъ зупынывъ свій фосфорычный поглядъ на офыцерови, що зъ якымсь дывуваннямъ прыдывлявся до ёго, и зновъ забигавъ поглядомъ по хати, крывлячы губы въ усмишку. Офыцеръ ще подывывся пыльно на ёго, потимъ звернувся до вчытеля и, здвыгнувшы плечыма, промовывъ:

— Это, дѣйствительно, разбойникъ какой-то... Просто звѣрь!.. Вы посмотрите, какъ у него глаза горятъ..., какъ у кошки вечеромъ... Этотъ и ножемъ не задумается пырнуть...

— Да, да! Я тоже вамъ хотѣлъ сказать—стараючысь не показуваты выду, що говорыть про Трохыма, хутко й у-пивъ голоса заговорывъ панокъ.—Ужасная физіономія... Я вамъ совѣтовалъ бы дать ему разсчетъ... и... Богъ съ нимъ!..

— Дда-а...—усмихнувся офыцеръ. — «Малахольныкъ» настоящій... Хорошо! Получишь сегодня разсчетъ!—холодно, зневажлыво, мовъ не бажаючы заводытысь зъ нымъ, кынувъ винъ.

до Трохыма й, повернувшысь, пишовъ зъ хаты. За нымъ поспишно побигъ панокъ, а за нымы Халабуда. Але, не дійшовшы до порогу, панычъ нибы згадавъ щось и, повернувшысь назадъ, найшовъ очима дида и, хытнувшы ёму головою, сказавъ:

— Идика сюда, Юхымъ!

Юхымъ, не поспишаючы, рушывъ за нымъ. Выйшовшы зъ хаты, й пустывшы впередъ панка й Халабуду, офыцеръ зупынывся и, взявшы Юхыма за лацканъ пиджака, почавъ ёму говорыты про Кылыну. Говорывъ винъ зъ тою жъ ніяковистю й смишкомъ, що й вчора, тильки сёгодня бажання ще бильше дзвенило ёму въ голоси. Юхымъ слухавъ мовчкы, нахылывшы лысу, непокрыту голову й иноди хытавъ головою.

— Однимъ словомъ, скажи ей такъ,—выймаючы зъ гаманця гроши й непомитно тыкаючы ихъ у руку дидови.—Если хочетъ, пусть ѣдетъ прямо въ городъ... Я ѣду сегодня... Объясни все, какъ я тебѣ говорилъ. . Главное, не забудь улицу: Ивановская улица, № 14... Спросить офицера, поручика Гаврильчука .. Не забудешь?

— Ни...

— Ну, вотъ... Если согласится, пусть пріѣзжаетъ, когда хочетъ, всегда пріиму... съ радостью, х-хе!.. Ну, а не согласится... Согласенъ на все... А о томъ... извиняюсь... И такъ далѣе... Тамъ ужъ разтолкуй ей... Понимаешь?

— Добре...

Колы дидъ прыйшовъ у хату, тамъ стоявъ страшенный гоминъ. Крычалы, сварылысь, махалы рукамы, блыщалы очима, лаялысь, сміялысь. Кылына, дуже блида, зъ посынилымы губамы, щось говорыла Саньци, але та й слухаты не ходила й обстоювала свое. Не зважаючы ни на кого, Юхымъ пидійшовъ до Кылыны, мовчкы потягъ іи за руку и одійшовъ до дверей, хытнувшы ій головою. Кылына заразъ же покынула Саньку и пидійшла до ёго.

— Що тамъ?—спытала вона якось зхвылёвано й ніяково.

Юхымъ похмуро, насупывшы бровы почавъ ій щось шопотиты. Де дали винъ говорывъ, то бильше лыце Кылыны супылось,

то тиснище складалысь губы. Скинчывшы, винъ глянувъ на неи й спытавъ:

— Ну?.. Якъ скажешъ?

Кылына повела плечыма, крыво всмихнулась и промовыла:

— Не знаю...

— Подумаешъ ще?

Вона тильки крывище всмихнулась. Дидъ постоявъ ще трохы задумлыво, потимъ глыбоко зитхнувъ, промовывъ тильки «Эх-хъ»!!.. и пидійшовъ до полу. Насунувшы на голову шапку, напьявшы й пидперезавшы мотузкомъ «пальто», винъ, поспишаючысь, середъ галасу выйшовъ зъ хаты и попрямувавъ просто за будынокъ до села.

Колы винъ вернувся зъ двома пляшкамы горилкы за пазухою й зъ блыскучымы, веселымы очима, въ кухни, кримъ Кылыны, що стояла задумлыво биля викна й водыла по склу пальцемъ, никого не було. Навить на тому мисци, де лежавъ Панасъ, було голо. Подывывшысь скоса на Кылыну, дидъ пидійшовъ до столу, выйнявъ пляшкы, поставывъ ихъ на стилъ, сивъ самъ на лаву и повивъ очима по хати.

— А Панасъ же де?—промовывъ винъ тыхо.

— Повезлы въ волость—не повертаючысь, кынула Кылына.

— Хто?

— Петрыкъ.

— Та-акъ...—хытнувъ головою Юхымъ, потимъ подывывся на неи и знову спытавъ:

— А ты... якъ?

Кылына ничого не одмовыла, потимъ глыбоко-глыбоко зитхнула, одійшла одъ викна и, ніяково усмихнувшысь, сказала:

— А я те жъ... мабуть... пойиду...

— Та-акъ...—зновъ протягъ дидъ и замыслывся. Потимъ раптомъ трипнувъ головою, выйнявъ зъ пляшкы затычку, перехылывъ іи въ ротъ и безъ оддышкы почавъ пыты горилку. Кылына ажъ задывылась на ёго.

—Що?—оддыхуючы, вытеръ винъ губы й глянувъ похмуро на неи.—Добре пью?

Кылына мовчкы повернулась и пишла зъ хаты. А дидъ поклавъ голову на стилъ лобомъ на самый край, довго сыдивъ такъ, потимъ зновъ пиднявъ іи и, глянувшы налытымы кровью очима на пляшку, поволи взявъ іи, встромывъ у ротъ и зновъ почавъ смоктаты, нибы бажаючы залыты горилкою щось погане тамъ десь у грудяхъ. Потимъ уставъ, вьяло забравъ пляшкы, пидійшовъ до полу и, зкынувшы «пальто», постелывся й лигъ. И заразъ же важко захрипъ...

И зновъ, якъ и вчора, прокынувся одъ чыёгось шарпання.

— Диду!.. Встаньте!—турмосывъ ёго Трохымъ, що стоявъ биля ёго, зъ клункомъ пидъ пахвою, у шапци й у свыти. Дидъ злякано сивъ и подывывся на ёго.

— Що?.. Га?.. Куды?.. За що?..—хутко заговорывъ винъ, чухаючы себе въ бороду и, дывлячысь по хати, въ якій вже смеркалося.

— Та ничого... То я...—усмихнувся Трохымъ! Прощаться прыйшовъ. Иду вже... Бувайте здорови.

Юхымъ потеръ лоба, ще разъ озырнувся навкругы и подывывся на ёго.

— Ху!.. А мени снылось щось... Выпывъ я... Шумыть, братъ!..

— Я вже йду... Далы разсчотъ!..—мyркнувъ Трохымъ зновъ.

— Уже?—обдывывся на ёго клунокъ дидъ. Въ дорогу значыть?.. Х-мъ... куды жъ теперъ?

Трохымъ злистно усмихнувся.

— «Куды»...—повивъ винъ плечыма.—Звисно, куды... До другои собакы... Мало ихъ?

— Та-акъ...—хытнувъ головою дидъ.—То правда... Скоро й я пиду... Загулявъ, братъ.., гряныцю перейшовъ... Спасыби панамъ... офыц... А що, Кылына де?—раптомъ хутко спытавъ винъ.

Трохымъ пыльно глянувъ на ёго, потимъ усмихнувся й промовывъ:

— Нема вже й Кылыны.. Взяла разсчотъ... Пишла до титкы въ село... Кажуть, хоче въ городъ йихать...

— Та-акъ...—схылывъ дидъ голову й застыгъ. Потимъ пидвивъ іи, подывывся на Трохыма, похытавъ головою й сказавъ:

— Отъ такъ нашъ братъ погыбае... Знаешъ, куды вона пишла?

— До охвыцера?—бовкнувъ Трохымъ.

— До охвыцера!.. Эхъ!.. Може выпъешъ на дорогу?—раптомъ спытавъ винъ и, хутко повернувшысь, выйнявъ зъ пидъ головы пляшку.

— Давайте!—махнувъ рукою Трохымъ. Дидъ поспишно одиткнувъ пляшку, для чогось побовтавъ іи, такъ що тамъ ажъ пина пиднялась, и подавъ Трохымови. Той взявъ, мовчкы хытнувъ ёму головою, перехылывъ у ротъ и застыгъ. Потимъ вернувъ дидови, утерся и, почекавшы, покы Юхымъ «булькавъ», промовывъ:

— Ну, прощайте, диду! Треба до вечора хочъ до Горбачивъ дійты...

Дидъ подавъ ёму руку, потрусывъ Трохымову и, подывывшысь на щось въ лыце тому, зитхнувъ и выпустывъ іи. Трохымъ ніяково й похмуро всмихнувся, кывнувъ ще разъ головою и поволи пишовъ до дверей. На лави коло мысныка сыдила Марынка биля макитры зъ картоплею и пыльно дывылась на ёго. Проходячи повзъ неи, винъ глянувъ на іи блиде, ще бильше схудле лычко, на якому теперъ выднилось щось уперте, похмуре, й разомъ зъ тымъ сумне й жальке, и зупынывся.

— Прощай, Марынко!—промовывъ винъ, клипнувшы на неи своимъ непокійнымъ поглядомъ и понуро всмихаючысь.—Будь здорова...

— Идете одъ насъ?—тыхо спытала вона. Въ голоси ій чулось щось сумне, боязьке, жальке.

— Иду...

Марынка тильки подывылась на ёго, не знаючы, що сказаты, и почала мняты дрижачымы пальцямы шкорлупыну зъ картопли.

Трохымъ узявъ зручнище клунокъ пидъ голову, глянувъ ще разъ похмуро по хати и, суворо, терпко якось кынувшы «прощайте», выйшовъ изъ хаты.

В. Винниченко.

Василій Назаровичъ Каразинъ.

(Его жизнь и общественная дѣятельность) [1].

ГЛАВА IV.

Учрежденіе Харьковскаго Университета.

(1802—1804).

Хлопоты въ Главномъ Правленіи Училищъ въ пользу Харькова. Идея о Харьковскомъ университетѣ и отношеніе къ ней харьковскаго общества. Проектъ Харьковскаго университета. Рѣчь къ дворянамъ 31 августа 1802 г. Поѣздка въ Петербургъ и первыя неудачи. Случай съ „мнѣніемъ" гр. Потоцкаго и хлопоты внѣ заботъ по университету. Хлопоты по университету въ Петербургѣ и полномочія В. Н. Каразина. Поѣздка въ Харьковъ. Положеніе дѣла университета на мѣстѣ. 2-ой арестъ и освобожденіе. Оппозиція дворянъ. Вторая поѣздка въ Петербургъ и отношеніе къ расходованію суммъ на университетъ. Паденіе значенія правителя дѣлъ Глав. Правл. Учил. Хлопоты объ отпускѣ денегъ и письмо къ гр. Кочубею. Пассивность Завадовскаго и Потоцкаго. Письма къ Государю и предвѣстники невзгоды. Подготовительныя мѣры къ открытію ун-та. Переписка съ И. Ѳ. Тимковскимъ о времени открытія ун-та.

«Вся жизнь моя принадлежитъ моему отечеству, говорилъ В. Н. Каразинъ, но въ особенности тому краю, который былъ отечествомъ для понятій моей юности» [2]. Работая на пользу своего отечества, составляя уставы и планы народнаго образованія, издавая журналъ, можетъ быть, предвѣстникъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, В. Н. Каразинъ оставался

---

[1]) См. Кіев. Стар. 1905 г., № 1.

[2]) Рѣчь въ собраніи дворянъ 1802 г. 31 авг. Молодикъ, Харьковъ, 1843.

въ душѣ истиннымъ сыномъ Украйны и прилагалъ во время своего могущества всѣ усилія для ея же преуспѣянія.

Главное училищъ правленіе, вмѣстѣ съ работами по общей организаціи учебнаго дѣла въ Россіи, согласно указу 8 сент. 1802 г. комиссіи объ училищахъ, имѣло главною своею цѣлію и обязанностью заботиться объ открытіи университетовъ въ тѣхъ учебныхъ округахъ, гдѣ ихъ не было. Въ исполненіе указа, члены главнаго училищъ правленія, Озерецковскій, Фуссъ, приняли на себя трудъ сдѣлать начертаніе, въ которыхъ городахъ Россійской имперіи выгоднѣе и удобнѣе завести университеты». [1]) Фуссъ предложилъ открыть 6 университетовъ, по такому же числу (6-ти) округовъ: Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Казани, Вильнѣ и Дерптѣ. Озерецковскій предлагалъ къ существующимъ университетамъ Московскому и Дерптскому прибавить университеты въ Харьковѣ, Воронежѣ, Казани и Устюгѣ Великомъ [2]) Н. А. Лавровскій полагаетъ, что Харьковъ менѣе всего долженъ былъ имѣть шансовъ на право имѣть у себя университетъ по причинѣ своего убійственнаго климата, и ужасныхъ путей сообщенія, благодаря которымъ нерѣдко посылки въ Москву, напр., приходили болѣе чѣмъ черезъ 2 года. «Въ то время выборъ Харькова дѣйствительно не могъ прійти никому въ голову, кромѣ Каразина, и въ этомъ заключается важная заслуга, оказанная имъ нашему городу» [3]). Почему же Озерецковскій и Фуссъ слѣдовали желанію Василія Назаровича?—Н. А. Лавровскій въ другомъ сочиненіи полагаетъ, что В. Н. Каразинъ «имѣлъ полную возможность склонять сужденіе о выборѣ мѣста для южнаго университета въ пользу Харькова», благодаря своимъ близкимъ отношеніямъ къ сильнымъ кн. А. Чарторижскому и графу Потоцкому [4]). Дѣйствительно, по письмамъ гр. С. О. Потоцкаго къ В. Н. Каразину (хотя нѣсколько позднѣе 1804 г.) можно заключить о прекрасномъ отношеніи перваго къ послѣднему, а кн. А. Чарторижскій, весьма вѣроятно, былъ обязанъ кое какими трудами Василію Назаровичу [5]). Дальнѣйшій ходъ проекта о мѣстонахожденіи университетовъ подтверждаетъ догадку Н. А. Лавровскаго. «По выслушаніи мнѣній, комиссія признала возможнымъ учредить одинъ университетъ въ Кіевѣ или Казани, потому что въ пер-

---

[1]) Сухомлиновъ. «Матеріалы» I. 58.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Воспоминаніе «Журн. Мин. Народн. Просвѣщ.» 1873 г. 2. Стр. 301.

[4]) В. Н. Каразинъ. Ж. Мин. Нар. Просв. 1872 г. 159 стр 59.

[5]) См. раньше—занятія Каразина съ Чарторижскимъ.

вомъ изъ нихъ уже изстари учреждена академія, а во второмъ существуетъ обширная гимназія, слѣдовательно въ этихъ городахъ болѣе найдется учащихся, способныхъ проходить университетскій курсъ» [1]). Послѣднее заявленіе казалось бы весьма справедливымъ и основательнымъ (съ какимъ трудомъ въ Харьковѣ набралось 40 студ. [2]), но къ удивленію «главное правленіе училищъ» измѣнило свое рѣшеніе, согласно съ мнѣніемъ Фусса, нашедшаго сильную поддержку въ планѣ, представленномъ Чарторижскимъ» [3]). Итакъ, благодаря поддержкѣ кн. Чарторижскаго, комиссія постановила открыть университетъ въ Харьковѣ [4]). Причина этой поддержки, намъ кажется, скрывается въ дѣйствіяхъ В. Н. Каразина. Весьма вѣроятно, что, видя или угадавъ шаткость предложенія Озерецковскаго и Фусса объ учрежденіи университета въ Харьковѣ, Василій Назаровичъ склонилъ князя поддержать Харьковъ, и это, вѣроятно, тѣмъ легче было сдѣлать, что для Чарторижскаго лично это не могло имѣть большого значенія, «будетъ-ли южно-русскій университетъ въ Кіевѣ, Черниговѣ, Харьковѣ или Астрахани, какъ это въ разное время предполагалось. (Какъ извѣстно онъ только думалъ о своемъ любимомъ Виленскомъ Округѣ).

Но, подготовляя почву къ открытію въ «любезной Украйнѣ» университета, Каразинъ хорошо понималъ, что одного заключенія комиссіи очень мало для осуществленія проекта, что, при возникновеніи какихъ либо затрудненій, бумажное рѣшеніе очень легко измѣнить или уничтожить. Надо было чѣмъ-нибудь болѣе существеннымъ закрѣпить хорошее начало, чтобы не дать погаснуть давно-давно лелѣянной мечтѣ, нескрытой лишь отъ самыхъ близкихъ друзей. Еще 2-го мая 1802 г Каразинъ такъ писалъ о своихъ занятіяхъ уставомъ высшихъ учебныхъ заведеній о. Василію Фотіеву: «Теперь насталъ случай, занимающій меня самымъ пріятнымъ образомъ, именно: угодно было всемилостивѣйшему государю учредить особый комитетъ для разсмотрѣнія уставовъ двухъ академій и Московскаго университета; въ семъ комитетѣ съ членами, тайными совѣтниками Муравьевымъ и графомъ Потоцкимъ и академикомъ Фусомъ, разсудилъ его императорское величество поручить мнѣ письмоводство. Къ намъ вступило множество бумагъ, содержащихъ планы и соображенія разнаго рода по симъ заведеніямъ. Между прочимъ нашли мы, что еще въ

---

[1]) Сухомлиновъ Мат. I. 59.
[2]) Ibid. стр. 67.
[3]) Ibid. стр. 52.
[4]) Рождественскій—Историч. обзоръ М. Н. Пр. стр. 53.

1786 г. покойная государыня императрица имѣла намѣреніе учредить въ Россіи на первый случай три университета и на сей конецъ поднесенъ ей былъ превосходный мѣстнымъ свѣдѣніямъ государства и народному характеру прожектъ. Можно воспользоваться имъ и еще усовершить со стороны, о которой тогдашнія обстоятельства думать не позволяли». Въ чемъ же состояли задуманныя усовершенія В. Н. Каразина? Въ томъ же письмѣ онъ говоритъ:

«Бывъ удостоенъ вскорѣ по возвращеніи своемъ въ Петербургъ бесѣды добраго государя, осмѣлился я сказать ему идею о заведеніи въ Харьковѣ университета, который былъ бы образованъ лучше Московскаго и достоинъ бы называться сосредоточіемъ просвѣщенія полуденной Россіи. Идея моя принята съ благоволеніемъ, и я принялся было уже за начертаніе плана къ нему». «Очевидно», прибавляетъ къ этой цитатѣ проф. Д. И. Багалѣй [1]), что мысль объ учрежденіи университета въ Харьковѣ у него зародилась вскорѣ послѣ перваго письма къ императору Александру и была логическимъ послѣдствіемъ его широкихъ просвѣтительныхъ плановъ. «Сія мысль занимаетъ всю мою душу, и я ожидаю только согласія общества дворянъ, чтобы дѣйствовать» (Письмо къ Фотіеву). Руководили имъ въ этомъ дѣлѣ самыя чистыя побужденія (что доказывается послѣдующими его поступками при основаніи университета),—любовь къ своему родному краю и Харькову. «Любимая его Малороссія, говоритъ его сынъ, пришла ему прежде всего на мысль, какъ край, гдѣ до того времени не было ни одного высшаго училища. Будучи въ Петербургѣ, Василій Назаровичъ склонялъ членовъ комиссіи къ выбору Харькова мѣстомъ университета и подготовилъ Харьковское общество письмами къ вліятельнымъ харьковцамъ [2]) къ принятію своихъ проектовъ. Онъ дѣлалъ смѣты необходимыхъ расходовъ для первоначальнаго устройства университета и поддержки его, предлагалъ даже удобнѣйшіе *способы* собирать пожертвованія, не обременяя тѣмъ общество. «Издержекъ—было бы на самое дѣло благая воля—бояться нечего. Онѣ будутъ весьма непримѣтны. Ежели дворянство, положивъ собрать 200000 руб., т. е. по одному рублю съ души помѣщичьей, пригласитъ къ тому же городскихъ жителей разныхъ состояній, хотя по малому количеству, или если часть винныхъ городскихъ доходовъ и другихъ

---

[1]) Просвѣтительная дѣятельность В. Н. Каразина. Записки Харьк. унив. 1893 г. т. I.

[2]) Сохранились письма по этому предмету къ В. М. Донецъ-Захаржевскому, Г. Р. Шидловскому, о. Василію Фотіеву и нѣкоторыя другія.

общественныхъ суммъ на сіе обратится, то составится съ избыткомъ сумма на ежегодное содержаніе университета процентами; я говорю: «*положивъ* собрать, ибо скапливать вдругъ никакой суммы не надобно. Довольно, если каждый обяжется пристойнымъ залогомъ вносить ежегодные проценты съ причитающейся ему на часть суммы. Сіе будетъ весьма легко. На предварительныя же издержки и заведеніе обязываюсь я испросить должныя дворянству казною 70000 руб., а можетъ быть и сверхъ того» [1]).

Но всѣ эти мѣры, предпринятыя изъ Петербурга, равно какъ и согласіе отдѣльныхъ лицъ харьковскаго общества, не позволили дѣйствовать Каразину въ правящихъ сферахъ отъ имени всего сословія, что необходимо требовалось, чтобы придать авторитетность голосу Василія Назаровича для склоненія членовъ комиссіи училищъ къ выбору мѣстомъ университета Харьковъ.

Государь, *обнадеженный* Каразинымъ въ пожертвованіяхъ украинскаго дворянства, отнесся сочувственно и одобрительно къ мысли учрежденія въ Харьковѣ университета. И вотъ, чтобы развязать себѣ руки и кончить дѣло разомъ, лѣтомъ 1802 г. Василій Назаровичъ Каразинъ самъ отправляется въ Харьковъ съ цѣлью найти себѣ поддержку въ пользу любимаго дѣтища на мѣстѣ.

Василій Назаровичъ имѣлъ серіозныя основанія надѣяться на успѣхъ своего предпріятія. Близкое знакомство съ воспитателемъ, можно сказать, харьковскаго общества, Григоріемъ Саввичемъ Сковородою, подъ вліяніемъ котораго находились такіе видные харьковцы, какъ Квитка, Ковалевскій, городской голова Урюпинъ и др., подъ вліяніемъ котораго, можетъ быть, дѣйствовало въ одномъ направленіи и цѣлое учрежденіе—«Харьковскій Коллегіумъ», создавшій цѣлый культъ науки въ Украйнѣ [2]); личное участіе въ литературномъ кружкѣ А. А. Палицына, къ которому принадлежали тоже видные дѣятели въ пользу основанія университета—Ушинскій, Гр. Ром Шидловскій и др.; дѣятельная переписка съ этими сочувствующими ему лицами, съ слоб.-укр. предв. двор. Донецъ-Захаржевскимъ, — все это придавало смѣлость Ка-

---

[1]) Журн. Министер. Народнаго Просв. 1872 г. ч.159 стр. 62—63.

[2]) Свѣдѣнія о состояніи харьковскаго общества черпаемъ изъ сочиненій проф. Д. И. Багалѣя „Просвѣтительная дѣятельность В. Н. Каразина“ („Зап. Харьк. Ун.“ 1893 г. кн. I) „Опытъ Ист. Харьк. Ун.“ т. I и статей Фил. Вас. Каразина, напеч. въ Рус. Стар. за 1875 г. чч. 12, 13 и 14. Кромѣ того у насъ въ рукахъ былъ рядъ писемъ харьковцевъ къ Каразину по поводу основанія университета.

разину. «На высшее харьковское общество, говоритъ Д. И. Багалѣй, начала оказывать замѣтное вліяніе европейская образовательная стихія»... «Среди сумскихъ дворянъ еще въ 1767 г. возникла мысль объ основаніи въ Сумахъ университета. Тутъ же образовался и литературный кружокъ А. А. Палицына [1]), которому, по словамъ Василія Назаровича, «обязаны мы большею частью началами европейскаго быта въ Украинѣ». «Всѣ члены этого кружка воспитались на произведеніяхъ просвѣтительной французской литературы конца прошлаго вѣка и были привер-женцами новаго западноевропейскаго образованія» [2]). Средоточіемъ кружка было село Поповка, принадлежавшее Палицыну и находившееся въ сумскомъ уѣздѣ; отъ имени села А. А. Палицынъ шутя называлъ свой литературный кружокъ Поповской Академіей [3]). Изъ писемъ протоіерея Василія Фотіева В. Н. могъ заключить о сочувствіи дѣлу харьковскаго духовенства.—Представители общества, казалось, только ждали руководителя, обѣщая немедленно оказать ему поддержку въ созданіи университета.

И, дѣйствительно, тотчасъ по пріѣздѣ В. Н. Каразина, городской голова Ег. Ег. Урюпинъ и губернскій предводитель дворянства В. М. Донецъ-Захаржевскій принялись дѣйствовать. Оба

---

[1]) Александръ Александровичъ Палицынъ служилъ въ Петербургѣ адъютантомъ при фельдмаршалѣ Румянцевѣ и здѣсь, въ Петербургѣ, онъ, должно быть, вошелъ въ дружескія связи со многими писателями. Въ немъ самомъ была наклонность къ литературной дѣятельности, не покидавшая его до послѣднихъ годовъ жизни, даже въ удручающей старости, въ тиши украинскихъ полей. Поселившись въ селѣ Поповкѣ, Палицынъ проводилъ время въ занятіяхъ литературныхъ, въ составленіи плановъ церквей и домовъ для богатыхъ помѣщиковъ, въ перепискѣ съ друзьями и въ прогулкахъ по лѣсу и по полямъ, при чемъ на семидесятомъ году жизни увлекался красотами природы со свѣжестью чувствъ юноши. Ярославскій, „Воспоминанія", Харьк. Сборн 1887 г. Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ, „Культурный уголокъ харьк. губ." X. 1888 г., стр. 1—2.

[2]) „Просвѣтительная дѣятельность В. Н. Каразина". Записки Харьк. ун. 1893 г. кн. I.

[3]) „Поповская Академія,—говоритъ проф. Н. Ѳ. Сумцовъ,—въ свое время была для Харьковскаго края просвѣтительнымъ учрежденіемъ, и до открытія въ Харьковѣ университета отчасти исполняла роль высшаго учебнаго заведенія"... „Дѣятельность Палицына совпала по времени и по направленію съ дѣятельностью В. Н. Каразина, и эти два человѣка положили краеугольные камни въ дѣлѣ развитія просвѣщенія въ харьковской губерніи". „Культурный уголокъ харьк. губ." Харьковъ, 1888 г., стр. 12.

пользовались вліяніемъ, какъ видныя должностныя лица, оба сочувствовали идеѣ основанія въ Харьковѣ университета. Донецъ-Захаржевскій назначилъ съѣздъ дворянъ слободско-украинской губ. на 12-ое авг. для выслушанія предначертанія Василія Назаровича о Харьковскомъ университетѣ и обсужденія суммы и способовъ пожертвованій. Ег. Ег. Урюпинъ дѣйствовалъ въ томъ же направленіи и побуждалъ купечество и мѣщанское сословіе къ пожертвованіямъ въ пользу университета, ставя въ связи съ этимъ обстоятельствомъ преуспѣяніе личныхъ интересовъ всего рѣшительно харьковскаго населенія. Благодаря противодѣйствію губернатора Артакова [1]), съѣздъ къ 12 августа не состоялся. Настойчивость вышеупомянутыхъ лицъ взяла однако верхъ, и на 20 авг. назначено было чтеніе «Предначертанія о харьковскомъ университетѣ», составленное В. Н. Каразинымъ. Назначеніе университета въ своемъ «Предначертаніи о харьковскомъ университетѣ» Василій Назаровичъ полагалъ «въ приготовленіи юношества къ общественнымъ и государственнымъ должностямъ, посредствомъ познаній свойственныхъ каждой», какъ гласилъ § 1. Университетъ этотъ поэтому состоялъ изъ 9 отдѣленій, которыя открывались бы постепенно, «по мѣрѣ увеличенія доходовъ университета» «Не позже 1 сентября 1803 г. открылись бы первые два отдѣленія—общихъ познаній» и «пріятныхъ искусствъ»; черезъ 3 года, когда «учащіеся пройдутъ науки, необходимыя для первоначальнаго образованія разума» въ этихъ отдѣленіяхъ, т. е. въ сент. 1806 г., открываются слѣдующія 5 отдѣленій: богословское, гражданскихъ познаній, военныхъ познаній, врачебныхъ наукъ и гражданскихъ искусствъ, еще чрезъ 3 года, т. е. въ сентябрѣ 1809 г. проектировалось открытіе «отдѣленія учености» и «отдѣленіе изящныхъ художествъ», которое будетъ необходимо для Харькова, такъ какъ «къ этому времени умножится въ губерніи дѣятельность, явятся избытки въ городѣ, ощутятъ нужду въ украшеніи». При университетѣ состояло бы «училище сельскаго домоводства» и «школа ремеслъ и рукодѣлій». Послѣднія учрежденія

---

[1]) Андрей Кондратьевичъ Артаковъ, тогдашній харьковскій губернаторъ, отличался рѣзкимъ и даже грубымъ характеромъ. Не сочувствуя идеѣ основанія университета въ Харьковѣ и находясь въ личныхъ непріязненныхъ отношеніяхъ съ Е. Е. Урюпинымъ, всѣми силами старался вредить дѣлу и впослѣдствіи. Онъ не задумывался наносить оскорбленія своимъ врагамъ въ обществѣ, что заставило, между прочимъ, Урюпина войти съ протестомъ въ думу, а потомъ къ министру внтренних дѣлъ Кочубею; въ ноябрѣ 1803 г. Арпаковъ былъ уволенъ въ отставку (Лавровскій, Журн. Мин. Нар. Просв. 72 CLXI).

предлагались В. Н. Каразинымъ въ интересахъ собственно родного Харьковскаго края для экономическаго и промышленнаго преуспѣянія его [1])

Предначертаніе было выслушано, по свидѣтельству Филадельфа Васильевича Каразина, съ удовольствіемъ, одобрено, и тогда же состоялась подписка на 100.000 р. сер. 29-го авг. состоялось еще одно, вѣроятно частное, собраніе дворянъ, на которомъ 10 именитыхъ дворянъ слоб.-укр. губ. подписали протоколъ о пожертвованіи на университетъ 1,000,000 руб. Но предстояло еще общее собраніе дворянъ, въ которомъ должно было состояться окончательное рѣшеніе [2]).—29 числа въ Харьковѣ происходило пышное празднество по случаю подтвержденія государемъ правъ и преимуществъ слободско-украинскаго дворянства, а 31-го общее засѣданіе дворянъ; въ чемъ заключалась задача собранія, неизвѣстно, за недостаткомъ оффиціальныхъ документовъ [3]) Сохранилась только рѣчь В. Н. Каразина. Патріотическое воодушевленіе дворянъ достигло 29 августа высшей степени; торжественная процессія, религіозная обстановка ея подѣйствовала возбуждающимъ образомъ на все общество. Понятно, почему 31 числа всѣ горячо откликнулись на призывъ В. Н. Каразина.

Какъ вліятельное лицо въ петербургскихъ сферахъ, какъ человѣкъ близкій государю и хорошо извѣстный харьковскому обществу, Каразинъ является въ дворянское собраніе и тамъ раскрываетъ предъ дворянами программу своего общеобразовательнаго университета, отвѣчающаго на всѣ рѣшительно вопросы человѣческаго духа и интересы края.

Началомъ своей рѣчи Каразинъ какъ бы привелъ къ одному знаменателю возвышенное настроеніе общества. «Благодарность!—воскликнулъ онъ,—она будетъ предметомъ, которымъ я Васъ занять осмѣливаюсь, благородное и высокопочтенное собраніе. Она наполняетъ мое сердце. О ежели бы я могъ излить изъ него чувствованія съ тою силою, которая убѣждаетъ души, которая дѣлаетъ истину торжествующею». Воодушевленіе, по поводу монаршей милости, стремилось, естественно, выразить чѣмъ-нибудь свою благодарность государю. И вотъ В. Н. Каразинъ указываетъ исходъ этому воодушевленію: онъ предлагаетъ въ яркихъ краскахъ лучшее употребленіе накопившейся энергіи—порыва благодарности—устроить университетъ въ Харьковѣ по его плану.

---

[1]) „Русс. Стар.“ 1857 т. XIII стр. 66—71.
[2]) „Русс. Стар.“ 1875 т. XII стр. 333.
[3]) Д. И. Багалѣй „Опытъ Исторіи Харьк. Ун.“ т. I, стр. 68.

Университетъ этотъ долженъ быть душой всей Украины. Онъ долженъ быть центромъ культурной и просвѣтительной жизни южно-русскаго народа и, какъ таковой, долженъ на югѣ выполнить задачу преуспѣянія всей Россіи, ибо онъ притянетъ къ себѣ выдающіеся умы, онъ будетъ совершенствовать общество, доставляя ему образцовыхъ высоконравственныхъ правителей и судей, врачей и «златоустыхъ наставниковъ въ Словѣ Божіемъ и нравахъ». Поэты-питомцы того же учрежденія разовьютъ богатый народный языкъ и прославятъ родину. Задачей же университета будетъ выпускать купцовъ, вооруженныхъ научной подготовкой, которая дастъ имъ возможность поставить русскую торговлю и промышленность на одну доску съ иностранною. Богатства стекутся со всѣхъ концовъ міра въ новый центръ, городъ окрѣпнетъ, разукрасится чудными сооруженіями и замѣнитъ въ Россіи греческія Аѳины. «Я не имѣлъ въ виду ничего,—заключилъ свою рѣчь В. Н. Каразинъ,—кромѣ блага общественнаго и выгодъ своей земли... слава въ очахъ Европы цѣлой, которая должна свѣдать, къ какимъ пожертвованіямъ способно дворянство!.. Представлю-ли вамъ, что я не столько низокъ въ душѣ, судя по моимъ понятіямъ, по самому политическому моему положенію, чтобы питать намѣреніе личности, внѣ которой я рѣшительно себя поставилъ при вступленіи моемъ въ общество!.. Отъ васъ зависитъ теперь высокопочтенное собраніе, оправдать меня или предать стыду и отчаянію; здѣсь предстою предъ вами въ лицѣ вашего друга или преступника»...

Таковъ былъ проектъ университета Василія Назаровича (подробно коснемся учебно-воспитательной части его въ спеціальномъ отдѣлѣ), а послѣдними словами характеризуется его душевное состояніе. «Просьбы на колѣняхъ», говоритъ его сынъ Филадельфъ Васильевичъ, «мольбы со слезами, обѣщанія разныхъ наградъ у правительства—все имъ было употреблено». Одинъ изъ присутствовавшихъ въ этомъ собраніи дворянъ, вспоминая много лѣтъ спустя о впечатлѣніи, произведенномъ В. Н. Каразинымъ, не могъ удержаться отъ слезъ [1]).

Каразинъ шелъ на рискъ; давно уже волнуемый мыслью о Харьковскомъ университетѣ, онъ увѣрилъ государя въ готовности дворянъ содѣйствовать въ открытіи университета, о чемъ просилъ ихъ лишь по пріѣздѣ въ Харьковъ въ августѣ 1802 г.; въ этомъ-то смыслѣ онъ назвалъ себя «другомъ или преступникомъ» передъ дворянствомъ. Въ этомъ поступкѣ, конечно, нельзя упрекать Ва-

---

[1]) Г. П. Данилевскій „Укр. Стар.“ стр. 124—125.

силія Назаровича, припомнивъ, что въ случаѣ неудачи онъ бралъ на себя всю отвѣтственность предъ государемъ. «Имъ руководило страстное одушевленіе идеей и горячее желаніе добра родной сторонѣ» (Лавровскій). Такое естественное стремленіе достойно только уваженія и безъ него, можетъ быть, пожертвованія со стороны дворянъ не было бы, не было бы и университета въ Харьковѣ, а былъ бы въ Екатеринославѣ (проектъ Потемкина), въ Кіевѣ (Александръ I), или въ какомъ-либо еще городѣ изъ намѣченныхъ «комиссіей училищъ».

Горячая рѣчь, обстановка и общее настроеніе произвели желаемое дѣйствіе, и дворянство выдало Каразину похвальную благодарственную грамоту (отъ 1 сентября 1802 г.) [1]), въ коей было сказано, что «слободско-украинское губернское дворянство, разсмотрѣвъ представленное ему отъ депутата своего господина колежскаго совѣтника Василія Назаровича Каразина предначертаніе о заведеніи въ г. Харьковѣ университета, согласно съ общимъ желаніемъ всего края, въ изъявленіе благодарственныхъ своихъ чувствъ за таковую о просвѣщеніи ревность и ходатайство испросить Высочайшее соизволеніе, даетъ г. Каразину, какъ почтенному по его просвѣщенію и усердію къ общему благу, сочлену своему, похвальное свидѣтельство за подписаніемъ представителей и депутатовъ дворянства [2]). Въ протоколѣ засѣданія отъ того же числа слободско-украинское дворянство постановило ходатайствовать чрезъ В. Н. Каразина объ учрежденіи государемъ императоромъ предлагаемаго Каразинымъ устава университета. Этотъ уставъ или весь составленъ В. Н. Каразинымъ, или, по крайней мѣрѣ, подъ его руководствомъ: тѣ же 9 отдѣленій, какъ въ «предначертаніи Харьковскаго университета», тѣ же взносы въ теченіе 6 лѣтъ [3]).

Кромѣ собранныхъ 100.000 руб. еще раньше на основаніе кадетскаго корпуса въ Харьковѣ и обращенныхъ теперъ въ пользу университета, дворяне постановили внести еще 300.000 [4]). «Упомянутою суммою признаютъ украинскіе дворяне себя должными государству отъ сего дня»—значилось въ протоколѣ, при чемъ

---

[1]) Редакція этого документа принадлежитъ, по свид. В. Н. Каразина, сумскому помѣщику Александру Александровичу Палицыну (неиздан. докум., хранящ. у проф. Д. И. Багалѣя).

[2]) Проф. Д. И. Багалѣй. «Просвѣт. дѣят. В. Н. Каразина».

[3]) Молодикъ 1844 г. стр. 251—253.

[4]) «Изъ коихъ, значилось въ протоколѣ, шестьдесятъ шесть тысячъ девятьсотъ рублей должны почитаться принадлежащими къ наличнымъ на шесть лѣтъ».

дворянство «симъ не ограничиваетъ ревность свою къ пользѣ общей, коль скоро благоволеніе монарха осчастливитъ начало сего ихъ заведенія». Эта то обязанность послужила краеугольнымъ камнемъ оппозиции въ исполненіи постановленія дворянства. Дворяне далеко не могли оправдать возлагаемыя на нихъ надежды Каразина. Его понимало вполнѣ только меньшинство. Большая часть еще бѣгала «отъ одного имени просвѣщенія», говоритъ Филадельфъ Васильевичъ Каразинъ. Да и Василій Назаровичъ мечталъ слишкомъ смѣло, не сообразясь ни съ такимъ состояніемъ большинства общества, ни съ возможностью доставить требуемыя условія имъ. Онъ разсчитывалъ получить на свой университетъ 1.000.000 руб., а валковское дворянство въ одномъ изъ уѣздныхъ частныхъ собраній, нашло возможнымъ собрать съ губерніи только 100.000 руб. [1]), цифру въ десять разъ меньшую первой. Понятное дѣло, что когда начали исчислять въ послѣдующемъ собраніи дворянъ суммы, дворяне отшатнулись предъ колоссальными требованіями своего депутата; изюмскій предводитель Капустянскій-Захаржевичъ демонстративно вышелъ изъ залы засѣданій, чтобы помѣшать рѣшенію дворянъ. Когда отъ него потребовали объясненія такого поступка, онъ сослался на законное основаніе: «Государь всемилостивѣйшій не велѣлъ де брать пожертвованій, если они тяжелы для пожертвователей [2]). Было нѣсколько другихъ частныхъ сопротивленій постановленію дворянства, усложнявшихся благодаря тому обстоятельству, что упомянутый губернаторъ Артаковъ не давалъ законнаго хода дѣламъ и взысканію недоимокъ. (Настойчивость В. Н. Каразина и его единомышленниковъ однако взяла верхъ, и постановленіе, какъ мы видѣли, прошло). 1-го же сент. 1802 г. харьковскіе купцы избрали В. Н. Каразина представить на благоусмотрѣніе государя свое намѣреніе пожертвовать $1^1/_4$ % со всѣхъ капиталовъ (сумма, равная государственной подати), половину суммы, пожалованной 3-го мая 1783 г. съ винныхъ откуповъ и частные взносы. Дѣйствіе свое граждане Харькова мотивировали такъ: «Видя въ учрежденіи семъ, независимо отъ благихъ тѣхъ вліяній, какія произведетъ просвѣщеніе на жителей, явное благотвореніе сему городу, яко то: умноженіе его населенности, распространеніе торговъ и промысловъ, необыкновенное приращеніе въ оборотѣ денегъ и тому подобныя выгоды, гражданство почитаетъ со своей стороны обязанностью соревновать благородному обществу дворянъ сей

---

[1]) Опытъ Ист. Харьк. ун-та проф. Д. И. Багалѣя т. I, гл. II стр. 59.

[2]) Тамъ же, гл. II; 57; Письмо Беклешова.

губерніи въ вѣрноподданнической благодарности всемилостивѣйшему государю, единодушно по силамъ своимъ» [1]... Пользуясь случаемъ, горожане ходатайствовали чрезъ Каразина же о сложеніи съ нихъ обязанности военныхъ постоевъ, тяжело лежавшихъ на небогатомъ и немноголюдномъ населеніи Харькова. Пожертвованія дворянства и купечества были приняты указомъ отъ 25-го мая 1803 года [2]), только, согласно разъясненію Артакова, взносы на университетъ по указу обусловливались не опредѣленной цифрой, какъ хотѣлъ того В. Н. Каразинъ, а суммой въ зависимости отъ городскихъ расходовъ и приходовъ. Конечно, опредѣленный навсегда взносъ со стороны купечества былъ выгоднѣе для университета. Понятно, поэтому, что Каразинъ былъ недоволенъ состоявшимся рѣшеніемъ, и можетъ быть этому обстоятельству должно приписать, что при началѣ существованія университета—дѣти купцовъ были устранены отъ участія въ его корпораціи [3]). Замѣчательно то обстоятельство, что на призывъ В. Н. Каразина откликнулись даже цеховые и мѣщане и войсковые обыватели. Цеховые и мѣщане вполнѣ сочувствовали идеѣ Василія Назаровича, но не могли помочь дѣлу только въ силу стѣсненныхъ своихъ матеріальныхъ обстоятельствъ. «Было сочувствіе благому дѣлу, но не было возможности оказать ему матеріальной поддержки, говоритъ Д. И. Багалѣй [4]). Войсковые обыватели, потомки бывшихъ слободскихъ козаковъ, подражая примѣру прочихъ слоевъ общества, уступили безвозмездно въ пользу университета участокъ земли въ 125 десятинъ по Сумскому шоссе изъ дачи,

---

[1]) Молодикъ на 1844 г. стр. 254.

[2]) Сборн. постановленій по Мин. Народн. Просв. т. I, царств. импер. Александра I, 1802—1825.

[3]) А можетъ быть и помимо сего въ первоначальномъ проектѣ учрежденія имѣлось въ виду сдѣлать его исключительно дворянскимъ. Еще въ 40-хъ годахъ дѣлалась разница между студентами изъ дворянъ и купцовъ. Послѣдніе считались вольнослушателями, и въ формѣ ихъ отсутствовала шпага. Въ 1809 г. Ив. Г. Спасскій обратился съ письмомъ къ гр. С. О. Потоцкому, указавъ на безвыходное положеніе окончившихъ гимназію купеческихъ дѣтей; «картина, что гимназисты будутъ грѣть самовары и получать толчки отъ невѣжъ—поразила графа Потоцкаго. Онъ сдѣлалъ представленіе министру, министръ государю, и велѣно принимать дѣтей купцовъ въ университетъ» (приписка И. Г. Спасскаго къ копіи одного изъ своихъ писемъ къ Потоцкому въ Харьк. Губ. Вѣд. 1873 г. № 140).

[4]) «Опытъ» т. I, ч. II, стр. 82.

пожалованной предкамъ ихъ слободскими козаками и обмежованной къ гор. Харькову [1]).

Видя въ довольно благопріятномъ положеніи дѣло, заручившись одобреніемъ своихъ дѣйствій, обнадеженный въ крупныхъ пожертвованіяхъ на открытіе университета (сумма всѣхъ пожертвованій превысила 658.000 рублей [2]), Каразинъ со свойственнымъ ему увлеченіемъ принялся за приготовленіе всего того, что касалось первоначальнаго устройства университета, оставаясь до перваго засѣданія комитета правленія (11-го апр. 1804 г.) «единственнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ» [3]).

Успѣхъ хлопотъ сообщалъ В. Н. Каразину новую энергію; ему уже не сидѣлось на мѣстѣ, хотѣлось хлопотать, суетиться, чтобы какъ можно скорѣе привести въ исполненіе свою мечту объ общеобразовательномъ и общеподготовительномъ Харьковскомъ университетѣ. Но дѣло не сразу пошло законнымъ ходомъ. Благодаря противодѣйствію Артакова, не сочувствовавшаго просьбѣ

---

[1]) Тамъ же. Любопытно еще одно обстоятельство: войсковой обыватель купянскаго уѣзда Юшка обязался пожизнено жертвовать 50 руб. въ годъ (Лавровскій «В. Н. Каразинъ» Журн. Мин. Нар. Просвѣщ 1872, ч. CLIX, стр. 74).

[2]) (См. Формуляръ и I т. «Опыта Ист. Харьк. ун.» проф. Д. И. Багалѣя). Кромѣ общихъ пожертвованій, было много пожертвованій частныхъ лицъ; такъ, курскій помѣщикъ О. И. Хорватъ пожертвовалъ 5000 р., харьков. губ. предвод. двор. Донецъ-Захаржевскій 1000 р., купецъ Аникѣевъ 3000 р. и др.—Въ янв. 1803 г. Екатериносл. дворянство пожертвовало въ пользу Харьковскаго университета 60000 руб., въ 1806 г. отъ Херсонскаго 40000 р.—сумма всѣхъ пожертвованій, исключая земли, пожертвованной войсковыми обывателями превышала по подсчету проф. Д. И Багалѣя 658000 руб. („Опытъ" т. I ч. II).

[3]) Письмо въ комитетъ правленія университета отъ 3-го марта 1805 г. Лавровскій, Ж. М. Н. Пр. за 1873 г.—Н. Шугуровъ въ біографіи „И. Ѳ. Тимковскій" опровергаетъ послѣднее замѣчаніе, будто бы Вас. Нас. К—нъ былъ „единственнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ" до 11 апр. 1804 г., основываясь на оффиціальныхъ данныхъ, именно—формальномъ порученіи Тимковскому С. О. Потоцкаго „о участвованіи въ предварительныхъ при заведеніи х. ун-та распорядкахъ" (Кіевск. Ст. 1891 т. 34 стр. 376—377). Дѣйствительно, мы увидимъ, что Каразинъ былъ „единственнымъ" распорядителемъ только въ теченіе времени по май 1803 года, т. е. до отъѣзда его въ Петербургъ; затѣмъ въ Харьковѣ по университетск. дѣлу работалъ уже Тимковскій.

о сложеніи обязанности военныхъ постоевъ въ постановленіи гражданства и купечества отъ 1-го сентября, оно было передано Е. Е. Урюпинымъ предводителю дворянства только 6-го октября, когда постановленіе могло быть передано В. Н. Каразинымъ на высочайшее утвержденіе. Тѣмъ не менѣе губернаторъ обязанъ былъ довести до свѣдѣнія государя о пожертвованіи дворянства, которое уже 30-го сент. и получило высочайшую благодарность. Самъ В. Н. Каразинъ уклонился отъ награды. До государя дошло свѣдѣніе объ истинной причинѣ столь щедрыхъ жертвъ дворянъ, и онъ послалъ секретное повелѣніе губернатору предложить В. Н. Каразину желаемую имъ награду. В. Н. Каразинъ наотрѣзъ отказался отъ всякой награды: «Я становился на колѣни предъ дворянами, я вымаливалъ у нихъ деньги со слезами, да не будетъ сказано, что я дѣлалъ это изъ желанія получить награду»—объяснялъ онъ свой поступокъ [1]). Формуляръ Каразина гласитъ: «7-го мая 1801 г. избранъ отъ слободско-украинскаго дворянства депутатомъ для испрошенія у престола подтвержденія привилегій сей губерніи.—При образованіи Министерства Народнаго Просвѣщенія, Высочайше опредѣленъ правителемъ дѣлъ главнаго правленія училищъ 8-го сентября 1802 г. Въ обѣихъ сихъ занятіяхъ подалъ мысль слободско-украинскому дворянству къ основанію въ Харьковѣ университета (который и высочайше утвержденъ въ 1803 г.), послуживъ орудіемъ къ пожертвованію на оный изъ двухъ губерній 618000 руб. по тогдашнему курсу (что нынѣ составляетъ болѣе 200000 руб. ассигнаціями). Уклонился отъ всемилостивѣйшей награды за сей подвигъ; но между тѣмъ за особливые труды по комитету составленія ученымъ въ Россійской имперіи заведеніямъ новыхъ уставовъ награжденъ орденомъ св. Владиміра IV ст. 1802 г. 22 сентября».

Снабженный отъ харьковцевъ формальными довѣренностями на представленіе государю ихъ просьбъ объ учрежденіи университета и упомянутымъ нами похвальнымъ свидѣтельствомъ отъ дворянъ на огромномъ листѣ бумаги, снабженнымъ болѣе сотни подписей [2]), В. Н. Каразинъ отправился въ Петербургъ. Весело летѣлъ онъ на перекладной, благопріятствуемый прекрасною осен-

---

[1]) Фил. Вас. Каразинъ. Русс. Стар. 1875 г. ч. 13. Въ одномъ неизданномъ письмѣ В. Н-ча по этому поводу (Арх. Мин. Ин. Дѣлъ № 306/221) читаемъ: „Сдѣлайте совершенную мнѣ милость увольните меня отъ всякихъ публичныхъ наградъ, какого бы рода они не были;... во вѣкъ не захочу я замарать себя въ глазахъ здѣшняго общества, что я сдѣлалъ ему добро изъ личныхъ какихъ видовъ“.

[2]) «Опытъ ист. Харьк. ун.» ч. II стр. 74—75.

нею погодою и мечтая о томъ удовольствіи, которое доставитъ «другу души его» (какъ называлъ онъ императора Александра Павловича въ своихъ письмахъ) приношеніемъ украинцевъ. Но колесо фортуны уже передвинулось. Впечатлительный молодой императоръ Александръ, какъ легко и быстро увлекся оригинальной личностью Каразина, повидимому такъ же легко и быстро способенъ былъ охладѣть къ ней. Жизнь въ бытность его наслѣдникомъ при строгомъ отцѣ, гнѣвъ котораго заставлялъ трепетать за свою участь даже особъ царской фамиліи, полная интригъ придворная обстановка, трагическая перемѣна царствованія, которая еще была свѣжа въ памяти,—все это не могло не оставить слѣда въ мягкой по природѣ душѣ Александра I. Подозрительность и недовѣріе къ самому вѣрному другу могла явиться результатомъ ничтожнаго неблагопріятнаго намека. Еще въ первое время сильное вліяніе В. Н. Каразина на государя вызывало зависть и злобу придворныхъ на новое, выступившее на арену дѣятельности лицо. «У насъ есть маркизъ Поза» насмѣшливо замѣтилъ кто-то въ театрѣ, настолько громко, чтобы государь могъ слышать. Усилія этихъ лицъ увѣнчались значительнымъ успѣхомъ. Не трудно было воспользоваться неопытностью 27-милѣтняго Каразина, неопытнаго въ придворной интригѣ, и не менѣе юнаго мечтателя императора, «къ противочувствіямъ привычнаго»[1]). Они подготовляли охлажденіе государя къ В. Н. Каразину, и тѣмъ энергичнѣе, что послѣдній для хлопотъ по Харьковскому университету выѣхалъ изъ Петербурга. Весьма вѣроятно, что Василій Назаровичъ и самъ рылъ себѣ яму, не замѣчая того. Онъ широко пользовался данной ему привилегіей и надоѣдалъ государю своевременными и несвоевременными совѣтами, планами и проектами. Василій Назаровичъ предугадывалъ охлажденіе къ себѣ государя и подозрѣвалъ причину ея въ клеветѣ. Поэтому еще за нѣсколько дней до отъѣзда въ Харьковъ (8-го авг. 1802 г.) онъ писалъ государю: «Всемилостивѣйшій Государь! Къ клеветѣ, очернившей меня, можетъ быть, предъ вашимъ величествомъ, присоединились теперь коварствомъ исполненное корыстолюбіе и злость... Нынѣшніе дни—самые рѣшительные въ моей жизни; я испрашиваю у васъ только 10 минутъ на личное объясненіе. Дайте мнѣ ихъ ради Бога»[2])!.. Отвѣта на письмо не послѣдовало...—«двери кабинета» государя захлопнулись для В. Н. Каразина.

---

[1]) Шильдеръ. Александръ I т. I стр. 36. Тоже Абрамовъ „В. Н. Каразинъ".

[2]) Русская Старина за 1875 г. т. 13, стр. 79.

По пріѣздѣ изъ Харькова, обнадеживаемый добытыми успѣхами, Каразинъ съ прошеніемъ въ рукахъ, въ которомъ просилъ аудіенціи у государя, чтобы «рѣшить участь воспитанія въ полуденной Россіи», бодро отправился во дворецъ. Отвѣтомъ ему было приказаніе представить дѣло по начальству. Василій Назаровичъ подалъ бумаги въ «комиссію училищъ», предсѣдателю ея Михаилу Никитичу Муравьеву,—«и дѣло Харьковскаго университета пошло въ долгій съ разными потайными пружинами ящикъ!» [1]) Началась волокита. Муравьевъ передалъ всѣ представленныя В. Н. Каразинымъ бумаги министру народнаго просвѣщенія графу П. В. Завадовскому, а этотъ министру внутреннихъ дѣлъ В. П. Кочубею. Пошли справки: губернатора харьковскаго запросили, во-первыхъ, изъ какихъ средствъ дворяне думаютъ дѣлать пожертвованія на университетъ? не на счетъ-ли крестьянъ?—хотя въ представленіи В. Н. Каразина ясно было сказано, что «дворянство приноситъ въ даръ не избытки, излишними налогами на крестьянъ собранные, но свято-принадлежащую ему собственность: произведенія своихъ имѣній» [2]); во-вторыхъ, на какой домъ, назначенный будто-бы для присутственныхъ мѣстъ, указываютъ дворяне въ своемъ протоколѣ; въ-третьихъ, какъ предполагаютъ распредѣлить жертвователи сроки взноса пожертвованныхъ ими суммъ? и тому подобные вопросы, которые разрѣшились бы сами собою впослѣдствіи. Министерство Финансовъ запросили о 66.000 руб., незаплаченныхъ казною дворянамъ за поставку фуража и лошадей въ 1789 г., не смотря на то, что дворяне представили объ этомъ подробныя свѣдѣнія,—словомъ, какъ будто искали только предлоговъ медлить дѣломъ. И дѣйствительно, прошелъ октябрь и ноябрь, а разрѣшенія никакого не было. Василій Назаровичъ, какъ депутатъ отъ жертвователей и какъ правитель дѣлъ «комиссіи училищъ», заинтересованный въ скорѣйшемъ осуществленіи новаго высшаго учебнаго заведенія въ Россіи, надоѣдалъ всѣмъ властямъ словесными просьбами объ ускореніи отвѣта харьковцамъ, которые безпрестанно ему напоминали въ письмахъ своихъ о нетерпѣливомъ ожиданіи результата своихъ прошеній. Во весь промежутокъ времени съ сентября 1802 г. по конецъ января 1803 г. онъ бѣгалъ и суетился, стараясь ускорить разрѣшеніе тормозившихъ дѣло вопросовъ. Ничего не помогало. Никто изъ министровъ не относился съ готовностью содѣйствовать В. Н. Каразину, и онъ оставался однимъ воиномъ

---

[1]) Ф. В. Каразинъ. „В. Н. Каразинъ, основ. Харьк. ун.“ Русс. Стар. 1875 г. ч. XIII, стр. 80.

[2]) Тамъ же ч. XIII стр. 79 и ч. XIV, стр. 185.

въ полѣ. Кочубей откладывалъ со дня на день докладъ свой государю. Наконецъ пылкій Каразинъ потерялъ терпѣніе и надежду на «законное» веденіе дѣла и написалъ 4 декабря сильное письмо Кочубею. Онъ упрашивалъ его обратить вниманіе на совершившійся фактъ, понять и содѣйствовать ему. Случай, представившійся теперь, писалъ онъ, очень рѣдкій, даже единственный въ Россіи—это проблескъ дѣйствій по личной иниціативѣ общества. Благородной искрѣ этой нельзя дать погаснуть: «навѣки, можетъ быть, потерянъ будетъ случай, самый рѣдкій, произвести въ россійскихъ дворянахъ энтузіазмъ къ общему добру и къ успѣхамъ воспитанія», и если не будетъ поддержки благороднымъ этимъ чувствованіямъ, «то самымъ убѣдительнымъ образомъ будетъ доказано, что покушенія частныхъ людей, къ сему клонящіяся (т. е. къ *общему* добру и къ успѣхамъ воспитанія), «суть не что иное какъ безразсудство, ведущее къ тому, чтобы быть осмѣянными и угнетенными». О душевномъ состояніи В. Н. Каразина въ это время можно судить по тому же письму: «Губернія, ввѣрившая мнѣ представленіе о приношеніи ея государству, два мѣсяца слишкомъ ждетъ моего отзыва и обвиняетъ меня. Каждая почта приноситъ мнѣ новыя укоризны и страхи, ибо отдаленность и мое глубокое налагаемое обстоятельствами молчаніе представляютъ тамъ всѣ вещи въ иномъ видѣ, а здѣсь встрѣчаю день ото дня все болѣе препятствій съ той самой стороны, откуда важнѣйшихъ пособій и съ наибольшимъ, кажется, правомъ ожидалъ». «Ваше Сіятельство! Я пишу какъ отчаянный человѣкъ»; «посрамленіе на вѣки передъ обществомъ здѣшнимъ, месть сильныхъ, возненавидѣвшихъ меня еще болѣе прежняго, укоризны и клятва оскорбленной чести многихъ сотенъ дворянъ, которые увидятъ, что пожертвовали только для того, чтобы быть предметомъ всеобщаго посмѣянія—все это ожидаетъ меня» [1]). Министръ встрепенулся: «немедленно составить докладъ» [2])—приказалъ онъ, но приказаніемъ немного подвинулъ дѣло впередъ. Это «немедленно» тянулось чуть не 2 мѣсяца, и только настойчивость человѣка, дѣйствительно преданнаго дѣлу, вытолкнула его наконецъ на сцену. Въ концѣ января 1803 г. Василій Назаровичъ послалъ Кочубею письмо Новороссійскаго губернатора Миклашевскаго, въ которомъ тотъ извѣщаетъ В. Н. Каразина о рѣшеніи новороссійскаго дворянства пожертвовать въ пользу Харьковскаго университета 108.000 руб., и опять просилъ министра разрѣшить назрѣвшій вопросъ. И вотъ, наконецъ, 28-го января

---

1) „Русс. Стар. ч. XIII стр. 186—188.

2) Тамъ-же. Стр. 190.

1803 г. состоялся докладъ государю: «Его Величество изволилъ приказать: благодарить дворянъ и купцовъ; губернскому предводителю дать орденъ Владиміра 3-ьей степени, городскому головѣ чинъ коллежскаго ассесора, протоіерею Фотіеву (который содѣйствовалъ и словомъ и дѣломъ успѣху предпріятія) золотой наперсный крестъ. Василій Назаровичъ былъ глубоко обиженъ постановленіемъ государя. Благодаря его освѣдомленности о дѣлѣ, чувство справедливости невольно оскорбилось за невнимательное отношеніе къ истиннымъ дѣятелямъ, дѣйствительно заслужившимъ награды; большинство ихъ, вѣрнѣе—все дворянство и купечество не получило существенной награды. Допецъ-Захаржевскій, хотя и дѣйствовалъ въ пользу Василія Назаровича, но болѣе былъ склоненъ къ открытію въ Харьковѣ больницы, чѣмъ университета, а онъ то и былъ болѣе всѣхъ награжденъ. В. Н. Каразинъ, близко принимавшій къ сердцу дѣло университета, повторяемъ, былъ глубоко обиженъ за такое пренебрежительное отношеніе къ искреннимъ чувствамъ земляковъ своихъ, дворянъ, и рѣшилъ во чтобы то ни стало, хотя бы цѣною окончательной потери своего вліянія въ правящихъ сферахъ, добиться справедливости. Онъ спѣшитъ къ Кочубею и проситъ его хлопотать. Тотъ не рѣшается передѣлать Высочайше конфирмованное дѣло, но соглашается представить государю собственноручную запись по этому предмету Василія Назаровича Каразина. Упомянувъ, что онъ стоитъ внѣ интересовъ личныхъ, В. Н. Каразинъ просилъ во имя идеи поддержать благородныя чувства общества, «обнаружившуюся искру общественнаго духа» [1]), во имя успѣха родины выдѣлить наиболѣе видныхъ дѣятелей ея. Онъ просилъ вознаградить 5 лицъ, наиболѣе содѣйствовавшихъ открытію Харьковскаго университета [2]) дворянскихъ предводителей Щербинина и Алферова, грудью отстаивавшихъ дѣло Университета въ августовскихъ засѣданіяхъ прошлаго года предъ оппозиціей, нѣкоторыхъ дворянъ съ Захаржевичемъ-Капустянскимъ во главѣ и дворянъ Ковалевскаго и Кондратьева хотя орденомъ св. Анны. Онъ высказывалъ увѣренность, что орденъ св. Владиміра также исполнить свое назначеніе «быть украшеніемъ» мирныхъ гражданскихъ добродѣтелей», назначеніе, ради котораго статутъ ордена

---

[1]) Записка эта помѣщена въ «Русс. Стар.» часть XIV стр. 191—193.

[2]) Между ними, вѣроятно, судя по послѣдовавшимъ наградамъ, купца Урюпина (чинъ 8 кл.), Тихоцкаго (цѣнный подарокъ), Аникѣева (золотая медаль).

былъ возстановленъ государемъ [1]). Ходатайство В. Н. Каразина было уважено, и всѣмъ тѣмъ лицамъ, о которыхъ онъ просилъ, были даны награды; мысль его объ отличеніи всего общества была тоже отчасти исполнена: всѣ уѣздные предводители были *поименованы* въ особомъ высочайшемъ рескриптѣ, послѣдовавшемъ на имя губернскаго предводителя [2]). Въ этомъ рескриптѣ между прочимъ изъявлялась отличная признательность къ изюмскому помѣщику Николаю Осиповичу Шидловскому, дѣйствовавшему въ этомъ полезномъ дѣлѣ отъ имени большинства изюмскихъ дворянъ, а не предводителю ихъ Захаржевичу-Капустянскому. Правда восторжествовала. Она сильно обрадовала В. Н. Каразина, а милостивое рѣшеніе государя заставило его питать себя сладкими мечтами и твердо рѣшиться итти по трудному пути *правдоговоренія,* указаннаго ему за два года назадъ и скрѣпленному клятвой государю. Случай заявить себя на этомъ пути не замедлилъ представиться.

За нѣсколько времени до рѣшенія этого дѣла харьковцевъ, именно въ декабрѣ 1802 г., въ правительствующій сенатъ поступилъ высочайше конфирмованный докладъ государственной военной коллегіи о правахъ дворянъ относительно военной службы. Оказалось, что докладъ противорѣчилъ прежнимъ по этому предмету постановленіямъ Екатерины II и Петра III. Согласно повелѣнію государя, вышедшему не задолго до этого, новые законы, не согласующіеся съ прежними, должны быть представляемы на его усмотрѣніе.—Никто однакоже изъ сената, кромѣ графа Потоцкаго [3]), не рѣшался на такое донесеніе. Потоцкій остался при

---

[1]) Орденъ свят. Владиміра былъ уничтоженъ императоромъ Павломъ и возстановленъ со вступленіемъ на престолъ Александра Павловича. Пересмотръ статута этого ордена былъ порученъ въ свое время В. Н. Каразину. «Рус. Стар.» ч. XIV за 1785 г. стр. 19 .

[2]) Послѣднее распоряженіе было прямымъ отвѣтомъ на записку Василія Назаровича. «Мое представленіе (о возстановленіи ордена св. Владиміра) было основано на томъ, чтобы умножить число добрыхъ гражданъ и прямыхъ сыновъ отечества во всѣхъ состояніяхъ, *не исключая изъ нихъ ни единаго»*. Тамъ-же.

[3]) Графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій, родомъ полякъ, занимался разработкой вопросовъ объ образованіи въ Россіи въ коммиссіи училищъ; а 24-го янв. 1803 г. съ учрежденіемъ университетовъ былъ назначенъ попечителемъ Харьковскаго округа. Свѣдѣнія объ этой благородной личности, преданной новому своему отечеству, можно найти въ книгѣ проф. Д. И. Багалѣя «Опытъ ист. Х. ун. т. I» и Е. Шмида «Исторія средне-учебн. заведеній въ Россіи».

особомъ мнѣніи и, не владѣя свободно русскимъ языкомъ, отправился къ В. Н. Каразину, котораго зналъ по комиссіи училищъ, за помощью въ этомъ отношеніи. Василій Назаровичъ редактировалъ по-русски французскій набросокъ мыслей графа [1]). Мнѣніе Потоцкаго надѣлало въ Петербургѣ много шуму. 4 раза сенатъ назначалъ время для его слушанія и всякій разъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ откладывалъ. «Пріобыкли, бѣдные, и шагу для общаго добра не сдѣлать безъ именного повелѣнія», сорвалось у В. Н. Каразина въ письмѣ по этому поводу къ государю. Преждевременный возродитель *общественнаго духа* просилъ государя открыто заявить о неумѣстной формалистикѣ сенаторовъ. «Первый случай Вы имѣете, Государь, доказать обожающему Васъ народу и Европѣ вмѣстѣ съ нимъ, доказать рѣшительно образъ Вашихъ мыслей и возродить сѣмена любви къ отечеству и общественнаго духа» [2]). Время шло, сенатская исторія заняла всецѣло В. Н. Каразина. Онъ придавалъ рѣшенію его громадное значеніе въ дѣлѣ развитія общественнаго духа. Странно ему казалось молчаніе государя на мысли того, съ кѣмъ онъ такъ давно совѣтовался, кому разрѣшилъ входить къ себѣ безъ доклада и кого, повидимому, такъ любилъ; странно тѣмъ болѣе, что справедливость была очевидна, и въ обществѣ одобряли дѣйствія Потоцкаго и упрекали въ несмѣлости другихъ сенаторовъ. Находясь уже по дорогѣ въ Харьковъ, В. Н. Каразинъ написалъ изъ Орла вторично государю, гдѣ указывалъ на сочувствіе всего общества графу С. О. Потоцкому и умолялъ дать перевѣсъ справедливости; «надо доказать свѣту, писалъ онъ, что слова Ваши, въ манифестахъ сказанныя, суть и въ вѣкъ пребудутъ словами самой истины; не станете, слѣдовательно, ни подъ какимъ видомъ ограничивать того, что единожды нарекли *кореннымъ неприлагаемымъ закономъ*» [3]). Судьба, кажется, улыбнулась еще разъ своему бывшему любимцу.

Къ голосу его прислушивались. Хотя непосредственнаго отвѣта и не послѣдовало отъ Государя, но докладъ военной коллегіи былъ измѣненъ, впрочемъ безъ той огласки, которую требовалъ Каразинъ.

---

[1]) «1803. Brouillon autographe du C-te Potozky d'après lequel j'ai redigé son fameux мнѣніе, qui a commencé par nous culbuter tous les deux», написано рукой Василія Назаровича на подлинникѣ «Русск. Стар.» 1875 г. т. XIV стр. 194.

[2]) Тамъ же.

[3]) «Русск. Стар.» 1875 г. т. XIV, стр. 197.

Еще одно дѣло, на рѣшеніе котораго Василій Назаровичъ имѣлъ вліяніе, тоже могло ободрить его [1]).

Мы немного отвлеклись въ сторону, отмѣчая чисто идейную, если можно только такъ выразиться, дѣятельность В. Н. Каразина, въ отличіе отъ главныхъ его заботъ по устройству Харьковскаго университета.

Январь и февраль 1803 г., въ бытность свою еще въ Петербургѣ, Василій Назаровичъ вмѣстѣ съ С. О. Потоцкимъ, первымъ харьковскимъ попечителемъ, неусыпно хлопоталъ о прісканіи лучшихъ профессоровъ для своего любимаго дѣтища [2]). Велась переписка съ Харьковомъ о временномъ помѣщеніи университета въ домѣ, построенномъ Екатериною II для генералъ-губернаторовъ, должность которыхъ въ слободско-украинской губерніи была упразднена при имп. Павлѣ, а также о другомъ противоположномъ этому домѣ, при Екатеринѣ же выстроенномъ для торжества открытія намѣстничества (домъ, о которомъ въ протоколѣ дворянъ 1-го сент. 1802 г. упоминалось, оказался неудобнымъ къ уступкѣ для Харьковскаго университета). Хлопоталъ В. Н. Каразинъ о скорѣйшей выдачѣ должныхъ казной дворянству суммъ, пожертвованныхъ университету, и проч. Но дѣло можно было подвинуть рѣшительно только въ Харьковѣ. Тамъ должны были быть собраны *деньги* на первоначальныя нужды университета. Къ тому же министръ народнаго просвѣщенія Завадовскій, всегда несочувственно относившійся къ дѣлу харьковцевъ [3]), поссорился съ Потоцкимъ. Какъ бы то ни было,

---

[1]) При проѣздѣ въ іюнѣ того же года чрезъ Москву Василій Назаровичъ услыхалъ возмущеніе крестьянъ по поводу заведенія въ С.-Петербургѣ казенной суконной фабрики. В. Н. Каразинъ поскакалъ на мѣсто дѣйствія, разузналъ, вывѣдалъ положеніе и ходъ дѣла и донесъ обо всемъ министру внутреннихъ дѣлъ графу Кочубею. Онъ оправдывалъ крестьнъ, указавъ на ихъ тяжелое положеніе, и предложилъ во избѣжаніе большихъ волненій успокоить ихъ мирными средствами. Послѣдствіемъ этого письма было тщательное разысканіе дѣла, порученное генералъ-губернатору, и успокоеніе крестьянъ безъ помощи оружія. Подробности объ этомъ см. въ «Рус. Стар.» 1875 г. ч. XIV стр. 197—200.

[2]) Пріисканы были В. Н. Каразинымъ для университета профессоръ Рижскій изъ горнаго корпуса для русской словесности; Осиповскій изъ С.-Петербургкой учительской семинаріи для физики, Делавинь для естественной исторіи и ботаники и Тимковскій для юридическо-политическихъ наукъ. Тамъ же.

[3]) «Имп. Александръ I такъ отзывался объ этой личности: «il est nul et n'est dans le ministère, que pour ne pas crier, s'il en fût exclu» Е. Шмидъ. «Истор. средне-учебн. завед. въ Рос. стр. 16». Завадовскій больше мѣшалъ, чѣмъ содѣйствовалъ открытію въ Харьковѣ университета»—говор. Пыпинъ въ соч.: «Общ. движ. въ царств. Алек. I»).

необходимо было перемѣнить мѣсто дѣятельности. В. Н. Каразинъ собрался въ Харьковъ, и Потоцкій въ представленіи своемъ министру народнаго просвѣщенія 4 февр. 1803 г. писалъ: «На основаніи предварительныхъ правилъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, попечители университета и ихъ округовъ начали заниматься каждый по своей части, такъ что не предвидится, чтобы въ продолженіе нѣкотораго времени въ дѣлахъ главнаго училищнаго правленія произошли чувствительныя остановки или затрудненія за отлучкою правителя дѣлъ коллежскаго совѣтника Каразина; пользуясь удобностью, полагаю я, что, по случаю отправленія въ Харьковъ, полезно будетъ возложить на него первоначальныя распоряженія относительно учреждаемаго тамъ университета. Бывши помѣщикомъ оной губ., онъ, вѣроятно, много споспѣшествовать можетъ Тимковскому [1]). Имѣю честь представить сіе, Ваше Сіятельство, на разрѣшеніе» [2]).

По разрѣшеніи этого представленія, Потоцкій въ письмѣ 17-го февраля поручилъ Василію Назаровичу Каразину первоначальное устройство университета, приготовленіе его къ открытію; тамъ помогать ему будутъ вновь назначенный профессоръ Илья Федоровичъ Тимковскій, отправленный въ качествѣ визитатора по училищной части всего округа, и комиссія изъ мѣстныхъ дворянъ и купцовъ [3]). Всѣ административныя и денежныя мѣропріятія графъ предлагалъ вести чрезъ посредство попечителя петербургскаго округа Н. Н. Новосильцева [4]), съ которымъ и просилъ сноситься, такъ какъ онъ самъ уѣзжалъ въ Вѣну (гдѣ умеръ его отецъ). Чтобы облегчить дѣло В. Н—чу, С. О. Потоцкій въ письмѣ отъ 17-го числа къ губернатору Артакову просилъ его содѣйствовать начинаніямъ В. Н. Каразина. Какъ увидимъ, письмо не произвело желаемаго дѣйствія.

Съ такими полномочіями 18 февраля В. Н. отправился въ Харьковъ [5]). 3-го марта Каразинъ пріѣхалъ въ слободско-украинскую губернію, но въ Харьковѣ, благодаря болѣзни, появился лишь 20 числа. Здѣсь онъ оказался единственнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ дѣлѣ устройства университета. Тимковскій еще жилъ въ Петербургѣ, а дворянская коммиссія, на обязанности которой

---

[1]) О роли его рѣчь ниже.

[2]) «Кіевск. Стар.» ч. XXXIV стр. 227 «Илья Θеодоровичъ Тимковскій».

[3]) Въ протоколѣ дворянъ 1-го сент. 1802 г. значится, что объ университетѣ будетъ заботиться коммиссія изъ трехъ лицъ.

[4]) Русская Старина 1875 г., ч. XIV, стр. 196—197.

[5]) Багалѣй Д. И. „Опытъ ист. Харьк. ун.“ стр. 99.

лежали заботы по первоначальному устройству университета и расходованію жертвуемыхъ суммъ, вовсе не была избрана (новое доказательство, что подавляющее большинство харьковскаго общества еще не прониклось сознаніемъ пользы новаго учрежденія). Тѣмъ не менѣе дѣло буквально закипѣло въ рукахъ у Василія Назаровича: 20 марта онъ пріѣхалъ въ Харьковъ, а 24 уже доносилъ о своей дѣятельности Н. Н. Новосильцеву. И сколько онъ успѣлъ сдѣлать за 3—4 дня! Каразинъ добился согласія губернатора на помѣщеніе университета въ генералъ-губернаторскомъ или иномъ казенномъ зданіи и разрѣшенія его отдать въ вѣдѣніе университета вице-губернаторскій домъ. Всѣ эти зданія должны были представлять временное помѣщеніе университета, въ то время, какъ планы постояннаго уже готовились подъ руководствомъ Каразина. На первоначальные расходы для университета онъ посылалъ 4 тысячи рублей; для профессоровъ готовились квартиры. Одновременно проектировалось В. Н-чемъ употребить часть суммъ на безплатное обученіе бѣднѣйшихъ и даровитыхъ гимназистовъ, составить въ скорѣйшемъ времени ботаническій садъ и выписать изъ Петербурга батаника Де-Ла-Винь, чтобы тотъ открытіями изъ области флоры харьковскаго края, неизвѣстной ученому міру, прославилъ зачинающійся университетъ [1]). 26 марта Каразинъ обратился къ губернскому предводителю дворянства съ просьбой похлопотать о высылкѣ въ Петербургъ 10,000 руб. изъ патріотическаго приношенія дворянъ на имя Новосильцева, для покупки библіотеки, о которой онъ позаботился еще въ Петербургѣ, на доставку ея въ Харьковъ и для выдачи третного жалованья и подъёмныхъ недавно назначеннымъ профессорамъ [2]). Чтобы показать дворянамъ примѣръ побудить ихъ къ скорѣйшему исполненію принятыхъ на себя обязательствъ, В. Н. сдѣлалъ причитающійся съ него и его брата (Ивана Назаровича) взносъ гораздо раньше положеннаго для этого срока; еще въ апрѣлѣ [3]) того же 1803 г. онъ уплатилъ 1000 руб., слѣдовавшихъ съ с. Кручика и Основинецъ, гдѣ было 496 душъ подданныхъ, въ чемъ и выдано было ему оффиціальное удостовѣреніе [4]). Въ это самое время съ В. Н-чемъ произошелъ любо-

---

[1]) Донесеніе Н. Н. Новосильцову отъ 24 марта 1803 г., собственноручная рукопись В. Н. Каразина (изъ Фунд. Библ. Харьк. ун-та).

[2]) Багалѣй Д. И. „Опытъ ист. ун.“, т. I, стр. 100—101.

[3]) Т. е. тотчасъ, какъ было указано С. О. Потоцкимъ мѣсто поступленія пожертвованій—комитетъ университета. Багалѣй Д. И. „Опытъ ист. Х. ун.“ гл. II, стр. 162.

[4]) Отъ 3 мая 1804 г. Подлинное прошеніе въ Историч. Арх. Х. ун. См. о томъ же „Опытъ ист. Х. ун.“ пр. Багалѣя, т. I, 168.

пытный случай, указывающій на необыкновенно милостивое еще отношеніе къ нему государя, поддержанное, быть можетъ, послѣдними справедливыми предложеніями В. Н-ча, оставшимися, какъ мы видѣли, не безъ вниманія (дѣло объ утвержденіи Харьк. ун-та, о заявленіи Потоцкаго и др.).

Уѣзжая изъ Петербурга, онъ захватилъ съ собою, со словеснаго разрѣшенія директора, кадета Кондратьева. Сдѣлалъ онъ это по слезной просьбѣ матери послѣдняго, «больной и ослабѣвшей отъ тоски и нетерпѣливости его видѣть, по чувствительному убѣжденію женщины любезной и рѣдкой и чтобы болѣе сказать родной тетки моей Алексаши [1]). Я не знаю, кто бы могъ устоять на моемъ мѣстѣ»— писалъ онъ по этому поводу И. Ѳ. Тимковскому [2]), тѣмъ болѣе что подобные отлучки кадетовъ на продолжительные сроки практиковались сплошь и рядомъ [3]). Все сошло бы спокойно, но какая то г-жа Балабина, «смертельно ненавидя мать его (Кондратьева) и меня вмѣстѣ съ нею», подняла скандалъ, вооружила Г. Р. Державина и гр. П. В Завадовскаго, и безъ того уже косо посматривавшаго на Василія Назаровича; «выставлено было все, что могло бы опорочить, и скрыто, что послужило бы къ оправданію» [4]). Утаены какъ связь съ родителями, такъ и довѣренность ихъ».— «Балабина просила, говоритъ онъ дальше, какъ ближайшая родственница, раздраженная и вве-

---

[1]) Кто эта Алексаша, неизвѣстно. Какъ мы упоминали, было предположеніе, что Василій Назаровичъ хотѣлъ жениться на дочери Варв. Вас. Надоржанской, но какъ ее звали, свѣдѣній не имѣемъ. Въ письмѣ къ государю отъ второй половины февраля 1803 г. Каразинъ упоминаетъ о намѣреніи своемъ жениться; говоря, что ожидаетъ наказанія за свою смѣлость постояннаго обращенія къ государю, онъ продолжаетъ: „Я готовъ понести наказаніе въ самомъ цвѣтущемъ періодѣ моей жизни, среди радостей и надеждъ, ожидающихъ меня въ предверіи моего брака“ (Русск. Стар. 1875 г. т. т. XIV стр. 198). Извѣстно, что В. Н. Каразинъ женился въ концѣ 1805 г. или даже началѣ 1806 г. („Рус. Стар.“ 1903 г. апр. стр. 8) на Александрѣ Васильевнѣ Мухиной (род. въ 1783 г.) (письмо Ф. В. Каразина къ Н. А. Лавровскому отъ 7 ноября 1872 г.).

[2]) Кіевск. Стар. 1891 г. авг.

[3]) Ярославскій разсказываетъ, что кадетъ Дмитрій или Николай Кондратьевъ былъ сыномъ Анны Васильевны Кондратьевой, сестры матери невѣсты Каразина, и что увозъ кадета вопреки приводимому письму Каразина былъ „небывалымъ никогда“, Харьковскій Сборникъ вып. I, Харьковъ 1887

[4]) Кіевская Старина 1891 г., августъ.

денная въ страхъ (хотя до сего случая нисколько не заботилась о Кондратьевѣ), лишившаяся своего ребенка, а мой поступокъ представленъ неслыханною наглостью, злонамѣреніемъ и Богъ знаетъ чѣмъ». Новосильцевъ, расположенный къ В. Н. Каразину, старался сгладить его ошибку, но, конечно, не могъ совсѣмъ скрыть его вины. Государь приказалъ арестовать Каразина и далъ вмѣстѣ съ тѣмъ другое повелѣніе освободить его чрезъ 24 часа. Объ этомъ арестѣ и объ освобожденіи государъ самъ предупредилъ Василія Назаровича, написавъ ему собственноручное письмо и пославъ съ нарочною эстафетою, такъ, чтобы она пришла ранѣе оффиціальнаго повелѣнія. Такое отношеніе государя сильно порадовало Каразина, и онъ, описывая этотъ случай къ Тимковскому, писалъ: «Съ сего времени моя приверженная къ нему (государю) душа не понесетъ никакой укоризны, но къ добру я стану дѣйствовать надежнѣе, поелику я увѣренъ, что ничьи козни поколебать его противъ меня не могутъ» [1]).

Въ день своего ареста, т. е. 24 марта, Василій Назаровичъ писалъ И. Ѳ. Тимковскому, прося его пріѣзжать къ себѣ скорѣе на помощь. Мечтая открыть университетъ не позже сентября того же 1803 г. [2]) онъ торопилъ профессоровъ пріѣздомъ въ Харьковъ, обѣщая имъ здѣсь обезпеченныя условія жизни, невыданное жалованье и прочее, указывая на необыкновенный энтузіазмъ общества къ дѣлу открытія университета и на готовность купцовъ жертвовать даже въ ущербъ своимъ коммерческимъ предпріятіямъ. Поглощенный своими мечтами, В. Н., кажется, забылъ всѣ условія и обстановку, среди которой онъ долженъ будетъ дѣйствовать и которая вскорѣ дала себя знать. Нѣкоторыя позднѣйшія письма его прямо отчаянныя: ни одного своего обѣщанія онъ не могъ исполнить. Своей лихорадочной поспѣшностью Василій Назаровичъ скорѣе тормозилъ дѣло, чѣмъ подвигалъ его впередъ. «Скажу въ откровенности, писалъ Г. Р. Шидловскій Потоцкому по поводу устроенія университета, что при начальномъ установленіи, въ обществѣ нашемъ для университета были бы лучшіе успѣхи, по крайности всѣ бы были отвращены непріятности, если бы не вмѣшались, *съ одной стороны, скорость*, а съ другой—худое расположеніе губернатора Артакова» [3]). Сопротивленіе послѣдняго выражалось тѣмъ, что онъ медлилъ очи-

---

[1]) Кіевская Старина 1891 г. августъ стр. 236.

[2]) Письмо его отъ 14 дек. 1806 г. Журн. Минист. Народн. Просвѣщ. CLIX стр. 67.

[3]) От. 14 дек. 1806 г. Журн. Мин. Нар. Просв. ч. CLIX стр. 67.

стить подъ университетъ занимаемый имъ домъ, назначенный для университета, и въ умышленномъ бездѣйствіи по требованію пожертвованныхъ дворянами суммъ. Послѣ настойчивыхъ просьбъ Василія Назаровича [1]) и благодаря вступившемуся въ дѣло Министру Внутреннихъ дѣлъ Кочубею, губернаторскій домъ былъ сданъ Каразину. Василій Назаровичъ бросился перестраивать и передѣлывать неприспособленное къ новой цѣли «отъ давняго запущенія» [2]) зданіе, приноровляя его къ университету; денегъ между тѣмъ еще не было, и передѣлки происходили за счетъ Василія Назаровича. Любопытно, что первымъ дѣломъ Каразина было прибить къ зданію вывѣску «Государственный Университетъ», когда развѣ только эта одна вывѣска имѣла какое-нибудь отношеніе къ университету. Заботясь о пріобрѣтеніи временнаго помѣщенія для университета и большого мѣста по Сумской дорогѣ [3]) подъ постоянныя зданія для него, онъ составлялъ, при помощи архитектора Васильева, планы отдѣльныхъ помѣщеній для университета, предполагавшихся на мѣстѣ нынѣшняго университетскаго сада [4]), побуждалъ къ пожертвованіямъ сосѣднія губерніи, дѣйствуя въ качествѣ правителя дѣлъ главнаго правленія училищъ; кромѣ того, по полномочію члена этого прав-

---

[1]) Чтобы выпроводить губернатора скорѣе, Василій Назаровичъ выхлопоталъ ему квартиру, нанятую на университетскія суммы („Опытъ“ стр. 103). Нѣсколько позднѣе (въ срединѣ 1804 г.) для вице-губернатора на университетскій счетъ былъ отдѣланъ особый домъ (Сонцева), при чемъ тогдашній вице-губернаторъ М. Наврозовъ ревностно старался сократить расходы университета по перестройкѣ дома. (Въ Ист. Арх. Х. Ун-та. Переписка М. Наврозова, Потоцкаго и Каразина).

[2]) Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1872 г. CLIX стр. 76.

[3]) Теперь это мѣсто стоитъ огромныя деньги; мнѣ говорили, что по теперешнимъ цѣнамъ на землю въ Харьковѣ оно стоитъ болѣе 1.000.000 рублей; В. Н. Каразину предлагали его за 6000 руб.

[4]) По словамъ Ф. В. Каразина Василій Назаровичъ „предполагалъ устроить цѣлый отдѣльный учебный, такъ сказать, городокъ; въ срединѣ садъ съ фонтанами; съ четырехъ сторонъ строенія: на фасадной сторонѣ 3 церкви—православная, католическая и лютеранская; на правой сторонѣ учебныя строенія; на лѣвой—жилища для студентовъ и профессоровъ, сообщающіяся съ лекціонными залами, крытыми галлереями; на задней—манежъ, гимнастическія залы и хозяйственныя помѣщенія. Планъ всего этого былъ представленъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, (Опытъ ист. х. ун-та пр. Багалѣя т. I гл. II, 63—64; Русская Старина 1875 г. октябрь, стр. 270).

ленія (Потоцкаго), онъ, на основаніи 20 и 46 ст. [1]) предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія, требовалъ отпуска ему суммы, должной казной дворянамъ и пожертвованной на университетъ, заботился о студентахъ для будущаго университета; въ тоже время онъ высказывалъ свои соображенія объ организаціи училищной части въ предѣлахъ харьковскаго округа [2]). Въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ много помогалъ Василію Назаровичу пріисканный имъ еще въ Петербургѣ особый чиновникъ И. М. Шишкинъ, который былъ чѣмъ то въ родѣ эконома, не состоя, повидимому, ни въ какой должности. Тимковскій въ письмѣ къ Новосильцеву отъ 12-го окт. 1803 г. называетъ этого Шишкина «имѣющимъ жительство въ этомъ городѣ не у дѣлъ коллежскимъ совѣтникомъ» [3]). Чтобы собрать сколько нибудь денегъ и дѣйствовать болѣе производительно, Василій Назаровичъ настоялъ предъ Донецъ-Захаржевскимъ о созывѣ дворянъ на общее собраніе для опредѣленія сроковъ обѣщанныхъ взносовъ. Эго собраніе дѣйствительно состоялось 21-го апр. Собраніе одобрило дѣйствія Каразина, выразило ему свою похвалу, установило сроки, но денегъ все-таки еще не было. Наоборотъ, Василій Назаровичъ увидѣлъ, какъ усилилось съ легкой руки Захаржевича-Капустянскаго и Артакова оппозиція его дѣлу.

Къ изюмскимъ дворянамъ примкнуло волчанское дворянство. Богодуховскій помѣщикъ Савва Ольховскій, тотъ самый, который бралъ приступомъ имѣніе отца Василія Назаровича, можетъ быть, вслѣдствіе родовой непріязни, отказался внести даже сумму, обѣщанную имъ на первоначально проектируемый кадетскій корпусъ (суммы, обѣщанныя дворянами на кадетскій корпусъ, перевели на университетъ). Они тормозили дѣло, составляя уѣздные съѣзды дворянъ, гдѣ постановили не соблюдать общаго рѣшенія. Когда губернскій предводитель жаловался Артакову о незаконности подчиненія постановленій губернскихъ съѣздовъ дворянъ уѣзднымъ, тотъ, держа сторону оппозиціи, молчалъ, и дѣло опять останавливалось на неопредѣленное время. Едва-едва послали послѣднее рѣшеніе дворянъ на утвержденіе министерства внутреннихъ дѣлъ.

Василію Назаровичу нечего было дѣлать въ Харьковѣ. Онъ уже давно заложилъ въ приказъ общественнаго призрѣнія отцов-

---

[1]) По этимъ §§ распоряженіе университетскими суммами передавалось исключительно правленію и членамъ его „Опытъ ист. харьк. ун.“ пр. Д. И. Багалѣя, стр. 100.

[2]) Тамъ же 107—112. Докадъ Новосильцеву В. Н. Каразина отъ 10 іюня 1803 г.

[3]) Тамъ-же.

ское наслѣдство, часть котораго была и безъ того уже заложена въ банкъ при раздѣлѣ наслѣдниковъ. Средства его истощились; на успѣхъ въ полученіи новыхъ нельзя было надѣяться, оставаясь въ Харьковѣ при полнѣйшей инертности здѣшнихъ дворянъ [1]), и онъ тотчасъ послѣ собранія дворянъ рѣшилъ ѣхать въ Петербургъ и хлопотать. 24-го апр. 1803 г. Каразинъ поручилъ Шишкину принять губернаторскій домъ и сдѣлать опись всему имуществу. 14 мая, предъ самымъ отъѣздомъ изъ Харькова, онъ пишетъ Шишкину любопытное письмо, проливающее свѣтъ на личность В. Н. Каразина [2]). «Отъѣзжая на короткое время по обязанности моей въ Петербургъ, я имѣю честь повторить Вамъ порученіе, которое Вы на себя взять изволили, и увѣрить притомъ, что всѣ старанія употреблю, чтобы достойно Васъ отблагодарить». Сказавъ о приготовленіи домовъ для университета, объ отдѣлкѣ въ нихъ квартиръ для ректора и профессоровъ, а также объ уплатѣ денегъ рабочимъ «по нуждѣ и разсмотрѣнію», онъ замѣчаетъ: «Я совершенно ввѣряю Вамъ всѣ издержки, бывши удостовѣренъ, что излишняго не употребите; посему все, что ни сдѣлаете Вы, пріемлю я на собственный счетъ [2]). Если нужны какіе-нибудь письменные договоры, Вы можете ихъ сдѣлать моимъ именемъ... Собственно для себя, пожалуйте, употребленіе хотя до полутораста рублей и внести сіе въ книгу, ибо невозможно трудиться никому безъ воздаянія». При этомъ онъ оставляетъ Шишкину на расходы въ полное распоряженіе 2.000 руб. и ему же поручаетъ принимать взносы «отъ благомыслящихъ въ пользу университета». Въ письмѣ отъ 24-го мая изъ Москвы, гдѣ онъ встрѣтился съ И. Ѳ. Тимковскимъ, онъ увѣряетъ Шишкина о скоромъ пріѣздѣ въ Харьковъ И. Ѳ. Тимковскаго, которому поручено, между прочимъ, вмѣстѣ съ нимъ (Каразинымъ) заняться приготовленіями къ открытію университета, проситъ вступить съ Тимковскимъ въ то самое сношеніе, въ которомъ былъ съ нимъ самимъ, повторяетъ, чтобы Шишкинъ свободно издерживалъ порученную ему сумму, и обѣщаетъ въ скоромъ времени изъ Петербурга выслать еще бо́льшую на заботы по университету. Эти письма очень интересны, какъ свидѣтельствующія, во-первыхъ, о полной самостоятельности распоряженія Каразина, а также о крайней простотѣ способовъ расходованія казенныхъ денегъ; выражаемое имъ без-

---

[1]) Въ протоколѣ дворянскаго собранія значится: „дворянство ограничиваетъ себя единожды на всегда взносомъ суммы“. „Опытъ“ 113—116.

[1]) Журн. Мин. Н. Просв. 1872. CLIX.

[2]) Надо полагать, что Василій Назаровичъ требовалъ отъ правленія университета всѣ истраченныя имъ суммы.

условное довѣріе лицу, неудобное и въ частныхъ денежныхъ отношеніяхъ, очевидно не могло быть примѣнимо ни въ какія времена къ казенному счетоводству» [1]). Тѣмъ не менѣе эта простота способовъ господствовала во всѣхъ хозяйственныхъ распоряженіяхъ В. Н. Каразина, что, естественно, какъ увидимъ ниже, приводило къ большимъ затрудненіямъ и замѣшательствамъ. «Въ практической дѣятельности Каразина по части устроенія харьковскаго университета, которая продолжалась вплоть до Высочайшаго выговора, объявленнаго ему гр. Завадовскимъ»,—говоритъ проф. Д. И. Багалѣй—«обнаружились обычныя свойства характера Каразина—изумительная энергія, съ одной стороны, и непрактичность—съ другой; первая, несомнѣнно принесла огромную пользу дѣлу, а вторая вызвала неудовольствія, нареканія и послужила ближайшимъ поводомъ для устраненія его отъ того предпріятія, которое онъ съ полнымъ основаніемъ считалъ своимъ излюбленнымъ дѣтищемъ» [2]).

По возвращеніи въ Петербургъ, В. Н. Каразинъ вступилъ въ должность правителя дѣлъ главнаго правленія училищъ, въ коей все время числился. Надо замѣтить, что теперь правитель дѣлъ главнаго управленія училищъ не имѣлъ того значенія, какъ за нѣсколько времени раньше, когда ему поручали составленіе важныхъ проектовъ. Правленіе сошло теперь на простую канцелярію, разбившуюся къ тому же на 3 самостоятельныхъ отдѣленія, ничѣмъ другъ съ другомъ не связанныя, при существованіи въ то же время и отдѣльныхъ канцелярій попечителей. Одно изъ этихъ отдѣленій, стоившее государству громадныхъ средствъ, называлось департаментомъ, числилось при министерствѣ, завѣдывало циркулярными предложеніями попечителя; другое, подъ руководствомъ В. Н. Каразина вело общія дѣла учебныхъ округовъ, а третье завѣдывало доходами Щукинскаго дома (около 13 тысячъ). Прежній «правитель дѣлъ главнаго правленія училищъ», участвовавшій согласно инструкціи въ рѣшеніи поступавшихъ въ него вопросовъ, обратился въ простого канцеляриста. Въ письмѣ къ государю отъ 16 авг 1803 г. онъ жаловался на то, что ему не даютъ даже смотрѣть всѣ бумаги, поступающія въ департаменты.

6-го числа Каразинъ докладывалъ Н. Н. Новосильцеву полученное изъ Харькова доношеніе Тимковскаго о состояніи дѣлъ

---

1) Н. А. Лавровскій. „В. Н. Каразинъ и основаніе Харьковскаго университета“. Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1873.

2) „Просвѣтительная дѣятельность В. Н. Каразина“. „Записки Харьк. унив. 1893 г. т. I.

Харьковскаго университета. Въ этомъ докладѣ Тимковскій дѣлалъ разные проекты о необходимой перестройкѣ университетскихъ зданій, о приготовленіи квартиръ для профессоровъ, о мѣстѣ для постройки постоянныхъ корпусовъ и проч. Всѣ эти предложенія были одинаковы съ предложеніями по тому же самому предмету Каразина или только дальнѣйшимъ ихъ развитіемъ [1]). Наведя справки о дворянскихъ 69.910 руб., о выдачѣ которыхъ хлопоталъ изъ Харькова, Каразинъ узналъ, что переписка о деньгахъ все еще продолжалась, и ей не предвидѣлось конца. Сумма, назначенная на потребности въ 1803 г. новыхъ учебныхъ округовъ 500.000 руб., изъ которыхъ на долю Харьковскаго приходилось 125.000 р., не была еще отпущена изъ Министерства Финансовъ; Василій Назаровичъ настоялъ предъ Кочубеемъ сдѣлать докладъ императору объ упомянутыхъ дворянскихъ деньгахъ, и 30-го іюня 1803 г. было высочайше повелѣно выдать ихъ; но когда сообщили объ этомъ министру финансовъ, тотъ отвѣтилъ, что у него есть въ рукахъ другое высочайшее повелѣніе объ отсрочкѣ выдачи ихъ до слѣдующаго года. Руки у Василія Назаровича опять были связаны. У него было только 4,000 руб., полученныхъ отъ Новосильцова и имъ самимъ (Каразинымъ) выхлопотанныя въ Харьковѣ [2]), которыя не могли существенно помочь ему. Нужно было найти профессоровъ, купить книги для библіотеки и обстановку для лабораторій; въ Харьковѣ все настойчивѣе и настойчивѣе требовали денегъ для продолженія начатыхъ работъ по перестройкѣ губернаторскихъ домовъ. В. Н. Каразинъ настоялъ, наконецъ, предъ Новосильцевымъ о представленіи Завадовскому отпустить 40.000 руб. изъ 500.000-ной суммы [3]); эти деньги В. Н. Каразинъ намѣревался раздѣлить пополамъ для Тимковскаго въ Харьковѣ и Потоцкаго, который извѣщалъ въ

---

[1]) Такъ, Тимковскій поддержалъ просьбу Каразина о передачѣ вице-губернаторскаго дома университету, о выборѣ мѣста для университета на мѣстѣ нынѣшняго Университетскаго сада.

[2]) Деньги эти были посланы въ Петербургъ Новосильцову въ мартѣ (24) съ письмомъ къ Тимковскому «Кіевская Старина» 1891 г. т. XXXIV. 227.

[3]) Только не пожертвованной дворянами, какъ говоритъ Н. Шугуровъ (Кіевск. Стар. т. XXXIV, 383., такъ какъ эта сумма могла быть собрана въ Харьковѣ, къ чему еще не приступали, а ассигнованной государемъ на учебные округа. О приводимыхъ хлопотахъ В. Н. Каразина заключаемъ по письму его къ Тимковскому въ началѣ іюля 1803 г., напеч. въ «Кіевск. Стар.» т. XXXIV стр. 583—584. Также «Опытъ Ист. Х. ун.» пр. Багалѣя, стр. 133—134. Тоже въ запискѣ государю отъ 16 авг. 1803 г.

письмахъ Каразину о приглашеніи имъ профессоровъ въ университетъ, требовавшихъ для выѣзда третного жалованья и подъемныхъ. Завадовскій отвѣтилъ на это, между прочимъ, что устройство университетовъ—вздоръ, и что Потоцкому денегъ не надо, такъ какъ де онъ самъ обѣщалъ ему въ этомъ случаѣ писать (письмо къ государю Каразина 16-го августа «Русск. Стар.» XIV. 274). Прошло двѣ недѣли, денегъ не выдавали и снова просили убавить сумму вдвое. Однако вмѣсто 20.000 р. Министерство назначило 18,000 руб., при томъ настолько неудобно распредѣлило расходованіе этой суммой, что она оказывалась совсѣмъ безполезной, и Новосильцовъ посовѣтовалъ Василію Назаровичу не хлопотать и лучше вовсе отказаться отъ этихъ денегъ. Тимковскій между тѣмъ въ письмѣ къ Каразину отъ 29-го іюня 1803 г. жаловался, что за отсутствіемъ денегъ пропадаетъ даромъ лѣто и что это затянетъ работы на цѣлый годъ, такъ какъ кирпичныхъ и штукатурныхъ работъ нельзя производить осенью и зимою; (каково было узнать объ этомъ Каразину, собиравшемуся праздновать въ сентябрѣ открытіе университета); что пріѣхавшіе въ Харьковъ проф. Делавинь и Лангъ требовали меблированныхъ квартиръ; что Делавиню, которому еще самъ Каразинъ обѣщалъ меблированную квартиру въ серединѣ апрѣля, Тимковскій могъ дать для обстановки лишь два кресла и два стула. Подобныя извѣстія не могли не удручать Василія Назаровича. Но чѣмъ менѣе давали ему возможности дѣйствовать, чѣмъ сильнѣе ему противодѣйствовали, тѣмъ неудержимѣе становилась его неистощимая энергія, проявляя съ рѣзкостью почти болѣзненной. Возбужденное нервное состояніе рѣзко вылилось въ письмѣ къ Кочубею отъ 14 авг. 1809 г. и къ государю отъ 16-го числа того же мѣсяца. «Мое начальство», пишетъ онъ первому», не сдѣлало ни малѣйшаго шага, чтобы поддержать заведеніе университета въ Харьковѣ и духъ тамошняго дворянства и гражданъ, расположенный въ его пользу... Какъ будто на смѣхъ живутъ тамъ два профессора, публика начинаетъ судить обо всемъ этомъ весьма невыгодно, и мѣстное начальство подаетъ къ тому поводъ. Формально не отводятъ до сихъ поръ домовъ, подъ университетъ назначенныхъ, ссылаясь на ваши, графъ, запросы, которые выражаютъ сомнѣніе, и на недостатокъ точнаго предписанія ни объ одномъ изъ сихъ домовъ. Вы не изволили также ничего рѣшительно предписать, ни намъ отвѣчать объ остаточной суммѣ отъ откуповъ городскихъ, съ 1783 г. мы не имѣемъ ни свѣдѣнія о ней, ни наставленія, какъ приступить къ ея собранію, между тѣмъ всѣ прочія суммы по извѣстному вашего сіятельства расписанію слѣдующія къ сбору въ нынѣшнемъ году, остановились совершенно, поелику вы не изволили ничего отвѣчать предводителю на его

представленіе; изъ казны выдача 60-титысячной суммы отложена до будущаго года по милости графа Петра Васильевича (Завадовскаго), который заставилъ министра финансовъ представить государю, что его сіятельству было угодно. Я много еще надѣялся отъ добровольныхъ взносовъ, если бы приношеніе Хорвата [1]) было бы сколько ободрено, но оно обращается въ шутку, коль скоро вы еще изволите замедлить исполненіемъ вашего обѣщанія (не говорю даже о томъ, какъ я себя скомпрометировалъ, написавши ему объ этомъ обѣщаніи).—Начатыя строенія всѣ пріостановились; принятые чиновники потеряли и духъ и надежды, и вы изволите увидѣть, что все это кончится доносомъ на меня» [1]). «Развяжите меня, наконецъ, съ этимъ человѣкомъ», сказалъ Кочубей Сперанскому [2]), отдавая ему письмо Каразина. Вотъ какъ В. Н. Каразинъ наживалъ враговъ и рылъ самъ себѣ яму.

Онъ послалъ изъ полученныхъ имъ отъ Новосильцова денегъ 3.000 руб. Тимковскому, лишь бы не останавливалось начатое дѣло, а на Завадовскаго, «отыгрывавшагося» всякій разъ, какъ дѣло заходило о деньгахъ на Харьковскій университетъ, составилъ формальную жалобу государю [4]). Новосильцовъ и кн. А. А. Чарторыжскій отговаривали его подавать эту жалобу государю и не вооружать противъ себя и безъ того уже враждебно настроеннаго министра. Въ началѣ августа Василій Назаровичъ получилъ отъ Потоцкаго письмо, въ которомъ онъ на призывъ Каразина рѣшительно отказывался пріѣхать въ Харьковъ, мотивируя отказъ тѣмъ, что ему рѣшительно нечего тамъ дѣлать. «Признаюсь Вамъ, пишетъ онъ, что я немного уже скомпрометировалъ себя, начавъ переговоры съ нѣсколькими лицами и не имѣя возможности кончить ихъ по недостатку денегъ. Мнѣ кажется, что и достоинство самого правительства нашего терпитъ отъ этого не мало: всѣ газеты протрубили о нашихъ новыхъ

---

[1]) Въ бытность Каразина въ Харьковѣ «генералъ-лейтенантъ Осипъ Ивановичъ Хорватъ, хотя и не былъ помѣщикомъ слободско-украинской губ., но пожелалъ, въ интересахъ просвѣщенія и въ силу прежней своей принадлежности къ Харьковскому дворянству, внести на Харьковскій университетъ 5000 руб. въ 5 сроковъ („Опытъ Ист. Х. ун.“ пр. Багалѣя, стр. 114—115). Собраніе дворянъ, бывшее 21 апр. 1803 г., благодарило за даръ. В. Н. Каразинъ хлопоталъ въ Петербургѣ о награжденіи Хорвата, но безъ результата.

[2]) «Русск. Стар.» 1875 т. XIV стр. 475.

[3]) Тамъ же стр. 75.

[4]) „Опытъ ист. Х. ун.“ проф. Багалѣя.

учрежденіяхъ на пользу просвѣщенія, всѣ ждутъ, что Россія потребуетъ изъ за границы множество нужныхъ ей людей, безъ которыхъ вначалѣ нельзя ей обойтись, и между тѣмъ мы совершенно бездѣйствуемъ!..» [1]). Оскорбленное чувство патріотизма, умышленное и неумышленное невниманіе «власть имущихъ» къ чистымъ побужденіямъ обижало и озлобляло Василія Назаровича на окружающихъ. Невнимательное отношеніе къ его просьбамъ Кочубея, невозможность добиться въ главномъ правленіи училищъ у Завадовскаго никакого толку и вмѣстѣ съ тѣмъ упорныя требованія денегъ Тимковскимъ изъ Харькова и Потоцкимъ изъ за границы, не желавшаго однако *дѣйствовать*—все это отуманило В. Н. Каразина [2]). Онъ ищетъ исхода своему неопредѣленному положенію, кому бы раскрыть весь ненормальный ходъ дѣла и у кого бы просить помощи; и предпринимаетъ «отчаянный поступокъ» [3]) — обращается опять къ «другу души своей», шагъ тѣмъ болѣе рискованный, что еще не такъ давно ему было запрещено непосредственно сноситься съ государемъ.

Утромъ 16-го авг. 1803 г. чрезъ камердинера Александра Гаврилова въ каменноостровскомъ дворцѣ Василій Назаровичъ подалъ государю собственную записку и, не колеблясь, приложилъ къ ней недавно полученное имъ письмо графа С. О. Потоцкаго [4]). Указавъ на бездѣятельность и произволъ въ распоря-

---

[1]) „Русск. Стар. 1875 г. Авг. 272.

[2]) Онъ хотѣлъ видѣть во всѣхъ самоотверженное пренебреженіе личныхъ интересовъ ради пользы отечества, какое было въ немъ, и, конечно, не находилъ ничего подобнаго. Потоцкій въ письмѣ отъ 7-го октября 1803 г. писалъ ему: «что касается до грустныхъ Вашихъ размышленій, что Харьковскій университетъ, повидимому, совершенно забытъ, то я долженъ признаться, что вина въ этомъ собственно моя или лучше сказать *моихъ обстоятельствъ*. Пусть говорятъ, что хотятъ, но гдѣ же Вы видѣли, любезный мой другъ, чтобы люди думали *столько же* или же даже *еще и больше* о дѣлахъ чужихъ, чѣмъ сколько о своихъ собственныхъ». Такъ думалъ лучшій изъ людей того времени, высказывая свои мысли такому самому господину, какого полагалъ невозможнымъ найти. Вотъ гдѣ крылись терніи В. Н. на его поприщѣ дѣятельности: заботились больше о своихъ интересахъ, чѣмъ объ интересахъ родины. „Сѣверн. Пчела“ 1860 г. № 92. Письмо 5.

[3]) Письмо къ государю 16 авг. „Русская Стар.“ 1875 г. XIV 275.

[4]) Одинъ изъ случаевъ нетактичности Каразина: Василій Назаровичъ не имѣлъ права никому показывать частныхъ писемъ адресовавшихся къ нему лицъ. Потоцкій касался здѣсь, какъ мы видѣли и правительства, о чемъ едва-ли самъ согласился бы передать государю. Здѣсь, можетъ быть, кроется позднѣйшее охлажденіе Потоцкаго къ Каразину.

женіи ассигнованными на университеты суммами, всѣ ухищренія, предпринимаемыя Завадовскимъ для того, чтобы не хлопотать о порученномъ ему министерствѣ, Каразинъ описываетъ по пунктамъ современное состояніе Министерства Народнаго Просвѣщенія. Въ правленіи царитъ полный хаосъ, объ университетахъ (кромѣ Дерптскаго) и школахъ не подымали до сихъ поръ вопроса, попечителемъ въ Казанскій округъ назначили чуть-ли не столѣтняго старика, и это въ то время, когда нужно особенно энергичныхъ дѣятелей: «въ производствѣ дѣлъ до того нѣтъ порядка и правилъ, что правленіе иногда совсѣмъ не знаетъ, что дѣлается у попечителей; попечители относятся къ министру, тотъ передаетъ правленію, правленіе опять попечителю и попечители представляютъ одно и то же дѣло опять министру». «Въ засѣданіяхъ нѣтъ порядка; собираются у министра въ гостиной комнатѣ за ломбернымъ столомъ» (хотя правленіе имѣетъ свой домъ); «министръ въ одно время бываетъ и предлагатель, и исполнитель, и членъ, и предсѣдатель, и министръ». «Часто онъ, забывшись, собственные свои приговоры принимаетъ за мнѣнія членовъ, оспариваетъ ихъ» и т. д... Записка обратила сперва на себя вниманіе государя, и Каразинъ «того же часа отвѣтъ получилъ чрезъ оберъ-гофмаршала», какъ значится въ собственноручной припискѣ Василія Назаровича къ копіи этого письма [1]). Въ чемъ состоялъ этотъ отвѣтъ, неизвѣстно; вѣроятно, въ записочкѣ, что письмо прочтено и что отвѣтъ будетъ, потому что изъ слѣдующаго его письма къ государю отъ 12-го сентября видно, что Каразинъ ожидалъ отъ государя болѣе удовлетворительнаго отвѣта. Уже 22 августа Василій Назаровичъ былъ вѣроятно во дворцѣ, за что и получилъ тотъ «милостивый выговоръ», о которомъ упоминаетъ въ запискѣ императору отъ 23 авг. Проникнуть во дворецъ Василій Назаровичъ пытался тайкомъ, но это не удалось. «Нельзя не улыбнуться Вамъ, государь, если я донесу, что я доселѣ не понималъ, что невозможно мнѣ скрыть приходъ мой въ дворецъ и что излишнія то предосторожности мои меня наиболѣе и выказываютъ», писалъ онъ государю, чистосердечно прося прощенія за непрошенное свое появленіе [2]). Но Василій Назаровичъ не могъ долго терпѣть и, не получая обѣщаннаго отвѣта, рѣшилъ опять напомнить о себѣ коротенькой запиской, въ коей ходатайствовалъ, между прочимъ, что онъ дѣлалъ часто, о какомъ-то своемъ корреспондентѣ въ Грузіи [3]).

---

[1]) „Русск. Стар. 1875 г. т. XIV стр. 278.

[2]) „Русск. Стар.“ 1875 г. XIV ч. 470—471 стр.

[3]) Тамъ же, стр. 278.

Испытавъ всѣ средства къ успѣшнѣйшему ходу харьковскаго дѣла и къ соглашенію на представленія, дѣлаемыя имъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія, чувствуя, что дѣло остановилось [1]) и не получая отвѣта на письмо свое отъ 16 авг., Каразинъ рѣшился, наконецъ, вновь безпокоить императора [2]). «Еще разъ испрашиваю милости, если я покажусь Вамъ слишкомъ дерзновеннымъ. Ради Бога, не взыщите на мнѣ, августѣйшій государь, я испыталъ уже всѣ другія средства; не осталось пути, которымъ не проходилъ бы я; голосъ мой раздавался какъ въ безлюдной и глухой пустынѣ, и Вы теперь послѣднее мое прибѣжище». Василій Назаровичъ опять молитъ государя помочь ему въ дѣлѣ его мечты—университета, которому онъ отдалъ свою душу и помышленія; онъ проситъ защиты отъ «убивающаго его пренебреженія» окружающихъ [3]) отъ униженія и насмѣшекъ надъ его «идеями, писанными съ такимъ жаромъ сердца». Каразинъ вѣрилъ, что государь пойметъ эти идеи [4]) и скажетъ, наконецъ, ему «ласковое слово». Приведенное письмо дышетъ такимъ жаромъ, такимъ чистосердечнымъ изліяніемъ страстно-любимому человѣку, что поневолѣ удивляешься, какъ Александръ Павловичъ могъ молчать на него: отвѣта Каразину не было. Это новый предвѣстникъ невзгоды.

«Стараясь всячески подѣйствовать на тѣхъ лицъ, въ рукахъ которыхъ была судьба Харьковскаго университета, Василій Назаровичъ въ тоже самое время принималъ живѣйшее и непосредственное участіе въ хлопотахъ по части приготовительныхъ мѣръ» [5]).

---

[1]) Въ письмѣ Потоцкаго Каразину отъ 7-го октября 1803 г. говорится, что благодаря поздней присылкѣ денегъ потеряно дорогое время, что для приглашенія профессоровъ, пріобрѣтенія нужныхъ пособій университету нужно будетъ вести огромную переписку, такъ какъ въ Вѣнѣ Потоцкій могъ бы окончить „однимъ разговоромъ“ („Сѣв. Пчела“ 1860 г. № 92. Письмо 5).

[2]) Сохранился отрывокъ отъ этого письма. Русс. Стар. т. XIV, стр. 474—476.

[3]) Напоминая при этомъ о возмутительномъ поступкѣ Кочубея съ адресованнымъ ему письмомъ и отданнымъ Сперанскому (въ бумагахъ послѣдняго нашелъ свое письмо В. Н. Каразинъ) и о томъ какъ секретарь возвратилъ ему бумагу, назначенную для государя даже не докладывая ея.

[4]) При письмѣ Василій Назаровичъ приложилъ нѣсколько бумагъ, изъ которыхъ одна была „составленныя первоначально имъ „предварительныя правила народнаго просвѣщенія“. „Русск. Стар.“ т. XIV стр. 476.

[5]) Багалѣй „Опытъ ист. Х. ун.“ стр. 136.

Онъ велъ переписку съ разными иностранными учеными, приглашая ихъ въ Харьковъ для преподаванія въ университетѣ, и успѣлъ получить согласіе отъ нѣсколькихъ тогдашнихъ европейскихъ знаменитостей: Фихте, Гильдебрандтъ, Пуассонъ, Лабандъ—были готовы выѣхать въ Россію и только благодаря невозможности выслать деньги В. Н. Каразинъ прервалъ съ ними переговоры [1]). Берлинскій натуралистъ Реихъ, будучи приглашенъ Василіемъ Назаровичемъ, тотчасъ принялся за изученіе русскаго языка. Изъ сего видно, что этотъ профессоръ съ удовольствіемъ ѣхалъ въ Россію, «считая для себя честью служить орудіемъ русскаго правительства въ дѣлѣ устроенія государства» [2]).

Въ концѣ того же года Василій Назаровичъ выхлопоталъ принятіе профессоромъ въ Харьковскій университетъ Ивана Степановича Рижскаго,—впослѣдствіи ректора Харьковскаго университета, Виллиха по части физіологіи и практической медицины, химика Кригера и учителя живописи и рисовальнаго искусства Маттеса «человѣка рѣдкихъ способностей» [3]). Озабочиваясь о томъ, чтобы къ открытію университета были готовы и слушатели лекцій, Каразинъ пріискалъ въ Харьковѣ (какъ видно изъ рапорта къ Новосильцову отъ 6-го іюля 1803 года [4]) «около 50 человѣкъ, годныхъ къ непосредственному поступленію студентами», представивъ при этомъ и образчики ихъ сочиненій, и просилъ, чтобы изъ семинарій, находящихся въ губерніяхъ, составляющихъ Харьковскій учебный округъ, не требовать учениковъ въ С-Петербургскую учительскую семинарію, а по сношеніи съ синодомъ помѣщать ихъ въ Харьковскій университетъ. Эта бумага, между прочимъ, «подъ разными видами и предлогами представляема была къ подписанію четыре раза; въ пятый, наконецъ, соглашено написать по сему предмету» [5]) уже въ ноябрѣ мѣсяцѣ.

---

[1]) Въ архивѣ Харьковскаго университета недавно найдено донесеніе В. Н. Каразина отъ 3 сент. 1803 г. Н. Н. Новосильцову, управлявшему временно Харьковскимъ Учебнымъ Округомъ, при которомъ препровождалось 20 тыс. рублей, полученныхъ изъ «С.-Петербургскаго остаточнаго казначейства для отсылки въ чужіе края по надобностямъ Харьковскаго университета». Деньги Каразинъ просилъ отправить во Львовъ Потоцкому, м.-б. для приглашенія профессоровъ.

[2]) „Русск. Стар.“ т. XIV. 1875 г. стр. 472.

[3]) „Кіевск. Стар.“ 1891 г. т. XXXIV. Письмо къ И. Ѳ. Тимковскому отъ 1-го окт. 1803 г.

[4]) «Опытъ Ист. Харьк. ун.» проф. Д. И. Багалѣя, стр. 121.

[5]) Собственноручная приписка В. Н. Каразина къ копіи съ представленія «изъ этого можно заключить», замѣчаетъ Филадельфъ Васильевичъ Каразинъ, какъ нелегко доставалась ему каждая мини-

Онъ покупалъ сколько могъ для университета книгъ и главнымъ образомъ употреблялъ свое вліяніе на расположенныхъ къ нему и дѣлу образованія въ Россіи лицъ къ пожертвованію ими въ пользу университетской библіотеки книгъ [1]). «Помѣщикъ Василій Назаровичъ Каразинъ, говоритъ Фойгтъ, положилъ первое основаніе университетской библіотекѣ. По его выбору и старанію пріобрѣтены для нея первыя сочиненія; его личному содѣйствію и вліянію она обязана большимъ числомъ книгъ, пожертвованныхъ въ то время разными частными лицами» [2]). На деньги, выданныя Новосильцовымъ, В. Н. Каразинъ пріобрѣлъ 4 печатныхъ станка, словолитныя формы и котлы, желѣзные инструменты, краски и проч. для первоначальнаго инвентаря университетской типографіи [3]).

Ободренный этими небольшими успѣхами и ожидая благопріятнаго отвѣта отъ государя на послѣднее свое письмо (въ концѣ сентября 1803 г., судя по тому, что въ запискѣ 12-го сент. онъ еще терпѣливо ждалъ), Василій Назаровичъ нѣсколько ожилъ и уже опять мечталъ объ открытіи университета въ концѣ того же 1803 г. [4]). Пріурочивалъ открытіе его онъ къ 12-му декабря, какъ видно изъ письма Тимковскаго къ Каразину [5]). Отправляя къ И. Ѳ. Тимковскому письмо 1-го октября 1803 г. онъ былъ охваченъ радужными надеждами. «Радуйтесь»! писалъ онъ, «послѣ скуки и непріятностей всякаго рода, чуть ли не приходимъ къ самой пріятной развязкѣ». Обѣщая затѣмъ присылку книгъ «на 3-хъ возахъ» и мастеровъ—слесаря и мѣдника, необходимыхъ для

стерская бумага по харьковскому дѣлу («Русск. Стар.» т. XIV, стр. 473). Результатомъ этихъ хлопотъ былъ указъ синода отъ 7-го іюля 1804 г. «въ пріуготовленный къ открытію Харьковскій университетъ отпустить изъ Харьковскаго коллегіума и Курской семинаріи студентовъ богословія и философіи по 15 да изъ риторики и поэзіи по 5 человѣкъ» (Кіевская Стар. 1891 г. т. XXXI, 388.

[1]) 14 дек. 1803 г. Каразинъ выслалъ въ Харьковъ на имя Шишкина 12 ящиковъ съ книгами и принадлежностями для университета. Характерна приписка къ письму, присланному съ посылкой: „Рогожи куплены на казенный счетъ, почему и должны остаться у васъ“. (Историч. Архивъ Х. у-та).

[2]) Историко-статистическіи записки объ Исторіи Харьк. универ. и его заведеніяхъ отъ основанія университета до 1859 г. Харьк. 1859, стр. 25.

[3]) Фойгтъ стр. 133—134.

[4]) «Кіевск. Стар. 1891 г. т. XXXIV, стр. 387.

[5]) Тамъ же стр. 387—389.

устройства университета [1]), которыхъ онъ обѣщалъ пріискать, уѣзжая изъ Харькова, и всякихъ благъ, Каразинъ въ избыткѣ энергіи, такъ обнадеживаетъ въ успѣшномъ ходѣ Тимковскаго: «не уповайте на князи, въ нихъ же нѣтъ спасенія!...» «Нѣтъ, Ваши сіятельства и Ваши превосходительства! Главнымъ (если не единственнымъ) предметомъ учрежденія университета было у меня благосостояніе моей милой страны и полуденнаго края Россіи, а не доставленіе Вамъ донесеній, надъ которыми можно было бы потолковать часа два три и потомъ приказать *пріобщить къ дѣлу.* Будьте покойны, мы сдѣлаемъ несравненно болѣе, чѣмъ предполагаютъ наши недоброжелатели. Они измѣрили свои политическія силы, но для измѣренія нашего упорства въ добромъ намѣреніи не имѣютъ они масштаба» [2]). Такъ увѣренъ былъ Василій Назаровичъ въ обѣщанномъ ему отвѣтѣ императора и новыхъ чудесахъ своей энергіи. Но отвѣтъ на всѣ его письма и хлопоты полученъ былъ имъ въ срединѣ слѣдующаго года и окончательно лишилъ его возможности *упорствовать въ добромъ намѣреніи.* По вызывающему тону письма Тимковскій ожидалъ, что Каразинъ наживетъ себѣ бѣдъ и спѣшилъ по-дружески предупредить его. Тимковскій наотрѣзъ указалъ на невозможность открытія университета въ 1803 г. и, предвидя вспыльчивость неудержимаго энтузіаста, представилъ ему вѣскіе аргументы. Нельзя было открывать университета, не зная навѣрное, будутъ-ли достаточныя суммы для его поддержанія, откуда возьмутся сразу студенты, когда зданіе не отстроено, библіотеки, кабинетовъ и лабораторій еще совсѣмъ нѣтъ и проч. Указывая на болѣе подходящее время для открытія университета, именно, лѣто 1804 г., онъ уговаривалъ Василія Назаровича не портить дѣла своей поспѣшностью. «Дѣятельность Ваша» характеризовалъ онъ В. Н. Каразина, «есть пламень всепожирающій,—ахъ, берегитесь! пожирающій и Васъ самихъ,—есть буря, сокрушающая все крушимое и раздирающая тучи ненастныя, за которыми вслѣдъ набѣжитъ сугубое ненастье. Не отдѣляйтесь, по крайней мѣрѣ—не отдѣляйтесь такъ рано, оставьте себя будто въ опекѣ. Всякое царство, раздѣлившееся на ся погибнетъ». «Имѣяй уши слышати, да слышитъ» лаконически заключилъ Тимковскій.—«Я соглашаюсь быть смѣшнымъ, лишь бы успѣлъ быть полезнымъ», отвѣчалъ ему В. Н. Каразинъ [3]). Подъ вліяніемъ этого предостереженія, или

---

[1]) Тимковскій въ своихъ письмахъ жаловался на недостатокъ рабочихъ рукъ и спеціалистовъ (Кіевская Старина) 1891 г. XXXIV.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Тамъ же стр. 389.

нѣтъ, только съ этихъ поръ до отставки Каразина мы не имѣемъ ни одного рѣзкаго его письма къ «власть имущимъ», хотя быть «въ опекѣ» людей, нежелавшихъ ему помогать, Каразинъ не хотѣлъ, да и не могъ, и продолжалъ самостоятельныя дѣйствія, кончившіяся исполненіемъ угрозъ Тимковскаго. «Набѣжало сугубое ненастье». Главной, во всякомъ случаѣ ближайшей причиной устраненія В. Н. Каразина отъ дѣлъ, была покупка имъ эстамповъ и наемъ мастеровъ для университета.

Н. Тихій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Литературный Банавентура.

(Замѣтки читателя [1]).

I.

Извѣстный изъ комедіи г. Тобилевича «Сто тысячъ» Банавентура-копачъ въ одну изъ тѣхъ рѣдкихъ въ его жизни минутъ, когда надъ надеждой отыскать кладъ беретъ верхъ сомнѣніе, между прочимъ заявляетъ: «Отсей останній разъ якъ не найду гроши — годи, кинець, аминь! Засяду десь и буду пысать, — все одно гроши. Я за годъ напышу стилькы, що й на воза не заберешъ»! (Ив. Тобилевичъ — Драмы и Комедіи, т. II, стр. 204). Немного раньше онъ намѣчаетъ даже тотъ родъ литературы, который намѣревается обогатить своими произведеніями,—это «комедія малоросійська»,—хотя вообще къ писательству относится полупрезрительно: «се пустякъ, одно баловство». Я просилъ бы читателя отнестись совершенно серьезно и къ вышеприведенному заявленію этого, такъ сказать, литературнаго самородка, и къ его отношенію къ писательству вообще: не смотря на ихъ видимое противорѣчіе — это въ нѣкоторомъ родѣ драгоцѣнный ключъ къ пониманію кое-какихъ современныхъ явленій въ нашей литературѣ, съ перваго взгляда

---

[1]) Переводъ съ украинской рукописи.

кажущихся необъяснимыми. Развѣ не замѣчательно въ самомъ дѣлѣ: человѣкъ прямо заявляетъ: «щó тамъ пысать?—чортъ зна що—пысать... Се пустякы, одно баловство»—и въ тоже время собирается засѣсть за «комедію малоросійську», и при томъ именно тогда, когда предчувствуетъ крушеніе своихъ кладоискательскихъ надеждъ. Мотивъ такого поведенія выраженъ Банавентурой вполнѣ ясно: «писать—все одно гроши».

Конечно, только въ качествѣ человѣка, не знакомаго съ правильнымъ употребленіемъ общеизвѣстныхъ литературныхъ терминовъ, Банавентура употребляетъ въ данномъ случаѣ слово «комедія». По общему ходу его мысли, по смыслу всей его рѣчи не трудно догадаться, что подъ комедіей здѣсь нужно разумѣть просто всякое драматическое произведеніе, подобно тому какъ словомъ «комедіянщикъ» въ народѣ называется всякій актеръ, «комедію представлять» значитъ—вообще играть на сценѣ и т. п. Имѣй Банавентура болѣе ясное и отчетливое представленіе о драматическомъ искусствѣ, онъ, разумѣется, употребилъ бы иное, болѣе широкое и общее, опредѣленіе, но смыслъ его словъ остался бы въ сущности тотъ же: не выгорѣло дѣло съ кладами—попробую, съ Божьей помощью, на поприщѣ драматическаго писателя: авось тамъ дѣла устроятся лучше и музыка пойдетъ уже не та. Нужды нѣтъ, что Банавентура понятія о драмѣ не имѣетъ — настолько не имѣетъ, что постоянно путается въ общеизвѣстныхъ терминахъ и даже внушаетъ весьма сильныя подозрѣнія на счетъ умѣнія грамотно излагать свои мысли,—онъ вполнѣ увѣренъ, что писаніе «комедій» есть дѣло весьма пріятное, легкое и выгодное, безъ всякихъ усилій и затрудненій созидающее благоденствіе для лицъ, избравшихъ это благословенное дѣло своимъ постояннымъ занятіемъ. Если къ сказанному прибавить, что Банавентура весьма своеобразно относится къ вопросу о литературной собственности и, упрекая за литературную кражу другихъ, тутъ же принимается декламировать *собственную* комедію, начинающуюся словами: «Епей бувъ парубокъ моторный»,—то мы получимъ достаточно выразительный образъ своеобразныхъ отношеній Банавентуры къ литературѣ.

Я не безъ умысла началъ настоящій очеркъ о нѣкоторыхъ явленіяхъ въ области нашей драматической литературы съ характеристики лица, повидимому ей совершенно чуждаго. Бываютъ моменты, когда среди литературныхъ дѣятелей замѣчается особенный наплывъ именно такихъ случайныхъ лицъ, которыя имѣютъ къ литературѣ въ сущности весьма отдаленное отношеніе, но тѣмъ не менѣе, разъ попавъ въ сферу ея притяженія, сообщаютъ ей опредѣленный характеръ, представляя свою особую струю, выдержанную въ весьма строгомъ стилѣ. Массовое участіе такихъ лицъ нарушаетъ всѣ наши обычныя представленія о нормальномъ ходѣ развитія и о дѣйствительномъ движеніи литературы, придавая послѣдней особый отпечатокъ тѣхъ спеціальныхъ качествъ, которыя приносятъ съ собой эти лица,—какой то специфически «банавентурный», если такъ можно выразиться, духъ. Говорятъ, напр., что драма представляетъ собой высшій родъ поэзіи, въ нѣкоторомъ родѣ—вѣнецъ литературнаго творчества и завершеніе литературнаго зданія. Утверждаютъ, что, зародившись на младенческой ступени развитія человѣчества въ видѣ простой безыскусственной народной пѣсни, когда невозможно еще выдѣлить всѣ элементы поэзіи въ ихъ чистомъ видѣ, поэзія проходитъ различныя ступени литературной обработки, первоначально въ собственномъ смыслѣ стихотворной—ритмической, и завершается драматической формой, какъ наиболѣе совершенной, наиболѣе удобной для полнаго воплощенія писателемъ въ образы и картины данныхъ положеній при наименьшемъ, такъ сказать, арсеналѣ средствъ, при наименьшей затратѣ творческихъ рессурсовъ. Лирикъ и эпикъ, воплощая въ образы свои мысли и положенія, могутъ пользоваться въ болѣе или менѣе широкомъ объемѣ выраженіемъ своихъ собственныхъ чувствъ, проявленіемъ своего личнаго отношенія къ предмету, своего субъективнаго настроенія, что́ въ значительной степени облегчаетъ творческую работу, предоставляя широкій просторъ индивидуальности автора, и тѣмъ самымъ обезпечиваетъ требуемое впечатлѣніе. Драматургъ лишенъ этихъ средствъ, образы его должны говорить исключительно сами за себя, совершенно не

терпя никакого посторонняго вмѣшательства, хотя бы даже со стороны автора. Субъективное настроеніе, личное отношеніе писателя къ изображаемому совершенно отсутствуетъ въ драмѣ, замѣняясь вполнѣ и исключительно дѣйствіемъ. Поставивъ свои созданія въ извѣстное положеніе, драматургъ уже не имѣетъ права вмѣшиваться въ ихъ дѣйствія, поступки и отношенія, которыя развиваются только въ силу внутренней, логической необходимости, вытекая послѣдовательно изъ разъ даннаго положенія. Говоря иными словами, драматургъ создаетъ лишь извѣстную потенцію, изъ которой и развивается дѣйствіе уже независимо отъ субъективнаго настроенія автора и его личныхъ отношеній къ изображаемому. Идеальнымъ драматургомъ, слѣдовательно, будетъ тотъ, который ограничится лишь наблюдательною, такъ скажемъ, ролью по отношенію къ создаваемымъ имъ лицамъ, который не сойдетъ со своего наблюдательнаго поста и не позволитъ себѣ вмѣшаться въ дѣйствіе. Такимъ образомъ, на долю драматурга выпадаетъ трудная задача — достигнуть maximum'a художественныхъ результатовъ при minimum'ѣ художественныхъ средствъ; при помощи одного лишь рѣзца создать вполнѣ законченное, цѣльное и совершенное зданіе. Оставляя въ сторонѣ чисто индивидуальныя особенности каждаго даннаго автора, можно утверждать, что при прочихъ равныхъ условіяхъ такое ограниченіе въ средствахъ требуетъ отъ писателя бóльшаго напряженія творческихъ силъ именно въ драмѣ, нежели въ остальныхъ видахъ поэтическаго творчества. Сказанному вполнѣ соотвѣтствуетъ и исторія развитія поэзіи. Обращаясь, напр., къ греческой поэзіи, мы видимъ, что она лишь сравнительно поздно представила образцы драматической поэзіи, тогда какъ лирика и эпосъ достигаютъ кульминаціоннаго пункта своего развитія значительно раньше. Римская литература и вовсе не доразвилась въ этомъ отношеніи, не выработала самостоятельно безсмертныхъ образцовъ драмы, да и вообще на пути отъ греческаго искусства до XVI в., когда появился величайшій драматическій писатель Шекспиръ, мы не встрѣчаемъ драматическихъ произведеній міроваго, непреходящаго значенія. И это, конечно, не простая случайность. Вѣдь

поэзія, что бы ни говорили жрецы и поклонники такъ называемаго чистаго, самодовлѣющаго искусства, подчинена въ своемъ развитіи тѣмъ же законамъ эволюціоннаго порядка, какимъ подчиняются и всѣ дѣла рукъ человѣческихъ. Начинаясь съ болѣе простыхъ формъ, она также проходитъ извѣстныя ступени развитія и постепенно измѣняется въ болѣе сложныя формы, совершенствуясь и углубляясь какъ со стороны внутренняго своего содержанія, такъ и со стороны внѣшняго выраженія, захватывая все новыя и новыя области духовной жизни и вырабатывая новыя и новыя формы своего обнаруженія. Нечего и говорить, что позднѣйшимъ литературамъ не пришлось самостоятельно проходитъ всѣ ступени этого развитія: преемственность культуръ и органическія связи между ними дѣлаютъ такую полную самостоятельность и независимость совершенно излишними. Литературныя формы, выработанныя классической культурой, перешли къ выступившимъ впослѣдствіи на историческую арену народамъ готовыми — въ общихъ, по крайней мѣрѣ, чертахъ — увѣковѣченными посредствомъ безсмертныхъ образцовъ, и позднѣйшимъ литературнымъ дѣятелямъ, знакомымъ съ дѣятельностью своихъ предшественниковъ, оставалось лишь примѣнять къ дѣлу данныя готовыя формы. совершенствовать ихъ и расширять, вкладывая притомъ новое, сообразно измѣнившимся временамъ, содержаніе. Современная, напр., драма вмѣсто классическаго «тріединства» (времени, мѣста и дѣйствія), сохранила лишь послѣднее, выбросивъ за бортъ два первыя, какъ несущественныя и безъ нужды стѣсняющія драматурга въ его творческой работѣ. Тѣмъ не менѣе, въ качествѣ общаго правила можно принять, что естественный ходъ развитія каждой литературы требуетъ того же поступательнаго движенія отъ болѣе простыхъ формъ къ болѣе сложнымъ. Начинаясь въ большинствѣ случаевъ стихотворной поэзіей, каждая въ обыкновенныхъ условіяхъ развивающаяся литература проходитъ затѣмъ чрезъ всѣ ступени поэтической прозы (разсказъ, повѣсть, романъ) и завершается драмой, какъ высшей формой литературнаго творчества. Эта общая схема литературнаго развитія нарушается чаще всего и особенно явственно тогда, когда на арену литературы

выступаетъ или могучій, разносторонній талантъ, не укладывающійся въ рамки намѣченной схемы и ломающій всѣ перегородки, или же — Банавентура, разумѣя послѣдняго, какъ лицо собирательное, какъ особый типъ литературныхъ дѣятелей. И великанъ, и сонмъ пигмеевъ часто способны произвести аналогичныя результаты, отклоняя литературу отъ обычнаго пути, — съ тѣмъ однако различіемъ, что ведутъ они по прямо противоположнымъ направленіямъ: первый служитъ развитію, вторые — униженію и упадку...

Конечно, крошечные, но достаточно при этомъ самонадѣянные авторы, присасывающіеся къ литературѣ по соображеніямъ, ничего общаго съ литературой не имѣющимъ, встрѣчается вездѣ и всюду. У Щедрина, напр., одинъ писатель, на вопросъ—зачѣмъ онъ пишетъ?—съ полнымъ сознаніемъ собственнаго достоинства и правоты даетъ слѣдующій отвѣтъ: «Какъ сказать,—зачѣмъ! знаю грамматику, синтаксисъ, учился правописанію, умѣю разставлять знаки препинанія—вотъ и пишу. Неужто же, обладая такими сокровищами, оставлять ихъ втунѣ?» («Похороны»). Ни одна литература не застрахована также и отъ участія такихъ людей, которые и перечисленными сокровищами не обладаютъ, но въ рукахъ своихъ, созданныхъ не для пера, а для щупа и лопаты, ощущаютъ тѣмъ не менѣе писательскій зудъ въ степени, превозмогающей ихъ болѣе чѣмъ скромныя силы. Но не вездѣ участіе одержимыхъ подобнымъ зудомъ людей производитъ одинаковые результаты. Въ литературахъ, количественно и качественно развитыхъ, произведенія всевозможныхъ самородковъ, олицетворяемыхъ въ образѣ Банавентуры, составляютъ лишь ничтожный процентъ всей литературной продукціи; они тонутъ и расплываются въ массѣ произведеній иного характера, оставаясь поэтому незамѣтными и не оказывая значительнаго вліянія на общій характеръ литературы. Это во-первыхъ; во-вторыхъ, въ силу одного уже соперничества, господствующаго въ писательской средѣ, имъ, этимъ самородкамъ, труднѣе выступить на литературное поприще, мѣста на которомъ заняты, и обратить на себя какое-либо вниманіе. Вотъ почему въ развитыхъ литературахъ самородки по-просту игнорируются, такъ какъ и помимо

ихъ есть на чемъ остановиться и читателямъ, и критикѣ. Не то въ литературахъ, слабѣе развитыхъ. Здѣсь, при небольшомъ сравнительно объемѣ литературной продукціи, всякое появляющееся на книжномъ рынкѣ произведеніе обращаетъ на себя вниманіе; здѣсь могутъ возбудить интересъ и сравнительно слабыя произведенія; здѣсь и публика, и критика часто принуждены отмѣчать и реагировать на такія литературныя явленія, надъ которыми при другихъ обстоятельствахъ они просто перешли бы къ очереднымъ дѣламъ. Перелистайте сочиненія Бѣлинскаго — и вы увидите, что этому отцу русской критики приходилось удѣлять свое вниманіе такимъ книгамъ, о которыхъ даже упоминанія не встрѣтите теперь въ солидныхъ русскихъ журналахъ. Словомъ, въ то время какъ въ болѣе развитыхъ литературахъ произошло извѣстное отслоеніе низовъ, при чемъ верхи и низы литературы между собой не сообщаются, — въ менѣе развитыхъ эти параллельные слои часто встрѣчаются на пересѣкающихся путяхъ, и потому ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть вполнѣ игнорируемы самородныя произведенія всевозможныхъ Банавентуръ. Особенно же въ томъ случаѣ, если они выступаютъ цѣлою толпою и обнаруживаютъ тенденцію къ расширенію своей дѣятельности,—тогда вѣдь и пигмеи пріобрѣтаютъ значеніе важнаго общественнаго явленія, замалчивать которое уже не представляется возможнымъ.

Украинская литература въ настоящее время находится именно въ такомъ невыгодномъ положеніи. Отъ какихъ бы причинъ это ни зависѣло, но фактъ на лицо, что наша литературная продукція, особенно въ предѣлахъ Россіи, не достигаетъ даже той наименьшей, количественно и качественно, степени напряженности, какой можно бы ожидать уже въ силу внушительной по своимъ размѣрамъ массы украинскаго народа и числа настоящихъ литературныхъ работниковъ. Много силъ остаются неиспользованными уже по той простой причинѣ, что имъ при настоящихъ условіяхъ негдѣ развернуться, негдѣ найти точку приложенія. Полное отсутствіе періодической печати, которая именно и представляетъ собою въ Россіи такую точку приложенія литературныхъ силъ, придется, конечно, поставить на первомъ мѣстѣ въ

этомъ рядѣ неблагопріятныхъ условій. Нѣтъ печати—не можетъ быть и правильнаго развитія литературы; нѣтъ печати—и литераторамъ приходится сидѣть, сложа руки и ожидая у моря погоды... Это—настоящимъ литераторамъ, но не Банавентурѣ, который и при условіяхъ даннаго момента можетъ устроиться сравнительно удобно. Дѣло въ томъ, что указанное сейчасъ, равно какъ и многія другія обстоятельства, отражающіяся весьма невыгоднымъ образомъ на продуктивности лучшихъ силъ, верховъ литературы, нисколько не вліяютъ на самородковъ, которые все равно остались бы за бортомъ прессы, если бы послѣдняя и существовала. Ограниченія, тяжело падающія на верхи украинской литературы, также почти не существуютъ для Банавентуры, не помышляющаго даже о содержаніи, такъ или иначе затрагивающемъ пресловутыя «основы». Онъ имѣетъ, поэтому, полную возможность почти невозбранно плодиться, размножаться и наполнять собой литературу, составляя и абсолютно, и относительно весьма замѣтный элементъ въ общей суммѣ нашей литературной продукціи. Прибавьте къ этому довольно значительную дозу развязности, беззастѣнчивости и самохвальства [1]), въ числѣ прочихъ качествъ украшающихъ литературнаго Банавентуру, и вы согласитесь, что не считаться съ его возгласами: «шире дорогу—Банавентура идетъ!» было бы большимъ промахомъ. Банавентура дѣйствительно идетъ въ нашу

[1]) Мнѣ приходилось уже какъ то останавливаться на предисловіи къ своимъ произведеніямъ нѣкоего г. Кулиды, единолично отпраздновавшаго свой 10-лѣтній юбилей и по этому поводу предпринявшаго изданіе своихъ непечатныхъ трудовъ. Смыслъ этого по истинѣ великолѣпнаго заявленія сводится къ откровенному презрѣнію по адресу рецензентовъ, осмѣлившихся не признавать его, г. Кулиды, талантовъ, и къ еще болѣе откровенному саморекламированію. Этотъ несомнѣнный Банавентура, говоря его собственными словами, уже прямо представляетъ обществу какой то счетъ по поводу своей литературной дѣятельности. Я, молъ, для общества потрудился, но и оно должно вознаградить меня, уплативъ по счету 40 коп. за каждый экземпляръ предлагаемаго «Збирныка творивъ». Претензіи въ своемъ родѣ классическія: просто и оригинально.

литературу, идетъ густыми рядами, вторгается во всѣ области литературнаго творчества, вездѣ оставляя свои специфическіе слѣды и громко о себѣ заявляя. Весьма естественно, что при подобныхъ условіяхъ литературный обозрѣватель уже не имѣетъ права проходить молчаніемъ это крупное слагаемое нашей литературы, а обязанъ и его привлекать въ качествѣ матеріала при обсужденіи и выводахъ о современномъ состояніи литературы. И еще имѣется одно обстоятельство, побуждающее къ тому же. Каждая украинская книга на пути отъ своего зарожденія и до появленія на свѣтъ Божій проходитъ такой длинный рядъ мытарствъ, протискивается черезъ такія игольныя уши, требуетъ отъ автора или издателя столько усилій, что поневолѣ возбуждаетъ къ себѣ интересъ уже хотя бы количествомъ затраченной энергіи. По поводу каждой книги рождается въ читателѣ предположеніе, располагающее скорѣе въ пользу успѣвшей избѣжать игольныхъ ушей книги, чѣмъ противъ нея: книга очевидно заслуживаетъ вниманія, разъ на нее пошло столько энергіи, хотя бы чисто внѣшней. Каждую новую книгу украинскій читатель встрѣчаетъ съ радостью и надеждами, разрѣзаетъ съ нетерпѣніемъ, къ каждой приступаетъ съ вопросомъ—не здѣсь ли заключается то лучшее, чего съ такою болью и напряженіемъ мы всѣ ожидаемъ?.. И съ тѣмъ большею болью и разочарованіемъ приходится закрывать большинство книгъ, такъ какъ, повторяю, и абсолютно и относительно произведенія Банавентуры составляютъ весьма замѣтный элементъ въ нашей литературѣ, а самъ Банавентура весьма часто мѣняетъ щупъ и лопату на перо—съ прежнимъ успѣхомъ...

Замѣчательно, что бравый копачъ подвергаетъ своему нашествію преимущественно два вида литературнаго творчества, именно—поэзію въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, поэзію стихотворную, а затѣмъ драматическую. Это наиболѣе излюбленныя имъ области, привлекающія особенное его вниманіе, тогда какъ область художественной прозы посѣщается имъ сравнительно рѣдко. И это опять таки не случайное явленіе, хотя причины предпочтенія, оказываемаго Банавентурой стихотворному и драматическому родамъ поэзіи, совершенно различны. Тяготѣніе са-

мородковъ къ области стихотворныхъ упражненій понятно съ перваго же взгляда. Большинство ихъ—люди въ полномъ смыслѣ слова безкорыстные; они искренно вѣрятъ въ свое поэтическое призваніе—«глаголомъ жечь сердца людей», а названіе «поэтъ» для нихъ «почетное изъ званій». Это «званіе» въ представленіи самородка окружено вѣдь до сихъ поръ нѣкоторымъ ореоломъ неземного обаянія, отмѣчено печатью, такъ сказать, небожительства—и самородокъ стремится къ этому ореолу, какъ мотылекъ къ огню; самородку лестно собственной персоной пріобщиться къ небесамъ. И корпаетъ такой Банавентура безграмотные стихи, не придавая имъ матеріальной цѣны, не переводя ихъ на деньги, а возносясь мысленно за облака славы, извѣстности поэта. Конечно, если кромѣ славы при этомъ получится и нѣкоторая реализація поэтическихъ продуктовъ, приготовленныхъ на постномъ маслѣ доморощенной амврозіи и нектара, то тѣмъ лучше; но вообще говоря, матеріальныя соображенія не входятъ въ разсчеты этого вида самородковъ и не осложняютъ собой ихъ честолюбивыхъ стремленій къ славѣ. Но чего ради вторгаются нѣкоторые изъ нихъ въ область драмы, не дающей права на заманчивое званіе «поэта» въ буквальномъ смыслѣ и при томъ болѣе затруднительной въ чисто техническомъ отношеніи? Чтобы понять это, нужно припомнить, съ одной стороны, общія условія матеріальнаго существованія украинскихъ писателей, а съ другой—ту мотивировку перехода отъ щупа къ перу, какую представилъ подлинный Банавентура и какую я приводилъ выше. По условіямъ существованія украинской литературы, матеріальную выгоду представляютъ пока лишь драматическія произведенія, постановка которыхъ на сценѣ оплачивается; всѣ же остальные роды и виды литературы для авторовъ въ практическомъ смыслѣ вполнѣ безполезны, такъ какъ литературный трудъ, какъ общее правило, не оплачивается у насъ вовсе. Болѣе практическіе самородки разсуждаютъ приблизительно такъ: оно, конечно, лестно и пріятно быть «поэтомъ», но... одной амврозіей и нектаромъ сытъ не будешь; можно помириться и на меньшемъ, если это меньшее будетъ возмѣщено нѣкоторымъ количествомъ презрѣннаго металла. Возмѣщеніе же практикуется лишь въ области дра-

матической литературы—ergo «засяду зимою й напышу комедію малоросійську». Банавентура у г. Карпенка-Караго именно такъ и ставитъ вопросъ—на чисто практическую почву: «пысать—все одно гроши». И вотъ въ то время, какъ самородки безкорыстные, самородки-безсребренники наводняютъ область стихотворной поэзіи, самородки дальновидные, самородки-практики предпочитаютъ менѣе почетную, но болѣе выгодную профессію драматурговъ. Впрочемъ, ничто не препятствуетъ болѣе догадливымъ и изобрѣтательнымъ изъ нихъ соединять пріятное съ полезнымъ, излагая всю драму цѣликомъ или отдѣльные моменты ея въ стихотворной формѣ. А попасть на сцену вовсе не такъ ужъ трудно,—во-первыхъ потому, что всегда найдется какой-нибудь г. Суходольскій, или иной того же характера антрепренеръ, который поставитъ какую угодно стряпню, лишь бы она обладала нѣкоторыми спеціальными «достоинствами» и удовлетворяла извѣстнымъ требованіямъ, этими господами къ драмѣ предъявляемымъ; а во-вторыхъ и—главнымъ образомъ—потому, что большинство практическихъ самородковъ принадлежитъ именно къ актерской средѣ, что значительно облегчаетъ дѣло постановки ихъ произведеній на сценѣ. Ходъ мысли у этихъ самородковъ до прозрачности ясный. Въ самомъ дѣлѣ, Кропивницкій и Карпенко-Карый—актеры и пишутъ драмы; я, имя-рекъ, милостью неба также актеръ,—почему бы и мнѣ не писать драмъ?.. Умозаключеніе, какъ и у Щедринскаго писателя, совершенно правильное и противъ него никто бы и не возражалъ, если бы въ результатѣ не появлялся новый Банавентура, который «съ маху» берется за перо и принимается строчить. И вотъ--пишетъ г. Манько, переписываетъ г. Суходольскій, обрабатываетъ г. Сабининъ, передѣлываетъ г-нъ Тогобочній, къ сценѣ приспособляетъ г. Шатковскій,—можетъ быть, я ошибаюсь въ распредѣленіи между ними ролей, но въ сущности это не важно,—а затѣмъ все это написанное, переписанное и т. д. съ большимъ шумомъ и трескомъ появляется на сценѣ; г.г. пишущіе, переписывающіе и къ сценѣ приспособляющіе имѣютъ «успѣхъ» у невзыскательной публики, и даже у нѣкоторыхъ, съ позволенія сказать, «рецензентовъ», получаютъ

гонораръ и опять пишутъ, переписываютъ и приспособляютъ, не обладая даже сокровищами Щедринскаго писателя. А глядя на нихъ, соблазняются на эти подвиги все новые и новые самородки и приливъ ихъ направляется именно въ эту сторону. Да, дѣйствительно, шире дорогу—Банавентура идетъ!.. И что всего прискорбнѣе—за самородками тянутся и не безъ успѣха съ ними соперничаютъ часто и настоящіе писатели, которымъ, казалось бы, должна быть извѣстной истинная цѣна подобнаго «творчества». А благодаря этому, наша драма въ общемъ (разумѣется, исключенія есть) представляетъ наиболѣе некультурную область въ нашей литературѣ, густо заросшую злаками весьма подозрительнаго качества. Въ значительной части эти злаки—нѣчто до такой степени уродливое и ненормальное, что мириться съ подобнымъ засариваніемъ литературнаго поля не представляется никакой возможности. Просто опасно идти на всякую новую пьесу неизвѣстнаго автора («извѣстные» уже слишкомъ хорошо извѣстны), такъ какъ вмѣсто эстетическаго наслажденія рискуешь получить разлитіе желчи, присутствуя на невозможнѣйшихъ, головоломнѣйшихъ кувырканіяхъ, исходящихъ отъ того или иного Банавентуры. Съ помощью какихъ пріемовъ эти достопочтенные господа достигаютъ такихъ результатовъ—сейчасъ будетъ видно на примѣрахъ нѣсколькихъ произведеній, появившихся лишь въ самое послѣднее время. Начнемъ съ произведенія, принадлежность котораго самородку стоитъ внѣ всякихъ подозрѣній, а затѣмъ поднимемся послѣдовательно и къ верхнимъ ступенькамъ драматургической лѣстницы.

II.

«Въ кого серце щыре, той въ нещасттяхъ (sic) гыне», опера въ 4-хъ дѣйствіяхъ Хомы Бойця (Кіевъ, 1904),—такъ называется эта первая ступенька драматической лѣстницы. Прошу прежде всего читателя припомнить положеніе прадѣдовской драмы: «порокъ наказанъ, а добродѣтель торжествуетъ» и затѣмъ обратить

вниманіе на внѣшность названной книги. На обложкѣ яркими тонами изображенъ по всѣмъ видимостямъ наказанный порокъ въ видѣ толстаго лысаго мужчины, въ пиджакѣ и сапогахъ «бутылками», лежащаго въ лужѣ крови, обильно, но черезчуръ аккуратно вытекающей изъ прорѣзаннаго пиджака; у ногъ толстяка, устремивъ глаза горѣ и въ позѣ «руки по швамъ», стоитъ торжествующая добродѣтель въ образѣ прилизаннаго, конфектнаго «парубка» въ традиціонной расшитой сорочкѣ и синихъ шароварахъ; возлѣ лежитъ орудіе наказанія порока и торжества добродѣтели—окровавленный ножъ. Рисунокъ въ нѣкоторомъ родѣ символистическій, при томъ не для «оперы» только г. Бойца, а для цѣлаго ряда драматическихъ произведеній. Конечно, оперой названное произведеніе называется лишь по недоразумѣнію,—по тому самому недоразумѣнію, вслѣдствіе котораго и подлинный Банавентура называетъ комедіей всякое драматическое произведеніе. На самомъ же дѣлѣ, какъ это иллюстрируется и сценой, изображенной на обложкѣ, предъ нами драма, настоящая современная драма, въ нѣкоторомъ родѣ—послѣднее слово Банавентуры въ области драматическаго искусства.

Занавѣсъ поднимается. На сценѣ улица. Тихій вечеръ. «Парубки и дивчата», обнявшись попарно, сидятъ чинно на завалинкѣ и поютъ:

Ой думалося, ой думалося,
Думалося оженытысь—
Передумалось. Ой доленько!
И вирылося, ой вирылося,
Вирылося жыть въ любови—
Перевирылося. Ой серденько!
И бачылося, ой бачылося,
Бачылося въ сони (sic) щастя—
Перебачылося. Ой лышенько!
И плакалося, ой плакалося,
Плакалося гирко-гирко—
Переплакалося. Ой щастенько!
Ой думалося, ой думалося,

Якъ думалось, не спиткалось—
Передумалось. Ой доленько!..

Окончивъ сіе чувствительное пѣснопѣніе возвращеніемъ къ его началу, поющіе тѣмъ не менѣе не продолжаютъ распѣвать его до безконечности, что́, какъ видитъ читатель, можно бы съ весьма большимъ удобствомъ сдѣлать, а завязываютъ разговоръ, варьируя, впрочемъ, на разные лады то же безконечное «ой думалося». Изъ разговора между прочимъ выясняется, что Васыль и Ганна очень другъ друга любятъ, а Семенъ и Настя прежде тоже очень другъ друга любили, но къ тому времени, когда г. Бойцу пришла мысль сочинить оперу, Семенъ Настѣ успѣлъ уже надоѣсть. Васыль и Семенъ собираются на заработки и первый, чувствительно распрощавшись съ Ганной: «не журысь же, незабутняя, серця мого квитко любая!» (стр. 25), дѣйствительно уходитъ, а второго—неизвѣстно, для какой надобности—на нѣсколько дней задерживаетъ волостной писарь. По уходѣ Васыля, этотъ писарь начинаетъ увиваться около Ганны и хотя мать ея и не прочь породниться съ богатымъ и могущественнымъ начальствомъ, но благородная дѣвица даетъ ему весьма недвусмысленный отпоръ, предпочитая, конечно, «у труни лежаты, нижъ зъ хылывымъ (?) та пузатымъ у-купоньци спаты» (стр. 45), какъ буквально «рече» (авторъ такъ и пишетъ—«рече») Ганна. Чтобы сломить ея упорство, писарь позаимствовался изъ «Глытая» г. Кропивницкаго слѣдующей комбинаціей: отъ имени Васыля пишетъ письмо къ его матери съ извѣщеніемъ, что Васыль на заработкахъ женился на богатой и возвращаться домой не намѣренъ, но между прочимъ проситъ передать поклонъ и Ганнѣ. Однако комбинація, блестяще удавшаяся «глытаю», въ данномъ случаѣ производитъ не совсѣмъ то дѣйствіе, на которое очевидно разсчитывалъ хитрый писарь, дѣлая свое позаимствованіе. Ганна, получивъ извѣстіе объ измѣнѣ Васыля, сначала съ рыданьемъ зарывается въ подушки, а затѣмъ куда-то убѣгаетъ, при чемъ начало новаго акта застаетъ ее уже лежащей въ безчувственномъ состояніи въ лѣсу. Очнувшись, она поетъ новую варьяцію на тему «ой думалося», тоже собствен-

наго г. Бойца сочиненія, проклинаетъ Васыля, безумно хохочетъ, ломаетъ руки, но въ концѣ концовъ съ крикомъ: «утоплюсь, утоплюсь»—убѣгаетъ за сцену. Ровно черезъ полъ минуты, какъ обозначено авторомъ въ ремаркѣ, на сценѣ появляется ничего не подозрѣвающій Васыль, но спасти Ганну уже, разумѣется, поздно. Васылю ничего не остается, кромѣ мести. И дѣйствительно, встрѣтивъ въ лѣсу писаря, онъ пускаетъ въ дѣло ножъ (эта сцена и изображена на обложкѣ), а затѣмъ «рече» безсвязный монологъ, разгоняется и разбиваетъ голову о близь стоящій дубъ... Вамъ страшно, читатель? Погодите еще не все. Кромѣ этихъ смертей, въ драмѣ еще упоминается, что и Семенъ повѣсился отъ несчастной любви, и старый Макаръ сошелъ съ ума по той причинѣ. Этотъ Макаръ, разговаривающій не иначе, какъ плохими стихами, вообще представляетъ собою воплощенное ходячее memento mori отъ любви. Итакъ, три самоубійства, одно убійство и одно сумашествіе понадобились автору для иллюстраціи положенія, взятаго заголовкомъ: «въ кого серце щыре, той въ нещастяхъ гыне», при чемъ за одно уже погибъ и писарь, хотя сердце имѣлъ вовсе не «щыре». Наказанъ примѣрнымъ образомъ порокъ, гибнетъ и добродѣтель, хотя и торжествующая въ сознаніи автора.

Я передалъ довольно подробно содержаніе этой, съ позволенія сказать, драмы, конечно, не въ виду ея достоинствъ; напротивъ, кромѣ самаго гомерическаго хохота въ самыхъ патетическихъ сценахъ, она ничего возбудить не можетъ. И если бы данное произведеніе было единичнымъ явленіемъ, автору смѣло можно было бы, отпустивъ грѣхи, сказать: «иди съ миромъ и впредь не грѣши», благодаря ужъ слишкомъ въ глаза бьющей нелѣпости его дѣтища. Но въ томъ то и дѣло, что это дѣтище г. Бойца представляетъ собой до извѣстной степени явленіе типическое, выражая въ сгущенномъ и, такъ сказать, концентрированномъ до нелѣпости видѣ обычные пріемы литературныхъ Банавентуръ и тѣхъ писателей, которые вступаютъ съ ними въ почетное состязаніе. А въ такомъ случаѣ драма г. Бойца пріобрѣтаетъ уже общественное значеніе, какъ одинъ изъ симтомовъ болѣзненнаго со-

стоянія нашей литературы вообще. При томъ же авторъ очевидно человѣкъ искренній, его тонъ и манера обличаютъ серьезныя намѣренія, къ своей задачѣ онъ относится вполнѣ добросовѣстно, онъ не паясничаетъ, не кувыркается, не бросается черезъ голову, какъ поступаютъ другіе, изображая какихъ то шутовъ гороховыхъ—и тѣмъ не менѣе даетъ нѣчто до невозможности плоское, съ грошевой моралью, словомъ—во всѣхъ смыслахъ ничтожное. Ниже будетъ видно, въ какомъ смыслѣ драма г. Бойца представляетъ собою сгустокъ нашей драматической литературы вообще, а пока—занавѣсъ за ней опускается.

Занавѣсъ поднимается. На сценѣ драма въ 5 дѣйствіяхъ г. Писаренка «Коринь» (Харьковъ, 1904), авторъ которой проникнутъ еще болѣе серьезными намѣреніями и уже прямо таки опредѣленной просвѣтительной тенденціей. Г. Писаренко изображаетъ двухъ братьевъ—Мусія и Левка. Старшій Мусій—это вмѣстилище всѣхъ добродѣтелей, хотя автору пришла въ голову болѣе чѣмъ странная мысль отрекомендовать свое совершенство читателю въ видѣ арестанта, посаженнаго за буйство въ холодную; тѣмъ не менѣе онъ уменъ, жизнь вообще ведетъ трезвую, хорошій работникъ, къ старшимъ почтителенъ, къ бѣднымъ милосердъ, прекрасный семьянинъ и образцовый членъ «громады»,—словомъ, «правило вѣры и образъ кротости». Младшій Левко—полнѣйшая противоположность, хотя и имѣетъ при этомъ претензію считать себя «корнемъ» сельскаго уклада; это хвастунъ, трусъ, грубъ, пьяница и развратникъ, словомъ—до мозга костей испорченная натура, не останавливающаяся предъ самымъ отвратительнымъ преступленіемъ—посягательствомъ на жизнь матери. На почвѣ столкновенія и борьбы противоположныхъ нравственныхъ началъ, олицетворяемыхъ двумя братьями, и происходитъ драма... впрочемъ, виноватъ—именно драмы то и не происходитъ, несмотря на наличность всевозможныхъ ужасовъ. Слишкомъ ужъ замѣтны тѣ бѣлыя нитки, которыми на скоро сметалъ свое произведеніе г. Писаренко; слишкомъ трафаретны его образы, слишкомъ видна авторская—и нужно въ томъ отдать полную справедливость—совершенно неопытная рука, направляющая событія

именно такъ, какъ ему, автору, желательно, и не оставляющая равно никакого простора для естественнаго развитія дѣйствія. Г. Писаренко не въ состояніи проникнуть въ душу своихъ героевъ и объяснить ихъ душевныя движенія; онъ скользитъ по поверхности событій, не отдавая себѣ отчета въ ихъ истинномъ значеніи, а потому слова и поступки персонажей его драмы теряютъ всякій смыслъ и отдаютъ плоскостью. Предъ нами всего лишь безжизненныя маріонетки, «своихъ словъ» не имѣющія, а послушно ходящія на веревочкѣ г. Писаренка, который деспотически гнетъ ихъ и направляетъ въ сторону собственныхъ тенденцій. Да и самыя эти тенденціи, весьма, можетъ быть, похвальныя по своему направленію, крайне запутаны и темны у самаго автора. Благодаря этому, безупречный идеалистъ Мусій представляетъ изъ себя въ сущности весьма несимпатичнаго буржуя, изводящаго окружающихъ прописными проповѣдями и кисло-сладкими поученіями на темы о пользѣ труда, о вредѣ лѣности и пьянства и тому подобными сенценціями грошевой морали, приторными и слащавыми до того, что читатель начинаетъ чувствовать, вопреки намѣреніямъ автора, просто отвращеніе къ черезъ-чуръ добродѣтельному герою. Точно такою же фальшью отдаетъ и мрачная фигура Левка, а финалъ драмы—отравленіе имъ матери—является сущею неожиданностью. Ко всему этому г. Писаренко имѣетъ весьма смутное представленіе о чисто технической сторонѣ драматическихъ произведеній, благодаря чему въ архитектурномъ отношеніи «Коринь» представляетъ весьма любопытное явленіе. Несмотря на видимую діалогическую форму, эту драму скорѣе можно назвать механическимъ соединеніемъ монологовъ; каждый изъ собесѣдниковъ (дѣйствія, повторяю, нѣтъ вовсе) выражается до невѣроятности длинно, распространенно, запутанно; каждый уснащаетъ свою рѣчь множествомъ примѣровъ, допускающихъ, впрочемъ, совсѣмъ иное, а не то, которое придаетъ имъ авторъ, толкованіе. Верхъ нелѣпости въ этомъ отношеніи, прекрасно характеризующій пріемы г. Писаренка, составляетъ вложенная въ уста добродѣтельнаго писаря длинная сказка, приведенная цѣликомъ да такъ и озаглавленная: «казка: кинь и

цапъ»—содержащая при томъ же мораль сомнительной цѣнности. Отдавъ, наконецъ, Левка въ руки карающаго правосудія, г. Писаренко вдругъ спохватился, что драма носитъ названіе «Коринь», и потому находитъ нужнымъ, что называется, ни къ селу, ни къ городу вложить въ уста одного изъ персонажей слѣдующую мораль по адресу Левка: «Хочъ ты й коринь, такъ гнылый; не вгоденъ есы земли нашій. Ось у насъ коринь (показуе на Мусія)! И дай, Боже, щобъ зъ того кориня выросло велыке дерево» (стр. 53). Конечно—дай Боже, и г. Писаренко вполнѣ послѣдовательно поступилъ, унизивъ гордый порокъ и возвысивъ скромную добродѣтель; бѣда лишь въ томъ, что даже этотъ нехитрый тезисъ онъ не сумѣлъ обставить хоть сколько-нибудь правдоподобно. Отравленіе Левкомъ своей матери, послужившее предлогомъ для окончательнаго наказанія порока и торжества добродѣтели, введено такъ грубо-насильственно, что до краевъ переполняетъ чашу терпѣнія читателя или зрителя. Занавѣсъ опускается.

Занавѣсъ поднимается. Идетъ драма въ 5 дѣйствіяхъ г. Тогобочного—«Борци за мріи» (? Харьковъ, 1904), представляющая много сходства и по сюжету, и по пріемамъ съ предыдущей, съ тѣмъ однако различіемъ, что г. Тогобочній очевидно нѣсколько опытнѣе своего сотоварища, успѣлъ уже набить руку въ работѣ и потому драматическая форма у него не сводится къ діалогическимъ, если можно такъ выразиться, монологамъ, какъ у г. Писаренка. Кромѣ того, и съ внутренней стороны онъ пытается поставить разрабатываемый вопросъ шире и затронуть его глубже. Сущность содержанія сводится къ тому же—къ борьбѣ двухъ братьевъ, повторяющихъ библейскую исторію Каина и Авеля [1]), при чемъ на этотъ разъ уже старшій, Каллистратъ, является исча-

[1]) Разбираемая пьеса г. Тогобочного имѣетъ и другое заглавіе, подъ которымъ идетъ иногда на сценѣ: «Каинъ и Авель», при чемъ о тождественности пьесъ подъ разными заглавіями обыкновенно умалчивается. Подробность, указывающая на то, что Банавентура не прочь, подобно гоголевскому городничему, праздновать свои именины дважды.

діемъ ада, а вмѣстилищемъ добродѣтелей—младшій, Антонъ. Указывая на нѣкоторое сходство двухъ произведеній, я вовсе не желаю этимъ сказать, что г. Тогобочній позаимствовался у г. Писаренка—его пьеса написана даже раньше,—хотя несомнѣнно кой-какіе образы изъ нашей драматической литературы носились предъ г. Тогобочнымъ и «вдохновляли» его въ непозволительной степени, чуть ли не до рабскаго копированья отдѣльныхъ сценъ и положеній (особенно замѣтно вліяніе «Розумного и дурня» и «Бурлаки» г. Карпенка-Карого). Я отмѣчаю фактъ сходства лишь какъ доказательство нѣкоторой общности происхожденія отъ одного литературнаго типа, представителемъ котораго считаю Банавентуру. Какъ бы то ни было, борьба противоположныхъ началъ, олицетворяемыхъ двумя братьями и почему то названныхъ «мріями», и у г. Тогобочного изображена опять таки чисто внѣшними чертами и при томъ весьма поверхностно; о многихъ весьма важныхъ моментахъ ея читатель или зритель узнаетъ только изъ разговоровъ бесѣдующихъ лицъ, а дѣйствіе происходитъ гдѣ-то за кулисами. Точно также отъ добродѣтели, олицетворенной, кстати, кромѣ младшаго брата еще въ образахъ волостного писаря и земскаго начальника, слишкомъ отдаетъ прописью, а отъ пороха—пахнетъ сѣрой и фосфоромъ даже на томъ приличномъ разстояніи, съ котораго авторъ показываетъ своихъ героевъ. Развитія или какого-нибудь наслоенія дѣйствія не замѣчается ни слѣда; выбросивъ то или другое дѣйствіе, мы ничего не потеряемъ ни въ смыслѣ опредѣленности обрисовки, ни даже въ чисто техническомъ отношеніи. Любопытно, что самъ авторъ это чувствуетъ: къ четвертому дѣйствію имъ сдѣлано примѣчаніе—«здебильшого 4-та дія зовсимъ не ставыться», молчаливо подтверждающее только что высказанное мнѣніе. А между тѣмъ, если хотите, 4-е дѣйствіе съ внѣшней стороны именно одно изъ важнѣйшихъ, такъ какъ показываетъ между прочимъ орудія наказанія порока и торжества добродѣтели, и если и оно оказывается лишнимъ, то что же сказать объ остальныхъ? На сценѣ все время идутъ нескладные разговоры и тѣмъ не менѣе въ результатѣ ихъ въ послѣднемъ актѣ оказывается—братоубійство и са-

моубійство: Каллистратъ-Каинъ задушилъ Антона-Авеля и послѣ этого каинскаго поступка пырнулъ и себя въ грудь... кинжаломъ, который услуживо суетъ ему въ руку авторъ. Чисто кавказскіе у насъ, сударь, нравы!—только и можно сказать, взирая на это изысканное уничтоженіе порока г. Тогобочнимъ. Драма кончена, занавѣсъ опускается.

Занавѣсъ поднимается. Для разнообразія и отдыха отъ кровавыхъ ужасовъ я желалъ бы на этотъ разъ позабавить читателя, говоря стариннымъ терминомъ, индермедіею и потому предлагаю его вниманію нѣчто въ комическомъ родѣ. Собственно и въ драмѣ г. Тогобочного уже есть нѣкоторыя черты самородной комедіи, такъ какъ авторомъ введенъ въ непропорціональномъ размѣрѣ балаганный элементъ, который для Банавентуры служитъ суррогатомъ истиннаго комизма, какъ неумѣренное проливаніе крови—суррогатомъ драматизма. Всѣ эти ни на какомъ человѣческомъ языкѣ невозможныя словечки, которыми уснащаютъ свои діалоги комическіе персонажи, всѣ эти «самувари», въ которыхъ бесѣдующія лица варятъ и картофель, и вареники, и даже кулишъ, все это пьянство безпросыпное и лакейская образованность въ пику «необразованному мужичью»—какъ все это пошло, плоско и какъ все это надоѣло! Особенно посчастливилось у насъ самовару: рѣдкій изъ драматурговъ-Банавентуръ избѣгаетъ соблазна поставить этотъ приборъ камнемъ преткновенія для кого-нибудь изъ своихъ простоватыхъ героевъ. Удивительно, какъ это не хватитъ изобрѣтательности даже на то, чтобы замѣнить чѣмъ-нибудь другимъ эти избитыя, плоскія остроты на счетъ пьянаго мужичья и его неумѣнья обращаться съ самоваромъ. Въ пьесѣ г. Тогобочного всего этого имѣется въ количествѣ болѣе чѣмъ достаточномъ, но чтобы показать, до какой степени можно дойти въ этомъ направленіи, возьмемъ настоящую комедію, хотя бы недавно вышедшую пьесу г. Володскаго «Въ каламутній води» или «Орыся» (Кіевъ, 1904). На первой же страницѣ авторъ преподноситъ вамъ такой сюрпризъ: «Ява 1. За столомъ сыдять Хабаревичъ и Грабыха. *Воны зовсимъ тверези*» и т. д. И превосходно, но почему сіе важно? зачѣмъ автору понадобилось сразу же, не говоря

лишняго слова, указывать на трезвое состояніе своихъ героевъ? Читатель еще не знаетъ, чтó изъ себя представляетъ этотъ Хабаревичъ и эта Грабыха, а нашъ авторъ уже подчеркиваетъ, что они, молъ, въ нѣкоторомъ родѣ не въ своемъ натуральномъ видѣ. Не знаю, это ли именно хотѣлъ сказать своей ремаркой г. Володскій, но что все содержаніе его комедіи представляетъ натурализацію, такъ сказать, совершенно не натуральныхъ поступковъ—въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Молодая и красивая деревенская дѣвушка Орыся попадаетъ служанкой въ захолустный городъ и сразу же становится центромъ клубничныхъ вожделѣній бесѣдующихъ лицъ мужска пола и предметомъ ревности—женска. Мужчины безъ различія возраста, званія и состоянія, на перерывъ бѣгаютъ за ней въ буквальномъ смыслѣ слова, а въ промежуткахъ пьютъ водку («нагынають жулика» по картинному выраженію г. Володскаго) и изъясняются на весьма странномъ жаргонѣ, заимствуя и коверкая слова каждый по своей спеціальности и профессіи. И на этомъ построена вся пьеса, которую самъ авторъ рекомендуетъ, тѣмъ не менѣе, какъ «буденни малюнкы», заставляя этимъ полагать, что упомятутые поступки составляютъ обычное времяпровожденіе его персонажей. Правда, они гдѣ-то служатъ, чѣмъ-то торгуютъ, какъ-то зарабатываютъ пропитаніе, имѣютъ какіе-то интересы, но все это между прочимъ, а главная цѣль ихъ бытія—водка и Орыся, Орыся и водка. Конечно, если это такъ, то и упомянутая ремарка получаетъ особый смыслъ и оказывается далеко не лишней, хотя приведена слишкомъ преждевременно, а потому и кажется нѣсколько неожиданной. Но при чемъ тутъ «буденни малюнкы»—такъ и остается неразрѣшимой загадкой. Само собою разумѣется, что и здѣсь добродѣтель, въ лицѣ глуповатой Орышки, торжествуетъ надъ довольно таки примитивнымъ порокомъ, который претерпѣваетъ отъ автора наказаніе при помощи очень остроумнаго и несомнѣнно уже оригинальнаго пріема. Въ числѣ персонажей имѣется нѣкій мѣщанинъ Латка, вообще пянчужка и забулдыга, но тѣмъ не менѣе добродѣтельный. Онъ неразлучно носитъ при себѣ дрянной, не стрѣляющій пистолетъ и всегда выдвигаетъ его въ соотвѣтственный моментъ для устрашенія по-

рочныхъ персонажей Не смотря на то, что угрозы Латки представляютъ въ полномъ смыслѣ слова покушеніе съ негодными средствами, пистолетъ его все-таки наводитъ ужасъ на порокъ и служитъ, такимъ образомъ, орудіемъ торжества добродѣтели. Ну, и благодареніе Богу—цѣль достигнута; хотя и безъ убійства, а при помощи лишь негоднаго пистолета, но порокъ униженъ, а добродѣтель вознесена «превыше Наполеонова столпа». Но, читатель, уже просто противно становится отъ этого торжества постоянно торжествующей добродѣтели и наказанія постоянно терпящаго униженіе порока. Вѣдь такъ, наконецъ, и затошнить можетъ. Невольно задавая вопросъ: «доколѣ, о Господи?»—опускаешь занавѣсъ и за этой интермедіей.

Но, замѣтитъ читатель, г.г. Боецъ, Писаренко, Тогобочній, Володскій—это вѣдь не литература, а Банавентура. Пишутъ они, изображаютъ всевозможныя драматическія и комическія плоскости—ну, и пусть ихъ... Погодите, читатель, съ преждевременными заключеніями: сейчасъ и до литературы доберемся,—мы уже у воротъ ея.

Сергій Ефремовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Переводъ П. А. Кулиша на украинскій языкъ манифеста 19 февраля 1861 года и Положенія о крестьянахъ.

Изъ сохранившихся у меня корректурныхъ листовъ и рукописей перевода на украинскій языкъ Высочайшаго манифеста 19 февраля 1861 года и «Положенія о крестьянахъ», а также изъ относящейся къ этому дѣлу переписки, видно, что П. А. Кулишъ и для этого дѣла поработалъ не мало. Теперь это матеріалъ, имѣющій уже только историческое значеніе, но когда изготовлялся П. А. Кулишомъ, то имѣлъ значеніе жизненное, практическое. Предавъ его теперь печати, можно выразить только сожалѣніе, что переводъ этотъ въ свое время не былъ законченъ и опубликованъ. Какъ случилось это, будетъ видно изъ нѣсколькихъ моихъ пояснительныхъ замѣтокъ, касающихся судьбы этой работы.

Мысль перевода, его исполненіе и ходатайство объ изданіи съ Высочайшаго разрѣшенія, Канцеляріей государственнаго совѣта принадлежитъ исключительно одному П. А. Кулишу, придававшему этому дѣлу огромное значеніе, какъ это онъ нерѣдко устно и письменно высказывалъ. Высочайшее разрѣшеніе было дано 15 марта 1861 г., а уже 16 марта Пантелеймонъ Александровичъ приглашалъ В. М. Бѣлозерскаго, А. В. Марковича и Н. И. Костомарова выслушать, въ обществѣ другихъ украинцевъ, пер-

вый листъ перевода и помочь установить украинскую юридическую терминологію положенія. Доказывается это слѣдующимъ письмомъ П. А. Кулиша.

Василій Михайловичъ! [1]) если у Васъ въ пятницу вечеръ свободенъ, то пріѣзжайте въ засѣданіе украинскаго совѣта, въ которомъ будетъ читанъ первый листъ устава о крестьянахъ, переведенный на украинскій языкъ. Пригласите и Афанасія Васильевича [2]). Костомаровъ также обѣщалъ. Переводчикъ не обязывается подчиняться общему приговору въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ будетъ убѣжденъ твердо, что такъ, а не иначе, слѣдуетъ выразиться; но онъ увѣренъ, что многое подскажутъ ему и многое помогутъ установить въ юридической терминологіи.

П. Кулишъ.

16 марта 1861 г.

—

Въ настоящемъ случаѣ, понятно, вопросы терминологіи представляли центральный пунктъ предстоящей работы и стали очень скоро предметомъ несогласія между авторомъ перевода и государственнымъ секретаремъ Владиміромъ Петровичемъ Бутковымъ. Работа подвигалась быстро. Въ апрѣлѣ набраны были четыре листа, съ русскимъ текстомъ на лѣвыхъ страницахъ и малорусскимъ на правыхъ, статья въ статью, въ форматѣ и шрифтомъ свода законовъ, и корректурные листы представлены на судъ Канцеляріи государственнаго совѣта. Въ началѣ мая государственный секретарь увѣдомилъ П. А. Кулиша, что характеръ языка представленнаго имъ перевода признанъ несоотвѣтствующимъ тому значенію, какое правительство желаетъ придать переводу на украинскій языкъ Положенія 19 февраля, и для допущенія перевода къ печатанію ставилъ необходимымъ условіемъ, чтобы переводчикъ «держался сколь возможно ближе тому языку и тѣмъ выраженіямъ, кои употребляются нынѣ малороссійскими

---

[1]) В. М. Бѣлозерскій.

[2]) А. В. Марковичъ.

крестьянами. Въ отвѣтъ на это увѣдомленіе, П. А. Кулишъ написалъ В. П. Буткову слѣдующее письмо. На подлинномъ сдѣлана карандашемъ, рукою Кулиша, надпись: «*Не послано*» и краснымъ карандашемъ другая: «*Другое послано*».

—

Милостивый Государь Владиміръ Петровичъ!

Приношу вашему превосходительству покорнѣйшую благодарность за снисходительное объясненіе, какъ правительству угодно смотрѣть на предметъ, въ которомъ заинтересованы столь многіе. Признавая за нимъ право заботиться о государственномъ благоустройствѣ по собственнымъ, не согласнымъ съ нашими, соображеніямъ, я только сожалѣю, что не могу служить ему тѣмъ, что ему, по моему глубокому убѣжденію, можетъ со временемъ крайне понадобиться.

Что касается до моего перевода на украинскій языкъ Положеній о крестьянахъ, то имѣю честь изъяснить вашему превосходительству, что желаніе возстановить нѣкоторые исчезнувшіе изъ простонароднаго языка термины происходитъ во мнѣ не изъ одного моего взгляда на прошедшее и настоящее, но также и изъ существенной необходимости, которая всегда находится въ связи съ прошедшимъ. Если оставить безъ перевода термины великорусскіе, конечно понятные для всѣхъ, управляемыхъ россійскими законами, но понятные *обязательно*, то переводъ представитъ помѣсь языковъ, равно непріятную и для великорусскаго, и для украинскаго читателя. Хотя правительство и не руководствовалось изложенными мною соображеніями, дозволяя мнѣ перевести Положенія о крестьянахъ на украинскій языкъ, но не можетъ оно не желать, чтобы, по возможности, соблюденъ былъ характеръ той рѣчи, на которую Положенія переведены и достоинство языка, на которомъ говорятъ люди, заинтересованные въ переводѣ. Позвольте замѣтить, что я вовсе не въ томъ смыслѣ сознаю неясность моего перевода для всей безъ исключенія массы, какъ это выражено въ письмѣ вашего превосходительства, а въ томъ, въ какомъ и русскій юридическій языкъ не всегда и всякому понятенъ. Мой переводъ, по моимъ словамъ, долженъ объяснить

многія мѣста Положеній о крестьянахъ не однимъ украинцамъ. Уже одни эти слова показываютъ, что я сдѣлалъ все, что можно было сдѣлать по отношенію къ общенародному языку украинскому; возстановить же нѣкоторые термины я долженъ для того, чтобы, съ одной стороны, не вводить въ языкъ несвойственныхъ ему словъ, и съ другой, не выдумывать новыхъ терминовъ вмѣсто тѣхъ, которые уже были въ употребленіи у украинцевъ. Офиціальный судъ о моемъ опытѣ перевода могутъ взять на себя передъ вашимъ превосходительствомъ многіе, но между судомъ о дѣлѣ и самимъ дѣломъ часто бываетъ огромное разстояніе. При всемъ моемъ уваженіи къ чинамъ Государственной канцеляріи, выразившимъ мнѣніе о моемъ переводѣ, смѣю думать, что они не слишкомъ глубоко посвящены въ тайны украинскаго слова и могутъ, какъ сами обманываться, такъ и другихъ обманывать на счетъ своей компетенціи въ сужденіи о столь новомъ, трудномъ и исключительно спеціальномъ дѣлѣ, какъ переводъ на украинскій языкъ Положеній о крестьянахъ. Ваше превосходительство изволили поставить условіемъ допущенія къ печатанію моего перевода, чтобы я «держался сколько возможно ближе тому языку и тѣмъ выраженіямъ, кои употребляются нынѣ малороссійскими крестьянами». Съ своей стороны, имѣю честь выразить Вамъ полную готовность служить правительству, ради общей пользы; но почтительнѣйше прошу Васъ вникнуть въ слѣдующую мысль: если я, сдѣлавшій жизнь украинскаго простолюдина предметомъ своего спеціальнаго изученія, долженъ, по мнѣнію людей почтенныхъ, но неспеціальныхъ въ этомъ дѣлѣ, выражаться въ данныхъ случаяхъ такъ, а не иначе, то какое зрѣлище представитъ это командованіе въ моихъ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ судей, къ которымъ оно перейдетъ на публичное обсужденіе? Я бы полагалъ, что контроль надъ моимъ переводомъ долженъ ограничиться указаніемъ неумышленныхъ пропусковъ и другихъ случайныхъ недосмотровъ.

Что же касается до характера языка, до ясности и выразительности смысла, то каждый офиціальный наставникъ въ этомъ случаѣ будетъ играть роль домашней курицы, которая бы взду-

мала учить дикую птицу летать. Откровенно скажу, что мой переводъ, даже предъ судомъ моего самолюбія, котораго не чуждъ каждый человѣкъ, не будетъ то, чѣмъ бы желательно, чтобъ онъ былъ; *и* если *я*, готовившійся съ дѣтства быть украинскимъ писателемъ и къ старости не желающій ничего другого на землѣ,— если я сдѣлаю дѣло плоховато, то каково сдѣлаютъ люди, родившіеся не въ простонародномъ быту, проводившіе жизнь вдали отъ народа и приложившіе свои труды вовсе не къ народовѣдѣнію. Мнѣ было бы грустнѣе, нежели кому либо изъ украинцевъ, осмѣивать публично переводъ, который бы оказался съ-родни кой-чему, выдаваемому у насъ за настоящую украинскую рѣчь, по недостатку истинныхъ знатоковъ этой рѣчи въ классѣ образованномъ и литературномъ.

Покорнѣйше прошу Ваше превосходителъство принять увѣреніе въ моемъ глубокомъ почтеніи и преданности.

П. Кулишъ.

1861, мар. 7. Его превос. Вл. П. Буткову.

Изъ помѣтки на этомъ письмѣ рукою Кулиша видно, что оно не было послано В. П. Буткову, а замѣнено нижеслѣдующимъ.

—

Милостивый Государь Владиміръ Петровичъ!

Приношу Вашему превосходительству покорнѣйшую благодарность за снисходительное объясненіе, какъ правительству угодно смотрѣть на предметъ, въ которомъ заинтересованы столь многіе. Что касается собственно до моего перевода Положеній о крестьянахъ на украинскій языкъ, то имѣю честь изъяснить, что желаніе возстановить нѣкоторые исчезнувшіе изъ простонароднаго языка термины происходитъ во мнѣ не изъ одного моего взгляда на прошедшее и настоящее, но также и изъ существенной необходимости, которая всегда находится въ связи съ прошедшимъ. Если оставить безъ перевода термины, конечно, понятные для всѣхъ управляемыхъ россійскими законами, но понятные *обязательно*, то переводъ представитъ смѣшеніе нарѣчій, ровно непріятное и для великорусскаго, и для украинскаго читателя.

Хотя правительство и не руководствовалось изложенными мною соображеніями, дозволяя перевести Положенія о крестьянахъ на украинскій языкъ, но не можетъ оно не желать, чтобы, по возможности, соблюденъ былъ характеръ той рѣчи, на которую Положенія переведены, и сохранено было достоинство языка, которымъ говорятъ люди, заинтересованные въ переводѣ. Ваше превосходительство изволили поставить условіемъ допущенія печатанія моего перевода, чтобы я «держался возможно ближе тому языку и тѣмъ выраженіямъ, кои употребляются нынѣ малороссійскими крестьянами». Позвольте Васъ удостовѣрить, что въ представленномъ мною опытѣ перевода сдѣлано мною все, что было возможно сдѣлать по отношенію къ общенародному языку украинскому, котораго изученіе и введеніе въ письменность составляетъ предметъ постоянныхъ моихъ стараній; возстановлять же нѣкоторые термины я долженъ былъ для того, чтобы, съ одной стороны, не вводить въ украинскій языкъ несвойственныхъ ему словъ и выраженій, а съ другой, не выдумывать терминовъ вмѣсто тѣхъ, которые уже существовали въ народѣ и вышли изъ употребленія единственно потому, что онъ былъ обязанъ употреблять, въ юридическихъ соотношеніяхъ, термины общаго для всей Россіи письменнаго языка. Впрочемъ отдаюсь на благоусмотрѣніе Вашего превосходительства въ надеждѣ, что Вы удостоите вниманія мои представленія.

Покорнѣйше прошу принять увѣреніе въ моемъ глубокомъ почтеніи и преданности, съ которыми имѣю честь быть Вашего превосходительства покорнымъ слугою.

П. Кулишъ.

1861 г., мая 7. Его пр. Влад. П. Буткову.

Вслѣдъ за этимъ увѣдомленіемъ не замедлили возвратиться къ автору перевода, чрезъ посредство В. М. Бѣлозерскаго, и корректурные листы перевода, испещренные замѣтками и поправками чиновниковъ Государственной канцеляріи. 10 мая, П. А. Кулишъ, не безъ злой ироніи, написалъ В. П. Буткову письмо съ отказомъ продолжать начатую работу.

Милостивый Государь Владиміръ Петровичъ!

Приношу Вашему превосходительству покорнѣйшую благодарность за объясненіе мнѣ, какъ правительству угодно смотрѣть на предметъ, въ которомъ заинтересованы столь многіе. Вслѣдъ за Вашимъ отвѣтомъ на мое письмо, г. Бѣлозерскій возвратилъ мнѣ корректурные листы моего перевода Положеній о крестьянахъ на украинскій языкъ, съ такими перепр авками, на которыя я не могу согласиться, не желая уронить себя въ общественномъ мнѣніи.

Покорнѣйше прошу Ваше превосходительство принять увѣренія въ моемъ совершенномъ почтеніи и преданности.

П. Кулишъ.

1861 г., мая 10. Его прев. В. П. Буткову.

Что же это за фатальныя поправки, принять которыя—значитъ—уронить себя въ общественномъ мнѣніи, а не принять—значитъ — провалить огромнаго общественнаго значенія дѣло?

Если исключить замѣны малороссійскихъ терминовъ: державець, підданий, скарбъ, громада, рада и т. п. терминами русскими: помѣщикъ, крестьянинъ, казна, общество, съѣздъ и т. п., то останется весьма незначительное число поправокъ и замѣчаній, не вносящихъ никакихъ существенныхъ измѣненій въ смыслъ перевода и характеръ языка, и скорѣе подтверждающихъ достоинство перевода, чѣмъ указывающихъ его недостатки. Въ настоящую минуту украинецъ, интересующійся судьбами родного языка и литературы, можетъ остановиться на незначительности намѣченныхъ въ корректурѣ перевода поправокъ и бросить автору его тяжелый упрекъ. Какъ могъ П. А. Кулишъ, столько потрудившійся и столько сдѣлавшій на пользу украинскаго слова, готовившійся съ дѣтства быть украинскимъ писателемъ и къ старости не желающій ничего другого на землѣ, какъ онъ говоритъ о себѣ въ одномъ изъ приведенныхъ писемъ, какъ онъ могъ, по такому ничтожному поводу, провалить дѣло громадной важности не только по своему практическому значенію, но по значенію

для развитія родного языка и, главное, для завоеванія ему правъ гражданства въ будущемъ?

Подобный упрекъ былъ не разъ высказываемъ украинцами, познакомившимися съ переводомъ Положенія въ послѣднее время, но предлагаемъ теперь вниманію читателей «Кіевской Старины» документы. Упрекъ безусловно несправедливый. Можетъ быть онъ не былъ-бы высказанъ, еслибы возможность блестящихъ завоеваній украинскаго слова, ставшаго языкомъ великаго законодательнаго акта, была сопоставлена съ тѣми цензурными и прочими условіями, въ которыхъ находилась украинская печать съ конца шестидесятыхъ годовъ. Впрочемъ, несправедливость упрека ясна и безъ такихъ ретроспективныхъ сопоставленій.

П. А. Кулишъ придавалъ огромное значеніе общественной сторонѣ перевода, жертвуя иногда для нея практической стороной изданія. Этотъ взглядъ переводчика, бьющій изъ каждой статьи, изъ каждой строки перевода, очевиденъ для всякаго прочитавшаго одну его страницу, какъ онъ сталъ ясенъ для государственнаго секретаря. Дорожа именно этой стороной перевода, П. А. Кулишъ не могъ согласиться на требуемыя отъ него уступки, такъ какъ, испещривъ украинскую рѣчь русской терминологіей и проч., онъ лишилъ бы свой переводъ его достоинства и значенія для будущихъ услугъ родному языку. Но, говорятъ, что и та доля значенія, которую переводъ сохранилъ бы послѣ требуемыхъ уступокъ, слишкомъ дорога для того, чтобы его можно было легко жертвовать. Такъ думали и нѣкоторые изъ украинцевъ изъ кружка «Основы».

Правда, П. А. Кулишъ, по своей натурѣ, не особенно годился для уступокъ, но если бы онъ и согласился на предложенный компромисъ, то все же онъ не могъ принять требуемыхъ поправокъ уже по другой причинѣ. Замѣчанія, сдѣланныя на возвращенныхъ изъ Государственной канцеляріи листахъ, не представляли ничего рѣшающаго, законнаго, въ родѣ, напр., утвержденныхъ къ печатанію корректурныхъ листовъ, или чего нибудь подобнаго. Это были оттиски перевода съ нанесенными на нихъ анонимными поправками и замѣтками, выражающими то катего-

рическія требованія измѣненія терминологіи, то мнѣнія и совѣтъ, представляющіе палку въ колесѣ—не болѣе, такъ какъ не признаніе ихъ могло бы повести за собою большія или меньшія непріятности, а признаніе не могло подвинуть дѣло ни на шагъ впередъ, потому что неизвѣстные авторы замѣчаній рѣшающаго голоса не имѣли. По поводу такого рода замѣчаній пришлось бы еще вести переговоры, уславливаться, дѣлать уступки и вообще испытать на себѣ примѣненіе того выработаннаго нашею бюрократическою практикой способа, который издавна извѣстенъ подъ именемъ канцелярской волокиты, и съ неизмѣннымъ успѣхомъ употребляется всегда, когда нужно отъ кого нибудь или отъ чего нибудь отдѣлаться и кончить дѣло «измором». Можетъ быть П. А. Кулишъ, неискусившійся въ канцелярскихъ обычаяхъ, избралъ бы этотъ путь для достиженія своихъ цѣлей, еслибы не избавили его отъ такой траты времени объясненія Его П-ва, какъ правительству угодно смотрѣть на предметъ, которымъ заинтересованы столь многіе. В. М. Бѣлозерскій, которому поручено было возвратить П. А. Кулишу корректурные листы его перевода, принадлежавшій тогда къ составу чиновниковъ Государственной канцеляріи, гдѣ онъ занималъ должность экспедитора, конечно зналъ это дѣло до мельчайшихъ подробностей и, по порученію или безъ порученія начальства, далъ надлежащія объясненія. Анонимныя поправки и совѣты, въ связи со взглядомъ правительства на разсматриваемый вопросъ, имѣли единственный, не подлежащій сомнѣнію смыслъ: «оставь надежду навсегда». Автору перевода оставалось только сложить оружіе и отступить, сохраняя по возможности человѣческое достоинство. Онъ такъ и сдѣлалъ.

Такая судьба перевода была ясна его автору уже изъ извѣщенія государственнаго секретаря. Имѣются два, приведенные выше, непосланные отвѣты на это извѣщеніе. Былъ еще и третій; къ сожалѣнію, вѣроятно навсегда утраченный. Этотъ въ хронологическомъ порядкѣ первый отвѣтъ былъ написанъ въ очень самостоятельномъ, даже рѣзкомъ тонѣ. Въ немъ, какъ мы видѣли, авторъ говорилъ о необходимомъ соотвѣтствіи между достоин-

ствомъ излагаемаго предмета и характеромъ языка, при этомъ по поводу исправленія его чиновниками, онъ сказалъ: «они привыкли къ тому украинскому языку, на которомъ говорятъ въ Малороссіи лакеи и горничныя». Подъ вліяніемъ кружка украинцевъ, группировавшагося около редакціи «Основы», все еще надѣявшихся на возможность компромиса, онъ все болѣе и болѣе смягчалъ тонъ проектируемыхъ отвѣтовъ, пока не пришлось, отбросивъ безполезную аргументацію въ защиту окончательно потеряннаго дѣла, отвѣтить короткимъ отказомъ. Въ этомъ кружкѣ проигранное дѣло перевода Положенія 19 февраля не вызвало по адресу П. А. Кулиша ни малѣйшаго упрека. Тогда все это было ясно и не возбуждало ни въ комъ сомнѣній. Мнѣ кажется, ясно оно и въ настоящую минуту.

21 янв. 1905 г. **Г. Вашкевичъ.**

На подлинномъ, написанномъ Кулишомъ собственноручно, сдѣлана надпись, кажется, рукою Д. С. Каменецкаго: «15 марта 1861 года, разрѣшено П. А. Кулишу обнародовать переводъ Положенія о крестьянахъ на украинскомъ языкѣ.

Божою Милостю Ми, Александръ Другий, Императоръ и Самодержець Всероссийський, Царь Польский, Великий Князь Финляндський, и прочая, и прочая, и прочая.

Ознаймуемо всімъ Нашимъ вірнимъ підданнимъ.

Свята воля Божа и праведний законъ наслідування Царства призвали Насъ на предківський Всероссійський Престолъ. Уважаючи на такий призивъ, обітували Ми въ серці Своему обнімати Нашою Царською любовью всіхъ Нашихъ вірнихъ підданнихъ усякого звання и стану, одъ тихъ високихъ духомъ, що обороняють мечемъ отчизну, та й до тихъ людей смиреннихъ, що взялись до ремества, одъ найповажнійшихъ слугъ Государственнихъ, та й до простихъ хліборобівъ.

Позираючи, якъ стоять одно при другому усі звання и стани въ Государстві, зауважили ми, що Государственні закони, якъ змогли, такъ благоустроіли висчі и средні згромаження, ука-

завши ихъ одбутки, права и привилеі, тілько не рівно міркували про кріпаківъ або кріпостнихъ людей. Названо сихъ людей кріпаками затимъ, що іхъ або старі закони, або звичаі зъ роду въ рідъ закріпили панамъ, которі бъ то вже мусили імъ добру долю устроіти. До нашого часу панське право було широке, и законъ не визначивъ ясно, де панськоі волі границя. По старій памяти, по звичаямъ та своій уподобі пани людьми орудовали. Отъ же, по доброму ладу, міжъ паномъ и кріпаками велося добре, мовъ би міжъ батькомъ и дітьми; щирою бо правдою піклувався (sic) панъ и добродійствувавъ своімъ крестянамъ, а крестяне зъ доброю хіттю ёму корилися. Якъ же старосвітська простота почала виводитись, та стало бильше стосунківъ міжъ паномъ и крестянами, та перестали пани самі по-батьківській крестянъ держати, та почали крестянами орудовати такі люде, що тілько про свою користь дбали: тоді вже добрий ладъ попсувався, и вкинулись пани у своеволю; съ того то на крестянъ стало важко, и достатківъ у нихъ меншало; съ того й крестяне про свое красче життя перестали дбати.

Вбачали се и приснопамятні предки Наши и добірали способу, якъ би допомогти красчому життю крестянському, тілько що не круто вони на добро повертали, самимъ панамъ до волі охочимъ, нові порядки до вподоби подавали; коли жъ повертали на добро й круто, то й то не всюди, а хіба підъ яку нужду, або для проби. Тако отъ Императоръ Александръ Первий давъ уставъ про свободнихъ хлібопашцівъ; тежъ и въ Бозі почивший родитель Нашъ Миколай Первий—про обязаннихъ крестянъ. Въ західнихъ губерніяхъ, по инвентарнимъ правиламъ, установлено наділити крестянъ землею и означити ихъ повинности. А про-те мало де приведено до самого діла устави про свободнихъ хлібопашцівъ и обязаннихъ крестянъ.

Отсе жъ Ми впевнились, що Предки Наши заповідали Намъ переміпити долю кріпаківъ на красчу и що самимъ ходомъ ділъ историчніхъ самъ Богъ указуе Намъ Наше діло.. (конецъ не найденъ).

Копія съ корректурнаго листа. Высочайше утвержденныя Его Императорскимъ Величествомъ 19 февраля 1861 года Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, переведенныя съ Высочайшаго соизволенія на украинскій языкъ. Санктпетербургъ 1861 [1]).

Въ оригиналі Власною Его Императорського Величества рукою написано:

«Быть по сему».

Въ Санктпетербурзі 19 лютня, 1861 року.

Спільній Уставъ про підданихъ [2]), що вийшли зпідъ кріпацтва.

Приступъ.

1) Право кріпацтва надъ осаженими по панськихъ державахъ [3]) підданими [4]) и надъ дворяками навіки касуется тимъ порядкомъ, який указано у сёму Уставі и въ другихъ Уставахъ и Правилахъ, вкупі зъ нимъ виданихъ.

2) Обпіраючись на сей Уставъ и на спільне право, підданимъ [5]) и дворакамъ, що вийшли зпідъ кріпацтва, даютця права вільнихъ землянъ, якъ до самого чоловіка, такъ и для ёго добра. Права ті вони осягнуть тимъ порядкомъ и въ ті пори, якъ указано въ Правилахъ на ввідъ у діло уставівъ про підданихъ и въ особому Уставі про дворяківъ.

3) Державці [6]), зостаючись при праві властности на свои землі, отдають підданимъ, за уставлені одбутки, у вічисте [7]) ко-

---

[1]) Въ выноскахъ печатаются поправки и замѣчанія, сдѣланныя въ государственной канцеляріи.

[2]) Крестьянахъ.

[3]) Не лучше ли употребить слово: „маетность“.

[4]) Крестьянами.

[5]) Крестьянамъ.

[6]) Помѣщики.

[7]) *Вѣчистий*—значитъ вѣчный, а не постоянный.

ристування осадне іхъ займище и, надто, щобъ убезпечити іхъ життя и щобъ мали вони съ чого одбувати своі одбутки на Урядъ и на державця, стілько поля и иншихъ угіддівъ, скілько виречено въ Помістовихъ Уставахъ.

4) Піддані [1]), за наділъ, означенний імъ, по переднёму артикулу, повинні одбувати на державцівъ [2]) одбутки, виречені въ Помістовихъ Уставахъ, роботою або грішми.

5) Які зъ сёго виходять *обітничі поземельні стосунки* межъ державцями [3]) и підданними [4]), вирекаетця те въ правилахъ, прописанихъ и въ сёму спільному, и въ особнихъ Помістовихъ Уставахъ.

Приписка. Сі Помістовні Устави отъ-які: 1) для 34-хъ губерній Великороссийськихъ, Новороссийськихъ и Білоруськихъ; 2) для губерній Малороссийськихъ: Чернігівськоі, Пілтавськоі и части Харьковськоі; 3) для губерній Кіевськоі, Подольскоі и Волинськоі; 4) для губерній Виленськоі, Гроденськоі, Ковенськоі, Минськоі и части Витебськоі. Опрічъ того до Помістовихъ Уставівъ доложені Додаточні Правила: 1) про впорядкованя підданихъ [5]), осаженихъ на земляхъ дрібнихъ державцівъ, и про підмогу сімъ дрібнимъ державцямъ; 2) про приписанихъ до сторонніхъ гірничихъ рудень людей порядкування Министерства Финансівъ; 3) про підданихъ [6]) и робітниківъ, що одбувають роботи на Пермськихъ сторонніхъ гірничихъ рудняхъ, и на соляництві; 4) про підданихъ [7]), що одбувають роботи на панськихъ фабрикахъ; 5) про підданихъ [8]) и дворяківъ у землі Війска Донського; 6) про підданихъ и дворяківъ въ Ставропольській губерніи; 7) про підданныхъ и дворяківъ въ Сибірі, и 8) про людей, що вийшли зпідъ кріпацтва въ Бессарабиі.

---

[1]) Крестьяне.
[2]) Помѣщиковъ.
[3]) Помѣщиками.
[4]) Крестьянами.
[5]) Крестьянъ.
[6]) Крестьянъ.
[7]) Крестьянъ.
[8]) Крестьянъ.

6) Наділъ підданихъ [1]) землею и иншими вгіддями, а такожъ и отбутки за се на державця [2])—укладаютця передорічъ по доброму ладу мижъ державцями [3]) и підданими [4]), тілько:

1) Щобъ наділъ, одданий підданимъ у вічисте [5]) користування на вбезпечъ іхъ життя и доброго одбування скарбовихъ одбутківъ, не бувъ менше тиі міри, яка для сёго виречена въ Помістовнихъ Уставахъ.

2) Щобъ ті підданські [6]) одбутки на державця, [7]) що одбуваютця роботою, укладались не инаково, якъ дочасними умовами, на реченець не довше, якъ на три роки (а про те не боронитця поновляти ті умови, якъ що обопільна на те буде згода, тілько що такожъ дочасно, не довше, якъ на трехъ-роковий реченець), и

3) Щобъ огуломъ умови, що державці [8]) и підданні [9]) проміжъ себе вчинять, не спеpечили спільнёму гражданському праву и не вменшали правъ, що до чоловіка, що до добра и що до стану, которі даютця підданимъ симъ Уставомъ.

У всякому такому случаі, що якъ державці [10]) съ підданими [11]) доброхотними умовами до згоди не прийдуть, наділяти підданихъ землею и одбувати імъ одбутки нехибно по Містовнимъ Уставамъ.

7) По симъ правиламъ пишутця *уставні грамоти*, у которихъ мусять виректися вічисті поземельні стосунки всякого державця [12]) съ підданими [13]), що осажено на ёго земли. Писати сі

---

[1]) Крестьянъ.
[2]) Помѣщика.
[3]) Помѣщиками.
[4]) Крестьянами.
[5]) Невѣрно.
[6]) Крестьянскіе.
[7]) Помѣщика.
[8]) Помѣщики.
[9]) Крестьяне.
[10]) Помѣщики.
[11]) Крестьянами.
[12]) Помѣщика.
[13]) Крестьянами.

уставні грамоти вільно самимъ державцямъ. На писання іхъ, на обрахування и ввідъ у дило даетця два роки съ того дня, якъ сей Уставъ стверженo.

Приписка. Дрібні речі про писання и виконання уставнихъ грамотъ прописані въ Помістовнихъ Уставахъ и Правилахъ про порядокъ, якимъ уводити въ діло Устави про підданихъ [1]).

8) Державці, [2]) наділивши підданихъ [3]) землею на вічисте [4]) користування, за уставлені Помістовними Уставами одбутки,— більше вже не повинні ніколи и ні въ якому случаі наділяти іхъ ніякою частиною земли надто.

9) Якъ уведется въ діло сей Уставъ, тоді державці [5]) не будуть уже повинні: 1) харчувати и доглядати підданихъ [6]); 2) одвітувати передъ урядомъ за податі съ підданихъ [7]) и за іхъ одбутки грошима и натурою; 3) речникувати за підданихъ у всякихъ справахъ и криминалахъ, по арт. 1119-му Зак. о сост., т. IX, Св. Зак. 1857 р., и 4) одвітувати за нихъ у всіхъ скарбовихъ [8]) поплаткахъ, якъ отъ: штрафахъ, пошлинахъ и инш.

10) Писля сёго сами піддані [9]) мусять пільпувати про громадське харчування и доглядъ и одвітувати за добре одбування скарбовихъ [10]) и земськихъ, натуральнихъ и грошовихъ одбутківъ, якъ прописано далі (Розділъ Ш).

11) Підданимъ [11]) даетця право викупляти у властність осадне іхъ займище такими грішми, якими воно буде осумоване,

---

1) Крестьянъ.
2) Помѣщики.
3) Крестьянъ.
4) Невѣрно.
5) Помѣщики.
6) Крестьянъ.
7) Крестьянъ.
8) Не лучше ли,—казенныхъ.
9) Крестьяне.
10) Казенныхъ.
11) Крестьянамъ.

и щобъ при тому були виконані правила, прописані въ Помістовнихъ Уставахъ.

12) За згодою державцівъ [1]), підданимъ [2]) вільно, надъ осадне іхъ займище, набути у власність, на спильнёму праві, поле и инші угоддя, означені тимъ підданим у вічисте [3]) користування. Якъ набудуть такі піддані [4]) у властність свій наділъ, або частину ёго, виречену у Помістовнихъ Уставахъ, тоді не повинно бути у іхъ більше ніякихъ обітничихъ поземельніхъ стосунківъ съ державцями [5]).

13) Самостай способу, указаного въ переднёму артикулі, обітничі поземельні стосунки державцівъ [6]) съ підданими [7]) касуютця тими двома способами:

1. Коли піддані [8]), тимъ порядкомъ и по тимъ правиламъ, якъ виречено въ Помістовнихъ Уставахъ, доброхіть зречутця користування відданимъ імъ наділомъ, и

2. Коли піддані [9]), виконавши уставлені на те правила, припишутця до другихъ станівъ.

14) Щобъ легше було підданимъ [10]) набувати у власність одзначене імъ у вічисте [11]) користування землі, коли буде на те у іхъ доброхітня згода зъ державцемъ [12]), або хочъ и самъ державець [13]) того зажадае, Урядъ даватиме підмогу въ тій мірі и

---

[1]) Помѣщиковъ.
[2]) Крестьянамъ.
[3]) Невѣрно.
[4]) Крестьяне.
[5]) Помѣщиками.
[6]) Помѣщиковъ.
[7]) Крестьянами.
[8]) Крестьяне.
[9]) Крестьяне.
[10]) Крестьянамъ.
[11]) Невѣрно.
[12]) Помѣщикомъ.
[13]) Помѣщикъ.

тимъ порядкомъ, якъ виречено въ особному Уставі про підданський [1]) викупъ осаднёго займища и про допомогу імъ одъ Уряду до набутку полёвихъ вгіддівъ у власність.

15) Піддані, [2]) що вийшли зпідъ кріпацтва, та мають обітничі поземельні стосунки зъ державцями [3]), зватимутця до часу обітничими підданими [4]).

16) Піддані [5]), що вийшли зпідъ кріпатцва и набули у власність поземельні вгіддя по Уставамъ, зватимутця *землякамі-господарями* [6]).

17) Которі піддані [7]) вийшли зпідъ кріпацтва, тимъ кýпитись, про господарскі речи, въ *сельскі громади*, [8]) а про ближчу управу и судъ *у волості.* У кожній сільскій громаді [9]) и въ кожній волості громадськими справами заправлятыме миръ [10]) съ своіми виборними, по сему Уставу.

18) Поки не скасовані обитничі стосунки съ підданими [11]), осаженими на ёго землі, за державцемъ [12]) зостается маеткова [13]) полиція и пильнування надъ громадою [14]) сихъ підданихъ, [15]) по артикуламъ 140—163-му сёго Уставу.

---

[1]) Крестьянскій.

[2]) Крестьяне.

[3]) Помѣщиками.

[4]) Крестьянами.

[5]) Крестьяне.

[6]) Господарь (gospodarz) значитъ хозяинъ, а не собственникъ (włascicel, proprietaire, Eigenthümer).

[7]) Крестьяне.

[8]) Общества.

[9]) Обществѣ.

[10]) Громада.

[11]) Крестьянами.

[12]) Помѣщикомъ.

[13]) Вотчинная.

[14]) Обществомъ.

[15]) Крестьянъ.

19) Піддані [1]) и громадські іхъ установи підвладні [2]) спільнімъ губерськимъ и повітовимъ урядованнямъ.

20) На ввідъ у діло Уставівъ про пiдданихъ [3]) и розвязъ особнихъ справъ, які виходитимуть одъ обітничихъ поземельнихъ стосунківъ державцівъ [4]) зъ дочасно-обітничими підданими [5]), поставляютця въ кожній губерніі: 1) Губерський про підданські [6]) справи судъ; [7]) и 2) Повітові мирові Ради [8]) и 3) Мирові Треті [9]). Хто тутъ урядъ держатиме, які речі порядкуватимутця, які будуть грянипі власті и якимъ порядкомъ сі постанови мають обертатися, те все виречено въ особному на те Уставі.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

1) Крестьяне.

2) Підвладній значитъ—подвластный.

3) Крестьянъ.

4) Помѣщиковъ.

5) Крестьянами.

6) Крестьянскія.

7) Присутствіе.

8) Съѣздъ.

9) Посредники.

Воспоминанія дѣтства о дядѣ П. А. Кулишѣ.

Я была еще дѣвочкой, когда мы съ мамой и сестрой пріѣхали на хуторъ къ Кулишамъ. Хуторъ этотъ былъ въ пяти верстахъ отъ города Борзны, на опушкѣ большого лѣса. Возлѣ этого лѣса и въ самомъ лѣсу было разбросано еще много хуторковъ, а за лѣсомъ, въ двухъ верстахъ, большое село Оленовка. При въѣздѣ въ усадьбу, наше вниманіе было обращено на большія ворота. На верху двухъ столбовъ лежала выгнутая перекладина, на которой, какъ мы впослѣдствіи узнали, руками самого дяди, была вырѣзана надпись: «Хуторъ Пиддубень». Дядя говорилъ намъ, что онъ назвалъ такъ хуторъ въ честь трехъ дубовъ,—растущихъ изъ одного пня, которые роскошно раскинулись на полянѣ передъ домомъ. Даже зимой, когда деревья, потерявъ листву, имѣютъ такой печальный видъ, эти три дуба были хороши; а когда они были покрыты инеемъ, это представляло волшебную картину. Не разъ дядя оставлялъ перо, подходилъ къ окошку полюбоваться на нихъ. Вообще дядя очень любилъ деревья, любилъ за ними ухаживать,—умѣлъ, какъ художникъ, описать ихъ красоту. Мы, дѣти, любили присосѣдиться къ его прогулкѣ. Вотъ онъ остановился передъ маленькимъ деревцомъ; у него подъ рукой пилка садовая и маленькая сокирка, онъ подрубилъ ненужные побѣги у корня, потомъ зашелъ съ другой стороны, посмотрѣлъ внимательно и отпилилъ слишкомъ удлиненную вѣтку. Вотъ онъ остановился передъ свѣсившей свои печальныя вѣтки

березой и начинаетъ описывать намъ ея красоту. Мы, разинувъ рты, его слушаемъ, мало понимаемъ, но намъ нравится его слушать. Онъ такъ хорошо говорилъ. Но вотъ онъ оглядывается на насъ, вспоминаетъ, что намъ, дѣтямъ, другое нужно. Въ одну минуту сказка импровизирована: Эта береза—мачеха, а эта маленькая—ея падчерица; мачеха властно разбросала свои вѣтки—падчерицѣ мало свѣта, она отклонилась и пошла вкривь, чтобъ только увидѣть клочечекъ неба, но это ей не удается—мачеха бросаетъ на нее густую тѣнь, и падчерица чахнетъ.

И много тогда мы такихъ сказочекъ наслушались, да возрастъ былъ такой, что ничто долго не оставалось въ головѣ. Какъ больно, какъ обидно теперь подумать, что тогда, когда мы многаго не понимали, многаго не могли удержать въ памяти, а потомъ, когда уже могли оцѣнить каждое его слово, судьба такъ устроила, что не имѣли возможности видѣться. Еще помню, какъ дядя, бывало, сильно огорчался, если увидитъ ободранную липку или сломленное молодое деревцо. Это его разстраивало иногда на цѣлый день. Конечно, тутъ не потеря его огорчала. Дядя любилъ очень также и животныхъ. Животныя это чувствовали и всегда льнули къ нему. У него были друзья во всѣхъ породахъ домашнихъ животныхъ, но особеннымъ его вниманіемъ пользовались кошки. Дядя часто рисовалъ намъ своихъ любимцевъ въ разныхъ позахъ.

Я такъ и вижу дядю, идущимъ изъ своего кабинета въ зеленомъ суконномъ халатѣ съ любимцемъ котомъ Сенекой подъ рукой. Мы уже по лицу видимъ, что сейчасъ намъ будетъ разсказана сказочка, гдѣ будетъ фигурировать мудрый Сенека. Это были минуты его отдыха во время письменныхъ занятій. Если перерыва долго не было, то мы начинали нетерпѣливо заглядывать въ его кабинетъ; если это было лѣтомъ, то мы потихоньку клали на его окошко, возлѣ котораго стоялъ его письменный столъ, какой-нибудь душистый цвѣтокъ. Дядя обращалъ вниманіе на запахъ цвѣтка и догадывался въ чемъ дѣло.

Работалъ дядя или сидя за столомъ, или стоя за конторкой. Кабинетъ его былъ заваленъ книгами. Одна сторона комнаты

была почти вся уставлена книгами, подъ другой стѣной стоялъ диванъ, гдѣ дядя спалъ. Передъ диваномъ круглый столъ и два мягкихъ кресла, изъ которыхъ одно называлось «Дядино», другое «Мама-Сашино», какъ мы называли тетю. Затѣмъ, здѣсь же былъ письменный столъ, фисъ-гармонія (тетя играла на ней, а дядя на флейтѣ) и столикъ съ разными рѣдкостями. Въ общемъ этотъ кабинетъ-гостинная былъ изящно обставленъ. Дядя и тетя часто бывали заграницей и всегда привозили что-нибудь изящное.

Здѣсь дядя началъ учить насъ переводить и на память говорить стихи Мицкевича, которыми онъ самъ очень увлекался. Потомъ читалъ намъ Гомера. При чтеніи, онъ, какъ человѣкъ впечатлительный, сильно волновался. Это волненіе передавалось и намъ, и мы дрожали за Троянскихъ героевъ.

Въ этотъ пріѣздъ мы прожили у Кулишей 2 года. При насъ они перешли въ купленный ими рядомъ хуторъ—Мотроновку. Въ хуторѣ Поддубнѣ все было новенькое, все ихъ руками построенное и посаженное, и все въ маленькомъ видѣ, а въ Мотроновкѣ все было старое и обширное. Домъ былъ старый, большой, съ громаднымъ садомъ, въ которомъ были вѣковыя деревья. Но дядя съ любовью на все это смотрѣлъ. Здѣсь—каждый уголокъ былъ для него полонъ воспоминаній. Изъ этого дома онъ взялъ невѣсту—нашу тетю, которую онъ такъ любилъ, что когда кто говорилъ: «нѣтъ счастья въ мірѣ, нѣтъ прочной любви, то мы поправляли: «исключая Кулишей». Одно время дядя началъ заниматься съ нами французскимъ и русскимъ языками, но вскорѣ уѣхалъ въ Петербургъ на службу.

А вотъ еще воспоминанія: дядя очень любилъ цвѣты и жалѣлъ, когда видѣлъ, что ихъ рвутъ. Самъ онъ избѣгалъ ихъ рвать, хотя иногда не выдерживалъ и составлялъ художественно букетъ, но для самыхъ близкихъ. Какъ то, на дядины именины—тетя и мы свили нѣсколько вѣнковъ и гирляндъ и украсили его кабинетъ и веранду, на которой онъ любилъ сидѣть. Конечно, это было сдѣлано сюрпризомъ.

Когда дядя увидѣлъ, то поблагодарилъ насъ за вниманіе, но на другой день сказалъ, что онъ не хотѣлъ насъ огорчать,

но ему было бы пріятнѣе видѣть эти цвѣты на стебляхъ. Это, впрочемъ, не помѣшало дядѣ на тѣхъ же дняхъ принести тетѣ прелестный букетъ изъ лѣсныхъ цвѣтовъ.

Когда мы пріѣхали къ нимъ погостить въ другой разъ, то они собрались ѣхать заграницу и предложили намъ ѣхать съ ними. Первоначальный планъ былъ проѣхать въ Швейцарію и тамъ, по мѣрѣ средствъ, прожить подольше. Кажется, здѣсь играло роль соображеніе относительно изученія французскаго языка нами и многое другое. Но уже по дорогѣ выяснилось, что дѣла скоро насъ отзовутъ домой, и они измѣнили планъ маршрута. Мы поѣхали на Берлинъ, Шарль-Руа, въ Парижъ, гдѣ мы и пробыли около трехъ мѣсяцевъ. По дорогѣ—въ Варшавѣ мы прожили съ недѣлю. Тамъ насъ посѣщалъ дядя Василій Бѣлозерскій. Съ дядей и тетей мы ходили по цѣлымъ днямъ по городу, причемъ дядя останавливался передъ бывшими дворцами и своими интересными повѣствованіями давалъ намъ заглядывать вглубь исторіи польскаго народа. Тамъ же мы въ первый разъ были на выставкѣ картинъ. Дядя, какъ художникъ, разбиралъ достоинства работъ и давалъ намъ понемножку понятіе о живописи. Слѣдующая остановка была въ Берлинѣ. Здѣсь тоже дядя водилъ насъ всюду, гдѣ находилъ для насъ полезнымъ и интереснымъ побывать. Лекціи, конечно, продолжались, одна интереснѣе другой. Затѣмъ, останавливаясь по нѣсколько дней въ Ахенѣ и Шарль-Руа, мы пріѣхали въ Парижъ. Первую квартиру наняли въ предмѣстьи Мон-Мартра, вторую возлѣ Итальянскаго Бульвара и третью возлѣ самаго Лувра. Это былъ заранѣе рѣшенный планъ. Дядя хотѣлъ, чтобы мы видѣли Парижъ по ступенямъ. Здѣсь мы обществомъ дяди меньше пользовались, такъ какъ онъ много работалъ въ архивахъ. Но все-таки онъ насъ водилъ въ картинныя галлереи и музеи Лувра и другихъ дворцовъ и на публичныя лекціи въ Сорбону, Колежъ де Франсъ. Очень сожалѣю, что не пришло мнѣ тогда въ голову записывать всего, о чемъ онъ намъ такъ хорошо разсказывалъ. Незадолго до нашего отъѣзда, на послѣдней квартирѣ, дядя обратилъ вниманіе на человѣка, который сидѣлъ по цѣлымъ днямъ согнувшись у малень-

каго окошечка угольной лавченки, находившейся противъ нашей квартиры. Этотъ человѣкъ, по словамъ дяди, каждый разъ, когда мы уходили изъ квартиры или возвращались въ нее, высовывалъ голову въ окошечко и долго слѣдилъ за нами. Насъ это заинтересовало. Мы начали заходить въ угольную лавочку покупать тоненькія щепки для разжиганія камина. Тамъ мы увидѣли этого человѣка, который сидѣлъ въ отгороженномъ углу маленькой лавченки, какъ бы въ шкафу, и чинилъ старые башмаки. Каждый разъ, какъ мы уходили изъ лавки, человѣкъ наклонялъ голову къ окошку и пристально смотрѣлъ на насъ. Лицо у него было блѣдное и измученное, а взглядъ выражалъ страданье. Наблюденія свои мы сообщили дядѣ. И вотъ, однажды, дядя приходитъ съ гостемъ, и мы узнаемъ въ немъ нашего незнакомца изъ угольной лавки. Онъ разсказалъ намъ длинную исторію. Мы такъ были взволнованы, что я не все запомнила изъ его разсказа. Онъ польскій эмигрантъ. Очень давно, во время повстанія, онъ бѣжалъ за границу. Оставилъ дома жену и дѣтей и не знаетъ, что съ ними. Пока добрался до Парижа, блуждалъ по многимъ мѣстамъ. Добывалъ себѣ пропитаніе на всякихъ работахъ. Случалось быть и безъ работы, и безъ хлѣба. Онъ имѣлъ видъ человѣка, котораго судьба такъ прихлопнула, что не расправиться уже ему. Разсказывая, онъ сильно волновался и постоянно мѣшалъ польскую и французскую рѣчь. Онъ говорилъ, что, услышавъ однажды отъ насъ русскую рѣчь, онъ все собирался съ нами заговорить, разспросить о своей родинѣ, и не рѣшался. Черезъ нѣсколько дней мы уѣзжали. Дядя оставилъ ему много книгъ и сказалъ: «Читайте ихъ, пусть они у васъ побудутъ; если когда пріѣду снова сюда, заберу; если будете нуждаться, продайте ихъ. Я буду радъ знать, что они вамъ принесли пользу—какимъ-бы то ни было образомъ». Никогда не забуду того тоскливаго взгляда, какимъ онъ насъ провожалъ.

На возвратномъ пути мы остановились на нѣсколько дней въ Кіевской лаврѣ. Это была первая недѣля поста. Дядя очень любилъ хорошую церковную службу и пѣніе. Мы по цѣлымъ

днямъ ходили въ церкви. Дядя просвѣщалъ насъ по части исторіи православія и Лавры, въ частности указывалъ намъ старинную живопись. Это было въ послѣдній разъ, что мы долго гостили у Кулишей. Послѣ этого мы только разъ были въ Мотроновкѣ при жизни дяди, и то накороткѣ. Много горькаго пережилося за этотъ періодъ и Кулишами и нами.

Образъ дяди запечатлѣлся въ моей душѣ, какъ человѣка высокаго ума, широкаго образованія, съ безконечно добрымъ, любящимъ и щырымъ сердцемъ. А говорилъ онъ такъ увлекательно, что сразу покорялъ слушателя.

Леся.

Прибавимъ къ этому еще одинъ эпизодъ изъ воспоминаній другой племянницы покойнаго П. А. Кулиша.

Разъ, въ числѣ многихъ другихъ развлеченій, дядя задумалъ устроить для насъ спектакль, въ которомъ мы же сами должны быть и актерами. Онъ выбралъ одну сцену изъ исторіи Богдана Хмельницкаго и передѣлалъ ее для насъ. Въ этой сценѣ Богданъ ведетъ какіе то переговоры съ Барабашемъ. Содержанія этихъ переговоровъ у меня не осталось въ памяти.

Гетманъ и его золотая булава насъ очень соблазняли, но Барабашемъ никто изъ насъ не желалъ быть. Однакожъ, дядя рѣшилъ быть мнѣ Барабашемъ. Сначала это меня огорчило, но когда я узнала, что Барабашу приходится говорить мало, и потомъ я буду переодѣваться и являться чурой, въ шапкѣ на бекрень—то совершенно примирилась со своею ролью.

Репетиція шла недурно. Наконецъ, насталъ день спектакля.

Въ гостиной поставили два шкафа и между ними повѣсили занавѣску. Мы надѣли подобающіе костюмы.

Собралась публика: человѣкъ пять нашихъ близкихъ родныхъ и наша же прислуга.

Занавѣсъ взвился. Барабашъ растерялся, но гетманъ вполнѣ владѣлъ собою и смѣло и отчетливо произнесъ свою рѣчь, когда

же очередь дошла до Барабаша, то онъ, вмѣсто словъ, залился горькими слезами. Всѣ бросились утѣшать его, и спектакль кончился.

Дядя очень смѣялся и старался успокоить меня.

Галя.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Гуцульщина. Написав проф. Володимир Шухевич. *У Львові. Накладом Наукового Товариства ім. Шевченка. Вип. I, 1899; вип. II, 1901; вип. III, 1902; вип. IV, 1904.*

«Наукове Товариство імени Шевченка», его дѣятельность и изданія не разъ давали „Кіевской Старинѣ" матеріалъ для болѣе или менѣе подробныхъ рецензій, поэтому не будемъ здѣсь повторять сказаннаго уже раньше. Всѣмъ нашимъ читателямъ извѣстно, на какую высокую степень развитія въ сравнительно короткій срокъ это ученое общество подняло украинскую науку, а для всякаго специіалиста по украинской исторіи, литературѣ, языку и этнографіи опять-таки не составляетъ тайны то обстоятельство, что онъ не можетъ успѣшно работать въ указанныхъ областяхъ человѣческаго знанія, не познакомившись предварительно съ работами названнаго „Товариства". Если же въ данномъ случаѣ мы позволимъ себѣ объ одномъ изъ его изданій дать нѣсколько иной отзывъ, чѣмъ тотъ, какого удостоились остальныя, то причиной этого является не стремленіе умалить значеніе названной ученой институціи, но наоборотъ—указаніемъ на недостатки желательно сдѣлать его болѣе осторожнымъ и не только удержать на достигнутой высотѣ, но отчасти подвинуть его впередъ въ столь удачно начатомъ направленіи.

Заглавіе сочиненія, о которомъ желательно намъ побесѣдовать съ читателемъ, приведено выше. Какъ видно изъ отчетовъ, публиковавшихся „Науковым Товариством ім. Шевченка", „Гуцульщину" реферировалъ въ засѣданіи секціи и настаивалъ на печатаніи ея проф.

Ол. Колесса; по его же предложенію въ другомъ засѣданіи секціи „Гуцульщина" была признана „науковою працею" (чего, насколько мы можемъ судить по отчетамъ, не допускалось почему-то относительно другихъ работъ). Значитъ, названный профессоръ непосредственно способствовалъ печатанію ея въ томъ видѣ, въ какомъ она появилась въ свѣтъ, и на него же падаетъ отвѣтственность за ея научную цѣнность. На это мы и обращаемъ прежде всего вниманіе читателя, такъ какъ нельзя допустить, чтобы специалисты, руководящіе этнографическими изданіями «Наукового Товариства імени Шевченка» (гг. Волковъ, Франко и др.) не дѣлали своихъ замѣчаній при реферированіи. Но почему же въ такомъ случаѣ ихъ замѣчанія не были приняты къ свѣдѣнію, что и отразилось невыгодно на самой работѣ?..

Указывая на недостатки „Гуцульщини", мы совершенно не будемъ считаться съ тѣми появившимися до настоящаго момента сочувственными отзывами о ней, какія намъ приходилось читать. Ихъ писали преимущественно не-специалисты, обладающіе слишкомъ поверхностными свѣдѣніями о гуцулахъ; если же, между рецензентами и встрѣчались лица, обладавшія спеціальными познаніями въ данной области, то очевидно они не пожелали вдаваться въ подробности и въ слишкомъ общей формѣ давали свою оцѣнку: главнымъ образомъ они останавливались на собранномъ матеріалѣ и съ похвалой отзывались о немъ. О самомъ матеріалѣ собственно, за незначительными, впрочемъ, исключеніями, о чемъ ниже,—не можемъ сказать ничего худого и мы, но считаемъ своей непремѣнной обязанностью отрицательно отнестись—къ методу работы и способу ея выполненія, допустимымъ, быть можетъ, двадцать лѣтъ назадъ, когда г. Шухевичъ принялся за собираніе матеріала, вѣроятно, и не помышляя объ его публиковании, но ужъ ни въ какомъ случаѣ въ настоящее время. Тѣмъ менѣе мы склонны считаться съ такими газетными замѣтками, авторы которыхъ заявляли, что „про Гуцульщину говорять не лиш у Відні, але і в Парижі і в Льондоні" [1]).

[1]) Эту цитату мы беремъ изъ львовскаго „Діла", хотя и недословно, такъ какъ въ данный моментъ у насъ нѣтъ подъ руками того номера газеты, гдѣ напечатана была упомянутая замѣтка. Во всякомъ случаѣ мы ручаемся за вѣрно переданный смыслъ и, читая замѣтку, мы удивились лишь тому, почему позабыли упомянуть тутъ же о Нью-Іоркѣ, Каирѣ, Пекинѣ, Сиднеѣ, гдѣ также не исключительно круглые невѣжды обитаютъ...

Самъ г. Шухевичъ также весьма высоко цѣнитъ свое произведеніе (какъ немногіе изъ авторовъ) и склоненъ придавать ему громадное значеніе, лучшимъ доказательствомъ чему служитъ предисловіе къ первому выпуску, съ котораго мы и начнемъ свои критическія замѣчанія.

Въ самомъ началѣ онъ говоритъ: „Гуцульщина – се вислідок моеі більше як 20-и літноі праці; в ній подаю усе те, що я сам бачив, чув, *зібрав* або списав; про те е вона *самостійною* працею з виімкою фізиографічного огляду, який зладив я на підставі праць д-ра Цубера і д-ра Ремана. З иньших публікаций, які про Гуцулів появили ся, не користав я просто для того, бо кромі праць д-ра Кайндля, які впрочім дотикають властиво буковиньских Гуцулів, не найшов я таких, *на які можна би оперти ся* (Вып. I, стр. 1).

Чистосердечно признаемся, что отъ двадцатилѣтней (а такъ какъ приведенныя слова написаны въ 1899 г., то въ настоящій моментъ уже болѣе, чѣмъ двадцатилѣтней) работы мы ожидали лучшихъ результатовъ, чѣмъ тѣ, какіе получились. Но не будемъ вдаваться въ это для избѣжанія субъективизма, неизбѣжно связаннаго съ оцѣнкой соотношенія между работой и временемъ, затраченнымъ на нее. Но за то считаемъ необходимымъ рѣшительно запротестовать противъ заявленія, что будто бы о Гуцулахъ не существовало сочиненій, заслуживающихъ полнаго довѣрія. Мы не будемъ предлагать здѣсь полной библіографіи такихъ работъ, тѣмъ болѣе, что сдѣлать это наскоро нельзя, но то, что припоминается намъ въ данный моментъ, считаемъ нужнымъ указать.

Уже въ 1838—1839 г. одинъ изъ піонеровъ возрожденія галицкихъ русиновъ и ученый—Иванъ Вагилевичъ напечаталъ свою статью о Гуцулахъ подъ заглавіемъ: Huculové obyvatelé vychodnjho pohorj Karpatského (Čas. čes. Mus. годъ изданія XII, стр. 474—498; годъ изд. XIII, ст. 45—68). Съ этого времени статьи такого же содержанія появлялись довольно часто. Въ 1860 г. напечатана въ „Львовянинѣ, приручномъ и господарскомъ мѣсяцословѣ на рôкъ 1861"—„Гуцулы. Шкицъ етнографичный" (ст. 46—57). Въ 1863 г. появилась брошюра „Rys o Hucułach" С. Витвицкаго, служившаго долго священникомъ въ Жабьѣ, столицѣ Гуцуловъ. Въ 1864 г. начали издаваться „Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси" Я Головацкаго, гдѣ на ряду съ гуцульскими пѣснями находимъ не мало матеріала и о самыхъ Гуцулахъ. Въ 1887 г. вышла въ Краковѣ брошюра Вайгля (Waigiel): „O Hucułach zarys etnograficzny". Въ томъ же году была

напечатана въ львовскомъ журналѣ „Шкôльна Часопись" (№ 13—14) статья Р. Заклинскаго: «Гуцулы». Въ 1889 г. въ вѣнской «Наукѣ» появляется статья «Изъ буковинскихъ карпатскихъ горъ», гдѣ мы находимъ: «а) Жизнь гуцула въ его вѣрованіяхъ и суевѣріяхъ, б) Игрушки, в) Колачины, родины, крестины, г) Обзорины, заводины, свадьба, пропой, смѣны, и д) Опохоронныхъ обычаяхъ буковинскихъ гуцуловъ». Какъ видно изъ заглавій, тутъ говорится о такихъ именно предметахъ, которые и г. Шухевичу очень бы даже пригодились. Въ 1896 г. въ чешской газетѣ: „Národni Listy" (№ 217) была напечатана статья „Huculské Velikonoce. Prispěvek k rusinskému národopisu Karpat" Ф. Ржегоржа. Въ 1900 г. появилась въ варшавскомъ „Ateneum" статья г. Лукинскаго: „Na Huculszczyźnie" (кн. VI, ст. 487—515). Въ львовскомъ журналѣ „Lud" помѣстилъ довольно большую статью о Гуцулахъ І. Шнайдеръ подъ заглавіемъ „Z kraju Huculów". Кромѣ того, появился цѣлый рядъ работъ о Гуцулахъ проф. черновецкаго университета Ф. Р. Кайндля, интересныхъ особнно тѣмъ, что онъ дѣйствительно самъ собиралъ матеріалъ для нихъ или же пользовался записями людей, родившихся и долго проживавшихъ въ Гуцульщинѣ. Только языкъ онъ передаетъ не съ надлежащей вѣрностью; впрочемъ онъ и не заявляетъ претензіи, подобно г. Шухевичу, чтобы его записямъ филологи безусловно довѣряли. Считаемъ нужнымъ перечислить здѣсь эти работы: 1) Die Wahrheit über die Huzulen. 2) Die Wetterzauberei bei den Rutenen und Huculen. 3) Cosmologische Sagen der Rutenen und Huzulen. 4) Die Huzulen (Вѣна, всѣ въ 1894 г.). 5) Neüe Beiträge zur Ethnologie und Volkskunde der Huzulen. 6) Haus und Hof bei den Huzulen. Ein Beitrag zur Hausforschung in Oesterreich. 7) Der Festkalender der Rusnaken und Huzulen. 8) Die Viehzucht und der Viehaberglauben bei den Huculen (всѣ въ 1896 г.). 9) Bei den Huzulen im Pruththal. Ein. Beitrag zur Hausforschung in Oesterreich. 10) Die Jagd bei den Huzulen. Geschichtlicher Rückblick. Jagdgeröthe und Jagdausrüstung (обѣ въ 1897 г.). 11) Bei den Huzulen im Pruththal (1898 г.). 12) Die Czorno-Hora als Kultstätte der Huzulen. 13) Die Seele und ihr Aufenthaltsort nach dem Tode im Volksglauben der Rutchenen und Huzulen. 14) Die volksthümlichen Rechtsauschaüungen der Ruthenen und Huzulen. 15) Haüsbaü und Baüopfer bei den Huzulen.

Помимо цѣлаго ряда этихъ работъ, посвященныхъ почти исключительно Гуцуламъ, существуютъ и другія, гдѣ о нихъ говорится мимоходомъ, Изъ статей этого послѣдняго рода назовемъ статью въ

„Львовянинѣ" за 1863 г. подъ заглавіемъ „Русины въ Буковинѣ. Шкицъ етнографично-статистичный"; замѣтку въ „Галичанинѣ, литерат. сборникѣ" 1863 г.: „Спѣванки Гуцуловъ"; въ львовской „Меті" за 1863 г. напечатаны: „Коляди Гуцулів", собранныя А. Кобрынскимъ (ст. 164—171); въ „Запискахъ Юго-Зап. Отдѣла Импер. рус. Геогр. Общества" за 1875 г. напечатаны „Пѣсни Буковинскаго народа", собранныя Купчанкомъ, гдѣ между прочимъ есть и гуцульскія; въ „Правді" за 1879 г. напечатаны «Співанки з Гуцульщини» (ст. 175—180, 238—244, 297—299); въ сочиненіи О. Кольберга „Pokucie", четыре тома котораго уже появились въ продажѣ (первый въ 1882 г.), также собрано много матеріала о Гуцулахъ; въ статьѣ д-ра Ом. Огоновскаго: «Русины пôдъ взглядомъ етнографичнымъ, языковымъ, историчнымъ и литературнымъ» (Діло, 1886), печатавшейся первоначально по-нѣмецки въ энциклопедіи Ерша и Грубера, находимъ упоминанія и о Гуцулахъ; въ женскомъ альманахѣ «Перший вінок» (1887) есть статья Катерины Довбенчукъ: «Дівка й княгиня. Народні обичаі в Косівщині» (ст. 197—207); въ 1889 г. вышла брошюра Коперницкаго: „O góralach ruskich w Galicyi. Zarys etnograficzny według spostrzeżeń w podróży, odbytej w końcu lata 1888 r.", гдѣ находимъ упоминанія о Гуцулахъ. Дальше встрѣчаемъ нѣсколько статей: Ф. Ржегоржа „Salašnictvi v Karpatech" („Národni Listy". № 22, 1897); „Етнографічний Збірник", т. V (1898), гдѣ между прочимъ находимъ прекрасное собраніе „Гуцульських примовок" І. Франка; въ „Ділі" (1899) напечатана статья: «Рôздвяни звычаи въ Марамороши" (№ 291).

Уже и эти замѣчанія могутъ убѣдить читателя, что литература о Гуцулахъ не такъ ужъ бѣдна, чтобы серьезному изслѣдователю не на чемъ было остановиться; скажемъ болѣе—его обязанность познакомиться съ этой литературой и по возможности использовать ее въ томъ смыслѣ, чтобы исправить погрѣшности, подтвердить правдивыя показанія и ничего не оставить подъ вопросомъ въ наслѣдство дальнѣйшимъ изслѣдователямъ, на обязанности которыхъ лежало бы дополнить пропущенное, сдѣлать ожидающее своей очереди, но ни въ коемъ случаѣ не начинать ab ovo, что приходится дѣлать теперь. Г. Шухевичъ, вѣроятно, думалъ, что если онъ будетъ игнорировать всѣ сочиненія о Гуцульщинѣ, то его работа выйдетъ самостоятельнѣе (что имъ особенно подчеркивается), но при этомъ совершенно упускаетъ изъ виду то простое обстоятельство, что положительно лишне вторично открывать разъ уже открытую Америку.

Уже то одно способно ввести въ заблужденіе человѣка, поверхностно знакомаго съ предметомъ, что г. Шухевичъ далъ своему сочиненію краткое заглавіе „Гуцульщина", не приводя при этомъ никакихъ поясненій ни въ заглавіи, ни въ текстѣ, какъ будто бы дѣйствительно описанная имъ территорія заключала въ себѣ всѣхъ гуцуловъ. Поэтому то онъ ни словомъ не упоминаетъ о томъ, что есть также гуцулы и въ Буковинѣ (часть послѣднихъ живетъ съ галицкими гуцулами собственно въ однихъ и тѣхъ же селахъ, раздѣленныхъ лишь небольшой рѣчкой Бѣлымъ Черемошемъ (Яблоныця, Довгополе, Стебне) или обоими Черемошами, напримѣръ, Ростоки) и въ Угорщинѣ. Жаловаться на скудость литературы о буковинскихъ гуцулахъ г. Ш. не могъ, такъ какъ работы Кайндля описываютъ ихъ подробнѣе, чѣмъ „Гуцульщина" галицкихъ, а относительно угорскихъ также есть, помимо произведенія Бидермана-старшаго: «Die ungarischen Ruthenen» (работы, кстати сказать, для своего времени прекрасной и вполнѣ заслуживающей довѣрія),—сочиненія Ю. Жатковича: «Замітки етнографічні з Угорськоі Руси» (Етногр. Збірник т. II), Кайндля (между упоминавшимися выше) и др. [1]) Поэтому то необходимо было ихъ во всякомъ случаѣ использовать и дополнить собственными наблюденіями и матеріалами, собранными на мѣстѣ, если у автора было намѣреніе сдѣлать «Гуцульщину» монографіею о Гуцулахъ вообще. Если же онъ такой цѣлью не задавался, то долженъ былъ дать своей работѣ менѣе исчерпывающее названіе и озаглавить ее, допустимъ: «Галицька Гуцульщина», или какъ-либо въ этомъ же родѣ, что несравненно было бы ближе къ истинѣ.

Кромѣ того мы совершенно не увѣрены, изслѣдовалъ ли авторъ, даже и ограничивъ значительно территорію, всѣ гуцульскія села, хотя бы въ своемъ «Статистичнім огляді», или нѣтъ. Правда, онъ категорически заявляетъ: «В Галичині замешкують Гуцули 40 катастральних громад, з яких 24 пише сі до коссівского, 11 до печеніжиньского, а 5 до надвірняньского повітів» (I, 54). На слѣдующихъ страницахъ г. Шухевичъ перечисляетъ по порядку всѣ эти села, но ничѣмъ не мотивируетъ того, почему именно ихъ считаетъ гуцульскими, почему, напримѣръ, Соколивку мы находимъ въ числѣ гуцульскихъ селъ, а Городъ, расположенный въ двухъ километрахъ отъ Соколивки, къ таковымъ не причисляется. И мы, читая это и довѣряя автору на

---

[1]) См. Францевъ В. „Обзоръ важнѣйшихъ изученій Угорской Руси".

слово, совершенно не задавались бы вопросомъ, существуютъ ли еще гдѣ-либо Гуцулы, если бы не пользовались другими извѣстіями, игнорировать которыя нельзя безъ достаточныхъ основаній. Территорію Гуцуловъ опредѣлялъ уже В. Поль (Prelekcye Wincentego Pola. Rzut oka na północne stoki Karpat. Kraków, 1851) и при этомъ далъ перечисленіе всѣхъ гуцульскихъ поселеній. Я. Головацкій, лично хорошо знакомый съ Гуцульщиной, такъ какъ даже былъ женатъ тамъ, перепечатывая перечисленіе Поля (Пѣсни Гал. и Угор. Руси, I, ст. 688—690), вполнѣ соглашается съ нимъ, дополняя впрочемъ его всего лишь восьмью селами, изъ которыхъ четыре только и упоминаются у г. Шухевича, а другія четыре отсутствуютъ. Считаемъ нужнымъ перечислить здѣсь эти села, признанныя Полемъ и Головацкимъ за гуцульскія, но пройденныя молчаніемъ у г. Шухевича: Рафайлова, Пасична, Быткивъ, Пнивье, Надвирна, Спорымба, Лойева, Делятынъ, Лугъ, Заричье, Били Ославы, Чорни Ославы, Чорный Потикъ, Яблонивъ, Уторопы, Пистынь, Косивъ, Монастырско, Москаливка, Городъ (всѣ три послѣднія считаются предмѣстьями Косова), Печенижынъ, Рунгуры, Свобода Рунгурська, Старый Косивъ. Разногласіе, какъ видимъ, между Головацкимъ и Шухевичемъ не можетъ быть признано незначительнымъ: разница на цѣлыхъ 24 села! А вѣдь немаловажное значеніе имѣетъ твердое установленіе того, перестали ли эти села быть гуцульскими (значитъ—гуцулы вымираютъ), или они никогда въ сущности таковыми и не были. Въ томъ и другомъ случаѣ это необходимо было бы подтвердить фактами, каковые у г. Шухевича отсутствуютъ.

Но хотя и слишкомъ ограничена гуцульская территорія у г. Шухевича, всетаки нельзя сказать, чтобы обзоръ ея даже и въ уменьшенномъ видѣ сдѣланъ былъ съ надлежащею полнотою. Въ предисловіи авторъ говоритъ: «Праця моя обнимає цілу галицьку Гуцульщину, а не поодинокі її села, проте представив я при описі обрядів і пр. в одній цілости усе те, що бачив по всій Гуцульщині, хоч *деякі звичаї, обряди і пр. не всюди однакі*, бо як каже Гуцул: *У нас (Гуцулів) що грунь, то інша установа*. Тому не менче і з тої причини, що давніщими роками не вважав я річию потрібною записувати місця або особи, від яких удалось мині що почути чи списати або зібрати, особливо в випадках, коли якась пісня, звичай і т. і. є загально звісною в цілій Гуцульщині—-нема в моїй праці назвиськ місцевостий та осіб під усею збіркою пісень і пр., а тільки під специяльно місцевими

та тими, що зібрані в остатніх роках» (Вып. I, ст. I—II). Такимъ образомъ самъ г. Шухевичъ подтверждаетъ то обстоятельство, что «що грунь, то інша установа»; а между тѣмъ печатаетъ записанное въ одномъ какомъ-либо селѣ и рекомендуетъ его, какъ нѣчто общее для всей Гуцульщины, типическое. Напримѣръ, почерпнувъ у г. Шухевича свѣдѣнія относительно гуцульскаго костюма, читатель будетъ увѣренъ, что всѣ гуцулы именно такъ одѣваются, какъ онъ говоритъ. А между тѣмъ жители Жабя, Космача, и Довгополя, не говоря уже о буковинскихъ и угорскихъ гуцулахъ, тотчасъ узнаютъ другъ друга по костюму. Также и описаніе свадьбы (не указанό, гдѣ именно записано) рекокомендуется, какъ типическое для всей Гуцульщины; между тѣмъ, сравнивъ его съ другими описаніями того же явленія народной жизни, сразу видимъ значительныя отклоненія. Вообразите теперь, въ какомъ положеніи долженъ очутиться, напримѣръ, изслѣдователь свадебныхъ обрядовъ, особенно если онъ не знаетъ того, вся ли свадьба записана въ одной опредѣленной мѣстности или она представляетъ изъ себя результатъ соединенія во едино нѣсколькихъ описаній свадебъ въ различныхъ селахъ, чего авторъ, какъ это подобало бы добросовѣстному ученому—совершенно не выясняетъ. Интересно также и то, какъ могъ авторъ знать, поется ли, напримѣръ, данная пѣсня во всей Гуцульщинѣ, не имѣя подъ руками варіантовъ ея изъ каждаго села (если бы таковые имѣлись въ его распоряженіи, то, вѣроятно, были бы напечатаны, что видно будетъ изъ дальнѣйшаго изложенія); или, какими признаками руководствуясь, отличалъ онъ исключительно мѣстныя пѣсни, такъ какъ по напечатанному имъ матеріалу вопросъ этотъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть рѣшенъ. Но и помимо всего этого, мы приходимъ къ тому убѣжденію, что нашему автору *не удалось побывать на всей гуцульской территоріи и пользоваться записями, касающимися всѣхъ селъ*, благодаря чему даже и заглавіе «Галицька Гуцульщина» слишкомъ обширно для его сочиненія. Это сразу бросается въ глаза при ознакомленіи съ пѣснями. Никакой матеріалъ не можетъ быть собранъ съ такой легкостью, какъ пѣсни. Если бы г. Шухевичъ посѣтилъ всѣ гуцульскія села или хотя бы пользовался матеріалами, собранными тамъ, то безусловно среди нихъ оказались бы и пѣсни. А такъ какъ при печатаніи пѣсенъ г. Шухевичъ не особенно придерживается своего метода—не называть ни собирателя, ни мѣстности—по крайней мѣрѣ, послѣднюю называетъ часто,—то несомнѣнно, что хотя бы одинъ разъ упоминались бы въ записяхъ на-

званія многихъ мѣстностей, относительно которыхъ въ цѣломъ сочиненіи нѣтъ никакихъ упоминаній, за исключеніемъ статистическаго отдѣла, гдѣ они могутъ фигурировать даже и въ томъ случаѣ, если бы нашъ авторъ жилъ и писалъ о нихъ въ центральной Африкѣ, никогда не выѣзжая за ея предѣлы. Высказанная нами мысль подтверждается также и отсутствіемъ фотографическихъ снимковъ со многихъ мѣстностей, каковые г. Шухевичъ не преминулъ бы сдѣлать, побывавъ тамъ.

Этнографія, какъ наука, не вчера родилась; она существуетъ уже цѣлое столѣтіе и выросла до такихъ размѣровъ, что для одного человѣка невозможно уже овладѣть ею въ цѣломъ и нужно дѣлить ее при спеціальныхъ изученіяхъ на различные отдѣлы. Въ поступательномъ развитіи ея принимали участіе выдающіеся ученые различныхъ народовъ и примѣнительно къ извѣстнымъ принципамъ выработали нѣсколько методовъ, среди которыхъ методъ сравнительнаго изученія былъ признанъ наилучшимъ, принятъ для всеобщаго руководства и уже довольно давно вытѣснилъ изъ научныхъ изслѣдованій другіе методы, болѣе давняго происхожденія. Всякій этнографъ, работая надъ «самостійним» произведеніемъ, все же долженъ руководствоваться въ работѣ извѣстнымъ методомъ. Но г. Шухевичъ пожелалъ быть настолько оригинальнымъ, что даже не призналъ нужнымъ придерживаться какого-либо изъ существующихъ методовъ и предпочелъ пролагать себѣ дорогу «самостійно». А потому работа его въ методологическомъ отношеніи имѣетъ необыкновенно жалкій видъ. Напримѣръ, вотъ какія крупицы метода сравнительнаго изученія мы находимъ у него: въ III вып. (ст. 24) сравниваетъ онъ свадебное гуцульское деревцо съ мифомъ о древѣ жизни Зендавесты. Насколько основательно это сравненіе, вдаваться не будемъ, такъ какъ пришлось бы слишкомъ уклониться отъ нашего предмета (мы однако увѣрены, что его внушилъ автору кто-то другой). На ст. 40, упоминая о томъ, что мать намазываетъ сыну губы медомъ по возвращеніи его домой послѣ вѣнчанья, г. Шухевичъ прибавляетъ: «В старинній Індиі намащувано при весільних обрядах жіночий род. знаряд медом, приговорюючи: «Намащуемо твій знаряд медом, бо він є другими устами твірчоі енергіі, через яку ти сама, непоконана, поконаєш усіх мущин!» (и это сравненіе, по нашему мнѣнію, заимствовано авторомъ, ибо самъ онъ во всей работѣ не обнаруживаетъ знакомства съ какими-либо литературами). На ст. 218 одну пѣсню г. Шухевичъ сопровождаетъ слѣдующимъ

поясненіемъ: «Оповідане (sic!) се подано за «Нар. пѣсни гал. и угор-Руси Я. О. Головацкого» (значитъ, знакомъ съ сборникомъ Головацкаго, но лишь въ такой незначительной степени использовалъ его!) так, як мині довелось зібрати лише недоладні уривки з него». Но вмѣсто того, чтобы кратко сказать: я слыхалъ въ отрывкахъ такую то пѣсню, въ цѣломъ же видѣ она напечатана у Головацкаго въ такомъ-то мѣстѣ (послѣдняго то именно и не указано и, если кому-либо понадобится, то пусть изволитъ самъ порыться въ четырехъ томахъ!), г. Шухевичъ безъ настоятельной необходимости перепечатываетъ всю пѣсню, занимающую полторы страницы! Въ IV вып., печатая на ст. 96 одну колядку, прибавляетъ отъ себя: «Ся коляда нагадуе «Поединок з турецким царем», поміщений в «Рускій Читанці» для висших кляс, 1892». Этимъ и исчерпываются у г. Шухевича всѣ слѣды сравнительнаго метода. А между тѣмъ, если бы онъ воспользовался этимъ методомъ въ полномъ его видѣ, то въ нашемъ распоряженіи было бы произведеніе, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ просто монументальное. Вѣдь есть же такіе отдѣлы въ «Гуцульщині», что сами такъ и напрашиваются на сравненіе, напримѣръ, гуцульское «вівчарство» съ румынскимъ, сплавливаніе дерева у гуцуловъ и мадьяръ (откуда заимствованъ цѣлый рядъ терминовъ) и т. д., не говоря уже относительно необходимости проведенія параллели между обрядами, обычаями, пѣснями, лишь въ этомъ послѣднемъ случаѣ могущихъ представлять изъ себя извѣстную цѣнность, не затериваясь среди безчисленныхъ сборниковъ сырого матеріала, въ которыхъ трудно уже и разбираться. Вслѣдствіе слабаго примѣненія метода сравнительнаго изученія кажется, будто бы всѣ матеріалы, напечатанные г. Шухевичемъ, *безусловно гуцульскіе*; между тѣмъ, присмотрѣвшись къ нимъ ближе, видимъ, что они даже и не безусловно всеукраинскіе, о чемъ рѣчь впереди.

Да и какъ можно требовать отъ автора научнаго метода, если онъ не выработалъ себѣ даже обыкновеннаго литературнаго, такъ сказать—техническаго. Онъ положительно не способенъ различать болѣе важнаго отъ неимѣющаго существеннаго значенія и поэтому не знаетъ, что́ должно быть выдвинуто на первый планъ, а что можетъ довольствоваться и скромнымъ мѣстомъ; что́ необходимо напечатать и отсутствіе чего большого вреда не принесетъ; гдѣ нужно выдержать серьезный тонъ, а гдѣ излишняя серьезность просто-таки неумѣстна. Напримѣръ, даетъ онъ характеристику гуцуловъ (по старинному об-

разцу—въ общихъ фразахъ, а всякая характеристика народа, написанная въ такомъ родѣ, не имѣетъ никакого значенія) и безъ достаточнаго основанія приводитъ анекдотъ о томъ, какъ гуцулъ читалъ „Отче наш", ведя лошадь, или въ другомъ случаѣ разговоръ на тему, кто, молъ, послѣ смерти Бога будетъ его преемникомъ (I, 42). Безусловно, анекдоты эти хороши и имѣютъ извѣстную цѣнность, если они напечатаны въ надлежащемъ мѣстѣ, среди анекдотовъ, а не въ характеристикѣ гуцуловъ, тѣмъ болѣе, что они, собственно говоря, и *не гуцульскіе*, а потому способны скорѣе умалить значеніе характеристики, чѣмъ быть полезными въ этомъ отношеніи. Такихъ примѣровъ можно было бы привести безчисленное множество, но просто жаль мѣста. Помимо сказаннаго, даже съ формальной стороны насъ не можетъ удовлетворить литературная манера г. Шухевича. Этнографическій матеріалъ обыкновенно предлагается вниманію читателя въ двоякой формѣ: иногда онъ записывается *буквально* изъ устъ разсказчика и печатается безъ всякихъ измѣненій, благодаря чему онъ онъ получаетъ, кромѣ обыкновеннаго своего значенія, еще и спеціальное, филологическое, представляя изъ себя образецъ какого-либо говора даннаго времени; въ иныхъ случаяхъ для передачи его пользуются литературнымъ языкомъ, выработаннымъ писателями извѣстнаго народа на основѣ простонароднаго языка. Г. Шухевичъ не воспользовался ни той, ни другой формой, но изобрѣлъ опять таки „самостійну"—способную развѣ только подвергнуть терпѣніе обыкновеннаго читателя крайнему испытанію: онъ пишетъ литературнымъ языкомъ, но уснащеннымъ провинціализмами до степени, напоминающей старый сапогъ, усѣянный заплатами. Благодаря этому способъ его изложенія, его литературная манера представляется въ слѣдующемъ, напр., видѣ: „Дерево (материял) на всяку будівлю приготовлює стельмах з віблека, круглого пня смереки; долішній конець віблека, від *ґýзера*, утятый на 6 m. се *кóвбок*, а *плáтва* — се 8 m. довга часть віблека теж від *гузера*, *крóква*—6 сяжінь, а *кіле* 5—6 m. довга часть віблека від вершка; з ковбка колять *дошки*. З віблека лагодить стельмах зелізником *дерево*, материял на хату, при чім *бракує* він (відкидає) ковбки *бортúві* (порохнаві), *брéсклі* (сирі) та *брúняві* (перестоялі, що зачинають уже червоніти), а *лишеє мудре* (добре) дерево". Въ такомъ же родѣ написано все сочиненіе; удачно ли выбранъ способъ изложенія—представляемъ судить самому читателю. По нашему мнѣнію, лучше было бы гуцульскія слова заключить въ скобки, а не наоборотъ, да и это, собственно говоря, совершенно

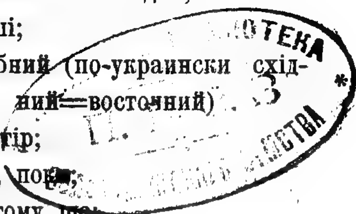
излишне, такъ какъ описаніе чего-либо и словарь какого-нибудь говора, съ удобствомъ могущій быть напечатаннымъ отдѣльно, двѣ совершенно различныя вещи. Правда, какъ видимъ изъ оглавленія еще не вышедшаго изъ печати дальнѣйшаго выпуска, тамъ обѣщается словарь и отдѣльно, но, по нашему мнѣнію, онъ представляетъ совершенно ненужную роскошь, такъ какъ цѣликомъ, съ комментаріями даже, напечатанъ въ текстѣ, при чемъ нѣкоторыя слова повторяются разъ десять, если не больше. Печатать вторично одно и тоже—значитъ переливать изъ пустого въ порожнее, и мы думаемъ, что „Наукове Товариство імени Шевченка“ не должно столь непроизводительно тратить средства, имѣя возможность дать имъ другое болѣе полезное назначеніе. Если будетъ когда-нибудь печататься словарь нашего языка, тогда составитель или составители воспользуются, вѣроятно, матеріаломъ г. Шухевича и безъ того, будетъ ли онъ расположенъ въ алфавитномъ порядкѣ или нѣтъ.

Говоря о литературной манерѣ, мы не можемъ здѣсь оставить безъ вниманія языкъ и стиль автора. Помимо того, что насъ непріятно поражаютъ провинціализмы, смѣшанные съ литературнымъ языкомъ, какъ горохъ съ капустой, это же впечатлѣніе усиливается еще и присутствіемъ въ литературномъ языкѣ цѣлаго ряда чужихъ словъ. При иныхъ условіяхъ подобное явленіе не обращало бы особаго вниманія. Но въ данный моментъ „Наукове Товариство імени Шевченка“ какъ бы поставлено на стражѣ нашего слова и поэтому оно должно оберегать чистоту его, не допуская хотя бы въ своихъ изданіяхъ варваризмовъ, къ сожалѣнію положительно наводняющихъ нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ, юридическія, математическія, естественно-научныя, а отчасти даже филологическія (работы, напр., г. Верхратскаго). У г. Шухевича также не мало ихъ, напримѣръ:

слідуючі шпилі (за кѣмъ они слѣдуютъ?)

пас (pas)	вмѣсто:	поле;
обшар (obszar),		простір:
вынятокъ (wyjątek),		вимок;
находить ся,		е;
іменно,		власне, а то;
високости (wysokość),		висота;

властивостию Карпат (właściwością)	прикметою;
розпостертий по Европі	росповсюджений;
тота,	та;
немногі случаі,	нечисленні випадки;
прочі,	иньші;
східний,	подібний (по-украински східний=восточний);
просторонь (przestrzeń),	простір;
занім (zanim),	заки, поки;
так як,	бо, тому що;
виконавця,	виконавець и т д.



О стилѣ можно составить понятіе по слѣдующимъ въ своемъ родѣ шедеврамъ: „В Гуцульщині дуже росповсюднена *потерýха* (syphilis)“. „Устами посла д-ра Т. Окуневскаго оперла ся тота справа о сойм“ (I, 45). „На жаль представляють ті дані о много гірший стан річи, як змогли се сконстатувати статистичні дані по шпиталях (I, 46). „В іншім куті знов стрижуть старші вівці (,) а молодші збирають та прячуть вовну то в посудину, то в бисаги“ (II, 196),—какъ видимъ, овцы стригутъ своего же брата—овецъ, да еще и шерсть прячутъ!.. „Які він легко дома придбати або направити може“ (II, 241) вмѣсто: „Які він може дома легко придбати“. „З огляду на се, що він займав ся церковним різьбярствомъ, помер він в р. 1889 без впливу на розвій народнього різьбярства“ (II, 315), т. е. будто бы умеръ онъ по той причинѣ, что „займав ся церковним різьбярством“ и т. д.

Вся работа г. Шухевича является какъ бы свидѣтельствомъ, позволяющимъ думать, что онъ положительно не далъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что́ болѣе важно—хорошія ли, вѣрныя описанія или собираніе гуцульскихъ словъ; благодаря этому, вѣроятно, наибольшее вниманіе обращалъ онъ на слова и термины, какъ это и видно изъ слѣдующаго мѣста въ предисловіи: „У відповідні місця тексту вложив я много гуцульских слів і їх форм з вимовою і наголосом так, як я їх чувъ, не менче старав ся я з усею силою придбати народню терминольогію, що усе зазначую у тексті курсивом; осібний словарець, поданий при кінці сеі праці, містить усі гуцульські слова, які мені лише удалось зібрати, а по при них і сторону, на якій їх у тексті віднайти можна“ (I, 1). О словарѣ мы уже упоминали, но что касается терми-

нологіи, то обязаны еще отмѣтить то обстоятельство, что г Шухевичъ въ погонѣ за ней теряетъ способность различать терминъ отъ слова, ничего общаго съ таковымъ не имѣющаго, а также гуцульскія выраженія отъ вообще украинскихъ, и въ качествѣ гуцульскаго валитъ въ кучу все безъ разбора. Слѣдующіе примѣры вполнѣ подтвердятъ справедливость нашихъ словъ: «способу, аби лихе відвернути» (I, 43), «серед опівночі, поклав Довбуш» (I, 44), «скарби землі, товариша очий людских» (I, 45), раком, лютим (тютюном) (I, 46) дуків, дукарів (I, 48), неповинні (обставини), клаптику (землі) (I, 49), образу гонору, покладних (гроший), змову (I, 51), верхах (I, 72) гинут у руках, всіх горах, кусник ситоі землі, весняний випас (I, 73), поступати в чуже, вуглі (I, 75), славу, одпущене гріхів (I, 77), достатній, ладній, підклад (I, 78), будь чого, бувалого, розумний (I, 83) и т. д. Всѣ указанныя выраженія напечатаны курсивомъ, хотя въ сущности онп ни исключительно гуцульскими, ни тѣмъ болѣе терминами названы быть не могутъ.

Выше мы упоминали уже о томъ, что авторъ не отличаетъ важнаго отъ несущественнаго и т. д. Теперь укажемъ нѣсколько примѣровъ его систематики, налагающей особый отпечатокъ на все сочиненіе. Описывая рыбацкіе снаряды, онъ вдругъ ни къ селу, ни къ городу помѣщаетъ среди нихъ рыбацкія вѣрованія, самое подходящее мѣсто для которыхъ было бы также среди вѣрованій (II, 224—226,—вообще авторъ никакъ не можетъ справиться съ вѣрованіями и старается всюду втиснуть ихъ безъ малѣйшей въ томъ надобности); въ описаніе жизни пастуховъ въ «полонинах» вставляетъ разсказъ о попадьѣ (II, 219—221), и притомъ совершенно даже не гуцульскій, а ходячій (сюжетъ: мать (чаще свекровь) посылаетъ дочь въ мартѣ мѣсяцѣ собирать «малину» (землянику), а дочь приноситъ деньги); тутъ же онъ приводитъ также якобы пастушьи пѣсни, хотя мѣсто ихъ въ III вып., рядомъ съ другими пѣснями; музыкальные же инструменты почему то онъ описываетъ въ III вып. (69—77), между тѣмъ какъ удобнѣе всего ихъ помѣстить во II, гдѣ говорится о всякихъ другихъ гуцульскихъ издѣліяхъ; колядки печатаетъ въ IV вып. при народномъ календарѣ; въ сущности же самое подходящее для нихъ мѣсто въ III вып., въ отдѣльной группѣ на ряду съ прочими пѣснями и т. д.

Очень невыгодное впечатлѣніе производитъ также тотъ фактъ, что авторъ нигдѣ ни словомъ не упоминаетъ о людяхъ, много доста-

вившихъ ему матеріала и благодаря записямъ которыхъ была составлена большая часть «Гуцульщини». Правда, изъ цитаты, приведенной уже выше, можно было бы подумать, что онъ раньше не отмѣчалъ у себя именъ, почему и забылъ ихъ. Но это можетъ касаться только старыхъ записей, а не собранныхъ въ послѣднее время, составляющихъ въ книгѣ подавляющее большинство. Конечно, онъ могъ бы забыть, что ту или другую пѣсню записалъ N, и не подписать его имени подъ ней, но такъ окончательно забыть имя собирателя, чтобы даже и въ предисловіи не упомянуть о немъ, особенно, если онъ доставилъ массу матеріала, нѣсколько странно. Мы никогда не видѣли записей г. Шухевича, а также никогда не состояли съ нимъ по этому поводу ни въ какихъ отношеніяхъ, но все-таки если бы онъ изъявилъ желаніе, беремся указать ему имена собирателей изъ Космача, Ростикъ, Головъ, Ясенова, Крыворивни и Жабя и этимъ самымъ помочь ему исправить хотя бы теперь свою ошибку и выйти изъ того неловкаго положенія, въ какомъ онъ очутился, написавъ: «В ній (Гуцульщині) подаю усе те, що *я сам бачив, чув, зібрав або списав»*. Въ отношеніи одного только г. Ф. Колессы, записавшаго ноты къ нѣсколькимъ пѣснямъ, г. Шухевичъ измѣнилъ самому себѣ и публично поблагодарилъ его цѣлыхъ три раза (по украинскому обычаю): въ предисловіи (І, 2), III, ст. 82 и IV, ст. 22. Чѣмъ объяснить такую галантность по отношенію къ г. Колессѣ—рѣшать не беремся.

Вмѣстѣ съ украинскимъ изданіемъ „Гуцульщини“ появилась она также и по-польски. Какъ видно изъ счетовъ „Наукового Товариства імени Шевченка“, напечатанныхъ въ годичномъ отчетѣ, затраты по изданію «Гуцульщини» довольно велики въ сравненіи съ другими изданіями Товариства. Но выручитъ ли оно средства, затраченныя на украинское изданіе, при существованіи же таковаго же польскаго тамъ, гдѣ всякій интеллигентный русинъ и полякъ читаетъ на обоихъ языкахъ—надъ этимъ, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы подумать его членамъ. Для Европы польское изданіе столь же пригодно, какъ и украинское,—въ такомъ случаѣ для кого же собственно понадобились два эти изданія? Если иногда Товариство публикуетъ нѣкоторыя изъ своихъ работъ на международныхъ языкахъ, такъ это вполнѣ понятно: стараются сдѣлать ихъ доступными широкому кругу ученыхъ; но «Гуцульщина» вѣдь не предназначается для такого подношенія ученымъ спеціалистамъ, поэтому то мы и не понимаемъ, зачѣмъ въ одно и то

же время издается она на двухъ языкахъ? Во избѣжаніе недоразумѣній укажемъ, что она по-польски издана Львовскимъ «Muzeum'омъ im. hr. Dzieduszyckich».

Еще одинъ фактъ является для насъ мало понятнымъ: г. Шухевичъ въ предисловіи къ обоимъ изданіямъ указываетъ на свои большія издержки по изданію „Гуцульщини" („як щиро я над нею працював не вважаючи ні на великі видатки, ні на трудности" I, II). Опять таки и въ возраженіи рецензенту польскаго изданія онъ заявляетъ, какъ видно изъ приводимой цитаты, слѣдующее: „Dwukrotna aluzya do kosztów, podniesiona w owych fejletonach, może mimowoli wzbudzić w czytelniku podejrzenie, jakobum, *zbierając materyały do mej „Huculszczyzny"*, *korzystal z obcych funduszów*, za które, wedle zdania p. St. B. (рецензента), dałem «Książkę nieodpowiadającą zadaniu», a której «istnienie jest zasługą polską». Otóż oświadczane niniejszem, *że nigdy i od nikogo na powyższe cele żadnej kwoty nie otrzymalem, ale opędzalem wszystkie koszta z własnych funduszów*, nadto, że moja «Huculszczyzna» pojawiła się najpierwe w wydaniu ruskiem, a potem dopiero w wudaniu polskiem, co wyraźnie na str. VIII przedmowy do wudania polskiego zaznaczyłem» (Słowo Polskie, 1903, № 489, «Huculszczyzna»). Несмотря на это, мы прочли въ отчетахъ «Наукового Товариства імени Шевченка», что оно въ различное время, субсидировало г. Шухевича по частямъ суммой въ 500 кронъ «на поїздку по Гуцульщині», а кромѣ того, назначило особую сумму на клише и опять таки особую на карту Гуцульщины, которая на самомъ дѣлѣ приложена къ польскому изданію, а не къ украинскому (—почему?). Гдѣ же тутъ правда и какъ понимать все это «звичайному» члену «Наукового Товариства імени Шевченка», интересующемуся его дѣятельностью?

Мы упомянули о клише. Въ счетахъ «Товариства» рядомъ съ суммой, предназначенной на изданіе „Гуцульщини", находимъ при каждомъ выпускѣ особыя и довольно значительныя ассигновки на пріобрѣтеніе клише. Всѣми этими клише воспользовались для польскаго изданія. И если въ украинскомъ изданіи вездѣ указаны чужія клише, то въ польскомъ нѣтъ рѣшительно никакого упоминанія о клише „Наукового Товариства імени Шевченка". Намъ не хочется вѣрить, чтобы для польскаго изданія были пріобрѣтены новыя клише, тѣмъ болѣе, что, какъ показываетъ сравненіе, они положительно ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга. Почему же объ этомъ ни слова не сказано? Въ вѣнскомъ этнографическомъ журналѣ (Zeitschrift f. öster.

Volkskunde, 1902, V, ст. 211) читаемъ слѣдующую замѣтку относительно цѣлаго ряда клише, отпечатанныхъ тамъ: „Die Cliechés zu diesen Abbildungen, welche dem angezeigten Werke entnommen sind (въ томъ же номерѣ напечатана рецензія д-ра И. Франка на три выпуска „Гуцульщини", которою мы иногда и пользовались), wurden uns von Herrn Prof. Vl. Šuchevyč freundlichst zur Verfügung gestellt, wofür demselben hier der herzlichste Dank ausgesprochen wird". Чьи же въ такомъ случаѣ клише—г. Шухевича, или „Наукового Товариства імени Шевченка?" Если они собственность перваго, то „Товариство" должно возвратить ему затраченныя на нихъ деньги, но всетаки почему же въ отчетахъ послѣдняго упоминается объ ассигновкахъ на нихъ?

Въ томъ же выпускѣ журнала (1902, VI, ст. 254) прочли мы слѣдующія слова проф. Р. Кайндля: „dass Herr Prof. Šuchevyč thatsächlich meine Schriften nicht nur dem Titel nach Kennt, weil er zum Beispiel auch *mehrere Abbildungen meinen Studien entnahm*", но къ сожалѣнію не указалъ этого. У насъ нѣтъ подъ руками работъ проф. Кайндля, чтобы провѣрить то, насколько этотъ упрекъ справедливъ и сколько такихъ иллюстрацій, но за то имѣемъ полнѣйшую возможность указать, что рисунокъ 172 (II, ст. 253) „шкафа" взятъ изъ „Матеріялів до укр. етнольогії" т. I, ст. 72, а рисунки 180 (II, 260) „довбня" и 182 (II, 261) „весло" позаимствованы изъ той же книги ст. 55. Это мелочь, но весьма характерная, такъ какъ подольская громадная „шкафа", кстати плохо нарисованная, вѣроятно, имѣетъ нѣсколько иной видъ, чѣмъ гуцульская, а полтавская „довбня" и „весло" также, смѣемъ думать, не тождественны съ косовскими. Безусловно авторъ могъ воспользоваться этими клише, указавъ предварительно, что за недостаткомъ другихъ прилагаетъ эти, въ такой или иной степени дающія приблизительное представленіе объ одноименныхъ гуцульскихъ издѣліяхъ.

До настоящаго момента мы высказывали свои взгляды, касающіеся всей вообще „Гуцульщини". Обратимся же теперь къ частностямъ.

Вся „Гуцульщина" раздѣляется на четыре выпуска, первый изъ которыхъ состоитъ изъ восьми отдѣловъ: 1) Фізіографічний огляд. 2) Етнольогічний огляд. 3) Статистичний огляд. 4) Гуцульске село. 5) Гуцульский оседок. 6) Гуцульска церков. 7) Гуцульска ноша. 8) Гуцульский харч. Второй выпускъ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ и шестнадцати главъ: 9) Звичайні занятя Гуцулів: а) Праця в оседку. б) Сі-

нокоси. в) Бутини. Сплавачка. г) Полонина. д) Рибарство. е) Стрілецтво. 10) Домашний промысл: а) Лижкарство. б) Коритарство. в) Боднарство. г) Столярство. д) Кушнірство. е) Ткацтво. ж) Гончарство. з) Мосяжництво. и) Вироби з ременя. і) Різьбярство. Третій выпускъ дѣлится на шесть отдѣловъ: 11) Родини. 12) Гуцульске весіля. 13) Гуцульскі струменти. 14) Гуцульскі танці. 15) Гуцульскі пісні. 16) Смерть і похорони. Въ четвертомъ выпускѣ помѣщенъ одинъ только отдѣлъ 17) Обряди церковні. Это собственно народный календарь, и мы положительно не понимаемъ, почему авторъ отождествилъ его съ церковными обрядами, представляющими изъ себя нѣчто совершенно иное.

Ожидается еще пятый выпускъ, раздѣленный на пять отдѣловъ: 18) Космогонія. 19) Демонольогія. 20) Перекази, казки і т. и. 21) Словарець. 22) Антропометричні вислiди. Что касается послѣдняго отдѣла, то мы не знаемъ, откуда его авторъ позаимствуетъ, такъ какъ намъ доподлинно извѣстно, что онъ никогда не производилъ антропометрическихъ измѣреній и совершенно не знакомъ съ этимъ дѣломъ. Относительно словаря мы уже высказали свое мнѣніе. Что же касается демонологіи, космогоніи, народныхъ разсказовъ и т. п., то мы, наученные опытомъ,—зная, что умудрился сдѣлать авторъ съ пѣснями и вѣрованіями, уже напечатанными, — беремъ на себя смѣлость посовѣтовать ему или совершенно оставить мысль объ ихъ опубликованіи, или передать свой матеріалъ для редактированія кому-либо другому, кто бы сумѣлъ составить изъ него, — если это впрочемъ возможно, — трудъ, отвѣчающій научнымъ требованіямъ, а не перепечатку уже извѣстнаго, безсистемно собраннаго и сваленнаго въ кучу сырого матеріала.

Какъ видно изъ оглавленія, «Гуцульщина» въ самомъ дѣлѣ охватываетъ собою, за небольшими исключеніями, весь бытъ гуцуловъ. Недостаетъ только народной медицины, народныхъ игръ, юридическихъ взглядовъ, изображенія семейной и гражданской жизни и нѣкоторыхъ родовъ устной словесности, поскольку еще они не будутъ изслѣдованы въ пятомъ выпускѣ. Но, помимо указанныхъ выше недостатковъ, въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ замѣчаются еще и свои спеціальныя погрѣшности: большинство изъ нихъ не исчерпываетъ своего предмета, а иногда трактуетъ его бѣгло, урывками только.

Обратимся теперь къ частностямъ каждаго отдѣла.

Первый отдѣлъ не оригиналенъ (написанъ по работамъ: Dr. Rud. *Zuber*, Atlas geologiczny Galicyi. Kraków, 1888; Dr. A. Rehmann Karpaty pod względem fizyczno-geograficznym. Lwów, 1895), но недурно составленъ. Относительно его мы можемъ замѣтить только то, что не совсѣмъ отвѣчаютъ дѣйствительности слова: «.... Снігу, який у тих місцях (на Чорногорі), звернених до півночи, лежить заєдно». (ст. 8). Правда, бываетъ иногда, что снѣгъ въ нѣкоторыхъ оврагахъ лежитъ цѣлое лѣто, но въ большинствѣ ихъ онъ совершенно исчезаетъ,—въ этомъ направленіи и нужно бы исправить указанное выраженіе.—На ст. 24 авторъ говоритъ: «У потоках і ріках Гуцульщини живуть: струги і т. д... та головатиця». Въ другомъ мѣстѣ (II, ст. 224) сообщаетъ: «Головатиця є рибою властивою поріччя Прута, жиє особливо горі в Черемоши». «Вона є товаришкою пструга, яким живить ся». Изъ этихъ словъ можно заключить, что «головатиця» водится во всѣхъ гуцульскихъ рѣкахъ, между тѣмъ въ дѣйствительности ея нѣтъ ни въ Быстрицѣ, ни въ Прутѣ, ни въ Рыбницѣ, а только въ Черемошѣ.

Второй отдѣлъ наиболѣе самостоятельный, хотя и въ немъ встрѣчаемъ упоминанія о слѣдующихъ авторахъ: Корженевскомъ, Кайндлѣ, Гакетѣ, Коперницкомъ, Полѣ, Грегоровичѣ (очевидно въ видѣ исключенія и совершенно безъ всякой нужды)—но въ то же время въ немъ всего больше встрѣчается фразерства и парадоксовъ, что будетъ подтверждено цитатами. На стр. 26 авторъ говоритъ о названіи «Гуцул» и приводитъ свой разговоръ объ этомъ съ однимъ гуцуломъ. «Як то— спрашивалъ онъ — то у вас і люде Гуцули і коні гуцули? — Та то у нас коні гуцули, — отвѣтили ему, — а від коли по горах ходе усекі шарипатки з окенами (сурдутовці з люнетами (sic), уже і нас рішених так прозивають»! Значитъ, сами гуцулы не называютъ себя этимъ именемъ и считаютъ его оскорбительнымъ для своего достоинства. Но уже на ст. 30 авторъ вотъ что утверждаетъ: «Найвисшим пунктом на обшарі гуцульских осад є Черногора, після якої Гуцули називають себе з думою Чорногірцями, *хоч і чванять ся назвою Гуцула*». Гдѣ же однако правда и можно ли подобныя вещи печатать почти рядомъ да еще въ научномъ трудѣ? — Такимъ же парадоксомъ необходимо считать и слѣдующія слова (ст. 30): «О скільки Бойки не суть люблені на сусіднім обшарі рівнин Руси і Буковини, о тільки є Гуцул люблений і відграває в письнях люду руського подібну ролю, як козак (sic!)».

Доказательства, приводимыя авторомъ въ подтвержденіе этихъ словъ, на самомъ дѣлѣ взяты у Поля, хотя и въ неисправленномъ видѣ, но выданы за собственныя. А развѣ никогда не слыхалъ г. Ш. о томъ, что сосѣди называютъ гуцуловъ «поганою Гуцуліею»?—На ст. 28 говоритъ, что гуцулы произносятъ свои имена въ сокращенномъ видѣ: Марі! Семе! Мико! Гафи! (вмѣсто Маріко, Семене, Миколо и т. д.), и прибавляетъ: «Се походить з обставин фізичних, бо таке урване накликуване чути дальше, як ціле, довге». Но почему не продѣлываютъ того же, напримѣръ, Лемки или Бойки? Развѣ у нихъ не можетъ быть подобныхъ же мотивовъ?—На той же страницѣ онъ говоритъ: «В співанках зміняють Гуцули часто наголос, *бо так лїпше віходит*». Но удареніе въ пѣсняхъ и въ прозѣ часто бываетъ различно и въ другихъ мѣстахъ Украины. Зачѣмъ же отмѣчать это, какъ гуцульскую особенность?—На ст. 29 читаемъ слѣдующее: «Пісень у Гуцулів, богатих фантазиею і пречудними природними порівнанями, *дуже много*; однак мельодия тих пісень, які вони звичайно *висьпівують за скрипкою*, вправді в мотивах гарна, але *мало ріжнородна*. Кожда мельодия, приграваная на фуярці, або на скрипці, визначуе ся незвичайним богацтвом прикрас, мельодийних мережанок, котрі суть так субтельні і при повторюваню мельодий так зміняють ся, що стають для уха майже невловимі, через що лише въ приближеню мож іх уняти в нотне письмо. В співах Гуцулів визначують ся головно три типи мельодий, іменно: коломийкова, весільна і колядницька. *Мала ріжнородність мельодий походить від значного віддаленя хат, рідких товариських зносин*, черезъ що не выробило ся у Гуцулів музикальне чуте, *не вважаючи на богацтво пісень*. Натомісь витворили ся посеред них специялісти музиканти, яких, скрипаків, за оплатою наймають на хрестини, весіля, толоки, танці і т. и. а трембітанників на похорони». Если бы судить о богатствѣ гуцульскихъ пѣсенъ по напечатаннымъ у нашего автора, то намъ пришлось бы сказать, что гуцулы очень бѣдны пѣснями. Самъ авторъ насчитываетъ ихъ всего четыре сотни. Такое количество пѣсенъ можно собрать въ любомъ селѣ въ теченіе недѣли; авторъ же собиралъ ихъ въ продолженіе 25 лѣтъ во всей Гуцульщинѣ (minimum 40 селъ, вслѣдствіе чего на долю каждаго изъ нихъ пришлось бы по 10 пѣсенъ) и утверждаетъ, что ихъ очень много. Мы однако полагаемъ, что на самомъ дѣлѣ ихъ значительно больше, но для какихъ-либо сравненій ихъ необходимо было сначала записать. Но на какомъ основаніи авторъ подчеркиваетъ «бо-

гату фантазию і пречудні порівнаня», не знаемъ, во всякомъ случаѣ у гуцуловъ ихъ замѣчается не больше, чѣмъ у кого-либо другого. Бѣдность мелодій объясняется отдаленностью хатъ и слабо развитой общительностью; но почему же въ такомъ случаѣ степныя мелодіи богаче, хотя и тамъ хаты не ближе расположены одна отъ другой и сношенія населенія едва ли оживленнѣе? Опять таки какъ согласовать отсутствіе музыкальнаго чутья съ «субтельними мережанками», трудно передаваемыми на нотахъ, это для насъ представляетъ загадку, разрѣшить которую обязанъ авторъ хотя бы въ дальнѣйшихъ выпускахъ.— На ст. 30 напечатано: «Сьвітогляд народній Гуцулів, іх звичаі, обичаі, казки в піснях, простота мови, поетичні образи і природні прегарні порівнаня, а в мові складня, доказують, що Гуцули—*племя з правіку славянське*». Мы не будемъ, конечно, заподозрѣвать принадлежность гуцуловъ къ славянскому племени, такъ какъ не имѣемъ на это рѣшительно никакихъ данныхъ, но также и на основаніи вышеприведенныхъ словъ г. Шухевича нельзя считать ихъ «з правіку» славянами: вѣдь слова эти ничего не доказываютъ. Особенно не могутъ доказать этого сказки, принадлежащія къ разряду международныхъ произведеній, а также и языкъ (кстати до настоящаго момента далеко еще не изслѣдованный съ желательной полнотой), который могъ быть принятъ безъ особаго труда и не-славянами; то же можно сказать и относительно строя рѣчи (совершенно автору не знакомаго) и поэтическихъ образовъ, тождественныхъ или обнаруживающихъ близкое сходство съ таковыми же у другихъ народовъ. Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ понадобилось все это фразерство?..—На той же страницѣ авторъ говоритъ: «*Білєвих* (бльондинів) між ними нема, тільки самі *чорневі*». Намъ не приходилось видѣть и читать антропологическихъ изслѣдованій автора, поэтому мы не знаемъ, на какихъ данныхъ основываетъ онъ свою мысль. Но за то мы видѣли среди гуцуловъ много блондиновъ и даже укажемъ автору одного въ его же собственной книгѣ. На ст. 92, рисунокъ 33, передъ хатой Шкрибляків изъ Яворова стоитъ Микола Шкрибляк (и еще кто-то другой), блондинъ чистѣйшей воды. Мы думаемъ, что авторъ видѣлъ его, а потому, употребляя приведенную фразу, обязанъ былъ прибавить: «за исключеніемъ М. Шкрибляка». Кромѣ того, намъ кажется также, что и Марко Мегеденюкъ (II, ст. 316, рис. 232) не изъ брюнетовъ. Въ какой пропорціи среди гуцуловъ блондины относятся къ брюнетамъ, объ этомъ за неимѣніемъ необходимыхъ матеріаловъ говорить не будемъ, но налич-

ность какъ тѣхъ, такъ и другихъ не подлежитъ никакому сомнѣнію.— Говоря объ одеждѣ, авторъ замѣчаетъ, что гуцулъ любитъ «набрати на себе особливо на свята стільки всякого лу́диня(убраня), що воно замісь піднести красу зраджує нераз брак естетичного почутя. Дівка прим. ідучи до шлюбу убирає дві сорочці, дзьобню, сукню, запаску, капта́р, поверх него сердак, а верх того гуглю, на котру накидає ще що найменше дві великі хустці» (ст. 31). Но прежде всего авторъ не различаетъ ношенія одежды при обыкновенныхъ занятіяхъ и въ экстраординарныхъ случаяхъ, къ каковымъ принадлежитъ въ числѣ всевозможныхъ другихъ обрядовъ и свадьба. Далѣе авторъ не считаетъ нужнымъ сравнить ношеніе платья у гуцуловъ и у народовъ другихъ украинскихъ и не украинскихъ земель, а жаль, такъ какъ, если бы онъ сдѣлалъ это и убѣдился, напримѣръ, въ томъ, что есть мѣстности, гдѣ дѣвушка надѣваетъ на себя за разъ 10 юпокъ, то не дѣлалъ бы съ поспѣшностью неосновательныхъ выводовъ. Кромѣ того, гуцульская одежда вѣдь коротка и легка, поэтому положительно не въ состояніи произвести такого ужь подавляющаго впечатлѣнія, какое желательно видѣть автору.—Дальше г. Шухевичъ говоритъ: «Замилуване до прикрас у Гуцулів велике (несмотря на недостатокъ естетическаго чувства!). Вони украшають навіть такі предмети, на котрих окраси підпадають скорому знищеню, як: кушки, бабчері, коновки, дійниці і т. д. *На жаль дбають вони тільки про зверхню, для ока видну прикрасу, а самого тіла ніколи не миють окрім лиця і рук;* тільки під неділю миють мужчини волос лугом, а женщини та кучереві мужчини додають до лугу ще бурякового борщу, щоби волос пускав, бо він за цілий тиждень склимако́ваний (збитий). Те саме треба сказати про лад у хаті, де тільки про неділю та сьвята навішують чистого лудиня по жердках, а стіл укривають чистою скатертею; поміст і стіни у хаті миють ледви 3 рази у рік, а декуди лише разъ у рік під великдень! Коли зважимо, що по при людий у тій хаті ховає ся *те́ле, егне,* а під припічком кури, а знов те теле та егне мають посеред хати настелену солому, котра перегниває нераз через кілька днів, заким її змінять, надто що вікон у хаті ніколи не відчиняють, а дим з під комина стелить ся по хаті, куди заходить і задуха з *приту́л,* у котрих ховає ся маржина—зрозуміємо, що воня и нехарь панує особливо зимою в гуцульских хатах і то на жаль з малими виємками майже у всіх!» (ст. 31). Это уже дѣйствительно похоже на какую-то Räubergeschichte, и если бы мы не знали, что авторъ любитъ иногда, попросту говоря,

преувеличить, то могли бы все это принять за чистую монету. Между тѣмъ дѣло обстоитъ нѣсколько иначе. Кто былъ среди гуцуловъ и видѣлъ, какъ они по цѣлымъ днямъ сотнями мокнутъ во время стаскиванія «ковбків», а потомъ во время сплавливанья «дараб» и при томъ не только лѣтомъ, но весною и осенью, когда температура воды необыкновенно низка; кто знаетъ, что, благодаря продолжительному пребыванію на водѣ, гуцулы (въ значительномъ числѣ) заболѣваютъ ревматизмомъ, тотъ совершенно не удивится тому обстоятельству, что они не устраиваютъ себѣ еще и экстренныхъ купаній. Но и этимъ мы не можемъ ограничиться для возстановленія дѣйствительной правды, такъ какъ тому, кто жилъ среди гуцуловъ, должно было броситься въ глаза, что мужчины и женщины купаются, особенно по праздникамъ и въ воскресные дни. То же самое и относительно неопрятности, царящей будто бы въ хатахъ, мы лично не осмѣливались бы ограничиться самими общими фразами. Безусловно существуютъ небрежно содержимыя хаты, но не у однихъ только гуцуловъ, а и значительнаго числа львовскихъ «панів». Но это уже индивидуальная особенность, во всякомъ случаѣ широкому обобщенію неподлежащая. Что же касается телятъ и пр., то ихъ держитъ въ избахъ исключительно только бѣднота, не имѣющая ничего, кромѣ хаты; иногда еще помѣщаютъ въ хатахъ на короткій срокъ новорожденныхъ ягнятъ и телятъ если на дворѣ стоятъ значительные морозы, но это всюду бываетъ, не только у гуцуловъ и русиновъ. Стѣны и полъ, правда, рѣдко моются но въ данномъ случаѣ мытье тождественно съ мазкой хатъ въ другихъ мѣстахъ, а сколько разъ на годъ мажутъ тамъ хаты? Что же касается постояннаго присутствія въ хатахъ дыма, то и это по нашему мнѣнію, результатъ стремленія изъ мухи сдѣлать слона, такъ какъ въ настоящее время у гуцуловъ, кромѣ такъ называемыхъ «зимарок», очень мало курныхъ избъ, а съ Бойками въ этомъ отношеніи ихъ и сравнивать нельзя. Вообще добросовѣстный и объективный изслѣдователь не написалъ бы того, что находимъ мы у г. Шухевича, воображающаго себя лучшимъ знатокомъ гуцуловъ. А ужь относительно такихъ вещей, какъ «брак естетичного почутя» и «замилуване до прикрас», нечего и говорить: онѣ сами за себя говорятъ. Относительно же купанья считаемъ своей обязанностью отмѣтить еще то, что если бы авторъ больше удѣлялъ вниманія своимъ собственнымъ матеріаламъ, то, по всей вѣроятности, нашелъ бы въ нихъ подтвержденіе нашихъ словъ. Вотъ что въ собранныхъ имъ же пѣсняхъ читаемъ:

Сіда-ріда, сіда-ріда, сіда-рідайдана,
Та *піду си искупати* на світого Йвана (Ш, 113).

Если бы гуцулы не купались, то мы бы и въ ихъ пѣсняхъ не нашли никакихъ слѣдовъ этого. Но лучшимъ опроверженіемъ вышеприведеннаго обвиненія является слѣдующее: „Кілька днів перед Різдвом починають газдині порати ся у хаті: *перуть, миють, білять*, варять, *убирають хату по сьвяточному;* газди знов заходять ся коло обійстя, чешуть, *змивають маржину, чистять* спід неі, вивозять гній на поле, рубають дрова; а знов причта церковна порядкуе у церкві: укривае престоли чистими скатерками, тиче нові сьвічки у поставники, чистить кадильницу, хрести, стирае порохи з образів і т. д. (IV, ст. 9—10). Всетаки значитъ присуще же гуцуламъ чувство порядка и чистоты; но зачѣмъ же въ такомъ случѣ утверждать противное?— Также и общую характеристику гуцуловъ, помѣщенную на ст. 34—35, считаемъ далекой отъ истины. Дабы не занимать много мѣста, мы процитируемъ ее только въ отрывкахъ: „Мимо тоі *щирости* в повитаню та в розпитуваню про рідню, маржинку і т. д. Гуцул *недовірливий.* З сердечністю в повитаню.. ... вяже ся також і *незвичайна гостинність* Гуцулів; у кождій порі привитае він радо у себе прихожого,... угостить іх у хаті, як може найкрасше не жадаючи заплати". Какъ же тутъ согласовать „щиріость", „гостинніість" и недовѣріе? Или кто согласится назвать характеристикой слѣдующія слова: „Гуцул з натури честолюбний, незвичайно вразливий на зневагу і кривду заподіяну йому (различныя дѣла съ власть имущими лицами доказываютъ совершенно противоположное!); він говорить тоді *без обрізків*, а урази, хочби найменшоі на забуде довго; тож не диво, що Гуцули заедно навіть за марну уразу *доправеють ся, подають ся* до суду, *тегают ся по судах*, почімъ звичайно *еднают ся* по коршмах, наслідком того тратять на ті *іднанки* много часу, а ще більше гроша". Это не разъ мы читали въ газетныхъ корреспонденціяхъ изъ различныхъ частей нашего края (да впрочемъ не только нашего), а автору почему то вздумалось пріурочивать его исключительно къ гуцуламъ! —На ст. 37 читаемъ, что гуцулы курять крѣпчайшій табакъ въ такъ называемой кругенкѣ (трубкѣ), „за котрою ходять ночами до сел доліських". Не знаемъ, зачѣмъ собственно понадобилось гуцуламъ за трубками ходить ночью: вѣдь онѣ ничего общаго не имѣютъ ни съ духами, ни съ колдовствомъ. Но самая капитальнѣйшая вещь заключается въ слѣдующихъ словахъ:

„В Жабю, Криворівни курять майже усі молодиці та старші дівчата гусекй (цигарета)“ (ст. 36). Но чтобы понять это, нужно знать, что „гусеками“ называють гусиный пометъ; какой-то гуцулъ острякъ, вѣроятно, желая подшутить надъ нашимъ авторомъ, назвалъ сигаретки „гусеками“, а онъ довѣрчиво принялъ это за чистую монету, какъ другой подобный же собиратель терминовъ слово „гаргара“ за „ein roht bemaltes Zimmer oder ein grosser Schrank“.—На той же страницѣ достается гуцуламъ отъ автора еще и за иныя прегрѣшенія: „Від управи ситоі землі здержуе ще до нині многих Гуцулів пересуд, мов би то гріх було землю пороти, бо тамъ сидить а́рідник (чорт). Додаймо до того, що Гуцул з природи *вигідний*, *лінивий*, а царинка та полонинка дае йому вигідний, певний, заробок, то зрозуміемо, для чого плекане і торговля маржиною е головним занятем Гуцулів.“ Но въ то же время онъ говоритъ, что: „Орного поля мало в Гуцульщині, а те, що е невистарчило би на виживлене і десятоі части всеі тамошньоі людности“ (ст. 36) и что (по всей вѣроятности, благодаря лѣни) „многі Гуцули працюють з сокирою по бу́тинах (зрубах) *в нашім краю*, а значна часть, особливо з сс. Ясенова, Криворівні, Березова і инь. блукае ца́рами (цара=чужий край), звідки *тільки на великдень* повертають на короткий час до рідні, щоби полагодити усякі справи“ (ст. 37). Неужели читатель не видитъ никакого противорѣчія между двумя этими нашими выдержками?—На ст. 43 г. Ш. говоритъ, что гуцулы „вірять в те, що Мамуни́ уводять жінок, манять людий так, що ті від разу остовпіють; що Мавки́ роблять дівчатам при куделі збитки, слинять, мотають і плентають нитки; що на 40 с'етих Нявки учеплеють ся спячого чоловіка і ссисають його так, що часом і здуріе“. Повидимому тутъ рѣчь идетъ о трехъ видахъ демоновъ, между тѣмъ какъ мамуны, мавки и нявки одно и тоже, въ чемъ авторъ при желаніи могъ бы безъ особаго труда убѣдиться.—На ст. 44 авторъ говоритъ: „Одною з замітних черт гуцульськоі душі е тужливість, що відбивае ся в іх житю, звичаях і в поетичних творах“ и т. д. Это опять-таки одна изъ безчисленныхъ голословныхъ гиперболъ, разсыпанныхъ въ книжкѣ въ большомъ количествѣ, отсутствіе которой очень выгодно бы отразилось на сочиненіи.—На ст. 45 читаемъ „Повістують про Гуцулів, що вони ведуть неморальне житє. Хоч таке згенералізоване (автору оно чуждо!) опирае ся на поодиноких немногих случаях, все ж таки годі заперечити, що суспільне житє у Гуцулів вільнійше, особливо в селах глубше в горах положених, як

у Жабю, Криворівни, Ясенови гор. і ин. Деякі жонаті Гуцули утримують собі по при жінці любасок, а жінки любасів; буває і так, що *жінки стають любасками жидів*, ба навіть буває і так, *що батько жие з доньκою, а дід з внучкою, а в деяких закутках має отець просто обовязок постарати ся бездітній синовій о діти!* Найінтереснійше те, що таке пожите не разить Гуцулів, вони уважають се просто природним". Да проститъ намъ авторъ то, что мы столь недовѣрчивы (какъ гуцулы къ „шарапаткам"), но что жъ подѣлаешь, если авторъ, высказывая имѣющія столь важное значеніе слова, не приводитъ ни одного примѣра, ни одного имени, или какихъ нибудь другихъ данныхъ. Развѣ за четверть столѣтія нельзя было собрать необходимыхъ доказательствъ, особенно, если они такъ общеизвѣстны

О третьемъ отдѣлѣ, статистическомъ, сказали мы уже кое-что выше. Тутъ укажемъ еще, что авторъ бралъ для него цыфры, относящіяся къ различнымъ годамъ, благодаря чему отдѣлъ этотъ не даетъ полнаго представленія о состояніи Гуцульщины въ какое-нибудь опредѣленное время; для нѣкорыхъ рубрикъ онъ пользовался даже отчетами духовенства по станиславовской епархіи; однако тотъ, кто знаетъ, какъ заполняются духовенствомъ разосланныя бланки (не заглядывая ни въ какую книжку), оцѣнитъ доставляемый ими матеріалъ по достоинству. Этими отчетами можно пользоваться только развѣ тамъ, гдѣ не замѣчается значительной разницы въ цыфрахъ, но въ данномъ случаѣ, по нашему мнѣнію, довѣрчивость къ подобнаго рода документамъ ни на чемъ не основана. Укажемъ также, что с. Ріка (Зелене) причислено разъ къ Ясенову, а другой разъ къ Криворівнѣ; далѣе изъ Ріки и Зеленаго сдѣлано два села, а Явірникъ причисленъ къ Ясинову, хотя онъ, какъ и Ріка, принадлежитъ на самомъ дѣлѣ къ Криворівнѣ. Статистическихъ таблицъ не контролируемъ, во-первыхъ, потому, что не располагаемъ нужнымъ для этого матеріаломъ, во-вторыхъ, что авторъ составилъ ихъ съ надлежащей обстоятельностью. Обратимъ также вниманіе на то, что авторъ неясно разграничиваетъ два понятія: „осередок" (село въ собственномъ смыслѣ) и „оселя" («кути» села или даже въ иныхъ мѣстахъ улицы); къ Жабю, напримѣръ, онъ причисляетъ, вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ несомнѣнныхъ „кутів", Бистрецъ и Ріку, являющихся въ дѣйствительности настоящими (только незначительными) селами, подобно Жабю, Криворівнѣ и др., имѣющими свои собственные „кути".

Относительно описанія села (IV отдѣлъ) мы находимъ нужнымъ сдѣлать только два замѣчанія. На стр. 72 читаемъ: «До сусідних сел і їх мешканців Гуцули не дуже приязні, овшім дуже часто з погордою призвішкують одні одних або вікладають ім прізвища». Но это же явленіе наблюдается не только между гуцулами и ихъ сосѣдями, но также и въ средѣ исключительно самихъ гуцуловъ, самихъ бойковъ и т д.; скажемъ болѣе, тоже происходитъ и между обитателями одного и того же села, что можно подтвердить безчисленнымъ множествомъ фактовъ.—На стр. 78 напечатано: «Турецке походжене гуцульского коня видно по цілім його складі, по масти переважно карій, по грубім карку, буйній гриві і такім хвості, що все власне знаменує турецку расу коня». На стр. 26 авторъ также говоритъ, что «гуцульский кінь *має бути* турецкого походженя, тож можливо, що назва коня (раси) перейшла і на людий», а относительно названія «Гуцул» приводитъ три теоріи: а) кочувати, кочул, гуцул; б) готоман (по-румынски=крупный воръ), гупан, гуцул; в) румыское гуц=воръ+ул (окончаніе). Думается, что на основаніи этого же можно было бы съ бо́льшимъ удобствомъ и гуцульскаго коня произвести отъ румынскаго, что носило бы на себѣ характеръ бо́льшаго правдоподобія. Но чтобы убѣдить насъ въ происхожденіи гуцульскаго коня изъ Турціи, нужно сначала провести болѣе основательную параллель между нимъ и его турецкимъ сородичемъ, а далѣе указать, по крайней мѣрѣ приблизительно, когда именно это могло произойти. Турки съ нѣкоторыми изъ нашихъ племенъ были въ болѣе близкихъ сношеніяхъ, но почему у нихъ не сохранилась порода этого коня?

«Гуцульский оседок» (все недвижимое имущество извѣстнаго хозяина, огороженное плетнемъ (V отдѣлъ) производилъ бы болѣе выгодное впечатлѣніе, если бы авторъ принялъ къ свѣдѣнію хотя бы работы Кайдля: «Haus und Hof bei den Huzulen» и «Hausbau und Bauopfer bei den Huzulen»—не говоримъ уже о болѣе детальномъ сравненіи съ разныхъ сторонъ (напр. Kaindl. «Haus und Hof bei den Rusnaken») построекъ нашихъ и чужихъ, что могло бы дать интереснѣйшіе результаты. Между тѣмъ авторъ не только не попытался сдѣлать такого сравненія, но даже и не далъ подробнаго описанія «оседка», а относительно архитектуры ограничился нѣсколькими только словами. Еще слабѣе получился VI отдѣлъ о гуцульской церкви, весь текстъ котораго, исключивъ рисунки, можно помѣстить на одной страничкѣ. Между тѣмъ гуцульская архитектура имѣетъ свои

значительныя особенности, а въ постройкѣ церквей гуцулы выработали даже свой особый стиль и нанимаются для постройки деревянныхъ церквей на территоріи почти всей Галиціи. Впрочемъ не будемъ долго останавливаться надъ этими отдѣлами. Укажемъ развѣ на слова автора, что будто бы «з лямпою нахтовою не вміють Гуцули добре поводити ся, наслідком чого вона часто самопотить і обкопчує хату» (стр. 104). Это было развѣ 35 лѣтъ тому назадъ, когда авторъ впервые отправлялся на Чорногору, но ни въ коемъ случаѣ не теперь, въ чемъ убѣдиться можно довольно легко. Точно также ничѣмъ не оправдано и другое замѣчаніе: „Новіщими часами вкрала ся у Гуцулів мода носити дзигарки, на які вони видають великі гроші розмірно до вартости товару найпідлішого сорта“ (стр. 50). Мы не отрицаемъ, конечно, отдѣльныхъ случаевъ, но опять-таки съ большой осторожностью должны относиться къ обобщенію.

Слѣдующіе отдѣлы (VII) о костюмахъ и (VIII) о гуцульской пищѣ также составлены на скорую руку. Въ отдѣлѣ о костюмахъ перечислено, правда, во что именно гуцулъ одѣвается, но описанія отдѣльныхъ частей костюма не дано, а также ни слова не находимъ и о способахъ приготовленія одежды. Особенностей, наблюдаемыхъ въ этомъ отношеніи въ отдѣльныхъ селахъ Гуцульщины, также не указано. При этомъ авторъ снова обвиняетъ гуцуловъ въ честолюбіи и въ стремленіи по этой причинѣ напяливать на себя возможно большее количество всякихъ одѣяній (стр. 134=стр. 31). Но этимъ онъ на этотъ разъ не ограничивается и приводитъ еще и новую небылицу. Разсказываетъ, напримѣръ, что гуцулки, отправляясь въ церковь, несутъ съ собой въ «бесагах» праздничный свой нарядъ (собственноручно или на лошадяхъ) и потомъ недалеко отъ цѣли своего путешествія выбираютъ укромное мѣстечко, идутъ, по словамъ автора «під тінисте дерево, під близьку хату, під дзвінницю або у кут цвинтара, там виймають з бесаг прилюдне лудине, а *скинувши з себе все буденне, нераз до сорочки,* убирають чисте» и т. д. Относительно переодѣванія подлѣ церкви мы не можетъ ничего возразить, но происходитъ это не съ такой, конечно, безцеремонностью, какъ утверждаетъ г. Шухевичъ. Почему бы ему не назвать мѣстность или хотя бы время, гдѣ и когда все это происходило?—Пища занимаетъ всего четыре страницы, что ужъ само собой говоритъ, насколько данный вопросъ исчерпанъ: это едва только перечисленіе названій кушаній, а не описаніе ихъ. Лучше ли питаются гуцулы, чѣмъ, напримѣръ, обитатели

Подоліи, этого авторъ не сообщаетъ, хотя могъ бы въ сущности безъ особыхъ затрудненій сдѣлать это, сравнивъ описаніе, касающееся этого предмета, В. Гнатюка, напечатанное въ тѣхъ же «Материялах до укр. руськоі етнольогіі» (о другихъ подобнаго же рода матеріалахъ ужъ и не упоминаемъ).

Въ IX отдѣлѣ авторъ описываетъ «звичайні занятя Гуцулів», къ каковымъ причисляются: «жорна», «робота коло лену (а не льну?) і конопли̂в», «робота коло вовни», «шите», «олій», «копане» «оране» (все это роботы въ «оседку») сінокоси», «бутини» (рубка лѣса), «сплавачка», «полонина» и «рібарство», «стрілецтво». X отдѣлъ посвященъ домашнимъ промысламъ: „лижкарство", „коритарство", „боднарство", „столярство", „кушнірство" „ткацтво", „гончарство", „мосяжництво", „вироби з ременя" и „різьбярство". Исчерпываются ли указаннымъ занятія гуцуловъ и ихъ домашній промыслъ,—кстати мы не находимъ отдѣльныхъ главъ, посвященныхъ сапожному мастерству, портняжеству, мельничному занятію,—и насколько рыбная ловля и охота «звичайні» занятія, слишкомъ вдаваться въ это мы не будемъ, но обратимся къ тому, что есть на лицо. Все-таки считаемъ своей обязанностью замѣтить, что нѣкоторыя ремесла трактуются слишкомъ ужъ бѣгло и вслѣдствіе этого, по нашему мнѣнію, они не должны и фигурировать подъ отдѣльными рубриками. Такъ напримѣръ, выдѣлкѣ ложекъ посвящено всего 18 полныхъ строчекъ и 11 полустрокъ; издѣлью корытъ 4 полныхъ и 8 полустрокъ; столярству 1 полная и 14 половинныхъ; издѣльямъ изъ кожи 13 полныхъ и 4 полустроки. Но развѣ это описаніе и развѣ на основаніи подобнаго описанія можно составить себѣ ясное представленіе о ремеслѣ? Не особенно посчастливилось и боднарству, хотя оно, правда, и занимаетъ три страницы,—одна изъ нихъ вся, а другая въ половину заняты иллюстраціями; то же самое можно сказать и относительно выдѣлки кожъ (кушнірство), которой посвящено двѣ страницы! О ткацкомъ ремеслѣ говорится нѣсколько подробнѣе, на пяти страницахъ, но въ описаніи его столько путаницы, что человѣкъ, практически не знакомый съ нимъ, едва ли пойметъ что-либо. Далѣе авторъ не далъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что именно является чисто гуцульскимъ, а потому и заслуживающимъ опредѣленнаго мѣста въ „Гуцульщині", а что нѣтъ. Такъ, напримѣръ, описывая гончарное ремесло (довольно хорошо), онъ говоритъ: „Гончарі—не Гуцули; згадую про іх вироби обширніще попросту тому, що виробами, а специяльно богато орна-

ментованими, послугують ся усі Гуцули і до свого буденного ужитку, і до окраси намисників, полиць, до церквий на поставники (ліхтарі) і т. и.» (II стр. 271). Но вѣдь гуцулы пользуются и стекляными, и желѣзными издѣліями и т. п.,—почему же авторъ въ такомъ случаѣ и о нихъ не говоритъ? Такъ или иначе, но подобной непослѣдовательности тутъ не должно быть мѣста.

Разумѣется, что и здѣсь авторъ остался вполнѣ вѣренъ самому себѣ и не удѣлилъ никакого вниманія литературѣ вопроса, хотя такія произведенія, какъ: *Kaindl.* «Die Viehzucht und der Viehaberglauben bei den Huzulen» и «Viehzucht und Viehzauber in den Ostkarpaten, Die Jagd bei den Huzulen: Jagdgeräthe und Jagdausrüstung, Das Wild und der Wildglaube der huz. Jäger, Jagdaberglaube und Jagdgeheimnisse bei den Huzulen, Die Fischerei bei den Hazulen; *Вовкъ*—Рибальство въ Добруджі; *Гнатюк*—Ткацтво у східній Галичині; *Веретельник*—Рубане і виготовлюване дерева и т. д., могли бы оказать ему громадную услугу.

Перейдемъ къ частностямъ.

На стр. 145 читаемъ: „Ідучи за старими звичаями і місцевими традициями, заспокоюють Гуцули *працею своїх рук усе, чого потребують для себе*; тому і займають ся найбільше газдівством, яке відповідае місцевим обставинам" и т. д. Ну, здѣсь что ни слово, то и неожиданность. Мы раньше слыхали, что гуцулы лѣнивы, «вигідні» и т. п., теперь же намъ говорятъ, что они всѣ свои потребности удовлетворяютъ собственными силами. Мы также слыхали, что въ Гуцульщинѣ мало пахотной земли (и это правда), теперь же стараются убѣдить насъ въ томъ, что обитатели ея «найбільше» занимаются сельскимъ хозяйствомъ, подъ которымъ разумѣютъ обыкновенно обработку земли въ противоположность занятіямъ ремеслами. Мы знаемъ, что гуцулы покупаютъ многое, начиная отъ пищевыхъ продуктовъ (кукуруза) и кончая всякими издѣльями стекляными, желѣзными и др., на сторонѣ, такъ какъ не производятъ ихъ самостоятельно, а тутъ намъ говорятъ, что они сами все нужное приготовляютъ для себя (вѣдь только въ такомъ смыслѣ и можно понимать подчеркнутыя слова) и т. п. Можно-ли большаго противорѣчія требовать отъ такой коротенькой выдержки?—На стр. 183 читаемъ, что на плотѣ («дараба») «при задній кермі може іхати будь хто, навіть Жид». Между тѣмъ намъ доподлинно извѣстно, что евреи часто гонятъ плоты и стоятъ у передняго руля. Къ чему же это стремленіе непремѣнно одурачить кого-нибудь?—

Все вступленіе къ домашнему промыслу (ст. 240—247)—единственное мѣсто, гдѣ авторъ желалъ выступить въ качествѣ ученаго—представляетъ изъ себя сплошное фразерство и собраніе ничего незначущихъ фактовъ, въ родѣ слѣдующихъ: «Як небудь воно і було, а всеж таки бачимо на усіх гуцульских виробахъ, чи вони примітивні, чи артистичні, заховані старі звичаі (sic) і місцеві традиціі (!!), які власне витворили (!) в Гуцульщині специяльний домашній промисл, через що його вироби, звязані тісно з ношею (!) та звичаями (!) Гуцулів, не тілько відповідають вповні місцевим обставинам і потребам, але надто носять на собі национальні прикмети» (стр. 240); „в ніякім иньшім закутку нашоі Руси не відграе домашний промисл так важноі ролі, нігде не е він так загальним добром усіх, як у Гуцулів" (стр. 241); «техніка деяких гуцульських виробів, бережена традицийно від віків» (какихъ и съ какого времени? стр. 241) и т. д. Не упустилъ г. Ш. также случая выставить на видъ и то, что онъ составлялъ для иностранцевъ музеи, говоря, что тѣмъ смѣлѣе пользуется онъ изданіями Львовскаго промышленнаго музея, «що і я, як се зазначено у тих виданях, чимало причинив ся до зібраня і впорядкованя того материялу» (стр. 243).—Въ описаніи ткацкаго ремесла читаемъ: „У жолобець верхнього воротила заложний *стало кусень грубого полотна*, яке натягнене, сягае майже до ничиниць; у жолобець долішного воротила заложений *довший кусень полотна*; аби воно не віхопило ся з жолобця, заложений в жолобець згаданий повисше прут, *прибитий до воротила кілочками*. Здоймлену з снувавки пряжу, призначену на основу (развѣ бываетъ еще и иная какая-нибудь?), *розтинае ткач, ткаля у чінах, пересилюе через кожде вічко ничиниць* по одній, а через крайні по дві нитці, а *кінці ниток привязуе до кусня полотна*, що вистае з верхнього воротила» и т. д. (257). Кто не имѣетъ никакого представленія о ткацкомъ ремеслѣ, тотъ можетъ сказать: какъ прекрасно все это изложено. Но человѣкъ, знающій дѣло, замѣтитъ: какъ могъ г. Шухевичъ написать подобную чепуху? Не бываетъ никакого куска полотна въ «воротилахъ», по крайней мѣрѣ, въ обоихъ; только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчается оно въ нижнемъ «воротилі», гдѣ и находится до тѣхъ поръ, пока не получится извѣстное количество полотна, но такъ не вездѣ бываетъ; часто употребляются вмѣсто него такъ называемые „шнури". Въ верхнемъ „воротилі" совершенно не бываетъ полотна; «прут» не приколачивается къ „воротилу", такъ какъ его пришлось бы при наматываніи вырывать, но влагается въ

корытце; ткачъ не раздѣляетъ „чинів“, снявши со „снувавки“ пряжу, потому что если бы онъ сдѣлалъ что-либо подобное, то развѣ бы только веревки изъ нея получились, но ни въ коемъ случаѣ не полотно; также и нитокъ не перетягиваетъ черезъ „вічко“, а только прикрѣпляетъ ихъ къ „торокам“, которые остаются на концѣ всякой пряжи; а ужъ того, что̀ это за нитка, привязанная къ куску полотна, мы и представить себѣ не въ состояніи. Тотъ же характеръ носятъ и дальнѣйшія описанія, гласящія, что будто бы ткачъ „решту основи перепускає осторожно по дві нитці через одну комірку берда, відси обмотує маголь“ (первое не нужно, а второе невозможно (стр. 257), „сідає (ткачъ) не сідець варстату і відмапцує тоту частину, що вистає між бердом і маглем“ (стр. 258) (эта часть никогда не подмазывается, развѣ только между „бердом“, собственно ничиницами, и верхнимъ воротиломъ, такъ какъ вѣдь мокрой пряжи и дѣлать то нельзя); „як нитки попутають ся, перериває ткач одну з них, розпутує їх і звязує назад“ (непорваные нитки и путаться то не могутъ); «оба кінці основи, що були привязані до куснів полотна у воротил, не можуть бути зароблені, вони полишають ся яко тороки“ (стр. 259)—между тѣмъ „тороки» остаются только въ концѣ пряжи и т. д. Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что авторъ абсолютно ничего не смыслитъ въ ткацкомъ ремеслѣ, описывать которое взялся; поэтому лучше было бы, если бы онъ совершенно его не касался. Какъ обстоитъ дѣло съ описаніями другихъ ремеслъ, мы не можемъ проконтролировать, не будучи достаточно компетентными въ этомъ отношеніи и не имѣя подъ руками нужнаго для сравненія матеріала. Думаемъ, однако, что тамъ авторъ избѣжалъ подобнаго рода непростительныхъ ошибокъ; вѣдь остальныя ремесла не такъ сложны и съ ними можно безъ особаго труда справиться.—Нѣсколько разъ г. Ш. упоминаетъ о путешествіи гуцуловъ на заработки въ Турцію, напримѣръ: „Турецька чепрага—масивна аграфа, до спинаня жіночих ремінних букурійок або мущинських ретізів, виріб орієнтальний, принесений тими, що за роботою ходять у Молдавщину та Туреччину“ (стр. 275). Намъ извѣстно, что гуцулы ходятъ на заработки въ Бессарабію и Румынію (рѣже), но никогда не слыхали того же относительно Турціи. Если это дѣйствительно справедливо, то почему же авторъ слишкомъ какъ то вскользь говоритъ объ этомъ видѣ заработка и не приводитъ никакихъ данныхъ? На стр. 292 читаемъ, что „різьблені предмети, які находимо у нашого народу, не викінчені діла—чого і годі шукати поміж людо-

вими виробами" (мы лично видѣли издѣлья совершенно законченнаго характера), а не далѣе, какъ на стр. 301, авторъ обмолвился, говоря о токарѣ, „що так не звичайно по містецьки вирізьбив новітну лож"— опять два противорѣчія, трудно мирящіяся одно съ другимъ.—На стр. 316 авторъ пишетъ, что Марко Магеденюкъ изъ Рички „перший впровадив пацьоркове письмо, яким він окрім питомих мотивів, наслідує на дереві взори вишивок, писанок и т. и." Мы знаемъ, что „пацьорковане" довольно широко распространено въ Гуцульщинѣ, и если авторъ отцомъ его называетъ Магеденюка, то намъ желательно было бы получить кое-какія подробности объ этомъ, такъ какъ вѣдь на слово трудно повѣрить.—На той же страницѣ читаемъ, что „Федор (Шкрибляк) закинув цілком різьбярство, пильнуе тільки гадзівства, яке придбав собі, оженивши ся в Барвінковій, де осів на стало". Между тѣмъ намъ доподлинно извѣстно, что Федоръ живетъ тамъ же, гдѣ и братья его—Васыль и Мыкола, въ Яворовѣ, а также и то, что онъ не забросилъ „різьбярства", потому что еще недавно мы видѣли новыя его издѣлія.

На третьемъ выпускѣ мы не будемъ долго останавливаться и удовлетворимся отмѣченнымъ уже выше; особыхъ замѣчаній заслуживаютъ только пѣсни. Родины описаны кратко, свадьбѣ же посвящено порядочно мѣста, но неизвѣстно, результатомъ изслѣдованія какого района является это описаніе. Упоминаніе о гуцульскихъ инструментахъ здѣсь неумѣстно, хотя само описаніе ихъ безупречно; гуцульскіе танцы, собственно мелодіи ихъ, записалъ Ф. Колесса; глава о смерти и погребеніи, не смотря на свою краткость, интересна, благодаря помѣщеннымъ въ немъ матеріаламъ. Разумѣется, что и тутъ литература не указана, хотя по вопросу о свадьбѣ слѣдовало бы автору познакомиться съ работами: Ф. Вовка «Rites et usages nuptiaux en Ukraine», В. Охримовича «Значеніе малорусскихъ свадебн. обрядовъ и пѣсенъ въ исторіи эволюціи семьи» или хотя бы съ библіографіей свадьбы (если уже не съ самими подлинниками), напечатанной т. Гринченко («Этнографическіе матеріалы», т. III). Не мѣшало бы, по нашему мнѣнію, прочесть и Сумцова: «О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ», «Къ исторіи южно-русскихъ свадебныхъ обычаевъ», «Религіозно-миѳическое значеніе малорусской свадьбы» и «Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ». Не слѣдовало бы игнорировать и статей Д. Лепкого: «Похоронні звичаі і обряди у нашого народу» и Бѣньковскаго «Смерть, погребеніе и загробн. жизнь по понятіямъ и вѣрованію на-

рода». О многихъ другихъ работахъ по данному вопросу даже и не упоминаемъ; указываемъ лишь на тѣ, которыя легко можно было достать.

Что же касается подробностей, то на ст. 6 читаемъ, что у гуцуловъ «мало котра мати кормить сама дитину», «по більшій частині плекають Гуцули своіх дітий молоком овечим або коровлячим через перетятий воловий ріг, до якого дорабляють цьвірок—дойок із шматки або із скірки». Мы не отрицаемъ такихъ фактовъ, но чтобы они были столь ужь общи, составляли, такъ сказать, подавляющее большинство, какъ-то не хочется вѣрить.—На ст. 8 читаемъ: «У церкві гуцульських дітий ніхто не побачить». Между тѣмъ мы сами лично видѣли и не разъ даже. А какъ бы въ качествѣ поясненія этого явленія авторъ приводитъ слѣдующее: «Не мало причиняють ся і родичі до того, що вже з малку не виробляе ся у Гуцулів релігійне почуте, бо не то що навіть найблизші сусіди не беруть дітей у церков, але й відстрашують іх ксьондзом, як по містах коминарем, говорячи до них: Не йди там, бо ті ксьондз озме! Тож не дивно, що ось яка пригода лучила ся о. Окуневському з Яворова: Іде він вулицею, в тім надбігла дитина, а побачивши священника—в плач: Ой йой йой ксьондзику, любчику, не бери мене—душко, душко, дам ти грейцар!—Нічого не помогло привітливе успокоюване дитини, вона йойкала, тиснучись по під пліт, а скоро тільки пролізла, далі на втікача» (I, 42). Отсюда лучше всего видно, какъ авторъ на основаніи какой-то мелочи, можетъ быть совершенно случайной, дѣлаетъ серьезныя заключенія, считая ихъ типическими для всей данной территоріи.—На ст. 73 авторъ говоритъ о рогѣ: «Ріг се виключно вівчарський струмент, не довший, як 1 m., з легка закривлений»—но не считаетъ нужнымъ сообщить того, цѣльный ли онъ, или составной. Если цѣльный, то интересно было бы знать, откуда гуцулы берутъ такіе длинные рога, потому что въ Галиціи ихъ нѣтъ, а также трудно допустить и то, чтобы они покупали ихъ въ готовомъ уже видѣ, На ст. 79 читаемъ, что «Голубці щібають—танцюють так, що вибивають одним обцасом до другого то в бік, то в перед». Но даже на рисункѣ, помѣщенномъ передъ этими словами, гуцулы танцуютъ въ «постолахъ»,—какимъ же образомъ они умудряются выбивать «обцасами»?

Обратимся теперь къ пѣснямъ, занимающимъ большую часть этого выпуска (ст. 81--255).

Украинскія пѣсни появились въ печати раньше другого этнографическаго матеріала, и въ этой области мы можемъ похвалиться цѣлымъ рядомъ прекрасныхъ сборниковъ, среди которыхъ особенно обращаютъ на себя вниманіе—Максимовича, Лукашевича, Метлинскаго, Рудченка, Чубинскаго, Гринченка, Антоновича и Драгоманова, Залѣсскаго, Павли, Головацкаго, Кольберга, Купчанка и многихъ другихъ. Объ украинскихъ пѣсняхъ имѣется также довольно значительная научная литература, среди представителей которой встрѣчаются такія имена, какъ Максимовичъ, Костомаровъ, Потебня, Сумцовъ, Драгомановъ, Житецкій, Франко и др. Изслѣдованіе пѣсенъ въ XIX ст. такъ далеко ушло впередъ, что выработало особый методъ изданія ихъ и систематику, безъ которыхъ нельзя приступить къ печатанію новыхъ сборниковъ пѣсенъ. Но для г. Шухевича все это не существуетъ, онъ и знать никого не хочетъ, кромѣ своей собственной безцѣнной персоны, и печатаетъ свои пѣсни такъ, какъ дѣлалъ это 70 лѣтъ тому назадъ Залѣсскій, имѣвшій мало предшественниковъ на этомъ поприщѣ, не бывшій къ тому же—да впрочемъ и не считавшій себя, подобно г. Шухевичу,—спеціалистомъ. Но присмотримся же, какъ онъ идетъ по этой столь уже проторенной дорожкѣ.

Всѣ пѣсни раздѣлены у него на четыре части: 1) Коломийки, 2) Сьпіванки. 3) Жовнярські сьпіванки. 4) Поетичні оповіданя.

Если бы авторъ напечаталъ всѣ свои пѣсни въ одной рубрикѣ и далъ ей названіе «Сьпіванки», то неудачнымъ подобнаго рода планъ нельзя было бы назвать, такъ какъ это означало бы противопоставленіе пѣсенъ прозѣ, которую онъ разсматривалъ все время раньше. Но существованіе названія «сьпіванки» рядомъ съ названіями «коломийки» и «поетичні оповіданя» производитъ впечатлѣніе, будто бы эти послѣднія—не «сьпіванки», но проза, что еще болѣе усугубляется словомъ «оповіданя». Но особенно странно видѣть рядомъ термины «сьпіванки» и «жовнярські сьпіванки». Тутъ какъ-то сама собой напрашивается мысль: ну, это жовнярскія пѣсни, а чьи же тѣ, остальныя? Не имѣлось ли тутъ въ виду разграниченіе пѣсенъ штатскаго и военнаго населенія? А можетъ быть онѣ разбойничьи, чумацкія, свадебныя и т. д. Заголовки обыкновенно придумываются такіе, чтобы въ нихъ уже давалось извѣстное представленіе о содержаніи, а не въ силу простого обычая и традиціи.

Если бы авторъ назвалъ всѣ свои пѣсни «коломийками», то и это названіе можно было бы съ удобствомъ оправдать. Съ названіемъ «ко-

ломийки» у насъ связано представленіе о коротенькой пѣсенкѣ, состоящей въ большинствѣ случаевъ изъ двухъ или четырехъ стиховъ (хотя иногда это число бываетъ гораздо значительнѣе) вполнѣ опредѣленнаго размѣра; но такъ какъ, за небольшими исключеніями, почти всѣ пѣсни, напечатанныя у г. Шухевича, имѣютъ размѣръ „коломийки", то и это послѣднее названіе не могло бы считаться неосновательнымъ. Вообще же указанное выше дѣленіе нельзя оправдать никакими научными аргументами. Очень ужь оно не послѣдовательно. Такъ, напримѣръ, между „коломийками" встрѣчаются козачки, правда, также коротенькіе, но имѣющіе совершенно другой размѣръ и поющіеся во время танцевъ, тогда какъ для пѣнія „коломийокъ" опредѣленнаго мѣста и времени не положено. На стр. 130 подъ № 123 находимъ слѣдующій козачекъ:

Дівчина нининина
Полюбила Вірменина,
А Вірменин гоіц, гоіц,
Купив дівці сукню й пойис.
А дівчина візирае,
Куда Турок війгривае,
А се Турки та не наші,
Пют водицу із Дунаші [1]).

Также козачекъ напечатанъ и на ст. 149, № 249, и дальше на ст. 163, № 16, но уже между „сьпіванками!"—На первомъ мѣстѣ среди „жовнярських" пѣсенъ напечатана разбойничья, о Процѣ Томанюкѣ; за то солдатскія встрѣчаются между „коломийками".—Если подъ „поетичними оповіданями" нужно разумѣть эпическую поэзію, то названіе это считаемъ еще болѣе неумѣстнымъ, такъ какъ почти всѣ гуцульскія пѣсни эпическаго характера; поются, конечно, и лирическія, но онѣ, по всей вѣроятности, заимствованы и указать это не составило бы большого труда. Значитъ, и всѣ предыдущія подраздѣленія можно было бы съ полнымъ основаніемъ подвести подъ это названіе.

Если же мы попытаемся поискать въ сборникѣ г. Шухевича какую-нибудь систему, хотя бы порознь въ каждомъ отдѣлѣ, то также разочаруемся. Онъ просто беретъ одну пѣсню за другой въ томъ видѣ

---

[1]) Это выраженіе очень подозрительно и заставляетъ ко всей вообще пѣснѣ относиться съ большимъ недовѣріемъ.

и порядкѣ, въ какомъ ихъ прислали собиратели, и съ легкимъ сердцемъ печатаетъ все безъ разбора, совершенно не задаваясь мыслью о томъ, была ли уже напечатана данная пѣсня или насколько она извѣстна и заслуживаетъ ли вообще опубликованія, но даже и съ тѣмъ не справляется, не напечаталъ ли онъ же самъ ее гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ! Мы взяли на себя трудъ внимательно пересмотрѣть эти пѣсни и нашли среди нихъ не мало повтореній, то просто буквальныхъ, то съ незначительными лишь варіаціями, легко поддающимися соединенію во едино, но во всякомъ случаѣ совершенно напрасно напечатанныхъ вторично; только незначительную часть этихъ варіантовъ можно было бы напечатать; хотя и не тамъ, гдѣ они помѣщены у г. Шухевича, предварительно, конечно, заявивъ о томъ, что это варіанты. Да соблаговолитъ читатель сравнить слѣдующія мѣста въ книгѣ г. Шухевича: ст. 117, № 31=ст. 130, № 122; ст. 123, № 70=ст. 129, № 119; ст. 124, № 79=ст. 133, № 144; ст. 125, № 89=ст. 122, № 64 и ст. 133, № 143; ст. 131, № 134=ст. 138, № 178; ст. 132, № 138=ст. 130, № 122; ст. 159,=ст. 58, гдѣ фигурируетъ въ качествѣ свадебной; ст. 160, № 13 напечатанъ на ст. 14 также какъ свадебный; ст. 162, № 25=ст. 166, № 21; ст. 172, № 1=ст. 220, № 33; ст. 191, № 6=ст. 216, № 28; ст. 204, № 16 и варіанты 17, 18, 19, 20, ст. 208, № 21, 22, 23=ст. 225, № 37; ст. 211, № 24 и варіанты 25, 26, 27; ст. 220, № 32=ст. 224, № 36; начиная съ страницы 229 г. Ш. печатаетъ варіанты одной и той же пѣсни подъ № 42, 43, 44, 45, хотя, собственно говоря, полные ихъ тексты совершенно лишни и достаточно было бы указать только особенности. Но чтобы не подумалъ кто-либо, что мы имѣемъ дѣло съ огромнымъ собраніемъ пѣсенъ, гдѣ, конечно, нетрудно запутаться и невольно повторить кое-что, мы здѣсь же опредѣлимъ количество всѣхъ пѣсенъ по отдѣламъ: 274 + 24 + 14 + 48 = 360. Какъ видно, не такой ужъ это лѣсъ дремучій!

Мы позволимъ себѣ привести примѣръ для уразумѣнія того, что представляютъ изъ себя эти повторенія:

Ст. 123, № 70:

Ой ковалю, ковалику, зроби-ко ми дримбу,
Дам ти за то миску муки, повісем на линву.
От дам тобі миску муки, шобис си утішив,
А повісем дам на линву, шобис си завісив.

Ст. 129, № 119:

Ой ковале, ковалику, зроби *мені* дримбу.
Дам ти *кусок солонини*, повісем на линву.
Дам ти кусок солонини, щобис си утішив,
А повісем дам на линву, шибис си повисив.

Всякому до очевидности ясно, что различія тутъ чисто формальнаго характера, на которыя можно было бы указать, но перепечатывать вторично ради нихъ пѣсню—совершенно напрасный трудъ. Въ большинствѣ случаевъ такой же характеръ имѣютъ и другія повторенія и только сравнительно ничтожная часть ихъ даетъ дѣйствительно цѣнные варіанты съ самостоятельнымъ содержаніемъ.

Обратимся теперь къ подробностямъ.

Печатаетъ авторъ «гуцульські пісні», но не даетъ себѣ ни малѣйшаго труда провѣрить, дѣйствительно ли онѣ гуцульскія, т. е. составлены гуцулами, или заимствованы у другихъ и только распѣваются ими, что вѣдь далеко не одно и то же. Такъ, напримѣръ, на ст. 124 подъ № 78 читаемъ:

Гой (та) дріта, моя мамко, та дріта, та дріта,
Не далас мні за злісного, дай-ко мні за віта.
Не далас мні за злісного, шобим панувала,
Та дай-ко мні та за віта, шобим гоноръ мала.

Эта пѣсня поется во всей Галиціи, о чемъ свидѣтельствуютъ различные сборники, гдѣ она печаталась. Но на какомъ же основаніи она фигурируетъ здѣсь въ качествѣ исключительно гуцульской? По нашему мнѣнію, ея не гуцульское происхожденіе подчеркивается вполнѣ опредѣленно такими выраженіями, какъ «шобим» вмѣсто гуцульскаго «шо бих». И мы не сомнѣваемся въ томъ, что если бы авторъ просмотрѣлъ сборники пѣсенъ и увидѣлъ ее уже напечатанной, то, можетъ быть, онъ не рискнулъ бы помѣстить ее у себя безъ всякихъ поясняющихъ указаній, какъ это сдѣлано имъ теперь. Такихъ «гуцульських» пѣсенъ въ его сборикѣ много, хотя не слѣдуетъ и того упускать изъ виду, что есть и дѣйствительно мѣстныя, представляющія неотъемлемую цѣнность сборника.

На ст. 148 подъ № 242 находимъ слѣдующую пѣсню:

Ой татуню, ой мамуню, не пийте горівки,
Бо в горівці сидит дідько, вискочить з берівки!
А з берівки до живота, стане тропотати,
Йизик стерпне, стане колом, буде билькотати.
Потім дідько стане кріпко голову лупати,
И занудит, стелепоче, будете ригати.
Хто горівку любит пити, розуму не мае,
Бо горівка—помийниці житьи вкорочае.

Это пѣсня совершенно не гуцульская, да кстати даже и не народная, о чемъ свидѣтельствуютъ ея размѣръ, содержаніе и языкъ. Она принадлежитъ къ произведеніямъ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, когда въ Галиціи велась сильная пропаганда противъ алкоголизма, и прототипъ ея, по всей вѣроятности, можно отыскать въ такихъ изданіяхъ, какъ «Наука» и другія подобнаго же рода.

На ст. 158 подъ № 10 напечатана пѣсня, въ которой казакъ бесѣдуетъ съ своимъ конемъ. Эта пѣсня даже и не галицкая, хотя и поется въ Галиціи, но украинская. Подъ ней находимъ подпись «Микитинцка», т. е. записана въ селѣ Мыкытынцахъ. Но село Мыкытынцы не принадлежитъ къ гуцульскимъ, и авторъ, отлично зная это, всетаки напечаталъ ее между гуцульскими пѣснями.

На ст. 162 подъ № 14 помѣщена пѣсня о Меланкѣ, которую слѣдовало бы напечатать въ IV вып., гдѣ собраны другія «Меланчині» пѣсни.

На ст. 183 подъ № 14 напечатана въ числѣ солдатскихъ очень популярная пѣсня о смерти императрицы Елизаветы. Но, какъ извѣстно, жена императора никогда не служила въ военной службѣ, а также и сама пѣсня составлена не служителями Марса, что видно изъ словъ:

Йили *дівки на сапаню* собі говорити,
Йик би пані цісаровій співанку зложити.

Содержаніе пѣсни также совершенно не носитъ на себе военнаго характера, — на какомъ же основаніи она причислена къ военнымъ пѣснямъ? Вообще же, думается намъ, для автора при желаніи, конечно, не составило бы большого труда собрать въ отдѣльныя рубрики хотя бы всѣ разбойничьи и военныя пѣсни, такъ какъ вѣдь

содержаніе ихъ таково, что совершенно не позволитъ сомнѣваться въ томъ, куда ихъ причислить—но онъ не счелъ нужнымъ и этого сдѣлать. Если прибавимъ еще ко всему сказанному уже то, что разсматриваемый нами сборникъ пѣсенъ слишкомъ далекъ отъ полноты и что, кромѣ того, онъ совсѣмъ не научен, то и поймемъ, почему цѣнность его не можетъ быть велика.

Оставимъ пока пѣсни и перейдемъ къ IV выпуску. Этотъ выпускъ собственно посвященъ народному календарю, но по какому-то странному недоразумѣнію ему-то именно и отведено менѣе всего мѣста; наибольшую же часть книги занимаютъ колядки, помѣщенныя авторомъ здѣсь по той только причинѣ, что онѣ поются на Рождество, а этого послѣдняго никакъ ужь нельзя пропустить въ народномъ календарѣ. Выпускъ этотъ—кромѣ колядокъ—не вызываетъ много замѣчаній. Скажемъ только, что автору нужно было непремѣнно обратить вниманіе на сочиненіе Кайндля: «Der Festkalender der Rusnaken und Huzulen» и еще хотя бы на статью г. Зубрицкаго «Народній календарь Бойків», напечатанную въ тѣхъ же «Материялах українсько-руськоі етнольогіі», что и «Гуцульщина». По вопросу же о писанкахъ не мѣшало бы ему познакомиться съ работой М. Кордубы: «Писанки на гал. Волини» (напечатана тамъ же) или хотя бы со статьей Сумцова: «Писанки» (К. Стар. 1891 г.). Печатать собраніе колядокъ и игнорировать совершенно сборникъ Головацкаго или такія работы, какъ Потебни: «Объясненіе малорусскихъ и сродныхъ нар. пѣсенъ. Колядки и щедривки»—это ужь совершенно непростительно для человѣка, претендующаго на званіе ученаго.

Изъ менѣе важнаго укажемъ: на ст. 1 авторъ говоритъ, что «Гуцули не знають хронольогічного численя часу, тому і не означують років біжучими числами, а називають іх то після подій, які лучили ся в Гуцульщині, то після місцевих та особистих обставин». Далѣе читаемъ, что они «називають весну святим Юрієм, літо святим Петром, осінь св. Димитрієм, а зиму святим Миколою» (ст. 1) и что къ тому же обозначаютъ времена года «від того, які чинности виконують, як напр.: йик бурьишку садили (май); йик сіно косили (серпень); на перше сапане (червень)» и т. д. (ст. 3). По нашему мнѣнію это опять-таки преувеличеніе, такъ какъ, съ одной стороны, гуцулы считаютъ и по годамъ (напримѣръ, „мене відобрали 81-ого року", т. е. въ 1881 г.), а съ другой, по событіямъ вѣдь считаютъ не только гуцулы, но и интеллигенція (во время французской революціи, во время

польскаго возстанія, въ то время, когда родился мой старшій сынъ и т. д.). Что же касается названія временъ года по именамъ святыхъ, то это справедливо лишь въ томъ отношеніи, что „на Юра“—значитъ весной, но чтобы весна отождествлялась съ „Юром“ и одно названіе можно было бы употреблять вмѣсто другого, это чистѣйшая выдумка. На ст. 9 авторъ говоритъ: „Йик сонейко зачинат змагати си в силу, а Божа днинка зачинат рости—тоді настае у Гуцулів новий рік“. Однако выраженіе это совершенно не гуцульское; кромѣ того, около новаго года (совпадающаго у гуцуловъ вмѣстѣ съ нашимъ) солнце нисколько не „змагат си в силу“, но едва показывается на нѣсколько часовъ въ полдень, въ остальное же время обыкновенно прячется за неровностями почвы, *а потому описываемое авторомъ явленіе нельзя соединять съ празднованіемъ новаго года.*—На ст. 243 авторъ описываетъ «рахманський великдень» и между прочимъ говоритъ: „Кромі сих повірій повістують в Гуцульщині, що шкаралущі, вкинені на воду, допливають у Туреччину, *де дають знати людям, що там остались на заробітках*, про настане Великодня. (Въ другомъ мѣстѣ авторъ утверждаетъ, что гуцулы на Пасху всегда возвращаются домой). Мині бачить ся, що *се буде властива причина вкиданя шкаралущ у ріку*, а то тим певніще, бо і в Борщівщині над Серетом і в Заліщиччині над Дністром кажуть люде, що робять те для того, бо богато людий жие у Турка в яснрі, они-б і не знали коли у нас Великдень, наколи-б не доплили до них шкаралущі з яець і писанок“. Конечно, почему бы не прислушаться и къ тому, что говорятъ «люди», но если ученый склоненъ принимать на слово все, что́ бы кто ни сболтнулъ, то въ результатѣ могутъ получиться печальныя неожиданности. И опять-таки тутъ очень бы пригодилось г. Шухевичу знакомство ну хоть съ сочиненіями О. Партыцкаго: „Рахманський великдень“ („Правда“ 1867, № 9—11) и Яцимирскаго: „Румынскія сказанія о рахманахъ“ („Жив. Старина“, 1900, кн. 2). Но трудно, впрочемъ, убѣждать автора въ полезности чтенія книгъ, если онъ этого не признаетъ.

Перейдемъ теперь къ колядкамъ. Все, сказанное нами по поводу пѣсенъ, вполнѣ приложимо и къ нимъ. Вотъ какъ раздѣлены колядки у г. Шухевича: 1) «Початок до коляд». 2) «Священикови». 3) «Коляди під вікнами». 4) «Коляди газді». 5) «Коляди газдині». 6) «Коляди вдовиці». 7) «Коляди парубкови». 8) «Коляди дівчині». 9) «Коляди дитині». 10) «Коляди загальні» (sic!). 11) «Кольида страстна».

12) «Коляда за Пречисту». 13) «Коляда за Апостолів». 14) «Умерла коляда и 15) «Столова коляда».

Повторенія колядокъ и отсутствіе указаній относительно варіантовъ, особенности которыхъ довольно значительны по той, вѣроятно, причинѣ, что гуцулы въ этой области часто импровизирують (въ опредѣленномъ, конечно, направленіи и родѣ), наблюдаются въ такой же степени, какъ и въ пѣсняхъ. Мы перечислимъ ихъ: стр. 44, № 13=стр. 46, № 16; стр. 50, № 2=стр. 32, № 4 и стр. 53, № 5; стр. 54, № 6 и 7 (варіанты; стр. 62, № 16=стр. 82, № 15; ст. 64, № 18=стр. 65, № 20; стр. 77, № 11=стр. 75, № 9; стр. 81, № 15=стр. 85, № 3; стр. 83, № 1=стр. 86, № 4 и стр. 190, № 8 (это пользующаяся широкой извѣстностью пѣсня:

«Я в лісі, в лісі, на перебою
Сидьи си голуб з голубиною» и т д.,

которую авторъ одинъ разъ печатаетъ подъ именемъ колядки, а потомъ вторично уже въ качествѣ пѣсни, поющейся во время танцевъ (sic!); стр. 90, № 6, 7, 8 (вар.); стр. 107, № 6 и 7=стр. 120, № 26, 27 и 28, 35 и 37 (съ удобствомъ можно было ихъ напечатать рядомъ); стр. 116, № 20, 21, 22 и 23 (вар.); стр. 129, № 38 и 39 (вар.); стр. 137, № 4=стр. 29, № 2; стр. 141, № 8=стр. 29, № 2 и стр. 38, № 4 (опять-таки можно было бы ихъ соединить); стр. 143, № 9=стр. 30, № 3; стр. 148, № 12 (это всего лишь отрывокъ, въ напечатаніи котораго особой потребности не ощущалось); стр. 152, № 18 и 19=стр. 53, № 5, стр. 154, № 20=стр. 36, № 2; стр. 186, № 5=вып. Ш, стр. 163, № 16.

А между тѣмъ на стр. 19 авторъ говоритъ: «Я зібрав коляди *з усіх сел галицької Гуцульщини* (мы уже упоминали о томъ, что этому нельзя вѣрить); з винятком кількох повторяють ся вони з менчими або більшими вариянтами по усіх селах; тому подаю тут тільки найповніщі, а для порівнаня додаю де-кілька вариянтів (не обозначая этого!), пропускаючи з зібраних рівнозвучні тай ті, в яких бракують цілі звороти, стрічки або котрі безладно з собою по дві або і три повязані». Но эти слова, какъ мы видѣли, не совсѣмъ то согласны съ истиной, что, собственно говоря, не разъ ужъ замѣчалось за авторомъ.—Колядку на стр. 140, № 7 слѣдовало бы сравнить съ напечатанной у Федьковича:

«Ой сів сам Христос тай вечеряти,
Входить до него божая Мати» и т д.

(Твори т. I, стр. 637). Да и вообще не мѣшало бы сравнить весь матеріалъ этого рода, имѣющійся у г. Шухевича, съ колядками Федьковича (Твори, т. I, стр. 604—654), который вѣдь самъ былъ по происхожденію гуцулъ и прекрасно изучилъ гуцульскую душу.

Если, однако, кто подумаетъ, что нашъ авторъ однѣ только пѣсни печатаетъ по два раза, тотъ жестоко ошибется. Такъ, напримѣръ, цитированныя уже нами выше слова о пѣсняхъ, мелодіяхъ и музыкальности гуцуловъ встрѣчаемъ опять въ I вып. на стр. 29 и въ III вып. на стр. 81. На стр. 31, I читаемъ, что „голову іх вкривае довгий, по середині по за вуха розчесаний, сильно маслом намащений волос"; а на стр. 122 опять видимъ то же самое съ незначительными, правда, измѣненіями: „Голову з буйним темним, по середині поділеним, на оба боки і карчило у кучері спадаючим, звичайно маслом намащеним волосом, вкривае Гуцул" и т. д. Какъ мало однако у автора наблюдательности, видно хотя бы изъ того, что надъ словами „по середині поділеним" (волосом) находится 61 рисунокъ, изображающій гуцула изъ Ростокъ съ непокрытой головой и нераздѣленными волосами, что вообще не составляетъ conditio sine qua non, и вопросъ еще въ томъ, не болѣе ли гуцуловъ ходитъ съ нераздѣленными волосами. О тяжелой одеждѣ (сравни нашу цитату, приведенную раньше) онъ пишетъ въ I вып. на ст. 31 и 134. На стр. 34, I читаемъ: „як увійдуть у хату, а застануть кого при ідженю, кажуть: Споживайте здорові!—Дай Боже здоровя, просимо і вас ршених!" А на стр. 140: „Харчуйте здорові!—Декувáть, просимо і вас ршених! Такими словами здоровлять Гуцули себе посполу, коли зайдуть до себе в пору обіду" и т. д.—На стр. 109, I находимъ описаніе „верклюги" съ иллюстраціей, а на стр. 187, II встрѣчаемъ ее опять. Какъ дѣлаютъ „гуслянку", авторъ сообщаетъ на стр. 141, I и потомъ повторяетъ то же самое на стр. 214, II. О томъ, что гуцулы въ „різьбярстві" работаютъ „один мудріще, другий ні, як хто втьик, той вдав", читаемъ во II вып., стр. 295 и 301 и т. д.

А теперь посмотримъ, какъ изданы пѣсни въ языковомъ отношеніи; на стр. 117, № 33, III читаемъ:

„Як би плаі обчистити, ліси прорубати
Щоби видко до фіялки, аж до его хати.

Однако вмѣсто *его* тутъ должно быть *ii*, на что указываетъ слово фіалка; кромѣ того, не дивчата же рубятъ лѣсъ, а парни, поэтому и такихъ желаній первыя не могутъ выражать.

На стр. 117, № 36, III читаемъ:

„А я вішов на улицу та зачьив гадати,
До котрої дівчиноньки старости післати"

. . . .

И дальше: „Волію я *у тій бідній* дороги топтати"... а должно быть: „Волію я до бідної дороги топтати".

На стр. 118, № 41 напечатано: "Ай не ме ж ті коштувати", и тутъ же немного ниже: „покладу *тьи* у лужко".—На стр. 119, № 46 читаемъ: „вечір" (черезъ і), но „любчика" и „очи" (черезъ и), хотя гуцулы послѣ ч обыкновенно выговариваютъ і, а не и.—На стр. 120, № 56 въ одной и той же пѣснѣ встрѣчаемъ роди*т* и роди'.—На стр. 121, № 58 попадаются *ше* и *що*, хотя гуцулы обыкновенно (не знаемъ только всегда ли и всюду) употребляютъ *ш* вмѣсто *щ*.—На стр 122, № 69 читаемъ:

„Ий бідна м'и, головонько, де мій ледінь дів си?
Йик би в гаю, у гаіку, гай *за*зеленів си".

Тутъ должно быть: «гай *би* зеленів си»; также и ниже, вмѣсто «гаік зелененький».—На ст. 123, № 71 читаемъ: «Ци до меі *Нуцишечки*»; такого имени не встрѣчается не только у гуцуловъ, но и вообще у народа. Очевидно въ запискахъ было иначе, но авторъ не вчитался хорошо и напечаталъ незнакомое имя собственнаго изобрѣтенія. Тоже самое повторяется и на ст. 163, № 16, гдѣ читаемъ: «Славне й місто *Солдове*, раду радьи радове». Но, какъ извѣстно, такого города нѣтъ не только въ Гуцульщинѣ, но и во всей Галиціи. А такъ какъ въ народныхъ пѣсняхъ неизвѣстныя мѣстности обыкновенно замѣняются близкими, знакомыми, то поэтому нельзя допустить такого названія въ пѣснѣ; очевидно авторъ тутъ опять напуталъ, не умѣя прочесть присланную рукопись.—На ст. 124, № 83 читаемъ: «А я траву *ти* рубаю», вмѣсто «не рубаю».—На ст. 125, № 90 напечатано:

«Ой дана, дана, дана, не піду *я* за Йвана,
Але піду за Данила, шобих *нічо* не робила.

То же повторяется и въ № 91. Между тѣмъ размѣръ позволяетъ предположить, что слова *я* и *нічо* лишни здѣсь, въ чемъ можно дѣйствительно убѣдиться, познакомившись съ другими варіантами.—На ст. 130, № 124 читаемъ:

«А прийшов я та до раю, *лишень подівитис.*
Відтів світі відтрутили, ще й хотіли *битис».*

А между тѣмъ тутъ должно быть: «лиш си подивити», «бити».—На ст. 135, № 161 читаемъ:

«Не я пйиний, не я пйиний, горівочка *пйана*
Та зажди ми до осени, дівчино кохана».

Гуцулы говорятъ «пений», поэтому выраженіе «пяна», необходимая для рифмы, указываетъ на то, что эта пѣсня не гуцульскаго происхожденія, и, вмѣсто «пйиний», должно быть также «пяний». На ст. 136, № 162 читаемъ: «Та заграй ми, сопівкарю, з сопівки *тесовоі».* Между тѣмъ размѣръ пѣсни позволяетъ думать, что, вмѣсто «тесовоі», должно быть другое какое-нибудь слово, напримѣръ, «новоі».—На ст. 137, № 171 читаемъ: «чому *оно-сь* (рѣчь идетъ о сердцѣ) не розсьиде з жалю великого». Въ народной поэзіи абсолютно невозможна такая форма (употребляющаяся исключительно галицкой интеллигенціей), какъ «чому оно-сь»; вмѣсто нея, должно быть: «чом воно си». То же нужно замѣтить и относительно формы: „Треба буде утопитись (ст. 140, № 190), вмѣсто: „Треба буде втопити си".—На ст. 141, № 194 встрѣчаемъ опять незнакомое имя: „Жепьинка".—Также не народна и форма: „В *ней* не миті лави" (ст. 144, № 213).—На ст. 149, № 247 читаемъ: „Ой сціваку, *ни рубаку ни руба* (?) сорочка". Вмѣсто „ни рубаку", должно быть „небораку".—На ст. 176, № 5 встрѣчаемъ „ізу везди", вмѣсто „ізувезди" (со всѣхъ сторонъ).—На ст. 189, № 7 напечатано: „Ой Сигота, козаченьки, Сигота, Сигота", а должно бы „з Сигота".—На ст. 223, № 34 читаемъ: „Збирай *коси,* Фитючику", вмѣсто „збирай ко си (ко=но).—Тоже самое наблюдаемъ и въ колядкахъ. На ст. 58, IV читаемъ: „Йа в постиречку, господаречку". Такъ какъ слово „постиречку" лишено попросту всякаго смысла, то мы думаемъ, что авторъ опять неудачно прочиталъ рукопись. На ст. 80, № 14 встрѣчаемъ слѣдующія три формы: ей, еі, і. Очевидно, что только послѣдняя изъ нихъ вполнѣ правильная, другая

на половину, а первая совершенно не народная.—На ст. 95, № 11 авторъ такимъ образомъ рифмуетъ: коня—Василе, а должны оба слова быть или на *е* или на *я*. Такими цитатами мы могли бы заполнить еще нѣсколько страницъ, но думаемъ, что и этихъ вполнѣ достаточно, чтобы доказать, насколько легкомысленно и ненаучно отнесся г. Шухевичъ къ народному тексту при печатаніи его. Да впрочемъ этого можно было ожидать, познакомившись только съ тѣмъ, что написалъ онъ о гуцульскомъ говорѣ (I, ст. 26—28), а особенно о колядкахъ (ст. 29), гдѣ говорится: „При колядах замітним є те, що де тільки дасть ся вставити й, там чути його в сьпіві. Ось пр.

Й а в поли *й*, в поли *й* рубять ся *й* двори *й*,
Рубять ся *й* двори *й* на штири *й* угли й и т. д.

То же самое повторяетъ онъ еще разъ на ст. 20, IV вып. Тутъ слишкомъ ужь большой пересолъ, чтобы не замѣтить его, но г. Шухевичъ этого именно и ищетъ.

Авторъ кое-гдѣ старался дѣлать поясненія къ тексту, если онъ казался ему малопонятнымъ. Такъ, напримѣръ, во время заручинъ поютъ пѣсню о томъ, какъ сынъ, находясь въ плѣну, шлетъ сначала письма къ отцу, матери, брату, сестрѣ и, наконецъ, къ дивчинѣ, но никто, за исключеніемъ послѣдней, особой заботливости о его судьбѣ не обнаруживаетъ. Пѣсня начинается такъ:

«Сидит *синок* й а в неволи і тяженько дише
Та до свого тата[1]) дрібне листе пише (III, ст. 14).

Г. Шухевичу почему-то слово «синок» показалось неумѣстнымъ и онъ поясняетъ его словомъ «донька». Правда, выраженія «доню», «донцю» употребляются въ качествѣ ласкательныхъ по отношенію къ дѣтямъ обоего пола, но въ данномъ случаѣ ничего подобнаго быть не можетъ, въ чемъ авторъ могъ бы убѣдиться: а) по варіантамъ этой пѣсни и б) по окончанію ея, гдѣ находятся слова:

«Ой буду я, мій миленький, гуси годувати,
Аби тебе, мій миленький, з неволі зволяти».

---

[1]) Нужно: татунейка.

А онъ отвѣчаетъ ей:

«Не треба тобі, моя мила, гуси годувати,
Коли хочеш й а з неволі мене визволяти» и т. д.

На ст. 124, № 84 (III) читаемъ:

«Ти Василю, сиди в билю, я буду *збуячу,*
Та йик буде темна нічка, я тебе зобачу.

Слово «збуячу» авторъ поясняетъ «збудую», не подумавъ даже о томъ, что же въ такомъ случаѣ будетъ означать въ этомъ мѣстѣ «збудую» и какой смыслъ получитъ вся пѣсня послѣ такой вставки. Онъ очевидно думалъ, что «буду»—это accus. sing. отъ бу́да, а не futurum отъ глагола бу́ти. Но если бы онъ потрудился заглянуть въ какой-нибудь сборникъ пѣсенъ и увидѣлъ, что, вмѣсто «збуячу», тамъ стоитъ «в бодачу», то, по всей вѣроятности, и не трудился бы давать объясненіе, да еще такое безтолковое.

На ст. 164, № 18 напечаталъ онъ пользующуюся широкой извѣстностью (совершенно не гуцульскую) пѣсню о чумакѣ, умирающемъ въ пути. Она у г. Шухевича начинается такъ:

«Ой ходив Джуман сім рік по долу,
Не мав же він пригодоньки на свою худобу.

Перемѣнивъ слово «чумак» на совершенно непонятное «Джуман», онъ затѣмъ старается пояснить его, но только слѣдующимъ образомъ: «Джуманъ мав буты великим богатирем з волоського боку (Буковини), що іздив заєдно сімома парами волів по долах (Поділю)». За какой надобностью?—спросимъ мы. Такъ себѣ, спорта ради? Относительно же чумака подобные вопросы совершенно лишни, такъ какъ всѣмъ отлично извѣстно, куда и съ какой цѣлью онъ совершалъ свои путешествія.

На ст. 166, № 20, авторъ поясняетъ слово «цара»=заграница и прежде всего Россія (хотя у него же на ст. 37, I тоже самое слово цара чужой край). Между тѣмъ «цара» означаетъ вообще земля, край и можетъ совершенно не употребляться въ значеніи Россія.

На ст. 171, III читаемъ: «А у мене у городци *лунчина* тогідна». На ст. 242, IV снова читаемъ: «Кусок сьвяченої солонини—*лу́нчина*, переховують довгі роки, даючи єі що рік посьвятити; вона зі ста-

рости пожовкне та стане мягкою, як масло. Як наближае ся буря, кидають кусень тоі *лунчини* в піч и т. д. Какъ видимъ, въ IV вып. авторъ говоритъ, что «лунчина» значитъ солонина (старая); въ III же вып., наоборотъ, утверждаетъ, что „лунчина"=сѣно. Между тѣмъ слово „лунчына" происходитъ отъ *лони* (ср. польск. łoni, latoś, лужицк. loni, woni, и прилагательныя: польск. łoński, чешск. lonský, хорв. lanski) и означаетъ—съ прошлаго года, нѣмецк. vorjährig, vom vorigen Iahre, vorigen Iahrs. „Лунчина", впрочемъ, можетъ употребляться въ значеніи и сѣно, и солонина, и сметана, и масло и т. д., но только прошлогоднее; самый же предметъ, какъ это думаетъ авторъ, этимъ словомъ не обозначается.

На ст. 221 находимъ собственное имя „Ясіне"; это—гуцульское село, расположенное на угорской территоріи и поэтому имѣющее наряду съ украинскимъ еще и мадьярское названіе; Kőrös-mező (чит. Керешмезе). Нашъ же авторъ, не зная мадьярскаго языка, довольно неудачно пишетъ, Kórosz-mező, что нужно прочесть: Ковросмезе.

На ст. 208 авторъ дѣлаетъ примѣчаніе такого содержанія: „Штолюк був опришком, *товаришем Довбуша*". Мы не представляемъ себѣ того, какимъ образомъ они могли быть товарищами, такъ какъ Довбушъ умеръ въ 1743 г., а Штолюк разбойничалъ въ двадцатыхъ годахъ XIX столѣтія и былъ повѣшенъ въ 1829 или 1830 году. Развѣ послѣ смерти сошлись!

На ст. 229, № 40 читаемъ:

„Ой на горі на високій, два війгране грают,
Николая молодого в цвинтари ховают".

Слово „війгране" авторъ поясняетъ: „Дикі кози=Gemse". Какъ подобная мысль пришла ему въ голову, трудно рѣшить. А между тѣмъ это слово даже и не требуетъ поясненія, такъ какъ оно совершенно понятно: орган, польск. органы, нѣм. Orgel—музыкальный инструментъ, на которомъ у католиковъ всегда играютъ во время погребенія, а „Николай" могъ быть и католикомъ или, можетъ быть, совершенно случайно его погребали католики. Впрочемъ, игры на органѣ могло и не быть во время погребенія, а въ пѣснѣ упоминается о ней просто для большаго эффекта.

Слово „ільчитий" авторъ одинъ разъ (III, 24) объясняетъ такъ: „мереженний, рівно як фоя на илі (ялици"), а потомъ во второй разъ уже,

какъ „дорого тканий“ (IV, стр. 125). Между тѣмъ это слово означаетъ извѣстный способъ тканья; „ільчитий рушник“ — тканный опредѣленнымъ способомъ, по извѣстному образцу, похоже на вѣточки ели.

На стр. 201—202 (IV) читаемъ, что гуцулки, начиная отъ Рождества до Новаго года, не выносятъ сора изъ избы, но сбрасываютъ его въ уголъ, а на Новый годъ выносятъ на огородъ и жгутъ, приговаривая: „Господи, будь ласкав уродити жита, пшениці, усьикоі пашниці! *Тирилай ся!* Після пояснень Гуцулів кличуть так на то, аби усе було веселе, як ся ватра, що з тих пометків горить. З викликом *Тирилай си—Кирилай си* перескакують тричі через вогонь там і назад“. По поводу слова „тирилай си“ авторъ счелъ нужнымъ сказать: „Яке значіне се слово мае, не далось мені розвідати. В Яворові кажуть: Тірилай си. Гуцули виговорюють часто *т* замість *к* і на оборот“. Болѣе неудачное толкованіе трудно и придумать. А жаль, что авторъ, будучи учителемъ реальнаго училища, не обратился къ кому-либо изъ своихъ товарищей, учителей гимназіи, любой бы изъ нихъ сообщилъ ему, что это таинственное слово — не что иное, какъ греческое Κύριε ἐλέησον — извѣстное почти всякому, кто бывалъ въ церкви.

Мы могли бы немало еще привести подобныхъ же цитатъ, но пора уже и кончить. Если обобщить все нами сказанное, то получится такой выводъ: 1) Работа г. Шухевича, несмотря на то, что она напечатана съ одобренія проф. О. Колессы и что по его же предложенію секція большинствомъ голосовъ признала ее ученою, на самомъ дѣлѣ ничего общаго съ наукой не имѣетъ, а является просто любительской работой и въ качествѣ таковой подлежитъ и соотвѣтственной оцѣнкѣ. 2) Кромѣ того, она представляетъ изъ себя собраніе матеріала, иногда даже очень цѣннаго, но изданнаго не научно и безсистемно. Поэтому то пользоваться этимъ матеріаломъ надлежитъ съ большой осторожностью, а дѣлать выводы на основаніи его слѣдуетъ избѣгать, главнымъ образомъ вслѣдствіе обобщеній, построенныхъ на случайныхъ фактахъ. 3) Наибольшею цѣнностью произведенія г. Шухевича являются рисунки, поясняющіе предметъ иногда лучше всякихъ авторскихъ описаній. Они несомнѣнный плюсъ работы г. Шухевича. 4) Главное же значеніе сочиненія г. Шухевича заключается въ томъ, что въ немъ собраны вмѣстѣ всевозможные матеріалы, касающіеся гуцуловъ, и затрагиваются различныя стороны гуцуль-

ской жизни, благодаря чему оно можетъ послужить когда-нибудь хорошимъ основаніемъ для научнаго уже изслѣдованія всей гуцульской территоріи. Если же мы, несмотря на это, не причисляемъ „Гуцульщину“ къ лучшимъ изданіямъ „Наукового Товариства імени Шевченка“, то думаемъ, что такой нашъ взглядъ на указанное сочиненіе достаточно аргументированъ, и съ этой стороны мы чувствуемъ себя вполнѣ безупречными...

М. Р.

Выдавныцтво „Викъ“. № 13. Мыхайло Грушевськый. Оповидання. *У Кыиви. 1904 г. VII+147. Ц. 35 коп., на кращому папери 65 коп.*

Въ книгѣ «Оповидання Грушевського» помѣщено пять разсказовъ: 1) «Бех-аль-Джугуръ», 2) «Бидна дивчына», напечатанный въ первый разъ въ 1886-мъ году въ «Степу», херсонскому беллетрыстычному збирныку; 3) «Неробочый Грыцько Крывый», 4) «Історія однои ночи» и 5) «Ясновельможный сватъ», написанный г. Грушевскимъ для первой книжки «Літ.-Наук.-Вістника» въ 1898-мъ году.

Первый разсказъ «Бех-аль-Джугуръ» представляетъ эпизодъ изъ войны англичанъ съ арабами, при чемъ представители культурной націи съ усовершенствованнымъ оружіемъ въ рукахъ стремятся навязать свою высокую культуру отсталымъ арабамъ, а послѣдніе почти съ голыми руками, воодушевленные фанатической мечтой объ ожидающей ихъ небесной наградѣ, выступаютъ на защиту своей религіи и родины. Картины сраженія, а также затишья, мѣткія характеристики англичанъ и арабовъ не оставляютъ мѣста сомнѣнію въ талантливости автора.

Разсказъ «Бидна дивчына» производитъ болѣе сильное впечатлѣніе, какъ по сюжету, взятому изъ обыденной жизни, такъ и по яркой разработкѣ темы. Исторію „биднои дивчыны“ можно встрѣтить почти ежедневно въ отдѣлѣ происшествій любой газеты, сообщающей, что такого-то мѣсяца и дня дѣвица такая-то покончила жизнь самоубійствомъ, причины неизвѣстны. Предполагать можно все, что угодно: любовную драму, нужду или просто пришла минута—оглянулся человѣкъ на свое прошлое, заглянулъ въ будущее—и нигдѣ ничего, за что бы можно было ухватиться, въ чемъ бы можно было найти смыслъ своего существованія. Такой моментъ изображенъ г. Грушевскимъ въ

его разсказѣ «Бидна дивчына». Героиня р[illegible] сельская [illegible]тельница, не знавшая тепла ни въ одномъ возра[illegible]оей жизни, [illegible] раннемъ дѣтствѣ въ домѣ своихъ родителей, г[illegible] смотрѣли, какъ на товаръ, который рано или поздно придется с[illegible], и только скорбѣли о томъ, что въ силу своей некрасивой наружно[illegible] можетъ обмануть ихъ надежды «Адже въ тій стари, де выросла вона, за-для дивчыны не було дороги, якъ тильки замижъ; то було биганина навыпередкы за чоловикомъ: коверзувалы, хитрувалы, скильки сылы, й горе, хто видстававъ—для неи вже не було мисця пидъ сонцемъ». «Замижъ, замижъ, замижъ» — змалку чула дивчына; про те, щобъ поставыты дивчыну на ногы, щобъ надаты ій сылы, хысту до жыття самій, не спыраючысь на чоловика—про те й не знавъ нихто. И то ввійшло въ косты и кровъ, що якъ хто хоче дитей похвалыты, про хлопчыка скаже: «розумный буде», а про дивчыну: «буде гарна». (Стр. 26). Но она „не була гарна". „Блиде лыце, сири очи, русе якъ пачосы волосся--ничого кращого не могла вона знайты, якъ не зачисувалася" (стр. 26). Послѣднее обстоятельство сильно ожесточило противъ бѣдной дѣвушки и безъ того немягкія родительскія сердца, и въ душѣ дѣвушки, кромѣ горечи вслѣдствіе сознанія своей непривлекательности, накопляется горечь отъ упрековъ за вину, въ которой она совсѣмъ неповинна. Но и сознаніе своей внѣшней непривлекательности, и упреки близкихъ, и тяжкую долю сельской учительницы, оскорбляемой на каждомъ шагу старшиной, писаремъ и т. п. мелкими людишками, играющими роль начальства въ отношеніи сельской учительницы,—все это можно было бы вытерпѣть, какъ это и терпятъ многія дѣвушки, имѣющія хоть какіе-нибудь идеалы, хоть какую-нибудь привязанность. Но у героини г. Грушевскаго нѣтъ идеаловъ, а есть только наука, преподанная ей ея отцомъ, пьянымъ неудачникомъ: „На симъ свити тымъ тильки жыты добре, хто вміе гнутыся, лазыты на жывоти, терпиты, сорому не знаты, жыты такъ, щобъ здавалося, наче тебе й нема.—Зитры гордыню, потовчы бажання, пидлый смиренія, розмишай послушаніемъ—и будешъ счастлывый...—казавъ винъ злисно, наче тыкавъ пидъ нисъ комусь отсымъ лыкомъ". (Стр. 33). Итакъ, весь ея жизненный скарбъ, вынесенный изъ дѣтства и юности, заключался въ служеніи, послушаніи и терпѣніи, но бываютъ минуты, когда эти надежные оплоты человѣка, пришибленнаго судьбой, отказываются ему служить. „Бувають таки часы въ чоловика, що мовъ якась рука свитъ передъ нымъ видтворыть, якесь свитло чу-

додійне освитыть подіи, думкы, життя ёго усе, й тамъ, де було саме звычайне, на що й не вважавъ винъ доси, що знавъ винъ добре,— зъявытся щось зовсимъ нове". (Стр. 36—37).

Такой именно моментъ просвѣтлѣнія пришелъ и для „бидной дивчыны". У нѣкоторыхъ одна минута такого просвѣтлѣнія можетъ измѣнить всю послѣдующую жизнь. „Така годына—бо часомъ се въ одну годыну разомъ станется—багато зминяе въ чоловикови: наче народытся вдруге. Якъ йе въ ёго сыла й хыстъ и воля дужа—поставыть винъ мету свою передъ собою, постановыть добуваты доли, або мстытся, й выйде зъ того щось або добре, або зле. Але що-жъ тому робыты, въ кого нема ани сылы, ани хысту, ани воли дужои, хто увесь викъ тильки тужывъ, хто самъ не ступывъ, рукою не посунувъ, якъ не штовхавъ ёго прытьмомъ голодъ, або чужа воля"?.. (Стр. 38—39). Въ такихъ именно обстоятельствахъ безъ силы и воли находится „Бидна дивчына", для нея нѣтъ цѣли и смысла въ жизни. Продолжать жить такъ, какъ жила она до сихъ поръ,—жить потому, что живется—она не можетъ: изсякъ источникъ смиренія и послушанія; выйти на новую дорогу и начать жизнь съ начала—она не въ состояніи, такъ какъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, у кого нѣтъ „ани сылы, ани хысту, ани воли дужои". Значитъ, для нея существуетъ одинъ исходъ—покончить разомъ со всѣми муками и униженіями, изъ которыхъ состояло все ея печальное существованіе; средство для этого всегда найдется подъ рукой. И въ данномъ случаѣ коробка фосфоровыхъ спичекъ сослужила службу нашей героинѣ и помогла ей освободиться отъ опостылѣвшей жизни. Вотъ содержаніе второго разсказа, написаннаго Грушевскимъ очень правдиво и сильно, безъ паѳоса и безъ растянутости. Останавливаемся такъ подробно на этомъ разсказѣ, чтобы лучше уяснить читателю писательскую физіономію автора, проявившаго, судя по этимъ первымъ пробамъ пера, недюжинный беллетристическій талантъ, откликавшійся на тяжелыя жизненныя драмы. Остальные три разсказа г. Грушевскаго, за исключеніемъ „Исторіи одной ночи", представляютъ уже не откликъ сердца на то или иное явленіе обыденной жизни, а скорѣе результатъ мысли, работающей въ извѣстномъ направленіи.

Историкъ-Грушевскій, работая въ архивахъ и обладая въ то же время талантомъ беллетриста, сердцемъ воскрешаетъ передъ читателемъ картины экономическихъ и соціальныхъ условій XVII-го и

XVIII вѣковъ въ двухъ разсказахъ „Неробочый Грыцько Крывый", и «Ясновельможный сватъ".

Первый изъ этихъ разсказовъ «Неробочый Грыцько Крывый», написанный еще во время студенчества Грушевскаго, отличаясь сильнымъ драматизмомъ, производитъ глубокое впечатлѣніе. Сюжетъ этого разсказа, какъ видно изъ примѣчанія автора, взятъ изъ декрета, напечатаннаго въ архивѣ юго-западной Россіи ч. VI, т. II, № 15. Самое названіе «Неробочый» примѣнялось въ XVIII-омъ вѣкѣ, какъ юридическій терминъ, къ крестьянамъ, переходившимъ по своей волѣ отъ одного помѣщика къ другому, «шукаючы, де краще», и вездѣ находя ту же панщину, «толоки и шарварки» и вѣчную ихъ спутницу—безпросвѣтную нужду. Самымъ драматическимъ мѣстомъ разсказа является послѣдній побѣгъ Грыцька съ больнымъ ребенкомъ и женой; ребенокъ умираетъ ночью въ лѣсу, куда уходитъ Грыцько, не рѣшаясь переночевать въ корчмѣ изъ опасенія погони. Жена набросилась на Грыцька съ упреками, называя его убійцей сына, а онъ, полуобезумѣвшій отъ горя и раздраженный упреками жены, схватилъ «ципокъ» и въ пылу досады убилъ ее наповалъ. Преступленіе обнаружилось. Грыцька судили и приговорили къ смертной казни, но «чы то зъ волі Божои, чы то зъ несправнои руки ката, чы то зъ счастя того забойци сталося, оповидае урядове справоздання, тильки катъ не видрубавъ Грыцькови головы видразу» (стр. 78). И вотъ въ силу особаго обычая Грыцька не казнили, а отдали духовнымъ на излѣченіе. Но рана была глубока, а лѣченіе велось плохо, и Грыцько, промучившись девятнадцать сутокъ, умеръ «добровольно», какъ сказано въ судебномъ протоколѣ этого дѣла. Вотъ и все содержаніе разсказа, написаннаго очень живо, благодаря чему воображенію читателя такъ и рисуется бѣдный Грыцько, странствующій въ поискахъ лучшихъ мѣстъ и теряющій въ концѣ концовъ и жену, и ребенка, единственное богатство, которое онъ имѣлъ.

Другой историческій разсказъ Грушевскаго «Ясновельможный сватъ» представляетъ картину общественной жизни въ Кіевѣ около половины XVII-го вѣка, когда все, что было лучшаго въ украинскомъ обществѣ, стремилось къ освобожденію родины отъ польскаго ига. Въ то время, какъ разсказъ «Неробочый Грыцько Крывый» представляетъ драму на сѣромъ фонѣ обыденной жизни, здѣсь въ разсказѣ «Ясновельможный сватъ» великія общественныя событія служатъ

мрачнымъ фономъ для свѣтлой идилліи, какою является сватовство и свадьба Грыцька Писченка съ «донькою Матербозкаго протопопа» Настусей. Разсказъ интересенъ не столько изображаемой въ немъ идилліей, сколько картиной жизни тогдашней интеллигенціи, къ числу которой принадлежитъ о. Кириллъ, ученый богословъ и библіофилъ, «спудей» кіевской академіи, Грыцько Писченко, и самъ «Ясновельможный сватъ» Богданъ Хмельницкій. Разсказъ изобилуетъ бытовыми подробностями, которыхъ особенно много находимъ въ описаніи торжественной встрѣчи митрополитомъ Богдана Хмельницкаго, «протектора руського народа и грецькои религіи», и въ описаніи пира въ день именинъ его.

Что касается разсказа «Исторія одной ночи», то онъ по сюжету, взятому изъ современной жизни, напоминаетъ первые разсказы г. Грушевскаго, отличаясь отъ нихъ только болѣе глубокой психологіей. Это произведеніе заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ въ немъ устами главнаго дѣйствующаго лица высказываются жизненные идеалы самого автора «Перше счастя чоловика вильно выконуваты те, що ёму каже ёго розумъ и совисть. Решта то не мае вагы то ἀδιάφορου, що зовсимъ ныкне передъ вичнымъ и неустаннымъ життямъ и розвоемъ передвичнои тройци: правды, добра и красы» (стр. 112). Вотъ слова героя повѣсти послѣ долгихъ сомнѣній въ пользѣ своей общественной дѣятельности и сожалѣній объ отсутствіи личнаго счастья. Изъ желанія найти это свое личное герой разсказа Борсукъ, въ теченіе всей своей жизни занятый только общественными дѣлами, рѣшается въ ночь подъ новый годъ, подъ вліяніемъ тоскливыхъ мыслей, жениться, съ тѣмъ, чтобы найти хотя одно любящее серце, которое бы билось для него; это ему не удается, и онъ остается одинокимъ, какъ ему кажется навсегда. Разочарованіе въ своемъ личномъ счастьи, такъ доступномъ каждому, значительно смягчается въ немъ, когда онъ случайно узнаетъ, что его литературно-общественная работа идетъ въ массу и будитъ въ ней мысль о добромъ и справедливомъ. Подъ вліяніемъ этого доказательства полезности своего труда онъ и рѣшаетъ, что смыслъ жизни и заключается въ служеніи великой тройцѣ: правдѣ, добру и красотѣ.

Однимъ изъ такихъ служителей этой тройцы является и самъ проф. Грушевскій, одаренный художественно чуткой душой и, хотя жаль, что онъ отдавшись цѣликомъ наукѣ, пересталъ откликаться на жизненные вопросы, но, принимая во вниманіе, что его служеніе

наукѣ не ограничивается кабинетной дѣятельностью, а идетъ навстрѣчу жизненнымъ потребностямъ общества, нужно надѣяться, что жизнь рано или поздно пробудитъ въ немъ снова потребность писателя подѣлиться своими наблюденіями съ публикой. Будемъ ждать, пока такой чуткій и отзывчивый писатель, какимъ является въ своихъ произведеніяхъ М. С. Грушевскій, обогатившись жизненными наблюденіями и научными знаніями, съ присущей ему искренностью подѣлится ими съ публикой.

А. Ш.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Одинъ изъ питомцевъ Сѣчевой школы. Къ числу извѣстныхъ уже документальныхъ свидѣтельствъ о существованіи школы въ Сѣчи Запорожской присоединяемъ и слѣдующее.

Въ 1774 г. жители села Котовки [1]), находившагося «во владѣніяхъ Войска Запорожскаго», въ Орельской паланкѣ, задумали построить церковь, выхлопотали «благословительную» грамоту кіевскаго митрополита (Гавріила Кременецкаго), собрали нужные матеріалы и приступили къ постройкѣ. Но для будущей церкви у нихъ не было священника, «которій бы какъ въ созиданіи реченного храма зрѣлѣйшій совѣтъ и порядокъ велъ, усердствуя къ скорѣйшему онаго состроенію, такъ би и в нужныхъ случаяхъ христіанскими требами ихъ вспомогалъ»; въ этой нуждѣ они обратились съ просьбой въ Кошъ Запорожскій, который вообще очень ревниво оберегалъ свое вѣковое «право подаванья» духовныхъ къ церквамъ, находящимся на территоріи «Вольностей войска Запорожскаго», и всегда требовалъ, чтобы прихожане представляли своего кандидата на его утвержденіе. Въ данномъ случаѣ такой кандидатъ нашелся въ самой Сѣчи: это былъ козакъ Кисляковскаго куреня Иванъ Андреевичъ Высота, какъ видно изъ послѣдующаго, довольно равнодушный къ воинскимъ подвигамъ, но за то «порядочно долгое время служившій *при войсковой запорожской школѣ*» и потому казавшійся всѣмъ вполнѣ подходящимъ кандидатомъ.

---

[1]) С. *Котовка* и нынѣ существуетъ въ Новомоск. у., Екатерин. губ., на р. Орели.

въ священство. Первоначальный выборъ его формально совершенъ былъ въ самой Котовкѣ, куда нарочито для этого прибылъ полковникъ Орельской паланки Цибодричъ съ полковой старшиной; здѣсь же прихожане заключили съ Высотою и договоръ о платѣ за совершеніе требъ и вообще относительно матеріальнаго обезпеченія своего будущаго «душ-пастыря». Кошевая старшина, отъ которой, кажется исходили инициативы въ этомъ дѣлѣ, охотно утвердила данный выборъ, и тогдашній кошевой Петръ Кальнышевскій приказалъ выдать Высотѣ «презентальное» письмо къ кіевскому митрополиту съ просьбою о рукоположеніи его въ священники. Независимо отъ этого Высота долженъ былъ еще заручиться рекомендательнымъ доношеніемъ митрополиту со стороны Старо-Кодацкаго духовнаго правленія. Въ этомъ доношеніи намѣстникъ іерей Григорій Порохня и членъ правленія іерей Троицкой Самарчицкой церкви Яковъ Соколовскій удостовѣряли, что «по учиненномъ объ ономъ Высотѣ отъ духовнаго правленія справкѣ является, что оный Высота, съ малолѣтства своего в Войско Запорожское Низовое зашедши, проживалъ *при войсковой запорожской школѣ в числѣ протчіихъ церковниковъ* безъ и малѣйшаго подозрѣнія, а по уволненіи оттоль женился вольностей войсковихъ Запорожскихъ въ мѣстечкѣ Самарчику на девицѣ и первимъ бракомъ», имѣетъ законные для священства лѣта, «да и продоволствовать себе в томъ селѣ Котовкѣ, въ которомъ теперъ дворовъ 73 имѣется, промежду обывателей и запорожскихъ козаковъ безнужно можетъ».

Въ Кіевѣ въ «катедрѣ митрополитанской», Высота далъ о себѣ такое показаніе: «Родомъ онъ полку Миргородскаго мѣстечка Крылова, кое нынѣ состоитъ подъ Новороссійскою губерніею; отецъ его былъ въ томъ мѣстечкѣ козакомъ, имя ему Андрей, а прозваніе Таранъ. Находился онъ при ономъ отцѣ его до умертвія его, при которомъ мало изученъ и руской грамматы; а по умертвіи оного отлучился онъ в Сѣчь Запорожскую, гдѣ принятъ Кислякѣвскаго куреня козакомъ Иваномъ Головкомъ, которымъ отданъ онъ для обученія руской грамати и писать *въ Сѣчевую школу, въ коей находился съ восьмнадцать годъ*, при томъ упражняясь при церкви тамошней Сѣчевой Покровской въ чтеніи и пѣніи, а потомъ 1769 года опредѣленъ онъ отъ Коша къ походной войсковой Георгіевской церкви дьячкомъ, при коей находился по 1772 годъ, а от оной, по возвращеніи съ похода, того жъ года отъ Коша жъ опредѣленъ въ мѣстечко Самарчикъ къ троицкой церкви дьячкомъ же и при оной находился

чрезъ 1773-й годъ; 1774-го жъ года женился первымъ бракомъ на дочерѣ вдовы козачки самарчицкой Марьи Богдановой, дѣвкѣ, и въ ономъ же мѣстечкѣ понынѣ онъ жительство имѣетъ и состоитъ въ званіи козачьимъ. Долговъ и начетовъ казенныхъ и никакихъ за собою не имѣетъ, въ штрафахъ и наказаніяхъ ни въ какихъ не былъ; въ бытность же свою онъ, Высота, въ походѣ, при походной войсковой церкви, на сраженіи не былъ и потому никого не убилъ, лѣтъ ему отъ роду 32».

Послѣ всѣхъ этихъ справокъ и въ уваженіе къ ходатайству кошеваго атамана, Иванъ Высота въ маѣ 1775 г. былъ рукоположенъ во священники въ с. Котовку «на весь приходъ».

Изъ обстоятельствъ этого интереснаго дѣла [1]) мы узнаемъ нѣкоторыя подробности, характеризующія положеніе и внутренній бытъ Сѣчевой школы. Иванъ Высота, осиротѣвъ на 10-мъ году своей жизни, случайно попадаетъ въ Сѣчь, и усыновившій его козакъ опредѣляетъ его въ тамошнюю школу, гдѣ онъ пребываетъ въ теченіе *восемнадцати* лѣтъ, исполняя въ то же время причетническія обязанности при Сѣчевой церкви. Спрашивается, что дѣлалъ онъ въ школѣ въ теченіе столь продолжительнаго времени? Курсъ ученія въ ней былъ не великъ: учили здѣсь только грамотѣ, письму и церковному чтенію. Очевидно, это была школа совершенно того же типа, что и приходскія школы въ цѣлой тогдашней Малороссіи, и построена была на тѣхъ же артельныхъ началахъ: учащіеся, по мѣрѣ усвоенія ими школьной премудрости, сами становились учащими и подъ руководствомъ главнаго мастера—«дидаскала» (онъ же и главный дьякъ мѣстной церкви) обучали меньшихъ, за что получали отъ нихъ особую плату. Такія лица именовались „выростками школьними“ или „молодыками“; они жили въ школьномъ зданіи артельнымъ способомъ и получали отъ прихожанъ жизненные припасы и денежныя подаянія, но за это обязаны были „услуговать церкви Божіей на клиросѣ“ и вмѣстѣ съ дьякомъ участвовать во всѣхъ церковныхъ службахъ. На такихъ условіяхъ желающіе могли оставаться въ школѣ, пока хотѣли; въ вѣдомости 1765 г. о приходскихъ школахъ г. Прилуки, въ спискѣ „молодыковъ и школьниковъ, при школѣ живущихъ“, мы встрѣчаемъ почти половину

---

[1]) За любезное сообщеніе коего редакція приноситъ благодарность В. А. Бѣднову, имъ же оно отыскано въ архивѣ Екатеринославской духовной Консисторіи.

лицъ въ возрастѣ отъ 30 до 39 лѣтъ. Нашъ Ив. Высота тоже проживалъ въ Сѣчевой школѣ до 26-лѣтняго возраста. Конечно, кто хотѣлъ, могъ оставить школу во всякое время и заниматься другимъ ремесломъ или превратиться въ „мандрованаго дьяка“ и вмѣстѣ „бакаляра“; но большинство посвящало себя такой профессіи, къ какой школа лучше всего приготовляла—причетнической, какъ поступилъ и Ив. Высота. Судя по его примѣру, можно заключать, что Сѣчевая школа воспитывала готовый контингентъ церковниковъ для приходовъ, быстро заселявшихся въ то время обширныхъ „вольностей Войска Запорожскаго“, при чемъ сѣчевая старшина сама и заботилась о назначеніи ихъ на ту или другую дьячковскую или священническую должность. Это обстоятельство должно было значительно содѣйствовать росту сѣчевой школы, открывавшей широкую дорогу своимъ питомцамъ. Вѣдь въ то время въ Гетманщинѣ для занятія священническаго мѣста обязательно требовалось образованіе въ „латинскихъ школахъ“, а здѣсь, при содѣйствіи Коша, хорошему дьячку нетрудно было „выдряпаться“ въ іереи. И нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что первоначальный контингентъ приходскаго духовенства Новороссійскаго края въ значительной части состоялъ именно изъ питомцевъ бывшей Сѣчевой школы.

О. Л.

Иванъ Чарнышъ и Михаилъ Милорадовичъ. Въ дополненіе къ помѣщенному нами въ Кіевской Старинѣ 1904 года (мартъ, апрѣль май) очерку дѣятельности генеральнаго судьи Ивана Чарныша, предлагаемъ найденный нами среди бумагъ А. М. Лазаревскаго (въ библіотекѣ университета св. Владиміра) документъ, служащій иллюстраціей къ тѣмъ событіямъ, которыми сопровождалось водвореніе Михаила Милорадовича въ Гадячѣ, послѣ того, какъ Чарнышъ былъ назначенъ генеральнымъ судьей. Свѣдѣнія, заключающіяся въ документѣ, относятся къ 1715 году и были собраны и оффиціально записаны на комышанскомъ сотенномъ урядѣ (гадяцкаго полка) тѣмъ самымъ сотникомъ Иваномъ Крупкою, который вскорѣ послѣ этого былъ смѣщенъ съ уряда Милорадовичемъ [1]). Мѣстечко Комышная принадлежала къ ранговымъ имѣніямъ гадяцкихъ полковниковъ, но Чарнышъ и послѣ своего

---

[1]) Кіев. Стар. 1904 г., апр., стр. 21.

назначенія генеральнымъ судьей, не хотѣлъ отказаться отъ владѣнія ею и тѣмъ вызвалъ крутыя и рѣшительныя мѣры со стороны Милорадовича, который, какъ это видно изъ документа, прислалъ сюда своего «рохмистра» съ двумя волохами для отобранія Комышной отъ Чарныша. Явившись въ Комышную, «рохмистръ» и его два помощника «казали» всѣхъ «граждан» комышанскихъ «избити», а затѣмъ заарестовали тѣ подводы, которыя были присланы отъ Чарныша «по пашню» и для возки дерева. Повидимому, въ моментъ появленія посланныхъ Милорадовичемъ въ Комышную, здѣсь происходили хозяйственныя работы по распоряженію Чарныша, несмотря на то, что это было глубокой осенью, а указъ о назначеніи Милорадовича въ Гадячъ состоялся еще 10-го іюля. Народъ, испытавшій на себѣ всю тяжесть державства Чарныша, льстилъ себя надеждой, что новый гадяцкій полковникъ будетъ для него болѣе легкимъ паномъ, и потому открыто выражалъ свою радость по поводу удаленія изъ Гадяча Чарныша. Вскорѣ, однако, жители комышанскіе и другіе поняли, что они попали лишь изъ огня да въ полымя, но въ ноябрѣ 1715 года, т. е. тогда, когда Милорадовичъ только еще вступалъ въ управленіе гадяцкимъ полкомъ, были случаи открытаго выраженія общаго довольства. Такъ Стефанъ Яценко, бывшій комышанскій сотникъ, и нѣкоторые другіе козаки, его „единомишленники", вовсе не негодовали на „рохмистра", а напротивъ, расхаживали среди комышанъ, „шаблю подъ полою державчи и кіи въ рукахъ носячи", и побуждали своихъ односельчанъ, чтобы тѣ Чарныша „зневажали", говоря слѣдующія слова: «Теперъ часъ маете, всякъ за свое говорѣте, а его (т. е. Чарныша) не бойтеся!" Самъ Яценко при этомъ не упустилъ случая ругнуть (не разъ, вѣроятно) Чарныша „матерними бридкими" словами, къ которымъ прибавилъ: и еслибы тутъ появился судія,—и въ очи не повстидився би его зневажити за свою жаль!" Не всѣ, однако, комышане были такъ храбры на словахъ, какъ Яценко, который, вѣроятно, былъ чѣмъ-то сильно обиженъ Чарнышемъ (весьма возможно, что тотъ его смѣстилъ съ сотничества и отдалъ этотъ урядъ Крупкѣ): многіе понимали, что Чарнышъ если и потерялъ полковничество, то не потерялъ своего положенія и силы, какъ генеральный судья и свойственникъ гетмана, и потому многіе изъ громады „отводили" Яценка, чтобы тотъ не безчестилъ Чарныша, но за это и сами себѣ „зневаги достали", а Яценко не унимался: „Я ему на всякомъ мѣстцу теперъ ровенъ; и що хвалится онъ мене въ Глуховъ отсилати, то впередъ

я его на шибиницѣ видѣтиму, и за сее не боюся; еще и предъ свѣтъ-великого государя чоломъ на его битиму, же мене на арматѣ державъ невинне!"

Дѣло едва не дошло до междоусобной брани между „подводянами и гражданами" которые караулили первыхъ, не пуская ихъ никуда изъ „мѣсца", отчего тѣ даже терпѣли голодъ... Чарнышъ, узнавъ обо всемъ происходящемъ въ Комышной, счелъ за лучшее посовѣтовать своимъ бывшимъ подданнымъ, все оставивши, „здоровье свое хороничи, уходити"...

Кромѣ дерзливыхъ словъ Яценка, комышанскій урядъ записалъ еще нѣкоторыя дѣйствія комышанъ, которыя такъ или иначе казались ему непозволительными по отношенію къ генеральному судьѣ. Козакъ Иванъ Зенкувскій, напримѣръ, допытывался у дворового десятника Олексы Баса, зазвавшы его во дворъ Яценковъ: откуда судейскіе „господари" брали дерево на строеніе, подозрѣвая, что оно взято у кого-либо насильно, и не смотря на то, что Олекса „праведно" сказалъ, что это дерево было куплено „за гроши", Зенкувскій „билъ его по щокахъ безъ милости", грозя и приказывая, чтобы тотъ сказалъ, что дерево „дарма въ лѣсахъ людскихъ рубано" и изъ него „двори, млини, комори и токи строено"... Семенъ Волошинъ, слуга Милорадовича, присланный послѣднимъ въ Комышную „на резидинцію", запрещалъ войту и подданнымъ ходить до двора Чарныша и отдавать ему послушенство, „приказуючи, аби его знали, а пана судіи больше не слухали"; кромѣ того, Волошинъ пересмотрѣлъ „на току" всѣ сборы, приставилъ къ нимъ четырехъ сторожей и отобралъ къ себѣ ключи; то же самое сдѣлано было имъ и въ Остаповкѣ; было все пересмотрѣно во „дворцѣ", отобраны ключи, всюду поставлены сторожа, дворнику не оставлено даже „йисти мало"; лошади, стоявшіе, „на станѣ", были прогнаны и велѣно сторожамъ не давать имъ сѣна...

Комышанскій урядъ и записалъ этотъ „зухвалній и бунтовничій поступокъ" комышанъ, которые „смѣли и важилися, честь его милости пана судіи енеральнаго испражняючи, досаждати, ругати и уближати", при чемъ можно думать, что этотъ протоколъ былъ составленъ подъ давленіемъ на сотенный урядъ со стороны Чарнышевого урядника Ив. Ставицкого. Это видно изъ простодушнаго признанія писаря „на тотъ часъ" Комышанскаго, мѣстнаго іерея Дмитра Калиновича, который, выгораживая, очевидно, на всякій случай, свое участіе въ этомъ дѣлѣ,

пряно сознается, что списывалъ протоколъ съ черновика, даннаго ему Ставицкимъ, безъ бытности старшины, а самъ онъ, іерей, „тому же не свѣдомъ“.

Року тисяча сѣмъ сотъ пятогонадцятъ, ноеврия осмого дня.

На ратуши комишанской, пред нами: Іваномъ Крупкою—сотникомъ, Трохимомъ Гречанимъ—атаманомъ городовымъ, Федоромъ Дирдою—войтомъ, Дорошемъ Гриценкомъ—бурмистромъ, зухвалний бунтовничий поступокъ комишанъ, которие смѣли и важилися, честь его милости пана судии енералного іспражняючи, досаждати, ругати, уближати, которихъ рѣчи туть нижей описалисмо.

Присланний от пана полковника гадяцкого рохмистръ з двома волохи в Комишную казал всѣхъ граждан избити, и до двора пана судѣнного асаули громаду пригнавши, подводи всѣ і якие по пашню от пана судии присланни були, а на остатние деревнѣ било наложено,—заарештовали и держали цѣлие сутки, стерегучи всѣ городомъ; где и Стефанъ Яценко, бивший сотникъ комишанский, з единомишленниками своими Іваномъ Зенкувскимъ, Яковомъ Ковтуномъ, Грицкомъ Римаренкомъ, хорунжимъ сотникомъ Семеномъ Передерѣенкомъ, шаблю под полою держачи и кии в рукахъ носячи, народъ побужали, аби его милость пана судию зневажали, мовлячи: Теперъ час маете, всяк за свое говорѣте, а его не бойтеся!“ И самъ Яценко, матерно лаючи бридкими словами, мовилъ; „Еслиби тут появился судия—и в очи не повстидився би его зневажити за свою жаль!“ И любо нѣкоторие змежи громади отводили (его), аби не безчестилъ (судію),—и за тое еще себѣ зневаги достали: „Я ему на всякомъ мѣстцу ровенъ; а що хвалится онъ мене в Глуховъ отсилати, то впередъ я его на шибеницѣ видѣтиму,—и за сее не боюся; еще и пред свѣтъ великого государя чоломъ на его битиму, же мене на арматѣ державъ невинне“. И тилко било пришлось до междуусобной брани подводянамъ з гражданами, же самихъ и бидло ихъ караулячи, понудили и поморили, не пускаючи из мѣстця нѣкуди; а когда дано вѣдати пану судии о томъ, тогда присланно, абы, все оставивши, здоровя свое хоронячи, уходили.

Іванъ Зенкувский десятника дворового Олексу Баса, зазвавши в дворъ Яценковъ, допитовался, вудки (откуда) деревню господарѣ судѣйские на строение бирали, который сказалъ, праведно, же за гроши

купованая; и за тое по щокахъ билъ безъ милости, грозячи и приказуючи ему, аби казалъ, что дармо в лѣсахъ людскихъ рубано и двори, млини, комори и токи строено.

Семенъ Волошинъ, слуга пана полковника гадяцкаго, присланний в Комишную на резидинцію, войтовѣ заказуетъ и грозитъ до двора пана судѣнного не ходити и подданнимъ не велитъ послушенства отдавати, приказуючи имъ, аби его знали, а пана судии болше уже не слухали; на току в Комишной всего збора пересмотрѣлъ и сторожу, человѣка чтирохъ, поставилъ и ключи поотбиралъ.

В Остаповцѣ также, до дворця зехавши, все перегляцилъ и ключи поотбиралъ, дворникови и йисти и мало не оставилъ, сторожею всюди пообводилъ, конѣ, на станѣ стоячие, казалъ вонъ вигонити и сѣна не давати сторожамъ загрозилъ.

Мы теди вишеписанная старшина обявленний на ратуши кгвалтовний поступокъ и чинячиеся долегливости его милости пану судии енералному од его милости пана полковника гадяцкого велѣлисмо записати и печатю городовою закрепити. Року и дня вижей писанного.

(Печать).

Другимъ почеркомъ. Любо и писалемъ я сий протестъ, которихъ вижей речонихъ старшини і людей подписалемъ, однакъ я з мазаного папѣру в дворѣ комишанскомъ чрезъ Івана Ставицкого, слугу пана судии енералного, сие переписалемъ без битности старшини комишанской; а я тому не свѣдомъ.

Іерей Дмитро Калиновичъ, на тотъ часъ писаръ комишанский.

(Съ подлинника).

Сообщ. **В. Модзалевскій.**

О базиліанахъ въ с. Маліовцахъ, подольской губ. Послѣ обращенія въ 1795 г. уніатской Крестовоздвиженской церкви и прихожанъ ея въ с. Маліовцахъ, ушицкаго уѣзда, подольской г., въ православіе, состоявшіе при этой церкви монахи базиліане остались безъ всякихъ обязанностей. „Поселившись,—какъ сказано въ дѣлѣ „о разныхъ злоупотребленіяхъ Базиліанскихъ монаховъ, водворившихся Ушицкаго повѣта въ селѣ Маліовцахъ“ [1]),—на жительство не далѣе

---

[1]) Архивъ Св. Синода. Дѣло 1810 г. № 4000 по каталогу Канцеляріи Об. Прокурора.

20 шаговъ отъ церкви, они производятъ въ келіяхъ своихъ богослуженіе по своему обряду, привлекаютъ къ слушанію онаго тамошнихъ жителей, разными ласкательствами стараются совратить паки въ унію, даже исправляютъ имъ требы; о прекращеніи каковыхъ злоупотребленій хотя неоднократно было заявлено тамошнему гражданскому правительству, но и за тѣмъ монахи сіи не воздерживаются отъ оныхъ". Дѣятельность монаховъ имѣла извѣстный успѣхъ среди мѣстныхъ крестьянъ, и нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ Матвѣй Корчинскій и Василій Мартыновъ, перешли въ уніатство, а сынъ Михаила Мельника—Лука (30 лѣтъ), записался даже въ церковное базиліанское братство. Такъ продолжалось дѣло до 1810 года, когда, по докладу министра юстиціи, государь повелѣлъ проживающихъ въ с. Маліовцахъ монаховъ причислить къ другимъ монастырямъ ихъ исповѣданія.

В. Страшкевичъ.

„Нѣсколько словъ о малороссійскихъ архивахъ" Въ августѣ минувшаго 1904 года мнѣ довелось посѣтить и ознакомиться съ нѣсколькими архивами, имѣющими значеніе для исторіи Малороссіи. Таковы архивы—Кіевской и Полтавской духовныхъ консисторій, Переяславскаго Вознесенского монастыря и др. Здѣсь мое вниманіе невольно остановилось на томъ поразительно небрежномъ отношеніи къ старымъ документамъ, какое мнѣ приходилось наблюдать. И прежде всего это нужно сказать объ архивѣ старыхъ дѣлъ при Кіев. дух. консисторіи. Во-первыхъ, попасть туда очень трудно. Имѣя оффиціальное разрѣшеніе заниматься въ этомъ архивѣ, я вынужденъ былъ пройти рядъ мытарствъ, прежде чѣмъ попалъ сюда.

Въ консисторіи мнѣ сказали: «Этотъ архивъ не нашъ, обратитесь въ духовную академію, къ проф. Н. И. Петрову». Въ академіи сказали: «мы тутъ не при чемъ, архивъ не нашъ, а консисторскій». Только путемъ одного личнаго знакомства мнѣ удалось получить ключъ отъ этого архива.—Архивъ отпертъ, но двери въ него нѣтъ; чтобы попасть сюда, нужно при помощи стула взобраться въ небольшое отверстіе, разсчитанное на самоотверженіе рискнувшаго попасть въ архивъ. Кое-какъ ползкомъ попадаете вы сюда. Темно и грязно въ этомъ помѣщеніи—чердакѣ. Дѣла въ полномъ безпорядкѣ, нѣкоторыя подгнили. Нѣтъ описи дѣлъ, нѣтъ никакой системы въ подборѣ дѣлъ въ связки. Комнаты для занятій не существуетъ; хотите заниматься—

сидите въ этомъ грязномъ, темномъ чердакѣ. Если вы проведете здѣсь нѣсколько дней, потомъ будете вспоминать объ этомъ времени съ ужасомъ (какъ о томъ меня и предупреждалъ одинъ кіевскій ученый). Между тѣмъ въ этомъ архивѣ еще и теперь сохранилось немало цѣнныхъ дѣлъ, преимущественно за 18 вѣкъ (есть и за 17), изъ старой Кіевской и Переяславской консисторій.

Къ сожалѣнію, многое уже растащено (о чемъ мнѣ заявляли въ Кіев. дух. академіи), такъ какъ надзора за этимъ архивомъ никакого не существуетъ.

Затѣмъ, укажу еще небольшой архивъ, хранящійся на колокольнѣ Кіево-Софійскаго собора [1]). Находится онъ въ помѣщеніи чрезвычайно неудобномъ. Дѣлъ въ немъ немного, но еслибы его тщательно осмотрѣть, можетъ быть тутъ и нашлось-бы кое-что интересное.

Спрашивалъ я въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ объ архивѣ. Здѣшніе монахи рѣшительно и съ неудовольствіемъ заявляли: «Нѣтъ у насъ никакого архива. Есть библіотека, туда пожалуйте». Между тѣмъ, кромѣ всѣмъ извѣстной библіотеки Михайловскаго монастыря, имѣющей много рукописей, должны быть здѣсь (если они старательно не уничтожаются монахами) цѣнныя архивныя данныя изъ исторіи этого монастыря. Куда они дѣвались?

Изъ Кіева поѣхалъ я въ Полтаву, чтобы позаниматься въ архивѣ здѣшней дух. консисторіи. «Архивъ консисторіи въ хорошемъ состояніи»—говорило мнѣ одно значительное лицо, которому подчиненъ архивъ. Но оно ошиблось. Правда, помѣщеніе архива далеко не такое, какъ въ отдѣленіи старыхъ дѣлъ архива Кіев. дух. консисторіи, но дѣла не въ лучшемъ порядкѣ. Описи дѣлъ искали и секретарь консисторіи, и архиваріусъ, но не нашли.

Дѣла въ связкахъ (я имѣю въ виду дѣла 18 в. и начала 19) соединены безъ всякой системы. Вообще отыскать что-нибудь въ этомъ архивѣ крайне трудно. «Насъ собственно интересуютъ дѣла за послѣдніе 70 лѣтъ, а остальныя намъ только въ тягость»—сказали мнѣ тутъ. Въ этомъ архивѣ сохранились нѣкоторыя интересныя дѣла за 18 ст., но, кажется, въ послѣднее время, къ сожалѣнію, изъ этого архива исчезло нѣсколько старыхъ дѣлъ.

---

[1]) Этотъ архивъ нужно отличать отъ извѣстной своими рукописями библіотеки Кіево-Соф. собора.

Заглянулъ я и въ Переяславъ. При Вознесенскомъ монастырѣ, при которомъ была каѳедра епископовъ полтавско-переяславской епархіи въ 18 и отчасти въ 19 в.в., хранилась масса цѣннѣйшихъ дѣлъ. Но теперь уцѣлѣло весьма немного. Остальное растащено—не столько «учеными» (какъ въ архивѣ Кіев. дух. консисторіи), сколько безграмотными монахами, разрушительная дѣятельность (говоря вообще) которыхъ по отношенію къ архивнымъ документамъ давно извѣстна (припомните, напримѣръ, случай изъ жизни знаменитаго митроп. кіевскаго Евгенія Болховитинова († 1837 г.), случайно натолкнувшагося на возы съ старыми рукописями, предназначавшимися невѣжественными монахами одного монастыря къ потопленію въ проруби).

Недавно назначенный настоятелемъ переясл. Вознес. монастыря архимандритъ Геннадій собралъ остатки нѣкогда большого архива и образовалъ изъ нихъ небольшой архивъ. Въ этомъ архивѣ все-же можно находить кое-что цѣнное. Къ сожалѣнію, въ порядокъ онъ не приведенъ, и въ связки рукописи соединены неудачно.

Въ переясл. Покровской церкви поинтересовался я и архивами старыхъ переяславскихъ церквей. Осталось весьма мало архивнаго матеріала. Настоятель Михайловской церкви сказалъ, что въ этой церкви архива почти не существуетъ. Архивъ переясл. Успенской церкви оказался запертымъ гдѣ-то въ сараѣ, ключа отъ котораго я, къ сожалѣнію, никакъ достать не могъ...

Говоря объ этихъ моихъ «архивныхъ» скитаніяхъ, я хотѣлъ-бы обратить вниманіе лицъ, интересующихся исторіей Малороссіи, на эти архивы. Мнѣ хотѣлось-бы, чтобы нашлись люди и средства для того, чтобы осмотрѣть эти и другіе архивы малороссійскіе, выбрать изъ нихъ болѣе цѣнное въ историческомъ отношеніи и образовать нѣчто въ родѣ *«центральнаго малороссійскаго архива»*. Если бы кто-нибудь откликнулся на эту мою мысль, нужно было-бы *поспѣшить* съ этимъ дѣломъ, потому что каждый годъ промедленія приноситъ уменьшеніе архивныхъ матеріаловъ. За послѣднія 20 лѣтъ, напримѣръ, погибло чуть-ли не $^{9}/_{10}$ архива переяславскаго Вознесенскаго монастыря и врядъ-ли менѣе половины архива старыхъ дѣлъ Кіевской дух. консисторіи.

Очевидно, спѣшить нужно.

Вл. П—ко.

Письмо В. М. Бѣлозерскаго къ Т. Г. Шевченку. Поспишаю до Васъ, дорогій намъ Кобзарю, Тарасе Грыгоровычу, зъ висткою: сёгодни ранкомъ, въ $^{1}/_{2}$ 4-й годыны, давъ намъ Богъ сына. Маемо надію, що вы не одмовытесь зъ намы покуматься [1];—благословить же малого козака на вырисгъ и на розумъ, и накажить матери ёго спивать оттакого котка: (чы знаете?)

„По-надъ моремъ Дунаемъ
Витеръ яворъ хытае;
Маты сына пытае:
—„Ой сыну мій, Иване,
Дытя мое кохане!
А чы тебе оженыть,
Чы у військо урядыть?
Якъ я тебе родыла,
Тяжко-важко нудыла;
Якъ я тебе колыхала,
Усю ниченьку не спала;
Якъ я тебе зростыла,
Сама себе звеселыла;
Якъ я тебе оженю,
Всю родыну звеселю;
Якъ я тебе въ військо 'ддамъ,
Соби жалю я завдамъ!“—
„Маты жъ моя ридная,
Порадонько вирная!
Исправъ мени тры трубы,
Да й уси тры мидяны,
А четвертую трубу
Исправъ мени золоту!
У въ одну трубу заграю,
Якъ коныка сидлаю;
А въ другую заграю—
На коныка сидаю;
А въ третюю заграю—

[1]) Жинка моя перва захотила, щобъ вы, а не хто иншый, булы хрещенымъ батькомъ.

Съ твого двора зйизжаю,
А въ четверту затрублю
Середъ війська стоючы
И шабельку держучы,
Щобъ зачула матуся
До утренни идучы,
Якъ голубка гудучы"!
—„Ой сыну жъ мій, Иване,
Дытя мое кохане!
Ой колы бъ же я зозуля,
Я бъ до тебе полынула!"—
„Якъ бы, маты, я сокилъ,
Я бъ до тебе прылетивъ!"
—„Росты жъ, сынку въ забаву,
Козачеству на славу,
Вороженькамъ въ росправу! [1])—

Правда, що Вы мени подякуете, що я Вамъ нагадавъ такого чудесного котка?

Чы не зайшлы бъ Вы *сёгодни* у вечери до мене: есть де-що Вамъ показать и запытать Вашои рады. Вси отси дни не ладылось, щобъ до Васъ зайты. Въ суботу Вы не заглянулы ни до мене, ни до кумы, а вчора зновъ я не бувъ у Варвары Яковлевны.

Вашъ до вику Васыль Б.

Николай Андреевичъ Вербицкій-Антіоховъ (*къ 35-лѣтію писательской дѣятельности*). Въ журналѣ „Псовая и ружейная охота" (ноябрь, 1904 г.) помѣщены И. Г. Рашевскимъ разсказанныя ему Н. А. Вербицкимъ воспоминанія. Появленіе этихъ весьма интересныхъ разсказовъ не менѣе интереснаго автора на страницахъ спеціальнаго журнала можетъ быть объяснено только постояннымъ сотрудничествомъ автора въ этомъ журналѣ, у котораго теперь—по его собственнымъ словамъ—„отъ прежней жажды дѣятельности, отъ страстныхъ увлеченій ничего не осталось; осталась только охота, бывшая съ девятилѣтняго возраста моей вѣрной и неизмѣнной спутницей". Между тѣмъ воспоминанія эти настолько любопытны и настолько касаются родного намъ

[1]) По свидѣтельству покойнаго А. М. Лазаревскаго, это была одна изъ любимыхъ пѣсенъ Т. Г. Шевченка.

края, что считаемъ не лишнимъ познакомить съ ними читателей „Кіевской Старины“.

Н. А. Вербицкій родился 1 февраля 1843 г. въ Черниговѣ; отецъ его, старшій секретарь губернскаго правленія, тщательно заботился о воспитаніи сына и «при помощи ременной трехвостки» внушалъ ему правила нравственности. Въ гимназію ребенка отдали 9 лѣтъ; здѣсь онъ шелъ первымъ и вмѣстѣ съ другимъ своимъ товарищемъ былъ назначенъ старшимъ въ классѣ, т. е. имѣлъ право носить мундиръ съ офицерскими погонами, а обязанности его состояли въ томъ, что онъ долженъ былъ смотрѣть за порядкомъ въ классѣ, записывать на доскѣ шумѣвшихъ товарищей и представлять на благоусмотрѣніе начальства классный журналъ. Званія этого Вербицкій лишился во 2 кл. за то, что по дружбѣ къ товарищу передѣлалъ въ классномъ журналѣ единицу на 4; за это его «пребольно» высѣкли, сорвали офицерскіе погоны и засадили на послѣднюю скамейку. Возстановленъ былъ въ правахъ старшаго и получилъ погоны Вербицкій только въ 7 классѣ.

Въ университетъ св. Владиміра онъ поступилъ 16 лѣтъ и съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на жрецовъ науки, излагающихъ, какъ то дѣлалъ проф. Делленъ, римскую литературу и древности на латинскомъ яз.; то восторгался до обожанія громкими и красивыми фразами проф. Селина, то съ недоумѣніемъ, доходящимъ до головной боли, старался вникнуть въ непроглядную тьму философіи проф. Гогоцкаго. Но скоро юноша убѣдился, что профессора только «пугают» своею ученостью. Когда онъ слушалъ лекцію проф. Ставровскаго о великомъ переселеніи народовъ, гдѣ изъяснялось, что «гуны были, такъ сказать, народъ свирѣпый и ѣли, изволите видѣть, сырое мясо; они клали его на спину лошади, садились, такъ сказать, на него верхомъ, и мясо, сдавленное, такъ сказать, сжатое, изволите видѣть, стиснутое подъ ляжками, подъ бедрами, такъ сказать, подъ гунскими, получало особый вкусъ»; или же уразумѣвалъ, какъ проф. Гогоцкій, приставивъ перстъ ко лбу, изъяснялъ: «ничто есть ничто, но оно перестаетъ быть таковымъ потолику, поколику мы будемъ подниматься на высоты отвлеченія»,—то рѣшилъ себѣ: «нѣтъ, братъ, шалишь не надуешь». Такъ какъ матеріальное положеніе автора воспоминаній было весьма горькое (онъ жилъ на Назарьевскомъ проулкѣ, платя $1^1/_2$ руб. въ мѣсяцъ за подвалъ, мебель котораго составляли столъ и сломаный стулъ, и питался пятикопѣечной булкой изъ муки втораго

сорта; да кромѣ того стѣна въ его подвалѣ завалилась и онъ въ мартѣ мѣсяцѣ остался голодный и безъ пріюта), то, получивши отъ своихъ гимназическихъ товарищей изъ Петербурга нѣсколько писемъ, что «въ Питерѣ университетъ прелесть и работы можно достать, сколько угодно»—онъ рѣшилъ ѣхать туда. Появленіе его въ Петербургѣ совпало съ волненіями въ тамошнемъ университетѣ, который закрыли, а молодежь разослали. Впрочемъ, въ Петербургѣ Н. А. имѣлъ маленькій заработокъ въ «Основѣ», которая скоро скончалась «отъ недостатка питанія». Н. А. снова возвратился въ Кіевъ, гдѣ и прожилъ 3 года въ качествѣ „вольнопрактикующагося молодого человѣка", потому что ему не дозволялось поступить въ университетъ, и только въ концѣ 3-го года ему дозволено было держать кандидатскій экзаменъ. Изъ экзаменаціонной эпохи интересенъ разсказъ объ экзаменѣ по греч. яз. у проф. Нейкирха. Выучивши наканунѣ экзамена при помощи товарища-классика одну главу изъ „Киропедіи", умѣя читать по-гречески, склонять членъ и зная одну фразу изъ греческой хрестоматіи, которая въ переводѣ значила „пьянство есть малое бѣшенство", авторъ предсталъ передъ профессоромъ. Нейкирхъ пожевалъ губами.—Берите билетъ!

— Господинъ профессоръ, я безъ билета.—Нейкирхъ пожевалъ губами вторично.

— Ну, что вы такое знаете?

— Ксенофонта переводить могу.

— А?! Ну, всего Ксенофонта?

— Нѣтъ, одну главу изъ „Киропедіи". Профессоръ заставилъ перевести нѣсколько строкъ.

— Вы и посрединѣ знаете.

— И посрединѣ. Онъ заставилъ перевести нѣсколько строкъ въ срединѣ главы.

— Вы и въ концѣ знаете?

— И въ концѣ. Конецъ главы переведенъ благополучно.

— Что вы еще знаете?

— Десять стиховъ изъ Одиссеи.—Пришлось перевести Одиссею.

— А что вы еще знаете?

— Членъ склонять умѣю.

— Просклоняйте.—Просклонялъ.

— А еще что знаете?

— Больше ничего, профессоръ.

— Можетъ вы спрягать умѣете?

— Не знаю.

— Ну, какъ-нибудь, можетъ какъ-нибудь?

— И какъ-нибудь не знаю.

— Ну, можетъ, склоните мнѣ аористъ отъ τύπτω?

— Не знаю, г-нъ профессоръ.

— Ну, какъ-нибудь, попробуйте. Я попробовалъ. Нейкирхъ заткнулъ уши.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Это совсѣмъ не то, это совсѣмъ не по-гречески. Я вижу, вы не умѣете.

— Не умѣю.

— Да, да. Жаль, очень жаль; но все-таки, я вижу, вы трудились; но я не могу вамъ три поставить, а только 2.

Такой результатъ былъ большою радостью для экзаменующагося, потому что Нейкирхъ ставилъ на экзаменѣ ноли, половины; для полученія диплома достаточно было единицы.

Интересны и служебныя мытарства Н. А. По окончаніи университета онъ былъ назначенъ въ 1865 г. въ Полтаву, гдѣ сразу же завоевалъ симпатіи гимназистовъ и гимназистокъ и гдѣ, по его словамъ, блаженствовалъ на подобіе птицы, „весело ходившей по тропинкѣ бѣдствій“. Первое бѣдствіе произошло въ женской гимназіи, гдѣ начальница грубо оскорбила одну выпускную ученицу, опоздавшую на уроки, приказавъ швейцару вытолкать ее на улицу. Швейцаръ буквально исполнилъ распоряженіе начальства: онъ далъ въ шею бѣдной дѣвушкѣ, вытолкалъ ее на улицу и заперъ за нею дверь. Подруги оскорбленной ученицы поголовно всѣ „подали въ отставку“. Дѣло, впрочемъ, окончилось благополучно: педагогическій совѣтъ опредѣлилъ начальницѣ извиниться передъ обиженною, а дѣвицы снова всѣ были приняты въ гимназію. Но начальница не пожелала извиняться и подала въ отставку; а это была дама съ вліяніемъ. Н. А. же признается, что въ этомъ дѣлѣ „была и его капля меду“.

Въ это же время при Полтавской гимназіи былъ упраздненъ благородный пансіонъ и назначена была ревизіонная коммиссія для провѣрки оставшагося имущества. Коммиссія нашла въ исправности негодные матрацы, изорванныя простыни, наволоки, дряхлые сапоги и пр., но серебряныхъ ложекъ не оказалось. Обвинили въ ихъ исчезновеніи переведеннаго въ Варшаву инспектора и положили передать

дѣло волѣ окружнаго начальства. Директоръ же послѣ благополучной ревизіи, задалъ хорошій ужинъ, гдѣ Н. Ан. „по неумѣстной любознательности“ открылъ на ложкахъ штемпель П. Б. П., о чемъ и „сообщилъ гласно“. Теперь его обвинили въ злокозненности, въ развращающемъ вліяніи на учениковъ и перевели для пользы службы въ Черниговъ (1866 г.).

Въ Черниговѣ Н. А. прожилъ 9 лѣтъ; сначала онъ держалъ себя тише воды, ниже травы; но потомъ «молодая энергія не осталась въ бездѣйствіи: онъ съ товарищами велъ непрестанную войну съ директоромъ Кустовымъ, «желавшимъ управлять педагогическимъ совѣтомъ на подобіе турецкаго султана»; въ качествѣ гласнаго городской управы онъ побѣдоносно боролся съ городскимъ головою и управою; редактируя земскій сборникъ, онъ «обрабатываетъ» старую управу за нелѣпую постройку дома умалишенныхъ; но особенно огорчали многихъ его фельетоны въ «Кіев. Телеграфѣ» и «Недѣлѣ». Вербицкій былъ въ зенитѣ своей популярности, но и Кустовъ не дремалъ. Въ 1873 г. Черниговъ посѣтилъ министръ нар. просвѣщ. гр. Толстой и нѣсколько разъ былъ на урокахъ Н. А., чтобы найти предлогъ къ его изгнанію; но уроки не только словесности, но и латинскаго яз., какой преподавалъ Вербицкій, были блестящи. На торжественномъ обѣдѣ министру одинъ изъ земцевъ, когда зашла рѣчь о гимназіи и Вербицкомъ въ частности, сказалъ, что слѣдуетъ поощрять способныхъ преподавателей и что награды особенно заслуживаетъ Вербицкій.

— Награды?!—возразилъ Толстой: пусть будетъ доволенъ тѣмъ, что я его не выгоняю.

Послѣ благополучной ревизіи положеніе Н. А. не только не улучшилось, а стало скоро исключительнымъ: въ Мглинскомъ и Суражскомъ уѣздахъ случился голодъ, а за нимъ и волненія, потребовавшія административныхъ мѣропріятій. Было въ это время перехвачено письмо какой-то дамы, въ которомъ говорилось объ участіи Вербицкаго въ возмущеніи крестьянъ с. Любещанъ. Возникло цѣлое дѣло, и на Вербицкаго посыпались обвиненія въ украинофильствѣ, въ подговорѣ крестьянъ къ бунту. Въ Черниговъ пріѣхалъ попечитель Антоновичъ и потребовалъ виновника.

— Что вы натворили?

— Ничего предосудительнаго не дѣлалъ.

— Охота была вамъ съ бабою связываться. Теперь вотъ и раздѣлывайтесь: она васъ подвела.

— Да ни съ какой бабой я не связывался.

— И не связывайтесь. Эти бабы хуже отравы. Что же вы теперь намѣрены дѣлать?

— Я, ваше превосходительство, самъ понимаю, что теперь мнѣ въ гимназіи не мѣсто: прійдется искать другой дѣятельности.

— Ну, нѣтъ, это не резонъ: ваше мѣсто именно въ гимназіи, только не здѣсь. Я вамъ это устрою.

Результатомъ этого свиданія была бумага изъ министерства о переводѣ Н. А. для пользы службы въ Рязань; но въ этой же бумагѣ было прибавлено, что «если онъ не пожелаетъ воспользоваться предоставляемымъ ему мѣстомъ, то будетъ отправленъ въ Рязань вообще».

Если отъѣздъ Н. А. изъ Полтавы сопровождался оваціями цѣлой толпы юношей, стоявшихъ у его квартиры, проводомъ на почтовыхъ лошадяхъ до первой станціи, безконечными объятіями и цѣлованіемъ,—то выѣздъ его изъ Чернигова былъ еще болѣе грандіозенъ. Правда, гимназистовъ не пустили проводить любимаго наставника, но за то несмѣтная толпа наполнила площадь передъ конторою дилижансовъ; тутъ были земцы, городскіе гласные и особенно много бѣдныхъ еврейчиковъ, считавшихъ его своимъ благодѣтелемъ. «А я, говоритъ Н. А., сидѣлъ въ дилижансѣ, уткнувшись въ спинку носомъ, и сердце мое разрывалось отъ боли».

Не сладка была жизнь его въ Рязани, а съ 1886 года и въ Орлѣ, гдѣ онъ прожилъ до 1900 г., когда былъ уволенъ по прошенію «по причинѣ тяжкой и неизлѣчимой болѣзни».

Передавая содержаніе воспоминаній Н. А. Антіохова-Вербицкаго, относящіяся къ его жизни въ Кіевѣ, Черниговѣ и Полтавѣ, мы не можемъ не высказать сожалѣнія, что отличаются онѣ необычайною краткостію, особенно же времена студенческой жизни почтеннаго автора. Между тѣмъ, намъ извѣстно, что Н. А. принималъ весьма живое участіе въ веденіи воскресныхъ школъ того времени, а также—обладая перомъ и карандашомъ—онъ былъ однимъ изъ ревностныхъ сотрудниковъ рукописнаго сатирическаго журнала «Помыйныця». Очень желательно бы было видѣть въ печати его воспоминанія и объ этихъ временахъ.

Муж. пансіонъ Гедуэна въ Кіевѣ. 21 сент. 1840 г. попечитель спрашивалъ Бибикова, признаетъ ли онъ съ своей стороны по-

лезнымъ открытіе въ Кіевѣ учителемъ Гедуэномъ частнаго мужскаго пансіона по приложенной программѣ.—Отвѣта долго не было. 1 сент. 1841 г. послѣдовалъ вторичный запросъ.

23 сент. 1841 г. послѣдовалъ отвѣтъ Бибикова князю Давыдову:

„Не нахожу препятствій къ дозволенію учителю кіев. 1-й гимназіи Петру Гедуэну открыть въ Кіевѣ частный муж. пансіонъ, на степени уѣздныхъ дворянскихъ училищъ, если г. Гедуэнъ не воспитывался въ Кременцѣ или не былъ тамъ учителемъ, если онъ извѣстенъ В. С-ству, какъ человѣкъ благонадежный, и направленіе, которое пансіонъ его возымѣетъ, будетъ совершенно согласно съ тѣмъ направленіемъ, которое правительство старается дать воспитанію здѣшняго юношества.

Программа частнаго мужскаго пансіона.

„Соглашаясь на предложенія многихъ почетныхъ особъ и родителей, имѣющихъ ко мнѣ довѣренность и желающихъ помѣстить у меня дѣтей своихъ для первоначальнаго воспитанія, я намѣреваюсь открыть частный пансіонъ по слѣдующей программѣ:

1) Цѣль сего заведенія есть первоначальное образованіе дѣтей соотвѣтственно 1-му, 2-му и 3-му классу гимназіи.

2) Предметы ученія будутъ: Зак. Божій, языки: Русскій, Латинскій, Франц. и Нѣмецкій, Ариѳметика, Географія, начало Геометріи и Алгебры, Исторія, Чистоп. и Рисованіе, а по желанію родителей—музыка и танцы. Воспитанники будутъ въ разговорахъ употреблять Франц. и Нѣм. языки, дабы заблаговременно могли пріобрѣсти хорошее произношеніе и свойственные симъ языкамъ обороты.

3) Преподавателями учебныхъ предметовъ будутъ учители, имѣющіе на сіе право и позволеніе отъ училищнаго начальства.

4) Наибольшее число учениковъ предполагается до 20 ч.

5) Пансіонъ будетъ помѣщенъ въ удобномъ къ сему домѣ полковника Брозина, въ Липкахъ.

6) Пища для дѣтей будетъ приготовляема изъ свѣжихъ припасовъ и въ достаточномъ количествѣ. Въ 7 часовъ утра чай со сливками и бѣлый хлѣбъ, въ 12 часовъ обѣдъ изъ супу и трехъ кушаньевъ; въ 5 часовъ популудни чай со сливками и бѣлый хлѣбъ, въ 8 часовъ вечера ужинъ изъ 2-хъ кушаньевъ. Воспитанники будутъ вставать поутру въ 6 часовъ, а ложиться въ 9 часовъ вечера.

7) Комнаты для помѣщенія учениковъ будутъ надлежащимъ образомъ отапливаемы и освѣщаемы, надлежащая прислуга и мытье бѣлья для иногородныхъ будутъ на счетъ содержателя; если же родители пожелаютъ давать служителей для своихъ дѣтей отъ себя, то на сей счетъ долженъ быть особый договоръ.

8) Плата въ годъ назначается за каждаго ученика по 300 р. сер., за исключеніемъ уроковъ искусствъ. За уроки музыки и танцованія, по желанію родителей, платится сверхъ того 150 р. сер. Кромѣ сего, каждый ученикъ долженъ имѣть собственныя: одежду, обувь, бѣлье, кровать, книги, бумагу, перья и карандаши, также серебряную ложку, ножъ, вилку и шесть салфетокъ. Сей столовый приборъ, равно какъ и кровать, по удаленіи ученика изъ пансіона, должны остаться въ пользу содержателя.

9) Для больныхъ будетъ особая комната; ихъ посѣщать будетъ г. докторъ Бржезинскій. Издержки на пользованіе больного воспитанника должны быть содержателю возвращены родителями.

10) Надзоръ за поведеніемъ, прилежаніемъ, порядкомъ и исправностію воспитанниковъ ввѣренъ будетъ домашнему надзирателю, извѣстному по своему хорошему поведенію и рачительности какъ мнѣ самому, такъ и училищному начальству, который безотлучно будетъ находиться при дѣтяхъ. Сверхъ сего я самъ, какъ содержатель, принимающій на себя отвѣтственность во всемъ, что касается какъ нравственнаго, такъ и умственнаго образованія воспитанниковъ, поставляю себѣ священнымъ долгомъ неусыпное усердіе и попеченіе о ввѣренныхъ мнѣ воспитанникахъ, дабы, сообразуясь совершенно съ цѣлію просвѣщенія, удовлетворить въ полной мѣрѣ желанію и довѣрію ко мнѣ какъ родителей, такъ и училищнаго начальства. Учитель фр. языка *П. Гедуэнъ*.

Музей имени Котляревскаго въ Полтавѣ. Г. Сердюкомъ въ „Полтавщинѣ“ (№ 27, „Къ вопросу о Полтавскихъ музеяхъ“) вновь поднятъ вопросъ о музеѣ имени Котляревскаго. Упомянувъ о чисто формальномъ отношеніи къ этому вопросу городского управленія, авторъ замѣтки предлагаетъ слѣдующую программу устройства этого музея:

„I. Коллекція вещей, связанныхъ съ памятью о поэтѣ: а) портреты, картины, утварь, одежда и вообще предметы обихода, б) вѣнки,

адреса и папки, полученныя городской управой въ дни открытія памятника.

II. Собраніе изданій сочиненій И. П. Котляревскаго, вышедшихъ до сихъ поръ, а также: а) рукописи, б) письма, в) списки и т. п.

III. Общая малорусская научно-литературная библіотека.

Помимо того, что полтавцы *обязаны* докончить чествованіе памяти знаменитаго земляка и гражданина своего, они должны попутно придти къ убѣжденію о разрѣшеніи другой близкой къ этому задачи—созданія музея школьныхъ пособій съ отдѣломъ подвижного музея для другихъ своихъ школъ; тѣмъ болѣе, что была мысль—проектируемый музей соединить въ одномъ зданіи со школой имени И. П. Котляревскаго. Музеи школьныхъ пособій существуютъ и даже процвѣтаютъ въ другихъ городахъ по иниціативѣ земствъ, у насъ же ихъ пока совсѣмъ нѣтъ, и это, какъ разъ, должно бы побудить городскую управу совмѣстно съ училищной комиссіей стать піонерами этого дѣла для Полтавщины. Совмѣщая оба названные музея, къ вышепреведенной программѣ можно было-бы добавить еще слѣдующіе два отдѣла:

IV. Школьно-историческій, содержащій коллекцію, характеризующую старинную украинскую школу и дѣятельность „мандрованыхъ“ дьяковъ и

V. Собраніе современныхъ школьныхъ пособій съ подвижными коллекціями.

При такой постановкѣ программы музей представилъ-бы законченное цѣлое и не былъ бы случайнымъ безпочвеннымъ явленіемъ“.

Извѣщеніе редакціи. На образованіе капитала имени И. С. Левицкаго, по поводу исполнившагося 35-тилѣтія его литературной дѣятельности, для изданія украинскихъ книгъ для народа прислано намъ 1) видъ украинськыхъ пысьменныкивъ—26 руб.; 2) видъ выдавныцтва „Викъ“—10 р.,—всего 36 р., что вмѣстѣ съ прежними 34 р. 86 к. (См. № 1-й) составитъ *70 р. 86 к.*

Текущія извѣстія.

Земельный и земскій вопросъ на Украинѣ. Останавливаясь на вопросахъ коренной реформы крестьянскаго быта, г. Л. П. („Правовая основа землевладѣнія сельскихъ сословій въ Малороссіи, въ „Полтавщинѣ“, № 24) справедливо указываетъ на необходимость примѣняться къ правовымъ исторически сложившимся воззрѣніямъ украинскаго населенія. „Проведенные въ названный районъ путемъ государственной регламентаціи общинные (мірскіе) порядки (по типу великорусской общины) не только не привились на югѣ Россіи, не только усложнили здѣсь поземельныя отношенія крестьянъ, но и въ значительной мѣрѣ способствовали перепутанности этихъ отношеній. Предпринятая и осуществляемая въ теченіе полувѣка попытка провести въ жизнь населенія земельно-правовыя нормы, построенныя на чуждыхъ для населенія принципіальныхъ основаніяхъ, при отсутствіи соотвѣтствующихъ понятій въ міровоззрѣнія коренного южно-русскаго населенія, такая попытка не могла способствовать упорядоченію взаимоотношеній населенія въ земельномъ дѣлѣ. Такъ называемое *подворно-участковое* землевладѣніе крестьянъ, при отсутствіи въ міросозерцаніи южно-русскаго населенія понятій о великорусскомъ *„дворѣ“*, представляетъ собою почти сплошную путаницу земельныхъ отношеній. И такое положеніе вещей неизбѣжно, такъ какъ существующія въ населеніи понятія, его собственныя правовыя воззрѣнія не могли не видоизмѣнять несоотвѣтствующихъ его бытовому укладу нормъ писаннаго закона. Жизнь не укладывалась въ установленныя нормы: надѣльныя земли шли въ раздѣлъ между наслѣдниками, наслѣдовались дочерями, передавались „пріймакамъ“, очень часто отчуждались частями и полными надѣлами,—словомъ шла мобилизація надѣльныхъ земель, вовсе недопускаемая правопорядкомъ общиннаго землевладѣнія, по которому права земельныя принадлежатъ міру и затѣмъ представителямъ (большакамъ) отдѣльныхъ, до слитности сплоченныхъ дворовъ; личныя права на землю, право личности, хотя бы представляющей и отдѣльное семейство, вовсе не признается общиннымъ правопорядкомъ... Нельзя не признать, заключаетъ авторъ—того, что такія нормы не могутъ быть единообразными въ сѣверныхъ и южныхъ областяхъ Россіи, выработавшихъ рѣзко различныя формы землевладѣнія сельскихъ

сословій въ зависимости отъ совершенно особой природы сѣвера и юга, особаго историческаго процесса, пройденнаго въ областяхъ лѣсовъ и степей и въ зависимости отъ особаго народнаго быта, сложившагося въ рѣзко различной по своей природѣ и исторіи обстановкѣ".

Въ то время, какъ въ области земельныхъ отношеній, проведено вредное начало приведенія къ одному знаменателю, въ другихъ областахъ господствуетъ не менѣе вредное выдѣленіе украинскаго народа и подчиненіе его исключительнымъ нормамъ.

Съ фактами въ рукахъ „Волынь", напр., жалуется на недочеты введеннаго въ Юго-Западномъ краѣ „туберкулезнаго" земства и доказываетъ необходимость замѣны его земствомъ настоящимъ. Масса населенія нашего края—говоритъ газета--малороссы. До сихъ поръ только малороссійскій языкъ въ опалѣ,—въ опалѣ до того, что на-дняхъ еще Святѣйшій Синодъ не разрѣшилъ продажу въ Россіи библіи на малороссійскомъ языкѣ; малороссы же въ своихъ правахъ сравнены съ великоросами. Въ губерніяхъ, чисто малороссійскихъ, т. е. такихъ, гдѣ нѣтъ помѣстнаго польскаго дворянства, малороссы давно уже пользуются благами полнаго земства. Здѣшніе же малороссы, благодаря тому, что большинство помѣстнаго дворянства—поляки, лишены земства, и лишеніе это сильно отражается на всѣхъ сторонахъ жизни малороссовъ нашего края. Школъ мало, и онѣ плохи, медицинская помощь народу поставлена слабо, никто не заботится о поднятіи крестьянскаго земледѣлія, объ улучшеніи рабочаго скота и лошадей, о развитіи кустарныхъ промысловъ и т. д. и т. д.». (Цит. по „Биржевымъ Вѣдомостямъ", № 8604). Полное уничтоженіе всякаго рода исключительныхъ мѣръ, въ зависимости отъ мѣстности или происхожденія, съ одной стороны, и внимательное отношеніе къ мѣстнымъ нуждамъ, удовлетореніе ихъ путемъ широко раздвинутаго мѣстнаго же самоуправленія--съ другой,—вотъ единственный рецептъ для уврачеванія соціальныхъ, экономическихъ, національныхъ и иныхъ язвъ въ нашей жизни...

„**Историческіе антитезы**". Подъ этимъ заглавіемъ г. Русова помѣстила въ газетѣ «Наши Дни» (№№ 36 и 39) интересную статью о прошломъ и настоящемъ украинскаго народа. Нарисовавъ по изслѣдованіямъ г-жи Ефименко и проф. Грушевскаго картину историческихъ судебъ украинскаго народа, г-жа Русова противопоставляетъ

этой картинѣ современное его положеніе, полное неустройство соціальнаго, экономическаго и національнаго характера. „Склонность къ совмѣстной товарищеской работѣ, самоуваженіе и любовь къ свободѣ, отвращеніе отъ единодержавія и тяготѣніе къ федераціи—это основы національнаго характера малоруссовъ; и рядомъ съ ними соціально-политическія условія, среди которыхъ имъ приходилось жить,—вотъ роковая антитеза, въ которой погибаютъ безплодно лучшія дарованія цѣлой націи“. (№ 39) Выходомъ изъ указаннаго тяжелаго положенія можетъ быть лишь обращеніе къ творческимъ силамъ народа.

Въ № 8337 „Южнаго Края“ помѣщена статья г. Тихаго „В. Н. Каразинъ и Харьковскій университетъ“, посвященная біографіи знаменитаго дѣятеля и его участію въ основаніи харьковскаго университета, столѣтіе со дня открытія котораго исполнилось 17 января 1905 г.

Въ № 622 „Полтавскаго Вѣстника“ помѣщена г. Ольскимъ замѣтка „25-лѣтній юбилей литературной деятельности В. Е. Бучневича“, подробно останавливающаяся на трудахъ юбиляра по описанію Полтавской старины.

Чествованіе Д. Л. Мордовцева по случаю 50-лѣтія его литературной дѣятельности, назначенное на 22 января, отложено на неопредѣленное время въ виду извѣстныхъ январскихъ событій въ Петербургѣ („Волынь“, № 21).

Въ № 2386 „Приднѣпровскаго края“ помѣщена замѣтка г. Эварницкаго: „Какъ проводили запорожцы первый день новаго года“, подробнѣе останавливающаяся на раздѣлѣ земельныхъ угодій между „товариствомъ“ и выборѣ сичевой „старшины“.

Сообщая о крупномъ успѣхѣ передвижной народной выставки, функціонировавшей лѣтомъ прошлаго года въ предѣлахъ кіевской и подольской губерній. г. Базанкуръ въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ (№ 8651) передаетъ въ видѣ достовѣрнаго слуха, что „весною начнетъ разъ-

ѣзжать не одна, а уже цѣлыхъ три выставки. Первая—по подольской губерніи; средства для ея организаціи даетъ губернское попечительство о народной трезвости; вторая—по черниговской и полтавской губерніямъ, средства даются тоже изъ мѣстныхъ источниковъ, и вопросъ принципіально рѣшенъ, дѣло только за, такъ сказать, оффиціальнымъ его освященіемъ, что и состоится на дняхъ въ засѣданіи земства; наконецъ, третья выставка двинется изъ Одессы по херсонской и екатеринославской губерніямъ и будетъ оборудована на прежнихъ началахъ, то-есть при условіи нѣкоторой субсидіи отъ академіи художествъ".

Предполагаемыя украинскія изданія. Разрѣшенъ цензурою и въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ новый украинскій альманахъ „Зъ потоку жыття", подъ редакцій М. Коцюбинського и М. Чернявського. Въ альманахѣ принимаютъ участіе слѣдующіе писатели: М. Вербицькый, М. Вороный, Г. Грыгоренко, Б. Гринченко. С. Ефремовъ, Н. Кибальчичъ, О. Кобылянська, М. Коцюбинській, А. Крымській, И. Левицькій, О. Луцькій, П. Мырный, Н. Полтавка, М. Старыцькій, Л. Старыцька-Черняхивська, Л. Украинка, И. Франко, А. Чайковській, М. Чернявській и Л. Яновська. („Кіевскія Отклики", № 41).

Въ Одессѣ печатается сборникъ произведеній молодой украинской поэтессы Галины Комаровой подъ названіемъ „Початокъ" — „Писни, думы та мріи". По независящимъ отъ автора причинамъ въ сборникъ не войдутъ нѣкоторыя оригинальныя и переводныя произведенія, а другія появятся съ значительными купюрами. („Волынь", № 14).

Въ № 38 „Кіевскихъ Откликовъ" помѣщены рецензіи на слѣдующія украинскія изданія: 1) М. Коцюбинського—Для загального добра. (С. О—вича), 1) Творы Леонида Глибова (Б. Гринченка), 3) Русовои—Божа искра (Б. Гринченка) и 4) „Руська хата". Ілюстрована часопись літературы, науки і штуки (С. О—вича).

Въ № 3 одесскаго журнала „Южныя Записки" напечатанъ переводъ разсказа Т. Бордуляка „Прерванная стачка" (пер. г. Славин-

ской); въ № 4—разсказъ Б. Лепкого „Дидусь" (переводъ М. П. Старицкаго), въ № 6—разсказъ того же автора „Цвѣтокъ счастья" (пер. г. Глаголевой).

Въ № 4 "Южныхъ Записокъ" появилась интересная по содержанію статья г. Корнича—"Просвѣтительная дѣятельность галицкихъ русскихъ", представляющая краткую исторію національнаго возрожденія нашихъ закордонныхъ братьевъ и обзоръ ихъ культурной работы. Пока авторомъ даны свѣдѣнія о двухъ львовскихъ обществахъ—„Наукове товариство ім. Шевченка" и „Просьвіта".

Въ № 6 того же изданія находимъ продолженіе „Писемъ изъ Галиціи" г. Стояна. Въ настоящемъ письмѣ авторъ останавливается на организаціи и дѣятельности извѣстныхъ „Січей".

Въ № 6 «Южныхъ Записокъ» г. Сьогобочнимъ вновь поднятъ вопросъ о народной школѣ среди украинскаго населенія (статья «Тоже на очереди»). Приведя изъ извѣстной работы Вартового «Яка теперъ народня школа на Вкраини» достаточно выразительные факты несоотвѣтствія современныхъ школьныхъ учебниковъ среди учениковъ и непониманія послѣдними русскаго и церковно-славянскаго языковъ, авторъ останавливается на полъ-пути, не сдѣлавъ окончательнаго вывода о настоятельнѣйшей необходимости введенія въ преподаваніе народной школы родного языка.

«Южныя Записки» (№ 6, «Обзоръ журналовъ») при оцѣнкѣ продолженія извѣстнаго труда г. Батуринскаго «А. И. Герценъ, его друзья и знакомые» (печатается въ журналѣ «Всеміряый Вѣстникъ») между прочимъ пишутъ: цѣнной частью стетьи г. Батуринскаго является приведенный имъ отрывокъ изъ воспоминаній о Чернышевскомъ украинскаго писателя *Павла Граба*, напечатанныхъ въ 1895 г. во Львовѣ («*Микола Гавр. Чернишевський. Біографічний нарис Павла Граба*»). Насколько мы знаемъ, въ русскомъ переводѣ эти воспоминанія еще не появлялись, а между тѣмъ они могли бы послужить цѣннымъ дополненіемъ къ тѣмъ воспоминаніямъ о Чернышевскомъ, которыя вышли недавно изъ-подъ пера В. Г. Короленка».

ВѢСТИ ИЗЪ ГАЛИЧИНЫ.

25-лѣтіе существованія газеты „Діло“. Въ нынѣшнемъ году газета „Діло“ вступаетъ въ 26-й годъ своего существованія; первый номеръ ея представляетъ собою святочный юбилейный номеръ, „наполненный историческими справками о газетѣ и ея выдающихся работникахъ. Если вообще 25 лѣтъ въ исторіи идей довольно значительный промежутокъ времени, то въ исторіи молодого украинскаго вопроса, въ частности въ исторіи украинской журналистики—это огромный періодъ, въ теченіе котораго мѣнялась совершенно физіономія многихъ общественныхъ группъ и ихъ взгляды на многіе вопросы... 25-лѣтіе украинскаго изданія—это фактъ огромной важности среди тѣхъ неблагопріятныхъ условій, въ которыхъ развивается украинское слово и которыя не даютъ никакой увѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Останавливаясь только на Украинѣ галицкой, мы не можемъ не видѣть вліянія этихъ условій въ томъ фактѣ, что, при значительномъ количественно развитіи журналистики, органы ея отличаются крайней неустойчивостью и недолговѣчностью: возникаетъ множество изданій и такъ же быстро исчезаетъ безслѣдно, или почти безслѣдно, хотя многія изъ нихъ успѣваютъ за время своей краткосрочной жизни бросить въ общій круговоротъ идей своей родинѣ нѣсколько новыхъ словъ. „Дзвін“, „Молот“, „Громадський Друг“, „Сьвіт“, „Народ“, „Хлібороб“, „Товариш“, „Житте и слово“ и многіе-многіе другіе, просуществовавшіе весьма недолго, все-таки оставили свой слѣдъ въ развитіи галицкаго общества. Исторія развитія галицкой журналистики и вліянія ея отдѣльныхъ органовъ, къ сожалѣнію, еще не разработана, но какая это благодарная тема для изслѣдователя и сколько крайне интересныхъ выводовъ она могла бы сообщить! Уже одинъ мартирологъ погибшихъ—въ борьбѣ ли съ равнодушіемъ публики, или по инымъ причинамъ—органовъ и болѣе или менѣе точная ихъ статистика представила бы богатый матеріалъ для характеристики и соотношенія общественныхъ силъ въ Галиціи. Къ сожалѣнію, намъ непосильна такая работа,—ее можно выполнить только на мѣстѣ, во Львовѣ, пользуясь всѣми доступными тамъ источниками; это трудъ огромный, но и значеніе его также огромно... Высказывая налету эти мысли по поводу *перваго* 25-лѣтняго юбилея украинской газеты, мы, вмѣсто исторіи и характеристики ея за истекшее время, пожелаемъ пока нашему

закордонному товарищу въ будущемъ плодотворнаго служенія интересамъ истины и добра на пользу родного народа...

Театръ или гимназія? Въ январьской книжкѣ „Літерат.-Наук. Вістника„ напечатана интересная статья проф. Грушевського „Що жъ дали?“, посвященная вопросу о будущихъ судьбахъ украинской средней школы въ Галиціи въ связи съ проектомъ основанія во Львовѣ постояннаго украинскаго театра.

Примѣръ Станиславовской гимназіи ясно показалъ, съ какими трудностями будетъ сопряженъ каждый такой шагъ русиновъ, имѣющихъ и безъ того большой недостатокъ въ собственныхъ школахъ.

Поэтому проф. Грушевскій высказываетъ мысль о необходимости частной инициативы въ дѣлѣ основанія украинскихъ гимназій. Не отрицая огромнаго культурнаго значенія, которое имѣлъ бы постоянный украинскій театръ для Галиціи, онъ высказывается далѣе, что при настоящихъ политическихъ и общественныхъ условіяхъ гораздо большее значеніе имѣетъ правильно поставленная въ національномъ отношеніи средняя школа, и потому проэктируетъ обратить для этой цѣли средства, собранныя на постройку театра. Проектъ уважаемаго профессора возбудилъ полемику между галицкими дѣятелями. Въ № 7 „Діла“ опубликована коллективная „Заява“, подписанная многими извѣстными во Львовѣ лицами, рѣшительно возстающая противъ перемѣны назначенія собранныхъ на постройку театра пожертвованій на томъ, между прочимъ, основаніи, что въ дѣлѣ постройки театра затронута народная честь. Съ этой точки зрѣнія откликнулся на вопросъ и г. Франко, помѣстивъ въ февральской книжкѣ „Л.-Н. Вістника“ обстоятельную статью „Львівськіи театр і народня честь“, гдѣ выставляетъ цѣлый рядъ соображеній противъ того формальнаго отношенія къ дѣлу, какое проявлено авторами „Заяви“. Въ №№ 8 и 9 помѣщена статья г. Боровскаго „В справі закладання пріватнихъ руських гимназій“; въ № 10 статья г. Кміта „Приватна гімназия в Яворові“ и наконецъ въ № 14 проф. Грушевскаго „В справі приватних середніх шкіл“. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, какъ быть со средствами, собранными на постройку театра, мы не можемъ не присоединиться къ общему мнѣнію проф. Грушевскаго, что въ положеніи русиновъ относительно правильной постановки образованія можетъ быть лишь одинъ выходъ—самая широкая частная инициатива и прекращеніе

того чисто формальнаго отношенія къ насущной потребности, какое, напр., было проявлено въ дѣлѣ основанія украинской гимназіи въ Яворовѣ. Что это вполнѣ возможно, доказывается существованіемъ въ той же Галиціи цѣлаго ряда просвѣтительныхъ учрежденій, обязанныхъ своимъ возникновеніемъ и развитіемъ исключительно частной иниціативѣ и энергіи отдѣльныхъ лицъ.

Художественная украинская выставка. Въ половинѣ января въ Львовѣ открыта первая украинская художественная выставка, организованная «Товариством прихильників українськоі літератури, науки, і штуки». Между картинами особенно выдѣляются своими достоинствами принадлежащія кисти г.г. Красицкаго („Гість із Запорожжа") Труша и Сосенка. Проф. Грушевскимъ выставлена богатѣйшая коллекція гуцульскихъ издѣлій изъ дерева высоко художественной работы талантливыхъ братьевъ Шкрибляків. Наплывъ предметовъ на выставку былъ такъ великъ, что администрація выставки оказалась не въ состояніи воспользоваться всѣмъ доставленнымъ матеріаломъ и часть его принуждена отложить для будущихъ выставокъ. Среди львовскаго общества и въ художественныхъ кругахъ выставка пользуется большимъ успѣхомъ. (Л.-Н. Вістник, кн. II).

Новыя изданія. Въ настоящемъ году галицко-украинская журналистика обогатилась новыми изданіями. Съ 1 января начали выходить во Львовѣ: 1) „Новий громадський голос" еженедѣльная газета, издаваемая г. Макухом, органъ возродившейся радикальной партіи, 2) „Вольне слово", еженедѣльная газета для интеллигенціи, издается г. Петрицкимъ, органъ національно-демократической партіи (вмѣсто прекратившихся „Гайдамак"), 3) „Дзвін", иллюстрированная еженедѣльная газета для народа подъ редакціей г. Шпитка, 4) „Руска хата" иллюстрированый журналъ литературы, искуства и общественной жизни, подъ редакціей г. Д. Сембратовича и 5) „Артистичний Вістник" ежемѣсячный журналъ, посвященный музыкѣ и вообще искуству, редакторъ—г. Бережницкій.

Разрѣшеніе на ввозъ въ Россію „Істориі України-Руси“. Проф. Львовскаго университета М. С. Грушевскій получилъ черезъ русскаго консула во Львовѣ извѣщеніе, что ходатайство его о разрѣшеніи ввоза въ Россію „Історії України-Руси“ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ рѣшено въ удовлетворительномъ смыслѣ. Лица, интересующіяся нашей родной исторіей получаютъ, такимъ образомъ, возможность знакомиться съ капитальнымъ трудомъ львовскаго профессора и ученаго въ подлинникѣ. Напоминаемъ, что до сихъ поръ вышло четыре тома этого труда (І-й —вторымъ изданіемъ), охватывающіе исторію Украины до литовскаго періода; т. V (литовскій періодъ) и второе изданіе II тома находятся въ печати. Отвѣта на аналогичное ходатайство редакціи «Літературно-наукового Вістника» еще не получено.

Замѣтки на текущія темы.

Всеобщее оживленіе и подъемъ, наблюдающіеся съ нѣкоторыхъ поръ въ общественной жизни Россіи, не могли не увлечь въ своемъ потокѣ и украинцевъ, заставивъ ихъ сердца биться въ унисонъ съ окружащимъ. Вмѣстѣ со всѣми сознательными элементами русскаго общества мы пережили и періодъ весеннихъ надеждъ и упованій во время кратковременной осенней «весны», и наступившіе затѣмъ въ общественной жизни холода, оказавшіеся однако не въ состояніи заморозить и лишить жизни ростокъ новыхъ теченій; съ ужасомъ прислушивались мы къ извѣстіямъ о страшныхъ январскихъ событіяхъ въ Петербургѣ; съ возмущеніемъ узнаемъ о свѣжихъ подвигахъ «черныхъ сотенъ» и иныхъ подобныхъ элементовъ въ различныхъ мѣстахъ Россіи,—и всетаки съ надеждою въ сердцѣ смотримъ впередъ, твердо вѣря, что грядущее обновленіе (а что́ бы ни говорили темные люди—оно вѣдь близко), перестроивъ Россію на новыхъ началахъ правового государства, дастъ и намъ, наконецъ, возможность вздохнуть свободно, полною грудью... Но кромѣ общихъ горестей и радостей (послѣднихъ, впрочемъ, немного въ сей юдоли скорби и плача), у насъ есть еще и свои спеціальныя язвы, свои спеціальныя боли, отравляющія намъ существованіе, и не только препятствующія спокойно «творить жизнь» въ желательномъ направленіи, но обрекающіе насъ лишь на участь пассивнаго матеріала для всевозможнаго рода

эспериментовъ бюрократическаго творчества. Естественно, что помимо общихъ нестроеній, относительно которыхъ мы жили одною жизнью съ лучшими представителями русскаго общества и присоединяли свой голосъ къ общему хору заявленій и пожеланій—вокругъ этихъ спеціальныхъ язвъ и болей сосредоточена была значительная часть нашихъ помысловъ, въ эту сторону направлялись, между прочимъ, наши пожеланія, которыя нашли выходъ въ цѣломъ рядѣ актовъ общественнаго значенія. На нихъ я и желалъ бы сосредоточить вниманіе читателя.

Весеннее настроеніе въ высшихъ бюрократическимъ сферахъ, такъ повидимому неожиданно прорвавшееся прошлою осенью, но имѣвшее глубокіе корни въ общихъ условіяхъ русской жизни, возбудило и среди украинцевъ ожиданія, что пришелъ конецъ нашимъ спеціальнымъ болямъ. Извѣстныя, въ общемъ весьма умѣренныя, заявленія новоназначеннаго министра, внутр. дѣлъ, кн. Святополкъ-Мирскаго о его личномъ несочувствіи тѣмъ мѣрамъ, которыя съ излишнею щедростью примѣняются ко всѣмъ, не имѣющимъ чести принадлежать къ «истинно-русскому» населенію, а также дружественныя изліянія министра по адресу провинціальной печати—прозвучали чуть ли не откровеніемъ съ вершинъ бюрократической лѣстницы и отозвались повсемѣстно въ украинскомъ обществѣ надеждою на близкое измѣненіе положенія украинской печати (читатель понимаетъ, что сочетаніе послѣднихъ словъ является пока ироніей). И вотъ, какъ слѣдствіе этого, возбуждается цѣлый рядъ ходатайствъ, исходящихъ отъ лицъ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній и профессій и изъ различныхъ мѣстностей,—все по одному и тому же самому больному вопросу нашей жизни—о разрѣшеніи періодическихъ органовъ печати на украинскомъ языкѣ [1]). На сколько

1) Не претендуя на исчерпывающую полноту, я напомню о тѣхъ изъ этихъ ходатайствъ, свѣдѣнія о которыхъ проникли въ свое время въ печать: 1) ежедневная газета „Громадянин“ въ сл. Покровской (возбуждалъ ходатайство г. Семешко), 2) еженедѣльная газета „Вік“ съ приложеніемъ книжекъ „Літературний додаток до тижневика

это движеніе было повсемѣстнымъ и глубокимъ, показываютъ тѣ многочисленные запросы отъ широкаго круга читателей, тѣ привѣтственныя письма и заявленія, которыя получались лицами, возбуждавшими ходатайства. И что всего характернѣе, движеніе не ограничилось только такъ называемыми интеллигентными слоями, но нашло себѣ доступъ и въ глубь народной массы. Вотъ, напримѣръ, голосъ крестьянина Полтавской губерніи С. Д. Конака по поводу одной изъ попытокъ издавать газету на родномъ языкѣ.

„Осенью 1904 г. було напечатано де то шо въ Кыйіві литературне обчество просыть у правительства дозволу здавать газету на нашимъ ріднымъ языці „малороссійскимъ". Я сказавъ своимъ селянамъ шо на нашимъ ріднімъ говорі буде здаватця газета, всі слухачи рішылы въ складчыну выпысать цю газету хоть бы вона була и найдорожча. На другый день мыні знысли пять карбованцівъ, и всі сказалы якъ шо треба буде ще грошей то ше дамо пять карб. Я пыльно слідывъ за тымъ, яке прыйде розрышення на выдачу газеты „Вікъ". Колы це чытаю шо „ходатайство литературнаго общества" г. Кіева объ изданіи газеты „Вікъ" отклонено. Всі мы дуже булы печальні, а це получаю первый № „Хуторянына" и читаюче земску хронику: полтавское губернское XXXX земское собраніе де міжъ другымъ вычитавъ шо В. П. Науменко дуже гарно розсказавъ и побажавъ

„Вік" въ Кіевѣ (пишущій эти строки), 3) еженедѣльный журналъ „Дніпрові Хвилі" въ Кіевѣ (г. Рябошапка), 4) еженедѣльная газета „Неділя" въ Кіевѣ (г. Федорченко), 5) юмористическій журналъ „Характерник" въ Кіевѣ (г. Коваленко), 6) ежедневная газета „Поступ" въ Лубнахъ (г. Шеметъ), 7) ежемѣсячный журналъ „Поступ" въ Екатеринодарѣ (г. Эрастовъ), 8) медицинскій журналъ „Ликарський Порадник" въ Одессѣ (докторъ Липа), 9) газета „Новини" въ Одессѣ (докторъ Луценко), 10) сельско-хозяйственная и медицинская газета въ г. Хотинѣ (докторъ Немоловскій и агрономъ Яблоновскій) и 11) научный журналъ „Етнографічний Вістник—Село" въ Новочеркаскѣ (г. Ткаченко). Несомнѣнно были и другія ходатайства, свѣдѣнія о которыхъ не попали въ печать.

щобъ земство полтавске потурбовалось здавать народну газету на рідні́мъ языці котра „необходима какъ фонарь, для внесенія свѣта въ крестьянскую среду“. И я прочитавше тее здумавъ и батька Т. Г. Шевченка который сказалъ:

И стане ясно передъ нымъ
Надія Ангеломъ святымъ“.

И мы знову надією живымо надіючысь бачыть *не слово тільно, а діло*, дай Боже дожыть и чытать свое рідне всымы покынуте пошты мертве слово. Колы буде гоже прошу напечатать. 16 января [1]).

Этотъ голосъ деревни, при всей его непосредственности, весьма любопытенъ въ томъ отношеніи, что показываетъ, насколько вопросъ о чисто народной газетѣ для украинскаго населенія назрѣлъ и какъ сильно въ немъ заинтересована деревня, отдающая свои трудовыя гроши на такую газету, «хоть бы вона була и найдорожча». Но, къ сожалѣнію, скоро оказалось, что надежды, основанныя на дружественныхъ заявленіяхъ и гуманныхъ словахъ министра, были по меньшей мѣрѣ преждевременны, что «весна» на насъ не распространяется. Всѣ лица, возбуждавшія ходатайства, получили одинъ и тотъ же стереотипный отвѣтъ: «ходатайство такого-то (имя рекъ) о разрѣшеніи ему издавать газету на малороссійскомъ нарѣчіи подъ названіемъ...... признано г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ не подлежащимъ удовлетворенію» [2]). Отвѣтъ краткій и выразительный, но тѣмъ не менѣе не совсѣмъ понятный послѣ «весеннихъ» заявленій и обѣщаній. Непонятное выяснилось вскорѣ при личныхъ поѣздкахъ нѣкоторыхъ изъ ходатайствовавшихъ лицъ къ источнику газетныхъ разрѣшеній. Пишущему эти строки и г. министромъ и г. начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати было заявлено въ личной бесѣдѣ, что украинскія періодическія изданія «запрещены закономъ». Конечно, заявленія, исходящія изъ

---

[1]) „Полтавщина“, № 28. Перепечатано въ „Кіевской Газетѣ“ (№ 28) г. Петрищевымъ въ замѣткѣ „Не слово тилько, а дило“.

[2]) Вѣстникъ Юга, № 832 (о газетѣ г. Луценко „Новини“).

столь авторитетныхъ и по своему положенію долженствующихъ быть компетентными по данному вопросу источниковъ, заставляли задавать вопросъ, о какомъ именно законѣ идетъ рѣчь, гдѣ этотъ законъ опубликованъ, съ какого времени онъ вступилъ въ силу и т. п. Отвѣтомъ на эти вопросы была голая ссылка на извѣстное Высочайшее повелѣніе отъ 18—30 мая 1876 г. Читатель навѣрное помнитъ этотъ въ высшей степени у насъ популярный, не смотря на полную таинственность, его окружающую, актъ, и потому мнѣ нѣтъ нужды его перепечатывать [1]); *я* напомню лишь одно, что онъ о періодической печати *не говоритъ ни слова*, не упоминаетъ даже въ видѣ намека. Тѣмъ не менѣе въ противность общепринятому толкованію всякаго законодательнаго акта, что, во-первыхъ, не воспрещенное прямо и опредѣленно уже тѣмъ самымъ является дозволеннымъ и, во-вторыхъ, ограничительныя постановленія не могутъ быть толкуемы въ смыслѣ распространительномъ—всѣ предполагавшіяся періодическія изданія на украинскомъ языкѣ оказались воспрещенными—ссылкой на не относящееся въ данномъ случаѣ къ дѣлу постановленіе. Не смотря на всю незаконность этой ссылки, она по условіямъ нашей жизни оказывалась безапелляціонной и потому выдвигался на очередь другой вопросъ—о полной отмѣнѣ этого къ дѣлу не относящагося, но тѣмъ не менѣе по обстоятельствамъ всесильнаго акта, оказывающаго такое могучее вліяніе на вопросъ о существованіи украинской періодической печати. Этотъ вопросъ тѣмъ настоятельнѣе о себѣ заявлялъ, что упомянутый актъ совершенно парализовалъ развитіе украинской литературы и науки, уже прямо воспретивъ все, выходящее изъ рамокъ «изящной словесности», словарей и покрытыхъ архивною пылью документовъ, закрывъ доступъ къ намъ украинскимъ заграничнымъ изданіямъ не за содержаніе, а за языкъ и правописаніе и т. п. Связывая частный

---

[1]) Полностью онъ приведенъ въ недавно вышедшемъ трудѣ проф. Грушевскаго „Очеркъ исторіи украинскаго народа“ (СПБ. 1904. стр. 354) и въ моей статьѣ „Внѣ закона“ („Русское Богатство“, январь).

вопросъ о разрѣшеніи украинскихъ періодическихъ органовъ съ постановленіемъ 1876 г., компетентныя сферы лишь наталкивали на мысль о связи нашего вопроса съ общимъ положеніемъ дѣлъ, при которомъ могутъ существать, быть терпимы и въ теченіе десятковъ лѣтъ опредѣлять собою культурныя потребности населенія—акты въ родѣ принадлежащаго законодательному творчеству извѣстнаго тайнаго совѣтника Юзефовича... На устраненіе подобныхъ актовъ, очевидно, и должны были направиться усилія общества.

Украинское общество пошло именно въ этомъ направленіи. Я могу отмѣтить за послѣднее время цѣлый рядъ публичныхъ заявленій по данному вопросу, рисующихъ яркими красками современное положеніе украинской литературы и указывающихъ единственно желательный и возможный выходъ изъ него. Прежде всего, собравшаяся въ декабрѣ прошлаго года въ Кіевѣ для юбилейнаго чествованія И. С. Левицкаго-Нечуя украинская интеллигенція не могла, говоря о дѣятельности украинскаго писателя, не вспомнить, что эта дѣятельность обставлена невыносимыми условіями. «Одесскій Листокъ» приводитъ текстъ слѣдующей резолюціи, принятой собраніемъ и подписанной свыше чѣмъ 300 лицами:

„Украинская интеллигенція, собравшись для чествованія 35-ти лѣтней дѣятельности одного изъ старѣйшихъ украинскихъ писателей И. С. Левицкаго, послѣ обмѣна мнѣній по вопросу о современномъ положеніи украинской литературы въ Россіи, единогласно пришла къ слѣдующему выводу:

1) Нынѣ дѣйствующія въ Россіи запретительныя распоряженія почти исключаютъ возможность пользоваться украинскимъ языкомъ въ литературѣ, вслѣдствіе чего украинскіе писатели должны или совсѣмъ отказаться отъ своей дѣятельности, или переносить ее за границу.

2) При такомъ положеніи вещей народъ лишенъ средства, единственно пригоднаго для проведенія въ темныя массы знаній—книги и школы на родномъ языкѣ, благодаря чему десятки лѣтъ поддерживаются тьма и невѣжество среди народа, убивающія его духовныя силы и задерживающія его экономическое развитіе.

3) Украинская интеллигенція лишена своей литературы, лишена возможности какого бы то ни было ясного выраженія своихъ мнѣній, такъ какъ даже въ той крайне узкой области оригинальной беллетристики, которая, повидимому, является незапрещенной, писатели подвергаются неограниченному ничѣмъ произволу цензоровъ.

Въ виду этого, мы, нижеподписавшіеся, глубоко убѣжденные въ настоятельной необходимости отмѣны упомянутыхъ запрещеній, считаемъ своимъ долгомъ довести вышеизложенное до свѣдѣнія г. министра внутреннихъ дѣлъ" [1]).

Подлинный текстъ приведенной резолюціи за подписями всѣхъ присутствовавшихъ препровожденъ г. министру при слѣдующей объяснительной запискѣ:

„Нынѣ дѣйствующія въ Россіи запретительныя распоряженія относительно малорусскаго слова, начиная съ закона 18 мая 1876 г., а также и существующая административная практика по примѣненію означенныхъ распоряженій, не даютъ возможности развиваться въ Россіи литературѣ на малорусскомъ языкѣ. Второй параграфъ вышеизложеннаго закона гласитъ: „Печатаніе и изданіе въ Имперіи оригинальныхъ произведеній и переводовъ на малорусскомъ нарѣчіи воспретить, за исключеніемъ лишь: а) историческихъ документовъ и памятниковъ, б) произведеній изящной словесности". Но даже и въ этой узкой области незапрещеннаго цензурное вѣдомство, въ противность прямому смыслу закона, увеличило ограниченія. Во-первыхъ, оно запрещаетъ всѣ вообще переводы, хотя изъ текста этого закона ясно видно, что переводы произведеній изящной словесности не могутъ быть относимы къ числу запрещенныхъ. Во-вторыхъ, не пропускаются

---

[1]) Цитирую по „Приднѣпровскому Краю", № 2400. Кромѣ лицъ, подписавшихъ эту резолюцію на юбилеѣ И. С. Левицкаго, въ нашу редакцію продолжаютъ поступать заявленія отъ цѣлыхъ группъ и отдѣльныхъ лицъ о полной солидарности съ приведенной резолюціей. Такія заявленія получены изъ Чернигова, Винницы, Нѣжина, Оржицы и др. мѣстъ.

цензурой всѣ произведенія изящной словесности, пригодныя для дѣтскаго чтенія. Въ третьихъ, запрещаются всякія періодическія изданія, хотя-бы состоящія только изъ произведеній изящной словесности, не смотря на то, что о періодическихъ изданіяхъ въ помянутомъ законѣ 1876 г. не говорится ни слова.

Благодаря этимъ обстоятельствамъ, положеніе малорусской литературы въ Россіи представляется въ слѣдующемъ видѣ:

1) Невозможно печатаніе всѣхъ книгъ духовно-нравственнаго содержанія; въ христіанскомъ государствѣ, гдѣ имѣется евангеліе на семидесяти языкахъ и нарѣчіяхъ, даже для небольшихъ группъ народовъ, населяющихъ Россію, въ томъ числѣ: на вогульскомъ, вотяцкомъ, зырянскомъ, калмыцкомъ, латышскомъ, лапландскомъ, пермскомъ, на четырехъ нарѣчіяхъ татарскаго языка, на еврейско-польскомъ и еврейско-нѣмецкомъ жаргонахъ,—украинское населеніе болѣе чѣмъ въ два десятка милліоновъ душъ лишено права читать священное писаніе на своемъ родномъ языкѣ. При этомъ нужно пояснить что: а) полный переводъ библіи изданъ за границей, б) существуетъ рядъ переводовъ евангелія и отдѣльныхъ частей библіи ветхаго завѣта, в) различныя лица входили въ цензурныя вѣдомства, прося о разрѣшеніи напечатать переводы евангелія или всей библіи, г) академіей наукъ признанъ прекраснымъ переводъ евангелія г. Морачевскаго еще въ 1862 г. Такимъ образомъ, отсутствіе въ Россіи печатнаго малорусскаго перевода священнаго писанія объясняется исключительно тяготѣющимъ надъ малорусскимъ словомъ запрещеніемъ.

2) Практикуемое цензурнымъ вѣдомствомъ запрещеніе всякихъ переводовъ на малорусскій языкъ лишаетъ возможности людей, способныхъ вполнѣ художественно передать на родномъ для нихъ малорусскомъ языкѣ произведенія классическихъ писателей, опубликовать свои труды, благодаря чему обширная область изящной словесности оказывается изъятой изъ пользованія уроженцами Малороссіи.

3) Въ такомъ же точно положеніи находится и область научной литературы на украинскомъ языкѣ. Не только научныя изслѣдованія на этомъ языкѣ не могутъ быть отпечатаны и распространены въ Россіи, но и популяризація наукъ, такъ необходимая для просвѣщенія темныхъ массъ, оказывается подъ

запретомъ, что не можетъ не отразиться на слабомъ культурномъ ростѣ населенія нашего края.

4) Что касается дѣтской литературы на малорусскомъ языкѣ, то она, какъ сказано раньше, въ силу цензурной практики оказывается подъ запретомъ, благодаря чему наши дѣти лишены возможности читать книги на своемъ родномъ языкѣ.

5) Перечисленныя выше запретительныя мѣры, касающіяся различныхъ отраслей малорусской литературы прилагаются, конечно, въ равной мѣрѣ и къ запрещенію періодическихъ изданій. Какъ тамъ, такъ и здѣсь нѣтъ основаній для такого запрещенія даже съ точки зрѣнія дѣйствующаго „Устава о цензурѣ и печати"; какъ тамъ, такъ и здѣсь практика съ прессой польской, армянской, грузинской, еврейской и въ послѣднее время литовской сама говоритъ противъ этого запрещенія.

6) Тяготѣющія надъ украинскимъ словомъ запрещенія обусловливаютъ существованіе еще одного явленія. Согласно § 1 закона 1876 г. не допускается ввозъ въ предѣлы Имперіи „безъ особаго разрѣшенія главнаго управленія по дѣламъ печати какихъ-бы то ни было книгъ и брошюръ, издаваемыхъ на малороссійскомъ нарѣчіи". Такъ какъ главное управленіе по дѣламъ печати такихъ разрѣшеній почти не даетъ, то практически въ Россіи оказывается запрещенной всякая малорусская книга, изданная за границей. А такъ какъ за храненіе или сообщеніе кому либо запрещенной цензурой книги виновные подвергаются наказаніямъ, то за чтеніе украинскаго евангелія или перевода Гомера, Данта, Шекспира, Пушкина и пр. и пр. виновные подвергаются наказаніямъ, примѣненіе которыхъ тѣмъ рѣзче, чѣмъ далѣе мѣстожительство „виновника" отстоитъ отъ значительныхъ культурныхъ центровъ, и доходитъ до полнаго произвола и грубости по отношенію къ крестьянину, у котораго захвачено, напр малорусское евангеліе,

Такимъ образомъ, для малорусскаго писателя единственной незапрещенной областью является область изящной литературы, при томъ оригинальной и не для дѣтей. Но и эта крайне узкая область подвергается на практикѣ большимъ ограниченіямъ. Въ разное время примѣнялись, ослабѣвали и вновь усиливались запрещенія, напр., для произведеній изящной словесности изъ жизни интеллигенціи, для исторической беллетристики, драмы и

стихотворной поэзіи, для произведеній, языкъ которыхъ казался цензурѣ искусственнымъ, для произведеній, въ которыхъ попадались слова: козакъ, гетманъ, Украина и пр. и пр. Существовалъ и существуетъ полнѣйшій, ничѣмъ на практикѣ не ограничиваемый, произволъ цензоровъ, сегодня запрещающихъ то, что дозволялось вчера и, быть можетъ, дозволено будетъ завтра. Огромное количество фактовъ, подтверждающихъ сказанное, можно, конечно, найти въ архивахъ цензурнаго вѣдомства, гдѣ имѣются также и многія жалобы на дѣйствія цензуры. Если мы ко всему сказанному прибавимъ, что само цензурированіе рукописей продолжается обыкновенно въ среднемъ 6—8 мѣсяцевъ, а иногда и до двухъ лѣтъ, то сдѣлается совершенно понятнымъ, что малорусскіе писатели почти лишены въ Россіи права пользоваться своимъ языкомъ, а малорусская интеллигенція лишена своей литературы, лишена возможности какого-бы то ни было яснаго выраженія своихъ мнѣній.

Благодаря этому малорусскіе писатели должны или совсѣмъ отказаться отъ своей дѣятельности, или переносить ее за границу, изъ славянскаго государства въ нѣмецкое, гдѣ существуетъ свобода для малорусской прессы. Невыгодность такого положенія вещей очевидна сама собой и не требуетъ подробныхъ поясненій, такъ какъ ясно, что при этомъ писатели лишаются и литературнаго заработка, и непосредственнаго общенія съ публикой, а страна утрачиваетъ своихъ культурныхъ работниковъ.

Малорусское общество давно уже тяготится указанными выше запретительными мѣрами по отношенію къ малорусскому слову и горячо желаетъ измѣненія этого тягостнаго положенія.

Въ настоящее время предположенъ пересмотръ законоположеній о печати, и малорусское общество сочло благовременнымъ высказать свое мнѣніе по этому поводу, чѣмъ и вызвано прилагаемое при семъ въ подлинникѣ заявленіе части малорусской интеллигенціи, случайно собравшейся на праздновании юбилея одного изъ старѣйшихъ малорусскихъ писателей. Исполняя порученіе лицъ, подписавшихъ это заявленіе, имѣемъ честь представить его Вашему Сіятельству при настоящей пояснительной запискѣ и ходатайствуемъ о принятіи Вашимъ Сіятельствомъ ради интересовъ справедливости и жизненныхъ нуждъ милліоновъ народа и его интеллигенціи, необходимыхъ мѣръ къ

измѣненію условій, созданныхъ закономъ 18 мая 1876 г. для малорусскаго слова, а равно и цензурной практикой. Мы надѣемся, что, Ваше Сіятельство, найдете возможнымъ создать для малорусской литературы тѣ же условія, въ которыхъ будетъ поставлено вообще печатное слово въ Россіи.

Кромѣ того, тѣми же собравшимися на юбилеѣ И. С. Левицкаго лицами была избрана депутація для личнаго представленія г. министру внутреннихъ дѣлъ и комитету министровъ особой докладной записки, подробно выясняющей современное положеніе украинской литературы въ Россіи и необходимость коренного измѣненія ея положенія въ смыслѣ полнаго уравненія съ остальными литературами. Депутація, въ составѣ г-жи О. П. Косачъ, Н. А. Дмитріева, В. П. Науменка и И. Л. Шрага, исполнила возложенное на нее порученіе, лично представивъ соотвѣтственныя ходатайства по данному вопросу.

Какъ сообщаютъ одесскія газеты [1]), докладная записка въ комитетъ министровъ представлена 15 января также и группой одесской интеллигенціи. Въ виду оригинальной постановки вопроса и солидной мотивировки его, приводимъ цѣликомъ выраженіе мнѣнія одесситовъ.

Во вступительной части Высочайшаго указа 12 декабря 1904 г. о предначертаніяхъ къ усовершенствованію государственнаго порядка высказана увѣренность въ сочувствіи къ нимъ той части общества, «которая истинное преуспѣяніе родины видитъ въ поддержаніи государственнаго спокойствія и въ непрерывномъ удовлетвореніи насущныхъ нуждъ народныхъ». Признавая содѣйствіе наилучшимъ выраженіемъ сочувствія, мы, нижеподписавшіеся члены интеллигентной части малорусскаго общества, считаемъ своею гражданскою обязанностью обратить вниманіе комитета министровъ на одно изъ тѣхъ нарушеній администра-

---

[1]) Южное Обозрѣніе, № 2727; полный текстъ записки напечатанъ въ „Правѣ“, № 6.

ціей дѣйствующаго въ Имперіи закона, которое подрываетъ силу основныхъ законовъ, глубоко задѣваетъ святыя и лучшія національныя чувства малорусскаго народа, оскорбляетъ его достоинство, вредитъ преуспѣянію родины, нарушаетъ спокойствіе страны и уничтожаетъ всякую возможность удовлетворенія насущныхъ нуждъ народныхъ. Поэтому и во имя авторитета названнаго указа, одинъ изъ пунктовъ котораго повелѣваетъ «принять дѣйствительныя мѣры къ охраненію дѣйствительной силы закона», дальнѣйшее существованіе этого нарушенія должно быть прекращено немедленно. Мы говоримъ объ установившейся съ 1863 г. практикѣ административныхъ мѣстъ и лицъ по отношенію къ малорусскому языку, оффиціально именуемому нарѣчіемъ, а научно называемому—украинскимъ языкомъ, и къ литературѣ на этомъ языкѣ.

До 1863 г. малорусское слово находилось въ такихъ же условіяхъ юридическаго и фактическаго существованія, какъ великорусское, польское, нѣмецкое, еврейское и иное. Не было оно въ исключительномъ положеніи и относительно государственнаго русскаго языка. И вотъ, въ то время общаго подъема духа, мысли, самодѣятельности и стремленія къ просвѣщенію издавался большой ежемѣсячный журналъ «Основа», въ которомъ печатались на малорусскомъ языкѣ, кромѣ беллетристики, статьи научнаго содержанія; тогда издавались на томъ же языкѣ духовныя и научныя сочиненія, брошюры для народа, учебники, переводы, законы. Съ 1863 г., однако, положеніе малорусской литературы, юридически оставаясь тѣмъ же, такъ какъ прежніе законы не были измѣнены, а новыхъ законовъ не выходило, вдругъ, фактически совершенно измѣнилось. Что же случилось?

Въ іюлѣ 1863 г. администрація, по совершенно непонятнымъ и лишённымъ всякихъ основаній причинамъ, издала относительно малорусскаго слова запретительный циркуляръ, содержаніе котораго не находитъ себѣ оправданія ни въ исторіи, ни въ наукѣ, ни въ дѣйствительныхъ фактахъ, ни въ потребностяхъ жизни, ни въ государственныхъ интересахъ. А между тѣмъ, благодаря этой чисто административной мѣрѣ, съ 1863 по 1872 г., хотя цензура была завалена малорусскими рукописями и въ законѣ по отношенію къ малорусскому слову не измѣни-

лось и не прибавилось ни йоты, могла выйти на украинскомъ языкѣ, и то случайно, лишь одна книжка. Въ 1873 г. администрація въ своей практикѣ относительно малорусскаго слова, вдругъ, смягчилась, но въ 1876 году, опять безъ всякихъ основаній, издала новый тяжелый циркуляръ, часть котораго относительно словарей и театра въ 1881 году была отмѣнена такимъ же циркуляромъ, и дѣло въ такомъ видѣ тянется до сихъ поръ, все завися лишь отъ усмотрѣнія администраціи, то болѣе мягкаго, то болѣе суроваго, но одинаково незаконнаго. Результатомъ гоненія на малорусское слово было то, что у насъ въ Россіи переводы, научныя и духовныя произведенія на малорусскомъ языкѣ появиться въ печатномъ видѣ не могутъ; всѣ ходатайства о разрѣшеніи издавать на малорусскомъ языкѣ газеты, журналы, брошюры, учебники и т. д. всегда постигала печальная участь запрещенія; администрація, подтачивая этимъ путемъ общественную и личную самодѣятельность малорусской интеллигенціи въ дѣлѣ просвѣщенія, литературы, развитія національныхъ духовныхъ силъ и родной культуры, убиваетъ силу русскаго народнаго духа, слишкомъ необходимую для процвѣтанія родины, сама для малорусскаго народа ничего положительнаго не сдѣлала и въ результатѣ получилось, что малорусскій народъ, все больше и больше теряя подъ собою устои жизни, выработанные вѣками на почвѣ національной природы и исторіи, страшно отсталъ, одичалъ и поражаетъ своею безграмотностью, деморализаціей, некультурностью и ужаснымъ невѣжествомъ, являющимся тормазомъ во всѣхъ рѣшительно дѣлахъ и начинаніяхъ. А между тѣмъ объ этомъ самомъ народѣ иностранные путешественники уже въ 17 вѣкѣ писали восторженныя похвалы его добротѣ, культурности, грамотности, религіозности, нравственности (См. напр. «Путешествіе Антіохійск. Патріарха Макарія», Московск. изд. 97 г., гдѣ говорится о малорусскомъ народѣ какъ разъ въ годъ присоединенія Малороссіи къ Москвѣ). А между тѣмъ этотъ народъ когда то былъ источникомъ просвѣщенія для великороссовъ.

Что касается малорусскихъ писателей, то вслѣдствіе особыхъ условій, созданныхъ циркулярами администраціи, они вынуждены перенести свою литературную дѣятельность въ Галицію,

гдѣ развилась, окрѣпла и существуетъ въ настоящее время солидная малорусская литература, обратившая вниманіе на себя англичанъ, французовъ, нѣмцевъ и др., издается около 20 малорусскихъ газетъ, имѣются журналы и научныя изданія, давшія возможность нѣкоторымъ авторамъ удостоиться принятія въ Россійскую академію наукъ. Но все это для Россійскаго малоросса запретный плодъ, при чемъ запретный не за мысли даже а просто за украинскій языкъ. И къ стыду нашему передъ Европой, въ то время, какъ къ намъ изъ Галиціи не смѣетъ дойти ни одно произведеніе печати на украинскомъ языкѣ, изданія на великорусскомъ языкѣ печатаются въ Галиціи свободно. Очевидно, администрація сама сознавала, что съ такими мѣропріятіями, несомнѣнно вредящими достоинству Россіи и симпатіямъ къ ней, лучше не объявляться передъ культурнымъ міромъ, и потому не опубликовала своихъ циркуляровъ. Безъ сомнѣнія такого рода циркуляры стоятъ въ коренномъ противорѣчіи не только съ народными, но и съ государственными интересами. Причинять человѣку цѣлый рядъ страданій и лишеній за то, что онъ родился малороссомъ, а не великороссомъ, не полякомъ, не евреемъ; лишать малоросса за это даровъ своей духовной природы и возможности развитія ихъ; убивать его родное слово и національный духъ обезличеніемъ, уничтожать его культуру, разрушать его родную жизнь и не давать ничего, способнаго возмѣстить, такъ какъ такое возмѣщеніе невозможно по самой природѣ вещей; создавать недовольныхъ своимъ положеніемъ и заставлять искать убѣжища для удовлетворенія высшихъ потребностей души и развитія народнаго духа въ чужомъ государствѣ — развѣ такого рода распоряженія не стоятъ въ полномъ противорѣчіи съ государственными интересами и развѣ для того малорусскій народъ добровольно совершилъ великій актъ 1654 г.! Вышло, что малорусскій народъ, все время стремившійся къ братской жизни съ великорусскимъ, третируется администраціей, какъ пасынокъ въ государствѣ, долженствующій пребывать у своего брата въ духовномъ рабствѣ.

Оставляя въ сторонѣ ту аргументацію противъ существованія подобныхъ распоряженій противъ языка, какая признанѣ всѣмъ культурнымъ міромъ за аксіому и стала элементарно без-

спорной, такъ какъ эту аргументацію наша администрація не считаетъ для себя обязательной, мы остановимся лишь на тѣхъ доводахъ, убѣдительность которыхъ для администраціи обязательна.

Пересмотрѣвъ весь цензурный уставъ, мы не нашли тамъ ни одной статьи закона, которая измѣнила бы въ чемъ либо положеніе малорусскаго слова, существовавшее до 1863 года. Такъ какъ законъ сохраняетъ свое дѣйствіе, доколѣ не будетъ отмѣненъ силою новаго закона (ст. 72 т. I), а новаго закона въ порядкѣ 54 и 57 ст. т. I не издавалось, то нынѣшнее безправное положеніе малорусскаго слова должно быть объяснено исключительно наличностью распоряженій администраціи.

Безъ сомнѣнія, новое юридическое положеніе малорусскаго слова послѣ 1862 г. среди другихъ языковъ Россіи могло быть создано только новымъ закономъ. Такого значенія циркулярныя распоряженія администраціи имѣть не могутъ по силѣ 54 и 51 ст. т. I, которая гласитъ, что «никакое мѣсто или правительство въ государствѣ не можетъ само собою установить новаго закона... безъ утвержденія Самодержавной власти». Такимъ же порядкомъ отмѣняется прежній законъ (ст. 72 и 73), при чемъ по силѣ 57 ст. осн. зак. всѣ законы обязательно публикуются. Между тѣмъ циркуляры относительно малорусскаго слова, вопреки вышеприведеннымъ статьямъ, съ 1863 г. стали дѣйствовать, какъ новый законъ.

Циркуляры эти прямо отмѣнили для малороссовъ и силу 45 ст. I т., по которой: «свобода вѣры присвояется не токмо христіанамъ иностранныхъ исповѣданій, но и евреямъ, и магометанамъ, и язычникамъ, да всѣ народы, въ Россіи пребывающіе, славятъ Бога всемогущаго разными языки», ибо, благодаря примѣненію циркуляровъ 1863, 1876 и 1881 г. относительно малорускаго слова, малороссы поставлены въ имперіи въ худшее положеніе, чѣмъ язычники: малороссамъ воспрещено имѣть на родномъ языкѣ даже св. евангеліе! Вѣдь, это уже гоненіе на понятное народу и дорогое христіанамъ слово Божіе!

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что практика этихъ циркуляровъ въ концѣ подрываетъ положеніе 47 ст. основ. зак. въ которой сказано, что «Имперія Россійская управляется на

твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ, учрежденій и уставовъ, отъ Самодержавной Власти исходящихъ», ибо въ дѣйствительности оказывается, что малорусскій народъ въ его естественно-родной духовной и культурной жизни управляется рядомъ секретныхъ циркуляровъ административной власти, издаваемыхъ ею по своему усмотрѣнію и постоянно то измѣняемыхъ, то игнорируемыхъ, то примѣняемыхъ съ жестокою суровостью—все въ зависимости отъ усмотрѣнія и расположенія лицъ. Очевидно, администрація этимъ самимъ уже нарушаетъ 47 ст., трактующую о незыблемости, неприкосновенности и положительности законовъ. Практика подобныхъ циркуляровъ отмѣняетъ дѣйствіе и подрываетъ авторитетъ тѣхъ именно законовъ, въ которыхъ трактуется и о Самодержавной Власти. Изъ этого совершенно ясной становится вся незаконность и непослѣдовательность указанныхъ циркулярныхъ распоряженій администраціи, а разъ это такъ, то для чего же они существуютъ и примѣняются до сихъ поръ? Можно ли быть увѣреннымъ въ неприкосновенности въ Имперіи законовъ вообще, если дѣйствіемъ циркуляровъ нарушаются и отмѣняются даже законы основные, вслѣдствіе чего силою циркуляровъ многомилліонный малорусскій народъ ставится въ положеніе преслѣдуемаго въ своемъ русскомъ государствѣ и вынужденнаго для удовлетворенія одной изъ насущнѣйшихъ потребностей, а именно—потребностей національнаго духа, обращаться къ услугамъ сосѣдняго государства. А разъ теряетъ малорусскаго народъ, то теряетъ и Россія, ибо большая сумма зависитъ отъ величины слагаемыхъ.

Но этого мало. По силѣ 42 (40 и 41) ст. I т. св. зак. Верховная Власть въ Россіи, въ лицѣ Императора, призвана быть защитникомъ и хранителемъ въ государствѣ догматовъ христіанской вѣры, блюстителемъ правовѣрія и всякаго церковнаго благочинія. Само собою разумѣется, что администрація обязана дѣйствовать въ духѣ этого закона (т. III, ст. 180, прил. 5 Основ. зак.). Въ дѣйствительности же выходитъ, что циркулярами относительно малорусскаго слова администрація поставила свою дѣятельность въ разрѣзъ съ указанными законами.

О языкахъ и всякихъ нарѣчіяхъ христіанское ученіе высказалось совершенно опредѣленно, но совершенно противъ со-

держанія циркуляровъ. До какой степени послѣдніе не считались съ святостью закона, видно изъ того, что законъ предписываетъ быть защитникомъ и хранителемъ ученія христіанской вѣры, а циркуляры своею практикой не признаютъ этого ученія, отрицаютъ его.

Въ гл. II Дѣяній св. апостоловъ, гдѣ говорится о сошествіи св. Духа, сказано, что „исполнились всѣ Духа Святаго и начали говорить на иныхъ языкахъ“, такъ что „каждый слышалъ ихъ, говорящихъ его нарѣчіемъ (ст. 4—6). Всѣ слушающіе изумились и спрашивали: „какъ же мы слышимъ каждый собственное нарѣчіе, въ которомъ родились?“ (ст. 8). Апостолъ Петръ разъяснилъ, что это благодать Духа Святаго (ст. 17—28).

Послѣ всего этого запрещеніе какого бы то ни было языка и даже нарѣчія („въ которомъ родились“) не будетъ ли той хулой на Духа, за которую Христосъ назначилъ наибольшую кару („тому не простится“, ев. Лука, гл. 12, ст. 10)?

Апостолъ Павелъ, который сказалъ, что написанное имъ— „это заповѣди Господни“ (Посл. I къ Коринѳ., гл. 14, ст. 37), въ своемъ посланіи требуетъ отъ вѣрующихъ христіанъ ревновать о „дарахъ духовныхъ“, предписываетъ обращаться къ людямъ на родномъ ихъ языкѣ, чтобы быть понятнымъ и простолюдину (Посл. къ Коринѳ. гл. 14, ст. 2—17) и благодаритъ Бога за то, что Онъ далъ ему способность говорить съ народомъ на знакомомъ для послѣдняго языкѣ (ст. 12—19). Наконецъ, нерадѣніе о томъ, что дано человѣку Богомъ, подлежитъ строгому наказанію (Матѳ. гл. 25, ст. 13—30).

Итакъ, если языки и нарѣчія, по ученію христіанской вѣры,—это дары Божіи, о которыхъ религія предписываетъ заботиться; если, по 45 ст. осн. закон, разрѣшается славить Бога каждому народу на своемъ родномъ языкѣ; если Верховная Власть по 40 и 42 ст. осн. зак. является охранительницей ученія христіанской вѣры; если по статьѣ 47 осн. зак. народъ долженъ въ своей жизни управляться „на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ“,—то какимъ же образомъ можетъ быть дальше терпима ни на чемъ, кромѣ усмотрѣнія, не основанная, шаткая практика секретныхъ циркуляровъ администра-

ціи относительно слова многомилліоннаго малорусскаго народа, существующая и до сихъ поръ въ полной силѣ, вопреки закону, вопреки религіи и вопреки указу 12 декабря 1904 года? Только по недоразумѣнію. Дальнѣйшее примѣненіе вышеуказанныхъ циркуляровъ, когда, какъ доказано выше, не могъ бы быть изданъ даже законъ подобнаго рода, ибо въ немъ получилось бы коренное противорѣчіе однѣхъ статей съ другими, т. е. самоотрицаніе, должно быть прекращено. Приведенныя противъ этихъ циркуляровъ доказательства взяты изъ того арсенала, не признавать силы и дѣйствительности котораго администрація не должна и дальнѣйшее примѣненіе указанныхъ циркуляровъ, послѣ вышеизложеннаго, уже имѣло бы видъ, будто администрація считаетъ для себя необязательными ни основные законы, ни предписанія религіи.

Мы ходатайствуемъ о немногомъ: о томъ, чтобы всѣ административныя распоряженія, ставящія малорусское слово въ исключительное положеніе среди другихъ языковъ имперіи, были уничтожены, дабы, вмѣсто усмотрѣнія, дѣйствовалъ гуманный, опредѣленный и твердый законъ и чтобы малорусское слово пользовалось въ Россіи тѣми же правами на существованіе и развитіе, которыми пользуется еврейское, татарское, польское, нѣмецкое, и всякое иное слово; чтобы малороссы въ своемъ русскомъ государствѣ не были бы вынуждены въ поискахъ живой воды обращаться къ австрійскимъ услугамъ, какъ практикуется теперь, несмотря на всѣ административные запреты. Ибо природу ничѣмъ нельзя побѣдить и „не пусти ее въ дверь, она ворвется въ окно“. Фактъ развитія украинскаго языка, на которомъ въ настоящее время въ Австріи въ двухъ университетахъ профессора преподаютъ науки, на которомъ издаются юридическія, медицинскія и др. научныя работы, а равно выходятъ разныя газеты, литературно-научные журналы, учебники, брошюры и другія всевозможныя изданія, доказалъ это съ неопровержимой ясностью. А дѣйствительнымъ государственнымъ дѣятелямъ надо быть дальновидными, считаться съ фактами и способствовать развитію духовныхъ силъ народностей, населяющихъ государство, ибо сумма зависитъ всегда отъ величины слагаемыхъ и духовное убожество народностей, населяющихъ государство, дѣлаетъ его

убогимъ и неспособнымъ къ прочному, самостоятельному существованію. Препятствовать и разрушать легко, но такая отрицательная дѣятельность и ведетъ именно къ разрушенію государственнаго спокойствія и порядка.

Кромѣ упомянутыхъ трехъ докладныхъ записокъ, подобнаго же содержанія документы представлялись и другими лицами и учрежденіями. Такъ подробно мотивированный меморіалъ представленъ г. министру внутреннихъ дѣлъ Правленіемъ петербургскаго благотворительнаго общества изданія общедоступныхъ и дешевыхъ книгъ, группой гражданъ г. Харькова и пишущимъ эти строки, а г. Чикаленкомъ — г. министру земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Авторъ послѣдней записки особенное вниманіе обращаетъ на то обстоятельство, что стѣсненія въ культурной области проведенія знаній въ народную среду крайне тяжело отзываются на экономическомъ положеніи украинскаго населенія, оставляя его вполнѣ безоружнымъ предъ лицомъ грознаго врага—матеріальнаго оскудѣнія.

«Съ русскимъ языкомъ,—пишетъ г. Чикаленко,—народъ знакомится только въ школѣ, въ городѣ и въ общеніи съ высшими властями; дома же, въ семьѣ, на улицѣ, въ общеніи съ низшими властями, съ духовенствомъ - онъ слышитъ только малорусскій языкъ. Поэтому то немногое, что пріобрѣлось за три-четыре зимы въ школѣ, скоро забывается; если мальчикъ со школьной скамьи не попадаетъ въ писаря, въ конторщики, не уйдетъ въ городъ, то онъ вскорѣ разучивается понимать прочитанное изъ русской книги, а если не имѣетъ книги на малороссійскомъ языкѣ, то зачастую забываетъ и грамоту. Только книга на его родномъ языкѣ спасаетъ его отъ рецидива безграмотности, только книга на этомъ языкѣ заинтересовываетъ его и можетъ научить чему-нибудь новому, въ томъ числѣ и новымъ способамъ веденія хозяйства и т. п. Къ сожалѣнію, книгъ на малорусскомъ языкѣ мало, а газетъ и журналовъ и совсѣмъ нѣтъ, потому что правительство почему-то въ малорусской литературѣ видитъ опасность для цѣлости государства и этимъ само создаетъ опасность для государства въ невѣжествѣ, темнотѣ, а вслѣдствіе этого и въ обѣднѣніи малороссійскаго сельскаго населенія».

Наконецъ, въ концѣ прошлаго года И. С. Левицкій былъ уполномоченъ группой кіевской интеллигенціи и украинскихъ писателей представить на утвержденіе подлежащаго вѣдомства уставъ «Товариства запомоги українським письменникам», въ задачи котораго входило бы не только матеріальное вспомоществованіе, но и облегченіе условій литературной работы, а къ послѣднимъ несомнѣнно относится и общее современное положеніе украинскаго писателя. Отвѣтъ на это ходатайство пока не полученъ. Точно также не получено отвѣта на телеграфныя представленія одесской и кіевской интеллигенціи [1]) предсѣдателю комиссіи по пересмотру законовъ о печати Д. Ѳ. Кобеко о необходимости выслушать въ комиссіи заявленія о нуждахъ украинской печати.

Необходимость коренного измѣненія въ положеніи украинской печати проникла въ сознаніе не только частныхъ лицъ, такъ или иначе заинтересованныхъ въ этомъ измѣненіи, но и общественныхъ учрежденій, близко принимающихъ къ сердцу интересы народа. Читатели знаютъ уже, что ходатайства этого рода неоднократно возбуждались представителями земствъ, сельско-хозяйственными комитетами [2]), а въ самое послѣднее время—харьковскимъ и кіевскимъ обществами грамотности, одесской городской думой и полтавскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ [3]). Въ

---

[1]) «Кіевскія Отклики», № 45 и 46.

[2]) См. статью г. Черниговца въ „Южныхъ Запискахъ" 1904 г.

[3]) Кіевская Старина, 1904, XII, Документы, стр. 23—27, 31—32. „Полтавскій Вѣстникъ", № 629. Къ сожалѣнію до самаго послѣдняго времени ходатайства подобнаго рода встрѣчаются подлежащими сферами по прежнему непривѣтливо: общества грамотности получили уже отрицательный отвѣтъ на свои ходатайства. Характернымъ является то обстоятельство, что второй томъ «Народной литературы» (изданіе Кіевскаго общества грамотности) съ рецензіями народныхъ изданій не допущенъ въ народныя библіотеки *единственно потому*, что въ него включены рецензіи на украинскія народныя изданія («Южныя Записки», 1905, № 2, статья г. Личкова «О Кіевскомъ о-вѣ грамотности»)!..

настоящее время имѣемъ новыя заявленія въ томъ же родѣ. Въ январѣ текущаго года городская дума г. Александровска (екатеринославской губерніи), по инициативѣ правленія общественной библіотеки, единогласно постановила ходатайствовать о допущеніи въ библіотеки всѣхъ украинскихъ изданій, выходящихъ какъ въ Россіи, такъ за границей [1]), т. е. полной отмѣны постановленія 1876 г. въ той части, которая воспрещаетъ «ввозъ въ предѣлы имперіи безъ особаго разрѣшенія главнаго управленія по дѣламъ печати *какихъ бы то ни было* книгъ и брошюръ, издаваемыхъ на малороссійскомъ нарѣчіи» [2]). Гораздо шире былъ поставленъ вопросъ въ Черниговской городской общественной библіотекѣ. На общемъ собраніи ея членовъ 9 января, какъ сообщаютъ «Наши Дни», было постановлено возбудить ходатайство

> объ отмѣнѣ цензуры вообще и преданіи всѣхъ проступковъ и преступленій, совершаемыхъ печатью на усмотрѣніе суда. Членъ собранія, малорусскій писатель М. М. Коцюбинскій предложилъ дополнить это ходатайство упоминаніемъ, что должна быть отмѣнена цензура для всѣхъ сочиненій *безъ различія языка.* При этомъ онъ указалъ на ужасное положеніе малорусской печати. Вы хотите напечатать дѣтскую книжку на малорусскомъ языкѣ—цензоръ отвѣчаетъ вамъ, что малорусскихъ дѣтей нѣтъ, а есть русскія дѣти; и книжка не разрѣшается. Вы хотите, допустимъ, перевести Пушкина на малорусскій языкъ, но вамъ не позволяютъ поставить имени Пушкина на переводѣ и вы должны выдать свой переводъ за оригиналъ... Былъ такой случай: въ Галиціи была переведена (собственно—только издана. С. Е.) на малорусскій языкъ „Иліада“ Гомера. Книжка эта была послана въ Россію, но цензура не пропустила ее и возвратила обратно *даже не разрѣзанной.* Экземпляръ этотъ помѣщенъ во Львовѣ въ исторический музей для наглядной иллюстраціи дѣятельности русской цензуры... Пьесы

---

[1]) „Русскія Вѣдомости“, № 13.

[2]) Проф. Мих. Грушевскій—Очеркъ исторіи украинскаго народа, Спб. 1904, стр. 354.

на малорусскомъ языкѣ должны быть только оригинальныя; переводныя пьесы не допускаются, а извѣстно вѣдь, что ни одинъ театръ не можетъ существовать однѣми лишь оригинальными пьесами. Г. Коцюбинскій разсказалъ кое-что и изъ своего личнаго опыта. Такъ, напр., онъ послалъ въ цензуру повѣсть на малорусскомъ языкѣ чисто психологическаго характера. Въ повѣсти фигурировалъ священникъ, у котораго были сѣрые глаза. Цензору это не понравилось и онъ вездѣ повычеркивалъ „*сѣрые глаза*". Но онъ не только выкололъ герою повѣсти глаза, онъ еще постарался порвать чуть ли не всѣ психологическіе узлы повѣсти и, такимъ образомъ, совершенно изуродовалъ произведеніе писателя. Даже такая невинная фраза, какъ—„деревянная бѣлая церковь среди зелени производитъ пріятное впечатлѣніе" почему-то не понравилась цензору и была вычеркнута". Собраніе *единогласно* постановило внести въ свое ходатайство дополненіе, сдѣланное г. Коцюбинскимъ [1]).

Безъ сомнѣнія, каждое лицо, входившее въ соприкосновеніе съ цензурнымъ вѣдомствомъ по поводу изданія украинскихъ книгъ, даже и не напрягая особенно своей памяти, можетъ припомнить изъ своей практики десятки случаевъ, вполнѣ аналогичныхъ тѣмъ, которые приведены г. Коцюбинскимъ. Когда-нибудь подобные факты, разсказанные современникомъ, будутъ служить предметомъ всеобщаго изумленія для нашихъ потомковъ и забавлять ихъ не менѣе, чѣмъ насъ забавляютъ подвиги какой-нибудь цензурной знаменитости прошлыхъ временъ, въ родѣ Красовскаго и иныхъ, изгонявшихъ «вольный духъ» даже изъ поваренныхъ книгъ. Но въ настоящее время такіе факты, несмотря на видимую ихъ мелочность, слишкомъ свѣжи, слишкомъ затрагиваютъ наши насущные интересы, чтобы вызывать академически-хладнокровное къ себѣ отношеніе... Ибо въ самыхъ мелочныхъ изъ нихъ, какъ солнце въ малой каплѣ водъ, великолѣпно отражается, блистая всѣми цвѣтами радуги, вполнѣ опредѣленная общая система, задавшаяся несбыточною цѣлью—достигнуть умерщвленія народнаго организма. Не

---

[1]) „Наши Дни", № 23. 1905 г.

касаясь подобныхъ мелкихъ фактовъ цензурнаго гонительства [1]), я остановлюсь лишь на болѣе выпуклыхъ, слишкомъ уже поразительныхъ и потому привлекавшихъ къ себѣ общественное сознаніе за послѣднее время.

Что, кажется, можетъ быть проще и очевиднѣе той мысли, что всякое ученіе для того, чтобы быть воспринятымъ, требуетъ прежде всего наиболѣе понятной для данной среды формы своего выраженія? Теоретически эта мысль едва ли вызоветъ возраженія, но на практикѣ... на практикѣ вполнѣ понятной становится и та вопросительная форма—«просто ли, ясно ли?», въ которую облекъ недавно извѣстный писатель В. В. Лесевичъ свое мнѣніе по поводу этой несомнѣнной мысли. Дѣло идетъ о разрѣшеніи украинскаго перевода св. писанія. Печальная исторія этого вопроса подробно разсказана г. Шрагомъ на столбцахъ «Нашихъ Дней» [2]), о ней упоминаютъ также и приведенныя выше докладныя записки украинской интеллигенціи, а потому, предполагая ее въ общемъ извѣстной нашимъ читателямъ, я не стану повторяться, перейдя прямо къ замѣткѣ г. Лесевича. Проживая одно время въ Римѣ и встрѣчаясь съ представителями католическаго духовенства, почтенный писатель всегда ставилъ одинъ и тотъ же особенно интересующій его вопросъ: какъ относится римская церковь къ роли народныхъ языковъ въ дѣлѣ поддержанія и распространенія своего ученія? «Всѣ спрошенные мною священники и монахи,—пишетъ г. Лесевичъ,—отвѣчали, какъ одинъ человѣкъ, опредѣленной ссылкой на священное писаніе и всѣ, какъ одинъ человѣкъ, заявили при этомъ, что ни въ какомъ другомъ авторитетѣ они не нуждаются и никакимъ другимъ указаніемъ не руководствуются. Просто и ясно» [3]). Приведя затѣмъ ссылки на Евангеліе, Дѣянія

---

[1]) Кое-что изъ этой области, очень немногое впрочемъ, приведено уже мною въ статьѣ „Внѣ закона", упоминавшейся выше.

[2]) „Наши Дни", № 21. См. также въ „Южныхъ Запискахъ" 1904 г. № 48 статью „Священное писаніе и малорусскій языкъ".

[3]) „Наши Дни", № 28.

и посланіе ап. Павла, извѣстныя читателю изъ записки одесской интеллигенціи, г. Лесевичъ продолжаетъ: «Теперь, когда библія на украинскомъ языкѣ поступила на разсмотрѣніе св. синода [1]), быть можетъ, своевременною окажется приводимая мною справка. Не напомнитъ ли она, кому вѣдать о томъ надлежитъ, что недопущеніе св. писанія на украинскомъ языкѣ могло произойти лишь отъ *смѣшенія религіи съ политикой*,—и что пора и очень пора и нашей церкви оставить политику политикамъ и вернуться къ религіозной точкѣ зрѣнія въ дѣлахъ вѣры, гдѣ кромѣ одного Высшаго Авторитета, никакого другого нѣтъ и быть не можетъ. Просто ли, ясно ли» [2])?.. Ужъ кажется, просто, ужъ кажется, ясно,— и все-таки въ теченіе *болѣе 40 лѣтъ* простой и ясный вопросъ не вышелъ даже изъ стадіи первоначальнаго обсужденія и какъ онъ будетъ разрѣшенъ--предугадать и теперь нѣтъ возможности, помня все ту же капризную практику. Можетъ быть, органъ высшаго церковнаго управленія въ Россіи согласится съ мыслью, что пора «оставить политику политикамъ», но возможенъ и такой исходъ, что требованія Высшаго Авторитета будутъ оставлены безъ вниманія,

---

[1]) Объ этомъ сообщили недавно „Биржевыя Вѣдомости“—см. „Южный Край“ № 8342. Въ теченіе только послѣдняго года этотъ вопросъ поступаетъ на разсмотрѣніе св. синода, если не ошибаюсь, уже въ *третій разъ!* ... Пользуюсь кстати случаемъ, чтобы отмѣтить просто неприличную выходку, которую недавно позволилъ себѣ оффиціальный органъ св. синода «Церковныя Вѣдомости» (номера, къ сожалѣнію, не помню) по отношенію къ украинскому переводу библіи. Въ прошломъ году нѣкій черезъ-чуръ развязный заграничный корреспондентъ этого изданія, какъ примѣры нелѣпостей украинскаго перевода, приводилъ будто бы выдержки изъ него, утверждая, напр., что выраженіе «да уповаетъ Израиль на Господа» передано поукраински: «хай думае (sic) Сруль на пана», а «чистая дѣва радуйся» (это даже не изъ библіи взято!) — «чиста дівко смійся (sic)!.. Нечего и говорить, что это сплошной вымыселъ лица, *сознательно* исказившаго истину для какихъ-то своихъ грязныхъ цѣлей.

[2]) „Наши Дни“, № 28

какъ случалось уже не разъ. А между тѣмъ,—пишетъ въ статьѣ «Еще одинъ изъ «назрѣвшихъ вопросовъ» г. А. Н—ровскій,—«есть pia desideria такого рода, что доказывать ихъ основательность—нѣсколько будто... неловко. Все равно, какъ если бы вамъ предложили аргументировать предъ взрослыми мыслящими людьми такіе, напр., тезисы, какъ—«лошади любятъ овесъ», или: «зимою бываетъ холодно, а лѣтомъ жарко», или, наконецъ,—«стекломъ утираться неудобно» [1]). Къ числу такихъ элементарныхъ pia desideria хорошо освѣдомленный очевидно авторъ причисляетъ и вопросъ (если это можно даже назвать вопросомъ въ собственномъ смыслѣ) «о желательности и необходимости для жителей Малороссіи права и возможности неограниченнаго пользованія едва ли не самымъ цѣннымъ и дорогимъ благомъ каждаго человѣка—своимъ роднымъ языкомъ» и въ частности—книгами св. писанія на немъ. Приводя много убѣдительныхъ фактовъ непониманія крестьянами славянскаго и русскаго текстовъ, доказываемаго полнымъ извращеніемъ самыхъ обиходныхъ молитвъ, а также противоположные примѣры дѣйствія простого понятнаго слова,—г. Н—ровскій заканчиваетъ: «Пора, давно пора снять съ малорусскаго языка тяжелыя путы закона 1876 года. Пора дать милліонамъ жителей русской Украины возможность свободно пользоваться своею рѣчью—«не потому (закончимъ словами профессора Львовскаго университета К. Студинського), что Брандке назвалъ ее лучшею изъ всѣхъ славянскихъ языковъ, а Мицкевичъ—лучшимъ среди русскихъ нарѣчій; не потому, что Бодянскій возвеличиваетъ ея поэтичность и музыкальность и ставитъ наравнѣ съ языкомъ греческимъ и итальянскимъ; не потому, что Коубекъ и Мацѣевскій признали ее лучшею, нежели чешскій языкъ; не потому, что великороссъ Даль (Луганскій) считалъ ее выше великорусской, по потому, что она *родная имъ*» [2])...

Да, пора, давно пора признать, что утираться стекломъ и неудобно, и немного какъ будто противорѣчитъ достоинству пред-

---

[1]) „Наша Жизнь", № 74.

[2]) Тамъ же.

ставителей вида homo sapiens... Сознаніе этой общедоступной истины начинаетъ проникать даже въ такія сферы, которыя никогда не испытывали на себѣ непосредственно неудобства упомянутой операціи. Не говоря уже о широкихъ кругахъ общества, даже высшее бюрократическое учрежденіе Россійской Имперіи—комитетъ министровъ призналъ вредоносность запретительныхъ мѣръ въ отношеніи украинскаго слова. Въ извлеченіи изъ журнала комитета министровъ 28 и 31 декабря 1904 года читаемъ между прочимъ слѣдующее:

... «Въ заключеніе комитетъ остановился на высочайшихъ повелѣніяхъ 18—30 мая 1876 г. и 8 октября 1881 г., коими запрещено печатаніе и изданіе на малороссійскомъ языкѣ всякаго рода сочиненій, за исключеніемъ историческихъ документовъ, словарей и произведеній изящной словесности. Постановленія эти, въ свое время не опубликованныя и въ сводъ законовъ не вошедшія, имѣли въ виду воспрепятствовать развитію украинофильскаго движенія, направленнаго къ литературному, а затѣмъ, быть можетъ, даже и политическому обособленію Малороссіи отъ остальной Россіи. Указанное движеніе, бывшее всегда явленіемъ наноснымъ, нынѣ не представляетъ сколько-нибудь серьезной опасности; между тѣмъ продолжающееся примѣненіе наложеннаго запрета, значительно затрудняя распространеніе среди малорусскаго населенія полезныхъ свѣдѣній путемъ изданія книгъ на понятномъ для крестьянъ нарѣчіи, препятствуетъ повышенію нынѣшняго низкаго уровня крестьянъ малорусскихъ губерній.

Такъ какъ, однако, для окончательнаго разрѣшенія вопроса объ отмѣнѣ мѣръ, стѣсняющихъ свободу печатанія на малороссійскомъ нарѣчіи различныхъ книгъ, въ виду комитета не имѣется достаточныхъ фактическихъ свѣдѣній, то комитетъ нашелъ болѣе осторожнымъ поручить министрамъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, по принадлежности, запросить мнѣнія по данному вопросу у императорской академіи наукъ и императорскихъ университетовъ кіевскаго и харьковскаго, а равно кіевскаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора и представить полученные отзывы въ непродолжительномъ времени, вмѣстѣ съ своимъ заключеніемъ, на уваженіе комитета.

По всѣмъ приведеннымъ основаніямъ комитетъ полагалъ:

Поручить министрамъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ—по предварительномъ сношеніи съ кіевскимъ, подольскимъ и волынскимъ генералъ-губернаторомъ, императорскими академіею наукъ и кіевскимъ и харьковскимъ университетами,—пересмотрѣть высочайшія повелѣнія 18—30 мая 1876 г. и 8 октября 1881 г. объ ограниченіи печатанія книгъ на малорусскомъ нарѣчіи и свои заключенія по сему предмету, вмѣстѣ съ соображеніями означенныхъ лицъ и учрежденій, внести на разсмотрѣніе комитета министровъ.

Таковое положеніе комитета министровъ удостоилось высочайшаго утвержденія 21 января 1905 года" [1]).

Приведенныя соображенія комитета министровъ полны для насъ глубокаго интереса и въ виду той роли, которая принадлежитъ этому учрежденію въ дѣлѣ проведенія реформъ, намѣченныхъ Высочайшимъ указомъ 12 декабря, и по самому содержанію своему. Здѣсь находимъ любопытнѣйшія признанія относительно прошлаго въ положеніи украинскаго вопроса и рядъ намѣченныхъ дѣйствій касательно ближайшаго будущаго. Начну съ первыхъ.

Прежде всего въ соображеніяхъ комитета министровъ мы *въ первый разъ* встрѣчаемся съ оффиціальнымъ указаніемъ на стѣснительныя мѣропріятія относительно украинской литературы, окутанныя до сихъ поръ глубокою канцелярской тайной. Въ то время, когда въ печати и въ обществѣ шли горячіе споры о томъ, нужна или не нужна, вредна или полезна украинская литература, слѣдуетъ или не слѣдуетъ поддерживать такой порядокъ—единственно компетентное по данному вопросу учрежденіе упорно хранило глубокое молчаніе, втайнѣ принимая лишь мѣры къ тому, чтобы все болѣе выдаю-

---

[1]) Цитирую по „Нашимъ Днямъ", № 30, приводя изъ журнала комитета министровъ лишь то, что непосредственно относится къ занимающему насъ вопросу.

щееся въ украинской литературѣ было надежно погребено въ архивахъ цензурнаго вѣдомства. Это загадочное молчаніе въ концѣ концовъ заставило кой-кого даже усомниться въ существованіи какихъ-либо стѣсненій. Многіе, вѣроятно, и теперь еще помнятъ рядъ статей въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» за 1898 г., гдѣ совершенно опредѣленно на разные лады доказывалось, что никакихъ ограниченій для украинской литературы нѣтъ, да по существу и быть не можетъ, что «украинофилы» выдумали миѳъ о какихъ-то стѣсненіяхъ съ единственною цѣлью—оправдать этимъ свою собственную слабость. Разумѣется, послѣ авторитетнаго разъясненія комитета министровъ, всѣ подобныя разсужденія должны пасть сами собою. Это во-первыхъ; во-вторыхъ, по поводу правительственнаго сообщенія возникаетъ цѣлый рядъ любопытныхъ вопросовъ. Уже то обстоятельство, что «въ свое время не опубликованныя и въ сводъ законовъ не вошедшія» постановленія могли въ теченіе десятковъ лѣтъ связывать по рукамъ и по ногамъ многомилліонное населеніе, лишая его права голоса и препятствуя этимъ удовлетворенію насущнѣйшихъ культурныхъ потребностей—само по себѣ уже это обстоятельство представляетъ классическую иллюстрацію къ современному состоянію нашего законодательнаго механизма. Вѣдь опубликованіе въ извѣстномъ, строго опредѣленномъ порядкѣ есть необходимѣйшій моментъ для возникновенія каждаго закона; неопубликованный законъ—не законъ, а безправіе, отрицаніе закона, юридическій абсурдъ, невозможный въ правовомъ государствѣ. Нормы закона, скрытаго въ тайникахъ канцелярій и присутственныхъ мѣстъ, не могутъ быть ни для кого обязательными и по существу ничѣмъ не отличаются отъ произвола. Вотъ почему въ качествѣ таковаго и трактуются занимающія насъ постановленія въ докладной запискѣ одесской интеллигенціи, вѣроятно, недостаточно хорошо освѣдомленной на счетъ истинной юридической природы этихъ постановленій. Теперь уже для всѣхъ и каждаго очевидно, что первое и необходимѣйшее условіе для признанія за каждымъ закономъ дѣйствительной силы было нарушено въ отношеніи украинскаго слова и безпрерывно нарушается съ тѣхъ поръ въ теченіе 30 лѣтъ и до на-

стоящаго времени. Но оставляя въ сторонѣ юридическую природу указанныхъ ограничительныхъ постановленій, мы невольно наталкиваемся на вопросъ: почему же допущено такое уклоненіе отъ нормальнаго порядка? вѣроятно тому были какія-нибудь особенныя причины? Нѣтъ, ихъ не было, какъ опять таки совершенно опредѣленно разъясняетъ правительственное сообщеніе. Ограниченія «имѣли въ виду воспрепятствовать литературному, а затѣмъ, *быть можетъ*, даже и политическому обособленію Малороссіи отъ остальной Россіи», такъ излагаетъ эти причины комитетъ министровъ. Литературное обособленіе, очевидно, не наказуемо по государственнымъ соображеніямъ,—значитъ, кара имѣла въ виду политическое обособленіе, но подчеркнутое нами выраженіе прекрасно указываетъ истинный характеръ обвиненія. И на такомъ шаткомъ основаніи, какъ «быть можетъ», была построена цѣлая система мѣропріятій, препятствующихъ «повышенію нынѣшняго низкаго культурнаго уровня крестьянъ малороссійскихъ губерній»! И созданный воображеніемъ двухъ-трехъ лицъ миражъ могъ лечь въ основу реальнѣйшей политики по отношенію къ милліонамъ подданныхъ въ теченіе десятковъ лѣтъ!... Мозгъ отзывается понимать что-нибудь подобное и, разумѣется, никогда и не понялъ бы, если бы не нашелъ слишкомъ несомнѣннаго подтвержденія со стороны такого авторитетнаго учрежденія, какимъ является въ данномъ случаѣ комитетъ министровъ. И что всего замѣчательнѣе—постановленіе 1876 г. возбудило въ административныхъ кругахъ отрицательное отношеніе непосредственно вслѣдъ за его—затрудняюсь сказать—появленіемъ. Достовѣрный фактъ, что высшая мѣстная администрація въ лицѣ генералъ-губернаторовъ кіевскаго (генералъ-адъютантъ Чертковъ) и временнаго харьковскаго (генералъ-адъютантъ князь Дондуковъ-Корсаковъ) [1]) подавала голосъ—особенно настаивалъ на этомъ первый—противъ

---

[1]) Записка по этому вопросу кн. Дондукова-Корсакова опубликована г. Франкомъ въ «Літературно-Науковому Вістнику», въ февральской книжкѣ настоящаго года.

ограниченій и за подчиненіе украинской литературы общимъ цензурнымъ условіямъ. Нужно думать, что упомянутыми представителями высшей административной власти края не были при этомъ упущены изъ виду и политическія соображенія, и все-таки ограниченія были ими осуждены. Но несмотря на это, ограничительныя постановленія продолжаютъ существовать и до дне сего, лишь въ комитетѣ министровъ найдя мягкую по формѣ, но тѣмъ не менѣе убійственную по существу оцѣнку... Утѣшимся же, если въ даномъ случаѣ вообще утѣшеніе возможно, что «Богъ правду видитъ, хотя и не скоро скажетъ»... Миражъ очевидно начинаетъ разсѣеваться.

Да, начинаетъ, но скоро ли разсѣется совершенно—мы не знаемъ, такъ какъ получивъ хотя такое проблемматическое удовлетвореніе въ заключеніи комитета министровъ относительно прошлаго, мы не можемъ, къ сожалѣнію, удовлетвориться постановкою имъ вопроса въ настоящемъ. Казалось бы, дѣло обстоитъ до нельзя просто: разъ доказано, наконецъ, что «украинофильское движеніе» — «нынѣ не представляетъ сколько-нибудь серьезной опасности», а между тѣмъ запретъ литературы «препятствуетъ повышенію нынѣшняго низкаго культурнаго уровня крестьянъ малороссійскихъ губерній»—однимъ ударомъ покончить съ этимъ стѣснительнымъ и вреднымъ порядкомъ. Это и было сдѣлано еще недавно съ аналогичными ограниченіями литовской письменности. Но комитетъ, тѣмъ не менѣе, «нашелъ болѣе осторожнымъ» выдѣлить данный вопросъ изъ группы остальныхъ цензурныхъ вопросовъ и создать особую организацію его разсмотрѣнія, разбивъ послѣднее на слѣдующія три инстанціи: 1) кіевскій, подольскій и волынскій генералъ-губернаторъ, академія наукъ и университеты кіевскій и харьковскій имѣютъ представить по принадлежности министрамъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія свои мнѣнія по данному вопросу; 2) на основаніи полученныхъ мнѣній и собственныхъ соображеній означенные министры произведутъ пересмотръ постановленій 1876 и 1881 гг. и 3) свои заключенія вмѣстѣ съ отзывами лицъ и учрежденій

первой инстанціи внесутъ на разсмотрѣніе комитета министровъ. А пока сохраненъ въ силѣ прежній порядокъ, осужденный и жизнью, и комитетомъ министровъ... Я не сомнѣваюсь, конечно, ни на минуту, что высшая административная власть края, въ лицѣ г. генералъ-губернатора, и такія ученыя учрежденія, какъ академія наукъ и названные университеты, отнесутся къ вопросу съ глубокимъ вниманіемъ и не захотятъ поддерживать устарѣлый пережитокъ, отмѣняемый уже самой жизнью; увѣренъ также и въ томъ, что и дальнѣйшія инстанціи съ полнымъ безпристрастіемъ отнесутся къ вопіющимъ фактамъ порчи законодательнаго механизма и постараются ввести полную законность въ область, до сихъ поръ ее лишенную. Но... мнѣ приходитъ на память одинъ достовѣрный случай. Во время торжественнаго обѣда по случаю 50-тія со дня основанія Кіевскаго университета, нѣкоторое почтенное лицо,— если не ошибаюсь, сербскій митрополитъ,—обратилось къ сосѣду съ замѣчаніемъ: «странно: общеуниверситетскій праздникъ, а между тѣмъ на немъ я не вижу тѣхъ, кого онъ ближе всего касается,—я не вижу студентовъ!..». Не знаю, какой отвѣтъ получило почтенное лицо на свое замѣчаніе, но читая постановленіе комитета министровъ, мнѣ хочется сказать: «я не вижу студентовъ»... Если уже нужно было создавать сложное разсмотрѣніе вопроса, относительно котораго не можетъ быть двухъ мнѣній, то, по моему скромному разумѣнію, необходимо было разыскать и привлечь прежде всего «студентовъ»—т. е., тѣхъ лицъ, которыя собственнымъ горькимъ опытомъ познали всѣ прелести осужденнаго уже правительствомъ порядка, для которыхъ данный вопросъ является роковымъ вопросомъ—быть иль не быть. Я говорю объ украинскихъ писателяхъ. Будучи привлеченными къ дѣлу, они представили бы такое количество «достаточныхъ фактическихъ свѣдѣній», что комитету министровъ не пришлось бы жаловаться на недостатокъ въ этомъ отношеніи; они разсказали бы о всѣхъ «сѣрыхъ глазахъ», выколотыхъ изъ живого организма литературнаго произведенія и безслѣдно похороненныхъ въ архивахъ цензурнаго вѣдомства; они повѣдали бы о неслыханнѣйшихъ операціяхъ кромсанія живого тѣла даже не за мысли, а

исключительно за языкъ, только подъ предлогомъ невиннѣйшихъ словъ и выраженій... Осмѣливаюсь думать, что эти свидѣтельства лицъ, подвергавшихся операціямъ, были бы не менѣе краснорѣчивы, чѣмъ указанія административныхъ и ученыхъ лицъ и учрежденій.

Въ принципѣ комитетъ министровъ очевидно ничего не имѣетъ противъ такого привлеченія заинтересованныхъ лицъ, разъ председателю особаго совѣщанія по пересмотру цензурныхъ постановленій предоставлено право приглашать къ совмѣстной работѣ не только «выдающихся литераторовъ и публицистовъ», но и вообще «лицъ, отъ которыхъ можно ожидать полезныхъ свѣдѣній и объясненій, въ томъ числѣ дѣятелей провинціальной печати» [1]). Украинскіе писатели существуютъ—это фактъ; отъ нихъ «можно ожидать полезныхъ свѣдѣній и объясненій»—это другой фактъ;—пожелаемъ же, чтобы изъ этихъ двухъ фактовъ возникъ и третій, послѣдовательно изъ нихъ вытекающій—привлеченіе украинскихъ писателей въ качествѣ свѣдущихъ лицъ къ работамъ, коренныmъ образомъ затрагивающимъ ихъ существованіе. Оговариваюсь, что плодотворное участіе писателей въ реформѣ законодательства о печати возможно лишь въ томъ случаѣ, если послѣдней будетъ предоставлена полная свобода и независимость, при извѣстныхъ гарантіяхъ, эту свободу и независимость обезпечивающихъ. Участвовать же въ созданіи постановленій, такъ или иначе эту свободу ограничивающихъ, было бы слишкомъ тяжело и унизительно для всякаго уважающаго себя дѣятеля печатнаго слова, въ томъ числѣ, конечно, и для украинскаго. Съ приведенной оговоркой привлеченіе украинскихъ писателей къ работамъ комиссіи было бы, разумѣется, весьма желательно, а разыскать этихъ писателей вовсе не такъ уже трудно и при настоящихъ условіяхъ, какъ это съ перваго взгляда кажется. Во-первыхъ, существуетъ въ Петербургѣ общество, прикосновенность котораго къ украинской печати оффиціально признана,—это извѣстное

---

1) «Извлеченіе изъ журнала комитета министровъ»,—«Наши Дни», № 30.

Благотворительное Общество изданія общедоступныхъ и дешевыхъ книгъ. Во-вторыхъ, раньше было упомянуто, что группой кіевской интеллигенціи съ участіемъ украинскихъ писателей представленъ на утвержденіе уставъ «Товариства Запомоги українським письменникам». Значитъ, существуетъ и теперь общая почва, на которой могли бы сойтись украинскіе писатели и выбрать изъ своей среды извѣстныхъ и уважаемыхъ лицъ для защиты собственныхъ интересовъ. Правда, въ вышеупомянутомъ проектѣ комитета министровъ о привлеченіи свѣдущихъ лицъ дѣло идетъ о русской печати, но мнѣ кажется, что вообще выдѣленіе украинской въ особый вопросъ не имѣетъ достаточныхъ основаній, а удержано лишь въ силу извѣстной традиціи, не рѣшившейся порвать сразу съ проторенными дорожками привычной практики. Не надо забывать, что такое выдѣленіе есть по существу дѣла тоже сепаратизмъ, возможнымъ призракомъ котораго такъ напуганы были вдохновители и составители секретныхъ, неопубликованныхъ постановленій,—правда, сепаратизмъ правительственный, идущій сверху, но уже тѣмъ самымъ дающій поводы къ нежелательнымъ для самого правительства «превратнымъ толкованіямъ»...

Надѣясь въ будущемъ вернуться еще—и, можетъ быть, не разъ—къ мнѣнію комитета министровъ и предполагаемой «реформѣ», пока выскажу лишь, какъ общее положеніе, что только печать свободная, отвѣтственная исключительно предъ нелицепріятнымъ и правильно организованнымъ судомъ и поставленная въ условія, гарантирующія эту свободу, можетъ выполнять свое назначеніе—служить голосомъ общественной совѣсти, и что въ данной области—области духа и мысли—еще менѣе умѣстно дѣленіе на privillegia favorabilia и privillegia odiosa, чѣмъ въ какой-нибудь иной сферѣ человѣческихъ отношеній. Съ этой единственно умѣстной здѣсь точки зрѣнія долженъ трактоваться, конечно, и вопросъ объ украинской литературѣ...

Сергій Ефремовъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанскаго Университета

на 1905 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. **Въ отдѣлѣ наукъ**: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по научнымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и заграницей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-воспитательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣніе преподаванія, распредѣленіе лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями, и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *А. Александровъ.*

3—3

НОВЫЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ЮЖНЫЯ ЗАПИСКИ"

выходитъ въ г. Одессѣ

книжками *около 100 страницъ* каждая.

Главныя задачи изданія: 1) отстаивать права личности и общественныхъ учрежденій, 2) содѣйствовать развитію и росту общественной самодѣятельности и 3) изучать и всесторонне разрабатывать вопросы областной жизни Юга и Россіи.

„Южныя Записки", представляя собою областной журналъ для Южной Россіи, удѣляютъ въ тоже время столько мѣста и вниманія вопросамъ и главнымъ событіямъ общерусской и иностранной жизни, сколько и столичныя изданія. Этой цѣли служатъ систематическіе обзоры, освѣщающіе съ широкой точки зрѣнія всѣ значительныя явленія русской и европейской жизни, а также военная хроника и обзоръ печати. Кромѣ того, **„Южныя Записки"** даютъ читателямъ и чисто журнальный матеріалъ въ видѣ беллетристическихъ произведеній и статей критическаго, публицистическаго и научнаго характера. Видное мѣсто отводится разработкѣ вопросовъ земскаго и городского самоуправленія, экономическаго и правового положенія населенія и вопросамъ просвѣщенія. Такимъ образомъ, **„Южныя Записки"** могутъ замѣнить и ежедневную газету и ежемѣсячный журналъ. Въ журналѣ помѣщаются, кромѣ того, многочисленныя статьи по мѣстнымъ вопросамъ и обширныя письма провинціальныхъ общественныхъ дѣятелей и литераторовъ изъ всѣхъ значительныхъ городовъ Юга.

„Южныя Записки" издаются при ближайшемъ участіи **К. М. Панкѣева** и **М. А. Славинскаго** *(общая редакція)*, **В. В. Водовозова** *(еженедѣльная военная хроника и иностранное обозрѣніе)*, **А. С. Изгоева** *(еженедѣльное внутреннее обозрѣніе)*, **М. В. Гельрота** *(изъ жизни и печати)*, **А. А. Яблоновскаго** *(Петербургскія письма и фельетонъ)*, **В. И. Масальскаго** *(Московскія письма)*.

Въ вышедшихъ до сихъ поръ книжкахъ **„Южныхъ Записокъ"** помѣщены произведенія слѣдующихъ авторовъ:

I. Беллетристика. Разсказы А. И. Куприна, А. Серафимовича, А. А. Яблоновскаго, А. М. Федорова, И. П. Бѣлоконскаго, А. Б. Петрищева, К. Пономарева и другихъ.

II. Стихотворенія. А. Федорова, Ив. Бѣлоусова и другихъ.

III. Беллетристика переводная. Разсказы лучшихъ иностранныхъ новеллистовъ, переводы съ малорусскаго изъ Ив. Франка, В. Стефаника, Т. Бордуляка, Б. Гринченка и другихъ.

IV. Литература и искусство. Статьи проф. Д. Овсянико-Куликовскаго, Ник. Ашешова, А. Федорова, С. Русовой, Гельрота, И. Брусиловскаго, Иг. Житецкаго и друг.

V. Научно-популярныя статьи: проф. Н. Н. Ланге, прив.-доц. М. Орженцкаго, Л. Зака, Англовѣда, д-ра И. К. Хмѣлевскаго и другихъ.

VI. Политика и иностранная жизнь. Статьи С. Волькенштейна, Я. Н. Новикова, М. Гельрота, А. М. Федорова, Я. Гр-ра и друг.

VII. Общественные и экономическіе вопросы. Статьи проф. Е. Васьковскаго, С. Русовой, А. Лотоцкаго, А. Шлихтера, Л. С. Личкова, С. Лисенка, И. А. Хмѣльницкаго, Ив. Соколовскаго и друг.

VIII. Публицистика и фельетонъ. Статьи А. А. Яблоновскаго, А. С. Изгоева, С. Протопопова, Владиміра Ж. (Altalena), М. Славинскаго и друг.

IX. Земское и городское самоуправленіе. Статьи проф. И. В. Лучицкаго, И. П. Бѣлоконскаго, А. А. Русова, С. И. Лисенка, Н. П. Цакни, А. Ѳ. Саликовскаго, С. Б. Лазаровича и друг.

X. Народное образованіе. Статьи И. П. Бѣлоконскаго, Г. Е. Афанасьева, А. Б. Петрищева, С. Лисенка и друг.

XI. Статьи по мѣстнымъ вопросамъ. *И. П. Бѣлоконскій.* Дѣятельность южныхъ земствъ по народному образованію. *С. Б. Лазоровичъ.* Письма объ Одесскихъ городскихъ дѣлахъ. *Ф. А. Щербина.* Чеховъ о казакахъ. *И. П. Бѣлоконскій.* Историческій очеркъ курскаго земства. *А. Русовъ.* О херсонской земской статистикѣ. *С. Лисенко.* Днѣпровское земство. *Я. К. Имшенецкій.* Подымная подать въ Полтавскомъ земствѣ. *В. А. Бертенсонъ.* Сельское хозяйство въ Подольской и Волынской губ. *А. Саликовскій.* Юго-западное земство. *М. Морозъ.* Хозяйственно-экономическое положеніе крестьянъ Пирятинскаго уѣзда. *В. Ад-ръ.* Къ исторіи заселенія Новороссіи. *Вл. Н. Р-ръ.* Криворожскій рудный районъ. *Ал. С-кій.* О курортныхъ нуждахъ. *И. Порошинъ.* На крымской Ривьерѣ. *В. Терешкевичъ.* Переселеніе изъ Полтавской губ. *А. П. Сокальскій.* Переселеніе и аренда земель въ Херсонской губ. *М. Неручевъ.* Земельное барышничество—Выселеніе десятинщика—Земельное устройство татаръ. *В. Адлеръ.* Дунайскіе хищники. *А. Киппенъ.* Винодѣльческій кризисъ и питейная реформа.—Филоксера въ Бессарабіи—Къ вопросу о фальсификаціи винъ. *Эм. Баленъ-де-Баллю.* Филоксерный кризисъ въ Бессарабіи. **N.**

Криница. Интеллигентная колонія на Кавказскомъ берегу Чернаго моря. *В. Терешкевичъ.* Экономическая дѣятельность Полтавскаго земства. *М. Рклицкій.* Подымная подать въ земствѣ. *Н. Калишевичъ.* Первые шаги Подольскаго земства и много др.

XII. Письма изъ провинціи. Кавказскія письма *Ф. А. Щербины.* Кіевскія письма. *А. И. Матюшенскаго* и *Ал. Саликовскаго,* Волынскія письма. *М. Д. Городецкаго,* Крымскія письма. *А. М. Михайлова,* письма изъ Закавказья. *А. Сегеля* и *В. Герценштейна,* изъ Таврической губерніи. *К. Л. Фастыковскаго, М. Неручева* и *А. Ельяшевича,* изъ Ессентукъ. *А. М. Колончанова,* изъ Батума, Ялты, Симферополя. изъ Екатеринодара. *В. С.,* изъ Херсона. *Гр. Сьогобочняго,* и *Dixi,* изъ Херсонской губерніи *Г. Загородникова,* изъ Курска. *Ж. Р.* и *Е. А. Звягинцева,* изъ Полтавы. *М. Сосновскаго* и *М. Рклицкаго,* изъ Чернигова *М. Могилянскаго,* изъ Каменецъ-Подольска *Ал. С-каго,* и *Н. В. Калишевича,* изъ Подольской губерніи *О. Зновицкаго,* изъ Волынской губерніи *Д. Марковича, Мих. Безсонова, И. Коварскаго* и *Ник. Угрюмова.* и др.

XIII. Библіографія. Отзывы о русскихъ и малорусскихъ книгахъ.

XIV. Коммерческій отдѣлъ. Съ указаніемъ курсовъ бумагъ, фрахтовъ, тарифовъ и цѣнъ на хлѣба.

Кромѣ вышеупомянутыхъ авторовъ въ **„Южныхъ Запискахъ“** принимаютъ участіе слѣдующія лица: *Д. Я. Айзманъ, К. С. Баранцевичъ, В. Я. Богучарскій, П. И. Вейнбергъ, І. В. Гессенъ, В. А. Гольцевъ, Кн. П. Д. Долгоруковъ, С. Я. Елпатьевскій, А. Я. Ефименко, Н. Іорданскій, Вл. Г. Короленко, А. В. Пѣшехоновъ, П. Д. Телешовъ, В. Ѳ. Тотоміанцъ, Г. И. Шрейдеръ. С. Н. Южаковъ, Е. Н. Чириковъ* и много друг.

Условія подписки: На годъ—**6** руб., полгода—**3** руб., на три мѣсяца—**1** руб. **50** коп., на одинъ мѣсяцъ—**50** коп. Народнымъ учителямъ и городскимъ служащимъ, сельскому духовенству и учащимся «Южныя Записки» высылаются за **4** руб. въ годъ, за **2** руб. въ полгода и за **1** руб. на 3 мѣсяца.

Номеръ „Южныхъ Записокъ“ высылается для ознакомленія безплатно по первому требованію.

Адресъ редакціи и конторы „Южныхъ Записокъ“: **Одесса, Троицкая ул., № 26.**

Розничная продажа номеровъ и пріемъ подписки производится во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и земскихъ складахъ Юга Россіи, Цѣна отдѣльнаго номера въ розничной продажѣ 15 коп.

3—3

комые. Матеріалы для исторіи общественнаго движенія въ Россіи въ 40—70 годахъ. Очеркъ В. П. Батуринскаго. **Дневникъ Елизаветы Дьяконовой**. Матеріалы для исторіи общественнаго движенія въ 80-хъ и 90-хъ годахъ XIX столѣтія. Кромѣ того ежемѣсячно будетъ дано по два приложенія съ отдѣльной нумераціей страницъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на 1 годъ **6** р., 1/2 года **3** р., 1 мѣс. **50** к.

Разсрочка по 50 коп. въ мѣсяцъ, безъ повышенія цѣны за годъ.

Деньги можно высылать почтовыми марками.

Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Екатерининскій кан., д. № 17.

Редакторъ-издатель *С. Сухонинъ.*

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1905 ГОДЪ

на ежедневную общественную, политическую и литературную газету

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

(безъ предварительной цензуры).

(ВЪ ДВУХЪ ИЗДАНІЯХЪ).

Въ газетѣ примутъ постоянное участіе:

В. К. Агафоновъ, Д. Я. Айзманъ, Ю. И. Безродная, С. М. Блекловъ, проф. А. В. Васильевъ, П. И. Вейнбергъ, проф. В. И. Вернадскій, Е. Н. Водовозова, Е. А. Ганейзеръ, I. В. Гессенъ, прив.-доц. В. М. Головачевъ, П. А. Голубевъ, А. Г. Горнфельдъ, проф. И. М. Гревсъ, кн. Петръ Дм. Долгоруковъ, С. Елеонскій, В. С. Елпатьевскій, А. И. Иванчинъ-Писаревъ, М. И. Ипполитовъ, прив.-доц. А. И. Каминка, В. В. Каррикъ, проф. Н. А. Карышевъ, проф Н. И. Карѣевъ, Д. А. Клеменцъ, прив.-доц. С. А. Котляревскій, проф. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, Н. Г. Кулябко-Корецкій, П. И. Крукинъ, Н. И. Лазаревскій, Г. А. Ландау, М. А. Ладыженскій, Н. Н. Львовъ, П. Н. Милюковъ, В. Д. Набоковъ, проф. В. М. Нечаевъ, проф. П. И. Новгородцевъ, А. И. Новиковъ, проф. С. Ѳ. Ольденбургъ, Л. Ф. Пантелеевъ, проф. Л. I. Петражицкій, И. И. Петрункевичъ, проф. А. С. Посниковъ, А. В. Пѣшехоновъ, М. А. Рейснеръ, Ѳ. И. Родичевъ, Вл. А. Розенбергъ, К. Румынскій, Евг. В. Святловскій, В. И.

Семевскій, А. Серафимовичъ, А. А. Стаховичъ, С. Н. Сторожевскій, А. С. Фейгельсонъ, Б. И. Харитонъ, академ. А. А. Шахматовъ, Г. И. Шрейдеръ, Д. И. Шрейдеръ, С. П. Юрицынъ, А. А. Яблоновскій, В. Е. Якушкинъ.

Собственные корреспонденты въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Лондонѣ, Неаполѣ, Нью-Іоркѣ, Парижѣ и Римѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.
1 изданіе:	12	11	10	9	8	7	6	5	4	3	2	1
За границу	20	19	18	17	15	13	11	10	8	6	4	2

II изданіе: годъ—4 р., $^1/_2$ года - 2 р., 3 м — 1 р.
За границу „ 12 „ „ 6 „ „ 3 „

1-й № перваго изданія выйдетъ 18-го ноября 1904 г.

Подписная цѣна до конца 1904 года 1 руб.

Второе изданіе начнетъ выходить съ 1-го декабря 1904 г. Годовые подписчики на второе изданіе получаютъ газету до конца года безплатно.

Редакторъ-издатель **С. П. Юрицынъ**.

Редакція и Главная Контора: Невскій 90. Телеф. 5989.

Для пріема подписки и объявленій Главная Контора открыта отъ 10 ч. утра до 5 ч. вечера. Въ праздники отъ 1 ч. до 3 ч дня.

2—3

ИЗДАНІЕ ГОДЪ III.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1905-й ГОДЪ

на ежедневную газету

ЕЛИСАВЕТГРАДСКІЯ НОВОСТИ,

которая будетъ въ 1905 г. выходить въ увеличенномъ семистолбцовомъ форматѣ.

Въ газетѣ принимаютъ постоянное ближайшее участіе:

А. А. Адабашъ, С. М. Бѣлина-Бѣлиновичъ, А. С. Вознесенскій, Н. Г. Вучетичъ, С. С. Гусевъ, (Слово глаголь), А. С. Изгоевъ, Н.

В. Левитскій, Ѳ. И. Литвицкій, Е. Н. Любичъ, Э. А. Любарская, Н. Ѳ. Марковъ, Ф. Ф. Пуже, Л. Д. Теплицкій, И. Б. Тенеромо, М. Н. Фонбергъ. В. Е. Жаботинскій, Ѳ. М. Ѳедоровъ и др.

Постоянные корреспонденты заграницей:

М. С. Сукениковъ (Берлинъ), Берлацкій (Гамбургъ), А. Мексинъ (Базель), А. Баккъ (Цюрихъ), П. А Фонъ-Меренштильдъ (Нью-Іоркъ), И. Симонъ (Вѣна).

Кромѣ телеграммъ собственныхъ корреспондентовъ и Россійскаго Телеграфнаго Агентства будутъ печататься также телеграммы „Петербургскаго Телеграфнаго Агентства".

Иллюстрированное приложеніе выходитъ въ случаѣ необходимости.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Елисаветградѣ.		**Для иногородныхъ.**	
На годъ	7 р. 20 к.	На годъ	8 р. — к.
„ 1/2 года	4 р. — к.	„ 1/2 года	4 р. 50 к.
„ 3 мѣсяца	2 р. 10 к.	„ 3 мѣсяца	2 р. 50 к.
„ 1 „	— р. 70 к.	„ 1 „	— р. 85 к.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ три срока:

1) Въ Елисаветградѣ при подпискѣ 3 р. 20 к., 1-го апрѣля 2 р. и 1-го августа 2 руб.

Для иногородныхъ: при подпискѣ 4 руб., 1-го апрѣля 2 р. и 1-го августа 2 руб.

За пересылку заграницу доплачивается 1 р. въ мѣсяцъ.

Квитанція, выдаваемая конторою въ полученіи подписныхъ денегъ, должна быть оплачена 5 коп. гербовою маркою за счетъ подписчика.

Подписка принимается въ главной Конторѣ и во всѣхъ ея Отдѣленіяхъ.

Главная Контора и Редакція въ Елисаветградѣ, В.-Донская ул., домъ № 1. Телефонъ № 66.

Редакторъ-Издатель **В. С. ЛАПИДУСЪ.**

2—3

выхъ произведеній искусства, русскихъ и иностранныхъ,—въ гравюрахъ на деревѣ, автотипіяхъ и др. репродукціяхъ, по новѣйшимъ способамъ; оригинальными рисунками, портретами, этюдами—черными и цвѣтными.

„Новый Міръ“ съ „Живописной Россіей“, „Мозаикой“ и „Современной Лѣтописью“ выходитъ 1-го и 16-го каждаго мѣсяца.

2) 24 №№ „ВѢСТНИКА ЛИТЕРАТУРЫ“, выходитъ 8-го и 23-го каждаго мѣсяца. Изданіе это имѣетъ своей задачей объяснить все, что касается литературнаго міра, русскаго и иностраннаго, критику, литературныя воспоминанія, статьи и корреспонденціи по вопросамъ изящной словесности, библіографіи и пр.

и 3) 24 КНИГИ „БИБЛІОТЕКИ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ“, которыя будутъ заключать въ себѣ серію оригинальныхъ и переводныхъ историческихъ, бытовыхъ и соціальныхъ романовъ, повѣстей, очерковъ и т. д. Изданіе это будетъ разсылаться вмѣстѣ съ „Вѣстникомъ Литературы“, т. е. каждаго 8-го и 23-го числа.

ОСОБЫЯ ПРЕМІИ:

Въ продолженіе года при журналѣ будутъ прилагаться:

Большія полихромныя картины,

Акварельныя копіи въ краскахъ,

наклеенныя на особые и прочные листы,

Геліогравюры-mezzotinto и пр., и пр.

Всѣ преміи къ „Новому Міру“ заказаны лучшимъ заграничнымъ полиграфическимъ заведеніямъ и будутъ представлять **большую художественную цѣнность.**

Подписная цѣна „Новаго Міра“, съ доставкой и пересылкой: на годъ—**14** р., на полгода—**7** р., на четверть года—**3** р. **50** к.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается льготная разсрочка, именно - при подпискѣ и ежемѣсячно, до уплаты всей подписной стоимости, по **2** р.

Съ требованіями обращаться: **въ контору журнала „Новый Міръ“,** при книжномъ магазинѣ Товарищества М. О. ВОЛЬФЪ,—**С.-Петербургъ, Гостиный Дворъ, № 18.**

Отвѣтственный редакторъ *П. М. Ольхинъ.*

Издатели: *Товарищество М. О. Вольфъ.*

При каждомъ № „НИВЫ“, независимо отъ другихъ приложеній, **подписчики получатъ по одной книгѣ**, а новые подписчики, выписывающіе также (за 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.) **первыя 20 книгъ Шеллера-Михайлова за 1904 г.**, получатъ ихъ при первомъ № „НИВЫ“ 1905 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1905 годъ
(36-й годъ изданія)

НИВА,

на еженедѣльный иллюстрированный журналъ
со многими приложеніями.

Спеціальные корреспонденты на театрѣ военныхъ дѣйствій акад. Н. С. Самокишъ, художн. В. А. Табуринъ, фотогр. В К. Булла.

Гг. подписчики „Нивы“ получатъ въ теченіе 1905 года:

52 №№ художественно-литературнаго журнала „НИВА“, заключающаго въ себѣ въ теченіе года до 2000 столбцовъ текста и 1200 гравюръ, рисунковъ и художественныхъ снимковъ.

40 книгъ „Сборника Нивы“ (каждая отъ 10—15 листовъ, а въ общемъ около 3000 страницъ), отпечатанныхъ четкимъ шрифтомъ, на хорошо глазированной бумагѣ и содержащихъ:

первыя 10 книгъ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ
М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА.

(„Губернскіе очерки“, „Помпадуры и помпадурши“, „Господа Головлевы“ и друг.). Съ портретомъ автора и „Матеріалами для біографіи“, К. К. Арсеньева. (Цѣна полн. собр. въ отдѣльной продажѣ съ перес. 21 руб.).

остальныя 30 книгъ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ
А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА.

Подъ редакціею и со вступительною статьею А. М. Скабичевскаго. (Цѣна полн. собр. въ отдѣльной продажѣ съ перес. 27 руб.).

12 книгъ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ И ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ“, содержащихъ романы, повѣсти, разсказы, популярно-научныя и критическія статьи современныхъ авторовъ и отдѣлы библіографіи, смѣси, шахматовъ и шашекъ, задачъ и разныхъ игръ. До 2000 столбцовъ текста съ рисунками.

12 №№ „Парижскихъ Модъ“. До 200 столбцовъ текста и 300 модныхъ гравюръ съ почтовымъ ящикомъ для отвѣтовъ на разнообразные вопросы подписчиковъ.

12 листовъ рисунковъ (около 300) для рукодѣльныхъ, выпильныхъ работъ и для выжиганія и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину.

1 „Стѣнной Календарь“ на 1905 годъ, отпечатан. въ 10 красокъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всѣми приложеніями на годъ:

Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки **6** р. **50** к., съ доставкой и пересылкой **7** р. **50** к.

Безъ доставки: 1) въ **Москвѣ**, въ конторѣ К. Печковской **7** р. **25** к. 2) въ **Одессѣ** въ книжномъ магаз. „Образованіе“—**7** р. **50** к.

Съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи 8 р. —За границу **12** р.

Допускается разсрочка платежа въ 2, 3 и 4 срока.

Новые подписчики, желающіе получить, кромѣ „Нивы“ 1905 г. со всѣми ея приложеніями, еще первыя 20 книгъ А. К. Шеллера-Михайлова за 1904 г., доплачиваютъ единовременно при подпискѣ: безъ доставки въ С.-Петербургѣ—2 р. 50 к., безъ дост. въ Москвѣ и Одессѣ—2 р. 75 к.; съ дост. въ СПБ. и съ перес. иногороднимъ и за границу - 3 р

Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается безплатно.

Адресъ: С.-Петербургъ, въ Контору журнала „НИВА“, улица Гоголя № 22.

2—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1905 ГОДЪ.

(16-ый годъ изданія)

на общепедагогическій журналъ для школы и семьи

„РУССКАЯ ШКОЛА"

Въ теченіе 1904 года въ «Русской Школѣ» напечатаны, между прочимъ, слѣдующія статьи: 1) Французскіе университеты наканунѣ великой революціи *Луи Ліара*; 2) Женское образованіе и общественная дѣятельность женщинъ въ Германіи. *П. Мижуева*; 3) Внѣшкольное образованіе во Франціи. *Н. Гольцевой*; 4) Народное образованіе въ Японіи. *Вл. Щербы*; 5) Записки домашняго учителя. *И. Бѣлозерскаго*; 6) Гимназія 80-хъ годовъ. *М. Сукенникова*; 7) Воспоминанія о К. П. Яновскомъ. *Н. Джемарджидзе*; 8) Педагогическія воззрѣнія Г. И. Успенскаго. *Г. Рокова*; 9) Русскіе писатели и вопросы воспитанія и народнаго образованія. *М. Столярова*; 10) Первый международный школьно-гигіеническій конгрессъ. Проф. *Ир. Скворцова;* 11) Семья и ея задачи. *П. Каптерева;* 12) Педагогическій процессъ. *Его же*; 13) О педагогическихъ съѣздахъ преподавателей среднеучебныхъ заведеній. *Ив. Тихомирова*; 14) О самообразованіи народнаго учителя. *Н. Запанкова*; 15) Учительскіе помощники въ городскихъ училищахъ. *И. Шапошникова*; 16) О повышеніи учительскихъ окладовъ. *Ѳ. П.*; 17) Школьныя попечительства. *К. Филатова*; 18) О значеніи начала общественности въ коммерческой школѣ. *В. Ковалевскаго*; 19) Къ вопросу о реформѣ средней школы. *А. Бѣлецкаго*; 20) Къ вопросу о реформѣ женскихъ гимназій. *П. Заболотскаго*; 21) Къ реформѣ городскихъ по Положенію 1872 г. училищъ *А. Синдѣева*; 22) О хедерахъ. *М. Успенскаго*; 23) Совмѣстное образованіе мальчиковъ и дѣвочекъ въ средней школѣ. *Е. Ковалевскаго*; 24) Народная школа и сельское хозяйство. *И. Мещерскаго*; 25) Воспитательныя задачи начальной школы и дѣйствующая программа. *Ц. Балталона*; 26) Обзоръ дѣятельности земствъ по народному образованію за 1903-й годъ. *И. Бѣлоконскаго*; 27) Выразительное чтеніе въ средней

школѣ. *П. Варнеке*; 28) Къ вопросу объ упрощеніи русскаго правописанія. *П. Селиванова*; 29) Прикладное значеніе языкознанія. Проф. *Д. Кудрявскаго*; 30) Введеніе въ методику русскаго языка, какъ учебнаго предмета. *М. Тростникова*; 31) Обученіе грамотѣ. *Его же*; 32) Къ вопросу о преподаваніи Закона Божія въ народныхъ училищахъ. *А. Красева*; 33) Рисованіе и чистописаніе въ народной школѣ. *И. Шапошникова;* 34) Коллективное чтеніе въ начальныхъ школахъ. *О. Павловичъ и Е. Рѣпиной*; 35) Круговая тетрадь. *Т. Лубенца.*

Въ каждой книжкѣ «Русской Школы», кромѣ отдѣла критики и библіографіи, печатаются: хроника народнаго образованія въ Зап. Европѣ. *Е. Р.*; хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библіотекъ *Я. В. Абрамова*; хроника воскресныхъ школъ подъ редакціей *Х. Д. Алчевской* и *М. Н. Салтыковой*; хроника профессіональнаго образованія. *В. В. Бирюковича* и пр.

«Русская Школа» выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе *пятнадцати* печ. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—*семь* руб., съ доставкою—*7* руб. *50* коп.; для иногородныхъ съ пересылкою—*восемь* руб.; за границу—*девять* руб. въ годъ. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за *шесть* руб. въ годъ, съ разсрочкою уплаты въ два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 15%.

Журналъ «Р. Ш» допущенъ Ученымъ Комитет. Мин. Нар. Просв. къ выпискѣ для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, также въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

Золотая медаль на международной выставкѣ «Дѣтскій міръ» въ 1904 году.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул., 1).

Редакторъ-издатель *Я. Г. Гуревичъ*

Редакторъ *Л. Л. Гуревичъ.*

1—3

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

КНИГА 1-я.—ЯНВАРЬ. 1905.

I. Бл. Августинъ въ исторіи монашества и аскетизма.—Часть первая I-VI.—*В. И. Герье.*—II.—Минотавръ.—Повѣсть.—I-XI. *П. Д. Боборыкина.*—III.—Дневникъ Гр. А. К. Толстого.—1831 годъ.—IV.—Изъ Виктора Гюго.—I-III.—*Е. М. Миличъ.*—V.—Китайцы, какъ самостоятельная раса.—По личнымъ наблюденіямъ.—I-XII.— *Э. В. Эриксона.*—VI.—Строитель —Романъ.—Felix Hollaender, Der Baumeister, roman.—I-X.—Съ нѣм. *З. В.*—VI.—Этюды о Байронизмѣ.—Часть первая: Западныя литературы.—*Алексѣя Веселовскаго.*—VIII.—Гражданская смерть.—Разсказъ.—Bürgerlicher Tod. Nevelle von Prinz Em. v. Schönaich-Carolath.—Съ нѣм. *О. Ч.*—IX.—Изъ М. Конопницкой.—Стих. въ перев. *Ив. Бѣлоусова.*—X.—Хроника.—Внутреннее обозрѣніе.—Именной Высочайшій указъ 12-го декабря.— «Правительственное сообщеніе».—Записка С. Ю. Витте по крестьянскому вопросу.—Тревога, возбужденная ею въ нѣкоторыхъ органахъ печати.—«Духъ сословности» и мнимо-сословная льгота.—Проектъ сельскаго устава о наслѣдованіи.—Реформа губернскаго управленія.—Письмо къ редактору. Н. А. Зиновьева.—А. А. Книримъ †—XI.—Иностранное обозрѣніе.—Политическія событія истекшаго года.—Русско-Японская война.—Ходъ военныхъ дѣйствій на сушѣ и на морѣ.—Печальная судьба нашего флота.—Балтійская эскадра и патріотическія разъясненія капитана Кладо.—Настроеніе въ Японіи и японскій парламентъ.—Политическія дѣла въ западной Европѣ и въ Сѣверной Америкѣ.—XII.—Литературное Обозрѣніе.—I. Н. Гаринъ. Корейскія сказки.—G. Ducrocq. Pauvre et douce Corée.—*А. П.*—II. А. В. Никитенко, Записки и Дневникъ.—III. В. Стоюнинъ, О преподаваніи русской литературы.—IV. С. К. Буличъ, Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи.—V. П. И. Щукинъ, Щукинскій Сборникъ и пр.—VI. Л. Шепелевичъ, Историко-литературные этюды.—VII. На вичну пам'ять Котляревському.—*Ев. Л.*—VIII. С. Н. Прокоповичъ. Мѣстные люди о нуждахъ Россіи.—IX. В. А. Косинскій. Къ

вопросу о мѣрахъ къ развитію производительныхъ силъ Россіи.—X. Очерки по крестьянскому вопросу, п. р. проф. А. Мануилова, вып. II.—*В. В.*—Новыя книги и брошюры.—XIII.—Замѣтки.—По поводу книги г. Аничкова «Литературные образы и мнѣнія».—*Евг. Л.*—XIV.—Новости иностранной литературы.—I. Die Herzogin v. Padua. O. Wilde.—C. Hagemann, O. Wilde.—II. H. Bahr. «Theater». Ein Wiener Roman.—*З. В.*—XV.—Некрологъ.—Александръ Николаевичъ Пыпинъ.—XVI.—Изъ общественной хроники.—Минувшій годъ.—Сессія губернскихъ земскихъ собраній.—Странное происшествіе въ Тамбовѣ.—Идеологія и законность.—Спорный вопросъ государственнаго права.—Реакціонная печать и реформы.—Еще о положеніи политическихъ ссыльныхъ.—Изъ области цензуры и печати.—Юбилеи «Русской Мысли“, Н. П. Карабчевскаго и В. И. Ламанскаго.—Е. И. Лихачева, Н. М. Коркуновъ и П. Н. Обнинскій †.—XVII.—Извѣщенія.—Отъ учрежденія для отсталыхъ дѣтей, М. И. Маляревскаго и Е. П. Радина.—XVIII.—Библіографическій листокъ.—Кн. В. А. Черкасскій, и его ученіе по разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, т. I, кн. О. Трубецкой.—Памяти И. В. Мушкетова. Сборникъ статей по геологіи, изд. п. р. К. И. Богдановича и А. П. Герасимова.—Геологія, т. I, А. А. Иностранцева.—Современная международная правоспособность папства, А. Байкова.—Матеріалы въ исторіи русскаго театра, бар. Н. В. Дризена.—Былины: Вольга́, изд. И. Билибина.—XIX.—Объявленія.—I-IV; I-XII.

Подписка на 1905-й годъ

(Сороковой годъ).

Редакція журнала: Спб., Галерная, 20.—Контора: В. О., 5 лин., 28.

Безъ доставки: на годъ 15 р. 50 к., на полгода 7 р. 75 к., на четверть 3 р. 90 к. Съ дост. въ Спб.: на годъ 16 р., на полгода 8 р., на четверть 4 р. Съ пересылкою: на годъ 17 р., на полгода 9 р. 8 р., на четверть 5, 4 р. За границей: на годъ 19 р., на полгода 10 р. 9 р., на четверть 5, 4 р.

Издатель и отвѣтственный редакторъ *М. М. Стасюлевичъ.*

мяти А. Н. Пыпина.—*В. И. Семевскаго.* XVII. Журнальн. обозр. XVIII. Внутр. обозр. XIX. Иностр. обозр.—*В. А. Г.* XX. Современ. искусство.—*Ю. А.* и *М. П. С.* XXI. Замѣтки читателя.— *В. Г.* XXII. Библіографія. XXIII. Объявленія.

Предполагаемое содержаніе Январск. книги I. Изгои пов.— *П. Д. Боборыкина.* II. На полѣ славы. ром.—*Генрика Сенкевича.* пер. *В. М. Лаврова.* III. Не по закону, разск. *Е. М. Милицыной.* IV. Петръ Каменциндъ, ром.—*Г. Гессе.* пер. съ нѣм. *Н. П. Корелиной.* V. Человѣкъ съ системой, разск.—*Н. И. Тимковскаго.* VI. Изъ набросковъ.—*А. П. Чехова.* VII. Московскій университетъ и его традиціи.—*А. А. Кизиветтера.* VIII. Памяти Г. Тарда.— *Е. Аркина.* IX. Мобилизація землевладѣнія въ Россіи.—*П. Лященко.* X. Ясная Поляна и островъ Капрера (изъ воспоминаній гарибальдійца).—*Н. Попова.* XI. Изъ муниципальной жизни въ Германіи.—*В. Я. Канеля.* XII. Къ сорокалѣтію судебныхъ уставовъ 1864 г.—*Н. В.* XIII. Годъ въ Пекинѣ.—*В. В. Корсакова.* XIV. Радій и № лучи.—*А. Л. Лѣтника.* XV. О Глѣбѣ Успенскомъ.—*Ю. Альда.* XVI. Памяти Чехова. XVII. Журнальн. обозрѣніе. XVIII. Современное искусство. XIX. Внутреннее обозрѣніе. XX. 1904 годъ въ политическомъ отношеніи. XXI. Библіографія. XXII. Объявленія.

Ближайшее участіе въ редакціи принимаютъ В. А. Гольцевъ и А. А. Кизеветтеръ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Подп. цѣна съ дост. и	12 м.	9 м.	6 м.	3 м.	1 м.
перес. во всѣ мѣста Рос.	12 р.	9 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу	14 р.	10 р. 50 к.	7 р.	3 р. 50 к.	1 р. 25 к.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ годовой цѣны журнала. Подписка въ разсрочку отъ книгопродавцовъ не принимается.

Адресъ редакціи: Москва, Ваганьков. пер. д. Куманина.

Редакторъ-издатель *В. Лавровъ.*

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ «Кіевской Старинѣ» печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ LXXXVIII.

1905 г.

МАРТЪ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.
1905.

СОДЕРЖАНІЕ

Отдѣлъ I.

I. В. Н. КАРАЗИНЪ. Его жизнь и общественная дѣятельность. (Продолженіе). *Н. Тихаго* . . . . . 349—372

II. ПИДЪ МИНАРЕТАМЫ. (Оповидання). *М. Коцюбинського.* 373—422

III. ПЕРЕВОДЪ П. А. КУЛИША НА УКРАИНСКІЙ ЯЗЫКЪ МАНИФЕСТА 19 ФЕВРАЛЯ 1861 г. И ПОЛОЖЕНІЯ О КРЕСТЬЯНАХЪ. (Окончаніе. Сообщ. *Г. Вашкевичъ* . . . . . 423—460

IV. НА БУРЯКАХЪ. (Нарысъ зъ жыття простого люду). *П. Маіорського* . . . . . 461—468

V. ЛУКЬЯНЪ СВѢЧКА ВЪ РОЛИ ПОХИТИТЕЛЯ ЦЕРКОВНЫХЪ ДЕНЕГЪ ВЪ ПИРЯТИНСКОЙ ЦЕРКВИ (НАЧ. XVIII В.). Сообщ. *В. Модзалевскій* . . 469—479

VI. БАЛЛАДА О БОНДАРИВНѢ И ПАНѢ КАНЁВСКОМЪ. (Новые варіанты и литература пѣсни). Сообщ. *В. Доманицкій* . . . . . 480—494

Отдѣлъ II.

I. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Столпянскій П. К. Матеріалы къ исторіи русской литературы и науки въ XVIII вѣкѣ. Выпускъ I. *В. Доманицкій*; б) М. Грушевський. Спірні питання староруськоі етнографіі *М. Д.*; в) П. Яворская. Вирши украинськи. П. Яворская. Марына (Поэма) *В. Д.*; г) Ю. Романчукъ. Недруковані твори Артемовского-Гулака. *В. Д.*; д) Обзоръ журналовъ конца 1904 года . 191—221

II. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Изъ сельской церковной лѣтописи. *О. Л.*; б) Къ характеристикѣ матеріальнаго положенія уніатскаго духовенства въ началѣ XIX в. Сообщ. *В. Страшкевичъ*; в) Оригинальная доставка-церковнаго колокола. (Разсказъ очевидца.) Сообщ. *Иванъ Егоровъ*; г) Взаимовліяніе украинскихъ погребальныхъ причитаній и бытовыхъ пѣсенъ. *Владиміра Данилова*; д) Къ исторіи Колiивщины Сообщ. *В. П—ко.*; е) Князь Н. В. Репнинъ и Георгій Конисскій. Сообщ. *Вл. П—ко*; ж) Грамота Максима Желѣзняка. Сообщ. *Вл. П—ко*; з) Извѣщенія редакціи . . . . . 222—244

ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ . . . . . 245—275

ЗАМѢТКИ НА ТЕКУЩІЯ ТЕМЫ. *Сергія Ефремова* 276—299

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

ТОМЪ LXXXVIII.

1905 г.

МАРТЪ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра Акціон. О-ва печ. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Меринговская улица.
1905.

Дозволено Цензурою. Кіевъ, 3 марта 1905 г.

Объявленіе о конкурсѣ редакціи журнала „Кіевская Старина“ на 1905-ый годъ.

Редакція журнала «Кіевская Старина» объявляетъ конкурсъ на 1905-ый годъ на слѣдующихъ условіяхъ:

1) За лучшіе разсказы, повѣсти и поэмы, написанные по-украински, авторамъ будутъ выданы преміи: *1-ая премія—по 100 руб.* за печатный листъ въ 16 стр.; *2-ая премія—по 75 р.* за листъ; *3-ья премія—по 50 р листъ.*

2) Представляемые на конкурсъ повѣсти, разсказы и поэмы должны быть оригинальные, а не переводные и передѣланные.

3) Авторамъ предоставляется свободный выборъ темъ и сюжетовъ.

4) Срокъ представленія разсказовъ, повѣстей и поэмъ—*не позже 1-го октября 1905 года.*

5) Рукописи должны быть представлены переписанными не рукою автора и безъ имени его, а только съ девизомъ, при чемъ нужно въ запечатанномъ конвертѣ, съ надписью того же девиза, указать свой точный адресъ (имя, отчество, фамилія и почтовая станція).

Вмѣстѣ съ симъ редакція журнала «Кіевская Старина» покорнѣйше проситъ лицъ, приславшихъ свои произведенія на конкурсъ 1904 года (результаты его напечатаны въ № 1-мъ журнала за текущій годъ), и не заявившихъ до сихъ поръ, по какому адресу должны быть направлены имъ рукописи, не полу-

чившія преміи, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ прислать извѣщенія объ этомъ съ указаніемъ заглавія рукописи и девиза, такъ какъ фамиліи авторовъ сохраняются въ запечатанныхъ конвертахъ и потому редакціи не извѣстны. Удостоены были премій слѣдующія произведенія: 1) «Голота», повисть В. Винниченка (напечат. въ № 1 и 2); 2) «Пидъ минаретамы», повисть М. Коцюбинського (помѣщается въ настоящей книжкѣ); 3) «Vae victis», повисть М. Чернявського.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 88-го:

январь, февраль, мартъ, 1905 г.

Книга первая — январь.

Отдѣлъ I.

I. В. Н. КАРАЗИНЪ. (Его жизнь и общественная дѣятельность) *Н. Тихаго* . . . . 1—47
II. ЗАМѢТКИ КЪ ИСТОРІИ КІЕВСКОЙ КОЗАЧЧИНЫ 1855 г. Сообщ. *Л. М.* . . . . 48—65
III. ПѢСНИ О НЕЧАѢ. (Новые варіанты и литература пѣсни). Сообщ. *В. Доманицкій.* . . . . 66—88
IV. ОБЫЧАЙ ПОМИЛОВАНІЯ ПРЕСТУПНИКА, ИЗБРАННАГО ДѢВУШКОЙ ВЪ МУЖЬЯ. *Ор. Левицкаго.* . . 89—97
V. БЫТОПИСАТЕЛЬ ПОРЕФОРМЕННОЙ УКРАИНЫ. *Сергія Ефремова.* . . . . 98—116
VI. ГОЛОТА. Повисть. *В. Винниченка.* . . . . 117—188

Отдѣлъ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Искъ о вырытомъ тайно кладѣ. Сообщ. *Ор. Левицкій;* б) Былъ-ли игуменъ Мелхиседекъ Значко-Яворскій организаторомъ украинскаго возстанія 1768 г. *Вл. П—ка;* в) Къ исторіи украинскихъ духовныхъ стиховъ. *Влад. Данилова;* г) Договоръ прихожанъ села Бѣлоусовки, пирятинск. у., съ священникомъ 1742 г. Сообщ. *В. Модзалевскій;* д) Письмо графини Александры Браницкой министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія кн. А. Голицыну съ ходатайствомъ о базиліанахъ. Сообщ. *В. Страшкевичъ;* е) Рождественская вирша.

Сообщ. свящ. *А. Рудневъ*; ж) Къ тексту стихотвореній П. И. Гулака-Артемовскаго; з) В. О. Корніенко. (Некрологъ). *Гр. Сьогобочній;* і) Письмо въ редакцію. *Вл. П—ко*; и) Извѣщенія редакціи. . . . . 1—18

ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ. . . . . 19—41

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Варшавскій военный журн. 1904 г. П. А. Гейсманъ. Русскія войска и конфедераціи въ Польшѣ въ 1767 и 1768 гг. *Вл. П—ко;* б) „Wiz i perewiz", czyli Ukraina Galicyjska w prawdziwem oświetleniu przez Ukrainca". *Н.*; в) Л. Ж. Запорожская Сичъ съ новымъ содержаніемъ (Изъ дорожныхъ впечатлѣній). *В. Д.*; г) Красильниковъ Ф. С. Малороссія и малороссы. *В. Доманицкій*; д) Обзоръ журналовъ конца 1904 года; е) Извѣстія о новыхъ книгахъ . . . . . . 42—72

III. ОБЪЯВЛЕНІЯ . . . .

Книга вторая — февраль.

Отдѣлъ I.

I. МАТЕРІАЛЫ КЪ ИСТОРІИ НАЦІОНАЛЬНАГО ДВИЖЕНІЯ 60-хъ ГОДОВЪ ПРОШЛАГО ВѢКА. Сообщ. *Л. Сокальскій.* . . . . 189—200

II. ТРИ ДѢЛА „О РЯДОВОМЪ ЛИНЕЙНАГО ОРЕНБУРГСКАГО № 1 БАТАЛІОНА ТАРАСѢ ШЕВЧЕНКѢ". Сообщ. *С. Рклицкій.* 201-208

III. ГОЛОТА. Повисть. (Окончаніе). *В. Винниченка.* . . . 209—262

IV. В. Н. КАРАЗИНЪ. Его жизнь и общественная дѣятельность. (Продолженіе). *Н. Тихаго.* . . . . 263—301

V. ЛИТЕРАТУРНЫЙ БАНАВЕНТУРА. Замѣтки читателя. *Сергія Ефремова.* . . . . 302—323

VI. ПЕРЕВОДЪ П. А. КУЛИША НА УКРАИНСКІЙ ЯЗЫКЪ МАНИФЕСТА 19 ФЕВРАЛЯ 1861 г. И ПОЛОЖЕНІЯ О КРЕСТЬЯНАХЪ. сообщ. *І. Вашкевичъ.* . . . . 324—341

VII. ВОСПОМИНАНІЯ ДѢТСТВА О ДЯДѢ П. А. КУЛИШѢ. *Леси и Гали.* . . . . 342—348

Отдѣлъ II.

I. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Гуцульщина. Написав проф. Володимир Шухевич. *М. Р.*; б) Мыхайло Грушевськый. Оповидання. *Л. Ш.*; . . . . 73—127

II. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Одинъ изъ питомцевъ Сѣчевой школы. *О. Л.*; б) Иванъ Чарнышъ и Михаилъ Милорадовичъ. Сообщ. *В. Модзалевскій*; в) О базиліанахъ въ с. Мамовцахъ, Подольск. губ. Сообщ. *В. Страшкевичъ*; г) Нѣсколько словъ о малороссійскихъ архивахъ. *Вл. П—ко.*; д) Письмо В. М. Бѣлозерскаго къ Т. Г. Шевченку; е) Николай Андреевичъ Вербицкій-Антіоховъ; ж) Муж. пансіонъ Гедуэна въ Кіевѣ. з) Музей имени Котляревскаго въ Полтавѣ; и) Извѣщеніе редакціи . . . . 128—148

ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ . . . . 149—157

ЗАМѢТКИ НА ТЕКУЩІЯ ТЕМЫ. *Сергій Ефремовъ*. . 158—190

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Книга третья — мартъ.

Отдѣлъ I.

I. В. Н. КАРАЗИНЪ. Его жизнь и общественная дѣятельность. (Продолженіе). *Н. Тихаго*. . . . . 349—372

II. ПИДЪ МИНАРЕТАМЫ. (Оповидання). *М. Коцюбинського*. 373—422

III. ПЕРЕВОДЪ П. А. КУЛИША НА УКРАИНСКІЙ ЯЗЫКЪ МАНИФЕСТА 19 ФЕВРАЛЯ 1861 г. И ПОЛОЖЕНІЯ О КРЕСТЬЯНАХЪ. (Окончаніе. Сообщ. *Г. Вашкевичъ*. . . . . 423—460

IV. НА БУРЯКАХЪ. (Нарысъ зъ жыття простого люду). *П. Маіорського* . . . . 461—468

V. ЛУКЬЯНЪ СВѢЧКА ВЪ РОЛИ ПОХИТИТЕЛЯ ЦЕРКОВНЫХЪ ДЕНЕГЪ ВЪ ПИРЯТИНСКОЙ ЦЕРКВИ (НАЧ. XVIII В.). Сообщ. *В. Модзалевскій* . . 469—479

VI. БАЛЛАДА О БОНДАРИВНѢ И ПАНѢ КАНЁВСКОМЪ. (Новые варіанты й литература пѣсни). Сообщ. *В. Доманицкій* . . . . 480—494

Отдѣлъ II.

I. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Столпянскій П. К. Матеріалы къ исторіи русской литературы и науки въ XVIII вѣкѣ. Выпускъ I. *В Доманицкій*; б) М. Грушевський. Спірні питання староруськоі етнографіі М. Д.; в) П. Яворская. Вирши украинськи. П. Яворская. Марына (Поэма) *В. Д.*; г) Ю. Романчукъ. Недруковані твори Артемовского-Гулака. *В. Д.*; д) Обзоръ журналовъ конца 1904 года . 191—221

II. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Изъ сельской церковной лѣтописи. *О. Л.*; б) Къ характеристикѣ

матеріальнаго положенія уніатскаго духовенства въ началѣ XIX в. Сообщ. *В. Страшкевичъ*; в) Оригинальная доставка-церковнаго колокола. (Разсказъ очевидца.) Сообщ. *Иванъ Егоровъ*; г) Взаимовліяніе украинскихъ погребальныхъ причитаній и бытовыхъ пѣсенъ. *Владиміра Данилова*; д) Къ исторіи Коліивщины Сообщ. *В. П—ко*; е) Князь Н. В. Репнинъ и Георгій Конисскій. Сообщ. *Вл. П—ко*; ж) Грамота Максима Желѣзняка. Сообщ. *Вл. П—ко*; з) Извѣщенія редакціи . . . . 222—244
ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ . . . . 245—275
ЗАМѢТКИ НА ТЕКУЩІЯ ТЕМЫ. *Сергія Ефремова* 276—299
ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Василій Назаровичъ Каразинъ.

(Его жизнь и общественная дѣятельность) [1]).

ГЛАВА V.

Паденіе.

(1804).

Дѣло объ эстампахъ. Дѣло о художникахъ и результатъ его для Каразина. Занятія въ комитетѣ по дѣламъ Харьковскаго университета. Отставка и удаленіе отъ дѣлъ Харьковскаго университета. Причины удаленія Каразина со сцены общественно-офиціальной дѣятельности. Проектъ освобожденія Сербіи и характеристика Каразинымъ своей дѣятельности начала 800-хъ годовъ. Связь съ университетомъ послѣ отставки. Внѣслужебныя занятія въ періодъ 1801—1804 гг. Открытіе Харьковскаго университета и отношеніе общества къ В. Н. Каразину послѣ отставки.

Въ концѣ 1803 г. или въ январѣ 1804 г. В. Н. Каразинъ купилъ у г. Аделунга, почетнаго члена Московскаго университета и многихъ иностранныхъ ученыхъ и другихъ обществъ и воспитателя великихъ князей [1]), 2477 шт. эстамповъ, за 5.000 руб., которыя заплатилъ деньгами, взятыми заимообразно изъ городской думы на нужды университета (2.000 р.), изъ пожертво-

---

[1]) См. Кіевск. Стар. № 2.

[1]) «Опытъ ист. Х. ун.» проф. Багалѣя. Письмо В. Н. Каразина отъ 31-го марта 1805 г. въ комитетъ правленія Харьковскаго университета стр. 139—140.

ванія на него купца Аникѣева (2.000 руб.), пожертвованія Донецъ-Захаржевскаго (500 руб.) и взято имъ третного жалованья адъюнкта Каретникова, выданнаго ему на проѣздъ до Харькова (416 р. 66 коп.). Подлинность эстамповъ была письменно засвидѣтельствована извѣстнымъ археологомъ Келлеромъ, хранителемъ Императорскаго кабинета эстамповъ, живописцами Лабунскимъ и Кюгельхеномъ, профессоромъ скульптуры Академіи художествъ Прокофьевымъ и др. Всѣ эти лица признали, что «собраніе это весьма рѣдкое, и въ особенности удобное служить къ изученію гравировальнаго искусства, и при томъ заключающее лучшіе образцы величайшихъ мастеровъ всѣхъ временъ сего искусства» [1]). Причина этой покупки намъ будетъ вполнѣ ясна, такъ какъ по предначертанію Харьковскаго университета В. Н. Каразина, принятому дворянствомъ 20 авг. 1802 г. и подписанному 31-го авг., въ немъ должно было быть «отдѣленіе пріятныхъ искусствъ и отдѣленіе художествъ» [2]), для котораго, имѣя оффиціальное порученіе попечителя С. О. Потоцкаго вести подготовительныя хлопоты для открытія университета, Василій Назаровичъ пріобрѣлъ рѣдкіе предметы. Когда В. Н. Каразинъ просилъ уплатить затраченныя имъ деньги, правленіе университета, стѣсненное въ матеріальныхъ средствахъ, колебалось выдать крупную сумму Каразину, счеты котораго съ университетомъ къ этому времени сильно запутались, и комитетъ никакъ не могъ ихъ распутать. Состоялось наконецъ постановленіе—выдать Каразину деньги за покупку эстамповъ (всѣ профессора были на сторонѣ его [3]); но выяснились новыя обстоятельства въ расходованіи университетскихъ суммъ [4]), и Потоцкій запретилъ выдачу денегъ. Дѣло въ томъ, что въ концѣ 1803 г. В. Н. Каразинъ доставилъ Новосильцеву 10.000 руб. университетскихъ денегъ, о чемъ представилъ и расписку почтовой конторы; но въ отчетѣ Новосильцева о расходованіи суммъ за 1803 г. значилось полученными имъ только 6.000 руб., а относительно остальныхъ 4.000 руб. была получена расписка Каразина въ полученіи ихъ обратно и истраченныхъ, вѣроятно, на многочисленныя нужды университета. Въ виду такого недочета суммъ, денегъ Каразину не выдали. Между тѣмъ городская дума настойчиво требовала отъ университета возврата выданныхъ на нужды его Каразину 2.000 р., и В. Н. Ка-

---

[1]) Журн. Мин. Нар Просв. 1872. CLIX, стр. 79.

[2]) «Русск. Стар.» 75 г. т. XIII; тоже въ протоколѣ дворянъ Молодикъ за 1844 г. стр. 252.

[3]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1872 г. т. CLIX.

[4]) Тамъ же.

разинъ долженъ былъ расплатиться изъ собственныхъ средствъ, порядкомъ уже разстроенныхъ послѣ заклада имѣнія. Справедливъ-ли былъ приговоръ правленія университета по дѣлу эстамповъ? Н. А. Лавровскій въ статьѣ «Василій Назаровичъ Каразинъ и открытіе Харьковскаго университета» склоняется къ такому мнѣнію, называя его «неисправимо-плохимъ и безнадежнымъ распорядителемъ» «вслѣдствіе патріархальной простоты въ обращеніи съ деньгами» [1]), пріобрѣтшимъ ненужныя вещи, которыя лежатъ въ продолженіе 65 лѣтъ безъ употребленія [2]), на которыя «непроизводительно» затрачены несоизмѣримыя съ ихъ достоинствами для университета деньги [3]), (основываясь на мнѣніи профессора Делавин'я и Баллю, бывшихъ экспертами по дѣлу объ эстампахъ), и все было сдѣлано для того, чтобы «ловко отдѣлаться отъ вліятельной рекомендаціи», такъ какъ «продавцами и оцѣнщиками были лица, тѣсно примыкавшія къ придворному міру» [4]). Память В. Н. Каразина освобождена уже отъ этихъ обвиненій. Проф. Д. И. Багалѣй разбиралъ и отвергнулъ ихъ въ своемъ сочиненіи: «Опытъ Исторіи Харьковскаго университета» [5]). Путаница въ счетахъ дѣйствительно существовала, но она происходила *не отъ одной* патріархальной простоты Каразина въ расходованіи казенныхъ денегъ: она вызвана была, главнымъ образомъ, тѣми условіями, при которыхъ приходилось дѣйствовать Каразину—предоставленными ему обширными полномочіями, отсутствіемъ опредѣленнаго назначенія для суммъ патріотическаго фонда, постояннымъ хроническимъ запаздываніемъ при назначеніи штатныхъ денегъ, сильно тормазившимъ открытіе университета, отсутствіемъ на мѣстѣ въ Харьковѣ попечителя Потоцкаго и вызванною этимъ необходимостью сноситься по дѣламъ университета съ лицомъ, проживающимъ въ Петербургѣ и обремененнымъ множествомъ своихъ служебныхъ обязанностей... при такихъ условіяхъ трудно было ожидать аккуратнаго счетоводства». Въ томъ же сочиненіи приводится неизданное письмо В. Н. Каразина, которое, по замѣчанію Д. И. Багалѣя, могъ писать только человѣкъ, «вполнѣ убѣжденный въ своей правотѣ и въ важности оказанныхъ имъ университету услугъ». Это письмо служитъ прямымъ отвѣтомъ и какъ бы возраженіемъ Н. А. Лавровскому. «Я не имѣлъ нужды», пишетъ В. Н. Каразинъ: «въ вѣрющихъ уполномочіяхъ, кромѣ

---

[1]) Тамъ же I гл. II стр. 137—141, глава IV стр. 442—446 страница 84.

[2]) Журн. Мин. Нар. Пр. 1872. ч. CLIX, стр. 85.

[3]) Тамъ же стр. 71 и 86

[4]) Тамъ же стр. 85 и 86.

[5]) Тамъ I гл. II стр. 137—141; гл. IV стр. 442—446.

явныхъ и всѣмъ извѣстныхъ въ пользу университета дѣйствій и моей къ тому привязанности»... «Если иногда съ трудомъ могъ я употреблять въ расходъ суммы для сего столь великодушно его императорскимъ величествомъ назначенныя, то, не отлагая ни мало, тогда же замѣнялъ оныя своею собственностью». «Всякому извѣстно, что въ университетъ получено было болѣе, чѣмъ на 20.000 руб. всякаго рода вещей»... Въ сужденіи о непригодности къ нуждамъ университета покупки Каразина Н. А. Лавровскій ссылается на отзывъ ректора Харьковскаго университета, который заявилъ, что пріобрѣтеніе эстамповъ «издержка не совсѣмъ необходимая», но надо помнить, что В. Н. Каразинъ покупалъ вещи не для университета, по нѣмецкому образцу» устроеннаго, каковымъ онъ сдѣлался ко времени этого отзыва [1]), а для своей общеобразовательной и общеподготовительной школы, проектъ которой къ тому же былъ одобренъ и дворянствомъ, первоначально вызвавшимся и давшимъ средства устроить университетъ. Покупка В. Н. Каразина совсѣмъ не оказалась столь ненужной, какъ говоритъ Н. А. Лавровскій. «При университетѣ до 1859 г. были классы рисованія, и для нихъ гравюры давали богатый матеріалъ и при изученіи рисунка, и для мотивовъ орнамента» [2]). Также не состоятеленъ упрекъ въ непрактичности покупки, такъ какъ на основаніи показаній спеціалиста [3]) «гравюры эти особенно цѣнятся въ промышленныхъ музеяхъ, а также при Академіяхъ художествъ и въ настоящее время цѣнность подобныхъ гравюръ стоитъ, по свидѣтельству Вессели, «въ десять разъ выше того, что въ каталогахъ прошлаго столѣтія и перваго десятилѣтія настоящаго» [4]). Но обиднѣе всего, это слышать упрекъ В. Н. Каразину въ стремленіи поддержать свой престижъ «предъ лицами, тѣсно примыкавшими къ придворному міру», на счетъ университетскихъ денегъ. Онъ какъ бы предполагалъ обиду и въ скобкахъ письма въ комитетъ по поводу расходованія суммы прибавляетъ: на цѣну всему собранію эстамповъ «согласились мы съ г. Аделунгомъ послѣ продолжавшагося *многіе мѣсяцы* торгу»; трудно предположить, чтобы такъ долго торговались съ людьми, когда боятся потерять ихъ вліяніе и расположеніе.

---

[1]) Изъ сатьи Лавровскаго видно, что отзывъ Рижскаго былъ данъ послѣ 10 іюля 1805 г.

[2]) «Опытъ ист. Х. ун-та» проф. Багалѣя стр. 448—449.

[3]) Е. К. Рѣдинъ; «Опытъ ист. Х. ун.» проф. Багалѣя 442 стр.

[4]) «Опытъ ист. Х. ун.» проф. Багалѣя 448 стр.

Какъ бы то ни было разобранный случай указываетъ на безконтрольное и совершенно самостоятельное распоряженіе В. Н. Каразина университетскими суммами, что наблюдается и въ злосчастномъ случаѣ о «художникахъ», послужившемъ ближайшимъ поводомъ къ отстраненію его отъ университетскихъ дѣлъ, а вскорѣ и полной отставкѣ. Изъ письма къ Тимковскому можно заключить, что В. Н. Каразинъ еще въ концѣ 1803 г. [1]) началъ посылать въ Харьковъ партіи работниковъ-ремесленниковъ разныхъ спеціальностей для производства на мѣстѣ работъ, необходимыхъ для университета. Въ началѣ 1804 г. въ Харьковъ прибыло уже 32 семейства мастеровъ, между которыми находились чулочные фабриканты, замшенники, ткачи и кожевники. Послѣднее обстоятельство объясняется назначеніемъ, которое хотѣлъ дать выписаннымъ лицамъ Каразинъ. Посылая ихъ въ Харьковъ, онъ соблюдалъ не только интересы университета, но и *города* [2]), такъ какъ, «главнымъ предметомъ учрежденія университета было благосостояніе полуденнаго края Россіи» [3]). Такое соединеніе интересовъ университета и города Василій Назаровичъ думалъ однако произвести при помощи средствъ одного университета, что и послужило причиной долгаго и непріятнаго дѣла [4]). Каразинъ заплатилъ изъ своихъ средствъ на обзаведеніе и проѣздъ около 12.000 руб. нанятымъ имъ лицамъ, изъ которыхъ 9.000 р. должны были быть погашены работой, а 3.000 р. отдавались имъ безвозмездно. На мастеровъ Каразинъ возлагалъ большія надежды, заботясь о нихъ самымъ отеческимъ образомъ. Въ письмѣ къ Шишкину, помогавшему Тимковскому въ хозяйственной части, отъ 18-го ноября 1803 г. онъ проситъ «удовлетворить художниковъ», показать имъ всевозможное пособіе въ нанятіи квартиръ и въ первоначальномъ ихъ продовольствіи». «Въ семъ», писалъ онъ, «полагаю на Васъ, милостивый государь мой, всю мою надежду; вамъ извѣстно, сколь важно не привести въ уныніе ремесленника. Я писалъ Егору Егоровичу [5]), чтобы онъ вспомо-

---

[1]) «Кіевск. Стар.» 1891 г. т. XXXIV.

[2]) Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1872 г. янв. 89. Письмо къ Шишкину отъ 17 ноября 1803 г.

[3]) Письмо къ Тимковскому отъ 1-го окт. 1803 г. „Кіевск. Стар.“ 1891 г. т. XXXIV.

[4]) Случай съ „художниками“ детальнымъ образомъ разобранъ по первоисточникамъ у Н. А. Лавровскаго въ Журн. М. Н. Пр. янв. 1872 г. 86—98 и у проф. Д. И. Багалѣя въ его „Опытѣ ист. X. ун.“ т. I, гл. II стр. 141—145.

[5]) Е. Е. Урюпинъ, харьковскій городской голова.

committee ществовалъ вамъ всѣми мѣрами». Въ другомъ письмѣ къ Шишкину, онъ проситъ «успокоить ихъ (художниковъ) съ дороги, снабдить ихъ съѣстнымъ» и даже рекомендуетъ средство, какъ исправить одного изъ художниковъ (Марковича) отъ «невоздержаннаго поведенія». Между тѣмъ профессора и студенты еще не съѣзжались въ Харьковъ, и спеціалистамъ, способнымъ удовлетворять частные заказы дѣлать было нечего; денежныя затрудненія университета не разрѣшались, работы шли поэтому еще вяло; а прибывшіе люди требовали себѣ на содержаніе денегъ. Шишкинъ довелъ дѣло до свѣдѣнія Новосильцева, который отнесся къ министру [1]). Завадовскій отвѣтилъ [2]), что расходовать разрѣшаетъ только штатныя деньги, а такъ какъ на мастеровъ денегъ не ассигновалось, то и прекратить немедленно выдачу ихъ. Расходы на художниковъ, дѣло которыхъ лежало на совѣсти у Каразина и которыхъ онъ не могъ потому покинуть, однако продолжалось; Шишкинъ по обязанности доносилъ о томъ въ Петербургъ; разсерженный Завадовскій потребовалъ у Потоцкаго разъясненій. Послѣдній, узнавъ о случившемся, поспѣшилъ возвратиться въ Россію, и въ мартѣ 1804 г. былъ уже въ Харьковѣ [3]).—Не зная точно настроенія въ Петербургѣ и не видя особеннаго вреда въ художникахъ, «большая часть которыхъ совершенно необходима» [4]), Потоцкій 19 апр. 1804 г. представилъ дѣло о художникахъ министру народнаго просвѣщенія въ надлежащемъ свѣтѣ, хотя и упрекалъ Каразина въ «неосмотрительности» и въ несоблюденіи «правилъ», однако оправдывалъ его дѣйствія большой пользой, имѣвшейся въ виду отъ художниковъ и всѣми похвальными прочими предпріятіями Каразина. Отъ прямого заключенія Потоцкій уклонился: «всѣми такими причинами убѣждаясь, говоритъ онъ, перечисливъ выгоды предпріятія, но не преклоняясь въ пользу Каразина, я передаю это дѣло на рѣшеніе вашего сіятельства». Въ тотъ же день, какъ бы въ доказательство внутренняго признанія невиновности Каразина, предоставлено было ему, вслѣдствіе предложенія попечителя отъ 19 апр. и согласно его вызову, дѣлать заказы законтрактованнымъ имъ ремесленникамъ, а равно и разнымъ художникамъ.

---

[1]) 13 янв. 1804 г. Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1872 г. янв. 30.

[2]) 8 февр. Тамъ же.

[3]) Отпускъ Потоцкому былъ данъ по 15 марта 1804 г. «Сѣв. Пчела“ 1850 г. № 92. „Письмо Потоцкаго къ В. Н. Каразину“ за № 5.

[4]) Донесеніе министру нар. просв. 19 апр. 1804 г.

Этимъ приказомъ Потоцкій вводилъ В. Н. Каразина въ члены оффиціальнаго комитета, установленнаго 11 апрѣля изъ профессоровъ. Между послѣдними были распредѣлены обязанности, которыя несли раньше Каразинъ и Тимковскій [1]); оба послѣднія лица вошли въ составъ комитета de facto, вѣроятно съ 11-го же числа, такъ какъ 15 апр. В. Н. Каразинъ уже сносился съ Комитетомъ, «на основаніи обязанности, возложенной на него попечителемъ» [2]). О дѣятельности Каразина въ качествѣ члена комитета по дѣламъ Харьковскаго университета имѣемъ свѣдѣнія почти исключительно изъ собственноручныхъ бумагъ Каразина, поданныхъ въ комитетъ въ разное время (15 стр.—6 іюля 1804 г.) и недавно найденныхъ въ архивѣ Харьковскаго университета.

По вступленіи въ должность попечителя Харьковскаго Округа, гр. С. О. Потоцкій сообщилъ главному правленію училищъ о своемъ намѣреніи отправить для обозрѣнія Округа особаго визитатора. Правленіе вполнѣ одобрило мысль попечителя, находя, что «таковое мѣстное, личное изслѣдованіе невозможно замѣнить требованіемъ письменныхъ свѣдѣній и вообще никакими другими средствами, въ разсужденіи особливо новости нынѣшняго устройства училищной части въ имперіи» [3]). Этимъ визитаторомъ былъ, вѣроятно, В. Н. Каразинъ. 18-го мая онъ просилъ комитетъ выхлопотать у губернатора подорожную на 4 лошади, такъ какъ попечитель командировалъ его «въ разныя мѣста по слободско-украинской губерніи и сосѣдственнымъ къ оному округу принадлежащимъ губерніямъ». О полномочіяхъ, данныхъ В. Н. Каразину Потоцкимъ, свидѣтельствуетъ заявленіе перваго въ комитетъ отъ 7 мая 1804 г., гдѣ говорится, что Потоцкій поручилъ Каразину «учредить» въ богодуховскомъ уѣздѣ слободско-украинской губ. уѣзднаго и 2-хъ или 3-хъ приходскихъ училищъ. Чѣмъ кончилась *визитація* Каразина, изъ бумагъ не видно; остальные документы говорятъ только о заботахъ его по хозяйственной части университета. Въ этой области В. Н. Каразинъ входилъ въ малѣйшія подробности, старался не забыть послѣднихъ мелочей: готовились чернильницы, подсвѣчники, каѳедры, шкафы для книгъ, инструментовъ, переплетались книги, изготовлялись тюфяки для студентовъ и проч., обстанавливались лабораторіи, аудиторіи и помѣщеніе правленія университета,—однимъ словомъ, отчеты, представленные Каразинымъ комитету, свидѣтельствуютъ

---

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1872 г., январь, стр. 9.

[2]) Донесеніе въ комитетъ отъ 15 апр. 1804 г. Историч. арх. Харьк. ун. Бумага не занумерована.

[3]) Рождественскій «Историческій обзоръ дѣятельности Мин. Нар. Просв.» Спб. 1902, стр. 55.

объ энергичномъ и очень внимательномъ отношеніи Каразина къ дѣлу устроенія университета, которое онъ намѣренъ былъ *совершенно закончить* къ іюлю 1804 г. [1]).

Пока Каразинъ хлопоталъ въ комитетѣ, дѣло объ эстампахъ и художникахъ шло своимъ чередомъ. Донесеніе Потоцкаго было представлено Завадовскимъ на усмотрѣніе государя, «который остался очень недоволенъ» дѣйствіями Каразина, но приказалъ выдать ему затраченныя деньги «изъ суммъ, вносимыхъ отъ городскихъ приношеній» [2]). На представленіе Завадовскаго для высочайшей конфирмаціи указаннаго рѣшенія, что было 18 іюня 1804 г., Каразину, какъ расходовавшему самовольно «безъ всякаго дозволенія начальства», «въ видѣ потребныхъ работъ для университета», и «неимѣвшему на таковые расходы отъ начальства предписанія», было повелѣно «объявить строжайшій выговоръ и запретить мѣшаться въ дѣла университета» [3]), о чемъ 20 іюня министръ и увѣдомлялъ Потоцкаго. Не только Каразинъ, но и самъ Потоцкій повидимому не ожидалъ подобной развязки дѣла. Въ бумагахъ, хранящихся въ фундамент. библ. Харьк. ун-та, есть письмо, а можетъ быть и оффиціальное отношеніе, по всей вѣроятности, гр. С. О. Потоцкаго на имя В. Н. Каразина, *уполномачивающее* послѣдняго заниматься въ комитетѣ и содѣйствовать ему всѣми способами [4]). Бумага эта осталась безъ подписи вслѣдствіе

---

[1]) Донесеніе въ комитетъ отъ 23 мая 1804 года. Неизданный документъ.

[2]) Лавровскій «Журн. Мин. Н. Пр.» 1872 г. янв., стр. 9. В. Н. Каразинъ былъ въ это время въ Харьковѣ; 27-го февр. 1804 г. онъ обратился къ гр. Завадовскому съ прошеніемъ въ 6-ти мѣсячный отпускъ въ слоб.-укр. губ.; это время, какъ видно изъ прошенія, онъ намѣревался употребить на хлопоты по университету, хотя причиной выставлялъ разстроенное здоровье свое. Въ виду стѣснительныхъ своихъ матеріальныхъ обстоятельствъ, Каразинъ просилъ жалованье, получаемое имъ, какъ правителемъ дѣлъ главнаго правленія, пересылать въ слоб.-укр. губ. Неиздан. матеріалы, извлечен. изъ архива Мин. Нар. Просв. проф. Д. И. Багалѣемъ.

[3]) Лавровскій. Ж. Мин. Нар. Пр. зъ 1872 г., январь. стр. 9.

[4]) «М. Г. мой Василій Назаріевичъ! Увольненіе ваше въ отпускъ отъ дѣлъ главнаго правленія училищъ представляетъ мнѣ вожделѣнный случай, при учрежденіи мною комитета правленія по дѣламъ Харьковскаго университета, просить васъ симъ, М. Г. мой, по извѣстности вамъ всего, что доселѣ происходило въ главномъ правленіи училищъ, споспѣшествовать комитету во всѣхъ случаяхъ, гдѣ вы заблагоразсудите дать ему свои замѣчанія о происходившемъ или сообщить свои мысли о мѣрахъ касательно распоряженій на будущее,

полученнаго, можетъ быть, отношенія министра съ приказаніемъ удалить отъ дѣлъ университета В. Н. Каразина. Неизвѣстно, когда пришло въ Харьковъ предписаніе Завадовскаго, но донесенія Каразина въ комитетъ свидѣтельствуютъ, что 6 іюля В. Н. отправлялся въ Петербургъ. 5 іюля Каразинъ представилъ въ даръ университету «собраніе моделей» и «собраніе книгъ и диссертацій» [1]). Бумага, при которой препровождались подарки, написанныя самимъ В. Н. Каразинымъ, заставляетъ предполагать, что онъ уже зналъ о постигшей его непріятности [2]). 6-го іюля Каразинъ отдалъ отчетъ комитету о послѣднихъ своихъ дѣйствіяхъ, высказалъ нѣсколько неисполненныхъ плановъ, которые хотѣлось бы ему видѣть осуществленными, и отправился въ Петербургъ. В. Н. надѣялся, можетъ быть, на то, что онъ будетъ въ состояніи повернуть обратно колесо фортуны, но было уже поздно: своего единственнаго защитника, государя, онъ потерялъ, а враги не хотѣли помогать ему. 11-го августа 1804 г. В. Н. Каразинъ подалъ прошеніе на высочайшее имя объ увольненіи отъ службы по разстроенному здоровью съ просьбой наградить его слѣдующимъ чиномъ за выслугу лѣтъ (3 года съ мѣсяцами), согласно манифесту 18 февр. 1762 года. Подъ поданнымъ прошеніемъ былъ написанъ указъ государя сенату уволить «правителя дѣлъ главнаго правленія училищъ отъ должности, коллежскаго совѣтника Каразина, съ пожалованіемъ ему чина статскаго совѣтника [3]). О причинахъ отставки формуляръ Каразина молчитъ,

---

удѣляя на сіе нѣсколько отъ времени пребываній вашихъ въ Харьковѣ. Тѣмъ болѣе побуждаюсь къ сей просьбѣ, что мнѣ извѣстно усердіе, съ каковымъ содѣйствовали вы къ учрежденію университета, и что я увѣренъ въ расположеніи вашемъ способствовать и впредь ко благу сего заведенія. Іюля 15 дня 1804 г. Харьковъ. Его высокоблагородію г-ну правит. главн. правл. уч. кол. сов. и кав. В. Н. Каразину.

[1]) Между послѣдними сочиненіе о мунгалахъ, на что ссылается Н. А. Лавровскій въ статьѣ «В Н. Каразинъ и основ, Харьк. ун-та».

[2]) Донесеніе въ комитетъ начинается такъ: „Принадлежа Харьковскому университету, такъ какъ я ему принадлежу, непростительно было бы давать на замѣчаніе его начальства какое либо свое ему приношеніе. И нынѣ представилъ бы я безмолвно въ библіотеку его маловажное при семъ подносимое собраніе моделей“... „если бъ не нужно было донести высокопочтенному комитету, что я желалъ бы“... (чтобы коллекціи остались нетронутыми до пріѣзда Каразина изъ Петербурга). Донесеніе по дѣламъ Х. ун-та ст. сов. Каразина отъ 5 іюля 1804 г.

[3]) Изъ неизданныхъ бумагъ, извлеченныхъ проф. Д. И. Багалѣемъ изъ архива Минист. Нар. Просв.

видитъ лишь слѣдующую фразу: «Продолжая дѣятельно участвовать въ устроеніи всего принадлежащаго къ упомянутому Харьковскому университету, по необходимости въ художникахъ въ гор. Харьковѣ, доставилъ туда тридцать два семейства мастеровъ на собственномъ иждивеніи (хотя впослѣдствіи по особенной высочайшей милости, употребленная имъ на то сумма 12.200 р. была ему возвращена»). Отставленъ съ награжденіемъ чина статскаго совѣтника 27 авг. 1804 года» [1]).

Мы уже пытались въ началѣ разбора дѣла о художникахъ дать оцѣнку дѣйствіямъ В. Н. Каразина. Основанія въ донесеніи Завадовскаго, конечно, несправедливы: «дозволеніе отъ начальства» было дано Каразину 2 раза письмомъ Потоцкаго при отъѣздѣ заграницу и назначеніемъ его членомъ *комитета*; что же касается самого Завадовскаго, то онъ не могъ не знать о назначеніи Каразина членомъ комитета, а о довѣренности Потоцкаго онъ ничего не зналъ, какъ это видно изъ отношенія его къ Новосильцеву отъ 8-го февр. 1804 г.: «о довѣренности попечителя я не вѣдалъ»—писалъ онъ [2]) и воспользовался только случаемъ развязаться съ безпокойнымъ человѣкомъ, представивъ дѣло государю въ сгущенныхъ краскахъ [3]). Поведеніе Потоцкаго не совсѣмъ открытое. 19 апрѣля онъ поручилъ Каразину заботы о художникахъ, а, пріѣхавъ въ Петербургъ и видя непріязнь къ нему министра въ бумагѣ комитету отъ 4 іюня, признаетъ ни съ того ни съ сего порученіе, данное Каразину, «за ненужное». Въ этой же бумагѣ онъ дѣлаетъ въ лицѣ комитета Каразину выговоръ за то, что тотъ по порученію комитета хлопоталъ предъ губернаторами о приглашеніи въ университетъ молодыхъ людей, такъ какъ Каразинъ де былъ назначенъ только какъ «le membre consultant» для доставленія комитету свѣдѣній о томъ, что сдѣлано во время его (Потоцкаго) отсутствія, но, въ наставленіи комитету Потоцкій; предоставилъ Каразину право «сообщать свои мысли о мѣрахъ касательно распоряженій на будущее время» [4]), и въ этомъ случаѣ Каразинъ уже не является только membre consultant.

---

[1]) Копія съ формул. списка 1830 года. Патентъ на чинъ статскаго совѣтника былъ данъ 26 сент. 1804 г. за личною подписью имп. Александра I и кн. А. Чарторижскаго. Копія съ него хранится въ Архивѣ Харьк. Двор. Деп. Собранія въ дѣлѣ по внес. въ дв. род. кн. за 1828 г. № 32, листъ 4-й.

[2]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1879 г. январь, стр. 90.

[3]) См. докладъ Завадовскаго, тамъ же, стр. 91—92.

[4]) Изъ Историч. Арх. Харьк. ун-та. Документъ незанумерованъ. См. также Ж. М. Н. Пр. 1872, янв., 95 стр.

Виноватъ Василій Назаровичъ развѣ только тѣмъ, что не сообразовалъ свои обширные планы съ планами тѣхъ, кто поручалъ дѣлать ему расходы.

Случай съ художниками назвали мы *ближайшимъ поводомъ* къ отставкѣ Василія Назаровича—и не случайно. Ничего ужаснаго и особенно вреднаго дѣло не представляло; это можно видѣть и изъ донесеній Потоцкаго, указывавшаго на необходимость большей части ремесленниковъ, изъ постановленія государя, признавшаго справедливымъ уплатить деньги Василію Назаровичу и отставившаго его отъ дѣлъ съ повышеніемъ чина. Слѣдовательно, не это обстоятельство было *причиной* удаленія Каразина отъ дѣлъ.

В. Анастасевичъ, упоминая вскользь о счетахъ съ университетомъ, полагалъ главной, если не единственной, причиной удаленіе Каразина дѣло Надаржинской, въ которомъ тотъ принималъ столь горячее участіе, и увозъ кадета Кондратьева изъ Петербурга: «враги Василія Назаровича могли внушить государю, что въ самомъ дѣлѣ цѣль его была корысть, а не страсть душевная къ сей черезъ него дѣло выигравшей дѣвицѣ» Но изъ хронологическихъ данныхъ видно, что указанныя происшествія были задолго до отставки Каразина и, слѣдовательно, могли имѣть вліяніе только косвенное. Дѣло Надаржинской кончилось до авг. 1802 г., а отставка—27 авг. 1804 г.; согласно запискамъ Державина, справедливость рѣшенія засвидѣтельствована и самимъ Державинымъ, и Зубовымъ, и государемъ, подписавшимъ указъ Сенату. Почему бы государю быть недовольнымъ на Каразина за то, что онъ хлопоталъ за правое дѣло? Что увозъ кадета былъ причиной отставки Каразина, это намъ кажется вовсе невѣроятнымъ. За то стоитъ и самая незначительность проступка, и собственноручное письмо къ Каразину государя (еще въ февралѣ 1803 г.) вмѣстѣ съ выговоромъ, заключающее и прощеніе. Но что Державинъ и другіе могли чернить Каразина во мнѣніи государя тѣмъ или инымъ способомъ—весьма возможно; самъ Каразинъ догадывался о томъ, упоминая въ письмѣ 8-го авг. 1802 г. къ государю о клеветѣ, «очернившей его». Г. П. Данилевскій того мнѣнія, что «Каразинъ самъ своею заносчивостью испортилъ свою дорогу, что при этой заносчивости и незнаніи чуждой ему почвы, самой небольшой интриги враговъ достаточно было, чтобы смять его и выставить предъ государемъ въ самомъ черномъ видѣ» [1]). Н. А. Лавровскій думалъ, что «наибольшая»

---

[1]) «Украинская Старина Г. П. Данилевскаго», стр. 111. Ярославскій и Чириковъ тоже пріурочиваютъ отставку Каразина къ дѣлу Надаржинской.

причина удаленія Каразина «заключалась въ немъ самомъ, въ его заносчивости и самонадѣянности; также въ недостаточномъ знаніи жизни и людей—качествахъ, дѣлавшихъ невыносимымъ его значеніе при Дворѣ и его вліяніе на ходъ тогдашней высшей администраціи. При отсутствіи этихъ чертъ характера и, слѣдовательно, при болѣе благонадежномъ положеніи при Дворѣ, промахи въ распоряженіяхъ по Харьковскому университету легко могли и не обратить на себя столь строгаго вниманія и не повлечь за собой столь рѣшительныхъ мѣръ. Совершенно справедливо замѣчаніе, что на судьбу В. Н. Каразина имѣло большое значеніе ненадежное положеніе его при Дворѣ, а не самыя ошибки, что причины этой ненадежности коренились въ характерѣ его, въ его «самонадѣянности», но нельзя согласиться съ «заносчивостью» Каразина. Мы не считаемъ справедливымъ отнести нѣкоторыя рѣзкости его по отношенію къ министрамъ и даже государю къ «заносчивости» характера; Василіемъ Назаровичемъ скорѣе руко«водила самонадѣянность», основанная на правотѣ своихъ дѣйствій, его увѣренность, что всегда найдутся люди поддержать его «правду» [1]), которую онъ никому не стѣснялся высказывать; это не заносчивость, а точнѣе «нетактичность», выражаясь современнымъ языкомъ [2]). Въ самонадѣянности, но въ «неопытной», а не въ *ошибочной*, признавался и самъ Василій Назаровичъ: «Да, говорилъ онъ съ грустною улыбкой въ концѣ своей жизни: «я былъ неопытно самонадѣянъ. Я былъ бабочкой, опалившей себѣ крылья и зрѣніе въ сферѣ, куда мнѣ, скромному труженику науки, не слѣдовало залетать» [3]). Неосторожность Каразина также имѣла мѣсто въ его характерѣ [4]). Итакъ, одна важная причина—

---

[1]) См. письмо къ Тимковскому отъ 1-го окт. 1803 г. Кіев. Стар. 1891 г. т. XXXIV; письма къ Государю за весь 1803 г. Русск. Стар. 1875 г. т. XIII, XVI и др.

[2]) Примѣромъ такой нетактичности можетъ служить неосторожность Василія Назаровича въ отзывѣ о Завадовскомъ—что де послѣдній *носитъ* Государю имъ обработанныя бумаги (Анастасевичъ и Данилевскій).

[3]) «Украинская Старина». Подробное свѣдѣніе находимъ и въ запискѣ Анастасевича. Филадельфъ Васильевичъ Каразинъ говоритъ, что его отецъ никогда не могъ говорить подобныхъ словъ; но подобное заключеніе голословно. (См. Сѣв. Пч. за 1860 г. № 92 прим. Ф. В. Каразина). См. также письмо В. Н. Каразина къ государю въ Русск. Стар. 1903 г., апр., стр. 9—10, прим. 2.

[4]) Анастасевичъ приводитъ со словъ Языкова такой фактъ. Императоръ Александръ I поручилъ Каразину «написать статью по части законодательства съ тѣмъ, чтобы до времени не говорить о ней. Ва-

это самъ Василій Назаровичъ Каразинъ. «Основной чертой его характера, говоритъ проф. Д. И. Багалѣй является страстность, несдержанность, порывистость. Не даромъ современники называли его tête chaude (горячей головой [1]). Это объясняется его происхожденіемъ и наслѣдственностью: въ его жилахъ текла южная горячая кровь [2]). «Причины охлажденія къ Каразину императора,—даетъ г. Я. В. Абрамовъ наиболѣе полное объясненіе,—крылись какъ въ характерѣ самого Каразина, такъ и въ характерѣ Александра I, и наконецъ, въ положеніи Василія Назаровича среди лицъ, окружавшихъ Александра I, въ эту эпоху» [3]). Дѣйствительно, непостоянство этого государя ни для кого не тайна. «Первые годы своего царствованія, Александръ былъ окруженъ тѣснымъ кружкомъ, состоявшимъ изъ Строганова, Новосильцева, Чарторыжскаго и Кочубея. Отношенія его къ этимъ лицамъ—отношенія близкой тѣсной дружбы. Но проходитъ нѣсколько лѣтъ—и послѣ Тильзитскаго мира названныя лица сходятъ со сцены. Наступаетъ очередь Сперанскаго; онъ не только министръ, но и другъ Александра I. Но чрезъ нѣсколько лѣтъ Сперанскій не только падаетъ, но и попадаетъ въ ссылку. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ другихъ лицъ, дѣло доходитъ до мистиковъ и наконецъ до Аракчеева, Фотія и Магницкаго» [4]). Привязанность Александра

силій Назаровичъ не утерпѣлъ и прочелъ ее Державину, забывъ предупрежденіе его о секретѣ статьи. Когда Державинъ былъ съ докладомъ у государя и тотъ показалъ ему статью съ предложеніемъ дать отзывъ, Державинъ отвѣтилъ, что уже читалъ ее. Государь спросилъ—у кого, и неосторожность Каразина раскрылась. «Записка В. Н. Каразина» Чтенія 61 т. I стр. 199.

[1]) Собственное замѣчаніе о себѣ В. Н. Каразина въ запискѣ кн. А. А. Чарторыжскому отъ 27 ноября 1804 г. Рус. Стар. 1871 г. т III, стр. 710.

[2]) Просвѣтительная дѣятельность В. Н. Каразина «Записки Харьков. универс. 1893 г. т. I, стр. 28.

[3]) В. Н. Каразинъ, его жизнь и общественная дѣятельность. «Спб. 1901 г. стр. 48.

[4]) Абрамовъ «В. Н. Каразинъ». Стр. 49. «Александръ (Русск. Старина 1899 г. авг. 403 стр. «Императоръ Александръ I (его характеристика по сочиненію Шильдера т. II) умѣлъ проникнуть въ сердце человѣка и, подмѣтивъ его особенности, выказывалъ сочувствіе имъ, какъ бы находя горячій отголосокъ имъ въ своемъ сердцѣ. Этимъ онъ окончательно влюблялъ въ себя. Именно это выраженіе «влюблялъ» должно быть примѣнено къ опредѣленію чувствъ, которыя онъ пробуждалъ въ Лагарпѣ, Каразинѣ, Парротѣ и многихъ другихъ. Когда же почему-либо онъ переставалъ интересоваться ими, то

Павловича не могла быть, такимъ образомъ, прочной, и какъ внезапно появилась, такъ внезапно и исчезала. В. Н. Каразинъ лишился своей единственной поддержки, на которую возлагалъ свои надежды. «Противъ Каразина дѣйствовала интрига», повторяетъ Я. В. Абрамовъ мысль перваго біографа Г. П. Данилевскаго. Предположеніе это имѣетъ большую вѣроятность. «Близость къ государю никому почти неизвѣстнаго «новаго» человѣка не могла понравиться «неразлучнымъ» государя Чарторыжскому, Новосильцеву, Строганову и Кочубею, хотя нѣкоторыя изъ этихъ лицъ, какъ напр. Чарторыжскій и, въ особенности, Новосильцевъ, относились весьма сочувственно къ Василію Назаровичу въ университетскомъ дѣлѣ. Но въ особенности появленіе на сценѣ Каразина произвело непріятное впечатлѣніе на стариковъ Екатерининскихъ временъ, такъ рѣзко выразившихъ ему свою непріязнь, Державина и Завадовскаго, которымъ хотѣлось жить покойнѣе и степеннѣе, чѣмъ это требовалъ Василій Назаровичъ со своими планами и кипучей жаждой дѣятельности, которымъ онъ, какъ назойливая муха, страшно надоѣдалъ и побуждалъ къ болѣе живой дѣятельности, и вліянія котораго на государя они очень боялись, предполагая, а можетъ быть и навѣрное зная о правдивыхъ запискахъ къ послѣднему, направленныхъ противъ нихъ [1]). Сюда присоединялись и такіе мелкіе счеты, какъ, напр., желаніе Завадовскаго освободить мѣсто «правителя дѣлъ главн. правл. училищъ» для воспитателя его дѣтей Мартынова [2]), акад. Фуса, нелюбившаго Каразина за противорѣчіе въ мнѣніяхъ объ университетахъ и постановкѣ народнаго образованія въ Россіи. Надо замѣтить, что этотъ самый Фусъ сильно повредившій Василію Назаровичу впослѣдствіи, попалъ въ члены сперва коммиссіи,

---

отношеніе къ нимъ круто измѣнилось. Такъ, Каразинъ по малѣйшему подозрѣнію былъ схваченъ и посаженъ въ Шлиссельбугскую крѣпость, а пока выяснилась его полная невинность, онъ цѣлые 6 мѣсяц. провелъ въ мрачномъ казематѣ».

[1]) Филадельфъ Васильевичъ Каразинъ такъ говоритъ и объясняетъ нелюбовь Державина къ его отцу: «Пѣвцу Фелицы, Екатерининскому сенатору, Александровскому министру, не могло быть слишкомъ пріятно видѣть себя поставленнымъ на одну доску съ какимъ то коллежскимъ совѣтникомъ; при томъ же онъ былъ совсѣмъ противоположнаго образа мыслей и зналъ это, находясь часто вмѣстѣ: одинъ всегда льститъ, другой говоритъ правду; не мудрено, что льстивый хотѣлъ очернить нельстиваго!» Выписки изъ „Сѣверной Пчелы" за 1860 г.

[2]) Анастасевичъ и Фил. Вас. Каразинъ. Рус. Ст. 1875, т. XVI, стр. 474.

потомъ главнаго управленія училищъ, и получалъ за то 2000 р. въ годъ, сверхъ своего академичнаго жалованья по представительству Каразина.

Такимъ образомъ, не увозъ кадета изъ Петербурга и дѣло Надаржинской имѣло послѣдствіемъ уходъ В. Н. Каразина со сцены оффиціально-общественной дѣятельности, какъ это полагали долгое время [1]), и не непроизводительныя его траты казенныхъ денегъ, какъ думалъ Н. А. Лавровскій, а недоброжелательство къ Каразину начальствующихъ лицъ, воспользовавшихся нѣкоторыми недостатками его характера и охлажденіемъ къ нему непостояннаго императора Александра.—Въ такомъ смыслѣ понималъ свое несчастье и самъ В. Н. Каразинъ. «Личное благоволеніе ко мнѣ его величества», писалъ онъ въ 1812 г. адмиралу А. С. Шишкову,—«я разстроилъ моими неосторожностями, съ помощью, можетъ быть, моихъ недоброжелателей. *Можетъ быть* я теперь присовокупляю, ибо стою уже на 40-вомъ году жизни. Тогда я обвинялъ интригу [2])».

Василій Назаровичъ со страхомъ могъ думать о грозящей ему судьбѣ жить, можетъ быть, до самой смерти въ глуши своего разстроеннаго имѣнія, среди некультурнаго общества, ему, который сжился съ мыслью дѣйствовать на широкую руку въ Петербургѣ и у котораго было еще столько силъ и энергіи, готовыхъ оттуда излиться на благо родинѣ. Этотъ то постоянный притокъ не могъ остановиться; онъ искалъ себѣ выхода.

Въ 1804 г. сербы возстали противъ турокъ. Каразинъ получалъ письма, извѣщавшія его о томъ, что въ Сербіи готовится посольство къ императору Александру съ просьбою о заступничествѣ. Дѣйствительно, вскорѣ сербское посольство во главѣ съ Ненадовичемъ выѣхало въ Петербургъ. Проѣзжало посольство, между прочимъ, черезъ Харьковъ, гдѣ жили соотечественники сербовъ—профессора университета Стойкевичъ и Филипповичъ. Всѣ эти лица были знакомы и, вѣроятно, приглашали въ свой кружокъ Василія Назаровича, который имъ могъ быть полезенъ, какъ человѣкъ знакомый съ высшими сферами и какъ сочувствующій славянскому дѣлу. Разсказы о несчастьяхъ сербскаго народа произвели дѣйствіе на впечатлительнаго Каразина и вызвали вновь его сдержанную на время энергію. [3]) Новая отчаян-

---

[1]) Ярославскій, Анастасевичъ, Чириковъ.

[2]) Русск. Стар. 1871 г. т. IV, стр. 80.

[3]) Докладъ проф. М. С. Дринова въ засѣданіи филологическаго общества при Харьк. унив. 10 февр. 1904 г.

ная идея освѣтила Каразина; отцовская кровь закипѣла въ немъ, и 21 ноября онъ подаетъ записку кн. А. А. Чарторыжскому, въ которой предлагаетъ себя агентомъ въ Сербію для тайнаго направленія народнаго движенія въ пользу независимости этой угнетенной страны, замѣтивъ при томъ, что онъ имѣетъ гораздо больше причины не дорожить собою. «Отецъ мой», писалъ Каразинъ: «екатерининскій полковникъ, былъ употребленъ почти для такого же дѣла предъ открытіемъ главной кампаніи, окончившейся Кучукъ-Канарджійскимъ миромъ, и успѣхъ его превзошелъ ожиданія: ему по словамъ многихъ тогдашнихъ генераловъ, не мало была обязана армія Румянцева своими побѣдами. Онъ рисковалъ только своею жизнью. То же могу сдѣлать и я, имѣя при неменьшей можетъ быть отважности гораздо болѣе причинъ не дорожить моими днями; ибо рискнувши въ надеждѣ быть полезнымъ моему отечеству поставить на карту не только все мое скудное достояніе, но даже и милости лучшаго изъ монарховъ, *я проигралъ все, рѣшительно все, кромѣ несчастнаго моего воображенія, которое, унося меня безпрестанно внѣ сферы обычныхъ дѣлъ, не перестанетъ, вѣроятно, никогда творить сладкія мечты»*. Далѣе Каразинъ умолялъ не оставить своего ходатайства безъ удовлетворенія, находя, что отъ турецкой исторіи останется одна тѣнь въ случаѣ такой поддержки Россіи, такъ какъ весь Балканскій полуостровъ придетъ въ движеніе. Ѣхать въ Сербію онъ боялся на свой страхъ и предлагалъ, въ случаѣ неудачи миссіи, правительству право отказаться отъ нея, какъ предпринятой по собственной инціативѣ участниковъ [1]). Черезъ недѣлю Каразинъ подалъ новую записку кн. Чарторыжскому. Здѣсь онъ изложилъ *программу* дѣйствій русскаго правительства по разрѣшенію сербскаго вопроса; исполненіе программы В. Н. Каразинъ принималъ на себя. Сперва Чарторыжскій долженъ былъ представить сербскимъ депутатамъ Каразина, какъ уполномоченнаго Россіей руководителя сербскими дѣлами. Въ сопровожденіи 4 лицъ Каразинъ отправился бы съ подложными паспортами чрезъ Вѣну и Тріестъ въ Рагузу. Достигнувъ Карпатскихъ горъ, Каразинъ уничтожаетъ всѣ свои бумаги и подъ именемъ серба, возвращающагося на родину послѣ долгой службы въ Пруссіи, является въ Сербію. Тамъ онъ встрѣчается съ зна-

---

[1]) Вмѣстѣ съ Василіемъ Назаровичемъ должны были отправиться четыре добровольца, изъ которыхъ одинъ былъ бы механикъ, другой — химикъ, третій минералогъ, а четвертый—сербъ долженъ былъ играть роль секретаря при эмиссарѣ миссіи.

комыми ему депутатами и, поддерживаемый ихъ вліяніемъ, учреждаетъ временное правительство. Послѣднее отправитъ по настоянію Каразина депутацію въ Константинополь съ требованіемъ улучшенія участи сербовъ, дарованіемъ Сербіи самоуправленія, съ условіемъ платить извѣстную дань, разъ навсегда опредѣленную, и защищать Турцію отъ непріятностей. При такихъ условіяхъ незамѣтнымъ образомъ свершится полное освобожденіе Сербіи», «просвѣщеніе и неминуемое паденіе Порты будутъ къ тому содѣйствовать» [1]). Дошелъ ли проектъ о сербахъ до государя или нѣтъ— трудно сказать; повидимому, Каразину не было дано никакого заключенія на этотъ счетъ.

Въ запискѣ 21-го ноября Василій Назаровичъ указывалъ между прочимъ на разстроенность своего состоянія. Чрезъ нѣсколько дней Каразину было повелѣно императоромъ «изъяснить свое положеніе». Каразинъ составилъ бумагу, въ которой самъ характеризовалъ свои труды на пользу отечества въ періодъ 1801—1804 гг. и приписывалъ свой огромный долгъ (40000 р.) единственно рвенію своему на пользу отечества. Документъ этотъ очень интересенъ, какъ характеристика положенія Василія Назаровича Каразина тотчасъ послѣ отставки [2]). «Легко доказать», писалъ Каразинъ: «что я пріобрѣлъ долгъ, совершенно уничтожающій мою собственность въ послѣдніе годы моей службы, не расточительною однако жизнью, къ которой я не имѣю ни привычки, ни даже способностей. Несчастная увѣренность, что я могу служить Вамъ не по общимъ путямъ, увѣренность, которую поддержали во мнѣ самыя милости Ваши, устремила меня на предпріятія, далеко превышающія мое состояніе. Большая часть покушеній опрокинуты препятствіями; но изъ тѣхъ, кои имѣли предметомъ край моего рожденія,—конечно, одинъ изъ лучшихъ въ Россіи,—не всѣ остались и безуспѣшны. Въ двухъ губерніяхъ правительствомъ неожиданный энтузіазмъ къ просвѣщенію представилъ ему до 600 т. руб.; многіе молодые люди поощрены къ усовершенствованію себя въ наукахъ, художествахъ, въ г. Харьковѣ водворены 27 новыхъ ремеслъ, мысли тамошняго купечества обращены съ выгодою на полуденную торговлю, переведено съ чужихъ языковъ до 15 книгъ разнаго рода, приспособленныхъ къ общенароднымъ пользамъ края того, которыя и ждутъ только харьковской типографіи для своего изданія въ свѣтъ, и прочее. Нѣкоторые недостатки въ сихъ мѣрахъ извиняются тѣмъ, что учреждали ихъ не соревнованіе капиталистовъ, ниже мощная

---

[1]) Русск. Стар. 1871 г. т. III, стр. 701—718.

[2]) Русск. Стар. 1903 г. апрѣль 9—10.

рука правительства, но одинъ маловажный, оною поддерживаемый дворянинъ скудными своими способами. Я не называю заслугами сихъ движеній худо можетъ быть понятаго патріотизма, стыжусь также приводить на память подобные сему порывы въ другомъ родѣ, кои вы нѣкогда удостаивали самаго лестнаго имени. Не отягощаю вниманія Вашего доказательствами, что между тѣмъ и обыкновенная моя служба не потерпѣла, ибо я былъ единственнымъ письмоводцемъ по части департамента просвѣщенія, отъ самаго его, такъ сказать, зарожденія въ умѣ Вашемъ до окончанія послѣднихъ знатнѣйшихъ изъ его учрежденій безпосредственно по отставкѣ моей, на высочайшее Ваше утвержденіе поднесенныхъ. Но я долженъ признаться, всемилостивѣйшій государь, что во всѣхъ оныхъ случаяхъ дѣйствія мои сопровождала надежда, что Вы меня не оставите, если я буду въ крайности... Теперь превратное понятіе о безвинныхъ моихъ (по крайней мѣрѣ) пожертвованіяхъ общему добру, удаленіе отъ службы, вынужденное страхомъ еще худшихъ послѣдствій, ѣдкія насмѣшки эгоистовъ и послѣдняя нищета составляютъ все, что мнѣ въ удѣлъ достается. Въ продолженіе четырехъ лѣтъ я лично не умѣлъ извлечь ничего болѣе изъ счастливѣйшаго моего, повидимому, положенія. Сжальтесь надо мной, государь! Предубѣжденіе, что я вамъ и отечеству могу быть полезенъ, свыше званія своего, и младенческое, можно сказать, невѣжество въ обращеніи съ разными сильными лицами—вотъ единыя вины.—Я прошу отъ васъ не наградъ или отличій, которыя иной на моемъ мѣстѣ съ лучшимъ соображеніемъ обстоятельствъ давно бы имѣлъ, но только вспомоществованія, приличнаго вашей великой и сострадательной душѣ». Для поправки своего состоянія Каразинъ просилъ у государя разрѣшенія получить изъ казны въ долгъ 25.000 руб. на безпроцентное пользованіе въ теченіе 10 лѣтъ. Прошеніе Каразина «по прочтеніи» было возвращено автору, «такъ какъ шло не общимъ путемъ» [1]).

Предложеніе и просьба В. Н. Каразина, повидимому, были отвергнуты, и онъ отправился доживать свою долгую жизнь въ родовую деревню Кручикъ. Больно было ему подумать при проѣздѣ чрезъ Харьковъ, что не ему пожинать лавры своихъ трудовъ, что некому теперь хлопотать о его дѣтищѣ и что можетъ быть еще долго будетъ напоминать объ университетѣ одна только преждевременно прибитая вывѣска. Виновникъ основанія универ-

---

[1]) Русск. Ст. 1903 г. апр., стр. 7—10, прим. 2.

ситета [1]) *долженъ былъ* не вмѣшиваться въ дѣла его съ 27 августа 1804 г. Другой вопросъ, могъ ли это сдѣлать Василій Назаровичъ; могъ ли онъ, положившій всю свою душу въ свой университетъ, выдвинутый имъ какъ авангардъ въ дѣлѣ преуспѣянія своего полуденнаго края, ради котораго онъ загубилъ свое имѣніе, лишился благоволенія «власть имущихъ» и государя (котораго такъ сильно чтилъ), ради котораго погубилъ свою небывалую блестящую карьеру? Онъ не могъ сдѣлать этого, потому что университетъ былъ учрежденіемъ роднымъ ему, вылившимся непосредственно изъ его идеи, его плановъ и дѣйствій, и всѣ передѣлки его на «нѣмецкій манеръ» [2]) не могли охладить у В. Н. Каразина любви къ своему дѣтищу. До конца своей жизни В. Н. Каразинъ заботился и, чѣмъ могъ, способствовалъ Харьковскому университету. Еще въ концѣ 1804 г. онъ прислалъ въ подарокъ Харьковскому университету электрическую машину работы «художника» Шеншина [3]); въ 1806 г. предлагалъ напечатать собственный переводъ нѣсколькихъ книгъ, и университетъ призналъ ихъ «полезными» напечатать на университетскій счетъ [4]), онъ же подарилъ и древній атласъ Птоломеевъ, состоящій изъ 40 картъ и др. Въ свою очередь, и университетъ въ лицѣ своихъ представителей не могъ не чувствовать расположенія къ В. Н. Каразину и хорошо зналъ роль Каразина при открытіи въ Харьковѣ университета. Уже 10 іюня 1805 г., профессоръ Баленъ-де Балью внесъ въ совѣтъ университета предложеніе объ избраніи Василія Назаровича почетнымъ членомъ университета; но въ это время слишкомъ свѣжо было въ Харьковѣ и Петербургѣ воспоминаніе о непріятностяхъ по дѣлу объ эстампахъ и художникахъ, прекратившемуся только въ началѣ этого мѣсяца [5]), почему предложеніе и было отклонено, какъ несвоевременное, а въ въ 1811 г. 30 авг. совѣтъ университета торжественно причислилъ Каразина къ почетнымъ членамъ Харьковскаго университета, оффиціально

---

[1]) Вопросъ о Василіи Назаровичѣ Каразинѣ, какъ объ основателѣ, рѣшенъ окончательно, начиная съ оффиціальнаго признанія въ 1811 г. совѣтомъ университета, отзывами современниковъ (Тимковскій, Роммель) и кончая спеціальными изслѣдователями (Фойгтъ, Лавровскій, Абрамовъ, Данилевскій и проф. Д. И. Багалѣй).

[2]) Фил. Вас. Каразинъ. Русск. Арх. 1894 г. т. I.

[3]) «Опытъ ист. Х. ун.» проф. Багалѣя стр. 147.

[4]) Одну въ томъ году, прочія 3 въ слѣдующемъ. «Журн. Мин. Народ. Просвѣщенія» 1842 г. янв. 101.

[5]) Проф. Д. И. Багалѣй. Опытъ исторіи Харьковскаго университета т. I, гл. II, стр. 111—112.

признавъ его заслуги слѣдующей мотивировкой избранія: «Ad hunc virum eligendum senatus praeter eximias cognitiones, quibus excellet, etiam quodam grati animi sensu impulsus est: quia eius singulari industriae et labori inacceptis referendum est, quod universitas Charcoviae sit constituta» [1]).

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію послѣдующей жизни Василія Назаровича, отличающейся новымъ характеромъ его дѣятельности по сравненію съ періодомъ до 1805 г., сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о его внѣслужебныхъ занятіяхъ въ періодъ оффиціально-политической дѣятельности съ 1801 по 1804 г.г. Такія занятія были; мы упоминали о нѣсколькихъ уголовныхъ разслѣдованіяхъ, секретно поручаемыхъ Василію Назаровичу государемъ (дѣло Лопухина, о братоубійствѣ), о разработкѣ имъ статута ордена св. Владиміра, учрежденнаго Екатериной II и уничтоженнаго императоромъ Павломъ (В. Н. Каразинъ рѣшилъ за полезное возстановить орденъ для отличенія «мирныхъ гражданскихъ добродѣтелей»). Есть упоминаніе о *рукописномъ* педагогическомъ журналѣ, который составилъ Каразинъ для вдовствующей императрицы Маріи Θеодоровны, «гдѣ помѣщались въ видѣ разныхъ аллегорическихъ разсказовъ мысли его о воспитаніи дѣтей [2]). Въ маѣ 1801 г. Каразинъ подалъ Д. П. Трощинскому своей проектъ о реформѣ губернскихъ и уѣздныхъ установленій. Это «мысли относительно до присутственныхъ мѣстъ». По составу своему это историко-политическое изслѣдованіе. Каразинъ въ этомъ сочиненіи провелъ мысль о необходимости установленія *избирательныхъ* должностей въ составъ гражданскаго и уголовнаго суда, и при томъ избирательныхъ въ духѣ императрицы Екатерины II («да судятся всѣ состоянія себѣ равными»);

---

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1872 г. янв. 10.

Въ «*Дѣлѣ совѣта Императорскаго университета объ утвержденіи нѣкоторыхъ лицъ въ званіи почетныхъ членовъ сего университета 1811 года*» на 9 листѣ значится: «Совѣту Императорскаго Харьковскаго университета. По избранію Совѣта я утверждаю въ званіи почетныхъ членовъ сего университета: дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ: академика Фуса, академика Озерцковскаго, профессора Московскаго университета Рихтера, Директора департамента министерства просвѣщенія Мартынова, также профессора Гальскаго университета Шпронгелъ, статскаго совѣтника и академика Шторхъ, надворнаго совѣтника и академика Шерера и статскаго совѣтника Каразина. (Подпись) Г. Алексѣй Разумовскій. № 3352. С.-Петербургъ октября 22-го 1811». Архивъ Харьк. университета, дѣло совѣта за № 5.

[2]) Записки сына „Украин. Стар.“ 148.

члены судебныхъ учрежденій, по мнѣнію Каразина, должны избираться тѣмъ обществомъ, среди котораго имъ придется дѣйствовать [1]). «Слѣдствіемъ сей бумаги была извѣстная перемѣна въ губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ. Но предсѣдателей и совѣтниковъ все-таки оставили. Жаль разстаться (особливо, напр., съ С. или М.). У насъ такъ и бываетъ обыкновенно. Строютъ домъ да не достроютъ крыши», приписалъ В. Н. Каразинъ къ оригиналу [2]). Сфера дѣятельности Каразина оказывается и тамъ, гдѣ ея нельзя никакъ было предполагать. Изъ нѣсколькихъ писемъ Сперанскаго видно, что въ своихъ законодательныхъ работахъ, касательно крестьянскаго сословія, этотъ дѣятель пользовался услугами и совѣтами В. Н-ча [3]).

Итакъ, съ конца 1804 г. (вѣроятно въ декабрѣ мѣсяцѣ, такъ какъ 27 ноября была подана записка Чарторыжскому) Каразинъ поселился въ своемъ селѣ Кручикѣ; дѣятельность его въ теченіе 3 лѣтъ, которые сыграли такую роль въ его жизни и составили ему извѣстность [4]), прекратилась, но труды, предпринятые Каразинымъ, двигались по инерціи; тому помогали люди, сочувствовавшіе идеямъ Каразина, знавшіе и любившіе его.

---

1) „Чтенія въ Общ. Ист. и древ.“ 1863 г. т. III. Смѣсь, стр. 119.

2) Тамъ же, стр. 122.

3) Въ одной запискѣ Сперанскій пишетъ: „Весьма, весьма Вамъ благодаренъ; я сижу точно какъ въ туманѣ, окруженъ мыслями о законахъ, о установленіяхъ, о порядкѣ, коего тщетно въ мірѣ и головѣ моей ищу и который нахожу въ Вашихъ бумагахъ. Теперь начинаю писать наказъ. Завтра ожидаю Васъ поутру; если не застанете меня дома, прошу немного подождать: я въ $7^1/_2$ возвращусь“. На особомъ листкѣ приложенномъ къ этой запискѣ значится:

„1) о крестьянахъ
- 1) обѣщаніе
- 2) источники коммерціи
- 3) мѣстное управленіе.

2) о государственныхъ дѣлахъ, какія есть государственныя дѣла или какіе должны быть предметы управленія совѣта“. Т. е. благодарю очень за присланную бумагу, которой я воспользовался да прошу прислать еще мысли ваши о томъ то и о томъ то. Расположеніе, которое скользитъ замѣтно въ этомъ и другихъ письмахъ Сперанскаго къ В. Н. Каразину исчезло, какъ скоро судьба В. Н-ча перемѣнилась. Харьк. Губ. Вѣд. за 1875 г., № 241: здѣсь 3 письма Сперанскаго къ Каразину.

4) Лавровскій 1872. янв. стр. 100. Обращаемъ также вниманіе на подчеркнутыя слова въ запискѣ о сербахъ самого Каразина.

17 января 1805 г. состоялось торжественное открытіе Харьковскаго университета. Церемоніалъ открытія былъ составленъ Василіемъ Назаровичемъ, пріурочившимъ его еще къ 1803 году. Этимъ первоначальнымъ проектомъ и воспользовался Тимковскій. «Въ основу всѣхъ почти торжествъ была положена мысль о *просвѣщеніи*, которое императоръ Александръ старался распространить среди своихъ подданныхъ» [1]). Виновника торжества не было на празднествѣ: «*упрямая судьба*» помѣшала ему порадоваться вѣнцомъ своихъ трудовъ, но всѣ знали роль его въ открытіи университета и воздали въ то время невольную дань уваженія и признательности Василію Назаровичу. Вотъ какъ характеризуетъ впечатлѣніе и благодарность общества по случаю открытія университета Василій Фотіевъ въ письмѣ къ Василію Назаровичу отъ 24 янв. 1805 г.: «17 января исполнилось наше желаніе и ревностнѣйшее попеченіе о благѣ общемъ. Великое собраніе дворянъ и гражданства изъ другихъ губерній было поражено удовольствіемъ и радостью; самые зоилы въ восторгѣ духа искали Васъ, спрашивали и признавались, что счастьемъ симъ, сверхъ всякаго счастія, Украйна Вамъ единственно обязана; тѣмъ, кои Вамъ преданы, коимъ сердечныя чувства и намѣренія Ваши извѣстнѣе прочихъ, съ восхищеніемъ благословляли Ваше имя. Итакъ, если упрямая судьба воспрепятствовала Вамъ насладиться торжественнымъ открытіемъ предпріятій Вашихъ, *яко первому виновнику*, то конечно незазорная совѣсть утѣшитъ Васъ не токмо въ послѣдующее время, но и нынѣ исполненіемъ таковаго намѣренія, которое сдѣлаетъ славу и честь отдаленному потомству» [2]). Это и подобныя ему извѣстія должны были радовать Василія Назаровича; они свидѣтельствовали, что противъ него только «упрямая судьба», что люди, дѣйствительно знавшіе его, не прервутъ съ нимъ сношенія и оцѣнятъ его по достоинству. Дѣйствительно, 1-го марта того же года Василій Назаровичъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Московскаго университета, который призналъ его таковымъ, «уваживъ отличную любовь къ наукамъ и извѣстную ученому свѣту патріотическую ревность къ распространенію отечественнаго просвѣщенія», а Михаилъ Никитичъ Муравьевъ [3]), сослуживецъ Василія Назаро-

---

[1]) Подробности открытія Харьковскаго университета и рѣчи, произнесенныя по этому поводу, мы нашли въ С.-Петербургск. Вѣдомостяхъ за 1805 г. № 17.

[2]) Сѣверн. Пчела 1860 г. № 92. Письмо 6,

[3]) М. Н. Муравьевъ, товарищъ министра нар. просв.; съ 1803 г., какъ членъ Главн. Правл. училищъ, назначенъ попечителемъ Московскаго учебнаго округа (Сухомлиновъ. „Матеріалъ“ отд. II, прим. 15).

вича по главному правленію училищъ, препровождая ему упомянутый дипломъ, въ письмѣ отъ 28-го марта 1805 г. писалъ такъ: «Имѣвъ честь быть ближайшимъ свидѣтелемъ Вашей просвѣщенной ревности къ развитію полезныхъ знаній, въ отечествѣ нашемъ служащей, съ истиннымъ удовольствіемъ препровождаю при семъ Вамъ дипломъ на званіе почетнаго члена императорскаго Московскаго университета, съ должною чувствительностью и признательностью участвующаго въ благосостояніи Россіянъ, соотчичей своихъ... Примите сіе яко достовѣрнѣйшій знакъ къ Вамъ моего истиннаго почтенія» [1])... Мы цитировали упомянутыя письма, чтобы показать, что большинство общества не измѣнило своихъ отношеній къ Василію Назаровичу, что отставка, сфабрикованная въ Петербургѣ не могла очернить добраго имени Каразина, на виду у всѣхъ проводившаго свои честныя намѣренія. Переписка его со многими общественными видными дѣятелями не прекращалась до конца жизни, хотя годъ отъ году становилась рѣже [2]). Василій Назаровичъ получалъ письма даже и отъ такихъ лицъ, расположеніе которыхъ было очень сомнительно во времена его силы. Съ В. Н. Каразинымъ переписывались Державинъ, Трощинскій, Потоцкій и князь Салтыковъ [3]), графъ Кочубей, графъ Алексѣй Никитинъ [4]), князья Голицыны [5]), архіепископъ курскій и бѣлгородскій Ѳеоктистъ, О. Козодавлевъ [6]), гр. Бенкендорфъ, гр. П. Киселевъ и др. Гр. Аракчеевъ, Коновницынъ очень любезно отвѣчали ему даже изъ-за границы. Настолько была крѣпка извѣстность Василія Назаровича въ высшихъ сферахъ, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Харьковѣ, которую онъ самъ отчасти поддерживалъ постояннымъ ознакомленіемъ общества съ своими открытіями и изобрѣтеніями. Съ ученымъ

---

[1]) Русск. Стар. 1900 г. Апр. стр. 185.

[2]) Да это и вполнѣ естественно, съ теченіемъ времени отъ 1804 г. по 1842 г. люди, предъ глазами которыхъ Василій Назаровичъ взошелъ на высокую арену своей дѣятельности, сошли со сцены; время дѣлало свое дѣло, и заслуги Василія Назаровича позабывались мало по малу. Переписка Василія Назаровича особенно сильна была въ періодѣ его дѣятельности по филотехническому обществу (1811—1818 г.г.). Особенно въ 1811 г., т. е. тогда, когда Василій Назаровичъ снова сталъ замѣтнымъ общественнымъ дѣятелемъ.

[3]) Фельдмаршалъ.

[4]) Начальникъ южныхъ восточныхъ поселеній.

[5]) Одинъ изъ нихъ Дмитрій Голицынъ—Московскій Главнокомандующій.

[6]) Министръ внутреннихъ дѣлъ.

міромъ у Василія Назаровича была горячая переписка. Сохранились письма В. М. Каразина, члена общества любителей русской словесности, А. Прокоповичъ-Антонскаго, И. Ѳ. Тимковскаго, А. Г. Тройницкаго, Ѳ. Глинки, А. А. Палицына всегдашняго друга В. Н. Каразина и многихъ другихъ [1]). Сочувственное отношеніе общества къ опальному Василію Назаровичу успокаивало его и сообщало энергію къ истолкованію новыхъ идей и плановъ, уже роившихся въ впечатлительной его головѣ. В. Н. Каразинъ рѣшилъ обратить свой Кручикъ въ идеальную общину, ей рѣшилъ онъ дать особые лучшіе законы, судъ, просвѣщеніе и осуществить самостоятельно въ маломъ размѣрѣ тѣ идеи, которыя думалъ провести изъ Петербурга, изложивъ въ 1801 г. мечты свои имп. Александру I.

Н. Тихій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Письма къ Василію Назаровичу Каразину отъ 1804 г. печатались въ „Русск. Стар.“ за 1870—1903 г.г., въ „Сѣверн. Пчелѣ“ 1860 г., нѣсколько въ „Кіевск. Стар.“ 1891 г., „Харьковск. Губ. Вѣд.“ 1875—1880 г.г. и др.

Пидъ минаретамы.

(Оповидання).

Якъ опынывся Абибула сёгодня вранци на кладовыщи, винъ и самъ не мигъ бы сказаты. Завжды въ ти дни, яки кинчалысь велыкымъ благаннямъ Аллаха, молодый дервишъ бувъ самъ не свій. Его тило наче втрачало вагу и злегка тремтило, душа ставала прозорою, мовъ вода ричкы, на дни якои бачышъ каминня, або якъ скло, що дзвенить одъ кожного руху. Ему не хотилось сёгодня робыты, и винъ не пишовъ до шевця, а подався отакъ, спавманя й забривъ на кладовыще. Злазывъ на гору, руду, спалену, вкрыту сухымъ бадиллямъ, засажену густо надгробкамы. Мынавъ сири плыты, поточени дощамы та витромъ. Полы его халата розвивавъ витеръ и закыдавъ на надгробкы, що стоялы сторчъ, немовъ здіймалы у гору камьяни чалмы и фезы. Здавалось, мерци пробылы твердy шкаралупщу земли и посидалы поплпчъ у бурьянахъ. Розбыти плыты лежалы доли, засыпани пыломъ, закыдани грузомъ, заплутани у будякы та павутыння. Камьяни головы валялысь окремо. Мармурови скрыни надъ значнымы покійныкамы, зъ пышнымы арабськымы напысамы, надъ якымы працювала фантазія поэтивъ, тежъ мертвыхъ уже, пообсыпалысь та завалылысь одъ часу. Абибула знавъ, що поле смерты, розлоге, запущене, дыке, немовъ розваленый городъ, немовъ руина руины, помагало ему забуты землю и зняты душу у небо. Щобъ маты радисть, яку давало еднання зъ Богомъ, треба настрою. И отъ

для сёго винъ йшовъ середъ мертвыхъ, яки вже певно тишылись раемъ. Пиднявъ блидый выдъ и пидведени очи до сынёго неба и тыхо спивавъ илягы [1]).

Ахъ, колыбъ Израфилъ [2]) швыдче взявъ ёго душу, врятувавъ одъ грихивъ, одъ шкодлывыхъ багатствъ земли, одъ зазиханoccнння на чужу працю! На що ты дурышъ себе цимъ свитомъ? Хиба жъ можна не вмерты, хиба жъ йе спосибъ втикты одъ савану й жыття дочасного на чорній земли? Душе, зъ тобою завжды Израфилъ!.. Страшный мистъ Аль-Єыратъ — немынуча дорога намъ всимъ, та хто пройшовъ черезъ ёго—матыме вичну утиху..

Абибула йшовъ дали. Ёго жовтый халатъ летивъ за нымъ и обгортавъ надгробкы, червоный фезъ горивъ на сонци, якъ дыкый макъ, а очи блыщалы вогнемъ. Словамы писни винъ плакавъ надъ гришнымъ свитомъ, бо теперъ хаджи [3]) навить забулы дорогу честы, шейхи—своихъ батькивъ, а судди правду и справедлывисть. Ученый софта ходыть въ зневирри, народъ одкынувъ праву науку, а люде пысьменни не кращи за ёго. Ось якый жахъ пануе на нашій земли!..

Побожни писни гойдалы Абибули серце, роскрывалы якъ чашу, въ яку мала сплынуты ныни ласка Аллаха.

Бидный робитныкъ, що зазнавъ змалечку нужду та горе, що бачывъ, якъ сыльни прыгничують слабшыхъ, багати бидныхъ, и скризь пануе неправда, дывывсь на свитъ, якъ на загадку. Що все те значыть? Самъ винъ не знавъ, не мигъ сказаты, а други зъ ёго сміялысь, называлы «афу́зомъ» [4]). Вси булы певни, що зъ хлопця ничого не выйде. И справди Абибула минявъ ремисныкивъ одного на другого и все кыдавъ науку. Спочатку помагавъ батькови тесаты надгробкы, дали покынувъ, ставъ миднык омъ, а видтакъ опынывсь у шевця. Такъ сякъ скинчывъ науку, бувъ

---

[1]) Духовни писни.

[2]) Янголь смерты.

[3]) Ти, що йиздылы въ Мекку.

[4]) Юродывымъ.

уже майстромъ. Цёго було мало, ёго це невдовольняло. Ну, що кому зъ того, що вмивъ пошыть черевыкы? Що одъ того переминытся въ свити? Що дасть ёму? Для тила—винъ потребуе такъ небагато, для души ничого тымъ не прыдбае. Одна надія—Аллахъ, велыкый, добрый и справедлывый. Винъ тильки насытыть й загріе журлыву душу. Абибула рвався до нёго. Вступывъ у науку до видомого шейха й зробывсь дервишомъ.

Абибула вышовъ на гору и сивъ спочыты. Пидъ ногамы въ нёго, за кладовыщемъ, лежавъ у долыни Бахчисарай. Збыта масса доминъ, камьяныхъ стинъ, черепыци, тополь и минаретивъ. Той самый хаосъ, та жъ гущына, те жъ кладовыще. Сумне, сиро-жовте поле смерты злывалось зъ моремъ дахивъ, що блыщалы й перелывалысь на сонци червоною, зеленою й сирою черепыцею, немовъ турецькый кылымъ. На высокыхъ, билыхъ стинахъ дворивъ, що ховалы одъ людського ока жинокъ, спочывалы галуззя жердель та горихивъ, або выся по ныхъ гнучкый выноградъ. Роскишни здорови тополи, густи, ажъ чорни, высоко шумилы по-надъ дахамы, а струнки минареты, мовъ били кыпарысы, пьялысь ще выще, немовъ намагалысь переросты ихъ, немовъ купалы въ блакити неба жовтый пивмисяць. А дали, на выднокрузи, простяглысь горы, руди, спалени сонцемъ, обвіяни витромъ, сумни, мертви й безлюдни. Круглги, здорови скели лежалы на ныхъ, якъ велытенськи чалмы. Жыття клекотило внызу, въ глыбокій долыни, а тутъ стояла тыша. Тутъ було небо, тепле, блакитне, въ якому плывла и спивала душа Абибулы. Ему тутъ було радисно й добре...

Дервишъ сыдивъ такъ довго. Врешти пиднявся. Згадавъ, що Мирьемъ прохала однесты батькови чоткы, до якыхъ винъ такъ звыкъ; хапаючысь вранци въ крамныцю, винъ ихъ забувъ. Абибула обицявъ сестри це зробыты и теперъ поспишавъ, щобъ застаты батька въ крамныци, покы винъ не пишовъ до кавьярни. Абибула спустывся зъ горы.

Теперъ винъ йшовъ вузькою, покрученою вулычкою, немовъ корыдоромъ, повнымъ каминня та мягкого пылу. Зъ обохъ бокивъ здіймалысь брудни высоки стины, зъ щильно замкненымы фирткамы, зъ домамы, яки дывылысь на нёго глухымы стинамы, або чорнымы

викнамы, зъ гратамы, якъ у темныци. На частыхъ заломахъ попадалысь зграи собакъ и дитей—хлопци, зъ червонымы головкамы, якъ сыроижкы, дивчатка въ барвныхъ халатахъ, зъ тоненькымы кисками пидъ золотымъ фезомъ. Воны все биглы зъ кухлямы до фонтанивъ, зъ галасомъ, пыскомъ, звономъ посуды. Часомъ, пидъ билымы стинамы, тыхо просувалысь жинкы, завынени въ биле, мовъ били черныци, и раптомъ счезалы у фирткахъ, якъ прывыды. Инколы розрывалыся стины и одкрывалы вузеньки ходы, якъ шпары, въ якыхъ зъявлялысь на мыть хвыли дахивъ, зелени тополи й били минареты на тли блакитного неба. Потому знов йшовъ вузькый корыдоръ. Часомъ зъявлявсь несподивано у фрамузи стины фонтанъ, весь покарбованый напысамы зъ корану, облипленый весь дитворою. Дзвинко спадала вода у мидни кухли, весело дзюрчала жывымъ струмочкомъ. А дали знов була тыша, дывна тыша мертвого миста, въ якому домы стоялы, немовъ надгробкы, а фигуры жинокъ лякалы, якъ Лазарь, що тильки ставъ зъ гробу, завыненый ще у билый саванъ.

Посередъ вулыци тыхо ступавъ сумный дервишъ й побожно згынавсь до земли, щобъ пидняты зъ дорогы каминчыкъ, о якый могла бъ натрудыты ногы коняка. Сонце пекло.

Чымъ блыжче пидходывъ Абибула до вулыци, де була крамныця батька, тымъ выразнище вуха ёго ловылы гоминъ жыття. Немовъ дыка орда наступала на городъ и гвалтувала тышу стукомъ копытъ объ каминь, скрыпомъ арбъ и рыкомъ худобы. Колы жъ Абибула дійшовъ до базару, ёго оглушывъ такый клекитъ жыття, що писля тыши ставъ нестерпучымъ. Правда, винъ звыкъ до цёго, але сёгодня це розбывало настрій. Вузьку, покручену вулыцю, глыбоку й каменысту, якъ дно высхлои ричкы, тиснылы крамныци, маленьки, темни, немовъ закопчени дымомъ печеры. Скорійшъ наметы, а нижъ будынкы. Тутъ все робылось на вулыци. Гладки «фурунджи» по пекарняхъ, въ высокыхъ фесахъ, зъ закачанымы по ликоть рукамы, мисылы прылюдно тисто, а у велыкыхъ печахъ палавъ такый вогонь, що ажъ на вулыци ставало душно. Шевци, пидобгавшы ногы пидъ себе, ледве помитни зъ-за купы товару, гаптувалы капци срибломъ та зло-

томъ. Нызкы червоныхъ капцивъ, якъ стыгла перчыця, высилы на дверяхъ, а постолы, мовъ свижи перижкы, сушылысь рядкамы вздовжъ тротуаривъ. Блыщала мидна посуда, якъ золотый вивтаръ, й тремтилы пидъ молотомъ майстра нови мидныци. Прыскавъ вогонь у горни й грала вогнямы мидь.

— О-ой май-ляй ми! — верещавъ теноръ продавця масла и немовъ дряжнячысь зъ нымъ, якъ та папуга, свое товкъ розносщыкъ цукеркивъ:

— Каперле-é! каперле-é!..

Таца на голови въ нёго а не струснется.

Высилы въ яткахъ бараначи тýши, зъ сынымы жыламы, зъ билымъ застыглымъ саломъ, зъ роямы мухъ надъ нымы. Зъ чорнои кузни нисся пекельный стукитъ и выповнявъ повитря. Шкварчалы, пыщалы и сынимъ чадомъ курылысь смачни шашлыкы, отутъ, пидъ голымъ небомъ, биля фонтанивъ. Шмыгалы пидъ рукы, зъ стыглою морвою, мали татарчата й цвиринькалы, мовъ горобци:

— Ишкенъ дутъ! ишкенъ дутъ!..

Вси рукы залыти въ ныхъ сокомъ, якъ кровью. На зеленому сини, зъ горовыхъ полонынъ, зъ запашнымы квиткамы, лежалы стари татары у билыхъ чалмахъ й ждалы купцивъ. Духъ свижои кавы мишавсь изъ духомъ часныку. Бряжчалы филижанкы. Раптомъ витеръ знявъ хмару пылу, яка закрыла все. Все счезло. Потому, якъ изъ туману, почалы выплываты поважни муллы, въ зеленыхъ чалмахъ и въ довгыхъ халатахъ, що сунулысь тыхо по хидныкахъ, а тамъ—цили горы черешень и абрыкосивъ, помидоривъ й цыбули; слипылы очи мидни коновкы, довги, якъ сурмы, на плечахъ суворыхъ сильськыхъ татаръ, що грубымъ, сердытымъ голосомъ, немовъ дрова рубалы, хвалылы свое молоко:

— Вар-сют-вар...

Дзюрчалы десяткы фонтанивъ, лящалы та щебеталы всиляки птахы у клиткахъ по-пидъ пиддашямъ, свыстивъ стругомъ бондаръ, що тутъ, у чорній печери, повній лищыны й запаху лиса, робывъ обручи. Выхылявсь за кожнымъ разомъ зъ крамныци й купавъ на сонци свою билу бороду, червоный фезъ. Сохлы вдовжъ стинъ велыки вила и наставлялы засмалени кинци, немовъ во-

лячи рогы. Арабськы литеры повзлы по вывискахъ, наче павучи ногы. Зъ вулыци несвоимъ голосомъ клыкано спраглыхъ по лимонадъ:

— О-ой бузлы́... пекъ татлы́!..

И простягалысь у той бикъ рукы.

Зъ виконъ кавьярень стырчалы, якъ лисъ, цыбухы, и струмкы сынёго дыму повзлы, якъ зміи.

Громадськый «деллялъ» [1]), завишаный весь дукачамы на продажъ, намагавсь усихъ перекрычаты.

Блыщала на сонци черепыця дахивъ, свитылысь викна въ мечетахъ, пашивъ нагритый каминь, горилы, якъ макы, фезы, крычалы птахы и продавци, дзвенивъ металь по кузняхъ, безперестанку дзюрчала вода, запиравъ виддыхъ у грудяхъ духъ шкуры, кавы, та часныку, брязчала посуда, шкварчавъ шашлыкъ, душывъ усихъ пылъ—и въ цёму пекли жыття, у цёму хаоси фарбъ, ліній, пахощивъ, згукивъ, у цій неможлывій тисноти—проскакувавъ часомъ, занявшы всю вулыцю, новый фаетонъ пидъ билымъ парасолемъ, зъ элегантнымы европейцямы, якъ щось чуже, негармонійне, й зныкавъ за хмарою пылу...

А въ гори, надъ тымъ бурхлывымъ моремъ, зъ высокыхъ билыхъ минаретивъ, середъ блакитного неба, лунавъ протяглый жалибный спивъ муэзинивъ: прыйдить, достойни, на поклинъ Богу, прыйдить по рятунокъ. Немае Бога, оприче Бога, и Магометъ ёго пророкъ...

Абибула ледве розгледивъ батька. Старый Сулейманъ, у билимъ халати и билимъ тахé [2]), такъ прытулывсь до надгробка, що ёго трудно було одризныты одъ каменя. Очи ёму вже не служылы и навить окуляры не помагалы. Проте винъ не кыдавъ своеи роботы й зигнутый, скуленый, у богомильнимъ настрои, довбавъ зъ корану святи слова. У чорній пащи крамныци стоялы рядкамы нагробни камни, розмалёвани й били, у фезахъ, чалмахъ, тюрбанахъ, немовъ тамъ зибралысь поважни гости. На ляди

---

1) Оповистныкъ.

2) Литня шапочка.

спавъ робитныкъ. Закынувъ голену голову, одкрывъ беззубый ротъ и простягъ боси ногы. Зсохлый, зморщеный, жовтый, винъ скыдавсь на мерця, надъ якымъ скоро буде стояты одынъ зъ надгробкивъ.

Сулейманъ дуже зрадивъ, диставшы чоткы,—безъ ныхъ винъ бувъ якъ безъ рукъ. Кынувъ роботу й почавъ оповидаты сынови останню новыну, яка вже облетила Бахчисарай: мулла Смаилъ, такый достойный, багатый, имамъ и хатипъ [1]), прогнавъ учора едыного сына Рустема. Батько не мигъ врешти стерпиты, що сынъ бунтуе народъ проты духовенства, пыше кныжкы, въ якыхъ ни слова нема про Бога, сміется зъ давнихъ звычаивъ и навить зъ корану. А що найгирше — нанявсь въ кавьярню до эфенди Мухтара, якый зъ муллою у сварци, и зъ сёгодняшнёго ранку подае гостямъ каву.

— Кажуть, мулла Смаилъ лыхій на сына, що не хоче сватать Шерфé, хочъ батькы заминялысь вже словомъ,—сказавъ Абибула.

— Ахъ, молодь, молодь. Це жъ бейнамазъ [2]), тай годи!.. Крый Боже маты такого зятя. Велыкый Богъ,—Алла икбéръ! закинчывъ старый Сулейманъ своею любымою прыповисткою.

Бувъ саме часъ, колы Сулейманъ ходывъ на каву. Надившы чалму та взявшы въ рукы чоткы, винъ подавсь до кавьярни эфенди-Мухтара, яка була лышъ черезъ дорогу. Вже трыдцять литъ винъ що дня у такый часъ одвидувавъ іи. Абибула подавсь за батькомъ.

Кавьярня торгувала сёгодня добре. Вси хотилы на власни очи бачыты, якъ сынъ такои видомои въ мисти особы розносыть каву, мовъ простый наймытъ. Тому въ кавьярни було ажъ тисно. Хазяинъ пойихавъ у Симферопиль и гостямъ служылы Рустемъ та хлопець Бекиръ, тонкый, высокый и клапоухый.

---

[1]) Пипъ и проповидныкъ.

[2]) Такый, що не выповняе прыпысивъ исляму.

Рустемъ бувъ трохы блидый, хочъ удававъ веселóго. Служывъ винъ гостямъ не дуже зручно. Проте вси ёго клыкалы, коженъ намагавсь, щобъ винъ подавъ каву.

— Рустеме! намъ кавы! .

— Ха-ха!.. Рустемъ, несы до насъ!.. То мы тоби служылы, теперъ послужы намъ.

— Мы вси служымо одынъ одному, осмихався Рустемъ.

Въ кутку сыдилы якись селяне. Скромни, похмури, немовъ чужи горожанамъ. Сулейманъ вступывъ зъ нымы въ розмову. Воны оповилы, що прывезлы хорого, одержымого злымъ духомъ— «меджина». Вже пьять литъ не ходыть, зъ того саме часу, якъ мало не згоривъ на пожежи. Сёгодня на Азизи будуть молытысь дервишы, то може выблагають ёму полегкисть.

— Алла икберъ!—зитхавъ Сулейманъ и слухавъ дали.

Бекиръ задовольнывъ своихъ гостей й пидсивъ до ныхъ.

— Ну, скоро пидешъ у москали? — жартувалы ти зъ ёго.

Бекиръ зацмокавъ та закрутывъ головою.

— Втечу... зароблю гроши—й гайда до Стамбулу...

Очи въ нёго спахнулы й червони вуха свитылысь на сонци.

— Ч-чортъ ёго знае!—гарячывся Бекиръ: служы у війську, колы дають «домузъ» (свыню) йисты. Розуміешъ, хытрый якый: зварыть зъ свынины юшку, мясо дае своимъ, а юшку нашымъ: на, йижъ!.. Ч-чортъ ёго знае...

— Селя́мъ алеки́мъ!—прывитавсь новый гисть.—А де Рустемъ?

— А, Джіаферъ!—радисно скрыкнувъ Рустемъ й побигъ на зустричъ.

— Такъ се правда? Ну, розсказуй, якъ було дило...

Рустемъ потягъ ёго въ кутокъ.

— Все розскажу... потому. А теперъ маю до тебе справу...

— И я до тебе въ справи. Знаешъ, Османъ зрикся граты у твоій комедіи. Якъ дизнавсь ёго батько, якый змистъ пьесы, такъ и насивъ на Османа. А той дурень злякавсь й не хоче граты.

— Ну, це байдуже, десь знайдемо другого.

— Завзялысь на насъ стари. Таке робытся, [illegible] страхъ. Воны насъ каминнямъ ладни побыты. Отъ побачышъ, що наша выстава такъ не мынется.

— Пусте... тутъ, знаешъ, могыла тилькы поможе. Писля смерты старыхъ пійде все краще,—потишавъ ёго Рустемъ.—А моя справа така: сёгодня прыйихавъ зъ села одынъ вирный товарышъ. Треба черезъ нёго послаты кныжокъ. Отъ ты бъ и прынисъ, бо мени не можна кынуты службу.

— Добре. Я прынесу. А ты прыходь завтра, треба порадытысь.

Рустемъ мусивъ покынуть товарыша: нови гости вже ёго клыкалы.

Та не встыгъ винъ поставыты на стилъ филижанку, якъ хтось гукнувъ знову:

— Рустеме, тебе Айшé клыче.

Рустемъ вразъ зблидъ и филижанка затремтила въ ёго рукахъ. Здержуючысь, щобъ не побигты, винъ выйшовъ на вулыцю. Ёго небога, восьмылитня Айшé, перегнувшысь надъ важкымъ кухлемъ зъ водою, лукаво клипала до нёго очима та моргала фарбованымы бровамы. Воны зайшлы въ подвирря, и тутъ, у темному закутку, Айше дистала зпидъ ватованого халата зибганый папирецъ и подала Рустемови.

Рустемъ такъ хапавсь прочытаты, що мало ёго не роздеръ.

«Я вже чула про твою биду, Рустеме,—читавъ Рустемъ надряпане напивъ пысанымы, напивъ друкованымы литерамы.—Та не журысь. Господь мылосердный. Такъ, якъ ты зробывъ—ты зробывъ найкраще, и я твоя вирна Мирьемъ. Колы бъ ты знавъ, що нині сталося. Батько побачывъ у мене каламаръ и перо. Такъ на мене крычавъ, що я плакала, и доси очи червони. Побывъ каламаръ и выкынувъ перо, а самъ побигъ сердытый и забувъ чоткы. Та я мовчала, хочъ добре знаю, що въ корани того не стоить, абы жинка не смила пысаты. Теперъ пышу батьковымъ перомъ. Було бъ мени, колыбъ дизнався. Твои кныжкы чытала ажъ двичы. Хочъ мени страшно (одъ твоихъ думокъ), та ты не смійся. Я хочъ не вчена, проте чую, що твоя правда. А що

ты не схотивъ браты Шерфе, то зробывъ добре. Вона сміется зъ тебе и не кохае. Сёгодня Абибула буде молытысь, а батько пойиде. Маты лягае рано. Прощай. Хай звеселыть зиръ твій Аллахъ. Твоя Мирьемъ».

Колы Рустемъ вернувъ до кавярни, щокы въ нёго горилы и все тило стало туге и легке, якъ мячъ. Гостей, якъ и перше, було багато. Старый Сулейманъ поскыдавъ капци, поклавъ ногы у билыхъ панчохахъ на софу и пахкавъ зъ довгого цыбуха. Винъ справлявъ тутъ свій кейфъ. Абибула вивъ тыху розмову зъ прыйизжымъ муллою, а въ кутку, середъ сынёго дыму, выкладавъ свои погляды гостямъ балакучый Бекиръ.

— Ч-чортъ ёго знае!—пызавъ винъ плечыма, и очи въ нёго горилы, а вуха свитылысь на сонци.—Ч-чортъ ёго знае... Пишовъ я вчора въ садокъ у ханськый палацъ, а тамъ—розуміешъ—сыдыть гяуръ на лави и обнявъ чужу жинку, наче свою... Тьху!.. погань... Ни, въ насъ цёго нема... Магометъ не веливъ... Въ Стамбули цёго вже не побачышъ, ой, ни... Отъ тильки зберу трохы грошей... Я бидный... Батько, розуміешъ, й самъ не мае що йисты... А тутъ платы й платы... Бакшишъ давай... и скризь бакшишъ. И до війска беруть... Ч-чортъ ёго знае...

Рустемъ дали не слухавъ.

День одійшовъ. Тривожный, неспокійный, въ ясній одежи и галаслывый. Зайшовъ за горы разомъ изъ сонцемъ — и стало тыхо. Спокійна, тыха, якъ богомильна черныця, зъявылась ничъ. Замовкла сира земля, здримнулы хаты, тополи и поле.

Сумно, безлюдно въ святому мисци—Азизи. Пышни «тюрбé»—мавзолеи самитно сиріють на поли, мижъ будякамы и грузомъ, важки, велыки, байдужи, якъ ти святи та ханы, що спочывають пидъ нымы. Чорною купою заснувъ на земли монастыръ—«теке́», а надъ нымъ стоить минаретъ, якъ билый прывыдъ. Не сплять лышъ цвиркуны и фантаны та клина очыма—зорямы небо.

Легко, мовъ тинь плывла, ступавъ по Азизи Абибула. Немовъ боявся топтаты мисце, полыте кровью святого. А може до

цёго мисця торкалась нога Аджи́деръ-меле́къ-султана, колы винъ, у давню давныну ще, нисъ свою голову по пидъ пахою та полывавъ кровью шляхъ до могылы. Коженъ разъ, колы Абибула тыхымы ночамы простувавъ у теке́ на молытву, винъ уявлявъ соби людыну безъ головы, зъ кривавымъ горломъ, а зъ пидъ пахы у неи дывылась на нёго страшнымы очыма виттята голова.

И коженъ разъ, якъ и теперъ, було ёму страшне, и середъ тыши калатало серце. Властыве, це було добре. Винъ самъ выклыкавъ ту уяву, оберигавъ той страхъ и той настрій, ворушывъ ёго немовъ болючый зубъ. Винъ хотивъ, щобъ душа въ ёго гойдалась, якъ хыбкый човенъ на мори, тремтила, якъ лыстъ на вогни, щобъ стала прозорою, легкою й могла злынуты въ небо. Такъ щиро винъ прагнувъ еднання зъ Богомъ.

Абибула пидійшовъ до теке́; ще никого не було. Скризь тыхо и темно.

Абибула ставъ пидъ тополею. Чекавъ. Дывывсь на зори и вбиравъ въ себе таемну тышу святого мисця. Ёму було такъ добре, въ голови трохы крутылось, душа сподивалась роскошивъ молытвы и трипала, якъ птыця, крыламы.

Вразъ одъ стипы оддилылась била фигура.

— Ахша́мъ хайръ олсу́нъ [1])!..

— Ахша́мъ...

Те «ахшамъ» брата, тыхе, якъ ничне шелестиння тополи, здалось незвычайнымъ, таемнымъ.

Де́рвишы помалу збиралысь.

Зъ мороку ночы, якъ изъ туману, выплывалы фигуры у довгыхъ халатахъ, у билыхъ чалмахъ, мовчазни и поважни.

Ахшамъ! Ахшамъ!.. шелестилы слова, якъ сухе лыстя й тынулы середъ ночы.

Въ викни теке́ блымнувъ несмилый вогныкъ.

Тыхо ступаючы, гордо пройшовъ у теке́ шейхъ [2]), высокый,

---

[1]) Добрый вечиръ.

[2]) Старшый дервишъ, игуменъ.

пышно зодягненый. Пишовъ, подывывся, и зновъ вернувъ до дому. Ни до кого не обизвався, нихто до нёго. Винъ теперъ постывъ и давъ зарикъ мовчаты.

Середъ тыши чутно було, якъ десь далеко торохтивъ визъ.

Дервишы сходылысь. Кыдалы слово—два, тыхо, пошепкы й мовклы. Дзвинко дзюрчала вода. Высоки тополи все шелестилы. Билилы въ темряви чалмы и бороды.

Пидкотывсь до теке́ визъ и ставъ. Коняка форкнула. Два чоловикы скочылы зъ воза, мовчкы пиднялы кожухъ, пидъ якымъ щось стогнало.

— Меджи́нъ... меджинъ... хтось сказавъ стыха.

Знялы слабого на рукы и понеслы у теке́. Ногы высилы въ нёго безвладно, якъ перебыти.

Зновъ стало тыхо. Уси чекалы. Абибула не зводывъ очей зъ теке́, надъ якымъ здіймавсь минаретъ, мовъ билый прывыдъ.

Та ось уси стрепенулысь. Въ викни минарета мыгнула тинь и заразъ розлигся спивъ муэзина—сумный, скрыпучый та жалибный.

Вси знялысь зъ мисця.

Въ теке́ було темно. Тильки коло миграбу [1]), де стоявъ шейхъ, горилы дви прости лямпы. Нызька, закопчена стеля, темни кылымкы на помости, неривни, колысь ще билени стины, холодне сперте повитря—скоришъ нагадувалы запущеный складъ, а нижъ димъ Божый. Ряды стоптаныхъ капцивъ, полышеныхъ биля порогу, насычалы повитря йидкымъ запахомъ поту. Люде ставалы порядкамы и прыкладалы рукы до вухъ: мы слухаемъ, Боже!.. Почалась звычайна мусульманська видправа и скоро скинчылась.

Тыхо, босымы ногамы, пидходылы дервишы до шейха, вклонялысь и сидалы доли въ кружокъ... Ногы пидъ себе, плече до плеча, у тисне, братерське коло. Абибула чувъ тепли плечи своихъ сусидивъ. Ёму здавалось що ёго тило росшырылось, зросло праворучъ и ливоручъ, ажъ генъ далеко, й тремтило, немовъ жыва каблучка. Горде облыччя въ шейха стало поважнымъ, наче застыгло. Очи спустывъ до долу, дывывсь, здавалось, на бороду.

---

[1]) Вивтарь.

Уси мовчалы. Такъ тыхо стало... Свитло прытьмарылось, и брудни стины тиснище зсунулысь. Оддаль безвладною массою лежавъ недужый.

Уси чекалы.

Раптомъ, якъ зъ одныхъ грудей, почався спивъ. Повильный, розмиреный, скучный. Слова гупалы въ писни, якъ ципъ на току, окреме, выразно:

— Ла-иль—Ал-ла...

Монотонно и безконечно, наче велыки дзыгари рахують хвыли:

— Ла—иль—Ал-ла...

Абибула прыжмурывъ очи. Голова въ нёго хытается въ тактъ писни и слова йдуть за словамы, немовъ верблюды въ пустыни.

— Ла—иль—Ал-ла...

На одынъ голосъ, въ тактъ, безъ перестанку, безъ передышкы. Все тижъ слова, усе той темпъ.

Такъ тягнется довго. Мынають хвыли, годыны; здается, дни цили проходять. Винъ вже не чуе ни власного голосу, ни свого тила, ни тила сусидивъ. Вси воны злылысь разомъ, въ одно суцильне тило, у одынъ спильный голосъ, якый веде писню, довгу, скучну, монотонну, немовъ машына помпуе водў, або слова хтось ныже на безконечну нызку.

— Ла-иль—Ал-ла...

Не то скучно стае Абибули, не то спаты хочется. Щось налягло на мизокъ. А проте Абибула чуе, якъ тамъ десь глыбоко, у грудяхъ, на самому дни, зерно по зерни, крапля по крапли, збирается сыла, росте, змицняется. И зновъ йдуть, якъ хвыли:

— Ла-иль—Ал-ла...

Сумно такъ стало въ теке́; блиди облыччя немовъ застыглы, а въ серци щось неспокійне, тамъ щось ворушытся... Клубкомъ котытся въ грудяхъ, бере за горло. Хочется крыкнуть: ты одынъ, Боже, всесыльный, могучый, въ тоби вся радисть, въ тоби надія... Ты одынъ, Боже! о Боже!..

Хтось хлыпнувъ, не здержавсь...

— Алла!..

И збудывъ назбирану сылу, всихъ знявъ на ногы.

Тремтыть въ Абибулы тило и горять вуха. Розгойдана душа рвется хвалыты Бога, тягне зъ собою тило. Щось въ нёму йе. Якась пружына. Велыка радисть. Побожный рухъ.

— Немае Бога, опричь Бога!..

Плече зъ плечемъ, зновъ тисный кругъ, братнее коло. Винокъ зъ халативъ та зъ билыхъ чалмъ. Радисно писня вырвалась зъ грудей.

Ля илля́ ге — иль Алла́-ге...
Ля илля́ ге — иль Алла́-ге...

Жыва каблучка уже хытнулась. Разъ въ той бикъ, разъ въ другый. Спочатку плавко, поволи, у тактъ, немовъ тыхи витры хытають коломъ, немовъ лагидни хвыли гойдають водни лилеи. Схыляются чалмы въ честь шейха, гойдается мозокъ якъ у колысци, душа бажае розгону й де дали зростае рухъ. Здается, витры мицніють, пидхоплюють коло. Все швыдче тай швыдче. Зростае писня... дужчае голосъ, облыччя сяють. Били халаты надулысь одъ витру и мають полы. Поклоны все глыбши, все ныжчи. Тило згынается вдвое, вьется якъ вужъ, кытыци фезивъ скачуть по чалмахъ, а слова писни злылысь у крыкъ:

— Е-ге́-лла!.. е-ге́-лла!..

Росте той крыкъ, скаче, мовъ по драбыни, все выще, якъ дыкій звиръ въ горахъ, тягне зъ собою тило, захоплюе духъ.

— Е-гге́-лла́!.. е-гге́-лла!..

Блиди облыччя скрывылысь, тило бьется у ко́рчахъ... Абибула плаче. Хлыпають други... Вже не стае сылы, знемога...

Та ось потиха. Мовъ впала зъ неба. Высокый теноръ почына писню—веселу, бадёру, ясну, якъ янголыный спивъ:

Юдже́ султа́нымъ
Дерде́ дерма́нымъ —
Шу те́нде джа́нымъ
Ху де мекъ и́стеръ-гу!..

— Гу-у!

Зъ десяткивъ грудей выхопывсь радисный покрыкъ.

— Гу-у! Одынъ! Ты одынъ, Боже, велыкый Боже, даешъ ликъ тамъ, де вже нихто помогты не здолае... Душею й тиломъ прагну сказаты, що ты одынъ! Г-у-у!..

Дыка радисть хапае за серце... Абибула чуе, якъ нови сылы, велыки, незмиряни, вилляла та писня у його члены. Воны вси скачуть, радіють, вси славлять Бога... Плыгае тило въ шаленыхъ рухахъ, хвылюють груды и скаче голова, залыта пóтомъ, а кризь заплющени очи винъ бачыть небо, усе въ огняхъ. Бачыть троянды, червони гранаты, били лилеи... Горять... цвитуть... литають... Цилый дощъ квитивъ... Льють пахощи въ груды... Трудно такъ дыхать... Винъ вже не може спиваты, винъ ледве встыгае за всимы:

— Гáл-гай!.. áй-гай!.. áй-гай!..

Вси—одно тило, що скаженіе у рухахъ, вси—одынъ голосъ, що славыть Бога:

— Ай-гай... áй-гай...

А писня бадёрыть, а писня льется, якъ зъ неба, весела, радисна, чыста, мовъ янголь спивáе.

Хтось плеще въ долони... Отъ хтось сміется—ха-ха!

Алла!..

Швыдче, пруткище, вси разомъ... Останнимъ духомъ... Решткою сылъ.

Хай-хай... Жывый... жывый... Богъ жывый...

Крыкъ скаженіе, гарчыть, якъ прыбій моря, якъ лютый песъ... Бьють кытыци фезы, мотаются головы, пидплыгуе тило, танцюють передъ очыма зелени круги й хытаются стины таке у славу Аллаха...

— Жывый... жывый... жывый...

Охъ, яка радисть... охъ, яке счастя... Небо роскрылось... Янголивъ выдко... мають вже крыла... Ажъ плакать хочется... слёзы душать за горло...

— Ай-хай... ай-хай!..

Танцюйте, радійте!..

Море бушуе и ревуть хвыли и лизуть на берегъ, щобъ все затопыты.

Тоди простягъ шейхъ руку и однымъ згукомъ утышывъ хвыли. Вси стыхлы, спынылысь, блиди, схудли, зивьяли, мовъ тины. Вси силы. Ногы пидъ себе, плече до плеча. Знялось мижъ нымы биле рядно, й недужый, волочучы ногы, наче павукъ, пидлизъ пидъ нёго.

Ще веселище заспивавъ теноръ, ще бадёрище. Немовъ до танцю. Водыть смычкомъ по нервахъ, лоскоче серце. Ожыло тило. Розгойдане серце здійма нови хвыли, высоки, сыльни. Нема имъ впыну. Тило все скаче, якъ на пружынахъ. Абибула не може спынытысь, немае воли. Чужа якась сыла вхопыла тило, бье, крутыть, волочыть. Тило ниміе, тило зныкае. Десь счезло. Духъ пиднявъ крыла, летыть й порывае...

— Аа-хай... ай-хай!..

Швыдче... ще швыдче... Гей, швыдче... До Бога... жывого... едыного Бога...

— Хай-хай!..

Мовъ съ пугы ляскае-плеще спивець у долони, жене, пидганяе, бадёрыть, сміется. Летыть ёго писня, якъ выхоръ. Росте божевилля. Плазують кругъ ряденъ тилá божевильныхъ, якъ въ перелогахъ. Ходоромъ ходять плечи и рукы, головы скачуть, страшни облыччя застыглы, якъ у мерцивъ. Клацають зубы. Крыкъ переходыть въ лементъ.

Тремтыть теке́, хвылюе свитло, скачуть по стинахъ налякани тины й хмарка билои пары висыть надъ коломъ. Ось-ось паде́ блыскавы́ця, ось-ось ударыть гримъ, росколыть стелю и Божа сыла ввійде въ слабого.

Вона вже тутъ: хвылюе рядна, здіймае въ гору, немовъ туманы й безвладный калика стае на ногы. Ставъ, твердо ступае, выходыть зъ кола.

Вси камьяніють. Сталося чудо. Блыскучи очи, повыти млою, застыглы якъ скло.

Врешти хытнулысь... Якъ пьяни...

— Жывый!—гуркоче гримъ зъ грудей.

— Хай!.. Хай!..

Радисть велыка. Счастя. Рукы шукають обiймивъ. Хапають за плечи, за шыю. Крыкъ рвется зъ грудей. Не крыкъ, а буря.

— Алла!.. Хай-хай!..

Гарчять. Ревуть. Скрегочуть. Рыгають. Трутся лобамы. Гавкають голосно, часто:

— Гавъ... гавъ... гавъ... гавъ...

Якъ дыки звиры, якъ стадо шакаливъ.

Счезла свидомисть. Повна нестяма. Шаленисть.

И знов, якъ надъ бурхлывымъ моремъ, простягъ шейхъ рукы и кынувъ глухо, протягло:

— Гей-х-х-х!..

Хвыли ущухлы и стало тыхо.

Абибула пиднявъ долони и потеръ чоло, облыччя. Немовъ прокынувсь. Обвивъ всихъ зоромъ и скрізь побачывъ здывовани очи.

Вси мовъ пыталы:

— Що було? Що сталось?

Потому знялы рукы до Бога и втомлени, тыхи, розбыти, зитхалы:

— А-минь, а-áминь, а-áминь...

Жалибно, ревно, якъ сплакани диты.

Видправа скинчылась.

Було вже пизно. Въ далекыхъ оселяхъ спивалы пивни. Тыха, холодна ничъ обняла землю. Билила стерня по-пидъ горою, и чорни круглi тюрбé важко вкрывалы кисткы святыхъ та ханивъ. Въ чорному неби клипалы зори.

Зновъ тыхо ступавъ Абибула по святому Азизи. Нисъ въ серци радисть, въ голови мрiи... За нымъ повзлы поволи, якъ тины, гурткы дервишивъ.

Абибула навить не стямывсь, якъ опынывсь биля дому. Его вывивъ зъ задумы чудный якыйсь згукъ. Немовъ фиртка скрыпнула, чы клямка брязнула. Хто бъ то мигъ буты? Батько по-

йихавъ зъ-дому. И ривночасно побачывъ на вулыци тинь, що мыгнула пидъ муромъ и швыдко счезла. Що жъ то за знакъ?

Вдома, здается, вси спалы.

Джіаферъ сподивавсь гостей. Винъ зумысне трохы ранійше зачынывъ свою крамныцю, щобъ маты часъ усе доглянуть, бо вже пивъ-року, якъ въ ёго доми не було хазяйкы: винъ розвивсь зъ жинкою. Коженъ разъ, колы домашни клопоты потребувалы ёго увагы та забиралы у нёго часъ, Джіаферъ думавъ про свою розведену жинку, хочъ не жалкувавъ, що такъ сталося. Найбильшъ нагадувалы ёму жинку хаты, прыбрани по европейському. Тамъ, опричъ загратованыхъ виконъ, ничого не було схиднёго. Оци виденськи мебли, образы, статуэткы, такъ гостро заказани кораномъ, кныжкы и альбомы—все це недавно ще выклыкало у ныхъ незгоду. Щыра мусульманка, яка знала страхъ Божый, выхована у давнихъ звычаяхъ та забобонахъ, вона не могла выбачыть чоловикови гяурськыхъ прымхивъ, вважала ёго мало не зрадныкомъ. А винъ, купець, що разъ-у-разъ мавъ дило зъ рижнымъ народомъ, йиздывъ по чужыхъ земляхъ, побувавъ за кордономъ, захопывся блыскомъ та багатствомъ европейськои культуры, правда бильше зовнишнои, и вважавъ своимъ обовязкомъ, обовязкомъ освиченои людыны прыеднатысь до неи, або, що найменче, не цуратысь іи. Жинка не подиляла чоловиковыхъ поглядивъ и нарикала, сварылась. Колы винъ хотивъ, щобъ вона ходыла по вулыци зъ одкрытымъ лыцемъ, або щобъ показалась знаёмымъ мущынамъ, яки бувалы у ёго въ доми, вона казала, що винъ не любыть іи, що винъ ламае завиты корану та завдае ій соромъ передъ людьмы. Джіаферъ не бажавъ іи сылувать. Винъ вызнававъ за жинкою бильши права, нижъ дае ій ислямъ, и тымъ тильки сердывъ свою правовирну дружыну. Рижныця въ поглядахъ та смакахъ довела врешти до того, що воны обрыдлы одно одному и мусылы розійтысь. На счастя, дитей не було въ ныхъ. Джіаферъ тоди зитхнувъ вильнище. Веселый, гостынный, винъ любывъ товарыство и скоро зибравъ биля себе гуртокъ мо-

лоди бильшъ поступовои та й одводывъ тамъ душу. Зъ Рустемомъ спрыятелювався особлыво. Выгнаный батькомъ, Рустемъ навить вкинци оселывся у ёго. Натура глыбока, суцильна, Рустемъ, хочъ молодшый, мавъ вплывъ на свого товарыша: той ёго слухавъ та мало-по-малу втягався у роботу гуртка.

Сёгодня Джіаферъ бувъ лыхый. Зъ спектаклемъ, вже зовсимъ готовымъ, щось не ладылось. Джіаферъ надававъ ёму велыку вагу, бо ця новына для Бахчисарая безперечно выкличе багато всякыхъ розмовъ, зворушыть думку, особлыве черезъ те, що малы выставляты Рустемову пьесу, въ якій зачеплено такъ багато болючыхъ сторинъ мусульманського жыття. Все вже готове, и ось теперъ несподивани перешкоды.

Проте Джіаферъ не перестававъ клопотатысь биля вечери. Въ кухни вже щось шкварчало. Винъ самъ поставывъ на стилъ свій любымый коньякъ. Винъ не крывся, що вжывае забороненый трунокъ. Огрядна постать Джіаферова, вся въ чесучи, одкрытый румяный выдъ зъ горбатымъ носомъ, прывитна усмишка сирыхъ очей немовъ веселылы освитлену хату. Та гостей щось не було. Ну, Рустемъ—той не швыдко поверне зъ роботы, бо кавьярню замыкано пизно. Але щожъ други? Наче въ одповидь на це застукано до дверей и увійшовъ Абдураимъ, молодый мектебдаръ (народный учытель), шкильный товарышъ Рустемивъ, сухый, схорованый, жовтый, а за нымъ ще двое молодыхъ софтъ [1]).

Не встыглы гости прывитатысь зъ хазяиномъ, якъ у дверяхъ зъявывся видомый на весь городъ эфенди Мустафа, у чорній визитци, рябому лейбыку, завишаному брелёкамы, та зъ закрученымы вусыкамы на блидому выду. Тонкый, верткый, высмоктаный, винъ говорывъ якымсь надирванымъ голосомъ и безъ потребы сміявся. «Ну, чого сей прылизъ?»—скрывывся Джіаферъ, выдымо нерадый.

— Ха-ха!—сміявсь Мустафа, и кытыця на фези въ нёго метлялась.—Дамы наши прогналы мене. Марія Петровна и Ольга

---

[1]) Софта—семинарыстъ.

Иванивна. Прыходьте, кажуть, пизнище... пидемо въ садъ... pour passer le temps... весело буде... ха-ха!..

И за кожнымъ разомъ, колы вымовлявъ зъ неможлывымъ акцентомъ французськи слова, повертавсь на вси бокы та позыравъ на прысутнихъ.

Эфенди Мустафа развалывся на стильци и заразъ почавъ росповидаты дрибни новынкы, яки займалы ёго товарыство. Винъ дуже чванывся тымъ, що бувавъ у полицмейстра, нотаря та начальныка почты, хочъ тамъ зъ ёго сміялыся та гордувалы нымъ.

Розмова чогось не клеилась.

Абдураимъ бильше мовчавъ або прытакувавъ, Джіаферъ выдымо нетерпелывывся, очикуючы Рустема, а софты уважно розглядалы альбомы.

Колы врешти показався Рустемъ, Джіаферъ вразу налетивъ на нёго.

— Знаешъ, яка непрыемнисть. Белялъ зрикся оддаты намъ шопу пидъ театръ. Послухавъ репетицію и сёгодня прынисъ свою одмову.

— Черезъ що?

— Боиться... Небезпечне, каже, дило; що люде скажуть...

— Щожъ теперъ діяты? Доведется шукаты десь инде.

Рустемъ бувъ дуже стурбованый.

— Вы такы думаете выставляты пьесу?—обизвався Абдураимъ.

— Конче. Або що?

— Я бъ не радывъ цёго робыты. Вы высміюете въ ній наше духовенство... занадто гостро ставыте жиночу справу.

— А ты думаешъ, що це шкодлыво?—глянувъ на ёго Рустемъ.

— А вже жъ шкодлыво... Нашъ народъ держытся покы що ислямомъ, слухае своихъ имамивъ и поважае ихъ. А вы хочете зруйнуваты ёго свитоглядъ, ёго виру, хочъ замисть того ничого ривноцинного не даете ёму... Народъ треба ранійшъ пидготуваты... Дайте ёму перше добрый мектебъ, видповидно новымъ педаго-

гичнымъ вымогамъ, зробить ёго пысьменнымъ, дайте коранъ на татарськiй мови, бо арабськои винъ не розумiе й черезъ це темный...

— Чекай, чекай!—захвылювався Джiаферъ.—Мектебъ—дило добре, та нымъ всёго не зробышъ... Ты кажешъ—ислямъ, коранъ. А коранъ каже, що жинка ныжча одъ мущыны, що вона тильки для нёго й сотворена, що iи можна быты... У насъ жинка въ неволи, закутана, якъ маграмóю [1]), нашымы жъ забобонамы, темна, безправна... Iи треба вывесты на шляхъ культуры, зривняты въ правахъ зъ мущыною...

Слово «культура» було любымымъ словомъ Джiафера, яке ёго трохы пьяныло, одъ якого очи въ нёго почыналы блыщаты и ёму робылося тепло.

Эфенди Мустафа вмишався въ розмову: наморщывъ чоло и оддувъ губы.

— Ще Бокль напысавъ кныжку «Про залежнисть жинкы». Жинка, каже Бокль... жинка не повынна залежаты одъ чоловика... ха-ха!.. Laissez faire, laissez passer!.. Вы подывится на нашу татарку: нигти нафарбувала, спустыла до пьятъ штаны, закуталась, якъ та копыця... Брр!.. Отъ наши дамы... Charmant!..

Винъ заскакавъ на стильци, ажъ кытыця одъ феза на ёму заметлялась и забрязчалы брелёкы.

Рустемъ поглянувъ на нёго зъ злистью.

— Милль, а не Бокль... Ничого Бокль такого не пысавъ.

— Ахъ, pardon!

— Не мектебы поможуть нашiй видсталосты, звернувся Рустемъ до Абдураима,—бо що зъ того, колы народъ чытатыме байкы про святого, якый по смерты бижыть зъ головою по пидъ пахою, а справжня наука—боротьба зъ темнотою. Муллы держать народъ въ темноти, бо имъ се выгодно... Муллы затримують поступъ, той свитлый день, що сяе вже европейськымъ народамъ. Проты ныхъ и треба боротыся... Намъ треба будыты думку... Треба показаты, якъ жывуть други народы, що воны не невирни,

---

[1]) Маграмá—жиноче покрывало.

а старши браты, треба будыты свидомисть... Бида, що насъ мало, роботы багато, а ворогивъ ще бильше... Ну, та поборемось. Будемо творыты литературу, организуваты интеллигенцію, мійську и сильську, вызволяты жинку зъ неволи... Покажимъ народови, хто ёму ворогъ, хто другъ... Отъ европейцямъ—тымъ легше: у ныхъ жинка товарышъ, помишныкъ мущыни, а въ насъ... Ну, я васъ пытаю, чы багато знайдется нашыхъ татарокъ, щобъ зважылысь прылюдно хочъ бы одкрыты лыце, або навчылысь пысаты?.. Колы я одружусь...

— Не зразу, не зразу,—гамувавъ Абдураимъ: треба рахуватыся зъ тымъ, що батьки нашы жыви ще, що народъ правовирный... Не знаю, чого вы нападаете на islamъ Его тильки погано розуміють .. Коранъ треба толкуваты не такъ, якъ доси, а видповидно новымъ дослидамъ наукы. Тоди одпаде усе те темне, проты чого обурюетесь. Про це вже пысалы и Касумъ Эминъ и Сами-бей.

— Давайте намъ литературу. Давайте Байронивъ, Шекспирывъ, Гете!.. й мы станемо поручъ изъ другымы, мы увильемось въ симью культурныхъ народивъ,—крычавъ Джіаферъ, загритый суперечкою.

— Якъ будуть у насъ нови мектебы, колы матымемо багато освиченыхъ учытеливъ—мугали́мивъ, тоди у насъ все буде, не заразъ, а буде, стоявъ на своёму Абдураимъ, и ёго вынысченый й заляканый выдъ, зъ выразомъ затятосты та обмеження, навить крывывся.

— Панове, ну, що вамъ мужыкъ? Вѣдь это Горьковскій типъ... Ха-ха!.. Де наша татарська интеллигенція? У насъ нема іи. Отъ подывиться: у русскихъ—нотаръ, дамы, начальныкъ почты... Tout le monde! Циле товарыство. Це я розумію, а мужыкъ... Ха-ха!..

— Отъ, ій Богу, я вирю, що людына походыть одъ малпы!—сміявся Рустемъ, миряючи окомъ эфенди.

Але той немовъ не розумивъ и тильки сміявсь, такъ ёму подобалась та вильна думка.

— Знаете, messieurs, Спенсеръ бувъ великый ученый, ёму можна повирыты!.. Ха-ха!..

Розмова де-дали ставала палкійшою. Софты булы на боци Рустема. Гости загрились суперечкамы и середъ дыму папиросъ та выпаривъ кавы знявся такый гармидеръ, що нихто гараздъ не розбиравъ, хто за кого й за що стоить.

Джіаферъ гаряче обороняв̀ъ потребу оригинальнои литературы та перекладивъ европейськыхъ пысьменныкивъ. Татары мусять знаты, якъ и чымъ жывуть европейци, яки въ ныхъ идеалы, яки напрямкы.

— Выробляйте литературну мову, спильну для всихъ татаръ... Годи намъ говорыты на рижныхъ мовахъ. Се анормально, що крымській татарынъ погано розуміе те, що пыше казанській, а пысьме́нныка зъ Тифлису не вси можуть чытать въ Оренбурзи, або въ Баку... Спильна литературна мова и сыльна, въ европейському дуси литература—отъ мій девизъ!..

— Не забувай, що мы вже робымо де що въ такому напрямку,— гарячывся Рустемъ.—Згадай, що було литъ двадцять передъ сымъ! Опричъ аль-корану та ёго коментаривъ, народъ ничого не знавъ. А теперъ по нашихъ селахъ не ридко знайдешъ простыхъ свидомыхъ татаръ. Воны знають, хто воны й чого хотять...

— Овъ, чы багато такыхъ!—крычавъ Абдураимъ.—Не буде багато, покы въ насъ будуть старосвицьки мектебы зъ допотопными методамы, покы не переробыть всёго учытель...

Середъ гамору й крыку нихто не помитывъ Бекира. Молодый хлопець прычаивсь за порогомъ й зъ цикавосты высунувъ голову въ двери. Потому насмилывся, переступывъ поригъ и, пидобгавшы ногы, сивъ доли въ куточку. Винъ весь обернувся въ увагу, очи въ нёго блыщалы, а вуха, червони й велыки, ще бильшъ настовбурчылысь, немовъ боялысь пропустыты хочъ слово зъ розмовы.

— Ты чого тутъ?—помитывъ ёго Джіаферъ.

— Та... я до Рустема... Ничого, нехай потому,—благавъ винъ, немовъ боявся, щобъ ёго не прогналы.

— Вставай, Бекире, сидай зъ намы до гурту,—клыкавъ Рустемъ.

— Ни... ни... мени и тутъ добре...—мотавъ головою Бекиръ, засоромленый вкрай та весь червоный.

— Онъ сыдыть Азія доли и не хоче встаты на ногы! — сміявся Джіаферъ середъ загального реготу.

— А мы іи зведемо, посадымо на европейськый стилець.

Але цее було не легко. Азія соромылась и ни за що не хотила розигнуты пидобганыхъ нигъ.

Такъ и лышылась въ кутку.

Тильки колы зновъ знялась розмова про освиту жинокъ, Бекиръ весь стрепенувся и навить вставъ.

— Э-э... розуміешъ...—заикнувсь винъ, пророкъ не такъ казавъ... Я навчу жинку пысаты, а вона мене зрадыть... Напыше до другого: прыходь (хай лежыть слово мое пидъ каменемъ)... И буде тому гирше, а нижъ бы наився болота... Грихъ буде, зле... Ч-чортъ ёго знае! Магометъ давъ законъ... Держы ёго, покы не вмрешъ. А такъ—ни, зле.. Ч-чортъ ёго знае...

Бекиръ хвылювався, заикавсь и червонивъ.

— Ты не ривняй жинкы до чоловика... Аллахъ, якъ творывъ чоловика, то сказавъ ёму дывытысь въ небо, а жинци—въ землю... Такъ все на свити:—що краще—мущына, що гирше—жинка. Лито—мущына, а зима жинка... День зновъ—мущына, а ничъ жинка... Не дурно-жъ поклавъ такъ Аллахъ... Ч-чортъ ёго знае...

И винъ розводывъ рукамы та блыскавъ очыма, щыро дывуючысь Алахови, що все такъ мудро росклавъ.

Гости сміялысь.

Тильки эфенди Мустафа зразу надувся. Ёго ображало, що якыйсь наймытъ, бидный мищанськый парубокъ, встрявъ до розмовы, якъ зъ ривнымы.

Винъ раптомъ вытягъ годынныкъ та забрязкавъ брелёкамы.

— Ой-ой!—заверщавъ винъ: а мои дамы чекають... Марія Петровна и Ольга Иванивна... Ха-ха!.. Adieu, messieurs!

Заметлялась кытыця на фези, брязнулы брелёкы, мыгнувъ рябый лейбыкъ—и эфенди счезъ за дверыма.

— Ну, на що ты клыкавъ ту малпу?—обурывся на Джіафера Рустемъ.

— Хто ёго клыкавъ? Самъ влизъ, якъ скризь и завжды. Винъ тежъ, бачъ, стоить за культуру.

По виходи эфенди всимъ стало легше. Навить Бекиръ насмилывся и сивъ на стилець.

Розмова велась вильнище. Смилыви речи Рустема, найбильшъ гарячого та поступового, розворушылы всихъ. Бекиръ уперше чувъ таки речи, гришни, зухвали, и бувъ прыголомшеный ными. Винъ боронывся, стоявъ на своёму, упертый, немовъ ослюкъ, и мало не плакавъ, колы мицни, здавалось, якъ муръ, основы старои виры хыталысь и падалы пидъ новымъ словомъ. Се просто не мистылось въ ёго голови. Очи въ нёго горилы безсылымъ гнивомъ, а вуха свитылысь немовъ рожеви мушли.

Гости розійшлысь пизно, а Рустемъ зъ Джіаферомъ все ще велы розмову. Рустемъ турбувався. Що значыть, що й доси не дають ёму школы? Ёму хотилось пожыты та попрацюваты ще на сели, мижъ сильскимъ людомъ, а тутъ винъ мусыть гаяты часъ та подаваты въ кавьярни каву. Не на те жъ винъ скинчывъ медресé, дванадцять литъ бувъ софтою.

Червоный досвитокъ глянувъ у загратовани викна, колы воны скинчылы розмову. Лягаты було вже не варто. Рустемъ выйшовъ на вулыцю, щобъ освижиты голову, и ёго стрилы перши проминня сонця. Въ долыни лежавъ Бахчисарай, що хвылювавъ, якъ море, рожевою черепыцею. Ще сыни абрикосы дрималы на билыхъ стинахъ, а лисъ минаретивъ, залытыхъ сонцемъ, здіймавсь до неба, якъ праведни души. Тыхо ще було. Та ось на минаретахъ, одынъ за другымъ, зъявылысь муэзины, якъ чорни духы тыхъ билыхъ вежъ, и прыклавшы побожно рукы до вухъ, збудылы тышу жалибнымъ спивомъ. Высоко, надъ соннымъ мистомъ, неслася дыка музыка, якъ передсмертни рыдання гришныхъ, й лупала по рудыхъ скеляхъ, ще темныхъ й холодныхъ...

А сонце вставало.

Спектакль такы одбувся. Надаремне Джіаферъ бигавъ по мисту, шукавъ будынку пидъ сцену, ёму не вдавалось ёго знайты. Одни одмовлялы, боячысь тои не зовсимъ безпечнои выгадкы, у другыхъ шопы булы тисни и невыгодни. Джіаферъ мусывъ купыты дощокъ та поставыты сцену у своему садку. Народу зибралось дуже багато, чого нихто не сподивався. Йшлы ремиснықы, робочи, купци и навить хаджи, бажаючы на власни очи побачыты, якъ далеко сягнула смилывисть Рустема, до чого дійшлы грихъ та роспуста.

На другый день весь Бахчисарай ажъ клекотивъ. По всихъ кавьярняхъ, крамныцяхъ и навить на вулыци тильки й розмовы було, що про Рустема. Сотни правовирныхъ повторялы ёго ймення, оповидалы, дилылысь вражиннямы, судылы. Найбильшъ хвылювало те, що въ пьеси осміяный бувъ мулла, темный вызыскувачъ народу, якый цилкомъ не розуміе духу исляму та дбае тильки про свій «закя́тъ»—десятыну. Уси одразу пизналы въ нёму видомого въ городи вплывового муллу Ибрагима. Змистъ пьесы, окремыхъ подій—переходывъ изъ устъ въ уста, зминявся, розвывавсь та зроставъ у легенду. Хаджи ажъ скреготалы зубамы. Колы жъ се выдано! Въ тому мерзотному твори дочка богомильныхъ батькивъ, забувшы давни звычаи й законъ Магометивъ, скризь безсоромно ходыть зъ открытымъ лыцемъ, допомынается правъ, добывается освиты и заганяе батька у домовыну. А іи коханець бунтуе народъ. Се жъ вже роспуста! Винъ хоче зробыты гяуривъ зъ усихъ правовирныхъ! Винъ самъ невирный та бейнамазъ!..

Вси жалкувалы муллу Смаила, що мавъ на старисть таку потиху зъ сына.

Тихого Абибулу не можна було пизнаты. Скризь бигавъ и скризь пидъюжувавъ. Збиравъ правовирныхъ и навить казавъ, що забыты Рустема не грихъ. Краще хай гыне одна душа, а нижъ народъ.

За те молодь була цилкомъ захоплена, зворушена. Збиралась гурточкамы и сперечалась. Стари й правовирни кыдалы на неи недобрымъ окомъ.

Молодыхъ особлыво вразыло те, що сказавъ Рустемъ по спектакли. Въ своiй промови Рустемъ выяснывъ становыще мусульманъ, запедбанисть ихъ та темноту й заклыкáвъ до освиты, до европейськои культуры. Щось нове, не чуване, про що тильки догадувалысь та нышкомъ мрiялы, було сказано прылюдно, палко, зъ вирою—и выклыкало справжнiй выбухъ. На другый день Рустемъ не мавъ одбою одъ новыхъ знаёмыхъ, що стыскалы ёму руку, трипалы по плечахъ, хвалылы та прохалы кныжокъ.

Чутка про незвычайни подiи дiйшла и до Мирьемъ. Вже зъ лыхого настрою батька, зъ ёго бурчання, зъ окремыхъ фразъ—вона догадалась, що зъ Рустемомъ щось сталось. Але що? Сыдячи доли у своiй хати на повстянимъ кылымку, Мирьемъ ламала голову надъ тымъ пытаннямъ, не мала сылы спокiйно шыты. Трудно и нудно вышываты якись квиткы, колы серце таке не спокiйне. Кризь загратовани викна лылося свитло въ нызеньку хатыну, мыгтило на злотоглавахъ по стинахъ и лышъ дратувало. Тамъ, за мурамы, де воно сяло на воли, вси зналы, що сталось зъ iи Рустемъ, тильки вона, найблыжча до нёго истота, грызлась сумнымы думкамы у цiй старiй клитци.

Мирьемъ дывувалась. Николы перше, покы не знала Рустема, ся маленька хатына не була для неи тисною. Iй було добре й просторо, якъ у гнизди тепло, у сыхъ мурахъ, въ тисному подвирри. Тамъ днямы цилымы стоявъ холодокъ, дывылось сыне небо кризь выноградне лыстя й дзюрчала вода фонтана. Вона могла одъ рана до вечора поратысь биля квитокъ, що роскишно куцылысь помижъ каминнямъ, и зовсимъ не почувала тугы за свитомъ, за невидомымъ жыттямъ, що клыкало iи теперъ зъ-поза сыхъ билыхъ, высокыхъ стинъ. Колыбъ маты дизналась, що зъ нею робытся нынi, то певно сказала бъ, що то лыхый духъ—«джинъ» ввiйшовъ у неи, бо перестала вплитаты въ косы святи амулеты. Перше, у ти недавни часы, вона була счаслыва. Любыла свои кросна, зъ-пидъ якыхъ спувалысь довги рушныкы зъ чуднымы вызерункамы, втишалась тыхымъ теплымъ гниздомъ, выстланымъ кылымкамы та старымы грызетамы, обкладенымъ подушкамы по турецькыхъ канапахъ, любыла веселыхъ подругъ, колы воны зби-

ралысь на ла́фу[1]), та щебеталы, мовъ горобци коло зеренъ. Все не мынулось. Кросна стоялы сыриткою, хата здавалась темныцею, а весели подругы пустымы й темнымы. Своимы розмовамы та кныжкамы Рустемъ вкынувъ у душу іи нове зерно, що зросло тамъ якъ дерево, зацвило тугою, вродыло думы й нови бажання. Ій все хотилось знаты. Знаты, якъ жывуть люде, що воны думають, чого хотять, яки краи на свити, дерева, звири, якъ мисяць ходыть навкругъ земли. Нихто ій цёго не мигъ сказаты, тильки Рустемъ. Винъ тильки одынъ бувъ такый, що мигъ здійняты изъ виконъ граты, розвалыты муры та вывесты іи зъ ныхъ у ширшый свитъ. Вона тяглася до нёго, якъ квитка до сонця. И ось теперъ іи мучылы думкы, що зъ нымъ, яка нова прыгода трапылась ёму, що навить батько, мовчазный завжды, клепе ёго йменння та ходыть, якъ ничъ.

Мирьемъ одсунула роботу. Въ хати було душно и трудно дыхалось, нызька стеля гнитыла. Мирьемъ встала, поправыла свій рожевый фезъ зъ дукачамы и выйшла у двиръ. Вона не знала, що ій робыты, якъ довидатысь про Рустема. Чы не пійты куды? А може поспытать матиръ? Ни, маты теперъ готуе йисты и не любыть, щобъ іи заважалы, та й якось ніяково звертатысь до неи. Можебъ пійты куды?..

Тымъ часомъ вона безъ меты блукала стежкамы брукованого двору, якъ въ клитци, й сама не знала, що ій початы. Колыбъ хочъ Айше́ побачыты та передаты лыстъ. Та Айше певно ганяе десь по вулыцяхъ и іи трудно знайты. Раптомъ щось калатнуло въ фиртку. Чы не вернувсь Абибула? а може батько?

— Хто тамъ!—поспытала Мирьемъ.

— Ты вдома, Мирьемъ?

— А! Це Шерфе́!—зрадила Мирьемъ и побигла на зустричъ подрузи. Може вона що чула!..

Закутана въ биле, якъ прывыдъ, вскочыла у двиръ Шерфе́ и почала развыватысь. Гарна, чорноока дивчына вывынулась зъ

---

[1]) Бесида.

фередже́, немовъ метелыкъ изъ капшучка, и засміялась. Пры зведеныхъ чорною фарбою бривкахъ й румяныхъ лыцяхъ іи зубы блыщалы, немовъ намысто.

— А що! а що!.. ты гнивалась на мене завжды, колы я сміялась зъ Рустема, а теперъ воно й выйшло... А що!..

Мирьемъ поблидла.

— Що жъ выйшло?

— Моя маты така рада теперъ, що я не за Рустемомъ, така рада... Добре, каже, сталось... Ахъ, яки гарни квиткы!.. Де ты такыхъ дистала? Батько каже, що видколы жыве на свити, ще такого не було... Ты вже скинчыла вышываты рушныкъ? Колы бъ ты знала, я ёго бачыла...

— Кого?

— Що мене сватае. Винъ мае багато овець и гарный садъ. Прыходывъ до батька, а я зъ викна й зырнула. Гладкый, здорови вусы... Зъ села. Ну, я й не хочу... Далеко.

— А що жъ той... Рустемъ?

— Ахъ, Рустемъ!.. Ха-ха!.. Знаешъ, воны зъ Джіаферомъ поставылы изъ дощокъ буду... таку, въ якій тютюнъ сушать... Склыкалы людей—багато народу и не далы имъ йисты. Ха-ха!.. Ну, слухай... Джіаферъ посывивъ и ставъ муллою..., а Али перебрався за ёго дочку й забувъ певно надиты фередже́... Такъ зъ одкрытымъ лыцемъ и показавсь помижъ люде... Джіаферъ каже: закрый лыце, а Али каже: не хочу. Ну, певно, тожъ бувъ такы хлопець, а не дивчына. Джіаферъ сердытся, а Али плаче... А Рустемъ перекынувсь въ Халиля и забывъ чоловика... ха-ха!..

— Якъ! забывъ?—скрыкнула Мирьемъ.

— Ну, певно не влучывъ, бо на другый день бачылы того чоловика на вулыци. Йшовъ соби жывый и здоровый...

Винъ не забывъ!..

У Мирьемъ одійшло серце.

Ну, це ще не такъ страшно, що на Рустема розгнивалысь муллы та старши. Абы ёму ничого не сталось.

Шерфе не вгавала.

— А на кинци Рустемъ знову ставъ Рустемомъ и тоди казавъ людямъ, щобъ вси зробылысь гяурамы, наплювалы на Магомета та йилы свынину...

— Щобъ йилы свынину?

— Эге... ха-ха!..

Мирьемъ не вирыла. Це справди вже щось неможлыве. Ну, та хвала Аллахови, бида не така ще велыка.

Подругы посидалы по-пидъ фонтаномъ, и покы винъ спиваe имъ свои тыхи писни, воны жывылысь всякымы ласощамы, якыхъ Шерфе завжды носыла повни кышени.

— Шерфе!

— Що, Мирьемъ?

— Тоби николы не спадало на думку, що мы, жинкы, жывемо по хатахъ, якъ птахы въ клитци?

— Ни. Або що?

— Не вси такъ жывуть. Шырокый свитъ, а въ ёму бильше гяуривъ, нижъ насъ. У ныхъ жинка на воли, куды схоче—ходыть, съ кымъ хоче—говорыть...

— Воны жъ гяуры, а мы правовирни...

— Воны тежъ вирять въ Аллаха. У ныхъ жинци и до мечету можна, вчытыся можна... Ты не хотила бъ учытысь, все знаты, все бачыты...

— Ха-ха! Я вже учылась, якъ була малою. Доволи.

— То не така наука, якъ у мектеби. . Я часомъ сыжу и думаю... Слухаю, якъ бижыть оця вода зъ фонтана маленькымъ струмочкомъ... бижыть кудысь далеко, черезъ городъ, поле, черезъ лиса... така весела, жыва и бачыть рижни краи, всякыхъ людей, знае, куды сонце сидае на ничъ и звидкы встае мисяць... Я хотила бъ буты струмочкомъ.

— Ха-ха! Чудна! А мени добре й въ Бахчисараи.

— Знаешъ, я заздрю витрови. Якъ бачу, що винъ бижыть хутко, гне наши тополи, летыть надъ землею й спивае писню, я думаю: чомъ я не витеръ...

— Ха-ха! витеръ! Винъ тильки пылъ здіймае зъ дороги... Тоби скучно, то й думкы лизуть у голову... Ты вдома заседилась... подругъ забула. Чомъ не прыходышъ? Прыходь... Не довго може будемо вкупи. Певно такы виддадуть мене за того вусатого дидька, що мае вивци .. Ха-ха!..

— Що?

— Скучно мени буде за Бахчисараемъ. Тутъ мени весело, тутъ вси мои подругы... Ахъ, ты не бачыла; яку одежу пошыла соби Уми...

Шерфе запалылась й заторохтила, немовъ горохъ. Смихъ дзвенивъ въ горли, наче дзвиночкы. Въ одну хвылыну вона наказала стильки, що Мирьемъ ледве зибрала до купы.

Вона зацикавыла навить Мирьемъ.

Врешти зибралась до-дому. Схопыла фередже и влизла въ нёго, якъ въ шкаралущу. Тильки очи блыщалы мижъ билымъ полотномъ.

Лышывшысь сама, Мирьемъ заходылась пысаты лыста. Хочъ операція ся не зовсимъ безпечна, та теперъ се зробыть найзручнійше: мущынъ нема вдома, а маты готуе йисты. Мирьемъ вытягла каламаръ та клаптыкъ паперу зъ-пидъ софы и сила за лыстъ. Пальци въ неи не дуже слухалысь, слова розлазылысь на папери, якъ ракы.

«Хай тоби пошле радисть Аллахъ та мае въ своій опици,— пысала Мирьемъ. Ты мене десь не жаліешъ, Рустеме, що такъ довго не пышешъ. А я турбовалась, бо не знала, що тамъ зъ тобою. Тильки чую: бейнамазъ, а за що—не знаю. Теперъ пуста Шерфе розсказала про все, а мени такъ жалко, що не могла сама усёго бачыты. Отъ тильки не знаю, чы добре ты робышъ, що радышъ йисты свыныну. «Домузъ» створиння нечысте, и я ёго николы бъ не йила. Тежъ слава Аллахови, що ты не влучывъ та не забывъ чоловика. Може винъ и дуже розсердывъ тебе, та все жъ бытысь не слидъ. А мени зновъ бида трапылась. Не лякайсь, не велыка. Маты застала за твоимы кныжкамы и пожалилась батькови. А батько давно бувъ сердытый, що я не хочу посыты амулетивъ у косахъ. Винъ дуже сердывся и навить по-

бывъ мене. Кныжокъ не забравъ, бо я сховала. Я теперъ краще коваю и каламаръ»...

Стукнуло щось... почулысь крокы... Мирьемъ вхопыла шытво та накрыла пысання. Серце въ неи завмерло и очи поширшылысь... Зновъ тыхо. То певно прохожый пройшовъ по-пидъ викнамы.

«Велыку радисть мала учора,—пысала вона дали.—Абибула прынисъ цукоръ въ папери. Я прочытала той клаптыкъ. Тамъ пышуть, що наша «кызъ» (дивчына)—Бедріé—ханýмъ вчытся десь у велыкій школи. Хочъ я николы не буду така счаслыва, та радію за неи. Хай и мижъ нашымы будуть розумни жинкы. Бильше вже ничого не зрозумила. Выдко, що пысано не для дивчатъ»...

— Мирьемъ!..

Мирьемъ жахнулась. Схопыла й прыклала мокре пысання до серця. Десь маты клыче. Засунула швыдко пидъ софу вси прычындалы и кынулась зъ хаты.

Скоро вернулась. Вытягла зибганый лыстъ и зновъ пысала.

«Якъ мени душно, якъ мени тисно тутъ, колыбъ ты знавъ, Рустеме! Никому я тутъ не потрибна, бо я не хлопець, а «кызъ». Батько лышъ знае свого Абибулу, а за мене згадае тоди, якъ треба крычаты. Маты про те лышъ гадае, щобъ швыдче выпхаты замижъ. Прыходь, Рустеме, и заберы мене. Або скажы, я сама пійду до тебе. Отъ я не знаю, що вже говорю... Бувай здоровъ. За тебе благае Аллаха твоя Мирьемъ».

Въ кавьярни повно. Вси ляды—викна, одчынени настижъ, весело сялы у чорній питьми. Сызый дымъ люлёкъ вылитавъ зъ виконъ й, осяяный свитломъ, высивъ, якъ хмара. Безладный гамиръ, брязкъ филижанокъ, били чалмы, червони фезы й мицный духъ кавы. Дзвинкый смихъ гостей, вирили облыччя, лисъ цыбухивъ, вогныкы въ люлькахъ и брепкитъ струнъ—все це мишалось разомъ. Ляпалы карты грачивъ, блыщавъ мидный казанъ зъ чорнои печи, гралы вогнямы скляни картыны—весела Мекка, пышна Ме-

дина й велечный Стамбулъ. Брынькавъ веселый «са́нтеръ» [1]) й засыпавъ хату гомономъ струнъ. Кавярня блыщала у темряви ночи, якъ велыка лихтарня, гудила, якъ рій. Стрункый Бекиръ, въ одній сорочци, заголывъ рукы по ликоть, фезъ зсунувъ на тимья и бывъ по струнахъ зъ такымъ завзяттямъ, що не чувъ навить, якъ ёго клыкалы. Рустемъ вже самъ розносывъ каву. Поважни хаджи, зъ ногамы на нызькыхъ софахъ, зъ подушкамы пидъ бокомъ, смачно пахкалы зъ люлёкъ. Старый Сулейманъ, блидый якъ мрець, тильки блымавъ очыма. Въ кутку пывъ каву Абибула. Молодь кыдала косты и гучно сміялась. А Бекиръ гравъ. Бывъ струны, торсавъ, тупавъ ногамы, крутывъ головою, заплющувавъ очи—и пидъ буденни розмовы про цину фруктивъ або фасоли—тоненькый голосъ спивавъ про мылу, про мукы серця, фонтаны слизъ, тонки дивочи кискы.

Ахъ,—ти красуни!

Твои бровы гнутся якъ дугы,
А віи стрилы пускають,
Биліи груды крамныци одкрылы,
А щичкы медомъ торгують...

— Ха-ха!—реготала молодь и навить беззуби хаджи ховалы усмишку у били бороды.

Рустемъ бувъ счаслывый. Мирьемъ напысала, що готова пійты зъ нымъ хочъ на край свита. Отъ колыбъ тильки дистаты мектебъ—и винъ іи вырве изъ пекла. Воны будуть счаслыви. Винъ перестане служыты цымъ товстопыкымъ хаджамъ, що сыдять по канапахъ, важки й непорушни, немовъ мишкы зъ мукою. Винъ буде робыты любыме дило, готуваты нове поколиння до нового жыття. А тымъ часомъ жваво и зручно розносывъ дрибни филижанкы и вывся помижъ гостямы, якъ вьюнъ. Тому сказавъ слово, тамъ засміявся, встрявъ на хвылынку до гурту и зновъ варывъ каву.

---

[1]) Цымбалы.

Молодь зибралась въ окрему купку. Тамъ йшлы розмовы про недавній спектакль.

Якыйсь сильськый челядныкъ згадавъ про свого муллу. Той, якъ почувъ, що сталось въ Бахчисараи, то такъ налякався, що кынувъ правыты десятыну. Ще може зъ голоду згынуты.

— Рустеме, якъ згыне мулла зъ голоду, ты будéшъ одповидаты!—гукалы до нёго звидты.

— Овва!—свитъ не завалытся, якъ стане менче однымъ муллою!..

— Винъ буде годуватъ ёго диты...

— Ха-ха!—сміялась молодь.

— Не теперъ дастъ одповидь, то въ день останній,—заскрыпивъ Сулейманъ.—О! якъ затрубыть тоди сурма и прочытае Аллахъ кныгу въ ёго ливій руци! ..

И скынувъ злымъ окомъ на молодь.

Абибула правывъ сусидамъ про чудо.

Блиде облыччя свитылось въ нёго, немовъ при мисяци, а очи горилы одъ згадкы.

— Холодный витеръ повіявъ. Страхъ обнявъ душу... сыла Аллаха спустылась зъ неба... пидняла биле рядно и вставъ на ногы калика...

— Тц... тц...—цмокалы правовирни та хыталы побожно чалмамы.

— Дозвольте мени переризаты медомъ ваши слова,—ввичлыво заввернувся до нёго якыйсь молодыкъ зъ другого гурту.—Вы кажете—чудо. Отъ я жыву на свити вже скильки литъ, а чуда не бачывъ.. Та й нихто зъ насъ не чувъ про чуда. Чы тильки дервиши можуть бачыты чудо?

— Дывно мени,—озвавсь Абибула.—Якый ты мусульманынъ, колы въ чуда не вирышъ? А хиба жъ не було такъ, що Магометъ прылюдно росколовъ мисяць на дви половыны? Хиба не розмовлявъ пророкъ зъ ящиркамы, або не промовывъ до нёго зъ мыскы вже спеченый баранчыкъ?

— Га-га! колы се було! Теперъ не ти часы. Щось не трапляются чуда.

— У Бога усе можлыве...

— Алла икбе́ръ!—зитхнувъ Сулейманъ.

Розмова почынала усихъ цикавыты. Очи въ старыхъ блыщалы у хмари дыму, а позы немовъ набралысь руху. Молодь почала осмихатысь. Навить Бекиръ покынувъ сантеръ и настобурчывъ велыки вуха.

— Гей вы, невирни,—гукавъ Абибула.—Вы хочете чуда, колы вы наскризь зопсовани, немовъ червыве яблуко. Вы еднаетесь зъ невирнымы, зъ гяурамы... переймаете ихни звычаи и ихни думкы... Мы булы сыльни, покы державысь окремо, покы йшлы за пророкомъ... О, вирни, казавъ, пророкъ, еднайтесь тильки помижъ собою.. Вы любыте невирныхъ, а воны васъ не люблять. . Колы вамъ добре, воны засмучени, колы вамъ зле—воны радіють...

— Неправда, воны велыкый народъ, воны сыльнищи одъ насъ, бо розумъ у ныхъ дужчый, меншъ забобонивъ... Воны освичени... Годи цуратыся ихъ, намъ треба въ ныхъ взяты все, що мають краще... инши часы насталы...

Пиднявся зъ-за столу якыйсь правовирный, здоровый, якъ быкъ, пасунувъ на голену голову шапку и стукнувъ люлькою въ стилъ.

— А я кажу—роспуста!—гукнувъ винъ на всю кавярню.— Вы пьете горилку... Забулы Бога... мечеты пустують, скризь бейнамазы...

Очи въ нёго лизлы на лобъ й облыччя налылось кровью.

Уси схвылювалысь. Мертви фигуры хаджи ворухнулысь по софахъ и пересталы пахкаты зъ люлёкъ. Молодь була обурена. Уси крычалы.

— Вы темни... ваши муллы и ваши дервишы!—гукалы одни.

— А вы гяуры!..

— Вы держыте паридъ въ темноти, а мы бажаемъ розвою...

— Дозвольте, дозвольте! я хочу спытаты,—скрыкнувъ одынъ молодыкъ. Заворушывъ тонкымы вусамы й лукаво пидморгнувъ окомъ.—Скажить мени, чы правда, що хто почавъ якъ злодій, скинчыть якъ дервишъ?

Розлигся смихъ... Бекиръ звыщавъ и ляснувъ себе по стегнахъ.

— Ч-чортъ ёго знае...

Хаджи обурылысь.

Въ Абибулы тремтилы рукы и били уста безгучно ворушылысь.

— Стійте, стійте, чого вы сварытесь! я краще розскажу вамъ одну исторыю—гукнувъ Рустемъ.

— Кажы! кажы!..

Це зразу втышыло галасъ. Уси любылы послухать казку. Хто вставъ, зновъ сивъ на мисце. Забряжчалы посудою, засёрбалы каву й запахкалы зъ люлёкъ. Дымъ знявся пидъ стелю. Мекка и Медина загралы вогнямы. Правда, хаджи булы ще лыхи; недобрый вогныкъ не згасъ ще въ ихъ очахъ. Ну, що той гришныкъ роскаже?

Рустемови давъ хтось стилець. Винъ сивъ, обтеръ вуста, поправывъ фезъ и, злегка погойдуючысь, почавъ:

— Ну, слухайте жъ... У ти давни часы, колы казкамъ ще йнялы виры, якъ правди, колы верблюды булы ще блохамы, черепахы й жабы литалы у повитри, а минареты схылялысь до рички, щобъ напытысь воды, бувъ соби одынъ анатолійськый шейхъ. И трапылось такъ, що треба було когось послаты ёму въ далеку дорогу у пыльній справи. Клыче винъ до себе старого дервиша, дае ёму свого любымого осла и каже: «йидь, брате». Пойихавъ дервишъ и опынывся швыдко въ пустыни. Йиде и все соби думае, якъ бы ёму краще доглянуть осла. Бо той оселъ та бувъ любымчыкъ шейхивъ. Якъ схудне, або заслабне въ дорози, шейхъ буде гниватысь. То жъ дервишъ не йисть самъ, не пье. а доглядае осла. Поить ёго водою зъ михивъ, годуе, жалуе. Де важко йихаты, писокъ глыбокый—злазыть зъ осла, йде пишкы. Щобъ скучно не було ослови—зъ нымъ розмовляе. Все дума догодыть шейхови и ёго любымчыку. Себе не жалуе. Стане на ничъ пидъ пальмамы, всю ничъ не спыть—все пасе ослыка. Тильки про те й думавъ старый. Та якъ не глядивъ, якъ не старався—сталась прыгода: заслабъ оселъ въ пустыни та й здохъ. Лежыть

на жовтимъ писку, вытягнувъ ногы, вышкирывъ зубы, а волохатый жывитъ—такъ якъ гора. Сивъ надъ нымъ дервишъ та й плаче: ну, якъ я зъявлюся передъ шейхови очи? Що ёму скажу? Чы я жъ не беригъ ёго, мовъ ридного батька, якъ власну дытыну, не поивъ, не годувавъ, не жалувавъ? Не повирыть шейхъ, скаже, що я въ тому вынепъ. Тай справди хорошый бувъ ослыкъ, людяный, смырный, слухняный. Жалко скотыну, такъ жалко, мовъ брата. Плаче невтишно дервишъ, лье слёзы на жовтый писокъ, рыдае. Не йисть, не пье, не шукае розвагы.—Ажъ ничъ настала. Зійшлы велыки зори, блыщыть, якъ срибло, писокъ, билиють далеки горбы... Сыдыть на писку дервишъ у велыкій роспуци, а коло нёго чорніе тило осла, немовъ нечысте сумлиння. Вже й сонце сходыть, день настáе. Бачыть нашъ дервишъ, що нищо не поможе, биды не поправышъ. Выпорпавъ яму, поклавъ осла, засыпавъ пискомъ, сивъ надъ могылою й плаче. Плаче й не може спыныты слизъ, що такъ и льются на гарячый писокъ. Колы такъ згодомъ надходыть якыйсь караванъ. Ревуть верблюды, летыть хмара писку, мотаются горбы верблюжи. Побачывъ отаманъ, що щось чорніе въ пустыни, спынывъ караванъ. Пидходыть, ажъ тамъ сыдыть билобородый дервишъ надъ свижою могылою й плаче. Вклонывся отаманъ. «Чого такъ плачешъ не втишно, старче?»—пытае.—Якъ же не плакать, эфéндимъ, якъ не вбыватысь... Умеръ... Ще вчора жывый бувъ, здоровый, а ныни лежыть, захованый въ землю...—Й заплакавъ сыльнище, бо людськый голосъ вытыснувъ зъ серця ряснищи слёзы.—«Не плачъ, чоловиче Божый... потишся. Усе жывуще мае однакову долю, все, що жыве—мусыть врешти померты»... потишае отаманъ.—Пидійшлы купци зъ каравану, роздилылы горе старого, потишылы ласкавымъ словомъ, а врешти проказалы молытву надъ гробомъ, хто кынувъ гроши на свижу могылу, хто хлиба для старця—й пойихалы дали. А дервишъ усе сыдыть на тому жъ мисци, сумный, невтишный, не знае, якъ повернуты до шейха, занесты вистку про несчаслыву долю осла. Вже й другый караванъ надходыть. Пытають, що сталось.—Ой, поховавъ... одказуе дервишъ... отъ тильки сёгодня пискомъ засыпавъ... И показавъ рукою на свижу могылу, говорыты не може за слизьмы та жалемъ...

Рустемъ урвавъ и обвивъ слухачивъ окомъ. Вси булы скуплени та зацикавлени. Чорна кава стыгла у филижанкахъ, сыни струмочкы дыму липыво здiймалысь зъ люлёкъ и прычаився жаръ въ печи пидъ сывою шапкою попилу. Бекирови очи горилы, якъ дви жарынкы, червони вуха свитылысь, якъ мисяць на сходи.

— Ну,—почавъ знову Рустемъ,—побачылы ти, що на могыли гроши, десь певно недурно люде ихъ наскыдалы, поклалы й свою частыну до купы, наскыдалы старому харчивъ, лышывъ хтось рушныкъ, щобъ бидный дервишъ въ пустыни мигъ до намазу умыты рукы, й подалысь у свою путь. А дервишъ лышывся. Сыдивъ винъ день, сыдивъ винъ другый въ глыбокiй жалоби, вкинци заспокоився трохы и думкы обсилы стару ёго голову.— Чы варто вертатысь до шейха? Та й зъ чымъ вертатысь? Дила не справывъ, оселъ пропавъ... Тильки розсердышъ шейха. Чы не краще лышытысь на мисци? Тутъ iе погано. И гроши складають, харчи йому звозять. Йе зъ чого жыты. Хай шейхъ подума, що винъ збывсь десь зъ дорогы, пропавъ. Подумавъ дервишъ, подумавъ—та й залышывся. А тымъ часомъ пишла по свитахъ чутка, що у пустели сыдыть надъ могылою святого убогый дервишъ и плаче зъ горя, а та могыла й святый новитнiй роблять велыки чуда. Слабымъ вертае здоровья, сумныхъ потишае, навить мертвымъ даруе жыття. Почалы звидусюды зйиздытысь люде, почалысь молытвы надъ ослячымъ гробомъ и справди дiялысь чуда. Дервишъ зибравъ грошей сылу сыленну и забагативъ. Збудувавъ надъ могылою пышне тюрбé, укрывъ могылу дорогымъ оксамытомъ. Ба, незабаромъ и самъ ставъ видомымъ шейхомъ, поставывъ теке́, прыйнявъ дервишивъ та вславывся врешти ще бильше, а нижъ той шейхъ, якого покынувъ...

Рустемъ мусывъ спынытысь. Мертви фигуры хаджи заворушылысь; якыйсь невыразный гоминъ розлигся въ кавярни. Люлькы задымилы, якъ дымари, а чорни очи спахнулы, якъ вовчи.

Та, разъ почавъ, треба кинчаты. Рустемъ вивъ дали.

— Мынуло такъ щось килька рокивъ. Отъ разъ йиде той старый шейхъ, въ якого колысь пропавъ оселъ та дервишъ. Ста-

рый вже, ажъ билый. Навколо ёго прости дервиши. Бачыть, стоить въ пустели теке́ й пышне тюрбе́. Захотилось ёму перепочыты у брата—шейха, та поклопытысь могыли святого Завернувъ, входыть, оддавъ «селя́мъ», вклонывсь могыли—колы зыркъ, а передъ нымъ ёго давній дервишъ, що пронавъ колысь безъ висты въ дорози.—«Ты що тутъ робышъ?—здывувався випъ. Ты чому не вернувся до мене?—Ой, шейху ясный, я все розскажу, ходимъ тильки звидсы до мене въ господу.—Завивъ до себе, посадывъ на почесному мисци и розсказавъ усе, якъ було. Якъ пропавъ у дорози оселъ, якъ винъ сумувавъ та боявся вернутысь до-дому, якъ люде скыдалы гроши та молылись на могыли покійного.—Я имъ забувъ сказаты, що поховавъ тамъ твого осла. Ну, якъ почалы даваты гроши, я и подумавъ: нехай дають.. А оце незабаромъ збирався йихаты до тебе зъ подарункамы, бажавъ покаятысь. Та одно мене мучыло тильки, отче святый: якъ тоби скажу, що люде молылысь на могыли осла?—мало не плакавъ дервишъ.—Тоди старшый шейхъ осмихнувся у билу бороду, поклавъ свою руку на руку дервиша, наблызывсь до ёго вуха и лагидно мовывъ:—«Не турбуйсь, брате, хай тоби стане видомымъ, що пидъ нашымъ славнымъ тюрбе́ похованый цидъ сёго осла».

— Ха-ха-ха!—выбухла молодь голоснымъ смихомъ. Але въ той регитъ увиллялось щось гризне, негармонійне, немовъ далекій гримъ. Наче хмара навысла въ кавярни. Посуда вразъ брязнула, стукнулы люлькы объ стилъ, облыччя скрывылысь зъ гниву. Щось лыховисне було въ гарячимъ повитри кавярни и навить Мекка й Медина злорадо загралы вогнямы. Отъ-отъ щось буде. Се вси почувалы.

Высокый татарынъ, здоровый якъ быкъ, вытрищывъ очи й поводывъ нымы навколо, немовъ збиравъ по облыччяхъ ужынокъ гниву. Урешти скочывъ. Зирвавъ зъ головы шапку и грымнувъ нею объ землю.

— Собака!

Той крыкъ захрыплого горла покрывъ загальный регитъ та гвалтъ.

Рустемъ звився на ногы.

— Чого вчепывся? Не хочешъ слухать—не слухай...

— Винъ такъ росказавъ, якъ стоить въ казци!—крычала молодь.

— Брехунъ! гяуръ! гришныкъ!—хрыпилы старши.

Уси схопылысь, щобъ зупыныты бійку. Та було пизно. Татарынъ стоявъ вже передъ Рустемомъ, сердытый, розъюшеный. Ёго голова, голена й кругла, немовъ кавунъ, здіймалась надъ всимы, а жылы на вьязахъ булы напружени й груби, наче мотузкы.

— Гяуре. выгнаный батькомъ!—крычавъ татарынъ —Ты зважывсь сміятысь зъ правои виры, зъ нашыхъ святыхъ!..

— Геть!—скрыкнувъ Рустемъ и схопывъ въ рукы стилецъ.

Кровъ зашумила ёму въ голови. Винъ вже добре не тямывъ, що було дали. Знавъ тильки, що ёго бьють и що винъ бье. Не чувъ кругъ себе крыку, не бачывъ гризныхъ очей, лизъ просто на нижъ, слипый, завзятый, сьпянилый—зъ однымъ бажанніамъ перемогты.

— Тутъ рижуть! вбывають!—крычалы въ кавярни, и биглы на крыкъ той зъ вулыци люде.

Трудно було протыснутысь. Пидъ натовпомъ люду трищалы столы, звенило скло. Одни намагалысь спыныты бійку, а други рвалысь до бою. Насылу розборонылы.

Блидый, росхристаный Рустемъ ледве стоявъ. Винъ хотивъ врешти выйты зъ кавярни. Зробывъ килька крокивъ, хытнувся и раптомъ схопывсь за бикъ. По пальцяхъ сплывала кровъ.

— Кровъ! Забылы людыну!—хтось крыкнувъ.

Бекиръ зъ цикавистю й жахомъ дывывсь Рустемови въ очи.

— Швыдче до-дому... прохавъ Рустемъ.

Кынулысь клыкать фіакра... По чорній вулыци розлигся крыкъ... Заторохтилы колеса... Зъ червоныхъ виконъ летивъ у пітьму гвалтъ и метушылысь въ кавярни люде, якъ на пожежи...

Тыхо поплывъ фіакръ зъ Рустемомъ крывымы вулыцямы. Чорни домы лежать зъ обохъ бокивъ, якъ скели... Немовъ не городъ, а ричка, темна, глыбока... Плыве по ній човенъ... плывуть минареты, мовъ били щоглы... хвыли гойдають Рустема... скачуть,

якъ въ танци, зори, ростуть, зныкають... Такъ чудно, такъ дывно... Чы сонъ—чы дійснисть? Рустемъ не мигъ розибраты...

Джіафера не було вдома, колы прывезлы Рустема. Винъ почувъ сёгодня непрыемну повыну: эфенди Мустафа зъ певныхъ джерелъ дизнався, що Рустемови не дадуть школы, бо вважають ёго небезпечнымъ—и переказавъ про це Джіаферови. Джіаферъ дуже стурбовався и пишовъ трохы пройтысь та обдуматы на самоти, якъ бы про це сказаты пріятелеви, щобъ не дуже ёго засмутыты. Повернувшы до-дому, винъ здывувався, колы побачывъ въ хати незвычайный рухъ та чужыхъ людей. Бекиръ сыдивъ карячкы биля дверей и дывывсь наляканымы очыма на видомого въ городи ликаря, що нахылывсь надъ Рустемовымъ лижкомъ. Якыйсь татарынъ бигавъ по хати, носывъ щось, переставлявъ. Що сталося? Бекиръ заразъ схопывся на ногы и почавъ жваво оповидаты прыгоду, вымахувавъ рукамы, запынавсь и безперестанку повторявъ свое любыме «ч-чортъ ёго знае». Джіаферъ на сылу розибравъ.

Караимъ—ликарь врешти скинчывъ роботу и повернувъ до Джіафера свое блиде облыччя, ледве помитне зъ-пидъ шапкы кучеривъ.

— Ничого, ничого, за два тыжни хочъ весилля гуляй—хай останне впаде на твою голову, якъ у васъ кажуть,—кысло шуткувавъ ликарь, и кутыкы устъ не пиднималысь въ ёго, а опускалысь.

Зъ лижка осмихався блидый Рустемъ.

— Ну, конче треба було когось дратуваты, пидійшовъ зъ докоромъ до ёго захмареный Джіаферъ.

— Э, пусте! ликарь каже, що нижъ злизъ неглыбоко. Мени ничого.

— Ахъ, Рустемъ! молодець, ій-Богу! пидбигъ Бекиръ.—Колы бъ ты бачывъ, якъ винъ ёго бывъ... Стильцемъ... по голови...

Очи въ Бекира засялы одъ захвату и винъ зробывъ рукамы рухъ, немовъ збиравсь роcколоты Джіаферови голову.

Чужи пишлы, але зъ Бекиромъ трудна була рада: винъ уперся, якъ цапъ, и лышывсь на ничъ. Скулывся доли биля порога и що хвылыны скакувавъ—заспаный, паляканый и торопленый, хочъ ёго помичъ не була потрибна.

Рустемъ поправлявся. Ёго одвидувалы товарыши, галаслывый жвавый гуртокъ, якый уважавъ рану Рустемову почесною, бо винъ диставъ іи у боротьби изъ забобонамы. Крычалы, смiялысь, накурювалы въ хати и дратувалы Рустемови нервы. Бекиръ корыстувавсь зъ кожнои вильнои хвылыны и прыносывъ слабому свижи новыны зъ вулыци, пидслухапи розмовы, дрибни подіи дрибного жыття крамаривъ и кумедно показувавъ, якъ муллы перебирають чоткы, а тымъ часомъ вынюхують, що въ кого йе, щобъ узять десятыну. Мулливъ и дервишивъ винъ зразу зненавыдывъ.

Разъ надъ вечиръ, колы Рустемъ мигъ вже сыдиты на лижку, до ёго прыйшовъ несподиваный гисть—дядько Абдула́, грубый, дыхавычный, старый хаджи. Рустемъ мало знавъ дядька, бо мулла Смаилъ не у велыкій згоди жывъ доси зъ братомъ.

Хаджи Абдула долго мовчавъ, видсапувавъ та гладывъ долонямы бороду.

Старый почавъ жалытысь на недугы и старисть, а потому звивъ свою мову на роспусту и зневирря сучаснои молоди. Якъ крается батькивське серце, колы у правовирній родыни шайтанъ посіе незгоду! Батько кинчае свій викъ, а сынъ почынае. Сынови легше скорытысь. Такъ навчае пророкъ и такъ повынно буты. Бидный мулла Смаилъ! Винъ схудъ и що-дня мые слёзамы бороду. Винъ радо простягъ бы рукы до гришного сына, колы бъ той прыйшовъ до нёго изъ чыстымъ серцемъ. Хаджи Абдула сапавъ, харкавъ, плювавъ и зовсимъ втомывся одъ довгои промовы.

Ёго слова зворушылы Рустема. Жаль стало батька. Винъ щыре хотивъ бы зновъ поеднатыся зъ нымъ, та якъ? Якою цыною? Що треба зробыты?

Хаджи Абдула мавъ вже готови умовы.

— Залышы свои думкы. Покынь небезпечну роботу и свое товарыство, и батько забуде все давне.

Рустемъ замотавъ головою.

Ни, винъ цёго не може зробыты й не зробыть. Винъ мигъ бы вернутысь, колы бъ батько прыйнявъ ёго такымъ, якымъ винъ йе.

Хаджи Абдула зъ тымъ и пишовъ.

Даремне тилькы трудывъ свои стари косты та важке тило.

Рустемъ лышывся самъ. День гасъ, и викна сирилы. Хата швыдко сповнялась мягкымы вечирнимы тинямы. Писля важкои розмовы про батька, Рустемъ почувъ себе краще. Немовъ щось важке, дошкульне щось скынувъ съ плечей, наче вырızавъ зъ серця болячку. Теперъ все ясне. Чувъ, що стоявъ доси на роздорожи и врешти выбравъ шляхъ. Думкы зробылысь ясни и освитылы розлоге поле жыття, зъ ёго тернамы, каминнямъ та будякамы, але разомъ й зъ цилющою водою, яку винъ сподивавсь роздобуты, щобъ полыть те сухе поле. Надіи, якъ глыбоки пидземни джерела, прохалысь на свитъ, и сердце одъ ныхъ тремтило. Колы бъ не оця досадна рана, винъ знявся бъ, якъ стій, и пишовъ на роботу, велыку, важку, солодку роботу. Почувавъ у соби сылы. Забувъ навить Мирьемъ — и колы врешти згадавъ про неи, ёму соромно стало. Якъ винъ мигъ оддилыты іи одъ своихъ кращыхъ надій? Хиба воны не разомъ будуть усе жыття, у гори и въ счасти, у спильній роботи?

Мыналы дни. Тремтячымы, безсылымы ногамы Рустемъ ходывъ вже по хати. Ёго дратувало, що не мавъ звисткы одъ Мирьемъ. Чомъ не напыше хочъ килька сливъ? Правда, ій трудно, а все жъ... Чы не дистала ёго лыстивъ? Невже Айшé загубыла, або хто перейнявъ? Недобра, вона жъ певно чула, що сталося зъ нымъ. Якъ бы дизнатысь, що зъ нею? Едыный способъ — Айше, але й тои не выдко. Рустемъ ни зъ кымъ не дилывсь своимъ счастямъ, навить Джіаферъ, найщырійшый прыятель ёго, ничого не видавъ про те. Хиба попрохать Джіафера, щобъ поклыкавъ Айше!..

Джіаферъ розшукавъ таки Рустемову небогу. Вона клялась й божылась, що передала Мирьемъ уси лысты, але та ничого ій не давала. Щожъ сталось? Чы здорова вона? Здорова. Чы не плаче? Ни. Така, якъ завжды. Чомъ же не пыше? Айше нызала плечыма и вытрищала очи. Рустемъ заходывъ у голову, не спавъ по ночахъ, и турбовався. Ходывъ сердытый, роздратованый и сварывсь зъ Джіаферомъ.

Колыжъ за килька день зновъ прыбигла Айше и всунула въ рукы сирый клаптыкъ паперу, ще теплый одъ пробування по пидъ халатомъ, на грудяхъ, рукы въ нёго тремтилы такъ, що винъ роздеръ цидулку й забувъ про небогу. Айше надулась и довго стояла въ куточку, здывована й ображена.

«Багацько слизъ выллялы мои очи,—чытавъ Рустемъ,—колы я почула, що тебе мало не вбылы. Я зразу хотила бигты до тебе, та Аллахъ у часъ пославъ мени розумъ и за те що дня молюсь и дякую ёго. Зъ того выйшло бъ погане для обохъ насъ. Айше казала, що тоби краще, що ты вже ходышъ—й за це дякую Бога. А винъ бы мигъ тяжче скараты тебе за твое глузування зъ нашои виры. Ты до мене пысавъ, а я збиралась довго, не знала, що маю сказаты. Наславъ Аллахъ на мою бидну голову думы, а я былась у ныхъ, якъ павукъ у тенетахъ. Важка голова стала, а серце ще важче. Побыла посуду, якъ несла батькови каву, спалыла пилавъ, помогаючы матери, и не було що йисты въ той день. Маты побыла, а я не вынна: все черезъ думы. По ночахъ тежъ думаю—чы булы бъ мы зъ тобою счаслыви? Чы благословывъ бы Аллахъ шлюбъ нашъ проты воли батькивъ нашыхъ? Я знаю, воны не такъ думають, якъ мы... та воны ще жыви, а пророкъ сказавъ: спусты передъ ными крыло твоеи покоры, слухайся ихъ. Ты пышешъ, Рустеме, про новый свитъ, обицяешъ показаты ёго мени,—душа моя рвется до нёго—та чы прыйняло бъ серце наше радисть, колы бъ упала на землю слёза зъ батькового ока? Я довго думала, Рустеме, такъ довго, що лыця въ мене запалысь, наче видъ посту, а рукы втратылы сылу. Мои очи не знають сону й червони одъ слизъ. Аллахъ мылосердный змылувавсь нади мною й сказавъ мени въ серци моему: крипысь.

Нехай Рустемъ пиде до батька, впаде ёму въ ногы и скаже: мій грихъ, моя покута. Тоди твоя буду на викы. Тоди выблагай въ батька дозвилъ побратысь—и мій тато прыстане на се. Таки думы вклавъ мени Богъ въ серце однои ночи—и я несмію зламаты ёго слово. Колы жъ сёго не зробышъ—така моя доля. Кожній людыни до шыи Аллахъ прывьязавъ ёго птаху. Такъ каже пророкъ. Не пыши мени бильше, не шукай стричи. Я буду твоею передъ людьмы й Богомъ, чесно, одкрыто, якъ у людей. Просты, Рустеме, за ти необачни слова, що я доси пысала и говорыла. Шайтанъ замутывъ тоди мій розумъ. Твоя несчасна Мирьемъ».

Перше, що почувъ Рустемъ, скинчывшы лыста, бувъ гнивъ. Шаленый, непереможный и дыкый.

Такъ ось яке те кохання?

Такъ ось що выросло, зъ зерна, що винъ посіявъ у чысту душу!

А, значыть, пута темноты сыльнищи одъ свитла?.. Бурьяны швыдче ростуть, а нижъ колосъ?

Кровъ бухала въ голову и гнивъ розрывавъ ёму серце.

Вона!.. Вона тежъ хоче, щобъ винъ у пороси скрухы схылывъ свое чоло пидъ ногы! Щобъ зрадывъ усе найдорожче, що выносывъ въ серци? Все найяснійше—волю, надіи и миць перемогы?

Й за те винъ дистане добру хазяйку й покирлыву жинку?

Такъ ось же!

Роздеръ сирый папирчыкъ на дрибни шматочкы и кынувъ до-долу. Мовъ деръ свое серце.

Впалы шматочкы на помистъ, тыхо, поволи, мовъ першый снигъ.

Дывывся.

— Що вона пыше? Що напысала?

Почавъ збираты шматочкы, складаты до купы. Рукы тремтилы, гнивъ сплывавъ жалемъ.

Складавъ базгранину, злучавъ крывульки, мовъ дыки колючкы, що ранылы серце.

Чытавъ и плакавъ.

Зъ жорсткого слова хтивъ выдушить краплю надіи, бывъ каминь объ серце, щобъ выкресать искру.

А може... А може бурьянъ не розрисся, може ще можна выполоть хопту. Самъ выненъ... давно не бачывъ... ота прыгода—дурна, непотрибна ..

И сивъ пысаты. Благавъ зустричы, хвылыны, хочъ слова...

Тутъ гынуло въ нёго не лышъ кохання, а груптъ пидъ ногамы... тутъ гасло свитло, яке такъ трудно було добуты.

Скинчывъ. Выйшовъ на вулыцю.

Де бъ могла буты Айше?..

Блидый, непевнымъ крокомъ, блукавъ по вулыцяхъ, шукавъ. Стрични хаджи одверталысь одъ нёго, немовъ жахалысь гришныка. Закупывъ по дорози мало пе цилу крамныцю, щобъ ублагаты Айше. Де бъ вона могла буты?

Знайшовъ урешти пидъ мостомъ, биля фонтану, колы сповняла кухоль водою. Впхавъ ій до рукъ солодки пакункы, благавъ щобъ заразъ бигла. Стежывъ, якъ нисся жовтый халатыкъ помижъ домамы, бажавъ, щобъ швыдче счезъ зъ очей блыскучый фезъ, на якому зиркамы грало вечирне сонце. Стоявъ на мисци, и серце былось въ нёго тривожно. Дитвора биля нёго крутылась—червони фезы, квитчасти халаты, ажъ въ очахъ рябило. Ганялы зграи собакъ, голодныхъ, худыхъ, сердытыхъ. Били муры рожевилы на сонци, летивъ по дорози рожевый пылъ и тыхо дзюрчала вода фонтану. Спишылы байдужи люде, торохтилы возы по каменыстій дорози и тыхо, якъ прывыды, плывлы по пидъ стинамы били жинкы. Жыття точылось своею чергою и мовъ тикалы одъ нёго въ гору струнки минареты, що пидпиралы блакитну баню, якъ мармурови колоны.

Рустемъ чекавъ. Кожна хвылына здавалась за цили рокы. Та ось!.. Ну, врешти. Бижыть Айше, якъ золота кулька й червони кискы женутся за нею, немовъ проминня. Засапана, очи горять. Прыбигла и вткнула Рустемови въ руку назадъ ёго лыстъ...

Мирьемъ не прыйняла... пе хоче.

Ага! не прыйняла? Ну, добре .. ну, дуже добре. Рустемъ хоче сміятысь. Значыть, муры мицни ще... Ти, що винъ думавъ звалыты... Стоять, рожевіють, немовъ невынни, немовъ сміются. Що жъ, добре. Нехай сміются. Ще прыйде день, що стануть зъ ныхъ лышъ купы грузу. Колы не зможуть бильше держаты въ тини людськи осели, заступаты свитъ сонця... А теперъ—хай рожевіють... хай высысають кровъ серця... Холодни, бездушни, прокляти!..

Рустемъ знявъ руку, гнивный, ображеный и мовъ жывій истоти грозывъ мурамъ...

А диты крутылысь биля Рустема, сміялысь и щебеталы:

— Афузъ! афузъ!.. Винъ самъ до себе говорыть!..

. . . .

— Джіафере!

— Що скажешъ, Рустеме?

— Я хочу звидсы тикаты...

— Якъ звидсы?

— Зъ Бахчисараю. Мени тутъ тисно... Я тутъ не можу. Хочу прохаты, щобъ мени швыдче далы мектебъ па сели. .

— Чого поидешъ? Не идь...

— Не ихать? Чому?

— Ну, бачышъ, ты вже теперъ здоровшый, хочъ ходышъ такый похмурый, немовъ не знать що сталося. Я доси мовчавъ, а теперъ мушу сказаты: тоби не дадуть мектебу. Тоби вже навить одмовлено. Останни подіи тоби нашкодылы. Вси, що у насъ мають сылу, що уважають себе цвитомъ народу—вси проты тебе. Воны крычать на раздорожяхъ, що ты небезпечный. Навить самъ муфтій [1]) вже знае про тебе.

— И тутъ стина. Зновъ муръ ставъ на дорози...

— Що кажешъ?

---

[1]) Найвыща духовна особа у мусульманъ.

— Я кажу, що въ насъ куды не ииткнешся, наскочышъ на муръ. Загородылы муромъ одъ свита жинку, склалы стину забобонивъ, и муръ темноты стоить мицный ще, немовъ фортеца. А ты розбывай соби голову объ ти муры, трощы свое счастя...

— Ну, знаешъ, ты вже занадто. Ты жъ самъ казавъ недавно, що муры пощербылысь. Май ясне серце и не сумуй. Невже ты не будешъ сміятысь зъ того, що муллы у мечетяхъ кленуть тебе передъ народомъ? Онъ ще недавно у джуми-джами, въ собoрнимъ мечети, хатипъ ривнявъ тебе зъ вовкомъ, що краде вивци зъ кошары. Та то байдуже. Ты знаешъ прыказку: перше, нижъ запалае вогонь, мусыть выбухнуть сирый дымъ...

Рустемъ ходывъ по хати, повисывъ голову и тини вкрылы ёго облыччя.

Замовкъ и Джіаферъ.

Такъ трудно... такъ тяжко... Идешъ впередъ, якъ у тернахъ, що рвуть твое тило... За кожный здобутокъ платышъ циною кровы... Простуешъ до свитла—и замисць ёго стричаешъ вогныкъ, дрибный, минлывый, якъ у багни... блымне, сховается, засвитыть знову—и згасне. Якъ Мирьемъ... Ахъ, годи, забуты, не згадувать краще... Забигты, кудысь далеко, забуты, загоить болячку... Якъ звиръ, що тика до норы й залызуе тамъ тяжки свои раны...

— Пойиду...

— Куды?

— А, свитъ за очи... Абы лышъ звидсы...

— А наше дило? А товарыство?

— Васъ тутъ багато...

— Стыдайсь, Рустеме...

— Стыдатысь? Ха-ха! Хай тымъ буде стыдно, що... Ахъ, ты не знаешъ... Ты нічого не знаешъ... Колы ты садышъ зерно... розуміешъ, колы ты въ поти чола скопаешъ грунтъ, вкладешъ у ёго зерно, польешъ гиркымы... колы дочекаешся врешти стебла и сповнышъ надією серце... и отъ тоди, розуміешъ, за одну ничь выросте пышный бурьянъ, заглушыть стебло и колы прыйдешъ на сходи сонця—застанешъ лышъ мертве бадилля,—а! ты знаешъ, яка тоди пустка у серци?..

Очи въ Рустема блыщалы, губы тремтилы, винъ мало не плакавъ.

— Пойиду... Кажы, що стыдно, кажы, що хочешъ, а я не можу...

Винъ бигавъ по хати и середъ тышы луналы крокы, гучно й тривожно...

Раптомъ стукнулы двери.

— Хто тамъ?

То бувъ Бекиръ.

Влетивъ у хату якыйсь не свій, червоный, рáдисный и засоромленый. Щось хтивъ казаты и не знаходывъ сливъ. Ставъ биля дверей и дывывсь на Рустема.

Рустемъ зупынывся.

— Чого ты, Бекире?

Тоди Бекиръ зважывсь. Пидбигъ до Рустема й хвылюючысь та заикаючысь, почавъ кыдать слова, швыдко, безладно:

— Ч-чортъ его знае... Ты не ходы въ кавярню... Плюнь на эфенди Мухтара. Винъ каже... Я кажу: за що? Винъ каже: мени не треба такого слугы. Рустемъ гяуръ, невирный... На, каже, несы ёму гроши, що заробывъ у мене... бачыты, каже, не хочу... Ахъ ты собаче вухо... Ахъ ты копыця гною!.. Такъ мени, знаешъ, кровъ й вдарыла въ очи. Ч-чортъ ёго знае... Я ёму кынувъ гроши до-долу: несы соби самъ. Я бильше въ тебе не служу, бо и я такыхъ думокъ, якъ и Рустемъ!..

— Якъ ты сказавъ?

— Я кажу: я такыхъ думокъ, якъ и Рустемъ, хай тебе вхопыть шайтанъ зъ твоимъ багатствомъ!..

Вуха въ Бекира палалы якъ жаръ, голосъ тремтивъ одъ обурення и въ очахъ сталы слёзы.

Рустемъ не вирывъ. Чы жъ може буты?

— Ты такыхъ думокъ, якъ я? Ты такъ сказавъ ёму въ вичи? Плюнувъ въ лыце? Ты втратывъ службу и все черезъ мене? Эй, слухай, ты!..

Рустемъ вхопывъ Бекира за плечи и дывывсь ёму въ вичи, немовъ не вирывъ, що сёму правда.

— А щожъ твій Стамбулъ? Ты жъ не зибравъ ще грошей? Якъ ты пойидешъ?

Бекиръ мотнувъ головою й зневажлыво цмокнувъ.

— Ч-чортъ его знае!.. Я не пойиду. Отъ ты жъ не йидешъ... и Джіаферъ. Я буду зъ вамы .. Ч-чортъ его знае—мени зъ вамы найкраще...

Очи въ его сталы ще бильши и блыщалы одъ слизъ.

Рустемъ тремтивъ. Чувъ, що війшло щось у груды, велыке, радисне, тепле—и было въ серце, якъ хвыля...

— Джіафере, ты чуешъ? Ты чуешъ, Джіафере?—гукавъ.— Винъ такыхъ думокъ, якъ мы... Винъ нашъ. Покынувъ службу лышъ черезъ мене, винъ ставъ за мене, тоди якъ други... Ты чуешъ?

Джіаферъ осмихався.

— Ну, отъ бачышъ, зерно не все гыне, не скризь его глушыть бурьянъ. Та що тоби зъ того: ты жъ однаково йидешъ.. Бекиръ пидвивъ на Рустема здывовани очи.

Тоди Рустемъ вхопывъ Бекира за плечи и показуючы на Джіафера скрыкнувъ:

— А ты ему не виръ... чуешъ, не виръ ему... Я никуды не йиду...

И колы такъ стоялы вси трое, схвылёвани и радисни, у викна зъ надвору прылынувъ спивъ.

Жалибный, дыкый, роспучлывый спивъ минаретивъ.

Винъ лынувъ пидъ небо, падавъ на землю, бывся мижъ горамы, и плакавъ, и клыкавъ усихъ правовирныхъ прыйты до Аллаха, благаты рятунку...

М. Коцюбинськый.

Переводъ П. А. Кулиша на украинскій языкъ манифеста 19 февраля 1861 года и Положенія о крестьянахъ.[1]

РОЗДІЛЪ ПЕРВИЙ.

Права підданихъ [2]), що вийшли зпідъ кріпацтва.

Голова перва.

Права що до чоловіка и до стану.

21). Піддані [3]), що вийшли зпідъ кріпацтва, зостаютця підъ спільнимъ правомъ ґражданськимъ, що до правъ и одбутківъ [4]) семянихъ. Тимъ самимъ піддані [5]) братимутця и семьямъ своімъ порядокъ даватимуть, безъ державського [6]) на те дозволу.

---

1) См. Кіев. Стар. № 2.

2) Крестьянъ.

3) Крестьяне.

4) Не лучше ли употребить слово „винности". Это слово употреблено въ этомъ смыслѣ ниже (см. стр. 33, ст. 58).

5) Крестьяне.

6) Поміщицького.

Прúписка. Пильнувати коло самихъ малолітківъ сиріть и іхъ добра повинні сельскі громади [1]). Назначати опекунівъ и старальниківъ, повіряти іхъ учинки и всякі инші такі справи чинити підданимъ [2]) своіми помістовними звичаями. Колибъ родичі малолітка постеригли, що громада въ своіхъ распорядкахъ робить що небудь на ёго втрату, такъ мають вони право до Мирового третёго [3]) вдатися.

22). Підданимъ [4]), и порознѝцею, и цілими громадамъ [5]), дозволено, по спільному праву, чинити всякі правні умови, обітності и підряди:

1) Зъ усякими людьми, по обопільнёму ладу, на які хотя гроши зъ однеі и другоі сторони.

2) Зъ скарбомъ [6]); тутъ не платять вони гильдійськихъ пошлинъ тілько за ті речи, чимъ піддані [7]) добуткують, и за держання оброчнихъ статей и поштовихъ коней, а беруть уставлене на торгъ свідчення, або платять суму, яка приходитця,—по всякихъ справахъ, по спільнёму праву вільнихъ сельскихъ землянъ (Св. Зак. 1857 р. Т. X. Ч. I Зак. Гражд. Кн. IV, Розд. III).

Прúписка 1-а. Щобъ убезпечити умови и обітності зъ скарбомъ [8]), підданимъ [9]) вільно самостай одъ спільнихъ зарукъ, указанныхъ у праві, явити и поруки своіхъ громадъ по правиламъ на обітності въ умовахъ зъ скарбомъ (Св. Зак. 1857 р. Т. X. Ч. I. Зак. Гражд. кн. IV). Землі, що державці [10]) означили підданимъ [11]) у користування, ні въ якому разі не будуть служити

---

1) Общества.

2) Крестьянамъ.

3) Посредника.

4) Крестьянамъ.

5) Обществами.

6) Не лучше ли «казной?».

7) Крестьяне.

8) Казной.

9) Крестьянамъ.

10) Поміщики.

11) Крестьянамъ.

заруками въ умовахъ и обітностяхъ підданихъ [1]) зъ скарбомъ [2]), або зъ сторонніми людьми.

Приписка 2-а. Сільскимъ и волоснимъ старшинамъ не вільно, поки держять свої уряди, чинить съ підданими [3]) своеі волости обідності въ держанню оброчныхъ статей и въ одбуванню якихъ небудь одбутківъ.

23. Підданимъ [4]), що вийшли зпідъ кріпатцтва, даетця право, вільно зъ іншими сельскими землянами, аби тільки виконали правила, уставлене въ спільнёму праві и въ сему Уставі:

1) Чинити вільний торгъ, дозволений підданимъ [5]) безъ торговихъ свідчинь и пошлинъ (Св Зак. 1857 р. Т. XI Ч. 2 Уст. Тор, арт. 295—298, 349—356 и 358).

2) Заводити и держати по правнимъ правиламъ, фабрики и всякі добуткові торгові и ремесні заходи (Св. Зак. 1857 р. Т. X., Ч. 2 Уст. Торг., арт. 335, 349—356, и Уст. Фабр., арт. 48).

3) Записуватись у цехи; ремествувати по своіхъ селахъ и продавати свою роботу и въ селахъ и въ городахъ (Св. Зак. 1857 р. Т. XI, Ч. 2 Уст. Торг., арт. 356).

4) Входить въ гилдіі, у торгові розряди и въ згідні зъ ними підряди (Св. Зак. 1857 р. Т. XI. Ч. 2. арт. 234, 238—244 и 251—255).

Приписка. Правила, якъ заводити ново всякі добуткові заходи въ осадахъ, которихъ піддані [6]) ще не викупили, прописані въ Помістовнихъ Уставахъ.

24. Підданимъ [7]) даютця отъ які права въ позвахъ, жалобахъ, речництві и суді:

---

[1]) Крестьянъ.

[2]) Казной.

[3]) Крестьянами.

[4]) Крестьянамъ.

[5]) Крестьянамъ.

[6]) Крестьяне.

[7]) Крестьянамъ.

1) у справахъ гражданськихъ: отшукувати свої права, починати позви и справи и одвітувати за себе, або облично, або черезъ повіренихъ, а такожъ бути повіреними у підданихъ [1]) своеі громади и въ людей сторонніхъ.

2) у справахъ криминальнихъ и полицiйськихъ: подавати жалоби и оберегати своі права усіма правними способами, облично и черезъ повіренихъ, у тихъ случаяхъ, коли въ криминалахъ довіренному вільно правуватися; и

3) бути свідітелями и поруками, по спільнимъ справамъ.

Приписка 1-а. У справахъ підданськихъ [2]) громадъ [3]) вільно речникувати, на правахъ повіренихъ тілько людямъ, которихъ громадська рада [4]) на те змоцнила.

Приписка 2-а. Хочъ по сёму артикулу піддані [5]) на дальші, послі ознайми сёго Уставу, часи мають право позва и жалоби и на сторонніхъ людей и на державця землі, де вони сажені; а про те заказуетця підданимъ [6]) починати пізви и сутяги у такихъ діяхъ и порядкахъ державськихъ [7]), которі сталися до ознайми сёго Уставу по тогочаснихъ кріпацькихъ стосункахъ, опрічъ случаівъ, указанихъ въ арт. 32-му.

Приписка 3-я. Грошові стяганки съ підданихъ [8]) чинити, прилагожуючись до правилъ, уставленихъ Св. Зак. 1857 р. Т. XII ч. 2 Уст. благоустр. скарб. [9]) сел. въ артикулахъ 384—407-му. Продаючи добро підданське [10]) на вгонобу стягання, перше всёго и вповні добутими грішми вгонобляютця недобори въ скар-

---

[1]) Крестьянъ.

[2]) Крестьянскихъ.

[3]) Обществъ.

[4]) Вирокъ.

[5]) Крестьяне.

[6]) Крестьянамъ.

[7]) Помѣщицьихъ.

[8]) Крестьянъ.

[9]) Казны.

[10]) Крестьянъ.

бовихъ [1]) и державськихъ [2]) одбуткахъ, а такожъ у мирськихъ поплаткахъ, а тамъ уже и инші стягання, якъ до якого позву.

25. Підданихъ [3]) ніякъ не карати, тілько по судовому вироку, або по правному распорядку зверхниківъ, що надъ ними поставлені одъ уряду, чи одъ громади.

26. Підданимъ въ сутягахъ и зводахъ міжъ себе, правитись судовимъ порядкомъ. Самостай того, вільно імъ на розсудини вдаватись до державця [4]), на чиій землі осажені, коли самъ державець [5]) и обидві сторони сутяжні на те згодятця. У такому случаі на вирокъ державський не вільно вже жалуватысь и такий вирокъ повиненъ виконатись.

27. Про такі случаі, коли піддані [6]), чи хто самъ по собі, чи усією громадою, змоцнять на речництво у своіхъ справахъ державцівъ, на чиіхъ земляхъ вони осажені, віри такі пишутця на простому папері і свидчить іх Мировий третій [7]) уставленимъ порядкомъ.

28. Державцеві [8]), ради оборони підданнихъ [9]), осаженихъ на его землі, и безъ особного на те одъ іхъ змоцення, вільно бути при розвідахъ, що чинятця надъ підданими [10]) у справахъ объ провинностяхъ и злочинствахъ, або де вони замішані, и користуватись тутъ правами, указаними Св. Зак. 1857 р. Т. XV, кн. 2, судопр. угол. въ арт. 152 и 153-му и т. II, ч. I. Прил. къ Общ. Губ. Учр. арт. 4013 (прош.) и по 4-му прод. № 2 Учр. Суд. Слѣд. арт. 24; такожъ брати въ сихъ речахъ справки въ По-

---

[1]) Казенныхъ.
[2]) Помѣщичьихъ.
[3]) Крестьянъ.
[4]) Помѣщика.
[5]) Помѣщикъ.
[6]) Крестьяне.
[7]) Посредникъ.
[8]) Помѣщику.
[9]) Крестьянъ.
[10]) Крестьянами.

вітовихъ и Губерськихъ Установахъ тиі губерніі, де сі піддані [1]) живуть.

29. Піддані, [2]) що выйшлы зъ-пидъ кріпацтва, яко вільні сільскі земляне, осягають тежъ права стану отъ які:

1) по правиламъ, прописанимъ у сёму Уставі, мають голосъ на радахъ [3]) у радніхъ вирокахъ и виборахъ; такожъ мають право держати по виборамъ усякий громадський урядъ, уставлений правомъ;

2) приписуватись у другі стани и громади [4]), по правиламъ, прописанимъ у сему Уставі, а такожъ, своёю охотою, ити въ військо и пайматись у рекрути, по спільнёму праву про сільскихъ землянъ;

3) одлучатись изъ своіхъ домівокъ, виконуючи при сёму правила, уставлені спільнимъ правомъ и симъ Уставомъ.

4) оддавати дітей своіхъ у спільні школи и йти на учебну, учену и межеву службу, по правиламъ, уставленимъ про сю ричъ для вільнихъ податковихъ людей, по одпускнимъ свідченнямъ, зъ виписомъ зъ подушного окладу. (Св. Зак. 1857 р. Т. Ш. Уст. о Служ. отъ Прав. арт. 60—63, 69, 73—75, 77 и 81; Т V, Уст. о Под. арт. 316—320, и Т. Х, Ч. 3. Зак Меж. арт. 267, и по Прод. Ш. № 1 прип. до арт. 271).

30. Піддані [5]) теряють права стану або часть іхъ тілько по суду або вироку громади [6]), стверженому такъ, якъ уставлено въ сёму Уставі.

---

[1]) Крестьяне.

[2]) Крестьяне.

[3]) Сходахъ

[4]) Общества.

[5]) Крестьяне.

[6]) Общества.

Голова друга.

Права що до добра.

31. Після ознайми сёго Уставу, підданимъ [1]) оставляетця іхъ осадню селидьбу, доки вони не набудуть іі у власність, по правиламъ, визначенимъ въ Уставі про те, якъ викуповувати підданимъ [2]) осадне займище и яку допомогу чинитиме імъ урядъ до набутку у власність полёвихъ угіддівъ. Усе рухоме добро підданихъ [3]) якъ-отъ: домашній и робочий скотъ, пахарська приправа и инше, по сили уставленного права, все то властністъ підданихъ [4]), а громадські іхъ гроши и громадські жъ хлібні засоби—властність підданськоі громади [5]).

32. Землі, хати и огуломъ усяке нерухоме добро, що набули піддані [6]) у предсі часи на имя державців.[7]), оддаютця підданимъ и іхъ наслідникамъ навіки, якъ перепишуть на іхъ сі добра сами державці [8]), або якъ вирече такъ мирова установа, обпіраючись на особні правила, тутъ надруковані [9]).

33. Усякому підданому вільно набувати у власність нерухомі и рухомі добра, а такожъ и збувати іхъ, оддавати у заставу и огуломъ обертати іхъ якъ хотя, виконуючи тільки спільни устави про сю ричъ для вільнихъ сельскихъ землянъ.

34. Сильскій громаді [10]) вільно такожъ по спільному закону набувати у власність рухомі и нерухомі добра. Землями, набу-

---

[1]) Крестьянамъ.

[2]) Крестьянамъ.

[3]) Крестьянъ.

[4]) Крестьянъ.

[5]) Крестьянскаго общества.

[6]) Крестьяне.

[7]) Поміщиківъ.

[8]) Поміщики.

[9]) Значитъ напечатаны, а не приложены.

[10]) Обществу.

тими у власність, самостай свого наділу, вільно громаді[1]) орудовати по своій уподобі, ділити іх по між господарями и оддавати всякому ділницю у особизну власність, або зоставляти сі землі въ спільнёму користуванні усіхъ господаривъ.

35. Право на користування спільною власностю, що набула громада[2]), усякому громадянинові вільно зособна передати стороннёму чоловікові не инаково, якъ за згодою миру[3]).

46. Усякому сельскому громадянинові вільно жадати, щобъ изъ землі, набутоі у громадську власність, виділили ёму у особизну власність ділницю въ такій мірі, въ якій вінъ причинився до набутку тоі землі. Коли не зъ руки, або и зовсимъ не можна буде вволити волю громадянина, то громаді[4]) сплатити ёму за ділницю грішми, по обопільнёму ладу, або по осумованню.

Приписка. Зводи въ такихъ случаяхъ розбіратиме повітова мирова рада[5]).

37. Набутими у власність, по 11 и 12-му артикуламъ сёго уставу, землями підданського[6]) наділу и викупленними осадами піддані користуватимутця и орудуватимуть, якъ своімъ добромъ, по правиламъ, прописанимъ у передніхъ артикулахъ (33, 34, 35 и 36), виконуючи ті правила, по которимъ набуті осади и земли, и у всякому случаі зъ тимъ запиномъ, що въ первi десять[7]) роківъ, після того якъ сей Уставъ ствержено, реченихъ земель не вільно збувати або заставляти стороннимъ не громадськимъ людямъ; а про те не боронитця передавати и заставляти такі землі своімъ громадянамъ.

---

[1]) Обществу.

[2]) Общество.

[3]) Громады.

[4]) Обществу.

[5]) Съѣздъ.

[6]) Крестьянскаго.

[7]) Девять—это чрезвычайно важная опечатка.

Приписка. Якимъ порядкомъ користуватись и обертати землі підданського [1]) наділу, що набудуть піддані [2]) у власність, съ підмогою одъ уряду, про те доскональне виречено въ уставі про те, якъ мусять піддані [3]) викуповувати осадне займище (селидьбу) и яко урядъ допомагатиме імъ набувати у власність полёві вгiддя.

38. Кому повинні доставатися спадки—про те вільно підданимъ [4]) порядкуватися по своімъ помістовнимъ звичаямъ.

39. Добро, що зостанетця після підданихъ, [5]) котори вмерли безъ наслідниківъ (пустизна), обертати на користь тиі громади [6]) сільскоі, у чиіхъ границяхъ воно буде.

РОЗДІЛЪ ДРУГИЙ.

Упорядкованя сільскихъ громадъ и волостей, и громадьке іхъ урядовання.

Голова перва.

Складъ сільскихъ громадъ и волостей.

40. Сільска громада [7]) складуетця съ підданихъ [8]), осажениxъ на землі одного державця: [9]) у громаді [10]) буде або усе село, чи хутіръ [11]), або одна частина ёго, якъ що воно не одного державця [12]), або и двое, трое и більше невеличкихъ, скілько можна

[1]) Крестьянскаго.
[2]) Крестьяне.
[3]) Крестьяне.
[4]) Крестьянамъ.
[5]) Крестьянъ.
[6]) Того общества.
[7]) Общество.
[8]) Крестьянъ.
[9]) Помѣщика.
[10]) Въ обществѣ.
[11]) ?
[12]) Помѣщика.

суміжнихъ и, у всякому случаі, найближчихъ до себе селъ (чи то виселківъ, починківъ, хуторівъ, застінкивъ, односілокъ, або особніхъ дворівъ и инш. так.), которі користуютця спільно або всіма, або де-которими вгіддями, або жъ мають инші спільні вигоди господарскі.

41. Пiдданимъ [1]) тихъ державъ [2]), де не більшъ двадцяти ревизъкихъ чоловічихъ душъ, коли піддані [3]) сі живуть у сели чи хуторі не одного державця [4]), або хочъ и въ особніхъ різнодержавськихъ [5]) поселкахъ, а не далеко одні одъ однихъ, купитись въ одну сільску громаду [6]), або приписуватись до другихъ громадъ [7]), за ихъ згодою.

42. Волості складаютця изъ сільскихъ громадъ [8]) одного повіту и, скілько мога, суміжнихъ. Куплячись у волості, сільскимъ громадамъ [9]) не розризнятця.

43. Щобъ була волость, треба найменшъ до трёхъ сотъ чоловічихъ душъ, а найбильшъ до двохъ тисячъ. Одъ середини урядовання найдальші села чи хуторі [10]) щобъ були не дальшъ дванадцяти верстовъ.

Приписка. У тихъ сторонахъ, де такъ мало людей, що на реченій обширі не буде и 300 душъ пiдданихъ [11]), або тамъ, де, навпаки, на невеликій обширі скупилось більше 2000 душъ, можно и виступити съ попередъ-реченого правила, зъ дозволу губернаторивъ.

---

[1]) Крестьянамъ.

[2]) Не лучше ли употребить слово «маетность».

[3]) Крестьяне.

[4]) Поміщика.

[5]) Ризнопомістнихъ.

[6]) Общество.

[7]) Обществъ.

[8]) Обществъ.

[9]) Обществамъ.

[10]) ?

[11]) Крестьянъ.

44. Волості складуются, по поділу на парафиі, чи то: изъ усякоі парафиі робити волость, коли тілько парафия підходить підъ правила переднёго артикулу. Коли парафия мала, то скупити у одну волость дві або и більше парафий; а про те парафиямъ не розрізнятця.

Приписка. Можна, зъ дозволу губернатора, виступити зъ прописанихъ вище правилъ, тілько въ тихъ случаяхъ, якъ що, по містовнимъ причинамъ, лучитця яка велика перегорода іхъ виконати.

45. Велике село, чи хутіръ у всякому случаі буде волостю, хочъ би въ ёму було и більшъ людей надъ найбільшу міру, назначену на волость, и хочъ би въ ёму була не одна парафия и не одна сільска громада [1]).

Голова друга.

Сільске [2]) громадське урядовання.

46. Сільске громадське урядовання складують:

1) Сільска рада [3]) и

2) Сільский староста.

Надто громадамъ [4]), коли притьмомъ того захочуть, вільно мати: особнихъ податковихъ сбірщиківъ; дозорцівъ хлібнихъ засобівъ, шкілъ, шпиталівъ; лісовихъ и полевихъ сторожівъ; сільскихъ писарівъ и [illegible] так.

Підголовокъ первий.

Про сільскі ради [5]).

---

[1]) Общество.

[2]) Общественне.

[3]) Сходъ.

[4]) Обществамъ.

[5]) Сходи.

47. Сільска рада[1]) складуется съ підданихъ[2])—господарівъ сільскоі громади[3]) и, надто, изъ усіхъ сільскихъ урядовихъ людей, назначенихъ по вибору. Господареві, про случай одлучитця, захворіе и огуломъ не зможе облично прийти на раду[4]), не заборонено присилать замість себе кого-небудь изъ своеи семъі; зъ дворів же, де не одно тягло, вільно присилати двохъ и бильшъ, коли те згідно зъ помістовнимъ звичаемъ.

Приписка 1-а. У сільскихъ радахъ[5]) мають голосъ и ті, що набули своі ділниці у власність (земляне-господари)[6]); вони подаватимуть голосъ на радахъ[7]) у всіхъ речахъ, які до іхъ сягають, якъ-отъ: у роскидкахъ скарбовихъ[8]) податківъ и одбутківъ, земськихъ и громадськихъ, въ обрахуванні мирськихъ[9]) потребизнъ и користей, у виборахъ урядовихъ людей и так. инш., а не втручатимутця въ справи, которі сягають стосунківъ громади[10]) и съ державцемъ[11]) за землю, що одзначена на громадське[12]) користуванне.

Приписка 2-а. Не мають голосу на раді[13]) такі піддані, которихъ висліжують або судять за такі злочинства або провинності, що мусить чоловікъ втеряти всі особні права и привилеі, надані ёму облично и ёго стану (Свод. Зак. 1857 р. Т. XV, кн. 1, Улож. о наказ. арт. 47), або жъ которихъ оддано підъ громадське дозирання судніми вироками.

---

1) Сходъ.
2) Крестьянъ.
3) Общества.
4) На сходъ.
5) Сходахъ.
6) Крестьяне-собственники.
7) Сходахъ.
8) Казенныхъ.
9) Громадськихъ.
10) Общества.
11) Поміщикомъ.
12) Общественное.
13) Сході.

48. Староста матиме перве місто на сільскій ради [1]) и доглядатиме звичайного порядку. Якъ же ради збіраютця: 1) повіряти урядовихъ людей и 2) розбірати жалоби на нихъ—въ такихъ случаяхъ перве місто отдаетця, волосному старшині.

49. Сільску раду [2]) ззивати про нужду, старості передорічъ по неділяхъ и празникахъ.

50. Мировий третій [3]), якъ лучитця нужда, тежъ звелить старості, або иншому урядовому чоловікові, зібрати сільску раду [4]). Се право оддается и державцеві [5]), якъ схоче вінъ иноді зібрати раду [6]).

51. Сільска рада [7]) мае права:

1) вибірати сільскихъ урядовихъ людей и назначати виборнихъ на волосну раду [8]);

2) вирекати, щобъ изъ громади [9]) одлучати шкодливихъ и ледачихъ громадянъ; однімати въ підданихъ [10]) дочасово голосъ на раді [11]), не довше, якъ на три роки;

3) виписувати изъ громади [12]) громадянъ и приймати новихъ;

4) назначати опекунівъ и старальниківъ [13]), повіряти іхъ справування;

4) розвязувати семъяні поділки;

---

[1]) Сільскому сході.

[2]) Сходъ.

[3]) Посредникъ.

[4]) Сходъ.

[5]) Помiщику.

[6]) Сходъ.

[7]) Сходъ.

[8]) Сходъ

[9]) Общества.

[10]) Крестьянъ.

[11]) Сході.

[12]) Общества.

[13]) Попечителей.

6) чинити справи про громадське користування мирською землею, якъ-отъ: переділъ земель *на вічисті* [1]) ділниці и всякі такі речи;

7) въ користованні землею ділницями або подвірно (спадкомъ), орудовати ділницями мирскоі [2]) землі, которі якимъ-небудь припадкомъ стоять пустизною и ніхто іми подвірно не користуетця;

8) радуватись и речникувати про громадські потребизни, про порядкування, доглядъ и науку письменства;

9) подавати куди треба жалоби и супліки [3]) про громадські справи черезъ особнихъ виборнихъ;

10) назначати накиди [4])на мирські [5]) трати;

11) роскидати всі накинуті на підданихъ [6]) скарбові [7]) податки, земські и мирські [8]) грошові поплатки [9]), а такожъ земські и мирські [10]) натуральні одбутки, и порядкувати лічбою въ реченихъ податкахъ и поплаткахъ.

12) повіряти урядовихъ людей, що обрала сільска громада [11]) и назначати імъ плату або иншу за службу нагороду;

13) порядкувати въ рекрутському одбутку, скілько та річъ до сільскоі громади [12]) сягае;

---

[1]) Невѣрно.

[2]) Громадськоі.

[3]) Теперь въ Малороссіи никто этого слово не пойметъ; оно вытѣснено русскимъ словомъ: „прошеніе".

[4]) ?

[5]) Громадські.

[6]) Крестьянъ.

[7]) Казенні.

[8]) Громадські.

[9]) ?

[10]) Громадські.

[11]) Общество.

[12]) Общества.

14) роскидувати оброкъ и робочий одбутокъ по тяглахъ, по душахъ, або иншимъ якимъ звичаемъ, тамъ, де одбутки на державця одбуваютця за круговою порукою всеі громади [1])

15) добірати способівъ, якъ недопускати до недоборівъ и якъ стягати іхъ;

16) назначати позички изъ засобнихъ сільскихъ складівъ и всяку допомогу

17) давати умоцювання на речництво въ громадськихъ справахъ, и

18) справуватися у всіхъ тіхъ случаяхъ, якъ по спільнёму праву и по правиламъ уставівъ про підданихъ [2]), треба развязувати справу за згодою сільскоі громади [3]).

Приписка 1-а. Речи, прописані въ пунктахъ 6 и 14-му и злучені зъ спільнімъ користуваннямъ землею, не підвладні [4]) сільскимъ радамъ [5]) у тихъ сторонахъ, де есть діленичне або подвірне (спадкове) користування землею. Такожъ само рахувати ті жъ речі не мають права люде, що виділились изъ громадського користування землею.

Приписка 2-а. Въ сільскихъ громадахъ [6]), де инші господарі платятъ оброкъ, а инші одбувають одбутокъ роботою, и тимъ и сімъ даетця право, окроме спільнёі сільскоі ради [7]), сходитись, підъ гулящий часъ, особе на малі ради [8]), щобъ обрахувати речі, которі вилучно сягають до оброку або до робітнёго одбутку, що одбуваетця порозницею

Приписка 3-я. Сільскій раді [9]) вільно радитись и верекати вироки тілько въ речахъ, що прописані въ сёму артикулі.

---

[1]) Общества.

[2]) Крестьянъ.

[3]) Общества.

[4]) NB. Невѣрно.

[5]) Сходамъ.

[6]) Обществахъ.

[7]) Схода.

[8]) Сходы.

[9]) Сходу.

Коли жъ рада [1]) радитиметця и вирече вирокъ у речахъ, ій не підвладнікъ [2]), то вирокъ не матиме сили, а люде, що ёго вирекли, чи самохіть изозвали раду [3]), або одвічатимуть за те по вироку Мирового Третёго [4]), або підуть підъ судъ.

52. Вироки у сільскихъ радъ [5]) мають правну силу тілько тоді, якъ на радахъ [6]) були: сільский староста або ёго наказний и не меншъ якъ половина всіхъ підданихъ [7]), которі мають голосъ на раді [8]), и якъ сягають вони речей, переліченихъ въ 51-му артикулі.

53. Всі справи на сільскій раді [9]) розвязувати або по спільнёму ладу, або перевагою голосівъ. Усякий підданий [10]), хто прийде въ раду [11]), матиме одинъ голосъ.

54) На розвязъ нижче прописанихъ речей треба згода не менше, якъ двохъ третинъ усіхъ підданихъ [12]), що мають голосъ на раді: [13])

1) про переміну громадського користування землею на діленичне або подвірне (спадкове);

2) про розділъ мирськихъ земель на вічисті спадкові [14]) ділниці;

3) про переділи мирськоі землі;

---

[1]) Сходъ.

[2]) Невѣрно.

[3]) Сходъ.

[4]) Посредника.

[5]) Сходівъ.

[6]) Сходахъ.

[7]) Крестьянъ.

[8]) Сході.

[9]) Сході.

[10]) Крестьянинъ.

[11]) На сходъ.

[12]) Крестьянъ.

[13]) Сході.

[14]) ?

4) про установу мирськихъ доброхітнихъ складокъ и обертання мирськихъ грошей, и

5) про одлучання ледачихъ підданихъ [1]), изъ громади [2]) и оддачу іхъ на волю Уряду.

Приписка. Вироки про одлучання підданихъ [3]) изъ громади [4]), поки ще не введено въ діло, подаватиме староста Мировому Третему [5]) (арт. 617).

55. Инші справи декретуютця на радахъ [6]) по вироку тихъ підданихъ [7]), на чиій стороні, по лічбі, буде хочъ однимъ голосомъ більше половини всіхъ радовничихъ [8]); якъ же роспадетця рада [9]) на дві часті, рівні лічбою голосівъ, то перевага буде на тій стороні, съ которою згодитця староста.

56. Голоси збіраютця або переділивши раду [10]) на дві сторони и лічучи голоси у тій и въ сій стороні, або жъ иншимъ способомъ, якии въ которій громаді звичай.

57. Вироки сільскоі ради [11]) въ речахъ, висловленнихъ въ арт. 54-му, пишутця въ особу книгу. Вироки въ иншихъ речахъ пишутця туди тілько тоді, якъ звелить рада [12]). Для папірнихъ вироківъ ради [13]) не уставляетця ніякоі особнёі форми.

---

[1]) Крестьянъ.

[2]) Общества.

[3]) Крестьянъ.

[4]) Общества,

[5]) Посреднику.

[6]) Сходахъ.

[7]) Крестьянъ.

[8]) Радовничий невѣрно. Это слово значитъ участвующій въ совѣщаніи, а не участвующій въ сходахъ.

[9]) Сходъ.

[10]) Сходъ.

[11]) Схода.

[12]) Сходъ.

[13]) Схода.

Підголовокъ другий.

Винності старости и инпихъ сільскихъ урядовихъ людей.

58. У громадськихъ справахъ сільскому старості, не виступаючи зъ гряниць сільского громадського урядовання, виконувати отъ які винності:

1) ззивати и роспускати сільску раду [1]) и доглядати звичайного на ій порядку;

2) подавати на обрахування ради [2]) всі справи, которі сягають до нуждъ и користей сільскоі громади; [3])

3) виконувати вироки сільскоі ради [4]), распорядки волосноі управи и мировихъ установъ.

4) дозирати, щобъ цілі були межі и межові знаки на земляхъ, которими піддані [5]) користуютця або володіють;

5) дозирати, щобъ у порядку були дороги, мости, гаті, перевози и инше таке на земляхъ, одзначенихъ сільскоі громаді [6]) у наділъ, або на тихъ, що набули піддані у власність.

6) дозирати, щобъ піддані [7]) добре одбували податки и всякі одбутки, чи то казенні, земські и мирські, чи то оброки або робітній одбутокъ на державця [8]), и збірати сі податки и оброки у тіхъ громадахъ [9]), де не буде особніхъ збірщиківъ;

7) Примушувати підданихъ до виконання умівъ и договорівъ одного зъ однимъ, або зъ державцемъ [10]) и сторонніми людьми, коли сами піддані [11]) не змагаютця за такі договори,

---

1) Сходъ.
2) Схода.
3) Общества.
4) Общества.
5) Крестьяне.
6) Обществу.
7) Крестьяне.
8) Поміщика.
9) Обществахъ.
10) Поміщикомъ.
11) Крестьяне.

8) доглядати порядку въ школахъ, шпиталяхъ и иншихъ громадськихъ заводахъ, коли все те заведено коштомъ громадськимъ;

9) дозирати, щобъ у свій часъ компонувалися ревизькі реєстри [1]), и подавати іхъ куди треба;

10) коли піддані [2]) просять собі уставленихъ білетівъ и пашпортівъ на одлучку або на вихідъ зовсімъ изъ громади [3]), то ёму завіряти, якъ слідъ, волосного старшину, що нема перегороди до виходу реченихъ підданихъ. [4])

11) заправляти по громадському порядку мирскимъ [5]) господарствомъ и мирскими [6]) скарбами [7]); доглядати, щобъ цілий бувъ запасний громадський хлібъ и щобъ порядкували нимъ по правді; и

12) оберегати одъ рострати те добро недбалихъ оплатниківъ, которе вбезпечае зиски недобору.

59. Поки піддані [8]) стоять у обічнихъ [9]) стосункахъ зъ державцемъ [10]), на чиій землі вони осажені, сільский староста мусить підданихъ [11]), що одбувають робітній одбутокъ, висилати на роботу, а зъ оброчнихъ стягувати оброкъ, яка буде воля державця [12]), згідня съ правилами Помістовихъ Уставівъ, и огуломъ

---

1) Сказки.
2) Крестьяне.
3) Общества.
4) Крестьянъ.
5) Громадськимъ.
6) Громадськими.
7) Не лучше ли употребить слово: «грішми».
8) Крестьяне.
9) Обязательныхъ.
10) Поімщикомъ.
11) Крестьянъ.
12) Поміщика.

безъ проволоки виконувати правні жадання державця [1]), згідно зъ виданими Уставами про підданихъ. [2])

60. Сільскій староста виконуе всі прикази волосного старшини по справамъ полиційского роспорядку [3]), висловленимъ у арт. 83-му. Надто, не дожидаючись приказу, староста повиненъ, у границяхъ своеі громади [4]):

1) добірати якихъ треба способівъ до захования доброго порядку и вбезпечення людей и іхъ добра одъ злочинства и такожъ, щобъ не було спашу въ збіжі и въ травахъ, щобъ не було пожежі и порубу въ гаяхъ [5]);

2) задержувати волоцюгъ, утікачівъ и військовихъ дезертирівъ и передавати іхъ земській полиціі на дальшу росправу;

3) порядкувати підмогою въ надзвичайнихъ случаяхъ, яко отъ прикладомъ: у пожежахъ, повіддяхъ, повальнихъ хоробахъ, поморі бидла и въ инишихъ громадськихъ злигодняхъ, безъ проволоки, сповіщаючи волосного старшину, а якъ потреба вкаже доносючи просто й полиціі про головнійші випадки въ сільскій громаді [6]).

4) На случай якого злочинства, попереду чинити дознання, задержувати виноватого [7]) и оберегати признаки злочинства, поки прибуде земська полиція або судній слідовникъ.

61. У речахъ, що висловлені въ переднёму артикулі, сільский староста повиненъ, не гаявши часу, виконувати всі правні жадання державця, [8]) згідно съ правилами, висловленними въ арт. 150-му сёго уставу.

---

[1]) Поміщика NB. Пропущено: «подъ личною отвѣтственностью».

[2]) Крестьянъ.

[3]) ?

[4]) Общества.

[5]) Гай—роща, а не лѣсъ. Ниже въ стр. 68-й переводчикъ передаетъ слово: «лѣсной сторожъ» не гаевий, а лісовий.

[6]) Обществѣ.

[7]) ?

[8]) Поміщика.

62. Сільскому старости підвладні [1]) всі, хто живе на земляхъ, одзначенихъ сільскій громаді [2]) у надилъ, або на такихъ, що набули піддані у власність, люде податкового стану, а такожъ отставні и безрочно-отпускні війскові чини и іхъ семьі.

Приписка. Виймаютця зъ сёго тілько ті люде, що служать у державцівъ, и инші, которі живуть у іхъ осадахъ: сі просто підвладні земській полиції. Коли такі люде вчинять яки непорядки въ селі на підданськихъ [3]) земляхъ, то староста передае виноватихъ державцеві [4]); якъ же вчинять вони криминалъ або велике злочинство [5])—тіко полиціи, спільнимъ порядкомъ.

63. Сільский староста повиненъ безперечно виконувати всі правні жадання мирового третёго, [6]) суднёго засідателя [7]), земскоі полиції и всіхъ уставленихъ урядівъ въ речахъ імъ підвладніхъ.

64. Сільскому старости даетця право за малі провинності підвладніхъ [8]) ёму людей назначати на громадськи роботи не більшъ, якъ на два дни. Хто вважатиме, що ёго покарано неправедно, той нехай жалуетця, не пропускаючи семи днівъ, мировому третёму [9]).

65. Сільский староста, въ виконанню справъ дуже великихъ, именно: якъ чинитиме обличну кару, чи то полиційську, чи то виречену громадською радою, [10]) якъ робитиме обиськъ у піддансь-

---

[1]) Невѣрно: підвладний—значитъ подвластный.

[2]) Обществу.

[3]) Крестьянскихъ.

[4]) Поміщику.

[5]) ?

[6]) Слідовника. NB. Выше судебный слѣдователь переведемъ судний слідівникъ, а здѣсь засѣдатель.

[7]) Посредника.

[8]) Невѣрно.

[9]) Посреднику.

[10]) Крестьянскимъ судомъ чи сходомъ.

кому [1]) домі або оселі, якъ кого задержить або візьме підъ сторожу, якъ братиме одъ сбірщика и тратиме мирські гроши и якъ оддаватиме оброчну плату державцеві [2]), повиненъ неодминнно взяти до себе двохъ свідківъ, передоричъ изъ старихъ людей сільскоі громади. Те жъ правило, скілько можна, виконуетця и якъ попередъ всёго чинять дознання въ провинностяхъ и злочинствахъ.

Приписка. На случай, якъ сільска громада [3]) буде мала, або якъ у селі обличъ мало підданихъ, старості дозволяетця вимагати для сеі речі свідківъ изъ ближчихъ громадъ [4]).

66. Коли въ волості тілько одна сільска громада, [5]) тоди винності старости виконувати волосному старшині. Въ такому разі обірати *помошника старшини*, одного, двухъ або трёхъ, по громаді [6]). Вони помагатимуть старшині виконувати всі ёго винності и послухатимуть [7]) ёго самого.

67. Сбірщикъ податківъ повиненъ:

1) збірати накинуті на підданихъ податки, оброки на державця [8]) и всі уставлені грошові поплатки, а такожъ и недобори у тихъ поплаткахъ;

2) лічити які треба гроші;

3) дозирати, щобъ усякий господарь плативъ скілько зъ ёго впадае безъ недобору;

4) берегти що зобрано зъ підданихъ [9]) податківъ, поплатокъ и оброківъ, поки оддасть іхъ кому треба у тому місті и тимъ звичаемъ, якъ вирече *громада на радахъ* [10]);

---

[1]) Крестьянскому.

[2]) Поміщику.

[3]) Общество.

[4]) Обществъ.

[5]) Общество.

[6]) Обществу.

[7]) NB. Не точно.

[8]) Поміщика.

[9]) Крестьянъ.

[10]) Сходъ.

5) оддавати въ повітову скарбовню[1]) податки и оброки и брати уставлені квітки[2]).

6) Здавати на радахъ[3]) лічбу грошей, що зобрани зъ підданихъ[4]).

7) відомо чинити радамъ[5]) про неплатниківъ, щобъ добрано способу, якъ зъ нихъ стягти недобори, и

8) роздавати всімъ господарямъ окладні книжки, або карби, або які инші знаки, на одзначъ, що збірщикъ гроши зібравъ, згідно зъ громадськимъ звичаемъ.

68. Винності *всіхъ инших урядовихъ людей*, якъ отъ: дозорцівъ хлібнихъ складівъ, шкілъ и шпиталівъ, лісовихъ и полёвихъ сторожівъ, сільскихъ писарівъ и инш. так. виречені вже самими назвали урядівъ.

Голова третя.

Волосні урядовання.

69. Волосне урядовання складують:

1) Волосна рада[6])..

2) волосний старшина зъ волоснимъ правленіемъ,

3) волосний підданський[7]) судъ.

2) волосній раді[8]) збіратися, а волосному правленію и волосному судові мати свое місто передоричъ у тому сели, де есть церква парафияльна, коли у волості всёго тілько одна парафія; коли-жъ инше, то въ тому селі, которе буде посередыні волости, або въ которому людей найбільше, або торги и добутки найбільші.

---

[1]) Слова «повітова скарбовня» никто въ Малороссіи не пойметъ.

[2]) Квитанціи.

[3]) Сходахъ.

[4]) Крестьянъ.

[5]) Сходамъ.

[6]) Сходъ.

[7]) Крестьянскій.

[8]) Сходу.

Підголовокъ первий.

Волосні ради [1]).

71. Волосну раду [2]) складують сільскі и волосні урядови люде, по вибору (прописані вони въ арт. 112-му) и піддані [3]), которихъ вибірають одъ усякого села або поселка, що тягне до волости, по одному одъ *десяти* дворівъ и изъ тихъ, що користуютця землею за одбутки, и изъ тихъ, що набули ділниці у власність.

72. Отъ поселка, виселка, хутора, починка, застінка, односілля и инш., де менше десяти дворівъ, вільно посилати на волосну раду [4]) по одному виборному.

Приписка. У губерніяхъ Виленській, Волинській, Гродненській, Киівській, Ковенській, Минській и Подольскій, а також у повітахъ Динабурському, Дризенському, Люцинському и Ріжицькому губернії Витебськоі, наймитамъ и бурлакамъ [5]) вільно посилати на волосну раду [6]) по одному виборному одъ усякихъ *двадцяти* дорослихъ парубківъ.

73. У справахъ рекрутського одбутку вільно подавати голосъ на радахъ підданимъ [7]), що мусять ёго одбувати, ихъ батькамъ або тимъ, хто іхъ зростивъ.

74. Тамъ, де въ волості одна тілько сільска громада [8]) замість волосноі ради [9]) буде сільска. У такому случаі до речей підвладнихъ сільскій раді [10]) и прописанихъ у арт. 51-му, дода-

---

1) Сходъ.

2) Сходи.

3) Крестьяне.

4) Сходъ.

5) NB. Не лучше ли употребить слово: бобіль.

6) Сходъ.

7) Сходахъ крестьянамъ.

8) Общество.

9) Схода.

10) Сходу.

ютця и всі огуломъ речі підвладні волоснимъ радамъ [1]) и визначені въ арт. 78-му сёго Уставу.

75. Изъ підданихъ, шо мають голосъ у волосній раді [2]), обіраютця чергові судці, обпіраючись на арт. 93-й сего Уставу.

76. Мировий третій [3]) назначатиме особні речинці, по докладу волосного старшини, на збіръ волоснихъ радъ [4]) у тихъ волостяхъ, де більшъ ніжъ одна сельска громада [5]). Коли бъ потреба вказала збірати раду не въ той реченець, що назначено, то такий збіръ ради чинити не инаково, якъ за відома и згоди на те мирового третёго [6]).

77. Перве місто на волоснихъ радахъ [7]) матиме волосний старшина; винъ доглядатиме тутъ и звичайного порядку. Якъ же старшину повірятимуть або на ёго жалуватимутця, тоді перве місто на волосній раді [8]) давати кому-небудь зміжъ сільскихъ старостъ (або кому-небудь зміжъ помошниківъ старшини, якъ у волості тілько одна сільска громада) [9]) по доброму міжъ ними ладу, а на случай неладу—тому, хто зъ нихъ старший.

78. Волосна рада [10]) мае право:

1) вибірати волоснихъ урядовихъ людей и судцівъ волосного суду;

2) уставувати про всі речи, які сягають до справъ господарськихъ всіеи волости;

3) добірати способівъ про громадський доглядъ; споружати волосні школи; порядкувати волосними запасними складами, де вони есть;

---

[1]) Сходамъ.

[2]) Сході.

[3]) Посредникъ.

[4]) Сходовъ.

[5]) Общество.

[6]) Посредника.

[7]) Сходахъ.

[8]) Сході.

[9]) Общество.

[10]) Сходъ.

4) жалуватись кому треба або прохати у справахъ волоснихъ, черезъ особнихъ виборнихъ;

5) назначати и роскидати по людяхъ мирські поплатки и одбутки, що одбувае уся волость;

6) повіряти порядки и гроші у урядовихъ людей, що обрала вся волость;

7) повіряти рекрутські реестри [1]) и роскидати рекрутський одбутокъ, по правиламъ, прописанимъ въ арт. 192--207-му, и

8) змоцняти на речництво у справахъ волости.

Приписка. Волосна рада [2]) мае право радитись и вирекати вироки тілько въ речахъ, прописанихъ у сёму артикулі. Якъ же рада [3]) радуватиме и вирече вирокъ у речахъ, которі ій не підвладні, то вирокъ уважати за нікчемний, а людей, що ёго змислили, або самохіть иззивали раду [4]), глядя по справі, або карати такъ, якъ вирече мировий третій [5]), або оддавати підъ судъ.

79. Вироки волосного суду [6]) мають силу, коли на раді [7]) були: волосний старшина, або той, хто займае ёго місто, и не менше двохъ третинъ підданихъ, що мають голосъ у раді [8]). Усі справи у волосній раді [9]) розвязувати по спільнёму ладу або переватою голосівъ, которі лічити по правиламъ, прописанимъ въ арт. 53—56-му. Правні вироки ради [10]) мають силу тілько тоді, якъ зъ виконаннямъ реченого вище варунку, сягають тілько до речей підвладнихъ [11]) волосній раді [12]). Вироки записувати въ книгу

---

[1]) Списки.
[2]) Сходъ.
[3]) Сходъ.
[4]) Сходъ.
[5]) Посредникъ.
[6]) Сходу.
[7]) Сходи.
[8]) На сходи.
[9]) Сході.
[10]) Сходу.
[11]) NB. Невѣрно.
[12]) Сходу.

у справахъ дуже великихъ [1]), и тоди, якъ вирокъ мае силу на довгий часъ, а такожъ и про случай, якъ сёго вимагатиме рада [2]).

80. На вирокъ волосного суду [3]) жалуватись мировому третёму [4]), а вінъ передасть на розвязъ мировій раді [5]).

Підголовокъ другий.

Про волосного старшину.

81. *Волосний старшина* одвітуватиме за спільний порядокъ, тихість и звичайність у волості. Що до сёго, то ёму зовсімъ підвладні [6]) сільскі старости.

82. Волосний старшина старшинуватиме: надъ сільскими громадами [7]) тиі волости и огуломъ надъ людьми підвладними [8]) сільскому урядованню—тихъ громадъ [9]) (арт. 62), а такожъ и надъ приписними до волости дворяками.

Приписка. Волосний старшина не старшинуе надъ людьми, що визначені у приписці до арт. 62-го сёго Устава; тільки жъ, на случай якъ зроблять криминалъ, або велике злочинство, тоді старшина оддаватиме виноватихъ въ полицію, спільнимъ порядкомъ.

83. У справахъ *полиційскихъ* волосний старшина, у границахъ волосного урядовання, повиненъ:

1) ознамовувати, по приказамъ Земськои Полиціи, права и роспорядки Уряду, и дозирати, щобъ не ширилось поміжъ під-

---

1) ?

2) Сходъ.

3) Сходу.

4) Посреднику.

5) Съѣзду.

6) NB. Невѣрно.

7) Обществами.

8) NB. Невѣрно.

9) Обществъ.

даними [1]) фалшованихъ универсалівъ [2]) и чутокъ, шкодливихъ громадскій тихості;

2) пильнувати, щобъ у громадськихъ містахъ поводилось звичайно, щобъ ніякого худа не чинилось ні людямъ, ні ихъ добрамъ, а якъ стане не тихо, неладно и небезпечно въ громаді, заразъ добірати первого способу противъ безладдя, поки Земська Полиція що вчинить;

3) задержувати волоцюгъ, утікачівъ и військовихъ дезертірівъ и видавати [3]) ихъ полиційській старшині;

4) якъ одлучитця хто самохіть зъ волости або яки злочинства и безладдя постануть, про все те сповіщати Земську Полицію;

5) дозирати, щобъ непохібно виконувались уставлені симъ Уставомъ правила на прописъ, виписъ и переписъ підданихъ [4]) изъ одниі громади [5]) въ другу, и сповіщати про те Земську Полицію, а вона сповістить Повитовий Скарбъ [6]) и Скарбову [7]) Палату [8]);

6) порядкувати у надзвичайнихъ случаяхъ, якъ-отъ: пожежи, повіддя, повшехні [9]) громадські злигодні, и безъ проволоки сповіщати полиційску старшину про надзвичайні випадки въ волости;

7) запобігати и зупиняти злочинства и вини; добірати полиційского способу, щобъ дознатись и задержати виноватихъ и видавати іхъ на дальший роспорядокъ, якый треба старшині, и

---

[1]) Крестьянами.

[2]) NB. Универсалы издавались гетманами, а Русское Правительство издаетъ указы.

[3]) ?

[4]) Крестьянъ.

[5]) Общества.

[6]) Уѣздное казначейство.

[7]) Казенную.

[8]) NB. На страницѣ 32 уѣздное казначейство названо „Повітовая Скарбовня", а здѣсь—„Повітовий скарбъ". NB. Слова „скарбовий" въ Малороссіи никто не пойметъ, слово же „казенний" всякъ понимаетъ.

[9]) ?

8) дозирати, щобъ виконувались вироки мировихъ уставівъ и волосного суду.

84. Волосний старшина у справахъ громадськихъ повиненъ у гряницяхъ роспорядку волосного урядовання:

1) иззивати и роспускати волосну раду [1]) и держати на ій звичайний порядокъ;

2) подавати до уваги ради [2]) всі справи, що сягають потребъ и користей волосноі громади [3]);

3) уводити у діло вироки волосноі ради [4]), виречені по правамъ и правиламъ, уставленимъ у сёму Уставі;

4) дозирати, щоби у порядку були у волості шляхи, мости, гатки, перевози и инше.

5) дозирати, щобъ и сільскі старости и инши урядові люде чинили непохибно коженъ своі винності;

6) дозирати, щобъ громади [5]) добре одбували усякі скарбові [6]) и земські одбутки, и грошові, и натуральні, и рекрутську;

7) порядкувати волосними мирськими гріпми и волосними мирськими добрами, одвітуючи за те, щобъ усе було ціле и добре оберталося;

8) підданимъ [7]) и дворякамъ, приписанимъ до волості, уставленимъ порядкомъ и добре впевнившись, видавати свідчення, що можна тимъ підданимъ [8]) и дворякамъ брати собі пашпорти и билети и на одлучки, и на перехідъ у другі громади [9]) и стани;

---

[1]) Сходъ.

[2]) Схода.

[3]) Общества.

[4]) Схода.

[5]) Общества.

[6]) Казенні.

[7]) Крестьянамъ.

[8]) Крестьянамъ.

[9]) Общества.

9) позирати порядку у школахъ, шпиталяхъ, богодільняхъ и всякихъ громадськихъ заводахъ, коли іхъ завела волосна громада [1]) власнимъ своімъ коштомъ;

10) писати реестри дворякамъ, приписанимъ до волости, и брати зъ нихъ які уставлені поплатки, щобъ оддати куди треба;

Приписка. Коли у волості тілько одна сільска громада [2]), то волосний старшина, опрічъ прописанихъ вище винностей, мусить чинити и всі винності сільского старости Тимъ то волосний старшина мусить слухати державця [3]) у всіхъ ёго правнихъ жаданняхъ, чи то буде отбування на ёго отбутківъ, які съ підданихъ [4]) ёму впадають, чи то буде оберегання порядка и запобігання пригодамъ, не похибно по арт. 59, 61 и 150 сёго Уставу.

85. Волосний старшина мусить, не одмовляючись, чинити все, що ёму по праву звелять Мировий Третій [5]), Судній Слідовникъ, Земська Полиція и всяка уставлена зверхність [6]) у тихъ речахъ, що вони іми порядкують.

Приписка. Прикази Земскоі Полиціи, що до полицейскихъ винностей волосного старшини, або сільского старости, передаватиметця імъ або просто, або черезъ соцького. Соцькому можна передавати старшині або старості тілько прикази Земськоі Полиціі, и не мае вінъ права втручатись у справи волосного або сільского урядовання; а про те вільно ёму зажадати іхъ підмоги, щобъ зробити, що зеліла полиція, и задержати злочинцівъ або непевнихъ людей. У такому случаі сільска и волосна старшина повинна слухати жадання соцькихъ и въ чому треба помогати імъ, а такожъ и соцькі повинні допомагати сільскій и волосній старшині чинити іхъ полиційскі винності и оберегати порядокъ.

---

1) Общество.

2) Общество.

3) Поміщика.

4) Крестьянъ.

5) Посредникъ.

6) NB. Этого польскаго слова (zwierchność) многіе не поймутъ.

86. За малі полиційські вини людей, підвладнихъ [1]) волосному старшині, мае вінъ право карати виноватихъ у такій мірі, якъ то указано сільскому старості (арт. 64).

Підголовокъ третій.

Про волосне правленіе.

87. Волосне правленіе складують: старшина, всі сільскі старости або помошники старшини и сбірщикъ податківъ, тамъ, де есть особні сбірщики.

Приписка. Волосній раді [2]), по ii власній уподобі, вільно вибірати, на засідання у волосному правленіи, одного або двохъ особнихъ засідателівъ, коли рада [3]) завважить, що се треба зробити, и сі засідателі заступатимуть місто сільскихъ старостъ въ урядованні.

88. Волосному правлению збіратись, коли можна и не трудно, по неділяхъ; якъ же на случай старшині звелять, або негайне діло трапитця, то и по буденнихъ дняхъ.

89. Правление мае право розвязувати спільною згодою, або перевагою голосівъ тілько отъ-які справи: 1) чинити изъ волоснихъ грошей всяку трату, яку рада [4]) уже ствердила; 2) продавати особизне підданське [5]) добро по стяганнямъ скарбу, державця [6]) або стороннёго чоловіка, опрічъ тихъ случаівъ, де, по праву, повинна те чинити полиція и 3) настановляти и одставляти волоснихъ урядовихъ людей, що служять по найму. Старшині, у всіхъ инишихъ справахъ ёго порядкування, тілько радитись съ правленнемъ, а порядокъ даватиме, по своій уподобі, вінъ самъ, облично за ёго одвітуючи.

---

[1]) NB. Невѣрно.

[2]) Сходу.

[3]) Сходъ.

[4]) Сходъ.

[5]) Крестянске.

[6]) Поміщика.

90. Справи у волосному правленії чинити словесно. У заведену при волосному правленії книгу приказівъ уписувати: 1) приказы, що ознаймить старшина правленію, або порозницею урядовимъ людямъ того правления, коли такоі записі у книгу зажадае самъ старшина, або той, кому данъ приказъ, и 2) вироки, що правление приняло спільною згодою, або перевагою голосівъ.

91. При волосному правленії, опрічъ книги, реченої у переднёму артикулі, мусять бути: 1) книга вироківъ волосноі ради [1]) 2) книга развязівъ волоснихъ и третійскихъ судівъ (арт. 100, 107 и 108), и 3) книга згідъ и умівъ. У сю книгу вписувати, съ жадання умовнихъ сторінъ, усякі згоди и обітности (на гроші не більшъ трёхсотъ карбованцівъ), що піддані [2]) уложили и міжъ себе и зъ державцемъ [3]), або сторонніми людьми, коли такі згоди и обітності оглашено словесно при бутності не меншъ двохъ свідківъ и підписали іхъ обидві умовні сторони, або, по іхъ проханню, хто-небудь инший, якъ сами не письменні. Записі въ сій книзі, а такожъ свідченні копиі, що зъ іхъ видадутця, матимуть, про случай звади, силу суднёго доводу, аби були слушні [4]) (не фалшовані).

92. Писати книги у волосному правленії, та й огуломъ писати въ ёму, що вкаже потреба, мусить *волосний писарь*, а старшина найближче ёго назиратиме, щобъ вінъ нехибно и въ порядку писавъ речені книги, и въ папірахъ и въ свідченняхъ, що даватимуть волосний старшина, волосне правление, волосний судъ и волосна рада [5]), щобъ якъ разъ такъ прописувавъ, якъ вони уставлять и виречуть. На случай фалши, писаря оддавати підъ криминальний судъ и кару, яка виречена за фалши по службі, обпіраючись Св. Зак. 1857 р. Т. XV, кн. I. Улож. о Нак. арт. 404-го.

---

[1]) Схода.

[2]) Крестьяне.

[3]) Поміщикомъ.

[4]) ?

[5]) Сходъ.

Підголовокъ четвертий.

Про волосний судъ.

I. Складъ суду и часъ сборівъ.

93. Щобъ зважити волосний судъ, що-року волосна рада [1]), або сільска, коли у волості тілько одна громада [2]), вибірае чотири, пять и до *дванадцяти* черговихъ судців. Скільки вибірати сихъ виборнихъ и якъ імъ чергуватись, те все оддаетця на волю ради [3]) отъ на якихъ постановахъ:

1) засідати у суді мусить не менше трёхъ судцівъ [4]);

2) судцівъ можна вибірати або на цілий рікъ до безпереміного урядовання, або до урядовання чергою, яку попереду виречe рада [5]).

3) у сёму послідному случаі, изъ вибранихъ лікомъ одъ 4-хъ до 12-ти судцівъ, мусять выходити у указані реченці (якъ-отъ: черезъ два, чотирі або шість місяцівъ) не більше половини, а потімъ на іхъ місце засідати иншимъ вибранимъ суддямъ [6]), чергуючись.

Приписка 1-а. Раді [7]) даетця право, коли вбачить, що треба, назначати нагороду черговимъ судцямъ, по своій уподобі, за часъ іхъ урядовання.

Приписка 2-а. У тихъ волостяхъ, де вже есть уставлений, по помістовнимъ звичаямъ, судъ, ёго не касувати, тілько щобъ, вибіраючи судцівъ, настановляла уся волость.

94. Волосний судъ збіраетця черезъ усякі два тижні, коли можна и не трудно, по неділяхъ; на случай же нужди, волосний старшина иззивае въ другі дні и частійше.

---

[1]) Сходъ.

[2]) Общество.

[3]) Схода.

[4]) NB. Тутъ судьи называются *судцями*, а ниже *судьями*.

[5]) Сходъ.

[6]) ?

[7]) Сходу.

II. Речи порядкования и гряниці зверхности волосного суду.

95. Волосному суду, обпіраючись на дальші артикули, розбірати звади и сутяги проміжъ підданнихъ [1]), а такожъ и справи у невеликихъ іхъ провинностяхъ.

96. Волосному суду развязувати безъ пересуду: усі звади и сутяги власно проміжъ підданними [2]), ціною до ста карбованцівъ бірно, и за нерухомі и рухомі добра въ гряницяхъ підданського [3]) наділу, и за позички, купна, продажі и всякі инші згоди и обітності, а такожъ и справи про нагороду за втрати и ущербки у підданськихъ [4]) добрахъ.

97. Коли справа перейде за суму, прописану у 96-му арт., або сутяга иде за нерухоме добро, которе піддані [5]) набули у власність опрічъ наділу, а такожъ, коли въ сутягу ввійшли люде инишихъ станівъ, то у всіхъ такихъ случаяхъ, якъ одна сторона зажадае, мусять розбірати справу спільні судні міста, нехибно обпіраючись на права.

98. Самостай сёго, волосному суду розвязувати безъ пересуду, яка бъ не була ціна стягання, усі звади и сутяги, що сутяжні сторони оддадуть на розвязъ волосного суду. Звади и сутяги, що въ іхъ, опрічъ підданихъ [6]), замішались и сторонні люде, можна такожъ, коли сутяжні сторони схочуть, оддавати на безпересудний розвязъ волосного суду.

99. У всіхъ справахъ, яка бъ ні була іхъ ціна, аби тілько зъ ними не злучилось злочинство або провинність и не завязались користі малолитківъ и божевільнихъ, підданнимъ [7]) и однаі и різнихъ волостей вільно, замість росправи у волосному суді,

---

1) Крестьянъ.

2) Крестьянами.

3) Крестянського.

4) Крестянськихъ.

5) Крестьяне.

6) Крестьянъ.

7) Крестьянамъ.

удаватися, по обопільній згоді, до полюбовного, по совісті, суду, занедбавши усякі форми.

100. Вирокъ полюбовного суду безъ проволоки ознаймовати сутяжнимъ сторонамъ и вписувати у книгу, заведену, при волосному правленіи. Скоро впишуть ёго въ ту книгу, съ того часу вінъ матиме правну силу. Ніякихъ жалібъ на такий вирокъ нігде не приймати.

101. Волосний судъ розбіратиме підданихъ [1]) своеі волости и вирекатиме імъ кару за малі провинності, коли вони вчинені у гряницяхъ самоі волости и противъ людей тогожъ стану и коли не замішались тутъ люде инншихъ станівъ, а такожъ, коли речені провинності не звязались съ криминалами, которі мусять розбірати спільні судні міста. Коли у ту провинність увійшли піддані [2]) иншои волости, то виноватимъ мусить вирекати кару судъ тиі волости, де провинність учинено.

Приписка. Людямъ инншихъ станівъ, противъ кого піддані [3]) вчинили провинності, вільно шукати своеі вгоноби у волосному суді, або у спільнихъ установахъ.

102. Волосний судъ мае право за такі провинності карати виноватихъ: громадською роботою—не більше *шести* днівъ, або грошовимъ стяганнямъ—не більше трёхъ карбованцівъ, або вязеннямъ [4])—не більше *семи* днівъ, або, на остатокъ, не визволенихъ изъ кари на тілі,—різками не більшъ *двадцяти* шмагівъ. Якою мірою за всяку провинность карати, оддаетця на волю самого суду.

Приписка 1-а. Поки буде видано спільній сільский судній уставъ, волосні суди, а такожъ волосні старшини и сільскі старости, вирекаючи, нехибно по арт. 64, 86 и 102-му сёго Уставу, міру каръ за малі злочинства и провинності, мусять

---

[1]) Крестьянъ.

[2]) Крестьяне.

[3]) Крестьяне.

[4]) NB. Не лучше ли употребить такое же выраженіе, какъ и въ ст. 14 (стр. 37)?

згожатися зъ правилами, уставленими про сю річъ въ уставі сільскому суднёму для скарбовихъ підданнихъ [1]) (С. Зак. 1851 р Т. XII, ч. II Уст. благоустр. въ скарб. [2]) сел. ар. 440—536).

Приписка 2-а. Волосний судъ не мае права вирекати кару на тілі: стареннимъ підданнимъ [3]), що дожили шестидесяти роківъ, урядовимъ людямъ, прописанимъ у арт. 1?4-му, и тимъ, що добре держали такі уряди; а такожъ и підданимъ [4]), що скінчили курсъ у повітовихъ школахъ, хліборобнихъ и рівнихъ зъ ними, або вищчихъ учебнихъ заводахъ.

III. Порядокъ справування и розвязу справъ.

103. Волосний судъ починатиме розбірати звади а сутяги не инше, якъ по жалоби жалібника. Розбірати жъ провинності підданихъ [5]) вінъ починатиме: 1) по жалобамъ укривженого або ёго отця—матері, коли укривжений не дійшовъ повного зросту; 2) по зажаду волосного старшини, або помішника ёго, або сільского старости, и 3) по сповіщенню того, хто бувъ свідкомъ провинності, коли укривжений не здолае самъ жалкуватись.

104. Волосному старшині и старості не втручатися въ справування волосного суду и не бути при обрахуванні справъ.

105. Усі справи у волосному суді справувати словесно.

106. У справахъ про злочинство [6]), коли судъ вбачатиме, що люде злучні зъ справою не досить свідчили, то, щобъ ёго вияснити, вільно ёму допитуватись при двохъ або трёхъ свідкахъ изъ тубольцівъ-господарівъ. У справахъ сутяжнихъ оглядини міста при свідкахъ и огуломъ повірку доводівъ чинитиме судъ не инако, якъ по проханню сутяжнихъ.

107. Якъ розбіратиметця сутяжна справа у самому волосному суді, судцямъ, вислухавши сутяжнихъ сторінъ, старатись

---

[1]) Казенныхъ крестьянъ.

[2]) Казен.

[3]) Крестьянамъ.

[4]) Крестьянамъ.

[5]) Крестьянъ.

[6]) ?

нахилити іхъ до згоди. Коли сторони помирятця, то мусять тоді жъ ознаймити, що одна уступае або чимъ нагорожае другу, и якимъ способомъ мусить учинитися вгоноба. Коли сутяжні сторони не підуть на мирову згоду, то судъ розвяже справу, або обпіраючись на заявлені у волосному правлениі згоди и обітности, коли есть вони проміжъ звадними сторонами, або жъ, коли іхъ нема, обпіраючись на помістовні звичаі и правила, що въ підданському [1]) житті здавна ведутця. И умови мировоі згоди, и вирокъ волосного суду записувати у книгу волосного правления, и прописувати имення жалібника и одвітника.

108. Якъ волосний судъ роздивитця, яку провинність [2]) мусить вінъ обрахувати, тоді вписувати въ речену попереду (арт. 91) книгу: имя виноватого, саму вину ёго и яка ёму виречена кара.

109. Вироки волосного суду за провинності, які вінъ мае право обраховувати, не будуть уже пересужуватися.

110. Вироки волосного суду, и въ звадахъ и въ сутягахъ, и за провинности уводити у діло сільскимъ старостамъ, або, коли у волості тілько одна сільска громада [3]), помішникові волосного старшини, підъ дозиромъ старшини и за спільнімъ іхъ одвітуваннямъ.

Голова четверта.

Про порядокъ, якимъ наставляти и одставляти сільскихъ и волоснихъ урядовихъ людей, про іхъ права и одвітування.

Отділеніе первое.

Якимъ порядкомъ настановляти и одставляти урядовихъ людей.

111. На инші уряди підданського [4]) урядовання настановляти

---

[1]) Крестянскому.

[2]) ?

[3]) Общество.

[4]) Крестянского.

людей по вибору, а на инші, по вподобі громади[1]), можна настановляти *або по вибору, або наймомъ.*

112. По вибору настановляти отъ якихъ урядовихъ людей:

1) волосного старшину;

2) сільскихъ старостъ;

3) помішниківъ старшини;

4) сбірщиківъ подушного и засідателівъ волоснихъ правлений (прип. до арт. 87) у такихъ громадахъ[2]) и волостяхъ, которі вбачатимуть, що треба імъ особнихъ сбірщиківъ и засідателівъ, и

5) судцівъ волоснихъ судівъ (арт. 93).

Приписка. Виборні, що мають голосъ на волосній раді[3]), не вважаютця за людей урядовихъ.

113. Инших урядовихъ людей, отъ-якъ: дозорцівъ складівъ, лісовихъ и полёвихъ сторожівъ, дозорцівъ богоугоднихъ и громадськихъ заводівъ, волоснихъ и сільскихъ писарівъ и инш. так., настановляти увагою громадською, або по вибору, або наймомъ. Коли наймомъ, можна настановляти и посторонніхъ хорошихъ людей.

114. На урядъ, который даетця по вибору (ст. 112), не можна вибірати: 1) людей, которимъ не сповнилось 25-ти роківъ; 2) людей, каранихъ на тілі по суду, або которихъ судъ оставивъ у непевності, а такожъ тихъ, що зостаютця підъ судомъ и розвідомъ, и довідомо ледачихъ[4]). Ще жъ до того, волосного старшину и збірщика подушного вибірати передорічъ изъ господарівъ.

На этой статьѣ заканчивается сохранившійся трудъ П. А. Кулиша.

---

[1]) Общества.

[2]) Обществахъ,

[3]) Сході.

[4]) NB. Не совсѣмъ вѣрно.

НА БУРЯКАХЪ.

(Нарысъ зъ жыття простого люду).

Шыроки, шыроки панськи ланы! Здается, немае имъ ни кинця, ни краю. Генъ-генъ, скилько око згляне, зеленіють панськи бурякы, хвылюють жыта та ярыны. Ланы, ланы! хто васъ оре та засивае що року? Де той велытень, якый зожне отсе море жыта, якый выконае и доведе до ума отсю сылу бурякивъ?

Ще до схидъ сонця сталы шугаивськи дивчата на пóстать. Прывивъ ихъ панъ управытель, давъ кожній по рядкý, поставывъ надъ ными «паныча», котрого воны булы повы̑нни у всимъ слухатысь, тай пишовъ самъ, а дивчата осталысь сапуваты росяни, заросли рижнымъ зильямъ бурякы. Брыдко ходыты по роси босымы порепанымы ногамы, та ничого не вдіешъ—не надиваты жъ чобитъ середъ Петривкы.

Сёгодни шугаивськымъ дивчатамъ зовсимъ не посчастыло: «панычъ» попався такый, що, мовлявъ, тилько та слава що панычъ: старый, старый, та сердытый, якъ гадюка.

Зранку, покы охмолостався зъ людьмы, то бувъ ще й сюды й туды, а теперъ не дае и вгору глянуть. И якъ винъ тильки вже не лаявся сёгодни? Перепало и батькамъ и матерямъ, и на сей и на той свитъ!

Ось вже сонечко на обидъ, а дивчата полють, не розгынаючы спыны: просаповують стежечкы, вырывають помижъ буря-

камы щырыцю, мышій, лободу и инше зилля, роспушують землю коло кожного бурячка, щобъ рисъ панській букрякъ въ роскоши та шаноби.

Дзинь, дзинь—дзвонять сапы объ суху землю:—

—«Що въ чужого прыказчыка
Обидать пора, обидать пора,
А въ нашого голодранця
Ще й думкы нема, ще й думкы нема».

Заводыть котра-сь зъ дивчатъ—и межъ полилныцямы пиднявся регитъ; вси переставы полоть и озырнулысь на «паныча».

— «Роззявыла вершу та завела, щобъ тебе зъ глузду звело»—одповивъ той, спокійно нюхаючы табакъ: «я тебе нагодую, зъйидять тебе червы!»

— «А вже-жъ, дидусю, ій Богу правда, не давайте намъ йисты цилый день! Яка худоба—така й шаноба. Онъ бачте, мы зъ самисенького ранку хиба тильки гинъ двое й пройшлы!»

— «Гинъ двое!?»—зъ прызырствомъ промовывъ «панычъ», ховаючы за халяву рижокъ: «а якъ-бы тоби дви болячкы сило на языкъ, то чы двое-бъ гинъ було чы ни?»

— «Воно-бъ, паныченьку, и вамъ не завадылы дви болячкы на языци, а третя на лысыни»—пожартувала яка-сь зъ дивчатъ.

— «А чыя ты тамъ така пащыкувата?—трыста кипъ чортивъ твои собачій матери! Ось я тебе побазикаю! Иды заразъ и къ бисовому батькови до-дому и нывы панськои не паскудь!»

— «Цытьте, цытьте, дидусю!—загулы дивчата: «мы вамъ гарнои, гарнои писни заспиваемъ»... и вси разомъ почалы хто куды:

Ой панычу, паныченьку,
Билесенькый на лыченьку,
Въ сыненькому каптанци!

-- «И с....ъ на щоци»—додала высокымъ сопрано жартовлыва дивчына, тоди якъ хоръ стыхъ.

— «Бодай тебе лыхо велыке спивало!»—промовывъ дидъ, вынувато обтыраючы щоку: стилько казавъ чортовымъ гойдамъ, щобъ на панській ныви а ни телень!—такъ ни, не слухае иродова худоба... Полы! чого росчепирылась, якъ жаба?!»—грымнувъ винъ на нелюбьязну дивчыну.

— «Ой полю-жъ я полю, та старая собако!»—завела та на мотывъ весильнои.

Дидъ одійшовъ, вдаючы, що не дочува. Озирнулась дивчына—«паныча» нема; потяглась перше до дила, позихнула та й пишла полосуваты сапою прямо по рядку бурякивъ, а якъ трохы зигнала оскому на бурякахъ, то зновъ почала прыспивуваты дидови:

— «Що въ нашого прыказчыка
Що въ нашого панъ-отця—
Нема штанивъ ни рубця,
Якъ у горобця!»

Дивчата, хто въ гречку, а хто въ просо, пидхопылы—и писня залупала. Дидъ комызывся и лаявся.

Колы-бъ теперъ взявъ хто та й спытавъ дида: хто ему найбильшый ворогъ, то винъ одповивъ-бы, не думавшы не гадавшы, що—«отси чорты». Дидъ дякувавъ сёму ворогови якъ тильки мигъ. Вси погани лайлыви слова зъ ёго лексикону булы перебрани и давно стратылы свою сылу: на лайку нихто не звертавъ увагы. Дидъ, кримъ лайкы, корыстувався иноди ще й кулакамы та колиньмы, але сей побытъ прыганять «чортивъ» до праци бувъ не зовсимъ безпешный. И дидови вельмы не до вподобы бувъ той законъ, по котрому за бійку сажалы въ холодну та прымушувалы платыты гроши.

Але полилныци тежъ не мылувалы свого нашыйныка. На коженъ дидивъ рухъ, на саму дрибныцю ёго туалету булы зложени прызвыща, та спивалысь рижни традыційни писни и экспромты. Чы скыне дидъ повстяного брыля и почне обтыраты брудною хусткою лысыну—дывысь, хтось заводыть:

«Одъ кориня до кориня
Ряба жаба лизла,

А въ нашого паныченька
Голова облизла!»

Чы чухнется дидъ де небудь, то й тутъ ёму прыспивують:

«Одъ кориня до кориня
Дороженька проста;
Що нашого прыказчыка
Напала короста.»

Икъ обиду «панычъ» такъ вбигався, сповняючы свій важкый обовьязокъ, що скынувъ зъ себе сыній «спинжакъ» и зиставсь въ одній сорочци такого колёру, якъ ковальськый напереднык; зъ боку дивчатъ зразу понеслась тыха та журлыва весильна мельодія.

— «Що въ нашого та паныченька
Новая рублена хата;
У его й сорочка чохлата,
А мижъ тымы чохлыцямы
Сыдять в..и копыцямы!»

— «Отъ розбещени бисови дочкы! отъ такъ розбещени, що бильше вже никуды!»—бидкався збытый зъ пантелыку дидъ.— «А нема на тебе халеры та пропасныци»!—промовывъ винъ въ одповидь якій-сь дивчыни, котра писля писни звернулась до дида зъ такымы речамы: «Панычу, панычу, ну я тоби дулю втычу?»

— «Этъ, попадысь ты имъ зъ свижою головою! а ну попадысь!»—дорикавъ комусь невыдымому дидъ: «воны тебе промнуть, а ну попадысь!»...

Генъ въ кинци постати поле молоденька дивчына; вона осторонь держытся видъ дивчатъ и соромлыво спуска очи, колы въ іи кинець зъ поганою лайкою наблыжается «панычъ». Іи дытяче облыччя выдае, що вона не звычна ни до жорстокои лайкы, ни до такыхъ вильныхъ видносынъ, яки истнують межы дидомъ-«панычемъ» и молоденькымы полилныцямы. Се новенька: сегодни першый разъ выйшла вона на панськый ланъ тяжкою працею

заробляты гроши. Зъ особлывою щыристю сапувала Горпына (такъ звалы дивчыну) бурякы, не вважаючы на загальный дивчачый девизъ: «не ридному батькови, не за готови гроши». И ни однымъ словомъ не обмовывся «панычъ», дывлячысь на іи до дила оброблены̆й рядокъ».

«Чого ты дурненька пьятырычышся? полы̆ по людській, а то до вечора ни рукъ, ни нигъ не чутымешъ!» —раяла Горпыни молодыця, котра полола поручъ зъ нею.—«Э, моя ридна, моя срибна, и сама не счуешся, якъ прывыкнешъ; отъ такъ нестемвисинько и мени було: гупаешъ, гупаешъ сапою, а видпочынку въ панивъ дазьби, то въ вечери рукы мовъ поперетынавъ хто, а робыть треба и завтра и пислязавтрёго. Та ты плачешъ голубко, чы що? не плачъ, голубко, матери не вернешъ, а казна на слёзы не вдаряе; дывысь лышень, онъ той луциперъ сюды йде».

И молодыця почала хуткише длубатысь сапою помижъ бурякамы. Горпына полохлыво озырнулась и знову почала полоть та думать про свои нови обставыны.

Якъ тильки одійшовъ «панычъ», то молодыця зразу прыпынила свою щырисить и стала гомониты зъ Горпыною. Вона перше оповила ій, якъ-то треба працюваты въ панивъ, щобъ и сино циле було и козы сыти. Оповила межъ всякою всячыною, що въ іи сусиды курка третій тыждень лье вылывкы, а въ ихъ самыхъ въ сыривець встрыбнула жаба; въ кинци молодыця поцикавылась знаты про Горпынини справы: чы тяжко ій жыть безъ матери, чы не дума батько знову женытысь?

Бидна дивчына наче ожыла. Вона почувала себе такою самитнёю межы юрбою незнаёмыхъ дивчатъ, що зрадила балакучій молодыци, наче ридній матери. Потроху, потроху—та й выклала Горпына передъ чужою чужыною свое бидолашне жыття. Делікатно выслухувала іи молодыця, хочъ и не бачыла въ сыхъ речахъ чого небудь особлывого. Жывъ Дацій такъ, якъ жыве бильша частына шугаивцивъ: перебывався зъ своимъ хлибомъ одъ нового до нового. Мавъ конячку, котра ледве не здыхала зъ голоду кожну зиму, и все лагодывся купуваты волы».—«Колы-бъ мени тильки»—каже:—«урóдывся хлибъ, а то бъ я зразу ставъ на ногы; куплю

пару воливъ—и тоди мени море по колина». Такою гадкою була пройнята и вся Даціева симья. Родывъ Богъ що року хлибъ, мирявъ Дацій, що стоить тильки купыты волы—и жыття зразу покращае; а тымъ часомъ бравъ на одкисъ половыну въ экономіяхъ, щобъ прохарчыть свою робитныцю-конячку. Якъ муха въ окропи вылась и Даціиха: нытку до нытки вьязала, та все збиралась на хазяйство. Наче свое око, доглядала вона Горпыну. Сама ходыла Даціиха въ люти морозы на ополонку, сама зъ чоловикомъ ходыла въ спеку на одкосы.—«Не дамъ»—казала вона сусидамъ—«своеи дытыны панськымъ попыхачамъ на поталу; нехай поросконіуе за мною, а якъ умру—хай що хоче те й робыть!» Швыдка була Даціиха та й добигалась: пишла сю весну саме въ провидный понедилокъ мочыть конопли, схопыла якого-сь лыха и черезъ тры дни виддала Богови душу.

— «И хочъ бы такы розсказалы передъ смертью, якъ, що до чого, хочъ бы напутылы»—плакала Горпына:—«а то тильки й чула: «оттамъ, дочко, въ прыскрынку пьять разкивъ доброго намыста—возьмы сховай; берегла свою дивоцыну тоби—може колы згадаешъ...

Пройшла довгенька мовчанка.

— «Такъ, такъ»—зъ протягомъ зитхнула молодыця:—пеня не по дереву ходыть, а по людяхъ; въ мене самои корову пидлетила ластивка. Пишла сёгодни вранци зъ дійныцею, а вона хочъ бы тоби краплыночку дала!» Горпына тежъ зитхнула, и обыдви пололы мовчкы, думаючы кожна про свое лыхо. Черезъ килька хвылынъ далеко въ экономіи прокалатавъ дзвоныкъ на обидъ. Дивчата, якъ хвыля, гунулы до становыща, безъ ладу, безъ поладу, не дывлячысь ни стежокъ, ни рядивъ. Дидъ стоявъ и крычавъ наче божевильный. Почався обидъ. Дивчата булы на своихъ харчахъ, бо гребувалы панськымъ хлибомъ-силью, але все-жъ не стерпилы, щобъ не заспивать навздогинци дидови, котрый похнюпывшысь потягъ до экономіи:

— «Охъ ты-жъ с...й с..ъ полякъ!
Разсобача твоя мать!

Нащо було насъ паймать,
Якъ не хочешъ годувать!»

— «Цытьте прышелепувати: хлибъ святый въ роти, а вы верзете чортзна-що»—почулось зъ гурту. Бильша частына дивчатъ и справди бенкетувала писля праци тильки однымъ святымъ хлибомъ, котрый такы добре высушыло за пивдня петривчане сонце.

Вылягла писля обидъ спочываты на межи «краса святои Украины», зморена душею и тиломъ, голодна, облаяна, обгыжена. Гріе петривне сонце. Нема й маленькои хмарочкы на блакитному неби, котра-бъ хочъ на мыть дала холодокъ. Вьянуть прополоти буряки. Тыша. Чуты, якъ маленькый жучокъ порплется надъ травынкою. Цупко спытся шугаивцямъ писля праци. Лежать, наче въ паморокахъ, куци, опукувати постати. И снытся Горпыни сонъ. Буцимъ вона ше маленька-маленька дивчынка; буцимъ-то жыва ще покійна маты. На двори, немовъ, тыхый погожый ранокъ. Рясно, рясно зацвивъ ихъ вышневый садокъ, а яблуня на прычилку такъ и вкрылась кытягамы цвиту.

Сходыть сонечко и радисно грае въ краплынахъ росы. Посередъ двору стоятъ запряжени въ визъ волы, а на вози лежыть борона и били мишкы зъ пашнею. Коло воза пораеться батько. Вси немовъ таки здоволени та ласкави. Маты выганяе до отары овечокъ и гукае:—«Горпынко, Горпынко! иды лышень зо мною, а то ще, боронь Боже, шелеснешъ въ колодязь!» За воритьмы реве отара: го, го, го—вытягае товсто якый-сь валахъ; ме, ме—репетують ягнята. Одна вивця впала, а вивчарь потяга іи зъ усіеи сылы кгырлыкгою и крычыть зовсимъ такымъ голосомъ, якъ у «панычa»:—«вставай, годи рутыть, докладешъ воза въ ночи! Бачъ, якъ вытяглась, щобъ зъ тебе кышкы вытягло. Вставайте хутче, а то й дощъ запобижыть сонныхъ! Го-го-го!—чуты все дужче и дужче. Горпына прокыдается—надъ нею стоить розлютованый «панычъ». Дивчата повагомъ вставалы, чухмарылысь и роскуёвжени зъ остовпилымы очыма бралысь за сапы. Нызько-нызько на заходи зъявылась сыненька хмарка зъ темнымы смугамы до долу. Го, го, го!—реготався гримъ.

— «Ой дай, Боже, дощъ
Тыхый та хорошый
На панови бурякы,
Щобъ пойилы червякы,
Та на панивъ лисъ,
Щобъ взявъ пана бисъ!»—

заспивала весела дивчына на все горло. Тыхо и нехотя пидспивувавъ зъ почалку хоръ. Все дужче стававъ холодный витрець зъ заходу. Выще й выще пидіймалась туча и почала закрываты сонце. Обвіявъ витрець загорили облыччя, пиддавъ энергіи полилныцямъ,—и залунала писня на ввесь ланъ безкраій. Наклыкалы дивчата дощъ:

— «На панивъ овесъ,
Щобъ погнывъ увесь;
На панивъ баштанъ,
Щобъ сказывся панъ».

— «Оце якъ заспивалы, бодай вы на кутни заспивалы! То вже не жды видъ васъ роботы. Отъ, Боже, Твоя воля свята, лыхо зъ отакымы иродамы»—бубонивъ «папычъ», не звертаючысь ни до кого зъ дивчатъ, та все позыравъ на тучу.—Го, го, го!—гурkотивъ гримъ. Дзинь, дзинь...—дзвонять сапы объ суху землю.

П. Маіорськый.

Лукьянъ Свѣчка въ роли похитителя церковныхъ денегъ въ Пирятинской церкви (нач. XVIII в.).

Лукьянъ Свѣчка, герой печатаемыхъ ниже свѣдѣній, былъ сыномъ лубенскаго полковника (1688—1699) Леонтія Назаровича Свѣчки, нажившаго себѣ большія земельныя владѣнія въ предѣлахъ нынѣшняго пирятинскаго уѣзда. Изъ имѣній отца Лукьянъ Свѣчка получилъ с.с. Малютинцы и Давыдовку съ осаженными тамъ людьми; кромѣ того, онъ самъ продолжалъ увеличивать отцовское наслѣдство, нерѣдко прибѣгалъ къ разнаго рода насиліямъ, пока не встрѣтилъ себѣ соперника въ лицѣ Андрея Марковича, который, пользуясь своимъ положеніемъ брата гетманши Анастасіи Марковны Скоропадской, имѣлъ большую силу въ гетманство Скоропадскаго. Марковичъ не только перехватывалъ у Свѣчки различные лакомые куски, въ видѣ грунтовъ, млиновъ и прочихъ угодій, но заставилъ его (какъ это можно почти навѣрное сказать) продать себѣ хуторъ Коровай, сосѣдній съ Марковичевскимъ селомъ Кулажинцами, и разныя другія имѣнія [1]).

Документъ, изъ котораго мы черпаемъ свѣдѣнія о любопытномъ эпизодѣ изъ жизни малорусскаго пана первой половины

---

[1]) О Свѣчкахъ см.: А. М. Лазаревскій «Люди Старой Малороссіи», Кіев. Стар. 1882 г., т. Ш, стр. 253—258, и Историческіе очерки Полтавской Лубенщины, стр. 48—50 (Чт. въ Общ. Нестора Лѣт., кн. XI.

XVIII ст., озаглавленъ такъ: «*Виписъ истинний, якимъ способомъ быралъ ключи церковние панъ Лукъянъ Свѣчка и якимъ фортелемъ бывалъ в скарбници*»; составленъ онъ пирятинскимъ протопопомъ Максимомъ Федоровичемъ. Къ сожалѣнію, года па этомъ документѣ нѣтъ, но, принимая во вниманіе время, въ которое жилъ и дѣйствовалъ Лукьянъ Свѣчка, и нѣкоторыя данныя, заключающіяся въ самомъ документѣ, можно съ увѣренностью сказать, что описываемое событіе относится къ первой четверти XVIII ст. Цѣликомъ документа мы не печатаемъ, а представляемъ его читателямъ «Кіевской Старины» въ извлеченіяхъ, сохраняя наиболѣе любопытныя выраженія и ведя разсказъ отъ лица пирятинскаго протопопа, какъ это имѣетъ мѣсто и въ самомъ документѣ [1]).

«Сего настоящаго году, іюня 14, въ недѣлю предъ рождествомъ сватого славнаго пророка и «Предитечи» Крестителя Господня Іоанна, я «отправовалемъ» службу Божию, а панъ Лукьянъ Свѣчка, войдя въ алтарь, «казалъ паламареви засвѣтити свѣчку» и отпереть «скарбницу» въ то время, когда пѣлась херувимская пѣснь. Войдя въ «скарбницу» вмѣстѣ съ своимъ слугою «нѣмцемъ», «Лукьянъ Свѣчка «невѣдомо чого ради» въ ней «бавился» и до тѣхъ поръ, пока я не прочиталъ заамвонную молитву; едва я вошелъ послѣ этого въ алтарь, какъ и Свѣчка вышелъ изъ скарбницы и, принявши антидору и благословеніе, просилъ меня «къ себѣ».—Однако, это посѣщеніе Свѣчкою «невѣдомо чого ради» «скарбницы» сильно обезпокоило Максима Федоровича, и онъ тотчасъ же по выходѣ Свѣчки изъ церкви позвалъ въ алтарь своего ктитора Павла Бусла, которому и сообщилъ о томъ, что Свѣчка провелъ время въ скарбницѣ отъ пѣнія херувимской «ажъ до отпусту».—Павелъ Буселъ «того жъ часу» ходилъ въ «скарбницу» и «всего осмотровалъ», а выйдя оттуда, сказалъ: «Бачится, все цѣло еще, и шкатула важка».—Успокоенный тѣмъ, что въ

---

[1]) Подлинный документъ найденъ нами въ бумагахъ покойнаго А. М. Лазаревскаго.

«скарбницѣ все цѣло и что во всякомъ случаѣ туда ходилъ и ктиторъ, протопопъ Максимъ пошелъ «до господи» своей, куда за нимъ и прислалъ Свѣчка вновь просить къ себѣ.—«Пойдя къ къ нему, я мало въ его забавилемся»,—говоритъ Максимъ Федоровичъ,—а затѣмъ, по маломъ времени, «отъехалемъ до Прилуки на ярмарокъ»... Таково было первое посѣщеніе Лукьяномъ Свѣчкою пирятинской церковной скарбницы; оно не давало, конечно, прямыхъ уликъ къ тому, что Свѣчка ходилъ красть оттуда деньги, но во всякомъ случаѣ было очень подозрительно и къ тому же таинственно... Въ слѣдующій разъ уже ясно видѣнъ тотъ «фортель», къ которому прибѣгъ Свѣчка, дабы имѣть предлогъ проникать въ церковную «скарбницу».

«Іюня 24, на рождество Іоанна, по окончаніи службы божественной, запросилъ меня (разсказываетъ о. протопопъ) п. Лукьянъ Свѣчка «до господи», въ какое время присутствовали въ его домѣ Григорій Додока [1]), Яковъ Кичкаровскій [2]) и другіе. При этихъ лицахъ Свѣчка сталъ просить меня, чтобы я позволилъ ему поставить «шкатулу з грамотами в скарбници церковной», «такъ какъ мои, говоритъ, грамоти чомусь в ліоху поцвѣли», и я, «не вѣдаючи замисловъ его ухищрения, того ему не отмовилемъ»...—Уходя домой, Максимъ Федоровичъ позвалъ къ себѣ Григорія Додоку и Кичкаровскаго, желая, вѣроятно, съ ними посовѣтоваться по поводу просьбы Свѣчки и сообщить свои подозрѣнія на его счетъ, но едва они пришли въ домъ отца протопопа, какъ пришелъ слуга Свѣчки Иванъ Грисенко съ просьбой дать церковные ключи. «Дайте», говорилъ Грисенко, «добродѣю, ключовъ отомкнути церковь и скарбницу, поставитъ панъ шкатулу свою з грамотами!»—«Я», разсказываетъ далѣе отецъ протопопъ, «пославъ своего «паламара» отперетъ церковь, хотѣлъ потомъ и

---

1) Григорій Додока—полковой лубенскій есаулъ въ 1688 г.

2) Яковъ Кичкаровскій, сынъ Леонтія К., бывшаго сперва пирятинскимъ сотникомъ (1687—88), а затѣмъ полковымъ лубенскимъ писаремъ (1688—1690) и судьею (1690—1712).

самъ пойти спросить пономаря, что такъ долго дѣлалъ въ церкви п. Свѣчка,—«толкожъ ради гостя, будучого въ дому моемъ, удержатись мусѣлемъ», а когда возвратился съ ключами пономарь, то я его «питалемъ, для чого «бавился», и онъ разсказалъ слѣдующее: «Скоро, мовитъ, отомкнулемъ скарбницу, п. Лукьянъ, спитавши мене, чи не машъ у васъ мовитъ, молотка, вийти казалъ з олтара, а самъ, невѣдомо що въ скарбници дѣючи, бавился и стукалъ, не вѣдати чимъ, а потомъ, взявши образовъ три деревъяних въ олтарѣ, а четвертий—в церквѣ, отйишолъ, мовитъ до господи»...

Это былъ уже второй случай посѣщенія скарбницы Свѣчкою, на этотъ разъ съ похищеніемъ образовъ, но все же пирятинскій протопопъ не рѣшался на него жаловаться кому слѣдуетъ, а ждалъ дальнѣйшихъ событій, такъ какъ «шкатула» съ Свѣчкиными грамотами все стояла еще въ «скарбницѣ». Спустя четыре дня, Свѣчка опять пошелъ въ церковь. «По рождествѣ Іоановомъ», пишетъ о. Максимъ, іюня 28, «по обыкновенію, въ четвертокъ служба отправлялась «вѣкаріемъ», безъ бытности моей, на «дзвоници» церкви святителя Христова Николая, и когда по окончаніи службы, отомкнули великую церковь, чтобы перенести въ нее съ «дзвоници» книги и «аппарати», то вошелъ въ нее и п. Лукьянъ Свѣчка и велѣлъ паламарю отомкнуть «скарбницю». Но тотъ, «скарбници» неотмыкаючи, «скрился», а «вѣкарій» остался въ церкви и былъ свидѣтелемъ того, какъ Свѣчка, отворивъ «скарбницу» своимъ ключемъ, многое время въ ней «бавился». О. вѣкарій, ожидая выхода Свѣчки изъ скарбницы, спросилъ его слугъ, стоявшихъ въ церкви: «Чого то панъ вашъ такъ довго бавится въ скарбници?» «И тѣ ему на это «отказали»: «Грамотъ переглядаетъ»...—Обо всемъ этомъ отецъ протопопъ узналъ отъ своего викарія по возвращеніи его изъ церкви и тотчасъ же сообщилъ ктитору и атаману.

Новая попытка Лукьяна Свѣчки проникнуть въ «скарбницу» уже встрѣтила со стороны о. Максима нѣкоторое противодѣйствіе, выразившееся въ томъ, что онъ не хотѣлъ дать ему церковныхъ ключей; но у Свѣчки были свои ключи и просьбой

своей о церковныхъ онъ только хотѣлъ замаскировать мотивы своихъ приходовъ въ церковь. «По праздникѣ святыхъ верховныхъ апостолъ Петра и Павла, во вторникъ (продолжаетъ о. Максимъ), «забавенъ будучи», я не былъ въ церкви и «вѣкарій» мой тогда служилъ часы; въ это время Свѣчка, «подъ часъ Евангелія» прійдя въ церковь, слушалъ церковную службу, а по ея окончаніи «питалъ» викарія: «А протопопа вашъ, мовитъ, гдѣ?» Получивъ въ отвѣтъ, что протопопъ у себя дома, Свѣчка въ алтарѣ хотѣлъ «частовати» викарія «горѣлкою оковитою», но тотъ не хотѣлъ тамъ пить, послѣ чего Свѣчка «частовалъ» и викарія и дьякона «въ опасанѣ», а затѣмъ прислалъ ко мнѣ по ключъ отъ скарбницы своего слугу Тихона. «Прислалъ панъ по ключъ отъ скарбници, мѣетъ грамотъ пересмотровати», сказалъ мнѣ Тихонъ, но я ключа ему не далъ, говоря, что «паламаръ занюсъ гдесь ключи».—Однако, слуга тутъ же и выдалъ свего пана: «Когда, мовитъ, паламаръ ключи занюсъ, естъ же въ пана ключъ свюй,—такъ онъ отомкнетъ своимъ ключемъ!» Послѣ этого Свѣчка отомкнулъ «скарбницу» своимъ ключемъ и «презъ многое время, невѣдомо чого ради, бавился» въ ней»... Въ этотъ же день,—продолжаетъ свой разсказъ о. протопопъ,—пришелъ ко мнѣ Иванъ Пасютенко и «повѣдалъ»: «Есть, мовитъ, дѣльце мнѣ до п. Лукьяна; не вѣдаю, чи есть въ господѣ? На это я ему «отказалъ»: «Подобно, мовлю, въ церквѣ: присилавъ ко мнѣ Тихона по ключъ от скарбници, теди сказалемъ: невѣдаю, гдесь у паламара; и казалъ, мовлю, Тихонъ, же есть у пана свюй ключъ;—то може, ключемъ своимъ отомкнувши скарбницу, переглядаетъ грамотъ»...—Услышавъ это, Пасютенко тотчасъ-же насторожился и спросилъ протопопа: «Чи вамъ, мовитъ, Павелъ Буселъ не казалъ нѣчого?»—«Я, мовлю, не чувъ отъ его нѣчого».—«А минѣ-жъ, мовитъ, в Прилуцѣ на ярмарку онъ, Буселъ, говоривъ, що чомусь, мовитъ, шкатула тая легка, що з грошими стоитъ въ скарбници»...—Встревожившійся о. протопопъ «заразъ» же послалъ по Павла Бусла, котораго сталъ упрекать въ томъ, что тотъ скрылъ отъ него это важное обстоятельство: «Для чого ти, мовлю, не освѣдчилъ мнѣ, же полегшала шкатула?» Но тотъ сказалъ, что замѣчено это было

тогда, когда протопопъ былъ въ Прилукѣ на ярмаркѣ: «Бо в той часъ вы, мовить (Бусель), в Прилуцѣ були, якъ мы зъ писаремъ, будучи в скарбници, глядѣли шкатули и подиймаючи (ее) познали, же полегшала»... Тотчасъ-же «по виcлуханю мови таковой» протопопъ Максимъ послалъ за Бусломъ, атаманомъ и писаремъ, надѣясь застать еще Свѣчку въ церкви, но того уже тамъ не было... Отомкнувши «скарбницу», протопопъ, ктиторъ, атаманъ и писарь велѣли вынести «шкатулу» въ церковь, «которую якъ отомкнулъ писарь,—увидѣлисмо, же мало уже щось грошей, якихъ въ тое время не лѣчилисмо». «Толко я,—говорить протопопъ,—по совѣту ихъ, реестръ, въ той же «шкатулѣ лежачій, много (ли) въ ней всей суми найдовалося, до рукъ своихъ взявши, въ скритомъ мѣсцу до слушного часу сховалемъ, а шкатулу, знову замкнувши, на томъ-же мѣсцу поставили въ скарбници».— Желая узнать, дѣйствительно-ли деньги взялъ Свѣчка, протопопъ и его товарищи призвали къ себѣ викарія, разсчитывая у него узнать что-либо относящееся къ дѣлу, но тотъ, «барзо подпилий», только и могъ сказать: «Мене, мовить, в опасанѣ упоивъ п. Лукьянъ, а самъ я не вѣдаю, що онъ чинилъ въ церкви»... Такъ ничего достовѣрнаго въ улику Свѣчки протопопъ, криторъ и атаманъ съ писаремъ ничего не узнали, а потому, «печални будучи того ради, же панъ Лукъянъ Свѣчка, своимъ ключемъ отмикаючи скарбницу, учащалъ тамъ, а не могучи довѣдатися, же онъ побралъ гроши, молчалисмо, его, п. Лукъяна, не питали» ..

Но протопопъ рѣшился все-таки выдѣлать кое-что отъ Свѣчки на счетъ церковныхъ «грошей», надѣясь, что онъ какъ либо проговорится, и потому пустился съ нимъ хитрить. «Того-жъ дня, пишетъ онъ, ходилъ я предъ вечернею до п. Лукьяна, но сказано мнѣ, что спитъ, а когда я служилъ вечерню, то п. Лукьянъ, вызвалъ меня изъ церкви, спросилъ: «Чого ти, мовитъ, до мене, приходивъ?» Я сказалъ: «Приходилемъ, мовлю, по обѣтницу, що обѣщалисте, мовлю, дати минѣ за сорокоустъ коня» [1]), а на са-

---

[1]) Рѣчь идетъ, повидимому, о сорокоустѣ, заказанномъ Лукьяномъ Свѣчкою „за душу“ его отца, умершаго въ 1699 году.

момъ дѣлѣ «вивѣдуючися» кгрошей церковнихъ: чи не вимовится якимъ словомъ»? При этомъ «тую рѣчь приточилемъ: «Слушне-бъ, мовлю, сховати в землю шкатулу з грошами церковними, чтобъ, мовлю, якая шкода не случилася»... На это Свѣчка отказалъ: «Нехай сотникъ ховаетъ ихъ», и знову сказалъ: «Нехай до утра, завтра уже сховаемо»... «На слѣдующее утро (въ среду), Лукьянъ Свѣчка присылалъ ко мнѣ узнать, дома-ли я, и извѣстившись, что дома, просилъ черезъ посланнаго къ себѣ, и какъ пришелъ въ домъ его, то говорилъ: «Бувъ, мовитъ, у мене атаманъ, и уже мы погодилсь, где тые гроши сховати»... («Якого часу, прибавляетъ о. Максимъ, и въ дому не було атамана!»); «уже жъ, мовитъ, вамъ извѣщу, якъ будетъ время гроши заховати...—Оттягивая время закапыванія «шкатулы», Свѣчка, повидимому, надѣялся еще разъ побывать въ «скарбницѣ»: «Черезъ двѣ «години» послѣ этого разговора, продолжаетъ свой разсказъ протопопъ, прислалъ ко мнѣ п. Лукьянъ за церковными ключами, но я ихъ не далъ его посланцу, а самъ пошелъ съ ключами и отомкнулъ церковь. Сюда же пришелъ и п. Лукьянъ, а за нимъ «з цеглами и заступами» семь человѣкъ его слугъ, но я, видя «неслушность» съ его стороны и не желая «ховать» деньги безъ присутствія ктитора и писаря (атамана не было тогда въ Пирятинѣ), сказалъ п. Лукьяну: «Потреба, мовлю, ктитора и писаря призвати, которые уже тогда стояли въ «опасанѣ», такъ какъ я ихъ извѣстилъ ранѣе, что п. Лукьянъ придетъ въ церковь грошей «ховати» церковныхъ. Какъ только вошли въ церковь ктиторъ и писарь, «заразъ» п. Лукьянъ послалъ писаря по «смюлку» [1]), но писарь ему возразилъ: «На що, мовитъ, смюлка?»—«Потреба, мовитъ (Свѣчка), мнѣ щось запечатати»; тогда и мы велѣли писарю принести хранившійся у него ключъ отъ «шкатули»: «Треба, мовимъ, осмотрѣти, же бысмо вѣдали, що ховати». Писарь принесъ ключъ и «смюлку», послѣ чего приступили къ выносу

---

1) *Смюлка* (смолка)—сургучъ.

«шкатули», причемъ сперва вынесли п. Лукьянову «скринку мнимую з царскими грамотами, которую ледво в чотирохъ винесли в церковъ, а когда оную отворили, (то) винайшовся камень болший и нѣякись давнии листи»... «И тогда, говорить о. протопопъ, познались неправду пана Лукъянову, же, вмѣсто грамотъ, з каменемъ поставилъ скринку свою в скарбници, даби мѣлъ причину ходити въ скарбницу для забрання грошей церковнихъ»...

Вынеся эту «скринку», въ «скарбницу» вошелъ ктиторъ Бусель, взялъ церковную «шкатулу из грошми» и, неся ее, говорилъ: «Чомусь, мовитъ, пане Лукъяне, легка шкатула? Чи буде що и ховати?» На это Лукьянъ Свѣчка ничего не «отповѣдалъ» и тутъ-же выдалъ себя тѣмъ, что спросилъ про «реестръ»: «Когда Бусель, взявъ у писаря ключъ, отомкнулъ «шкатулу», заразъ почалъ п. Лукъянъ питатися: «А реестръ же той где, що тутъ бувъ?» На это ему отвѣтили писарь и ктиторъ: «Реестръ у отца протопопа, бо мы, мовятъ, оглядѣвши, же мало щось в шкатулѣ грошей, совѣтовалисмо отцу протопопѣ реестръ взяти до схования»... Послѣ этого эпизода, стало ясно, что деньги похитилъ не кто иной, какъ Лукьянъ Свѣчка, протопопъ и его товарищи показали реестръ Свѣчкѣ, высыпали «гроши» на амвонъ, «перелѣчили» ихъ («якихъ винайшлося пять золотихъ з лишкомъ»), общую сумму оказавшагося Свѣчка записалъ своею рукою въ реестръ, послѣ чего «мы, говоритъ протопопъ, велце прискорбни былисмо, въ недоумѣнии будучи, где подѣлися тые гроши»... О. протопопъ при этомъ уже сдѣлалъ и нѣкоторые намеки на самого Свѣчку: «Се, мовлю, великое диво, же подчасъ моровой язвы [1]) не пропали гроши з церкви, якъ мѣсто было опустѣло, а на сей часъ, мовлю, нихто, кромѣ васъ, пане Лукъяне не въчащалъ в скарбницу, и невѣдомо, гдѣ подѣлися гроши!» На это Свѣчка возразилъ, пробуя свернуть подозрѣніе

---

[1]) Рѣчь идетъ о моровой язвѣ, бывшей въ Малороссіи съ весны 1710 г. до начала 1711 г.

на писаря, хранителя церковныхъ ключей, или на самого о. протопопа: «Въ моръ бо не до грошей було; у кого, мовитъ, ключи, тотъ, мовитъ, и вѣдаетъ, гдѣ гроши!»—«По томъ, говоритъ о. протопопъ, замолчалисмо», а затѣмъ стали «питать» Свѣчку, куда поставить «шкатулу» съ позосталими «грошми», на что п. Лукьянъ сказалъ: «Нехай озметъ Буселъ!» Но тотъ на это не согласился, не желая принимать отвѣтственность за цѣлость ихъ: «Я, повѣдаетъ, не хочу брати грошей; где стояли, то нехай тамъ и стоять!» А Свѣчка, соглашаясь на то, чтобы «шкатула» стояла по прежнему въ «скарбницѣ», присовокупилъ: «Глядѣте жъ, мовитъ, щобъ хто не вкравъ и останку!»—«Шкатулу» снова замкнули и поставили на прежнемъ мѣстѣ въ «скарбницѣ», надѣясь, что Свѣчка уже болѣе не будетъ туда навѣдываться. Протопопъ, ктиторъ и писарь «отойшли во свояси», а затѣмъ о. Максимъ, «прискорбнымъ будучи», поѣхалъ до Чорнухъ... Отсутствіемъ его тотчасъ же и воспользовался Свѣчка, причемъ прибѣгъ къ тому же «фортелю»...

«Поутру въ четвертокъ (на слѣдующій день),—повѣствуетъ пирятинскій протопопъ,—безъ бытности моей и моей «господиновой», самъ онъ, п. Лукьянъ, «или презъ посланнаго своего въ дому моемъ взявши ключи тайно», отворилъ церковь и внутри ея замкнулся... На бѣду его, шелъ мимо церкви «паламаръ», который, увидѣвъ, что отворенъ «опасанъ», «почалъ сваритись»: «Невѣдомо, хто то, мовитъ, отворивъ опасанъ!» «Тертичники, тогда близъ церкви рѣжучии дерево на тертици», отозвались на его слова: «Стой, мовятъ, не кричи! То Лукъянъ Свѣчка пошелъ в опасанъ!» Услышавъ это, «паламаръ» тотчасъ же побѣжалъ въ мой домъ, гдѣ и удостовѣрился, же ключи взято". Побѣжавъ тогда въ «опасанъ», пономарь «учулъ, же голосъ ходитъ по церкви», а затѣмъ пришелъ «под скарбницу», «почулъ, же онъ (т. е. Свѣчка), въ скарбници стукаючи, невѣдомо, що чинилъ». Постоявъ немного подъ «скарбницею», пономарь побѣжалъ за ктиторомъ Павломъ Бусломъ, которому и разсказалъ о тайномъ похищеніи ключей Свѣчкою въ моемъ домѣ по томъ, что онъ теперь «въ скарбницѣ, не вѣдомо що чинячи, стукаетъ».—Поно-

марь разсчитывалъ на то, что Буселъ пойдетъ съ нимъ въ церковь и они вмѣстѣ накроютъ Свѣчку на мѣстѣ преступленія, но Буселъ на это не согласился: «Я, мовитъ, нѣчого не могу учинити ему. Якъ я, мовитъ, пойду,—то онъ убъетъ мене! Що хочетъ, мовитъ, нехай чинитъ!»—Пономарь одинъ не рѣшился идти въ «скарбницу», такъ что на этотъ разъ Свѣчка безпрепятственно тамъ «бавился». Дѣло этимъ, однако, не окончилось.

Въ субботу (черезъ два дня), Свѣчка въ отсутствіе протопопа вновь присылалъ слугу своего «компанѣйца» по ключи «до господи о. Максима, но «попадья моя ему ихъ не дала: «Для чого вы, мовитъ, хапаете ключи. Чи не вѣдаете, мовитъ, що учинилась шкода в церкви?» «Компанѣецъ же на это возразилъ ей: «Уже-жъ, мовитъ, не вы будете отвѣщати за тую шкоду», и вхопивши ключи, побѣгъ съ хати»... На этотъ разъ Свѣчка опять отомкнулъ церковь и «невѣдомо, что дѣлалъ» въ ней, а затѣмъ взялъ изъ церкви и образъ мой «древяний»,—говоритъ о. протопопъ. Атаманъ съ писаремъ и ктиторомъ сочли нужнымъ безъ бытности о. Максима освидѣтельствовать «шкатулу», которую уже не могли отомкнуть ключемъ, а отбили (вѣроятно, Свѣчка испортилъ замокъ у ней), «и толко въ ней грошей, повѣдаютъ, винайшлося талярей тридцятъ», о чемъ и разсказали протопопу, когда онъ возвратился.

Послѣ этого случая Свѣчка ѣздилъ затѣмъ въ Глуховъ, возвратившись откуда, «запросилъ» къ себѣ о. протопопа и, видя его «велце прискорбнаго взятихъ ради грошей», признался «в тые слова»: «Не скорбѣте, мовитъ, я тые гроши побралемъ», такожъ и предъ атаманомъ и писаремъ того не таился»...

Свой «виписъ» о. Максимъ Федоровичъ заключаетъ слѣдующими словами: «Таковие его, пана Лукъяна Свѣчки, дѣяния, инквѣзите виписавши, зверхнѣйшимъ господамъ ко разсужденію подаю, в невинности моей под совѣстию душевною извиняючися, бо отнюдъ не вѣдалемъ, якъ онъ быралъ тые гроши, послѣ-жъ отъ его жъ увѣдомилемся; а любо то и вѣдалемъ тое, в який часъ и безъ бытности моей онъ, панъ Лукъянъ Свѣчка, в цер-

ковной скарбници бывалъ, еднакъ всегда старшинѣ пѣратинской о томъ извѣствовалемъ.

Максимъ Федоровичъ, протопопъ перятинский».

Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстенъ финалъ этого дѣла. Было ли оно предметомъ судебнаго иска, или, что вѣроятнѣе, Свѣчка добровольно возвратилъ похищенное—объ этомъ нѣтъ свѣдѣній въ нашихъ источникахъ.

В. Модзалевскій.

Баллада о Бондаривнѣ и панѣ Канёвскомъ.

(Новые варіанты и литература пѣсни).

Въ мартовской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1902 годъ г. Ц. Нейманъ помѣстилъ обстоятельную, цѣнную статью: «Малорусская баллада о Бондаривнѣ и панѣ Канёвскомъ», въ которой, на основаніи всѣхъ извѣстныхъ ему (17) варіантовъ, попытался возстановить балладу въ возможно полномъ ея видѣ, давши сводный текстъ ея. Г. Нейману извѣстны были слѣдующіе варіанты, которыми онъ пользовался: 1) *три* варіанта изъ сборника Kolberga «Pokucie» (1833, т. II, 4—6 и 293); 2) *два* варіанта въ сборникѣ Waclawa z Oleska (1883, 493—494); 3) *четыре* варіанта Головацкаго (1863, т. I, 63—68 и 1870, т. II, 601); 4) *одинъ* вар. въ сборникѣ Закревскаго «Старосвѣтскій Бандуристъ» (1860, стр. 100); 5) *одинъ* вар. въ сборникѣ Чубинскаго (1874, т. V, 426); 6) *одинъ* въ «Zbiór Wiadomości do Antropologji Krajowej (1883, т. VII, Rokossowska); 7) *одинъ*—тамъ же (1884, т. VIII, Neyman); 8) *одинъ* въ «Кіевской Старинѣ» (1885, X, стр. 240); 9) *одинъ* въ книгѣ Stecki. Wolyn pod względem statystyczn. histor., i archeolog. (1864, т. I); 10) *одинъ* неизданный варіантъ: 11) *одинъ* польскій переводъ варіанта въ журналѣ «Atheneum» за 1842 г., т. VI. Изъ этого количества—8 записаны на нашей Украйнѣ (4 въ волынской губ., 2 въ кіевской и 2 въ подольской), а остальные 9—въ Галичинѣ. «Боль-

шинство варіантовъ записано въ Галиціи,—говоритъ г. Нейманъ [1]),—а потому можно было бы предположить, что родиной баллады была именно Галиція, а не Украйна и Богуславъ, но для такого предположенія у насъ мало варіантовъ, неравномѣрное распредѣленіе которыхъ по мѣстностямъ могло произойти совершенно случайно. Пока еще невозможно сказать съ достовѣрностью, гдѣ эта пѣсня болѣе распространена и гдѣ сохранились болѣе полные варіанты». Предоставляя будущему изслѣдователю рѣшить въ окончательной формѣ этотъ вопросъ, мы съ своей стороны, укажемъ цѣлый рядъ матеріаловъ, какъ печатныхъ, но бывшихъ неизвѣстными г. Нейману, такъ и неизданныхъ, находящихся въ нашемъ распоряженіи, которые, быть можетъ, помогутъ ближе подойти къ рѣшенію вопроса о родинѣ баллады и степени ея географическаго распространенія. Изъ печатныхъ варіантовъ г. Нейману не были извѣстны 16, а именно: 1) Максимовичъ. Малоросс. пѣсни, 1827 г., 79; 2) Żegota Pauli, 1833, 493 и 494 (2 варіанта); 3) Гацдукъ. Вжынокъ ридного поля, 1857, 297; 4) Мордовцевъ. Малорусскій литературный сборникъ, 1859, 202—205; 5) Переговскій В. Волынскія малороссійскія пѣсни,—Волын. Губ. Вѣд 1869, № 3 (отдѣльн. оттискъ, стр. 43); 6) Наука, газета въ Коломыѣ, 1875, 142; 7) Лисенко. Збирныкъ укр. писень, 1876, Ш, № 5; 8) Зоря, 1881, № 11; 9) Календар Товариства «Просьвіта» р. 1883, стр. 30; 10) Степъ. Херсонськый беллетрыстычный збирныкъ, 1886, стр. 27; 11) Лисенко. Збирныкъ нар. укр. писень. 6 десят. 1897, № 2; 12) Гринченко Б. Этнографическіе матеріалы, т. Ш, 1899, стр. 612—616 (4 варіанта); 13) Трыста найкращыхъ укр. писень К. 1904, стр. № 32 (перепечатка изъ 6 десятка сборн. Лисенка). Кромѣ того, въ нашемъ распоряженіи имѣются неизданные варіанты: 1) изъ рукописнаго сборн. Зоріана Доленги-Ходаковскаго, принадлежащаго В. П. Науменку,—начала XIX ст. (не позже 1813—1814 г.),—мѣсто записи неизвѣстно; 2) изъ рукописнаго сборника Федора Бодянскаго, брата О. М. Бодянскаго (сборникъ принадлежитъ О. И.

---

[1]) Кіев. Стар. 1902, Ш, 372.

Левицкому) (запись прилукскаго у. въ 1830—40-хъ г.г.); 3) запись г. П. Красовскаго въ м. Обуховѣ, кіевскаго у. въ 1890-тыхъ г.г. (сообщилъ С. А. Ефремовъ); 4) Запись г. С. А. Ефремова въ с. Пальчикѣ, звенигородскаго у. въ 1890-тыхъ г.г., 5) запись послѣднихъ лѣтъ г. Я. Сенчика въ с. Малковѣ, люблинской губ. (изъ матеріаловъ редакціи «Кіевской Старины».), 6) наша запись въ м. Екатеринополѣ, звенигородскаго у. Такимъ образомъ, общее количество извѣстныхъ варіантовъ пѣсни о Бондаривнѣ доходитъ въ настоящее время до 39 [1]) (въ томъ числѣ и польскій переводъ волынскаго варіанта въ «Atheneum»), и изъ этого числа на Галичину приходится всего—лишь 13 или 14 [2]), а на нашу Украину остальные 25—26 [3]), т. е *вдвое больше,* чѣмъ на Галичину. Впрочемъ, и при данныхъ условіяхъ мы не можемъ рѣшительно высказаться за кіевско-украинское происхожденіе баллады, хотя количественное преимущество уже не на сторонѣ Галичины. Что касается района распространенія нашей пѣсни, то замѣчаніе г. Неймана, что «богатые труды по этнографіи лѣвобережной Малороссіи не отмѣтили тамъ этой баллады вовсе», въ данное время (см. варіанты Гринченка, III, 615, отрывки въ «Кіевск. Стар.», 1902, V, и печатаемый ниже Федора Бодянскаго) теряетъ свою силу, и вмѣстѣ съ тѣмъ оправдывается его предположеніе, что «трудно допустить, чтобы рѣка Днѣпръ могла въ теченіе 150 л. удерживать распространеніе этой симпатичной баллады»: баллада эта, какъ знаемъ, извѣстна, въ 3-хъ уѣздахъ

---

[1]) Сверхъ того еще три отрывка баллады изъ записей въ пирятин. у. (полт. г.), ананьевскомъ (херс. губ.) и Кременцѣ (волынск. губ.), напечатанныхъ въ дополненіе къ статьѣ г. Неймана въ «Кіевской Старинѣ», 1902, V, 99—101; такимъ образомъ всѣхъ варіантовъ пѣсни извѣстно понынѣ 42.

[2]) Не имѣя подъ руками «Зори» за 1881 г. № 11—не знаемъ въ точности мѣста записи помѣщенной тамъ баллады.

[3]) Точнѣе, 28—29, считая 42 варіанта съ указанными выше отрывками.

полтавской губ. и въ херсонской губ. (ананьевск. уѣздъ), и даже въ черниговской (нѣжинск. у.) [1]).

Переходя къ деталямъ печатаемыхъ ниже варіантовъ, видимъ, что мѣсто дѣйствія названо однажды Немировъ (вар. Ходаковскаго), однажды Берестечко (Люблин. вар.), дважды Кіевъ (Бодянск. и Красовскаго), однажды Шендеривка (мѣстечко кан. у.—записано въ с. Пальчикѣ, звенигор. у., отстоящемъ за 60 в. отъ Шендеровки), наконецъ въ рукописи Ходаковскаго въ примѣчаніи къ «Немирову» стоитъ: «inni śpiewaią w Bogusławie». Это наидревнѣйшее свидѣтельство (начала XIX ст.) особенно интересно.

Панъ Канёвскій фигурируетъ въ варіантѣ Ходаковскаго и г. Ефремова (изъ с. Пальчика),—въ послѣднемъ уже въ формѣ Канявского; въ вар. г. Красовскаго превратился въ пана Вышнивського, въ нашемъ—Гранецкого, а у Бодянскаго—просто *вельможный* [2]). Въ погоню за Бондаривной отправляются *гайдукы* (у Ходаковскаго), *3 жовниры* (люблин. губ.) [3]), *два жандары* (нашъ и г. Красовск.), [4]) *два драгуны* (г. Ефремова) и просто *два киньмы* (Бодянск.). Бондаривна въ одномъ случаѣ именуется *Галей* (вар. Бодянскаго),—подобно тому какъ въ другомъ полтавскомъ варіантѣ, г. Лукашевича—Димною, Домашенькою (Гринч. III, 614—615); Каневскій сажаетъ ее на *тесовимъ* столи (Ходаков.),

---

[1]) См. книжку В. Данилова «Пѣсни с. Андреевки, нѣжинск. у.» Кіевъ, 1904, стр. 94: упоминается о записи въ с. Андреевкѣ пѣсни о Бондаривнѣ, но въ искаженномъ видѣ (самой записи нѣтъ). Пользуясь случаемъ, считаемъ своимъ долгомъ исправить поспѣшное замѣчаніе наше въ рецензіи на книгу г. Данилова (Зап. Н. Тов. ім. Шев., т. LXII Библіогр. стр. 27, прим.) въ томъ смыслѣ, что баллада о Бондаривнѣ въ Лѣвобережн. Украинѣ до сихъ поръ была неизвѣстна.

[2]) *Вельможный* фигурируетъ и въ другомъ полтавскомъ варіантѣ—записи П. Лукашевича (Гринченко, III, 615).

[3]) Тоже въ полтавск. варіантѣ Лукашевича: «два жолнира», (Гринч. III 615) и въ Липовецк.—г. Лисенка (Збирн. нар. укр. писень, 6 дес. № 2—«два жовниры».

[4]) Тоже въ Каневск.—вар. г. Гринченка (III, 613).

а стрѣляютъ въ нее изъ *лука* (Ходак. и Бодянскій) или «*ружжя*» (г. Красовскій, Ефремовъ и нашъ). Какъ новую подробность, можно отмѣтить, что убѣгая, Бондаривна «сховалася до новои клитки», но ее выдали малыя дѣти (люблинск. губ.), а также, что Бондаривну Каневскій обѣщаетъ бросить въ море «писокъ йисты» (вар. Красовскаго). Какъ на вліяніе запада на текстъ баллады можно указать на выраженія ...у мистечку Беристечку *компанія* грала» (Любл. вар.),—очевидно, искаженное *капелія* (см. вар. Rokossowsk. у Головацк т. III, Гринченко, Ш, 613), это выраженіе превратилось (Гринченко, Ш, 614) въ *баталію* и даже въ *кумедію* (Гринч. Ш, 614, В: «Збиралася кумедія въ Каневского пана); затѣмъ «музыкы» играютъ «до гробу» Бондаривнѣ (Ходаков.). Вліяніе современности можно видѣть въ томъ, что Бондаривну Каневскій сажаетъ на *кроватъ* (Красовск.), на *крисло* (тамже; тоже и у Гринч. Ш, 614, Б.); Бондаривна откупается карбованцемъ (Красовск.): Каневскій подаетъ, ей «штаканъ вына» (нашъ вар.); что же касается *кареты* (Бодянскій, любл. губ., Гринч. Ш, 612) то, быть можетъ, эта подробность и болѣе древняго времени.

1.

Въ мисти Немырови дивокъ танокъ ходыть,
Молодая Бондаривна всихъ *передомъ водыть.*
Ой прыйихавъ панъ Канёвскій *зъ велыкого двору;*
Ой злизъ зъ коня, поциловавъ Бондаривну дивку.
Говорылы стари люде, говорылы зтыха:
«Утикай, утикай Бондаривна, буде тоби лыхо!»
Утикала Бондаривна помежы домамы,
А за нею гайдукы зъ голымы шаблямы,
Ой пиймалы Бондаривну за билую руку,
Ой повелы Бондаривну на велыку муку
Посадылы Бондаривну на *тесовимъ столи;*
Казавъ даты Бондаривни *хлиба и соли.*
Чы ты хочешъ, Бондаривна, меду—вына пыты;
Чы ты хочешъ, Бондаривна, въ сырой земли гныты?

Не хочу я, пане Канёвскій, меду—вына пыты,
Волю я, молодая, въ сырой земли гныты.
Ударывъ панъ Канёвскій изъ тугого лука—
Учынылася Бондаривна нимая и глуха.
Ой лежала Бондаривна зъ вечора до ранку,
Покы сказавъ панъ Канёвскій выкопати ямку.
Ой сказавъ панъ Канёвскій музыкы зазваты,
Молодій Бондаривни до гробу заграты.
У нашій (!) Бондаривны *смоляныи лавкы,*
Тамъ йидалы, тамъ пывалы препышныи панкы.
У тій Бондаривны въ долыни мережка,
Куды неслы Бондаривну—кровавая стежка.

Запись З. Доленги-Ходаковскаго, по всей вѣроятности въ южной части Волынской или въ сѣверной Подольской, но, судя по языку, не въ Галичинѣ. Къ сожалѣнью, этотъ найдревнѣйшій варіантъ баллады о Бондаривнѣ не полонъ и искаженъ, вѣроятно самимъ записывателемъ.

2.

Що въ Кыиви на рыночку громада стояла,
Молодая Бондаривна зъ *Вельможнымъ* гуляла;
Що въ Кыиви на рыночку тыхый танокъ ходыть,—
Молодая Бондаривна передочокъ водыть,
Якъ прыйихавъ панъ Вельможный до того таночка,—
Ажъ тамъ ходыть, ажъ тамъ гуля Бондаренка дочка;
Всимъ дивочкамъ—паняночкамъ да шапочку изнявъ,
Молодую Бондаривну обнявъ—поцилувавъ.
«Охъ не вгоды (нъ ?) мене, пане, да циловаты,
Да й угоды (нъ ?) мене, пане, въ карету сажаты.
Ой клыкала іи маты у степъ гречкы жаты.—
Ни зъ кымъ буде вельможному пыты та гуляты!
Якъ шепнулы Бондаривни та старыя люде:
«Тикай, Галю Бондаривно, лыхо тоби буде»!
Якъ побигла Бондаривна густымы лозамы—

А за нею молодою два киньмы ганялы.
Якъ прыбигла Бондаривна къ кленовому мосту,
Хоча вона не хороша—велыкого зросту.
Якъ прывелы Бондаривну до пана въ свитлоньку,
Сталы іи вытаты, якъ ту голубоньку;
Посадылы Бондаривну до стины плечыма,
А до пана Вельможного карымы очима.
Якъ загадавъ панъ Вельможный двохъ писень спиваты,
А самъ сивъ у конець стола лучка натягаты;
Якъ загадавъ панъ вельможный да грубы топыты,
А самъ сивъ у порога два ножи гострыты.
А въ нашого Бондаренка побыти колочкы:
Ой лежала Бондаривна симъ день безъ сорочкы;
Ой лежала Бондаривна изъ ранку до ранку
Покы звеливъ панъ вельможный выкопаты ямку.
Пышы лысты, пышы быстри до ридного батька,
Що воне тоби, Бондаривно, выкопана ямка.
Ище лысты, ище быстри туды не доходять,
Да вже жъ Галю Бондаривну до гробу доносять;
Ище лысты, ище быстри видтиль не вернулысь,
Да вже жъ Галю Бондаривну въ яму загорнулы.

Запись Федора Бодянскаго въ Прилуцк. у., въ 1830—40 г.г. Запись подверглась значительнымъ измѣненіямъ, что вполнѣ естественно въ районѣ, весьма удаленномъ отъ мѣста описываемаго эпизода. Конецъ варіанта построенъ по аналогіи съ другими пѣснями; непонятна посылка писемъ къ отцу, который, судя по всему, долженъ былъ быть тоже въ Кіевѣ, какъ и мать, которая зоветъ Бондаривну «у степъ гречкы жаты». Данный варіантъ весьма близокъ къ напечатанному у Б. Гринченка, Ш, 614—615,—еще болѣе принявшему новыхъ чертъ и новообразованій. Эти два варіанта, подобно вар. Головацкаго, т. П, 601 и Неймана (Zbiór Wiadomosci, t. VIII) являются диссонансомъ въ характеристикѣ Бондаривны, какъ дѣвушкѣ честной, невинной, не знавшей до того Каневскаго.

3.

А въ Кыиви на рыночку
Дивочокъ таночокъ;
Молодая Бондаривна
Веде передочокъ.
Ой де взявся панъ панъ *Вышнивськый*
Зъ своымы слугамы,
Да наглядивъ Бондаривну
Зъ чорнымы бровамы.
А ще къ тому де взялыся
Превражіи люде:
—«Тикай, тикай, Бондаривно,
Горе тоби буде».
Якъ побигла Бондаривна
Бытымы шляхамы,
А за нею два жандары
Зъ гострымы шаблямы.
Якъ догналы Бондаривну
На калыновимъ мости:
—«Ой вернысь, вернысь, Бондаривно,—
Клыче панъ у гости».
—«О нате вамъ, жандарыкы,
Карбованця грошей,
Да не ведить мене, жандарыки,—
Вашъ панъ нехорошый.
Ой нате жъ вамъ, жандарыкы,
Золоту каблучку,
Да не ведить мене до пана
На велыку мучку».
Якъ узялы жандарыкы
Да тую дивыцю,
Да прывели ажъ до пана
У нову сьвитлыцю.

Тамъ прыказавъ панъ Вышнивськый
Та на *кро́вать* систы,
Та ще й каже Бондаривни:
«Чы не хочешъ йисты,
Чы зо мною, Бондаривно,
Та на *кресли* систы?
Ой чы хочешъ, Бондаривно;
Чы йисты, чы пыты,
Ой чы хочешъ, Бондаривно,
Зо мной говорыты?
Ой чы хочешъ, Бондаривно.
Зо мной розмовляты,
Ой чы хочешъ, Бондаривно,
У *пи́ску* лежаты?
Ой чы хочешъ, Бондаривно,
Зо мною *на посади* сыдиты,
Ой, чы хочешъ, Бондаривно,
Въ сырій земли приты?»
—«Ой лучче жъ мени, Бондаривни,
Въ мори писокъ йисты,
Якъ зъ тобою, препоганымъ,
Та на кресли систы».
Ой одправывъ Бондаривну
Идъ новій коморі:
«Да спивай, спивай, Бондаривно,
Писни жалибнои».
Якъ загадавъ Бондаривні
Писеньку спиваты,
А самъ пишовъ у сьвитлыцю
Ружжя заражаты.
Ой вырвалась Бондаривна
Зъ новои коморы,
А винъ вцилывъ Бондаривну
Не въ плечы, а въ спыну.
«Теперъ будешъ, Бондаривно,

Въ сырій земли приты,
Що не схтила ты, чорнява,
Зо мною сыдиты;
Теперъ будешъ, Бондаривно,
Въ мори писокъ йисты,
Що не схтила ты, чорнява,
Изо мною систы».

Записалъ П. Красовскій въ м. Обуховѣ Кіевскаго уѣзда, отъ Іосифа Дацька 45 лѣтъ. Наиболѣе близкій варіантъ у Б. Гринченко, Ш, 613—614, Б.

4.

Ой у сели *Шендеривци*
Танокъ дивокъ ходыть,
По-переду Бондаривна водыть.
Панъ Канявськый въ викна заглядае,
Выскочывъ панъ *Канявськый*
На день добрый давъ,
А Бондаривну обнявъ та й поцилувавъ.
Не долженъ ты, панъ Канявськый,
Въ биле лыце цилувать,
А долженъ ты, панъ Канявськый,
На добры-день дать.
Закрычалы стари люде,
Ще й маліи диты:
«Тикай, тикай, Бондаривно,
Пропала на викы»!
Утикала Бондаривна
Бытымы шляхамы,
А за нею два *драгуны*
Зъ голымы шаблямы.
Ой піймялы Бондаривну
Коло млына,
Така вона стала,

Якъ билая глына.
Ой пійнялы Бондаривну
За шыти рукава,
Прывелы Бондаривну
Передъ Канявського пана.
Чы прыстаешъ, Бондаривно,
Въ срибли-злоти жыты;
Чы прыстаешъ, Бондаривно,
Въ сырій земли гныты?
Не прыстаю, панъ Канявськый,
Въ срибли-злоти жыты,
А прыстаю, панъ Канявськый,
Въ сырій земли гныты
Ой заставывъ панъ Канявськый
Билу постиль слаты
А самъ пишовъ у кимнату
Ружжо заряжаты.
Якъ ударывъ панъ Канявськый
Пидъ билее плече,
То зъ Бондаривни кровъ ричкамы тече.
А у теи Бондаривни
Червоная стричка,—
Куды іи повезлы,
Все кривава ричка.
А у теи Бондаривны
Въ долу мережка,—
Куды іи повезлы,
Все кривава стежка.
Почувъ старый Бондаръ
Видъ Бога хвалою;
«Безталанна моя доня!
Наклала головою!»

Записалъ С. Ефремовъ въ с. Пальчикѣ Звенигородскаго у., отъ Маріи Олійныковои 32 лѣтъ. Варіантъ значительно исправленный, потерянъ размѣръ.

5.

Тамъ въ мистечку Батурыни
Компанія грала
Молодая Бондаривна
Цилу ничъ гуляла.
А прыйихавъ панъ Каньовськый
Всимъ «день добрый« дае́,
Молодую Бондарирну
Съ коня обіймае.
«Не годенъ ты, панъ Каньовськый,
День добрый даваты,
И ще мене молодую
Съ коня обіймаmы,
Бо ты есть, панъ Каньовськый,
Высока вельможа,
А я бидна Бондаривна,
Видъ прбстого ложа».
Говорылы мищаныны,
Говорылы люде:
«Ой втикай же, Бондаривно,
Бо бида ти буде!«
А втикала Бондаривна
Горамы й доламы,
А за нею панъ Каньовськый
Зъ трома жовнирамы.
Сховалася Бондаривна
До новои клиткы,
Ой выдалы Бондаривну
Маленькіи диткы.
«Ой чы волышъ, Бондаривно,
Въ сырій земли гныты?
Ой чы зъ нашымъ паномъ Каньовськымъ
Въ карыти йиздыты?
«Ой волю я, жовнирыкы,

Въ сырій земли гныты,
Ой якъ зъ Вашымъ паномъ Каньовськымъ
Въ карыти йиздыты!»
«Ой чы волышъ, Бондаривно,
Въ сырій земли гныты?
Ой чы волышъ зъ паномъ Каньовськымъ
Меды, вына пыты?»
«Ой волы я, жовнирыкы,
Въ сырій земли гныты,
Ой якъ зъ вашымъ паномъ Каньовськымъ
За столомъ сыдиты!»
Ой вывелы Бондаривну
На новенькый мóстыкъ,
Ой истялы Бондаривни
Головоньку зъ злосты.
Дають люде старенькому
Батькови знаты:
«Иды, иды, старый батьку,
Несчасну ховаты!»
Ой выйшовъ же панъ Каньовськый
До еи свитлыци—
Лежыть, лежыть Бондаривна
Въ дорогій спидныци:
„Rusą kosą, białem licem
Skąsilaś mi, panno,
Oj straciłem nazadarmo
Twoie młode życie“
Обизвався панъ Каньовськый
Сто дукативъ даты,
Жебъ молоду Бондаривну
Въ церкви поховаты.
Ой выкынувъ панъ Каньовськый
Двадцять пьять дукативъ:
«Ото маемъ, старый бондарь,
Помынкы справляты!»

А выкынувъ панъ Каньовськый
Тай трыдцять червонцивъ:
«Ото маешъ, старый Бондарь
На позвинъ по дочци!»
На городи крынычецька—
Воды напытыся,
Мала-мъ дочку едыныцю
Не надывытыся!

(Зап. Я. Сенчикъ въ с. Малковѣ, Люблин. губ.).

6.

Ой не знала Бондаривна,
Що на неи буде,
Та сказалы йіи люде:
«Тикай, тикай, Бондаривно,
Шось на тебе буде!»
Ой побигла Бондаривна
Темнымы лугамы,
А за нею два жандары
Зъ гострымы шаблямы.
Ой упала Бондаривна
Въ глыбокую яму,
Ой вытяглы Бондаривну
Якъ ту рыбу вялу:
Та прывелы Бондаривну
До пана Гранецького:
«Здрастуй, здрастуй,
Пане Гранецькый:
Що маешъ казаты?»
Налывае штаканъ выча
Ты ставъ частуваты.
«Не хочу я, панъ Гранецькый,
Цёго вына пыты,
Не хочу я, панъ Гранецькый,

И тебе любыты».
Заставылы Бондаривну
Та писню спиваты,
А хлопчыкы маленькіи
Ружжо заряжаты.
Ще молода Бондаривна
Писни не спивала,
А вже іи головонька
Изъ плечей спала.
Знаты, знаты въ Бондаривны,
Що шовкова стричка,—
Полылася зъ Бондаривны
Кровавая ричка.
По кому це такъ голосно
Уси звоны звонять?
То молоду Бондаривну
Та уже хоронять.
Знаты, знаты Бондаривну,
Що дуже гарна була,
Бо молода Бондаривна
Та у яму лягла.

(Записана въ 1904 г. отъ бабы Быдулчыхы въ м. Екатеринополѣ (Калныболотахъ), Звенигород. уѣзда).

В. Доманицкій.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Столпянскій П. К. *Матеріалы къ исторіи русской литературы и науки въ XVIII вѣкѣ. Выпускъ I. Опытъ библіографическаго указателя книгъ по географіи, изданныхъ въ Россіи въ царствованіе имп. Екатерины II (1762—1796 г.).* Оренбургъ, 1903, стр. 1—92, in 8°.

Г. Столпянскій, членъ Оренбургскаго Отд. Русск. И. Географическаго Общества, задался цѣлью собрать возможно полную литературу по географіи Россіи, ограничившись періодомъ царствованія Екатерины II. Почему онъ избралъ такой именно періодъ, а не взялъ, напр., весь XVIII в.,—это дѣло вкуса г. Столпянскаго. Во всякомъ случаѣ, то, что онъ исполнилъ, исполнено добросовѣстно, обстоятельно: приложено къ данному труду не мало усердія. Указатель ограничивается изданіями по географіи Россіи, но понимать этотъ терминъ надо шире: сюда входятъ изданія вообще по географіи Россіи: карты, планы, изданія по всеобщей, физической и математической географіи, путешествія, наконецъ этнографія. Всѣхъ №№ авторъ отмѣчаетъ 313, при томъ при каждомъ находимъ указаніе, у кого изъ библіографовъ имѣется упоминаніе о немъ, а также, гдѣ то или иное рѣдкое изданіе можно видѣть. При нѣкоторыхъ №№ находимъ и содержаніе книги, что даетъ болѣе ясное представленіе о книжкѣ.

Полагая, что для нуждъ нашей библіографіи, да и вообще для каждаго, имѣющаго отношеніе къ наукѣ о нашемъ прошломъ, будетъ не безразличнымъ отмѣтить все, что насъ касается, мы и предлагаемъ вниманію читателей выписи о такихъ изданіяхъ, которыя могутъ имѣть хотя бы косвенную цѣнность. Понятно, многія изданія, быт-

можетъ большинство, многимъ будутъ хорошо извѣстны, но для цѣльности и удобства справокъ мы выписываемъ всѣ подъ рядъ.

1773. *Извѣстія* (краткія географическія, политическія и историческія) о Малой Россіи съ пріобщеніемъ Украинскихъ трактовъ и извѣстій о почтахъ, а также списка духовныхъ и свѣтскихъ тамъ находящихся чиновъ, о числѣ народовъ и проч. Изъ разныхъ мѣстъ собраны и изданы В. Рубаномъ. С.-Пб. 1773, м. 8⁰. 8 нен. стр.+91 нум. стр. (Второе изданіе въ 1777 г.).

Сопиковъ. 4419 и 4420. Чертковъ (каталогъ) 416.

1777. *Рубанъ*. Краткая | Лѣтопись | Малыя Россіи | съ 1506 по 1776 годъ | съ изъявленіемъ | Настоящаго Образа | Тамошняго правленія | и съ пріобщеніемъ списка | Преждебывшихъ Гетмановъ | Генеральныхъ | Старшинъ, Полковниковъ и Іерарховъ; та | кожъ Землеописанія, съ показаніемъ Го | родовъ, Рѣкъ, Монастырей, Церквей, числа | Людей, извѣстій о Почтахъ и другихъ | нужныхъ свѣдѣній | издана Васильемъ Григорьевичемъ | Рубаномъ, | Господиномъ Коллежскимъ Ассесо | ромъ и Вольнаго Россійскаго Собранія | при Императорскомъ Московскомъ | Университетѣ, Членомъ | Въ Санктпетербургѣ | Печатано при Артиллерійскомъ и Инже | нерномъ Шляхетномъ Кадетскомъ Кор | пусѣ у Содержателя Типографіи | Х. Ф. Клена, 1777 года | 6 нен.+LX+242 нум. стр. Цѣна 1 р.

Сопиковъ, 4244, стр. 3659. Библіотека Оренбургской Архивной Комиссіи.

1785. *Габлицъ Карлъ*. Физическое описаніе Таврической Области и ея мѣстоположеніямъ по всѣмъ тремъ царствамъ природы. С.-Пб. Г. Т. 1785 (2⁰). Смирдинъ. 3661.

1787. *Пространное* | *Землеописаніе* | Россійскаго Государства | изданное | въ пользу учащихся | по | Высочайшему повелѣнію | Царствующія Императрицы | Екатерины Вторыя | . Цѣна безъ переплета 60 к. | . Въ Санктпетербургѣ.

1787. 8 нен.+420 нум. стр.+8 картъ. (Въ главѣ IV говорится о Кіевскомъ, Екатеринославскомъ намѣстничествахъ, Таврич. области, Землѣ войска Донского—и соотвѣтствующія карты).

Библіотека Оренбургской Архивной Комиссіи. Сопиковъ 4253, Готье 5397.

1788. *Описаніе* (топографическое) Харьковскаго намѣстничества съ таблицею разстоянія городовъ, съ историческимъ предувѣдомленіемъ о бывшихъ въ сей странѣ съ древнихъ временъ перемѣнахъ,

взятымъ къ объясненію дѣяній и хронологіи изъ татарской исторіи Баядуръ-хана-Абдулгады, Россійской исторіи князя Щербатова, Начертанія Европейской Исторіи Готфрида Ахенвалла и политической исторіи Самуила Пуффендорфа. М. Т. К. Т. 1788 г. 8⁰. 170 стр.

Сопиковъ, 7746. Зап. Географ. Общ.

1791. Древности (достопамятнѣйшія) Кіева. К. Т А. 1791. 8⁰. (Второе изданіе въ 1795 г.).

Сопиковъ, 3477; 2449.

1791. Описаніе (краткое историческое) Кіево-печерской лавры съ извѣстіемъ о погребенныхъ въ Кіевѣ князяхъ и княгиняхъ рода Рюрикова. К. 1791. 12⁰.

Соп. 7560.

1793. Плещьева | Обозрѣніе | Россійской Имперіи | въ нынѣшнемъ | ея новоустроенномъ | состояніи | съ показаніемъ | новоприсоединенныхъ къ Россіи отъ Порты | Оттоманской и отъ рѣчи Посполитой | Польскихъ областей. Изданіе четвертое | противу первыхъ трехъ исправленное и многими | достопамятностями умноженное | Во градѣ св. Петра | печатано въ Императорской типографіи, | 1793 года. 10 нен.+184+34 нен. стр. in 8⁰.

Библіотека Оренбургской Архивной Комиссіи.

1793. Краткое | Землеописаніе | Россійскаго Государства, | изданное | для | народныхъ училищъ Россійской Имперіи | по Высочайшему повелѣнію | Царствующія Императрицы | Екатерины Вторыя | вторымъ тисненіемъ | Цѣна безъ переплета | Безъ картъ 25 коп.—Съ картами 50 коп. | Въ Санктпетербургѣ 1793 года. (Входятъ сюда: Кіевское и Екатеринославское намѣстничества, а также три новыя губерніи: Минская, Изяславская и Браславская).

Библ. Оренб. Архивн. Комиссіи.

1794. Изслѣдованіе (Историческое) о мѣстоположеніи Тмутараканскаго Княженія, изданное по Высочайшему Ея Императорскаго Величества повелѣнію. С.-Пб. Т. К. Ч. Е. 1794. 4⁰. 6 нен., IV+64 нум.+4 нен.+LXXIV (описаніе народовъ)+картина и 3 чертежа.

Соп. 4504. Смирдинъ, 2647 и др.

1794. Мейеръ Ан. Повѣственное описаніе землемѣрное и естествословное Очаковской земли, содержащееся въ двухъ донесеніяхъ и сочиненное херсонскаго гренадерскаго полка подполковникомъ. С.-Пб. 1794.

Сопик. 7680.

1795. Извѣстіе (краткое историческое) о Кіевѣ. К. Т. А. К. 1795. 8°. 8 стр.

Катал. Черткова, 611.

1795. Палласъ. Краткое | физическое и топографическое | описаніе | Таврической области, | сочиненное на французскомъ языкѣ | Петромъ Палласомъ, | Статскимъ Совѣтникомъ, Академіи Наукъ членомъ | ордена св. Владиміра Кавалеромъ, | и переведенное Иваномъ Рижскимъ | въ Санктпетербургѣ,—печатано въ Императорской Типографіи, 1795 года. 4°, 2 нен.+70 н. стр.

Карты.

1769. Трускотъ. Карта Польши и Молдавіи.

1773. Шмидтъ. Карта Таврической губерніи

1774. „ Карта Молдавіи и Валахіи.

1775. „ Карта Кіевской губерніи.

1776. „ Карта Могилевской губерніи.

1779. Исленевъ. Карта Новороссійской губерніи.

1783. Трускотъ. Карта Кубани.

1786. Новая карта Россіи, раздѣленная на намѣстничества. 3 большихъ листа.

1792. Атласъ | Россійской | Имперіи — состоящій изъ 46 картъ. | Изданный въ градѣ святаго Петра | 1792 года. Цѣна безъ пер. семь руб. | пятьдесятъ коп. | (Кіевское намѣстничество раздѣлено на 11 уѣздовъ, Екатеринославское на 15).

1792. Книга большому чертежу или древняя карта Россійскаго Государства, поновленная въ разрядахъ и описанная въ 1627 году. С.-Пб. 1792. 8°.

Соп. 5170.

1793. Атласъ (новый) или собраніе картъ всѣхъ частей земного шара, почерпнутый изъ разныхъ сочинителей. С.-Пб. 1793.

Смирдинъ, 3838.

1796. Шмидтъ. Карта пограничная между Россіею, Польшею и Турціею.

1796. Атласъ Россійской Имперіи, состоящій изъ 52 картъ. С.-Пб. 1796.

Всеобщая Географія.

1774. Бишинг. Королевство Венгерское | со | пріобщенными къ оному землями | изъ | Бишинговой географіи | перевелъ | съ нѣмецкаго языка | Петръ Ковалевъ | цѣна 50 коп. | въ Санктпетербургѣ | при Императорской Академіи Наукъ | 1774 года.

Оренбургск. Публичн. Библіотека.

1774. А. Бауманъ. Краткое | начертаніе | географіи | для начинателей | Людвига Адольфа Бауманна | проректора Академіи въ Нейштатѣ | Бранденбургскомъ | (виньетка) переведенное | съ | нѣмецкаго на россійскій языкъ | Московскаго Императорскаго | Университета | студентомъ | Василіемъ Ивановымъ | (виньетка). Печатано при Императорскомъ Московскомъ | Университетѣ 1775 года иждевеніемъ | Христіана Людовика Вевера. | In 16⁰. 4 нен.+159 стр. (На стр. 66—70 говорится о королевствѣ Польскомъ).

1775. Бишингъ. Королевство Польское и великое герцогство Литовское съ присоединенными къ оному землями. п. с. н. Ѳ. Розенбуке. С.-Пб. И. А. Н. 1775. 8⁰. Цѣна 50 к. 269 стр.

Соп. 2392 (1774 г.).

1789. Контемиръ Дмитрій, бывшій князь въ Молдавіи. Историческое, географическое и политическое описаніе Молдавіи съ жизнею сочинителя, перевелъ съ нѣмецкаго Василій Левшинъ, на нѣмецкомъ издалъ Г. Миллеръ М. У. Т. у Н. Новикова. 1789. 12⁰. Ц. 1 р. 50 к. XLIV+378 стр.

Соп. 3065.

1793. Географія (новѣйшая, всеобщая), содержащая въ себѣ пространное свѣдѣніе о четырехъ частяхъ свѣта, съ присовокупленіемъ обозрѣнія Россійской Имперіи въ нынѣшнемъ ея новоустроенномъ состояніи съ приложеніемъ къ оному генеральной карты Россійской Имперіи, изображеніемъ гербовъ намѣстничествъ, городовъ и прочее. Изданіе новое. Во градѣ Святаго Петра. 1793 г. 8⁰.

Готье, 4780.

Путешествія.

1773—1785. Самуила Георга Гмелина | Доктора Врачебной Науки Императорской Академіи Наукъ, Лондонскаго, Гарлемскаго и Вольнаго Санкт-Петербургскаго Экономическаго Общества Члена |

Путешествіе | по Россіи | для изслѣдованія трехъ царствъ естества. | Переведено съ нѣмецкаго (1773—1785: 1 ч. 1773, 4 нен.+2 нен.+272 in 4⁰+39 чертежей; 2 ч. 1777 г. 2 нен.+361+36 черт.; 3 ч. полов. 1-я—1785. 1—336+22 черт.; 3 ч. половина 2-я—1785, 337—373+18 чертежей). (Посѣтилъ и Украину. Описаны (въ 1 части): Малиновка, Терновка, Вишневка. О селитряной землѣ въ Украйнѣ и околичныхъ странахъ. О французской болѣзни между малороссами. О употребленіи Меркурія въ Украинѣ. О употребительномъ изъ давнихъ временъ въ Украйнѣ прививаніи оспы. О нѣмецкомъ селеніи у Острогожскаго заведеннымъ. О фабрикахъ въ Воронежской губ. и вообще о Воронежѣ. О болѣзни называемой шолудями).

Петра Симона Палласа | медицины доктора | естественной исторіи профессора,—Россійской Императорской Академіи Наукъ, Вольнаго Эко | номическаго Санктпетербургскаго Общества Римской | Императорской Естествоиспытательной Академіи и Ко | ролевскихъ Англинскаго, Шведскаго и Геттингскаго | собраніевъ члена | Путешествіе по разнымъ мѣстамъ | Россійскаго государства | по повелѣнію Санктпетербургской Императорской | Академіи Наукъ, | съ нѣмецкаго языка на Россійскій перевелъ | Бунчуковый товарищъ Ѳедоръ Туманскій | Императорской Академіи Наукъ, Королевскаго Прусскаго нѣмец | каго собранія корреспондентъ и учрежденнаго при Московскомъ Императорскомъ Университетѣ Россійскаго Собранія Членъ. Часть второя. Книга первая (1770). Книга вторая (1771). Въ Санктпетербургѣ | при Императорской Академіи Наукъ. | 1786 года | 3 нен.+476 нум. стр.; 511 нум. стр.+31 черт.

Оренбургская Городская Библіотека.

1787. Путешествіе Ея Императорскаго Величества въ полуденный край Россіи въ 1787 году. С.-Пб. 1787. 8⁰. 1 таблица.

1787. Журналъ Высочайшаго Путешествія Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Екатерины II Самодержицы Всероссійскія въ полуденныя страны Россіи въ 1787 году. М. У. Т. у Н. Новикова 1787. 8⁰. Ц. 50 коп.

1787. Путешественныя | Записки | Василія Зуева | отъ | С.-Петербурга до Херсона | въ 1781 и 1782 году. | Въ Санктпетербургѣ | при Императорской Академіи Наукъ. | 1787 годъ. 273 стр. in 40.

Самарская Публичная Библіотека.

1795. Путешествіе въ Крымъ и Константинополь въ 1786 году Милодіи Кровенъ, въ которомъ она описываетъ часть Франціи, Ита-

ліи, Германіи, Польши, Россіи, Турціи, бытность свою въ Санктпетербургѣ и Москвѣ, описываетъ тѣ народы, которые, она видѣла, дѣлаетъ историческое и географическое описаніе Крыма, отъ начала его основанія до покоренія подъ Россійскую Державу, описываетъ часть европейской и азіатской Турціи, нѣкоторые острова архипелага и остатки славнаго въ древности греческаго города Аѳинъ, дѣлаетъ полное и любопытное описаніе славной антенорской пещеры, о которой мы еще не имѣемъ описаній на россійскомъ языкѣ, и оканчиваетъ свое путешествіе, возвращаясь черезъ Булгарію, Валахію и Трансильванію въ Вѣну, переводъ съ французскаго иждивеніемъ переводившаго М. У. Т. Редигера и Клавдія VIII+527 нум. стр.+2 нен. стр.

Сопик. 9201.

Этнографія.

1769. Георій Готлибъ. Открываемая Россія или собраніе одеждъ всѣхъ народовъ, обитателей въ Россіи. 15 номеровъ съ картинами М 1769. 8°.

Сопик. 8000.

1773. Миллеръ. О народахъ издревле въ Россіи обитавшихъ п. с. н. Ив. Долинскій. Спб. 1773. 8°. 132 (2-е изд. 1788 г.)

Соп. 6470, III, 8, стр. 339.

1776—1777. Георій. Описаніе всѣхъ въ Россійскомъ государствѣ обитающихъ народовъ, также ихъ житейскихъ обрядовъ, всѣхъ обыкновеній, жилищъ, одеждъ и прочихъ достопамятностей, сочиненіе профессора Георгія съ раскрашенными изображеніями п. с. н. 3 ч. Спб. Т. Вейтберта и Шнора 1776—1777. 4°. (Новое изданіе въ 4-хъ частяхъ въ 1796—1799 гг.).

Соп. 7535.

1777. Калиновскій Григорій. Описаніе свадебныхъ, украинскихъ простонародныхъ обрядовъ въ Малой Россіи и въ Украинской губерніи, также и въ Великороссійскихъ слободахъ, населенныхъ малороссіянами употребляемыхъ. Спб. 1777. 128°.

Сопик. 7718. Геннади, II, 96 а.

Вотъ и все, что мы можемъ использовать для своихъ цѣлей изъ книжки г. Столпянскаго. Безусловно, указатель его далеко отъ абсолютной полноты, и напр. изъ области этнографіи мы можемъ отмѣтить такіе пробѣлы, какъ: „*Молодикъ съ молодкою на гулянъи съ пѣ-*

сельниками. Петербургъ, 1790“, гдѣ имѣется 16 украинскихъ пѣсенъ; затѣмъ: „*Малороссійская пѣсня: На бережку у ставка*“, *съ нотами и хорами.* Москва, 1794 г. Тѣмъ не менѣе трудъ г. Столпянскаго— явленіе весьма желательное и полезное. Мы были бы весьма благодарны ему или кому-либо иному, если бы появился въ свѣтѣ подобный указатель, напр., по исторіи.

В. Доманицкій.

М. Грушевський. Спірні питання староруськоі етнографіі. *С.-Петербургъ, Типографія Импер. Академіи Наукъ, 1904, 1—17, in 4⁰.* (Отдѣльный оттискъ изъ „Сборника по славяновѣдѣнію“, I).

„Задачею сеі статі буде,—заявляетъ авторъ,—відсунути де які гіпотези й теоріі, що маскують неповности й прогалини, або дають невірне представленне про фактичні відносини, та вказати на ті неясні й непевні точки, які вимагають розсвітлення“ (стр. 3).

Одной изъ гипотезъ, подлежащихъ пересмотру, является теорія великоруссизма старыхъ осадниковъ Поднѣпровья и позднѣйшей уже украинской колонизаціи, въ частности—вопросъ о національности Сѣверянъ. Академикъ Шахматовъ причисляетъ этихъ послѣднихъ къ великорусской народности, равно какъ и Подонье (сѣверянская колонизація). Профессоръ Грушевскій не считаетъ доказательными аргументы акад. Шахматова объ ообсобленности Сѣверянъ отъ южной, правобережной группы, и указываетъ рядъ фактовъ и обстоятельствъ, которые, наоборотъ, говорятъ о связи Сѣверянъ съ правобережными (украинскими) племенами: тѣсная культурная и политическая связь Сѣверянъ съ полянскимъ Кіевомъ, общность этнографическихъ особенностей, какъ напр. погребальный обрядъ, архаическіе украинскіе діалекты нынѣшн. Черниговской губ., наконецъ неправдоподобно, чтобы среднерусское или великорусское племя такъ облило южную группу, какъ это представляетъ себѣ акад. Шахматовъ. «З тих усіх причин я уважаю теорію про великоросизм (чи «середнорусизм») Сіверян хыбною, і позволю собі висловити надію, що безсторонні дослідники— і між ними в першій лінії сам д. Шахматов, переконаються в нестійности сеі теоріі. Нема причин виключати з полудневоі, украінсько-руськоі групи котренебудь з східнославянських племен, які сиділи на нинішній украинсько-

руській територіі: Сіверян, Полян, Деревлян, Дулібів, Тиверців і Уличів» (стр. 9—10).

Что же касается подонскихъ Славянъ, то всѣ аргументы въ пользу ихъ сѣверянства въ X в.—весьмы непрочны, и въ результатѣ племеннаго имени подонской колонизаціи мы не знаемъ, такъ какъ редакторы „Повѣсти" очень мало интересовались этой окраиной, промолчали совершенно эту колонизацію, а потому неудивительно, что промолчали и племенное имя этихъ осадниковъ—если знали его. Такая же точно исторія повторяется и съ колонизаціей Руси въ карпатскія земли. Хотя тамъ и помѣщаютъ такъ наз. „Бѣлыхъ Хорватовъ", но упоминанія о нихъ Повѣсти и разсказы Констант. Порфир. могутъ быть простымъ недоразумѣніемъ, и существованіе русскаго племени Хорватовъ вообще, а на Подкарпатьи спеціально, остается недоказаннымъ. Мы не знаемъ, какое племенное имя имѣли осадники Подкарпатья, западной русской окраины.

Нѣкоторые изслѣдователи передвигаютъ Дулѣбовъ на южный Бугъ. Но „Повѣсть" ясно говоритъ, о какомъ Бугѣ идетъ рѣчь: „кгде нынѣ Волыняне" (т. е. Вислянскомъ), и о какой-либо эмиграціи не упоминаетъ. Такое передвиганіе племенъ съ мѣста на мѣсто въ то время, когда славянское разселеніе уже опредѣлилось (VIII—X), врядъ ли можно считать вѣроятнымъ.

Авторъ, по различнымъ соображеніямъ, не признаетъ имени Бужанъ—племеннымъ, равно какъ и Лучанъ. Какъ Бужане—могли получить имя отъ Бужська, такъ Лучане—отъ Лучська, при этомъ авторъ отказывается отъ признававшейся имъ раньше (Історія Украіни-Руси, I, 381—382) самостоятельности значенія за варіантомъ: „Улутичи", „Улучичи", и придерживается лишь „Уличей".

Касаясь вопроса о племенной основѣ территоріи Лучанъ, авторъ не даетъ опредѣленнаго отвѣта. Недавно еще было общепризнано, что територія Древлянъ на западъ не простиралась далѣе Горыни. Но теперь открытъ погребальный обрядъ, весьма близкій къ древлянскому въ порѣчьи Стыра. Быть можетъ и тамъ были Древляне! Уличи, какъ извѣстно, около полов. X в. передвинулись съ нижняго Днѣпра «межъ Бугъ и Днѣстръ». Вопросъ: на свою территорію, или чужую? Авторъ склоняется къ первому предположенію: это могла бы быть концентрація Уличей въ извѣстной части на ихъ же племенной территоріи.

Наконецъ, кто сидѣлъ на голомъ лѣвомъ побережьи Днѣпра? Отвѣта не имѣемъ.

Таковы главнѣйшіе вопросы, поднятые почт. авторомъ, и, вкратцѣ, отвѣты на нихъ, безъ сомнѣнія первостепенной важности въ начальной исторіи нашего племени.

Остается еще сказать два слова о внѣшней сторонѣ труда проф. г. Грушевскаго. Прежде всего статья написана украинскимъ языкомъ, напечатана чистѣйшимъ фонетическимъ правописаніемъ (съ сохраненіемъ даже особаго правописанія для буквы *g*—г'), и, что самое главное и знаменательное, издана *Имп. Академіей Наукъ въ Петербургѣ* въ „*Сборникѣ по славяновѣдѣнію*"... Отъ души привѣтствуемъ этотъ почин Академіи Наукъ, стоящей, какъ видимъ, выше всякихъ предразсудковъ и соображеній, ничего общаго съ истинной наукой не имѣющихъ, и ссылаясь на этотъ примѣръ, — надѣемся не исключительный, а лишь служащій добрымъ началомъ,—будемъ утѣшать себя надеждой, что прошла уже наконецъ пора непонятнаго страха передъ украинскимъ языкомъ научныхъ трудовъ въ научныхъ собраніяхъ и съѣздахъ, и что предстоящій въ настоящемъ году въ Екатеринославѣ XIII археологическій съѣздъ не покроетъ себя славой XI-го Кіевскаго арх. съѣзда, и пріѣзжіе гости, Галичане, смогутъ наконецъ подѣлиться своими научными результатами съ иными учеными на своемъ родномъ языкѣ, на которомъ единственно они пишутъ и говорятъ, подобно тому, какъ это допускается по отношенію къ Чехамъ или Полякамъ...

В. Д.

П. Яворская. Вирши украиньски. *Кіевъ, 1904, 1—89, in 32°.*
П. Яворская. Марына (поэма). *Кіевъ, 1904, 1—108, in 32°.*

Г. Яворская выпустила въ свѣтъ сразу двѣ книжки. Имя это мы впервые встрѣчаемъ въ украинской литературѣ, хотя хронологическія даты стихотвореній восходятъ ко временамъ весьма отдаленнымъ—1854 году... Это обстоятельство наводитъ насъ на мысль, не посмертное ли изданіе мы имѣемъ передъ собой. Но послѣднее произведеніе датировано 1898 годомъ. Но какъ бы тамъ ни было: живъ ли авторъ и по сію пору, или его нѣтъ уже въ живыхъ,—украинская литература не понесла бы ущерба, если бы произведенія его остались невѣдомыми міру. Возьмемъ, напр., книжку „Вирши украиньски"... При слабой, неудовлетворительной формѣ (отсутствіе размѣра, риѳмъ), стихотворенія г-жи Яворской (всѣхъ 19) обладаютъ болѣе чѣмъ сомнительными внут-

ренними достоинствами, являясь выраженіемъ философскихъ тенденцій и міровоззрѣнія, достойныхъ наиболѣе некультурныхъ, умственно отсталыхъ элементовъ сельскаго населенія. Суевѣрія во всемъ своемъ блескѣ—являются главнымъ мотивомъ произведеній автора, не проявляющаго ни малѣйшаго отрицательнаго отношенія къ описаннымъ сверхъестественнымъ явленіямъ: авторское „я“ исчезаетъ въ этомъ случаѣ, и получается впечатлѣніе, что авторъ самъ является проповѣдникомъ тьмы и невѣжества. Не поучительны ли, напр., такіе рецепты:

„Нехай люде про це знають,
Та й себе оберегають,
Каються вже не мени
Й прымичають таки дни,
Въ котрыхъ йихать не годытся,
Бо вже каверза случытся,
Теперъ коженъ нехай знае—
Пивнемъ курка якъ спивае,
Зайци сныться якъ почнуть,
Або шляхъ твій перейдуть
Пипъ зъ порожнимъ, або кишка—
То вже станется замишка;
Заразъ тоди вертай въ двиръ...
Коженъ мени теперъ вирь (стр. 82—83).

Или вотъ, напр., образецъ философскихъ сужденій автора:

„Зла, лукава та лычына:
Муте бидныхъ и багатыхъ,—
Це видъ его вся прычына,
Не шукаймо й вынуватыхъ“ (стр. 9).
„А шукаты счастя—долю
Не коженъ зуміе,
На тимъ свити за цю волю
Душа въ пекли тліе...
. . . .
Чымъ вамъ думкою блукаты
Та за витромъ въ поли гнатысь,
Доли кращои шукаты,—
Молытыся бъ треба, а не гратысь (стр. 28).

Не говоримъ уже о томъ, что существованіе домового, вѣдьмы и всевозможныя превращенія послѣдней являются, въ произведеніяхъ г-жи Яворской, вещью вполнѣ нормальною и допустимою („Видьма“, „Домовый“, снова „Видьма“, „Ярмарка въ сели“).

Другая книжка, содержащая поэму „Марыну“, также не отличается крупными достоинствами: это длинная скучная біографія Марыны и отчетъ о свадебномъ торжествѣ со многими деталями. Дѣло происходитъ гдѣ-то и когда-то—очевидно не въ наше время. На это имѣемъ указаніе, помимо содержанія поэмы, въ заключительныхъ словахъ поэмы:

„Таки перше люде булы:
Чтылы Бога й батькивъ,
Довго, любо въ свити жылы—
Бильшъ восьмы десяткивъ“.

Маленькій курьезъ въ поэмѣ. Мать Гаврыла, женщина бѣдная, простая, „непысьменна“, философствуя съ мужемъ о томъ, что «не всимъ буть багатымъ—кожнымъ своя доля», о томъ, что на свѣтѣ много зла водится, вдругъ изрекаетъ слѣдующую забавную фразу (NB. Дѣло происходитъ не въ наше время!):

„Якъ бы я пысьменна,
Умила бъ пысаты,
Все лыхе та скверне
Лаяла бъ въ печати...

Наконецъ, позволимъ себѣ процитировать отрывокъ изъ описанія свадьбы Марыны и Гаврыла. Когда молодые сѣли за столъ, «музыкы» начали играть сначала «Два голубонькы вранци»,

Потимъ «Грыця», «Петруся»
Й «дудочкы» дрибненько...

А на столѣ для угощенія были поставлены:

Свыняча голова до хрину,
Локшына молошна,
Зъ грушъ кисиль *на перемину*... (стр. 82).

Хотя г-жа Яворская давно уже начала писать, но вѣчной памяти И. П. Котляревскій еще раньше ея писалъ, что:

Тутъ йилы ризныи потравы:

. . . .

Свынячу голову до хрину
И локшыну на перемину, и т. д.

В. Д.

Ю. Романчукъ. Недруковані твори Артемовського-Гулака. *(Записки Науков. Товариства ім. Шевченка, LX, Miscellanea. стр. 1—14).*

Г. Романчукъ, недавно издавшій произведенія П. Гулака-Артемовскаго во Львовѣ въ книжкѣ «Руска письменність», т. I [1]), сообщаетъ въ „Записках Науковогo Товариства ім. Шевченка" еще 6 неизвѣстныхъ стихотвореній Гулака-Артемовскаго (Справжня добристь—въ полномъ видѣ, Нагайка, До Юхыма, Сыну моему, До Сливицького, До Варкы) и въ концѣ статьи даетъ своей въ хронологическомъ порядкѣ итогъ литературнаго наслѣдія Г.-Артемовскаго. По поводу этого послѣдняго мы и намѣрены сдѣлать нѣсколько замѣчаній.

Г. Романчукъ отмѣчаетъ, какъ безусловно принадлежащія Г.-Артемовскому, 62 произведенія... Въ дѣйствительности же ихъ 65... Неточности при перечисленіи имъ стихотвореній Г.-Артемовскаго въ хронологическомъ порядкѣ замѣчены слѣдующія:

Въ 1820 году написано не 1, а 3 стихотворенія (три прыказкы: Дурень и розумный, Цикавый и мовчунъ, Ликаръ и здоровья); „Розкаяння Охрима" написано, какъ это извѣстно намъ изъ автографа Г.-Артемовскаго не въ 1828 г., а въ 1832; „До Терешка" также въ 1832, а не 1831 (что явствуетъ изъ того же изданія г. Романчука — „Руска Письменнисть" стр. 403); въ 1851 году написано не 10, а 8 стихотвореній, такъ какъ стих. „Ой дежъ вона залетила" и „Нагайка" безусловно относятся къ 1852 (см. Кiев. Стар. 1897, III, 483 и здѣсь же, въ Зап. Н. Тов., стр. 9); къ 1852 году относится не 4, а 7 стих.: добавить два только что указанныхъ и стих. „Де ты бродышъ моя доле", которое г. Романчукъ исключаетъ изъ произведеній Г.-Артемов-

---

[1]) Рецензію на нее см. „Кiевск. Старину", 1904, кн. XII.

скаго на томъ основаніи, что „той сам вірш, тілько з гіршими варіянтамы, друкований вже в збірці Максимовича „Малороссійскія пѣсни; Москва 1827". Но, во-первыхъ, эту извѣстную пѣсню могъ перефразировать, придерживаясь народнаго текста, и Артемовскій, какъ и иной кто-либо, а во-вторыхъ, стихотв. это находится среди несомнѣнно принадлежащихъ перу Артемовскаго стихотвореній...

Наконецъ, и въ данной статьѣ, какъ и въ біографіи Г.-Артемовскаго, предпосланной произведеніямъ его въ „Руской Письменности", т. I (стр. 363) годъ смерти поэта помѣченъ *1866* въ то время, какъ долженъ быть *1865-ый*.

В. Д.

Обзоръ журналовъ конца 1904 года.

Для настоящей книжки разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Записки Наук. Тов. ім. Шевченка, т. 61; 2) Chronik der Ukrainischen Šewčenko-Gesellschaft der Wissenschaften in Lemberg, H. VIII, № 17 и 18; 3) Руська Історична Бібліотека, т. XXIV; 4) Научно-Литературный Сборникъ, т. 3, кн. 2—4; 5) Образованіе, № 12; 6) Сборникъ Учено-Литературнаго Общества при Имп. Юрьевскомъ Университетѣ, т. 8; 7) Варшав. Унив. Извѣстія, № 7 и 8; 8) Revue Archéologique № 5—12; 9) Извѣстія Отдѣл. Рус. яз. и Словесн. Имп. Акад. Наукъ, т. 9, кн. 3 и 4; 10) Рус. Вѣстн., № 11—12; 11) Книжки Восхода, № 5—12; 12) Учен. Зап. Казан. Унив. № 9—12; 13) Земскій Сборн. Черниговъ. Земства, № 4—12; 14) Записки Имп. Юрьев. Унив., кн. 2—6; 15) Записки Имп. Томск. Унив., кн. 24; 16) Archiv für Anthropologie, B. I, H. 1—4; B. II, H. 1—4; B, III, H. 2; 17) Revue des traditions populaires, № 8—9 и 11—12; 18) Zeitschrift für Ethnologie, 1904 г. H. VI.

Записки Наукового Товариства імени Шевченка, т. LXI.

В. Доманицкий. Козаччина на переломі XVI і XVII в. (1591—1603), IV—V (стр. 33—94). Въ настоящей книжкѣ помѣщено продолженіе изслѣдованія, начатаго печатаніемъ въ 60 томѣ «Записокъ» («Кіев. Старина», 1905, XI, стр. 122). Остановившись въ III главѣ

на сношеніяхъ императора Рудольфа съ запорожцами, авторъ даетъ въ IV главѣ обзоръ посольства Эриха Ляссоты въ Сѣчъ. Пока шли переговоры Александра Комулео съ молдавскимъ господаремъ, въ Сѣчи, на о. Базавлуку, находился германскій посолъ Эрихъ Ляссота. Авторъ сначала описываетъ самое путешествіе Ляссоты въ Сѣчь, а потомъ подробно излагаетъ переговоры послѣдняго съ запорожцами. При этомъ авторъ приводитъ текстъ пожеланій, высказанныхъ запорожцами. Описавъ это посольство, авторъ переходитъ къ событіямъ 1594 года и говоритъ о дѣйствіяхъ козаковъ и ихъ вождей Наливайка, Лободы и др. въ эго время.

О. Сушко. Предтеча унії, ч. III (стр. 126—177). Авторъ подробно говоритъ о личности и дѣятельности Бенедикта Гербеста, какъ до вступленія его въ Іезуитскій орденъ, такъ и послѣ вступленія. При этомъ онъ представляетъ много данныхъ о религіозномъ состояніи общества передъ уніей.

І. Джиджора. Нові причинки до історії відносин російського правительства до України в 1720-х і 1730-х р.р. (стр. 1—40). Авторъ основываетъ свое изложеніе на протоколахъ, журналахъ и указахъ Верховнаго Тайнаго Совѣта и бумагахъ Кабинета Министровъ императрицы Анны Іоанновны, опубликованныхъ Имп. Русскимъ Историческимъ Обществомъ. Пользуясь этимъ матеріаломъ, онъ указываетъ тѣ измѣненія и стѣсненія, которымъ подверглись управленіе и строй украинскихъ областей Россіи.

Въ отдѣлѣ «*Miscellanea*» помѣщены слѣдующія замѣтки:

М. Грушевський. «Козаки» в Галичині 1605 р. (стр. 1—2). Авторъ приводитъ одинъ документъ, въ которомъ говорится о наѣздахъ жолнеровъ на Львовъ въ 1604—5 г.г.; при чемъ они называются козаками.

М. Тершаковець. Маркіян Шашкевич про свою „Читанку“ (стр. 2—3). Авторъ опубликовываетъ замѣтку на нѣмецкомъ языкѣ М. Шашкевича, найденную въ бумагахъ В. Шашкевича. Въ ней писатель упоминаетъ «Читанку», при чемъ писалъ онъ эту замѣтку, повидимому, въ цензурный комитетъ. Документъ представляетъ интересъ для изученія творческой дѣятельности покойнаго писателя.

І. Франко. Чи Шашкевичеві вірші? (стр. 4—5). Авторъ разсматриваетъ стихи на церковно-славянскомъ языкѣ, опубликованныя М. Тершаковцемъ подъименемъ М. Шашкевича, и старается опре-

дѣлить, насколько можно признать ихъ поддлинным творенiемъ покойнаго писателя.

Въ отдѣлѣ «*Наукова Хроніка*» З. Кузеля даетъ обзоръ этнографическихъ изслѣдованій и матеріаловъ, появившихся за послѣдніе годы въ западно-европейскихъ періодическихъ изданіяхъ.

Въ отдѣлѣ «*Бібліографія*» даны отзывы о слѣдующихъ книгахъ: *D-r. I. Szaraniewicz.* Das grosse prähistorische Gräberfeld zu Czechy, Brodyer Bezirk in Galizien (Mittheilungen der K. K. Central-Comission für Erforschung der Denkmale, 1901); 2) *В. И. Сизовъ.* Курганы Смоленской губерніи. В. I. Спб. 1902 (Матеріалы по археологіи Россіи, издаваемые Имп. Археолог. Коммиссіей, № 28); 3) *Е. К. Рѣдинъ.* Исторія искусства и русскія художественныя древности. Х. 1902; 4) *П. В. Владиміровъ.* Древняя русская литература Кіевскаго періода XI—XIII вв. К. 5) *В. М. Истринъ.* Изъ области древнерусской литературы (Журн. Мин. Нар. Пр., 1903, № 8—11); 6) *А. И. Соболевскій.* Мученіе св. Аполлинарія Равенскаго по русскому списку XVI вѣка (Изв. Отд. Рус. яз. и Словес. Имп. Ак. Наукъ, 1903, т. VIII, кн. 2); 7) *А. И. Соболевскій.* Мученіе свв. Анастасіи Римлянки и Хрисогона по русскому списку XVI в. (ibid, кн. 4); 8) *Ф. И. Покровскій.* Новый списокъ слова Даніила Заточника (ibid); 9) *Dr. S. Kutrzeba.* Handel Krakowa w wiekach srednich (Rozprawy wydz. histor.-filoz. т 44; 10) *Dr. S. Kutrzeba.* Handel Polski ze wschodem w wiekach średnich (Przegląd polski); 11) *Dr. S. Kutrzeba.* Akta odnoszące się do stosunków handlowych Polski z Węgrami (Archiwum komisyi historycznej т. IX); 12) *N. Iorga.* Relatiile comerciale ale torilor noastra cu Lembergul. P. I. Букарешт, 1903; 13) *N. Iorga.* Studii istorice asupra Chilieĭ si Cetatiĭ-Albe. Букарешт. 1900; 14) *М. В. Довдаръ-Запольскій.* Государственное хозяйство в. кн. Литовскаго при Ягеллонахъ. Т. I. К. 1901; 15) *Dr. L. Boratyński.* Stefan Batory i plan ligi przeciw Turkom (1576—1584) (Rozprawy Ak. Umiejętn., wydz. hist.-filoz., s. II, t. XIX); 16) *А. Войтковъ.* Іовъ Базилевичъ, епископъ переяславскій, и участіе его въ церковно-политической жизни Польской Украины (1771—1776). К. 1903; 17) *А. С. Будиловичъ.* Къ вопросу о племенныхъ отношеніяхъ въ Угорской Руси (Живая Старина, 1903, III); 18) *Др. М. Пачовскій.* Похоронний обряд на Руси (звіт дирекціи ц. к. академічноі гимназіі за р. 190$^{1}/_{2}$); 19) *L. Młynek.* „Konik“, „Turok“, „Mis“, „Koza“, „Bokkus“ (Thiercultus in Galizien) (Zeitschrift für oester. Volkskunde, 1903); 20) Гельцля

стінна карта Австро-Угорщини для шкіл народних, уложив *А. Е. Зайберт*, переложив *О. Попович*; 21) Чтенія въ Историч. Обществѣ Нестора Лѣтописца, кн. XVII, в. 1—4, 22) Rozprawy akademii umiejętności, wyd. filolog., t. 33—55, t. 36+39 (серія II, т. 18—24); 23) Rozprawy akademii umiejętności, wyd. hist.filoz, t. 45—56.

Chronik der Ukrainischen Ševčenko-Gesellschaft der Wissenschaften in Lemberg H. VIII, № 17—18.

№ 17. Настоящая книжка представляетъ отчетъ о дѣятельности Товариства імени Шевченка въ 1903 году. Кромѣ отчетовъ о дѣятельности правленія, секцій и коммиссій, даны списки изданій Общества, его членовъ съ краткими справками объ общественномъ положеніи. Къ списку членовъ приложенъ некрологъ проф. А. И. Маркевича съ портретомъ послѣдняго, при чемъ данъ списокъ трудовъ покойнаго, помѣщенныхъ въ изданіяхъ Товариства. Затѣмъ слѣдуетъ указатель тѣхъ ученыхъ обществъ и учежденій, съ которыми Товариство обмѣнивалось изданіями, при чемъ въ этомъ спискѣ мы встрѣчаемъ многочисленныя русскія и заграничныя ученыя общества и учрежденія. Изъ отчета о музеѣ видно, что пополняется онъ весьма туго, такъ какъ притокъ частныхъ пожертвованій не великъ. Конечно, желательно было-бы, чтобы украинская публика поддержала это полезное учрежденіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ, жертвуя туда древности, монеты, естественно-историческіе и этнографическіе предметы, сохранила ихъ для науки. Настоящая книжка заключается денежными отчетами. Но сверхъ упомянутыхъ рубрикъ, въ разсматриваемомъ номерѣ помѣщенъ и слѣдующій болѣе подробный отчетъ о библіотекѣ Товариства:

M. Pavlyk. Stand der Bibliothek im Jahre 1903 (стр. 46—53). Изъ настоящаго отчета видно, что библіотекой Товариства пользовались въ 1903 году 513 лицъ, при чемъ посѣщеній было 2668, и томовъ взято 4042. Въ отчетномъ году въ библіотеку поступило 1030 печатныхъ произведеній въ 1526 томахъ, кромѣ того, зарегистрированы 626 томовъ, поступившихъ раньше, и къ 31 декабря 1903 года въ библіотекѣ было 7516 названій, или 14533 тома. Въ это число не включены дублеты и каталоги книжныхъ магазиновъ. Дублеты изданій Товариства теперь выдѣлены и составили особую библіотеку въ кабинетѣ для учебныхъ занятій.

Библіотека пополнялась слѣдующими путями: Товариство передало въ нее 79 томовъ своихъ изданій, 81 томъ куплены для нея, путемъ обмѣна поступило 752 тома, и пожертвовано 714 томовъ.

Въ отдѣлъ рукописей поступили 54 номера, при чемъ всего въ этомъ отдѣлѣ числится 134 рукописи. Важнѣйшія изъ этихъ рукописей слѣдующія: Д. Мордовець. „Про незабутне"; Ст. Руданськый „Омирова Ільйонянка". 1862—1863 гг., 2 тома; М. N. „Ляментъ о пригодѣ нещасной", 1636 года; бумаги покойнаго Остапа Левицького; І. Федькович „Співанник для господарскихъ діточокъ на Буковині І рікъ" и корректура къ этому сборнику; учительное Евангеліе, вѣроятно, XVII ст. и т. д.

Самыя интересныя изъ поступившихъ рукописей помѣщены въ библіотекѣ подъ № 134: онѣ представляютъ бумаги покойнаго д-ра Мелитона Бучынського, переданныя Товариству семьей доктора. Эти рукописи содержатъ: 1) документы отдѣленія „Просьвіта" въ Станіславові; 2—3) литературные матеріалы (стихи и прочія произведенія покойнаго и другихъ лицъ); 4) матеріалы для украинскаго словаря и грамматики; 5) воспоминанія одной польки за 1849 г.; 6) документы для исторіи выборовъ въ 1895 году въ рейхсратъ въ Станіславів. повіті; 7—8) сборники народныхъ пѣсенъ, записанныхъ самимъ М. Бучынськимъ и другими лицами (черновыя и бѣловыя записи, въ 12 т.т.); 9) письма къ покойному отъ различныхъ лицъ и обществъ: „Академическій Кружокъ" изъ Львова 1 (1877); В. Антоновичъ изъ Кіева 1 (1871); А. Антоновичъ изъ Кіева 1 (1871); Н. Артемовськый 2 (1872); Александръ Барвинськый 7 (1870, 1878, 1887); Іосифъ Барвинськый 2 (4870); Владиміръ Барвинськый 7 (1896 ?—1885); Николай Байчыкъ изъ Гвоздя около Надвирны 1 (1885); Ив. Белей изъ Львова 1 (1881); В. Беренштамъ изъ Кіева 1 (1871); Владиміръ Березовськый изъ Вильно 6 (1870—3); П. Білынськый изъ Львова 1 (1870); Мих. Білоусъ изъ Коломиі 1 (1872); Патеръ Титъ Блонсскый изъ Доры 1 (1891); Мих. Боднаръ изъ Потока Золотого 2 (1874); Дометый Бородайкевычъ изъ разныхъ мѣстъ 17 (1869—1876 и при нихъ 3 неоконченныхъ отвѣтныхъ письма М. Бучынського) и т. д. Списокъ этихъ писемъ весьма обширенъ и занимаетъ въ настоящемъ отчетѣ почти 3 страницы (49—52). При этомъ въ особомъ портфелѣ собрано много черновыхъ писемъ М. Бучынського къ разнымъ лицамъ, особенно къ М. Драгоманову, но эти письма долго пробыли въ землѣ и настолько истлѣли, что разсыпаются въ рукахъ.

Кромѣ писемъ къ М. Бучынському, въ этой серіи бумагъ имѣются письма къ его отцу и другимъ членамъ его семьи, а также къ разнымъ постороннимъ лицамъ. Въ общей сложности Товариство получило отъ семьи покойнаго М. Бучынського 915 писемъ, которыя представляютъ весьма цѣнный матеріалъ главнымъ образомъ для исторіи національнаго движенія въ Галиціи. При этомъ Товариство получило еще не всю переписку покойнаго, что можно видѣть изъ списка писемъ, составленнаго самимъ Бучынськимъ.

Наконецъ, въ оставшихся послѣ М. Бучынського бумагахъ получены еще слѣдующія рукописи: документы, относящіеся къ роли Рутеновъ въ утвержденіи покойнаго Пелеша на епископской каѳедрѣ въ Станиславовѣ въ 1886 году; родословная семьи Бучынськихъ; замѣтки М. Бучынського по генеологіи своей семьи; уставы галицкой гимназической „Громады" 70 годовъ и многіе документы, касающіеся отношеній покойнаго къ вѣнской „Січі".

№ 18. Въ настоящей книжкѣ «Хроники» большая часть мѣста занята протоколами засѣданій общаго собранія (4 апрѣля), правленія, секцій и коммиссій. Въ концѣ помѣщена замѣтка объ участіи Общества въ празднованіи 100-лѣтняго юбилея Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ въ Москвѣ и приведенъ текстъ привѣтствія юбиляру.

Руська Історична Бібліотека, т. XXIV.

Настоящій томъ имѣетъ еще подзаголовокъ «Розвідки міста і міщанство на Украіні-Руси, ч. II». Въ этомъ томѣ помѣщены слѣдующія изслѣдованія, извѣстныя уже южно-русскимъ читатетелямъ: 1) *М. Владімірський-Будановъ.* Німецьке право в Польші й Литві, V (кінець); 2) *В. Антонович.* Украінські міста; 3) *Д. Багалій.* Магдебурське право на Лівобічній Украіні.

Научно-Литературный Сборникъ, т. 3, кн. 2—4.

Книга 2.

Письма П. А. Кулиша, относящіяся къ времени и цѣли его пребыванія во Львовѣ (*окончаніе, стр. 1—41*). Въ настоящей книжкѣ помѣщены 23 письма П. А. Кулиша, 1 письмо Цезаря Билиловскаго

и 1 письмо М. Драгоманова. Большая часть писемъ П. А. Кулиша писаны по-польски, но послѣднія письма написаны на украинскомъ языкѣ. Изъ числа этихъ писемъ 10 написаны П. А. Кулишомъ изъ Вѣны, а остальныя изъ Россіи. Издатели сопровождаютъ ихъ краткими пояснительными примѣчаніями. Въ общемъ письма представляютъ извѣстный интересъ для біографіи и характеристики П. А. Кулиша, если они, конечно, подлинны, а не одна изъ мистификацій пресловутой „Галицко-Русской Матицы“.

Ф. И. Свистунъ. Памяти присоединенія Малороссіи къ московскому государству въ 1654 году (окончаніе, стр. 95—103). Въ этой части своей статьи, отмѣченной нами раньше на страницахъ „Кіевской Старины“, авторъ задается вопросомъ, „могъ-ли Хмельницкій думать объ образованіи независимаго украинскаго государства“. Разсмотрѣвъ соціальный составъ и правовое положеніе украинскаго населенія, онъ заявляетъ, что образованіе независимаго государства было не посиламъ ему. „Мысль автономнаго русско-украинскаго княжества въ соединеніи съ Польшей возникла среди поляковъ по смерти Богдана Хмельницкаго, при Выговскомъ... Отъ Турціи и татаръ не могъ Богданъ Хмельницкій надѣяться ничего добраго“. Ко всѣмъ этимъ положеніямъ подобраны для доказательства кое-какіе факты, и отсюда получается желанный для автора отвѣтъ, что мысль соединиться съ Москвой „глубоко коренилась въ сердцахъ малороссійскаго народа“. „Но эта мысль вышла не отъ Москвы, а самородно (sic!) волновала умы малороссійскаго населенія“. Въ Москвѣ даже не хотѣли этого соединенія, а только испугались, что лакомая Малороссія попадетъ въ руки турокъ. На основаніи всего этого авторъ заявляетъ, что «Хмельницкій въ 1654 г. иначе поступить не могъ», такъ какъ «того требовалъ народный голосъ».

Въ отдѣлѣ *„Смѣсь“* помѣщены слѣдующія двѣ замѣтки *О. А. М — аго:* 1) *О названіяхъ „Украина“, „украинскій“* (стр. 106—109). Онъ заявляетъ, что эти слова вошли въ общее употребленіе лишь съ 1899, а принесены въ 1863 году польскимъ эмигрантомъ Павлиномъ Стахурскимъ-Свѣнцицкимъ (Павловскій), отъ котораго и повелся „среди галицко-русской молодежи украинофильскій сепаратизмъ“ (sic!). Въ результатѣ названные термины, по словамъ автора, не имѣютъ никакого основанія и смысла. 2) *Наука, фонетика и политика* (стр. 109—112). Здѣсь авторъ приводитъ переводъ одной статьи изъ Przeglad'a (1892 г., № 89, отъ 17 апрѣля) объ украинскомъ правописа-

ніи и сопровождаетъ свой переводъ злобными выкриками въ доказательство того, что этимологическое правописаніе слѣдуетъ считать спасительнымъ для украинцевъ, а фонетическое погубитъ ихъ, такъ какъ изобрѣтено поляками въ цѣляхъ полонизаціи Украины.

Книга 3.

Кн. 3. Въ *«Научномъ Отдѣлѣ»* относится къ украинскому народу слѣдующая статья:

К. Н. Устіяновичъ. Галицко-русскій сепаратизмъ (стр. 60—103). Авторъ говоритъ на извѣстныя темы и въ общемъ вполнѣ знакомыя мысли, нравящіяся нѣкоторымъ. Впрочемъ, мнѣнія автора не всегда совпадаютъ со взглядами редакціи Н.-Л. С. и вызываютъ иногда подстрочные возраженія.

Въ отдѣлѣ *«Смѣсь»*, къ Южной Украинѣ относятся слѣдующія статьи:

О. А. Мончаловскій. К. Н. Устіяновичъ (стр. 50—56). Авторъ даетъ некрологъ К. Н. Устіановича и характеризуетъ его литературную и общественную дѣятельность.

О. А. Мончаловскій. Украинофильство Гоголя (стр. 114—118). Настоящая замѣтка написана по поводу письма Б. Залескаго къ Ф. Духинскому, извѣстному автору туранской теоріи. Письмо это написано 19 февраля 1859 года и трактуетъ объ упомянутой теоріи, причемъ Б. Залескій увѣряетъ, что познакомился съ Н. В. Гоголемъ въ Парижѣ, и тотъ придерживался взглядовъ Ф. Духинскаго. О. А. Мончаловскій, признавая любовь Н. В. Гоголя къ Украинѣ, отвергаетъ правильность словъ Б. Залескаго.

Книга 4.

О. А. Мончаловскій. Взгляды „станчиковъ“ на русскій народъ (стр. 57—61). Въ этой замѣткѣ г. Мончаловскій сообщаетъ, что станчиками въ Галиціи называютъ ту польскую партію, которая стоитъ теперь во главѣ управленія страной. Станчиками во время оно називали шутовъ при дворахъ польскихъ королей. Вообще, поляки, по увѣренію автора, ненавидятъ русскихъ и въ частности украинцевъ и не скрываютъ этого. Но станчики сдержаннѣе другихъ и стараются даже заигрывать съ украинцами. Однако авторъ не совѣтуетъ вѣрить и имъ, такъ какъ они хитры и болѣе опытны въ политикѣ, чѣмъ другіе поляки, а научились они политическому искусству отъ своихъ

предковъ, которые занимали разныя дипломатическія должности во времена самостоятельности Польши. Для подтвержденія своихъ словъ авторъ старается подобрать примѣры, начиная отъ древнѣйшихъ временъ.

М. Ф. Рождественскій. Графъ Станиславъ Тарновскій, его дѣятельность и ученые взгляды на Россію и русскихъ (стр. 61—71) По словамъ автора этой замѣтки, графъ С. Тарновскій—глава и основатель партіи „станчиковъ". Онъ ненавидитъ Россію и русскихъ и не скрываетъ этого. А ненавидитъ онъ все русское такъ сильно, что не хочетъ даже цитировать въ своихъ ученыхъ трудахъ сочиненія русскихъ историковъ: Соловьева, Костомарова и др. Для подкрѣпленія своихъ увѣреній авторъ приводитъ еще выдержки изъ произведеній графа. Вообще и эта замѣтка написана въ томъ-же узко-націоналистическомъ духѣ, какъ и отмѣченное выше произведеніе г. Мончаловскаго.

О. А. Мончаловскій А. Н. Пыпинъ (стр. 27—80). Настоящая замѣтка представляетъ некрологъ и очеркъ ученой дѣятельности покойнаго А. Н. Пыпина, но тѣмъ не менѣе и она тенденціозна. Достаточно сказать, что авторъ старается доказать, что взгляды знаменитаго ученаго похожи на взгляды гг. Мончаловскаго, Рождественскаго и имъ присныхъ.

Въ отдѣлѣ «*Библіографія*» помѣщены слѣдующія статьи и замѣтки: 1) *Д-р. И. С. Свѣциницкій. Рукописи библіотеки „Народнаго Дома"* (стр. 81—104). Эта статья дѣйствительно представляетъ интересъ для каждаго, интересующагося исторіей Украины, такъ какъ содержитъ въ себѣ просто инвентарный каталогъ рукописей „Народнаго Дома" на иностранныхъ языкахъ. Никакихъ примѣчаній автора нѣтъ. Среди рукописей многія интересны и для представителей другихъ народностей. 2) Перепечатка тенденціозныхъ отзывовъ П. Хорсова (изъ „Мирнаго Труда") о такихъ-же писаніяхъ О. А. Мончаловскаго (стр. 105—108): „Главныя основы русской народности, Львовъ. 1904" и „Участіе малороссовъ въ общерусской литературѣ. Львовъ. 1904".

Образованіе, № 12.

В. Чернышевъ. Мнѣніе академика А. И. Соболевскаго объ упрощеніи русскаго правописанія (Отд. II, стр. 72—80). Замѣтка напи-

сана по поводу писемъ А. И. Соболевскаго въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ относительно предположенной реформы въ русскомъ правописаніи. Разбирая мнѣнія А. И. Соболевскаго, авторъ постоянно касается вопроса о томъ, насколько доступно современное предположенное правописаніе украинцамъ.

Въ отдѣлѣ *«Хроника русской жизни»* помѣщены слѣдующія замѣтки, относящіяся къ Южной Россіи: 1) Банкеты въ Воронежѣ, Кіевѣ, Одессѣ и многихъ другихъ городахъ; 2) Г. Коноваловъ въ Петербургѣ и г. Бобрецкій въ Кіевѣ.

Въ отдѣлѣ *«Родныя Картины»* къ Южной Россіи относятся слѣдующія замѣтки: 1) Харьковскіе «мирные труженики»; 2) Воронежскіе любители сыскного дѣла; 3) Мелочи (перепечатка изъ «Волыни»).

Въ отдѣлѣ *«Критика и Библіографія»* помѣщены рецензіи на слѣдующія книги, представляющія интересъ и для украинцевъ: 1) *С. А. Венгеровъ.* Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Т. VI. Спб. 1897—1904; 2) *М. Лемке.* Эпоха цензурныхъ реформъ. 1859—1865. Спб. 1904; 3) *Д. Дорошенко.* Указатель источниковъ для ознакомленія съ Южной Русью. Спб. 1904.

Сборникъ Учено-Литературнаго Общества, при Имп. Юрьевскомъ Университетѣ, т. VIII.

Н. К. Грунскій. Кіевскіе глаголическіе листки (стр. 1—60). Авторъ сначала излагаетъ мнѣнія ученыхъ относительно этихъ листковъ, а потомъ изслѣдуетъ ихъ языкъ. На основаніи филологическихъ данныхъ, онъ приходитъ къ заключенію, что Кіевскіе листки стоятъ ближе другихъ глаголическихъ памятниковъ ко времени Кирилла и Меѳодія, но опредѣлить ихъ родину онъ не берется.

Извѣстія Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н., т. IX, кн. 3 и 4.

Кн. 3. Н. Ѳ. Сумцовъ. Пятидесятилѣтіе сборника А. Л. Метлинскаго «Народныя южно-русскія пѣсни» (стр. 1—18). Авторъ сначала даетъ исторію даннаго сборника украинскихъ пѣсенъ и указываетъ составъ его въ связи съ воззрѣніями А. Л. Метлинскаго на этотъ вопросъ и обстоятельствами, при которыхъ покойный профессоръ со-

биралъ свои матеріалы. Затѣмъ Н. Ѳ. Сумцовъ разсматриваетъ отзывы, появившіеся въ періодической печати и въ ученыхъ трудахъ о сборникѣ А. Л. Метлинскаго. На основаніи этого матеріала онъ опредѣляетъ «вліяніе на послѣдующіе успѣхи народоизученія какъ самого содержанія сборника, такъ и высказанныхъ въ предисловіи идей издателя».

В. И. Срезневскій. Поѣздка въ Петрозаводскъ и Заонежье (стр; 19—36) Описывая епархіальную миссіонерскую библіотеку въ Петрозаводскѣ, авторъ даетъ перечень находящихся въ библіотекѣ рукописей (стр. 28—32) и книгъ церковной печати (стр. 33—36). Въ первомъ перечнѣ нѣтъ ничего, относящагося къ Южной Россіи, а во второмъ приведены слѣдующія книги, написанныя украинцами или изданныя въ типографіяхъ Южной и Западной Россіи: 1) Апостолъ (Львовъ, 1574); 2) Служебникъ (Вильна, 1583); 7) Книга о вѣрѣ единой, святой соборной апостольской церкви (Кіевъ, 1619); 8) Грамматика Славенская Мелетія Смотрицкаго (Евю, 1619); 10) Іоанна Златоустаго бесѣды на книгу посланій апостола Павла (Кіевъ, 1623); 11) Іоанна Златоустаго бесѣды на книгу дѣяній апостолъ (Кіевъ, 1624); 12) Номоканонъ (Кіевъ, 1624); 15) Андрея Кесарійскаго толкованіе на апокалипсисъ (Кіевъ, 1625); 17) Лимонарь (Кіевъ, 1628); 28) Анѳологіонъ (Львовъ, 1638); 40) Требникъ Петра Могилы (Кіевъ, 1646); 41) Служебникъ (Львовъ, 1646); 64) Іоанникія Галятовскаго Мессія правдивый (Кіевъ, 1669); 65) Патерикъ печерскій (Кіевъ, 1678): 68) Евангеліе (Вильна, 1782); 69) Катихизисъ Лаврентія Зизанія (Гродно, 1783); 70) О вѣрѣ православныя восточныя церкви (Гродно, 1785); 71) Альфа и Омега Вильно, 1786); 72) Кириллова книга (Гродно, 1786); 73) Катихизисъ Лаврентія Зизанія (Гродно, 1787); 74) Соборникъ (Супрасль, 1791); 76) Василія Новаго житіе (Почаевъ, 1794); 77) Страсти Христовы (Супрасль, 1795); 78) Тактиконъ Никона Черногорца (Почаевъ, 1795); 79) Златоустъ, сборникъ 112 словъ (Вильна, 1798); 80) Псалтырь (Почаевъ, безъ года); 81) Златоустъ (Почаевъ, безъ года); 82) Альфа и Омега) Вильна, 1876). Въ концѣ авторъ даетъ краткій списокъ книгъ церковной печати, видѣнныхъ имъ у одного частнаго лица, при чемъ для южно-русскаго читателя могутъ представить интересъ слѣдующія книги: 1) Тріодь постная (Краковъ, 1491); 2) Апостолъ (Львовъ, 1573; 3) Евангеліе (Вильна, 1575); 4) Псалтирь (Вильна? XVI в.); 5) Апокрисисъ (Острогъ, 1597 или 1598); 6) Октоихъ (Кіевъ, 1603); 7) Анѳологіонъ

(Кіевъ, 1618); 8) Служебникъ (Кіевъ, 1629); 10) Книга о вѣрѣ (1632?); 11) Евангеліе (Львовъ, 1636); 12) Служебникъ (Львовъ, 1646); 13) Зобраніе короткой науки объ артикулахъ вѣры (Львовъ, 1646) 14) Метрика албо реестръ Львовъ, 1687); 15) Тріодь цвѣтная (Кіевъ. 1725); 16) Службы россійскимъ святымъ (Супрасль, 1786); 17) Страсти Христовы (Супрасль, 1794).

В. И. Срезневскій. Отчетъ Отдѣленію русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ о поѣздкѣ въ Олонецкую, Вологодскую и Пермскую губерніи (стр. 41—104). Въ настоящей книжкѣ авторъ продолжаетъ перечень пріобрѣтенныхъ имъ во время поѣздки рукописей и книгъ. Для южно-русскихъ читателей представляетъ интересъ только одна рукопись: 130. Сборная рукопись первой половины XIV в., содержащая выписку изъ Печерскаго Патерика (л. 288 об.). Изъ книгъ церковной печати, пріобрѣтенныхъ В. И. Срезневскимъ, къ Южной и Западной Руси относятся слѣдующія книги: 1) Библія Франциска Скорины. Прага. 1517—1519. 2) Діоптра Кутейна(?). 1642(?). 3) Діоптра. Кутейна. 1651. 6) Полууставъ. Кіевъ. 1672. 8) Акаѳисты. Кіевъ. 1709. 9) Псалтырь. Кіевъ. Ок. 1720. 11) Поученія аввы Дороѳея. Вильна. 1767. 12) Сборникъ. Супрасль. 1791. 13) Часовникъ. Почаевъ. 1794 (перепечатка изданія 1652 г.). 14) Алфавитъ духовный. Кіевъ. 1803. 15) Уставъ со святцами. Почаевъ, первой половины XIX в.(?).

И. Абрамовъ. „Царь Максиміліанъ“ (Святочная кумедія) (стр. 266—298). «Въ глухомъ углу Черниговской губ., говоритъ авторъ, въ небольшомъ мѣстечкѣ Воронежѣ (Глуховскаго уѣзда, на родинѣ П. А. Кулиша), до настоящаго времени въ народной памяти сохраняется старинная «кумедія» Царь Максиміліанъ. Нужно замѣтить, что населеніе мѣстечка Воронежа говоритъ на малорусскомъ языкѣ, но названная мною «кумедія» всегда разыгривается на языкѣ великорусскомъ, впрочемъ не совсѣмъ чистомъ». По мнѣнію автора, жители м. Воронежа заимствовали эту «кумедію» изъ м. Шостки, гдѣ много пришлыхъ рабочихъ и солдатъ. Авторъ записалъ кумедію «Царь-Максиміліанъ» со словъ козака м. Воронежа Ѳеодора Левченка, при чемъ отмѣчаетъ нѣкоторыя отличія даннаго текста отъ опубликованныхъ раньше записей (Этн. Об., 1891, 96 и 98). Въ приложеніи къ этой статьѣ опубликованы: списокъ дѣйствующихъ лицъ, описаніе ихъ одежды и текстъ кумедіи.

Въ отдѣлѣ «*Библіографія*» представляютъ интересъ для южно-русскаго читателя слѣдующія замѣтки: 1) *И. С. Свѣнцицкій. Церковно и русско-славянскія рукописи Публичной библіотеки Народнаго Дома во Львовѣ* (стр. 350—414). Авторъ характеризуетъ сначала рукописное собраніе Публичной библіотеки, гдѣ хранится между прочимъ также коллекція рукописей, собранныхъ А. С. Петрушевичемъ въ Карпатской Руси и Румыніи (XV, XVII вв.). Затѣмъ онъ даетъ описаніе части рукописей, принадлежащихъ библіотекѣ. 2) Рецензія *С. К. Булича* на книгу *Г. А. Ильинскаго* «Сложныя мѣстоименія и окончанія родительнаго пад. ед. ч. муж. и ср. рода неличныхъ мѣстоименій въ славянскихъ языкахъ. Варшава. 1903» (стр. 419—431).

Кн. 4.—А. Н. Веселовскій. А. Н. Пыпинъ. (стр. I—VIII). Настоящая статья даетъ блестящую характеристику знаменитаго ученаго, академика А. Н. Пыпина, скончавшагося 26 ноября 1904 года. Авторъ выясняетъ тѣ условія, подъ вліяніемъ которыхъ сложилось міровоззрѣніе покойнаго и протекла его плодотворная научная дѣятельность.

Н. И. Петровъ. Воспитанники Кіевской Академіи изъ сербовъ съ начала синодальнаго періода и до царствованія Екатерины II (1721—1762 г.) (стр. 1—16). «Кіевская Академія въ XVII—XVIII вѣкахъ принимала въ число своихъ воспитанниковъ не только русскихъ туземнаго происхожденія, но и заграничныхъ». При этомъ заграничные воспитанники встрѣчаются въ большомъ числѣ, достигая $^1/_3$ и до $^1/_2$ всего состава студентовъ. Конечно, большинство изъ нихъ происходило изъ тѣхъ русскихъ областей, которыя тогда принадлежали Польскому королевству и потомъ, за исключеніемъ Галиціи, вошли въ составъ Россійской имперіи. Но среди заграничныхъ студентовъ авторъ нашелъ за время съ 1721 г. по 1762 г. и настоящихъ иностранцевъ (31 чел.), которые распредѣляются по національностямъ слѣдующимъ образомъ: 1 грекъ, 2 румына и 28 сербовъ. Такое значительное количество сербовъ въ Кіевской Академіи было вызвано потребностью ихъ соплеменниковъ «въ систематическомъ школьномъ образованіи», при чемъ сербы или просили учителей изъ Россіи или отправляли въ Кіевскую Академію молодыхъ людей для подготовки къ учительству. Авторъ настоящей статьи даетъ очеркъ сношеній сербовъ съ Россіей въ связи съ развитіемъ у нихъ школьнаго дѣла въ XVIII ст. и приводитъ перечень сербскихъ воспитанниковъ Кіевской Академіи. По мнѣнію автора, посылки сербовъ въ Кіевскую Академію должны были сократиться съ того момента, какъ ген.-м. Хорватъ сталъ поль-

зоваться ими въ качествѣ вербовщиковъ новыхъ сербскихъ переселенцовъ, вслѣдствіе чего нѣкоторые сербы, воспитавшіеся въ Академіи, предпочли остаться въ Россіи и такимъ образомъ не принесли пользы своей родинѣ. Въ дополненіи авторъ даетъ перечень тѣхъ сербскихъ студентовъ, о которыхъ онъ узналъ уже по окончаніи этой статьи.

С. Н. Браиловскій. Къ литературной дѣятельности Гавріила Домецкаго (стр. 17—96). Въ настоящей статьѣ авторъ отмѣчаетъ, что литературная дѣятельность Гавріила Домецкаго вообще мало изслѣдована, и до сихъ поръ не приведено въ извѣстность количество написанныхъ имъ произведеній. Издано только 4 сочиненія Г. Домецкаго, но, кромѣ нихъ, послѣднему принадлежатъ еще 9 произведеній и нѣкоторые переводы. Въ приложеніи къ этой статьѣ авторъ издаетъ два сочиненія Г. Домецкаго по рукописи библіотеки Кіево-Софійскаго собора № 263. Оба сочиненія относятся къ 1683 г. и трактуютъ о монашеской жизни. С. Н. Браиловскій указываетъ мѣсто издаваемыхъ имъ произведеній Г. Домецкаго въ ряду другихъ произведеній послѣдняго, трактующихъ о монашествѣ и монастырской жизни, а также отмѣчаетъ, что они важны для библіографіи Г. Домецкаго, доказывая его малорусское происхожденіе и характеризуя полученное имъ образованіе. Въ приложеніи изданы 2 сочиненія Гавріила Домецкаго: 1) На стр 23—87: О возваню до закону и о доскональности вшедших в него обовязуючимся послѣдовати Господу Іисусу Христу из ученій разных учителей трудом Гавріила Домецкаго, недостойнаго архімандріта пречесныя святыя велікія обители Пречестныя Богородицы общежительнаго Симонова монастыря, внаученіе обитающей о Христѣ братіи моей возлюбленной, от сотворенія міра 7191-го года от воплощенія же Бога Слова 1683-го, индикта 11, мѣсяца ноемврія. 2) На стр. 87—96: Розмышленіе на седмь дней и седми добродѣтелехъ Спасителя нашего Іисуса Христа хотящим ему послѣдовати. А то власнѣ надлежитъ монахом.

Е. В. Пѣтуховъ. Матеріалы и замѣтки изъ исторіи древней русской письменности. IV—IX (стр. 141—172). Для украинскаго читателя представляетъ значительный интересъ прежде всего VI глава этого изслѣдованія—«Посланіе еп. Симона въ позднѣйшей передѣлкѣ» (стр. 153—156). Здѣсь имѣется въ виду извѣстное посланіе еп. Симона къ иноку Печерскаго монастыря Поликарпу и архимандриту Акиндину. Хотя авторъ передѣлки старался опустить всѣ тѣ мѣста

посланія, которыя имѣли личный или мѣстный характеръ, тѣмъ не менѣе онъ упоминаетъ и о Кіево-Печерскомъ монастырѣ и объ основателѣ его преп. Антоніи, къ которому питаетъ благоговѣніе. По мнѣнію Е. В. Пѣтухова, „это позволяетъ предполагать, что она возникла въ стѣнахъ той же обители, писана ея питомцемъ къ своему печерскому собрату, нѣкоему иноку Герасиму". Е. В. Пѣтухову не удается опредѣлить ни личности этого Герасима, ни времени передѣлки, которая дошла въ рукописи XVIII вѣка.

Затѣмъ нѣкоторый интересъ для украинскаго читателя можетъ представить и IX глава настоящаго изслѣдованія—„О древне русскихъ рукописяхъ Королевской библіотеки въ Стокгольмѣ" (стр. 170—172). Изъ пяти описанныхъ рукописей, мы отмѣтимъ лишь воторую—„Сборникъ" XVII вѣка, такъ какъ въ немъ содержится слѣдующая статья: Чудо святого николы о половцинѣ, створившееся въ градѣ киевѣ.

М. Г. Грушевскій. Еще о грамотахъ кн. Льва Галицкаго. (По поводу статьи проф. Линниченка) (стр. 268—283). Настоящая статья представляетъ отвѣтъ на замѣтку проф. Линниченка, помѣщенную въ 1 книжкѣ XI тома „Извѣстій", при чемъ послѣдняя имѣла въ виду изслѣдованіе проф. М. Грушевскаго „Чи маємо автентичнiи грамоти кн. Льва?" (Записки Наук. Товар. ім. Шевченка, т. LXII) Проф. Грушевскій доказалъ въ этой статьѣ, что грамоты галицкаго князя Льва Даниловича всѣ сомнительны, а проф. Линниченко въ своей отвѣтной замѣткѣ выступилъ съ совершенно противоположнымъ мнѣніемъ. Настоящая статья написана авторомъ по той причинѣ, что изданія Наукового Товариства імени Шевченка причисляются „къ категоріи" безусловно воспрещенныхъ „въ Россіи" и большинству читателей недоступны, а крититика проф. Линниченка не отличается объективностью и осторожнымъ обращеніемъ съ взглядами автора, „чтобы могла сама по себѣ дать о нихъ вѣрное представленіе". Изложивъ свои взгляды на данный вопросъ, проф. Грушевскій разбираетъ возраженія проф. Линниченка и отмѣчаетъ нѣкоторые его критическіе пріемы. Такъ, проф. Линниченко не чуждъ столь блестящаго пріема, какъ игра съ украинскими словами, почему-либо показавшимися ему смѣшными (с.с. 96—97). Разобравъ возраженія Линниченка, проф. Грушевскій приходитъ къ заключенію, что статья его оппонента не даетъ рѣшенія вопроса, да и самые пріемы работы проф. Линниченка не таковы, чтобы дать какіе-нибудь положительные результаты.

А. А. Шахматовъ. Сказаніе о призваніи Варяговъ (стр. 284—365). Въ настоящемъ изслѣдованіи, посвященномъ памяти А. Н. Пыпина, авторъ дѣлаетъ новую попытку разрѣшить старый вопросъ о происхожденіи Русскаго государства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о томъ лѣтописномъ сказаніи, которое является альфой и омегой въ этомъ знаменитомъ вопросѣ. Большая часть труда акад. А. А. Шахматова занята критическимъ разборомъ тѣхъ редакцій, въ которыхъ сохранилось сказаніе о призваніи Варяговъ въ извѣстныхъ намъ лѣтописныхъ сводахъ. При этомъ онъ отмѣчаетъ, что та редакція, которую даетъ намъ Повѣсть временныхъ лѣтъ, не первоначальна и представляетъ результатъ позднѣйшей переработки. Авторъ шагъ за шагомъ слѣдитъ за тѣмъ, какъ создалось это сказаніе, и указываетъ, что въ немъ замѣтны два элемента: южный и сѣверный. На основаніе строго критическаго анализа всѣхъ редакцій, въ которыхъ сохранилось сказаніе о призваніи Варяговъ, онъ возстановляетъ первоначальный текстъ его. Въ VII главѣ онъ даетъ какъ предполагаемый имъ первоначальный текстъ сказанія о призваніи Варяговъ, такъ и нѣкоторыя переработки его, а въ слѣдующей главѣ намѣчаетъ тѣ народныя преданія, которыя можно найти въ данномъ сказаніи. На основаніи этихъ данныхъ авторъ рѣшаетъ вопросъ о происхожденіи Русскаго государства. Но то рѣшеніе вопроса, которое предлагаетъ акад. А. А. Шахматовъ, не даетъ ничего особенно новаго, кромѣ нѣсколькихъ гипотезъ, да и то близкихъ къ предложеннымъ другими сторонниками норманской теоріи. Основу сказанія о варяжскомъ происхожденіи князей и государства онъ признаетъ вполнѣ достовѣрной, при чемъ даже отождествляетъ Варяговъ съ Русью. Въ послѣднемъ случаѣ онъ придерживается старой теоріи, признающей финское происхожденіе имени «Русь», такъ какъ всѣ финскія племена называютъ Шведовъ именами, напоминающими Русь. Въ слѣдующей и послѣдней (X) главѣ своего изслѣдованія авторъ разсматриваетъ литературныя передѣлки преданій о призваніи Варяговъ. Впрочемъ, авторъ, повидимому, не считаетъ гипотезы, предложенныя имъ въ IX главѣ, окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса о происхожденіи русскихъ князей и государства, такъ какъ „исторической наукѣ предстоитъ связать оба преданія—сѣверное и южное—съ тѣми областями, которыя въ дѣйствительности могли имѣть мѣсто при созданіи Русскаго госсударства“.

Записки Имп. Томск. Унив., кн. 24.

I. Малиновскій. Рѣчь передъ диспутомъ 1 февраля 1904 г. (стр. 1—12). Согласно установившагося обычая, авторъ выясняетъ въ своей рѣчи, почему онъ выбралъ для своей диссертаціи тему изъ исторіи литовско-русскаго права. Онъ указываетъ, что литовско-русское право въ исторіи русскаго права имѣетъ не меньшее значеніе, чѣмъ право Восточной Руси, а между тѣмъ въ большей части курсовъ оно оставляется безъ вниманія. Только въ сравнительно недавнее время русскіе ученые стали изучать исторію литовско-русскаго права, при чемъ исторія и право Литовско-русскаго государства нашли наибольшее количество изслѣдователей въ средѣ профессоровъ и питомцевъ университета св. Владиміра. Разсмотрѣвъ труды по исторіи и праву Литовско-русскаго государства профессоровъ Н. Д. Иванишева, В. Б. Антоновича, М. Ф. Владимірскаго-Буданова и ихъ многочисленныхъ учениковъ, авторъ отмѣчаетъ, что ученые кіевской школы сдѣлали очень много въ этомъ направленіи, и труды ихъ позволяютъ освѣтить нѣкоторые темные вопросы русской исторіи иначе, чѣмъ дѣлалось это раньше. Такъ, обыкновенно при изученіи общественно-политическаго уклада древней Руси отмѣчали два основныхъ начала: монархическое и демократическое, хотя при такой точкѣ зрѣнія трудно было объяснить многія явленія древне-русской жизни. Между тѣмъ изученіе исторіи Западной Руси и Литвы показываетъ, что въ древней Руси видную роль играло еще одно начало, почти не замѣченное большинствомъ русскихъ ученыхъ,—начало аристократическое. Оно лучше всего можетъ быть изучено въ Западной Руси, гдѣ получило наибольшее развитіе. Однимъ изъ учрежденій, имѣющихъ строго аристократическій характеръ, былъ главный Литовскій Трибуналъ, изученію котораго и посвящена диссертація автора.

Записки Имп. Юрьев. Унив., кн. 6.

Н. К. Грунскій. Кіевскіе глаголическіе листки, в. II (стр. 1—59) Настоящій трудъ посвященъ подробному изслѣдованію языка этихъ высоко интересныхъ въ научномъ отношеніи листковъ, связанныхъ чисто внѣшнимъ образомъ съ Кіевомъ.

Archiv für Anthropologie, Neue Folge—B. I und II.

Въ 3 книжкѣ I тома данъ списокъ сочиненій по доисторической археологіи, вышедшихъ въ Австріи, а въ 1—3 книжкахъ II тома помѣщены отзывы Л. Стида о слѣдующихъ книгахъ на русскомъ языкѣ: 1) *А. А. Спицынъ.* Курганы съ окрашенными костяками (Записки Имп. Рус. Арх. Общ., нов. серія, т. XI, в. 1—2. Спб. 1899); 2) Извѣстія Импер. Арх. Коммиссіи, № 1—5. Спб. 1901—1903; 3) Русскій Антропологическій Журналъ, изд. антрополог. отдѣленіемъ Имп Общ. любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. М. 1902.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Изъ сельской церковной лѣтописи. Не знаю, какъ въ другихъ епархіяхъ, а въ Полтавской, по распоряженію еще прежняго преосвященнаго Илларіона, сельскіе священники ведутъ такъ называемыя „церковныя лѣтописи“. Судя по тѣмъ образцамъ, какія намъ приходилось видѣть, лѣтописи эти, какъ матеріалы по исторіи села и даже приходской церкви, имѣютъ по большей части ничтожную цѣну, но въ нихъ есть главы, посвященныя характеристикѣ религіознаго настроенія прихожанъ, отношенія ихъ къ причту и т. под., и здѣсь иногда можно встрѣтить весьма любопытныя черты. Для образца—вотъ живая, характерная сцена, буквально нами списанная изъ церковной лѣтописи одного глухого села, константиногр. уѣзда. Предварительно рѣчь идетъ о томъ, какія мѣры и средства употребляетъ священникъ къ тому, чтобы истребить среди своихъ пасомыхъ вѣковой обычай, въ силу котораго молодежь, наканунѣ праздниковъ, сходится на „вулыцю“ и поетъ пѣсни. Оказывается, что во взглядахъ на это дѣло селянъ—съ одной стороны и духовенства—съ другой существуетъ непримиримый конфликтъ: селяне смотрятъ на „вулыцю“, какъ на невинное, вполнѣ естественное развлеченіе молодежи, а духовенство громитъ эту забаву, какъ „бѣсовскія игрища“ и школу разврата. При такомъ радикальномъ различіи воззрѣній, священники не встрѣчаютъ поддержки въ прихожанахъ и преслѣдуютъ „вулыцю“ лишь при содѣйствіи сельской полиціи, имѣющей на этотъ счетъ подобныя же предписанія отъ своего начальства. По этому поводу сплошь и рядомъ происходятъ такія сцены во время исповѣди:

„Является къ исповѣди пожилой крестьянинъ и на вопросъ священника: „гдѣ твой сынъ проводитъ ночи наканунѣ праздниковъ и воскресныхъ дней?“—даетъ такой отвѣтъ:

— А хиба жъ то мое дило?

— А чье же?—изумляется священникъ.

— Це дило ваше, батюшко, та сильського старосты, та старшыны.

— А твое, значитъ, дѣло—родить его и выкормить, а уму-разуму и страху Божію не твое дѣло учить?

— Эге жъ.

— За такой отвѣтъ положи предъ иконами 30 поклоновъ.

— Сёго не буде! Не хочу!

— За такой отвѣтъ говѣй другую недѣлю и опомнись.

Говѣетъ онъ другую недѣлю. Настаетъ исповѣдь. Священникъ задаетъ ему тотъ же вопросъ о сынѣ и „вулыцѣ“ и получаетъ тотъ же отвѣтъ.

— Говѣй еще недѣлю, а за дерзкій отвѣтъ положи 50 поклоновъ.

— Сёго не буде!—твердитъ свое крестьянинъ.

Говѣетъ онъ третью недѣлю; подходитъ къ исповѣди. Священникъ задаетъ ему все тотъ же вопросъ, но на этотъ разъ отвѣтъ уже иной:

— Мое дило учыть сына и глядить, де винъ ночуе.

Объяснивши ему дерзость его прежнихъ отвѣтовъ и ихъ соблазнительность, священникъ предложилъ ему помолиться Богу о прощеніи его и положить всенародно 70 поклоновъ, и онъ это исполнилъ безъ возраженія.

А въ народѣ толки: „Що це таке? Диды, батькы и мы замолоду ходылы на вулыцю, и батюшкы було за те ничого не кажуть!“

И растетъ среди прихожанъ нерасположеніе къ своему духовному пастырю.

О. Л.

Къ характеристикѣ матеріальнаго положенія уніатскаго духовенства въ началѣ XIX в. Нѣкоторые начальники монастырей и священники приходскихъ церквей греко-уніатскаго исповѣданія обратились къ имп. Алаксандру I съ просьбой объ оказаніи имъ, въ виду ихъ крайней бѣдности, пособія. Согласно волѣ императора, то-

гдашній министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія кн. Голицынъ обратился 18 января 1820 г. во 2-й департаментъ Римско-католическ. духовн. коллегіи съ предложеніемъ обратить вниманіе на бѣдственное положеніе уніатскаго духовенства и принять соотвѣтствующія мѣры къ тому, чтобы изъ богатыхъ фундушей нѣкоторыхъ уніатскихъ монастырей и церквей составить общую сумму, процентами изъ которой можно было бы въ извѣстной степени удовлетворять необходимыя нужды недостаточныхъ церквей и монастырей и поддерживать состоящія въ вѣдомствѣ уніатскаго духовенства заведенія (школы и больницы). Департаментъ, въ силу этого предложенія, обратился къ уніатскимъ архіереямъ съ запросомъ, какія церкви и монастыри могутъ уступить часть своихъ доходовъ для составленія потребнаго капитала. Весьма любопытны послѣдовавшіе въ отвѣтъ на запросъ 2-го департамента рапорты уніатскихъ архіереевъ. Въ нихъ мы находимъ много цѣнныхъ указаній, рисующихъ предъ нами картину крайней бѣдности бѣлаго уніатскаго духовенства и извѣстной безпорядочности въ веденіи монастырскаго хозяйства монахами базиліанами, вслѣдствіе чего иногда значительныя монастырскія суммы попадали въ „ненадежныя“ руки.

Полоцкій архіепископъ писалъ въ своемъ рапортѣ слѣдующее: «Фундуши и доходы приходскихъ бѣлаго духовенства церквей моей епархіи вообще бѣдны. Священники при нихъ иногда нуждаются и въ насущномъ хлѣбѣ. Ктиторы тѣхъ церквей другого обряда или исповѣданія мало обращаютъ вниманія, а прихожане всѣ почти изъ крестьянъ въ здѣшнемъ бѣдномъ краю не въ состояніи помогать». Что касается монастырей, то изъ ихъ капиталовъ онъ находитъ возможнымъ удѣлить для образованія намѣченнаго фонда 3600 р. сер. и $51^1/_2$ т. руб. ассигнаціями. Изъ указанныхъ суммъ $35^1/_2$ тысячъ находились на рукахъ у разныхъ помѣщиковъ подъ залогомъ ихъ имѣній и считались во всякомъ случаѣ «надежными».—Въ рапортѣ Брестской уніатской консисторіи находимъ такія свѣдѣнія о состояніи бѣлаго духовенства. Приходскихъ церквей въ Литовской епархіи насчитывалось 535, при нихъ священниковъ 659, церковно-служителей (кромѣ священническихъ фамилій) 498. Указанному числу церквей принадлежало въ общемъ фундушовыхъ крестьянъ 451 душа, а процентовъ съ фундушовыхъ капиталовъ церквами получалось въ общей сложности 758 р. 50 к. сер. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ

церкви были бѣдныя. «400 церквей,—говорится въ рапортѣ,—имѣютъ такіе недостаточные фундуши, что священники оныхъ не токмо не могутъ нести издержекъ на церковную утварь и плебальныя служенія, но не имѣетъ соотвѣтственнаго содержанія». Монастыри этой епархіи (числомъ 25 мужскихъ, не считая 3 дѣвичьихъ) были значительно состоятельнѣе приходскихъ церквей. Они владѣли 3601 д. м. п. крѣпостныхъ крестьянъ и 289,824 р. 84 к. сер. фундушовыхъ суммъ: годовой доходъ ихъ въ общемъ равнялся 29563 р. 90 к. сер., помимо дохода отъ продажи разнаго хлѣба. Но значительныя монастырскія суммы находились въ еврейскихъ и помѣщичьихъ рукахъ и изъ нихъ 7080 р. 90 к. с. считались положительно «ненадежными». Въ образуемый фондъ капиталъ брестской консисторіи находитъ возможнымъ отчислить сумму въ 2000 червонцевъ и 6312 р. 60 к. сер.

«Всѣ вообще фундуши и приходы, принадлежащіе къ бѣлому уніатскому духовенству въ Россіи, недостаточны,—пишетъ еп. Луцкій;—но особенно по Луцкой уніатской епархіи всѣ они суть столь скудны, что почти никакого вѣрнаго не приносятъ дохода; а потому все бѣлое уніатское духовенство, находясь въ самобѣднѣйшемъ состояніи, въ трудахъ собственныхъ рукъ ищетъ насущнаго хлѣба. Священники, окруженные семействами, едва, и то съ трудностію, могутъ дать имъ пропитаніе, но никакъ не могутъ дать имъ приличнаго воспитанія. Церкви всѣ почти нуждаются въ самыхъ необходимыхъ вещахъ и утваряхъ. Крестьяне сами едва пропитываются. Въ нѣкоторыхъ только мѣстечкахъ, гдѣ жители свободнѣе и промышленнѣе, видѣнъ въ церквахъ нѣсколько лучшій порядокъ... Только нѣкоторыя церкви могутъ обойтить безъ вспомоществованія». «Монастыри въ русской провинціи по большей части бѣдны и недостаточны, а изъ достаточнѣйшихъ въ шести содержатся школы, народныя училища на степени гимназіи и школы повѣтовыя, иные же имѣютъ меньшія школы, называемыя парафіальными, притомъ заведены у нихъ училища для монашескаго юношества, образуемаго въ разныхъ наукахъ и успособляющихся въ учительское званіе»; ибо всѣхъ таковыхъ молодыхъ монаховъ невозможно посылать въ университетъ (Виленскій), «да сверхъ того они отягощены складкою на главную семинарію. Но при всемъ томъ орденское начальство здѣшней провинціи по долговременномъ соображеніи обстоятельствъ и потребностей своихъ монастырей изъ достаточнѣйшихъ на пособіе бѣднѣйшимъ жертвуетъ»

8392 р. ас. и 6681 р. сер. Болѣе состоятельными названы слѣдующіе монастыри: Бѣлостоцкій, Луцкій, Поддембецкій и Кременецкій [1]).

Любопытно то обстоятельство, что въ образуемый фондъ, въ большинствѣ случаевъ, монашескими начальниками производились отчисленія не изъ наличныхъ монастырскихъ суммъ, а изъ находившихся на рукахъ у разныхъ должниковъ, въ томъ числѣ и «ненадежныхъ». Такъ, Литовскій базиліанскій провинціалъ отчислялъ такихъ «ненадежныхъ» суммъ на 7,980 р. 95 к. сер.

В. Страшкевичъ.

Оригинальная доставка церковнаго колокола. *(Разсказъ очевидца).* Это было въ 1841 году. Одинъ изъ жителей м. Бахмача (конот. у.), козакъ Вовкъ, пріобрѣлъ два колокола: большій—въ даръ своему приходскому храму, а другой, поменьше — съ цѣлію перепродать при случаѣ куда-либо на сторону. Въ ожиданіи же, пока наступитъ этотъ благопріятный случай, колоколъ былъ поставленъ въ сарай. Но стоять ему тамъ пришлось не долго,—случай сбыть свой товаръ представился для Вовка очень скоро. Какъ разъ къ этому времени въ сосѣднемъ селѣ Куренѣ назрѣла настоятельная необходимость въ покупкѣ для своей церкви «дзвона». А потому куренцы, какъ только прослышали, что въ Бахмачѣ у Вовка есть продажный колоколъ, то не долго думая, боясь упустить удобный случай, уполномочили двухъ своихъ приходскихъ священниковъ—Павла Лукашевича, Михаила Рѣзникова и діакона Авксентія Бунчукова немедленно же ѣхать къ Вовку, осмотрѣть колоколъ и, если онъ по размѣрамъ и цѣнѣ окажется подходящимъ, купить его для своей церкви.

И вотъ, въ одинъ изъ праздничныхъ дней, послѣ обѣдни, коммиссія эта съ пономаремъ-кучеромъ во главѣ отправилась въ Бахмачъ. Къ великому удовольствію пріѣхавшихъколоколъ и по своему фасону, и по вѣсу оказался именно такимъ, какой желали куренцы имѣть на своей приходской колокольнѣ. Спросили о цѣнѣ, и цѣна была объявлена Вовкомъ самая добросовѣстная; для вида, а больше, конечно, по привычкѣ поторговались немножко, но видя, что никакихъ уступокъ въ цѣнѣ отъ Вовка ожидать нельзя, покупатели попросили его оставить

---

[1]) Архивъ Св. Синода 2 Департ. дѣло 1820 года № 2 по каталогу 2-го Департ. Римск.-Католическ. Духов. Коллегіи.

колоколъ за ними; за тѣмъ, по обычаю, покупку «замочилы добре» и
стали собираться домой. Какъ вдругъ, Вовкъ совершенно неожиданно
предложилъ имъ, что не желаютъ-ли, молъ, батюшки́, чтобы онъ этотъ
колоколъ подарилъ въ Куренскую церковь. Батюшки́, конечно, сейчасъ
же изъявили на это свое искреннѣйшее желаніе и щедро начали су-
лить Вовку всевозможныя награды, которыя онъ долженъ будетъ по-
лучить на томъ свѣтѣ, если приведетъ свое желаніе въ исполненіе;
но Вовкъ заявилъ, что онъ согласенъ сдѣлать такой даръ при томъ
только условіи, если батюшки́ довезутъ колоколъ до своей церкви на
себѣ.

Подумали немного батюшки, пошептались между собою и на-
конецъ—подъ вліяніемъ-ли обильнаго «замачиванія» колокола, или по
какимъ инымъ соображеніямъ, ключъ къ уясненію которыхъ для по-
томства навсегда утерянъ, объявили Вовку, что предложеніе его они
принимаютъ.

Съ общаго согласія сторонъ пари было обусловлено такъ: везти
колоколъ шагомъ и за всю дорогу имѣть только три остановки на
заранѣе условленныхъ мѣстахъ; въ томъ же случаѣ, если везущими
будетъ сдѣлано больше трехъ остановокъ или не на указанныхъ мѣ-
стахъ, а также, если кто со стороны будетъ помогать везти, то ко-
локолъ остается за Вовкомъ. Наряду съ этимъ въ число обязательныхъ
условій было включено, чтобы на каждомъ привалѣ телѣгъ дѣлать
«полегченіе», а везущимъ «подкрѣпленіе», или, выражаясь простымъ
языкомъ,—телѣгу смазывать дегтомъ, а везущимъ давать по чаркѣ
водки.

Вовкъ былъ болѣе, чѣмъ увѣренъ, что колоколъ останется за
нимъ; онъ не могъ допустить даже и мысли о томъ, чтобы три че-
ловѣка «нижного воспытанія» могли тащить на себѣ почти пять
верстъ, хотя-бы то и шагомъ, слишкомъ 30-ти пудовую кладь [1]), тѣмъ
болѣе, что дорога, благодаря перепадавшимъ въ послѣдніе дни до-
ждямъ, была въ нѣкоторыхъ мѣстахъ довольно грязна. Вовкъ уже за-
ранѣе торжествовалъ въ своей душѣ побѣду; уже теперь услаждался
мыслью о томъ, какъ онъ въ волю насмѣется надъ батюшками. Соб-
ственно говоря, на этой подкладкѣ онъ и построилъ свою затѣю, а
въ надеждѣ на успѣхъ позволилъ обставить пари такъ, что против-

[1]) По описи—въ колоколѣ вѣсу 31 п. 10 ф.

ная сторона рѣшительно ничѣмъ не рисковала даже и въ томъ случаѣ, если-бы бросила колоколъ посреди дороги. А батюшки, между тѣмъ, взглянули на дѣло болѣе серьезно. Взвѣсивъ всѣ данныя за и противъ успѣха, они пришли къ тому заключенію, что хотя довезти колоколъ на себѣ дѣло и трудное, но все таки возможное, вспомнили кстати русское «авось» и стали собираться въ дорогу. Зная-же, что въ Куренѣ въ одномъ мѣстѣ есть «така вредна долына», чрезъ которую трудно перебраться даже и порожнемъ, они третью остановку именно и назначили предъ этою долиною.

Собравшійся народъ живо взвалилъ колоколъ на телѣгу, батюшки сняли рясы, подошли къ возу и „вмѣстѣ трое всѣ въ него впряглись“. „Сухій, якъ триска“, но тѣмъ не менѣе крѣпкій, „неначе вилъ“, Рѣзниковъ сталъ въ оглобли; Лукашевичъ же и нисколько не уступавшій въ силѣ Рѣзникову діаконъ Бунчуковъ должны были играть роль пристяжныхъ. Приготовились; на дорогу выпили по чаркѣ.

— „Ну, трогай!—скомандовалъ Вовкъ.

Телѣга медленно выѣхала со двора и также медленно покатилась по дорогѣ. А рядомъ съ телѣгою верхомъ на лошади ѣхалъ Вовкъ, не забывшій захватить съ собою кварту водки, „щобъ було чимъ коней годувать“. Слѣдомъ за ними двигалась ежеминутно возроставшая толпа; къ ней присоединялись всѣ встрѣчные и поперечные. Толпу интересовалъ не исходъ дѣла, не то, кто останется въ проигрышѣ,—влекло ее сюда единственно только праздное любопытство, желаніе видѣть, «якъ батюшкы распынаются».

А тѣ молча, согнувшись почти подъ прямымъ угломъ, обливаясь съ ногъ до головы потомъ, везутъ и везутъ. Телѣга чуть-чуть поскрипываетъ, грузно вваливаясь то одной, то другой стороной въ дорожныя колевины. Сдѣлали одинъ и другой привалъ. Ѣдутъ дальше.

Но вотъ и Курень.

Завидя необычайную картину, подобную которой едва-ли когда придется кому увидѣть, куренцы, и старый и малый, начали высыпать на улицу. Вѣсть о томъ, что „батюшки везуть дзвинъ на соби“, съ быстротою молніи облетѣла добрую половину села; дѣвки, бабы, старики, дѣти, паробки шли, бѣжали, ѣхали верхами; многіе, незнакомые съ условіями пари, бросались помогать мокрымъ отъ пота батюшкамъ, но во-время были останавливаемы грознымъ Вовкомъ, который по мѣрѣ приближенія къ церкви становился все сердитѣй и сердитѣй.

А къ оставшемуся дома третьему священнику Александру Горуновичу былъ посланъ гонецъ, чтобы звонить во всѣ колокола, созывать народъ въ церковь, служить молебенъ о „благополучномъ окончаніи предпріятія".

Но вотъ и та „вредна долына".

Подъѣхали. Остановились. Выпили по чаркѣ и сѣли отдохнуть. Вовкъ, какъ только глянулъ на дорогу, такъ даже усмѣхнулся отъ радости. „Колоколъ будетъ мой!"—рѣшилъ онъ и повеселѣлъ.

Отдохнули везшіе, поднялись; сняли шапки, перекрестились, а за ними и вся тысячная толпа, какъ по командѣ, осѣнила себя крестнымъ знаменемъ. Стали батюшки на мѣста и двинулись дальше. Съ замираніемъ сердца ждутъ куренцы: что-то будетъ? чья возьметъ?

Вотъ въѣхали въ „долыну". Колеса сразу же по ступицы врѣзались въ липкую грязь; телѣга еле-еле движется, вотъ-вотъ остановится. Лишенные возможности помогать руками, куренцы помогаютъ своимъ батюшкамъ жестами, криками. Изъ толпы то и дѣло слышится:

— Ну-ну-ну!

— Оттамъ! оттамъ!

— Добре! добре!

— Цыть!—кричитъ Вовкъ, но его никто не слушаетъ.

— Вотъ-вотъ-вотъ!

— Смилййшъ! смилййшъ?

— И... и... и...

Понатужились батющки, глаза кровью налились, изъ орбитъ вонъ лѣзутъ; поналегли, что силы было и... вывезли.

Видитъ Вовкъ, что проигралъ колоколъ, не поѣхалъ даже и черезъ грязь, бросилъ вслѣдъ уѣзжавшей телѣгѣ бутылку съ водкой и повернулъ коня назадъ.

— „А щобъ же на васъ и на тимъ свити такъ йиздылы!—произнесъ онъ съ досадой и ускакалъ домой.

Подхватилъ тогда народъ телѣгу и, какъ перышко, довезъ ее до церкви. Встянуть колоколъ на мѣсто уже не составляло труда.

Дѣло, однако, этимъ не кончилось.

Нашлись досужіе люди, которые не замедлили обо всемъ случившемся донести начальству. Виновные ожидали себѣ самаго стро-

гаго наказанія, но, по тщательномъ разслѣдованіи дѣла, начальство ограничилось только тѣмъ, что пожурило ихъ за то, что они уподобили себя скотамъ.

Иванъ Егоровъ.

Взаимовліяніе украинскихъ погребальныхъ причитаній и бытовыхъ пѣсенъ. Отдѣльные виды народной поэзіи, обособленные другъ отъ друга содержаніемъ, формою, кругомъ носителей ихъ и прикрѣпленные къ опредѣленнымъ явленіямъ жизни и быта, какъ пѣсни свадебныя, купальскія, чумацкія, колядки, веснянки и др., – развивали каждый самъ въ себѣ свои болѣе или менѣе особые поэтическіе мотивы и изобразительныя средства. Мотивы и стиль думъ не тѣ же, что въ пѣсняхъ чумацкихъ; послѣднія обладаютъ собственными мотивами и пріемами сравнительно съ пѣснями семейно-бытовыми, а эти значительно рознятся въ тѣхъ же отношеніяхъ отъ пѣсенъ свадебныхъ или же отъ колядокъ и т. д. Изученіе произведеній народнаго слова со стороны ихъ спеціальныхъ мотивовъ и стиля представляетъ громадный интересъ для пониманія народной души и тѣхъ поэтическихъ процессовъ, которые происходили въ ней и отлились передъ нами въ грандіозный памятникъ—поэзію народа въ ея цѣломъ. Въ этомъ отношеніи посчастливилось украинскимъ колядкамъ и веснянкамъ, которымъ А. А. Потебня посвятилъ извѣстный свой трудъ „Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ“. Думы, свадебныя пѣсни и другіе виды украинской народной поэзіи также, хотя и не въ такой степени, какъ колядки, находили истолкователей своимъ мотивамъ и стилю.

Но совершенно незамѣченными остаются похоронныя украинскія причитанія, представляющія самостоятельный видъ народно-поэтическаго творчества и выработавшія свой стиль и собственные поэтическіе пріемы. Между тѣмъ нѣкоторые изъ мотивовъ похоронныхъ причитаній являются настолько строго опредѣленными и устойчивыми, что было возможно вліяніе ихъ на пѣсни бытовыя, которыя впитывали въ себя тѣ или другіе изъ этихъ мотивовъ. Утверждать послѣднее мы имѣемъ достаточное основаніе. Критеріемъ для опредѣленія того, въ какомъ кругѣ произведеній выработался тотъ или иной мотивъ, является степень повторяемости его въ извѣстной группѣ произведеній. Если какой-либо мотивъ характеренъ для похоронныхъ

причитаній и весьма часто встрѣчается въ нихъ, въ бытовыхъ же пѣсняхъ исключительно рѣдокъ,—мы имѣемъ право говорить, что данный мотивъ выработанъ въ кругѣ похоронныхъ причитаній и заимствованъ изъ нихъ бытовыми пѣснями (и наоборотъ). Здѣсь я укажу случаи подобнаго вліянія мотивовъ похоронныхъ причитаній на пѣсни бытовыя.

1) Парубокъ, уѣзжая, говоритъ дѣвицѣ:

Жывы, жывы, дивко, зъ парубкомъ,
Жывы, розжывайся.
Прыйде празныкъ святая недиля,
Въ гости дожыдайся.
Якъ не буде къ святій недили,
То буде къ Мыколи,
Якъ не буде и къ Мыколи,
Да й не буде николы [1]).

Опредѣленіе сроковъ ожиданія праздниками и послѣднимъ «Мыколою», послѣ котораго нѣтъ никакой надежды на возвращеніе ожидаемаго лица,—мотивъ, выработанный причитаніями и принадлежащій имъ въ особенности. Плакальщицы съ такими словами обращаются къ покойнику:

Колы мени столы застылать?
Чы мени на Риздво, чы на Велыкдень?
Чы на святу недилоньку
А чы мени зъ Мыколы—та й николы?.. [2])
И колы намъ тебе въ гости ждаты?
Чы къ Риздву?—снигомъ занесе!
Чы къ Велыкодню?—водою залле!
Чы къ Святій недилоньци?—Травою заросте!
Якъ не будешъ къ Мыколи,—
То не будешъ николы!.. [3])

---

[1]) Чуб. V, 284, № 559.
[2]) Милорадовичъ. Пѣсни и обр. луб. у. № 47.
[3]) Метлинскій. Ю.-Р. Пѣсни, 292.

Да ты жъ не прыбула къ Рожеству за велыкымы снигамы, да не прыбудешъ и къ Велыкодню за велыкымы дощамы, да не прыбудешъ къ Святій Недильци за нагальными диламы; да ты не прыбудешъ къ Мыколи да й николы [1])... На разные лады данный мотивъ повторяется въ большинствѣ причитаній.

2) Козакъ, потерпѣвшій неудачу въ любви, наказываетъ своей матери:

Ой продавай, маты, коня вороного
Та накупы, маты, сукна голубого,
Сукна голубого, полотна лляного.
Пошый мени, маты, лляную сорочку,
Сховай мене, маты, въ вышневимъ садочку,
Высыпъ мени, маты, высоку могылу,
Посады въ головахъ червону калыну,
Зберы, маты, всю свою родыну.
То буде родына и пыты й гуляты,
Мене молодого будуть спомынаты.
Позаросталы стежкы—дорижкы,
Де походылы козакови нижкы;
Позаросталы спорышамы,
Де походылы съ товарышамы [2]).

Въ причитаніяхъ мотивъ послѣднихъ четырехъ стиховъ общеупотребителенъ и выражаетъ отчаяніе въ надеждѣ на возвращеніе умершаго въ міръ:

Къ Святій Недилоньци стежкы й дорижкы позаростають,
А сады позацвитають,—
Стежкы комышемъ, а дорижкы спорыщемъ [3])...
Позаростають ти стежкы—дорижкы, де ты ходывъ [4])...

3) Въ пѣснѣ «Якъ пойихавъ королевичъ на полювання» говорится, что королевичъ, увидя жену умершею,—

---

[1]) Малинка. Этногр. Обозр. 1898 г.

[2]) Чуб. V, 260, № 512.

[3]) Милорадовичъ. Пѣсн. и обр. № 48; также стр. 178, 181.

[4]) Брайловскій. Р. Фил. Вѣстн. 84 г. XII.

Ударывся... у билыи груды:
«Нижкы мои ризвесенькы, чомъ не ходыте?
Ручкы жъ мои билесенькы, чомъ не робыте?
Очы жъ мои каресенькы, чомъ не дывытесь?
Уста мои сахарныи, чомъ не мовыте?
— Нижкы мои ризвесенькы одходылыся,
Ручкы жъ мои билесенькы одробылыся,
Очы жъ мои каресенькы оддывылыся,
Уста жъ мои сахарныи одмовылыся [1]).

Послѣдніе стихи—обычное сожалѣніе причитающей по умершему лицу:

Сонечко мое ясное,
Ручечкы мои пышныи,
Нижечкы мои ходушечкы!
Находылысь твои нижечкы,
Наробылысь твои ручечкы,
Очечкы твои карыи,
Надывылысь твои очечкы!..
Твои ручечкы—роботушечкы,
Наробылысь воны дилечка [2])...
Одходылы твои ниженькы,
Одробылы твои рученькы,
Оддывылысь твои оченькы [3])...

4) Мать представилась умершею; дѣти плачутъ по ней:

«Маты, наша маты, уже тя не маты...
А ни тя купыты, а ни заробыты,—
Пидемъ сыротята въ чужыну служыты»!
Маты того вчула, тяженько здихнула:
«Покы буду жыты, не мете служыты» [4]).

---

[1]) Чуб. V. 767, 357. А.
[2]) Изъ собственныхъ матеріаловъ.
[3]) Метлинскій. Ю.-Р. Пѣсни.
[4]) Лоначевскій. Сб. пѣсенъ Буков. народа.

Въ данной пѣснѣ—отраженіе причитаній дочери по матери:

Та мени жъ васъ, моя матинко, ни купыть,
Та мени жъ не заслужыть.
Та нема тихъ городянокъ,
Що продають ридныхъ мамокъ...
И де тебе, матинко, узяты?
Чы тебе змалюваты, чы тебе заслужыты?
Чы тебе, моя матинко, заробыты [1])?.. и др.

Изъ причитаній по матери въ пѣсни перешелъ также слѣдующій мотивъ:

Маты, моя маты,
А де жъ тебе взяты?
Тебе не купыты,
А не заробыты.
Маляривъ наняты,
Та й намалюваты...
Ой хочъ намалюю,
Та вже не такую,
Якъ неньку ридную [2]).

Пѣсня повторяетъ такого рода мотивъ причитаній:

Буду я, моя матинко, маляривъ наймать,
Та буду свою матинку малювать.
Що я вже не змалюю,
А хочъ и змалюю, такъ не такую...
Нема жъ тыхъ маляривъ,
Що малюють материвъ [3])...

На основаніи указанныхъ и другихъ подобныхъ примѣровъ устанавливается фактъ вліянія похоронной причети на лирическую бытовую пѣсню. Представляется возможнымъ вопросъ, поскольку похоронныя причитанія въ свою очередь являютъ на себѣ отраженія

[1]) Милорадовичъ. Пѣсни и обр. №№ 23 и 27.
[2]) Чуб. V, 474, № 59.
[3]) Милорадовичъ, Пѣсни и обр. №№ 36 и 25.

лирической бытовой поэзіи? Опредѣленіе вліянія бытовой поэзіи на похоронныя причитанія болѣе сложно и трудно, чѣмъ опредѣленіе обратнаго вліянія, въ виду того, что лирическая пѣсня, какъ болѣе развитой и широко распространенный видъ народной поэзіи, внѣ сомнѣнія, должна была въ очень сильной степени отразиться въ причитаніяхъ, что и замѣчается. Но при этомъ данное отраженіе касается не такъ отдѣльныхъ мотивовъ, какъ поэтическихъ изобразительныхъ пріемовъ—проявляется въ эпитетахъ, сравненіяхъ, формулахъ параллелизма и пр., опредѣлить заимствованіе которыхъ—задача не легкая. Тѣмъ не менѣе можно привести случаи вліянія лирической пѣсни на причитанія, выразившіеся въ заимствованіи послѣдними цѣликомъ нѣкоторыхъ мотивовъ пѣсенъ.

1) Прич.: Прыймай своихъ дитокъ до себе,
Щобъ воны не горювалы,
Щобъ ихъ не попыхалы,
Щобъ чужи люде рукъ не потерялы.
Буде насъ, матинко, по горахъ и по долынахъ
И по чужыхъ украинахъ [1])...

Послѣдній мотивъ встрѣчается въ пѣсняхъ о перепелкѣ, бесѣдующей съ птенцами, а также въ другихъ пѣсняхъ, напр.:

Пшеныченьку жну, а кукиль обжынаю,
До своихъ дитокъ стыхесенька промовляю:
«Диточкы мои, горенько мени зъ вамы,
Шо не маю хозяина надъ вамы».
— Матинко наша, не журыся ты намы:
Якъ поростемо, розійдемся й самы.
Буде насъ, маты, по горахъ, по долынахъ,
Буде насъ, маты, по усихъ украинахъ [2]).

2) Прич.: «Хто жъ мене буде порождаты, хто мене буде розважаты? Немае цвиту червоного, немае роду ридного. Нема цвиту надъ маковку, нема риднишого надъ матинку [3])...

---

[1]) Милорадовичъ. Пѣсни и обр. № 91.
[2]) Чуб. V, 859, 419 А; 144, 308 А.
[3]) Малинка. Этногр. Об. 98 г.

Мотивъ послѣдней фразы—параллель между маковымъ цвѣткомъ и матерью—заимствованъ изъ пѣсни, исключительно построенной на подобныхъ параллелизмахъ:

Да нема древа ранишого надъ дубочка,
Да нема роду риднишого надъ батечка...
Да нема цвиту свитлишого надъ маковку,
Да нема роду риднійшого надъ матинку...
Да нема древа ряснійшого надъ яворка,
Да нема роду риднишого надъ братыка и т. д. [1]).

3) Прич.: Та я жъ лугамы йтыму—луги розлягатымуться,
А садамы йтыму— сады розвыватымуться [2]).

Въ пѣсняхъ очень употребительный мотивъ:

Пойду я лугомъ—и луги розвываются,
Берегомъ пойду—берегы стынаются [3]).

Такимъ образомъ мы наблюдаемъ здѣсь весьма интересный для характеристики украинскаго народнаго творчества обмѣнъ мотивами между отдѣльными видами поэзіи—похоронными причитаніями и лирическою бытовою пѣснью, раскрывающій передъ нами самостоятельную жизнь народнаго слова: оно, безплотное, живетъ и движется, переходя изъ устъ въ уста и находя многообразныя пристанища въ душѣ человѣческой...

Владиміръ Даниловъ.

Къ исторіи Колiивщины [4]). (Матеріалы). Первое оффиціальное донесеніе объ украинскомъ возстаніи 1768 г. принадлежитъ перу командовавшаго расположенными въ Украинѣ русскими войсками генералъ-маіора Кречетникова. 18 іюня онъ доносилъ русскому послу въ Варшавѣ князю Н. В. Репнину, въ подчиненіи которому состоялъ,

---

[1]) Чуб. V, 439, 2.

[2]) Милорадовичъ, Пѣсн. и обр. стр. 184.

[3]) Чуб. V, 858, № 419; 145, 308 Б.

[4]) Свѣдѣнія главнымъ образомъ почерпнуты изъ связокъ №№ 21, 22 польскихъ дѣлъ 1768 г. въ Моск. Архивѣ М. Иностр. Д.

слѣдующее: „Въ здѣшней сторонѣ, а паче около Бѣлой Церкви и Гумана (т. е. Умани), оказалось новое возмутительство; сказываютъ, что здѣшніе крестьяне взбунтовались и будто къ нимъ въ начальствѣ или въ предводительствѣ ими находится нѣсколько запоросцовъ подъ именемъ здѣсь называемыхъ гайдамаковъ, и рѣжутъ большею частію жидовъ, не оставляя женъ и дѣтей ихъ, также губернаторовъ и шляхтичей, отчего великими кучами жиды бѣгутъ во внутрь Польши, и уже сіи взбунтовавшіеся близко Житоміра были". Далѣе, Кречетниковъ пишетъ, что распорядился относительно бунтующихъ—„*благосклонно* ихъ *уговаривать* и обращать въ домы ихъ". Причину этого крестьянскаго возстанія Кречетниковъ указываетъ въ дѣйствіяхъ польскихъ конфедератовъ, которые наложили поголовную подать на населеніе, вслѣдствіе чего „крестьяне, пришедъ въ замѣшательство, тѣмъ начали, что сборщика (собиравшаго эту поголовную дань въ пользу конфедератовъ) перваго выгнали, а затѣмъ уже вышедонесенное озорничество послѣдовало". Заключаетъ свое донесеніе Кречетниковъ просьбою къ Репнину о „наставленіи", какъ быть съ бунтующими.

Но гораздо раньше полученія этого рапорта, Репнинъ имѣлъ уже нѣкоторыя свѣдѣнія о возстаніи изъ польскихъ источниковъ.

Еще 19 іюня онъ писалъ, между прочимъ, въ Петербургъ къ графу Н. И. Панину, въ рукахъ котораго въ то время сосредоточивалось руководительство внѣшнею политикою Россіи: „Слышно еще, что мужики здѣшней Украины около мѣстечекъ Богуслава и Черкасовъ, близъ нашихъ границъ, зачинаютъ бунтовать противъ своихъ господъ. Но сіе уже не въ пользу возмутителей (т. е. барскихъ конфедератовъ) и не касается, говорятъ, того, а можетъ быть, что настоящіе грабежи, разоренія и набѣги тому причиною". Однако Репнинъ къ этому сообщенію добавлялъ: „Считаю сіи вѣсти неосновательными". Въ концѣ того-же письма онъ шифромъ пишетъ такъ: „Но, однимъ словомъ, состояніе здѣшней земли жалкое, и не справится она долго отъ разореній, которыя настоящія замѣшательства приключаютъ. Нѣтъ мѣста, гдѣ-бы огонь не былъ готовъ загорѣться".

Въ постъ-скриптумѣ этого-же письма Репнинъ жалуется Панину на генерала Кречетникова (которому пришлось подавлять украинское возстаніе 1768 г.), упрекаетъ его въ непомѣрномъ корыстолюбіи и говоритъ о немъ: „Ремесло свое не довольно знаетъ и головы генералъ всей не имѣетъ".

24 іюня, не получивъ еще донесенія Кречетникова отъ 18 іюня, Репнинъ писалъ ему: „Дошли сюда подлинныя извѣстія, что здѣшніе украинскіе мужики около Гумана, Чигрина, Крылова, Черкасовъ и Богуслава взбунтовались противъ своихъ помѣщиковъ, и какъ изъ оныхъ многіе (=многихъ, т. е. помѣщиковъ), такъ и часть жидовъ перерѣзали, а другихъ отъ себя разогнали. Притчину сему приписываютъ фанатизму къ нашему закону, ибо они (т. е. взбунтовавшіеся) *хотя* большей частію *унеаты*, но подлинно того въ своемъ невѣжествѣ *сами не знаютъ, какого они закону*, а *щитаютъ себя нашего.* Однако нашъ высочайшій дворъ инаго не желаетъ, какъ *спокойствія здѣшней земли;* слѣдственно не надлежитъ способствовать сему новому огню, а напротивъ всячески надлежитъ стараться оной *утушить, не оскорбляя* однакожъ *тѣхъ мужиковъ*, а *ласку* къ тому упутребляя, уговаривая ихъ дружески, чтобы оні въ домы свои возвратились и жили бъ тамъ смирно и въ повиновеніи къ помѣщикамъ, какъ обыкновенно... Естли жъ вамъ неподалеку будетъ, то изволите послать дружески тѣхъ мужиковъ уговаривать, какъ выше сказано, кого изъ надежныхъ и способныхъ офицеровъ, но чтобъ онъ былъ руской и *нашего закона* (т. е. православный), дабы тѣмъ мужикамъ былъ *пріятнѣе.* А естли есть разумной священникъ у васъ въ корпусѣ, то бъ и того съ тѣмъ офицеромъ товарищемъ можно было послать, для того жъ вида успокоенія сихъ мужиковъ".

Вслѣдъ за этимъ письмомъ Кречетникову, Репнинъ 26 іюня писалъ Панину, что „мужицкой бунтъ часъ отъ часу по здѣшнимъ публичнымъ извѣстіямъ умножается", но добавлялъ: „Сему я съ трудомъ вѣрить могу, понеже должно бъ объ томъ нашимъ генераламъ меня извѣстить, ибо они находятся въ самыхъ тѣхъ мѣстахъ" (донесеніе Кречетникова отъ 18 іюня все еще получено не было).

30 іюня Репнинъ предлагаетъ Кречетникову „посылать разъѣзды и партіи (войскъ) къ Гуману и далѣе, коли нужда будетъ, для извѣстій о бунтующихъ мужикахъ". Въ томъ же письмѣ онъ пишетъ: „Бунтъ здѣшнихъ крестьянъ, конечно, успокоить надлежитъ... Начиная ласково; наконецъ, естли они того не послушаются, захотятъ распространить сей огонь и вовнутрь земли ворваться, то сего, конечно, не допускать, хотя бъ и силу противъ онаго употребить".

Въ этомъ-же письмѣ Репнинъ высказываетъ и общую принципіальную точку зрѣнія, съ которой русское правительство взглянуло на украинское возстаніе 1768 г.: „*Все, что разрушаетъ здѣсь* (т. е.

въ Польшѣ) *спокойствіе, намъ вредно*, и слѣдственно намъ *тому препятствовать надлежитъ*, и, конечно, сего бунта мужицкаго во внутрь земли не допускать ворваться". Особенно настаивалъ Репнинъ на немедленномъ успокоеніи запорожцевъ, участвовавшихъ въ возстаніи. Прежній тонъ въ сужденіяхъ о взбунтовавшихся, начиная съ этого письма, нѣсколько измѣняется. Репнина взволновалъ слухъ о томъ, что „сія каналья" разорила турецкое мѣстечко Балту, каковое обстоятельство можетъ „раздразнить" Порту.

Въ письмѣ отъ 2 іюля къ Панину Репнинъ передаетъ тотъ-же слухъ о разореніи Балты и пишетъ: „Касательно бунту мужиковъ, въ которой, дѣйствительно, наши запоросцы вмѣшались, велѣлъ я сдѣлать публикацію...; а въ случаѣ ослушности, какъ съ злодѣями съ ними поступать". Когда слухъ о разореніи Балты подтвердился, Репнинъ написалъ, 10 іюля, Кречетникову: „Понеже извѣстенъ уже я подлинно, что татарское мѣстечко Балта бунтовавшими здѣшними крестьянами разорено, въ коихъ всѣхъ безпорядковъ наши запоросцы участіе имѣютъ, и понеже и то знаю, что однимъ симъ послѣднимъ татары вышеписанное разореніе причитаютъ, то надлежитъ намъ строгости противъ сихъ разбойниковъ и для сыску ихъ страранія пріумножить".

Того-жъ числа онъ писалъ Панину: „Нѣтъ нужды, кажется, вашему сіятельству мнѣ представлять, сколь строгаго наказанія таковое запоросцовъ преступленіе достойно, *по важнымъ слѣдствіямъ*, которыя *противъ Порты отъ сего* произойти могутъ". Затѣмъ проситъ Панина сдѣлать распоряженіе, чтобы плѣнные гайдамаки и особенно ихъ вожди были наказаны въ Кіевѣ построже, и добавляетъ: „Тожъ не прикажете-ли и здѣсь нѣкольких изъ оныхъ (т. е. гайдамакъ) *повѣсить*, а особливо начальниковъ въ близости границъ турецкихъ, и давъ имъ объ томъ извѣстіе, *дабы узнала чрезъ то Порта*, что мы участія въ ихъ поступкѣ не имѣемъ".

Въ тотъ же день, 10 іюля, Репнинымъ было послано письмо къ русскому послу въ Константинополѣ, Обрѣзкову, заключающее въ себѣ, между прочимъ, такія извѣстія о гайдамакахъ. „На сихъ дняхъ получилъ я извѣстіе, что подъ Гуманомъ наша партія (войска) нашла знатную и, думаю, главнѣйшую часть бунтующихъ мужиковъ; сколь же скоро приближились къ нимъ наши войска, столь скоро посылали ихъ уговаривать, чтобъ они здались, не желая имъ зла дѣлать, но сіи бунтовщики на оное ружейными выстрѣлами отвѣчали, почему партія

наша тотчасъ ихъ атаковала, и не упустя ни одного, коихъ не побила, всѣхъ взяла въ полонъ».

Взятыхъ въ плѣнъ было 938 человѣкъ, изъ нихъ 87 запорожскихъ козаковъ и 851 „здѣшнихъ (т. е. польскихъ) мужиковъ". Сообщая о томъ, что бунтовщиковъ ждетъ „примѣрное наказаніе", Репнинъ, просилъ Обрѣзкова объявить объ этомъ Портѣ.

Въ письмѣ отъ 26 іюля къ Кречетникову, въ отвѣтъ на его донесеніе отъ 18 іюля, Репнинъ высказываетъ свою радость по поводу того, что запорожецъ Максимъ Желѣзнякъ взятъ въ плѣнъ живымъ и отправленъ въ Кіевъ, и предлагаетъ „чтобъ его съ особливою прилежностью крѣпко содержали, ибо онъ есть одинъ изъ начальниковъ всего запорожскаго грабительства и злодѣйства". Къ этому прибавляетъ: „Тоже дайте знать, чтобъ объ его туда (т. е. въ Кіевъ) привозѣ тотчасъ высочайшему двору донесено было".

По письму отъ 8 августа отъ Репнина къ Кречетникову видно, откуда возникло и въ чемъ состояло обвиненіе епископа Переяславскаго Гервасія Линцевскаго въ участіи въ возстаніи. Въ этомъ письмѣ, между прочимъ, Репнинъ пишетъ: „Приложенной при семъ переводъ извѣстій о епископѣ Переяславскомъ объясняетъ развратное его поведеніе, и естли оно справедливо, то прошу ваше превосходительство приложить стараніе о пресѣченіи сихъ поступковъ, объявя присланнымъ отъ него (т. е. Гервасія), чтобы они оставили духовенство здѣшней Украины и что вы больше не допустите подобное своевольство. А естли онъ, архіерей, имѣетъ какое неудовольствіе или претензіи, то бъ адресовался чрезъ синодъ къ нашему высочайшему двору". Затѣмъ предлагаетъ Кречетникову „воспротивиться его (Гервасія) наглости, которая не можетъ инако обратиться, какъ въ крайнее замѣшательство и *въ продолженіе настоящихъ уже столь непріятныхъ хлопотъ*".

Къ этому письму приложено неизвѣстно кому (несомнѣнно, живущему въ Польшѣ уніату или католику, весьма вѣроятно, лицу духовному) принадлежащее донесеніе на французскомъ языкѣ, гласящее слѣдующее.

Взбунтовавшіеся мужики не только противъ дворянъ и жидовъ бѣшенство свое оказали, но также и противъ поповъ греческаго уніатскаго исповѣданія, погубивъ изъ нихъ болѣе 20 свѣтскихъ поповъ, сверхъ монаховъ базиліанъ и поповъ римскаго исповѣданія, и чрезъ то сіи бунтующіе принудили духовенство всей украины быть въ по-

слушаніи епископу переяславскому и брать отъ него благословеніе (т. е. такъ называемое «усыновленіе» въ его паству), что и дѣйствительно попы каневскіе, богуславскіе, корсунскіе, мошенскіе и другіе принуждены были учинить, и какъ нѣкоторые не явились въ консисторію Переяславскую, то, лиша ихъ должностей, помянутая консисторія отдала оные другимъ иностраннымъ попамъ, кои грабятъ церкви и принуждаютъ сельскія братства давать и подписывать на бумагѣ удостовѣреніе о полученіи сего благословія («усыновленія» въ паству Переяславскую). Цѣль епископа Переяславскаго—создать и распространить юрисдикцію свою въ нашей землѣ (т. е. въ польской Украинѣ), на которую онъ права не имѣетъ, и въ этихъ видахъ онъ возмутилъ и утвердилъ въ бунтѣ нашихъ мужиковъ, чему онъ есть первый зачинщикъ».

Въ письмѣ отъ 20 августа Репнинъ донесъ объ этомъ Панину. «Между прочимъ,—пишетъ онъ,—усмотрите ваше сіятельство, что переяславскій архіерей есть нѣкоторою притчиною, считаю, волненію здѣшнихъ бунтующихъ крестьянъ. Да еще, конечно, тутъ есть его подчиненной игуменъ мотренинской Мелхиседекъ, котораго я самъ знаю, и знаю, что онъ совершенной плутъ, человѣкъ чрезвычайно безпокойной и все въ состояніи сдѣлать... Я осмѣливаюсь представить вашему сіятельству, что время сему архіерею хвостъ присечь *по важности слѣдствій*, которыя отъ всѣхъ сихъ бунтованій произойти могутъ, а унять его, думаю, будетъ трудно, не посадя подъ караулъ".

Результатомъ этого письма было предупреждающее письмо Панина къ Гервасію отъ 2 сентября и повелѣніе перевесть Мелхиседека изъ-за Днѣпра въ Переяславъ.

Когда же 6 сентября Репнинымъ была переслана Панину нота польскаго правительства отъ 30 августа—10 сентября, въ которой заявлялся протестъ противъ дѣятельности Гервасія, направленной къ обращенію Польской Украины въ православіе,—послѣ этого, 29 сентября, Гервасію велѣно было переѣхать изъ Переяслава въ Кіевъ.

Для характеристики отношеній Репнина къ Гервасію и вообще къ диссидентскому вопросу интересно письмо Репнина отъ 27 сентября къ князю Прозоровскому, смѣнившему въ августѣ въ Украинѣ Кречетникова. Въ этомъ письмѣ, возмущаясь дѣятельностью Гервасія, Репнинъ писалъ: «Нигдѣ здѣсь (т. е. въ предѣлахъ польскаго королевства) не позволено отъ уніи отступать», и доказываетъ нарушеніе заключенныхъ съ Польшею трактатовъ въ фактахъ обращенія въ

Украинѣ католиковъ и уніатовъ въ православіе. Затѣмъ добавляетъ: «Но хотя бъ и всего сего не было, однако *не время въ настоящихъ обстоятельствахъ* пустыми замыслами архіерея Переяславскаго *хлопоты здѣшнія и замѣшательства умножать»*.

Въ заключеніе запрещаетъ чрезъ Прозоровскаго Гервасію возбуждать дѣла о возвращеніи уніатовъ къ православію,—«чтобъ онъ болѣе такихъ здѣсь замѣшательствъ не дѣлалъ».

Интересны еще два донесенія Прозоровскаго, также нѣсколько проливающія свѣтъ на дѣло Мелхиседека и Гервасія. Получивъ изъ польскихъ источниковъ свѣдѣнія объ участіи въ возстаніи Мелхиседека, Репнинъ велѣлъ Прозоровскому посѣтить Мотренинскій монастырь и схватить Мелхиседека. Прозоровскій поручилъ это подполковнику Бринку, который, посѣтивъ монастырь, донесъ, что въ монастырѣ ничего подозрительнаго не нашелъ и что Мелхиседекъ отсутствуетъ изъ монастыря еще съ мая 1767 г. и находится въ Переяславѣ.

Съ другой стороны, Прозоровскій, узнавъ отъ пойманныхъ гайдамакъ, что послѣдніе принуждали уніатскихъ священниковъ ѣхать въ Переяславъ къ Гервасію за благословеніемъ, доносилъ: „онъ, епископъ (Гервасій), за показанными попами, дабы оные къ нему ѣхали, никого не присылалъ и писемъ о томъ ни къ кому не писалъ“.

Въ чемъ состояла „вина“ Гервасія и Мелхиседека—становится все болѣе и болѣе яснымъ [1]).

Вл. П—ко.

Князь Н. В. Репнинъ и Георгій Конисскій. Въ іюлѣ 1768 г. епископъ (впослѣдствіи архіепископъ) Бѣлорусскій Георгій Конисскій, знаменитый печальникъ о судьбѣ православныхъ въ Польшѣ, обратился къ русскому послу въ Варшавѣ князю Н. В. Репнину съ указаніемъ на предполагавшееся въ Могилевѣ устройство поляками конфедераціи и съ просьбой о присылкѣ, въ виду этого, „хотя со сто человѣкъ команды для бытія гдѣ въ Могилевѣ до успокоенія возмущенія“. Получивъ это письмо, Репнинъ писалъ 1 августа въ Петербургъ полковнику Кару.

---

[1]) Моск. Гл. Арх. М. Ин. Дѣлъ, и Польск. дѣла, 1768 г., связки—20, 21 и 22.

„При семъ прилагаю оригинальное письмо нашего враля епископа Бѣлорусскаго, которой вовѣкъ ни съ кѣмъ ужиться не можетъ на все всегда жалуется, и лишь бы кто толко попъ былъ, да не нашего закона, то онъ уже и готовъ къ нему въ волосы впиться. Но нѣтъ нужды мнѣ объ немъ описывать, ты его самъ знаешь. Увидишь, изъ его письма, что онъ просилъ для своей безопасности человѣкъ сто прикрытія въ Могилевъ. Я думаю, что вся сія опасность въ его толко головѣ находится, однако при нынѣшнихъ замѣшательствахъ отвѣчать за то нелзя, а мнѣ изъ здѣшнихъ войскъ послать туда некого, и тако представь объ семъ пожалуй Никитѣ Ивановичу (Панину) и доложи, ни прикажетъ ли онъ изъ нашихъ границъ кого туда послать. Но естли то намѣрится повелѣть, то прошу я, чтобъ посланъ былъ человѣкъ смирной, не гордитель и не фанатикъ, ибо сей нашъ архіерей бѣлорускои во имя Божіе до всего довести можетъ“ *(Гл. Моск. Арх. М. Ин. Д. польск. дѣла, 1768 г., приложенія къ депешамъ Репнина).*

Вл. П.

Грамота Максима Желѣзняка. „Я Максимъ Залѣзнякъ, полковникъ Низового Запороскаго войска, даю отъ себе документъ Ѳеодору Осачому (Осадчому?) мѣстечка Теплика, аби онъ мѣщанъ и прочіи громади ключа того мѣстечка въ добрѣмъ состояніи здержовалъ, яко то: аби имѣлъ власть судити. радити и во всякихъ случаяхъ добре справовати, добримъ добре воздавати а злихъ бунтовниковъ смертелними кіями карати, а мѣщанамъ и прочіимъ громадамъ ключа выше описанаго мѣстечка приказую, аби ему во всякихъ случаяхъ послу(ш)ни були, бунтов между собою не робили. При се(м) будте здорови.

Максимъ Залѣзнякъ, полковникъ Низовскій, съ товариствомъ.

Д. 1768 года, іюня 13 дня. в Умани“.

(Гл. Моск. Арх. М. Ин. Д., польск. дѣла, 1768 г., связка № 21).

Сообщ. **Вл. П—ко.**

Извѣщенія редакціи.

1) На поддержаніе могилы Т. Г. Шевченка поступило: а) Отъ Л. В. Гогина—1 р. 30 к.; И. И. Гудзовенка—10 р., І. И. Каминскаго—10 р.; разныхъ лицъ 12 р. 85 к. б) Изъ *Екатеринослава* отъ К. К. Похила—1 р. 20 к.; А. К. Похила—50 к.; И. Г. Горбоносова—1 р. 45 к.; М. К. Емца.—1 р.: А. Н. Захаровой—50 к.; В. П. Нечволодова—1 р.; И. А. Матича 1 р.; Н. В. Додица—75 к.; А. М. Гринченко—1 р.; М. И. Симоновскаго—2 р.; П. И. Бѣлаго—4 р.; С. О. Липковскаго—2 р.; Н. Л. Кузьменко—1 р.; А. П. Сидоренко—50 к.; К. П. Дрожженко—50 к.; И. В. Пустовойтова—25 к.; П. Н. Соколовскаго—1 р. 50 к.; И. Н. Рекова—1 р. 50 к.; І. А. Черненко—1 р. 50 к. Г. С. Дудки—1 р. 50 к.; К. В. Крамаренко—1 р. 50 к.; К. Н. С.—3 р.; Г. Н. Заворотько—1 р.; В. Д. Одноroженко—1 р.: К. П. Стороженко—60 к.; Г. И. Аблицева—20 к.; В. А. Карчинскаго—50 к; И. Г. Рѣпчанскаго—1 р.; А. К. Бабанскаго—60 к.; С. Г. Фалько—50 к.; В. Г. Петренко—75 к.; А. Н. Компанійца—1 р. 10 к.; В. Н. Соляника—50 к.; А. И. Кучеренко—50 к.; Н. Д. Усенко—50 к.; Н. Г. Шпаковскаго—1 р.; К. С. Дудки—2 р.; И. И. Тимофеева—1 р.; Ф. П. Гриндлера—1 р. 60 к.; Н. А. Богуславского—2 р.,—*всего 45 р. 50 к.* что, вмѣстѣ съ прежде поступившими 355 р. 10 к. (см. № 1-й), составитъ 434 р. 75 к.

2) На образованіе капитала имени И. С. Левицкаго, по поводу исполнившагося 35-тилѣтія его литературной дѣятельности, для изданія украинскихъ книгъ для народа поступило вновь: а) отъ Л. В. Гогина—1р.; б) С. В. Бачинскаго—2 р.; в) собрано К. Л. Хохличемъ: 1) *З Черниговщини:* а) Прохорці: Хведір, Палажка, Васыль, Ганна, Олена, Олесей, Харитина, Устя, Маруся, Петро, Хведор, Степан—Коломійченки—12 р.; Евфим Пирківський—1 р.; Митро Сахно—1 р.; Евфим Сахно—1р.; б) *Борзенці:* Микола Науменко—1 р.; Ферапонт Саєнко—1 р.; в) *Остерець:* Іван Шульга—1 р.; 2) *З Київщини:* Михайло Пашковський—1 р.; Павло Нечиталюк—1 р.; Варька Щебетунова—1 р. 3) *З Подилля:* Арсень Олійник—5 р.; 4) *З Волині:* Кость Хохлич—3 р.; Е. Зозуля—1 р. Всёго—30 р.; г) зъ Катеринослава замисть папки—20 р.,—всего 53 р., что, вмѣстѣ съ прежде поступившими—70 р. 86 к. (см. № 2-й), составитъ *123 р. 86 к.*

Текущія извѣстія.

Какъ готовится харьковскій университетъ къ своему столѣтнему юбилею[1]. Пятидесятилѣтній юбилей харьковскаго университета въ 1855 г. не могъ осуществиться по той причинѣ, что императоръ Николай Павловичъ призналъ 50-ти лѣтній періодъ жизни университета для юбилейнаго празднованія недостаточнымъ. Университетъ-же, съ своей стороны, сдѣлалъ всѣ необходимыя приготовленія къ предстоявшему торжеству и, между прочимъ, командировалъ двухъ профессоровъ въ Петербургъ для извлеченія изъ архива министерства народнаго просвѣщенія матеріаловъ для исторіи университета. Профессоръ Рославскій-Петровскій, занимавшійся по исторіи университета, не приготовилъ систематическаго труда, посвященнаго обзору его пятидесятилѣтней жизни, хотя былъ подготовленъ къ такой работѣ, и многіе ея отъ него ожидали. Тѣмъ не менѣе, вышелъ одинъ печатный трудъ, посвященный этому неосуществившемуся юбилею, а именно: «Историко-статистическое обозрѣніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета, вышедшій въ свѣтъ подъ редакціей помощника попечителя, бывшаго раньше ректоромъ, К. Фойгта. Въ университетѣ состоялось скромное собраніе, на которомъ не было прочитано никакихъ привѣтствій отъ лицъ и учрежденій, а только въ обычномъ годовомъ отчетѣ отмѣчена была важная для академической корпораціи хронологическая дата.

Прошло 50 лѣтъ. Университетъ имѣлъ полное основаніе думать, что столѣтній періодъ его жизни уже окажется достаточнымъ для юбилейныхъ торжествъ, и такъ какъ нужно было подводить итоги за цѣлое столѣтіе, то приступилъ къ составленію юбилейныхъ изданій заранѣе. Эти юбилейныя изданія и должны быть признаны наиболѣе существеннымъ моментомъ подготовки къ юбилею. Въ самомъ дѣлѣ, если смыслъ всякаго юбилея заключается въ подведеніи итоговъ, то, значитъ, и юбилей такого просвѣтительнаго учрежденія, какъ университетъ, долженъ напомнить нынѣшнимъ его дѣятелямъ, многимъ

---

[1]) Настоящую замѣтку, посвященную приготовленіямъ къ празднованію Харьковскимъ университетомъ своего 100-лѣтняго юбилея, заимствуемъ изъ „Приднѣпровскаго Края“.

поколѣніямъ студентовъ и всему обществу о заслугахъ его передъ наукой, образованіемъ и всею страною. Такія изданія должны воссоздать передъ нами эволюцію въ развитіи университетской жизни, неустанную работу нѣсколькихъ поколѣній учащихъ на пользу юношества и науки, отмѣтить наиболѣе выдающихся дѣятелей въ этомъ отношеніи; показать условія, благопріятствовавшія ходу этой работы и замедлившія его. Такое историческое изображеніе прошлаго не только составляетъ нашъ нравственный долгъ передъ предшественниками, но, связывая настоящее съ прошлымъ, осмысливаетъ первое и уясняетъ послѣднее и заключаетъ въ себѣ нерѣдко серьезныя практическія указанія для текущей дѣятельности.

Важно, чтобы культурная нить не прерывалась, и необходимо знать, какое культурное наслѣдство и какія задачи одно поколѣніе оставило другому, а между тѣмъ, кажется, ни въ одной сферѣ русской жизни нѣтъ такого большого количества неожиданныхъ переходовъ и попятныхъ движеній, какъ въ области высшаго образованія, въ его историческомъ ходѣ. Въ то время, какъ европейскіе университеты оказали могущественное вліяніе на развитіе ихъ странъ, наши слишкомъ чувствительно отражали въ себѣ всѣ колебанія и условія внутренней политики центральнаго правительства, которыя, къ сожалѣнію, несравненно чаще двигали ихъ назадъ, а не впередъ, и, такимъ образомъ, наслѣдія одной освободительной эпохи только въ видѣ слабаго воспоминанія переходили къ другой.

Исторія харьковскаго университета среди другихъ представляетъ особенный интересъ для историка русской жизни, потому что въ сильнѣйшей степени проникнута духомъ общественности.

Самое основаніе университета въ Харьковѣ было обязано своимъ происхожденіемъ общественной иниціативѣ, нашедшей себѣ яркое выраженіе въ лицѣ пылкаго энтузіаста и горячаго поборника просвѣщенія—В. Н. Каразина. Любопытно было также опредѣлить тѣ просвѣтительныя вліянія, которыя подготовили почву среди мѣстнаго общества для воспріятія идеи объ университетѣ. Не менѣе интересно было прослѣдить взаимодѣйствіе иноземной, общерусской и мѣстной стихій въ первые годы существованія университета.

Огромную важность представлялъ, наконецъ, вопросъ о благотворномъ вліяніи университета на мѣстное общество, въ особенности, въ сферѣ низшаго и средняго народнаго образованія, всецѣло переданнаго въ вѣдѣніе университета уставомъ 1804 года.

Любопытно было видѣть, какъ отразилась въ харьковскомъ университетѣ эпоха идеализма сороковыхъ годовъ, эпоха великихъ реформъ шестидесятыхъ годовъ и, наконецъ, общаго упадка университетской жизни при дѣйствіи устава 1884 года.

Однимъ словомъ,—широкая постановка вопроса, ставившая его въ связь съ исторіей образованія въ краѣ, вообще, представляла не только *значительный* научный, но и общественный интересъ. Она-то и побудила меня придать моему опыту исторіи харьковскаго университета «столь значительные размѣры, привлечь массу архивныхъ матеріаловъ и посвятить этой работѣ 12 лѣтъ.

И, несмотря на столь значительный періодъ затраченнаго времени, я успѣлъ разработать только первыя 30 лѣтъ исторіи университета.

Такимъ образомъ, и при существованіи 2-хъ томовъ моей исторіи являлась необходимость въ изданіи краткаго, но систематическаго очерка всей исторіи университета, каковой очеркъ и выполненъ въ настоящее время мною, профессоромъ Н. Ѳ. Сумцовымъ и профессоромъ В. П. Бузескуломъ.

Этотъ очеркъ будетъ заключать въ себѣ общій обзоръ жизни харьковскаго университета при четырехъ его уставахъ—1804, 1835, 1863 и 1864 годовъ.

Объемъ его будетъ равняться, приблизительно, 15-ти печатнымъ листамъ.

Разсчитанъ онъ на распространеніе среди широкаго круга читателей.

Въ настоящее время онъ уже печатается.

Вторымъ юбилейнымъ изданіемъ явится «Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей харьк. университета». Онъ будетъ состоять изъ 4-хъ томовъ, изъ коихъ каждый будетъ заключать въ себѣ исторію одного изъ четырехъ факультетовъ и біографіи факультетскихъ преподавателей; каждому факультету посвящается отдѣльный томъ объемомъ въ среднемъ до 30-ти печатныхъ листовъ.

Біографіи расположены въ порядкѣ каѳедръ и составляются нынѣшними представителями этихъ послѣднихъ.

Рядомъ съ біографіями покойныхъ профессоровъ помѣщаются автобіографіи живыхъ и выбывшихъ.

Само собою разумѣется, что въ этихъ послѣднихъ сообщается только строго фактическій матеріалъ и нѣтъ никакой оцѣнки дѣятельности.

Основнымъ матеріаломъ для всего изданія служатъ данныя университетскаго архива—формуляръ, дѣло и т. п.

Въ концѣ біографій и автобіографій помѣщены только библіографическіе перечни сочиненій всѣхъ преподавателей университета. Подчасъ встрѣчается и критическая оцѣнка трудовъ. Привлеченъ къ изслѣдованію и печатный матеріалъ.

Въ концѣ каждаго тома будутъ помѣщены въ особыхъ таблицахъ портреты всѣхъ дѣятелей, воспроизведенные фототипическимъ способомъ московскою фирмою «Фишеръ».

Третьимъ изданіемъ является «Исторія ученыхъ и учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета». Она будетъ заключать въ себѣ исторію всѣхъ его ученыхъ обществъ и учебно-вспомогательныхъ учрежденій, какъ общихъ, въ родѣ, напр., библіотеки, типографіи, такъ равно и пріуроченныхъ къ отдѣльнымъ факультетамъ—кабинетовъ, клиникъ и т. д. И это изданіе будетъ иллюстрировано соотвѣтственными рисунками—планами, видами, портретами и т. п.

Всѣ эти три изданія осуществляются на спеціально ассигнованныя министерствомъ суммы особой юбилейной комиссіей, избранной совѣтомъ университета и состоящей изъ 4-хъ факультетскихъ редакторовъ (проф. М. Е. Халанскаго, М. П. Чубинскаго, И. П. Осипова и И. П. Скворцова) и главнаго редактора (проф. Д. И. Багалѣя).

Юбилейная коммиссія работаетъ уже два года и къ назначенному для празднованія юбилея сроку (15-му сентября 1905 года) надѣется окончить свои труды.

Кромѣ того, совѣтъ университета рѣшилъ выпустить въ свѣтъ къ открытію памятника истиннаго основателя университета В. Н. Каразина собраніи его сочиненій и поручилъ редакцію ихъ мнѣ. Это будетъ первое изданіе сочиненій выдающагося общественнаго дѣятеля царствованія Павла, Александръ I и Николая Павловича.

Сюда войдутъ какъ печатные его труды, разсѣянные въ самыхъ разнообразныхъ, нерѣдко мало доступныхъ періодическихъ изданіяхъ и отдѣльныхъ оттискахъ, такъ равно и неизданныя сочиненія, которыя мнѣ удалось найти, благодаря систематическимъ поискамъ въ различныхъ государственныхъ хранилищахъ.

Сочиненія В. Н. Каразина распредѣлены мною по нѣсколькимъ отдѣламъ,—въ зависимости отъ ихъ содержанія: въ первый отдѣлъ войдутъ статьи политическія и статистико-экономическія, во второй—отчеты его по филотехническому обществу и т. д.; особый отдѣлъ составятъ письма В. Н. Каразина къ разнымъ лицамъ.

Все изданіе совтавитъ до 48 печатныхъ листовъ и будетъ иллюстрировано портретомъ В. Н. Каразина, видомъ его селенія «Кручика» и др. рисуками.

Въ связи съ юбилеемъ нужно поставить еще два частныя изданія.

Студентъ юридическаго факультета, г. Носалевичъ, предпринялъ обширный статистическій трудъ, основанный исключительно на данныхъ университетскаго архива и посвященный чрезвычайно важному вопросу—о числѣ студентовъ за столѣтній періодъ существованія университета—о распредѣленіи ихъ по факультетамъ, по курсамъ, о выдержавшихъ окончательные экзамены и получившихъ кандидатскую степень и т. д.

Мѣстный фотографъ А. М. Иваницкій издаетъ альбомъ, посвященный столѣтнему юбилею университета. Онъ будетъ исполненъ фототипическимъ способомъ и заключитъ въ себѣ портреты прежнихъ и нынѣшнихъ профессоровъ и преподавателей университета, группы студентовъ прежняго и нынѣшняго времени, наружные и внутренніе виды университетскихъ зданій и помѣщеній,—аудиторій, лабораторій, клиникъ и т. п.

Здѣсь же будутъ помѣщены портреты выдающихся питомцевъ университета въ разные періоды его существованія,—почетныхъ членовъ его, русскихъ и иностранныхъ, старыхъ и нынѣшнихъ временъ, жертвователей.

Къ альбому будетъ приложенъ мой объяснительный текстъ.

Таковы изданія, вызванныя юбилеемъ; въ совокупности своей они, нужно надѣяться, дадутъ достаточно полное и вѣрное представленіе о заслугахъ харьковскаго университета передъ наукой, просвѣщеніемъ и обществомъ.

Во время юбилея предположено устроить выставку предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ старому и новому университетскому быту—портретовъ дѣятелей, печатныхъ и рукописныхъ курсовъ, университетскихъ изданій и т. д.

Важнымъ моментомъ въ юбилейныхъ торжествахъ явится также пріуроченное къ нимъ открытіе памятника В. Н. Каразину.

Мысль о постановкѣ памятника В. Н. Каразину возникла уже давно—въ семидесятыхъ годахъ XIX вѣка Она вышла изъ университетскихъ сферъ, и главнымъ ея проводникомъ въ обществѣ былъ покойный профессоръ Н. А. Лавровскій, который ранѣе другихъ въ своихъ работахъ отмѣтилъ ту руководящую роль, какую игралъ въ дѣлѣ основанія харьковскаго университета В. Н. Каразинъ.

Харьковское губернское земство первое откликнулось на призывъ къ пожертвованію и ассигновало на памятникъ В. Н. Каразину 5,000 руб. Потомъ сборы средствъ на памятникъ затянулись, въ особенности—когда было рѣшено ставить не бюстъ, а настоящую фигуру

Послѣдніе годы, однако, дѣло пошло энергичнѣе и въ настоящее время его можно считать доведеннымъ до благополучнаго конца.

Сдѣлало крупное пожертвованіе и харьковское городское общественное управленіе, и мѣстное дворянство.

Путемъ пожертвованій собрана сумма, достаточная на постановку фигуры на высокомъ пьедесталѣ.

Университетъ отвелъ для постановки памятника чудное мѣсто—при выходѣ въ университетскій садъ съ Сумской улицы.

Комитетъ по устройству памятника заказалъ фигуру В. Н. Каразина скульптору Андріолетти, исполнившему ее подъ руководствомъ профессоровъ.

Постаментъ спроектированъ архитекторомъ А. Н. Бекетовымъ.

Въ настоящее время уже устроенъ фундаментъ для постамента и заготовленъ весь необходимый матеріалъ для него—гранитъ.

Фигура В. Н. Каразина отливается изъ бронзы, по модели скульптора Андріолетти, на одномъ изъ петербургскихъ заводовъ.

На всѣхъ четырехъ сторонахъ постамента будутъ соотвѣтственные рисунки и надписи: видъ его родного селенія Крючика и изреченія, взятыя изъ его сочиненій.

Если принять во вниманіе, что въ Харьковѣ до послѣдняго времени не было ни одного памятника и только недавно воздвигнутъ очень скромный бюстъ А. С. Пушкину, то станетъ понятнымъ то нетерпѣніе, съ какимъ ожидаетъ Харьковъ открытія памятника виновнику основанія харьковскаго университета.

Послѣ открытія памятника предположено публичное чтеніе, посвященное его характеристикѣ и значенію. Замѣтимъ кстати, что въ

январской книжкѣ журнала «Кіевская Старина» начинается печатаніе обширной монографіи о В. Н. Каразинѣ, составленной г-мъ Тихимъ.

Работы этого послѣдняго представляютъ изъ себя сочиненіе, удостоенное золотой медали на тему, заданную историко-филологическимъ факультетомъ Императорскаго харьковскаго университета по предмету русской исторіи.

Такъ готовится харьковскій университетъ къ оффиціальному празднованію своего столѣтняго юбилея, каковое перенесено съ 17-го января на 15 сентября 1905 года, дабы связать съ нимъ и открытіе памятника В. Н. Каразину, въ данный моментъ еще не готоваго.

Будемъ надѣяться, что, при начавшемся нынѣ подъемѣ общественнаго самосознанія, и общественныя, и сословныя учрежденія, и частныя общества, и корпораціи, и отдѣльныя лица всей юго-восточной полосы Россіи громко и единодушно выразятъ свое сочувствіе почтенному юбиляру—разсаднику наукъ и образованія, что дастъ ему новыя силы для свободнаго развитія своей просвѣтительной дѣятельности въ обновленной Россіи.

Проф. Д. И. Багалѣй.

Лекціи украинскаго языка и литературы въ Collège de France. *(Письмо изъ Парижа).* 8 декабря н. ст. 1904 г. въ Collège de France[1]) профессоръ г. Луи Леже (Louis Leger), членъ Французскаго Института и Академіи надписей и изящной словесности, началъ чтеній лекцій по исторіи украинской литературы. Имя этого ученаго, лучшаго знатока славянскихъ языковъ во Франціи, извѣстно и у насъ: профессоръ Леже принималъ участіе въ археологическихъ раскопкахъ

---

[1]) Основанный въ 1530 г. Францискомъ I независимо отъ Парижскаго университета (La Sorbonne). гдѣ въ то время преподавались только богословско-философскія науки, Французскій Коллежъ, (Collège de France) представляетъ высшее учебное заведеніе съ свободнымъ преподаваніемъ наукъ, нестѣсняемымъ никакими программами. Въ настоящее время онъ заключаетъ 60 каѳедръ: философіи, математики, исторіи, естествознанія, общественныхъ наукъ, новыхъ, древнихъ, и восточныхъ языковъ и т. д. Имена извѣстныхъ ученыхъ каковы Leroy-Beaulieu, Levasseur, Pierre Janet и др. значатся въ числѣ профессоровъ этого перваго разсадника свѣтскихъ наукъ во Франціи.

вмѣстѣ съ профессоромъ В. Б. Антоновичемъ и въ трудахъ археологическаго съѣзда въ Кіевѣ. Будучи извѣстнымъ какъ переводчикъ на французскій языкъ Лѣтописи Нестора, онъ первый во Франціи положилъ начало изученію исторіи и языка Украины и въ частности изученію кіевскихъ древностей.

На первой лекціи присутствовало около двадцати слушателей, среди которыхъ было нѣсколько молодыхъ французскихъ славяновѣдовъ между прочими Г. Мазонъ (Mazon), совершившій уже экскурсіи съ цѣлью ознакомленія съ древностями Кіева, Львова и др. Познакомивъ въ краткихъ словахъ своихъ слушателей съ географіей Украины и этнографическими особенностями ея жителей, почтенный профессоръ поставилъ вопросъ, заслуживаетъ ли языкъ, которымъ говоритъ народъ въ Малороссіи, названіе языка или онъ является однимъ изъ нарѣчій современнаго русскаго языка, какъ то утверждаютъ нѣкоторые ученые. Со свойственнымъ французамъ остроуміемъ почтенный профессоръ, основываясь на данныхъ фонетики и лексикологіи украинскаго языка, представилъ слушателямъ рядъ вѣскихъ и точныхъ доводовъ въ пользу самостоятельности украинскаго языка, подвергшагося, правда, нѣкоторому вліянію родственныхъ языковъ—русскаго и польскаго. Коснувшись, затѣмъ, неблагопріятныхъ условій, въ которыя поставлена украинская печать, г Леже указалъ какимъ тормазомъ является чрезмѣрно строгая цензура въ дѣлѣ изученія украинскаго слова западными учеными, которые часто бываютъ лишены возможности широкаго пользованія научнымъ матеріаломъ, имѣющимся въ книгохранилищахъ и свободнаго всесторонняго изслѣдованія вопросовъ исторіи, этнографіи и общественной жизни Украины. Пользоваться галицкими изданіями и архивами, конечно, для нихъ удобнѣе, но научные матеріалы, находящіеся въ Галиціи, не такъ обильны, такъ какъ Галицкая Русь никогда не пользовалась политической самостоятельностью, вслѣдствіе чего тамъ и не можетъ быть столь цѣннаго собранія рукописей и другихъ памятниковъ прошлаго Украины. Даже обыкновенное элементарное изученіе нашего языка является для французовъ крайне затруднительнымъ, въ виду отсутствія словарей, и пособій по этимологіи, синтактису; подборъ такихъ учебниковъ даже и въ Галиціи крайне ограниченъ, причемъ изучающіе должны знать нѣмецкій языкъ, на которомъ существуетъ, если не ошибаюсь, одна только этимологія безъ синтаксиса.

Изученіе текста производится по Евангелію (изданіе Гольцгаузена, въ переводѣ Кулиша и Пулюя), при чемъ, въ интересахъ соблюденія правильнаго акцента, текстъ читаетъ обыкновенно кто-нибудь изъ немногочисленныхъ украинцевъ, посѣщающихъ курсы, а переводъ и грамматическія объясненія даются профессоромъ. Руководствомъ къ изученію исторіи литературы служитъ небольшая книжка О. Барвінського—„Огляд істориі украіньско-рускоі літератури“. Характерно, что проф. Леже тотчасъ по окончаніи первой лекціи роздалъ желающимъ нѣсколько экземпляровъ учебника Барвінського, грамматикъ, Евангелій, указавъ при этомъ гдѣ и какъ можно пріобрѣтать ихъ. Въ Парижѣ, оказалось, можно купить только Евангеліе на украинскомъ языкѣ въ изданіи Лондонскаго Библейскаго о-ва. Несмотря на массу неблагопріятныхъ условій, главное—осутствіе французско-украинскихъ и украинско-французскихъ словарей, за истекшіе $2^1/_2$ мѣсяца прочитано и переведено больше 15 главъ изъ Евангелія, пройдено больше половины этимологіи и нѣсколько главъ по исторіи литературы, не считая многочисленныхъ объясненій по фонетикѣ, и это при одной лекціи въ недѣлю. Профессоръ Леже читаетъ въ томъ же Collège de France еще особый курсъ подъ названіемъ: «состояніе русскаго общества и литературы въ царствованіе Александра I.»

Въ заключеніе настоящей замѣтки, не могу умолчать о вынесенномъ нами удовольствіи отъ лекцій профессора Леже, который не только старается дать знанія, но и пробудить въ сердцахъ своихъ слушателей чувства глубокой симпатіи къ нашему краю, подчеркивая съ особымъ удовольствіемъ первые признаки пробуждающагося національнаго самосознанія, выразившагося въ чествованіи Н. В. Лисенка и полтавскихъ празднествахъ по случаю открытія памятника Котляревскому...

Слушатель.

Заявленія украинской интеллигенціи (въ комиссію по пересмотру законовъ о печати).

Приводитъ текстъ трехъ телеграммъ, адресованныхъ представителями украинской интеллигенціи предсѣдателю комиссіи по пересмотру законовъ о печати, т. с. Кобеко.

1) *Изъ Одессы:* «Исключительныя условія существованія малорусскаго слова и цензурныя стѣсненія, какимъ оно подвергается, за-

ставляютъ насъ, въ интересахъ обезпеченія свободы слова, равноправности и справедливости, почтительнѣйше просить ваше высокопревосходительство пригласить для участія въ совѣщеніи защитника интересовъ малорусскаго слова. Если въ совѣщаніи принимаютъ участіе извѣстные своимъ недоброжелательствомъ ко всему малорусскому журналисты Пихно и Суворинъ, то справедливость требуетъ участія въ томъ же совѣщеніи и защитниковъ. Это необходимо также въ интересахъ большей авторитетности рѣшеній комиссіи. Для облегченія выбора мы готовы назвать вашему высокопревосходительству нѣсколько лицъ». («Полтавщина», № 46).

2) *Изъ Кіева:* «Нижеподписавшіеся украинскіе писатели, находящіеся въ Кіевѣ, въ виду тяжелыхъ ограниченій, которымъ подвергнуто украинское слово, считаютъ необходимымъ участіе представителей украинской литературы въ комиссіи, состоящей подъ предсѣдательствомъ вашего высокопревосходительства, и полагаютъ, что лишь окончательная отмѣна предварительной цензуры и административнаго воздѣйствія въ области печатнаго слова въ состояніи дать послѣднему необходимую свободу». Телеграмму подписали: проф. В. Б. Антоновичъ, Н. Ѳ. Бѣляшевскій, Н. П. Василенко, М. Н. Гринченко, Б. Д. Гринченко В. Н. Доманицкій, С. А. Ефремовъ, П. И. Житецкій, проф. А. Е. Крымскій, И. С. Левицкій-Нечуй, М. Ф. Левицкій, Н. В. Лисенко, Л. М. Старицкая-Черняховская, И. М. Стешенко и др. («Кіевскіе Отклики», № 46).

3) *Изъ Лубенъ:* Нѣтъ, вѣроятно, другого народа, который былъ бы поставленъ въ столь ненормальныя условія своего существованія, какъ украинскій. Лишенный права пользованія роднымъ языкомъ, какъ средствомъ своего развитія, и осужденный тѣмъ на безмолвіе, онъ лишенъ и всякой возможности воспринять культурныя пріобрѣтенія человѣчества. Отсюда ужасная культурная отсталость и, какъ естественное послѣдствіе ея, слишкомъ низкій уровень экономическаго благосостоянія украинскихъ массъ.

Между тѣмъ, 30-милліонное украинское населеніе—исключительно земледѣльческое; оно занимаетъ одинъ изъ плодотворнѣйшихъ районовъ, и интересы его не могутъ быть чужды государству, по преимуществу также земледѣльческому.

Поэтому теперь, когда поднятъ вопросъ о свободѣ печати вообще, мы, нежеподписавшіеся, считали своимъ священнымъ долгомъ высказать В. В—ству наше искреннее и глубокое убѣжденіе, что един-

ственно возможнымъ рѣшеніемъ вопроса объ украинскомъ печатномъ словѣ будетъ только то, если общія положенія, имѣющія быть выработанными ввѣренной вамъ комиссіей относительно русской печати, будутъ также распространены безъ всякихъ ограниченій и на украинское печатное слово. Но такъ какъ для этого необходимы всестороннее выясненіе и наиболѣе безпристрастное освѣщеніе вопроса, то мы всецѣло присоединяемся къ ходатайству украинской интеллигенціи Одессы и Кіева о приглашеніи въ комиссію и представителей украинскаго общества. Это необходимо и въ интересахъ простой справедливости, такъ какъ въ комиссію отъ провинціальной прессы приглашенъ уже редакторъ-издатель «Кіевлянина», органа, извѣстнаго своей особенной нетерпимостью ко всему украинскому». Телеграмму подписали: Владиміръ Шеметъ, Вѣра Шеметъ, Г. Взятковъ, Софія Забѣло, С. Коренева, В. Я. Яновскій, Л. А. Яновская, Радзимовскій, Е. Левицкая, О. Зайкевичъ, К. Зайкевичъ, Луценко, Софія Милорадовичъ, Н. Бунина, А. Бунинъ, Ткачъ («Полтавщина», № 54).

Съ тѣхъ поръ, какъ посылались эти заявленія, розовыя надежды, первоначально возлагавшіяся въ провинціи на комиссію т. с. Кобеко, успѣли уже потускнѣть. Назначеніе членами комиссіи г.г. Юзефовича, Головина (Муравлина) и кн. Цертолева съ одной стороны, и опубликованное въ № 41 «Русскихъ Вѣдомостей» «заявленіе о нуждахъ русской печати», отъ имени редакцій лучшихъ русскихъ органовъ, съ другой—открыли глаза обществу на истинное значеніе работъ комиссіи, и потому въ настоящее время едва ли можетъ идти рѣчь о какомъ бы то ни было участіи украинскихъ писателей въ ея занятіяхъ...

Харьковскія ходатайства по украинскому вопросу. Представителями различныхъ слоевъ харьковскаго общества возбуждаются передъ правительствомъ два ходатайства, имѣющія близкую связь одно съ другимъ. Первое, на имя предсѣдателя Комитета Министровъ С. Ю. Витте, заключаетъ въ себѣ просьбу объ уравненіи права малорусской литературы съ русской литературой; второе, посылаемое въ Святѣйшій Синодъ, заключаетъ въ себѣ просьбу о разрѣшеніи изданія на малорусскомъ языкѣ Библіи и другихъ книгъ св. Писанія. («Полтавщина», № 38).

Вопросъ объ украинскомъ языкѣ въ Кіевскомъ университетѣ. Комитетомъ министровъ, какъ извѣстно, признано было полезнымъ освободить изданія на украинскомъ языкѣ отъ стѣснительныхъ ограниченій, причемъ сдѣланъ былъ по этому поводу запросъ у Академіи Наукъ, Харьковскаго и Кіевскаго университетовъ и г. кіевскаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора. Академія Наукъ нашла своевременнымъ присоединиться къ постановленію Комитета министровъ. Въ Кіевскомъ университетѣ предложеніе Комитета министровъ привести мотивы по поднятому вопросу, не касаясь вопроса о языкѣ преподаванія въ школѣ, было передано на обсужденіе историко-филологическаго факультета, который, заслушавъ записки проф. В. Б. Антоновича и проф. В. Н. Перетца, единогласно сдѣлалъ заключеніе о возможности отмѣны ограничительныхъ постановленій 1876 и 1881 г.г. и о предоставленіи украинской литературѣ тѣхъ же правъ, коими пользуется русская литература. Въ состоявшемся 26 февраля по этому вопросу засѣданіи совѣта Кіевскаго университета мнѣніе историко-филологическаго факультета принято было одиногласно, причемъ совѣтомъ избрана была комиссія для формулировки мотивовъ, побуждающихъ къ отмѣнѣ упомянутыхъ выше постановленій 1876 и 1881 г.г. Въ составъ комиссіи вошли профессора: Н. П. Дашкевичъ (предсѣдатель), П. Я. Армашевскій, В. Н. Перетцъ, А. М. Лобода, М. В. Довнаръ-Запольскій, Г. Г. Павлуцкій и Т. Д. Флоринскій, находящійся въ настоящее время въ отъѣздѣ. Комиссіею заслушаны были записки профессоровъ В. Б. Антоновича, В. Н. Перетца, А. М. Лободы и Н. П. Дашкевича. Послѣ преній по детальнымъ вопросамъ, комиссія поручила профессорамъ Н. П. Дашкевичу и В. Н. Перетцу формулировать въ окончательномъ видѣ свои соображенія, по совѣщаніи съ проф. В. Б. Антоновичемъ. («Кіевскіе Отклики», № 60).

Общества украинскихъ писателей. Подъ заглавіемъ «Новое общество» г. Гринченкомъ помѣщена въ № 60 «Кіевскихъ Откликовъ» слѣдующая замѣтка.

«Давно уже ощущалась потребность въ существованіи учрежденія, которое объединяло бы украинскихъ писателей и могло бы приходить имъ на помощь, какъ въ ихъ матеріальныхъ нуждахъ, такъ и въ литературной дѣятельности. Потребность эта тѣмъ сильнѣе ощущается, что украинскіе писатели лишены возможности имѣть свой органъ и

потому не могутъ группироваться даже вокругъ какого либо періодическаго изданія. Правда, въ Петербургѣ существуетъ уже нѣсколько лѣтъ хорошее общество съ длиннымъ названіемъ „Благотворительное общество изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ", успѣвшее сгруппировать уже тысячу членовъ, между которыми около ста украинскихъ писателей; но это общество никоимъ образомъ не можетъ удовлетворять указаннымъ выше цѣлямъ, такъ какъ оно имѣетъ свою спеціальную задачу—изданіе книгъ для народа, поэтому и писатели входятъ въ составъ его членовъ лишь въ небольшомъ числѣ. Нѣсколько лѣтъ назадъ сдѣлана была уже попытка основанія общества имени М. Максимовича, отчасти отвѣчавшаго указаннымъ требованіямъ; но просьба о разрѣшеніи его осталась безъ результатовъ. Также безрезультатнымъ было и ходатайство о возобновленіи «временно» закрытаго въ 1876 г. «Юго-западнаго отдѣла русскаго географическаго общества», который могъ бы объединять работу мѣстныхъ силъ, по крайней мѣрѣ въ области этнографіи и соприкасающихся съ ней наукъ.

Въ настоящее время украинскіе писатели вновь пробуютъ получить возможность хоть нѣсколько благоустроить свое положеніе, какъ литераторовъ. Группою лицъ въ Кіевѣ выработанъ уставъ «Общества вспомоществованія украинскимъ писателямъ».

Общество имѣетъ цѣлью придти на помощь украинскимъ писателямъ въ ихъ литературной работѣ и матеріальныхъ нуждахъ. Для достиженія этого оно имѣетъ: выдавать, въ случаѣ надобности, пособія писателямъ или ихъ семьямъ; заботиться о пріисканіи писателямъ литературнаго заработка: подыскивать авторамъ издателей или само принимать на себя изданіе ихъ произведеній; содѣйствовать теоретической и практической разработкѣ вопросовъ, стоящихъ въ связи съ литературной дѣятельностью, и принимать мѣры къ облегченію писателямъ ихъ работы—устройствомъ библіотекъ, доставленіемъ пособій для работы, посредничествомъ между писателями и литературными и учеными учрежденіями; изданіемъ періодическаго органа, если таковой будетъ разрѣшенъ, и пр. и пр. Членскій взносъ предположенъ въ пять рублей.

Уставъ подписанъ группою мѣстныхъ ученыхъ и литераторовъ, съ профессоромъ В. Б. Антоновичемъ во главѣ; подачу прошенія принялъ на себя И. С. Левицкій-Нечуй, юбилей котораго Кіевъ праздновалъ въ концѣ минувшаго года; прошеніе уже подано.

Учрежденіе такого общества было бы въ высшей степени желательнымъ. Не смотря на различныя неблагопріятныя обстоятельства, литературно научная дѣятельность на украинскомъ языкѣ развивается все болѣе и болѣе. захватывая и новыя области, и новыхъ людей. Созданіе центра, облегчающаго работу этихъ людей, является поэтому неотложной необходимостью какъ для самихъ дѣятелей украинской печати, такъ и для интеллигенціи, дорожащей развитіемъ родной литературы и понимающей важность этого развитія для пробужденія общественнаго сознанія. Но само собою разумѣется, что до тѣхъ поръ пока существуютъ ограниченія, положенныя для украинскаго слова, дѣятельность всякаго общества литераторовъ или ученыхъ не можетъ быть въ такой мѣрѣ плодотворной, въ какой она могла бы быть, если бы украинская печать дѣйствовала при иныхъ условіяхъ».

«Кіевская Газета» (№ 67) сообщаетъ, что возбуждено ходатайство объ учрежденіи въ Петербургѣ общества ревнителей украинскаго языка. Цѣль общества, главнымъ образомъ, изданіе дешевыхъ народныхъ книгъ по предметамъ прикладныхъ знаній, исторіи, естествознанію и др. Общество это, помимо просвѣтительныхъ задачъ, будетъ преслѣдовать также и задачи матеріальныя: поддержку лицъ, работающихъ въ интересахъ освѣщенія украинской жизни.

Отдѣленіе Общества имени Шевченка въ Москвѣ. Въ Москвѣ предполагается открыть филіальное отдѣленіе петербургскаго общества имени Тараса Григорьевича Шевченка.

Своей главной задачей общество ставитъ вспомоществованіе недостаточнымъ уроженцамъ юга.

Петербургское общество въ сравнительно короткій срокъ своего существованія успѣло обратить на себя вниманіе чисто практической постановкой дѣла,—тотъ же характеръ предполагается дать и его филіальному отдѣленію. («Вечерняя Почта», № 57).

Украинскій языкъ въ изданіяхъ Академіи Наукъ. Въ самомъ концѣ 1904 г. вышелъ въ свѣтъ изданный Академіей Наукъ сборникъ подъ заглавіемъ: «Статьи по Славяновѣдѣнію. Выпускъ I, подъ редакціей ординарнаго академика В. И. Ламанскаго. Изданіе второго отдѣленія Императорской академіи Наукъ». Изъ предисловія

видно, что Академія предполагала созвать въ Петербургѣ съѣздъ славистовъ и къ участію въ немъ пригласила какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, славянскихъ и западно-европейскихъ, ученыхъ; но такъ какъ, по случаю войны, съѣздъ пришлось отложить, то рѣшено было рефераты, приготовленные для съѣзда, напечатать въ видѣ особаго сборника, первый выпускъ котораго и вышелъ теперь въ свѣтъ. Въ этомъ выпускѣ содержится всего 19 рефератовъ, изъ нихъ—8 на русскомъ языкѣ, 1 на нѣмецкомъ, 2 на сербскомъ, 3 на польскомъ, 1 на чешскомъ, 1 на хорватскомъ и 3 на украинскомъ. Послѣдніе принадлежатъ извѣстному проф. Львовскаго университета М. С. Грушевскому и носятъ названія: 1) «Звичайна схема «русскоі» історіі й справа раціонального укладу історіі Східнього Словянства» (стран. 298--304); 2) «Спірні питання староруськоі етнографіі «стр. 305--321) и 3) «Етнографічні категоріі й культурно-археологічні типи в сучаснихъ студиях Східньоі Европы» (стр. 322—330) Независимо отъ ихъ научной цѣнности, эти рефераты представляютъ важный интересъ, какъ ученыя изслѣдованія на украинскомъ языкѣ, *впервые* напечатанныя въ Россіи фонетическимъ правописаніемъ, и при томъ въ такомъ авторитетномъ изданіи, какъ труды Академіи Наукъ. Примѣръ Академіи, стоящей выше всякихъ постороннихъ наукѣ соображеній, равно какъ и ея безпристрастный голосъ въ вопросѣ о ненормальномъ положеніи въ Россіи украинскаго слова, несомнѣнно долженъ быть принятъ во вниманіе при пересмотрѣ правилъ, опредѣляющихъ это положеніе. Высшее ученое учрежденіе въ Россіи не только теоретически, но и *практически*, этимъ путемъ выразило свое отрицательное отношеніе къ ограниченіямъ, которыя противорѣчатъ выводамъ науки и лишь препятствуютъ развитію жизненныхъ силъ страны и ея культурному и матеріальному преуспѣянію...

Вопросъ объ украинскомъ языкѣ въ Одесской думѣ. Намъ доставлено «Постановленіе Одесской городской думы (Засѣданіе 26 января 1905 г.)» по поводу доклада Одесскаго городского головы П. А. Зеленаго о нуждахъ народнаго образованія (см. «Кіевская Старина», январь, отд. II, стр. 23—27). Какъ гласитъ п. 28 названнаго «Постановленія», предложеніе г. Зеленаго по вопросу о введеніи украинскаго языка въ народныхъ школахъ для украинскаго населенія принято думой въ сдѣдующемъ видѣ:

«Чтобы въ мѣстностяхъ съ малорусскимъ населеніемъ были въ школахъ введены такіе учебники, которые, какъ по содержанію, такъ и по формѣ болѣе соотвѣтствовали бы географическимъ, историческимъ, этнографическимъ и вообще бытовымъ особенностямъ мѣстнаго населенія. Въ этихъ цѣляхъ необходимы:

а) отмѣна циркуляровъ, запрещающихъ давать объясненія въ школахъ на малорусскомъ языкѣ, каковыя объясненія являются безусловно необходимыми и фактически несомнѣнно примѣняются и теперь, какъ неизбѣжныя;

б) допущеніе въ учебникахъ статей на малорусскомъ языкѣ въ перемежку съ русскими и церковно-славянскими статьями, если бы не оказалось возможнымъ вести въ школахъ все преподаваніе на малорусскомъ языкѣ, а русскій языкъ сдѣлать особымъ предметомъ преподаванія въ мѣстностяхъ съ малорусскимъ населеніемъ;

в) допущеніе въ народныя и школьныя библіотеки малорусскихъ книгъ на равныхъ правахъ съ русскими, какъ развивающаго матеріала;

г) отмѣна циркулярныхъ распоряженій Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 1863, 1876 и 1881 г.г., коими созданы спеціальныя цензурныя ограниченія для научной и переводной литературы на малорусскомъ языкѣ, въ виду гибельнаго вліянія этихъ ограниченій на всю малорусскую литературу, а черезъ это и на народное просвѣщеніе въ истинномъ смыслѣ слова».

Городской управѣ поручено думой представить это постановленіе, вмѣстѣ съ прочими общаго характера, г. министру народнаго просвѣщенія.

— Нѣкоторыя южно-русскія земства просятъ полтавскую губернскую земскую управу выслать имъ докладъ В. Н. Леонтовича по вопросу о допущеніи родного языка въ народную школу, въ виду интереса, представляемаго затронутымъ въ докладѣ вопросомъ («Полтавщина», № 34).

Украинская книга и министерство народнаго просвѣщенія *(Письмо въ редакцію)*. 30 ноября 1904 года Винницкій уѣздный

комитетъ попечительства о народной трезвости послалъ въ ученый комитетъ при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія слѣдующее ходатайство:

«Винницкій комитетъ попечительства о народной трезвости имѣетъ честь ходатайствовать предъ ученымъ комитетомъ о допущеніи въ безплатную народную библіотеку при Винницкомъ Народномъ Домѣ комитета винницкаго попечительства о народной трезвости слѣдующихъ изданій, пожертвованныхъ народному дому книжнымъ магазиномъ «Кіевской Старины» въ Кіевѣ:

1) Чикаленко. Розмова про сельске хозяйство. 5 книжка. Садъ. С.-Петербургъ 1903 г. ц. 10 коп.

2) Грыцько Коваленко. Видъ чого вмерла Мелася. Оповидання про обкладкы (дифтеритъ). Спб. 1902 г. Изданіе благотворительнаго общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ. Ц. 3 коп.

3) М. Загирня. Добра порада. Оповидання про лихы видъ скаженои хворобы. Изд. Благ. Общ. изд. общепол. и дешев. книгъ. Ц. 3 коп.

4) М. Левицкій. Селянськи знахари та бабы шептухы. Изд. Кіевскаго Общества грамотности, одобренное врачебнымъ отдѣленіемъ кіевскаго губернскаго правленія. Кіевъ. 1901 г. ц. 3 к.

5) Вс. Гуртъ. Якъ оберегаты себе видъ виспы. Про скарлатыну. Про сифилисъ (пранци). Про коросту (чухачка). Харьковъ. 1900 г. Ц. 3 коп.

6) М. Левицкій. Сибирська язва. Изд. Кіев. Общ. Грам., одобр. Врач. Отд. Кіев. Губ. Правленія. Кіевъ 1901 г. Ц. 2 коп.

7) М. Левицкій. Лыхи хоробы на очи. Изд. Кіев. Общ. Грам., одобр. Врач. Отд. Кіев. Губ. Правленія. Кіевъ 1901 г. Ц. $1^1/_2$ коп.

8) М. Левицкій. Короста (чухачка). Чытанка для селянъ. Изданіе Врачебнаго Отдѣленія Кіевскаго Губернскаго Правленія. Кіевъ 1900 г. Ц. $1^1/_2$ коп.

9) В. Имшенецкій. Про пошести, або лыхи хворобы. Изд. Благотв. Общ. изд. общепол. и дешев. книгъ. С.-Петербургъ 1902 г. Ц. 3 коп.

10) О. Степовыкъ. Лыхи потайни хлибоиды: хлибный комарыкъ та шведська муха. Одесса. Изд. Южно Русскаго Общества Печатнаго Дѣла. Ц. 6 коп.

11) Ганько. Якъ дбаешъ, такъ и маешъ. Агрономичне оповидання. Полтава 1898 г. Ц. 3 коп.

Предсѣдатель комитета гр. Д. Гейденъ. Дѣлопроизводитель Кричковскій.

На это ходатайство отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія (по Департаменту Общихъ Дѣлъ отъ 20 января 1905 г. за № 986) полученъ слѣд. отвѣтъ:

«Въ Винницкій уѣздный комитетъ попечительства о народной трезвости. Вслѣдствіе отношенія отъ 30 ноября 1904 года за № 125 Департаментъ Общихъ Дѣлъ имѣетъ честь увѣдомить, что мнѣніемъ Ученаго Комитета, утвержденнымъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, опредѣлено: ходатайство о допущеніи въ библіотеку комитета 11 брошюръ на малорусскомъ нарѣчіи отклонить. Вице-директоръ Н. Ватманъ, дѣлопроизводитель Ф. Москажскій».

Украинская книга и читатели изъ народа. Въ «Полтавщинѣ» (№№ 31 и 42) помѣщены въ высшей степени интересные очерки г. Гринченка «Читатели изъ народа о произведеніяхъ И. С. Левицкаго». Помимо многихъ частностей, касающихся отзывовъ читателей о тѣхъ или иныхъ произведеніяхъ названнаго писателя, авторъ попутно даетъ много практическихъ указаній, которыми могли бы воспользоваться лица, руководящія народнымъ чтеніемъ, и вообще всѣ имѣющіе дѣло съ читателемъ изъ народа. Запросы такого читателя, его требованія къ книгѣ, а также по скольку эти требованія удовлетворяются существующей народной литературой—все это настолько важные вопросы, и матеріалъ, представленный г. Гринченкомъ, на столько цѣнный, что было бы очень жаль, если бы названные и другіе подобнаго же содержанія очерки затерялись въ кучѣ газетныхъ листовъ. Очерки эти непремѣнно слѣдуетъ издать отдѣльной книгой, и чѣмъ скорѣе это будетъ сдѣлано, тѣмъ лучше, такъ какъ, повторяемъ, они ставятъ предъ читателемъ много вопросовъ и даютъ цѣнный матеріалъ для ихъ рѣшенія.

Народныя художественныя передвижныя выставки. На дняхъ устроитель первой народной художественной выставки, художникъ В. К. Развадовскій обратился въ совѣтъ Императорской Академіи Художествъ съ просьбой о ссудѣ въ 1,800 руб. на устройство

въ 1905 г. двухъ новыхъ народныхъ выставокъ, причемъ представилъ отчетъ объ устроенныхъ имъ лѣтомъ 1904 г народныхъ выставкахъ въ кіевской и подольской губерніяхъ.

Въ своемъ прошеніи г. Развадовскій указываетъ на ту страстность, съ которой народъ стремится осматривать художественныя произведенія, что видно изъ того, что въ первый же годъ организаціи этого дѣла, начатаго въ самыхъ скромныхъ условіяхъ, выставку въ двухъ губерніяхъ посѣтило 64,172 лица. Академія Художествъ дала на устройство выставки въ прошломъ году 3 т. руб., кромѣ того, подольскій губернскій комитетъ о народной трезвости ассигновалъ на это дѣло тоже 3 т. руб. и отъ выставокъ получился остатокъ въ размѣрѣ 569 руб. На эти суммы устроитель ея и предполагаетъ значительно расширить выставку. Совѣтъ Академіи призналъ просьбу В. К. Развадовскаго о выдачѣ ссуды въ 1,800 руб. на устройство выставокъ въ 1905 г. заслуживающей полнаго удовлетворенія („С.-Петербургскія Вѣдомости“, № 42)

По поводу 44-й годовщины смерти Шевченка. Годовщина смерти Шевченка, какъ и всегда, вызвала посвященныя ему статьи и замѣтки въ печати. „Кіевскіе Отклики“ въ № 57 помѣстили двѣ статьи: г. Могилянскаго—„Памяти Т. Г. Шевченко“ (о памятникѣ поэту и о полномъ критическомъ изданіи его произведеній) и г. Стешенка „Смыслъ и значеніе поэзіи Т. Г. Шевченка“. „Полтавщина“ въ № 61 помѣстила статью г. Гринченка „Памяти Тараса Шевченка“ о нашихъ неуплаченныхъ долгахъ предъ памятью поэта; въ № 55 той же газеты появилась статья г. Л. П. „Прошлое украинскаго народа въ поэзіи Т. Г. Шевченка“. Г. Коварскій помѣстилъ въ № 45 „Волыни“ біографію украинскаго поэта подъ заглавіемъ: „Т. Г. Шевченко“. Въ № 2428 „Приднѣпровскаго Края“ находимъ замѣтку о найденныхъ проф. Эварницкимъ новыхъ документахъ для біографіи Шевченка (эта замѣтка будетъ перепечатана въ слѣдующей книжкѣ нашего журнала). Наиболѣе обстоятельной изъ посвященныхъ Шевченку въ настоящемъ году замѣтокъ является статья г. Лотоцкаго „Общественные идеалы поэзіи Т. Г. Шевченка“ въ № 9 „Южныхъ Записокъ“. Пользуясь рядомъ удачно подобранныхъ цитатъ изъ „Кобзаря“, г. Лотоцкій характеризуетъ эти идеалы съ политической точки зрѣнія, какъ панславистически-федеративные, съ общественной—какъ широко-де-

мократическіе, указывая попутно на высокіе моральные принципы, заложенные въ основу міросозерцанія Шевченка—его гуманность, терпимость и любовь къ страждущимъ.

О литературныхъ вечерахъ, посвященныхъ памяти Шевченка, имѣемъ извѣстія изъ Полтавы (20 февраля—«Назаръ Стодоля» и концертное отдѣленіе, 21-го—большой концертъ, см. «Полтавщина», № 37), изъ Севастополя (22 февраля—концертъ) и изъ Саратова (26 февраля—концертъ). Въ Кіевѣ 26 февраля состоялся Шевченковскій концертъ въ Народной аудиторіи, а 13 марта—въ купеческомъ собраніи; сборъ съ послѣдняго поступаетъ на памятникъ Шевченку.

Къ годовщинѣ смерти Кулиша. Въ № 35 «Полтавщины» помѣщена замѣтка «П. А. Кулишъ» по поводу 8-лѣтней годовщины смерти писателя. Авторъ замѣтки различаетъ три періода въ жизни Кулиша: первый—романтизма и увлеченія народомъ, второй—рѣзкаго критицизма и обличеній и третій—спокойной и созидательной работы.

Къ юбилею Д. Л. Мордовцева. 50-лѣтній юбилей Д. Л. Мордовцева (празднованіе отложено, какъ мы уже сообщали, до болѣе удобнаго времени) вызвалъ нѣсколько газетныхъ статей и замѣтокъ, посвященныхъ юбиляру. Въ № 36 «Полтавщины» напечатана обстоятельная статья г. В. П. К. подъ заглавіемъ: «Д. Л. Мордовцевъ и украинофилы» прошлаго вѣка (къ 50-лѣтію литературной дѣятельности Д. Л. Мордовцева)». Авторъ пытается дать характеристику юбиляра въ связи съ общественнымъ движеніемъ на Украинѣ, считая г. Мордовцева типичнымъ представителемъ «украинофильства», уже уступившаго свое мѣсто новымъ теченіемъ. Обстоятельная же статья, подписанная Л. Жигмайломъ, появилась и на столбцахъ «Вѣстника Юга» (№ 841) подъ заглавіемъ „Д. Л. Мордовцевъ (1854—1904)". Авторы обѣихъ статей заканчиваютъ ихъ надеждой, что юбиляръ возвратится къ литературной дѣятельности на родномъ языкѣ, на которомъ онъ началъ писать 50 лѣтъ тому назадъ. «Елисаветградскія Новости» въ № 406 помѣстили замѣтку «Д. Л. Мордовцевъ», подписанную иниціалами М. Г. Замѣтка, перепечатанная и въ № 841 «Вѣстникъ Юга», изображаетъ домашнюю жизнь юбиляра и обстановку, въ которой онъ работаетъ. Въ № 843 «Вѣстника Юга» г. Станиславскій далъ характеристику юбиляра; поправку къ ней г. Сѣгобочнѣго см. въ № 850 той же газеты.

Недавно разрѣшенъ цензурою и въ непродолжительномъ времени начнетъ печататься въ Херсонѣ альманахъ на украинскомъ языкѣ, подъ названіемъ «Перша Ластивка». Въ альманахѣ примутъ участіе 37 авторовъ, произведенія которыхъ еще нигдѣ не печатались. Альманахъ будетъ содержать въ себѣ не менѣе 20 печатныхъ листовъ. Содержаніе его—поэзія и беллетристика. Редакторъ-издатель этого альманаха, извѣстный малорусскій писатель Н. Чернявській, принимаетъ уже подписку на альманахъ, который по подпискѣ будетъ стоить съ пересылкою всего одинъ рубль.

Подписка принимается въ г. Херсонѣ, въ губерной земской управѣ («Приднѣпровскій Край», № 3406).

Рецензіи на украинскія книги. Въ № 41 «Полтавщины» помѣщенъ г. Дорошенкомъ обстоятельный обзоръ украинской литературы за истекшій годъ («Украинская литература въ 1904 году»).— Въ № 52 той же газеты находимъ рецензію на новое изданіе извѣстной книги Дрепера «Історія боротьби науки з религією» (переводъ М. Павлика); въ № 56 той же газеты—рецензію на „Руску письменність“ т. I, заключающій произведенія Котляревскаго, Артемовскаго-Гулака и Гребинки; обѣ рецензіи подписаны *Д. Д—ко.*—Въ № 247 „Южнаго Обозрѣнія“ напечатанъ, за подписью И. Л., краткій отзывъ о новомъ журналѣ „Руська хата“.

Подъ заглавіемъ „Въ защиту малорусской культуры“ г. Личко помѣстилъ въ № 9 „Южныхъ Записокъ“ обширную полемическую статью, направленную противъ антиукраинскихъ выходокъ нѣкоторыхъ столичныхъ („Новое Время“, „Дневникъ театра“) и провинціальныхъ („Витебскія Губ. Вѣдомости“) органовъ печати.

ВѢСТИ ИЗЪ ГАЛИЧИНЫ.

Общее настроеніе въ Галичинѣ. Событія, переживаемыя теперь Россіей, приковываютъ къ себѣ вниманіе Европы. Съ глубокимъ захватывающимъ интересомъ слѣдятъ за ихъ исходомъ и въ Галиціи. Событія послѣднихъ дней въ Россіи стали здѣсь злобой дня, если хотите, мучительной злобой, и безусловно вытѣснили собой интересъ

къ такимъ важнымъ вопросамъ общегосударственной австрійской жизни, какъ политическія броженія въ Венгріи, дѣятельность новаго министра-президента Гауча, которыя не пройдутъ безслѣдно и для мѣстныхъ отношеній. И нельзя сказать, чтобы интересъ къ русскимъ событіямъ замѣчался только въ интеллигентныхъ кругахъ; повышеніе тиража народныхъ газетъ и рабочихъ листковъ, наполненныхъ преимущественно описаніемъ всего того, что теперь происходитъ въ Россіи, свидѣтельствуетъ о глубокой заинтересованности этими событіями и со стороны болѣе широкихъ слоевъ мѣстнаго населенія—крестьянскихъ и рабочихъ массъ.

Фактъ такого живого отношенія къ осложненіямъ внутренней русской политики является, конечно, понятнымъ и объяснимымъ, въ виду той тѣсной органической связи, какая существуетъ между населеніемъ Галиціи и населеніемъ пограничныхъ съ ней украинскихъ и польскихъ губерній Россіи. И галицкіе русины, и галицкіе поляки составляютъ только небольшія части украинскаго и польскаго народовъ, всей своею массой живущихъ въ Россіи. Благодаря этой племенной связи, а также единству историческихъ традицій, общности языка, культурныхъ интересовъ и національно-политическихъ идеаловъ, каждая изъ названныхъ народностей чувствуетъ себя живой частью родного ей народнаго организма, искусственно-насильно оторванной отъ цѣлаго. То, чѣмъ живетъ въ данный историческій моментъ это цѣлое, не можетъ не отражаться на составныхъ его частяхъ, не можетъ не задѣвать ихъ, не можетъ не привлекать къ себѣ вниманія. И если Галиція и ранѣе чутко относилась къ тому, что дѣлалось въ Польшѣ и на Украинѣ, то теперь, въ виду остроты момента, переживаемаго Россіей, усиленіе вниманія и интереса достигло, можно сказать, кульминаціонной точки. Колебаніе и отклоненіе внутренней политики русскаго правительства, каждое, даже малѣйшее, измѣненіе въ положеніи дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ—воспринимается и ставится въ связь съ коренными преобразованіями государственнаго строя Россіи и съ тѣми реальными послѣдствіями, какія могутъ имѣть эти преобразованія для обѣихъ народностей Галиціи. Нечего и говорить, что представленіе этихъ послѣдствій въ ихъ конкретной формѣ не тождественно у обѣихъ народностей; даже больше: оно не одинаково у отдѣльныхъ классовыхъ группъ одной и той же національности.

Что касается спеціально украинскихъ рабочихъ массъ въ Галиціи, то въ ихъ заинтересованности русскими событіями имѣются

элементы и чисто специфическаго характера, кроющіеся въ общемъ положеніи всего украинскаго народа на Австрійской политической платформѣ. Хотя въ Австрійской конституціи и есть пунктъ, торжественно гласящій, что «всѣ племена, населяющія государство, равны въ своихъ правахъ и каждое изъ нихъ обладаетъ нерушимымъ правомъ на сохраненіе своей національности»—но въ примѣненіи къ украинской народности въ Галиціи, взятой въ цѣломъ, съ ея различными классовыми группами, пунктъ этотъ—мертвая буква. Цѣлымъ рядомъ косвенныхъ, обходныхъ законоположеній центральное правительство свело Русиновъ, и въ національномъ, и въ политическомъ, и, наконецъ, въ экономическомъ отношеніи, ad nullum и отдало ихъ въ полное распоряженіе господствующей въ краѣ польской народности, recte всемогущему шовинистическому Kołu.

Читатели освѣдомлены о характерѣ и содержаніи политики этого Koła по отношенію къ Русинамъ. Нѣтъ ничего, поэтому, удивительнаго, что послѣдніе, стоя передъ призракомъ денаціонализаціи своей народности и полнаго экономическаго обезсиленія и не встрѣчая поддержки своимъ законнымъ требованіямъ и національнымъ интересамъ въ центральномъ правительствѣ, принуждены искать ее извнѣ въ будущей обновленной, реформированной Россіи. Ожидаемое ими измѣненіе во внутреннемъ строѣ сосѣдней родственной страны, основанное на началахъ широкой автономіи отдѣльныхъ народностей и обусловленное этимъ усиленіемъ украинскаго элемента, заставляетъ, конечно, вѣнскіе правящіе круги быть внимательнѣе къ нуждамъ угнетаемой Галицкой Украины и позаботиться о реальномъ предоставленіи ей тѣхъ правъ, какія остаются теперь на бумагѣ.

Въ этомъ угрожающемъ для центральнаго правительства и мѣстной краевой бюрократіи духѣ высказывается вся почти русинская пресса; этотъ пунктъ объединяетъ и приводитъ къ соглашенію и по основнымъ задачамъ русинскія политическія партіи, начиная національ-демократической съ ея органомъ «Діло» и кончая соціалъ-демократами.

Въ сторонѣ отъ нихъ стоитъ «истинно русская»—въ духѣ «Московскихъ Вѣдомостей»—партія москалефиловъ. Ея взглядъ на явленія мѣстной жизни и ихъ отношеніе къ теперешнимъ событіямъ въ Россіи радикально расходится со взглядомъ названныхъ партій. («Полтавщина», № 35).

Процессъ организатора „січей“ д-ра Трильовскаго. Въ нашемъ журналѣ сообщалось уже о «січевом» движеніи среди галицкаго крестьянства; сообщалось и о тѣхъ преслѣдованіяхъ, какія упали на голову руководителей этихъ народныхъ организацій со стороны господствующей польской партіи, пользующейся большимъ вліяніемъ среди правительственныхъ круговъ. Заимствуемъ теперь изъ статьи г. В. П. К. «Галицкія січи, какъ народно-культурныя организаціи, и ихъ преслѣдованіе со стороны галицкихъ властей» («Полтавщина», №№ 52 и 54) свѣдѣнія о ходѣ судебнаго процесса противъ д-ра Трильовскаго и крестьянина Войчука; процессъ продолжался съ 3 по 8 января этого года и далъ еще нѣсколько картинокъ безправія въ Галиціи. Г. Трильовскаго защищалъ д-ръ Олесницкій, а Войчука—д-ръ Лезеръ, львовскій адвокатъ. Обвинительный актъ составленъ исключительно на показаніяхъ жандармовъ и найденныхъ ими лжесвидѣтелей... По этому акту г. Трильовскій обвинялся въ томъ, что онъ насмѣхался надъ личностью императора, сказавши при открытіи «січи» въ Борщевѣ въ 1903 г. такія слова: «Цисарь нехай соби забере жидів у Палестину, а поляків у Варшаву, бо туть «Червоная Русь,»; называлъ себя «руським королем»; хвалилъ кишиневскій погромъ,—говорилъ, указывая на поднятую палку, что это есть истинный «руській параграф», который слѣдуетъ примѣнять, если просьба не поможетъ; кромѣ того, занимался антирелигіозной пропагандой, нарушалъ законы о печати, издавая недозволенныя книги, и возбуждалъ населеніе, распространяя брошюры противъ общественнаго спокойствія и раздавая даже въ зданіи суда такія книжки, какъ напр. «Чего хотятъ соціалисты». Другой обвиняемый по тому же акту обвинялся почти въ томъ же, что и г. Трильовскій, кромѣ нарушенія законовъ о печати, такъ какъ и онъ по обвинительному акту называлъ себя «заступником руського короля» и занимался противоцерковной пропагандой, осуждалъ дѣятельность суда, администраціи, и въ концѣ-концовъ прокуроръ обвинялъ Войчука еще и въ томъ, что онъ безуспѣшно уговаривалъ Марка Иванчука къ воровству ружья у жандарма Валенги.

Г. Трильовскій въ возводимыхъ на него преступленіяхъ виновнымъ себя не призналъ; наоборотъ, онъ доказывалъ, что рас-

пространялъ книги и брошюры на законномъ основаніи, что весь процессъ, ведущійся противъ него, является результатомъ интерпеляціи въ сеймѣ д-ра Олесницкаго противъ жандармскихъ злоупотребленій на Покутьѣ, что всѣ свидѣтели обвиненія противъ него подговорены и къ нѣкоторымъ изъ нихъ онъ возбуждаетъ судебное преслѣдованіе, и что дѣятели публичной безопасности такъ его ненавидятъ, что жандармъ Иванчукъ подговаривалъ крестьянъ къ нападенію на личность обвиняемаго; кишиневской рѣзни онъ не хвалилъ, наоборотъ, онъ былъ референтомъ на анти-кишиневскомъ еврейскомъ собраніи въ Коломыи; не называлъ себя и «руським королем», а вслѣдствіе соотвѣтствующаго закона, онъ о личности императора не говоритъ и даже избѣгаетъ употребленія слова «цисарь». Войчукъ также не призналъ себя виновнымъ, такъ какъ, будучи неграмотнымъ, онъ политикой не занимается и, какъ бывшій войтъ, въ «січахъ» не участвуетъ, хотя иногда и бывалъ на «січовыхъ» собраніяхъ, происходившихъ въ домѣ его брата; а весь процессъ противъ него есть ничто иное, какъ результатъ ложныхъ, показаній бывшихъ его «наймитів», на него озлобленныхъ... Вызвано свидѣтелей по этому дѣлу 25 человѣкъ. Первыми свидѣтелями были вызваны судомъ два жандарма Янъ Оржехъ и Войтихъ Валенга. Д-ръ Олесницкій обратился къ суду съ просьбою «не отбирать отъ жандармовъ присяги, ибо они съ давняго времени служатъ орудіемъ изгнанія обвиняемаго изъ Коломыи». Когда свидѣтели ѣхали на судъ, жандармы читали свидѣтелямъ изъ памятныхъ книжекъ, что послѣдніе должны говорить на судѣ. А когда одинъ изъ свидѣтелей замѣтилъ, что «не вольно подготовлять свидѣтелей къ показаніямъ», то жандармъ отвѣтилъ: «то тебѣ не вольно, а намъ вольно»... Защитникъ Лезеръ присоединился къ предложенію Олесницкаго еще и потому, что жандармы въ корридорахъ суда и теперь «стараются помочь памяти свидѣтелей»... Согласно заключенію прокурора, судъ отклонилъ ходатайство защиты, и жандармы, присягнувши, давали показанія противъ Трильовскаго въ «бомбастичномъ стилѣ», вызывавшемъ хохотъ среди публики. Показанія многихъ свидѣтелей были крайне сбивчивы и вытекали изъ личныхъ счетовъ съ обвиняемыми, и вслѣдствіе наущенія жандармовъ показанія нѣкоторыхъ свидѣтелей не сходились съ тѣмъ, что они говорили на предва-

рительномъ слѣдствіи; одинъ изъ нихъ объяснялъ разнорѣчивость своихъ показаній на судѣ и предварительномъ слѣдствіи тѣмъ, что жандармъ Валенга грозилъ ему, что онъ больше не вернется къ дѣтямъ. Вообще, поведеніе жандармовъ, какъ до суда, такъ и во время его, было крайне предосудительное, и защита была вынуждена протестовать и ходатайствовать передъ судомъ объ удаленіи жандармовъ изъ залы суда, такъ какъ ихъ присутствіе лишаетъ свидѣтелей свободы показаній; но судъ ходатайство защиты отклонилъ. Поводомъ къ такому заявленію со стороны защиты послужило слѣдующее обстоятельство.

4 января, предъ началомъ суда, жандармъ Оржехъ просилъ, чтобы судъ съ «допросомъ свидѣтельницы Маріи Скрипнюкъ поступалъ весьма осторожно, ибо ея показанія не будутъ сходны съ показаніями жандармовъ». Характерно также и то, что прокуратура обвиняла г. Трильовскаго въ антирелигіозной пропагандѣ, а свидѣтели священники говорили въ пользу обвиняемаго. Наибольшее обвиненіе противъ «січей» свидѣтели выставляли ночное пѣніе на улицахъ «січовиків» и битье ими оконъ,—они особенно на это напирали, говоря, что они увѣрены въ томъ, что эти безчинства есть дѣло «січовиків».

Послѣ рѣчи прокурора, поддерживавшаго обвиненіе, говорилъ д-ръ Олесницкій. Онъ констатируетъ, что какъ само обвиненіе, такъ и послѣдняя рѣчь прокурора была не обвиненіемъ, а лишь указаніемъ на отдѣльные факты, судебнымъ разбирательствомъ недоказанные, такъ какъ все обвиненіе зиждется на показаніи жандармовъ и бывшихъ войтовъ. Не подтверждено также и обвиненіе прокурора противъ г. Трильовскаго въ антирелигіозной пропагандѣ, такъ какъ многіе свидѣтели, въ томъ числѣ и священники, говорили о томъ, какъ г. Трильовскій велѣлъ «січовикам» посѣщать богослуженія, да и самый фактъ популярности обвиняемаго среди народа свидѣтельствуетъ о нелѣпости подобнаго обвиненія, такъ какъ селяне очень религіозны. Д-ръ Олесницкій доказывалъ неосновательность и полное отсутствіе доказательности въ обвиненіи г. Трильовскаго въ возбужденіи имъ народа противъ общественнаго спокойствія, въ сочувствіи съ его стороны кишиневскому погрому и нарушеніи законовъ о печати. Ярко онъ также подчеркнулъ и то, что приписываемыя

свидѣтелями обвиненія слова г. Трильовскому на «січових» зборах» въ с. Борщевѣ о враждѣ къ полякамъ и евреемъ происходили на томъ собраніи, которое было $1^1/_2$ года назадъ предъ этимъ процессомъ, и что свидѣтели не помнятъ многаго изъ того, что дѣйствительно на нихъ говорилось и что другими свидѣтелями подтверждено. Что же касается обвиненія г. Трильовскаго въ оскорбленіи Величества, то оно дало поводъ д-ру Олесницкому вышутить, при смѣхѣ публики, обвинительный актъ. Касаясь инкриминируемаго желанія обвиняемаго стать «руським королем», д-ръ Олесницкій замѣчаетъ, что, по его мнѣнію, «такое желаніе нисколько не ограничиваетъ правъ австрійскаго монарха, ибо нѣтъ въ титулярѣ австрійскаго императора титула «руського короля». Не ограничитъ тѣмъ желаніемъ д-ръ Трильовскій и правъ русскаго царя, ибо и послѣдній не имѣетъ титула руськаго короля. Такимъ образомъ, руськое королевство есть ничьею вещью, а res nulius по гражданскому праву каждому предоставляется свободно оставлять за собою.

Коронный судъ присудилъ г. Трильовскаго къ шестинедѣльному тюремному заключенію. Къ 3 мѣс. строгаго ареста присужденъ и Войчукъ. Д-ръ Трильовскій подаетъ кассацію въ высшій судъ въ Вѣнѣ.

Такъ закончился политическій процессъ основателя «Січей». Національная нетерпимость галицкихъ властей къ народному возрожденію, какъ видитъ и самъ читатель, красною нитью прошла чрезъ этотъ судебный процессъ. Теперь, пожалуй, для галицкаго намѣстника гр. Потоцкаго будетъ основаніе возбуждать еще большія гоненія на народныя культурныя организаціи... Мы не сомнѣваемся, что, благодаря подобнымъ гоненіямъ властей, «Січи» еще больше будутъ развиваться и въ тоже время будетъ расти среди народа озлобленіе противъ притѣснителей, которое будетъ имѣть печальныя послѣдствія... Съ одной стороны, это можетъ послужить препятствіемъ къ развитію народныхъ организацій и того чувства собственнаго достоинства, которое они поднимаютъ у селянъ. Съ другой стороны, эти гоненія польской шляхты противъ украинцевъ не будутъ способствовать довѣрію и

сближенію двухъ націй, которыя такъ необходимы для культурнаго развитія края и предусматривались австрійской конституціей.

Къ дѣятельности радикальной партіи въ Галиціи. Г. Чумакъ продолжаетъ свои «Галиційскія письма» въ «Вѣстникѣ Юга». Во второмъ письмѣ (№ 836) по поводу процесса д-ра Трильовскаго онъ даетъ слѣдующія свѣдѣнія о дѣятельности возродившейся радикальной партіи.

«Тяжела и однообразна жизнь сельскаго населенія въ восточной Галиціи. Безпрерывный трудъ для поддержанія своего нищенскаго существованія, приниженность, созданная экономической зависимостью отъ крупныхъ землевладѣльцевъ-помѣщиковъ, неувѣренность въ собственныхъ силахъ и полнѣйшая разъединенность составляютъ существенныя ея черты. Внесеніе сознанія въ эту порабощенную народную массу, созданіе организованной борьбы рабочаго класса за свое экономическое освобожденіе являются ближайшими задачами въ средѣ сельскаго населенія.

Проведеніе въ жизнь этихъ задачъ и взяла на себя радикальная партія. Основанная Драгомановымъ, она имѣла въ своихъ рядахъ такихъ духовныхъ вождей, какъ Франко, Павликъ. «Украинско-руськая радикальная партія, какъ партія организующейся рабочей массы украинско-руського народа въ Австріи, выходя изъ того основного положенія, что окончательное освобожденіе украинско-руського народа отъ общественнаго и политическаго гнета тѣсно связано съ одновременнымъ общественно-экономическимъ освобожденіемъ трудящихся массъ всѣхъ культурныхъ народовъ, стоитъ на основѣ соціализма и стремится къ уничтоженію эксплоатаціи народа, къ доставленію возможности массамъ украинско-руського народа свободно пользоваться всѣми плодами своего труда и свободно распоряжаться землею и всѣми средствами продукціи, къ созданію возможности свободнаго развитія всѣхъ культурныхъ силъ украинско-руського народа и каждаго его индивидуума». Такъ формулируетъ свои задачи программа радикальной партіи, измѣненная послѣ послѣдняго ея съѣзда. Но вліяніе партіи на классъ фабричныхъ и городскихъ рабочихъ было совершенно незначительно, такъ какъ только послѣднее время радикальная партія въ

своей программѣ упоминаетъ о рабочей массѣ своего укранско-руського народа. Вся же ея предшествующая дѣятельность велась среди сельскаго рабочаго люда. Здѣсь она достигла значительныхъ результатовъ, организуя сельскій пролетаріатъ въ «Народни Спілки» (народные союзы) и товарищества «Січ». Прибавимъ къ этому, что партія имѣетъ и собственный органъ, какимъ является «Новый громадськый голосъ».

Конкурсъ на популярныя брошюры. Мы получили отъ львовскаго общества «Просвіта» ниже помѣщаемыя условія конкурса на популярныя брошюры, объявленнаго названнымъ обществомъ, съ просьбой опубликовать ихъ для свѣдѣнія украинскихъ популяризаторовъ. Помѣщаемъ эти условія дословно.

Головний Виділ Товариства «Просьвіта» у Львові оголошуе отсім на основі «Статута фонду імени Івана Череватенка на видавання премій за науково-популярні книжки»—конкурс на дві преміі по 250 корон за написання двох науково-популярних розвідок в украінській мові.

Конкурсові твори мають відповідати отим вимогам:

1) Мусять бути оригінальні, ніде ще не друковані, та популяризувати здобутки сьвітовоі науки;

2) Не можуть захвалювати неволі, панування одного народу або громадского стану надъ другим, як також не можуть бути змісту конфесийного;

3) Украіньска мова творів мусить бути проста, зрозуміла кождому письменному украінцеви на всему просторі, де живуть наші люди;

4) Твори не можуть бути менші обемом від двох аркушів друку, рахуючи в аркуші 40 тисяч литер.

Праці належить надсилати до Головного Виділу Товариства «Просьвита» у Львові в речинці—по конець 1906 р. Власноручний підпис автора мае бути поміщений в осібній запечатаній коверті.

Премійований твір остае власністю автора, але друкуючи його, автор не мае робити права відмін, противних повисшим условинам.

Вислід конкурсу оголосить Товариство в свойому часі. За Головний Виділ Товариства «Просьвіта» у Львові дня 18 лютого 1905. Др. Кость Левицкий заст. голови. Іван Ефимович писар.

Присужденіе „Михайловоі преміі“. 19 февраля въ помѣщеніи общества „Просьвіта“ во Львовѣ состоялось совѣщаніе жюри по присужденію такъ называемой „Михайловоі преміі“, учрежденной Михаиломъ Тышкевичемъ. На конкурсъ поступила всего лишь одна рукопись—историческая повѣсть „Ярошенко“. Послѣ обмѣна мнѣній членовъ жюри по поводу присланной повѣсти (въ составъ жюри входили гг. Барвинскій, Вяхнянинъ, проф. Колесса, К. Левицкій, проф. Студинскій и Франко), она была награждена преміей въ 700 кронъ. Авторъ повѣсти оказался извѣстный украинскій писатель изъ Черновецъ Осипъ Маковей. Въ скоромъ времени будутъ опубликованы условія новаго конкурса, учрежденнаго тѣмъ же г. Тышкевичемъ, на драматическія произведенія; премія на этотъ предметъ назначена въ 1100 кронъ („Діло“ № 30).

Книжный магазинъ „Товариства ім. Шевченка“. Книжный магазинъ Наукового Товариства ім. Шевченка помѣщался до недавняго времени въ зданіи общества и имѣлъ довольно ограниченный кругъ операцій въ силу какъ тѣсноты помѣщенія, такъ и довольно узкаго подбора изданій. Въ половинѣ февраля магазинъ перенесенъ на одну изъ лучшихъ улицъ въ центрѣ Львова (Театральная), въ большое и удобное помѣщеніе, и пополненъ книгами на всѣхъ языкахъ, прежде всего, конечно, на украинскомъ, русскомъ и польскомъ („Діло“, № 39),

---

Европейцы о нашихъ дѣлахъ. Въ парижской газетѣ „Le Courrier Europeen“ помѣщена статья „Les nationalités de la Russie“ копенгагенскаго ученаго Фредериксена, въ которой между прочимъ находимъ слѣдующія строки, посвященныя украинскому вопросу: „чтобы разрѣшить польско-украинскій вопросъ въ провинціяхъ, принадлежавшихъ когда-то Польшѣ, имѣется единственное средство: это дать возможность развитія симпатичному украинскому народу,—этимъ 28 милліонамъ „забытыхъ, вмѣсто того чтобы неразумно и преступно запрещать ихъ языкъ“ („Діло“, № 24).

Къ освобожденію Максима Горькаго. Къ движенію въ пользу освобожденія Максима Горькаго, широкою волною пронесшемуся въ Западной Европѣ, примкнули и русинскіе депутаты Вѣнскаго парламента. Собранію „соціально-политическаго общества“ и „союзу австрійскихъ журналистовъ“ депутатами была послана 31 января телеграмма: Телеграмма подписана гг. Романчукомъ, Василькомъ, Барвинскимъ, Яворскимъ, Косомъ и Пигулякомъ („Діло“ № 24).

Замѣтки на текущія темы.

Слеза крокодила и свобода кн. Мещерскаго.—Основанія той и другой.—Князь подъ ручку съ бывшимъ исправникомъ отстаиваютъ «свободу» украинскаго слова.—Истинный характеръ этого шага.—Пьянство, развратъ и „горе намъ“.—Владѣльческіе аппетиты и возможные пути къ ихъ удовлетворенію.—Г. Ярмонкинъ и его декретъ объ упраздненіи украинской интеллигенціи.—Существуемъ ли мы?—Cogito, ergo sum.—Коварные вопросы г. Ярмонкина.—Зубоскалы вообще и зубоскалъ „Слова“.—Обывательское отношеніе къ украинскому вопросу.—„Слово“ о томъ, чего не было.—Поученія по нашему адресу.—Вопросительный знакъ относительно «Кіевскихъ Откликовъ».—Кому чего нужно?—Нѣсколько словъ о національномъ вопросѣ.—Кто виноватъ?—Украинскій вопросъ въ академіи наукъ и университетахъ.—Св. писаніе и комитетъ министровъ.—Нѣсколько историческихъ справокъ.

Бываютъ положенія, которыя извлекаютъ слезы даже изъ безстыжихъ, не мигающихъ глазъ крокодила, но эти слезы почему то не только ни въ комъ не вызываютъ сочувствія, но наоборотъ такъ и называются--слезами крокодила: очевидно, въ смыслѣ предостереженія—не слишкомъ довѣряться сантиментальнымъ чувствамъ при созерцаніи несвойственнаго крокодилу слезоточиваго настроенія. Вѣроятно, это потому происходитъ, что за слезами почтеннаго чешуйчатаго созданія стоитъ огромная пасть и крѣпкіе, острые зубы, способные моментально измолоть и похоронить въ прожорливомъ желудкѣ всякое существо, которое неосторожно довѣрилось бы ко-

варнымъ слезамъ и поддалось чувству жалости. Даже проливая слезы, крокодилъ остается крокодиломъ и сохраняетъ разбойничьи инстинкты, не упуская случая щелкнуть своей ужасающей пастью...

Бываютъ положенія, которыя даже изъ груди князя Мещерскаго извлекаютъ призывы къ свободѣ и вызываютъ на столбцахъ «Гражданина» нѣчто въ родѣ гимновъ, сложенныхъ въ честь ея. Но... всѣ смѣются, никого не трогаютъ эти наивно-подозрительные гимны и призывы, всякій старается быть подальше отъ князя, какъ и отъ крокодила въ моментъ его слезоточиваго настроенія. И опять таки это потому, что за горячими, казалось бы, призывами кн. Мещерскаго къ свободѣ ясно различается — желудокъ: обыкновенные, ничѣмъ кромѣ фарисейства и лицемѣрія не прикрытые желудочные интересы. Въ этомъ и состоитъ главнымъ образомъ сходство между слезой крокодила и расшаркиваніями предъ свободой князя Мещерскаго, такъ какъ если у послѣдняго и была когда нибудь въ наличности широкая глотка и крѣпкіе зубы, то въ настоящее время глотка уже сузилась, а зубы, увы, давнымъ давно повыпадали, хотя охота оскаливать гнилыя, беззубыя десна у князя и до сихъ поръ сохранилась смертная...

Въ номерѣ «Гражданина» отъ 30 января князь Мещерскій, оскаливъ предварительно свои десна по адресу «всѣхъ Равашолей печати», неожиданно вслѣдъ за тѣмъ проливаетъ крокодиловы слезы о горькой участи иновѣрцевъ и инородцевъ въ Россіи. И по нашему адресу выпущена имъ одна слеза въ видѣ сочувственно перепечатываемаго письма изъ Кіева о положеніи украинской литературы. На этой слезѣ слѣдуетъ остановиться.

Авторъ слезы--по его собственной рекомендаціи «бывшій исправникъ, нынѣ помѣщикъ изъ дворянъ»—прежде всего расшаркивается предъ княземъ Мещерскимъ: «вы, говоритъ, до сихъ поръ пока (!) единственный, который трезво смотритъ на задачи Россіи и ея великія цѣли. Всѣ остальные спутались и не знаютъ, кому чего нужно, а главное—что нужно намъ всѣмъ». Выдавъ такой лестный аттестатъ «пока единственному» князю Мещерскому, г. бывшій исправникъ, а нынѣ помѣщикъ изъ дворянъ переходитъ къ изложенію дѣла, понудившаго къ перу его

не совсѣмъ очевидно привычныя къ такому занятію руки. И надо воздать ему должное—дѣло онъ излагаетъ въ общемъ правильно, указывая вполнѣ справедливо на то, что школа на Украинѣ, построенная на ложномъ принципѣ обрусенія и потому ведущая обученіе на чужомъ языкѣ, не можетъ способствовать развитію народа; вся школьная учеба—это даромъ истраченный трудъ, почти не оставляющій слѣда въ дальнѣйшей жизни нашего крестьянина. Пока, повторяю, г. бывшій исправникъ не выходитъ изъ сферы общеизвѣстныхъ положеній, онъ представляетъ дѣло согласно съ истиной, хотя и въ курьезной формѣ, осложняемой, по его собственному признанію, «нелитературностью изложенія» или вѣрнѣе—крайнею неряшливостью рѣчи и мысли. Но переходя къ послѣдствіямъ указаннаго порядка вещей, онъ обнаруживаетъ— по всей вѣроятности, съ помощью полицейскаго дознанія—неслыханныя, прямо таки поразительныя явленія. «Трудность пониманія этой книжной рѣчи,—говоритъ г. бывшій исправникъ объ украинскомъ ребенкѣ,—отбиваетъ ему (sic) охоту читать, онъ бросаетъ самую полезную книжку и *предается пьянству или разврату*». Уже само по себѣ это неожиданное открытіе въ видѣ предающихся пьянству или разврату дѣтей способно всякаго человѣка навести на печальныя соображенія, но не это безпокоитъ г. бывшаго исправника. Онъ справедливъ и великодушенъ настолько, что даже такихъ ужасныхъ и не для дѣтскаго только возраста пороковъ въ вину заподозрѣннымъ и не думаетъ ставить: «я ихъ вполнѣ, говоритъ, оправдываю»—не ясно только, въ чемъ собственно—въ пьянствѣ ли и развратѣ, или въ томъ, что ребенокъ бросаетъ непонятную книгу. И непосредственно за этимъ актомъ великодушія слѣдуетъ уже специфическая исправничья и помѣщичья слеза, прелюдіей къ которой служатъ слѣдующія безпримѣрныя строки: «но это (пьянство и развратъ обнаруженныя авторомъ среди украинскихъ дѣтей!) было бы еще полгоря. *Не хочетъ человѣкъ стараться* (это понимать непонятное! С. Е.), *и Богъ съ нимъ, не надо; тебѣ же хуже*. Но бѣда надвигается съ другого конца». Этой бѣдой, по мнѣнію автора, является то обстоятельство, что «разрушительные элементы общества воспол-

зовались неудовлетворенною жаждою народа къ просвѣщенію и снабжаютъ его брошюрами и книгами антиправительственнаго характера, печатанными въ заграничныхъ типографіяхъ по малорусски». Пользуясь попавшимъ къ нему въ руки («по долгу моей службы», предусмотрительно заявляетъ г. бывшій исправникъ) «Докладомъ центральнаго комитета революціонной украинской партіи международному соціалистическому конгрессу въ Амстердамѣ», авторъ письма извлекаетъ изъ него слѣдующія данныя: «всего (съ 1900 г. до половины 1904 г.) выпущено партіей 38 названій (нѣкоторыя 3-мъ изданіемъ) въ количествѣ около 140 тысячъ экземпляровъ, или около 308 тысячъ печатныхъ листовъ. Вѣдь эти горы!» патетически заканчиваетъ онъ фактическія свѣдѣнія, дополняя ихъ ссылкою на дѣятельность другихъ партій. Отмѣтивъ затѣмъ довѣріе, съ которымъ относится населеніе къ понятной ему книжкѣ, и безсиліе администраціи («по опыту») въ борьбѣ съ распространеніемъ нелегальной литературы, г. бывшій исправникъ продолжаетъ:

«Страшно подумать, какая каша можетъ въ очень скоромъ будущемъ завариться здѣсь, въ южной Россіи. Долго сдерживаемое искуственно воздвигаемыми правительствомъ преградами развитіе народной литературы на украинскомъ языкѣ нашло себѣ выходъ въ другомъ направленіи, и мы уже не въ силахъ бороться съ неудержимымъ потокомъ, разливающимся все шире и шире. Этотъ потокъ грозитъ нашей безопасности и благу родины. Преградить его нѣтъ силъ и опасно, какъ бы онъ не разорвалъ плотины и не причинилъ еще больше вреда... Князь! во имя спасенія Россіи обратите вниманіе, что дальнѣйшее держаніе подъ чрезвычайными стѣсненіями малорусской литературы грозитъ намъ страшными бѣдствіями. Правительство, не допуская развитія легальной украинской прессы, тѣмъ самымъ способствуетъ расширенію прессы нелегальной и заставляетъ насъ, помѣщиковъ, плясать на готовомъ къ изверженію вулканѣ. Что они тамъ себѣ, въ Петербургѣ, думаютъ? Почему въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, гдѣ, безъ сомнѣнія, имѣются данныя о дѣятельности Р. У. П. и У. С. П., не обратятъ вниманія на необходимость создать противодѣйствіе возрастающимъ вреднымъ вліяніямъ?»

Какія же средства «противодѣйствія» имѣются въ запасѣ у г. бывшаго исправника? Къ удивленію, при всей путаницѣ, господствующей въ его разсужденіяхъ, въ этомъ вопросѣ онъ сумѣлъ подняться до нѣкоторой высоты, мало привычной полицейскимъ сферамъ, хотя и отмѣченной, какъ увидимъ, ярко выраженною спецификческою окраской.

> «На мой простой взглядъ,—говоритъ онъ,—не лучше ли его (потокъ) регулировать, внеся въ него нѣкоторый коррективъ въ видѣ отмѣны существующихъ ограничительныхъ законовъ, касающихся малорусской литературы (Высочайшее повелѣніе 1876 года) и разрѣшенія издавать газеты и журналы на малорусскомъ языкѣ. Я увѣренъ, что нашлись бы вполнѣ благонамѣренныя лица, коихъ сердцу дороги интересы Россіи, и, одушевленные любовью къ обожаемому Монарху, смѣло выступили бы на идейную борьбу съ гидрою крамолы. Здѣшній народъ по природѣ своей глубоко консервативный и неподатливъ на заигрыванія революціонеровъ, но, при отсутствіи надлежащаго, понятнаго ему руководительства, при отсутствіи противодѣянія искусственно прививаемымъ ему взглядамъ, легко можетъ проникнуться разрушительными идеями и тогда—*горе намъ!*» [1])

«Горе *намъ*»—вотъ гдѣ зарыта собака, вотъ въ чемъ скрывается подлинный смыслъ крокодиловой слезы и призывовъ къ свободѣ въ устахъ кн. Мещерскаго, вотъ истинный мотивъ того, съ полицейской точки зрѣнія несомнѣнно крамольнаго, восклицанія: «что они тамъ себѣ, въ Петербургѣ, думаютъ?» которое невольно вырывается у бывшаго исправника, а нынѣ помѣщика изъ дворянъ. Сознаніе опасности сдѣлало его способнымъ оправдать даже столь неожиданно обнаруженные среди украинскихъ дѣтей пянство и развратъ, и вмѣсто морализаторскихъ сентенцій или привычнаго рукопашнаго воздѣйствія выдвинуть въ самомъ дѣлѣ разумную мѣру въ видѣ уничтоженія никому ненужныхъ стѣсненій. Боязнь за собственную шкуру въ виду возможности близкой расплаты за вѣковой гнетъ, интересы желудка въ узкомъ смыслѣ слова, которые извлекаютъ слезу даже изъ безстыжихъ глазъ крокодила,

---

[1]) „Гражданинъ“, № 9, стр. 23—24.

и породили въ данномъ случаѣ ту наивную смѣсь доносительства, инсинуацій и жалостныхъ воплей о вредѣ ограниченій, которую изобразила исправничья рука въ «Гражданинѣ». Вообразить только, какая каша заварилась и въ исправничьей головѣ, если послѣдняя становится способной не только примириться съ пьянствомъ и развратомъ (конечно, на чужой счетъ!), но даже проповѣдывать вредъ ограниченій и проливать слезы по поводу ихъ существованія!.. Но если всякая слеза, какъ таковая, есть признакъ и обнаруженіе страданія, то мотивы этого послѣдняго не всегда могутъ найти въ насъ откликъ и вызвать соотвѣтственное чувство; но если мѣра, предлагаемая бывшимъ исправникомъ можетъ нѣсколько подкупать въ его пользу, то обосновеніе этой мѣры ничего, кромѣ чувства глубокаго негодованія по адресу автора письма, не вызываетъ. Въ самомъ дѣлѣ, и пьянство, и развратъ (допустимъ, что они существуютъ не въ фантазіи только г. бывшаго исправника), и темнота, и невѣжество, и бѣдность, и нужда безысходная —на все это, съ позволенія, наплевать, все это «полгоря», все это не можетъ служить поводомъ для уничтоженія тѣхъ порядковъ, которые вызвали и поддерживаютъ указанныя язвы народной жизни. Въ виду всего этого у г. помѣщика изъ дворянъ не дрогнула рука написать во-истину классическія по безстыдству и откровенному цинизму слова: «не хочетъ (!) человѣкъ стараться, не хочетъ учиться, и Богъ съ нимъ, не надо; тебѣ же хуже». Но вотъ г. помѣщикъ зачуялъ опасность для себя лично, будущность рисуется ему въ видѣ готоваго къ изверженію вулкана—и этого уже становится вполнѣ достаточнымъ, чтобы вопить «во имя спасенія Россіи» о нѣкоторыхъ уступкахъ для того самого мужика, котораго онъ съ такимъ легкимъ сердцемъ обрекалъ на всѣ бѣдствія и страданія, преподавая нравоучительно: «самъ виноватъ!» И обратите вниманіе, съ какою по-истинѣ престидижитаторской легкостью эти господа отождествляютъ свою безопасность съ благомъ родины, свои интересы—съ интересами Россіи!.. Ни на минуту не закрадывается въ ихъ мозгъ сомнѣніе въ томъ, дѣйствительно ли они и родина—едино суть; ни на мигъ они не задумываются надъ тѣмъ, что вѣдь мужикъ то имѣетъ

право на улучшеніе своего положенія и удовлетвореніе своихъ потребностей совершенно независимо отъ состоянія чьего бы то ни было самочувствія, а исключительно лишь съ точки зрѣнія своихъ собственныхъ интересовъ, и ужъ, конечно, не для обезпеченія только безопасности господъ помѣщиковъ изъ дворянъ, которые въ минуту жизни трудную не прочь даже къ презрѣнному мужицкому языку прибѣгнуть для «идейной» борьбы за свои шкурные интересы. Народному языку въ рукахъ всевозможныхъ бывшихъ и настоящихъ исправниковъ грозитъ перспектива сдѣлаться орудіемъ народнаго же униженія, способомъ внушенія народу въ понятной для него формѣ реакціонныхъ поползновеній... Въ народной массѣ дѣйствительно происходитъ броженіе, прорывающееся иногда взрывами въ родѣ харьковскихъ и полтавскихъ «розрухів» или же свѣжихъ событій въ различныхъ мѣстностяхъ. Причины этого коренятся въ общихъ условіяхъ русской жизни, среди которыхъ извѣстное мѣсто занимаетъ, конечно, и народная темнота, зависящая въ частности у насъ, на Украинѣ, и отъ ограниченій въ употребленіи родного языка, которыя препятствуютъ повышенію культурнаго уровня народа и истинному пониманію имъ какъ своего положенія, такъ и способовъ выйти изъ него. Какъ помочь народу разобраться въ сложныхъ явленіяхъ жизни, какъ устранить причины обнищанія и создать сносныя условія существованія—это огромный и крайне важный вопросъ, пути для рѣшенія котораго уже намѣчены наукой и указаніями жизни... Нечего и говорить, что въ рамкахъ современныхъ общихъ условій нашей жизни правильное рѣшеніе крестьянскаго вопроса невозможно, какъ невозможна даже и удовлетворительная его постановка; для этого нужно прежде всего раздвинуть указанныя рамки и не въ отношеніи только національныхъ ограниченій, которыя представляютъ лишь одно изъ слагаемыхъ въ общей суммѣ нашихъ неустройствъ. Съ расширеніемъ рамокъ, съ привлеченіемъ творческихъ силъ народа къ созидательной работѣ опредѣлятся и пути выхода изъ крайне напряженнаго, прямо таки угрожающаго положенія, созданнаго всею предыдущею бюрократическою практикою. Г. бывшій исправникъ думаетъ, что

достаточно на украинскомъ языкѣ появиться «Дружескимъ Рѣчамъ», и все дальнѣйшее пойдетъ, какъ по маслу: у насъ сразу воцарится всеобщій миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе, а «консервативный мужичекъ» подъ аккомпаниментъ этихъ рѣчей спокойно возсядетъ подъ своей смоковницей и съ наслажденіемъ будетъ поглощать изготовляемую для него по рецепту кн. Мещерскаго умственную стряпню. Картина глубоко умилительная, но... еще и еще разъ свидѣтельствующая о невообразимой кашѣ, заварившейся въ перепуганной исправничьей головѣ. Вѣдь первый вопросъ—да имѣется ли въ наличности эта смоковница—разбиваетъ въ дребезги трогательную картину и выдвигаетъ цѣлый рядъ сомнѣній на счетъ цѣлесообразности пути, намѣчаемаго г. бывшимъ исправникомъ... Дѣйствительное рѣшеніе крестьянскаго вопроса, конечно, не имѣетъ ничего общаго съ тѣми воплями, какіе испускаются потерявшими голову исправниками, но все-таки они попытаются приспособить и свою колесницу къ поѣзду народной жизни, стараясь обдѣлать подъ шумокъ свои личныя маленькія дѣлишки. И съ этимъ намъ необходимо будетъ считаться, ибо несомнѣнно найдутся «вполнѣ благонамѣренныя лица» (вполнѣ вѣроятно, что въ числѣ ихъ будетъ и авторъ письма), которыя испробуютъ указываемый бывшимъ исправникомъ путь и, можетъ быть, очень скоро мы услышимъ и на украинскомъ языкѣ ихъ сладенькія «Дружескія Рѣчи» на счетъ всеобщей гармоніи интересовъ и «истинныхъ» нуждъ народныхъ, трактуемыхъ съ точки зрѣнія владѣльческихъ аппетитовъ, а также преступности популяризаціи всякихъ иныхъ взглядовъ, съ этими аппетитами несогласныхъ... Въ Галиціи, напр., это уже и теперь практикуется и, если вѣрить сообщеніямъ въ печати [1]), небезъизвѣстный г. Шпитко (да и не онъ одинъ, да и не онъ первый и, конечно, не онъ послѣдній) совсѣмъ недавно предвосхитилъ блестящую идею бывшаго исправника, предпринявъ съ настоящаго года изданіе газеты «Дзвін» съ подобными же цѣлями. И опять таки никакого сомнѣнія не представляется, что всѣ эти господа будутъ съ пѣной у рта доказывать, что «всѣ остальные спутались и не знаютъ, кому чего нужно», а вотъ они—

[1]) «Л.-Н. Вістник», кн. II, хроніка, стр. 141.

истинные и единственные радѣтели о народѣ, они, разумѣется, знаютъ—до такой степени знаютъ, что могутъ даже пролить одну-другую крокодилову слезу о попранныхъ свободахъ... Но и мы знаемъ истинную цѣну этимъ слезамъ и этимъ заявленіемъ самозванныхъ радѣтелей народаго блага, «въ карманъ, по выраженію Успенскаго, норовящихъ», и въ заблужденіе они никого, конечно, не введутъ. Тѣмъ болѣе, что слезоточивое настроеніе у подобныхъ господъ быстро смѣняется угрожающимъ щелканьемъ пасти, а призывы къ свободѣ—внушительнымъ приглашеніемъ пожаловать въ участокъ..

«Кому чего нужно»—это, оказывается, знаетъ не одинъ кн. Мещерскій, но и г. Ярмонкинъ... а впрочемъ, читатель, знаете ли вы г. Ярмонкина? О, нѣтъ, вы едва ли знаете г. Ярмонкина, а потому позвольте вамъ его представить. Г. Ярмонкинъ—это редакторъ-издатель газеты „Заря"... но вы настолько, вѣроятно, невѣжественны, что и о „Зарѣ" то въ первый разъ слышите? Каюсь, я самъ до недавняго времени былъ на столько же невѣжественъ и не подозрѣвалъ даже о существованіи этой „истинно-русской" газеты, каждая строчка которой просто брыжжетъ патріотизмомъ самой высокой марки. Но если мы съ вами ничего не знали о г. Ярмонкинѣ и его «Зарѣ», то г. Ярмонкинъ и его «Заря» знали о насъ и даже больше—знали и знаютъ, чего намъ нужно. А зная это, не могли, разумѣется, не объявить своихъ знаній urbi et orbi. Съ цѣлью популяризаціи знаній г. Ярмонкина я приведу изъ его «Зари» небольшую выдержку, совершенно воздерживаясь отъ какихъ бы то ни было знаковъ удивленія и протеста. Перепечатавъ извѣстную резолюцію украинской интеллигенціи, составленную на юбилейномъ торжествѣ И. С. Левицкаго, «Заря» отъ себя уже продолжаетъ:

„Останавливаясь на словѣ „украинская", мы спросимъ: почему же не „малорусская"? До сихъ поръ у насъ всегда шла рѣчь о «малорусскомъ» народѣ, о «малорусской рѣчи,—и что то не слыхать было объ «украинскомъ» народѣ и украинской рѣчи. Откуда этотъ народъ, эта рѣчь и эта интеллигенція взялась? Была когда-то Украйна, когда за нею шли степи татарскія и потомъ турецкія, существуетъ Украйна въ поэзіи, но теперь въ дѣйстви-

тельности—ея нѣтъ, есть только Украйна—въ мечтахъ галицкихъ и буковинскихъ украйнофиловъ, которымъ она, какъ извѣстно, нужна для сепаративныхъ цѣлей, созданія «Руси-Украйны отъ Карпатъ до Кавказа» подъ крыломъ Австріи. Вѣдь дѣятельность галицкихъ и буковинскихъ украйнофиловъ не тайна, она совершенно открытая, съ нею открыто борется такъ называемая русская галицкая партія. Для своихъ сепаративныхъ антирусскихъ цѣлей украйнофилы, какъ извѣстно, сочиняютъ свой исковерканный языкъ, ничего общаго не имѣющій съ языкомъ малороссійскимъ. Не этотъ ли языкъ наша новая „украинская интеллигенція" мечтаетъ вводить въ школы народныя? Это названіе «украинской интеллигенціи» не указываетъ ли на связь ея съ украйнофилами Галичины и Буковины? Повторяемъ: украинскаго народа, украинской рѣчи нѣтъ и никогда не было, и слѣдовательно, нѣтъ и не можетъ быть у насъ украинской интеллигенціи [1]).

Въ лѣто отъ Р. Х. 1905-ое г. Ярмонкинъ симъ торжественнымъ декретомъ упразднилъ насъ съ тобою, читатель! Прочитавъ это категорическое, не допускающее возраженій «повторяемъ»—я въ самомъ дѣлѣ усомнился, было, сначала въ своемъ существованіи: не сонъ ли это, что я существую, какъ украинскій интелигентъ, разъ „украинскаго народа, украинской рѣчи нѣтъ и никогда не было"?... Но послѣднія слова возвратили меня къ дѣйствительности и показали, что дѣло вовсе не такъ ужъ страшно обстоитъ. Позвольте, г. Ярмонкинъ, какъ же это, „никогда не было", когда по вашимъ же собственнымъ словамъ выходитъ, что *«была когда-то* Украйна» хотя бы въ видѣ преддверія къ татарскимъ степямъ? А затѣмъ что́ это еще значитъ, что «существуетъ Украйна въ поэзіи» и какое отношеніе эта поэтическая Украина занимаетъ къ жизни? Продолжая на счетъ этого недоумѣвать, я однако уже не сомнѣваюсь въ своемъ существованіи, тѣмъ болѣе, что украинскіе интеллигенты за кордономъ несомнѣнно существуютъ, ибо даже декретомъ г. Ярмонкина установлено, что они,

---

[1]) «Заря» 1905 г. № 208.

«какъ извѣстно, сочиняютъ свой исковерканный языкъ», а вѣдь нельзя даже и исковерканный языкъ сочинять, не имѣя вполнѣ реальнаго существованія въ дѣйствительности. Cogito, ergo sum: сочиняютъ—значитъ мыслятъ, а мыслятъ—значитъ существуютъ, хотя я не совсѣмъ еще понимаю, зачѣмъ это понадобилось имъ сочинять „исковерканный" языкъ, когда несомнѣнно гораздо удобнѣе было бы, если ужъ заниматься подобнымъ неблагодарнымъ дѣломъ, сочинять неисковерканный (все одно вѣдь сочинять!). Но поразмысливъ немного, я понялъ, что г. Ярмонкинъ не спроста такъ хитро повелъ рѣчь. Упомянувъ о сочиненіи исковерканнаго языка и изобразивъ не кистью, а помеломъ сепаративныя цѣли заграничныхъ нашихъ товарищей, онъ коварно подмигиваетъ: «не этотъ ли языкъ наша новая „украинская интеллигенція" мечтаетъ вводить въ школы народныя? Это названіе „украинской интеллигенціи" не указываетъ ли на связь ея съ украйнофилами Галичины и Буковины?» Однако я уже настолько, благодаря г-ну же Ярмонкину, утвердился въ своемъ существованіи, что не обинуясь отвѣчаю: „да, этотъ; да, указываетъ"—и пусть судитъ меня г. Ярмонкинъ своимъ строгимъ судомъ, но изданіе декретовъ пусть оставитъ: это ему весьма не къ лицу. Притворяться что-то такое знающимъ и въ то же время не умѣть десятка словъ связать, чтобы не обнаружить полнаго невѣжества—это качества, согласитесь, даже для изданія декретовъ весьма неудобныя...

Вообще крайне поразительна та легкость, съ которой всевозможные г-да Ярмонкины берутся за разрѣшеніе украинскаго вопроса, не имѣя ровно никакого представленія ни о его положеніи, ни о принципіальномъ обоснованіи, ни даже о фактической сторонѣ дѣла. Всякій изъ нихъ считаетъ чуть ли не священной своей обязанностью повторять неумныя, избитыя выдумки объ исковерканномъ языкѣ, сепаратизмѣ и т. п., не понимая даже всей глубины той пошлости, какую повторяетъ съ чужого голоса. И все это съ авторитетнымъ видомъ знатока, напоминающимъ глубокомысленную позицію извѣстнаго критика, фигурирующаго въ одной изъ крыловскихъ басенъ... Обсужденіе всякаго другого вопроса предпо-

лагаетъ хоть элементарное знакомство съ предметомъ; въ нашемъ же дѣлѣ совершенно наоборотъ: чѣмъ меньше знаній, тѣмъ больше развязность, тѣмъ авторитетнѣе тонъ, тѣмъ нетерпимѣе и высокомѣрнѣе отношеніе. Съ фактами совершенно не считаются, ихъ на каждомъ шагу извращаютъ, ихъ просто знать не хотятъ, замѣняя въ случаѣ нужды общимъ взглядомъ, выработаннымъ еще въ 60-е годы Катковымъ со товарищи, и не гнушаясь выдумывать нужные сейчасъ для тѣхъ или иныхъ цѣлей „факты", и притомъ выдумывая мелко, злобно, пошло, перерывая эти выдумки беззубыми остротами на „счетъ хохлацкой лѣни", „закавыки" и тому подобными милыми продуктами обывательскаго острословія. Въ дополненіе къ сказанному приведу еще одинъ примѣръ. Что, кажется, можетъ быть трагичнѣе того положенія, при которомъ многомилліонному народу закрыты всѣ пути къ употребленію родного—языка-ли, нарѣчія или жаргона—это совершенно безразлично по существу? Повидимому, такое положеніе должно бы менѣе всего вызывать людей на безпредметное, безцѣльное зубоскальство, а между тѣмъ именно такое отношеніе на каждомъ шагу встрѣчается въ русской прессѣ и охотниковъ позубоскалить на счетъ „хохловъ" всегда было и есть достаточно. По поводу украинской депутаціи въ Петербургѣ „Слово", напр., пишетъ:

«У казаковъ есть выраженіе: «искать языка»... Тамъ это употребляется въ переносномъ смыслѣ, но *блуждающіе по городу* малороссійскіе депутаты ищутъ свой языкъ въ прямомъ (?) смыслѣ этого слова.

Дѣйствительно, если посмотрѣть на вещь просто, оно *довольно таки оригинально* и только? человѣку запрещаютъ говорить и читать на родномъ языкѣ.

— А думать?

— Думать можете!

И малороссъ *со свойственной ему медлительностью* начинаетъ думать о своемъ родномъ языкѣ. Думаетъ онъ долго, методично, совершенно не обращая вниманія на то, что происходитъ около него» [1]).

[1]) «Слово» 1905, № 59.

И такъ далѣе—пошла молоть мельница пошлаго зубоскальства! Это образчикъ типичнѣйшаго обывательскаго отношенія къ украинскому вопросу. Хочется обывателю и себя, и другихъ увѣрить, что „малороссу не нужна его рѣчь, не нуженъ отживающій говоръ" [1]) или, что украинцы—тѣ же великороссы (для обывателя достоинство націи измѣряется вѣдь количественнымъ показателемъ), и онъ начинаетъ съ зубоскальства надъ вещами, значенія которыхъ не въ состояніи понять, и оканчиваетъ кой-чѣмъ похуже, въ чемъ новидимому также не отдаетъ себѣ отчета.

«*Я былъ*,—продолжаетъ авторъ цитированной замѣтки въ «Словѣ»,—на открытіи памятника Котляревскому и присутствовалъ при самой яркой манифестаціи украинофильскихъ чувствъ. Когда на сценѣ, гдѣ происходило засѣданіе думы, началось чтеніе адресовъ, надо было видѣть волненіе публики, крики восторга... *Появились какіе то невѣдомые писатели въ чоботахъ и писательницы съ хусточками въ рукахъ и вѣнками на головахъ*. Мой сосѣдъ, типичный Тарасъ Бульба, объяснялъ мнѣ:

— Тожь Олина (sic) Пчілка.

— Кто это?

— Писательница. Гарно пише ой якъ гарно!

— А это кто?

— Левицкій. Оце хеній! хеній! не уступитъ самому Котляревскому.

Адресы было запрещено читать на малорусскомъ языкѣ и когда депутатъ отъ Чернигова *въ шароварахъ шириною въ Черное море началъ:*

— Друже Полтаво!..

и былъ немедленно остановленъ, надо было видѣть эти лица. Былъ еще порохъ въ пороховницахъ, не изсякла казацкая сила» [1]).

Рѣшительно непонятно, для чего понадобилась вся эта сознательная ложь,—говорю «сознательная», ибо если авторъ дѣйствительно былъ въ Полтавѣ, то онъ знаетъ, что всѣ эти чобо-

---

[1]) Тамъ же.

ты, хусточки и шаровары существуютъ лишь въ его фантазіи, а если не былъ, то зачѣмъ притворяется очедвидцемъ происходившаго на открытіи памятника Котляревскому?.. Но при всей своей непонятности, поступокъ этотъ вмѣстѣ съ тѣмъ и крайне характерный для обывательскаго отношенія къ украинскому вопросу. Очевидно, здѣсь все позволено, всякое средство годится, лишь бы доказать излюбленный въ нѣкоторыхъ сферахъ тезисъ, что «малороссу не нужна его рѣчь»: выдумалъ, солгалъ—и доволенъ, и гоголемъ похаживаетъ да руки отъ удовольствія потираетъ: какъ, молъ, я ихъ ловко отдѣлалъ!.. И на этомъ еще не конецъ: эти же лживые и невѣжественные, пустые и самодовольные, беззаботные на счетъ правды люди осмѣливаются при томъ снисходительно поучать насъ на счетъ узости, шовинизма, «патріотизма колокольни»,—тѣ самые люди, которые создали единственную во всемъ мірѣ градацію «потреотизма» въ понятіяхъ просто русскаго и «истинно-русскаго» человѣка; тѣ люди, которые расплодили «патріотовъ своего отечества» въ такомъ огромномъ количествѣ, что всякому просто человѣку тѣсно жить стало въ этомъ отечествѣ, гдѣ атмосфера почти сплошь отравлена безпрерывной травлей, науськиваньями и призывами къ недреманному оку консуловъ о сокращеніи всего, не отмѣченнаго патентомъ «истинно русскаго»!.. Понимая національный вопросъ лишь въ смыслѣ воинствующаго обрусенія и отождествляя право на развитіе каждой національности съ захватами на счетъ сосѣдей, они и намъ стараются навязать свое пониманіе и, навязывая, въ тоже время ополчаются противъ созданнаго ими фантома, такъ какъ видятъ въ этомъ покушеніе на свои собственныя, исключительно имъ принадлежащія прерогативы. И мы вовсе не намѣрены оспаривать этихъ прерогативъ, предоставляя всякія националистическія тенденціи патентованнымъ патріотамъ своего отечества и отстаивая лишь свои несомнѣнныя права на національное существованіе и развитіе. И въ этомъ послѣднемъ отношеніи, разумѣется, уже не можетъ быть никакихъ уступокъ: не предъявляя претензій на захватъ чужого, мы въ тоже время будемъ отстаивать отъ захватовъ свое собственное: съ этой точки зрѣнія будемъ также и

отвѣчать на вопросъ: „что намъ нужно“, освѣщая его свѣтомъ общечеловѣческихъ идеаловъ и не противорѣчащихъ послѣднимъ нашихъ собственныхъ нуждъ и интересовъ...

Но довольно о слезахъ крокодила, о болѣе чѣмъ сомнительной свободѣ князя Мещерскаго и бывшаго исправника, о декретахъ г. Ярмонкина и плоскихъ измышленіяхъ «Слова». Очевидно, что если они и притворяются знающими,—«кому чего нужно», то лишь для сокрытія собственной пустоты, что́ невольно ими и обнаруживается вмѣстѣ съ голымъ своекорыстіемъ и напускною авторитетностью; очевидно, что не у этихъ обиженныхъ природой людей искать намъ отвѣта на вопросъ—«что намъ нужно». О нихъ мы можемъ не безпокоиться, но вотъ уже съ сожалѣніемъ приходится отмѣчать иногда, что характиризованное выше обывательское отношеніе не только среди г.г. Ярмонкиныхъ и бывшихъ исправниковъ сдѣлало прочныя завоеванія, а проникаетъ глубже и прорывается невообразимой путаницей даже тамъ, гдѣ, казалось бы, возможно и умѣстно иное отношеніе. Встрѣчая слезы, источаемыя на страницахъ «Гражданина», читая благоглупости «Зари», выдумки «Слова» и откровенные доносы и клевету «Дня» (есть такая сугубо «потреотическая» газетка), мы, конечно, не удивляемся, ибо знаемъ, что эти люди выросли въ мѣстахъ, гдѣ нехорошо пахнетъ, и такъ пропитались этимъ нехорошимъ запахомъ, что органически неспособны къ иному поведенію. Но вотъ, напр., «Кіевскіе Отклики»—газета серьезная, никогда не спекулировавшая ни на какой травлѣ, газета издающаяся въ центрѣ Украины и между своими сотрудниками насчитывающая имена, причастныя къ украинской литературѣ, наконецъ выступавшая не разъ съ съ серьезными заявленіями симпатіи по адресу украинскаго движенія—и тѣмъ не менѣе даже здѣсь прорываются иногда уму непостижимыя вещи. Высказываясь противъ шовинистическихъ выходокъ «Кіевлянина» и отмѣчая, что эти выходки могутъ найти благопріятную почву въ племенномъ составѣ населенія такъ называемаго Юго-Западнаго Края, «Кіевскіе Отклики» слѣдующимъ образомъ опредѣляютъ это населеніе:

«Одна часть его входила въ составъ и теперь прилегаетъ къ Царству Польскому; значительное пространство его вмѣщаетъ въ себѣ такъ называемую «черту осѣдлости»—одно изъ немногихъ мѣстъ нашего отечества, въ которомъ разрѣшается осѣдлое пребываніе евреямъ; третимъ составнымъ элементомъ населенія края являются малороссы, *отчасти занимающіе опредѣленныя его мѣстности, отчасти прибывающіе въ него изъ сосѣднихъ губерній.* Такимъ образомъ волею историческихъ сочетаній *коренное русское населеніе должно въ нашемъ краѣ сожительствовать съ поляками, евреями и малороссами»* [1]).

Здѣсь что ни слово, то поводъ къ недоумѣнію: что значитъ выраженіе—«отчасти занимающіе опредѣленныя его мѣстности, отчасти прибывающіе въ него изъ сосѣднихъ губерній», въ приложеніи къ украинцамъ? Какое это «коренное русское населеніе», противополагаемое, между прочимъ, пришлымъ очевидно украинцамъ? И кто, наконецъ, составляетъ коренное населеніе въ краѣ?.. Всѣ эти недоумѣнія обращаются въ сплошной вопросительный знакъ: какъ сіе понимать должно? Если бы подобныя строки мы встрѣтили въ одномъ изъ мѣстъ, гдѣ нехорошо пахнетъ—о, мы бы знали, какъ ихъ понимать, но въ «Кіевскихъ Откликахъ» онѣ звучатъ совершенно неумѣстнымъ диссонансомъ и, отмѣтивъ ихъ знакомъ вопроса, можно лишь ограничиться дружескимъ совѣтомъ избѣгать по крайней мѣрѣ на будущее время подобной путаницы, явно подающей поводы къ лишнимъ недоразумѣніямъ и представляющей болѣе чѣмъ шаткое основаніе при рѣшеніи вопроса—кому чего нужно—на практикѣ.

Вообще говоря, наиболѣе цѣлесообразное рѣшеніе этого вопроса достижимо лишь при такомъ общественномъ и государственномъ устройствѣ, которое предоставитъ его компетенціи заинтересованныхъ національностей: онѣ лучше всего сумѣютъ устроить свои дѣла и отношенія и опредѣлить свои національныя нужды и потребности. Противъ этого говорятъ, что при свободномъ на-

[1]) «Кіевскіе Отклики», № 65. «Два съѣзда въ стилѣ moderne».

ціональномъ самоопредѣленіи, не регулируемомъ вмѣшательствомъ нѣкоторой vis major, можетъ произойти взаимная борьба, въ которой пораженіе достанется на долю, конечно, слабѣйшихъ. Несомнѣнно, можетъ быть столкновеніе и борьба національныхъ интересовъ, но при свободномъ самоопредѣленіи, когда каждой изъ національностей будутъ равно обезпечены всѣ человѣческія права, равнодѣйствующая различныхъ интересовъ пойдетъ въ такомъ направленіи, которое устранитъ всѣ отвратительныя проявленія національной вражды и ненависти. Эта равнодѣйствующая, безъ насилія надъ чужой совѣстью, безъ ломки чужихъ убѣжденій, и опредѣлитъ собой то, что нужно каждой національности въ отдѣльности и всѣмъ вмѣстѣ. Я никогда не повѣрю, чтобы напр., великорусскому народу нужна была насильственная ассимиляція украинцевъ, поляковъ, грузинъ, армянъ и др.: это можетъ быть нужно (да и то въ сущности едва ли нужно) другимъ сферамъ, которыя свои ассимиляторскія вожделѣнія лишь навязываютъ народу. Точно также не можетъ быть нужды у народа украинскаго въ ассимиляціи кого-либо изъ своихъ сосѣдей или даже живущихъ на его територіи колонистовъ; угнетенію при свободѣ самоопредѣленія и равной обезпеченности правъ личности не будетъ здѣсь мѣста и параллельныя нужды національнаго развитія каждаго изъ сосѣдей будутъ мирно уживаться рядомъ, способствуя лишь спокойному сосуществованію и совмѣстной дѣятельности въ направленіи взаимнаго развитія, взаимныхъ услугъ и сотрудничества. Нужно понять, наконецъ, что національный вопросъ, хотя бы и у насъ (какъ и вездѣ впрочемъ), созданъ не нами, а тѣми, кто, препятствуя свободному обнаруженію и развитію національныхъ потребностей, ежечасными оскорбленіями и заушеніями напоминаютъ о существованіи этого больного вопроса. Вычеркнуть его совершенно изъ счетовъ жизни—нѣтъ возможности; остается или обострять отношенія старой политикой притѣсненій, или вступить на новый путь—удовлетворенія запросовъ, вытекающихъ изъ національныхъ потребностей,—третьяго пути нѣтъ. Какая часть предложенной альтернативы заключаетъ единственно справедливое и единственно

мирное разрѣшеніе національнаго вопроса—объ этомъ нечего распространяться, такъ какъ это ясно до очевидности. При возможности свободнаго самоопредѣленія и удовлетворенія національныхъ потребностей, національный вопросъ просто перестанетъ существовать, какъ не существуетъ вопросъ насыщенія для сытаго человѣка; силы націи пойдутъ не на консервативную работу отстаиванія своего національнаго *я*, а на прогрессивную, созидательную—развитія и усовершенствованія, достиженія возможно справедливыхъ условій человѣческаго общежитія. Тяжелый кошмаръ національной розни, поддерживаемый всѣмъ современнымъ строемъ, исчезнетъ и перестанетъ смущать покой людей, которые въ представителѣ другой націи будутъ видѣть прежде всего человѣка, а не враждебную особь. Названія «варваръ», «непріятель», которыми въ класическомъ мірѣ привѣтствовали всякаго иностранца и которые уже и теперь потеряли значительную долю своей остроты, совершенно будутъ вычеркнуты изъ словаря человѣческаго общества.

Но пока этого нѣтъ, пока мы видимъ другое, пока мы на каждомъ шагу встрѣчаемся съ попытками навязать намъ рѣшеніе вопроса—«что намъ нужно», и должны давать отпоръ этому непрошенному вмѣшательству. Возникаетъ интересный вопросъ, почему эти попытки особенно настойчивы относительно насъ съ вами, читатель? Почему ни кн. Мещерскій, ни г. Ярмонкинъ, ни другой кто-либо даже при желаніи привести всѣхъ и вся къ одному знаменателю, не станетъ съ такой же легкостью и развязностью рѣшать за поляковъ, за финдляндцевъ и др. ихъ кровные вопросы и лишь относительно насъ захватили эту вовсе имъ не принадлежащую привиллегію?.. Отчасти такое исключительное отношеніе объясняется несчастно сложившимися обстоятельствами нашей исторіи, а отчасти—что грѣха таить—и мы сами въ этомъ виноваты. Исторія сдѣлала насъ предметомъ экспериментовъ слишкомъ рано, когда наша культурная организація не вполнѣ опредѣлилась и потому, какъ и всякій переходной типъ, не отличалась устойчивостью. Не обладая послѣдней, мы представляли слишкомъ легкую жертву для экспериментовъ и дошли, наконецъ,

до того, что намъ навязывали рѣшеніе нашихъ же вопросовъ, совершенно не считаясь съ нашими потребностями и не пытаясь даже освѣдомиться о нашихъ желаніяхъ. Мало по малу насъ просто вычеркнули изъ списка существъ, имѣющихъ свои собственные интересы, и отождествили эти послѣдніе цѣликомъ со своими. Еще, напр., въ 50-хъ годахъ было отмѣчено Кулишемъ, что «*Парус* (органъ славянофиловъ) у своему универсалі перелічив усі народности, тільки забув про нашу, *бо ми, бач, дуже однакові, близькії родичі: як наш батько горів, так їх грівся!*»[1]). А современные «Парусы» въ видѣ «Зари», «Слова» и т. п. органовъ уже просто говорятъ, что «малороссу не нужна его рѣчь, не нуженъ отживающій говоръ»[2]). И эту старую пѣсню подхватываютъ все новые и новые пѣвцы, и съ усердіемъ размахиваютъ предъ нашими глазами этимъ истрепавшимся вздоромъ. А мы съ вами, читатель, пассивно помогали отмѣченной эволюціи, которая противъ нашего желанія вычеркивала насъ изъ списка живыхъ національностей; мы черезчуръ были податливы, мы слишкомъ робко говорили о себѣ, мы напрасно деликатничали съ развязными молодцами, заколачивавшими гробъ на нашемъ живомъ народномъ организмѣ. Мы слишкомъ стѣснялись своего «мужицкаго» (конечно, понимая это не въ буквальномъ смыслѣ) происхожденія, своей принадлежности къ націи безъ названія,— націи, представляемой почти исключительно «дядька́ми», какъ часто опредѣляетъ себя народъ; мы не отстаивали кровныхъ интересовъ этихъ «дядьків» и вотъ поэтому то историческая Немезида и возложила на насъ кару въ видѣ той путаницы, которая скопилась вокругъ нашего имени. Здѣсь именно, въ нашей податливости и мягкости и лежитъ причина той смѣлости, съ которой охранители берутся говорить за насъ и рѣшать вопросы, относительно которыхъ компетенція принадлежитъ намъ, и только намъ...

---

[1]) Чалый—Жизнь и произведенія Т. Шевченка. Кіевъ, 1882. Стр. 136.

[2]) «Слово», № 59.

Но уроки исторіи не проходятъ даромъ для тѣхъ, кто пожелаетъ что-нибудь почерпнуть изъ этихъ уроковъ. Цѣною тяжелыхъ испытаній, дорогою, усѣянной «колючим терном», дошли мы, наконецъ, до сознанія своего національнаго существованія, своихъ правъ и обязанностей по отношенію къ родному народу и, конечно, уже не должны повторять старыхъ грѣховъ и ошибокъ. Ясная и опредѣленная программа дѣятельности и неуклонное осуществленіе ея въ жизни—вотъ вопросы ближайшей минуты для сознательнаго украинскаго общества. И нужно надѣяться, что оно отнесется къ этимъ вопросамъ со всею серьезностью, какая требуется и свойствами ихъ самихъ, и особенностями переживаемаго нами историческаго момента...

А пока обратимся въ заключеніе къ текущимъ дѣламъ. Начинаютъ уже выясняться въ первой инстанціи результаты опроса, предпринятаго комитетомъ министровъ по поводу запретительныхъ мѣропріятій, тяготѣющихъ надъ украинскимъ словомъ. Читатель помнитъ, что первой инстанціей были—академія наукъ, университеты кіевскій и харьковскій и представитель административной власти—кіевскій подольскій и волынскій генералъ-губернаторъ. Изъ достовѣрныхъ источниковъ извѣстно, что академія наукъ отнеслась къ вопросу съ полнымъ вниманіемъ и уже подготовила мотивированную данными науки и жизни записку, въ которой проведена мысль о полной отмѣнѣ какихъ-бы то ни было ограниченій по отношенію къ украинской литературѣ. Какъ сообщаютъ газеты [1]), то же постановили и названные университеты, высказавшись единогласно за уравненіе украинской литературы съ литературой русской. Остается пока неизвѣстнымъ отзывъ генералъ-губернатора, но едва ли онъ можетъ быть отрицательнымъ, имѣя въ виду, что одинъ изъ предшественниковъ нынѣшняго генералъ-губернатора уже высказался въ свое время по данному вопросу также въ смыслѣ отмѣны

---

1) «Кіевская Газета», № 57, «Кіевскіе Отклики», № 60, „Діло“, № 46, „Русскія Вѣдомости“, № 73.

всякихъ специальныхъ ограниченій. Вопросъ, слѣдовательно, переходитъ въ дальнѣйшія инстанціи,—прежде всего къ министрамъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. «Не станемъ гадать,—говоритъ въ «Кіевской Газетѣ» по поводу рѣшенія университетской коллегіи г. Петрищевъ,—совпадутъ ли окончательные выводы съ мнѣніемъ профессоровъ кіевскаго университета. Слишкомъ мудрено не совпасть... Чтобы снять вопросъ объ украинскомъ языкѣ, надо уничтожить причины. Малорусскаго населенія въ Россіи до 30 милліоновъ. Въ немъ есть созданная исторіей потребность говорить и писать на своемъ языкѣ. И пока эта потребность не удовлетворена или пока малороссы не вытурены изъ предѣловъ имперіи, вопросъ останется вопросомъ»... Отмѣтивъ вздорность криковъ о сепаратизмѣ, которыми любятъ сопровождать всякое требованіе равноправія языковъ доморощенные политиканы, г. Петрищевъ заключаетъ: «Я по происхожденію «кацапъ». Украинскій языкъ—не родной мнѣ. У меня нѣтъ эгоистическихъ мотивовъ защищать его. И потому я имѣю нѣкоторое основаніе безпристрастно привѣтствовать рѣшеніе университетской комиссіи» [1]). Мнѣ пріятно отмѣтить совпаденіе мнѣній украинскаго общества съ отзывомъ «кацапа» г. Петрищева. Это показываетъ, что даже посторонніе люди, не надѣвающіе очковъ человѣконенавистничества, усматриваютъ въ данномъ вопросѣ его общечеловѣческую сторону и съ этой точки зрѣнія не могутъ не привѣтствовать всякаго акта справедливости, хотя бы онъ и не затрагивалъ непосредственно ихъ эгоистическихъ интересовъ.

Второй подобный же фактъ, который я обязанъ здѣсь отмѣтить—это рѣшеніе комитета министровъ по вопросу объ изданіи книгъ св. писанія на украинскомъ языкѣ. Оффиціальное извлеченіе изъ журнала комитета министровъ отъ 15 февраля излагаетъ дѣло въ слѣдующемъ видѣ:

Выслушавъ въ присутствіи Великаго Князя Константина Константиновича и митрополита Антонія возбужденный Вели-

---

[1]) «Кіевская Газета», № 57. «Первый отзывъ».

кимъ княземъ вопросъ объ отмѣнѣ ограниченій изданія св. писанія на малороссійскомъ нарѣчіи, комитетъ остановился на слѣдующихъ соображеніяхъ. Изъ представленныхъ Его Императорскимъ Высочествомъ объясненій усматривается, что запрещеніе печатанія малорусскихъ книгъ духовнаго содержанія послѣдовало въ 1863 году вслѣдствіе признанія, что переводъ св. писанія не оправдывается свойствомъ языка и потребностью народа, а имѣетъ характеръ исключительно политическій. Въ 1901 году академія наукъ получила въ даръ отъ наслѣдника Морачевскаго переводъ евангелія на малороссійскомъ языкѣ съ тѣмъ, чтобы онъ былъ напечатанъ академіей. Великій князь возбудилъ вопросъ о напечатаніи труда, принявъ во вниманіе, что опасенія политическаго характера потеряли остроту. Съ другой стороны малороссы страстно желаютъ читать слово Божіе на родномъ нарѣчіи. На запросъ министры внутреннихъ дѣлъ Плеве и Святополкъ-Мирскій одинаково высказались, что вопросъ этотъ можетъ быть разсматриваемъ съ точки зрѣнія религіозной и научной. Переводъ Морачевскаго былъ изученъ академіей и за нимъ признано высокое научное достоинство. Въ видахъ разсмотрѣнія вопроса съ религіозной стороны Великій князь, признавая особенно желательнымъ удовлетвореніе законнаго стремленія малороссіянъ именно теперь въ тяжкое время, переживаемое родиной, вошелъ въ св. синодъ съ просьбой удостоить этотъ переводъ святительскаго благословенія. Комитетъ министровъ всецѣло присоединился къ сужденіямъ Великаго князя, признавая эту мѣру вполнѣ отвѣчающей предначертаніямъ Государя Императора въ пунктѣ 6 указа отъ 12 декабря; вмѣстѣ съ тѣмъ комитетъ присоединяется всецѣло къ заявленію митрополита Антонія о необходимости испрошенія на каждое изданіе благословенія синода. Имѣя въ виду, что на разсмотрѣніе синода уже представленъ переводъ евангелія, комитетъ признаетъ особенно благовременнымъ повергнуть это дѣло на благовоззрѣніе Его Императорскаго Величества. Таковое положеніе комитета удостоилось Высочайшаго утвержденія 25 февраля сего года [1]).

---

1) «Кіевскіе Отклики», № 62.

Для правильной оцѣнки этого сообщенія приходится напомнить обстоятельства перваго запрещенія евангелія въ 1860-хъ гг., причемъ необходимо замѣтить, что и тогда рѣчь шла о томъ самомъ переводѣ Морачевскаго, о которомъ упоминается и въ приведенномъ оффиціальномъ сообщеніи. Коммиссія изъ духовныхъ лицъ, разсматривавшая тогда переводъ съ богословской точки зрѣнія, аттестовала его, какъ «вѣрный подлиннику и выполненный хорошо» [1]). Академики Востоковъ, Никитенко и Срезневскій, изучавшіе переводъ съ научной стороны, дали о немъ слѣдующій отзывъ: «Евангеліе, переведенное на малороссійское нарѣчіе Морачевскимъ, есть въ высшей степени трудъ замѣчательный и полезный. Малороссійское нарѣчіе въ немъ, можно сказать, блистательно выдерживаетъ испытаніе этого рода и уничтожаетъ всякое сомнѣніе, многими питаемое, въ возможности выразить возвышенныя чувства седрца. Нѣтъ сомнѣнія, что переводъ евангелія Морачевскаго долженъ сдѣлать эпоху въ литературномъ образованіи малороссійскаго нарѣчія» [2]). За допущеніе перевода высказался и тогдашній министръ народнаго просвѣщенія Головнинъ по соображеніямъ просвѣтительнаго характера: «малороссійскій переводъ евангелія, исправленный духовною цензурою, составитъ одно изъ прекраснѣйшихъ дѣлъ, которыми ознаменовано нынѣшнее царствованіе, и министерство народнаго просвѣщенія должно желать этому дѣлу скорѣйшаго и полнаго успѣха» [3]). Однако, не смотря на полное единодушіе приведенныхъ отзывовъ и вопреки имъ, св. синодъ призналъ, какъ узнаемъ теперь, что украинскій переводъ св. писанія «не оправдывается свойствомъ (?) языка и потребностью (?) народа, а имѣетъ характеръ исключительно политическій», присоединившись, такимъ образомъ, къ единственному неблагопріятному отзыву о переводѣ, сдѣланному тогдашнимъ

---

[1]) Огоновскій проф.—Исторія литературы рускои, Львовъ, 1889, ч. II, отд. I, стр. 136.

[2]) Ibid., а также „Кіевская Старина", 1902 г., сентябрь, „Документы", стр. 94.

[3]) М. Лемке—Эпоха цензурныхъ реформъ, Спб. 1904, стр. 306.

кіевскимъ генералъ-губернаторомъ Анненковымъ. Произошло именно то «смѣшеніе религіи съ политикой», о которомъ говорилъ недавно В. В. Лесевичъ, а «неопытная канцелярская ошибка» Анненкова, какъ выражался о его отзывѣ Головнинъ [1]), опредѣляетъ отношеніе административныхъ сферъ къ вопросу въ теченіе 40 лѣтъ. И даже по истеченіи этого времени понадобились опять настойчивыя представленія академіи наукъ, снова признавшей за переводомъ «высокое научное достоинство»; понадобилось указаніе Великаго князя на то, что «малороссы страстно желаютъ читать слово Божіе на родномъ нарѣчіи»; понадобилось со стороны двухъ министровъ отрицаніе въ евангеліи политики (!), и сорокъ лѣтъ тому назадъ считавшейся относительно даннаго вопроса плодомъ «неопытной канцелярской ошибки», чтобы побудить представителей христіанской церкви взглянуть на вопросъ съ единственно умѣстной для нихъ точки зрѣнія и сдвинуть дѣло съ той мертвой точки, на которой оно застряло... Такъ дѣлается у насъ исторія. Невольно подымаются опять и опять старые, но до сихъ поръ не потерявшіе своей остроты вопросы о степени пригодности канцелярскаго механизма, подверженнаго всѣмъ случайностямъ «неопытныхъ канцелярскихъ ошибокъ», смѣшенія по самому существу несовмѣстимыхъ соображеній, нежеланія считаться съ насущными потребностями и реальными нуждами населенія и т. п. На каждомъ шагу этотъ бюрократическій механизмъ обнаруживаетъ свою полную несостоятельность, выдаетъ себѣ несокрушимое testemonium paupertatis и призываетъ, хотя и противъ своего желанія, живыя общественныя силы къ упраздненію отжившаго строя и замѣнѣ его инымъ, болѣе отвѣчающимъ современнымъ условіямъ жизни...

Сергій Ефремовъ.

---

[1]) Ibid.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

КНИГА 2-ая—ФЕВРАЛЬ, 1905 г.

I.—Мои замѣтки.—Лѣто 1900—іюнь 1904 г.—*А. Н. Пыпина.*—II.—По совѣсти.—Романъ изъ помѣщичьей жизни нашего времени.—I-IV.—*А. Новикова.*—III.—Бл. Августинъ въ исторіи монашества и аскетизма.—Часть вторая.—Окончаніе.—*В. И. Герье.*—IV.—Стихотворенія.—I. Въ неволѣ.—II. „Глубокою зимой"...—*Е. М. Миличъ.*—V.—Александръ I и Наполеонъ I.—Послѣдніе годы ихъ дружбы и союза—I-III.—*Ѳ. Ѳ. Мартенса.*—VI.—Строитель.—Романъ. — Felix Hollaender, Der Baumeister, roman.—XI-XXII.—Окончаніе.—Съ нѣм. *З. В.*—VII.—Гермесъ трижды-великій, „Соперникъ христіанства".—I-VII.—*Ѳ. Ф. Зѣлинскаго.*—VIII.—На вѣткѣ.—Эскизъ по роману: „Sur la branche", par Pierre de Coulevain.—Съ франц. *О. Ч.*—IX.—Изъ моихъ воспоминаній.—1843—1860 г.г.—I-IV.—*Ек. Юнге.*—X.—Стихотворенія.—Я вѣрю—міръ идетъ къ великой, свѣтлой цѣли...—*П. П. Гайдебурова.*—XI.—Хроника.—Внутреннее Обозрѣніе.—Правительственныя сообщенія о событіяхъ 9-го и 10 января.—Учрежденіе с.-петербургскаго генералъ-губернаторства. Объявленіе министра финансовъ и спб. генералъ-губернатора. Пріемъ Государемъ Императоромъ рабочихъ въ Царскомъ Селѣ.—Телеграммы „Agence latine".—Неразрѣшенныя недоумѣнія.—Комитетъ министровъ объ усиленной охранѣ.—Рабочій вопросъ, какъ часть общаго вопроса о будущемъ въ Россіи.—Порядокъ осуществленія указа 12-го декабря.—Земскія и дворянскія собранія—Отставка кн. Святополкъ-Мирскаго.—XII.—Итоги недавняго Кавказскаго Управленія.—Письмо изъ Тифлиса.—*Г. М. Туманова.*—XIII.—Иностранное Обозрѣніе.—Паденіе Портъ-Артура и шансы дальнѣйшей кампаніи.—Причины и условія японскихъ успѣховъ.—Вопросъ о возможномъ мирѣ на Дальнемъ Востокѣ.—Трудное международное положеніе Россіи. — Стачка горно-рабочихъ въ Вестфаліи.—Русско-германскій торговый договоръ.—Внутреннія дѣла въ Австро-Венгріи и во Франціи.—Пренія французской палаты депутатовъ и франко-русскія демонстраціи.—XIV.—Литературное Обозрѣніе. — I. Лекціи по русской исторіи проф. С. Платонова.—II. Василенко Н. П. О. М. Бодянскій и его заслуги для изученія Малороссіи.—III. Дневникъ Елиз. Дьяконовой на высшихъ женскихъ курсахъ; Дневникъ русской женщины, ея же.—IV. Чюмина О. Н. Драматическія сочине-

нія и переводы.—V. Зеленый Сборникъ стиховъ и прозы.—*Евг. Л.*—VI. Нужды деревни по работамъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.—*В. В.*—Новыя книги и брошюры.—XV.—Новости иностранной литературы.—I. Arthur Eloesser, Litterarische Portraits aus dem modernen Frankreich.—II.—Willy, Minne.—*З. В.*—XVI.—Изъ общественной хроники.—Положенія комитета министровъ объ охраненіи силы закона, о государственномъ страхованіи, о переустройствѣ земскаго и городского общественнаго управленія.—Постановленія земскихъ и дворянскихъ собраній.—Заявленіе профессоровъ и преподавателей высшихъ школъ.—Перемѣна въ управленіи министерствомъ юстиціи.—XVII.—Извѣщенія.—I. Отъ Учрежденія для отсталыхъ дѣтей, М. И. Маляревскаго и Е. П. Радина.—II. Отъ Канцеляріи Имп. Женскаго Патріотическаго Общества.—III. Отъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ о преміяхъ имени М. И. Михельсона.—XVIII.—Библіографическій Листокъ.—Исторія г. Москвы, ч. 1-ая, Ив. Забѣлина.—Полное собраніе сочиненій Н. И. Костомарова, кн. V. Русская живопись, В. А. Никольскаго.—Всеобщая исторія О. Іегера, вып. 1-ый.—Собраніе сочиненій Г. Ибсена, т. III, перев. съ дат. А. и П. Ганзенъ.—XIX.—Объявленія.—I-IV; IXII.

КНИГА 3-я.—МАРТЪ, 1905.

1.—Мои замѣтки.—Лѣто 1900—іюнь 1904 г.—Окончаніе.—*А. Н. Пыпина.*—II.—По совѣсти.—Романъ изъ помѣщичьей жизни нашего времени.—V—XI.—*А. Новикова.*—III. Александръ и Наполеонъ I.—Послѣдніе годы ихъ дружбы и союза.—IV—VI.—*Ѳ. Ѳ. Мартенса.*—IV.—Изъ моихъ воспоминаній.—1842—1860 гг.—V—X.—*Ек. Юнге.*—V.—Женщина съ вѣеромъ.—Романъ.—Rob. Hichens. The Woman with the fan.—I—VI.—съ англ. *З. В.*—VI.—Гермесъ трижды-великій, «Соперникъ христіанства».—VIII.—XIII.—Окончаніе.—*Ѳ. Ф. Зѣлинскаго.*—VII.—На вѣткѣ.—Эскизъ по роману: «Sur la branshe», par Pierre de Coulevain.—V—VII.—Окончаніе.—Съ франц. *О. Ч.*—VIII.—Еврейскія колоніи въ Аргентинѣ.—По личнымъ наблюденіямъ.—*Н. А. Крюкова.*—IX.—Хроника.—Тяжелые уроки.—*Л. З. Слонимскаго.*—X.—Внутреннее обозрѣніе.—Высочайшій манифестъ 4-го февраля.—«Политика довѣрія» и «политика порядка».—Газетный призывъ къ репрессіямъ и казнямъ.—Мнимыя послѣдствія «уступокъ».—Мнимо счастливая эпоха.—Идея земскаго собора; ея несвоевременность

или своевременность, неосуществимость или осуществимость.—Положенія комитета министровъ по вопросамъ о земскомъ и городскомъ самоуправленіи, о печати, о вѣротерпимости.—Коммиссія Н. В. Шидловскаго.—Записки по рабочему вопросу.—XI.—Записка четырнадцати редакцій и отвѣтъ на нее двухъ членовъ Особаго Совѣщанія по дѣламъ печати.—*К. К. Арсеньева и М. М. Стасюлевича.*—XII.—Иностранное обозрѣніе.—Вопросъ о мирѣ и военныя дѣйствія.—Положеніе дѣлъ на театрѣ войны.—Международная коммиссія по поводу инцидента въ Сѣверномъ морѣ и ея заключительныя выводы.—Странныя газетныя сообщенія.—Засѣданія британскаго парламента.—Торговые договоры и русско-германскій протекціонизмъ.—XIII.—Литературное обозрѣніе.—I.—Богдановичъ, Т., Очерки изъ прошлаго и настоящаго Японіи.—II. Русская печать и цензура въ прошломъ и настоящемъ, В. Розенберга и В. Якушкина.—III. Л. Сулержицкій. Въ Америку съ духоборами.—IV. А. Пановъ, Сахалинъ, какъ колонія.—V. Вс. Чешихинъ, Гамерлингъ, характеристика.—*Евг. Л.*—VI. И. Озеровъ, Экономическая Россія.—VII. Сочиненія К. Робертусъ-Ягецова, вып. I.—*В. В.*—VIII. Проф. М. Грушевскій, Очеркъ Исторіи украинскаго народа.—*И. Житецкаго.*—Новыя книги и брошюры,—XIV. Новости иностранной литературы.—I. S Lublinski, «Die Bilanz der Moderne». —II. —Max Dreyer, «Die Siebzehnjährigen», Schauspiel.—*З. В.*—XV.—Изъ общественной хроники.—Высочайшіе манифестъ, рескриптъ и указъ 18-го февраля.—Ожиданія и надежды.—Журналы комитета министровъ объ «исключительныхъ законоположеніяхъ» и о вѣротерпимости.—Пріостановка занятій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.—Рабочій вопросъ въ настоящемъ и ближайшемъ прошломъ.—Н. А. Карышевъ и П. О. Бобровскій †.—XVI.—Извѣщенія.—Отъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ о преміяхъ имени М. И. Михельсона.—XVII.—Библіографическій листокъ—Жизнь и труды М. П. Погодина, Николая Барсукова, кн. XIX.—Рускіе портреты XVIII и XIX столѣтій (1752—1825 гг.).—Кустарное дѣло въ Россіи, кн. Ѳ. С. Голицына, т. I.—XVIII.—Объявленія.—I—IV; I—XII.

Подписка на 1905-й годъ

(Сороковой годъ).

Редакція журнала: Спб., Галерная, 20.—Контора: В. О., 5 лин., 28.
Безъ доставки: на годъ 15 р. 50 к., на полгода 7 р. 75 к., на

Ближайшее участіе въ редакціи принимаютъ В. А. Гольцевъ и А. А. Кизеветтеръ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Подп. цѣна съ дост. и	12 м.	9 м.	6 м.	3 м.	1 м.
перес. во всѣ мѣста Рос.	12 р.	9 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу	14 р.	10 р. 50 к.	7 р.	3 р. 50 к.	1 р. 25 к.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ годовой цѣны журнала. Подписка въ разсрочку отъ книгопродавцовъ не принимается.

Адресъ редакціи: Москва, Ваганьков. пер. д. Куманина.

Редакторъ-издатель *В. Лавровъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1905 годъ

на ежедневную общественную, политическую и литературную газету

ПРИДНѢПРОВСКІЙ КРАЙ

8-й годъ изданія.

Издается въ Екатеринославѣ *М. С. Копыловымъ*, подъ его временнымъ редакторствомъ, при ближайшемъ участіи *А. Я. Ефимовича.*

Въ газетѣ примутъ участіе:

М. Н. Альбовъ, П. В. Безобразовъ, проф. Д. И. Багалѣй, К. С. Баранцевичъ, Н. В. Быковъ, И. Ф. Василевскій (Буква), В. К. Воскресенскій, Г. Г. Гонтаревъ, Е. Н. Гулькевичъ, Я. С. Гуровичъ, проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскій, Л. Е. Оболенскій, И. Н. Потапенко, С. Ф. Русова, Е. В. Святловскій, В. В. Святловскій, А. С. Синявскій, И. В. Способный, А. Л. Фавицкій, проф. М. Е. Халанскій, В. И. Харціевъ, проф. Л. П. Шепелевичъ, А. С. Шабельская (авторъ «Набросковъ карандашемъ»), проф. Д. И. Эварницкій и др.

Газета будетъ выходить въ размѣрѣ 6 страницъ, въ нѣкоторые дни— 8 страницъ, по понедѣльникамъ и послѣ праздничныхъ дней—4 страницы.

Подписная цѣна съ доставкой въ Екатеринославѣ: на годъ 8 р., на 9 мѣс. 6 р. 50 к., на 6 мѣс. 5 р., на 3 мѣс. 2 р. 75 к., на 1 мѣс. 1 р.; съ пересылк. иногор. на годъ 10 р., на 9 мѣс. 8 р. 25 к., на 6 мѣс. 6 р., на 3 мѣс. 3 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р. 25 к.; за границу: на годъ 18 р., на 9 мѣс. 13 р. 25 к., на 6 мѣс. 10 р., на 3 мѣс. 7 р. 50 к., на 1 мѣс. 2 р. 50 к.

Разсрочка платежа годовой подписной цѣны допускается: для служащихъ—по третямъ, черезъ казначеевъ, а для другихъ лицъ—по соглашенію съ конторою. Взносы по разсрочкѣ производятся гг. иногородними подписчиками: при подпискѣ 4 р., къ 1 апрѣля—3 р., и къ 1 сентября 3 р.; городскими: при подпискѣ—3 р., къ 1 апрѣля—3 р. и къ 1 іюля—2 р.

Подписка принимается только съ перваго числа каждаго мѣсяца.

Отдѣльные номера въ продажѣ по 5 к.

За перемѣну адреса гг. иногородн. подписчики платятъ 40 к., прилагая печатный старый адресъ.

Адресъ редакціи и конторы: Екатеринославъ, Проспектъ, д. Копылова.
ОБЪЯВЛЕНІЯ: за строку петита или ея мѣсто въ 1 столбецъ: на первой страницѣ плата 24 к., послѣ текста—12 к. При многократныхъ объявленіяхъ дѣлается уступка.

Контора открыта: въ будни отъ 8 часовъ утра до 7 час. вечера, въ праздничные дни—отъ 9 час. утра до 2 часовъ дня.

школѣ. *П. Варнеке*; 28) Къ вопросу объ упрощеніи русскаго правописанія. *П. Селиванова*; 29) Прикладное значеніе языкознанія. Проф. *Д. Кудрявскаго*; 30) Введеніе въ методику русскаго языка, какъ учебнаго предмета. *М. Тростникова*; 31) Обученіе грамотѣ. *Его же*; 32) Къ вопросу о преподаваніи Закона Божія въ народныхъ училищахъ. *А. Красева*; 33) Рисованіе и чистописаніе въ народной школѣ. *И. Шапошникова;* 34) Коллективное чтеніе въ начальныхъ школахъ. *О. Павловичъ и Е. Рѣпиной*; 35) Круговая тетрадь. *Т. Лубенца.*

Въ каждой книжкѣ «Русской Школы», кромѣ отдѣла критики и библіографіи, печатаются: хроника народнаго образованія въ Зап. Европѣ. *Е. Р.*; хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библіотекъ. *Я. В. Абрамова*; хроника воскресныхъ школъ подъ редакціей *Х. Д. Алчевской* и *М. Н. Салтыковой*; хроника профессіональнаго образованія. *В. В. Бирюковича* и пр.

«Русская Школа» выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе *пятнадцати* печ. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—*семь* руб., съ доставкою—*7* руб. *50* коп.; для иногородныхъ съ пересылкою—*восемь* руб.; за границу—*девять* руб. въ годъ. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за *шесть* руб. въ годъ, съ разсрочкою уплаты въ два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 15%.

Журналъ «Р. Ш» допущенъ Ученымъ Комитет. Мин. Нар. Просв. къ выпискѣ для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, также въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

Золотая медаль на международной выставкѣ «Дѣтскій міръ» въ 1904 году.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул., 1).

Редакторъ-издатель *Я. Г. Гуревичъ*

Редакторъ *Л. Л. Гуревичъ.*

3—3

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ «Кіевской Старинѣ» печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

„Кіевская Старина“ будетъ выходить въ 1905 г. по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ 1-го числа каждаго мѣсяца книжками въ 14 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Продолжается подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1905 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками, **10 р.** съ доставкою и пересылкою; на мѣстѣ **8 р. 50 к.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала **„Кіевская Старина“**, Троицкая площ., Народный домъ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только предъ лицами, подписавшимися въ редакціи и въ книжномъ магазинѣ „Кіевской Старины“ (Безаковская, 14).

Въ случаѣ неполученія какой-либо книжки журнала, гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки прислать заявленіе о неполученіи въ редакцію, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры «Кіевской Старины» за годы 1883. 1884, 1885, 1887. 1888, 1889, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901 и 1902 по **8 р.** за 12 книжекъ, съ пересылкою **10 р.** При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги журнала по 1 р.

Редакторъ-издатель **В. П. Науменко.**

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ LXXXIX

1905 г.

АПРѢЛЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.
1905.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

I.	В. Н. КАРАЗИНЪ. Его жизнь и общественная дѣятельность. (Продолженіе). *Н. Тихаго*	1—35
II.	VAE VICTIS!.. (Оповидання) *М. Чернявського*	36—89
III.	ЛИТЕРАТУРНЫЙ БАНАВЕНТУРА. (Замѣтки читателя. (Окончаніе). *Сергія Ефремова*	90—116
IV.	„МНИМЫЙ ГОСПОДИНЪ". Малюнокъ. *В. Винниченка*	117—138
V.	КОЕ-ЧТО О КОЗАЧЧИНѢ НА УКАРАИНѢ ВЪ 1855 ГОДУ. *Б. Познанскаго*	139—159

Отдѣлъ II.

I.	БИБЛІОГРАФІЯ: а) Переяславскій епископъ Гервасій Линцевскій и начало возсоединенія уніатовъ въ западной или польской Украинѣ (1757—1769). С. Иваницкаго. *В. П—ко*; б) Володимир Бирчак.—Урвана пісня. *П. Е.*; в) Лубочная украинская литература. *Гр. Сьогобочній*; г) Археологическая Лѣтопись южной Россіи. *В. Д.*; д) Выдавныцтво „Викъ". На вичну памьять Котляревскому	1—27
II.	ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) къ поправкамъ текста „Кобзаря" Шевченка. *А. Р.*; б) Новый автографъ Шевченка. *С. Е.*; в) Носители похоронныхъ причитаній въ Малороссіи. *Владиміръ Даниловъ*. г) Макъ въ народной демонологіи на Волыни. Сообщ. *Ив. Бѣньковскій*; д) Звѣрская расправа игумена Лебединскаго монастыря съ монахинею. Сообщ. прот. *Петръ Орловскій*; е) Старинныя публикаціи о бѣглыхъ монахахъ. Сообщ. *О. Л.*; ж) Къ исторіи отношеній между великорусскими офицерами и малороссійскими урядниками въ XVIII ст. Сообщ. *В. Модзалевскій*; з) Что стоила козакамъ с. Зазирокъ тяжба съ Степаномъ Миклашевскимъ (1737 г.). Сообщ. *В. Модзалевскій*; и) Къ вопросу о судѣ надъ Мелхиседекомъ Значко-Яворскимъ. Сообщ. *Вл. П—ко*; і) Извѣщенія редакціи . . .	28—48
	ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ	48—80
	ЗАМѢТКИ НА ТЕКУЩІЯ ТЕМЫ. *Сергія Ефремова*	81—100
	ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

ТОМЪ LXXXIX

1905 г.

АПРѢЛЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра Акціон. О-ва печ. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1905.

Дозволено Цензурою. Кіевъ, 24 марта 1905 г.

Василій Назаровичъ Каразинъ.

Его жизнь и общественная дѣятельность [1]).

ГЛАВА VI.

Эмансипаторская дѣятельность

(съ 1804 г.).

Новый характеръ дѣятельности. Положеніе крестьянскаго вопроса въ началѣ прошлаго столѣтія. Отношеніе Каразина къ крестьянскому вопросу. Повинности крестьянъ с. Кручика ихъ помѣщику. Сельскія учрежденія: дума (въ Кручикѣ и Анашкинѣ), сельская полиція, рекрутская повинность, крестьянская опека, сборъ податей, общественная сумма, школа, положеніе причта въ селѣ. Результаты сельскихъ нововведеній.

Занятія въ Кручикѣ; переписка, письма къ государю (1805—1809 гг.) и 3-ій арестъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ В. Н. Каразинъ является первымъ эмансипаторомъ изъ украинскихъ помѣщиковъ въ первую четверть прошлаго столѣтія. Реформы въ жизни обитателей села Кручика Василій Назаровичъ, какъ и слѣдовало ожидать, предпринялъ сразу и во всѣхъ отношеніяхъ. Въ первый же (1805) годъ своего пребыванія тамъ Каразинъ началъ улучшать матеріальное положеніе своихъ крестьянъ, урегулировавъ отношенія ихъ къ помѣщику, переведя крестьянскія повинности на болѣе точный денежный счетъ рабочаго дня и признавъ ихъ право соб-

[1]) См. Кіевск. Стар. № 2.

ственности. Такимъ образомъ, онъ началъ образовывать «гражданъ» изъ своихъ крестьянъ; онъ далъ имъ право самоуправленія, право голоса въ ихъ дѣлахъ; такъ какъ человѣческая личность должна дополняться, по мнѣнію В. Н. Каразина, развитымъ умомъ и чувствами, то онъ открылъ школу для упражненія перваго съ малыхъ лѣтъ и хлопоталъ о бо́льшей независимости отъ прихожанъ *нравственнаго* воспитателя крестьянъ—священника, миссію котораго на упомянутомъ поприщѣ ставилъ очень высоко. Эти и другія мѣры, о которыхъ мы еще упомянемъ, клонились къ одной основной цѣли Василія Назаровича, той идеѣ, которую нѣкогда Каразинъ развивалъ императору Александру I въ его кабинетѣ—о постепенномъ приготовленіи крестьянства къ освобожденію отъ крѣпостной зависимости [1]).

Въ то время вопросъ объ освобожденіи крестьянъ былъ сильно затронутъ государемъ, и только его нерѣшительность, боязнь сильной оппозиціи этому начинанію, а также волненія крестьянъ, которыми спокonъ вѣка стращали правительство крѣпостники, тормазили, а вскорѣ и совсѣмъ остановили дѣло. На дѣлѣ сочувствіе Александра угнетенному сословію выразилось въ немногихъ несущественныхъ мѣропрі́ятіяхъ и, къ тому же, какъ полу-мѣрахъ, плохо прививавшихся. Изданъ только указъ о непринятіи объявленій для напечатанія въ вѣдомостяхъ относительно продажи людей безъ земли (*только изданъ—запретить* продажу людей безъ земли побоялись); о прекращеніи раздачи *въ собственность* населенныхъ имѣній (это послѣ царствованія императрицы Екатерины II, когда изъ 6 милліоновъ казенныхъ крестьянъ осталось ихъ 600 тысячъ), но, въ видѣ *наслѣдственныхъ арендъ* ихъ продолжали раздавать; объ учрежденіи «свободныхъ хлѣбопашцевъ», въ которыхъ помѣщики могли переводить своихъ крестьянъ, буде пожелаютъ (пожелали 160 помѣщиковъ, взыскавшіе при этомъ съ освобожденныхъ крестьянъ—45,153 души—въ среднемъ по 396 рублей съ души), и еще нѣсколько малозначительныхъ мѣръ. «Среди всѣхъ предпринятыхъ императоромъ Александромъ административныхъ преобразованій не было также позабыто и крестьянское дѣло, говоритъ Н. Шильдеръ. Государь не ограничился однимъ запрещеніемъ дѣлать объявленія о продажѣ крестьянъ безъ земли и совершеннымъ прекращеніемъ раздачи населенныхъ земель въ собственность частнымъ лицамъ; онъ желалъ сдѣлать въ пользу этого сословія нѣчто бо́льшее. Поэтому крестьянскій вопросъ обсуждался не-

[1]) См. статья О. Николая Лащенко «Харьк. Сборникъ» 1887 стр. 59.

однократно въ негласномъ комитетѣ; но государь относился къ этому вопросу крайне боязливо и склонялся къ мнѣнію лицъ, предлагавшихъ принимать мѣры къ улучшенію быта крестьянъ такимъ образомъ, чтобы не раздражать помѣщиковъ и не волновать крестьянъ... Непрерывный рядъ внѣшнихъ войнъ похоронилъ крестьянскій вопросъ; къ тому же и императоръ Александръ не допускалъ въ дѣлѣ освобожденія проявленія частной иніціативы, считая его своимъ личнымъ дѣломъ. Поэтому въ его царствованіе крестьянскій вопросъ не пошелъ далѣе смутныхъ филантропическихъ стремленій и разсужденій, оставшись безъ всякихъ практическихъ послѣдствій» [1]). Крестьянскій вопросъ былъ рѣшенъ, добавимъ, въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ частныхъ лицъ (см. А. Н. Пыпинъ «Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I» Спб. 1900 г. 399), изъ которыхъ однимъ былъ Василій Назаровичъ Каразинъ.

В. Н. Каразинъ, какъ мы упомянули, развивалъ въ селѣ Кручикѣ идею объ освобожденіи крестьянъ и развивалъ ее до конца. Цѣлью его реформъ была независимость крестьянъ, средствомъ—признаніе правъ крестьянъ, какъ младшихъ членовъ того же общества, къ которому принадлежатъ помѣщики, правъ, которыя вытекали изъ взгляда Василія Назаровича на крестьянъ, или какъ онъ называлъ ихъ—«поселянъ». Въ письмѣ къ сл.-укр. губернатору Ив Ив. Бахтину отъ 30 янв. 1810 г. Василій Назаровичъ говоритъ: «я избѣгаю имени «крестьянинъ», котораго мы по справедливости чуждаться должны, ибо оно есть наслѣдіе отъ татаръ, нѣкогда тирановъ нашихъ: это уничижительная печать, положенная ими на чело нашихъ предковъ: «христіанинъ» или «крестьянинъ» и рабъ значило у нихъ одно и тоже. Намъ ли увѣковѣчивать этотъ синонимъ» [2]). Давая права своимъ крестьянамъ, Вас. Наз., по его собственному признанію, не дѣлалъ ничего новаго, а старался итти параллельно «указаніямъ, которыя давно существуютъ или въ смыслѣ государственныхъ законовъ, или въ умоначертаніи народномъ» [3]); онъ полагалъ, что крѣпостное владѣніе, какъ оно существовало въ его время, есть не право помѣщиковъ, а злоупотребленіе, явившееся результатомъ «незаботливости державной власти» и «вкравшееся къ намъ изъ чуждой для насъ системы» [4]). Право надъ имуществомъ не должно рас-

---

[1]) Н. Шильдеръ «Императоръ Александръ I», томъ II, стр. 109—110, стр. 111.

[2]) «Русская Старина» 1871 г., т. 3, 341 стр.

[3]) «Русская Старина» 1871 г., т. 3, 341.

[4]) Записки 1820-го года.

пространяться на личность; люди—не собственность; поэтому крестьяне обязаны помѣщикамъ по-стольку, по-скольку они пользуются его собственностью, землей, скотомъ, постройками и проч., что́, въ свою очередь, можетъ свободно сдѣлаться ихъ полной собственностью, коль скоро соразмѣрная сумма денегъ будетъ выплачена владѣльцу-помѣщику. По отношенію къ крестьянамъ и государству помѣщикъ долженъ быть «генералъ-губернаторомъ въ маломъ видѣ».

Исходя изъ такихъ положеній, Василій Назаровичъ, чтобы опредѣлить повинности своихъ крестьянъ, въ 1805-мъ году собралъ ихъ въ Кручикѣ вмѣстѣ, съ крестьянами сосѣднихъ имѣній, и на общемъ сходѣ была опредѣлена средняя цѣна рабочаго дня (30 к. на харчахъ работника), десятины пахатной и сѣнокосной земли (45 и 40 р.—150 и $133^1/_3$ дня), матеріала, использованнаго крестьяниномъ на домъ, дворъ и всю усадьбу (100 руб.— $333^1/_3$ дней работы), кубической сажени дровъ (3 рубля—10 дней работы), цѣну ежегодныхъ потребностей разнаго рода на земледѣльческія орудія и ремонтъ построекъ поселянина вообще (3 р.— 10 дней работы). За единицу платы помѣщику были приняты не деньги или хлѣбъ, какъ это по большей части дѣлалось, а рабочій день, цѣна котораго была гораздо устойчивѣе и не столько зависѣла отъ постороннихъ для жителей села вліяній[1]). Съ 1805 года В. Н. Каразинъ раздавалъ крестьянамъ на душу мужскаго пола[2]) по $7^1/_2$ десятинъ пахатной, $^1/_2$ десятины усадебной и 1 десятину сѣнокосной земли, всего 9 десятинъ земли; 4 куб. сажени дровъ въ годъ изъ лѣсовъ помѣщичьихъ; кромѣ того, полагалось устройство и ремонтъ помѣщикомъ—дома, двора и земледѣльческихъ орудій крестьянина; по выработанной расцѣнкѣ крестьяне должны были вносить оброкъ помѣщику—6 процентовъ съ капитала, представляемаго землею и постройками крестьянина (процентъ законный въ то время), а также цѣнность ежегодно получаемыхъ дровъ и матеріала для ремонта, что въ общей суммѣ составляло 45 рублей въ годъ или цѣну 150 рабочихъ дней. Послѣдняя цифра двороваго оброка принималась за неизмѣнную, тогда какъ денежное опредѣленіе оброка должно было измѣняться соотвѣтственно измѣненію цѣнности рабочаго дня; опредѣленіе цѣнности раб. дня производилось по средней цѣнѣ его въ дан-

---

[1]) Какъ увидимъ, Вас. Назаров. Каразинъ въ 40-хъ годахъ пропагандировалъ на страницахъ «Харьковскихъ Губ. Вѣдомостей» идею о кадастрѣ, при оцѣнкѣ земли рабочими днями.

[2]) Отца семейства.

ной мѣстности, черезъ каждые пять лѣтъ [1]). Оброкъ вносился четыре раза въ годъ по 11 р. 25 к. каждый разъ. Для предупрежденія захватовъ, запашекъ крестьянъ другъ у друга, требовалось отъ нихъ засадить рядомъ «дико-растущихъ» деревьевъ границу своего земельнаго владѣнія, и за подписью помѣщика выдавался каждому кусокъ картона (цидулка), имѣющаго форму отведеннаго участка земли съ указаніемъ его расположенія, географическимъ дѣленіемъ по четыремъ сторонамъ свѣта и означеніемъ его принадлежности извѣстному владѣльцу. Земля каждаго крестьянина дѣлилась на три части по $2^1/_2$ десятины каждая (т. е. на правильные параллелограммы 120×50 кв. саж.), а основаніемъ дѣленія приняты были дороги, для удобства наблюденія за работой крестьянъ. На цидулкѣ было обозначено, что земля «дана такому-то, безповоротно и наслѣдственно на такихъ-то условіяхъ», т. е., что земля составляетъ собственность крестьянина при честномъ исполненіи съ его стороны упомянутыхъ условій. Черезъ десять лѣтъ житель Кручика могъ даже продать или заложить свой участокъ кому-нибудь изъ сосѣдей Кручика или ближайшей деревни, лишь бы интересы помѣщика, т. е. плата узаконенныхъ 6 процентовъ, были поставлены въ условіе продажи или залога. Допущеніе «отчужденія земли нельзя не признать слабою стороною плана Каразина; но вмѣстѣ съ тѣмъ надо замѣтить, что оно являлось реальнымъ признаніемъ правъ собственности крестьянъ на землю» [2]). Упомянутый способъ несенія повинностей не былъ обязателенъ для нежелающихъ его крестьянъ. Въ Кручикѣ практиковался еще прежній способъ собиранія оброка съ крестьянъ, которые въ такомъ случаѣ назывались «половинщиками». Ихъ оброкъ былъ натурой и дѣлился на двѣ части— лѣтнюю и зимнюю: лѣтняя взносилась за полученную землю (т. е. вмѣсто 24 рублей или 80 рабочихъ дней) и равнялась половинѣ чистой прибыли съ обработки полей; счетъ основывался на числѣ копенъ при уборкѣ и на среднемъ вымолотѣ, а привозъ зерна долженъ быть произведенъ въ три срока: въ ноябрѣ, январѣ и мартѣ. Половинщики располагали, какъ полные хозяева, своимъ временемъ и вносили изъ собственныхъ заработковъ зимнюю повинность за избу, дрова и пр. (т. е., вмѣсто 21 рубля или 70 дней работы); кто не желалъ платить деньгами, могъ отработать деньги по вольному договору съ помѣщикомъ, работая въ качествѣ охотника за особую плату. Половинщики получали

---

[1]) «Отвѣтъ г-ну Оресту Миллеру» Фил. Вас. Каразина «Голосъ» 1871 г., № 38.

[2]) Абрамовъ, стр. 61. «В. Н. Каразинъ, его жизнь и общ. дѣят.».

отъ помѣщика половину сѣмянъ для посѣва; всякіе съ ними счеты велись по особымъ у каждаго имѣющимся книжкамъ. Замѣтимъ, что желающихъ пользоваться правомъ на послѣдній оброкъ, какъ менѣе опредѣленный, годъ отъ году становилось меньше и въ 1810 году почти никого не было.

Всю землю свою Василій Назаровичъ Каразинъ надѣялся передать указаннымъ образомъ въ руки крестьянъ и современемъ даже просить содѣйствія правительства въ обезпеченіи на такихъ же основаніяхъ землей своихъ разбогатѣвшихъ крестьянъ. (Тогда-то помѣщикъ вполнѣ долженъ былъ быть «генералъ-губернаторомъ» своихъ деревень). Покамѣстъ оставалась земля у Василія Назаровича, онъ обрабатывалъ ее при помощи нанимаемыхъ за особую плату своихъ крестьянъ. По мнѣнію В. Н. Каразина, «государственный порядокъ требовалъ, чтобы поселянинъ былъ земледѣльцемъ», и поэтому онъ не совсѣмъ сочувственно относился къ техническому, ремесленному образованію своихъ крестьянъ. «Не заграждая пути уму, расположенному къ искусствамъ и который одинъ можетъ приносить пользу» [1]), Каразинъ разрѣшалъ отдавать родителямъ дѣтей своихъ въ наученіе мастерству, но родители не могли тогда разсчитывать ни на какое «особливое пособіе». По совершеннолѣтіи ремесленникъ не получалъ, «какъ земледѣлецъ, земельнаго надѣла, по обязанъ былъ нести за него повинность такъ, что, пользуясь одной усадьбой, онъ несъ полный оброкъ въ 150 рабочихъ дней деньгами или цѣной работы. «Излишняя, повидимому, плата, состоящая въ цѣнѣ 80 дней, есть какъ бы *пеня за устраненіе отъ хлѣбопашества*»... «Хорошій мастеровой, думалъ Каразинъ, легко уплачиваетъ пеню; для плохого же, неуспѣвающаго выработать столько, она служитъ указаніемъ возвратиться въ состояніе родительское, и земля отводится ему, коль скоро онъ этого потребуетъ». Если хорошій ремесленникъ, уплачивающій сполна оброкъ, пожелалъ бы продолжать работать внѣ села, повинности его еще болѣе увеличиваются: онъ лишается и данной ему усадьбы, но продолжаетъ нести и за нее повинности. Слѣдовательно, за занятіе ремеслами налагался своего рода штрафъ.

Остается намъ коснутся еще одного типа кручанскихъ жителей—дворовыхъ людей. Василій Назаровичъ не хотѣлъ, чтобы при домѣ служили по принужденію люди, способные воздѣлывать землю и приносить, так., обр., гораздо больше пользы обществу. Онъ поощрялъ переходить свою дворню въ землепашцевъ, а слугъ

---

1) «Русская Старина». 1871 г., т. 3, стр. 347.

въ домъ набиралъ по вольному найму, или бралъ дѣтей у тѣхъ родителей, которые не могли за большимъ числомъ дѣтей прокормить и воспитать ихъ.

Слѣдить за исполненіемъ обязанностей крестьянъ по отношенію къ помѣщику и другъ-другъ лежало въ кругу дѣятельности «сельской думы» и «сельской полиціи», дѣйствовавшихъ совмѣстно. Сельскую думу В. Н. Каразинъ учредилъ въ своемъ Кручикѣ еще въ 1793 г., когда ему было только 19 лѣтъ; крестьянскій вопросъ уже тогда сильно интересовалъ его. Дума была учреждена по образцу городскихъ; состояла изъ двухъ стариковъ, выбранныхъ самими крестьянами, и самаго Каразина, въ качествѣ предсѣдателя. Былъ писарь, записывавшій ходъ засѣданій, суммы денегъ для общественныхъ нуждъ и нѣкоторыя правила учрежденія. Отлучки по дѣламъ службы, жизнь въ Петербургѣ—лишили Вас. Наз. возможности усовершенствовать свое учрежденіе, которое онъ заново принялся реформировать тотчасъ послѣ отставки въ 1804 году. Новая сельская дума существовала съ 1805 года на слѣдующихъ положеніяхъ: она имѣла для своихъ занятій отдѣльное зданіе, расположенное посреди села (прежде домъ отца Василія Назаровича), напротивъ церкви и барскаго дома, немного влѣво отъ колокольни. Составъ думы былъ изъ 6 членовъ: предсѣдателя—самого Каразина, старшаго выборнаго, который былъ въ то же время церковнымъ старостой, младшаго выборнаго или «благочиннаго», завѣдывавшаго одновременно сельскою полиціей, священника кручанской церкви Алексѣя Иванова, надзирателя должностей (отставной офицеръ, послѣ 35-тилѣтней службы жившій у В. Н. Каразина на покоѣ), представлявшаго изъ себя «прокурора», замѣнявшаго предсѣдателя въ его отсутствіе и въ томъ случаѣ, когда бы хотѣлъ судиться самъ Каразинъ (такъ какъ «истецъ и судья не могутъ быть въ одномъ лицѣ»), и письмоводителя изъ воспитанниковъ мѣстной школы. Этимъ лицамъ, кромѣ помѣщика и священника, должность которыхъ должна была оплачиваться общимъ уваженіемъ и «довѣренностью», полагалось жалованіе изъ общественной суммы (о которой скажемъ ниже); «надзиратель должностей», какъ тратившій весь свой досугъ на разборъ дѣлъ думы, получалъ и наибольшее жалованіе—120 руб. въ годъ (по оцѣнкѣ перваго пятилѣтія 400 дней работы): «старшій выборный»—42 р.» «младшій выборный»—60 руб. (200 дней), больше старшаго (140 дней), такъ какъ обязанность его, какъ завѣдывавшаго и полицейской частью, на пользу общества требовала больше заботъ и времени. Писарь получалъ опредѣленнаго жалованья 24 руб. въ годъ (80 дней работы), но кромѣ того имѣлъ право получать два процента съ денежныхъ договоровъ крестьянъ, имъ закрѣпляемыхъ. На обязанности писаря лежала,

между прочимъ, забота стараться помирить полюбовно тяжущихся до начала разбора дѣла, «предупреждая тѣмъ развитіе духа сутяжничества», и за это онъ имѣлъ право получать отъ помирившихся небольшіе подарки.

Засѣданія думы происходили по четвергамъ, разъ въ недѣлю. Рѣшенія думы производились по общимъ государственнымъ законамъ, а по дѣламъ крестьянъ, не имѣющимъ указанія въ законахъ («въ случаяхъ касающихся полиціи, нравовъ и проч.»), судъ производился согласно особымъ постановленіямъ, со ссылкой на нихъ всякій разъ въ книгахъ; уголовныя дѣла передавались разсмотрѣніе «верховному» правительству, какъ это предусмотрѣно закономъ.

Дѣлопроизводство думы вносилось точнѣйшимъ образомъ въ три для того приспособленныя книги. Въ одной записывались предметы обсужденія думы и рѣшенія ея, время производства дѣла и исполненія приговора; въ другую вносились условія, дѣлаемыя жителями села между собой и съ помѣщикомъ; тутъ утверждались и права крестьянъ на землю помѣщика по указаннымъ обязательствамъ; третья книга представляла собою какъ бы собраніе формулярныхъ списковъ крестьянъ; сюда заносились краткія характеристики всѣхъ дѣлъ сельской думы, родъ вины судившихся, за который они несли наказанія. Книга эта велась въ интересахъ сельской полиціи, которая при помощи ея могла оріентироваться въ своихъ дѣйствіяхъ по отношенію къ крестьянамъ. Существовали еще двѣ книги, хранившіяся въ зданіи думы—это счетныя книги общественной суммы. Всѣми дѣйствіями думы долженъ руководить принципъ законности; самому Каразину далеко не была предоставлена неограниченная власть; онъ имѣлъ въ сельской думѣ права губернатора въ губернскомъ правленіи, и, въ случаѣ нарушенія имъ какого-либо закона въ производствѣ дѣла или пристрастнаго рѣшенія, дума чрезъ посредство своего прокурора—надзирателя должностей—имѣла право аппеллировать въ высшую губернскую инстанцію, губернатору или губернскому предводителю дворянства.

На обязанности думы лежали, главнымъ образомъ, не «механическія» распоряженія, а нравственное воздѣйствіе; этой цѣли служилъ между прочимъ священникъ, принимавшій участіе въ засѣданіяхъ думы. «Приходскій нашъ священникъ А. Ивановъ,—писалъ В. Н. Каразинъ харьковскому епископу Христофору Сулимѣ, испрашивая законнаго разрѣшенія на присутствіе священника при разборѣ думскихъ дѣлъ.—нерѣдко съ нами присутствуетъ въ лицѣ миротворца, столько приличномъ почтенному ему зва-

нію» [1]). Власть думы была «нелицепріятная, неумолимая»; «по сей причинѣ не отринуто (въ уставѣ думы) тѣлесное наказаніе. «Дѣти и народъ, который едва ли не повсюду въ состояніи же дѣтей по разуму не развитому въ однихъ лѣтами, а въ другомъ образованіемъ, не могутъ быть закономъ освобождены отъ такого наказанія». Наказанію было положено извѣстное ограниченіе: «оно должно имѣть мѣсто тамъ, гдѣ стыдъ не дѣйствуетъ еще, и опредѣляется съ крайнею бережливостью и постепенностью». Наказаніе допущено только лозою, а не палкою. По уставу можно было давать отъ 3 до 20 ударовъ за проступки, представлявшіе явное противодѣйствіе установленному порядку или злоупотребленіе властью (непослушаніе начальству, нарушеніе довѣрія, взятки при исполненіи порученія, кражу, драку въ обществѣ, неуваженіе къ старшимъ родственникамъ, и къ дѣламъ касающимся религіи). Три удара могъ нанести благочинный, отецъ семейства въ кругу своей семьи, безъ суда, непосредственно за поступкомъ; на 10 и свыше ударовъ требовался приговоръ думы. Когда наказанія думы не дѣйствовали на судившагося, онъ отдавался на руки помѣщику, который удалялъ его изъ села или отдавалъ въ солдаты, или, если онъ не подходилъ подъ условія пріема рекрутъ, помѣщикъ пользовался правомъ продать его («это единственный случай, въ которомъ подобное право можетъ быть употреблено»). Вырученныя деньги отъ продажи или рекрутская квитанція поступаютъ въ пользу крестьянскаго общества, вознаграждая его тѣмъ за лишеніе одного члена. Тѣлесныя наказанія, все-таки, были явленіемъ исключительнымъ; преимущественно наказанія налагались деньгами (пеня) или работой на общество.

Таковъ уставъ Кручанской сельской думы, въ дѣлопроизводствѣ которой В. Н. Каразинъ принималъ непосредственное и особенно дѣятельное участіе; кромѣ этого устава, имъ же былъ составленъ временный уставъ сельца Анашкина съ деревнями» [2]),

---

[1]) Просьба Каразина была уважена:... «представляю собственной вашей волѣ приглашать его (священника) къ сему похвальному занятію; прошу только напоминать ему, чтобы онъ между тѣмъ не дѣлалъ упущенія въ обязанностяхъ священнической должности», отвѣчалъ архіерей Христофоръ письмомъ отъ 1 февр. 1806 года. (Харьк. Сборникъ, 1887, 60).

[2]) «Украинскій Вѣстникъ», 1818 г., май, IV; смѣсь: стр. 231—242.

Этотъ уставъ былъ изданъ въ 1819 году отдѣльной брошюрой подъ названіемъ „Опытъ сельскаго устава для помѣщичьяго имѣ-

полученнаго имъ въ приданое за женой и находившагося въ звенигородскомъ уѣздѣ Московской губерніи [1]). Этотъ уставъ былъ почти сходенъ въ существенныхъ частяхъ съ вышеописаннымъ и представляетъ интересъ только для болѣе точной характеристики взглядовъ В. Н. Каразина на идеальное управленіе помѣщиковъ крестьянами, такъ какъ изложенъ по пунктамъ (21 §), а не въ формѣ разсказа, какъ Кручанскій. Отличіе отъ устава Кручика заключалось въ томъ, что тамъ допускались мірскія сходки «изъ отцовъ семействъ не обезславленныхъ явно» (статья 5) для выбора должностныхъ лицъ думы; выборы происходили по числу голосовъ при помощи маленькихъ жеребейковъ изъ бѣлыхъ и черныхъ прутиковъ. Составъ думы тотъ же; тѣлесныя наказанія достигали до 70 ударовъ, причемъ количество ударовъ ставилось въ зависимость отъ многократности преступленія; за каждый повторенный проступокъ сверхъ указаннаго числа ударовъ прибавлялось 5, 10 15 и т. д. ударовъ. Власти имѣли право безъ суда на 9 ударовъ (§ 12); власть старосты совершенно не ограничена; его голосъ рѣшителенъ во всѣхъ случаяхъ; онъ отвѣчаетъ за свои дѣйствія лишь помѣщику. Авторитетъ старосты въ Анашкинѣ объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что самъ Каразинъ жилъ въ Кручикѣ и лишь изрѣдка наѣзжалъ въ московскую деревню [2]). Въ 17 § говорится, что въ случаяхъ особенно затруднительныхъ дума сносится съ господиномъ, который отсутствуетъ [3]). Мы не находимъ совсѣмъ

нія, состоящаго на оброкѣ", пополненный предисловіемъ и примѣчаніями, которыя не были напечатаны вмѣстѣ съ „Временнымъ уставомъ"... въ „Укр. Вѣстн.» 1818 г. (стр. 231—242), кн. 5. Цѣль отдѣльнаго изданія устава была побудить русскихъ помѣщиковъ къ полезному подражанію (В. Н. Каразину, который всегда старался пропагандировать свои предпріятія); цензурный комитетъ, разсматривавшій упомянутую брошюру, получилъ замѣчаніе за разрѣшеніе напечатать ее („Рус. Стар. 1901 г., янв. 244, Письмо В. Н. Каразина въ С.-Петербургскую цензуру отъ 29 окт. 1819 г.)

[1]) Согласно копіи съ формулярн. списка В. Н. Каразина 1830 г. «въ сельцѣ Онашкинѣ» числилось 240 душъ крестьянъ на 2000 десятинъ земли.

[2]) Вспомнимъ и идею его о необходимости монархическаго начала въ жизни людей.

[3]) Вотъ полный „Временный уставъ сельца Анашкина съ деревнями: уставъ для крестьянъ оброчныхъ въ отличіе кручанскаго „для поселянъ разнаго званія" Василія Назаровича Каразина: 1) „съ поселянъ прежде всего взыскивается, чтобъ они были христіане и

извѣстій о непосредственномъ управленіи и даже пребываніи Василія Назаровича Каразина въ Анашкинѣ до 1830-ыхъ годовъ; вѣроятно, личное участіе его въ жизни этого села было невелико.

вѣрные подданные царя своего не по имени только, но *самымъ дѣломъ:* т. е., исполняли бы все то, что законы Божій и царскій предписываютъ, любили бы ближнихъ своихъ, удалялись отъ всякой вражды и неправды, почитали всякое высшею властію установленное начальство и взносили безнедоимочно установленныя подати". 2) Староста и два помощника составляли сельскую думу. 3) Жалоба на выборныхъ—въ думу, на старосту—помѣщику. 4) Дума собирается по субботамъ; въ исключительныхъ случаяхъ мірская сходка подъ предсѣдательствомъ священника; 5) сходка съ письменнаго разрѣшенія помѣщика или послѣ оповѣщенія думы; на сходкѣ лишь лучшіе отцы семействъ. 6) Ежемѣсячно отчетъ о дѣйствіяхъ думы составляется писаремъ и за подписями думцевъ отсылается помѣщику. 7) Староста имѣетъ въ сельской думѣ *рѣшительный* голосъ, т. е., его мнѣніе исполняется, хотя бы и оба выборные не согласны; мнѣнія ихъ, впрочемъ, записываются. 8) Въ дѣлѣ собиранія податей дума пользуется неограниченною властью. 9) Сборы: а) подать, б) содержаніе полицейск. повинн., в) содержаніе сельской думы, г) взносъ долга въ общую сумму, д) оброкъ помѣщику. Все въ приходо-расходной книгѣ. 10) Раскладка податей думою «помня *правду Божію и любовь къ ближнему* производится». 11) Дума заботится, чтобы поселяне были «благочестивые и честные люди». 12) Тѣлесныя наказанія (лозою; несовершеннолѣтнихъ—розгами), «только за непокорство и лживый поступокъ предъ начальствомъ» отъ 1 до 70 ударовъ (послѣднее въ рѣдкихъ случаяхъ); за каждый вновь сдѣланный проступокъ прибавлялось 5 или 10 ударовъ. Члены думы въ правѣ безъ приговора думы дать 1—9 ударовъ. 13) Кража вознаграждается въ 10 разъ: 5 частей идетъ въ общую сумму, 3—владѣльцу, 2—доносчику. Если украдено у общества или начальства, то сверхъ пени тѣлесное наказаніе, соотвѣтствующее винѣ. 14) Послабленія со стороны думы—не должно быть. 15) Къ старостѣ—уваженіе, въ противномъ случаѣ—наказаніе. 16) Староста дѣйствуетъ, на основаніи законной довѣренности, самостоятельно. Довѣренность по выходѣ старосты отбирается. 17) Въ затруднительныхъ случаяхъ дума относится къ господину; мірскія сходки рѣдко: 1—2 раза въ годъ. 18) Разсужденіе на сходкѣ начинають по предложенію священника или старосты. Срокъ совѣщанія—два часа; черными и бѣлыми прутиками рѣшеніе по большинству голосовъ. 19) Помѣщикъ платилъ въ общую сумму 500 р. ежегодно, съ обязательствомъ думы устроить оспоприививаніе, надзирать за больными и содержать школу. 20) Общая сумма на прежнемъ положеніи (какъ въ Круч.). 21) Строго блюдется неприкосновенность личности и имущества крестьянъ, дозволяется увольненіе изъ общества (какъ въ Кручикѣ). Сборы лишь законные.

Въ частности, кромѣ судопроизводства, въ сферѣ обязанностей сельской думы былъ надзоръ за благоустройствомъ села; для этого учреждена сельская полиція съ «благочиннымъ» во главѣ, который засѣдалъ въ сельской думѣ. Дума же наблюдала за правильнымъ ходомъ рекрутской повинности въ селѣ, дѣйствуя всегда вмѣстѣ съ полиціей, за правильнымъ сборомъ податей, вела счеты «общественной суммы», книги которой хранились въ зданіи думы, надзирала за опекой и наслѣдствами, заботилась объ образованіи односельчанъ.

Организація полиціи была слѣдующая: благочинный стоялъ во главѣ внутренней полиціи села и, завися отъ думы, въ то же время сносился съ уѣздной полиціей; онъ принималъ отъ нея предписанія для исполненія того или другого требованія. Распоряженія, которыя должны быть вѣдомы всему селу, оповѣщалъ благочинный черезъ десятниковъ. Все село было разбито на участки, называвшіеся 1-мъ, 2-мъ, 3-мъ и т. д. десяткомъ: каждый десятокъ состоялъ приблизительно изъ 10 дворовъ. Всякій домохозяинъ отвѣчалъ по очереди, въ теченіе трехъ дней, за порядокъ въ своемъ десяткѣ, и ежедневно вечеромъ рапортовалъ благочинному о состояніи своего участка. Во время исполненія полицейскихъ обязанностей, крестьянинъ пользовался нѣкоторой властью, нужной для исполненія порученій благочиннаго, а въ исключительныхъ случаяхъ, требовавшихъ немедленныхъ мѣропріятій, правомъ самостоятельныхъ распоряженій, о коихъ обязанъ былъ только извѣстить своего начальника.

Рекрутская повинность, до изданія устава объ общей воинской повинности, ложилась страшнымъ бременемъ на народъ. Тягость ея еще усиливалась при крѣпостномъ правѣ еще тѣми злоупотребленіями, которыми сопровождалась сдача въ рекруты. Достаточно вспомнить о торговлѣ людьми для сдачи въ рекруты и сдачи крѣпостныхъ въ видѣ наказанія по прихоти помѣщиковъ, узаконенной еще Екатериной II-ой въ 1787 г. Каразинъ, чтобы облегчить отбываніе этой тяжелой повинности для своихъ крестьянъ, установилъ законный порядокъ отбыванія сельскимъ обществомъ рекрутской повинности. По полученіи требованія извѣстнаго числа рекрутъ, благочинный извѣщалъ о томъ черезъ десятниковъ односельчанъ, а дума составляла списокъ всѣхъ крестьянъ въ возрастѣ отъ 19 до 29 лѣтъ. Эта норма лѣтъ считалась подходящей для того, чтобы послѣ службы сильный еще крестьянинъ могъ снова обзавестись хозяйствомъ. На этихъ крестьянъ разлагалась цѣна рекрута, которая, вмѣстѣ съ расходами по сдачѣ и содержанію рекрута, опредѣлена была разъ навсегда стоимостью 2000 рабочихъ дней или 600 руб. по расцѣнкѣ рабочаго дня въ первое пятилѣтіе учрежденій Кручика. Раскладка

дѣлалась неравномѣрно, соображаясь съ ростомъ, лѣтами, семействомъ и достатками крестьянина. Въ 1810 г. сборъ этотъ колебался между 2 и 20 рублями. Лица указаннаго возраста, по по своимъ тѣлеснымъ недостаткамъ не удовлетворявшія требованіямъ военной службы, не освобождались совершенно отъ несенія повинностей; они обязаны были внести цѣну 10 рабочихъ дней (около 3 руб.), «ибо наборъ есть повинность общественная, въ которой неминуемо должно всякому участвовать, если не лицомъ своимъ, то по крайней мѣрѣ вспоможеніемъ» [1]). Тѣ, кто подходилъ по росту, здоровью къ установленнымъ требованіямъ, могъ или внести причитающуюся на него долю платежа, или явиться къ вынутію жребія. Жребіи вынимались въ думѣ, послѣ чего по старшинству номеровъ вынувшіе жребій представлялись на заключеніе рекрутскаго присутствія, которое дѣлало послѣднюю сортировку людямъ; негодящіеся въ военную службу или излишекъ людей, когда комплектъ по призыву былъ удовлетворенъ, водворялись на мѣсто жительства. Въ случаѣ внесенія паевъ всѣми призванными къ набору, дума предоставляла себѣ право раздать призывные номера по своему усмотрѣнію, согласуясь съ выгодами и невыгодами общества отъ удаленія его членовъ. Въ послѣднемъ случаѣ паи призванныхъ возвращались.

Изъ паевъ, внесенныхъ уклонившимися отъ военной службы, и денегъ негодящихся въ службу, составлялся капиталъ для облегченія призваннымъ крестьянамъ тягостей служенія, такъ что косвеннымъ путемъ, дѣйствительно, всѣ несли военную службу. Изъ денегъ, собранныхъ такимъ путемъ, уплачивались расходы по доставкѣ рекрутъ, снабженію ихъ бѣльемъ и одеждою, уплачивались «рекрутскія деньги» и долги взятыхъ въ рекруты; оставшаяся сумма хранилась въ общественной кассѣ, откуда въ видѣ поощренія и награды за службу «вѣрѣ и отечеству» взятый въ рекруты получалъ 6% съ этой суммы всякій разъ, какъ извѣщалъ о своемъ мѣстонахожденіи и присылалъ аттестатъ отъ начальства роты, въ которой служитъ, въ безупречности исполненія своихъ обязанностей. Когда же взятый въ рекруты, окончивъ службу, возвращался домой или водворялся въ гарнизонъ, хранившаяся и причитавшаяся на его содержаніе сумма выдавалась полностью ему на руки. Если отставной солдатъ пожелалъ бы продолжать жизнь на родинѣ въ с. Кручикѣ, занимаясь земледѣліемъ, онъ немедленно получалъ отъ кручанской думы дворовое мѣсто, а отъ по-

---

[1]) «Практическое защищеніе противъ иностранцевъ о существующей въ Россіи подчиненности поселянъ ихъ помѣщикамъ». «Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Рос.» 1861 г., т. 3, стр. 162.

мѣщика, какъ тягловой крестьянинъ, $8^1/_2$ десят. земли, причемъ поземельныхъ и другихъ повинностей онъ, какъ «послужившій за вѣру и отечество», не несъ. Такимъ образомъ, благодаря заведенному Каразинымъ порядку, исчезалъ произволъ въ сдачѣ людей въ рекруты; взятые на службу имѣли постоянное денежное пособіе при нахожденіи на службѣ, а при выслугѣ избавлялись отъ того ужаснаго безпомощнаго положенія, въ которомъ оказывались отставные солдаты до введенія новаго устава о воинской повинности. Въ случаѣ десятилѣтней неизвѣстности о рекрутѣ или смерти его, «капиталъ его возвращается въ пользу общества, которое его составило», т. е., причисляется уже къ общественной суммѣ. Заботясь объ интересахъ непосредственно несшихъ военную службу, Вас. Наз. обращалъ вниманіе и на безвыходное положеніе семей, оставленныхъ своими кормильцами. Каразинъ старался не отдавать въ рекруты крестьянъ съ большимъ семействомъ, а если почему-либо этого нельзя было избѣгнуть и въ семьѣ еще не было сильнаго работника, способнаго поддерживать ее, жена и дѣти отданнаго «переходили въ состояніе сиротъ», забота о которыхъ входила въ кругъ обязанностей общины.

Крестьянскія опеки представляютъ до сихъ поръ жгучій вопросъ деревенской жизни. И въ настоящее время опека надъ крестьянскими дѣтьми поставлена до того неудовлетворительно, что сплошь и рядомъ служитъ къ полному разоренію сиротъ и необходимости имъ питаться отъ «міра». Въ прежнее время не было вовсе никакого опредѣленнаго попеченія объ имуществѣ сиротъ. Въ виду этого Каразинъ рѣшилъ помочь бѣдственному положенію лишенныхъ хозяина семей и установилъ въ такихъ случаяхъ слѣдующій порядокъ. Земельный надѣлъ отдавался по смерти отца назначенному имъ или думой сыну. Остальные сыновья получали надѣлы отъ помѣщика, но, повинностей, до совершеннолѣтія и возможности самимъ обрабатывать землю, не несли. Отрѣзанные участки малолѣтнихъ поступали до поры до времени подъ опеку, избранному отъ думы и пожелавшему того, крестьянину, который обязывался заботиться о приращеніи имущества опекаемаго и получалъ десятую долю собираемаго съ полей дохода. Опекунъ имѣлъ право и самъ обрабатывать землю сиротъ, при чемъ несъ поземельныя повинности за вычетомъ 10% слѣдующихъ ему за заботы. Послѣднимъ облегченіемъ Каразинъ имѣлъ въ виду привлечь крестьянъ предпочитать обработку сиротской земли помѣщичьей, развивая въ нихъ такимъ образомъ духъ общественности. Если не находилось крестьянъ, желавшихъ принять на себя заботу о сиротахъ, Каразинъ самъ обрабатывалъ при помощи наемныхъ людей сиротскія земли. Деньги, собира-

емыя тѣмъ или другимъ способомъ, за вычетомъ стоимости содержанія опекаемаго (которое почти ничего не составляло, такъ какъ «въ деревнѣ начиная съ пяти лѣтъ снискиваютъ уже себѣ собственнымъ трудомъ пропитаніе»), вносятся въ общественную кассу. Дума вела счетъ этимъ деньгамъ, отдавала ихъ въ ростъ съ «преимущественными процентами», а по совершеннолѣтіи хозяина выдавала ему весь накопленный капиталъ, достигавшій нерѣдко до 300 р., на обзаведеніе. Особенно интересно отношеніе Каразина къ сиротамъ женщинамъ.

Матерей сиротъ опекунъ содержалъ на счетъ всѣхъ ихъ до совершеннолѣтія сына, получающаго отцовское наслѣдство, оставляя въ ея распоряженіи полученное за собственный трудъ. Если послѣ умершаго крестьянина остались одни дочери, то одна изъ нихъ, или вдова, получала отцовскіе или мужнины участки. Остальныя дочери отдавались по усмотрѣнію думы въ науку какому-нибудь ремеслу или получали на одинаковыхъ основаніяхъ съ сиротами—мужчинами надѣлы, за которые также не несутъ повинностей до совершеннолѣтія или выхода замужъ. Въ послѣднихъ случаяхъ повинности женщинъ составляли *половину* повинностей мужчинъ за землю. Вдова несла тоже половинную долю платежа за участки мужа. Въ случаѣ перехода земли въ руки мужчинъ, повинности достигали обыкновенныхъ размѣровъ. Когда вдова или дѣвушка-сирота выходила замужъ не за жителя Кручика, онѣ теряли право пользоваться и кручанской землею [1]), но по добровольному условію могли уступить землю помѣщику или прежнему односельчанину. Плата за вывозъ невѣстъ изъ села, практиковавшаяся въ то время, была отмѣнена: сосѣдніе казенные и помѣщичьи крестьяне имѣли право свободно жениться на жительницахъ Кручика, и родители невѣсты обязаны были только извѣ-

---

[1]) Въ экземплярѣ устава объ устройствѣ крестьянъ въ Кручикѣ, напечатанномъ въ Рус. Старинѣ 1871 г., т. 3, послѣднее положеніе измѣнено: «Въ случаѣ выхода въ замужество вдовы, значится тамъ, или дѣвицы... въ другое селеніе... она съ мужемъ своимъ *властна* продолжать пользоваться ими съ тою же повинностью», и что только «дѣтямъ, прижитымъ съ иносельнымъ мужемъ, въ наслѣдство земли (изъ Кручика) оставить не можетъ», (стр. 357). Полагаемъ, что редакція этого сочиненія, напечатаннаго въ «Чтеніи» 1861 г., т. 3, подъ названіемъ: «Практическое защищеніе противъ иностранцевъ существующей нынѣ въ Россіи подчиненности поселянъ ихъ помѣщикамъ» и т. д.—вѣрнѣе, такъ какъ послѣдняя редакція несравненно полнѣе и, будучи нѣсколько разъ напечатана въ современно В. Н. Каразину издаваемыхъ журналахъ, не встрѣтила съ его стороны поправокъ.

стить думу, куда они выдають свою дочь. Такъ разумно заботился о благополучіи сиротъ, до и послѣ ихъ совершеннолѣтія, Каразинъ; онъ старался вселить упомянутыми мѣрами крестьянамъ «увѣренность въ собственности», которой не могло быть у тогдашнихъ забитыхъ крѣпостныхъ, «уважить слабость пола» и дать въ силу матеріальныхъ выгодъ «новыя побудительныя причины къ бракамъ»; чтобы пристроить, такимъ образомъ, одинокихъ сиротъ женщинъ [1]).

Сборъ подати въ Кручикѣ отличался оригинальнымъ характеромъ, сообщеннымъ ему Каразинымъ. Прежде сборъ государственныхъ повинностей съ крестьянъ производился подушно (еще со времени Петра Великаго 1722 г.), причемъ число душъ и количество взноса въ селѣ опредѣлялось производимыми чрезъ извѣстные промежутки времени ревизскими сказками. Конечно, если подобная раскладка повинностей и была удобна государству, она далеко не была въ интересахъ крестьянской семьи (которая могла до новой ревизской сказки значительно увеличиться или уменьшиться), такъ какъ могла лечь на нее иногда слишкомъ тяжелымъ бременемъ. Разорять крестьянъ не было и въ интересахъ помѣщиковъ, которые прибѣгали въ то время къ разнымъ способамъ болѣе равномѣрнаго расклада податей. Обыкновенно такія раскладки производились каждый годъ; подушный взносъ умершихъ или бѣжавшихъ крестьянъ налагался на новорожденныхъ, или равномѣрно увеличивался взносъ всѣхъ крестьянъ села. Иногда помѣщики раскладывали повинности по тягламъ или отчуждали кусокъ земли, который крестьяне обязаны были обрабатывать сверхъ барщины и доходами съ него уплачивались всѣ казенныя повинности. Каразинъ практиковалъ такой порядокъ сбора податей въ казну. Главной его задачей было—*равномѣрные взносы поселянъ, сообразно съ трудоспособностью каждаго.* Для достиженія этой цѣли съ 1800 г. въ с. Кручикѣ мѣрою казенной повинности отъ каждой души мужскаго пола была принята цѣна *четырехъ* рабочихъ дней въ годъ (по расцѣнкѣ 1805—1810 г.— 1 р. 20 к.). Такъ какъ цѣна рабочаго дня колебалась, а требованіе узаконеннаго двухрублеваго взноса съ крестьянина, предъявляемое помѣщику со стороны правительства, оставалось неизмѣнной цифрой, то Василій Назаровичъ недостающую сумму вноситъ изъ своихъ средствъ, ибо помѣщикъ, по мнѣнію Каразина, обязанъ заботиться о благѣ *ввѣренныхъ* ему поселянъ, помогать имъ, а не быть простымъ зрителемъ собиранія съ нихъ податей. Подать вносилась крестьянами только съ 20-тилѣтняго возраста.

---

[1]) «Чтенія» 1861. г. т. III. Смѣсь, стр. 165.

За это время крестьянинъ, такъ сказать, должалъ государству ежегодно цѣну четырехъ рабочихъ дней, что составляло за весь 20-тилѣтній промежутокъ 44 рубля [1]). Эти деньги вмѣстѣ съ наросшими на нихъ процентами долга, вплоть до погашенія, крестьянинъ обязанъ былъ вносить въ теченіе слѣдующихъ 20 лѣтъ, т. е. до 40-лѣтняго возраста; такимъ образомъ, ежегодная сумма взноса съ шестью годовыми процентами и приложеніемъ текущей подати—1 р. 20 коп.—достигала до 5 р. 60 к. въ годъ [2]). Когда исполняется 40 лѣтъ крестьянину, онъ уже не песетъ недоимки и ограничивается взносомъ одной подати, что продолжается до 60 лѣтъ, когда крестьянинъ совсѣмъ свободенъ отъ повинности. Итогъ описанныхъ мѣропріятій выражался въ 1805—1810 гг. въ такихъ цифрахъ: по счету съ уѣзднымъ казначействомъ Каразинъ обязанъ былъ внести съ крестьянъ Кручика двухрублевой подати 612 рублей. Съ крестьянъ онъ получилъ (съ крѣпкихъ работниковъ считая по 5 р. 60 к. и съ 40-лѣтнихъ по 60-лѣтнихъ по 1 р. 20 к.) 558 р.; осталось доплатить изъ помѣщичьихъ доходовъ 54 рубля, «сумма малая, за которую благословенія добрыхъ людей моихъ съ излишествомъ меня вознаграждаютъ», говоритъ Василій Назаровичъ. Такимъ образомъ, Каразинъ, сообразовавъ платежъ повинностей съ естественными періодами человѣческой силы, заставилъ больше работать молодыхъ и крѣпкихъ крестьянъ, облегчивъ уже пожилыхъ и освободивъ отъ тяжелаго труда стариковъ, недоимки которыхъ пополнялъ своими добавочными взносами, благодаря чему и дѣти, у которыхъ доживали вѣкъ престарѣлые родители, не несли еще особой тяжести по внесенію за отцовъ податей. Приближеніе 20-тилѣтняго возраста, соединеннаго съ обязательствомъ вносить довольно крупную сумму каждый годъ (казенная повинность присоединялась къ арендной платѣ помѣщику, взносами въ общественную сумму) поощряла крестьянъ къ вступленію въ бракъ, для пріобрѣтенія себѣ помощниковъ въ лицѣ жены и дѣтей, не требующихъ за себя взноса, но могущихъ принесть пользу семьѣ еще подростками, т. е. за нѣсколько лѣтъ до окончанія двойного платежа отца и до наступленія ихъ собственнаго.

Мы уже говорили, что Каразинъ смотрѣлъ на свой Кручикъ, какъ на государство въ маломъ видѣ; съ этой точки зрѣнія онъ

---

[1]) Расчисленіе суммы (съ процентами, вѣроятно) мы производимъ согласно расцѣнкѣ перваго пятилѣтія введенія въ Кручикѣ уставовъ. Такой расцѣнки придерживался, судя по «Практическому защищенію противъ иностранцевъ»..., самъ Вас. Наз. Каразинъ.

[2]) Сюда же входилъ и нѣкоторый процентъ на случай смерти крест[redacted]

опредѣлялъ свои отношенія къ крестьянамъ, какъ старшаго члена общества, отношенія крестьянъ другъ къ другу, ихъ обязанности, гражданскія права и проч. За предоставленныя льготы, право суда, полиціи, возможности образованія, медицинской помощи и др., крестьяне должны были нести еще повинность, налоги, можно сказать, внутренніе, сельскіе, въ отличіе отъ государственнаго, казеннаго взноса. Этотъ новый налогъ лежалъ уже не на лицахъ, какъ казенный, а на имуществѣ крестьянъ, данномъ имъ въ пользованіе, и помѣщика. За единицу взноса была принята сумма, получающаяся отъ дѣленія цѣны десятины земли на цѣну четырехъ рабочихъ дней. Этимъ пріемомъ регулировался устойчивѣе взносъ, такъ какъ въ зависимости отъ вздорожанія земли падала заработная плата, слѣдовательно, частное отъ дѣленія измѣнялось очень мало; въ тоже время крестьяне побуждались,—въ интересахъ большей продуктивности поля, размѣръ взноса за которое оставался почти одинаковымъ,—культивировать усерднѣе свои участки. Изъ взносовъ за имущество составлялась *общественная сумма*. Каждый крестьянинъ-хозяинъ платилъ 3 р. $33^1/_3$ коп. въ годъ [1]; Каразинъ, какъ членъ того же сельскаго общества и пользовавшійся доходами съ тѣхъ же крестьянскихъ земель, несъ повинность равную взносамъ всѣхъ крестьянъ, т. е. *половину* общей въ годъ вносимой суммы. Помѣщикъ считался принадлежащимъ къ двумъ обществамъ: къ своему сельскому и другому «большому обществу»—государству, поэтому долженъ былъ удовлетворять требованіямъ обоихъ. Для этой цѣли сумма, вносимая Каразинымъ, дѣлилась на двѣ части: одна пополняла непосредственно капиталъ общественной суммы, другая служила для огражденія крестьянской общины отъ экстраординарныхъ государственныхъ налоговъ. Въ пользу общественной суммы шли добровольныя приношенія крестьянъ, также штрафы, присужденные думой, сборъ, установленный за отлучку изъ села, напр., ремесленниковъ, «для обузданія тѣхъ земледѣльцевъ, кои, по дурной привычкѣ къ промысламъ, среди самаго лѣта не оставляютъ оныхъ», сборъ двадцатаго улья съ пасѣчниковъ, производимый каждою осенью, и прочія повинности (не исключая и по-

---

[1]) По редакціи „Русс. Старины", за 1871 г., т. 3, стр. 362—363, сборъ этотъ равнялся цѣнѣ полутора рабочихъ дней съ десятины пашни и составлялъ всего посему цѣну 1500 рабочихъ дней; при такомъ разсчетѣ повинность въ пользу общественной суммы, считая 30 к. рабочій день, опредѣлялась въ 2 р. 25 к. съ крестьянина—владѣльца (дес. сѣнокоса и $^1/_2$ дес. усадьбы не считались), а не въ 3 р. $33^1/_3$ коп., какъ опредѣлилъ это Вас. Наз. въ „практич. защищеніи"...

мѣщика). Въ 1809-мъ году весь взносъ въ общественную сумму равнялся 1717 руб. съ копѣйками (включая казенныя повинности—478 р. 89 к.), а въ слѣдующемъ 1810 году одинъ поземельный сборъ достигъ 675 рублей [1]). Изъ общественной суммы покрывались общественные расходы: жалованіе священнику (250 рублей или цѣну 833⅓ дней работы), дьячку и пономарю (вмѣстѣ 100 р., или цѣну 333⅓ дней работы), расходы на ремонтъ церкви, жалованье членамъ думы и ея содержаніе, расходы на пожарныя средства и пути сообщенія (мосты, дороги), содержаніе сельской школы, аптеки, врача и фельдшера, наконецъ, награды лучшимъ земледѣльцамъ, изъ которыхъ одинъ получалъ цѣну 80 дней работы, а другой 20. Это награжденіе торжественно производилось по окончаніи жатвы въ храмовой праздникъ села, Воздвиженіе Креста (14 сент.), въ присутствіи Каразина, членовъ думы и почетныхъ поселянъ, тотчасъ послѣ церковной службы [2]). За покрытіемъ всѣхъ общественныхъ расходовъ получался остатокъ, служившій для образованія общественнаго капитала. Капиталъ этотъ служилъ для выдачи ссудъ крестьянамъ изъ 6% годовыхъ. Для той же цѣли служили, какъ объяснено выше, суммы, принадлежавшія сиротамъ и крестьянамъ, отданнымъ въ солдаты. Итакъ, назначеніе общественной суммы—помогать во-время бѣднымъ поселянамъ въ ихъ крайнихъ нуждахъ; таковъ былъ, по крайней мѣрѣ, взглядъ на это учрежденіе самого В. Н. Каразина; «вспоможеніе получаютъ только тѣ, которые имѣютъ въ немъ прямую нужду», писалъ онъ въ уставѣ [3]). «Намѣреніе мое, при установленіи записью моею 1805 г. постоянной церковной суммы, было то, чтобы изъ остатковъ ея вспомоществовать поселянамъ Кручика не инымъ, какъ только нужду имѣющимъ, и по малой части, а не тѣмъ, кои достаточнѣе и притомъ большими количествами, неоставляющими уже ничего для прочихъ дѣйствительно нуждающихся», говорилъ В. Н. Каразинъ въ письмѣ отъ 2 августа 1809 года къ протоіерею богодуховскаго собора Николаю Кременецкому [4]). Въ зависимости отъ взгляда на благотворительное назначеніе части общественной суммы, вся она называлась, отъ имени церкви, Крестовоздвиженской общественной суммой или, какъ часто называлъ ее В. Н. Каразинъ, церковной

---

[1]) „Чтенія“ 1861 г., т. 3, 155.

[2]) См. статью Каразина въ „Сынѣ Отечества“ за 1820 г. № 5 стр. 240 „Языческій праздникъ въ Европѣ“.

[3]) „Чтенія“ 1861 г., 3, 155.

[4]) О. Николай Лащенко. „Василій Назаровичъ Каразинъ какъ помѣщикъ с. Кручика“. „Харьковскій Сборникъ“ 1887 г., стр. 61.

суммой, и непосредственное распоряженіе ею предоставлялось представителю христіанской религіи—священнику, и старшему члену думы—церковному старостѣ [1]). Общественныя деньги хранились въ особомъ сундукѣ, находившемся въ сельскомъ училищѣ; этотъ сундукъ отпирался двумя ключами, изъ которыхъ одинъ хранился у помѣщика, а другой у священника, которые въ случаѣ необходимости прикладывали къ сундуку и свои печати («Харьк. Сборникъ» 54). Счетъ деньгамъ велся по двумъ книгамъ, хранившимся въ думѣ. Одна—книга приходовъ и необходимыхъ расходовъ общественной суммы, которую велъ думскій писарь [но деньги получалъ или отпускалъ при одномъ изъ выборныхъ]. Другая—«долговая»—содержала записи собственно благотворительныхъ денегъ, т. е. остатковъ отъ сборовъ, отдаваемыхъ въ ссуду бѣднякамъ. Правда, остатки эти не были особенно велики. Такъ, отъ 1808 по 1809 годъ перешло остатка всего 90 р. 46 коп. Въ 1807 году роздано было взаймы кручанскмъ поселянамъ 62 рубля; въ 1808 году—61 р. 50 к., но въ крестьянскомъ обиходѣ, да при тогдашней рѣдкости денегъ, такая помощь могла быть существенной [2]). Деньги выдавались по приговорамъ думы, основаннымъ на поручительствахъ [3]), причемъ срокъ займа не былъ опредѣленъ; онъ могъ простираться на годъ, два, три и болѣе. Заемъ одному лицу только въ рѣдкихъ случаяхъ допускался свыше 10 руб. Процентъ (съ 10 руб.—отъ 50 к. до 1 руб. въ годъ) взимался по взаимному соглашенію съ заемщикомъ и смотря по состоянію послѣдняго. Въ долговую книгу условія о займѣ вносились такимъ образомъ: въ первой ея графѣ обозначалось время выдачи займа—годъ, мѣсяцъ и число—во второй—фамилія лица, коему заняты деньги, срокъ займа и фамилія его поручителя, въ третьей отмѣчалось, сколько отъ кого получено изъ занятыхъ денегъ, сколько процентовъ и за какое истекшее время. Вотъ, напримѣръ, запись изъ долговой книги за 1806 годъ: «Сего августа 10-го мною, священникомъ А. Ивановымъ, и ктиторомъ Антономъ Зинченкомъ дано изъ церковной суммы взаймы кручанскому жителю Ивану Геценку пять рублей срокомъ на цѣлый годъ». Къ записи приложенъ поручительный

---

[1]) Надо замѣтить, что упомянутая церковная сумма была совершенно отдѣльна отъ суммъ собственно-церковныхъ, т. е. свѣчныхъ и кошельковыхъ. Эта сумма находилась исключительно въ вѣдѣніи епархіальнаго начальства. („Харьковскій Сборникъ"). Хотя счетъ имъ иногда велъ самъ В. Н. К-нъ.

[2]) «Харьковскій Сборникъ».

[3]) Уставъ, «Чтенія» 1861, т. 3, Смѣсь, стр. 155.

билетъ, предъявленный Геценкомъ священнику Иванову со слѣдующей надписью Каразина: «если церковная сумма позволяетъ сдѣлать подателю сего вспомоществованіе, то я могу быть за него порукой. Онъ поведенія самаго хорошаго. В. Каразинъ, апрѣля 14-го 1805 года. Билетъ данный Ивану Геценкѣ». Въ послѣдней графѣ такъ отмѣчено: «1809 года, августъ; сіи деньги взысканы съ подлежащимъ за три года процентомъ». Вотъ запись за 1807 годъ: «сего апрѣля 27-го мною, священникомъ А. Ивановымъ, и ктиторомъ Антономъ Зинченкомъ дано взаймы села Кручика жителю Іоакиму Зинченку изъ церковныхъ денегъ 10 руб. съ условіемъ за содержаніе черезъ два года уплатить процентовъ одинъ рубль». Въ послѣдней графѣ въ 1809 г. сдѣлана слѣдующая отмѣтка: «два года не уплочены деньги и проценты, коихъ въ наличности Зенченко не имѣетъ, обѣщаетъ взнесть по собраніи оныхъ». Нѣкоторыя записи велись очень коротко; такъ напримѣръ: «сего 1808 года, апрѣля 20-го дано кручинской вдовѣ Евдокіи Бороховичевой денегъ рубль пятьдесятъ копѣекъ». Въ послѣдней графѣ нѣтъ никакой помѣтки. Можно думать, что эти деньги выданы вдовѣ въ видѣ пожертвованія. Вотъ еще одна болѣе подробная запись за тотъ же годъ: «Сего іюня 10 дня дано мною, священникомъ А. Ивановымъ, денегъ взаймы 10 руб. села Кручика подданному Якову Зайцу срокомъ впредь на годъ. Поручитель по немъ старшій членъ думы А. Зинченко». Отмѣтка въ послѣдней графѣ: «сего 1809 года въ весеннее время, онъ, Заяцъ, въ число занятыхъ десяти рублей, отдалъ самому старостѣ Зинченко 5 руб. и процентовыхъ одинъ рубль, а 5 руб. осталось у него, Зайца, по согласію старосты Зинченко еще на одинъ годъ». Приведенныя выписки характеризуютъ способъ развитія Каразинымъ духа общественности и самостоятельности въ крестьянахъ. Ссуды являлись при наличности *довѣрія* односельчанина, наградой за порядочность и въ тоже время не могли вліять растлѣвающимъ образомъ милостыни на должниковъ, такъ какъ каждый рубль долженъ былъ быть выплаченъ имъ самимъ сполна съ причитающимися ежегодно процентами.

Какъ уже сказано, главной обязанностью думы Кручика было нравственное воспитаніе крестьянъ. Этой цѣли способствовалъ справедливый судъ, законно-разлагаемыя повинности, распоряженія полиціи и прочія, нами перечисленныя, мѣры. Прямымъ воздѣйствіемъ на развитіе нравственности служила Кручинская школа и содержимый думой же причтъ сельской церкви. Въ школѣ должны были быть «употреблены всѣ средства, чтобы у молодыхъ крестьянъ уваженіе къ вѣрѣ, законамъ и порядку, также и къ чистотѣ нравовъ вошли въ привычку гораздо прежде, не-

жели сіе будетъ изъясняться разсудку ихъ» [1]). Для этого Каразинъ написалъ въ руководство учителю школы два катехизиса: религіозный и гражданскій. Предметы преподаванія составляли чтеніе—азбука, часословъ, псалтирь, чтеніе гражданской печати, чистописаніе, счетъ и стройное церковное пѣніе [2]). Никакихъ спеціальныхъ задачъ не преслѣдовалось Каразинымъ. Составленные имъ катехизисы не сохранились до нашего времени, но о его гуманномъ взглядѣ мы судимъ по нѣкоторымъ даннымъ устава поселянъ Кручика и письмамъ его. Василій Назаровичъ хотѣлъ отъ народной школы одного—чтобы выходилъ оттуда человѣкъ съ его человѣческимъ значеніемъ и достоинствомъ. Онъ сильно интересовался дѣятельностью своей школы, которую, какъ и всѣ свои сельскія учрежденія, хотѣлъ выставить образцовымъ примѣромъ для подражанія сосѣдямъ. Онъ отъ себя лично награждалъ способныхъ и старательныхъ учениковъ и по временамъ самъ давалъ уроки ребятишкамъ. Дѣды кручанскіе разсказывали мнѣ, что не только ребятишекъ обучалъ В. Н. Каразинъ грамотѣ: онъ нерѣдко собиралъ стариковъ со всего села и «училъ» ихъ, главнымъ образомъ, молитвамъ: «иные и «Отче нашъ» не могли прочесть». Вообще, изъ отношенія В. Н. Каразина къ религіи, его собственной набожности, вытекали и тѣ воспитательные пріемы, какіе онъ практиковалъ у себя въ деревнѣ [3]). О. Николай Лащенко приводитъ изъ архива Харьков. консисторіи любопытное

---

[1]) Уставъ, «Чтенія» 1861 г., т. 3; Смѣсь, 158.

[2]) «Предметы ученія совершенно присвоены ограниченному кругу земледѣльца; даже преподаются они такимъ образомъ, что, представляя назначеніе учениковъ самымъ благословеннымъ и уваженія достойнымъ, они не производятъ въ ихъ сердцахъ другихъ желаній». (Тамъ же, стр. 166).

[3]) Передавали мнѣ еще одну подробность религіознаго воспитанія поселянъ Кручика. Замѣтивъ, что крестьянинъ не ходитъ въ церковь, Каразинъ посылалъ за нимъ и приковывалъ его за правую руку къ стѣнѣ притвора (подъ колокольней) церкви; съ поднятой выше головы рукой провинившійся долженъ былъ стоять въ продолженіе всей литургіи. Для этой операціи въ правой сторонѣ притвора была придѣлана изогнутая желѣзная пластинка, которой захватывалась рука у основанія кисти, такъ, что ее нельзя было вынуть, и запиралась въ петлѣ замкомъ. Желѣзная скобка виситъ до сихъ поръ на томъ мѣстѣ и о употребленіи ея трудно что-нибудь предположить: если защелкнуть руку въ скобку, то оказываешся лицомъ къ лѣстницѣ, ведущей на колокольню. Притворъ совершенно пустъ; судя по мѣстоположенію скобы, нельзя думать, что она служитъ для поддержки хоругвей.

письмо Каразина изъ с. Анашкина отъ 31 іюля 1807 г. къ священнику Кручика А. Иванову, гдѣ высказываются мысли В. Н. Каразина на дѣло школьнаго образованія: «Почтеннѣйшій отецъ Алексѣй! Благодарю васъ за письмо ваше отъ 25 мая и съ удовольствіемъ ожидаю то увѣдомленіе о приходскомъ училищѣ, которое вы обѣщали въ ономъ. Пожалуйста напишите мнѣ объ отличающихся ученикахъ, чтобы я могъ отсюда прислать имъ гостинцы и по природному расположенію каждаго имѣнія(?), имѣть о нихъ дальнѣйшее попеченіе. Заохочивайте всѣми образами поселянъ отдавать въ училище дѣтей ихъ. Внушайте имъ простымъ ихъ языкомъ и соотвѣтственно ихъ понятію и чувству, что намѣреніе какъ высшаго правительства въ большомъ и обширномъ кругу, такъ и мое въ маломъ семъ есть не то, чтобы отвлекать дѣтей отъ земледѣлія, но чтобы къ сему же самому былъ открытъ ихъ разумъ; чтобы сдѣлать ихъ благонравнѣе и прилежнѣе къ своему долгу, чтобы чрезъ наученіе книгамъ дать имъ способы и праздное время отъ трудовъ проводить съ пользою и пріятностью, вмѣсто безчувственнаго пьянства. Когда Богъ дастъ мнѣ возвратиться восвояси, то и самъ я примусь за дѣло въ ввѣренномъ вамъ училищѣ. Попытаюсь давать старшимъ изъ нихъ маленькія наставленія въ томъ, что принадлежитъ къ ихъ состоянію и роду жизни. Назначу для этого какой-нибудь день въ недѣлѣ. Батюшка! Я васъ усердно прошу уважать святою вашею должностью! Всевышній сторицею вознаградитъ васъ. Представьте, какія радости изготовите вы духу вашему въ старости. Воспитанники ваши будутъ *люди!* Истинное христіанское просвѣщеніе водворится въ маломъ селеніи нашемъ: «се мы, Господи, и чада наши, ихъ же намъ далъ еси», можемъ мы съ вами тогда сказать. Объ обязанностяхъ помѣщика и священника въ селѣ, я имѣю высокое понятіе: это не родъ лишь жизни, не способъ лишь одинъ, данный къ пріобрѣтенію и насыщенію: это званіе, врученное Всевышнимъ, чтобы руководствовать къ добродѣтели и блаженству людей, доставшихся на удѣлъ намъ. Ихъ *судьба*, такъ-сказать, намъ ввѣрена: и горе намъ, если мы не въ состояніи будемъ дать въ ней отчета» [1]). Такъ быстро и легко получали осуществленіе у Каразина мечты его

Мы описали назначеніе школы, теперь перейдемъ къ ея организаціи и ходу преподаванія въ ней [2]). Во главѣ школы стоялъ, какъ видно изъ приведеннаго письма, священникъ. Кромѣ него, думой на-

---

[1]) «Харьковскій Сборникъ» 1887 года, стр. 63.

[2]) Объ этомъ черпаемъ свѣдѣнія изъ *устава;* «Украинск. Стар.» и «Харьк. Сборн.» 1887 г.

нимался учитель съ платой цѣны 100 рабочихъ дней въ годъ [1]). Училище помѣщалось въ простой, но отдѣльной и просторной избѣ. Школа помѣщалась влѣво отъ церкви и барскаго дома, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ новая школа (кстати сказать, очень убогаго вида для нашего времени). Полное содержаніе школы обходилось думѣ въ 250 рублей въ годъ, что для того времени составляло очень изрядную сумму. Кромѣ расходовъ думы, родители учениковъ обязаны были платить учителю, согласно предварительному съ нимъ условію, за каждаго отъ 3 до 30 рабочихъ дней, смотря по состоянію. Школа была основана «на началахъ христіанской религіи», поэтому всѣ средства, несогласующіяся съ нею, напр., возбужденіе тщеславія въ воспитанникахъ, были исключены изъ ея дѣйствій; потому же во время экзаменовъ въ школу не допускались посторонніе посѣтители. Экзамены производились въ присутствіи смотрителя уѣзднаго училища, нарочно для этого случая приглашаемаго, членовъ думы и родителей учениковъ. Родители учениковъ, кончившихъ курсъ въ школѣ Кручика, могли отдавать ихъ въ уѣздное училище, гдѣ должны были содержать ихъ на собственный счетъ. Если въ уѣздномъ училищѣ мальчикъ оказывалъ выдающіеся успѣхи въ наукахъ, то Каразинъ давалъ таковому вольную съ тѣмъ условіемъ, чтобы освобожденный изъ крѣпостного состоянія, лишившій, такимъ образомъ, общество одного работника, обязался заплатить при первой возможности цѣну 2000 дней работы въ пользу общественной суммы. Эта мѣра вела также къ тому, чтобы преградить выходъ изъ крестьянской общины людямъ неспособнымъ и немогущимъ зарабатывать большую сумму. Упомянутая сумма вносилась въ кассу Кручика чрезъ извѣстные сроки, о чемъ по условію съ помѣщикомъ заботилось губернское начальство. На свою школу В. Н. Каразинъ возлагалъ, какъ мы видѣли, богатыя надежды. Онъ былъ увѣренъ, что поселяне его гораздо разумнѣе поведутъ свое земледѣльческое дѣло, что въ часы отдыха будутъ читать полезныя книги и въ «маломъ» селеніи водворится истинно христіанская жизнь. Заботы Каразина по образованію пріобрѣтаютъ тѣмъ большее значеніе, что они происходили по его доброй волѣ, въ силу его убѣжденій, что Кручинская школа была единственной сельской школой во всей тогдашней слободско-украинской губерніи, что она была открыта 100 лѣтъ тому назадъ, когда «не было ни правительственнаго акта, гарантирующаго самостоятельность школъ, ни заботъ о подготовкѣ духовенства къ школьному

---

[1]) Т. е., считая оцѣнку рабочаго дня (1805 г.) въ 30 коп.—30 рублей въ годъ.

дѣлу, ни постоянныхъ мѣстныхъ и правительственныхъ источниковъ содержанія, ни училищныхъ совѣтовъ, ни попечителей и наблюдателей за школами, ни строго опредѣленной программы, ни учебныхъ руководствъ, ни даже книгъ для чтенія народу»[1]).

Каразинъ очень высоко ставилъ миссію священника села въ дѣлѣ переустройства быта и улучшенія нравовъ своихъ крестьянъ. Но отъ зоркаго взгляда Каразина не ускользнуло то ненормальное отношеніе, въ которомъ стояло тогдашнее духовенство къ своимъ прихожанамъ, получая отъ нихъ плату за требы и становясь такимъ образомъ въ зависимость отъ своихъ духовныхъ питомцевъ. Уже правительство и общество обратило вниманіе на то же обстоятельство, но В. Н. Каразинъ опередилъ современниковъ 100 лѣтъ тому назадъ, задумавъ излѣчить упомянутый недугъ, и въ томъ его особая заслуга. Съ этой цѣлью онъ составилъ запись, по которой лично отъ себя обязывался давать священнику содержаніе и поставилъ его въ положеніе независимое отъ прихожанъ, запретивъ и давъ ему возможность не брать съ нихъ платы за требы. Считая несовмѣстимымъ паханіе земли и служеніе спасенію, душъ Василій Назаровичъ требовалъ, чтобы священникъ отказался отъ занятій хлѣбопашествомъ и владѣнія церковною землею. Въ 1805 г. въ Кручикѣ умеръ приходскій священникъ; Вас. Наз. пріискалъ себѣ изъ курской епархіи священника Алексѣя Иванова, даровитаго человѣка [2]) и вполнѣ раздѣлявшаго благія мечты Каразина. Руководимый тѣми же благородными побужденіями, онъ оставилъ богатый и многолюдный приходъ (въ с. Комышинѣ, хотмижскаго уѣзда) и перешелъ въ Кручикъ. Чтобы придать записи силу закона и упрочить новое положеніе священника въ Кручикѣ «въ роды родовъ», Каразинъ 8-го декабря 1805 года въ присутствіи четырехъ свидѣтелей—сосѣднихъ помѣщиковъ—совершилъ ее у крѣпостныхъ дѣлъ Слободско-Украинской палаты гражданскаго суда, а 29 янв. 1806 г. вмѣстѣ со священникомъ Ивановымъ представилъ ее къ утвержденію на всегдашнія времена епископу Христофору Сулимѣ. По этой записи [3]), которая состояла изъ 10 §§-овъ), содержаніе при-

---

[1]) О. Николай Лащенко. «Харьковскій. Сборникъ» 1887 г. стр 64.

[2]) Изъ формулярнаго его списка видно, что въ 1801 году онъ окончилъ курсъ въ Бѣлгородской семинаріи «съ похвальнѣйшими успѣхами»; тогда же былъ рукоположенъ во священники, а на другой годъ былъ уже благочиннымъ; въ сочиненіи и сказываніи проповѣдей «весьма искусенъ», поведенія „примѣрно похвальнаго“. „Харьк. Сб.“ 1887 г., стр. 53.

[3]) Запись помѣщена тамъ же; стр. 54—55.

чта и церкви обезпечивалось взносомъ 250 руб. въ годъ со стороны помѣщика и 150 рублями, собранными съ крестьянъ «нетяготительною раскладкою, при случаѣ сбора казенныхъ податей»; дьячку и пономарю полагалось по 50 руб. въ годъ, священнику 250, остальные 50 рублей шли на утварь и ремонтъ церкви. Жалованіе причту выдавалось по третямъ. Священникъ, дьячекъ и пономарь получали въ собственность отъ помѣщика дома, обстроенные службами, и усадьбы. Топливо и ремонтъ давалъ тоже помѣщикъ безвозмездно. Священникъ и дьячекъ имѣли, кромѣ того, право пользоваться доходами съ участковъ поля и сѣнокосной земли, равныхъ участкамъ поселянъ Кручика. За перечисленные доходы священникъ обязывался не брать съ прихожанъ платы за требы, исполнять обязанность школьнаго учителя, обучать церковному пѣнію учениковъ и отказаться отъ пользованія 33-мя десятинами подцерковной земли. Запись эта вызвала сочувственное отношеніе епархіальной власти и св. Синода, но была утверждена послѣ продолжительной переписки и съ нѣкоторыми ограниченіями. Епископъ Христофоръ отдалъ на заключеніе запись въ консисторію, которая хоть и одобрила запись Каразина и позволила привести ее въ исполненіе, но за исключеніемъ статьи объ отчужденіи церковной земли, такъ какъ согласіе на него стояло бы въ прямомъ противорѣчіи съ высочайшимъ указомъ отъ 3-го апрѣля 1801 года о неотъемлемости церковной земли отъ церкви. Кромѣ того, заключеніе консисторіи предоставляло право священнику и церковнымъ служителямъ соглашаться или не соглашаться подчиненію записи. Архіерей подтвердилъ заключеніе консисторіи, но В. Н. Каразинъ остался недоволенъ рѣшеніемъ. Дѣло въ томъ, что, при несоблюденіи условія отчуждаемости церковной земли, нарушался тотъ принципъ, который лежалъ въ основѣ его записи, и что значеніе церковнаго нововведенія теряло свой смыслъ, коль скоро будетъ «одного упрямаго или неблагоразумнаго церковника довольно, чтобы опрокинуть постановленіе, сдѣланное на счетъ моей собственности въ роды родовъ», какъ писалъ Каразинъ Христофору Сулимѣ, прося его утвердить запись безъ ограниченія. Послѣдній хотя и сочувствовалъ идеѣ Каразина, но былъ поставленъ въ безвыходное положеніе: надо было рѣшиться или отмѣнить состоявшееся утвержденіе заключенія духовной консисторіи или дать рѣшеніе противное указу 3 апр. 1801 г. Чтобы выйти изъ своего затрудненія епископъ Христофоръ обратился съ письмомъ къ митрополиту Амвросію Подобѣдову, первенствующему члену синода, которое поручилъ отвезти В. Н. Каразину. Митрополитъ Амвросій встрѣтилъ Василія Назаровича какъ человѣка коротко ему знакомаго, заинтересовался его проектомъ и предложилъ еписк. Христофору войти съ фор-

мальнымъ представленіемъ въ Синодъ для оффиціальнаго же утвержденія просьбы Каразина. Преосвященный Христофоръ 24-го нояб. 1803 года доставилъ требуемое представленіе и въ собственной пояснительной запискѣ весьма сочувственно высказался о планѣ Каразина. «Въ предположеніяхъ записи Каразина я вижу примѣрную пользу и выгоду священно- и церковно-служителей, преимущественнѣйшую, нежели паханіе подцерковной земли, тѣмъ наипаче, что сіе самое время, употребляемое обыкновенно на земледѣліе, остается имъ, священно-церковнослужителямъ, на упражненія для нихъ приличнѣйшія и свойственнѣйшія» [1]. Но всѣ усилія Каразина отстоять свою запись въ полной неприкосновенности не привели къ желаемой цѣли. Митрополитъ сдѣлалъ только слѣдующія уступки: 1) церковная земля передавалась помѣщику *временно*, не обращаясь въ его собственность; 2) священникъ и церковники Кручика могли нарушить запись только съ разрѣшенія епархіальнаго архіерея, а не по своей волѣ, какое толкованіе записи было придано консисторіей и 3) помѣщикъ Кручика, доказавшій неисполненіе священникомъ условій записи, имѣлъ право просить у архіерея смѣны виновнаго «и получать въ семъ удовлетвореніе». Съ такими добавленіями, но съ изъятіемъ параграфа объ отчужденіи въ пользу помѣщика церковной земли, запись Каразина была утверждена св. Синодомъ 23 марта 1807 года за № 1265, который поручилъ епископу Христофору привести ее въ исполненіе [2].

Матеріальное содержаніе кручанскаго причта, опредѣленное въ записи, вполнѣ удовлетворяло его и онъ былъ имъ вполнѣ доволенъ. Священникъ, свободый отъ занятій по хлѣбопашеству, съ большимъ удобствомъ могъ посвящать время «на упражненія для него приличнѣйшія и свойственнѣйшія». «Отношенія прихожанъ къ причту и причта къ прихожанамъ сами собою измѣнились къ лучшему—они сдѣлались болѣе близкими, живыми и добрыми» (о. Н. А. Лащенко). Каразинъ, въ свою очередь, заботился о причтѣ и годъ-отъ-году увеличивалъ свое содержаніе, такъ что ко времени продажи Кручика священникъ получалъ вмѣсто 250 р.—688 р. въ годъ, а причетники вмѣсто 50—120 р. Насколько дорожилъ причтъ своимъ независимымъ положеніемъ и источникомъ жалованія, свидѣтельствуетъ его просьба отъ 22 іюля 1824 года къ епископу Павлу Саббатовскому, подписанная священникомъ Петромъ Базилевичемъ отъ имени всего причта: «Покорнѣйше прошу ваше преосвященство ходатайствовать пе-

[1] „Харьковск. Сборникъ“ 1887 г., стр. 57.
[2] „Харьков. Сборникъ“, 1887 г., 57.

редъ кѣмъ слѣдуетъ, чтобы настоящій порядокъ въ селѣ Кручикѣ былъ соблюдаемъ, какъ и прежде, безъ всякой перемѣны, дабы мы продолжали пользоваться принадлежащимъ намъ содержаніемъ»,—писалъ онъ, напуганный заявленіемъ новаго распорядителя въ Кручикѣ, который по собственному заявленію въ присутствіи чиновниковъ земскаго суда «съ прежними установленіями Каразина соображаться не намѣренъ» [1]).

Описаніемъ положенія духовенства въ Кручикѣ мы закончимъ изложеніе реформаторской въ немъ дѣятельности Каразина. Было еще нѣсколько учрежденій въ селѣ, по медицинской, пожарной части, но о нихъ мы имѣемъ лишь упоминаніе.

Такъ смотрѣлъ Каразинъ на крѣпостное право или, какъ онъ самъ выражался, на «подчиненность поселянъ помѣщикамъ», которое, какъ мы видѣли, не имѣло ничего общаго съ тѣмъ крѣпостнымъ правомъ, которое существовало въ дѣйствительности; для насъ теперь кажутся странными нападки современниковъ и біографовъ Каразина на его «крѣпостничество», которому, кстати, противорѣчили и его мысли, выраженныя въ письмахъ и сочиненіяхъ, разборомъ которыхъ мы займемся ниже [2]). Мѣропріятія

---

[1]) „Харьковскій Сборникъ", 1887 г. стр. 59.

[2]) Насколько мало знакомы съ жизнью и дѣятельностью В. Н. Каразина подобные біографы, можетъ служить то обстоятельство, что Пассекъ, главарь одного изъ тайныхъ обществъ, слѣдовательно либералъ въ полномъ смыслѣ слова, употреблялъ по отношенію къ крестьянамъ пріемы, совершенно одинаковые съ таковыми „крѣпостника" Каразина: „Онъ всегда былъ добръ для своихъ крестьянъ, но съ этихъ поръ (со вступленія въ тайное общество „Союза благоденствія") онъ посвятилъ имъ все свое существованіе и всѣ его старанія клонились къ тому, чтобы упрочить ихъ благосостояніе. Онъ завелъ въ своемъ имѣніи прекрасное училище, по порядку взаимнаго обученія, и набралъ въ него взрослыхъ ребятъ, предоставляя за нихъ тѣмъ домамъ, къ которымъ они принадлежали, разныя выгоды. Читать мальчики учились по книжкѣ „О правахъ и обязанностяхъ гражданина", изданной при имп. Екатер. и запрещенной въ послѣдніе годы царствованія Алекс. (религ. и *гражданскій* катехизисы Каразина). Курсъ ученія кончался тѣмъ, что мальчики переписывали каждый для себя тетрадку и выучивали наизусть учрежденія, написанныя Пассекомъ для своихъ крестьянъ. Въ этихъ учрежденіяхъ, между прочими правами, предоставлены были въ ихъ собственное распоряженіе отдача рекрутъ и всѣ мірскіе сборы. Они имѣли свой судъ и расправу". (Пыпинъ, Общ. движ. Ал. I, Записки Якушкина, стр. 399). Либералъ и „крѣпостникъ" достигали одной и той же цѣли и одинакими средствами! Разница лишь въ томъ,—что Каразинъ на десять лѣтъ опередилъ своими учрежденіями Пассека („Союзъ Благоденствія", послѣ 1815 г. 1).

В. Н. Каразина дѣйствовали до 1824 г., т. е. до времени передачи Кручика графу Подгоричани, и привели къ противоположнымъ результатамъ для него самого и его крестьянъ. Послѣдніе, по словамъ Ф. Вас. Каразина, «считали себя вполнѣ счастливыми. Были поселяне, которые владѣли не однимъ десяткомъ воловъ[1])... Въ селѣ вовсе не было кабаковъ и всѣ веселились безъ пьянства. По прошествіи очень немногихъ лѣтъ, было уже много выкуповъ земли въ собственность... По прошествіи 15 лѣтъ у всѣхъ крестьянъ Василія Назаровича были свои участки земли, узаконенные договоромъ съ помѣщикомъ и засвидѣтельствованные начальствомъ»[2]). Изъ статистическихъ свѣдѣній по метрическимъ и исповѣднымъ книгамъ, приложеннымъ къ отчету филотехн. общ. за послѣдніе 4 мѣсяца 1818 года, видно, что, несмотря на одинаковость пахатной земли въ Кручикѣ и трехъ сосѣднихъ казенныхъ деревень, Павловки, Губаровки и Никитовки, несмотря на неблагопріятное для здоровья географическое положеніе Кручика, смертность въ немъ оказалась почти вдвое меньше, а рождаемость больше, чѣмъ у сосѣдей, хотя число браковъ въ Кручикѣ было значительно меньше. Статистику Вас. Наз. произвелъ на основаніи цифръ съ 1808 г. по 1818 г., т. е. за десятилѣтіе, немного спустя по введеніи своихъ учрежденій; изъ того же отчета видно, что благосостояніе кручанскихъ крестьянъ значительно возросло, а статистика показала, что сборы хлѣбовъ въ Кручикѣ гораздо больше, чѣмъ въ сосѣднихъ частно-владѣльческихъ и казенныхъ селахъ, крестьяне которыхъ «не различествуютъ отъ кручанскихъ *ни чьмъ*, кромѣ образа управленія» (стр. 30). Какъ чувствовали себя эмансипированные крестьяне Каразина, о томъ служитъ наглядно письмо каразинскаго крестьянина Ѳедора Манжаренка, занимавшаго сперва должность писаря въ сельской думѣ Кручика, а потомъ домашняго секретаря Василія Назаровича. Письмо написано было *по смерти* Каразина: «Не могу забыть,— пишетъ Манжаренко,—всѣхъ тѣхъ благодѣтельныхъ наставленій дражайшаго нашего, въ Бозѣ почивающаго, благодѣтеля, которыя сильно впечатлѣны въ сердцѣ моемъ, по истинной страстной приверженности моей. Вѣчно буду сожалѣть на южный берегъ (Крыма), который лишилъ нашего благодѣтеля и присвоилъ къ своему поприщу. Во всякомъ мѣстѣ да наслѣдуетъ благодѣтель нашъ царствія небеснаго. Не надѣюсь я до смерти моей осчастливиться

---

[1]) Это въ крѣпостное время начала прошлаго столѣтія. О богатствѣ крестьянъ при В. Н—чѣ утверждаютъ и теперь ихъ потомки Кручанцы.

[2]) Ф. В. Каразинъ. „Голосъ“. 1871 г., № 38.

видѣть подобія въ мірѣ семъ, кольми паче при такомъ аристократическомъ управленіи въ Кручикѣ (по смерти его крестьяне начали быть управляемы на манеръ общій, не такъ, какъ было при немъ). Лишась генія правды, истиннаго патріота и друга человѣчества, отверзлись врата неправды и совершенно ликуетъ несправедливость, страждутъ сироты и плачутъ юные воспитанники; страдальцы выглядываютъ отрады, но нѣтъ ея здѣсь,—она покоится на лонѣ Авраамлѣ! При этомъ то несчастномъ случаѣ, который невозвратно отнялъ у меня здоровье, лишился я и семейство мое всѣхъ утѣшительныхъ воздаяній и счастія въ продолженіе моей службы, почти двадцати-семи-лѣтней, которая теперь числится ни во что и повсечастно приводитъ меня въ уныніе и заставляетъ горько плакать. . Съ чувствомъ христіанина стараться буду перенести все иго, заслуживать у новыхъ господъ то, что потерялъ нещастно... Марта 25, 1846 года, с. Кручикъ». Вотъ какъ могъ писать воспитанникъ кручанской школы и учрежденій В. Н. Каразина [1]). Самъ же онъ, увлекаясь учеными и хозяйственными опытами, требовавшими большихъ затратъ, и строго храня права крестьянъ, дарованныя имъ, разстроилъ свое имущество и былъ принужденъ въ 1824 году отдать имѣніе свое въ чужія руки. Припомнимъ также, сколько личныхъ средствъ стоило Василію Назаровичу открытіе и хлопоты по харьковскому университету. Каразинъ сильно горевалъ о потерѣ родового Кручика; особенно жаль было ему разстаться съ приходской церковью, гдѣ покоился прахъ его отца и гдѣ въ 1819 году онъ приготовилъ и себѣ мѣсто. Впослѣдствіи, въ 1833 году, Кручикъ снова перешелъ во владѣніе В. Н. Каразина [2]), но уже не жилъ по прежнимъ порядкамъ; такой порядокъ, какъ мы видѣли, тре-

---

[1]) Сѣверная Пчела. 1860 г. № 90 прим. О любви и признательности къ Каразину крестьянъ см. въ прилож. „Поѣздка въ Кручикъ“.

[2]) Объ этомъ судимъ, во 1-хъ, по письму Каразина къ Т. И. Селиванову, въ которомъ ,Каразинъ съ радостью извѣщаетъ его о возрастѣ „отторженнаго имѣнія“ (въ февр. 1833 года, неизданыя письма къ Т. И. Селиванову, хранящіяся у проф. Д. И. Багалѣя), и, во 2-хъ, по упоминанію въ неизданныхъ рукописяхъ Чирикова о „дѣлѣ. хранящемся въ архивѣ харьк. губерн. правленія за № 23, 1833 года: «Каразинъ, о выдачѣ ему свидѣтельства о свободности имѣнія; на 13 листахъ». Въ январѣ 1833 года совѣтъ харьковск университета и городское управленіе прислало Василію Назаровичу Каразину деньги для уплаты неустойки за имѣніе его. („Украинская Старина“ Г. П. Данилевскій, стр. 150—151).

бовалъ значительныхъ жертвъ со стороны помѣщика, а Василій Назаровичъ по разстроенному состоянію не могъ больше этого дѣлать.

Административная дѣятельность Каразина, разработка крестьянскаго вопроса занимала его, главнымъ образомъ, въ 1805, 1806 и въ началѣ 1807-го года, и мы видѣли, какъ пришла къ благополучному разрѣшенію послѣдняя забота его о деревенскомъ духовенствѣ. Одновременно В. Н. Каразинъ занимался улучшеніемъ сельскаго хозяйства, сообщеніемъ ему высшей культуры и научными работами, преимущественно примѣняя ихъ къ интересамъ хозяйства. Въ это время Каразинъ уже занимался культивированіемъ въ Кручикѣ разныхъ родовъ иноземныхъ деревьевъ и другихъ растеній. Начало этихъ занятій относится даже къ болѣе раннему времени, именно—когда Василій Назаровичъ заботился о благоустройствѣ харьковскаго университета. Составляя библіотеку, минералогическій и другіе кабинеты, онъ одновременно устраивалъ и ботаническій садъ для своего дѣтища. Нѣсколько экземпляровъ выписываемыхъ деревьевъ и растеній Василій Назаровичъ отвозилъ къ себѣ, въ Кручикъ, и въ Основинцы, къ брату своему, Ивану Назаровичу Каразину, который одинаково горячо интересовался рѣдкостями молодой флоры. Въ 1803-емъ году получены были имъ и братомъ экземпляры канадской тополи. 25-го мая этого года состоялся указъ о принятіи пожертвованныхъ харьковцами суммъ на открытіе харьковскаго университета. Въ память объ этомъ событіи Иванъ Назаровичъ Каразинъ посадилъ въ саду своего имѣнія канадскую тополь, которая донынѣ носитъ названіе «ровесницы харьковскаго университета».

Есть основаніе предполагать, что уже въ 1805 году въ Кручикѣ былъ устроенъ кожевенный заводъ. Мастера были приглашены изъ числа тѣхъ «художниковъ», которыхъ выписалъ В. Н. Каразинъ для университета [1]).

---

[1]) Въ „Описи дѣлъ Правленія Импер. Харьковскаго университета отъ 1805 до 1820 г." значится за 1805 годъ подъ № 47-ымъ такъ: „По прошенію Статскаго Совѣтника и кавалера *Каразина* о сдѣланіи надлежащаго полиціи отношенія въ отношеніи свободнаго выѣзда въ деревню его Кручикъ мастерамъ" на 6 листахъ. Дѣла этого разсмотрѣть мы не могли, ибо въ концѣ описи за 1805 годъ значится, что дѣло это уничтожено. Другое дѣло за тотъ же годъ за № 78, о жалобѣ кожевенника Гренегросса на Шеперлина (тоже мастера) въ харьковскій университетъ, за несправедливое обвиненіе Шеперлиномъ въ тайной продажѣ *съ завода* Василія Назаровича Каразина тридцати паръ голенищъ; прошеніе было написано на нѣмецкомъ

Извѣстно, что Вас. Наз. велъ дневникъ своей жизни въ деревнѣ; но дневникъ до 1821 года сгорѣлъ во время пожара господскаго дома въ Кручикѣ, и о занятіяхъ Каразина до этого года мы будемъ судить по оставшимся немногочисленнымъ источникамъ—его сочиненіямъ въ этотъ періодъ времени, перепискѣ, свидѣтельствамъ сына его Ф. В. Каразина и хорошо знавшихъ Василія Назаровича лицъ.

Первое время по удаленіи въ Кручикъ Каразинъ еще жилъ общей жизнью, его живо интересовали событія въ отечествѣ и за границей и, какъ мы уже говорили, онъ велъ дѣятельную переписку съ многими даже высокопоставленными лицами по разнымъ вопросамъ жизни. Онъ старался воспользоваться своими еще не порванными связями для исполненія составленныхъ имъ проектовъ въ области сельскаго хозяйства и различныхъ практически-примѣнимыхъ наукъ, мечтая все время о благѣ своей родины, поддерживалъ своимъ вліяніемъ полезныя по его мнѣнію предпріятія даже малознакомыхъ людей. Изъ письма, напримѣръ, къ Каразину Трощинскаго отъ 25 янв. 1808 г. можно заключить, что онъ хлопоталъ передъ людьми сильными о поддержкѣ только что предпринятаго изданія С. Н. Глинки «Русскаго Вѣстника», направленнаго противъ рабскаго поклоненія въ то время всему иностранному, преимущественно французскому, и поставившаго себѣ задачей защиту добраго отечественнаго [1]). Ставя очень высоко значеніе прессы, какъ носительницы «общественнаго мнѣнія», Каразинъ въ 1806 году задумалъ самъ издавать журналъ подъ названіемъ «Собесѣдникъ изъ Украйны» и въ апрѣлѣ обратился къ попечителю харьковскаго учебнаго округа съ просьбой о передачѣ ему изъ университетской типографіи одного печатнаго стана за 50 руб. въ годъ на три года. Попечитель охотно согласился на эту передачу, замѣтивъ, что «оный журналъ будетъ здѣсь первое произведеніе въ семъ родѣ» [2]). Планы Кара-

---

языкѣ и переведено, какъ видно, на русскій самимъ В. Наз Каразинымъ. Мотивомъ жалобы выставлялось, кромѣ обиды, нежеланіе чувствовать на себѣ подозрѣніе хозяина. Не по желанію ли самого Василія Назаровича возникло это дѣло?

[1]) Н. Дубровинъ. Русская жизнь въ началѣ XIX ст. Русс. Стар. 1900 г., октябрь.

[2]) „Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія“ 1872 г., CLIX, 102. Объ этомъ журналѣ Каразина находимъ упоминаніе въ сборникѣ Домбровскаго „Славинъ“. Здѣсь между прочимъ помѣщено письмо къ Домбровскому проф. Харьк. ун. Стойковича, гдѣ послѣдній пишетъ, что онъ вмѣстѣ съ «штатсратомъ» Каразинымъ собирается издавать журналъ подъ названіемъ Собесѣдникъ изъ Украйны, имѣющій своею задачею изслѣдованіе и развитіе южной Россіи. (Докладъ пр. М. С. Дринова въ засѣданіи Историко-Филолог. Общ. при Харьковск. ун. 10 февр. 1904 г.).

зина дѣйствовать по прежнему на широкую руку изъ Кручика не были однако приведены въ исполненіе.

Въ 1805 году въ октябрѣ мѣсяцѣ В. Н. Каразинъ, «мало заботясь о личныхъ для себя послѣдствіяхъ», въ виду мрачнаго политическаго горизонта «отправилъ государю бумагу предъ событіями подъ Аустерлицомъ, въ которой со слезами убѣждаемо было не отваживать славы Россіи, до *тѣхъ поръ* въ крайнемъ почтеніи бывшей у непріятеля, но единымъ страхомъ оной вынудить себѣ выгоды и то преимущество, на которое мы имѣемъ право, предоставя и Наполеону слѣдующій ему удѣлъ выгодъ и значенія» [1]).

Въ 1808 году императоръ Александръ I отправился въ Эрфуртъ для свиданія и переговоровъ съ Наполеономъ. Каразинъ, будучи освѣдомленъ черезъ своихъ знакомцевъ о положеніи политическихъ отношеній Россіи, всегда интересуясь этимъ вопросомъ и замѣчая стремленіе государя вмѣшаться снова въ европейскія дѣла, рѣшилъ употребить всю силу своего краснорѣчія, чтобы отклонить имп. Александра отъ пагубнаго, по его мнѣнію, намѣренія. По почтѣ онъ отправилъ на имя государя записку [2]). Письмо это имѣло непріятныя для Каразина послѣдствія, можетъ быть и потому, что получено было государемъ не до поѣздки въ Эрфуртъ, какъ это назначалъ самъ авторъ, а *послѣ*, чего Каразинъ, конечно, не предвидѣлъ, составляя записку. «Указомъ, объявленнымъ слободско-украинскому губернатору чрезъ статсъ-секретаря Молчанова, повелѣно: «статскаго совѣтника и кавалера Каразина, за нелѣпыя его разсужденія о дѣлахъ, которыя до него не принадлежатъ и ему извѣстны быть не могутъ, взявъ изъ деревни его подъ карауломъ, *посадить на харьковскую гауптвахту на восемъ дней*. Послѣ чего истребовать у него подписку, чтобы онъ, подъ опасеніемъ *жесточайшаго наказанія, не отваживался* болѣе безпокоить *Его Величество*». Этимъ распоряженіемъ государя было отмѣнено разрѣшеніе Каразину писать съ откровенностью въ руки государя, данное 22 марта 1801 года, какъ писалъ самъ В. Н. Каразинъ [3]). Тѣмъ не менѣе 9-го октября

---

[1]) „Чтенія“ 1863 г., т. III, стр. 123—124.

[2]) О содержаніи ея мы ничего не знаемъ. В. Н. Каразинъ такъ пишетъ о немъ: „Омега. Послано чрезъ почту въ 1808 году предъ отъѣздомъ *Его Величества* въ Эрфуртъ, но получено по возвращеніи“. „Отчетъ Импер. Публичн. библ.“ 1879 г., Спб. стр. 24.

[3]) Собственноручная приписка Василія Назаровича Каразина къ оригиналу своего письма, хранящемуся въ „Импер. публ. библіотекѣ. „Отчетъ Императ. Публичной Библіотеки“ за 1878 г., стр. 24—25.

1809 года, когда приговоръ надъ нимъ, по поводу записки 1808 года, былъ приведенъ уже въ исполненіе, онъ пишетъ вновь государю письмо, озаглавленное: «О невмѣшательствѣ въ дѣла Европы». Каразинъ просилъ государя не связываться съ англичанами, подготовляя тѣмъ разрывъ съ сильнымъ Наполеономъ, которые купили бы въ такомъ случаѣ «за нѣсколько гиней» потоки русской драгоцѣнной крови, такъ какъ сами англичане исторически ненадежные союзники. Наступательный союзъ съ Наполеономъ также вреденъ Россіи, разстроенной и неустроенной во многихъ отношеніяхъ. Каразинъ умолялъ Александра 1-аго бросить политическіе конфликты, столь дорого обходившіеся въ теченіе прошлаго столѣтія бѣдному русскому народу и ничего не приносившіе существеннаго въ замѣнъ, кромѣ изрѣдка удовлетворяемаго тщеславія. Преуспѣяніе страны и славы царствованія надо искать въ исполненіи столь разумно начатыхъ просвѣтительныхъ реформъ, такъ какъ «благословенія тысячей и темъ народа» не могутъ быть сравниваемы «съ эфимерной хвалою или хулою нѣсколькихъ журналистовъ». «При совершенномъ *отчужденіи себя отъ Европы*, мы, съ одной стороны, не имѣя пустыхъ надеждъ, *лучше* воспользуемся собственными силами, съ другой, мы отнимемъ у Наполеона важнѣйшій предлогъ на случай дѣйствія его противъ насъ наступательно: мы не личные ему враги».

Предсказывая безполезную трату русскихъ силъ и, въ случаѣ вмѣшательства въ европейскія дѣла, рѣки русской крови, такъ какъ «сердца русскихъ всякаго состоянія закипятъ во всемъ пространствѣ имперіи», если непріятель коснется русской земли, Каразинъ предостерегалъ государя отъ вліянія «льстецовъ», отмѣчая честное происхожденіе своего письма: «клянусь Вамъ предъ престоломъ Божіимъ, страшнѣйшимъ всякаго престола земного самодержавія, что чувство, влекущее меня, чувство доброжелательства Вамъ и моему отечеству сильнѣе всѣхъ причинъ, которыя должны бы были меня удерживать. Время, въ которомъ мы находимся, есть *рѣшительное и важное*», пророчествовалъ Василій Назаровичъ. «Вся внутренность моя трепещетъ, заканчивалъ онъ, когда я пишу эти строки. Но я долженъ сдѣлать послѣднее дерзновеннѣйшее примѣчаніе, долженъ, ибо знаю совершенно, что нѣтъ у тебя человѣка, который отважился бы быть столько откровененъ... Монархъ! Здѣсь лежу я въ прахѣ моемъ, и ожидаю моей участи» [1]). Дошло ли послѣднее письмо до государя или нѣтъ, не-

---

[1]) «Чтенія» 1863 г., 3 т., «Смѣсь, стр. 123—130.

извѣстно [1]). Какъ бы то ни было, приведенный въ исполненіе приговоръ государя, а можетъ быть и безрезультатность своихъ моленій ради блага любимой родины прекратила писанія В. Н. Каразина, и онъ почти 10 лѣтъ не обращался къ государю. Оффиціальное запрещеніе писать лично къ государю заставило Каразина еще больше углубиться въ свои сельско-хозяйственно-научныя занятія.

Н. Тихій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Въ письмѣ отъ 9 окт. 1809 года упоминается еще объ одной бумагѣ В. Н. Каразина къ государю съ разсужденіями по тому же предмету отъ 4 числа того же мѣсяца (см. «Чтенія» 1763 г., 3 т. Смѣсь стр. 126 и 223). Каразинъ высказывалъ убѣжденіе, что эта бумага не дойдетъ до государя (стр. 126). Мы ничего объ этой бумагѣ болѣе подробнаго не знаемъ.

Vae victis!..

(Оповидання).

I.

Смеркало, колы скинчылось повечеріе и зъ церквы почалы помалу выходыты ченци, послушныкы й килька душъ мырянъ.

Було холодно и кропывъ дрибный осинній дощъ. Теперъ винъ трохы прытыхъ и тильки, колы часомъ зрывався витеръ, то буйни й холодни крапли злиталы зъ пожовклого лыстя деревъ, що обступалы дорижкы манастырського подвирря, и дружно падалы до-долу. Ченци й мыряне щильно закутувалысь у одижъ и похоплыво прямувалы до будынкивъ, де булы келіи братіи и помешкання для богомольцивъ.

Нарешти зъ церквы выйшовъ игуменъ и зъ нымъ рызнычый. Обыдва высоки й огрядни, у чорныхъ кереяхъ и высокыхъ клобукахъ, воны, не хапаючысь, йшлы до свого помешкання по шырокій середній аллеи, про щось розмовляючы. Колы воны пидходылы до будынку, де жывъ игуменъ, и колы той, прощаючысь зъ рызнычымъ, поважно кывавъ ёму клобукомъ, до ёго пидійшовъ, нызько уклоняючысь, увесь мокрый, молодый послушныкъ и подавъ пакунокъ.

— Пошта,—сказавъ винъ.

Игуменъ взявъ пакунокъ, розгорнувъ папиръ и мовчкы передывывся адресы лыстивъ, що булы прыслани до манастыря.

— Оци два виддай епытымыстамъ!—сказавъ винъ, оддаючы назадъ два лысты послушныкови, и, повернувшысь, пишовъ у будынокъ.

Послушныкъ знявъ шлыка, трусонувъ мокрымъ волоссямъ, що спускалось ёму на плечи, и подався у другый край подвирря.

— Олексіе!.. А Олексіе!—поклыкавъ ёго зъ другои аллеи старый, сухый и згорбленый, увесь сывый, зъ велыкымы навыслымы бровамы чернець.—А йды, лышень, сюды!..

Старый стоявъ и, хытаючы головою туды й сюды, мовъ гадюка, що плыве по води, чекавъ послушныка. Той щось пробубонивъ стыха, але повернувъ и пишовъ до старого.

— Зъ пошты прыйихавъ?—запытавъ винъ, вдывляючысь олывъянымы слезлывымы очима въ Олексія.

— Эге.

— А це лысты кому?

— Епытымыстамъ.

— А ну, покажы.

И старый взявъ лысты тонкымы кощавымы пальцямы и, шамкаючы щось беззубымъ ротомъ, перевертавъ ихъ зъ боку на бикъ, мовъ вышукуючи въ ихъ щось небезпечне, щось таке, що треба знайты и зныщыты.

Але такого ничого не знайшлось, и винъ ткнувъ ихъ послушныкови.

— Эге, лысты!.. Не втерплять, щобъ не пысать. И въ манастырь!..

Олексій узявъ лысты одъ Пафнутія,—такъ звалы старого,—и подавсь своею дорогою, зъ ненавыстю шепочучы:

— У, ироде, и тутъ тоби треба! Колы вже ты здохнешъ...

Дощъ знову прыпустывъ. Дмухнувъ витеръ и хряснувъ манастырськымы воритьми, що саме въ тій хвылыни зачынявъ на ничъ воротарь.

Пафнутій прыпынывся на дорози и довго стоявъ пидъ дощемъ, дывлючысь на браму й на воротаря и ворожо хытаючы головою.

Подекуды по келіяхъ заблымало свитло. Смеркло. На манастырському подвирри було зовсимъ тыхо, тильки пидъ довгою повиткою, у однимъ кинци його, було чуты гоминъ. То биля своихъ возивъ та коней розмовлялы богомольци-селяне. Кони гучно жувалы сино и часомъ порскалы.

Пафнутій пишовъ у той край.

Олексій зновъ перебигавъ двиръ зъ одного ряду будынкивъ до другого. Винъ шукавъ штрахвованого воропановського попа, щобъ передаты ёму лыста. Въ келіи, одведеній пидъ епытымыстивъ, його не було,—кудысь пишовъ. Олексій шукавъ його по всёму манастырю и нарешти дизнався, що той пишовъ до о. економа.

Теперъ Олексій бигъ туды.

— Молытвамы святыхъ отець нашыхъ Господы, Іисусе Христе, Сыне Божый, помылуй насъ!—выгукнувъ винъ тонкымъ завченымъ гласомъ установлене витання, увійшовшы въ сины помешкання о. економа и стоючы пидъ дверыма його келіи.

— Аминь!—почулось видтиль черезъ килька хвылынъ.— Увиходь.

Олексій одчынывъ двери и увійшовъ.

У келіи булы: самъ господарь іи, манастырськый економъ, о. Помпей, середнёго зросту товстый чернець, зъ повнымъ спокійнымъ облыччямъ и блыскучою шырокою лысыною, и сухый, безгрудый, молодый ще, воропановськый батюшка, о. Сергій. Винъ усе кашлявъ и крывывся, мовъ його що мъяло. И гисть, и хазяинъ сыдилы биля столу и збиралысь пыты чай.

Олексій уклонывся имъ ныззькымъ поклономъ, передавъ лыста о. Сергію и, зновъ уклонывшысь, выйшовъ зъ келіи.

О. Сергій якось несмилыво взявъ у рукы вохкого, заляпаного лыста, пиднисъ його до свитла и слабозорымы очима подывывся на надпысь.

Рука була знаёма.

Винъ осмихнувся крывою болизною усмишкою и положывъ лыста биля себе на стилъ, не розрываючы конверта.

— Що жъ вы не чытаете? Рвить та чытайте!—промовывъ ласкаво о. Помпей, помитывшы на облыччи о. Сергія ту знаёму усмишку, видъ якои ёму самому завше ставало якось ніяково, мовъ почынало що ссаты за серце.

— Ничого, ще встыгну,—одповивъ о. Сергій, съ тіею самою усмишкою дывлячысь кудысь въ кутокъ, и глыбока морщына биля правого ёго ридкого русявого вуса зробылась ще глыбшою и крывишою, и Помпею на хвылыну здалось, що саме въ ій, у тій морщыни, и боляче о. Сергію.

— Ну, то будемо чаюваты.

Помпей билою пухкою рукою посунувъ склянку чаю до о. Сергія, кынувъ сахарю въ свою склянку и почавъ ёго розмишуваты. Тильки ёго брала цикависть, що то за лыстъ лежыть на столи, и чомъ ёго не чытае о. Сергій?

— Выбачте, мени треба на хвылыну выйты, де що сказаты людямъ. Я заразъ вернусь,—сказавъ винъ, устаючы зъ-за столу.

— Ничого, йдить...

— Я заразъ прыйду!—И Помпей выйшовъ зъ келіи, думаючы, що ёго гисть не хоче чытаты лыста пры чужій людыни.

И винъ не помылывся.

Якъ тильки Помпей выйшовъ изъ келіи, о. Сергій, хвылыну попрыслухавшысь до ёго важкои ходы, узявъ у рукы лыста й розирвавъ конверта. Винъ хутко пробигъ очима лыста, и блиде ёго облыччя зробылось мовъ ще блидишымъ, и знову на ёму зачорнила та глыбока морщына биля правого вуса, яка такъ угрущала Помпея.

— И тутъ не кыдають—у цій могыли!—зъ прытыскомъ сказавъ винъ, важко пидвився, мовъ розбытый, зъ свого мисця, постоявъ хвылыну, мовъ вагаючысь, и пидійшовъ до невелычкои шаховкы, що чорнила въ кутку келіи.

Винъ одчынывъ дверци тіи шаховкы, узявъ видтиль якусь посудыну—одну бильшу, другу меншу, налывъ зъ одніи въ другу разъ и выпывъ, налывъ у-друге й выпивъ. Хвылыну зновъ ва-

гався, нибы прыслухаючысь, чы не йде Помпей, и выпывъ у-трете. Тоди прычынывъ дверци шаховкы, пишовъ и сивъ на свое мисце.

Колы увійшовъ Помпей, то винъ зразу помитывъ, що лыста на столи немае и що ёго гисть бувъ биля шаховкы.

— Выбачте, отче, я трошкы выпывъ,—хытнувъ головою въ кутокъ о. Сергій и выпувато осмихнувся.

— Ничого, на здоровья!.

— На що мени здалось те здоровья, колы на свитъ дывытысь гыдко. Эхъ, отче Помпее, важко жыты на свити и гыдко дывытысь на людей и на вчынкы людськи!.. Вырыють воны могылу для свого брата, шпурнуть ёго туды жывого, кыдають у ту могылу каминнямъ, та ще й заглядають: чы попавъ ихъ каминь у ёго, чы боляче вдарывъ?...

— Се вы про лыста?

— Та вже ни про що друге!—гирко мовывъ о. Сергій и закашлявся.

Помпей похытавъ головою:

— Въ мыру жывуть люде — мырськи й дила творять.

— А вы думаете, у васъ краще?.. Вы певни, що оце заразъ не стоить Пафнутій у васъ пидъ дверыма й не прыслухается до нашои розмовы, щобъ завтра піиты зъ доносомъ до игумена?

— Ну, заразъ то ёго немае, ще десь понадвиррю, мабуть, вештается, а иншымъ часомъ то справди...—и Помпей покрутывъ головою, прыжмурывшы око.

— А вы думаете, видкиля берется ёго прозорлывисть? Оце теперъ тамъ пидъ повиткою мужыкы зъ Перещепынои, то винъ биля ихъ десь у питьми стоить, прыслухается. А завтра, якъ пидуть пытаты порады святого старця, то старець имъ такои закрутыть, такъ имъ розскаже про все, що пхъ турбуе, що воны въ ногы ёму кланятымутся, якъ святому. И скризь по селахъ будуть трубыты ёго славу.

— Богъ зъ нымъ, отче, не чипайте ёго, не согришайте: передъ Богомъ коженъ дасть одповидь за себе. Немае бо людей, щобъ не булы гришни!—заспокоювавъ Помпей о. Сергія.

Але той не скорявся. Лыстъ збентежывъ усю жовчъ, що зибралась у ёго серци, а горилка пидала смилывосты ёму, хочъ винъ завше бувъ чоловикомъ деликатнымъ и боязькымъ. Помпей добре ёго взнавъ за ти пивтора мисяци, що винъ пробувъ на послушаніи въ манастыри, и теперъ збагнувъ, що мабуть дуже паганого лыста прынисъ сёгодня Олексій отій бидній, зпивечыній жыттямъ людыни, колы вона насмилюется такъ казаты про Пафнутія, що панувавъ надъ усимъ манастыремъ, якого боялысь вси, одъ игумена до останнёго послушныка.

— О, я знаю, що винъ корыстный для манастыря,—казавъ дали о. Сергій,—хто про те каже! Але жъ це чыстый...

И винъ сказавъ таке слово, що Помпей ажъ пидскочывъ зъ свого мисця.

— Цсъ!.. цытьте!—жахлыво прошопотивъ винъ, озыраючысь на двери, и въ ту саму хвылыну хтось досыть смилыво постукавъ у двери келіи.

О. Помпей на хвылыну мовъ стерявся, але скоро оправывся и спокійнымъ голосомъ гукнувъ:

— Увиходьте!

Двери одчынылысь, и въ келію увійшовъ другый манастырськый епытымыстъ—священыкъ Аркадій Завадовськый.

Якъ тильки винъ переступывъ поригъ, то зразу здалось, що келія полюднищала й зробылась меньшою, бо о. Аркадій бувъ чоловикъ высокого зросту, зъ видкрытымъ облыччямъ, зъ вильнымы роскыдыстымы рухамы всёго тила и буйнымъ, якъ у Авесалома, волоссямъ. Зпидъ густыхъ, трохы навыслыхъ надъ прямымъ носомъ бривъ у ёго дывылысь велыки сири очи, и здавалось, що зъ ихъ иде якесь проминня. Выглядъ тыхъ очей бувъ гострый, мовъ у дуже нервовои, або дуже талановытои и енергичнои людыны.

— Се казна що,—ви сыдыте сами тутъ, а мене не поклыкалы!.. Та вы на суху?..—иронично запытавъ винъ, пидходячы до столу и бачучы на ёму тильки чай —А-ну отче еконономе, чы не добудете вы чого-небудь до чаю. Дайте горилкы!.. Це ни

на що не похоже, се не манастырь, а тюрма...—зминывъ винъ одразу тонъ, мовъ демено ходъ човна.

— А що таке?

— Якъ, що таке? Запруть чоловика въ оцій хурдызи, а тамъ дома симья умирае. Никому порады даты, никому за дохторомъ послаты, бо ничымъ и заплатыты. У-у-у!..—застогнавъ винъ, хапаючи себе за груды,—надало мени оцю хламыду на себе натягты!..

И винъ рванувъ на грудяхъ своихъ рясу, скынувъ іи зъ себе и шпурнувъ геть, не дывлючысь.

— Дайте горилкы!.. гукнувъ винъ зновъ до хазяина келіи, що вже вештався биля шаховкы у темному кутку.

— Заразъ, заразъ!.. Що се вы сёгодня таки зтурбовани?—казавъ о. Помпей, пидносячы до столу пляшку й чаркы и йдучы до дверей, щобъ на всякый случай взяты ихъ на гачокъ.

— Чого зтурбованый?.. Лыста сьогодня мени прыслано. Такого лыста, що краще бъ винъ десь въ дорози застрявъ!..

О. Сергій глянувъ на ёго и мовъ хотивъ сказаты очима, що й винъ мае въ кешени такого лыста, але тильки осмихнувся.

— Пыше жинка, що трое дитей лежать въ скарлатыни, а одну въ понедилокъ на кладовыще однеслы. Того й дывысь, що й други диты захворіють. А у неи ни хлиба, ни топлыва, ни копійкы грошей!.. А я тутъ сыды, та додержуй строку, якый велемудрій консисторіи завгодно було мени прызначыты!.. Давайте горилкы!

Помпей давъ ёму чарку, и винъ зъ розгону, мовъ вона була порожня, перевернувъ іи соби пидъ вуса, скрывывся, крекнувъ и пидставывъ, щобъ той налывъ у-друге. Такъ саме винъ спорожнывъ и другу чарку и поставывъ іи на стилъ.

— Теперъ чаю!

Помпей давъ чаю, и о. Аркадій, вылывшы половыну склянкы въ блюдце, почавъ жадлыво пыты гарячый напытокъ.

Теперъ графынчыкъ зъ горилкою стоявъ на столи, и хазяинъ и гости, пьючы чай, часомъ черкалы й по чарци, бильше мовчкы. Коженъ зъ ихъ думавъ про свое, и невесели булы ихъ думы.

Колы въ келіи робылось тыхо, то було чуты, якъ на двори шумыть дощъ, що, здавалось, зарядывъ на всю ничъ, и той шумъ дощу й витру такъ гармонирувавъ зъ настріемъ гостей о. Помпея и ёго самого.

Сумъ стыскавъ ихъ серця.

— Я уявляю соби,—говорывъ о. Аркадій,—що тамъ теперъ робытся у мене дома!.. Ничъ, нетоплена хата, вымучена, знесылена маты и хвори диты... лежать въ жару, червони, непрытомни. Никому ихъ доглянуты, бо й наймычкы немае. Баба тамъ стара ходыть... яка зъ неи корысть! А я тутъ сыды... А на якого греця я тутъ кому потрибенъ, яке я дило тутъ роблю!

Та може жъ дома вже й не такъ пагано, якъ вамъ здается,— вставывъ свое слово о. Сергій.—Правда, скарлатына важка хвороба, але, дасть Богъ, вси одужають.

— Вси одужають... а Шура, моя найкоханиша дытына, одужае?.. Я бъ шматъ серця свого одирвавъ, щобъ вона була жыва, и може бъ вона не вмерла, колы бъ я бувъ дома!

— Пагана, пагана справа.

— Слидъ бы вамъ буты дома—сказавъ о. Помпей.—Я такъ думаю: идить вы завтра ранкомъ до игумена, визьмить у ёго „удостовиреніе“, що вы поводылы себе въ манастыри прыстойно и послушаніе неслы, якъ слидъ, нехай винъ пустыть васъ до архырея. Пойидете вы завтра ранкомъ до архырея й попросыте...

— Я й самъ знаю, але просыть оцёго вашого... хама, щобъ винъ давъ мени похвального лыста?.. Николы я сёго не зроблю. До ёго що-дня Пафнутій ходыть и морочыть ёму голову. Ще вчора винъ докорявъ мени, що я пизно прыхожу до службы. Низащо я ёго не прохатыму!

И вси зновъ замовклы, мовъ прыслухалысь до дощу.

— Ни, ніякого добра я не знавъ и не бачывъ у нашому званію. Якъ тильки вырвусь изъ ціеи хурдыгы.—говорывъ немовъ тильки про себе о. Аркадій,—то буду клопотатысь, щобъ хочъ перевестысь у военни священныкы. Все-такы тамъ бильшъ воли, все-такы мы тамъ бильшъ на людей похожи. Заберусь куды-небудь у Мервъ, або въ Фергану и визьмусь зновъ за му-

зыку й композицію. Тутъ же я, въ оцій мизерній Нехворощи, по пивъ року й инструменту въ рукы не беру. Одставъ, обледащивъ, на чоловика переставъ буть похожымъ! А тамъ я зновъ ожыву!

И винъ задумлыво дывывся черезъ самоваръ кудысь въ далечинь, и передъ нымъ проносылась осяяна сонцемъ далека Фергана, смырни й ледачи сарты и весели охвыцерськи кумпаніи, а въ души почыналы зароюваться незнаёми, нови мелодіи, шыроки й вильни, и ёму стало зразу сумно-сумно и жалко свого молодого мынулого, свого загубленого жыття й талану.

— Выпьемо ще!—промовывъ винъ, щобъ вырватысь зъ тыхъ думъ.

— Выпьемо!—видповивъ ёму о. Сергій.—За ваше нове жыття, воно ще для васъ може буты. А для мене все загублено. Мени зосталось тильки могылы ждаты соби!

— Чому жъ такъ?—вы ще жытымете; вы ще зовсимъ молода людына.

— Де тамъ мени жыты,—зъ сухотамы довго не прожывешь! Туберкулёзъ не шуткуе, а певно веде въ могылу. Яке вже тутъ жыття, колы...

О. Сергій закашлявся и не змигъ доказаты того, що хотивъ. Винъ схопывся за груды, мовъ хотивъ выдавыты зъ ихъ щось, и очи ёго зъ натугы блыщалы, мовъ скляни.

— Краще выпьемо за вашу военну карьеру!—сказавъ винъ оддыхавшысь.—Бувайте здорови, бажаю вамъ усякои удачи!

— Спасыби!

— И я бажаю, — прымовывъ о. Помпей.

— Колы будете десь у Фергани, то зійдить на саму найвыщу гору, на самый що ни на есть выщый шпыль и згадайте мене, Сергія Вышынського, воропанивського попа: бувъ пипъ— и немае ёго, бувъ чоловикъ—и зныкъ безъ слиду, а якъ винъ любывъ оти шпыли высоки та горы! Якъ винъ...

Кашель зновъ почавъ ёго душыты.

Було вже пидъ пивничъ. У келіи стало душно. Чуты було, якъ на двори шумыть витеръ, але чы йде дощъ, чы вже переставъ,—розибраты було неможно.

Помпей и о. Сергій увесь часъ сыдилы биля столу, а о. Аркадій все ходывъ изъ кутка въ кутокъ келіи. Голова его палала и видъ думокъ и видъ выпытого. Въ роздратованій его уяви, зминяючы одна одну, поставалы ясни й палки картыны того жыття, якого винъ такъ жадавъ. Винъ бачывъ осяяну сонцемъ Фергану, били, на сонци мовъ ще билиши, сорочкы салдативъ и кители офицеривъ... Блыщать мидяни військови сурьмы и гремыть оркестръ. Винъ грае его боёвый маршъ...

Потимъ ёму вразъ уявляется, що винъ чуе свій похоронный маршъ, якый уже давно, несвидомо склався у его въ голови у оцимъ манастыри. Офицери несуть труну товарыша... Гремыть маршъ, потимъ затыхае. Салдаты спивають: «Хрыстосъ воскресе»... значыть се умеръ хтось на Велыкдень. А винъ, о. Аркадій, йде передъ труною и кадыть и те-жъ спивае: «Хрыстосъ воскресе»...

О. Аркадій зупынывся биля викна келіи. Воно було зачынено виконныцями зъ середыны и не було выдно, що діется на двори, але винъ почувъ, що йде дощъ.

И зразу вси думкы о. Аркадія одминылы свій ходъ.

Тамъ, у Нехворощахъ, умирають диты, выбывается зъ сылы жинка, а винъ тутъ марыть про якусь Фергану и ничого не робыть, щобъ допомогты имъ, вырятуваты ихъ зъ биды.

— Йиду, заразъ йиду! — гукнувъ винъ, повертаючысь одъ викна до свитла.

— Се куды?—запытавъ Помпей.

— Въ городъ, до архырея! Скажу, що нехай що хоче робыть, а пустыть мене въ Нехворощи!

— На чому жъ вы пойидете? Пидводы жъ немае, тай ничъ теперъ!

— Чого тамъ ничъ,—скоро буде ранокъ, а немае пидводы, то й пишки пиду!

И вже винъ надягавъ рясу й шукавъ брыля.

— Прощайте!

— Отець Аркадій, та куды се вы? Пождить же хочъ ранку, заявыте игуменови.

— И безъ игумена обійдется, нехай дрыхне соби! Прощайте! И винъ хутко выйшовъ зъ келіи.

II.

Въ кимнати зосталысь о. Сергій и Помпей.

Здывовани, воны першу хвылыну мовчкы дывылысь одынъ на одного: такъ несподивано покынувъ ихъ третій бесидныкъ. И хочъ воны зналы характеръ о. Аркадія, але все-такы не сподивалысь такого вчынку. На двори ничъ, дощъ; вси выходы зъ манастыря позапирано и безъ дозволу игумена никого не выпустять. До города, це жыве архырей, добрыхъ девьять або й десять верстовъ; дорога—то лисомъ, то болотомъ, а потимъ по кучугурахъ писку до ричкы, а тамъ züлизнычый мистъ, черезъ ёго тежъ у ночи можуть не пустыты... Все це зналы и о. Сергій и Помпей, и имъ не вирылось, що о. Аркадій справди здійснить свій замиръ, що прыйшовъ ёму до головы такъ несподивано, пидъ чаркою.

И воны ждалы, що о. Аркадій скоро вернется зновъ у келію, але винъ не вернувся.

— Оце такъ!.. Надумавъ и зразу зъ хаты. Тильки наврядъ, щобъ владыка Мемнонъ пустывъ ёго...

— А може й пусте.

— Наврядъ. Не такый винъ.

О. Помпей потягся й позихнувъ. Винъ уже бувъ не геть видъ того, щобъ роздягатысь и лягаты спать, але о. Сергій, здавалось, и не думавъ кыдаты ёго теплои кимнаты. Теперъ винъ вставъ зъ свого мисця и ходывъ по хати слидомъ о. Аркадія и про щось думавъ.

— Знаете, про що я думаю,—скававъ винъ перегодя до Помпея,—я завыдую о. Аркадію. Все-такы у ёго есть симья, есть мисце, де винъ потрибенъ людямъ, есть у ёго характеръ,—бачыте, якый винъ! А головне—есть талантъ. Колы бъ вы зналы, якый винъ музыкантъ!.. Мени довелось разъ ёго чуты, якъ я ще

бувъ семынарыстомъ, а винъ уже бувъ у ряси, и я сыдивъ и плакавъ, слухаючы, якъ плаче скрыпка въ ёго рукахъ, и уявляючы соби ёго долю, якъ вона ёго скрутыла...

— Що жъ, кожному своя доля прызначена видъ Бога. А у васъ хиба немае симьи?

— И у мене есть, але ричъ не въ тимъ: нащо одному дается сыла, здоровья, счастя, а другому ничого не дается? Нащо, колы людына почне липыты свое счастя, якъ ластивка гниздо, хтось визьме, зирве те гниздо й шпурне ёго геть? Кому потрибни мукы милліонивъ зовсимъ, здается, ни въ чимъ неповынныхъ людей? Визьмемо мене. Вы жъ мене знаете...

Помпей хытнувъ головою, пидтвержуючы ёго слова.

— Бувъ я звычайнымъ хлопцемъ, добре вчывся въ бурси й семынаріи... Ніякыхъ провынъ за мною не було. Кинчывъ семынарію, думавъ: пиду служыты народови, темнымъ людямъ... зроблю хочъ малу корысть имъ. Видкрыю въ парахвіи школу, буду казаты що недили проповиди...

О. Сергій засміявся й разомъ закашлявся, и неможна було розибраты, чы винъ властыво сміется, чы кашляе.

— Ще бувшы въ семынаріи, цилу сотню понавырызувавъ я зъ усякыхъ збирокъ тыхъ проповидивъ та позаводывъ у палитуркы—говорывъ винъ гирко, трохы оправывшысь видъ кашлю.— Златоустомъ думавъ буты... безсребреныкомъ! Хотивъ ничого не браты зъ мужыкивъ за требы. А ось теперъ що таке я?... Сами бачыте.

— Що жъ, о. Сергіе, кожному, кажу, своя доля. Одбудете епытымію, пойидете въ свою Воропанивку, тамъ одпочынете. поправыте здоровья и будете жыты, Бога хвалыты!

Помпей говорывъ се, абы утишыты о. Сергія, але й винъ самъ не вирывъ ни крыхты въ те, що говорывъ. И винъ добре бачывъ, що цей молодый батюшка зовсимъ зломана рослына, що въ грудяхъ у ёго гниздятся сухоты, а въ серци якесь важке, непереможне горе. Що саме завдае ёму суму, винъ не знавъ и ніяково було зачипаты й розъятрюваты чужу пекучу рану, але

чулось, що горе велыке и що недаромъ ся людына такъ жадлыво пье горилку, хочъ та горилка зовсимъ не до смаку ій.

— Ни, не буде того, що вы кажете,—сказавъ о. Сергій, пидходячы до столу и налываючы въ чарку остатню горилку.— Николы не буде! Вы прочытайте тильки оцёго лыста, и сами побачыте, що то марни слова, що то полова... дмухнувъ витеръ и рознисъ іи!..

— Ну, навщо я буду чытаты чужи лысты,—одмовлявся Помпей, хочъ въ души ёму дуже хотилось знаты, що тамъ у тому лысту напысано.—Лучче такъ скажить, колы вже на те пишло.

— Ни, вы прочытайте, вы прочытайте, тоди не будете сміятысь зъ мене!

И голосъ Сергія затремтивъ.

— Боже мене спасы!.. Хиба я думавъ сміятысь зъ васъ?.. Голубчыку, вы простить мене, колы я необережно сказавъ зайве слово.

И Помпей досыть проворно схопывся зъ стильця, не зважаючы на те, що бувъ чоловикъ досыть огрядный, и взявъ о. Сергія за руку.

— Богъ зъ вамы, що це вы выгадалы?.. У мене й на думци николы того не було!

— Ну, отъ прочытайте, тоди й знатымете... все знатымете!..

Винъ сунувъ у руку Помпея лыста, той поклавъ ёго на стилъ, взявъ зъ викна окуляры и прысивъ до столу, щобъ чытаты лыста.

О. Сергій ставъ проты ёго, спершысь бокомъ объ стилъ, засунувъ рукы у карманы пидрясныка и мовъ замеръ; тильки очима моргавъ проты свиту.

Помпей чытавъ не скоро, мовъ обмирковувавъ кожне слово.

— У, мерзота!..—пробурчавъ винъ у однимъ мисци.

Перевернувъ лыста на другый бикъ, дочытавъ до краю, звернувъ ёго, якъ винъ бувъ, положывъ на стилъ, накрывъ рукою и, дывлячысь черезъ очкы на о. Сергія, промовывъ:

— Такъ онъ воно якъ!..

— Якъ бачыте.

— И се правда?..

— Правда.

Помпей дывывся на Сергія шыроко роскрытымы очима, мовъ бачывъ его вперше.

— Що жъ теперъ робыть,—пытався винъ,—якъ же теперъ буты?

— А ничого не робыты,— ждаты смерты й умираты.

— Ни, такъ не може буты, се неправда, вы помыляетесь!

— Правда, гирка, гола правда!.. Вы не вирыте, то я вамъ все розскажу. Усе оте настояща правда, що пыше пысарь. Я знаю, що то пысарь пыше, хочъ винъ и руку одминывъ. Уже, може, десятый лыстъ винъ мени такый пыше.

— Та невже матушка... того... зъ отымъ учытелемъ?

— Правда.

Помпей журлыво покрутывъ головою.

— И вы зрозумійте, що такъ мене мучать уже тры рокы. Я вамъ усе розскажу. Ще я не скинчывъ семынаріи, якъ уже мене засваталы. Не я сватався, а мене сваталы! Бачыте, мои батько й маты люде бидни, темни... дякъ та дьячыха, покладалы на мене вси свои надіи, хотилы вывесты въ люде. Воны спалы й уви́сни бачылы мене попомъ, бо имъ здается, що кращого й выщого надъ попивство ничого немае. Ну, не встыгъ я ото скинчыты курсу, якъ саме пидъ часъ экзаменивъ умирае въ нашому сели, Веселыхъ Тернахъ, пипъ, о. Петро. Нашымъ заразъ и впады въ голову думка: отъ гарно було бъ, колы бъ нашъ Сергій зайнявъ сю парахвію! Але якъ іи добуты? Зъ того то й вся бида счынылась. Писля о. Петра зосталась жинка й тры дочкы. Дви ще невелыки, а одна, старша, саме кинчала вчення въ епархіальному. Наши й надумалы зъ удовою: поженымо дитей, ублагаемо архырея, щобъ давъ парахвію Сергіеви, то буде усимъ добре—и нашымъ честь та пошана, й удови зъ дитьмы не треба выбиратысь зъ церковнои хаты.

Помпей зновъ сыдивъ и уважно слухавъ оповидання о. Сергія, а той ходывъ по кимнати, згорбленый, немовъ увесь побытый, спыняючысь часомъ, щобъ видкашлятысь. Въ лампи чы догорявъ гасъ, чы нагорявъ фитиль, и въ кимнати було темнувато, а зъ-на-двору часомъ доносывся шумъ витру и торохтиння зализнои покривли..

— Тильки я прыйихавъ до-дому, якъ наши й почалы мене умовляты: женысь та й женысь на Оксани! И нашу старисть заспокоишъ, и семьи Дашевськихъ добро зробышъ, та й самому буде добре. Однымъ словомъ, накрылы мокрымъ рядномъ, не далы й свиту Божого побачыты. Зъ Оксаною мы булы знаёми, але такъ, щобъ почуваты симпатію одне до одного, того не помичалось. Чужи булы зовсимъ. А тутъ почалы насъ що дня зводыты: то у ихъ чай, то у насъ, то у ихъ вечеря, то у насъ. Сыдымо звычайно у вéчери въ зали, колы, дывысь, стари зморгнутся й одно по одному повыходять у другу кимнату, зоставлять насъ на самотыни.

— Це такъ звычайно роблять. Стара штука,—вставывъ слово Помпей.

— А мы сыдымо та мовчымо: чужи зовсимъ мижъ собою. А тутъ батько й маты що-дня прыстають: «сватай Оксану та й сватай! Не упускай часу, бо Дашевська була у архырея й прохала даты мисто іи зятеви, и винъ буцимъ на се згодывся». Отакъ крутылы-крутылы, самъ батько у старои Дашевськои посватавъ для мене дочку, а та дала слово за Оксану, та черезъ мисяць и повинчалы насъ. Хотивъ бувъ я просто зъ-пидъ винця пійты пидъ повитку та надить петлю на шыю, та, знаете, проклята логыка та фылософія: треба, бачъ, не буты эгоистомъ, не про свое счастя треба дбаты, а про счастя другыхъ людей... треба себе прыносыты въ жертву людямъ. Отъ и прынисъ жертву, та не одну, а цилыхъ дви заразомъ!

— Эхъ, колы бъ я знавъ, що такъ буде,—говорывъ о. Сергій, хапаючысь рукою за голову,—то я бъ зъ-пидъ винця утикъ свитъ за очи!

Ёму теперъ знову згадалось все мынуле, тильки теперешній настрій ёго усе те обкрасывъ у чорный колиръ, не оставывъ а ни одного просвиту. Теперъ мынуле здавалось ёму якоюсь ниччю, въ котрій винъ блукавъ, безсылый и затурбованый, и якись темни, ворожи сылы кыдалы ёго зъ одного боку въ другый, топталы и рвалы ёго. Якъ тильки винъ скинчывъ семынарію, то уже й не бачывъ соби ніякои удачи, мовъ разомъ хтось одибравъ у ёго й право на неи.

— Тильки женывся,—мовъ самому соби розсказувавъ дали о. Сергій,—пойихалы зъ жинкою та зъ тещею до архырея прохаты Веселыхъ Тернивъ. Пишла теща сама, думала ублагаты владыку, а той іи, звычайно, прогнавъ: «выдала дочку замижъ за «кончывшого курсъ», то й буде зъ тебе! Нехай соби зять шукае другои парахвіи, а на сю вже есть пипъ. Не стану я передаваты парахвіи родычамъ, мовъ яку спадщыну!»...

— Вернулась стара у номеръ, посылае мене. Пишовъ я— те жъ саме, та ще каже: «що ты за чоловикъ, якый зъ тебе буде пипъ, колы ты за бабивъ ховаешся, черезъ ихъ языкъ та слёзы хочешъ соби парахвію добуты»! Отъ якъ!

— О, владыка Мемнонъ суворый!..

О. Сергій хытнувъ головою й подывывся на Помпея. Той, обпершысь ликтемъ на стилъ и схылывшы голову на руку, сыдивъ и слухавъ.

— Вернулысь до-дому. Дома слёзы та досада. Прыйихавъ новый пипъ, выселывъ зъ хаты тещу. Прыйнялы іи наши. Тиснота така, що нигде повернутыся, а тутъ зима заходыть. Послалы мене знову до архырея: «просы хочъ якои-небудь парахвіи, та забирай свою симью на свій хлибъ, Чуете?—«свою симью»... Писля семынаріи ще копійкы грошей не заробывъ, а вже у мене «своя симья»!

— А такы справди, довелось вамъ того... крутенько.

— Пойихавъ, ублагавъ владыку, давъ винъ мени парахвію въ Воропанивци. Забравъ симью, пойихалы туды... Ще на дорози чуемо: «еге-ге! се та Воропанивка, що все попы мруть!» Оттаке! выгралы справу. Теща заразъ въ слёзы, а жинка сы-

дыть на брычци та насиння лускае. Ій усе одно, куды іи не повезуть, сыдыть, мовъ деревьяна!.. Ни до мене, ни до матери. Николы я одъ неи й доброго слова не чувъ.

— Прыйихалы въ Воропанивку. Село чымале, люде заможни и хата для священныка церковна гарна: така весела камъяныця, ще й не стара. Якось и не вирытся мени, щобъ туть попы мерлы... Оселылысь мы, зибралы по-трохы хазяйство, не я, а теща та жинка. Я зразу поставывъ таке правыло, щобъ брать те, що дають, и люде давалы такъ, що можно було жыть. Ну, а теща звыкла, щобъ, якъ прыйде мужыкъ чы сына женыть, чы батька ховать, то вже якъ узяты ёго за чуба, такъ щобъ и чубъ въ рукахъ зостався. Чоловикъ иде одъ мене, уже умовылысь про все, а вона у синяхъ ёго пидстерегае, почынае зновъ умовлятысь, почынае крутыты ёго й сюды, й туды, покы не выкрутыть всёго, чого ій бажается...

— А вы думаете якъ? — перебывъ ричъ о. Сергія Помпей, и все товсте облыччя ёго наче засвитылось. — Зъ имы такъ и треба робыть! Я ихъ добре знаю: якъ бувъ дякомъ, то натерпився, трохы зъ голоду не опухъ бувъ зъ симьею.

О. Сергій глянувъ на ёго повне облыччя, и болизна усмишка перебигла по ёго облыччи.

— Знаете, коженъ дывытся на людей своимы очима и баче те, що бачать ёго очи, а въ людей очи неодынакови. Одному здается, що мужыкы хамы й духовенству не дають тому, що не хотять даваты, а якъ я ихъ розумію, то воны мало дають тому, що у ихъ и самихъ мало.

— Ни, я зъ вамы въ симъ не згоденъ. Отъ хочъ визьмемо й теперъ, у манастыри...

— Ну, та Богъ зъ нымы, — перебывъ ёго о. Сергій, — коженъ робыть по своій совисти. Такъ и мы робылы: я роблю одне, а теща зъ жинкою друге, бо вона пидлягла пидъ матерыну волю цилкомъ. Сварывся, сварывся я зъ нымы, ничого зъ того не выйшло! Поприкають, що я дячкивськый сынъ, що звыкъ до хамського жыття, а воны...

— Пхе, мовъ дякы такъ и не люды! — образывся Помпей.

— А воны, бачъ, звыклы до кращого жыття. Ну, выйшло, що я стою на своему, а воны на своему, и забралы воны въ свои рукы все хазяйство. Понакуповувалы дорогои мебели, гардынъ всякыхъ, посуду разного, повдягалысь въ шовкы... Чую, вже й фаетонъ прыторговують: будуть йиздыть знаёмытысь зъ сусидамы—попамы, панамы та полупанкамы! У ихъ ключи, у ихъ гроши, а у мене ни копійкы. Хотивъ бувъ старымъ послать якусь дещыцю, такъ и того не найшлось: усе забирають въ свои лапы.

— Ну, а жинка зъ вамы якъ?

— А ніякъ!.. Мовъ чужа. Разъ-у-разъ зъ матирью, разъ-у-разъ зъ гистьмы, а до мене ридко й слово скаже. Та мени й николы було на першыхъ порахъ зъ нею й дила маты, бо все тягався по парахвіи, по требахъ. А тамъ пидійшла осинь, роботы ще бильше пидбавылось, бо треба було ще вчыты дитей у двохъ школахъ. Писля Риздва я застудывся, зъ мисяць пролежавъ, а потимъ зновъ за роботу. А тамъ велыкый пистъ, сами знаете, Велыкдень. А потимъ того, тильки поздавалы хлопци въ школахъ экзамены, я зновъ злигъ. Поклыкалы дохтора, подывывся винъ на мене, выслухавъ скризь, та й каже мени одынъ на одынъ: «а знаете, що я вамъ скажу, батю,—треба вамъ все кынуты, та йихаты кудысь въ тепли краи, бо я боюсь за ваши груды!»

— Роспыталысь, ажъ выходыть, що попередъ мене на сій парахвіи тры священныка видъ сухотъ умерлы. Вси молоди люде. И выдно стало такъ, що зараза та гниздытся у самому будынкови и въ рызахъ, и въ другыхъ речахъ...

О. Сергій зупынывся и мовъ обдывлявся думкою по всихъ тыхъ зараженыхъ микробамы речахъ. И передъ нымъ ясно, мовъ винъ заразъ бачывъ, выявылысь одни стари, вытерти, чорного плысу, зъ потемнилымъ срибнымъ брузументомъ, рызы воропаинивськои рызныци. У ихъ мабуть бильше всёго гниздылось микробивъ. О. Сергій ажъ скрывывся одъ гыдлывосты, и морозъ пишовъ у его по спыни. А винъ же ихъ такъ спокійно, такъ безпечно одягавъ, якъ ховавъ людей!..

— Якъ пойихавъ дохторъ, то я тильки рукою махнувъ: усе одно пропадать! Знаю, що одъ сухоть немае рятунку. Не сказавъ своимъ ничого, тай доси не кажу. Теперъ то воны сами бачать..

Новый прыступъ кашлю схопывъ о. Сергія и зигнувъ всёго. Нарешти винъ откашлявся въ хустку и гыдлыво сховавъ іи въ кышеню.

— Ну, якъ ото пойихавъ дохторъ, якъ подывывся я навкругы, та розмиркувавъ свое становыще, то така журба взяла мене, такый сумъ непроглядный обгорнувъ мою душу, що й сказаты не можна: пропало жыття низащо!..

— А такъ!

— Було, тикаю зъ дому, блукаю по-за селомъ... Дило зъ рукъ валытся, а тутъ бачу, що й жинка вже веремія крутыть зъ земськымъ учытелемъ. А я що можу зробыты, якъ наладыты жыття?.. А ніякъ! Ну, й почавъ я пыть. Выпью, то иначе мени легше. Про все забудешъ. Отъ и теперъ выпыть бы!...

Винъ подывывся на стилъ, але тамъ въ графынчыку було пусто.

— Можно, отець Помпей, ще трохы добуты?—кывнувъ винъ головою въ кутокъ на шаховку.

— Пизнувато вже, та... трохы можно.

— Ну, й дайте!

Помпей вставъ и пишовъ, розмыпаючы на ходи ногы, въ кутокъ, а о. Сергій на хвылыну спынывся, мовъ дожыдаючысь, покы Помпей увилье горилкы, а потимъ знову почавъ ходыты по кимнати.

Колы на столи появылась нова горилка й закуска, то гисть и хазяинъ зновъ прысилы до столу и пылы, й закусювалы, и розмовлялы, довиряючы одынъ одному свое горе. Помпей росказувавъ про свое жыття. Було добре выпыто.

— Вамъ то добре, вы хочь жылы!.. — выслухавшы Помпееву сповидь, говорывъ о. Сергій. — А я що знавъ? Тамъ каторга була, а теперъ въ манастыри мучытысь... Та й тутъ не дають вильно дыхаты и сюды лысты шлють!.. Думають, що я ни-

чого не знаю, — очи одкрывають... Добре я знавъ и знаю все, та терплю, бо все одно: не поможе баби кадыло, колы бабу сказыло!

— А за що саме вы до насъ отсюды попалы? — спытався Помпей, бо винъ и доси настояще того не знавъ.

— За піяцтво, отче, за злодійство! — одповивъ зхвылёвано зовсимъ пидпылый о. Сергій. — Хотивъ церкву спалыты, хотивъ село дымомъ пидъ хмары пустыты!.. Хотивъ... хотивъ... ха-ха-ха! — винъ махнувъ рукою и недомовывшы схылывся, мовъ упавъ, на стилъ рукамы й головою. — Пьяный, стари рызы попалывъ!.. — гукнувъ винъ тремтячымъ голосомъ. — Щобъ... щобъ и други отакъ, якъ я, не набиралысь зъ ныхъ сухоть!..

И винъ зарыдавъ. Зарыдавъ, типаючысь всимъ тиломъ и все, чымъ дали, бильше збираючысь въ одну грудочку. Теперъ винъ здавався зовсимъ малымъ.

— Не треба... не треба такъ!.. — схопывся до ёго Помпей. — Не треба такъ!.. — утишавъ винъ ёго, мовъ дытыну, и прыгортавъ до свого мьякого й теплого боку. — Буде!.. На що плакать?..

Але о. Сергій не заспокоювався.

Лампа пидслипуватымъ окомъ дывылась на ихъ обоихъ и иноди моргала: вона збиралась погаснуты.

III.

Колы о. Аркадій выйшовъ одъ Помпея, то въ голови ёго шумило и винъ зъ хвылыну вагався, чы слидъ ёму зайты въ свою келію, щобъ узяты про всякый случай свои паперы й деяки речи, чы ни, але махнувъ рукою: на що воны ёму, адже жъ и архырей и въ консисторіи знають ёго. И винъ просто пишовъ у той край двору, де булы манастырськи стайни. Винъ тамъ сподивався выбратысь зъ манастыря, бо знавъ, що черезъ браму въ-ночи никого не выпускають.

Дощъ то йшовъ, то буцимъ перестававъ и зновъ почынавъ накрапаты. Небо було мутне й темне, безъ жодного просвиту.

Прынаймни такъ здавалось о. Аркадію писля свитла въ кимнати. Блымало тильки два лыхтари манастырськыхъ у двохъ протылежныхъ кинцяхъ ёго двору. На свитъ одного зъ ихъ и попрямувавъ о. Аркадій.

Пидгорнувшы свое кучеряве волосся пидъ комиръ рясы и пидибравшы полы, винъ пидійшовъ до стины биля стаень, знайшовъ невелычку драбынку, зъ якою послушныкъ Порфырій свитыть лыхтари, пидставывъ іи до стины, злизъ па стину и на рукахъ спустывся на другый бикъ іи. Пустывшы держатысь за верхъ стины, винъ стрыбнувъ до долу, попавъ на якыйсь каминь, чы колоду и дуже забывся.

Колы винъ пидвився и оглядився, то ничъ ёму здалась не такою темною, и винъ побачывъ, якъ тутъ же недалеко чорніе лисъ, а пидъ лисомъ ледве мріе якась худоба. По згуку, якъ вона рветь траву, й по фырканню догадався, що то пасутся кони.

О. Аркадій спершу пишовъ по-пидъ манастырською стиною ажъ до брамы и видтиль выйшовъ на дорогу. Колы винъ писля травы и бурьяну почувъ пидъ собою грузьку, розбыту дорогу и зъ лису дмухнувъ холодный витеръ и обдавъ ёго дощемъ, то винъ подумавъ, — чы гараздъ винъ робыть, чы не краще було диждатысь ранку й наняты соби пидводу?

Але теперъ уже пизно було розмирковуваты й вертатысь, и винъ, натягшы тугише брыля на голову, пидобравшы до колинъ полы, ришуче подавсь по дорози въ лисъ.

Теперъ уже очи ёго, звыкшы до питьмы, добре розбиралы усе навколо, и винъ ишовъ досыть певною и скорою ходою понадъ дорогою, по трави. Скоро вже винъ почувъ, що чоботы ёго промоклы, але не жалкувавъ, що не взявъ калошъ, бо все бъ одно порозгублювавъ ихъ по дорози.

Винъ ишовъ и прыдывлявся навколо. Все було незнаёме и незвычайне, и се ёго цикавыло, бо николы ёму не траплялось буты пры такыхъ обставынахъ. Просто передъ нымъ чорнила грузька дорога, якои винъ мусывъ остерегатысь, щобъ не загрузнуты въ болото, а праворучъ и ливоручъ стоялы чорни, неначе жыви, лавы дубового лису. И ти лавы шумилы и колывалы

то дужче, то тыхше, мовъ скаржылысь на витеръ, або сварылысь на кого. А дощъ тежъ то прыпускавъ, то затыхавъ.

«Эхъ, жыття бидолашне!.. — думавъ о. Аркадій. — Чы сподивався я колы оттакъ тынятысь, якъ злодій, по нетряхъ! Утикаты зъ манастыря, мовъ острожныкъ, плентатысь вночи пишкы до архырея... Що то ще архырей заспивае!»

И винъ соби уявывъ высоку й шыроку, велычню постать архырея, сывого й поважного, и передъ нымъ свою фыгуру у мокрій, закаляній болотомъ, одежи, у такыхъ саме й чоботяхъ, — блиду й прыныжену. Той сывый и велычный гризно дывытся на ёго й пытае:

«Ты чого сюды прыйшовъ? Твое мисто въ манастыри!»

«Ни, мое мисто не въ манастыри, — одмовляе винъ, — а биля хворыхъ и умырающыхъ дитей моихъ, въ моїй симьи холодній и голодній, покынутій!»

«Ты самъ іи покынувъ, ты самъ іи морышъ холодомъ и голодомъ! Ты понызывъ свій санъ, ты, мовъ пьяный мужыкъ, кынувся на старшого видъ тебе!»

«Я не кыдався».

«Ты не вирышъ у Бога, ты не ёму служышъ своею музыкою та спивамы, а діяволови!»

«Колы я служу діяволови и, значыть, вирю въ ёго, то якъ же я можу не вирыты въ Бога?..»

«Ты вольнодумець, ты ныгылыстъ! — гукае архырей. — Ты не скоряешся начальству. Я рясу зъ тебе здійму!»

«Я самъ іи скыну! — одмовляе о. Аркадій, и серце ёго тремтыть и болизно стукае въ грудяхъ, а десь, мовъ у другимъ поверси ёго уявы, въ тактъ того, якъ стукае ёго серце и дыбають ногы, несвидомо снуется мелодія:

У сусида хата била,
У сусида жинка мыла,
А у мене ни хатыны,
Нема жинкы, ни дытыны!..

— Тьху, брыдня яка!.. — сплёвуе о. Аркадій, — оступывшысь въ якусь яму, повну воды, и збывшысь зъ такту. — Тамъ дити умирають, а тутъ — «У сусида хата била!»

Хмиль ёго уже пройшовъ, и теперъ винъ, идучы, обмиркувавъ, якъ бы краще налагодыты справу и выкрутытысь зъ петли, въ яку завела ёго доля. Винъ зновъ бадёро ступавъ по дорози, а въ голови ёго зновъ, у тактъ ходы, одбывалысь слова писни:

А у мене ни хатыны,
Нема жинкы, ни дытыны!..

Та писня дратувала ёго, але выгнаты іи зъ своеи головы винъ не мигъ: почынавъ иты тыхше—й вона задержувала темпъ, надававъ ходы — й писня снувалась скорійше.

«Скынешъ рясу зъ мене?.. Скыдай! Не пожалкую за нею. Хиба я хотивъ натягаты іи на себе, — говорывъ зновъ о. Аркадій до того сывого й велычнёго, — жывосыломъ на мене натяглы іи. Жывосыломъ утовкмачылы у болото попивське, та ще теперъ и глузують, та ще теперъ и жалкують: «пропавъ чоловикъ!» Та ни, ще не пропавъ... ще побачымо... Але жъ диты!.. «Куды васъ подиты?» — прыйшлы ёму на умъ вирши Шевченка.

«Куды васъ подиты?—пытався винъ зновъ черезъ хвылыну, переходячы на другый бикъ дорогы, де, якъ здавалось ёму, не такъ було грузько йты. — Куды васъ подиты?.. Подинетесь вы сами кудысь!.. На цвынтарь... Оттакъ, якъ Шурочка!»

И серце о. Аркадія стыслось и защемыло такымъ жалемъ, такою тугою, що винъ зупынывся и схопывся рукою за груды.

Шура, ёго любыма, найдорожча дытына, вмерла!... И винъ сылкувався уявыты соби іи образъ, але не мигъ: той дорогый образъ тильки намалёвувався и заразъ же розплывався.

Вона умерла, іи немае мижъ жывыхъ.

«Лежышъ ты, серденько мое, теперъ въ холодній земли, въ глыбокій ями, й залывае твою могылу дощъ, осинній дощъ! Бидна, бидна моя пташечко, моя крышечко! Доглядилы тебе батько й маты!.. Довелы до пуття! Зумилы жыття тоби даты, та не зумилы зберегты ёго. Прокляти!..

Слёзы клубкомъ пидгорталысь пидъ горло о. Аркадія, а думкою винъ шукавъ по цвынтарю Шурынои могылкы, и ёму здалось, що винъ знае, де вона саме, та могылка, у якому мисци: биля могылы Лоначевськои. Тамъ гарне, чысте мисце. Влитку тамъ росте лыстя полуныць.

«Моя ягидко!.. Не врятувалы тебе батько й маты одъ смерты!.. Умилы мылуватысь тобою та втишатысь, а тутъ, якъ смерть прыступыла, то й осторонь сталы!»

Видъ скорои ходни й видъ журбы теперъ о. Аркадій зразу почувъ себе слабымъ и безсылымъ. Винъ шукавъ пенька або колоды, щобъ прысисты й трохы видпочыты, бо й витеръ и дощъ мовъ затыхлы и по земли почавъ снуватысь туманъ. Углядившы геть видъ дорогы щось чорне, о. Аркадій звернувъ туды. То бувъ старый пенёкъ, и винъ сивъ на его.

Винъ сыдивъ и почувавъ, що винъ теперъ едына жыва душа въ оцёму лиси, що почавъ угортатысь въ пелены туману. Одынъ, якъ палецъ!.. И енергія покыдала его. Куды йты, по що йты?.. Прохаты у архырея отпуску? А якъ винъ не дасть его? А хочъ и дасть, то що винъ може зробыты дома, колы дохторъ жыве за двадцятъ пьять верстъ, колы ни винъ самъ, ни его попадя ничого не тямлять у тимъ, якъ гоиты хворобы, отаки, якъ скарлатына або дифтеритъ!

Що винъ може зробыты?

И колы о. Аркадій пидвивъ одъ земли очи и побачывъ скризь навколо себе тильки туманъ и мряку, то роспука вразъ пустыла свои мицни, холодни пазури ёму, мовъ шулика курчати, въ саме серце. Винъ увесь зигнувся й зибрався докупы видъ болю й холоду, що его вразъ обгорнувъ. И ёму здавалось, що колы бъ винъ мигъ узяты зъ плечей въ рукы свою голову, то винъ отакъ бы іи и вдарывъ объ оцей пень, щобъ и слиду іи не зосталось!

Нащо жыты, яка есть мета въ его жытти? Те жыття— блукання безъ цили, безъ дорогы, у мряци й тумани ночи. А хиба винъ того бажавъ, того шукавъ, винъ—«Аркадій прекрасный», якъ узывалы его товарыши?

И о. Аркадію зновъ згадався, якъ и завжде въ важки часы ёго жыття, одынъ эпизодъ зъ ёго мынулого,—ти часы, колы обставыны зламалы уси ёго замиры и повернулы на той шляхъ, що прывивъ ёго у манастырь и на оцей пень.

То ёго несчасный концертъ у Клынгороди.

Першый и останній.

Скинчывшы курса семынаріи, винъ хотивъ питы въ консерваторію, але батько одмовывъ ёму въ пидмози въ сій справи. Винъ не хотивъ, «щобъ ёго Аркадій, сынъ ёго, гравъ по весилляхъ у жыдивъ»! Дарма той упевнявъ старого, прохавъ ёго,—батько стоявъ на своёму, и воны нарешти посварылысь. Аркадій надумавъ йты въ земськи вчытели, перебуты въ школи рикъ, зибраты яку копійчыну и тоди податься до консерваторіи.

Винъ такъ и зробывъ, и мисце ёму попалось пидъ Клынгородомъ.

Скоро винъ ознаёмывся зъ де-кымъ зъ Клынгородськои интелигенціи, и ти нараялы ёму даты концерта въ Клынгороди. Нашлась акомпанаторша, те жъ зъ учытельского кола й духовного роду—дочка протоерея-благочынного Клынгородського. Ихъ звелы и познаёмылы, хочъ воны й ранишъ, ще въ губерніи, чулы одне про одного.

Воны дружно взялысь за роботу, и скоро по городу красувалысь афиши про концертъ «молодого скрыпача Аркадія Завадовського».

Концертъ бувъ въ зали клуба и мавъ велыкый поспихъ. Писля першои вже піесы весь залъ плескавъ у долони, а писля «Легенды» Венявського ёму зробылы цилу овацію.

Писля концерту, ледви винъ устыгъ подякуваты своій помошныци, Ганни Петровни, якъ ёго пидхопыла наелектрызована его грою молодижъ и потягла зъ собою вечеряты.

Цилу ничъ йилы й пылы и говорылы промовы, и героемъ тіеи ночи бувъ винъ, Аркадій Завадовськый. Ничъ мынулась, мовъ якыйся хымерный, чудовый сонъ.

Опамьятався Аркадій тильки на другый день пидъ полудень и згадавъ, що винъ учора не встыгъ, якъ слидъ, подяку-

ваты Ганни Петровни за іи працю, и ёму захотилось заразъ же побачыты іи, побалакаты, роспытаты, яке вражиння на неи зробыла ёго гра, ти оплескы, словомъ, все те, що вчора було. Захотилось ще разъ пережыты вчорашній вечиръ, розмовляючы зъ людыною, яка почала ёго дуже цикавыты и симпатіи до якои винъ помичавъ у соби

Колы винъ прыйшовъ до протоерея-благочынного, то побачывъ, що ёго тамъ ждалы и ждалы нетерпляче. Ганна Петровна прызналась, що вона не спала всю ничъ, пережываючы вчорашній вечиръ, и вона була така схвылёвана, экзальтирована, така молода и вродлыва, що Аркадій мовъ зновъ учадивъ, якъ учора пысля концерту.

Ёго оставылы обидать, а пысля обида винъ запрохавъ Ганну Петровну прогулятысь по городу.

Вона нышкомъ видъ ёго спыталась у матери, и воны пишлы.

День бувъ хочъ осинній, але чудовый, такый, якый бувае на пивденній степовій Украини. Повитря було наповнене наркотычнымы пахощамы вялого лыстя мійськыхъ садивъ и блыщало срибнымы ныткамы летючого павутыння.

Воны ходылы по городу, якъ зачаровани, розмовлялы и не моглы наговорытысь, и обомъ имъ було тисно й душно въ городськихъ вулыцяхъ. И колы Аркадій запрохавъ Ганну Петровну пройихатысь на звощыку въ село, де винъ учытелювавъ, подывытысь, якъ винъ жыве, и зновъ вернутысь до вечера въ городъ, то вона, не вагаючысь, згодылась на се.

Воны силы й пойихалы.

Йидучы, воны марылы, якъ удвохъ пидуть до консерваторіи и будуть вчытысь и будуть велыкымы музыкантами. Прыйихалы въ село. Аркадій показувавь ій свою школу, ставокъ биля неи, церкву—и все було таке гарне, таке вродлыве, що очи обохъ ихъ не хотилы видрыватысь одъ всёго того.

Звощыка воны пустылы на хвылыну до ёго знаёмого. Але винъ не вертався черезъ годыну й дви, и вже почало смеркаты.

Ганна Петровна стурбовалась и, колы сонце почало сидаты за гору й погасло тамъ, то й вона немовъ погасла. Теперъ вона схаменулась: щó вона зробыла, щó скажуть батько й маты, щó будуть говорыты знаёми, колы дизнаются, якъ вона йиздыла «зъ молодымъ чоловикомъ» удвохъ до ёго и зáвыдна не вернулась до-дому... може й на ничъ тамъ зоставалась?

Аркадій бигавъ по селу й шукавъ звощыка и ледве-ледве найшовъ ёго край села: винъ бувъ на пидпытку и прохавъ зостатысь ще на хвылыну, щобъ докинчыты зъ кумомъ справу.

Але Аркадій сёго не дозволывъ, и воны пойихалы.

Прыйихалы въ Клынгородъ уже поночи. Ихъ шукалы скризь по городу и не знайшлы, и вже хтось сказавъ матери Ганны Петровны, що вона пойихала удвохъ зъ якымся чоловикомъ за городъ. Аркадія навить не попрохалы зайты до хаты, и що тамъ творылось у хати, не було видомо никому, окримъ домашнихъ. Але Аркадій дуже здывувався, колы черезъ тыждень до ёго въ Ступкы, де винъ жывъ, завитавъ самъ протоерей, батько Ганнынъ.

Винъ, якъ тильки вступывъ до хаты, то зразу жъ сказавъ, чого прыйихавъ. Дило було въ тимъ, «що вы своимъ необмиркованнымъ вчынкомъ, може безъ усякои злои думкы, ославылы на увесь Клынгородъ и ёго повитъ мою дочку; колы вы чоловикъ чесный, то вы мусыте на ій оженытысь».

Аркадій стерявся зъ-несподиванкы, прохавъ даты часу подуматы, хочъ тыждень якый, и ничого не надумавъ. Хотивъ бувъ кынуты «и всихъ, и вся» й утикты зъ губерни, але, якъ почувъ, якъ батько та маты мучать Ганну Петровну, якъ іи никуды не пускають, точать іи докорамы та всякымы натякамы, то ёму стало жалко іи... такъ жалко, якъ никого въ свити.

Винъ махнувъ рукою на будучыну, посватався и одружывся.

А такъ якъ имъ двомъ ничого було йисты въ одній школи, а про консерваторію безъ копійкы грошей—тесть не давъ ніякого вíна—ничого було й думаты, то Аркадій знову скорывся воли тестя. Той поворожывъ уже не въ консерваторіи, а въ кон-

систоріи; на Аркадію опынылась ряса, и винъ «прыложися къ праотцемъ своимъ».

«И такъ все въ жытти робытся: ты хочешь отакъ робыты, а воно онъ куды повертае!»—зъ гиркымъ почуттямъ думавъ о. Аркадій, сыдячы на пни и почуваючы, якъ холодъ знов почынае браты его кризь намоклу рясу за плечи.

Думка про Фергану, про подорожъ кудысь у далеки краи, теперъ ёму здавалась такою чудною, дывацькою, що винъ навить дывувавсь, якъ вона могла зародытысь у его посывилій голови,

— То дурныця, ка́зна що,—тре́ба дитей та жинку рятуваты!

И о. Аркадій разомъ пидвився зъ пенька, пидибравъ знов полы и пишовъ у той край, де мусивъ буты городъ.

Туманъ стоявъ и хвылювався и то зовсимъ закрывавъ собою й дорогу й дерева лису, то росплывався, и о. Аркадію выдно було й дорогу, и купы мокрыхъ, сумныхъ дубивъ. Часомъ на неби показувалысь и зиркы.

Скоро мусивъ буты свитъ, але до города було ще далеко. Выйшовшы зъ лису, ще треба було йты верстъ пьять до мосту черезъ ричку—по лугу, а потимъ по кучугурахъ писку.

Нарешти такы о. Аркадій выйшовъ зъ лису. Чоло й спына у его булы мокри, а ногы млилы зъ утомы и грузлы въ болоти. Биля дорогы въ тумани паслысь кони. Не довго думаючы, якъ и завжды, о. Аркадій попрямувавъ до одніи конякы.

— Тпру-тпру!..—озвався винъ до неи, беручы за мокрый чубъ.

Коняка оторопила й фыркнула.

— Тпру!.. Не бійся дурна!..—говорывъ винъ, гладячы рукою теплу товарыну и нахыляючысь до пута.

Путо було прядивьяне, и винъ его жыво зпявъ, накынувъ коняци на шыю, ухопывъ іи за край грывы, стрыбнувъ и опынывся верхы.

Коняка кынулась въ бикъ, але о. Аркадій сивъ добре и скоро винъ справывъ іи на дорогу й пойихавъ до мосту.

— Отъ якъ, по-запорожськы!.. Мовъ злодій якый.

Теперъ о. Аркадій почувавъ себе краще и тильки стежывъ, щобъ коняка не завезла ёго кудысь въ другый край,—праворучъ въ село, до свого хазяина, або що. А утома брала свое; хотилось тепла, хотилось спаты, и о. Аркадій зъ завдоволенням почувавъ нидъ собою теплу коняку.

«Колы бъ уже скорище мистъ. . Колы бы уже скорище!»...— сумно думавъ винъ, колы, якъ стій, разомъ зъ туману передъ нымъ вырнулы якись будивли.

«Що се таке?.. А, се заводъ!.. Вже скоро ричка».

О. Аркадій звернувъ трохы зъ дорогы коняку, щобъ бува одъ заводськыхъ воритъ хто не побачывъ ёго й не прызнавъ за злодія, объйихавъ заводъ лугомъ и зновъ выйихавъ на дорогу.

«Чысто такъ, якъ злодій!»—думавъ винъ.

Въ тумани жовтымы плямамы замрилы лыхтари на мосту и видтиль почувся грюкитъ и клацання.

То по мосту йшовъ пойиздъ.

Ось нызка огнивъ вырнула зъ млы и зъ сычаннямъ и торохтиннямъ полынула зновъ у питьму, туды, въ той край, куды треба йихаты ратуваты симью и о. Аркадію.

Винъ спынывъ коняку й дывывся у слидъ пойиздови. Уже мыготивъ тильки одынъ червоный вогныкъ и, блидніючы и зменшаючысь, ишовъ у питьму. Затыхало и гуркотиння колесъ вагонивъ. О. Аркадій зитхнувъ и злизъ зъ конякы.

— Спасыби!—сказавъ винъ ій, потрипавшы по шыи, и повернувшы назадъ, провивъ килька крокивъ и пустывъ.—Иды додому!—а самъ по насыпу почавъ збиратысь на мистъ.

«Що то скаже архырей?»—думавъ винъ, йдучы по верхнёму поверси мосту и дывлячысь внызъ на ричку.

Воды за туманомъ не було выдно, але чулась вона блызько, и вже було чуты, що тутъ недалеко городъ. Зъ вокзалу доносылысь свысткы паровозивъ, чуты було торохтиння колесъ по мощеныхъ каминемъ улыцяхъ. Ось могутно загувъ на якомусь заводи гудокъ, черезъ хвылыну въ терцію ёму озвався другый. Десь мовъ

дали, нызькымъ сыпкымъ басомъ, неначе зъ-просоння, заревивъ третій, и ихъ голосы оддалысь луною десь далеко на ричци, на островахъ.

— Се, мабуть, пять годынъ,—промовывъ о. Аркадій.—Куды жъ я пиду?

И винъ уявывъ соби весь планъ городу, шырокый ёго проспектъ. що тягнется зъ долыны на гору, а тамъ майданъ, соборъ и архырейське подвирря, и поклавъ иты просто туды, на архырейське подвирря, щобъ, якъ тильки буде можно, доступытысь до архырея, прохаты ёго, щобъ давъ дозволъ йихаты до-дому. Але колы винъ дійшовъ до краю моста и поглянувъ на ту вулыцю, по якій ёму треба було йты, то вона була така мертва й непрывитна и така ще темна, що винъ, не завертаючы, пишовъ просто на вокзалъ.

Тамъ хочъ йе свитъ, йе люде.

IV.

Вокзалъ ще наполовыну спавъ, колы въ ёго увійшовъ о. Аркадій.

Задыхаючысь видъ важкого духу, винъ пройшовъ залу третёго класу, де по лавахъ и на доливци лежалы й сыдилы люде, повыти табашнымъ дымомъ. Винъ зупыняючысь пройшовъ въ залу другого класу.

Тамъ було тежъ душно, але все такы краще. Було досыть свитло, и тутъ о. Аркадій побачывъ, якымъ винъ выйшовъ зъ своеи незвычайнои подорожи. Зъ ниґъ до головы винъ бувъ заляпаный болотомъ, и сонни лакеи дывылысь на ёго, мовъ на яку прояву. Винъ було почавъ шукаты соби мисця, щобъ систы видпочыты, але, помитывшы ти здывовани погляды, не сидаючы въ зали, пишовъ въ уборну.

Тамъ винъ роздягся, роззувся и почавъ даваты соби ладъ, на скильки се було можно зробыты.

«Онъ якъ довелось тоби, брате, поратысь!»...—говорывъ винъ до себе въ думци, зоскрибаючы зъ чобота лыпку грязюку пальцямы и пидставляючы ёго пидъ крантъ въ умывальныку.—

«Оттакъ, оттакъ-о!.. щобъ чысто було!.. Щобъ не сказалы люде, що пипъ волоцюга, щобъ не соромъ було передъ владыкою явытысь!»—жартувавъ випъ.

Вода въ кранту была ключемъ на чобитъ и звидтиль брызкала ёму въ бороду й очи. Винъ одвертавъ облыччя, отдувався и такы доводывъ чобитъ до пуття.

Зъ уборнои винъ выйшовъ зовсимъ прычепурывшысь, и тильки руди плямы на мокрій ряси свидчылы, що винъ сю ничъ бувъ у бувальцяхъ. Винъ попрохавъ соби чаю й хлиба и жадлыво пывъ той чай и йивъ той хлибъ, бо за свою подорожъ добре выголодався. Все тило у його болило и въ мокрыхъ чоботяхъ и одежи винъ тремтивъ, мовъ у пропасныци.

Уже зовсимъ свитало, и по вокзальныхъ стипахъ почалы вымалёвуватысь велыки блиди викна. Денный свитъ змагався зъ свитомъ электрычнымъ. О. Аркадій пидвився, щобъ иты на архырейське подвирря, на другый край города. Покы дійде, то вже й день буде, уже може й архырей почне прыёмъ.

И винъ пишовъ.

Дощу вже не було, и туманъ помалу сплывавъ у гору й летивъ за витромъ кудысь геть на захидъ. Мокри дерева, зъ наполовыну опалымъ помарнилымъ лыстямъ, стоялы вдовшъ проспекту рядамы и мовъ показувалы о. Аркадію, куды йты: оттуды-о, спершу нызомъ, а тамъ на гору, де ледве мріе водокачка! Туды тяглысь и рельсы трамваю, але вагоны по ихъ ще не ходылы.

И дывна ричъ: чымъ дали видъ вокзалу йшовъ о. Аркадій, тымъ бильше винъ почынавъ боятысь иты до архырея

«Прожене!.. Прожене, не выслухавшы!.. Не дасть усёго сказаты. Ёму що? хиба винъ знае наше горе?.. Хиба у його есть симья, хиба винъ знае, що таке злыдни, що таке не маты шага за душею?

И о. Аркадій несвидомо полапавъ свій гаманець у кышени: тамъ було всёго-на-всего рубъ шистьдесятъ чотыри копійкы срибломъ и мидью. Ото увесь ёго капыталъ. Колы доведется йихаты до-дому, то ни зъ чымъ буде, — десь прыйдется добуваты грошей.

«Опъ яки наши статкы! А винъ думае, що мы багачи, що капыталысты!.. Есть и мижъ нашимъ братомъ, та не вси! Нехай погляне хочъ на о. Сергія, — тежъ пипъ, золотый снипъ!»

Пры згадци про свого товарыша по манастырю, досада й злисть раптомъ заворушылысь въ души о. Аркадія.

«Хиба вы знаете, кого карать, кого мылувать?»—докорявъ винъ въ думци усихъ тыхъ, що мають владу надъ людьмы.— Хиба вы що думаете, якъ пидпысуете паперы?.. Де тамъ! Самихъ бы васъ посадыть у нашу шкуру!»...

За думкамы о. Аркадій не помитывъ, якъ винъ пройшовъ увесь городъ, выйшовъ на гору й прыйшовъ до архырейського подвирря. Було ще дуже рано, хочъ ворота подвирря булы видчынени и звидты выйиздывъ на малій дебелій брычци, запряженій тежъ невелычкою конякою, товстенькый чернець. Конякою правывъ послушныкъ.

То бувъ архырейськый економъ. Винъ йихавъ на базаръ.

И економъ, и послушныкъ здывовано дывылысь на о. Аркадія: чого винъ тутъ такъ рано? О. Аркадій знявъ мокрого брыля:

— Що, владыка дома?

— Дома,—одповивъ чернець, киваючы головою и спыняючы визныка.

— Винъ якъ... ще спыть, чы вже вставъ?

— Уже давно вставъ, тильки прыёмъ просытеливъ зъ девяты годынъ.

— А теперъ скильки?

— Та мабудь шисть.

— Шкода.

— А вамъ треба до владыки заразъ?—запытавъ чернець.

— Та хотилось бы заразъ побачыты.

— То йдить у садъ: владыка тамъ моціонъ робыть. Отамъ биля флигеля хвирточка.

О. Аркадій подякувавъ и пишовъ до саду.

«Ну, Аркадіе, набирайся, братъ, духу: або панъ, або пропавъ!»—подумавъ винъ, и серце прудко застукотило у ёго въ грудяхъ, а кровъ ударыла въ выскы.

Сылкуючысь буты спокійнымъ, винъ одчынывъ хвирточку и увійшовъ въ садъ. Одъ хвиртки йшло килька вузькыхъ стежокъ и одна, посередыни межъ ными, шырока аллея. О. Аркадій пишовъ по ій.

Скоро винъ дійшовъ до такои жъ другои шырокои аллеи, що перехрещувалась зъ тією, по якій винъ ишовъ. Винъ подывывся праворучъ и ливоручъ, въ таемныци серця боячысь зразу побачыты владыку, але ёго не було выдно.

О. Аркадій хвылыну постоявъ на перехрести и звернувъ праворучъ, де по мокрому писку выдко було чыись слиды. Ся аллея упыралась въ стину, а по-падъ стиною знову ишла друга, и въ ій ливоручъ майнула на самому кинци чыясь огрядна постать, повернула въ бокову аллею и зныкла.

— Винъ!

О. Аркадій пишовъ у той кинець саду и колы дійшовъ до мисця, де, якъ ёму здалось, винъ побачывъ архырея, та сама огрядна постать чорнила вже въ другому кинци аллеи.

«А жваво ще ходыть владыка!»—подумавъ о. Аркадій.— «Чы наздоганяты ёго, чы иты навпереймы?.. Наздоганяты краще, а то десь розмынемось».

И винъ наддавъ ходы. Зновъ поворотъ, и зновъ зныкла чорна постать. Теперъ о. Аркадій пишовъ такъ прудко, якъ тильки мигъ. Ось поворотка и зновъ шырока аллея, по-пидъ самымъ архырейскимъ домомъ, але архырея немае,—мабудь скинчывъ свій моціонъ и пишовъ зъ саду въ хату.

Що ёго робыть?

О. Аркадій спынывсь и замыслывсь: ждаты прыёму незручно й не скоро се буде; иты до владыкы чорнымъ ходомъ, въ оти двери, тежъ незручно, — може прогнать. Але може прыняты й неоффиціально и може запроста выслухае...

— Пиду, — що буде, те буде!

Винъ пидійшовъ до дому, зійшовъ на невысокый ганокъ, одчынывъ двери и увійшовъ у невелыки сины. Дали просто булы други двери и зъ-за ихъ долиталы голоса.

О. Аркадій спынывся. Хтось старый и старшый шкылювавъ когось молодшого.

— Оселедець готовый?

— Отъ заразъ, тильки порижу...

— Ачъ якъ готовый!.. Давай сюды, самъ порижу! Тоби скильки не говоры, ты николы не зробышъ такъ, якъ треба! Не мигъ у економа взяты для владыкы кращыхъ оселедцивъ!..

«Се мабуть сварятся архырейськы келейныкы»—подумавъ о. Аркадій,—пиду»!

Винъ одчынывъ двери и увійшовъ въ чымалу кимнату. Тамъ винъ побачывъ тихъ людей, чыи голосы чувъ зъ синей. Старишый, огрядный сывый чоловикъ, той що сварывся за оселедця, стоявъ до дверей спыною и, держучы оселедця рукамы за голову й хвоста, безъ хлиба выгрызавъ ёму товсту, смачну спыну просто зубамы.

— А самоваръ готовый у тебе? — незадоволено пытавъ винъ, не обертаючысь назадъ.

— Шумыть, владыко святый! — одмовывъ другый, тежъ уже зъ сывыною невелычкый сухый чоловикъ.

— Я у тебе пытаю: самоваръ готовый?

— Шумыть, владыко святый,—говорю.

— Отъ, бачышъ, до чого ты дожывъ,—вередлыво грымнувъ, не выпускаючы зъ рукъ оселедця старый,—уже кажешъ: шумыть владыка святый!.. Це на Афони ты такъ навчывся поводытысь зъ архыреямы?

«Се самъ архырей!»—стрельнула думка въ голови о. Аркадія.—«Оце такъ ускочывъ!»—и винъ хотивъ бувъ утикты геть зъ хаты, колы архырей повернувся назадъ и побачывъ ёго.

— Ты хто такый и чого тутъ тоби треба?—гризно й незавдоволено гукнувъ винъ, наступаючы на о. Аркадія зъ недойиденымъ оселедцемъ у правій руци.

Се бувъ справди архырей,—гризный и велычній, якымъ ёго знавъ о. Аркадій,—хочъ и бувъ винъ одягненый у старенькый, засмальцёваный каптанець и державъ зъ хвость того оселедця зъ

выгрызеною спыною въ одній руци, а другою втыравъ замаслени губы. Облыччя ёго було червоне—чы зъ гнива, чы зъ того, що винъ тильки що вернувся зъ свижого повитря, а гострый поглядъ сирыхъ очей пронызувавъ усёго о. Аркадія.

— Ты чого тутъ, кажу тоби!

О. Аркадій стерявся. Винъ спершу хотивъ бувъ пидійты пидъ благословеніе, але, глянувшы на рукы владыкы, зоставсл на мисци биля дверей.

— Я... священныкъ Аркадій Завадовськый. Я... я... у мене несчастя въ семьи, то прыйшовъ прохаты отпуску... дозволу пойихаты туды,—затынаючысь, говорывъ о. Аркадій, почуваючы, що не такъ бы слидъ говорыть и досадуючы за те на себе.

— А отпускъ отъ твого начальства у тебе йе? Зъ манастыря?..

— Я несподивано... в-ночи выбувъ зъ манастыря, бо... скарлатына! Ждать не можно.

— Кажу,—отпускъ йе?

— Нема... але...

— Ну, такъ вертайся въ манастырь,—роблено спокійно мовывъ архырей.—Що ты, порядкивъ доси не знаешъ?—грымнувъ винъ разомъ слидъ за тымъ.—Нема тоби отпуску й не буде!

— Але жъ диты умыраютъ: голодни, холодни, безъ копійкы грошей!

— Диты!.. Вы на дитей все звертаете. Всяки мерзоты робыте, а дитьмы захыщаетесь. Не буде тоби отпуску! Йидь назадъ въ манастырь!

Владыка одвернувся и рищуче кынувъ на тарилку недойиденого оселедця и хотивъ йты въ другу кимнату.

— Ваше преосвященство!.. Окажить мылость!—прохавъ о. Аркадій, пидступаючы блыжче до архырея.—Уже одна дытына... дочка умерла, а трое лежать хвори. Жинка биля ихъ сама!..

— А, умивъ рясы зъ благочынныхъ рваты, а епытымію несты не хочешъ?

— Я не рвавъ рясы зъ о. благочынного, то неправда! — спалахнувъ о. Аркадій.

— А, неправда?.. Ну, те консисторія краще знае. Не буде тоби отпуску, и геть звидсы!—одрубувавъ кожне слово владыка.—Хиба ты не знаешъ порядкивъ, хиба ты не знаешъ, де прыёмна архырейська?.. Якъ мужыкъ ломышся туды, куды не слидъ.

— Простить, ваше преосвященство! Тильки несчастя въ симьи заставыло мене... Я можу спизнытысь на пойиздъ. Въ девять годынъ...

Архырей хвылыну помовчавъ, гризно моргаючы очыма.

— Несчастя несчастямъ, а все такы ты вернешся въ манастырь, и я тоби побильшу срокъ епытыміи за «самовольну отлучку»,—сказавъ винъ спокійно, але твердо.—Йды!

О. Аркадій побачывъ, що справа ёго рушылась, и досада и видчай обхопылы ёго.

— Я не пиду звидсы, покы не буду маты отпуску!..

— Ты, ты сміешъ мени, своему архырееви, се говорыты, такъ розмовляты?.. Пишовъ геть видсиля, щобъ твого й духу тутъ не було!—скрыкнувъ архырей, показуючы на двери, увесь червоный и страшный.

— Я не пиду!—уперто стоявъ на своёму о. Аркадій, мнучы брыля въ рукахъ.

— Я рясу зъ тебе здійму!

О. Аркадій мовчавъ.

— Я тебе згною въ манастырю за твою упертисть! Я выжену зъ тебе іи! Я выжену зъ тебе діявола!

— Ваше преосвященство!—голосъ о. Аркадія здригнувъ и зъ образы слёзы пидступалы ёму до горла.—Ваше преосвященство! Не діяволъ сыдыть у мени й упорствуе, а горе... несчастя прымушуе мене гниваты ваше преосвященство. И я, во имя того горя, во имя мылосердія людського, во имя дитей—благаю ваше преосвященство, змылуйтесь!.. И у васъ була маты...

И о. Аркадій несподивано для самого себе впавъ на колина, прыпавъ головою до доливкы й зарыдавъ.

— Встань!—сказавъ владыка, одвертаючысь до викна и прутко моргаючы очима.—Ты скильки сыдышъ въ манастыри?

О. Аркадій вставъ и, тежъ одвернувшысь до дверей, вытыравъ облыччя мокрою й брудною хусткою.

— Пивтора мисяци.

— Скильки тоби ще зосталось?

— Два тыжни.

Надія майнула въ души о. Аркадія, але винъ, знаючы поводження владыкы, не нявъ ій виры.

Владыка мовчавъ.

— А все такы я не можу тоби даты отпуску. Се буде потачка всимъ другымъ такымъ, якъ ты.

И мовъ згадавшы щось прыкре, владыка знову насупывся.

— И такъ онъ въ Синоди про мою епархію йде неслава! И такъ онъ говорять: «тамъ владыка старый, роспустывъ духовенство!» Онъ якъ! Черезъ васъ и нашому братови, архыреямъ, грызота. Йды въ манастыръ та досыжуй, а тоди вже пойидешъ до-дому,

— А диты, ваше преосвященство?—зъ видчаяннямъ скрыкнувъ о. Аркадій.

— Шо мени диты,—спалахнувъ зновъ архырей,—самъ наплодывъ, то самъ и думай про ихъ! Вы вси тильки й знаете: «диты!» А навищо наплодывъ ихъ стильки, а навищо рясу зъ благочынного рвавъ?

— Ваше преосвященство!

— Чувъ я це: «ваше преосвященство!» Черезъ тыждень подавай прошеніе зъ видозвою видъ игумена, то тоди може й пустю. Йды!

Владыка повернувся до умывальныка, засукуючы рукава пидрясныка, щобъ мыть рукы.

— Не пиду я,—сказавъ о. Аркадій, зновъ одступаючы до дверей.

— Ну, якъ хочешъ: не хочешъ иты, то будешъ сыдиты въ манастыри увесь срокъ,—упевнено сказавъ винъ и пишовъ у свои покои. - Самоваръ подавай!—гукнувъ винъ келейныкови.

— Заразъ, владыко святый!

Якъ тильки зачынылысь двери за архыреемъ, о. Аркадій, мовъ пидбытый, упавъ на стилець: «не пиду никуды!»—думавъ винъ.—«Що буде, те й буде! Нехай побье, нехай самъ вышпурне звидсиль!...»

Келейныкъ однисъ самоваръ и вернувся назадъ. Пораючысь зъ посудомъ, винъ повернувъ голову до о. Аркадія и стыха сказавъ:

— Ничого. Пождить трохы,—владыка змылуется. Се зъ нымъ неридко бувае!

О. Аркадій сыдивъ увесь розбытый, знесыленый. За що така наруга, за що така немылость одніи людыны до другои? И се епыскопъ, пастыръ духовный, що мусивъ бы зъ одного слова зрозумиты чоловика, прыбытого горемъ, чоловика зъ розидраною душею! Падавъ передъ нымъ на колина, валявся на доливци, плакавъ!.. и все такы мылосердіе не прокынулось въ ёго серци.

«Чого жъ я ще буду тутъ сыдить? Чого ждаты? Пойиду просто до-дому,—нехай що хоче, те й робе зо мною!»

— Де владыка?—спытавъ винъ келейныка.

— Отутъ, у сій кимнати. Але не ходить: владыка дуже гниватыметься,—боязлыво шепнувъ винъ о. Аркадію, помитывшы, що той хоче йты туды.

— Все одно.

О. Аркадій ришуче одчынывъ двери и увійшовъ въ архырейську йидальню. Владыка сыдивъ за столомъ и пывъ зъ блюдця чай.

— Ты чого сюды лизешъ, непроханный?—грізно гукнувъ винъ, пидводячысь зъ стильця.

— Я прыйшовъ, ваше преосвященство, ще разъ прохаты васъ: пустить мене до-дому, бо колы не пустыте, то я не ручаюсь за себе!—твердо сказавъ винъ.

— Якъ се такъ?

— А такъ, що я або самовольно утечу до-дому, або наложу на себе рукы.

— А, онъ якый ты... Такъ ты лякаты мене?.. Геть же зъ моихъ очей!!..—скрыкнувъ архырей такъ, що луна озвалась у викнахъ.

Облычча о. Аркадія пересмыкнулось.

— Розидралы вы мени серце!—гукнувъ винъ, не чуючы себе, и рвучы на соби рясу.—Вырвалы вы ёго зъ грудей, то никого я теперъ не боюсь,—Богъ мени суддя! Та знайте, що винъ и вашъ суддя!

О. Аркадій увесь преобразывся, и се бувъ уже не смыренный штрахованый пипъ, а гризный, роздратованый левъ. Неначе й кучеряве волосся ёго настобурчылось.

— Богъ вамъ суддя. Прощайте!

Винъ повернувся и, не поклонывшысь и не зачыняючы за собою дверей, выйшовъ зъ йидальни архырейськои и зъ синей и, несучы въ руци брыля, прудко пишовъ черезъ садъ на подвирря.

— Чы винъ пьяный, чы винъ божевильный?—пытався здыванный и оторопилый владыка.—Протасій! Верны ёго назадъ!..

Протасій побигъ слидъ зо о. Аркадіемъ.

— Батюшка! Батюшка!..—гукавъ винъ.—Верниться, владыка зволыть клыкаты до себе!

— Геть!—не дывлячысь, одмахнувся рукою одъ його о. Аркадій и выйшовъ зъ двору.

V.

Колы о. Сергій прокынувся вже не рано, весь розбытый, зъ важкою головою, то винъ зразу не мигъ прыгадаты, що зъ нымъ и де винъ. Тильки оглядившысь, винъ побачывъ що лежыть у своій кимнати, на лижку о. Аркадія и нероздягненый.

Сыдячы на лижку, винъ прыгадувавъ учорашній вечиръ и ничъ и не мигъ усёго гараздъ уявыты соби. Помпей... о. Аркадій... воропанивськый пысарь, жинка и теща,—все те мовъ щось робыло учора, мовъ винъ мавъ до ихъ якесь дило, але яке саме—уявыты не мигъ. Здается, плакавъ...

Колы задзвонылы до церквы, то о. Сергій не пишовъ туды, а лигъ на свое лижко и укрывся, якъ тильки мигъ, теплище; ёго была пропасныця.

— День!.. День-день!—жалибно вымовлявъ невелыкый дзвинъ.

И о. Сергій думавъ, що справди уже день, хочъ и зновъ похмурый день, а о. Аркадія немае: значыть, такы пишовъ... значыть, десь добывается свого, робыть свое дило. Не такъ якъ винъ... пропащый чоловикъ. Ёму ничого не треба робыть, на ёго долю зосталось тильки лежать и умирать. Але ще кинець не скоро. Сухоты—хвороба затяжна.

И винъ зъ болемъ у лоби пидвивъ угору очи и повивъ ихъ по стинахъ.

Биля дверей у кутку воны спынылысь на дебелому гвиздку, забытому въ стину, щобъ вишать одижъ.

«Онъ винъ, самый пидходящый! Взяты поясъ, зробыты петлю, вильный кинець замотаты за гвиздокъ — винъ выдержыть,—а петлю зъ пряжкою на шыю... И кинець, и капутъ!.. Зоставайтесь соби сами, друзи мои и знаеміи!.. Мало побувъ зъ вамы и ще менше добра зазнавъ видъ васъ,—буде зъ мене!»

О. Сергій поворухнувся й застогнавъ, але видъ чого бильше— чы видъ болю въ тили, чы видъ болю души,—того бъ и самъ винъ не сказавъ.

Винъ лежавъ, дывывся на гвиздокъ и уявлявъ, якъ на ёму высыть ёго тоще тило. Высыть якась никчемна торбына зъ бактеріямы... «Не руште іи, нехай высыть, вона була за жыття така болюча, що ій потрибенъ спокій».

И винъ дывывсь въ кутокъ, на ту торбыну, и плакавъ... Не руште іи!»...

— День... День-нь!..—скыглывъ мызерный дзвинъ.

У кимнату увійшовъ послушныкъ Олексій, щобъ прыбрать іи.

— А до церквы що жъ и не пидете?—пытався винъ, пидмитаючы пидлогу и дывлячысь, якъ о. Сергій одвернувшысь до стины, трется у пропасныци.

— Не пиду. Не здужаю.

— А сёгодня тежъ увесь день мабуть буде дощъ.

— Ты бъ, голубчыку, протопывъ добре грубу, та сходы до о. Помпея, попрохай ёго зайты сюды!

— Добре. А де жъ о. Аркадій?

О. Сергій помовчавъ и потимъ сказавъ:

— Далеко теперъ о. Аркадій,—у городи мабуть!

— Онъ якъ!.. Колы бъ же винъ устыгъ туды добратысь?..

— Устыгъ.

Олексій прычепурывъ кимнату, затопывъ зъ синей грубу и пишовъ. О. Сергій зновъ остався самъ. Дзвону уже не було чуты, и тильки за викнамы шумивъ витеръ, а може то такъ здавалось о. Сергію, а шумила кровъ у ёго въ выскахъ, а може стугонивъ огонь у груби.

«Бидолашна ходяча торба зъ бактеріямы! Гыдка ты й небезпечна для людей... Кынуты бъ тебе въ вогонь, щобъ и слиду не зосталось!»--думавъ о. Сергій, стыскаючы щелепы.

Такъ винъ пролежавъ, покы выйшлы зъ службы, и почавъ було дриматы, якъ почувъ, що хтось иде до ёго въ кимнату.

«Мабуть, Помпей!»

Але винъ помылывся. У хату війшлы игуменъ и за нымъ, хытаючы головою, Пафнутій.

О. Сергій пидвився и сивъ на лижко.

— Здрастуйте, здрастуйте, отче!—мовывъ игуменъ, озыраючысь по кимнати.

— А мы зъ о. Пафнутіемъ, почувшы, що вы нездужаете, зайшлы до васъ, навистыты.

«Се на допросъ прыйшлы»,—подумавъ о. Сергій и сказавъ:

— Спасыби. Сидайте, будь ласка!

Гости силы. Одынъ товстый и дебелый, мовъ злытый, другый сухый и зигнутый, але обыдва воны булы владарямы манастыря, котримъ усе мусыло скорятысь. Обыдва воны булы темни, неосвичени люде, одынъ зъ крамарського, а другый зъ мужычого роду, и добылысь становыща—той, виддавшы на манастырь чы-малу суму грошей, спадщыны видъ батькивъ-крамаривъ, и черезъ те доскочывшы игуменства, а другый—выключно своимъ жыттямъ и поводженнямъ. Про ёго й далеко видъ манастыря уже йшла слава, що се святый чоловикъ, прозорлывець. Обыдва воны наскризь бачылы одынъ одного и ненавыдилы одынъ одного, й боялысь, и у всихъ справахъ манастырського жыття бралы участь

разомъ, нибы пособляючы одынъ одному, а на дили—выслиджуючы одынъ одного.

Такъ иноди въ одному ярми ходять два ревпыви вола и завжды потай змагаются одынъ за одным.

— Занедужалы?—пытается игуменъ.

— Та трохы прохватыло.

— А о. Аркадій де?

— Отправывся въ городъ до владыкы прохаты отпуску додому. Въ симьи не благополучно.

— Колы жъ винъ пойихавъ?—зъ робленымъ здывуванням, поглянувшы на Пафнутія, пытався игуменъ.

— Учора зъ вечора.

— Та винъ же не пытався у мене! И прывратныкъ каже, що никого не выпускавъ зъ манастыря...

«Ага, голубчыкы,—подумавъ о. Сергій,—уже й тамъ булы!»

— Ничого не знаю.

— Акы тать въ нощи,—хытнувъ головою Пафнутій.

— Дывно мени!.. Заперлы ворота—бувъ чоловикъ дома, а вранци немае. А що скаже владыка? Що подумае про наши порядкы?..

Очи Пафнутія занялысь якоюсь потайною думкою.

— Мырськи люде, до мыру й тикають, бо тамъ гусли и органы и плясанія... Хе-хе!..—сухо и коротко осмихнувся винъ.

О. Сергій зъ мукою дожыдався, щобъ воны скорище покынулы его хату, щобъ ему не бачыты ихъ и щобъ зновъ можна було лягты й не держаты на плечахъ важку, мовъ налыту олывомъ, голову.

Нарешти незвани гости такы пишлы зъ хаты робыты допытъ,—хто выпустывъ зъ манастыря о. Аркадія, а колы нихто не выпускавъ, то якъ винъ змигъ самъ выбратысь за его стины.

О. Сергій зновъ упавъ на лижко. Ему хотилось, щобъ скорійше прыйшовъ Помпей, але винъ боявся, що теперъ Помпей, бачывшы або прочувшы, що игуменъ зъ Пафрнутіемъ пишлы по манастырю, поостережется заразъ прыйты до его.

Але винъ знову помылывся. Скоро щось рыпнуло дверыма, и до хаты увійшовъ Помпей. У хати мовъ свитлище стало.

— А я васъ ждавъ.

— Що зъ вамы, занедужалы?

— Та есть трохы... Умирать, мабуть, пора!

— Ну, що вы кажете!—засміявся Помпей, и колы о. Сергій поглянувъ на ёго, то ёму справди здалось, що вінъ говорыть дурныцю, и туга трохы видлягла у ёго видъ серця.

Помпей ходывъ по хати такый свижый и здоровый и такъ легко носывъ на соби чымалу вагу рокивъ и жыру, що, дывлячысь на ёго, якось легше стало на серци о. Сергія: старый чоловикъ, а бачъ якый здоровый та моторный!

— Олексій сказавъ, що васъ пропасныця бье, то ось вамъ хына.

— Спасыби!—сказавъ о. Сергій, встаючы зъ лижка.—Хына хына, а може у васъ йе що й до хыны?

Помпей зупынывся проты о. Сергія и засміявся.

— А хиба хочется?

И по ёго облыччю було выдно, що у ёго есть те, чого прохавъ о. Сергій.

— Дайте!

— Ни, спершу хыны выпыйте, а то тоди вже... Бо ще можуть наши зъ обходу зайты сюды. Шукають, де перелизъ черезъ стину о. Аркадій. Що зъ того, де само перелизъ? Скризь можно перелизты! Мы, було, въ бурси зъ третёго поверху спускаемось безъ драбыны по карнызахъ та рынвахъ.

О. Сергій выпывъ хыны, а потимъ и того, що прынисъ Помпей, и свитъ немовъ прояснывся ёму

Съ того часу, якъ винъ почавъ ужываты горилку,—а се почалось скоро по прыйизди на парахвію,—винъ пывъ іи чымало, и чымъ дали, тымъ бильше. Вона ёму давала забуття, давала сонъ, хочъ не давала спокою. И винъ давно уже знавъ, що таке за штука похмилля, и держався думкы дидивъ и прадидивъ, що клынъ треба выбываты клыномъ, а то чоловикови лыхо,—хочъ у петлю лизь!

Винъ разомъ выпывъ «сотку», що ёму прынисъ Помпей, и облыччя ёго блиде, ажъ сыне, засяло усмишкою:

— Отче, друже,—прышлить або прынесить бильше! Рады спасенія, рады родытеливъ вашихъ!

— Добе, добре... трохы погодя.

Воны не крылысь одынъ одъ одного и знаіы обыдва свои грихы, и що воны не одни въ манастыри гришни въ тимъ. У Помпея, якъ у економа, завжды бувъ запасъ всякихъ напыткивъ, и винъ дилывся имы зъ братіею. И, знаючы ёго, треба було дывуватысь, чого пишовъ у ченци цей чоловикъ.

Бувъ винъ дякомъ, мавъ симью, бувъ зъ ёго велыкый дока въ рыбальстви и мало винъ тямывъ у сильскому господарстви, за те умивъ чудово дзвоныты у дзвоны, розсказувать усяки байкы й небылыци, кохався у бджильныцтви и любывъ добре выпыты въ пидхожій кумпаніи. Повыдававъ винъ замижъ дочокъ, оженывъ сына и слидъ за тымъ поховавъ жинку. Тоди у ёму мовъ що перевернулось: почавъ цуратысь людей, ставъ журытысь, и все це скинчылось тымъ, що одного разу, у вечери, выйихавъ винъ верхы зъ свого двору, никому не сказавшы ни слова, и пропавъ безъ висты. Не скоро вже дійшла до симьи звистка, що бачылы ёго люде, якъ винъ продававъ коня на базари у повитовому мисти, а рокивъ черезъ тры довидалысь, що винъ жывый и вже давно пробувае въ ченцяхъ.

А въ ченцяхъ винъ зновъ ожывъ, и хочъ попередня веселисть цилкомъ уже не вернулась назадъ, але винъ бувъ такый ласкавый, прывитный до всихъ, що вси ёго въ манастыри любылы.

Любылы ёго и вси епытымысты, якыхъ чымало перебувало въ манастыри и якыхъ манастырське начальство почытало за кару Божу для себе й манастыря и ненавыдило всимъ серцемъ. Бо все то бувъ народъ самовольный и неурывноваженый, звысока дывывся на ченцивъ за ихъ неосвиченнисть и ображавъ ихъ гордисть тымъ, що хочъ и бувъ доручены пидъ манастырськый доглядъ, але не прызнававъ ніякого авторитету за манастырськымъ начальствомъ.

Але Помпея епытымысты любылы, и винъ умивъ зъ ными поводыться. Игуменъ се помитывъ и мовчкы нибы доручывъ ихъ ёму: нехай винъ панькается зъ ными, якъ знае!

Тильки Панфутій не любывъ Помпея и скризь назыравъ за нымъ и за епытымыстамы и, де тильки мигъ, точывъ ихъ, мовъ шашиль сухари. И якъ ёго ненавыдилы вси въ манастыри! Але нихто не смивъ и не мигъ зачепыты ёго.

— Якъ выпьешъ, то инакше легше видкашлюватысь,—казавъ о. Сергій, трохы оправывшысь писля прыступу кашлю, гирко усмихаючысь, якъ завжде своимъ зламанымъ зивъялымъ усомъ.—Ваши то, ваши—пишлы шукаты, звидкиль вылетивъ птахъ! Шукайте, усе одно не поможется!.. А гарно, плюнуты бъ на все оце и податысь, куды очи дывлятся. У-ухъ, пагано тутъ! А ще краще було бъ скорише здохнуты!—додавъ винъ.

И мовъ хмара набигла на о. Сергія. Винъ одразу потемнивъ и пропасныця зновъ ударыла ёго.

— Отче, прынесить алкоголю!

— Добре, добре. А теперъ лягайте, та укрывайтесь, а то вамъ холодно. Лягайте, я укрыю!

— Укрыйте, справди холодно.

Помпей укрывъ о. Сергія и выйшовъ зъ келіи. Хмара, що набигла на о. Сергія, зробылась чорнійшою, важчою. Холодъ обхопывъ ёго тило й душу. А на двори зновъ збиралося на дощъ.

Игуменъ и Пафнутій обійшлы увесь манастыръ, додывляючысь и выпытуючы, де мигъ выбратысь зъ манастыря о. Аркадій, але нычого не дизналысь. Игуменъ сердывся, а Пафнутій бувъ радый, але ни той ни другый не выявлялы того, що було у ихъ на души.

Воны верталысь зъ обходу.

— Я думаю, що владыка спросыть ёго, де жъ отпускъ зъ манастыря? И винъ мусыть сказаты, що винъ утикъ безъ отпуску. Тутъ моеи выны немае ніякои. Жывосыломъ чоловика не вдержышъ!

— А якъ винъ скаже, що манастыръ стоить безъ догляду и хто хоче, той вночи входе й выходе зъ ёго?..

— Такъ се жъ неправда! Хто жъ се може сказаты? Се треба зовсимъ загубыты совисть.

— Блюдите, како опасно ходыте: днiе лукави суть, а люде ще лукавищи.

— А я напышу рапортъ ёго преосвященству, що такъ и такъ: священныкъ-епытымыстъ, Аркадiй Завадовськый, вночи утикъ зъ манастыря, невидомо куды, и ще доси не вернувся. Нехай знае, а я покрываты никого не хочу. Треба й за другымъ стежыты...

— Ни, сей не втиче!—якось загадково усмихаючысь, сказавъ Пафнутiй.

— Хто ёго знае!

И попы розiйшлысь. Игуменъ пишовъ до себе, а Пафнутiй, не дывлячысь на дощъ, пишовъ по двору. Зробывшы, мовъ заиць, кильки петель, винъ завернувъ въ келiю о. Сергiя.

«О, зновъ ужака повзе!»—подумавъ той, побачывшы ёго.

— А я до васъ. Дощъ иде, а у васъ тепленько... Хе-хе!

О. Сергiй ничого не сказавъ, тильки поворухнувся, лежачы, и кашлянувъ.

— Такъ, хе-хе, немае о. Аркадiя?—говорывъ Пафнутiй, трохы помовчавшы и мовъ дожыдаючы, що о. Сергiй щось скаже.

О. Сергiй мовчавъ.

— Чого жъ тутъ у манастыри сыдиты?.. У насъ тыхо, сумно: що-дня до церквы ходыть треба. Уставъ нашъ суворый!.. А въ мыру весело, шыроко тамъ и вильно, що хочешъ робы, куды хочешъ иды. Де жъ тутъ усыдить... у манастыри!

Пафнутiй помовчавъ, мовчавъ и о. Сергiй.

— У манастыри народъ темный, неосвиченый... Сами мужыкы. Зъ ными ни про що розмовляты, окримъ слова Божого, а це у насъ не въ моди,—ще по семынарiяхъ набрыдло. Хе-хе.

О. Сергiй лежавъ и думавъ: «чого винъ прыйшовъ сюды,—пылять мене, чы що? Хочъ бы скорише убырався геть!»—и поклавъ мовчаты до краю.

А Пафнутій сыдивъ и не думавъ выходыты. Очи ёго ятрылысь якымысь недобрымы, потайнымы огныкамы—«гадючымы», якъ здавалось о. Сергію, а голова докирлыво хыталась и трусылась, и си іи рухы додавалы словамъ Пафнутія якоись надзвычайнои уйидлывости и докирлывости.

— Тамъ кони й колесныци... тамъ, хе-хе, попадди молоди, а тутъ що?.. Га?.. А не чыны беззаконій, а не заводь гульбыщъ зъ дивкамы та парубкамы, не вчы ихъ, колы ты пипъ, писень бисовськыхъ! А прыйихавъ благочынный, щобъ образумыты тебе, на добрый шляхъ наставыты, побачывъ усе твое сборыще, почувъ, якъ ты самъ тыхъ писень спиваешъ, та до дивчатъ моргаешъ, та шырокымы рукавамы надъ ихъ головамы махаешъ, сказавъ тоби слово, а ты ёму два, а ты ёго за рукы та зъ хаты, а ты рясу зъ ёго рваты? Онъ якъ!.. Ну, и йды въ манастырь... на смыреніе. На смыреніе духу непокирного!.. А?.. Не подобается?.. Хе-хе!

«Господы, за що винъ мене муче? Ще трохы, и я ёго выжену зъ хаты, якъ о. Аркадій благочынного зъ сторожкы!»

И справди, въ серци о. Сергія збиралась злисть и вже не лежала смырно, а мовъ ій хотилось вырватысь на поверхъ.

«Выжену гаспыда!»—думавъ о. Сергій. Але винъ никого въ жытти ще не выганявъ отакъ, винъ боявся людей, а найбильше людей старыхъ, у соби упевненыхъ. Винъ и доси почувавъ себе якось мовъ не за повноправну людыну, а мовъ за хлопця и боявся старшыхъ за себе.

Але Пафнутій сыдивъ и все торочывъ свое, провадывъ дали.

— Святи рызы палышъ, церкву хочешъ спалыты, подвирря церковне дымомъ пустыты, — у манастырь на смыреніе, на послушаніе, на чорный хлибъ! — мовъ шыломъ шпыгавъ Пафнутій, переходячы видъ о. Аркадія до о. Сергія, а той уже ледви лежавъ на лижку.

— А тамъ жинка молода... хе-хе!.. а тамъ...

— Геть, гаде, звидциль!.. — несподивано схопывся зъ лижка самъ не свій о. Сергій. — Геть звидсы! — крычавъ винъ не своимъ голосомъ, наступаючы на Пафнутія.

— Хто, ты?.. мене?!.. — блидніючы спытавъ Пафнутій.

— Я!.. Тебе!.. Геть, кажу, звидциль!

— А, не любышъ?.. не подобается?.. — шыпивъ той, встаючы зъ стильця и вьючысь усимъ тиломъ. — За красуню свою боишся? Га?.. Женешъ, хе-хе!..

— Геть звидсы, а то я не знаю, що зроблю зъ тобою!

Блидый, якъ смерть, зъ роскудовченымъ волоссямъ и червоными очима, о Сергій бувъ страшный. Рукы ёго тремтилы и готови булы вчепытысь у Пафнутія и вышпурнуты ёго зъ хаты.

— Пиду, хе-хе! Пиду, голубчыку! Не гнив..... — хытаючы головою, мовъ озыраючысь, чы нихто не баче, якъ ёго женуть, кыдавъ слова Пафнутій.

И винъ зныкъ за дверыма.

— О прокляти, о мучытели! Вымоталы вы мени душу!.. — рвучы на соби волосся и тремтючы видъ гниву, крычавъ о. Сергій, ходячы по хати. — О, будьте вы прокляти!..

VI.

Въ обидню пору дощъ розгулявся и, то затыхаючы, то зновъ прыпускаючы, йшовъ до вечера. По манастырському подвиррю стоялы калюжи. Надъ нымы, поспускавшы обважени виты, журлыво похытувалысь мокри дерева и дощъ збывавъ зъ ихъ останне лыстя. Важки, мокри вороны сыдилы й по деревахъ и на хрестахъ церквы и сумно каркалы, а проворни, чорни, якъ вугиль, галкы, зъ сывымы ошыйныкамы, моторно нышпорылы понызу.

Почало смеркаты дуже рано. На дзвиныци тенькнувъ дзвинъ, склыкаючы ченцивъ до церквы, и ти, товсти й поважни, зъ клобукамы на головахъ, велычно пидбыраючы полы рясъ и мантій, ишлы до церквы.

Чепурни галкы цикаво дывылысь на ихъ, згынаючы на бикъ голивкы и клыпаючы своимы чорнымы оченятамы, а вороны непрывитно каркалы имъ у слидъ:

— Кравъ!.. Кравъ!..

Прудко пробигалы послушныки у пидрясныкахъ, стягнутыхъ ременнымы поясамы. Имъ хотилось скорише проскочыты до церквы, щобъ не помочыты свого пышного кучерявого волосся.

И въ сёму манастыри, якъ и въ багатёхъ другыхъ, вси послушныкы запускалы соби довге волосся и що-дня на ничъ заплиталы дрибнымы кискамы, щобъ воно, якъ росплесты его, було кучеряве. Копыця такого волосся на плечахъ була такъ само потрибна послушныкови, якъ коса дивчыни.

Пройшовъ до церквы Пафнутій, пройшовъ и игуменъ.

Почалась видправа повечерія.

О. Сергій зновъ не пишовъ до церквы. Винъ сыдивъ у своій келіи, темный и суворый, мовъ серце его було налыте вщерть тугою и роспукою. Кильки разивъ, писля того, якъ винъ выгнавъ Пафнутія, винъ лягавъ спаты, але не мигъ зимкнуты очей. Мозокъ не мигъ заспокоитысь, и въ ёму безладно спувалысь думкы одна надъ другу чорниши й невидраднійши.

А ни искры свиту винъ не бачывъ у своій будущыни.

Безжалисна хвороба, безладдя въ симьи, манастырська покута... А тамъ зновъ покута за Пафнутія, бо винъ буде скаржытысь и архырей дасть виры его скарзи. А тамъ... що таке тамъ?.. Смерть, невблагана й немынуча смерть.

А писля смерты?..

И тутъ думкы о. Сергія спынялысь, якъ морськи хвыли биля скель, и змишувалысь, и винъ не мигъ даты ладу. Бо у останни часы, найбильше въ манастыри, безвирря заповзло въ его душу и, якъ морозъ квиткы, побыло й повьялыло увесь мистычный садъ его души, вси наросты виры, що такъ пышно въ нимъ розросталысь у стинахъ школы. Теперъ вира була безсыла податы ёму рятунокъ, навить даты пораду. И се бильшъ усёго мучыло о. Сергія и лякало, и жаль стыскавъ его серце, жаль за тією вирою, що винъ мавъ іи и теперъ не мае, и вже николы, николы вона не загоить пекучыхъ ранъ его души и не закрые рожевымъ серпанкомъ чорнои страшнои безодни—смерты.

Колы такъ, то скорише бъ умерты!

Колы такъ, то нащо терпиты си мукы, се поныженя!

Колы такъ, то бунтъ проты всёго!..

Бунтъ... Але во имья чого бунтъ, якымы сыламы ёго зняты?..

И тутъ винъ зновъ почувавъ пидъ собою страшну безодню и падавъ у неи.

Бунтъ—во имья людыны и іиповагы.

Се во имья Пафнутія, во имья жинкы и тещи, во имья пысаря и всихъ тыхъ, имъ же есть имья тьма темъ?..

Ни!

Бунтъ—во имья тыхъ славныхъ и велыкыхъ, яки велы й ведуть людей до кращои доли.

Але хиба та краща доля не омана, хиба то не золотый туманъ, за якымъ роззявляе пащу та жъ сама безодня—смерть, смерть кожнои окремои людыны, смерть народивъ и націй, смерть усёго людського роду?

Во имья жъ чого бунтуваты?..

Де воно, те имья?..

— О, Боже! — стогнавъ о. Сергій, — дай мени виру, або зныщъ мене, зовсимъ, безъ слиду!

И винъ ждавъ сёго чуда, але ёго не було, и винъ почувавъ себе никчемнымъ и безсылымъ, усимъ свитомъ забутымъ, и никому було пожалиты ёго

— Молытвамы святыхъ отець нашыхъ... — чуе винъ за дверыма голосъ послушныка Олексія и, мовъ прокыдаючысь за важкого сну, говорыть:

— Увиходь!

Увійшовъ Олексій и поздоровкався.

— Ось вамъ, що загадувалы, — сказавъ винъ, передаючы о. Сергію пляшку зъ клеймомъ монополіи. — А тутъ вамъ есть видкрытка. Колы хочете, то прочытайте заразъ, а я потимъ покажу о. игуменови и прынесу іи до васъ.

Олексій тильки що вернувся зъ почты и не встыгъ показаты лыстивъ игуменови.

— Давай.

О. Сергій взявъ видкрытку. Вона була видъ о. Аркадія. Пидійшовшы до викна, о. Сергій прочытавъ:

«Пышу вамъ, любымый мій соузныку, зъ станціи Вовтузивкы. Йиду до-дому. Безъ дозволу. Нехай робыть, що хоче. Позбирайте въ манастыри мои манаткы, звьяжить у вузлыкъ. Колы йихатымете до-дому, або пры якій нагоди, перешлить ихъ мени. Бо я до манастыря не вернусь. Годи!.. А не буде случаю, то спалить ихъ, щобъ и духу мого не було у тій берлози чернечій! Вашъ А. Завадовськый».

О. Сергій прочытавъ видкрытку и вернувъ іи Олексіеви. Той пишовъ зъ хаты.

— Онъ якъ роблять сыльни й смилыви! — у голосъ сказавъ самъ соби о. Сергій, безсыло знову сидаючы на лижко.

«Винъ не побоявся боротьбы зъ сыльнымъ, боротьбы зъ людською неправдою, и винъ переможе ихъ. А я?.. Я навикы пропаща людына. Vae victis!.. Горе знесыленымъ, ни на що непотрибнымъ! Нема имъ миста на симъ свити!.. Смерть имъ»!..

Vae victis!..

Си слова невидступно стоялы въ голови о. Сергія, и ёму уявлялась картына, яку винъ десь бачывъ, якъ смерть, верхы на вороному кони, простягшы передъ себе руку, йиде вночи по полю боротьбы людськои и все умирае передъ нею и навкругы неи.

— Vae victis!.. Азъ есмь владыка земли и пиднебесной и я кажу вамъ: vae victis!.. Смерть вамъ!..

О. Сергій вставъ зъ лижка. Стогнучы видъ болю тила й души, винъ почавъ ходыть по келіи.

Зовсимъ стемнило, але винъ не свитывъ свитла. У пітьмп краще. Винъ одкупорывъ прынесену Олексіемъ пляшку и, черезъ якый часъ пидходячы до столу, пывъ зъ неи нахыльци.

Винъ ходывъ по келіи, и въ думци ёго стоялы едыни и непорушни слова: vae victis!.. Винъ самъ, никчемный воропанивськый іерей Сергій Вышынськый, и есть той victus, и ёму— смерть! Рано чы пизно, але смерть.

И винъ дывывся у темный кутокъ, де бувъ забытый дебелый гвиздокъ, и чувъ на своему болючому тили ременный поясъ, а ногы ёго, стукаючы пры ходи чобитьмы по пидлози, мовъ вымовлялы:

— Онъ-тамъ! Онъ-тамъ!

«Ни, не буде сёго. Се жахлывисть передъ жыттямъ, се легкодухисть. А я никого не боюся ни тутъ, ни выще»!..—упевнявъ себе о. Сергій и несподивано для себе заспивавъ писню, яку винъ такъ любывъ спиваты колысь въ семынаріи:

Ой не стелысь, хрещатый барвинку,
Тай по крутій гори,
Ой не дывуйтесь, зліи вороженьки,
Тай прыгодонци моій...

У ёго колысь бувъ путящый голосъ—теноръ, и винъ добре спивавъ, але теперъ ёму спиваты було важко, и винъ скоро кынувъ писню, зновъ пидійшовъ до столу, прыпавъ вустамы до горла пляшкы и потимъ зъ рештою горилкы шпурнувъ іи до дверей. Вона брязнула й розлетилась на скалкы, а по хати пишовъ горилчаный духъ.

О. Сергія хытало, але винъ усе ходывъ по хати, натыкаючысь то на стилъ, то на стильци, а въ голови йшла своя робота: тамъ ворушывся невсыпущый червякъ и точывъ ёму мозокъ. И хтось невидомый, але блызькый, нашиптувавъ ёму въ уши усе одно слово: «смерть!.. смерть!.. смерть»!..

— Сухоребрыця!.. Ха-ха-ха!..—зареготався о. Сергій, прыгадавшы бурсацькый анекдотъ, де ораторъ-пипъ узывае смерть сухоребрыцею.

«Смерть!.. смерть!..» ще зъ бильшею упевненностью згучало въ ёго мозку.

— Смерть?.. А хочь бы й смерть!.. А хочь бы й смерть!..—говорывъ о. Сергій, мацаючы гвиздка въ кутку.

— А, ты тутъ!.. Ты дожыдаешся?.. Добре. А чы ты жъ выдержышъ?..

Винъ повысъ на ёму на рукахъ. Гвиздокъ тильки злегка подався.

— Добре... Молодчына!..

Винъ пустывъ рукы и зновъ выразно почувъ на своему тили поясъ, знявъ ёго зъ себе и озырнувся, мовъ боючысь, щобъ нихто не побачывъ, що винъ робыть.

Але у хати було зовсимъ темно и тильки черезъ викно у мряци було выдно манастырськый лыхтырь. Ёго свитъ ледви пробывався кризь тмяну завису.

О. Сергій одвернувся одъ викна въ самый кутокъ...

«Смерть!.. смерть»!..

«Нема на свити ничого страшнишого надъ смерть, — думавъ винъ,—и немае ничого найзвычайнишого: вси люде умирають, милліоны милліонивъ... и будуть умирать».

«Смерть!.. смерть»! .

. . . .

Олексій нисъ лыста о. Сергію и посміювався, що игуменъ вычеркнувъ у ёму слова: «у тій берлози черчечій». Не знае, що о. Сергій уже прочытавъ того лыста!

У синяхъ винъ проказавъ свое звычайне витання, але одповиди не почувъ. «Мабуть, уже заснувъ, сердега, въ самотыни»— подумавъ винъ. Тоди винъ постукавъ у двери, але о. Сергій зновъ не обизвався.

Олексій видчынывъ двери и увійшовъ въ келію.

Горилчаный духъ забывъ ёму дыхання.

«Эге, добре выпыто, тому й не озывается».

Олексій черкнувъ сирнычка.

Свитъ осяявъ кимнату, але въ ій никого не було, тильки по пидлози блыщалы склянкы видъ пляшкы. Сирныкъ догоривъ и погасъ. Олексій черкнувъ другого, озырнувся навкругы и, скрыкнувшы—ай!, кынувся геть зъ хаты.

За ёго спыною, у кутку, прытулывшысь до стинкы и якось незвычайно пидигнувшы колина й опустывшы рукы, стоявъ о. Сергій.

Очи ёго булы шыроко розплющени, а ротъ роззявленый. Мовъ винъ побачывъ щось надзвычайно страшне, посунувсь до стины, прысивъ и омертвивъ зъ жаху.

М. Чернявськый.

Литературный Банавентура.

(Замѣтки читателя[1]*).*

(Окончаніе).

III.

Прежде чѣмъ перейти къ образцамъ драматическихъ произведеній, принадлежащихъ настоящимъ, болѣе или менѣе признаннымъ писателямъ, я позволю себѣ остановиться на типичнѣйшемъ Банавентурѣ, благополучно совершившемъ уже свою «банавентурную» карьеру и достигшемъ въ данной области всего, о чемъ только можетъ мечтать подобнаго рода «литературный» дѣятель: положенія, обезпеченности и даже своеобразной, если хотите, извѣстности. Дѣло въ томъ, что дѣятель, о которомъ идетъ рѣчь, подвизаясь на задворкахъ литературы и театра, этой стороной примыкаетъ къ самороднымъ Банавентурамъ; но въ то же время предъявляя громкія претензіи на всенародное признаніе своихъ заслугъ, онъ стремится пристегнуть себя къ настоящей литературѣ и придать своей дѣятельности общественный характеръ. Соприкасаясь такимъ хотя бы чисто внѣшнимъ образомъ съ литературой и примыкая по характеру своей дѣятельности всецѣло

---

[1]) См. Кіевск. Стар. № 2.

къ самородкамъ, неназванный пока дѣятель занимаетъ, такъ сказать, срединную позицію, почему наиболѣе подходящее для него мѣсто именно здѣсь, между Банавентурой самороднымъ и Банавентурой высшаго полета. Этотъ срединный Банавентура—не кто иной, какъ г. Суходольскій, Алексѣй Львовичъ Суходольскій, какъ неизмѣнно полностью значится на обложкахъ изданныхъ въ 1902 г. въ Ростовѣ на Дону его драмъ. Какъ сообщали газеты, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, почтенный Алексѣй Львовичъ отпраздновалъ уже 25-лѣтіе своей службы украинскому театру и литературѣ. Правда, юбилей этотъ возбудилъ въ свое время среди круговъ, прикосновенныхъ къ украинскому движенію, большое недоумѣніе, порождаемое полною неизвѣстностью на счетъ того, въ какомъ смыслѣ и съ какого именно момента заслуженный, надо полагать, юбиляръ изволитъ приносить честь нашей литературѣ и сценѣ своимъ благосклоннымъ участіемъ. Недоумѣніе еще больше поддерживалось тѣмъ соображеніемъ, что вообще исторія нашего постояннаго театра начинается лишь съ 1881 года и, значитъ, только въ будущемъ году исполнится 25-лѣтіе его существованія; съ другой стороны, и среди первыхъ дѣятелей не дожившаго до 25-лѣтняго возраста театра мы опять таки не встрѣчаемъ имени Алексѣя Львовича, уже, какъ оказывается, этотъ возрастъ пережившаго. Предположеніе, что сынъ, какъ бы ни былъ онъ геніаленъ и достоенъ юбилеевъ, старше возрастомъ своего отца — слишкомъ нелѣпо, и потому остается допустить одно изъ двухъ: или Алексѣй Львовичъ началъ свою блестящую дѣятельность во времена, такъ сказать, доисторическія и при томъ на амплуа для публики незамѣтномъ, или же... или же послужилъ прототипомъ упомянутаго г-на Кулиды и, «будучи знаменытымъ въ оные времена и до ціеи поры пысателемъ», какъ выражается одинъ изъ его персонажей, самостоятельно «сочинилъ» себѣ юбилей. И одно, и другое предположеніе едва ли способно было устранить вопросительный знакъ и разсѣять недоумѣнія, связанныя съ именемъ неизвѣстнаго въ литературѣ и въ исторіи театра Алексѣя Львовича, но какъ бы то ни было, юбилей былъ отпразднованъ,—кажется, въ Одессѣ; на немъ, по всей вѣроятности,

говорились рѣчи, читались адреса и привѣтствія и, конечно, въ этихъ рѣчахъ, адресахъ и привѣтствіяхъ восхвалялись невѣдомые намъ труды и заслуги юбиляра. Воспоминаніе объ этомъ случаѣ съ бюилеемъ между прочимъ, и заставило меня познакомиться съ литературной физіономіей г. Суходольскаго, а познакомившись, я отказался отъ своего первоначальнаго намѣренія —говорить исключительно о новинкахъ драматической литературы и рѣшилъ сдѣлать исключеніе для одного изъ трудовъ юбиляра, извиняясь передъ послѣднимъ лишь за то, что нѣсколько запоздалъ съ оцѣнкой его дѣятельности. Впрочемъ, лучше поздно, чѣмъ никогда,—и я льщу себя надеждой, что предлагаемыя замѣчанія пригодятся, хотя бы въ видѣ справки, для одного изъ будущихъ юбилеевъ, которые Алексѣй Львовичъ несомнѣнно не замедлитъ столь же неожиданно отпраздновать. Пусть же внезапность не застанетъ въ будущемъ насъ не приготовленными...

Литературныхъ трудовъ юбиляра мнѣ извѣстно два: «Помста або Загублена доля», драма въ четырехъ дѣйствіяхъ, и «Хмара», имѣющая однимъ дѣйствіемъ больше. Кромѣ того, на сценѣ ставится еще что-то въ родѣ «Чортового Кубла», но къ сожалѣнію съ названнымъ «кубломъ» мнѣ не пришлось познакомиться и потому—что́ тамъ, въ этомъ «кублѣ», гнѣздится, я не знаю, хотя a-priori готовъ допустить, что это что-нибудь въ высокой степени особенное.

Занавѣсъ поднимается. Предъ нами знаменитая въ своемъ родѣ «Помста або Заґублена доля», драма «зъ писнямы, хорамы (?) и танцямы». Пройдя мимо перечня «лыцедіивъ» и, должно быть, многозначительной, но для меня оставшейся непонятною ремарки: «вси указы видъ лыцедія»—начинаю вчитываться въ содержаніе драмы и, къ удивленію своему дѣлаю неожиданное открытіе: произведеніе отпраздновавшаго юбилей г. Суходольскаго весьма напоминаетъ въ одномъ отношеніи «комедію малороссійську» подлиннаго Банавентуры,—ту самую, которая, какъ помнитъ читатель, начиналась словами: «Еней бувъ парубокъ моторный». Я говорю не о сюжетѣ, а о нѣкоторыхъ пріемахъ, позволяющихъ соединять несомнѣнныя на посторонній взглядъ позаимствованія съ хвастов-

ствомъ, что это, молъ, «мои стыхы». Вѣроятно, въ упоеніи процессомъ творчества при составленіи своей драмы г. Суходольскій,—о. конечно, не намѣренно—слишкомъ близко положилъ возлѣ себя экземпляръ «Безталанnoи» (г. Тобилевича) и незамѣтно для него эта близость сказалась нѣкоторыми невольными чертами и на сюжетѣ его произведенія. Но опять таки «будучи знаменытымъ въ оные времена и до ціеи поры пысателемъ», г. Суходольскій обработалъ сходный сюжетъ совершенно самостоятельно и независимо отъ образца, а потому съ понятной гордостью могъ бы повторить вслѣдъ за Банавентурой: «теперъ вси пышуть: крадуть у другыхъ и выдають за свое, а якъ я напышу, то буде сама правда» («Сто тысячъ»). О правдѣ г. Суходольскій при обработкѣ сюжета особенно заботился, и потому его драма полна чрезвычайно жизненныхъ подробностей. У него дѣйствующія лица изъ пейзанъ прогуливаются на лодкѣ при лунѣ и вообще чувствують большую склонность къ занятіямъ «навукою гостромынською», съ увлеченіемъ наблюдая за теченіемъ небесныхъ свѣтилъ; танцують они много и съ ожесточеніемъ, распивають «горилку» до бѣлой горячки, припадки которой тутъ же на сценѣ авторомъ и демонстрируются; наконецъ, они шагу безъ соотвѣтственнаго и приличнаго случаю пѣснопѣнія не могуть сдѣлать. Да и пѣсни какія — начиная отъ собственныхъ г. Суходольскаго «стихей»:

На те въ мене въ горли дирка,
Щобъ лылась туды горилка,—

и оканчивая «Заповитомъ» Шевченка, воспроизводимымъ, впрочемъ, въ исправленномъ видѣ (удерживаю поучительную ороографію г. Суходольскаго):

Щобъ ланы *широке поле*
И днипро и кручи
Було *бъ* выдно, було *бъ* чуты,
Якъ реве реву*че*! (стр. 30).

Несомнѣнная оригинальность г. Суходольскаго сказывается и въ другихъ мелкихъ, но крайне интересныхъ деталяхъ, которыя онъ

первый и пока единственный использовалъ, изобразивъ, напр. «хвостыкъ зъ сорочкы» у маленького еврея или же заставивъ одну изъ кумушекъ разсказывать: «я жъ, голубонькы мои, якъ прысила—та на кропыву... А тутъ кропыва якъ вогнемъ пече! Дывиться, яки пухыри поздіймалыся». Читатель съ ужасомъ ожидаетъ, что она еще вздумаетъ показывать, но, къ счастью, на этотъ разъ дѣло ограничивается лишь руками... Жизненная правда у г. Суходольскаго торжествуетъ не только, впрочемъ, въ деталяхъ, но и въ общей разработкѣ сюжета. Степанъ Карабутъ, любившій Оксану, неизвѣстно почему и неизвѣстно гдѣ—выкралъ Галю и моментально, во время ярмарки, сочетался съ ней законнымъ бракомъ; Оксана же на зло Степану вышла замужъ за перваго попавшагося икса. Этого послѣдняго скоро взяли въ солдаты, и Оксана опять свободна и опять Степанъ чувствуетъ къ ней адскую страсть. Галя, конечно, плачетъ а чѣмъ больше она заливается слезами, тѣмъ сильнѣе тянетъ Степана къ Оксанѣ, а одновременно и къ водкѣ. Такъ дѣло продолжается цѣлыхъ три акта, а въ четвертомъ Галя, окончательно убѣдившись въ измѣнѣ мужа, рѣшаетъ, что дѣлать ей здѣсь больше нечего, и уходитъ за кулисы. На несчастье, ее опять возвращаютъ на сцену, говорю—на несчастье—потому, что Оксана, воспользовавшись ея отсутствіемъ, подговариваетъ Степана убить жену, даже снабжаетъ его ножемъ для этой цѣли, оставляя для себя лишь пассивную роль посторонняго наблюдателя. Степанъ, надъ которымъ авторъ только что замѣчательно тонко демонстрировалъ delirium tremens, стаскиваетъ съ постели больную жену, гоняется за ней нѣкоторое время по сценѣ съ ножемъ и, догнавъ наконецъ, хватаетъ за волосы, опять тянетъ ее въ такомъ видѣ чрезъ всю сцену и затѣмъ убиваетъ, при чемъ трогательная подробность: «Галя хотила його поцилувать, але померла». Вбѣгаетъ, конечно, безмолствующій «народъ» и не успѣлъ онъ и глазомъ мигнуть, какъ съ героемъ кровавой расправы начинается столь же неожиданный и быстрый припадокъ раскаянія: «Степанъ хутко схопывъ нижъ и порснувъ (!) себе у груды». И опять трогательная подробность: подползши къ трупу жены, онъ «хотивъ поцилуваты Галю въ

лыце, але зтикшы кровью (во мгновеніе ока!) прыпавъ головою до грудей и вмеръ». Благодаря покушеніямъ на поцѣлуи съ обѣихъ сторонъ, символическое примиреніе состоялось, добродѣтель соединилась въ одномъ общемъ порывѣ нравственнаго тор жества съ раскаяннымъ порокомъ, а нераскаянный, въ лицѣ Оксаны, «зло дывыться» на происходящее, предчувствуя грозное наказаніе въ будущемъ. Народъ продолжаетъ безмолствовать, въ публикѣ смятеніе, обмороки, истерики. Банавентура съ юбилеемъ превзошелъ Банавентуръ безъ юбилея и даже самъ себя. Занавѣсъ тихо опускается...

Занавѣсъ поднимается. Предъ нами драматическое произведеніе, во-первыхъ, несомнѣнно популярное, что доказывается фактомъ выхода его въ свѣтъ уже повторнымъ изданіемъ; во-вторыхъ—несомнѣнно отъ литературы, такъ какъ подписано именемъ извѣстной писательницы, г-жи Яновской. Г-жа Яновская имѣетъ вполнѣ заслуженную репутацію талантливой и серьезной писательницы; разсказы ея встрѣчаются благосклонными отзывами со стороны критики и по справедливости пользуются успѣхомъ въ публикѣ. И тѣмъ не менѣе изъ-подъ того же пера, какое написало «Смерть Макарыхы», вышла и драма: «Повернувся изъ Сибиру» (Кіевъ, 1904), какъ бы для иллюстраціи извѣстнаго изреченія: «изъ одного куска дерева—и крестъ, и лопата»...

Читатель навѣрное знаетъ, что словами «Повернувся изъ Сибиру» начинается весьма популярная пѣсня о всѣмъ извѣстномъ Кармалюкѣ; но онъ можетъ не знать, что драма съ тѣмъ же заглавіемъ г-жи Яновской не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія ни къ этой весьма популярной пѣснѣ, ни къ самому Кармалюку. Это произведеніе вполнѣ современное—къ сожалѣнію, въ указанномъ смыслѣ—и по содержанію, и по пріемамъ. Степанъ любитъ Марыну, Марына любитъ Степана; но кромѣ того Марыну же любитъ и Дмытро, исчадіе ада въ образѣ человѣка. Не встрѣтивъ со стороны Марыны взаимности, Дмытро прикидается другомъ Степана и устраиваетъ дѣло такъ, что Степанъ совершаетъ нечаянное убійство въ дракѣ и, конечно, попадаетъ въ

Сибирь. Но разсчетъ Дмытра, что Марына забудетъ о возлюбленномъ и сдѣлается его, Дмытра, женой, не оправдался: Марына—сама вѣрность и попрежнему упорно продолжаетъ любить Степана. Проходитъ два года. Степанъ убѣгаетъ изъ Сибири и тайкомъ возвращается на родину, чтобы хоть разъ взглянуть на Марыну, которая, кстати, имѣетъ уже и сына. Благодаря несчастной случайности, тайна побѣга дѣлается извѣстной Дмытру и онъ, пользуясь этимъ, пристаетъ къ Марынѣ съ извѣстными требованіями, грозя въ противномъ случаѣ выдать Степана. Марына для вида соглашается, но на первомъ же свиданіи толкаетъ злодѣя въ колодецъ и живымъ засыпаетъ землею. Между тѣмъ Дмытро—о, глубина коварства!—успѣлъ уже извѣстить, кого слѣдуетъ, о побѣгѣ Степана; послѣдняго арестуютъ, однако онъ предпочитаетъ смерть новой неволѣ и закалывается на глазахъ у Марыны. Въ отчаяніи она также дѣлаетъ попытку лишить себя жизни, но когда ей въ этомъ помѣшали, объявляетъ о своемъ поступкѣ съ Дмытромъ и рыдаетъ надъ трупомъ Степана. Занавѣсъ опускается.

Не правда ли—ужасная драма?... Но я не знаю, чѣмъ отличается по содержанію это произведеніе признаннаго, настоящаго литератора отъ полумладенческаго лепета какого-нибудь Хомы Бойця съ его назойливымъ—«ой думалося»? Не слышится ли тотъ же первобытный мотивъ и здѣсь, не представляетъ ли собою драма г-жи Яновской варьяціи на все ту же до тошноты надоѣвшую тему? Предоставляя отвѣтить на эти вопросы самому читателю, я обращусь просто къ пріемамъ г-жи Яновской. Къ сожалѣнію, и съ этой стороны замѣчается трогательная гармонія съ шаблоннымъ содержаніемъ. Крайне неестественный, приподнятый тонъ всей пьесы, отсутствіе въ ней какой-бы то ни было внутренней борьбы, замѣняемой грубыми внѣшними эффектами, слишкомъ прямолинейная зависимость всѣхъ событій отъ демоничности натуры Дмытра—фигуры совершенно безжизненной—таковы особенности разбираемой драмы съ внѣшней стороны. И здѣсь фигурируютъ тотъ же сугубо свирѣпый порокъ и конфектно-прекрасная добродѣтель, съ которыми мы имѣли дѣло раньше. Я не говорю уже о шаблонности всего построенія пьесы, а также діало-

говъ и положеній,—шаблонности, которой данная драма смѣло можетъ соперничать съ худшими произведеніями лубочнаго характера; не хочу также останавливаться на наивныхъ курьезахъ, въ родѣ того, напр., что Марына, подобно слезоточивой кисейной барышнѣ, распѣваетъ въ соотвѣтственные моменты романсы, хотя бы и принадлежащіе Шевченку. Все это намъ уже знакомо изъ произведеній предыдущихъ авторовъ, хотя бы того же г. Суходольскаго, но вѣдь то—Банавентура, а это... стыдно сказать, но это также Банавентура, ничѣмъ не возвышающійся надъ среднимъ уровнемъ писателя-самородка... Какъ такое грубо намалеванное, вполнѣ лубочное произведеніе съ чисто зоологическими персонажами могло выйти изъ-подъ пера вдумчивой, интеллигентной писательницы—это, признаюсь, представляется для меня неразрѣшимой загадкой. Очевидно, вліяніе Банавентуры проникаетъ даже въ такую среду, гдѣ по настоящему ему бы вовсе не мѣсто, и вызываетъ на соотвѣтственные поступки людей, способныхъ на дѣятельность иного рода...

Занавѣсъ поднимается. Отъ современной драмы сдѣлаемъ еще небольшую экскурсію въ область исторической, благо текущая литература представляетъ для этого поводъ. Историческая драма, помимо обычныхъ требованій художественной и психологической правды, которыя мы предъявляемъ къ драмѣ вообще, должна еще удовлетворять спеціальнымъ требованіямъ исторической правды и исторической перспективы. Всякое историческое произведеніе должно изображать людей такими, какими они могли быть только въ данную эпоху, сообразоваться съ ея, эпохи, духомъ и избѣгать подстановки подъ историческую подкладку личныхъ воззрѣній автора. Между тѣмъ большинство авторовъ такихъ прозведеній грѣшитъ именно тѣмъ, что подъ соусомъ исторіи подаетъ свои собственныя—правильныя или ошибочныя, это другой вопросъ—воззрѣнія, выражаетъ исключительно личныя свои симпатіи и антипатіи, окрашивая въ совершенно невозможный, въ виду исторической перспективы, цвѣтъ тѣ или иныя событія, тѣхъ или иныхъ историческихъ дѣятелей. Будучи главнымъ образомъ заняты извѣстными историческими сюжетами въ ихъ обнажен-

номъ, скелетообразномъ, такъ сказать, видѣ, не уяснивъ для самихъ себя духа и особенностей изображаемой эпохи, такіе авторы безсильны, конечно, и въ читателѣ вызвать соотвѣтственное настроеніе; пренебрегая правдой исторической, они становятся въ конфликтъ и съ правдой психологической, правдой художественной. Кромѣ именъ и нѣкоторыхъ общеизвѣстныхъ событій, ничего историческаго въ такихъ произведеніяхъ нѣтъ и, замѣнивъ эти имена и событія другими, вы не въ состояніи будете опредѣлить, къ какой исторической эпохѣ относится данное произведеніе, лишенное типическихъ особенностей времени. Предъ вами, напр., драматическій эпизодъ г. Коваленка «Зрада» («Л.-Н. Вістник», 1904, кн. VI),—выбросьте изъ него упоминаніе о Мазепѣ, пріурочивающее время дѣйствія къ опредѣленной эпохѣ чисто внѣшнимъ образомъ, и вся исторія, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, исчезаетъ. Изображаемое событіе послѣ этого можно отнести къ какой угодно эпохѣ и въ каждую оно будетъ одинаково невозможно въ такомъ именно видѣ, въ какомъ угодно было автору его представить. Пренебреженіе къ исторической правдѣ повлекло за собою забвеніе правды психологической; неумѣніе справиться съ исторической перспективой и предъявить болѣе или менѣе опредѣленныя типическія черты именно намѣченной эпохи отняло у автора изъ-подъ ногъ твердую почву и свело къ нулю художественное значеніе его произведенія. Предъ г. Коваленкомъ стояла вполнѣ опредѣленная задача—дать образъ раздвоенія національнаго организма, отдѣльныхъ представителей котораго, даже вполнѣ солидарныхъ и согласно мыслящихъ, тѣ или иныя обстоятельства, тѣ или иныя соображенія общественнаго и личнаго характера рвутъ въ разныя стороны и приводятъ въ прямо противоположные, другъ другу враждебные лагери. На этомъ общемъ фонѣ соціальныхъ отношеній выдѣляется исторія личныхъ отношеній между мазепинцемъ Петромъ Колодіемъ и женой его политическаго противника, сотника Ященка, Маріей, которыхъ судьба загнала въ разные лагери, не смотря на ихъ внутреннее единомысліе. Таково общее положеніе; развитіе его у г. Коваленка происходитъ такимъ скачкообразнымъ способомъ, что внутренняя жизнь героевъ остается совершенно не-

затронутой, дѣйствіе протекаетъ гдѣ-то въ потемкахъ, проникнуть въ которые читателю не дано никакой возможности при отсутствіи путеводной нити и у самого автора. На сценѣ, напр., Петро и Марія ведутъ патріотическій разговоръ, весьма не искусстно навязанный имъ авторомъ и потому въ ихъ устахъ крайне фальшивый. Но вотъ въ разговорѣ Петро случайно упоминаетъ слова «наші діти»,—въ томъ смыслѣ, что до осуществленія такихъ то и такихъ то нашихъ надеждъ мы не доживемъ, а вотъ будущимъ поколѣніямъ суждено увидѣть торжество ихъ въ жизни—и Марія сейчасъ же, какъ эхо, откликается по истинѣ неожиданной репликой: «у мене досі не було дітей од мужа і од тебе не судив Бог мати, бо я не твоя жінка, Петре» (стр. 259). Фальшивый патріотическій разговоръ моментально смѣняется столь же фальшивымъ любовнымъ, смыслъ котораго—«я васъ люблю,—къ чему лукавить?—но я другому отдана и буду вѣкъ ему вѣрна», хотя для подобнаго заявленія и даже для самой этой вѣрности ровно никакихъ резонныхъ основаній у нея не имѣется. Психологически этотъ поступокъ совершенно не выясненъ; переходъ чисто механическій: авторъ просто цѣпляется за слово, чтобы перевести разговоръ на другую тему, считая предыдущую достаточно исчерпанной или просто не умѣя отъ нея иначе отдѣлаться. Эта механичность, случайная зацѣпка, если такъ можно выразиться, за случайныя слова и положенія составляетъ отличительную особенность якобы исторической драмы г. Коваленка, и потому вполнѣ естественно, что безсмысленное предательство Ященка и еще болѣе безсмысленное самоубійство Маріи являются чѣмъ-то по истинѣ непостижимымъ и способны возбудить лишь недоумѣніе у читателя, пытающагося отыскать и удержать нить психологической зависимости и подчиненности. Но неповинная кровь пролита, добродѣтель въ лицѣ Петра нравственно торжествуетъ: «жива душа наша і жива надія! Кати і тирани, гнобителі загинуть, а правда і воля воскресне» (стр. 268); гнусный порокъ, въ лицѣ Ященка, заливается горючими слезами—и занавѣсъ опускается.

Занавѣсъ поднимается. На сценѣ произведеніе г. Хоткевича—«Пристрасти», драма въ 4-хъ д. («Літ.-Наук. Вістник»,

1904, кн. VII и VIII), гдѣ та же эпоха и опять два враждебныхъ лагеря,—на этотъ разъ украинцы и молдаване. Они преисполнены другъ противъ друга свирѣпой ненависти, осыпаютъ противниковъ проклятіями, а если даже придетъ кому-нибудь охота излить свои чувства въ пѣснѣ, то припѣвъ получается непремѣнно въ такомъ кровожадномъ родѣ:

Ой ми піднімемось на вас,
Ой ми поріжемо всіх вас!
Ой ми повстанемо на вас,
Ой ми повішаем всіх вас! (VII, 22).

Но въ эти кровожадные тоны вступаетъ мало-по-малу и знакомый намъ мотивъ: «ой думалося», такъ какъ молодые люди изъ обоихъ лагерей не прочь поискать предмета страсти нѣжной среди вражескаго стана и даже, повидимому, это предпочитаютъ—на томъ, вѣроятно, основаніи, что запрещенный плодъ вообще вкуснѣе и заманчивѣе... Конечно, должны быть какія-нибудь реальныя причины и этой ненависти, и этихъ проклятій, и пѣсенъ въ родѣ приведенной, но причины эти въ драмѣ г-на Хоткевича совершенно не затронуты; по какому случаю происходитъ на сценѣ неописуемый шумъ—остается вполнѣ неизвѣстнымъ. Впрочемъ, если вѣрить автору, одинъ изъ украинцевъ направляетъ по адресу противниковъ слѣдующую цвѣтистую рѣчь: «чого ж ви опинились тепер серед любоі нашоі Украіни, *серед іі тиші заводите свою нерідну нам пісню*, серед іі великого степу будуете своі хати?... Прийшли ви, Бог вас знае відкіля, Бог вас знае навіщо; прийшли, осілись на кровній нашій землі; берете готовим те, за що ми голови своі покладали, за що батьки наші в бій ішли» (стр. 23). Quousque tandem, Catilina, abutere patientia nostra—да и только: подумаешь, какихъ Цицероновъ могла рождать наша земля въ XVIII столѣтіи, судя по этому небольшому отрывку, построенному по всѣмъ правиламъ реторики,—а впрочемъ, Богъ съ нимъ, съ краснорѣчіемъ!.. Если исключить приведенный сейчасъ слабый намекъ на причины, въ которомъ фигурируютъ даже «народні святощі» въ видѣ негодованія на «нерідну

нам пісню», то никакой мотивировки происходящему на сценѣ не дается. Безъ объясненія причинъ зрителю преподносятся готовыя, уже сложившіяся отношенія, при чемъ предлагается повѣрить автору на слово, что такъ дѣйствительно было. Но если бы мы даже и повѣрили г. Хоткевичу, намъ все же психологически непонятными останутся мечущіяся по сценѣ фигуры, совершающія рядъ странныхъ, никакой логикой и психологіей необъяснимыхъ поступковъ, завершившихся, наконецъ, кучею столь же необъяснимыхъ убійствъ. Украинецъ Антонъ, «молодий, нервовий, надто вразливий хлопець», по словесной рекомендаціи автора, и полу-идіотъ по поступкамъ, убиваетъ своего отца въ угоду возлюбленной молдаванкѣ—Марысѣ, требующей отъ Антона денегъ. Деньги же эти понадобились матери Марыси для выкупа изъ турецкой неволи неизвѣстно какъ тамъ очутившагося любимца-сына. А между тѣмъ этотъ послѣдній пылаетъ чисто африканской страстью къ сестрѣ Антона; ради нея онъ даже «потурчился» и предъ исходомъ молдаванъ изъ проклинаемой страны на родину совершаетъ набѣгъ съ ордой, чтобы силой захватить отвергшую его красавицу. На сценѣ кипитъ кровавый бой; «з скаженим реготом» пробѣгаетъ татаринъ, держа на пикѣ окровавленную голову; сражающіеся грызутъ другъ друга зубами, «скажено» рубятъ, стрѣляютъ; кровь хлещетъ со всѣхъ сторонъ,—словомъ кровавой изобрѣтательности г. Хоткевича нѣтъ границъ. Оба до сихъ поръ только по части словесности враждовавшіе лагери перемѣшиваются въ дикой свалкѣ, и уже нѣтъ возможности разобраться, кто кого и за что проклинаетъ, колетъ, рубитъ, рѣжетъ, грызетъ зубами. Для полноты изображаемой г. Хоткевичемъ картины не достаетъ лишь барабаннаго боя и грома пушекъ, а «клики, скрежетъ, топотъ, ржанье, стонъ, и смерть и адъ со всѣхъ сторонъ» предъявлены въ количествѣ, несомнѣнно превосходящемъ самыя необузданныя требованія бутафорскаго воображенія... Будучи свидѣтелемъ подобныхъ ужасовъ и столь неумѣреннаго кровопролитія, зритель въ правѣ ожидать, что—какъ это въ одномъ нѣмецкомъ фарсѣ дѣйствительно и происходитъ—вотъ-вотъ на сценѣ

не останется живой души, затѣмъ появится режиссеръ, за волосы вытащитъ изъ будки суфлера, ухлопаетъ его, а потомъ и самъ зарѣжется или инымъ способомъ лишитъ себя жизни; за неимѣніемъ лица, которое опустило бы занавѣсъ, сцена останется открытой и груды мертвыхъ тѣлъ краснорѣчивымъ безмолвіемъ будутъ подчеркивать безпредѣльную кровожадность литературнаго Банавентуры... Но это, разумѣется, только гипотетическая возможность: на самомъ дѣлѣ, какъ гласитъ ремарка, «завіса тихо спадае», а зрители сидятъ въ оцѣпенѣніи, замѣчу отъ себя...

Занавѣсъ поднимается... Но намъ пришлось бы еще много и много разъ поднимать и опускать занавѣсъ, если бы мы вздумали основательно использовать тотъ кровожадный матеріалъ, который представляетъ наша современная драматическая литература, наводненная Банавентурой. При этомъ среди сонма кровопускателей нерѣдко встрѣчались бы даже лица, въ прошломъ оказавшія большія услуги украинскому театру, но впослѣдствіи соблазнившіяся дешевыми лаврами литературныхъ самородковъ. Изъ опасенія надоѣсть читателю безконечными варьяціями и повтореніемъ одной и той же въ сущности темы и вызвать въ своемъ родѣ—quousque tandem, я отказываюсь отъ дальнѣйшаго пересмотра, опустивъ занавѣсъ за грудой труповъ г. Хоткевича окончательно. Мнѣ лично, впрочемъ, весьма соблазнительной казалась мысль закончить предлагаемую вниманію читателя коллекцію вѣнцомъ драматической поэзіи—какой-нибудь трагедіей. Подходящая, казалось мнѣ, даже имѣется въ репертуарѣ недавно вышедшихъ драмъ въ видѣ произведенія г. Пачовскаго «Сон украïнськоï ночи» (Львів, 1903), по поводу которой мнѣ какъ то невольно вспомнилось Гоголевское: «Знаете ли вы украинскую ночь»? Но ознакомившись съ трагедіей г. Пачовскаго, могу, къ большому своему прискорбію, лишь повторить за Гоголемъ—«о, нѣтъ, вы не знаете украинской ночи»—и не узнаете даже и въ томъ случаѣ, если судьба сведетъ васъ съ авторомъ упомянутаго сопнаго произведенія, который, кстати сказать, во вдохновенной позѣ изображенъ на приложенномъ къ трагедіи портретѣ. Слишкомъ дѣтски-претенціозная и преднамѣренно-

темная вещь эта ночь г. Пачовскаго, чтобы можно было изъ нея почерпнуть что-нибудь поучительное вообще и въ подходящемъ для насъ сейчасъ смыслѣ...

IV.

Предъ читателемъ прошелъ цѣлый рядъ произведеній Банавентуры, понимая это имя въ собирательномъ смыслѣ, какъ особый литературный типъ, который объединяетъ драматурговъ, культивирующихъ свои особенные пріемы, особенное содержаніе и направленіе въ нашей драматической литературѣ. Начавъ съ непосредственнаго представителя этого типа—лубочнаго, такъ сказать, образца—мы поднялись до участниковъ настоящей литературы, унижающихъ себя до соучастія въ дѣлѣ крайне сомнительной цѣнности: «всѣ промелькнули передъ нами, всѣ побывали тутъ»... И несомнѣнно—это очень живучій типъ, цѣпко схватившійся за какую-то подходящую почву, находящій въ ней какіе-то корни, разъ ряды его пополняются представителями даже такихъ литературныхъ сферъ, отъ которыхъ можно бы ожидать иного отношенія къ печатному слову... Въ чемъ же причина этой живучести несомнѣнно паразитнаго явленія? гдѣ тѣ корни, которые питаютъ его? на какой почвѣ оно могло произрасти и развернуться столь пышнымъ цвѣтомъ, что начинаетъ заглушать собой литературу? Таковы вопросы, которые должны возникнуть у читателя, если онъ дастъ себѣ трудъ внимательнѣе остановиться на данномъ явленіи. Отвѣтъ на эти вопросы вытекаетъ изъ разсмотренія особенностей изображаемаго литературнаго типа и той обстановки, которая вызвала и поддерживаетъ его существованіе и процвѣтаніе.

Настоящій Банавентура, котораго мы знаемъ изъ комедіи г. Карпенка-Карого, какъ ни кажется это страннымъ—несомнѣнный идеалистъ, понимая это слово въ томъ смыслѣ, что онъ всю свою жизнь, всѣ дѣла свои и помышленія подчинилъ извѣстной, какъ ни какъ, а все-таки идеѣ, всѣми фибрами своего существа прикипѣлъ къ ней и внѣ ея положительно не мыслимъ. Можно назвать его идею какъ-нибудь иначе—маніей что-ли, а самого обла-

дателя подобной идеи—маньякомъ, но въ сущности отъ такой постановки дѣло не мѣняется, такъ какъ это лишь формальная сторона вопроса. Идеалистъ ли, маньякъ ли—Банавентура неуклонно добивается осуществленія своей идеи или, если хотите, маніи, слѣпо вѣритъ въ свою счастливую звѣзду, въ свою геніальность, и не терпитъ возраженій и критическаго отношенія къ занимающему его въ данное время фетишу. Но не смотря на весь свой идеализмъ, понимаемый въ указанномъ выше смыслѣ, онъ въ то же время и трезвый практикъ, изъ-за превыспренностей не забывающій зорко смотрѣть себѣ подъ ноги и весьма ловко обращать себѣ на пользу многоразличныя обстоятельства. У него на все готовы «опытъ и практика», вездѣ найдется практическое указаніе, элементарная сметливость, позволяющая ему быстро разбираться и оріентироваться въ данномъ положеніи. Онъ во всемъ знаетъ толкъ—отъ вкуса «окороковъ зъ горчычкой» вплоть до цитатъ изъ Марго́ и «индычого языка»; онъ—разностороній талантъ,—отъ рецептовъ хозяйственнаго свойства до ловкаго присвоенія чужого литературнаго произведенія. Онъ, наконецъ, не отличается застѣнчивостью и вездѣ сумѣетъ найти соотвѣтственную компанію, собрать вокругъ себя подходящую авдиторію, гдѣ пройдясь колесомъ для потѣхи публики, гдѣ выдвинувъ какое-нибудь «окамьяниле дерево» или иные «предметы, интересни для наукы». И хотя отъ его надоѣдливой болтовни часто отмахиваются, какъ отъ назойливаго жужжанья мухи, но его общество терпятъ, его безконечные совѣты выслушиваютъ снисходительно, къ его неумѣренному хвастовству и вранью относятся часто съ довѣріемъ. Не смотря на свою репутацію легкомысленнаго и неположительнаго человѣка («Коначъ—то морока», говоритъ о немъ Калытка), онъ тѣмъ не менѣе завоевываетъ положенія почти нужнаго человѣка.

Но вотъ этотъ практически-трезвый, сметливый и ловкій, увѣренный въ своихъ знаніяхъ и талантахъ, быстро приспособляющійся и беззастѣнчивый субъектъ, съ цѣпкими руками и крѣпкимъ лбомъ, по тѣмъ или инымъ побужденіямъ обращается къ мысли засѣсть за «комедію малоросійську»: «все одно—гроши». Само собой разумѣется, что указанныя сейчасъ свойства его и

въ этой сферѣ должны найти блестящее обнаруженіе. Прежде всего упорство въ достиженіи разъ намѣченной цѣли, то упорство маньяка, съ которымъ онъ тридцать лѣтъ безрезультатно ковыряетъ землю своимъ щупомъ, помогаетъ ему и здѣсь прямолинейно идти въ одномъ направленіи, не сворачивая съ пути и лихорадочно утилизируя тотъ «матеріалъ», котораго у него вѣдь «и на воза не заберешъ». Обрывки всевозможныхъ полу-знаній торопливо выкладываются, при чемъ тутъ же кстати окажется прихваченнымъ—и совершенно, можетъ быть, bona fide—какой-нибудь чужой «парубокъ моторный» [1]); съ серьезнымъ видомъ такой авторъ будетъ разсказывать о весьма комичныхъ вещахъ, даже не подозрѣвая ихъ комизма, и, наоборотъ, не прочь пройтись колесомъ или заговорить «индычымъ языкомъ» въ серьезную минуту. Недостатокъ знанія будетъ восполненъ цитатой изъ Марго, собственнаго, правда, сочиненія; отсутствіе пониманія самыхъ элементарныхъ вещей съ избыткомъ покроется авторитетнымъ видомъ и неудержимо-наивной болтовней, которую самъ авторъ принимаетъ однако за высшіе глаголы; мѣсто драматизма займетъ не-

---

[1]) Едва ли, впрочемъ, bona fide совершенъ какимъ то Банавентурой слѣдующій подвигъ. Въ XI и XII книжкахъ «Л.-Н. Вістника» за 1903 г. напечата наповѣсть «Наввипередки» за подписью—Аріядна Сакунівна. Принявшись за чтеніе этой повѣсти, я былъ крайне пораженъ однимъ обстоятельствомъ: знакомая манера письма, пріемы, способъ выраженій и т. п.—все это до такой степени напоминало обычную технику покойнаго А. Я. Конисскаго, что исключало всякую мысль о самой рабской копировкѣ. Затѣмъ мнѣ началъ припоминаться и сюжетъ и, обратившись за справкой къ сочиненіямъ Конисскаго, я узналъ, въ чемъ дѣло. Оказалось, что повѣсть Сакунівны *буквально переписана* изъ IV тома произведеній Конисскаго—сохранено даже заглавіе, проставлена та же дата! Все это уже настолько грубо и совершенно безцѣльно продѣлано, что на счетъ мотивовъ подобнаго поступка можно только теряться въ догадкахъ, если не предположить, что покойный Конисскій сдѣлался жертвой увлеченія со стороны какого то безнадежнаго Банавентуры-графомана, уже совершенно не вѣдавшаго, что творитъ.

обузданное кровопролитіе, комизмъ будетъ представленъ субъектами, прячущимися подъ столъ и другими, оттуда ихъ привлекающими и т д И никакая критика его, разумѣется, не разувѣрить: онъ вѣдь не можетъ ошибаться, онъ творитъ чуть-ли не геніальныя произведенія, которыхъ могутъ не признавать только низкіе завистники; доказывать ему противное—трудъ совершенно напрасный.

Основнымъ мотивомъ драмы, вышедшей изъ подъ пера такого, съ позволенія сказать, писателя, является любовь, составляющая альфу и омегу всѣхъ его представленій о смыслѣ жизни и отношеніяхъ людей между собою. Это любовь особаго рода—любовь свирѣпая, трактуемая съ точки зрѣнія извѣстнаго положенія: «что на свѣтѣ прежестоко? Прежестока есть любовь»; это любовь надѣленная клокочущими страстями африканскаго происхожденія и въ то же время воспроизводящая нравы, подмѣченныя на голубятнѣ. Любовь, любви, любовью, о любви... любовный, любовная, любовное... я люблю, ты любишь, онъ, она любитъ, любилъ, любила, будетъ любить—безъ устали на разные лады склоняютъ и спрягаютъ герои Банавентуры. И въ этомъ, быть можетъ, еще полъ-бѣды. Хотя никакое другое человѣческое чувство не захватано такъ, не загрязнено и не опошлено отъ безпрестаннаго прикосновенія и чистыхъ, и нечистыхъ рукъ, какъ именно любовь, но эта вѣчно старая и вѣчно юная тема всегда привлекала и навѣрное будетъ привлекать къ себѣ вниманіе писателей. Въ исторіи каждой любви, въ зависимости отъ вѣчно новыхъ, вѣчно измѣняющихся въ каждомъ данномъ случаѣ субъектовъ, всегда могутъ найтись неповторяющіеся моменты, индивидуальныя отличія, сообщающія ей каждый разъ характеръ новаго, глубоко интереснаго и захватывающаго психологическаго процесса. Смутное зарожденіе новаго, едва сознаваемаго чувства, первыя робкія обнаруженія его, дальнѣйшія стадіи развитія, приводящія къ тому или иному финалу—какъ все это близко и понятно намъ, если писатель сумѣетъ найти эти индивидуальныя отличія, уловить непреходящіе моменты и вложить въ изображеніе ихъ силу искренняго, неподдѣльнаго чувства! Но только подъ условіемъ искренности и неподдѣльности писатель можетъ извлечь изъ стараго,

пылью вѣковъ покрытаго инструмента новые захватывающіе звуки, которые найдутъ отликъ и въ душѣ читателя. И здѣсь-то именно и кроется западня для Банавентуры, этого-то именно онъ и не умѣетъ сдѣлать. Не зная, что чувство менѣе всего подлежитъ шаблону, онъ набрасываетъ свои изображенія настолько общими, лишенными всякой индивидуальности и жизни чертами, что всѣ любовныя исторіи у него выходятъ какъ двѣ капли воды похожими одна на другую: перемѣнивъ имена и кой-какія частности, получимъ общую схему, въ рамкахъ которой Банавентура разыгрываетъ свои варьяціи на тему—«ой думалося». Чувство изображается у него чисто внѣшними чертами, недостатокъ его замѣняется воркующей голубиной сантиментальностью и выдуманными африканскими страстями, и чѣмъ любовь жесточе—тѣмъ, по его мнѣнію, и произведеніе выходитъ лучше. Трафаретностью, отсутствіемъ жизни, шаблонностью и насильственной пригнанностью къ одной мѣркѣ вѣетъ отъ подобныхъ произведеній, и потому они не въ состояніи затронуть ни одной струны въ душѣ такого читателя или зрителя, который вышелъ уже изъ сферы первобытныхъ воззрѣній Банавентуры. И вотъ въ то время, какъ жизнь безостановочно идетъ впередъ, выставляя все новыя и новыя требованія, выдвигая кругъ свѣжихъ, все усложняющихся явленій, и ставя рядъ насущныхъ вопросовъ, настоятельно требующихъ своего рѣшенія—подобные драматурги предпочитаютъ отмахиваться отъ всего этого и топтаться на одномъ мѣстѣ, упорно держась за все ту же всѣмъ паче горькой рѣдьки надоѣвшую, шаблонную, безцвѣтную, жестокую любовь... «Горе отъ любви»—такой подзаголовокъ можно бы дать всѣмъ этимъ «Чортовымъ кубламъ», «Клятымъ серцямъ», «Загубленымъ долямъ», «Закльованымъ голубкамъ» и тому подобнымъ безчисленнымъ произведеніямъ, варьирующимъ до безконечности одно и то же «ой думалося» г. Бойця, не представляющимъ ни одного свѣжаго момента, ни одной яркой краски.

Идейная сторона подобныхъ произведеній вполнѣ соотвѣтствуетъ ихъ содержанію. Изображая «прежестокую» любовь, показывая на сценѣ то нѣжно воркующихъ, то одержимыхъ вул-

каническими страстями героевъ, Банавентура всегда стремится попутно доказать какое-нибудь весьма нехитрое положеніе, заимствованное имъ не то изъ учебника Марго, не то изъ прописей: Бога бойтеся, царя чтите, лѣность—мать всѣхъ пороковъ; пьянство губитъ душу и тѣло и тому подобныя пылью вѣковъ покрытыя сентенціи украшаютъ собой страницы произведеній Банавентуры. Но болѣе всего возлюбилъ онъ также весьма почтенной давности мораль: добродѣтель у него всегда торжествуетъ, а порокъ подвергается примѣрному наказанію. Можно положительно утверждать, что не найдется ни одного произведенія Банавентуры, гдѣ бы данное положеніе въ томъ или иномъ видѣ не фигурировало, комментируясь и обставляясь болѣе или менѣе убѣдительными доводами и примѣрами. Особенно послѣдняя часть формулы требуетъ неукоснительнаго осуществленія: порокъ во всякомъ случаѣ, не смотря ни на что, долженъ быть наказанъ. Если же, по свойственной пороку продерзости, онъ стремится ускользнуть отъ прописаннаго ему наказанія и даже по всѣмъ видимостямъ имѣетъ на это нѣкоторые шансы, то движимый чувствомъ безпредѣльной справедливости авторъ не устоитъ и предъ явной несообразностью, самолично подавъ порочному персонажу кинжалъ, какъ это мы видѣли на примѣрѣ г. Тогобочного, или иное смертоносное орудіе съ молчаливымъ приглашеніемъ собственноручно заклать себя въ жертву торжества добродѣтели. Что же касается этой послѣдней, то она, разумѣется, должна торжествовать, хотя авторъ часто до такой степени ее измытаритъ и торжество ея въ этомъ случаѣ пріобрѣтается такою дорогою цѣною, что отъ него, пожалуй, и вовсе ничего не остается, кромѣ голаго наказанія порока. Это, такъ сказать, отрицательное торжество, состоящее въ примѣрномъ наказаніи противоположнаго начала. Къ различію въ судьбѣ добродѣтели и сводится въ сущности все отличіе комедіи отъ драмы въ обработкѣ Банавентуры. Въ комедіи осуществляются обѣ части всеобъемлющей формулы, въ драмѣ же торжества въ собственномъ смыслѣ можетъ и не быть и даже чаще, если хотите, его не бываетъ, а достигается оно отрицательнымъ путемъ— посредствомъ наказанія порока, который, напоминаю, ни въ ка-

комъ случаѣ избѣжать присвоенной ему по штату кары не можетъ. Обрисовка какъ порока, такъ и добродѣтели отличается всегда безусловнымъ характеромъ. Если данное лицо — злодѣй, то ужъ, конечно, злодѣй заправской, кромѣ злодѣйства, не обладающій никакими свойственными человѣку вообще чертами: онъ для приведенія въ исполненіе своихъ гнусныхъ злодѣйскихъ плановъ ни передъ чѣмъ не остановится; онъ безъ содраганія шагаетъ по трупамъ и лужамъ крови; онъ отмѣченъ Каиновой печатью въ видѣ ужасной или отталкивающей наружности; онъ, наконецъ, смѣло можетъ повторить знаменитое восклицаніе злодѣя ложно-классической трагедіи: «ступай душа во адъ и буди вѣчно плѣнна! ахъ, если бы со мной погибла вся вселенна»!.. За то если изображается добродѣтель, то опять таки это будетъ добродѣтель съ ногъ сшибательная, на которой ни тѣни, ни пятнышка не отыщешь, которая «не имать скверны или нѣчто отъ таковыхъ», но обладаетъ ангельскимъ голосомъ и неземною наружностью,—словомъ, добродѣтель, отъ которой обыкновенныхъ грѣшниковъ, непосвященныхъ въ тайны «банавентурнаго» міросозерцанія, затошнить можетъ...

Арсеналъ средствъ, служащихъ для торжества условно, впрочемъ, торжествующей добродѣтели и наказанія безусловно караемаго порока, у Банавентуры не слишкомъ богатъ и обиленъ: на первомъ и послѣднемъ планѣ у него стоитъ кровь... много крови... цѣлыя рѣки ея проливаются на страницахъ его драмъ, которыя въ подлинномъ смыслѣ пишутся кровью. Это кровожадность, возведенная, если хотите, въ принципъ, которому приносятся обильныя кровавыя жертвы; каждую подобную драму можно одѣть въ кровавую обложку г. Бойця, о которой я говорилъ въ свое время. Банавентура, обыкновенно весьма добродушный и очень миролюбиво настроенный, въ указанномъ отношеніи становится безпощаднымъ и отъ принципа не отступитъ ни за какія коврижки, подобно суровому Катону, неизмѣнно повторявшему свое «Carthago delenda est». Мы знаемъ ихъ, авторовъ этихъ кровавыхъ ужасовъ: это—обыкновенные, часто очень симпатичные люди въ своей домашней обстановкѣ, мирные обыватели, примѣрные мужья и жены, прекрасные отцы и матери семействъ, образцовые хозяева и хо-

зяйки, неспособные въ своей личной жизни, какъ говорится, мухи обидѣть, а не то, чтобы приводить въ дѣйствіе уголовные законы. Но это только до тѣхъ поръ, пока—высокимъ штилемъ выражаясь—ихъ не потребуетъ къ священной жертвѣ Аполлонъ. Какъ только послѣднее случится, какъ только они берутъ въ руки перо—«годи, кинець, аминь» всѣмъ указаннымъ выше достоинствамъ: натура ихъ моментально перерождается, отъ прекрасныхъ качествъ не остается и слѣда, мирныя привычки исчезаютъ, доброта стушевывается, а вмѣсто всего этого изъ устъ ихъ вылетаетъ лишь какой-то нечеловѣческій вопль: «крови, крови жажду», если они пишутъ «драму», и безконечныя, беззубыя остроты надъ мужикомъ, не умѣющимъ обращаться съ самоваромъ, если присутствуемъ при мукахъ рожденія «комедіи». Нагромождаются всевозможные внѣшніе ужасы—убійства, самоубійства, отцеубійства, матереубійства, сумасшествія, дикія страсти, стихійныя бѣдствія вплоть до труса, глада, потопа, огня, меча, нашествія иноплеменниковъ и междоусобныя брани; кровь хлещетъ со всѣхъ сторонъ и буквально заливаетъ сцену; изъ труповъ растутъ и высятся цѣлыя горы... А авторъ преспокойно расхаживаетъ среди этихъ ужасовъ, тамъ подбавитъ крови, тамъ услужливо подастъ кинжалъ, тамъ мимоходомъ кого-нибудь повѣситъ или заставитъ броситься въ рѣку—и самодовольно при этомъ потираетъ руки. И какую изобрѣтательность относительно изысканія способовъ пролитія крови проявляетъ Банавентура! Какъ изъ сундука Пандоры, какъ изъ рога изобилія валитъ онъ на головы своихъ несчастныхъ героевъ всѣ бѣды, приписываетъ имъ самыя утонченныя преступленія—и все это для того, чтобы въ развязкѣ менторскимъ тономъ преподать наставленіе: смотрите, какъ сокрушенъ гордый порокъ и какъ скромная добродѣтель вознесена!..

Читатель видитъ, какое въ сущности глумленіе надъ литературой представляетъ Банавентура и по содержанію, и по пріемамъ, и по идеямъ своихъ произведеній, изъ которыхъ я въ настоящее время остановился лишь на тѣхъ, какія имѣютъ отношеніе къ драматической литературѣ. Конечно, было бы большимъ заблужденіемъ полагать, что только драма сдѣлалась постоянной аре-

ной хищническихъ набѣговъ со стороны представителей названнаго типа и только у насъ это происходитъ. Область распространенія Банавентуры несравненно шире, охватывая всѣ отрасли духовно-культурныхъ, а не исключительно даже чисто литаратурныхъ интересовъ, и вездѣ онъ подъ видомъ служенія общественнымъ цѣлямъ, но на самомъ дѣлѣ по узко эгоистическимъ мотивамъ ведетъ свою разрушительную работу. Кропатель безграмотныхъ стиховъ—это Банавентура, быть можетъ, изъ всѣхъ наименѣе безвредный; но, напр., критикъ, съ важностью примѣняющій принципъ: «не знайде толку—буде тихо, не знайде же точки—лихо»,—развѣ это не тотъ же Банавентура? а ученый, сдѣлавшій науку источникомъ великихъ и богатыхъ милостей и интересами науки оправдывающій сомнительной чистоты поступки,—неужели не Банавентура? а общественный дѣятель, пользующійся общественными настроеніями, какъ средствомъ для саморекламы—развѣ не имѣетъ всѣхъ правъ на почетное имя Банавентуры? Словомъ,—вездѣ и всюду встрѣтишь представителей этого при современныхъ условіяхъ общественной жизни покровительствуемаго типа и, остановившись пока исключительно лишь на проявленіи «банавентурныхъ» принциповъ въ нашей драматической литературѣ, я руководствовался тѣмъ соображеніемъ, что здѣсь, благодаря нѣкоторымъ особымъ условіямъ, Банавентура получилъ возможность наиболѣе безпрепятственнаго развитія и преуспѣянія, достигнувъ даже своего рода зачаточной организаціи. Если вообще наша литература находится въ настоящее время на мертвой точкѣ переходного состоянія, то въ области драмы, благодаря упомянутымъ особеннымъ условіямъ, дѣло обстоитъ еще хуже: Банавентура завелъ насъ уже просто въ какой-то тупой пререулокъ, выходъ изъ котораго можетъ быть достигнутъ лишь съ затратой весьма значительныхъ усилій.

Причины, подготовлявшія такой исходъ дѣла и весьма благопріятствовавшія Банавентурѣ въ его разрушительной работѣ, кроются, съ одной стороны, въ общихъ условіяхъ существованія украинской литературы, а съ другой—въ тѣхъ спеціальныхъ условіяхъ, въ которыхъ развивался нашъ театръ, тѣсно

съ драматической литературой связанный. Какъ извѣстно, развитіе украинскаго театра всецѣло относится уже къ тѣмъ временамъ, относительно которыхъ сложилось мнѣніе, что мы не подъ закономъ ходимъ, а подъ благодатію, и это «подблагодатное» положеніе сказалось на немъ поэтому съ особенной силой. Когда въ 1876 г. изъ вѣдѣнія украинской литературы фактически было изъято все, за исключеніемъ узкой полоски «изящной словесности», безусловному воспрещенію подвергся также и театръ; правда, уже въ 1881 г. театральныя представленія на украинскомъ языкѣ получаютъ право на существованіе, но подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы не было устраиваемо «спеціальныхъ малорусскихъ театровъ», и съ оставленіемъ въ полной силѣ «подблагодатнаго» положенія драматической литературы. Послѣдняя, а слѣдовательно и репертуаръ возраждавшагося театра, отличалась на первыхъ порахъ крайнею скудостью и прежде всего—въ количественномъ отношеніи. Чтобы оцѣнить эту скудость, необходимо припомнить, что тогда еще вовсе не существовалъ, какъ драматическій писатель, г. Карпенко-Карый—«перший нині майстер на полі украінськоі драматичноі літератури», по выраженію г. Франка. Между тѣмъ выдающіеся сценическіе таланты корифеевъ украинской сцены привлекали въ театръ массу публики, которая не могла же удовлетвориться десяткомъ—другимъ пьесъ, а требовала все новыхъ и новыхъ произведеній. Что могла предложить ей наша драматическая литература, скованная желѣзными тисками постановленія 1876 г., ограниченная въ правахъ касаться сколько-нибудь серьезныхъ вопросовъ, принужденная обходить молчаніемъ темы изъ жизни интеллигенціи и прошлаго Украины и не имѣвшая, наконецъ, возможности пополнять репертуаръ даже переводными пьесами? Фактически въ ея вѣдѣніи оставалась лишь микроскопическая область семейныхъ и любовныхъ отношеній и, при отсутствіи настолько сильныхъ талантовъ, которые были бы способны освѣжить выдохшееся содержаніе и сказать въ данной сферѣ дѣйствительно новое слово, здѣсь скоро создался всенивеллирующій шаблонъ. А потомъ пришелъ Банавентура. Привлекаемый выгодными сторонами

украинскаго театра и его внѣшнимъ успѣхомъ, онъ въ огромномъ количествѣ наполнилъ ряды драматическихъ писателей и театральныхъ дѣятелей и сдѣлался главнымъ поставщикомъ репертуара. Что онъ поставлялъ—это отчасти мы уже видѣли. И въ то время, какъ лучшимъ и серьезнымъ произведеніямъ въ теченіе десятковъ лѣтъ преграждался всякій доступъ въ печать и на сцену, Банавентура имѣлъ полную, если хотите, монополію—плодиться, размножаться и наполнять литературу каррикатурными упражненіями, культивируя кровожадную драму, оглашая своды театра «співами і хорами» и, наконецъ, вводя «гопак і горілку» въ такомъ объемѣ, что на сценѣ почти не оставалось мѣста для чего-нибудь болѣе свѣжаго. И все это, конечно, въ высшей степени прискорбно, но еще прискорбнѣе то, что въ рядахъ Банавентуръ мало-по-малу оказались и настоящія литературныя силы. Начавъ, въ силу невозможности по указаннымъ причинамъ касаться всякихъ иныхъ вопросовъ, съ невинныхъ этнографическихъ картинокъ, онѣ незамѣтно, быть можетъ, для самихъ себя все болѣе и болѣе подчинялись шаблону, вращаясь въ отмежеванной имъ узкой сферѣ, опускались все ниже и ниже и вмѣсто противодѣйствія оказывали дружескую поддержку Банавентурѣ. Дружными усиліями различныхъ, но въ одномъ направленіи дѣйствующихъ силъ и создано было настоящее положеніе, вызывающее самыя серьезныя опасенія.

Отношеніе публики къ нашему театру также много способствовало достиженію такихъ результатовъ. Едва ли мы впадемъ въ ошибку, сказавъ, что оно было не серьезнымъ, слишкомъ снисходительнымъ и поблажливымъ къ тѣневымъ сторонамъ украинскаго театральнаго дѣла. Привлекаемая новизной его, видя на сценѣ новый міръ, при томъ въ изображеніи, можемъ смѣло сказать, могучихъ сценическихъ талантовъ, какими были первые дѣятели нашего театра,—публика хлопала «малороссамъ», устраивала оваціи и восхищалась игрой, не проникая въ глубь содержанія и относясь снисходительно къ литературной сторонѣ репертуара. Кровавые ужасы могли сходить при этихъ условіяхъ за истинный драматизмъ, балаганщина—за неподдѣльный комизмъ,

внѣшняя обстановка, костюмы, безконечные «співи й танці» за этнографическую правду, слащавая сентиментальность—этотъ, по выраженію г. Дорошевича, маргаринъ истиннаго чувства—за это послѣднее, тѣмъ болѣе, повторяю, что чудная игра значительно смягчала недостатки пьесъ. Успѣхъ былъ, успѣхъ шумный, успѣхъ очевидный, но какъ въ оваціяхъ чуткое ухо уже тогда могло бы услышать снисходительно-скорбительныя нотки, такъ и въ этомъ успѣхѣ лежалъ зародышъ разложенія и кризиса. Реакція рано или поздно должна была наступить, и она наступила. Теперь уже ни для кого не тайна, что нашъ театръ, расцвѣвъ за короткій сравнительно періодъ, переживаетъ въ настоящее время глубокій кризисъ, нуждаясь въ полномъ обновленіи обветшавшаго въ значительной части репертуара. Краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ кризиса служитъ и исчезновеніе съ лица земли мелкихъ труппъ, которыхъ такое множество существовало еще недавно, и фактъ перехода многихъ изъ нихъ къ опереточному репертуару, и судорожныя попытки нѣкоторыхъ изъ антрепренеровъ держаться при помощи «сенсаціонныхъ» новинокъ, въ родѣ «Рабынь веселья», и, наконецъ, во многомъ уже измѣнившееся отношеніе публики. Внѣшнею этнографичностью, пѣніемъ и танцами теперь уже публики не привлечешь,—она требуетъ болѣе серьезной пищи. И если нашъ театръ не хочетъ погибнуть, онъ долженъ давать эту новую пищу, онъ долженъ служить потребностямъ времени и удовлетворенію требованій серьезнаго зрителя и читателя, нарожденіе котораго уже не можетъ подлежать сомнѣнію.

И въ этомъ фактѣ нарожденія серьезнаго читателя и зрителя, лежитъ, какъ мнѣ кажется, залогъ новаго возрожденія нашего театра и тѣсно съ нимъ связанной драматической литературы. Мнѣ приходилось какъ-то читать газетное извѣстіе о снятіи администраціей съ репертуара одной изъ драмъ, образцы которыхъ представлены выше (то была, если не ошибаюсь, «Закльована голубка»); поводомъ къ этому послужила, говорятъ, сцена казни, во время которой отрубленныя головы катились чуть ли не въ партеръ, а пролитіе бутафорской крови произво-

дилось уже настолько неумѣренно, что среди зрителей сплошь и рядомъ вызывало случаи нервнаго разстройства. Конечно, я не сторонникъ подобнаго вмѣшательства посторонних силъ въ дѣла литературы и театра, хотя вполнѣ согласенъ съ тѣмъ, что подобныя пьесы, культивирующія среди неразвитой части публики дикіе инстинкты, кровожадность и крайне извращенныя понятія о литературѣ и театрѣ, должны исчезнуть безслѣдно. Только чинить въ данномъ случаѣ судъ и расправу и снимать съ репертуара произведенія Банавентуры должна сама же литература, въ первой линіи мы, читатели и зрители. Мы обязаны ясно показать свое отношеніе къ поруганію нашей литературы и театра, въ теченіе довольно продолжительнаго времени безнаказанно производимому Банавентурой, но не останавливаясь, конечно, на этомъ, приложить также всѣ усилія къ измѣненію общественныхъ условій въ такомъ направленіи, чтобы данъ былъ просторъ и исходъ лучшимъ общественнымъ силамъ, а не исключительно лишь Банавентурѣ въ его различныхъ проявленіяхъ. Встрѣтивъ достодолжный отпоръ, и нашъ Банавентура долженъ будетъ сократиться и очистить насиженное мѣсто хотя, разумѣется, нечего разсчитывать, чтобы онъ добровольно захотѣлъ отказаться отъ своихъ пріобрѣтеній и уйти со сцены, не ожидая чеховскаго приглашенія—«позвольте вамъ выйти вонъ». Да и не въ одномъ Банавентурѣ тутъ дѣло,—онъ вѣдь и самъ является продуктомъ благопріятствующихъ общественныхъ условій, съ одной стороны, и только отвѣчаетъ извѣстнымъ вкусамъ и наклонностямъ среди публики—съ другой, олицетворяя предложеніе на такія вещи, на которыя среди мало взыскательной части зрителей существуетъ до сихъ поръ еще несомнѣнный спросъ. Къ счастью, въ настоящее время этотъ спросъ, какъ кажется, идетъ уже на пониженіе и Банавентура начинаетъ ощущать колебаніе почвы подъ своими ногами. Измѣненіе общественныхъ условій, которое несомнѣнно отразится благопріятно на общемъ уровнѣ развитія народныхъ массъ, повлечетъ за собой также развитіе спеціально-художественныхъ вкусовъ и повышеніе требованій къ литературѣ и театру и среди той части публики,

которая составляетъ послѣдній оплотъ литературныхъ самородковъ, и возвративъ Банавентуру въ первобытное состояніе, заставитъ его отказаться отъ массовыхъ попытокъ проникнуть въ ряды литературныхъ дѣятелей. Будучи вынужденнымъ снова обратиться къ щупу и лопатѣ, Банавентура безповоротно исчезнетъ съ литературнаго горизонта, и только въ видѣ памятника современному переходному состоянію литературы и жизни останутся такія произведенія, о которыхъ шла рѣчь между прочимъ и въ настоящемъ очеркѣ...

26. VIII. 1904.

Сергій Ефремовъ.

„Мнимый господинъ".

(Малюнокъ).

Перша годына дня. Довга, зъ нызькою стелею и острожнымы викнамы салдацька казарма, подилена на взводы, якъ амбаръ на засикы; въ кожному засику зъ обохъ бокивъ по надъ стинамы стоять у рядъ койкы зъ таблычкамы въ головахъ, якъ въ больныци коло хорыхъ. Сонце грае въ дрибному пылу, що литае по казарми, й тамъ, де проходять ёго промини, здается, хтось протягнувъ довги пасмы кисеи. Гоминъ стыхае. Салдаты, стомлени стрильбою, на якій вони були зъ трёхъ годынъ ранку до самого обиду, шамотятся биля коёкъ и лагодятся спаты. Де-хто вже лигъ, де-хто ще роздягается, де-хто балакае. Въ третёму взводи якъ разъ биля проходу, що тягнется черезъ усю казарму, стоить Мандрыкинъ и, зневажлыво прытулывшы очи, заклавшы рукы за спыну, говорыть до татарына Сулымова:

— Не выдержу?.. Не выдержу? Ну, брать, смѣешься! Я тебѣ восемь сутокъ подрядъ не буду спать и во!.. ни глазомъ не моргну!

— Осымъ сутыкъ...—недовирчыво хытае головою татарынъ. Это балшой время. Самъ глазъ спать будыть.

— Эхъ, ты, татаринъ и больше ничево!—одвертается Мандрыкинъ и почынае скыдаты мундыръ. Татарынъ одходыть, а Мандрыкинъ лягае на койку и, звертаючысь до сусида, позихаючы, говорыть:

— Да и засну жъ я, братъ! Охъ, какъ засну! И чортъ не разбудитъ. Я дома какъ засну, бывало, дакъ меня было иголкой колятъ, а я сплю. Однажды начали даже идолы палецъ рѣзать. И то не проснулся! Во!

Сусида мовчыть, а Мандрыкинъ, выдно, думае, щобъ ще сказать, але солодко-солодко потягуется, схыляется на подушку и заплющуе очи. Ще бильше стыхае.

Фельдфебель, Сыдиръ Иванычъ, нудлыво ходыть по порожнёму проходи повзъ взводы и тежъ позихае, але позихае одъ нудьгы. Винъ зупыняется передъ малюнкомъ, на якому выдно якъ вартовый одною рукою проткнувъ рушныцею якомусь чоловикови «у вольній одежи» жывитъ, а другою заклавъ у ротъ свыстокъ и выклыкае «разводящого». Чоловикъ «у вольній одежи» держыть у рукахъ якый-сь пакуночокъ, зъ якого вызырае кинчыкъ пылкы й молотокъ, а зъ виконъ зъ-за гратъ выглядають арештанты. Малюнокъ давно знаёмый, и Сыдиръ Иванычъ навить не бачыть ни вартового, ни «чоловика у вольній одежи», ни самого малюнку. Ёму нудно й досадно. Винъ одходыть видъ малюнку, проходыть де-кильки развивъ по казарми и зновъ зупыняется передъ якою-сь картыною, зверхъ якои надпысано «Взятіе Шипки». Люде на сій картыни вси страшенно схожи мижъ собою, такъ що, здается, нибы армія братывъ одного батька бьется зъ другою арміею братывъ другого батька. Ну, певно, що россійськіи браты мають облычча биле, сумирне, благообразне, а турецьки—чорне, страшне, дыке, зъ довгымъ носомъ й лупастымы очима. Колы вмирае росыянынъ, то тильки закрывае очи, колы жъ турокъ, то на лыци ёму напысани таки мукы, що ажъ холодно стае. А про те вже й нема що казаты, що вбытыхъ туркивъ валяется бильше, нижъ живыхъ, и всихъ такъ пошматовано, що ажъ жаль. Сыдиръ Иванычъ дывытся, якъ россіянынъ пиднявъ на штыкъ турка, и раптомъ пошыряе очи й почынае зъ страхомъ прыслухатысь, якъ у жывоти ёму щось бурчыть. О! зновъ!.. Сыдиру Иванычу стае страшно. Бурчиння стыхае, але Сыдиръ Иванычъ вже не може заспокоитысь. Се вже втрете сёгодня. Значыть и порошкы не допомогають!..

Въ казарми вже зовсимъ тыхо, тильки чуты, якъ ходыть днёвальный зъ штыкомъ на поясі. Але Сыдора Иваныча не може втышыты ся тыша. Ёму досадно, гирко, обыдно. Вси сплять, вси покійни, тильки винъ ходыть оттутъ зъ своею хоробою и никому нема ніякого дила до ёго. Винъ почынае думать, якъ все страшенно несправедлыво на свити. Де вже найты кращого фельдфебеля, якъ винъ! Не пье, не курыть, значыть, не вымотуе у салдативъ останнихъ копіёкъ, не розбывае имъ пыкъ пидъ пьяну руку, не «пидтягуе» за всяку дрибныцю; а отъ пиды спытай у якого, чы ёму велыкый клопитъ, що у фельдфебеля бурчыть у жывоти, що фельдфебель ось уже десятый годъ мучытся всякымы хоробамы. А якъ же, поклопочется! Спать—то такъ, то ихъ клопитъ, а фельдфебель...

Сыдиру Иванычу стае ще гиркище й дуже жаль себе. Въ жывоти знову нибы збирается бурчаты. У ёго холодіють рукы й ногы. Ни, ничого. Винъ ще трохы прыслухается, потимъ зтурбовано крутыть головою и йде въ канцелярію. Въ четвертому взводи, що биля самои канцеляріи, сыдыть на койци Семененко и добродушно щось оповидае унтеръ-офыцерови, якый стоить биля ёго и мовчкы дывытся куды-сь пидъ койкы. На сусиднихъ койкахъ вже лежять, але, выдно, не сплять ще. Зобачывшы Сыдира Иваныча, Семененко хоче встаты, але той махае рукою й, зупыняючысь на хвылыну, повертается до ныхъ всею своею дужою, мицною постаттю въ розстибнутому мундыри й сумно говорыть:

— А делишкы то совсёмъ погани. Дрянь делишкы.—Семененко й унтеръ, чекаючы, дывлятся на ёго.

— Мучыть!..—зтурбовано хытае винъ на свій повный вышнутый жывитъ:—усё утро мурчыть. А шо такое, не пойму. И по тели какая-сь млявость.

Винъ ще разъ сумно хытае бородою и йде дали въ канцелярію за свою перегородку. Тамъ у куточку стоить ёго лижко, а биля лижка столыкъ, такъ густо заставленый всякымы пляшечкамы, баночкамы, коробочкамы зъ рижнымы ликарствамы, що навить нема куды й картуза покласты. Зупынывшысь биля столыка,

винъ почына перебираты ихъ, пыльно й по складахъ прочытуючы надпысы, и нарешти бере довгеньку, биленьку коробочку, одчыня іи и, сумно всмихаючысь, хытае безнадійно головою. Потимъ, поволи повернувшысь, тыхо йде зъ канцеляріи зъ коробочкою въ рукахъ и зновъ махае рукою на Семененка, якый хоче встаты.

— Отъ... теты самыи... порошкы...,—всмихаючысь протягуе винъ до Семененка коробочку,—ликарство моё хорошое.—Семененко бере коробочку, але не знаючы, що зъ нею робыть, обережно одчыняе іи и дывытся въ середыну.

— Выходять уже, Сыдиръ Иванычъ,—говорыть винъ,—новыхъ нада купувать. Усёго тры или чотыри осталось.

Сыдиръ Иванычъ махае сумно рукою, сидае на краечокъ койкы и хвылыну мовчыть.

— Новыхъ...—повторяе винъ, гирко всмихаючысь.—А, спросытся, для какой надобности? Какая такая есть польза одъ ихъ? Одынъ переводъ деньгамъ та й годи? Пьемъ, пьемъ, а шобъ тибе какое-сь пособіе одъ етого, то никоторого й примеченія нема! Новыхъ...

Вси якый-сь часъ мовчять. Хто почавъ дрима(дриматы), пидводыть голову, дывытся въ ихъ бикъ и лягае зновъ.

— Ну, а тое ликарство помагало, що ротный посоветувалы?—пытае Семененко.—Вы тоди довольни булы...

— Какое ето?—прыгадуе Сыдиръ Иванычъ.

— Та тое... Оно таке ще въ зеленій пляшечци... Биле...

— А-а!..—згадуе той—ето...

Винъ зъ ваганнямъ пидійма вгору плечи, розводыть рукамы, робыть серьёзне лыце й нарешти зъ усыллямъ якымъ-сь каже:

— Х-х-х-то його зна!.. Бачь, делишки то такыи. Зранка оно той... какъ будто й ничево... на подобіе помагало... А потомъ ето й той... почыналась упьять усякая авансцена. Спервоначалу ето... мигрень въ глазахъ. Зачынае ето мыготить шось, какъ на подобіе какыи-сь метелыкы. О... Потомъ у жывоти мурченіе какое-сь. Такъ отъ отцеда (Сыдиръ Иванычъ показуе на ныжню частыну живота) какъ загурчыть и... ажъ до

грудей. И впьять зтедова у нызъ. Ну, й жывоть усё равно какъ бубонъ увесь...

Семененко чуе се вже другый рикъ зъ самого першого дня своеи службы, але слухае зъ самымъ уважнымъ и спивчуваючымъ выглядомъ; хытае сумно головою, пидтакуе, дывуется, жахлыво ахкае. Сыдиръ Иванычъ ожывляется,—здорове, червоне, бородате лыце ёго, зъ маленькымы, нибы проваленымы оченяткамы, червоніе, черевата постать стае жвавищою. Сыдиръ Иванычъ почувае навить, що ёму нибы легчае, винъ чуе сымпатію до сёго Семененка, що добре знае на вси хоробы, и постановляе на осинь неодминно зробыты ёго ефрейторомъ.

Инчи салдаты, сусиды Семененка, ворочаются, крекчуть и, нибы тильки теперъ помитывшы фельдфебеля, пидводять трохы головы й, не маючи вже що робыть, и соби понуро слухають. Сыдиръ Иванычъ озырается й до ныхъ, ще бильшъ ожывляется, навить устае и голосно говорыть дали:

— А прыдсказаніе трудно зделать! Одынъ разъ какъ будто й той... и полекшення, а другой разъ такъ совсёмъ стисненіе. Кушаю, напримеръ, мало. И всякое такое. Мальчевскый говóрыть: нефлюенція. Ну, а какая жъ тутъ може буть нефлюенція, когда у глазахъето... мигрень... и всякое такое всё возможное. жыводъ и прочее?.. Мине посоветувалы пойты до Суханова; говорять, хорошый дохтуръ—по всякымъ всё-возможнымъ болестямъ... и ликарства ето дешовыи препысуеть. Хто ёго зна!.. Былъ и въ Суханова. Говорыть,—катаръ, засореніе желудка. «Отъ, говорыть, будете пыть тетыи порошкы». Тры порошкы на день. Ничого, за визитъ недорого взявъ, 50 коп. Тильки шо жъ?.. усе оны шарлатаны. Скольки я ихъ переходывъ. Одынъ говорыть одне, другой другое, третій свое... Ни одинъ не попалъ на другого прыдсказаніе. Усякый по своему...

— Тильки гроши беруть уси однаково... хе, хе, хе...— вставляе добродушно Семененко.

— А, гроши оны усе люблять—сумно згожуется Сыдиръ Иванычъ—грошыкы оны люблять. Да-а. Такыи то делишкы! Чуствую,—больной, а пособія никоторого.

Сыдиръ Иванычъ заклада рукы за спыну, закрывае очи й безнадійно хыта головою. Салдаты нудлыво перезыраются, кыдають на ёго похмури й злистни погляды й чекають.

— Прынимавъ уже ето... той... какъ ёго... мм...—винъ розплющуе очи й, прыгадуючы, тре пучкамы пальцивъ —никотинъ, чы нафталинъ... какъ то-сь, ій Богу, забылъ уже... Зпервоначалу какъ будто одпустыло. И серцебіевіе не такой пульсъ уже имело и... всякое всё-возможное. Какъ будто начавъ удаваться успехъ уже. Тольки впьять какъ закрутыть ето и всё-возможное. Какъ пойдётъ ето. Мурченіе впьять, мигрень ето, жывотъ зновъ какъ бубонъ и всякое прочое. Тутъ есть одна тето барышня, тоже такымъ же страдаеть. Служыть на телехвони. Съ образуваніемъ... Такъ, говорыть, десять дохтуровъ переминыла и никоторого пособія...

— Сказывають, очынь прекрасно сциляють тетыи новыи мощи—задумлыво промовляе унтеръ.—Усяки болести какъ водой змывае всё равно. Одна тутъ старушка, восемь летъ страдала погамы. Зразу сцилылась. Пойшлы бъ Сыдиръ Иванычъ та зразу все скынулы бъ. Дохтуръ шо? Дохтуръ одне выличыть, а другое зостанется, а то здоровый на вси бокы. И ликарствъ никакихъ уже не нада...

— Невжели сциляе?—жваво пытае Сыдиръ Иванычъ.

— А ій Богу!

Сыдиръ Иванычъ захоплюется. Справди, узять отпускъ, пойихать, помолыться. И здоровый, и ликарствъ не треба. Можна вси шкляночки повыкыдать... И недорого коштуватыме... И вже бильшъ ніякыхъ розмовъ не треба зачынаты про хоробы...

Але чымъ бильше винъ думае въ сёму напрями, тымъ бильше почынае почуваты, що ёму робытся нудно, скучно, и чого-сь не вирытся, що мощи «сцилять» ёго.

— Не?..—хытае винъ головою.—Може мощы й той и... сциляють, тильки зо мною ето трудно будеть... Потому, када бъ у мине була какая-сь звесная болесть... Отъ, скажемъ, хоть... нефлюенція. Тада, значыть, и просыть знаешъ какъ. А какъ у мине такая болесть, що іи й опрыдилыть трудно, то якъ ты су-

неся... «Святой великомученыкъ, исцилы мине болесть»... а какую—то й самъ не знаешъ.... Нетъ, тето низзя такъ.

— Говорять, хорошо протывъ жывота горчыцю прыймать—промовляе Семененко.—Якъ, значыть, вона есть цила, такъ и прыймать, зъ водою, чы зъ молокомъ...

Сыдиръ Иванычъ насторожуется.

— Цилою?

— Цилою. Не терты, не товкты, ничого...

— Любопытно. И, говорышъ, помогаеть?

— А якъ же—помогаеть?

— Хм... пидожды.., ето той... Нада запысать!

И Сыдиръ Иванычъ зъ заклопотанымъ лыцемъ бижыть у канцелярію й зпыкае за перегородкою.

Якъ тильки гоминъ видъ ёго ходы стыхае, на койкахъ разомъ пидводятся постати салдатъ и заразъ же зъ обуреннямъ накыдаются на Семененка.

— Для якого чорта ты сказавъ ёму про горчыцю? Хто тебе просывъ зачипать ёго?—гнивно шыпыть до ёго ефрейторъ Мотузокъ.—Сволочъ проклята! Винъ теперъ и на ментъ не дасть заснуть... Тобъ може побалакавъ та й пишовъ бы соби, а теперъ... «Горчы-ыця»! Идолъ!.. Не знаешъ ёго, чы що?!

Семененко вынувато й ніяково усмихается и мовчкы чухае обстрыжену голову.

— Ошыбку давъ...—зитхае винъ.

— «Ошыбку давъ»... Ефіёпъ!.. Отъ теперъ винъ тоби покаже... Маешъ якусь мынутку спочынуть и ту... Эхъ!—винъ додае нелитературный выразъ и зъ-злистю лягае знову на койку. Семененко такъ же вынувато всмихается й тре рукою лоба. Чуется поспишна хода и зъ канцеляріи выходыть Сыдиръ Иванычъ зъ папиромъ на якійсь кныжци й олывцемъ у рукахъ. На маленькому носи ёму начеплени окуляры зъ ныткою замисць однои нижкы.

— Да, да..,—говорыть винъ, прыемно ожывленный,—ето запысать. Я кадась про тето средство слыхавъ... А какъ розду-

мався, такъ, кажысь, какъ разъ по моій нормальности. Ну, такъ какъ ето?

Семененко кыдае окомъ на товарышивъ и говорыть:

— Ну, значыть, нада купыть горчыци...

Сыдиръ Иванычъ сидае на край койкы, кладе кныжку зъ папиромъ на колина и почынае запысувать.

— Ну... «купыть горчыци»... Есть... Дальше.

— Звесно, сполоскать, якъ следъ... Зъ наблюденіемъ чыстоты.

— Ну-да, ето вже завысыть одъ обхожденія домашнёго. Усякое тамъ всё возможное... Чыстота и всё такое... Ну?

— Ну.., потомъ ето... насыпать у якусь чашку, чы мысочку, або й стаканъ... И пыть...

Фельдфебель слыпыть олывець, поправляе окуляры и, схылывшы трохы голову на бикъ, запысуе «рецептъ». Вси пыльно слидкують за ёго рукою, яка старанно, потыху выводыть велыки, розтопирчасти литеры.

— «И пыть»... — кинчае винъ.—Харашо! Очынь прыкрасно! Спробуемъ, спробуемъ!

Винъ пидійма якось до-горы бороду и зъ-пидъ окулярив дывытся на всихъ веселымъ, завдоволенымъ поглядомъ, поглядомъ чоловика, якый найшовъ такы, до чого прыкласты свою енергію, якый бадёро й серьёзно визьмется за се дило. И выдно, що визьмется не абы якъ, а зъ розумомъ, обмиркувавшы, оглядившы справу зо всихъ бокивъ.

Салдаты жъ, хоча й всмихаются й спивчуваюче хмыкають, але выдно все-такы, що зовсимъ не пройнялысь ёго намиромъ. Лыця имъ сонни, зморени, очи бигають по казарми й нудлыво зупыняются на тыхъ товарышахъ, що тамъ далеко въ кутку такъ солодко сплять соби.

— Да-а, делишкы могуть поправыться!—говорыть зъ надіею Сыдиръ Иванычъ.—Я вже тето обдумавъ... Потому узять на разсужденіе зъ такымъ хвактомъ: горчыця, какъ дробная ето штука и ча́стая.., она ето прыйдёть у жывоть и зделаеть... все возможное разположеніе. Какъ, прымеромъ сказать, кушавъ борщъ, кашу и шось ищо, скажемъ, вареныкы... Оть она ето й разпо-

ложыть усё по своимъ местамъ... Усякый предметъ на своё место.. О! отъ и пойдётъ тада... А вже када жывотъ въ хорошомъ настроенію, тада й всякое всё-возможное ето... й голова, и прочее тоже въ спокойствіе пойдуть. Жывотъ, ето насамперёдъ... А то отъ ето... выйшовъ сёгодня зъ дому. Всё очынь прыкрасно и вдругъ ето... мурченіе. Отъ такъ ето... мур-мур-муръ... Какъ наче покотывъ щось... И въ глазахъ ето сичасъ... мыг-мыг-мыгъ, какъ на подобіе млынъ крыламы... А почему такая мигрень у глазахъ? Га?.. Одъ мурченія!

— Звесно...—згожуется Семененко—що жывотъ ето первое дело. Усякая хороба тамъ найскорей заводытся.

— Правда?—пидхоплюе Сыдиръ Иванычъ.—Верно я говорю?

— Звесно, када...

— О! А ну-ка, скажы тето Мальчевському! Ого!.. Онъ тибе сичасъ: «Нефлюенція»! А що то за нефлюенція, када у тибе въ жывоте мурченіе и всякое ето всё-возможное... Када нефлюенція, такъ хай же й будеть нефлюенція! А то отъ такое... Барышня тета... немолода вже, правда, барышня, тоже вже годъ семъ страдаеть тетымъ. Говорыть: «рыпматизъ кышокъ»... Ето, значыть, какъ у ногахъ, або тамъ у рукахъ буваеть рыпматизъ, такъ и въ кышкахъ.

— Я понимаю...—хытае головою Семененко.—Значыть, у жывоте.

— Ну-да... Ну, и впотребляеть какыись порошкы, на подобіе какъ ето буваеть бырталетовая соль... Пывъ и я ихъ... Не по моій нормальности... Какыись такыи... хто ихъ зна...

— Невдовлетворительныи?—пидсказуе Семененко.

— Да-да... Та й на выдъ... какыись чудныи... Отъ я покажу.

И, не дывлячысь на свій высокый чынъ, Сыдиръ Иванычъ охоче встае и зновъ иде у канцелярію. Въ казарми пиднимается шопотиння. Вже навить зъ дальнихъ коёкъ пидводятся салдацьки постати й накыдаются на Семененка, якый, высоко пиднявшы

бровы, зъ одчаемъ оправдуется и навить прысягается, що винъ невынный й що ёму самому въ печинкахъ уже сыдыть фельдфебелева хороба й балачкы его.

— Хиба жъ мени самому прыятно слухать, якъ винъ тутъ базикае?—часто озыраючысь на дверы, палкымъ, задушевнымъ шопотомъ говорыть винъ.—Чудакы, ій Богу! Самъ спать хочу, якъ заклятый, такъ що жъ маю делать? Не прожену жъ его?

— «Не прожену»,—злистно шыпыть худый Завирюка,—проженешъ, не проженешъ, а не зачипай, отъ що!... «Горчыцю добре»... Зъ горчыцею своею... Анахемы! Вночи спавъ не бильше, якъ тры часа, теперъ цей пузатый чортъ не дае спать, а тамъ у лагери..

— А отъ ще якъ почнётъ исторію свою чытать...,—зъ похмурою погрозою бовкае Мотузокъ,—тоди спатымешъ уже...

— Онъ е́ще сво́и мындали будетъ показы́валъ—дывлячысь въ викно, сумно-задумлыво додае Кржтузськый.—Жёбы его зъ тымы менделя́мы й хороба́мы чо́рты взялы о́дъ насъ... Та́ка...

— А знаете що?—рантомъ жваво перебывае сёго Семененко.—Давайте его въ третій зводъ справымо! Хай свою исторію чытае! Ій Богу! А тамъ Ма́ндрыкинъ, его секретарь...

— Справышъ...—безнадійно говорыть Мотузокъ.—Якъ догадается, такъ ще й нахватаешъ.

— Тш-ш!—шыпыть Семененко и дывытся на дверы канцеляріи, зъ якыхъ заразъ же выходыть «фитьфебыль».

— Отъ...—протягуючы ёму загорнути въ билый папиръ порошкы, завдоволено посмихается Сыдиръ Иванычъ.—Ета самая... чепуха.

Семененко обережно розгортуе одынъ порошокъ, зъ нахмуренымъ, серьёзно-крытычнымъ выглядомъ оглядае его, навить пидносыть до носу й нюхае и, вертаючы, зъ невагою говорыть:

— Конешно чепуха... Разли оны що помогуть? Зразу выдно...

— Хе-хе-хе!—сміется Сыдиръ Иванычъ и, сидаючы на койку, почынае оповидаты, якъ винъ се саме выясняв барышни й якъ та «по недорозуменію ума своего» не хотила навить и слухать

ёго. Зъ барышни винъ непомитно переходыть на Мальчевського, на Суханова, зъ Суханова на рышматизъ, зъ рышматизу на нефлюенцію, на мигрень, мурченіе, бубонъ и т. д., и т. д. Салдатамъ стае, выдно, ажъ млосно, але Семененко хытае головою, пидтакуе и, помитно, щось напружено думае.

— Полковныкъ говóрять: «ты, Кравченко, мнимый господинъ и больше ничёво!» — иронычно всмихается Сыдиръ Иванычъ. — «Усё тебе только прыставляется». Выходыть, що я здоровый чоловикъ, а только выдумую усё. «Зъ безделія, говóрять, усё тето. Водкы не пьешъ, до бабъ жона не пущаеть, отъ и забавляеся». Очынь прыкрасное разсужденіе!.. Да-а — зитхаé винъ. — Хорошый мнимый, када тето... не знаешъ де тебе подеться одъ страданія... Мнимый господинъ... Хе!.. Када бъ ёму такое приключеніе болестей, дакъ и онъ бы сделався мнимымъ... Мнимый!.. Вчорась...

— И, скажить на мылость, давно тето вже у васъ?—мягко перебывае ёго Семененко, пыльно й зъ самымъ уважнымъ чеканнямъ дывлячысь ёму въ лыце.

— Э!—сумно хытае головою Сыдиръ Иванычъ.—Давно вже страдаю... Ще какъ той... ще какъ зъ походовъ прыйшовъ. Десь верно простудывся на Шыпке, отъ и пойшло...

— А въ якому то месяци запысано це въ исторіи у васъ? Я слыхавъ, только забылся вже.. Кажетця... хм...—прыгадуе Семененко, похмурывшы бровы—кажетця... право, забылся...

Сыдиръ Иванычъ тежъ почынае прыгадуваты, але на дыво й винъ не може твердо сказаты, въ якому саме мисяци.

— Хм... Отъ такъ штука!—здывовано говорыть винъ.—Какъ же це такъ?.. Невжели я не запысавъ? Та не можеть же тетого буть! Мандрыкинъ! Мандры-ы-кинъ!!—голосно, на всю роту гукае винъ. Хто справди заснувъ, злякано прокыдается, зхоплюется зъ койкы й заспанымы, напруженымы очима дывытся навкругы. Въ сусидпёму й павить у першыхъ взводахъ тежъ прокыдаются видъ сёго ризкого, голосного крыку й непорозумило пытаются одне въ одного прычыны.

— Мандрыкинъ!!—ще голосніще гукае Сыдиръ Иванычъ.— Онъ анахема, крепко спыть. Пойды розбуды его!—звертается винъ до Семененка. Той весело кыдае «слушаю», охоче зстрыбуе зъ койкы и бижыть у сусидній взводъ. Унтеръ взводу й де-хто зъ салдативъ зустриваютъ ёго зъ сонными, зтурбованымы пыкамы.

— Шо тамъ такое?

— Мандрыкина клыче—всмихается Семененко.

— Для чого?

— Хто ёго зна... Кажысь исторію чытать буде...

Мандрыкина, що уявляе нибы спыть, наче выхоромъ пидкыдае на койци.

— Какъ!?—вызвиряется винъ на Семененка.—Какъ ты сказалъ сейчасъ?

Исторію чит...

— Исторію?? Ну, братъ, это ужъ смѣесся!.. Никакой такой исторіи я читать не буду! Слышь?! Такъ ты ему мнимому чорту и скажи. Во! А ежели онъ еще слово мнѣ скажетъ, дакъ я ему такъ вотъ и заѣду по харѣ! Какая такая исторія можетъ быть теперь? Я спать хочу! Исторія!.. Человѣкъ спать долженъ. Мнѣ ежели часъ одинъ не доспать, дакъ я совсѣмъ больной. А я цѣльную ночь-то не спалъ.—Смѣесся, братъ!

— Та мине шо?—зтыскуе зъ усмишою плечыма Семененко.—Я ёму такъ и скажу...

Чуты важку, поважну ходу фельдфебеля. Мандрыкинъ хутко лягае знову на подушку й удае, що спыть. Хто лежавъ, розплющывшы очи, зразу закрывае ихъ и почынае сопты носомъ; хто не лежавъ—або сидае ривнице, або встае.

— А Мандрыкинъ спыть?—входячы й озыраючысь пытае Сыдиръ Иванычъ.

— Такъ точно!—одповидае унтеръ.

— Хм... А ну-ка, розбуды ёго... на мынутку...

По лыци ёму выдно, що винъ пыльно, напружено щось прыгадуе.

— Унтеръ повертается, здержуе на губахъ усмишку й починае торсаты Мандрыкина. Той якъ дерево качается пидъ ёго штовханамы, але й окомъ не клипне.

— Спыть, Сыдиръ Иванычъ—повертаючысь до сёго, говорыть унтеръ.

— А ты той... почуствительней... Дело важное..

Унтеръ повертается и почынае зновъ ще дужче торсаты Мандрыкинымъ. Той зновъ хытается на вси бокы, якъ одубилый, але дали не выдержуе, розплющуе очи й пытае:

— Ну чево?

— Встань, Сыдиръ Иванычъ чево-сь клычуть—кусаючы губы говорыть унтеръ. Мандрыкинъ вяло встае, линыво пидходыть до фельдфебеля и, чухаючысь у голову, говорыть зъ ніяковою посмишкою:

— Спать больно хочется, Сидоръ Иванычъ!

Але Сыдиръ Иванычъ навить не чуе.

— Отъ шо, Мандрыкинъ—заклопотано звертается винъ до ёго.—Ты не помнышъ, у какомъ тето месци мы пысалы про мою болесть... Въ тетой... въ исторіи?

— Про болѣсть?—перепытуе Мандрыкинъ и закыда очи на стелю.—Про болѣсть?.. Это будетъ, Сидоръ Иванычъ, въ томъ самомъ мѣстѣ... э... э... какъ турокъ на пушкѣ верхомъ съ горы поѣхалъ.

И винъ смилыво, але й пыльно якось дывытся у очи фельдфебелю.

— Турокъ?..—думае Сыдиръ Иванычъ.—Ну, шо ты!.. Нетъ!..

— Верное слово, Сидоръ Иванычъ!

— Э!.. говоры!.. Не! нада пошукать!—ришуче хытае винъ головою. й поспишно йде въ канцелярію. Мандрыкинъ ще якый-сь часъ мовчкы, мовъ застыгшы, дывытся ёму вслидъ, потимъ повертается до товарышивъ, хыта головою й говорыть:

— Вотъ песъ! Я думалъ, повѣритъ, нѣтъ, идолъ не повѣрилъ! Думалъ, скажу, дакъ отцѣпится, а онъ вотъ... что... Вотъ песъ!.. Ну, ужъ это шалишь, пузатый чортъ, не стану тебѣ искать-то! Это ужъ смѣешся, братъ! Намъ спать полагается.

Унтеръ не слухае ёго й понуро дывытся въ розчыняне викно, въ яке мягко, свижо віе весняный, хорошый витрець. Тамъ далеко десь зеленіе вже щось, розцвитае и такъ дуже, такъ солодко маныть у поле, на волю. А въ кутку хто-сь такъ прываблююче хропыть, такъ смачно выробляе носомъ «харр-фю-ю! харр-фю-ю!» Унтеру, выдно, тошно, нудно, десь хочется схылыты голову на подушку, пидкласты зморену пидъ щоку руку и тыхо-тыхо заснуты.

— Мандрыкинъ!!—вмыть гулко несется зъ канцеляріи.

Де-хто ажъ здрыгуется, поспишно зкыдае зъ головы шынелю й дывытся передъ собою:

— Чтобъ тебя разорвало, собака!—бурмоче Мандрыкинъ, не рухаючысь зъ мисця.

— Иды, клыче... що жъ сыдышъ?—хытае головою на канцелярію унтеръ.

— Не пойду!

Унтеръ мовчкы, здывовано дывытся на Мандрыкина, якый посвыстуючы дывытся въ викно.

— Да иди!—чуется зъ якои-сь койкы.—А то сюда прійдетъ и никому спать не дасть...

— Мандрыкинъ!!

— А чтобъ ты подавился, иродъ проклятый! — зрывается зъ мисця Мандрыкинъ и злистно ступае до канцеляріи. Але въ сю хвылыну на зустричъ ёму выходыть якъ разъ Сыдиръ Иванычъ зъ довгымы аркушамы поперу въ рукахъ й зъ окулярамы знову на носи.

— А видишъ нема коло турка!—говорыть винъ, забачывшы Мандрыкина—На́, посмотры... Онъ мине говорить!..—Сыдиръ Иванычъ дае ёму частыну аркушивъ, а самъ зъ другою пидходыть до коёкъ, сида на одну й почына любовно перегортаты аркушъ за аркушомъ. И ёму прыходыть думка, що якъ-не-якъ, а винъ такы добре зробывъ, що почавъ пысаты исторію свого повка. Отъ и про бойкисть можна докладно дознатысь, и видъ начальства, й видъ салдатъ повага. Самъ полковой командиръ, заставшы ёго

за пысаніемъ исторіи, прочытавъ початокъ, усмихнувся и поляскавшы Сыдира Иваныча по плечахъ, сказавъ:

— Молодчина Кравченко! Валяй, братъ, валяй! Полковымъ историкомъ будешь!

Покы Мандрыкинъ розшукуе «турка», Сыдиръ Иванычъ спершу про себе, а потимъ такъ, щобъ и другымъ чуты було, почынае чытаты:

— «Исторія N-скаго полка або какъ мы ходили на турковъ во времня Шыпкы» [1]).

«Спервоначала, када намъ объявылы про войну, я бувъ ще тада простымъ салдатомъ, бо тада служылы не такъ какъ теперъ ето чотыри, або тры года, а двадцять пять лѣтъ, и я не заслужылъ ищо фитьфебеля, которую должность я получилъ вже послѧ́. Када насъ повезлы у походъ, я сыльно ставъ скучать по глупости ума своего за мѣстопрожываніемъ детства своего и за родытелямы, но какъ салдату скучать не полагаетьця, то я и переставъ делать чепуху».

Сыдиръ Иванычъ дывытся черезъ окуляры на слухачивъ, яки похмуро дывлятся на его, и шыроко, радостно посмихается. Колы его поглядъ зупыняется на кому небудь, той крыво-спивчуваюче хмыкае и тикае очыма куды небудь въ кутокъ. Сыдиръ Иванычъ перегортае аркушъ и де-сь зъ середыны знову чытае:

---

[1]) Мушу даты коротеньке пояснення. Мандрыкинъ за часы свого секретарства не насмилювався не то що словомъ, але й одною литерою змиםныты проказане авторомъ, Сыдоромъ Иванычомъ. Правда, винъ се зпочатку одважувався робыты, але колы Сыдиръ Иванычъ звернувъ его увагу на свои авторски права, пидкрипывшы ихъ обицяннямъ «вымазать ёму всю морду чорныломъ», якъ тильки винъ ще хоть разъ повторыть свои намагання,—Мандрыкинъ схаменувся и потимъ до литеры вже запысувавъ кожне слово Сыдира Иваныча. Певна ричъ, що я зъ свого боку тимъ паче стою за недоторканисть творивъ безъ згоды автора. Тому, чытаючы сю «Исторію N-ськаго полка и т. д.», чытачи можуть чытаты іи зъ такою жъ увагою, якъ бы рука самого Сыдира Иваныча запысувала ёго думкы на паперъ.

— ...«По случаю зымнёго времня у мине порвалысь сапогы, которыи я поручывъ ротному сапожныку Гавріилу Гусаку подчыныть. А самъ съ прыскорбіемъ ходывъ у однехъ валянкахъ. А тутъ туркы почалы атакувать нась стрильбою, и када Гусакъ подчынялъ сапогы бомба окичательно оторвала ёму ногу. Всё такы онъ болѣе не могъ сапаговъ подчинять и пропалъ мой завдатокъ цѣною 35 коп. А кругомъ усё горы и дробный лесъ.....»

— Такъ ето й той... и проходывъ у валянкахъ...,—пидіймаючы голову, усмихается Сыдиръ Иванычъ. Унтеръ хоче що-сь сказаты, але Мандрыкинъ перебывае ёго й говорыть:

— Да, вѣрно, Сидоръ Иванычъ, возлѣ турка нѣтъ... Должно въ другомъ мѣстѣ.

— Ага!—скрыкуе Сыдиръ Иванычъ.—А я тоби говорывъ... Десь тутъ... На́, пошукай...

Почынается розшукування. Въ кутку вже зтыхло солодке «хар-фю-ю», за те чуты таки згукы, нибы хто студыть гарячый борщъ; потимъ хтось плямкае губамы, нибы вже йисть; а инчый бурмоче щось, и зновъ «пху!.. пху!»... Чуты, хтось одчыняе двери въ казарму й не по-салдацькы ступае по пидлози. Вси пидводятся й чекаюче дывлятся у проходъ. Зъявляется коротенька, товстенька постать подпоручыка Козявкы. Картузъ ёму одсунутый трохы назадъ, пухки, якъ дви пидсмажени пампушкы, щокы грають румьянцемъ; чорни, шыроко розставлени оченятка бигають прудко й весело.

— А! кавалеры!.. Здрастуйте!—кыдае винъ.

— Здрав... желай.. вашш.. благородь!..—не въ ладъ одповидають ёму Сыдиръ Иванычъ и слухачи.

— А командира не було, Кравченко?

— Никакъ нетъ!—спокійно и ривно, безъ звычайнои салдацькои поспишносты й напруженя одмовляе Сыдиръ Иванычъ.

— Хм... Странно!.. Странно, странно...—покручуючысь на каблукахъ, крутыть задумлыво вуса Козявка.—Потимъ повертаючысь до ныхъ и, дывлячысь на аркуши, пытае:

— А вы что тутъ... читаете?

— Такъ точно... Немножко ето исторію мою...,—усмихаючысь, гладывъ рукою аркуша Сыдиръ Иванычъ. (Яко сумирный авторъ, винъ завжды трохы конфузывся передъ чужымы людьмы).

— А-а!—протягуе Козявка, и въ лыци ёму пробигае щось веселе й жартовлыве, але воно заразъ же закрывается пыльною серьёзнистю й повагою.

— Подвигается? О чемъ уже теперь пишете?

— О схожденіе уже зъ самой Шыпкы,—кротко якось оповидае Сыдиръ Иванычъ.—Только ето мы теперъ про болесть мою пышемъ, то-есть шукаемъ, де ето напысано...

— Ага!.. Ну, а «болесть»... какъ?... Мигрень есть, не прошла?

— Есть,—сумно усмихается Сыдиръ Иванычъ—Де жъ ій пройты! Усё ето всё-возможное... И мурченіе...

— Хм... плохо, значитъ...,—серьёзно дывытся на ёго Козявка.—Лѣчиться нужно...

Сыдиръ Иванычъ махае рукою.

— Не помагаеть?

Сыдиръ Иванычъ одверта трохы голову, дывытся задумлыво въ викно и говорыть:

— Де жъ оно поможеть, когда той... у точности нихто не можеть болесть мою оприделыть...—Одынъ такъ, другой сякъ...

— Д-да, это... нехорошо...,—ще серьёзнище й пыльнище дывытся на ёго подпоручыкъ.—Но неужели никто не можетъ... опредѣлить?.. Странно! Мнѣ кажется, это такая болѣзнь, что и я даже, хотя я и не врачъ, могу опредѣлить... Признаки, напримѣръ, такіе все... Мигрень въ глазахъ, мурченіе... Довольно распространенная болѣзнь... И не шуточная... серьезная болѣзнь... Знаешь, чѣмъ ты боленъ?

Сыдору Иванычу холоне въ серци и винъ боязко пытае:

— Чымъ?

Козявка ще разъ озырае ёго зъ ниГъ до головы, пыльноуважно дывытся въ лыце и говорыть:

— Ну, конечно... хм... Знаешь, у тебя, братъ, самая настоящая... ко-смо-графія!

Сыдиръ Иванычъ блидніе. Очи ёму злякано дывлятся на Козявку; холодъ зъ грудей проходыть по жывоти, по ногахъ и наче налывае ихъ олывомъ. Але винъ все-такы крыво всмихается и не зовсимъ довиряючы, гадаючы, що той жартуе, неришуче говорыть:

— А може... вы той... може вы ошыбаетесь, ваше благородіе? Потому, какъ я сибе имѣю на замиченіе...

— Твои «замиченія»—ерунда!.. Это самая настоящая космографія, и при томъ въ довольно острой формѣ... Можешь вѣрить, можешь не вѣрить, это для меня все равно... Но я бы тебѣ не совѣтовалъ шутить съ ней... Болѣзнь серьёзная...

Козявка раптомъ, нибы щось побачывшы въ викни, одвертается, закусюе губы й почынае пыльно дывытысь на двиръ. Сыдиръ Иванычъ дрижачою рукою тре лобъ и дывытся на ёго. Салдаты перезыраются, але не знають, якъ держаты себе, й нудлыво дывлятся на койкы.

— И, говорыте, очынь сурьёзная тето болесть?—нарешти пытае Сыдиръ Иванычъ.

— Ну разумѣется,—не повертаючысь, одмовляе Козявка.— Космографія!.. Хм... Это не шутка!..

Сыдиръ Иванычъ дывытся на салдатъ, втягуе въ себе губы и, хытаючы головою, говорыть:

— Отъ вамъ!..

Потимъ хутко звертается до офыцера й пытае:

-- Ваше благородіе! Ну, а отъ... примерно сказать, я горчыцю хочу впотреблять... Одъ жывота... Какъ она протывъ... с... скомографіи?

— Горчицу,—озыраючысь, зи страхомъ скрыкуе «благородіе»,—Боже сохрани! Это—смерть!.. Кто это тебѣ сказалъ?.. Это смѣялся кто-то!.. Никакихъ горчицъ!

Ну, а какыи жъ... тето... ликарства

— Какія?.. Хм... Я, видишь, самъ тебѣ не могу сказать.— Это ужъ пусть врачъ говоритъ... Ты къ врачу обратись... Главное опредѣлить болѣзнь... А горчицу, Боже сохрани... Плюнь

тому въ морду, кто это сказалъ тебѣ... Ну, мнѣ некогда... Прощайте, кавалеры!

— Счаслывого пути, ваше благородіе!

Козявка хутко одвертается й, кусаючы губы, выходыть, а Сыдиръ Иванычъ почынае збентежено ходыть по казармі, то гирко, то непорозумило всмихаючысь, и голосно стукае каблукамы по пидлози. Мандрыкинъ та инчи, слухаючы, потыху лягають на койкы й замирають. Сыдиръ Иванычъ ходыть, ходыть, потимъ раптомъ повертается й ришуче йде въ канцелярію за свою перегородку. Зхопывшы зъ столу аркушъ папиру зъ «рецептомъ», винъ, гризно похмурывшы бровы, йде въ четвертый взводъ и голосно крычыть:

— Семененко!!

— Де-хто здрыгуется, пидводытся, але Семененко не рушытся.

— Ты!.. Дохтуръ паршывый,—пидходячы до койкы, штовха ёго Сыдиръ Иванычъ кулакомъ у бикъ. Семененко щось мурчыть, розплющуе очи и, зобачывшы фельдфебеля, схоплюется й сидае на лижку. Одна щока ёму червона видъ лежання и скудовченый вусъ367 зализъ ажъ у ротъ.

— Слушаю...,—бурмоче винъ.

— «Слушаю»... Халера! Ты шо жъ ето надсмешкы строить задумавъ изо мною,—злистно пытается Сыдиръ Иванычъ, бьючы рукою по папиру.—Га?.. Какыи такыи могу́ть быть горчыци протывъ с... мос... москографіи? Га? Я тебе спрашую, какыи могу́ть быть надсмешкы зъ начальникомъ?!.. Шо ты зъ мальчыкомъ у играшкы войшовъ, или шо?.. «Горчыця протывъ жывота»... Халера амерыканська!.. Отъ какъ дамъ тибе въ паскудну твою морду, такъ будеть горчыця...

Семененко ничого не розуміе: діется щось погане, а що́,—не видомо. Здается, радывъ одъ щырого серця, а выходыть щось не такъ.

— Спать тольки,—ироды! Я вамъ покажу спать!.. Я вамъ дамъ!..

Сыдиръ Иванычъ озырается; бачыть доли биля койкы чыйсь поясъ и вментъ звиріе:

— Зводный!.. Зводный!

Бильша частына салдатъ схоплюется, протырае очи, сопе й злякано дывытся на «фитьфебеля». Взводный, унтеръ-офыцеръ Мозоль, зстрыбуе зъ лижка и зъ засппанымъ лыцемъ бижыть до ёго.

— Тето шо такое??—гризно простяга до пояса руку и, дывлячысь на унтера, шыпыть Сыдиръ Иванычъ.—Я тибе спрашую, по какой надобности, по какымъ такымъ чыркулярамъ полагается поясамъ подъ койкамы валяться? Чыя то обязанность за порядкомъ смотреть? Га?

— Верно, упавъ нечаянно зъ койкы...,—бурмоче взводный

— Упавъ?!.. Я тибе...

И вмыть наче хто залипывъ Сыдору Иванычу рота. Винъ прыклада до жывота руку, шыроко розплющуе очи й, замершы весь, до чогось прыслухается. Вси напружено, не шорохнувшы, слидкують за нымъ. Стае тыхо-тыхо...

— Отъ... вона .. ета... самая... с... москографія!--тыхо говорыть Сыдиръ Иванычъ, сидаючы безсыло на койку. Поглядъ ёго падае на поясъ, винъ хыта на ёго головою до унтера й слабымъ, болистнымъ голосомъ говорыть:

— Поднимы... Спыльчывый я очыпь у неврахъ своихъ. А ето отъ... и той... и вредно выходыть... Такъ ето мине какъ загурчыть и мленіе какое-сь .. ето... всё-возможное...

Винъ якусь хвылыну мовчыть, оддыхуючы, потимъ звертаетя до трохы заспокоенного Семененка й гирко, безнадійно каже:

— Выходыть, делишкы-то совсёмъ погани... Выходыть, у мине не рыпматизъ и не нефлюенція, а той... а тета самая... моско... графія.

— О?!--злякано пидпима бровы Семененко.--Та пе може буть?!

— Подпоручыкъ Козявка опрыделывъ... То, говорыть, ето усё ошыбочно тибе опрыделялы твою болесть, а она просто москографія .. Отъ!.. А я, кажысь, и въ исторіи запысавъ, що рыпматизъ... Мандрыкинъ!!

Але не чекаючы вже Мандрыкипа, винъ самъ устае и йде въ третій взводъ. Зачувшы ёго гукання, Мандрыкинъ скажено схоплюется, бье себе въ груды и зъ ненавыстю крычыть:

— Вотъ убей меня Богъ, если я ево не задушу собаку, мучителя... Покою нѣтъ отъ толстой шкуры... Только...

У дверяхъ зъявляется товста, здорова постать «шкуры» и зъ рукою на череви пидходыть до порожнёи койкы, на якій лежать зложени аркуши забутои «исторіи». Гиркый, болистный выразъ не зходыть ёму зъ лыця.

— Отъ выдишъ, Мандрыкинъ, — говорыть винъ слабымъ голосомъ,—мы запысалы тутъ, що рыпматизъ, а выходыть совсёмъ другое... ета самая москографія... Нада братъ, перепысать. Низзя... Пошукай пожалуста...

— Я, Сидоръ Иванычъ, не могу—похмуро бовкае Мандрыкинъ, бигаючы по казарми.—Съ трехъ часовъ на стрѣльбѣ... Истомился... А теперь въ лагери, работы много... Намъ спать послѣ обѣда полагается.

Сыдиръ Иванычъ зыркае на ёго, червоніе, але ничого не каже й тильки пыльно дывытся у аркуши. Унтеръ потупляе голову, салдаты поглядають то на Мандрыкина, то на фельдфебеля.

— Та-акъ... Ха-ра-шо-о!..,—втягуючы въ себе губы, протягуе Сыдиръ Иванычъ.—Очень... пе-ре-кра-асно... Що жъ... полагается, такъ полагается...

Винъ потыху складае аркуши, выривнюе ихъ и мовчкы йде у канцелярію. Въ взводи пидіймается палке шопотиння: хто докоряе Мандрыкину, що винъ своимъ вередуваннямъ выклыче чыпляння «мнимои шкуры» на весь взводъ, де-хто лае самого Сыдира Иваныча, де-хто жъ сміется й, солодко позихаючы, укладается, зновъ спаты. Мандрыкинъ завзято сперечается, бье себе въ груды й прысягается, що «мнимый» вытягнувъ уже зъ ёго жылы, и довшѐ винъ не мае сылъ терпиты. Хай ёго садовлять «пидъ арестъ», хай виддають «пидъ судъ», а винъ бильше не буде секретарюваты у «собакы».

Въ четвертому взводи раптомъ чуется голосна, злистна балачка Сыдира Иваныча; чуты, лае когось. Крыкъ стае дужчымъ, потимъ чуты якусь команду; тыхо, дали зновъ команда и тупання багатёхъ нигъ. Въ дверяхъ грызно зъявляется Сыдиръ Иванычъ.

— Вставать!..--крычыть винъ голосно.--Одеватця! Въ лагери!-- Мандрыкину, выдно, хочется сказаты, що рано ще, що йе наказъ въ тры годыны выходыты зъ казармы, але винъ зыркае на червоне, зле облыччя фельдфебеля й мовчкы почына натягаты мундыра. Вси тежъ мовчки устають, будять тыхъ, що сплять, и одягаются. Хутко чуется фельдфебеливъ крыкъ въ другому й першому взводи, чуется ёго лайка, команда, выгукування.

— Толькы й знаете спать.. ,—сопучы, проходыть винъ у канцелярію.—«Полагаетця»... Зъ нымы какъ зъ людьмы, а оны тибе «полагаетця»... Скоро мине!.. Стройсь!.. Чого тамъ копаетесь?

Сонъ, тышу, якъ злызало зъ казармы. Дзвинъ лопатъ, сокиръ, крыкъ унтеривъ, шопотиння й злистне, похмуре бурмотиння кризь зубы рядовыхъ, шарудиння ногъ... Выстроилысь...

Сыдиръ Иванычъ обходыть, пыльно озырае кожного, а надто Мандрыкина, дае команду, и рота, стукаючы чобитьмы, подзенькуючы лопатамы й сокырамы, зъ шумомъ выходыть зъ казармы.

Сыдиръ Иванычъ обходыть порожни взводы, кыдае окомъ на дневальныхъ и йде въ канцелярію...

Настае тыша. На стини цокае годынныкъ и нудно-нудно такъ вымовляе: «ось-такъ! ось такъ!» Сыдиръ Иванычъ довго стоить биля викна и задумлыво-сумно дывытся на двиръ; потимъ, зитхнувшы, йде за перегородку, сида на лижко биля столыку й почына передывлятысь шклянкы й пляшечкы зъ ликарствамы. А на губахъ ёму стоить гирка, иронычна посмишка й иноди ледве чутно вырывается зъ ныхъ:

— Мнимый..

В. Винниченко.

Кое-что о козаччинѣ на Украинѣ въ 1855 году.

Въ январьской книжкѣ «Кіевской Старины» напечатана статья, подписанная буквами Л. М., подъ заглавіемъ: «Замѣтки къ исторіи Кіевской козаччины 1855 года». Статья эта вызываетъ меня къ записи того, что мнѣ извѣстно по этому дѣлу и что, при всей неточности и туманности возстановляемыхъ въ моей памяти картинъ, должно бы имѣть мѣсто въ ряду имѣющихся тоже недокументальныхъ и несистематизированныхъ данныхъ для болѣе точнаго воспроизведенія этого эпизода въ исторіи народной жизни Украины. Въ 60-хъ годахъ въ Кіевщинѣ мнѣ приходилось видѣть и знать лицъ, участвовавшихъ въ этомъ дѣлѣ.

— О! це ще до козаччины було...—

— Саме тоди, якъ пысалыся у козакы...—

— Це жъ саме винъ и запысувавъ насъ у козакы...—

— Пысалыся уси, бо така чутка була, що хто не буде запысаный, той зостанется за панамы...—

Такія фразы слышалъ я отъ живыхъ и про живыхъ людей.

Изъ записаннаго про эту козаччину мнѣ извѣстны: два воспоминанія пострадавшихъ во время этихъ смутъ священниковъ, напечатанныя въ Кіевской Старинѣ въ 1884 г., Замѣтка покойнаго о. П. Г. Лебединцева, напечатанная тамъ же за 1900 г., іюль и августъ, и, наконецъ, вышесказанная замѣтка г. Л. М. Больше я ничего и не читалъ и всегда удивлялся, что такой важный въ исторіи народной жизни эпизодъ по сю пору не вызвалъ болѣе документальнаго и точнаго его описанія.

Я въ то время былъ въ Бѣлоцерковской гимназіи и, вращаясь въ средѣ служащихъ въ имѣніи графовъ Браницкихъ—(дядя, опекунъ и воспитатель мой, былъ придворнымъ врачемъ графовъ Браницкихъ) и будучи уже подросткомъ (въ 4 или 5 классѣ гимназіи), понималъ, что дѣлалось и говорилось въ обществѣ. Все, оставшееся въ моей памяти, теперь записываю.

По послѣдней замѣткѣ г. Л. М. все это дѣло началось въ с. Черкасѣ, въ приселкѣ, гдѣ священникомъ, о. Михаиломъ Вышенскимъ, былъ прочитанъ высочайшій манифестъ о призывѣ въ ополченіе и гдѣ нашелся пылкій патріотъ Герасименко, такъ горячо отозвавшійся на призывъ.

Сомнѣваюсь, чтобы это все такъ и было. Напечатанную въ тогдашнихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ патріотическую тираду врядъ ли скомпануетъ и теперь, 50 лѣтъ спустя, какой-нибудь Герасименко. Скорѣе всего, что рѣчь эта была измышленіемъ и, въ крайности, передачею своими словами словъ Герасименка о. Вышенскимъ.

Въ моей памяти, вѣроятно изъ слышаннаго въ то время, начало этого событія рисуется нѣсколько иначе.

Былъ обнародованъ высочайшій манифестъ о призывѣ ополченія, самое же формированіе ополченскихъ дружинъ производилось по особымъ указамъ Сената, разосланнымъ въ подлежащія губернскія правленія. Кіевская, Волынская и Подольская губерніи были освобождены отъ этой повинности въ виду того, что губерніи эти вынесли ужъ на себѣ тяготу подводной и квартирной повинностей при проходѣ войскъ на Дунай и, кромѣ того, дали отъ себя воловыя подводы съ погонцами. Такимъ образомъ народъ зналъ только о призывѣ въ ополченіе, а не видѣлъ у себя исполненія этого призыва, равносильнаго, по традиціи, записи въ козаки. Не такъ задолго передъ тѣмъ введенныя Инвентарныя правила (1848 г.), указывавшія на намѣренія правительства хоть въ извѣстной долѣ ограничить панскую власть, создали уже отчасти подготовленную почву для толковъ о записи въ козаки по манифесту. Кромѣ того, еще такого рода обстоятельства, мало кому извѣстныя, произошли тогда на югѣ Кіевской и Подольской губерніи.

Было сдѣлано (кѣмъ, не знаю) распоряженіе ловить въ Херсонщинѣ и Бессарабіи бѣглыхъ крестьянъ и годныхъ отдавать въ солдаты. Тогда югъ кишѣлъ бѣглыми. Преслѣдуемые нарочно для того посланными командами «бурлаки» подались къ сѣверу и прятались въ очеретахъ р. Выси, ниже впаденія въ нее Гнилого Тыкича, называемой Синюхою, протекающей по границѣ этихъ губерній. Многіе предпочли возвратиться къ панамъ, другихъ пойманныхъ и непригодныхъ для солдатчины отсылали на родину къ прежнимъ панамъ. «Бурлачня» эта явилась далеко не успокоительнымъ элементомъ сельской среды и своими разсказами про слышанное на взморьѣ и въ портовыхъ городахъ подбавляла горючаго метерьяла въ возбужденную уже и безъ того сельскую жизнь. Въ заключеніе явились: новый манифестъ о вступленіи на престолъ новаго государя, призывъ къ присягѣ всѣхъ жителей, кромѣ крѣпостныхъ крестьянъ, уничтоженіе военныхъ поселеній—все это настроило крестьянъ заявить себя, потребовать объявленія *«утаеннаго подкупленными попами и чиновниками-панами»* манифеста, или ужъ записаться самимъ и списки передать высшему неподкупному представителю царской власти. Враждебность къ священникамъ выросла на почвѣ подозрѣнія ихъ въ утайкѣ манифеста и отчасти была подготовлена незадолго предъ тѣмъ введеннымъ положеніемъ о содержаніи духовенства въ юго-западномъ краѣ, заключавшемся въ обязательной работѣ въ пользу священиковъ и въ содержаніи въ исправности домовъ и вообще всего жилья причтовъ. Это называлось, помню *«По проекту»*. Все это вмѣстѣ было причиною волненій. Помнится, расказывали, что гдѣ-то, чуть ли не въ Корсуни, при чтеніи манифеста о призывѣ ополченцевъ, случилось быть исправнику, который, выходя изъ церкви, спросилъ крестьянъ, поняли ли они прочитанный манифестъ.

— А вже жъ, зрозумилы. Це Билый Царь выклыкае народъ ворога воюваты,—отвѣтилъ кто-то изъ крестьянъ.

— Мы вси пійдемо у козакы, у помичъ цареви!—добавили другіе.

— Молодцы!—сказалъ исправникъ.—А меня выберете отаманомъ своимъ!

Утайка манифеста священниками, какъ подозрѣвали крестьяне, больше всего ихъ возмущала. Но странно: требовавшіе манифестъ отъ священниковъ,—а это были въ большинствѣ случаевъ не свои прихожане, а изъ сосѣднихъ приходовъ, такъ какъ своимъ неловко было терзать своего попа,—указывали даже мѣсто, гдѣ спрятанъ былъ разыскиваемый манифестъ, а именно—подъ облаченіемъ престола въ церкви, но никто изъ нихъ не хотѣлъ самъ приподнять облаченіе и тамъ поискать манифеста, а заставляли сдѣлать это священниковъ и терзали ихъ, когда тѣ ничего не находили.

Гдѣ именно и когда вспыхнуло это движеніе впервые, я не могу сказать, какъ, вѣроятно, и никто намъ этого не скажетъ. Даже если бы и нашлись какія либо оффиціальныя на то указанія, то имъ трудно вполнѣ довѣрять, такъ какъ это только донесенія становыхъ, не всегда умѣвшихъ быть точными въ своихъ донесеніяхъ, а высказывавшихъ только свое личное мнѣніе, столь же гадательное, какъ и мнѣніе о. Вышенскаго, утверждавшаго, что все это движен[illegible]ачалось съ момента, когда на его воззваніе такъ патріо[illegible]ки отвѣтилъ Герасименко.

Мнѣ кажется, что вызванное всѣми выше перечисленными причинами настроеніе крестьянъ, исключительно помѣщичьихъ (нужно это помнить), впервые проявилось тамъ, гдѣ больше было недовольства панскою властью, а таковая особенно была тяжела въ имѣніяхъ русскихъ помѣщиковъ, которыхъ не сдерживали и инвентарныя правила. Такимъ мѣстомъ было, напримѣръ, имѣніе Лопухиныхъ въ Корсунѣ, крестьяне коего считались болѣе знающими, чѣмъ крестьяне небольшихъ деревушекъ. Такая мѣстечковая громада, разумѣется, служила примѣромъ для всей окрестности. При томъ же корсунцы считали себя *мѣщанами*, которымъ только случайно не удалось доказать свои магдебургскія права, какъ незадолго передъ тѣмъ это удалось сосѣдямъ богуславцамъ.

По моему мнѣнію, первая вспышка и могла произойти въ Корсунѣ, а не въ какомъ-то Черкасѣ. А разъ вспыхнуло въ одномъ мѣстѣ, пожаръ распространился моментально на всю Украину.

Въ самой Бѣлой-Церкви рѣзкаго проявленія народнаго движенія не было. Въ настоящее время я не берусь объяснить категорически причины такой сдержанности бѣлоцерковцевъ, но, какъ кажется, это было потому, что въ этомъ имѣніи гр. Браницкихъ, помнится, не велось экономической запашки, а слѣдовательно и отбываніе панщины не сопровождалось тѣми столкновеніями экономовъ съ рабочимъ людомъ, какія неизбѣжны были при отбываніи панщины на полевыхъ работахъ. Я не помню въ Бѣлой-Церкви фольварка съ цѣлыми купами хлѣбныхъ скиртъ, не помню, чтобы тамъ былъ экономъ. Думаю, что въ Бѣлой Церкви существовало кое-какое крестьянское самоуправленіе и что громада въ дѣлахъ крестьянской жизни бѣлоцерковцевъ играла видную роль. Въ Бѣлой Церкви былъ центръ управленія имѣніями гр. Браницкихъ; тамъ жилъ главноуправляющій имѣніями (панъ комисаржъ) съ цѣлою канцеляріею, съ отдѣльнымъ вѣдомствомъ «контроля», кассы и отдѣломъ корреспонденціоннымъ. Внутреннимъ порядкомъ въ мѣстечкѣ завѣдывалъ особый чиновникъ (ржондца), что-то въ родѣ полиціймейстера. Но въ тоже время, помнится мнѣ, крестьянъ вѣдалъ особый избранный «выборный», который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и брандмейстеромъ. Помню даже этого человѣка, называвшагося по особой кличкѣ «*Фертъ*», за то, что онъ всегда держалъ руки въ-боки. При комисаріи, дворѣ графовъ, и при ржондцѣ, котораго я назвалъ полиціймейстеромъ, было около тридцати «козаковъ», исполнявшихъ службу и посыльныхъ. «Козаки» давались отъ крестьянъ въ зачетъ повинностей, и каждый козакъ снабжался лошадью съ сѣдломъ и особаго рода лѣтнимъ и зимнимъ экипажемъ—«бидою» на двухъ колесахъ и «санчатами» съ одной оглоблей. Запряженная даже въ экипажъ лошадь была въ сѣдлѣ; на случай невозможности проѣзда въ экипажѣ, «козакъ» бросалъ «бидку» или «санчата» и продолжалъ путь верхомъ. Лошадь, содержаніе ея и одежда у козака были собственныя, кормился онъ за свой счетъ.

Одежда состояла изъ шароваръ и жупана изъ темносиняго сукна, свиты и кожуха. На головѣ высокая чорнаго смушка шапка съ краснымъ верхомъ. Кромѣ того, во дворцѣ гр. Браницкихъ, какъ въ самомъ мѣстечкѣ, такъ и въ паркѣ Александріи, при конюшняхъ—упряжной, верховой и скаковой, а также при псарнѣ было немало прислуги въ различныхъ степеняхъ. Это разнообразіе соприкосновеній съ панами и съ запанѣлыми крестьянами, вѣроятно, сдерживало проявленіе недовольства и желанія записываться въ козаки съ цѣлью освобожденія отъ панской власти. Вожделѣнія эти затаивались и могли вспыхнуть явно только въ крайности. Вторженіе же въ Бѣлую Церковь крестьянъ другихъ сосѣднихъ селъ съ цѣлью розыска «манифеста» было немыслимо по самой импонаціи Бѣлоцерковской громады.

Мѣстечко Бѣлая - Церковь—большое поселеніе (тогда не менѣе 20 тысячъ), широко и привольно расположенное по обѣимъ сторонамъ р. Роси и притока ея Ротка (Ротокъ). Помнится, тогда назывались части такъ: «Мисто», «Заричье», «Ротокъ» и «Псарня». Паркъ Александрія въ 3—5 верстахъ составлялъ особый поселокъ, большею частью состоявшій изъ «дворковъ» отслужившихся у гр. Браницкихъ и получавшихъ пенсію «*граціалистовъ*». Въ самомъ паркѣ было нѣсколько лѣтнихъ павильоновъ и службъ дворцовыхъ. Разроставшееся населеніе вытягивалось и тогда усадьбами къ Александ[illegible]имъ порядкомъ домовъ, но уже и тогда начиналъ застраиваться рядъ домиковъ по другую сторону дороги, ведущей изъ мѣстечка въ Александрію. Въ общемъ числѣ населенія тогда считалось—боюсь ошибиться—не то 3, не то 5 тысячъ крестьянъ подданныхъ, остальную часть составляли евреи и поляки или ополяченные и спанѣлые украинцы, въ числѣ коихъ были и мѣщане. Вблизи Бѣлой - Церкви не было значительныхъ поселеній, а небольшія громды не могли явиться въ Бѣлую-Церковь искать манифеста, самимъ же бѣлоцерковцамъ, въ силу особыхъ отношеній къ своимъ панамъ, начинать это дѣло было неудобно.

Такими мнѣ теперь издалека представляются обстоятельства народнаго движенія, называемаго козаччиной, и я теперь пере-

хожу къ личнымъ воспоминаніямъ и передачѣ оставшихся въ памяти эпизодовъ.

На шестой недѣлѣ мы, гимназисты, обыкновенно говѣли, и сейчасъ же послѣ говѣнья слѣдовалъ роспускъ на пасхальныя каникулы. Иногородніе разъѣхались и, какъ помнится, не было и рѣчи о какомъ бы то ни было волненіи крестьянъ. Оно уже навѣрно настраивалось, но не выступало наружу. Но сейчасъ же на страстной недѣлѣ заговорили о бунтѣ «хлоповъ» гдѣ-то къ югу отъ Бѣлой-Церкви. Слухи росли, и къ срединѣ недѣли стали ужъ поговаривать о возможности бунта и у насъ въ мѣстечкѣ. Шляхта, большею частью служащіе гр. Браницкихъ, стала говорить объ этомъ все громче и громче. Въ чистый четвергъ уже стали толковать о мѣрахъ защиты отъ бунтовщиковъ, и условлено было при первой вспышкѣ всѣмъ уходить въ палацъ графскій, гдѣ уже заготовлено *двѣсти* заряженныхъ двустволокъ. Передъ вечеромъ у дяди собрались его обыкновенные завсегдатаи и партнеры по преферансу: докторъ Джанотъ, докторъ Гильбергъ и панъ Грудзинскій. Разумѣется я не могу вспомнить ихъ разговоровъ, но что разговоры были тревожнаго свойства, памятно мнѣ потому, что дядя велѣлъ мнѣ достать изъ его конторки пистолеты и ихъ зарядили. Смерклось; зажгли огни; слышался благовѣстъ къ Страстямъ. Кухарка дяди, Хотына, всегда меня жалѣвшая, каковая жалость выражалась въ ея заботливости о моемъ бѣльѣ и въ частомъ мытьѣ головы, чему я всегда являлъ противленіе, предложила мнѣ идти на Страсти. Я согласился, и мы втроемъ—я, Хотына и горничная Маруся — отправились въ церковь. Крестьяне Бѣлой-Церкви тогда носили бѣлые изъ полотна поясы. По дорогѣ мы обгоняли идущихъ въ церковь людей, но гдѣ только виднѣлись бѣлые поясы, тамъ замѣтны были или ходъ особенно медленный, или даже остановка группами. Хотына первая обратила на это вниманіе словами:

— Паны свое, а мужыки, бачъ, свое все торочать. Бачъ, якъ толкуются.

Такія группы виднѣлись по площади и около церкви. Что толковалось, о чемъ рѣчь шла въ этихъ группахъ, мнѣ, при

всемъ моемъ любопытствѣ, возбужденномъ слышанными толками пановъ и Хотыною, не пришлось слышать.

Возвратившись изъ церкви съ зажженною страстною свѣчкою, я узналъ отъ лакея дяди, что меня спрашивали и при этомъ, когда узнали, что я ушелъ въ церковь, дядына (жена дяди) говорила что-то о схизматикахъ, а дядя даже меня похвалилъ.

На другой день слухи стали еще положительнѣе. Разсказывали, что изъ Бѣлой-Церкви вышли саперы усмирять взбунтовавшихся крестьянъ и начальствомъ посланъ съ солдатами о. Петръ Лебединцевъ, нашъ законоучитель. Передавали, что въ недалекомъ отъ Бѣлой-Церкви (верстахъ въ 5—7) селѣ Шкаровкѣ сѣкли крестьянъ. Ихъ будто бы созвали въ дворъ эконома якобы для записи въ козаки; собравшихся окружили солдаты, при чемъ пожелавшихъ уйти били прикладами, и высѣкли жестоко нѣсколько человѣкъ. Разсказывали, что разсыльный исправника одному изъ крестьянъ нагайкою отсѣкъ ухо.

Я съ товарищами послѣ того лѣтомъ уже былъ въ этой Шкаровкѣ и намъ указывали, гдѣ именно происходила эта экзекуція, и фактъ отсѣченія уха подтверждали.

На святкахъ въ Бѣлой-Церкви все было спокойно, а только слышно было, что бунтъ и усмире... иняли найбольшіе размѣры въ селѣ Березнѣ (Васильковскаго уѣзда) и въ мѣстечкѣ Корсунѣ (Каневскаго уѣзда), что какъ въ Березнѣ, такъ и въ Корсунѣ солдаты стрѣляли и что много убитыхъ. Разсказывали, что въ Корсунѣ крестьяне, подходя къ войскамъ, построились поперечными рядами, чтобы представлять собою меньшую цѣль для выстрѣловъ. Говорили тогда и о количествѣ убитыхъ и раненыхъ, разумѣется, выражаясь въ самыхъ неточныхъ цыфрахъ. Я и оффиціальнымъ даннымъ въ такихъ случаяхъ не вполнѣ довѣряю, потому что и они не могутъ быть точными. Подсчитываются только павшіе на мѣстѣ, а еще остается много несчитанныхъ, умершихъ послѣ отъ ранъ. Раненные тоже скрываются изъ опасенія отвѣтственности за участіе въ безпорядкахъ. Ходынская катастрофа, усмиреніе безпорядковъ 9, 10 и 11 января

въ С.-Петербургѣ и 5—6 декабря въ Москвѣ въ послѣднее время даютъ намъ основанія не довѣрять оффиціальнымъ даннымъ.

— Я самъ бачывъ: бижыть такый здоровый мужычыще, черезъ тынъ перелизъ и заховався за тыномъ; пийшовъ я подывытыся, якъ винъ заховався, ажъ винъ лежыть зовсимъ мертвый, весь у крови..., —разсказывалъ намъ лѣтъ пять спустя еврей извозчикъ, бывшій свидѣтелемъ усмиренія корсунцевъ въ 1855 году.

Много тогда разсказывалось: толковали, что о. Петръ Лебединцевъ былъ командированъ на мѣсто усмиренія бунтовъ для вразумленія бунтарей и кромѣ того для выясненія степени участія священниковъ въ возникновеніи этого движенія. Говорили и о Розенталѣ, студентѣ Кіевскаго университета, какъ объ агитаторѣ. Я помню эту семью; съ братомъ этого агитатора Альфонсомъ я учился. Помнится, что въ обществѣ ходили по рукамъ какія-то творенія Розенталя подъ литературнымъ псевдонимомъ Скалки. Припоминаю даже начало одного стихотворенія Розенталя, кажется, Адама:

Ja skałka jestem, ja w Boga nie wierzę...
Wybucha iskra, gdy w mie stal uderzy...

Говорилось и слышалось много, и многое забылось, особенно про Березню и Корсунь, про то, какъ бунтари водили священниковъ раззутыхъ по колючкамъ, окунали въ холодную весеннюю воду, морили голодомъ, все добиваясь отъ нихъ прочтенія манифеста объ окончательной записи въ козаки, а слѣдовательно и объ освобожденіи отъ пановъ.

На Ѳоминой недѣлѣ, когда уже бунтъ улегался, мы, гимназисты, услышали отъ съѣхавшихся товарищей много новаго. Видѣли провозимыхъ въ Кіевъ закованныхъ въ кандалы бунтарей подъ эскортомъ солдатъ. Тогда же въ толпѣ говорили, что ѣдущіе на возахъ все раненые.

Замѣчательно, что во всемъ слышанномъ не помнится мнѣ ни одного случая насилія надъ панами или ихъ экономами. Напротивъ, помнится мнѣ такой разсказъ:

Вечеромъ, въ страстную субботу, къ одному изъ экономовъ имѣнія гр. Браницкихъ явилось 7—10 вооруженныхъ «спысамы», верхомъ на лошадяхъ, парней и потребовали, чтобы экономъ къ нимъ вышелъ. Ни живой ни мертвый вышелъ экономъ къ парнямъ на крыльцо. Семья его обмерла со страху...

— Слава Богу Іисусу Христу!—привѣтствовали вышедшаго къ нимъ эконома.

— На викы виковъ слава!—отвѣтилъ онъ.

— Громада прыслала насъ до васъ, щобъ провесты васъ v мистечко, якъ що зхочете до костела пойихаты, щобъ обыды г... не було якой по дорози. Збирайтеся, якъ що таке..,—закончилъ парень. Такъ подъ конвоемъ семья эконома и съѣздила въ костелъ.

Разсказывали также:

Полицейскія власти распорядились при въѣздахъ и выѣздахъ изъ селъ поставить стражу, которая требовала у проѣзжихъ удостовѣреніе самоличности. Какое-то большое село, расположенное по обѣимъ сторонамъ рѣчки, запруженной греблею. Грязь; весенняя безпутица. Проѣзжаетъ ночью на своихъ лошадяхъ докторъ, поспѣшающій къ больному. Пропустили его при въѣздѣ въ село, но при выѣздѣ остановили и спросили *«билетъ»*. Таковой у него имѣлся и былъ предъявленъ, при чемъ докторъ ругался за задержку. Старшій изъ стражниковъ повертѣлъ въ рукахъ билетъ и вдругъ говоритъ:

— Такъ отъ ты, Иване, и ты, Степане, гайда зо мною: поведемо пана до станового, а вы вже тутъ глядить...

— Какъ до станового? По этой грязи опять ѣхать черезъ село, а послѣ по залитой весеннею водою греблѣ?..

— Та вже не що,—отвѣтилъ начальникъ стражи.

— Такъ звеляно; намъ и самимъ не хочется, та що жъ робыть.—

Нечего дѣлать: пришлось ночью тащиться версты три—четыре назадъ по разбитой грязи шляха-улицы, а послѣ еще по подтопленной весенней водой греблѣ...

Измученный этимъ неожиданнымъ путешествіемъ, докторъ наконецъ добился до квартиры становаго, своего знакомаго. Разбудили его. Докторъ съ негодованіемъ разсказываетъ объ этой задержкѣ, которая можетъ имѣть непоправимыя послѣдствія для родильницы, къ которой онъ былъ вызванъ. Становой вполнѣ раздѣляетъ негодованіе доктора, напускается на стражниковъ, кричитъ на нихъ, ругаетъ за эту незаконную задержку...

— Та що жъ мы вынни?—насъ поставляно на сторожи у царыни ще зранку. Звеляно допытуватьcя билетивъ, чы нема въ кого. Цилисинькый день мы й допытувалыся; скилько мыра проййихало, пройшло—ни въ кого нема, а оце въ одного знайшлы билетъ, такъ мы ёго и прывелы до вашои мылосты.

— Що тамъ таке, що стильки москаля пагнато?—спросилъ дидъ Горобець, направляясь изъ дому на Черевыкивъ яръ, гдѣ у него стояли недавно выставленныя пчелы.

— Це ихъ прывелы, щобъ не даваты людямъ пысатыся въ козакы,—отвѣтили дѣду.

Но дѣдъ былъ тугъ на ухо, неясно понялъ отвѣтъ, а раньше слыхалъ, что громадяне *«пышутьця у козакы»*. Онъ уразумѣлъ, что солдаты пришли въ село именно для этихъ записей, и поспѣшилъ на пасѣку, гдѣ его сынъ, Гордій, оправлялъ огорожу.

— Иды швыдче у село, бо тамъ прыйихалы пысаты у козакы. Мени воно вже непотрибне, я вже старый, а тебе колы бъ не промынулы запысаты. Бижы швыдче!—приказалъ онъ сыну.

Побѣжалъ Гордій. Еще издали увидалъ онъ сборище людей въ панскомъ дворѣ. Растолкавъ толпу, онъ обратился къ начальству, только что покончившему сѣченіе и произносящему строгое внушеніе остальнымъ крестьянамъ:

— Ось и я! Подывиться, чы запысанный, Горобець Гордій,—перебилъ онъ рѣчь начальства. По приказанію начальства, несчастнаго Гордія растянули и высѣкли, но ужъ не такъ сильно, какъ предыдущихъ.

Мрачный явился Гордій на пасѣку, постыдившись заходить домой.

— Ну, що жъ, запысалы? Не спизнывся?—спросилъ его отецъ.

— Идить, тату, й вы туды, и васъ тамъ запышуть, казалы,— отвѣтилъ Гордій.

Привожу здѣсь разсказъ, записанный мною въ шестидесятыхъ уже годахъ отъ нѣкоего г. Шандры и въ спискѣ переданный мною покойному А. Ѳ. Кистяковскому. Разсказывается дѣйствительный фактъ, бывшій въ 1855 году во время козаччины. Въ настоящее время мнѣ приходится передавать все это по памяти, своими словами, что называется.

Въ большое село пріѣхалъ усмирять бунтъ самъ исправникъ (назовемъ его Табашниковымъ) на лихой четверкѣ, запряженной въ крытую нейтычанку. Съ нимъ разсыльный. Крестьяне «*юрмовались*» около ратуши (корчмы). Дебатировался вопросъ о записи въ козаки и о весенней запашкѣ экономической ярины. Примолкла толпа, увидавъ подъѣзжавшій экипажъ, въ которомъ виднѣлась особа въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ (тогда полиція имѣла такую форму).

Исправникъ ловко выскочилъ изъ нейтычанки и, подошедши къ толпѣ, крикнулъ «*по-николаевски*» (такъ тогда называлось такое обращеніе къ народу).

— На колѣни, подлецы! Гдѣ у васъ зачинщики?—При этомъ уже добавилъ не-пониколаевски крупную брань.

Крестьяне не особенно испугались, такъ какъ дѣло происходило уже въ такой стадіи возбужденія, когда именно указывалось на припрятаніе манифеста священниками и чиновниками подкупленными панами.

— Отъ-такъ похрыстосувався! (дѣло было на пасхальной недѣлѣ) послышалось въ толпѣ. Многіе не поснимали шапокъ. Исправникъ кинулся къ отхлынувшей отъ него толпѣ и со всей силы ударилъ въ ухо перваго попавшагося, но другой разъ ему

ужъ не пришлось ударить, такъ какъ отведенную для удара руку кинувшіеся къ нему крестьне удержали и «*заштовхалы*» его со всѣхъ сторонъ. Разсыльному кое-какъ удалось вырвать исправника изъ толпы въ совсѣмъ изорванномъ платьѣ и всадить въ экипажъ. Кучеръ погналъ лошадей, а вслѣдъ раздался крикъ:

— Держы! ловы ёго, бый! Кое-кто погнался за экипажемъ. Шедшіе на встрѣчу стали перехватывать четверку, махали руками, пугали лошадей.

На несчастіе нейтычанка врѣзалась въ какую-то колдобину, невидную въ переѣзжаемой лужѣ, и накренилась на бокъ. «Переймавшіе» опрокинули нейтычанку, и надбѣжавшая толпа вытащила изъ нея испачканнаго грязью, въ совершенно оборванномъ платьѣ исправника. Моментально оборвали на немъ все остальное и повели въ «*буцегарню*» (такъ называлась тогда арестантская при сельской расправѣ). Сбѣжалось туда все село. Дѣло было къ вечеру, кто-то распорядился бросить арестованному пукъ соломы на подстилку. Туть же за дверьми арестантской громко толковали о томъ, какимъ образомъ допытаться, гдѣ манифестъ. Предлагались разныя мѣры: сѣчь, ремни со спины сдирать, гвозди подъ ногти забивать, огнемъ печь. Все это говорилось нарочно громко, чтобы арестованный слыхалъ. Тѣ, что не дотолпились въ сѣни, обступили «буцегарню» и требовали допустить ихъ къ арестанту, а они ужъ его по-своему раздѣлаютъ. При этомъ, разумѣется, выкрикивались всяческія ругательства.

Поздно ночью только разошелся народъ, оставивъ стражу караулить арестанта, но рано утромъ опять собрались всѣ и порѣшили: если исправникъ не скажетъ, гдѣ спрятанъ манифестъ, судить его «*всіею громадою*».

Разумѣется, сказать, гдѣ манифестъ, онъ не могъ, и тогда вывели его на «*громаду*» только въ одномъ бѣльѣ, съ накинутою на плечи свиткою. Судили чинно, сдерживались попытки новаго глумленія, еще разъ предложили разсказать все по правдѣ, судили-рядили и наконецъ порѣшили ни больше ни меньше какъ... повѣсить. Всѣ согласились съ этимъ приговоромъ. Теперь являлся

вопросъ о томъ, гдѣ и какъ это сдѣлать. Никто не хотѣлъ пустить въ свою клуню или въ садокъ, гдѣ можно бы было на перекладинѣ или на вѣтвяхъ повѣсить приговореннаго. Наконецъ, порѣшили повѣсить его на сухой вербѣ, что стояла въ «царынѣ» (деревенскія ворота, какъ въѣздныя, такъ и выѣздныя). Веревка нужна. Никто не даетъ своей веревки: опять задержка. Послали паробковъ взять у шинкаря еврея палыгачъ, которымъ онъ привязываетъ свою корову на ночь. Осталось главное: кто возьметъ на себя обязанность палача? Сразу было порѣшено, что это сдѣлаютъ паробки, но тѣ и по своимъ соображеніямъ, и по подмигиванью батькивъ, подались въ задніе ряды толпы и наотрѣзъ отказались отъ исполненія приговора.

Вспомнили про Швыдька Ивана, который въ прошломъ году *«у литку»* удавилъ попову сучку, поймавшуюся въ нарочно для того наставленную въ дырѣ плетня петлю. Окликнули его, но его не оказалось. Послали за нимъ.

— Христосъ воскресе!—поздоровался съ громадою явившійся Швыдько, приподымая шапку.

— Воистыну воскресъ!—отвѣтили ему.

— За чымъ знадобывся, панове громадо?

— Та отъ повись намъ цёго гаспыда. Ты жъ ото вмивъ попову сучку вдавыть.

Швыдько обидѣлся. Да и нельзя было не обидѣться. Въ понятіи украинцевъ ремесло *«гицеля»* (истребителя собакъ) и *«ката»* (палача) самыя презрѣнныя, настолько омерзительныя, что даже прикосновеніе къ такимъ людямъ оскверняетъ человѣка. Поэтому проходящему по ярмарочной толпѣ кату и гицелю всегда даютъ самую широкую дорогу. Ихъ даже, если они изъ крещеныхъ, черезъ каждыя семь лѣтъ перекрещиваютъ, по мнѣнію украинцевъ.

— Що це вы? Хиба жъ я вже самый послидній чоловикъ, щобъ катомъ буты? Тоди жъ сами знаете, якъ воно було. Якъ вже я прохавъ батюшку узяты прокляту на прывязь! Якъ оце--

проститъ у цёму слови—курка знесе яйце, такъ вона и зъисть. Тоди жъ и до пана доходыло, такъ и панъ тильки полаявъ. Бачъ яке надумали: повись!—объяснялъ сконфуженный предложеніемъ Швыдько.

— Це вже нихто, якъ Гаркавенко Матвій выгадавъ. Самъ повись або повисься...,—сталъ переходить въ раздраженный тонъ Швыдько, но его остановили:

— Цытьте. Тутъ не те дило. Що жъ намъ робыть зъ цимъ гаспыдомъ?

Поникли головами мужи громады, кой-кто почесалъ «потылыцю», заковыряли ципками землю. Всѣ молчали, думали-обдумывали, какъ быть, что дѣлать...

— Отъ якъ зробымо!—отозвался старый Чухня. Выведемо ёго за царыну, прокажемо ёму: разъ, два, тры! и нехай втикае за третимъ словомъ. Колы утиче отъ усіеи громады, такъ тому й буть, нехай жыве... А не втиче...—и не договорилъ.

— Такъ и такъ. Нехай и такъ!—разомъ заговорила громада, облегченная этимъ рѣшеніемъ.

Такъ и сдѣлали. Вывели несчастнаго за коловоротъ, и онъ по командѣ: разъ, два, три! побѣжалъ со всѣхъ ногъ, преслѣдуемый тюканьемъ и швырками грязи. Погнаться никто не погнался, а дальше исправника подобрали ѣхавшіе евреи совсѣмъ безчувственнаго.

«Si non e vero, e ben trovato—говорятъ итальянцы по поводу такихъ разсказовъ.

«Правда, колы не брехня»—говорятъ у насъ. Считаю необходимымъ указать на то, что въ разсказѣ этомъ ничего не сказано про разсыльнаго, про кучера и лошадей исправника. Помнится, что такъ и не говорилось о нихъ.

Затѣмъ, если это такъ было, то невольно возникаетъ вопросъ: какъ это не явился никто на выручку исправника? Развѣ не успѣли или некому было извѣстить кого слѣдуетъ. Это возможно, если принять во вниманіе непродолжительность времени (вѣдь все это продолжалось менѣе сутокъ), весеннюю распутицу

и наконецъ запуганность священника или какого-нибудь дрожавшаго за свою жизнь въ своемъ фольваркѣ эконома.

Но возможно и то, что громада не выпускала никого изъ села. Это, повторяю, возможно, такъ какъ мнѣ самому пришлось разъ попасть въ такую передрягу. Хотя это было гораздо позже, въ 1864 году, но полагаю, что случай этотъ небезъинтересенъ и стоитъ записи для будущаго.

Какъ-то среди лѣта я былъ вызванъ къ мировому посреднику (второго уже призыва, послѣ смѣны посредниковъ-поляковъ) въ мѣстечко Козинъ на Росавѣ. Пріѣхавъ туда, я не засталъ посредника, оставившаго мнѣ записку, въ которой онъ просилъ меня подождать его пріѣзда. Я остановился въ заѣздѣ-корчмѣ. Пообѣдавъ, я заснулъ и, выспавшись, вышелъ посидѣть на галерейкѣ корчмы. На выгонѣ виднѣлось ново-выстроенное волостное правленіе и около него толпа народа, по поводу чего-то волнующагося. Доносились возгласы и даже перебранка. Въ толпѣ видны были «спысы» и набитыя «направець» косы неупраздненныхъ еще послѣ прошлогодняго польскаго мятежа сельскихъ стражниковъ. На мой вопросъ, что это такое, хозяинъ заѣзда, еврей, отвѣтилъ мнѣ:

— Та то мужыкы бунтуются. Посреднывъ змынывъ старшыну, що воны выбралы замисць скынутого, а воны й бунтують. Громада! Сёгодня недиля, ну воны й бунтуются.

Я понялъ, что это сельскій сходъ. Толпа была немалая: человѣкъ около трехсотъ. Я видѣлъ, какъ эта вся толпа пошла куда-то за волость, по направленію къ запаснымъ магазинамъ, виднѣвшимся дальше по выгону.

Смерклось; я уже хотѣлъ ѣхать холодкомъ, какъ прибѣжала прислуга посредника съ приглашеніемъ пожаловать къ нему.

Знакомъ я съ нимъ былъ еще раньше. Это былъ молодой человѣкъ, Морозовъ по фамиліи, красивый русакъ, типа тогда нахлынувшихъ на Украину обрусителей. Теперь мнѣ часто попадаются такіе земскіе начальники и изъ мѣстныхъ дворянскихъ недорослей штыкъ-юнкеровъ, или такихъ, которые «*уволены изъ*

военной службы безъ права именоваться воинскимъ званiемъ». Есть такой титулъ.

Встрѣтилъ меня посредникъ очень любезно и извинился, что заставилъ долго ожидать. Пригласилъ пить чай и сейчасъ же началъ жаловаться на мѣстное населенiе, избалованное разными потачками, а особенно невзысканiемъ своевременно платежей и недоимокъ. Если ужъ понадобилось правительству давать имъ льготу во взносѣ платежей въ имѣнiяхъ помѣщиковъ поляковъ, то ужъ никакъ не слѣдовало запускать недоимку въ имѣнiяхъ истинно-русскихъ помѣщиковъ, какъ вотъ, напримѣръ, и здѣсь, въ Козинѣ, имѣнiи генерала Монтрезора. Вотъ теперь ему, г. Морозову, и приходится возиться съ этимъ взысканiемъ. Цѣлую вотъ недѣлю производили опись имущества крестьянъ со становымъ приставомъ, который на сегодня только уѣхалъ въ Потокъ къ себѣ, такъ какъ у него по воскресеньямъ всегда собираются сотскiе для наряда, а завтра опять нужно описывать. Народъ здѣсь распущенный, знать никого не хочетъ. Ему пришлось вчера смѣнить выбраннаго новаго волостного старшину: онъ только потатчикъ мужикамъ недоимщикамъ. Прежнiй старшина потому имъ не нравился, что былъ строго исполнительнымъ; но онъ, Морозовъ, позавчера при всѣхъ снялъ съ новоизбраннаго старшины цѣпь и надѣлъ на прежде бывшаго. Онъ настоитъ на отмѣнѣ приговора. Это поляки посредники миндальничали съ ними, а онъ, истинно-русскiй человѣкъ, съумѣетъ укротить этихъ упрямыхъ хохлишекъ.

— Да, вы, господа, не знаете еще этихъ скотовъ. Когда я снялъ съ новаго старшины цѣпь и надѣлъ на стараго, такъ представьте себѣ, послышался въ толпѣ голосъ:—мы на нёго ще не такый чепъ надинемо.

— Каково? А? Но я такъ прикрикнулъ, что сейчасъ же замолчали, притихли: я имъ не панъ-полякъ...

Въ этотъ самый моментъ въ дверяхъ показался какой-то въ мѣщанскомъ платьѣ человѣкъ, подошелъ къ столу и передъ мировымъ посредникомъ на столъ положилъ цѣпь старшины —(цѣпь и медаль)—и отошелъ къ дверямъ, блѣдный, дрожащiй...

— Что это такое?—спросилъ посредникъ.

— Чепъ—отвѣтилъ какимъ-то глухимъ голосомъ человѣкъ, оказавшійся волостнымъ писаремъ.

— Какая «*чепъ*»?—опять спросилъ озадаченный въ свою очередь Морозовъ.

— Та старшины чепъ. Онъ сунулъ ее подъ подушку моей жены, когда его брали...

— Кого брали?

— Та старшину жъ. Узялы повирять гамазеи, а тамъ вже закувалы у кандалы и повезлы у Кыивъ...

— Какъ въ кандалы. Зачѣмъ въ Кіевъ? Кто повезъ? — засуетился посредникъ...

— Почему онъ цѣпь не надѣвалъ и спряталъ у твоей жены подъ подушку?—продолжалъ вопрошать писаря Морозовъ.

— Воны еще съ утра начали бунтовать, кассу провѣряли, а когда ужъ надошли, такъ и зовсѣмъ зъюрмовались. Я пошелъ въ свою комнату закусить, а онъ, старшина, ускочилъ, сунулъ подъ подушку чепъ. «Прыбережы», говорыть, «это царское дѣло», а самъ опьять вышолъ у зборню, а тамъ его захватили и повели къ гамазеямъ, тамъ и ковали ожидали, закувалы и повезли...— заикаясь, не чисто по-русски говорилъ писарь.

Вотъ ска-атина, «дуракъ: цѣпь ему дана для охраненія его положенія, его достоинства, а онъ ее подъ подушку прячетъ. Царськое дѣло??. А? Каковы?.. Ну, ужъ я имъ покажу! — кипятился и безсвязно говорилъ посредникъ. Я хотѣлъ уйти, но онъ задержалъ меня и самъ сѣлъ писать что-то. Я остался и дождался того, какъ Морозовъ вручилъ писарю три пакета съ разносной книжкой, велѣвъ отправиться на почту (тамъ, въ Козинѣ, было почтовое отдѣленіе) и отправить пакеты эстафетами.

Оставшись, мнѣ пришлось выслушать цѣлую филиппику насчетъ строптивости населенія, его распущенности, что волю имъ немного рано дали, что слѣдовало бы ихъ сначала обучить, подготовить къ пониманію законовъ и тогда ужъ освобождать, и то не сразу, а постепенно, а тутъ еще поляки посредники въ политическихъ цѣляхъ заигрывали съ ними. Выходило, что только

въ новыхъ посредникахъ по назначенію, въ истинно русскихъ людяхъ, и остается все спасеніе и надежда на установленіе порядка. Онъ, Морозовъ, до того самовозгорѣлся въ выпаленныхъ передо мною рацеяхъ, что хвалился выпороть при помощи призванныхъ салдатъ всѣхъ Козинцевъ и сослать въ Сибирь на поселеніе. Кто знаетъ, какъ бы далеко увлекла его воспаленная фантазія, если бы вся эта тирада не была прервана приходомъ писаря, доложившаго, что пакеты не могутъ быть отправлены, такъ какъ село оцѣплено и никого изъ села не выпускаютъ.

Морозовъ былъ такъ пораженъ, что, кромѣ: «вотъ видите сами, вотъ», ничего не могъ сказать мнѣ, когда я, не считая себя тутъ нужнымъ, раскланивался съ нимъ.

Расплатившись съ хозяевами заѣзда, я поѣхалъ домой. Но не тутъ-то было: въ царынѣ меня задержали и не выпустили изъ села. На мои возраженія о томъ, что я вовсе не причастенъ къ происходящему у нихъ въ селѣ, не обратили вниманія, а когда я спросилъ: кто же будетъ платить за кормъ лошадей и меня съ кучеромъ,—то меня отвели въ недалекій дворъ, добыли сѣна, травы и предложили идти въ хату вечерять. Кучеръ мой пошелъ, а я остался, думая кое-что поразузнать про «бунтъ». Во дворѣ, кромѣ меня, уже стоялъ съ двумя возами горшковъ ганчарь изъ Яцуковъ. Подошедшій къ намъ хазяинъ ни однимъ словомъ не промолвился про текущія событія и даже отмолчался на мой вопросъ, за чей это счетъ онъ принимаетъ постояльцевъ.

Когда я проснулся, то уже ганчаря не было. Не оказалось дома и хозяина. Прошла только на огородъ съ сапою дѣвка, да при выѣздѣ на мое: «Прощайте—спасыби вамъ»—изъ хаты выглянула какая-то старуха.

Впереди меня въ открытыя и никѣмъ неохраняемыя ворота царыны проѣхали двѣ брычки еврейскія, повернувшія на Масловку въ Степанцы. Не знаю, ночевали ли они, какъ и я, невыпущенныя изъ села, или проѣхали Козинъ уже утромъ, когда стража ушла.

Разсказалъ я этотъ эпизодъ, не имѣющій отношенія къ «козаччинѣ» 1855 года, ради того, чтобы указать на возможность не-

выпуска изъ села вѣстниковъ о злополучномъ случаѣ съ Табашниковымъ и вообще на присущую украинцамъ по традиціи снаровку организоваться при такихъ движеніяхъ. Во время погрома въ Шполѣ въ 1899 году, разсказывали мнѣ, что погромщики поставили при станціи ж. д. вѣстовыхъ, которые заблаговременно увѣдомили ихъ о прибытіи отряда козаковъ изъ Кіева, послѣ чего погромщики разбѣжались.

— Мы пысалыся въ козакы зъ Чорнышивцямы, бо перше мы булы одного пана одпорала Поля. Запысы повезлы у Кыивъ тижъ зъ Чорнышивцямы. Одъ насъ ходылы старый Тымишъ Кыяныця, воны бачъ поулычному Шынкаренкы прозываются, та Цымбалъ Явтухъ. У Трыпильскому бору зійшлыся ще зъ де-якымы людьмы, та такъ зъ нымы добылыся до Корчоватои (шинокъ при выѣздѣ изъ Кіева, минуя саперные бараки). Тамъ на Корчоватій уси запысы якыись пысарь перепысувавъ и вже вказувавъ, куды йты и кому подаваты, тильки прыказувавъ усимъ разомъ йты до начальныкивъ. «Тамъ того мыра набралося!.. А винъ усе зпысуе и бере по тры шагы за кожне и йменя. Оце запыше батька—тры шагы, а за сынивъ особе. И пляшка горилкы на столи передъ нымъ стоить. Пыше, пыше, тай выпье. Два дни мы дожыдалы черги. Тамъ коло шынку и ночувалы зъ народомъ, бо въ хати ниде було. Вже хочъ и холодно було, а ночувалы. Колы такъ пидъ вивторокъ щось прыбигло,—якесь начальство, порозгоныли народъ, пысарь утикъ. Хто куды: де-яки подалыся такы у городъ, а яки невертались до домивокъ. Мы пишлы такы у городъ до молодои барыни. Прыйшлы вранци, паны ще сплять, а кухарь Гаврыло й каже:

— Тикайте, а то Палажка розсказувала, що барынъ (жандармскій полковникъ Габель) казавъ, що якъ хто зъ нашого села заявытся, такъ заразъ заголыть у москали.

Мы тоди дай Богъ ногы. У страшный четвергъ до-свита й вернулысь до-дому, дарма, що прыйшлось по зажорахъ трохы що не по поясъ бресты: саме ростопиль пишла...

Записью этого послѣдняго эпизода я кончаю настоящую статью. Я исчерпалъ все, что осталось въ моей памяти, показалъ «*по дѣлу все мнѣ извѣстное по сущей правдѣ*, ничего *не прибавляя и не утаивая*», какъ говорится въ присягѣ свидѣтелей, но долженъ оговориться, что «*сущую правду*» показалъ я такую, какая мнѣ извѣстна по воспоминаніямъ.

Въ заключеніе считаю необходимымъ указать на то, что у насъ вообще слабо разъяснена исторія самой Украины (правобережной), и на то, что эта исторія разрабатывается лучше поляками, чѣмъ самыми украинцами (д-ръ Ролле, Гавронскій).—Обѣщаю прислать въ редакцію «Кіевской Старины» цѣлый конспектъ вѣдомыхъ мнѣ эпизодовъ изъ исторіи Украины въ истекшемъ XIX столѣтіи.

Б. Познанскій.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Переяславскій епископъ Гервасій Линцевскій и начало возсоединенія уніатовъ въ западной или польской Украинѣ (1757—1769) С. Иваницкаго *(Изъ «трудовъ Подол. церк. ист.-археолог. общества», вып. X). Каменецъ-Подольскъ. 1904 г.*

Тема изслѣдованія г. Иваницкаго—церковноисторическая. Но обстоятельства жизни украинскаго народа того времени такъ тѣсно переплетались съ судьбами православной церкви въ краѣ, что предметъ даннаго изслѣдованія привлекаетъ къ себѣ вниманіе и всякаго вообще интересующагося исторіей Малороссіи. И это тѣмъ болѣе, что эпоха, охватываемая работою г. Иваницкаго, весьма интересна и важна,—то была пора, когда гасились послѣдніе проблески украинской свободы и строилось зданіе новаго порядка вещей въ Малороссіи.

Въ основаніе работы г. Иваницкаго легли труды въ данной области покойныхъ—М. О. Кояловича и Ѳ. Г. Лебединцева и 2 первые тома 1-ой части «Архива юго-западной Россіи». Со времени появленія въ свѣтъ сочиненій Кояловича и Лебединцева прошло уже—въ одномъ случаѣ свыше 30 («Исторія возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ» Кояловича появилась въ 1873 г. Спб.), въ другомъ—свыше 40 лѣтъ («Архимандритъ Мелхиседекъ Значко-Яворскій» Лебединцева впервые напечатанъ въ 1860 г., съ измѣненіями—въ 1864 г., Кіевъ). Какъ видите, срокъ вполнѣ достаточный для того, чтобы пересмотрѣть выводы названныхъ ученыхъ и дополнить свѣдѣнія ихъ новыми данными. Г. Иваницкій эту цѣль собственно и имѣетъ въ виду. Извѣстное Лебединцеву и Кояловичу онъ воспол-

няетъ позже ихъ опубликованными — главнымъ образомъ въ «Кіевской Старинѣ» и «Кіевскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ»—данными и сообщаетъ новыя, добытыя имъ самимъ въ старомъ архивѣ Кіевской дух. Консисторіи. Въ результатѣ въ распоряженіи автора оказалось большое количество фактовъ по затронутому имъ вопросу. Но это обиліе фактовъ, къ сожалѣнію, невыгодно отразилось на работѣ автора: оно нѣсколько подавило его и помѣшало ему придать должное освѣщеніе фактовъ, создать для нихъ нужный фонъ, чтобы получилась цѣльная, законченная картина.

Очерчивая личность и дѣятельность епископа Гервасія, г. Иваницкій, естественно, долженъ былъ такъ или иначе оцѣнить его какъ церковно-историческаго дѣятеля. Но тутъ мы видимъ неустойчивость и колебанія въ его сужденіяхъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что Гервасій, какъ церковно-историческій дѣятель, оказался «вполнѣ на высотѣ своего призванія» и обнаружилъ въ своей дѣятельности особую бдительность и предусмотрительность (стр. 20); въ другомъ мѣстѣ читаемъ, что Гервасій «своей иниціативой, энергіей и настойчивостью пробудилъ православіе въ Украинѣ, смѣло пошелъ навстрѣчу затаенному народному желанію сбросить съ себя личину уніи» и былъ «главнымъ руководителемъ православнаго народнаго движенія» (стр 4), но тутъ же есть добавленіе, что онъ былъ руководителемъ этого движенія «не всегда сильнымъ и искуснымъ»; въ третьемъ мѣстѣ авторъ совсѣмъ понижаетъ историческую роль Гервасія, называетъ его дѣятелемъ скромнымъ, невыдающимся, человѣкомъ простодушнымъ, который былъ «увлеченъ и смущенъ» разыгравшимися въ Украинѣ событіями, былъ ими, такъ сказать, сбитъ съ толку, что «ему недоставало предусмотрительности, дальновидности, широты взгляда и твердости воли» и т. п. (см. стр. 279 и 280).

Автора видимо, смущаетъ фактъ несомнѣнной связи дѣятельности Гервасія съ Коліивщиной? Связь эта чувствуется авторомъ, но, къ сожалѣнію, очень смутно. Чувствуя эту связь, онъ много говоритъ о Коліивщинѣ, о дѣятельности коліевъ, но въ то же время какъ-то странно старается избѣгать вопроса объ отношеніи Гервасія къ Коліивщинѣ. Для него какъ будто не существуетъ вопроса о томъ, дѣйствительно-ли принимали участіе въ возстаніи Гервасій и Мелхиседекъ. А между тѣмъ вопросъ это большой и сложный, въ пользу положительнаго и отрицательнаго его разрѣшенія писателями двухъ лагерей приводится масса доказательствъ. Автору непремѣнно нужно

было-бы посвятить этому вопросу нѣсколько страницъ своего изслѣдованія да и вообще серьезно заняться разъясненіемъ отношенія Гервасія къ Колівщинѣ. Это для дѣла было-бы несравненно нужнѣе, чѣмъ подробно описывать детали самого возстанія.

Въ связи съ выясненіемъ вопроса объ отношеніи Гервасія и всей его дѣятельности въ правобережной Украинѣ къ самому возстанію 1768 г., автору необходимо было-бы также посвятить хотя 2—3 страницы краткому обзору всѣхъ причинъ, вызвавшихъ возстаніе. Тогда автору яснѣе представилось-бы въ ряду другихъ причинъ, вызвавшихъ возстаніе, и то движеніе противъ уніи, руководителемъ котораго былъ Гервасій. Тогда бы ясно видна была личность Гервасія, какъ историческаго дѣятеля, расшевелившаго подвластныхъ Польшѣ украинцевъ въ цѣляхъ торжества въ краѣ православія, давшаго имъ яснѣе сознать и почувствовать силу религіознаго гнета и внушившаго имъ мысль о возможности и даже необходимости борьбы съ поляками—на почвѣ религіозной.

Но то, что Гервасій съ Мелхиседекомъ направляли къ цѣлямъ религіознымъ, въ народѣ сказалось иначе. Народъ, терпѣвшій гнетъ не только религіозный, но и соціально-экономическій, и не забывшій еще совсѣмъ временъ своей національно-политической свободы, испытывалъ всю сумму разнообразныхъ притѣсненій *разомъ* и отъ *однихъ* притѣснителей, и потому въ своемъ гнетѣ плохо различалъ отдѣльные элементы: для него они соединялись въ нѣчто неразрывно единое. Отсюда-то и получилось, что проповѣдь религіознаго освобожденія въ народѣ привела, при содѣйствіи благопріятныхъ обстоятельствъ, къ кровавому протесту народа противъ *всяческаго гнета разомъ*.

При указанной постановкѣ вопроса яснѣе, говорю, видна была-бы роль Гервасія, какъ историческаго дѣятеля. Г. Иваницкій старается сдѣлать оцѣнку дѣятельности Гервасія одновременно—и какъ историческаго дѣятеля украинскаго, и какъ исполнителя плановъ тогдашняго русскаго правительства.

Соединить несоединимое, естественно, не удается, и потому-то г. Иваницкій колеблется въ своихъ сужденіяхъ о Гервасіи. То правда, что Гервасій, хотя и не принималъ участія въ самомъ возстаніи 1768 г., все таки былъ *плохимъ орудіемъ* для осуществленія плановъ императрицы Екатерины и ея приближенныхъ. Но несомнѣнно съ другой стороны и то, что Гервасій былъ *«щирымъ украинцемъ»*, горячо любившимъ свой народъ, отъ всей души желавшимъ ему блага

и по своему разумѣнію стремившимся помочь своимъ духовнымъ «диткамъ»—соотечественникамъ.

Дѣятельность Гервасія оказала сильное вліяніе на возникновеніе украинскаго возстанія 1768 г., не какъ простого гайдамацкого бунта, но огромнаго народнаго движенія. Послѣднее, какъ извѣстно, имѣло печальныя фактическія послѣдствія для украинцевъ. Но, во-первыхъ, Гервасій не хотѣлъ криваваго дѣла; во-вторыхъ, его дѣятельность, да и самое возстаніе сыграли немалую *роль въ исторіи народнаго самосознанія украинцевъ.*

Таково значеніе Гервасія, какъ историческаго дѣятеля. Отсутствіе уясненія этого очень вредитъ изслѣдованію г. Иваницкаго, который между тѣмъ задается цѣлью полной обрисовки личности и дѣятельности Гервасія въ связи съ событіями не только церковной, но и народной жизни Украины того времени, при чемъ преимущественное вниманіе сосредоточиваетъ на 1768 и 1769 гг. (см. его предисловіе).

Далѣе, не совсѣмъ ясно и полно рисуетъ авторъ отношеніе русскаго правительства къ тогдашнимъ событіямъ церковной и народной жизни польской Украины. Причиной такого или иного отношенія Екатерины II къ разнымъ явленіямъ церковно-народной жизни Украины была не только, какъ утверждаетъ авторъ, ревнивая забота о своей славѣ дѣйствительно славолюбивой императрицы. Тутъ играли важную роль и реальные политическіе интересы русскаго государства, на стражѣ которыхъ тогда стоялъ умный и дальновидный политикъ гр. Н. И. Панинъ. Отрицательно отнеслась Екатерина къ украинскому возстанію 1768 г. не только потому, что оно «набрасывало неблаговидную тѣнь на всю политику Россіи» въ Польшѣ (стр. 216),—оно, кромѣ того, мѣшало осуществленію надеждъ на присоединеніе къ Россіи въ недалекомъ будущемъ *всей* Польши и вызывало недоразумѣнія съ Турціей.—Была и еще одна причина тому. Часть украинскаго народа въ то время были подданными Екатерины. Къ этимъ своимъ подданнымъ Екатерина относилась весьма подозрительно, «конфирмованныхъ ихъ привилегій» боялась и мечтала объ ихъ «обрусѣніи (см. Сб. Р. И. Общ., т. 7, стр. 348, 376 и др.). Съ самаго своего воцаренія она стала принимать мѣры къ замѣнѣ старыхъ порядковъ въ Малороссіи новыми—общеимперскими. Какъ разъ передъ самымъ возстаніемъ 1768 г. депутаты правобережной Украины заявили Екатеринѣ (чрезъ «коммисію о сочиненіи проэкта Новаго Уложенія») о своемъ недовольствѣ новыми порядками и желаніи возста-

новленія утраченной автономіи. Недовольство малороссами съ лѣваго берега Днѣпра выражалось и иначе--побѣгами въ Польшу. Фактъ недовольства лѣвобережныхъ малороссовъ заведенными Екатериной порядками побудилъ ее, когда вспыхнула Коліивщина, опасаться, какъбы пламя пожара съ того берега Днѣпра не перенеслось на этотъ. Отсюда и старанія ея потушить этотъ пожаръ.

Вообще приходится пожалѣть, что г. Иваницкій въ своемъ изслѣдованіи слишкомъ мало посвятилъ вниманія и мѣста обрисовкѣ отношеній правительства Екатерины II къ диссидентскому вопросу въ Польшѣ и къ явленіямъ народной жизни польской Украины.

Кромѣ того, можно указать цѣлый рядъ отдѣльныхъ промаховъ и неточностей. Такъ, напримѣръ, на стр. 18 авторъ говоритъ, что Гервасій прибылъ на мѣсто своего назначенія къ декабрю 1757 г., между тѣмъ какъ дѣла бывшей Переяславской консисторіи (съ которыми знакомъ и авторъ) и данныя архива св. синода даютъ возможность утверждать, что Гервасій вступилъ въ управленіе епархіей еще въ первой половинѣ октября 1757 г.

На стр. 19 говорится, что къ Переяславской епархіи въ то время на лѣвой сторонѣ Днѣпра принадлежали лишь церкви нынѣшняго переяславскаго уѣзда; но авторъ, если незнакомъ съ печатными свѣдѣніями по этому вопросу, могъ въ знакомомъ ему старомъ архивѣ Кіевской консисторіи находить указанія на принадлежность къ Переяславской епархіи тогда на лѣвомъ берегу Днѣпра также многихъ церквей въ нынѣшнихъ—золотоношскомъ, пирятинскомъ и отчасти кременчугскомъ уѣздахъ. Вслѣдствіе такого невѣрнаго уменьшенія территоріи Переяславской епархіи авторъ приходитъ къ неправильному выводу о томъ, что эта епархія «была очень невелика по своимъ размѣрамъ» (стр. 18—19).

На стр. 226 невѣрно указывается, будто приказъ объ удаленіи Гервасія изъ Переяслава въ Кіевъ отданъ былъ *9 сентября* 1768 г. Какъ видно изъ дѣла синодскаго архива 1768 г. № 95, указъ Екатерины объ этомъ данъ былъ 29 сентября, и синодъ не медлилъ 3 недѣль, какъ указываетъ авторъ, а сразу на другой день послалъ объ этомъ указъ Гервасію.

Указъ объ удаленіи Мелхисидека отъ игуменства въ Мотронинскомъ монастырѣ посланъ былъ не 14 октября, какъ утверждаетъ авторъ (см. стр. 227), а въ сентябрѣ; 3 сентября состоялось постановленіе Синода, а 10 сентября указъ былъ подписанъ членами синодскими;

14 сентября этотъ указъ былъ уже полученъ въ Переяславѣ (см. арх. св. Синода, дѣлъ 1766 г. № 91, приложеніе). Въ данномъ случаѣ авторъ повторяетъ ошибку М. О. Кояловича (см. стр. 104 «Ист. возс. зап. рус. уніатовъ стар. врем.»).

На стр. 278 невѣрно сказано, будто смерть Гервасія послѣдовала *въ 9 часовъ вечера* 22 декабря 1769 г. Въ дѣлѣ синодскаго архива 1770 г. № 102 имѣется два показанія о смерти его. Во-первыхъ, митрополитъ кіевскій Арсеній Могилянскій доносилъ Синоду, что Гервасій умеръ указаннаго числа и года «въ половинѣ осмаго часа по полуночи». Съ другой стороны донесеніе въ Синодъ Переяславской консисторіи гласитъ, что смерть Гервасія послѣдовала «въ девятомъ часу з полуночи». Такимъ образомъ, Гервасій умеръ не въ 9 часовъ вечера, а около 8 часовъ утра.

На стр. 212 вы съ удивленіемъ читаете, что извѣстный генералъ Кречетниковъ, подавлявшій въ 1768 г. возстаніе польскихъ конфедератовъ и украинскихъ коліевъ, «заявлялъ весьма нѣжную симпатію къ полякамъ-шляхтичамъ»,—это тотъ самый Кречетниковъ, отъ дѣйствій котораго стонали польскіе шляхтичи настолько, что русское правительство, внявъ ихъ воплю, вынуждено было отозвать Кречетникова изъ Польши... и т. д., и т. д.

И крупные недостатки работы г. Иваницкаго, и мелкіе промахи его происходятъ главнымъ образомъ оттого, что авторъ, во-первыхъ, сравнительно мало ознакомился съ литературою объ историческихъ явленіяхъ и предметахъ, *тѣсно соприкасавшихся* съ главнымъ предметомъ его изслѣдованія, и, во-вторыхъ, не заглянулъ ни въ одинъ архивъ, кромѣ стараго архива Кіевской дух. консисторіи. Желательно было-бы, чтобы авторъ, дополнивъ нѣсколько бывшія въ его распоряженіи данныя новыми, переработалъ свое изслѣдованіе, далъ въ немъ болѣе опредѣленный и ясный образъ Гервасія, какъ историческаго дѣятеля, и съ большимъ вниманіемъ отнесся къ связи явленій церковной жизни Украйны съ теченіемъ событій жизни народной и политической.

Вл. П—ко.

Володимир Вирчак.—Урвана пісня. *(Новеля). Львів. 1904.*

Имени г. В. Бирчака намъ не приходилось до сихъ поръ встрѣчать въ украинской литературѣ, что позволяетъ предположить въ ав-

торѣ «Урваноі пісні» молодого, начинающаго [1]), какъ говорится, писателя. Впрочемъ и въ самой «новелі» нѣтъ недостатка въ признакахъ, подтверждающихъ эту мысль. Я прошу читателя обратить свое вниманіе на слѣдующія мѣста въ его книгѣ: «І стали про нього далі говорити: *Шу-шу! Шу-шу! шу-шу!*» (ст. 24); «*Тур!—тур!*—коло самоі парохіі сторкотала бричка» (ст. 29); «полетіли санки по гладкому (!) снігу: *дзень-дзень! дзень-дзень! дзень-дзень!*» (ст. 14); характеръ бесѣды нѣжновлюбленной пары нашъ авторъ неизмѣнно (цѣлыхъ 6 разъ!) передаетъ словами: «*боркуку! боркуку! боркуку!*» Не показалось ли вамъ, читатель, при чтеніи вышеприведенныхъ строкъ, что передъ вами находится ораторъ не старше пяти лѣтъ и, сюсюкая, лепечетъ о томъ, что вова, молъ, гамъ-гамъ и съѣла кошку?.. Чѣмъ-то положительно дѣтскимъ вѣетъ отъ этой манеры прибѣгать для выраженія своихъ мыслей къ междометіямъ и разнаго рода звукоподражательнымъ словечкамъ.

Тоже впечатлѣніе подчеркивается и наивнымъ, до смѣшного неумѣлымъ слѣдованіемъ жрецамъ «новой красоты», у нашего автора, впрочемъ, всецѣло исчерпывающимся многочисленными повтореніями почему-либо особенно понравившихся ему фразъ («най збираються усі!—ще лиш у вельон вберем молоду!» (5 разъ); «розгуляні (?) пари» (5 разъ) и т. д.); при этомъ г. Бирчакъ и своимъ героямъ усваиваетъ эту очевидно плѣнившую его манеру выражать свои мысли, заставляя женскихъ персонажей «Урваноі пісні» (Красицкія—мать и дочь) повторять одну и ту же фразу: «який бідний, той бідний наш люд»!—цѣлыхъ 7 разъ!

Кромѣ того, смѣшное вслѣдствіе отсутствія у г. Бирчука всякаго художественнаго дарованія, хотя и преслѣдующее благую цѣль, стремленіе дѣтски-беззубымъ ртомъ уязвить несимпатичныхъ ему героевъ «новелі», а также обиліе наивныхъ и банальныхъ сравненій и стилистическихъ погрѣшностей, понятіе о которыхъ можетъ дать слѣдующая выдержка: «*Бо як від сонця по бурі знова всьміхає ся земля*—так по кількох хвилях і вона всьміхнула ся до нього!—і де подів ся його гнів і жаль і розпука його? І веселий, *ніби мов птиця пострі-*

[1]) Кромѣ новелы „Урвана пісня", г. Бирчакъ издалъ еще сборникъ своихъ разсказовъ подъ общимъ заглавіемъ „Матура"; послѣднихъ намъ не приходилось видѣть.

лена (?)—сидів знова біля неі *на вірній розмові, на тихому слові..!»* (ст. 28),—оставляютъ цѣльное, но крайне для автора невыгодное впечатлѣніе: «Урвана пісня»—неудачная, ребяческая проба пера...

П. Е.

Лубочная украинская литература.

«Для хохловъ и такой Богъ збряде!»

Гг. Сытины, Губановы, и др. московскіе толстосумы занимаются, какъ извѣстно, «просвѣтительной» дѣятельностью. Они издаютъ картины и «литературу» для русскаго народа. Мнѣ давно извѣстно, что различные *Бовы Королевичи, Жаръ птицы* да *Еруcланы Лазаревичи* и др. дребедень выпускаются въ свѣтъ именно этими «просвѣтителями»; но я—долженъ въ этомъ сознаться—не зналъ до послѣдняго времени, что гг. Сытины и Губановы проникли со своими просвѣтительными задачами также и въ Украину, поставляя и сюда своего рода Бовъ Королевичей.

Очевидно московскіе просвѣтители обладаютъ чрезвычайно острымъ издательскимъ «чутьемъ», способнымъ проникать всюду, и чуть гдѣ обозначится спросъ на тѣ или другія предметы книжнаго свойства, г.г. Сытины-Губановы-Коноваловы—тутъ какъ тутъ со своимъ предложеніемъ.

И это было бы очень отрадно, еслибы г.г. московскимъ издателямъ не нужны были *только* народныя денежки и совершенно чужды народные интересы. Извлекая гроши изъ народнаго кармана, они не считаются съ необходимостью, съ нравственной, такъ сказать, обязанностью давать народу дѣйствительную духовную пищу, полезное чтеніе; они отлично знаютъ, что народъ нашъ не въ состояніи еще оцѣнить по достоинству ихъ изданія, ихъ «просвѣтительныя» намѣренія, и потому пользуются этимъ невѣдѣніемъ во-всю.

Читающая публака болѣе или менѣе знакома съ литературой, какую московскіе издатели преподносятъ великорусскому народу, и потому мы не будемъ касаться этой литературы и остановимся только на литературѣ того-же характера, фабрикуемой для украинскаго народа.

Вотъ шедевры, сфабрикованные на никольскомъ рынкѣ для украинца-простолюдина.

«Марко проклятый» стр. 107, изд. Т. А. Губанова.

Читатель напрасно будетъ думать, что это тотъ «Марко», который является классическимъ произведеніемъ въ украинской литературѣ,—нѣтъ, это не Олесы Стороженка „Марко", это „Марко проклятый" какого то г. Поповича, передѣлавшаго прекрасную поэму Стороженка въ „малорусскую драму", для чтенія. Есть всякія передѣлки извѣстныхъ авторовъ, но передѣлка г. Поповича является по нашему мнѣнію непростительнымъ кощунствомъ, гумленіемъ надъ творчествомъ талантливаго украинскаго писателя. Если чтеніе Стороженковскаго Марка способно дѣйствовать на фантазію читателя и возбуждать въ немъ извѣстныя эмоціи, то „Марко" Поповича можетъ дѣйствовать только на нервы и способенъ вызывать чувство горечи и обиды за покойнаго писателя, подвергшагося глумленію.

«Розбійныкъ Довбня», стр. 107, того-же издателя.

На этой „маленькой побрехенькѣ" М. Приходька, ничего не говорящей ни уму, ни сердцу, мы не будемъ останавливаться. Посовѣтуемъ развѣ автору „побрехеньки" найти для себя болѣе подходящее и болѣе достойное занятіе, чѣмъ забивать простымъ людямъ головы своими „побрехеньками". Вѣдь какъ ни какъ, а кто нибудь да читаетъ-же эту ерунду! Въ этой-же книжицѣ помѣщено также много низкопробныхъ анекдотовъ *по-русски*, что доказываетъ еще большую практичность издателя, который однимъ зарядомъ убиваетъ двухъ зайцевъ— одна книжка можетъ „обслуживать" и малоросса и великороса.

Еще „Побрехенька" и „Ганна", стр. 103 и 108. Двѣ книжицы того-же издателя.

Здѣсь собраніе различныхъ стиховъ. Къ этимъ изданіямъ можно было бы отнестись, пожалуй терпимо, если бы не тѣ дефекты, о которыхъ рѣчь идти будетъ ниже. Поэзія во всѣхъ стихахъ почти отсутствуетъ, но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ есть, по крайней мѣрѣ, содержаніе.

А вотъ еще два довольно объемистыхъ, съ внѣшней стороны не дурныхъ, сборника „Черевычкы" и „Оповидачъ" (?). Это уже изданіе Е. И. Коноваловой. Боже мой! Чего только здѣсь нѣтъ!.. И «шумки», и «думки», и «колядки», и «сцены», и «щедривки», и «анекдоты!» Словомъ все, все нашло себѣ мѣсто въ этихъ, съ позволенія сказать, изданіяхъ. Цѣлая энциклопедія! Первый сборникъ обнимаетъ 160, а

второй 411 страницъ печати. Г-жа Коновалова при помощи «составителя» сборниковъ какого-то г. Руденка положительно побила всѣ рекорды, и г. Губановъ является въ своей издательской дѣятельности по сравненію съ г-жей Коноваловой, выражаясь словами безсмертнаго Расплюева, положительно «мальчишкой и щенкомъ», ибо г. Губановъ посягаетъ своими изданіями на народные пятачки, а г-жа Коновалова-Руденко сразу просятъ за свои непозволительныя изданія по 40—75 коп...

Въ этихъ двухъ послѣднихъ сборникахъ что особенно бросается въ глаза и является прямо таки непозволительнымъ, такъ это языкъ. Такъ искалѣчить живую народную рѣчь можно только нарочно, или печатая книжку, не продержавъ ни единой корректуры. Чтобы не быть голословнымъ, приведемъ образчики; беремъ ихъ безъ выбора.

Напійлюсь! (?)
Ой, кол*и*бъ не вы, *таке* мы (?)
То мы бъ о тутъ (?) не бул*и*
То мы бъ о тутъ (?) не бул*и*
Горилочк*и* не пил*и*!
Тай напійлюсь (?) родыно,
Щобъ всимъ жыто вродыло;
Та напійлюсь (?) ридъ увесь
Щобъ намъ родывъ и овесъ.

Изъ 9 строкъ, только двѣ безъ ошибокъ или уродливыхъ выраженій.

Вотъ отдѣльныя выраженія и цитаты—(повторяемъ безъ выбора!) «буйнесельній», «батикъ», «зродливый» «гальнуе», «ладавъ», «кумптувавъ», «зачинешъ» (вмѣсто «загынешъ»), «побачили у дольми (?) велику слободу», «у своихъ телесохъ» (?) «Дидъ розсказувавъ, що бѣсеняти (sic), поки ще молоди то зелени, якъ оситнякъ,—лели (?) въ ихъ, ни рижкивъ, ни кигтивъ. Тай въ тимнижъ (?) розсказувавъ».

Еще:

На городи *каможа* (вм. калюжа),
Я робити не дужа,
Якъ музыка заграе,
Само сердце гуляе!..

А скрипочко изъ липочки,
А струны зъ борвинку;
Якъ заграе, защебече
Чути *по Варнинку* (?!)
Грай скрыпичникъ, якъ бы *змогъ* (sic)
Тай не жалуй моихъ ногъ,
Мои ноги *постопели* (?),
Летали бы, якъ *молели* (!?).
У яро (?) и пшениченьки
Ярое *полосья* (!)
Якъ тако любко мало,
Що оновте волосья (!..)

Пусть разберется кто-нибудь въ этой невозможнѣйшей, возмутительной белибердѣ московской просвѣтительницы. Не удивительно, если даже знакомыя съ украинскимъ языкомъ лица скажутъ: «какой однако странный и непонятный этотъ сочиняемый малороссами языкъ!»... Упрекъ въ данномъ случаѣ совершенно заслуженный, хотя и направляемый не по настоящему адресу...

Мы, правду сказать, не останавливались бы такъ долго на этой литературѣ, если бы она не имѣла довольно приличной внѣшности и — самое главное—если бы сюда не были включены и дорогіе каждому сознательному украинцу имена: такимъ отвратительнымъ языкомъ напечатаны здѣсь нѣкоторыя произведенія Шевченка, Кулиша, Марка Вовчка—произведенія, составляющія красу украинской литературы и ставшія неповинными жертвами контрафакторскихъ инстинктовъ какого-то г. Руденка купно съ г-жей Коноваловой, которыя съ украинской литературой не церемонятся, очевидно не желая признавать какихъ бы то нибыло авторскихъ правъ на литературную собственность за украинскими писателями. Вѣдь съ русскими писателями эти предприниматели подобныхъ экспериментовъ, конечно, не посмѣютъ дѣлать.

Спрашивается не отобьютъ ли подобныя книжки охоту у народа читать на своемъ родномъ языкѣ?.. Бойтесь Бога, г.г. Коноваловы-Руденки! Да имѣйте хоть сколько-нибудь уваженія къ рѣчи того народа, для котораго вы поставляете свои изданія съ единой цѣлью зашибить деньгу!..

Намъ остается упомянуть еще о двухъ сборникахъ: «Веселый оповидачъ» изд. Губанова и «Малороссійскій сборникъ повѣстей, сценъ, разсказовъ и водевилей извѣстныхъ украинскихъ писателей». Первый сборникъ является перепечаткой того-же сборника, изданнаго въ Черниговѣ Б. Д. Гринченкомъ (ссылки на это впрочемъ не сдѣлано)—перепечаткой, сдѣланной безъ согласія и вѣдома составителя, какъ объ этомъ было заявлено въ печати г. Гринченкомъ.

Что касается второго сборника, то это рѣдкостный экземпляръ въ смыслѣ правописанія—одни произведенія напечатаны такъ называемой «Кулишивкой», другіе «романовкой», третьи тѣмъ и другимъ вмѣстѣ; всюду-же, во всѣхъ пересмотрѣнныхъ иамн изданіяхъ, правописаніе невыдержано, небрежно и вызываетъ досаду и раздраженіе.

Невольно подумаешь, просматривая всю эту макулатуру: ужъ не придерживаются-ли московскіе «просвѣтители» выраженія богомаза Г. Ѳ. Квитки-Основьяненка, что *«для хохловъ де и такой Богъ збряде?»*

Если они знакомы съ этимъ изреченіемъ и слѣдуютъ ему, то да будетъ-же г.г. москвичамъ николо-суздальцамъ стыдно!

Гр. Сьогобочній.

Археологическая Лѣтопись южной Россіи. Журналъ посвященный южно-русской старинѣ. *(1903 годъ: №№ 1—6; за 1904: №№ 1—5).*

«Археологическая Лѣтопись южной Россіи».—спеціальный археологическій журналъ, издаваемый съ 1903 года въ Кіевѣ директоромъ Кіевскаго Музея Древностей и Искусствъ Н. Ф. Бѣляшевскимъ, является продолженіемъ архелогическаго отдѣла въ «Кіевской Старинѣ»—«Археологическая лѣтопись», составлявшагося и редактированнаго съ 1899 г. тѣмъ же почтеннымъ дѣятелемъ Н. Ф. Бѣляшевскимъ. Запасшись обѣщаніями сотрудниковъ и располагая немалымъ количествомъ археологическаго матеріала, который съ каждымъ годомъ все увеличивается, г. Бѣляшевскій приступилъ къ изданію спеціальнаго самостоятельнаго органа, посвященнаго древностямъ Украины, въ которомъ давно уже чувствовалась насущная потребность. Первоначальныя опасенія за судьбу изданія (отсутствіе сотрудниковъ, матеріаловъ, матеріальная сторона) въ скоромъ времени разсѣялись, и появившіеся за

два года 11 книжекъ журнала блистательно оправдали надежды редактора, сумѣвшаго, повидимому, преодолѣть всѣ препятствія и поставить изданіе на надежную почву.

Въ журналѣ имѣется четыре отдѣла: археологическія статьи и изслѣдованія (оригинальныя, иногда переводныя), охрана памятниковъ старины, хроника и библіографія. Каждый отдѣлъ заключаетъ въ себѣ множество цѣннаго матеріала, мимо котораго не можетъ пройти ни одинъ изслѣдователь прошлаго нашей родины. Въ первомъ научномъ отдѣлѣ встрѣчаемъ слѣдующія статьи и изслѣдованія: въ 1903 году—«Ближайшія задачи археологіи юга Россіи»—Н. Бѣляшевскаго, Искусство мадленской эпохи въ Украинѣ (переводъ съ малорусскаго)—Ф. Волкова, Кіево-Кирилловская палеолитическая стоянка и культура эпохи Мадленъ—В. Хвойки, Предметы античнаго вооруженія, найденные въ Екатеринославскомъ уѣздѣ,—проф. Г. Павлуцкаго (№ 1); Археологическія изысканія въ окрестностяхъ Таганрога—А. Миллера Остатки старины на Нижнемъ Днѣпрѣ—Л. Падалки; Икона, сооруженная гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ—Н. Бѣляшевскаго (№ 2); Дюнныя стоянки неолитической эпохи въ Радомысльскомъ у. Кіевской губ.—М. Якимовича; Могильники по среднему теченію р. Уборти—Я. Яроцкаго; Русскія монетныя гривны, ихъ формы и происхожденіе—К, Болсуновскаго; Къ возрожденію украинскаго археологическаго стиля--К. (№ 3—4); Замѣтки по русской доисторической керамикѣ — пр.-доц. В. Данилевича; Цѣнный вкладъ великокняжеской эпохи—Н. Бѣляшевскаго; Оловяный потиръ XVIII ст.—Н. Б.; Памяти Н. Е. фонъ-Бранденбурга—А. С. (№ 5); Курганъ-могиканъ на территоріи Кіева—Н. Бѣляшевскаго, Договоры о сооруженіи церквей въ Малороссіи въ XVIII вѣкѣ—И. Каманина, Новый домъ Полтавскаго губернскаго земства—А. Сластіонова (№ 6). Въ 1904 году: Раскопки кургановъ при с. Оситняжкѣ, Чигиринск. у Кіевск. губ.--В. Хвойки, Поле погребальныхъ урнъ эпохи la Tène въ Радомысльскомъ у. кіевск. губ.—Н. Бѣляшевскаго, Замѣтки по исторіи русскаго искусства въ старой Польшѣ (этнографической) (переводъ съ малорусскаго)—М. Грушевской, Наглавные кресты XVII—XVIII ст. кіевскихъ церквей—С. Яремича (№№ 1—2); Михаилъ Александровичъ Максимовичъ (по поводу столѣтія со дня рожденія)—Н. Б., Раскопки на городищѣ «Очаковъ» у д. Набутова—В. Гезе, Старинный «сволокъ» --Н. Б. (№ 3); Профессоръ Н. И. Петровъ (по поводу исполнившагося 30-тилѣтія его ученой дѣятельности)—проф. Е. Рѣдина. Къ вопросу о древнихъ сооруженіяхъ въ

южно-русскихъ степяхъ («городки», «майданы», «роблени» и «роскопани могилы»—Л. Падалки, Раскопки кургановъ въ Волынской губерніи, произведенныя въ 1897—1900 г.г.—барона Ф. Штейнгеля, Донецкое городище и городъ Донецъ. Историко-археологическій очеркъ—пр.-доц. В. Данилевича.

Одинъ голый перечень этихъ работъ свидѣтельствуетъ о томъ, сколько интереснаго и цѣннаго по археологіи заключаютъ онѣ въ себѣ... Не менѣе содержателенъ и отдѣлъ «Хроники», гдѣ читатель находитъ свѣдѣнія о дѣятельности ученыхъ обществъ и учрежденій объ изслѣдованіяхъ и раскопкахъ, музеяхъ и собраніяхъ древностей, наконецъ приводятся различныя извѣстія, имѣющія отношенія къ археологіи нашего Юга Въ отдѣлѣ библіографіи въ каждой книжкѣ даются отзывы о періодическихъ и отдѣльныхъ археологическихъ изданіяхъ, книжкахъ и брошюрахъ. Наконецъ, нельзя не отмѣтить, что таблицы къ рисункамъ, которыми почтенный редакторъ въ изобиліи снабжаетъ печатаемый матеріалъ, исполнены отчетливо и рельефно, и въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, внѣшность изданія, не уступая внутреннему содержанію, производитъ самое благопріятное впечатлѣніе. Пожелаемъ же симпатичному изданію возможно большаго распространенія и сочувствія къ нему въ обществѣ не только среди спеціалистовъ археологовъ, но вообще въ кругу образованныхъ людей, дорожащихъ прошлымъ и настоящимъ своей родины.

В. Д.

„Выдавныцтво „Викъ". На вичну памьять Котляревському. *Литературный Збирныкъ". У Кыиви, 510+X, in 8°, ц. 3 р. 50. к.*

Въ прошломъ, 1904-мъ, году вышелъ въ Кіевѣ сборникъ: «На вичну памьять Котляревському», изданный книгоиздательствомъ «Викъ». Сборникъ этотъ, явившійся въ свѣтъ, какъ гласитъ самое названіе, съ цѣлью почтить память Котляревскаго, этого отца новой украинской литературы, представляетъ большой литературный интересъ. Чтобы высказанное мнѣніе не являлось голословнымъ, укажемъ на имена лучшихъ представителей современной украинской литературы, принявшихъ участіе въ этомъ сборникѣ, какъ-то: Коцюбинскій, Мырный, Крымскій, Франко и многіе другіе. Не останавливаясь пока на произведеніяхъ вышеупомянутыхъ авторовъ, творчество которыхъ хорошо

извѣстно каждому, кто хотя немного знакомъ съ новѣйшей украинской литературой, займемся разборомъ новыхъ сравнительно съ ними литераторовъ: Винниченко, Модестъ Левицькый, Лысакъ-Тамаренко, Радный. Двое изъ вышеупомянутыхъ авторовъ: Лысакъ-Тамаренко («Коло эсьвиты») и Радный («За день») разрабатываютъ одну и ту же тему; такой темой у нихъ является постановка нашей народной школы, при чемъ оба автора какъ-бы пополняютъ другъ друга.

Тамаренко въ своемъ разсказѣ «Коло осьвиты» указываетъ на неудовлетворительность постановки народнаго образованія, съ одной стороны, вслѣдствіе плохой подготовки учителей, получающихъ образованіе въ такъ называемыхъ церковно-второклассныхъ учительскихъ школахъ, а съ другой, въ тяжелыхъ внѣшнихъ условіяхъ, дѣлающихъ и безъ того тяжкій учительскій трудъ еще тяжелѣе.

Но всего лучше обратимся къ самому разсказу.

Разсказъ «Коло осьвити» ведется отъ лица священника, на попеченіи котораго находятся двѣ сельскія школы незанятаго пока прихода.

Пріѣхавши въ одну изъ этихъ школъ, священникъ застаетъ въ школѣ только тридцать учениковъ и на вопросъ, почему такъ мало дѣтей посѣщаетъ школу, получаетъ отъ учителя, 17-тилѣтняго невзрачнаго и несимпатичнаго на видъ парня, уклончивый отвѣтъ.

Проѣзжая на обратномъ пути изъ школы черезъ деревню, священникъ спросилъ у крестьянъ, почему они не посылаютъ дѣтей въ школу, и получилъ отвѣтъ: «Не можно ихъ загнаты до школы--розбигаются».

— «Зъ якои прычыны»?

— «Якось учытель тее... прыступае до ныхъ дуже строго».

«Та що тамъ таитысь!—озвався другый,—не вчыть винъ ихъ, а просто сказаты «избывае младенцивъ».—Самъ хвалывся мени, що вже дви лынійкы побывъ за одынъ мисяць.

— Моему небожеви,—додавъ третій,—якъ давъ двадцять ище й пьять у долони, то таки поробылысь товсти, якъ подушкы. (Стр. 380).

Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ, священникъ попросилъ передать учителю, чтобы онъ измѣнилъ свое обращеніе съ учениками, грозя въ противномъ случаѣ донести начальству о его непригодности.

Непригодность учителя, вышедшаго изъ народной среды и получившаго скудную подготовку въ школѣ, предназначенной главнымъ

образомъ для подготовки народныхъ учителей изъ народной же среды,—явленіе тѣмъ болѣе печальное, что именно на нихъ возлагались большія надежды.

«На ныхъ дуже велыки надіи покладалы, колы ихъ засновувалы. У нашыхъ «второклассныхъ» школахъ бильшисть выхованцивъ зъ народу. Выйшовъ такый учытель зъ темного села, прыйнявъ освиту и знову повертается на село, абы про-межы темнымы братчыкамы шырыты ту освиту и росповсюжуваты грамоту». (Стр. 378).

Такъ разсуждали основатели школы и приходили въ восторгъ отъ чудной идеи, но эти чудныя идеи въ дѣйствительности оказались плохо осуществимыми, и съ ними повторилась старая исторія, что вещь, прекрасная въ теоріи, оказывается далеко не удовлетворительной на практикѣ.

«Та й чы можно жъ сподиватысь якогось путтятя, колы таке велыке й безцинне дило, якъ освита народня, здаваты на якесь безглузде хлопчысько».—Такъ резюмируетъ авторъ свой взглядъ на народную школу, сданную на руки воспитаннику второклассной школы.

Исчерпавъ эту сторону вопроса о постановкѣ школьнаго дѣла въ деревнѣ, авторъ переходитъ къ другой, тоже существенной, сторонѣ, играющей тоже немалую роль въ неудовлетворительности народной школы, именно — къ сквернымъ условіямъ жизни, въ которыхъ находится учитель народной школы. Для иллюстраціи этого явленія авторъ рисуетъ передъ нами другую школу, гдѣ обучаетъ учительница. Въ этой школѣ священникъ застаетъ учительницу, бранящую ученика за то, что онъ не принесъ кочерги.

«Зъ классу чувся пысклывый крыкъ жиночого голосу».

«Ковѐню, ковѐню! Чомъ не прынесла мени ковени, вража дытыно? (Стр. 380).

На вопросъ священника, почему ученики должны приносить кочергу, когда на это есть сторожъ, учительница отвѣчала, что она сама несетъ обязанности и учительницы и сторожа.

Послѣ этого заявленія священникъ обѣщаетъ учительницѣ новую желѣзную кочергу и вызывается похлопотать, чтобъ ей дали сторожа.

Видя въ этомъ участіе къ себѣ со стороны священника, учительница начала жаловаться на свое положеніе.

«Нигде не можно купыты молока навить за велыки гроши. Хлибомъ диты годують... Пухнешъ зъ голоду, а до того нема за що й одежыны справыты. (Стр. 381).

Конечно, у каждаго является вопросъ, можетъ ли человѣкъ, находясь въ такихъ скверныхъ внѣшнихъ условіяхъ, хорошо работать, а тѣмъ болѣе учить, и отвѣтъ напрашивается самъ собою—нѣтъ.

Слѣдовательно, будетъ ли въ школѣ учитель изъ народа, подготовленный во второклассной школѣ, обученіе будетъ идти плохо, вслѣдствіе плохой подготовки учителя; будетъ-ли учитель лучше подготовленный,—плохія матеріальныя условія отравятъ его жизнь и сдѣлаютъ его плохимъ работникомъ, и школьное дѣло будетъ подвигаться плохо «безъ руля и безъ вѣтрилъ»,—такъ заканчиваетъ свой разсказъ Лысакъ-Тамаренко.

Вообще Лысакъ-Тамаренко представляетъ намъ довольно печальную картину постановки школьнаго дѣла въ деревнѣ и рисуетъ ее весьма яркими штрихами, что дѣлаетъ его разсказъ, хотя не новый по содержанію, весьма интереснымъ, въ виду его жизненности и искренности.

Перейдемъ теперь къ разсказу Раднаго «За день».

Въ своемъ разсказѣ Радный даетъ намъ изображеніе обычнаго будняго дня въ жизни учительницы народной школы.

Школьный день съ его уроками, перемѣнками, наполненными дѣтскими шалостями, описанъ очень вѣрно, и физіономіи шаловливыхъ школьниковъ рисуются, какъ живыя, передъ глазами читателя, но вся суть не въ нихъ, а въ учительницѣ, отдавшей себя всецѣло любимому дѣлу и посвятившей школѣ тринадцать лѣтъ лучшей жизненной поры.

Если Тамаренко рисуетъ намъ печальную картину изъ жизни народной школы вслѣдствіе плохой подготовки учителей и плохихъ внѣшнихъ условій ихъ жизни, то Радный представляетъ намъ сравнительно идеальную народную школу, гдѣ учительница находится вполнѣ на высотѣ своего призванія, гдѣ внѣшнія условія ея жизни сравнительно сносны, но только сравнительно: у учительницы есть сторожъ, и ей не надо заботиться самой о кочергѣ, метлѣ и т. п., обѣдаетъ учительница каждый день, тогда какъ у Тамаренка учительница жалуется, что даже молока нельзя достать, а хлѣбомъ кормятъ дѣти ее; но несмотря на всѣ эти преимущества, учительница въ теченіи 13-ти лѣтъ успѣла нажить всевозможныя простудныя и нервныя болѣзни, вслѣдствіе скверныхъ гигіеническихъ условій и всевозможныхъ нрав-

ственныхъ волненій, а что всего хуже—изверилась въ своей работѣ и, сидя въ школѣ, думаетъ: «Марна праця, марна праця». (Лит. Збирн. Стр. 394).

Дѣло въ томъ, что просвѣщеніе, даваемое нашей народной школой, не входитъ въ жизнь крестьянина, и изъ лучшихъ учениковъ школы выходятъ только хозяева и отцы своихъ дѣтей.

«Яка корысть зъ просвиты для отсіеи пивсотни дитей? Хочъ учы, хочъ не вчы однаково незабаромъ усе забудуть: и не станутъ кращымы, пройшовшы школу, нижъ яки воны теперъ, и не справять ни трохы громадського жыття въ ридному хутори». (Стр. 388),—такъ думаетъ учительница послѣ тринадцатилѣтней учительской дѣятельности.

Жизнь въ лицѣ лучшихъ учениковъ школы подтверждаетъ ея печальныя размышленія; изъ лучшихъ учениковъ школы, на которыхъ учительница полагала большія надежды вышли: «не кращи другыхъ хазяины, батькы своихъ дитей и... зновъ неграмотни люде». (Лит. Збир. стр. 388).

Это подтверждаютъ и сами ученики, говоря, что они и читать разучились, такъ какъ передъ родными и знакомыми совѣстно браться за книгу и неловко посѣщать учительницу,—такъ признаются ей искренно ея бывшіе ученики.

Эти заявленія учениковъ рѣжутъ, по словамъ учительницы, ея и безъ того больное сердце, да и здоровому сердцу читателя становится тоже больно и за учительницу, и за народъ, которому, по его собственному признанію, грамота впрокъ не идетъ; но спасибо автору—онъ не оставляетъ читателя подъ безотраднымъ впечатлѣніемъ дня учительницы, благодаря чему, ея симпатичный обликъ обозначается яснѣй, и значеніе мало-мальски сносно поставленной школы еще очевиднѣй.

Вечеромъ къ учительницѣ приходитъ одинъ изъ крестьянъ «Чудека Уласъ», привязавшійся къ учительницѣ и вполнѣ сочувствующій всѣмъ ея горестямъ.

Изъ бесѣды съ Уласомъ выясняется, что у учительницы связь съ ея бывшими учениками несовсѣмъ порвалась, что они время отъ времени собираются къ ней на бесѣды, при чемъ учительница всегда что нибудь читаетъ вслухъ. «А въ недилю,—доводе Уласъ,—збираются до васъ, казалы, Артемъ, Кузьма, Сыдиръ, Мыхайло, Федоська, моя

онука, та ще... постривайте—хто... а-а той пакъ... згадавъ: Амосынчукъ та Сызоненко». (Стр. 396).

Не являются ли эти посѣщенія бывшихъ учениковъ своей учительницы залогомъ лучшаго будущаго въ жизни народной школы? Быть можетъ, число учениковъ, «вчащающыхъ до вчытелькы», будетъ современемъ все больше и больше; быть можетъ, тѣ же бывшіе ученики не захотятъ довольствоваться рѣдкими чтеніями съ учительницей, а начнутъ читать и сами и не будутъ только хорошими хозяевами, отцами своихъ дѣтей и снова неграмотными людьми. Дай Богъ, чтобъ все это было такъ и чтобы сѣятели «разумнаго, добраго, вѣчнаго», въ родѣ описанной Раднымъ учительницы, не переводились на нашей народной нивѣ.

Что касается автора Раднаго, то онъ въ слѣдующихъ словахъ дорисовываетъ образъ усталой, подчасъ сомнѣвающейся, но въ общемъ свято вѣрящей въ свое дѣло учительницы. «И забувае вона въ сю хвылю» (раздумывая надъ тѣмъ, чтобы ей прочесть своимъ бывшимъ ученикамъ, когда они соберутся къ ней), «що жыве самотою, що серце іи точе червякъ безнадійносты, а груды може справжни сухоты, що зъ дитей мало чого путнёго выходе, що пропала іи врода, и що не маты ій (а бажается—хочъ краплыночку!) особыстато счастя николы вже, николы»... (стр. 396).

Этими немногими словами авторъ доканчиваетъ образъ учительницы, и она, какъ живая, встаетъ въ воображеніи читателя. Послѣднее составляетъ особенно цѣнную заслугу для начинающаго автора, такъ какъ изображеніе положительныхъ типовъ очень трудно дается даже опытнымъ художникамъ слова. Достаточно вспомнить Тентетникова и Улиньку у Гоголя (Мертвыя души), Штольца у Гончарова (Обломовъ).

Единственное, что можно поставить въ вину автору—это крайній реализмъ, выразившійся въ приведеніи ругани деревенскихъ школьниковъ. Къ чему было ее приводить? Всѣмъ вѣдь извѣстно, что дѣти вообще не ангелы и что перебранки между ними явленіе заурядное, но въ жизни есть очень много заурядныхъ явленій, изображеніе которыхъ въ литературѣ вовсе нежелательно.

За исключеніемъ этого упрека, разсказъ Раднаго «За день» можно причислить къ числу лучшихъ произведеній, вошедшихъ въ составъ сборника.

Къ числу лучшихъ разсказовъ надо причислить также небольшіе разсказы Модеста Левицького, объединенные общимъ названіемъ «Оповидання лікаря».

Первый изъ нихъ, озаглавленный «Порожнимъ ходомъ», рисуетъ тяжелую участь колонистовъ-евреевъ въ подольской губерніи, у которыхъ забрали землю, такъ какъ родители ихъ, получивши надѣлъ, вмѣсто того, чтобы заниматься земледѣліемъ, сдали землю въ аренду мужикамъ, а сами пустились «на гешефты», и вотъ дѣтямъ ихъ, живущимъ въ земледѣльческой колоніи, но лишенныхъ земли, приходится бѣдствовать.

Картину ихъ бѣдствія и даетъ М. Левицькый.

Другой его разсказъ «Счастя Пейсаха Лейдермана» содержитъ въ себѣ описаніе бѣдняка еврея, промышляющаго игрой на еврейскихъ свадьбахъ и этимъ скуднымъ заработкомъ содержащаго калѣку дочь и двухъ малолѣтнихъ внучатъ. Счатье этого бѣдняка заключалось въ томъ, что онъ, упавши съ вагонной площадки и получивъ сильные ушибы, потерялъ надежду на жизнь и отчаивался, предвидя заранѣе весь ужасъ положенія своей дочки и внучатъ, но вдругъ узнаетъ отъ доктора, что ушибы его не грозятъ опасностью для жизни, и онъ можетъ играть на свадьбѣ, на которую ѣхалъ. Эта радость заставила даже заплакать стараго Пейсаха и на вопросъ доктора, о чемъ онъ плачетъ, старикъ отвѣтилъ: «Се я радію, що жывъ буду. Не за себе— я вже нажывся, напывся гиркои... раднишый вмеръ бы, колы бъ не сыроты... пропадуть безъ мене». (стр. 356).

Оба эти разсказа Левицкаго, отличаясь краткостью, производятъ сильное впечатлѣніе, благодаря интересу, который внушаютъ выведенныя авторомъ фигуры пасынковъ жизни со всей горечью ихъ нужды и рѣдкими радостями въ родѣ счастья Пейсаха Лейдермана, напоминающими слабый лучъ солнца въ туманный осенній день; если къ перечисленнымъ достоинствамъ разсказовъ Левицькаго добавимъ ту теплоту чувства, съ которой авторъ относится къ изображаемымъ имъ бѣднякамъ и которыя невольно сообщаются и читателю, то образъ автора обозначится передъ нами въ очень симпатичномъ свѣтѣ.

Изъ произведеній молодыхъ писателей есть еще довольно большой разсказъ Винниченка «Заручыны», не отличающійся, впрочемъ ни новостью сюжета, ни изложенія, но представляющій нѣкоторыя чисто внѣшнія особенности, отличающія его рѣзко отъ остальныхъ произведеній сборника,—потому мы посвятимъ ему нѣсколько минутъ.

Содержаніе повѣсти Винниченка «Заручыны» довольно избито и представляетъ исторію любви одного студента «украинця» съ широкими запросами на словахъ, на дѣлѣ же проводящаго время въ купеческой средѣ, съ которой, по его признанію, онъ не имѣетъ ничего общаго, но тамъ бываетъ «она», нѣкая Галя; «она» представляется воображенію юноши верхомъ всѣхъ совершенствъ, какъ нравственныхъ, такъ и внѣшнихъ; послѣднія, какъ болѣе очевидныя, признаются и другими и между прочимъ богатымъ купеческимъ сынкомъ, который, какъ выясняется изъ дальнѣйшаго разсказа, и оказывается настоящимъ претендендентомъ на руку прекрасной Гали. Можно себѣ представить всю глубину отчаянія влюбленнаго юноши, убѣжденнаго до послѣдней минуты, что именно онъ, а не кто иной является единственнымъ избранникомъ этой идеальной дѣвушки. Таково въ общихъ чертахъ содержаніе разсказа. Въ этомъ разсказѣ авторъ хотѣлъ изобразить юношу, образъ котораго напоминалъ бы «щось молоде, зелене, але добре, хороше, зъ добрыми надіямы, хорошыми мріямы и...малымы сыламы». (Стр. 299).

Не разбирая «мрій и надій» героя повѣсти Винниченка, студента Семенюка, остановимся на его безсиліи, какъ на чертѣ, особенно оттѣненной авторомъ.

Это безсиліе сказывается и въ слишкомъ ужъ какъ-то по старчески-сентиментальныхъ мечтахъ Семенюка о семейной жизни и отдыхѣ, Богъ вѣсть, отъ какихъ трудовъ. «Я маю свій димъ! Я найму дви, а може, тры кимнаткы... жинци, соби та йидальню»! (Стр. 302).

«И прихожу соби до-дому... до-дому!.. мене хтось зустричае. Потимъ чай. Подае не якый-небудь номерный, а вона»... (Стр. 303).

И снова «Прыходытъ до-дому. Тебе обнимае нижна мягка ручка, ласкаво-ласкаво проводыть по лыци—и тоби робытся тепло-тепло». (Стр. 307).

Но намъ могутъ возразить, что въ мечтахъ никто не воленъ и что мечты о личномъ счастьѣ въ своемъ углу еще нельзя считать признакомъ нравственнаго безсилія; но вѣдь надо помнить, что передъ нами мечтаетъ юноша съ «добрымы надіямы, хорошымы мріямы», это разъ, а во-вторыхъ, это-же безсиліе сказывается и въ неумѣньи противостоять капризу любимой дѣвушки, когда она, послѣ жаркой сцены взаимнаго объясненія въ любви, требуетъ отъ Семенюка, чтобы онъ напился единственно изъ угожденія ей, и современный рыцарь въ честь возлюбленной идетъ на борьбу не съ врагами, а съ бутылками

и падаетъ въ буквальномъ смыслѣ въ неравной борьбѣ. Впрочемъ, все то еще была бъ не бѣда, и на довѣрчивое увлеченіе въ сущности испорченной дѣвушкой, и на неумѣнье противостоять глупому капризу той дѣвушки, и на весь эпизодъ Семенюка съ неудачной любовью къ Галѣ можно было бы смотрѣть, какъ на вспышку, переживаемую въ молодости почти каждымъ. «Благодатна всякая буря душѣ молодой— зрѣетъ и крѣпнетъ душа подъ грозой», говоритъ Некрасовъ. Эту мысль можно было бы примѣнить и къ Семенюку, если бы авторъ не оттѣнилъ его безсилія не только въ настоящемъ, но и будущемъ «и поручъ сёго хорошого лыця выглядало вже помяте жыттямъ лыце зъ такымы жъ сынимы очима, зъ тою жъ доброю мягкою усмишкою, але безъ запалу, безъ палкои виры та незломныхъ надій. И робылось сумно и досадно». (299—300 стр.).

Не правда ли, какой въ сущности хорошо извѣстный образъ хорошаго, но усталаго и слабаго человѣка! Это одинъ изъ нашихъ хорошихъ знакомыхъ, описанный намъ Чеховымъ. Вотъ это-то сходство выведеннаго авторомъ типа съ мастерски изображенными типами Чехова и есть та черточка въ разсказѣ Винниченка, ради которой мы останавливаемъ на немъ вниманіе читателя. Другой особенностью этого произведенія, рѣзко отличающей его отъ всѣхъ другихъ произведеній сборника, является языкъ повѣсти. Первая указанная нами особенность—чеховскій характеръ выведеннаго типа не является единственной въ своемъ родѣ въ украинской литературѣ; въ томъ же сборникѣ находимъ еще разсказъ, гдѣ авторъ Чернявскій, извѣстный болѣе, какъ лирическій поэтъ, даетъ какъ-бы одну изъ возможныхъ эволюцій типа, представленнаго Винниченкомъ. Это разсказъ, озаглавленный «Кинець гры», изображающій тоже симпатичнаго, но слабаго человѣка, не выдержавшаго той массы жизненной грязи и пошлости, которая сыплется на его голову.

Итакъ, художественный типъ интеллигента, напоминающій цѣлую плеяду чеховскихъ типовъ, не есть особенность, присущая въ украинской литературѣ одному лишь Винниченку.

Остается разобрать другую, указанную нами особенность произведенія Винниченка—это языкъ разсказа, отличающійся тѣмъ, что авторъ, приводя цѣлые разговоры на русскомъ языкѣ, является наватор омъ въ этомъ отношеніи. Это нововведеніе, способствуя болѣе рельефному изображенію великорусской купеческой среды (le style c'est l'homme), не портитъ общаго впечатлѣнія разсказа написаннаго во-

обще очень живо и увлекательно, такъ что слава «яркаго начинающаго таланта», признанная за Винниченкомъ такимъ замѣчательнымъ представителемъ малорусской литературы, какъ Ив. Франко, остается непоколебимой.

Изъ произведеній авторовъ, давно уже извѣстныхъ на литературномъ поприщѣ, отмѣтимъ «Духъ часу» Кобрыньской, затрагивающей въ этомъ разсказѣ глубокій вопросъ объ отцахъ и дѣтяхъ, разъединенныхъ различіемъ умственныхъ запросовъ и нравственныхъ идеаловъ, и «Басарабы» Стефаныка, рисующаго тяжелую душевную драму, переживаемую цѣлымъ поколѣніемъ крестьянъ бесарабцевъ, передающихъ изъ рода въ родъ наклонность къ самоубійству. Достоинство разсказа составляетъ психологическая разработка ощущеній, овладѣвающихъ каждымъ «бассарабомъ», склоннымъ къ самоубійству.

«Я не знаю видкы й якъ, але то таки гадкы прыходять, що не дають спокою. Ты свій, а гадкы свои, ты продыраешь очи, абы нагнаты ихъ, а воны, якъ псы, скавулять коло головы».

«Якъ воны обсядуть, то воны не пустять мене крокомъ видъ такого мисця, де воны гадають мене прывьязаты. Якъ бы вы зналы, якъ бы вы зналы! Воны мене такъ звьяжуть, що на свити такыхъ ланцивъ нема, абы такъ глыбоко заходылы въ середыну». (Лит. збир. стр. 261).

Такую муку изображаетъ одинъ изъ крестьянъ Тома, вынутый своими односельчанами изъ петли. Мука эта усугубляется сознаніемъ, что человѣкъ самъ не знаетъ, за что онъ терпитъ мученія, но въ то же время не находитъ въ себѣ силы противостоять искушенію покончить сразу со всѣми этими страданіями.

«Воно точыть, але не каже за що, бо якъ бы я вбывъ, або пидпалывъ, то воно выдимо: але я не повынный, а воно карае. Та якъ та хмара злопотыть по неби та й тоди прыходыть самъ часъ, абы тратытыся. Йдете коло воды, а вона васъ тягне...

«Глыпнете на вербу—та й васъ зновъ зипре». (Лит. збир. стр. 263).

Такъ описываетъ тотъ же Тома свое душевное состояніе передъ тѣмъ, какъ окончательно рѣшилъ повѣситься.

Изъ приведенныхъ выдержекъ видно, какъ глубоко умѣетъ заглянуть Стефаныкъ въ душу крестьянина.

Кромѣ всѣхъ перечисленныхъ нами авторовъ, въ сборникъ вошли произведенія слѣдующихъ беллетристовъ: Кониській (помѣщено произведеніе покойника: «Висимъ день зъ жыття Люли»), Ганна Барвинокъ,

Осипъ Маковей, Мартовичъ Олекса, Бордулякъ, Грыгоренко, Потапенко Вячеславъ, Билоусенко, Мордовець Даныло, Ефремовъ Сергій, Мырный Панасъ, Смутокъ Павло, Яновська, Чернявськый.

Позволимъ себѣ, не ограничиваясь этимъ перечнемъ именъ, остановить вниманіе читателя на произведеніяхъ нѣкоторыхъ изъ этихъ авторовъ; начнемъ съ Чернявського, автора «Писень кохання, «Зорь» и теперь выступающаго весьма успѣшно въ проигаическихъ разсказахъ, при чемъ надо сдѣлать маленькую оговорку; появленіе прозаическихъ разсказовъ Чернявського на страницахъ сборника не является его первымъ дебютомъ. какъ прозаика, Во всякомъ случаѣ разсказы Ч—го, помѣщенные въ сборникѣ «Смерть Зораба» и уже упомянутый нами «Кинець гры» позволяютъ думать, что авторъ, стяжавшій себѣ извѣстность, какъ лирикъ, займетъ въ украинской литературѣ далеко не послѣднеее мѣсто, какъ беллетристъ.

Нельзя обойти безъ вниманія разсказъ Ефремова «Цина крови», рисующій деморализующее вліяніе большихъ городовъ на деревенскихъ крестьянъ. Разсказъ, отличаясь правдивостью жизненнаго изображенія, оставляетъ читателя подъ грустнымъ впечатлѣніемъ сдѣлки, въ силу которой деревенская дѣвушка, обольщенная городскимъ мастеровымъ и имѣющая отъ него троихъ дѣтей, уступаетъ добровольно своего возлюбленнаго за 75 руб. болѣе счастливой соперницѣ.

Если разсказъ Ефремова, изображая деморализующее вліяніе деревни, производитъ грустное впечатлѣніе, то эта грусть еще усиливается при чтеніи разсказа Бордуляка «Жура», рисующаго тяжелое положеніе крестьянина, обремененнаго семьей и преслѣдуемаго нуждой, при чемъ нужда играетъ въ жизни несчастнаго Грыця (имя героя повѣсти) ту же роль призрака, какую въ разсказѣ Стефаника играетъ мысль о самоубійствѣ: какъ Тому мучитъ мысль о самоубійствѣ, такъ Грыця мучитъ «жура», не давая ему покою ни днемъ, ни ночью.

Тяжкій трудъ и безысходная нужда заставляютъ многихъ крестьянъ бросить мѣста, насиженныя цѣлыми поколѣніями, и искать лучшей доли въ далекой Сибири. О такомъ исканіи лучшихъ мѣстъ малоземельными крестьянами изъ Малороссіи и разсказываетъ Даныло Мордовець въ своемъ разсказѣ «Луна зъ новои Украины», ярко рисующемъ тоску по родинѣ, которая охватываетъ украинцевъ, попадающихъ даже въ лучшія условія жизни. Въ заключеніе упомянемъ еще о двухъ юмористическихъ разсказахъ «Счастя» Григоренка

и «Зарикъ Горпыны» Яновской. Оба эти автора, изображая жизнь сравнительно зажиточныхъ крестьянъ, останавливаютъ вниманіе читателя на нравственныхъ недостаткахъ крестьянской массы. Такими недостатками въ разсказѣ Грыгоренка «Счастя» является лѣнь и безпечность, доведенныя до крайности четою Семена Недобора и его женой Мелашкой, придумавшей цѣлую теорію для оправданія своей лѣни.

«Бувъ соби чоловикъ, що все робывъ, не покладаючы рукъ до кривавого поту, а дали вмеръ; вмеръ, та ось у рай ёго не прыймають, бо дуже робитныкивъ своихъ роботою нудывъ—дыхаты имъ не дававъ,—дакъ не способный, и пишовъ винъ у пекло, а тутъ ёму чорты кажуть: «що тоби, чоловиче, тутъ робыты? ты вже й такъ на земли наробывся—нема тоби тутъ роботы, що дають за наказаніе». Такъ винъ й тынявся: то въ рай, то въ пекло, не знавъ, куды прытулытысь, скинчивъ на тимъ, що зависывся и вдруге умеръ, и зновъ никуды не мигъ опредилытысь—ото наробывся!» (стр. 270).

Впечатлѣніе этого въ общемъ хорошаго разсказа портятъ только нѣкоторыя слишкомъ реальныя сравненія, напр.: «Диты уси били, якъ гныды», «вона покоштувала глывкого пряныка, перемынаючы ёго въ руци й шыроко розтуляючы рота, *якъ жаба, що ловыть мухъ*».

Если даже допустить, что эти выраженія не портятъ разсказа, то во всякомъ случаѣ и не украшаютъ его; тѣмъ болѣе, что употребленіе ихъ не вызвано даже такою необходимостью, какъ изображеніе среды, а принадлежатъ всецѣло автору.

Что касается разсказа Яновской «Зарикъ Горпыны», то изображенія набожной и въ то же время суевѣрной, сварливой и лѣнивой бабы не заставляетъ желать ничего лучшаго. Вообще же Яновская въ лицѣ своей Горпыны воскресила передъ глазами читателя типъ неумирающій на селѣ и мастерски описанный Левитскимъ въ его разсказѣ «Не можно баби Парасци вдержатысь на сели».

Кромѣ произаическихъ литературныхъ произведеній, въ сборникѣ помѣщены стихотворенія слѣдующихъ авторовъ: Бобенко, Гринченко, Павленко, Самійленко, Иванъ Франко, Волохъ, Вороный, Грабовськый, Доманицькый, Доброхольськый, Галина Комарова, Крымськый, Славинськый, Леся Украинка и Чернявськый.

Изъ числа оригинальныхъ стихотвореній отмѣтимъ поэму Франка «Иванъ Вишеньськый», представляющій одно изъ лучшихъ стихотво-

реній Сборника, какъ по глубинѣ идеи, такъ и по формѣ изображенія; особенно, хорошо въ этой поэмѣ описаніе природы Аѳона.

Стихотвореніе Крымського «Поэте, ховайсь одъ людського ока» отличается всѣми достоинствами, присущими всѣмъ поэтическимъ произведеніямъ этого автора.

Кромѣ того очень хороши стихотворенія Бобенка «Обое мы, серце, зъ тобою» и «Надъ могылой Котляревського», Вороного «На свято видкрыття памъятныка Котляревському», Доброхольскаго «Не спивай намъ теперъ, бандурысте». Изъ переложеній наилучшее сдѣлано Мырнымъ «Де килька писень про Гайявату» Генри Лонгфелло.

Павленко въ своемъ стихотвореніи «Агарь въ пустыни» далъ въ своемъ родѣ образцовое произведеніе, живо изображающее картину пустыни и душевныя муки несчастной Агари.

Chef'-d'œuvro'мъ же перевода можно считать переводъ Гринченка «Лисной царь», по близости къ подлиннику значительно превосходящій русскій переводъ Жуковскаго, а по музыкальности языка приближающагося къ нѣмецкому оригиналу.

Въ общемъ про «Литературный збирныкъ на вичну памъять Котляревському» можно сказать, что молодое поколѣніе украинскихъ писателей достойнымъ образомъ почтило «свого батька», сумѣвшаго привлечь вниманіе лучшихъ современныхъ ему представителей націи къ языку и правамъ своего народа.

„Винъ бачывъ, що панъ свого краю цурався,
Тоди жовчъ закыпала у нёгс въ крови,
И винъ зъ панства того... реготався!“ (Лит. збир. стр. 407).

„Реготався“ Котляревскій и этимъ пробудилъ національное самосознаніе; своимъ подчасъ добродушнымъ, а подчасъ полнымъ сарказма смѣхомъ заставилъ призадуматься многихъ надъ собой, и вотъ «новитни спивци видгукнулысь на голосъ той дужый“ и на память столѣтней годовщины своего „культурнаго гетьмана“ составили сборникъ, при чемъ подъ многими страницами, написанными духовными сынами Котляревскаго, не постыдились бы подписаться многіе изъ лучшихъ представителей европейской литературы.

Кромѣ литературныхъ достоинствъ, „Збирныкъ“ имѣетъ еще и историческій интересъ, такъ какъ въ концѣ книги помѣщены библіографическія свѣдѣнія о Котляревскомъ, при чемъ „библіографичный показчикъ“, помимо библіографическихъ указаній, имѣющихъ отношеніе къ Котляревскому, снабженъ дополненіемъ, содержащимъ въ себѣ перечень всѣхъ газетныхъ и журнальныхъ статей, вызванныхъ открытіемъ памятника Котляревскому въ Полтавѣ въ 1903-емъ году.

„Литературный збирныкъ“ украшенъ картинками Корніенка на текстъ „Энеиды“, а также картинами, воспроизводящими рисунки барельефа на памятникѣ Котляревскаго; въ началѣ книги помѣщенъ портретъ К—го, а на послѣднихъ страницахъ находятся изображенія фотографическихъ снимковъ съ могилы Котляревскаго, а также памятниковъ его же.

Книга напечатана на хорошей бумагѣ и вообще издана очень аккуратно.

Надо надѣяться, что, въ виду какъ литературно-художественнаго, такъ и историческаго интереса, „Збирныкъ на вичну памъять Котляревскому“ будетъ имѣть широкое распространеніе, не только среди украинцевъ, но и среди русской интеллигентной публики, сочувственно отнесшихся къ открытію памятника Котляревскому,

---

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ поправкамъ текста „Кобзаря“ Шевченка. Когда гг. Романчукъ и К—скій стараются установить болѣе правильное чтеніе словъ въ „Кобзарѣ“, нелишней будетъ и слѣдующая замѣтка.

У одного литератора въ С.-Петербургѣ сохранилась тетрадка въ восьмушку, сшитая изъ бумаги должно быть 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія, въ которой переписаны нѣкоторыя стихотворенія Некрасова (болѣе ранняго періода), стихотворенія по поводу Севастопольской войны («Вотъ въ воинственномъ азартѣ воевода Пальмерстонъ...»), нѣсколько малорусскихъ народныхъ пѣсенъ и нѣсколько стихотвореній Шевченка. Среди послѣднихъ, между прочимъ, есть такой варьянтъ, какого намъ не случалось видѣть въ изданныхъ „Кобзаряхъ“:

Та не однаково мени,
Якъ Украину злыи люди
Прыспять лукави, *чи* въ огни
Іи обкраденую збудять.

Помѣщеніе слова *чи* вмѣсто *и* измѣняетъ смыслъ текста настолько же, какъ и въ другомъ стихотвореніи, о которомъ былъ когда-то раньше споръ, замѣна слова *во*—словомъ *бо*:

Любіть йійі, бо время люте...
и — Любіть йійі; во время люте...

Этотъ послѣдній варьянтъ указанъ былъ г. Науменкомъ на основаніи автографа Шевченка; намъ кажется, что его слѣдовало бы имѣть въ виду, какъ и предыдущій варьянтъ, при обсужденіи наибольшей правильности текста „Кобзаря“.

А. Р.

Новый автографъ Шевченка. Кіевскій художественно-научный и промышленный музей сдѣлалъ весьма цѣнное пріобрѣтеніе въ видѣ собственноручной рукописи Шевченка съ текстомъ стихотвореній: 1) „Якъ умру, то поховайте“ и 2) Псалом 149 („Псаломъ новый Господеви“). Благодаря любезному содѣйствію директора музея Н. Ѳ. Бѣляшевскаго, намъ дана была возможность осмотрѣть этотъ автографъ и снять съ него копію, а также получить нѣкоторыя свѣдѣнія относительно его происхожденія. Автографъ подаренъ музею помѣщикомъ кіевской губерніи Ю. И. Поповымъ, къ которому перешелъ отъ покойной жены его Вѣры Петровны, урожденной Скоропадской. Съ отцемъ В. П. Поповой, Петромъ Скоропадскимъ, Шевченко былъ коротко знакомъ и часто бывалъ въ его имѣніи Григоровкѣ. Вѣроятно, въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ туда Шевченко и оставилъ настоящій автографъ, отъ Скоропадскаго перешедшій затѣмъ къ дочери, а отъ послѣдней—къ г. Попову. Къ сожалѣнію, теперь невозможно установить, когда и при какихъ обстоятельствахъ Шевченко далъ свою рукопись Скоропадскому.

Автографъ представляетъ листъ обыкновенной писчей бумаги, на одной сторонѣ котораго начерченъ карандашемъ во всю ширину разложеннаго листа планъ помѣщичьей усадьбы съ барскимъ домомъ, галлереями и другими строеніями, на другой—помѣщены одно за другимъ упомянутыя стихотворенія. При сличеніи ихъ текста съ печатнымъ (сравниваемъ съ послѣднимъ львовскимъ изданіемъ 1902 г. „Поезиі Тараса Шевченка“) оказались слѣдующіе варіанты:

		Печатанный текстъ:	Автографъ:
		1) Якъ умру	
7	строка	Бул*и* видн*і*, було чути	Бул*о* видн*о*, було чути
15	»	Молитися. *А до того*	Молитися... *а поки що*
17	»	*Поховайте та вставайте*	*Прокиньтеся же, брати мої*
24	»	*Незлим тихим* словомъ	*Тихим, добрим* словом

2) Псаломъ 149.

15	»	На отмщеніе *язикам*	На отмщеніе *неправды*
16	»	*І в* науку людям	*На* науку людям

Послѣдняя строка „Заповіта“ и въ автографѣ имѣла первоначально общеизвѣстную редакцію: „незлим тихим словом“, но выраженіе „незлим“ зачеркнуто и рукою Шевченка вставлено въ соотвѣтственномъ мѣстѣ „добрим“, такъ что автографъ представляетъ, очевидно, позднѣйшую редакцію. „Як умру“ приведено безъ заглавія и подписано обычными иниціалами—Т: Ш:; „Псаломъ 149“ подписи не имѣетъ.

С. Е.

Носители похоронныхъ причитаній въ Малороссіи. Долгія и повсемѣстныя наблюденія за жизнью народа въ Малороссіи нигдѣ не обнаруживали существованія въ его средѣ особой профессіи плакальщицъ по покойникамъ. По всей Малороссіи, а также въ Галиціи оплакивать умершаго предоставляется его роднымъ, ближайшимъ родственникамъ и сосѣдямъ: жена оплакиваетъ мужа, мать—дѣтей, дочь—мать и отца, сестра—брата, сосѣдка—сосѣдку. Оплакиваніе покойниковъ, впрочемъ, не обязательно, однако болѣе чести тѣмъ, кто оплакалъ умершаго человѣка, и счастливѣе умершій, котораго хорошо оплакали при погребеніи. Нравственное чувство не можетъ примириться со смертью и требуетъ признанія необходимости жизни человѣка.

Какъ необязательный аттрибутъ похороннаго обряда, какъ продуктъ, главнымъ образомъ, настроенія и момента, малорусскія похоронныя причитанія не являются строго опредѣленными поэтическими произведеніями, это—импровизаціи, созданныя минутою. Тѣмъ не менѣе за долгую жизнь народа выработались въ немъ извѣстныя поэтическія похоронныя формулы—мотивы, которыми причитающая женщина пользуется при своемъ оплакиваніи покойнаго. Такія формулы мы найдемъ въ большинствѣ записанныхъ причитаній, и ихъ немного. Но то общее, что объединяетъ всѣ отдѣльныя причитанія въ одинъ видъ народнаго поэтическаго творчества, заключается въ однообразномъ ихъ характерѣ, единствѣ стиля и поэтическихъ представленій.

Носителемъ похоронныхъ причитаній въ малорусскомъ народѣ является вся его женская половина, и вслѣдствіе этого причитанія

носятъ на себѣ слѣды свободнаго творчества по настроенію. Но остались кое-какія указанія на то, что прежде въ малорусскомъ народѣ существовала профессія плакальщицъ по найму. Клёновичъ въ своей поэмѣ „Roxolania" говоритъ объ этомъ опредѣленно [1]). Также одна народная шутка о наемной плакальщицѣ указываетъ на то, что для украинскаго народа эта профессія не совсѣмъ была незнакома. Вотъ эта шутка.

— Тужу, тужу, да не знаю, якъ зовуть?

— Бабусенько, — Савко! Савко!

— Тужу, тужу за ришето бобу: чы дадуть, чы не дадуть? Такъ мои дурно слёзы пропадуть! (С. Андреевка, нѣжин. у.).

Но уже это насмѣшливое отношеніе къ наемнымъ слезамъ показываетъ, что наемъ плакальщицы не былъ обычнымъ явленіемъ обихода и представлялся народу страннымъ.

Народъ-лирикъ, народъ, такъ прочувствованно выразившій и въ поэзіи и въ музыкѣ волновавшія его душу чувства, не могъ освоиться съ обычаемъ предоставлять чужому оплакивать утрату родного или близкаго человѣка. Въ разсказѣ А. Нечуй-Витра «Не було змалку— не буде й до останку» Зинька, отъ лица которой ведется разсказъ, такъ вспоминаетъ свое горе по смерти мужа: „Господы! все дивування свое тогди згадала, сирачыну мою любу споряжаючы у вичнюю дорогу... прыпала до ёго, да на останній дорози поговорыла, якъ зъ жывымъ. Хто жъ мени свитытыме теперъ, якъ винъ? съ кимъ я буду жыть, съ кимъ и горювать?.. Тоди мени здавалося, що винъ те усе чуе, що винъ оглянетця на мое сыритство!.." Зинька, которая полна такимъ сильнымъ чувствомъ, не могла оставаться зрительницею, когда бы ея мужа оплакивала чужая женщина; для Зиньки наемныхъ слезъ не надо,—у ней самой много горячихъ слезъ. И можно увѣренно сказать, что украинскія похоронныя причитанія по своимъ чувствамъ выше, чѣмъ, напр., причитанія великорусскія, представляющія продуктъ профессіональной школы.

Однако выигрывая въ одномъ передъ профессіональными причитаніями, украинскія причитанія проигрываютъ передъ ними въ другомъ. Украинскія причитанія представляютъ собою небольшія, иногда

---

[1]) См. въ Кіев. Ст. 04 г. за декабрь „Древнѣйшее малорусское причитаніе".

коротенькія произведенія, не связанныя тѣсно съ отдѣльными моментами погребальнаго ритуала, и выражаютъ чувства горя и жалобы на смерть близкаго человѣка, главнымъ образомъ, въ формѣ вопросовъ и обращеній къ умершему. Не то причитанія великорусскія и, напр., сербскія.

Великорусское профессіональное причитаніе сравнительно съ причитаніемъ малорусскимъ является болѣе разработаннымъ. Отдѣльныя части великорусскихъ причитаній, достигающихъ большихъ размѣровъ, приспособлены къ различнымъ моментамъ обряда погребенія. Въ нихъ много драматическаго элемента: плакальщица обращается не только къ покойному, но и къ его родственникамъ, священнику; въ причитанія вводится діалогъ между плачущею и утѣшающею ее женщиною; причитанія сопровождаются дѣйствіемъ — поклонами, исканіемъ покойнаго по дому.

Тѣми же самыми чертами характеризуется причитаніе сербское. В. С. Караджичъ въ книгѣ «Живот и обичаjи народа српскога», указывая на то, что не во всѣхъ мѣстностяхъ Сербіи причитанія носятъ опредѣленный внѣшній поэтическій характеръ, но представляютъ свободныя импровизаціи даже въ устахъ наемныхъ плачевщицъ, свидѣтельствуетъ однако, что жители Паштровича обладаютъ постоянными причитаніями въ стихахъ. При этомъ причитаніе надъ покойникомъ ведется у нихъ своеобразно. Родственницы умершаго, взявшись за руки, составляютъ вокругъ него хороводъ и, кланяясь, заводятъ голосъ: одна изъ женщинъ, какъ предводительница хора, затягиваетъ стихъ, а всѣ остальныя его подхватываютъ, такъ что каждый стихъ причитанія повторяется по два раза.

Если, такимъ образомъ, плачъ по умершемъ—дѣло нѣсколькихъ лицъ, то, очевидно, послѣднее было возможно лишь при однообразности и закрѣпленности въ извѣстной формѣ похоронной причети. Съ другой стороны, попавъ въ руки цѣлаго общества лицъ, причитаніе должно было развиться успѣшнѣе, нежели въ единичномъ частномъ употребленіи. И, дѣйствительно, на тѣхъ же примѣрахъ, которые приводитъ Караджичъ въ указанной книгѣ, мы видимъ такую же развитость и разработанность сербскихъ причитаній, какъ и великорусскихъ. Здѣсь также находимъ параллель между содержаніемъ причитанія и погребальныхъ обрядовъ, діалогъ между причитающимъ лицомъ и утѣшающимъ священникомъ и пр.

Всего этого въ украинскихъ причитаніяхъ нѣтъ. Въ нихъ мы найдемъ лишь слабые зачатки діалога. Такъ дочь, причитая по отцѣ, говоритъ:

Мій батечку, мій риднесенькый!
Устань та й порадь насъ.

И тутъ же отвѣчаетъ отъ лица покойнаго:

Ой не встану, мои диточкы, я вже й не поражу,
Я жъ вамъ, мои диточкы, й до вику не заважу [1]).

Вотъ рѣдкій примѣръ обращенія плакальщицы къ присутствующимъ:

Сусиды мои блызесеньки,
Зачыняйте воритечкы новесеньки,
Засувайте виконечка малесеньки,
Та не выпустить мого татуся одъ мене,---
Бо я не знатыму, що сама робыть,
Що й почынать:
У якый кутокъ хылыться,
У якый кутокъ дывыться? [1])

Согласованія же причитаній съ ритуаломъ погребенія въ нихъ вовсе не найдемъ.

Такимъ образомъ, не имѣя опредѣленнаго круга профессіональныхъ носителей и являясь достояніемъ каждой женщины, малорусскія причитанія не развили всесторонне своей формы,, какъ напр., причитанія великорусскія и сербскія, но за то оказались дѣйствительнымъ выраженіемъ душевной боли и скорби объ утратѣ милаго и дорогого сердцу человѣка, подчиняясь лишь свободному чувству, опредѣленному самимъ народомъ въ такихъ словахъ:

Плачте, оченькы, до вику
По доброму чоловику.
А якъ по якому,
Дакъ не велю й никому.

(С. Голубовка, новгородъ-сѣв. у.).

Владиміръ Даниловъ.

---

[1]) Милорадовичъ: „Пѣсни и обр. луб.", № 27.
[1]) Милорадовичъ, ibid. стр. 188.

Макъ въ народной демонологіи на Волыни. Послѣ осины, или по народному „осычыны“, ни одно изъ растеній, ни одинъ изъ злаковъ, въ понятіи и вѣрованіи нашего простого народа, и въ особенности въ народной демонологіи, не имѣетъ такого значенія, такой важности, какъ макъ. Макъ, послѣ осины, простымъ народомъ почитается самымъ первымъ и лучшимъ оберегомъ отъ всякой «нечисти» и чертовщины: вѣдьмъ, упырей, выходцевъ «зъ того свита».

Вѣра въ чудодѣйственное значеніе и силу мака, какъ прекраснаго и лучшаго оберега отъ чертовщины у нашего малорусскаго народа, не есть что либо собственное, не представляетъ изъ себя чего либо самобытнаго;—эта вѣра малорусскаго народа, какъ видно изъ литературы по демонологіи, въ значеніе и силу мака сильно распространена и глубоко вкоренена и въ Великороссіи и въ Польшѣ, а также положительно у всѣхъ славянскихъ народовъ и у всѣхъ народовъ Европы. Такимъ образомъ слѣпая вѣра нашего народа въ силу и значеніе мака въ демонологіи, какъ оберега, есть ничто иное, какъ отголосокъ, варіантъ такихъ же вѣрованій другихъ славянскихъ народовъ.

«Макъ у насъ святятъ на Маковея и на Спаса». При этомъ особеннымъ значеніемъ пользуется макъ «видюкъ» или «самосѣй», а при неимѣніи таковаго, вообще всякій макъ.

„Свяченымъ“ на Маковея или на Спаса макомъ въ староконст. уѣздѣ (да вѣроятно и по всемѣстно на Волыни, и въ Малороссіи) обсыпаютъ отелившуюся и вообще дойную корову, чтобы вѣдьма не могла подойти, подступить къ коровѣ и выдоить ее. Для той же цѣли въ рогѣ дойной коровы просверливаютъ отверстіе, и насыпаютъ черезъ него въ рогъ свяченаго маку. Обсыпая корову свяченымъ макомъ, приговариваютъ по адресу вѣдьмы: «тоди до коровы пидийдешъ и іи выдоишъ,—якъ цей макъ зберешъ и зосчытаешъ» [1]).

Впрочемъ, въ заславскомъ уѣздѣ на этотъ счетъ существуетъ у народа другое, противоположное, мнѣніе и вѣрованіе: здѣсь говорятъ,

[1]) Смотр. мои „Народные обычаи и обряды, пріуроч. къ „Спасу“ въ „Кіев. Стар.“ сентябрь 1895 г., а также „Обряды и пѣсни с. Бѣлозорки харьков. губ.“, записанные С. А. Чернявскою въ Харьков. Сбор. Истор.-Филолог. Общ. 1893 года.

что если корову обсыпать макомъ, то вѣдьма въ первую же ночь въ отместку задушитъ ее[1]).

Также по общераспространенному на Волыни вѣрованію, если ходитъ по ночамъ «мрець» или «упырь», то чтобы онъ не вошелъ въ домъ,—необходимо домъ кругомъ обсыпать макомъ—«видюкомъ». И при этомъ тоже приговаривать: «тоди въ хату війдешъ, якъ цей макъ весь зберешъ и посчытаешъ[2]). А такъ какъ, по понятію нашего простолюдина, никто не въ состояніи собрать до единаго зернышка, ни тѣмъ болѣе сосчитать весь просыпанный кругомъ коровы или дома макъ, и въ особенности такой мелкій, какъ «видюкъ», или «самосѣйку», — то весьма понятно, — вѣритъ нашъ народъ, — немогущая ни собрать, ни сосчитать до зернышка разсыпанный макъ «нечисть» — вѣдьмы, «мерци» и «упыри» — не могутъ черезъ это самое ни подступить къ коровѣ, ни войти въ хату, гдѣ макомъ обсыпано. Такое же повѣрье существуетъ и въ кіевской губерніи[3]). П. С. Ефименко въ «Кіев. Стар.» за 1884 годъ[4]) въ статьѣ «Околдованіе начальства» разсказываетъ о попыткѣ тяжущихся крестьянъ околдовать волостной судъ посредствомъ обсыпанія волостныхъ судей свяченымъ макомъ, каковой случай имѣлъ мѣсто въ сумскомъ уѣздѣ, харьковской губерніи въ 1893 году.

Вообще нужно сказать, что вѣра въ чудодѣйственную силу и значеніе мака, какъ оберега, у нашего простолюдина сильно вкоренена, сильно и далеко распространена; нашъ народъ вѣритъ въ силу и значеніе мака слѣпо.

Макъ, по народнымъ понятіямъ, имѣетъ большое значеніе и въ народной медицинѣ: такъ, отъ безсонницы дѣтямъ (да и взрослымъ) даютъ пить молоко или что другое изъ головки свяченаго мака; надламываютъ головку мака, высыпаютъ изъ нея зерна, а наливаютъ молока и даютъ пить страдающему безсонницею.

---

[1]) „Народн. обычаи и обряды пріуроч. къ Спасу". „Кіев. Стар." 1895 г. сентябрь мѣсяцъ.

[2]) Ibidem, а также въ „Кіев. Стар." 1902 г. моя замѣтка: „Изъ народ. вѣров. о выходц. съ того свѣта.

[3]) „Кіев Стар." 1883 г. т. XI стр. 374—401 и т. XII стр. 697—700 статья „Судъ надъ вѣдьмами" въ кіев. губер. П. С. Ефименко.

[4]) „Кіев. Стар." 1884 г. книга Ш, стр. 508—509.

Отъ лихорадки накуриваются свяченымъ «маковынням» [1]), т. е. корешками мака и маковыми головками, а также пьютъ что либо изъ той же маковой головки, какъ и отъ безсонницы.

Также отъ безсонницы даютъ пить отваръ или настой мака [2]), только не свяченаго, ибо, по народному вѣрованію, если дать напиться отвара свяченаго мака, то человѣкъ или ребенокъ „засне навикы, на завше и бильше вже не проснется".

Ив. Бѣньковскій.

Звѣрская расправа игумена Лебединскаго монастыря съ монахинею. Монахиня Лебединскаго Николаевскаго монастыря [3]) подала въ Духовную Греко-Оріентальную Брацлавскую и Житомірскую Консисторію слѣдующую жалобу: [4]) «Всенижайше и всепокорнѣйше прошу Духовной Консисторіи и присутствующихъ высокопочтенныхъ персонъ и предсѣдателей заслушать мое плачевное и жалостное прошеніе, въ коемъ прошеніи представляю невинность мою и обиду, которую обиду я имѣю отъ превелебнаго господина отца Даніила, игумена монастыря Свято-Георгіевскаго Лебединскаго [5]). Я, монахиня Антонія монастыря дѣвичого Свято-Николаевского Лебединскаго, будучи я въ Лебединѣ въ нуждной потребѣ моей и идучи возвратно до монастыря своего, стрѣтила на дорозѣ повозкою ихавъ отецъ игуменъ съ погонщикомъ, и я ему поклонилась, какъ долгъ велитъ; и сего не могу знать, за що отецъ игуменъ велѣлъ мене бить погонщику, и погонщикъ вдарилъ мене тричи гарапныкомъ, а я стала говорити: «Бога ради, за що ты мене біешъ?» А отецъ игуменъ, схопившись съ повозки, взявъ въ погонщика гарапникъ, и началъ самъ мене бити. Я, видячи тое, же онъ разъярился и біетъ нещадно, начала утикати, а онъ, бѣжучи за мною, сталъ кричати на погонщика: «Лови, лови,

---

[1]) Повѣрья и обряды родинъ и крестинъ Хр. Ящуржинскаго въ „Кіев. Стар.".

[2]) Ibidem.

[3]) Монастырь этотъ существуетъ и нынѣ, находится въ 7 верстахъ отъ г. Лебедина, чигирин. уѣзда.

[4]) Жалоба эта (въ оригиналѣ) хранится у меня.

[5]) Монастырь этотъ находился въ с. Лебединѣ, упраздненъ въ 1845 г.

с... с..., выдишъ, что не могу поймати». И поймавши, началъ мене убивати, сколько сила его могла, біючи по щокахъ и по голови, и намѣтку новую на мнѣ порвалъ, біючи мене нещадно, а потомъ ударилъ мене о землю, біючи мене ногами, и убивши мене, съ тымъ уѣхалъ; бо я уже не чувствовала ничего, жива ли я, алы нѣ,—а мало нѣчто опамятовавшись, не могла смыслити, на якомъ я мѣсцѣ, и помалу въ силу смыслила, куда иду и зачимъ и хто мене бивъ. И пришедши до монастыря, я объявила госпожѣ игуменіи и сестрамъ, и вси видѣли, какъ отецъ игуменъ мене збывъ тираньско. Но тое все отецъ игуменъ симъ средствомъ здѣлалъ [1]): въ нашемъ монастырѣ есть монахиня именемъ Елисаветъ, которая имѣетъ дѣвку, и та Елисаветъ часто бываетъ въ отца игумена, такожде и дѣвка ея завсегда тамъ; и то уже съ того люди многіи смѣются, и говорятъ люди на ныхъ не хорошо. И я чула отъ людей тіе слова, якобы игуменъ хоче дати имъ обоимъ, матери и дочцѣ, хату въ Лебединѣ,—и я сказала другой монахинѣ, мовячи: «естли Елисаветъ келіи ненадобно, можетъ намъ которой продати, бо она хоче ити въ тую хату, що ей дастъ отецъ игуменъ въ Лебединѣ». И она тое послышавши, зъ дѣвксю обидвѣ стали на мене сваритися и злобствовати; хвалячися, Елисавета мовила: «будешъ ты памятати: якъ пѣду до отца игумена, то ты отъ нагаивъ не встанешъ!“ И дѣвка говорила тіе слова: можно намъ не только ходити до отца игумена, но и жити будемъ тамъ. Хто намъ заборонитъ? можно намъ»; мовячи «хоть к...., та не дурно, хоть к....., та знаю защо». И съ тымъ она дѣвка пошла до отца игумена ліону бити, и она въ понедѣлокъ тамъ була и мене прискаржила и наговорила отцу игумену; а игуменъ въ вовторникъ ѝобывъ нещадно и тиранско; нещадно бывъ, аки тиранъ и аки разбойникъ въ пути; тѣло мое терзалъ, аки лютый звѣрь.—Того ради со слезами прошу праводавцъ принять въ разсмотрѣніе ихъ праваго суда мою жалобу; въ томъ повергаю себѣ къ ногамъ вашимъ, правители всего консистора, зрители Закона Божія и хранители правды Его; слезно молю и цѣлую стопы ваша. Монахиня Антонія.

Однимъ изъ послѣдствій этой жалобы было отчисленіе Николаевскаго Лебединскаго женскаго монастыря изъ подвѣдомства Георгіевскаго Лебединскаго монастыря,—о чемъ въ рапортѣ игуменіи Таисіи,

---

[1]) Т. е. по слѣдующему поводу.

посланномъ въ духовную Греко-Оріентальную Брацлавскую и Житомирскую Консисторію, пишется такъ: «минувшаго іюля 6 числа 1792 г. въ насъ изъ Духовной Консисторіи получено и въ слухъ всѣхъ прочитано увѣдомленіе, что монастырь нашъ уволненъ съ подвѣдомства Свято-Георгіевскаго Лебединскаго монастыря,—о чемъ рапортуемъ изъ монастыря дѣвичего Свято-Николаевскаго Лебединскаго, 1792 г. Игуменія Таисія съ сестрами.

Сообщ. прот. **Петръ Орловскій.**

Старинныя публикаціи о бѣглыхъ монахахъ. Пока монастырская жизнь въ Малороссіи не подверглась строгой регламентаціи со стороны синодальной власти, малороссійскіе монахи представляли собою настоящій *бродячій* элементъ, любившій переходить изъ одного монастыря въ другой, или же просто «волочиться» по городамъ, селамъ и шинкамъ, на позоръ иноческому чину. Въ сборникѣ виршей извѣстнаго малорусскаго стихотворца Климентія, современника Мазепы, имѣется особая вирша, изображающая это ненормальное явленіе: «О волочащихся чернцахъ и черницахъ по містахъ (городахъ), по школахъ и по корчемнихъ дворахъ». Побужденія къ такому бродяжеству Климентій, самъ—монахъ, достаточно «волочившійся» на своемъ вѣку, объясняетъ просто:

«Не хотять въ монастырехъ послушаній міти
И ведлугъ своего спасенія терпіти,
Да повіется иний къ бісу по своій воли,
Шукаючи, на згибель собі, свояволі...
А будетъ иний чернець чрезъ весь вікъ ся волочить,
А трафляется тому въ школі ся и скончить,
Або де нагле луснетъ у корчемномъ дому...

Со времени изданія Духовнаго Регламента и строгихъ предписаній Петровскихъ относительно бродяжничества монаховъ, плохо пришлось и малороссійскимъ «волочащимся чернцамъ»: свѣтскія и духовныя команды стали требовать отъ нихъ паспортовъ, и при томъ не монастырскихъ, которые, очевидно, легко добывались, а выданныхъ епархіальнымъ начальствомъ, а кто такихъ паспортовъ не имѣлъ, тѣхъ брали подъ арестъ и предавали въ руки консисторскихъ властей,

расправлявшихся съ ними по всей строгости тогдашнихъ законовъ. Но воспитанная вѣками «своеволя» не могла мириться съ новыми порядками, и вмѣсто прежнихъ свободно «волочащихся» чернцовъ, въ Малороссіи народился и размножился новый типъ—*бѣглыхъ* монаховъ. Кромѣ прежней привычки къ шатанію, возникли и новыя побужденія къ побѣгамъ: деспотизмъ монастырскихъ властей, при новыхъ порядкахъ почувствовавшихъ въ своихъ рукахъ могущественную силу и крайне жестоко расправлявшихся съ монахами за всякое нарушеніе дисциплины; большая, сравнительно съ прежней, строгость монастырской жизни, и т. под. Наряду съ добровольными иноками, теперь появился въ монастыряхъ и довольно значительный контингентъ невольныхъ отшельниковъ—членовъ бѣлаго, приходского духовенства, ссылаемыхъ сюда въ качествѣ «епитемщиковъ» за пьянство, нарушеніе каноновъ, а всего чаще—за опущеніе молебновъ въ дни рожденій и тезоименитствъ кого-либо изъ членовъ царствующаго дома. Надо правду сказать, что съ бѣдными «епитемщиками» тогдашнія монастырскія власти обращались еще хуже, чѣмъ съ монахами; на нихъ возлагались самыя тяжелыя работы и съ нихъ взыскивали, какъ съ простыхъ чернорабочихъ. Не диво, что бѣдный приходскій іерей, попавшій волею судебъ въ положеніе подневольнаго батрака, не находилъ силы терпѣливо переносить свою горькую участь—и тоже предавался бѣгству.

Бѣглыхъ, конечно, ловили, а предварительно повсюду разсылали о нихъ публикаціи. Вотъ нѣсколько образцовъ такихъ публикацій, разсылавшихся духовенству отъ имени консисторіи.

1) Указъ Е. И. В. изъ духовной преосвященнаго Никодима, епископа Переяславскаго и Бориспольскаго консисторіи протопопу Басанскому Григорію Туманскому. Настоящаго 1756 года, окт. 10 дня, его преосвященству катедри Переяславской экономъ іеромонахъ Іустинъ доношеніемъ объявилъ, что прошедшаго августа среднихъ чиселъ бывшій на послушаніи при остерскихъ мельницахъ монахъ Іона, спродавъ господскихъ з дворца монастирскихъ пожитковъ, такожъ з мелницъ разного розмѣру, да бывшій на городничествѣ въ Сошникови іеромонахъ Германъ, тако жъ спродавъ господскихъ немалое число пожитковъ, прошедшого сентября противъ 29 числа, ноччу, бѣжали; а примѣтами они такови: Іона—росту низкого, ходу скорого, волосовъ на головѣ и бородѣ чорнихъ и сѣдини мало является, очей чорнихъ, лица смугловатого, продолговатого, мови шепелявои; іеромонахъ Гер-

манъ — росту средняго, на головѣ и бородѣ волоси темнорижіе, очей сѣрихъ, лица таранковатого з рябинами, криглого, мови скорой, дроботливой, и при немъ невеликий мальчикъ, синъ его. И вамъ, за полученіемъ сего указа, въ вѣдомствахъ своихъ показанних бѣглецовъ по изображенних ихъ примѣтахъ накрѣпко смотрѣти, и буди явятся, забивъ въ кандали, при нарочнихъ въ дух. консисторію прислать. Окт. 21 дня, 1746 года».

2) Указъ той же консисторіи протопопу переяславскому Павлу Скрыпчинскому. «Присланною в здешнюю консисторію з духовной митрополіи кіевскія консисторіи промеморіею объявлено: прошлого де 750 г. дек. 19 Кіево-Кириловского монастиря намѣстникъ іеромонахъ Софроній доношеніемъ представилъ, что протопопіи Сорочинской, села Зубаніовъ, іерей Андрей Ивановъ, по имѣючомуся объ немъ въ дух. консисторіи противному закону Божію дѣлу лишенній священнического чина и присланній въ труди монастирскіе въ Кіево-Кирилскій монастиръ безъ сообщенія тайнъ святихъ по смерть его, того жъ декабря 14 дня съ Кіево-Кирилского монастира безвестно бежалъ, кой-де примѣтами таковъ: росту низкого, корпуса сухощавого, волосовъ на голонѣ простихъ, недолгихъ, на бородѣ скуднихъ, русявихъ, лица жолтоватого с морщинами, смотритъ смѣшно, мови трусливои, ходы спѣшнои, неширокои, лѣтъ ему отъ роду как-би до сорока,—съ требованіемъ о сиску и о присилки онаго подъ карауломъ въ кіевскую консисторію».—Приказъ исполнить это требованіе.

3) Указъ той же консисторіи 1756 г. протопопу Басанскому. «Священникъ протопопіи Переяславской села Помокель Прохоръ Мойсеевъ и прежде во многихъ чрез пянство, в нечувствіи своего званіа, безчиніяхъ и противностяхъ находился, от чего такъ должніе церковніе, яко и указніе отправи упущенію не однажди слѣдовать могли, за что хотя многажди разнообразно штрафованъ и публѣчно наказиванъ былъ, но и нинѣ минувшого 1755 г., сентября 2 дня, запившись в шинку, в високоторжественній день надлежащую церковнрю церемонѣю безъ отправки оставилъ, за что его, попа, разсуждая его старость лѣтъ. велѣно в заточеніе на время в Красногорскій Золотоноскій манастиръ послать с тѣмъ обовязательствомъ: ежели оттудова избѣжитъ, лишить его вовся священства. Но онъ, попъ Прохоръ, преслушая помянутое его преосвященства опредѣленіе, з оной ссилки

бежалъ». Приказъ—искать его, арестовать, отобрать отъ него ставленническую грамоту и объявить ему о лишеніи его священническаго сана. Примѣты бѣглеца почему-то не указаны.

Собщ. **О. Л.**

Къ исторіи отношеній между великорусскими офицерами и малороссійскими урядниками въ XVIII ст. Въ бумагахъ покойнаго А. М. Лазаревскаго мнѣ попался небольшой листокъ, писанный его рукою и содержащій въ себѣ слѣдствіе по дѣлу о побояхъ и оскорбленіяхъ, нанесенныхъ прапорщикомъ глуховскаго гарнизона А. И. Арсеньевымъ сотнику лютенскому (гадяцкаго полка) Онисиму Величаю въ 1732 году. Этотъ коротенькій документъ, помѣщаемый ниже, заключаетъ въ себѣ почти дословную запись показаній причастныхъ къ дѣлу лицъ и потому является цѣнной характеристикой отношеній между великорусскими чиновными людьми, являвшимися въ Малороссію, и обитателями сей послѣдней Разсказъ, записанный въ слѣдствіи, настолько живо рисуетъ эти отношенія, что пересказывать его нѣтъ никакой необходимости, а потому онъ приводится цѣликомъ. Надо сказать, что великорусскіе чиновники, наѣзжавшіе въ Малороссію, относились вообще свысока къ мѣстнымъ людямъ, хотя бы полѣдніе занимали даже видное общественное положеніе; отношеніе это можно сравнить съ отношеніемъ побѣдителя къ побѣжденнымъ. Ладить поэтому малороссамъ съ великороссами было довольно трудно; даже такой ловкій и дипломатичный человѣкъ, какъ Яковъ Марковичъ,—и тотъ однажды поссорился съ подполковникомъ Львовымъ (Дневникъ Марковича, ч. III, стр. 155, 176—177). Печатаемый ниже документъ представляетъ картину одного изъ довольно многочисленныхъ столкновеній между великорусскими офицерами и малороссіянами.

«По занесенномъ челобитю до его милости п. полковника гадяцкаго отъ сотника лютенскаго Онисима Величая на прапорщика кгварнѣзону ґлуховского господина Александра Ивановича Арсенѣева за учиненніи надъ однимъ отъ его, Арсеніева, побои, и по опредѣленію его милости п. полковника зехавши мы нижей подписавшіеся въ Лютенку, противъ занесенного челобитя сего декабря 4 дня чинили слѣдствіе, и что въ томъ по свѣдителству явилось, нижей явствуетъ.

Гаврило Бутко, товаришъ сотнѣ лютенской, житель городовий, призванний будучи, сказалъ, что прошлого ноября 30 дня, сего 1732 г.,

господинъ Арсеніевъ присилалъ къ сотнику служителя своего дважди, зовучи его к себѣ; и по тому сотникъ пошолъ до его, Арсенѣева, где и онъ з сотникомъ ходилъ, а когда сотникъ, за докладомъ служителя господина Арсенѣева, идучи в хату, в сѣнехъ еще шапку знялъ и увойшолъ в свѣтлицю,—застали Арсеніева по свѣтлицѣ ходячого, который к ему, сотнику, сказалъ: «Для чего де ти мнѣ чести и иконамъ не отдалъ, шляпи не знялъ»? И назвалъ де сотника глупимъ, а онъ, сотникъ отвѣтствовалъ. «Я де не входя в хату еще в сѣняхъ шапку знялъ»! Потомъ (Арсеніевъ) сталъ грозить (сотнику): «Для чего де ти гаю не обороняешъ, чтоб не рубали люде»? Сотникъ сказалъ: «Не рубай де ти да Рощаковскій, а людямъ я заборонилъ»! за что онъ сотника назвалъ дуракомъ, а сотникъ в отвѣтъ сказалъ: «От такого чую»!—И онъ, Арсенѣевъ. по томъ вдарилъ сотника по щокамъ три рази, сказуючи: «Вѣдаешъ ти, що я аффѣцеръ, и до кого ти пришолъ»? На что сотникъ отвѣтствовалъ: «Я де по милости ея императорскаго величества и ясневелможного п. гетмана—сотникъ»! И по тому онъ, Арсеніевъ. за другое началъ бить сотника в хатѣ по щокамъ и по головѣ и вибилъ з хати у сѣнѣ и в сѣняхъ билъ ногами, подскакуючи, стоячого, и онъ, сотникъ, з рукъ его вирвавшись, з двора отишолъ.—За Гаврила Бутка по его прошенію я, Василь Лобунецъ, подписался

Василь Лобунецъ, товаришъ сотнѣ лютенской, житель городовий, призванный будучи, сказалъ, что прошлого ноября 30 дня, идучи сотникъ нашъ лютенскій до господина Арсенѣева, позвалъ з собою и мене; а когда пришли до двора Арсенѣева и, в присѣнкахъ постоявши, чрезъ служителя доложились, сотникъ в хату идучи и в сѣняхъ еще шапку знявши, в хату вступили и поклонились. А онъ, Арсеніевъ, по хатѣ ходилъ и, обернувшись до сотника, сказалъ: «Для чого де ти чести мнѣ и иконамъ не отдаешъ, шляпи не знялъ»? Сотникъ сказалъ, что я еще в сѣняхъ знялъ шапку;—и онъ, Арсеніевъ, заразъ назвалъ сотника глупимъ и грозячи сказалъ; «Для чого ты гаю не боронишъ, щоб не рубали люде»? Сотникъ сказалъ: что «не рубай ти да Рощаковскій, а людямъ я заборонилъ». Онъ за тое назвалъ сотника дуракомъ, а сотникъ отвѣтствовалъ: «Отъ такого чую»! И онъ за тое сотника вдарилъ по щокахъ, говорячи: «Я оффѣцеръ! знай де ти, до кого прийшолъ»! А сотникъ сказалъ: «И я де по милости ея императорского величества и ясневелможного п. гетмяна—сотникъ»! Онъ, Арсеніевъ, в другое началъ сотника бить и вдарилъ в лобъ, что ажъ

сотникъ послонился до печи, вибилъ его з хати в сѣни и в сѣняхъ билъ ногами, подскакуючи. И онъ, сотникъ, вирвавшися з его рукъ, одийшолъ з двора — К сему допросу саморучне подписуюсь Василь Лобунецъ.

А болшъ над вишеписаннихъ свѣдителей сотникъ лютенскій о побои своемъ не представилъ. Писанъ року 1732, декабря 5 дня, в Лютенцѣ.

Асаулъ полковий гадяцкій Иванъ Бутовичъ.

Полку гадяцкого над значковимъ товариствомъ атаманъ Михайло Лукашевичъ.

Каково было дальнѣйшее движеніе дѣла и былъ ли удовлетворенъ сотникъ Величай,—къ сожалѣнію, неизвѣстно.

В. Модзалевский.

Что стоила козакамъ с. Зазирокъ тяжба съ Степаномъ Миклашевскимъ (1737 г). Село Зазирки (глуховской сотни, нѣжинскаго полка) было отдано войсковому товарищу Михаилу Миклашевскому, впослѣдствіи (1689—1706) бывшему стародубскимъ полковникомъ, универсаломъ Многогрѣшнаго въ концѣ 1671 года, и съ этихъ поръ оставалось во владѣніи его потомковъ до конца XVIII в. [1]). Какъ Михаилъ Миклашевскій, такъ и сынъ его бунчуковый товарищъ Степанъ М., получившій по раздѣлу съ братьями с. Зазирки, сильно притѣсняли здѣшнихъ козаковъ, обращая ихъ въ „мужицтво“ и захватывая ихъ „грунта, гаи, лѣса, яры, сѣнокосы“ и проч., противъ чего зазирскіе козаки и вели безконечную тяжбу съ Степаномъ Миклашевскимъ, начавъ ее еще при „вице-гетманѣ“ Полуботкѣ. Въ 1737 г., когда дѣло еще не было закончено, ими было подано прошеніе въ генеральный судъ о взысканіи съ Степана Миклашевскаго „проторовъ“ и „убитковъ“, а также за 2550 „копицъ“ сѣна, накашиваемаго имъ ежегодно на козачьихъ зазирскихъ земляхъ, и за 100 „копенъ“ хлѣба, засѣваемаго и сжинаего имъ тоже ежегодно на тѣхъ-же земляхъ. „Проторы и убитки“, понесенные во время тяжбы, атаманъ с. Зазирокъ Данило Лубенченко и „товариство“ того-же села изложили въ особомъ „реестрѣ“, присланномъ въ генеральный судъ при доношеніи. „Реестръ“ этотъ и предлагаемъ читателямъ „Кіевской Старины“, какъ иллюстра-

---

[1]) А. М. Лазаревскій, Опис. Стар. Малор., т. II, стр. 461—62.

цію того поголовнаго взяточничества, которое царило въ Малороссійской Коллегіи, и вообще тѣхъ порядковъ и тратъ, которыми неизбѣжно сопровождалось веденіе судебныхъ дѣлъ въ Малороссіи въ первой половинѣ XVIII в.

„Реестръ, сколько стало намъ, козакамъ зазѣрскимъ, проторовъ и убитковъ, турбуючысь з бунчуковимъ товарищемъ Стефаномъ Миклашевскимъ в отнятіи имъ собственнихъ нашихъ ґрунтовъ, гаевъ, лѣсовъ и дровъ, сѣнокосовъ, полей пахатнихъ.

1722 году. Купили бумаги за 4 копейки. За написанне суплѣки в енералную войсковую канцелярію заплатили 10 алтинъ. Когда в той канцеляріи отказалъ наказній гетманъ Полуботокъ, чтобъ бить челомъ намъ на его, Миклашевского, въ Коллегіи малороссійской, то купили бумаги за 4 коп. гербовой. За написанне челобитя в оную Коллегію подячему заплатили полтину. За уписане тоей челобитной в протоколъ протоколѣсту дали рубля. Посланному, что оного Миклашевского в Коллегію сискивалъ, за два рази, на допросъ и протчее, купили бумаги за 6 коп. Канцеляристѣ Ивану Григорьеву Артельному, что тое дѣло правилъ, дали 10 рублей. Секретарю Максиму Прокопову за его труди дали 10 рублей. Бавячися в Глуховѣ *близко гада* само-семъ, на харчъ здержали рублей 14, копѣекъ 50. За квартери заплатили 2 руб. 8 коп. На дрова стратили золотихъ 10. Когда прислано на розискъ з вишепрописаной Коллегіи капѣтана Пулста с поддячимъ в село Зазѣрки, и то для онихъ и лошадей ихъ стратили 10 руб.

1724 году. Когда оній Миклашевскій, по приговору Коллегіи малороссійской, уплатился намъ за протори и убитки и присуженними намъ во владѣніе ґрунтами не допустилъ владѣти,—то за написанне челобитной, просячи, даби з вершенного дѣла дано намъ на владѣніе тихъ ґрунтовъ прямую виписъ, заплатили 20 алт. Купили бумаги за 2 коп. За написане в виданне виписѣ канцеляристѣ Івану Григоріеву Артѣлному дали 10 руб. На бумагу той виписѣ 10 коп. За переписку той виписѣ заплатили 2 руб. За казанемъ покойнаго гетмана Даніила Апостола, по челобитю вишепрописаного Миклашевского, сискано насъ, осми человѣкъ, и *засажено в турму, иде сидѣли мы сѣмъ недель;* здержано на харчъ рублей 17 съ полтиною.

Ѣздило от насъ два человѣка, Захарко Боженко, атаманъ, да Юско Ілленко, зазѣрскіе, на Москву, просячи милости,—за подводу заплатили по 7 руб. В Москвѣ бавилися *тринадцять* мѣсяцей,—здержали на харчъ 28 руб. 5 коп. За квартиру заплатили рублей 26. В

той дорозѣ здержали 1 руб. 8 коп. На дрова стратили 4 руб. 50 коп. Ѣдучи з Москви, оніе Боженко и Юско Ілленко тожъ за подводу заплатили 14 руб. В той дорозѣ здержали на харчъ 95 коп. Іванъ Илленко, едучи до Москви, за подводу заплатилъ 7 руб. 50 коп. В той дорогѣ бавячись, схарчилъ 44 коп. За квартеру и дрова – 5 руб. 3 коп. За написане чолобитной в Іностранную Коллегію заплатилъ рубля. Бумаги купили за 2 коп. Протоколѣсту за уписанне того челобитя у протоколъ дали 10 алт. Бумаги купили на грамоту—2 гривни. Канцеляристѣ Мирклѣеву, что тую грамоту писалъ, дали 7 руб.

Ѣдучи з Москви, емщику за подводу заплатилъ Іванъ Ілленко 6 руб. В той дорозѣ на харчъ здержалъ золотихъ 4 и копѣекъ 7. Когда отдали ми тую грамоту покойному гетману и оній для разсмотренія отослалъ в судъ войсковій енералній, то з оного суда зискано по инструкціи з насъ пять человѣка и *взято в турму, где держачися три недѣль*, стратили на харчъ рублей 8, копѣекъ 19 На папѣръ—2 коп. За написанне суплѣки до ясневелможного дали 4 гривни. Когда прислано з войскового генералного суда канцеляриста войсковото Лозина, то взявъ оній девяти человѣка, и *держано в турмѣ одинадцять недѣль*,—стратили на кормъ 18 руб. и 27 коп. Заграбленніе имъ, Миклашевскимъ, в попа зазѣрского Петра три казани, в которихъ три пуда (?). За написанне челобитной в судъ войсковій енералній заплатилъ 60 коп. На бумагу –2 коп.

Ѣдучи до Санктъпитербурга, Захарко Боженко да Моисей Вицерко за подводу заплатили 30 руб. В той дорозѣ здержали 3 руб. Пріехавши в Санктпитербургъ и бавлячись тамъ *десять мѣсяцей*, стратили на харчъ на 25 руб. За господу—20 руб. На дрова—4 руб. и 8 коп. Бумаги на челобитную за 2 коп. За написанне челобитной в Иностранную Коллегію дали 1 руб. Бумаги для написання грамоти за 5 алт. За написанне той грамоти и видане канцеляристѣ Мирклѣеву дали 10 руб. съ полтиною.

На поклони до господъ здержали якъ в Глуховѣ, такъ в Москвѣ и в Санктпитербургѣ 80 руб. 4 коп. Ѣдучи з Москви, извощику заплатили 28 руб. Харчуючи оного извощика и коней его, здержали 1 руб. 20 коп. В той дорозѣ на себе в харчахъ здержали за двадцять два днѣ—3 руб. Когда тую грамоту подали ясневелможному, из суда енералного для отводу нашихъ ґрунтовъ капитана Брянчанина да Семена Карпѣку, то для онихъ здержали 25 руб.

Къ сему реестру вмѣсто атамана Данила Лубенченка по его прошенію Иванъ Моргацкій руку приложилъ.

(Съ копіи полов. XVIII в., изъ собранія А. М. Лазаревскаго).

Сообщ. **В. Модзалевскій**.

Къ вопросу о судѣ надъ Мелхиседекомъ Значко-Яворскимъ. Въ январьской книжкѣ „Кіевской Старины" я указывалъ уже, на основаніи дѣла синодскаго архива 1766 г. № 91, на то, что извѣстнаго игумена Мотренинскаго монастыря Мелхиседека Значко-Яворскаго въ 1768 г. не судили, а лишь, согласно желанію свѣтской власти, переданному синоду его членомъ, законоучителемъ цесаревича Павла, архимандритомъ Платономъ, постановили въ собраніи Синода 3 сентября 1768 г.—удалить его отъ управленія Мотренинскимъ монастыремъ, предоставивъ епархіальному его архіерею дать ему въ управленіе другой монастырь.

Но можетъ возникнуть вопросъ: не судили-ли его нѣсколько позже? Не явился ли результатомъ суда надъ Мелхиседекомъ переводъ его изъ Переяслава въ Кіевъ въ 1771 г.? Видимо, это имѣетъ въ виду польскій историкъ Тадеушъ Корзонъ, утверждающій, что Мелхиседека за участіе въ возстаніи 1768 г. судили, лишили должности и отослали въ ссылку въ Кіевъ (см. стр. 199 и 200 перваго тома его „Wewnętrzne dzieje za Stanisława Augusta" wyd. 2, Warszawa, 1897 г.).

Противъ такого предположенія говоритъ дѣло архива св. Синода 1771 г. № 131. Оно удостовѣряетъ, что переводъ (а не удаленіе или ссылка) игумена Переяславскаго Михайловскаго монастыря Мелхиседека въ Кіевъ совершился по особой просьбѣ о томъ митрополита кіевскаго Гавріила. Гавріилъ „по свиданію и разговорамъ" съ Мелхиседекомъ нашелъ, что тотъ „склонность имѣетъ" къ исполненію отвѣтственныхъ должностей въ монастыряхъ. Митрополитъ заявлялъ Синоду о Мелхиседекѣ: „какъ мнѣ уже *нѣсколько лѣтъ свѣдомъ*, къ наблюдательству надъ братіею и къ домостроительству довольно способнымъ кажется", и потому просилъ перевесть его въ Кіевскую епархію. Такъ не писалъ-бы 8 сентября 1771 г., т. е. всего три года послѣ возстанія, митрополитъ Гавріилъ, уже нѣсколько лѣтъ знавшій Мелхиседека, объ этомъ игуменѣ въ Синодъ, если бы того дѣйствительно

судили и наказали за участіе въ возстаніи. Синодъ 31 октября 1771 г. согласился на просьбу митрополита, ничего не упомянувъ при этомъ о прошломъ Мелхиседека, что особенно замѣчательно въ виду того, что этотъ синодскій протоколъ подписанъ тѣми-же членами синода, что и постановленіе 3 сентября 1768 г. объ удаленіи Мелхиседека изъ Матренинскаго монастыря: Гавріиломъ, Иннокентіемъ и Платономъ.

О томъ-же непривлеченіи Мелхиседека къ суду за участіе въ возстаніи свидѣтельствуетъ и отысканный нами въ дѣлахъ бывшей переяславской консисторіи (въ старомъ архивѣ Кіевской консисторіи) формуляръ Мелхиседека, составленный 21 марта 1771 г. епископомъ Переяславскимъ Іовомъ Базилевичемъ для представленія въ Синодъ. Въ формулярѣ, въ графѣ о подсудности Мелхиседека, значится: „Дѣла до его ни какіе не касалися по чему нигдѣ не оправдался"; о пригодности къ послушаніямъ говорится: „Къ послушаніямъ по качествамъ хорошъ, въпредъ способенъ, толко здоровемъ слабъ".

Суда надъ Мелхиседекомъ, значитъ, не было. А если его не судили за участіе въ возстаніи въ 1768 г., то почему-же онъ былъ прощенъ (особенно если принять во вниманіе, что и князь Н. В. Репнинъ, и графъ Н. И. Панинъ были очень настроены противъ него)? Ужъ не миѳъ-ли сказанія польскихъ и нѣкоторыхъ русскихъ (и, вопервыхъ, Д. Л. Мордовцева) историковъ, будто Мелхиседекъ былъ „страстнымъ агитаторомъ и подготовителемъ уманской рѣзни", сфабриковавшимъ золотую грамоту и толкнувшимъ обманутый имъ украинскій народъ на кровавое дѣло?

Думается, что возникновеніе Коліивщины въ достаточной степени объясняется цѣлымъ рядомъ своихъ, очень серьезныхъ, причинъ и поводовъ, и отношеніе къ этому украинскому возстанію Мелхиседека было иное, связь его дѣятельности съ Коліивщиною иная — идейная.

Вл. П—ко.

Извѣщенія редакціи. Въ теченіе *марта* мѣсяца присланы въ нашу редакцію слѣдующія пожертвованія:

1) На образованіе капитала *для постановки помятника Т. Г. Шевченку въ Кіевѣ:* а) Н. В. Лисенко передалъ *500 руб.*, которые составляютъ чистую выручку съ устроеннаго имъ 13 марта текущаго года концертнаго вечера въ память Т. Г. Шевченка; б) г. М-скій передалъ для

той-же цѣли *2 руб.*, а всего поступило *502 руб.*, которые, вмѣстѣ съ новыми поступленіями, будутъ храниться въ редакціи до времени осуществленія этой мысли.

2) На образованіе *капитала имени И. С. Левицкаго*, по поводу исполнившагося 35-тилѣтія его литературной дѣятельности, для изданія украинскихъ книгъ для народа, поступило вновь: а) *видъ уманськыхъ украинцивъ*—5 р.; б) отъ NN.—4 р. 25 к., что, вмѣстѣ съ прежними 123 р. 86 к. (см. № 3), составитъ *133 р. 11 к.*

Текущія извѣстія.

Церковное пѣніе и культура XVII и XVIII ст. въ Украйнѣ и Московіи [1]). Случайно прочелъ я въ „Новомъ Времени" статью извѣстнаго музыкальнаго критика М. Иванова: „Вопросы церковно-музыкальной литературы" (по поводу новыхъ ея теченій). Въ статьѣ авторъ утверждаетъ, что намъ ничего не извѣстно о церковномъ пѣніи не только при удѣльныхъ князьяхъ и первыхъ московскихъ царяхъ, но даже „мы ничего не знаемъ о пѣніи при Алексѣѣ Михайловичѣ", и что трудно представить, чтобы патріархъ Никонъ могъ перескочить сразу отъ простыхъ сочиненій прежняго времени на особенно сложныя, новыя духовныя композиціи; откуда бы онѣ къ намъ могли придти—съ Литвы или съ Украйны, и вообще такія, которыя бы имѣли иновѣрческій характеръ? Для этого въ тогдашней Москвѣ не хватило бы средствъ, да и Литва съ Украйной ничего особеннаго не могли дать по состоянію ихъ культуры.

Попытаемся хотя отчасти вспомнить, дѣйствительно ли Украйна по тогдашнему состоянію культуры, сравнительно съ Москвой, не представляла ничего особеннаго, и дѣйствительно ли введенное Никономъ новое церковное пѣніе не было для Московіи новшествомъ. Не будучи не только музыкальнымъ критикомъ, но и музыкантомъ вообще, можно безчисленными примѣрами доказать г. Иванову, что Украйна того времени была неизмѣримо выше и культурнѣе Московіи и не

---

[1]) Предлагаемая читателямъ замѣтка г. Сластіонова напечатана въ № 73 „Полтавщины" Въ виду интереса затронутаго почтеннымъ авторомъ вопроса, перепечатываемъ замѣтку цѣликомъ.

только музыка, но и другія искусства и науки широкой волной вливались тогда изъ Украйны въ Московію. Многіе кіевскіе ученые трудились тогда въ Москвѣ на разныхъ поприщахъ науки. Одинъ Епифаній Славинецкій сколько принесъ пользы своими переводами съ греческаго и латинскаго языковъ, сколько поработалъ не только для церковнаго, но гражданскаго просвѣщенія Московіи!

Ученые спеціалисты, писавшіе изслѣдованія этого времени, какъ Щаповъ и Иконниковъ, признавали, что Никонъ проводилъ въ жизнь элементы греческіе и южно-русскіе (украинскіе), какъ проводники первыхъ, а Петръ, прорубая свое окно въ западную Европу, естественно проводилъ элементы только западные. Странно, что г. Ивановъ, чуть ли не четверть вѣка завѣдующій музыкальной критикой въ «Новомъ Времени», не желаетъ вспомнить (ибо не знать не можетъ) хотя бы того, что нѣкоторые музыкальные критики, имѣя серьезныя къ тому основанія, полагаютъ, что пятилинейная нотная система въ XVII ст. появилась не съ запада, а именно изобрѣтена украинцами [1]). Безъ сомнѣнія, извѣстно г. Иванову и то, что когда на Соборѣ по исправленію духовныхъ книгъ зашла рѣчь о трехглавыхъ шатровыхъ церквахъ, проникшихъ въ Москву изъ Малороссіи, а также о ея живописи, то и царь, и Никонъ уступили ихъ поборникамъ старины, но когда дошло дѣло до церковнаго пѣнія и семинотной системы, тоже явившейся изъ Украйны, то и царь, и Никонъ отстояли ее—слишкомъ уже очевидно было преимущество этого новшества. Никонъ совершенно справедливо негодовалъ и рѣзко выступалъ противъ «раздѣльно-нарѣчнаго пѣнія», крайне непріятно, гнусаво растягивающаго слова. Горячая защита южно-русскаго пѣнія доказываетъ вкусъ Никона; вотъ почему онъ «на славу прибравъ клиросы предивными пѣвчими и гласы преизбранными». Введенное имъ пѣніе по кіевскому и греческому образцу казалось «пѣніе одушевленное паче органа бездумнаго». По предложенію Никона, патріархъ Іосифъ вынужденъ былъ повсемѣстно воспретить какъ многогласіе [2]), такъ и порченное пѣніе. Можетъ быть г. Иванову будетъ интересно послушать современника Никона—Павла Алепскаго, сопровождавшаго антіохій-

---

[1]) См. „Церковное пѣніе въ Россіи“, опытъ историко-техническаго изложенія Д. Разумовскаго.

[2]) Одновременное чтеніе нѣсколькихъ чтецовъ для ускоренія службы.

скаго патріарха Макарія въ Москву и посѣтившаго Россію дважды въ 1852 и 1855 гг. Его дневникъ, веденный имъ на арабскомъ языкѣ, представляетъ богатѣйшій матеріалъ для изученія тогдашняго быта Московіи и Украйны. Авторитетъ и справедливость Павла Алепскаго признаны учеными и находятся внѣ всякихъ подозрѣній. Проѣхавъ Украйну, по дорогѣ въ Москву, путешественники, вслѣдствіе свирѣпствовавшей тогда въ Москвѣ моровой язвы, были надолго задержаны въ Коломнѣ; здѣсь, наблюдая бытъ „московитовъ» и все точно и подробно записывая, вспомнилъ онъ и о церковномъ пѣніи въ Украйнѣ, сравнивая его съ московитскимъ: «пѣніе казаковъ радуетъ душу и исцѣляетъ отъ печалей, ибо ихъ напѣвъ идетъ отъ сердца и исполняется какъ бы изъ однихъ устъ. Они страстно любятъ нотное пѣніе, нѣжныя и сладостныя мелодіи. У этихъ же (московитовъ) пѣніе идетъ безъ обученія, какое случится, все равно—они этимъ не стѣсняются. Лучшій голосъ у нихъ—грубый, густой, басистый, который не доставляетъ удовольствія слушателю. Какъ у насъ онъ считается недостаткомъ, такъ у нихъ нашъ высокій напѣвъ считается неприличнымъ“. Есть и еще нѣсколько мѣстъ въ дневникѣ Павла Алепскаго, гдѣ онъ восторгается и напѣвами, и самымъ пѣніемъ въ Украйнѣ, а въ одномъ мѣстѣ, разсказывая о сиротахъ, призрѣваемыхъ и обучаемыхъ въ каждой деревнѣ (шпитали), онъ прибавляетъ, что эти сироты для пропитанія ежедневно, съ закатомъ солнца, ходятъ по всѣмъ домамъ, «поя хоромъ гимны Пресвятой Дѣвы пріятнымъ восхищающимъ душу напѣвомъ». Такимъ образомъ, нотное пѣніе стояло близко даже къ народу и входило въ его обиходъ. Впрочемъ, нечего этому удивляться, ибо тогда и народъ былъ въ большинствѣ грамотенъ; объ этомъ есть также многія свидѣтельства и ученыя разысканія. У Павла Алепскаго по этому вопросу находимъ слѣдующее мѣсто: «По всей землѣ казаковъ мы замѣтили возбудившую наше удивленіе прекрасную черту: всѣ они за исключеніемъ немногихъ, даже большинство ихъ женъ и дочерей, умѣютъ читать и знаютъ порядокъ церковныхъ службъ и церковные напѣвы; кромѣ того, священники обучаютъ сиротъ и не оставляютъ ихъ шататься по улицамъ невѣждами (ibid).

Много разъ порывались Павелъ и Макарій выбраться изъ Москвы, но царь отпустилъ ихъ почти черезъ два года. Благодаря этому, записки Павла разрослись и являются, какъ я уже сказалъ, драгоцѣннымъ пособіемъ при изученіи тогдашняго быта.

Но вотъ, наши путешественники, наконецъ, выбрались изъ Москвы и возликовали великою радостью. «Съ той минуты, какъ мы увидѣли Печерскій монастырь, блестѣвшій въ отдаленіи своими куполами, и какъ только коснулось насъ благоуханіе этихъ цвѣтущихъ земель, наши души вострепетали отъ радости и ликованія, сердца наши раскрылись и мы изливались въ благодареніяхъ Господу Богу. Въ теченіи этихъ двухъ лѣтъ въ Московіи, замокъ висѣлъ на нашихъ сердцахъ, а умъ былъ до крайности стѣсненъ и подавленъ, ибо въ этой странѣ никто не можетъ чувствовать себя сколько-нибудь свободнымъ или довольнымъ, кромѣ развѣ коренныхъ жителей... Напротивъ, страна казаковъ была для насъ какъ бы наша собственная страна, а ея обитатели были намъ добрыми пріятелями и людьми, вродѣ насъ самихъ» (ibid. стр. 185). Черезъ полъ столѣтія послѣ этого, а именно въ 1709 году, возвращался чрезъ Украйну отъ Петра Великаго датскій посланникъ Юстъ Юль и вотъ что поразило его здѣсь: «Жители казацкой Украйны благоденствуютъ и живутъ припѣваючи... Казаки ходятъ въ церковь съ молитвенниками въ рукахъ, тогда какъ московиты, даже бояре, неграмотны и даже не знаютъ начатковъ вѣры, какіе въ Даніи знаютъ дѣти. Все населеніе казацкой Украйны отличается большою вѣжливостью и опрятностью, всѣ одѣваются чисто и чисто содержатъ дома»... Упадокъ культуры и грамотности начались съ того времени, когда Петръ I-й, желая уничтожить вольныя и духовныя типографіи Украйны, запретилъ печатать въ нихъ духовныя книги, и типографіи, обслуживавшія мѣстныя нужды, постепенно закрылись. Послѣ Петра все была еще кое-какая своя самобытная культура и императрица Елизавета Петровна, будучи въ Кіевѣ, была такъ восхищена всѣмъ видимымъ, что громко для всѣхъ произнесла слѣдующую фразу: «Возлюби меня, Боже, въ царствіи твоемъ, какъ я люблю народъ сей благонравный и незлобивый». Слѣдующая ступень къ низу идетъ уже при Екатеринѣ II—закрѣпощеніе всего украинскаго народа. Эта мѣра, разумѣется, окончательно убила остатки культуры и грамотность и съ тѣхъ поръ народъ нашъ постепенно сталъ погружаться въ существующую и до нашихъ дней дикость. И сколько же времени опять потребуется для того, чтобы онъ, какъ и въ старину, сталъ грамотнымъ и опять пошелъ въ церковь съ молитвенникомъ въ рукахъ? Почтенный критикъ М. Ивановъ отъ долгаго сотрудничанія въ «Нов. Вр.» исподоволь и незамѣтно для себя усвоилъ взгляды этой газеты, требующей денаціонализаціи всѣхъ и вся Россійскаго госу-

дарства и при томъ во что бы то ни стало; вотъ почему у него культура Украйны временъ Алексѣя Михайловича не представляетъ для Москвы „ничего особеннаго“, вотъ почему и Никонъ, введшій украинскую пятилинейную систему и кіевскіе напѣвы, не сдѣлалъ никакого новшества. Но выше мы видѣли, что говорятъ по этому поводу очевидцы иностранцы, а также и сами безпристрастные русскіе ученые; да вотъ что, наконецъ, писалъ когда-то и самъ г. М. Ивановъ: „При Алексѣѣ Михайловичѣ велась жестокая борьба за пришедшее изъ Малороссіи усовершенствованное линейное пѣніе. Противъ него вели прю твердые ревнители старины, а за него новаторы и самъ царь Алексѣй Михайловичъ и патріархъ Никонъ. Такимъ образомъ, линейная семиграфія, служившая для многоголоснаго *партеснаго* пѣнія, получившая высокую поддержку, восторжествовала и искусство сдѣлало огромный шагъ впередъ“. Можно ли повѣрить, что это строки того же г. Иванова? За исключеніемъ умышленнаго замалчиванія относительно Украйны, въ остальномъ нельзя не согласиться съ авторомъ, напримѣръ, считающимъ тщетной попытку нѣкоторыхъ современныхъ духовныхъ композиторовъ связать великорусскую народную пѣсню съ духовной музыкой, хотя бы даже пользуясь для этого и пресловутыми подголосками, которые, по словамъ Иванова, не были даже замѣчены, напр., такими выдающимися знатоками, какъ Балакиревъ и Римскій-Корсаковъ, и которые пустилъ въ оборотъ диллетантъ Мельгуновъ. Отсюда напрашивается выводъ—значитъ и самые-то подголоски не выдумка ли диллетанта Мельгунова? Ясно, что эти попытки будутъ лишь—искусственность и насиліе. Жаль, что г. Ивановъ не вспомнилъ въ своей статьѣ, что тотъ же Бортнянскій былъ призванъ Святѣйшимъ Синодомъ для очищенія и упорядоченія духовныхъ пѣснопѣній, въ которыя тогдашніе невѣжественные музыканты вводили разные веселенькіе мотивчики и даже цѣлыя аріи изъ итальянскихъ оперъ—таковы разныя херувимскія и т. п. Западъ покончилъ съ этой распущенностью гораздо раньше и именно еще въ половинѣ XVI в. на такъ долго продолжавшемся «Тридентскомъ соборѣ». Справедливо говоритъ г. Ивановъ и господамъ современнымъ композиторамъ о томъ, что «нельзя же ограничиваться только огульнымъ осужденіемъ того, что сдѣлано до насъ. Вотъ и Чайковскій все осуждалъ Бортнянскаго, а окончилъ тѣмъ, что принялся редактировать его сочиненія! Да и въ своихъ собственныхъ духовныхъ произведеніяхъ онъ вовсе недалеко пошелъ отъ Бортнянскаго, что ни говори тѣ, кто старается въ

его духовныхъ сочиненіяхъ замѣтить какіе-то новые пути для церковной музыки». Что касается до Бортнянскаго, то упреки, посылаемые ему многими россіянами и по сей день, за его якобы итальянскія церковныя мелодіи, на мой взглядъ, не вполнѣ справедливы и главное не научны, а потому и недостаточно обоснованы. Начать хоть бы съ того, что болѣе чѣмъ за сто лѣтъ еще до Бортнянскаго любознательные иностранцы, какъ Павелъ Алепскій, уже подмѣтили и точно опредѣлили черту народнаго украинскаго вкуса къ пѣнію: *«они страстно любятъ нотное пѣніе, нѣжныя и сладостныя мелодіи»*. Далѣе, несомнѣнное сходство итальянскихъ и украинскихъ народныхъ пѣсенъ констатируется и туристами, и даже знатоками музыки. Существуютъ точныя антропологическія изысканія многихъ видныхъ ученыхъ объ этническомъ типѣ украинца; изысканія эти талантливо резюмированы высокимъ авторитетомъ въ этой области—профессоромъ Д. Анучинымъ. Въ статьѣ этого ученаго приведено множество научно установленныхъ, отличительныхъ чертъ украинца отъ великоросса. Онъ обращаетъ вниманіе и на то обстоятельство, что великороссы ассимилировали многія финскія народности (прибавимъ отъ себя—весьма далекія отъ музыкальности вообще), украинцы же восприняли больше крови древнихъ тюркскихъ народовъ южной Россіи. *«Какъ бы то ни было малороссы отличаются отъ великороссовъ многими чертами своего умственнаго и нравственнаго склада, своимъ отношеніемъ къ религіи, къ женщинѣ и семьѣ, къ собственности и т. д.; ихъ «громада» не то, что великорусскій «міръ», ихъ пѣсни, думы, поговорки, сказки проникнуты иными чувствами, мыслями, воспоминаніями»* [1]). Какъ же не понимать послѣ этого, что исключительно вслѣдствіе своей физической и психической индивидуальности, отличающей украинца отъ великоросса, Бортнянскій, какъ сынъ своего народа, и могъ лишь вѣрно передать историческія преданія искусства, т. е. тѣ „*нѣжныя и сладостныя мелодіи*“, о которыхъ говорилъ еще Павелъ Алепскій? Диву даешься, читая о Бортнянскомъ у другого музыкальнаго критика Н. Соловьева, напр., такія поверхностныя сужденія: „Несмотря на то, что Бортнянскій былъ родомъ изъ Украины, онъ сильно поддался вліянію итальянской школы“. Было бы гораздо ближе къ истинѣ, если бы Н. Соловьевъ замѣнилъ

---

[1]) Великороссы и малороссы—словарь Брокгауза (т. V и XIII).

свое «несмотря на то» словами «потому что». Бортнянскій, какъ и другой гигантъ въ духовной музыкѣ, Турчаниновъ, создали россійскую духовную музыку и, разрабатывая старинные духовные напѣвы, они, разумѣется, невольно ихъ украинизировали: это было не болѣе, какъ органическое, вдохновенное проявленіе вложенныхъ въ ихъ души природой Украйны особенностей, а сѣверное ухо, имѣя свои музыкальныя преданія, и до сихъ поръ еще не можетъ привыкнуть къ южному колориту музыки. Въ заключеніе приведу весьма характерную выдержку изъ статьи И. Личко, недавно появившейся въ „Южныхъ Запискахъ" (№ 9): «Въ «Новомъ Времени» послѣ юбилейныхъ чествованій нашего знаменитаго композитора Н. В. Лисенко музыкальный критикъ, г-нъ Ивановъ, усиленно настаивалъ, чтобы Лисенко «смѣло покончилъ съ традиціей и приспособилъ бы свои оперы къ постановкѣ въ качествѣ русскихъ». При чемъ обѣщалъ европейскую славу Лисенко и признавался, что онъ не находитъ въ творчествѣ его ничего индивидуально-украинскаго, не находитъ потому, что особаго украинскаго не существуетъ въ мірѣ звуковъ, хотя Бетховенъ и находилъ вдохновеніе въ нихъ [1]). «Это умаленіе украинскихъ талантовъ, это желаніе отнять мозгъ и душу у украинскаго народа проходитъ красной нитью черезъ всю историческую дѣятельность реакціонной русской прессы. Эта дѣятельность вводитъ въ заблужденіе русскую интеллигенцію и затемняетъ сознаніе украинскаго общества, ибо не встрѣчаетъ противодѣйствія ни со стороны прогрессивнаго лагеря русской печати, по какому-то недоразумѣнію, ни со стороны украинской публицистики, «по исключительнымъ причинамъ».

А. Сластіоновъ.

Къ характеристикѣ украинскаго села въ настоящее время. Въ «Полтавщинѣ» (№ 78) напечатано письмо сельскаго священника, характеризующее настроеніе крестьянъ въ настоящее время въ украин-

---

[1]) Высокая оригинальность украинской пѣсни всегда привлекала къ себѣ вниманіе величайшаго музыкальнаго генія конца XVIII ст. Бетховена, который, часто бывая на знаменитыхъ музыкальныхъ вечерахъ своего вѣнскаго пріятеля, русскаго посланника, свѣтлѣйшаго князя А. К. Разумовскаго, всегда восхищался украинскими пѣснями, исполняемыми собственнымъ хоромъ князя, и даже самъ написалъ нѣсколько вещей на украинскіе мотивы.

ской деревнѣ. Въ виду большого интереса мы перепечатываемъ это письмо цѣликомъ.

«Переживаемое всей Россіей тяжелое время гулко отдается въ сердцахъ нашихъ селянъ. Внутреннія событія приковали вниманіе всѣхъ крестьянъ и оттѣснили на задній планъ даже событія войны. «Яка чутка з Петербурга? коли буде земський собор? коли перемінять порядки урядові?», — обычные вопросы нашихъ обывателей. Въ газетахъ ищутъ прежде всего отвѣта и разрѣшенія вопросовъ внутренней жизни государства, присматриваются къ перемѣнамъ въ правительственныхъ сферахъ, прислушиваются къ взглядамъ ихъ и проч. До сего времени это явленіе—небывалое въ селахъ и раньше не замѣчалось среди крестьянъ такого захватывающаго интереса къ общественнымъ и государственнымъ вопросамъ. Сумятица, которая царила въ умахъ простолюдиновъ 3—4 мѣсяца назадъ, какъ будто замѣняется трезвымъ и опредѣленнымъ взглядомъ на окружающее. Всѣ мы перечувствовали ужасы войны, пожинаемъ плоды современнаго порядка вещей и настоятельно желаемъ реформъ всего строя нашей жизни.

«Нехай запитають нас,—ми пошлемо виборців, котрі роскажуть про наші потреби. Як можна будувати хату, коли не знаеш як, що, і до чого? Треба знати грунт, вміти майструвати, мати засобы до цього, то й буде діло», — разсуждаютъ мои прихожане. Вполнѣ присоединяясь къ мнѣнію своихъ пасомыхъ, чувствую и сознаю, что нужно возможно скорѣе приступить къ реформамъ. На первомъ мѣстѣ и мы, жители глухихъ «кутковъ», ставимъ нообходимость обезпечить неприкосновенность личности, получить свободу слова, совѣсти и предоставить нашей многострадальной прессѣ открыто, безъ охраненій, высказываться и разбираться во всей текущей жизни, указывая средства къ умиротворенію людей.

Не нужно также забывать, что нашъ многочисленный народъ находится совершенно въ исключительныхъ условіяхъ: онъ лишенъ самаго дорогого, самаго кровнаго—свободы природнаго языка. Эта—прямо таки жестокость—отрѣзываетъ насъ отъ культурной жизни, убиваетъ самоуваженіе и ведетъ къ дикости... Какъ можно однимъ взмахомъ пера—лишить неотъемлемыхъ правъ цѣлую націю, убить душу ея, и вредить экономическому благосостоянію народа, населяющаго когда-то богатую Украину! До сихъ поръ мы имѣли уши и не слышали, имѣли глаза и не видѣли, не потому, что не хотѣли, не стремились къ лучшему, а потому, что намъ не давали возможности слышать и видѣть,

отняли право воспринимать идеи, знанія на своемъ языкѣ и заставили насъ поставить крестъ надъ собственной жизнью, надъ органомъ выраженія мыслей и чувствъ,—языкомъ. Разумѣется, изъ этого вѣкового гнета ничего добраго не вышло. Лучшія чувства мужика оскорблялись, все родное ему попиралось; много горькой горечи накипѣло въ душѣ каждаго изъ насъ, и долженъ быть предѣлъ этому ..

Въ настоящее время нашъ народъ уже требуетъ, чтобы съ его положеніями считались, дали естественный ходъ и развитіе его правосознанію и самодѣятельности. Мы ждемъ удовлетворенія нашихъ потребностей, мы желаемъ жить, а не прозябать! „Коли, батюшка,—спрашивалъ меня крестьянинъ,—будемо вибирати людей, котрі роскажуть правителям про наше злиденне життя?“—Очевидно и сюда проникли слухи о представительномъ правленіи, и даже больше—въ нѣкоторыхъ селахъ уже называютъ кандидатовъ, которыхъ думаютъ послать на предстоящее совѣщаніе народныхъ представителей. Скептики навѣрно усумнятся, чтобы были такіе крестьяне, а между тѣмъ они есть,—вѣдь уже интеллигентные люди начали появляться среди селянъ; они то и представляютъ собою носителей и выразителей крестьянскихъ взглядовъ.

Въ воздухѣ, если можно такъ выразиться, носится такое настроеніе, и одинаковыя чувствованія воодушевляютъ всѣ слои населенія, такъ какъ жить всѣмъ хочется».

Численность украинскаго населенія въ Россіи. По свѣдѣніямъ «Правительственнаго Вѣстника» всеобщая перепись 1897 г. дала для украинскаго населенія цифру въ 22,380,551 чел. обоего пола или 17,81% всего населенія Россіи („Русскія Вѣдомости“, № 88). Въ виду того, что національность опредѣлялась по рубрикѣ „родной языкъ“, а извѣстно много случаевъ, когда украинцамъ записывали въ качествѣ родного языка—русскій, эта цифра несомнѣнно не выражаетъ точно численности украинскаго населенія, тѣмъ болѣе въ настоящее время, когда со времени переписи прошло уже восемь лѣтъ.

Украинскій вопросъ въ ученыхъ учрежденіяхъ. Императорская Академія наукъ вслѣдствіе запроса министра народнаго просвѣщенія, въ исполненіе высочайше утвержденнаго положенія коми-

тета министровъ 21-го января текущаго года, поручила особой коммиссіи разработку вопроса о положеніи украинскаго печатнаго слова. По разсмотрѣніи представленнаго коммиссіей доклада, Академія пришла къ заключенію о необходимости нынѣ же отмѣнить всѣ постановленія (1863 г. $^{18}/_{30}$ мая 1876 г. и 8 октября 1883 г.), которыми въ настоящее время ограничивается употребленіе украинскаго языка въ печати. Вмѣстѣ съ тѣмъ Академія наукъ пришла къ убѣжденію, что украинское населеніе должно имѣть такое же право, какъ и великорусское, говорить публично и печатать на родномъ своемъ языкѣ («Сынъ Отечества», № 37).

Совѣтомъ университета св. Владиміра единогласно принято заключеніе коммиссіи, избранной совѣтомъ по вопросу объ украинскомъ языкѣ и ограниченіяхъ, созданныхъ для него и для украинской литературы законами 1876 и 1881 годовъ. Коммиссія, какъ у насъ уже сообщалось, въ обстоятельномъ докладѣ высказалась единогласно за полную отмѣну указанныхъ законовъ и за предоставленіе такихъ же правъ для языка и литературы украинскихъ, какими пользуются русскій языкъ и русская литература („Кіевскіе Отклики“, № 72).

Коммиссія Харьковскаго университета по вопросу объ украинскомъ языкѣ, состоящая изъ профессоровъ: Багалѣя, Буткевича, Бѣлоусова, Зайкевича, Максимейко, Овсянико-Куликовскаго, Раевскаго, Соловьева, Сумцова, Халанскаго и Чубинскаго, въ теченіе пяти засѣданій подготовила для совѣта докладную записку, которая въ настоящее время редактируется въ окончательной формѣ („Полтавщина, № 68).

Украинскій языкъ въ лубенскомъ сельско-хозяйственномъ обществѣ. Годичное собраніе лубенскаго сельско-хозяйственнаго общества, состоявшееся 5 марта, прошло съ большимъ, чѣмъ обыкновенно, оживленіемъ.

Послѣ разсмотрѣнія текущихъ дѣлъ, городскимъ головою г. Взятковымъ внесено было предложеніе составить резолюцію о необходимости свободы печати и въ частности—свободы украинскаго слова. Нельзя сказать, чтобы всѣ члены охотно откликнулись на этотъ призывъ. Кто указывалъ на коммиссію Кобеко, которая и безъ насъ, молъ, сдѣлаетъ все; кто находилъ, что не подобаетъ взрослымъ людямъ заниматься подобными неподходящими вопросами (?), а кто прямо-таки удивлялся: почему именно въ сельско-хозяйственномъ обществѣ подни-

мать этотъ вопросъ? „Да потому, говоритъ г. Взятковъ, что мы не только хозяева, но и граждане“; „потому, говоритъ г. Шеметъ, что, гдѣ же намъ высказывать и обсуждать наболѣвшіе вопросы, какъ не въ томъ или иномъ оффиціальномъ обществѣ, если частнымъ образомъ нельзя собираться для этихъ цѣлей...

Послѣ всѣхъ этихъ преній собраніе приняло слѣдующую резолюцію: „*Лубенскій отдѣлъ полтавскаго общества сельскихъ хозяевъ, ожидая, что свобода печати повліяетъ самымъ благотворнымъ образомъ на развитіе сельскаго хозяйства, въ виду этнографическихъ особенностей края, находитъ необходимымъ, чтобы такая свобода была распространена на украинскій языкъ*“.

Вслѣдъ за тѣмъ собраніе постановило ходатайствовать о разрѣшеніи устраивать чтенія по сельскому хозяйству на украинскомъ языкѣ съ правомъ разъясненія прочитаннаго...

„Многіе селяне, говоритъ секретарь общества г. Сафроновъ, на вопросъ, почему они не посѣщаютъ собраній, говорятъ: „чого я пиду, колы я не розумію усього того, що тамъ балакають и чытають. Спытають мене, — що ты тамъ чувъ? а що я скажу, колы я мало що й розибравъ“.

Въ заключеніе засѣданія обсуждали направленіе дальнѣйшей дѣятельности общества.

Предсѣдатель общества, князь Щербатовъ, сказалъ, что совѣтъ общества находится въ затруднительномъ положеніи въ виду нареканія нѣкоторыхъ членовъ на случайность постановки тѣхъ или другихъ вопросовъ для обсужденія и вытекающей отсюда неподготовленности членовъ общества къ рѣшенію назначенныхъ вопросовъ. Имѣя въ распоряженіи только девять собраній въ годъ, нужно поэтому подготовить и распредѣлить матеріалъ по извѣстной программѣ и эту программу въ теченіи года осуществить.

Г. Шеметъ находитъ возможнымъ выйти изъ этого затруднительнаго положенія, стремясь къ цѣли существованія общества. Цѣль эта—поднятіе духовнаго и матеріальнаго благополучія населенія. Все, что будетъ способствовать развитію самодѣятельности населенія въ этомъ направленіи, должно составить предметъ дѣятельности общества.

Такую самодѣятельность въ населеніи можно вызвать, покрывши луб. уѣздъ цѣлою сѣтью мелкихъ с.-х. обществъ, которыя и будутъ по мѣстамъ разрабатывать частные вопросы сельскаго хозяйства и для которыхъ отдѣлъ будетъ служить связующимъ звеномъ. Въ дѣ-

ятельность же самого отдѣла должны входить вопросы общеэкономическаго характера и съ этой цѣлью можно намѣтить рядъ такихъ вопросовъ.

При такой демократизаціи дѣятельности общества необходима и націонализація, т. е. свобода говорить членамъ на своемъ родномъ языкѣ.

Г. Шипулинскій не соглашается съ г. Шеметомъ и прибавляетъ, что если г. Шеметъ заговоритъ своимъ „галицкимъ" языкомъ, то никто изъ членовъ не пойметъ и не захочетъ слушать его.

„Ошибаетесь, г. Шипулинскій, называя литературный украинскій языкъ галицкимъ. Такъ назвать его можно развѣ только потому, что у себя на родинѣ до сихъ поръ не имѣлъ права 30-милліонный народъ развивать свой родной языкъ, и его интеллигенія принуждена была перенести свою литературу въ Галицію, но теперь само правительство обратило вниманіе на это ненормальное положеніе, и языкъ мѣстный, бытовой, быстро разовьется".

Вынося резолюцію о необходимости украинскаго языка, члены общества показали, что не народный только языкъ необходимъ для болѣе успѣшнаго развитія народа, но и литературный, научный; и если такимъ языкомъ владѣютъ только очень немногіе члены общества, то изъ этого слѣдуетъ только, что и остальнымъ членамъ необходимо изучить его, чтобы дѣятельность ихъ была направлена не въ пустое пространство, а на пользу народа, безъ мозолистыхъ рукъ котораго всѣ пріятные разговоры на собраніяхъ останутся только разговорами. („Полтавщина", № 71).

Украинскій языкъ въ полтавскомъ сельско-хозяйственномъ обществѣ. Лубенское отдѣленіе полтавскаго с.-х. общества обратилось къ послѣднему съ просьбой поддержать предъ коммиссіей Кобеко приведенное выше постановленіе о предоставленіи свободы печати на украинскомъ языкѣ.

Въ очередномъ засѣданіи полтавскаго с.-х. общества 17 марта постановленіе лубенскаго отдѣленія было доложено предсѣдателемъ Д. К. Квиткою съ предложеніемъ его обществу поддержать это постановленіе въ подлежащихъ сферахъ. Членъ общества Я. К. Имшенецкій обратился къ собранію съ рѣчью, въ которой указалъ, что хотя вопросъ, поднятый лубенскимъ отдѣленіемъ, вполнѣ заслуживаетъ

сочувствія и основанъ на вполнѣ реальныхъ потребностяхъ, тѣмъ не менѣе ограничиваться однимъ только этимъ частнымъ ходатайствомъ въ данный моментъ не совсѣмъ удобно. Полтавскому сельско-хозяйственному обществу, какъ старѣйшему с.-х. учрежденію, слѣдуетъ поставить вопросъ шире. «Если мы обратимся къ сельско-хозяйственной жизни—продолжалъ г. Имшенецкій—то увидимъ въ ней массу фактовъ, требующихъ къ себѣ вниманія. Въ теченіе многихъ лѣтъ земство и интеллигенція всячески стараются оказать содѣйствіе къ поднятію сельскаго хозяйства и улучшенію условій жизни населенія,—тѣмъ не менѣе положеніе изъ года въ годъ становится хуже. Голодовки сдѣлались хроническимъ явленіемъ. Раньше извѣстіе о голодѣ вызывало шумъ и толки въ прессѣ, теперь же это стало чѣмъ-то нормальнымъ и не производитъ прежняго впечатлѣнія. Очевидно, есть въ сельскомъ хозяйствѣ общія тормозящія условія, дѣлающія всѣ стремленія общества безрезультатными. Въ послѣднее время доносятся слухи о фактахъ аграрнаго вандализма... Полтавскому обществу сел.-хоз. было бы неудобнымъ пройти все это молчаніемъ и ограничиться ходатайствомъ въ той формѣ, какую предлагаетъ лубенскій отдѣлъ. Тѣмъ болѣе неудобно, что высочайшій указъ 18 февраля предоставляетъ всѣмъ право возбуждать ходатайства и указалъ даже путь дальнѣйшаго ихъ направленія. Какая бы судьба ни постигла ходатайство о-ва, оно обязано дать ему широкую формулировку». Въ заключеніе г. Имшенецкій предложилъ избрать коммиссію, которая занялась бы детальной разработкой вопроса и не позже, какъ черезъ двѣ недѣли, представила бы свое заключеніе. Въ подтвержденіе умѣстности такой постановки вопроса онъ указалъ на то, что уже многіе, даже уѣздныя с.-х. о-ва, высказали свои сужденія, прочитавъ при этомъ по газетной статьѣ резолюцію харьковскаго с.-х. о-ва.

Членъ общества Н. А. Дмитріевъ, признавая принципіально желательность самой широкой общей постановки ходатайства о нуждахъ населенія, полагалъ, что все-таки нельзя принимать такихъ общихъ формулъ, въ которыхъ совершенно растворялись бы и недостаточно обрисовывались нужды именно нашей губерніи, нашего края. Вопросъ о свободѣ украинскаго слова, одной изъ насущнѣйшихъ потребностей духовной жизни нашего края, какъ извѣстно, составляетъ предметъ обсужденія комитета министровъ; его будетъ обсуждать и коммиссія Кобеко, которой ввѣрена выработка правовыхъ началъ и гарантій для всего печатнаго слова Россіи на всѣхъ языкахъ. Какъ извѣстно

изъ отчетовъ о засѣданіяхъ комитета министровъ, вопросъ объ украинскомъ языкѣ, о пересмотрѣ циркуляровъ 1876 и 1881 годовъ задержался въ комитетѣ и не могъ быть немедленно разрѣшенъ въ виду отсутствія надлежащихъ данныхъ для полнаго и всесторонняго освѣщенія его. Комитетъ министровъ запросилъ 2 университета--Харьковскій и Кіевскій и Академію наукъ. При такомъ положеніи этого вопроса каждый лишній голосъ, который раздастся въ видахъ всесторонняго освѣщенія его, будетъ, несомнѣнно, очень полезенъ. Вотъ почему нашему обществу, близко стоящему къ нуждамъ нашего края, принявъ широкую постановку общихъ назрѣвшихъ нуждъ Россіи, несомнѣнно, слѣдуетъ всесторонне освѣтить стѣсненное положеніе украинскаго слова, поддержавъ ходатайство лубенскаго сельско-хозяйственнаго общества въ смыслѣ полнаго уравненія украинскаго языка съ русскимъ во всѣхъ проявленіяхъ общественной жизни.

Въ виду того, что прежде всего вопросъ этотъ будетъ обсуждаться въ комитетѣ министровъ, слѣдовало бы постановленіе общества направить г. министру земледѣлія, въ вѣдѣніи котораго находится наше общество; въ коммиссію же Кобеко можетъ быть сообщена копія постановленія.

В. И. Василенко говоритъ, что духовныя нужды украинскаго народа давно уже извѣстны. Тридцать милліоновъ народа остаются безъ родного ему языка и даже не имѣютъ религіозныхъ книгъ, писанныхъ по-укрински. Какъ «курьезъ», конечно, очень печальнаго характера, г. В—ко приводитъ слѣдующій примѣръ: въ одной школьной библіотекѣ ему пришлось видѣть брошюру «О насѣкомыхъ» и «Свѣтъ Божій», которыя переведены съ украинскаго языка на русскій, одобрены ученымъ комитетомъ, а между тѣмъ подлинника имѣть нельзя.

Членъ общества П. Н. Малама находитъ, что языкъ, которымъ говоритъ наше населеніе, прошедшее сельскую школу,—нельзя назвать ни русскимъ, ни украинскимъ. Усвоивъ для объясненій нѣсколько сотъ самыхъ общеупотребительныхъ русскихъ словъ, извративъ ихъ на половину и смѣшавъ съ чисто украинскими словами, нашъ коренной обыватель, естественно, не можетъ оторваться отъ природной, родной ему духовной стихіи. Въ то же время онъ почти совершенно не знаетъ русскаго языка; русская книжка трудна для его пониманія. Вотъ почему, чтобы пріучить его къ книжкѣ, чтобы научить его искать въ этой книжкѣ отвѣты на всѣ запросы его духовной жизни, мы

должны позаботиться дать ему книжку на его природномъ языкѣ. Несомнѣнно, при такихъ условіяхъ ближайшая наша задача—популяризація сельско-хозяйственныхъ знаній путемъ печатнаго слова—будетъ достигнута гораздо легче. Опытъ Галиціи для насъ можетъ служить поучительнымъ примѣромъ того, какъ украинскій языкъ, поставленный въ болѣе благопріятныя условія, быстро развился, и въ настоящее время онъ является лучшимъ проводникомъ въ народъ знаній въ низшей, средней и даже высшей школѣ—университетѣ. Успѣхъ широкаго просвѣщенія Галиціи на природномъ украинскомъ языкѣ—долженъ для насъ служить примѣромъ и лучшимъ доказательствомъ важности поднятаго вопроса и необходимости поддержать ходатайство лубенскаго сельско-хозяйственнаго общества.

Д. К. Квитка предложилъ раздѣлить эти два вопроса – общій, затронутый г. Имшенецкимъ, и вопросъ объ языкѣ. Ограничиваться повтореніемъ того, что написало харьковское общество, по его мнѣнію, недостаточно, общія повторенія слѣдуетъ дополнить спеціальными нуждами сельскаго хозяйства. Нужно, напр., указать, что неправильное примѣненіе положенія 19 февраля оставило значительную часть крестьянъ полтавской губ. совершенно безъ земли. Если касаться вопроса о представительномъ правленіи—сказалъ дальше г. Квитка,—нужно остановиться главнымъ образомъ на томъ, какъ оно должно быть организовано.

И К. Поповъ заявилъ, что обойти молчаніемъ общіе вопросы о-во не имѣетъ права. «Жить той жизнью, какой мы живемъ—говорилъ онъ—дальше невозможно. Всѣ наши ходатайства останутся подъ министерскими сукнами. Безъ измѣненія правопорядка мы ничего дѣлать не въ состояніи».

Послѣ всѣхъ преній собраніе единогласно постановило избрать двѣ коммиссіи; въ первую изъ нихъ по общимъ вопросамъ вошли: Я. К. Имшенецкій, Д. К. Квитка, М. П. Ганько, Ю. Ю. Соколовскій, П. М. Дубровскій, А. Г. Зайкевичъ и Ф. А. Лизогубъ и во вторую—объ украинскомъ языкѣ: П. Н. Малама, Н. А. Дмитріевъ, П. М. Дубровскій, М. П. Ганько и В. И. Василенко («Полтавщина» № 76).

Новое ходатайство. Севастопольскимъ кружкомъ любителей драматическаго искусства представлена въ комиссію Д. Ѳ. Кобеко слѣдующая докладная записка.

«Въ Высочайшемъ указѣ отъ 12-го декабря минувшаго года между прочимъ сказано: «7) произвести пересмотръ дѣйствующихъ постановленій, ограничивающихъ права инородцевъ и уроженцевъ отдѣльныхъ мѣстностей Имперіи, съ тѣмъ, чтобы изъ числа сихъ постановленій впредь сохранены были лишь тѣ, которыя вызываются насущными интересами Государства и явною пользою русскаго народа».

Эти слова, сказанныя съ высоты Престола, даютъ намъ смѣлость высказать открыто и прямо тѣ законныя и завѣтныя желанія, которыя давно уже стали насущной потребностью въ области культурнаго развитія малорусскаго народа.

Севастопольскій малорусскій кружокъ любителей драматическаго искусства, который поставилъ своей цѣлью дать бѣдному классу населенія разумное и здоровое развлеченіе въ часы досуга и который ставитъ спектакли преимущественно на сценѣ народнаго театра, естественно относился всегда съ болѣзненной чуткостью ко всѣмъ стѣсненіямъ, тяготѣющимъ надъ малорусскимъ словомъ вообще и въ частности надъ малорусской драматической литературой со времени указа 1876-го года. Небогатый, благодаря этимъ стѣсненіямъ, репертуаръ малорусскаго театра сокращенъ для народныхъ представленій почти вдвое, да и то многія изъ пьесъ этого списка по той или другой причинѣ неудобны для постановки на сценѣ. При такихъ условіяхъ дѣятельность кружка является крайне ограниченной, а подчасъ и совсѣмъ затруднительной.

Только при упраздненіи тѣхъ стѣснительныхъ условій, въ которыхъ приходится развиваться малорусской литературѣ и театру, возможна живая и плодотворная дѣятельность какъ просвѣтительныхъ учрежденій вообще, такъ въ частности и народнаго театра для малорусскаго народа.

Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго Севастопольскій малорусскій кружокъ любителей драматическаго искусства имѣетъ честь ходатайствовать передъ коммиссіей для пересмотра законовъ о печати объ уравненіи правъ малорусскаго слова съ правами прочихъ языковъ и нарѣчій и о разрѣшеніи постановки въ народномъ театрѣ всѣхъ малорусскихъ пьесъ, дозволенныхъ къ представленію».

Украинская газета-журналъ. Казакъ Т. В. Калениченко возбудилъ ходатайство предъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ о разрѣшеніи ему издавать въ г. Полтавѣ газету-журналъ „Робітник“.

Мотивировка его прошенія очень интересна по отношенію къ вопросу объ украинской литературѣ вообще, а потому мы приводимъ ее цѣликомъ.

«Ни одинъ народъ изъ всѣхъ народовъ, населяющихъ Россію, такъ не стѣсненъ закономъ о печати, какъ народъ украинскій. На многихъ нарѣчіяхъ издаются газеты, журналы, книги научнаго, беллетристическаго и религіознаго содержанія. Напр., Библія издана больше, чѣмъ на 70 нарѣчіяхъ, нѣтъ ее только на украинскомъ нарѣчіи; также нѣтъ на этомъ нарѣчіи ни одного журнала и газеты. На всѣ ходатайства, направляемыя въ главное управленіе по дѣламъ печати, объ изданіи на украинскомъ языкѣ газетъ получался одинъ и тотъ же отвѣтъ. „Не разрѣшается на основаніи указа 1876 года". И чуть ли не тридцати-милліонный народъ не имѣетъ своей газеты, своей школы, научной книги и вынужденъ довольствоваться книгами и газетами, изданными на чужомъ ему великороссійскомъ языкѣ. Иниціаторы изданія закона 1876 года, запрещающаго украинскую литературу, вѣроятно, были убѣждены, что этою мѣрою самобытность украинскаго народа будетъ подавлена, и онъ сольется съ великорус. народомъ. Но они забыли справиться съ исторіей, которая напомнила-бы имъ, что никакія крутыя мѣры къ уничтоженію національныхъ стремленій народа не приводили къ желанному результату, а какъ разъ къ обратному. Взять для примѣра хотя бы Чехію: какъ ни старались нѣмцы превратить чеховъ въ нѣмцевъ, а это имъ не удалось, и они (нѣмцы) эту мысль теперь совершенно оставили. Еще К. Л. Ушинскій и Вессель блестяще доказали, что преподаваніе въ украинской школѣ должно вестись на украинскомъ языкѣ, для чего, конечно, должны быть изданы и соотвѣтствующія книги, журналы и проч. Никакая книга, говорили они, хотя бы написанная на самомъ близкомъ языкѣ, не можетъ замѣнить книги на родномъ языкѣ. Въ защиту преподаванія на родномъ языкѣ въ украинскихъ школахъ высказались еще слѣдующіе педагоги: Корфъ, Водовозовъ, Лубенецъ, Юркевичъ, Чалый, Туловъ, а также педагогическіе журналы: „Семья и Школа", „Учитель", наконецъ, въ своихъ замѣчаніяхъ на «проектъ устава среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній (1862 года)»—гимназическіе, педагогическіе совѣты: 2-й Кіевскій, Волынскій, Ровенскій, Новгородъ-Сѣверскій, Черниговскій, а также земства: губернскія—Черниговское, Полтавское, Херсонское; уѣздныя: Елисаветградское, Борзенское и Александровскій училищный совѣтъ. Много разъ поднимался этотъ

вопросъ и въ общей печати, но онъ и до сихъ поръ остается неразрѣшеннымъ: литература украинская нашла пріютъ у австрійскихъ нѣмцевъ, газеты, научныя книги и даже святое Евангеліе украинцы могутъ получать только посредствомъ контрабанды. А потребность имѣть книгу, газету, журналъ на родномъ языкѣ все растетъ и растетъ и съ ростомъ культуры эта потребность будетъ все усиливаться и усиливаться и никакіе циркуляры, никакая цензура въ мірѣ не могутъ ее заглушить у народа жизнедѣятельнаго, стремящагося не отстать въ своемъ развитіи отъ другихъ народовъ.

Приходя навстрѣчу такой неотложной насущной потребности, я имѣю честь покорнѣйше просить разрѣшить мнѣ издавать въ городѣ Полтавѣ еженедѣльную газету-журналъ на украинскомъ языкѣ съ украинскимъ же правописаніемъ подъ названіемъ «Робітник», газета-журналъ политико-общественно-литературный и популярно-научный подъ моимъ же редакторствомъ». („Полтавщина“, № 71).

Народная школа имени Котляревскаго. Полтаву нельзя упрекнуть въ невниманіи къ памяти своихъ великихъ земляковъ.

Городское управленіе, являющееся выразителемъ всего полтавскаго населенія, по мѣрѣ возможности, стремится увѣковѣчить дорогія и особенно близкія ему имена выдающихся людей.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ будетъ открытъ еще одинъ новый памятникъ—школа имени Котляревскаго.

Школа эта строится на Подолѣ, какъ разъ подъ принадлежавшей нѣкогда славному украинскому поэту усадьбой, на которой проектировался «Ивановъ Гай».

Вокругъ двухэтажнаго зданія, которое имѣется въ виду орнаментировать въ украинскомъ стилѣ, будетъ разбитъ садъ, и непривлекательный теперь склонъ горы, гдѣ производится постройка, обѣщаетъ превратиться въ дивный чисто-украинскій уголокъ.

Почитатели памяти Котляревскаго заботятся, впрочемъ, не объ одной лишь внѣшней сторонѣ школы, а и о внутреннемъ ея характерѣ. Они стремятся къ тому, чтобы школа имени Котляревскаго отличалась особой программой и чтобы раньше всего въ нее былъ допущенъ тотъ языкъ, на которомъ писалъ Котляревскій.

Такой взглядъ встрѣтилъ полное сочувствіе со стороны городской управы и училищной коммиссіи.

Въ послѣднемъ засѣданія думы разсматривался докладъ по поводу наиболѣе желательной постановки школы Котляревскаго.

Составленный весьма обстоятельно и даже горячо, докладъ произвелъ сильное впечатлѣніе.

Вотъ существеннѣйшая его часть:

„Въ виду особаго, выдающагося значенія Котляревскаго для его родины, управа считаетъ долгомъ справедливости ходатайствовать, чтобы посвященная его имени школа отличалась отъ обыкновеннаго типа начальныхъ школъ особою программою и особою постановкою преподаванія, которыя въ равной мѣрѣ отвѣчали бы какъ требованіямъ здравой педагогики и потребностямъ мѣстнаго населенія, такъ и значенію того дѣятеля, чье имя эта школа носитъ. Этому условію можетъ удовлетворить лишь такая программа учебныхъ занятій, въ которой видное мѣсто займутъ элементы мѣстной народной жизни, языкъ, природа, бытъ, исторія. Педагогика давно установила, что внѣ материнскаго языка, не можетъ быть правильно поставленнаго воспитанія и образованія дѣтей школьного возраста. Родной языкъ, по мнѣнію всѣхъ авторитетовъ педагогической науки, является тѣмъ первымъ, самымъ жизненнымъ предметомъ, на изученіи котораго только и можетъ прогрессировать умственное развитіе дѣтей. Между тѣмъ нынѣшній типъ народной школы въ полтавской губ. вовсе не считается съ этими принципами. Населеніе полтавской губ. сплошь принадлежитъ къ малороссійской народности, языкъ которой настолько рѣзко отличается своимъ синтаксисомъ, фонетикой и лексикой отъ литературнаго русскаго языка, что принятое въ нынѣшнихъ школахъ обученіе дѣтей малороссовъ на русскомъ языкѣ крайне затрудняетъ успѣшное прохожденіе курса. Неоднократно въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ южныя земства и работающія въ предѣлахъ малороссійскихъ губерній просвѣтительныя учрежденія, обращали вниманіе высшаго правительства на ненормальность постановки школьнаго дѣла въ этомъ районѣ, но указанія эти не встрѣчали въ правительственныхъ сферахъ сочувствія по причинамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ требованіями педагогической науки, несмотря на то, что непродолжительный опытъ воскресныхъ школъ въ полтавской губ., примѣнявшихъ въ качествѣ языка преподаванія мѣстное нарѣчіе, далъ блестящее подтвержденіе справедливости приведеннаго выше принципа.

Исходя изъ законоположеній, разрѣшающихъ сверхъ нормальной программы вводить въ городскихъ училищахъ преподаваніе дополнительныхъ предметовъ и увеличивать число уроковъ для предметовъ основныхъ, сообразно съ мѣстными условіями, управа предложила ходатайствовать передъ министерствомъ народнаго просвѣщенія о разрѣшеніи ввести слѣдующія измѣненія въ учебную программу школы имени Котляревскаго:

1) Преподаваніе грамоты должно начинаться съ обученія чтенію и письму на малорусскомъ языкѣ по малорусскимъ букварямъ и книгамъ для чтенія.

2) Преподаваніе закона Божія и ариѳметики должно происходить также на малорусскомъ языкѣ, по малорусскимъ учебникамъ. Въ особенности это представляется необходимымъ въ преподаваніи закона Божія, который, по своему вліянію на душевное развитіе учащихся, требуетъ какъ можно болѣе доступнаго для дѣтей изложенія.

3) Обученіе чтенію и письму по русскому языку должно начинаться со 2-го года обученія и составлять отдѣльный необходимый и важный предметъ.

4) Обученіе родиновѣдѣнію и естествознанію должно начинаться съ изученія близкой ученику мѣстности и природы черноземной полосы и въ дальнѣйшемъ прохожденіи охватывать характерныя особенности Южно-Руси, ея физической природы, бытовыхъ, экономическихъ и историческихъ условій прошлой и современной жизни ея населенія.

5) При ознакомленіи учащихся съ русской литературой, учителя должны знакомить ихъ и съ лучшими образцами литературы малорусской.

Распредѣленіе занятій въ начальной школѣ имени И. П. Котляревскаго должно при такихъ условіяхъ принять слѣдующій видъ:

Число уроковъ въ недѣлю:

Предметы:	I отд.	II отд.	III отд.
Законъ Божій	2	2	2
Грамота малор. и церковно-славян.	10	4	4
Русск. и ц.-слав.	„	7	8
Ариѳмет. и геомет.	6	5	4
Черченіе и рисов.	2	2	2
Географія и исторія	2	2	2
Естествовѣдѣніе	2	2	2
	24	24	24

Въ заключеніе управа высказываетъ убѣжденіе, что опытъ школы имени И. П. Котляревскаго въ непродолжительномъ времени дастъ самому министерству народ. просвѣщенія крайне цѣнный матеріалъ для разрѣшенія вопроса о томъ пути, по какому должна слѣдовать народная школа въ мѣстностяхъ съ малорусскимъ населеніемъ.

Выслушавъ этотъ докладъ дума всецѣло присоединилась къ нему, постановивъ единогласно, безъ предварительныхъ преній, возбудить всѣ въ немъ указанныя ходатайства.

Вопросъ относительно букварей, книжекъ для чтенія и хрестоматій съ образцами произведеній малорусскихъ писателей остался пока открытымъ до разрѣшенія министерства народ. просв. преподаванія на малорусскомъ языкѣ въ школѣ имени И. П. Котляревскаго и тогда, по всей вѣроятности, этотъ вопросъ затрудненій не встрѣтитъ. («Полтавщина», № 84).

Сочиненія Котляревскаго въ библіотекѣ его имени. При обсужденіи въ думѣ вопроса объ открытіи библіотеки и музея имени Котляревскаго выяснилось, что произведенія послѣдняго изъяты изъ школьныхъ библіотекъ и что школьные каталоги вообще чрезвычайно бѣдны выборомъ книгъ для чтенія. Гласный Старицкій, обращая вниманіе думы на это обстоятельство, предложилъ ей поручить управѣ внести въ думу докладъ о возбужденіи ходатайства какъ о разрѣшеніи къ обращенію въ школьныхъ библіотекахъ сочиненій Котляревскаго, такъ и вообще о разрѣшеніи пополненія школьныхъ библіотекъ всѣми книгами, дозволенными цензурой, съ каковой цѣлью, по его мнѣнію, долженъ быть изданъ каталогъ не разрѣшительный, а запретительный, т. е. чтобы въ каталогъ были внесены исключительно книги, недозволенныя къ обращенію въ библіотекахъ.

Съ этимъ вопросомъ теперь городу наиболѣе своевременно выступить, но намъ кажется, его слѣдуетъ поставить шире, т. е. ходатайствовать о совершенной отмѣнѣ какихъ бы то ни было каталоговъ и о полномъ предоставленіи пополненія школьныхъ библіотекъ учительскому персоналу, или, наконецъ, училищнымъ совѣтамъ. («Полтавщина», № 65).

Духовная іерархія и украинскій языкъ. Какъ сообщаетъ «Полтавщина» (№ 65), Полтавской духовной консисторіей получено отъ товарища оберъ-прокурора св. Синода сообщеніе, что преосвященный Алеутскій обратился въ св. Синодъ съ просьбой о присылкѣ въ Канаду трехъ священниковъ, хотя бы изъ діаконовъ, умѣющихъ говорить по-украински и немного по-волошски. Священникамъ этимъ православные жители Канады (украинцы и волохи) обязуются платить, кромѣ вознагражденія за требы, по два доллара въ годъ съ каждаго фермера и давать квартиру; кромѣ того, для ихъ пользованія есть церковная земля. Священники эти могутъ быть и изъ не окончившихъ семинарскій курсъ, но «добраго житія, усердные, не обремененные большой семьей и не старые». Епископъ полтавскій и переяславскій предписалъ благочиннымъ полтавской епархіи доставить въ непродолжительномъ времени свѣдѣнія о томъ, не пожелаетъ ли кто изъ священниковъ или діаконовъ, умѣющихъ говорить по-украински, отправиться священникомъ въ Канаду.

Это сообщеніе въ высшей степени интересно. такъ какъ весьма ярко характеризуетъ отношеніе высшей духовной іерархіи къ украинскому народу и его языку. Чувствуя у себя за спиной защиту свѣтской власти. оно всегда отрицательно относилось къ украинскому языку, преслѣдуя его здѣсь, на родинѣ, не допуская между прочимъ перевода св. писанія и воспретивъ священникамъ проповѣдывать на понятномъ народу языкѣ. Но какъ только дѣло касалось заграничныхъ отношеній, гдѣ привычной почвы подъ ногами неоказывалось, іерархія тотчасъ же измѣняла свою тактику въ отношеніи украинскаго языка, даже поощряя его употребленіе въ своихъ видахъ. Извѣстно, напр., что выходящая въ Америкѣ клерикальная газета «Свѣтъ» носитъ на себѣ—несоотвѣтственную впрочемъ—отмѣтку, что на «малороссійскомъ языкѣ» она издается съ благословенія св. Синода. Фактъ, сообщенный «Полтавщиной» лишній разъ подчеркиваетъ это ненормальное отношеніе высшаго духовенства къ народу, такъ какъ здѣсь оно не стѣсняется назначать въ украинскія села священниковъ, не знающихъ языка того населенія, среди котораго имъ приходится дѣйствовать; знающимъ же—воспрещать его употребленіе съ церковной каѳедры. Между тѣмъ, какъ справедливо замѣчаетъ г. Vitalis въ статьѣ «Кто побѣдитъ» (С.-Петербургскія Вѣдомости, № 50), не такіе священники которыя вносятъ сомнительную политику въ свое дѣло,—«не они нужны малорусскому народу. Малорусскому народу, какъ безднѣ мрака и нищеты, нужны тѣ, кто не

упускаетъ случая проповѣдывать на понятномъ народу языкѣ, кто учитъ его живымъ простымъ словомъ не только въ церкви или школѣ, но и на лугу, за работой, и на мужицкой телѣгѣ, и на деревенской сходкѣ; кто защищаетъ его совѣтомъ и дѣломъ отъ чьей бы то ни было экономической эксплоатаціи, кто старается пробудить въ немъ сознаніе малоросса, русскаго гражданина, славянина, человѣка».

Для этого духовенство прежде всего должно оставить свою крайне вредную политику презрѣнія къ народному языку здѣсь, дома—ту политику, которая признана имъ негодной въ заграничныхъ сношеніяхъ съ представителями украинскаго народа...

Въ харьковскомъ обществѣ взаимопомощи трудящимся женщинамъ. Въ засѣданіи харьковскаго общества взаимопомощи трудящимся женщинамъ 27 марта г-жа Шавернева возбудила вопросъ о томъ, что украинская женщина не можетъ развиваться, такъ какъ лишена возможности учиться на родномъ языкѣ и, слѣдовательно, не можетъ пользоваться тѣми правами, которыхъ добиваются всѣ русскія женщины. Собраніе, выслушавъ заявленіе, постановило по этому, какъ и по другимъ вопросамъ, соотвѣтственную резолюцію («Кіевскіе Отклики», № 89).

Рецензіи на украинскія изданія. Подъ заглавіемъ «Воскресшая книга» г. Д. Д—комъ помѣщенъ въ № 65 «Полтавщины» подробный отзывъ о «Творахъ Леонида Глибова».—Въ № 6504 «Одесскихъ Новостей» находимъ рецензію г. Сьогобочняго на сборникъ «На вичну память Котляревському».—«Южныя Записки въ № 8 помѣстили рецензіи на слѣдующія книги: «Божа искра» С. Русовой (Дм. Марковича), «Оповидання» М. Грушевскаго (И. Стешенка) и первый томъ очерковъ г-жи Ефименко «Южная Русь»; обращаетъ на себя вниманіе нѣкоторыми странностями рецензія г. Стешенка.—Въ № 67 «Вечерней Почты» помѣщенъ краткій отзывъ о книгѣ проф. Грушевскаго «Очеркъ исторіи украинскаго народа».—Въ № 44 «Волыни» напоминается читателю о старой книгѣ г. Василевскаго «Современная Галиція».—Въ № 62 «Полтавщины» Д. Д—ко помѣстилъ рецензію на «Южную Русь» г-жи Ефименко.

Концерты Терешка Пархоменка. Изъ Могилева-Подольскаго «Кіевскимъ Откликамъ» (№ 87) пишутъ о концертѣ бандуриста Терешка Пархоменка. Предъ исполненіемъ бандуристомъ пьесъ, преподаватель коммерческаго училища А. Ѳ. Арнаутовъ въ краткомъ историческомъ очеркѣ познакомилъ публику съ развитіемъ народнаго эпоса, какъ своеобразнаго отраженія въ сознаніи народа его политической и бытовой жизни. Затѣмъ слѣпой бандуристъ исполнилъ слѣдующія думы и пѣсни: 1) Про смерть Хмельныцького, 2) Про трьохъ бративъ Азовськыхъ, 3) Про Саву Чалого, 4) Буря на Чорнимъ мори, 5) Максымъ козакъ Зализнякъ, 6) По диброви витеръ віе, 7) Невольныцькый плачъ, 8) Про мищанку, 9) На смерть Шевченка, 10) Зоря моя вечирняя, 11) Зійшла зоря вечирняя и 12) Про Морозенка. Исполненіе Пархоменкомъ украинскихъ думъ и пѣсенъ было выше всякой похвалы. Голосъ его —теноръ, не сильный, но вполнѣ гармонирующій съ тихою грустью исполняемыхъ имъ пьесъ. Этотъ голосъ и звуки бандуры— какъ бы двѣ неразрывныя части одного живого существа. Вообще концертъ Пархоменка какъ по репертуару, такъ и по личности исполнителя заслуживаетъ полнаго вниманія. Кромѣ того тѣмъ же бандуристомъ были даны концерты въ Умани, Винницѣ и Елисаветградѣ («Кіевскіе Отклики», № 76).

Вечеръ въ память Шевченка въ Кіевѣ. 13 марта въ помѣщеніи Купеческаго клуба въ Кіевѣ состоялся обычный Шевченковскій вечеръ. Особенностью настоящаго вечера было то, что онъ открылся *въ первый разъ* разрѣшенною въ Кіевѣ рѣчью на украинскомъ языкѣ, произнесенной г. Стешенкомъ, который умѣло обрисовалъ значеніе дѣятельности Шевченка для послѣдующихъ поколѣній.

На вечерѣ публика подписывала «Записку о нуждахъ украинской школы», выработанную на банкетѣ 26 февраля. Впрочемъ, съ упомянутой «Запиской» произошелъ инцидентъ, описанный корреспондентомъ «Сына Отечества» (№ 30): на «незаконное» собираніе подписей обратилъ вниманіе дежурный приставъ и часть «Записки» заарестовалъ. «Пропутешествовавъ, — говоритъ авторъ корреспонденціи въ «Сынѣ Отечества»,—нѣсколько дней по всѣмъ полицейскимъ инстанціямъ Кіева, уцѣлѣвшая часть «Записки» была, наконецъ, возвращена съ явственными слѣдами хожденія по мытарствамъ полицейской экспертизы»...

Въ дополненіе къ сообщенному въ прошлой книжкѣ матеріалу, появившемуся въ 44 годовщину смерти Шевченка, отмѣчаемъ слѣдующія замѣтки: 1) «Т. Г. Шевченко—живописецъ» Н. Б. въ № 8691 «Биржевыхъ Вѣдомостей», 2) «Дѣнь пѣвца Украины» Resartus'а въ № 66 «Вечерней Почты» и 3) «Памяти Тараса Григорьевича Шевченка въ № 45 «Волыни».

---

23 марта на общемъ собраніи Кіевскаго литературно-артистическаго общества единогласно избранъ почетнымъ членомъ этого общества И. С. Левицкій-Нечуй («Кіевскіе Отклики», № 84).

Общее собраніе Кіевскаго литературно-артистическаго общества въ сѣданіи 23 марта постановило издать сборникъ на украинскомъ языкѣ изъ произведеній членовъ общества; на изданіе ассигновано отъ 700 до 800 руб. («Кіевскіе Отклики», № 84). Какъ мы слышали, обществомъ будетъ изданъ сборникъ «Нова Рада», составленный при участіи покойнаго М. П. Старицкаго.

Г. Соколовскій, касаясь въ статьѣ «Къ вопросу о театральной цензурѣ» («Кіевскіе Отклики», № 91) положенія современнаго русскаго театра, упоминаетъ также «о горькомъ и обидномъ положеніи малорусскаго языка и театра».

«Южныя Записки» помѣстили въ переводѣ съ украинскаго языка два разсказа Леся Мартовича: «Війтъ» (№ 12) и «Смертельное дѣло» (№ 13). Переводъ сдѣланъ П. Стояномъ.

И. Н. Лагода *(некрологъ)*. 25 марта въ Черниговѣ умеръ мѣстный дѣятель И. Н. Лагода. Родился онъ 1832 году, въ Полтавской губ., учился въ Черниговской гимназіи, а затѣмъ въ Кіевскомъ университетѣ, гдѣ изучалъ медицину. Въ Кіевъ онъ пріѣхалъ въ 1851 году и получилъ приглашеніе поселиться въ компаніи съ земляками, нанимавшими общую квартиру въ полутораэтажномъ домѣ, гдѣ-то вблизи Крещатика. Компанію эту называли въ городѣ «Носовской партіей»,

по имени атамана ея, С. Д. Носа [1]). Компанія эта отличалась горячей преданностью интересамъ простого народа и родной Украйны. Товарищи жили по братски и все у нихъ было общее. Это былъ «куринь», подобный тому, который былъ основанъ С. Д. Носомъ впослѣдствіи въ Черниговѣ.

Около 1858 года И. Н. Лагода поселился въ Черниговѣ и прожилъ здѣсь до самой смерти. Въ началѣ 60-хъ годовъ здѣсь собрался довольно замѣтный кружокъ интеллигентнымъ украинцевъ: А. М. Лазаревскій, Опанасъ Марковичъ, Леонидъ Глибовъ, С. Д. Носъ и другіе, преимущественно уроженцы Полтавской губ. и южныхъ уѣздовъ Черниговской (К. П. Ходинъ, Борсукъ, Герасимовскій, Д. И. Лавриненко и проч.) „Куринь", основанный здѣсь С. Д. Носомъ,—малорусскій кругъ или общество,—усердно посѣщался публикой, сочувствовавшей дѣлу украинскаго возрожденія. Въ домѣ И. Н. Лагоды также часто собирались земляки. У него было двѣ сестры, изъ которыхъ одна особенно хорошо пѣла народныя пѣсни. Особенное воодушевленіе вызвали первые украинскіе спектакли (1861—1862 г.), прошедшіе съ необычайнымъ успѣхомъ. И. Н. Лагода долгое время былъ ординаторомъ губернской больницы. Когда въ 1871 году введено было здѣсь новое городовое положеніе, онъ началъ принимать близкое участіе въ городскихъ дѣлахъ: былъ гласнымъ, членомъ управы и заступ. мѣсто головы (безъ жалованья), работалъ въ разныхъ комиссіяхъ. Но больше всего И. Н. любилъ театръ. Это была его сфера. Въ семидесятые годы, когда украинскій театръ еще почти не существовалъ, И. Н. систематически ставилъ украинскіе спектакли, передѣлалъ для постановки «Чары», драматическія сцены К. Тополи. Пьеса эта въ прежнее время вызывала въ Черниговѣ сенсацію. И. Н. былъ и антрепренеромъ театра, расширилъ его помѣщеніе каменной пристройкой, до смерти оставался членомъ театральной комиссіи и мѣстнаго музыкально-драматическаго кружка. Въ послѣдніе годы И. Н., удрученный болѣзнями и старостью, все меньше и меньше принималъ участія въ общественныхъ дѣлахъ. На гробъ И. Н. Лагоды были возложены вѣнки: отъ города съ надписью: «Ветерану общественной дѣятельности»; отъ

---

[1]) О немъ см. „Очеркъ жизни и дѣятельности украинскаго этнографа и народнаго врача С. Д. Носа", составленный Гр. Коваленкомъ. Кіевская Старина, 1901 г. и отд. оттискъ.

украинской публики—«щирому робітникові на українській сцені»; кромѣ того, были вѣнки отъ музыкально-драматическаго кружка, отъ группъ знакомыхъ и почитателей. («Кіевскіе Отклики», № 92).

Иванъ Ротарь. (Некрологъ). Въ Екатеринодарѣ скончался въ началѣ марта молодой писатель и украинскій дѣятель Иванъ Ротарь. Сынъ крестьянина кіевской губерніи по происхожденію, воспитанникъ Кіевской семинаріи и Московской академіи по образованію, покойный еще на школьной скамьѣ отдалъ свои симпатіи тому народу, изъ котораго вышелъ. Работалъ онъ преимущественно въ области украинской исторіи (одна изъ его работъ, о Епифаніи Славинецкомъ, была помѣщена и въ „Кіевской Старинѣ“) и практически въ многихъ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ г. Екатеринодара, гдѣ состоялъ на службѣ.

В. Г. Гульбенко. *(Некрологъ)*. 21-го марта скончался скромный труженникъ украинской сцены Вуколъ Григорьевичъ Гульбенко. Покойный 12 лѣтъ служилъ въ труппахъ Н. К. Садовскаго, Д. А. Гайдамаки, А. Л. Суходольскаго, М. К. Ярошенка, Г. Ратмировой, играя роли простаковъ и характерныя. В. Гр. пользовался успѣхомъ въ провинціи въ роляхъ веселаго жанра. Покойный хворалъ два года и, больной, вынужденъ былъ играть для поддержки семьи. Послѣ смерти, остались безъ всякихъ средствъ жена и шестилѣтній сынъ. („Кіевскіе Отклики“, № 87).

ВѢСТИ ИЗЪ ГАЛИЧИНЫ.

Вопросъ о польско-украинскихъ отношеніяхъ въ прусскомъ ландтагѣ. Польско-шляхетское хозяйничанье въ той части Австріи, которую польскіе политики самыхъ разнообразныхъ фракцій и направленій хотятъ превратить въ „отдѣльную“ провинцію со всѣми аттрибутами краевой польской автономіи, снова всплыло въ въ свѣтѣ европейской прессы и является темой дня не только въ Австріи, но и въ сосѣдней Пруссіи.

Поводомъ къ этому, по сообщенію «Полтавщины», (№ 96), послужила рѣчь прусскаго министра финансовъ Райнбабена, произнесенная

имъ въ текущей сессіи берлинскаго ландтага въ отвѣтъ на жалобы польскихъ депутатовъ, упрекавшихъ прусское правительство въ гакатистской политикѣ по отношенію къ польскому населенію Познани и Силезіи. «На польскихъ скамьяхъ», отвѣтилъ Райнбабенъ, «должны осторожно поступать съ такими обвиненіями, ибо въ противномъ случаѣ я обращу всеобщее вниманіе на галицкія отношенія. Прочтите, господа, труды русинскихъ писателей—тогда вы сумѣете составить себѣ ясное понятіе объ идеальныхъ отношеніяхъ польскаго хозяйства и объ угнетеніи поляками другихъ».

Конечно, оправдывать собственные грѣхи грѣхами другихъ болѣе чѣмъ наивно, и едва ли справедливо. Тѣмъ не менѣе рѣчь прусскаго министра должна бы напомнить господствующей въ Галиціи польской партіи, что утѣсненіями своихъ слабѣйшихъ сосѣдей она вредитъ собственнымъ землякамъ, живущимъ въ другихъ государствахъ. Полякамъ, возмущающимся гакатизмомъ прусскихъ властей и ограниченіями въ бывшемъ королевствѣ Польскомъ, всегда приходится встрѣчаться съ указаніями на подобное же хозяйничанье поляковъ въ Галичинѣ—хозяйничанье, достигающее иногда размѣровъ возмутительнаго, кощунственнаго цинизма. Недавно, напр., опубликованная однимъ изъ видныхъ дѣятелей польско-шляхетской партіи программа отношеній къ русинамъ оказалась... буквальнымъ переводомъ противопольской программы нѣмецкихъ гакатистовъ съ замѣной лишь «нѣмцевъ»—«поляками» и «поляковъ»—«русинами». Дальше этого крайне отвратительнаго человѣконенавистническаго, для самого же польскаго народа вреднаго цинизма уже идти некуда. Необходимо, чтобы польское общество сознало весь вредъ подобной дѣятельности и отказало въ своей поддержкѣ своимъ собственнымъ гакатистамъ. Это, несомнѣнно, приблизитъ благополучное разрѣшеніе и самого же польскаго вопроса.

«Ruthenische Revue». Въ № 55 „Діла“ г. Яворскимъ опубликованы интересныя данныя о дѣятельности издающагося въ Вѣнѣ на нѣмецкомъ языкѣ журнала «Ruthenische Revue». Журналъ основанъ, благодаря личной энергіи его редактора г. Сембратовича и при поддержкѣ русиновъ—депутатовъ Вѣнскаго парламента, въ 1903 г. Главной заслугой этого органа является то, что онъ знакомитъ европейскую публику съ положеніемъ украинскаго вопроса, съ жизнью укра-

инскаго народа, его литературой, культурой и т. п. и такимъ образомъ выводитъ дѣло нашего національнаго возрожденія изъ тѣснаго круга спеціалистовъ въ широкія массы европейскаго образованнаго общества. На основаніи матеріала, опубликованнаго въ «Ruthenische Revue», въ европейской прессѣ появился цѣлый рядъ статей, освѣщающихъ интересы украинскаго народа и принадлежащихъ при томъ перу выдающихся европейскихъ журналистовъ и общественныхъ дѣятелей (напр. J. Loevland (Христіанія), A. Hedin (Стокгольмъ), Pompeyus Gener (Барцелона), Gauseppe Sergi (Римъ), Brandes (Копенгагенъ), Проф. Frederiksen (Копенгагенъ), Hellmut von Gerlach (Берлинъ), Gajus Möller (и др.). Болѣе интересныя статьи изъ «Ruthenische Revue» перепечатываются въ европейской прессѣ, напр., анкета о современномъ положеніи украинскаго слова въ Россіи и объ извѣстномъ распоряженіи 1876 г. перепечатана 90 европейскими органами. Благодаря помѣщаемымъ въ «R. R.» переводамъ произведеній украинскихъ писателей, имена Марка Вовчка, Стефаныка, Коцюбинського, Кобылянськои, Гринченка и др. пріобрѣтаютъ популярность среди европейской публики. Такъ, одинъ нѣмецкій журналистъ, прочитавъ разсказъ г. Гринченка «Hunger» («Без хліба»), сознался, что онъ не ожидалъ встрѣтить въ украинской литературѣ такихъ прекрасныхъ произведеній.

Безспорно значеніе подобныхъ органовъ, открывающихъ глаза Европѣ на нашъ народъ; безспорны заслуги руководителей даннаго органа, проявившихъ достаточно энергіи, преданности и любви къ дѣлу, и они имѣютъ полное право разсчитывать на сочувствіе и поддержку украинскаго общества.

Русскія дѣла въ освѣщеніи галицкихъ москвофиловъ. Событія послѣдняго времени въ Россіи вызываютъ реакцію даже среди такихъ безнадежныхъ обскурантовъ, каковы галицкіе москвофилы, до сихъ поръ только съ упованіемъ глядѣвшіе на русскую бюрократію. Какъ сообщаетъ «Діло» (№ 44), въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ «Галичанина» о злобѣ дня весьма распространенно говоритъ небезизвѣстный г. Вергунъ, прославившійся нѣсколько лѣтъ тому назадъ своими «шумными» лекціями въ Кіевѣ, Москвѣ и др. городахъ Россіи. Г. Вергунъ весьма негодуетъ заднимъ числомъ на то, что «Россія взяла на себя (?!) миссію всерусскаго, всеславянскаго домостроитель-

ства (?), а эту миссію исполняетъ такъ, что и конца не предвидится нашему страданію подъ чужимъ игомъ и владычествомъ». Навязавъ Россіи выдуманную миссію какого то «всеславянскаго домостроительства», г. Вергунъ объясняетъ неудачное исполненіе этой миссіи тѣмъ, что на верхахъ русской бюрократіи засѣли нѣмцы, татары и всякіе «московскіе выкресты» (?); какъ только ихъ мѣсто займутъ «коренные русскіе», такъ сейчасъ на г. Вергуна и его единомышленниковъ посыплются великія и богатыя милости. Но въ ожиданіи этого, онъ совѣтуетъ москвофиламъ сблизиться съ русскими либеральными земцами и возстановить ихъ противъ «украинофиловъ», которые до сихъ поръ проявляютъ болѣе активную дѣятельность, чѣмъ москвофилы, а потому пишутъ въ русскихъ изданіяхъ, гдѣ и проводятъ свои взгляды. Когда москвофилы сблизятся съ русскими либералами, тогда изданія общества имени Качковскаго, Бѣлоуса и др. найдутъ себѣ сбыть въ Россіи и т. д...

Бѣдный «твердый рутенець», котораго выбили изъ позиціи послѣднія событія, который ничего не понимаетъ и, хлопая глазами, силится усѣсться одновременно на двухъ стульяхъ—«рутенскаго» мракобѣсія и земскаго либерализма!... Вообразить только среди либеральныхъ земцевъ такую великолѣпную, чисто средневѣковую фигуру, какъ напр., г. Мончаловскій, или г. Марковъ, или г. Свистунъ и какъ они еще тамъ называются, или представить, что изданія общества Качковскаго могутъ кого-либо заинтересовать въ Россіи!—для этого нужно такъ основательно не знать Россіи и такъ крѣпко засѣсть въ черножелтую раковину рутенскаго москвофильства, какъ это можетъ только г. Вергунъ и прочіе средневѣковые духи, вѣщающіе со столбцовъ «Галичанина». А только напрасно они надѣются на либеральныхъ земцевъ: время «вспомоществованій» очевидно проходитъ безвозвратно...

„Полемическія красоты“. Проэктъ проф. Грушевскаго объ основаніи частныхъ украинскихъ гимназій въ Галичинѣ вызвалъ результаты, которыхъ едва-ли могъ ожидать и самъ иниціаторъ, и читающая публика (особенно на Украинѣ) и которые во всякомъ случаѣ являются нежелательными съ точки зрѣнія важности самого дѣла. Противъ проэкта возражаетъ въ цѣломъ рядѣ полемическихъ статей и замѣтокъ «Діло», и это, конечно, его полное право не соглашаться со взглядами проф. Грушевскаго и г. Франка. Но тонъ этихъ возра-

женій рѣшительно превосходитъ все, что вообще приходится встрѣчать въ полемикѣ: «Діло» на вопросъ, заслуживающій во всякомъ случаѣ серьезнаго обсужденія, отзывается крайнею нетерпимостью, безцеремоннымъ залѣзаніемъ въ чужую душу, выходками чисто личнаго характера и иными «полемическими красотами» крайне дурного тона. «Нефортунні лицарі із звісноі твердині (!) при улиці Чарнецького», «гасителі всенародного запалу», въ искренность побужденій которыхъ «годі повірити», «людці» и тому подобные перлы заполняютъ собою полемическія статьи противъ проекта проф. Грушевскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ «Діло» весьма заботится о солидарности и единеніи всѣхъ украинскихъ силъ въ Галичинѣ и крайне скорбитъ о томъ, что проф. Грушевскій и г. Франко эту солидарность разбиваютъ. Не въ интересахъ ли солидарности и помѣщаются на столбцахъ «Діла» вышеприведенные полемическія жемчужины? Крайне непріятное впечатлѣніе вызываетъ и этотъ грубый тонъ, и эти нападки на людей за то лишь, что они осмѣлились высказать свое сужденіе по общественному вопросу, не совпадающее съ мнѣніемъ редакціи «Діла». Редакція должна же понять, наконецъ, что подобнаго рода перебранка и обругиваніе вмѣсто обсужденія если и создаетъ ей популярность, то совсѣмъ не ту, которая ей была бы желательна...

О „Науковомъ Товариствѣ ім. Шевченка“. Въ № 79 „Полтавщины“ помѣщена статья г. Дорошенка—„Наукове товариство ім. Шевченка во Львовѣ и его труды“. Изложивъ исторію названнаго товар ства и обзоръ его научной дѣятельности, авторъ заканчиваетъ надеждой, „что недалеко то время, когда труды „Наукового товариства“ получатъ свободный доступъ въ Россію, когда само товариство, быть можетъ, перейдетъ изъ Львова въ Кіевъ, какъ болѣе естественный центръ украинской жизни; тогда запасы духовныхъ богатствъ, разрабатываемые „товариствомъ“ получатъ широкое распространеніе и будутъ способствовать пріобщенію нашего народа къ общечеловѣческой культурѣ—путемъ національнаго просвѣщенія“.

Въ мартовской книжкѣ краковскаго журнала «Krytyka» помѣщена статья «Z vycieczki do Rosyi. Wrażenia i rozmowy», принадлежащая перу редактора названнаго журнала, извѣстнаго поль-

скаго критика и публициста Вильгельма Фельдмана Во время своей поѣздки въ Россію авторъ посѣтилъ Одессу, Кіевъ, Вильно, Варшаву, Москву и Петербургъ и дѣлится своими впечатлѣніями съ читателями. Въ статьѣ находимъ страницы, посвященныя украинскому вопросу въ Россіи (переводъ ихъ напечатанъ въ № 50 «Діла»). Конечно, трудно и ожидать, чтобы авторъ мимоходомъ познакомился со всѣми подробностями названнаго движенія, но среди его наблюденій безусловно есть очень вѣрныя и мѣтко схваченныя. Отмѣчая наружную слабость украинскаго движенія подъ вліяніемъ преслѣдованій и запрещеній, г. Фельдманъ видитъ въ немъ внутреннюю силу и способность къ развитію, лишь ожидающую благопріятныхъ условій для своего проявленія. Въ виду будущаго авторъ совѣтуетъ землякамъ-полякамъ заблаговременно подумать о своихъ отношеніяхъ къ этому движенію и не вызывать аггрессивной политикой враждебности, которая въ будущемъ можетъ оказаться вредной для обѣихъ заинтересованныхъ въ справедливомъ разрѣшеніи польско-украинскаго вопроса народностей.

Въ Вѣнскомъ еженедѣльникѣ «Oesterreichische Rundschau» (20 вып. II тома) появилась интересная статья г. Франка подъ заглавіемъ «Ruthenische Literatur». Какъ сообщаетъ «Діло» (№ 58), авторъ останавливается на слѣдующихъ вопросахъ: 1) какіе круги украинскаго общества принимаютъ участіе въ созданіи украинской литературы, 2) для какихъ круговъ она предназначается и 3) въ какихъ центрахъ сосредоточивается дѣятельность украинцевъ и каковы условія ея развитія. Статья касается исключительно Украины россійской.

Украинскія популярно-научныя лекціи. Львовское «Руське Товариство педагогичне» организуетъ въ настоящее время рядъ популярно-научныхъ лекцій на украинскомъ языкѣ какъ во Львовѣ, такъ и на провинціи—въ городахъ и даже селахъ Восточной Галичины. Въ качествѣ лекторовъ выступаютъ большею частью профессора гимназій. Первая лекція (д-ра Кобрынскаго—«Про розвиток гігієни від

найдавнійших часів») состоялась 15 марта во Львовѣ («Діло», № 46); **1 апрѣля г.** Мандычевскій читалъ лекцію «Про Горького і його популярність» («Діло», № 63).

Новая украинская гимназія. Первые два класса украинской гимназіи въ Станиславовѣ, изъ за которой велась долгая и упорная борьба въ галицкомъ сеймѣ, будутъ открыты въ началѣ будущаго учебнаго (1905, 6) года, первоначально какъ параллельныя отдѣленія при польской гимназіи («Діло», № 62).

„Союз жіночих товариств“. Интеллигентныя Русинки во Львовѣ выступаютъ съ проэктомъ объединенія всѣхъ женскихъ организацій Галичины въ «Союз жіночих руських товариств». «Союз» предполагаетъ издавать органъ, посвященный выясненію нуждъ украинской женщины («Діло», № 62).

Пражское чешско-славянское этнографическое общество избрало украинскаго ученаго Вл. Гнатюка своимъ членомъ-корреспондентомъ. Среди членовъ названнаго общества уже числятся украинскіе ученые,— напр. докторъ Франко („Діло“, № 55).

Замѣтки на текущія темы.

Грѣхъ и покаяніе кн. Мещерскаго.—Его негодованіе по адресу министровъ.—Совѣсть во множественномъ числѣ и бесѣды со свѣдущими людьми.—Свѣдущіе люди ничего не знаютъ.—Кн. Мещерскій содрагается.—Письмо одного изъ ничего не знающихъ свѣдущихъ людей.—Его пріемы.—Презрѣніе къ логикѣ.—Попытки пророчествовать.—«Нѣсть пророкъ во отечествіи своемъ».—Забастовки и св. писаніе на украинскомъ языкѣ.—Свѣдущій человѣкъ оказывается круглымъ невѣждой.—Онъ пытается на счетъ сыска.—«Посмотримъ».—Смотрѣть нечего.—Чтеніе въ сердцахъ.—Прохоръ Порфирычъ бесѣдуетъ съ Малань Иванной.—«Все пужаюсь».—Нововременская Малань Иванна понимаетъ все наоборотъ.—Школьный вопросъ въ ея освѣщеніи.—Легкое, но непрочное торжество.—«Ржавыя цѣпи».—Давленіе и свобода.—Записка «о нуждахъ украинской печати».—Неотложный вопросъ.—Резолюція журналистовъ.

Два мѣсяца тому назадъ кн. Мещерскій совершилъ тяжкій грѣхъ, будучи введенъ нѣкимъ ех-исправникомъ въ невольное заблужденіе. Нужно сказать, что вообще въ послѣднее время растерявшійся князь никакъ не можетъ найти опредѣленной позиціи и, въ поискахъ ея, мечется изъ стороны въ сторону, садится на двухъ стульяхъ, попадаетъ въ пустое пространство между ними и, совершивъ грѣхопаденіе, съ похвальной откровенностью спѣшитъ

покаяться и покаяніемъ очистить свою многогрѣшную душу. И все это продѣлывается съ такой стремительностью, которая ясно показываетъ, что «каша» заварилась далеко не въ одной исправничьей головѣ... Такъ случилось и въ данный разъ: прошелъ мясопустъ, наступилъ великій постъ и для кн. Мещерскаго пришла пора покаянія. И князь покаялся. Не успѣла еще просохнуть типографская краска, которой изображена была въ «Гражданинѣ» рукой бывшаго исправника «свобода» для украинскаго слова, какъ оттуда же, какъ и слѣдовало, впрочемъ, ожидать, раздались настойчивые возгласы, приглашающіе пожаловать въ участокъ. Что жъ—и пожалуемъ.

Во вторникъ, 15 марта, какъ объ этомъ оповѣщено въ «Дневникахъ» кн. Мещерскаго, его сіятельство покаялся и, покаяніемъ очистивъ себя отъ грѣха, вспомнилъ объ участкѣ. Онъ, видите ли, началъ размышлять о «той быстрой работѣ мысли, которая происходитъ въ комитетѣ министровъ надъ рядомъ разрѣшаемыхъ имъ государственныхъ вопросовъ», и эта быстрая работа князю рѣшительно не понравилась. Оказалось, что министры «съ быстротой, которую нельзя не назвать легкомысліемъ, и легкомысліемъ притомъ злокачественнымъ» увлеклись либерализмомъ до такой степени, что сами же поколебали столь ревностно ими до сихъ поръ охраняемыя «основы» и привели Россію на край гибели. Но—о, счастливая Россія!—она можетъ быть спокойной, ибо на стражѣ ея интересовъ стоитъ кн. Мещерскій: со свойственной ему уже лично быстротой (о другомъ качествѣ пока умалчиваю) онъ сейчасъ же и заявилъ, что съ рѣшеніями комитета министровъ «не можетъ мириться *ни одна* совѣсть русскаго человѣка».

Открывъ въ русскомъ человѣкѣ наличность по крайней мѣрѣ двухъ совѣстей (это драгоцѣнное открытіе намъ еще пригодится), князь сейчасъ же объясняетъ и причины своего негодованія по адресу министровъ; одной изъ причинъ является вина ихъ въ «искусственномъ возрожденіи малороссійской словесности»... Я вижу, какъ у читателя физіономія, вытягивается отъ изумленія а съ языка слетаетъ вопросъ: да неужели министры повинны въ такомъ, можно сказать, низкомъ дѣлѣ? Оказывается—да, повинны, но предоставляю

слово самому кн. Мещерскому, такъ какъ едва ли кто-либо въ состояніи передать, не испортивъ букета, рѣчь этого «пока единственнаго» публициста.

> Сорокъ лѣтъ русское правительство посвятило не взбалмошнаго (sic) и не фанатичнаго, а разумнаго труда, чтобы малороссовъ не только научить русскому языку, но пріучить ихъ и даже сроднить (?), и вотъ когда эта цѣль оказалась достигнутою и вездѣ въ Малороссіи упрочились русскій языкъ и русская грамота, тогда являются въ комитетѣ министровъ радѣтели о замѣнѣ русскаго языка малороссійскимъ или, говоря проще, объ изгнаніи русскаго языка изъ Малороссіи, подъ прикрытіемъ великодушной заботы о возрожденіи малороссійскаго шрифта (?!), и для вящшей пикантности избирается для этого минута, когда заграничные революціонеры забрасываютъ малороссійскія губерніи брошюрами и прокламаціями на національномъ (sic) нарѣчіи, *котораго тысячи людей не понимаютъ* [1]). Такимъ образомъ, эта вдругъ родившаяся забота о малороссійской словесности является какъ бы одновременно средствомъ облегчить малороссійскому народу пониманіе обращаемыхъ къ нему заграничныхъ призывовъ къ возстанію. Я къ этому убѣжденію пришелъ недавно подъ вліяніемъ разговоровъ со свѣдущими людьми. Но раньше и я думалъ, какъ комитетъ министровъ, и даже напечаталъ у себя статью хохломана [2]).

Ну, не такъ ужъ страшно министрамъ, если и самъ кн. Мещерскій до недавняго времени страдалъ «легкомысліемъ, и легкомысліемъ притомъ злокачественнымъ» и лишь бесѣды со свѣдущими людьми излечили его отъ этого недуга, открывъ ему глаза на истинный смыслъ событій. Къ сожалѣнію, свѣдущіе люди попались кн. Мещерскому плохенькіе,—въ родѣ тѣхъ старожиловъ, которые обыкновенно никогда ничего «не упомнятъ»,—ибо, очевидно, и сами они не много въ данномъ вопросѣ смыслятъ, если могли наговорить ему такого вздору, какъ «о возрожденіи ма-

---

[1]) Не оговоренные курсивы вездѣ принадлежатъ мнѣ.

[2]) „Гражданинъ", № 23.

лороссійскаго *шрифта*», никогда въ дѣйствительности и не существовавшаго. Но это мелочь, а вотъ болѣе важное. Сорокъ лѣтъ шло обрусеніе Украины и хотя свѣдущіе люди утверждаютъ, что цѣль оказалась уже достигнутой, но они же вмѣстѣ съ тѣмъ говорятъ и другое—что «національнаго нарѣчія» не понимаютъ всего только тысячи людей. Какъ извѣстно, населеніе Украины считается десятками милліоновъ, и тысячи на эту массу, право, князь, не такъ ужъ много. Если въ теченіе сорока лѣтъ весьма дѣятельная руссификація затронула только тысячи, то... предоставляю кн. Мещерскому рѣшить несложную ариѳметическую задачу: въ теченіе какого времени перестанутъ понимать украинскую рѣчь 25 милліоновъ? Не знаю, какъ его сіятельство, но лично я думаю, что сообщенныя свѣдущими людьми данныя представляютъ вовсе не такіе ужъ блестящіе и для кн. Мещерскаго благопріятные результаты. Повидимому, при такомъ положеніи дѣлъ объ «*искусственномъ* возрожденіи малороссійской словесности» не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ лицъ, въ ней нуждающихся, найдется пока еще слишкомъ достаточно. Хотя это задача и не Богъ вѣсть какая мудрая, но князь не сообразилъ, что свѣдущіе люди лишь прикидаются таковыми и, выполняя въ данномъ случаѣ роль упомянутыхъ старожиловъ, только морочатъ его,—и ему уже мерещится, что «весь образованный міръ содрагается отъ удивленія» по поводу постановленія комитета министровъ. Что князь Мещерскій содрагается – охотно этому вѣрю, но на счетъ «всего образованнаго міра» позволю себѣ весьма и весьма усомниться: «весь образованный міръ» давно уже рѣшилъ страшные для кн. Мещерскаго вопросы и какъ разъ въ обратномъ его желаніямъ смыслѣ.

Но князь Мещерскій не только самолично искупилъ свой грѣхъ,—въ томъ же номерѣ «Гражданина» онъ выпустилъ также и одного изъ свѣдущихъ людей, изъ скромности скрывшаго отъ благодарнаго потомства свое имя и подписавшагося просто Кіевляниномъ. Письмо этого послѣдняго, опубликованное кн. Мещерскимъ, вполнѣ подтверждаетъ высказанное выше мнѣніе о томъ, что свѣдущіе люди кн. Мещерскому попались завалящіе;

но при всемъ томъ г. Кіевлянинъ обладаетъ неоцѣненными для «Гражданина» достоинствами: отъ считаетъ себя свободнымъ отъ законовъ логики и весьма скудныя познанія относительно украинскаго вопроса вознаграждаетъ смѣлостью въ области сыска, безстрашіемъ въ изысканіи нужныхъ ему «фактовъ» и необыкновенною проницательностью, разъ дѣло касается чтенія въ сердцахъ. Кромѣ того, въ качествѣ «русскаго», а можетъ быть даже и «истинно-русскаго» человѣка, онъ обладаетъ въ силу сдѣланнаго кн. Мещерскимъ открытія по крайней мѣрѣ двумя совѣстями. Указанныя драгоцѣнныя качества свѣдущаго человѣка я сейчасъ попытаюсь подтвердить примѣрами.

Письмо г. Кіевлянина направлено по адресу уличаемаго теперь кн. Мещерскимъ въ «хохломанствѣ» бывшаго исправника, прославившагося, во-первыхъ, знаменитымъ открытіемъ пьянства и разврата среди украинскихъ дѣтей и, во-вторыхъ, ролью искусителя въ грѣхопаденіи кн. Мещерскаго. Свѣдущій человѣкъ, напечатавшій новое письмо въ «Гражданинѣ», также начинаетъ съ уличеній бѣднаго ех-исправника, вмѣстѣ съ комитетомъ министровъ, въ нѣкоторомъ легкомысліи, а затѣмъ наставительно по ихъ адресу произноситъ: «въ подобнаго рода вопросахъ не слѣдуетъ предполагать того, что можетъ случиться или не случиться, а необходимо исходить изъ того, *что есть въ дѣйствительности* и съ чѣмъ необходимо считаться». Принципъ—что и говорить—прекрасный, и г. Кіевлянинъ, въ качествѣ свѣдущаго человѣка, изъ него, конечно, только и исходитъ въ своихъ сужденіяхъ и положеніяхъ. Такъ, напр., непосредственно послѣ приведеннаго нравоученія онъ смѣло начерталъ слѣдующую программу дѣйствій «украинофильской партіи»:

Если *будетъ* оффиціально провозглашена полная свобода печатнаго употребленія малороссійскаго нарѣчія, то не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать, что на этомъ нарѣчіи никто не заговоритъ ни о любви къ обожаемому Монарху, ни, тѣмъ паче, о поддержаніи существующаго Самодержавнаго строя; не не ограничится малороссійское печатное слово и распространененіемъ полезныхъ для крестьянъ свѣдѣній. *Проповѣдники штунды*

и соціалъ-демократическіе агитаторы подъ разными болѣе или менѣе благообразными масками—*вотъ кто прежде всего постарается извлечь выгоды изъ предоставленной малороссійскому нарѣчію свободы. Затѣмъ будетъ переиздана* въ возможно большемъ количествѣ экземпляровъ (для покрытія расходовъ по изданіямъ всегда *найдутся* фанатическіе жертвователи) вся эта литература, которая появилась частью въ предѣлахъ Россіи, частью въ Галиціи за послѣдніе 40 лѣтъ, и, вдвинувшись (sic) въ сознаніе народныхъ массъ, она *сообщитъ* имъ то духовное содержаніе, какое въ себѣ заключаетъ,- не справляясь съ ожиданіями г-на Е. Ш. и даже (!) комитета министровъ.

Г. Кіевлянинъ—свѣдущій человѣкъ, ему, разумѣется, и книги въ руки, но затѣмъ же, выставивъ руководящимъ принципомъ отправленіе отъ того, что «есть въ дѣйствительности», онъ все время говоритъ въ будущемъ времени и, отрицая необходимость пророчествъ, всетаки прорицаетъ? Считаться съ законами логики обязаны вѣдь и свѣдующіе люди и потому, выставивъ извѣстное обязательное требованіе, должны и сами прежде всего ему подчиниться. Но у даннаго свѣдущаго человѣка очевидно не только двѣ совѣсти, но и двѣ логики: одна для личнаго употребленія, другая—для остальныхъ смертныхъ; постановляя обязательность для послѣднихъ отправленія отъ фактовъ, самъ онъ предпочитаетъ заниматься прорицаніями.

Пройдетъ немного лѣтъ существованія въ предѣлахъ Россіи свободнаго малороссійскаго слова, и въ учебныхъ заведеніяхъ нашего юга, по примѣру Польши, украинской соціалъ-демократической партіей будетъ организована *забастовка* (подчеркиваетъ г. Кіевлянинъ) учащихся съ цѣлью добиться отъ правительства „націонализаціи школы“ въ предѣлахъ „Украины“; потребуютъ введенія преподаванія на созданномъ въ Галиціи „украинско-русскомъ“ жаргонѣ не только въ низшихъ и среднихъ, но и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и т. д.

Или вотъ еще пророчество:

Что же будетъ, если Слово Божіе будетъ облечено въ форму обыденной разговорной сельской рѣчи? Обрадуются такому „опро-

щенію священныхъ книгъ только развѣ Гапоны и ихъ присные. Благочестіе отъ этого не выиграетъ. Малороссія читала по славянски Святое Писаніе въ эпоху борьбы за православіе и осталась ему вѣрна. Съ Св. Писаніемъ на малороссійскомъ языкѣ она, пожалуй, промѣняетъ православіе на штунду.

Хорошее это дѣло пророчествовать и свѣдущій человѣкъ кн. Мещерскаго исполняетъ эту миссію краснорѣчиво, можетъ быть, и увлекательно. Но давно уже сказано, что «нѣсть пророкъ во отечествіи своемъ», и если г. Кіевлянинъ вполнѣ удовлетворилъ, переубѣдилъ и даже покаянія двери отверзъ кн. Мещерскому, то для меня, какъ тоже кіевлянина, въ приведенныхъ пророчествахъ совершенно ясно видны нѣкоторыя логическія и фактическія... прорѣхи, что ли. Для меня, напр., представляется не совсѣмъ очевидной связь между свободой украинскаго слова и привиллегіей на употребленіе этого слова исключительно «проповѣдниками штунды и соціалъ-демократическими агитаторами». Разумѣется, они могутъ воспользоваться всякимъ языкомъ, въ томъ числѣ и украинскимъ, какъ орудіемъ распространенія своихъ взглядовъ, и уже теперь, не смотря ни на какія запрещенія, этимъ орудіемъ пользуются, и поступая такъ, дѣйствуютъ несомнѣнно разумно и цѣлесообразно съ точки зрѣнія практическаго удобства. Но кто же при свободѣ печати помѣшаетъ тѣмъ же орудіемъ пользоваться, напр., и самому свѣдущему человѣку или его почтенному коллегѣ, бывшему исправнику, и проводить свои взгляды? Г. Кіевлянинъ убѣжденъ въ пагубности соціалъ-демократическихъ и иныхъ ученій; онъ, разумѣется, твердо вѣритъ, что истина на его сторонѣ—и прекрасно: онъ изобличитъ «проповѣдниковъ» и «агитаторовъ», онъ докажетъ народу пагубность ихъ ложныхъ ученій, онъ въ лоскъ ихъ, что называется, уложитъ и обнаружитъ нетускнѣющее сверканіе своей собственной истины, принужденной скрываться при настоящихъ условіяхъ подъ спудомъ. Только всего вѣдь и слѣдуетъ изъ свободы украинской, какъ и всякой иной, печати. А то теперь бывшему исправнику, скажемъ, даже обидно: «проповѣдники» и «агитаторы», употребляя терминологію г. Кіевлянина, пользуются украинскимъ языкомъ, а ему, исправнику,— руки связаны, хоть

какъ, можетъ быть, чешутся: не заводить же въ самомъ дѣлѣ ему, человѣку отмѣнной благонадежности, тайныхъ типографій или печатать «Дружескія Рѣчи» по украински за границей!.. Отстаивать привиллегію «проповѣдниковъ» и «агитаторовъ» и несправедливо, и не въ интересахъ защищаемаго свѣдущимъ человѣкомъ дѣла, и, наконецъ, едва ли входитъ въ его задачи: его миссія пока прорицать. Онъ впрочемъ, и прорицаетъ далѣе, что при свободѣ печати будетъ переиздана «вся эта литература» и даже усчитываетъ большое количество ея экземпляровъ и возможные фонды на покрытіе расходовъ по изданію. Не спорю—прорицаніе, быть можетъ, хотя отчасти вѣрно, но если бы нашъ прорицатель былъ въ самомъ дѣлѣ свѣдущимъ человѣкомъ, а не однимъ изъ старожиловъ, которые «не упомнятъ», и кромѣ того познакомился со «всей этой литературой», то онъ зналъ бы, что среди нея найдутся вещи, несомнѣнно его сердцу любезныя. Въ видѣ примѣра укажу хотя бы на изданную недавно въ Кіевѣ же брошюру «Якъ Богъ штунда вразумывъ», которая какъ разъ пригодилась бы ему въ качествѣ руководства и пособія противъ «проповѣдниковъ штунды». Я опять таки не согласенъ съ пророчествомъ свѣдущаго человѣка и думаю, что много всяческаго хлама останется не переизданнымъ при самой необузданной свободѣ печати, каковая свобода не влечетъ, конечно, необходимости реставрировать всякую печатную строку независимо отъ ея достоинствъ. Но не будемъ придираться къ словамъ и допустимъ на время, что «вся эта литература», появлявшаяся «частью *въ предѣлахъ Россіи*» дѣйствительно будетъ цѣликомъ переиздана,—я всетаки не понимаю, почему свѣдущій человѣкъ отъ этого приходитъ въ ужасъ. Или карантинъ содержался не крѣпко, или цензура не смотрѣла въ оба, или постановленія 1876 г. не существовало, что эта несчастная литература и подъ невыразимымъ гнетомъ ухитрилась таки сохранить какое то ужасное «духовное содержаніе»? Свѣдущій человѣкъ не настолько, конечно, наивенъ, чтобы серьезно думать это, онъ только—прорицаетъ, же лаясоздать извѣстное впечатлѣніе. Что это такъ, доказываютъ и его дальнѣйшія прорицанія на счетъ забастовокъ, которыя свѣдущій человѣкъ предвидитъ въ будущихъ

школахъ, а также относительно роли украинскаго перевода св: писанія въ дѣлѣ распространенія штунды: здѣсь уже не безпредметныя подмигиванія, а вполнѣ опредѣленныя указанія на «Гапоновъ и ихъ присныхъ» съ цѣлью загипнотизировать, кого нужно, страшными жупелами. Но оперируя послѣдними, г. Кіевлянинъ опять забываетъ выставленный имъ же въ поученіе другимъ хорошій принципъ—исходить изъ фактовъ и въ вопросѣ относительно, напр., св. писанія допускаетъ прежде всего фактическую невѣрность: свѣдущему человѣку, и при томъ прорицателю, стыдно не знать, что Украина въ эпоху борьбы за православіе читала св. писаніе именно на родномъ языкѣ. Что же касается школьныхъ забастовокъ, то онѣ связаны не съ возможностью употребленія украинскаго языка въ печати, а съ самой школой: если послѣдняя будетъ удовлетворять населеніе и на самомъ дѣлѣ учить его, а не проводить извѣстную политику и изможлать заучиваніемъ непонятныхъ словъ на чужомъ языкѣ, то забастовки, конечно, сдѣлаются немыслимыми. Но это, снова повторяю, дѣло школы, а не печати, и если бы стать на точку зрѣнія свѣдущаго человѣка, то для прекращенія нынѣшнихъ забастовокъ въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ слѣдовало бы немедленно изъять изъ употребленія всю русскую литературу и истребить всѣ органы періодической печати вплоть до «Гражданина». Но только зачѣмъ же тогда школы?—вотъ вопросъ и потому, опять становясь на точку зрѣнія свѣдущаго человѣка и оставаясь послѣдовательнымъ, я предложилъ бы пойти дальше и совершенно упразднить просвѣщеніе и даже простую грамотность. Нѣтъ сомнѣнія, что тогда «проповѣдникамъ» и «агитаторамъ» уже не для кого будетъ печатать свои вредныя произведенія и пропаганда умретъ естественною смертью. Но вотъ бѣда: съ нею вмѣстѣ долженъ будетъ умереть и кн. Мещерскій со своими свѣдущими и несвѣдущими соратниками...

Съ характеромъ прорицаній свѣдущаго человѣка я уже познакомилъ читателя и перехожу, поэтому, къ его соображеніямъ на счетъ современности и вообще къ фактической подкладкѣ его прорицательской дѣятельности. Отмѣтивъ «рѣдкую послѣдовательность и необыкновенное упорство», съ которыми проводятся

нѣкоторыя идеи въ произведеніяхъ украинской литературы, свѣдущій человѣкъ для уясненія этихъ идей буквально набрасывается (иного выраженія не могу подобрать) на проф. Грушевскаго за извѣстную книгу послѣдняго «Очеркъ исторіи украинскаго народа». Въ этой книгѣ—начинаетъ уже въ неприличномъ тонѣ свѣдущій человѣкъ—

г. Грушевскій, *разсчитывая на смутное время русскаго государства, съ чрезвычайною развязностью (!) и поразительнымъ нахальствомъ (!) высказываетъ самыя затаенныя (?) пожеланія дѣятелей украинофильства.* Прочитавъ книгу г. Грушевскаго, члены комитета министровъ врядъ-ли бы рѣшились высказать, что украинофильство—явленіе наносное, и что оно не представляетъ въ настоящее время сколько нибудь серьезной опасности. Но они, очевидно, книги не читали, а потому и позволили себѣ судить такъ легкомысленно. Между тѣмъ, Михаилъ Грушевскій является въ настоящее время почти общепризнаннымъ вождемъ всей украинофильской партіи въ Галиціи и въ Россіи, а потому его мнѣнія отнюдь не его личный взглядъ на дѣло, а выраженіе понятій, чувствъ и вѣрованій всей партіи. Посмотримъ же, что онъ думаетъ.

Читатель въ правѣ ожидать, что вслѣдъ за столь грознымъ и рѣшительнымъ «посмотримъ» послѣдуетъ что-нибудь дѣйствительно ужасное,—по крайней мѣрѣ самое недвусмысленное потрясеніе основъ,—но онъ можетъ успокоиться: гора всегда раждаетъ мышь... Грозное «посмотримъ» сопровождается пересказомъ нѣкоторыхъ «затаенныхъ пожеланій», высказанныхъ въ книгѣ проф. Грушевскаго,—пересказомъ, который если и не доказываетъ, что авторъ данную книгу читалъ, то о способности его къ подтасовкамъ и умѣньи передергивать несомнѣнно свидѣтельствуетъ. Я не буду подробно слѣдить за изложеніемъ свѣдущаго человѣка, такъ какъ это было бы весьма скучнымъ занятіемъ; замѣчу лишь, что признаніе исконнаго существованія двухъ народовъ—украинскаго и великорусскаго, или мнѣніе, что «такъ называемый русскій литературный языкъ есть языкъ только великорусскій»—если и принадлежать къ «затаеннымъ пожеланіямъ» (что, впрочемъ, сомни-

тельно), то во всякомъ случаѣ не такія ужъ ужасныя преступленія, чтобы за нихъ непремѣнно была положена смертная казнь. Все это свѣдущій человѣкъ могъ бы почерпнуть въ любомъ ученомъ сочиненіи на соотвѣтственную тему, вышедшемъ въ Россіи и принадлежащемъ вовсе не вождю «украинофильской партіи», а просто добросовѣстному ученому. Но самый сильный аргументъ противъ книги проф. Грушевскаго г. Кіевлянинъ приберегъ къ концу:

> Что касается политическихъ идеаловъ украинофильства, то о нихъ г. Грушевскій *не имѣлъ возможности распространяться* въ своей книгѣ, изданной въ Петербургѣ, хотя и въ эпоху „довѣрія", выраженнаго всѣмъ *врагамъ России* (курсивъ оригинала) княземъ Святополкъ-Мирскимъ.

Вотъ те и на! А что жъ съ «посмотримъ», коли, оказывается, и смотрѣть то нечего? Но свѣдущій человѣкъ, обладающій совѣстью во множественномъ числѣ и дѣйствительно чрезвычайною развязностью и т. д., этимъ ничуть не смущенъ: у Грушевскаго то, положимъ, не смотря на всѣ передержки, ничего ужаснаго не оказалось изъ этихъ «политическихъ идеаловъ украинофильства»,

> но они достаточно извѣстны по сочиненіямъ другого общепризнаннаго вождя современнаго украинофильства—Ивана Франка. Этотъ писатель, *соціалъ-демократъ (!) по убѣжденіямъ* желаетъ для украинскаго народа соціалъ-демократической республики и въ своихъ сочиненіяхъ подготовляетъ (зачѣмъ же такъ мало? С. Е.) умы къ революціи, которая должна привести Украйну къ такого рода политическому строю. Нѣкоторыя его сочиненія въ послѣднее время были переизданы въ Кіевѣ (слѣдуетъ ссылка на кіевское изданіе «Збирныка творивъ». С. Е.) и будутъ еще переиздаваться и проводиться въ широкія массы народа, какъ только съ малороссійскаго печатнаго слова будутъ сняты всѣ нынѣшнія ограниченія. *Фанатическая проповѣдь* Ивана Франка...

Довольно. Какъ вамъ понравится этотъ милый пріемъ: человѣкъ обвиняетъ проф. Грушевскаго въ чемъ-то съ его точки зрѣнія чрезвычайно ужасномъ, грозно потрясаетъ оружіемъ, и, нагородивъ кучу всевозможнаго вздора, преспокойно рѣшаетъ: «г. Грушевскій не имѣлъ возможности распространяться», но проповѣдуетъ инкриминированные ужасы кто-то другой, при чемъ слѣдуетъ даже ссылка на *подцензурное* изданіе беллетристическихъ произведеній этого другого лица. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, отвѣтственъ ли проф. Грушевскій за чужое, въ данномъ случаѣ г. Франка, мнѣніе (свѣдущій человѣкъ полагаетъ, что они связаны въ нѣкоторомъ родѣ круговой порукой!), отмѣчаю эту новую передержку свѣдущаго человѣка, который, очевидно, уже «Збирныка творивъ» не читалъ, ибо если бы онъ его читалъ, то зналъ бы, что не только фанатической, но и никакой проповѣди тамъ не содержится. И несомнѣнно, рыцарю сыска извѣстно, что никакихъ разрушительныхъ идей въ подцензурномъ изданіи быть не можетъ, но ему опять таки нужно создать извѣстное впечатлѣніе въ читателѣ, загипнотизировавъ его указаніями на какую то невѣдомую опасность, и онъ для этого ни предъ чѣмъ не останавливается. Но и сказаннаго мало: подготовивъ почву передержками и извращеніями, рыцарь сыска «съ чрезвычайною развязностью и поразительнымъ нахальствомъ», употребляя его собственную характеристику, обращается уже просто къ чтенію въ сердцахъ. Онъ прочиталъ въ сердцѣ «господина Ч.», который якобы доставилъ (?) на юбилей г. Левицкаго крестьянъ въ сельскихъ одеждахъ, что это было сдѣлано именно «для созданія извѣстнаго впечатлѣнія»; съ костюма г-жи Трыльовской онъ съ легкостью мотылька перепорхнулъ на «сичи» и охарактеризовавъ ихъ самыми «бунтарскими» чертами (со словъ, замѣтьте, *польской* газеты!), проникъ затѣмъ въ тайныя намѣренія «нашихъ украинофиловъ», которые «предвидятъ (?) уже возможность организаціи ихъ (січей) и въ нашихъ югозападныхъ и малороссійскихъ губерніяхъ» и, наконецъ усмотрѣлъ даже, что «Кіевская Старина» плакала уже объ ихъ «злоключеніяхъ въ австрійской Галиціи» (слѣдуетъ ссылка, по обыкно-

венію извращенная). И затѣмъ этотъ благоуханный букетъ возмутительныхъ выдумокъ, передержекъ, доносовъ и сознательной лжи достойный соратникъ кн. Мещерскаго заключаетъ восклицаніемъ: «можно себѣ представить, что дѣлалось бы въ нашихъ деревняхъ, если бы затѣи украинофиловъ осуществились! Безъ ужаса и дрожи объ этомъ нельзя даже и подумать».

Кн. Мещерскій содрагается, свѣдущій человѣкъ ужасается и въ свою очередь тоже дрожитъ... И вотъ все время, пока я велъ рѣчь объ этихъ пріятныхъ собесѣдникахъ, предо мной неотступно стоялъ какой то знакомый образъ; не поддаваясь пока опредѣленной обрисовкѣ, онъ мало по малу выступалъ все рельефнѣе и рельефнѣе, и когда я написалъ послѣднія слова свѣдущаго, слишкомъ даже, какъ оказалось, свѣдущаго человѣка, этотъ не дававшійся вначалѣ образъ сталъ предо мною во весь ростъ. Помните, читатель, сценку изъ «Растеряевой улицы» Успенскаго: продувной Прохоръ Порфирычъ обдѣлываетъ дѣла въ кабакѣ, куда ежеминутно забѣгаютъ понедѣльничающіе мастеровые, но занимаясь дѣломъ, онъ находитъ и развлеченіе въ особѣ нѣкоторой дородной цѣловальничьей бабы, съ которой ведетъ слѣдующіе діалоги:

— Ну, Маланья Иванна, а въ нашемъ городѣ что же вы—пужаетесь!

— Пужаюсь!

— Пужливы?

— Страсть, какъ пужлива... Сейчасъ вся задрожу!..

— Да, дда, да... Мѣсто новое...

— Да – и, признаться, все другое... все другое... За что ни возьмись... Опять народъ горластый... Народъ горластый и опять же, чуть мало-мало, сейчасъ драка! Наровитъ, какъ бы кого...

— Въ ухо!.. Это вѣрно!.. Потому вы нѣжныя!..—покашиваясь на мастерового, ласково произноситъ Прохоръ Порфирычъ.

— Нѣжная!..

(Спустя нѣкоторое время) Прохоръ Порфирычъ... садится на прежнее мѣсто и, дѣлая папиросу, говоритъ бабѣ:

— Такъ пужаетесь?

— Нужаюсь! Я все пужаюсь...
Настаетъ молчаніе.
Такъ вы, Малань Иванна, пужаетесь все?
Все пужаюсь. Мѣсто новое!
Это такъ! Опасно!..

Все это достопочтенная Малань Иванна, съ позволенія сказать, вретъ: ничего она не «пужается», такъ какъ хорошо знаетъ что «народъ горластый» съ животишками и семействами своими зажатъ въ сильныхъ дланяхъ кабатчика и ея собесѣдника и ничего опаснаго въ сущности не представляетъ. Это просто особый видъ кокетства съ собесѣдникомъ, который въ свою очередь ея словъ, конечно, за чистую монету не принимаетъ, а поддерживаетъ разговоръ единственно изъ галантной вѣжливости и отсутствія другихъ темъ. Приведенный діалогъ весьма напоминаетъ тоже въ своемъ родѣ діалогъ кн. Мещерскаго со свѣдущимъ г. Кіевляниномъ. Сіятельный публицистъ, подобно Прохору Порфирычу, освѣдомляется: «пужаетесь молъ?»—потому: «тлѣющая вулканическая почва» и даже «весь образованный міръ содрагается», а Малань Иванна, то бишь—свѣдущій г. Кіевлянинъ, жеманно улыбаясь, передергивая и выдумывая, сейчасъ же откликается: «страсть какъ пужлива! Сейчасъ вся задрожу».—«Потому вы нѣжныя», ласково продолжаетъ князь. «Нѣжная»—млѣя произноситъ Малань Иванна... Но ни галантность Прохора Порфирыча не мѣшаетъ ему въ паузахъ приведеннаго діалога объегоривать чувствующаго потребность опохмелиться мастероваго, ни тѣмъ болѣе «пужливость» и нѣжность цѣловальничьей бабы—исполнять свое спеціальное назначеніе. То же самое съ кн. Мещерскимъ и своего рода Малань Иванной, написавшей письмо князю подъ псевдонимомъ Кіевлянина: на словахъ они то «страсть пужливы» и ужасно будто бы боятся «горластаго народа», но на самомъ дѣлѣ неуклонно гнутъ свою линію и лишь другихъ «пужаютъ» «горластымъ народомъ», справедливо полагая, что чѣмъ меньше ему воли будетъ отпущено, тѣмъ сильнѣе онъ будетъ зажатъ въ ихъ благородной длани. Вѣдь «весь образованный міръ», который вставленъ кн. Мещерскимъ для красоты слога, давно уже предоставилъ «горластымъ народамъ» устраи-

ваться во всѣхъ отношеніяхъ, какъ имъ удобнѣе, и никакой особенной «драки» отъ этого не происходитъ и даже совершенно напротивъ: ея тамъ гораздо меньше, нежели у насъ, гдѣ «горластому народу» горло перехвачено туго-на-туго, гдѣ на каждомъ шагу улыбаются ему гостепріимныя объятія участка, гдѣ Маланъ Иванна «все пужается», а Прохоръ Порфирычъ, поддакивая, все дѣйствуетъ на счетъ «прижимки»... Но вѣдь и безконечное терпѣніе «горластаго народа» можетъ, наконецъ, истощиться, и что тогда будетъ и съ Прохоромъ Порфирычемъ, и съ пужливой бабой?..

Меня, впрочемъ, мало интересуетъ этотъ вопросъ о судьбѣ Прохоровъ Порфирычей съ ихъ Маланьями, но о сумбурной дѣятельности ихъ пока, къ сожалѣнію, говорить приходится. Вотъ и еще одна Маланъ Иванна, подъ именемъ Ѳ. Кругового, выскочила въ «Новомъ Времени», помѣстивъ здѣсь корреспонденцію изъ Полтавы, озаглавленную многозначительно: «Изъ нашихъ *праздныхъ* вопросовъ». Что́ «Новое Время» считаетъ праздными вопросами вообще—сказать довольно трудно, такъ какъ въ этомъ «парламентѣ мнѣній» по крайней мѣрѣ семь пятницъ на недѣлѣ и такая на счетъ праздности разноголосица существуетъ, что каждый можетъ понимать ее по своему. Но въ данномъ случаѣ «праздный вопросъ» указанъ совершенно опредѣленно—это вопросъ объ украинской печати и украинскомъ языкѣ въ народной школѣ. Ссылаясь на свой опытъ—тоже, значитъ, свѣдущій человѣкъ эта нововременская Маланья, любезно сообщающая что ей уже 32 года и изъ нихъ не менѣе 26-ти прожила на Украинѣ, гдѣ будто бы даже учительствовала въ народной школѣ—она рѣшительно говоритъ, что украинскаго языка въ школы допускать не нужно. И при этомъ раздѣлываетъ подъ орѣхъ полтавское губернское земское собраніе за его постановленіе допустить на конкурсъ сельско-хозяйственныхъ книгъ также и написанныя на украинскомъ языкѣ. Повліяла на такое рѣшеніе, по мнѣнію нововременской Маланъ Иванны,

конечно, обстановка, а не истинное сознаніе потребности. Горячая рѣчь извѣстнаго въ Малороссіи литератора, аплодисменты

изъ публики—какъ тутъ не подняться за «малорусскій языкъ?» Это было бы такъ не либерально! А въ наше время прослыть нелиберальнымъ гораздо хуже, нежели прослыть похитителемъ... ну, хотя бы носовыхъ платковъ И вотъ, *въ виду этихъ чисто лакейскихъ соображеній, не поднялись только истинно мужественные радѣтели народнаго блага и выразители нужды народа, не считаясь съ симпатіями толпы* [1]).

Ахъ, Маланъ Иванна! А еще, говоритъ, въ народной школѣ учительствовала,—воображаю, какъ она тамъ просвѣщала, если, имѣя въ виду превознести «истинно мужественныхъ радѣтелей народнаго блага», не поднявшихся за «малорусскій языкъ», на самомъ дѣлѣ обругала ихъ, приписавъ имъ «лакейскія соображенія»!.. Нечаянно какъ то наоборотъ вышло!.. Мнѣ нѣтъ нужды защищать полтавскихъ земцевъ отъ нареканій нововременской Маланьи,—они и сами это сдѣлаютъ, если найдутъ нужнымъ. Я хотѣлъ только сказать нѣсколько словъ по общему вопросу, затронутому въ корреспонденціи «Новаго Времени». Со словъ учительствовавшей Маланьи выходитъ такъ, что и въ Великороссіи, и на Украинѣ «пониманіе настоящаго литературнаго русскаго языка учащимся, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, *недоступно*». Допустимъ, что это дѣйствительно такъ, что русскій языкъ одинаково недоступенъ и великороссу, и украинцу,—выводъ, логически отсюда вытекающій, будетъ тотъ, что и въ Великороссіи, и на Украинѣ нужно языкъ школы сдѣлать доступнымъ населенію. Но Маланъ Иванна «все нужается» и все наоборотъ понимаетъ, а потому умозаключаетъ: въ Великороссіи литературный русскій языкъ недоступенъ школьникамъ, такъ какой же резонъ, скажите пожалуйста, дѣлать школьный языкъ доступнымъ населенію на Украинѣ,—пусть и здѣсь обучаются на недоступномъ языкѣ. О, Маланъ Иванна! напрасно выползли вы изъ-за перегородки растеряевскаго заведенія: тамъ для исполненія надлежащихъ функцій логики не требовалось, а на широкомъ бѣломъ свѣтѣ, даже и для корреспон-

---

[1]) «Новое Время», 10426.

дированья въ «Новое Время», она очень и очень бы не помѣшала. Но, говоритъ Малань Иванна, задача школы въ томъ именно и состоитъ, чтобы сдѣлать недоступное доступнымъ (я думалъ доселѣ,—въ сообщеніи знаній) и вотъ —

когда народная школа доводитъ своего питомца до пониманія общерусскаго литературнаго языка, питомцу этому предоставляется такъ или иначе въ распоряженіе такое огромное духовное богатство, какъ великорусская литература; но что же преподнесетъ «малорусская литература» питомцу украинской народной школы, въ случаѣ осуществленія выраженныхъ выше вожделѣній «малорусской интеллигенціи»? Къ какому духовному богатству вы пріобщите этого несчастнаго питомца? Вѣдь нельзя же назвать литературой жалкіе плоды того худосочнаго, подражательнаго сочинительства, какое мы видимъ въ области нынѣшняго литературничанья (!) по малорусски, доступнаго всякимъ безграмотнымъ плагіаторамъ, каковыми напримѣръ являются почти всѣ «малорусскіе драматурги» (что ни для кого уже и не секретъ)...

«*Когда народная школа доводитъ* своего питомца до пониманія общерусскаго литературнаго языка»—говорите вы, достопочтенная Малань Иванна,—получаются такія то и такія то выгоды. Въ томъ то и дѣло: *когда доводитъ*, ну, а *когда не доводитъ*, что тогда получится? Въ томъ вѣдь и вопросъ состоитъ: вамъ говорятъ, что *нé* доводитъ, объясняютъ почему это такъ, а вы произвольно берете гипотетическій случай и начинаете раздѣлывать «малорусскую» литературу, заключая это слово всякій разъ почему то въ ироническія ковычки. Пустивъ, опять таки неизвѣстно почему, шпильку по адресу украинскихъ драматурговъ, Малань Иванна изъ «Новаго Времени» полагаетъ далѣе, что только украинская литература доступна «всякимъ безграмотнымъ плагіаторамъ». Смѣю увѣрить ее, что это заблужденіе: убѣдиться она можетъ, не заглядывая даже на Никольскій рынокъ, а только внимательнѣе присмотрѣвшись къ своимъ товарищамъ по «Новому Времени», среди которыхъ красуется такая, напр., крупная въ этомъ отношеніи величина, какъ г. Энгельгардтъ... На счетъ же худосочія, жалкихъ

плодовъ и т. п. можно бы посовѣтовать нововременской Малань Иваннѣ, свести знакомство хотя бы со свѣдущимъ человѣкомъ изъ «Гражданина»: тотъ по крайней мѣрѣ въ рукахъ подержалъ нѣкоторыя изъ украинскихъ книгъ и могъ бы на худой конецъ ихъ заглавія для просвѣщенія своей нововременской союзницы привести.

И еще нѣсколько словъ по адресу этой союзницы. Во второй части своей корреспонденціи съ цѣлью доказать, что «всѣ ламентаціи друзей «малорусскаго языка» и малорусскаго народа неискренни и безпочвенны» она очень длинно излагаетъ совсѣмъ не интересный эпизодъ съ выпиской нашего журнала въ полтавскую общественную библіотеку. Эпизодъ, повторяю, ничего особеннаго не представляетъ, но и въ немъ Малань Иванна ухитрилась таки найти доводъ противъ свободы украинской печати. Дѣло выходитъ такъ, что «Кіевская Старина» является «единственнымъ пока въ Россіи органомъ на *«малороссійскомъ языкѣ»*, такъ какъ *«почти весь* заполняется повѣстями, разсказами, драмами и пр., написанными исключительно по-малорусски». Между тѣмъ, оказывается, въ Полтавѣ, «сердцѣ Малороссіи, колыбели малорусской интеллигенціи» «Кіевская Старина» очень мало читается. «Нужны ли къ этому еще какіе-либо комментаріи?» съ побѣдоноснымъ видомъ спрашиваетъ Малань Иванна. Безусловно нужны, достопочтенная!.. Я не буду говорить о томъ, заполняется ли вся или почти вся «Кіевская Старина» украинскими произведеніями,—это читатели и сами хорошо знаютъ и, вѣроятно, они согласятся, что Малань Иванна и въ рукахъ «Кіевской Старины» не держала; охотно соглашаюсь и съ тѣмъ, что «Кіевская Старина» не имѣетъ широкаго распространенія, и даже представлю нѣкоторыя «комментаріи» на этотъ счетъ. «Кіевская Старина» является прежде всего спеціальнымъ органомъ; беллетристика и вообще статьи по текущимъ вопросамъ, въ силу узкой спеціальной программы нашего журнала, находятъ въ немъ мѣсто лишь въ видѣ исключенія, а вовсе не заполняютъ его. Малань Иванна, въ качествѣ простой цѣловальничьей бабы, можетъ быть, удовлетворилась бы исключительно беллетристикой, но широкая публика требуетъ прежде всего и ши-

рокой общественной программы, какой при настоящихъ условіяхъ печатнаго слова въ Россіи не можетъ имѣть спеціальный журналъ. Въ наше время только такое изданіе (совершенно независимо отъ языка) можетъ разсчитывать на значительный успѣхъ, которое не лишено возможности быстро и своевременно реагировать на всѣ насущные вопросы, выдвигаемые жизнью. Въ этомъ отношеніи «единственный пока въ Россіи органъ на малороссійскомъ языкѣ», какъ угодно было назвать «Кіевскую Старину» нововременской Малань Иваннѣ, совершенно безсиленъ, и здѣсь то и лежитъ главнымъ образомъ причина того, что интересуется имъ сравнительно узкій кругъ читателей. Не «Кіевская Старина» и не публика въ этомъ повинны, а исключительно общія условія нашего существованія, заключившія насъ въ узкія рамки опредѣленной программы и изъ этихъ рамокъ не позволяющія выходить. «Кіевская Старина», какъ и всякое иное изданіе, могла бы разсчитывать на широкое распространеніе только въ томъ случаѣ, если бы она могла удовлетворять всѣ запросы своихъ читателей, а послѣднее въ свою очередь обусловлено возможностью касаться всѣхъ вопросовъ и вести весь журналъ на украинскомъ языкѣ; пока же этого нѣтъ, до тѣхъ поръ напрасны всѣ попытки возвести успѣхъ или неуспѣхъ «Кіевской Старины» на степень какого-то общаго правила или типическаго для всей украинской журналистики явленія. Когда будемъ имѣть украинскую журналистику, тогда и видно будетъ, на успѣхъ или неуспѣхъ она обречена,—о чемъ имѣю честь поставить въ извѣстность не нуждающуюся въ комментаріяхъ Малань Иванну.

Не ей, конечно, а людямъ, способнымъ мыслить логично и не торжествовать заранѣе, я рекомендовалъ бы прислушаться къ голосу писателя-*великоросса* въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» («еда и Саулъ во пророцѣхъ»? спроситъ, быть можетъ, читатель, помнящій прежнюю позицію этого органа въ украинскомъ вопросѣ). «Ржавыя цѣпи» называется этотъ голосъ и повѣствуетъ онъ о тѣхъ цѣпяхъ, которыя

до сихъ поръ тяготѣютъ надъ украинской литературой. До сихъ поръ, словно безсрочная каторжанка, украинская литература то-

мится подъ гнетомъ подозрѣнія и недовѣрія, вычеркнувшихъ ее оффиціально изъ списка живыхъ. Оффиціально она присуждена къ гражданской смерти въ Россіи.

Литература цѣлаго многомилліоннаго народа, цѣлый классъ писателей обречены на небытіе однимъ росчеркомъ казеннаго пера.

Обрубить вѣтви—не значитъ еще уничтожить корень. Корень живъ и поломанные побѣги, грубо обрубаемая завязь по сю сторону даетъ зелень и цвѣтъ по ту сторону—за рубежомъ.

Цѣпи и гнетъ надъ мыслью никогда не приносили желательныхъ для реакціонеровъ результатовъ. Цѣпи и гнетъ надъ языкомъ всегда были и будутъ безсильны задержать его развитіе. Если не здѣсь, то тамъ. Результаты только скажутся здѣсь, т. е. въ Россіи.

И они уже сказались на Украйнѣ.

Сказались въ безграмотности народа, сказались въ той малой успѣшности школъ, призванныхъ обучать населеніе не на родномъ ему языкѣ, въ равнодушіи къ этой школѣ, явившейся не близкой, родной, а холоднымъ, оффиціальнымъ учрежденіемъ.

Школа-школой, но внѣшкольное образованіе не менѣе необходимо для народа.

Можно-ли говорить о немъ, когда даже Библія на украинскомъ языкѣ еще нѣсколько дней назадъ считалась вреднымъ, запретнымъ чтеніемъ. Позоръ такой регламентаціи теперь смытъ.

Онъ сознанъ. Должно быть сознано также и другое великое зло, проведенное въ жизнь съ чисто средневѣковой жестокостью.

Это зло—смертный приговоръ, объявленный цѣлой литературѣ и замѣненный безсрочной каторгой и кандалами.

Можемъ-ли мы, русскіе писатели, хотя и поставленные сами въ положеніе поднадзорныхъ, спокойно и равнодушно смотрѣть на положеніе нашихъ братьевъ, не смѣющихъ выразить свою мысль и воплотить ее въ образы на родномъ языкѣ? Гоненія на мысль испытала русская литература въ полной мѣрѣ и вышла изъ всѣхъ гоненій побѣдительницею.

Она добивается теперь, вмѣстѣ съ русскимъ обществомъ, свободы своего слова. Но она не можетъ, не смѣетъ забывать ни на минуту, что тутъ же бокъ-о-бокъ съ ней томится въ не-

волѣ ея младшая сестра. Сестра по невзгодамъ, по несчастью, которая молчаливо страдаетъ и рвется тоже на волю. У нея отнято все: даже сложить пѣсню на родномъ языкѣ ей не дозволено, даже перевести Пушкина нельзя. Впрочемъ, иногда бываетъ и можно — все зависитъ отъ произвола. И тяготѣетъ онъ не только надъ мыслью, но и надъ языкомъ, надъ начертаніями буквъ.

Все подъ опекой: языкъ, слово, мысль, инициатива.

Украинская литература, давшая Шевченка, заявила предъ міромъ о своей жизнеспособности.

Украинская литература въ Галиціи выдвинула рядъ молодыхъ, яркихъ силъ. Вычеркнуть все это изъ списка живущихъ можетъ только близорукое самодовольство.

О литературномъ признаніи права на свое существованіе теперь украинской литературѣ уже не приходится хлопотать. Времена исполнились. Литературный споръ оконченъ.

Онъ былъ оконченъ именно тогда, когда выступило на сцену оффиціальное отрицаніе ея правъ на существованіе.

„Сепаратизмъ", „польская интрига" явились устрашающими жупелами. Дальновидные политики видѣли ихъ въ украинской литературѣ.

Литература взята была въ подозрѣніе. Инквизиція наряжала свое слѣдствіе, секретно ставила свои приговоры, отсѣкая молодые ростки, задерживая искуственно ихъ ростъ.

Въ законѣ нѣтъ и не было никакихъ ограниченій. Ихъ создали рядъ циркуляровъ и секретныхъ повелѣній. Создаются временныя мѣры. Временныя мѣры, какъ часто на Руси, обращаются въ постоянныя и около полувѣка являются единственными руководительницами ретивыхъ исполнителей закона, тайно сочиненнаго въ канцеляріяхъ.

Временныя политическія обстоятельства давно уже миновали.

Исчезли жупелы „сепаратизма" и „интриги", такъ смущавшіе сонную благодать петербургскихъ сановниковъ, но временныя мѣры остались во всей силѣ до сихъ поръ. Даже хуже.

Въ концѣ концовъ наслоеніе дошло до того, что сами малороссіяне „изъ засѣдавшихъ въ цензурномъ комитетѣ" пришли

къ заключенію, что малороссійскій языкъ есть своего рода эсперанто, т. е. есть языкъ выдуманный и сочиненный нѣкоторыми малороссами и въ особенности поляками.

Драгоцѣнное лингвистическое разысканіе хотя и не нашло поддержки въ академіи наукъ, но было возведено на степень аксіомы. Оставалось ее запротоколить и сообщить къ свѣдѣнію и руководству. Министерству народнаго просвѣщенія съ краской стыда, хотя и съ весьма малымъ рвеніемъ, пришлось отпарировать невѣжественную аксіому, возводившуюся въ перлъ созданія, и заявить, что если гоненія на мысль еще допустимы, то гоненія на языкъ совсѣмъ уже не выдерживаютъ критики.

Валуевъ же находилъ „въ видахъ политическихъ", что все допустимо и всѣ прекрасны средства. Самое же распрекрасное—острастка. Она и начинается по всѣмъ флангамъ.

Съ измышленіемъ нѣкоторыхъ малороссовъ и поляковъ—„съ украинскимъ языкомъ церемониться нечего". На „измышленный языкъ" прямо преступно переводить священныя слова Библіи и вообще нельзя ничего переводить.

Такимъ образомъ, поставивъ во главу угла невѣжественное мнѣніе о происхожденіи украинскаго языка, утвердивъ его на пьедесталѣ непогрѣшимости, легко было „тащить и не пущать".

Ошибки всегда возможны.

Валуеву и Каткову нужно было сознательно завѣдомую ошибку возвести на степень истины. Сознательная грубая ошибка породила рядъ такихъ же печально грубыхъ слѣдствій. Они привели къ тому, что стерли по возможности всѣ проявленія жизни въ украинской литературѣ. Признавъ, что съ несамостоятельнымъ языкомъ нечего церемониться, начали безцеремонно обращаться и съ произведеніями языка. Произведенія на измышленномъ языкѣ были признаны ненужными. Но такъ какъ писателей не перевести разомъ, создавшуюся уже литературу не свести однимъ почеркомъ пера на нѣтъ, то были приняты мѣры измора.

Писателямъ нужна арена, аудиторія. Арена была уничтожена. Съ 1863 года до сихъ поръ не было разрѣшено ни одного журнала въ Россіи на украинскомъ языкѣ. Было запрещено и печатное изданіе въ Имперіи оригинальныхъ произведеній и переводовъ, за исключеніемъ беллетристики и историческихъ документовъ

товъ. Кромѣ того, поставлено условіемъ при печати не допускать никакихъ отступленій отъ общепринятаго русскаго правописанія. Академія наукъ, однако, нашла это запрещеніе вполнѣ не научнымъ и въ своихъ изданіяхъ при цитатахъ малороссійскаго языка не придерживается этого „ученаго“ предписанія.

Повелѣніемъ 1876 года запрещенъ также ввозъ изъ-за границы всѣхъ книгъ на украинскомъ языкѣ, безъ особаго разрѣшенія главнаго управленія по дѣламъ печати, запрещены сценическія представленія [1]) и даже печатаніе текста къ „музыкальнымъ нотамъ“.

Цензура, дѣйствующая и пресѣкающая, пошла еще дальше и породила цѣлый рядъ произвольныхъ отклоненій, усиленій и ослабленій, въ зависимости отъ личныхъ лишь взглядовъ цензоровъ. Создалось нѣчто странное. Создался заколдованный кругъ. Въ центрѣ его дышащая на ладонъ, но не умирающая, мечтающая о лучшей долѣ литература, въ периферіи—сугубая стража, зорко слѣдящая за всякимъ проявленіемъ жизни и недоумѣнно вопрошающая: какъ быть съ преступницей, не умирающей, несмотря на всѣ плети, кандалы и скорпіоны, но всечасно подающей надежды на долгую жизнь?!

Бóльшихъ терзаній, какія выпали на долю украинской литературы, не измыслить. И пыткамъ, и жестокостямъ есть предѣлъ. Нѣтъ его только для жизни духа. Все передъ ней никнетъ, нѣмѣетъ. Идти дальше въ томъ же направленіи цѣпей и терзаній—некуда. Сорокъ лѣтъ создали сплошной кошмаръ и для опекаемыхъ, и для опекуновъ.

Нужно сдѣлать нѣчто въ другомъ направленіи. И это другое направленіе такъ ясно, такъ просто.

Частично вопросъ уже рѣшенъ дозволеніемъ перевода Священнаго Писанія. Необходимо покончить съ ложью, опутывавшей жизнь милліоновъ. Покончить же съ съ нею такъ просто и такъ легко: нужно раскаяться въ старомъ и начать жить по новому.

[1]) Разрѣшаемыя условно.

А это значитъ, въ данномъ случаѣ, только сдать въ архивъ „лингвистическія истины“ Валуева и замѣнить ихъ дѣйствительно научными.

Признать, что малорусскій языкъ не измышленіе нѣсколькихъ хохловъ и поляковъ, а живой языкъ чуждой сепаратизма народности.

Давленіе, а не свобода, пробуждало въ дѣйствительности сепаратистическія стремленія [1]...

«Ржавыя цѣпи»—это характеристика съ другой стороны тѣхъ самыхъ мѣръ, которыя кн. Мещерскому представляются «не взбаламошными и не фанатичными, а разумными». На чьей сторонѣ правда—думаю, нечего распространяться. Вполнѣ ясно, конечно, что давленіе, а не свобода, возбуждаетъ всѣ эти проклятые, до сихъ поръ, не смотря на всю ихъ элементарную простоту—не рѣшенные вопросы, иначе у насъ никакихъ вопросовъ давно бы уже не существовало, ибо чѣмъ-чѣмъ, а избыткомъ свободы мы не избалованы и въ давленіи никогда недостатка не ощущали. А между тѣмъ не только не воцарился мертвый покой, какъ хотѣли бы того всевозможные Прохоры Порфирычи съ Маланьями Иваннами, но вопросы все растутъ и растутъ, надвигаются цѣлыми тучами, все усложняясь и грозя всю нашу жизнь, все существованіе цѣлой страны обратить въ одинъ сплошной, огромный вопросительный знакъ... Выходъ изъ этого положенія—и общій, и спеціальный для насъ, украинцевъ,—указанъ вполнѣ опредѣленно; подчеркиваетъ его и опубликованная въ «Сынѣ Отечества» записка кіевской интеллигенціи «О нуждахъ украинской печати», ставящая нашъ вопросъ на почву, общую всѣмъ вопросамъ.

Если положеніе печати въ Россіи,--говоритъ записка,--вообще тягостно, то положеніе печати украинской—совершенно невыносимо; если руская печать испытываетъ на себѣ всѣ послѣдствія безправія, административнаго произвола и вынужденнаго молчанія о самыхъ насущнѣйшихъ вопросахъ жизни, то украинская уже и вовсе

[1] „Биржевыя Вѣдомости“, № 8715.

лишена возможности касаться какихъ бы-то ни было жизненныхъ вопросовъ. Она уже издавна ограничена въ правахъ на существованіе и съ 1863 г. обречена на искорененіе. Въ силу извѣстнаго распоряженія 18—30 мая 1876 г. текущая литература на украинскомъ языкѣ *воспрещена вовсе*, за исключеніемъ произведеній изящной словесности. Но лицамъ, призваннымъ вершить судьбы печатнаго слова въ Россіи, даже и эта узкая сфера дѣятельности показалась слишкомъ широкой для украинской печати, и цѣлымъ рядомъ канцелярскихъ распоряженій запрещено было изданіе всякихъ періодическихъ органовъ, печатаніе переводовъ, книгъ для дѣтскаго чтенія, хотя бы и беллетристическихъ; дѣлались даже распоряженія о запрещеніи всякой значительной по объему или отличающейся литературными достоинствами книги, хотя бы она относилась и къ изящной словесности. Всѣмъ этимъ украинскіе писатели поставлены были внѣ возможности работать у себя дома,—они вынуждены были перенести свою дѣятельность заграницу, въ тотъ уголокъ родной земли, который является составной частью сосѣдняго нѣмецкаго государства, предоставившаго необходимую свободу для развитія славянской литературы, изгнанной изъ государства славянскаго. Галицкія украинскія изданія заполнялись произведеніями, принадлежашими уроженцамъ россійской Украйны; галицкія украинскія учрежденія получали оттуда же матеріальную поддержку въ видѣ достигающихъ значительной суммы капиталовъ, въ разное время переданныхъ туда для развитія дѣятельности этихъ учрежденій въ пользу хотя небольшой части родного народа. Такимъ образомъ былъ созданъ новый культурный центръ украинской жизни во Львовѣ, куда ушли всѣ эти литературныя и научныя работы, всѣ эти капиталы, только потому, что они не могли найти приложенія у себя дома, гдѣ по условіямъ мѣста могли бы принести наибольшую пользу.

Конечно, работа хотя бы и для небольшого уголка родной земли, какимъ являются украинская Галиція и Буковина, даетъ нѣкоторое нравственное удовлетвореніе украинскимъ дѣятелямъ; но оно ничтожно по сравненію съ тѣмъ чувствомъ невыразимой боли, которая охватываетъ ихъ при взглядѣ на положеніе родного народа здѣсь, дома. Они видѣли, что народъ лишенъ един-

ственно возможнаго для него средства просвѣщенія—школы и книги на родномъ языкѣ; они были свидѣтелями того безпощаднаго процесса, который все болѣе и болѣе погружалъ населеніе родной страны въ безпросвѣтный мракъ невѣжества. Духовныя творческія силы народа замирали; падала его культура; онъ являлся безсильнымъ въ борьбѣ съ неблагопріятными соціальными и экономическими условіями, доводившими его положеніе до полной безысходности. Все это совершалось на глазахъ украинскихъ дѣятелей, но руки ихъ были связаны, уста наглухо закрыты: у нихъ отнято было право и возможность научить народъ родной грамотѣ, разъяснить ему его положеніе, указать ему пути къ дальнѣйшему развитію. Оставаясь физически на родинѣ, прикованные къ ней всѣми своими чувствами, помыслами и интересами, они духовно были изгнаны изъ нея и должны были жить среди родного народа безправными изгнанниками, нѣмыми свидѣтелями совершающагося...

Не въ силахъ болѣе терпѣть этого порядка вещей, мы, возвышая свой голосъ въ защиту попранныхъ началъ правды, права и самой элементарной справедливости, требуемъ возвращенія намъ родины, отнятой у насъ. Полная отмѣна всякихъ ограниченій, спеціально созданныхъ для нашего родного слова, уравненіе украинской литературы въ правовомъ отношеніи съ литературами всѣхъ другихъ народовъ, возможность пользоваться роднымъ языкомъ во всѣхъ отрасляхъ литературы и науки, въ книгахъ и періодической прессѣ,—вотъ требованія, которыя настоятельно ждутъ своего осуществленія. Всякая частичная отмѣна дѣйствующихъ въ настоящее время ограниченій, всякія полумѣры въ этомъ направленіи не могутъ явиться удовлетворительнымъ разрѣшеніемъ больного вопроса и будутъ приняты всѣмъ сознательнымъ украинскимъ обществомъ, какъ продолженіе той же политики, столь дорого оплачиваемой народомъ и столь долго вызывавшей и обострявшей недовольство и раздраженіе всѣхъ классовъ населенія. Твердо въ то же время вѣря, что лишь свободная печать можетъ выполнять съ успѣхомъ трудное и отвѣтственое дѣло служенія родной странѣ, мы присоединяемся къ тѣмъ пожеланіямъ, которыя достаточно ясно выражены уже общественнымъ мнѣніемъ всей мыслящей Россіи—къ пожеланіямъ освобожденія печатнаго слова, безъ различія языка, отъ гнета

предварительной цензуры и всякаго иного неправомѣрнаго вмѣшательства въ сферу духовной жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы полагаемъ, что это соотвѣтствующее великимъ задачамъ и достоинству печатнаго слова положеніе можетъ быть обезпечено лишь созданіемъ такихъ условій общественнаго правопорядка, при которыхъ сдѣлается возможнымъ участіе свободно избранныхъ всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ народныхъ представителей въ осуществленіи законодательной власти [1]).

Кромѣ приведенныхъ— единичнаго и коллективнаго—заявленій, можно указать цѣлый рядъ подобнаго же рода статей, извѣстій и замѣтокъ [2]), которыя освѣщаютъ различныя стороны украинскаго вопроса и съ несомнѣнностью устанавливаютъ одно положеніе: пора уже прекратить прежнюю политику отношеній къ украинскому народу и его насущнымъ потребностямъ, создавъ при этомъ прочныя основы такого правопорядка, который бы гарантировалъ невозможность повторенія подобныхъ отношеній въ будущемъ. Къ сожалѣнію, и данный вопросъ не вышелъ еще изъ

---

[1]) «Сынъ Отечества», № 21 (перепеч. въ „Полтавщинѣ", № 84). Записка подписана свыше, чѣмъ 100 лицами, но сверхъ того почти каждый свѣжій номеръ „С. О." приноситъ все новыя и новыя подписи, общее число которыхъ въ настоящее время доходитъ до 1000.

[2]) «Краткій очеркъ изъ исторіи отношеній русскихъ цензурныхъ законовъ къ украинской литературѣ» Ник. Фабриканта, «Русская Мысль, кн. III»; «Малорусская цензура» проф. Сумцова, «Русскія Вѣдомости», № 73; «Къ украинскому вопросу» О. Крыжановскаго, «Сынъ Отечества», № 27; «О такъ называемомъ украинофильствѣ» И. Стешенка, «Кіевскіе Отклики», № 84; «Украинскій вопросъ въ освѣщеніи «Гражданина» И. Стешенка, „Кіевскіе Отклики", № 89; „Голосъ изъ села" Сельскаго священника, „Полтавщина", № 78 (перепечатка въ № 91 „Кіевскихъ Откликовъ" подъ заглавіемъ: „Къ характеристикѣ украинскаго села въ настоящее время"); „Къ вопросу о малороссійской печати" Н. Глинюка, „Елисаветградскія Новости", № 4444; „Странное мѣсто" Б. Гринченка, „Южныя Записки", № 12; „Украинофилы" И. Стешенка, „Южныя Записки", № 13 и др.

области пожеланій, заявленій и резолюцій, не вступилъ въ зону дѣла, не воплотился въ какія-либо мѣропріятія практическаго характера: все остается по-старому и ничего не измѣнилось, хотя кн. Мещерскій и «пужается» той «быстрой работы мысли», какую будто бы проявляютъ органы бюрократическаго управленія... Въ отношеніи неизмѣняемости положенія мы раздѣляемъ общую долю всей Россіи, безвозвратно утратившей уже всякое довѣріе къ заявленіямъ бюрократіи и всякую надежду на благополучное разрѣшенія вопіющихъ вопросовъ путемъ всевозможныхъ бюрократическихъ комиссій, совѣщаній и т. п. Лучшимъ образцомъ «быстрой работы» бюрократической мысли служитъ обѣщанная въ рескриптѣ 18 февраля общая реформа, до сихъ поръ покрытая полною таинственностью и непрогляднымъ мракомъ неизвѣсности.

Раскрѣпощеніе во всѣхъ отношеніяхъ многострадальнаго населенія Россіи продолжаетъ, слѣдовательно, оставаться вопросомъ, вокругъ котораго группируется все, что есть лучшаго въ странѣ. Но участвуя въ разрѣшеніи этого общаго вопроса, который, конечно, есть «всѣмъ вопросамъ вопросъ», невозможно забывать также о существованіи и другихъ вопросовъ, хотя имѣющихъ болѣе частное значеніе, но тѣмъ не менѣе охватывающихъ интересы громадныхъ группъ населенія и потому требующихъ немедленнаго рѣшенія,—таковы вопросы: рабочій, крестьянскій, національный и др. Возложить все упованіе свое на то, что «баринъ къ намъ пріѣдетъ, баринъ насъ разсудитъ»—было бы трудно поправимой въ будущемъ ошибкой, ибо и баре бываютъ разные: иной только и умѣетъ, что зуботычины во всѣ стороны раздавать, а какой же это, скажите пожалуйста, судъ—зуботычина?.. Чтобы устранить возможность появленія «барина» съ наклонностью къ зуботычинамъ въ какую бы то ни было сторону, должны быть поставлены одновременно и въ связи съ общимъ вопросомъ на разрѣшеніе и всѣ частные вопросы болѣе серьезнаго значенія, къ какимъ относится и вопросъ національный. Для всякаго вѣдь очевидно, что въ національномъ отношеніи Россія вовсе не представляетъ собой однороднаго тѣла, а напротивъ—

соединеніе многихъ національностей [1]), изъ которыхъ каждая обладаетъ собственной духовной организаціей, языкомъ, культурой

[1]) Привожу, кстати, по переписи 1897 г. («Русскія Вѣдомости», № 88, ст. «Къ вопросу дня») свѣдѣнія объ этнографическомъ составѣ населенія Россіи, располагая народы въ убывающемъ порядкѣ по ихъ численности.

	Число жителей обоего пола.		% къ общему числу населенія Россіи.
Великороссы . . .	55,667,469	или	44,30
Украинцы	*22,380,551*	„	*17,31*
Поляки.	7,931,307	„	6,31
Бѣлоруссы.	5,885,547	„	4,68
Евреи	5,063,156	„	4,03
Киргизъ-Кайсаки.	4,084,139	„	3,21
Татары	3,737,627	„	2,97
Нѣмцы	1,790,489	„	1,42
Башкиры и тептери	1,439,136	„	1,25
Латыши	1,435,937	„	1,14
Грузины, имеретинцы и мингрельцы	1,336,448	„	1,06
Литовцы.	1,210,510	„	0,96
Армяне	1,173,096	„	0,93
Молдав. и румыны	1,121,669	„	0,89
Мордва	1,023,841	„	0,81
Эсты	1,002,738	„	0,80

Каждая изъ остальныхъ народностей, которыхъ насчитывается по оффиціальнымъ даннымъ свыше 20, составляетъ группу менѣе, чѣмъ въ милліонъ человѣкъ обоего пола.

Данная для украинцевъ цыфра—22,380,551 едва ли показываетъ истинную численность нашего народа. Дѣло въ томъ, что національность по переписи 1897 г. опредѣляется на основаніи показаній о родномъ языкѣ, а въ этомъ послѣднемъ отношеніи было много вольной и невольной путаницы. Мнѣ лично, напр., извѣстны случаи, когда лица, завѣдывавшія переписными участками, заполняли соотвѣтственную рубрику совершенно произвольно. Я не говорю уже о нормальномъ приростѣ населенія въ періодъ, истекшій со времени послѣдней переписи;

и тому подобными особенностями, и въ зависимости отъ этого имѣетъ и собственные интересы и потребности. На громадномъ пространствѣ нынѣшней Россіи бокъ-о-бокъ живутъ народы, отличающіеся какъ отъ государственнаго великорусскаго племени, такъ и другъ отъ друга болѣе или менѣе значительными особенностями, въ настоящее время совершенно игнорируемыми централистической системой управленія. Естественно желать, чтобы такое игнорированіе отсутствовало въ будущей Россіи, государственное устройство которой должно поэтому основываться на совершенно иныхъ началахъ, не производя дѣленія гражданъ по народностямъ на «любимчиковъ» и «постылыхъ», какъ Щедринская мамаша, а одинаково участливо и заботливо относясь къ интересамъ и нуждамъ всѣхъ національностей. Оставить въ неприкосновенности или отстрочить рѣшеніе національнаго вопроса—значило бы въ значительной степени ослабить значеніе государственнаго переустройства и создать въ будущемъ возможность новой борьбы, которая въ конечномъ счетѣ привела бы къ тому же угнетенію слабѣйшихъ націй, которое составляетъ одну изъ язвъ современной Россіи. «Самая либеральная конституція для народа-хозяина,—справедливо замѣчаетъ «Восходъ»,—если ею обдѣлены будутъ прочія народности имперіи, не установитъ, конечно, мира и согласія. Этотъ миръ можетъ быть достигнутъ только признаніемъ всѣхъ національностей, входящихъ въ составъ населенія имперіи, равноправными строителями русской земли, равноправными хозяевами ея» [1]). Что такое сознаніе не принадлежитъ исключительно заинтересованнымъ группамъ, а является общепризнаннымъ среди довольно широкихъ круговъ общества,—это доказывается хотя бы резолюціей, принятой предварительнымъ совѣщаніемъ столичныхъ и провинціальныхъ журналистовъ, состоявшимся 3--4

этотъ приростъ г. М. Русовымъ (см. „Діло", № 66) исчисляется въ 2,870,000, считая $1^1/_2$% въ годъ на 23,375,301,—цыфру, принимаемую упомянутымъ изслѣдователемъ за минимальное число украинцевъ въ Россіи.

[1]) Цит. по газетѣ „Сынъ Отечества", № 38.

марта въ Петербургѣ. Пунктъ шестой этой резолюціи касается именно національнаго вопроса и предлагаетъ слѣдующую его формулировку:

> Собравшіеся представители печати считаютъ необходимымъ проводить въ сознаніе всего населенія принципъ полнаго гражданскаго равноправвія всѣхъ народностей и признанія за каждой изъ нихъ права на культурное и политическое самоопредѣленіе [1].

Чрезвычайно важнымъ обстоятельствомъ является то, что такая резолюція принята именно собраніемъ журналистовъ. Хотя «шестая великая держава»—печать у насъ и въ большомъ загонѣ, тѣмъ не менѣе она все-таки представляетъ сильное орудіе распространенія истины и справедливости. На обязанности дѣятелей печати лежитъ, поэтому, освѣщеніе и подробная разработка тѣхъ практическихъ выводовъ, которые могутъ и должны быть сдѣланы изъ приведенной—по необходимости слишкомъ общей, а потому и недостаточно опредѣленной — формулировки національнаго вопроса. Нѣкоторыя попытки въ этомъ направленіи, при томъ касающіяся непосредственно украинскаго вопроса, были уже сдѣланы въ печати за послѣднее время. Но о нихъ въ слѣдующій разъ.

Сергій Ефремовъ.

---

[1] „Сынъ Отечества", № 20.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Кромѣ того, двухнедѣльная «Научная хроника» *(И. Брусиловскій)* и Библіографія.

Въ первыхъ вышедшихъ десяти книжкахъ за 1905 годъ были помѣщены прозведенія слѣдующихъ авторовъ: *И. Бѣлконскаго*, *Каз. Баранцевича*, *В. Брусянина*, *Ведребисели*, *Житецкаго*, *Вл. Короленко*, *С. Лисенко*, *Л. Личкова*, *М. Лучицкой*, *Лотоцкаго*, *М. Моргулиса*, *проф. Овсянико-Куликовскаго*, *Т. Осадчаго*, *А. Петрищева*, *С. Протопопова*, *А. Серафимовича*, *Слѣпцова*, *И. Стешенко*, *А. Федорова*, *Ф. Щербины*, *А. Черевковой*, *Александра Яблоновскаго* и мн. др.

Письма изъ Петербурга *Александра Яблоновскаго*, изъ Москвы *В. Массальскаго*, изъ Галиціи *П. Стояна*, объ одесскихъ городскихъ дѣлахъ *С. Лазаровича*.

Въ областномъ отдѣлѣ были напечатаны:

Кавказскія письма *Ф. Щербины*, Кіевскія письма *А. Петрищева*, *Ал. Саликовскаго*, Волынскія письма *Дм. Марковича*, Крымскія письма *А. Михайлова*, *Ал. Кондури*, письма изъ Закавказья и Кавказа *Г. Туманова*, *Ев. Баранова*, *Я. Генджіана*, *В. Герценштейна*, изъ Таврической губ. *М. Неручева*, *А. Ельяшевича*, изъ Полтавской губ. *М. Сосновскаго*, *М. Рклицкаго*, изъ Черниговской губ. *Ив. Соколовскаго*, *М. Могилянскаго*, *Н. Быховскаго*, изъ подольской губ. *О. Зновицкаго*, *Ал. С—каго*, изъ Екатеринославской губ. *С. Балабухи*, *И. Сокола*, письма изъ Бессарабіи *Сельскаго Жителя*, *Г. Ногачевскаго*, *М. Степанова*, изъ Пріазовья *П. Сурожскаго*, изъ Херсона *Гр. Сьогобочняго*, изъ Курска *Г. Звягинцева*, изъ Черноморской губ. *Н. П.*, изъ Николаева *Сав. Семвновичъ*, изъ Батума, Ялты, Симферополя. Екатеринодара и пр.

Условія подписки: На годъ—6 руб., полгода—3 руб., на три мѣсяца—1 руб. 50 коп. Народнымъ учителямъ, земскимъ и городскимъ служащимъ, сельскому духовенству и учащимся «Южныя Записки» высылаются за 4 руб. въ годъ, за 2 руб. въ полгода и за 1 руб. на три мѣсяца. Въ розничной продажѣ цѣна номера 15 коп.

Въ виду того, что разошлись всѣ номера за январь мѣсяцъ, подписка принимается только съ февраля (съ № 6).

Адресъ редакціи и конторы „Южныхъ Записокъ“: *Одесса, Троицкая ул. № 26.*

ковой, пер. *М. Троповской.* III. Самъ по себѣ—*Н. И. Тишковскаго.* IV. Петръ Каменциндъ. *Гер. Гессе.* пер.—*Н. К.* оконч. V. „Герой" убитъ.—*Л. Н. Тычино.* VI. Изъ послѣднихъ новеллъ Артура Шницлера. Слѣпой Іеронимо и его братъ—пер. *S. W.* VII. На родину.—*Г. Вилліама.* VIII. Стих.—*А. Тулубьева.* XI. Изъ муницип. жизни въ Германіи—*В. Я. Канеля,* прод. X. Записки о народ. чтеніяхъ—*Л. К.* XI. Персія и персид. вопросъ въ Англ. политикѣ—*М. К. П.* оконч. XII. На зарѣ свободы—*А. А. Кузеветтера.* XIII. Къ исторіи русской идейной поэзіи.—*Юр. Веселевскаго.* XIV. Книга въ деревнѣ.—*А. Смирнова.* XV. Литер. дебюты А. П. Чехова—*В. В. Каллаша.* XVI. Краткій очеркъ изъ исторіи отношеній рус. цензур. законовъ къ украин. литературѣ—*Ник. Фабриканта.* XVII. Потреб. общ. въ Бельгіи *В. Ѳ. Тотоміонца.* XVIII. Жур. обозр. XIV. Внутр. обозр. XX. Иностр. обозр.—*В. А. Г.* XXI. Управ. город. училищами въ Москвѣ—*М. П. Щепкина.* XXII. Библіогр. XXIII. Объявлен.

Ближайшее участіе въ редакціи принимаютъ В. А. Гольцевъ и А. А. Кизеветтеръ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Подп. цѣна съ дост. и	12 м.	9 м.	6 м.	3 м.	1 м.
перес. во всѣ мѣста Рос.	12 р.	9 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу	14 р.	10 р. 50 к.	7 р.	3 р. 50 к.	1 р. 25 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ, 1 апр. 1 іюля, 1 окт. по 3 руб. при непосред. обращеніи въ к-ру или ея отд. Цѣна отд. нумера съ переу. 1 р. 30 к. книгопрод. дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ полнаго экземпляра. Подписка принимается въ Москвѣ въ к-рѣ журнала: Ваганьк. пер. д. Куманина. Въ СПБ. въ Варшавѣ, Вильнѣ въ кн. магаз. Карбасникова, въ Кіевѣ въ кн. магаз. Оглоблина.

Всѣ изданія ред. «Русской Мысли» находятся на складѣ при типогр. Кушнерова и К°.

Редакторъ-издатель *В. Лавровъ.*

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ «Кіевской Старинѣ» печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

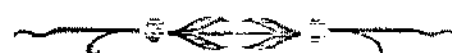
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ LXXXIX.

1905 г.

МАЙ.



КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.
1905.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

I. ДАЛЬНЕ-ВОСТОЧНАЯ УКРАИНА *В. Илличъ-Свитычъ.* 161—197
II. НА ВОКЗАЛИ. (Нарысъ). *М. Непыйвода.* . . . . 198—204
III. ВЕСИЛЛЯ ВЪ С. ОТАКАХЪ. (Этнографичный нарысъ). *Вол. Яблоновськый* . . . . 205—227
IV. РОДНАЯ ИСТОРІЯ. (Проф. Мих. Грушевскій. Очеркъ исторіи украинскаго народа. СПБ. 1904. стр. 380 ц. 2 р. *В. Черепина.* . . . . 228—233
V. В. Н. КАРАЗИНЪ. Его жизнь и общественная дѣятельность. (Продолженіе). *Н. Тихій* . . . . 234—291
VI. ПАНСЬКА КРУЧА. *Мих. Сосновськый* . . . . 292—308

Отдѣлъ II.

I. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Історія Украіни-Руси, (з образками) написавъ Олександер Барвіньский. *В. Д.*; б) Леонидъ Глибивъ. Творы. *М. П—скій*; в) Т. Рыльськый. Про херсоньски заробиткы. *М. П—скій*; г) „Счаслывою стежкою", оповидання. *М. П—скій*; д) Иванъ Франко. „Безъ праци". Казка. *М. П.*; е) Обзоръ украинскихъ изданій 1904 г. *В. Поточный*; ж) Обзоръ журналовъ текущаго года. . 113—147
II. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ украинскому вопросу. *В. Науменка*; б) Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его отношенія къ евреямъ. Сообщ. *И. В. Галантъ*; в) Неизвѣстное стихотвореніе К. Д. Думитрашка. Сообщ. *В. Доманицкій*; г) По поводу одной мнимо-народной пѣсни о панщинѣ и повстаньѣ. *В. Д.*; д) Дѣдъ П. А. Кулиша Сообщ. *Иванъ Абрамовъ*; е) Грамота св. Ѳеодосія, архіепископа Черниговскаго. *Гр. Коваленко*; ж) Замѣтка къ работамъ П. А. Кулиша по поводу „положенія о крестьянахъ"; з) Извѣщеніе редакціи; і) Текущія извѣстія . . . 161—182
ЗАМѢТКИ НА ТЕКУЩІЯ ТЕМЫ *Сергія Ефремова* . . 183—212
ОБЪЯВЛЕНІЯ . . . . 1—5

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

ТОМЪ LXXXIX.

1905 г.

МАЙ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра Акціон. О-ва печ. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1905.

Дозволено Цензурою. Кіевъ, 12 апрѣля 1905 г.

ДАЛЬНЕ-ВОСТОЧНАЯ УКРАИНА.

I.

Такимъ именемъ я называю нѣкоторую часть южно-уссурійскаго края въ Приморской области, заселенную по преимуществу выходцами изъ Малороссіи, коренной лѣво- и право-бережной Украины, переселенцами Черниговской, Полтавской, Кіевской, Волынской и Подольской губерній.

Какъ образовалась дальне-восточная Украина, т. е. почему и кто поселился здѣсь впервые, кто и почему положилъ ей здѣсь начало—я не знаю и, думаю, никто этого не знаетъ въ точности.

Время основанія ея, сравнительно недавнее, — лѣтъ сорокъ съ небольшимъ,—совпадаетъ вообще съ началомъ русской вольной колонизаціи края и, надо думать, обусловлено моментомъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, т. е. именно тѣмъ моментомъ, когда крестьянинъ не рискуя быть пойманнымъ въ качествѣ бѣглаго отъ помѣщика, получилъ возможность двинуться съ мѣста.

Земельная тѣснота сразу дала себя почувствовать особенно сильно именно на Украинѣ, гдѣ населеніе было сравнительно густо и гдѣ помѣщикъ, принужденный освободить своего крѣпостного, не выказалъ щедрости въ надѣленіи его землей.

Получившій относительную свободу передвиженія такой земельно-угнетенный отправился искать мѣста, гдѣ-бы можно было

осѣсть и вести сколько нибудь сносное человѣческое существованіе. Естественно, что онъ двинулся на востокъ, представлявшій, если такъ можно выразиться, locum minoris resistenciae, хотя-бы въ силу одного своего простора. Проходя по равнинѣ Европейской Россіи, такой искатель мѣста гдѣ лучше, всюду видѣлъ положеніе, во многихъ отношеніяхъ сходное съ тѣмъ, которое онъ самъ покинулъ; всюду освобожденный крѣпостной устанавливалъ свои отношенія къ бывшему своему владѣльцу, разверстывался съ нимъ въ земельныхъ дѣлахъ, и потому Европейская Россія для такого искателя ничего соблазнительнаго представить не могла.

За Ураломъ, въ Сибири, украинецъ ищущій уголка гдѣ лучше встрѣтилъ большой земельный просторъ, но сибирская дремучая тайга, сибирская холодная, безконечная зима, вообще своеобразная суровая природа Сибири не пришлась по сердцу свободному искателю, если не счастья, то хоть гдѣ лучше, и онъ двинулся дальше и, пройдя всю Сибирь отъ Урала до Великаго океана, остановился на Уссури.

И климатъ, и почва, и лѣсъ, лиственный, а не хвойный, какъ сибирская тайга, и синева неба, и короткая, сравнительно мягкая зима, рѣзко отличаясь отъ сибирскихъ, отдаленно напоминали ему родную Украину; и онъ остановился здѣсь, осѣлъ и положилъ основаніе новой родинѣ.

Такимъ мнѣ представляется процессъ, предшествовавшій основанію дальне-восточной Украины.

Послѣдующій понятенъ и болѣе или менѣе извѣстенъ.

Прельщенный природой Южно-Уссурійскаго края, первый переселенецъ попробовалъ осѣсть и заняться своимъ исконнымъ дѣломъ хлибороба, вспахалъ и засѣялъ пашню. И она его не обманула, давъ роскошный урожай. Мѣсто гдѣ лучше было найдено—и онъ осѣлъ.

Тамъ, на далекой, родной Украинѣ у него остались близкіе родственники, добрые сосѣди и хорошіе знакомые, съ которыми онъ поспѣшилъ подѣлиться своимъ счастьемъ, своей радостью, и кадръ заселенія Южно-Уссурійскаго края, ядро новой дальне-восточной Украины образовалось легко и скоро. Къ пер-

вому засельщику потянулись родные, сосѣди, знакомые, которые свободно селились одинъ подлѣ другого, образуя хуторъ, поселокъ, деревню...

Оффиціальныя изслѣдованія заселенія Южно-Уссурійскаго края считаютъ началомъ его шестидесятые годы минувшаго столѣтія и дѣлятъ время заселенія края на 3 періода: 1-й отъ 1861 по 1883-й годъ, когда переселеніе совершалось черезъ Сибирь, сухимъ путемъ, 2-й съ 1883-го по 1900-й годъ, когда переселенцы направлялись изъ Одессы во Владивостокъ моремъ, и 3-й—до 1903 года, когда переселенцы слѣдовали по сибирской желѣзной дорогѣ, и дальше частью по Амуру до Хабаровска или, кромѣ сибирской, еще и по Китайской Восточной.

Кромѣ способовъ передвиженія, эти періоды различаются еще одинъ отъ другого и численностью ежегодно переселявшихся. Такъ, въ первый періодъ въ среднемъ число ежегодно поселявшихся въ южно-уссурійскомъ краѣ выражается цифрой 150 душъ, причемъ крайности колебанія выражаются 879 душ. въ 1869 году и 13 душ. въ 1873 году. Во второмъ періодѣ число переселяющихся достигаетъ въ среднемъ 2500 душъ, а въ третьемъ опредѣяется 10000.

Такая разница въ числѣ переселявшихся въ разные періоды обусловливается тѣмъ, что въ первый переселеніе происходило, такъ сказать, естественнымъ путемъ, безъ какихъ либо стороннихъ соображеній и вызывалось съ одной стороны перманентнымъ земельнымъ утѣсненіемъ на родинѣ, а съ другой, какъ я сказалъ уже, сообщеніями раньше переселившихся о благопріятныхъ условіяхъ поселенія на новыхъ мѣстахъ.

Слѣдующій періодъ, имѣя съ одной стороны туже непрекращающуюся причину земельнаго утѣсненія, привнесъ въ переселеніе политическіе мотивы—усиленіе русской колонизаціи на востокѣ въ виду осуществленія маньчжурской затѣи, окна на востокъ, незамерзающаго порта въ Тихомъ океанѣ и т. п., что, по терминологіи болтуновъ-апологетовъ затѣи, называлось «исторической миссіей Россіи». Темный и нищій русскій мужикъ долженъ

былъ внести свѣтъ и культуру въ среду считавшихся у затѣйщиковъ дикими и полудикими сосѣдей—китайцевъ, корейцевъ и японцевъ.

Третій періодъ съ интенсивированнымъ переселеніемъ, мнѣ кажется, обусловливался полупредвидѣніемъ, туманнымъ, инстинктивнымъ предчувствіемъ того, что происходитъ нынѣ въ Маньчжуріи и чему предполагалось противостоять сгущеніемъ населенія, долженствовавшаго представить изъ себя русскій оплотъ. Предполагалось даже съ этой цѣлью колонизовать «арендуемую» полосу вдоль желѣзной дороги въ Маньчжуріи.

II.

Центромъ дальне-восточной Украины нужно считать уѣздный городъ Приморской области Никольскъ-Уссурійскій, какъ потому, что онъ является самымъ давнимъ пунктомъ украинской и вообще русской колонизаціи края, такъ и потому, что онъ дѣйствительно является центральнымъ пунктомъ, отъ котораго заселеніе распространяется какъ-бы по радіусамъ, при чемъ длина такого радіуса равняется приблизительно 100 верстамъ. Такимъ образомъ, исходя изъ этого, площадь дальне-восточной Украины можетъ быть опредѣлена въ 120000 квадр. верстъ.

Никольскъ-Уссурійскій всего лишь лѣтъ восемь какъ переименованъ въ городъ изъ села Никольскаго и до сихъ поръ носитъ явные и типичные слѣды своего происхожденія даже по внѣшности.

Это большое малорусское село, первоначально расположившееся вдоль праваго берега рѣчки Раковки и Супутинки, впадающихъ въ р. Суйфунъ, оканчивающуюся въ Амурскомъ заливѣ.

Главная и самая старая улица—Николаевская, названная такъ въ память посѣщенія Никольска Государемъ, до сихъ поръ представляетъ изъ себя обыкновенный деревенскій видъ, въ данномъ случаѣ малорусско-деревенскій: вдоль всей улицы, по обѣимъ сторонамъ, вытянулись бѣлыя мазанки, мѣстами и теперь еще крытыя соломой.

Покато спускаясь съ одной стороны къ рѣчкѣ, окаймленной тальникомъ и вербами, расположились огороды, иногда съ рядами деревьевъ, напоминающими вишневые садочки. Въ концѣ города, при сліяніи Раковки съ Супутинкой, какъ часто и на Украинѣ коренной, устроенъ «ставокъ», подлѣ котораго живописно пріютился «млынокъ», такъ что получалась бы вполнѣ та картина, которой старый дидъ въ одной пѣснѣ смущаетъ молоду дивчину—«и ставокъ, и млынокъ, и вишневенькій садокъ», если-бы этотъ послѣдній былъ на лицо. Но съ аклиматизаціей фруктовыхъ деревьевъ въ краѣ дѣло подвигается довольно таки туго, хотя и небезуспѣшно. Кое-кому изъ любителей удается уже получать яблоки мѣстнаго произращенія, а дикая слива, дающая мелкіе и кислые плоды, указываетъ на возможность въ будущемъ имѣть и доподлинные вишневые садочки. Какъ на причину, мѣшающую выращивать плодовыя деревья изъ саженцовъ, привозимыхъ изъ Россіи, экспериментаторы садоводы указываютъ на исключительную мѣстную климатическую особенность. Въ концѣ января и въ февралѣ солнце уже настолько сильно грѣетъ, что освѣщенные его лучами предметы нагрѣваются до температуры чуть не +10° въ то время, какъ находящіеся внѣ сферы воздѣйствія солнечныхъ лучей сохраняютъ температуру —10 и даже —15. Такимъ образомъ, въ то время, когда на сторонѣ дерева, обращенной къ солнцу, соки оттаиваютъ и начинаютъ даже двигаться вверхъ, на остающейся въ тѣни они замерзши. Въ результатѣ такого положенія оказывается то, что дерево даетъ трещины и, разумѣется, погибаетъ; мѣстныя породы деревъ, очевидно, приспособились къ такой разницѣ въ температурѣ и прекрасно ее переносятъ безъ всякаго вреда для себя.

Главные порядки или улицы пересѣкаются совсѣмъ узенькими, чисто деревенскими переулками, въ которые выходятъ, главнымъ образомъ, задніе фасады различныхъ построекъ.

Какъ и въ деревнѣ, въ городѣ Никольскѣ-Уссурійскомъ поверхность улицъ осталась въ дѣвственной неприкосновенности, вслѣдствіе чего лѣтомъ, въ сухую погоду, на нихъ стоятъ тучи пыли, а въ ненастье—море грязи, вязкой, липкой и глубокой, положи-

тельно непроѣздной. Весной, когда растаетъ снѣгъ, никуда, разумѣется, не сгребаемый и не свозимый съ улицъ, нерѣдки случаи, что пара лошадей не въ состояніи вытащить экипажъ, если кто нибудь въ немъ сидитъ. И, что-бы сдвинуться съ мѣста, не только извозчикъ, но и злополучный сѣдокъ принуждены вылѣзать въ самую грязь, что-бы облегчить лошадямъ ихъ задачу.

Единственнымъ отличіемъ улицъ г. Никольска-Уссурійскаго отъ деревенскихъ является, можетъ быть, то, что на одной изъ нихъ, все той-же главной, Николаевской, находится чортова дюжина, ровно 13, городскйхъ фонарей, да на многихъ эмбріоны тротуаровъ—деревянные, досчатые мостки, какіе встрѣчаются во многихъ захолустныхъ углахъ обширной Россійской имперіи. Но здѣсь эти «тротуары» имѣютъ нѣсколько оригинальную форму; двѣ доски, изъ которыхъ они состоятъ, не положены вплотную одна къ другой, а между ними оставленъ промежутокъ, равный ширинѣ одной доски. Старожилы объясняютъ эту оригинальность тѣмъ, что первый заставившій строить тротуары начальникъ округи, какъ тогда ихъ называли, или уѣзда былъ хромой—одна нога у него была короче другой--и по ровному мѣсту ему было неудобно ходить; вотъ онъ и придумалъ такіе тротуары, на которыхъ его колченогость становилась менѣе замѣтной. Хотя хромой начальникъ давно пересталъ быть начальникомъ, признательные никольцы продолжаютъ строить свои тротуары по колченогой системѣ. Вообще, можно думать, что никольцы народъ признательный и очень любятъ свое начальство, или что начальство у нихъ было всегда очень хорошее. По крайней мѣрѣ, за исключеніемъ упомянутой уже Николаевской и еще одной Хабаровской улицъ, всѣ остальныя носятъ названія отъ фамилій какихъ либо дальнихъ или ближнихъ мѣстныхъ начальниковъ; даже фамилія хромого начальника округи увѣковѣчена въ названіи одной, чуть-ли не самой грязной и топкой, улицы.

Бывали, положимъ, случаи, когда для оставленія по себѣ прочной памяти въ населеніи нѣкоторые прибѣгали къ искусственнымъ мѣрамъ, но это было не въ самомъ городѣ Никольскѣ, а въ селеніяхъ, находящихся въ вѣдѣніи подчиненныхъ главному

никольскому начальству лицъ, причемъ и въ этихъ случаяхъ проглядывала особенная оригинальность, заслуживающая, мнѣ думается, нѣкотораго упоминанія.

Не имѣя возможности увѣковѣчить свою фамилію въ названіи улицы, одинъ становой приставъ, въ участкѣ котораго было нѣсколько корейскихъ деревень, изобрѣлъ слѣдующее. Онъ оповѣстилъ «подвластныхъ» ему корейцевъ, что существуетъ законъ, повелѣвающій населенію хорошо знать въ лицо своего ближайшаго начальника. Для лучшаго осуществленія этого «закона» приставъ распорядился, чтобы каждый домохозяинъ имѣлъ въ своей фанзѣ его фотографическій портретъ, который можно было пріобрѣтать въ его канцеляріи при уплатѣ 3 рублей за экземпляръ. Такое осуществленіе закона, говорятъ, дало изобрѣтательному становому около 3000 рублей «безгрѣшнаго дохода», и портретъ этого ближайшаго начальника до сихъ поръ можно видѣть въ корейскихъ фанзахъ.

Судя по приведенному примѣру, можно думать, что и названіе улицъ фамиліями начальниковъ не столько вызвано признательностью населенія и добродѣтелями этихъ начальниковъ, сколько такими-же «законами», въ изобрѣтеніи которыхъ мѣстныя полицейскія и неполицейскія власти проявляли не разъ весьма много предпріимчивости, въ особенности, когда дѣло шло объ увѣковѣченіи начальническихъ фамилій. Послѣдняя склонность перешагнула даже за черту города Никольска и проявилась весьма ярко въ желѣзнодорожномъ вѣдомствѣ. Уже въ 1903 году, совершенно неожиданно для всѣхъ, и безъ всякой видимой причины и надобности, желѣзнодорожная станція «Никольскъ», къ которой съ обѣихъ сторонъ подходятъ городскія земли, была переименована въ Кетрицево, произведенное отъ совершенно неизвѣстнаго слова. Всѣ недоумѣвали, стараясь объяснить какъ нибудь такое странное переименованіе, но ничего не могли придумать, пока не узнали, что гдѣ-то, въ правленіи желѣзныхъ дорогъ, имѣется чиновникъ, кажется въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, по фамиліи Кетрицъ. Желѣзнодорожные инженеры, чтобы доставить его превосходительству удовольствіе, сдѣлали то, о

чемъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій просилъ Хлестакова—доложить, что на свѣтѣ существуетъ такой-то Петръ Ивановичъ, чтобы только знали это. Но съ извѣстностью Кетрица-Бобчинскаго въ Никольскѣ выходили иногда довольно непріятные анекдоты: ѣдущіе по желѣзной дорогѣ въ Никольскъ пассажиры не разъ проѣзжали мимо станціи и однажды даже экстренная оффиціальная бумага, адресованная коменданту станціи Никольскъ, которая, конечно, была названа Кетрицево, пропутешествовала сперва въ Москву и спустя мѣсяцъ попала къ адресату съ надписью, что генерала Кетрицева ни въ Москвѣ, ни въ окрестностяхъ не оказалось. Во время пріѣзда въ маѣ мѣсяцѣ 1903 г. въ г. Никольскъ генерала Куропаткина, которому разсказали объ «инцидентѣ» съ бумагой, разыскивавшей въ Москвѣ генерала Кетрица, населеніе Никольска хлопотало о возвращеніи станціи ея прежняго названія. Говорили, что ген. Куропаткинъ будто просилъ объ этомъ князя Хилкова и тотъ обѣщалъ исполнить эту просьбу, но, когда въ апрѣлѣ 1904 года я уѣзжалъ изъ Никольска, станція все еще называлась Кетрицево.

III.

Въ русскомъ населеніи южно-уссурійскаго края, не считая козаковъ, переселенныхъ съ Урала и Дона, а также частью изъза Байкала, малороссы настолько преобладаютъ, что деревенскихъ обывателей городской, такъ называемый интеллигентный, называетъ не иначе, какъ «хохлами». И дѣйствительно, среди полтавцевъ, черниговцевъ, кіевскихъ, волынскихъ и др. украинцевъ засельщики изъ великорусскихъ губерній совершенно теряются, являясь какъ-бы вкрапленными въ основной малорусскій элементъ, къ которому тѣсно примыкаютъ, сливаясь съ нимъ, бѣлоруссы изъ могилевской губерніи, въ особенности изъ той части ея, которая граничитъ съ черниговской.

Первые пришельцы въ Уссурійскій край, рѣшившіе осѣсть здѣсь, пользовались безграничнымъ земельнымъ просторомъ и, кромѣ образованія деревенскихъ поселковъ въ опредѣленномъ

пунктѣ. вызываемаго присущей каждому человѣку потребностью въ обществѣ себѣ подобныхъ, проявили еще склонность къ образованію заимокъ, отдѣльныхъ хуторовъ, землей по окружности которыхъ пользовались отдѣльныя семьи. Такимъ образомъ, рядомъ съ болѣе или менѣе многодворными селами здѣсь возникли и одинокія усадьбы, въ которыхъ живутъ обыкновенно въ періодъ полевыхъ работъ или рыбной ловли.

Возникновеніе хуторовъ имѣло мѣсто во время, такъ сказать, вольнаго заселенія края, когда ни у кого не родилось еще мысли о томъ, что высшее предопредѣленіе возложило на Россію какую-то особенную историческую миссію на азіатскомъ востокѣ, когда никто еще не почувствовалъ безудержной потребности въ незамерзающихъ портахъ на побережьи Тихаго океана, словомъ тогда, когда къ заселенію пустыннаго края еще не примѣшивались высшія соображенія внѣшней, иностранной политики, т. е. до начала 90-хъ годовъ минувшаго столѣтія. Въ это время переселеніе въ Сибирь вообще и въ Приморскую область въ частности стимулировалось только земельнымъ утѣсненіемъ на родинѣ, которое и гнало людей за многія сотни и тысячи верстъ въ невѣдомую даль искать не счастья, конечно, а только хлѣба. Предоставленный самому себѣ переселенецъ, окрещенный сибирякомъ старожиломъ названіемъ «самоходъ», брелъ по грунтовымъ дорогамъ съ своей семьей и жалкимъ скарбомъ, въ которомъ не малую роль играла родная землица, взятая, можетъ быть, съ дорогихъ могилъ предковъ и везомая въ отдѣльномъ ящичкѣ на телѣжонкѣ, а подчасъ и на ручной тачкѣ. Въ этотъ періодъ онъ брелъ на обумъ, питаясь христовымъ именемъ, вызывая лишь состраданіе у частныхъ лицъ, образовывавшихъ по городамъ Сибири общества вспомоществованія переселенцамъ; петербургскія канцеляріи, какъ извѣстно, и существующія только затѣмъ, чтобы проявлять попечительную заботливость о нечиновномъ россійскомъ обывателѣ, игнорировали въ это время бредущаго по Сибири переселенца, и онъ устраивался, какъ могъ и какъ хотѣлъ.

Съ начала 80-хъ годовъ переселеніе начинаетъ обращать на себя благосклонное вниманіе петербургскихъ департаментовъ, которые немедленно приступаютъ къ его упорядоченію, къ его регламентаціи и первымъ дѣломъ, разумѣется, образуютъ новыя управленія съ новыми штатами, конечно, обезпечиваемыми соотвѣтствующими окладами. Въ Сибири образуются переселенческіе комитеты съ отдѣльными при нихъ переселенческими, какъ-бы междувѣдомственными, чиновниками, а затѣмъ организуется отдѣльное переселенческое управленіе съ центральнымъ органомъ въ Петербургѣ и его многочисленными въ бюрократическомъ подраздѣленіи развѣтвленіями по Сибири. Стихійному переселенію начинаютъ придавать опредѣленную физіономію, принимая, съ одной стороны, во вниманіе помѣщичьи экономіи, которымъ нужны дешевыя рабочія руки, а съ другой—изобрѣтая историческую миссію для Россіи на Дальнемъ Востокѣ.

Въ помощь департаментамъ тотчасъ-же выступила извѣстнаго сорта «чего изволите» печать и «услужающіе» ученые, которые горячо начали поддерживать канцелярскія затѣи въ переселенческомъ дѣлѣ, и подъ вліяніемъ возникшихъ тамъ задачъ—искусственной поддержки отживающаго института и подготовительныхъ работъ къ осуществленію произвольно фантастической миссіи—стихійное явленіе было регламентировано въ видѣ особенныхъ правовыхъ нормъ.

Право переселиться получили лишь тѣ изъ желающихъ, которые могли на семью представить чиновнику переселенческаго управленія 600 руб. денегъ, какъ реальный фондъ, потребный на хозяйственное домообзаводство на новомъ мѣстѣ, и имѣли возможность, хоть скудно, оплатить свой проѣздъ туда.

Этимъ путемъ достигалось то, что малоимущіе должны были оставаться на родинѣ и для поддержанія своего существованія, разумѣется, предлагать свой трудъ въ экономіи.

А затѣмъ, такъ какъ имѣлась въ виду «историческая миссія», то получившихъ право на переселеніе направляли моремъ изъ Одессы туда, гдѣ осуществленіе этой миссіи должно было

получить конкретное, практическое осуществленіе, т. е. въ Приморскую область, наиболѣе близкую къ аренѣ миссіонной дѣятельности.

Исходя изъ такихъ-же фантастическихъ, какъ и самая миссія, соображеній, руководители дальне-восточнаго дѣла опредѣлили размѣръ земельнаго участка, потребнаго переселяемымъ миссіонерамъ, въ 100 десятинъ па семью.

Какой экономическій, политическій или соціальный принципъ былъ положенъ въ основу опредѣленія земельнаго надѣла размѣромъ 100 десятинъ, остается, строго говоря, неизвѣстнымъ, какъ и многое, исходящее изъ нѣдръ департаментскихъ канцелярій, покрывающихъ, какъ извѣстно, свою подготовительную дѣятельность, необходимой для ихъ благополучнаго существованія тайной.

IV.

Несмотря на всѣ хитроумныя измышленія, основанныя даже на выводахъ и заключеніяхъ «услужающей» науки, предусмотрѣвшія удовлетвореніе двухъ ничего общаго не имѣющихъ между собою задачъ, какъ поддержка экономій и «историческая» миссія, жизнь, дѣйствительная жизнь, пошла по тому направленію и тѣми путями, какіе ей были необходимы. Вновь изобрѣтеннымъ правомъ на переселеніе сумѣли воспользоваться до извѣстной степени и тѣ элементы деревни, которые предназначались, очевидно, для поддержки крупнаго сельско-хозяйственнаго производства па мѣстѣ, не обладавшіе шестисотрублевымъ цензомъ.

Номинальный глава переселяющейся семьи, представляющій переселенческому чиновнику въ видѣ 600 р. сертификатъ своей правоспособности, или собиралъ эти 600 рублей отъ маломощныхъ членовъ своей номинальной семьи въ складчину, или приписывалъ къ этой своей семьѣ совершенно не имѣющихъ ничего для домообзаводства на новомъ мѣстѣ, а лишь могущихъ, съ грѣхомъ пополамъ оплатить свой проѣздъ по льготному переселенческому тарифу.

Разрушая, такимъ образомъ, стройное зданіе канцелярской архитектуры правилъ переселенія, такія импровизованныя семьи и на новомъ мѣстѣ вызывали разныя нестроенія. Дѣло въ томъ, что семьи, внесшія 600 р. обезпеченія, по прибытіи на мѣсто своей новой осѣдлости, кромѣ этихъ денегъ, имѣли еще право получать отъ казны ссуду рублей въ 250, и вотъ изъ-за этой ссуды нерѣдко возникали пререканія между членами такой импровизованной семьи, такъ какъ фиктивные члены ея, переселяясь, имѣли нерѣдко въ виду основывать свои хозяйства при помощи лишь этой ссуды, выдаваемой, конечно, только главѣ семьи. Другимъ поводомъ неудовлетворительнаго выполненія исторической миссіи являлись впослѣдствіи споры на почвѣ земельныхъ отношеній между членами такой семьи. Получившій во владѣніе сто десятинъ глава семьи проявлялъ тенденцію распоряжаться ими по своему усмотрѣнію, игнорируя интересы приписавшихся, фиктивныхъ членовъ ея, которые протестовали противъ этого, обращаясь нерѣдко за разрѣшеніемъ своихъ споровъ къ представителямъ администраціи, которыми до 1901 года были всемогущіе земскіе засѣдатели, именовавшіеся въ Приморской области приставами и лишь въ этомъ году съ введеніемъ въ краѣ института крестьянскихъ начальниковъ получившіе къ прежнему названію прибавку «становые».

Если эти земельныя недоразумѣнія не принимали особенно острыхъ формъ, то этому косвенной причиной были постройки желѣзныхъ дорогъ—сперва Уссурійской, а затѣмъ Китайской Восточной, на которыхъ маломощные находили себѣ заработки, устраиваясь на нихъ въ качествѣ низшихъ служащихъ. Само собой разумѣется, что служба на желѣзныхъ дорогахъ не урегулировала окончательно земельныхъ отношеній, а лишь ослабляла до нѣкоторой степени рѣзкость недоразумѣній, слѣды которыхъ остались въ видѣ неравномѣрности надѣльныхъ участковъ у домохозяевъ одного и того-же селенія. Въ особенности замѣтно и чувствительно эта неравномѣрность сказалась у никольцевъ, часть земли которыхъ отрѣзана была для преобразованнаго въ городъ Никольскъ-Уссурійскій села. Послѣдствіемъ ея явилось стремле-

ніе малоземельныхъ къ передѣлу, котораго они не могли никакъ добиться въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, несмотря на свое численное превосходство, удовлетворяющее требованіямъ закона объ условіяхъ, при которыхъ передѣлъ можетъ осуществиться.

Въ данномъ случаѣ меньшинству, владѣющему большими участками, много помогло преобразованіе села въ городъ и прирѣзка къ послѣднему крестьянскихъ земель. Меньшинство это принципіально выражало свое полное согласіе на передѣлъ, но указывало на его несвоевременность, пока не будетъ окончательно вырѣшенъ вопросъ о неправильномъ будто-бы отводѣ городу части земель, числившихся въ сельской межѣ. По этому поводу обществомъ крестьянъ возбуждено было ходатайство о возстановленіи своихъ правъ на часть отрѣзанной у него земли, подана была куда-то жалоба на неправильныя дѣйствія въ этомъ дѣлѣ нѣкоторыхъ представителей администраціи, но отъ этого дѣло не подвинулось ни на шагъ и все осталось по прежнему.

Съ 1901 года стодесятинный надѣлъ на семью въ виду какихъ-то соображеній былъ замѣненъ 15-ю десятинами на мужскую душу, но, помимо чисто теоретическихъ соображеній, основанныхъ на логическихъ данныхъ, насколько мнѣ извѣстно, и практически эта «реформа» не повела ни къ чему въ смыслѣ болѣе справедливаго распредѣленія земельныхъ угодій между домохозяевами любого селенія. Слѣдствіемъ такого положенія вещей явилось то, что семья, случайно, конечно, обладающая большимъ числомъ мужскихъ душъ, получила больше земли, чѣмъ та, у которой перевѣсъ оказывался на сторонѣ женщинъ, хотя потребности у той и другой могли быть одинаковыя. «Своими средствіями», разумѣется, и въ такихъ случаяхъ до нѣкоторой степени достигается компенсація путемъ аренды малоземельнымъ у многоземельнаго нужной первому земли, но принципъ, положенный въ основу пятнадцатидесятинной нормы, строго говоря, не выдерживаетъ критики, пожалуй, даже еще болѣе, нежели опредѣлившій норму стодесятинную на семью.

V.

Земельный просторъ и, главнымъ образомъ, стодесятинный надѣлъ породилъ одно, на мой взглядъ, весьма нежелательное явленіе соціально-экономическаго характера.

Даже при условіи существованія дѣйствительной, а не фиктивной семьи, имѣвшей возможность внести чиновнику переселенческаго управленія передъ переселеніемъ 600 р., свободно оплатить свой переѣздъ, немедленно по прибытіи на новое мѣсто построить хату, обзавестись живымъ и мертвымъ инвентаремъ и сразу-же своими собственными силами приступить къ хозяйствованію, немыслимы обработка и использованіе всѣхъ ста десятинъ. Остающійся участокъ земли безъ его эксплоатаціи могъ бы при такихъ условіяхъ служить для семьи запаснымъ земельнымъ фондомъ, къ надлежащему использованію котораго можно приступить лишь въ болѣе или менѣе близкомъ или отдаленномъ будущемъ; я разумѣю использованіе его собственными силами семьи, безъ найма работника или работниковъ за опредѣленное вознагражденіе. До наступленія такого момента участокъ такого запасного фонда долженъ былъ бы, какъ говорится, лежать втунѣ, если-бы, несмотря на видимый просторъ, не было нуждающихся въ землѣ для приложенія къ ней своего труда. Такими нуждающимися на дальне-восточной Украинѣ являются пришлые китайцы и корейцы, которыхъ съ родины гонитъ нужда и земельное утѣсненіе; и вотъ ему-то осѣвшій или даже нерѣдко только еще осѣдающій на новомъ мѣстѣ и сдаётъ въ аренду оказавшійся временно лишнимъ запасный фондъ.

Условія аренды бываютъ двоякаго рода—земля сдается арендатору за половину урожая или же за опредѣленную плату съ десятины; въ послѣднемъ случаѣ арендная плата въ среднемъ опредѣляется 10 рублями въ годъ. И то, и другое, разумѣется, оказывается чрезвычайно выгоднымъ владѣльцу земли, и онъ на этомъ основываетъ свое благосостояніе. Если для другихъ маломощныхъ эта операція въ первое время служитъ поддержкой для

устройства *своего* хозяйства, то для нуждающихся въ ней съ самаго начала и для маломощныхъ послѣ укрѣпленія въ хозяйственномъ отношеніи она служитъ источникомъ «первоначальнаго накопленія».

Испытавъ на себѣ самихъ гдѣ нибудь въ Полтавщинѣ или на Волыни сладость испольной аренды у помѣщика и прекрасно понимая выгоды, извлекавшіяся изъ нея землевладѣльцемъ, колонизаторы входятъ на новомъ мѣстѣ во вкусъ своего новаго положенія и, не стѣсняясь, пользуются имъ, тѣмъ болѣе, что «манза» или «ирбо»—такъ называетъ населеніе китайцевъ и корейцевъ—по общепринятому воззрѣнію не считается за настоящаго человѣка, а разсматривается за существо, чуть-ли не для того только и созданное, чтобы его эксплоатировать. Никто темнаго деревенскаго человѣка и не думаетъ въ этомъ разубѣждать, и онъ почти на каждомъ шагу видитъ подтвержденіе своему представленію. Только лѣнивый, кажись, не норовитъ обойти, надуть и обидѣть «желтолицаго брата», какъ трогательно именовали въ многочисленныхъ адресахъ Восточному институту китайцевъ, японцевъ и корейцевъ различныя депутаціи, явившіяся почтить торжество открытія этого единственнаго въ краѣ высшаго учебнаго заведенія. Только въ формѣ этой эксплоатаціи пока конкретно и выражалась историческая миссія, сочиненная въ петербургскихъ департаментахъ и горячо поддержанная ретивыми газетчиками нововременскаго толка.

«Желтолицый братъ», прошедшій «огнь, воду и мѣдныя трубы» всевозможной эксплоатаціи на родинѣ, побившій всемірный рекордъ приспособляемости къ любымъ мыслимымъ и, пожалуй, даже невообразимымъ условіямъ существованія, повидимому, доволенъ своимъ положеніемъ и аккуратно выплачиваетъ аренду деньгами или натурою «историческому миссіонеру»-землевладѣльцу. Въ иное время новый панъ или пидпанокъ лишь благодаря такой арендѣ способенъ поддержать свое существованіе, такъ какъ климатическія условія, какъ говорятъ, туманы, способствуютъ тому, что подчасъ хлѣбъ родится «пьяный», т. е. негодный въ пищу ни людямъ, ни скоту. Зерно «пьянаго» хлѣба

не только горько на вкусъ, но употребленіе его въ пищу сопровождается, кромѣ того, крайне непріятными, болѣзненными последствіями—головокруженіемъ и рвотою. Обусловливается это особеннаго рода микроскопическимъ паразитнымъ грибкомъ, свойства котораго, кажется, до настоящаго времени не изучены должнымъ образомъ.

Бываютъ годы, когда сплошь весь урожай поражается этимъ грибкомъ и населеніе могло-бы оставаться вовсе безъ хлѣба, если-бы ему не доставлялъ его арендаторъ, эмпирически достигшій того, что засѣваемый имъ хлѣбъ не поддается дѣйствію вреднаго паразита. Такое благополучіе, повидимому, достигается съ одной стороны способомъ обработки почвы и посѣва, отличающимся отъ традиціоннаго русскаго вывезеннаго съ родины, отчасти, думается мнѣ, и отличіемъ породъ злаковъ, которые засѣваются одними и другими.

Однимъ изъ условій для избѣжанія «пьянаго» хлѣба является рядовой посѣвъ, практикуемый земледѣльцами китайцами и корейцами, у которыхъ, въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ бывшій министръ финансовъ Витте, забывая очевидно объ «исторической миссіи» русскаго населенія, рекомендуетъ поучиться способамъ земледѣльческой культуры.

Помнится, по этому поводу газеты довольно страстно заговорили было чуть-ли не объ обидности такой рекомендаціи, исходя изъ того, что «желтолицый братъ» по культурѣ вообще *долженъ* стоять гораздо ниже насъ, но въ сущности чортъ оказывался не такимъ страшнымъ, какъ его малевали, и принципъ земледѣльческой культуры этого брата населеніемъ былъ должнымъ образомъ оцѣненъ и въ преобразованномъ видѣ въ значительной мѣрѣ усвоенъ. Я имѣю въ виду отказъ отъ дѣдовскаго плуга и ему сопутствующихъ орудій и постепенный переходъ къ усовершенствованнымъ земледѣльческимъ орудіямъ, одно существованіе нѣсколькихъ складовъ которыхъ въ Владивостокѣ и Никольскѣ-Уссурійскомъ указываетъ на существующій на нихъ спросъ. И дѣйствительно, не говоря уже объ американскихъ плугахъ, совершенно вытѣснившихъ привезенные изъ благодатной

Украины, въ каждомъ почти дворѣ имѣется вѣялка, нерѣдкость жатвенная машина и въ каждомъ почти мало-мальски устроившемся прочно селеніи можно встрѣтить и молотилку; рядовыя сѣялки, экстирпаторы и окучники нерѣдкость на дальневосточной Украинѣ.

При условіи сдачи части земель подъ культуру злаковъ въ аренду и при обработкѣ другой ея части самолично подъ ту-же культуру населеніе, конечно, производитъ хлѣбъ въ количествѣ не только потребномъ въ качествѣ основного пищевого матеріала для себя, но и съ излишкомъ, который имѣлъ до послѣдняго времени хорошій сбытъ. Излишекъ произведеннаго хлѣба уходилъ для потребленія городского населенія, на винокуренный и пивоваренный заводы, но главнымъ потребителемъ его являлись войска, со времени возникновенія маньчжурской затѣи сконцентрировывавшіяся въ краѣ. Въ видахъ поощренія земледѣльческаго промысла было даже издано распоряженіе о пріобрѣтеніи мѣстнаго хлѣба интендантствомъ непосредственно отъ производителей. Несмотря на нѣкоторыя шероховатости въ процессѣ сдачи и пріемки хлѣба интендантству отъ производителей, такой порядокъ, несомнѣнно, способствовалъ развитію и усовершенствованію производства хлѣба, но это длилось лишь до тѣхъ поръ, пока маньчжурская затѣя не перешла въ стадію мечтаній о маньчжурской губерніи, производительность которой понадобилось поощрять всячески и во всѣхъ направленіяхъ. Маньчжурскій хлѣбъ сталъ появляться на рынкахъ Приамурья и началъ успѣшно конкурировать съ мѣстнымъ своею дешевизной, требовавшей пониженія рыночной цѣны послѣдняго болѣе чѣмъ на 50%. По словамъ, напр., благовѣщенскихъ мукомоловъ, представители которыхъ участвовали, въ качествѣ свѣдущихъ людей, на IV Хабаровскомъ съѣздѣ въ 1903 году, мѣстному земледѣльцу производство пуда хлѣба самому обходилось въ 97 коп., тогда какъ привезенный изъ Маньчжуріи пріобрѣтался ими по 58 коп. за пудъ.

VI.

При такихъ условіяхъ земледѣліе, разумѣется, въ широкихъ размѣрахъ, какъ промыселъ, дающій средства къ существованію вообще, а не только хлѣбъ для пищи, становится невыгоднымъ, и въ населеніи замѣчается новая тенденція—промѣнять лугъ и поле на прилавокъ, и плугъ съ косою—на аршинъ и вѣсы.

Помимо невыгодности занятія земледѣліемъ, въ такой тенденціи, на мой взглядъ, были еще два фактора, это—аренда земли китайцами и корейцами, дававшая, примѣрно, нормально устроившейся семьѣ до 500 рублей безъ всякой затраты съ ея стороны труда, и обиліе въ водахъ края разнаго рода рыбы, главнымъ образомъ, лососевой породы—горбуши и кэты, находившей повсюду прекрасный и выгодный сбытъ.

Подъ вліяніемъ этихъ трехъ факторовъ, такъ сказать, внутренняго воздѣйствія, а также видимаго и чуть не осязаемаго процвѣтанія мѣстной торговли, праздновавшей свой медовый мѣсяцъ за счетъ народныхъ средствъ, многомилліоннымъ потокомъ устремившихся въ оккупированную сосѣднюю Маньчжурію по линіи строившейся Китайской Восточной дороги, гдѣ они многими тысячами осѣдали по карманамъ всякихъ строителей, исконный хліборобъ, увлеченный общей жаждой наживы, превращался въ торговаго человѣка, временнаго и постояннаго такой-то гильдіи купца. И вотъ, къ тремъ китамъ приамурской торговли—фирмамъ «Кунстъ и Альберсъ», «Чуринъ и К°» и «Пташниковъ»—присоединяются новые, несомнѣнно, украинскаго происхожденія. Но подобно деревенскому парню, взятому въ «москали» и потому считающему себя почему то выше сѣрой деревенщины, и стыдящемуся, по глупости, своего родного языка, основатели недолговѣчныхъ торговыхъ фирмъ спѣшатъ скрыть свое происхожденіе, отречься отъ своей національности, если не перемѣнить, то хоть исказить свои фамиліи, въ результатѣ чего на магазинныхъ вывѣскахъ Павлюкъ, напр., преобразовывается въ Павлюкова, Рябошапка или Рябоконь—въ Рябошапкина или Рябоконева и

т. п. Глядя на эти смѣшныя претенціозныя метаморфозы Гриця Павлюка и Остапа Рябоконя въ Григорія и Евстафія Павлюковыхъ и Рябоконевыхъ, крупными буквами на вывѣскахъ оповѣщавшихъ нѣкоторымъ образомъ urbi et orbi о своемъ маленькомъ ренегатствѣ, я всегда припоминалъ слышанный мною еще въ юности анекдотъ о двухъ деревенскихъ парняхъ съ Украины, взятыхъ въ солдаты и тамъ, устыдившись родной рѣчи, ведшихъ на *чистомъ* великорусскомъ языкѣ слѣдующій діалогъ: «Пойдемъ, бря, на базёръ осельедку покуплять»! «Пойдемо»!..

Наблюдаемый здѣсь переходъ отъ поля къ торговому прилавку, освобожденіе хлибороба изъ-подъ «власти земли» происходитъ не медленнымъ накопленіемъ первоначальнаго торговаго фонда путемъ практики въ той-же торговой профессіи, начиная съ самаго маленького масштаба, а какъ-то вдругъ, сразу. Вчерашній еще, можно сказать, сѣрый мужичокъ превращается вдругъ въ обладателя крупнаго магазина на бойкой торговой улицѣ. Такое рѣзкое и быстрое превращеніе обусловливается, повидимому, тѣмъ обстоятельствомъ, что въ области мелочного торга, гдѣ подчасъ годовой оборотъ купца выражается въ суммѣ какихъ нибудь нѣсколькихъ десятковъ рублей, есть ни для кого не побѣдимый конкурентъ—китаецъ, манза, какъ его зовутъ русскіе.

Сколотивъ буквально по грошу, отказывая себѣ во всемъ, въ чемъ только мыслимо себѣ отказать, десятка два-три рублей, такой манза подбираетъ себѣ еще нѣсколько такихъ-же компаньоновъ, арендуетъ у города или частнаго владѣльца земельнаго участка клочокъ земли въ 3—4 квадратныхъ сажени, одной стороной выходящій на улицу, строитъ на немъ досчатый балаганъ, раздѣляемый иногда досчатой-же перегородкой, за которой сооружаетъ нары для постели, закупаетъ на остальное «товаръ» и начинаетъ торговлю. Если такая торговля даетъ ему въ день двугривенный барыша, онъ вполнѣ счастливъ и благоденствуетъ, потому что изъ наторгованныхъ двадцати копеекъ онъ истратитъ на свои потребности пятачокъ, а оставшійся пятіалтынный, въ качествѣ дивиденда, дѣлится между компаньонами для образованія оборотнаго капитала въ видахъ расширенія торговли.

Нерѣдко случается, что, когда такой «купеза» довелъ свой оборотный капиталъ до полусотни рублей, въ одинъ прекрасный вечеръ къ нему въ «магазинъ» заявляются два-три его единоплеменника и требуютъ этотъ капиталъ для себя, причемъ, для большей убѣдительности своего требованія, одинъ изъ нихъ покажетъ револьверъ, а другой ножъ или топоръ.

Злополучный «купеза» въ такихъ случаяхъ безпрекословно выполняетъ требованіе пришедшихъ къ нему земляковъ, третій изъ которыхъ послѣ этого связываетъ его по рукамъ и ногамъ принесенной веревкой и оставляетъ за прилавкомъ или на нарахъ за перегородкой, и пришельцы удаляются. Лишь спустя часъ—другой, а иногда и больше, когда случайно зашедшій въ «магазинъ» покупатель развяжетъ «купезу», или когда ему самому удастся развязаться, ограбленный начинаетъ протестовать, т. е. кричитъ и заявляетъ для очистки совѣсти полиціи о случившемся. На языкѣ полицейскихъ протоколовъ такіе случаи называются «нападеніемъ хунхузовъ», хотя въ дѣйствительности ограбившіе купца ничего общаго съ истинными хунхузами, этими запорожцами Маньчжуріи, не имѣютъ. Это—такіе-же, можетъ быть, бывшіе «купезы», какъ и ограбленный ими, проигравшіеся въ какомъ нибудь притонѣ въ банковку до послѣдняго чоха и рѣшившіе раздобыть еще денегъ для игры, въ тщетной надеждѣ, что счастье повернется къ нимъ своимъ благосклоннымъ лицомъ, и они опять со «дна» вынырнутъ на поверхность.

Такіе «хунхузы» остаются обыкновенно неразысканными полиціей, а ограбленный можетъ быть и узнаетъ ихъ въ лицо на улицѣ, но признавать ихъ боится, ожидая за такое свое дѣяніе жестокой мести.

Побившій всемірный рекордъ приспособляемости ограбленный «купеза» приспособляется къ новымъ условіямъ и вновь начинаетъ процессъ накопленія по грошику, суживая кругъ своихъ потребностей еще болѣе, и продолжаетъ свою слезы-торговлю.

При такихъ условіяхъ мелочного торга, полагаю, конкурировать съ манзой врядъ-ли кто пожелаетъ и менѣе всего, разумѣется, переселенецъ малороссъ, освободившійся изъ жестокой

школы земельнаго утѣсненія и зависимости отъ сосѣдней помѣщичьей экономіи на стодесятинный просторъ новой, дальне-восточной Украины. Если-же здѣсь онъ иногда освобождается все таки изъ подъ власти земли, въ общемъ щедро вознаграждающей его труды, то дѣлаетъ это въ тѣхъ случаяхъ, когда перспектива торговаго процента манитъ его соблазнами быстраго обогащенія.

VII.

Необезпеченность сбыта излишковъ хлѣба и относительная невыгодность его производства, обусловленная дешевымъ маньчжурскимъ продуктомъ, ввозимымъ въ край по искусственно, до убыточности, пониженнымъ желѣзнодорожнымъ тарифамъ, вызвали въ населеніи, кромѣ проявленія склонности къ торговлѣ, усиленіе, напр., свиноводства, составлявшаго чисто домашнее для собственнаго потребленія занятіе, принимающее характеръ промышленнаго производства съ тенденціей къ крупному масштабу. На этомъ поприщѣ дѣятельности населенію пока нечего опасаться маньчжурской конкуренціи, потому что, хотя маньчжурская свинья и котируется на рынкахъ по цѣнѣ ниже дальне-восточно-украинской, но и по своимъ качествамъ она стоитъ гораздо ниже послѣдней.

Обиліе луговъ въ краѣ способствуетъ разведенію скота въ сельскомъ хозяйствѣ, причемъ, благодаря частной иниціативѣ, замѣчается стремленіе къ разведенію лучшихъ породъ, напр., симентальской породы рогатаго скота и улучшенной породы лошадей; въ послѣднемъ случаѣ значительную роль играетъ конскій заводъ, принадлежащій нѣкоему г. Янковскому, еще въ концѣ 60-хъ или началѣ 70-хъ годовъ минувшаго столѣтія получившему въ частную собственность островъ Путятинъ, расположенный вблизи Владивостока.

Вмѣстѣ съ родной землицей изъ Украины колонизаторъ южно-уссурійскаго края привезъ съ собой и пчелу, которая, благодаря обилію растительности, легко приспособилась къ мѣстнымъ

условіямъ и размножилась до такой степени, что въ Никольскѣ-Уссурійскомъ возникъ даже частный свѣчной заводъ, перерабатывающій воскъ мѣстныхъ пчелъ въ церковныя свѣчи.

Другой продуктъ пчеловодства—медъ получаетъ повсемѣстное распространеніе какъ въ естественномъ видѣ, продаваясь на базарахъ по цѣнѣ сахара, такъ и въ переработанномъ—въ качествѣ напитка, и частью идетъ въ зарождающееся пряничное производство.

Сравнительная мягкость климата и обиліе травъ естественно вызвали мысль о полнѣйшей возможности разведенія въ краѣ овецъ, попытки чего мѣстами уже дѣлаются и не безуспѣшно, что можно замѣтить хотя-бы уже по тому, что въ послѣдніе годы на базарахъ появилась въ продажѣ баранина, года три тому назадъ еще совершенно отсутствовавшая.

Матеріальному благосостоянію населенія, помимо благопріятныхъ условій для земледѣлія, въ значительной степени способствуетъ изобиліе въ краѣ дичи и рыбы, вызывающее къ жизни охоту и рыболовство въ качествѣ занятія съ промышленнымъ характеромъ.

Изъ крупной дичи нужно отмѣтить прежде всего дикаго кабана, въ извѣстные періоды появляющагося въ изобиліи на рынкахъ Владивостока и Никольска-Уссурійскаго, гдѣ онъ продается по вполнѣ доступной цѣнѣ, а затѣмъ козулю, дикую козу, мясо которой составляетъ также не послѣдній предметъ торга. Изъ мелкой дичи, появляющейся на базарахъ, можно указать на зайца, а, главнымъ образомъ, большое распространеніе имѣютъ представители пернатыхъ, изъ которыхъ первое мѣсто по обилію нужно отвести фазану, въ иное время продающемуся замѣчательно дешево: пара фазановъ—самецъ и самка—иногда продается по 30 к. Затѣмъ, конечно, идутъ во время весенняго и осенняго перелетовъ дикіе гуси и утки, а также въ опредѣленное время тетерева, глухари, рябчики.

Городскому обывателю все это приходится пріобрѣтать изъ вторыхъ рукъ, отъ перекупщиковъ китайцевъ, положительно за-

хватившихъ въ свои руки эту торговлю и ведущихъ ее, несмотря на всякія обязательныя постановленія городскихъ думъ, весьма успѣшно и безпрепятственно.

Хотя охота въ жизни сельскаго населенія и играетъ весьма значительную роль, но она все-же является лишь подсобнымъ промысломъ въ деревнѣ, гдѣ основой благосостоянія служитъ земледѣліе. Не то съ рыболовствомъ, въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ, которыя близки къ озерамъ или сколько нибудь крупнымъ рѣкамъ и рѣчкамъ, впадающимъ непосредственно въ море. Здѣсь рыбная ловля оттѣсняетъ земледѣліе на второй планъ, дѣлая *его* подсобнымъ промысломъ, несмотря на встрѣчающіяся даже въ этомъ направленіи препятствія. Въ краѣ извѣстны, между прочимъ, случаи, когда одинъ изъ крупныхъ представителей администраціи, очевидно крѣпко усвоившій себѣ положеніе, что земледѣліе повсюду на Руси служитъ основнымъ промысломъ сельскаго населенія, требовалъ у жителей такихъ естественно рыболовныхъ мѣстностей усиленной обработки поля, угрожая, въ случаѣ неповиновенія своему желанію и указанію, переселить ихъ на новыя мѣста, несмотря на то, что они на выбранныхъ ими хорошо и прочно устроились и пользовались очевиднымъ экономическимъ благосостояніемъ.

Несмотря на начальственныя угрозы, населеніе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это ему было удобнѣе и выгоднѣе, посвящаетъ много вниманія, времени и труда рыболовству, которое, въ силу исключительно благопріятныхъ условій, щедро вознаграждаетъ его за это.

Обиліе рыбными богатствами морей, омывающихъ нашу восточную окраину, можно, безъ риска впасть въ преувеличеніе, назвать баснословнымъ, сказочнымъ.

Ранней весной, едва рѣки и рѣчки очистятся отъ льда, начинается рыбная ловля, сперва, главнымъ образомъ, для собственнаго потребленія, причемъ ловится по преимуществу мелкая рыбешка—корюшка, прямо вычерпываемая изъ воды небольшой сѣткой, натянутой на четыреугольную раму, прикрѣпленную къ длинному, гибкому шесту. Вслѣдъ за корюшкой идетъ навага

или вахня, какъ ее тамъ называютъ, которую ловятъ тоже для собственнаго потребленія, и, пожалуй, сельдь, довольно плохого качества, ухудшаемая еще незнакомствомъ съ надлежащимъ способомъ засола.

Но это—рыба, такъ сказать, между прочимъ, являющаяся предметомъ промысла только у манзъ и корейцевъ, обитающихъ въ городахъ или въ подгороднихъ селеніяхъ, и сбываемая на рынкахъ въ свѣжемъ, несоленомъ видѣ. Иногда только въ деревняхъ, расположенныхъ близъ морского побережья, находятся отдѣльныя лица, которыя пытаются производить засолъ сельди для сбыта на рынокъ, но ихъ въ разсчетъ принимать нельзя, такъ какъ подобныя явленія имѣютъ лишь характеръ спорадическій. Предметомъ промысла, оттѣсняющаго даже земледѣліе на второй планъ, для цѣлыхъ мѣстностей служитъ появляющаяся въ опредѣленные періоды въ неисчислимомъ количествѣ вдоль сѣверной части тихо-океанскаго побережья лососевой породы рыба горбуша и кэта—родъ семги. Во время весенняго и осенняго хода она набивается во всѣ попадающіяся ей на пути рѣки и рѣчки иногда въ такомъ количествѣ, что буквально можетъ быть ловима голыми руками. Ловится она неводами и сѣтями, причемъ, для большей успѣшности лова, населеніе перегораживаетъ вбиваемыми въ дно кольями все русло рѣки или рѣчки, оставляя лишь небольшія ворота для прохода рыбы въ подставленные тамъ для нея невода и сѣти. Хотя устройство такихъ «заѣздокъ» и предусмотрѣно разными правилами, изданными управленіемъ государственными имуществами, правилами, предусматривающими и размѣры самыхъ заѣздокъ, и размѣры неводовъ, и размѣры сѣтевыхъ и неводныхъ ячеекъ, и время постановки заѣздокъ и неводовъ, и т. п. охранительныя мѣры, выработанныя въ хабаровскихъ канцеляріяхъ, но онѣ сплошь и рядомъ нарушаются сообразно съ тѣми обстоятельствами, которыя всевѣдущими канцеляріями, пекущимися, какъ извѣстно, о должномъ порядкѣ для благосостоянія народа, остаются непредусмотрѣнными.

Изъ за этихъ заѣздокъ подчасъ возникаютъ даже споры межу селеніями, лежащими выше и ниже по теченію рѣкъ, когда

недостаточно обильный ходъ рыбы деревнями, лежащими выше, объясняется незаконнымъ перегораживаніемъ русла рѣки жителями деревень, расположенныхъ ниже по теченію этихъ рѣкъ.

Вотъ эта-то рыба—горбуша и кэта, въ особенности послѣдняя, вылавливается ежегодно въ сотнѣ тысячъ пудовъ, засаливается въ бочки и сбывается на рынокъ, давая промышленнику хорошія средства къ жизни, при помощи которыхъ онъ удовлетворяетъ всѣ свои потребности.

Чтобы въ общемъ покончить съ источниками благосостоянія населенія дальне-восточной Украины, я не могу не упомянуть еще о принесенной съ далекой родины культурѣ подсолнечника. Проѣзжая по желѣзной дорогѣ, вблизи которой расположены деревни, повсюду видишь плантаціи этого растенія, сѣмена котораго находятъ сбытъ на нѣсколькихъ маслобойныхъ заводахъ, перерабатывающихъ, кромѣ подсолнечника, также и коноплю, дающую здѣсь хорошій урожай. Тѣ-же сѣмена подсолнечника, какъ и тамъ на основной, коренной Украинѣ, составляютъ обычное деревенское лакомство, истребленіемъ котораго, вмѣстѣ съ сѣменами тыквы, занимается по преимуществу молодежь, въ особенности по праздничнымъ днямъ. Къ вечеру въ такіе дни подлѣ каждой хаты земля сплошь покрыта серебристою шелухой этихъ сѣмечекъ, которыя положительно предпочитаются кедровому орѣху, какъ извѣстно, по всей Сибири играющему въ деревенскомъ обиходѣ ту-же роль, что и сѣмечки въ Малороссіи.

Затронувъ «вопросъ» о сѣмечкахъ, между прочимъ, тыквенныхъ, нельзя пройти молчаніемъ и того овоща, изъ котораго они добываются—тыквы. Тыква растетъ здѣсь прекрасно и составляетъ, конечно, принадлежность каждаго деревенскаго огорода, какъ и огурцы, а также и «кавуны», и дыня. Условія для культуры ягодныхъ кустарниковъ оказываются здѣсь тоже весьма благопріятными, и смородину, красную и черную, малину и крыжовникъ мѣстнаго произращенія можно уже встрѣтить даже въ продажѣ на рынкахъ.

VIII.

Уже на основаніи тѣхъ данныхъ общаго характера, которыя приведены у меня выше, можно составить себѣ нѣкоторое представленіе о матеріальномъ благосостояніи населенія дальне-восточной Украины, а частныя, конкретныя—только подтверждаютъ это представленіе. Въ селахъ и деревняхъ, уже прочно устроившихся, т. е. непредставляющихъ поселковъ свѣже прибывшихъ переселенцевъ, матеріальное благосостояніе сказывается въ весьма ясныхъ и опредѣленныхъ признакахъ, прежде, всего въ характерѣ избъ и другихъ хозяйственныхъ построекъ.

Тѣхъ вросшихъ въ землю жалкихъ мазанокъ, крытыхъ гнилой соломой, съ крошечными подслѣповатыми оконцами, едва пропускающими свѣтъ внутрь человѣческаго жилья, по своему убранству не рѣзко отличающагося отъ хлѣва, съ землянымъ поломъ, вы почти не встрѣтите. Если попадаются изрѣдка и такія, то лишь какъ исключеніе, какъ уцѣлѣвшія отъ первыхъ годовъ послѣ переселенія, когда новоприбывшіе поскорѣе торопились соорудить какое нибудь помѣщеніе, гдѣ бы можно было укрыться отъ осенней непогоды и зимней стужи. Въ общемъ, хотя избы, по традиціи, и обмазаны глиной и выбѣлены известкой, но построены изъ хорошаго лѣса, высокія, съ створчатыми окнами, по шести стеколъ въ рамѣ, крытыя не гнилой и растрепанной соломой, а свѣжей и ровной, вытѣсняемой постепенно оцинкованнымъ волнистымъ желѣзомъ, какъ матеріаломъ въ пожарномъ отношеніи безопаснымъ, такъ и не требующимъ въ теченіи многихъ и многихъ лѣтъ никакого ремонта. Обыкновенно изба дѣлится на двѣ половины—черную и чистую,—при чемъ во второй половинѣ обстановка норовитъ принять городской, культурный характеръ: одновременно съ широкими, нерѣдко выкрашенными масляной краской лавками въ чистой половинѣ попадаются и стулья, иногда вѣнскіе, комодъ, съ небольшимъ зеркаломъ надъ нимъ; кое гдѣ буфетъ и даже платяной шкафъ, а не то у перегородки, иногда раздѣляющей чистую половину на двѣ части, можно замѣтить и

старенькую кушетку; деревянные крашеные диваны, тѣ ужъ совсѣмъ нерѣдкость, также, какъ и желѣзныя кровати, получающія, благодаря своей относительной дешевизнѣ, широкое распространеніе.

Кромѣ этихъ частныхъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о матеріальномъ благосостояніи населенія дальне-восточной Украины, наглядныиъ общимъ признакомъ могутъ служить базары въ какой-нибудь предпраздничный лѣтній или весенній день, напоминающіе, съ одной стороны, въ сильной степени деревенскія ярмарки въ коренной Малороссіи, но съ другой—рѣзко отличающіеся отъ нихъ отсутствіемъ одного чрезвычайно, мнѣ кажется, характернаго аксессуара послѣднихъ.

Базаръ въ торговый день, напр., въ Никольскѣ-Уссурійскомъ весьма напоминаетъ какое-нибудь мѣстечко на Украинѣ; та же масса круторогихъ воловъ, лѣниво пережевывающихъ жвачку подлѣ возовъ, наполненныхъ мѣшками муки, крупы, сала, свиныхъ тушъ, разной домашней птицы, колбасой деревенскаго приготовленія и т. п.; тѣ-же чоловикы и парубкы въ свиткахъ зъ видлогамы и безъ нихъ, тѣ-же бабы и дивчата съ намистамы на шеяхъ, а послѣднія съ пучками лентъ въ косахъ, въ запаскахъ и плахтахъ, продающія и масло, и сметану, и творогъ, и крашенки, и медъ...

Повсюду слышится веселый, бойкій, оживленный малорусскій говоръ, и въ жаркій лѣтній день легко можно подумать, что находишься гдѣ-нибудь въ Миргородѣ, Рѣшетиловкѣ или Сорочинцахъ временъ Гоголя. Но для полной иллюзіи не достаетъ одного, какъ я уже сказалъ, чрезвычайно характернаго аксессуара малорусскихъ базаровъ, отсутствіе котораго, по моему, безошибочно свидѣтельствуетъ о матеріальномъ довольствѣ населенія. Я имѣю въ виду нищихъ, въ особенности слѣпыхъ, хромыхъ безрукихъ и безногихъ, которыми до отличительнаго признака изобилуетъ благодатная Украина. Здѣсь на базарахъ нѣтъ нищихъ малорусской національности, какъ ихъ нѣтъ и вообще въ южно-уссурійскомъ краѣ, этой дальне-восточной Украинѣ, изъ среды общерускаго населенія. Нищенствуютъ здѣсь, главнымъ образомъ, калѣки китайцы и корейцы, изъ которыхъ послѣдніе проявляютъ

въ особенности склонность къ попрошайничеству. Попадаются просящими милостыню изрѣдка и русскіе, но это въ большинствѣ случаевъ вырвавшіеся на материкъ искать счастье и не нашедшіе его сахалинцы, да иногда случайные, застигнутые какимъ-нибудь бѣдствіемъ отдѣльные переселенцы. Но всѣ эти категоріи просящихъ не концентрируются на базарахъ, а ходятъ по дворамъ, и то въ весьма ограниченномъ числѣ, и не стоятъ по улицамъ; совсѣмъ не то, что въ Кіевѣ, напр., гдѣ черезъ каждые 10--20 шаговъ на любой улицѣ города встрѣтишь непремѣнно мужчину или женщину, протягивающихъ къ прохожимъ руку.

Такое отсутствіе или крайняя ограниченность нищихъ ясно свидѣтельствуетъ, что населеніе дѣйствительно не нуждается, будучи матеріально хорошо обставленнымъ, имѣя, въ случаѣ надобности, возможность всегда найти работу, обезпечивающую ему существованіе.

Такъ какъ воспитанная на родинѣ въ строгомъ режимѣ ограниченности пищевыхъ средствъ деревня и на дальній востокъ перенесла выработанную этимъ режимомъ теорію о «лишнихъ ртахъ», то съ осени, обыкновенно съ Покрова, на рынкѣ въ городахъ является предложеніе этихъ «ртовъ» въ видѣ молодыхъ дѣвушекъ и дѣвочекъ подростковъ, нанимающихся въ качествѣ домашней прислуги, недостатокъ которой здѣсь довольно ощутителенъ и функціи которой до послѣдняго времени съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ исполняли мальчики китайцы, извѣстные съ англійскаго «boy»—мальчикъ подъ именемъ боекъ; русскій человѣкъ, привыкшій Ивана называть Ванькой, передѣлалъ англійское «boy» въ русское «бойка».

Несмотря на то, что деревенскія Ганны, Горпыны и Оксаны по осени появляются въ качествѣ «лишнихъ ртовъ» на рынкѣ въ немаломъ числѣ и несмотря на сильную конкуренцію имъ со стороны голодныхъ ртовъ «боекъ», первая прислуга не теряетъ въ цѣнѣ и съ успѣхомъ вытѣсняетъ своихъ «желтолицыхъ братьевъ», которые впослѣдствіи нерѣдко прислуживаютъ своимъ конкуренткамъ вытѣснительницамъ.

Въ началѣ своей карьеры эти Горпыны и Оксаны покорно отдаютъ батькамъ, являющимся чуть не ежемѣсячно къ нимъ въ городъ, свои заработанныя деньги, но съ теченіемъ времени многія изъ нихъ эмансипируются отъ этой повинности и начинаютъ копить для себя, въ особенности, если имъ впереди предстоитъ перспектива въ городѣ же выйти замужъ.

А это случается весьма нерѣдко, такъ какъ недостатокъ женщинъ на далекой восточной окраинѣ весьма значителенъ.

Большинство изъ нихъ берутся въ замужество выходящими въ запасъ солдатами или матросами, пристраивающимися на должности приказчиковъ въ торговыхъ помѣщеніяхъ или писцовъ, конторщиковъ, кондукторовъ и т. п. на желѣзныхъ дорогахъ. Для иныхъ счастье улыбается шире и онѣ становятся чиновницами, барынями. Въ первыхъ случаяхъ онѣ не порываютъ съ деревней и не стѣсняются признавать своихъ родственниковъ, въ свиткахъ и плахтахъ являющихся иногда къ нимъ въ гости; въ послѣднихъ, —очевидно, подъ вліяніемъ своихъ «благородныхъ» или «высокоблагородныхъ» супруговъ, онѣ не любятъ вспоминать о своемъ «неблагородномъ» происхожденіи и родствѣ.

IX.

Еще однимъ, кромѣ приведенныхъ, доказательствомъ благопріятности условій для сельской колонизаціи южно-уссурійскаго края можетъ служить то обстоятельство, что, помимо крестьянъ, тенденцію осѣсть на землю издавна проявляли многіе изъ лицъ, не принадлежащихъ къ этому сословію, изъ коихъ нѣкоторые различными путями, напр., на правѣ давности, осуществляли свое стремленіе, завладѣвали небольшими сравнительно участками земли. Но это стремленіе въ особенности ясно и опредѣленно проявилось въ 1900—1901 году, когда правительствомъ было объявлено желаніе установить въ Сибири, а стало-быть и въ области дальне-восточной Украины частное землевладѣніе. Особенный аппетитъ въ этомъ отношеніи проявился среди такъ называе-

мато культурнаго класса, главнымъ образомъ, среди чиновничества, довольно хорошо уразумѣвшаго, гдѣ въ близкомъ будущемъ станутъ зимовать раки. Мнѣ лично приходилось бесѣдовать по этому вопросу съ многими, обращавшимися ко мнѣ за разъясненіями деталей правительственнаго распоряженія о частномъ землевладѣніи, причемъ иные вполнѣ опредѣленно излагали сущность своихъ вожделѣній, и ихъ мотивы. Стодесятинный крестьянскій надѣлъ и встрѣчающіяся формы его эксплоатаціи, о которыхъ я упомянулъ выше, опредѣляли сущность этой вдругъ возгорѣвшейся въ сердцахъ людей 20 го числа любви къ матушкѣ-кормилицѣ, сырой землѣ. Бродячій манза и кореецъ, ищущіе приложенія своихъ рукъ къ земледѣльческому труду, вызвали эти, несвойственныя мыслящимъ по входящимъ и исходящимъ за опредѣленными номерами отношеніямъ, предписаніямъ и предложеніямъ людямъ, нѣжныя чувства къ матушкѣ-кормилицѣ. Бесѣдовавшіе со мной нисколько не скрывали этого и не пытались вовсе облекать свои вожделѣнія въ красивые мотивы заботъ объ общественной пользѣ, общемъ благѣ. Они разсуждали гораздо проще и на надѣленіе ихъ казенною землей безвозмездно или на особенно льготныхъ условіяхъ смотрѣли какъ на простой актъ справедливости со стороны правительства, въ сущности, по ихъ мнѣнію, даже обязаннаго вознаградить ихъ такимъ способомъ за ихъ вѣрную службу, и возможность неудовлетворенія ихъ желаній считали даже просто обидой. Какъ аргументъ въ пользу своихъ воззрѣній, они приводили тотъ фактъ, что нижніе воинскіе чины, служившіе въ краѣ, по выходѣ въ запасъ, имѣли право приписываться къ мѣстнымъ сельскимъ обществамъ и получать опредѣленный (15 дес.) земельный надѣлъ. Въ увлеченіи соблазнительными перспективами своего будущаго землевладѣнія всѣ совершенно забывали тѣ преимущества и привилегіи въ видѣ увеличенія окладовъ за пятилѣтнюю, десятилѣтнюю службу въ краѣ и льготы на выслугу пенсіи, сопряженныя съ этой службой, и видѣли только право солдатъ на землю, чего не имѣли они, вѣрные слуги, чиновники. А тутъ, какъ на грѣхъ, у нихъ передъ глазами были восхитительные примѣры нѣкоторыхъ уже устроив-

шихся захватчиковъ, умудрявшихся иногда извлекать баснословные доходы изъ земли, въ родѣ 500—700 р. съ десятины, занятой подъ культуру мака для приготовленія опіума... Но все это были, такъ сказать, единичныя вожделѣнія частнаго характера, гдѣ каждый суетился и вожделѣлъ за свой личный страхъ и рискъ, если можно такъ выразиться, вожделѣнія не обобщенныя, не связанныя никакимъ единствомъ.

Въ 1903 году нашелся, наконецъ, и объединитель общечиновничьихъ мечтаній, проявлявшихся доселѣ разрозненно. Проявился этотъ объединитель въ центрѣ дальне-восточной Украины, откуда, разумѣется, лучше всего было наблюдать мужичье благополучье, въ Никольскѣ-Уссурійскомъ въ лицѣ городского старосты, подполковника въ отставкѣ Калинина, который на IV Хабаровскомъ съѣздѣ, созванномъ бывшимъ Приамурскимъ гинералъ-губернаторомъ Суботичемъ, выступилъ съ цѣлымъ докладомъ на мотивъ частнаго землевладѣнія въ южно-уссурійскомъ краѣ. Предполагаемыми и по докладу желательными землевладѣльцами, конечно, являлись чиновники и офицеры какъ отставные, такъ и находящіеся еще на дѣйствительной службѣ, но прослужившіе не менѣе 12 лѣтъ въ краѣ. Размѣръ частновладѣльческихъ участковъ предполагался отъ 300 до 3000 десятинъ, желательныхъ къ полученію, разумѣется, лучше всего даромъ или, въ крайнемъ случаѣ, за самую ничтожную уплату за нихъ, производимую на самыхъ льготныхъ условіяхъ съ многолѣтней разсрочкой, безъ какихъ-либо обязательныхъ требованій, напр., постройки извѣстныхъ усадебныхъ сооруженій, обработки опредѣленнаго числа десятинъ и т. п.

Въ частной бесѣдѣ съ авторомъ доклада и его сторонниками мнѣ пришлось по этому поводу выслушать наивно или цинично откровенныя разсужденія, гдѣ цѣль спекулированія пріобрѣтенной даромъ или почти даромъ землей прямо-таки и указывалась, причемъ, тоже прямо, заявлялось, что главное, что бы землевладѣлецъ, чиновникъ или офицеръ, могъ взять изъ этой операціи все, что можно, а въ концѣ концовъ земля все-таки найдетъ своего настоящаго хозяина, который и станетъ ее обрабатывать. Это

было въ частныхъ бесѣдахъ, въ докладѣ-же извлеченіе выгодъ изъ земли ея чиновнымъ владѣльцемъ ставилось совсѣмъ на послѣднемъ планѣ; о немъ чуть-чуть лишь упоминалось вскользь.

Основнымъ мотивомъ проекта была, конечно, забота о меньшомъ братѣ, какъ извѣстно, всегда нуждающемся если не въ непосредственной, такъ сказать, осязательной для себя опекѣ, то, во всякомъ случаѣ, въ непрестанной заботливости, безъ которой онъ положительно погибнетъ.

Исходя изъ этого положенія, авторъ проекта аргументировалъ такъ. Площадь земли, годная подъ заселеніе крестьянъ, уже вся опредѣлена и «если не занята, то намѣчена и нанесена на планъ». Остающіяся за выдѣленіемъ крестьянскихъ участковъ земли непригодны къ заселенію вслѣдствіе того, что въ большей части своей онѣ покрыты лѣсомъ, рубка и корчеваніе котораго для переселенца не по силамъ. Постройки желѣзныхъ дорогъ, на которыхъ вновь прибывающій переселенецъ находилъ себѣ до сихъ поръ средства, нужныя ему для первоначальнаго домообзаводства, кончаются, вслѣдствіе чего маломощные изъ прибывающихъ въ край принуждены будутъ значительное время бѣдствовать, тѣмъ болѣе, что другой источникъ благополучія—сбытъ производимаго хлѣба въ казну, въ интендантство, вслѣдствіе конкуренціи маньчжурскаго хлѣба, сокращается. Отсутствіе и неудовлетворительность существующихъ дорогъ мѣшаютъ излишекъ хлѣба подвозить къ желѣзной дорогѣ для вывоза его, положимъ, въ нуждающееся обыкновенно въ немъ Забайкалье и, такимъ образомъ, ставятъ крестьянина въ весьма и весьма затруднительное положеніе. Вотъ для того, чтобы вывести его изъ такого положенія, чтобы облегчить ему существованіе и возможность хозяйственно устроиться по прибытіи на мѣсто новаго переселенія, нужно всю оставшуюся отъ крестьянскихъ участковъ землю, въ количествѣ двухъ милліоновъ десятинъ, передать чиновникамъ и офицерамъ.

Эти благодѣтели, которымъ до извѣстной степени тоже понадобятся для ихъ виллъ и экономій дороги, прежде всего дадутъ вновь прибывающимъ переселенцамъ возможность заработать quelque chose при рубкѣ просѣкъ и устройствѣ этихъ дорогъ,

необходимыхъ имъ-же самимъ, а затѣмъ и въ работахъ въ качествѣ батраковъ по экономіямъ. Этимъ путемъ они избѣгнутъ той нужды, которую неизбѣжно будутъ терпѣть въ первое время по прибытіи въ край безъ стороннихъ заработковъ, и слѣдовательно, чиновничье-офицерскія имѣнія будутъ способствовать прямо и непосредственно матеріальному благосостоянію крестьянъ. Но этого мало. Вырубивъ и выкорчевавъ лѣса при помощи тѣхъ-же переселенцевъ, которые сами, безъ внушенія землевладѣльцевъ, не въ силахъ этого сдѣлать, чиновные господа разведутъ образцовыя крупныя хозяйства, глядя на которыя мужики станутъ поучаться усовершенствованной земледѣльческой культурѣ и тѣмъ самымъ, разумѣется, улучшать еще болѣе свое благосостояніе. Значеніе этого нагляднаго обученія, по словамъ автора проекта, такъ велико, что передъ нимъ теряютъ всякое значеніе различныя сельскохозяйственныя школы, что, въ свою очередь, принесетъ немаловажную пользу и казнѣ, такъ какъ ей не придется расходоваться на учрежденіе такихъ школъ, что, между прочимъ, имѣлось въ виду сдѣлать основаніемъ сельско-хозяйственнаго училища въ Никольскѣ-Уссурійскомъ.

Несмотря на всю «убѣдительность» аргументаціи подполковника въ отставкѣ, докладъ его не встрѣтилъ поддержки и сохранился лишь въ напечатанныхъ по распоряженію генералъ-губернатора Суботича трудахъ съѣзда, какъ одинъ изъ многихъ памятниковъ чиновничьей изобрѣтательности, когда дѣло идетъ объ увеличеніи какимъ нибудь путемъ присвоенныхъ по штату окладовъ.

X.

Въ заключеніе своего краткаго очерка дальне-восточной Украины, касающагося матеріальной стороны положенія поселившихся въ ней малороссовъ, полагаю нелишнимъ сказать два-три слова о положеніи населенія со стороны его духовной жизни и на первомъ планѣ, разумѣется, о положеніи здѣсь дѣла народнаго образованія.

Если природныя условія, т. е. климатъ, почва, обиліе земли, богатства моря и рѣкъ и растительность создаютъ то, что населеніе въ матеріальномъ отношеніи поставлено въ положеніе вполнѣ удовлетворительное въ данный моментъ, то, къ сожалѣнію, совершенно нельзя сказать того-же объ условіяхъ, которыя способствуютъ духовному развитію населенія, которыя дѣлали бы его способнымъ улучшать духовную сторону его жизни.

Дѣло народнаго образованія въ краѣ поставлено крайне неудовлетворительно вообще. а по отношенію къ деревнѣ въ особенности.

О какомъ-бы то ни было вліяніи открытаго въ 1899 году Восточнаго института, разумѣется, говорить нечего, такъ какъ и самое его существованіе и учрежденіе никакихъ, если такъ можно выразиться, краевыхъ интересовъ не преслѣдовало: «историческая миссія» была положена въ основу поставленныхъ передъ институтомъ цѣлей, осуществленіе которыхъ отчасти уже обнаружилось въ распространеніи въ обществѣ ложныхъ представленій о Японіи, какъ о странѣ, населенной полудикарями.

За институтомъ слѣдуетъ состоящая при немъ классическая гимназія, далѣе женская гимназія и мореходные классы для штурмановъ и шкиперовъ дальняго плаванія—учебныя заведенія, находящіяся внѣ сферы пользованія основного населенія дальне-восточной Украины, на долю котораго остается съ полдюжины министерскихъ народныхъ школъ, церковно-приходскія и такъ называемыя школы грамоты. О постановкѣ дѣла народнаго образованія въ школахъ послѣднихъ двухъ типовъ распространяться не буду, ибо оно ничѣмъ не отличается отъ такого-же повсюду въ Россіи, гдѣ какъ культурнымъ обществомъ, такъ и народной массой имъ уже сдѣлана надлежащая оцѣнка. Говоря безпристрастно, здѣсь, на дальневосточной Украинѣ, учебное дѣло въ первой изъ нихъ, т. е. въ школѣ церковно-приходской, пожалуй, бываетъ иногда нѣсколько лучше, нежели въ Европейской Россіи, такъ какъ ясно выраженныя тамъ цѣли «внутренней политики» проступаютъ здѣсь довольно слабо, за отсутствіемъ объекта, по отношенію къ которому веденіе этой

«политики» могло-бы казаться нужнымъ. Въ результатѣ такого положенія вещей въ иныхъ школахъ прямыя, учебно-педагогическія задачи берутъ верхъ надъ сторонними, политическими, и у воспитанниковъ этихъ школъ остаются нѣкоторые слѣды воздѣйствія школы въ видѣ грамотности. Къ сожалѣнію, это можно сказать только относительно нѣкоторыхъ школъ, такъ какъ въ общемъ составъ педагогическаго персонала далеко не стоитъ на надлежащей высотѣ; подборъ въ большинствѣ случаевъ, къ сожалѣнію, оказывается далеко не удачнымъ.

Министерскія школы, обставленныя опредѣленными программами, до послѣдняго времени находившіяся, строго говоря, въ вѣдѣніи полиціи, т. е. приставовъ, само собою разумѣется, въ смыслѣ распространенія просвѣщенія положительныхъ результатовъ дать не могли, и населеніе, освободившись отъ земельнаго утѣсненія, погнавшаго его съ родины за тысячи верстъ искать гдѣ лучше, въ отношеніи духовнаго развитія осталось попрежнему темнымъ и безпомощнымъ.

Война съ Японіей, хотя населеніе еще и пользуется льготой въ отношеніи отбыванія воинской повинности молодымъ поколѣніемъ, на экономическомъ положеніи дальне-восточной Украины отзывается весьма тягостно. Мобилизація, призвавшая на дѣйствительную службу запасныхъ солдатъ, какъ приписавшихся по выходѣ со службы къ мѣстнымъ сельскимъ обществамъ, такъ и прибывшихъ съ семьями изъ Европейской Россіи, въ качествѣ главъ семействъ или старшихъ членовъ ихъ, сильно пошатнула благосостояніе далеко еще не окрѣпшихъ хозяйствъ, оставшихся безъ главныхъ работниковъ и вслѣдствіе этого поневолѣ принужденныхъ сократить свои операціи. Военно-конная повинность усугубила, съ своей стороны, эти неблагопріятныя условія и результатомъ въ первую очередь явилось неизбѣжное уменьшеніе площади посѣвовъ, не могущее компенсироваться обработкою полей пришлыми китайцами и корейцами, на которыхъ невѣрность положенія и опасенія переноса военныхъ дѣйствій на территорію дальне-восточной Украины повліяли отпугивающимъ образомъ и

заставили ихъ ее покинуть и искать спасенія отъ неизбѣжно сопряженныхъ съ войною бѣдствій у себя на родинѣ.

То-же опасеніе японскаго вторженія на территорію южно-уссурійскаго края вызвало распоряженіе высшей администраціи объ образованіи своего рода милиціи, народныхъ дружинъ. Сперва для организаціи ихъ призывались всѣ *желающіе* мужчины, отъ 16-и до 50-тилѣтняго возраста, потомъ для крестьянъ вступленіе въ дружины было сдѣлано обязательнымъ для каждаго двора сперва по одному человѣку, а затѣмъ по два и, наконецъ, все мужское населеніе было обращено въ дружинниковъ, обученіе стрѣльбѣ, маршировкѣ, построеніямъ, ружейнымъ пріемамъ и полевой службѣ которыхъ возложено на спеціально назначенныхъ изъ запаса унтеръ-офицеровъ, начальниковъ сотенъ и т. д.

Обученіе всяческимъ воинскимъ артикуламъ уже само по себѣ на нѣкоторое время—по вокресеньямъ и праздникамъ—отвлекало работниковъ отъ хозяйства, но къ этому присоединился еще и усилилъ это отвлеченіе способъ организаціи сотенъ и дружинъ, образуемыхъ изъ мужского населенія, конечно, не одной какой нибудь деревни, а зачастую нѣсколькихъ. Само собою разумѣется, что въ одну сотню, напр., назначались люди близко расположенныхъ селеній, но нерѣдко оказывалось, что селенія, обозначенныя отстоящими одно отъ другого на 5—7 верстъ на картѣ, въ дѣйствительности отстояли на 50—70 верстъ, вслѣдствіе отсутствія непосредственно соединяющихъ ихъ дорогъ, и для того, что-бы дружинникамъ одной сотни собраться въ назначенномъ пунктѣ на ученіе, нѣкоторымъ приходилось добираться туда кружнымъ путемъ, сдѣлавъ не одинъ десятокъ верстъ пути пѣшкомъ, на лошади или по желѣзной дорогѣ. А на это требовалось время, отнимаемое и такъ у далеко не обезпеченнаго достаточнымъ числомъ работниковъ хозяйства, которое вслѣдствіе подобнаго положенія должно было приходить въ разстройство.

Въ такомъ состояніи къ лѣту прошлаго года я оставилъ дальне-восточную Украину, которая по климатическимъ и почвеннымъ условіямъ, по обилію и разнообразію природныхъ бо-

гатствъ, по энергіи и предпріимчивости населенія, прошедшаго тяжелую школу «домашняго» воспитанія и длинный путь до мѣста, ознакомившій его съ многимъ, чего оно никогда-бы не увидало при другихъ условіяхъ, представляетъ много несомнѣнныхъ данныхъ счастливаго будущаго по миновaніи войны и измѣненіи къ лучшему политическихъ условій существованія, чего съ такимъ напряженіемъ жаждетъ нынѣ вся страна.

В. Иличъ-Свитычъ.

НА ВОКЗАЛИ.

(Нарысъ).

Сонечко ховалося за лисъ, що стиною стоявъ на краевыди, и землю обгортавъ тыхый майськый вечиръ. Повіявъ свиженькый витрець и заворушывъ срибно-зелени лысточкы молодыхъ осокоривъ та тополь. Въ кущахъ бузку спивавъ соловейко. По выложеній каминнямъ дорози, зъ города до вокзалу, торохтилы та брязчалы покаличени брычкы, запряжени такымы-жъ покаличенымы киньмы.

Передъ коштовнымъ будынкомъ вокзала поважно ходылы купци, розмовляючы про свои торгови справы. Бравый жандармъ брязчавъ шпорамы и наче мирявъ ступнямы стежку; крутячы вусы и насторожывшы вуха, винъ пронызувавъ своимы очима кожного, на кого падавъ ёго поглядъ. Молоденьки телеграхвысты и пидтелеграхвысты, зъ блескучымы кгудзыкамы и кокардамы, те-жъ бигалы тутъ, трохы не въ голосъ думаючы, що воны всихъ увагу звертають тилько на себе,—звисно: молоде-зелене! Не мало було тутъ людей, яки рады святого вечера выйшлы до вокзалу погуляты и ходылы по перрони, а други сыдилы биля своихъ клункивъ, дожыдаючы машыны.

Окремо, геть дали, на краи перрона сыдила купка людей, душъ на двадцять. Тутъ булы и стари й мали. Дидъ старый, що вже головы не мигъ здержаты—все нею крутывъ,—байдужно дывывся навкругы; баба стара та высока, ажъ похыла, сыдила биля великого клунка, не звертаючы зъ его очей; молодыця годувала малу дытыну та грымала на двохъ бильшенькыхъ хлопчыкивъ, що гралыся биля неи; дивчата та парубкы весело щебеталы, сміялыся.

Схылывшыся на ципокъ, стоявъ пидстаркуватый чоловикъ.

— А вы, бабусю, те-жъ на поселяне?—запытавъ винъ старои.

Баба видирвала очи видъ клунка и повернула голову до чоловика

— Та я ще вернуся сюды; я не на поселяне, а до сынивъ у гости. Одвидаю, якъ воны тамъ жывуть, а онукамъ повезу гостынцивъ.—И баба головою кывнула на клунокъ. А гостынцивъ, гостынцивъ у тимъ клунку!—кныши та паляныци и торба оришкивъ.

— А де-жъ сыны?

— Та на поселянахъ, такы-жъ. Рокивъ зъ пьять буде, якъ пишлы на Кубань, а я зъ меньшымъ сыномъ зосталася. А це— йидуть сусиды туды-жъ, и я зъ ными.

Дидъ потрясъ головою ще дужче и наче самъ до себе промовывъ:

— Йидуть!.. А чого воны йидуть? жыть-бы та жыть на однимъ мисти, а то .. Роскишъ!..

— Роскишъ?..—озвалась молодыця, що годувала дытыну— бодай собака не диждала такои роскоши!..—И очи іи заблыщалы слизьмы. Слово «роскишъ» вразыло іи въ саме серце.

— А хиба—ни? Кажу-жъ що зъ роскоши!—вже сердыто мовывъ дидъ.—Я якъ бувъ колысь панськымъ...

— Вы своеи!—перебыла молодыця ричъ.—Паньски!. Було колысь що панови робылы, такъ на панському й жылы, панське йилы, панъ и подушне платывъ, а теперъ?!.. Не роскишъ, а лыха годына мене жене зъ диткамы Богъ-зна куды!

— Дочко, дочко!.. На панському жылы, панське йилы!.. Чи дуже собака рада тому цепови, биля якого дають ій шматокъ хлиба?. Та... що тоби казать! Не зазнала ты панськои ласкы, панського хлиба!.. Охъ, воля, дочко, воля!..

— Воля! Що зъ такои воли? Правда—вильно зъ голоду вмерты... такъ и вмерты-жъ диткы не дадуть. Не дадуть, бо жаль йихъ. Не пидіймутся рукы сами на себе, а смерть не прыходыть!..

— А моимъ сынамъ тамъ дуже добре жывется!—каже баба—пышуть, що дуже добре!

— Вашымъ, баба, сынамъ и тутъ жылося добре—одмовыла ій молодыця.—Багатому скризь добре! Була въ ныхъ тутъ земля, було доволи всёго, то и тамъ не гирко жыть; а мы—якъ тутъ чужи робитныкы, якъ тутъ попыхачамы жывемо, то й тамъ такъ само будемо скытаться!..

— Ще гиршъ! Кажу вамъ, и казавъ, и тамъ скажу: ще гирше!

— Годи вже вамъ, тату!—озвався худенькый чоловичокъ рокивъ пидъ сорокъ, що въ цей часъ пидійшовъ до гурту.—Вже що буде, те й буде, а гиршъ не буде якъ йе!

— Побачышъ!.. Не разъ, сыну, згадаешъ мою сю ричъ, та...

И дидъ тяжко зитхнувъ и замовкъ. Хытаючы головою дывывся винъ на той бикъ, де ледве прымитно сынило його ридне село. Тамъ родывся винъ и вырисъ, и восьмого десятка вже диждавъ. Бувъ панськый винъ, дворовый, и на волю выйшовъ безъ ступня земли—надилу не далы, бо винъ «дворовый». Стару поховавъ рокивъ у пьять писля воли; диткы, яки булы, померлы и зоставсь тилько меньшый сынъ, и цей помагавъ ёму бытыся зъ лыхомъ, якъ рыба объ лидъ, покы стяглыся на кгрунтъ, та хату. А теперъ сынъ продавъ ту хату, зибравъ сотню зъ чымсь карбованцивъ и думае въ далекій сторони, на чужыни, заводыты нове хазяйство, жыть и розжыватыся!..

«Добре тамъ де насъ немае»! Прысливья це Трохымови не разъ спадало въ думку, не разъ и батько це ёму казавъ, а жинка грызла голову,— але-жъ уперто думавъ винъ: «не буде гиршъ, якъ йе»!

Жинка Трохымова довго не згожувалась кыдаты ту хату, що мазала вона й билыла, ту ничъ, де хлибъ вона пекла́, а хлибъ—заробленый за восьмый снипъ! До болю жаль було ій кожнои рослыны—деревыны на тому кгрунти, де ходылы іи ногы бильшъ десятка рокивъ, де порепани чорни рукы копалы й пололы грядкы. Та злыдни жаль перемоглы! Зго́дылась вона, колы іи Трохымъ почавъ потипаты, що на поселянахъ будуть воны маты свою коровку—свое молочко для дитокъ, свои овечкы—свою вовну для свыткы. Бильше вирыла вона Трохымови своему, нижъ свекрови, якый не згожувався зъ цымъ. «Хиба забулы вы прысливья: на однимъ мисти и каминь обростае»! Що-дня старый прысливья це казавъ,—алежъ коровка, овечкы та порося маньшы геть туды, кудысь, въ невидомый далекый край, «на поселяне». А де ти «поселяне», вона не знала зовсимъ и знаты не хотила! Бажалося ій для дитокъ молока, котрого воны не малы тутъ. Бере вона зъ собою на завидъ свое багатство тутешне—одну однымъ квочку зъ маленькымы курчаткамы, и ій марытся вже що матыме вона доволи крашанокъ и буде йисты ихъ не тилько на святый Велыкдень, а може й коженъ день!.. И якъ не згодытся, не йихать?.. Покынула вона всихъ родычивъ у ридному сели, а йиде геть туды, де вильный степъ, де диткы на своему будуть пасты своихъ телятокъ та ягнятъ. А вона. О, Боже! якъ не йихаты!.. Вона тамъ буде жать своимъ серпомъ, на своій ныви, и не буде мазаты чужыхъ хлививъ та клунь за басарынокъ, за право зароблять въ чужому поли хлибъ за восьмый снипъ!.. И радисно!.. А серце все щемыть! Неначе злодій въ темну ничъ сумна та невесела думка тыхенько пидкрадается до нёго, схоплюе ёго, и тяжка печаль давыть душу бидолахы.

— Та хай вже буде якъ Богъ дасть! а вы, тату, облыште вже про це—каже Трохымъ—я здавъ усе, що можно, у багажъ,

а це мы визьмемо зъ собою,—и винъ показавъ на клункы зъ харчамы, та на клитку зъ квочкою. Пивъ-дня Трохымъ робывъ ту клитку. Це не жыдивська куча для курей, а справжня клитка. Сосновыхъ два кругы изъ сахарнои бочкы, кругомъ наверчени диркы, а въ ти диркы винъ лозынокъ понабывавъ густенько—и клитка. Робывъ Трохымъ що жинка скаже, годывъ ій, абы-бъ у поперекъ дорогы не стояла.

Сторожъ у дзвона вдарывъ, и пойиздъ, тяжко стогнучы, пидбигъ до самого вокзалу. На перрони вси заворушылысь. Тамъ зустричалысь та чоломкалысь, прощалысь, плакалы, сміялысь, гомонилы. Трохымъ ажъ пидтюпцемъ побигъ до кондуктора, щобъ запытать його, въ якый вагонъ сидать. Дизнавшысь, вернувся винъ до своихъ, схопывъ дитей за рукы и повивъ ихъ до того вагона, въ котримъ воны будуть йихаты. Диткы весело топотилы своимы босымы ноженятамы по гладенькому камени и цикаво, але и не безъ жаху, дывылыся и на чужыхъ людей и на машыну.

Трохымыха непевною ходою йшла за дитьмы. Вона трусылася. Не бачыла вона машыны, а тилько чула про неи, а теперъ ій прыйшлося йихаты въ незнану далечинь, и йихаты на цій машыни. Острахъ іи взявъ. Думкы заплуталыся въ голови. Та вже й не думала вона ничого, а тилько йшла, дывылася соби пидъ ногы, та дитокъ боронyла, щобъ хто не настоптавъ.

Дидъ, Трохымивъ батько, тежъ ишовъ не весело. Винъ знавъ, що сонечко недовго буде грить його кисткы. Недовго вже топтатымуть стари безсыли ногы чужу, не ридну землю. Бажавъ винъ смерти. Нехай бы краще тутъ оця машына його вбыла, та поховалы-бъ же його на ридній сторони. Не хочется жывымъ покынуть того краю, де винъ родывся, вырисъ, де слизьмы-кровію вмывавсь за панщыны, де вже на воли, робывъ упьять чужу роботу! Тутъ молодисть його пройшла—часы невильнычого счастя. Тутъ, за весь довгый викъ, винъ звыкся зъ лыхомъ, и вже боявся навить и добра того, яке зазнаты може тамъ, куды веде його Трохымъ. Чужый тамъ край, чужіи люде! Чужа

земля, въ яку ёго стари кисткы вже незабаромъ поховають! Не закуе зозуля въ гаи биля кладовыща, не заспивае соловейко надъ могылою въ кущи калыны,—и на старыхъ очахъ заблыщалы слёзы.

Баба зигнувшыся несла свій клунокъ зъ гостынцямы онукамъ. Вона думала, що дуже будуть диткы ради побачыты дорогого гостя, якъ будуть прохаты іи не йихать назадъ, зостаться въ ныхъ, на поселянахъ, а вона скаже имъ: «ни, диткы, не зостануся! Де я родылася, то тамъ и вмру».

За нымы йшлы сусиды, котри выйшлы провожать Трохымову симью Дивчата й парубкы провожалы старшеньку Трохымову дочку, вже дивчыну, а чоловикы та жинкы — Трохыма та Трохымыху. Всимъ було якось ніяково: наче выпхалы воны зъ свого села одну родыну, щобъ просторише було жыть самимъ.

Вдарывъ другый дзвинокъ—почалы прощатыся. Вси плакалы. Одынъ тилько Трохымъ крепывся та крепывся. Не потуравъ винъ тымъ слёзамъ, яки здавылы вже ёго горлянку. Взявшы батька пидъ-плечи, увивъ ёго въ вагонъ, повернувся хутко и забравъ жинку зъ диткамы. Трохымыха плакала, якъ мала дытына. Диткы, почувшы такый плачъ, почалы квызнуты, сами не знаючы чого. Сусиды повносылы клункы.

— А клитка зъ квочкою!.. Давайте клитку сюды!—скрыкнувъ Трохымъ, выбигаючы зъ вагона, зосталась клитка—де сыдилы. Побигъ парубокъ, схопывъ, несе. Сполохана квочка, що вже дримала, поховавшы пидъ крыла своихъ дитокъ, почала квоктаты, курчата цявкалы. Схопывъ Трохымъ клитку, до вагона... ажъ лыхо! Клитка не влазыть у вагонъ. Невдача перша йе вже тутъ, а що ще буде тамъ?.. Лыха годына не дрима, а цупко держытся Трохымови за полу.

— Здай въ багажъ!—озвався хтось изъ гурту.

— Пропадуть!.. Курчата мали... ихъ годуваты треба. Може я, якъ небудь... зъ собою.—И Трохымъ повертавъ ту клитку на вси бокы, але-жъ вона не входыла въ дверци вагона. Кур-

чата пыщалы, а квочка злякано крычала. На перрони почалы сміятыся.

Вдарывъ третій дзвинокъ, паровыкъ завыщавъ—и пойиздъ рушывъ.

— Визьмы соби квочку, Семене—мовывъ Трохымъ до жинчыного брата; прощайте!...

Не вдержавъ слизъ Трохымъ и давъ имъ волю.

Сховався пойиздъ за горою, и тилько дымъ показувавъ, куды Трохымъ повизъ зъ собою злыдни.

М. Непыйвода.

Весилля въ с. Отакахъ.

(Этнографичный нарысъ).

Село Отакы [1]), Хотинського повиту, Бессарабськои губ., лежыть на правимъ боци Днистра, проты м. Жванця, видомого зъ исторіи по бытви Богдана Хмельныцького зъ полякамы. (Видъ того часу лышылыся руины Жванецькои фортецы и стародавній костёлъ польськый, обнесеный товстымъ муромъ зъ амбразурамы и бойныцямы до стриляння).

Отакы лежать на шосейнимъ шляху, що йде зъ Хотына черезъ Камьянець на Проскуровъ. Видъ Хотына до Жванця 3 верствы, а видъ Жванця до Камьянця — 18 верстовъ.

Мижъ Отакамы и Жванцемъ истнуе перевизъ на поронахъ. За дви верствы видъ Отакъ по тимъ боци Днистра роскынулось по-надъ Збручемъ и Днистромъ наше погранышне село Исакивци «зъ переходнымъ пунктомъ» въ Австрію и зъ таможнею. Противъ Исаковець, по той бикъ Збруча роскынулось австрійське село Окипъ або Козачивка.

Отацьки селяны окримъ хлиборобства займаются ще рыбальствомъ и ходять зъ сплавамы, що прыходять сюды зъ Карпатъ,

---

[1]) Слово Отакы, якъ пояснывъ це мене д-ръ Осыпъ Маковей, походыть видъ турец. слова Отóкъ—царськый (султанськый) наметъ. Отакъ въ Бессарабіи е скилька.

внызъ Днистромъ ажъ до Бендеръ и дали. Окримъ того купка спрытныхъ хлопцивъ Отацькихъ займается ще контрабандою [1]): возять зъ Австріи жыдамъ товары—шовкови хусткы, корали, капелюхы, а соби прыносять хлопци—дешеву австрійську горилку и спиртъ, чересы, чоботы, сардакы, а дивчатамъ—шовкови хусткы та черевыкы.

Рухшынська волость, до котрои належать и Отаки, вкупи зъ Клишкивською та Грозинською й почасти зъ Новоселыцькою волостямы, складають разомъ такъ звану російську Буковыну. Наша Буковына межуе на заходи зъ австрійською Буковыною, на пивночи—зъ Галычыною и нашымъ Подиллямъ, а на пивдни ричкою Прутомъ зъ Румыніею. Селяны середнёи частыны нашои Буковыны дуже кохаются въ садахъ, котри дають буковынцямъ головный дохидъ,—воны ихъ годують и зодягають. У кожного селянына йе тутъ десятына або пивторы саду, котрый дае що-року 200—300 рубливъ доходу. Въ садахъ переважно ростуть бессарабськи угоркы, воны тутъ «ростуть, якъ зъ воды» и дуже добре родять, такъ що въ осены пудъ слыво́къ можна купыть за 15—20 коп. Окримъ слывокъ въ садахъ ростуть ще волоськи горихы, черешни, вышни, яблуни и грушы. Си сады по весни скуповуются жыдамы, котри сушать слывкы въ сушарняхъ-ло́зныцяхъ, роблять зъ ныхъ чорнослывъ и розсылають скризь по Россіи, заробляючи трохы не рубъ на рубъ. Зъ станціи Новоселыця одправляется жыдамы сушеныхъ слывокъ бильшъ, якъ на 1.500.000 руб.—Хлиборобство въ жытти буковынця мае меньше значиння, якъ сады; переважно сіють кукурузу для власного вжытку; невроjай кукурузы може тутъ выклыкаты голодъ, бо селяны тутешни такъ звыклы до мамалыгы, що безъ неи ніякъ не можуть обійтысь.—Дали, селяны розводять ще дійныхъ овець, щобъ зъ ихнёго молока выробляты сыръ-брындзю, котру тутъ всп люблять йисты зъ мамалыгою. Зъ овечихъ смушкивъ шыють соби шапкы. Зъ домашнихъ промысливъ тутъ росповсюжени: ткацтво,

[1]) Контрабандысты звутся тутъ пачковозамы або пачкарямы.

кушнирство, бондарство и ганчарство. Ткуть жинкы: полотна, гóрбаткы (запаскы), кылымы, рушныкы, налáвныкы, верéты и груби сукна на сардакы (свыты).

Всёго въ нашій Буковыни поверхъ 90.000 людносты, переважно «руснáкивъ», — волохивъ (молдуванъ) тутъ не бильше 25 % [1]).

И мовою, и одежою, и лыцемъ наши буковынци дуже нагадують австрійськыхъ буковынцивъ-гуцуливъ, на це вказуе ще й те, що прызвыще «Гýцулъ» тутъ дуже росповсюджене. Мова «руснáкивъ» така сама, якою пысавъ Федьковычъ и теперъ пыше Стефаныкъ.

Одежа тутешнихъ жинокъ майже така, якъ и скризь на Вкраини, а у чоловикивъ—волоська зъ де-якымы видминамы. Одежа дивчатъ складается: 1) зъ сорочкы—мудро и багато вышытои заполоччю, лелиткáмы (блёсткамы) вовнянымы ныткамы, пацёркамы (бисеромъ), а у багатыхъ ще й срибломъ; 2) зъ спидныци або гóрбаткы зъ вовны, пидперезанои ризнобарвнымъ поясомъ,—крайкою або баюркáмы—вытканымъ зъ волúчкы (гаруса) и заполочи; 3) на шыи носять намысто звычайне або сальбы́, тобъ-то шыроке намысто зъ старыхъ срибныхъ грошей австрійськыхъ. Голову въ свято завьязують дивчата шовковою хусткою и пускають кинци по спыни. На плечи надивають лéйбыкъ—коротенькый биленькый кожушокъ безъ рукавивъ и безъ стана. Сей лейбыкъ звычайно бувае гарно и штучно поцяцькованый клаптыкамы сукна червоного, сапьяна и т. п. На ногахъ дивчата носять высоки черевыкы зъ высокымы коркамы и дуже грубымы пидошвамы.

Одежне убрання жинкы одризняется одъ дивочого тымъ, що жинкы завывають соби голову гарнымы билымы рушныкамы, на кинцяхъ рушныкивъ вытыкаются гарни взоры по жовтому полю,

---

[1]) Въ другыхъ околыцяхъ Хотынського повиту ихъ далеко бильше. Всёго въ повити 320.000 душъ, мижъ нымы 55% «руснакивъ» и 45% волохивъ.

якъ колысь встарыну завывалы головы намиткамы. Зимою жинкы поверхъ билого кожуха надиваютъ ще манту́, тобъ-то свытку зъ дармовисомъ на спыни.

Мужська одежа складается зъ довгои ажъ до колинъ полотняной сорочкы, котра николы не затыкается въ штаны, и зъ вузесенькыхъ полотняныхъ штанивъ. Пидперизуются чоловикы шырокымъ поясомъ шкирянымъ—че́ресомъ, а хлопци—шырокымъ поясомъ зъ воли́чкы (гаруса), на котрому выткани рижни взоры по червоному полю. Зъ-за череса выглядае калытка шкуратяна, а иноди и капшукъ зъ тютюномъ, люлькою и кре́сывомъ (кресаломъ). На голову чоловикы зимою и литомъ «закладають кучмы», тобъ-то высоки смушеви шапкы; хлопци литомъ замистъ шапкы носять вовняни капелюхы́ (брыли).

На ногахъ хлопци звычайно носять коротки чобиткы—имены́и, зпереду коротчи, а ззаду довши. У чоловикивъ чоботы высоки зъ кытыцямы, якъ у запорожцивъ на малюнкахъ. Шыю хлопци завьязують хусткою—*басмо́ю.* На плечи мущыны надиваютъ литомъ лейбыкъ, а зимою короткый билый кожухъ, а зверху сарда́къ (коротка свыта, зпереду часто вышыта сынимы шнуркамы) або манта́—довгый сардакъ зъ дармовисомъ на спыни.

Бильша частына сёго весилля́, що тутъ друкуется, запысавъ мени молодый селянынъ Иванъ Годнюкъ, що не разъ бувавъ «старостомъ на весиллю́». Меньшу частыну весилля́ запысавъ я видъ молодого селянына Мыхайла Лыскуна. Обыдва воны «добре грамотни»: Мыхайло Лыскунъ скинчывъ повитову школу, а Ив. Годнюкъ земську народну школу.

ВЕСИЛЛЯ.

Весильни люде: *отець и мама* молодого и молодои; *панъ батько винчальный* и *пани матка винчальна*; двое *старостивъ*,—ти, що порядкують на весиллю́,—у молодого и у молодои; старосты́—люде жонати; *дружбы́*—парубкы, ихъ трое: у молодого двое, а у молодои одынъ; *дружкы́*—дивчата (у молодои); *свитывкы́*—дивчата (у молодого); *вуйкы́* (дядькы) и *титкы́*; *свахы́*—вси молодыци, и *сусиды*.

Въ недилю, за тыждень передъ весилля́мъ, отець и маты молодого и молодои идуть до́ брата чы до свата, чы до кого иншого зъ двома парамы калачивъ и пивъ-окомъ [1]) горивкы и просять того чоловика та жинку, щобъ булы за винчального батька та за винчальну матку. Якъ ти согласни, то роспывають ту горивку, а якъ ни, то идуть до кого-небудь иншого.

Въ четверъ и пьятныцю передъ весиля́мъ молодый бере пару калачивъ и шукае соби старосту, двохъ дружби́въ и двохъ свитыво́къ, а молода такъ само бере калачи и шукае соби двохъ дружокъ, одного дружбу и старосту.

Въ суботу зъ ранку якъ молодый, такъ и молода беруть соби—молодый дружби́въ, а молода дружкы́, и йдуть по селу до кождои хаты и просять на весилля́ такъ: одынъ дружба иде впередъ, за нымъ молодый, а ззаду тежъ дружбы, и старшый дружба просы(ть): «Просылы васъ пана молодого батько и маты и пани [2]) моло́дый, и я васъ про́сю, будьте ла́скави, потрудится трохы до насъ на весилля́». Потому просе молодый и ка́же: «Просылы васъ дядя [3]) и мама, и я васъ просю потрудится до мене на весилля́». Якъ у молодого нема батька, то кажуть: «мама и братъ чи вуйко», а якъ нема мамы, то «батько и сестра чи титка», а якъ нема ни батька, ни матери, то кажуть «братъ

---

[1]) Пивъ-кварты, або ще кажуть „пивлитры" (литра).

[2]) Замисть панъ.

[3]) Батько.

и сестра», а якъ нема брата и сестры, то «вуйко и титка». Имъ хазяинъ видказуе: «Спасыби вамъ, дай вамъ, Боже, щастя и здоровля, абысты здорови веселылыса, а мы пидемъ». А якъ уже выходять зъ хаты, то кажуть: «Просымъ же Божои ласкы и вашои, потрудитсы».—Такъ само и молода зъ дружкамы про́ся, бо воны ходять не вкупи, а окроме: молодый зъ дружба́мы на одни улыци, а молода зъ дружкамы на другій и де-небудь воны здыбаютсы [1]).

Якъ обійдуть все село, то прыходять до-дому, и отець каже до молодого и до дружбі́въ: «А-ну, сыну, и вы, дружбы́, идить за пани батькомъ та нехай прыйде тай будемо зачынаты весилля́». Дружбы́ пишлы тай ведуть пана батька, а батько входыть до хаты зъ калачамы и дае ти калачи отцеви та й каже: «Дай, Боже, вамъ добрый часъ, счаслыву годыну, въ добрый часъ зачаты та въ липшый скинчаты, щобъ Господь вамъ помигъ якъ найлучче».—Отъ отець каже: «Ну, пани батьку, сидайте за стилъ та выпьемо по порціи горивкы, а вы, дружбы́, идить за старостомъ та най прыйде та будемо зачынаты весилля́».—Дружбы выйшлы, а воны сидають та й пьють.—Отъ староста входыть до хаты та й дае калачи отцевы та й те говоре, що панъ батько говорывъ: «Дай, Боже, вамъ добрый часъ, счаслыву годыну»... Отъ отець каже: «Ну, старосто, сидайте и вы коло насъ та выпьемо по порціи горивкы». — Отъ вси весильни сидають та й пьють и велычаются [2]), а музыка грае, а воны выпылы вже добре и спивають:

---

[1]) Зустричаются.

[2]) Той, хто велычается, встае на ногы, бере въ праву руку хустку и прыймае сею рукою порцію горивкы. Тоди вси весильни плещуть въ долони и крычать: «ви́вать»! а той, хто велычается, прытанцёвуе на мисци, кланяется на вси стороны и пидносыть порцію въ гору, и прыгублюе, тоди зновъ плещуть въ долони, винъ прытанцёвуе и зновъ прыгублюе, ёму зновъ крычать «вивать!» и такъ поволи выпывае всю порцію.

Квиткы мои зелененьки,
Лита мои молоденьки!
Заручылы мене молоденьку
На свекруху лыхеньку.
Я свекрухы не боюся,
Я свекруси поклонюся,
Свекруси зъ поклоночкомъ
Зъ чорнымъ шовкомъ сорочечку.

панъ батько, (пани матка) [1]) встае та каже: «Ану, старосто, благословить до винка та най свитывкы (дружкы) шыють виночокъ». Отъ вси втыхлы та встaлы на ногы. Староста: «Благословить за першымъ разомъ, за добрымъ часомъ; стало дытя передъ намы, якъ свича передъ образамы и просыть воно навпередъ Господа Бога благословенства и Суса Хрыста и Матиръ Божои и всихъ сьватыхъ, отца розо́ного [2]) и мамы розо́нои и батька винчальнoго и маткы винчальнои и бративъ розоныхъ и се́стривъ розоныхъ и вуйки́въ розоныхъ и тито́къ розоныхъ и сусидъ блызькыхъ и далекыхъ, щобысте простылы и благословылы» (такъ проказують тры разы).—Якъ шыють винокъ (у молодои и у молодого), то вси спивають:

А зъ руточкы дви квиточкы
Благословлю сынку въ счаслыву годынку
И отець и маты своему дытяты
Своему дытяты виночокъ зачынаты.
Благословлю сынку въ счаслыву годынку
Дай же, Боже, счаслыву годыночку.

И вси втыхлы, хрыстятся тай кажуть: «Най Богъ благословыть! Отъ музыка грае, а дружкы (свитывкы) спивають»:

---

[1]) У суботу и недилю весилля́ однакове: яке у молодого, таке у молодои.

[2]) Тобъ-то рожденного, ридного.

Шыйся виночку гладко
Якъ червоное ябко (яблуко)
Якъ війдемъ межи люде
Сорому намъ не буде.
Якъ мы виночокъ шылы
Мидъ — горивочку пылы,
Якъ мы го дошывалы
По столу розлывалы.

Староста каже! «Дружбо, клады стилець насередъ хаты та будемо молодого (молоду) чесаты».—Дружба кладе стилець, а верхъ нёго подушку и молодый (молода) бере пару хлиба въ рукы тай сидае на стилець, а вси стаютъ кругомь тай спивають:

«Подай матинко грыбинець
Росчесаты кучерыкы пидъ винець».

И вси чешуть по одынци (одынъ разъ проводять грыбинцемъ). Тай якъ росчесалы, такъ батько бере шапку—до шапкы прышытый виночокъ зъ правои стороны—и пидходе до молодого та закладае ёму на голову шапку [1]), а молодый (молода) встае та хрестытся на вси чотыры стороны, и музыка грае, а вси плещуть въ долони. Отъ староста каже: «Дружбы! внесить до хаты гильце та най дружкы (свитывкы) беруть зиллячко та ввывають гильце».—Отъ дружба вносе гильце та дае дружкамъ (свитывкамъ). И вси втыхлы, а староста: «Благословить за першымъ разомъ, за добрымъ часомъ. Стало дытя передъ намы..., що бысте простылы и бла-

[1]) Въ доми молодои пани-матка бере виночокъ у рукы и закладае молодій на голову. и дали все йде такъ само.

Виночокъ роблять такъ: беруть стёнжку и обвывають нею кругомъ головы и ввывають кругомъ головы и на-охрестъ (навхрестъ), выходыть такъ якъ бы шапочка.—По другыхъ селахъ въ винокъ молодій вшывають павы (павыни пера), а кримъ того вшывають мидни кружкы—такъ нибы золоти монеты.

госло̀вылы и гильце ввылы». Уси хрыстятся тай кажуть: «Най Богъ благословыть!» а дружкы (свитывкы) увывають гильце тай спива̀ють:

Счаслывый молодый
У Бога стоялы ангелы въ порогахъ
Тай насъ, дружечокъ, просылы
Щобы му (ему) гильце увилы.
Якъ мы гильце ввывалы
Мидъ-горивочку пывалы;
Якъ мы го довывалы
По столу розлывалы.

—

У неділю рано море сы розиграло
То не море тото грае
То Докія потопае
Тай дядыка [1]) поклыкае:
Дядыку тай голубчыку,
Нате вамъ билу ручечку
Тай нате вамъ ручкы оби
Выратуйте мене соби.
То не моя, дочко, воля
Ратуваты тебе зъ моря
Иванова, дочко, воля
Ратуваты тебе зъ моря
Тай дай ему ручкы оби
Най выратуе тебе соби.

И музыка грае и вси велычаются тай гуляють (данцують [2]) коломыйкы, гусочкы, полькы. Отъ погулялы тай вси йдуть по

[1]) Батенька.
[2]) Танцюють.

домахъ тай кажуть: «Будьте здорови тай ночуйте здорови!»—А отець каже до ныхъ: «Идитъ здорови тай, столяны [1]) мои кгрешни, поважни, завтра пораньче прыходитъ»!

ВЕСИЛЛЯ ВЪ НЕДИЛЮ [2]).

Вси сходятся до хаты, а молодый (молода) веде пана батька (пани матку), а дружбы старосту ведуть. Увійшлы до хаты тай вытаются зо всима, тоди дружкы (свитывкы) спиваютъ:

Маты Докію (Ныколу) родыла
Мисяцемъ обгородыла
Зорею уперезала
До шлюбу выряжала.

Отъ староста каже: Благословить до шлюбу за першымъ разомъ, за добрымъ часомъ: стало дытя передъ намы, якъ свича передъ образамы [3])..., щобысте простылы и благословылы, до шлюбу вырядылы». И музыка грае, а дружкы (свитывкы) спиваютъ:

Кропы насъ маты водою,
Водою непочатою
Счастячкомъ здоровлячкомъ
Зъ доброю долечкою.

И маты молодого (молодои) бере свяченои воды тай всихъ кропе кругомъ, а воны вси йдуть до шлюбу. Якъ війшлы на подвирья и ведуть до церквы молодого (молоду), то спиваютъ:

Нема попа дома
Пойихавъ до Лымона
Ключыкы купуваты

---

[1]) Тобъ-то гости, що сыдять за столомъ.

[2]) Весилля въ недилю иде однаково у молодого и у молодои.

[3]) И таке инше, якъ ранійше говорывъ.

Церкву розмыкаты
Церкву розмыкаты
Та молодымъ слюбъ даваты.

Въ церкви винци трымають: надъ молодымъ батько винчальный, а надъ молодою матка винчальна. Якъ батька нема, то винець трымае дружба. Отець и маты молодыхъ николы въ церкви на винчанни не бувають.

Отъ перевинчалы тай идуть до-дому—молодый до свого дому, а молода до свого, а дружкы (свитывкы) спивають:

Дякуймо попонькови
Якъ своему батенькови,
Що насъ звинчавъ
Немного взявъ
Видъ пана молодого
Пивтора червоного
Видъ пани молодои
Ни копійкы иднои.

—

Выйды, матинко, протывъ насъ
Спытайсы Бога, а й такъ насъ
Де твое дытятко стояло?
Пидъ райскымъ винцемъ стояло
Тамъ ваше дытятко слюбъ брало.
Стоялы попы зъ дякамы
Трымалы свичи зъ хрестамы
Тамъ ваше дытятко звинчалы.

—

Радуйсы матиночко!
Взяло шлюбъ дытяточко
Не одно, а двое
Теперъ ваши обое.

—

Вже жъ я сы видслужыла
Ключыкы положыла
Въ свитлыци на полыци
Най молодши сестрыци.
Не сыды маты въ дуси
Выйды до насъ въ кожуси
Якый кожухъ волохатый
Такый вашъ зять багатый.

—

Якъ идуть часомъ зъ церквы до весильного батька въ гости, то вси весильни спивають:

Ледомъ до батька, ледомъ;
А въ батька горивка зъ медомъ;
Чы зъ медомъ чы зъ перцемъ,
Колы зъ щырымъ серцемъ,
Видъ батька не пидемъ,
Докы горивкы не выпьемъ.

Прыходять до батька въ хату; винъ садовыть ихъ за стилъ и частуе ихъ горивкою, йижою, всимъ. Тоди йдуть—молодый зъ своимы гистьмы до свого дому, а молода до свого. Йдучы видъ батька спивають:

Якъ мы батька велы,
Дорогу му мелы,
Бумаговъ устелялы,
Щобъ батька прывелы.

Якъ мы маточку велы.
Дорогу ій мелы,
Бумаговъ устелялы,
Щобъ маточку прывелы.

Куды батько йшовъ,
Васылёкъ зійшовъ;

Куды матка йшла,
Тамъ мьятка зійшла.

Отъ увійшлы до хаты, взходять за стилъ та сидають, пьють та гуляють [1]). Отъ по обиди панъ батько-каже: «А ну, старосто, кладить передъ молодого (молоду) пару хлибивъ та зверхы тарилку, нехай молодый (молода) вытае на **завытаня**».—Отъ староста поклыкае: «Десь йе въ нашого пани-молодого отець и мама; а просыть пани молодый на завытаня не гонорно, а покорно; а просымъ, бутьте ласкави, потрудитсы»! Отъ отець пидходыть до стола тай бере кусочокъ хлиба и мочае въ силь и кладе въ тарилку, що на хлибови, тай каже: Дарую тоби, сыну, хлиба и соли и счастя тай здоровля! срибла—злота видъ мене мало, видъ Бога багато», тай кладе рубель [1]) або два въ тарилку. Такъ вси по черзи пидходять до молодого (молодои) тай вытають ёго й іи тай то кажуть, що отець казавъ. И всимъ спивають:

Станьте дядыку (братчыку, сестрычко....) напередъ [мене
Напыйтесы до мене
Зъ повною повночкою
Зъ доброю долечкою.
Я повночку не перепываю,
Счастя-доли не вгадаю
Якъ буде Божа воля
То буде добра доля.

—

Вы поронци не лякайтесь,
По-за двери не ховайтесь,
До стола прыступайте,
Докію (Ныколу) вытайте
Ни червонымы, ни золотымы
Лыштъ счастямъ и здоровлямъ
И доброю долею.

---

[1]) Танцюють.

[2]) Карбованець.

Отъ якъ вси повыталы молодого (молоду), музыка грае, а дружкы (свитывкы) спивають:

Старосто чорнобрывый,
Голубе сызокрылый!
Выведы насъ зъ хаты
На двиръ погуляты,
Бо мы дружкы (свитывкы) молоденьки
Погуляты раденьки.

Староста бере молодого (молоду) за руку и выводыть на двиръ, и одынъ чепляетсы другого та выходять вси на двиръ. Якъ староста выводыть молоду и всихъ весильныхъ на двиръ, то вси спивають:

Крыкнулы гусы-лебеди на води,
Якъ уздрилы Докію на двори.
Годи-годи, молода Докіе, тоби гуляты,
Пора тоби на посагъ сидаты.
Ой щожъ вамъ гусы-лебеди до того
До посаженьку мого.

На двори молода гуляе (данцуе) зъ челядью ажъ до вечера. Найперше бере іи въ данець староста, а посли вона гуляе зъ дружбамы, зъ парубкамы.—Якъ смеркне, дружбы беруть покрывало (рушныкъ або фустку) и йдуть видъ молодого до молодои и спивають:

Будь село весело
Подарункы несемо
Видъ пана молодого
До пани молодои
Бо мы служечкы ёго.

Якъ добре смеркне, староста каже: А ну, дружбы, запрягайте кони въ возы та сидайте, дружкы та вуйкы та титкы и вы, пани батьку, та пойидемъ за молодою до свата.—И силы тай пойихалы, а дорогою заспивалы:

Тай нихто насъ не вгадае,
Куда мы сы выбыраемъ
Тай чы въ гай, чы въ диброву,
Чы въ счаслыву дорогу?
Гой не въ гай, ни въ диброву
А въ счаслыву дорогу.

Якъ зайихалы до тестя въ двиръ, тоди спивають:

Горихъ пидъ стиною
Говорывъ зять зо мною
Десь йе тутъ наша мыла
Що зъ намы говорыла
Якъ до слюбу ходыла

Не дайте намъ стояты,
Чорну землю топтаты
Жовтымы чобиткамы,
Золотымы пидковкамы,
Бо мы люде зъ дорогы
Поболилы насъ ногы
Ще й коротки швыдкы [1])
Пообмерзлы лыткы.

И выходыть тесть та бере всихъ до хаты, тоди староста молодого бере батька винчального за руку, а батько бере молодого, а коло молодого чепляется вся ридня и обходять кругомъ стола тры разы; а за столомъ сыдыть молода зъ маткою и передъ молодою стоить на столи калачъ и зерно жыта чы пшеныци. Колы весильни обходять кругомъ, молода дывытся черезъ калачъ и за кождымъ разомъ, якъ молодый зривняется зъ нею, вона кыдае въ нёго зерномъ.—Якъ обійдуть тры разы, тоди вси сидають за стилъ, молодый сидае коло молодои, и дожыдають, покы маты молодои буде даруваты всихъ столянивъ.—А въ сей

---

[1]) Халявы,—такъ прынайМни объяснылы мени. Мабуть, чы не *свыткы.*

часъ дружба молодои бере покрывало на рукы и гуляе [1]) зъ нымъ видъ стола до порога и, погулявшы трохы, раптомъ выскакуе на стилъ и кыдае покрывало на голову молодымъ, що сыдять за столомъ. Тоди бье молодого и каже: «Ты бый!»; бье молоду и каже: «Ты слухай!»

Отъ мама молодои кладе на тарилку пару калачивъ, а на калачы кладе *рушныкъ або хустыну* и подае старостови молодои, а староста выкрыкуе: «Десь йе въ нашого пана молодого батько винчальный, а просытъ панъ молóдый и пани молода на сей подарунокъ [2]) не гонорно, а покорно, а просымъ, будьте ла́скави!»—и дае въ рукы батькови тарилку зъ калачамы и рушныкомъ, а батько бере калачы зъ рушныкомъ та кладе на столи передъ себе, а въ тарилку кладе десятку (5 коп.) або двацятку (10 коп.) та подае старостови молодои, а староста подае матци. Маты бере грошн, а въ тарилку знову кладе калачи та рушныкъ и дае старостови, а староста поклыка́е пани матку такъ, якъ батька поклыкавъ, а вона каже те саме, щó батько казавъ. Староста такъ всихъ поклыка́е, та даруе, якъ батька та матку дарувавъ. А потимъ, якъ обдарувавъ, тай выкрыкуе: «Столяны нашы кгрешни, поважни, чы довольни нашымы да́рамы?» а ти вси кажуть: «довольни!» Писля дарóвання музыка грае, а весильни гуляють и дарамы (рушныкамы та хусткамы) въ гору пидносять [3]). Отъ пьять мынутъ погулялы, сидають вечераты тай пьють и йидять и, якъ довольни дарамы, то пьють безъ миры, безъ памьяты гуляють. За вечерою свитывкы спивають:

Йижте, бояры, швыдко
Докы сы вамъ выдко
Свичечка догоряе
Свитывка умливае.

---

[1]) Танцюе, прытанцёвуе.

[2]) Щобъ прыймывъ.

[3]) А хто не доволенъ, той сыдыть и не встае и даромъ не махае, се щобъ наробыты молодымъ сорому.

Сю писню спивають скильки разивъ, а столяны величаются.

Писля вечеры дружбы скупо́вують своихъ свитывокъ та дружокъ: дружка чы свитывка встае на ногы, бере въ рукы тарилку и выхытуе нею та спивае писни:

Ты дружбо дивочый
Покажы свои очи,
Най же мы будемъ знаты,
Кого дружбомъ званы.
Не уміе дружба плясаты,
Дайте е́му килля тесаты,
Якъ килля потеше,
Тоди гарно попляше.

А дружба видъ стола до порога гуляе (танцюе) зъ гришмы въ рукахъ, пидійде до неи тай кла́пне, тай кла́пне [1]) тымы гришмы по тарильци, а посли кыне ій скильки копіёкъ. Якъ дружбы скуплять дружокъ и свитывокъ, тоди гуляють зъ нымы.

Отъ староста молодои и каже: «А ну, дружбы, требуйте, нехай маты постиль виддае». Дружбы идуть тай спивають:

Далысте намъ дивку
Дайте ще й постилку
Вереты кочалы́стыи [2])
Волыкы чубаныстыи
Ще й коня вороного
Пидъ пана молодого.

Отъ маты дае постиль дружбамъ, а музыка грае, а воны выно́ся постиль та й гуляють и на визъ всё, що йе, складають. Отъ вы́носылы всю постиль, тоди выходять вси сваты, и молода розпро́щуется зъ усею своею риднею, а ій вси спивають:

Пытайся Докіе мамы
Чы пойидешъ ты зъ намы

---

[1]) Цокне.

[2]) Рядна, звыти ко́чаломъ, сувоемъ.

Пытайсы не пытайсы
А зъ намы вибырайсы.
Ой йидьте вы, йидьте,
Я зъ вамы не пойиду
Бо я сы маю зъ дядыкомъ справува́ты [1])
Не хотя́ мене вамъ даты.

Тоди молодый бере молоду за руку, веде и обое сидають на воза. Отъ молода встае на ногы тай каже до своихъ отця и маты и до брат ивъ и до се́стривъ: «Ну, будьте здорови!» Силы тай пойихалы. А якъ прыйихалы передъ молодого ворота, спивають:

Втворы мамко лиску,
Веземъ тоби невистку
Ще й малёвану скрыню
Докію господыню
Хаты не буде ты [2]) месты.
Бо треба смиття несты;
Коровы ты не здое,
Бо фоста сы бои.

Отъ мама молодого выходыть тай клыче всихъ до хаты, вси заходять тай сидають за стилъ, а музыка грае. Отъ пани матка винчальна бере молодыхъ до коморы спаты, а вси весильни пьють та гуляють, ажъ докы не поморятся, а тоди де-яки розходятся по домахъ, а котри дуже пьяни, ти сплять у молодого.

ВЕСИЛЛЯ У ПОНЕДИЛОКЪ.

Отъ раненько вси сходятся до молодого въ хату тай сидають за стилъ, а пани матка выводыть молодыхъ зъ коморы. Чоловикы пьють тай гуляють, а бабы свое вытворяють: чешуть

---

[1]) Добыватысь свого.
[2]) Тоби.

молоду, заплитають и въ хусткы[1]) завывають такъ, якъ молодыцю ще й до того и спивають:

Сваточкы, квиточкы въ воду,
Молода доброго роду,
Доброи родыночкы,—
Квиточка зъ калыночкы.

А потимъ пьють та гуляють ажъ до вечора. Отъ староста каже: А ну дружбы идить за сватамы та нехай прыйдуть до насъ на пропій».—Отъ дружбы пишлы та заспивалы:

Гой[2]) добрая часъ-годыночка настала
Що молода по свою неньку пислала.
Гой дала вона штыры пивни на страву,
Щобъ прывезлы ій матинку на славу,
Пислала вона штыры кони, а пьятый визъ
Ще й визнычого, щобъ прывизъ.

Дружбы увійшлы до свата до хаты тай кажуть: «столяны кгрешни, поважни, просымъ Божои ласкы тай вашои, ходить до насъ на пропій!»—а сватъ каже до дружбивъ: «Добре, спасыби вамъ, мы будемо збыратыся, а вы тымъ часомъ сидайте та выпьемо по порціи горилкы». Отъ збираются вси сваты[3]) молодои тай спивають:

Тай нихто насъ не вгадае,
Куды мы сы выбыраемъ
Та чы въ гай, чы въ диброву,
Чы въ счаслыву дорогу.
Ой не въ гай, не въ диброву
Лышъ въ счаслыву дорогу.

---

[1]) По другыхъ селахъ въ Буковыни завывають билымъ рушныкомъ такъ, якъ намиткою.

[2]) Ой.

[3]) Родычы.

(Сю писню спивають и дорогою, ажъ докы не дійдуть до молодого). Дружбы выпылы добре тай кажуть: «Просымъ Божои ласкы тай вашои, ходить вже на пропій».—А сватъ каже: «Спасыби вамъ, идемъ!» а дружбы спивають:

Гой буде жъ намъ, буде:
Забавылы [1]) насъ люде
Люде насъ забавылы,
Горилкы поставылы,
Лышъ тому радянисеньки,
Що идемо пьянисеньки.

Отъ прыходять вси пидъ молодого ворота тай спивають:

Свату, роспыхай хату
Щей кыдровіи сины,
Щобъ пропійчаны силы,
Бо якъ сы не влиземъ,
То й на пичъ полиземъ.
Гой найду свичку,
Пиду по запичку
Найду я горнець [2]) кашы
Та погодуютсы наши.

Отъ выходять сватъ тай каже: Просымъ, сватóви [3]), до хаты, въ насъ, слава Богу, хата велычка, помистымося».—Отъ заходять до хаты тай сидають за стилъ, а молодый кладе стилець на лавци за столомъ у вугли передъ образамы [4]), а на стилець подушку, а на подушку пиднимае та садовыть тещу тай дае ій зъ тарилкы курку варену або гуску тай каже: «Нате, мамко, тай йижте тай спасыби вамъ за вашу дочку чесну та файну» [5]). Отъ сватъ до

[1]) Забарылы.
[2]) Горщокъ.
[3]) Певно замисть сватове.
[4]) На покути.
[5]) Славну, гарну.

свата пье горилку тай каже: «Дай Боже здоровья свату тай спасыби тоби, що выгодувавъ для мого сына жинку. А вы, музыканты, заграйте вйвать [1]) щобъ веселище выпыты». — Отъ староста крычыть: «Ви—вать censatamъ!» Вси плещуть въ долони та спивають:

А хто пье, тому налывайте,
Хто не пье, тому не давайте,
А я сыжу у куточку,
Попываю горилочку,
Дайте мени ще.

Отъ пылы та гулялы, докы самы хтилы. Отъ панъ батько каже: Старосто, ану кладить на стилъ передъ молоду хлибъ на тарилку, нехай пропійчаны дарують молоду».—Отъ староста поклыкае: Десь йе въ нашои пани молодои отецъ и мама; а просыть панъ молодый и пани молода на завытаня не гонорно, а покорно, а просымъ, будьте ласкави!» Отъ отецъ и маты пидходять до стола та беруть кусочокъ хлиба тай кажуть: Дай, Боже, вамъ, диты, хлиба и солы, счастя та здоровья, срибла и злота видъ насъ мало, видъ Бога багато, и щобысте булы весели якъ весна, а сыти, якъ земля свята, а багáти, якъ осинь!» той кладуть въ тарилку рубель або два та хтять иты, а старосты не пускають та допытують ихъ: Отецъ и вы, мамо! що бильше подаруете своимъ дитямъ на розрибокъ?» а воны: «А вы не чулы, що мы дарувалы»?—«Э, то що вы подарувалы, а що такы теперъ подаруете?»—«А я знаю, що мы подаруемъ? що малы, то дарувалы»; а староста каже: «Може телятко подаруете або ягнятко або поросятко?—Ну, спасыби, старосто, що нагадалы, подарую телятко и поросятко, щобъ Богъ дарувавъ имъ добрый росплидокъ». А староста: «А бильше що?»—«Не знаю, те що мавъ, то дарувавъ, а въ тимъ пытайте бабы, може вона що по-

[1]) Вивáтъ.

даруе».—А ну, мамко, може вы що подаруете своимъ дитямъ на розробитокъ?»—«А я знаю, що буду даруваты? Я... ну що я подарую? ту корову, що порпае полову?»—«Добре»!—Видходыть видъ стола отець и мама тай пидходыть батько и матка, тай староста такъ поклыкае, якъ отця и мамку поклыкавъ, а воны такъ дарують, якъ отець и мамка дарувалы. Отакъ староста всихъ поклыкае, а воны вси дарують: той четверыкъ пшеныци, а той четверыкъ жыта, а той четверыкъ ячменю, а той четверыкъ кукурузы, а та гусочку, а та курочку, а та качечку... Отъ якъ подарувалы, та й пьють та гуляють и ще гайдучкомъ де-хто сидае, а де-котри по домахъ идуть, такъ и вси.

ВЕСИЛЛЯ ВЪ ВИВТОРОКЪ.

Отъ раненько вси сходятся до молодыхъ хозяивъ та й ведуть та несуть те, що поперепывалы у вечиръ на пропій: той телятко, а той ягнятко, а той поросятко, а та гусочку, а та качечку, а та курочку... и сидають за стилъ та й пьють та гуляють ажъ до вечера, а у вечери беруть старыхъ хазяивъ и молодыхъ тай выходять на двиръ та й идуть до корчмы; и музыка грае, а воны спивають:

Гой тече вода риченькамы,
Тече вода лугомъ, —
Чомъ до мене не повернешъ,
Якъ идешъ въ поли зъ плугомъ.
Якъ до тебе повернуты
Треба въ тебе систы,
Гой якъ мы сы посваталы,
Що мы будемъ йисты.
Будемъ йисты снигъ биленькый
Зымну воду пыты,
Такы бо мы серце мое
Будемъ сы любыты.

И заходять до корчмы, беруть горилкы и сидають за стилъ та й пьють, хто тилько хоче. Отъ выпылы вже добре и розпрощуются та й идуть по домахъ; и музыканты загралы имъ маршъ и тежъ пишлы по домахъ.

И отъ конець весилля.

Вол. Яблоновськый.

Родная исторія.

(Проф. Мих. Грушевскій. Очеркъ исторіи украинскаго народа. СПБ. 1904. стр. 380 ц. 2 р.)

Современный строй нашей школы совершенно исключаетъ изъ круга предметовъ украинскую исторію, являющуюся родной для тысячъ учащихся обширной территоріи. Весь ходъ преподаванія «отечественной» исторіи, преслѣдующій цѣли, лежащія внѣ прямой задачи школьнаго воспитанія, игнорируетъ исторію Украины, или промалчивая даже выдающіеся факты ея прошлаго, или же представляя ихъ въ своеобразномъ освѣщеніи. «Современное южно-русское учащееся юношество,—говоритъ проф. Сумцовъ,—одолѣвъ объемистую русскую исторію Иловайскаго (Рождественскаго или любую другую — добавимъ мы), остается въ полномъ невѣдѣніи того, что въ южной Россіи въ XVII вѣкѣ былъ, напр., такой энергичный и честный защитникъ православія, какъ Іоаннъ Вишенскій, такой филологъ, какъ Памва Берында, такіе крупные политическіе и литературные дѣятели, какъ Барановичъ, Голятовскій, Гизель, была такая героическая личность, какъ запорожскій кошевый атаманъ Ив. Сирко, остаются въ невѣдѣніи того, что такое историческая дума народная»... (Кіев. Стар. 1884. X. 222—3). Ненормальность такой постановки дѣла, полная непригодность учебниковъ, гдѣ между прочимъ «о Болотниковѣ говорится болѣе, чѣмъ о Конашевичѣ-Сагайдачномъ, о великомъ князѣ

Василіи Ивановичѣ рѣчь идетъ на нѣсколькихъ страницахъ крупнымъ шрифтомъ, а о Петрѣ Могилѣ въ нѣсколькихъ строкахъ скромнымъ петитомъ» (ib), вообще положеніе, отчасти характеризуемое выше приведенными вопіющими примѣрами, положеніе, при которомъ украинская исторія является для украинскаго юношества запретнымъ плодомъ, составляетъ одно изъ больныхъ мѣстъ нашей школы. Къ сожалѣнію, этотъ наболѣвшій вопросъ не только далекъ отъ раціональнаго разрѣшенія, но даже не привлекалъ въ должной мѣрѣ къ себѣ вниманія и не подвергался детальному обсужденію въ печати и обществѣ. Между тѣмъ важность изученія родной исторіи не подлежитъ сомнѣнію; общественно-воспитательное значеніе ея огромно и настолько очевидно, что это избавляетъ насъ отъ обязанности останавливаться здѣсь надъ выясненіемъ такихъ общепризнанныхъ истинъ. «Безъ родной исторіи,—говоритъ Драгомановъ,—не можетъ расти соціально-политическая мысль страны»,—и эта самая столь необходимая родная исторія—terra incognita для учащихся. Печальные результаты такого положенія вещей—полное незнакомство большинства учащагося юношества съ прошлымъ родного края, непониманіе въ силу этого его настоящаго, насущныхъ потребностей народа, недостатокъ національнаго самосознанія, оторванность отъ почвы, слабое развитіе общественности,—эти печальные результаты у всѣхъ предъ глазами. Есть, правда, нѣкоторый выходъ изъ затруднительныхъ обстоятельствъ, но онъ доступенъ лишь для отдѣльныхъ лицъ, болѣе развитыхъ, обладающихъ пытливостью или поставленныхъ въ сравнительно благопріятныя условія: пополненіе пробѣловъ школьныхъ программъ путемъ самообразованія. Но и на этомъ пути есть не мало препятствій. Во-первыхъ, программы чтенія для самообразованія—или совершенно обходятъ молчаніемъ украинскую исторію, или же вскользь даютъ далеко не полныя указанія лишь по нѣкоторымъ ея вопросамъ или отдѣльнымъ эпизодомъ. Положимъ, въ послѣднее время появился указатель въ значительной мѣрѣ восполняющій этотъ пробѣлъ,—мы имѣемъ въ виду брошюру Д. Дорошенка: «Указатель источниковъ для ознакомленія съ южною Русью». (СПБ. 1904. ц. 40 к.)

но, помимо нѣкоторыхъ немаловажныхъ упущеній, онъ не можетъ вполнѣ замѣнить путеводителя при самообразованіи, такъ какъ не предлагаетъ выработанной, строго систематической программы для самостоятельнаго чтенія, а содержитъ голый перечень, не сопровождаемый необходимымъ комментаріемъ, и не разграничиваетъ болѣе существеннаго отъ второстепеннаго. Во-вторыхъ, въ украинской историографіи, насчитывающей нѣсколько выдающихся представителей, на ряду съ цѣлымъ рядомъ блестящихъ монографій, разрабатывающихъ отдѣльные вопросы или періоды, нельзя назвать ни одного труда, представляющаго общій обзоръ исторіи Украины и удовлетворяющаго современнымъ требованіямъ. Изъ существующихъ пособій одни окончательно устарѣли, какъ «Исторія Малой Россіи» Бантышъ-Каменскаго, другіе, хотя и болѣе новые, или носятъ на себѣ отпечатокъ тенденціозности, какъ «Чтенія по исторіи западной Россіи» Кояловича, или отличаются неполнотой, захватывая лишь какой либо періодъ, какъ «очерки исторіи правобережной Украины» Ефименко, или, наконецъ, малодоступны большинству, какъ «Бесіди про часи козацькі на Украіні». Такимъ образомъ въ дѣлѣ ознакомленія съ прошлымъ родной страны наше юношество предоставлено собственнымъ силамъ и притомъ находится почти въ безвыходномъ положеніи.

Тѣмъ болѣе современнымъ является выходъ въ свѣтъ «Очерка исторіи украинскаго народа», принадлежащаго перу профессора Львовскаго университета М. Грушевскаго. Авторъ въ своей книгѣ, давши краткій обзоръ современной украинской колонизаціи и ея судебъ, опредѣливши затѣмъ украинскій этническій типъ, переходитъ къ разселенію украинскихъ племенъ, тюркской миграціи, культурѣ и быту, торговымъ сношеніямъ и первымъ зачаткамъ государственной организаціи. Слѣдующія главы посвящены Кіевскому государству IX—XII вв., отдѣльнымъ княжествамъ-землямъ, особенно Галицко-Волынскому, политическому и общественному устройству, праву и культурѣ того времени. Далѣе проф. Грушевскій, удѣливши двѣ главы переходу украинскихъ земель подъ власть Литвы и далѣе Польши, останавливается болѣе подробно на произошедшей на новой почвѣ общественной и культурной

эволюціи. Онъ послѣдовательно обозрѣваетъ судьбы привилегированныхъ сословій, крестьянства, городовъ, даетъ очеркъ развившагося въ нихъ религіозно-національнаго и культурнаго движенія XVI—XVII вв., переходитъ далѣе къ возникновенію и развитію козачества, его исторіи до 1648 г. Въ дальнѣйшемъ изложеніи читатель найдетъ—движеніе Хмельницкаго, событія по его смерти (1657—59 гг.), смуты 60—80 гг.,—на темномъ фонѣ которыхъ авторъ въ послѣдующихъ главахъ рисуетъ соціально-экономическій процессъ XVII—XVIII вв. въ восточной Украинѣ, политическія условія гетманщины и уничтоженіе стараго строя, удѣляя въ тоже время вниманіе возстановленію и уничтоженію козачества въ правобережной Украинѣ, гайдамацкимъ движеніямъ, судьбамъ крестьянства. Результатъ очерченнаго выше историческаго процесса—національный и культурный упадокъ въ XVIII в. изображенъ въ XXII главѣ, въ которой вмѣстѣ съ тѣмъ нашли отраженіе и проблески лучшаго будущаго—начатки возрожденія въ Галичинѣ. Наконецъ, послѣ сжатаго очерка украинскаго возрожденія въ XIX в., проф. Грушевскій въ заключеніе характеризуетъ въ немногихъ словахъ современное состояніе украинства. Такимъ образомъ, какъ достаточно видно уже изъ краткаго перечня главъ, на 380 страницахъ «Очерка» авторъ далъ картину, всесторонне охватывающую болѣе чѣмъ 1000-лѣтнюю историческую жизнь украинскаго народа, разсматривая ее съ политической, экономической, соціальной и культурной стороны. Но при всей полнотѣ и отмѣченной выше разносторонности, книга проф. Грушевскаго представляетъ строго логичное и законченное цѣлое. Черезъ всю книгу проходитъ одна руководящая идея: авторъ разсматриваетъ исторію съ точки зрѣнія интересовъ народныхъ массъ; и этотъ строго проведенный демократическій принципъ, придавая его труду единство и стройность, составляетъ его характерную особенность и сообщаетъ ему еще большую цѣну. «Очеркъ» проф. Грушевскаго возбуждаетъ тѣмъ большій интересъ, что онъ представляетъ собою результатъ многолѣтнихъ научныхъ занятій автора, имѣющихъ цѣлью созданіе монументальной «Історіі Украіни—Русі» (по-украински до сихъ поръ вышло четыре тома до конца

XVI-го вѣка, теперь печатается т. V, а равно переиздаются во 2-ой разъ предыдущіе; по-нѣмецки—выходитъ въ Лейпцигѣ у фирмы B. Teubner), создавшей ея творцу имя въ Европѣ. И дѣйствительно, мы находимъ нѣчто оригинальное. Проф. Грушевскій своимъ трудомъ проводитъ «въ ученую литературу сознаніе того яснаго и совершенно очевиднаго факта, что Кіевское государство, его право, бытъ и культура были созданіемъ украинской народности»,—сознаніе, хотя и медленно, съ трудомъ, но настойчиво проникающее въ послѣднее время въ науку (см. напр., «Исторія русской литературы» Пыпина т. I, гл. 3) [1]. Построеніе вполнѣ научной и законченной схемы украинской исторіи помимо значенія научнаго,—установленія истины и проведенія ее въ науку, борьбы съ прочно укрѣпившимся въ литературѣ, хотя не выдерживающимъ критики и отжившимъ оффиціальнымъ воззрѣніемъ на этотъ предметъ,—имѣетъ еще и огромное значеніе національное; и въ этомъ безъ сомнѣнія крупная заслуга проф. Грушевскаго. Не меньшее достоинство составляетъ строго научный, спокойный тонъ изложенія, чуждый малѣйшаго оттѣнка тенденціозности. Въ зависимости отъ этой академичности стоитъ, вѣроятно, нѣкоторая блѣдность повѣствованія, недостатокъ яркости красокъ, выпуклости характеристикъ. Но все это теряется при сравненіи съ положительными сторонами книги. «Очеркъ» Грушевскаго будитъ пытливость въ читателѣ, заставляетъ его мысль усиленно работать, привлекаетъ его вниманіе къ родной исторіи и побуждаетъ стремится къ освѣщенію и выясненію затронутыхъ ею жгучихъ вопросовъ. Эта, если можно такъ выразиться, неудовлетворенность, оставляемая прочитанной книгой,—неудовлетворенность, дающая могучій импульсъ къ дальнѣйшему историческому чтенію для удовлетворенія запросовъ духа, конечно, какъ нельзя болѣе

---

[1]) Тотъ же вопросъ выдвигаетъ и освѣщаетъ и недавно появившаяся статья проф. Грушевскаго: «звичайна схема «русскоі» історіі й справа раціональнаго укладу історіі східнього словянства» (отдѣльный оттискъ изъ сборника: «Статьи по славяновѣдѣнію»). С.-Петербургъ, 1904. Типографіи Императорской Академіи Наукъ.

соотвѣтствуетъ цѣлямъ автора, желавшаго лишь дать книгу, которая бы могла служить достаточно хорошо для перваго ознакомленія съ предметомъ. Поэтому именно и желательны были бы болѣе подробныя указанія на литературу, особенно въ первой половинѣ книги, гдѣ авторъ ограничивается посылкой читателя къ соотвѣтствующимъ главамъ «Історіі Украіни—Русі», кстати сказать, съ недавняго времени дозволенной къ продажѣ въ Россіи и такимъ образомъ ставшей доступною нашей читающей публикѣ.

Мы не имѣли намѣренія дать оцѣнку труда проф. Грушевскаго, предоставляя это дѣло спеціалистамъ,—мы хотѣли лишь, отмѣтивши ненормальность положенія родной исторіи въ школѣ, обратить вниманіе на этотъ важный вопросъ и хотя отчасти указать на то огромное научное, культурное и національное значеніе, какое имѣетъ книга «Очеркъ исторіи украинскаго народа». Его роль безусловно велика въ дѣлѣ пробужденія національнаго самосознанія, воспитанія общественности и выработки взглядовъ въ молодыхъ поколѣніяхъ. Все это вселяетъ въ насъ горячую увѣренность, что «Очеркъ исторіи украинскаго народа» долженъ стать настольною книгою нашего юношества. Онъ имѣетъ для этого всѣ данныя; благотворныя послѣдствія такого факта, какъ появленіе «Очерка», не такъ легко поддаются учету, но во всякомъ случаѣ это явленіе исключительное, выдающееся. И если вполнѣ справедливы заключительныя слова проф. М. Грушевскаго, что «широкое и всестороннее развитіе украинской народности является вопросомъ только времени, быть можетъ—очень недалекаго времени»,—то безъ сомнѣнія,—добавимъ мы, —его книга въ значительной мѣрѣ содѣйствуетъ скорѣйшему приближенію этого давно жаланнаго времени, составляетъ дальнѣйшій шагъ впередъ на пути къ лучшему будущему родной страны...

В. Черепинъ.

Василій Назаровичъ Каразинъ.

(Его жизнь и общественная дѣятельность [1]).

ГЛАВА VII.

Филотехническое общество.

(1810—1819).

Хозяйство и техно-хозяйственныя изобрѣтенія В. Н. Каразина (1806—1810). Идея о составленіи Филотехническаго общества. Хлопоты Каразина въ качествѣ правителя дѣлъ фил. общ. въ первое время по его утвержденіи. Отношеніе общества къ новому учрежденію. Уставъ Общества. Исторія Филотехническаго общества и дѣятельность правителя дѣлъ. Встрѣча съ императоромъ Александромъ (1817). Конецъ Филотехническаго общества; отношеніе интеллигенціи и причины неуспѣха предпріятія.

Въ области хозяйства В. Н. Каразинъ являлся сторонникомъ болѣе интенсивнаго хозяйства, сельскохозяйственныхъ техническихъ производствъ и сбыта концентратовъ. Эти идеи до сихъ поръ еще не привились вполнѣ къ жизни нашихъ помѣщиковъ и на практикѣ все наше сельское хозяйство основано на производствѣ и сбытѣ сырья. Если такъ обстоитъ дѣло въ настоящее время, то еще печальнѣе обстояло оно во времена Каразина. Все хозяйство заключалось тогда въ культурѣ грубыхъ, дешевыхъ хлѣбовъ и грубомъ скотоводствѣ. «Сколько россійскихъ милліоновъ разсыпано, говоритъ онъ въ собраніи естествоиспытателей 1807 г., въ суетномъ намѣреніи удивить Парижъ и Лондонъ! сколько употреблено ихъ на вывозъ изъ Италіи такъ называемыхъ антиковъ

---

[1]) См. Кіевск. Стар., № 4.

или другихъ художественныхъ произведеній!» [1]) «Мы живемъ и проживаемся *по-европейски*, а доходы для жизни пріобрѣтаемъ *по-скиѳски* еще, не умѣемъ предложить иностранцу, прельщающему насъ издѣліями своими, винами и прочими лакомствами, ничего кромѣ кожи, содранной съ вола. Благо еще, если наконецъ умудрились растопить его сало, чего, можетъ быть, скиѳы и сарматы за двѣ тысячи лѣтъ не умѣли дѣлать» [2]) «Посмотрите на плотины наши, безобразно наметанныя хворостомъ, на наши водяныя и вѣтряныя мельницы, на грубыя издѣлія нашего народа, на его одежду, которая мастерствомъ сотканья и покроя, вѣроятно, немногимъ отличается отъ бывшей у земляковъ нашихъ скиѳовъ за двадцать вѣковъ до сего въ употребленіи. Подобно же грубы и земледѣльческія наши орудія. Безмѣрная ихъ тяжесть преодолѣвается припряжкою нѣсколькихъ паръ воловъ, какъ будто вся цѣль наша въ томъ только и состоитъ, чтобы занять праздный скотъ. Давно ли мы начали разводить хорошія породы овецъ, и участвують ли въ разведеніи ихъ наши поселяне? Пчеловодство въ лучшемъ ли у насъ состояніи, нежели какъ было оно у нашихъ предковъ въ самыя отдаленныя времена? Воспользовались ли мы просвѣщеніемъ и опытностію чужихъ земель въ прочихъ частяхъ? Усовершенствовано ли у насъ, напримѣръ, садоводство? Мы къ стыду нашему выписываемъ изъ сѣвера прививки и садовниковъ. Поселяне наши отдаютъ свои *непроходимые*, можно сказать, сады, съ милліонами плодовъ ихъ обременяющихъ, пришельцамъ за безцѣнокъ. Такимъ же образомъ сбываютъ они и дебелый свой скотъ, насыщающій столицы. Они безспорно предоставляютъ всю торговую оцѣнку людямъ, привлеченнымъ корыстію издали, которые часто у нихъ же самыхъ, здѣсь въ краю, занимаютъ деньги. Не только выдѣланныя кожи *нашихъ* быковъ, но копченые ихъ языки привозятъ намъ изъ Москвы, равно какъ и крупчатую муку для столовъ нашихъ. Ленъ, въ который мы одѣваемся, доставляетъ намъ внутренняя Россія; и мы уже счастливыми себя почитаемъ, если руки домоводокъ нашихъ его иногда обрабатываютъ. Мы ограничили себя отпускомъ самосырѣйшихъ произведеній, каковыя Богъ намъ посылаетъ; и то безъ дальней выгоды, поелику мы поджидаемъ къ себѣ покупщиковъ,

---

[1]) «Украинская Старина». Г. П. Данилевскій, стр. 133—134. При этомъ К. указывалъ на невнимательное отношеніе общества къ отечественнымъ богатствамъ. В. Евр. 1807, № 20.

[2]) Письмо В. Н. Каразина къ А. Г. Тройницкому. „Русс. Архивъ“ 1894 г., т. I, стр. 563.

и радуемся, что они *удостоиваютъ посѣщать* насъ» [1]). Таково было состояніе сельско-хозяйственной промышленности.

«Въ первые годы моей сельской жизни, начиная съ 1805, писалъ Вас. Наз., я занялся опытами парового винокуренія» [2]). Результатомъ этихъ занятій было изобрѣтеніе снаряда для гонки вина, предлагающее новый способъ винокуренія съ большимъ сбереженіемъ дровъ; въ 1806 году Каразинъ представилъ «Описаніе снаряда для гонки вина» въ совѣтъ московскаго университета, почетнымъ членомъ котораго онъ былъ [3]). «Зимой—пишетъ Ярославскій—(того же) 1806-го года Каразинъ пріѣзжалъ въ Петербургъ. Онъ разсказывалъ своимъ знакомымъ, что онъ пріѣхалъ съ важнымъ проэктомъ весьма полезнымъ для винокуренія, о извлеченіи изъ пива водочнаго спирта; что въ хозяйственномъ департаментѣ мин. внутрен. дѣлъ онъ дѣлаетъ химическую печь для этого опыта. Какъ чиновникъ, съ которымъ я жилъ, служилъ въ томъ департаментѣ, то я и просилъ его дать мнѣ знать, какой успѣхъ будетъ имѣть Каразинъ въ его проэктѣ. Послѣ нѣкотораго времени онъ разсказалъ мнѣ: что директоръ канцеляріи министра—М. М. Сперанскій, какъ давнишній другъ Каразина, велѣлъ отвесть комнату для устроенія химической, по указанію Каразина, печи; эту печь нѣсколько разъ передѣлывали, что не дешево стоитъ. Сколько разъ ни извлекалъ Каразинъ изъ пива водочный спиртъ, все выходило его такъ мало, что спиртъ, обыкновенно на винокуренныхъ заводахъ затора простымъ образомъ извлекаемый, выходитъ лучшій и несравненно дешевле стоитъ. Итакъ, не находя его способъ выгоднымъ, отказались доложить государю» [4]). Можетъ быть, опыты Василія Назаровича въ Петербургѣ были неудачные, но это произошло очевидно отъ причинъ, независящихъ отъ него: дѣло въ томъ, что изобрѣтеніе заинтересовало тогдашнее ученое общество и, судя по періодическимъ изданіямъ того времени, нельзя думать, что снарядъ В. Н. Каразина былъ неосновательнымъ изобрѣтеніемъ. «Въ Журналѣ полезныхъ изобрѣтеній 1807 года [5]) читаемъ: «Статскій со-

---

[1]) „Извѣстіе о филотехн. обществѣ". Харьк. 1811 г. 24 апр., стр. 3—4.

[2]) „Москвитянинъ", 1842 г., 6, 387 стр.

[3]) „Описаніе снаряда для гонки вина, изобрѣтеннаго ст. сов. Каразинымъ. Съ приложеніемъ статьи: „Въ совѣтъ импер. московскаго университета отъ почетнаго члена, Василія Каразина, покорнѣйшее представленіе, отъ 21 февр. 1809 года. Въ Повремен. изд. о полезн. изобрѣт." 1807, М. № 12.

[4]) „Харьковск. сборникъ" за 1887 г., стр. 68—69.

[5]) № 9, стр. 72—73.

вѣтникъ и кавалеръ Каразинъ, извѣстный столько же по любви своей къ наукамъ, сколько и по усердію къ общему благу, руководствуясь знаніями химіи и физики, представилъ въ прошломъ 1806-омъ году совѣту Императорскаго Московскаго университета новую мысль въ отношеніи къ винокуренію; и какъ изобрѣтенный имъ для сего снарядъ, будучи основанъ на истинныхъ началахъ химіи, можетъ принести дѣйствительную и важную пользу: то самая обязанность требуетъ отъ насъ сдѣлать его извѣстнымъ читателямъ нашимъ». При этомъ объявленіи печаталось «представленіе» В. Н. Каразина въ совѣтъ Московск. Университета, въ которомъ онъ, представляя для опыта изобрѣтенный имъ снарядъ, изъяснялъ причины своего изобрѣтенія, и донесеніе изслѣдовавшаго модель снаряда проф. Рейса. Проэктъ былъ поданъ Каразинымъ въ Совѣтъ моск. университета 21 февр. 1806 г. [1]). «7-го апрѣля 1806 г. читано донесеніе г. профессора Рейса медико-физическому обществу объ изобрѣтенномъ отъ г. статскаго совѣтника и кавалера, Василія Назарьевича Каразина, новомъ снарядѣ для перегонки хлѣбнаго горячаго вина, въ засѣданіи общества» [2]).

Къ изобрѣтенію снаряда для винокуренія В. Н. Каразина, по его собственному признанію, побуждала картина всеобщаго лѣсоистребленія въ Россіи, причиною чего были главнымъ образомъ винокуренные заводы—съ одной стороны и съ другой—«существенная необходимость употребленія горячаго вина въ нашемъ государствѣ, при избыткѣ хлѣба» [3]). Приборъ, изобрѣтенный Каразинымъ, удовлетворялъ обоимъ требованіямъ—доставлялъ вино и требовалъ мало топлива [4]).

---

[1]) „Журн. полезн. изобрѣт. 1807 г.“, стр. 73, прим. Каразина.
[2]) Тамъ же, стр. 78.
[3]) Тамъ же, стр. 75.
[4]) Остроумнѣйшій и вмѣстѣ съ тѣмъ очень простой снарядъ В. Н. Каразина представляетъ въ существенныхъ частяхъ лѣстницу изъ листовой мѣди въ 16 ступеней, изъ которыхъ каждая слѣдующая ступенька спускается на $1/2$ вершка ниже предыдущей, имѣя 8 вершковъ ширины и 1 аршинъ длины. Тонкимъ слоемъ течетъ со ступеньки на ступеньку брага, выходящая на верхнюю изъ приспособленнаго ящика и вытекаетъ внизу черезъ трубку. Подъ лѣстницей печь, устроенная подъ нижней ступенькой такъ, что жаръ усиливается по мѣрѣ стеченія браги внизъ, иначе говоря, брага тѣмъ сильнѣе выпаривается, отдавая свой спиртъ, чѣмъ спирту, по мѣрѣ спусканія, становится въ ней меньше. Лѣстница заключена подъ деревянный колпакъ съ металлическою крышкой, наклоненной такъ, что отъ верхней ступеньки отстоитъ она на 11 вершковъ, а отъ нижней на 20.

Проф. Рейсъ былъ въ восторгѣ отъ изобрѣтенія В. Н. Каразина и въ донесеніи своемъ, предлагая нѣкоторыя усовершенствованія къ изобрѣтенію, нѣсколько разъ хвалилъ какъ снарядъ, такъ и его изобрѣтателя. «Отъ столь проницательнаго, и какъ въ химіи, такъ и физикѣ столь глубокія познанія имѣющаго изобрѣтателя, безъ сомнѣнія, можно ожидать, что открытія его отъ него самого получатъ то усовершенствованіе, которое можетъ ихъ сдѣлать достойными всеобщаго подражанія, и мы желаемъ, чтобы онъ къ тому поощренъ былъ всѣми возможными средствами» («Журн. пол. изобр.», стр. 99). Но за одобреніемъ профессора Рейса дѣло дальше не пошло; В. Н. Каразину было мало одобренія; цѣлью его изобрѣтенія и хлопотъ было *проведеніе въ жизнь* проэкта, чтобы онъ приносилъ пользу отечеству. Въ 1807 году, какъ сказано, было напечатано о снарядѣ Каразина, а въ началѣ 1808 г. онъ представилъ въ Императ. Общество Испытателей природы, членомъ котораго также состоялъ, новый, еще болѣе простой и выгодный для производства винокуренный снарядъ [1]). Была

Крышка эта служитъ одновременно дномъ водоема, служащаго для охлажденія осѣдающихъ на него снизу паровъ спирта. По крышкѣ капли жидкости стекаютъ въ жолобъ, потомъ наружу. Благодаря подобному „выпариванію“ (не кипяченію) отдѣляется отъ браги одинъ спиртъ, незатрогивая водяныхъ частей браги. Къ поддувалу печи придѣлана труба, верхній конецъ которой изогнутъ надъ водоемомъ, и холодный воздухъ, сильно проходя черезъ трубу въ поддувало печи, охлаждаетъ все время нагрѣвающуюся осажденными парами спирта воду водоема.

[1]) Снарядъ представлялъ изъ себя три усѣченныхъ конуса, вставленныхъ одинъ въ другой, оставляя нѣкоторое пространство межъ собой, и скрѣпленныхъ у основанія. Самый маленькій конусъ дѣлался изъ чугуна или олова. Внутри него лежали угли; поверхность конуса была охвачена сверху дó низу спиральной трубкой, по которой текла перегоняемая жидкость. По мѣрѣ приближенія къ основанію конуса жидкость сильнѣе и сильнѣе разгорячалась, сильнѣе выдѣляла пары спирта (спиртъ обращается въ газообразное состояніе при менѣе высокой температурѣ чѣмъ вода), которые подымаются вверхъ и черезъ отводную трубку проходятъ въ пустое пространство между первымъ и среднимъ конусами; средній, латунный, конусъ обвитъ также трубками, по которымъ течетъ безпрерывно холодная жидкость и охлаждаетъ его поверхность; вошедшіе въ полость второго конуса пары охлаждаются, и въ видѣ капель стекаютъ по стѣнкамъ его и жолобу наружу, послѣдній конусъ дѣлается, для прикрытія снаряда, изъ дерева. Экономія топлива при употребленіи описаннаго снаряда оказалась удивительная: 5,75 ведра процѣженной браги, получаемой послѣ выкурки спирта и обыкновенно идущей на кормъ скоту, дали $^7/_8$ ведра

назначена комиссія для изслѣдованія изобрѣтенія; 15-го марта 1808 года происходила демонстрація прибора. Комиссія заключила, что «Снарядъ г. Каразина есть совершенно новое и нигдѣ еще неупотребляемое изобрѣтеніе, которое столько же можетъ быть полезно для гонки хлѣбнаго вина, сколько и для всякой подобной перегонки [1]), что «безъ всякаго сомнѣнія, опыты, произведенные *въ большихъ мѣрахъ*, и притомъ въ продолженіе *большаго* времени, могутъ удостовѣрить *рѣшительно* о превосходствѣ сего снаряда предъ извѣстными до нынѣ способами перегонки» [2]). Комиссія выразила надежду, что Каразинъ «при тѣхъ глубокихъ знаніяхъ въ Химіи и Физикѣ, кои ей извѣстны, и по дознанному усердію къ общественной пользѣ, не оставитъ винокуреніе и въ его прочихъ частяхъ довести до совершенства; и ничего не упуститъ, чтобы свой способъ сдѣлать общеупотребительнымъ». «Изобрѣтеніе сіе, какъ основанное на истинныхъ началахъ Химіи, сдѣлаетъ изобрѣтателю всегда великую честь, и мы чистосердечно желаемъ, чтобы знаніе его и усердіе одобрены были всеобщею признательностью къ трудамъ его». Рѣшеніе комиссіи подписалъ директоръ общества естествоиспытателей—Готтгельфъ Фишеръ и секретарь Петръ Дружининъ и семь избранныхъ въ комиссію членовъ. 16-го мая въ полномъ собраніи общества было рѣшено «*единогласно*» просить своего президента—графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго довести до свѣдѣнія правительства сіе изобрѣтеніе [3]).

Итакъ, изъ приведенныхъ оффиціальнаго характера показаній надо заключать, что свидѣтельство Ярославскаго или неточно, или совсѣмъ несправедливо.

Кто то заинтересовался изобрѣтеніемъ Каразина: въ «Моск. Вѣдомост. [4]) появилась замѣтка о снарядѣ, въ отвѣтъ на которую Каразинъ выпустилъ брошюрой донесеніе комиссіи «Извѣстіе о винокуренномъ снарядѣ Каразина» (Харьковъ, 1808 г.).

роки. На перегонку пошло 4 фунта 24 золотн. углей, а въ печахъ Румфорда, наименѣе требовавшихъ топлива изъ всѣхъ тогда существовавшихъ способовъ винокуренія, требовалось для той же операціи 8,598 фунта.

[1]) Извѣстіе о винокуренномъ снарядѣ Каразина изданное по поводу объявленія, которое было напечатано при 44-мъ номерѣ «Московскихъ Вѣдомостей» за 1808 г. Харьковъ, 1808 г., стр. 7.

[2]) «Журн. пол. изоб.» 1807 г. № 9, стр. 21.

[3]) Стр. 22.

[4]) За 1808 г., въ № 44.

Въ 1809 году Василій Назаровичъ занимался выработкой новыхъ способовъ добыванія селитры. Опыты его увѣнчались успѣхомъ, дали прекрасные результаты и заинтересовали нѣкоторыхъ дворянъ-помѣщиковъ (Гр. Ром. Шидловскаго и Осипа Иван. Хорвата), что было особенно важно для Василія Назаровича, мечтавшаго своими примѣрами побудить украинскихъ землевладѣльцевъ поднять выше культивированіе края. Василій Назаровичъ думалъ заняться эксплоатаціей своего изобрѣтенія въ широкихъ размѣрахъ, поэтому, несмотря на просьбы Шидловскаго и Ос. Ив. Хорвата, не хотѣлъ производить публичнаго демонстрированія своего снаряда и открыть секрета; но личныхъ средствъ у него не было, капиталы частныхъ лицъ тогда были рѣдкостью. Каразинъ въ 1810 г. (письмо отъ 18 апр.) обратился съ просьбой къ Сперанскому [1]): посодѣйствовать ему въ полученіи со стороны правительства поддержки на учрежденіе по новому способу селитроваренпаго завода, обѣщавшаго значительное удешевленіе селитры, производствомъ которой и постановкой въ казну тогда особенно занимались въ Малороссіи (Тестю его Бланкенкагелю правительство не отказало въ пособіи на учрежденіе перваго въ Россіи свекло-сахарнаго завода). Въ залогъ просимыхъ денегъ Вас. Наз. давалъ свое имѣніе, представилъ подробно разработанный проэктъ завода, ссылался на рекомендаціи и ручательства за него разныхъ лицъ, но ничего не помогло опальному Каразину, только что получившему выговоръ государя, и Сперанскій даже не отвѣтилъ на письмо [2]).

Когда попытка получить ссуду изъ казны окончилась неудачею, В. Н. Каразинъ «рѣшился, оставя въ сторонѣ предлагаемое имъ производство селитры» въ широкомъ размѣрѣ, сдѣлать пробное производство. 28-го іюля 1810 года при селитряныхъ буртахъ Гр. Ром. Шидловскаго въ селѣ Мерчикѣ были сдѣланы въ присутствіи его опыты. «Въ первыхъ числахъ сего ноября выщелочена вторая пробная куча. «Лугъ» (щелочь селитряная) всего двѣнадцать ушатовъ, въ запечатанной бочкѣ, при нарочно отряженномъ отъ меня человѣкѣ, отправленъ въ село Кручикъ, дабы оный тамъ выварить *въ лабораторіи* Василія Назаровича, на его снарядѣ», писалъ Шидловскій А. Ѳ. Квиткѣ. Письмо кончается полнымъ торжествомъ для изобрѣтателя. Шидловскій вполнѣ подтверждаетъ истину и пользу его изобрѣтенія [3]).

---

[1]) 18 апрѣля 1810 г. Москва. «Русская Старина» 1872 г. т. 5.
[2]) „Русская Старина“ 1872 г., январь, стр. 82—83.
[3]) „Мысли о учрежденіи филотехническаго общества“ III гл.

Видя интересъ къ своимъ идеямъ, ободренный Каразинъ рѣшилъ предпринять новый шагъ на пользу «полуденнаго края», столь ему дорогого. Не безъ цѣли Каразинъ демонстрировалъ свой способъ селитроваренія, а вскорѣ послѣ того напечаталъ во всеобщее свѣдѣніе письмо Г. Р. Шидловскаго къ губернск. предводителю дворянства А. Ѳ. Квиткѣ, иллюстрирующее съ лучшей стороны снарядъ его, какъ выгодный и необходимый въ сельскомъ домоводствѣ [1]). Онъ задумалъ разбудить окружавшее его сонное провинціальное общество, заставить его дѣйствовать на свою и отечественную пользу; онъ задумалъ устроить акціонерное общество для разработки богатствъ дорогого ему края: «Мысль о составленіи общества, и именно въ нашихъ полуденныхъ губерніяхъ, не можетъ называться новою. Она была соединена въ началѣ благоденственнаго нынѣшняго царствованія съ идеею объ учрежденіи въ Харьковѣ университета»; предпріятіе было дальнѣйшимъ развитіемъ плановъ о благополучіи Украины [2]). Побудительной причиной къ идеѣ основанія общества для разработки естественныхъ богатствъ Украины могла послужить и безуспѣшность попытокъ въ теченіе четырехъ лѣтъ ввести въ жизнь своими силами изобрѣтаемые, очевидно полезные, снаряды для техно-химическаго производства. Съ этою цѣлью онъ создалъ въ первыхъ числахъ января 1811 года брошюру «Мысли объ учрежденіи въ полуденныхъ губерніяхъ Россійской имперіи общества подъ названіемъ филотехническаго въ пользу домоводства сихъ губерній». «Мысли» заключали въ себѣ полный уставъ общества изъ 24 §§-овъ. Согласно «Мыслямъ» предпріятіе отличалось сельско-хозяйственнымъ и коммерческимъ характеромъ.

Задачей общества ставилось поднятіе культуры земледѣлія, разработка естественныхъ и обработка добываемыхъ богатствъ Украины и увеличеніе тѣмъ доходности имѣній. Указывая на необходимость реформъ въ сельскомъ хозяйствѣ, В. Н. Каразинъ писалъ: «уже о сю пору есть селенія въ Украинѣ, имѣющія не болѣе двухъ десятинъ земли пахати на каждую душу мужскаго пола». «Пора нарушить нашу сладкую дремоту!! Очевидно уже становится, что доходы, основанные на хозяйствѣ нашихъ предковъ, не достаточны для удовлетворенія день-ото-дня возрастающихъ

---

[1]) Это письмо помѣщено въ видѣ прибавленія къ „Мыслямъ о учрежденіи фил. общества“.

[2]) „Предувѣдомленіе“ извѣстій о филотехническомъ обществѣ, изданное въ 1811 году, 24 апрѣля, стр. 1.

нашихъ издержекъ [1]). «Поля обрабатываются скудно, хижины напоминаютъ времена первобытныя, куда съ сѣвера выписываются прививки и садовники, гдѣ грязныя винокурни, дымомъ ослѣпляющія глаза работниковъ и пожравшія немилостиво большую часть прекрасныхъ лѣсовъ нашихъ, подобныя имъ селитроварни, суть единственныя наши фабрики», описывалъ онъ въ «мысляхъ объ учрежденіи Филотехническаго Общества» тогдашнее состояніе хозяйства южныхъ губерній. Общество составлялось на акціяхъ, приносившихъ ежегодно 6%, предполагаемыхъ собирать съ «образцовыхъ заведеній для обработки сельско-хозяйственнаго сырья. По «Мыслямъ» общество собиралось для засѣданій два раза въ годъ, въ крещенскую и успенскую ярмарки, въ Харьковѣ для обсужденія своихъ дѣлъ и назначенія члена, распоряжающагося «образцовыми заведеніями», который назывался «правителемъ дѣлъ филотехническаго общества».

Въ Россіи уже существовали подобныя сельскохозяйственныя общества; о нихъ Каразинъ упоминаетъ въ «Мысляхъ о учрежденіи фил. общ.» (стр. 14). Такъ, Каразину были извѣстны «Санктъ-петербургское Вольное Экономическое, Московское Естествоиспытателей, Лифляндское экономическее и проч». Весьма вѣроятно, что и идея В. Н. Каразина взяла начало отъ упомянутыхъ обществъ, членомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ числился онъ (напр , Моск. Естество-испыт.). Дѣйствительно, въ «Извѣстіи о Фил. Общ.» (изд. 10 марта 1811 г.) значится, что «Общество подъ названіемъ Филотехническаго составлялось, руководствуясь сими примѣрами» (т. е. примѣромъ существовавшихъ обществъ).

---

[1]) „Мысли“, стр. 5—7.

Корреспондентъ филотехн. общества Д. Зиновьевъ,которому Василій Назаровичъ жаловался, между прочимъ, на неудовлетворительное состояніе хозяйства въ слоб.-губерн., отвѣчалъ ему такъ объ этомъ предметѣ въ Казанской губерніи: „Между прочимъ изволите писать о неудовлетворительномъ состояніи земледѣлія и промышленности нашего края. А я, къ стыду К., передъ Вами открою, здѣсь оно и еще хуже. Господскаго имѣнія въ Казанской губерніи хотя 72000 душъ, но большая часть принадлежитъ помѣщикамъ мелкопомѣстнымъ, занимающимся службой..., а управляютъ вмѣсто нихъ какъ-нибудь прикащики.

А изъ коренныхъ большая часть различныхъ народовъ, какъ то: татаръ, чувашъ, черемисъ, мордвы, вотяковъ, которые, кажется, въ цѣлое столѣтіе по земледѣлію ничего не пріобрѣли. Да и самые русскіе такъ отъ изобилія нерадивы, что хотятъ всегда въ томъ образѣ оставаться, какъ ихъ предки!“... (См. Сѣверная Пчела“ 1860 года, № 92, письмо 13).

«Не льщусь я,—писалъ Каразинъ,—чтобы мои мысли были немедленно за благо приняты. Столь гордая надежда не могла войти въ мое сердце»! («Мысли», стр. 15). Но вопреки ожиданію Каразина все устроилось какъ нельзя лучше.

Подготовивъ изданіемъ «Мыслей» общество къ своему предпріятію, Василій Назаровичъ воспользовался собраніемъ дворянъ-помѣщиковъ, которые съѣхались въ 1811-омъ году на крещенскую ярмарку въ Харьковѣ и для дворянскихъ выборовъ, и предложилъ составить въ украинскихъ губерніяхъ общество, задачей котораго было-бы «приложеніе наукъ и художествъ къ домоводству». При этомъ онъ предложилъ присутствовавшимъ подписать составленный и прочтенный имъ «Первоначальный Актъ Филотехническаго Общества» для поднесенія его на Высочайшее утвержденіе отъ имени помѣщиковъ [1]). Тридцать два помѣщика разныхъ губерній подписали тогда же, 17-го января 1811 года, первоначальный актъ новаго общества. 21-го января состоялось второе засѣданіе, на которомъ «члены» утвердили «правила филотехническаго общества» и объемъ «хозяйственныхъ распоряженій»; правителемъ дѣлъ былъ назначенъ Василій Назаровичъ, а предсѣдательствовалъ на послѣднемъ собраніи кн. М. А. Голицынъ (харьковскій помѣщикъ), которому было поручено хлопотать объ утвержденіи общества.

«По доставленіи 24 генваря выписки обоихъ протоколовъ Общества, засвидѣтельствованной на основаніи второго изъ нихъ, членомъ предсѣдавшимъ въ нынѣшній съѣздъ княземъ Михаиломъ Андреевичемъ Голицынымъ, при письмѣ его сіятельства къ господину Слободско-Украинскому губернатору Ивану Ивановичу Бахтину, его превосходительство 28 тогожъ мѣсяца представилъ о семъ по узаконенному порядку. Марта 10 послѣдовалъ, а 30 полученъ здѣсь въ Харьковѣ таковый *высочайшій* указъ: «*господину дѣйствительному статскому совѣтнику, Слободско-Украинскому гражданскому губернатору Бахтину*». Министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ мнѣ отношеніе къ нему ваше о намѣреніи нѣкоторыхъ помѣщиковъ ввѣренной вамъ губерніи, равно какъ Воронежской, Курской, Екатеринославской и Херсонской, составить между собою общество подъ названіемъ филотехническаго, коего цѣль будетъ усовершенствованіе разныхъ отраслей хозяйства и промышленности народной». «Разсмотрѣвъ доставленной при томъ вами актъ сего учрежденія и причины, кои помѣщиковъ къ составленію онаго побудили, я не нахожу въ намѣреніи ихъ ничего такого, что бы не соотвѣтствовало

---

[1]) Изв. о Фил. Общ. X. 1811.

пользѣ того края или было вопреки государственнымъ постановленіямъ, утверждающимъ и защищающимъ все то, что, основываясь на добровольномъ согласіи и пользѣ общественной, ни въ чемъ имъ не противится. Почему предоставляя общество сіе и правила имъ начертанныя обыкновенному покровительству законовъ, я поручаю вамъ объявить членамъ филотехническаго общества, что старанія ихъ объ усовершенствованіи народной промышленности и хозяйства мнѣ всегда будутъ пріятны». «А дабы и правительство могло въ потребныхъ случаяхъ содѣйствовать къ достиженію предполагаемой обществомъ симъ полезной цѣли, нужно, чтобы о дѣйствіяхъ и успѣхахъ своихъ оно доставляло отъ времени до времени подробныя свѣдѣнія министру внутреннихъ дѣлъ, яко управляющему вообще хозяйственною въ Имперіи частью» [1]).

Зная духъ современнаго общества, падкаго па отличія, на видныя мѣста въ своей средѣ, Каразинъ поспѣшилъ *Высочайшимъ* утвержденіемъ своего общества; дѣйствительно, «послѣ подписанія устава членовъ умножилось» и къ 24-му апрѣля изъ 32 подписавшихъ первоначальныя правила ихъ стало 48 [2]) «Не такъ то легко уговаривать людей на пожертвованія, особенно въ нынѣшнее время, писалъ Каразинъ о первыхъ своихъ хлопотахъ по учрежденію филотехническаго общества графу Аракчееву,—когда и *неминуемыя* пожертвованія сдѣлались частыми [3]). Малѣйшее сомнѣніе въ успѣхѣ вещи останавливаютъ людей. Богу извѣстно, чего мнѣ стоило въ 1811 году согласить дать по той бездѣлицѣ («100 руб.»), которая должна была положиться въ основаніе филотехническаго общества! Но, всеконечно, коль скоро узнаютъ, что *правительство* сдѣлало опытъ, что *оно* нашло его выгоднымъ, то всѣ двинутся» [4]).

Въ продолженіе всего 1811 г. Каразинъ занимался изданіемъ и исправленіемъ устава своего общества. Въ концѣ апрѣля онъ издалъ «Извѣстіе о филотехническомъ обществѣ», [5]) содержащее «первоначальный актъ его, подписанный помѣщиками, «правила филот. общества», его «хозяйственныя распоряженія», ходъ оффиціальнаго утвержденія и характеристику своихъ дѣй-

---

[1]) «Извѣстіе о фил. общ., Высоч. утв. 10 марта 1811 года» Харьковъ, 1811, стр. 29—31.

[2]) Тамъ же, стр. 2.

[3]) Такъ! можетъ быть *частными?*

[4]) Письмо отъ 9-го апрѣля 1814 года, Москва. См. «Сборникъ Историч. Матер. Канц. Его Вел. I отд. вып. I, стр. 463.

[5]) Харьковъ, 1811 г., 39 страницъ.

ствій до перваго августовскаго съѣзда въ 1811 г., какъ правителя дѣлъ общества: «какъ ни мало еще времени будетъ имѣть правитель дѣлъ до наступленія предстоящаго нынѣ съѣзда (въ Харьковск. успенскую ярмарку), но онъ надѣется и теперь представить обществу непостыдный отчетъ въ своихъ упражненіяхъ, и въ той небольшой суммѣ, которая находилась въ его распоряженіи. Онъ долгомъ поставитъ явиться въ Харьковъ 6-го августа и пробудетъ до 21-го» [1]).

Чтобы завлечь въ свое предпріятіе и наглядно представить выгоду участвовать въ немъ, Каразинъ принималъ разныя мѣры. Онъ издалъ въ качествѣ приложенія къ «мыслямъ о филотехнич. обществѣ» письмо Г. Р. Шидловскаго А. Ѳ. Квиткѣ, доказывающее пригодность изобрѣтеннаго имъ способа селитроваренія, разсылалъ изданные въ 1811 г. на свой счетъ брошюры «извѣстій о филот. обществѣ» [2]) помѣщикамъ и разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ для распространенія (архіереямъ всѣхъ украинскихъ губерній, губернаторамъ, предводителямъ дворянства, между прочимъ епископу Курскому и Бѣлогородскому Ѳеоктисту и Дюку Эмануилу Осиповичу Ришелье, который особенно симпатично относился къ новому предпріятію; всего было разослано 600 экземпляровъ [3]); «Благородное дворянство осьми губерній!— писалъ Каразинъ въ одной брошюрѣ, [4])—соедините съ для совмѣстнаго дѣйствія на благо того края, который предки ваши, защищая предѣлы отечества, кровію своею пріобрѣли себѣ въ достояніе, и которой будетъ богатымъ наслѣдіемъ потомковъ вашихъ. Отъ васъ зависитъ удесятерить его значеніе для Россіи, и сдѣлать его предметомъ почтительнаго вниманія цѣлой Европы!» Въ продолженіе 1812 г. всѣмъ, заявившимъ желаніе, Каразинъ посылалъ ежемѣсячный журналъ «Объявленія публикѣ отъ филот. общества», уплачивая даже за пересылку свои деньги); знакомилъ въ то же время общество съ ходомъ занятій учрежденія,

---

[1]) «Извѣстія» 1811 г., стр. 37—38.

[2]) Первое «Извѣстіе», какъ упоминалось, было издано 24 апр. (40 стр.); затѣмъ въ сентябрѣ было выпущено «извѣстіе о филот. обществѣ, изданное въ послѣднихъ числахъ апрѣля мѣсяца 1811 года, *продолженіе* первое» (89 стр.).

[3]) «Извѣстіе» изданное въ сент. 1811-го года; продолженіе первое.

[4]) «Извѣстіе о филотехническомъ обществѣ, Высочайше утвержден. 10 марта 1811 года», Харьк. 1811 г. Предувѣдомленіе.

[5]) Примѣчаніе къ статьѣ о Каразинѣ въ „Украин. Старинѣ“ стр. 168—169.

демонстрируя публично свои опыты по обработкѣ продуктовъ разныхъ отраслей хозяйства [1]); посылалъ чуть не во всѣ періодическія изданія того времени («Украин. Вѣстникъ», «Украин. Журн.», «Вѣстникъ Европы», «Сынъ Отечества», «Казанс. Извѣс.», «Харьк. Изв.», Духъ журн. и проч.) или отчеты о своихъ опытахъ, или о занятіяхъ филот. общества, сперва подъ названіемъ «извѣстій», а потомъ—«актовъ филотехн. общества» (съ 1817 г. см. объявл. въ Харьк. Извѣст.).

Общество сочувственно отнеслось къ идеѣ Каразина: въ концѣ того же 1811 г. раскупили 59 акцій [2]), въ январѣ слѣдующаго—уже 70 [3]); въ январѣ 1814—90 [4]); число членовъ въ 1811 г. равнялось 58, къ январю 1814 г. свыше 80, а потомъ дошло до 100. Въ отвѣтъ на посылаемыя брошюры Вас. Наз. получалъ самыя сочувственныя и благопожелательныя письма. «Кто великъ въ маломъ, кто въ краткое время дѣлаетъ много, того особливо почитать должно, взирая на его таковые, данные ему отъ Бога, таланты,—писалъ епископъ Ѳеоктистъ. «Вы почтеннѣйшій мужъ, по даннымъ Вамъ отъ Бога талантамъ, и въ краткое время сдѣлали много. Теперь остается всѣмъ патріотамъ всеусердно желать Вамъ долголѣтія и благоденствія къ умноженію пользы и славы здѣшняго края!» [5]) «Не могу не признать, что вездѣ видны усердіе и дѣятельность ваши въ исполненіи порученій общества и во многихъ опытахъ, служащихъ къ улучшенію разныхъ предметовъ домоводства. Для меня будетъ всегда пріятно содѣйствовать по моей возможности трудамъ и успѣхамъ филот. общества и по званію моему доводить объ оныхъ до свѣдѣнія его импер. величества», писалъ В. Н. Каразину мин. вн. дѣлъ Козодавлевъ по поводу просьбы о конторѣ фил. общества въ Москвѣ [6]); приблизительно также отнесся къ предпріятію старикъ Державинъ: «Отдаю всю справедливость истинному патріотизму вашему и прямому усердію къ истинному благу отечества, и прошу Бога, чтобъ возбудилась таковая ревность и въ прочихъ сынахъ отечества, а безъ того едва ли успѣховъ ожидать можно будетъ» [7]). Въ Екатеринославѣ по инициативѣ дюка

---

1) „Извѣстія“, „продолженіе первое“.

2) „Извѣстіе о филотехн. обществѣ“, стр. 53.

3) „Украинская Старина“, стр. 169. „Улей„ 1812 г. ч. III, стр. 140.

4) Согласно отчету за 1813 г.

5) Отъ 3 дек. 1811 г. „Сѣверн. Пчела“ 1860 г. № 92, письмо 12.

6) „Русская Старина“ 1901 г., іюль стр. 200.

7) «Русская Старина» 1900 г., ноябрь. Письмо отъ 5 марта 1814 г.

де Ришелье мѣстные дворяне-землевладѣльцы намѣревались открыть филіальное отдѣленіе филотехнич. общества, подчиненное Харьковскому [1]). Въ «извѣстіи о филотех. обществѣ», изданномъ въ концѣ апрѣля 1811 года, «Правитель дѣлъ филотехнич. общества пользуется случаемъ», чтобы принести публично свою покорнѣйшую благодарность почтеннѣйшимъ членамъ общества, удостоившимъ его благосклонныхъ и самыхъ одобрительныхъ отзывовъ, изустныхъ и письменныхъ; а именно: сверхъ особъ, подписавшимъ актъ (т. е. «Первоначальный актъ филот. общества» 17 янв. 1811 г.): Его Высокородію Василію Василіевичу Капнисту, Его Высокоблагородію Тимофею Мироновичу Времеву, Его Высокоблагородію Александру Степановичу Таранову, Ихъ Высокоблагородію Ивану Степановичу Безобразову, Василію Яковлевичу Ломаковскому, Александру Мироновичу Времеву, и ихъ Превосходительству Григорію Романовичу Шидловскому и Петру Ивановичу Ковалинскому. Лестно для него будетъ и всегда заслуживать ободреніе отъ людей, почтенныхъ своими согражданами» [2]).

Итакъ, сочувствіе дѣлу было: въ высшихъ сферахъ самой идеѣ Каразина,—среди помѣщиковъ, можетъ быть, только изъ-за денежныхъ интересовъ: акціи приносили хорошій процентъ безъ всякихъ хлопотъ со стороны владѣтелей и были обезпечены имуществомъ учредителя ихъ, даже въ случаѣ его смерти [3]). Было ради чего сочувствовать, но *содѣйствовать*, раздѣлять хлопоты и труды предпріятія—это дѣло совсѣмъ другого рода, и тогдашнимъ дворянамъ-помѣщикамъ, «выработавшимся въ гоголевскихъ Ивановъ Ивановичей и Ивановъ Никифоровичей, интересы которыхъ къ лежанію въ натурѣ, собиранію семячекъ съ отмѣткою дня съѣденія, ссоры изъ-за «гусака» [4]) и т. д.», и въ голову не приходило трудиться во имя идеи, которая, Богъ вѣсть, будетъ ли доходна. Доклады о усовершенствованіяхъ и объ опытахъ читалъ, за очень рѣдкими исключеніями [5]), самъ В. Н. Каразинъ, правителемъ дѣлъ общества во все время его существо-

---

1) Письмо епископа Ѳеоктиста. Сѣв. Пч. 1860, № 90.

2) «Извѣстіе о филот. общ. Высоч. утв. 10 марта 1811 г.» Харьковъ, 1811, стр. 37.

3) «Въ случаѣ смерти правителя дѣлъ, наслѣдники его обязаны выплатить обществу всѣ акціи съ приходящимися на нихъ процентами» «Мысли о утвержденіи филотехн. общества» стр. 25. «Украинск. Стар.» 142.

4) См. „Голосъ“ 1871 г., № 38. прим. О. Миллера.

5) См. „Украинск. Вѣстн.“ съ 1815 по 1818 г. включит. „Отчеты о дѣятельности фил. общества“.

ванія былъ, по тѣмъ же обстоятельствамъ, одинъ онъ; кому же охота была наблюдать безвозмездно за образцовыми заведеніями Общества, да еще получать выговоры на собраніяхъ? Эти привилегіи охотно уступались иниціатору дѣла. Выходило, что В. Н. Каразинъ самъ производилъ опыты, самъ представлялъ въ отчетахъ обществу описаніе и демонстрированіе ихъ членамъ и произносилъ рѣчи въ собраніяхъ и въ качествѣ правителя дѣлъ самъ составлялъ протоколы засѣданій, которые опубликовывалъ онъ же. Въ запискѣ государю въ сентябрѣ 1817 г. Каразинъ могъ поименовать только двухъ (изъ ста съ лишкомъ) членовъ, Эзи и Щербинина, принимавшихъ «истинное участіе» въ успѣхахъ общества. Члены довольствовались участіемъ въ собраніяхъ, которыя совпадали съ ярмарками и на которыя смотрѣли просто какъ на развлеченія, да выраженіемъ неудовольствія на правителя дѣлъ [1]).

Въ такомъ видѣ просуществовало филотехническое «общество» въ продолженіе 10 лѣтъ, а съ *1820 года*, когда *Каразинъ* не могъ больше дѣйствовать внѣ своей деревни (ему былъ запрещенъ выѣздъ изъ нея), прекратило фактически свое существованіе и все «общество».

Уставъ филотехническаго общества, первоначально выработанный Каразинымъ, заключался въ брошюрѣ его «Мысли о филот. обществѣ» подъ заголовкомъ: «Предначертаніе правилъ филот. общества» и состоялъ изъ 24 §-овъ. Въ собраніи общества 17-го января 1811-го года уставъ этотъ подвергся нѣкоторымъ измѣненіямъ: именно, по смыслу §§-овъ уставъ раздѣленъ былъ на собственно «Правила Филот. Общества» и «хозяйственныя распоряженія филот. общества», т. е. отдѣлъ, касающійся исключительно общественныхъ денегъ. Затѣмъ, нѣкоторые §§ въ собраніи 17-го января были пополнены (§§ 2, 4, 6, 11, 12, 15 «Правилъ филот. общества» представляютъ соотвѣтственно положенные §§ 2, 8, 9, 6, 7, 16, «Предначертаній»); нѣкоторые §§ наоборотъ сокращены [2]), хотя, какъ дополненія, такъ и сокращенія несущественнаго характера. Наконецъ. засѣданіе 17 янв. прибавило 4 новыхъ §-фа къ выработаннымъ Каразинымъ въ «Мысляхъ», это §§ 8, 13 и 16 «правилъ» и § 10 «хозяйсвенныхъ распоряженій».—Въ окончательномъ видѣ филотех. общество организовалось на слѣдующихъ основаніяхъ. Задача его «распространять и усовершать всѣ вѣтви досужества и домо-

---

[1]) Я. В. Абрамовъ. „В. Н. Каразинъ“ СПБ. 1891, стр.

[2]) § 17 правилъ и § 8 хозяйственныхъ распоряженій, занумерованные соотвѣтственно въ „Мысляхъ“ §-ами 17 и 13.

водства въ полуденномъ краѣ Россійской имперіи. *Первоначальный* кругъ дѣйствій обнимаетъ 8 губерній: Екатеринославскую, Херсонскую, Таврическую, Полтавскую, Черниговскую, Слободско-Украинскую, Курскую и Воронежскую (1 §). Общество состояло изъ дѣйствительныхъ членовъ—помѣщиковъ упомянутыхъ губерній, и почетныхъ; первые *должны* были во исполненіе задачи общества завѣдывать «образцовыми заведеніями» его, а почетные, выбранные изъ ученыхъ преимущественно, помогать своими спеціальными знаніями [1]) (§ 2, 3 и 4). Изъ числа дѣйствительныхъ членовъ выбирается сперва одинъ, а потомъ и больше «правителей дѣлъ» общества [2]), на обязанности которыхъ лежало наблюденіе за „образцовыми заведеніями" членовъ (§ 6). Два раза въ годъ въ Харьковѣ въ крещенскую и успенскую ярмарки происходили собранія филот. общества подъ предсѣдательствомъ, каждый разъ выбираемаго, «предсѣдающаго», причемъ собраніе считалось состоявшимся при наличности не менѣе 15 дѣйствительныхъ членовъ [3]) (§§ 5, 7 и 8). Въ собраніяхъ читаются отчеты правителей дѣлъ, которые затѣмъ печатаются и разсылаются всѣмъ членамъ общества (§ 9). Главная дѣятельность членовъ направлена на образцовыя заведенія общества, первоначально помѣщающіяся въ имѣніяхъ членовъ, а потомъ на „особливой дачѣ", пріобрѣтенной обществомъ. «Образцовыя заведенія» представляли изъ себя разнообразные заводы, напр., селитроваренный, винокуренный, для приготовленія земледѣльческихъ орудій и т. под. (§§ 10, 11, 12 и 13). «Образцовыя заведенія устраиваются на сумму, собранную изъ членскихъ взносовъ, а издѣлія заведеній должны были продаваться и приносить «очевидный доходъ». Взносъ дѣйствительнаго члена не менѣе 100 руб., въ замѣнъ которыхъ выдается акція, имѣющая значеніе обыкновенной цѣнной процентной бумаги, при чемъ членомъ считался пер-

---

[1]) Согласно правиламъ, почетныхъ членовъ должно было быть 10; но изъ отчета Каразина фил. обществу за первые 8 мѣсяцевъ 1817 г. видно, что эта норма съ теченіемъ времени увеличилась до 30 и за предѣлами этого числа выбирались не почетные члены, а корреспонденты общества. См. „Укр. Вѣст." 1817 г. окт., стр. 89. Измѣненія внесены на собраніи 17 янв. 1812 г.

[2]) За все время существованія общества былъ одинъ „правитель дѣлъ".

[3]) Это положеніе, вслѣдствіе малочисленности собравшихся, не соблюдалось. Засѣданіе 17 янв. 1817 г. состоялось при наличности лишь 13 членовъ. „Украинск. Вѣстникъ" 1817 г., января, 127 стр.

вый покупщикъ ея [1]). Членамъ общества предоставлялось жертвовать деньги и вообще тѣмъ или другимъ способомъ содѣйствовать ему (§§ 14, 15, 16 и 17). Бумаги, присланныя на имя общества, вскрывались только въ собраніяхъ его. «Хозяйственныя распоряженія» заключались въ слѣдующемъ. Въ обезпеченіе акцій правитель дѣлъ выдавалъ подъ закладную на имя трехъ членовъ имущественный цензъ въ 10,000 руб. увеличивающійся по мѣрѣ умноженія акцій (§ 4). Доходъ съ «образцовыхъ заведеній», устроенныхъ на деньги акціонеровъ, идетъ прежде всего на уплату 6% головыхъ за каждую акцію, что производится въ крещенскій съѣздъ общества; половина остатка чистаго дохода за уплатой %-овъ идетъ въ пользу правителя дѣлъ, наблюдавшаго за своимъ заведеніемъ, а другая половина этого же остатка раздается дивидентомъ акціонерамъ (§§ 1, 2, 5); проценты на акціи правитель дѣлъ обязанъ выдавать ежегодно (§ 3). Дѣла общества ведутся по книгамъ правителемъ дѣлъ за подписями членовъ и печатью общества: книги представляются для справокъ всѣмъ членамъ и ревизуются въ крещенскихъ съѣздахъ (§§ 6, 7 и 8). Въ случаѣ смерти правителя дѣлъ наслѣдники его обязаны уплатить акціонерамъ тѣмъ или другимъ способомъ деньги за акціи съ процентами (§ 9). Общество имѣетъ право исправлять или дополнять свой уставъ (§ 10) [2]).

Но вернемся къ дѣятельности В. Н. Каразина.

Въ «Извѣст. о филотехн. общ., изданн. въ послѣд. числахъ апрѣля мѣсяца 1811 года, продол. первое» напечатанъ отчетъ

---

[1]) Акція представляла небольшой листъ бумаги in. 4⁰ съ обозначеніемъ суммы (въ сотняхъ рублей) внесенныхъ денегъ, съ рубриками для записи срока и количества получаемыхъ процентовъ. По прошествіи 20 лѣтъ акція должна вымѣниваться на другую съ рубриками слѣдующихъ лѣтъ. Каждая акція за особымъ номеромъ съ подписью правителя дѣлъ выдавшаго ее. Обратная сторона акціи была разграфлена на 100 четыреугольниковъ, въ одномъ изъ которыхъ невидимыми химическими чернилами былъ поставленъ «знакъ». „Коль скоро оный, до полученія соотвѣтствующихъ ему %-овъ, будетъ (химическимъ какимъ-либо средствомъ) выведенъ наружу, то акція теряетъ свое достоинство. Желаніе установить довѣріе публики и обезпечить капиталъ общества сдѣлало необходимою эту мѣру". Мѣра эта оказалась непрактичною. По свидѣтельству В. Г. Анастасевича знакъ „выходилъ наружу отъ теплоты карманной книжки". Это обстоятельство дало поводъ недоброжелателямъ В. Н. Каразина обвинять его въ нечестности. „Украинская Старина" Данилевскаго, X. 1866, стр. 167—168.

[2]) Какъ это было 17 янв. 1812 года.

Каразина филотехн. обществу о своихъ занятіяхъ въ званіи правителя дѣлъ общества, въ теченіе апрѣля, мая, іюня и іюля 1811 года [1]). Извѣстіе о Высочайшемъ утвержденіи общества было получено въ Харьковѣ Каразинымъ 23 апрѣля и съ этого дня началась энергичная работа «правителя дѣлъ». Онъ немедленно приступилъ къ печатанію акта, правилъ и хозяйственныхъ распоряженій общества, вышедшихъ въ свѣтъ подъ названіемъ «Извѣстія о филотехническомъ обществѣ", съ намѣреніемъ ознакомить публику подробно съ новымъ обществомъ. 25 апр. Каразинъ получилъ пакетъ, адресованный *на имя общества*, съ Высочайшимъ утвердительнымъ указомъ. Не имѣя права распечатать пакетъ на имя общества до его засѣданія (18 ст. «Правилъ») и желая помѣстить указъ въ печатавшейся брошюрѣ, Каразинъ обратился къ губернатору съ просьбой выдать копію указа. 2 мая копія получена; въ концѣ мая были отпечатаны 600 экз. «Извѣстія о фил. об.». Въ продолженіе іюня мѣсяца «правитель дѣлъ» переписывался съ видными должностными лицами 8 губерній, входившихъ въ первоначальный кругъ дѣйствій общества, просилъ ихъ содѣйствовать успѣху начинающагося учрежденія и разсылалъ имъ для распространенія въ публикѣ экземпляры «Извѣстій о фил. общ.».

Къ 16 августа Каразинъ произвелъ рядъ опытовъ по разнымъ отраслямъ домоводства. «Малые» его успѣхи въ теченіе этого времени заключались въ слѣдующемъ: Согласно 4 и 5 §§-амъ устава «Хозяйственныхъ распоряженій фил. общества, правитель дѣлъ, обязавшійся вести образцовыя заведенія общества, обязанъ въ обезпеченіе выданныхъ акцій передать во владѣніе общества залогъ въ видѣ своего имущества или «образцовыхъ заведеній уже существующихъ» въ его имѣніи. Каразинъ, согласно тѣмъ же §§-амъ «хозяйственныхъ распоряженій», еще до 16 августа 1811 года «изготовилъ закладную, цѣнностью въ 10 тысячъ на имя трехъ членовъ общества, по собственному его (общества) назначенію» [2]). Заложенное имущество представляло какъ землю, такъ и существовавшія у Каразина заведенія, напр.—раньше упомянутый кожевенный заводъ, лабораторія по селитроваренію; кромѣ того существовалъ уже и винокуренный заводъ (вѣроятно

[1]) Извѣстіе о фил. общ. въ апрѣлѣ 1811 г.; продолженіе первое, стр. 49—53.

[2]) „Извѣстіе о филот. обществѣ Высоч. утвержд. 10 марта 1811 г." Харьковъ 1811 г., стр. 28.

небольшой) [1]). По § 2 «хозяйств. распоряженій» правителю дѣлъ въ награду за труды свои по организаціи и веденію образцовыхъ заведеній полагалась половина чистаго дохода съ обработанныхъ продуктовъ за уплатой процентовъ акціонерамъ. Тысячу рублей Каразинъ употребилъ лѣтомъ 1811 года на устройство образцовой селитроварни. Задачей при этомъ было поставлено выварить селитряной растворъ въ самое кратчайшее время и наименьшимъ количествомъ дровъ. Вмѣсто обыкновенныхъ селитроварныхъ печей Василій Назаровичъ употребилъ простой самоваръ съ какимъ-то незначительнымъ прибавленіемъ, дѣлавшимъ самоваръ, въ то же время, и «самодувомъ» сожигателемъ дыма. Вмѣсто воды въ самоваръ наливался селитряной растворъ, являлась значительная экономія тепла, обыкновенно сильно тратившагося на согрѣваніе стѣнъ печи и уходившаго дымомъ; 0,9 дровъ сберегалось приборомъ Каразина «по крайней мѣрѣ». Модель самовара демонстрировалась предъ обществомъ 16-го августа. Тогда же Каразинъ началъ дѣлать приготовленія къ проэктируемому винокуренному заводу филот. общества: запасалъ лѣсъ, рылъ каналъ для отвода воды отъ плотины въ весеннее время и т. под. [2]) Кежевенный заводъ существовалъ уже раньше, и Каразинъ ничего новаго не ввелъ сюда; только выдѣланныя кожи поступали въ счетъ произведеній общества. Производились опыты сушки

---

[1]) «Извѣстіе о фил. общ., изд. въ концѣ апрѣля 1811 г.» Харьковъ 1811 г. «продолж. первое». стр. 62—63. Въ рукописяхъ Чирикова находимъ копію съ закладной Каразина филотехн. обществу: «1811 года, 25 августа Ст. Сов. и Кавалеръ Каразинъ далъ сію закладную на основаніи фил. общ. постановленій, Высоч. утвержденныхъ 1811 г. марта 9 дня, членамъ того общества, ген.-лейт, и кав. Іос. Ив. *Хорвату*, подполковнику Андрею Ѳед. *Квиткѣ* и маіору Іонѣ Ник. *Познянскому* суммой въ 10,000 р. за указные проценты срокомъ впредь до востребованія ими сей закладной. А въ тѣхъ деньгахъ до самаго срока заложилъ я, Каразинъ, имъ недвижимое свое имѣніе, богодух. уѣзда въ с. Кручикѣ, мѣста, для *заводовъ разнаго рода* на рѣчкѣ ближнемъ Кручикѣ назначенныя, съ поставленными на нихъ плотинами и занимающія по продолженіи оной рѣки 139 десят. земли, покрытый большинствомъ дровянымъ лѣсомъ, *кожевный мой заводъ*, 18 душъ мастеровыхъ съ ихъ семействами, да въ чрезполосномъ владѣніи лѣсу 11 десятинъ для упомянутыхъ заводовъ. Мое недвижимое имѣніе никому другому не продано и не заложено и ни въ какія крѣпости не укрѣплено». Историч. архивовъ Харьк. ун-та рукописи Чирикова.

[2]) Извѣстія о ф. общ. изд. въ концѣ апр. 1811 г. Х. 1811. прод. І-е стр. 62—63.

плодовъ «теплотою водяныхъ паровъ»; плоды раскладывались на жестяныхъ листахъ, расположенныхъ одинъ надъ другимъ, и паръ, проходя снизу поочередно чрезъ всѣ листы, уносилъ ихъ влагу, сохраняя чистоту фруктовъ, ихъ вкусъ и даже запахъ. Занятый давно идеей приготовлять изъ обыкновенныхъ нашихъ ягодъ «собственныя вина, подобныя привозимымъ за дорогую цѣну иностраннымъ», Каразинъ тѣмъ же лѣтомъ ухитрился, отдѣляя «яблочную кислоту (acide malique)» ягодъ—(какимъ образомъ, не упоминается), добыть 3 сорта винъ: вишневое, крыжовниковое и смородинное. Выдваивая (перегоняя) полученное вишневое вино, Каразинъ получилъ прекрасный спиртъ; отъ двоенія оставалась богатѣйшая алая краска; опыты надъ послѣдней показали ея прочность предъ вліяніемъ солнечнаго свѣта. Окрашивалъ шерсть травой «Душицой или Материнкой (Origanum vulgare)», замѣнявшей, какъ оказалось въ совершенствѣ, заграничный сандалъ и фернамбукъ.

16-го августа 1811 года «Филотехническое Общество», послѣ Высочайшаго утвержденія его постановленій, имѣло первое засѣданіе»[1]). Предсѣдателемъ былъ выбранъ Ив. Ив. Зарудный; читался, вѣроятно Вас. Назаровичемъ, какъ правителемъ дѣлъ, указъ государя о Филотехн. Обществѣ. Затѣмъ рѣшено было дополнить уставъ общества, именно—по прошествіи каждаго года, т. е. въ Крещенскій съѣздъ, сообщать министру Внутреннихъ Дѣлъ объ успѣхахъ и занятіяхъ общества. В. Н. Каразинъ прочелъ отчетъ о дѣятельности своей за лѣтнее время; демонстрированный самоваръ-селитроваръ заслужилъ полное одобреніе собранія; заключеніе объ идеѣ винокуренія по способу Каразина общество обѣщало дать послѣ наглядныхъ опытовъ въ Крещенскій съѣздъ. Приготовленныя Вас. Назаровичемъ кожи, сушеные фрукты, спиртъ, идею о сушеніи червца (кошенили) и др. общество признало превосходными и лишь вина «не нашло еще совершенными, но осталось довольными ими для перваго начала». Экспертиза «художника Маттеса» удостовѣрила общество въ пригодности для живописи вишневой краски. «Сіи и другіе *въ отчетѣ* представленные предметы,—заключался протоколъ собранія,—увѣрили Общество въ дѣятельности перваго правителя его дѣлъ; и оно положило объявить ему свою благодарность[2]). Въ томъ же засѣданіи рѣшено было черезъ день, т. е. 18 августа устроить *публичное* собраніе филотехническаго общества, съ приглашеніемъ «именитѣйшихъ особъ». Правителю дѣлъ было поручено приготовить

---

[1]) Тамъ же стр. 41.

[2]) Тамъ же стр. 45.

200 пригласительныхъ билетовъ «съ означеніемъ времени собранія: шести часовъ по полудни 18 числа».

Такимъ образомъ, 18 августа 1811 года было *первое публичное Собраніе Филотехническаго Общества.* Оно открылось привѣтствіемъ къ публикѣ предсѣдающаго. Затѣмъ однимъ членомъ прочитанъ именной списокъ всѣхъ (какъ присутствующихъ, такъ и отсутствующихъ) членовъ по старшинству ихъ вступленія; другимъ—извлеченіе изъ протокола 16 августа; третій же членъ заключилъ собраніе рѣчью о пользѣ просвѣщенія въ Домоводствѣ, или естественной связи Домоводства съ прочими познаніями». Это была рѣчь самого В. Н. Каразина, потомъ напечатанная отдѣльной брошюрой [1]).

Въ началѣ рѣчи Каразинъ обѣщалъ разъяснить слушателямъ тѣ задачи, которыя преслѣдуетъ филотехническое общество, но этому предмету удѣлилъ впрочемъ очень мало мѣста, и лишь въ концѣ, нѣсколькими фразами [2]) обмолвился о цѣляхъ общества. Вся же рѣчь, въ цѣломъ, представляетъ мастерской очеркъ исторіи культуры человѣка, отъ незапамятныхъ временъ до послѣднихъ дней, въ связи съ развитіемъ познаній и по домоводству. «Подъ именемъ домоводства разумѣю я порядокъ управленія всякою собственностію, доставляющею способы къ жизни» [3]). «Начало домоводства, основываясь непосредственно на понятіи о собственности, предшествовало и самому земледѣлію». «Безвѣстный родоначальникъ Чюдовъ, или *Скифовъ*, по греческому произношенію, первый позналъ домоводство».—Ссылаясь на сочиненія древнихъ авторовъ, Гомера, Діодора, Платона и Цицерона, подкрѣпляя свои выводы о развитіи сельско-хозяйственной и, вообще, культуры человѣчества цитатами изъ произведеній ученыхъ,—Goguet, Балльи, Линнея, Шлецера, Perieget, Гумбольда, Роллена, О'коннора Sabatier,—Каразинъ постепенно дошелъ до современнаго общества. Онъ указалъ на нравственную обязанность послѣдняго продолжить культурную работу человѣка и, указывая на всѣ данныя, для выполненія задачи исторіи, ловко заинтриговалъ помѣщиковъ: «Аѳинская область во время Периклово имѣла двѣ тысячи талантовъ, или около милліона двухъ сотъ тысячъ нашихъ серебряныхъ рублей доходу. Но она пространствомъ едва ли составляла половину Слободско-Украинской губерніи» [4]). Въ концѣ рѣчи ораторъ вы-

---

[1]) Харьковъ, 1811. 20 стран. Вѣстн. Евр. 1811, окт. № 20 стр. 259—286.

[2]) Вѣстн. Евр. 1811, окт, № 20, стр. 280—282.

[3]) Стр. 261.

[4]) Стр. 276.

сказалъ свои взгляды на взаимоотношенія крестьянъ и помѣщиковъ и заключилъ увѣреніемъ, что дворянство исполнитъ задачу человѣчества и просвѣтитъ младшаго брата-крестьянина: «Благонамѣренные мои собратія! вы, которые въ своихъ подчиненныхъ видите не рабовъ, но воспитанниковъ, Провидѣніемъ и Правительствомъ вашимъ вамъ ввѣренныхъ! васъ преимущественно имѣетъ въ предметѣ Филотехническое Общество. Водворите въ селахъ вашихъ просвѣщенное земледѣліе, водворите искусства и промышленность. Водворите наипаче порядокъ и добрые нравы, безъ которыхъ все прочее во вредъ обращается» [1]).

Несмотря на кажущееся воодушевленіе членовъ общества, въ сущности безучастное его отношеніе выразилось въ томъ, что уже въ слѣдующемъ собраніи 21 августа происшедшемъ, слѣдовательно — лишь черезъ два дня послѣ описаннаго, «протоколъ его, за отбытіемъ *нѣкоторыхъ* членовъ, не могъ быть подписанъ» [2]) (Всего членовъ общества насчитывалось нѣсколько десятковъ, а собранія, по уставу, считались состоявшимися при наличности лишь 15 членовъ). Въ этомъ собраніи предметомъ занятій была переписка членовъ съ различными оффиціальными и частными лицами по дѣламъ общества и разборъ корреспонденціи, полученной правителемъ дѣлъ на имя общества. О дѣятельности Каразина въ качествѣ «правителя дѣлъ ф. об.» въ теченіе 1812 г. мы ничего не знаемъ точно. 15, 17 и 20 янв. 1812 г. происходили собранія Общества, протоколы которыхъ сохранились въ отрывкахъ.

Изъ протокола 15 янв. 1812 года видно [3]), что собраніе происходило въ этотъ день «въ залѣ благороднаго собранія по предложенію самихъ г-дъ Директоровъ онаго». Предсѣдательствовалъ губернскій предводитель А. Ѳ. Квитка. В. Н. Каразинъ представилъ отчетъ о своей дѣятельности съ августа 1811 по январь 1812. Назначенъ комитетъ для употребленія вступившей въ кассу общества суммы. Затѣмъ очень любопытное обстоятельство: члены отказались отъ процентовъ, слѣдуемыхъ имъ по акціямъ за 1811 г. Порѣшили неиспользованные «проценты» съ акцій употребить на печатаніе «объявленій (по 2 л. въ мѣсяцъ) отъ Ф. О. о разныхъ до него и до членовъ его въ особенности касающихся предметахъ, для всей Россійской публики безвозмездно». Это вѣроятно

---

[1]) Стр. 285—286.

[2]) «Извѣстія», продолженіе первое, стр. 83.

[3]) Улей, за 1812 г. ч. III, № XVI. «Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій филотехническаго общества въ Крещенскій съѣздъ 1812 года Генваря 15, 17, и 20».

тѣ самыя «Объявленія отъ Филотехническаго Общества, о которыхъ упоминаетъ Данилевскій въ прибавленіи къ монографіи о В. Н. К—нѣ. «А. С. Ели» читалъ докладъ объ овцеводствѣ, который рѣшено было напечатать. Каразинъ представилъ собранію *вату*, добытую изъ шерсти молодыхъ испанскихъ и силезскихъ овецъ. Вата оказалась настолько доброкачественнѣй бумажной, что Общество постановило (на основаніи постановленія собранія 16 августа 1811 г.) довести до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ о новомъ предметѣ домоводства. Почетный членъ Ф. И. Гизе подарилъ обществу 150 экземпляровъ своего сочиненія о «Селитровареніи». Печатные экземпляры постановлено раздать членамъ, а представленную одновременно рукопись Гизе «О Турфѣ» напечатать на счетъ общества. Каразинъ представилъ масла орѣховое и конопляное, которыя «найдены не имѣющими никакого вкуса, запаха и цвѣта, свойственнаго масламъ сего имени». Онъ же представилъ модель «Арбутнотова плуга» (получ. изъ Тульск. губ.) и высушенный на паровомъ снарядѣ солодъ. Затѣмъ общество одобрило предложенную правителемъ дѣлъ форму дипломовъ почетныхъ членовъ фил. общества и *приняло единогласно предложеніе почетнаго члена А. И. Стойковича о допущеніи* въ *собранія филотехническаго общества «всѣхъ любителей* и *любительницъ домоводства»*.

Изъ протокола засѣданія 17 янв. 1812 г. видно, что число акцій возросло къ этому времени до 70; что сумму собранныхъ денегъ рѣшено употребить на постройку *селитровареннаго, винокуреннаго заводовъ* и на лучшее обзаведеніе существовавшихъ уже въ имѣніи правителя дѣлъ *кожевнаго и бичевопрядильнаго Опредѣлили жалованье «смотрителя» образцовыхъ заведеній*. Изъ отчета Каразина оказывается, что изъ 7000 р., полученныхъ за акціи денегъ, у него осталась уже только 1000 р. Представлено нѣсколько домоводственныхъ продуктовъ г-жи «Элли» и Бердяевой. Избранъ въ корреспонденты общества Д. Н. Зиновьевъ, который прислалъ нѣсколько предметовъ домоводства въ казанской губерніи. Въ собраніи же 17 января были сдѣланы дополненія къ уставу общества [1]): именно, 1) число почетныхъ членовъ не должно было превышать 30, при чемъ избираемыя лица дѣлятся на три категоріи: ученыхъ, «мужей государственныхъ» и «благотворителей своимъ поселянамъ помѣщиковъ внѣ округа филотехническаго общества имѣющихъ помѣстья». 2) Приглашать къ участію въ трудахъ Филотехническаго Общества «художниковъ», завести «корреспондентовъ *ученыхъ* и *торговыхъ*», избираемыхъ по предло-

---

1) Согласно § 10 Хозяйствен. распоряж.

женію правителя дѣлъ. Рѣшено предложить званіе почетныхъ членовъ Мин. вн. дѣлъ О. П. Козодавлеву, сенатору К. Ф. Модераху; К. И. Габлицу и Херс. воен. губ. «Дюку Деришелью»; выбрано было также корреспондентами нѣсколько помѣщиковъ. На основаніи 10 § хоз. расп. положено утверждать почетныхъ членовъ лишь въ слѣдующемъ, по избраніи ихъ, собраніи и выдавать дипломы имъ за подписью предложившихъ избраніе.

Въ засѣданіи 20-го января постановлено: чрезъ правителя дѣлъ вступить въ сношеніе съ «Императорскимъ вольно-экономическимъ» и «естествоиспытателей» обществами и заказать художнику Маттесу виньетку для дипломовъ почетныхъ членовъ Филотехническаго общества. — По разрѣшеніи мин вн. дѣлъ [1]) 12 января 1813 г. измѣнить уставъ согласно постановленію засѣданія 17 января 1812 г., правила общества съ поправками были изданы Каразинымъ при отчетѣ за 1813 годъ: въ § 3-й включено постановленіе о нормѣ числа почетныхъ членовъ, въ 4-й—о правѣ приглашать членами въ общество «отличныхъ художниковъ» и «отличныхъ земледѣльцевъ» (не болѣе 10 душъ), и въ § 20-й—статью о «ученыхъ и торговыхъ корреспондентахъ. Слѣдующія засѣданія Филотехническаго Общества происходили 12 января 1813 г. [2]), и 13 янв. т. г. [3]). Въ послѣднемъ засѣданіи Каразинъ произнесъ «рѣчь о необходимости въ настоящихъ обстоятельствахъ усилить домоводство»—типичное произведеніе его пера. Безъ строгаго плана, но съ страстнымъ увлеченіемъ и напыщенностью подчасъ, излагалъ Каразинъ рядъ мыслей и о политическомъ укладѣ народной жизни, и о необходимыхъ реформахъ въ хозяйствѣ и торговлѣ, излагалъ цѣлый рядъ научныхъ историческихъ изслѣдованій, касавшихся того или иного затронутаго вопроса. Что касается домоводства собственно, то Каразинъ совѣтовалъ «усилить его всѣми средствами, заимствованными отъ обстоятельствъ съ одной и отъ просвѣщенія съ другой стороны» [4]). Нарисовавъ мастерскую картину опустошенной въ 12 году Москвы, Каразинъ предложилъ возродить сердце Россіи и не въ прежнемъ, старомъ ея видѣ, а въ видѣ центра промышленной на почвѣ сельско-хозяйственнаго просвѣщенія страны: «Дворянство! предъ тобою открывается новое подвиговъ поприще»... «обрати опустѣ-

---

[1]) Моск. Вѣд. 1814 г., № 8, стр. 180; примѣчаніе стр. 1—22; См. также „Укр. Стар.“ Данилевск. стр. 155.

[2]) Московскія Вѣдомости 1814 г., № 8 стр. 180; прим. стр. 1—22.

[3]) Вѣстникъ Европы 1843 г., кн. I, стр. 3—4.

[4]) Вѣст. Евр. 1813 г. т. I. ч. LXVII, стр, 5—6.

ніе Москвы въ пользу прочихъ краевъ твоего отечества [1]). Насадить въ Россіи сельско-хозяйственное просвѣщеніе надо воспользовавшись тогдашнимъ состояніемъ ея. Послѣдняя находилась въ спокойствіи въ то время, какъ большая часть Европы страдала отъ военныхъ дѣйствій. «Искусные художники» - иностранцы охотно перейдутъ изъ отечества въ спокойную Россію и вложатъ свой трудъ на мирное ея преуспѣяніе. Для регулированія торговли, устраненія изъ нея *эксплуататоровъ*, перекупщиковъ, однимъ словомъ для болѣе правильнаго развитія промышленности, Каразинъ предложилъ «*опредѣлить разсчёты и размѣны; устроить сборные пункты*» выдѣланныхъ въ Россіи же товаровъ и вытѣснить такимъ образомъ иностранные. Онъ предложилъ, между прочимъ, *заняться продовольствіемъ войскъ* за границей. Идеи, выраженныя въ «рѣчи о необходимости въ настобстоят. усилить домоводство», явились какъ бы планомъ дѣятельности К—на въ 1813 году, которая въ свою очередь дастъ намъ понять туманные и замаскированные реторическими пріемами намеки въ рѣчи 13 января (напр., на продовольствіе арміи фил. обществомъ). Рѣчь В. Н. Каразина была напечатана въ нѣсколькихъ періодическихъ изданіяхъ, между прочимъ въ Вѣстникѣ Европы, и, кажется, интересовала современниковъ. В. Г. Анастасевичъ экземпляръ этой рѣчи послалъ въ подарокъ кіевскому митрополиту Евгенію Болховитинову, за что послѣдній его благодарилъ [2]): «Рѣчь Каразина читалъ я и видѣлъ вторично въ Вѣстникѣ Европы; прекрасный человѣкъ съ отличными свѣдѣніями и достоинъ быть въ столицѣ» [3]). Послѣднее замѣчаніе даетъ поводъ думать, что уже въ 1813 г. В. Н. Каразинъ тяготился своей ссылкой и стремился выбраться и дѣйствовать внѣ Украины; «Каразину,—писалъ въ другомъ письмѣ тотъ же митрополитъ Евгеній [4])—видно, долго еще жить въ своей Украинѣ. Кажется, одна надежда у него на сильную руку Аракчеева. Но сила сія не въ той сферѣ». Въ серединѣ 1813 года Вас. Наз. отправился въ Москву, «гдѣ,—докладывалъ онъ филот. обществу, 16 янв. 1815 г.,—я цѣлый годъ былъ задержанъ отчасти устроеніемъ коммиссіонерной конторы общества, отчасти дѣлами послѣдней важности семейства моего».

---

[1]) Тамъ же, стр. 11,

[2]) «Русскій Архивъ» 1889 г., т. II, стр. 26.

[3]) Отъ 24 апрѣля 1813 г. Тамъ же стр. 27.

[4]) Отъ 17 окт. 1815 г. (Калуга) „Русскій Архивъ" 1889 г. т. II, стр. 55.

Августовскихъ засѣданій 1813 г., за отсутствіемъ правителя дѣлъ, вовсе не было—новое доказательство, что общество безъ Вас. Наз. Каразина переставало существовать.

Въ ноябрѣ 1813 года Каразинъ составилъ «Справочникъ филотехн. общества» [1]), цѣнъ стоявшихъ въ Москвѣ на всевозможные предметы житейскаго обихода, веществъ питательныхъ, аптекарскихъ, предметовъ роскоши, одежды, матеріаловъ строительныхъ, различныхъ металловъ, нормы заработной платы и т. под. Изъ этого справочника можно видѣть, что цѣлый рядъ продуктовъ домоводства принадлежитъ производству «филот. общества» [2]); съ другой стороны, обстоятельство, что всѣ эти произведенія «общества» не вошли въ продажу и не имѣютъ никакой цѣны на рынкѣ [3]), даетъ поводъ подозрѣвать, что новыя выработанныя предметы домоводства принадлежатъ труду Каразина, а не общества, тѣмъ болѣе, что продукты тѣ самые, которые, судя по разобранному и послѣдующимъ отчетамъ, занимали самого Каразина. Изъ продуктовъ фил. «общества», помѣщенныхъ въ Справочникѣ, видимъ: «алкоголь, вина украинскія, питательную (прѣсную и кислую) вытяжку, клюквенный сокъ, наливки украинскія, олифу для живописи, патоку очищенную, пеньку приготовленную, подошвенныя кожи, полпиво, солодъ, уксусъ, козлы казанскія, колбасы копченыя, ветчину, вату фил. общества (изъ шпанской шерсти, которая можетъ замѣнять самые теплые мѣха) и бочки въ 30 и 40 вед.». Что касается самого справочника, то Каразинъ придавалъ серьезное значеніе такого рода таблицамъ [4]); какъ видно, бланки справочника были печатные безъ обозначенія цѣнъ, мѣстъ и времени наблюденій: «Сіе наше предпріятіе (т. е. намѣреніе издавать подобные справочники) должно безъ сомнѣнія быть благоугоднымъ сердцу всякаго добраго гражданина, ибо цѣлію его есть усовершеніе торговли и распространеніе промышленности въ отечествѣ нашемъ, поддержаніе ихъ противу замысловъ монополіи, съ одной стороны, и расточитель-

---

1) Сборникъ ист. матеріал. вып. I, 1876 г. Спб., стр. 413—437.

2) По крайней мѣрѣ эти продукты Каразинъ обозначалъ «изготовл. филот. обществомъ»; въ отчетахъ филот. общества мы не находимъ упоминаній о разработкѣ какого-нибудь изъ этихъ продуктовъ кѣмъ-либо кромѣ Каразина.

3) Лишь сѣдла шли,—по справочнику, по обыкнов. рыночн. цѣнамъ, да питательная прѣсная вытяжка по 60 коп. ассигн. за фунтъ.

4) Упомянутый справочникъ печатный въ 2 столбца. Цѣны противъ показанныхъ въ немъ предметовъ обозначены В. Н. Каразинымъ рукописно. Его же рукою вписаны въ «справочникѣ» нѣкоторыя слова и дополненія. «Сборн. ист. матер.» вып. I, 1876 Спб., 413—437.

ности отъ невѣдѣнія—съ другой. Чаятельно, наши листочки будутъ *нѣкогда* не недостойны и взора статистики или самой исторіи, представляя картину признаковъ постепеннаго приращенія земледѣлія, торговли и искусствъ при вліяніи на нихъ государственной финансовой системы... Въ ноябрѣ 1813 года, съ Богомъ, положено начало! Мало-по-малу чрезъ сіе посредство укажутся *ежемѣсячно* цѣны, существующія въ городахъ: Москвѣ, С.-Петербургѣ, Кіевѣ, Казани, Харьковѣ и другихъ, также и на знатнѣйшихъ Россійскихъ ярмаркахъ» [1]... Есть указаніе на существованіе справочника Каразина за декабрь 1813 года [2]. Справочникъ за ноябрь Каразинъ посылалъ Аракчееву, покровительства котораго искалъ для своихъ предпріятій. Письма къ Аракчееву заключаютъ большею частью просьбы о помощи, но письмо, приложенное къ справочнику, т. е. отъ 12 янв. 1814 года, особенно интересно: здѣсь дается характеристика самимъ Вас. Наз. своей общественной дѣятельности: «Можетъ быть захотите сдѣлать мнѣ благодѣяніе сообщеніемъ его августѣйшему покровителю нашего общества, покровителю нѣкогда и моему, удостоивавшему меня милостей, болѣе нежели обыкновенныхъ,—пока напослѣдокъ несчастное для меня стеченіе клеветы и собственной неосторожности .. Не продолжаю, сіятельнѣйшій графъ, опасаясь залить слезами бумагу, на которой я пишу. Но и въ нынѣшнемъ положеніи моемъ. я продолжаю тоже самое стремленіе, которое *имъ* однажды было одобрено: «Часъ отъ часу болѣе удостовѣряюсь, что *мы* съ вами согласуемся въ образѣ нашихъ мыслей и чувствованій. Продолжайте и будьте увѣрены, что *я* умѣю цѣнить подвигъ, влекущій васъ»... Вотъ драгоцѣнныя подлинныя слова одного изъ его писемъ ко мнѣ, маловажному его подданному! Дѣйствіе ихъ продолжается донынѣ въ моемъ сердцѣ. Я иду впередъ съ малыми надеждами, *безъ всякой донынѣ подпоры*, подвигаюсь медленно по путямъ, наполненнымъ стремнинами и терніями заросшимъ. Я льщусь принести *нѣкогда*, можетъ быть не прежде, какъ уже по смерти моей, пользу дражайшему отечеству. *И тогда* уповаю быть оправданъ!.. Никто не вообразитъ, *чего* мнѣ, человѣку безъ случая, безъ большого имени, безъ богатства, безъ всякой подпоры, стоило учрежденіе Харьковскаго университета и предварившее оный пожертвованіе, на которое должно было соглашать дворянство многихъ губерній. Я увѣренъ, что немногіе рѣшились бы получать ленты, еслибъ онѣ доставались такимъ

---

[1] «Сборникъ историч. матеріаловъ» выпускъ I, 1876 г. Спб., стр. 418—419, примѣч. 11-е.

[2] Тамъ же, стр. 438.

только образомъ»!.. «Когда сей важный проектъ испорченъ былъ *иностранцами* при самомъ его началѣ, когда найдено даже средство замарать и дворянство, предложившее его, а учрежденіе это, которому положены были начала великія, единственно Россіи свойственныя, превратить въ обыкновенный университетъ нѣмецкій, то я въ отчаяніи вышелъ въ отставку, и... чтобъ поправить эту неудачу, принялся думать о филот. обществѣ. Это стоило новыхъ, можно сказать, невѣроятныхъ усилій и вмѣстѣ новыхъ непріятностей, которыя надобно было перенести»... «Будьте моимъ покровителемъ, сіятельнѣйшій графъ, будьте моею подпорою! Я никого болѣе не имѣю и имѣть не забочусь» [1]).

Вскорѣ послѣ январьскаго собранія 1813 года Каразинъ, «избравъ комиссіонеромъ общества помѣщика полтавск. губерніи, зѣньковск. повѣта, г. войскового товарища Жадька, отправилъ съ нимъ въ армію образцы питательной вытяжки, алкоголя и другихъ подобныхъ припасовъ, которые бы могли съ выгодою быть доставлены на самыя отдаленныя разстоянія» [2]). Въ то время, время военныхъ дѣйствій русскихъ войскъ за границей, предложеніе Каразина, кажется, было очень своевременно. «Сколько поставки натурою тягостны, доказываетъ сдѣланное вычисленіе, что четверть сухарей въ декабрѣ 1812 и январѣ 1813 гг. изъ нѣкоторыхъ губерній обошлись *до Вильны* въ двѣсти рублей» [3]). Безчисленныя затрудненія, представившіяся Жадьку, лишь въ апрѣлѣ дали ему возможность предложить на усмотрѣніе главнокомандующаго кн. Кутузова проектъ Каразина. Кутузовъ какъ будто съ сочувствіемъ отнесся къ дѣлу, но «примѣтя, что силы его вмѣстѣ съ жизнью погасаютъ», отправилъ Жадька къ начальнику генеральнаго штаба. Судя по расположеннымъ письмамъ, генералъ П. П. Коновницынъ [4]) и даже графъ А. А. Аракчеевъ тоже сочувственно приняли предложеніе Каразина. «Но... по необъяснимому стеченію обстоятельствъ, которое я долженъ приписать единственно несчастію г. Жадька, онъ, въ продолженіе шестинедѣльнаго труднаго слѣдованія за арміею по Саксоніи, не получилъ отъ начальника генеральнаго штаба никакого отвѣта и напослѣдокъ... привезъ мнѣ обратно записку о предметѣ его по-

---

[1]) «Сборникъ канцеляріи 1-го отдѣленія Его Величества» вып. I, Спб. 1878 т., стр. 438—440.

[2]) Копія съ отчета 1813 г. филот. общества. Сборникъ ист. матер. вып. I, 1876, Спб., стр. 446.

[3]) Тамъ же.

[4]) «Сѣверная Пчела» 1860 г., № 92.

сылки [1])... Отпущенные же съ нимъ образцы раскуплены были господами армейскими офицерами и однимъ англичаниномъ изъ свиты посланника, которые всѣ, по увѣренію его, были ими очень довольны, а послѣдній сообщилъ еще г. Жадьку счастливую мысль, что подобные сгущенные припасы могутъ быть съ выгодою доставляемы въ самую Англію». Поѣздка г. Жадька обошлась обществу или, вѣрнѣе, Каразину свыше тысячи рублей. Но Вас. Наз. не оставилъ своего проекта. Слова англичанина обратили на себя его вниманіе. Онъ задумалъ сбывать питательные концентраты въ Англію. Съ этою цѣлью Вас. Наз. обратился за справками къ англійской торговой конторѣ въ Москвѣ Томсона и Рованда «и когда ею ободренъ былъ, то писалъ къ главному консулу великобританской торговли, пребывающему въ С.-Петербургѣ, г. Даніилу Байлею», который отвѣчалъ подробнымъ письмомъ. Домъ Томсона и Рованда обѣщалъ Каразину кредитъ и даже всѣ хлопоты по сбыту товаровъ фил. общества, удовлетворяясь ничтожнымъ процентомъ. Но «важнѣйшимъ предметомъ», которому посвящено было все послѣднее время пребыванія въ Москвѣ» Каразина въ 1813 году были хлопоты по учрежденію здѣсь конторы филот. общества. Значеніе собственной конторы въ столицѣ было очень велико. Этимъ уничтожалась возможность эксплоатаціи труда и произведеній южныхъ губерній. Барышники и скупщики намѣренно поддерживали низкія цѣны товарамъ на мѣстѣ ихъ происхожденія, а сами, скупая ихъ по дешевкѣ, въ три-дорога продавали въ Москвѣ. «Низкія цѣны, поддерживаемыя разными хитростями въ полуденномъ краѣ имперіи, не даютъ возникнуть тамъ прямому трудолюбію и духу предпріятій въ домоводствѣ». «Мы принуждены сбывать произведенія наши, точно въ томъ видѣ, какъ природа намъ ихъ даетъ, и изобилуя всѣми веществами для фабрикъ, мы почти всѣ свои потребности удовлетворяемъ издали, платя за извозы внутрь Россіи и обратно, уплачивая бѣдными деньгами нашими барыши десяти перекупщиковъ, черезъ руки которыхъ проходятъ прежде *сырыя* наши произведенія, потомъ возвращаются къ намъ *выдѣланныя*». Монополисты, скупая, напр.,

---

[1]) О неудачѣ предложенія продовольствія войскъ питательными вытяжками и «несчастіи г. Жадька» встрѣчаемъ позднѣе слѣдующія строки Каразина: «Никогда я не прощу знакомцу моему, князю В., презрѣнія, которое онъ показалъ къ оффиціальному предложенію филотехническаго общества. Давно бы уже важная задача сія была рѣшена», писалъ Каразинъ. 9-го апрѣля 1814 года вновь выдвигая вопросъ о продовольствіи войска (къ Аракчееву «Сборн. ист. матеріаловъ» вып. I, стр. 463).

пшеницу по 6—8 руб. четверть, продавали по 30—32 руб. Съ утвежденіемъ конторы можно было бы «изъ первыхъ рукъ получать и отправлять все потребное для фабрикъ, для опытовъ въ домоводствѣ и ученыхъ упражненій, искусственныя орудія и даже мастеровъ съ полнымъ удостовѣреніемъ о ихъ годности». Таковы поводы хлопотъ объ учрежденіи въ Москвѣ конторы общества, мысли весьма справедливой. Но дѣло это затянулось; еще въ 1815 году мы встрѣчаемъ о томъ переписку [1]). Составленіе «справочниковъ» Каразинымъ преслѣдовало ту же цѣль, что и учрежденіе конторы: препятствовать монополіи скупать задаромъ произведенія края у неосвѣдомленныхъ о рыночныхъ цѣнахъ хозяевъ [2]). Съ цѣлью заинтересовать, завлечь въ дѣло лучшія и полезныя силы, Каразинъ разсылалъ разнымъ лицамъ почетные дипломы на званіе члена филот. общества; въ 1813 году, между прочимъ, онъ послалъ дипломы г. Фелленбергу, директору Гофвильской агрономической школы, извѣстному тогда агроному и политико-эконому, а также французскому сенатору и химику Шапталю [3]).

Изъ отчета 1813 года филот. общества мы видимъ, какъ горячо дѣйствовалъ Василій Назаровичъ во имя общественныхъ интересовъ. Но какъ бы то ни было, во всѣхъ указанныхъ предпріятіяхъ ратуетъ одинъ только онъ; и ему не могло быть легко вести дѣло одному: въ письмахъ его crescendo появляются жалобы на общество: «Идеи мои,—писалъ онъ Аракчееву отъ 12 янв. 1814 года,—или презираютъ, или преслѣдуютъ гоненіями. Вообразите, сіятельнѣйшій графъ, что я нахожу безчисленныя препятствія даже въ напечатаніи отчета «филот. обществу» [4]). Въ письмѣ отъ 29 марта 1814 года Каразинъ уже проситъ помощи у Аракчеева, чтобы имѣть возможность продолжать опыты селитроваренія по своему новому способу, именно—при помощи пропусканія электрическаго тока: «Исходатайствуйте мнѣ просимое пособіе, сіятельнѣйшій графъ, или дайте его однимъ изъ вашихъ собственныхъ способовъ. И то и другое будетъ мнѣ *равно* пріятно, ибо первое удостовѣритъ меня въ милости *Государя* моего, послѣднее дастъ мнѣ способъ прославить имя ваше произведеніемъ

---

[1]) Письмо Козодавлева Каразину. 17 апр. 1815 года см. «Русская Старина» 1901 г., іюль.

[2]) Отчетъ за 1813 г. «Сборникъ истор. матеріаловъ», вып. I, стр. 441—458.

[3]) Письмо къ Аракчееву 29 марта 1814 г. «Сборникъ ис. м.» стр. 459.

[4]) «Сборн. ист. мат.». Вып. I, стр. 440.

въ дѣйствіе такого открытія, которое къ важнѣйшимъ принадлежать можетъ. Деньги въ обоихъ случаяхъ можно препроводить чрезъ посредство Слободско-Украинскаго губернатора и всѣ мои операціи подчинить его надзору, меня же строжайшему отчету въ употребленіи ихъ» [1]).

2-го февраля 1814 года, въ Москвѣ, въ присутствіи профессоровъ Московск. университета производились опыты варки пищи изъ сгущенныхъ питательныхъ продуктовъ по способу В. Н. Каразина. Какъ эксперты продуктовъ, были вызваны членомъ коммиссіи, артиллерійскимъ полковникомъ Желѣзняковымъ, два фейерверкера-артиллериста; они отвѣдали приготовленныхъ щей и разведеннаго въ водѣ алкоголя. Оказалось, что не только на полѣ дѣйствія они не ѣдали такой пищи, но и въ Москвѣ были бы рады ей. По изслѣдованіи состава питательныхъ веществъ въ сгущенномъ видѣ по отношенію къ сырымъ продуктамъ, которыхъ оказалось одинаковое количество при различномъ объемѣ, Каразину было выдано свидѣтельство въ испытаніи его продуктовъ за подписью профессоровъ и военныхъ чиновъ [2]). Съ этимъ свидѣтельствомъ Каразинъ обратился къ А. А. Аракчееву письмомъ отъ 5 апр. 1814 г. [3]). 9-го апрѣля 1814 года, еще будучи въ Москвѣ, Каразинъ снова обратился къ Аракчееву съ просьбой о пособіи правительства; для производства опытовъ, во-первыхъ, по превращенію разныхъ питательныхъ веществъ, во-вторыхъ, надъ селитровареніемъ, при помощи электрической энергіи, собранной въ атмосферѣ. «Разсудите, ваше сіятельство, какія новыя послѣдствія окажутся, если мы завладѣемъ массою электрической силы, въ атмосферѣ разсѣянной, если мы будемъ въ состояніи ею располагать по своей волѣ»!.. «Содѣйствіемъ электрической силы мы будемъ въ состояніи сдѣлать перемѣны, которыя донынѣ тщетно были исканы химиками и за невозможныя ими признаны. *Теперь же* даю я вамъ слово, сіятельнѣйшій графъ, обращать нашъ русскій медъ, равно, какъ изъ крахмалу производимую патоку въ сахаръ». Въ томъ же письмѣ, слѣдовательно, въ началѣ 1814 года Каразинъ впервые провелъ мысль «о возможности располагать *по крайней мѣрѣ на нѣкоторомъ пространствѣ* состояніемъ атмосферы, производить дождь и вёдро по своему произволу»... Предполагая недовѣріе къ своимъ совершенно новымъ и оригинальнымъ идеямъ, Каразинъ исписалъ нѣсколько страницъ, пытаясь убѣдить Аракчеева въ справедливости и исполнимости

---

[1]) «Сборникъ историческихъ матеріаловъ». Вып. I, стр. 459.
[2]) «Сборн. ист. матер.». Вып. 2, стр. 491—492.
[3]) Тамъ же, стр. 489.

своихъ словъ: «Когда не былъ изобрѣтенъ порохъ, кто бы повѣрилъ чудесамъ, которыя онъ производитъ? Не осмѣянъ-ли былъ бы тотъ ученый, который бы въ половинѣ XVIII-го столѣтія сталъ предсказывать, что въ концѣ онаго люди будутъ очень удобно плавать посреди облаковъ? Предѣловъ наукъ, особливо же естествовѣдѣнія, никакъ невозможно опредѣлить. Разумъ человѣческій безпрерывно подвигается впередъ, не взирая на всѣ препятствія».. «Что было бы уже доселѣ, если бы правительства хотя бы половину тѣхъ чрезвычайныхъ способовъ употребляли на усовершеніе человѣческихъ познаній, которыя онѣ истощаютъ, увы! на пріобрѣтеніе такъ называемой *славы*, на удовлетвореніе страстей, гибельныхъ роду человѣческому» [1]). Во-вторыхъ, Каразинъ настаивалъ на поддержкѣ правительства для производства войскамъ питательныхъ вытяжекъ: «Буде я изобличусь въ шарлатанствѣ, не жалѣйте меня! Предайте гнѣву моего *Государя*, презрѣнію и осмѣянію моихъ современниковъ и потомства. Издержанная сумма да взыщется съ моего имѣнія. Его, пріобрѣтенное мною до сихъ поръ имя, и трехъ сыновъ, которыхъ я воспитываю на пользу отечества, и которые въ посрамленіи своего отца необходимо будутъ участвовать, приношу я въ залогъ; но прошу, ради Бога, не отказать мнѣ въ средствахъ сдѣлать сей опытъ быть полезнымъ» [2]). Предлагалось Каразинымъ не разъ испытанное средство: залогъ своего имѣнія, разстроеннаго уже тратами по университету и разстраиваемое ради филот. общества. Но Аракчеевъ далеко не заслуживалъ тѣхъ похвалъ, которыя щедро выписывалъ ему В. Н. Каразинъ. На письма не было до сихъ поръ получено ни одного отвѣта; надъ метеорологической идеей «колдуна»—Каразина Аракчеевъ лишь посмѣялся, какъ увидимъ послѣ. Наконецъ, графъ отвѣчалъ сразу на всю корреспонденцію Каразина однимъ письмомъ отъ 15 мая: «Получивъ въ Парижѣ письма ваши со всѣми приложеніями [3]), обязываюсь принести вамъ, милостивый государь мой, искреннюю за оныя благодарность. Каждый членъ филот. общества безъ сомнѣнія отдастъ справедливость познаніямъ вашимъ и наипаче трудамъ, цѣль коихъ, будучи безкорыстна и обращена къ единой только пользѣ любезнаго отечества нашего, тѣмъ болѣе дѣлаетъ вамъ чести. Я увѣренъ, что общество не оставитъ по возвращеніи обожаемаго нашего «Монарха повергнуть милосердному вниманію его таковаго похвальнаго подвига вашего»... «Что принадлежитъ

---

[1]) «Сборникъ ист. матеріаловъ». Вып. I, стр. 462.
[2]) „Сборникъ ист. матер.“. Вып. I, стр. 463—464.
[3]) Т. е., подробными проектами, „справочниками“ отчетами ф. общ. и т. под.

до записокъ, сообщенныхъ мнѣ: о новомъ способѣ добывать селитру и о средствахъ къ уменьшенію расходовъ по продовольствію войскъ за границей, то, находя ихъ съ своей стороны заслуживающими особаго вниманія и уваженія, съ другой чрезмѣрныя нынѣ занятія его величества устройствомъ дѣлъ цѣлой Европы, я не могъ избрать лучшаго, какъ препроводить бумаги сіи къ князю Алексѣю Ивановичу Горчакову для доставленія имъ дальнѣйшаго хода по военному министерству, которому представляютъ онѣ сугубыя пользы». При письмѣ препровождались золотая и серебряная медали для храненія въ филот. обществѣ, поднесенныя имп. Александру на парижскомъ монетномъ дворѣ. Едва-ли могъ успокоительно подѣйствовать ловкій, съ соблюденіемъ вѣжливости, даже комплиментовъ, отказъ сильнаго гр. Аракчеева отъ непосредственнаго содѣйствія Каразину, который просилъ его помочь по крайней мѣрѣ «однимъ изъ собственныхъ способовъ» дѣлу. Отвѣтъ Аракчеева Василій Назаровичъ получилъ уже въ Богодуховѣ.

19-го августа 1814 года происходило собраніе филот. общества, въ которое Каразинъ представилъ полученное отъ Аракчеева письмо и медали. Самъ Вас. Наз. не присутствовалъ; онъ лишь «прислалъ отчетъ [1]) свой о дѣлахъ по 15 августа, съ разными къ нему приложеніями, на имя дѣйствит. члена Августа Станиславовича Эли, поручая ему съ полною довѣренностью заступить его, правителя дѣлъ, мѣсто, и представить все сіе къ свѣдѣнію и сужденію господъ членовъ, составляющихъ собраніе» [2]). Собраніе 19-го августа постановило въ знакъ благодарности гр. Аракчееву 1) «вспомнившему объ отдаленномъ обществѣ, которому онъ сдѣлалъ честь своимъ присоединеніемъ»; 2) какъ прекрасному хозяину, 3) «не только простому *любителю наукъ*, но дѣйствительно ученому мужу», 4) какъ «одному изъ честнѣйшихъ людей царства нашего»,—«избрать его *попечителемъ* фил. общества», полагая, что «по положенію и свойству фил. общества, оно не можетъ сдѣлать счастливѣйшаго выбора». Такъ какъ по первоначальному уставу общества званія *попечителя* въ немъ не полагалось, то въ томъ же засѣданіи положено было: «Въ седьмую статью правилъ филот. общества послѣ словъ: «нѣтъ причины имѣть ему президента; никто не будетъ носить

---

[1]) Его мы не могли разсмотрѣть; нигдѣ нѣтъ упоминанія о томъ, что отчетъ этотъ былъ напечатанъ.

[2]) Выписка изъ протокола собранія филот. общества, бывшаго въ успенскій съѣздъ въ Харьк. 19 авг. 1814 г. «Сборн. ист. мат.». В. II, стр. 446—447.

сего имени»—включить: «но въ числѣ тѣхъ изъ своихъ дѣйствительныхъ или почетныхъ членовъ, которые имѣютъ счастіе приближаться къ августѣйшей особѣ монарха, бывъ удостоены безпосредствен. доклада императорскому величеству, избираетъ оно попечителя о себѣ»... Согласно опредѣленію протокола было составлено 30-го августа того же года, за подписью предсѣдателя послѣдняго собранія фонъ-Минстера и г. Эли, замѣнявшаго 19-го числа правителя дѣлъ, отъ имени филотехническаго общества предложеніе Аракчееву принять на себя званіе *попечителя* общества и лично самому испросить у государя утвержденіе этому званію.—Намъ кажется, что отсутствіе В. Н. Каразина на собраніи 19 августа было намѣреннымъ, при чемъ опредѣленіе собранія состоялось все таки по мысли Каразина. Въ самомъ дѣлѣ, причинъ своей неявки онъ никакихъ не привелъ, а между тѣмъ заключеніе о избраніи Аракчеева являлось прямымъ *отвѣтомъ* на ребромъ поставленный *письменно* Каразинымъ вопросъ: «*какого* содержанія отвѣтъ собраніе опредѣлитъ сдѣлать его сіятельству гр. Аракчееву»... Понятно, что отвѣтъ сильному человѣку могъ быть самый пріятный и въ то же время въ немъ (отвѣтѣ) и не упоминалось бы имени Каразина; почетное званіе подносилось какъ бы всецѣло по желанію общества, гдѣ даже не присутствовалъ Каразинъ и, слѣдовательно, восхваленія Аракчеева *обществомъ* могли скорѣе быть приняты за чистую монету, скорѣе подѣйствовать на честолюбіе человѣка и тѣмъ привлечь его на сторону общества. Другое дѣло, еслибъ общество извѣстило Аракчеева о избраніи его въ почетную должность *по предложенію В. Н. Каразина*, который своими письмами могъ и безъ того надоѣсть графу. Серьезно говоря, единственное письмо, которое соблаговолилъ прислать Аракчеевъ на усиленныя отношенія Каразина, да и то не въ прямо благопріятномъ для него смыслѣ, и присылка ни на что ненужныхъ медалей съ парижскаго монетнаго двора, едва ли заслуживали оказанія особенной чести Аракчееву.

Послѣ московской поѣздки 1813—1814 года В. Н. Каразинъ съ новою энергіей принялся за работы по домоводству и къ январю 1815 года уже имѣлъ много матеріала для доклада обществу. «Сіи четыре мѣсяца (т. е., сент., октябрь, ноябрь и декабрь 1814 г.) проведены мною не совершенно безполезно»,—докладывалъ онъ 16 янв. 1815 года [1]).

---

[1]) Отчетъ „О происходивш. послѣ успенскаго съѣзда прошлаго 1814 года“. „Сборникъ ист. мат.“. Вып. II, стр. 451—489.

Изслѣдуя химическій составъ масляничныхъ растеній, Каразинъ нашелъ, что «съѣдомое масло растеній одно въ природѣ, какъ одинъ и тотъ же сахаръ кроется въ сокѣ индійскаго тростника, клену и свекловицы». Производя опыты надъ конопляным маслом, Василій Назаровичъ нашелъ, что тяжесть его для пищеваренія происходитъ отъ примѣси прянаго масла, съ отдѣленіемъ котораго и отдѣленіемъ красящаго вещества получается вмѣсто пахучаго, темнаго и тяжелаго конопляннаго масла, прекрасное оливковое». Подобные опыты надъ грубыми маслами привели къ тому, что Каразинъ могъ по желанію обратить масло какого-угодно маслопроизводнаго растенія въ сало, воскъ или резину, служащую основаніемъ лаковъ, съ другой стороны, сдѣлать его летучимъ, пряпымъ масломъ, и наконецъ разрѣшить въ невидимый душистый газъ» [1]). Каразинъ добывалъ масла изъ конопли и орѣховъ, но по недостатку средствъ не могъ работать въ большихъ размѣрахъ. Добываніе маслъ оказывалось очень дешевымъ, благодаря простымъ снарядамъ, изобрѣтеннымъ тогда же Василіемъ Назаровичемъ. Другой опытъ—бѣленіе сала и воска; послѣдній и теперь, кстати сказать, бѣлятъ тѣмъ же примитивнымъ способомъ, какъ и 100 лѣтъ тому назадъ, на солнышкѣ; сальныя свѣчи бѣлились тоже «временемъ» въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Каразинъ бѣлилъ смѣсь изъ трехъ частей говяжьяго и одной бараньяго сала при помощи *хлорины* (или, по опред. Гуммори Деви, соляной оксигенированной кислоты). Въ теченіе одного часа сало дѣлалось бѣлымъ, уплотнялось и при сгораніи свѣчъ не давало запаха и копоти. Той же цѣли достигалъ Каразинъ, прибавляя въ кипящее сало поваренную соль Чистое сало отдѣлялось, а соль съ жировыми частицами и прибавленіемъ щолока служило для выработки мыла. Бѣлилъ Каразинъ сало и въ проточной водѣ. Хлориной бѣлился и воскъ, при чемъ въ этомъ случаѣ онъ смѣшивался съ нѣкоторой долей сала, бѣленье происходило въ $^1/_4$ часа и свѣчи получались превосходныя.—Для сжиганія угля Каразинъ устроилъ особыя печи, идею которыхъ развилъ позднѣе въ статьѣ «Сженіе угля съ ращетомъ». Преимущества печи тѣ, что, во-первыхъ, для сжиганія одинаковаго количества угля въ печи и кучахъ по новому способу выходило мало топлива и можно было употреблять солому, во-вторыхъ, одновременно получалось 10—15 ведеръ древеснаго уксуса въ очищен. видѣ на каждую куб. саж. дровъ. Уксусъ очищался при помощи толченаго угля и сѣрной кислоты. Опыты выкуриванія браги посредствомъ теплоты водяныхъ паровъ оказались настолько удачными, что даже помѣщикъ Рахма-

---

[1]) „Сборникъ ист. матер.“ Вып. II, стр. 454—456.

новъ устроилъ себѣ подобный заводъ въ большихъ размѣрахъ. Зимою же въ Кручикѣ Каразинъ поставилъ огромный селитроваръ въ 1,400 ведеръ вмѣстимости. Работать этотъ селитроваръ долженъ былъ съ ближайшей весны. Обжигая въ своихъ спеціальныхъ печахъ уголь и очищая полученный отъ этой операціи уксусъ, Каразинъ при помощи холодильныхъ отводныхъ трубокъ получилъ совершенно новое вещество (впослѣдствіи имъ названное пирогонопомъ)—*коптильную жидкость*. Это вещество оказалось существеннымъ элементомъ для обыкн. копченія мяса. Каразинъ построилъ особую коптильню, въ которой въ теченіе нѣсколькихъ часовъ прекрасно прокоптились повѣшенные куски мяса парами найденной жидкости. «Вкусъ симъ образомъ выкопченныхъ мясъ не только одинаковъ съ копчеными въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль въ дыму, но еще и пріятнѣе».—Устроена была въ Кручикѣ спеціальная печь для отопленія зданій. Это изобрѣтеніе Каразина развито имъ впослѣдствіи въ идею парового отопленія. Особенность печей была та, что строились они подъ фундаментомъ зданія въ землѣ и дымовыя трубы шли спирально подъ полами и оканчивались трубой, проведенной черезъ стѣну на воздухъ. Такъ какъ, пройдя длинный путь по спиральной трубѣ, дымъ сильно охлаждался, то въ помощь ему для выхода наружу, къ вертикальной дымовой трубѣ пристраивался извнутри зданія «каминъ» и *тягой воздуха* уносился холодный дымъ. Экономія топлива была громадна.—Этими же земляными печами Каразинъ осенью пользовался при устройствѣ клуни, которая одновременно представляла и овинъ, превосходя послѣдній въ томъ отношеніи, что снопы не пропитывались дымомъ, какъ въ овинѣ «и солома могла идти на кормъ скоту. Вмѣстѣ съ И. Ѳ. Алферовымъ (членомъ филот. общества) Каразинъ дѣлалъ опыты надъ приготовленіемъ водоупорнаго цемента, обыкновенно привозимаго изъ-за границы подъ именемъ «Неапольской пуццоланы» или голландскаго трасса. Опыты увѣнчались важнымъ результатомъ; смѣсь «1 части негашеной извести и 2-хъ выщелоченной древесной золы» дали прекрасный цементъ, цѣпкій, нерастворимый и затвердѣвающій въ водѣ, а кирпичи, пропитанные водянымъ растворомъ тѣхъ же составныхъ частей, получали одинаковую прочность въ водѣ.—Какъ ни много и разнообразно работалъ Вас. Наз. въ теченіе послѣднихъ 4-хъ мѣсяцевъ 1814 года, но оказывается, что изложенное нами лишь половина того, что было имъ сдѣлано. Докладъ о своихъ занятіяхъ Вас. Наз. раздѣлилъ на двѣ части, изъ которыхъ лишь первая дошла до насъ.

Въ собраніи филотехн. общества 16 января 1815 г., которое состояло изъ 15 душъ (всего членовъ было къ этому времени

103), Каразинъ докладывалъ первую половину отчета своей дѣятельности, «которая была выслушана съ удовольствіемъ. Равно съ удовольствіемъ были разсматриваемы и испытываемы представленные въ доказательство образцы» [1]). Протоколомъ собранія было рѣшено по предложенію Каразина [2]) напечатать отчетъ «въ журналѣ почтеннаго корреспондента общества Вас. Андр. Левшина», такъ какъ отчетъ чрезъ печатаніе, а самые продукты чрезъ появленіе въ торговлю или въ производство будутъ извѣстны публикѣ, и ей одной представляется отдать трудамъ (В. Н. Каразина) справедливость»,—формулировало общество свое рѣшеніе. Послѣдняя фраза можетъ обратить на себя вниманіе; почему представляется оцѣнка дѣятельности Каразина не обществу и почему оно, по обыкновенію, не благодарило за труды своего правителя дѣлъ? Дѣло въ томъ, что расходы на многочисленные опыты Каразина уже превысили сумму, собранную на акціяхъ [3]) (всего къ 1815 г. продано 103 акціи) [4]). Нѣкоторые члены выразили по этому поводу неудовольствіе на Каразина, который обнадеживалъ (§ 14 правилъ общества) членовъ на большіе барыши отъ образцовыхъ заведеній, тогда какъ не только никакихъ выгодъ, но и основного капитала уже не было. Читая первую часть своего отчета, Каразинъ коснулся этого факта, зная, вѣроятно, о неудовольствіи и предупредительно оправдываясь тѣмъ, что смыслъ общества, главное его назначеніе—не обогащеніе членовъ, а совмѣстная на почвѣ науки работа ихъ, для раскрытія природныхъ богатствъ края, при чемъ тѣ лишь, которые воспользовались бы домоводственными изобрѣтеніями въ большихъ размѣрахъ и приложили свой трудъ, могутъ дѣйствительно разсчитывать на барыши. Намекая на виновность самихъ членовъ фил. общества, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, ограничивавшихъ свое участіе въ немъ взносомъ денегъ за акціи и полученіемъ %-овъ [5]), Каразинъ объяснялъ невыгодность своихъ дѣйствій: «ни одинъ домоводецъ еще не обогатился, занимаясь многими предметами. Частыя мои отсутствія извѣстны моимъ почтеннымъ сочленамъ. Они знаютъ также, что не исканіе забавъ

---

[1]) „Протоколъ собранія филот. общ." 1814 г. 16 авг. Харьк. („Сборникъ ист. мат. вып. II, стр. 450).

[2]) Тамъ же, стр. 470.

[3]) „Сборникъ ист. матер." Вып. II, стр. 463.

[4]) Тамъ же, стр. 471.

[5]) Въ то время, какъ членовъ было около сотни, 19 авг. 1814 г. въ собраніи присутствовало 29 человѣкъ, въ слѣдующемъ 16 янв. 1815 г.—15 чел., 19 янв.—20 человѣкъ и 16 янв. 1817 г.—12 душъ и т. п.

меня удаляло отъ мѣста моего рожденія и жительства, къ которымъ я душою привязанъ» [1]). 19 августа т. г. Каразинъ читалъ вторую половину своего отчета; 20-го августа 1814 года было положено протоколомъ собранія не позволять сноситься правителю дѣлъ «съ высшимъ начальствомъ» безъ доклада о томъ обществу. Это постановленіе связало на нѣкоторое время руки Каразину. Именно: князь Ал. Ив. Горчаковъ, которому Аракчеевъ передалъ проектъ Василія Назаровича о продовольствіи войскъ и производствѣ селитры, обратилъ на нихъ должное вниманіе; онъ поручилъ предварительно разсмотрѣть проекты военному ученому комитету и письменно потребовалъ у Каразина образчиковъ питательныхъ вытяжекъ. Благодаря указанному распоряженію общества, Вас. Наз., получивъ письмо Горчакова отъ 4 августа 1814 г. (стр. 489), не могъ отвѣчать на него съ сентября 1814 по 19 янв. 1815 года, т. е. до собранія общества, когда и поднялъ вопросъ о пересмотрѣ заключенія общества 20 авг. 1814 г. Изъ отчета этого собранія видно, что правителю дѣлъ Каразину было разрѣшено сноситься съ кѣмъ угодно и какъ угодно по дѣламъ филотехн. общества, но при томъ «такимъ образомъ, что тѣ только отношенія къ высшему начальству воспрещаются правителю дѣлъ, въ промежуткахъ съѣздовъ общества, которыя *могутъ подвергать цѣлое общество какой-либо отвѣтственности*». Изъ того же протокола видно, что собраніе довѣрило на основаніи цитированныхъ строкъ заключенія вести Каразину сношенія съ Горчаковымъ и что «приняло предложеніе правителя дѣлъ о московской конторѣ филотехническаго общества съ признательностью».

Въ исполненіе довѣренности—ввести въ употребленіе питательные экстракты—Каразинъ отправился въ Петербургъ; представился военному министру, любезно его принявшему, и передалъ ему образцы вытяжекъ [2]). Хлопоталъ предъ Аракчеевымъ (письмомъ отъ 5 апрѣля) о ходатайствѣ предъ морскимъ министерствомъ для введенія въ продовольствіе флота тѣхъ же препаратовъ. 8-го мая Горчаковъ послалъ предсѣдателю назначеннаго имъ еще въ прошломъ году комитета разсмотрѣть препараты, доставленные Каразинымъ. Съ 28 мая 1815 г. въ Петербургѣ было назначено изслѣдованіе препаратовъ, представленныхъ Каразинымъ, комиссіей Горчакова [3]). Комиссія состояла изъ представителей военныхъ чиновъ, докторовъ и ученыхъ. Комиссія въ от-

---

[1]) Сборн. ист. мат., стр. 465.

[2]) Письма къ Аракчееву 5 апр. 1815 г. „Сбор. ис. м.“ вып. II, стр. 489—490.

[3]) „Сынъ Отечества“ 1815 г., № XXXII, стр. 221.

четѣ о своихъ дѣйствіяхъ заявила, что сухари, изготовленные на аппаратахъ Каразина, предпочтительнѣе сухого бульона, служившаго тогда продовольствіемъ войскъ, здоровѣе, вкуснѣе, сытнѣе и безвреднѣе какъ для сухопутныхъ армій, такъ и для флота: что доставка приготовленныхъ по способу Каразина продуктовъ гораздо дешевле и удобнѣе. Свой отчетъ Горчакову комиссія заключала словами: «комитетъ почитаетъ предложеніе филотехн. общества облегчить продовольствіе заграничныхъ армій и флота основательнымъ» [1]). Рѣшеніе комитета состоялось 3 іюля, послѣ котораго вскорѣ Каразинъ оставилъ Петербургъ. Благодаря отъѣзду его, какъ доносилъ комитетъ [2]), не могли быть разсмотрѣны проекты Каразина о селитровареніи при помощи электричества и собиранія электрической энергіи. Въ отвѣтъ на донесеніе комитета князь Горчаковъ оффиціальнымъ письмомъ отъ 20 авг. 1815 г. за № 5483 благодарилъ Каразина и все филотехническое общество за труды на благо отечества [3]), но уклонился отъ заботъ по введенію предлагаемой пищи солдатамъ, оговорившись только, что «военное министерство не оставитъ пользоваться предлагаемыми способами при учрежденіи продовольствія сухопутной арміи *въ случаяхъ того требующихъ»* и что удобнѣе примѣнить продукты, выработанные Каразинымъ, во флотѣ, а не въ инфантеріи [4]) Василій Назаровичъ обратился опять къ А. А. Аракчееву письмомъ отъ 14 іюня 1817 года съ тождественной просьбой о примѣненіи своихъ изобрѣтеній и съ приложеніемъ отчета комиссіи, назначенной Горчаковымъ [5]). Хлопоты Вас. Наз. оказались безуспѣшными, его идея не была примѣнена на дѣлѣ въ это время, и только въ 1829 году московскій главнокомандующій Дм. Голицынъ извѣстилъ его, что въ Москвѣ въ видѣ опыта приготовляютъ капусту для войскъ по предложенному еще въ 1814 г. способу [6]). Каразинъ представилъ обществу отчетъ о своихъ хлопотахъ и оставилъ на время дѣло.

21 августа 1816 года Василій Назаровичъ представилъ въ засѣданіи фил. общества отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ за первые 7 мѣсяцевъ этого года. Отчетъ этотъ напечатанъ неизвѣстно гдѣ,

---

[1]) „Сынъ Отеч.“ 1815 г XXXII, стр. 236—237.

[2]) Тамъ же, стр. 239—240.

[3]) „Сѣв. Пчела“ 1860 г. № 92; письмо 19.

[4]) „Сѣв. Пчела“ 1860 г., № 92, письмо 19. Однимъ словомъ Горчаковъ повторилъ пріемъ Аракчеева.

[5]) Сборн. ист. мат. Вып. II, стр. 492.

[6]) „Сѣв. Пчела“ 1860 г. № 92, письмо отъ 9 мая 1829 (письмо 24).

но по протоколу засѣданія, составленному Каразинымъ и напечатанному въ «Укр. Вѣст.» [1]), можно заключить, что Вас. Наз. между прочимъ представилъ собранію уставъ своихъ сельскихъ учрежденій, дѣйствовавшихъ съ 1793 г.; собраніе постановило: «поручить правителю дѣлъ, чтобы онъ къ предстоящему теперь собранію Слоб.-Укр. дворянства обработалъ сочиненіе, въ которомъ были бы изложены не только основанія сельскаго учрежденія, но и сравненіе онаго съ другими извѣстными подобными ему, сообразивъ всѣ свои разсужденія о оныхъ съ древними и новѣйшими государ. законами, дабы таковое сочиненіе достойно было отъ имени филот. общества показаться въ большой публикѣ». Въ томъ же собраніи и слѣдующемъ 23 августа Каразинъ предлагалъ по обыкновенію тѣ или другія мѣры, соотвѣтствующія назначенію общества, которое давало на все согласіе [2]). Во исполненіе постановленія собранія В. Н. Каразинъ къ декабрю 1816 года составилъ «Защищеніе противу иностранцевъ существующей въ Россіи подчиненности поселянъ ихъ помѣщикамъ», «которое въ концѣ 1816 года поднесено слободско-украинскому дворянскому собранію» [3]). Здѣсь изложеніе учрежденій предваряется и оканчивается рядомъ политическихъ воззрѣній автора. Въ 1818 г. въ «Укр. Вѣстникѣ» былъ напечатанъ Каразинымъ и «Временный уставъ сельца Анашкина съ деревнями», «уставъ для крестьянъ оброчныхъ» въ отличіе предъидущаго, кручанскаго «для поселянъ разнаго званія».

Въ то время какъ Каразинъ работалъ и хлопоталъ о филотехн. обществѣ, собранія его поражали своей малочисленностью. Въ августѣ 1816 года присутствовало на собраніяхъ лишь 16 человѣкъ; въ январѣ 1817 года было только одно засѣданіе (вмѣсто обычныхъ двухъ); предметы занятій собранія 16 янв., какъ видно изъ протокола собранія [4]), удивляютъ безучастнымъ отношеніемъ къ дѣлу: все свелось къ изъявленію благодарности Каразину, утвержденію однихъ и выбору другихъ почетными членами и по-

---

[1]) „Украинскій Вѣстникъ" 1816 г. декабрь, 352—356, отд. V, Харьк. записк. „филот. общества".

[2]) Изданіе книги англичан. Dikson'а, порученія корреспондентамъ общества Зиновьеву и Ламберти, благодарность имъ, выборъ полезныхъ дѣлу людей почетными членами. См. протоколы собраній 21 и 23 авг., „Укр. Вѣст. 1816 г. дек.. отд. V, стр. 352—358.

[3]) „Вѣст. Европы" 1817 г. XCI, № 2, стр. 104 примѣч.; „Укр. В." на 1817 г. ч. 5, книга I, стр. 124; въ рукописи это сочиненіе существовало, повидимому, еще съ 1810 года.

[4]) „Укр. Вѣстникъ" 1817 г. янв. 122—127 стр.

рученію правителю дѣлъ изслѣдовать цѣлебныя свойства травы, предложенной Н. В. Лосевымъ, предсѣдателемъ собранія.

Присутствовало 13 душъ, а протоколъ 16 янв. заключался опредѣленіемъ «*по ограниченному числу членовъ закрыть засѣданія*» крещенскаго съѣзда.

«Изъ отчета за первые восемь мѣсяцевъ 1817 года» видно, что въ теченіе этого времени Вас. Наз. изслѣдовалъ траву, вопросъ о которой былъ поднятъ въ январѣ. Наблюденія привели къ тому, что Вас. Наз. точно опредѣлилъ два вида травы, чудесно дѣйствовавшей на больныхъ водобоязнью (отъ укуса бѣшеныхъ животныхъ); это—serratula tinctoria (серпуха) и alisma plantago (водяной шильникъ). Одновременно Каразинъ «продолжалъ заниматься изслѣдованіемъ гусеницъ, обнажившихъ лѣса въ прошедшемъ (1816) году». Онъ «воспитывалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ комнатѣ, отъ самаго зарожденія ихъ изъ яицъ до превращенія въ мотыли и положенія сими послѣдними новыхъ яицъ». Результатомъ наблюденій Каразинъ убѣдился, «что есть возможность произвести изъ соединенія мотылей сего рода т. е. ливрейныхъ (bombix neustria) и разноперыхъ (b. dispar) съ шелковичными (b. mori) въ разныхъ полахъ, новую породу шелковыхъ червей, которые болѣе свойственны нашему климату и вѣроятно не потребуютъ иной пищи, какъ только листья природныхъ нашихъ деревьевъ» [1]). Третьимъ занятіемъ въ это время Василія Назаровича были опыты унавоживанія полей и выводы производительности съ неунавоженными. Въ результатѣ оказалось, что унавоженная земля дала 3 копны и 7 сноповъ, а неунавоженная—2 копны съ десятины той же земли; снопъ съ первой вѣсилъ 8 фунтовъ, а со второй 6, 5; умолотъ съ десятины—четверть и 4 гарнца, и 4 четверика 6 гарнцевъ. Соломы съ унавож. десятины получилось на 8 пудовъ 21 фунтъ больше.

Занимался Каразинъ опытами винокуренія, вѣрнѣе выкуриванія чистаго спирта посредствомъ перегонки простѣйшимъ и *быстрѣйшимъ* способомъ. Опыты онъ производилъ съ профессорами Харьковскаго университета въ университетскихъ лабораторіяхъ.

По обыкновенію Вас. Наз. намѣревался представить отчетъ въ своихъ занятіяхъ обществу, но въ 1817 году августовскихъ засѣданій не было. Вотъ какъ Каразинъ объяснялъ это обстоятельство, печатая отчетъ: «*недостаточное* число гг. съѣхавшихся членовъ и участвованіе почти всѣхъ ихъ въ общемъ дво-

---

[1]) „Украин. Вѣстн.“ 1817 г. ч. 8, октябрь, стр. 77—78.

рянскомъ дѣлѣ по поводу предложенія почтеннѣйшаго патріота Николая Семеновича Мордвинова о губернскихъ банкахъ, заставили отложить собраніе наше до съѣзда дворянства къ высочайшему прибытію государя императора въ Харьковъ. Какъ и сей разъ, по причинѣ кратковременнаго пребыванія его величества въ нашемъ городѣ, не могло быть случая къ собранію фил. общества» [1]).

Въ это время новое предпріятіе увлекло В. Н. Каразина и занимало его въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ—предпріятіе, обратившее на себя вниманіе государя.—Въ сентябрѣ 1817 года имп. Александръ I проѣзжалъ черезъ Харьковъ [2]). Здѣсь имп. Александръ подробно осматривалъ университетъ, который былъ такъ тѣсно связанъ съ именемъ В. Н. Каразина. Но осмотръ университета былъ далеко не въ пользу его основателя. «Данилевскій посвящаетъ этому осмотру слѣдующія строки: «Библіотека была малочисленна, а собранія инструментовъ и машинъ не полны; для пріумноженія оныхъ требовались еще большія издержки; студенты похожи были на школьниковъ, между профессорами не находилось ни одного человѣка, который бы снискалъ имя въ ученомъ свѣтѣ. Государь пожималъ плечами, и я читалъ на лицѣ его, что онъ былъ недоволенъ. Къ тому же попечитель университета Карнѣевъ началъ по одиночкѣ представлять его величеству студентовъ, выкликая каждаго по имени, причемъ они выходя изъ толпы, дѣлали государю смѣшные и неловкіе поклоны. Императоръ, увидя меня стоявшаго поодаль, подошелъ ко мнѣ и спросилъ по-французски «Que pensez-vous de l'université?»—«Il faut avouer», отвѣчалъ я, «qu'elle est encore bien arrierée»—«Je suis de votre avis», сказалъ государь» [3]). Карнѣевъ представлялъ Каразина «вмѣстѣ съ прочими чиновниками государю, какъ онъ (Каразинъ) былъ почетный членъ университета; государь только кивнулъ головою, какъ и всѣмъ, ничего не сказавши ему. Потомъ губернскій предводитель также представлялъ его вмѣстѣ съ назначенными дворянами; государь также кивнулъ ему головою. Въ это время Каразинъ отважился поднести ему отчетъ филотехническаго общества, котораго онъ

---

[1]) „Укр. Вѣст.“ 1817 г., октябрь, стр. 75—76, примѣчаніе.

[2]) Государь осматривалъ съ 1816 г. по конецъ 1818 г. войска, расположенныя по западнымъ и южнымъ городамъ Россіи: „25 августа государь выѣхалъ изъ Царскаго Села въ Витебскъ и Могилевъ для осмотра войскъ первой арміи“, къ которой принадлежали войска Харьк. гарнизона. (Шильдеръ, т. 4, „Имп. Ал. I“, стр. 71).

[3]) Шильдеръ „Имп. Алекс. I“, т. IV, стр. 76.

былъ учредителемъ; государь принявъ отъ него, положилъ на столъ, не сказавъ ему ни слова» [1]). «Это,—объясняетъ описанный фактъ Данилевскій,—государю было весьма непріятно, ибо его величество не любилъ, чтобы ему лично представляли бумаги, которыя надлежали идти законнымъ порядкомъ, принятымъ во всѣхъ благоустроенныхъ государствахъ» [2]) «Напослѣдокъ, когда дворяне вышли изъ дома, онъ (Каразинъ) остановился близъ крыльца и, по выходѣ государя, велѣлъ народу кричать: ура! и самъ закричалъ. Кн. Волконскій указалъ его государю, который только улыбнулся» [3]). Итакъ В. Н. Каразинъ воспользовался случаемъ поднести государю списокъ членовъ *Высочайше* утвержденнаго общества и записку о своихъ изобрѣтеніяхъ подъ заглавіемъ: «О учрежденіи и успѣхахъ филотехническаго общества». Записка была составлена въ самомъ конспективномъ видѣ, безъ привычныхъ восклицаній, длинныхъ разсужденій Каразина, какъ будто онъ боялся навлечь на себя гнѣвъ государя за новую смѣлость обращенія къ нему. Государь просмотрѣлъ поданный рапортъ и заинтересовался намекомъ на снарядъ, означенный подъ буквой С. Здѣсь говорилось о какомъ то снарядѣ, при помощи котораго можно было пользоваться электричествомъ, распространеннымъ въ атмосферѣ, примѣняя его къ потребностямъ человѣка. «Сіе важное изобрѣтеніе,—прибавлялъ Каразинъ,—не могло иначе произведено быть въ дѣйство, какъ только въ маломъ видѣ за недостаткомъ способовъ. Оно достойно нашего вѣка и нынѣшней славы Россіи. Жалѣть буду, какъ патріотъ, если кто въ чужихъ краяхъ вспадетъ на сію самую идею» [4]) „Государь Императоръ, желая подробнѣе узнать смыслъ

---

[1]) Изъ воспом. Ярославскаго о В. Н. Каразинѣ. Харьковск. Сборникъ за 1887 г., стр. 69.

[2]) „Высказывая подобное мнѣніе,—прибавляетъ Шильдеръ,—Данилевскій однако упустилъ изъ виду, что вопросъ столь важнаго государственнаго значенія, какимъ являлось учрежденіе военныхъ поселеній, миновалъ законный порядокъ, установленный, какъ онъ пишетъ, во всѣхъ благоустроенныхъ государствахъ, тогда какъ незыблемость его громко призывалась въ помощь при появленіи на сцену непрошенныхъ проектовъ Каразина или тому подобныхъ произведеній“ (Шильдеръ. „Имп. Алекс. I“, т. IV, стр. 76).

[3]) Изъ воспоминаній Ярославскаго о В. Н. Каразинѣ. „Харьк. Сборникъ“ за 1887 г., стр 69.

[4]) „Сборникъ историческихъ матеріаловъ“ вып. II, стр. 504—507. По поводу подачи Каразинымъ государю новаго проэкта, митроп. Евгеній, расположенный къ Вас. Наз., писалъ Анастасевичу: «Затѣйливый В. Н. Каразинъ не унимается отъ парадоксическихъ прожек-

статьи сей и яснѣйшее объясненіе по оной,— писалъ отъ 15 октяб. 1817 г. Аракчеевъ губернатору Муратову,—указать соизволилъ отнестись къ вашему превосходительству партикулярно (какъ родственнику Каразина) съ просьбой о доставленіи мнѣ на упомянутую статью истолкованія, котораго ежели бы не могли сами собою вы сдѣлать, то конечно позаимствуетесь для себя нужными свѣдѣніями отъ Каразина» [1]). Какъ требовалъ Аракчеевъ, частнымъ образомъ Муратовъ разузналъ о планахъ Василія Назаровича; оказалось, что «мысли о возможности приложить электрическую силу верхнихъ слоевъ атмосферы къ потребностямъ человѣка» были развитіемъ идеи объ электрической силѣ, возникшія у Вас. Наз. еще въ 1809 году при пропусканіи электрическихъ искръ въ обработкѣ селитры; въ 1810 г. Каразинъ въ московскомъ обществѣ естествоиспытателей, членомъ котораго онъ былъ, предлагалъ воспользоваться той же силой для измѣненія по желанію погоды, указывая на необходимость для этого заняться матеорологіей какъ наукой. Дальнѣйшую разработку предмета Каразинъ представлялъ членамъ филотехническаго общества и государю [2]). Каразинъ предлагалъ установить по всей необъятной Россіи правильныя наблюденія за погодой, чтобы установить періодическія ея измѣненія; для этого онъ думалъ учредить «государственный метеорологическій комитетъ», подъ вѣдомствомъ котораго были бы всѣ школьные учителя. Такъ доносилъ В. Муратовъ запиской отъ 10 ноября 1817 года статсъ-секретарю Вас. Ром. Марченко, который 4 янв. 1818 г. докладывалъ о томъ государю. Послѣдній еще больше заинтересовался проектами Каразина и велѣлъ потребовать объясненія плановъ непосредственно отъ автора. Извѣщенный о томъ В. Н. Каразинъ отправился въ Москву и написалъ подробную записку о надеждахъ своихъ на результаты развитія науки объ электричествѣ. Онъ предсказалъ въ этой замѣткѣ возможность указывать впередъ погоду, примѣненіе электричества въ химическомъ разложеніи тѣлъ, элекрическіе двигатели, прогрессъ земледѣлія отъ сообщенія посѣвамъ сконцентрированнаго электричества. Для послѣдней цѣли онъ

товъ. Но когда нибудь за нихъ онъ и пострадаетъ, или счастье, если только заставятъ молчать. Онъ хочетъ воскресить вниманіе къ себѣ двора, но поступаетъ, какъ говоритъ Буало, retablit sa gloire à force d'infamie". „Русс. Ар." 1889 г., т. II, стр. 63.

[1]) „Сборникъ историческихъ матеріаловъ", вып. 5, стр. 308—309.

[2]) „Русская Старина" 1871 г., 3, стр. 719; „Сборн. ист. матеріаловъ", вып. 2, стр. 508—512.

предложилъ изобрѣтенный имъ аппаратъ, представляющій огромную лейденскую банку, сосудомъ которой былъ воздушный шаръ, а конденсаторомъ—высеребренный шаръ, спускающійся на проволокахъ къ землѣ. 4-го февраля Каразинъ пріѣхалъ въ Москву и подалъ записку Марченко; тотъ просмотрѣлъ проектъ и потребовалъ отъ Вас. Наз. дополнительнаго объясненія относительно состава метеорологическаго комитета. 11 февраля Вас. Наз. отвѣтилъ, что желалъ бы видѣть въ числѣ членовъ г. Габерле (метеорологъ изъ Веймара), себя и кого-нибудь изъ профессоровъ [1]). 14-го числа того же мѣсяца Марченко представилъ записку на усмотрѣніе государя. Александръ Павловичъ прочиталъ докладъ и приказалъ отослать его кн. Ал. Ник. Голицыну—тогда министру народнаго просвѣщенія (1816—1824) для разсмотрѣнія. Бумагой отъ 15 февр. 1818 г. за № 161 Аракчеевъ препроводилъ высочайшее повелѣніе къ Голицыну [2]) съ тѣмъ, чтобы онъ «предложилъ ее разсмотрѣнію ученыхъ по своему избранію и заключеніе ихъ довелъ впослѣдствіи до свѣдѣнія его имп. величества» [3]). Дѣло пошло довольно быстро, несмотря на обширную переписку: записка отослана въ Академію Наукъ, конференція оной высказала свое мнѣніе, ученый комитетъ главнаго правленія училищъ согласился съ мнѣніемъ конференціи; послѣ было доложено министру, министръ увѣдомилъ статсъ-секретаря Марченка и препроводилъ записку о проектѣ Каразина въ комитетъ министровъ; затѣмъ еще разъ обратился съ запиской туда же, наконецъ донесъ комитету министровъ; дѣло доложено государю и кончено 4 августа 1818 года [4]). Къ несчастію разборъ проекта Каразина въ конференціи Академіи Наукъ попалъ на долю академика Николая Фусса, нѣкогда облагодѣтельствованнаго имъ, но не любившаго Василія Назаровича [5]). Фуссъ съ ироніей старается опровергнуть удобопримѣнимость и значеніе предложенія Каразина, не допуская ни для одной идеи полезнаго толкованія. Говоря, что большого количества электрической энергіи человѣчеству вовсе не нужно «неизвѣстно для какихъ то техническихъ надобностей», Фуссъ заявилъ, что нужное количество электричества, даже больше чѣмъ нужное, добывается обыкновенными лейденскими банками, что дешево стоитъ и очень удобно. 20,000 рублей,

---

1) „Сборникъ ист. матер.“ вып. 2, стр. 514.
2) „Сборникъ ист. матеріаловъ“, вып. 5, стр. 330.
3) „Сборникъ ист. мат.“, вып. 2, стр. 512.
4) „Русск. Архивъ“ 1892 г. кн. 5, стр. 84.
5) „Рус. Арх.“ Записка Ф. В. Каразина о жизни отца 1894 г., т. I.

которые Каразинъ разсчитывалъ необходимымъ истратить на свой воздушный приборъ для собиранія электричества, Фуссъ считалъ тратой «напрасной», а послѣдствія предпріятія „нельзя даже и сравнить» съ результатами, даваемыми такими снарядами для добыванія электричества, какъ гальваническій столбъ и электрическій «змій». (Любопытно еще то обстоятельство, что незадолго до описываемаго случая на одну сѣрную кислоту аэростата Леппиха было ассигновано 40,000 рублей. Разница проекта Каразина и Леппиха лишь та, что послѣдній обѣщалъ построить воздушный корабль, который будетъ вмѣщать въ себѣ нужное число людей и снарядовъ для взорванія всѣхъ крѣпостей или истребленія величайшихъ армій. Проектъ Леппиха возбудилъ сильнѣйшій интересъ въ то время) [1]. На предложеніе Каразина учредить метеорологическій комитетъ съ цѣлью сдѣлать метеорологію точной наукой, Фуссъ съ злорадствомъ, подчеркивая слова Василія Назаровича, съ цѣлью представить ихъ въ смѣшномъ видѣ, заявилъ, что предложеніе Каразина вовсе не новость, такъ какъ «30 лѣтъ тому назадъ въ Мангеймѣ покровительствомъ и насчетъ послѣдняго фальцкаго курфирста, учреждено было метеорологическое общество подобное предполагаемому г. Каразинымъ», что «славы» Россіи комитетъ никакой не доставитъ, слѣдовательно—что Россіи «не трудно будетъ отказаться отъ славы способствовать проекту, который совсѣмъ не есть новъ, ни неслыханъ». Отмѣтимъ пока лишь тотъ фактъ, что В. Н. Каразинъ указывалъ не на учрежденіе, какъ таковое, способное доставить Россіи славу, а на серьезные выводы повсемѣстныхъ наблюденій за погодой, могущія быть лишь въ Россіи, благодаря ея громадному пространству. Выводы эти могли бы выразиться въ опредѣленіи періодичности погоды и вліянія разныхъ естественныхъ силъ на эту періодичность. Метеорологія становилась бы, по Каразину, въ такомъ случаѣ наукой точной; но Фуссъ рѣшилъ, что «метеорологія вѣроятно никогда не достигнетъ до степени науки по слѣдующимъ причинамъ: снарядъ Каразина не можетъ доставить познанія о химическихъ дѣйствіяхъ, происходящихъ въ атмосферѣ и производящихъ перемѣны погоды. Предполагая даже, что физикъ могъ бы подняться даже съ воздушнымъ шаромъ и довольно долгое время оставаться на высотѣ, онъ не нашелъ бы ничего того, что авторъ утверждаетъ. Сей физикъ былъ бы свидѣтелемъ перемѣнъ, происходящихъ въ высшей атмосферѣ, но сіи перемѣны весьма различны отъ тѣхъ, кои происходятъ въ низкихъ слояхъ и кои производятъ погоду. Ибо облака суть

---

[1] «Русс. Архивъ» 1892 г., 5, стр. 89.

проводники электричества атмосфернаго, и отъ свойства облаковъ или положительнаго, или отрицательнаго электричества, большаго или меньшаго возвышенія и отъ многихъ другихъ обстоятельствъ зависитъ вліяніе, которое могутъ производить перемѣны, происходящія въ тѣхъ высотахъ». Мысль Василія Назаровича была, слѣдовально, или непонята, или извращена этимъ отвѣтомъ. Ему и въ голову не приходило, судя по его запискѣ, угадывать погоду плавая по воздуху въ воздушномъ шарѣ, пользу чего въ этомъ смыслѣ такъ настойчиво опровергалъ Фуссъ. О возможности предсказывать погоду Каразинъ говорилъ нѣсколько разъ и именно въ связи съ мыслью о учрежденіи метеорологическаго комитета. Данными повсемѣстныхъ наблюденій этого комитета и хотѣлъ воспользоваться Каразинъ для «содѣланія метеорологіи наукой точной». Замѣчательно, что самъ Фуссъ въ заключеніе своей научной рецензіи выставилъ ту самую идею, въ основномъ положеніи о назначеніи метеорологіи, которую хотѣлъ развить Каразинъ: «Великая задача въ метеорологіи, писалъ онъ, состоитъ въ томъ, чтобы открыть большіе и малые періоды, по прошествіи которыхъ наступаютъ тѣ же самыя перемѣны погоды, въ томъ же самомъ порядкѣ» [1]). Выходитъ, что Фуссъ не поддержалъ, можетъ быть, изъ личныхъ цѣлей, того, «важность» чего самъ сознавалъ, именно, возможности познать механизмъ атмосферныхъ измѣненій. Рѣшеніе Фусса подписали члены ученаго комитета главнаго правленія училищъ. Министръ донесъ государю о рѣшеніи академіи и ученаго комитета.—Вас. Наз. предчувствовалъ, что къ его дѣлу отнеслись не съ должнымъ вниманіемъ, и просилъ въ 1819 г. сообщить ему копіи съ его записки и послѣдовавшей о ней перепискѣ, о которой онъ оставался въ полнѣйшей неизвѣстности. Въ отвѣтъ на просьбу Каразина директоръ департамента написалъ: «Г. министръ приказалъ объявить просителю, что поелику проектъ его академіею не одобренъ, то и оставленъ безъ дальнѣйшаго употребленія; почему не признается надобнымъ выдавать съ него и съ производства по оному копій, каковыя даются только по дѣламъ тяжебнымъ. 13 апр. 1819 г.» Внизу этой надписи рукою какого-то канцелярскаго чиновника была помѣтка: «объявлено словесно господину просителю въ сентябрѣ 1819 года» [2]). «Нельзя не подивиться духу того времени»,—прибавилъ, сообщая эти свѣдѣнія, М. Семевскій.

Такова была судьба послѣдняго серьезнаго научнаго опыта Василія Назаровича въ званіи правителя дѣлъ филотехническаго

---

[1]) Тамъ же, стр. 88.

[2]) «Русская Старина» 1873 г., 7, стр. 234—235.

общества и надежды его снова выступить на широкое поле дѣятельности въ лицѣ члена новаго метеорологическаго комитета. Фуссъ подставилъ ножку своему бывшему товарищу и патрону (по свидѣтельству Ф. В. Каразина) изъ зависти, къ Вас. Наз., который, не обладая званіемъ академика, многому училъ Фусса. «Представители науки въ Россіи окончательно осудили дѣло Каразина. Они не замѣтили того, что было въ немъ оригинальнаго и плодотворнаго; а между тѣмъ оно могло бы дать благодѣтельные результаты. Повсемѣстное учрежденіе метеорологическихъ станцій при уѣздныхъ училищахъ ввело бы свѣтлую струю въ образованіе, а примѣненіе къ изученію метеорологіи эксперимента въ широкомъ значеніи измѣнило бы методъ этой науки» [1]). Планы В. Н. Каразина о примѣненіи къ жизни метеорологіи и электричества были вообще одной изъ послѣднихъ работъ его въ званіи правителя дѣлъ филотехническаго общества.

О крещенскомъ съѣздѣ филот. общества 1818 года мы свѣдѣній не имѣемъ. Къ 4 февраля 1818 г. Каразинъ, какъ видѣли, былъ въ Москвѣ, гдѣ ожидалъ рѣшенія о своемъ электро-атмосферномъ снарядѣ. Въ успенскій съѣздъ 21 августа происходило «публичное засѣданіе филотехн. общества», гдѣ въ числѣ присутствующихъ «находились земледѣльцы изъ подгородныхъ слободъ» [2]), какъ примѣтилъ съ особымъ удовольствіемъ Каразинъ. О ученыхъ занятіяхъ Василія Назаровича въ теченіе лѣта 1818 года можемъ судить лишь по слѣдующимъ его строкамъ, приложеннымъ къ напечатанной «рѣчи о истинной и ложной любви къ отечеству»: «Въ семъ собраніи (т. е. 31 авг. 1818 г.) между прочимъ были представлены болѣе двадцати родовъ разныхъ чужестранныхъ колосныхъ или хлѣбныхъ растеній, выращенныхъ правителемъ дѣлъ въ его помѣстьи изъ присланныхъ извѣстныхъ Горенковскимъ ботаникомъ г. Фишеромъ сѣмянъ» [3]). Въ собраніи Каразинъ произнесъ только что упомянутую рѣчь, въ которой, указывая на измѣненіе понятія о любви къ отечеству съ теченіемъ времени, съ прогрессомъ культуры человѣка, указывая на древнюю ненависть къ иностранцамъ, остатки которой замѣчались и въ его время, какъ на отжившую теорію, предлагалъ жить на почвѣ новыхъ болѣе разумныхъ представленій о патріотизмѣ. «Любовь къ отечеству—была у древнихъ вражда къ остальнымъ обитателямъ земного шара». «*Наша* любовь къ отечеству,

---

[1]) „Русскій Архивъ" 1892 г., стр. 89: „В. Н. Каразинъ и господство надъ природою".

[2]) „Украинскій Вѣстникъ" 1818 г. сентябрь книга IX, стр. 340.

[3]) Тамъ же, стр. 351.

въ томъ смыслѣ, какъ мы въ девятомъ на десять вѣкѣ понимать ее должны, не есть исключительная привязанность къ странѣ рожденія—къ единоплеменникамъ. Она совершенно согласуется съ любовью къ роду человѣческому,—подобно какъ привязанность члена семейства можетъ и должна быть совмѣстна съ преданностью къ обществу, котораго семейство сіе есть часть». Теорія новая, особенно для того времени. «Преданность къ обществу» выражается въ добровольныхъ и охотныхъ культурныхъ сношеніяхъ, въ обмѣнахъ мысли, производительности и богатства государства. Развивая такъ свою мысль, Вас. Наз. незамѣтно перешелъ къ перечисленію заимствованій въ области растительнаго царства изъ-заграницы Россіей, чему посвятилъ порядочный отдѣлъ (8 печатныхъ страницъ in 8⁰). Исходя въ своихъ выводахъ изъ св. Писанія, Каразинъ нерѣдко приводилъ цитаты оттуда. «Нѣкоторые изъ слушателей» сдѣлали замѣчаніе Василію Назаровичу, что онъ отклонился въ сторону отъ первоначальной темы, и «обвинили» его въ томъ, что онъ, «употребляя тексты свящ. Писанія, дѣлалъ это изъ угодническаго подражанія и соображаясь духу времени». Въ оправданіе себя Каразинъ въ P. S. къ напечатанной рѣчи заявилъ, что рѣчь имъ произнесена въ собраніи филот. общества, и притомъ собраніи, «котораго предметы были большею частью иностранныя произведенія». На обвиненіе въ угодничествѣ Каразинъ характеризовалъ очень мѣтко образъ своихъ дѣйствій. «Духъ времени нисколько на меня не дѣйствовалъ прежде, и теперь кажется не дѣйствуетъ. Легко доказать, что въ 1801, 1802 и 1811 году употреблялъ я тексты *гораздо прежде многихъ*. Ибо я люблю св. Писаніе, люблю прекрасный славянскій языкъ, на которомъ оно говоритъ столь выразительно; люблю какъ литераторъ и какъ добрый христіанинъ, которымъ я усердно быть стараюсь» [1])..

22-го января 1819 г. было послѣднее засѣданіе филотехническаго общества [2]), изъ отчета котораго видно, что лѣтомъ и осенью 1818 года Вас. Наз. занимался опытами культивированія разныхъ иностранныхъ житъ: китайской пшеницы, испанской, французской, египетской, мунгальской, итальянской, польской, сардинской, англійской, критской, андалузской, «девяти родовъ овса», продолжая такимъ образомъ уже начатыя занятія [3]); продолжалъ Каразинъ унаваживать пашни, какъ свои собственныя,

---

[1]) «Украинскій Вѣстникъ» 1818 г. октябрь, ч. X, стр. 52—53.

[2]) О собраніяхъ августовскихъ въ успенскую ярмарку не имѣемъ рѣшительно никакихъ свѣдѣній.

[3]) См. предъидущій отчетъ филотехническому обществу.

такъ и крестьянскія; разница отъ предшествовавшихъ подобныхъ опытовъ заключалась въ оффиціально-утвержденномъ отчетѣ и сравненіи производительности унавоженныхъ кручанскихъ пашней и неунавоженныхъ—сосѣднихъ селеній; оказалось, что унавоженная земля на $^2/_3$ дала большій урожай. Сравненіе было составлено на основаніи четырехлѣтней сложности (1814 и 1818 г.г.) и закрѣплено подписью земскаго исправника А. М. Ковальчинскаго [1]). Совершенно конченъ былъ въ Кручикѣ и работалъ «Украинскій овинъ» (мы упоминали объ устройствѣ его), который стоялъ въ «Украинской клунѣ». Это осмиугольное сооруженіе съ двумя воротами, четырьмя окнами и деревяннымъ поломъ. Что касается «молотильнаго катка», китайской древней машины, на которую въ 1815 году указывалъ Каразинъ филотехн. обществу, то самъ онъ имъ не пользовался [2]). Наконецъ, въ 1818 году Вас. Наз. занимался собираніемъ и выводами статистическихъ данныхъ о рождаемости, смертности и числѣ браковъ 4-хъ селъ: Кручика, Павловки, Никитовки и Губаровки; села эти были за исключеніемъ Кручика, казенныя. Цѣлью В. Н. Каразина было доказать, что управленіе крестьянами, находящееся въ рукахъ хорошихъ помѣщиковъ, подобное управленію его самого, непосредственно, и, главнымъ обрязомъ, отражается на благосостояніи крестьянъ. Дѣйствительно, по составленнымъ таблицамъ, согласно показаніямъ метрическихъ и исповѣдныхъ записей упомянутыхъ селеній, на основаніи 13-лѣтняго періода (1808—1817 включительно, т. е., времени дѣйствій сельскаго учрежденія Каразина) оказалось, что во всѣхъ казенныхъ селахъ рождаемость и число браковъ меньше (число браковъ, по Каразину, показатель благосостоянія народа; см. Акты фил. общ. М. 1829), а смертность больше, чѣмъ въ Кручикѣ [3]), который къ тому же былъ одинъ только расположенъ въ болотистой мѣстности рѣки Мерла, слѣдовательно мѣстности невыгодной со стороны здоровья, при рав-

---

[1]) Прибавленіе третье къ отчету филот. общества за послѣдн. 4 мѣсяца 1818 года, стр. 29.

[2]) Филотехн. Общ. правителя дѣлъ его Каразина отчетъ за послѣдн. 4 мѣс. 1818 г. Харьковъ, 1819, стр. 15 и 16. Сравни: пр. Д. И. Багалѣй «Просв. дѣят. В. Н. К.» Записки Харьк. ун. 1893, I, стр. 19.

[3]) Именно: въ Павловкѣ, считая случай рожденія къ числу жителей какъ:

	въ Павловкѣ:	въ Губаровкѣ:	въ Никитовкѣ:	въ Кручикѣ:
рожден.	1:20,25»:	1:20,16»;	1:21,28»;	1:19,04»;
смерти	1:24,54»;	1:22, 7»;	1:23.65»;	1:36,75»;
брака	1:101,53»;	1:100.04»;	1:97,57»;	1:80.78».

ныхъ прочихъ условіяхъ, количества пашни, образа жизни и том. под., *«исключая образа управленія»*. На основаніи точныхъ цифровыхъ данныхъ Каразинъ вывелъ, что при переходѣ казенныхъ имѣній въ частно-владѣльческія «въ каждомъ милліонѣ народа можетъ сохраниться ежегодно 15,899-ю человѣками болѣе: т. е. около $^1/_{63}$ доли всего народнаго количества». Вычисленія въ имѣніи помѣщика Ѳ. М. Павлова, управляющаго крестьянами какъ добрый помѣщикъ, дали результаты аналогичные кручанскимъ. «Все дѣло только въ томъ,—заключилъ Каразинъ,—чтобъ воспитаніемъ и приличными учрежденіями образовать *добрыхъ* помѣщиковъ» [1]). Въ заключеніе собранія 22 января была произведена Каразинымъ демонстрація одного изъ его многочисленныхъ домоводственныхъ опытовъ.

Еще давно Василій Назаровичъ при помощи ходатайства Аракчеева заказалъ въ Англіи приготовить два ящика съ мясными консервами—телятиной и говядиной—и отправилъ ихъ въ кругосвѣтное путешествіе на бригѣ «Рюрикъ». Ящики «приготовлены были въ Лондонѣ 1815 года февраля 2 по нашему стилю, слѣдовательно безъ десяти только дней *за четыре года предъ симъ*, и совершили оба пути вокругъ земного шара, т. е. изъ Кронштатскаго въ Камчатскій Петро-Павловскій портъ и обратно: два раза пересѣкли экваторъ и оба тропика, прошли почти всѣ климаты—подвергаясь всѣмъ возможнымъ измѣненіямъ атмосферной температуры въ продолженіи толь значительнаго времени; и побывавъ у острововъ Канарскихъ, на берегахъ Бразиліи, въ моряхъ Китая, Японіи и Камчатки, между Азіею и Америкою—возвратились въ Европу; наконецъ изъ С.-Петербурга сухимъ путемъ, на перекладныхъ телѣгахъ, бывъ небрежно везены, достигли до Харькова и до села Кручика» [2]). Когда Каразинъ изложилъ предварительно исторію ящиковъ, они были открыты въ собраніи, «которое прежде изъ англійской жести, цилиндрической фигуры на подобіе прежнихъ пудренныхъ жестянокъ, и не только совершеннѣйше запаяны, но сверхъ того покрыты весьма плотнымъ кофейнаго цвѣта лакомъ. На меньшемъ была наклеена слѣдующая надпись по англійски: 4 lbs 15 oz 14 Feyr. 1815. Boiled Beef, from Messrs *Donkin*, Hall et Gamble, fort Place, Bermondsey and No 30 Lombard-street, London. Большій ящикъ съ телятиною чрезвычайно пострадалъ на почтѣ; но къ счастію и въ измятыхъ мѣстахъ не оказалось никакихъ скважинъ: рѣ-

---

1) Заключеніе. Прибавленіе къ отчету, стр. 39—40.

2) «Отчетъ филот. обществу за 1818 г. послѣдніе четыре мѣсяца», стр. 17—18.

шительный опытъ и торжество англійскаго мастерства надъ небрежностью русскихъ почтальоновъ!.. Признаюсь, что я сему еще болѣе удивлялся, нежели самому сохраненію мяса. Когда присутствовавшіе удостовѣрились, что ящики не въ Харьковѣ пріуготовлены, но что заключенное въ нихъ дѣйствительно принадлежитъ къ мѣсту и ко времени, соотвѣтствующимъ надписямъ, то жестяникъ Торшинскій (котораго имя я потому упоминаю, что онъ это заслуживаетъ по своему отличному искусству—единственному въ здѣшнемъ краю) вскрылъ ящикъ съ говядиною. Она была выложена на блюдо и—къ общему удивленію найдена совершенно свѣжею: вареною, сытною, жирною и вкусною частью мяса, которому подобное рѣдко встрѣчается на столахъ, снабжаемыхъ отъ нашихъ мясниковъ. Всѣ присутствовавшіе, въ томъ числѣ дамы весьма разборчиваго вкуса, кушали сію четырегодовалую говядину съ удовольствіемъ. Телятина, которая между тѣмъ подогрѣта была въ кипячей водѣ, найдена также ни малѣйше неиспортившеюся, только переваренною, конечно отъ сего послѣдняго варенія» [1]).

Есть данныя [2]), что послѣднія $^{3}/_{4}$ 1819 г. Вас. Наз. жилъ въ Петербургѣ и въ этомъ году не было болѣе засѣданій общества. Навѣрное можно сказать, что съ 1820 г. собранія общества не возобновлялись, ибо *душа* его, В. Н. Каразинъ, не могъ болѣе пріѣзжать въ Харьковъ. Но почему же члены Общества, которыхъ насчитывалось больше сотни, не могли поддержать учрежденія?

Мы уже говорили, что непонимавшее Каразина общество смотрѣло на его опыты и проекты какъ на забаву, стоющую большихъ денегъ акціонерамъ и не приносившую никакой выгоды. Выгодъ Обществу, правда, не было, но дѣло въ томъ, что поддерживать, помогать предпріятіямъ Василія Назаровича, которыя лишь въ такомъ случаѣ «должны были приносить очевидный доходъ» [3]), никто и не думалъ, довольствуясь получаемыми съ акцій процентами, и спокойные благодаря обезпеченности акцій имуществомъ правителя дѣлъ. Не мудрено послѣ этого, что хозяйственныя дѣла В. Н. Каразина разстроились; на опыты по сельскому хозяйству и домоводству онъ истратилъ къ 1817 году 30,000 р., изъ которыхъ собственныхъ его денегъ было

[1]) «Отчетъ фил. обществу за послѣдніе 4 мѣсяца 1818 г.» стр. 18—20 примѣчаніе.

[2]) „Мысли о учрежденіи филотехническаго общества" ч. 2, § 6. „Украинск. Стар." стр. 141.

[3]) „Сборникъ ист. матер.", вып. 2, записка государю, стр. 570.

19000 р. и 11,000 денегъ акціонеровъ [1]); уплачивая проценты на акціи; Вас. Наз. еще болѣе запутывался и вскорѣ долженъ былъ разстаться съ большею частью своего имѣнія. Въ томъ, что дѣйствовалъ одинъ только Каразинъ, коренилась главная причина неуспѣха и распаденія общества. Но немногіе видѣли эту истинную причину неуспѣха дѣла. Однимъ изъ немногихъ былъ митрополитъ Евгеній. Узнавъ изъ письма В. Г. Анастасевича, что въ Петербургѣ учреждается минералогическое общество, онъ отвѣчалъ: «У васъ еще и новое общество минералогическое! Минераловъ въ Россіи больше всѣхъ земель, а минералоговъ меньше. Но я по несчастію увѣренъ, что и это общество въ Россіи не больше сдѣлаетъ, какъ и прочія. У насъ всегда одинъ членъ больше дѣлывалъ, нежели цѣлое общество. Ссылаюсь на Фишера въ Москвѣ и Каразина въ Харьковѣ» [2]).

Нѣкоторые открыто смѣялись надъ многочисленными предпріятіями Каразина, не зная ни личности, ни благородныхъ стремленій его, не давая нисколько себѣ труда подумать о исполнимости ихъ. Воейковъ осмѣялъ (1814 г.) стремленія Василія Назаровича въ строфѣ «Дома сумасшедшихъ» [3]). Украинскій поэтъ и проф. Харьк. университета Гулакъ-Артемовскій написалъ сатиру-басню «Солопій та Хивря» по поводу учрежденія Каразинымъ филотехническаго общества [4]).

---

[1]) О нихъ ниже.

[2]) „Русскій Архивъ" 1889 г., т. II, стр. 61.

[3]) См. „Русская Старина" 1872 г., т. 5, стр. 148—149; также Н. П. Гербель „Русскіе поэты" отд. юмористическій. Цитируемъ:

„Вотъ въ передней – рабъ-писатель,
Каразинъ—хамелеонъ,
Земледѣлъ, законодатель...
Взглянемъ: что мараетъ онъ?
Пѣснь свободѣ, деспотизму;
Брань и лесть властямъ земнымъ,
Гимнъ хвалебный атеизму
И акафистъ всѣмъ святымъ!"

[4]) Содержаніе послѣдней вкратцѣ такое: Солопій добылъ весною гороху и совѣтовался съ женою своею Хиврею, что дѣлать съ горохомъ, продать ли его или посѣять? Порѣшили посѣять; но гдѣ посѣять, на счетъ этого разошлись во мнѣніяхъ: Хивря совѣтовала посѣять при дорогѣ, не считая важнымъ, если ребятишки и будутъ таскать понемногу, а Солопій думалъ посѣять его гдѣ-нибудь вдали отъ дороги за пашнею (намекъ на своеобразные, съ цѣлью сберечь то-

Державинъ предсказывалъ Каразину необходимость содѣйствія «мужей государственныхъ», безъ чего не могло быть успѣха дѣла филотехническаго общества; и онъ былъ правъ: инипіатива

пливо и проч., способы обрабатыванія сельскихъ продуктовъ). На первый разъ онъ однако уступилъ женѣ и, несмотря на убыль отъ ребятишекъ, все таки получилъ пять мѣшковъ гороху чистой прибыли; но на другой годъ онъ настоялъ на своемъ и посѣялъ горохъ между пшеницею и рожью. Однако, на селѣ все таки узнали, гдѣ Солопій посѣялъ горохъ, стали ходить туда черезъ пшеницу и рожь и совершенно смяли ихъ. У Солопія не стало ни гороху, ни хлѣба, и онъ пошелъ съ торбою по міру. Въ заключительныхъ стихахъ этой басни Гулакъ-Артемовскій прямо указывалъ на смѣшныя, по его мнѣнію, затѣи Каразина:

Послухайте мене, вы вси Солопіи,
Що знай мудруете и головы свои
Чортъ батька зна надъ чымъ морочыте до ката,
Якъ въ борщъ, замисць курчятъ, намъ класты кошенята,
Якъ груши на верби и дули вамъ ростуть [1]);
Якъ йисты *дазьбига*, та ще й гладкымы буть:
Якъ локшыну варыть для війска изъ паперу [2]),
Якъ квашу намъ робыть зъ чорныла и тетерю;
Якъ борошно молоть безъ жорнивъ языкомъ,
Якъ бджолы годувать безъ меду часныкомъ,
Якъ кохвы пыть панамъ зъ квасоли зъ бурякамы [3]);
Якъ нывы засивать безъ симья кизякамы [4]),
Якъ сино намъ перомъ косыть, якъ киньмы жать
Щобъ людямъ и снипка не дать на заробитокъ
И пташци ни зерна погодуваты дитокъ..
Заплюйте лышъ оцю, скажени вы, брехню.

[1]) Намекъ на прививки и культивированіе Каразинымъ растеній.

[2]) Идея продовольствія войскъ сухимъ бульономъ.

[3]) Идею приготовлять кофе изъ разныхъ не привозныхъ злаковъ Каразинъ развивалъ въ статьѣ «о значеніи Харькова для полуденной Россіи»; вѣроятно упомянуто о томъ же и въ одномъ изъ неизвѣстныхъ намъ отчетовъ филотехн. обществу. Въ этомъ же стихѣ осмѣивается одинъ изъ любимыхъ проектовъ Вас. Наз.—развитіе русскаго сахароваренія.

[4]) Искусственное удобреніе полей.

отдѣльнаго лица могла оказаться продуктивной только тогда, когда бы она освѣщена была ореоломъ власти, когда за свои жертвы можно было бы надѣяться на чинъ или орденъ, предъ которыми благоговѣла масса тогдашняго полуинтеллигентнаго провинціальнаго общества». Если и найдется какой-нибудь скромный любитель просвѣщенія—пишетъ Дмитріевъ—который въ удаленіи отъ происковъ посвятилъ себя наукамъ, то первое его вступленіе въ общество заставляетъ его уже сожалѣть о толь благородномъ намѣреніи, ибо въ Россіи уваженіе размѣрено по чинамъ и чины одни доставляютъ мѣсто, а слѣдовательно и власть, безъ которой мертвъ и самый геній» [1]). Этимъ то обстоятельствомъ объясняется тотъ успѣхъ, который имѣлъ на поприщѣ общественной дѣятельности Каразинъ, когда въ званіи члена главнаго правленія училищъ, человѣка хорошо извѣстнаго въ петербургскихъ сферахъ и любимаго государемъ, явился въ Харьковъ съ просьбой пожертвованія на преуспѣяніе края (вѣдь въ рѣчи 31 авг. 1802 г. Каразинъ ясно намекалъ на награды отъ государя жертвователямъ), и тотъ неуспѣхъ, который потерпѣла идея въ пользу развитія

Де треба рукы грить, тамъ треба и огню!
Та вже зъ васъ не одынъ оравъ пидъ небесамы;
А якъ на землю злизъ,—пишовъ въ старци съ торбамы»!..

Гулакъ-Артемовскій былъ знакомъ съ В. Н. Каразинымъ. О томъ свидѣтельствуетъ и Погодинъ. Къ баснѣ поэтъ приложилъ большое примѣчаніе, гдѣ довольно ясно намекаетъ на Василія Каразина, какъ объекта сатиры: «не вси паны гуляють и карты мнуть. Бо инший паномъ уродывсь, паномъ охрестывсь, паномъ и зрисъ; а далеби и мужика клезнуть не вміе,—оттаке лыхо! . Такый у насъ, бра, и пидъ Харьковымъ не далечко: ось хочъ бы й... не хочу, не хочу!.. грихъ! Я у ёго хлибъ-силь йивъ; а ты хочешъ,—щобъ я выявывъ, що винъ ни въ карты грать не тямыть, ни мужикивъ лупыть не вміе» (стр. 8). Такимъ панамъ везетъ какъ Рябку (собакѣ) моему—его «у самомъ Петербурзи и Москви и скризь такы гладылы не противъ шерсты и прыймалы неначе кого й доброго; такъ одже бачъ, все такы у деякыхъ пидпанкивъ шапкы на голови загорилысь... Ледачого, мовлявъ нашъ Онопрій, не займай,—и самъ себе не каляй; уже горбатого хыба могыла справыть...

Лыхо й зъ правдою, лыхо, й зъ брехнею: за правду бьють за брехню виры не дають... Я жъ то одъ того оце (и) на Солопія напався! (стр. 82—83) («Солопій та Хивря або Горохъ пры дорози». «Казка». «Укр. Вѣстн.» 1819 г., ч. 16, книга 8, октябрь.

[1]) Н. Дубровинъ. «Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка» 1900 г. ноябрь, стр. 259.

домоводства того же края, ибо она предлагалась человѣкомъ *опальнымъ*, небогатымъ помѣщикомъ. Какъ во время силы Вас. Наз. въ правительственныхъ слояхъ не могли не прислушиваться къ голосу его въ планахъ основанія университетовъ, ихъ мѣстонахожденія, въ планахъ организаціи народныхъ училищъ, такъ и теперь часто тѣ же лица, выбранные почетными членами общества, ограничились лишь оффиціальной благодарностью за свое избраніе [1]). Достаточно вспомнить годовое преслѣдованіе въ 1813 году г. Жадькомъ за границей русскаго главнокомандующаго арміей съ предложеніемъ Каразина довольствовать солдатъ болѣе пригодной во всѣхъ отношеніяхъ пищей, и печальное возвращеніе нераспечатанныхъ предложеній; а дипломатическій отвѣтъ военнаго министра Горчакова отъ 20 авг. 1815 года по тому же предмету? А упорное молчаніе Аракчеева на просьбу [2]) о введеніи снарядовъ для приготовленія концентратовъ, признанныхъ испытательнымъ комитетомъ; а молчаніе Сперанскаго на письмо 10 апр. 1810 г. о помощи въ сооруженіи селитрянаго завода? Развѣ не достаточно этихъ примѣровъ, чтобы понять вполнѣ, что В. Н. Каразинъ былъ «одинъ въ полѣ воинъ» и не могъ прочно построить свое послѣднее учрежденіе. Мало того «мужъ ученый» и «опытный помѣщикъ», какимъ значился въ спискѣ членовъ фил. общества Аракчеевъ, позволялъ себѣ именно по совершенной своей неосвѣдомленности въ естественныхъ наукахъ издѣваться надъ изобрѣтеніями В. Н. Каразина. Въ 1824 году Аракчеевъ, проѣзжая черезъ городъ Богодуховъ (харьк. губ.), сказалъ мужичкамъ, просившимъ о помощи по случаю неурожая: «странно, что вы голодаете: подъ бокомъ у васъ живетъ колдунъ, который сводитъ съ небесъ дождь и громъ, когда захочетъ; обра-

[1]) Къ 16 марта 1815 года членами фил. общества были слѣдующія лица, бывшія въ состояніи помочь своимъ вліяніемъ В. Н. Каразину: гр. А. А. Аракчеевъ, П. П. Коновницинъ, командовавшій заграничной арміей, гр. Н. П. Румянцевъ, О. П. Козодавлевъ, министръ вн. дѣлъ; Н. Н. Новосильцевъ; Д. П. Трощинскій, кн. Б. Юсуповъ, кн. Пл. А. Зубовъ и многія другія высокопоставленныя лица (см. списокъ членовъ фил. общества къ 16 март 1815 г. «Сборникъ историч. матер.» вып. 2, стр. 476—489. Бездѣйствіе ихъ въ пользу общества какъ членовъ его, нельзя объяснить незнаніемъ предпріятія Каразина; всѣмъ членамъ посылались 2 раза въ годъ отчеты о дѣятельности общества.

[2]) 14 іюня 1816 г., «Сборникъ ист. мат. вып. 2, страница 14.

титесь къ нему» [1]). Таковъ былъ взглядъ современниковъ на «затѣи» Василія Назаровича: мы этому не можемъ удивляться: князья и министры не желали жертвовать своимъ спокойствіемъ ради мелкаго отставного чиновника, а ограниченному кругозору тогдашняго провинціальнаго общества, не получавшаго систематичнаго образованія, а тѣмъ болѣе спеціальнаго, желанной мечтой котораго было «добиться штабъ-офицерскаго чина и отправиться въ провинцію хвастаться и кичиться имъ передъ своими сосѣдями», лицамъ, которыя «жили почти безвыѣздно въ своихъ имѣніяхъ и были очень счастливы, если подъ старость выбирались уѣздными предводителями дворянства» [2]), и не имѣвшія никакихъ другихъ интересовъ, естественно невозможно было понять идей Василія Назаровича Каразина, научно и практически обоснованныхъ, его надеждъ на расцвѣтъ родного края. Послѣдній это сознавалъ и не безъ цѣли опубликовалъ результаты своихъ мѣропріятій [3]), полезность которыхъ свидѣтельствовалась учеными коммиссіями и спеціалистами, думая, что хоть такіе авторитеты подтолкнутъ сонное царство помѣщиковъ; ни публикаціи, ни демонстрированія не могли его вывести изъ вѣкового апатичнаго состоянія. Намъ можетъ быть скажутъ, что въ то время за избыткомъ земли, продуктовъ сельскаго хозяйства, лѣсовъ, не было надобности такъ дорожить благами природы, какъ того требовалъ Василій Назаровичъ, и что, слѣдовательно, его идеи *несвоевременны!* Но сошлемся вмѣсто отвѣта на одну изъ *причинъ*, вызвавшихъ основаніе филотехническаго общества: «уже о сю пору,—писалъ В. Н. Каразинъ въ мысляхъ о учрежденіи общества [4]),—есть селенія въ Украинѣ, имѣющія не болѣе двухъ десятинъ пахоти на каждую душу мужскаго пола» [5]). Едвали можно было прожить его семьѣ крестьянинъ въ то время на доходы съ двухъ десятинъ при необходимости трехъ-польной системы. *Итакъ, неудача и гибель въ 1819 г. „филотехническаго общества домоводства“, по на-*

---

[1]) «Русская Старина» 1871 г., т. 3. стр. 722.

[2]) Записки Маркова. «Русская Старина» 1900 г. ноябрь, стр. 260—261.

[3]) Напр. «Опытъ сельскаго устава», разныя брошюрки отдѣльными изданіями по техническимъ усовершенствованіямъ, или въ отчетахъ филотехническаго общества; также свидѣтельство, выданное московск. профессорами 2 фер. 1814 г., отчетъ коммиссіи, назначенной Горчаковымъ.

[4]) «Украинская Старина», стр. 141.

[5]) Совершеннолѣтній крестьянинъ, предполагается, выдѣлялся изъ отцовской семьи въ свою собственную.

шему мнѣнію, коренилась, главнымъ абразомъ, въ неразвитости и обезпеченности лицъ, среди которыхъ проводилась идея, авторъ которой являлся среди нихъ выдающимся исключеніемъ.

De iure филот. Общество не было упразднено. Въ запискѣ къ имп. Николаю 18 сент. 1826 г. Каразинъ просилъ «о разрѣшеніи участи моей по званію правителя дѣлъ филотехн. общества, которое я донынѣ несу». Слѣдовательно, оффиціально филот. общество существовало до 1826 года. Въ 1828 году, по случаю предпринятаго Каразинымъ изданія статистики Кириллова, онъ подписался подъ объявленіемъ объ изданіи: «правителемъ дѣлъ Харьк. Филотехнич. общества» [1]).

Н. Тихій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Барсуковъ. «Жизнь и Труды М. П. Погодина». Т. II, стр. 206.

Панька Круча.

Довго мы вже йидемо... Хочъ и не дуже рано выйихалы, а такы де-ни-де по балкахъ та по пызахъ ще туманы стоялы, сонечко ще въ роси купалось,—тильки-тильки зъ села товаръ на толоку выгоныли...

А теперь вже такъ, що не далеко и до пивдня... Зморылысь кони, та якось зморылысь, розпарылысь и мы. Шляхъ усе одынъ, степомъ та степомъ—немае ни ричкы, ни доброи балкы. Хлиба́ вже скошено,—де-ни-де побачышъ ще визъ: пара воливъ сопуть, та тягнуть Боже добро до-дому; дядько коло воза навыпередкы зъ воламы йде, люльку смокче... Поздоровкаешся, скажешъ ёму «помогай Бигъ»,—и зновъ оттой самый прямисенькый шляхъ, знову степъ, стерня, рилля де-не-де чорніе, толока та будякы на неи...

Степъ та сонце... палке та ясне—очи заплющуются, злипаются, увесь якъ вывареный, ажъ куняешъ... Прокынешся, розплющышъ очи,—знову степъ та сонце...

И фурмана нашого розпарыло. Сыдыть надъ киньмы, та спыть. То було усе гукавъ на кони, иншый разъ и батогомъ такъ замирявсь, наче ось-ось вдарыть, а теперъ—голова похылылась, рукы звисылыся, свытка на ёму—и та звысла, якъ на килокъ початлена, а батигъ тягнется за колесомъ, мовъ гадючый хвистъ, колы йижакъ іи за голову схопывъ «та до дитей волочыть»...

Колы—ось и зовсимъ кони сталы... Спыть нашъ фурманъ, стоять кони, похылывшы головы, дзверенчыть шось на стерни, жайворонокъ спивае, сонце сяе... Тыхо на степу, тыхо на души...

Збудылы мы нашого фурмана,—ледве очунявсь дядько, гукнувъ на кони, подывывся на сонце, почухавъ потылыцю и зпявъ свытку, пидмостывшы іи пидъ себе.

И знову заснувъ... знову потыхеньку тюпають кони по шляху, знову курява зъ-пидъ копытъ, зъ-пидъ колисъ пидіймается, мовъ знехотя за брычкою, та такъ и стоить уся у червоному золоти... И знову сонце сяе, очи заслиплюе, знову гріе та пече, такъ що не знаешъ, якимъ бокомъ до ёго й повернутысь... Хочъ бы витрець...

— Ну, и Панська Круча, бодай ій!—почухавсь мій товарышъ—кажуть, що до іи двадцять верстовъ, а тутъ мабуть и всихъ сорокъ йе!..

— Гм!..—чмыхаю я, бо мени й балакать вже нудно.— Лягты-бъ та спаты, якъ-бы було якъ...

— И чого вона «панська», отта круча?—допытуется товарышъ,—ни одного пана тамъ немае, а панська. Хиба може тымъ, що якъ паны йидуть, то дуже лаются, бо далеко?

Усмихнувся нашъ фурманъ, обернувся до насъ.

— Звыняйте, чы вы паны, чы вы люде,—не втраплю, якъ васъ шануваты... Якъ що хочете, то я вамъ розскажу, чого вона «панською», отта круча, прозывается. Я тоди ще маленькымъ хлопцемъ бувъ, якъ отте сталося,—ще за панського права те було...

А мы зъ товарышемъ и ради,—прохаемо, щобъ розсказавъ.

— Жывъ таки тутъ, бачыте, панъ,—та ще й велыкый панъ... Уся земля скризь, скильки бачыте, уся ёго була. И дали, за Кручею, за Псломъ на тимъ боци, кругомъ усе ёго земля була. И прозывалось тоди село не «Панська Круча», а якось инакше... забувъ якъ...

Наблыжалась вже воля... Панъ одынъ соби жывъ, зъ дочкою. Удовець бувъ. А дочка торикъ до ёго прыйихала, а то десь вчы-

лась. Гарненька така, биленька, гнучка та жвава... Панъ вже бувъ пидстаркуватый, та ще й нездужавъ, а дочка—якъ той вогонь, цилисенькый день стрибае чы по саду, чы у хати, чы по лугахъ, на ричци, у лиси,—куды ни пидешъ, уже десь почуешъ, якъ або спивае, або зъ дивчатамы бавытся, базикае та регочется. Молоде...

А панъ—сумный та сердытый. Боялысь ёго люде, якъ смерти, бо дуже бывъ. То було ранишъ то бывъ, якъ вынни булы, а то таке стало, що хочъ и не навертайся ему на очи, бо винъ знайде вже, завищо «на конюшню» завдаты. И ніякъ на ёго не втрапышъ... Та правду казаты, и люде такы на ёго лыхи булы: тутъ вже чуты, що незабаромъ и воля буде, всихъ крепакивъ одъ панивъ одберуть, а винъ що день дужче та дужче знущается... Було такы, що ёму на зло капостылы, щобъ тямывъ, що не дуже, не дуже вже мы ёго боимося, не довго вже ёму знущатысь... Ну, звистно, винъ ще дужче сатанивъ... Такъ повелося, що якъ день почынается, то й панськый галасъ та лайка почынается, а ризкы такъ мало не возамы «на клуню» возять, за малымъ не уси лозы повыризувалы...

Черезъ те «на клуню», що вже й тутъ старому не було воли: довидалась наша панночка, що робытся, роспытала дивчатъ, якъ колысь побачыла, що за батькамы плачуть,—та до старого.

«Таточку» та «ридненькый», та ще не знаю вже якъ казаты, а такы трохы вгомоныла батька... День—два не чуть було галасу «на конюшни», а потимъ знову пишло... тильки старый здогадавсь,—вже не «на конюшню», а «до клуни» посылае... Ну, та дивчата заразъ до панночкы. Отъ знову вона до батька,—та такъ и пишло, що якъ кого старый до клуни пожене, то вже й самъ ховается, одъ дочкы тикае, бо одмолыть, одпросыть, рукы ёму цилуючы, слизьмы облываючысь...

Отто разъ якось побигла вона до старого до клуни, учепылась за шыю, обнимае, цилуе, прохае, щобъ ослобонывъ чоловика. И довелось їй сказаты:

— Таточку, воны-жъ таки люде, якъ и мы зъ вамы, воны-жъ скоро вольни будуть..

Якъ сказала оце,—наче розпеченымъ зализомъ старого опекла. Гримнувъ, якъ невиженый.

— Що? якъ ты сказала?!.. Воны—якъ мы? Вольни будуть?!.

Ажъ посынивъ, очи кровью позалывало, кулакы пидпявъ, на дочку наступае:

— Що ты сказала? Вольни?.. Гей!..—зо всёго голосу зразу гукнувъ:—а несить сюды канчукивъ,—нехай оця дивчына сама тутъ побачыть, яки вы вольни!..

Дочка знову до батька, за рукы ёго хапае,—винъ ій кулакомъ такъ штовхнувъ, що вона впала. Встала—и за ногы батька схопыла, ногы ёму цилуе.

— Тату мій, голубе мій,—не губы души своеи, самъ-же каятысь будешъ, що людей ни за що мордуешъ... Таточку хиба-жъ ты катъ якый? ты-жъ тато мій любый, просю-жъ тебе, таточку!..

Не чуе, не бачыть, старый,—реве, якъ скаженый, щобъ канчукы швыдче неслы... Прынеслы...

Побачыла ихъ панночка,—якъ та кишка плыгнула, вхопыла,—а батько за нею, дочку за шыю, та канчукы вырывае. Зомлила дивчына...

Схаменувся тоди й старый, кынувъ канчукы хлопцеви въ пыку, ажъ зуба выбывъ,—и понисъ дочку до хаты...

Давно це було... Я хлопчыкомъ маненькымъ бувъ, по за клунею тежъ стоявъ,—бо то мого батька малы быты... А й доси, якъ прыснытся, то такъ плачу, що усихъ порозбужую...

Винъ обернувсь до насъ. Очи—повни слизъ,—и мріють въ ныхъ давни лита, лыха годына, що якъ тымъ туманомъ вкрыла очи, похылыла голову, жалемъ та тугою, якъ гиркымъ полынемъ лягла на серци...

Мынулося... и доси ще похылена голова, и доси зигнута спына несе вагу крепацькыхъ слизъ, изнивеченои доли...

— Тай про що оце я казавъ?.. Эге, бачыте—й забувъ!..

Винъ полизъ до потылыци, по дорози чогось добре рукавомъ зачепывшы по очахъ, знявъ шапку и знову почухавсь, мовъ тамъ, у потылыци воно й сыдило, те, що винъ забувъ.

— Эге-жъ!.. Отто-жъ вона й йе, Панська Круча! Дывится, мріе здалеку!..

Мы подывылысь, куды винъ батогомъ ткнувъ. Справди, на обріи щось мрило, наче невелычка хмара сынило.

— Далеко ще, мабуть!—пытаемо.

— Та ще далеко. Верстовъ може симъ, якъ не бильше...

Такъ про Панську Кручу... Ну. отто-жъ, бачыте, такый панъ у насъ бувъ, и що дня—усе бильше розпалювався, усе клятишый робывся... Вже, було, и панночка ничого зъ нымъ не зробыть. Плаче, небога,—старый тильки того наче й боявся. Якъ вона заплаче, то або дверыма такъ грюкне, що зъ петель зирвутся, або якый стилъ переверне, а вже чимсь-то потишыть себе. Хочъ за чуба, хочъ по потылыци хлопцеви, а такы кому небудь дасть... Такый зробывсь, наче невиженый ..

Тильки чуемо,—занедужавъ, захлявъ. Якъ по правди мовыть—зрадилы уси. Може и вмре... Сестра ёго жинкы, царство ій небесне, тутъ замижъ выдана, верстовъ зъ трыдцять видъ Кручи, жыла соби. Отъ вона й прыйихала, якъ панъ занедужавъ, доглядала ёго зъ панночкою, а якъ трохы одужавъ, то й до себе ихъ повезла. Трохы згодомъ чуемо,—панъ кудысь у чужи земли подавсь, кажуть—личытысь. Панночка у титкы лышылась, у Кручи никого,—сами люде. Оце найкраще було... А тутъ воля пидходыть, що дня про неи чуемо, уси вже балакають, кажуть, що ось-ось ослобонять усихъ крепакивъ... Якъ-бы панъ тоди у Кручи бувъ, то хто ёго зна, щобъ воно й було .. Не до ёго бійкы вже було...

Ось и ослобонылы насъ. Прыйиздывъ и посереднывъ, панычъ сусидній, такый прывитный, до усихъ каже «вы», якъ до панивъ... Треба, каже, старого пана диждатысь, тоди обрадымось и за землю ..

Що дня мы, усимъ селомъ, якъ вечиръ, збираемось, було, миркуемо, якъ-то воно буде... Хлопци наши,—тай я-жъ зъ нымы туды-жъ,—трохы не спалылы клуни та конюшни, та, спасыби батькамъ, про нашу панночку нагадалы,—завищо іи добро мае гынуты?..

Якось оттакъ у вечери сыдымо биля млына, колы щось по дорози бижыть, дзвинокъ дзеленчыть, колеса стугонять. Ажъ воно—панъ зъ дочкою! Вернувся, одужавъ такы... Йиде, на насъ не дывытся, а сердешна панночка трохы зъ брычкы не падае: до усихъ кланяется, весела та радистна.

День, другый, тыждень,—сыдыть панъ у хати, никого до ёго не допускають, и самъ никуды не вылазыть. А намъ вже й терпиты не можна, що то воно подіется...

Заслалы дивчатъ до панночкы спытаты, якъ наше дило буде.

—Ничого, каже, не знаю,—тато й слухать про волю не хоче...

Отъ-що! Тай що зъ того буде?..

— Не знаю, каже... Хиба,—постривайте! напышу я панычеви—посередныкови, може винъ зъ татомъ побалакае...

А посередныкъ у тимъ сели жывъ, де й титка, у неи щодня бувавъ,—панночка добре вже ёго знала, що добрый и розумный дуже винъ чоловикъ.

Побигъ вершныкъ до титкы, до посередныка. А це чуемо и таке: насмилылась якось сама наша панночка після-обидъ, пытае батька про волю.

Якъ гримнувъ старый на неи:

— Канчукамы, каже, воли имъ дамъ! И воны—мои, и земля—моя! Нехай идуть самы до мене по волю. Хиба въ насъ хлосту вже немае?.. Зъ рушныци, каже, покажу имъ воли!..

Перелякалысь, розбиглысь дивчата, не чулы, що ёму й одмовыла панночка, що тамъ и було. Ще якъ вечерялы, бувъ, кажуть, увесь сыній, ажъ трусывсь.

Прыйихавъ хлопець одъ титкы, прывизъ пысьмо до панночкы. Пышуть, каже, що на симъ тыжни посередныкъ прыйиде.

Ажъ-се й прыйихавъ... Трохы мабуть не усе село тяглось полягать пидъ викнами, та у сины, у хату до дивчатъ, щобъ швыдче почуты, якъ панъ зъ посередныкомъ про волю балакатымуть...

А паныча частують. Обидають; потимъ у садъ, на ганокъ имъ вына вынеслы, чаю, та ще-яки закускы... Судять про сусидъ, про музыку, про чужи стороны базикають... А пидъ ганкомъ мало не двадцять душъ лежать, дыхаты боятся...

Отъ, чують люде, якось змовклы паны на ганку... Тоди и каже посереднык'ъ:

— А я, каже, ще й дило до васъ маю...

— Яке дило?—пытае старый якось такымъ голосомъ, наче подавывся.

— Та треба намъ зъ вамы уставну грамоту пысаты,—вси сусиды вже скинчылы.

— Яку се таку «уставну грамоту»?—пытае старый, та такъ тыхо, ледве не шепоче.

Тыхо стало на ганку. Трохы не чуть, якъ важко дыхають пидъ нымъ ти, що лежать...

— Ось слухайте, молодый чоловикъ, пиднявся старый зъ мисця,—навищо намъ зъ вамы у Панаса граты: ничого зъ цёго дила не буде! Колы хочете до мене, якъ добрый сусида, заглядаты,—мылости просю, а якъ не въ свое дило встриваты почнете, то вже звыняйте: щобъ я васъ тутъ бильше не бачывъ...

Пиднявсь и посереднык'ъ.

— Тутъ, каже, не мого дила немае. Я по закону, по царському указу,—роблю те, що запрысягнувъ робыты. Вашыхъ людей царь ослобонывъ, треба ихъ землею надилыты, треба уставну грамоту пысаты, що воны вамъ вынни...

— А... а може ще по вашому й я имъ вынен'ъ?.. Вонъ!..—зразу зирвався старый,—вонъ зъ моеи хаты!.. Гей, люде! Стой, держы ёго!.. Хлосту сюды!..

Прыбиглы ёго козачкы, ёго вывченыкы, ёго люти собакы, що булы злійши одъ справжнихъ,—схопылы посереднbка...

Бижыть на цей галасъ и панночка; якъ побачыла, та до батька:

— Тату, ридный мій, що-жъ то вы робыте?... Пустить паныча,—то-жъ женыхъ мій, я-жъ кохаю ёго...

Пустылы козакы посередныка. Стоять уси трое, яхъ крейда били.

— Йидьте до-дому теперь, каже панночка, мы зъ татомъ умовымось.

Пишовъ геть посередныкъ, а старый усе стоить, якъ дерево. Тильки почувшы, що колеса загуркотилы, прокынувся випъ, выбигъ, крычыть знову: «державы»!..

Та вже опизнывся: вдарылы по коняхъ, тильки курява пишла.

Вернувся старый до дочкы. Вона усе тамъ на ганку стоить, наче прыкута.

— Оттакъ спасыби, дочко!.. Такъ оце вы удвохъ зъ панычемъ вашымъ таке на мене умыслылы? Безъ мене-жъ мене оженылы, панове, я ще й самъ не вмеръ...

Мовчыть дочка, на батька тильки дывытся.

— Такъ оттакъ вы за моею спыною робыте?.. Мене зъ свиту збавыты, жывого мене заховаты?.. Чого ты мовчышъ, ледащо?..

— Тату, схамениться, що вы кажете!..

Мовчать! Не дыхай!.. Я тебе самъ зо свита збавлю, у могылу зажену, щобъ ты мене не загнала!

И знову посынивъ старый, впьять увесь затрусывсь!

— Я тебе задавлю, щобъ не бачыть, якы дила ты зъ оцимъ щенямъ робышъ...

— Тату, ось слухайте... любый... схамениться... важко мени... тату... я мерщій пиду до себе, щобъ не чуть, що вы кажете...

— А, такъ ты такъ, ты вже батька и слухаты не хочешъ... Ось-же тоби!..

И вдарывъ іи разъ... и другый... и ще...

Упала дивчына...

Убигъ тоди старый у свою хату, дивчата унеслы дочку до неи у кимнату...

И сталы уси горныци, якъ мертви... Наче покійныкъ у хати лежыть: никого не чуть, уси ходять тыхо, сторожко, балакають пошепкы...

Цилу ничъ не спавъ нихто. Старый, якъ навиженый, ганявъ у себе по своій хати, дочка ледве у-ночи очунялась, плаче...

Глупои ночи выйшовъ старый зъ своеи кимнаты, пишовъ до дочкы. Двери зачыпени,—винъ постукавъ. Одчынылы.

Зайшовъ, бачыть—лежыть дочка на кровати, коло пеи дивчата зъ водою, зъ ледомъ... Повернувся и пишовъ знову до себе.

Свитало, якъ впьять винъ пишовъ до дочкы, одчынывъ дверы й каже:

— Иды на часъ, мени треба зъ тобою говорыты...

Пидвелась паппочка—и знову упала на подушкы,—не здужае, небога, встаты...

Повернувъ впьять старый, зновъ пишовъ у свою кимнату.

Вже зовсимъ розвыднилось, якъ винъ у трете прыйшовъ. Дочка тильки-тильки втышылась. Выславъ усихъ зъ хаты, сивъ коло неи.

Лежыть дивчына, якъ стина била, мовъ и не дыхае, розплетени косы по подущци простяглысь, по земли стелются. И бачуть дивчата у дирочку кризь двери, якъ пидвився батько, слухае, чы дыхае дочка, якъ нахылывся коло рукы, що звысла зъ кровати,—и прыпавъ до неи губамы...

Якъ ось—схопылась недужа, та якъ крыкне не своимъ голосомъ,--злякалась, мабудь, батька несподивано побачывшы...

И знову побигъ старый до себе, а дочка и плаче, и сміется, и голосыть.

Стыхла трохы дочка, колы чуемо,—нибы регоче хто у пана у кимнати, наче бугай реве...

Кынулысь до старого, а назустричъ зъ рушныци—бахъ!.. бахъ!..

То старый плакавъ такъ, а якъ почувъ, що до ёго бижать, то щобъ нихто не бачывъ, якъ винъ плаче, колы тильки за двери узялысь, винъ схопывъ рушныцю, та й полыхнувъ!.. Добре, що не влучывъ...

Оттака-то ничъ була...

Якъ люде полуднувалы, знову прыйшовъ старый до дочкы, повыгонывъ усихъ зъ хаты й зостався зъ нею балакать.

Довго воны балакалы,—намъ у людскій ничого не чуть було. Стара нянька тильки пидъ дверыма стояла, слухала, та усе плакала та хрестылась... Не вмію вже вамъ казать, якъ воно тамъ у ихъ выйшло... тильки батько усе прохавъ, щобъ дочка не выходыла замижъ за посереднyка, а дочка усе свое каже: «одпустить, каже, тату, людей на волю»... Старый про те и слухать не хоче, а дочка про панычa мовчыть, за людей прохае...

Тильки чуемо—голоснишъ панночка каже:

— Такъ справди, тату?.. Такъ вы-жъ не одступытесь?.. Таточку, ридный,—нехай-же такъ и буде... за васъ уси Бога молытымуть...

Незабаромъ и выйшлы зъ хаты. Дивчына сяе, старый—якъ та хмара.

— Омелько, каже до мене панночка, сидлай коня, пойидешь до посередныка!

Я й на несидланному, я-бъ и задомъ напередъ пойихавъ...

Напысавъ старый лыста, узявъ я его, та на коня, выбигъ за двиръ, та якъ вдарывъ, якъ вдарывъ... ледве на кони всыдивъ, одно поганяю,—серце колотытся, ажъ холону, якъ згадаю, що може старый панъ ще одступытся, звелыть мене завернуты... Бижу, та за лысть лапаю, чы тутъ винъ, чы не загубывъ: отто-жъ наша воля!...

Наша воля—дивоча доля...

На другый день прыйихавъ посереднынъ: я такы й самъ насмилывсь, прохавъ його: прыйиздить, паночку-добродію, ваше благородіе, не бариться, бо хто його, старого, знае, що у його на думци...

Прыйихавъ. Зустривъ его старый, почалы про дило балакаты, планты дывылысь, громаду зибралы, зъ людьмы посереднынъ балакавъ. Наши батькы вже усёму ради булы, абы якъ швыдче хочъ...

Обидавъ посереднынъ зъ паномъ, а панночка не выходыла,—сыдыть у своій хати.

Вже надвечиръ зибрався посередныкъ до-дому, та якъ у свою брычку сидавъ, вынесла ёму стара нянька лысть:

— Одъ барышни, каже...

Узявъ и пойихавъ.

Повечерялы, якъ раптомъ по дорози, мовъ дроченый, бижыть кинь: панычъ на ёму, самъ якъ мертвый. Скочывъ зъ коня, пана пытае.

Якъ-ось назустричъ выйшла зъ хаты сама панночка.

Стоять одно проты одного, мовчать...

Тильки й каже панночка:

— Майте до людей жаль... Тато не одступытся... А я... вы... я... ничіею не буду... Колы вы мене... колы вы... до мене добрый... колы справди людей любыте... покыньте мене...

Хытается панычъ, на ногахъ не держытся, прыпавъ до рукы іи, цилуе...

Легенько вона вытягла свою руку—и знову простягла, и сама нахылылась, у голову ёго поцилувала.

— Прощайте, мій любый, каже,—и зразу, закрывшы очи рукамы, выбигла...

Въ сылу дійшовъ панычъ до коня... пидмоглы ёму систы...

Оттака-то була наша воля, оттакъ іи сповыто...

Кильки разивъ ще прыйиздывъ бувало посередныкъ,—тильки вже ни пана не бачывъ,—бо той на усе довиренность управытелеви давъ,—а-ни панночка до ёго не выходыла. Оглядается, бувало, на викна, та й у викнахъ никого не выдко...

Такъ и выйшлы мы на волю... Батько нашъ, царство небесне, дворови булы. Далы намъ двиръ, а мы тамъ и зосталыся, де й доты булы: батько коло коней, а я такъ,—коло ёго та коло дому.

Доси не дуже весело було на панськимъ двори, а теперъ и зовсимъ якось тыхо зробылось. А ни наши никуды, а ни до нашихъ панивъ нихто не йиде... Попереду було хочъ титка до панночкы иноди прыйиде, а це вже й вона покынула йиздыты. Казалы, якеесь пысьмо таке вона до пана прыслала, що той якъ прочытавъ, то й виддавъ хлопцеви назадъ... Панночка наша

колысь весела була, зъ дивчатамы було усе грае, спиваютъ, а це—замовкла, сумна, смутна... Не чуть іи, не выдко... Спытала якось мене, чы я вмію чытаты. Кажу—ни! Отъ вона мовъ и зрадила.

— Ну, каже, прыходь до мене що-дня въ ранци, и сестру меньшу прыводь (годивъ їй изъ девьять було),—буду васъ вчыты.

Назбирала ще де-кильки дитей,—усихъ було насъ зъ пьятнадцять,—зибралысь мы до неи й почала вона насъ вчыты. Добре вчыла! Якъ чого, було, не тямышъ, то доты розпынается, покы врозумієшъ...

Отъ мы вже й складать почалы; ажъ ось у дивочу, де мы вчылысь, хысть—старый панъ! Мы такъ и подублы...

— Це, каже, що за школа така? Хиба моя дочка вже до хамивъ у учытелькы пишла? Геть!..

Таке ёго «геть» було, що мы уси й не счулыся, якъ на вулыци опынылысь... Оце й кинець школи бувъ...

Ще сумниша наша панночка стала... Цилисенькый день, було, або ходыть по своій хати, або лежыть, якъ слаба.

Спытае іи нянька, або дивчата:

— Чы не болыть що въ васъ?

- Ни, каже, ничого не болыть... Це я такъ...

Такъ, то й такъ.. Сами знаемо, яке воно «такъ», а ничого не зробышъ...

Вьяне наша люба панночка, марніе, а мы дывымось на неи, журымось,—а ничого не зробымо...

Колы дала такы раду стара нянька.

— Треба, каже, хочъ до титкы вистку даты,—може вона що зробыть.

Нышкомъ, по-ночи, пойихавъ я верхы до титкы, въ-ранци переказавъ їй усе, якъ стара казала.

Того-жъ дня, дывымось, йиде до насъ пани-титка. Прыйихала, жахается, дывлячысь на племинныцю; напалася на старого.

— Чого вы дочку нивечыте? Хиба у труну іи класты хочете, якъ сестру мою положылы?.. Годи, каже, вамъ надъ нею

знущатысь,—я хочь до царя дойду, а іи у васъ одберу... Ну-мо, лышень,—до племинныци каже,—збирайся, пойидемо до мене!..

А старый,—мовъ и не сердытся, каже такъ до неи, зъ усмишкою:

— Я, каже, сударыня, ще у своему доми хазяинъ... Отъ я людей поклычу, та вамъ таке зроблю... Дознаете, якъ пораду давать тамъ, де не прохають... Гей, хлопци!..

Мовъ паморокы одбывъ у пани... И крычыть, и сміется, а сама и на двери, и на викна позырае, до выходу сунется...

— Що за смишкы, каже... Яки глупости... Я у осены пойиду... я царя бачытыму... усе розскажу... Вы не насміете... я сама генеральша... Отъ ще!..

А сама—до дверей, та за двери...

Прыпала до іи племинныця.

— Йидьте, титочко, до-дому, покыньте мене безталанну...

Такъ и пойихала пани-титка...

А у вечери, якъ сыдила панночка надъ кручею, де вона дуже любыла сыдиты, крадькома до саду прыйихавъ панычъ, перелизъ черезъ тынъ, та на кручу...

Дивчата казалы,—застогнала тильки панночка, якъ винъ ставъ передъ нею...

Хотивъ панычъ іи зъ собою завезты,—прохавъ, молывъ, навколишкахъ прохавъ, нижкы ій цилувавъ,—не пойихала...

— Я, каже, татови такъ обицялась, одъ свого не одступлюсь...

Пиднялась, дивчатъ поклыкала,—и пишла до хаты.

Пишла, та вже мабуть усю ничъ не спала.. Бо якъ сила коло викна, то такъ до свиту й сыдила..

Въ-ранци нянька прокынулась,—викно одчынене и двери навстижь, панночкы немае, постеля якъ зъ вечера послана, такъ и стоить...

Пишла нянька у дивочу, збудыла дивчатъ, пытае, чы не знають, куды панночка подилась. Нихто не знае... Пишлы шукаты... У садку—немае, на ричци—немае...

Роспытують, чы не прыйиздывъ хто, чы не бачылы, щобъ панычъ бувъ,—нихто ничого не чувъ, не бачывъ...

Пишлы знову до кручи... Знайшлы гребинь, що у панночкы у волоссяхъ бувъ... биля самого краю... Колы-жъ вона его загубыла?..

Стоять уси надъ кручею, подывытысь одынъ на одного боятся...

Перехрестывсь старый дидъ Охримъ, пасишныкъ, вытягъ зъ тыну довгый дрюкъ, спустывсь до рички, сивъ у човенъ, дойихавъ пидъ кручу, дрюкомъ на дни шукае... Стоимо мы уси на кручи, не дыхаемо...

— Ось вона... каже Охримъ...

Трохы ныжче кручи стояла дуже стара верба, кориння у воду спустывшы. Промижъ кориння, пидъ водою, й намацавъ Охримъ щось мьяке...

Вона-жъ це, панночка наша бидна, й була...

Незабаромъ вытяглы; вынеслы на кручу... Волосся, довге-довге, роспущене, очи заплющени, сама—якъ крейда, та така гарна, якъ тильки по иконахъ пышуть...

Лежыть вона мертва, стоимо мы уси кругъ неи, плачемо мовчкы...

Колы выйшовъ старый Охримъ.

— Дытыно-жъ ты наша люба, каже, сонечко наше, зиронько ясна!.. Невже-жъ царства божого души твоій чыстій не буде? невже-жъ безъ попа, безъ хреста тебе заховаемо?..

Дывымось, поклонывсь Охримъ до землй, ставъ навколишкы коло мертвои, перехрестывъ іи, знявъ зъ себе хреста, положывъ ій на груды.

— Маты Божа тоби помылування выпрохае у Сына за насъ, за всихъ убогыхъ, що ты насъ усихъ вызволыла, за насъ и сама погынула. . Спы тыхенько, серце наше, до страшного суду Божого,—уси мы тоди прохатымемо: осуды, Господы, насъ усихъ на вични мукы, помылуй, Господы, душу рабы твоеи!..

Якъ одынъ, уси мы сталы навколишкы, уси молылысь:

— Осуды, Господы, насъ на вични муки. просты, Господы, рабу твою...

— А теперъ, каже Охримъ, бижить до попа, та поклычте старого пана.

Побигъ я до пана.

— Идить, кажу, пане, до кручи,—тамъ панночка втопылась!

Скочывъ старый, та до мене... побачывъ, мабуть, що я увесь у слизахъ,—тай затрусывсь, и ноги ёго не слухають...

Розступылысь уси, якъ панъ до дочкы прыйшовъ,—а вже иде, якъ завжде, мовъ на паради. Побачывъ людей, каже:

— Гетьте!..

Тильки мы повернулыся, щобъ иты, якъ бачу,—панъ изъ кышени щось вытягъ, руку до головы пиднявъ и... бахъ!.. впавъ коло дочкы ..

Колы до ёго,—а винъ вже мертвый, голову наскризь пробыто...

Ажъ на се якъ разъ и пипъ прыйшовъ...

Поховалы панночку и старого пана... поховалы на самій кручи, надъ Псломъ,—зъ того вона и «Панськоюю Кручею» зветця...

— А що-жъ панычъ? Чы винъ ще жывый?

— Паныча мы не скоро побачылы. Винъ писля сего занедужавъ, довго нездужавъ... А до насъ прыйихавъ якыйсь панъ новый, старого пана племинныкъ. Та тутъ винъ не зоставсн, продавъ усе. Купывъ панычъ-посереднынъ. Перейихавъ сюды, та тутъ и жывъ соби. Усе у доми, якъ було за старымъ паномъ, такъ и лышывъ. Самъ у одній хати жывъ, у зали. Панноччыни кимнаты заперъ и ключа завжде зъ собою носывъ. Було, зачынытся тамъ,—и довго, довго сыдыть... Змарнивъ якось, незабаромъ и служыты покынувъ, усе дома сыдивъ,—або на кручи, або у панноччыній кимнати. А у вечери що дня, було, якъ сидае чай пыты, клыче стару няньку, розпытуе про панночку. И та ёму усе про свою «горлыцю» розсказуе: яка вона маненькою була, яка була втишна, яки у неи булы ручепятка—ноженятка манисеньки, якъ іи стару любыла, якъ вчылась... Про усе, усе розсказувала,—а панычъ сыдыть, слухае, чай вже холодный, и

самоваръ вже захолонувъ, а винъ усе слухае,—слёзы сами бижать, на вусы капають...

Довго винъ тутъ жывъ. Самъ не хазяйнувавъ, а усю землю намъ наймавъ. Такъ соби, тильки й того, що мовлявъ «ренда»,—задарма виддавъ...

Колы—ось—чутка пишла, що у Туреччыни щось не добре діется, що дуже невирни надъ нашымы знущаются. Дали—бильше: чуемо, що тамъ вже воюють... Знявся тоди нашъ панычъ, пойихавъ зъ туркомъ бытысь... Тамъ ёго и вбыто...

А згодомъ прыйихалы зъ городу паны, зибралы громаду,—кажуть, що намъ, усій громади, панычъ усе свое добро одпысавъ: и землю, и лукы, и лисъ—усе, чысто усе...

Теперъ на панськимъ двори у насъ волость и школа. У хлыгели вчытель жыве. Стару волость дякови оддалы... Та ось заразъ побачыте!..

И справди, мы вже дойихалы до села. Пишлы добри хаткы, зъ кимнатамы,—высоченьки, чы-малы,—знаты, що лисъ не купованный. Усюды садкы, левады,—добре люде жывуть!.. Ажъ ось церква, нова, мурована, зъ высоченною дзвинныцею. Проты церквы велыкый двиръ, будынокъ у ёму, а за нымъ—садокъ.

— Оце-жъ панськый двиръ, оце й волость! Тпру!..

Мій товарышъ пишовъ до волости, а мени якось не схотилось теперъ иты у ти хаты, де колысь бидна панночка жыла.

— А чы можно, пытаю, у садокъ питы, до кручы?

— А чому-жъ, кажуть, не можно?..

Пишовъ я у садокъ. Дерева уси молоды, пидчыщени, пидмазани. Дали—школка: ще молодши деревця, до дрючкивъ поувязани, пидризани. Це вже, лыбонь, сами люде хазяйнують, новый садокъ розводять...

Дали до ричкы; бачу—стоять велыки, стари дерева. Пишовъ я туды. Гущавына... Оттутъ мабуть усе такъ, якъ за панивъ було: кущи, стари клены та ясени, тополи надъ кручею, яворы,—де-яки вже повсыхалы, промижъ ныхъ молоди пиднимаются.

Озырнувсь я: дывлюсь: де-жъ те мисце, що бидна дытына у останній разъ на ёму сыдила, де, не здолавшы зъ своею велыкою тугою, загубыла свій молодый викъ?

Промижъ кущамы калыны и глоду блыснувъ проты мене билый хрестъ. Я дійшовъ до кущивъ и втрапывъ на вузеньку, стару стежку. Кущи розступылыся й на невелыкій прогайловыни, на прыгорку, я опынывсь проты двохъ могылъ. Билый хрестъ стоявъ надъ меньшою, що блыжче до кручы. На другій лежавъ чорный каминь. Я пидійшовъ до хреста. Ледве мрило на мидній таблычци напысане: «со святымы... рабу твою...

Тыхо... Бурьяномъ заросла могыла... кризь ёго, якъ дытячи очи зъ пидъ волосся, ще проглядае барвинокъ. Березкою обвыто хрестъ... Кущи нахылылысь, обступылы прыгорокъ, стари тополи мовчкы стоять кругъ долыны. Пидъ кручею, надъ водою—чорною, непроглядною, тыхенько шепочуть яворы, вербы. Мережкою мріе на сынему неби тонке виття—и голосно та радистно десь высоко спивае жайворинокъ...

— Помылуй, Господы, душу твою, бидна дытына!—промовывъ я,—и здалось мени, наче не я одынъ тутъ молюсь: якъ ставныкы кругъ домовыны, стоялы тополи; якъ зависы у церкви, мрила мережка на ясному неби; якъ тыха молытва, ишовъ до Бога шепитъ одъ яворивъ, лынувъ чыстый голосъ жайворинка,—и молылысь мы уси за тяжкый, ще й доси незамоленный грихъ нашыхъ батькивъ, за щыру молоду душу, що перша тутъ замолыла ёго,—за ёго оддала и свій радистный дивочій викъ...

Мих. Сосновськый.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Історня України-Руси, написав Олександр Барвінський. *Коштом і заходом Товариства «Просьвіта». У Львові, 1904, 1—125 in 16⁰+карта.*

Історня України-Руси (з образками), написав Олександер Барвінський. *У Львові, 1904. Накладом Товариства «Просьвіта», 1—39, in 16⁰.*

Г. Олександеръ Барвинській—авторъ, пріобрѣтшій въ Галичинѣ почетную извѣстность многочисленными трудами, преимущественно популярными — «Читанками» для школъ, пособіями и т. п. По украинской исторіи въ 80-хъ г.г. имъ была написана »Историія Руси» въ 5 частяхъ[1]), а также «Ілюстрована Історня Руси» въ 1890 г., второе изданіе которой авторъ предполагаетъ дать въ текущемъ году. Въ настоящее же время предъ нами лежатъ два популярныхъ изданія— краткій и кратчайшій очерки украинской исторіи „для тих, що не мають спромоги і часу читати великих наукових книжок про минувшину" (Краткій оч., стр. 5), „для тих що не мають часу розчитуватыся в обемистих книжках про нашу бувальщину" (Кратчайшій, стр. 2)..

Понятно, изданія подобнаго рода не только желательны, но и необходимы для ознакомленія широкихъ слоевъ украинскаго общества съ важнѣйшими событіями нашего прошлаго, чтобы каждый сынъ родной земли зналъ

---

[1]) Реценз. см. въ „Кіевск. Стар.", 1883, № 2 и 1884, № 8.

„Що діялось в сьвіті,
Чія правда. чія кривда
І чиі ми діти!“

Но одного добраго намѣренія автора еще мало, а необходимо, помимо достаточнаго знакомства съ трактуемымъ предметомъ, объективное, безпристрастное отношеніе къ совершавшемуся, безстрастное изложеніе важнѣйшихъ фактовъ... Къ сожалѣнію, этого мы не можемъ сказать о популярныхъ брошюрахъ г. Барвинскаго: имъ руководила извѣстная тенденція, которая хотя и не всецѣло поглотила его, но все же весьма рельефно даетъ себя видѣть въ изложеніи обоихъ очерковъ. Эта тенденція хорошо знакома русскимъ читателямъ въ изданіяхъ опредѣленнаго направленія, и содержитъ въ себѣ три основныхъ тезиса: Богъ, царь и отечество... Оставляя въ сторонѣ послѣднее, какъ нестоящее въ брошюрахъ г. Барвинскаго въ противорѣчіи съ истиной (какъ это обычно бываетъ въ аналогичныхъ русскихъ изданіяхъ), остановимся на первыхъ двухъ. Чрезмѣрное и притомъ спеціально профессіональное (уніатское) благочестіе настолько сильно проявляется въ брошюрахъ г. Барвинскаго, что мы никогда не заподозрили бы въ лицѣ автора особу свѣтскаго званія, если бы доподлинно этого не знали. Наприм. на стр. 10, примѣч. 2. (Кратч. изд.) разсказывается о томъ, что когда Владиславъ Опольскій возвращался въ Польшу, то взялъ съ собой изъ Белзской церкви чудотворную икону Пр. Богородицы, „котрий (образ) по переказу (?) в дарі дістав Володимир Великий за царівною Анною з Царгороду. Сей образъ переніс Владислав Опольский до Ченстохови, де він до нині находится“—фактъ, въ поискахъ котораго дѣйствительно пришлось бы читателю очень долго „розчитуватысь въ обемистих книжках“,—по крайней мѣрѣ въ обширной исторіи Украины-Руси М. Грушевскаго мы его не находимъ. Не забылъ, конечно, авторъ упомянуть и о Мономаховой шапкѣ, присланный изъ Греціи: „Сей вінець, званий „Мономаховою шапкою“, є до нині в Москві (Кратк. стр. 17). По этому поводу мы бы посовѣтовали г. Барвинскому „розчитаться“ въ III т. „Очерковъ по исторіи русской культуры“ Милюкова, въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ... Говоря о Даніилѣ Галицкомъ, авторъ тенденціозно трактуетъ объ отношеніяхъ его къ папѣ и видитъ здѣсь начало уніи на Руси. По его утвержденію, „Папа призволив Русинамъ придержуватися обрядів грецькоі церкви, бажаючи довести, до з'единення східноі церкви грецькоі

із західною, римско-католицкою (Кр. оч., стр. 23), и далѣе: „до кінця XI століття царгородский патріярх *признавав ще Папу Римского головою церкви.* Аж в 12-м столітю розірвалася звязь між Царгородом а Римом і такъ християнська Церква розділилася на західну і східну. А що Русь оставала в звязи з Царгородом, отже й через те *відлучилася* від західноі (римско-католицькоі) Церкви“ (Ibid. стр. 27, прим. 1). Столь же безпристрастно излагаетъ авторъ исторію церковной Берестейской уніи (стр. 45—48), не преминувъ упомянуть о томъ, что православные убили Кунцевича, „котрий з великою ревностю дбав про розширене уніі“, а католическая церковь (съ 1867 г.) причислила его къ лику святыхъ... Не упоминая совершенно о роли братствъ въ дѣлѣ религіозной борьбы съ католичествомъ и уніей (не будемъ забывать, что авторъ пишетъ для уніатовъ!), о выдающихся дѣятеляхъ на этомъ поприщѣ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, авторъ находитъ нужнымъ сказать лишь, что „наслідником Потія на київскім митрополичім престолі став Велямин Рутский, що двигнув із занепаду до давноі слави і сьвітлости чин Св. Василія В.“ (Ib., стр. 46; приложенъ портретъ Рутскаго), а относительно Смотрицкаго *буквально* сказано лишь слѣдующее: „Але найбільший его (Кунцевича) противник, православний архіепископ Смотрицкий покинув відтак (затѣмъ) православіе и приняв унію (стр. 47). Но если здѣсь можно было еще автору извернуться, прибѣгая къ умолчанію и другимъ способамъ то нельзя было уже умолчать о протестѣ козачества противъ уніи. Какъ автору выйти изъ этого затруднительнаго положенія? Оказывается, не трудно... Видите ли, общее недовольство народныхъ массъ на Украинѣ усилила еще и церковная унія, *измѣнившая бывшее общественное устройство украинской церкви* (и только лишь!!) Всѣ должности отъ самыхъ низшихъ и до самыхъ высшихъ были выборныя „а тепер іменувала іх церковна влада або Папа Римский“...—и больше ничего! „*Тимто* (?!) козаки виступили також проти церковноі уніі, котра змінила сей громадский устрій вруский Церкві“ (стр. 61). Неправда ли, коротко, просто и ясно? А что пришлось сдѣлать крупную передержку съ исторіей—это пустяки:

надо же помнить, что книжка пишется для уніатовъ!

О „цісарѣ“ (австрійскомъ) автору, конечно, не было возможности говорить на пространствѣ всей исторіи Руси-Украины до XIX ст., но за то въ этомъ послѣднемъ періодѣ ссылки на его авторитетъ приводятся кстати и некстати. Такъ, напр., заговоривъ объ основаніи во Львовѣ Народного Дому, авторъ не преминулъ вставить, что „сам цісар

окруженний рускими достойниками і численним народом, промовив приязно: „Тутъ я між моіми Русынами“ (стр. 110); что въ 1880 г. Францъ-Іосифвъ, услыша о дѣятельности „Просьвіти“, сказалъ: «Се товариство є вельми хосенен» (стр. 115, прим. 3); что гдѣ-то и когда-то архикнязь Рудольфъ выразился: «Русини—се стариний нарід культурний» (стр. 117) и др.

Помимо тенденціозности, брошюры г. Барвинскаго грѣшатъ коегдѣ и противъ истины, свидѣтельствуя о томъ, что авторъ не всегда стоитъ на уровнѣ современнаго историческаго знанія. Правда ли, напр., что когда княгиня Ольга стала христіанкой, то «з того часу починає з Царгороду христіанська віра *помалу ширитися на Руси?*» (Кратчайш., стр. 4). А Церковь Иліи въ первой половинѣ X в. въ Кіевѣ? А почему въ договорѣ 944 г. христіанская Русь выступила рядомъ съ языческой, и даже на первомъ мѣстѣ? Насколько затѣмъ безусловно вѣрно, что Олегъ «зробив Киев столицею всеі Руси?» (стр. 7). Вѣдь на дѣлѣ-то выходитъ, что не Кіевъ былъ пріобрѣтеніемъ Новгода (и Олега), а совсѣмъ наоборотъ... Поэтому и не Олегъ «зробывъ» Кіевъ столицей, а самъ онъ «зробывся» въ силу различныхъ иныхъ историческихъ причинъ... Сомнительно также, чтобы Ольга «перша з княжоі родини на Руси» стала христіанкой. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что христіанство принялъ еще раньше Аскольдъ... Въ томъ, что кіевляне-язычники приносили Перуну кровавыя жертвы (стр. 10)—также новѣйшая исторіографія весьма сомнѣвается... Легенда о томъ, что Владиміръ разсылалъ бояръ для отысканія лучшей вѣры; о томъ, что рѣшилъ креститься, если возьметъ Херсонесъ, и когда по взятіи его потребовалъ отъ греческихъ императоровъ отдать за него сестру Анну, то послѣдніе «урадовані... прислали свою сестру до Корсуня і сьвящеників, котрі охрестили князя, его синів і дружину»—легенда эта потеряла въ настоящее время всякій кредитъ, и дѣйствительность гласитъ, что дѣло было совершенно иначе: Владиміръ добивался руки Анны, и *ему* поставили условіемъ крещеніе; когда онъ крестился, а Анны все-таки за него не отдавали, то тогда онъ въ отместку приступилъ къ осадѣ Херсонеса... Не вѣрно, что князь совѣтовался съ дружиной «про вси справи» и что вѣче «скликував сам князь» (стр. 25); мы знаемъ, что его созывали не рѣдко сами граждане и принимали рѣшенія, которыя князьямъ не рѣдко доставляли мало удовольствія... Пора бы также выбросить изъ книжнаго обихода легенду о Баторіевой реформѣ (Краткій оч. стр. 61, 90, 91 и 21—Кратчайшій)... Откуда также авторъ взялъ, что при Баторіи козаковъ было

до 80 тысячъ? Вѣроятно, онъ подъ этимъ подразумѣваетъ: «всего населенія?» «Королівский уряд не знав добре українських земель і робив великі *похибки* з тим роздаванем земель шляхті» (стр. 63). Хороши сплошныя «ошибки» въ теченіе цѣлыхъ 80 лѣтъ до Хмельницкаго! Не вѣрно также, что во время возстаній реестровые козаки стояли на сторонѣ или помогали полякамъ (стр. 64). Въ дѣйствительности, реестровые очень рѣдко бывали на сторонѣ поляковъ, а въ большинствѣ случаевъ соединялись съ козачествомъ. „Сагайдачного потвердив король кошовим запорожского війска і він *став зватися* гетьманом" (Кратк. оч., 67), «затвердыв Сагайдачного кошевим запорожского війска і *гетьманом*» (Кратчайш., стр. 22)... Вѣрно ли это? Впервые польское правительство признало и объявило *гетьманомъ* лишь Богдана Хмельницкаго... А что Сагайдачний «став зватися» гетьманом, то это не диковина: и Дашковичъ, и Лянцкоронскій, и Ивоня, и Ружинскій и множество иныхъ авантюристовъ и предводителей тоже «звалися» гетьманами... Характерно отмѣтить, что въ болѣе полномъ очеркѣ авторъ выражается нѣсколько осторожнѣе, тогда какъ въ другомъ, еще болѣе популярномъ, считаетъ, что и такъ сойдетъ. Одинъ примѣръ, относительно признанія Сагайдачнаго гетьманомъ, мы уже указали; другой можемъ указать слѣдующій: въ болѣе полномъ очеркѣ...—«Мазепа... піднявъ Киівську Академію до значенія університету» (стр. 84). а въ краткомъ: *перемінив* Киівську академію в університет» (стр. 30). Непросвѣщенный читатель межетъ такъ и остаться въ томъ убѣжденіи, что со временъ Мазепы въ Кіевѣ существуетъ университетъ, и пожалуй готовъ будетъ отнести красное зданіе Кіевскаго университета къ числу мазепинскихъ строеній... И еще одинъ. Въ болѣе полномъ говорится, что въ 1861 г. въ Россіи уничтожено крѣпостное право, до чого головно причинився кріпацкий син Шевченко своіми огненними піснями» (стр. 101). тогда какъ въ краткомъ: «своіми огненними піснями *довів до того, що в 1861 р. знесено кріпацтво в Росиі»* (стр. 37). Какъ это ни пріятно было бы нашему національному самолюбію, но правда дороже всего, и намъ остается лишь удивляться, зачѣмъ это автору понадобилось здѣсь, да и въ другихъ случаяхъ, какъ мы видѣли, переиначивать истину въ... неистину. Ad majorem nationis gloriam?...

Языкъ брошюръ довольно хорошъ, но все же ухо наше не можетъ примириться съ такими выраженіями, какъ племя «підчинило

собі другі», Володимір (і Гедимін) былъ князь «емкий», «лишений (лишенный?) просьвіти», «коротає житя»...

Оба изданія снабжены иллюстраціями. Въ краткое вошли изображенія Владиміра Св., Данила Галицкаго, Петра Могилы, Запорожской Сѣчи, Сагайдачнаго, Б. Хмельницкаго, Цисаря Франца Іосифа I и Шевченка,—подборъ въ общемъ довольно удовлетворительный. Въ болѣе полномъ очеркѣ иллюстрацій горздо больше; за исключеніемъ изображеній Владиміра и Ольги, Веніамина Рутскаго и Смотрицкаго—иллюстраціи весьма умѣстны и интересны (нѣсколько бытовыхъ снимковъ, изображеній гетмановъ). Жаль только, что подъ видомъ Кіево-Софійскаго собора изображена здѣсь какая-то невѣдомая церковь. Къ болѣе полному очерку приложена и карта, не имѣющая однако же никакого значенія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ разберется въ ней малообразованный читатель, увидя на картѣ рядомъ съ надписью «Улічі»—«Катеринослав»; рядомъ съ «Деревлянами» — «Пілявці», «Хмельник»; пониже надписи «Сіверяне»—«Гадячъ», «Харків», «Слобідска Украіна» и т. п.

Вообще же появленіе брошюръ г. Барвинскаго, какъ популярныхъ очерковъ для народа, мы не можемъ привѣтствовать, съ точки зрѣнія нашего, ни галицкаго читателя; думаемъ, что и для галицкаго читателя нельзя ихъ считать крупнымъ пріобрѣтеніемъ...

В. Д.

Леонидъ Глибивъ. Творы. Выдавныцтво „Викъ“ № 14. *У Кыиви, 1904. 365 стор. цина 75 коп., на кращому папери 1 р. 25 коп.*

Басня, какъ простѣйшій родъ поэзіи, встрѣчается у каждаго народа на первыхъ же ступеняхъ его культурнаго развитія. Довольно часто однѣ и тѣ же фабулы обрабатываются многими писателями, причемъ произведеніе ихъ цѣнится главнымъ образомъ въ зависимости отъ того, насколько автору его удалось общечеловѣческій мотивъ культивировать на родной почвѣ, примѣнивъ его содержаніе къ понятіямъ и свойствамъ родного народа.—Задача эта, на первый взглядъ повидимому несложная, но на дѣлѣ требующая для успѣха несомнѣннаго дарованія, привлекала къ себѣ многихъ писателей, но среди многихъ званныхъ почти вездѣ оказывалось мало избранныхъ.

Въ новѣйшей украинской литературѣ писаніемъ басенъ занимались Гулакъ-Артемовскій, Гребинка, Боровиковскій, Шевченко, Старицкій, Гринченко, Зинкивскій, Жарко и друг., но, какъ у великороссовъ высшаго своего совершенства басня достигла лишь у Крылова, такъ въ украинской литературѣ пальма первенства въ этомъ родѣ творчества принадлежитъ Леониду Ивановичу Глибову.

До послѣдняго времени изъ произведеній Глибова въ продажѣ обращались только его „Байки", пользовавшіяся, благодаря своимъ достоинствамъ, неизмѣннымъ успѣхомъ среди публики при каждомъ новомъ изданіи. Но значительную часть своихъ произведеній Глибовъ принужденъ былъ печатать не въ Россіи, а въ заграничныхъ украинскихъ изданіяхъ не потому, конечно, чтобы въ своихъ твореніяхъ онъ старался подрывать основы государства Россійскаго, а по той простой причинѣ, что они предназначались для дѣтскаго чтенія, а извѣстный циркуляръ 1876 года лишаетъ украинскихъ дѣтей, какъ и украинскую дѣтскую литературу, правъ на существованіе и „до сего дне" признаетъ ихъ плодомъ запрещеннымъ. Такимъ образомъ Глибовъ, подобно большинству своихъ собратій по перу, живя на Украинѣ, принужденъ былъ писать для закордонной страны Галичины, гдѣ изъ журналовъ и сборниковъ его имя сдѣлалось извѣстнымъ и близкимъ во всякой интеллигентной русинской семьѣ. На родинѣ же нашъ поэтъ, благодаря указанной выше посторонней причинѣ, пользовался при жизни гораздо меньшей извѣстностью, чѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ заслужилъ.

Но никакимъ искусственнымъ преградамъ не порвать той внутренней, духовной связи, которая устанавливается помимо канцелярскихъ распоряженій между народомъ и лучшими его сынами. У Глибова эта связь сказалась въ томъ, что многіе образы и выраженія изъ его басенъ сдѣлались ходячими въ народѣ, а нѣкоторыя стихотворенія его усвоились народомъ и распѣваются по всей территоріи Украины, какъ настоящія народныя пѣсни (напр. „Стоить гора высокая").

Въ послѣднее время книгоиздательство „Викъ" подъ № 14 своей серіи украинской библіотеки выпустило „Творы" Глибова, которые заключаютъ въ себѣ все написанное покойнымъ поэтомъ по-украински, за исключеніемъ самаго ранняго его стихотворенія „Остапова правда", оракула „Ворожка" и двухъ смѣшаннымъ языкомъ написанныхъ—

комедій: „Типическія сцены съ живыми картинами“ и **„Веселые люди или кровь-не вода“** („Хуторяночка“), которыя не имѣютъ особыхъ литературныхъ достоинствъ.

Кромѣ печатавшихся раньше, значительная часть произведеній Глибова появляется въ печати тутъ впервые, будучи извлечена изъ рукописей и автографовъ покойнаго поэта.

„Творы“ раздѣлены на четыре отдѣла; въ первый отдѣлъ вошли байкы (107 №№), во второй—загадки (27 №№), жарты, акростихи (12 №№) и двѣ стихотворныхъ сказки, изъ которыхъ одна неокончена; въ третій—стихотворенія различнаго содержанія (36 №№), а также отрывки изъ неоконченной поэмы „Перекотыполе“; наконецъ въ четвертомъ отдѣлѣ помѣщена комедія въ одномъ дѣйствіи „До мырового“. Въ каждомъ отдѣлѣ произведенія расположены въ хронологическомъ порядкѣ съ обозначеніемъ. за рѣдкими исключеніями, мѣста и времени перваго напечатанія каждаго произведенія. Въ началѣ книги помѣщена біографія поэта, написанная его другомъ Ол. Тыщинськымъ, и приложены два портрета Глибова, а также видъ его могилы.

Такимъ образомъ въ настоящемъ изданіи украинская публика имѣетъ, можно сказать, первое полное собраніе сочиненій одного изъ даровитѣйшихъ своихъ поэтовъ. Намъ особенно пріятно отмѣтить эту новинку на украинскомъ книжномъ рынкѣ въ виду того, что всѣ почти сочиненія Глибова по своей формѣ и содержанію доступны самому простому, даже дѣтскому пониманію. У насъ очень мало хорошихъ дѣтскихъ книгъ, а „дидусь Кениръ“ (обычный псевдонимъ поэта) такъ прекрасно понималъ дѣтскую душу, умѣлъ заинтересовать ее своими твореніями, полными глубокой наблюдательности и живой мысли, заключенной въ изящную поэтическую форму, съ блестящимъ стихомъ, мѣткимъ остроуміемъ и тонкимъ юморомъ.

Но сочиненія Глибова прочтутся съ интересомъ не только дѣтьми; многія его произведенія написаны на общественные мотивы и доставятъ много пищи для ума и сердца всякаго развитаго читателя.

Чисто народные обороты рѣчи, выраженія, образы и сравненія придаютъ особую живость языку Глибова. Среди персонажей его байокъ вы не встрѣтитесь съ Зевесомъ, Нептуномъ, Зефиромъ, Аквилономъ, Авророй и тому подобными, излюбленными баснописцами, классическими именами, зато съ удовольствіемъ остановитесь на сценкѣ

или залюбуетесь типомъ, какъ-бы выхваченнымъ изъ дѣйствительной украинской жизни. Олицетворенные герои мѣстной фауны и флоры также надѣлены Глибовымъ хорошими и дурными сторонами типичныхъ украинцевъ. Авторъ оказывается также мастеромъ и въ описаніяхъ украинской природы, изображая ее съ особенной теплотой и любовью.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько о комедіи „До мырового". Она появляется въ печати уже во второй разъ; первое ея изданіе уже давно разошлось и представляетъ собою библіографическую рѣдкость.

При современномъ положеніи украинскаго театра, комедія эта имѣетъ значеніе больше историческое, хотя и теперь, появляясь иногда на любительской сценѣ, пользуется успѣхомъ, подобно комедіи М. П. Старицкаго „Якъ ковбаса та чарка, то мынется и сварка", съ которой она имѣетъ очень много общаго.

По внѣшности изданіе представляетъ собою отпечатанный на хорошей бумагѣ изящный томикъ въ 365 стр., цѣна которому 75 коп. должна быть признана вполнѣ общедоступной.

М. П—скій.

Т. Рыльскый. Про херсонськи заробиткы. Выдавныцтво „Викъ" *коштомъ кныгарни „Кіевской Старины". 90 стор. цина 10 коп.*

Настоящая брошюра является результатомъ многолѣтнихъ наблюденій извѣстнаго знатока народной жизни Фаддея Рыльскаго. По его словамъ „до 125,000 народа иде що року на заробиткы въ Херсоньску губернію зъ Подольськои, Кыивськои, Полтавськои и Черниговськои губерніи. Дуже часто чоловикъ иде даремне туды, де ёго праця слыве непотрибна, або платять за неи дуже мало. Часомъ може винъ втратыты добри заробиткы тоди, колы воны есть. Щобъ сёго не було, треба-бъ знаты, якый въ якому повити врожай, чы багато ихъ ще треба, по чому платять. Такыхъ порядкивъ, щобъ про це все сповищаты людей, не заведено ще й доси, але можна де-що тутъ и самымъ за для себе зробыты"... Приходя на помощь „заробитчанамъ", Рыльскій называетъ главнѣйшіе рабочіе рынки въ херсонщинѣ, указываетъ стоимость проѣзда къ нимъ и приводитъ сроковыя, помѣсячныя и поденныя цѣны на рабочія руки за восьмилѣтній періодъ (1889—1896 г.). За тяжелую (лѣтомъ до 15 рабочихъ часовъ въ сутки) работу

иногда въ самыхъ антигигіеническихъ условіяхъ (напр. при молотилкахъ), рабочій получаетъ плату, колеблющуюся отъ 30 коп. до 1 р. 20 коп. въ день, отъ 7 до 25 руб. въ мѣсяцъ и до 60 руб. за срокъ съ мая по сентябрь. Авторъ даетъ много практическихъ совѣтовъ: не особенно спѣшить съ весны въ дорогу, предварительно сноситься всякій разъ по телеграфу съ завѣдующими продовольственными пунктами о спросѣ и предложеніи рабочихъ рукъ, непремѣнно уговариваться съ работодателями объ условіяхъ труда, харчахъ, жилищѣ, возможной болѣзни и т. п.

Другая половина книжки содержитъ въ себѣ самыя точныя указанія стоимости проѣзда на рабочіе рынки по желѣзной дорогѣ или пароходомъ отъ болѣе извѣстныхъ мѣстечекъ и городовъ сосѣднихъ съ Херсонской губерніей. Въ концѣ приложена карта херсонщины и пересѣкающихъ ее желѣзныхъ дорогъ.

Приведенныя въ брошюрѣ цифровыя данныя могли конечно за послѣднихъ 8 лѣтъ измѣниться, тѣмъ не менѣе книжка не утратила своего значенія и въ настоящее время. Намъ не приходится распространяться на тему о насущной потребности популяризаціи свѣдѣній подобныхъ приведеннымъ въ этой брошюрѣ: за самое короткое время она выходитъ уже третьимъ изданіемъ при тѣхъ исключительныхъ условіяхъ, которыми обставленъ сбытъ украинской книжки.

М. П—скій.

„Щаслывою стежкою“. *Оповидання № 45.* **Выдавныцтво „Викъ“** *1904 р. Кыивъ. 112 стор. цина 10 коп.*

Книжка эта заключаетъ въ себѣ три переводныхъ разсказа изъ дѣтской жизни. „Щаслывою стежкою“ пошелъ герой перваго разсказа мальчикъ Матвій, сдѣлавшійся хорошимъ кузнецомъ и своей честностью, обходительностью и трудолюбіемъ снискавшій себѣ всеобщія симпатіи. Хорошо устроилась также судьба бѣднаго Юрка, случайно попавшаго къ добрымъ людямъ послѣ того, какъ онъ въ отчаяніи бѣжалъ куда глаза глядятъ отъ невыносимыхъ истязаній хозяина сапожника. Особенно интересенъ разсказъ въ видѣ дневника дѣвочки Насти—„Що зо мною було“. Предъ нами цѣлый рядъ злоключеній подвижного ребенка, непосредственной натуры, еще неиспорченной ложью, пропитавшей собою всю жизнь взрослыхъ. Всѣ три разсказа

вполнѣ подходятъ къ дѣтскому чтенiю, хотя первому въ значительной степени вредитъ нѣкоторая сухость и монотонность изложенiя—качества нерѣдко сопутствующiя переводамъ съ иностранныхъ языковъ.

Такимъ образомъ, какъ содержанiе, такъ и рисунокъ на обложкѣ, изображающiй нарядную дѣвочку съ куклой въ рукахъ, говорятъ о томъ, что сборничекъ этотъ предназначенъ не для мужицкихъ ребятъ, а для дѣтей украинской интеллигенцiи и является первымъ опытомъ такихъ изданiй, которыя должны вытѣснить глупѣйщiя книженки съ раскрашенными картинками, рекомендуемыя книгопродавцами въ качествѣ лучшихъ подарковъ для дѣтей. Будемъ надѣяться, что благое дѣло не замедлитъ принести свои добрые плоды. Пока нѣтъ ничего лучшаго, приходится ограничиваться и тѣмъ, что имѣемъ. Отъ души привѣтствуемъ новое направленiе въ незамѣтной упорной культурной работѣ неутомимыхъ тружениковъ, находящихъ въ себѣ силы трудиться на пользу родной земли при самыхъ невыносимыхъ условiяхъ.

М. П—скiй.

Иванъ Франко. „Безъ праци“. *Казка.* **Выдавныцтво „Викъ“ № 41.** *Кыивъ 1904 151 стр.; цина 12 коп.*

Въ основѣ фантастическаго разсказа Ивана Франка „Безъ праци“ лежитъ мысль о необходимости труда. Всѣми признанный за лѣнтяя „наймытъ“ Иванъ Линюхъ увидѣлъ во снѣ старика волшебника и въ благодарность за оказанную ему услугу получилъ отъ него въ награду чудодѣйственный перстень, который удовлетворялъ всѣ пожеланiя своего владѣльца. Сначала онъ былъ очень доволенъ подаркомъ старика: онъ могъ ничего не дѣлать и пользоваться всѣми благами жизни; но скоро это перестало его удовлетворять. „Перстинь сповнявъ тильки ясно означени бажання, а такыхъ загальныхъ, якъ „хочу буты вдоволенымъ“, або „хочу буты счаслывымъ“ перстинь не мигъ сповныты. Все дававъ ёму перстинь кримъ счастя и внутришнёго вдоволення. Тысячу разивъ пробувавъ винъ занятыся чымъ-небудь, але завсигды якась невыдыма рука вытручувала ёму зъ рукъ роботу, що винъ самъ хотивъ зробыты; все въ одній хвыли вже лежало передъ нымъ, зроблене безъ ёго. Забавкы наскучылы ёму, товарыство було ёму не до душы. Зовсимъ стратывъ охоту до жыття; сохъ що разу

бильше и спадавъ изъ сылъ. Ликари нарадылы ёму рухъ и змину повитря. Воля ёго, не находячы соби нигде стрыму, а ни перешкодъ, а ни границь, ослабла. Тильки теперъ винъ дознався настояще, *що праця—це не тильки твердый обовязокъ чоловика, але прямо умова ёго жыття, конечна для жыття такъ, якъ повитря до дыхання. Дизнався, що безъ праци чоловикъ звильна перестае буты чоловикомъ, самостійною истотою. Недостача тои людськои самостійносты не надгородять ёму ніяки скарбы, ніяки роскоши, бо все здобуте безъ праци является чымось чужымъ для чоловика, якымось прывыдомъ, холодною лудою, яка не насычуе духа, а тильки ёго знеохочуе и затроюе.*"

Наконецъ Иванъ пришелъ къ сознанію, что этотъ перстень является несчастьемъ его жизни, и возвращаетъ его волшебнику. „Позбувшыся перстеня, винъ почувъ себе въ десятеро сыльнищымъ здоровшымъ и смилишымъ, нижъ бувъ передъ хвылею. И тоди тильки пизнавъ, яке то добро для чоловика праця".

На этомъ мѣстѣ онъ просыпается. „И хочъ уси прыгоды булы тильки сномъ, але любовъ до праци, яку зъ ёго вынисъ, лышылася у ёго на весь викъ".

Таково вкратцѣ содержаніе сказки Франка. Разсказъ обладаетъ всѣми достоинствами, свойственными перу этого писателя. Умѣлый разсказчикъ Франко способенъ заинтересовать своего читателя, заставить его призадуматься, поразмыслить надъ вопросомъ, въ чемъ заключается счастье, поглубже присмотрѣться къ жизни—и такимъ образомъ цѣль автора несомнѣнно будетъ достигнута. Побольше бы намъ такихъ сказокъ.

М. П.

Обзоръ украинскихъ изданій 1904 года.

Просматривая за минувшій годъ каталоги книжныхъ магазиновъ, публикаціи о новоизданныхъ книгахъ, газетныя и журнальныя замѣтки и отзывы, мы встрѣчаемъ очень мало извѣстій о новыхъ украинскихъ изданіяхъ. Три-четыре солидныхъ книги, да кромѣ того десять популярныхъ брошюръ, частію научныхъ, но преимущественно беллетристическаго содержанія—вотъ и все, что далъ украинской литературѣ истекшій 1904 годъ. Съ другой стороны, раскрывая изящно из-

данный юбилейный сборникъ, вышедшій въ Кіевѣ подъ названіемъ *«На вичну памъять Котляревському»*, содержащій въ себѣ рядъ болѣе или менѣе талантливыхъ произведеній всѣхъ видовъ литературнаго творчества, мы констатируемъ наличность въ данное время въ украинской литературѣ нѣсколькихъ десятковъ силъ. И при такомъ числѣ литературныхъ работниковъ такая слабая въ количественномъ отношеніи продукція! Фактъ изумительный, особенно если вспомнить, что 25 милліоновъ украинскаго народа ждетъ и проситъ духовной помощи на доступномъ ему языкѣ. Нашему изумленію отъ этого грустнаго явленія не было бы предѣла, если бы мы не знали иистинныхъ его причинъ. Къ счастію, въ послѣднее время приподнята завѣса надъ тѣмъ, что до сихъ поръ роковымъ образомъ тяготѣло надъ украинской литературой и что обыкновенно принято было туманно называть «независящими обстоятельствами». Въ цѣломъ рядѣ ходатайствъ, петицій, заявленій и пр., поданныхъ какъ отдѣльными лицами и собраніями, такъ и учрежденіями, съ совершенной ясностію указаны тѣ условія, примѣненіе которыхъ, какъ сказано въ извѣстномъ постановленіи комитета министровъ, вредно отзывается на подъемѣ культурнаго уровня широкихъ массъ украинскаго народа. Эти невозможныя условія, подъ гнетомъ которыхъ безусловно опускаются руки у дѣятелей украинскаго слова въ предѣлахъ Россійской Украины, существовали во всей силѣ въ минувшемъ году, продолжаютъ существовать и въ настоящее время. А при такомъ положеніи вещей, не можетъ вызывать истиннаго уваженія къ себѣ любовь къ дѣлу и энергія украинскихъ работниковъ, давшихъ родной литературѣ въ минувшемъ году такъ, повидимому, немного. Говоримъ *«повидимому»*, такъ-какъ ихъ трудъ, помимо своей качественной стороны, пріобрѣтаетъ особенную цѣнность еще въ силу условій самого своего появленія.

При отсутствіи въ Россіи украинскаго литературнаго органа, произведенія украинскихъ писателей, и то лишь беллетристическія, періодически появлялись до сихъ поръ на страницахъ нашего журнала. «Кіевская Старина» въ минувшемъ году помѣстила произведенія И. Франка, М. Коцюбинського, М. Чернявського, В. Винниченка, Днипровои Чайкы, Лысака-Тамаренка, Майорського, Непыйводы, Степанця, Трубы и др. Кромѣ того помѣщенъ историческій очеркъ Л. М. *„Останній Гирей“* на украинскомъ языкѣ; также на украинскомъ языкѣ этнографическое изслѣдованіе М. Г. *„Дытячи забавкы та гры всяки“*.

Изъ альманаховъ, усиленное появленіе которыхъ за последніе годы находитъ себѣ объясненіе въ неудовлетворенной потребности въ самостоятельномъ украинскомъ органѣ, вышелъ, изданный „*Викомъ*", упомянутый уже нами сборникъ „*На вичну памьять Котляревському*". Это едва ли не самое солидное изданіе за минувшій годъ. Другимъ крупнымъ изданіемъ являются „*Творы Леси Украинкы*",—собраніе стихотвореній извѣстной украинской поэтессы, вышедшее въ Кіевѣ подъ поэтическимъ названіемъ „*На крылахъ писень*". Далѣе, изъ отдѣльныхъ изданій назовемъ весьма цѣнное во многихъ отношеніяхъ изданіе „*Творы Леонида Глибова*", представляющее намъ первое полное собраніе всѣхъ литературныхъ произведеній покойнаго баснописца. „*Творы Леонида Глибова*" изданы „*Викомъ*" въ качествѣ 14 тома „Украинской библіотеки". Въ 13 томѣ этой библіотеки помѣщена „беллетрыстычна спадщына" проф. Львовскаго университета М. Грушевскаго—„*Оповидання*"

Кромѣ упомянутыхъ трехъ изданій „Вика", этой фирмой изданы еще слѣдующія книжки: *Марко Вовчокъ—„Кармелюкъ"; Марко Вовчокъ—«Сестра; 300 найкращыхъ украинськыхъ писень"; Панасъ Мырный—„Морозенко"; І. Франко—„Безъ Праци»; О. Марковычъ,—„У наймы"; Н. Кобрынська—„Выборець"; Ѳ. Рыльскый—„Херсонськи заробиткы"; „Мижъ хмарамы сонечко"; „Щаслывою стежкою"; Л. Глибовъ „Байкы"*—являющіяся продолженіемъ серіи народныхъ изданій (№№ 37—47).

Другая фирма, издающая преимущественно популярно-научныя брошюры,—„Петербургское Общество изданія общеполезныхъ и доступныхъ книгъ"—въ минувшемъ году, кромѣ нѣкоторыхъ повторенныхъ изданій (*„Бжильныцтво" Ф. Немоловскаго, „Якъ дбаешъ, такъ и маешъ" М Ганька)*, дало намъ прелестную брошюру „*Прыгода на хутори*" *О. Русова* (популярная метеорологія) и кромѣ того книжечку про Рафаэля С. Русовой „*Божа искра*"..

Кажется, что если мы къ указанному нами ряду изданій присоединимъ еще перепечатку извѣстной уже у насъ повѣсти М. Коцюбинського, „*За-для загального добра*" (Черниговъ), да третье изданіе „*Повистокъ та эскизивъ*" А. Крымського, то исчерпаемъ все, что было издано въ предѣлахъ Россіи въ минувшемъ году и что представляется въ той или иной степени имѣющимъ извѣстное литературное значеніе. Объ изданіяхъ другого рода, объединяющихся подъ однимъ общимъ названіемъ литературнаго муссора, въ родѣ „*Жарта въ 1 діи*" А. Грабыны, „*Мужычкы*" или же „*Корынь. Народна драма въ V діяхъ.*

И. Писаренко", намъ едва ли слѣдовало бы говорить, если бы одно обстоятельство не возбуждало нашего недоумѣнія. Въ Харьковѣ существуетъ почтенная фирма—это Издательскій Комитетъ Харьковскаго Общества Грамотности, заявившая себя рядомъ изданій какъ на русскомъ, такъ и на украинскомъ языкѣ, предназначенныхъ для обращенія въ народѣ. Къ сожалѣнію, среди украинскихъ изданій Комитета встрѣчаются такія, появленіе которыхъ въ лучшемъ случаѣ можетъ быть объяснено только непредусмотрѣннымъ стеченіемъ обстоятельствъ. Категорія этого рода изданій представлена у Издательскаго Комитета книжонкой г. Каленыченка „*Нелюдымъ*". *Розмова про те, якъ треба въ свити жыты, щобъ буты багатымъ.* Авторъ сдѣлалъ необычайное открытіе, что причиной бѣдности крестьянъ являются плотники, печники, портные и прочіе ремесленники, къ услугамъ которыхъ онъ совѣтуетъ крестьянамъ не обращаться ни въ какомъ случаѣ, такъ какъ эти враги метеріальнаго благополучія крестьянъ только отбираютъ у нихъ деньги и такимъ образомъ лишаютъ ихъ возможности лежать, по примѣру выведеннаго авторомъ героя „Нелюдимаго", „зимою дома, якъ бабакъ на печи". Будемъ надѣяться и желать, чтобы почтенная фирма впредь относилась строже къ выбору матеріала для изданій на украинскомъ языкѣ.

Въ настоящемъ своемъ обзорѣ мы не касались Галиціи, преднамѣренно остановившись только лишь на украинскихъ изданіяхъ, вышедшихъ въ минувшемъ году въ предѣлахъ Россіи, въ виду того, что здѣсь украинская литература и книгоиздательство находятся въ особыхъ условіяхъ существованія, въ такомъ исключительномъ, тяжеломъ положеніи, какое не имѣетъ для себя ничего подобнаго въ Украинѣ австрійской.

В. Поточный.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящей книжки разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 1—4; 2) Русская Старина, № 1—4; 3) Историческій Вѣстникъ, № 1—4; 4) Всемірный Вѣстникъ, № 1—4; 5) Вѣстникъ Европы, № 1—4; 6) Міръ Божій, № 1—3; 7 Образованіе, № 1—3; 8) Живая Старина, № 1—2; 9) Записки Науков. Товар. імени Шевченка, т. 62 и 63; 10) Chronik der Ukrainschen Ševčenko-Gesellschaft der Wissenchaften in Lem-

berg. H. III, № 19; 11) Archiv für Slavische Philologie, B. 27, H. 1; 12) Варшав. Унив. Изв., кн. 1; 13) Извѣстія Истор.-Филол. Инст. кн. Безбородко въ Нѣжинѣ, т. XXI; 14) Сборникъ Отд. Рус. яз. и Слов. Имп. Акад. Наукъ. т. 76 и 77; 15) Сборникъ Харьков. Истор.-Филол. Общ., т. 14; 16) Учен. Зап. Юрьевск. Унив., № 1; 17) Зап. Новорос. Унив., т. 99; 18) Mittheilungen der Instituts für oester. Geschichte, B. 26, H. 1; 19) Revue archéologique, № 1—4; 20) Revue des traditions populaires, т. 20, № 1—3; 21) Zeitschrift für Ethnologie, H. 1; 22) Zeitschrift des Vereins für Volkskunde, H. 1; 23) Извѣстія Импер. Акад. Наукъ, т. XXI, 1—2.

Русскій Архивъ 1905 г. № 1—4.

Изъ Елисаветграда. А. П. К. (№ 2. стр. 366—369). Въ этой маленькой замѣткѣ говорится о возникновеніи крѣпости Св. Елисаветы, о могилѣ С. А. Порошина въ Елисаветградѣ и о воспоминаніяхъ въ Елисаветградѣ, связанныхъ съ именемъ кн. Потемкина.

Русская Старина № 1—4.

Н. Лернеръ. Къ исторіи освобожденія крестьянъ (№ 1, стр. 138—153). Въ этой статьѣ приводятся факты крестьянскихъ возмущеній противъ своихъ помѣщиковъ, заимствованные изъ дѣлъ Одесскаго архива бывшаго новороссійскаго генералъ-губернаторскаго управленія. Дѣла эти, начавшіяся въ 1860 году, т. е. за нѣсколько мѣсяцевъ до акта освобожденія крестьянъ, свидѣтельствуютъ о томъ помѣщицьемъ произволѣ, благодаря которому угнетенное крестьянство оказывалось еще привлекаемымъ къ отвѣтственности за тѣ дѣянія, которыхъ не учиняло. Здѣсь-же приводятся выдержки изъ замѣчательной записки новомосковскаго предводителя дворянства Н. Герсеванова, автора знаменитой книжки „Гоголь передъ судомъ обличительной литературы", знаменитой по своему клеветническому тону. Въ такомъ-же тонѣ написана и эта записка въ обличеніе дйствій коммиссіи по крестьянскому вопросу. Читая эту записку, лишній разъ убѣждаешься, что опытъ исторіи не можетъ научить тѣхъ, кто упрямо

склонивъ бодливые рога, идетъ впередъ не озираясь: какъ разъ въ наши дни подобныя-же писанія на современныя темы можно встрѣтить въ опредѣленномъ лагерѣ.

I. А. Горновскій. Къ исторіи харьковскаго земскаго ополченія въ 1812 году (№ 3, стр. 576—598). Здѣсь разсказаны, на основаніи семейнаго архива рода Хорватовъ, эпизоды изъ исторіи харьковскаго ополченія 1812 года, когда Іосифъ Ивановичъ Хорватъ, помѣщикъ харьковскаго уѣзда, единомысленно съ нѣкоторыми другими помѣщиками, выступилъ съ протестомъ противъ сформированія по почину самого дворянства, безъ высочайшаго на то соизволенія, своего земскаго ополченія. Хотя ополченіе и не составилось за ненадобностью его, но Хорвату поставлено было на видъ монаршее неудовольствіе, за его протестъ такъ что Хорватъ въ 1813 году подалъ на высочайшее имя прошеніе, въ которомъ всю вину сваливаетъ на губернатора Бахтина и предводителя дворянства А. Ф. Квитку съ намеками на какія-то личныя причины злобныхъ донесеній на него со стороны губернатора. И Бахтинъ, и Квитка писали по этому поводу длинныя объясненія, текстуально приведенныя въ статьѣ I. А. Горновскаго.

Историч. Вѣстн., № 1—4.

Б. Глинскій. Литературная дѣятельность Д. Л. Мордовцева (№ 2, стр. 579—608). Статья эта написана по поводу исполнившагося въ декабрѣ прошлаго года 50-тилѣтія литературной дѣятельности Д. Л. Мордовцева, извѣстная доля которой была посвящена и нашему украинскому писательству. Краткой оцѣнкѣ этой стороны его литературнаго и научнаго творчества посвящены страницы 601—604.

Д. А. Пахомовъ. По Днѣстру на лодкѣ. (№ 1 и 2). Это есть рядъ путевыхъ замѣтокъ, въ которыхъ въ живомъ изложеніи разсказывается о видахъ, картинахъ, селеніяхъ и городахъ подольской и бессарабской губ., расположенныхъ по Днѣстру.

П. Л. Юдинъ. Н. И. Костомаровъ въ ссылкѣ. (№ 4, стр. 136—153). Здѣсь передано нѣсколько эпизодовъ изъ жизни Н. И. Костомарова въ Саратовѣ, куда онъ былъ сосланъ по дѣлу Кирилло-Меѳодіевскаго Общества въ 1848 г. и гдѣ прожилъ, состоя на службѣ, до 1859 г.

Въ отдѣлѣ *„Критика и библіографія“* помѣщены отзывы о слѣдующихъ книгахъ, касающихся Украины: 1) *М. Грушевскій.*

Очеркъ исторіи украинскаго народа Спб. 1904 г. (№ 2 стр. 694—695); 2) *Иванъ Франко.* Збирныкъ творивъ, 2 тома. Кіевъ 1904 г. (Ibid„ стр. 696 -697)—рецензія А. И. Яцимирскаго; 3) *А. Крыловскій.* Львовское Ставропигіальное братство. Кіевъ 1904 г. Ibid. стр 707---709)—реценз. А. И. Яцимирскаго; 4) *На вичну памьять Котляревському.* Литературный збирныкъ. Кіевъ 1904 г. (Ibid. стр. 709—710)—реценз. А. И. Яцимирскаго; 5) *А. Е. Крымскій.* Филологія и Погодинская гипотеза. Кіевъ 1904 г. (Ibid. стр. 711—717)—рецензія Я. Ав—ва; 6) *И. Абрамовъ.* Царь Максимиліанъ Святочная комедія. Спб. 1904 г. (№ 4, стр. 324—325).

Вѣстникъ Европы, № 1—4.

Ек. Юнге. „Изъ моихъ воспоминаній. 1843—60 гг.“ (№ 2—4). Въ 9-й главѣ этихъ воспоминаній разсказано о моментѣ полученія графомъ Ѳ. П. Толстымъ (отцемъ г-жи Е. Юнгъ) извѣщенія о томъ, что ходатайство его объ освобожденіи Шевченка изъ ссылки привело къ желаннымъ результатамъ (№ 3-й, стр. 170--171). 11-я глава почти вся посвящена превосходнымъ воспоминаніямъ о Шевченкѣ, въ связи съ воспоминаніями о знаменитомъ трагикѣ Ольдриджѣ (№ 4, стр. 763—772).

Въ отдѣлѣ „*Литературное обозрѣніе*“ помѣщена замѣтка о слѣдующихъ книгахъ: 1) „*На вичну памьять Котляревському.* Литерат. збирныкъ. Выдавныцтво „Викъ“. У Кыиви 1904 г. (№ 1, стр. 405—406); 2) *Н. П. Василенко.* „О. М. Бодянскій и его заслуги для изученія Малороссіи“. Кіевъ 1904 г. (№ 2, стр. 855—858); 3) *проф. М. Грушевскій* „Очеркъ исторіи украинскаго народа“. Пет. 1904 г. № 3, стр. 410—422); 4) *А. Ефименко.* „Южная Русь“. Очеркъ, изслѣдованія и замѣтки. Т. I. Спб. 1905. (№ 4, стр. 861- 862); 5) Статьи по славяновѣдѣнію. Вып. I; Изд. Имп. Ак. Наукъ. Спб. 1904 г. (№ 4, стр. 864—865).

Міръ Божій, 1905 г., № 1—3.

Въ *Библіографическомъ отдѣлѣ* помѣщенъ отзывъ В. Сторожева о книгѣ проф. М. С. Грушевскаго „Очеркъ исторіи украинскаго народа“ (№ 2, стр. 49—51).

Живая Старина, 1905 г., I—II.

Г. Яковлевъ. Пословицы, поговорки, крылатыя слова, примѣты и повѣрья, собранныя въ слободѣ Сагунахъ, Острогожскаго уѣзда (стр. 141—180). Въ краткомъ предисловіи авторъ отмѣчаетъ, что населеніе Острогожскаго уѣзда состоитъ по преимуществу изъ малороссовъ, но малороссійская рѣчь подверглась здѣсь сильнымъ измѣненіямъ и между прочимъ въ ней замѣтно книжное вліяніе. Характеризуя этнографическія черты населенія Острогожскаго уѣзда, авторъ говоритъ, что въ средѣ сельской аристократіи народная старина сохраняется въ болѣе чистомъ видѣ, и отъ нея добыта большая часть издаваемаго имъ матеріала. Авторъ характеризуетъ собранный имъ матеріалъ и объясняетъ тѣ рубрики, на которыя онъ подраздѣленъ въ настоящемъ изданіи. Рубрики эти слѣдующія: а) Общаго характера. б) Религіозно-бытового характера: 1) Болѣзнь. 2) Смерть. 3) Личнаго характера. 4) Несчастье, неудача. 5) Ворожба. 6) Ссора и оклеветанье. 7) Гость. в) Различнаго характера. г) Семейнаго характера. д) Хозяйство: 1) Домъ. 2) Пожаръ. 3) Купля и продажа. 4) Сельское и домашнее. е) Погода: 1) По звѣздамъ. 2) По солнцу. 3) По лунѣ. 4) По общимъ признакамъ. 5) По вѣтру. 6) По человѣку. 7) По животнымъ. 8) По птицамъ. 9) По земноводнымъ. 10) По насѣкомымъ. 11) По растеніямъ. ж) Луна. з) Дни недѣли. и) Дополненія ко всѣмъ отдѣламъ.

Авторъ соединилъ пословицы и т. д. на малорусскомъ языкѣ съ тѣми, которыя записаны имъ на книжномъ языкѣ.

Образованіе, 1905 г., № 1—3.

Л. Македоновъ. Н. Ф. Бунаковъ. По личнымъ воспоминаніямъ (№ 1 стр. 147—162). Характеризуя вообще личность извѣстнаго педагога и общественнаго дѣятеля Н. Ф. Бунакова, авторъ даетъ цѣлый рядъ интересныхъ воспоминаній о дѣятельности послѣдняго въ Воронежской губерніи.

Въ отдѣлѣ „*Критика и Библіографія*“ даны отзывы о слѣдующихъ книгахъ, представляющихъ интересъ для украинскаго читателя: Брошюры „Благотворительнаго Общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ“: № 23. *М. Загирня.* Мудрый учытель. № 24. Якъ выгадано машыною издиты. № 25. *М. Ганька.* Якъ дбаешь,

такъ и маешь. № 26. *Т. Шевченко.* Наймычка. 27. *О. Русовъ.* Прыгода на хутори. № 6. *Ф. Немоловськый.* Бжильныцтво. № 9. *Е. Чикаленко.* Розмова про сельске хазяйство. Кн. IV. Выноградъ. Отзывъ о всѣхъ этихъ книгахъ данъ г. А. А. (№ 1, стр. 147—169).

Записки Наук. Товариства імени Шевченка, р. 1904.

Т. LXII. Др. Ів. Франко. Матеріали до історії Коліівщини. III. Польська поема про уманську різню (стр. 1—40). Въ рукописномъ отдѣлѣ библіотеки Оссолинськихъ во Львовѣ есть рукопись (під ч. 266.) новаго письма, которая вся занята матеріалами къ исторіи уманской рѣзни 1768 года. Текстъ этой рукописи исполненъ однимъ хорошимъ, писарскимъ почеркомъ, при чемъ переписанные здѣсь матеріалы представляютъ копіи съ какихъ-то оригиналовъ, о которыхъ въ рукописи ничего не сказано. Зато въ началѣ и въ концѣ отдѣльныхъ статей сдѣланы приписки, изъ которыхъ видно, что настоящая рукопись представляетъ копіи съ матеріаловъ, собранныхъ барономъ Шодуаромъ въ Ивницѣ, и переписана тамъ въ 1840 году для князя Г. Любомірскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ тѣхъ-же приписокъ, сдѣланныхъ, повидимому, рукою князя Любомірскаго мы узнаемъ, что баронъ Шодуаръ въ 30-хъ годахъ XIX ст. занялся собираніемъ матеріаловъ по исторіи Коліивщины и, кромѣ неизвѣстныхъ намъ произведеній, собралъ также копіи съ нѣкоторыхъ документовъ Базиліанскаго монастыря въ Умани и у какого-то шамбеляна Штайна. Др. Франко извлекъ изъ этой рукописи «дві українські вірші зложені якимсь поляком з нагоди Коліївщини» и издалъ ихъ въ 1894 въ «Житю і Слові» (т. II, ст. 65—67). Въ настоящее время онъ рѣшилъ издать и остальные матеріалы этой рукописи, при чемъ начинаетъ съ польской поэмы объ уманской рѣзнѣ. Давъ описаніе всѣхъ статей рукописи, авторъ указываетъ, что ему пришлось поправить кое-какія явныя ошибки, вкравшіяся въ текстъ рукописи, несомнѣнно при перепискѣ. Затѣмъ онъ предлагаетъ самый текстъ поэмы (стр. 5—25). Во второй главѣ своей статьи др. Франко даетъ обзоръ мемуаровъ про уманскую рѣзню, такъ какъ въ этомъ вопросѣ существуетъ большая путаница". Мемуари про уманську різню можемо розділити на кілька груп, які визначають ся тим, що кожда з них має дещо спільного в фактах, їх

груповаю й тенденції; очевидно. користуючи сяними, історик мусить мати се в тямці і прикладати до тих реляцій відповідну критичну міру". Къ первой группѣ авторъ относитъ базиліанскіе мемуары, числомъ 3: 1) свѣдѣнія объ уманской рѣзнѣ, изданные Е. Рачинскимъ въ Познани въ 1842 году (очень рѣдкое изданіе—Obraz Polaków i Polski w XVIII wieku); 2) записки О. Корн. Сорочинського, игумена базиліанскаго монастыря въ Кристинополѣ; 3) изданная въ настоящей статьѣ поэма. Во вторую группу авторъ зачисляетъ сообщенія дѣтей уманскаго губернатора Младановича—Вероники Кребсъ (перевелъ И. И. Рева. К. 1878) и сына П. Младановича (Варшава. 1862), а кромѣ того, сюда же нужно отнести тенденціозныя воспоминанія Липомана, изданныя въ упомянутомъ выше изданіи Рачинського. Совершенно отдѣльно отъ нихъ стоятъ воспоминанія Адама Мотчинського, открывки которыхъ изданы въ 1839 году въ „Przeglądzie dziejów polskich"; полностью они вышли въ 1858 г. въ Познани подъ заглавіемъ—„Pamiętnik do historyi polskiej". Затѣмъ другіе мемуары (ген.-м. Кречетникова и русина уніата) не даютъ интересныхъ свѣдѣній о рѣзнѣ, такъ какъ авторы ихъ находились далеко отъ Умани. Затѣмъ д-ру І. Франку мало извѣстны мемуары кс. тринитарія Брусиловскаго, находящіеся въ рукописи (ч. 4504) Краковскаго университета, но они, конечно, тоже будутъ изданы въ „Запискахъ". Въ заключеніе др. Франко даетъ характеристику изданной имъ поэмы и коментируетъ доставляемыя ею историческія данныя.

В. Доманицький. Козаччина на переломі XVI і XVII в. (1591—1603). VI—X (стр. 65—113). Въ настоящей книжкѣ помѣщено продолженіе изслѣдованія В. Доманицького, первыя главы котораго напечатаны въ 60 и 61 томахъ „Записокъ" (Кіев. Старина, 1904, XI стр., 122 и 1905, III, 204—205). Въ VI главѣ авторъ сначала говоритъ о войнѣ въ Угорщинѣ, а потомъ описываетъ отношенія козаковъ къ Молдавіи и Валахіи въ 1595 году, такъ какъ смѣна господаря въ первой изъ нихъ доставила удобный предлогъ для вторженія и Замойскому, и козакамъ Лободы. Между тѣмъ Наливайко совершилъ не особенно удачный походъ на Тегінь, Білгород, и Кілію и возвратился на Украину лишь передъ Великоднемъ, а затѣмъ двинулся въ Угорщыну въ помощь эрцгерцогу Максимиліану. Описавъ этотъ походъ Наливайка, авторъ говоритъ о томъ погромѣ, который учинилъ на возвратномъ пути Наливайко въ маетности своего врага Калиновського. Слѣдующая глава вся занята изложеніемъ событій, послѣдовавшихъ послѣ

возвращенія Наливайка изъ упомянутаго похода. При этомъ авторъ останавливается на вопросѣ о сношеніяхъ Наливайка съ королемъ и выясняетъ роль Яна Мешковскаго въ этомъ дѣлѣ. Авторъ не довѣряетъ сообщеніямъ источниковъ, будто Мешковскій дѣйствовалъ по порученію короля, не вѣритъ также мнѣнію, будто Наливайко хотѣлъ примириться съ королемъ. Изложивъ въ началѣ VIII главы событія въ первые мѣсяцы 1596 года, В. Доманицький говоритъ о расправѣ козаковъ съ главами уніи Терлецкими и др., а затѣмъ описываетъ мѣры, принятыя польскимъ правительствомъ относительно козаковъ. Какъ извѣстно, смирить козаковъ приказано было гетману Жолкевскому. Дѣйствію его и козаковъ авторъ и посвящаетъ IX и X главы, доводя свой разсказъ до извѣстной осады козацкаго лагеря поляками въ урочищѣ Солониця, около Лубенъ.

Въ отдѣлѣ „*Miscellanea*“ помѣщены слѣдующія статьи:

1) А. Крижановський. Руська „кройника“ з XVII в. (стр. 1—3). Какой-то монахъ Николаевскаго монастыря въ Креховѣ, около Жовквы, переписалъ себѣ „Лимонаръ“, изданный въ Кіевѣ въ 1628 г., а на свободныхъ листахъ, среди всякихъ замѣтокъ, написалъ „для памяти“ безъ всякаго порядку краткія замѣтки о событіяхъ XV—XVII вв. кончая смертью Владислава IV въ 1648 году. Этой „кройникой», какъ назвалъ ее монахъ, пользовался о. А. Петрушевичъ въ своей „Сводной галицко-русской лѣтописи“, но цитаты его отличаются крайней неопредѣленностью. Издавая текстъ „кройники“, А. Крижановський расположилъ записи въ хронологическомъ порядкѣ.

2) *М. Грушевський. П. Литвинова-Бартош. (Некрольог)* (стр. 3). Авторъ даетъ краткій некрологъ П. Литвиновой-Бартошъ, имя которой извѣстно всѣмъ изслѣдователямъ и любителямъ украинской этнографіи.

3) *М. Грушевський. Олександр Пипін. (Некрольог)* (стр. 4—5). Давъ краткій некрологъ покойнаго ученаго, проф. М. Грушевський выясняетъ значеніе его трудовъ для украинскаго народа и науки.

Въ отдѣлѣ „*Наукова хроника*“ помѣщены статьи разныхъ лицъ „*Огляд часописей за р. 1903*“ (стр. 1—64), въ которой авторы даютъ обзоръ русскихъ, польскихъ и венгерскихъ періодическихъ изданій, а также извѣстнаго журнала „*Archiv für slavische Philologie*“. Наиболѣе значительное мѣсто отведено „*Кіевской Старинѣ*“ (стр. 1—13). Въ концѣ приложенъ списокъ разсмотрѣнныхъ журналовъ (стр. 63—46).

Въ отдѣлѣ *„Библiографiя“* даны отзывы о слѣдующихъ книгахъ: 1) Археологическая Лѣтопись Южной. Россiи, за 1903 г. (стр. 1); 2) *Dr. H. Kadaczek.* Złote skarby michałkowskie. Кракiв. 1904 (стр. 2); 3) *С. Гамченко.* Раскопки въ бассейнѣ р. Случи (Труды XI археолог. съѣзда, т. I); (стр. 2—4); 4) *Е. Н. Мельникъ.* Раскопки въ землѣ Лучанъ (ibid.) (стр. 4—5); 5) *И. И. Срезневскiй.* Чтенiя о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ. IV—VIII (Извѣстiя Отд. Рус. яз. и Словесн. Имп. Академiи Наукъ, 1903 г, I) (стр. 5—6); 6) *Д. Айналовъ.* Лѣтопись о начальной порѣ русскаго искусства (Отчетъ С.-Петерб. университета за 1903 г.) (стр. 6—8); 7) *В. В. Святловскiй.* Очерки по экономической исторiи древней Руси (Всемiрный Вѣстникъ, за 1903 г., III) (стр. 8); 8) *А. Ефименко.* Литовско-русскiе данники и ихъ дани (Журн. Мин. Нар. Пр., 1903 г., I) (стр. 8—9); 9) *Н. А. Максимейко.* Русская правда и литовско-русское право (Сборникъ, посвященный М. Ф. Владимiрскому Буданову) и *М. Н. Ясинскiй.* Закупы Русской Правды и памятниковъ западно-русскаго права (ibid.) (стр. 9—11); 11) Archiwum Jana Zamojskiego. Tom I. Warszawa, 1904 (стр. 11—16); 12) *A. Jablonovsky.* Atlas historyczny rzeczypospolitej Polskiej. Dział II; Варшава—Вiдень. 1889—1904 (стр. 16—17; 13) *В. Ѳ. Миллеръ.* Къ былинѣ о князѣ Глѣбѣ Володьевичѣ (Журн. Мин. Нар. Пр. 1903, кн. VI) (стр. 17—18) 14) *В. Крыловъ.* Екатерининская коммиссiя въ ея отношенiи къ духовенству, какъ сословiю (Вѣра и Разумъ, кн. IX—XII) стр. 18—19); 15) *Dr. Jòzef Buzek.* Wpływ polityki żydowskiej rządu austryackiego w latach 1772—do 1778 na wzrost zaludnenia żydowskiego w Galicyi (Czasopismo pravniczne i ekonomiczne, 1903) (стр. 19—25); 16) *М. Довнаръ-Запольскiй.* Историческiй процессъ русскаго народа въ русской историографiи (Рус. Мысль, 1902, III) (стр. 25—26); 17) *В. Даниловъ.* Пѣсни села Андреевки, Нѣжинскаго уѣзда (Сборникъ Историко-филологическаго Общества при Институтѣ князя Безбородка, въ г. Нѣжинѣ, т. V) (стр. 26—29); къ этой рецензiи, въ примѣчанiи, данъ списокъ иcлѣдованiй и сборниковъ по украинской народной поэзiи (стр. 29—30); 18) Рецензiя о 3 изслѣдованiяхъ (стр. 30—31): а) *A. Siewiński.* Bajky, legendy i opowiadania ludowe, zebrane w powiecie Sokalskim (Lud, 1903, I); б) *H. Grochowska.* Gadania zwyczaje i wierzenia we wsi Trościanću w powiecie Sniatyńskim (ibid., IV); в) *H. Goldstein.* Przyczynki do księgi przysłow, przypowiesci i wyraźeń przysłowiowuch polskich S. Adalberga (ibid.); 19) Розвiдки у справозданнях руських гiмназий въ Галичинi за $190^1/_2$ i $190^2/_3$

р. (стр. 32—33): *Др. Стефан Рудницкий.* Про звязь періодычноі діяльности сонця з температурою земскоі атмосфери, стр. 38 (Звіт дирекциі ц. к. академічноі гімназиі у Львові за р. шк. 190$^1/_2$); б) *Др. Михайло Пачовский.* Народний похоронний обряд на Руси, ст. 32 (ibid., р. 190$^2/_3$)—див. бібліографію т. LXI; в) *Сильвестр Яричевский.* Франц Прешерен, найбільший словіньский поет (його житє і твори), ст. 32 (Звіт дирекциі ц. к. II гімназиі в Перемишли за р. шк. 190$^1/_2$); г) *В. Кмиціневич.* Платонова оборона Сократа, ст. 32 (ibid. р. 190$^2/_3$); д) *М. Зибачекъ.* Льогична будова математичних докладів, ст. 32 (Звіт дірекциі ц. к. II гімназиі в Коломиі за р. шк. 190$^1/_2$); е) *Іван Раковский.* Astacus Dybowskii, ст. 40 (ibid., р. 190$^2/_3$).

Въ концѣ этого библіографическаго обзора приложенъ списокъ разсмотрѣнныхъ въ немъ книгъ.

Т. LXIII. *І. Кревецький. Оборонна організація руських селян на галицько-угорськім пограничу в 1848—49 р.р (стр. 1—26).* Настоящая статья была доложена на историческомъ семинаріи проф. Грушевського и печатается здѣсь съ нѣкоторыми поправками согласно сдѣланныхъ профессоромъ замѣчаній. Какъ извѣстно, бурные 1848—49 годы имѣли весьма важное значеніе для галицкихъ русиновъ. Независимо отъ того національнаго движенія, которое происходило въ это время въ Галиціи, «хід історичних подій зложився так, що перед галицьких русинів виринула велика роля—рішати своім кроком політичний уклад кордонів». Вся Австрія была охвачена революціоннымъ движеніемъ, которое достигло наибольшей силы въ Венгріи. Въ самой Галиціи поляки готовы были ежеминутно поднять возстаніе, а ихъ примѣру послѣдовали-бы и русскіе поляки, и тогда императоръ Николай I не могъ-бы двинуть свои войска противъ венгровъ. «Тоді Австрия сама не була-б нічого вдіяла і австрийський кордон виглядав бы нині инакше. Та воно, як звісно, так не сталося. Історична консеквенция перехилила Галицьку Русь на другий бік і вона дуже поважно зашахувала революцийну Польщу. Страшна різня въ Тарнівщині въ 1846 р. була для польськоі шляхти грізним memento. Але вага русинів показала ще більше наглядно. Коли відділи мадярських повстанців загрозили нападомъ на Галичину, а революцийні галицькі елементи чим раз більше позирали на той бік Карпат, тоді австрийське правительство, щоб не ангажувати правильного війська,

яке тоді було дуже потрибне в Італіі, Відні і в самій Угорщині, віддало оборону краю галицько-руським селянам і стало в тій ціли формувати три військові организациі і селянську оборону галицько-угорського погранича, шість відділів добровольців, т. зв. руських стрільців і не доведені до значнійшого результату руські міщанські гвардиі». Настоящая статья посвящена первой изъ этихъ трехъ организацій.

Уже въ концѣ 1848 года венгерскіе отряды начали переходить галицкую границу и безпокоить пограничныя села. Вслѣдствіе этого тогдашній президентъ Залеский, по совѣщанію съ Пехеромъ, издалъ инструкцію (27 падолиста) съ указаніемъ тѣхъ мѣръ, которыя надлежало принять для обороны края отъ вторженій венгровъ. Въ 4-мъ пунктѣ этой инструкціи рекомендовалось привлечь къ участію въ защитѣ Галиціи отъ венгерскихъ отрядовъ также сельское населеніе, но при этомъ губернаторъ долженъ былъ передать организацію этого дѣла въ руки избранныхъ окружныхъ коммиссаровъ. Послѣдніе обязаны были дѣйствовать при обращеніи къ селянамъ разумно и осторожно и, подъ угрозой строгой отвѣтственности, слѣдить за тѣмъ, щоб тих покликаних селян, коли вони сповнять свою задачу, себто дадуть потрібну помоч, *«завертати назад до їх звичайних занятів»*. Вслѣдъ за этой инструкціей старостамъ пограничныхъ округовъ были посланы подробныя указанія (6 січня), какъ организовать эту оборону съ помощью селянъ. Конечно, дѣло не остановилось на указанныхъ распоряженіяхъ. Венгерское возстаніе все болѣе и болѣе разросталось. Поляки въ Галиціи тоже находились въ сильномъ волненіи, а около 3000 поляковъ дѣйствовали даже въ венгерскихъ войскахъ. Защищать границы Галиціи отъ повстанцевъ не было возможности, такъ какъ въ странѣ не хватало войска. Все это заставило поспѣшить съ устройствомъ обороны изъ галицкихъ селянъ, и «в другій половині січня 1849 р. оборонна организация селян була покінчена на цілій лініі східно-галицьких Карпат».

Изложивъ нѣкоторыя подробности защиты Галиціи съ помощью селянъ, авторъ отмѣчаетъ настроеніе, наблюдавшееся въ то время въ странѣ. Сами нѣмцы дивились той рѣдкой преданности Габсбургамъ, какую обнаружили галицкіе-русины. «Руські селяни готові були на всьо відважити ся, щоби тільки оборонити державу і цісаря... Громадські варти відбували завсіди з охотою і вправою без найменьшого нарушення публичного спокою; коли був алярм, завсіди збирали ся в великім числі, а коли не було кого в дома, заступала його жінка або

хлопці. Цілий нарід був одушевлений до цісаря. При оклику „то робимо для нашого цісаря“ кождий від старця до дитини був готовий на кожду жертву. Коли треба було сіна, то його приносили мущини і жінки по наибільшій части безплатно, а коли в місяці жовтні прийшла виплата, зложили значну суму на руських інвалідів з полку Парма».

Въ настоящемъ томѣ «Записокъ» помѣщено лишь начало статьи.

В. Доманицький. Козаччина на переломі XVI і XVII в. (1591—1603). XI—XII (стр. 115—136). Въ настоящемъ томѣ помѣщено продолженіе изслѣдованія В. Доманицького (см. выше), состоящее изъ XI и XII главъ. Въ XI главѣ авторъ описываетъ осаду табора Наливайки и Лободы поляками у Лубенъ. Какъ извѣстно, среди козаковъ царили страшные нелады, сильно тормозившіе ихъ защиту отъ поляковъ. Въ козацкомъ станѣ образовались двѣ партіи—Наливайка и Лободы. Въ результатѣ дѣло окончилось бунтомъ, при чемъ Лобода былъ убитъ, такъ какъ его заподозрили въ сношеніяхъ съ польскимъ гетманомъ. Это еще ухудшило дѣло, и козаки, не имѣя силъ продолжать борьбу дальше, заключили мирный договоръ съ гетманомь Жолкевскимъ, выдавъ ему еще раньше Наливайка и 12 другихъ старшихъ козаковъ. Между тѣмъ Підвисоцький старался подойти къ Лубнамъ, чтобы помочь козакамъ. Тогда Жолкевскій увѣдомилъ его о капитуляціи отряда Наливайка Это извѣстіе заставило Каспра Підвисоцького скликать раду, и тутъ рѣшили присягнуть на вѣрность королю и Рѣчи Посполитой. Гетманъ удовольствовался этимъ и не тронулъ Підвисоцького. Въ дальнѣйшемъ авторъ занимается судьбой Наливайка, такъ какъ свѣдѣнія источниковъ и мнѣнія ученыхъ по этому вопросу даютъ много фантастическаго и часто противорѣчатъ другъ другу. Установивъ на основаніи точныхъ данныхъ день казни Наливайка (11-го квітня 1597 р.), авторъ указываетъ, какъ мало дѣйствовали на козачество тѣ репрессивныя мѣры, которыя поспѣшило пустить въ ходъ польское правительство въ томъ-же 1597 году. Не прошло и двухъ лѣтъ послѣ казни Наливайка, «як козацтво досягло знову такоі сили, що навело страхи на Польщу .... Поки Запороже... не опинилося в руках панів—не можна було задушити козаччину». Въ XII главѣ авторъ говоритъ о событіяхъ на Запорожьи послѣ несчастнаго для козаковъ исхода Солоницкой битвы. Отмѣтивъ, что эта неудача вызвала стремленіе у небольшой группы запорожцевъ выказать свою лойяльность польскому правительству, авторъ говоритъ, что вслѣдствіе этого

гетманомъ («старшим») былъ выбранъ шляхтичъ-козакъ Христофоръ Нечковський. Разсмотрѣвъ имѣющіяся свѣдѣнія объ этомъ гетманѣ, авторъ говоритъ, что лѣтомъ 1597 года гетманомъ былъ уже другой сторонникъ Польши—Н. Василовичъ. Но въ 1597—98 годахъ на Запорожьи возникли серьозные нелады: запорожскіе козаки разбились на двѣ различныхъ партіи, которыя наблюдаются въ козачествѣ и послѣ, особенно въ періодъ отъ Сагайдачного до Острянина: одна была болѣе радикальной и стояла за независимость ни отъ кого и свободу дѣйствій, а другая отличалась склонностью къ миролюбію и угодливости польскому правительству. Главою послѣдней партіи во второй половинѣ 1597 года является Тихонъ Байбуза. Очертивъ дѣятельность и личность этого лица, авторъ указываетъ, что радикальная партія на Запорожьи все возрастала, и во главѣ ея стали нѣкто Мітла и Фльоріян Гедройтъ, извѣстный соучастникъ обоихъ Наливайківъ. Они подняли новый походъ на панскія маетности, но предпріятіе ихъ окончилось неудачно: Мітла былъ убитъ, а Гедройтъ попалъ въ плѣнъ. На этомъ прекращаются извѣстія о запорожцахъ вплоть до половины 1600 года. Авторъ заключаетъ главу разсмотрѣніемъ мнѣнія ученыхъ, что въ 1599 году въ Січи кошевымъ былъ Семенъ Скалозубъ. «У всякім разі, говоритъ онъ, певних доказів отаманування чи гетьманування Скалозуба в р. 1599 не маемо жадних».

М. Грушевський. Матеріали до історії суспільно-політичних і економічних відносин західньої України. Серія перша (1361—1530), ч. 1—43 (стр. V+1—46). Въ настоящей книжкѣ проф. Грушевський началъ опубликовывать серію матеріаловъ, которые имѣютъ цѣлью пополнить наши пробѣлы по общественно-политической и экономической исторіи Западной Украины подъ польскимъ владычествомъ, начиная съ перваго момента подчиненія Галичины и Поділя Польшѣ. Опубликовываемый матеріалъ дѣлится на нѣсколько цикловъ, а послѣдніе, въ свою очередь, распадаются на меньшія группы. Проф. Грушевскій опубликовываетъ пока документы перваго цикла (80 №№), при чемъ въ настоящемъ томѣ напечатаны 43 документа, а остальные войдутъ въ слѣдующій томъ. Главное мѣсто въ первой серіи занимаютъ матеріалы по исторіи шляхетскаго землевладѣнія конца XIV и первой половины XV вѣковъ преимущественно въ западной части Поділя (головно для повітів Хмельницького і Летичівського) и только часть относится къ Галичинѣ. Затѣмъ идутъ документы, освѣщающіе слѣдующіе вопросы: 1) привилеи Витовта; 2) общественно-экономи-

ческое положеніе селянъ во второй половинѣ XVI и первой половинѣ XVII вѣковъ; 3) привелеі сіл на праві німецьким; 4) нѣмецкое право въ городахъ; 5) администрація; 6) положеніе православныхъ и православной церкви; 7) торговля, мытная система. Всѣ эти документы извлечены изъ слѣдующихъ архивовъ: Львівський краєвий архивъ, Кіевскій центральный архивъ, Коронная метрика въ Варшавскомъ центральномъ архивѣ и Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи.

Въ отдѣдѣ «*Miscellanea*» помѣщены слѣдующія статьи:

1) *Др. Ів. Франко. Дві вихідні карти* (стр. 1—6). Авторъ говоритъ, что «старі руські друкарі мали звичай при кінці книжки, особливо коли се було більше та коштовнійше видане, містити коротке оповидане, коли і при яких обставинах друкувала ся книжка, які перешкоди спиняли ії друк або які иньші цікаві обставини варті були зазначеня. Остатня карта книги з такою увагою від друкаря зветь ся в бібліографіі вихідною картою, а само оповідане вихідною літописью». Такія «вихідні літописи» имѣютъ большое значеніе для библіографовъ и должны быть собраны и изданы. Къ сожалѣнію, большая часть ихъ погибла, такъ какъ уніатское духовенство, желая уничтожить на книгахъ всякіе слѣды православія, подвергало ихъ гоненію и тщательно уничтожало. Даже оба митрополита Сембратовичи занимались этимъ. Автору удалось найти двѣ «вихідні картки», которыя онъ и издаетъ здѣсь. Одна изъ нихъ приложена къ Осьмогласнику, изданному львовскимъ Ставропигійскимъ братствомъ въ 1639 г., а другая —къ Ирмологіону, изданному «в р. 1700 у друкарні сьвятоюрській у Львові, яку заснував був епископ Йосиф Шумлянський для конкуренції з православною ще тоді Ставропігією».

2) *Ю. Романчук. Незнані вірші на смерть Шевченка* (стр. 7—8). Въ бумагахъ съ произведеніями Артемовського-Гулака нашлось стихотвореніе на смерть Т. Г. Шевченка, подписанное какимъ-то Иваномъ Богомоловымъ. Оно написано на той-же бумагѣ и такимъ-же почеркомъ, какъ и всѣ стихотворенія Артемовського-Гулака, присланныя Житецькимъ, но безусловно принадлежитъ не ему. Представляетъ-ли указанная фамилія псевдонимъ или нѣтъ, авторъ не можетъ сказать утвердительно. Но во всякомъ случаѣ видно, что Богомоловъ не зналъ близко ни Шевченка, ни его произведеній, и былъ ярымъ славянофиломъ, такъ какъ сопоставляетъ смерть Шевченка со смертью Ганки.

3) *В. Гнатюк. Чи бачванський говір словацький (стр. 8—12).* Авторъ приходитъ къ заключенію, что бачванскій говоръ нельзя причислить къ безусловно словацкимъ, при чемъ ссылается на авторитетъ покойнаго проф. Потебни. Въ приложеніи къ своей статьѣ онъ перепечатываетъ пять заблудившихъ пѣсенъ, изданныхъ О. Потебней, при чемъ отмѣчаетъ формы и слова, «що відмінні в бачванськім говорі», а для сравненія съ ними издаетъ одну бачванскую пѣсню.

Въ отдѣлѣ *„Наукова хроніка“* помѣщенъ очеркъ *З. Кузелі „Антропольогічні й археольогічні часописи за р. 1903“* (стр. 1—20). Здѣсь данъ обзоръ исключительно западно-европейскихъ антропологическихъ и археологическихъ періодическихъ изданій.

Въ отдѣлѣ *„Бібліографія“* даны отзывы о слѣдующихъ книгахъ. 1) *Światowit*, т. I—V. Варшава 1899—1904 (стр. 1—6), 2) *Д. Иловайскій.*. Вторая дополнительная полемика по вопросамъ варяго-русскому и болгаро-гуннскому. М. 1902 (стр. 6); 3) *E. v. Bogusławski.* Einführung in die Geschichte der Slawen. Jena. 1904 (стр. 6—8); 4) *Н. М. Карпинскій.* Остромирово Евангеліе какъ памятникъ древне-русскаго языка (Журн. Мин. Нар. Пр., 1903 г., кн. V) (стр. 8—10); 5) *А. И. Черепнинъ.* О кіевскихъ денежныхъ гривнахъ (Труды XI археол. съѣзда, т. II) (стр. 10—12); 6) *Kállay Ubul.* Mikor koronáztákmeg Kálmánt, Halics felkent királyát a pápától küldött koronával? (Századok, XXXVII, 1903 (стр. 12); 7) *В. Сергѣевичъ.* Древности русскаго права. Т. 3. Спб. (стр. 12—13); 8) *Dr. St. Kutrzeba.* Starostowie ich początki i rozvój do końca XIV w. Rozprawy wydz hist.-filoz, т XLVI, 1903) (стр. 13—14); 9) *И. В. Якубовскій. Земскіе привилеи вел. княж. Литовскаго, ч. II* (Ж. М. Н. П., 1903, VI) (стр. 14—15); 10) *Dr. S. Rundstein.* Ludnośc wieśniacza zemi halickiej w wieku XV Львів. 1903 (стр. 15) 11) Русско-еврейскій архивъ. Т. III. Спб. 1903 (стр. 15—16); 13) *J. Zubrzycki.* Miasto Jarosław i jego zabytki (Sprawozdania komisyi do badania historyi sztuki w Polsce, т. VII, вып. III. 1903) (стр. 16—17); 13) *L. Kubala.* Przysięga w Perejasławiu i «stati» B. Chmelnickiego (Kwart. hist, 1904) (стр. 17—19); 14) *О. Левицкій.* Объ актов. книгахъ, относящихся къ исторіи Юго-Зап. края и Малороссіи (Труды XI археолог. съѣзда, т. II) (стр. 20—21) 15); *Е. Радакова.* О ревизіяхъ въ Малороссіи XVIII ст. (ibid.) (стр. 21—22); 16) *П. А. Ивановъ.* Къ исторіи Запорож. козаковъ

послѣ уничтоженія Сѣчи (Записки Одес. Общ. Ист. и Др., т. XXV) (стр. 22—23); 17) *Л. Орда.* Страничка изъ исторіи просвѣщенія на Волыни. Луцкъ. 1903 (стр. 23--24); 18) *Br. Łoziński.* Z historyi stanów galicyjskich (Bibl. Warsz., t. II, 1904) (стр. 24--25); 19) Dr. Br. Łoziński. Galicyjski Sejm Stanow 1817—1845. Львів. 1905 (стр. 25—26); 20) *T. Lechoczky.* A beregmegyev görögszertartásu katholikus lelkészségek története a XIX század végeig. Мункачъ 1904 (стр. 26—27); 21) *A. Brückner.* Dzieje literatury polskiej w zarysie. I—II. Warszawa. 1902 (стр. 27—29); 22) *В. Лесевичъ.* Е. П. Гребенка. (Рус. Мысль, 1904, кн. I) (стр. 29); 23) *Н. Василенко.* І. М. Бодянскій и его заслуги для изученія Малороссіи. К. 1904 (стр. 29—30); 24) *А. Schachmatov.* Wie im Kleinrussischen die Palatalisation der Consonanten *e* undi *i* verloren ging (Arch. f. sl. Philol., XXV, 1903), (стр. 30—31); 25) *M. Sokołowski.* Drzeworyty ludowe (Spr. kom. do bad. hist. szt. w Pol., m. VII, вып. III, 1903) (стр. 31—32).

Въ концѣ обзора книгъ и журналовъ, перечисленныхъ выше, приложенъ списокъ ихъ (стр. 32—33).

Къ этому тому «Записокъ» приложены: 1) *Покажчик до томів LVII—LXII Записок Наукового Товариства імени Шевченка* (стр. 1—24); 24) *Зміст т. I—LXII (по німецьки)* (стр. 25—33).

Chronik der Ukrainischen Ševčenko-Gesellschaft der Wissenschaften in Lemberg, H. III, № 19.

Большая часть настоящей тетради «Хроники» занята протоколами общаго собранія 29 іюня 1904 года, Правленія Общества, секцій и коммиссій. Въ концѣ приложена слѣдующая замѣтка съ особымъ заглавіемъ:

Dr. S. Dnistrjanškyj. Teilnahme der Geselschaft an dem čechischen Juristentag (стр. 30—31). Въ этой замѣткѣ авторъ даетъ отчетъ о съѣздѣ юристовъ въ Паргѣ 21 мая 1904 года.

Въ концѣ «Хроники» приложенъ, по обыкновенію, списокъ новыхъ изданій Общества.

Archiv für slavische Philologie, 1905, в. 27.

K. Štrekeli. Slavische Wortdeutungen (стр. 41—72). Авторъ даетъ изслѣдованіе объ измѣненіяхъ въ значеніи нѣкоторыхъ славянскихъ словъ, при чемъ не только разсматриваетъ постепенное измѣненіе ихъ значенія, но также сопоставляетъ ихъ смыслъ въ различныхъ славянскихъ языкахъ и нарѣчіяхъ. При этомъ онъ пользуется также данными украинскаго языка.

Варшав. Унив. Извѣстія, 1905 г., кн. I.

А. Д. Погодинъ. Изслѣдованія въ области народной пѣсни (стр. 1—64). Въ первой большой главѣ своего изслѣдованія авторъ останавливается на еврейскихъ народныхъ пѣсняхъ въ Россіи. Интересъ къ этимъ пѣснямъ вызванъ у автора изданіемъ редактора „Восходъ"—*„Еврейскія народныя пѣсни въ Россіи. Собраны и изданы подъ редакціей и съ введеніемъ С. М. Гинзбурга и П. С. Марека"*. Эти пѣсни записаны преимущественно въ Литвѣ и на Волыни. Авторъ останавливается на данной книгѣ, чтобы познакомить русскую публику съ идеалами и особенностями еврейскаго міросозерцанія, насколько это выражается въ разсматриваемыхъ имъ пѣсняхъ. Впрочемъ, онъ не ограничивается этой задачей и касается языка, на которомъ сложены еврейскія народныя пѣсни. Вторая глава этого изслѣдованія посвящена литовской пѣснѣ-сказкѣ.

Извѣстія Истор.-Филол. Инст. кн. Безбородко въ Нѣжинѣ, т. XXI.

М. Сперанскій. Рукописное собраніе библіотеки Историко-Филологическаго Института князя Безбородко въ г. Нѣжинѣ. Пріобрѣтенія 1901—1903 гг. (стр. 1—28). Авторъ даетъ описаніе рукописей, поступившихъ въ институтскую библіотеку въ 1901—1903 годахъ. Изъ описанныхъ здѣсь рукописей для украинскаго читателя могутъ представить тотъ или иной интересъ слѣдующія: 128 (16240). Тріодь конца XVII в. (стр. 5); 133 (16808). Письмо Н. В. Гоголя 1852 года къ И. И. Барановскому (издано въ Гоголевскомъ сборникѣ Института) (стр. 9); 134 (16248). Бумаги, относящіяся къ Н. В. Го-

голю (стр. 9—10): 1) Письмо В. А. Гоголя въ гимназію высшихъ наукъ въ г. Нѣжинѣ отъ 12 февраля 1821 года; 2) Отвѣтъ (черновой) Конференціи Гимназіи высшихъ наукъ; 4) Письмо М. Щербака, родственника Н. В. Гоголя, отъ 25 іюня 1821 года съ просьбой объ отпускѣ послѣдняго; 5) Письмо гр. А. Г. Кушелева-Безбородка отъ 22 марта 1822 года о принятіи Н. В. Гоголя въ число гимназическихъ пансіонеровъ; 6) Прошеніе Н. В. Гоголя отъ 20 августа 1827 года о допущеніи его, ученика IV класса, къ экзамену по языкамъ; 7) Показанія учениковъ о лекціяхъ по естественному праву, читанныхъ проф. Бѣлоусовымъ; 8) Журналы Конференціи Гимназіи высшихъ наукъ по фортификаціи, исполненной Н. В. Гоголемъ въ 1828 году. 139 (16856) Руно орошенное, списанное около половины XVIII в. съ печатнаго черниговскаго изданія 1691 года (стр. 11). 140 (16854). Рукописи Н. Е. Скворцова, бывшаго директора Института (стр. 11—12). 142 (Общ.). Сборникъ, вторая часть котораго написана южно-русскимъ почеркомъ XVIII—XVIII в. (стр. 13—17). 143 (16984). Заговоры изъ Ични черниговской губерніи (стр. 17). 144 (16791). Школьное дѣйство начала XVII в. (стр. 17—21) (16790). Школьное дѣйство XVIII в. (стр. 21—26). 146 (19895). Лечебникъ второй половины XVIII в. (стр. 26—28). 147 (16933). Жалованная грамота 1696 года войсковому товарищу стародубскаго полка с. Улѣзнѣ (издана въ Сборникѣ Общества при Институтѣ, т. V) (стр. 28). 148 (16934). Росписка нѣжинскаго жителя М. Сердюченка Прокопу Пилипчаку 1749 года (издана тамъ-же) (стр. 28). Письмо императора Александра I къ епискспу черниговскому Виктору отъ 8 апрѣля 1801 года (издано тамъ-же) (стр. 28).

Сборн. Отдѣл. Рус. яз. и Слов. Имп. Акад. Наукъ, т. 76.

Е. Ѳ. Будде. О говорахъ тульской и орловской губерній (стр. I—II и 1—148). Авторъ собиралъ матеріалы, чтобы выяснить и рѣшить два вопроса: 1) есть-ли въ орловской губерніи признаки говора, считаемаго вятичскимъ? 2) существуютъ-ли въ говорѣ крестьянъ орловской губерніи слѣды смѣшаннаго населенія вятичей и сѣверянъ? Въ силу этого настоящій трудъ извѣстнаго ученаго представляетъ интересъ и для украинскихъ читателей. Онъ состоитъ изъ предисловія, матеріаловъ, изслѣдованія въ области фонетики этихъ говоровъ.

словарика и перечня особенностей этихъ говоровъ. Матеріалы собраны въ новосильскомъ уѣздѣ, тульской губерніи, въ орловскомъ, мценскомъ, карачевскомъ и брянскомъ уѣздахъ, орловской губерніи.

П. Н. Тихановъ Брянскій говоръ. Замѣтки изъ области русской этнологіи (стр. I—IV и 1—263). Появленіе въ „Сборникѣ" этой статьи, въ сильной степени причастной также къ публицистикѣ въ духѣ ретроградныхъ газетъ и журналовъ, вызываетъ невольное изумленіе, потому что мы привыкли встрѣчать только серьезные научные труды въ разсматриваемомъ органѣ столь солиднаго учрежденія, какъ Отдѣленіе Русскаго языка Словесности Императорской Академіи Наукъ. Между тѣмъ въ каждой строчкѣ этого произведенія виденъ дилетантъ, которому совершенно чужды общепринятые методы научнаго изслѣдованія вопроса. Зато столь крупный недостатокъ восполняется съ избыткомъ большимъ апломбомъ автора и его тенденціозностью, благодаря чему и нашему несчастному украинскому языку преподносятся упреки, заимствованные изъ „Кіевлянина" и компаніи. Содержаніе этого произведенія изложить невозможно, такъ какъ оно принадлежитъ къ числу литературныхъ винигретовъ. Научнаго матеріала въ немъ почти нѣтъ.

М. Г. Халанскій. Народные говоры курской губерніи (стр. 1—382). Настоящее прекрасное изслѣдованіе представляетъ крупный интересъ для изслѣдователей и любителей украинской этнографіи, народной поэзіи и языка. Авторъ даетъ сначала краткое изслѣдованіе о народныхъ говорахъ курской губерніи (стр. 1—48), въ населеніи которой имѣется значительное количество украинцевъ, а затѣмъ издаетъ собранные имъ матеріалы по діалектологіи и народной поэзіи курской губерніи и волчанскаго уѣзда, харьковской губерніи. Большая часть матеріала относится къ великороссамъ, а часть пѣсенъ записана среди украинскаго населенія (стр. 321—360). Конечно, настоящее изслѣдованіе автора, какъ и всѣ его произведенія, отличается строгой научностью и объективностью и не имѣетъ ничего общаго съ отмѣченнымъ выше произведеніемъ г. Тиханова.

Сборникъ Харьков Истор.-Филол. Общества, т. 14.

Настоящій томъ „Сборника" раздѣленъ на шесть отдѣловъ съ особой нумераціей страницъ въ каждомъ изъ нихъ. Въ I отдѣлѣ

всѣ статьи представляютъ тотъ или другой интересъ для украинскаго читателя, а потому мы и остановимся нѣсколько на нихъ.

1) *Двадцатипятилѣтіе Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ (1877—1902). Торжественное засѣданіе 22 февраля 1902 г. (стр. 1—16).* Настоящая статья содержитъ краткій протоколъ торжественнаго засѣданія общества 22 февраля 1902 года и полученныя имъ по случаю юбилея привѣтствія.

2) *Н. Ф. Сумцовъ. Двадцатипятилѣтіе Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ (стр. 17—27).* Настоящая статья представляетъ рѣчь, произнесенную проф. Н. Ф. Сумцовымъ въ торжественномъ засѣданіи Общества 22 февраля 1902 года. Представивъ краткую картину развитія историческихъ знаній вообще, ораторъ говоритъ о возниковеніи и дѣятельности историческихъ обществъ въ Россіи и переходитъ затѣмъ къ характеристикѣ трудовъ и значенія Ист.-Фил. Общества при Харьк. Университетѣ не только для мѣстнаго края, но и въ ряду другихъ обществъ, занимающихся исторіей и соприкасающимися съ ней науками.

3) *З. Е. Рѣдинъ. Ученая дѣятельность Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Университетѣ за первыя двадцать пять лѣтъ его существованія* (стр. 29—74). Авторъ характеризуетъ въ своемъ очеркѣ ученую дѣятельность Общества и сообщаетъ фактическія данныя по этому вопросу.

4) *Е. М. Ивановъ. Харьковскій Историческій Архивъ (стр. 75—108).* Архивъ находится въ вѣдѣніи Ист.-Фил. Общества, вслѣдствіе чего историческій очеркъ его и включенъ въ число статей, посвященныхъ 25-лѣтнему юбилею Общества. Авторъ даетъ исторію Архива и характеризуетъ его организацію и составъ. Какъ извѣстно, Архивъ содержитъ богатѣйшій матеріалъ для исторіи Лѣвобережной и Слободской Украинѣ.

5) *А. В. Ветуховъ. О дѣятельности педагогическаго отдѣла Х. И.-Ф. Общества въ первое десятилѣтіе 1899—1902 года (стр. 109—122).* Авторъ излагаетъ кратко исторію отдѣла и характеризуетъ его дѣятельность. Въ приложеніи онъ даетъ списки докладовъ, прочитанныхъ въ отдѣлѣ, членовъ его и общедоступныхъ научныхъ чтеній съ свѣтовыми картинами, устроенныхъ отдѣломъ.

Второй отдѣлъ „Сборника“ (стр. I—XCIV) занятъ протоколами засѣданій Общества за 1899—1903 академическіе годы.

Третій отдѣлъ (стр. 1—34) посвященъ памяти проф. И. Н. Миклашевскаго и содержитъ рѣчи, статьи и замѣтки (числомъ 10) В. Ф. Левитскаго, Д. И. Багалѣя, Н. А. Гродескула, Н. А. Максимейка и др. лицъ.

Четвертый отдѣлъ (стр. 1—174) „Сборника“ посвященъ памяти проф. А. И. Кирпичникова и состоитъ изъ 34 статей разныхъ лицъ. Статьи характеризуютъ личность, общественную и ученую дѣятельность покойнаго профессора. Очерки Е. К. Рѣдина, Д. Языкова и М. Г. Попруженка даютъ библіографическіе обзоры трудовъ проф. А. И. Кирпичникова.

Шестой отдѣлъ „Сборника“ (стр. 1—6) содержитъ списокъ изданій Общества.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ украинскому вопросу. Въ 1896 году поступило въ Императ. Публичн. Библіот. интересное собраніе бумагъ статсъ-секретаря Ѳ. П. Корнилова, съ 1849 года занимавшаго важныя административныя должности; управляющаго канцеляріей Московск. генералъ-губернатора, Московск. гражданскаго губернатора, управляющаго дѣлами комитета министровъ и, наконецъ, члена Государственнаго совѣта. Среди бумагъ этихъ находится связка дѣлъ по такъ называемому западному комитету, вѣдавшему дѣлами сѣверо-западнаго и юго-западнаго края. Здѣсь, между прочимъ, мы встрѣтили „Сводъ предположеній, относящихся до западняго края, изложенныхъ во всеподданнѣйшихъ донесеніяхъ кн. Васильчикова (кіевскаго генералъ-губернатора) и В. И. Назимова (генералъ-губернатора западнаго края) за 1861 и 1862 гг." На основаніи этихъ донесеній, въ министерствѣ внутрен. дѣлъ былъ составленъ „Очеркъ общаго хода дѣлъ въ западномъ краѣ съ начала 1861 года". Въ бумагахъ Ѳ. П. Корнилова имѣется рукопись „Замѣчанія" на этотъ „Очеркъ", кѣмъ написанныя — не поименовано. Глава 9-я этихъ замѣчаній касается украинскаго вопроса и высказываетъ слѣдующія мысли:

„Князь Васильчиковъ не признаетъ полезнымъ ни преподаваніе простолюдинамъ малороссійскаго языка, ни изданіе на этомъ языкѣ учебниковъ, священныхъ книгъ и правительственныхъ распоряженій. Между тѣмъ онъ не отвергаетъ пользы проповѣдыванія слова Божія на малороссійскомъ языкѣ. Едва-ли можно соединить эти двѣ мысли. Министръ внутрен. дѣлъ въ подтвержденіе мысли кн. Васильчикова

замѣчаетъ, что въ усиліяхъ разныхъ лицъ къ поддержанію и развитію отдѣльнаго чувства малороссійской народности лежитъ стремленіе къ федеративному началу. Можетъ быть это и такъ: министръ внутрен. дѣлъ объ этомъ можетъ судить лучше, нежели частное лицо. Нельзя однако-же при этомъ не замѣтить, что не только стремленіе къ федеративному началу, но и осуществленіе его можетъ проявляться въ средѣ населеній, принадлежащихъ къ одной народности, говорящихъ однимъ языкомъ; доказательствомъ служитъ Сѣверная Америка, Швейцарія и, наконецъ, Германія, и напротивъ—единое и самодержавное начало можетъ лежать въ основаніяхъ государственной связи между разнородными племенами: доказательство—наши Остзейскія губерніи, соединеніе которыхъ съ прочими частями Имперіи конечно основано не на федеративномъ началѣ, между тѣмъ въ этихъ губерніяхъ даже оффиціальный языкъ нѣмецкій, и въ училищахъ народъ обучается его природнымъ языкамъ—эстонскому (даже двумъ нарѣчіямъ) и латышскому. Шотландское нарѣчіе почти непонятно для англичанъ; на немъ много пишется и печатается, между тѣмъ Шотландія и Англія живутъ въ тѣснѣйшемъ соединеніи подъ единодержавіемъ. Изъ того, что нѣкоторые стараются возстановить или лучше—создать письменность на малороссійскомъ языкѣ, едва ли можно заключать о стремленіи къ федераціи, если на то нѣтъ другихъ, болѣе положительныхъ доказательствъ. Но еслибъ и было что-либо подобное, то между желаніемъ нѣсколькихъ частныхъ лицъ и стремленіемъ массы народа огромное разстояніе".

Оказывается, что и этому благопріятному для украинскаго вопроса заключенію, составленному въ Западномъ комитетѣ, не удалось отвратить тѣхъ злоключеній, которыя постигли украинскую письменность въ 1863-мъ году.

В. Науменко.

Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его отношенія къ евреямъ. Бѣдна исторіографія русскихъ евреевъ. Несмотря на то, что евреи проникли въ Россію, вѣроятно, еще при первыхъ Рюриковичахъ и что во многихъ мѣстностяхъ нашего обширнѣйшаго отечества евреи поселились задолго еще до появленія тамъ такъ называемаго кореннаго населенія, мы до сихъ поръ не имѣемъ еще обстоятельной, научно написанной исторіи нашего народа въ этой странѣ.

Мало того. До послѣдняго времени не извлечена еще и не разработана даже ничтожная часть многочисленныхъ и цѣнныхъ матеріаловъ, хранящихся въ различныхъ архивахъ и книгохранилищахъ и могущихъ разсказать очень много интереснаго и поучительнаго о прошломъ нашего народа въ Россіи. Даже тотъ научный историческій матеріалъ, заключающійся въ регестахъ и надписяхъ, собранныхъ и изданныхъ членами историко-этнографической коммисіи при обществѣ Распространенія Просвѣщенія, матеріалъ, могущій освѣтить ту или другую эпоху изъ исторіи евреевъ въ Россіи, ту или другую сторону ихъ прошлой частной и общественной жизни, а главнымъ образомъ, ихъ юридическое и соціальное положеніе въ этой странѣ, отношенія къ нимъ оффиціальныхъ сферъ,—даже этотъ матеріалъ почти еще не использованъ и ждетъ еще своего историка. Русскіе антисемиты. въ оправданіе существующихъ ограничительныхъ законовъ о евреяхъ, продолжаютъ называть этихъ послѣднихъ пришлымъ и вреднымъ элементомъ, явившимся сюда чуть ли не со вчерашняго дня; лицемѣрные глашатаи „Новаго Времени“ не перестаютъ доказывать своимъ читателямъ того историческаго абсурда, будто русскій народъ всегда относился враждебно къ евреямъ и что вражда эта объяснялась и объясняется дурными и отрицательными особенностями еврейскаго характера и еврейской морали. А между тѣмъ, для безпристрастнаго историка, ищущаго одной только объективной правды, теперь вполнѣ ясно. что отношенія русскихъ къ евреямъ во всей ихъ совмѣстной жизни были всегда добросовѣстны и благожелательны; что не только простой народъ, но и многіе представители свѣтской и духовной власти смотрѣли на евреевъ, какъ на полезныхъ гражданъ, не мало способствовавшихъ экономическому процвѣтанію страны. Я не буду приводить существующихъ на этотъ счетъ печатныхъ матеріаловъ, доступныхъ всякому интересующемуся этимъ вопросомъ. Я приведу здѣсь содержаніе одного въ высшей степени любопытнаго документа, отражающаго взгляды на евреевъ одного изъ выдающихся и авторитетнѣйшихъ южно-русскихъ пастырей, кіевскаго митрополита первой половины XVII столѣтія, *Петра Могилы*. Документъ этотъ до сихъ поръ не изданъ еще и извлеченъ изъ такъ называемыхъ Грамотъ Образцовыхъ – рукописнаго сборника Московской Синодальной Типографской библіотеки, № 390, листъ 16 [1]).

---

[1]) Документъ этотъ любезно доставленъ намъ С. Т. Голубевымъ.

Документъ этотъ носитъ названіе „Грамоты, благословляющей евреевъ рѣзь ихъ христіанамъ покупать". Вотъ его содержаніе.

„Всѣмъ вообще священникамъ и христіанамъ набожнымъ людямъ, кому то потребуется, мы объявляемъ, что смиреніе наше, принявъ во вниманіе 1) свободу христіанскую и несвободу ветхозавѣтную и людей ветхозавѣтныхъ, которые подъ страхомъ проклятія обязаны соблюдать записанные въ законѣ Моисеевѣ обрѣзаніе и ограниченіе относительно яствъ (бракованіе яствъ), между тѣмъ, какъ христіане свободны отъ этихъ ограниченій, и имъ позволено и благословлено все, что на рынкѣ и въ лавкахъ продается съѣстнаго; 2) *что христіане мирно ведутъ съ ветхозавѣтными людьми торговлю другими предметами*,— позволяется и благословляется христіанамъ, сынамъ нашимъ духовнымъ, съ благословенья Божьяго покупать и съ благодарностью Господу Богу за Его дары употреблять съѣстныя вещи, мясо говяжье и баранье *рѣзанья еврейскаго. Сверхъ того мы приглашаемъ всѣхъ, живущихъ подъ однимъ закономъ, къ сосѣдской дружбѣ, согласію и пріязни*, а челяди храстіанской, служащей у евреевъ, соблюдать законы и обряды христіанскіе, соблюдать воскресенье, чего господа ихъ старозаконные не должны возбранять; мы побуждаемъ ихъ учить челядь свою боязни Божіей".

Какъ мало гармонируетъ этотъ проникнутый любовнымъ отношеніемъ къ евреямъ призывъ авторитетнаго митрополита Петра Могилы съ лживыми и лицемѣрными бреднями „Новаго Времени" объ исконной русско-еврейской ненависти, доказываемой и оправдываемой будто бы исторіей, и какъ громко возвышается истино-пастырскій голосъ упомянутаго митрополита надъ ядовитой и непростительной проповѣдью человѣконенавистничества, избиравшей своей трибуной органъ русскаго духовенства—«Церковный Вѣстникъ»...

И. В. Галантъ.

—

Всѣмъ веспоъ братіямъ священникомъ и христіанскимъ побожнымъ людемъ, кому то належати будетъ, вѣдомо чинимъ, ижъ смиреніе наше, уваживши свободу христіанскую и неволю закона старего и людей старозаконныхъ, где подъ проклятствомъ до всего обовязаны, што въ законѣ Моисеевомъ написано, зостаючи, обрѣзкою и бракованемъ покормовъ зневолены будучи не всѣхъ даровъ Божіихъ уживаютъ, а христіаномъ, браку или бракованя старозаконнего вызволенымъ, все што колвекъ на рынку и въ яткахъ ѣдомое

продавано есть, благословено, и позволено, ижъ они пожитки, купли и гандли христіане з старозаконными людьми ведуть и в политицѣ отправуютъ, теды и речей ядомыхъ, мясъ яловичихъ и баранихъ рѣзаня жидовского, з благословеніемъ Божіимъ куповати и з подякованемъ Господу Богу за его даръ уживати, людемъ христіанскимъ, сыномъ своимъ духовнымъ, позволяемъ и благословляемъ, и всѣхъ вмѣстѣ живучих подъ единымъ закономъ до сусѣдское звычайности и згоды и пріязни напоминаемъ, и челяди хрестианской, абы у жидовъ служачи закону своего христианского и набоженства церковного што недели заживати и пилновати хотѣли, приказуемъ, чого панове ихъ старозаконные взбороняти имъ не манетъ и овшемъ до того побужати, абыся боязни Божое челядь ихъ учили. До того за таковую противъ людей еврейскихъ нашу зычливость, по оныхъ самыхъ того потребуемъ, абы панове арендари, кгдысе трафитъ въ свяченю каноновъ и въ вареню пивъ на празники святъ нарочитыхъ, безъ браня приходовъ броварныхъ и арендарскихъ, тымъ братіи нашой христіяномъ на церковную потребу позволяти абы не отмовилися чимъ, по иныхъ мѣстехъ и обѣтницею ихъ естесми упевнены: и то тымъ писанемъ нашимъ по братіахъ нашихъ и по нихъ самих мѣти хотѣчи, при печати митрополитанской с подписомъ руки нашое ствержаемъ. Писанъ в N: року N мѣсяца N дніа,

Такъ какъ спискъ грамоты включенъ въ сборникъ грамотъ образцовыхъ, то изъ нея исключена дата и подпись Могилы.

Неизвѣстное стихотвореніе К. Д. Думитрашка. Произведенія художественной украинской, литературы хотя и крайне медленно, но все же проникаютъ въ народную среду и нерѣдко, при посредствѣ лубочной литературы, или путемъ изустной передачи лицами интеллигентными, попадаютъ даже въ репертуаръ украинскихъ сельскихъ пѣсенъ. Для примѣра укажемъ на «Черныцю Марьяну», «На що мени чорни бровы» и стихотвореніе Щоголева «У поли». (Гей у поли бувъ коняка), распѣваемыя населеніемъ с. Андреевки, нѣжинскаго уѣзда [1]; балладу В. Кулика «Загублени души» (Чы ты вирно мене любышъ)— записанную въ м. Веркіевкѣ, нѣжинск. у. [2]), два стихотворенія Ру-

---

[1]) В. Даниловъ. Пѣсни с. Андреевки, нѣжинскаго у. К. 1904, предисловіе.

[2]) Б. Гринченко. Этнографич. матеріалы, т. III, № 466.

данскаго и опять таки Щоголева «У поли»—въ рукописныхъ пѣсенныхъ матеріалахъ, принадлежащихъ Н. В. Лисенку. Этотъ перечень ненародныхъ произведеній, готовыхъ стать или уже обратившихся въ народныя, безъ сомнѣнія не ограничивается этими нѣсколькими примѣрами, и можетъ быть значительно увеличенъ. Съ другой стороны, въ сельской средѣ можно иногда услышать стихотврныя произведенія украинскихъ писателей, почему либо особенно понравившіяся и потому заученныя наизусть тѣмъ или инымъ лицомъ, съ чужихъ словъ или же по записи... Такъ, намъ приходилось слышать отъ одного изъ старожиловъ с. Колодистаго, звенигородск. у., извѣстное стихотвореніе Руданскаго «Вареныкы», слышанное имъ лѣтъ 25 тому назадъ отъ мѣстнаго дьяка, стихотвореніе про польское возстаніе 1863 г. («Схаменится вы, паны»), принадлежащее, какъ извѣстно, перу нѣкоего Палія Мостыголовы [1]), наконецъ, стихотвореніе К. Думитрашка, начинающееся словами: «Чумакъ повизъ рыбу на базаръ»... На этомъ послѣднемъ мы и остановимся. Стихотвореніе это, не появившееся донынѣ въ печати, пользовалось въ свое время большой популярностью. О немъ мы находимъ въ замѣткѣ Ѳ... ободы (Ѳ. Г. Лебединцева) (некрологъ К. Думитрашка) нѣсколько строкъ слѣдующаго содержанія: «... авторъ (Думитрашко) стоитъ на историко-политической почвѣ, воспроизводя былыя отношенія между малороссами, поляками и русскими и ихъ индивидуальныя черты». Послѣднее еще съ большею силою проглянуло въ его неизданномъ, но пользовавшемся въ свое время большою популярностію стихотвореніи: «Чупрына и Борода», въ которомъ съ добродушнѣйшимъ юморомъ воспроизведены бытовыя черты украинца-хлѣбороба и кабатчика-москаля. Послѣдній

Лито й зиму похожае
У сорочци рябеньки,
Въ матню іи не ховае,
Бо штаны куценьки.

И далѣе:

А якъ пиде танцюваты,—
Зовсимъ не до ладу:
Де бъ ногамы выбираты,
А винъ крутыть задомъ [2])

---

[1]) „Кіевская Старина“, 1889, V—VI, стр. 627—629.

[2]) „Кіев. Старина, 1886, V, 190.

Это стихотвореніе еще въ 60-хъ годахъ неизвѣстно откуда усвоилъ кіевскій «маляръ» Павелъ Каноновъ Бабенко, и въ бытность свою въ с. Колодистомъ, звенигор. у., въ 1867 г. на работѣ въ мѣстной церкви передалъ его изустно мѣстному жителю крестьянину Моисею Полевому, отъ котораго мы и получили запись [1]). Къ сожалѣнію, запись, безъ сомнѣнія, значительно далека въ настоящее время отъ оригинала: причиной ли этому то, что почти 40 лѣтъ какъ М. Полевой слышалъ это стихотвореніе, или «маляръ» Бабенко не вполнѣ точно передалъ его Полевому, т. к. самъ, быть можетъ, пользовался плохимъ спискомъ или слышалъ тоже отъ кого-нибудь третьяго,—судить не беремся Во всякомъ случаѣ, считаемъ не лишнимъ сообщить стихотвореніе хотя бы въ томъ видѣ, въ какомъ оно передано намъ, питая надежду, что авось оно у кого-либо изъ любителей родной словесности окажется въ памяти или въ спискѣ, и так. образомъ можно будетъ возстановить дефекты нашего списка.

Чумакъ пойихавъ на базаръ ..
Продавъ рыбу и капчоню,
Избувъ рыбу й абыяку,
Продавъ и чехоню,
Набравъ грошей капшукъ повный
Самыхъ чыстосрибныхъ,
Ще й у жмени осталося
Лыбонь зъ копу мидныхъ...
Отъ ставъ винъ та й думае,
Щó робыты мушу?
Треба питы пидкрепыты
Чумацькую душу.

---

[1]) Упомянутый Моисей Полевой, нынѣ старикъ лѣтъ 60, личность недюжиная, и въ свое время получилъ весьма порядочное образованіе въ существовавшей въ сосѣднемъ селѣ Новоселицѣ двухклассной сельской школѣ. Образованіе въ этой школѣ было настолько солидно, что Моисей Полевой и понынѣ помнитъ опредѣленія подлежащаго, сказуемаго и т. п. Любопытно отмѣтить, что дѣятельнымъ наставникомъ въ школѣ былъ мѣстный священникъ о. Романъ Вышинскій (нынѣ 90 лѣтній старикъ), который по словамъ М. Полевого, сообщалъ имъ, ученикамъ, (это было въ 40-хъ г.г.) немало свѣдѣній о Шевченкѣ, какъ о выдающемся *нашемъ* писателѣ, пишущемъ *по нашему* и т. п.

Оттакъ соби чумакъ думавъ,
Тай побривъ до шынку,
А въ тимъ шынку та кацапы
Пьють одкупну горилку.
Препогана горилуха
Та й кацапъ пребрыдкый...
Нехай люде сами скажуть,
Чымъ же кацапъ гарный (вѣроятно, пропущена
Волохатый якъ ведмидь, [строфа).
Борода—якъ стриха,
И на тимни щось проскубло
Неначе для смиху.
Лито й зиму похожае
Въ сорочци рябеньки,
Въ матню іи не сховае,
Бо штаны вузеньки [1]).
А якъ пиде танцюваты,
Зовсимъ не до ладу:
Де тра быты тропака,
То винъ крутыть задомъ,
Та й прыспивуе:
„Гей колокольня, чаво недовольна?"
. . . . [2])
Пишовъ же винъ межы челядь...
То ёму й сказала одна чорнобрыва:
Пиды трычи ты умыйся,
Тварюко соплыва!
Та й тоди ще не зривняю
Тебе зъ чумакомъ..
Хиба жъ такы проминяю
Чобитъ зъ лычакомъ?
Оттаке то чумакъ думавъ,
Покы пывъ горилку,
А якъ выпывъ—трычи плюнувъ
Та й пишовъ изъ шынку.

В. Доманицкій.

---

[1]) Этотъ варіатъ правильнѣе, чѣмъ въ цитированномъ выше четверостишіи „купеньки".

[2]) Какой-то пропускъ.

По поводу одной мнимо-народной пѣсни о панщинѣ и повстаньѣ. Въ іюльской книжкѣ „Кіевской Старины“ за 1886 г. (стр. 570—573) помѣщены были г. М. В.(асильевымъ) двѣ „народныя“ пѣсни о панщинѣ и повстаньѣ,—по мнѣнію автора, волынскія, при чемъ не сообщено ни мѣста, ни времени записи. По поводу этихъ пѣсенъ г. Ювеналій Тиховскій въ V—VI кн. „Кіевской Старины“ за 1889 г. (стр. 626—529) замѣчаетъ, что пѣсни эти—искусственныя стихотворенія: „Искусственныя—такъ какъ приводимыя авторомъ замѣтки двѣ „народныя“ пѣсни представляютъ въ сущности неудачную спайку кусковъ виршей Палія Мостыголовы (продукта досужаго сочинительства), спайку почти нетронутую творчествомъ народа“ (стр. 627), и затѣмъ г. Тиховскій приводитъ вирши Мостыголовы: „Схаменитесь вы, паны!“ съ разночтеніями по другому списку. Но и г. Тиховскій, сѣтующій на то, что г. Васильевъ не сообщаетъ данныхъ ни о мѣстѣ, ни о времени записи, дѣлаетъ то же самое: кромѣ указанія, что авторъ стихотворенія—нѣкій Мостыголова, никакихъ болѣе подробныхъ свѣдѣній у него не находимъ. Нѣкоторыя подробности объ этихъ „виршахъ“ находимъ въ статьѣ П. Кузьмичевскаго (Драгоманова) „Малороссійскія пѣсни объ освобожденіи крестьянъ“ („Кіев. Старина“, 1887, IV, 621—632). Процитировавъ отрывокъ изъ записи г. Васильева, авторъ добавляетъ: „Пѣсня эта отзывается семинарско-дьяковскою книжностью и, по всей вѣроятности, сочинена грамотѣемъ клерикальнаго воспитанія, но она, очевидно, получила нѣкоторое распространеніе. Не знаемъ еще, насколько она распространена въ крестьянствѣ, но мы слышали, что семинаристы и бурсаки въ подольской и волынской губерніяхъ поютъ слѣдующій варіантъ ея послѣднихъ словъ, какъ особую пѣсню“ (приводится 8 строкъ, служащихъ, въ дѣйствительности, началомъ „виршей)... Г. Кузмичевскій вполнѣ былъ правъ: стихотвореніе, какъ доказалъ позже г. Ю. Тиховскій, искусственнаго происхожденія, а что оно пользовалось успѣхомъ въ бурсѣ и семинаріи—свидѣтельствуетъ, между прочимъ, наша запись въ с. Колодистомъ, звенигор. у., отъ старика крестьянина Моисея Полевого, видѣвшаго 30 нѣтъ тому назадъ списокъ стихотворенія у мѣстнаго дьячка Григорія Туржанскаго. Запись эта почти ни въ чемъ не разнится отъ текста, напечатаннаго г. Ю. Тиховскимъ, лишь въ заключеніе прибавлено четверостишіе, отсутствующее въ упомянутомъ текстѣ, а именно:

„Чы багата, чы то й бидна,
Вона мужу всегда вирна,
Дитокъ мылыхъ прыголубыть,
Пизно або рано збудыть"...

да въ серединѣ текста произведена, послѣ словъ: „та на це лыхо не дывиться, щобъ описля не журыться", вставка четверостишія:

„Бо ще й не те було зъ намы,
Якъ булы мы пидъ панамы:
Опухла дытына зъ голоду мре,
А маты на панщыни пшенычeньку жне".

Послѣднее, можно думать, явилось позднѣйшимъ наслоеніемъ подъ вліяніемъ поэзіи Шевченка.

Относительно сомнѣнія г. Кузмичевскаго на счетъ степени распространенности этой „пѣсни", можно съ увѣренностью сказать, что въ народный репертуаръ она не вошла вовсе, и далѣе любительскаго списыванія въ свое время молодежью духовнаго вѣдомства не пошла.

В. Д.

Дѣдъ П. А. Кулиша. Недавно мнѣ случилось просматривать различные списки, хранящіеся въ архивѣ Соборно-Михайловской церкви, находящейся въ мѣст. Воронежѣ, черниговской губ. глухов. уѣзда, на родинѣ П. А. Кулиша. Тамъ, между прочимъ, имѣется слѣдующая запись, относящаяся къ 1788 г.:

„Дворъ 11-й. Дворъ и домъ апшетованный. Атаманъ сотенный Яковъ Ивановичъ Кулишъ 35 лѣтъ. Жена Марія Григорьевна 35 лѣтъ. Дѣти Александръ [1]) 12 лѣтъ, Евфросинія 16 лѣтъ. Дворовые—Прохорякъ и др."—Біографы П. А. Кулиша обыкновенно сообщаютъ, что онъ сынъ простого козака; между тѣмъ, его дѣдъ былъ сотеннымъ атаманомъ и имѣлъ дворовыхъ людей.

Иванъ Абрамовъ.

---

[1]) Отецъ писателя П. А. Кулиша.

Грамота св. Өеодосія, архіепископа Черниговскаго. Въ «Черн. Губ. Вѣдомостяхъ» (1905 г. № 66) помѣщенъ журналъ засѣданія черниговской губ. ученой архивной коммиссіи, 22 декабря 1904 г. Въ коммиссіи доложено было, что проживающій въ с. Шатрищахъ, новгородсѣв. у., козакъ Терентій Конча, по просьбѣ губернатора, прислалъ подлинный документъ, относящійся къ личности св. Өеодосія, съ тѣмъ, чтобы документъ этотъ, по разсмотрѣніи, возвращенъ былъ г. Кончѣ. Текстъ документа слѣдующій (воспроизводимъ по автограф. снимку, такъ какъ въ журн. коммиссіи онъ приведенъ съ ошибками):

«Өеодосий Углицкий, Милостіею Божіею Православный Архіепископъ Чернѣговский, Новгородский, и всего Сѣвера. Архімандрита Елецкий.

Вѣдомо да будетъ, ижесмо Прокопію Сенченку, атаману Шатринскому, позволили в грунтах наших катедралных, в̤ бору, под селом Шатрищами, на речцѣ Драчѣ, греблю засыпати, млынъ при ней построити; з которого млына онъ и потомкове его третую часть мелницкую, ведлугъ звычаю мелницкого, одбирати мают, а нам двѣ части належати будуть. Варуем зась тое, абы помененый Прокопий, атаманъ, зажываючи своей части, церковныхъ собѣ не важился привлащати, анѣ за заслуги войсковіе тіе части собѣ выправляти и церковъ кривдити; а еслибы ся важилъ, буди вовѣки неблагословенъ и одъ млына оддаленъ. Шо абы в лѣпшой памяти и твердости зоставало, сей листъ нашъ з подписомъ руки власной и з притисненіем печати катедралной тому жъ Прокопію, атаману, выдати росказалисмо. Писанъ в Новгородку, року божого 1694, мѣсяця августа 29 дня».

Приписка внизу справа, рядомъ съ печатью: «Для охотнѣйшого зас и порядиѣйшого того млына строенія, тому жъ Прокопію, атаману, по построеню млина позволяем слободы на цѣлый рокъ». Подпись слѣва, нѣсколько выше приписки: «Вышменованый архіепископъ рукою власною». Печать съ изображеніемъ кн. Бориса и Глѣба и съ гербомъ (сердце съ крестомъ, пронзенное двумя стрѣлами) оттиснута на красномъ воскѣ. Документъ, вообще, хорошо сохранился.

Въ журналѣ архивной коммиссіи (напечатанномъ въ Губ. Вѣд.) текстъ этого листа приведенъ съ ошибками. Такъ, употребительная въ актахъ буква ꙗ принята за букву ѣ («для порѣднѣйшого того млына

строенiѣ.... позволѣем» и т. п.). Такая систематическая замѣна одной буквы другою указываетъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ опечаткой. Есть и другiя ошибки.

Изъ приведеннаго тамъ же «современнаго перевода» документа мы убѣждаемся, что въ Черниговской архивной коммиссiи не только плохо читаютъ такiе четкiе документы, но еще хуже понимаютъ ихъ смыслъ. Напр., фраза: „Варуем зась тое, абы помененый Прокопий атаманъ, заживаючи своей части...“—переведена такъ: „Гарантируемъ также и то, чтобы атаманъ Прокопий, добывая свою часть...“, тогда какъ эти слова значатъ: „Предупреждаемъ о томъ, чтобы упомянутый Прокопiй атаманъ, пользуясь своей частью...“ *Заживати*—не значитъ *добывать;* да и добывать-то будетъ Прокопiй не одну свою, а всѣ три части, и только пользоваться будетъ одною частью. Но это еще мелкая ошибка, по сравненiю съ слѣдующею. Послѣдняя фраза документа: „томужъ Прокопiю атаману по построеню млына позволяем слободы на цѣлый рокъ“,—переведена совсѣмъ произвольно: „Мы позволяемъ атаману Прокопiю, по окончанiи постройки мельницы, заарендовать слободы на цѣлый годъ“. Въ поясненiяхъ сказано: „Вѣроятно, дабы Прокопiй Зенченко (т. е. Сенченко) не поскупился и построилъ хорошую мельницу, ему и позволено святителемъ, по окончанiи постройки, т. е. когда ее возможно было и осмотрѣть, заарендовать, повидимому, безъ всякаго платежа, каѳедральныя слободы на цѣлый годъ“. Это уже совершенная выдумка. Ни о какой арендѣ *(посессiи, держанiи)* нѣтъ рѣчи. Фраза о „слободѣ“ приписана, очевидно, по изготовленiи документа (послѣ даты) и такая важная вещь, какъ отдача въ аренду монастырскихъ слободъ, конечно, потребовала-бы болѣе обстоятельнаго опредѣленiя, переименованы были бы самыя слободы и т. д. Рѣчь идетъ не объ арендѣ, а о томъ, что строителю мельницы *дается льгота* на одинъ годъ, т. е. онъ освобождается отъ обязанности представлять катедри „двѣ части мелницких“.

Такъ теперь идутъ дѣла въ этой „ученой“ коммиссiи, изъ которой мѣрами администрацiи были изгнаны, а отчасти сами ушли, живыя силы. Злоключенiя этой несчастной коммиссiи были своевременно отмѣчаемы въ газетахъ и произошли отчасти потому, что коммиссiя не имѣетъ опредѣленнаго устава, который въ значительной части замѣняется усмотрѣнiемъ.

Гр. Коваленко.

Замѣтка къ работамъ П. А. Кулиша по переводу „Положенія о крестьянахъ. Въ №№ 2 и 3-мъ нашего журнала за текущій годъ напечатанъ былъ сохранившійся въ корректурныхъ листахъ довольно большой отдѣлъ перевода «Положенія о крестьянахъ» на украинскій языкъ П. А. Кулиша. Предисловіе Г. С. Вашкевича, предпосланное напечатанному у насъ переводу, знакомитъ со всѣми тѣми недоразумѣніями, которыя произошли между переводчикомъ и канцеляріей Государственнаго Совѣта и которыя были причиной того, что начатая уже печатаніемъ работа Кулиша была, по его желанію, прервана. А между тѣмъ, до какой степени онъ былъ увлеченъ своимъ дѣломъ, насколько онъ считалъ его важнымъ, видно изъ нѣкоторыхъ строкъ его писемъ въ началѣ 1861 года. Такъ, въ письмѣ къ М. И. Гоголь (матери Н. В. Гоголя) отъ 3 апрѣля 1861 г. Кулишъ между прочимъ пишетъ изъ Петербурга: «Я взялся перевести «Положенія о крестьянахъ» на украинскій языкъ и вотъ почему сижу въ Петербургѣ» (Чтенія въ Истор. Общ. Нестора Лѣтоп., кн. 16-я. вып. 4, стр. 112). Вѣроятно, объ этой-же работѣ говоритъ Кулишъ и въ письмѣ отъ 15 апрѣля: «Не удивляйтесь, что я не назначаю времени своего пріѣзда: я занятъ работою, которую ни въ коемъ случаѣ не долженъ оставить». (Ibid., стр. 113). И вотъ, менѣе черезъ мѣсяцъ послѣ этого письма, 10 мая, Кулишъ совершенно отказался отъ продолженія начатой работы.

Извѣщеніе редакціи. 1) *На поддержаніе въ порядкѣ могилы Т. Г. Шевченка* прислано А. С. Фесенкомъ *2 р.*, что, вмѣстѣ съ прежними 434 р. 75 к. (см. № 4-й), составитъ *436 р. 75 к.* 2) *На образованіе капитала имени И. С. Левицкаго* прислано изъ Екатеринослава С. В. Бачинскимъ 2 р., что, вмѣстѣ съ прежними 133 р. 11 к. (см. № 4), составитъ *135 р. 11 к.* Эти 2 рубля присланы при слѣдующемъ интересномъ письмѣ.

Милостивый Государь!

Препровождая при этомъ письмѣ 2 (два) рубля, считаю нужнымъ сообщить, при какихъ обстоятельствахъ я ихъ посылаю.

Одинъ разъ въ разговорѣ съ крестьянами (с. Каменка, Екатер. губ. Новом. у.), я между прочимъ упомянулъ, что въ настоящее время поднятъ вопросъ о введеніи малороссійскаго языка въ школахъ и объ образованіи капитала имени И. С. Левицкаго (съ произведеніями ко-

тораго они отчасти знакомы по дешевымъ изданіямъ), для изданія книгъ для народа.

Къ этой инициативѣ они отнеслись съ живѣйшимъ сочувствіемъ, высказывая мысль, что слишкомъ мало попадаетъ книгъ на ихъ родномъ языкѣ въ деревню, и тутъ же (безъ моего приглашенія) сложившись, они мнѣ вручили свою лепту для этого дѣла.

Съ совершеннымъ почтеніемъ *С. Бачинскій.*

Текущія извѣстія.

Фразы и факты [1]). Дружеская рука переслала мнѣ номеръ «Гражданина» (№ 22), гдѣ какой-то господинъ, подписавшійся словомъ „Кіевлянинъ", выдергивая фразы изъ моей книги («Очеркъ исторіи украинскаго народа») и дополняя ихъ своими изобрѣтеніями и соображеніями, изобличаетъ тайныя помышленія «украинофиловъ» и рисуетъ страшныя перспективы, грозящія въ случаѣ освобожденія украинства отъ репрессій, тяготѣющихъ на немъ въ Россіи. Эта посылка была снабжена замѣткой, что упомянутая статья считается голосомъ кіевскаго «Русскаго собранія». Это обстоятельство даетъ нѣкоторое право на вниманіе къ этой статьѣ и побуждаетъ меня написать предлагаемыя строки.

На слова, обращенныя ко мнѣ лично, я не буду отвѣчать. Я, конечно, никогда не разсчитывалъ на одобреніе сотрудниковъ „Гражданина" и не могу огорчаться бранью, раздающеюся изъ устъ господъ изъ «Русскаго собранія». Я не могу также состязаться въ отгадываніи чужихъ намѣреній и прорицаніи будущаго, въ которомъ чувствуетъ себя такимъ сильнымъ г. Кіевлянинъ. Предпочитаю остаться на почвѣ фактовъ прошлаго и настоящаго, доступныхъ простому человѣческому уму.

Г. Кіевлянинъ предостерегаетъ комитетъ министровъ не открывать «свободы пропаганды украинофильства», такъ какъ «дать сво-

---

[1]) Подъ такимъ заглавіемъ помѣщенъ въ № 50 „Сына Отечества" отвѣтъ проф. Грушевскаго на извѣстныя уже нашимъ читателямъ клеветническія выходки „Гражданина". Перепечатываемъ цѣликомъ этотъ спокойный голосъ ученаго, съ историческими фактами въ рукахъ разбивающаго голословныя обвиненія невѣжественнаго охранителя.

боду малороссійскому слову во всѣхъ областяхъ науки и жизни—это значитъ подвергнуть пересмотру постановленіе переяславской рады 8-го (18-го) января 1654 года и царскій указъ 27-го марта 1654 года». Съ разрѣшеніемъ св. писанія на украинскомъ языкѣ, Малороссія, «пожалуй, промѣняетъ православіе на штунду». Снятіемъ запрещенія съ украинскаго слова воспользуются прежде всего «проповѣдники штунды и соціалъ-демократическіе агитаторы». Свободою собраній «наши украинофилы» воспользуются для организаціи «сѣчей», т. е. сообществъ среди крестьянъ крайне бунтарскаго направленія, создаваемыхъ для борьбы съ государствомъ, съ церковью, съ крупной поземельной собственностью, со всѣмъ вообще современнымъ строемъ не только при помощи стачекъ и т. д., но и при содѣйствіи топоровъ, револьверовъ и ручныхъ бомбъ.

«Можно себѣ представить, что дѣлалось бы въ нашихъ деревняхъ, если бы затѣи украинофиловъ осуществились! Безъ ужаса и дрожи объ этомъ нельзя даже и подумать!»—восклицаетъ въ пророческомъ экстазѣ г. Кіевлянинъ.

Разгулявшееся воображеніе, конечно, можетъ представить все, что угодно, особенно если оно соединяется съ изобильною дозою невѣжества и беззаботнаго отношенія къ фактамъ и логикѣ, какъ это обыкновенно бываетъ у товарищей по оружію г. Кіевлянина. Какъ смѣло, напр., онъ воюетъ актами 1654 г.! А вѣдь этотъ царскій указъ 27-го марта 1654 г. заключаетъ въ себѣ такія гарантіи самоуправленія и правопорядка Малороссіи, которыя несомнѣнно показались бы также поразительно дерзкими, если бы были высказаны въ качествѣ постулята какимъ-нибудь современнымъ «вождемъ украинофильства». Вѣдь этотъ указъ вкратцѣ резюмировалъ знаменитыя «статьи Богдана Хмельницкаго», впродолженіе столѣтій бывшія затѣмъ лозунгомъ украинскихъ патріотовъ въ ихъ стремленіяхъ къ автономіи Малороссіи; онъ гарантировалъ Малороссіи выборное управленіе и судъ, въ которые не долженъ былъ вмѣшиваться никто, автономію церкви, свободный выборъ гетмана и право сношеній съ заграничными державами [2]),—словомъ ставилъ Малороссію относительно Московскаго государства въ положеніе, которое авторитетнѣйшій изъ историковъ права Россіи проф. Сергѣевичъ опредѣляетъ какъ личную унію, т. е. союзъ

---

[2]) Акты Южной и Западной Россіи т. X, стр. 491—8.

двухъ автономныхъ государствъ подъ властью одной династіи [1]). Призывъ къ актамъ 1654 г., обращенный г. Кіевляниномъ по адресу комитета министровъ, равносиленъ призыву разорвать съ политикою порабощенія Малороссіи, репрессій и стѣсненій свободнаго развитія украинскаго общества, которую боярская бюрократія Москвы повела вопреки идеѣ свободнаго соединенія, лежавшаго въ основѣ актовъ 1654 г. И дѣйствительно пора, пора разорвать съ этой недостойной, губительной, развращающей политикой гнета и запрещеній.

Г. Кіевлянинъ поправляетъ комитетъ министровъ, назвавшій украинофильское движеніе явленіемъ наноснымъ, и доказываетъ, что явленіе это домашнее и старое, выросшее на украинской почвѣ и ведущее свою исторію со временъ Мазепы. Пріятно видѣть, что сотрудники «Гражданина» сдѣлали такіе значительные успѣхи въ отечественной исторіи и уже не считаютъ украинства польско-австрійскою интригою самоновѣйшаго изобрѣтенія, какъ то еще недавно утверждали, а можетъ быть и теперь еще утверждаютъ писатели этого образца. Расширяя впредь свои познанія, они узнаютъ со временемъ, что т. н. украинскій сепаратизмъ—явленіе еще болѣе старое и еще болѣе близкое имъ по своему происхожденію. Они узнають, что его создали боярскіе бюрократы Москвы, опутывая Украину паутиною бюрократической интриги, шагъ за шагомъ стѣсняя ея автономію и подводя ея жизнь подъ московскіе шаблоны, пользуясь для этого затруднительнымъ положеніемъ украинскихъ политиковъ, тщательно ловя ихъ на неосторожныхъ обѣщаніяхъ и принуждая къ уступкамъ, противнымъ ихъ общественной и національной совѣсти. Эта-то беззастѣнчивая, холодно-разсчетливая политика вызвала среди вождей украинскаго общества XVII в. отвращеніе къ Москвѣ и отчаянныя попытки разорвать связь Украины съ нею, опираясь то на ту, то на другую политическую силу—то, что называется украинскимъ сепаратизмомъ. Богданъ Хмельницкій, которому М. Юзефовичъ на нашей памяти сооружалъ памятникъ[2]), былъ не только присоединителемъ Украины къ

---

[1]) В. Сергѣевичъ. Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права, 3 изд. 1903 г., стр. 107: „Присоединеніе имѣло характеръ личный, а не реальный. Малороссія не соединилась съ Московскимъ государствомъ, а только признала своимъ государемъ царствующаго въ Москвѣ государя съ его потомствомъ“.

[2]) Мих. Юзефовичъ, иниціаторъ указа 1876 г., запретившаго украинское слово, былъ предсѣдателемъ правительственной комиссіи по сооруженію памятника Б. Хмельницкаго и награжденъ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника при открытіи памятника.

московскому государству, но и первымъ украинскимъ сепаратистомъ, такъ какъ, убѣдившись, что московское правительство рѣшительно не хочетъ считаться съ стремленіями и желаніями украинскаго общества въ своей централистической политикѣ, рѣшилъ разорвать связь съ Москвою, опираясь на Швецію. Мазепа только исполнилъ планъ, принятый Хмельницкимъ и неосуществленный потому только, что смерть застигла его среди этихъ плановъ. Но создателемъ украинскаго сепаратизма нельзя назвать ни того, ни другого. Его создала московская бюрократическая политика, и положить конецъ украинскому сепаратизму можно, только положивъ конецъ этой политикѣ гнета и порабощенія, унаслѣдованной петербургской бюрократіей отъ московской.

Обладая весьма недостаточными, какъ видно, познаніями въ исторіи XVII в., г. Кіевлянинъ имѣетъ совершенно ложныя представленія объ эпохѣ религіозной борьбы въ Украинѣ. Онъ говоритъ, что «Малороссія читала по-славянски святое Писаніе въ эпоху борьбы за православіе и осталась ему вѣрна», и предвѣщаетъ поголовное распространеніе штунды, по разрѣшеніи св. Писанія на украинскомъ языкѣ. Въ дѣйствительности именно въ періодъ борьбы за православіе украинское общество пришло къ сознанію о необходимости перевода св. Писанія на «простую», «посполитую» народную рѣчь, для сознательнаго усвоенія его народомъ, и въ XVI, затѣмъ въ XVII в. появляется рядъ такихъ переводовъ, авторы которыхъ объясняютъ необходимость такихъ переводовъ аргументами, которые можно только повторить теперь въ защиту необходимости разрѣшенія украинскихъ переводовъ св. Писанія по адресу неумѣренныхъ защитниковъ славянскаго текста [1]). А штунда возникла и распространилась во второй половинѣ XIX в., какъ народный протестъ противъ омертвѣнія церковной организаціи, противъ бюрократизаціи духовенства, во время наибольшихъ репрессій украинскаго слова, совершенно независимо отъ «украинофильскихъ» вліяній. Стремясь къ достиженію религіозной вѣротерпимости, вожди и послѣдователи штунды вообще сторонились отъ политическихъ и національныхъ теченій, вѣроятно боясь усугубить адми-

[1]) См., напримѣръ, предисловіе къ Евангелію Тяпкинскаго 1570 г. Переводчикъ Учительнаго Евангелія 1616 г. ставитъ своею цѣлью сдѣлать этотъ трудъ, который въ славянскомъ текстѣ „про способность слухачовъ немногимъ пожиточенъ былъ", доступнымъ широкимъ кругамъ общества „въ простѣйшемъ языку".

нистративныя преслѣдованія своего вѣроученія. Они пользовались священнымъ писаніемъ и собраніями пѣснопѣній, литургическими книгами на великорусскомъ языкѣ и, вообще, насколько мнѣ извѣстно, національной украинской окраски штунда никогда не имѣла. Повліяетъ ли на ея дальнѣйшее развитіе самый фактъ разрѣшенія св. Писанія на украинскомъ языкѣ, не берусь судить, но что она развилась достаточно сильно въ періодъ запрещеній украинскихъ переводовъ св. Писанія и вообще украинскаго слова, это, вѣроятно, признаютъ и сотрудники «Гражданина».

Распространеніе огромной массы „книгъ и брошюръ революціоннаго содержанія на малорусскомъ нарѣчіи", которое констатируютъ корреспонденты „Гражданина", не нуждалось въ разрѣшеніи украинскаго слова въ Россіи. Аграрныя крестьянскія движенія въ украинскихъ губерніяхъ для своего появленія не ожидали закона о свободѣ собраній и обществъ Передъ ихъ стихійною силою и напряженностью совершенно блѣднѣютъ галицкія «Січи», такъ перепугавшія г. Кіевлянина, повѣрившаго на слово выдумкамъ галицкой шляхты и полиціи о револьверахъ, ручныхъ бомбахъ и т. п.[1]). Революціонныя движенія среди интеллигенціи украинскихъ губерній, точнѣе сказать—ея участіе въ революціонныхъ движеніяхъ Россіи, развивавшееся въ періодъ подавленія всякаго національнаго проявленія украинства, также совершенно не находятъ себѣ параллели въ жизни украинской интеллигенціи конституціонной Галиціи.

Всѣ тѣ страхи, которыми г. Кіевлянинъ пугаетъ комитетъ министровъ на случай допущенія свободы украинства, уже на-лицо, и вызвала ихъ къ жизни именно эта система бюрократической опеки, мертвящей регламентаціи и національнаго гнета, сохраненіе которой онъ такъ усиленно рекомендуетъ. Сотрудникамъ «Гражданина» желателенъ старый курсъ расширенія периферій государства съ усиленной ассимиляціей, порабощеніемъ окраинъ, хотя этотъ курсъ ведется цѣною полнаго истощенія центра, той «коренной Россіи», объ интересахъ которой такъ много говорится. Имъ желательно полицейско-бюрократическій, все нивеллирующій и все регламентирующій режимъ,

[1]) „Січи" гимнастическо-пожарныя общества преслѣдовались, такъ какъ администрація и правящая шляхта вообще враждебно относятся къ крестьянскимъ организаціямъ, но многочисленные обыски и процессы не обнаружили ничего подобнаго тому, что пишетъ о нихъ со словъ Kraj'я г. Кіевлянинъ.

облѣпившій государственный организмъ гноящимися болячками всевозможныхъ національныхъ и соціальныхъ «вопросовъ», вызвавшій къ жизни безчисленные «сепаратизмы»; имъ нужна эта всегнетущая опека, тщательно устраняющая интеллигенцію отъ всякаго вліянія на народъ, заковавшая общество, омертвившая церковь, держащая въ темнотѣ и нищетѣ народныя массы и толкающая къ революціонной дѣятельности всѣ классы общества за невозможностью легальной общественной самодѣятельности. Они держатся ея еще и теперь, послѣ того, какъ ея банкротство открылось во всей ужасающей наготѣ при встрѣчѣ Россіи съ самой младшею изъ культурныхъ державъ міра... О вкусахъ спорить трудно, но можно сильно сомнѣваться, чтобы этотъ консерватизмъ на изнанку, рекомендуемый комитету министровъ г. Кіевляниномъ, нашелъ сочувствіе не только тамъ, но и гдѣ бы то ни было въ средѣ людей, владѣющихъ своими умственными способностями и слѣдившихъ за жизнью Россіи. Несостоятельность стараго курса и неотложная необходимость коренной перестройки Россіи на основахъ правопорядка, общественной и національной справедливости должна быть очевидна для всякаго здравомыслящаго человѣка безъ различія его взглядовъ, консервативныхъ или прогрессивныхъ. Въ этой перестройкѣ, которая можетъ быть удовлетворительно произведена руками только самихъ общественныхъ классовъ и національныхъ элементовъ Россіи, должны найти свое разрѣшеніе ея національные вопросы, въ томъ числѣ и украинскій. Но устраненіе ограниченій, которыхъ вредъ и нераціональность признаны въ самихъ правительственныхъ сферахъ, нѣтъ надобности откладывать до этой общей перестройки—они должны быть отмѣняемы немедля, какъ только сознается ихъ вредъ или ненужность. Самъ комитетъ министровъ и запрошенные имъ органы администраціи и ученыя учрежденія указали единодушно на ненужность и вредъ ограниченій украинскаго слова—какая же цѣль откладывать ихъ отмѣну до болѣе общихъ законодательныхъ мѣръ? Мѣры, явившіяся какъ исключенія изъ общаго правила, должны быть прекращаемы немедля, когда ихъ ненужность сознана. А устраненіе всякаго стѣсненія все же вноситъ извѣстное облегченіе, устраняетъ извѣстную дозу горечи изъ современной жизни Россіи, въ которой этой горечи накопилось слишкомъ-слишкомъ ужъ много.

Мих. Грушевскій.

Львовъ.
2-го (15-го) IV. 905.

О св. писаніи на украинскомъ и русскомъ языкахъ. Въ № 94 «Полтавщины» помѣщена замѣтка П. Р. — «Потребность св. писанія на малорусскомъ языкѣ», въ которой авторъ выражаетъ пожеланія «о скорѣйшемъ предоставленіи малорусскому народу (равно какъ и другимъ народамъ), полной духовной свободы, т. е. дать ему возможность не только издавать на его родномъ языкѣ переводы св. писанія, но разрѣшить также издавать на томъ же языкѣ газеты и журналы и предоставить право преподаванія на малорусскомъ языкѣ на ряду съ другими въ школахъ: низшей, средней и высшей тамъ, гдѣ въ этомъ явится необходимость».

Отмѣтимъ кстати, что по поводу извѣстнаго постановленія комитета министровъ о снятіи запрещенія съ украинскаго евангелія въ русской печати высказано было мнѣніе о необходимости отмѣнить также монополію на русскій переводъ св. писанія. «Дѣло въ томъ, — говорятъ «Новости», — что изданіе св. писанія на русскомъ языкѣ, для православныхъ составляетъ почему то монополію типографіи св. синода и никому, кромѣ этой типографіи, печатать и издавать св. писаніе на русскомъ языкѣ не разрѣшается. Исключеніе было сдѣлано въ восьмидесятыхъ годахъ по отношенію къ «Библіи» съ иллюстраціями Густава Доре, но съ тѣхъ поръ строгое запрещеніе кому либо печатать книги священнаго писанія на русскомъ языкѣ возстановлено во всей его силѣ. Какъ это ни странно, но невѣроятная монополія по отношенію къ св. писанію вызвана исключительно соображеніями матеріальнаго свойства» («Кіевскіе Отклики», № 69).

Правила о присужденіи преміи имени Н. В. Гоголя. Въ общемъ собраніи Академіи наукъ выработаны слѣдующія правила для присужденія преміи имени Н. В. Гоголя.

Преміи имени Н. В. Гоголя учреждаются при Императорской Академіи наукъ Полтавскимъ губернскимъ земствомъ и выдаются изъ суммы 1500 р., вносимой земствомъ въ Академію чрезъ каждыя пять лѣтъ. Къ соисканію премій допускаются оригинальные научные труды, печатные и рукописные, посвященные: а) исторіи южной Россіи, б) этнографіи украинскаго племени и в) археологіи Полтавской губерніи. Первое присужденіе премій имѣетъ быть въ 1906 г., слѣдующія — въ 1911, 1916 и т. д. годахъ, черезъ каждыя пять лѣтъ. Авторы, желающіе принять участіе въ конкурсѣ, представляютъ свои труды въ Ака-

демію наукъ не позже 21 февр. конкурснаго года. Отчетъ о присужденіи объявляется во всеобщее свѣдѣніе въ публичномъ засѣданіи Академіи наукъ 29 декабря. Преміи имени Н. В. Гоголя состоятъ: 1) изъ 1.000 руб. за труды историческаго содержанія; 2) изъ 500 р. за труды по этнографіи и археологіи. Труды, не удостоенные преміи, могутъ быть удостоены почетнаго отзыва имени Н. В. Гоголя («Разсвѣтъ», № 31).

Музей и библіотека имени Котляревскаго въ Полтавѣ. Почитатели памяти Котляревскаго предполагаютъ вторично ходатайствовать передъ полтавской думой объ устройствѣ при школѣ имени писателя музея и библіотеки. Когда этотъ вопросъ разсматривался думой, послѣдняя поручила управѣ войти въ переговоры съ земскимъ музеемъ и библіотекой относительно учрежденія особыхъ отдѣловъ имени Котляревскаго. Вскорѣ будетъ созвана управой коммиссія по разработкѣ вопросовъ, связанныхъ съ именемъ Котляревскаго, которой и будетъ предложено высказаться относительно библіотеки и музея при школѣ Котляревскаго («Полтавщина», № 87).

Украинская пѣсня въ Стокгольмѣ. Въ № 102 «Кіевскихъ Откликовъ» помѣщена интересная корреспонденція г. М. Л. изъ Стокгольма о концертѣ нашего галицкаго земляка, извѣстнаго тенора М. Е. Менцинскаго въ залѣ Шведской академіи наукъ.

Г. Менцинскій уже около года съ блестящимъ успѣхомъ подвизается на сценѣ Стокгольмской Королевской Оперы Происходя изъ семьи галицкаго священника, онъ воспитывался во Львовскомъ университетѣ, а потомъ, когда страсть къ пѣнію побѣдила унаслѣдованныя теологическія традиціи, сдѣлался ученикомъ знаменитаго проф. пѣнія Штокгаузена (Франкфуртъ на Майнѣ). Три года г. Менцинскій пѣлъ въ оперномъ театрѣ въ Эльберфельдѣ, пока случай не занесъ его въ Скандинавію. Здѣсь съ самаго начала и публика, и критика единодушно оцѣнили выдающійся голосъ М. Е., и отдали ему пальму первенства предъ туземными тенорами. Въ настоящее время дирекція Королевской Оперы уже заключила съ нимъ контрактъ на два года.

Программа упомянутаго концерта, состоявшагося 29 марта, была составлена весьма разнообразно. Здѣсь были исполнены и Вагнеръ (котораго такъ любитъ и превосходно исполняетъ нашъ пѣвецъ), и Шубертъ, и Шуманъ, и Чайковскій. Но самый шумный успѣхъ выпалъ на долю малороссійскихъ пѣсенъ Н. В. Лисенка: 1) Ой послала мене маты 2) На вгороди калынонька, по дорози теренъ, 3) Спать мени не хочеться, а также «Гетьмани, гетьмани» и «Гомонiла Украïна». Вся зала была охвачена энтузiазмомъ и громко аплодировала, требуя повтореній.

Критика съ большимъ единодушіемъ дала самые лестные отзывы какъ объ оригинальной красотѣ музыки, такъ и о талантливомъ исполненіи. Такъ, Affonbladet говоритъ, что «эти украинскія народныя пѣсни поразили своимъ своеобразнымъ характеромъ и своей эпиграмматической краткостью». «Веселое отдѣленіе, — замѣчаетъ Stockholme Dagbladet,—составили южно-русскія пѣсни, отчасти компанированныя, отчасти аранжированныя Лисенкомъ. Оригинальныя по характеру ритма и такта, переданныя съ любовью и прекраснымъ настроеніемъ, онѣ вызвали больше всего аплодисментовъ». «Новостью были,—пишетъ Dagen,—украинскія пѣсни. Что Менцинскій съ такимъ большимъ успѣхомъ сумѣлъ передать ихъ своеобразные напѣвы, объясняется тѣмъ, что это звуки его родины. Онѣ произвели необычайное впечатлѣніе, и послужили поводомъ къ номерамъ сверхъ программы». Съ особенной похвалой отзывается самая распространенная шведская газета «Stockholme Tidningen», которая, воздавая должное могучему и красивому тенору г. Менцинскаго и его необычайной выдержкѣ и искусству, пишетъ, что украинскія пѣсни вызвали такой энтузiазмъ, что приходилось бисировать и пѣть сверхъ програмы.

Народная художественная выставка и школа. Народная выставка картинъ съ весны будетъ размѣщена въ трехъ палаткахъ и посѣтитъ 6 украинскихъ губерній. На-дняхъ въ засѣданіи совѣта Императорской академіи художествъ было рѣшено предоставить художнику В. К. Развадовскому, иниціатору народныхъ выставокъ, въ его распоряженіе 28 картинъ, пріобрѣтенныхъ для музея Императорской академіи художествъ въ разное время. Въ общемъ число картинъ превыситъ 300. Академія энергично пришла на помощь ини-

ціативѣ В. К. Развадовскаго, давъ ему и въ нынѣшнемъ году денежную субсидію („Южный Край“, № 8418).

Г. Развадовскій обратился въ академію художествъ съ ходатайствомъ объ учрежденіи въ Каменецъ-Подольскѣ рисовальной школы по образцу академическихъ школъ въ Пензѣ, Казани и Одессѣ, субсидируемыхъ академіей. Мотивами для этого ходатайства послужили слѣдующія обстоятельства: масса учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ города украинцевъ, выказывающихъ большія способности какъ вообще къ живописи, такъ и къ различнымъ прикладнымъ искусствамъ, а также наличность въ каменецъ-подольскомъ уѣздѣ до 40 гончарныхъ мастерскихъ и залежей подольскаго мрамора, изъ котораго мѣстные крестьяне дѣлаютъ всевозможные предметы, и для нихъ новое училище, если при немъ будутъ устроены и художественно-промышленные классы—явится настоящимъ благодѣяніемъ. Совѣтъ академіи пошелъ навстрѣчу этому начинанію и назначилъ изъ академическихъ суммъ 1200—1500 руб. въ годъ субсидіи на содержаніе преподавателя («Сынъ Отечества», № 49).

Выставка народныхъ художественныхъ произведеній. Художественной комиссіей Кіевскаго литературно-артистическаго общества рѣшено устроить въ будущемъ зимнемъ сезонѣ выставку мѣстныхъ кустарныхъ произведеній съ печатью художественности (глиняныхъ и деревянныхъ издѣлій, вышивокъ, ковровъ и проч.). Предположено назначить и небольшія преміи мастерамъ за лучшія издѣлія. Мѣстность по отношенію къ выставляемымъ предметамъ не будетъ ограничена лишь Кіевщиной; къ участію въ выставкѣ приглашаются также экспоненты изъ другихъ мѣстъ Украины («Полтавщина», № 97).

Украинскій театръ. Великопостный и праздничный сезонъ украинская труппа г.г. Саксаганскаго и Садовскаго играла въ Житомирѣ, а послѣ окончанія сезона часть труппы съ г. Саксаганскимъ во главѣ предполагаетъ посѣтить рядъ менѣе крупныхъ городовъ и мѣстечекъ правобережной и лѣвобережной Украины (Бѣлая-Церковь, Умань, Винница, Ромны и др.).—Труппа г. Гайдамаки съ 18 апрѣля по 1 мая играла въ Елисаветградѣ; репертуаръ состоялъ изъ слѣдующихъ пьесъ: «Без просвіту» г. Суслова, «Глум і помста» и «Чайковський»

г. Кропивницкаго, «Кара Божа» и «Розбыте щастя» г. Манька, „Житейське море“ г. Карпенка-Карого, „Маруся Богуславка“ г. Старицкаго, „Нахмарило“, „Серед бурі“ и „На громадській роботі“ г. Гринченко, „Погибель“ Сластина, «Каторжна» г. Барвинскаго, «Така ії доля» г. Третьякова, «Чарівниця» Перебыйноса и «Галька», опера Монюшки,—послѣдняя на русскомъ языкѣ.—Труппа г. Дубравина въ апрѣлѣ играла въ Кривомъ Рогѣ.—Въ Саратовѣ, какъ сообщаетъ „Приволжскій Край“ (№ 69), неназванной труппой поставлена новая пьеса г. Оршанова „Гріх або чорна порада», одно изъ послѣднихъ произведеній драматурга-Банавентуры: кровь льется на сценѣ потоками, а отъ раздирательныхъ воплей стонъ стоитъ Во второмъ дѣйствіи какой-то Микита убиваетъ отца, въ третьемъ убитый отецъ лежитъ все время на сценѣ, покрытый простыней, а фельдшеръ, производившій вскрытіе трупа, убираетъ инструменты и т. д.—Разрѣшена драматической цензурой новая пьеса И. Тенеромо «Розвдъі» (изъ еврейской жизни); какъ сообщаютъ «Елисаветградскія Новости» (№ 453), первое представленіе названной пьесы предполагается труппой г.г. Саксаганскаго и Садовскаго въ Житомирѣ.

Къ исторіи украинскаго театра. О томъ, съ какимъ упорствомъ преслѣдовалъ украинскій театръ кіевскій генералъ-губернаторъ Дрентельнъ, небезынтересныя свѣдѣнія сообщилъ сотруднику „Биржевыхъ Вѣдомостей“ М. Л. Кропивницкій. „Сколько ни хлопотали, ни бились,—разсказывалъ г. Кропивницкій,—а снять запрета, пока былъ живъ Дрентельнъ, такъ и не могли. Однажды играли мы въ Петербургѣ въ присутствіи императора Александра Ш. Государь остался доволенъ нашимъ исполненіемъ и, призвавъ къ себѣ въ ложу меня и Заньковецкую, выразилъ намъ свое удовольствіе. Въ это время случайно былъ въ Петербургѣ и генералъ Дрентельнъ. Я и рѣшилъ воспользоваться случаемъ ипросить его о разрѣшеніи снять для малорусскаго театра запретъ съ губерній его генералъ-губернаторства. Генералъ принялъ меня очень любезно и еще не успѣлъ я приступить къ изложенію моей просьбы, какъ самъ первый заговорилъ:

— Слышалъ о высочайшей милости, которой вы удостоились; вотъ вамъ и указаніе, что играть слѣдуетъ здѣсь. Очень радъ, очень радъ, поздравляю, а *ужъ мои (!) владѣнія вы оставьте въ сторонѣ.*

Послѣ этого заявленія было ясно, что всякія просьбы излишни. Умеръ Дрентельнъ, но его взглядъ на малорусскій театръ остался живъ, и только со вступленіемъ въ генералъ-губернаторство М. И. Драгомирова для насъ открылись сцены малороссійскихъ губерній. Но и теперь, кромѣ того, что намъ на малорусскомъ языкѣ не позволяютъ читать на вечерахъ, запрещены еще къ постановкѣ пьесы переводныя съ другихъ языковъ на малорусскій, а въ оригинальныхъ не разрѣшается выходить за черту жизни Малороссіи, точно для говорящихъ на этомъ языкѣ нѣтъ общечеловѣческихъ интересовъ. Поэтому то малороссійскій репертуаръ и кажется однообразнымъ".

Приведя этотъ отрывокъ изъ воспоминаній старѣйшаго дѣятеля украинскаго театра, „Южныя Записки" (№ 14, стр. 79) интересуются узнать—„когда же этому будетъ конецъ? когда же прекратится это расхищеніе богатствъ, которыхъ никто и ничто не можетъ вернуть?.."

Лекціи о Шевченкѣ и Котляревскомъ. Въ началѣ апрѣля въ Екатеринославѣ состоялась публичная лекція о Шевченкѣ, подробный отчетъ о которой находимъ въ № 901 „Вѣстника Юга". Лекторъ, проф. И. И. Ивановъ, охарактеризовавъ то тяжелое время, въ которое выступилъ на поприще литературной дѣятельности Шевченко, перешелъ къ страдальческой жизни самого поэта, явившейся въ значительной степени лишь отголоскомъ общаго положенія крѣпостной Россіи наканунѣ крымскаго разгрома. Въ послѣдовавшей затѣмъ характеристикѣ Шевченка лекторомъ допущены нѣкоторыя болѣе чѣмъ спорныя положенія. Такъ, отмѣтивъ въ качествѣ отличительной черты Шевченковской поэзіи ея полное и безраздѣльное служеніе—какъ формою, такъ и содержаніемъ—интересамъ того народа, изъ нѣдръ котораго вышелъ самъ поэтъ, г. Ивановъ полагаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что Шевченко „не имѣлъ въ виду интеллигентнаго читателя". Невѣрность подобной мысли очевидна съ перваго же взгляда; ей противорѣчитъ и дальнѣйшее положеніе лектора, что „поэзія Шевченка давала отвѣтъ рѣшительно на всѣ запросы малорусской жизни". Уже самый поверхностный обзоръ содержанія произведеній Шевченка, который иногда прямо и непосредственно обращался къ интеллигенціи (хотя бы въ извѣстномъ „Посланіи до живих і мертвих"), ясно показываетъ, что украинскій поэтъ вовсе не ограничивалъ, и при томъ умышленно, круга своихъ читателей какой-нибудь опредѣленной, въ

данномъ случаѣ исключительно простонародной, средой. Правильнѣе было бы сказать, что огненное слово его въ одинаковой степени направлялось и къ сердцу темнаго забитаго крестьянина, и въ высококультурную среду лучшихъ представителей интеллигентнаго общества, находя къ каждому одинаковый доступъ и возбуждая соотвѣтственныя чувства. Принявъ первое изъ взаимно другъ друга исключающихъ положеній г. Иванова, мы рѣшительно не были бы въ состояніи объяснить какъ огромное, до - сихъ поръ не прекращающееся вліяніе Шевченка именно на интеллигентные слои украинскаго народа, такъ и многіе моменты чисто личной жизни поэта.

21 апрѣля въ народномъ домѣ м. Смѣлы была прочитана лекція предсѣдателемъ кіевскаго общества грамотности В. П. Науменкомъ на тему: „И. П. Котляревскій, какъ литературный дѣятель". Лекторъ изложилъ въ общихъ чертахъ біографію Ивана Петровича и затѣмъ содержаніе его болѣе цѣнныхъ сочиненій, сопровождая свою бесѣду туманными картинами и выдержками изъ «Энеиды», «Наталки Полтавки» и «Москаля Чаривныка» («Кіевскіе Отклики», № 114).

Вечеръ въ память Шевченка. Въ Екатеринославѣ 4-го апрѣля въ зданіи коммерческаго училища происходило торжественное засѣданіе екатеринославской ученой архивной коммиссіи, посвященное памяти Т. Г. Шевченка.

Открывая засѣданіе, А. С. Синявскій въ краткой рѣчи охарактеризовалъ значеніе этого національнаго праздника, сообщивъ при этомъ, что по независящимъ обстоятельствамъ архивная коммиссія не могла пріурочить это чествованіе ко дню 44 годовщины со дня смерти незабвеннаго Т. Г., 26-го февраля.

Затѣмъ по поводу литературной дѣятельности Шевченка, его взглядовъ и условій его личной жизни были прочитаны интересные доклады: В. И. Пичеты – «Шевченко и крѣпостной строй русской жизни», Н. В. Быкова – «Доля и воля въ твореніяхъ Шевченка», В. И. Харціева—«Южнорусская могила въ поэзіи Шевченка», и В. А. Бѣднова—«Шевченко въ памяти украинскаго народа».

Красной нитью чрезъ всѣ доклады проходила слѣдующая мысль, выраженная въ заключительной части доклада В. И. Пичеты: «Теперь настало время, чтобы духъ Шевченка возсталъ изъ гроба и своимъ идейнымъ вліяніемъ вдохновилъ тѣхъ, кто любитъ народъ и стремится

работать на его пользу. Теперь настало время, чтобы его пѣсни стали настольной книгой въ хатѣ каждаго крестьянина, чтобы школьники заучивали его стихотворенія и научились любить свою родину и свободу... Я твердо вѣрю, что близокъ часъ, когда у насъ будетъ свободное слово и свободная мысль, когда лучшіе сыны нашей родины будутъ отдавать свои силы, свой талантъ обществу, а не мучиться подобно Шевченку... Я твердо вѣрю, что повтореніе судьбы Шевченка будетъ немыслимо. Проснутся духовныя силы въ малорусскомъ народѣ, до сихъ поръ задержанныя, малорусскій народъ запоетъ славу своему великому пѣвцу, новыя пѣсни пронесутся по всей Малороссіи. Эти новые звуки будутъ торжественнымъ гимномъ въ честь «свободы» свободнаго народа... День 26-го февраля сдѣлается національнымъ праздникомъ. Развитіе свободы духа въ свободномъ народѣ—вотъ наша программа, и эта дѣятельность будетъ «нерукотворнымъ» памятникомъ незабвенному поэту нашей свободы».

Закончился вечеръ музыкальнымъ отдѣленіемъ, въ которомъ были исполнены многія произведенія на слова Шевченка. Закрывая засѣданіе, А. С. Синявскій сообщилъ, что въ Екатеринославѣ открывается отдѣленіе петербургскаго благотворительнаго общества по изданію книгъ для народа на украинскомъ языкѣ („Приднѣпровскій Край“, № 2470).

---

2 апрѣля въ помѣщеніи русскаго женскаго благотворительнаго общества въ Петербургѣ состоялся „украинскій вечеръ“, посвященный исполненію украинскихъ вокальныхъ и литературныхъ произведеній. Было исполнено нѣсколько народныхъ пѣсенъ, „Хусточка“ Едлички, арія Левка изъ „Майской ночи“ и др. („Биржевыя Вѣдомости“, № 8756).

Подъ тѣмъ же названіемъ „украинскій вечеръ“ состоялся концертъ 6 апрѣля въ залѣ Общественной библіотеки въ Харьковѣ. Участіе М. Л. Кропивницкаго, бандуриста г. Галайды, оперныхъ артистокъ и артистовъ сообщили концерту выдающійся интересъ („Южный Край“, № 8418).

Къ годовщинѣ смерти Костомарова. По поводу 20-лѣтней годовщины со дня смерти Костомарова (7 апрѣля) появились замѣтки, посвященныя памяти покойнаго историка, въ № 97 „Кіевскихъ Откликовъ“ („Костомаровская годовщина“ г. Могилянскаго) и въ № 93

„Полтавщины“ („Къ двадцатилѣтію смерти Н. И. Костомарова“ г. Рублевскаго). Въ обѣихъ замѣткахъ представлена характеристика Костомарова, какъ крупнаго историка-художника, во главу своихъ историческихъ изысканій положившаго интересы народа и съ этой точки зрѣнія разрабатывавшаго историческіе сюжеты.

Годовщина смерти М. П. Старицкаго. Въ день первой годовщины смерти Старицкаго г. О. П. посвящаетъ въ „Полтавщинѣ“ (№ 99) почившему писателю прочувственную замѣтку, тепло изображая его заслуги для украинской литературы. Авторъ замѣтки въ особенности подчеркиваетъ характеръ дѣятельности Старицкаго, вытекавшій изъ положенія, какъ одного изъ піонеровъ новѣйшаго періода нашей литературы.

Рецензіи на украинскія изданія. Въ № 94 „Кіевскихъ Откликовъ“ помѣщена рецензія С. Е. на украинскія статьи проф. Грушевскаго, являющіяся отдѣльными оттисками изъ „Сборника статей по славяновѣдѣнію“: 1) Спірні питання староруськоі етнографіі, 2) Етнографичні категоріі и культурно-археологічні типи в сучасних студіях східньоі Европы и 3) Звичайна схема „русской“ історіі і справа раціонального укладу історіі східнього славянства.—Г. Дорошенко въ № 95 „Полтавщины“ отмѣчаетъ возмутительное надругательство, продѣланное небезызвѣстнымъ г. Грабыной надъ Беранже и украинскимъ языкомъ въ новоизданной книжкѣ „Писни Беранже“.

Въ № 2462 „Приднѣпровскаго Края“ находимъ записку профессоровъ Харьковскаго университета по вопросу объ украинской литературѣ.

Въ № 11 „Хуторянина“ помѣщено на украинскомъ языкѣ популярное наставленіе на случай заболѣванія холерой („Про холеру“). Наставленіе перепечатано изъ циркуляровъ Золотоношской уѣздной земской управы.

Екатеринославское губ. земство издало брошюру на украинскомъ языкѣ—„Холера", составленную г. Эварницкимъ по книжкамъ докторовъ Сычугова и Геллерта, („Полтавщина", № 97).

Въ № 100 „Полтавщины" напечатана замѣтка г. Лукьяненка „По поводу статьи г. Кругового", представляющая возраженіе на извѣстные нашимъ читателямъ нападки корреспондента „Новаго Времени" на украинскую литературу и школу.

Подъ заглавіемъ „Старинная Велыкодная вирша" г-жей Оленою Пчилкою напечатанъ въ № 104 „Полтавщины" текстъ весьма распространеннаго въ старину на Украинѣ пасхальнаго привѣтствія. Текстъ нѣсколько ретушированъ г-жей О. Пчилкой и снабженъ ею же предисловіемъ, подробно выясняющимъ происхожденіе „вирши".

Въ № 2796 „Южнаго Обозрѣнія" г. Злинченкомъ напечатана записанная въ Любашевкѣ Херсонской губ. народная пѣсня „Ой на горі сніжок шумить", которую записавшее лицо пріурочиваетъ къ настоящей войнѣ, хотя она представляетъ лишь варіантъ весьма распространенной пѣсни безъ всякаго намека на современныя событія.

Точно также варіантъ давно извѣстной чумацкой пѣсни о нападеніи на чумацкій таборъ разбойниковъ напечатанъ въ № 96 „Полтавщины" г. Гр. К—скимъ подъ заглавіемъ „Чумацкая дума".

Въ № 23 „Волыни" помѣщенъ этнографическій очеркъ „Праздникъ Пасхи у крестьянъ", описывающій обряды и игры въ украинскомъ селѣ, соединенные съ празднованіемъ „Великодня".

Отъ художника Филянскаго изъ Москвы Полтавскимъ земскимъ музеемъ получены фотографическіе снимки старинныхъ украинскихъ церквей, утвари и ковровъ („Полтавщина", № 97).

ВѢСТИ ИЗЪ ГАЛИЧИНЫ.

Панславистское празднословіе. 3 апрѣля состоялось годичное собраніе Петербургскаго галицко-русскаго общества. Какъ сообщаютъ «Биржевыя Вѣдомости» (№ 8758), прочитанный секретаремъ общества г. Драгомирецкимъ отчетъ за 1904 г. рисуетъ дѣятельность о-ва въ слѣдующемъ видѣ: свою задачу общество полагало „въ распространеніи русской книги въ Галиціи, Буковинѣ и Угорской Руси, а также въ оказаніи матеріальной и нравственной помощи галичанамъ, обучающимся въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Членовъ всего—315, изъ нихъ 11 почетныхъ; израсходовано за отчетный годъ—1905 руб., наличнаго капитала, къ началу 1905 года было 2,409 руб. Обществомъ было издано нѣсколько брошюръ и распространено около 9000 книгъ, преимуществено для народа. Кромѣ того, въ гор. Львовѣ основанъ складъ съ русскими книгами и картинами, который очень бойко торгуетъ". Къ сожалѣнію, отчетъ не даетъ свѣдѣній о томъ, какія именно книги галицко-русское общество распространяетъ въ Галичинѣ, и потому мы лишены возможности точно оцѣнить ту „нравственную помощь", какую оно оказываетъ нашимъ галицкимъ землякамъ. Судя однако по составу общества, можно не боясь впасть въ ошибку, заключить, что эта помощь не многимъ отличается отъ той духовной пищи, какую въ Россіи стряпаетъ для народа извѣстный генералъ Богдановичъ.

Въ томъ же собраніи проф. Будиловичемъ былъ прочитанъ докладъ о Галичинѣ. Какъ сообщаетъ та же газета, „по мнѣнію проф. Будиловича, единственный нашъ вѣрный союзникъ на Западѣ—это наши закарпатскіе (?) братья. Между Русью зарубежной и Русью державной существуетъ крѣпкая духовная связь. И даже несчастная война не подорвала братскихъ чувствъ галичанъ къ Россіи, въ могущество которой они глубоко вѣрятъ. Доказательствомъ этого служатъ пожертвованія галицкихъ крестьянъ на нашихъ раненыхъ воиновъ".

Не знаемъ, служатъ ли пожертвованія галицкихъ крестьянъ (если такія пожертвованія дѣйствительно были) доказательствомъ глубокой вѣры ихъ въ могущество Россіи, —это проф. Будиловичу, должно быть, лучше извѣстно. Но на счетъ сочувствія нашихъ „закарпатскихъ" (?) братьевъ къ оффиціальной, бюрократической Россіи, защитникомъ и пропагаторомъ которой является какъ галицко-русское общество въ

его цѣломъ, такъ въ частности и проф. Будиловичъ—послѣдній глубоко заблуждается. Даже среди любезнаго его сердцу направленія въ Галичинѣ въ отношеніяхъ къ бюрократической Руси намѣчается знаменательный поворотъ. Извѣстны ли, напр., проф. Будиловичу укоры по адресу русской бюрократіи и виды на либеральныхъ русскихъ земцевъ, обнаруженные недавно однимъ изъ столповъ галицкаго москвофильства г. Вергуномъ (см. предыдущую книжку «Кіевской Старины»)? Извѣстенъ ли далѣе проф. Будиловичу инцидентъ на собраніи львовскаго московофильскаго общества „Другъ", состоявшемся 30 января н. г., когда присутствовавшій въ собраніи оффиціальный представитель оффиціальной Россіи, львовскій консулъ, вынужденъ былъ демонстративно оставить собраніе (см. статью г. Копача въ № 16 „Діла")? Знаетъ ли, наконецъ, проф. Будиловичъ что-нибудь о томъ новомъ направленіи среди галицкихъ москвофиловъ, которое если и не выдаетъ имъ свидѣтельства политической и культурной зрѣлости, то во всякомъ случаѣ о сочувствіи къ русской бюрократіи вовсе не говоритъ?. Если эти и подобные факты проф. Будиловичу извѣстны, то напрасно онъ скрылъ ихъ отъ своихъ слушателей, распространившись только о глубокой вѣрѣ „нашихъ братьевъ" въ могущество Россіи. А если не извѣстны, то... намъ немного неловко за г. Будиловича, являющагося въ нѣкоторомъ родѣ спеціалистомъ, хотя и довольно своеобразнымъ, по „закарпатовѣдѣнію". Очевидно, почтенный профессоръ поотсталъ немного и рискуетъ вмѣстѣ съ Петербургскимъ галицко-русскимъ обществомъ остаться единственнымъ выразителемъ крѣпкой духовной связи между „закарпатскими братьями" и оффиціальной Россіей. Тѣ „братья", на которыхъ проф. Будиловичъ разсчитываетъ, народъ не надежный: возможно, что они отстранятъ его братскія объятія именно въ самый нужный ему моментъ; лучшихъ же представителей галицкаго народа давно уже отстранили отъ себя наши панслависты и бюрократія, политика которыхъ прекрасно всѣмъ извѣстна и, разумѣется, никого ввести въ заблужденіе не можетъ...

Новый директоръ украинскаго театра въ Галичинѣ и выходка „Діла". Директоромъ украинскаго театра въ Галичинѣ приглашенъ, какъ сообщаетъ «Діло» (№ 82), извѣстный украинскій артистъ Н. К. Садовскій. Свою новую дѣятельность въ качествѣ руководителя галицко-украинскаго театра уважаемый артистъ начинаетъ

съ 1 мая. Безъ сомнѣнія, руководство такого опытнаго и заслуженнаго артиста, какимъ является г. Садовскій, будетъ въ высшей степени полезнымъ для украинскаго театра въ Галичинѣ и, можетъ быть, выведетъ его на настоящую дорогу, устранивъ тѣ многочисленные изъяны, какіе замѣчались въ этомъ дѣлѣ до сихъ поръ. Все это безспорно, но къ сожалѣнію, сообщая о согласіи г. Садовскаго принять на себя завѣдываніе театральнымъ дѣломъ въ Галичинѣ, «Діло» опять не удержалось отъ грубой полемической выходки по адресу лицъ, высказавшихся противъ форсированія театральнаго дѣла цѣною забвенія болѣе насущныхъ нуждъ народа. Въ настоящей замѣткѣ снова находимъ прикровенный намекъ на «де-яких пугачів (!?), що не вміють особистих анімозий підпорядкувати загальній справі». Неужели редакція «Діла» не понимаетъ (а понять это, казалось бы, такъ не трудно), что такимъ отношеніемъ къ несогласно мыслящимъ она вовсе не опровергаетъ выставляемыхъ ими возраженій и сомнѣній, а лишь роняетъ то дѣло, которое берется защищать?.. Мы не говоримъ уже о томъ, что своею безтактной выходкой «Діло» ставитъ въ трудное и неловкое положеніе г. Садовскаго, пристегивая его имя къ тѣмъ личнымъ и партійнымъ счетамъ, которыя сводятся въ послѣднее время на столбцахъ львовской газеты съ рвеніемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія. Не думаемъ, чтобы такое пристегиваніе способствовало какимъ-либо образомъ успѣху принятыхъ на себя г. Садовскимъ обязанностей,—даже скорѣе наоборотъ, такъ какъ оно сразу же бросаетъ свѣжаго человѣка въ круговоротъ мелочныхъ счетовъ и отношеній и открываетъ такія перспективы, которыя вовсе не могутъ окрылять надеждами на возможность плодотворной дѣятельности...

Интересная анкета. Редакціей «Ruthenische Revue издана въ Вѣнѣ брошюра подъ заглавіемъ «Das Urteil der europäischen Kulturwelt über den Ukas von Jahre 1876. Eine Enquete». Содержаніемъ ея являются отзывы европейскихъ писателей, ученыхъ, политиковъ и общественныхъ дѣятелей о знаменитомъ постановленіи 1876 г., воспрещающемъ украинскую литературу въ предѣлахъ Россіи. Намѣреваясь въ будущемъ дать подробный отчетъ объ этой въ высшей степени интересной брошюрѣ, отмѣтимъ пока, что въ ней помѣщены мнѣнія по данному вопросу 21 лица, среди которыхъ встрѣчаемъ имена Бьернстьерне-Бьернсона, Оскара Браунинга, Леруа Болье, Ива

Гюйо, Джузепе Серджи и др. „Мнѣніе культурнаго міра Европы,— говоритъ въ „Полтавщинѣ“ (№ 103) по поводу этой анкеты г. Гулькевичъ,—достойно, конечно, того, чтобъ на немъ серьезно остановилась интеллигенція и люди съ политическимъ вліяніемъ“ („Мнѣніе культурнаго міра Европы объ ограниченіи украинской печати указомъ 1876 г.“).

Въ № 90 «Полтавщины» г. Аскело сообщаетъ свѣдѣнія о «Ruthenische Revue» на основаніи отчета, помѣщеннаго въ «Ділі» г. Яворскимъ; статья г. Аскело озаглавлена: «Украинская газета по-нѣмецки». Аналогичная же статья, подъ заглавіемъ: «Къ украинскому вопросу», помѣщена въ № 102 «Кіевскихъ Откликовъ» г. Федорченкомъ.

Въ № 97 «Полтавщины» г. Л. Ж. въ весьма интересномъ фельетонѣ дополняетъ представленныя предыдущими авторами свѣдѣнія историческими справками о возникновеніи «Ruthenische Revue» и о томъ всеобщемъ интересѣ, который вызванъ этимъ изданіемъ въ Западной Европѣ. Попутно приводятся отзывы европейскихъ дѣятелей и ученыхъ (историкъ Чемберлэнъ, Бьернстьерне-Бьернсонъ, Момзенъ, Брандесъ и др.) какъ о журналѣ, такъ и вообще объ украинскомъ движеніи.

„Загальні збори Наукового товариства ім. Шевченка“. $^6/_{19}$ апрѣля состоялось общее годичное собраніе («загальні збори») Львовскаго Наукового Товариства ім. Шевченка. Собраніемъ утверждены всѣ отчеты и постановленія правленія («Виділу») и, послѣ обсужденія текущихъ дѣлъ, приступлено къ избранію должностныхъ лицъ «Товариства» на текущій годъ. «Головою товариства» попрежнему оказался избраннымъ проф. Грушевскій, а въ «виділ» вошли слѣдующія лица: К. Бандрівський, В. Гнатюк, Д. Лукіянович, М. Мочульський, К. Паньківський, проф. К. Студинський и І. Ясеницький. Профессоръ львовской гимназіи І. Верхратський, авторъ многихъ работъ по филологіи и естествознанію, избранъ почетнымъ членомъ «Товариства» («Діло», № 82).

Отзывы прессы о первой выставкѣ украинскихъ художниковъ. Закончившаяся мѣсяцъ тому назадъ выставка украинскихъ художниковъ, устроенная во Львовѣ «товариством прихильників літератури, науки і штуки», имѣла крупный успѣхъ не только среди своей публики, но также и среди присяжныхъ цѣнителей искусства. Отзывы, появившіеся какъ въ украинскихъ изданіяхъ («Л.-Н. Вістник», кн. III, статья г. Братковскаго; «Діло», № 72, ст. г. Панькевича), такъ и въ польскихъ, («Gazeta Lwowska», Kurjer Lwowski и Słowo Polskie) въ одинъ голосъ говорятъ о большомъ художественномъ интересѣ выставки, останавливаясь преимущественно на произведеніяхъ г.г. Труша, Красицкаго, Сосенка, Жука, Макушенка и Панькевича.

Драматическій конкурсъ. Львовское просвѣтительное общество «Просьвіта» объявляетъ конкурсъ на драматическія произведенія, сюжетъ которыхъ долженъ быть взятъ изъ украинской исторіи. Лучшее произведеніе будетъ награждено такъ называемой «Михайловою преміею». Условія конкурса слѣдующія:

1) Премія 1100 корон[1]) зложена на руки товариства «Просьвіта» у Львові, призначена за оригінальну драму або трагедію з історичного життя України.

2) Конкурсом править товариство «Просьвіта» у Львові.

3) Речінець конкурсу однорічний—від дня його оголошення. Коли б у часі одного року не прислано відповідних творів, тоді оголоситься новий конкурс на дальший один рік і т. д., доки не наспіють твори, достойні премії.

4) Задля суду над присланими на конкурс творами і для присуду премії товариство «Просьвіта» зложить раду, до якоі покличе голову товариства «Просьвіта» або його заступника, фундатора премії, двох професорів украінськоі мови й письменства і професора всесвітньоі історіі на львівському університеті, професора украінськоі мови й письменства на черновецькому університеті та двох членів т-ва «Просьвіта». В разі, коли б хто-небудь з членів, запрошених до суду, не приняв або зрікся вибору, товариству «Просвіта» належить право покликати на його місце кого иншого. Суд обовязаний оголосити вислід конкурсу найпізнійше в пів року по речінці, призначеному для присилання творів.

---

[1]) Около 450 рублей.

5) До конкурсу належить приймати оригінальні, недруковані щей не давані на сцені твори Украінців із цілого обширу українських земель.

6) Автор не підписує на творові свого імени й призвища, лише подає девізу. Своє імя й призвище присилає автор у замкненій коверті, яку конкурсовий суд отворить лише тоді, якъ творові буде присуджена премія.

7) Зміст драми чи трагедіі повинен бути історичний, взятий з епохи дружинно-вічевоі, руськo-литовськоі або козацькоі; подія мусить бути дійсно історичною. Характер і колорит драми чи трагедіі повинен відповідати історичним і етнографичним умовам свого часу. Тенденція має переходити через увесь твір виразно, мусить бути патриотичною, але не образливою для сусідніх народів.

8) Мова діячів драми чи трагедіі повинна бути чисто українською; вона мусить відповідати часові, змістові, обставинам діі і вдачі діячів. У творі не вільно вживати жадного тривіялізму. Треба вважати, щоб мова відповідала формам народного сінтаксісу. За взірці мови треба взяти: а) історичні пісні, видані в Киіві Антоновичем и Драгомановим, б) українські приказки, видані Номисом, в) судові й инші історичні документи і д) Шевченкові твори

9) Письмо творів, присланих на конкурс, мусить бути виразне і читне, писане по змозі не власною рукою автора. Зміст і оцінка творів можуть бути оголошені друком доперва по рішенню конкурсу.

10) Твори членів конкурсового суду не будуть премійовані.

11) Премійована драма чи трагедія хоч і буде авторовою власністю, одначе автор не матиме права заборонити давати іі на сцені українського театру.

12) Автор обовязаний премійовану драму чи трагедію видрукувати в протязі року після присудження преміі. В противному разі право першого видання належить товариству «Просьвіта». В друку не вільно авторові робити ніякихъ змін що до змісту чи то тенденціі.

Усі твори належить присилати під адресою: Товариство «Просьвіта». у Львові, Ринок, ч. 10

За головний Виділ Товариства «Просьвіта»:

Др. Кость Левицький — Заст. голови.

Іван Яримович — писар.

У Львові дня 22. III. 1905.

Замѣтки на текущія темы.

Объ одномъ недоразумѣніи.—Его причины и слѣдствія.—Скачкообразное развитіе и забвеніе родства.—Таинственный незнакомецъ.—Соединеніе несоединимаго.—Что такое «украинофильство»?—Филологическое и просто логическое недоразумѣніе.—Кое что объ украинскихъ партіяхъ.—Пункты сходства и различія.—О г. Войниловичѣ и его упрощенномъ методѣ—„по щучьему велѣнью“ Иллюзія—„неіснуючого питання“, разрушаемая здравымъ смысломъ.—Г. Стешенко объ украинскихъ нуждахъ.—Печать, школа и другія учрежденія.—«Нужды украинской школы».—«Черкасы» XVIII вѣка и современные.—Дальнѣйшая постройка зданія.—Г. Южаковъ о культурномъ и политическомъ самоопредѣленіи.—Резолюціи перваго съѣзда россійскихъ журналистовъ и Московской земской группы.

Прежде чѣмъ перейти къ обзору появившагося за послѣднее время матеріала, трактующаго о потребностяхъ и требованіяхъ украинцевъ въ интересахъ обезпеченія ихъ національныхъ правъ—я долженъ сказать нѣсколько словъ объ одномъ недоразумѣніи, которое чревато многими нежелательными послѣдствіями. Несмотря на свой формальный характеръ, сказанное недоразумѣніе мѣшаетъ выработкѣ правильнаго взгляда на украинскій вопросъ, устраняетъ до извѣстной степени возможность вѣрной оцѣнки и расцѣнки украинскихъ требованій со стороны постороннихъ этому движенію лицъ и плодитъ кучу дальнѣйшихъ недоразумѣній въ отношеніяхъ къ украинскому вопросу различныхъ теченій и направленій русской общественной мысли.

Благодаря крайне стѣсненному положенію украинской литературы въ широкомъ смыслѣ этого слова, она лишена была всякой возможности заявлять о нуждахъ украинскаго народа, опредѣлять свои отношенія къ различнаго рода вопросамъ общественной жизни и начертать болѣе или менѣе ясную и опредѣленную программу пожеланій и дѣйствій украинской интеллигенціи. Правда, этотъ пробѣлъ до извѣстной степени восполнялся заграничной украинской публицистикой, начиная съ чрезвычайно интересныхъ статей покойнаго Драгоманова, изъ которыхъ многія до сихъ поръ не утратили своей свѣжести и злободневнаго характера. Но всѣ подобныя работы, благодаря трудности доступа за своего рода «черту осѣдлости» украинской литературы и проистекающей отсюда ихъ ограниченной распространяемости, оставались почти неизвѣстными даже многимъ сознательнымъ украинцамъ, не говоря уже о массѣ, о широкихъ кругахъ украинскаго и русскаго общества, для которыхъ онѣ въ полномъ смыслѣ слова не существуютъ. Это обстоятельство отразилось самымъ неблагопріятнымъ образомъ въ двухъ направленіяхъ. Для украинскаго общества, очевидно, была вполнѣ исключена въ силу указанныхъ условій возможность правильной національной эволюціи и планомѣрнаго развитія среди него зрѣлой общественной и политической мысли; развитіе поэтому шло не правильнымъ, планомѣрнымъ движеніемъ, а скачками, колеблясь между категорическимъ исповѣданіемъ «безполітичноі культури» съ одной стороны и столь же категорическимъ отрицаніемъ всякой культурной работы—съ другой; переходя отъ заявленій явно шовинистическаго характера до полной индефферентности къ національному вопросу и вытекающимъ изъ него требованіямъ. Стараясь найти выходъ изъ безвыходнаго положенія, люди попадали въ своего рода заколдованный кругъ, гдѣ одно условіе, опредѣляясь другимъ, въ свою очередь оказывало вліяніе на это послѣднее; задыхаясь въ этомъ кругѣ, они бросались отъ одной крайности къ другой, не соразмѣряя результатовъ даннаго практическаго мѣропріятія ни съ требованіями общаго положенія вещей, ни съ какимъ нибудь теоретическимъ его обоснованіемъ. Неудивительно, что при этомъ

неоднократно производились открытія давно извѣстныхъ Америкъ, замѣчалось иногда возвращеніе къ давно пройденнымъ ступенямъ развитія общественной мысли и, наконецъ, то явленіе, которое всегда наблюдается при подобныхъ условіяхъ—забвеніе своего ближайшаго родства и кровной связи съ предыдущими теченіями. Предоставленный въ вопросахъ выработки національнаго міросозерцанія почти исключительно собственнымъ силамъ, украинецъ естественно привыкалъ чуть ли не всю исторію украинскаго движенія начинать съ себя же, или того кружка, къ которому онъ принадлежалъ. Какъ въ туманѣ, правда, мелькали предъ нимъ такія названія и имена, какъ Кирилло-Меѳодіевское братство и Шевченко, «Основа», Кулишъ и Костомаровъ, Драгомановъ и радикальная партія, и т. д. и т. д., но въ большинствѣ случаевъ это были именно только имена, обнаженныя отъ внутренняго своего смысла и значенія, ничего не говорящія ни уму, ни сердцу даннаго лица, а потому и не оказывающія никакого, или почти никакого вліянія, на выработку его украинскаго сознанія. Чтобъ избѣжать упрека въ голословности, напомню лишь, что болѣе или менѣе полной и правдивой исторіи даже Кирилло-Меѳодіевскаго братства, этой первой украинской организаціи съ опредѣленной общественно-политической программой, и даже на русскомъ языкѣ мы не имѣемъ,—что же говорить о болѣе близкихъ къ намъ временахъ и лицахъ? И дѣйствительно имена, напр., Драгоманова, Франка и др. до самаго послѣдняго времени были подъ запрещеніемъ и потому не произносились во всеуслышаніе; даже чисто научныя работы того же Драгоманова, прикрытыя псевдонимомъ, доставляли редакторамъ, имѣвшимъ смѣлость помѣщать ихъ въ своихъ изданіяхъ, много весьма непріятныхъ минутъ; даже краткіе некрологи покойнаго профессора, представлявшіе въ сущности весьма неполный обзоръ его дѣятельности, вырѣзались изъ журналовъ и по необходимости замѣнялись уже совершенно безцвѣтными «послужными списками» [1]). О томъ, что́ значитъ за-

[1]) Подобной участи подвергся, напр., весьма содержательный некрологъ, написанный проф. Крымскимъ для «Этнографическаго Обозрѣнія» и замѣненный вслѣдствіи другимъ, значительно измѣненнымъ и сокращеннымъ.

трагивать эти близкія времена и лица, въ достаточной мѣрѣ испыталъ на собственномъ опытѣ и пишущій эти строки, печатая, хотя и съ соблюденіемъ всѣхъ предосторожностей, свои работы о такихъ живыхъ современныхъ дѣятеляхъ, какъ Франко или покойный Грабовскій: цѣлыя страницы, прерываясь на полусловѣ, безслѣдно исчезали изъ набора, замѣняясь плохо связанными, неудобовразумительными обрывками. О современности же безпрепятственно можетъ разсуждать, пожалуй, лишь князь Мещерскій съ ех-исправниками и прочими болѣе или менѣе свѣдущими доносителями... Неудивительно, что при такомъ положеніи вещей, когда цѣлыя полосы общественной жизни объявляются на положеніи табу, будучи изъяты изъ легальнаго обращенія, не можетъ быть и рѣчи о какомъ-нибудь планомѣрномъ развитіи. Огражденная со всѣхъ сторонъ, умышленно заброшенная и невоздѣлываемая почва не въ состояніи, конечно, давать нормальныхъ плодовъ, и взамѣнъ этого какъ нельзя болѣе благопріятствуетъ появленію и распространенію того особаго типа, который въ русской литературѣ, отчасти по сходнымъ же причинамъ, получилъ имя Ивана Непомнящаго. И, разумѣется, не Иванъ Непомнящій виноватъ въ томъ, что ему еще при появленіи его на свѣтъ отшибли память и заставили начинать исторію съ самого себя, безъ всякой связи съ предшественниками, производя при томъ свою работу не при благодѣтельномъ свѣтѣ яснаго дня критики, а въ темномъ подпольѣ всеобщаго молчанія...

Таковы были послѣдствія «черты осѣдлости» для внутреннихъ, такъ сказать, отношеній. Что касается внѣшнихъ, то здѣсь дѣло обстояло еще хуже. Благодаря указаннымъ обстоятельствамъ, украинецъ никогда еще не могъ вполнѣ снять съ лица своего густой вуали, наброшенной на него постороннею рукою, и нынѣ вездѣ является въ видѣ какого-то таинственнаго незнакомца, на котораго съ сомнѣніемъ и плохо скрываемой подозрительностью поглядываютъ окружающіе и сосѣди. Что это, молъ, за неизвѣстная фигура такая, каковы ея тайныя мысли, намѣренія и планы, къ какимъ дѣйствіямъ она прибѣгнетъ при осуществленіи своихъ плановъ, да и подлинно ли имѣются въ наличности какія-либо

планы, а не одно лишь голое желаніе забавляться какими-то несбыточными мечтаніями, только служа другимъ помѣхой?—таковы вопросы, съ которыми каждому изъ насъ несомнѣнно приходилось и приходится сталкиваться на каждомъ шагу. И сколько усилій требуется, чтобы устранить сомнѣнія и разсѣять недовѣрчивую подозрительность, да и не всегда это удается въ полномъ объемѣ, такъ какъ предубѣжденія обыкновенно крѣпко въѣдаются въ природу человѣка. А между тѣмъ, при отсутствіи надлежащихъ способовъ къ выясненію подобныхъ вопросовъ, возникаетъ цѣлая куча всяческихъ недоразумѣній, когда нѣтъ возможности разобраться, кто другъ тебѣ и кто врагъ, съ кѣмъ ты можещь идти рядомъ въ честномъ бою и съ какой стороны долженъ ожидать удара. Спросите средняго русскаго интеллигента объ украинствѣ, и хорошо еще, если въ отвѣтъ получите неопредѣленное упоминовеніе имени того или иного дѣятеля, чаще всего г. Мордовцева, съ которымъ какъ-то соединяется обыкновенно представленіе, какъ о представителѣ и вождѣ украинскаго движенія. Бываетъ и хуже, когда это движеніе, благодаря чисто случайнымъ обстоятельствамъ и совпаденіямъ, а то и прямому невѣжеству вашего собесѣдника въ данной области, упорно отождествляется съ реакціонными стремленіями, каковыя огуломъ приписываются всему движенію, извѣстному въ широкой публикѣ подъ страннымъ названіемъ «украинофильства». Подъ это понятіе подводятъ самыя разнохарактерныя явленія, сваливаютъ въ одну кучу совсѣмъ непохожіе, часто противоположнаго смысла и значенія факты, и неудивительно, если въ результатѣ получается нѣчто крайне смутное, неясное, лишенное опредѣленныхъ очертаній и ярко выраженной физіономіи. Эта же спутанность въ представленіяхъ объ украинскомъ движеніи отражается и въ русской печати, въ которой подъ общимъ именемъ «украинофильства» трактуется часто о совершенно различныхъ вещахъ, и хорошо еще, если авторъ воздержится при этомъ отъ тѣхъ пошлыхъ плодовъ обывательскаго острословія, образцы которыхъ я какъ то приводилъ уже. Чтобъ не ходить далеко, возвратимся на минутку къ тѣмъ почтеннымъ господамъ, о которыхъ шла у насъ рѣчь въ прошлый

разъ. И свѣдущій доноситель изъ «Гражданина», констатирующій «рѣдкую послѣдовательность и необыкновенное упорство» произведеній украинской литературы и характеризующій «украинофильство», какъ «прекрасно организованную политическую партію», и его благородный коллега—Малань Иванна изъ «Новаго Времени», считающій ту же «партію» явленіемъ «въ сущности весьма проблемматическимъ», не смотря на свое трогательное единство въ одинаково отрицательномъ отношеніи къ украинскому вопросу, говорятъ по сути дѣла подъ однимъ и тѣмъ же именемъ о совершенно различныхъ вещахъ. Въ то время, какъ перепуганный, или напускающій на себя испугъ, свѣдущій человѣкъ кн. Мещерскаго отождествляетъ «украинофильство» съ прекрасно организованной и сплоченной соціалъ-демократіей, его болѣе хладнокровный и уравновѣшенный коллега старается представить украинцевъ поголовно въ видѣ какихъ-то безпочвенныхъ Маниловыхъ или даже спеціалистовъ-плагіаторовъ, свое внутреннее убожество и безсиліе прикрывающихъ для виду неисполнимыми претензіями и пустячными благоглупостями. Изображенія, какъ видитъ читатель, не только ничего общаго между собой не имѣющія, но прямо противоположныя, два крайнихъ полюса, объединенныхъ тѣмъ не менѣе однимъ названіемъ. На этомъ наглядномъ примѣрѣ мы, такимъ образомъ, вплотную подошли къ тому сплошному недоразумѣнію, имя которому и есть «украинофильство».

Да, это одно недоразумѣніе, и прежде всего—съ чисто внѣшней точки зрѣнія, со стороны филологическаго состава даннаго термина. Что такое украинофильство? Буквально это понятіе охватываетъ людей, любящихъ *Украину*. Если такое названіе прилагается къ украинцу же родомъ, то оно, очевидно, должно означать человѣка, любящаго родину. Но какой же, скажите пожалуйста, смыслъ—ставить въ качествѣ отличительнаго признака для даннаго человѣка его любовь къ родинѣ? Какъ общее правило, вѣдь всякій любитъ свою родину, и никто, конечно, и не подумаетъ выставлять такого рода любовь въ качествѣ отличительной особенности, характеризующей внутреннюю

настроенность даннаго субъекта. Съ этой точки зрѣнія названіе руссофилъ вмѣсто — русскій, французофилъ — вмѣсто французъ и т. д. не будетъ ли просто нелѣпостью, не имѣющей ни логическаго смысла, ни опредѣленнаго реальнаго содержанія? Болѣе опредѣленное содержаніе во всякое *фильство* вкладывается лишь въ томъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о лицѣ, чуждомъ для данной народности, такъ какъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ въ понятіе вкладывается уже нѣчто, въ самомъ дѣлѣ характеризующее даннаго субъекта съ извѣстной, для него не обязательной, такъ сказать, стороны дружественныхъ отношеній къ чужой народности. Называя руссофиломъ, скажемъ, француза, мы уже тѣмъ самымъ опредѣляемъ его отношеніе къ русской народности и такимъ образомъ съ этой стороны подразумѣваемъ извѣстный вполнѣ опредѣленный признакъ, обрисовывающій физіономію даннаго лица. Такимъ образомъ, съ внѣшней стороны «украинофилъ» въ значеніи «украинецъ» есть не болѣе какъ нелѣпость; это названіе можетъ прилагаться только къ человѣку, не причисляющему себя къ украинской народности, но относящемуся съ сочувствіемъ и симпатіей къ ея положенію и стремленіямъ ея представителей. Украинофиломъ можно назвать Момзена, Бьенстерне-Бьернсона и другихъ участниковъ извѣстной анкеты «Ruthenische Revue», по скольку они проявили свое отношеніе къ украинскому вопросу, но ни въ какомъ случаѣ—Драгоманова, Грабовскаго, Старицкаго и т. д.

Не больше смысла въ этомъ словѣ въ его обычномъ употребленіи и со стороны внутренняго содержанія. Какъ мы видѣли, это названіе указываетъ на то, что данный субъектъ *любитъ* свою родину; но допустимъ, что человѣкъ, любящій свою родину, есть въ самомъ дѣлѣ раритетъ—явленіе въ нѣкоторомъ родѣ рѣдкостное, въ родѣ бѣлаго ворона, и что поэтому данное его настроеніе можно взять въ качествѣ характернаго признака,—какое же внутреннее содержаніе заключается въ этомъ понятіи? Прежде всего прекрасно всякому вѣдь извѣстно, что любовь бываетъ разная: и г. Грингмутъ клянется въ своей любви къ отечеству, присовокупляя къ ней, впрочемъ, еще и «народную гордость», и покой-

ный Михайловскій любилъ отечество, уже безъ народной «гордости»— и однако одно сопоставленіе этихъ двухъ именъ съ цѣлью найти какую-нибудь внутреннюю близость между ними было бы чѣмъ-то кощунственнымъ и глубоко оскорбительнымъ для памяти славнаго борца за свободу личности. Сказать, что и Михайловскій, и Грингмутъ (да простится мнѣ это сопоставленіе) любятъ родину— значитъ представить матеріала для характеристики ихъ обоихъ чуть-чуть, можетъ быть, больше, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы назвать того и другого просто человѣкомъ: при всей непререкаемой несомнѣнности послѣдней характеристики немного же матеріала она въ себѣ заключаетъ. Дѣло, слѣдовательно, вовсе не въ любви того или иного лица къ отечеству, а въ томъ реальномъ содержаніи, какое въ эту любовь имъ вкладывается; дѣло въ томъ, какъ эта любовь понимается и въ чемъ она выражается. Помните, читатель, прекрасную антитезу различныхъ видовъ любви къ родинѣ, сдѣланную въ извѣстномъ стихотвореніи г. Франка:

Ти, брате, любиш Русь,
Як дім, воли, корови—
Я ж *не люблю її*
З надмірної любови?

И въ самомъ дѣлѣ, для иного любовь къ родинѣ, говоря словами г. Франка же, является лишь «празничною одежиною»—парадньмъ одѣяніемъ и средствомъ для достиженія личныхъ выгодъ; для другого—это «крівава в серці рана», это лишенія, преслѣдованія и тяжкій трудъ на пользу родного края; это та страстная, дѣятельная любовь-ненависть, которая заставляетъ человѣка болѣть и мучиться недостатками своей родины и безпощадно бичевать ея отрицательныя, тѣневыя стороны. Попробуйте же объединить однимъ понятіемъ эти различные виды любви, такъ же далекіе другъ отъ друга, какъ свѣтлый Ормуздъ далекъ отъ своей противоположности—мрачнаго Аримана...

Такимъ образомъ, названіе «украинофилъ», употребляемое для обозначенія извѣстнаго направленія среди людей украин-

скаго происхожденія, является лишеннымъ всякаго опредѣленнаго содержанія и, представляя не болѣе какъ филологическое и логическое недоразумѣніе, плодитъ и въ дальнѣйшемъ недоразумѣнія же. Поэтому употребленіе его должно быть строго ограничено лишь приложеніемъ къ тѣмъ людямъ, которые не принадлежатъ къ украинской народности, замѣнившись для причисляющихъ себя къ ней другимъ названіемъ—украинецъ. Сознательные украинцы давно уже оставили этотъ путанный и путающій терминъ и на ихъ языкѣ слово «украинофилъ» пріобрѣло даже спеціальный оттѣнокъ для обозначенія человѣка, который лишь парадируетъ въ извѣстныхъ случаяхъ своею принадлежностью къ украинской народности, но дальше этого не идетъ и болѣе глубокаго смысла этой своей принадлежности не придаетъ. Поэтому въ дальнѣйшемъ изложеніи я буду имѣть дѣло исключительно съ названіемъ «украинецъ», но оперируя понятіемъ, выражаемымъ этимъ названіемъ, опять таки прошу имѣть въ виду, что я вовсе не думаю приписывать ему какое то исчерпывающее, всеобъемлющее значеніе, какъ никто такого же значенія не придаетъ понятіямъ—русскій, нѣмецъ, французъ и т. п. Дѣло въ томъ, что и русскіе, и французы, и нѣмцы и т. д.—разные бываютъ и, являясь объединенными въ смыслѣ принадлежности къ одной націи, они расходятся въ массѣ весьма существенныхъ признаковъ, которые заставляютъ относить представителей одной націи къ совершенно противоположнымъ лагерямъ. И Бебель, и Бюловъ—вѣдь нѣмцы, но опять таки и въ этомъ случаѣ попробуйте соединить несоединимое. Въ такомъ же смыслѣ слѣдуетъ употреблять и названіе «украинецъ», т. е., для обозначенія принадлежности къ украинской націи; правда, въ виду слабости національнаго самосознанія среди украинцевъ, этому понятію придается обыкновенно оттѣнокъ большей или меньшей сознательности упомянутой принадлежности.

Если мы условимся принимать названіе «украинецъ» только въ указанномъ смыслѣ, то этимъ самымъ отчасти отвѣтимъ и на вопросъ—представляютъ ли украинцы исключеніе изъ общаго правила, сосредоточиваясь въ одномъ лагерѣ, объединяясь въ одну партію; иными словами—существуетъ ли то трогательное единеніе, кото-

раго такъ не одобряетъ «свѣдущій человѣкъ» кн. Мещерскаго, зачисляющій поголовно всѣхъ украинцевъ въ ряды соціалъ-демократіи, или же и у насъ, какъ вообще у всѣхъ людей, есть различныя партіи, весьма отличающіяся другъ отъ друга своими знаменами? Какъ бы мы ни смотрѣли на объявленное въ «Гражданинѣ» единодушіе, отнесемся ли къ формѣ этого единодушія сочувственно или отрицательно, но въ интересахъ истины мы должны, конечно, сказать, что оно существуетъ лишь въ фантазіи свѣдущаго невѣжды изъ «Гражданина»; въ дѣйствительности же ничего подобнаго нѣтъ, да и едва ли мыслимо гдѣ-нибудь. Единственнымъ моментомъ, объединяющимъ всѣхъ украинцевъ, является національный вопросъ или, говоря точнѣе, тѣ ограниченія національныхъ правъ, которыя характеризуютъ положеніе украинскаго вопроса въ Россіи. На этой почвѣ, на отрицательномъ отношеніи къ ограниченіямъ украинскаго слова во всѣхъ отношеніяхъ, дѣйствительно, надо полагать, сходятся всѣ, кому дорого будущее родного народа, безъ различія партійныхъ и личныхъ взглядовъ, такъ что съ этой стороны политика ограниченій имѣла, пожалуй, нежелательныя съ точки зрѣнія ея творцовъ послѣдствія, объединивъ хотя на одномъ пунктѣ всѣ неудовлетворенные современнымъ положеніемъ элементы. Этимъ же постороннимъ, такъ сказать, обстоятельствомъ объясняется также исключительный интересъ украинцевъ къ національному вопросу и характеръ разработки послѣдняго. То или иное разрѣшеніе національнаго вопроса является для украинца прежде всего дѣломъ жизни или смерти—сохраненія національнаго существованія или же уничтоженія его. Вотъ почему этимъ вопросомъ интересуются, можно сказать, всѣ украинцы; даже тѣ изъ нихъ, которые теоретически отрицаютъ его настоятельность и необходимость, на практикѣ не могутъ сойти съ національной почвы, не утративъ вмѣстѣ съ тѣмъ и своей физіономіи, какъ украинскихъ дѣятелей. Чтобы пояснить это, я позволю себѣ небольше отступленіе, которое имѣетъ однако тѣсное отношеніе къ занимающему насъ предмету. Недавно, попалась мнѣ въ одной заграничной газетѣ статья, озаглавленная «Неіснуюче питанне», авторъ которой, нѣкто г. Вой-

ниловичъ, съ большимъ задоромъ, но совершенно по дѣтски, наивно сожалѣя при этомъ, «що се треба соціяль-демократам доводити», раздѣлался съ національнымъ вопросомъ. По мнѣнію г Войниловича, всякіе вопросы могутъ возбуждаться якобы лишь хорошо извѣстными, точно опредѣленными и изученными фактами, но знаемъ ли мы, что такое нація? Задавъ этотъ вопросъ, г. Войниловичъ отвѣчаетъ на него отрицательно по слѣдующимъ мотивамъ. Онъ слыхалъ, что г. Милюковъ опредѣляетъ будто бы «націю яко мову», и не провѣривъ этого вздорнаго слуха, говоритъ положительно за г. Милюкова: «мова є нація» [1]. Но въ свою очередь—знаемъ ли мы, что такое языкъ? Такъ какъ филологи спорятъ о томъ, какими признаками отличается языкъ отъ нарѣчія и даже говора, а г. Войниловичъ въ пророческомъ наитіи предвидитъ, что имъ никогда этого вопроса и не рѣшить, то, слѣдовательно, языкъ не принадлежитъ къ области точно установленныхъ фактовъ, а потому—«яке уже може бути обговорение національного питання, коли ми не знаємо точно, що таке нація?.. І яке місце може уділити національному питанню пролетарська література, коли пролетар знається на сьому «питанні» о стільки, щоб з певністю сказати, що се питанне виду-

[1]) На самомъ дѣлѣ г. Милюковъ вовсе не представляетъ вопроса въ столь упрощенномъ—до плоскости, можно сказать—видѣ. Вѣроятно, производя свою операцію упрощенія, г. Войниловичъ имѣлъ въ виду слѣдующее мѣсто изъ «Очерковъ по исторіи русской культуры»: «Національность есть соціальная группа, располагающая такимъ единственнымъ и необходимымъ средствомъ для непрерывнаго психическаго взаимодѣйствія, какъ языкъ, и выработавшая себѣ постоянный запасъ однообразныхъ психическихъ навыковъ, регулирующихъ правильность и повторяемость явленій этого взаимодѣйствія. Изъ этого опредѣленія сама собой вытекаетъ важность языка для національности. Можно даже сказать, что языкъ и національность—это понятія если не тождественныя, то вполнѣ покрывающія одно другое. Предѣлы одного—тождественны съ предѣлами другого» и т. д. См. «Очерки по исторіи русской культуры», ч. III, вып. I, Спб. 1903, стр. 7 и слѣд. Какъ видитъ читатель, это не совсѣмъ то, что утверждаетъ г. Войниловичъ.

мала буржуазія» и т. д. А изъ всего вышесказаннаго торжественный выводъ, что для г. Войниловича національный вопросъ—несуществующій вопросъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ же стремительный авторъ свою статью заканчиваетъ положительнымъ утвержденіемъ, что объ этотъ «несуществующій» вопросъ «скрізь соціальна демократія такъ чи инакше спотикається».

Говорятъ, что у каждаго барона есть своя фантазія,—почему бы не имѣть своей фантазіи и г. Войниловичу? Но только онъ совершенно напрасно искажаетъ чужія мнѣнія, наивничаетъ и ссылается при этомъ на филологовъ, которые навѣрное очень хорошо знаютъ,надъ чѣмъ имъ приходится оперировать. Но дѣло пока не въ этомъ, а въ исходномъ пунктѣ г. Войниловича: вопросы возбуждаются лишь точно опредѣленными, изучеными и, такъ сказать, порѣшенными и припечатанными явленіями. Не знаю, какіе собственно вопросы подобныя явленія могутъ возбуждать у г. Войниловича, но, по моему скромному разумѣнію—разъ явленіе изучено, точно опредѣлено и установлено во всѣхъ деталяхъ, то тѣмъ самымъ оно уже перестаетъ давать матеріалъ для какихъ бы то ни было самостоятельныхъ вопросовъ; оно тогда сдается, если такъ можно выразиться, въ архивъ человѣческихъ знаній, изъ котораго извлекается лишь для дальнѣйшихъ выводовъ, для аргументовъ, иллюстрацій и т. д., но само по себѣ, повторяю, вопросовъ возбуждать не можетъ. Очевидно, весь этотъ упрощенный методъ разсужденія, все это наивничанье въ руку г. Флоринскаго—является ли украинскій языкъ настоящимъ языкомъ, или только нарѣчіемъ—понадобились нашему автору только для того, чтобы заявить о своемъ незнаніи, что́ такое языкъ, но послѣдній отъ этого, конечно не перестаетъ быть фактомъ, съ которымъ и самъ г. Войниловичъ, старающійся писать по украински, очевидно считается. И если г. Войниловичъ «знається на сьому питанні о стільки», чтобы съ увѣренностью заявить, что національный вопросъ выдуманъ буржуазіею, то изъ этого съ несомнѣнностью слѣдуетъ лишь одинъ выводъ, а именно, что авторъ самолично произнесъ весьма недвусмысленный судъ надъ самимъ собою и своими категорическими разсужденіями. Если бы

г. Войниловичъ, вмѣсто того величественнаго презрѣнія, какимъ онъ ограничивается по отношенію къ наукѣ, именуемой имъ свысока «буржуазной», нѣсколько тверже зналъ ея положенія, то несомнѣнно онъ былъ бы осторожнѣе и въ своихъ выводахъ. Да что уже говорить о «буржуазной» наукѣ, когда г. Войниловичъ не знакомъ даже со своей партійной литературой, одинъ изъ столповъ которой, К. Каутскій, вполнѣ опредѣленно доказываетъ, напр., совершенно обратное—что «національная идея *не есть нѣчто искусственно вызванное* газетчиками и политиками» [1]; а другой, Зомбартъ, констатируетъ, что «патріотизмъ, любовь къ отечеству—это чувство крѣпко внѣдряется помимо нашего сознанія и воли; оно столь же законно, какъ тоска по родинѣ или любовь къ матери»; что «это сумма впечатлѣній, воспоминаній, надъ которыми мы не властны», и онъ, Зомбартъ, не видитъ, «почему это чувство должно быть удѣломъ лишь отдѣльныхъ классовъ» [2]). Рекомендуя вниманію г. Войниловича эти взгляды людей для него несомнѣнно авторитетныхъ, отъ которыхъ онъ узнаетъ, что національный вопросъ интересенъ не исключительно съ точки зрѣнія «буржуазійного світогляду», отъ себя прибавлю только, что его личное признаніе національнаго вопроса несуществующимъ есть не рѣшеніе, а просто боязнь предъ «націоналістичною (sic) єресью», говоря его собственными словами. Однако изъ того, что правовѣрный г. Войниловичъ боится возникновенія ереси и отмахивается отъ нея, совсѣмъ не геройски разрубая запутанный узелъ, вовсе еще не слѣдуетъ, конечно, что несомнѣнно существующій фактъ, «по щучьему велѣнью», окончитъ съ позоромъ свое существованіе и національный вопросъ перестанетъ интересовать товарищей г. Войниловича. Хотя онъ и берется говорить отъ лица «пролетарів» вообще, но думаю, что весьма многіе изъ его товарищей испытывали большую неловкость, читая полную проти-

---

[1]) Карлъ Каутскій—Очерки и этюды. Спб. 1901, стр. 105.

[2]) Вернеръ Зомбартъ—Соціализмъ и соціальное движеніе въ XIX столѣтіи. Спб. 1905, стр. 151.

ворѣчій, незнанія и комичной развязности статью «Неістнуюче питанне», очевидно при томъ смѣшивающую національный вопросъ съ шовинизмомъ...

Я потому то на дѣтскихъ разсужденіяхъ г. Войниловича и остановился, чтобы показать, какъ «несуществующій» и упорно въ теоріи отрицаемый вопросъ на практикѣ вламывается въ міросозерцаніе самихъ же отрицателей и заставляетъ ихъ реагировать все-таки на боли и нужды національнаго организма. Уже это упорное отрицаніе является въ этомъ смыслѣ чрезвычайно характернымъ и подозрительнымъ: покончивъ, казалось бы, съ національнымъ вопросомъ окончательно и навсегда, приходится все-таки къ нему возвращаться, снова и снова доказывая необходимость его отрицанія,—это ли не лучшее опроверженіе всѣхъ разсужденій о національномъ вопросѣ, какъ «несуществующемъ». И можно съ увѣренностью сказать, что всѣ попытки отдѣлаться отъ національнаго вопроса, отмахнуться отъ него, въ нашемъ положеніи впередъ обречены на полную неудачу. Признаки національнаго существа принадлежатъ вѣдь къ общечеловѣческимъ признакамъ, лишь варьирующимся въ зависимости отъ условій времени, мѣста и среды; вытравить эти признаки нѣтъ возможности, не исказивъ вмѣстѣ съ тѣмъ до извѣстной степени и человѣческаго образа и подобія. Тамъ, гдѣ этимъ признакамъ не грозитъ вытравленіе, гдѣ удовлетвореніе національныхъ потребностей не встрѣчается съ ограниченіями—національный вопросъ дѣйствительно не существуетъ, или правильнѣе говоря—не чувствуется, какъ не чувствуется воздухъ, которымъ мы дышемъ, или здоровье, пока мы имъ пользуемся. Но попробуйте заключить человѣка въ безвоздушное пространство, попробуйте отнять у него здоровье—и какимъ насущнымъ благомъ, настоятельно необходимымъ, безъ котораго сама жизнь становится невозможной, сдѣлаются эти незамѣтныя въ нормальномъ положеніи условія счастливаго существованія. Національный вопросъ, существуя въ связанномъ, потенціальномъ состояніи во всякомъ человѣческомъ обществѣ, достигшемъ извѣстнаго уровня культурнаго развитія, острое значеніе пріобрѣтаетъ лишь при наличности національнаго угнетенія и, можно сказать, имъ и по-

рождается, вызывается къ жизни. Для угнетенныхъ націй вопросъ національный есть вопросъ въ нѣкоторомъ родѣ чистаго воздуха, крѣпкаго здоровья и теряетъ такое значеніе только при справедливомъ разрѣшеніи, т. е. полномъ удовлетвореніи національныхъ потребностей. До тѣхъ поръ всѣ усилія объявить національный вопросъ несуществующимъ—останутся голымъ пожеланіемъ того или иного лица, доктринерской попыткой посредствомъ соотвѣтственнаго декрета упразднить жизнь съ ея непреложными требованіями. А извѣстно, какую цѣну имѣютъ всѣ такія попытки: не разрѣшая въ сущности вопроса, а лишь отодвигая его рѣшеніе, онѣ создаютъ только фикцію рѣшенія, а вопросъ остается все въ прежнемъ положеніи, а господамъ доктринерамъ, приносящимъ человѣка въ жертву субботѣ, приходится все повторять свои попытки безъ всякихъ практическихъ результатовъ. И пока, повторяю, національныя потребности украинскаго народа остаются въ области pia desideria, національный вопросъ у насъ, разумѣется, будетъ существовать, и всѣ усилія объявить его несуществующимъ, выдумкой буржуазіи для оглушенія классового сознанія и отвлеченія рабочихъ слоевъ отъ болѣе существенныхъ вопросовъ и т. д.—напрасно потраченный трудъ: жизнь сильнѣе доктринерскихъ разсужденій. Вмѣстѣ съ тѣмъ и теоретическіе противники національнаго вопроса, его отрицатели, на практикѣ должны стоять на немъ, если не хотятъ перестать быть самими собой. Слѣдовательно, на этомъ пунктѣ всегда возможно единеніе между самыми различными теченіями среди украинскаго общества вплоть до того момента, когда украинскій національный вопросъ въ самомъ дѣлѣ не будетъ упраздненъ единственно правильнымъ методомъ—путемъ полнаго удовлетворенія всѣхъ настоятельныхъ и неотложныхъ нуждъ украинскаго народа и его національныхъ требованій.

Въ зависимости отъ опредѣленныхъ условій времени и среды, самая разработка національнаго вопроса въ украинской литературѣ отличается особымъ характеромъ. Національный вопросъ занимаетъ и интересуетъ украинцевъ не какъ философско-соціологическая проблемма, не какъ чисто разсудочное теоретизированіе—результатъ «ума холодныхъ наблюденій», а какъ рядъ

практическихъ требованій, въ полномъ смыслѣ слова—«сердца горестныхъ замѣтъ«. Въ ежедневной мелкой борьбѣ за національное существованіе некогда думать о холодныхъ разсужденіяхъ, некогда создавать отвлеченныя категоріи; нужно откликаться на запросы текущаго дня, создавать аргументы чисто практической цѣнности и потому-то, при малочисленности и случайности теоретическихъ сочиненій на тему національнаго вопроса, украинская публицистика всегда обращала преимущественное вниманіе на эту практическую сторону дѣла, выставляя рядъ требованій именно послѣдняго характера и обосновывая ихъ по большей части также съ точки зрѣнія практической желательности, необходимости и осуществимости.

Я не имѣлъ намѣренія говорить здѣсь объ украинскихъ партіяхъ; мало того, при настоящихъ условіяхъ не считаю этого даже и возможнымъ по указаннымъ уже причинамъ, иначе пришлось бы на каждомъ шагу обуздывать самого себя въ ущербъ истинѣ. На сколько мнѣ приходилось касаться разныхъ украинскихъ партій, я постоянно имѣлъ въ виду извѣстный анекдотъ о нѣкоторомъ сынѣ строгаго отца, просившемъ фотографа сдѣлать его изображеніе «немножко непохожимъ, чтобы тятенька не узналъ». Извиняясь предъ читателемъ за не совсѣмъ, быть можетъ, ясную форму своихъ замѣтокъ, особенно въ той части ихъ, которая касается украинскихъ партій, я прошу его объ одномъ одолженіи—также всегда имѣть въ виду указанный анекдотъ и не быть слишкомъ требовательнымъ къ пишущему эти строки, который и самъ видитъ многія прорѣхи въ своемъ изложеніи, но заштопать ихъ при всемъ своемъ желаніи, пока не можетъ. Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ мнѣ и не нужна была детальная характеристика различныхъ украинскихъ направленій, я хотѣлъ только, во-первыхъ, подчеркнуть то обстоятельство, что нѣтъ никакихъ основаній сваливать всѣхъ украинцевъ въ одну кучу и выдумывать несуществующую единую «украинофильскую» партію, и во-вторыхъ, указать на то, что́ дѣйствительно является до извѣстной степени общимъ для всѣхъ партій. Разница между ними, и при томъ существенная, по большей части выходитъ уже изъ границъ собственно національнаго вопроса и коренится въ основахъ общаго міросозерца-

нія. а этимъ послѣднимъ украинскія партіи болѣе или менѣе аналогичны съ соотвѣтственными партіями у другихъ народовъ. Правда, и относительно требованій чисто національнаго характера существуетъ—болѣе, впрочемъ, количественная—разница; если всѣ украинцы сходятся, напр., на первомъ, можно сказать, пунктѣ—относительно предоставленія свободы украинскому слову, то весьма возможно, что съ продолженіемъ ряда требованій, число раздѣляющихъ ихъ будетъ уменьшаться, такъ какъ болѣе умѣренные элементы несомнѣнно всегда склонны помириться на меньшемъ, останавливаясь часто на полдорогѣ и не доводя своихъ требованій до ихъ логическаго конца...

Каковы же собственно требованія украинцевъ? Обоснованный отвѣтъ на этотъ вопросъ находимъ въ статьѣ г. Стешенка «Украинофилы», напечатанной въ «Южныхъ Запискахъ». Украинская интеллигенція, по словамъ г. Стешенка,

> стремится къ національизаціи всѣхъ учрежденій, находящихся на территоріи Украйны и для украинскаго народа. Сразу, по первому впечатлѣнію, это кажется чѣмъ то чрезмѣрнымъ, фантастическимъ, напоминающимъ нелѣпые толки объ отдѣленіи Украины отъ Россіи. Но послѣ маленькаго размышленія, дѣло кажется слишкомъ яснымъ. *Школа* для украинскаго народа неужели можетъ быть иной, чѣмъ только украинской? *Судъ* для украинскаго народа неужели можетъ вестись на иномъ языкѣ, чѣмъ украинскій? *Проповѣди* для украинскаго народа неужели могутъ быть иныя, чѣмъ украинскія? *Театръ* для украинскаго народа неужели можетъ быть инымъ, чѣмъ украинскимъ? И такъ далѣе до безконечности. Все, съ чѣмъ мы идемъ къ украинскому народу, какъ и всякому другому, можетъ быть съ внѣшней стороны только національнымъ. И потому національизація учрежденій на Украйнѣ есть стремленіе, несомнѣнно присущее украинской интеллигенціи и несомнѣнно глубоко правильное и естественное, ибо глубоко педагогическое [1]).

---

[1]) И. Стешенко. — Украинофилы. «Южныя Записки», № 13, стр. 3—4.

Оставивъ въ сторонѣ нѣсколько путающій терминъ «націонализація», употребляемый обыкновенно въ иномъ значеніи, и дополнивъ указанныя требованія новыми, въ приведенной выдержкѣ скрывающимися подъ словами: «и такъ далѣе до безконечности»,— можно бы вполнѣ подписаться подъ заявленіемъ г. Стешенка. Но при этомъ необходимо отмѣтить, что если нѣкоторыя изъ указанныхъ и неуказаныхъ г. Стешенкомъ требованій въ настоящее время являются настолько безспорными, что не вызываютъ уже рѣшительно никакихъ возраженій и развѣ только кликуши изъ «Гражданина» могутъ еще продолжать свои истерическія завыванія по поводу, напр., отмѣны ограниченій для украинской печати, то другія требованія являются не столь общепризнанными. Есть основанія надѣяться, что вообще всѣ ограниченія, которыми стѣсняется дѣятельность, выходящая изъ частной иниціативы, какъ печатное слово, театръ и проч., должны пасть въ болѣе или менѣе непродолжительномъ времени. Украинская печать раньше всего воспользуется отмѣной ограниченій и, не смотря на предсказанія возможныхъ Маланій, она, при правильной постановкѣ дѣла, скоро переживетъ первый критическій періодъ формированія и быстро завоюетъ вниманіе читателей, главнымъ образомъ изъ народа, которымъ особенно необходимо близкое и понятное слово. Но далѣе слѣдуютъ учрежденія, болѣе или менѣе выходящія изъ предѣловъ частной иниціативы, въ первой линіи—школа. Будетъ ли дана возможность украинцу учиться на родномъ языкѣ—этотъ вопросъ вызываетъ пока нѣкоторыя сомнѣнія. Уже въ извѣстномъ запросѣ комитета министровъ, адресованномъ академіи наукъ и университетамъ мы находимъ этотъ «крупный недочетъ—принципіальное устраненіе вопроса о допущеніи малорусскаго языка въ школу» [2]),—недочетъ, имѣющій повидимому, симптоматическое значеніе, какъ отраженіе взглядовъ, господствующихъ на данный вопросъ въ правящихъ сферахъ. Но оставляя въ сторонѣ даже эти послѣднія, можно думать, что

---

[3]) Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ—Малорусская цензура. „Русскія Вѣдомости“, № 73.

требованія украинцевъ по школьному вопросу и среди общества не встрѣтятъ столь единодушнаго сочувствія—просто уже въ силу нѣкоторой долговременной традиціи, всосавшейся въ мозгъ средняго обывателя. Между тѣмъ вопросъ этотъ уже теперь выдвигается на очередь; подъ заглавіемъ «Нужды украинской школы» въ газетахъ находимъ слѣдующее заявленіе:

Мы, нижеподписавшіеся, собравшись 26-го февраля 1905 года почтить память поэта Т. Г. Шевченко, соединяясь въ чувствѣ величайшей боли, которую вызываетъ въ насъ тяжелое положеніе народа, давшаго намъ великаго нашего поэта, и находя, что одной изъ главныхъ причинъ такого положенія являются царящіе среди народныхъ массъ мракъ и невѣжество, пришли, послѣ обсужденія, къ слѣдующимъ выводамъ.

Существующая для украинскаго народа начальная школа совершенно не отвѣчаетъ требованіямъ просвѣщенія ни по языку, ни по содержанію преподаваемаго. Родной языкъ народа изгнанъ изъ школы, нашихъ дѣтей учатъ презирать его, какъ грубый и недостойный употребленія жаргонъ; преподаваніе ведется на языкѣ чужомъ, мало понятномъ, вслѣдствіе чего дѣти не могутъ усвоить хорошо даже простой грамотности. Почти все учебное время въ школѣ уходитъ на заучиваніе непонятныхъ словъ, что дѣйствуетъ угнетающе на дѣтскій умъ, притупляетъ его пытливость и часто порождаетъ даже отвращеніе къ книгѣ. Поэтому нѣтъ возможности пріобрѣтать какія-либо полезныя знанія, тѣмъ болѣе, что само учебное начальство умышленно ограничиваетъ кругъ этихъ знаній. О нашемъ родномъ краѣ въ школѣ или совсѣмъ умалчиваютъ, или даютъ извращенныя свѣдѣнія. Вслѣдствіе всего этого у насъ въ дѣйствительности нѣтъ народнаго образованія.

Что касается средней и высшей школы, то, не входя въ разсмотрѣніе содержанія преподаваемаго въ ней, мы видимъ, что и здѣсь также совершенно изгнаны нашъ языкъ, наша литература,—а исторія предлагается ученикамъ въ извращенномъ видѣ съ цѣлью заставить насъ забыть свое прошлое. И здѣсь мы систематически и постоянно оскорбляемы въ дорогихъ для насъ чувствахъ любви къ родинѣ и родному языку,—любви, составляющей неотъемлемое право каждаго человѣка.

Понятно, что вся эта система является лишь частью общей внутренней политики государства, замѣна которой инымъ правопорядкомъ, основаннымъ на участіи въ осуществленіи законодательной власти свободно избранныхъ всѣмъ населеніемъ путемъ равнаго, прямого и тайнаго голосованія представителей, является въ настоящее время неизбѣжной. Въ политикѣ этой есть одна черта, которая играетъ въ занимающемъ насъ вопросѣ особенно важную роль, а именно—совершенно отрицательное отношеніе къ населяющимъ Россію негосударственнымъ народностямъ, какъ къ таковымъ; отношеніе, возведенное въ систему, цѣль которой—поглощеніе государственной народностью всѣхъ остальныхъ. Благодаря этому принципу, каждая негосударственная національность Россіи поставлена въ положеніе осужденной на медленную смерть, такъ какъ дальнѣйшее ея существованіе предполагается для государства чѣмъ-то вреднымъ, опаснымъ, а потому и подлежащимъ устраненію. Отсюда цѣлый рядъ стѣсненій національной жизни негосударственныхъ народностей Россіи. Вслѣдствіе этого народности, изъ которыхъ слагается государство, не развиваются, а потому не развивается и само государство; кромѣ того онѣ не могутъ не относиться отрицательно къ такому государственному порядку, который отрицаетъ самое ихъ существованіе.

Выходомъ изъ этого положенія можетъ явиться лишь созданіе такого порядка, при которомъ возможно будетъ братское сожительство населяющихъ государство народностей, когда народности государства, съ одной стороны, подчинены необходимымъ требованіямъ общегосударственной жизни, а съ другой—каждая изъ нихъ получаетъ нерушимое право и возможность культивировать свои національныя начала и свой языкъ. Въ такомъ разноплеменномъ государствѣ, какъ Россія, лишь эта, противоположная централистической, система, послѣдовательно проведенная, можетъ обезпечить въ надлежащей мѣрѣ внутреннее спокойствіе государства и интересы его народностей,—конечно, при осуществленіи общихъ требованій: неприкосновенности личности и жилища равноправныхъ гражданъ, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ, а также экономической политики, направленной къ полному удовлетворенію нуждъ рабочаго класса.

При такомъ разрѣшеніи вопроса возможно будетъ и устраненіе тѣхъ ненормальностей въ дѣлѣ народнаго образованія, о которыхъ сказано выше, и замѣна существующей школьной системы совершенно иной, при которой для украинскаго народа школа низшая, средняя и высшая будетъ съ украинскимъ языкомъ преподаванія—съ тѣмъ, чтобы государственный языкъ былъ изучаемъ въ ней, какъ одинъ изъ обязательныхъ учебныхъ предметовъ.

Относясь отрицательно ко всему, что содѣйствуетъ отграниченію народныхъ массъ отъ образованныхъ слоевъ общества, мы находимъ необходимымъ не только всеобщее обязательное и безплатное обученіе въ народной школѣ, безъ вѣроисповѣдныхъ, національныхъ и сословныхъ ограниченій, но также созданіе такой организаціи народнаго образованія, которая, начинаясь низшей народной школой, заканчивалась бы университетомъ—такъ, чтобы каждая школа высшаго типа служила непосредственнымъ продолженіемъ предшествовавшей.

Успѣшно дѣйствующая народная школа возможна лишь на родномъ языкѣ народа, и разъ эта школа является только первой ступенью длинной лѣстницы, ведущей на высоты знанія, частью, органически связанной со своимъ цѣлымъ, то и школа средняя и высшая должна основываться на томъ же принципѣ—народнаго языка преподаванія, въ нашемъ случаѣ—украинскаго; только при исполненіи этого условія возможно устраненіе того глубоко-ненормальнаго положенія вещей, при которомъ у насъ многомилліонныя народныя массы относятся къ одной народности, а живущая среди нихъ интеллигенція—къ другой, благодаря чему между первыми и второй лежитъ глубокая пропасть, исключающая возможность плодотворнаго единенія народа и его интеллигенціи въ работѣ. При этомъ мы полагаемъ, что замѣна существующихъ для украинскаго населенія народныхъ школъ школами съ украинскимъ языкомъ преподаванія должна наступить немедленно, между тѣмъ какъ введеніе въ жизнь украинскихъ школъ средней и высшей можетъ быть произведено постепенно, при чемъ первой ступенью для этого должно быть немедленное введеніе въ нихъ, какъ учебныхъ предметовъ, украинскаго языка, украинской литературы и исторіи Украины.

Въ частности относительно народныхъ школъ мы полагаемъ необходимымъ: а) устраненіе созданной бюрократіей мертвящей тенденціозности, нынѣ господствующей въ народной школѣ; расширеніе школьной программы и измѣненіе ея въ такомъ направленіи, чтобы она отвѣчала реальнымъ потребностямъ народа и выводамъ современной науки; б) полная передача всѣхъ народныхъ школъ въ вѣдѣніе обществъ и органовъ мѣстнаго самоуправленія.

Относительно среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній на территоріи украинскаго народа мы, кромѣ вышесказанцаго находимъ необходимымъ присоединиться всецѣло къ выраженнымъ въ запискѣ «Нужды просвѣщенія» («Наши Дни», 1905 г., № 22) требованіямъ академической свободы.

Наконецъ, высказываясь вообще за свободу частной иниціативы въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, мы находимымъ необходимъ устраненіе всѣхъ запретительныхъ и стѣснительныхъ мѣръ въ дѣлѣ организаціи библіотекъ, читаленъ, публичныхъ чтеній и иныхъ просвѣтительныхъ начинаній и свободное пользованіе для ихъ цѣлей всѣми произведеніями печати, обращающимися на книжномъ рынкѣ.

Настоящее наше заявленіе поручаемъ избраннымъ нами лицамъ обнародовать въ печати и, кромѣ того, представить будущему всероссійскому собранію народныхъ представителей [1]).

Приведенное заявленіе въ краткой и потому нѣсколько догматической формѣ приводитъ главнѣйшія основанія, въ силу которыхъ должна быть произведена требуемая реформа школъ, предназначенныхъ для украинскаго народа. Я не буду подробно излагать и развивать эти основанія, такъ какъ для этого потребовались бы не спѣшныя замѣтки на текущія темы, а спеціальная детальная работа, которая отчасти уже сдѣлана въ многочисленныхъ статьяхъ

---

[1]) „Сынъ Отечества", № 65; „Полтавщина", № 92. Подлинный текстъ записки подписанъ въ Кіевѣ пятьюстами лицами, при чемъ изъ различныхъ мѣстъ продолжаютъ поступать заявленія многихъ лицъ о желаніи присоединить и свои подписи къ запискѣ.

и несомнѣнно еще будетъ дополнена новыми, посвященными выясненію и разработкѣ того же вопроса [1]). Я хотѣлъ только обратить вниманіе читателей на положеніе школьнаго дѣла у насъ и отмѣтить, что введеніе преподаванія въ украинскихъ школахъ на народномъ языкѣ мнѣ представляется неизбѣжнымъ дѣломъ, которое рано или поздно будетъ осуществлено, такъ какъ къ этому неудержимо ведетъ естественный ходъ вещей. Единственнымъ возраженіемъ противъ украинизаціи школьного обученія является то, что русская школа якобы открываетъ своему питомцу доступъ къ богатой русской литературѣ, съ которой не можетъ соперничать украинская,—но, во-первыхъ, практика ясно показала, что такого пріобщенія къ русской литературѣ вовсе не существуетъ въ дѣйствительности, а во-вторыхъ, то же возраженіе можно бы выставить противъ всякой школы—польской, литовской, грузинской, армянской и т. д., а между тѣмъ по отношенію къ перечисленнымъ народностямъ этотъ аргументъ раздается все рѣже и рѣже. Опубликованный на дняхъ указъ сенату отъ

---

[1]) Отмѣтимъ, кстати, появившійся за послѣднее время въ газетахъ матеріалъ по данному вопросу: «Украинская народная школа» Л. Ж. «Полтавщина», № 77; «Объ одномъ изъ приказовъ» г. Петрищева, «Волынь», № 73; «Малороссійскій языкъ и народная школа» Народной учительницы, «Приднѣпровскій Край», № 2439; «Малорусская цензура» проф. Сумцова, «Русскія Вѣдомости», № 73 (конецъ посвященъ именно школьному вопросу); «Странное мѣсто» Б. Гринченка, «Южныя Записки», № 12. «Нѣсколько словъ по поводу народнаго просвѣщенія» Звенигородца, «Кіевскія Отклики», № 121. Кромѣ того, вопросъ о допущеніи украинскаго языка въ школу былъ возбужденъ Харьковскимъ Обществомъ взаимопомощи трудящихся женщинъ („Кіевскіе Отклики“, № 89) О чтеніяхъ и популярныхъ брошюрахъ на украинскомъ языкѣ высказались въ виду ожидаемой холеры: нѣжинское уѣздное земское собраніе («К. О.», № 74), санитарный совѣтъ золотоношской земской управы («К. О », № 83) и общество врачей г. Ровно («К. О.», № 86); а бывшій въ Москвѣ послѣдній Пироговскій съѣздъ постановилъ общую резолюцію объ освобожденіи отъ цензуры «всѣхъ сообщеній, листковъ, организованныхъ совѣщаній и частныхъ бесѣдъ на русскомъ и національныхъ языкахъ» («К. О.», № 75).

3 мая, вводящій—правда, въ скромномъ размѣрѣ—преподаваніе народнаго языка въ школахъ польскихъ и литовскихъ, несомнѣнно представляетъ весьма характерное явленіе въ смыслѣ поворота отъ политики насильственнаго обрусенія къ предстоящему въ будущемъ рѣшенію школьнаго вопроса и, конечно, реформа въ свое время будетъ распространена на все населеніе, не владѣющее русскимъ языкомъ,—въ томъ числѣ и на украинское. Правда, украинское населеніе всегда считалось на особомъ положеніи, но нужно надѣяться, что желанный поворотъ произойдетъ и въ этой области. Теперешній методъ просвѣщенія на Украинѣ посредствомъ чужого языка осужденъ вѣдь уже достаточно выразительно, а въ обратномъ своемъ примѣненіи онъ вызывалъ когда то бурю негодованія и среди самихъ великороссовъ. Весьма интересной въ этомъ отношеніи можетъ быть справка, что въ исторіи былъ однажды моментъ, когда теперешніе «просвѣтители» и «просвѣщаемые» перемѣнились, было, ролями, и великороссамъ тогда весьма не по нутру были педагоги изъ украинцевъ, выражавшіе стремленіе къ украинизаціи великорусской школы. Одинъ изъ изслѣдователей русской духовной школы XVIII вѣка отмѣчаетъ что,

„черкасы“, сосредоточившіе на себѣ столько ненависти со стороны своихъ великорусскихъ учениковъ и выучениковъ, ставшихъ ихъ соперниками, *были для великорусской школы „люди въ собственномъ смыслѣ чужіе, наѣзжіе изъ какой то чужой стороны, какой тогда представлялась Малороссія, съ своеобразными привычками, понятіями и самой наукой, съ своей малопонятною, странною для великаго русскаго ума рѣчью*“. Они „*не только не хотѣли приноровиться къ просвѣщаемому ими юношеству и къ призвавшей ихъ странѣ, но даже явно презирали великоруссовъ, какъ дикарей, надъ всѣмъ смѣялись и все порицали, что было не похоже на ихъ малороссійское, а все свое выставляли и навязывали какъ единствевнно хорошее.* Сдѣлавшись преподавателями въ великорусскихъ школахъ, *они не оставили даже своего провинціальнаго (sic!) нарѣчія, вслѣдствіе чего,* по замѣчанію одного изъ изслѣдователей по исторіи нашихъ семинарій,

ни учителя учениковъ, ни ученики учителей не понимали. Преданность ихъ своему нарѣчію доходила до такой степени, что *они даже въ классѣ осмѣивали формы великорусскаго нарѣчія и принуждали учениковъ объясняться такъ, какъ они сами говорили,* напр., запрещали говорить: „въ Кіевѣ“ и требовали, чтобъ говорили: „у Киеві“... „Самая наука, которую принесли съ собой учителя-малороссы, *стоила многихъ мученій великорусскому юношеству и долго возбуждала въ немъ непреодолимое отвращеніе,* пока кое-какъ не привилась на новой, непривычной къ ней почвѣ“.

Противодѣйствіе этой наукѣ, очень медленно ослабѣвая, наблюдается во всѣ первыя 6 десятилѣтій XVIII вѣка. За исключеніемъ одного Ѳеодосія Яновскаго, сдѣлавшаго въ свое время попытку приспособить новое латинское образованіе къ мѣстнымъ великорусскимъ преданіямъ, другіе архіереи-черкасы дѣйствовали прямо въ подрывъ этимъ преданіямъ. Семинарскіе курсы повсюду являлись точною копіей курса Кіевской академіи, сложившагося подъ западнымъ вліяніемъ по латинско-католическимъ образцамъ [1]).

Я съ предвзятымъ намѣреніемъ привелъ эту длинную выдержку, какъ свидѣтельство потерпѣвшей стороны, въ настоящее время уже возстановленной въ своихъ правахъ на собственный языкъ въ школѣ. И однако, обратите вниманіе, какое возмущеніе, какая горечь слышится въ этомъ разсказѣ о давно прошедшихъ временахъ!.. Трудно болѣе отрицательно и рѣзко отнестись къ дѣйствію «черкасъ» XVIII вѣка, старавшихся украинизовать великорусскую школу, но мы, потомки этихъ «черкасъ», обѣими руками подпишемся подъ всѣми высказываемыми по ихъ адресу упреками. Одно сопоставленіе однако напрашивается само собою—не то ли самое дѣлаютъ теперь съ нами? Вѣдь переставить слова—велико-

---

[1]) Петръ Струве—Любопытный обывательскій протестъ противъ школьного классицизма XVIII вѣка, „Міръ Божій“, 1901, іюль, 189—190. Приведенная мной характеристика „черкасъ“ сдѣлана г. Струве по сочиненію проф. Знаменскаго „Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 года“.

россы» и «малороссы»—одно на мѣсто другого и выбросивъ упоминаніе о XVIII вѣкѣ, получимъ... точную, безпристрастную картину современнаго состоянія школьного дѣла на Украинѣ. Припомните изъ приводимой выше записки «О нуждахъ украинской школы», что «родной языкъ народа *изгнанъ изъ школы*, нашихъ дѣтей *учатъ презирать его, какъ грубый и недостойный употребленія жаргонъ*... Почти все учебное время въ школѣ уходитъ на *заучиваніе непонятныхъ словъ*, что дѣйствуетъ угнетающе на дѣтскій умъ, притупляетъ его и часто *порождаетъ даже отвращеніе къ книгѣ*» и т. д.,—аналогія полная, доходящая до тождества въ выраженіяхъ! Какъ въ XVIII в. въ Великороссіи, такъ теперь у насъ ни ученики учителей, ни обрусители-учителя учениковъ не понимаютъ; въ классѣ открыто осмѣиваютъ формы украинскаго языка и принуждаютъ учениковъ даже дома объясняться на чужомъ языкѣ; самая наука, которая преподается въ нашихъ школахъ, если и уступаетъ въ схоластичности старой латинской наукѣ, то во всякомъ случаѣ заключаетъ въ себѣ еще достаточно элементовъ для того, чтобы стóить многихъ мученій нашему школьнику, возбуждая въ немъ отвращеніе къ просвѣщенію; а затѣмъ—эта чуждая атмосфера, насыщенная презрѣніемъ ко всему родному, эти неприспособленные къ пониманію нашего ребенка учебники, пестрѣющіе непонятными описаніями чего то далекаго, чужого, холоднаго—все это создаетъ ту обстановку нашей школы, которая мѣтко охарактеризована Ушинскимъ, какъ «странное мѣсто» [1]). «Бойкій мальчикъ,—разсказываетъ о вліяніи этого «страннаго мѣста» народная учительница,—котораго вы только что слышали на улицѣ, какъ живо и остроумно разсказывалъ онъ что то внимательно слушавшимъ его товарищамъ, теперь вдругъ становится робкимъ, неувѣреннымъ, напряженно подыскивающимъ слова и коверкающимъ и русскую рѣчь, и малорусскую. Куда дѣвалась живость мысли, образность выраженій—весь тотъ богатый лексическій матеріалъ, который такъ дорогъ для преподавателя?» [2]). Разница между временами

[1]) См. Б. Гринченка—«Странное мѣсто», „Южныя Записки», № 12.

[2]) «Малороссійскій языкъ и народная школа» въ № 2439 «Приднѣпровскаго Края».

давнопрошедшими и настоящимъ только одна, да и та не въ пользу современности: не забудемъ, что темные, невѣжественные «черкасы» производили свои эксперименты обезличенія великорусскаго юношества въ XVIII вѣкѣ, а у насъ нынѣ, слава Богу, XX!.. Что было до извѣстной степени извинительно для XVIII вѣка, то слѣдуетъ считать непростительнымъ въ наше «просвѣщенное» время...

Такимъ образомъ, реформа нашей школы въ смыслѣ приспособленія ея какъ языкомъ, такъ и содержаніемъ преподаваемаго къ населенію и устраненія всевозможнаго балласта, лишь неудобоваримымъ бременемъ падающаго на учениковъ, должна быть поставлена на первую же очередь. Вмѣстѣ съ этимъ должны быть приближены къ населенію и всѣ учрежденія, назначеніе которыхъ—такъ или иначе обслуживать это населеніе, несущее на нихъ свои кровныя средства. Только тогда и школа, и всѣ остальныя учрежденія—«правительственныя мѣста», какъ ихъ называютъ—перестанутъ быть для народа тѣмъ, чѣмъ они являются въ дѣйствительности—т. е. «странными» мѣстами, да и не только странными, а во многихъ отношеніяхъ и глубоко-вредными мѣстами... Тогда будетъ заложенъ первый камень къ разрѣшенію нашего національнаго вопроса въ его нынѣшней специфической формѣ.

Но это въ полномъ смыслѣ лишь первый камень, на которомъ остановиться уже будетъ нельзя, но которой повлечетъ за собой дальнѣйшую постройку новаго зданія. Wer A sagt, muss auch B sagen—и это B должно быть произнесено. На осуществленіи указанныхъ требованій уже нельзя будетъ поставить точку, такъ какъ кромѣ чисто культурныхъ требованій выдвигаются еще политическія и экономическія, не стоящія уединенно и изолированно, а тѣсно связанныя съ первыми. Въ прошлый разъ я приводилъ резолюцію предварительнаго совѣщанія журналистовъ, признающую за каждой національностью, наравнѣ съ культурными правами, также право и на «политическое самоопредѣленіе». Обсуждая эту резолюцію, г. Южаковъ дѣлитъ всѣ національные вопросы въ Россіи на двѣ категоріи въ зависимости отъ того, живутъ ли данныя національности смѣшанно

съ другими, или же на собственныхъ территоріяхъ сплошнымъ или, по крайней мѣрѣ, преобладающимъ населеніемъ. Для первыхъ національный вопросъ, по мнѣнію г. Южакова, весь исчерпывается политической, равноправностью обезпеченной, кромѣ того, правомъ на культурное самоопредѣленіе.

Совсѣмъ иначе,—продолжаетъ тотъ же авторъ,—стоитъ вопросъ, когда рѣчь идетъ о національностяхъ, занимающихъ особыя національныя территоріи. Здѣсь далеко не ясно, слѣдуетъ ли ихъ представителей включать въ русскій сеймъ или предпочтительнѣе съ созваніемъ русскаго сейма созвать сеймы польскій, грузинскій, армянскій и т. д. Мнѣ кажется, что второй методъ, не затрудняя нашихъ собственныхъ русскихъ проблемъ, *лучше и справедливѣе обосновалъ бы и рѣшеніе проблемъ нашихъ соотечественниковъ другихъ національностей.* Затѣмъ оставалось бы согласовать выработанныя программы либо переговорами, либо на общемъ сеймѣ всѣхъ автономныхъ областей [1]).

Эта мысль почтеннаго публициста развита и дополнена постановленіями перваго съѣзда россійскихъ журналистовъ, состоявшагося при участіи представителя, между прочимъ, и украинской печати 5—8 апрѣля въ Петербургѣ. Принятая по національному вопросу съѣздомъ резолюція выражена, какъ передаютъ газеты, въ слѣдующихъ двухъ пунктахъ:

I. Признавая полную гражданскую и политическую равноправность всѣхъ народностей, входящихъ въ составъ россійскаго государства, и право каждой изъ нихъ на самостоятельное національно-культурное самоопредѣленіе, съѣздъ находитъ необходимымъ, чтобы эта равноправность и это право были гарантированы основнымъ закономъ государства и чтобы отдѣльнымъ народностямъ была предоставлена возможность созданія учрежденій, осуществляющихъ ихъ право на свободное національно-культурное развитіе.

---

[1]) С. Южаковъ — Политика, „Русское Богатство», мартъ, стр. 163.

> II. Исходя изъ основного положенія о политическомъ единствѣ россійскаго государства и вмѣстѣ съ тѣмъ признавая необходимость децентрализаціи государственнаго управленія, съѣздъ находитъ, что за отдѣльными народностями, заселяющими опредѣленныя части государственной территоріи, должно быть признано право на автономію на основаніяхъ, устанавливаемыхъ особымъ для каждой области органическимъ статутомъ. Такіе статуты должны быть вырабатываемы областными собраніями, созываемыми на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія, и утверждаемы всероссійскимъ законодательнымъ собраніемъ [1]).

Кромѣ того, по свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ частныхъ источниковъ, эта общая резолюція была дополнена спеціальной прибавкой, относящейся уже непосредственно къ занимающему насъ вопросу,—

> въ виду того,—гласитъ эта прибавка,—что 25-милліонная украинская народность въ Россіи совершенно лишена по существующимъ законамъ своей прессы и вслѣдствіе того—своего выраженія, съѣздъ признаетъ необходимымъ немедленно предоставить ей это общечеловѣческое право.

Тотъ же вопросъ объ автономіи отдѣльныхъ народностей Россіи въ положительномъ смыслѣ разрѣшенъ и недавнимъ съѣздомъ Московской земской группы. Въ опубликованной «Программѣ союза освобожденія» находимъ слѣдующее положеніе:

> самое широкое областное самоуправленіе должно быть, во всякомъ случаѣ, предоставлено областямъ Имперіи, рѣзко обособленнымъ по своимъ бытовымъ и историческимъ условіямъ, напр., Польшѣ, Литвѣ, Малороссіи или Закавказью. Въ отношеніи народностей, входящихъ въ составъ Россіи, мы безусловно признаемъ ихъ право на культурное самоопредѣленіе. Употребленіе

---

[1]) „Кіевскіе Отклики", № 117. Отъ бюро союза россійскихъ писателей.

въ начальныхъ школахъ и во всѣхъ мѣстныхъ учрежденіяхъ народнаго языка должно быть принципіально признано необходимымъ для всѣхъ народностей Россійскаго государства [1]).

Приведенными резолюціями и постановленіями уже опредѣленно намѣчается тотъ путь политической реформы, какой можетъ удовлетворить всѣ народности, входящія въ составъ Россіи. Полная автономія, олицетворяемая мѣстнымъ народнымъ представительствомъ, въ вопросахъ внутренняго значенія, затрагивающихъ интересы только данной народности, и одновременно полная равноправность всѣхъ народностей, осуществляемая въ общеимперскомъ представительствѣ, относительно общихъ вопросовъ государственной жизни—таковы основныя требованія, которыя должны быть осуществлены предстоящей реформой. Удачное разграниченіе компетенціи мѣстныхъ и общеимперскаго представительныхъ собраній, общность при разумно проведенной децентрализаціи посредствомъ осуществленія мѣстныхъ нуждъ мѣстными же силами—дадутъ устойчивость и силу государству, но вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечатъ и возможность развитія каждой народности. Нужно твердо помнить при этомъ, что иныхъ путей къ тѣмъ же для всѣхъ желаннымъ результатамъ нѣтъ, что всякое иное рѣшеніе предложеннаго вопроса грозитъ въ будущемъ такими осложненіями, которыя должны быть предупреждены и избѣгнуты заблаговременно принятыми разумными мѣрами...

Сергій Ефремовъ.

---

[1]) „Полтавщина", № 102. Ср. едва ли не первое постановленіе въ этомъ направленіи, принятое парижскимъ съѣздомъ представителей различныхъ партій и опубликованное еще 1 декабря 1904 г. Какъ передаетъ оффиціозная «Финляндская Газета», это постановленіе выразилось въ слѣдующихъ пунктахъ: «право національнаго самоопредѣленія; законами гарантированное право національнаго развитія для всѣхъ народностей; устраненіе всякаго насилія со стороны русскаго правительства по отношенію къ различнымъ народностямъ» (Цитирую по «Русскимъ Вѣдомостямъ», № 116).

Кромѣ того, двухнедѣльная «Научная хроника» *(И. Брусиловскій)* и Библіографія.

Условія подписки: На годъ—6 руб., полгода—3 руб., на три мѣсяца—1 руб. 50 коп. Въ розничной продажѣ цѣна номера 15 коп.

Въ виду того, что разошлись всѣ номера за январь мѣсяцъ, подписка принимается только съ февраля (съ № 6).

Адресъ редакціи и конторы „Южныхъ Записокъ": *Одесса, Троицкая ул. № 26.*

Розничная продажа и пріемъ подписки производятся во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Юга Россіи, въ Петербургѣ въ книж. маг. Пташникова, въ Москвѣ въ книж. маг. Анисимова, «Трудъ», а также на станціяхъ Юго-Зап. ж. д.

Вышли и поступили въ продажу; новая книжка **„Приключенія Уличнаго Адвоката"** *Ал. Яблоновскаго.* Цѣна 20 коп. и **ДЕШЕВАЯ КАРТА** военныхъ дѣйствій въ 5 краскахъ на основаніи нбвыхъ данныхъ. Цѣна 15 коп., съ пересылкой 20 коп. Изданіе «Юж Зап.».

Радакторъ-издатель *К. М. Панкѣевъ.*

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

КНИГА 4-я,—АПРѢЛЬ, 1905.

I.—Мой дневникъ на войнѣ 1877—78 г.г.—1877-ой годъ.—I: 18 апрѣля – 9 іюля.—*М. А. Газенкампфа.*—II.—По совѣсти.—Романъ изъ помѣщичьей жизни нашего времени.—XII-XVIII.—*А. Новикова.*—III,—Александръ I и Наполеонъ I.—Послѣдніе годы ихъ дружбы и союза. — VII-XII. — Окончаніе.—*Ѳ. Ѳ. Мартенса.*—IV.— Графиня А. А. Толстая.—Личныя впечатлѣнія и воспоминанія.—*Ив. Захарьина (Якунина).*—V.—Женщина съ вѣеромъ.—Романъ.—Rob. Hitchens. The Woman with the fan.—VII-XI.—Съ англ. *З. В.*—VI·—Этюды о байронизмѣ.—Часть вторая: Польская литература.—*Алексѣя Веселовскаго.*—VII.—Два эрота.—Эскизъ.—W. Weigand, Der zwiefache Eros, Novelle.—I-V.—Съ нѣм. *О. Ч.*—VIII.—Изъ моихъ воспоминаній.—1843—1860 гг.—XI-XIV.—*Ек. Юнге.*—IX.—Хроника.—Внутреннее

обозрѣніе.—Главный вопросъ дня.—Составъ и задача совѣщанія, образованнаго на основаніи Высочайшаго рескрипта 18-го февраля.—Различные взгляды на способъ организаціи перваго представительнаго собранія: проекты барона П. Л. Корфа, г. Н. З. и В. Д. Кузьмина-Караваева.—Переходный порядокъ или сразу всеобщая, равная и прямая подача голосовъ?—Будущая судьба фааричной инспекціи.—Законопроекты по рабочему вопросу.—X.—Первый шагъ рабочаго законодательства въ Болгаріи.—*Н Кулябко-Корецкаго.*—XI.—Иностранное обозрѣніе.—Мукденская катастрофа и ея значеніе.—Дѣятельность генерала Куропаткина и его штаба.—Вопросъ о продолженіи войны.—Особенности газетнаго патріотизма.—Сообщенія относительно предпріятій на р. Ялу.—Недоумѣнія и вопросы.—Наши финансы и заграничные кредиторы.—Предложеніе издателю «Times».XII.—Литературное обозрѣніе.—I. Н. П. Загоскинъ. Исторія Имп. Казанскаго университета, въ 3 том. 1804—1904 г.г. Его же, за сто лѣтъ. Біограф. словарь профессоровъ Казан. университета. 1804—1904 г.г.—II. Д. Нагуевскій, профессоръ Францъ Броннеръ.—III. Въ защиту слова. Сборникъ.—IV. Сборникъ товарищества „Знаніе", кн. III—V. Сенатскій Архивъ, т. XI.—VI. Александра Ефименко, Южная Русь, т. I.—VII. Статьи по славяновѣдѣнію, вып. I.—*Евг. Л.*—VIII. Война и наши финансы, П. П. Мигулина.—*В. В.*—Новыя книги и брошюры.—XIII.—Новости иностранной литературы.—I. R. Beer-Hofmann, Der Graf v. Charolais.—*З. В.*—II. La Pologne et la crise russe: 1. Lettre d'un Polonais à un Ministre russe. 2. Observations politiques à propos dela lettre d'un Polonais à un Ministre russe.—*Л. С.*—XIV.—Изъ общественной хроники.—Правительственное сообщеніе 18-го марта.—Имѣется ли на лицо periculum in mora?—Необходимость образованія политическихъ партій.—«Правый флангъ монархической партіи», поддѣльный и настоящій.—Дальнѣйшіе оттѣнки мнѣній.—Резолюція съѣзда журналистовъ.—Уличные безпорядки въ Псковѣ.—Совѣщаніе о печати.—Царство Польское и Финляндія.—XV.—Библіографическій листокъ.—Н. Н. Ге, его жизнь, произведенія и переписка, В. В. Стасова.—Корея—«запретная» страна, В. Алова.—Система русскаго гражданскаго права, К. Анненкова.—Вопросы начальной школы, В. Е. Чебышевой-Дмитріевой.—Курсъ двойной бухгалтеріи, С. М. Бараца.—Справочная книга для путешественниковъ, Ю. Шокальскаго, проф. К. Богдановича и др.—XVI.—Объявленія.—I-IV; XII.

Як. Бѣлаго. XVII. Художникъ-другъ.—*А. Чеботаревской.* XVIII. Изъ воспоминаній и переписки.—*В. А. Гольцева.* XIX. Жур. обозр. XX. Внут. обозр. XXI. Иностр. обозр.—*В. А. Г.* XXII. Соврем. искусство.—*Ю. А.* XXIII. Библіогр. отд. XXIV. Объявленія.

Ближайшее участіе въ редакціи принимаютъ В. А. Гольцевъ и А. А. Кизеветтеръ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Подп. цѣна съ дост. и	12 м.	9 м.	6 м.	3 м.	1 м.
перес. во всѣ мѣста Рос.	12 р.	9 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу	14 р.	10 р. 50 к.	7 р.	3 р. 50 к.	1 р. 25 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ, 1 апр. 1 іюля, 1 окт. по 3 руб. при непосред. обращеніи въ к-ру или ея отд. Цѣна отд. нумера съ переу. 1 р. 30 к. книгопрод. дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ полнаго экземпляра. Подписка принимается въ Москвѣ въ к-рѣ журнала: Ваганьк. пер. д. Куманина. Въ СПБ. въ Варшавѣ, Вильнѣ въ кн. магаз. Карбасникова, въ Кіевѣ въ кн. магаз. Оглоблина.

Изданіе редакціи, новая книга: *Олстонъ.* Краткій очеркъ современныхъ конституцій. Пер. проф. *К. А. Тимирязева.* ц. 4 р. Складъ въ к-рѣ „Русской Мысли“.

Редакторъ *В. М. Лавровъ.* Издатель *В. А. Гольцевъ.*

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ «Кіевской Старинѣ» печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

„Кіевская Старина" будетъ выходить въ 1905 г. по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ 1-го числа каждаго мѣсяца книжками въ 14 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Продолжается подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ" на 1905 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками, **10 р.** съ доставкою и пересылкою; на мѣстѣ **8 р. 50 к.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала **„Кіевская Старина"**, Троицкая площ., Народный домъ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только предъ лицами, подписавшимися въ редакціи и въ книжномъ магазинѣ „Кіевской Старины" (Безаковская, 14).

Въ случаѣ неполученія какой-либо книжки журнала, гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки прислать заявленіе о неполученіи въ редакцію, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры «Кіевской Старины» за годы 1883. 1884, 1885, 1887. 1888, 1889, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901 и 1902 по **8 р.** за 12 книжекъ, съ пересылкою **10 р.** При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги журнала по 1 р.

Редакторъ-издатель **В. П. Науменко.**

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

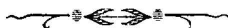
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ LXXXIX.

1905 г.

ІЮНЬ.



КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.
1905.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

I. УЧАСТІЕ И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО ВЪ ФОРМИРОВАНІИ МАЛОРОССІЙСКИХЪ КОЗАЧЬИХЪ ПОЛКОВЪ ВЪ 1812 г. *И. Фр. Павловскаго.* . . . . 309—320

II. В. Н. КАРАЗИНЪ. Его жизнь и общественная дѣятельность. (Продолженіе). *Н. Тихаго.* . . . . 321—360

III. НІОБА. (Новеля). *Гл. I—VII О. Кобылянськои* . . . 361—410

IV. МАЛОРОССЫ ПО ПЕРЕПИСИ 1897 г. *А. Ярошевича* . 411—423

V. КЪ ИСТОРІИ ПОЛЬСКАГО ВОЗСТАНІЯ ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ ВЪ 1831 году. *П. Клебановскаго.* 424—467

Отдѣлъ II.

I. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Украинскіе лубочные пѣсенники. *Владиміра Данилова;* б) 300 найкращыхъ украинськыхъ писень. *В. К.*; в) Н. Кобрынська. Выборець. *В. К.*; г) Д. Марковычъ. У наймы. На вовчому хутори. *В. К.*; д) Марко Вовчокъ. Кармелюкъ, Невильнычка, Сестра, Чумакъ, Сонъ, Два сыны, Не до пары. *В. К.* . . . 213—231

II. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Четыре документа къ исторіи украинскаго козачества. Сообщ. *В. Перетцъ*; б) Письмо Т. Г. Шевченка къ брату Никитѣ. в) Къ біографіи И. П. Котляревскаго. Сообщ. *В. Срезневскій*; г) Проводы. Сообщ. *В. Михалевичъ*; д) Правила о присужденіи преміи имени Н. В. Гоголя. 232—249

ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ . . . . 249—273

ЗАМѢТКИ НА ТЕКУЩІЯ ТЕМЫ. *Сергія Ефремова.* . 274—304

ОБЪЯВЛЕНІЕ. . . . .

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

ТОМЪ LXXXIX.

1905 г.

ІЮНЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра Акціон. О-ва печ. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1905.

Дозволено Цензурою. Кіевъ, 16 мая 1905 г.

Общество вспомоществованія студентамъ Университета св. Владиміра, вступая въ 24-й годъ своей дѣятельности, крайне озабочено недостаточностью денежныхъ средствъ и связанной съ этимъ печальной необходимостью сократить до минимума размѣры выдаваемыхъ студентамъ пособій.

Сокращеніе средствъ Общества послѣдовало главнымъ образомъ вслѣдствіе непонятнаго отношенія къ нему бывшихъ воспитанниковъ Кіевскаго университета св. Владиміра, воспользовавшихся въ свое время матеріальной поддержкой Общества.

Къ сожалѣнію очень многіе изъ этихъ лицъ, будучи уже вполнѣ матеріально обезпеченными, совершенно позабыли о своемъ долгѣ и тѣмъ заставляютъ Общество въ настоящее, экономически тяжелое для населенія Россіи время, отказывать въ поддержкѣ ихъ младшимъ товарищамъ—питомцамъ родного имъ университета.

Состоящая при Обществѣ долговая коммиссія вполнѣ увѣрена, что должники Общества, прочтя настоящее письмо, откликнутся на этотъ товарищескій призывъ, если не немедленнымъ возвратомъ своихъ долговъ полностью, то въ крайнемъ случаѣ сообщеніемъ своихъ адресовъ и заявленіями о своемъ желаніи разсчитаться съ Обществомъ путемъ разсрочки платежа; но если-бы эта надежда не осуществилась, то долговая коммиссія считаетъ своей обязанностью предупредить, что тогда вынуждена будетъ прибѣгнуть къ крайнему средству моральнаго воздѣйствія, именно оглашенію въ печати соотвѣтствующихъ именъ съ полнымъ, по возможности, указаніемъ адресовъ и общественнаго положенія.

Серьезность испытываемаго Обществомъ вслѣдствіе неисправности его должниковъ матеріальнаго затрудненія лучше всего доказывается слѣдующими цифрами:

По книгамъ Общества числится невозвращенныхъ долговъ на сумму около ста семидесяти тысячъ (170.000) рублей, при чемъ около пятидесяти семи тысячъ (57,000) рублей числится за лицами, адреса которыхъ остаются для Общества неизвѣстными, не смотря на всѣ его поиски.

Долговая коммиссія, будучи вполнѣ увѣрена въ Вашемъ сочувствіи цѣлямъ Общества, приноситъ заранѣе свою искреннюю благодарность за оказанное содѣйствіе и покорнѣйше проситъ редакцію не отказать напечатать настоящее письмо въ трехъ номерахъ Вашего уважаемаго журнала.

Прилагая при этомъ письмѣ одинъ экземпляръ неподлежащаго пока оглашенію въ печати списка должниковъ Общества, адреса которыхъ канцеляріи неизвѣстны, долговая коммиссія рѣшается еще тревожить редакцію своей почтительнѣйшей просьбой: предоставить возможность просматривать этотъ списокъ всѣмъ желающимъ оказать помощь Обществу сообщеніемъ необходимыхъ адресовъ.

Лицъ, интересующихся спискомъ нерозысканныхъ пока должниковъ, просятъ письменно обращаться въ канцелярію Общества для полученія соотвѣтственной книжки.

Деньги и письма на имя Общества вспомоществованія студентамъ Университета св. Владиміра слѣдуетъ адресовать: Кіевъ, Гимназическая, д. № 3.

Предсѣдатель долговой коммиссіи *Г. Де-Метцъ.*

Секретарь *С. Долгова.*

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 89-го:

апрѣль, май, іюнь, 1905 г.

Книга первая — апрѣль.

Отдѣлъ I.

I. В. Н. КАРАЗИНЪ. Его жизнь и общественная дѣятельность. (Продолженіе). *Н. Тихаго* . . . . 1—35
II. VAE VICTIS!.. (Оповидання) *М. Чернявського* . . . . . 36—89
III. ЛИТЕРАТУРНЫЙ БАНАВЕНТУРА. (Замѣтки читателя. (Окончаніе). *Сергія Ефремова* . . . . 90—116
IV. „МНИМЫЙ ГОСПОДИНЪ". Малюнокъ. *В. Винниченка* 117—138
V. КОЕ-ЧТО О КОЗАЧЧИНѢ НА УКРАИНѢ ВЪ 1855 ГОДУ. *Б. Познанскаго* . . . . 139—159

Отдѣлъ II.

I. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Переяславскій епископъ Гервасій Линцевскій и начало возсоединенія уніатовъ въ западной или польской Украинѣ (1757—1769). С. Иваницкаго. *В. П—ко*; б) Володимир Бирчак.—Урвана пісня. *П. Е.*; в) Лубочная украинская литература. *Гр. Сьогобочний*; г) Археологическая Лѣтопись южной Россіи. *В. Д.*; д) Выдавныцтво „Викъ". На вичну память Котляревскому . . . . 1—27
II. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) къ поправкамъ текста „Кобзаря" Шевченка. *А. Р.*; б) Новый автографъ Шевченка. *С. Е.*; в) Носители похоронныхъ причитаній въ Малороссіи. *Владиміръ Даниловъ.* г) Макъ въ народной демонологіи на Волыни. Сообщ. *Ив. Бѣньковскій*; д) Звѣрская расправа игумена Ле-

бединскаго монастыря съ монахинею. Сообщ. прот. **Петръ Орловскій**; е) Старинныя публикаціи о бѣглыхъ монахахъ. Сообщ. *О. Л.*; ж) Къ исторіи отношеній между великорусскими офицерами и малороссійскими урядниками въ XVIII ст. Сообщ. ***В. Модзалевскій***; з) Что стоила козакамъ с. Зазирокъ тяжба съ Степаномъ Миклашевскимъ (1737 г.). Сообщ. ***В. Модзалевскій;*** и) Къ вопросу о судѣ надъ Мелхиседекомъ Значко-Яворскимъ. Сообщ. *Вл. П—ко*; і) Извѣщенія редакціи . . 28—48
ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ . . 48—80
ЗАМѢТКИ НА ТЕКУЩІЯ ТЕМЫ. *Сергія Ефремова* 81—100
ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Книга вторая — май.

Отдѣлъ I.

I. ДАЛЬНЕ-ВОСТОЧНАЯ УКРАИНА ***В. Илличъ-Свитычъ.*** 161—197
II. НА ВОКЗАЛИ. (Нарысъ). ***М. Непыйвода.*** . . . . 198—204
III. ВЕСИЛЛЯ ВЪ С. ОТАКАХЪ. (Этнографичный нарысъ). ***Вол. Яблоновськый*** . . . . 205—227
IV. РОДНАЯ ИСТОРІЯ. (Проф. Мих. Грушевскій. Очеркъ исторіи украинскаго народа. СПБ. 1904. стр. 380 ц. 2 р. ***В. Черепина.*** . . . . 228—233
V. В. Н. КАРАЗИНЪ. Его жизнь и общественная дѣятельность. (Продолженіе). ***Н. Тихій*** . . . . 234—291
VI. ПАНСЬКА КРУЧА. *Мих. Сосновськый* . . . . 292—308

Отдѣлъ II.

I. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Історія Украіни-Русн, (з образками) написавъ Олександер Барвіньский. *В. Д.*; б) Леонидъ Глибивъ. Творы. ***М. П—скій***; в) Т. Рыльськый. Про херсоньски заробиткы. *М. П—скій*; г) „Счаслывою стежкою“, оповидання. *М. П—скій*; д) Иванъ Франко. „Безъ праци“. Казка. *М. П.;* е) Обзоръ украинскихъ изданій 1904 г. ***В. Поточный***; ж) Обзоръ журналовъ текущаго года. . 113—147
II. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ украинскому вопросу. ***В. Науменка***; б) Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его отношенія къ евреямъ. Сообщ. ***И. В. Галантъ***; в) Неизвѣстное стихотвореніе К. Д. Думитрашка. Сообщ. ***В. Доманицкій***; г) По поводу одной мнимо-народной пѣсни о панщинѣ и повстаньѣ. *В. Л.*; д) Дѣдъ П. А. Кулиша. Сообщ. ***Иванъ***

Абрамовъ; е) Грамота св. Θеодосія, архіепископа Черниговскаго. *Гр. Коваленко*; ж) Замѣтка къ работамъ П. А. Кулиша по поводу „положенія о крестьянахъ"; з) Извѣщеніе редакціи; і) Текущія извѣстія . . . 161—1[illegible]
ЗАМѢТКИ НА ТЕКУЩІЯ ТЕМЫ *Сергія Ефремова* . . 183—212
ОБЪЯВЛЕНІЯ . . . . 1—5

Книга третья — Іюнь.

Отдѣлъ I.

I. УЧАСТІЕ И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО ВЪ ФОРМИРОВАНІИ МАЛОРОССІЙСКИХЪ КОЗАЧЬИХЪ ПОЛКОВЪ ВЪ 1812 г. *И. Фр. Павловскаго*. . . . . 309—320
II. В. Н. КАРАЗИНЪ. Его жизнь и общественная дѣятельность. (Продолженіе). *Н. Тихаго*. . . . 321—360
III. НІОБА. (Новеля). *Гл. I—VII О. Кобылянськои* . . . 361—410
IV. МАЛОРОССЫ ПО ПЕРЕПИСИ 1897 г. *А. Ярошевича* . 411—423
V. КЪ ИСТОРІИ ПОЛЬСКАГО ВОЗСТАНІЯ ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ ВЪ 1831 году. *П. Клебановскаго*. 424—467

Отдѣлъ II.

I. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Украинскіе лубочные пѣсенники. *Владиміра Данилова;* б) 300 найкращыхъ украинськыхъ писень. *В. К.*; в) Н. Кобрынська. Выборець. *В. К.*; г) Д. Марковычъ. У наймы. На вовчому хутори. *В. К.*; д) Марко Вовчокъ. Кармелюкъ, Невильнычка, Сестра, Чумакъ, Сонъ, Два сыны, Не до пары. *В. К.* . . 213—231
II. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Четыре документа къ исторіи украинскаго козачества. Сообщ. *В. Перетцъ*; б) Письмо Т. Г. Шевченка къ брату Никитѣ. в) Къ біографіи И. П. Котляревскаго. Сообщ. *В. Срезневскій*; г) Проводы. Сообщ. *В. Михалевичъ*; д) Правила о присужденіи преміи имени Н. В. Гоголя. 232—249
ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ . . . . . 249—273
ЗАМѢТКИ НА ТЕКУЩІЯ ТЕМЫ. *Сергія Ефремова*. 274—304
ОБЪЯВЛЕНІЕ. . . . .

Участіе И. П. Котляревскаго въ формированіи малороссійскихъ козачьихъ полковъ въ 1812 г.

На страницахъ «Кіевской Старины» не мало было помѣщено изслѣдованій, статей и замѣтокъ, касающихся литературной дѣятельности родоначальника новой украинской литературы И. П. Котляревскаго. Въ настоящей замѣткѣ мы желали бы коснуться его дѣятельности по формированію малороссійскихъ козачьихъ полковъ въ 1812 году. О козачьихъ полкахъ сохранилось очень много дѣлъ въ архивѣ полтавскаго губернскаго правленія; сохранились дѣла и о каждомъ полкѣ въ отдѣльности, въ томъ числѣ и о пятомъ полтавскомъ, формированіе котораго было поручено И. П. Котляревскому. Въ этомъ дѣлѣ мы нашли два его письма и донесеніе объ окончаніи принятаго имъ на себя дѣла; письма эти рисуютъ и самое дѣло формированія этого полка, и служатъ характеристикой самого поэта, а въ жизни историческихъ дѣятелей важны и мелочи, и онѣ имѣютъ интересъ и значеніе.

Примѣч. Настоящая замѣтка составлена по матеріаламъ Архива Полт. Губ. Правленія: дѣла № 1-й и № 15.

Въ тяжелую годину нашествія французовъ въ Россію правительство рѣшило обратиться за помощью къ населенію. Въ началѣ іюля 1812 г. былъ изданъ извѣстный манифестъ съ призывомъ всѣхъ и каждаго «съ крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ» ополчиться на защиту отечества. Россія съ энтузіазмомъ откликнулась на этотъ призывъ и выставила добровольно 320,000 ратниковъ ополченія. Такія ополченія были организованы и въ Малороссіи. Но еще раньше, до вступленія Наполеона въ предѣлы Россіи, у русскаго правительства возникла мысль—воспользоваться извѣстною склонностью малорусскаго народа къ военному дѣлу и пробудить въ немъ еще не заглохшія въ то время вѣковыя *козацкія* традиціи. Первый опытъ въ этомъ родѣ почему-то былъ предпринятъ не въ собственной Малороссіи, а въ старой Украинѣ. Въ іюнѣ 1812 г., за недѣлю до объявленія войны, полковнику графу Витту высочайше повелѣно было въ предѣлахъ «бывшей польской Украины, заключающейся нынѣ въ 12-ти уѣздахъ кіевской губерніи да 4-хъ каменецъ-подольской», сформировать *Украинское конное войско*, въ числѣ четырехъ *козачьихъ полковъ*, куда поступали мѣщане, помѣщичьи, казенные, ранговые и старостинскіе крестьяне, изъ 150 ревизскихъ душъ по одному человѣку, съ обязанностью имѣть лошадь, конскую сбрую и мундирную одежду по данному образцу. Для командованія въ эти полки приглашались отставные офицеры и унтеръ-офицеры, служившіе какъ въ русской, такъ равно и въ бывшей польской арміи. Опытъ вполнѣ удался: полки были быстро сформированы, въ числѣ 3600 человѣкъ, и подъ именемъ *Украинскихъ козачьихъ полковъ* поступили въ армію Тормасова.

Что удалось въ Украинѣ, гдѣ козачество исчезло еще въ началѣ XVIII ст., то еще съ большимъ успѣхомъ должно было удаться въ бывшей Гетманщинѣ, большинство населенія которой составляли малороссійскіе козаки, отцы и дѣды коихъ еще числились въ составѣ Войска Запорожскаго. Именнымъ рескриптомъ отъ 25 іюня, 1812 г., бывшему тогда малороссійскому генералъ-губернатору князю Лобанову-Ростовскому повелѣно было приступить къ составленію такихъ же козачьихъ полковъ въ упра-

вляемомъ имъ краѣ, т. е. въ губерніяхъ черниговской и полтавской. Въ первой предписано было сформировать шесть полковъ, а во второй девять. Къ руководству въ этомъ дѣлѣ были предложены «предварительныя распоряженія къ образованію Украинскаго козачьяго войска», высочайше утвержденныя 5 іюня,—тѣ самыя, какими руководствовался полковникъ Виттъ, формировавшій козацкіе полки въ кіевской и подольской губ. По этимъ «предварительнымъ распоряженіямъ» каждый полкъ долженъ былъ состоять изъ 8 эскадроновъ, по 150 ч. каждый, а всего въ полку полагалось 1200 человѣкъ. Во главѣ полка былъ, конечно, командиръ, назначаемый высочайшею властью. При каждомъ полкѣ должно быть два батальонныхъ командира, два адъютанта, казначей и «штатный трубачъ» Начальникомъ батальона былъ ротмистръ или штабъ-ротмистръ, а при немъ состоялъ поручикъ, два корнета, вахмистръ, 10 унтеръ-офицеровъ и два трубача. Таковъ былъ штатъ служащихъ при каждомъ полкѣ. Всѣхъ этихъ офицеровъ, въ виду недостатка въ русской арміи офицеровъ вообще, предлагалось назначать изъ отставныхъ; вахмистры и трубачи назначались на первое время изъ ближайшихъ кавалерійскихъ полковъ. Надо сказать, что офицеровъ найти было не легко; желающихъ вновь поступить на службу было немного, хотя и было приложено много старанія о томъ со стороны начальника края и лицъ, назначенныхъ для сформированія этихъ полковъ. Въ офицерахъ ощущался большой недостатокъ и послѣ сформированія полковъ; когда они отправились уже въ походъ, то офицеровъ не было въ томъ количествѣ, какое полагалось по штату. На это обратилъ вниманіе главнокомандующій русской арміей. кн. Кутузовъ, писавшій объ этомъ малороссійскому генералъ-губернатору; онъ просилъ его принять мѣры къ пополненію офицерскихъ вакансій. Офицеры пользовались содержаніемъ и всѣми правами офицеровъ уланскихъ полковъ. Даже впослѣдствіи, когда козацкіе полки были распущены, офицеры считались состоящими на службѣ, такъ какъ на нихъ была возложена обязанность имѣть всегда точныя свѣдѣнія о состояніи и занятіяхъ бывшихъ подчиненныхъ имъ козаковъ и о готовности ихъ явиться

на службу въ случаѣ надобности. При наборѣ козаковъ въ ополченіе не строго соблюдались требованія относительно возраста или роста; предписывалось только набирать людей «съ единственнымъ наблюденіемъ силъ и способностей къ службѣ». «Качество людей,—читаемъ далѣе въ этихъ «распоряженіяхъ»,—опредѣляется одною способностью къ верховой ѣздѣ, безъ всякаго другого ограниченія лѣтъ, роста и статей». Форма ополченцевъ была: короткій суконный, безъ полъ, полукафтанъ, холщевыя и суконныя шаровары. Требовалось, чтобы всякій имѣлъ двѣ пары сапогъ, двѣ рубашки, шапку съ овчиннымъ околышемъ и волосянымъ султаномъ, суконную епанчу и патронную лядунку. Цвѣтъ сукна—безразличенъ, въ зависимости отъ мѣстности, гдѣ какое возможно было достать. Каждый козакъ долженъ былъ имѣть сѣдло, уздечку, небольшой чемоданъ, баклажку для воды, саквы для фуража, скребницу и щетку. Что касается оружія, то у козака должна была быть пика, сабля, пистолетъ. Помимо этого, въ каждомъ эскадронѣ предписывалось имѣть 16 штуцеровъ или ружей, хотя бы разнаго калибра. Патроны для ружья, числомъ 25, а для пистолетовъ—числомъ 16, выдавались «отъ артиллеріи», т. е. изъ казны, именно изъ кременчугскаго и кіевскаго коммисаріатскихъ депо и кіевскаго артиллерійскаго гарнизона. Одежду и оружіе козаки должны были имѣть свои. Наборъ производился только изъ козачьяго сословія, по 4 человѣка съ каждой сотни ревизскихъ душъ. Всѣхъ козаковъ въ Малороссіи въ 1812 г. было 454983 рев. души. Въ награду козакамъ, ихъ освободили на время службы въ ополченіи отъ платежа оброчныхъ статей (6 р. асс. съ каждой души), оставлена была только подушная подать, по 3 р. асс. съ каждой ревизской души; льгота эта была результатомъ особаго ходатайства генералъ-губернатора. Формированіе полковъ велось очень спѣшно; оно должно было закончиться спустя мѣсяцъ послѣ объявленія о наборѣ въ каждомъ уѣздѣ. Всѣ земскіе коммиссары (нынѣ исправники), нижніе земскіе суды и городничіе были привлечены къ этому дѣлу. Волостныя правленія въ теченіе пяти дней должны были представить списки козаковъ, предназначенныхъ въ ополченіе. Для бо-

лѣе быстраго оповѣщенія населенія относительно набора, изъ Полтавы были отправлены три курьера съ предписаніями генералъ-губернатора: одинъ поѣхалъ на Зѣньковъ, Гадячъ, Ромны, Лохвицу и Миргородъ; другой—Кобеляки, Кременчугъ, Золотоношу и Переяславль и третій—Лубны, Пирятинъ, Прилуки, Нѣжинъ и Черниговъ. Первый получилъ прогоновъ 28 р. 25 к. асс., второй—38 р. 25 к. и третій 48 р. 50 к. асс. Въ означенныхъ предписаніяхъ кн. Лобановъ-Ростовскій, перечисляя главныя положенія, изложенныя въ «предварительныхъ распоряженіяхъ» относительно устройства козачьихъ полковъ, въ заключеніи обращался къ національнымъ традиціямъ малорусскаго козачества, стараясь пробудить въ немъ былую воинственность предковъ. «Таково сихъ полковъ устройство столько близко или похоже съ древнимъ состояніемъ малороссійскихъ козаковъ, что нѣтъ сумнѣнія, что здѣшнее козачество не представитъ однимъ избраніемъ пользоваться, а польстится употребить сей случай доказать многочисленной формировкой, что они всѣ достойны получить навсегда право составлять изъ себя защиту и служить не по очереди рекрутской, а по усердію къ царю и ревности къ ремеслу, въ коемъ отличаться они всегда умѣли; ибо кто не вѣдаетъ, что быть дома и быть на войнѣ было сущее дѣло предковъ ихъ, и потому ожидать можно, что и безъ наряду отъ меня представится изъ каждой сотни больше одного охотника. Послѣ чего доведется мнѣ донесть царю, отцу Россіи, что всѣ козаки равно на злодѣя готовы, а потому оказать повели, всемилостивѣйшій государь, быть имъ въ свободное время дома и отъ рекрутства свободными, ибо на оборону царства твоего составятъ они всегда цѣлое войско».

Въ послѣднихъ словахъ генералъ-губернаторскаго оповѣщенія, какъ видимъ, заключается косвенное обѣщаніе относительно возможности возстановленія въ Малороссіи прежняго козачества. Не знаемъ, насколько князь Лобановъ-Ростовскій былъ уполномоченъ давать населенію Малороссіи такія обѣщанія, но что у императора Александра I дѣйствительно была мысль учредить въ Малороссіи постоянные козачьи полки, на это имѣются положи-

тельныя указанія [1]). Весьма вѣроятно, что подобныя обѣщанія— освобожденія отъ рекрутскихъ наборовъ и службы въ мѣстномъ козачьемъ войскѣ, по старинѣ, болѣе всего содѣйствовали успѣшному формированію козачьихъ полковъ въ 1812 г. въ Малороссіи: народъ, по свидѣтельству И. П. Котляревскаго, «поступалъ въ козаки съ удовольствіемъ, охотностью и безъ малѣйшаго унынія».

Для сбора формируемыхъ полковъ въ полтавской губ. назначены были 6 пунктовъ въ мѣстечкахъ: Голтвѣ (коб. у.), Комышнѣ (миргор.), Горошинѣ (хорольск.), Яготинѣ (пирят.), Срибномъ (прилуцк.) и Веприкѣ (гад. у.), Всего въ полтавской губ., какъ мы сказали, велѣно было сформировать девять козачьихъ полковъ. Формированіе 5-го полка, въ м. Горошинѣ, было поручено извѣстному малороссійскому писателю И. П. Котляревскому, которому кн. Лобановъ очень покровительствовалъ и незадолго до этого предоставилъ ему мѣсто надзирателя въ «Домѣ для воспитанія бѣдныхъ дворянъ», основанномъ кн. А. Б. Куракинымъ. При выборѣ поэта князь руководился, конечно, тѣмъ, что онъ служилъ въ военной службѣ, въ сѣверскомъ карабинерномъ драгунскомъ полку (впослѣдствіи конно-егерскій), принималъ участіе въ войнѣ съ турками, да и служба въ драгунскомъ полку, по роду оружія, была сходна съ козачьей, такъ какъ и козаки составляли ту же конницу. Къ 5-му полку были причислены козаки трехъ повѣтовъ: хорольскаго, откуда должно было поступить 442 ч., кременчугскаго—337 и миргородскаго—421.

Въ началѣ августа 1812 года Котляревскій былъ уже въ Горошинѣ; 10 августа онъ приступилъ къ пріему козаковъ и лошадей и за три дня имъ было принято 200 чел. съ одѣяніемъ, сбруей, съ оружіемъ и лошадьми. Работы было много. О всякомъ принятомъ козакѣ необходимо было составить формулярный списокъ, и первое время все это лежало на одномъ Котляревскомъ. Помощниковъ у него не было. Шт.-капитанъ Рудницкій, кото-

---

[1]) См. объ этомъ «Кіев. Стар.» 1890 г., № 1, стр. 119.

раго Котляревскій рекомендовалъ, какъ надежнаго офицера, еще не былъ назначенъ, хотя поэтъ и оставилъ его при себѣ «на испытаніи». Спустя десять дней послѣ начала пріема, Котляревскій отправилъ письмо генералъ-губернатору, гдѣ рисуетъ ходъ дѣла, даетъ характеристику козаковъ, ихъ одѣянія и т. п.

«Сіятельнѣйшій князь! милостивый государь!

«По препоручности вашего сіятельства, 10 числа сего мѣсяца началъ я пріемъ козаковъ къ сформированію 5 козачьяго полка, но по медленному съ начала доставленію козаковъ не такъ успѣшно дѣлается, какъ бы хотѣлось. Впрочемъ, люди, принятые мною, хороши, стариковъ нѣтъ и очень молодыхъ мало; большею частью поступаютъ въ козаки съ удовольствіемъ, охотностью и безъ малѣйшаго унынія; всѣ съ пиками и саблями, но много есть сабель изъ косъ передѣланныхъ; есть съ ружьями и пистолетами, но сіе оружіе въ посредственной исправности. Лошади небольшія, но къ службѣ годныя, одѣяніе все новое, но надобно будетъ привесть въ единообразіе; въ однихъ шапкахъ не соблюдена мѣра, ибо одни довольно высокія, а у другихъ низки, но всѣ одинакаго вида. Всѣ силы употреблю, чтобы оправдать довѣренность вашего сіятельства и заслужить продолженіе вашихъ ко мнѣ милостей. Твердо уповаю на увѣреніе вашего сіятельства, что я только употребленъ вами для сформированія полка, а не для служенія въ ономъ. Я и по бѣдности моей, и по старости матери моей, которую поддерживать есть мой долгъ, никакой службы несть внѣ Полтавы не могу. Естьли должность моя надзирателя заслуживаетъ передъ вашимъ сіятельствомъ какое одобреніе, то оставьте меня при ономъ знакѣ; вашихъ ко мнѣ милостей; моя награда есть та, что я служу подъ начальствомъ вашего сіятельства и всегда въ глазахъ вашихъ. Не оставте ваше сіятельство моего положенія безъ вниманія.

«Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и душевною приверженностью къ особѣ вашего сіятельства честь имѣю быть, сія-

тельнѣйшій князь, милостивый государь, вашего сіятельства нижайшимъ слугою Иванъ Котляревскій.

Августа 12 дня, 1812 года, Горошинъ».

—

Котляревскій, видимо, боялся, чтобы не быть назначеннымъ на службу въ козачье ополченіе, на что, конечно, имѣлъ право, состоя въ чинѣ капитана, а въ этомъ чинѣ возможно было ему стать во главѣ этого полка. Его тянуло въ Полтаву, къ его любимому занятію, о чемъ, какъ увидимъ, онъ проситъ и въ другомъ письмѣ. 20 августа, онъ пишетъ князю Лобанову-Ростовскому оффиціальное донесеніе, гдѣ еще подробнѣе касается порученнаго ему дѣла формированія полка.

«Его сіятельству господину малороссійскому генералъ-губернатору и кавалеру.

Формирующаго 5-й конный козачій полкъ рапортъ.

«О успѣхѣ формированія 5 козачьяго полка честь имѣю вашему сіятельству донести, что по сіе число принято мною козаковъ съ лошадьми 760 человѣкъ. Неуспѣшность сія происходитъ не оттого, что я здѣсь нахожусь и дѣлаю пріемъ, но отъ нескораго доставленія людей земскимъ правительствомъ; вчерашняго числа, вмѣсто 14-го мною назначеннаго, миргородскій повѣтъ успѣлъ прибыть къ Горошину, а кременчугскій хотя и на назначенное пришелъ число, т. е. 18-ое, однако съ такими неисправностями и недостатками, что переборъ и пересмотръ всѣхъ вещей порознь дѣлаетъ великія затрудненія; земскій повѣта кременчугскаго комисаръ не обратилъ никакого вниманія—не говоря на вооруженіе козаковъ, но на одежду и лошадиную збрую; многіе явились безъ положенныхъ рубахъ, сапоговъ, сѣрыхъ шароваръ, въ старыхъ изношенныхъ кафтанахъ, безъ платковъ для шеи, сѣдла безъ потниковъ, арчаки ломанные, отчего много (*пропущено слово*) лошадей, даже узды съ пеньковыми поводами; козаковъ большая часть безъ лядунокъ, безъ сабель. Всѣ таковые недостатки и неисправности хотя будутъ исправлены, но сіе требуетъ времени. Не имѣя у себя ни одного утвержденнаго отъ вашего сія-

тельства офицера и унтеръ-офицера, чрезвычайно затрудняюсь, что не имѣю кому поручить въ команду эскадроны, почему и не приступаю къ ихъ формированію до опредѣленія и прибытія офицеровъ. Вразсужденіи же скопленія народа и совершеннаго недостатка подножнаго корму для лошадей, нашелъ я нужнымъ принятыхъ козаковъ и къ присягѣ на вѣрность мною приведенныхъ волостями отправить по ближайшимъ деревнямъ; но не имѣя кому и волости поручить въ команду, рѣшился отъ хорольскаго земскаго суда засѣдателя Щочки потребовать къ себѣ всѣхъ въ ближайшихъ мѣстахъ живущихъ отставныхъ изъ военной службы, по прибытіи коихъ, въ числѣ семи человѣкъ, употребилъ ихъ на временную услугу и, поруча въ команды имъ козаковъ, отправилъ по ближайшимъ деревнямъ, въ четыре волости. Осмѣливаюсь вашему сіятельству повторить донесеніе мое, что, за неимѣніемъ офицеровъ, не могу приступить формировать эскадроны, хотя людей и лошадей имѣю таковыхъ.

5 козачьяго полка начальникъ Котляревскій.

Августа 20 дня, Горошинъ».

Несмотря на всѣ означенныя затрудненія, полкъ, благодаря стараніямъ И. П. Котляревскаго, былъ сформированъ ранѣе срока. 27 августа онъ пишетъ письмо къ Лобанову объ окончаніи порученнаго ему дѣла:

«Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь!

«Наконецъ 5 конный козачій полкъ сформированъ, однихъ только офицеровъ и унтеръ-офицеровъ недостатокъ. Люди въ полку очень хороши, лошади лучше посредственныхъ, аммуниціи хлопочу съ отдатчиками, чтобы были въ исправности, равно уравниваю шапки, полукафтаны и пики, коихъ одни древки безъ желѣза будутъ въ 4 аршина; недоимки въ людяхъ и лошадяхъ скоро не будетъ никакой.

«Не взыщите, ваше сіятельство, за дерзость мою о представленіи для разрѣшенія о котлахъ. Я думаю, не одному мнѣ покажется сія статья затруднительною; ибо козакамъ артели имѣть

необходимо, а потому и артельныя деньги нужны, а безъ котловъ обойтись невозможно. Обращаюсь съ покорнѣйшею просьбою къ вашему сіятельству о присылкѣ въ 5-ый козачій полкъ командира и объ отпускѣ меня къ моей должности. Сверхъ того, что я не имѣю никакого приготовленія ни на службу, ни къ походу, воспитанники остаются до сего времени безъ зимняго платья; по множеству заботъ вашему сіятельству невозможно вспомнить объ нихъ, полтавскій же Приказъ очень безпеченъ. У Григорія Алексѣевича также теперь множество занятій, а помощники мои—исполнители только; и такъ бѣдные дѣти, до сего пользовавшіяся отеческими вашими попеченіями, теперь оставленныя безъ должнаго призрѣнія, потерпѣть могутъ. Сжальтесь надъ сими сиротами, ваше сіятельство, и удостойте ихъ и меня взаимно вашего вниманія и благоволенія.

«Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и преданностью къ особѣ вашего сіятельства имѣю честь быть, милостивый государь, вашего сіятельства нижайшимъ слугою Иванъ Котляревскій.

Августа 27 дня, 1812 года, Горошинъ».

—

Къ концу августа были утверждены представленные Котляревскимъ офицеры: шт.-капитанъ Рудницкій и прапорщикъ Семеновъ. Болѣе офицеровъ не было, и Котляревскій долженъ былъ самъ командовать эскадрономъ, шт.-капитану Рудницкому поручилъ 2 батальона, а 4 эскадрона были поручены отставнымъ унтеръ-офицерамъ и 6-ти рядовымъ «для временной услуги», какъ писалъ онъ. Всѣ эти эскадроны были размѣщены по сосѣднимъ деревнямъ. «Недоимка въ людяхъ и лошадяхъ,—писалъ Котляревскій,—хотя и есть, но очень малая и вскорости будетъ пополнена; однѣ неисправности въ вещахъ, а особенно въ сѣдлахъ, при всѣхъ моихъ настояніяхъ и сношеніяхъ съ земскими коммиссарами, исправляются медленно; по какой причинѣ ни одинъ отдатчикъ не получилъ отъ меня до сего времени квитанціи». Въ день тезоименитства императора Александра I, Котляревскій устроилъ, послѣ богослуженія и молебна, парадъ, на которомъ объявилъ козакамъ о высочайшей милости, дарованной имъ,

именно—объ освобожденіи ихъ отъ платежа оброчныхъ статей. «Я разъяснилъ имъ,—писалъ поэтъ,—подробнѣе монаршее къ ихъ состоянію благоволеніе, а равно и ходатайство вашего сіятельства у монаршаго престола о таковой неожиданной для козаковъ къ ихъ счастью перемѣны (sic)».

Къ началу сентября, много ранѣе положеннаго срока, 5-й полкъ былъ готовъ къ выступленію. 2-го сентября 1812 г. онъ и выступилъ на Лубны, Пирятинъ и Прилуки до Борзны, а затѣмъ направился. какъ и всѣ козачьи полки, до Калуги и Тулы. Желаніе Котляревскаго вернуться какъ можно скорѣе въ любимую Полтаву исполнилось. Хотя командира полка еще не было, но Котляревскаго кн. Лобановъ-Ростовскій не назначилъ на эту должность, а полкъ повелъ шт.-кап. Рудницкій. Командиръ полка, подполковникъ Санковскій, догналъ полкъ только на пути, 16 сентября, въ черниговской губерніи. Въ дѣлѣ есть данныя, рисующія, съ какимъ вниманіемъ къ ополченію относились уѣздныя власти и жители. Шт.-кап. Рудницкій заранѣе отправилъ въ сосницкій уѣздъ коллежскаго регистратора Свириденка для устройства переправы черезъ рѣку Десну; но когда послѣдній явился къ назначенному мѣсту, то паромъ, арендованный евреемъ, былъ снятъ; сняты были столбы, канаты, и все это забралъ еврей, вѣроятно, желавшій получить хорошее вознагражденіе. Свириденко обратился за содѣйствіемъ къ засѣдателю нижняго земскаго суда, но тотъ отвѣтилъ, «что у него есть исправлять казенные бумаги, а полкъ и самъ можетъ переправиться». Рудницкій «черезъ великую силу истребовалъ у еврея канаты и утвердилъ столбы», устроилъ переправу. И обо всемъ этомъ пришлось хлопотать Рудницкому съ его козаками «безъ всякаго содѣйствія со стороны мѣстнаго земскаго начальства». А между тѣмъ генералъ-губернаторомъ было предписано полиціи оказывать содѣйствіе ополченію во всемъ, въ чемъ окажется нужда. Въ Сосницѣ козаковъ ожидала новая непріятность. 15 сентября, въ 1 часъ дня, полкъ вступилъ въ городъ, но мѣстный городничій не встрѣтилъ козаковъ, что удивило шт.-кап. Рудницкаго. Но не въ этомъ еще была бѣда. Городничій назначилъ квартиры у обывателей командиру

и козакамъ, но «по упорству жителей не только меня,—доносилъ Рудницкій,—но и козаковъ даже не пущаютъ, и хоть обязанность была городничаго встрѣтить полкъ, но не было его». Городничій понуждалъ козаковъ идти на отведенныя имъ квартиры, но хозяева все-таки ихъ не пустили. Одинъ обыватель угрожалъ даже зарѣзать того, кто займетъ его домъ. Шт.-кап. Рудницкій предполагалъ въ Сосницѣ устроить дневку, но долженъ былъ двинуться далѣе, такъ какъ жители не давали ни съѣстныхъ припасовъ, ни пастбища для лошадей. Для объясненія столь неожиданнаго враждебнаго отношенія населенія къ ополченцамъ приходится сдѣлать предположеніе, что среди послѣднихъ не было должной дисциплины и они дозволяли себѣ разныя насилія по отношенію къ обывателямъ [1]).

Какъ извѣстно, козацкому малороссійскому ополченію не пришлось участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ 1812 года. Вещественнымъ памятникомъ кратковременнаго существованія полтавскихъ козачьихъ полковъ того времени служатъ ихъ старыя, полинялыя знамена, и въ настоящее время хранящіяся въ ризницѣ полтавскаго каѳедральнаго собора. Было бы умѣстнѣе передать ихъ въ земскій историческій музей вмѣстѣ съ хранящимися въ той же ризницѣ знаменами полтавскихъ ополченцевъ 1855 года.

И. Фр. Павловскій.

---

[1]) Въ подтвержденіе этого предположенія можемъ указать, что въ архивѣ Кіев. губ. Правленія имѣется дѣло 1847 г. (№ 1335) «О взысканіи денегъ съ чиновниковъ бывшаго Малороссійскаго ополченія за ограбленіе жителей могилевской губерніи». *Ред.*

Василій Назаровичъ Каразинъ.

(Его жизнь и общественная дѣятельность [1]).

ГЛАВА VIII.

Дѣятельность внѣ заботъ по Филотехническому обществу.

(1810—1820).

Научныя занятія: участіе въ ученныхъ обществахъ; занятія естественными науками, статистикой, исторіей, литературой. Участіе въ общественной жизни; обращенія къ министрамъ съ указаніемъ на непорядки въ Россіи. Рѣчь въ обществѣ любителей россійской словесности.

Съ 1820 г. Василій Назаровичъ живетъ и работаетъ, долгое время не выѣзжая изъ своего Кручика; его постигла катастрофа, о которой скажемъ немного ниже, а пока коснемся его дѣятельности внѣ занятій и заботъ по филотехническому обществу (т. е. научныхъ занятій примѣнительно къ эксплоатаціи сельско-хозяйственныхъ произведеній), которыя занимали его главнымъ образомъ.

Мы видимъ, что Каразинъ въ 1807 г. (18-го сент.) въ Московскомъ обществѣ естествоиспытателей читаетъ докладъ «объ окаменѣлостяхъ, найденныхъ въ окрестностяхъ Москвы» [2]). Въ 1810 г. (15-го марта) въ томъ же обществѣ Каразинъ читалъ свои записки по метеорологіи; послѣдній докладъ, какъ весьма цѣнный въ научномъ отношеніи, былъ изданъ обществомъ на

---

[1]) См. Кіевск. Стар., № 5.

[2]) Вѣстн. Евр. 1807 г. ч, XXXV, окт. № 20, стр. 241—250.

французскомъ языкѣ для общаго пользованія По мнѣнію П. Кеппена [1]), (хорошо знавшаго Василія Назаровича, который былъ семейно знакомъ съ нимъ и въ бытность его студентомъ Харьковскаго университета обращался за помощью при переводѣ нѣмецкихъ сочиненій) записка 15 марта 1810 г. стоитъ въ научномъ отношеніи очень высоко; ею Каразинъ «опередилъ ученыхъ Западной Европы». «Недостаточно, писалъ онъ въ 1863 г., оцѣнено то обстоятельство, что Каразинъ впервые изрекъ мысль о пользѣ многочисленныхъ метеорологическихъ станцій, мысль, которая стала осуществляться въ Россіи съ 1833 г. (см. К. Веселовскаго сочиненіе о климатѣ Россіи С.П.Б. 1857, 4 стр. IX и д.)» [2]) Знаменитый Гумбольдъ во время своего пребыванія въ Москвѣ видѣлся съ Каразинымъ и съ полнымъ вниманіемъ выслушивалъ его широкіе научные планы [3]) «И какъ знать, не перешли ли идеи Каразина относительно научной постановки метеорологіи чрезъ Гумбольда въ западную науку и не явилось ли знаменитое предложеніе Леверы объ организаціи телеграфическихъ передачъ наблюденій метеорологическихъ станцій, послужившее къ сообщенію метеорологіи характера практической науки, отголоскомъ идеи Каразина» [4]). Занятія метеорологіей и развитіе Каразинымъ плановъ на будущность ея продолжались до конца жизни. Въ Харьковскихъ Извѣстіяхъ помѣщались метеорологическія свѣдѣнія изъ села Кручика отъ В. Н. Въ 1809 г. Василій Назаровичъ былъ сильно занятъ идеею примѣненія силы пара къ двигателямъ «Я любилъ изслѣдовать причины явленій, дѣлать *опыты*, не имѣя въ виду экономическихъ результатовъ». «Мысль, что пары при внезапномъ своемъ охлажденіи могутъ служить движущею силою, занимала меня долго. Въ результатѣ Василій Назаровичъ въ 1809 г. началъ строить паровую лодку по изготовленному плану, которая должна была двигаться «безъ всякаго другого механизма», кромѣ парораспредѣлителя. Разбрасываясь въ своей дѣятельности, Василій Назаровичъ не успѣлъ довести до конца свою идею тогда же, и съ болью въ сердцѣ уже въ 1842 г. указалъ что его мысли приведены въ исполненіе за-границей [5]).

Мы уже говорили, что въ 1806 г. Каразинъ представилъ въ Московскій университетъ докладъ о своемъ винокуренномъ

---

[1]) Внука по матери воспитателя В. Н. Каразина, И. П. Шульца.
[2]) Чтенія 1863 г. Ш. 131—132.
[3]) Русск. Стар. 1871 г. т. III, стр. 722.
[4]) Абрамовъ 75.
[5]) Москвитянинъ 1842, ч. III № 6 стр. 387—389.

снарядѣ уже какъ «почетный членъ Московскаго университета» (съ 1805 г.). За свои труды по естественнымъ наукамъ Василій Назаровичъ былъ избранъ также членомъ московскаго общества естествоиспытателей природы; въ 1807 г. онъ читалъ докладъ обществу уже въ званіи члена его [1]). Былъ также избранъ членомъ вольно-экономическаго общества [2]).

Извѣстна работа В. Н. Каразина по статистикѣ—«Краткая вѣдомость о Слободско-Украинской губерніи» за 1816 г., составленная на основаніи предписанія Министра внутреннихъ дѣлъ отъ 4 ноября 1817 года, о предметахъ, принадлежащихъ государственному хозяйству, о надѣленіи казенныхъ крестьянъ землею и переселеніи оныхъ и о разныхъ частяхъ хозяйства и промышленности». Эта работа печаталась въ 1818 г. въ «Харьковскихъ Извѣстіяхъ и, какъ видно, была составлена по порученію гр. В. П. Кочубея [3]), письма котораго къ Василію Назаровичу мы находимъ вплоть до 1821 г. Каразинъ очень высоко ставилъ значеніе статистическихъ изслѣдованій, которыя, по его мнѣнію, «вызываютъ государственныя мѣропріятія на благо населенія и служатъ имъ опорою при ихъ существованіи» [4]) Начавъ въ 1818 г. собирать статистическія свѣдѣнія о состояніи народонаселенія въ Кручикѣ и окрестныхъ селахъ, Василій Назаровичъ пошелъ дальше; въ теченіе 1819 г. онъ продолжаетъ вести статистику всей слободско-украинской губерніи сравнительно съ другими губерніями и даже главными городами Европы. Результатомъ работы явилось его сочиненіе (оконченное 15 окт. 1819 г.) «Статистическое Обозрѣніе Слободско-Украинской губерніи», къ которой въ качествѣ прибавленія принадлежала «Подробная таблица обстоятельствъ народонаселенія слободско-украинской губерніи на основаніи десятилѣтней сложности», которая была напечатана на семи листахъ въ С.-Петербургѣ въ числѣ 600 экземпляровъ въ типографіи Греча съ помѣткою мая 1-го дня, 1820 г. «Подробная таблица» сопровождалась особенной статьей, въ которой сличались «обстоятельства народонаселенія слободско-украинской губерніи» съ такими же прочихъ русскихъ губерній [5]). Получивъ

1) „Извѣстіе о вин. снарядѣ Каразина. Хар. 1808 г.

2) Когда—не извѣстно; только въ 1817 г. Каразинъ числился уже членномъ этого общества. См. „Укр. Вѣстн.“ за 1817 г. Окт., стр. 82.

3) „Кіевск. Стар.“ т. XXXVIII стр. 180.

4) См. Абрамовъ „В. Н. Каразинъ“ СПБ. 1891 г. стр. 70.

5) Въ 1829 г. подъ названіемъ Актовъ филотехническаго общества т. VI Каразинъ издалъ или, вѣрнѣе, выпустилъ въ свѣтъ таблицы, *напечатанныя въ 1820 г.* съ брошюрой, гдѣ сличались об-

выводы чудовищной смертности среди коренныхъ крестьянъ слободско-украинской губ., Каразинъ обратился къ министру внутреннихъ дѣлъ гр. Кочубею съ просьбой обратить должное вниманіе на этотъ фактъ. «Не ужаснетесь-ли, напримѣръ—писалъ онъ, представляя составленныя имъ статистическія таблицы—увидѣвши, что въ казенномъ селеніи № 38 по таблицѣ, по десятилѣтней сложности ежегодно изъ шестнадцати и до семнадцати умираетъ одинъ? Таковой смертности не слыхано въ Европѣ. Это настоящій моръ: и кому, какъ не правительству, надлежитъ какъ можно скорѣе позаботиться открыть его подлинныя причины и удалить ихъ» [1]).

Каразина, какъ и все, живо интересовала исторія. Сохранились письма друзей В. Н—ча, знавшихъ склонностъ его къ этой наукѣ: Преосвященный Ѳеоктистъ, курскій и бѣлгор., посылалъ ему книжку «О Новѣгородѣ» по порученію Н. Н. Новосильцева [2]). Н. М. Карамзинъ, выпустивъ свою «Исторію Государства Россійскаго» спѣшилъ удовлетворить настойчивымъ требованіямъ Василія Назаровича, выслать новинку по исторіи [3]): есть указаніе на археологическія изслѣдованія Каразина, снабжаемыя нерѣдко весьма остроумными и серіозными выводами изъ нихъ [4]). Каразинъ старался содѣйствовать развитію науки, чѣмъ и какъ могъ: доставлялъ, напр. цѣнныя изслѣдованія, документы, старинныя вещи и проч. лицамъ, могущимъ употребить съ пользой для науки таковой матеріалъ. «Еще въ іюнѣ 1803 г. комитетъ правленія

стоятельства народонаселенія всѣхъ россійскихъ губерній и главныхъ городовъ въ Европѣ. Что касается собственно „таблицъ", то мы видѣли экземпляръ ихъ безъ всякихъ прибавленій; лишь въ примѣчаніи на первой таблицѣ есть важное свѣдѣніе: здѣсь говорится, что таблицы эти были поднесены одной высокой особѣ при проѣздѣ ея черезъ Харьковъ въ 1817 г." Изъ этого примѣчанія можно заключить, что составленіе таблицъ относится уже къ 1817 г. или даже немного раньше. Можно впрочемъ думать, что таблицы въ 1817 г. не были всѣ готовы или, по крайней мѣрѣ, были менѣе сложнымъ трудомъ, чѣмъ вышедшія въ 1820 г. По собственноручному примѣчанію В. Н. Каразина къ рукописи (приводимому въ „Чтеніяхъ„ О. Бодянскимъ) „Таблицы" вмѣстѣ съ „примѣчаніями были окончены 15 отк. 1819 г., слѣд. послѣ проѣзда государя черезъ Харьковъ.

1) „Русск. Стар." 1870 г. т. II стр. 575.

2) „Сѣв. Пчела" 1870 г. № 92. Письма 10 (отъ авг. 8-го, 1808 г.).

3) «Русск. Стар.» 1900 г. март. стр. 684 отъ 27 февр. 1818 г.

4) „О древностяхъ Слободско-Украинской губ." „Истор. Журн." на 1829 г. стр. 256.

Харьковскаго университета доносилъ попечителю о пожертвованіи Каразинымъ въ пользу университета нѣкоторыхъ книгъ и медалей, при чемъ особенно обращалось вниманіе на рукопись о мунгалахъ и народахъ сего поколѣнія, кочующихъ въ Россіи (5 томовъ въ 4° на нѣмецкомъ языкѣ), написанную кандидатомъ богословія Бекманомъ, который для собранія свѣдѣній объ этихъ народахъ два года прожилъ среди нихъ съ невѣроятнымъ терпѣніемъ. Комитетъ опредѣлилъ объявить признательность Каразину [1]). Изъ письма Карамзина къ Василію Назаровичу отъ 25 мая 1818 г. видно, что послѣдній доставилъ нашему историку цѣнныя рукописи, которыми тотъ пользовался при составленіи «Исторіи» и кромѣ того собственныя замѣтки.

„Сердечно благодарю Васъ, почтенный Василій Назаровичъ за ваше обязательное письмо и за сообщеніе мнѣ вашихъ любопытныхъ примѣчаній, которыми *надѣюсь воспользоваться при второмъ изданіи Россійской Исторіи.* Убѣдительно прошу васъ доставить мнѣ *продолженіе,* вами столь благосклонно обѣщанное. Мое дѣло исправлять ошибки и благодарить. Надѣюсь, что вы сдержите слово. Вы говорите *о жизни Ивана Васильевича* у меня ихъ двѣ... Я желалъ бы видѣть Вашу рукопись: нельзя ли прислать мнѣ ее чрезъ почту?.. Хорошо, если бы описали намъ древности вашего края... Съ нетерпѣніемъ буду ожидать отъ Васъ новаго пакета на мое имя, но для пользы общей“ [2])...

Изъ этого письма видимъ, что Василій Назаровичъ участвовалъ въ составленіи «Исторіи Государства Россійскаго». Между прочимъ В. Н. Каразинъ опубликовалъ каталогъ славяно-россійскихъ рукописей проф. Баузе, погибшихъ въ 1812 г. Въ 1818 г. помѣстилъ въ «Трудахъ Общ. Люб. Рос. Слов. свое изслѣдованіе «О имени Славянъ, гдѣ проводитъ мысль о происхожденіи названія народности отъ «слово»—словѣне. Обнародованіемъ историческихъ матеріаловъ Василій Назаровичъ занимался до конца своей жизни; въ «Молодикѣ» И. Бецкаго на 1843 г. мы находимъ историческіе документы, сообщенные Каразинымъ. Тамъ же мы находимъ исторически-этнографическое изслѣдованіе самого В. Н. Каразина о харьковскомъ краѣ подъ названіемъ «Взглядъ на украинскую старину»; въ «Благонамѣренномъ» онъ печаталъ рукопись Ив. Ив Голикова «О Китаѣ» [3]); вмѣстѣ съ Погодинымъ выпустилъ въ свѣтъ «Статистику Петровскаго Времени»—

---

1) „Журналъ Мин. Народнаго Просвѣщ.“ 1872 г. часть CLIX, стран. 102.

2) „Русск. Стар.“, 1900 г. Мартъ, стр. 684.

3) „Благонамѣренный“ 1819, мартъ, № 6 Отд. „Прозы“ стр. 337—352.

Кириллова [1]) и т. п. За труды свои по исторіи В. Н. Каразинъ былъ избранъ *членомъ Общ. Ист. и Древн. Росс. (при Моск. ун-тѣ)* и уже въ этомъ званіи въ 1829 г. печаталъ свои изслѣдованія. (Историч.-стат. и геогр. журн. или соврем. ист. свѣта на 1829 г. ч. II, кн. III, іюнь, Смѣсь, стр. 256).

Плоды занятій В. Н. Каразина по литературѣ сохранились лишь болѣе поздняго періода его жизни; до 1820 г. Каразинъ печаталъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ рѣчи, произнесенныя, главнымъ образомъ. въ собраніяхъ филотехническаго общества; рѣчи эти изложены прекраснымъ языкомъ и читаются съ удовольствіемъ и теперь. Въ 1818 г. Каразинъ былъ избранъ въ дѣйствительные члены общества любителей россійской словесности. «Общество любителей россійской словесности писалъ Каразину А. Прокоповичъ-Антонскій отъ 22 апр. 1818 г., при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ учрежденное, отдавая должную справедливость превосходнымъ сочиненіямъ вашимъ и знанію отечественнаго языка, пріятнымъ долгомъ поставляетъ препроводить къ вамъ, милостивый государь мой, дипломъ на званіе дѣйствительнаго члена и при ономъ печатный экземпляръ» «устава». [2]). Въ 1820 г. 1-го марта Каразинъ, какъ увидимъ, произносилъ рѣчь въ собраніи «С.-Петербургскаго общества любителей россійской словесности» «Объ ученыхъ обществахъ и періодическихъ сочиненіяхъ въ Россіи», которая показываетъ, что онъ внимательно слѣдилъ за современной литературой и былъ au courant всего въ ней.

Помимо научныхъ занятій, Василій Назаровичъ живо интересовался вопросами общественной и государственной жизни и старался разрѣшить ихъ, обращаясь съ своими планами къ «власть имущимъ лицамъ». Въ 1811 г. Каразинъ представилъ министру внутреннихъ дѣлъ гр. В. Кочубею «записку о средствахъ самыхъ удобнѣйшихъ къ расположенію акциза на выкуриваемое вино» [3]). Безъ сомнѣнія, писалъ Кочубей въ отвѣтъ, признать можно подать съ кубовъ самою уравнительнѣйшею, а наипаче есть ли можно расположить ее на основаніяхъ вами предлагаемыхъ»... Но ввести въ дѣйствіе ее пока не считалъ возможнымъ, опасаясь возможности распространенія взяточничества чиновниковъ, которые въ данномъ случаѣ безконтрольно распоряжались бы въ отдаленныхъ отъ административныхъ мѣстъ имѣніяхъ помѣщиковъ.

---

[1]) Н. Барсуковъ „Жизнь и труды М. П. Погодина".

[2]) „Русск. Стар." 1901 г. Февраль стр. 470.

[3]) Письмо гр. С. П. Кочубея къ В. Н. Каразину отъ 13-го февр. 1811 г. „Русск. Стар." 1900 г. Іюнь 592.

Въ началѣ XIX стол. по открытіи министерствъ потребовалась масса чиновниковъ для приведенія въ дѣйствіе новой государственной машины. Но «при первомъ обзорѣ всѣхъ частей моего министерства (юстиціи), пишетъ Д. И. Дмитріевъ, я уже видѣлъ, что многаго не достаетъ къ успѣшнѣйшему ходу этой машины; излишнія инстанціи, служащія только къ проволочкѣ дѣлъ и въ пользу ябедническихъ изворотовъ; недостаточное назначеніе суммъ на содержаніе судебныхъ мѣстъ, особенно же палатъ гражданскихъ и уголовныхъ, опредѣленіе чиновниковъ къ должностямъ большею частью наудачу по проискамъ или чрезъ покровительство; неравенство въ жалованьѣ и производствѣ въ чины: палатскіе предсѣдатели оставались, и за выслугою узаконеннаго срока, по нѣскольку лѣтъ безъ повышенія, между тѣмъ какъ молодые люди, *числящіеся* только въ службѣ при министерствахъ, летѣли изъ чина въ чинъ, даже безъ выслуги лѣтъ, и награждаемы были знаками отличія» [1]). Такихъ чиновниковъ расплодилась масса; они были причислены къ разнымъ министерствамъ и учрежденіямъ до уѣзднаго суда включительно, и которые, ничего не дѣлая, получали чины, ордена и обременяли правительство [2]) На эту аномалію государственной жизни и обратилъ вниманіе В. Н. Каразинъ, обращаясь съ письмомъ отъ « » мая 1815 г. къ князю Н. И. Салтыкову: «Адресъ-календарь, едва занимавшій при Екатеринѣ II 200 страницъ, пополняетъ теперь 600—слишкомъ безъ выключенія губернскихъ чиновниковъ, и то многіе еще не помѣщены въ ономъ. Сколько людей праздныхъ и безполезныхъ, умножающихъ только дороговизну въ столицѣ! Не только молодые шалуны, рыщущіе по бульварамъ, но и дѣти, учащіеся въ школахъ, внесены въ канцелярскіе списки и получаютъ жалованье. Можно смѣло сказать, что двѣ трети служащихъ совсѣмъ не несутъ службы [3]). Замѣчательное разоблаченіе порядковъ времени: о школьникахъ-чиновникахъ, кажется, никто еще не разсказывалъ.

Съ апрѣля 1819 г. В. Н. Каразинъ, повидимому, дѣйствуетъ уже въ Петербургѣ. Между рукописями Императорскаго Общества любителей древней письменности найдено нѣсколько бумагъ, писанныхъ Василіемъ Назаровичемъ. Одна изъ нихъ докладная записка гр. В. П. Кочубею, Министру Внутреннихъ

---

[1]) «Русск. жизнь—въ началѣ XIX вѣка» „Русская Старина“ 1900 г. ноябрь. 257—258.

[2]) „Русск. Стар.“ 1899 г. № 6 стр. 490—491 „Русск. жизнь въ началѣ XIX вѣка глава VII.

[3]) „Русск. Стар.“ 1900 г. ноябрь стр. 259.

Дѣлъ 16 апр 1820 г [1]). Исторія и содержаніе этой записки [2]) такова. Съ ноября 1816 г. попечителемъ харьковскаго округа былъ З. Я. Корнѣевъ; назначенъ онъ былъ по просьбѣ князя А. Н. Голицына, министра народнаго просвѣщенія. Оба эти лица были друзьями, сблизившимися на почвѣ развивавшагося въ то время мистицизма. Этотъ Карнѣевъ (70-тилѣтній старикъ), списясь съ кн. Голицынымъ, издалъ 29 Янв. 1819 г. циркуляръ по харьковскому учебному округу, въ которомъ приказывалъ для пополненія недостаточности нравственнаго образованія юношества преподавать, какъ въ университетѣ, такъ и во всѣхъ гимназіяхъ, нѣкоторыя мистическія сочиненія и въ примѣръ поставилъ многотомное сочиненіе «Божественная Философія» (переведенная на русскій языкъ племянникомъ попечителя Е. В. Карнѣевымъ, тоже мистикомъ, и изданное имъ), «сочиненіе соразмѣрное понятію учащихъ и учащихся и высокому и непосредственному», какъ гласилось въ циркулярѣ. По поводу этого циркуляра В. Н. Каразинъ и обратился къ министру, представивъ копію съ циркуляра, выдержки изъ «Божественной Философіи» и подлинникъ ея. «Божественная Философія» оказалась собраніемъ крайне суевѣрнаго характера опредѣленій религіи, разума, нравственности, магіи (!) [3]) и т. д. Приведя нѣсколько примѣровъ мистическихъ толкованій, Каразинъ писалъ:

---

[1]) Другія бумаги—прошеніе жены высланнаго за границу харьковскаго профессора Шада: въ прошеніи, составленномъ Каразинымъ, говорится о несчастномъ положеніи изгнанника, „на седьмомъ десяткѣ своихъ лѣтъ претерпѣвшаго униженіе и нищету съ женою и двумя дѣтьми отъ первой жены". На другомъ прошеніи той же жены профессора Шада надпись рукою В. Н. Каразина: „Она получила 150 руб. пенсіи отъ императрицы" (Сборн. Историко-филотехническаго общ. т. IX. Харьковъ 1896 г.

[2]) Записка В. Н. Каразина послужитъ не безинтереснымъ матеріаломъ для Исторіи Харьковскаго университета и характеристики массонства того времени.

[3]) Вотъ, напр., опредѣленіе *разума* «Разумъ есть добрый смыслъ человѣка: онъ есть приливъ обыкновенныхъ мыслей вслѣдствіе того, что передали ему чувства, воспламенившія, возбудившія, приведшія въ движеніе внутреннюю его плодотворность въ отношеніе къ тому, что они ему передали; сія же внутренняя плодотворность есть звѣздная, есть звѣздный духъ или воспламененіе его, то есть свѣтъ, подобный свѣту, освѣщающему звѣзды и дѣлающему ихъ свѣтлыми, свѣтъ, освѣщающій тончайшую точку ума и т. д. „Послѣ сего, кто не согласится, прибавилъ Каразинъ, что такое изложеніе, *соразмѣрное понятію учащихъ и учащихся*, должно замѣнить обыкновенную философію, которая вовсе изымалась изъ учебныхъ заведеній по цирку-

«Подобное безуміе или, лучше сказать, бредъ наполняетъ всю книгу, назначенную преимущественно и предпочтительно для наставленія юношества (?) Напр., во второмъ т. на стр. 192—229 преподается *о крестѣ, начертанномъ во всей натурѣ.* Вотъ нѣсколько строкъ для образца (стр. 197): «Крестъ производитъ истинное добро и метафизическое зло, то есть предѣлы конечнаго существа, качества, размѣры, окружность, способность, цвѣтъ, запахъ, прямыя его движенія, косвенныя направленія, и вообще всѣ феномены, въ вселенной являющіеся и исчезающіе, и все сіе совершится чрезъ крестъ, смотря по числамъ и по сцѣпленію причины и средства»... Цитаты Василій Назаровичъ выписалъ лишь изъ двухъ частей шеститомнаго сочиненія, не будучи въ силахъ прочесть всего; въ прилагаемомъ письмѣ Каразинъ высказываетъ свой взглядъ на дѣло и причины своего обращенія. (См. сборникъ «Историко-филологическаго общества т. VIII стр. 34): «Мы переселяемся добровольно и всѣми силами въ вѣка самаго мрачнаго суевѣрія и невѣжества. Въ нынѣшнемъ вѣкѣ это все не можетъ имѣть другого дѣйствія, какъ, сдѣлавъ религію и правительство смѣшными, умножить вольнодумцевъ и развратныхъ людей. Ради Бога войдите въ это!.. Если иначе нельзя обратить на столь важный предметъ вниманія государя, конечно самаго благомыслящаго, самаго усерднаго любителя отечества и общаго добра, то не пожалѣйте мои бумаги, сказавъ только, что онѣ къ Вамъ доставлены вслѣдствіе разговоровъ въ разное время, которыхъ Вы меня удостоили. Прибавьте къ этому слова два, которыя бы показали его величеству, что вы меня дурнымъ человѣкомъ не разумѣете, хотя нѣкогда могли почитать легкомысленнымъ, пылкимъ. За благодѣянія и гнѣвъ я

ляру попечителя. А вотъ начало главы «О различныхъ родахъ магій и о притягательныхъ силахъ святыхъ, злыхъ и смѣшныхъ (!!). Слово магія въ самомъ общемъ своемъ значеніи можетъ принято быть въ добромъ и зломъ смыслѣ. Она есть притягательная сила, пружина, приводящая въ движеніе или сверхъестественную или нижнюю область: сила или власть сокровенная, дѣйствующая или на духовъ или на тѣла и слѣдственно на всѣ слои воздуха, отъ самаго первоначальнаго, дѣйствующаго съ наибольшею силою, до грубѣйшаго, дѣйствующаго съ наименьшею силою"... „есть магія божественная, магія ангельская, чистая безъ примѣси, магія естественная, магія плотская единственно діавольская", и т. д. и т. д. „Чудеса дѣлаются посредствомъ невѣроятной силы коренного воздуха „*Эфира*" и т. п. Какой-то шотландецъ Дю-тоя уподобился Христу въ чудесахъ и въ обстоятельствахъ его крестной смерти, разница только въ томъ, что Христу давали пить на крестѣ уксусъ, а святому Дю—тоя шоколадъ".

иначе не умѣю и никогда не умѣлъ платить ему, къ которому (со слезами пишу это, графъ!) я душевно привязанъ, какъ жертвуя собою для общаго добра совершенно, безъ всякихъ оглядокъ. Простите!..»—Чѣмъ кончилась исторія докладной записи — не знаемъ.

Навѣрное можно сказать, что съ конца 1819 г. В. Н. Каразинъ находился безвыѣздно въ Петербургѣ [1]). Причину поѣздки въ Петербургъ митрополитъ Евгеній Болховитиновъ объясняетъ желаніемъ Василія Назаровича получить мѣсто. Изъ письма отъ 9 февр. 1820 г. Евгенія, видно, что Василій Назаровичъ «побранился съ большими ему самому не на добро, а только въ помѣшательство пристроиться къ мѣсту» [2]). Въ Петербургѣ Василій Назаровичъ Каразинъ работалъ, проектировалъ безъ устали: съ 12 декабря 1819 г. (по крайней мѣрѣ) по мартъ 1820 онъ подавалъ разнаго рода записки и проектировалъ гр. В. П. Кочубею [3]), министру внутреннихъ дѣлъ «статистическій департаментъ» [4]) (о немъ ниже), тогда же задумалъ издавать какой-то журналъ [5]), сотрудничалъ въ «Благонамѣренномъ [6]) и журналѣ Человѣколюбиваго Общества [7]), Соревнователѣ Просвѣщенія [8]) и Сынѣ Отечества [9]), издавалъ въ типографіи Греча свои статистическія таблицы, составленныя и представленныя въ рукописи императору Александру I въ проѣздѣ его чрезъ Харьковъ въ 1817 году» [10]).

---

1) „Русс. Старина" 1903 г. августъ, стр. 457.

2) „Русск. Арх." 1889 т. II стр. 329.

3) Вѣроятно пока еще въ разговорѣ, письменный проектъ позднѣе.

4) „Русск. Арх." 1889 г. т. II стр. 334.

5) Тамъ-же стр. 342. Письмо отъ 16 апр. 1820 т.

6) 18, 19 марта; по статьямъ, помѣщеннымъ во „Сынѣ Отеч." и „Благонамѣренномъ" 1819 г., можно предположить, что В. Н. Каразинъ былъ тогда уже въ Петербургѣ.

7) „Русск. Арх." 1889 г. т. II стр. 345.

8) Соревнователь Просв. 1820 г. № II.

9) „Сынъ Отечества" 1820. Январь, 1819 г. № 39, № 2 и № 5.

10) „Я вѣрю, что статистическія таблицы Василія Назаровича будутъ любопытны: онъ весьма способенъ къ такимъ соображеніямъ"— писалъ Евгеній Анастасевичу 4-го мая 1820 г. („Русскій Арх." 1889 г. т. II стр. 346)—„Задача Василія Назаровича о десятилѣтнихъ перечняхъ каждаго сословія родившихся, умершихъ и вѣнчаныхъ больше многодѣльна письмомъ нежели составленіемъ; ибо для составленія генеральнаго по эпархіи итога сперва всегда дѣлаются частные въ подробныхъ книгахъ, и потому они уже готовы. Но при маломъ числѣ у насъ приказныхъ кто выписывать будетъ? А совсѣмъ новый трудъ

Во время пребыванія Василія Назаровича въ Петербургѣ произошло два непріятныхъ для него случая: Это скандалъ въ засѣданіи С.-Петербургскаго общества любителей россійской словесности и арестъ Каразина.

Къ 1820 году В. Н. Каразинъ числился помощникомъ председателя вышеназваннаго общества. По пріѣздѣ въ Петербургъ Каразинъ занимался въ продолженіи 2-хъ мѣсяцевъ уставомъ изданія журнала Общества «Соревнователь просвѣщенія и благотворенія», «нашелъ по собственнымъ опытамъ, что никоимъ обществомъ не возможно его улучшить въ нынѣшнемъ порядкѣ вещей» [1]). 1-го марта въ засѣданіи общества Вас. Наз. въ рѣчи своей съ свойственнымъ краснорѣчіемъ осудилъ направленіе тогдашней журналистики и дѣйствій самого «Общества», рѣзко порицая занятія его: «Вмѣсто того, чтобы описывать въ десятитысячный разъ восходъ солнца, пѣніе птичекъ, журчаніе ручейковъ, употребимъ то же дарованіе, то же счастливое воображеніе на предметы болѣе дѣльные». «Пора перестать быть подражателями только». «Будемъ все читать на вечернихъ нашихъ бесѣдахъ; но печатать станемъ только обдуманное, только прямо полезное [2]). Василій Назаровичъ предполагалъ бросить занятія изящной литературой и печатать въ журналѣ историческія изслѣдованія, описаніе путешествій, науки естественныя, домоводственныя и вообще указывалъ на болѣе серіозныя задачи литературы. Бичуя безъ стѣсненія журналъ, издававшійся Обществомъ любителей слове-

---

тутъ же приписывать раздѣленіе крестьянъ помѣщичьихъ отъ казенныхъ, хотя и это все въ нашихъ вѣдомостяхъ метрическихъ есть. А означенія мѣстоположенія селамъ, на сухомъ-ли, болотномъ, низменномъ и пр. мѣстахъ, совсѣмъ у насъ нѣтъ, и хлопотно собирать, хотя и это чрезъ духовныхъ же возможно. Но не все возможное легко. Да и матерія сія занимательна только въ сводѣ сдѣланныхъ уже перечней и заключеніи изъ оныхъ, но крайне суха и скучна порознь и въ отдѣльности. (Тамъ-же стр. 355). (Читалъ я въ Сынѣ Отеч. и отповѣдь вамъ за Монферановщину. Впредь не удостаивайте собачій лай отвѣта. На таблицы В. Н—ча вѣрно и собаки лаять не будутъ. Да и читателей у насъ на статистику немного. Само правительство обнаруживанія такихъ результатовъ не любитъ. А Екатерина II съ своимъ княземъ Вяземскимъ, бывало, считала это pour un crime de lèse-majesté; при Павлѣ же посадили бы въ крѣпость. Россія не Англія и не Франція, а ученые наши еще не нѣмецкіе статистики. Всѣ любятъ пока одну литературу, означающую только юность просвѣщенія. (Тамъ же стр. 367).

[1]) „Русс. Ст." 1871. т. III стр. 335.

[2]) Ibid.

сности (Соревнователь), Василій Назаровичъ говоритъ, смѣясь надъ журналомъ и надъ издателями и составителями его: «Мы будемъ преподавать всѣмъ (обществу) шарады на гор—охъ, [1]) соблазнительныя элегіи и стишки въ альбомы!.. *преподавать* не стыдясь и называться *соревнователями просвѣщенія*» [2]).

Въ засѣданіи общества послѣ этой рѣчи произошла бурная и грубо-неприличная сцена [3]). Въ протоколѣ собранія 1-го марта, (которое митрополитъ Евгеній назвалъ «пьянымъ») было положено выключить изъ числа членовъ В. Н. Каразина. Я. В. Абрамовъ, разбирая фактъ выхода Каразина изъ членовъ общества любителей словесности, указываетъ только на «наивный идеализмъ» В. Н. Каразина и осуждаетъ окончательно членовъ общества: «Рокомендовать людямъ, весь кругозоръ которыхъ не выходилъ за предѣлы дѣтскихъ шарадъ и воспѣванія «журчанья ручейковъ»—оставить эти глупости и заняться «дѣльными предметами»—было въ высшей степени наивно». Мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, чтобы общество *ученыхъ* занималось глупостями; что кругозоръ ихъ не выходилъ за предѣлы воспѣванія журчанья ручейковъ, что даже «наивно» думать, чтобы оно могло заняться «дѣльными предметами»; люди взрослые только, хотя бы и недалекіе, способны всегда *понять*, что имъ говорятъ дѣло, что имъ хотятъ внушить правду, но, если эту правду снабдить ругательствами, она потеряетъ свою цѣну и убѣдительность. Такъ поступилъ Каразинъ; его горячій характеръ выразился здѣсь какъ нельзя лучше; бросая въ лицо упреки въ «недѣльности», въ «подражательности только», въ «необдуманности», въ «безполезности» занятій общества, кончивъ ироніей надъ «соревнователями просвѣщенія», онъ, конечно, не могъ ждать отъ нихъ хладнокровнаго отношенія къ себѣ, а тѣмъ болѣе на послушаніе въ силу такихъ комплиментовъ. В. Н. Каразинъ виноватъ, по нашему мнѣнію, не столько въ «крайнемъ идеализмѣ», сколько въ крайней несдержанности, при отсутствіи которой навѣрно могъ бы достигать многихъ своихъ благородныхъ цѣлей. Не всѣ, и кромѣ членовъ общества любителей россійской словесности, одобряли и соглашались съ принципами Василія Назаровича. Митрополитъ Евгеній писалъ Анастасевичу. «Я съ соревнователями вашими *противъ* Василія Назаровича согласенъ, что слишкомъ ученыя статьи сдѣлаютъ журналъ скучнымъ для большей части читате-

---

[1]) Т. е. горохъ; см. Соревнователь 1819 г. кн. XI стр. 103; прим. В. Н. Каразина.

[2]) „Русск. Стар." т. III стр. 333.

[3]) Абрамовъ 72, согласно В. Г. Анастасевичу. Чтенія 1861 г. т. III.

лей обыкновенныхъ. Одни только историческія разысканія, хотя бы и слишкомъ ученыя, понятны для всѣхъ. Журналы физическіе, химическіе, натуральные, медицинскіе и проч. имѣютъ особыхъ своихъ читателей по ихъ профессіи или охотѣ... А одной книгѣ никакъ для всѣхъ годною быть нельзя и для большей части будетъ лишняя« [1]).

ГЛАВА IX.

Политическіе проекты.

(1820).

Причина обращенія къ императору Александру I въ 1820 г. Перемѣна въ направленіи политики имп. Александра. Тревожное настроеніе Каразина и петербургскаго общества. Записка къ государю и гр. Кочубею. Проектъ „статистическаго департамента"; участіе въ „обществѣ для облегченія участи крестьянъ". Нападки на Каразина изслѣдователей за его политическіе проекты. Записка государю о состояніи Россіи. Семеновская исторія. 4-ый арестъ и заключеніе въ Шлиссельбургскую крѣпость.

Исторія ареста В. Н. Каразина выясняетъ, что причина несчастія явилась не только по винѣ самого потерпѣвшаго, но и въ силу несчастно сложившихся обстоятельствъ. Мы видѣли, что разныя причины побуждали Василія Назаровича сноситься съ министрами, даже съ государемъ первое время (до конца 1809 года). При видѣ неустройствъ въ разныхъ сторонахъ государственнаго механизма, въ заботахъ по филотехническому обществу

---

[1]) „Русск. Арх." 1889 г. т II, стр. 136. (Письмо отъ 9 марта 1820 г.). Въ письмѣ отъ 6 апр., узнавъ отъ Анастасевича объ участи Каразина, Евгеній писалъ; „Итакъ, мое предсказаніе надъ Василіемъ Назаровичемъ и вами сбылось въ обществѣ соревнователей. Да и трудно-ли было представить по общему правилу, что кто навязывается учить другихъ, кольми паче всѣхъ, того всѣ учатъ? Итакъ, поздравляю Васъ всѣхъ, что мнимые Ваши ребятишки высѣкли своихъ учителей. Но симъ думаю еще не кончится. Что ни пишите вы, что будто по городу ихъ осуждаютъ, а я больше вѣрю, что вездѣ надъ вами смѣются, а до начальства доведутъ уже въ карикатурномъ видѣ. Все это повредитъ наипаче Василію Назаровичу, и опять можетъ быть сбудется мое гаданіе о возвращеніи его восвояси безъ всего. (Тамъ же стр. 338).

В. Н. Каразинъ проситъ содѣйствія, даетъ совѣты и указанія правящимъ и вліятельнымъ лицамъ, съ которыми въ свое время былъ близко знакомъ. Не будучи въ состояніи, можетъ быть, по своему характеру оставаться молчаливымъ на вопросы жизни, Каразинъ надѣялся на содѣйствіе своимъ планамъ людей стоящихъ во главѣ правленія, но годъ отъ году убѣждался въ тщетности своихъ надеждъ. Его непрошенные совѣты впрочемъ сильно надоѣдали; нѣкоторые вельможи, (напр. Кочубей, Горчаковъ I) отдѣлывались оффиціальными отвѣтами съ вѣжливымъ отказомъ привести въ исполненіе идеи Каразина, другіе (напр. Сперанскій, Аракчеевъ) вовсе перестали отвѣчать ему. Понятно, что гласомъ вопіющаго въ пустынѣ Василій Назаровичъ ограничиться не хотѣлъ да и не могъ по своей натурѣ, и въ 1820 г. рѣшилъ идти тѣмъ опаснымъ путемъ, который былъ уже разъ причиной его ареста, который повлекъ новыя несчастія и страданія Василія Назаровича—онъ рѣшилъ обратиться со своими непризнаваемыми планами непосредственно къ императору Александру. Къ подобному смѣлому шагу, можетъ быть, ободряло Каразина вниманіе государя, обращенное въ 1817 и 1818 г.г. на его проектъ о примѣненіи къ жизни электричества, хотя отношеніе къ нему во время проѣзда чрезъ Харьковъ государя не давало повода предполагать расположенія къ себѣ. Въ добавокъ къ этому времени самъ государь сильно перемѣнился въ своихъ дѣйствіяхъ и взглядахъ на вещи, чего, вѣроятно, не зналъ Каразинъ.

Направленіе государственной дѣятельности къ 1820 году приняло характеръ противоположный «эпохѣ преобразованій». «Конецъ царствованія Александра I повлекъ за собою столь рѣзкій переломъ въ порядкѣ нашей общественной жизни, что предшествовавшая эпоха была совершенно отрѣзана, жизнь выдвинута въ новую колею, тяжкій остракизмъ палъ на цѣлое поколѣніе прежняго времени и надолго закрылъ его даже отъ историческаго изслѣдованія и воспоминанія»—говоритъ А. Н. Пыпинъ [1]. Тѣ филантропическія идеи, то стремленіе подвинуть по пути прогресса родину, которые нѣкогда такъ сильно воодушевляли императора Александра, которые съ высоты престола разносились, какъ ясные лучи послѣ безпросвѣтной жизни русскаго народа временъ имп. Павла, канули въ вѣчность. Внутренній источникъ реакціи лежалъ и въ личномъ характерѣ Александра. Въ немъ самомъ издавна боролись два различныя настроенія—внушенный полусентиментальнымъ воспитаніемъ либерализмъ и совсѣмъ противоположные инстинкты, питаемые всей его обстановкой. Этими противорѣчіями былъ особенно исполненъ второй періодъ его ли-

---

[1]) Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I; изданіе 3-ье, стр. 345.

берализма съ 1815 г. Онъ уже вскорѣ начинаетъ охладѣвать къ «законно-свободнымъ учрежденіямъ и къ свободѣ народовъ. Польская конституція, только что данная, показалась стѣснительной для авторитета власти. Въ греческомъ вопросѣ императоръ колебался между свободой Греціи и «законной властью» турецкаго султана и наконецъ отказался защищать грековъ въ угоду европейской дипломатіи. Въ конституціонныхъ вопросахъ Германіи онъ стоялъ уже въ 1819 г. на сторонѣ реакціи, онъ вмѣшивался въ дѣла Испаніи и Неаполя, и русскія войска должны были готовиться къ роли жандармовъ въ чужихъ государствахъ» [1]). Неудержимо настойчивый и въ тоже время непостоянный государь, заявлявшій уже не разъ о своей готовности пожертвовать жизнью во благо подданныхъ и трепетавшій при извѣстіи о тайныхъ обществахъ (манія, можетъ быть, наслѣдственная), уже немного лѣтъ спустя послѣ вступленія на престолъ начинаетъ боязливо оглядываться на окружающихъ. 13 января 1807 года былъ учрежденъ комитетъ охраненія общественной безопасности, продолжавшій существовать до конца царствованія императора Александра. Комитетъ отъ 13 января 1807 г., какъ онъ именовался оффиціально, закрѣпилъ начавшійся внутренній разладъ въ умѣ Александра съ самимъ собою и съ стремленіями, охватившими лучшіе умы того времени [2]). Разладъ этотъ достигъ полнаго своего развитія подъ вліяніемъ народныхъ движеній Европы, въ жизни которой Александръ принималъ столь горячее участіе изъ боязни революціи въ Россіи, которая по мнѣнію государя была очень возможна благодаря вліянію годъ отъ году увеличивавшихся тайныхъ собраній. Причиной развитія этихъ обществъ было тяжелое время, переживвшееся тогда Россіей. Мѣсто религіозной свободы заняли религіозныя преслѣдованія. Крестьянскій вопросъ былъ сданъ въ архивъ. «Вольный духъ» преслѣдовался въ самыхъ невинныхъ его проявленіяхъ. Въ университетахъ царили Магницкіе и Руничи. Все сводилось къ подавленію всякихъ попытокъ умственной жизни общества и къ господству самаго низменнаго обскурантизма и лицемѣрія. Вѣнцомъ мудрости во внутренней политикѣ было устройство военныхъ поселеній, отъ которыхъ самъ Аракчеевъ въ совѣстливыя минуты отрекался, приписывая ихъ идею самому императору; въ центральномъ правительствѣ главную роль играли разные иностранные авантюристы, ренегаты прежняго либеральнаго направленія и мракобѣсы—мистики и формалисты. Печатное слово было сдавлено. Повсюду царило шпіонство. Ловкіе люди пользовались случаемъ и ловили рыбу въ мутной водѣ. Злоупотребленія всякаго рода сдѣлались

---

1) Пыпинъ „Общ. движ. при Ал. I“ стр. 435—436.

2) Шильдеръ. «Императоръ Александръ I-ый» т. IV, стр. 162.

открытыми. Воровство совершалось на виду у всѣхъ. Притѣсненія сильными слабыхъ не находили никакой узды. Всякая попытка противодѣйствовать такому порядку вещей оканчивалась самымъ печальнымъ образомъ для смѣльчака [1]). «Словомъ это была обычная картина всякой реакціи, вызывающей на арену жизни всѣ темные элементы общества, при другихъ условіяхъ скрывавшіеся во тьмѣ и теперь преслѣдующіе все свѣтлое» [2]). Новое молодое поколѣніе, взявшееся было съ такимъ жаромъ за дѣло реформъ, оказалось на заднемъ планѣ, оттѣсненнымъ Аракчеевымъ, Магницкимъ и др. Положеніе этихъ еще свѣжихъ силъ становилось тѣмъ тяжелѣе, что заграничные походы съ 1805 по 1815 г.г., въ которыхъ участвовало большинство патріотовъ изъ высшаго круга, познакомилось съ болѣе гуманнымъ строемъ жизни Запада [3]). Преслѣдованія свободнаго слова и мысли для тѣхъ, которые привыкли выражать ихъ откровенно въ мягкое время царствованія и въ бытность свою заграницей, заставили искать возможности дѣлиться мыслями тайкомъ. Составлялись, такимъ образомъ, «тайныя» общества, сфера вліянія которыхъ расширялась на большее и большее количество сочленовъ; въ программу дѣйствій вводилось преслѣдованіе тѣхъ самыхъ завѣтныхъ идей, за которыя стоялъ императоръ Александръ при вступленіи на престолъ и главой реакціи противъ которыхъ такъ скоро онъ сдѣлался. Несмотря на преувеличенный страхъ государя предъ обществами, чему не соотвѣтствовалъ ни уставъ ихъ, чуждый революціонной пропаганды, ни сила ихъ, несмотря на то что были извѣстны имена нѣкоторыхъ участниковъ обществъ, которыя называлъ самъ царь, они остались пока внѣ преслѣдованій. Въ новомъ движеніи принимало участіе слишкомъ много членовъ вліятельнѣйшихъ фамилій лицъ, занимавшихъ видное оффиціальное положеніе. Каразинъ хорошо чувствовалъ весь гнетъ тогдашняго положенія вещей, и близкое знакомство съ членами тайныхъ обществъ [4]), ихъ благородныя стремленія и по-

---

1) Пыпинъ: «Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I, гл. VII и VIII.

2) Я. В. Абрамовъ: «В. Н. Каразинъ», Спб. 1891 г.

3) Къ двадцатымъ годамъ военное общество—чего никогда не было ни прежде ни послѣ—заключало въ себѣ лучшихъ представителей образованнаго общества. Пыпинъ. «Общественное движеніе при Александрѣ I. 3-ье изд. стр. 390.

4) Съ М. Н. Муравьевымъ, Вяземскимъ, Тургеневымъ. Бумаги нѣсколькихъ декабристовъ, участвовавшихъ въ тайныхъ обществахъ, переданы были Василію Назаровичу. В. С. Иконниковъ. «Опытъ русской исторіографіи», т. I кн. 2 стр. 1183.

бужденія вполнѣ соотвѣтствовали стремленіямъ В. Н. Каразина [1]). Онъ расходился съ ними только въ способахъ дѣйствія, которые противорѣчили его политическимъ убѣжденіямъ. *Тайной* работѣ, выраженію мыслей *тайнымъ* образомъ отъ правительства Каразинъ не сочувствовалъ, ибо видѣлъ спасеніе для Россіи въ нескрываемомъ выраженіи вѣрноподданническихъ совѣтовъ монарху [2]), хотя бы то стоило жизни смѣльчака. Такъ именно онъ поступалъ съ 1798 года, такъ рѣшилъ поступать въ 1820 году.

12 декабря 1819 г. В. Н. Каразинъ уже представлялъ докладную записку гр. В. П. Кочубею (мин. вн. дѣлъ), въ которой указывалъ на какія то противозаконія, совершаемыя въ Россіи. Министръ заинтересовался и поручилъ Каразину составить подробный докладъ. Вас. Наз. не заставилъ себя ждать и въ январѣ 1820 г. представилъ три записки, имѣвшихъ цѣлью, главнымъ образомъ, указать на вопіющія злоупотребленія въ Россіи по отношенію къ крѣпостнымъ и на средства устранить ихъ разъ навсегда. Указавъ на множество чрезвычайно несложныхъ способовъ обойти существующіе законы, запрещающіе въ извѣстныхъ случаяхъ продажу и переселеніе крѣпостныхъ, Каразинъ предложилъ издать категоричный законъ, недопускающій никакихъ вредныхъ толкованій. Во 1-хъ запретить всѣмъ (кромѣ дворянъ-помѣщиковъ) право владѣнія людьми, ограничивъ это владѣніе лишь временемъ жизни настоящаго владѣльца и лишивъ его права продажи людей; во 2-хъ, запретить переселеніе крестьянъ далѣе опредѣленнаго разъ навсегда пространства вокругъ мѣста жительства; въ противномъ случаѣ дѣло должно идти чрезъ правительственныя учрежденія (казенн. палату, губернск. и земск. суды) [3]). Гр. Кочубей какъ будто еще болѣе заинтересовался В. Н. Каразинымъ и въ теченіе марта нѣсколько разъ бесѣдовалъ устно съ Василіемъ Назаровичемъ [4]). Послѣдній указывалъ

---

[1]) «Было бы большой ошибкой предполагать, что въ тайныхъ собраніяхъ занимались только заговорами», пишетъ участникъ «Союза благоденствія», одного изъ тайныхъ обществъ,—здѣсь вовсе ими не занимались. Если какіе-нибудь изъ членовъ и имѣли какое-нибудь такое намѣреніе, они скоро увидѣли бы, что здѣсь никакой заговоръ не возможенъ»... и т. д. и т. д. См. La Russie et les Russes N. Tourgeuneff, t. I p. 105—106. Paris, 1847.

[2]) «Правительство есть средоточіе, въ которомъ необходимо должна стекаться всякая мысль о благѣ общемъ». Записка имп. Александру I отъ 13 мая 1820 г.

[3]) Русская Старина 1903 г. августъ, стр. 458- 465.

[4]) Русская Старина 1870 г. т. II, стр. 568—571.

министру на тревожное, по его мнѣнію, состояніе Россіи и дѣлился планами о предотвращеніи бѣдъ для отечества. 31 марта Каразинъ снова изложилъ письменно на нѣсколькихъ листахъ свой взглядъ на массовыя злоупотребленія чиновниковъ и на возможность волненій въ Россіи. «Секты религіозныя и политическія умножаются. Нѣтъ никакой точки къ соединенію умовъ. Правительство не назначаетъ ея и, очевидно, мятется. Это въ нынѣшній вѣкъ особливо будетъ имѣть то же послѣдствіе, какъ бы сокрытіе знаменъ и повелѣній военачальника въ общемъ замѣшательствѣ битвы»,—писалъ немного позже государю Каразинъ.

Надо замѣтить, что страхи Каразина не раздѣлялись имъ однимъ; все общество было въ трепетномъ ожиданіи чего-то страшнаго; производились многочисленные аресты и высылки. «Я уже докладывалъ вашему сіятельству,—говорилъ оберъ-полицеймейстеръ Петербурга Горголи графу Милорадовичу,—что расположеніе умовъ въ городѣ такое, что не отвѣчаю за три дня спокойствія» [1]). «Зараженіе умовъ есть генеральное и замѣчается повсюду», говорилъ великій князь Константинъ Павловичъ о томъ же времени [2]). Въ журналахъ попадались сплошь да рядомъ настолько смѣлые и рѣзкіе намеки молодыхъ поэтовъ на правительство, на самодержавный строй, которые и при спокойномъ состояніи правящихъ сферъ никогда у насъ не были допустимы, а тѣмъ болѣе въ описываемое время. «Молодежь хотѣла какъ бы *блеснуть* своимъ неуваженіемъ къ правительству»—писалъ В. Н. Каразинъ гр. Кочубею, препровождая нѣсколько стихотвореній молодыхъ поэтовъ (Пушкина А. С., Кюхельбекера), отличавшихся рѣзкимъ отношеніемъ къ правительству и читанныхъ къ тому же публично. Государь раздѣлялъ общее настроеніе: распространявшееся въ обществѣ «вольнодумство», которое онъ поставилъ себѣ цѣлью подавлять на пространствѣ всей Европы, очень пугало его.

Ожидая, можетъ быть, нѣкоторое время, въ предположеніи, что Кочубей доложитъ о запискѣ императору, Каразинъ, подъ предлогомъ поблагодарить государя за оказанную недавно милость, пытался проникнуть во дворецъ, но не былъ принятъ [3]).

---

[1]) Русскій Архивъ 1875 г., т. II, стр. 328.

[2]) Н. Шильдеръ. „Императоръ Александръ I", т. IV стр. 186.

[3]) Тесть Вас. Наз., инженеръ, ген. маіоръ Егоръ Ивановичъ Бланкеннагель получилъ отъ казны заимообразно 50,000 руб. асс. на устройство въ Россіи перваго свекло-сахарнаго завода, который и былъ имъ устроенъ въ деревнѣ его „Алябьевѣ" (Тульской губ.), шелъ

21-го апрѣля, чрезъ посредство князя Петра Михайловича Волконскаго, Каразинъ доставилъ государю «Записку», въ которой заклиналъ послѣдняго обратить своевременно должное вниманіе на неправильности жизни въ Россіи, о коихъ просилъ освѣдомиться по имѣющейся запискѣ его гр. Кочубею. Намекая на то, что современное положеніе Россіи, наканунѣ тѣхъ потрясеній, которыя постигли въ концѣ 80-хъ годовъ XVIII стол. Францію, ссылаясь на одинаковость мнѣній современниковъ («поименованныхъ имъ въ письмѣ къ Кочубею, купца Рогова, напр., ожидавшаго тоже волненій въ Россіи), Каразинъ восклицаетъ: «Нельзя не привести на память,—что точно такъ изъ разныхъ мѣстъ отзывались во Франціи отголоски благонамѣренныхъ предъ наступленіемъ гибельнаго переворота и что точно такъ были пренебрегаемы!» «Il est singulier que dans ce siècle de lumiéres, les souverins ne voient venir l'orage que quand il éclate»--сказалъ Наполеонъ Ласъ-Казасу на островѣ св. Елены». Записку свою назвалъ Каразинъ «послѣднимъ отзывомъ вѣрнаго подданнаго», а въ прибавленіи на слѣдующій день къ ней по пунктамъ доказываетъ чистоту своихъ дѣйствій, безкорыстность,

---

очень хорошо и приносилъ доходы, изъ которыхъ Ег. Ив. и уплачивалъ по-немногу казенный долгъ. Но настала война 12-го года, склады его сахара, патоки и рому сгорѣли въ Москвѣ, онъ самъ умеръ. Василій Назаровичъ не былъ въ состояніи по разстройству своихъ собственныхъ дѣлъ выплачивать долгъ тестя и просилъ государя о сложеніи. Государь разрѣшилъ. Василій Назаровичъ пошелъ во дворецъ благодарить, но не былъ принятъ". (Филадельфъ Каразинъ. „Русск. Стар." 1870 г., т. II, стр. 568—569). В. И. Ярославскій разсказываетъ о томъ же: „Ал. Степ. Бирюковъ разсказалъ мнѣ о продѣлкахъ В. Н. Каразина. Примѣтивъ, что государь каждый день послѣ полудня прохаживается по Невской набережной, онъ велѣлъ двумъ своимъ сыновьямъ прохаживаться тамъ въ то время, а встрѣтившись съ государемъ, каждый разъ учтиво ему кланяться. Какъ эти поклоны они часто ему дѣлали, то однажды спросилъ онъ и ихъ фамиліи. Каразинъ, узнавъ отъ нихъ, умѣлъ употребить это въ пользу, сочинилъ имъ просительное къ нему письмо: что императоръ Павелъ пожаловалъ заимообразно 25,000 руб. отцу ихъ матери Бланкенагелю на устроеніе въ Тулѣ завода для дѣланія сахара изъ свекловицы. Вскорѣ онъ умеръ, не успѣвъ въ этомъ заведеніи. Теперь за долгъ его назначенъ въ продажу въ Москвѣ домъ ихъ матери—послѣднее ея имущество. Просили оказать имъ благодѣяніе: велѣть министру финансовъ исключить этотъ домъ изъ недоимки. Государь былъ такъ милостивъ, что простилъ этотъ долгъ" („Харьковскій Сборникъ" 1887 г., стр. 69).

которая могла бы быть заподозрѣна въ желаніи вновь сблизиться съ нимъ изъ личныхъ интересовъ. Сказавъ, что считаетъ своимъ неотъемлемымъ правомъ разъ данное ему разрѣшеніе сноситься съ царемъ непосредственно, Каразинъ продолжаетъ:—а) я никогда не употребилъ во зло сего драгоцѣннаго права себѣ въ пользу: ни на безчестную клевету, ни на недостойное испрошеніе милости; в) я никогда не дѣлалъ изъ него какого-нибудь чванства. Нечаянные случаи сдѣлали извѣстными нѣкоторыя мои бумаги, но только малому числу ближайшихъ ко мнѣ людей, изъ коихъ двухъ нѣтъ уже и на свѣтѣ, но большая часть, подобно какъ и сіи послѣдніе, остались и останутся, пока я живъ, тайною, открытою только для всевидящаго ока;—с) я писалъ не по видамъ личнымъ, но по внутреннему убѣжденію и съ глубокою увѣренностью, что я былъ бы извергомъ предъ вами и отечествомъ, если бъ сего не сдѣлалъ. Богъ, мой судія, да будетъ моимъ свидѣтелемъ!—d) Я никогда не воображалъ себя достойнымъ занять какое-либо изъ важныхъ государственныхъ мѣстъ. Честолюбивая эта мысль, не взирая на милости ваши, не входила въ мою голову. Но признаюсь въ томъ чистосердечно, быть человѣкомъ къ вамъ близкимъ, вамъ, такъ сказать, исключительно принадлежащимъ, было единственнымъ и первѣйшимъ моимъ желаніемъ. Званіе вашего личнаго секретаря, вашего—камеръ-библіотекаря, нѣчто подобное носилось въ моемъ воображеніи. е) Я никогда не былъ и не буду въ числѣ хулителей дѣлъ вашихъ.—Напротивъ, я часто ихъ отражалъ. Образъ мыслей моихъ въ семъ отношеніи выразилъ я публично въ рѣчи 21-го августа 1818 г., произнесенной въ Харьковѣ [1]). Не возможно сердцу благородному не обожать васъ... Все, все, начиная съ ангельской наружности вашей, привлекательный, чистый вашъ разсудокъ, характеръ вашъ твердый необыкновенный, послужившій въ 1812 году *главнѣйшимъ* орудіемъ Провидѣнію къ тому, чтобы спасти Россію и Европу; доброта ваша... Государь! я начинаю рыдать! простите меня! Оставалось бы еще сказать нѣчто, но не имѣю силъ продолжать далѣе. Еще разъ прощайте, Государь!» [2]). Прочитавъ это письмо, Александръ приказалъ гр. Кочубею потребовать отъ Каразина, чтобы онъ «указалъ обстоятельства, о которыхъ говорилъ, подробнѣе, подкрѣпилъ бы ихъ доводами, назвалъ самыя лица, отъ которыхъ имѣетъ тѣ или другія свѣдѣнія и т. д.» Съ высочайшимъ повелѣніемъ Кочубей обратился къ

---

[1]) Рѣчь объ истинной и ложной любви къ отечеству.

[2]) «Русск. Стар.» 1870 г., т. II, стр. 571.

В. Н. Каразину. Послѣдній повторилъ пока свое предложеніе воспользоваться написанной имъ запиской министру внутреннихъ дѣлъ, если-бы пожелали подробнѣй узнать объ «обстоятельствахъ»; онъ обѣщалъ заняться составленіемъ подробной пояснительной записки. Требованіе объявить имена лицъ, съ которыми В. Н. Каразинъ бесѣдовалъ по разнымъ вопросамъ, можетъ быть, частнымъ образомъ, поразило Каразина. «*Всеподданнѣйшее мое письмо*,—объяснялъ онъ свои намѣренія Кочубею,—*не доносъ, къ которому я, можетъ быть, и не способенъ*, не указаніе мелкихъ частныхъ злоупотребленій, но *послѣдняя воля*, такъ сказать, умирающаго. Это завѣщаніе, которое бывшій счастливецъ оставляетъ въ рукѣ своего благодѣтеля, прощаясь съ нимъ навсегда [1]). «Относительно указанія лицъ, имѣющихъ болѣе значенія *поимянно* отъ кого, что и гдѣ когда слышалъ, то хотя изъ вѣрноподданническаго повиновенія я могъ бы составить кое на кого записку, но признаюсь, ваше сіятельство, что совѣсть моя возмущается отъ одной мысли о таковомъ предательствѣ всѣхъ благородныхъ чувствованій». «Сохрани насъ, Боже, возобновлять сцены царствованія при такомъ государѣ» [2]). Не вѣря собственнымъ ушамъ о подобномъ требованіи того самаго Александра, котораго онъ зналъ съ 1801 г., Каразинъ съ удивленіемъ продолжаетъ: «Неужели нашему благодѣтельнѣйшему Александру пожелать убить политически вѣрнаго и уваженнаго имъ нѣкогда любезнаго ему человѣка («довольно, что онъ... былъ окруженъ шпіонами въ проѣздъ свой въ здѣшнюю столицу») и опозорить допросомъ лицъ, достойныхъ его уваженія». Эти мысли проливаютъ яркій свѣтъ на личность Василія Назаровича, на его благороднѣйшую натуру. Онъ былъ врагомъ тайныхъ обществъ на почвѣ политическихъ убѣжденій, онъ боролся противъ нихъ, но боролся самымъ *честнымъ* образомъ. Вражда противъ учрежденій не переходила въ ненависть къ лицамъ, раздѣляющимъ противоположныя убѣжденія; мы видѣли, что, какъ честному человѣку, декабристы отдавали В. Н. свои бумаги, будучи твердо

[1]) «Русск. Стар.» 1870 г. II т. стр. 572.

[2]) Тамъ же стр. 573. Въ письмѣ къ имперарору Николаю 18-го сентября 1826 г. Василій Назаровичъ такъ писалъ о своемъ взглядѣ на требуемый отъ него доносъ: «обвинять я никого не могъ по совѣсти, съ одной стороны, гнушаясь не безъ причины мерзкаго во всѣхъ народахъ и временахъ имени доносчика, съ другой, не имѣя достовѣрныхъ доказательствъ «Русск. Стар.» 1870 г. т. II стр. 562—563.

убѣждены, что довѣріе ихъ не будетъ обмануто, и они не ошиблись. Каразинъ затрепеталъ при одной мысли о возможности предательства «благороднѣйшихъ чувствованій». Вмѣсто отвѣта на предложеніе указать на «лица», Василій Назаровичъ предложилъ свой проектъ «статистическаго департамента», который могъ бы доставить правительству нужныя свѣдѣнія: «Однимъ изъ вѣрнѣйшихъ средствъ, каковыя можетъ имѣть правительство, узнать подлинное внутреннее положеніе государства систематическимъ образомъ,—было бы, кажется, учрежденіе статистическаго департамента. Если бы государю императору было благоугодно меня удостоить скромнаго мѣста директора сего департамента, то я увѣренъ, что вмѣстѣ съ значительною услугою собранія свѣдѣній сего рода, которыхъ теперь нѣтъ и долго еще не будетъ, я безо всякаго шуму и подъ предлогомъ однихъ статистическихъ (?) открылъ бы въ связи тысячи происшествій и обстоятельствъ и злоупотребленій важнѣйшихъ, вовсе неизвѣстныхъ правительству [1]).

Проектъ Василія Назаровича такъ и остался проектомъ, а впослѣдствіи навлекъ на него только нареканія.

Одновременно съ мечтой учредить «Статистическій департаментъ», Каразинъ принималъ дѣятельное участіе въ созданіи новаго общества, поставившаго себѣ цѣлью освобожденіе или, по крайней мѣрѣ, облегченіе тяжелой въ то время доли крестьянъ. Исторія этого общества такова. Н. И. Тургеневъ, назначенный статсъ-секретаремъ при Государственномъ Совѣтѣ еще въ 1819 году (а можетъ быть, въ самомъ началѣ 1820 года), представилъ государю черезъ графа Милорадовича записку, озаглавленную: «Нѣчто о крѣпостномъ состояніи въ Россіи». Мысль его была та, что конецъ рабству можетъ положить одно самодержавіе. Императоръ встрѣтилъ эту мысль съ большимъ сочувствіемъ, нашелъ ее вполнѣ справедливой и благородной и объявилъ Милорадовичу, что «непремѣнно сдѣлаетъ что-нибудь для крестьянъ». Князь А. С. Мень-

---

[1]) „Русск. Стар.“ 1870 г. т. II стр. 574. „Успѣетъ-ли В. Н. завести при министрѣ внутреннихъ дѣлъ статистическое отдѣленіе—не знаю,—писалъ митр. Евгеній Анастасевичу 2-го марта 1820 г.,—но знаю, что легче завести и написать планъ съ фасадомъ нежели продолжать строеніе. Книжки на двѣ (какъ и Германъ) можетъ быть наберетъ матеріаловъ; а далѣе матеріалы сіи рѣдки, и доведется выписывать изъ-за моря, какъ и обыкновенно у насъ водится: во всѣхъ товарахъ иностранцы изъ нашихъ же матеріаловъ лучше обрабатываютъ („Рус. Арх.“ 1889. т. II стр. 334.

шиковъ, ген.-адъют. государя, какъ ловкій царедворецъ, воспользовался настроеніемъ и намѣреніемъ императора, началъ вмѣстѣ съ В. Н. Каразинымъ и гр. М. С. Воронцовымъ развивать эту мысль и получилъ согласіе многихъ вліятельныхъ лицъ на подачу адреса государю съ просьбой разработать крестьянскій вопросъ. Самому Каразину «посчастливилось пригласить въ оное (общество) *нѣсколько извѣстныхъ государю особъ*» (Записка къ Имп. Николаю).

Надо замѣтить, что Каразинъ шелъ дальше прочихъ учредителей общества; онъ задумывалъ создать общество, «подчиненное мин. вн. дѣлъ, которое бы, сверхъ публичнаго своего назначенія улучшивать участь поселянъ, подвластныхъ дворянству, имѣло нечувствительный присмотръ за всѣми другими, такъ называемыми, *вольными*, явными и тайными обществами» [1]). Провести послѣднюю идею Каразину не удалось даже отчасти, судя по той формѣ, въ какой былъ предложенъ на высочайшую конфирмацію проектъ общества «въ пользу крестьянъ» [2]).

Проектъ намѣревались подать мин. вн. дѣлъ, который долженъ былъ получить по этому предмету приказаніе самого императора. «Гр. Воронцовъ сообщилъ документъ нѣсколькимъ родсвенникамъ и друзьямъ, и онъ былъ съ величайшею готовностью подписанъ Гр. П. Потоцкимъ и М. В., которые были генералъадъютантами у государя, графомъ В. Д., камергеромъ и дипломатомъ, кн. В.» и др. [3]). Однако планы упомянутыхъ лицъ потерпѣли неудачу. 5-го мая 1820 г. гр. Каподистрія представилъ государю краткую «записку» о цѣляхъ составляющагося общества съ просьбою утвердить его. Государь, узнавъ о гласности дѣла, о собираемыхъ подписяхъ, испугался, отставилъ отъ службы Меньшикова, и нѣкоторые изъ подписавшихся отказались тотчасъ отъ своихъ подписей [4]). Кн. И. В. Васильчиковъ отказался отъ своей подписи на слѣдующій день по докладѣ и такъ мотивировалъ свой отказъ: «Въ столь важномъ дѣлѣ, въ которомъ довѣріе правитель-

---

[1]) Записка Каразина къ имп. Николаю I 1826 г. „Русск. Стар." 1870 г. II, стр. 563.

[2]) См. „Русск. Стар". 1871 г. т. III, 366. Записано В. Н. Каразинымъ.

[3]) N. Tourugeneff. „La Russie et les Russes".

[4]) О быстротѣ отказовъ отъ подписей разсказываютъ нѣсколько курьезныхъ случаевъ. В. И. Семевскій „Крест. вопр." Спб. 1888 т. I, стр. 456.

ства и общества можетъ опереться лишь на людей съ добрымъ именемъ, являются такія личности, отъ которыхъ не поздоровится... указываютъ на г-на Каразина, какъ на главнаго двигателя этого общества [1]).—И такъ, общество распалось. Кн. Вяземскій въ своей *Исповѣди* говоритъ: «Генералъ-адъютантъ Васильчиковъ, сперва подписавшій бумагу и на другой день отказавшійся отъ своей подписи, вѣроятно былъ главнѣйшею причиною неудачи этого предпріятія» [2]). Самъ Каразинъ приписывалъ неудачу проекта тому, что его представилъ на высочайшее утвержденіе «гр. Каподистрія, который ни по чему на свѣтѣ не могъ благопріятствовать патріотическому намѣренію россіянъ» [3]).

Г-нъ Семевскій говоритъ, что Каразинъ шелъ по двойной дорогѣ, желая пристегнуть къ либеральному обществу исполненіе своихъ ретроградныхъ «совершенно постороннихъ мечтаній» [4]). Мы не придерживаемся мнѣнія, что Каразинъ шелъ по пути противоположному современнымъ ему либеральнымъ теченіямъ, направленію дѣйствій тайныхъ и другихъ тому подобныхъ обществъ. Все дѣло въ средствахъ для достиженія цѣли и взглядѣ на вещи. Что Каразинъ не былъ ретроградомъ, доказываютъ неслыханно-смѣлыя его обличенія правительства, въ лицо ему дѣлаемыя... только... обличенія эти, указанія на промахъ дѣлались самому правительству, чтобы помочь ему оріентироваться, чтобы помочь ему узнать «тысячи *злоупотребленій* вовсе ему неизвѣстныхъ», и при томъ тайнымъ образомъ, чтобы не уронить престижа власти. На почвѣ недовольствія же правительствомъ возникли и тайныя общества, но они дѣйствовали *инымъ образомъ*, чѣмъ Каразинъ, именно: хотѣли не помогать, а бороться съ правительствомъ. Итакъ, цѣли однѣ, путь къ исполненію ихъ разный. Но какъ объяснить шпіонскій проектъ Каразина статистическаго департамента? Человѣкъ, съ самоотверженіемъ и ужасомъ отказавшійся назвать по имени нѣкоторыхъ подозрѣваемыхъ въ противоправительственныхъ дѣйствіяхъ лицъ, рѣшается предлагать цѣлое учрежденіе для секретнаго наблюденія надъ подозрѣваемыми людьми во всей необъятной Россіи».—Повторяемъ,

---

1) „Русск. Арх. 1875 г. т. III, стр. 417.

2) „Собр. соч. кн. Вяз.“ II, 88, сравн. т. VII, 271; В. И. Семевскій „Крест. вопр.“ т I стр. 456.

3) „Русск. Стар.“ 1876 т. III, стр. 20. 7 тет. записки Кочубею 1820 г.

4) Нѣсколько словъ о Каразинѣ. „Вѣстникъ Европы“ 1893 г. февр. стр. 530—541.

борьба проповѣдывалась не противъ личности, а противъ «злоупотребленій», совершенно правильно понимаемыхъ (записки къ Кочубею о состояніи Россіи); предложеніе секретнаго департамента объясняется не низостью души Каразина, этого примѣра гражданскаго мужества, а его идеалистическимъ взглядомъ на жизнь и людей. Онъ всегда думалъ, что дѣло приводится къ счастливому концу *не учрежденіями, а людьми*, въ которыхъ глубоко вѣрилъ—въ этомъ его принципіальная ошибка. Взгляните на его сельскія учрежденія съ теоретической, поверхностной точки зрѣнія. Абсолютная власть помѣщика, тѣлесное наказаніе, самодержавіе старосты[1])—развѣ это не отъявленное крѣпостничество! Но вникните, пожалуйста, *какимъ долженъ* считать себя по Каразину этотъ «генералъ-губернаторъ» помѣщикъ и староста, *когда* допускаются тѣлесныя наказанія, *что долженъ* дѣлать помѣщикъ для блага своихъ подданныхъ-«дѣтей»; обратите вниманіе на то, что первый, кто осмѣлился быть согласно такимъ идеямъ «крѣпостникомъ» помѣщикомъ, т. е. самъ В. Н. Каразинъ, оказался нищимъ...; владыка пожертвовалъ всѣмъ для подчиненныхъ, роздалъ земли, уменьшилъ *вдвое* барщину, влѣзъ въ долги и т. д. Нѣчто подобное могло быть и въ разбираемомъ случаѣ. Въ 1) проектъ «статистическ. департ.» *не былъ еще разработанъ*, или не дошелъ до насъ въ разработанномъ видѣ, поэтому, мы не имѣемъ права клеймить безъ существенной оговорки мысль Каразина. Во 2) какъ основной принципъ сельскихъ учрежденій В. Н. Каразина, можетъ быть, не выдерживалъ критики, (а выполненіе ихъ искупало всѣ недостатки, такъ какъ помѣщику предъявлялись очень большія требованія нравственнаго характера, за исполненіе которыхъ онъ отвѣчалъ передъ судомъ совѣсти), — такъ точно могло быть и съ «статистическимъ департаментомъ»; мы не знаемъ еще, какимъ образомъ Каразинъ думалъ проводить свою идею, какія *нравственныя требованія* предъявилъ бы онъ членамъ своего учрежденія. Однимъ словомъ, по существующимъ отрывкамъ мыслей, недосказанымъ фразамъ В. Н. Каразина нельзя категорично осудить его за проектъ «статистическаго департамента».

Н. Тургеневъ въ своемъ сочиненіи „La Russie et les Russes“ говоритъ, что иниціаторы *общества для облегченія крестьянъ* (разумѣя Воронцова, Меншикова) съ цѣлью «съ самаго начала» «отдѣлаться отъ помощниковъ, подобныхъ Каразину», за-

---

[1]) Въ Анашкинѣ.

явили, что цѣль общества—изысканіе способовъ къ постепенному освобожденію отъ рабства»... Намъ кажется невѣрнымъ заявленіе Тургенева, что можно было запугать В. Н. Каразина идеей освобожденія крестьянъ. Цѣль сельскихъ нововведеній Каразина было «*подготовленіе* крестьянъ къ освобожденію отъ крѣпостной зависимости». Крестьянскій проектъ Вас. Наз. назвалъ «патріотическимъ намѣреніемъ россіянъ [1]); а между тѣмъ въ подлинномъ заявленіи (имъ самимъ переписанномъ) стояло: «Цѣлью общества должно быть изысканіе способовъ къ улучшенію состоянія крестьянъ и къ постепенному освобожденію отъ рабства, какъ ихъ, такъ и дворовыхъ людей, принадлежащихъ помѣщикамъ, въ сіе общество вступающимъ» [2]). Вотъ еще одинъ документъ, неоспоримо доказывающій невѣрность показаній Тургенева и заявленія В. И. Семевскаго о непричастности В. Н. Каразина къ иниціативѣ созданія общества и о стремленіи учредителей отдѣлаться отъ Каразина (письмо гр. М. С. Воронцова къ В. Н. Каразину отъ 14 апр. 1820 г.): «Я *очень буду радъ встрѣтиться съ кн. Вяземскимъ у васъ*, также съ кн. Меньшиковымъ, гр. Комаровскимъ etc.. и ежели они на то согласятся, то я готовъ... При семъ еще разъ нужнымъ считаю сказать Вамъ, .. что я думаю войти только въ такое общество, которое будетъ имѣть въ предметѣ постепенное, но не слишкомъ тихое или отложное вдаль освобожденіе крестьянъ отъ рабства. Всякое другое общество, по моему мнѣнію, никакого добра не сдѣлаетъ, а россійскому дворянству нужно освободиться отъ нареканія, вездѣ намъ дѣлаемаго, что мы сопротивляемся столь священному и нужному подвигу» [3]).

---

1) „Русск. Стар." 1871 г. т. III стр. 20.

2) Тамъ же стр, 366. Тургеневъ вообще отрицательно относился къ В. Н. Каразину и далъ о немъ такой отзывъ: Il y a bien eu quelques sujettes russes, qui en écrivant a l'empereur, lui ont adressé non seulment des verités hardies, mais même des injures. J'ai connu deux exemples de ce genre. L'un est celui d'un Livonien (B...) qui, disait-on, avait la tête un peu troublée... L'autre exemple est celui d'un certain Karasine, homme d'un esprit inquiet, veritable brouillon («La Russie et les Russes» par N. Tourgueneff Paris 1847, т. I стр. 462—463 прим. 1).

3) Дубровинъ. „Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе императора Александра. Спб. 1883 г. стр. 253; письмо № 239. Удивительно, какъ г. Семевскій могъ привести *именно этотъ* документъ въ доказательство желанія участниковъ проектируемаго общества „отдѣлаться отъ Каразина"!

Съ мая мѣсяца вплоть до ноября Василій Назаровичъ занимался обработкой докладной записки государю. 17-го ноября 1820 года была окончена послѣдняя «тетрадь». Записка эта состояла изъ 7 «тетрадей», которыя Каразинъ немедленно представлялъ гр. Кочубею, по мѣрѣ написанія ихъ [1]). Это спѣшный, на скорую руку составленный и довольно безсвязный, лишенный всякаго плана трудъ. Какъ признавался самъ Каразинъ, трудъ свой онъ составилъ, пиша прямо «на бѣло», чѣмъ и объясняется разбитость предметовъ обсужденія. Тутъ перемѣшаны политическія воззрѣнія автора [2]), и описаніе злобы дня, и совѣты мѣропріятій [3]) для избѣжанія опасныхъ осложненій для Россіи, и оправданія своихъ дѣйствій [4]). Вотъ о чемъ, собственно, писалъ государю Каразинъ; при томъ главной задачей записки, судя по ея содержанію, да и по причинѣ ея возникновенія—«указать обстоятельства подробнѣе», было нарисовать картину неустройства въ государственной жизни. Послѣднее наиболѣе интересно, какъ матеріалъ для знакомства съ тогдашнимъ положеніемъ вещей и какъ свидѣтельство прямоты и гражданскаго мужества Василія Назаровича.

Прежде всего записка вооружается противъ религіозныхъ гоненій, поднятыхъ тогда. «Не только всѣ состоянія народа—пищетъ Каразинъ--но всѣ вѣроисповѣданія какъ будто нарочно оскорбляются и раздражаются въ такомъ государствѣ, которое съ незапамятныхъ временъ было образцомъ терпимости, и отъ имени такого государя, которому по сердцу его, мудрости и политикѣ свойственно быть примѣромъ общаго человѣколюбія». Въ подтвержденіе сказаннаго Каразинъ приводитъ цѣлый рядъ фактовъ, вродѣ высылки Буссе за напечатаніе лютеранскаго гимна, назначенія католическаго епископа противъ правилъ и желаній католиковъ, оставленія католическихъ епархій безъ епископовъ, конфискаціи духовныхъ имуществъ, запрещенія евреямъ держать христіанскую прислугу, могущаго служить только для «привязокъ

---

[1]) 22 октября 1820 г. Евгеній писалъ Анастасевичу: „Жаль В. Н—ча! Ему лучше отрясти прахъ Петербургскій отъ ногъ своихъ и удалиться опять въ Украину, гдѣ онъ славнѣе, нежели въ столицѣ. Кочубей только проводитъ его по-министерски, и я вѣрю критическому его спросу у Греча о немъ. Въ столицахъ насмѣшки убійственны для дарованій и для чувствительнаго сердца; а въ провинціи можно ихъ презирать". „Русск. Арх." 1889 г. т. II стр. 375.

[2]) Въ тетради первой, третьей, пятой, шестой и седьмой.

[3]) Въ тетради седьмой, третьей.

[4]) Третья тетрадь.

низшихъ чиновниковъ полиціи, которыхъ алчности подобный законъ можетъ каждый день давать пищу»,... (тетр. 1 и 2). Осудивъ религіозныя гоненія, записка возстаетъ и противъ покровительствовавшагося тогда мистицизма. Каразинъ категорически осуждаетъ «направленіе умовъ къ таинственности религіи вмѣсто простоты» и указываетъ на вредныя послѣдствія этого направленія [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вооружается противъ дѣятельности «Библейскаго общества», игравшаго тогда такую видную роль въ нашей общественной жизни. Онъ говоритъ: «легко доказать, что о сю пору уже могло быть напечатано болѣе книгъ св. писанія, нежели сколько есть грамотныхъ людей въ Россіи, которыхъ далеко не доходитъ до сотой доли народонаселенія. Съ остальными же экземплярами что дѣлать? Куда разойдутся, напр., 6000 экземпляровъ евангелія на нѣмецкомъ языкѣ и проч.»?.. Онъ возстаетъ противъ того чрезвычайнаго значенія, которое придавалось тогда распространенію библіи—въ чемъ видѣли спасеніе отъ всѣхъ бѣдъ. «Сіе чтеніе (библіи)—говоритъ Каразинъ—одно не умножаетъ добрыхъ нравовъ. Доказательствомъ тому наше духовенство, которое, по необходимости обращаясь съ библіей каждый день, есть одинъ изъ развращеннѣйшихъ классовъ народа... Ежели государь удостоитъ меня употребить къ составленію правдивой статистики имперіи, то, между прочимъ, сличивъ свѣдѣнія о числѣ преступниковъ до введенія сего подражанія англичанамъ, съ числомъ оныхъ послѣ (въ тоже число лѣтъ), надѣюсь доказать рѣшительно, что нравственность нисколько не поправилась сею мѣрою. Къ тому же въ это дѣло замѣшались корыстныя цѣли и злоупотребленія. Общество, или его комитетъ, имѣя о сю пору въ обращеніи капиталъ, который можетъ приносить вѣрныхъ процентовъ сто тысячъ рублей, если не болѣе, постоянно жалуется на недостатокъ средствъ... Однимъ изъ значительныхъ неудобствъ отъ учрежденія какъ сего библейскаго, такъ и человѣколюбиваго обществъ есть похищеніе капиталовъ изъ внутренности имперіи, которая и безъ того слишкомъ оными скудна въ сравненіи съ всепоглощающею столицею». Вмѣсто библіи Каразинъ рекомендуетъ распространить изданіе «Христіанскаго Нравоученія, книги превосходной, содержащей полный и простѣйшій курсъ морали для всѣхъ состояній и для всѣхъ случаевъ жизни, *словами самого священнаго писанія*»... Такая мѣра сильно содѣйствовала бы успокоенію народа, волнующагося при разныхъ слухахъ изъ Петербурга. Простые поселяне наши не знаютъ,

---

[1]) Вспомнимъ записку, поданную отдѣльно, для гр. Кочубея лично (16 апр. 1820 г.)

что думать, вслушиваясь, что въ Питерѣ (какъ они говорятъ) уставленъ какой-то соборъ, на которомъ старшимъ предсѣдателемъ *свѣтскій человѣкъ*, кн. Голицынъ, а на правой де и на лѣвой рукѣ отъ него засѣдаютъ и нашъ митрополитъ, и католицкой и всякіе нѣмецкіе архіереи и другіе чины. Этого де у насъ въ Руси и съ роду не бывало. «Вѣру де портятъ». «Чтеніе библіи не заставитъ (народъ) уважать спасительную и необходимую для него власть, коль скоро онъ однажды почтетъ себѣ позволительнымъ *подобныя* отступленія [1]). Далѣе Каразинъ указываетъ на «вредную систему, которую ввели иностранцы въ министерство финансовъ» и которая «ведетъ къ государственному банкротству, обогащая только спекулянтовъ»; на «вредное направленіе, которое взяло просвѣщеніе» (система Магницкаго и присныхъ ему); на «подрывъ привязанности къ начальству войска и народа, совершаемый разными путями» (это по поводу исторіи въ Семеновскомъ полку). Затѣмъ онъ подробно останавливается на злоупотребленіяхъ, царившихъ тогда въ морскомъ министерствѣ, рисуя яркую картину хищничества и запустѣнія. «Милліоны расхищаются безъ малѣйшей пользы для государства!»—восклицаетъ Каразинъ. Въ главномъ портѣ и докѣ—въ Кронштадтѣ—развалившіяся зданія и гніющіе корабли. Эскадра, на которую Петръ Великій возлагалъ такія надежды, «теперь, чтобы собраться, вынуждена заимствовать части оснащенія одного карабля для другого. За то матросовъ учатъ маршировать и тому подобнымъ штукамъ». Умѣлые матросы совсѣмъ выводятся; у офицеровъ нѣтъ охоты къ службѣ. Не въ лучшемъ видѣ, чѣмъ Кронштадскій, и другіе порты; «злодѣямъ, каковъ Кабрановъ, приходитъ на мысль адресоваться турецкому министерству съ предложеніями предать сіи порты»... «Коли Иванъ Ивановичъ еще лѣтъ пятокъ пробудетъ министромъ, то русскій флотъ совсѣмъ рухнетъ». Отношенія помѣщиковъ, даже людей вліятельныхъ и интеллигентныхъ, къ крестьянамъ самое ужасное: «многія тысячи народа, запроданныя какъ рабочій скотъ подрядчикамъ, вопіютъ къ небу и, вспоминая своихъ несчастныхъ женъ и дѣтей, оставленныхъ за семьсотъ и болѣе верстъ на скудныхъ нивахъ въ одиночествѣ, со слезами безславятъ имя государя». «Помѣщики витебской губерніи—графъ Борхъ, Платеръ, Шадурскій, Михельсонъ и Шишкинъ, могилевской—графъ Сологубъ, князь Любомирскій, Кроіеръ (картежникъ и любимецъ графа М.) отдаютъ своихъ крестьянъ подрядчикамъ на цѣлое лѣто... въ работѣ на дорогахъ въ здѣш-

[1]) Третья тетрадь. Оправданіе честности своихъ дѣйствій.

ней губерніи, получая по 110 руб. за человѣка; кормить ихъ должны подрядчики, чѣмъ заблагоразсудится, а покоить подъ открытымъ небомъ!») [1]. Указывая на подобныя безобразія, не стѣсняясь выдавать имена совершителей беззаконій, Каразинъ съ каждой запиской становился все смѣлѣе и смѣлѣе. Въ послѣднихъ запискахъ смѣлость эта достигаетъ невѣроятнѣйшей степени; такъ рѣдко кто осмѣлился бы дѣйствовать теперь, какъ «говорилъ правду» государю Каразинъ тогда.

Причиной, побудившей Каразина на отчаянный конецъ записокъ, была защита возмущенія солдатъ Семеновскаго полка въ ночь съ 16 на 17 октября, кончившаяся тѣмъ, что весь полкъ оказался въ Петропавловской крѣпости. «Въ донесеніи командовавшаго гвардейскимъ корпусомъ генералъ-адъютанта Васильчикова было сказано, что единственною причиною происшествія въ Семеновскомъ полку—командиръ его, полковникъ Шварцъ: нижніе чины были выведены изъ терпѣнія неблагоразумнымъ и неосторожнымъ поведеніемъ съ ними» [2]). Приказомъ отъ 2-го января 1820 г. полкъ былъ раскассированъ по разнымъ мѣстамъ Россіи, преимущественно на Кавказъ, гдѣ долженъ былъ погибнутъ въ битвѣ съ горцами, офицера—по разнымъ полкамъ. Шварцъ былъ отданъ подъ судъ, но не за свою жестокость, а «за неумѣнье поведеніемъ своимъ удержать полкъ въ должномъ повиновеніи». Отношеніе къ семеновцамъ государя было весьма неблагосклонное, ибо онъ былъ вовсе не согласенъ съ мнѣніемъ Васильчикова. «Царь полагаетъ—писалъ съ его словъ Меттернихъ—что должна быть какая-нибудь причина для того, чтобы 3000 русскихъ солдатъ рѣшились на поступокъ, такъ мало согласующійся съ народнымъ характеромъ. Онъ доходитъ до того, что воображаетъ, что никто иной какъ радикалы устроили все это, чтобы *застращать* его и принудить возвратиться въ Петербургъ. То же самое писалъ государь и Аракчееву; въ возмущеніи онъ видѣлъ только средство напугать его и дѣйствіе либеральной партіи:... «никто на свѣтѣ меня не убѣдитъ чтобы сіе происшествіе было вымыслено солдатами или происходило единственно, какъ показываютъ, отъ жестокаго обращенія съ оными полковника Шварца. Онъ былъ всегда извѣстенъ за хорошаго и исправнаго офицера и командовалъ съ честью полкомъ. Отчего же вдругъ сдѣлаться ему варва-

---

[1]) Тетрадь 4-я подана 4 іюня 1820 г.

[2]) „Шильдеръ" „Императоръ Александръ I" т. IV стр. 184.

ромъ? По моему убѣжденію тутъ кроются другія причины. Внушеніе, кажется, было не военное, ибо военный умѣлъ бы заставить ихъ взяться за ружье, чего никто изъ нихъ не сдѣлалъ, даже тесака не взялъ... Я заключаю, что тутъ было внушеніе чуждое, но не военное... Я его приписываю тайнымъ обществамъ, которыя по доказательствамъ, которыя мы имѣемъ, въ сообщеніяхъ между собою и коимъ весьма непріятно наше соединеніе и работы—въ Троппау. Цѣль возмущенія, кажется, была испугать». Такъ относился государь къ Семеновской исторіи... Василій Назаровичъ садится и пишетъ оправданіе «бунтовщикамъ», говоря, что возмущенію нельзя придавать значенія; «оно не такъ страшно», что, напротивъ, въ немъ только высказывается «благороднѣйшій характеръ безподобнаго русскаго народа», что «сопротивленіе власти было только отрицательное, то есть одно то, которое христіанскій законъ дозволяетъ въ крайнихъ случаяхъ», ибо «съ прекраснымъ полкомъ было поступлено безъ снисхожденія». «Жалобы были приносимы неоднократно,—писалъ Вас. Наз. Наконецъ они рѣшились по-ротно просить объ удаленіи начальника. Никто изъ такого множества людей не имѣлъ при себѣ оружія, никто не произнесъ ни слова, которое могло бы имѣть значеніе угрозы. Первую роту обманомъ залучили и взяли въ крѣпость. Прочіе, даже и симъ не оскорбляясь, добровольно пошли за нею—въ однихъ шинеляхъ—желая раздѣлить наказаніе за общую вину. Какая черта среди безпорядка противъ дисциплины!.. О народъ единственный! Я становлюсь предъ тобою на колѣни; слезы наполняютъ глаза мои. Я горжусь тѣмъ, что къ тебѣ принадлежу [1])! Какъ могло подѣйствовать на государя, «въ конецъ запутаннаго гидрой безначалія», положившаго задачей жизни подавленіе всякаго сопротивленія власти, подобное оправданіе факта, говорить излишне. Мало того, послѣднія тетради Каразина, какъ мы говорили, дышали прямо вызывающе. Въ разрѣзъ направленію государя Каразинъ негодуетъ: «Боятся дать поводъ разсуждать о взаимныхъ отношеніяхъ правительства и народа. Полиція съ жезломъ въ рукахъ, цензуры—духовная и гражданская—съ затворами для словъ и мыслей поставлены на стражѣ... Едва вѣроятно, что у насъ по сей части происходитъ! Глубокимъ молчаніемъ даютъ поводъ разсѣевать самыя вздорныя, самыя вредныя начала; между тѣмъ какъ правительство противорѣчіемъ самому себѣ по временамъ показываетъ, какъ *будто не имѣетъ никакихъ»* [2]). Въ то время, какъ государь приписывалъ дѣйствіямъ

---

[1]) „Русск. Стар.“ 1871 г. т. III стр. 16—17.
[2]) „Русск. Стар.“ 1771 г. т. III стр. 30.

тайныхъ обществъ стремленіе «застращать», «напугать его и тѣмъ отвлечь его отъ работы за границей въ Троппау, Каразинъ прямо заявляетъ, что скоро въ Россіи начнутся движенія, если только не будетъ приступлено къ внутреннимъ реформамъ: «благородное наше юношество и народъ, который также уже выходитъ изъ дѣтскаго возраста, стоятъ въ настоящее время въ самомъ опасномъ распутіи. Одно мгновенье—и они пойдутъ на тотъ или другой путь невозвратно!.. *Не самовластныя мѣры, не подслащенныя слова, не тонкости французской полиціи* тутъ потребны—все это даетъ совсѣмъ противный оборотъ дѣлу!—но честность, строгая честность (loyalité), систематическій планъ, основанный на началахъ христіанскаго монархическаго направленія»!.. «Не всѣмъ вѣрьте поклонамъ и рѣчамъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ государю, которыми васъ встрѣчаютъ губернаторы, которые, можетъ быть, говорятъ: «все еще благополучно, все еще по прежнему!» Великая перемѣна произошла и переходитъ въ умахъ. Множество причинъ на сіе дѣйствуетъ, и день онъ яко тать пріидетъ! Правительство само способствуетъ тому всеусильно»... Высказывая подобныя отчаянныя мысли, Каразинъ самъ предсказалъ ожидающія его за нихъ несчастья. «Моя участь должна быть или ссылка за Байкалъ, *пока еще ссылать можно*,—не могъ не погрозить опять онъ,—или смерть съ оружіемъ въ рукахъ при защищеніи послѣдняго входа къ комнатамъ государевымъ» [1]). Но въ искренность и преданность Вас. Н—ча государь давно уже не вѣрилъ; въ томъ поддерживали его и окружающіе. Каразинъ,—писалъ имп. Александру Васильчиковъ,—самый опасный человѣкъ: онъ уменъ и подъ личиной безграничной преданности къ особѣ вашего императорскаго величества можетъ служить нашимъ врагомъ болѣе, чѣмъ другіе» [2]). Опасенія Каразина за свою судьбу сбылись. Въ довершеніе записки его, новый случай, доказывая справедливость заявленія, какъ бы помогалъ несчастію Василія Назаровича.

Одновременно съ Семеновской исторіей подкинуто было на дворѣ Преображенскихъ казармъ воззваніе отъ Семеновскаго полка къ Преображенскому, призывавшее преображенцевъ встать на защиту товарищей, убить государя и проч. [3]). Прокламація оканчи-

---

1) „Русск. Стар.“ 1871 г, т. III стр. 19.

2) Письмо отъ 26 ноября 1820 г. «Русскій Архивъ» 1875 г. т. II, стр. 326—327.

3) См. письмо Кочубея къ Дибичу отъ 16 іюля 1826 г. Шильдеръ Императоръ Алекс. I, т. VI, прилож. 10.

валась словами: «спѣшите слѣдовать сему плану, и я къ вамъ явлюсь по зачатіи сихъ дѣйствій. Любитель отечества и сострадатель несчастныхъ. Единоземецъ» [1]). Прокламація страшно встревожила всѣхъ правящихъ лицъ. Бросились разыскивать виновнаго. Оказалось, что онъ безпрепятственно ходилъ по казармамъ и читалъ свое воззваніе. Агентъ тайной полиціи Фогель [2]), сличивъ почеркъ подброшенной бумаги и Каразинскій, заподозрилъ Вас. Наз—ча. Оригинальный способъ выраженія Каразина, бросившійся, можетъ быть, въ глаза тѣмъ сильнѣе, что въ то же время была имъ подана Кочубею записка, обратилъ на него вниманіе. Отъ государя, освѣдомленнаго о происшествіи, прискакалъ 25 ноября курьеръ въ Петербургъ съ инструкціей Кочубею относительно Каразина. Кочубей прочелъ инструкцію и, какъ заявилъ въ письмѣ къ государю, «не нашелъ никакого мотива, который могъ бы отдалить его (Каразина) «арестъ». 26 ноября Васильчиковъ доносилъ государю, что «за Каразинымъ слѣдитъ полиція» [3]). Того же числа Каразина арестовали. Арестъ этотъ былъ обставленъ большими предосторожностями. «Я—писалъ Кочубей къ государю 26 ноября,—сговорился съ военнымъ губернаторомъ. Боясь не застать Каразина на квартирѣ въ теченіе дня, потому что его довольно часто не бываетъ дома, и такимъ образомъ доставить ему средства принять прямыя или косвенныя мѣры для того, чтобы удалить на сторону или даже уничтожить свои бумаги, мы согласились съ гр. Милорадовичемъ на томъ, что сегодня вечеромъ, между 4 и 5 часами, онъ будетъ приглашенъ къ нему, арестованъ и тотчасъ же отправленъ въ Шлиссельбургъ, между тѣмъ какъ въ это же время генералъ Горголій съ полицейскимъ чиновникомъ захватятъ его бумаги, приложатъ къ нимъ печати и доставятъ ихъ ко мнѣ. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, я не только не обращусь къ лицу, которое ваше величество мнѣ указали въ качествѣ сторонняго свидѣтеля при разсмотрѣніи

---

[1]) Чириковъ цитируетъ изъ письма къ государю кн. NN (не разобрано): «Воззваніе, подоброшенное въ казармы Семеновскаго полка было написано на очень толстой бумагѣ вродѣ пергамента славянскимъ шрифтомъ. Содержаніе бумаги заключалось въ призваніи убить государя и все въ государствѣ передѣлать заново. По собраннымъ губернаторомъ свѣдѣніямъ узналъ, что человѣкъ, подбросившій бумаги, высокаго роста съ черными волосами, одѣтъ въ венгерку. Проповѣдывалъ свое воззваніе очень открыто; но несмотря на всѣ усилія полиція найти его не могла» (Историч. Арх. Харьк. ун-та).

[2]) «Русск. Авх». 1875 г., т. II, 327—329.

[3]) «Русск. Арх.» 1875 г. т. II, стр. 326.

этихъ бумагъ, но и постараюсь, несмотря на необходимость и слишкомъ большую массу бумагъ, не допускать къ этому никого изъ чиновниковъ. Я предложу графу Милорадовичу вскрыть пакеты вмѣстѣ со мною и сообща сдѣлать обозрѣніе ихъ содержимаго. Надѣюсь, государь, прежде чѣмъ запечатать это письмо, донести вамъ, что Каразина болѣе здѣсь нѣтъ. Не могло существовать никакого препятствія къ его отсылкѣ въ Шлиссельбургъ, и я надѣюсь, какъ и ваше величество, что для него тамъ болѣе подходящее мѣсто, чѣмъ въ равелинѣ Петербургской крѣпости» [1]). Въ шесть часовъ вечера того же дня Кочубей приписалъ къ своему письму: «Сейчасъ я получилъ извѣстіе, что Каразина уже нѣтъ въ городѣ. Офицеръ, который его сопровождалъ до заставы, явился ко мнѣ дать въ томъ отчетъ; теперь приступаютъ къ овладѣнію его бумагами [2]). Изъ описи бумагъ Каразина [3]) видно; что въ числѣ найденныхъ проектовъ былъ проектъ объ основаніи «общества добрыхъ помѣщиковъ, друзей отчизны», затѣмъ «записка въ разсужденіи общественнаго просвѣщенія», записка о злоупотребленіяхъ въ продажѣ питей, записка, или, какъ она названа въ оффиціальной бумагѣ, «мечтанія» о какомъ то новомъ образѣ провинціальнаго правленія; рядомъ съ этими «мечтаніями» шла «записка о необходимости монархическаго правленія» и письмо неизвѣстнаго о винныхъ промыслахъ въ Бѣлоруссіи»... «Изъ того же списка бумагъ Каразина мы видимъ, что онъ писалъ какое то письмо къ самому государю для Пукалова, какъ извѣстно, имѣвшаго сильное вліяніе на всемогущаго уже въ то время графа Алексѣя Андреевича Аракчеева; съ княземъ Вяземскимъ и графомъ Шуваловымъ Каразинъ состоялъ въ перепискѣ; у петербургскаго военнаго губернатора Милорадовича бывалъ въ домѣ»... Нашлись у Каразина *«записки весьма важныя»*, но каково было ихъ содержаніе—не знаемъ, ибо реестра имъ въ свое время сдѣлано не было [4]). Между прочимъ любопытенъ документъ, характеризующій возбужденное состояніе Каразина послѣ семеновской исторіи. Въ одномъ изъ петербургскихъ домовъ Каразину дали на прочтеніе стихи такого содержанія:

---

[1]) Д. П. Миллеръ «Арестъ и ссылка В. Н. Каразина. «Историч. Вѣстн.» апр. 1900 г., стр. 1050—1051.

[2]) «Шильдеръ». «Александръ I», т. VI, прилож. IX. 3.

[3]) Хранящейся въ дѣлахъ военно-ученаго архива главнаго штаба (Ист. Вѣстн. 1900, апр., стр 1048).

[4]) Д. П. Миллеръ «Арестъ и ссылка В. Н. Каразина». «Истор. Вѣстн.» 1900 г. апр., стр. 1048—1049.

«Ну, ребята, чуръ дружнѣе
За товарищей стоять:
Съ злымъ начальствомъ жить тошнѣе,
Отъ него чѣмъ почивать.
Полно, полно! ужъ доколѣ
Намъ на сихъ тварей смотрѣть?
Лучше быть солдатомъ въ полѣ,
Чѣмъ ихъ глупости терпѣть.
Намъ къ терпѣнью-ль пріучаться
Стужу, голодъ преносить?
Но съ друзьями лишь разстаться...
Ахъ, что жъ дѣлать: какъ же быть?» [1]).

Попались эти стихи Каразину нѣсколько дней спустя послѣ 17 октября, а авторомъ ихъ, какъ ему сказали, былъ какой-то полковникъ. Каразинъ тотчасъ же препроводилъ бумагу къ Кочубею съ слѣдующимъ письмомъ: «Испытайте, сіятельнѣйшій графъ! нарочно помолчать о сей бумагѣ, не давая о ней приказанія чиновнику особенной вашей канцеляріи, чтобы увидѣть, сколь скоро будетъ донесено о ней оффиціально, и удостовѣриться, что правительство позже всѣхъ обыкновенно извѣщается о подобныхъ вещахъ». Бумажка, которой придалъ такое важное значеніе Каразинъ, оказалась вздоромъ. По разслѣдованію, произведенному Кочубеемъ, оказалось, что возмутительные стихи шли совсѣмъ не оттуда, откуда ихъ предполагали; въ академіи художествъ былъ «une espèce d'insurrection d'écoliers», вызванный излишней экономіей начальства въ отношеніи ученическаго стола: нѣсколькихъ учениковъ исключили, и вотъ кто-то изъ оставшихся или исключенныхъ безграмотными стихами побуждалъ будущихъ художниковъ «дружнѣе за товарищей стоять», хотя бы съ рискомъ попасть подъ красную шапку [2]). Подозрѣніе виновности

---

[1]) Д. П. Миллеръ «Арестъ и ссылка В. Н. Каразина». Историч. Вѣстн.» апр. стр. 1090—1049.

[1]) Д. И. Миллеръ «Арестъ и ссылка В. Н. Каразина», «Истор. Вѣстн.» апр. 1900 г., стр. 1850. Д. П. Миллеръ, опубликовывая последнее свѣдѣніе, указываетъ на то, что Каразинъ «придаетъ важное значеніе пустой и безграмотной бумажкѣ», объясняя этотъ фактъ тѣмъ, что Вас. Наз. къ этому времени значительно измѣнился, что «на основателѣ Харьковскаго университета успѣлъ уже въ достаточной мѣрѣ отразиться и 50-тилѣтній возрастъ, и общій духъ времени». Мы въ свою очередь не раздѣляемъ подобнаго взгляда на «перемѣну» Каразина настолько, чтобы «духъ времени» оказалъ на него замѣтное вліяніе. Судя по запискѣ 1820 г. и 1801 г. къ государю, политическіе

Каразина въ семеновской исторіи, по изслѣдованіи его бумагъ, не подтвердилось. Кочубей, производившій дознаніе и приказавшій арестовать Каразина, почти навѣрное можно сказать, не считалъ его авторомъ прокламаціи. Въ томъ же письмѣ государю Кочубей, говоря, что открытіе автора пасквиля предметъ величайшей важности, продолжаетъ: «Всѣ средства были для того употреблены, но безполезно»...: «Ваше Величество легко убѣдитесь, что розыски по столь важному дѣлу могли вестись только съ величайшей осторожностью. Нужно было хранить тайну относительно существованія такого документа. Малѣйшая гласность возбудила бы общее безпокойство, а авторамъ дала бы поводъ радоваться, что документъ въ рукахъ правительства, и надѣяться, что оно увлечется ложными мѣрами, въ то время какъ его ролью должно быть видимое безстрастіе, малѣйшій слухъ объ этой бумагѣ заставилъ бы работать головы полицейскихъ чиновниковъ, которые въ надеждѣ на награду могли бы поднять цѣлыя исторіи и отдалить истину отъ правительства. Руководясь этими соображеніями, я просилъ военнаго губернатора спрятать эту бумажку какъ можно дальше и никому о ней ни слова. Такъ и сдѣлали, а полицейскимъ чиновникамъ сказали только о толкахъ, будто бы ходитъ въ публикѣ какая то бумажка и т. д., и этого одного было достаточно, чтобы дать толчокъ изобрѣтательности нѣкоего флейтиста и полкового писаря. Я не предвижу, государь, никакой возможности, исключая какого-нибудь счастливаго случая, открыть что-нибудь болѣе точное относительно этого пасквиля. Что бы я не далъ или не сдѣлалъ, чтобы этого добиться!» [1]) Государь тоже не былъ увѣренъ въ виновности Каразина; изъ донесенія Кочубея барону Дибичу 16-го іюля 1826 г. видно, что «государь императоръ сомнѣвался по многимъ другимъ бумагамъ Каразина, что пасквиль, дѣйствительно, могъ быть имъ написанъ» [2]).

идеалы и стремленія остались у Каразина въ существенныхъ чертахъ одинаковы, а то, что онъ былъ взволнованъ стихами, не можемъ считать удивительнымъ, если сообразоваться съ безпокойнымъ настроеніемъ всего общества, по поводу солдатскихъ волненій, которое приписало даже и стихи *полковнику*, и поразительнымъ сходствомъ мысли стиховъ съ совершавшимися событіями.

[1]) Ист. Вѣстн. 1900 г. апр., стр. 1051—1052.

[2]) Шильдеръ. «Импер. Алекс. I», т. IV. стр. 545. Также говоритъ Магницкій «Русск. Стар.» 1899 г. XCVII, стр. 295.

Что касается самого В. Н. Каразина, то онъ, повидимому, не ожидалъ ареста, не смотря на то, что говорилъ въ 7-ой тетради записки Кочубею о горькой своей участи въ Сибири. Изъ писемъ митр. Евгенія видимъ, что въ ноябрѣ Василій Назаровичъ собирался пріѣхать въ гости къ нему въ Псковъ [1]). Въ примѣчаніи къ изданному въ 1829 г. VI тому Актовъ филотехническаго общества В. Н. Каразинъ упоминаетъ, что «рукопись этихъ актовъ (первыя 21 стр.) была назначена для публичнаго чтенія *въ тотъ самый день,* столько достопамятный въ моей жизни», Примѣчаніе подъ датой: 26-го ноября 1820 года.

Тѣмъ не менѣе дѣло о Каразинѣ шло своимъ порядкомъ. Его привезли въ Шлиссельбургъ, допросили и заперли въ крѣпость. Все было сдѣлано въ строжайшей тайнѣ; даже близкіе къ Каразину лица ничего не знали точнаго о постигшемъ его несчастіи и причинѣ того [2]).

---

[1]) Какъ обрадовали вы меня обѣщаніемъ посѣтить меня съ В. Н. зимою!—писалъ митрополитъ Евгеній Анастасевичу 6 сент. 1820 г. Братъ родной вамъ не былъ бы такъ радъ. Теперь пусть пока В. Н. насыщается богатою—и не диво—библіотекою императрицы и загороднымъ воздухомъ»; и въ письмѣ отъ 5 ноября: „Буду ждать васъ на святки. Есть ли В. Н. съ вами не поспѣетъ, то я вамъ заплачу и всѣ прогоны. Рус. Арх. 1889 г. т. 2, стр. 367 и 377.

[2]) Такъ Карамзинъ писалъ Милорадовичу 28 ноября 1820 года: „Вчера сказывали мнѣ, что В. Н. Каразинъ задержанъ, и бумаги его взяты полиціею, а причина неизвѣстна. Жалкій человѣкъ! не могъ жить спокойно, и все чего-то добивалси. У него жена и много дѣтей. Это грустно. Думаю, что вина его состоитъ изъ какой-нибудь дерзости: не написалъ ли опять письма безразсудочнаго»... Евгеній писалъ Анастасевичу 6 дек. 1820 г.: «Вѣсть ваша о В. Н. меня крайне удивила. Но ему давно сего ждать нужно надлежало за энтузіастическія, даже до фанатизма, декламаціи политическія. Политикоманія есть также родъ помѣшательства, и «Екатерина II въ завѣщаніи своемъ, совѣтуя одобрять всѣ дарованія, не совѣтуетъ терпѣть политическихъ писателей, больше возмущающихъ, нежели вразумляющихъ народы. Въ бумагахъ его найдутъ, можетъ быть, многихъ, подобныхъ ему»... «Не перехвачены-ли его письма въ Украйну или куда въ др. мѣста? А за статью о смертности мало бы привязки. Впрочемъ, думаю, все кончится продержаніемъ нѣсколькихъ недѣль и высылкою изъ столицы. Этотъ примѣръ учитъ всѣхъ остерегаться въ политическихъ умствованіяхъ. На что мѣшаться въ дѣла, намъ не порученныя. Поле наукъ такъ велико, что и безъ политики можно всякому найти себѣ мѣсто. А нынѣ со всѣхъ сторонъ времена лукавы. Когда пріѣдете ко мнѣ на святки, то наговоримся больше. Правду сказать, я и не надѣялся пріѣзду В. Н. (Русск. Арх. 1889 г. т. II, стр. 385—386). И въ письмѣ отъ 17 дек. 1820 г.:

Заключеніе Каразина продолжалось *шесть мѣсяцевъ*. Въ продолженіе этого времени даже не знали о мѣстѣ его заключеченія[1]). «23 апр. 1821 г. въ первый разъ впустили ко мнѣ струю свѣжаго воздуха, и я писалъ оскорбительный допросъ въ полдень при свѣчахъ, ибо такъ свѣтло было мое жилище!»—писалъ Вас. Наз. о своемъ освобожденіи князю П. М. Волконскому[2]). Черезъ нѣкоторое время Каразинъ съ фельдъегеремъ Марковичемъ былъ отправленъ въ Харьковъ, куда и прибылъ 2-го іюня[3]). Слободско-украинскій губернаторъ Муратовъ доносилъ о томъ такъ[4]): «Высочайше ввѣренной управленію моему Слободско-украинско губерніи Богодуховскаго уѣзда, помѣщикъ статскій совѣтникъ Вайсилій Каразинъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1821 г. по высочайшему повелѣнію доставленъ ко мнѣ изъ Шлиссельбурга съ нарочнымфельдъегеремъ съ опредѣленіемъ ему непремѣннаго пребыванія въ помѣстьѣ его Богодуховскаго уѣзда въ селѣ Кручикѣ и съ поя ученіемъ мнѣ имѣть неослабное наблюденіе, чтобы онъ никудне уѣзжалъ, обращая вниманіе и на людей, съ коими онъ буадетъ имѣть сношеніе, и чѣмъ самъ будетъ заниматься. Высочайшее повелѣніе о семъ сообщено мнѣ было отъ начальника главнаго штаба Его императорскаго величества, князя Петра Михаиловича Волконскаго и потомъ повторено отъ генералъ-отъартиллеріи графа А. А. Аркачеева съ объявленіемъ высочайшей воли, чтобы я доносилъ обо всемъ, заслуживающемъ вниманія въ отношеніи поступковъ и дѣяній его». О состояніи В. Н—ча въ это время свидѣтельствуетъ два письма на имя упомянутаго князя

„Жаль В. Н.! Но и это утѣшно, что его бумаги у кн. (т. е. у кн. А. Н. Голицына), а не у другого кого позлѣе. Можетъ быть все кончится побранкою и высылкою. Впредь не будетъ пускаться въ мечты (Тамъ же стр. 387).

[1]) 20 декабря Карамзинъ писалъ тому же Малиновскому: „О Каразинѣ извѣстно то, что онъ скрылся отъ глазъ людей: не сидитъ-ли онъ въ Шлиссельбургѣ? Говорятъ за дерзкое письмо. Ему запрещено было писать: не послушался. Жалки жена и дѣти. Надѣюсь, что добрый государь умилосердится надъ безразсуднымъ"; и 10 марта: „О К-нѣ ничего не слышно. Даже не говорятъ о немъ. (Ник Мих. Карамзинъ, по его сочиненіямъ, письмамъ и отзывамъ современниковъ. М. Погодинъ т. II. Москва 1866). Въ письмѣ къ Дмитріеву Каразинъ названъ *каррикатурой* вслѣдствіе шутки Дмитріева (Письма Карамзина къ Дмитріеву изд. Гротомъ и Пекарскимъ, стр. 302 и прим. 264).

[2]) 2-го іюня 1821 г. „Историч. Вѣст." апр. 1900 г. стр. 1053.

[3]) Тамъ же стр. 1052.

[4]) 1-го марта 1826 „Русск. Стар." 1900 г, іюль 153.

П. М. Волконскаго, который, надо заключить, сочувственно относился къ освобожденному, написанныя тогда же 2-го іюня: «Свѣтлѣйшій князь!.. Пользуясь симъ случаемъ, вѣроятно, первымъ и послѣднимъ, хотя едва-едва въ рукахъ перо держать могу, чтобы увѣрить вашу свѣтлость въ томъ, что сохраню по гробъ чувствованія къ вамъ душевнаго глубокаго почтенія и преданности, которыя ваши достоинства въ меня вселили. Простите и порадѣйте обо мнѣ когда-нибудь». Другое письмо, писанное, какъ видно изъ помѣтки, въ 10 часовъ вечера того же дня, гораздо пространнѣе»: «Сіятельнѣйшій князь! Послѣ шестимѣсячнаго заключенія въ ужасномъ мѣстѣ и тяжкаго пути на почтовыхъ телѣгахъ, который не отвѣтствовалъ ни лѣтамъ моимъ, ни привычкѣ, я едва живой довезенъ до Харькова и первыя минуты употребляю на то, чтобы принести вашему сіятельству глубочайшую сердечную благодарность за содѣйствіе къ облегченію моей участи Въ чемъ оная будетъ теперь состоять,— я еще не знаю. Все мое существо раздавлено и раздроблено. Имѣлъ я добрую жену и семерыхъ дѣтей,—не знаю, гдѣ они и когда съ ними увижусь. Имѣлъ доброе имя, лишили его невозвратно. Имѣлъ маленькое состояніе,—оно, вѣроятно, должно исчезнуть, ибо мои кредиторы, пользуясь моимъ униженіемъ, заставятъ продать его за безцѣнокъ. Я думаю, что въ несчастные эти шесть мѣсяцевъ заемныя письма и закладныя предъявлены, и мнѣ не дадутъ никакой пощады. Сжальтесь надъ бѣднымъ моимъ имуществомъ, добродушнѣйшій князь! Исходатайствуйте мнѣ у монарха позволенія написать послѣднее письмо въ собственныя руки его императорскаго величества. Я не ропщу на жребій мой, точно такъ, какъ не роптаъ, дышавъ гнилыми парами каземата до 23 апрѣля»... «Не ропщу, сіятельнѣйшій князь, но благословляю и лобзаю руку, поразившую меня. Со всѣмъ тѣмъ я имѣю нужду успокоить мою совѣсть, не бывши увѣренъ въ дольшемъ продолженіи моей жизни. Я почитаю себя обязаннымъ предъ Богомъ и государемъ представить мой поступокъ съ истинной точки зрѣнія, дабы испросить не себѣ, но несчастному моему семейству, нѣкоторую пощаду, нѣкоторую помощь. P. S. Простите безобразію сего письма: оно отвѣчаетъ моему душевному и тѣлесному состоянію [1]).

4-го іюня, какъ явствуетъ изъ рапорта Муратова, съ тѣмъ же Марковичемъ отправленнаго въ Петербургъ, Каразинъ былъ уже

---

[1]) Д. П. Миллеръ „Арестъ и ссылка В. Н. Каразина“ „Историч. Вѣст.“ апр. 1900 г. стр. 1052—1053.

доставленъ съ полицейскимъ чиновникомъ въ свой Кручикъ [1]). Муратову было приказано строго слѣдить за перепиской Каразина, которая допускалась только черезъ посредство губернатора, а нѣсколько времени спустя Каразину было воспрещено издавать въ свѣтъ всякое литературное произведеніе.

Н. Тихій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

[1]) „Историч. Вѣстн." апр. 1900 г. стр. 1053. (Свѣдѣнія изъ военно-уч. арх).

[2]) „Русск. Стар.", іюль 1900 стр. 153.

НІОБА.

(Новеля).

1) Братія!
Хочъ бы я говорывъ всима людськымы и янголськымы мовамы, та не мавъ бы любовы, то бувъ бы я мидію що звеныть, або кымваломъ що бренчыть.

2) И хочъ бы я мавъ пророцтва даръ, и знавъ бы вси таемныци, и тямывъ вси знаття, и якъ бы мавъ всю ту виру, що навить горы переставовляе, та немавъ бы любовы, то бувъ бы ничымъ.

3) И хочъ бы роздавъ я вси свои маетки и хочъ бы тило свое виддавъ спалыты, а любовы немавъ бы, то не булобъ мени корысти ніякои.

4) Любовъ довго терпыть, мылосердя мае, любовъ не заздрыть, любовъ не пышается, не гордуе.

5) Не осоромлюе, не допомынается свого, не роздражнюется, не мыслыть зла.

6) Не радіе зъ неправды, а радіе зъ правды.

7) Вона все любыть, всёму виры діймае, на все вповае, все терпыть.

8) Любовъ николы не впадае, хочъ бы и пророцтва пересталы, хочъ бы

и мовы замовклы, хочъ бы и знаття затратылыся.

9) Бо мы тильки частково знаемо и частково пророкуемо.

10) Покы я бувъ дытыною, то говорывъ якъ дытына и думавъ якъ дытына, и миркувавъ якъ дытына; якъ ставъ дорослымъ,— видкынувъ дытяче.

11) А якъ прыйде довершене, тоди все часткове непотрибне буде.

12) Адже мы теперъ бачымо немовъ ворожачи насвидачи, тоди-жъ— око въ око; теперъ я розумію частково, а тоди пизнаю все такъ, якъ и мене самого пизнано було.

13) Теперъ же зостаются вира, надія, любовъ, тры ихъ, але найбильша зъ ныхъ—любовъ.

(Лыстъ апостола Іоана до Корынтейцивъ, глава 13).

ГЛАВА I.

Пани Анна Яновычъ, симдесятьсимлитня вдова по унiятскимъ пароху, въ цилій околыци загально шанованимъ, не пережыла ще а-ни однои недили правдыво святочно, видколы перейихала зъ села до свого сына въ мисто.

И ныни, хотя й зновъ недиля, день вже для неи попсованый, безъ настрою до мольбы, и нею заволодило якесь чудне несупокійне почування. Вона не молылася, хочъ уже йшло до полудневои поры, и вона зранку шептала молытвы; доси все вона неначе боролася зъ рижнымы думкамы и спогадамы. Що ій тутъ не ставало и видбырало звычайнои ривновагы—бувъ бракъ сельского супокою и малыхъ дрибныхъ дзвонивъ сельскои церковци, до котрыхъ була звыкла зверхъ пятьдесять рокивъ. Хочъ и якъ на самоти и въ злыдняхъ прожывала вона тамъ свои дни зъ своимъ молодшымъ сыномъ пьяныцею... безъ чоловика, и прочыхъ своихъ дитей,—то все-жъ такы, колы настала недиля, або

свято, вона це тамъ скорше знала и инакше себе почувала. Тогди и могла намолытыся до воли, передъ полуднемъ и по обиди, за всихъ своихъ помершыхъ и жывыхъ дитей, котрыхъ разомъ було у неи багато, стилько, якъ чысло св. апостоливъ, и котрыхъ всихъ любыла однаково, гордылася и любувалася ными, а иноди бувала за ныхъ така сыльна и видважна, що, здавалося, була-бъ и зъ самою судьбою ставала до борбы, щобъ имъ лыше добра здобуты. Лыше колы невыдыме горе, а то невмолыма смерть ставала за ихъ плечыма, вона не могла ничого вдіяты и хылыла покирно голову, пересвидчывшись, що тутъ буде всяке іи старання безнадійне, и скинчытся тымъ, передъ чымъ вона якъ разъ потерпала.

Сёгодня була роздражнена и безъ настрою, сылкувалася спійматы спомежы голосивъ дзвонивъ дзвинъ церквы, до котрои належала вона, однакъ дарма. Межъ дзвоны, що утрымовала за «свои», тыснулыся до іи слуху и дзвоны церквы православнои, тамъ зновъ протестантскои, тамъ зновъ католыцького костела, и наклыкувалы на неи почуття, неначебъ щось непрошене тыснулося въ іи душу и выпывало супокій, котрого вона потребувала. Мижъ тымъ якъ дзвоны подражнювалы іи душу, згадала вона своихъ дитей.

«Вси воны»,—перетягнулося болизно тремтячи кризь іи душу—«вси дванадцятеро»...

Вона мымоволи похылыла голову нызько на груды, и почала молытыся. Тыхенько и зъ невыразнымъ бажаннямъ въ серци, що то помырыть щось важке, гризне, непомыриме, що вже видъ довгыхъ литъ тяжыло на ній, а теперъ въ отцимъ домй іи сына, що мавъ за жинку *жыдивку* и слипого сына, все прыгноблювало іи,—скилько не повторялабъ вона соби, що въ *тимъ* несчастю не поносывъ вже нихто такъ вину, якъ сама одна якась непрыязна зловищня сыла... «Вси дванадцятеро»—перелыла-гадка, якъ перше болюча, кризь іи сумну душу—«вси дванадцятеро»; а звукы дзвонивъ неначебъ насувалы на неи слова «кара Господня... кара Господня».

Але вона знала вже давно, що це не була ніяка «кара Господня», лышь гра доли, яка на ній видбылась. Іи чоловикъ, побожный, здатный и чесный, котрого парафіяне мало не пивъ сотки рокивъ на рукахъ носылы,—винъ и вона зналы въ жыттю лышъ *одну* церковъ, *одну* дорогу, одну циль... зналы «такъ», або «не такъ», и такъ прожывалы, докы Господь позволывъ. Але вже іи диты, іи прекрасни, талановыти диты, котри становылы колысь іи гордисть и втиху, поряду вси дванадцятеро—особлыво жъ старши—вже воны...

Добродійка Анна прыжмурыла очи, сперла втомлено голову о высоке поруччa софы, неначе видтягалась видъ чогось немылого, и перестала думаты... Годи було ныни... Годи було и молытыся, пры звукахъ тои мишаныны дзвонивъ, годи! Вона вже була викова и безъ энергіи, не посидала бильше тои видпорнои сылы давнихъ литъ, яка уможлывляла іи перебуваты все гирке и болюче, жыттямъ наказуване. Теперъ потребувала лышъ супокою, того самого супокою, що іи мужъ и вси ти диты, що розлучылыся зъ нею, одно по другимъ, спочывшы вичнымъ супокоемъ.

Покынула насылу свого молодшого сына, несчасного пьяныцю Андрушу, перейихала до старшого, одруженого зъ жыдивкою, Есыпа. И не за-для себе и того кусныка хлиба, що вызывлювавъ іи тутъ... ни, а за-для несчаснои, свитла позбавленои его дытыны, котрій бракувала постоянна щыра жиноча опика, бо маты (хоть и жылося всимъ въ достаткахъ) не мала ни терплывости, ни часу жертвуватыся несчасному сынови, якъ це ёго страшне калицтво вымагало.

Насылу прывизъ сынъ бабуню до двадцятлитнёго внука, насылу, бо вже само пожыття Ёсыпове зъ жинкою прычынылося до того, що вона, видъ часу якъ винъ заявывъ родычамъ, що визьме дивчыну жыдивку за жинку, не могла полюбыты, ба навить и пошануваты ту свою невистку. Доси, цебъ-то за цилый часъ що перебувала тутъ коло двадцятлитнёго внука, не мала ще жаднои прыкрои стричи зъ жыдивкою, котрои не абы якъ боялася.

Але була цилкомъ видокремлена, и лышъ десь колысь стричалася зъ невисткою. Тоди звычайно переходыла та повзъ стареньку маты мужа въ шовкахъ, бурхлыво, або якъ семыголова змія, въ постати ще гарнои жинкы, пробурмотивши пивъ-голосомъ «добрый день», або яке инше слово ввичлывости, и гнала дали за своимы справамы.

И хоча той іи сынъ бувъ зъ жыдивкою невымовно несчаслывый, але теперъ було годи станъ ричей зминыты. Всежъ такы вона була маты ёго дытыны, любыла іи въ свій спосибъ, якъ сынъ и іи любывъ, и хочъ вона горе тои дытыны видчувала не такъ глыбоко, якъ батько, то все-таки само те горе вьязало и держало ихъ всихъ пры купи. Це було *теперъ* такъ—але двадцять рокивъ тому назадъ ричь малася инакше, и тоди Ёсыпъ самъ хотивъ свого несчастя.

Винъ, Ёсыпъ, бувъ у ныхъ зъ ряду другый сынъ (найстаршый померъ) и бувъ при війску одынъ зъ найздатнійшыхъ поручыкивъ своёго регименту—любленый и почытуваный товарышамы и старшымы, а въ товарыстви боготвореный, мовъ найкраща молода дивчына.

Въ якій тяжкій годыни завивъ знакомство зъ молодою прегарною жыдивською дивчыною, не моглы воны въ себе дома, на сели, пры тяжкій праци и турботахъ зъ газдивствомъ и молодшымы дитьмы, дизнатыся. Лыше стилько дизналыся, що зносыны мижъ нымы пійшлы такъ далеко, що іи, дивчины, родына, маюча и зарозумила на свій маетокъ, грозыла,—що наколы винъ зъ дивчыною не оженытся, то винъ за ту «офицерську забавку» поплатыть своимъ становыськомъ. Одначе, позаякъ Ёсыпъ дивчыну дійсно щыро любывъ и зрадыты й покынуты не гадавъ,—на що и не позволялы ёму ни ёго чесна вдача, ни сумлиння,—то, не надумуючысь въ своій молодій запальчывосты довго, выступывъ зъ війска и завивъ безъ шуму и гуку зъ дивчыною цивильный шлюбъ, поставывшы тымъ (якъ самъ казавъ) «попивськожыдивській родынній драми» кинець.

О выхрещенню жыдивськои доньки не хтилы ни родычи, ни сама молода знаты, и такъ выйшло, що хочъ-не-хочъ дистала

далеко и шыроко знана родына Яхновычивъ жыдивську невистку. Въ тодишнихъ часахъ бувъ це выпадокъ въ попивськыхъ родынахъ нечуваный, и несчасни родычи молодого мужа терпилы видъ тымъ вчынкомъ сына мало не до роспукы. Одначе булы проты молодои сылы сына цилковыто безсыльни: Ёсыпъ бувъ зъ вдачи упертый, прудкый, до того повнолитній и родычамы своеи «Рутъ» пидбурюваный,—отже вси прозьбы родычивъ, яки умолялы ёго залышыты свое несчасне ришення, оставалыся безъ послуху и наслидкивъ.

ГЛАВА II.

Тяжка и незабутна була це хвылына, колы до ныхъ наспила вистка, що ихъ сынъ вже одружывся и небавомъ обійме якусь цивыльну службу далеко видъ ридни и своеи батькивщыны. Ихъ молодшый сынъ, котрому заповидалася найкраща військова карьера—винъ самъ свою долю покаличывъ. Несчасный батько, по прочытанню звисткы, въ першій хвыли ставъ (хоть и якъ бувъ вже прыготованый на такый несподиваный крокъ) мовъ громомъ пидбытый,—а видтакъ, не промовывшы ани словечка до никого и прыступывшы до стины, вдарывъ такъ сыльно головою объ неи, що жинка була певна, що це настала ёго послидня годына. Де-котри зъ дитей, що сами тоди булы прысутни въ хати, росплакалыся въ голосъ, а одна зъ молодшыхъ донёкъ, на имя Зоня, скрычала такъ страшенно, неначебъ хто въ неи стрельнувъ зъ пистоля. Видтакъ батько пишовъ до своеи кимнаты и, замкнувшыся тамъ надовго, побывався тамъ за нымъ, мовъ за вмерлымъ.—И лыше *вона*, не маючы супокою, що зъ нымъ діется, упросылася до нёго и вспокоювала и утыхомыряла мужа, о скилько це ій було самій можлыво. Тоди першый разъ бачыла свого мужа плачучого, бо видтакъ хочъ и яки бури зрывалыся надъ нымы, не бачыла цёго николы. Здавалося, по смерти найстаршого сына и утраты Ёсыпа черезъ жыдивку, закаменивъ винъ проты всихъ прочыхъ несчастій...

Тоди, окримъ розпукы батька, спала на неи ще сыла допытуванњ прочыхъ іи дитей и ихъ молодый переполохъ надъ учынкомъ брата, котрого булы звыклы уважаты мижъ собою якъ свого рода богомъ. Проты дитей и жалю свого мужа, мусила вона встоюваты тоди *сама*, хотяй мало-що сама зъ грызоты й розпукы не видхорувала те песчасне одружиння сына.

Тоди то булы вже тяжки и въ смутку потонени дни, котри перебувала и перетручувала своимы сыламы впередъ. И нихто й доси не знавъ, якъ крипылася тоди проты горя, шукаючы по почахъ въ молытвахъ полекшы. Такъ прым., заходыла черезъ чотырнадцять день що-ночи до церквы; перележуючи тутъ же хрестомъ до билого дня, молячыся та благаючы въ Господа прощення за негидный крокъ сына передъ святою церквою и родычамы.

Внукъ и сынъ хрыстіянського походження, и такыхъ же родычивъ, злучывся зъ жыдивкою! И вже тоди-то побоювалася вона кары Господнёи, молыла видвернення кары, усунення наслидкивъ проклёну зболилого батька, що, ослипленый жалемъ, не мигъ настилько запануваты надъ собою, щобъ не проклясты гиркымъ словомъ молодшого сына. А випъ, той сынъ... прыйшовъ, мовъ олень, зъ пиднятою гордо головою, до ныхъ по весиллю, наколы, вмисто бодай формальпого дозволу до подружія, одержавъ видъ батька лыше саме одно слово, похоже на проклинъ, а бильшъ ни словечка.

«Найстаршого забравъ намъ Богъ»,—звернувся тоди іи чоловикъ до неи, що стояла оподаликъ по привити и заносылася плачемъ: прывитъ бо изъ сыномъ видбувся мовъ похоронъ, и николы вона ёго не забуде.

«Найстаршого забравъ намъ Богъ»,—повторывъ батько,—а другого пожерла жыдивка. Чы чуешъ ты, жинко?—жыдивка! Донька першого лыхваря. *Внука* священныка, и сына священныка! Иды собі, сыну, иды собі зъ Богомъ!»—звернувся винъ тымъ словомъ до сына,—я не годенъ на тебе теперъ, якъ давно, глядиты; ты надто мою душу розшарпавъ!

А винъ, блидый мовъ смерть, очевыдно влученый въ саму глыбыню души батьковымы словамы, отворывъ уста до обороны,—та не зъ супокоемъ и зъ упокореннямъ, якъ це було бъ ёму въ тодишній хвыли прыстояло, але непогамовано и,—зъ зворушення,—мало не ажъ зъ дыкою бурлывостю.

«Я пиду»,—обизвався тремтячымъ, погаслымъ голосомъ,—я пиду! но впередъ закымъ пиду, звертаю вамъ все ваше «релыгійне» выховання и душевни засобы, якымы вы выпосажылы мене на жыття. Ваши души переповнени фанатызмомъ, вузькымы почуваннямы и родытельскымъ эгоизмомъ. Не о правду розходытся вамъ и не о людыну въ жинци, котра злучыла свое жыття зо мною,—лыше о слипу, стару тысячлитню ненавысть, котра не мала мисця въ моій души проты тіеи жинкы. Въ тимъ напрями я не можу зъ вамы ничого спильного маты, и не потребую видъ васъ бильше ніякыхъ наукъ.—Я вже дозрилый и прыготованый до дальшого жыття, и буду зъ нымъ боротыся, якъ и де покаже мени те мое сумлиння, честь, просвита и сыла моеи вдачы. А що до моихъ поглядивъ дотычно виры, то я религійный атеистъ и повторяю те саме, що повторялы й други передо мною, вважаючы религію гарною илюзіею, прыдуманою на те, щобъ держаты народъ въ рукахъ,—а бильше ничого. За себе я буду передъ Богомъ самъ видповидаты. А счастя мого жыття я не буду черезъ вироисповидання выщыты и матиръ своеи дытыны, хочъ бы була й паганкою, покыдаты. Це було бъ найтяжчымъ проты справдишнои морали. А що мы въ тимъ, очевыдно, не погодымся, то воно буде и лыпше, колы я попрощаюся зъ вамы такы заразъ, бо того-жъ я й прыйихавъ сюды. Вже й такъ крайня пора мени обняты нову посаду. Прощаюся зъ вамы, родычи, и браты и сестры!—Не вдавайтеся за мною жалемъ и журбою, бо я хочъ бы и якъ розчаровався въ своихъ жыттевыхъ надіяхъ, не годенъ вже въ ничимъ назадъ завернутыся. А нарикання на свою долю вы видъ мене такожъ не почуете, бо у мене своя честь и гордость, и воны поможуть мени вси втраты и розчарования въ жыттю перенесты

не жаліючыся, якыхъ воно, певно и для мене, якъ и для другыхъ прочыхъ смертельныхъ, зберигае. Дали, дорогі́, простить мене, колы я васъ за-глыбоко влучывъ въ душу, але я не бачу ніякои справдишнёи провыны въ моихъ вчынкахъ, хиба що пишовъ проты старыхъ традицій и поглядивъ,—але успокойтеся! я не перщый зъ попивськои родыны, що завернувъ на иншый шляхъ,—я не кажу «новый» шляхъ,—але пидуть за мною й инши, вражаючы може ще гирше серця и души своихъ батькивъ и ридныхъ, нижъ я теперъ. Мене лышъ любовъ и честь, а головно мое сумлиння выкынуло зъ традиційного сидла,—а бильшъ ничого; мое оправдання подаю вамъ лыше въ двохъ словахъ: «я молодый и любывъ щыро». Дай, Боже, щобъ вамъ молодши диты лише и бильше писля вашыхъ идеаливъ вдавалыся, якъ вашъ другорядный. Окримъ мене маете ихъ ще семеро.

«А propos—звернувся винъ до молодшого кильканадцятьлитнёго хлопця, званого «Андрушою», що стоявъ босоногый коло викна и глядивъ змишано й переляканo на брата: «чому ты не въ школи, Андрушко? Чы у васъ теперъ вакацыи?

— «Ни», видповивъ цей,—«тато выбравъ мене изъ школы. Я не вдатный до наукы и буду господаремъ!».

— «Такъ?—сказавъ Ёсыпъ холодно,—я гратулюю до нового поля. Ты мавъ выступыты по укинченню шкилъ до семынара.

Отже также одынъ «видпавшый». Якъ выдко, попы не хотять вдаватыся въ нашій родыни, помымо попивськои крови и предкивъ. Найстаршый, Иванъ, померъ правныкомъ, я... отъ якъ я.—«Такъ, такъ,—додавъ якось роздражнено,—докы русыны хотять лыше «попыты», то и не будуть въ сыли творыты инши дила, якъ попивськи. Але нехай видтакъ и не жаліются, що ихня доля повна церковно-жалибного спиву. «А ты, козаче?—звернувся потимъ жыво до наймолодшого, що сыдивъ спокійно пры столи, прыслухаючысь уважно всёму — «чымъ ты хочешъ буты?»

— «Я хочу буты морякомъ, або тамъ чымъ иншымъ такымъ на мори».

— «Чы ты знаешъ, що тамъ дуже тяжко?—спытавъ Ёсыпъ усмихаючысь.

— «Я не боюся; тамъ же будуть и други.

— «Твоя правда. То-жъ иды! А нехай бы море и якъ хвылювало и лютылося, ты памьятай,—выхри въ души бувають иноди для насъ тысячу разъ тяжши до перенесення и гризнійши, якъ море. Воно поводытся зъ намы все ще смырнійше и прямійше, нижъ люде, нехай бы й якъ коректно и по доброму зъ поверховносты заповидалыся. Остаточно, бувають це все такы воны, що творять нашу долю, и неразъ и гиршу, нижъ море.

— «Будьте здорови!—

Видтакъ пишовъ.

Хтивъ ще батькови на прощання поцилуваты руку, одначе ураженый батько видтягнувъ іи, не позволяючы цёго.

Але маты цилувала ёго и прытыскала такъ сыльно до грудей, прыдержуючы ёго тутъ мовчкы черезъ добру хвылыну, що винъ, хоть и мужчына и «воякъ», захлыпавъ зъ зворушення. Видтакъ, вырвавшыся зъ іи обіймивъ и проведеный братамы й сестрамы, пишовъ.

. . . .

ГЛАВА III.

Межъ старымы въ хати щось завмерло.

Несчастя и горе вставылыся по видйизди сына въ ихъ тыхій хати мовъ прычаровани, бо видъ тіеи хвыли, здаесь, не було въ ній вже бильше безгорестнои хвыли.

Наступыла черга на молодшыхъ бративъ и сестеръ—терпиты. И все, що видтеперъ до тіеи хвыли, де вона перейихала до сына, мучылося, потребовало повныхъ двадцять рокивъ.

За той часъ утратыла вона и мужа, найлипшого и найвирнійшого прыятеля свого, и осталася сама одна зъ сыномъ Андрушою, що розпывся до краю и управлявъ недбало дрибне, сильске, незначне господарство, въ недостаткахъ и найглыбшій самоти.

А тая самота мала також свою історію, переповнену невыдымымы драмамы, докы не повернувъ назадъ до ридного краю зъ своею родыною сынъ Ёсыпъ. Не на видвидыны прыйихавъ до матери, бо пысьменно винъ все розвидувався про жыття матери, братывъ и сестеръ, спомагаючы матиръ матеріально, о скильки мигъ. Але прыйихавъ до неи, щобъ забраты іи зъ собою.

И не прыбувъ винъ энергичнымъ, певнымъ своеи сылы чоловикомъ, якымъ видйихавъ видъ ныхъ, а зломанымъ, постарилымъ передвчасно, горемъ прыхыленымъ мужчыною и зъ тяжкою рапою въ души. Одынока ёго дытына, вся радисть ёго, на котру покладавъ всю свою надію въ жыттю, сынъ—стратывъ по тяжкій недузи въ пятнадцятимъ роци жыття взиръ, и помымо всякыхъ старань ликаривъ и подорожей до всякихъ корифеивъ—остався навикы слипцемъ.

Ёго гарна, жыття жадибна, легкодушна маты, въ найкрытычнійшимъ часи песчасной недугы сына, спустылася надто на окружаючу хорого службу—и несчастя згодомъ вставылося, не раптомъ переражаючы, лыше звильна, степнево, а врешти—видражаючою темнотою, котра вже николы бильше несчасного хлопця не покынула.

Зъ тымъ настала и розпука. Правда, вона була серце розрываюча, якъ и самъ выпадокъ. Це-жъ було страшне горе—маты однисиньку свою дытыну слипою! Однакъ наколы перши рокы несчастя мынулы и маты зъ своимъ горемъ усвоилася, взяла безжурна, легка вдача іи зновъ верхъ, и гарна жинка стала въ товарыствахъ и забавахъ та иншыхъ товарыськыхъ розрывкахъ шукаты розрады.

На упимпення и закыды мужа, котрый засуджувавъ безмылосердно зъ огирченнямъ легкодушнисть и безжурнисть жинкы въ выди несчастя сына,—вона знаходыла все вымивкы и оправдання на свои вчынкы.

Зпыхала не задумуючысь, якъ це бувае звычаемъ безжурныхъ и малоинтеллигентныхъ истотъ, выну свого несчастя на *проклинъ* батька и (якъ вымовлялася) на недбалый дoглядъ

«хрыстіянськои» службы, котра обходыла и дозырала хорого въ найкрытычнійшій пори. Це доводыло до бурлывыхъ суперечокъ, пизнійше до сценъ, котри чымъ разъ то частійше повторялыся, а зъ литамы,—однаково повторяючысь,—змагалыся. Остаточно дійшло до того, що супругы побачылы себе въ зовсимъ иншимъ, неначе доси незнанимъ, новимъ свитли, нижъ булы звыклы на себе давнимы литамы глядиты.

Винъ закыдавъ ій оріентальну недбалисть, бракъ чуття, та що іи душу держыть въ руху лышъ жадоба ужывання свита жыття,—колы натомисть вона ёму пры кождій нáгоди выкыдала всяки несчасливи прыгоды и выпадкы въ ёго родыни, мотывуючы ихъ тымъ, що вси зъ ёго родыны зъ грунту лыхи люде; наколы-бъ, мовляла, булы добрымы, за якыхъ себе вважалы, то Богъ бувъ бы ихъ злуку такымъ несчастямъ, якъ ослиплення сына, пе каравъ.

— Але ты (говорыла чоловикови), ты такый самый, якъ твои браты и сестры, а тіи таки, якъ родычы и вся ваша «вируюча» раса, и тому несчастя не уступають зъ вашои хаты.

Видтакъ выкыдала ёму ёго становысько, котре одержавъ, що правда, за помочею іи маентку, неначе погирдлыву завысымисть видъ неи,—и тымъ бувъ зъ іи стороны найтяжшый крокъ до незгоды почыненый. Колы одного разу (оповидавъ матери зъ видверненымъ облыччямъ), зневажыла ёго зновъ на тій точци передъ службою нечуванною сценою,—вразыла ёго здается въ найтоньшу струну ёго души, выклыкавшы тымъ таке пекло почувань въ ёго нутри, що винъ не здолавъ надъ собою довше запануваты. Вже доволи довго вона ёго зъ грязею мишала, доволи мучыла, обыджала,—то жъ не дыво, що-разъ и въ нимъ терплывисть урвалася и винъ... пиднявъ руку на неи. Вона запыщала.

— Такъ поступается зъ дыкымы звирямы, що нападають за-едно на наше жыття фызычне, чы психычне,—выстогнавъ винъ погаслымъ голосомъ,—такъ обороняются видъ звиривъ...

А вона гадюкою вчепывшысь за ёго, мовъ божевильна, крычала за-едно на всю хату:

— На твою жинку пидносышъ ты руку, недобрый чоловиче? На твою жинку, що поставыла тебе на ногы?.. Старче ты, *якъ и вси тіеи виры, до котрои належышъ!* Чы ты въ додатку до твоеи никчемности ще й збожеволивъ?..

— Я жалую, що вже давнійше не «збожеволивъ», а то може бъ мое нутро знаходылося ныни въ иншимъ настрою, нижъ теперъ, а чесне имья мого батька не було бъ пидъ твоимы ногамы. Нызька ты, оріентальна породо, що не знае ничого иншого, жадныхъ шляхетнишыхъ зворушень душы, кримъ жадобы за мамоною. Я жалую,—кажу ще разъ,—що не „збожеволивъ" скорше, въ такимъ рази не стоявъ бы я ныни въ очахъ свита и своеи родыны яко нужденный чоловикъ, котрому донька звисного лыхвяря справляе упокорення, безсонни ночы и биль.

— Але я бувъ трусомъ,--говорывъ винъ, дали,—пидлымъ трусомъ, зъ самого початку, якъ лышъ выявыла ты свій правдывый характеръ и показала свою никчемнисть; я вже тоди бувъ повыненъ проты тебе повзяты инше становысько. Але тому, що я бувъ трусомъ, станула ты горою, а зъ тобою вси твои груби и никчемни инстынкты. На мое оправдання и оборону маю лышъ те, що я тебе боготворывъ, любывъ, уважаючы тебе за якусь справдишну прекрасну, бездоганну побожну «Рутъ» зъ библіи, для котрои «Рутъ» я въ захвати посвятывъ свою каріеру, любовъ родычивъ, ихъ спокій и надіи на мене, и, якъ бачу, змарнувавъ циле свое жыття. Але ты—ты не була николы чымъ иншымъ, якъ донькою знаного лыхвяря, котрого имья згадуе ще и ныни простый народъ зъ погордою и жахомъ, мовъ опыря. Ты по правди николы не розумила и не знала святе чуття любовы и тому надгородыла мене въ твоимъ порожнимъ жытти лыше зневагою, горемъ и розчарованнямъ! Тому знай, я погорджую не лышъ тобою, але и собою, а колы ты хочъ почасты здибна зрозумиты далекосягнисть отцихъ моихъ смутныхъ сливъ, то иды и роздумуй надъ нымы!»

— Ты, старче!—повторыла вона вмисто всякои иншои видповиди,—чы я мушу тоби въ друге прыгадуваты, кому ты маешъ

твое становысько завдячыты? Причъ мени заразъ зъ-передъ очей, а то я склычу заразъ цилу свою родыну!

— Ты маешъ слушнисть, колы ужываешъ проты мене слово «забувъ», бо я не бувъ повыненъ забуты, що я не потомокъ якого тамъ крамаря, але потомокъ старои чесной працёвытои, шанованои родыны. Такъ, жинко; а що я про те забувъ, заслипывшыся лыше твоею гарною поверховнистю, тому й бачу я пыни, отверезывшыся, свою въ кинець покаличену долю и звыхнене жыття, переповнене упокореннямы. Наколыбъ не була отця несчасна дытына,—котрои матерею есы ты,—то бъ не бачыла мене николы въ отцимъ дому. Але,—додавъ винъ въ найглыбшимъ огирченню святою правдою,—повторяется тысячамы разивъ въ жытти, що «*де люде люблять,—мусыть найбильше упокорятыся той, котрый найбильше любыть*». Межъ намы обома—прыпала тая роля *мени*. Але я не маю навить того задоволення, що ты мою ролю *розумієшъ*. А теперъ кажу,—иды! розберы мои слова и чытай въ своимъ тальмуди...

Матери здавалося пры сыновимъ оповиданню, що іи уста немовъ сталы пораженымы,—до тои степени не могла вона на яке тамъ слово здобутыся. Одначе вона лыше несказанно терпила. Здавалося, що весь супокій, якый пидъ часъ ёго оповидання заховала, бувъ лыше хороблывымъ станомъ, зъ котрого вона кождои хвылыны заворушытся, а то лыше на те, щобъ вже въ слидуючій хвыли заподіяты щось страшенне караючого. Але чысло смутныхъ и гиркыхъ днивъ, котри не осталыся на іи энергичну вдачу безъ вплыву,—було мабуть за-велыке, щобъ іи врешти не перемогло. Вмисто всякого слова сципылыся іи рукы пальцямы до купы, и вона прытыскала ихъ безмовно до грудей, опираючыся, мовъ въ ослабленню, до софы. Оттакъ чыныла це разъ-повзъ-разъ.

Тоди, пры тій короткій характерыстыци ёго пожыття зъ невирною, вона не могла на свого сына глянуты. Ёго горе було за-велыке, а помершый батько и вона вже надто певно пророчылы ёму несчастя зъ такои злукы, щобъ була вона теперъ въ сыли сказаты ёму яке слово. Потишаюче не могла вона сказаты, бо заго-

родывъ винъ своимы вчынкамы проты ныхъ, видйизжаючы, поле, а на докирлыве... не була бы здобулася. Тожъ мовчання, що само зъ себе наступыло, було саме добрымъ въ тій хвыли... *Тоди* въ своимъ любовнимъ захвати розмахнувся винъ чы не до цилого свита, до борьбы о свою прекрасну «Рутъ» и о счастя зъ нею. Теперъ же було въ нимъ все за-обезсылене и за-розчароване, а вона за-немична, щобъ хочъ въ де-чимъ сталася ёму помичною.

«Мамо»!..

Вона не розкрывала очей, лыше кывнула головою, на знакъ що почула ёго.

— Мамо!—повторывъ винъ зтыха—теперъ розуміете мене, чы не до глыбыни душы?..

— Розумію, мій красный, колысь такый себе певный сыну! Розумію, и *выджу*, щó жинка може зъ душы чоловика зробыты. Та хоча й якъ благала я тоди, по твоимъ видйизди, Господа Бога охороныты тебе видъ горя й недоли, и хоча й якъ сподивалася я и батько, що несчастя не мыне тебе, одначе що злука твоя зъ невирною поставыть тебе *въ таке* некло—цёго а ни я, а ни винъ не сподивалыся!

Це *одно*, мій сыну. Одно, що я розумію и розумиты мушу, але *одного* я все-такы не въ сыли соби розъясныты. Ты, сыну мій, свого часу такый честолюбывый и гордый,—такый вражлывый на всяке, навить найменьше подражнююче твою гиднисть, слово,—якъ мигъ ты, въ свидомости твоеи доброи колышнёи славы и чести, допустыты, щобъ тая жинка, іи деспотызмъ, взялы до такои миры надъ тобою верхъ?!

Я розумію, сыну —(тягнула вона дали)—що истоту, для котрои стилько пожертвувалося, якъ ты пожертвувавъ... и все надаремне, можна, помымо всякыхъ іи хыбъ, завше любыты; але що твоя мужеська честь и гиднисть зносылы такъ довго всяки особысти зневагы зъ іи стороны терпливо, я, пры твоій колышній гордости и палкій вдачи, не розумію... И поправди кажучы—простыты тоби не можу!

На таке розповивъ винъ ій цилый рядъ сценъ, яки ёму выправляла и якыхъ зносывъ терплыво за-для сына, щобъ не розлучаты ёго зъ матирью, до котрои бувъ, ще въ перших литахъ свого калицтва, мовъ мала дытына прывьязаный. Не хтивъ отже ёго вырываты зъ обставынъ, котри, будь-що-будь, все-такы, завдякы іи маетку, булы для хлопця корыстнымы и бильше уможлывлялы выгыднише жыття, нижъ наколыбъ винъ, розлучывшыся зъ нею, забравъ ёго зъ собою й удержувавъ зъ власнои праци. А безъ нёго винъ не мавъ бы сылы жыты. Винъ же въ нёго ёго дытыта, хоча несчасна, невынно терплячa, але ёго дытына, сынъ дорогый ёго! Чы маты ёго теперъ розумила?

Розумила.

Маты мала право робыты ёму зъ того докиръ, мала сотню разъ право,—видповивъ винъ зъ поважною покорою,—и бувъ бы навить дывувався, наколыбъ вона ёму сёго остаточно, по зрозумленню ёго нужденного жыття, не зробыла.

Вси, що ёго въ жыттю колы-небудь шанувалы и цинылы, ба навить любылы, малы те пытання проты нёго въ души, лышъ николы ёму не було такъ гирко при тимъ пытанню, якъ у-перше *передъ нею*, матирью, котру и батька колысь такъ сыльно вразывъ. *А въ-друге—колы* (винъ усмихнувся гирко) се пытання пишло до нёго око въ око, зъ молодыхъ дивочыхъ устъ.

— Такъ дывно укладается намъ иноди жыття, мамо—говорывъ винъ дали,—що чоловикъ, пережывшы десяткы литъ, доперва прыходыть до пизнання, що винъ въ свити и жыттю не йе чымъ иншимъ, якъ лышъ якымсь автоматомъ або ряду прыпадкивъ, або якои однои могучои сылы, котра рядыть, и чоловикъ проты неи, въ своій немичній вдачи—нищо.

— Одна далека своячка «Руты» (ёго жинкы),—оповидавъ дали похмуро,—выхрещена вже, и пры тимъ учытелька, перебувала одного разу довше въ ихъ доми, прыготовляючыся до послиднёго свого испыту. Була вона, мамо, тонка и чутлыва вдача, и я замичавъ часто, якъ вона терпила пидъ часъ сценъ, що видбувалы межъ намы, и якъ уныкала остатыся зъ намы обома на самоти, щобъ не буты свидкомъ прыкрыхъ и неразъ дуже бур-

лывыхъ сценъ мижъ намы. Була-бы напевно й скорійше зпомежы насъ втекла, але що лагодылася, якъ кажу, до испыту, и Рутъ ій мало не насылу пры соби прыдержувала, осталася вона въ насъ довше.

— Чы вы слухаете, мамо, що я вамъ розсказую?—спытавъ сынъ наразъ, наколы вона сыдила непорушно, вслухаючыся вже теперъ бильше въ дорогый ій голосъ сына, нижъ въ ёго слова.

— Слухайте,—додавъ видтакъ жывише.—Мени хочется цей дрибонькый скарбыкъ, що я ёго видъ часу того одруження зъ Рутъ въ жыттю найшовъ, зъ кымъ-сь подилыты. Винъ такый нижный и малый, що хиба въ вашу святу перемучену грудь, що никого не зрадыла и не зрадыть, на викы заховаю,—и бильшъ ничого.

Все, що намъ жыття въ своимъ бигу дае, все воно не те, що намъ дійсно потрибно, а, звычайно, що инше. Лыше колы наша жытева энергія вже зломана, и мы наново свою долю перестроиты негодни,—кыдае воно намъ цвиты на груды, мовъ на розраду за наши гирки розчарования. Слухайте, мамо!

Маты слухала.

Одного разу зибралося,—оповидавъ дали,—въ ихъ доми бильше товарыство, и гости розбавылыся до того, що розгулялыся.

Дивчына, про котру винъ спомынавъ, не гуляла, вымовляючыся, що гуляты не вміе, и вступыла до сусидной кимнаты, де якъ разъ незамиченый знаходывся винъ. Винъ пидсунувъ ій кресло и клядивъ мовчкы черезъ хвылыну на неи. Вона мала щось сымпатычного въ своихъ рысахъ для него, щось тонкого и доброго, хоча по правди не можно було іи гарною назваты. Лыше очи іи винъ любывъ, хочъ и воны завсигды проты нёго зорилы, неначе зъ хорои души, що винъ ій не разъ говорывъ, а вона ёго за те высмивала.

Наразъ, безъ всякыхъ интродукцій, ставляе ёму таке пытання:

— Чы вы покладаете що на одвертисть жинкы?

Винъ здывувався такымъ пытаннямъ.

— Ну, якъ-же? такъ, чы ни?—спытала, звертаючы свои мыли оченята на ёго уста.

— Ну,—видповивъ винъ, ухыляючыся прямій видповиди,—властыво не покладаю ничого. Жинка не бувае николы одвертою, хиба въ дуже ридкыхъ и критычныхъ моментахъ. Звычайно актёруе вона, бо актерство лежыть въ іи натури.

— Може правда и по вашій сторони,—видповила вона задумлыво, видвертаючы очи видъ нёго, а видтакъ сказала: чы думаете, Ёсыпе, що воно *мусыть* такъ буты, що лышъ мужчыни вильно свою любовъ заявляты жинци, мижъ тымъ колы ій це не лычыть?..

— Ну,—видповивъ винъ,—я цёго не думаю, лыше воно не въ звычаю, щобъ «порядни» (впала вона ёму иронычно въ слово),—такъ,—говорывъ винъ дали,—бодай въ звычайнимъ поняттю слова «порядни» жинкы це робылы. И воно, може зъ де-якыхъ прычынъ, и лыпше такъ. Велыкымъ, значнымъ жинкамъ, це, що правда, такъ сказаты-бъ, «уходыть». Воны це намъ, якъ історія иноди учыть, доказувалы. Але таки жинкы видповидалы и видповидають взагали сами за себе и свою «добру славу». Для звычайныхъ смертельныхъ воно, справди, лыпше такъ, якъ теперъ бувае.

— Але,—перебывъ винъ наразъ самъ себе, окынувшы мымоволи іи нижне поважне лыце поглядомъ:—чому вы такъ пытаете? Чы маете замиръ якому мужчыни свою любовъ заявыты? (Тутъ усмихнувся винъ, Богъ знае чому, вымушено).

И вона усмихнулася. Але видтакъ спытала, та цимъ разомъ вже цилкомъ поважно:

— Чы думаете, Ёсыпе, що пры такимъ заявленню мае и честь дивчыны що до дила?

— Ни,—выдповивъ винъ,—цёго-бъ я не сказавъ. Честь—ни. Але въ кождимъ рази—гордисть іи. Вона тымъ выступае проты звычаю, а въ де-якимъ змысли и проты выховання; тому все-такы такый крокъ упокорюе іи. Але такый вчынокъ, на мою думку, позбавляе іи честы.

Въ ёго очахъ *такого* рода упокорення—то щось гарне и велыке; розуміется, колы воно походыть видъ шляхетнои жинкы, яку власне маемо на думци. Мени выдается воно, неначебъ вона клала ёму кытыцю билыхъ лилій до нигъ.

— Яки винъ може пидняты, або и ни,—видповила дивчына жыво, спускаючы скоро поглядъ.

— Цилкомъ слушно. Ёму выдается таке упокорення гидне пошанування; бильше правдыва и велыка любовъ годна такъ покорытыся. Поверховне чуття бувае завсигды склонне до упору и прымхивъ. Але скажить мени, дорога дивчыно, спытавъ іи потимъ:—чы хочете вы такый крокъ поповныты?.. Вона видвернула свій поглядъ видъ ёго, и почала щось неначе по столи очима шукаты.—Я-бъ це вчыныла, бо любовъ не йе зовсимъ щось страшлывого, якъ іи вже часто представляють. Але мужчына, бачыте,—сказала,—котрого я маю на думци, той мужчына мени за-боязлывый, щобъ мигъ прыняты таке заявлення. Подумайте соби лыше: *винъ мае семыголову змію за жинку*, котра ёго зъ прыроды чудово успособлену душу замучуе и ныщыть, и той трусъ не мае *николы настилько видвагы, щобы укараты іи хоть бы одынъ разъ.*

Винъ пыльно подывывся на неи.

Вона-жъ не могла прецинь тутъ на думци ёго маты!.. Одначе, вона мала дійсно на думци ёго. Пры послиднихъ своихъ словахъ поблидла такъ сыльно, неначебъ зъ іи лыця зныкла послидня крапелька крови.

— Що вчынылы-бъ на мисци того чоловика *вы*?—спытавъ винъ іи, вмисто всякои видповиди.

— «Я?.. Я-бъ іи за кождый разъ, по зневази, въ котрій понесла-бъ моя мужеска честь и гиднисть ущербокъ, видбыла одну зъ іи зміиныхъ головъ!—Пры тыхъ словахъ дивчына махнула, спалахнувшы очима, такъ сыльно рукою, що коло нёго мовъ холодомъ повіяло.—Такъ!—Вона видитхнула глыбоко, неначебъ въ тій хвыли видбыла справди одну зъ зміиныхъ головъ. И постоявшы ще хвылыну непорушно на мисци, воны вытрыщалысь черезъ ту хвылыну розгорилымы очима на себе.

Видтакъ обизвалася вона ледве чутно.

— Але винъ, помымо того, може дизнатыся, що я ёго зъ всеи моеи души любыла. *Се може винъ.* Я хтила ёму лыше се заявыты. Се було мени потребою! и я думаю, що я не согришыла тутъ, ани проты добрыхъ звычаивъ, ани проты гидносты жиночои. А що до «упокорення»,—додала вона,—то я готна ёго перенесты. Въ мене честы и гордосты доволи,—о, доволи!—Пры тимъ пиднеслася на пальцяхъ такъ высоко, що майже ёго перевысшыла, стягнула бровы мовъ зъ фызычного болю, и не окынувшы ёго бильше ани однымъ поглядомъ, пишла соби.

Вона пишла, а винъ остався неначе громомъ пидбытый на мисци.

Черезъ хвылю стало ёму въ души ясно, мовъ ёго блыскавка пронызала.

А видтакъ ставъ шукаты іи очима.

Вона стояла въ другій кимнати, высока й нижна, оперта плечыма до стины и слухала одного молодого чоловика, про котрого знавъ винъ зъ певнистію, що той іи любывъ.

— Ни, мамо,—сказавъ,—вона не мала на своій головци короны, але я бувъ бы й безъ того кынувся ій до нигъ и поцилувавъ ихъ. Чому не прытыснувъ я іи, заразъ по іи гордимъ прызнанню, до своихъ грудей? Іи душа належала до мене. Одначе булы це іи велыка интелигентнисть и гиднисть душевна, котри поклалы невыдымо палець на уста и наказалы мовчання.

— И я мовчавъ, мамо, видъ тои хвыли до сегоднишнои дныны; за-пизно пославъ мени іи Богъ на мій шляхъ!.. А колы небавомъ потимъ Рутъ справыла мени сцену, котру я тоби згадувавъ, то мени здавалося и здается, що се була била рука дивчыны, котра пидвела раптомъ мою правыцю и видбыла одну зъ змiиныхъ головъ.—Такъ, мамо, такъ чудно укладаются иноди прыгоды въ жыттю, и, вирьте мени, отця одна хвылына самымъ спогадомъ ставала мени не разъ пизнише правдывою розрадою на мою зранену душу. Отци молоди уста поставылы мени те саме пытання, що й вы, мамо, хотяй иншымъ змистомъ, и дивчына та мала слушнисть робыты мени зáкыдъ зъ мого трусивства. Вона була-бъ таки зневагы зи стороны своёго чоловика,—

наколы була-бъ ёго мала,—николы не зносыла! Була-бъ уже скорише ёму, або соби, якого лыха заподіяла. Іи характеръ можно було поривняты зъ афоризмомъ, котрый мени зъ твоихъ устъ и досы въ памьяты задержався: «такъ, або не такъ,—одна лынія, одна циль». И таки люде доходять завсигды до своеи меты. Але мы, мамо, мы есьмо вси проты ныхъ—калики.

Старенька маты кывнула головою и згадала зновъ свои диты. Вси дванадцятеро, вси воны булы свого рода калики...

— Скажы мени, сыну,—спытала вже видтакъ, колы сынъ, немовъ прыпочываючы зъ якыхсь мучительныхъ спогадивъ, мовчавъ:—чы ты николы не видчувавъ, якъ я тебе любыла и яки мукы переносыла за тебе, закымъ ты ставъ такымъ безталанным? Я все твое горе серцемъ впередъ видчувала, и лыше Господь одынъ знавъ, скильки мукъ я за тебе натерпилася!.. Господь одынъ... А теперъ я стара и немична и не можу тоби вже въ ничимъ статы помичною,—ты самъ се бачышъ.

— О, дорога моя мамо!—видповивъ винъ ій, зворушеный, схыляючысь и цилуючы щыро іи руку,—тысячамы разивъ видчувавъ я, скильки вы за мене натерпилыся, и що правда була зъ самого початку на вашій сторони, такъ що вашъ жаль и гнивъ проты мене бувъ самый праведный! Ваша и батькова любовъ була сама безкорыстна и ясновыдюча, але все що, сталося, вже мынулося и не може завернутыся... И отце я повернувъ назадъ до батькивщыны й до васъ,—правда, вже не той Ёсыпъ, що выйшовъ зъ дому, гордый и певный своёго счастя, та все-такы—вашымъ сыномъ. Обое мы не есьмо счаслывы, ани я, ани Рутъ, хоть и якъ вона намагается своею безжурною вдачею заглушыты порожнечу свого серця, котре все кривавытся на выдъ несчастного сына.

Все вона не йе счаслыва!

Маты не видповидала.

Не хтила. Бачыла, що все ще любывъ тую жинку въ поодынокыхъ, неспостереженыхъ хвыляхъ; але вона вже не хтила бильше ничого про неи зъ ёго устъ чуты. Видчувала, що колыбъ

ій мала ще яка прыкристь въ жыттю лучытыся, то вона пишла бы лыше видъ «невирнои», бо за *свои* диты вона вже давно вытерпила...

ГЛАВА IV.

Опислля ставъ сынъ просыты матиръ перейихаты до ёго. А колы вона, слыве жахаючыся, видмагалася, вымовляючыся неможлывою для неи невисткою, котру и на очи не хтила бачыты, ставъ винъ поклыкуватыся на своёго несчасного сына. Не іи зневагы бажавъ винъ,—оправдувався,—ани жадного упокорення зи стороны ёго и немылои ій жинкы ёго; но видокремлено буде вона въ ёго жыты, спокійно и шановано, видвыджуваною нымъ и ёго несчаснымъ хлопцемъ,—а більшъ ничого. Для нёго бажавъ винъ іи; Рутъ такъ само буде ій вдячна за іи прыйиздъ; бо и вона рада бы бачыты коло сына когось щырого и прыхыльного несчасному. Въ тій одній точци вона не лыцемирыть.—Змылосердиться, мамо!—молывъ,—не видмовляйте моеи прозьбы! Въ мене, за обовязкамы фаху, мало часу, и бидный слипець жые мовъ пидъ шкляною вазою. На-колы не мавъ ще свій инструментъ, котрымъ такъ сказаты бъ дыше, и свого учытеля, що вчыть его, я справди не знаю, що сталось бы зъ ёго душою, бо товарышивъ въ нёго жадныхъ нема.

Винъ потребуе жывои, щырои опикы, неустанного, лагидного товарыства, и для нёго зробыте це, мамо, колы прыйидете, а не для мене. Забудьте тяжкый жаль, якый справывъ я вамъ колысь, гляньте на мою безталанну долю! Думаете, мамо,—мовлявъ дальше,—що бачыты свою одниську дытыну слипцемъ, бажается ще-чого въ жыттю? Иноди мени такъ тяжко на души, що, колы бъ не безталанный мій сынъ, я бъ свое жыття давно закинчывъ. Але на кого мени ёго лышыты? на гуртъ самолюбныхъ жыдивъ? Скоришъ вже потягнувъ бы и ёго зъ собою въ могылу. Вы, мамо, зъ вашою доброю душою, що черезъ циле свое жыття зазнавала лышъ терпиння, вы будете ёму найлипшою товарышкою—и, знаючы це одно зъ моихъ устъ про васъ, винъ васъ ожы-

дае. Змылосердиться, мамо, надъ моимъ и ёго велыкымъ горемъ! О Господы! (вырвалося гирко зъ его грудей, колы вона все ще не обзывалася) до чого дожывъ я въ своимъ жыттю, розпочавшы ёго такымы надіямы на счастя! Лучше воливъ бы я спочываты въ чорній земли вмисто мого старшого брата, нижъ глядиты на несчастя своеи безвыннои дытыны!..

Такъ розпочавъ и благавъ матиръ, докы не выблагавъ, чого хотивъ.

На ёго послидни гирки слова маты усмихнулася. Але іи усмишку сынъ не зрозумивъ.

Винъ бачывъ, що вона лышъ зъ болю усмихнулась, и що того, котрого такъ горестно спимнувъ,—свого старшого помершого брата,—вона (хоть мынуло стильки рокивъ)—не забула.

— Лышы ёго въ супокою!—обизвалась врешти якось твердо,—лышы ёго въ супокою! Господь потребуе также щось доброго, и я цимъ потишала себе довги лита; оставъ ёго въ супокою! Винъ одійшовъ въ самимъ початку праци и жытёвыхъ мукъ (почала вже зновъ вона ёму оповидаты). Нехай буде ёму земля перомъ. Я за нымъ такъ само побывалася, якъ описля за тобою. Лышъ колы ты мигъ буты врато̀ваный, а супротывлявся проты розлукы зъ твоею недолею, мовъ проты смерты,—винъ лежавъ самъ, безпомичный, въ велыкимъ чужимъ мисти, мо̀въ та мурашка, и боровся зъ недугою, далеко видъ батька и матери.

— Тыфъ пожеръ Ивана,—закынувъ Есыпъ бильшъ до себе

— Тыфъ,—повторыла маты. Видтакъ, помовчавшы хвылыну, неначе выпочываючы, якъ перше сынъ, зъ болючого спомыну по дорогимъ помершимъ, дала вже описля внутришнёму бажанню волю выговорытысь передъ кымсь по довгимъ часи нимого терпиння,— и тягнула дали:

— Винъ бувъ по третимъ правнычимъ испыти. Це лыбонь ты самъ знаешъ, бо тоди ты належавъ ще до насъ. Выжыдавъ лышъ по испыти грошей на подорожъ до-дому, щобъ тутъ вдома, коло насъ, выпочыты якыйсь часъ. Тожъ и мы вси выжыдалы нетерплыво, радуючыся вже впередъ тіею хвылыною, въ котрій зможемо прытыснуты ту щыру и чесну дытыну до серця.

Въ тыждень передъ ёго смертію, прысныlвсь мени сонъ, котрого не забуду николы, хоть бы мени Господь давъ ще разъ стилько горя перенесты. Такъ запамьятала я соби той сонъ у всихъ подробыцяхъ. Не смійся, сыну, зъ мене старои, але слухай; мени вже теперъ не до баёкъ!

Снылося мени отже, що я була десь въ малимъ гостынnимъ покою нашого прыходства, обтырала комоды и инши мебли зъ порохивъ, особлыво жъ старе бюрко до пысання, котре батько выказавъ внесты зъ свого покою для хлопця, щобъ мавъ все выгидно; такъ дуже любывъ и шанувавъ винъ свого найстаршого сына. И колы жъ я оттакъ по кимнати туды и сюды вештаюся,— влитае наразъ громадка чорныхъ крукивъ викномъ въ середыну, и май бачнисть, мій сыну, вона дилытся на чотыри часты. Одна частына сидае на лижку въ головахъ, друга на лижко въ ногы, третя на пульти надъ столыкомъ, а четверта кынулася, закрякавшы до дверей. При отцимъ выди я остовпила, и мое серце зъ якогось болизного прычуття защымило: такъ що я, якъ стояла, опустылася навколюшкы и почала молытысь. Саме посередыни молытвы видчынылысь двери и увійшовъ Иванъ. Весело и жыво, зъ пачкою кныгъ пидъ пахвою, якъ мабуть часто за часивъ студентськыхъ ходивъ, и, прыступывшы такъ впростъ до мене, заговорывъ:

— Мамо дорога, добра наша мамо! завсигды молытеся вы за насъ, маете щось для насъ у Бога выпрошуваты! Молиться, матинко, молиться до Господа и подякуйте, що я вже позбувся своихъ испытивъ. Цимъ разомъ прыходылось мени тяженько працюваты. Але вже теперъ я готовъ и свобидный, и прыбувъ до васъ, бо довго прыходылося мени на те ждаты, щобъ свобидно межъ вамы видитхнуты.

Винъ говорывъ жыво и радисно, одначе межъ ёго словамы звенило щось несказанно сумне, такъ що я наразъ выбухла сыльнымъ плачемъ, и, плачучы, ажъ збудылась. Слидуючого дня оповила я сонъ батькови.

Ты знаешъ, батько не терпивъ николы, щобъ въ ёго доми пиддержувано забобоны, якъ и взагали всяку мистыку, лаючы и

засуджуючы за таке строго; одначе, выслухавшы мій сонъ, замовкъ и споважнивъ. Въ кинци сказавъ: жинкы все бильше вгадують чуттямъ, нижъ мы; воны суть якъ тіи диты, або звирята. Бороны насъ, Боже, передъ несчастямъ! Але щобъ це могло до Ивана видносытыся, я зовсимъ не думаю; покынь и ты таку неспокійну гадку. Хлопчысько здоровый и молодый, мудрый и загартованый,—и колы ёго Богъ стереже, то ничого лыхого ёму не лучытся. Такъ потишавъ винъ мене и зъ тымъ я пишла соби. Въ чотыри дни по тимъ прыйшовъ лыстъ видъ одного зъ ёго прыятеливъ, що Иванъ лежыть тяжко хорый на тыфъ..., а все проче ты вже и самъ знаешъ. Знаешъ, якъ батько выбрався заразъ самъ въ дорогу и пойихавъ. Якъ то все ще въ тогдашнихъ часахъ двыгалося звильна впередъ. Тоди зализныця не йшла ще, якъ теперъ, впростъ видъ насъ до Видня. Треба було впередъ ще тры дни киньмы до Л. йихаты, и доперва видты зализныцею. А наколы врешти добывся до мисця, було все надаремне. Иванъ лежавъ вже въ агоніи, не пизнавъ ёго, и таки перенисся несчасный на тамъ-той свитъ. Перейшовъ видъ насъ всихъ немовъ на дно моря потонувъ... А ни ёго маты, а ни вы, вси прочи дороги диты, не моглы ступаты за ёго домовыною и видпровадыты до вичного супочынку.

Бидный батько!

Самъ стоявъ винъ пры смертельнимъ ложи своёго найстаршого сына, своёго любымця, всеи своеи надіи. Самъ одынъ.—И може теперъ зможешъ соби уявыть, що винъ тоди вытерпивъ! А одначе винъ це перенисъ. Бувъ сыльный духомъ, до жыття добре прыспособленый, и мудрый чоловикъ! А все жъ такы—колы описля утратывъ и тебе, на котрого неначе вси надіи по Ивани перенисъ, чыслячы на твою помичъ въ выхованню своихъ молодшыхъ дитей, мовъ на другого батька ихъ,—подалася ёго душа. Тоди хтивъ, въ розпуци и першимъ шаленимъ болю, голову объ стину розбыты. Але Господь Богъ охоронывъ ёго. Але вже то проче, що ёго ще по тимъ всимъ зъ другымы дитьмы спиткало...—грызло ёго и пидмулювало, а вже Андрупа (ста-

рушка кывнула головою въ сторону, де знаходылося мале господарське обійстя) пидтявъ ёго послидни сылы...

Всёго надіявся винъ по нимъ—и все не було добре, чого сподивався; але що зъ-помежы гурту ёго даровытыхъ и гарныхъ дитей выйде одынъ крайный пьяныця... Не надіявся николы, а воно наступыло...

Старуха замовкла и сперлася спыною. Іи рукы зложылыся мымоволи до молытвы, але іи уста не молылыся.

По втрати чоловика и по драмахъ, що по ёго смерти поступалы, вона втратыла свою давню, до подыву вытрывалу сылу и энергію. Стала втомлена и тыха; дистала гостри черты лыця, а лынія болю, що выбигала пивлукомъ зъ-за низдривъ и злучалася зъ кутыкамы устъ, загострылася ще глыбше.

А помымо всёго осталася отця стара жинка гарною, гарною и сымпатычною. Се мусы̆въ передъ нею сыдячый сынъ такожъ завважыты. Винъ не звертавъ погляду зъ лыця матери, ажъ докы не перемогло ёго на-разъ якесь дывно-сыльне зворушення. Тоди заховавъ раптомъ, мовъ молодый хлопець, голову въ подолокъ матери и якось болизно застогнавъ.

— Мамо, ты наша дорога мучыныце!—мовлявъ винъ,—за що натерпилыся властыво вы стилько въ вашимъ жыттю за насъ! Вы, що бажалы завсигды лышъ саме добре и шляхетне, и лышъ добре робылы! Мамо, вы стороже нашъ! Якъ васъ колысь Господь поклыче..., то, здается, самъ Спасытель перепровадыть васъ на тамъ-той свитъ!

Била якъ снигъ голова матери схылылася нызько надъ безталаннымъ сыномъ, и обое мовчалы, не ворушачыся. Старенька маты ришылася врешти на мольбы сына перейихаты бодай на якый часъ до внука и взяты ёго пидъ свою опику.

ГЛАВА V.

Килька день передъ видйиздомъ сыдилы зъ сыномъ Ёсыпомъ въ своій малій кимнатци. Однакъ не въ кимнати прыходства, а у власній маленькій, нызенькій хатыни, котру поставыла ще за

жыття чоловика, а радше передъ недугою ёго, абы малы колысь свій власный спокійный кутъ и не подилялы завше прыходства зъ молодымъ сотрудныкомъ. Іи чоловикъ, зъ прычыны своеи недугы, що не мигъ вже свои чыны сповняты якъ слидъ, видступывъ сотрудныкови добровильно циле помешкання, а въ додатку и вси доходы, а самъ зъ жинкою, Андрушою и двома молодшыми донькамы, Лидіею та Оленою, переселывся далеко видъ села, до малого свого домыка, щобъ маты цилковытый супокій, якъ це вымагавъ ёго станъ здоровья. Тутъ прожывала вдова по ёго смерти, зъ сыномъ Андрушою, ось досы, т. е. до повороту другорядного сына Ёсыпа. Убого и запущено выглядало повсюды, навкругы малои хатыны зъ обійстямъ. Мали нызеньки кимнаты, освичени дрибнымы викнамы, хоронылы ще де-яки мебли зъ давнійшыхъ, липшыхъ часивъ, але зъ-надвору вдарявъ бракъ порядкуючои рукы. Стара, колысь така славна газдыня, втратыла вже свою сылу и ледве що могла справлятыся зъ своимы хатнимы диламы, а черезъ те, що господарка вымагала такъ само зъ-надвору порядкуючои рукы, якъ и въ хати, и іи и тамъ не доставало,—падалы на першый поглядъ въ око всюды пануючый неладъ и недбалисть.

Молодшый видъ Ёсыпа сынъ, колысь то названый «господаремъ», Андрушка, бувъ тутъ самовладець и ёго панування робыло прыкре и сумне враження цилковытого занепаду.

Мижъ тымъ, якъ саме теперь (передъ вечоромъ) бувъ Ёсыпъ занятый упорядковуваннямъ кореспонденціи свого батька зъ дитьмы,—сыдила маты, видпочываючы недалеко видъ теплои печы, похылывшы голову на груды, якъ чыныла це видъ смерти мужа несвидомо и мала своёго «піяка» за едно передъ душею.

Іи думкы булы таки: остатнимы днямы намовлявъ іи Ёсыпъ перейихаты въ ёго димъ за-для ёго несчасного сына; бо навить горда іи невистка «невирна Рутъ» упокорылася запросыты стару незначню матирь свого чоловика, гарнымъ пысьмомъ, прыбуты до ныхъ и заопикуватыся биднымъ іи сыномъ...

Однымъ словомъ... неначе завзялыся до неи, щобъ іи вырваты зъ отцёго глухого закутку свита, де неначе незамитно западалася зъ литамы въ землю до своёго чоловика. И все було бъ воно вже добре, вже була бъ зо всимъ тымъ помырылася и дала соби раду—вона жъ не одно вже перебула на своимъ вику,—але якъ мала оставыты тутъ своёго молодшого сына, своёго «піяка», котрымъ не займався окримъ неи и іи сельскои товарышкы, старои Катерыны,—нихто;—объ тимъ не думало жадне зъ ныхъ. Тому, що ёго жыття було въ очахъ всихъ «звыхнепымъ», то кождый уважавъ злышнимъ займаться ёго долею, жыттямъ. Вона сама одна не забувала про нёго, а особлыво жъ булы іи думкы остатнимы часамы пры нимъ.

И теперъ, якъ сыдила зъ старшымъ сыномъ, видпочываючы зъ хатнои праци (слугы бо вже въ ныхъ не держалося видъ давна), глядила несупокійно въ викно. На двори заносылося на заверюху и сниговыцю, и вона вычикуючы Андрушу, терпила мовчкы. Все терпила найглыбше, колы мовчала. А прысутнисть старшого сына неначе спыняла и заважала іи въ тимъ терпинни Вона була звыкла все терпиты сама.

Наколы розбурхани витромъ снижыны былыся жмуткамы до викна, прывыджувався ій передъ очима пьяныця Андрушка, десь бродячый въ снигу по поляхъ. Боялася завсигды зимы: вона була для несчасного пьяныци найгиршою порою въ роци. Винъ бувъ слабкого здоровля и, пидпывшы трохы, тратывъ свидомисть, блукавъ годынамы по поляхъ, закымъ прыволикався врешти напивъ замерзлый до хаты, що стояла далеко видъ села, окроме посередъ належного до неи поля. Тому пережывала зимою, колы винъ выходывъ або выйизджавъ на-довше зъ дому, сами гиркп хвыли несупокою. Винъ мигъ десь упасты (уявляла себи), або забресты въ снигу, (хто ёго знае, куды винъ тамъ ходывъ), мигъ де-небудь въ снигу лежаты безъ тямкы и морозыстымы ночамы замерзнуты.

Скилькп то ночей перевела вона дожыдаючы, ще за жыття мужа, якъ винъ, все хоруючи, не знавъ, що округъ нёго діялося, а Андрушка за господарьскымы справункамы, до млына, або въ

лисъ, або на закупно въ мисто выйизжавъ—и не вертавъ! Тоди... мынався вже, зъ ёго видйиздомъ, и всей іи супокій! Нихто не знавъ й не бачывъ все такъ добре, *що воно зъ нымъ буде*, якъ вона. Нихто не вгадувавъ такъ добре напередъ, якъ вона. Неначе бъ ій хто все пророчывъ. Вона знала результаты кожного ёго виддалення зъ дому.

Вона одна и Господь Богъ зналы, яки бували въ неи ночи черезъ оттаке дожыдання... Чы прывезуть кони ёго цилого, чы пораненого, чы пошматованого, кривью облытого?.. Бо вже й таке зъ нымъ случалося, що прывозылы ёго на-пивъ мертвого, безъ свидомости. И якъ то вона мусыла все передъ хорымъ таиты, залагоджуваты, щобъ грызотою хорого ще бильше не ныщыты. Вси закыдкы и упевнення не здавалыся и такъ до ничого. Горе и налигъ въ тимъ ихъ несчаснимъ сыни булы сыльнищи, нижъ всяки постановы зъ ёго стороны, та упевнення и грозьба зъ ихнёго боку. Винъ бувъ навикы пропаща дытына.

Такымъ вже й постарився пры ныхъ въ господарстви; и помымо наукъ, пересторигъ и гострого нагляду зи стороны батька й іи, выйшовъ зъ Андруши налоговый пьяныця, якыхъ въ сели, окримъ нёго, ледве чы килькохъ ще було.

ГЛАВА VI.

Въ кимнати панувала глыбока тышына. Старенька маты не ворушылася, а Ёсыпъ, запалывшы соби цыгарку, прыдывлявся задумлыво до заметильныци на двори.

Здавалося, що мовчання було теперъ обоимъ пожадане; та ще обое неначе однымъ и тымъ самымъ предметомъ займалыся въ тій хвили.

Сынъ обернувся на-разъ до матери, та завважывшы утомленный выразъ въ іи облыччю, немовъ видгадавъ течію іи думокъ.

— Де дився зновъ ныни Андрушка?—спытавъ,—на двори розпочынаєтся заметильныця. Гляньте, мамо, завтра будуть дорогы зновъ завіяни. Мени выдытся, що ему було вчора за-мало піятыки, и винъ хоче соби ще ныни надолужыты. Се жъ пидлота крайня!—скыпивъ,—въ выду того, що вы лышъ ледви день-два

тутъ останете!—Есыпъ кынувъ сердыто цыгаркою объ землю, заложывъ рукы на плечи и задержався на хвылынку въ ходи, коло викна замовкъ сердыто. Стара маты прокынулася на ёго слова, мовъ сполохана, та лыше на те, щобъ въ слидуючій хвыли, немовъ зламана, перехылытыся впередъ.

Видъ тону, въ якимъ братъ про брата говорывъ, заболило ій серце, хоча вона видчула добре правду сыновыхъ сливъ и мусыла ёму тую правду прызнаты.

Одначе!..

Що знавъ винъ *о тимъ*, о чимъ знала *вона*, що видчувала вона!

Що знавъ винъ!

Тутъ истнувало стильки тысячивъ и тысячивъ оковъ, котри сами зъ себе укладалыся, выклыкуючы мымоволи все, що описля за кожнымъ разомъ вытворювалося и несчастя зъ собою приволикало! Але кожный разъ, колы котре зъ дитей, або навить самъ батько, высловлявся зъ погордою або караючо о пьяныци, падала іи душа буквально закривавлена облыччямъ до-долу. У іи биль бувавъ червоный якъ кровъ, и жадна людська душа не хотила іи въ тимъ пощадыты и зрозумиты. Се була іи кривава тайна, при тій безталанній дытыни іи найтяжча драма, котра не хотила николы кинчатыся и все що разъ трагійнійше повторялася.

Здавалося, жадне зъ іи дитей не держало іи душу въ такимъ болючимъ руху, якъ сей слабосыльный чоловикъ!

И якый бувъ винъ пры всимъ своимъ несчастю добрый! Якъ ридко случалося, щобъ яке грубе, або непогамоване слово выхоплялося зъ ёго устъ! Лыше колы бувъ зачепляный або враженый по пьяному, тратывъ всю свою, ёму властыву, доброту и терплывисть, хапавъ, що въ рукы попадалося, хоча-бъ и сокыру.

Въ такыхъ хвыляхъ—дрожала навить сама передъ нымъ, хоча могла ёго иноди якъ шовкъ округъ пальця обвываты.

Теперъ сыдила все ще неповорушно и мовчала. На-разъ обизвався сынъ:

— Мамо,—сказавъ,—я бы хотивъ отъ ци вси лысты, що я ихъ упорядкувавъ, зъ собою забраты, бо лыпаты ихъ тутъ нема

раціи: Андруша ледве чы буде ихъ колы чытаты; я взагали сумниваюся, чы винъ ще чытаты и пысаты уміе, особлыво-жъ пысаты. Хыба що може ще колы пидпысуется. Ёму бувалы, о скильки я соби ще давнійши лита прыгадую, кныжка й перо завсигды дуже протывни. Чы винъ чытае подеколы що-небудь?

— Календаря...—видповила маты несмилыво.

— Всежъ такы? Ну на таке воно въ нёго й показуе!—

Въ души старенькои матери задрижало болючо. Скильки разивъ бувавъ упокорюваный, вона все за нёго терпила.

— Скажить, будьте ласкави, мамо, куды то винъ ныни пойихавъ зновъ? Винъ, якъ бачу, фурманомъ зъ тиломъ и душею!

— Це винъ и йе. Кони въ ёго одынока ричъ, до котрои винъ дійсно зи всеи души прывьязаный. До якои степени, скажу тоби отцей прымиръ. Одного разу обицявъ ёму батько купыты доброго й дорогого коня, колы повздержытся черезъ цилый рикъ видъ всякыхъ напыткивъ,—и винъ повздержався. Якъ неимовирно воно звучыть, мій сыну,—а винъ выдержавъ обицяный цилый часъ! Але за те якъ звирына станула вже въ стайни,—допывся винъ такъ страшенно, що ёго очи ажъ позапухалы, и винъ черезъ тры дни зъ стрихы въ стайни не злазывъ. Тамъ бувъ ёго сховокъ до выспання по такыхъ прыгодахъ...

Видтакъ подилывъ соби часъ на тры часты: пыльна праця, кинь и корчма...

— Мамо, якъ давно запывается властыво той чоловикъ?

Стара маты похытала сумно головою и видповидала мовъ оправдóвуючысь:

— Ты думаешъ, Ёсыпе, що Андруша пье справди такъ багато? Винъ потребýе лыше оденъ килишокъ, и вже готовый; винъ цёго николы не прызнае, але о тимъ знають вси, для того-то бувала й бувае въ господарци черезъ нёго утрата и шкода. Одну часть пропье винъ самъ, а тры часты вытуманять и вкрадуть въ нёго добри ёго товарыши, або хто вже тамъ мае въ на мири загарбаты въ нёго те, що кому якъ разъ треба... А розпывся винъ властыво зъ часу, якъ бувъ у одного лисничого за

помичныка. Батько давъ ёго въ рикъ по твоимъ видйизди, и мколы пересвидчывся, що ёго школою й кныжкою нема що мучыты, давъ до одного знаёмого лисныччого, котрый якъ разъ потребувáвъ молодого хлопця на практыку; а винъ, пробувшы тамъ ледви рикъ, закохався въ сестру лиспычого, старшу якусь дивчыну, и давай мучыты іи, щобъ выйшла за нёго.

Дивчына, розуміеся, о такій бесиди й чуты не хотила; разъ— винъ бувъ видъ неи молодшый, а по-друге—за кого й було тамъ выходыты замижъ?.. Тожъ, замисть всякои надіи, просто видмовыла ёму, наказуючы доволи строго весты себе въ службі якъ слидъ, добыватыся кусныка хлиба, а вже потимъ и женытыся, зъ кымъ той часъ захочется; «а мене зоставте въ супокою»,—мала видказаты.

Винъ взявъ соби ту іи (якъ самъ оповидавъ) «поныжаючу» видмову такъ до серця, що почавъ ночамы запыватыся, щобъ свій жаль забуты...

А що тамъ не обходылося безъ товарыства, а передъ тымъ всимъ гострішого надзору не було, допывся винъ вже тамъ такъ сыльно, що батько, не выжыдаючы на ёго поправку у лисныччого, пойихавъ самъ по нёго й забравъ зъ собою до-дому. На скильки це було лиише, що винъ остався опісля вдома, а не мижъ чужымы, я ныни добре розсудыты не можу. Знаю лышъ тильки, що винъ тутъ не гамувавъ себе далеко бильше, нижъ тамъ. До того неустанне товарышування зъ простымы сильскымы парубкамы, до котрыхъ ёго вже бильше тягнуло, якъ до интелигенціи, а наразъ и въ добре лыхо затягнуло, и по-воли, по-воли дійшло до того, що винъ ставъ сторонытыся видъ лишшого товарыства цилкомъ, а батька, котрый зъ нымъ безпощадно строго обходывся, почавъ уныкаты, мовъ свого ворога. За це вымовлявся строгостю батька, котрый що-правда разъ-у-разъ выловлявъ ёго на неправди й піятыци, и такъ выходыло, що хочъ якъ бажалы мы ёму добра й иншои жызни, винъ все-такы мавъ свои прычыны ходыты до корчмы, тайкомъ чы явно, и запыватыся. Пизнише почавъ гниватыся, що батько надто багато втручается ёму въ господарство и не дае самому

господарськи дила перепроваджуваты,—и знов була прычына мижъ «прыятеливъ» ходыты и всяки жали запываты... На всяки упевнення и мольбы батькови й мои не марнуваты въ такый огидный спосибъ найкращи лита и здоровля и майно, що ёму виддано въ рукы, оправдувався тымъ, що въ нёго нема ни жинкы, ни дытыны, для котрыхъ мавъ-бы маеткы «збываты», и що винъ до-воли старый, щобъ знавъ, що становыть для нёго счастя, а що несчастя.

Винъ, мовлявъ, працюе тяжко, удержуе батька й матиръ, (бидный батько почавъ вже чымъ разъ бильше занепадаты на здоровля), працею своихъ рукъ, пры чимъ показувавъ зъ гордистю мозоли на своихъ дійсно спрацёваныхъ рукахъ; не робывъ никому якого-небудь закыду,—нехай же лышать и ёго вже разъ въ супокою. Скильки ёму до жыття потрибно (мовлявъ)—винъ соби завжды годенъ запрацюваты, хотяй бы ёму лыше кинь и батигъ осталыся.

На тимъ кинчавъ свое оправдування.

Звычайно старався батькови якъ найскорише зъ очей зныкнуты, або вмовкавъ такъ уперто, що иноди можешъ до нёго й годыну якъ хочешъ говорыты, винъ а ни пивъ-словечкомъ не обизвется.

Чудно поводывся винъ иноди!

Николы не бувъ винъ въ сыли (ба йе навить ще и теперъ все такымъ) видмовыть кому небудь яку просьбу; нехай бы ёго о що прошено, винъ завсигды буде старатыся бажання кожного сповныты, чы кого-небудь въ одній або другій справи поратуваты.

Таке серце въ нёго!

Глянь, въ якій одижи винъ ходыть,—чы на нимъ йе хочъ одна ричъ, що дійсно ёму належыть. Боже бороны! И це въ нёго хтось выдурывъ, и той за гирше заминявъ, и той на вичне виддання выпожычывъ, а винъ въ самимъ лахмиттю або зъ другыхъ перебранимъ оставсь.

Докы я жыю и годна, я все стараюся, щобъ винъ мавъ чысте, биле на соби и яку таку одежыну на тили,—але якъ я колысь замкну очи, то винъ одынъ останется дійсною сыротою и

опущенымъ, хочъ яка въ нёго борода сыва и винъ себе старымъ называе. Въ тимъ пьяныци йе щось вично неповнолитне и дытынне, що показуе ёму свитъ завсигды гарнымъ и въ рожевымъ свитли! И може въ тимъ и крыется ёго безталанне счастя!.. Але я не умру черезъ нёго спокійна, *бо не маю ёго на кого оставыты.* Винъ моя найнесчаслывійша дытына—хочъ и якою розшарпаною и покаличеною йе доля всихъ васъ прочыхъ...

— Андруша! Андруша!—застогнала на разъ маты въ голосъ и іи очи зайшлы слизьмы,—то ты выбравъ соби найордынарнійшу судьбу. А дытыною мавъ ты таки чудово нижни губынята й умивъ-есь такъ любо та щыро коло матери пестытыся. А помымо того не *проклынало* ни одно зъ дитей свою матирь, лышъ ты одынъ! ты однисинькый!.. Господы Боже, змылосердыся надъ намы!

Другорядный сынъ обернувся зъ переляномъ до матери.

— Якъ, мамо?!—клыкнувъ зъ нетаенымъ перелякомъ,—цей негидный важывся васъ проклынаты? чому вы мени о тимъ николы передше не пысалы?—

— Тыхо, тыхо, мій сыну!—успокоювала старенька зъ ледве замитнымъ гиркымъ усмихомъ,—це вже така давня застарила писня, що я іи вже й сама забула! А все жъ такы по всихъ такыхъ тяжкыхъ хвыляхъ сыдила пры ёго постели и усыпляла мольбамы до Спасытеля. Особлывожъ *одного разу*, а винъ повторявъ мольбы зо мною. Такъ, такъ мій сыну; ты сёго не розумієшъ, якъ и багато, багато де-чого иншого не розумієшъ. Андруша молывся, хоча по пьяному, а все-такы повторявъ молытвы за мною, и мовъ сама засыпляючы, повторыла пивъ-голосомъ:—молывся, сынку, зо мною...

— Але бійся Бога, мамо!—поклыкнувъ зъ жахомъ, обурено, сынъ,—того чоловика, маючы ёго такымъ передъ собою, бувъ бы я не знаю що... а вы моглы ёго—молытвамы до сну успокоюваты?! Вы жъ малы безпрытомну звирыну коло себе!

— Тыхо, тыхо, мій сыну!—успокоювала старенька маты якъ передше, лыше цимъ разомъ несказанно-лагиднымъ голосомъ,—се вже така давня й застарила писня, що я іи й сама бильше

не тямлю. Хто бъ ще й згадувавъ та зворушався тамъ нею! Тогдишня ничъ, колы воно все скоилося, пожéрла все... Се жъ була тыхесенька, ясна, мисячна, зимна и морозыста ничъ, а смерть заедно коло моихъ виконъ выблыскувала косою. Чы ты думаешъ, що чоловикъ не радъ, колы годенъ передъ нею двери зачыныты, на которого заносылося *молытвамы* до сну уложыты? ты не знаешъ ничого про таки ночи, и тому тоби бракуе розуминня, лагидносты й бодросты въ осуди такыхъ ричей, въ осуди твого безталанного брата!

— Але, мамо, батько! чы винъ жывъ ще тоди?—

— Жывъ. Це лучылося якъ разъ передъ самою ёго смертію и винъ перебувавъ тоди вже зъ твоимы обома сестрамы, Лидкою и Оленкою, у твого шурына въ мисти, пидъ ликарськымъ доглядомъ... а я була тутъ сама одна, въ отцій самій постели, зъ Андрушкою...

— Якъ воно сталося, мамо? якъ сталося? прошу, розскажить мени!—просывъ зворушеный сынъ и, пидійшовшы скоро й блызько до неи, сивъ и глядивъ неспокійнымъ поглядомъ на билоголову матирь.—Це мусыте мени, мамо, оповисты, це я мушу знаты, це я Андруши не прощу,—нехай що винъ безталанный, нехай ще й я не счаслывійшый, але сёго я ёму николы не прощу. Винъ йе звирюкою, а до звирятъ треба пидступаты зъ батогомъ.

Та тутъ пидняла стара маты, погрожуючысь, палець.

— Мій сыну, мій сыну!—сказала,—колы я помру, я на тебе Андрушу не полышу. Винъ не йе вже теперь а ни для свита, а ни для людей. Я ще Богу дякую, що ёго душа не запропастылася цилковыто. Морально винъ не збывався, хочъ и якъ винъ себе змарнувавъ. Але й винъ мае свои шляхетни хвылыны. Не смій николы зъ нымъ обходытыся жорстоко! Пьяныця винъ, отой мій сынъ, слабои воли, немичный, котрый ще до того ставъ брехлывымъ, лякаючыся гострого й збачлывого ока свого батька, але въ нимъ нема ничого злого, жорстокого.

— Я не мавъ на думци, мамо, що ёму заедно жорстокого трактовання треба. Надъ нымъ треба лыше сыльнійшои

рукы, котра бъ нымъ конче въ ёго власнимъ интереси кермувала. Мени ёго жаль, и я думаю, що найсыльнище, що въ нимъ йе, це ёго нáхылъ до пыття. Винъ бувъ бы въ сыли навить щось значного сповныты, колы бъ ёму въ надгороду обицяно пестыслену волю впытыся. Але все жъ такы, мамо, всежъ! якъ ёго уста не усохлы, колы обыджувавъ тебе такъ нечувано, то я не можу соби порадыты!.. Але тоди була такожъ хвылына, въ котрій була повынна одна «зміина» голова видбытыся! Я не хочу ничого билыше казаты и далекый видъ того, щобъ зробыты вамъ, батькови, або кому-небудь на свити, якый закыдъ за нёго; але мени все здается, що колы бъ винъ бувъ въ молодшыхъ литахъ доставсь у сыльнійши рукы нидъ керму, якъ ваши,—зъ нёго булы бъ люде выйшлы. Але вы булы вси разомъ за-надто добри й поблажлыви для нёго; вы, мамо, и батько, й сестры, особлыво жъ вы и сестры, а то черезъ боязнь передъ батькомъ и «сценамы». Це я самъ по соби знаю. За те маете теперъ таки сцены, котрыхъ, правда, не выдно по театральныхъ сценахъ, але за те воны не меньше морозъ на тили выклыкають..

Матиръ прытакувала головою.

Вона те сама всé знала, и ще багато иншого, що други не зналы, а й те, зъ чого други робылы *ёму* зáкыдъ. Господы велыкый!—знала сама, нехай бы ёго лышъ не докорювано! Не докорювано... Це було одно, чого не могла за для тіеи своеи дытыны и за для себе переносыты, видъ часу, якъ злый духъ станувъ за нымъ...

— А скильки вамъ, мамо, таки нични сцены души й чуття стоилы, то просто страшенно й подуматы! Мамо, звидкы берется у васъ ще серце для того чоловика?--

Вона здержувалася зъ видповиддю.

Въ грунти бувъ бы винъ іи все такы не зрозумивъ. Вона була всимъ дитямъ одна матиръ, але и була кождій дытыни зъ-окрема зъ глыбыны серця *по-одыноко* матирью. Вона мала для кождого зъ своихъ дитей *окреми* очи и для того годна була любыты и *тамъ*, де други видчувалы погорду й ненависть. Годна була сыльно и глыбоко любыты.

Врешти вона голосно сказала:

— Въ тыхъ сценахъ бувъ винъ такожъ моею дытыною! Хоча я тоди передъ ёго здычилымъ поглядомъ и ёго словамы дрижала. Не зворушуйся и будь спокійный,—я тоби розскажу, якъ воно пишло. Це проста и коротка подія и,—якъ вже сказано,—давня й прызабута писня... Не зворушуйся, бо воно мени болячé! Слухай радше, а видтакъ и самъ побачышъ!..

И почала:

— Колы твоя найстарша сестра пры своій четвертій дытыни пюмерла...

— Простить, мамо, колы я вамъ заразъ-же на початку перебываю,—перебывъ іи сынъ,—але я николы докладно не знавъ, якъ жыла вона зъ своимъ чоловикомъ. Я жывъ завше такъ въ виддаленню видъ васъ,—зразу пры війску, а потимъ черезъ свою несчастну женытьбу,—дистававъ такъ ридко и таки не докладни звисткы про всихъ, що тильки теперъ почынаю вси подіи въ родыни пизнаваты и осуджуваты: хоча про найстаршу сестру знаю, що вона зробыла таку «добру партію» и выйшла замижъ зъ любовы.

— О, справди, що зъ любовы... мій сыну,—прытакнула маты.—Вона й була одна найсчаслывиша зъ моихъ дитей. Іи мужъ любывъ и шанувавъ іи незвычайно, а до того мáлыся и матеріально не-абыякъ. Не дурно говорылы люде пры звистци про іи смерть, що завыдування убыло ихъ счастя и тому мусило одно зъ ныхъ умерты. Памьятай, сыну,—де чоловикъ добрый, тамъ жинка лыха, а жинка добра, тамъ чоловикъ лыхый, а де обои добри, тамъ одно умирае; такъ вже воно бувае, мій сыну... Мій викъ и мои досвидчення жытёви переконалы мене въ тимъ. Знаешъ, сыну, що винъ робывъ, колы дистававъ добру плату за свои будивли, яко техныкъ? Увійшовшы до неи въ кимнату, винъ або стававъ тыхо, незамитно за іи плечыма и опускавъ отрымани банкноты по-пидъ іи голову, передъ облыччямъ, або якъ ни, то станувшы на порози іи кимнаты, клыкавъ іи пестлыво до себе, кыдаючы мовъ мячемъ ґрипмы до неи. А вона вже все напередъ знала, чого винъ маневруе за іи плечыма. Гарни й

нижни хвыли видбувалыся мижъ нымы! О, вона одна, отця моя найстарша зъ донёкъ, вона була найсчаслывійша зъ моихъ дитей, хоча и якъ вчасно поклыкавъ іи Господь видъ чоловика й дитей. Такъ мій сыну, вона була на стильки счаслыва, на скильки була гарною и доброю.

Боже! колы-бъ могла теперь встаты зъ гробу й побачыты, що зъ іи биднымы сыротамы діется, надъ котрымы розбывалася й тремтила, колы-бъ могла побачыты, хто и яка ихъ мачуха, то...—старенька маты махнула рукою и пыше додала:—але Богъ взявъ самъ сторожыты надъ сыротамы, одно, себъ-то наймолодшу дытыну, поклыкавъ за матирью до себе. Вси прочи тры іи сыны, хоча й якъ занедбани збайдужнилымъ батькомъ и поневиряни паганою мачухою, вчатся добре и ведуть себе, якъ Богъ прыказуе. Господь сторожыть самъ надъ сыротамы, якъ колы яка маты замкне очи навикы... Колы отже Марія пры четвертій дытыни Богу душу виддала, занедужавъ батько такъ, сыну, що мы мусилы ёму іи смерть затаиты, и тильки въ рикъ пизнише, колы показалося, що винъ мусивъ до миста перейихаты, щобъ буты за-едно пидъ ликарськымъ дозоромъ, прыйихавъ повдовилый твій швагеръ и забравъ ёго до себе. Тильки тоди довидався, що найстаршои доньки ёго вже нема. Видтакъ выйихавъ, а зъ нымъ ще й Лидка, «що була вже наречена своёго шурына», и Олена. Лидка до догляду батька, бо вона, можна сказаты, була рожденою сестрою мылосердя и можна було на неи у всимъ спустытыся; а разомъ зъ тымъ ма́ла потрохы доглядаты осыротилыхъ дитей своёго шурына, котримъ мала статы за пивроку матирью; мы булы цымъ вдоволени, тымъ бильше, що за то любывъ и шанувавъ іи правдыво.

Олену выслала я въ-разъ зъ нею и батькомъ въ мисто, щобъ була Лидци помичъ, особлыво жъ въ догляданню батька въ хвороби, бо була сыльнійшого здоровля,—а по-друге щобъ учылася кравецтва и знала соби въ свити, въ потреби, чымъ-небудь заробыты на кавалокъ хлиба. А я вже тутъ осталася сама, дбаючы та прыроблюючи отуть зъ Андрушою сяки-таки

грошенята, щобъ продовжыты батькови викъ. Батько остався въ мисти вже й цилый послидній пивъ-рикъ, ажъ до своеи смерты.

Въ послиднихъ дняхъ того пивъ-року, лучылося одного разу, що я мусила Андрушу выслать зъ грышмы и рижнымы потрибнымы дивчатамъ ричамы въ мисто до ныхъ. Якъ вже мабуть самъ здогадаешся, велося намъ вже пидъ той часъ матеріально дуже не добре. Зъ прыходства одержувалы мы всёго такъ мало, що зъ тымъ не було що й чыслытыся; господарка пидъ рукою Андрушы прыносыла лышъ тильки, що могла насъ обохъ сякъ-такъ выжывыты: часомъ можна було десь-що спродаты, та абы вымогы хворого въ мисти заспокоиты, або прыпадаючы податкы поплатыты.

И по-воли, по-воли, мій сыну, дійшло до того, що я мусила де-що злышне зъ хаты и зъ давнійше настараного продаваты и здоровля хорого пиддержуваты, то зновъ тутъ и тамъ затягнени довгы сплачуваты. Одже—якъ кажу—прыдбала одного разу зновъ трохы грошенять; а тяжко прыпало воно мени тоди, лышъ Господь одынъ знае, якъ тяжко въ моему вику; але врешти воно мени вдалося, то и не буду довше про тее згадуваты.

Позапаковувавшы въ визъ все власною рукою, що було хворому и дивчатамъ въ мисти потрибне, я выпроводыла Андрушу въ дорогу зъ прозьбамы и мольбамы. Бороны Боже не поступаты нигде по зайиздныхъ корчмахъ, та прыстанкахъ пидъ часъ тіеи килька-годынноп подорожи до хворого, щобъ несчасный пáлигъ не перемигъ ёго, та щобъ винъ не протратывъ и не пропустывъ марно, що вдома такъ гирко збиралося; а тамъ въ мисти хворый и дивчата нетерплыво посылкы зъ дому выжыдалы Грошы я ёму повисыла зъ мошонкою власноручно на груды и, прохаючы та благословляючы ёго по килька разивъ, выряжала зъ щырымъ серцемъ въ дорогу.

— Ты вже не малый, Андруша,—упомынала я ёго въ последній разъ поважно и по доброму,—памьятай про тее, що батько въ послиднихъ своихъ дняхъ въ своій немочи, полышеный на ласку й неласку своеи родыны, и що жинка ёго й диты мають обовьязокъ про нёго дбаты, бо винъ дбавъ щыро про ныхъ

всихъ, видъ тои першои хвылыны, якъ тильки взявъ обовьязокъ на себе дбаты й трудытыся для ныхъ. И винъ чынывъ се, мій сыну, чынывъ безъ огирчення, або дорикання, якъ це иноди случается и въ найлипшыхъ родынахъ. Теперъ же самъ знаешъ, винъ слыве цилкомъ на ласци въ свого зятя, а зять немае обовьязку трудытыся у всимъ коло нёго. Памьятай про велыку гордисть твоёго батька, и про гиркй хвыли, яки винъ безъ сумниву въ наслидокъ своеи той завысымости и своёго теперишнёго положення мусыть видчуваты. Тому,—о скильки намъ наши сылы выстарчають и позволяють,—мусымо для него трудытыся и ёго физычно й морально пидтрымуваты, бо, якъ и самъ знаешъ, писля высказивъ ликарськыхъ... ёму вже нема довгого вику... и конець може несподивано кождои хвыли наступыты.

Будь сыльный, Андрушо! будь, бодай сей однисенькый разъ, сыльнымъ мужчыною, та выведы твое завдання чесно и якъ повага хвыли вымагае. Батько буде спокійнишый и за мене, колы побачыть тебе тверезого. Хто знае, чы буде ще й потрибно йихаты зъ чымъ-небудь до нёго. Звисткы про ёго станъ мы вже видъ Лидкы давно не малы, а самъ знаешъ, що іи звычаемъ йе мовчаты, колы ёму погиршуется, щобъ на мене грызоту и смутокъ не наводыты.

Памьятай и про мене, бо я-жъ николы за тебе не забуваю,—якъ неспокійно и нетерплыво буду твоего повороту дожыдаты. Колы будешъ отже жваво йихаты та, не попасаючы, нигде, окримъ батька въ мисти, задержуватыся, то зможешъ (теперъ же рано) выгидно надъ-вечиръ дома въ мене назадъ буты.

Йидь же, мій сыну Андрушко... йидь и нехай тебе Господь, счаслыво запровадыть!—Кажу то, Ёсыпе,—перервала стара маты свое оповидання,—що, щó лыше було въ мени зъ сылы, щырости й доброго, я все те старалася вложыты словамы въ ёго груды, абы лыше державсь сыльно и выпровадывъ свою задачу якъ слидъ.

И винъ прыобыцявъ мени тое... и, поцилувавшы покирно въ руку, пойихавъ.

. . . .

Я помолылася, якъ кождымъ разомъ, колы винъ зъ дому выйизджавъ, и провела его.

А дали лышъ очима пыльнувала его, о скильки мени на те лыше мій викъ позволявъ.

Може, винъ буде держатыся, потишала я свое бидне серце. Може, Богъ возьме его въ свою опику,—сёгодняжъ недиленька свята, то може, вона буде для ныхъ *тамъ* и для мене тутъ счаслыва.

Врешти, колы мени вже зъ очей зныкъ, вернулась я въ хату, забрала свою палыцю и, замкнувшы, пійшла..

Зразу навкругы хатыны й саду, а потимъ поволи чымъ-разъ дали й дали въ поле.

— День бувъ осинній, але погидный, хоть не саме теплый, и я пійшла оттакъ, щобъ яку жыву душечку встринуты. Зъ видйиздомъ Андрушы опанувавъ мене якыйсь мучлывый несупокій, котрій мене неустанно пидгрызавъ.

Стерня розлягалася далеко и пусто передъ моима очима и якась дыка самотнисть далася навкругы видчуты; и мене, стару жинку, обгорнуло на разъ почуття, неначебъ въ тій тышыни прыблыжалась звидкись до мене невыдымо смерть, и я мала... десь, тутъ або може и тамъ, въ землю запастыся...

Разъ-въ-разъ мала я Андрушу передъ очима, а зъ нымъ и дорогу, котрую мавъ перейизжаты, и котру я ажъ надто добре знала. Якъ и самъ добре знаешъ, маючы васъ въ школи, я йиздыла нею не разъ. Отже я знала,—насампередъ йихавъ винъ гарною спокійною околыцею, видтакъ якыйсь часъ по-пры велычезный, пышный лисъ, видтакъ черезъ маліи сильця, одно передмистя, а въ-кинци вже просто до миста. Все те я бачыла выразно въ души и немовъ держала кроку зъ его жвавымъ сыльнымъ конемъ, щобъ лышъ его чымъ скорише у хворого батька побачыты.

Зъ тою думкою вышла я въ поле, а заразомъ зъ невыразнымъ бажаннямъ въ души яку-небудь людську душечку встринуты, съ котрою було-бъ можна самитнисть тои дныны легше затерты.

Одначе я не стринула никого, бо на поляхъ було вже по роботи; а колы хто зъ сильськыхъ мешканцивъ не мавъ дила до мене, то, заходывъ теперъ лышъ ридко до нашои хаты.

Тожъ я глянула далеко впередъ себе и на дорогу, що вела до миста, а не побачывшы и на ній никого, поблагословыло мое старече око цилу околыцю, якъ передше, и я вернулась до хаты. Повернувшы сюды, я побачыла пидъ хатою на прысьпи коло входовыхъ дверей—стару Катерыну, котру знаешъ, вдовыцю по нашимъ дяку и,—я можу смилыво сказаты,—мою одыноку дорадн503ыцю и потишныцю моихъ найтяжчыхъ днивъ, а тутъ одыноку товарышку. Вона прыйшла ще зъ однымъ господаремъ, котрый вернувъ якъ разъ ныни зъ миста, то одвидавшы тамъ и мого мужа, та розвидавшыся тамъ про ёго здоровля, а спытавшы у дивчать, чы не мають мени що переказаты, прыйшовъ про все оповисты и передаты поздоровлення видъ мужа и дитей.

— Ой, не добре выглядае нашъ панъ-отчыкъ, татко нашъ! (перервавъ господаръ свое оповидання) не добре, и вже зовсимъ зисохъ; Господь знае,—але ёго пожовкле и почорниле лыце не заповидае ёму багато днивъ... Смерть вызырае ёму вже зъ очей. Не мигъ вже добре говорыты, а голову мусила ёму вже ваша Лидочка пидіймаіы, колы хотивъ мене липше побачыты. Вамъ лыше не кажуть ничого пани-матко, але я кажу, що ледве килька день позистане на симъ свити. Мое серце немовъ застыгло въ мени, а раптовый жаль видобравъ мову. Я видчула наразъ, якъ прыблыжалася моя самитнисть на симъ свити, передъ котрою я зъ самого початку недугы вашого батька боялася... Катерына, та щыра и мудра жинка, видгадала мои почування и обизвалася.

— Идить, куме, идить! Вже сте десь за тоту годыноньку, що тамъ перебулы, и смерть у нашого татки побачылы! Погадайте лыше о тимъ, що панъ-отець вже не сёгоднишни, и що старый чоловикъ въ слабосты, а особлыво-жъ въ довгій лежи инакше выглядае, якъ молодый!

— Та се-жъ бо то й ие!—поправывъ іи кумъ,—молодый трохы въ хвороби поблидне, трохы пожовкне, видлежыть свій часъ, а дали выдышъ,—винъ вже й ставъ. Але старый,—паниматко,—старый (звернувся зъ прытыскомъ до мене), старый перебирае въ тяжкій та недобрій хвороби иншій выдъ, надъ старымъ смерть за-едно похылена, и винъ мусыть ій такъ довго въ очи глядиты, докы вона позистае надъ нымъ и въ ёго очахъ не видобьется. Дай, Боже, щобъ я отце передше лышъ такъ заговорывся, и дай ёму ще не одну добру й веселу днынку пережыты,—але я все такы кажу вамъ отце, що знаю. Винъ бувъ для нашого села, не якъ панъ-отець бувають, але бувъ якъ ридный тато дитямъ своимъ. Винъ насъ научавъ, винъ насъ потишавъ, рятувавъ, до розуму провадывъ, и мы заедно жалуемо за нымъ, видколы мусивъ зъ-помежы насъ уступыты. Цей теперешній,—молодый, винъ нибы такожъ добрый, и не одно знае и научае, але щобъ по правди сказаты, паниматко, такымъ таткомъ, якымъ бувавъ вашъ панъ-отець для насъ, винъ намъ ныколы не буде.

И це не лышъ я кажу, але и все село. Такъ. Але оть ще, колыбъ не забуты: винъ просыть васъ не побыватыся и не грызтыся, а здатыся на Божу волю. А я потишавъ ёго и казавъ: «не журитеся (кажу), татку, не журитеся. Паниматка вже такожъ подалася, якъ и вы, и волиe зъ палыцею ходыты, якъ безъ неи. Але вы знаете—кажу—що вона зъ зализа и навить и тоди зъ зализа, де иноди й мужчына слёзу зъ очей зитре, а винъ бидненькый лышъ сплакавъ и замовкъ.

Такъ казавъ я ёму. А панна Лидія, старша ваша донечка, побачывшы мене и полышывши на сторожи коло хворого на хвылыну,—напысала отце пысьмо до васъ и—оть ёго вамъ! Вона такожъ дуже помарнила и поблидла. Вона була завсиды дрибна и тоненька, якъ дытына, а теперъ то стала вже така, що чоловикъ взявъ-бы іи на долоню. Ни, паниматко, вже гнивайтеся за тое смилыве слово, або ни, але такы такою гарною, якою була ваша небижка найстарша донька, то вже жадна зъ вашыхъ до-

нёкъ не йе. Хиба ще, може, ваша панна Зоня, що іи забрала ваша сестра за свою, и ще панна Лидка. Але вже ваша середуща, чы якъ іи звуть Оленка, то вже такы зовсимъ нибы видъ всихъ дитей видродылася.

Що правда, вона здорова й говорлыва хоть бы и теперъ, колы батька незабаромъ вынесуть зъ хаты; але пры тимъ и така гостра, що передъ нею й чоловикъ злякавсь-бы! Якъ стеремкотила на мене, колы я, незнаючы въ котри двери, зайшовъ до вашого зятя. Ажъ мени соромно стало, та на счастя надійшовъ и винъ якъ разъ зо мною, и вказавъ дорогу до панны Лидкы. Скажить,— перепрошуючы васъ, паниматко,—тягнувъ дали знаёмый газда,— чы се правда, що панна Лидія мае незадовго за вашого зятя виддатыся?

— Правда,—кажу,—Дмытре... правда! Винъ посватавъ іи заразъ по роци смерти своеи жинкы,—пересвидчывшыся, що Лидія добра й щыра не лыше до родычивъ и цилои родыны, але й для ёго сыритокъ. Колы ёму було найтяжче зъ дитьмы, по смерти жинкы, вона ёму свои труды видбирала и тому винъ іи дуже ушанувавъ.

— А така дрибонька и маленька, паниматко,—и така робоча й добра! оть—то дытына! Дай ій, Боже, добра замужемъ! Я гадаю, що вона мае й теперъ досыть на своій голивонци! Казала мени, що мае дуже мало помочи у всимъ въ роботи и мусыть ще окримъ доглядання батька займатыся й осыротилымы дитьмы своеи сестры.

Але чытайте лыстъ, пани-матко! Вы цилкомъ забулы, що маете лыстъ въ рукахъ. Чытайте и не журиться! Господь Богъ добрый, подбае й на-дальше про васъ!..

ГЛАВА VII.

Я неначе збудылася послиднимы словамы чоловика зъ задумы про хорого чоловика и дитей, тамъ въ мисти; и тому перечытала лышъ скоро й зворушено коротке пысьмо Лидчыне, пы-

сане также въ поспиху и въ очевыдному зворушенню; лысть той бувъ бильше-менше такого змисту:

«Дорога мамо! «прысылайте якъ найскорше ричи и, колы можете, трохы грошенять. Вышлить и мою брансолетку, котру я лышыла у васъ и котру я-бъ хтила заставыты, бо я не годна довше дывытыся на батька, якъ винъ въ своихъ, може послиднихъ дняхъ жыття выдаткамы, яки прывела ёго довга и тяжка недуга, журытся, а передъ всякою значнійшою помочею свого зятя жахается.

Мій суженый—добрый, мамо, дуже добрый, але я це розумію, що батько, будучы, такъ сказаты-бъ, въ нёго теперъ на ласци, видчувае глыбоко свое невидрадне положення. Воно й такъ вже досыть, що мы тутъ въ нёго замешкуемъ, и винъ оплачуе ликаривъ и инши выдаткы. Правда, що я стараюся зъ своеи стороны, на скилько лыше мени мій скупый часъ и сылы позволяють, надгородыты ёго доброту на ёго дитяхъ, котрыхъ и безъ того безгранычно люблю. (Все я бачу зъ ихъ лычокъ нашу дорогу незабутню Марійку). Але за те Олена, мамо, за те вона... я мушу на неи тяжко передъ вамы пожалитыся.

Вона прыйихала въ тій цили сюды, щобъ буты помичною въ догляданню батька въ хвороби, и пры тій нагоди вчытыся кравецтва. Але чы вы думаете, мамо, що вона справди журытся про батька?.. Нехай Господь бороныть передъ такою помочею!

Ничымъ не журытся вона, мамо! ани батькомъ, ани иншою працею, яка кышыть въ округы насъ... а вже найменше за «кравецтво», чымъ мае нибы-то колысь заробляты соби на куснык хлиба. Вона уганяе за-едно вулыцямы передъ выставкамы, або вештаючыся въ кимнатахъ мого нареченого!.. чы выпадае се дивчыни, мамо? Чы выпадае взагали ходыты стилько зъ визытамы, въ выду такого несчастя, яке насъ хоробою батька спиткало, а и ще на-дальше дожыдае?

Вы, ~~мамо~~, осталыся ~~зъ~~ несчаснымъ нашимъ пьяныцею сами въ-дома, мозолячыся й побываючыся, стараючыся гирко здобуваты той нужденный гришъ, щобъ якъ найскорше выслаты ёго намъ знову сюды. Тутъ хорый батько... маючый лыше даровани

дни передъ собою,—а вона безжурна... свавильна, тутъ и тамъ на видвидынахъ, забавляючыся, и то иноди по мисцяхъ, въ котри заходыты молодій дивчыни зовсимъ не подоба.

Мамо! отця дивчына наводыть на мене безсонни ночи. На мои упимнення и наукы держатыся своеи праци, маты поважну невеселу будучыну на оци, яка насъ жде за смертію батька, особлыво жъ іи,—видповидае вона мени, що мае свою будучыну сама на оци, и ще бильше якъ я, та що не мае замиру марноваты свои молоди лита и здоровля по кравчынахъ коло чужыхъ «шмативъ». Вона хоче озырнутыся завчасу за якымъ «добрымъ мужомъ». «Видъ шиття суконъ» (каже) не ставъ ще нихто сытый, и вона мусыть доходыты «межъ люде», и все що вона (каже) діе, то діе зъ обчысленнямъ, и не йе така ограничена, за яку я іи маю. И нехай я нею зовсимъ не журюся, бо вона вже мае «свои лита». Напышить ій, мамо, та паказуйте «працюваты». Вона розлазытся зъ линывства й недбальства, а що найважнише—нехай, рады Бога, памьятае и вважае на себе та на осудъ людей.

Що мени найпрыкрійше и найглыбше мене вражае, се те, що вона до всихъ своихъ прогулокъ и проходивъ вытягае й мого нареченого, або просто просыть его супроводжаты іи, куды выходыть. Той чоловикъ такъ працею обтяженый, що мае ледви хвылыну часу занятыся своимы дитьмы, або зійты на килька словець до мене и до хорого, а вона выпрохуе его товарыства... За те обицяется помагаты ему въ его технычныхъ обчыслюваннях и перепысуванняхъ, що такожъ не конче потрибно. Ему це, о скилько я замитыла, не мыло и прыкро, а иноди мени выдается, мамо, що наколы ему всего буде забагато, винъ кыне все лоскомъ и утече зъ своеи власнои хаты.

Пры тимъ не думайте, мамо, що якъ колы вона соби що заробыть (кравецтвомъ, чы перепысуваннямъ у мого нареченого), то може зъ того видкладае де-що и для батька. Боже бороны! заховае все тайкомъ, накупыть лакитокъ; а колы я іи вмовляю подуматы й про хворого, видказуе глумлыво, що вона працювала для себе, а не для другыхъ, а якъ я хочу, можу даты батькови

зи «свого»,—вона мени не буде бороныты. «Моимъ» (каже) розпоряджаю я... а «своимъ»—ты.

Це наша наймолодша, мамочко, наша, якъ называе себе гордо,—«повнолитня, безъ прыказаныхъ литъ», нашъ «мызынчыкъ», котрого колышня дытяча энергія вамъ и батькови такъ дуже свитлыхъ результативъ заповидала.

Вы, певно, о всимъ тоди думалы,—о всимъ добримъ, якъ це звычаемъ добрыхъ родычивъ,—але о такій безсумлинности и легкодушности, такимъ самолюбію, що проявляются теперъ въ тій дивчыни, вы певно и въ сни не сподивалыся.

Батько й десятои часты не знае зъ іи учынкивъ; а зъ самои немичи, обезсылення ставъ проты неи податлывый. Але я, мамо, я вдаюся до вашого велыкого й твердого розуму, якъ и до вашого матерынського авторитету. *Мени справляе Олена журбу; я боюсь за іи будучыну.*

Поздоровляю Андрушку.

P. S.

Наша дорога Зоня, мамо, прыслала недавно, якъ разъ въ день анґела батькового, красный, грошевый дарунокъ для нёго, пры котрій нагоди батько розплакався, якъ мала дытына. «Мій далекый Ангелъ (говорывъ) не забувае за мене;—а не справляла намъ своимъ буттямъ, скилько була вдома, ни найменшого клопоту.—О, вы, мои добри голубы!»—хлыпавъ хворый (теперъ вже дуже хворый, мамо), а колысь то, якъ уродылася, ваша маты тяжко вамы журылася! А теперъ кожне зъ васъ носыть дни мои, прызначени мени Богомъ, на своихъ добрыхъ рукахъ!» и пры тимъ цилувавъ мои рукы.

Мамо! мое серце краялося пры тыхъ ёго словахъ зъ болю: якъ разъ день передъ тымъ урвала Олена кусень ёго гарного золотого ланцюжка видъ годынныка тайкомъ, и мабуть заминяе десь за лакиткы, або марне лахмиття.

Не журиться, мамо, але я мушу зъ вамы,—хоть и якъ це мени прыкро,—подилыты мій сумъ и жаль!

Я, мамо, физычно дуже на сылахъ пидупала. Мои нервы, черезъ чатування по ночахъ пры батьковы, ослабылыся до краю.

Я не здорова!..

Колы прыйиде Андрушка?»

Слово «Андрушка» немовъ прыклыкало мене зъ того иншого свита. Я не думала вже ни про що инше. А ни про Лидку, а ни про Зоню, а ни про Олену: я бачыла лыше свого бидного хворого чоловика,—котрому «вже смерть зъ очей вызырала»,— и Андрушку въ дорози до нёго. Винъ мусивъ вже давно до цили дойихаты, мусивъ вже руку дорогого старця поцилуваты .. або, може, теперъ десь... сымы хвылынамы, теперъ може вже, певно теперъ...

— Дмытре!—звернулася я наразъ до доброго чесного господаря, чы не здыбалы вы прыпадково мого Андрушу въ дорози до миста? Винъ выйихавъ ныни зъ ранку зъ де-якымы орудками до батька й сестеръ.

— Якъ разъ, що я здыбавъ!—видповивъ Дмытро,—якъ разъ коло передмистя. Винъ йихавъ зъ-вильна, хоча ёго кинь выдавсь мени мокрисинькій.

Я повздержала духъ.

— Чы винъ задержувався де? (Мои думкы розпорошылыся и не складалыся до жадноп видповиди самій соби). Але уста спыталы механично:—чы винъ попасавъ де?—Добрый чоловикъ видгадавъ мій страхъ зъ моихъ очей, або безтонного голосу, бо видповивъ мени якось-то скваино:—винъ, о скилько мени выдалося, дуже поспишався и не хтивъ ставаты, колы я збирався прытрыматы свою шкапыну, щобъ перекынутыся де-якымъ словомъ.

Пьяныци и божевильни бувають хвылямы хитрійши надъ нормальныхъ,—зойкнуло мени чомусь у души.

А голосно спытала я:

— Пойихавъ дали?..

— «Такъ; клыкнувъ мени лыше, що йиде до батька, и вдарывъ коня батогомъ, иначе бъ хтивъ мени утекты зъ очей, и я не мигъ видъ нёго ничого бильше довидатыся.

— Не турбуйтеся, пани матко!—успокоювавъ мене той простый чоловикъ, що знавъ Андрушку и вгадавъ мою журбу.— Винъ и немавъ такъ дуже де вступыты. Я ёго добре знаю! Окримъ того мавъ ще тильки мале передмистя перейихаты. Най-

гирши мисця, а то тіи зайиздни корчмы на пустыхъ поляхъ, винъ вже мынувъ, тому не турбуйтеся. Зъ вечеромъ будете ёго зновъ въ себе маты. Завсигды не йде вже винъ за послухомъ своёго злого духа, а ныни маемо и святу недиленьку!

— «Святу недиленьку»...—повторыла я механычно и замовкла... Отце довидалася я...

Видтакъ оставылы мене стари люде саму зъ моимы мукамы, зъ моею журбою и зъ тымъ страховыщемъ смерти моёго чоловика передъ очима...

. . . .

Стара жинка опустыла на хвылынку голову внызъ, виддыхуючы такъ важко, немовъ бы держала на плечахъ велычезный тягаръ.

Іи сынъ уклавъ свою голову вже давно на іи колинахъ и держався нерухомо, мовъ и не дыхнувъ.

На разъ пидняла старенька голову, втопыла мовчкы поглядъ въ викно и дывылася туды якый часъ, немовъ хтила розибраты зъ гульбы снижынъ, чы довго ще до правдывои ничнои заметильныци; бо дерева, старый плитъ передъ викнамы булы вже грубо снигомъ обсыпани.

Описля почала сама дали:

— Видтакъ настала ничъ, мій сыну,—холодна, пуста, смерты жадибна ничъ, зъ такымъ зорыстымъ небомъ, якого прыводять зъ собою лыше пизни осинни ночы. Мене застала зкулену въ закутку, выжыдаючу сына.

Въ кимнати не було свита.

Я не могла ёго знесты. Мени було мылише въ потемкы; окримъ того щадыла я й свитла, а въ кимнати й такъ не було що выдно. Була вже и такъ на-пивъ порожня. Кильки вуглыкивъ, що жарило въ печи й огривало страву дожыданого, выстарчало мени на освитлення, бо жарило мени ажъ до глыбыны души.

Було вже коло пивъ-ночы, а Андрушы все ще не було. Я дывылася видъ часу до часу на вугилля, чы не погасло, и згрымала страву теплишъ.

Зразу я молылася... За всихъ, зъ першу за шисть помершыхъ, котри можуть мене колысь на тамъ-тимъ свити повитаты, а видтакъ за жывыхъ, а писля надслухувалася...

Охъ те дожыдання и надслухування!.. Те надслухування кождого найслабшого шелесту въ такій страшенній самитности й тышыни!.. А далеко й шыроко—жаднои жывои душечкы, ни якои хатыны...

Далеко, шыроко, якъ ты самъ одынъ!

Що то не зачувается оттакъ въ такыхъ хвыляхъ, мій сыну, що то не зачувается! — сказала стара маты зъ протягомъ и похытала головою. А до того твое нутро! Охъ мое само зъ себе глузуюче, николы невмовкаюче нутро, зъ своимъ почуваннямъ на супротывъ тіеи мертвои тышыны навкругы тебе!.. Оть-оть, здавалося мени, загуркотивъ визъ... отъ-отъ прыйихавъ визъ, прыволикся копысько, якъ вже не разъ. самъ одынъ до-дому, и брала палыцю въ рукы, моцювалася напомацкы на двиръ и розглядалася въ ясну зористу ничъ.

О. Кобылянська.

(Дали буде).

МАЛОРОССЫ ПО ПЕРЕПИСИ 1897 Г.

Результаты первой всеобщей переписи населенія Россійской Имперіи, произведенной въ началѣ 1897 г., относительно распредѣленія населенія по преобладающему родному языку, наконецъ, опубликованы въ 7-мъ выпускѣ изданія переписи, подъ редакц. Н. А. Тройницкаго. Теперь является возможность представить этнографическую картину Имперіи на основаніи болѣе или менѣе твердыхъ данныхъ. Конечно, нельзя опубликованнымъ даннымъ придавать значеніе полной точности и достовѣрности: первая перепись не могла преодолѣть всѣхъ трудностей, воздвигнутыхъ на пути ея выполненія нашей тяжелой исторіей, не могла также надлежащимъ образомъ выполнить щекотливый вопросъ о родномъ языкѣ, требующій, съ одной стороны, сознательнаго національнаго самоопредѣленія и, съ другой, полнаго уваженія къ этому самоопредѣленію, тогда какъ наше прошлое культивировало именно идеи насильственной національной нивелировки. Многія данныя переписи по упомянутому вопросу положительно вызываютъ недоумѣніе и сопровождаются фактами, извѣстными намъ изъ другихъ источниковъ, бросаются въ глаза противорѣчія данныхъ переписи, неточности подсчетовъ и явные пропуски. Но мы не имѣемъ въ виду заняться исправленіемъ этнографической картины, представленной переписью, и ограничиваемся задачей—воспользоваться матеріаломъ переписи для выясненія общаго числа

малороссовъ и распредѣленія ихъ на территоріи Имперіи. Приходится отмѣтить, что перепись, къ сожалѣнію, дала лишь сырой матеріалъ и что пользующійся этимъ матеріаломъ вынужденъ собственными силами производить подсчеты и исчислять процентныя отношенія.

Суммируя данныя переписи, можемъ дать слѣдующую таблицу распредѣленія малорусской національности по крупнымъ раіонамъ.

	Число въ тысячахъ.	% населенія раіона.
Юго-западныя губ. (3) . .	7.357	77
Малороссійскія (3) . . .	6.118	80
Новороссійскія (4) . . .	3.909	47
Великорус. цент. (2) . . .	1.443	30
Донская область и Сѣверный Кавказъ.	1.990	33
Приволж. и Пріуральск. (4)	440	6
Привислинскія (9). . . .	333	3
Сѣверо-западныя (1) . . .	362	22
Сибирскія (9)	193	3
Среднеазіатскія (9). . . .	98	1,2
Кавказскія (8)	29	0,4
Въ заграничномъ плаваніи на военныхъ корабляхъ и въ Бухарѣ	3	17
Всего въ Имперіи кромѣ Финляндіи.	22.175	17,6

Полученная цыфра малороссовъ въ Имперіи значительно разнится отъ цыфръ, апріорно приводимыхъ изслѣдователями. Такъ, проф. М. Грушевскій въ своемъ «Очеркѣ исторіи украинскаго народа» (С.-Пб. 1904 г.) насчитываетъ въ Имперіи до 27 мил. душъ, а другіе—еще болѣе. Полагаемъ, что, несмотря на всѣ недочеты переписи, послѣдняя цыфра все-таки значительно превышаетъ дѣйствительное число м-въ.

Теперь обратимся къ болѣе детальному изображенію разселенія малороссовъ.

Въ Юго-западномъ краѣ малороссы живутъ сплошною массою, составляя около трети всѣхъ малороссовъ Имперіи, при чемъ

въ Кіевской губ. . .	2.819	тыс. или	79%	нас. губ.
» Подольской . .	2.242	»	80%	»
» Волынской. . .	2.019	»	70%	»

Изъ этихъ данныхъ видно, что Кіевская и Подольская губерніи почти въ равной мѣрѣ заселены малороссами, тогда какъ Волынская губ., эта исконная малорусская область, подверглась колонизаціи иноплеменныхъ элементовъ. Относительное значеніе этнографическихъ элементовъ, населяющихъ край, представляется изъ слѣдующей таблицы:

ПРОЦЕНТЫ.

	Кіевск.	Подол.	Волын.
русскихъ . . .	85,27	84,23	73,74
(въ т ч. м-въ . .	79,20	80,93	70,09
евреевъ	12,09	12,24	13,20
поляковъ . . .	1,94	2,29	6,16
нѣмцевъ. . . .	»	»	5,73
чеховъ	»	»	0,93
молдаванъ . . .	»	0,89	»
прочихъ . . .	0,70	0,35	0,24

Болѣе равномѣрно малороссы заселили *Подольск.* губ. Здѣсь колебанія по уѣздамъ составляютъ всего 10%—между 74% (Винницкій) и 85% (Ямпольскій), что объясняется отсутствіемъ значительныхъ городскихъ поселеній, населенныхъ преимущественно евреями и понижающихъ процентъ м-въ въ уѣздѣ.

Если исключить два уѣзда *Кіевской* губ. Кіевскій и Бердичевскій, гдѣ малороссы составляютъ всего 56 и 67%% населенія благодаря вліянію расположенныхъ въ этихъ уѣздахъ крупныхъ городовъ, то по остальнымъ десяти у.у. колебанія составятъ всего 12%—между 78% (Радомысльскій) и 90% (Чигиринскій).

Въ *Волынской* губ. малороссы слабѣе представлены въ западныхъ у.у. (Луцкомъ, Дубенскомъ, Ровенскомъ) и въ Житомирскомъ, гдѣ свила себѣ прочное гнѣздо нѣмецкая и отчасти чешская колонизація, не говоря о болѣе древней—польской и еврейской. Колебанія по у.у. значительны и составляютъ 27%—между 56% (Луцкій) и 83% (Овручскій). Болѣе высокимъ процентомъ малороссовъ обладаютъ, кромѣ Овручскаго у., еще Ковельскій и Кременецкій—по 80%, а также Заславскій и Староконстантиновскій—по 77%.

Малороссійскія губерніи далеко неодинаково заселены малороссами:

въ Полтавской губ. . . .	2.583 тыс. д.	или	92%
» Харьковской » . . .	2.009	»	80%
» Черниговск. » . . .	1.526	»	66%

Полтавская губернія должна считаться въ полномъ смыслѣ малорусской областью: здѣсь малорус. національность имѣетъ наиболѣе благопріятныя условія для сохраненія и развитія, рѣзко подавляя своею численностью прочія этнографическія группы. Колебанія по у.у.—18%: между 80% (Кременчугскій) и 98% (Зеньковскій). Изъ тринадцати у.у. губерніи въ двѣнадцати м-въ свыше 93% и лишь въ трехъ у.у.—менѣе того, а именно: въ Полтавскомъ—88%, Кременчугскомъ—80% и Константиноградскомъ—86%, при чемъ въ первыхъ двухъ сказалось понижающее вліяніе большихъ городовъ, въ третьемъ—великорусская и нѣмецкая колонизація.

Въ *Харьковской* губ. малороссы встрѣтились съ великороссами, которыхъ всего болѣе въ Зміевскомъ у.—35%. Колебанія % малороссовъ по у.у. весьма значительны: въ 8 у.у. всего 8%—между 83% (Старобѣльскій) и 97% (Валковскій)—и въ 3 у.у. малороссовъ значительно меньше — въ Харьковскомъ 54%, Зміевскомъ—63% и Валчанскомъ—74%. Свыше 90% м-въ числится въ Валковскомъ, Лебединскомъ, Сумскомъ, т. е. въ сѣверо-западномъ углу губерніи. Нѣмецкая колонизація замѣтна лишь въ Изюмскомъ у.у. (1,5%).

Черниговская губ. одной своею частію, при томъ значительнѣйшей,—всего одиннадцать у.у.,—примыкаетъ къ раіону сплошного поселенія малороссовъ. Въ этихъ уѣздахъ колебанія составляетъ всего 13%—между 86% (Черниговскій) и 98% (Городненскій), при чемъ, если исключить Черниговскій у. съ губернскимъ городомъ, то колебанія въ десяти уѣздахъ составляютъ всего 8%. Другая часть губерніи, состоящая изъ трехъ у.у., крайнихъ сѣверныхъ—Суражскаго, Мглинскаго и Стародубскаго, *совсѣмъ* будто бы лишены малороссовъ. Здѣсь живутъ «русскіе» и евреи. Среди русскихъ замѣтную величину составляютъ бѣлоруссы, которыхъ въ Суражскомъ у. 68% и въ Мглинскомъ—около 15%, по отношенію же къ населенію всей губерніи ихъ 6,5%. Евреи составляютъ по губерніи 5%. Изъ прочихъ этнографическихъ группъ обращаютъ на себя вниманіе въ Борзенскомъ у. нѣмцы—около 3%.

Хотя въ *Новороссійскихъ* губерніяхъ малороссы составляютъ замѣтную величину, но все-таки не столь подавляющую, какъ въ первыхъ двухъ раіонахъ, являющихся центромъ малорусскаго населенія съ 3/5 м-въ Имперіи. Въ этомъ раіонѣ малорусская колонизація, сравнительно поздняя, столкнулась съ оживленной великорусской, довольно замѣтной нѣмецкой и молдаванской, а также встрѣтила въ нѣкоторыхъ мѣстахъ старыхъ насельниковъ.

Въ Екатериносл. г.	малороссовъ . .	1.456 т д.	или	68%.
» Херсонской »	»	1.462	»	53%
» Таврической »	»	611	»	42%
» Бессарабской »	»	379	»	19%

Въ *Екатеринославской* губ. въ половинѣ уѣздовъ наблюдаются процентныя отношенія малороссовъ ко всему населенію, тожественныя съ коренными малорусскими областями: въ Павлоградскомъ у.—80%, Александровскомъ—83, Верхнеднѣпровскомъ—90% и въ Новомосковскомъ—93%. Въ другой половинѣ у.у. % малороссовъ ниже: въ Бахмутскомъ—58%, Екатеринославскомъ—55%, Славяносербскомъ—50% и, наконецъ, въ Маріупольскомъ—46%. Въ послѣднемъ, какъ приморскомъ, населеніе отличается особенной пестротой:

	тысячъ	въ %-хъ
русскихъ	154	60,85
грековъ	48	19,00
нѣмцевъ	19	7,52
татаръ	15	6,10
евреевъ	10	4,05
турокъ	5	2,00
прочихъ	0,9	0,39

Въ общемъ, западная часть губерніи значительнѣе заселена малороссами, чѣмъ восточная. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что пришлый людъ играетъ большую роль въ населеніи губерніи и состоитъ онъ преимущественно изъ великороссовъ.

Въ *Херсонской* губ. можно отмѣтить тѣ же явленія, что въ Екатеринославской, только къ меньшей выгодѣ для малороссовъ. Въ такомъ чисто земледѣльческомъ у., какъ Александрійскій, малороссы составляютъ 85%. Вѣроятно, таковъ же былъ бы процентъ малороссовъ въ Елисаветград. и Херсонскомъ у.у., если исключить вліяніе на него большихъ городовъ. Впрочемъ, тутъ, какъ и въ Ананьев. и Тирасп., уже рѣзче сказывается вліяніе нѣмецкой и молдаванской колонизаціи. Въ Ананьевскомъ у. малороссы составляютъ 61%, въ Тираспольскомъ же всего 33%. Въ послѣднемъ этнографическій составъ населенія таковъ:

русскіе	121	тыс.	или	50,5%
молдаване	59	»	»	24,9
евреи	23	»	»	9,9
нѣмцы	23	»	»	9,9
болгары	8	»	»	3,3
прочіе	3	»	»	1,5

Въ *Таврической* губ. малороссы живутъ сплошною массою лишь въ трехъ материковыхъ у.у.—Днѣпровскомъ (73%), Бердянскомъ—(59%) и Мелитопольскомъ—(54%). Изъ остальныхъ (крымскихъ) у.у. лишь въ Перекопскомъ—малороссовъ—21%; въ прочихъ же у.у. они мало замѣтны среди пестраго населенія, составляя 7—16%, а въ Ялтинскомъ всего 2%. Абсолютныя

цыфры малороссовъ распредѣляются такъ: въ упомянутыхъ трехъ материковыхъ у.у.—546 тыс. д., въ крымскихъ же—всего 65 т. д.

Бессарабская губ., при наличности коренного населенія—молдаванъ, населена малороссами гораздо слабѣе прочихъ губерній Новороссіи. Здѣсь только въ сѣверо-западной ея части, въ Хотинскомъ у., малороссы составляютъ главное ядро населенія—163 тыс. или 56%. Въ остальныхъ же у.у. малороссы, въ числѣ 202 тыс., составляютъ меньшинство населенія: въ Аккерманскомъ у.—26%, Измаильскомъ—19%, Бендерскомъ—17%, Сорокскомъ—16%, Бѣлецкомъ—11%, а въ Кишиневскомъ—всего 1%.

Изъ *центральныхъ великорусскихъ* губерній только въ двухъ—Курской и Воронежской—малороссы заняли обширную территорію и составляютъ замѣтную величину въ населеніи, въ перемежку съ великоруссами, при чемъ

въ Курской губ.	малороссовъ	527	тыс.	или	22%
« Воронежской	»	916	»	»	36%

Въ *Курской* губ. малороссы живутъ на большей половинѣ территоріи губерніи, въ 9 у.у., кромѣ 7 сѣверныхъ у.у., приблизительно южнѣе линіи р. Сейма. Всего болѣе они заселили у.у.—Грайворонскій (58%), Путивльскій (52%), Новооскольскій (51%), Суджанскій (48%), слабѣе—Рыльскій—(36%), Корочанскій (34%), Бѣлгородскій (21%), Обоянскій (10%) и Старооскольскій (8%). Въ семи сѣверныхъ у.у. малороссовъ не числится.

Воронежская губ. гораздо болѣе Курской колонизована малороссами. Изъ двѣнадцати у.у. только четыре сѣверные у.у. являются исключительно великорусскими. Въ остальныхъ же малороссы разселились либо весьма плотною массою, какъ въ Острогожскомъ, Богучарскомъ и Бирюченскомъ у.у., гдѣ они составляютъ 90, 81 и 70% населенія, либо весьма замѣтной величиной, какъ въ Валуйскомъ—51%, Павловскомъ—42%, либо, наконецъ, составляютъ меньшинство,—какъ въ Бобровскомъ—16% Коротоякскомъ и Новохоперскомъ—15%.

Въ обширномъ раіонѣ, охватывающемъ степныя пространства—*Донскую обл. и Ставропольскую губ. и Сѣверный Кавказъ*—Кубанскую и Терскую области, малороссы, какъ и въ предыдущемъ раіонѣ, даютъ себя знать внушительными цыфрами:

въ	Донской обл.	малороссовъ	719	тыс.	или	28%
»	Ставропольской губ.	»	319	»	»	36%
»	Кубанской обл.	»	908	»	»	47%
»	Терской »	»	42	»	»	4%.

Въ *Донской* области свыше 75% означеннаго числа малороссовъ области живетъ въ трехъ юго-западныхъ округахъ—Таганрогскомъ—254 тыс. или 61%, Ростовскомъ—124 т. или 31%, Донецкомъ 177 тыс. или 38%. Въ Сальскомъ округѣ ихъ 22 тыс. или 28%. Въ остальныхъ округахъ малороссовъ 6—18%.

Въ *Ставропольской* губ.—въ Новогригорьевскомъ, Медвѣженскомъ и Александровскомъ у.у. малороссы составляютъ—50, 45 и 38% населенія. Въ Ставропольскомъ же у. 10% и на территоріи кочующихъ народовъ—всего 5%. Въ данной губ. малороссы живутъ рядомъ съ великороссами; инородцевъ же, кромѣ спеціальной территоріи кочующихъ народовъ, въ губерніи числится не много.

Кубанская обл., какъ извѣстно, представляетъ далеко выдвинутый впередъ этапъ густой малорусской колонизаціи. Однако, только въ Пріазовскихъ отдѣлахъ—Темрюкскомъ и Ейскомъ—малороссы составляютъ ¾ населенія, а въ обоихъ вмѣстѣ—свыше половины малороссовъ всей области. Меньше значится малороссовъ въ Екатеринодарскомъ—51% и Кавказскомъ—45%. Въ остальныхъ трехъ они составляютъ меньшинство—Лабинскомъ—17%, Майкопскомъ—31%, Баталпашинскомъ—27%. Въ Кубанской области малороссамъ приходится сожительствовать съ великороссами, которыхъ, однако, меньше, чѣмъ малороссовъ, равно съ разными инородцами, какъ черкессы (2%), карачаевцы, нѣмцы, греки (свыше 1%). Особенно значителенъ процентъ инородцевъ въ Баталпашинскомъ, Екатеринодарскомъ и Майкопскомъ округахъ; свободенъ отъ инородцевъ лишь Ейскій окр.

Въ *Терской* обл. малороссы мало замѣтны среди массы инородческаго населенія. Всего болѣе ихъ въ Пятигорскомъ отд.—25 тыс. или 13%. Въ остальныхъ окр. ихъ числится по 1—4 тыс. или 0,6—4%. Въ Владикавказскомъ окр. малороссовъ совсѣмъ не значится.

Приволжскій край и отчасти *Пріуралье* тоже затронуты малорусской колонизаціей, а именно:

въ	Самарской	губ. малороссовъ	119	тыс.	или	4%
»	Саратовской	» »	149	»	»	6%
»	Астраханской	» »	133	»	»	11%
»	Оренбургской	» »	38	»	»	2,3%

Въ *Самарской* губ. малороссы сосредоточиваются преимущественно въ Новоузенскомъ у., гдѣ ихъ—70 тыс. или 17% и гдѣ они сталкиваются съ разнообразными этнографическими элементами. Относительно малороссовъ въ прочихъ у.у. губерніи перепись не даетъ данныхъ.

Изъ десяти у.у. *Саратовской* губ. малороссы живутъ въ четырехъ (западныхъ и южныхъ)

въ	Аткарскомъ	ихъ	38	тыс.	или	13%
»	Балашовскомъ	»	41	»	»	13%
»	Камышинскомъ	»	46	»	»	11%
»	Царицынскомъ	»	12	»	»	8%.

Въ названныхъ у.у. малороссы поселились среди великороссовъ, совсѣмъ не сталкиваясь съ финскими племенами, населяющими сѣверные уѣзды губерніи. Въ Камышинскомъ у. до 40% населенія составляютъ нѣмцы.

Въ *Астраханской* губ. малороссы живутъ по Волгѣ въ Царевскомъ у.—75 т. или 38%, Черноярскомъ—40 тыс. или 40% и Енотаевскомъ—13 тыс. или 18%.

Въ *Оренбургской* губ. малороссы основались только въ Оренбургскомъ у.—29 тыс. или 5% и въ Орскомъ—9 т. или 4%.

Въ *Привислинскомъ* краѣ малороссы, теряясь среди массы польскаго населенія, крупными группами живутъ

въ Люблинской губ.	196	тыс.	или	8%
» Сѣдлецкой.	107	»	»	14%
» прочихъ 7 губ.	29	»	»	

Въ *Люблинской* губ. малорусскія поселенія смыкаются съ таковыми же Волынской губ., т. е. находятся въ южныхъ и восточныхъ у.у.:

въ Грубешовскомъ	60	тыс.	или		60%
» Томашовскомъ.	48	»	»	св.	50%
» Холмскомъ	46	»	»		33%
» Бѣлгорайскомъ	20	»	»		20%
» Замостьскомъ	9	»	»		8%
» Красноставскомъ	5	»	»		

Въ *Сѣдлецкой* губ. малороссы населяютъ восточные у.у., примыкающіе къ Гродненской губ. и составляющіе съ малорусскими у.у. послѣдней губерніи т. наз. Подляшье:

въ Владавскомъ	54	тыс.	или	56%
» Бѣльскомъ	29	»	»	38%
» Константиновскомъ.	18	»	»	30%

Въ прочихъ же у.у. малороссовъ значится небольшое число.

Изъ *Сѣверозападныхъ* губерній малороссы значатся только въ одной Гродненской, тогда какъ присутствіе ихъ въ Минской губ. едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, хотя обнаруженіе ихъ въ послѣдней губерніи требовало бы извѣстной научной подготовки отъ переписчика.

Въ *Гродненской* губерніи малороссы живутъ въ южныхъ ея частяхъ:

въ Кобринскомъ у.	146	тыс.	или	ок.	80%
» Брестскомъ	140	»	»	»	63%
» Бѣльскомъ	64	»	»	»	39%
» Пружанскомъ.	9	»	»	»	60%

Въ названныхъ у.у., кромѣ малороссовъ, еще живутъ евреи (12—20%), поляки (1—4%, въ Бѣльскомъ же—34%), бѣлоруссы (въ Бѣльскомъ—4% и въ Пружанскомъ—75%).

Въ остальныхъ уѣздахъ Гродненской губ. малороссы не значатся.

Колонизаціонный потокъ послѣдняго времени занесъ малороссовъ и въ далекую *Сибирь*, гдѣ малороссы разселились кустами вплоть до Тихаго Океана. За время 1894—1899 г. максимумъ переселенцевъ дала Полтавская губ.—свыше 100 тыс. переселенцевъ въ Сибирь, Черниговская—до 100 т., Харьковская—до 50 тыс. [1]), т. е. какъ разъ Малороссійскія губерніи.

Въ *Амурской* обл. малороссовъ—въ 21 тыс. или 14 %.

Въ *Приморской* обл.—33 т. или 13%, при чемъ большинство малороссовъ живетъ въ Южно-Уссурійскомъ окр.—31 тыс. или 258%.

Большая половина малороссовъ, переселившихся въ Сибирь, осѣла въ *Томской* губ.—99 тыс. или 5% населенія. По округамъ же малороссы распредѣляются такъ: въ Барнаульскомъ—50 тыс. или 8%, Змѣиногорскомъ 10 т. или 5%, Маріинскомъ—11 т. или 8%.

Въ *Енисейской* губ. малороссовъ числится всего 13 тыс.—въ Ачинскомъ окр. — 6 т. или 5% и въ Канскомъ — 7 тыс. или 7%.

Въ *Тобольской* губ. малороссовъ—19 тыс., которые сосредоточиваются въ Тюкалинскомъ округѣ, гдѣ они составляютъ 9% населенія.

Кромѣ того, малороссы значатся въ Забайкальской обл.—въ Читинскомъ окр. ($3_{,8}$ тыс. или $2_{,7}$%) и на Сахалинѣ ($2_{,3}$ тыс. или 7%).

Болѣе половины малороссовъ *Среднеазіатскихъ владѣній* живетъ въ *Акмолинской* обл.—51 тыс. или 7%,—въ томъ числѣ,

---

[1]) Колонизація Сибири. Издаіе Кн-та Министровъ С.-ПБ. 1900 г.

въ Кокчетаевскомъ у.—19 т. или 12%, Петропавловскомъ — 20 или 12%, Омскомъ—4 т. или 4%.

Въ *Семирѣчинской* обл. малороссовъ всего 18 т., въ Сыръ-Дарьинской—12 т., Закаспійской—5 тыс, Семипалатинской—2 т., Самаркандской — 2 т., Тургайской—4 т., Ферганской — 1,7 тыс., т. е. весьма незначительный процентъ населенія названныхъ областей.

Понятно, что въ Сибири и Средней Азіи малороссы затериваются въ массѣ инородцевъ и великороссовъ, такъ что перепись легко могла многихъ изъ нихъ не зарегистрировать [1]).

На *Кавказѣ* малороссамъ не удалось занять важныхъ позицій въ средѣ разноплеменнаго населенія этого края. Лишь въ Черноморской обл. сказалась малорусская колонизація послѣдняго времени: здѣсь малороссовъ 9,2 тыс. или 16% населенія. Въ оотальныхъ областяхъ малороссы составляютъ не свыше 1,7% (Карская обл.), и если принять во вниманіе, что свыше половины малороссовъ этихъ областей живетъ въ городахъ, то можно предположить, что это—въ значительной части военный людъ, укомплектованный въ малорусскихъ областяхъ.

Если подвести итогъ изложенному, то окажется, что насчитывается малороссовъ

свыше 75%—въ		4	губ. и обл.	и	69	у.у.,	округахъ и	пр.
50 — 75%	»	4	»	»	35	»	»	»
25 — 50%	»	5	»	»	21	»	»	»
10 — 25%	»	8	»	»	28	»	»	»
5 — 10%	»	5	»	»	15	»	»	»
1 — 5%	»	8	»	»	18	»	»	»

Перепись, кромѣ того даетъ возможность установить число малороссовъ, населяющихъ города. Это число не велико—всего 1.211. тыс. или 5,2% малороссовъ Имперіи (7% общаго числа

---

[1]) Намъ извѣстны, напр., малорусскія поселенія въ Минусинскомъ у. Енисейской губ., существовавшія до переписи и, однако, не зарегистрированныя ею.

горожанъ Имперіи). Такимъ образомъ, по переписи, малороссъ представляется настоящимъ «хлѣборобомъ», еще мало изощрившимъ свои способности въ промышленномъ и торговомъ занятіяхъ.

Таковы наблюденія надъ условіями разселенія малороссовъ на территоріи Имперіи и ихъ сожительства съ другими этнографическими группами.

—

Мы здѣсь не изслѣдовали, какъ образовалось племя, насчитывающее свыше 22 мил. д. об. пола, какъ оно въ историческомъ процессѣ разселилось на огромной территоріи. Все это свершилось частію за предѣлами исторіи, частію на ея глазахъ. Но до сихъ поръ это былъ чисто стихійный процессъ развертыванія полнаго жизненности и энергіи народа, не закончившаго еще первоначально-славянскихъ переселеній, стремящагося занять подъ земледѣльческую культуру новыя территоріи и на нихъ запѣть свои трудовыя пѣсни. Однако, наступаетъ пора сознательнаго вмѣшательства въ этотъ стихійный процессъ развитія малорусской національности съ цѣлію укрѣпленія пріобрѣтеній ея духа и дальнѣйшаго ея развитія, и намъ пріятно отмѣтить, что прочищаются пути для этого вмѣшательства и открывается эра національнаго возрожденія вмѣстѣ съ общимъ возрожденіемъ нашей государственной жизни.

А. Ярошевичъ.

Къ исторіи польскаго возстанія въ юго-западномъ краѣ въ 1831 году.

Сраженіе русскихъ съ поляками подъ м. Дашевомъ, 2 мая 1831 г., по разсказамъ старожиловъ.

$^{17}/_{29}$ ноября 1830 г. началось польское возстаніе въ г. Варшавѣ, и, по отзыву компетентныхъ лицъ и сознанію самихъ поляковъ, еслибы только великій князь Константинъ Павловичъ рѣшительно воспользовался имѣющимися у него средствами, то возстаніе легко было подавить въ самомъ началѣ. Но великій князь не воспользовался своимъ положеніемъ, а приказалъ 18 ноября 1830 г. русскимъ войскамъ и оставшимся вѣрными польскимъ войскамъ очистить городъ и расположиться у Мокотовской заставы, а самъ поселился въ с. Вержбнѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ Варшавы. Положеніе великаго князя и его отряда—безъ денегъ, продовольствія, оружія — среди непріятеля было крайне опасно. Затѣмъ великій князь вышелъ изъ Польши и 2 декабря 1830 г., перейдя рѣку Бугъ у Влодавы, вступилъ на русскую землю; крѣпости Модлинъ и Замостье были сданы полякамъ. 22 ноября 1830 г. въ г. Варшавѣ было учреждено временное правительство съ княземъ Чарторыйскимъ во главѣ. Главнокомандующимъ польскихъ военныхъ силъ былъ назначенъ генералъ Хлопицкій. Возстаніе

начало разростаться: изъ Варшавы перешло въ ближайшіе города; вездѣ основывались революціонные клубы, учреждалась національная гвардія, или «стража безопасности», и приглашала народъ къ возстанію. 6 декабря 1830 г. самовольно собрался польскій сеймъ, обнародовалъ манифестъ о возстановленіи Польши въ прежнихъ предѣлахъ, но большинство поляковъ не сочувствовало этому. Генералъ Хлопицкій отправилъ даже въ Петербургъ къ императору Николаю князя Любецкаго и графа Язерскаго для переговоровъ. Императоръ принялъ ихъ не какъ депутатовъ, а какъ должностныхъ лицъ, и требовалъ полной и безусловной покорности отъ поляковъ и на этомъ только условіи соглашался примириться съ ними. Депутаты на это не согласились, и возстаніе начало разростаться. 13 января 1831 г. польскій сеймъ, по предложенію Салтыка, объявилъ династію Романовыхъ лишенною польскаго престола, и такимъ образомъ совершился окончательный разрывъ Россіи съ Польшей. 24 и 25 января русскія войска стали вступать въ Польшу и нигдѣ не встрѣчали польскихъ. Главнокомандующій Хлопицкій всѣми силами старался отклонить войну, не желалъ развивать вооруженій и предпринимать какихъ либо наступательныхъ операцій; не вѣрилъ въ польскія банды и, по настоянію революціонеровъ, отказался отъ командованія войсками, а на его мѣсто былъ назначенъ князь Михаилъ Радзивилъ. Народонаселеніе къ русскимъ войскамъ относилось сначала сдержанно. Первая стычка русскихъ войскъ съ польскими произошла у Сточека, была неудачна для русскихъ, и это обстоятельство имѣло громадное значеніе для поляковъ— подняло ихъ духъ, содѣйствовало укрѣпленію убѣжденія въ возможности борьбы съ русскими. Начальникъ польскаго отряда Дверницкій сдѣлался сразу героемъ, и къ нему стала стекаться масса волонтеровъ. Въ ночь съ 2 на 3 февраля также произошла стычка у Пневника, и опять послѣдовала неудача для русскаго войска вслѣдствіе неисполненія военно-охранительныхъ мѣръ. Главнокомандующій русской арміей, графъ Дибичъ Забалканскій, издалъ строгій приказъ о неукоснительномъ исполненіи авангардной и аванпостной службы. Сраженіе при Ваврѣ начало уже

убѣждать поляковъ въ безсиліи ихъ войска, и многіе изъ нихъ уже считали свое дѣло сомнительнымъ. 13 февраля при Гроховѣ произошло опять сраженіе, окончившееся побѣдою русскихъ, но, по отзыву генерала Пузыревскаго, побѣда эта была не полной и непріятенльская армія не была уничтожена. Все-же побѣда эта произвела въ Варшавѣ тревогу. Многіе считали сраженіе проиграннымъ и ожидали скоро увидѣть русскую армію подъ стѣнами Варшавы. Фельдмаршалъ Дибичъ, послѣ Гроховскаго сраженія, предполагалъ, что онъ скоро покоритъ Варшаву и поляки на другой день вышлютъ депутацію съ изъявленіемъ покорности. Но поляки не думали объ этомъ и приняли всѣ мѣры къ энергичному сопротивленію. Сеймомъ былъ утвержденъ, вмѣсто Радзивила, главнокомандующимъ Янъ Скржинецкій, который назначилъ начальникомъ штаба Хржановскаго на мѣсто Моравскаго. Скржинецкій занялся реорганизаціей польской арміи, старался поднять упавшій духъ, укомплектовать войска новыми силами и назначить новыхъ начальниковъ: Рыбинскаго, Гелгуда, Малаховскаго и Ньюльберга. 19 февраля 1831 г. Скринецкій прислалъ на передовые посты русскихъ войскъ графа Минельскаго для переговоровъ съ цѣлью узнать: на какихъ основаніяхъ императоръ уполномочилъ фельдмаршала прекратить военныя дѣйствія. Дибичъ принялъ Минельскаго и объяснилъ ему, что польская армія должна безусловно положиться на милосердіе государя и объявить беззаконнымъ актъ объ упраздненіи престола. Іосифъ Минельскій просилъ о перемиріи, но ему было отказано, и переговоры не привели ни къ какимъ результатамъ. Эти переговоры, прекративъ на время военныя дѣйствія, помогли полякамъ возстановить свои вооруженныя силы и развить средства борьбы.

Скржинецкій приказалъ устроить батареи на лѣвомъ берегу Вислы, чтобы сильнѣе укрѣпить Варшаву, и велѣлъ сжечь Прагу, чтобы имѣть свободное пространство впереди мостового укрѣпленія. Забота Скржинецкаго объ увеличеніи войска достигла прекрасныхъ результатовъ. Въ половинѣ марта польская армія состояла уже изъ 100,000 чел. при 158 орудіяхъ; изъ нихъ: въ главной арміи съ Уманскимъ 51 тч., въ отрядахъ Сѣравскаго 9 т.,

Дверницкаго $6^1/_2$ т. и въ резервѣ Паца 11 т.; сверхъ того гарнизоны Модлина, Замостья, Праги и національная гвардія до 26 т. [1]).

Фельдмаршалъ графъ Дибичъ задумалъ устроить переправу чрезъ Вислу, но достичь этого не могъ. Поляки же занялись идеей развить мятежъ въ Литвѣ и пограничныхъ русскихъ губерніяхъ — Волынской и Подольской. Малочисленность корпуса барона Крейца, дѣйствовавшаго въ Люблинскомъ воеводствѣ, и слабое занятіе границы обнадежило поляковъ въ успѣхѣ. Лелевель вонесъ въ военный совѣтъ предложеніе поднять возстаніе на Волыни, и военный совѣтъ рѣшилъ сформировать партизанскій отрядъ силою въ 1500 коней подъ начальствомъ Дверницкаго и отправить на Волынь. Дверницкій отправился къ мѣсту назначенія; на пути занялъ городъ Люблинъ, пополнилъ тамъ запасы, сформировалъ ополченіе и двинулся на Красноставъ; изъ Красностава пошелъ на Холмъ, пріостановился у Грабовца и затѣмъ вступилъ въ крѣпость Замостье. Окрестные жители оказывали ему полное сочувствіе и помощь и пополняли отрядъ.

17 марта назначена была переправа русскихъ войскъ чрезъ Вислу въ Варшаву; но поляки начали переходить въ наступленіе, наносить удары корпусу барона Розена, и Дибичу пришлось отказаться отъ перехода. Неудачныя сраженія русскихъ съ поляками при деревняхъ: Вельке-Дембе, отступленіе барона Розена и сраженіе у Игане, способствовали поднятію духа польскаго войска и увеличивали число повстанцевъ. Въ январѣ и февралѣ мѣсяцѣ дѣйствовали тайные революціонные агенты въ Виленской и Минской губерніяхъ; мятежъ разростался; инсургенты напали на городъ Ковно; заволновалось Августовское воеводство, и мятежъ принималъ грозные размѣры.

Дверницкій явился на Волынь, издалъ воззваніе, которымъ приглашалъ народъ стекаться подъ его знамена. Войско Дверницкаго вездѣ встрѣчало радостный пріемъ, къ нему присоединилось много дворянъ съ своими дворовыми людьми и разными во-

---

1) Пузыревскій, стр. 126.

лонтерами. Въ Дружнополѣ явились къ Дверницкому графы: Чацкій, Стецкій и Тарновскій и обязались выставить на свой счетъ по одному полку. Дверницкій выдѣлилъ изъ своего войска офицеровъ и унтеръ-офицеровъ для образованія кадровъ. Силы у Дверницкаго увеличились, — началъ онъ двигаться къ г. Дубно. По дорогѣ къ Дубно къ Дверницкому присоединилось 100 инсургентовъ, которые привели съ собой взятыхъ въ плѣнъ адъютантовъ генер. Редигера и гр. Дибича.

Поляки успѣли перехватить донесеніе Редигера Дибичу отъ 2 апрѣля, въ которомъ онъ извѣщалъ, что сосредоточилъ у Краснаго около 8 т. чел., но что старослужащихъ только третья часть, остальные рекруты, не умѣющіе стрѣлять; что онъ обремененъ своей артиллеріей, въ которой много людей изъ пѣхоты, неопытныхъ въ новой службѣ. Силы Дверницкаго онъ опредѣлялъ въ 8000 чел. одной лишь пѣхоты, причемъ полки усиливались постоянно приливомъ волонтеровъ. Эта депеша, обнаружившая малочисленность отряда Редигера, придала увѣренность Дверницкому.

При Боремлѣ произошло сраженіе русскихъ съ поляками, и поляки были разбиты; Дверницкій ушелъ заграницу. Послѣ ухода Дверницкаго стали проявляться мятежныя вспышки на Волыни; но скоро волненіе было прекращено генераломъ Редигеромъ. Въ апрѣлѣ фельдмаршалъ Дибичъ началъ уже наступательныя дѣйствія; происходили незначительныя стычки; самое же важное сраженіе произошло при Остроленкѣ, 14 мая. Поляки были разбиты, и прекратились у нихъ всѣ мечты о побѣдѣ надъ русскими войсками. Объ этомъ сраженіи Пузыревскій такъ отзывается: «Остроленское сраженіе имѣло для насъ, русскихъ, весьма выгодныя послѣдствія; оно дорого стоило полякамъ и облегчило намъ послѣдующія военныя дѣйствія. Отступленіе Гелгуда привело къ гибели его дивизію. Польская армія послѣ Остроленскаго сраженія потерпѣла такой уронъ и такъ была разстроена нравственно и матеріально, что уже не могла болѣе оправиться».

Въ самой Варшавѣ всѣ пали духомъ и были поражены ужасомъ. Между польскими военачальниками произошли разныя

недоразумѣнія. Губернаторъ въ Варшавѣ Круковецкій глумился надъ дѣйствіями Скржинецкаго и вооружилъ противъ него Варшавскій сеймъ. Прондзинскій составилъ даже записку, въ которой очень рѣзко и раздраженно осуждалъ дѣйствія Скржинецкаго. Мало-по-малу подрывалось довѣріе къ полководцу. Въ Варшавѣ началось даже волненіе и явно высказывалось неудовольствіе противъ Скржинецкаго и Янковскаго. По требованію камеръ-сейма, генералы Янковскій и Буковскій были отрѣшены отъ должностей и преданы военному суду. Вообще въ польскихъ войскахъ не было должнаго порядка и дисциплина падала.

Послѣ смерти фельдмаршала Дибича, въ іюнѣ мѣсяцѣ прибылъ въ Польшу новый главнокомандующій, князь Паскевичъ-Эриванскій.

Новый главнокомандующій задумалъ перенести театръ военныхъ дѣйствій на лѣвый берегъ Вислы, и русскія войска начали переправляться возлѣ с. Осѣкъ у прусской границы. Переправа шла прекрасно, и армія, 21 іюля, достигла уже Ловича, отстоящаго отъ пункта переправы на 130 верстъ. Переправа войскъ черезъ Вислу произвела въ Варшавѣ тоже тяжелое впечатлѣніе.

Правленіе Варшавскаго сейма приказало Скржинецкому возвратиться въ Варшаву съ корпусомъ Хржановскаго и воспротивиться дальнѣйшему движенію русскихъ. Главнокомандующій Скржинецкій прибылъ въ Варшаву, предполагалъ вступить въ бой съ русскими, но послѣ отказался отъ этого. Духъ польскихъ войскъ началъ падать. Въ Варшавѣ задумали смѣнить Скржинецкаго, причемъ комиссія, составленная изъ членовъ правительства, сената и камеръ-депутатовъ, 28 іюля, изслѣдовавъ положеніе дѣлъ, высказалась противъ излишней осторожности и малой предпріимчивости Скржинецкаго, не желавшаго принять сраженіе ранѣе, какъ подъ стѣнами Варшавы, и потому временно былъ назначенъ Дембинскій.

Въ ночь съ 3 на 4 августа, въ Варшавѣ вспыхнуло возмущеніе. Уличная чернь обвиняла правительство въ снисхожденіи къ измѣнникамъ. На площади Сигизмунда были преданы мучи-

тельной смерти генералы: Янковскій Гуртихъ, Феншау и многіе другіе.

Президентъ правленія сейма, князь Чарторыйскій, и члены—Лелевель и Неміевскій подали въ отставку.

Президентомъ былъ избранъ Круковецкій, который внесъ только разладъ между генералами Дембинскимъ и Прондзинскимъ. Дембинскій отказался отъ командованія арміей, и былъ назначенъ Малаховскій—старикъ, человѣкъ, по отзыву Пузыревскаго, высоко-честный, но совершенно лишенный дарованій полководца. Между тѣмъ въ августѣ главнокомандующій Паскевичъ началъ обложеніе Варшавы. 25 и 26 августа произошелъ штурмъ Варшавы. Предсѣдатель сейма Круковецкій и Прондзинскій обратились къ Паскевичу съ просьбою принять ихъ для переговоровъ. Графъ Паскевичъ предложилъ имъ полную покорность волѣ императора. Поляки не согласились. Штурмъ продолжался, и Варшава, 26 августа, была взята послѣ ожесточеннаго боя. И началось постепенное разсѣяніе польскихъ войскъ. Въ сентябрѣ 1831 г., совсѣмъ прекратились военныя дѣйствія и послѣдовала сдача польскихъ крѣпостей: Модлина и Замостья. Силы возстанія таяли, разбитыя польскія войска бѣжали въ Австрію и Пруссію.

Изложивъ вкратцѣ, по сочиненію Пузыревскаго «Русско-польская война 1831 г.», главные факты изъ исторіи возстанія этого времени, я хочу подробно остановиться на одномъ его эпизодѣ, именно—сраженіи русскихъ съ поляками 2 мая 1831 г. подъ м. Дашевомъ и разсказать объ этомъ событіи то, что слышалъ изъ устъ непосредственныхъ его свидѣтелей—мѣстныхъ старожиловъ.

Я уже упоминалъ, что Дверницкій на Волыни поднялъ возстаніе. Изъ Волыни возстаніе перешло на Подолію. Богатые помѣщики Подоліи—братья Собанскіе, Стемпковскій, Орликовскій, Ржевусскій, Еловицкіе—начали собирать банды, раздѣлили ихъ на 11 эскадроновъ, добыли 3 орудія и стали двигаться къ Кіевской губерніи. По дорогѣ къ нимъ присоединились многочисленныя банды Запольскаго, Потоцкаго и др. Войско ихъ быстро возра-

стало, и рѣшено было избрать м. Дашевъ, на границѣ Подоліи и Кіевской губерніи, опорнымъ пунктомъ; усилившись же здѣсь, поляки, по словамъ Пузыревскаго, думали двинуться *и на Кіевъ*, тѣмъ болѣе, что въ этихъ мѣстахъ войскъ совсѣмъ не было. Въ уѣздныхъ городахъ Подольской и Кіевской губерній находились тогда команды только жандармовъ и инвалидовъ; а въ Бердичевѣ и Махновкѣ стояли только два резервныхъ баталіона. Слѣдовательно, для поляковъ представлялись всѣ средства для развитія въ этомъ краѣ въ широкихъ размѣрахъ мятежа, и не потерпи они неудачи подъ Дашевомъ, быть можетъ судьба возстанія въ юго-западномъ краѣ была бы иная. Генералъ Пузыревскій такъ оцѣниваетъ исходъ сраженія подъ Дашевомъ: «Дѣло при Дашевѣ сразу нанесло рѣшительный ударъ возстанію поляковъ на югѣ. Инсургенты лишились своей артиллеріи, казны, части обоза, до 400 плѣнныхъ и множество убитыхъ и раненыхъ. Они уже не могли думать о распространеніи возстанія и должны были сами искать спасенія». Если авторитетный военный историкъ придаетъ сраженію подъ Дашевомъ такое важное значеніе и смотритъ на него, какъ на выдающееся событіе, то не лишнимъ будетъ въ печати всякое воспоминаніе о Дашевскихъ событіяхъ того времени.

Проживая въ 1890-хъ годахъ въ м. Дашевѣ нѣсколько лѣтъ, я лично зналъ ближайшихъ очевидцевъ и даже участниковъ всего происходившаго здѣсь въ 1830 — 31 гг., собралъ и записалъ отъ нихъ много разсказовъ, и въ настоящемъ очеркѣ намѣренъ передать все, мною слышанное. Быть можетъ, въ записанныхъ мною преданіяхъ и разсказахъ не все можетъ быть признано вполнѣ точнымъ и достовѣрнымъ; нельзя, конечно, и требовать, чтобы старые люди, вспоминая давно прошедшіе факты и событія, свидѣтелями коихъ они были въ свои юные годы, въ чемъ-либо не погрѣшили противъ исторической точности. Но если мелкія подробности, по естественному свойству человѣческой памяти, быть можетъ, и подверглись нѣкоторымъ видоизмѣненіямъ, то общій характеръ событія несомнѣнно отразился правдиво въ этихъ воспоминаніяхъ. При томъ же, записанные мною разсказы являются единственными воспо-

минаніями мѣстныхъ жителей о польскомъ мятежѣ 1831 г. въ Кіевской и Подольской губ. Въ польскихъ мемуарахъ сохранилось не мало воспоминаній объ этомъ событіи; но русскихъ мемуаровъ изъ этой эпохи мы не имѣемъ. Въ особенности можно пожалѣть о томъ, что въ свое время никому не пришло на мысль записать народные разсказы о тѣхъ же событіяхъ; теперь же сдѣлать этого нельзя, такъ какъ въ настоящее время трудно уже найти живыхъ свидѣтелей того, что творилось въ нашемъ краѣ три четверти вѣка назадъ. По крайней мѣрѣ и то немногое, что мнѣ удалось слышать и записать изъ устъ старожиловъ, я хотѣлъ бы сберечь отъ забвенія, какъ матеріалъ для будущей исторіи перваго польскаго мятежа въ нашемъ краѣ. Кромѣ устныхъ преданій, я привожу и нѣкоторые подлинные документы изъ той же эпохи, до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, еще не обнародованные.

Въ началѣ XIX столѣтія въ южной части Кіевской губерніи самымъ богатымъ и крупнымъ землевладѣльцемъ былъ графъ Владиміръ Потоцкій, жившій въ м. Дашевѣ [1]). Почти весь Липовец-

---

[1]) М. Дашевъ расположенъ на границѣ Кіевской и Подольской губерніи, по большой дорогѣ изъ г. Липовца въ г. Умань, на рѣкѣ Соби, раздѣляющей Дашевъ на двѣ части, соединяемыя плотиной,—на Дашевъ Старый и Новый, съ отдѣльною церковью въ каждомъ. Площадь имѣетъ фигуру дуги; въ центрѣ ея находится собственно мѣстечко—еврейское поселеніе съ неразлучными лавками и торговыми площадями,—находится и обсаженный рядомъ тополей графскій дворъ съ его палацо—большимъ каменнымъ двухъ-этажнымъ зданіемъ, обставленнымъ разными „офицынами"—флигелями, съ неизбѣжной панской каплицей. Мѣстность Дашева покатая къ рѣчнымъ берегамъ, въ низовьяхъ осѣлось еврейское населеніе, а на возвышенностяхъ и по краямъ мѣстечка расположены крестьянскія усадьбы. Волнистая профиль мѣстности, довольно обширныя серебристыя воды Соби и множество растительности дѣлаютъ Дашевъ замѣтно живописнымъ поселеніемъ, не блистающимъ, однако, архитектурностію мизерныхъ деревянныхъ своихъ зданій. Почва Дашева преимущественно камени-

кій уѣздъ принадлежалъ ему. По преданію еще въ 1812 г. онъ принималъ дѣятельное участіе въ снаряженіи особаго польскаго корпуса, примкнувшаго къ арміи Наполеона во время его похода въ Россію, почему онъ считался однимъ изъ видныхъ польскихъ патріотовъ въ краѣ. Центромъ владѣній Потоцкаго былъ Дашевъ, принадлежавшій прежде графу Плятеру, который принималъ здѣсь въ маѣ 1787 г. короля Станислава-Августа, возвращавшагося изъ Кіева, послѣ свиданія съ Екатериной Великой. Новый владѣлецъ Дашева, Владиміръ Потоцкій, былъ сыномъ Станислава-Щенснаго, умершаго въ 1804 г. и женатаго на Юзефѣ-Амеліи Мнишковнѣ, умершей въ 1798 г. Владиміръ Потоцкій былъ женатъ на Өеклѣ Сангушко. Онъ умеръ въ 1812 г. отъ оспы, оставивъ вдову и малолѣтнихъ дѣтей.

Въ 1830-хъ годахъ правительницей имѣніями графа Владиміра Потоцкаго все еще оставалась его жена съ сыновьями—Станиславомъ и Владиміромъ; послѣднему уже было 18 лѣтъ. Когда начался сборъ денегъ для предположеннаго возстанія, Өекла Потоцкая первая заложила часть своихъ имѣній и полученную сумму положила, какъ основаніе фонда. Затѣмъ князь Чарторыйскій (владѣлецъ Гранова, Ладыжина), Сабанскіе и др. начали вносить деньги для пополненія фонда. Запасшись капиталами еще въ 1828 и 1830 гг., поляки начали агитацію въ пользу возстанія. Всѣ денежныя суммы на дѣло возстанія сосредоточивались въ Дашевѣ. Предъ самымъ возстаніемъ графиня Өекла Потоцкая

стая, песчаная, хотя находятся и черноземныя полосы. На разстояніи 2—3 верстъ Дашевъ окруженъ съ сѣвера и востока большими лиственными лѣсами. Почтовая дорога, пересѣкающая Новый Дашевъ и предмѣстье Полевое, направляется отсюда, черезъ нѣсколько селъ Гайсинскаго уѣзда—Городокъ, Слободище, Леухи,—въ м. Терлицу. При церкви Новаго Дашева дороги раздѣляются по двумъ направленіямъ; одна въ Китайгородъ, а другая—въ Монастырище. Между этими дорогами, на протяженіи 5 верстъ, находится обширная равнина, съ небольшой лощиной и нѣсколькими холмами. На этой-то равнинѣ и происходило знаменательное Дашевское сраженіе 2 мая 1831 г.

съ сыномъ Станиславомъ выбыла за-границу, а въ домѣ остался несовершеннолѣтній Владиміръ Потоцкій. Главноуправляющимъ имѣніями былъ Лопушанскій; онъ то и распредѣлялъ капиталы и передавалъ спеціально назначеннымъ лицамъ, которые ѣздили по селамъ и вербовали шляхту въ войско. Въ главной конторѣ Потоцкаго состоялъ писарь Омыловскій. Онъ, съ крестьянскимъ мальчикомъ изъ с. Хрѣновки, Трофимомъ Онищукомъ, разъѣзжалъ по селамъ и записывалъ, кто изъ шляхты поступалъ въ жолнеры, и каждому охотнику выдавалъ по 5 руб. У Омыловскаго былъ особый сундучекъ, въ которомъ хранились деньги, и онъ, разъѣзжая, высыпалъ изъ него червонцы и рубли. Получившій деньги, по приказанію Омыловскаго, долженъ былъ на нѣкоторое время явиться въ м. Дашевъ, гдѣ открыто учили военнымъ пріемамъ. На площади ежедневно играла музыка; сюда вывозилось нѣсколько бочекъ съ пивомъ и медомъ. Изъ палаца Потоцкихъ выходили нарядныя паненки—дочери сосѣднихъ помѣщиковъ, управляющихъ, экономовъ—и приглашали танцовать собравшуюся молодежь. Сами барышни подходили и приглашали къ танцамъ, не обращая вниманія, былъ ли то шляхтичъ или простой крестьянинъ. На изъявившаго согласіе надѣвали смушковую шапку съ прикрѣпленнымъ къ ней букетомъ изъ калины, перевязаннымъ лентами національнаго цвѣта поляковъ, т. е. синяго. Надѣвъ на себя такую шапку, молодой человѣкъ, хотя бы и русскій, считался зачисленнымъ въ войско и долженъ былъ ревностно исполнять тѣ обязанности, которыя требовали «вудцы», т. е. предводители. Зачисленнымъ въ войско на площади предъ палацо варили обѣдъ. Возлѣ дворца графа Потоцкаго находилось громадное зданіе суконной фабрики, обращенное предъ возстаніемъ въ манежъ, гдѣ проживали навербованные солдаты и учились стрѣльбѣ и фехтованію. Для образованія кавалеріи, богатые поляки, какъ князь Чарторыйскій, графъ Ржевусскій, владѣлецъ большихъ имѣній въ Бердичевскомъ уѣздѣ, выбирали изъ крестьянъ и шляхты здоровыхъ парней и, подъ видомъ надворныхъ козаковъ, выучивали ихъ кавалерійской военной службѣ, давая имъ въ руководители опытныхъ кавалеристовъ—поляковъ. Желая сдѣлать этотъ

наборъ мало замѣтнымъ, поступали слѣдующимъ образомъ: подучившихся отпускали, набирали новыхъ съ тѣмъ, чтобы, обучивъ ихъ, смѣнить другими... Благодаря такому способу, графъ Ржевусскій образовалъ у себя цѣлый эскадронъ кавалеріи. Князь Чарторыйскій изъ Гранова всегда держалъ при себѣ 12 козаковъ, выучивалъ ихъ кавалерійской службѣ, отпускалъ, замѣнялъ новыми, и это продолжалось нѣсколько лѣтъ. Подъ Дашевомъ Чарторыйскій представилъ самую лучшую кавалерію.

Стараясь привлечь къ участію въ возстаніи и простой народъ, Лопушанскій и его помощникъ Немиловскій вездѣ объявляли по селамъ, что если Польша отберетъ Украину, то крестьяне получатъ полную волю. Вообще принимались самыя разнообразныя мѣры, чтобы привлечь населеніе къ возстанію. Въ этихъ видахъ безземельной шляхтѣ обѣщали, что каждый шляхтичъ получитъ полный надѣлъ изъ панской земли и по три подданныхъ. Зная о нерасположенности евреевъ къ военной службѣ, Лопушанскій приказалъ вездѣ объявлять, что когда наступитъ господство поляковъ въ краѣ, то евреи будутъ навсегда освобождены отъ рекрутчины, и съ ними поляки будутъ жить, какъ друзья. Въ подтвержденіе своихъ обѣщаній Лопушанскій приказалъ освободить всѣхъ евреевъ, подлежавшихъ въ томъ году рекрутскому набору изъ имѣній Потоцкаго, и объявить, что они вольны заниматься какими угодно промыслами, не помышляя о военной службѣ. Крестьяне же недовѣрчиво относились къ полякамъ и на приглашеніе послѣднихъ въ вербунки, отвѣчали насмѣшливой пѣсней:

Пшыстань, пшыстань до вербунку,
Будешъ йисты зъ масломъ булку,
Будешъ йисты, будешъ пыты,
Довбешкою воши быты.

Отъ управляющаго Лопушанскаго ежедневно получались новыя распоряженія для завлеченія населенія въ вербунки: открыто на площадь выходилъ писарь съ бумагой и чернилами и записывалъ тѣхъ, кто изъявлялъ согласіе поступить въ войско, и кто

записывался, получалъ, кромѣ 5 р., чумарку, черные штаны, шапку съ кивером или перьями въ родѣ султана, бѣлую «квитку»—цвѣтокъ, выпивалъ водку, ставалъ въ рядъ поступившихъ и получалъ уже по 20 руб. Суконная фабрика обратилась въ штабъ, а ея главные распорядители—какъ то нѣмецъ Іокишъ и др.—сдѣлались чиновниками, получавшими уже жалованье изъ графской кассы; такъ что фабрика совсѣмъ прекратила свои дѣйствія и превратилась въ канцелярію для распоряженій по возстанію. За фабрикой и теперь стоитъ безъ всякой цѣли каменное зданіе, которое въ то время со всѣми бывшими пристройками было обращено въ фабричное заведеніе для выдѣлки пикъ. Приготовленныя здѣсь пики разсылались по разнымъ концамъ польскихъ имѣній. Вездѣ по селамъ шла вербунка; вездѣ открыто играла музыка на площадяхъ и выставлялась водка, закуска, шапка, чемерка. Старожилы теперь помнятъ тѣ дни и говорятъ, что никогда въ жизни не было такого веселья.

Должность маршала исполнялъ тогда Ипполитъ Володкевичъ. Онъ былъ женатъ на Дудзинской, владѣвшей селами: Калиногоркой, Копіевкой, Китайгородомъ и Янишевкой; у самого же Володкевича было въ распоряженіи одно имѣніе *Городокъ*, фиктивно купленное у князя Чарторыйскаго. Володкевичъ изъ «пленипотентовъ» (адвокатовъ того времени) также принималъ дѣятельное участіе въ возбужденіи народа для поступленія въ польское войско; онъ всѣ свои доходы отдавалъ на это дѣло, забиралъ даже доходы родственниковъ, жены—и несъ на возстаніе. Музыканты тогда получали за день игры по рублю сереб.—цѣну, какой не даютъ и теперь,—имъ же былъ даровой кормъ и водка. По прудамъ вездѣ приготовлены были лодки. Поступавшіе въ войска крестьяне садились въ лодки и катались; музыка вездѣ имъ сопутствовала, и вообще веселіе было полное. Крестьяне, хотя и работали барщину, но значительно меньше. Вездѣ какъ маршалокъ, такъ и его друзья говорили крестьянамъ: «какъ мы отберемъ Украину подъ Польшу, то всѣмъ крестьянамъ будетъ хорошо—будутъ вольные». Шляхта съ разныхъ концевъ брела въ Дашевъ, получала все даровое и гуляла въ полное свое удовольствіе. Еже-

дневно мѣнялись развлеченія, возникали новыя, какія только могла придумать фантазія Лопушанскаго и его друзей. Ничего тутъ не жалѣли; благо деньги текли со всѣхъ концевъ, безконтрольно поступали въ кассу, и можно было дѣлать что угодно. Каждый богатый полякъ старался пороскошнѣе одѣть свою шляхту и выдать всадникамъ самыя лучшія лошади. Одинъ помѣщикъ предъ другимъ хвалился роскошью одежды шляхты и убранствомъ лошадей. Князь Чарторыйскій имѣлъ въ это время большой конскій заводъ, и всѣ лошади завода были предоставлены въ распоряженіе возстанія. Каждый полякъ лѣзъ въ долги и несъ свое достояніе въ графскую кассу. Явились командиры, и въ каждой деревнѣ шло обученіе военному искусству шляхты и завербованныхъ крестьянъ. По нѣсколько разъ въ недѣлю съѣзжались въ Дашевѣ представители польскихъ знатныхъ родовъ, управляющіе имѣніями, съ своими семействами; толковали о скорѣйшемъ выступленіи въ походъ. Видѣли они, что русское правительство дѣйствовало нерѣшительно; вездѣ какъ будто отсутствовала власть, что и вселило въ душу поляковъ полную увѣренность въ успѣхѣ возстанія. Этимъ только и можно объяснить, почему многіе не жалѣли послѣднихъ средствъ на это дѣло. Изъ Дашева шла переписка съ главными руководителями возстанія въ Варшавѣ, и оттуда ожидали приказа о днѣ, когда приступить къ дѣлу, требовалось только увеличивать численность войска, не жалѣть денегъ на *вербунки*. Съ этой цѣлью записавшимся въ войско, сверхъ выданныхъ вещей и денегъ, прибавили еще по 12 р. на табакъ, и веселье съ каждымъ днемъ увеличивалось. Знатныя польскія дамы изъ высшаго круга, какъ Володкевичъ, Сабанская и др., не стѣснялись сидѣть вмѣстѣ съ «хлопами», записанными въ реестрѣ, разговаривали съ ними, старались показать, что въ возстановленной Польшѣ будетъ полное равенство сословій,—не будетъ ни бѣднаго ни богатаго, всѣмъ будетъ хорошо,—богатый будетъ помогать бѣдному. Въ нѣкоторыхъ селахъ, какъ напр., въ Городкѣ, Володкевичъ, распорядившись приготовить древка для пикъ, хитрилъ съ народомъ, говорилъ, что эти древка приготовляются въ садъ подъ цвѣты, которыми онъ предполагаетъ засадить весь свой

огородъ. Въ кузницахъ по большей части были поляки или нѣмцы, которые заняты были исправленіемъ оружія, и тайно невѣдомо куда его развозили. Вся бѣдная шляхта бросила семьи, шла толпами въ войско; каждый думалъ разбогатѣть, сдѣлаться настоящимъ паномъ и каждый не скрывалъ того, что будетъ имѣть своихъ подданныхъ.

Пасха въ 1831 году была 18 апрѣля; предъ Пасхой получилось изъ Варшавы распоряженіе выступить въ походъ и открыть военныя дѣйствія. Изъ главнаго двора Потоцкаго посланы были козаки съ письмами во всѣ концы Липовецкаго, Бердичевскаго, Гайсинскаго, Уманскаго, Винницкаго и другихъ уѣздовъ Кіевской и Подольской губерній, приглашая въ Дашевъ на последнее совѣщаніе и выходъ войскъ.

Незадолго до Пасхи, Дашевъ сталъ наполняться польской милиціей. Чтобы правительство не провѣдало объ этомъ сборѣ преждевременно,—устроены были заставы, гдѣ всѣхъ проѣзжавшихъ чрезъ Дашевъ опрашивали, кто онъ и откуда. Если предполагали, что проѣзжій можетъ донести властямъ, то его не пропускали въ Дашевъ, а заставляли вернуться назадъ; менѣе опасныхъ, какъ напр. дѣтей священниковъ, возвращавшихся изъ Уманскаго духовнаго училища домой на праздники, пропускали чрезъ Дашевъ, но съ завязанными глазами. Наиболѣе строгій надзоръ былъ надъ проѣзжающими со стороны г. Липовца; послѣднихъ рѣшительно не допускали переѣзжать чрезъ Дашевъ, и заставляли окольными дорогами ѣхать на Умань. Въ то время въ г. Умани были военныя поселенія и стояли русскія войска. Поляки особенно боялись, чтобы русскіе не провѣдали о мѣстѣ ихъ сборищъ и не разстроили ихъ плановъ и затѣй. Къ тому же въ это время всюду по церквямъ публиковался Высочайшій манифестъ слѣдующаго содержанія:

„Манифестомъ Нашимъ отъ 12 декабря минувшаго года, Мы объявили вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ о возникшемъ въ Царствѣ Польскомъ возмущеніи. Тогда въ самомъ праведномъ Нашемъ негодованіи на мятежниковъ, готовясь смирить и наказать ихъ, Мы еще утѣшали Себя надеждой спасти заблуждаю-

щихся и обольщенныхъ. Гласомъ истины и новыми знаками милосердія Мы хотѣли возвратить ихъ къ долгу, и съ тѣмъ вмѣстѣ, ожививъ бодрость въ благомыслящихъ, устрашенныхъ первыми ужасами бунта, дать имъ возможность остановить успѣхи онаго и счастливымъ противодѣйствіемъ доказать свѣту, что не весь народъ Царства Польскаго достоинъ презрѣннаго названія «измѣнниковъ». Мы и нынѣ удостовѣрены, что сей народъ несчастный есть токмо слѣпая жертва темныхъ злодѣевъ. Но сіи вѣроломные продолжаютъ имъ властвовать; они готовятъ оружіе на Россію, въ безумствѣ своемъ призываютъ вѣрныхъ подданныхъ Нашихъ къ предательству и, наконецъ, 13 сего мѣсяца, среди мятежнаго противозаконнаго сейма, присваивая себѣ имя представителей своего края, дерзнули провозгласить, что царствованіе Наше и дома Нашего прекратилось въ Польшѣ и что тронъ, возстановленный Императоромъ Александромъ, ожидаетъ иного монарха. Сіе наглое забвеніе всѣхъ правъ и клятвъ, сіе упорство въ зломысліи исполнили мѣру преступленій; настало время употребить силу противъ незнающихъ раскаянія, и Мы, призвавъ въ помощь Всевышняго Судію дѣлъ и намѣреній, повелѣли Нашимъ вѣрнымъ войскамъ итти на мятежниковъ. Россіяне! Въ сей важный часъ, когда съ прискорбіемъ отца, но съ спокойною твердостію царя, исполняющаго священный долгъ свой, Мы извлекаемъ мечь за честь и цѣлость державы Нашей, соедините усердныя мольбы свои съ Нашими мольбами предъ алтаремъ Всевидящаго Праведнаго Бога. Да благословитъ Онъ оружіе Наше для пользы и самихъ Нашихъ противниковъ, да устранитъ скорой побѣдой препятствія въ великомъ дѣлѣ успокоенія народовъ, десницей Его Намъ ввѣренныхъ, и да поможетъ Намъ возвратить Россіи мгновенно отторгнутый отъ нея мятежниками край, устроить будущую судьбу его на основаніяхъ прочныхъ, сообразныхъ съ потребностями и благомъ всей Нашей Имперіи и положить навсегда конецъ враждебнымъ покушеніямъ злоумышленниковъ, мечтающихъ о раздѣленіи. Вѣрные подданные Наши! Сія цѣль достойна вашихъ трудовъ и усилій; вы привыкли не щадить ихъ за Насъ и отечество».

«Данъ въ С.-Петербургѣ 25 января, въ лѣто отъ Р. Хр. 1831, царствованія Нашего въ шестое».

Поляки знали о Высочайшемъ манифестѣ, знали, что, если русскія войска обнаружатъ мѣсто ихъ сборищъ, то можетъ погибнуть вся ихъ затѣя, и потому принимали мѣры предосторожности, тѣмъ болѣе, что значеніе Дашева для польскаго возстанія росло съ каждымъ днемъ. Дашевъ, какъ центръ возстанія для юго-западнаго края, былъ обращенъ въ какую то крѣпость, куда свозилось оружіе, гдѣ собирались банды. Лошади всадниковъ, т. е. польской кавалеріи, не могли вмѣщаться въ конюшняхъ, сараяхъ и стояли прямо въ полѣ на коновязахъ, т. е. забивались колья, устраивались желобки, и тамъ кормили ихъ. Въ Правиковомъ лѣсу, возлѣ с. Кошлановъ, также стояла часть польской кавалеріи, и тамъ въ котлахъ варился полякамъ обѣдъ, а изъ Дашева привозили имъ провизію, водку.

На первой недѣлѣ Пасхи устроено было большое празднество въ Дашевѣ; вся польская молодежь разныхъ сословій съѣхалась сюда; всѣ проводили цѣлыя ночи въ веселіи и кутежахъ; на площадяхъ открыто стояли бочки съ пивомъ, водкой и разныя закуски. Каждому дозволялось пить, гулять, требовалось только, чтобы каждый пожелалъ успѣха тому дѣлу, за которое взялись поляки. Одни только рабочіе крестьяне въ кузницахъ не имѣли отдыха; не знали они, когда Пасха, не знали отдыха ни днемъ, ни ночью. Этихъ мастеровыхъ заставляли работать и приготовлять оружіе на войну. Слишкомъ невыносимой показалась имъ такая египетская работа, и въ одну изъ ночей рабочіе сожгли кузницу, вслѣдствіе чего масса матеріала, приготовленнаго на войну, сгорѣла. Всѣ рабочіе притворились пьяными, и некому было тушить огонь.

Во все это время панъ Омыловскій также не зналъ отдыха. Онъ объѣзжалъ села Бердичевскаго, Липовецкаго, Гайсинскаго и другихъ уѣздовъ и отдавалъ приказанія, когда именно явиться въ Дашевъ. Омыловскій имѣлъ открытый листъ съ точнымъ указаніемъ своего назначенія и, являясь въ какое-либо село, онъ отправлялся въ конюшню любого помѣщика, выбиралъ лучшихъ лошадей и ѣхалъ, куда имѣлъ надобность.

Козачекъ Омыловскаго, Трофимъ Онищукъ, нынѣ 80-лѣтній старикъ, разсказывалъ мнѣ, что трудъ, принятый на себя Омыловскимъ, былъ очень великъ; нужно было постоянно спѣшить записывать охотниковъ, вручать деньги, передавать списки особенному повѣренному, чтобы тотъ зналъ, кто вступилъ въ войско, затѣмъ ѣхать далѣе. Омыловскій ждалъ для себя за этотъ трудъ большой награды—чуть ли не маршалство, а дарственная на имѣніе была, какъ онъ говорилъ, уже написана ему за труды, вотъ почему не жалѣлъ онъ своего здоровья; работалъ усиленно со своимъ козачкомъ Онищукомъ: оба ждали наградъ и панства. По словамъ Онищука, деньги сыпались изъ сундучка, какъ мука изъ жернова; денегъ совсѣмъ не жалѣли, какъ будто бы тамъ, въ палацо, ихъ ковали и передавали Омыловскому, а онъ раздавалъ ихъ шляхтѣ и народу на вѣру, безъ разбора, не требуя никакихъ гарантій, стоило только сказать, что согласенъ поступить въ войско. Сѣдла для кавалеріи польскихъ войскъ дѣлалъ въ экономіи графа Потоцкаго шляхтичъ Врочинскій, который имѣлъ въ своемъ распоряженіи 10 мастеровыхъ, работавшихъ день и ночь. Всѣхъ этихъ мастеровъ кормила экономія Потоцкаго безплатно. Обѣдъ рабочимъ и новоприбывшимъ полякамъ въ Дашевѣ готовился въ 6 котлахъ, для чего ежедневно рѣзали 6 быковъ. Два котла были устроены возлѣ плотины съ правой стороны, если идти изъ Новаго Дашева на Старый; два—на черномъ дворѣ возлѣ каплицы, гдѣ теперь кухня; одинъ—ниже по рѣкѣ Соби, гдѣ теперь конюшня, а одинъ—прямо на площади. Въ палацо же особо приготовлялся роскошный обѣдъ для панства, ежедневно съѣзжавшагося къ пану Лопушанскому съ докладомъ, какъ идутъ дѣла по возстанію. При каждомъ обѣдѣ выпивалось огромное количество французскихъ винъ; хвалилось все французское. Радовались, что русскіе ничего не знаютъ объ ихъ замыслахъ, а если знаютъ, то не обращаютъ вниманія, что и дѣлало поляковъ болѣе самонадѣянными.

Для ночлега съѣзжавшихся на совѣщаніе, кромѣ помѣщеній въ палацо, отводились квартиры въ еврейскихъ постоялыхъ дворахъ; особенно тогда зарабатывалъ еврей Куперманъ, коего по-

стоялый дворъ находился направо за плотиной на Старомъ Дашевѣ. Евреи тогда пользовались многимъ у поляковъ и быстро обогащались. Польскія банды шли подъ Дашевъ съ разныхъ сторонъ. Много ихъ шло изъ Гайсинскаго, Брацлавскаго, Ольгопольскаго уѣздовъ, шли чрезъ Грановъ, Тепликъ, Жорнище.—Въ м. Зятьковѣ, Гайсинскаго уѣзда, жилъ благочинный, о. Рыбицкій, человѣкъ образованный, преподававшій французскій и нѣмецкій языки дѣтямъ графа Холоневскаго. Бывая ежедневно у графа на урокахъ, о. Рыбицкій узналъ о готовящемся возстаніи и сообщилъ, куда слѣдуетъ. Поляки сейчасъ же провѣдали объ этомъ и оцѣнили голову о. Рыбицкаго въ 50,000 злотыхъ, и по необходимости о. Рыбицкій долженъ былъ скрываться въ камышахъ, на полѣ, наконецъ, долженъ былъ уйти изъ Зятькова. Игуменъ Грановскаго монастыря, о. Григорій, принялъ участіе въ судьбѣ о. Рыбицкаго, скрывалъ его двѣ недѣли въ Грановскомъ монастырѣ—въ пономарнѣ, на церковномъ чердакѣ. Мнѣ указывали мѣсто, гдѣ о Рыбицкій проживалъ и откуда только ночью выходилъ на свѣтъ Божій. Поляки, проходя въ большомъ количествѣ возлѣ Грановскаго монастыря, приказали звонить, грозя въ противномъ случаѣ сжечь монастырь, и о. игуменъ Григорій разрѣшилъ звонить. По прибытіи въ м. Грановъ, польскія банды были встрѣчены княземъ Чарторыйскимъ, приказавшимъ протоіерею Мартыновскому отслужить молебенъ. О. Мартыновскій отслужилъ молебенъ, окропилъ войско св. водой, причемъ дьячки пѣли: «Спаси, Господи, люди твоя и благослови достояніе твое, побѣды Благовѣрному Императору нашему Николаю Павловичу на сопротивныя даруя»... и поляки не понимали, что православное духовенство молило Бога дать побѣду русскому царю. За отправленіе молебна о. Мартыновскій получилъ много червонцевъ. Въ Грановѣ поляки приглашали крестьянъ итти съ ними на войну. Полякъ Францишекъ Лещинскій говорилъ крестьянину Алексѣю Сичкарю: «ты будешь мнѣ сапоги чистить, будешь моимъ подданнымъ, если не пойдешь съ нами; я буду имѣть 4 подданныхъ такихъ, какъ ты». Послѣ сраженія, Лещинскій, проколотый штыкомъ, съ великимъ трудомъ шелъ домой въ Грановъ, встрѣтилъ на дорогѣ Сичкаря

и просилъ его подвезти; но Сичкарь на возъ не взялъ, отвѣтивъ: «пропадай же, якъ собака, бо бувъ собакою».

Крестьяне въ м. Грановѣ продавали полякамъ куръ, яйца, хлѣбъ и получали деньги въ три-четыре раза дороже ихъ стоимости.

При проходѣ поляковъ чрезъ м. Жорнище, священникъ Андрей Обыдовскій приказалъ ударить въ колокола, какъ въ набатъ. Полякамъ это не понравилось. Они хотѣли убить о. Обыдовскаго, напали на его домъ, расхитили благочинническія деньги; самъ о. Андрей Обыдовскій скрылся въ болотѣ, тамъ простудился и умеръ отъ горячки. Въ г. Липовцѣ, отстоящемъ отъ м. Жорнищъ въ 17 верстахъ, узнали о прибытіи поляковъ, прислали нѣсколько инвалидовъ для защиты м. Жорнищъ отъ разграбленія, и поляки, замѣтивъ инвалидовъ, ушли. Такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ двигались къ м. Дашеву польскія банды, и къ 1-му мая здѣсь собралось много инсургентовъ. Днемъ выхода польскаго войска изъ м. Дашева было 1-е мая; предполагалось все собранное польское войско двинуть къ Варшавѣ на соединеніе съ имѣвшимися тамъ польскими войсками.

Главнымъ начальникомъ войска былъ назначенъ полковникъ польскихъ войскъ Колыско, отецъ коего жилъ въ с. Жаданахъ, въ качествѣ поссессора. Самъ полковникъ въ послѣднее время проживалъ въ м. Дашевѣ и руководилъ обученіемъ войска. Каждый панъ считалъ для себя честью носить военную форму и именоваться: «маіоромъ», «капитаномъ», «поручикомъ», и чины эти до возстанія давались не особенно охотно; такъ напр., главный распорядитель по хозяйственной части возстанія Лопушанскій едва добился чина маіора, а то никто не имѣлъ чина выше поручика: требовалось доказать на дѣлѣ, что поступившій въ войско панъ дѣйствительно достоинъ чина маіора или поручика. Пиры слѣдовали за пирами, и, въ угарѣ общаго веселія, поляки ежедневно откладывали день выхода подъ Варшаву. И вотъ на одномъ изъ такихъ пировъ, въ субботу на второй недѣлѣ послѣ Пасхи, 2 мая, въ самый разгаръ веселья, когда всѣ паны пировали въ Дашевѣ, влетаетъ гонецъ и заявляетъ, что русскіе идутъ

на Дашевъ [1]). Явка гонца произвела на поляковъ сильное впечатлѣніе. Всѣ вскочили изъ-за стола; каждый хватался за оружіе, вскакивалъ на коня и бѣжалъ изъ Дашева по дорогѣ на городокъ и Росоховатку. Въ тотъ день, въ субботу, ходили по домамъ молодые Григорій Прокофьевъ Крупникъ и Екатерина Петрова Кравчукъ; просили по малорусскому обычаю всѣхъ встрѣчавшихся имъ лицъ на свадьбу. При выѣздѣ изъ палацо, поляки встрѣтили молодыхъ, сочли это за счастливое предзнаменованіе и каждый старался осыпать ихъ деньгами. Послѣ разгрома польскихъ войскъ, долго и много дней гуляли крестьяне на свадьбѣ Крупника и вспоминали рѣдкую щедрость поляковъ. Теперь еще старики помнятъ ту свадьбу и щедрое награжденіе молодыхъ. Помнятъ также, что рядовые повстанцы были одѣты—кто въ лаптяхъ и кожаныхъ постолахъ,—кто въ курткахъ, свиткахъ. Это объяснялось тѣмъ, что шляхта припрятывала дома лучшую одежду и являлась въ худшей, чтобы опять получить новую, и такъ многіе ежедневно мѣняли костюмы и неизвѣстно гдѣ скрывали ихъ. Каждый старался кое-что скопить не только изъ денегъ, получаемыхъ отъ пана Омыловскаго, но и изъ вещей. Чтобы обезопасить себя со стороны русскихъ войскъ, поляки распорядились уничтожить переправы чрезъ рѣки, а въ Ладыжинѣ всѣ паромы на рѣкѣ Бугѣ перетянули на лѣвую сторону. Устраивая переправы чрезъ Бугъ, а гдѣ возможно и пройдя въ бродъ, русскіе узнали, что чрезъ Грановскій лѣсъ ѣдетъ въ каретѣ важная польская пани, распорядились задержать ее, начали расспрашивать, кто она и откуда. Задержанная объяснила, что она Сабанская, помѣщица м. Ладыжина, ѣдетъ изъ Дашева со своими дочерьми. Вотъ тутъ ее заставили разсказать откровенно, что видѣла въ Дашевѣ, что тамъ происходитъ. Русскіе узнали отъ Сабанской, что въ м. Дашевѣ собираются поляки и тамъ стоитъ польское

---

[1]) По поводу 2 мая сложилась въ Дашевѣ поговорка:

«Колыско въ палацо піе,
А москаль поляка на плацу біе».

войско,—узнали приблизительно его количество. Вотъ почему русскія войска такъ неожиданно для поляковъ направились къ Дашеву и рѣшили вступить съ поляками въ бой.

Начальникъ польскихъ войскъ подъ м. Дашевомъ, полковникъ Колыско, состоялъ на службѣ въ г. Варшавѣ въ кавалерійскомъ полку и ежегодно, по распоряженію своего начальства, ѣздилъ къ своему отцу въ с. Жаданы съ 50 жолнерами для покупки лошадей въ херсонской, подольской губ. на ярмаркахъ въ г.г. Вознесенскѣ, Новомиргородѣ, Елисаветградѣ, Ярмолинцахъ. Накупивъ табуны лошадей, молодой Колыско пріѣзжалъ къ отцу, гостилъ у него, а жолнеры тѣмъ временемъ выѣзжали лошадей, и къ 24 октября онъ возвращался въ Варшаву съ купленными лошадьми для пополненія кавалерійскихъ полковъ. Старый Колыско 19 лѣтъ держалъ въ арендѣ Жаданы, имѣніе графа Потоцкаго, и потому сынъ его зналъ хорошо мѣстность, зналъ семью графа Потоцкаго и многихъ богатыхъ землевладѣльцевъ; поэтому-то въ Варшавѣ, при обсужденіи вопроса, кого послать въ Дашевъ для обученія военному искусству и предводительствовать бандой, палъ жребій на Колыско [1]). По словамъ очевидцевъ, Колыско много работалъ въ дѣлѣ обученія шляхты военному дѣлу, но плохо привилась шляхтѣ эта наука; много денегъ было у каждаго изъ нихъ въ карманѣ, много искушеній было на площади; неудивительно, что каждаго будущаго солдата влекло не ученіе, а попойка и закуска, а потому обучить, какъ слѣдуетъ, этотъ сбродъ—было трудно. Въ палацо графа также были длинные обѣды, выпивалось всегда много старокъ, и неудивительно, что только нѣсколько часовъ можно было употреблять на обученіе новыхъ воиновъ, которые

---

[1]) Осипъ Колыско, стольникъ Львовскій, былъ другомъ Костюшки, а его сынъ Тимошъ былъ арендаторомъ с. Жадановъ, Липовецкаго уѣзда. Колыско, живя въ Жаданахъ, былъ другомъ священника Левитскаго, сынъ котораго, протоіерей Стефанъ Левицкій, бывшій тоже священникомъ въ Жаданахъ, и передалъ мнѣ факты о частыхъ пріѣздахъ Колыско въ Жаданы и объ обученіи лошадей его жолнерами кавалерійской ѣздѣ.

вовсе не думали изучать военное искусство. По разсказамъ старожиловъ, въ первые моменты извѣстія о явкѣ русскихъ къ Дашеву, Колыско стремился высказать свою храбрость, въ первыхъ рядахъ побѣжалъ встрѣтить русское войско, просилъ, кричалъ, гналъ солдатъ въ бой, но солдаты сразу не послушались его и стали послѣ первыхъ выстрѣловъ уходить. Генералъ Ротъ при началѣ сраженія велѣлъ немного отступить назадъ. Сраженіе происходило въ лощинѣ, въ 5—6 верстахъ отъ Дашева, по дорогѣ въ Росоховатку, Монастырище и Умань. Русскіе стояли за вербами, и очень имъ хотѣлось, чтобы поляки подошли поближе къ лощинѣ на холмъ и развернули весь свой составъ. Генералъ Ротъ правильно разсчиталъ, какой цѣли можетъ достичь кажущимся отступленіемъ, и дѣйствительно Колыско не понялъ маневра Рота, выступилъ на холмъ со своими пушками: Ротъ сдѣлалъ сильный залпъ со всѣхъ орудій; сразу дрогнули полчища поляковъ, и они начали уходить. Много поляковъ погибло отъ выстрѣловъ, и два громадныхъ холма вблизи мѣста сраженія служатъ видимымь знакомъ, что много ихъ легло на холмахъ, много ихъ погибло въ рѣкѣ Собѣ и въ Каменогорскомъ прудѣ, еще больше разбѣжалось ихъ въ разныя стороны. Все поле отъ мѣста сраженія до Дашева было усѣяно трупами: русскія войска гнали поляковъ вездѣ по дорогамъ.—Во время этого сраженія поляки только тотъ сдѣлали для русскихъ вредъ, что разобрали плотину, и такимъ образомъ много поляковъ имѣло возможность скрыться въ лѣсахъ Копіевскихъ и Дашевскихъ. Самъ маршалъ Ипполитъ Володкевичъ скрылся въ Копіевкѣ—въ глинищѣ, а Потоцкій на балагулѣ съ крестьяниномъ Антономъ Музыченкомъ уѣхалъ въ Радзивиловъ, оттуда заграницу, гдѣ проживалъ у старыхъ знакомыхъ отца—французскихъ эмигрантовъ—до 1850 г.. и уже, при посредствѣ Писарева, управляющаго генералъ-губернаторской канцеляріей при Бибиковѣ, возвратился въ Россію [1]).

---

[1]) Графъ Владиміръ Станиславовичъ Потоцкій часто проживалъ заграницей въ Парижѣ и имѣлъ тамъ массу знакомыхъ. Во время французской революціи онъ предложилъ у себя пріютъ многимъ ли-

Къ удивленію, Дашевское имѣніе не было конфисковано, а только секвестровано и собственно потому, что Ѳекла Потоцкая заявила, что это имѣніе со всѣми деревнями было заложено у нея покойнымъ мужемъ въ обезпеченіе ея приданаго.

Генералъ Пузыревскій въ своемъ сочиненіи: «Польско-русская война 1831 г.», такъ описываетъ сраженіе подъ Дашевомъ: ...«Для подавленія возстанія вызвана была поселенная Бугская уланская дивизія. Ротъ спѣшилъ форсированными маршами.—Направивъ Шереметева съ 2-мя уланскими полками и 6-ю орудіями на Ладыжинъ, самъ онъ съ Харьковскимъ уланскимъ и 35-мъ егерскимъ полками при 6 орудіяхъ быстро двинулся изъ окрестностей Каменецъ-Подольска чрезъ Шаргородъ по направленію къ Ольгополю и Красноселкѣ; узнавъ въ Петковкѣ, что инсургенты выступили въ Грановъ и что генералъ Рейтернъ съ Бугской улан-

---

цамъ, изгнаннымъ изъ Франціи временнымъ французскимъ правительствомъ. Многіе изгнанники, въ числѣ, приблизительно, до 50 человѣкъ, поселились въ особыхъ дворахъ въ с. Кальникѣ, Липовецкаго уѣзда, гдѣ нынѣ сахарный заводъ; имъ доставляли туда провизію и полное содержаніе. Эмигранты были всё народъ образованный и обратили вниманіе на могилу: «Сорока», отстоящую отъ Кальника въ разстояніи 2—3 верстъ, по направленію къ Липовцу, начали раскапывать могилу, а графъ Потоцкій распорядился для работъ давать людей въ видѣ — барщины. Эмигранты раскопали могилу, а землю свозили на рѣку Собь и сдѣлали тамъ громадную плотину при коей теперь имѣется тамъ же громадная крупчатая мельница. По разсказамъ старожиловъ, французы эмигранты обращались съ крестьянами очень мягко, что было не въ духѣ того времени; воспрещали оффиціалистамъ—приказчикамъ бить народъ, требовать непосильныхъ работъ и сами относились къ народу съ особеннымъ вниманіемъ и любовью. Однажды при нихъ одинъ приказчикъ побилъ крестьянъ. Эмигранты обратились къ графу Потоцкому и потребовали немедленно удалить его отъ должности, и приказчикъ былъ удаленъ отъ должности безъ права служить въ его имѣніяхъ. По прекращеніи революціи эмигранты уѣхали обратно въ Францію. 2 мая 1831 г. графъ—Владиміръ Владиміровичъ Потоцкій къ нимъ ушелъ и проживалъ у нихъ до 1854 г. При раскопкѣ могилы «Сорока» эмигранты ничего не нашли, кромѣ костей и части одежды.

ской дивизіей на пути въ Ладыжинъ, находился лишь въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Петковки, онъ обратился влѣво, притянулъ къ себѣ Рейтерна и, переправившись чрезъ Бугъ въ бродъ у Ладыжина, достигъ, форсированнымъ маршемъ, ночью на 2 мая, Гайсина. Получивъ свѣдѣніе, что инсургенты находятся въ Грановѣ, Ротъ направилъ ген. Соболева, съ 2-мя баталіонами 35-го егерскаго полка, 2-мя орудіями и Ольвіопольскимъ уланскимъ полкомъ, по большой дорогѣ къ Гранову, а самъ, съ Вознесенскимъ (7 эскр.), Харьковскимъ (4 эск.), и Одесскимъ (6 эск.) уланскими полками и 4-мя конными орудіями, двинулся по лѣвому берегу Соби, чтобы обойти непріятеля съ праваго фланга. Инсургенты ничего не знали о прибытіи Рота и, полагая, что за ними слѣдуетъ только отрядъ Рейтерна, продолжали въ безпорядкѣ слѣдовать къ Дашеву, куда прибыли около 10 час. утра 2 мая. Арьеградъ ихъ въ числѣ 3-хъ эскадроновъ, подъ начальствомъ Побѣдзинскаго, находился въ 6 верстахъ назади у с. Городка, наблюдая за большою кіевскою дорогою. Въ два часа пополудни отрядъ Рота приближался къ Городку. Въ головѣ шелъ дивизіонъ Одесскаго уланскаго полка, за нимъ, въ разстояніи 1$^1/_2$ версты, самъ Ротъ съ двумя другими дивизіями и 2-мя конными орудіями, а нѣсколько назади два остальные уланскіе полка и орудія. При выходѣ изъ городка, составляющаго положеніемъ своимъ довольно затруднительное дефиле, головной нашъ дивизіонъ былъ атакованъ поляками и опрокинутъ; но Ротъ встрѣтилъ преслѣдующихъ картечнымъ огнемъ и этимъ далъ время Одесскому полку пройти Городокъ и выстроиться влѣво отъ большой дороги по направленію къ Дашеву. Съ своей стороны главныя силы инсургентовъ, по первому пушечному выстрѣлу, одинъ эскадронъ за другимъ, спѣшили изъ Дашева и стройно развернулись предъ Ротомъ. На правомъ ихъ флангѣ находилась густая пѣхотная колонна, около 1000 человѣкъ, имѣя впереди себя 4-ре орудія, центръ и лѣвое крыло съ тремя орудіями построены были въ двѣ линіи развернутымъ фронтомъ и съ надлежащими интервалами. Между тѣмъ подоспѣли усиленной рысью Харьковскій и Вознесенскій уланскіе полки. Ротъ поставилъ

первый на лѣвомъ флангѣ, противъ сомкнутой колонны, а Рейтерна съ Вознесенскимъ и Одесскимъ полками противъ центра и лѣваго крыла непріятеля и немедленно двинулся впередъ. Инсургенты, защищаясь мужественно, отступали въ порядкѣ, и, опрокинутые нѣсколько разъ, возобновляли нападеніе. Въ одной изъ атакъ взяты были у нихъ 4-ре орудія и палъ Побѣдзинскій; эскадроны его дали тылъ. Начальникъ штаба Орликовскій, а затѣмъ и Колыско хотѣли возстановить дѣло, но также принуждены были отступить къ Дашеву. Пѣхота, оставшись безъ прикрытія, была атакована нашими уланами и частію положена на мѣстѣ, частію взята въ плѣнъ вмѣстѣ съ тремя орудіями. Ротъ преслѣдовалъ бѣгущихъ не столько своею кавалеріею, сколько артиллерійскимъ огнемъ. Онъ держалъ свои 4-ре орудія на дорогѣ; по обѣ ея стороны развернулъ по два эскадрона, за ними еще два и нѣсколько правѣе одинъ эскадронъ; позади слѣдовали прочіе эскадроны въ общей колоннѣ. Въ такомъ порядкѣ Ротъ достигъ мѣстечка, гдѣ господствовало величайшее смятеніе. Три эскадрона, оставшіеся въ Дашевѣ и хотѣвшіе удержать другихъ, были частью увлечены, но однако изъ нихъ образовалась куча, къ которой примкнули другіе, и всѣ они, въ числѣ около 150—200 чел., вдругъ бросились въ атаку на подошедшаго Рота. Съ отчаяннымъ мужествомъ эта небольшая толпа устремилась прямо къ нашимъ орудіямъ и наскакала на нихъ. Атакованные съ фронта эскадрономъ Харьковскихъ, а съ фланга и тыла 2-мя эскадронами Вознесенскихъ уланъ, поляки мужественно дрались, причемъ особенною храбростію отличались братья Собанскіе, Еловицкіе, 70-лѣтній Борзецкій и др. Послѣ продолжительнаго рукопашнаго боя погибла значительная часть этого родовитаго польскаго дворянства.—Потери русскихъ въ дѣлѣ простирались до 98 челов. убитыми и раненными, въ томъ числѣ 8 офицеровъ».

Послѣ пораженія польскихъ войскъ русскія войска двинулись въ Дашевъ. Въ рядахъ уланъ Ольвіопольскаго полка былъ одинъ изъ Дашевскихъ крестьянъ, Ѳеодоръ Хворостяный, и онъ указалъ солдатамъ, какъ и въ какихъ мѣстахъ можно было перейти въ бродъ чрезъ Собь. Этотъ Хворостяный, до поступле-

нія въ солдаты, служилъ при графѣ Потоцкомъ лакеемъ и зналъ, въ какихъ погребахъ и гдѣ скрыты были вина и всякія яства, поэтому онъ сразу повелъ своихъ товарищей уланъ по погребкамъ, указалъ, въ какихъ кладовыхъ какія закуски скрыты, и солдаты 3 дня гуляли; кавалеристы не забывали своихъ лошадокъ, давали имъ немолоченный овесъ снопами. Ѳеодоръ Хворостяный былъ сданъ въ солдаты за какую-то шалость (въ то время всѣхъ провинившихся крестьянъ помѣщики сдавали въ солдаты) Хворостяный былъ сданъ въ Ольвіопольскій уланскій полкъ, въ январѣ или февралѣ 1831 г., а въ маѣ уже съ полкомъ прибылъ въ Дашевъ и указалъ, гдѣ скрываются старки и всякія вина. Во время погрома и бѣгства поляковъ много ихъ не умѣло укладывать ноги въ стремена, и потому съ поля сраженія много тянулось въ стременахъ по землѣ, и такъ погибали. Изъ Попудни помѣщица Пакшевицкая выслала подъ Дашевъ двухъ сыновей, и отъ одного изъ нихъ лошадь принесла въ Попудно только одну ногу въ стремени. Когда поляки проходили чрезъ с. Кальникъ, въ этотъ моментъ несли тѣло умершаго крестьянина Ѳеодора Качалая; священникъ и народъ оставили гробъ съ марами на улицѣ, возлѣ нынѣшняго зданія народнаго училища, а поляки подошли къ трупу и выбросили его изъ гроба. По уходѣ поляковъ трупъ былъ народомъ поднятъ съ земли и погребенъ. Солдаты, гонясь за уходившими, всякаго подозрительнаго человѣка считали за инсургента и кололи. Однажды они встрѣтили крестьянина на дорогѣ и спросили: куда идешь? Онъ отвѣтилъ: иду къ священнику по дѣлу.—Отчего же у тебя свита и рубаха съ отворотами? ты должно быть шляхтичъ... и убили его. И такъ случалось часто погибать крестьянамъ, заподозрѣннымъ въ соучастіи съ возставшими. Во время набѣга войска въ палацо, лакей Никодимъ Креденцеръ спряталъ на выемкахъ въ согрѣвательныхъ печахъ нѣсколько серебряныхъ блюдъ, сервизъ, и этого никто не тронулъ. Баба Пичкурка, служившая мамкой у Потоцкихъ, во время набѣга, побѣжала въ католическую каплицу, схватила всѣ серебряные подсвѣчники и принесла въ церковь; но протоіерей Діевскій не принялъ ихъ.

Первую ночь послѣ сраженія, на полѣ битвы происходило мародерство; всѣ крестьяне и евреи бросились на поле, стали обыскивать карманы у убитыхъ, снимать одежду, золотыя вещи и уносить. Особенно здѣсь усердствовали евреи; многіе сдѣлали немалыя пріобрѣтенія. Солдаты въ Дашевѣ весь обѣдъ, приготовленный поляками для своего войска, вылили изъ котловъ,—взяли въ экономіи 13 воловъ, зарѣзали и сами приготовили для себя обѣдъ. Нѣкоторые солдаты, подъ шумокъ общаго грабежа, побѣжали на квартиру къ ксендзу и сняли съ него одежду и обувь; ксендзъ пожаловался генералу Роту, какъ своему единовѣрцу. Ротъ постарался обнаружить виновныхъ, 6 солдатъ прогналъ сквозь строй, и послѣ того грабежи прекратились. Вообще же крестьяне обнаружили свое исконное нерасположеніе къ панамъ и при уходѣ ихъ умышленно указывали полякамъ дорогу, гдѣ стояло русское войско или козаки, чтобы ихъ тамъ побили. Одинъ полякъ, уходя изъ сраженія, забѣжалъ въ д. Полевое, встрѣтилъ крестьянина Шевчука и сталъ просить его указать, гдѣ возможно чрезъ рѣку перейти въ бродъ. Шевчукъ намѣренно указалъ на самое глубокое мѣсто, и полякъ, повѣривъ, поѣхалъ въ бродъ и едва не утонулъ. Два поляка забѣжали въ дворъ крестьянина Василія Матрійчука, просили его скрыть ихъ, давали нѣсколько серебряныхъ рублей; но Матрійчукъ не принялъ и выгналъ ихъ со двора. Евреи, напротивъ, принимали поляковъ, оказывали имъ содѣйствіе, скрывали ихъ по чердакамъ, постоялымъ дворамъ, погребамъ,—особенно много скрывалъ въ своемъ постояломъ дворѣ еврей Куперманъ. Гоняясь за поляками, солдаты загнали многихъ подъ шлюзы и тамъ много ихъ утонуло.

Предъ сраженіемъ одинъ полякъ въ повозкѣ, запряженной прекрасной лошадью, заѣхалъ въ дворъ крестьянина Ивана Клименка. Клименко принялъ его, завелъ лошадь въ сарай, а пана съ вещами пригласилъ въ свой домъ. Утромъ панъ пошелъ въ палацо графа Потоцкаго и больше уже не возратился. Клименко между вещами пана нашелъ много денегъ и скрылъ ихъ, а лошадь выгналъ со двора, и послѣ Клименко сдѣлался однимъ изъ богатыхъ крестьянъ.

Слышалъ я въ Дашевѣ и такой разсказъ. Гоняясь за поляками, одинъ козакъ по какому-то случаю расположился отдыхать возлѣ д. Шабельной въ лощинѣ, поставилъ котелокъ на огонь, а лошадь пустилъ пастись и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Между тѣмъ къ козаку подъѣхали изъ лѣса шесть поляковъ и стали совѣщаться, какъ имъ поступить съ козакомъ: убить ли его, или оставить живымъ? Старый полякъ сказалъ: «стыдно намъ соннаго козака убивать; лучше мы его разбудимъ, пусть онъ покажетъ намъ свое искусство и храбрость». Такъ и сдѣлали. Разбуженный, увидѣвъ предъ собою 6 человѣкъ, немного струсилъ. Поляки потребовали, чтобы онъ показалъ свою храбрость. Козакъ согласился исполнить ихъ требованіе, но попросилъ разрѣшенія впередъ поѣсть сваренной каши въ котелкѣ. Поляки дозволили. У нихъ было 6 хорошихъ лошадей, а у козака по виду лошадка была дрянь, даже губы у нея отвисшія. Поѣвши, козакъ предложилъ устроить состязаніе въ верховой ѣздѣ. Поляки согласились. Козакъ побѣжалъ на своей лошадкѣ, за нимъ погнались они всѣ 6, но стали бѣжать не вмѣстѣ, а постепенно отставать одинъ отъ другого. Замѣтивъ, что за нимъ бѣжатъ только два поляка козакъ немного пріостановился, ловко подбѣжалъ къ нимъ и обоихъ закололь, — послѣ подбѣжалъ къ оставшимся другимъ двумъ и такъ же поступилъ, а затѣмъ у него осталось только два: изъ этихъ двухъ онъ одного убилъ, а другого—Василія Недогоду—избилъ такъ, что послѣдній, поднявъ руки къ небу, началъ просить козака сохранить ему жизнь, и козакъ отпустилъ его. И вотъ оставшійся въ живыхъ Недогода и разсказалъ мнѣ о геройствѣ козака.

При уходѣ польскій казначей Береговичъ былъ настигнутъ козаками возлѣ с. Паріевки, далъ имъ часть денегъ, а остальныя скрылъ,—послѣ спряталъ ихъ въ лѣсу подъ с. Василевкой. По прекращеніи бунта онъ открылъ ихъ и сдѣлался зажиточнымъ человѣкомъ.

Генералъ Ротъ, покончивъ съ польскимъ возстаніемъ, распорядился устроить въ Дашевѣ порядокъ. Священника Діевскаго назначилъ управляющимъ гражданской части м. Дашева и, въ

помощь ему, назначилъ 4-хъ выборныхъ крестьянъ. Въ 1831 г. былъ неурожай, крестьяне совсѣмъ не имѣли ржи, питались однимъ овсомъ. Генералъ Ротъ распорядился всѣ хлѣбные запасы графа Потоцкаго раздать бѣднымъ крестьянамъ, и это дало средства всѣмъ прокормиться.—Изъ крестьянъ нѣсколько человѣкъ пошли въ польскія войска; такъ, изъ Китайгорода пошелъ Гавріилъ Чепелевскій. Отецъ его Аѳанасій не позволялъ ему дѣлать этого, и онъ противъ воли отца пошелъ въ польское войско, но при первой стычкѣ съ русскими убѣжалъ и явился въ свой домъ; отецъ не принялъ его, и онъ шлялся цѣлый мѣсяцъ по лѣсу. При дознаніи чрезъ исправника отецъ выдалъ сына, и онъ былъ взятъ въ солдаты, выслужилъ въ русскомъ войскѣ 26 лѣтъ и возвратился домой. Изъ м. Дашева въ польскомъ войскѣ былъ Бендатый; его также предали суду, но онъ скоро умеръ отъ полученныхъ ранъ на войнѣ. Помѣщица селъ: Каменногородки, Тодоровки, Копіевки, Китайгорода и Янишевки—Дудзинская не особенно была расположена къ польскому возстанію, и убѣждала своихъ крестьянъ не поступать въ банды. Генералъ Ротъ послѣ сраженія посѣтилъ ее, благодарилъ за расположенность къ русскимъ, и изъ ея имущества солдаты ничего не брали. У этой Дудзинской былъ слабоумный сынъ Карлъ, жившій въ с. Тодоровкѣ. При проѣздѣ чрезъ Тодоровку козаковъ, Карлъ Дудзинскій [1])

---

[1]) У графа Станислава-Феликса-Щенснаго Потоцкаго былъ лакеемъ бойкій мальчикъ изъ крестьянъ и такъ понравился пану, что онъ сдѣлалъ его придворнымъ парикмахеромъ и, какъ парикмахеръ, получилъ фамилію: Зачесальскій. Затѣмъ панъ Зачесальскій перемѣнилъ свое занятіе—началъ играть на дудкѣ и сталъ тогда именоваться: Дудзинскимъ. Будучи очень ловкимъ и бойкимъ, панъ Дудзинскій успѣлъ собрать средства, попалъ въ официіалисты графа Потоцкаго, сфабриковалъ дворянскіе документы, 12 человѣкъ присягнуло, что онъ дворянскаго роду, и послѣ Дудзинскій началъ покупать имѣнія, купилъ Китайгородъ, Каменногорку, а въ 1824 г. с. Копіевку. У него были двѣ дочери и сынъ слабоумный. Дочь одна вышла замужъ за Ипполита Володкевича, и къ нему послѣ перешли всѣ имѣнія Дудзинскаго, какъ напр. Китайгородъ, Каменногорка, Копіевка и проч.

выстрѣлилъ въ нихъ. Козаки знали, что онъ слабоумный, и ограничились только тѣмъ, что высѣкли его. Управляющій графа Потоцкаго, Лопушанскій, былъ сосланъ въ каторгу, но послѣ Потоцкая стала ходатайствовать за него, крестьяне дали приговоръ, что Лопушанскій не участвовалъ въ возстаніи, и Лопушанскій былъ возвращенъ; но, явившись въ Дашевъ, отплатилъ крестьянамъ неблагодарностію: сталъ онъ ихъ обижать, отбирать землю, и крестьяне послѣ горько сожалѣли, что ходатайствовали за такого негодяя. Помѣщикъ Копіевки и Городка Володкевичъ тоже какимъ-то чудомъ выпутался изъ бѣды и, по возвращеніи изъ тюрьмы, сильно обижалъ крестьянъ, особенно былъ жестокъ къ крестьянамъ Мартынюку и Голосію за указаніе козакамъ мѣста въ „глинищѣ“, гдѣ онъ скрывался. Мартынюкъ и Голосій были зажиточные крестьяне; но онъ сдѣлалъ ихъ нищими, забралъ ихъ имущества, сыновей Голосія отдалъ въ солдаты, и впослѣдствіи Голосій умеръ въ полной нищетѣ. Послѣ сраженія все въ домѣ Володкевича было расхищено, но, возвратившись, онъ сторицею восполнилъ понесенные убытки: забралъ у крестьянъ воловъ, лошадей,—сѣкъ ихъ жестоко, давалъ по 500 розокъ, и многіе умирали послѣ такихъ истязаній.

Въ печати приходилось встрѣчать, что сраженіе русскихъ съ поляками подъ Дашевомъ происходило 8—14 мая. Я полагаю—на основаніи предыдущихъ фактовъ слѣдуетъ признать, что оно было несомнѣнно 2 мая, и въ этомъ убѣждаютъ еще слѣдующія данныя.

Еврей Сахарный, очевидецъ этого сраженія, имѣвшій въ то время около 18 лѣтъ, точно помнитъ, что сраженіе было въ субботу, а предъ сраженіемъ за нѣсколько дней панъ Лопушанскій распустилъ всѣхъ рекрутъ евреевъ и обѣщалъ имъ, что во время польскаго владычества не будутъ брать евреевъ въ солдаты. И вотъ въ субботу всѣ освобожденные рекруты пили, гуляли, веселились, радуясь освобожденію навсегда отъ воинской повинности. Значитъ, можно рѣшительно утверждать, что сраженіе было въ субботу, но какого именно числа — точно рѣшить нельзя по разсказамъ старожиловъ. Большинство старожиловъ утвер-

ждаетъ, что въ первый день Пасхи была подожжена кузница, гдѣ изготовлялись пики на войну, а чрезъ недѣлю послѣ поджога произошло сраженіе въ субботу; меньшинство-же старожиловъ говоритъ, что кузница была подожжена на Ѳоминой недѣлѣ въ воскресеніе, а чрезъ недѣлю въ субботу было сраженіе. Пасха Хр. въ 1831 г. была 18 апрѣля. Въ субботу послѣ Пасхи было 25 апрѣля, въ слѣдующую субботу—2 мая. Если сопоставить бракъ Григорія Крупника съ Екатериною Кравчукъ, записанный по метрическимъ книгамъ церкви м. Новаго Дашева—1-го мая, съ разсказомъ, что поляки много жертвовали новобрачнымъ, то не остается сомнѣнія, что сраженіе происходило 2 мая.

Разбитые подъ Дашевомъ поляки уходили на мѣста своего жительства, просили крестьянъ скрывать ихъ въ клуняхъ, сараяхъ,—отдавали за ничто свои кунтуши и съ благодарностію надѣвали крестьянскія свиты, чтобы не признали ихъ за повстанцевъ. Въ м. Жорнищахъ, липовецкаго уѣзда, крестьянинъ Матвѣй Горячій передерживалъ у себя многихъ повстанцевъ, забралъ ихъ кунтуши, далъ имъ свиты и послѣ за проданные кунтуши выручилъ много денегъ и разбогатѣлъ. Сотскій м. Жорнищъ, Горбикъ, сильно ненавидѣлъ поляковъ. Липовецкимъ инвалидамъ указывалъ, гдѣ скрываются уходившіе изъ-подъ Дашева повстанцы, ихъ забирали и отправляли въ Липовецъ. Поляки послѣ жестоко отомстили Горбику. Изъ ненависти къ нему мѣстный помѣщикъ Владиміръ Хлопицкій семерыхъ сыновей его отдалъ въ солдаты, самого Горбика вогналъ въ нищету, въ которой онъ и умеръ.

Много повстанцевъ скрывалось въ Жорнищскомъ Реформатскомъ монастырѣ, монахи и повстанцы заперли монастырскія ворота, инвалиды и крестьяне выломали ворота, выгнали поляковъ, нашли оружіе, и за участіе въ возстаніи монастырь послѣ былъ закрытъ [1]).

---

[1]) Костелъ и монастырь построены были въ м. Жорнищахъ графиней Юліанной Струтинской, рожденной Росцишевской въ 1776 г., съ разрѣшенія епископа Еразма-Богорія Воловича. Храмъ былъ во имя св. Іоанна Богослова. При костелѣ были богадѣльни, построенныя Даніиломъ Кохальскимъ и содержимыя на пожертвованныя имъ 24.000 польскихъ злотыхъ.

Изъ Дашева генералъ Ротъ двинулся съ своими войсками на Яновъ, Хмѣльникъ и Меджибожъ, а генералъ Шереметьевъ былъ направленъ къ Тыврову, чтобы не допустить поляковъ на Волынь. Поляки стали осторожнѣе, начали собираться въ отряды, обходить русскія войска и уклоняться отъ боя.

7-го мая поляки, при переходѣ чрезъ большую дорогу изъ Брацлава въ г. Винницу, перехватили курьера съ депешей, изъ которой узнали, что генералъ Шуцкій, съ двумя эскадронами Дерптскаго и Нѣжинскаго конноегерскихъ полковъ и двумя орудіями 26 конной батареи, прибылъ въ Ободное, чтобы отрѣзать имъ путь отступленія. Въ то же время показался генералъ Шуцкій съ своими войсками; небольшой лѣсокъ раздѣлялъ обѣ стороны. Инсургенты, подъ проливнымъ дождемъ, быстро выстроились въ три колонны, а затѣмъ стремительно бросились на русскихъ. Вмѣсто того, чтобы устремиться на непріятеля, генералъ Шуцкій, быть можетъ болѣе довѣрявшій карабинамъ, чѣмъ саблямъ, принялъ атаку на мѣстѣ, приказавъ людямъ открыть пальбу повзводно. Почти всѣ выстрѣлы пошли на воздухъ, и, прежде чѣмъ разсѣялся ихъ дымъ, поляки ворвались въ ряды нашихъ эскадроновъ и начали истреблять беззащитныхъ людей, не успѣвшихъ даже выхватить свои сабли. Еловицкій, Борзецкій и другіе всадники бросились на орудія, едва успѣвшія дать пять выстрѣловъ, изрубили прислугу и овладѣли пушками. Немногіе изъ егерей успѣли спастись въ бѣгствѣ. Виновникъ несчастья Шуцкій, многіе офицеры и солдаты были взяты въ плѣнъ. 2 мая графъ Ржевусскій не успѣлъ явиться въ м. Дашевъ со всѣми кавалеристами, но явился во-время подъ Ободное, и кавалерія Ржевусскаго способствовала побѣдѣ.

9 мая поляки прибыли въ Яновъ, рѣшили двинуться въ Баръ, но 11 мая встрѣтились съ русскими войсками у с. Майданека, недалеко отъ Деражни въ Литичевскомъ уѣздѣ. Генералъ Шереметьевъ приблизился къ полякамъ съ тылу. Прежде чѣмъ поляки успѣли выбраться изъ мѣстнаго дефиле и построиться къ бою, наши уланы понеслись въ атаку, опрокинули непріятельскій арьергардъ, взяли часть обоза и, послѣ упорной схватки,

отбили взятыя у Шуцкаго два орудія. Пораженіе инсургентовъ было рѣшительно. Храбрѣйшіе изъ нихъ, какъ Борзецкій, отецъ Еловицкій и др., пали. Орликовскій, видя все потеряннымъ и терзаясь дѣлаемыми ему упреками за пораженіе при Дашевѣ, пустилъ себѣ пулю въ лобъ. Многіе разсѣялись или взяты въ плѣнъ. Убитыми и ранеными инсургенты потеряли до 300 человѣкъ.

Послѣ разныхъ попытокъ инсургентовъ взять г. Летичевъ, собрать банду въ г. Барѣ, пришлось убѣдиться, что дальнѣйшія дѣйствія безполезны, и повстанцы бѣжали въ Австрію, гдѣ австрійскій гусарскій полкъ обезоружилъ ихъ, а Колыско былъ отправленъ въ Трансильванію, гдѣ скоро умеръ.

Таковъ былъ конецъ возстанія поляковъ на Подоліи. Много поляковъ погибло; многіе, какъ князь Чарторыйскій, бѣжали заграницу навсегда.

Сраженіе подъ Дашевомъ и разгромъ польскаго войска при дальнѣйшихъ стычкахъ въ Подоліи произвели подавляющее впечатлѣніе на всѣхъ жившихъ въ юго-западномъ краѣ поляковъ, уничтожили всякую надежду отнять юго-западный край отъ Россіи, и поляки воочію увидѣли, что народъ къ нимъ не расположенъ, и что разсчитывать на крестьянъ не представляется никакой надежды.

Въ сраженіи подъ Дашевомъ, кромѣ крестьянъ и поляковъ, участвовали даже евреи, служившіе на фабрикѣ; такимъ былъ еврей Райхъ. Фабрикой завѣдывалъ въ то время нѣмецъ Іокишъ; но онъ очень ловко повелъ дѣла и такъ двусмысленно разыгрывалъ свою роль, что ускользнулъ отъ всякой отвѣтственности.

Полицейской частію въ м. Дашевѣ во время возстанія завѣдывалъ засѣдатель, панъ Новофацкій. Графъ Потоцкій далъ ему прекрасную усадьбу въ д. Полевомъ (предмѣстье Дашева). Онъ завелъ прекрасный садъ, къ нему явились сотскіе за приказаніями; но послѣ возстанія онъ былъ удаленъ отъ должности, сдѣлался нищимъ и умеръ подъ плетнемъ.

Предъ сраженіемъ для войска поляки привезли 7 возовъ ложекъ и массу деревянныхъ тарелокъ, но не пришлось этимъ пользоваться. Послѣ сраженія крестьяне все это захватили и забрали себѣ.

Во время сраженія подъ Дашевомъ былъ убитъ одинъ офицеръ, который въ качествѣ парламентера, былъ посланъ отъ русскихъ войскъ для переговоровъ съ поляками. Поляки убили беззащитнаго офицера, ѣхавшаго къ нимъ на лошади, какъ парламентеръ. Лошадь его сама возвратилась во фронтъ, а убитаго офицера нашли на полѣ и погребли въ с. Городкѣ, Гайсинскаго уѣзда.

Лопушанскій, Омыловскій и другіе поляки часть имѣвшихся у нихъ денегъ позакапывали въ лѣсахъ. Лопушанскій закопалъ часть своихъ денегъ въ лѣсу «Ярошъ»; своему слугѣ Антону Музыкѣ приказалъ беречь деньги до его возвращенія. Музыка былъ настолько честенъ, что берегъ; Лопушанскій, возвратившись съ каторжныхъ работъ, выкопалъ свои деньги, а Музыку за честность сдѣлалъ экономомъ въ с. Купчинцахъ, и онъ въ этой должности умеръ. Другой полякъ сказалъ своему слугѣ, Леонтію Качмару, что въ извѣстномъ мѣстѣ закопаны деньги. Не скоро послѣ сраженія, Качмаръ отправился туда, чтобы выкопать деньги, но выкопалъ только боченокъ со сгнившей провизіей. Панъ Омыловскій послѣ сраженія не успѣлъ даже сложить своихъ вещей въ повозку и скрылся, а вещи остались на память его лакею Онищуку.

Послѣ сраженія протоіерей Илія Діевскій объѣзжалъ поле битвы, находилъ много поляковъ, умиравшихъ отъ жажды, просившихъ капли воды, и онъ, по мѣрѣ возможности, старался удовлетворять ихъ; а крестьяне рѣшительно отказывались поить ихъ. Въ память побѣды русскихъ надъ поляками, протоіерей Діевскій распорядился поставить крестъ съ надписью:

«Подъ симъ крестомъ
Мощнымъ перстомъ
Стерта глава
Русскаго врага».

Крестъ съ этой надписью долго стоялъ на своемъ мѣстѣ, и неизвѣстно кѣмъ надпись эта была уничтожена, а креста потомъ совсѣмъ не стало.

Послѣ побѣды подъ м. Дашевомъ, русскіе власти распорядились разослать всѣмъ землевладѣльцамъ, а также учрежденіямъ, владѣющимъ землями, въ томъ числѣ и Грановскому монастырю—циркуляры. Первый циркуляръ былъ полученъ отъ Гайсинскаго земскаго исправника на имя Грановскаго монастыря слѣдующаго содержанія:

«По случаю разбитія около м. Дашева и селенія Городка россійскими войсками собравшейся было толпы польскихъ мятежниковъ, изъ коихъ множество оныхъ бѣжало, и согласно приказанію военнаго начальства, въ числѣ прочихъ владѣльческихъ экономій и оному монастырю предлагаю: во-первыхъ, учредить заразъ на выѣздахъ въ селеніи со всѣхъ сторонъ надежные караулы изъ крестьянъ, дабы каждый проѣзжающій и проходящій былъ спрашиванъ и при малѣйшемъ видѣ подозрѣнія задерживаемъ, а въ ночное время таковой караулъ для означенной надобности удвоить, и при томъ на постоялыя и трактовыя корчмы обратить особое наблюденіе; во-вторыхъ, скрывающихся нынѣ въ лѣсахъ и въ состоящихъ въ оныхъ корчмахъ помянутыхъ мятежниковъ пѣшихъ и конныхъ ловить, какого бы они чина и званія ни были, посредствомъ народа въ достаточномъ количествѣ жителей, съ надлежащими предосторожностями. На случай вооруженія ихъ и таковыхъ, какъ равно и тѣхъ, кои по-одиночкѣ или въ нѣкоторомъ числѣ будутъ показываться по дорогамъ, въ поляхъ и поселеніяхъ на лошадяхъ и станутъ разглашать ложные слухи, или иначе возмущать мирныхъ жителей,—взять и со всѣмъ отобраннымъ отослать въ Нижній земскій судъ, для передачи ихъ въ военное вѣдомство, въ случаѣ же большого гдѣ скопища мятежниковъ—давать знать помянутому Нижнему суду,—въ то же время, гдѣ таковое открыто будетъ, а между тѣмъ преслѣдовать оное, дабы далѣе не могло бѣжать. Въ третьихъ, приказать всѣмъ вообще жителямъ, чтобы они, дабы не навлекли на себя подозрѣнія, не отлучались никуда—даже въ сосѣдственныя имѣнія, хотя-бы и по необходимымъ надобностямъ безъ письменнаго вида отъ Земскаго суда, ибо задержанные безъ онаго, хотябы не только мужчины, но дамы или женщины, будутъ считаться подозрительными и поступать съ ними

по законамъ, объявивъ онымъ жителямъ, что таковые письменные виды выдаваться будутъ судомъ на простой бумагѣ, если не на долгое время и не въ далекое мѣсто. И если только настоящее предписаніе, сверхъ чаянія, не будетъ выполнено тотчасъ оною экономіею во всей точности, то за неисполненіе онаго и передержательство или укрываніе кѣмъ либо помянутыхъ мятежниковъ виновные преданы будутъ строгому военному суду».

Земскій Исправникъ. № 576. Мая 4 дня, 1831 г.

2) *Отъ Подольскаго гражданскаго губернатора тайнаго совѣтника и кавалера Лубяновскаго для повсемѣстнаго объявленія.*

«Г. генералъ-лейтенантъ Редигеръ извѣстилъ меня, что все оружіе, вся аммуниція, всѣ лошади, весь обозъ и снаряды польскихъ войскъ, состоявшихъ подъ начальствомъ Дверницкаго, сданы ему по распоряженію австрійскаго правительства. Нижніе чины сихъ войскъ всѣ отправлены подъ стражею въ Трансильванію; всѣ офицеры въ разныя другія мѣста; самъ Дверницкій сосланъ въ Лейбахъ, до дальнѣйшаго о немъ разрѣшенія. Генералъ побѣдоносныхъ россійскихъ войскъ Крейцъ одержалъ съ 27 на 28 апрѣля блистательную побѣду между Любашевымъ и Каменкою надъ польскими войсками подъ предводительствомъ генерала Паца Хасановскаго, Любашево сожжено до основанія. Малые остатки разбитаго войска бѣжали въ крѣпость Замостье.

«Г. генералъ отъ инфантеріи Ротъ совершенно разбилъ и истребилъ возлѣ с. Городка въ Гайсинскомъ повѣтѣ мятежническое полчище, бывшее подъ предводительствомъ графа Ржевусскаго и Собанскихъ, болѣе 1200 человѣкъ пали на мѣстѣ несчастными жертвами преступнаго возмущенія. Взятые въ плѣнъ удостовѣряютъ, что Ржевусскій и Александръ Собанскій тутъ же заплатили жизнью за измѣну; графъ Владиміръ Потоцкій, Исидоръ Собанскій и Колыска, бѣжавшіе съ малыми остатками сего скопища, преслѣдуются, и безъ сомнѣнія постигнетъ ихъ та же участь, какая ожидаетъ всѣхъ гнусныхъ измѣнниковъ. Такъ рушились и такъ всегда рушатся всѣ злые и преступные замыслы. Есть правосудіе, всегда и вездѣ карающее злодѣевъ. Но между

павшими на полѣ битвы 2 мая злодѣями, врагами домашними, конечно, были и многія жертвы легкомыслія, превратныхъ понятій и ослѣпленія. Сіи несчастные, обманутые, обольщенные и увлеченные да послужатъ наставленіемъ всѣмъ имъ подобнымъ, кои и за симъ еще могли бы злодѣями быть соблазняемы ложными и пагубными мечтами. Казнь и смерть—награда за всякій умыселъ и за всякое предпріятіе противъ власти законной. Милосердіе и всемилостивѣйшее прощеніе всѣмъ, кто, познавъ свое заблужденіе, оставитъ шайки мятежниковъ и возвратится въ свое жительство къ мирнымъ занятіямъ. Въ комъ есть чувство истинной чести, чувство любви къ самому себѣ и къ роднымъ своимъ, тотъ воспользуется временемъ и способомъ, даруемымъ ему для возвращенія отъ обмана на путь правый. Тѣ же злодѣи мутятъ другихъ разглашеніями, якобы крестьяне и даже войска Его Императорскаго Величества имѣютъ намѣреніе и даже повелѣніе истреблять поляковъ,--сіи презрительныя и ложныя разглашенія не достойны не только вѣры, но и вниманія. Крестьяне, напротивъ того, даже и тамъ, гдѣ были соблазняемы мятежниками, пребыли вѣрными и непоколебимыми. Да не слушаютъ они и впредь никакихъ обольщеній, но да остаются въ своихъ селеніяхъ мирно, спокойно и въ должномъ законномъ повиновеніи. Войска же обязаны переходить изъ мѣста въ мѣсто единственно для усмиренія и истребленія измѣнниковъ, враговъ общей тишины и порядка,—пораженіе бунтовщиковъ 2-го мая то доказываетъ. Мая 8 дня, 1831 г., Каменецъ-Подольскій Гражданскій Губернаторъ Лубяновскій.

3) *Высочайшій указъ Правительствующему Сенату.*

«Изъ донесеній мѣстныхъ начальствъ западныхъ губерній усмотрѣвъ Мы, что, вслѣдствіе указа Нашего отъ 6 мая сего года, нѣкоторые помѣщики, удаляясь отъ сообщничества съ мятежниками, явились добровольно къ военнымъ начальствамъ и, объясняя, что они токмо силою и страхомъ вовлечены были въ преступныя дѣйствія возмутителей, просили помилованія.

Даровавъ имъ оное и повелѣвъ возвратить имъ имѣнія, Мы не могли не обратить особаго на таковые примѣры вниманія и потому, желая въ тѣхъ мѣстахъ сихъ губерній, кои терпятъ отъ зломыслія нѣкоторыхъ и отъ заблужденія другихъ, возстановить спокойствіе и благосостояніе не одною силою оружія, но и снисхожденіемъ къ самимъ виновнымъ,—повелѣваемъ: 1-е) главнокомандующіе, командиры отдѣльныхъ корпусовъ и отрядовъ, а равно военные и гражданскіе губернаторы, коменданты военные, уѣздные начальники, когда явятся къ нимъ добровольно и съ изъявленіемъ раскаянія помѣщики, участвовавшіе въ мятежѣ даже съ поднятіемъ оружія, уполномочиваются давать имъ о явкѣ ихъ свидѣтельства и, отбирая отъ нихъ подписки въ непоколебимой впредь вѣрности, отпускать въ ихъ имѣнія, а съ тѣмъ вмѣстѣ относиться непосредственно къ гражданскимъ губернаторамъ о дозволеніи имъ свободнаго пользованія сими имѣніями; губернаторы же, по учиненіи о томъ распоряженія, обязываются доносить о томъ до свѣдѣнія главнокомандующимъ и мѣстнымъ военнымъ губернаторамъ. Изъ прощенія сего изъемлются извѣстные главные зачинщики и предводители мятежа, о которыхъ, впрочемъ, имѣетъ быть представляемо Намъ для оказанія имъ въ подобныхъ случаяхъ возможнаго по благоусмотрѣнію Нашему помилованія.

2-е) Получившіе свидѣтельство, если бы вновь отваживались участвовать въ какихъ-либо преступныхъ замыслахъ или дѣйствіяхъ, наказаны будутъ по всей строгости изданныхъ предъ симъ постановленій наравнѣ съ зачинщиками.

3-е) Лицамъ духовнаго званія, которыя на семъ же основаніи получатъ прощеніе, не препятствовать оставаться при своихъ приходахъ и исполнять духовныя, по званію ихъ, требы, съ оставленіемъ за ними всѣхъ сопряженныхъ съ саномъ ихъ доходовъ, но сообщая немедленно о дарованіи имъ прощенія епархіальнымъ ихъ начальствамъ, дабы, по сношеніи съ сими начальствами, окончательно утверждать ихъ въ прежнихъ правахъ.

4-е) Какъ извѣстно, что нѣкоторые люди другихъ званій, какъ-то околичная и чиншевая шляхта, городскіе обыватели, дво-

ровые люди и крестьяне, въ мятежѣ участвовавшіе, опасаясь возвратиться въ свои жилища изъ страха наказанія, скитаются въ лѣсахъ и составляютъ мятежныя скопища, то и таковымъ, когда возвратятся и сдадутъ оружіе и останутся спокойными, даровать прощеніе, если они не принадлежатъ къ числу зачинщиковъ и предводителей мятежа.

5-е) Съ тѣми, кои, не взирая на сіи новые знаки монаршаго Нашего милосердія, останутся въ числѣ мятежныхъ шаекъ или отважатся грабить почты, курьеровъ либо проѣзжающихъ, или посягнутъ на другія безчинства, поступать по всей строгости военнаго уголовнаго уложенія.

6-е) Само собой разумѣется, что если кто изъ числа лицъ, въ предшедшихъ статьяхъ упомянутыхъ, кромѣ участія въ мятежѣ, вообще учинитъ еще особое уголовное преступленіе, то даруемое прощеніе къ таковому преступленію относимо быть не можетъ.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить надлежащія распоряженія къ немедленному распубликованію сего указа Нашего во всѣхъ губерніяхъ, отъ Польши присоединенныхъ».

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою: «Николай».

4 іюня 1831 г. Въ г. С.-Петербургѣ.

Въ разъясненіе Высочайшаго указа Подольская Духовная Консисторія разослала свой указъ слѣдующаго содержанія:

«По указу Его Императорскаго Величества, сія Консисторія, слушавъ резолюцію Его Высокопреосвященства, наложенную на отношеніи г. Подольскаго и Волынскаго временнаго военнаго губернатора Левашова, коимъ, прописывая, что при обстоятельствахъ настоящаго времени, охраненіе помѣщичьихъ крестьянъ отъ всякихъ возмутительныхъ внушеній со стороны владѣльцевъ или другихъ лицъ, принявшихъ въ возмущеніи участіе, есть предметомъ, достойнымъ попеченія правительства, и въ семъ отношеніи по военной и гражданской части сдѣлано уже распоряженіе; но, дабы оное достигло во всѣхъ мѣстахъ до свѣдѣнія

крестьянъ, есть вѣрное средство—обнародованіе въ церквахъ со внушеніемъ со стороны духовенства всѣмъ вообще крестьянамъ, чтобы тѣ изъ нихъ, которыхъ помѣщики оказались или окажутся участвующими въ бунтахъ, не только имъ не повиновались, но, напротивъ, задержали бы какъ ихъ, такъ и другихъ возмутителей и такихъ лицъ представляли бы правительству; крестьянъ таковыхъ помѣщиковъ духовенство можетъ обнадежить, что имъ опасаться нечего, ибо они поступаютъ въ казенное вѣдомство и мятежникамъ принадлежать не будутъ,—проситъ учинить по сему предмету распоряженіе; коею изображено: «разсмотря и сообразивъ съ прочими по предмету сему здѣшними обстоятельствами и полученными предписаніями и сношеніями, доложить съ мнѣніемъ». При семъ слушали другое отношеніе г. гражданскаго губернатора Лубяновскаго съ извѣщеніемъ, что въ Балтскомъ повѣтѣ послѣ истребленія мятежническихъ шаекъ, произошли разные безпорядки въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, сопровождающіеся буйственными поступками крестьянъ, рѣшающихся на противозаконныя и обидныя въ отношеніи мѣстныхъ экономическихъ управленій дѣйствія. Подобныя происшествія происходили въ Лабужной, въ коихъ главнѣйше участвовалъ священникъ Станкевичъ, подобравши къ себѣ еще двухъ другихъ священниковъ, почему и проситъ для раскрытія со всею строгостію истины, для преданія виновныхъ строгой по законамъ отвѣтственности, назначить благонадежнаго со стороны духовной депутата, причемъ не излишнимъ будетъ постановить въ извѣстность по духовной части и потребовать, чтобы священники по приходамъ, елико возможно, старались внушать крестьянамъ надлежащее къ управленіямъ экономическимъ и земской полиціи повиновеніе, не допуская ихъ ни къ какимъ противозаконнымъ поступкамъ, которые влекутъ за собою безпорядки и нарушеніе общаго спокойствія; на которомъ отношеніи резолюція Его Высокопреосвященства послѣдовала таковая: «учинить по сему не медля надлежащее распоряженіе и доложить съ мнѣніемъ»,—и сообщеніе Подольскаго Губернскаго Правленія, съ приложеніемъ одного печатнаго экземпляра именного Высочайшаго указа о мѣрахъ, какія должны быть приняты съ

имѣніями дворянъ, изобличенныхъ въ распространеніи мятежа въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, возвращенныхъ отъ польскихъ губерній,—въ коемъ между прочаго въ 5 пунктѣ сказано: «крестьяне имѣній, на коихъ наложенъ будетъ секвестръ, должны повиноваться опредѣленнымъ надъ ними отъ правительства начальникамъ и, оставаясь въ совершенномъ покоѣ, выдавать тѣхъ, кои отважатся возбуждать ихъ къ новымъ безпокойствамъ». Приказали и Его Высокопреосвященство утвердилъ: съ прописаніемъ вышеизложеннаго, съ приложеніемъ въ копіи сенатскаго указа, всѣмъ Подольской епархіи духовнымъ правленіямъ, штатнымъ и заштатнымъ мужскимъ и дѣвичьимъ монастырямъ, градскому и Кременецкаго повѣта благочиннымъ и зависящимъ отъ консисторіи священникамъ послать указъ и велѣть въ полученіи оныхъ тотчасъ объявить чрезъ частныхъ благочинныхъ всѣмъ приходскимъ священникамъ о точномъ исполненіи прописанныхъ требованій г.г. военнаго и гражданскаго губернаторовъ, соображаясь во всемъ съ Высочайшимъ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату, подъ строгой отвѣтственностію за противное ему». Іюня 16 дня 1831 г. Протоіерей Сильвестръ Гогоцкій. Секретарь Китновскій. Повѣтчикъ Степанъ Михайловскій» [1]).

По словамъ очевидцевъ, послѣ ухода русскихъ войскъ изъ м. Дашева, здѣсь настала полная тишина и спокойствіе. Начали съѣзжаться комиссіи и производить разслѣдованіе. Народъ зажилъ мирною, тихою жизнью. Шляхта стыдилась показываться на улицѣ. Молодежь долго вспоминала ту веселую и буйную жизнь, которую вели до 2 мая. Музыканты съ тяжелыми думами разошлись по своимъ деревнямъ.

При составленіи этого очерка я много свѣдѣній получилъ отъ покойнаго нынѣ священника м. Дашева, о. Августина Левитскаго, который поступилъ въ Дашевъ священникомъ въ 1843 году. О. Августинъ Левитскій былъ человѣкъ очень любознательный, даро-

---

1) Всѣ указы и Высочайшіе манифесты списаны мною въ архивѣ Грановскаго первоклассного монастыря.

витый, живо интересовался событіями 1831 года и изъ устъ очевидцевъ собиралъ объ этомъ вѣрныя свѣдѣнія. По разсказамъ о. Левитскаго, во время сраженія подъ м. Дашевымъ 2 мая выстрѣлами изъ польскихъ пушекъ была повреждена церковь на Новомъ-Дашевѣ, а колокольня совсѣмъ была разрушена. Священникъ Илія Діевскій на поврежденной части церкви на особой дощечкѣ сдѣлалъ надпись: «здѣсь сокрушена дерзость отечества врага».

Память о сраженіи 2 мая живетъ еще въ Дашевѣ и окрестностяхъ его у стариковъ, современниковъ этого событія, и дѣтей ихъ; но пройдетъ еще два-три десятка лѣтъ, старики умрутъ, молодые забудутъ, и навсегда потеряется память объ этомъ дѣлѣ.

Я лично зналъ одного стараго поляка, участвовавшаго въ Дашевскомъ сраженіи и знавшаго всѣ пѣсни вербунокъ. При разспросахъ моихъ пришлось получить отъ него такой отвѣтъ: «До 1831 года мы смѣялись надъ русскими,—думали, что побѣдимъ ихъ,—писали листы, приглашали народъ на возстаніе... Не удалось намъ это... А теперь вы хотите на своихъ листахъ осмѣять насъ... Ничего не скажу».

Въ 1863 г. въ Дашевѣ также предполагалось возстаніе. Управляющій м. Дашева Каліевичъ и владѣлецъ Яструбинецъ Хржонщевскій бойко дѣйствовали въ пользу составленія шаекъ. Тысяцкій Нейкирхъ былъ жестоко избитъ Хржонщевскимъ за задержаніе повозки съ пиками подъ Полевымъ, гдѣ собиралась польская банда. Сраженіе подъ Булаями и разбитіе польскихъ бандъ умѣрило пылъ горячихъ поляковъ, да къ тому же владѣлецъ Дашева, Владиміръ Владиміровичъ Потоцкій, зналъ по опыту, какія послѣдствія возстанія были въ 1831 г. при лучшей подготовленности поляковъ, и не сочувствовалъ этому дѣлу.

Въ заключеніе замѣчу слѣдующее: изъ краткаго перечня событій возстанія 1831 г. видно, что въ Дашевѣ, гдѣ были владѣльцами графы Потоцкіе, въ Ободномъ, гдѣ были владѣльцами Собанскіе, въ Махновкѣ и др. мѣстахъ происходили мятежныя сборища, совѣщанія, вооруженныя стычки, и всегда при дѣятель-

номъ участіи самихъ владѣльцевъ,—и русское правительство, по возвращеніи владѣльцевъ, возвращало имъ имѣнія и такимъ образомъ выполнило выраженное въ указѣ обѣщаніе: «кто изъ поляковъ, участвовавшихъ въ мятежѣ, даже съ поднятіемъ оружія, изъявитъ раскаяніе, отпускать ихъ въ имѣнія и дозволить ими свободно пользоваться». На основаніи этого указа, многіе бывшіе мятежники, какъ графы Потоцкіе, Ржевускіе, Собанскіе и др., для вида покаялись, возвратились въ имѣнія, но нѣкоторые изъ нихъ вторично приняли учатіе въ мятежѣ 1863 года, и опять были помилованы, а наслѣдники ихъ пользуются имѣніями до сего дня. Къ удивленію, не было исполнено другое правительственное обѣщаніе, публиковавшееся въ 1831 г. по всѣмъ сельскимъ церквямъ и обнадеживавшее крестьянъ, что они смѣло должны задерживать и передавать властямъ своихъ мятежныхъ пановъ, не опасаясь ничего, «ибо они поступятъ въ казенное вѣдомство и мятежникамъ принадлежать не будутъ». О послѣдствіяхъ этого обѣщанія генералъ-губернаторъ Бибиковъ писалъ въ 1846 г. слѣдующее: «Въ 1840 и 1841 годахъ я всеподданнѣйше докладывалъ государю, что здѣшніе крестьяне во время мятежа не только не измѣнили своему долгу, несмотря на соблазны поляковъ, но въ свое время предупреждали правительство о заговорѣ и бунтѣ, почему въ приказѣ покойнаго фельдмаршала князя Сакена, въ маѣ 1831 г. читанномъ въ церквяхъ, имъ было обѣщано, что они никогда не будутъ принадлежать возмутившимся помѣщикамъ. По усмиреніи мятежа это обѣщаніе не выполнено: крестьяне возвращены тѣмъ же самимъ владѣльцамъ, коихъ захватывали, какъ мятежниковъ, или на коихъ доносили, а взятые въ казну поступили тоже въ управленіе поляковъ, часто родственниковъ тѣхъ, кои по мятежу наказаны и коимъ принадлежали имѣнія. Послѣ сего крестьяне вытерпѣли жестокія преслѣдованія со стороны своихъ господъ; были даже случаи, что при наказаніяхъ имъ повторялось, что таковыя дѣлаются за ихъ вѣрность правительству. Подобныя угнетенія и преслѣдованія были тогда повсемѣстны».

Пав. Клебановскій.

Библіографія.

Украинскіе лубочные пѣсенники.

Народная лубочная литература на Руси, насчитывающая уже около двухъ столѣтій своего существованія, была для народа, послѣ его собственной устной словесности, главнымъ источникомъ, утолявшимъ духовную его жажду. Книги, выданныя болѣе интеллигентными издателями, и даже книги для народа, составляемыя спеціалистами писателями, которыя появились у насъ сравнительно недавно, никогда не имѣли въ народныхъ массахъ такого широкаго распространенія, какъ литература лубочныхъ издателей. Цифры достаточно освѣщаютъ степень распространенія и роста лубочной литературы. Такъ, въ 1892 г. лубочными книгоиздательствами было выпущено въ свѣтъ 403 названія книгъ въ 3.929.200 экземплярахъ, а уже въ слѣдующемъ году число названій подымается на 64, а число экземпляровъ увеличивается на 560.000. Ясно, что лубочная литература, отнюдь не являющаяся результатомъ какихъ-либо *идеальныхъ* стремленій издателей, а представляющая собою только торговое предпріятіе, никогда бы не могла развиться до такихъ громадныхъ размѣровъ, если бы не находила въ народной средѣ хорошаго сбыта. Это, конечно, далеко не значитъ, что лубочная литература совершенно соотвѣтствуетъ литературнымъ вкусамъ всѣхъ тѣхъ, для кого она предназначается. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что интеллигентныя издательства, будучи поставлены въ такія же свободныя условія къ изданію и распространенію своихъ книгъ для народа, какъ и лубочники, значительно бы ослабили, если не уничтожили совсѣмъ, лубочную литературу. Лубочная же книга

читается народомъ почти исключительно потому, что другой, лучшей книги нѣтъ, а когда нѣтъ подъ руками никакой книги, то и прошлогодній календарь можетъ представлять большой интересъ.

По содержанію подавляющее большинство лубочныхъ книгъ приходится на долю повѣствованій духовно-нравственнаго характера и на произведенія специфически базарнаго пошиба, изъ которыхъ нѣкоторыя восходятъ къ очень отдаленнымъ источникамъ—рукописнымъ повѣстямъ и романамъ XVII—XVIII в.в. Что подобное направленіе лубочной литературы не вполнѣ удовлетворяетъ духовные запросы все болѣе и болѣе развивающагося народа, объ этомъ уже свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что лубочные издатели постоянно совершенствовали содержаніе издаваемыхъ ими книгъ, вводя въ кругъ лубочныхъ изданій произведенія литературы образованнаго общества. Смотря по возможности, они или передѣлывали лучшія произведенія этой литературы для народа (не всѣ имѣютъ право издавать произведенія того или другого писателя), или же цѣликомъ издавали нѣкоторыя произведенія выдающихся писателей. Такимъ образомъ въ передѣлкахъ оказались на рынкѣ лубочныхъ книгъ: А Толстой, Тургеневъ и Гоголь; безъ измѣненія издавались Карамзинъ, Жуковскій, Пушкинъ и почему-то Островскій. Когда въ 1902 году срокъ исключительнаго пользованія литературнымъ достояніемъ Гоголя истекъ, тотчасъ же на базарѣ оказались въ лубочныхъ изданіяхъ украинскіе его разсказы и петербургскія повѣсти: настало, но только отчасти, то *желанное времячко*, о которомъ лишь мечталъ Некрасовъ: и сельскій житель можетъ нести съ базара Гоголя!

Въ своемъ развитіи лубочныя издательства не остановились на одномъ русскомъ языкѣ,—они сочли нужнымъ включить въ свои изданія также произведенія на языкѣ украинскомъ. Фактъ самъ по себѣ очень краснорѣчивый! Создалась украинская лубочная литература, правда, не большая, но постоянно возраставшая въ количественномъ отношеніи. Хотя у насъ нѣтъ точныхъ статистическихъ данныхъ для освѣщенія роста лубочной украинской литературы, но, если даже бѣгло ознакомиться въ настоящее время съ ея наличнымъ содержаніемъ и сравнить съ тѣмъ перечнемъ украинскихъ лубочныхъ книгъ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ помѣщенъ во Львовскомъ журналѣ «*Зоря*»,—то ростъ лубочныхъ книгъ на украинскомъ языкѣ станетъ очевиденъ. При этомъ украинская лубочная литература развивалась не только количественно, но и качественно, и уже дошла до

изданія сочиненій Котляревскаго, Крымскаго и имѣетъ авторовъ, болѣе или менѣе приближающихъ лубочную литературу къ литературѣ художественной.

Среди лубочныхъ украинскихъ изданій довольно видное мѣсто занимаютъ пѣсенники,—народныя пѣсни, изданныя дня народа... Народъ носитъ въ себѣ свою многовѣковую поэзію, развивая её согласно ходу своей исторической жизни и сохраняя ее въ силу традиціи отъ одного поколѣнія къ другому. Это—картина идеальная, съ дѣйствительностью не совсѣмъ согласующаяся. Уже давно среди украинскихъ этнографовъ стали раздаваться печальные голоса по поводу того, что народъ украинскій забылъ свою высокую поэзію не только историческую, но даже и бытовую. Да, изъ великаго богатства поэзіи, которое создалъ украинскій народъ, многое имъ уже утрачено, но еще многое и многое осталось. Автору удалось привести въ нѣкоторую извѣстность наличное количество бытующихъ среди населенія одной изъ мѣстностей черниговской губ. пѣсенъ, и этотъ наличный матеріалъ оказался весьма значительнымъ, хотя далеко не былъ исчерпанъ до конца, что сдѣлать очень трудно. То же подтверждаютъ этнографическіе поиски другихъ лицъ, опубликованные за послѣдній десятокъ лѣтъ.

Тотъ фактъ, что мы видимъ сборники съ украинскими пѣснями, изданные лубочниками для народа, ясно свидѣтельствуетъ, что на подобные сборники существуетъ большой спросъ. Кто же спрашиваетъ эти пѣсенники? Трудно отвѣтить на данный вопросъ за отсутствіемъ точныхъ данныхъ, но вѣроятнѣе всего, что потребителемъ лубочныхъ пѣсенниковъ, какъ и вообще лубочныхъ книгъ, является болѣе горожанинъ, чѣмъ селянинъ. Легче и быстрѣе попадаетъ въ руки перваго такой сборникъ и болѣе онъ ему необходимъ, чѣмъ жителю деревни. Городъ, въ силу понятныхъ условій, скорѣе теряетъ свое національное духовное богатство, чѣмъ деревня. А между тѣмъ потребность въ родной пѣснѣ, потребность въ выраженіи своего чувства, хотя и *старыми словесы*, существуетъ, и вотъ тутъ-то на подмогу является пѣсенникъ. Вмѣстѣ съ этимъ, какъ лично намъ неоднократно случалось наблюдать, обращающійся среди молодежи, главныхъ любителей пѣсенъ, пѣсенный матеріалъ скоро начинаетъ пріѣдаться, и является стремленіе къ новому. Въ селахъ и деревняхъ всегда происходитъ обмѣнъ пѣснями, и такимъ образомъ репертуаръ села постоянно обновляется. Этому стремленію къ новой пѣснѣ въ городахъ долженъ

удовлетворять лубочный пѣсенникъ. Нужны новыя слова, мотивъ же пѣсни не представляетъ затрудненія къ ея усвоенію. Когда слова извѣстны, молодежь сама подбираетъ къ ней какой-либо, соотвѣтствующій размѣру пѣсни, уже извѣстный мотивъ, или создаетъ что-либо свое, новое. Вотъ почему одна и та же пѣсня въ различныхъ мѣстахъ даже одного уѣзда поется совершенно на различные мотивы. Такое разучиваніе и усвоеніе пѣсенъ изъ книжки, хотя и не лубочнаго характера, намъ приходилось видѣть самимъ: въ одно село попалъ печатный сборникъ пѣсенъ изъ другого села, и вскорѣ всѣ неизвѣстныя въ селѣ пѣсни были разучены и распѣвались уже хоромъ.

Такимъ образомъ, на основаніи вышеизложенныхъ соображеній и фактовъ, мы заключаемъ, что лубочный пѣсенникъ долженъ находить потребителей (иначе бы онъ и не существовалъ), и что переходъ пѣсни изъ книжки въ народъ возможенъ и не представляетъ собою особенныхъ затрудненій. Очевидно, пѣсенникъ, изданный лубочниками, отвѣчаетъ одной изъ сторонъ духовныхъ потребностей народа. А разъ такъ, то этнографъ не можетъ пройти безъ вниманія мимо нихъ. Поэтому мы и обращаемся къ лубочнымъ украинскимъ пѣсенникамъ, съ цѣлью выясненія ихъ состава и характера.

Какъ ни велико количество издаваемыхъ ежегодно лубочныхъ книжекъ (до четырехъ милліоновъ экземпляровъ), но количество народонаселенія исчисляется такими цифрами, передъ которыми не только ежегодное количество однѣхъ лубочныхъ книгъ, но и всѣхъ вообще издаваемыхъ у насъ ежегодно книгъ совершенно блѣднѣетъ. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, что лубочная книга въ довольно короткій срокъ совершенно исчезаетъ съ книжнаго рынка, и лѣтъ черезъ десять ея не сыщешь, что называется, днемъ съ огнемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдить за подобнымъ матеріаломъ, обращающимся глубоко внизу, среди простого народа, очень трудно. Вотъ почему невозможно привести въ извѣстность всѣ бывшія изданія лубочныхъ украинскихъ пѣсенниковъ, не задаваясь даже мыслью о томъ, чтобы собрать ихъ. «Литература украинскаго фольклора» Б. Д. Гринченко даетъ намъ немногочисленныя указанія на этотъ счетъ. Приведемъ оттуда все, что съ полною увѣренностью можно отнести на долю лубочныхъ пѣсенниковъ и что не является болѣе ранними изданіями разбираемыхъ ниже сборниковъ. Вотъ что даетъ названный указатель:

1872. Новый сборникъ самыхъ любимыхъ и общеизвѣстныхъ украинскихъ пѣсенъ. Болѣе 100 пѣсенъ etc. Изданіе второе. Москва (№ 585).

1883. Кобзарь, полный сборникъ самыхъ любимыхъ и общеизвѣстныхъ украинскихъ народныхъ пѣсенъ. Болѣе 100 пѣсенъ..., заимствованныхъ изъ лучшихъ сборниковъ и пѣсенниковъ. Москва. Изданіе книгопродавца А. В. Морозова. (Были изданія и раньше). (№ 821).

1887. Бандуристъ. Збирныкъ малороссійскихъ пѣсенъ. Зибравъ А. Легасовъ. Москва. Изданіе книгопродавца Е. А. Губанова (№ 971).

1889. Молодой «Чорноморецъ». Малороссійскія писни знаменитыхъ писателей: Котляревскаго, Шевченка и проч. Скомпонувавъ М. И. Антипенко. Москва. Изданіе книгопродавца Е. А. Губанова (№ 1053).

1889. Спивака. Пѣвецъ. Сборникъ малороссійскихъ пѣсенъ. Собралъ Грыцько Остапенко. Москва. Изданіе книгопродавца А. А. Абрамова (№ 1097).

1892. Черноморецъ. Сборникъ малороссійскихъ пѣсенъ. Изд. Е. Губанова. Москва. (№ 1286).

1899. Казачка. Сборникъ новѣйшихъ пѣсенъ и романсовъ. Изд. 2-ое книгопродавца А. Холмушина. Петербургъ. (№ 1602).

1899. Казачка. Сборникъ національныхъ пѣсенъ. Изданіе 3-е книгопродавца Т. Кузина. С.-Петербургъ (№ 1603).

Теперь укажемъ тѣ пѣсенники, которые намъ удалось найти, отмѣчая рядомъ нѣкоторыя ихъ осебенности.

№ 1. Молодой Чумакъ. Малороссійскій пѣсенникъ. Сборникъ украинскихъ, козацкихъ, разгульныхъ, колыбельныхъ и прочихъ малороссійскихъ пѣсенъ. Собралъ С. Ф. Легасовъ. Изданіе книгопродавца-издателя Т. А. Губанова въ Кіевѣ. К. 1896. (Заглавіе на обложкѣ: «Молодой Чумакъ. Малороссійскій пѣсенникъ».—Картинка на обложкѣ: чумакъ сидитъ на бревнѣ и играетъ на бандурѣ; за нимъ волъ въ упряжкѣ [1]).

Въ сборникѣ 75 пѣсенъ. Авторъ его болѣе обѣщаетъ, чѣмъ даетъ. Колыбельныхъ пѣсенъ въ сборникѣ всего одна, а вотъ *украин-*

---

[1]) Г. Гринченко отмѣчаетъ изданія этого пѣсенника 1884—90—91 гг. (№№ 851, 1153, 1213).

скихъ ни одной. Это самый плохой изъ всѣхъ разсматриваемыхъ сборниковъ. Какъ отдѣльныя слова, такъ и текстъ пѣсенъ, какъ произведеній ритмическихъ, искажаются совершенно. Для примѣра приведу текстъ первой пѣсни такъ, какъ онъ напечатанъ въ сборникѣ:

Молодой чумаче, чего зажурився,
Чи зъ дороги сбився, чи волы присталы?
Волы не присталы, зъ дороги не сбився,
Чого зажурився, що отецъ и маты
Померъ, а я не женився. Пиду я въ чисто
Поле, шукамъ соби долы, не нашевъ
Я долы, нашевъ я рыболовлю.
Рыболовцы хлопцы, добрые молодцы,
Ви закиньте сѣты, поймайты
Мою долу. Не поймалы долу,
А поймалы рыбу щуку.
Щука рыба грае, себѣ пары мае,
А я молоденькій парочки немаю.

Въ этомъ родѣ, напомннающемъ по языку ретоградно-литературныя потуги старорусской партіи въ Галиціи, изданъ весь пѣсенникъ: въ немъ почти нѣтъ ничего «малороссійскаго»—по терминологіи автора—да и мало россійскаго.

№ 2. Слухайте панове писни мои! Малороссійскій пѣсенникъ. Составилъ Кукель. Москва. Изданіе книгопродавца Е. А. Губанова. 1899. (Заглавіе на обложкѣ: «Слухайте панове писни мои»!—Рисунокъ: дивчина играетъ на гитарѣ [1]).

Въ сборникѣ 126 пѣсенъ:

№ 3. Метелица. Малороссійскій пѣсенникъ. Москва. Типографія Т-ва И. Д. Сытина. 1900. (Заглавіе на обложкѣ «Метелица».—Рисунокъ: зимній пейзажъ; возлѣ корчмы играетъ музыкантъ на скрипкѣ; передъ нимъ пляшутъ въ лѣтнихъ костюмахъ *жинка* и *чоловикъ*; у послѣдняго въ рукахъ бутылка и стаканъ. Внизу рисунка слова: «Ой на двору метелица») [2]).

---

[1]) У г. Гринченко № 1609.

[2]) У г. Гринченко подъ № 1272 указывается изданіе 1892 г.

Въ книжкѣ 121 пѣсня.

№ 4. Черноморецъ. Сборникъ малороссійскихъ пѣсенъ. К. Изданіе книгопродавца Т. А. Губанова. 1901. (Заглавіе на обложкѣ: «Молодой Черноморецъ».—Рисунокъ: парубокъ, собравшійся въ дорогу, и дивчина, склонившаяся къ нему черезъ березовый заборчикъ)[1]).

Въ сборникѣ 123 пѣсни. Въ отношеніи чистоты языка сборникъ производитъ довольно пріятное впечатлѣніе.

№ 5. Украинецъ. Малороссійскій пѣсенникъ. Сборникъ разныхъ малороссійскихъ пѣсенъ и стихотвореній. Собралъ Ѳ. М. Кеслеръ. Отъ разныхъ авторовъ. К. Изданіе книгопродавца Т. А. Губанова. 1901. (Заглавіе на обложкѣ: „Украинецъ. Малороссійскій пѣсенникъ".—Картинка: парубокъ съ кнутомъ)[2]).

Въ книжкѣ 75 пѣсенъ. Правописаніе достаточно выдержанное.

№ 6. Грицько-Кобзарь. Сборникъ малороссійскихъ народныхъ пѣсенъ въ двухъ частяхъ. М. Типографія т-ва И. Д. Сытина. 1902. (Заглавіе на обложкѣ: „Кобзарь".—Рисунокъ: вослѣ плетня парубокъ играетъ на бандурѣ; рядомъ—дивчина, опирающаяся ему на плечо)[3]).

Въ сборникѣ 148 пѣсенъ. Слова часто искажаются руссизмами, что вообще болѣе свойственно московскимъ пѣсенникамъ, чѣмъ кіевскимъ; также вмѣсто украинскихъ иногда подставляются русскія слова; напр., въ стихотвореніи Шевченка: „Ой умеръ старый батько" одинъ стихъ читается такъ: „Ой, пиду я въ *лѣсъ* зеленій",

№ 7. Збирныкъ малоруськихъ писень. Ой не ходы Грыцю на вечерныци. Зибравъ И. Овчинниковъ. К. Изданіе книгопродавца Т. А. Губанова. 1902. (Заглавіе на обложкѣ: „Збирныкъ малоруськихъ писень. Ой не ходы Грыцю на вечерныци".—Картинка: огородъ; на переднемъ планѣ задумавшаяся дивчина; дальше *дядько* съ люлькою во рту въ равнодушной позѣ).

Въ сборникѣ 90 пѣсенъ.

№ 8. Украинскій Кобзарь. Малорусскія пѣсни знаменитыхъ писателей: Шевченка, Котляревскаго и проч. Скомпанувавъ Н. И. Сучиленко. К. Изданіе книгопродавца Т. А. Губанова. 1902. (Заглавіе

---

[1]) У г. Гринченко подъ № 1286—изданіе 1892 г.

[2]) У г. Гринченко подъ № 1604 изданіе 1899 г.

[3]) У г. Гринченко отмѣчаются изданія: 1890 г. (№ 1129) и 1894 г. (№ 1349).

на обложкѣ: „Украинскій Кобзарь“. — Рисунокъ: у хаты слѣпецъ играетъ на лирѣ; рядомъ—мальчикъ-поводырь; лирника слушаетъ семья крестьянъ) [1]).

Въ книжкѣ 110 пѣсенъ. Изъ всѣхъ разсматриваемыхъ пѣсенниковъ данный въ отношеніи языка—самый лучшій.

№ 9. Новѣйшій Збирникъ малоруськихъ писень. Ой у лузи та пры березі. Зибравъ Н. Овчинниковъ. К. Изданіе книгопродавца Т. А. Губанова. 1903. (Заглавіе на обложкѣ: „Ой у лузи тай при березі“.— Рисунокъ: подъ деревомъ, на берегу рѣчки, стоитъ дивчина; вдали водяная мельница).

Въ сборникѣ 92 пѣсни.

№ 10. Колядныки. Собралъ Кириллъ Ивановичъ Самойленко. К. Изданіе книгопродавца Т. А. Губанова. 1902. (Заглавіе на обложкѣ: „Колядныци“.—Картинка: внутренность хаты; четыре дивчины колядуютъ передъ хозяйкою, сидящею за столомъ).

На первыхъ 27 страницахъ помѣщено 16 колядокъ и щедривокъ съ замѣчаніями бытового характера, а также 5 церковныхъ пѣснопѣній, касающихся Рождества, какъ-то: „Рождество Твое“, „Дѣва днесь“ и др. Далѣе идетъ „поэма“ Максима Цимбаленко „Семенъ у пекли“. Приведемъ одну изъ колядокъ для характеристики сборника:

„Благословить колядувать. Хозяинъ отвѣчаетъ: ничого давать; колядныки продолжаютъ: да благословить колядувать; хозяинъ отвѣчаетъ: да колядуйте“.

„Бигла тылычка, да збырызнычка, да въ дядькинъ двиръ, дай дядьку пыригъ, якъ недасы пырога, возьму вола за рога, да выведу на моризъ, зобью ёму правый ригъ, воломъ буду робыты, рогомъ буду трубыты, хвостомъ погонять, соби гроши зароблять“.

„Добривичоръ, съ празныкомъ, бувайте здоровы“.

Въ такомъ родѣ излагаются и остальныя колядки; въ нѣкоторыхъ даже бытовыя сцены описываются еще подробнѣе, чѣмъ въ данномъ случаѣ. Подъ послѣднею колядкою—примѣчаніе: „Эти колядки прославляются во всемъ кіевскомъ уѣздѣ“.

Переходя къ содержанію указанныхъ сборниковъ, исключая послѣдній, замѣчаемъ, во-первыхъ, что большихъ отличій между ними въ выборѣ пѣсенъ нѣтъ, и во-вторыхъ—почти всѣ заключающіяся въ

---

[1]) У г. Гринченко подъ № 1107 изданіе 1899 г.

нихъ пѣсни—лирическія. Пѣсни, которыя мы встрѣчаемъ въ сборникахъ, это—„самыя любимыя и общеизвѣстныя" пѣсни, какъ выражается одинъ изъ упоминаемыхъ выше пѣсенниковъ. Большинство пѣсенъ въ сборникахъ однообразно; нѣкоторыя же встрѣчаются во всѣхъ или почти во всѣхъ сборникахъ, каковы; „Ой не ходы, Грыцю",—„Сонце нызенько",—„Засвисталы козаченькы",—„На що мени чорни бровы",—„Реве та стогне",—„Ой изъ-за горы та буйный витеръ віе,—„Въ кинци гребли",—„Віють витры",—„Повій витре",—„Ой тамъ за Дунаемъ",—„Ой дивчына горлыця",—„У сусида хата била",—„Ой пидъ вышнею",—„Добрый вечиръ, дивчыно",—„Люлька моя червоная",—„Ой на гори та женци жнуть" и др. Пѣсни въ сборникахъ, главнымъ образомъ, любовныя и бытовыя. Пѣсенъ другихъ видовъ встрѣчается немного. Такъ, въ сборникѣ № 6 находимъ 6 колядокъ, 9 колыбельныхъ пѣсенъ; 5 русальныхъ и 3 зажнивныхъ; въ сборн. № 1—одну колыбельную пѣсню и въ сб. № 5 двѣ колядки. Думы совершенно отсутствуютъ; даже вообще эпическихъ пѣсенъ черезчуръ мало. Только въ № 5 помѣщена пѣсня про Морозенка; въ № 7—„Гей, не дывуйте, добріи люде" и пѣсня о Петрусѣ, котораго полюбила пани, а панъ велѣлъ бросить въ Дунай, и въ № 9—„Гей, не дывуйте" и баллада про Бондаривну. Отсутствіе эпическихъ пѣсенъ въ лубочныхъ сборникахъ объясняется, конечно, тѣмъ, что предназначаются они для хорового пѣнія, тогда какъ эпическая пѣсня для этого не годится. Но къ слову сказать, народъ, почти забывшій свои высокопоэтическія думы, при знакомствѣ съ послѣдними, очень заинтересовывается ими, и такой сборникъ, какъ „Думы кобзарськи" Б. Д. Гринченко доставляетъ большое удовольствіе читателямъ изъ народа.

Кромѣ пѣсенъ чисто народныхъ, всѣ оборники содержатъ въ себѣ и пѣсни, идущія, такъ сказать, изъ верховъ литературы, и въ этомъ случаѣ на первомъ мѣстѣ стоятъ Котляревскій и Шевченко. Въ каждомъ сборникѣ мы непремѣнно встрѣчаемъ тѣ или иныя пѣсни, виршу и куплеты, хоторые заключаются въ двухъ опереттахъ Котляревскаго, какъ-то: „Віють витры",—„Чы я тоби, дочко, добра не желаю",—„Дидъ рудый, баба руда",—„Ой пидъ вышнею",—„Всякому городу нравъ и права" (вирша Сковороды),—„Ой доля людская",—„Гоминъ, гоминъ по диброви",—„Сонце нызенько",—„Витеръ віе горою",—„У сусида хата била",—„Та йшовъ козакъ зъ Дону". „Ой. я дивчына полтавка",—изъ „Наталки Полтавки" и—„Съ того часу, якъ женывся",—„Тобою восхищенный" и „Хоть (у Котл.: Будь) мене

мужычокъ съ кулачокъ“ изъ „Москаля Чаривныка“. Заимствованія изъ „Энеиды“, но и то неудачныя, находимъ лишъ въ одномъ сборникѣ № 5, а именно—приводится пять небольшихъ отрывковъ изъ поэмы, выбранныхъ безъ особаго смысла и внѣ связи съ текстомъ.

Изъ Шевченка въ пѣсенники перешло также очень многое, что могло подойти подъ опредѣленіе пѣсни, какъ-то: „Одъ села до села“ (№№ 6, 7, 9),—„Плавай, плавай, лебедонько“ (изъ „Тополи“; №№ 3—5, 8, 9),—„На що мени чорни бровы“ (№№ 3—5, 7—9),—„Мынають дни, мынають ночы“ (№№ 5, 7, 9),—„Зацвила въ долыни“ (№№ 5, 7, 9),—„Ой умеръ старый батько“ (№№ 6, 8),—„На улыци не весело“ (№№ 6, 5),— „Утоптала стежечку“ (№№ 5, 6),—„Якъ бы мени черевыкы“ (№№ 6, 7),—„Тяжко, важко жыть на свити“ (№№ 6, 9),—„Шовъ кобзарь до Кыива“ (изъ „Катерыны“; №№ 2, 8).—Така іи доля“ (изъ „Прычыннои“; №№ 4, 8),—Тече вода въ сыне море“ (№№ 5, 7),—„Реве та стогне“ (изъ „Прычыннои“; №№ 2, 3, 5, 7—9). Въ одномъ № 5 помѣщены слѣдующія стихотворенія: „Не вернувся изъ походу“,—„Полюбылася“,—„Витеръ въ гаи нагынае“,—„Не хочу я женытыся“,—„Не женыся на богатій“,—„Чого мени тяжко“,—„Ой сяду я пидъ хатою“,—„Гомонила Украина“ (изъ „Гайдамакивъ)“,—„Думы мои, думы мои“ (8 строкъ),—„Ой пишла я у яръ за водою“,—„У перетыку ходыла“,—„Туманъ, туманъ долыною“,—„Ой я свого чоловика“, — „Не щебече соловейко“, — „Доле моя, доле!“ (изъ „Хустыны“),—„У гаю, гаю“ (изъ „Гайдамакивъ“),—„Закувала зозуленька“; только въ № 6 встрѣчаются слѣд. пѣсни изъ „Гайдамакивъ“ „На городи пустернакъ“,—„Ой гопъ-гопака“,—„А мій батько орандарь“.—Такимъ образомъ Шевченко представленъ въ разсматриваемыхъ лубочныхъ пѣсенникахъ въ количествѣ 34 №№. Не всегда текстъ приводимыхъ изъ поэта стихотвореній исправенъ, и очень часто встрѣчаются значительныя отступленія отъ оригинала; это свидѣтельствуетъ о томъ, что стихотворенія заимствуются иногда и не изъ первоисточника—„Кобзаря“, но попадаютъ въ пѣсенники послѣ нѣкоторой жизни внѣ книги. Такъ, часть отрывка изъ баллады „Прычынна“—„Така іи доля“ встрѣчается въ слѣдующей редакціи (№ 4):

Щаслыва голубка *хочъ тымъ*, що литае:
Полыне до Бога: *у хмары спыта.*
Кого жъ сыротына, кого запытае?
И хто ій розскаже; *де мылый выта?*

Чи въ чистому поли, чи въ темному гаю?
Чи въ быстримъ Дунаю коня напува?
Зъ другою спизнався, другую кохае:
Іи *же несчаслыву на викъ* забува?
Якъ бы то *у неи орлячіи* крыла
За сынимъ бы моремъ *ёго и найшла*;
Живого бъ *кохала*, другу задушила,
До мертвого бъ яму жывая лягла
Не такъ сердце любыть щобъ съ кымъ подилыться:
Не такъ воно хоче, якъ Богъ намъ дае;
Воно жыты хоче, не хоче журыться,
А думка, мовъ ворогъ, жалю завдае...

Изъ другихъ ненародныхъ по происхожденію пѣсенъ встрѣчаемъ сравнительно мало, какъ напр.: пѣсни и куплеты изъ извѣстнаго водевиля „Бувальщина“: „Якый чортъ мени надавъ“— „Мій совитъ усимъ жынкамъ“—„Руки бѣлѣйшія“—„Побачымъ, визьме тутъ чыя“;— „И тыхая хатыночка“ Гринченко (№ 4).—„Стоить гора высокая“ Глибова (№№ 4, 7, 9)—„Вечерній дзвинъ“ (пер. изъ Козлова № 9)— „Не писни намъ весели спивать довелось“—Гринченко (№ 4) „Повій, витре, на Вкраину„ Руданскаго; „Дывлюсь я на небо“ Петренко и нѣсколько другихъ отрывковъ. Укажемъ тѣ отличія противъ обычнаго текста стихотвореній Руданскаго и Петренко, которыя находимъ въ пѣсенникахъ.

„Повій, витре, на Вкраину“ стихи: 3... кари...; 4... опивночи.

6. Въ тій долыни есть хатына,

7. А въ хатыни дивчынонька.

Дивчынонька голубонька.

12... дивка... 13. Нахылыся тышкомъ-нышкомъ. 17. Чы спыть вона, чы... 18. Спытай іи... 22... якъ здыхне вона важенько. 23... кари. 24... опивночи. 25. Колы жъ мыла полюбыла. 26. Та... по долыни. 28. Й невертайся...

29. Серце вьяне, серце мліе...

30. Витеръ віе, не вертае,

31. Серце зъ жалю замырае. (№ 4).

„Дывлюсь я на небо“—стихи: 1... на себе... 2. Чому я не соколыкъ?.. 5... подальше видъ свиту. 7... прохать. 8. И въ свити ихъ яснимъ себе покохать. 13... прывиту не знаю. 14. И гирко и марно... 19. И въ думци... 23... польну... 24... одъ свиту на викъ утону. (№ 4).

Подобныя отличія объясняются тѣмъ обстоятельствомъ, что стихотворенія, вошедшія въ кругъ пѣсенъ, какъ среди народа, такъ, главнымъ образомъ, въ обществѣ, мало по малу въ устной передачѣ отступили отъ первоначальнаго текста и въ такомъ видѣ по памяти были внесены въ одинъ какой-либо пѣсенникъ, откуда перешли и въ другіе.

Вотъ въ какомъ видѣ представляется содержаніе лубочныхъ пѣсенниковъ.

Мы могли отмѣтить, пользуясь также одними заглавіями изъ „Литературы укр. фольклора“ Б. Д Гринчеко, 18 различныхъ названій пѣсенниковъ въ 27 изданіяхъ за 30 лѣтъ,—безъ сомнѣнія, ихъ было болѣе. Ясно, что пѣсенниками интересовался украинскій народъ, что они были необходимы, какъ пища духовная. И произнося послѣдній приговоръ надъ ними, мы должны признать, что, несмотря на тѣ ихъ недостатки, которые были отмѣчены нами, эти пѣсенники посильно отвѣчали своей цѣли, поддерживая въ средѣ читателей память о „старыхъ словесахъ“, созданныхъ самимъ народомъ, и проводя въ него „былины сего времени“, творенія нашихъ художниковъ слова—Котляревскаго, Шевченка и др. Но, какъ бы тамъ ни было, лучше, если за это дѣло возьмется интеллегенція, чему уже были примѣры. А въ многотомныхъ собраніяхъ этнографическихъ матеріаловъ много, много истинно художественныхъ вещей, уже забытыхъ, но которыя слѣдуетъ снова возвратить народу. Я уже не говорю о томъ, какая насущная необходимость произведенія интеллигентной украинской литературы провести въ народныя массы и такимъ образомъ „на сторожи коло ихъ поставить слово“, которое оберегало бы ихъ отъ всего темнаго, мрачнаго, злого...

Передъ нами лежитъ еще одинъ лубочный пѣсенникъ, на которомъ слѣдуетъ остановиться, но который необходимо выдѣлить изъ общаго обзора. На обложкѣ онъ носитъ названіе: „Ой за гаемъ, гаемъ. Малорусскій пѣсенникъ“. Литографія на обложкѣ: дивчина за сохою; возлѣ нея парубокъ играетъ на скрипкѣ. Но на первой страницѣ заглавіе совершенно другое, а именно: „Стихотворенія и писни Д. Додольного и К. Бубелы антонивскихъ поэтивъ зибравъ Денисъ Кузьмичъ Пигулинъ, въ Антонови. Кіевъ. Изданіе книгопродавца Т. А. Губанова, 1901“. Народныхъ пѣсенъ въ книжкѣ всего одна: „Ой за гаемъ, гаемъ“, остальное все—„стихотворенія и пѣсни антонивскихъ поэтовъ“. Такимъ образомъ передъ нами литературное новообразова-

ніе въ народной средѣ. Изъ книжки знаемъ, что Додольный и Пигулинъ (онъ же Пигуликъ, Подольный и Додильнякъ) это—одно лицо, а Бубела это—псевдонимъ, настоящее же имя второго „антоновскаго поэта“—Андрійчукъ. Большая часть „стихотвореній и писень“ принадлежитъ Додольному-Пигулину.

Хотя послѣдній и заявляетъ, что

Всяка моя писня
Не дуже цикава,
Я ихъ запысавши
Ховаю въ рукава,

но мы весьма заинтересовались его „писнямы“, такъ какъ на сей разъ онъ не запряталъ ихъ въ рукава, а отдалъ г. Губанову, который тиснулъ ихъ подъ видомъ пѣсенника. Однажды 9 марта въ солнечный день, повѣствуетъ Додольный (конечно, въ стихахъ), онъ отправился ловить рыбу, а затѣмъ,

Наловывши рыбочокъ
Чуть не повненькый мишокъ,
Я до дому перенисъ,
Спикъ, наивсь и спать зализъ.

Сейчасъ же слѣдуетъ обращеніе къ дѣтямъ:

Потыхоньку ходить, диты,
Намъ поэта не збудите...

Но „поэтъ“ проснулся и,

Вставшы уже вмывся,
Зачесавсь, прычепурывся
И пысать уже начавъ..

О, боги! Зачѣмъ онъ проснулся и сталъ писать! А писалъ „поэтъ“ про „предметцы“ своего поклоненія, которыхъ было много: Надя, Надэжка, Насташка, Харитына, Марічка и т. д., и т. д. Какъ человѣкъ „мы учены“, Додольный иногда тонко выражаетъ въ стихахъ эту самую свою „любофть“. Такъ онъ сочиняетъ стихотвореніе подъ заглавіемъ „Юхимъ и злодій“, которое представляетъ собою акростихъ, и пишетъ „по краегранесію“, какъ выражались сочинители виршъ

XVII—XVIII вв. на Украйнѣ, слѣдующія слова: „Надажку люблю и буду любыт“. Никому не воспрещается „любыты Надэжку“ и даже выражать это въ стихахъ, но что сказать относительно такихъ виршей, которыя даже какъ-то неловко приводить на страницахъ журнала. А вирши эти таковы (стр. 51):

Письня.

Лукіи Бухерови вселюбезнѣйше посвящаю.

Дывуются молодыцы
Що велыкы мои „цыцы“,
И парубкы и дивчата
Шо я мала и цыцата;
Тилько любый не дывуе
Обіймае та цилуе
и т. д.

Что это такое? А упоминаемыя здѣсь вещи фигурирують не разъ на страницахъ книжки и при томъ въ самыхъ грубыхъ описаніяхъ! Мы уже не будемъ приводить ихъ.

Все это было дозволено цензурою. Мы очень далеки отъ той мысли, что книжку Додольнаго и Бубелы надо было запретить,—пусть всякій пишетъ, что ему угодно! Но Намъ вспоминаются факты и напрашиваются на сопоставленія; они были печальны и непонятны, эти факты, но они не отошли въ область преданій.

Мы хотимъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ притѣсненіяхъ, которыя претерпѣваетъ народная пѣсня у насъ на югѣ. Гоненія на народную пѣсню начинаются на Руси съ XI вѣка. Сначала лишь духовенство въ своемъ прямолинейномъ увлеченіи византійскимъ формализмомъ громило въ словахъ и поученіяхъ „бѣсовскія пѣсни“, но затѣмъ съ XVI вѣка въ московскомъ государствѣ къ этимъ преслѣдованіямъ присоединяется и свѣтская власть. Особенно ревностнымъ искоренителемъ сложившагося вѣками духовнаго богатства народа оказался „зѣло тихій“, какъ говорили современники, Алексѣй Михайловичъ, по указамъ котораго люди за пѣсни подвергались наказанію батогами и ссылкѣ. На Украйнѣ преслѣдованій пѣсни не было... Но вотъ и теперь въ смежные годы XIX и XX столѣтій мы видимъ у себя то же, что находимъ въ отдаленнѣйшія времена исторіи на-

шей несчастной равнины. Лѣтъ семь, помнится, тому назадъ въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ* по поводу поступившихъ изъ провинціи корреспондецій о томъ, что сельская администрація воспрещаетъ на улицахъ селъ и деревень пѣть пѣсни, извѣстный беллетристъ І. І. Ясинскій, тогда редакторъ газеты, написалъ статью противъ этихъ дѣйствій полиціи и даже взывалъ къ государственному контролеру Т. И. Филиппову, который былъ любителемъ народной поэзіи, о защитѣ послѣдней отъ посягательствъ на нее со стороны блюстителей „порядка". Но кто сталъ бы слушать тогда литератора по поводу какимъ-то пѣсенокъ, когда голосъ печати былъ „гласомъ вопіющаго въ пустынѣ" и по болѣе важнымъ вопросомъ, если такъ или иначе можно было ихъ затронуть? Преслѣдованія пѣсни продолжались.

Лирники и кобзари попадали въ „холодную", ихъ инструменты разбивались; полицейскіе разгоняли собравшихся попѣть молодыхъ людей; за пѣсни, какъ у насъ водится, они попадали въ ту же „холодную". Одинъ чинъ, ревностно искоренявшій крамолу или, что то же, народную пѣсню, заявлялъ намъ въ порывѣ своего полицейскаго рвенія, что этихъ пѣвцовъ онъ столько за ночь арестуетъ, что, «какъ орѣхи лущитъ». Такъ называемыя *игрища*, святочныя собранія молодежи для пѣсенъ и танцевъ, всегда запрещались уѣздною полиціею. Мы были свидѣтелями, какъ одинъ сельскій староста, которому была прислана бумага отъ урядника для сбора пожертвованія въ пользу пострадавшихъ отъ землетрясенія въ Андижанѣ, взялъ съ игрища въ жертву рубль и тутъ же заявлялъ, что теперь уже урядникъ не запретитъ игрища, такъ какъ оно дало деньги на пострадавшихъ. Объ руку съ полиціею шло духовенство, примѣръ чего былъ приведенъ на страницахъ «*Кіевской Старины*» (1905, № 3, 222—223).

Но, несмотря на всѣ эти преслѣдованія со стороны духовенства и полиціи, народная пѣсня живетъ и будетъ жить, такъ какъ она для народа—скажемъ словами покойнаго академика А. Н. Пыпина—«слишкомъ необходимый элементъ бытовой и нравственной жизни, неустранимая эстетическая потребность» [1]).

Однако, какая цѣль всѣхъ этихъ преслѣдованій?

Пѣніе на улицахъ селъ и по окраинамъ городовъ нарушаетъ порядокъ?.. Но вѣдь такое заявленіе относится къ области тѣхъ спе-

---

[1]) Исторія рус. лит. т. Ш, 27.

цифическихъ представленій о «порядкѣ», въ силу которыхъ двумъ стоящимъ на улицѣ лицамъ не позволяютъ «толпиться». Это не основаніе. Съ другой стороны, вѣдь смѣшно было бы говорить о вредоносности народной поэзіи въ какомъ бы то ни было отношеніи. Развѣ только, можетъ быть, *народная* поэзія развращаетъ *народъ* нравственно? Но кто изъ занимавшихся ею и изучавшихъ ее находилъ въ ней хотя что-нибудь приближающееся къ тому цинизму, той пакости, которая заключается въ мараніяхъ Додольнаго! Но вирши Додольнаго администрація дозволила для народа, а его собственной, выношенной имъ высоко-нравственной, высоко-художественной поэзіи не дозволяетъ для него самого, и это дѣлается въ той странѣ, гдѣ сущесвуетъ Императорское Географическое Общество, учрежденіе правительственное!

Поэзія—вѣнецъ познанья,
Надъ зломъ и страстью торжество;
Тебѣ въ ней свѣтъ на все созданье,
Въ ней—Божество!

Такъ думалъ Аполлонъ Майковъ. Не такъ думала администрація...

Владиміръ Даниловъ.

---

300 найкращыхъ украинськыхъ писень. *Кыивъ, 1904 р. Выдавныцтво* „**Викъ**“, *№ 39. Цина 20 коп. Стр. 231.*

Настоящее изданіе идетъ навстрѣчу тому оживленному спросу, какой предъявляется на украинскіе пѣсенники. Цѣль изданія—дать любителямъ пѣсенъ хорошій текстъ, лучшій изъ тѣхъ многочисленныхъ варіантовъ, съ которыми извѣстно большинство пѣсенъ и въ народѣ, и въ публикѣ. Считаясь со вкусами любителей, составитель выбралъ особенно любимыя и распространенныя пѣсни, главнымъ образомъ съ лирическимъ, а не историческимъ содержаніемъ. Въ сборникъ вошли какъ чисто народныя пѣсни, такъ и произведенія Шевченка, Руданскаго, Глѣбова, широко распространившіяся въ публикѣ, наравнѣ съ народными.

Помимо того основного значенія, какое указано было выше, настоящій сборникъ представляетъ достаточно интереса и въ простомъ чтеніи. Замѣчательныя достоинства украинской народной пѣсни, проявляющіяся въ силѣ чувства, тонкости и яркости передачи лириче-

скаго настроенія, почти въ одинаковой степени свойственны какъ музыкальному, такъ и словесному выраженію, такъ что послѣднее, само по себѣ, безъ музыкальнаго сопровожденія, возбуждаетъ соотвѣтственныя душевныя эмоціи.

Чистотой и правильной корректурой изданіе выгодно отличается отъ лубочныхъ.

В. К.

Н. Кобрынська. Выборець. *Выдавныцтво* „**Викъ**", *№ 43. Кыивъ, 1904. Цина 7 коп. Стр. 46.*

«Выборець»—это уполномоченный извѣстной группы избирателей (въ настоящемъ разсказѣ сельскаго общества), который по австрійскому конституціонному закону выбираетъ, совмѣстно съ другими, какъ и онъ, выборщиками, представителя въ парламентъ.

Якимъ Мачукъ стоялъ вдали отъ всякой политики и видѣлъ въ ней барское дѣло, приносящее мужику одну помѣху въ тяжелой работѣ. Но когда громада поручила Мачуку быть выборщикомъ, въ душѣ его созрѣло пониманіе той роли, какую играетъ депутатъ въ государствѣ, управляемомъ представителями народа, и сознаніе отвѣтственности выборщика за того, кому будетъ ввѣрена защита интересовъ народа.

Разсказъ дышетъ полной правдивостью въ изображеніи психологіи бѣднаго, забитаго мужика, никогда не слыхавшаго о какихъ-нибудь правахъ народа и не видящаго никакихъ способовъ для увеличенія своего благосостоянія, кромѣ мозольнаго труда. Разсказъ обладаетъ и художественными достоинствами.

В. К.

Д. Марковычъ. У наймы. На вовчому хутори. *Кыивъ, 1904. Выдавныцтво* „**Викъ**", *№ 42. Цина 7 коп. Стр. 46.*

Зимою, въ вьюгу, мать ведетъ дочку-подростка въ чужое село, за 25 верстъ, чтобы отдать ее «у наймы». По дорогѣ дѣвочка выбивается изъ силъ и замерзаетъ почти у цѣли, подъ самымъ селомъ.

При нѣкоторой обыденности этого сюжета, авторъ живо изображаетъ дѣйствіе стихійной силы, властно охватывающей и подавляющей людей своей непреодолимой жестокостью. Голодъ заставляетъ

молчать въ матери любовь къ родному ребенку и беретъ верхъ надъ другой ужасной стихіей—холодомъ и вьюгой.

Второй разсказъ даетъ интересную бытовую картинку крестьянскаго самосуда надъ конокрадомъ. Въ отношеніи къ уличенному въ конокрадствѣ крестьяне неумолимы и безпощадны, но здѣсь въ совѣсти сельскихъ стариковъ, которымъ нужно было постановить и выполнить страшный приговоръ—убить вора ударами кіевъ,—зародилось сомнѣніе, дѣйствительно ли пойманный—воръ, а не какой-нибудь бѣглецъ крѣпостной, пробиравшійся степью на вольныя мѣста и случайно пойманный около табуна.

Внѣшняя форма разсказовъ Марковича не поражаетъ ни яркостью образовъ, ни блескомъ выраженія; въ нихъ мало характернаго, колоритнаго; но это искупается глубокой правдивостью и силой изображенія дѣствительности, знаніемъ жизни, а также тѣмъ гуманнымъ чувствомъ любви къ людямъ, какимъ согрѣты оба разсказа.

В. К.

Марко Вовчокъ. Кармелюкъ, Невильнычка, Сестра, Чумакъ, Сынъ, Два сыны, Не до пары. *К. 1904. Выдавныцтво* **„Викъ“.** *№№ 37 и 38. Цина по 10 к.*

Сюжеты обоихъ составившихъ первую книжку разсказовъ взяты изъ исторіи. Герои принадлежатъ къ различнымъ эпохамъ народной жизни: Остапъ въ «Невильнычкѣ» борется съ турками и татарами, защищая свой край отъ ихъ хищныхъ набѣговъ; Кармелюкъ—порожденіе сложныхъ общественныхъ отношеній позднѣйшаго времени; его чуткая душа поражается тѣмъ, «куды пиду и попнуся, скризь багачъ пануе, у роскошахъ превелыкыхъ днюе и ночуе. Убогому, несчасному тяжкая робота, а ще гиршая неправда, тяжкая скорбота» (ст. 27).

Но и въ разбойникѣ Кармелюкѣ, защитникѣ и мстителѣ бѣдняковъ, и въ козацкомъ атаманѣ Остапѣ авторомъ подчеркивается общая, роднящая эти два типа, черта: нравственной чуткостью, отзывчивостью къ народнымъ и общественнымъ интересамъ, а также своей энергіей эти люди стоятъ выше своей среды. Въ этихъ активныхъ личностяхъ ярко выступаютъ извѣстныя стремленія народа и явленія его жизни.

Оба разсказа отличаются живостью художественнаго воспроизведенія, но въ деталяхъ психологической обрисовки типовъ, особенно

женскихъ, авторъ не чуждъ сантиментальныхъ преувеличеній. Сильный характеръ, неудержимая энергія родятся жизнью, гдѣ все кипитъ, какъ непосредственная реакція на явленія этой жизни, а не воспитываются тонкой рефлексіей, какой авторъ снабдилъ и Остапа, и Кармелюка. Такая характеристика этихъ лицъ одинаково противна какъ исторіи, такъ и психологіи.

Вторая книжка даетъ 5 бытовыхъ разсказовъ, заглавія которыхъ уже перечислены выше.

Въ разсказѣ «Сестра» представленъ образъ женщины, которая, не уживишись съ сварливой женой своего брата, принуждена покинуть его семью и уйти въ наймы. Живя въ наймахъ въ городѣ, не надѣясь вернуться въ село, подъ родной кровъ, сестра не теряетъ любви и привязанности къ родному брату и самоотверженно работаетъ на него, отдавая все заработанное.

Этотъ типъ, исключительный по своей почти аскетической самоотверженности, достаточно мотивированъ психологически и потому является вполнѣ жизненнымъ и правдивымъ. Живое изображеніе той житейской обстановки, въ которой приходится существовать наймитамъ, даетъ разсказу значительныя художественныя достоинства.

Послѣдняго нельзя утверждать относительно остальныхъ разсказовъ. Они представляютъ собою фотографическія, мѣстами совершенно эскизныя, картинки изъ народной жизни; ни въ одномъ изъ этихъ разсказовъ взятый сюжетъ не разработанъ съ надлежащей полнотой, почему достоинства какъ содержанія ихъ, такъ и формы, должны быть признаны невысокими.

В. К.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Четыре документа къ исторіи украинскаго козачества. Предлагаемые вниманію читателей документы извлечены мною во время другихъ занятій рукописями Государственнаго Архива Мин. Ин. Дѣлъ въ Спб. и Императ. Публичной Библіотеки. Этимъ объясняется ихъ случайный подборъ; однако, такъ какъ предлагаемые ниже документы, несмотря на рядъ изслѣдованій по исторіи Малороссіи XVII и XVIII в.в., не были въ достаточной мѣрѣ использованы историками ея, беремъ смѣлость опубликовать ихъ въ копіяхъ, возможно близкихъ къ оригиналамъ.

Первый изъ документовъ—письмо гетмана Ив. Выговскаго къ татарскому вождю Кая-бею издается нами по автографу, принадлежащему Имп. Публ. Библ. и относящемуся къ 1659 г. Оно написано рукою писаря, а отмѣченное въ изданіи разрядкою—подпись и приписка—сдѣлано рукою гетмана. Орѳографія оригинала сохранена въ изданіи.

Второй документъ—перенятое москвичами письмо гетмана Мазепы къ Карлу XII, и при томъ, какъ видно изъ текста его—уже второе; оно свидѣтельствуетъ о нетерпѣніи, съ какимъ гетманъ ожидалъ прихода союзника, и о той роли, которую приходилось ему и преданной ему старшинѣ играть, находясь какъ бы между молотомъ и наковальней—между царемъ Петромъ и Карломъ XII, при наличности среди простого народа замѣтнаго тревожнаго настроенія, которое „загревалось“ московскими грамотами и уже отнюдь не въ пользу плановъ, задуманныхъ Мазепою. Письмо Мазепы издается по рукописи Госуд. Архива; титла раскрыты.

Третій и *четвертый* документы относятся къ эпохѣ Великой Сѣверной войны, въ которой приняли участіе козаки и сотники полку Танского и другихъ полковъ. Судьба въ 1708 г. привела ихъ въ плѣнъ, и издаваемые документы служатъ матеріаломъ для иллюстраціи того, какъ приходилось плѣннымъ козакамъ вымаливать у московскаго правительства пособія для жизни въ Стокгольмѣ или—на возобновленіе утраченнаго платья и оружія. Помимо историческаго интереса, эти послѣдніе документы представляютъ и нѣкоторый чисто бытовой интересъ.

Письмо гетмана Ив. Выговскаго къ Кая-бею 1659 г. [1]).

Iasnie Wielmożny Msciwy Panie Kaia Bey, mnie wielce Msciwy Panie y Bracie. Zdrowia dobre° y na wszem szczęśliwego powodzenia od Pana Boga Wm Mc Msciwemu Panu życzymy.

Iako mamy nadzieią w przerzeczonym słowie CHana Ie° Msci, że nas sam osobą swą Panską w prędkim czasie nieomieszka posiłkowac, tak vfamy, źe Wm nasz Msciwy Pan, maiąc Braterską miłość ku nam, zechcesz vprzedzić y CHana Je° Msci a do Nas pospiech prędki vczynic, iakobysmy mogli dać znaczny wstręt spolnemu Nieprzyiacielowi naszemu y Wm Me° Msciwego Panstwa, ktorego z ochotą wyglądaiąc, łasce się Braterskiey iako naypilniey zalecamy. Dat w Taborze w Taborze (sic) pod Irkliem z Zadniepra. Maia d. 11. a° 1659.

My wespoł z Je° Mscią | *panem Nuradin sołtanem* | *Panḿ Boga wziowszy napomoc* | *idziemy przeciwko* nieprzyiaceilowy | *a temu racz iako nayprędzy pzybywac* [3]).

Wm Mego M. Pana całe życzliwy Brat y sługa [1]).

Ian Wyhowski [2]) *Hetman M. P.*

---

[1]) Изъ рук. Имп. Публ. Библ. Q. XVII, № 80, л. 51, рукою втор. пол XVII стол.

[1]) Одинъ почеркъ.

[2]) и [3]) Второй почеркъ.

ѳзз҃ июнѧ въ кз҃ де(нь) переведе҃ прислав к великому гд҃рю з Дону с станичники и с атаманом с тимоѳеем івановым с товарищи [4]).

---

2 *«Списокъ с перенятого писма вора Мазепы»*

«Наяснѣйшій Милостивый король,
Государь мой милостивый!

Уже то вторый листъ со объявленіемъ о подданной моей подлѣглости к вашей королевской милости пишу, і не сумнѣваясь, ежели бы моглъ первый в семъ мятежномъ рѣчей повѣдѣніи приттить в свое назначенное мѣсто, і яко во ономъ ізлиянным сердцемъ і общимъ всей Украины желаніемъ нижайше просимъ вашей королевской милости, дабы на избавленіе достоявія своего побѣдителную благоволилъ подвигнути руку; такъ и нынѣ повторяя прошеніе, тожь самое повторяю, и ожидая ожидаю благополучного и скорого вашей королевской милости приходу, дабы мы могли соединенными оружиями и силами неприятелского московского намѣренія в зеліи усыпить змия, а наипаче нынѣ, когда Москва почала грамотамі своимі простой народ загревать и градские чинит войны; и хотя еще мы его не весма видимъ, обаче таковые искры утаенные въ прелесномъ пепеле заранѣе надлежитъ гасить, дабы от того на общую пагубу каковой не̄ изшел пожар. Чего ради мы, яко отца, во аде суще, ожидаемъ приходу вашей королевской милости, яко Спасителя нашего, и прося о томъ, нижайше цѣлую тысячнымъ целованьемъ храбрую руку вашу.

Вашей королевской милости Государя моего Милостивого вѣрный подданный і слуга нижайшій Іван Мазепа Гетманъ [1]).

Із Ромны, г҃ декабря 1708.

---

3. *Дѣло о жалованьѣ плѣннымъ козакамъ 1708 г.*

В доношениі із малоросійского приказу о даче жалованья гетманскаго регимента козаком в Стекхолме.

---

[4]) Третій почеркъ.

[1]) Госуд. Арх., Дѣла Кабинета, Входящ. письма 1707—1708 годовъ, кн. 2 (№ 8), л. 29 и обор.

В прошломъ ѧ҃ѱ҃ꙁ҃м году генваря в ѳ҃і (день) изъ Стекхолма генералъ крисъ-камисар, князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукой писалъ в разрядъ і прислалъ роспись, что регименту гетмана и кавалера Івана Степановича Мазепы разныхъ полковъ малоросійскихъ городовъ сотники и іные урядники і рядовые казаки р҃д человѣка страждут в неволе в завоеваніи в свѣйской землѣ, імянно в Стекхолме, гладом і нагатою без жалованья, с ыными такими ж плѣнники русскими людми і иноземцы, і чтоб жалованіем никто презренъ не былъ, і о том ево генерала увѣдомить, будетъ ли тѣм плѣнным прислано что на дачю.

І по тому писму к гетману і кавалеру із молоросійского приказу послана грамота, велено ему регименту своего плѣнным людем в Свѣе о прокормленіи ихъ учинить по своему разсужденію.

І по той грамоте онъ гетманъ і кавалер для вышеписанной посылки тѣмъ плѣннымъ прислалъ ҂а҃ро еѳимковъ, і о раздаче роспись (*обор.*). И тѣ еѳимки для переводу черезъ вексель в Стекхолмъ на дачю гетманского регименту отданы іноземцу Елисею Клюку.

А декабря в е҃і [день] ѱ҃ꙁ году онъ же генералъ крисъ-камисаръ писалъ, что тѣ еѳимки розданы на жалованье имъ гетманского регименту малоросійскихъ городов:

Миргородцкаго полку сотнику Василью Родянку к҃в еѳимка;

Того жъ полку хорунжему Степану Рубану г҃ ефимковъ. Разныхъ полковъ и сотенъ казакомъ р҃к по ꙁ҃ еѳимкевъ, ітого ѱ҃ді (sic?) еѳимковъ.

Иноземческому человѣку за приносъ денегъ к҃ еѳимка, а которые ѵ҃па еѳимокъ посланы были на дачю Переяславскому полковнику по писму гетманскому, взялъ себѣ он князь Яков Ѳедоровичь, потому что тотъ переяславской полковникъ умре.

Всего в расходе іс тѣми, что взялъ князь Яковъ Ѳеодоровичь, ҂а҃ско еѳимковъ.

За тем в остатке ѯ҃і еѳимковъ.

(л. 329) Да генваря в к҃д день ѱ҃и году онъ же генералъ крисъ-камисаръ в розряд к боярину Тихону Никитичю Стрѣшневу писалъ, что гетманского регименту обрѣтаетца в плѣне сверхъ прежней росписи полковникъ, писар, сотникъ і казаковъ м҃ꙁ человѣкъ, і тѣмъ людем іс присланных от гетмана денегъ ничего не дано, потому что онъ роздалъ по ево гетманской росписи наличнымъ ево гетманского регименту людемъ, и чтоб онъ гетман о том был увѣдомленъ і дачею вышеписанного полковника і другихъ плѣнныхъ регименту своего казаковъ страждущихъ в плене определил.

І генваря ѧ҃-го дня о томъ к нему, гетману і кавалеру, писано, імянно, велено ему о всем учинить по своему разсмотрѣнію.

І о томъ онъ, гетманъ і кавалеръ, в малороссійской приказъ апрѣля по к҃ число не отписывалъ, а в малороссійскомъ приказе денегъ на лицо никакихъ нѣтъ.

І апрѣля в к҃а [день] ѱ҃и году, по указу великаго государя, бояря, будучи в ближней канцелярії, слушавъ того доношення, приговорили: взять в розряд для отдачи свѣйскому генералу Горну для переводу чрезъ вексель на дачю гетманского регимента (*обор.*) казакамъ, обрѣтающимся в плѣне в Стекхолме, жалованья ф҃к рублевъ із болшой казны, а к гетману и кавалеру о присылке противъ прежняго вышеписанного числа денегъ ф҃к рублевъ із малороссійского приказу послать грамоту [1]).

4. *Просьба козаковъ о выдачѣ имъ жалованья.*

Державнѣйшій царь, государь милостивѣйшій!

Въ прошлых, государь, годех служили мы тебѣ, государю, многие службы и на многихъ бояхъ бывали и ранены, а ныне тому четвертой мѣсяцъ по твоему государеву указу высланы мы на твою великого государя службу и отданы под командыю г-дна генерала Боура, и какъ ныне онъ г-днъ генералъ бился с неприятелскими людми, с немцы, за литовским рубѣжем, под местечком Кадинѣм, и на том бою нас нижей менованных рабовъ твоих ранели и лошеди под нами побиты и ружье и платье с нас все побрано бѣзостатка. И после бою присланы мы раненые в оптеку в Смоленскъ, а ныне нам твою государеву службу служить стало нечимъ, лошедей и ружья у насъ нѣтъ и прокормитца намъ стало нечим.

Всемилостивѣйшиі государь, просим вашего величества, вели государь намъ выдать свое государево жалованье, что ты, государь, пожалуешъ, чтобъ нам впред было тебѣ, государю, на чем и с руж'емъ служить твою государеву службу.

Вашего величества нижайшие раби, города Киева, с Танскаго полку казаки; ротмистръ Василій Адамовичъ, да компания: Іванъ Івановской, Стеѳанъ Стеѳаневич. Октября г҃ дня ѱ҃и (1708) году.

---

[1]) Госуд. Арх. Кабинетъ Петра Вел. Входящ. письма 1707—708 г. I, кн. № 8, л. 328 и слѣд.

На оборотѣ тѣмъ же почеркомъ: «Къ сей челобитной Василей Столбъцовъ вместо ротмистра Василия Адамовича. Івана Іваневского, Стеѳана Стеѳаневича по ихъ упрошению руку приложилъ» [1]).

В. Перетцъ.

Письмо Т. Г. Шевченка къ брату Никитѣ. Приводимое ниже письмо Т. Г. Шевченка къ брату Никитѣ принесено въ даръ А. Н. Терещенкомъ Кіевскому Художественному Промышленному и Научному Музею и любезно сообщено намъ директоромъ музея Н. Ф. Бѣляшевскимъ. Письмо, чуть ли не первое изъ извѣстныхъ намъ, относится къ концу 1839 года, т. е. къ тому времени, когда Т. Г., будучи „вольнымъ чоловикомъ" (съ 22 апрѣля 1838 г.), посѣщалъ классы академіи Художествъ и былъ однимъ изъ любимѣйшихъ учениковъ-товарищей К. П. Брюлова. Какъ видимъ изъ печатаемаго ниже письма, Т. Г. уже болѣе полутора года (д. б. со времени извѣстія объ освобожденіи изъ крѣпостного права) не писалъ домой, — очевидно, не имѣя возможности порадовать родственниковъ чѣмъ-либо реальнымъ, не будучи въ состояніи помочь имъ въ ихъ нуждѣ. Но вотъ теперь онъ начинаетъ кое-что зарабатывать, и вмѣстѣ съ симъ письмомъ высылаетъ на имя брата Никиты 25 руб. ассигнаціями. Впослѣдствіи мы видимъ, что Т. Гр. не забываетъ о своихъ братьяхъ и сестрахъ, и насколько возможно, помогаетъ имъ [2]). Изъ этого же письма можно заключить, что уже въ это время Шевченко лелѣялъ мечту о поѣздкѣ на Украину, что ему пришлось осуществить лишь въ 1843 году, — на это встрѣчаемъ въ письмѣ намекъ дважды: „потерпымъ ще трохы, а тамъ, колы жыви та здорови будемъ, то може й побачымось", а также, въ просьбѣ къ дѣду не умирать: „швыдко побачымось", Наконецъ, нельзя не отмѣтить троекратно повторенную просьбу Т. Гр. къ Никитѣ написать ему „такъ, якъ я до тебе пышу, не по московському, а

---

[1]) Госуд. Арх. Кабинетъ Петра В. Входящ. письма 1708 г. кн. 8 л. 939 и обор.

[2]) Въ скоромъ времени, а именне 2 марта 1840 г., вѣроятно въ отвѣтъ на данное письмо, братъ Никита обращается къ Т. Г. съ просьбой о займѣ денегъ. Т. Гр. высылая ему 50 рубл., писалъ: „мени грихъ позычать братамъ гроши,—колы трапляця, то такъ дамъ" (К. Стар. 1891, II, 211).

по нашому“, написать „по своему“, чтобы онъ могъ услышать родное слово „хочъ черезъ папиръ“, такъ какъ онъ страдаетъ тоской по родинѣ.

«Микито, ридный брате! Минуло вже билшъ, якъ пивтора року, а я до тебе не написавъ ни пивъ словечка. Выбачай, голубе сызый,—такъ трапылось! Скажу щыру правду,—не те, щобъ николы було або що, а такъ соби, ни се ни те... Ще разъ вибачай! Я такъ соби думавъ: що жъ, що я напишу письмо? Хиба имъ буде легше? Твого я лыха не возьму на себе, а свого тоби не отдамъ; такъ що жъ зъ тыхъ писемъ? Папиръ збавлять, тай годи... Воно, бачъ, и такъ и не такъ, а все-таки лучче, колы получишъ, прочитаешъ хочъ одно слово ридне: серце нибы засміеця, колы знаешъ, що тамъ діеця... Такъ отаке-то, мій голубе! Нудно мини стало, що не знаю, що у васъ робиця. Та й ты таки не безъ того, щобъ не згадавъ свого брата Тараса школяра—бо вже дуже давно, якъ мы зъ то(бо)ю бачилысь! Та що жъ робить ма(е)шъ, колы Богъ такъ хоче. Потерпимъ ще трохи, а тамъ колы живи та здорови будемъ, то може и побачимось. Ну, колы то ще те буде, чи побачимось, чи ни, а теперъ про себе скажу отъ що: слава Богу милосердному, живъ и здоровъ, учуся малювать; колы трапыця, зробляю гроши. Оце на тимъ тижни заробивъ трохи, то й тоби посылаю (25 руб. асигн.), а колы буде бильшъ, той ще пришлю. Такъ отъ бачъ, жыву, учусь, никому не кланяюсь и никого не боюсь, окромъ Бога. Велыке щасьтя буть вольнымъ чоловикомъ: робишъ, що хочешъ, нихто тебе не спыныть. Поклоныся усимъ родычамъ одъ мене, а надто дидови, колы жывый здоровый; скажы нехай не вмира: швыдко побачымось. Поцилуй брата Есыпа [1]), такъ якъ бы я ёго поцилувавъ, и сестеръ: Катырыну, Ярину [2]) и Марусю, колы жива; та скажи, будь ласкавъ, якъ и де вона живе? чи одягнина, чи обута? Купы ий що небудь къ святкамъ зъ оцыхъ грошей, що я тоби посылаю поки що, а то я буду ій присылать окроме, колы трапляця у мене гроши [3]). Та ще скажи зятямъ нашимъ Антонови и Федорови,

---

[1]) Брату Йосыпу, самому младшему, въ то время было 17 лѣтъ.

[2]) Катерина была замужемъ въ с. Зеленой за Красицкимъ, Ирина за Ковтуномъ въ Кирилловкѣ.

[3]) Особую заботливость о младшей сестрѣ Маріи (ей въ то время было 18 лѣтъ) можно объяснить тѣмъ, что она страдала глазной болѣзнью; она умерла дѣвушкой.

шобъ и воны до мене колы небудь написалы хочъ одно слово. А самъ якъ тилько получишъ мое оце письмо, заразъ до мене напиши, шобъ я знавъ. Та, будь ласкавъ, напиши до мене такъ, якъ я до тебе пишу не по московскому, а по нашому (зачеркнуто: бо мини й такъ уже остыглы москали)

Бо москали, чужи люды,
Тяжко зъ нымы житы;
Немае съ кимъ поплакаты;
Ни поговориты.

Такъ нехай же я хочъ черезъ папиръ почую ридне слово, нехай хочъ разъ поплачу веселыми слёзами, бо мыни тутъ такъ стало скупно, шо я всяку ничъ тилько й бачу во сни шо тебе, Кереливку та ридню, та бурьяны (ти бурьяны, шо колысь ховався о(дъ школы). Весело стане, прокинусь, заплачу... Ще разъ прошу, напиши мини письмо, та по своему, будь ласкавъ, а не по московському. Колы напишешъ письмо, то просы Ивана Станиславовича Дымо(в)ского [1]), шобъ пославъ до мене, бо винъ знае, де я живу. Оставайся здоровъ. Лягаю спать, уже пи(в)нычъ... Може во сни й тебе побачу... До(б)ра-ничъ!

Твій ридный братъ Тарасъ Шевченко.

Ще письмо, которе найдышъ у моему «письми запечатане, отдай Ивану Станиславовичу Дымовскому и поклонысь ёму оде мене та просы, шобъ и винъ написавъ до мене що небудь та вкупи и пришлить, якъ я вамъ посылаю. Оставайся здоровъ.

1839 ноября 15 дня. С.-Петербургъ.

Не забудь же, заразъ напиши письмо, та по своему.

Къ біографіи И. П. Котляревскаго. Въ поступившемъ въ 1904 году въ рукописное отдѣленіе Библіотеки Имп. Академіи Наукъ архивѣ вольнаго общества любителей россійской словесности есть одинъ документъ, имѣющій отношеніе къ И. П. Котляревскому—это письмо

[1]) По разсказу родственниковъ Т. Гр., переданному г. Талько-Гринцевичемъ, былъ управляющимъ въ экономіи Энгельгардта въ Кирилловкѣ, оставившимъ по себѣ хорошую память (Кіев. Старина, 1891, II, 211 1889, IX, 763).

правителя канцеляріи малороссійскаго ген.-губернатора Михаила Николаевича Новикова. Новиковъ былъ выбранъ въ члены-корреспонденты общества въ засѣданіи 30 сент. 1818 г. по предложенію Ѳ. Н. Глинки, въ то время бывшаго помощникомъ предсѣдателя общества; не знаемъ, въ чемъ состояли заслуги Новикова передъ обществомъ любителей словесности и что обратило вниманіе на него Глинки; можемъ только сказать, что въ члены-корреспонденты по уставу общества избирались лица, заслужившія „довѣріе общества въ исполненіе дѣлаемыхъ имъ порученій" (Краткое извлеч. изъ устава). Письмо Новикова является актомъ благодарности за избраніе; главный интересъ его заключается въ томъ, что Новиковъ, говоря въ немъ о воспитательныхъ заведеніяхъ въ Малороссіи, особенно останавливается на Полтавскомъ домѣ воспитанія бѣдныхъ, бывшемъ подъ надзоромъ Котляревскаго, и даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о самомъ Иванѣ Петровичѣ. Считая достойной вниманія всякую мелочь, могущую дать лишнюю черту къ характеристикѣ знаменитаго автора Наталки-Полтавки, предлагаемъ читателямъ «Кіевской Старины» письмо Новикова въ полномъ видѣ.

Самъ И. П. Котляревскій былъ избранъ въ число членовъ общества любителей россійской словесности значительно позже — 21 авг. 1821 года по предложенію Н. И. Гнѣдича. Благодарственное письмо его на имя Ѳ. Н. Глинки хранится также въ архивѣ общества; по содержанію своему письмо это не представляетъ особаго интереса.

В. Срезневскій.

Милостивый Государь Андрей Афанасьевичъ!

Принимая съ признательностію лестное для меня избраніе обществомъ любителей Россійской словесности въ число его членовъ-корреспондентовъ, спѣшу изъявить за сіе мою благодарность и увѣрить, что, принимая живѣйшее участіе въ благѣ и чести моего отечества, я не премину ревностно исполнять всѣ порученія сего Общества, дабы тѣмъ оправдать довѣренность его и споспѣшествовать пользѣ и чести учрежденія, имѣющаго цѣлію похвальное рвеніе къ изысканію отечественныхъ достопримѣчательностей.

При семъ долгомъ моимъ считаю препроводить объявленіе полтавскаго губернскаго маршала, сообщенное Дворянству Полтавскому и сосѣдственныхъ губерній, объ учрежденіи въ Полтавѣ благороднаго

для дѣвицъ института, котораго открытіе послѣдуетъ въ 12-й день декабря сего года.

Должно признаться, что Малороссійское Дворянство отлично ревностію къ просвѣщенію юношества; оно много разъ предпринимало учредить подобное общественное заведеніе для воспитанія сыновей своихъ, но, по разнымъ обстоятельствамъ, всегда встрѣчало препятствія къ достиженію благонамѣренной цѣли. Два дома воспитанія бѣдныхъ, учрежденные въ губернскихъ городахъ Малороссіи, имѣющіе каждый по 50 воспитанниковъ на содержаніе приказа общественнаго призрѣнія и по 50-ти пансіонеровъ за весьма малую цѣну, приносятъ большую пользу, доставляя чиновниковъ военной и гражданской службѣ, съ достаточнымъ уже образованіемъ, ибо они не иначе выпускаются какъ по окончаніи гимназическаго курса; показывающіе же отличныя способности въ наукахъ или склонности къ художествамъ, отправляются первые въ Харьковскій университетъ, а о помѣщеніи другихъ въ Академію Художествъ ходатайствуетъ нынѣ Г. Малороссійскій Военный Губернаторъ. По возвышенію на все цѣнъ сіи полезныя учрежденія стѣсняются малыми способами. Изъ нихъ Полтавскій домъ воспитанія бѣдныхъ отличенъ во всѣхъ отношеніяхъ, чему много содѣйствуетъ всегдашнее почти пребываніе въ Полтавѣ Малороссійскаго Военнаго Губернатора, обращающаго особенное вниманіе на сіе заведеніе и примѣрное усердіе и попеченіе главнаго его Надзирателя, Маіора Котляревскаго, извѣстнаго переложеніемъ Вергиліевой Энеиды на отечественный его малороссійскій языкъ. Чиновникъ сей въ кругу воспитанниковъ представляетъ почтительнаго и строгаго родителя; награда трудовъ его напечатлѣна всегда на лицѣ его, удовольствіе внутреннее и одобреніе совѣсти видны во всѣхъ чертахъ его, и онъ, колико строгъ въ управленіи воспитанниками, столько жъ заботливъ о доставленіи имъ удовольствія.

Таковыя училища въ Малороссійскихъ губерніяхъ имѣютъ изъ дворянъ почетныхъ смотрителей и многіе изъ нихъ заслуживаютъ отличнаго уваженія примѣрнымъ усердіемъ своимъ къ порученнымъ имъ заведеніямъ. Жаль только, что льстящая награда симъ достойнѣйшимъ членамъ благороднаго сословія удерживаетъ безпристрастнаго наблюдателя рѣшить совершенно въ пользу ихъ безмезднаго расположенія.

Сообщая теперь поверхностно по всѣмъ симъ предметамъ, я за особенное удовольствіе вмѣню себѣ сдѣлать подробныя замѣчанія и

доставить почтенѣйшему Обществу Любителей Россійской Словесности, въ полномъ увѣреніи, что предметъ просвѣщенія, какъ главнѣйшій въ занятіяхъ его, содѣлаетъ свѣденія сіи достопримѣчательными.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть Вашимъ милостивый Государь всепокорнымъ слугою Михайло Новиковъ. Ноябрь, 1818. Черниговъ.

„Проводы“ *(народная сатира)*. Помѣщаемое стихотвореніе записано въ м. Грицевѣ, заславскаго у., волынской губ. Оно принадлежитъ къ циклу многочисленныхъ въ Малороссіи полународныхъ сатирическихъ произведеній, осмѣивающихъ пороки духовенства. Мы называемъ такія произведенія «полународными», такъ какъ они создавались не въ средѣ самого народа, а среди близкихъ къ народу грамотѣевъ,—чаще всего—представителей того же церковнаго клира, недостатки котораго служили предметомъ осмѣянія. Но затѣмъ подобныя произведенія, въ зависимости отъ степени ихъ талантливости, получали большее или меньшее распространеніе, и если отвѣчали народному вкусу, то современемъ становились достояніемъ народа и, подобно общеизвѣстному «Грыцькови Мудрому», зачислялись въ разрядъ собственно-народныхъ произведеній. Не знаемъ, насколько настоящее стихотвореніе широко распространено на Волыни, но не лишено значенія уже одно то, что помѣщаемый нами текстъ его оказался въ рукописномъ сборникѣ разныхъ стихотвореній (русскихъ и малорусскихъ), списанныхъ малоопытною рукою какого-то, повидимому, школьника.

Давъ Богъ проводы по святкахъ.
Напекла баба кнышивъ,
А котра була багата,
Напекла и калачивъ.

—

И якъ тилько на дзвиныци
Разомъ дзвоны загулы,
То на цвынтарь молодыци
Съ кошыкамы вси пишлы.

—

Та понесла на грибъ батька
Тры кныши на парастасъ,
Та пишла за душу дядька
Зговорыты «Отче нашъ»;

—

Та за вмершую дытыну
Килька паръ взяла булокъ,
Та повнисеньку хустыну
Натаскала крашанокъ;

—

Та за дивчыну Орышку,
Що померла въ-осены.
Пырогы понесла й кышку,
Й шматъ печенои свыни.

—

Незадовго зъ хорогвамы
Выйшло братство, дякъ и пипъ,
На остатку жъ изъ мишкамы
Выйшовъ староста Прокипъ.

—

Пипъ свяченою водою
Вколо цвынтарь покропывъ,
И дяка шпурхнувъ рукою,
Щобъ винъ хутче баландывъ (?).

—

Панъ реентый не такивській
И до того бувъ мастакъ:
Якъ почувъ кулакъ попивській,
Ставъ молоты якъ витрякъ.

—

Де ще навить не поспіе
Пипъ сказаты килька сливъ,
А реентный вже запіе
«Вичну память»—и скинчывъ.

—

Заразъ гроши загортае,
Злотъ попови отдае,
А въ свою кышеню пхае
Десять грошей—и иде

—

На грибъ другый выкрыкаты.
А тымъ часомъ пипъ въ уми:
Не забуде посчытаты
Крашанкы вси и кныши,

—

Тако жъ сало и ковбасы,
Вси печени и паскы
И все, що за парастасы
Зибравъ Прокипъ у мишкы.

—

Але й дякъ не довиряе:
Винъ надъ гробомъ хоть крычыть,
Но въ бикъ мыло поглядае,
Чы все въ цилости лежыть;

—

Чы не вкынувъ у кишеню
Килька пасокъ нашъ Прокипъ,
Або знову котру печеню
Чи не взявъ пидъ рясу пипъ.

—

Панъ реентый и добродій
За годыну вси гробы
Обскакалы—и вже годи,
Бо не мають ницъ бабы.

—

Въ кошыкахъ ихъ ницъ не стало,—
А чого въ ныхъ не було?
Пырогы, ковбасы, сало,
Но все цее перейшло

—

Въ рукы старосты Прокопа:
Винъ гарненько все забравъ
И такыхъ мовъ, якъ пивкопы,
Десять михивъ вже напхавъ.

—

Що за дыво! Михы повни,
И чого въ ныхъ тамъ нема!
Дякъ и пипъ ще не доволни,
Ще хавтура имъ мала!

—

Подывылыся до неба
И зитхнулы тяжко вразъ;
«Боже, Боже! Мовъ намъ треба
Ще хоть килька паръ ковбасъ»!

—

Но побачывшы попысько,
Що росходятся бабы,
Крыкнувъ: «Гнате и Оныську,
Забырайте хорогвы!

—

—«Вже нихто не выйде певно,
А мы зновъ не будемъ такъ
Вамъ спиваты тутъ даремно»—
Обизвався хутко дякъ.

—

Тилько братчыкы почулы,
Що до ныхъ промовывъ пипъ,
Зъ хорогвамы повернулы
И пишлы соби впередъ.

—

А Прокипъ запригъ коныська
Въ що-найбильшій драбынякъ,
Поскладавъ туды мишыська,
Зверху силы пипъ и дякъ.

—

Коло церквы по вечерни
Застелылы пять столивъ,
Пипъ зъ реентымъ покрышылы
Дви печени для бабивъ.

—

Опричъ того ще й горилкы
Цилый гарнець пипъ имъ давъ,
А дякъ тильки дви пляшыны,
Но и тіи не доллявъ.

—

Врешти що жъ кому до того,
Килько давъ горилкы дякъ;
Нехай винъ не дасть ничого,
То и буде добре й такъ.

—

А тутъ власне ричъ за тее
Що отъ пипъ и дякъ хмурни,
И вже иньше щось такее
Имъ вертытся на уми.

—

Но яка жъ тому прычына,
Що сумують такъ воны?
Чи найшла така годына,
Чи наврочылы бабы?

—

Де тамъ! Имъ прыстрить не шко-
Та прычына не зъ бабивъ: [дыть,
То ихъ заздристь такъ шкородыть,
Що багацько есть кнышивъ.

—

И що треба ихъ дилыты,
Що не може зъ ихъ иденъ
Вси до себе поносыты,
Бо и другый въ тимъ вистенъ (?)

—

Отъ чого-то такъ сумують
Пипъ зъ реентымъ и мовчать,
Бо воны завчасу знають,
Що ихъ головы трищать.

—

Розійшлыся молодыци,
А пипъ, дякъ и ихъ жинкы
Заразъ выйшлы до дзвиныци,
Де стоялы вси мишкы.

—

Десять михивъ—то не жарты,
И запевно, що соби
Пипъ и дякъ бы хтивъ забраты
Вси ковбасы и кныши.

—

Но бида имъ, що злучылы
Ихъ до купы ворогы
И обомъ имъ прызначылы,
Щобъ дилылыся воны.

—

«Боже, Боже терпелывый!»
Такъ соби подумавъ пипъ:
«Ну нащо той дякъ паршывый!
Винъ жере даремно хлибъ».

—

—«И на дидька пипъ той здався»!
Знովъ помыслывъ дякъ соби:
«Эхъ, кобъ такъ царемъ я стався,
Знавъ бы винъ мене тоди!»

—

—«Выкладай кныши, Прокопе»!
Пипъ до старосты сказавъ:
Крашанкы счытай на копы»,—
А винъ самъ тымъ часомъ ставъ

—

Выбираты съ попадею
Сало, мнясо и кышкы,
А дякъ зъ жинкою своею
Ставъ считаты пысанкы.

—

Покы жъ все воны счыталы,
То мовчавъ и пипъ, и дякъ,
А дилытыся якъ сталы,
То пишло зовсимъ не такъ:

—

Гвалтъ и крыкъ, бида, несчасгя,
Хочъ беры та й утикай;
Пипъ зъ реентымъ вже сварятся:
Ты мовъ того не займай».

—

Пипъ кныши перебирае
И де бильши—въ свій мишокъ,
А дякови откыдае
Котри меньши у кутокъ.

—

«На насъ крывда, добродію!»
Дякъ зъ дячыхою сказавъ;
Но добродій зъ попадею
Вси кныши вже перебравъ.

—

Дякъ побачывъ, що не жарты,
Що пипъ крывыть такъ его,
Ставъ зъ дячыхою все браты,
Що тамъ лучшого було.

—

Ковбаса, котра въ два кильця,
Ту хватае дякъ соби,
Сало, мнясо въ рукы жинци,
А що гирше—попади.

—

«Що оце ты, дяче, робышъ?»
Закрычала попадя:
Одступыся, колы хочешъ,
А то такъ тоби я дамъ,

—

Що не схочешъ вже ничого!
И вона взяла патыкъ.
—„Що ты, бытыся, небого?“
Пидняла дячыха крыкъ.

—

—„Годи, годи добродійко!„
Пипъ до жинкы закрычавъ:
„А ты зновъ мовчы, злодійко!"
И дячыси въ морду давъ.

—

„Гвалтъ!" дячыха закрычала.
Пипъ ще разъ іи сунувъ;
Кровъ дячыху обилляла;
Кулакы дякъ затыснувъ

—

И прыскочывъ до попыська,
До стины ёго прыперъ,
А пипъ вытрищывъ очыська,
Хутко рукы вверхъ задеръ

—

И дяка взявъ за чупрыну;
Дякъ за бороду попа,
И давай въ лыху годыну
Тузатыся обыдва.

—

Пипъ дяка перищыть въ зубы,
А дячыха кулакомъ
Добродія гріе въ груды
И трясе нымъ, якъ снопомъ.

—

Добродійци шкода стало
Свого бидного попа,
И полиномъ, де попало,
Стала быты зновъ дяка.

—

Крыкнувъ пипъ до добродійкы:
—„Такъ ёго, собаку, дуй!"
А дякъ зновъ до своеи жинкы:
—„Эй, Гапусенько, ратуй!"

—

А дячыха тилько вчула,
Що крычыть такъ чоловикъ,
Попадю чи одипхнула
А попа коломъ пидъ бикъ.

—

Вси счепылыся до купы,
Сталы бытыся на гуртъ,
То по плечахъ, то у зубы
Йидне другого човпуть.

—

Пипъ карка дякови крутыть,
Попадя волосся рве,
Попадю дячыха лупыть,
А дякъ зверху въ морду бье.

—

Пипъ ногами выбывае,
Мовъ стаенный той лошакъ,
И дячыху знай суляе (?),
А попа гнуздае дякъ.

—

Бачыть староста, що кепсько
Такъ завився пипъ зъ дьякомъ
И що такъ вже бьются крепко,
Ажъ зъ ныхъ кровъ иде дзюркомъ.

—

И не думавшы тутъ довго,
Заразъ винъ до ихъ прыперъ,
Ставъ тянуты того й того
И насылу ихъ роздеръ.

—

Попадю зъ дзвиныци выпхнувъ
И дячыху зъ нею вразъ
И обомъ имь давъ колиномъ:
Мовъ, рушайте въ добрый часъ,

—

И попа зъ дякомъ гарненько
За жинкамы пихорнувъ,
А дзвиныцю самъ хутенько
На колодку взявъ замкнувъ.

—

Такъ то проводы скинчылысь.
Хай мовчать вже мужыкы,
Якъ за хавтуры побылысь
Пипъ и дякъ и ихъ жинкы.

—

М. Грицевъ, Засл. у.

Сообщ. **В. Михалевичъ.**

Правила о присужденіи премій имени Н. В. Гоголя.

§ 1. Преміи имени Н. В. Гоголя учреждаются при Императорской Академіи Наукъ Полтавскимъ Губернскимъ Земствомъ и выдаются изъ суммы 1500 рублей, вносимой въ Академію Земствомъ черезъ каждыя пять лѣтъ.

§ 2. Къ соисканію премій допускаются оригинальные научные труды, печатные и рукописные, посвященные: а) исторіи южной Россіи, б) этнографіи малорусскаго племени и в) археологіи Полтавской губерніи.

Примѣчаніе 1. Рукописные труды, представляемые на конкурсъ, принимаются лишь въ томъ случаѣ, если написаны чисто и четко.

Примѣчаніе 2. При назначеніи премій, предпочтеніе должно отдаваться трудамъ, по изложенію доступнымъ для пониманія широкихъ общественныхъ круговъ.

§ 3. Труды, посвященные исторіи южной Россіи, могутъ быть какъ сочиненія общаго характера, такъ и монографіи и критически обработанные сборники документовъ; изъ нихъ, при равномъ достоинствѣ, отдается предпочтеніе изслѣдованіямъ по исторіи этническаго состава населенія южной Россіи и переселеній въ предѣлахъ южной Россіи.

§ 4. Труды, посвященные этнографіи малорусскаго племени, могутъ быть какъ изслѣдованія, такъ и научно обработанные сборники матеріаловъ для изученія матеріальнаго быта, народной поэзіи, вѣрованій, обычаевъ и обычнаго права; изъ нихъ, при равномъ достоинствѣ, отдается предпочтеніе трудамъ по обычному праву.

Примѣчаніе. Тексты народныхъ пѣсенъ, сказокъ и т. п. должны быть записаны съ точнымъ соблюденіемъ особенностей народной рѣчи.

§ 5. Труды, посвященные археологіи Полтавской губерніи, должны имѣть своимъ предметомъ тѣ могильные памятники разныхъ наименованій (курганы и т. п.), которые находятся въ предѣлахъ Полтавской губерніи; эти труды могутъ быть основаны на небольшомъ числѣ новыхъ раскопокъ, но должны имѣть въ виду всю научную литературу по археологіи южной Россіи,

§ 6. Означенные труды могутъ быть написаны какъ на темы, объявленныя Академіею Наукъ, такъ и на собственныя темы авторовъ.

Примѣчаніе 1. Труды, напечатанные болѣе, чѣмъ за пять лѣтъ до конкурснаго года, на конкурсъ не допускаются.

Примѣчаніе 2. Труды, удостоенные Академіею Наукъ одной изъ ея премій, не могутъ принимать участія въ конкурсѣ.

Примѣчаніе 3. Дѣйствительные члены Академіи Наукъ устраняются отъ участія въ конкурсѣ.

§ 7. Первое присужденіе премій имени Н. В. Гоголя имѣетъ быть *въ 1906 году*, слѣдующія—въ 1911, 1916 и т. д. годахъ, черезъ каждыя пять лѣтъ (см. § 20).

§ 8. Авторы, желающіе принять участіе въ конкурсѣ, представляютъ свои труды въ Академію Наукъ не позже 21 февраля конкурснаго года.

§ 9. Къ тому же сроку дѣйствительные члены Академіи Наукъ представляютъ печатные труды постороннихъ ученыхъ, по ихъ мнѣнію, достойные участія въ конкурсѣ.

§ 10. По полученіи означенныхъ въ § 7 и 8 трудовъ, Академія Наукъ избираетъ коммиссію изъ дѣйствительныхъ членовъ Академіи числомъ не менѣе пяти, подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря.

§ 11 Эта коммиссія, большинствомъ голосовъ, назначаетъ рецензентовъ для разсмотрѣнія и оцѣнки поступившихъ на конкурсъ трудовъ, какъ изъ членовъ Академіи, такъ и изъ постороннихъ ученыхъ.

§ 12. Срокомъ для доставленія рецензій назначается 15 октября конкурснаго года.

§ 13. Ознакомившись съ рецензіями, коммиссія, большинствомъ голосовъ, постановляетъ рѣшеніе о присужденіи премій.

§ 14. Отчетъ о присужденіи объявляется во всеобщее свѣдѣніе въ публичномъ засѣданіи Академіи Наукъ 29 декабря конкурснаго года и печатается, вмѣстѣ съ рецензіями, Академіею Наукъ установленнымъ порядкомъ.

§ 15. Преміи имени Н. В. Гоголя состоять: 1) изъ 1000 рублей за труды историческаго содержанія, означенные въ § 3 настоящихъ правилъ, и 2) изъ 500 рублей за труды по этнографіи и археологіи, означенные въ §§ 4 и 5 тѣхъ же правилъ.

Примѣчаніе 1. Если ни одно изъ конкурсныхъ трудовъ не можетъ быть удостоено преміи въ 1000 рублей, послѣдняя можетъ быть раздѣлена на двѣ половинныя преміи и выдана за два труда по исторіи южной Россіи.

Примѣчаніе 2. Труды, не удостоенные преміи, могутъ быть удостоены почетнаго отзыва имени Н. В. Гоголя.

§ 16. Преміи имени Н. В. Гоголя выдаются только авторамъ и ихъ наслѣдникамъ, но не издателямъ.

§ 17. Рецензентамъ изъ числа постороннихъ ученыхъ могутъ быть выдаваемы, по присужденію Академіи, въ знакъ признательности, особыя золотыя медали Н. В. Гоголя, изготовляемыя на средства Полтавскаго Губернскаго Земства

§ 18. Рукописные труды, удостоенные преміи, препровождаются Академіею Наукъ въ Полтавскую Губернскую Земскую Управу для напечатанія по ея усмотрѣнію.

§ 19. Суммы, оставшіяся не присужденными, возвращаются Академіею Наукъ Полтавскому Губернскому Земству.

§ 20. Въ случаѣ, если Полтавское Губернское Земство рѣшитъ прекратить выдачу премій имени Н. В. Гоголя, оно сообщаетъ о семъ рѣшеніи Академіи Наукъ немедленно послѣ послѣдняго состоявшагося присужденія, для объявленія во всеобщее свѣдѣніе.

Текущія извѣстія.

Письмо великоросса[1]). Не разъ приходилось мнѣ въ южно-русской печати встрѣчаться съ такъ называемымъ „украинскимъ вопро-

---

[1]) Подъ такимъ заглавіемъ помѣщенъ въ № 106 „Полтавщины" горячій призывъ къ великорусскому обществу о содѣйствіи разрѣшенію украинскаго вопроса путемъ поддержки украинскаго движенія или, по крайней мѣрѣ, устраненія тѣхъ препятствій, которыя до сихъ поръ его стѣсняютъ. Относясь всегда съ глубокимъ интересомъ и сочувствіемъ къ подобнымъ заявленіямъ международнаго братства и спра-

сомъ". Этотъ вопросъ не новый. Онъ уже имѣетъ 250-лѣтнюю исторію. Исторія эта въ высшей степени печальна и заслуживаетъ большаго къ себѣ уваженія и сочувствія, а не игнорированія, какъ это практикуется и до сихъ поръ. Обширные листы этой исторіи— безъ свѣтлыхъ полей и всѣ покрыты слезами многомилліоннаго славянскаго народа, который братски-добровольно, безъ всякаго для себя ограниченія и на одинаковыхъ правахъ, соединилъ себя съ единовѣрнымъ и родственнымъ другимъ великимъ славянскимъ народомъ—великороссами. Надежды этого народа на мирное культурное процвѣтаніе въ союзѣ, тотчасъ же по присоединеніи, оказались неоправданными; и вотъ, съ этого времени начинается исторія угнетенія украинской народности. Это угнетеніе тянется уже 250 лѣтъ, періодически то усиливаясь, то ослабляясь. Уже длительность угнетенія убѣждаетъ безусловно, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ отдѣльной, самобытной этнографической группой, съ особымъ народомъ, жизнь котораго не можетъ быть насильно удержана въ чуждыхъ для него великорусскихъ рамкахъ Какая роль и какія отношенія были къ этой борьбѣ того народа, съ которымъ украинцы соединились?

Мы, великороссы, всѣ, за исключеніемъ развѣ немногихъ, нужно правду сказать. или совершенно индифферентно относились, или, что еще хуже, старались и стараемся всѣми силами противодѣйствовать самостоятельному ихъ, на національной почвѣ построенному, развитію. Вѣдь мы, великороссы, только и ограничиваемся ровно ничего не стоющими восклицаніями по адресу „хохловъ"-украинцевъ объ ихъ краѣ, гдѣ «среди садовъ деревья гнутся долу», объ ихней пѣвучести и „удивительномъ", своеобразномъ ихъ характерѣ, а между тѣмъ не видимъ, что этотъ нашъ братскій народъ, которому мы многимъ обязаны, весь стонетъ отъ своей приниженности, главнымъ виновникомъ которой являемся въ послѣднемъ счетѣ мы, великороссы! Вѣдь мы даже отняли и продолжаемъ отнимать душу и сердце у этого жизненнаго народа. Мы запрещаемъ ему говорить даже своимъ языкомъ!.. Какъ это ужасно странно: говоримъ о своеобразномъ характерѣ укра-

---

ведливости, мы перепечатываемъ настоящее письмо великоросса въ той надеждѣ, что этотъ безпристрастный голосъ вызоветъ сочувствіе и среди земляковъ автора и его мнѣніе раздѣлятъ всѣ, кому дорого развитіе и прогрессъ великаго многомилліоннаго народа, населяющаго Украину.

инца, а между тѣмъ стараемся его втиснуть въ совершенно чуждыя ему великорусскія рамки. А вѣдь этотъ народъ былъ когда-то далеко культурнѣе насъ и былъ чуть ли не главнымъ нашимъ культурнымъ двигателемъ въ продолженіи больше чѣмъ столѣтія! Что же представляетъ теперь этотъ народъ? Несмотря на его природныя духовныя и физическія богатства, онъ теперь малокультуренъ и духовно дѣйствительно придушенъ, а потому и жалокъ... Кого не тронетъ это положеніе народа, а особенно насъ, великороссовъ, многимъ ему обязанныхъ? Какъ намъ не стыдно быть виновниками положенія этого страдальца-народа, тѣмъ болѣе, что намъ ничего не стоитъ сдѣлать для этого все отъ насъ зависящее..

Можетъ быть, кто со мной не согласится, станетъ говорить, что притѣсняетъ (а слѣдовательно и виновно) не общество великорусское, а только правительство; но вѣдь изъ кого же и правительство состоитъ, какъ не изъ насъ почти—великороссовъ! Да вѣдь правительство, если хотите, не всегда и притѣсняетъ. Вѣдь правительство въ 1863 году чуть ли не дозволило открыть общественныя школы, уже выдало было субсидію для изданія украинскихъ учебниковъ, да и теперь министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ выдало субсидію, кажется въ 1900 г., малорусскому обществу въ Петербургѣ на изданіе дешевыхъ книгъ для народа; или хотя мнѣніе нынѣшняго комитета министровъ объ украинской литературѣ. Нужно только сочувствіе общества нашего для перваго шага поддержанія правительствомъ безусловно добраго стремленія украинцевъ. Говорятъ еще многіе, что наше великорусское общество сочувствовало и сочувствуетъ этому. Но такъ ли это, господа?

Вѣдь не тайна, что въ свое время не сочувствовалъ этому даже такой человѣкъ, какъ Бѣлинскій—этотъ идолъ современной ему великорусской нашей молодежи. Вѣдь онъ одобрялъ даже арестъ Шевченка и называлъ его, Кулиша и другихъ „ему подобныхъ" чуть ли не дураками, негодяями, проникнутыми „мелкимъ хохлацкимъ патріотизмомъ" («Отечественныя Записки»). А нынѣшніе Суворины, Грингмуты, Ярмонкины со своими „Зарями", Мещерскіе съ „Гражданинами", гг. Ивановы, Берги со своими «Театральными Вѣстниками», «Родными Рѣчами», „Днями", „Родными Нивами" и т. п. и т. п. Развѣ эти господа не доказываютъ своими трещотками молчаніе по этому вопросу передового нашего общества? Нѣкоторые изъ нашихъ говорятъ еще, что и сами украинцы не совсѣмъ горячо требуютъ

своего, но развѣ, господа, вы не видите по этому дѣлу петицій, проектовъ, докладныхъ записокъ и т. п.? Развѣ наше великорусское общество не знаетъ обнародованныхъ въ печати за декабрь и январь мѣсяцы и потерпѣвшихъ неудачу чуть ли не 20 прошеній объ изданіи украинскаго журнала? Развѣ нашему общему неизвѣстны массовыя требованія украинской интеллигенціи изъ Одессы, Кіева, Лубенъ, Харькова и другихъ городовъ, отъ земствъ, педагоговъ-учителей, писателей украинскихъ, сельскихъ обществъ и др. о введеніи украинскаго языка въ школы? Развѣ великорусское наше общество и не знало о цѣлой по этому дѣлу депутаціи въ Петербургъ? А блестящая просвѣтительная дѣятельность ихъ въ родной Галичинѣ, мѣстныя тамъ научныя общества, школы среднія, низшія и высшія съ украинскимъ преподавательскимъ языкомъ, всевозможныя газеты, журналы и т. п.—развѣ все это не доказываетъ неутомимой энергіи сознательной половины украинскаго общества на благое дѣло. Но кто сочувственно откликнулся изъ нашихъ по этому вопросу? Кто привѣтствовалъ добрыя начинанія украинцевъ? Никто... Все наше общество апатично молчало и молчитъ, или косо-недовѣрчиво поглядываетъ на поднимающее голову „хохломанство-украинофильство“, какъ не стѣсняются и до сихъ поръ обозначать гг. Суворины, Ивановы и Компанія культурное движеніе украинцевъ. Какъ намъ не стыдно!

Жизнь все болѣе и болѣе выдвигаетъ свои насущные вопросы, кричитъ тысячами голосовъ о нихъ, а наше педантичное общество апатично отмалчивается, или, что еще хуже, сочиняетъ свои кабинетныя теоріи въ духѣ à-la Флоринскій съ цѣлью помѣшать сознательно нормальному теченію жизни... Вѣдь „если нужда въ просвѣщеніи стала теперь общимъ мѣстомъ, если государство терпитъ неисчислимыя потери отъ невѣжества народа, если это невѣжество служитъ тормазомъ для экономическаго благосостоянія страны и водворяетъ страшную путаницу понятій въ народѣ, то надо возможно скорѣе принять всѣ мѣры для просвѣтленія его ума и искорененія тьмы“ («Полтавщина» № 71) съ помощью вполнѣ радикальныхъ мѣръ, какъ и хотятъ дѣлать украинцы. Намъ же, великороссамъ, пора оставить, пора сдать въ архивъ ничего не стоющіе тенденціозные наши взгляды и поддерживать, или же по крайней мѣрѣ не мѣшать культурной работѣ украинцевъ на пользу своего народа.

Великороссъ.

Сучувствующія украинству газеты искренно прошу перепечатать мое письмо.

Отъ **„Гражданъ г. Харькова“** г. предсѣдателю Комитета министровъ С. Ю. Витте представлена слѣдующая докладная записка по вопросу объ ограниченіяхъ украинскаго слова.

«Въ 7-мъ параграфѣ Высочайшаго указа 12 декабря 1904 г. Комитету министровъ предложено: «произвести пересмотръ дѣйствующихъ постановленій, ограничивающихъ права инородцевъ и уроженцевъ отдѣльныхъ мѣстностей имперіи съ тѣмъ, чтобы изъ числа сихъ постановленій впредь были сохранены лишь тѣ, которыя вызываются насущными интересами государства и явною пользою русскаго народа».

Малороссы никогда не были ни инородцами, ни иновѣрцами. Они всегда были великой частью одной и той же великой этнографической единицы русскаго народа, храня характерныя особенности своего племени, какъ богатую основу духовнаго развитія.

Однако къ нимъ примѣняется такое тяжелое ограниченіе, какого въ предѣлахъ Россіи не примѣняется ни къ иновѣрцамъ, ни къ инородцамъ, ограниченіе глубоко вредное для культурнаго развитія страны и глубоко оскорбительное для ея населеніе, именно — запрещеніе родного языка.

Всѣ народы міра могутъ читать св. писаніе на родномъ языкѣ, въ Малороссіи оно запрещено.

Всѣ народы Россіи имѣютъ или могутъ имѣть свои газеты и журналы,—въ Малороссіи они запрещены.

Во всѣхъ странахъ, гдѣ есть грамота, родной языкъ служитъ могучимъ средствомъ первоначальнаго образованія. На громадномъ пространствѣ южной Россіи онъ изгнанъ изъ школъ и случайное его употребленіе съ педагогическими цѣлями считается уже преступленіемъ и ведетъ къ репрессіямъ.

И все это въ приложеніи къ народу, который 250 лѣтъ тому назадъ добровольно вступилъ въ неразрывное братство съ народомъ великорусскимъ, давно уже объединилъ съ нимъ всѣ свои государственные, общественные и экономическіе интересы, который далъ Россіи: Гоголя, Сковороду, Квитку, Шевченка. Потебню, Костомарова, Короленка, Драгоманова, Кондратенка и много другихъ выдающихся дѣятелей,— и все это въ то время, когда у малороссовъ есть уже своя общепризнанная вѣковая литература, есть свои великіе мастера художественнаго слова, когда въ заграничной сравнительно малой части украинско-русскаго населенія малорусскій языкъ получилъ блестящее развитіе и примѣненіе въ церкви, наукѣ и школѣ.

25-ти милліонный малорусскій народъ въ единовѣрной родственной Россіи лишенъ тѣхъ духовныхъ правъ, которыми тутъ же рядомъ, въ чужой намъ иностранной Австріи, пользуются 3 милліона этого народа, и естественно, что эти 25 милліоновъ по мѣрѣ культурнаго развитія всѣми силами стремятся и будутъ стремиться къ такому правовому порядку, который гарантировалъ бы имъ пользованіе самымъ цѣннымъ и дорогимъ достояніемъ каждаго человѣка—его роднымъ языкомъ.

Во имя здраваго смысла и простой человѣческой справедливости мы просимъ, чтобы малорусскій языкъ наравнѣ съ общимъ литературнымъ пользовался въ Россіи всѣми правами литературнаго и живого языка, чтобы съ него были сняты тяжелыя путы секретнаго распоряженія 1876 года, чтобы открытъ былъ въ Россію путь для всѣхъ галицко-русскихъ изданій на малорусскомъ языкѣ, въ числѣ которыхъ есть много изслѣдованій высоко научной важности. Тогда милліоны малорусскаго народа, населяющаго лучшія губерніи Южной Россіи, въ области языка выйдутъ изъ положенія паріевъ человѣческаго рода».

Почти въ такихъ же выраженіяхъ была составлена и отослана въ Петербургъ и докладная записка отъ Харьковскаго университета за подписью 25 профессоровъ—членовъ совѣта профессоровъ.

Симпатичное начинаніе. Украинская комиссія при издательскомъ комитетѣ Общества грамотности вошла въ правленіе Общества съ ходатайствомъ объ организаціи особой украинской комиссіи при комитетѣ по управленію Народнымъ домомъ. Комиссія высказываетъ, что харьковскій Народный домъ, какъ находящійся на территоріи Украины и среди украинскаго населенія, долженъ преслѣдовать главнымъ образомъ цѣли ознакомленія съ его литературой, исторіей и пр., т. е. какъ въ постановкѣ театральныхъ пьесъ, такъ равно и во всякихъ другихъ развлеченіяхъ, устраиваемыхъ въ Народномъ домѣ, преимущество должно быть отдаваемо украинскому элементу. Комиссія указываетъ, что до сихъ поръ было совершенно обратное явленіе: малорусскія пьесы ставились очень рѣдко и при томъ очень невысокаго художественнаго качества. На обязанности-же новой комиссіи должно лежать наблюденіе за репертуаромъ, за соотвѣтствіемъ

исполняемыхъ пьесъ даннымъ исторіи и этнографіи, изысканіе средствъ для пополненія бутафорскихъ принадлежностей и костюмовъ, а также забота объ увеличеніи репертуара и проч. («Южный Край», № 8422).

Объ украинскомъ переводѣ св. писанія. Уже болѣе мѣсяца назадъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ вопросъ о введеніи въ Малороссіи евангелія на малороссійскомъ языкѣ; послѣднее слово при этомъ комитетомъ министровъ предоставлено святѣйшему синоду, который до сихъ поръ еще не высказался по этому вопросу. Между тѣмъ въ книжный складъ Академіи наукъ почти каждый день поступаютъ требованія на евангеліе на малороссійскомъ языкѣ отъ провинціальныхъ книгопродавцевъ; запросы по неволѣ Академіей оставляются неудовлетворенными. («Бирж. Вѣд.», № 8775).

Въ замѣткѣ «Объ изданіи книгъ священнаго писанія на украинскомъ языкѣ» («Полтавщина», № 123) г. Оленинъ подаетъ мысль о приведеніи въ извѣстность всѣхъ переводовъ, какіе только существуютъ въ настоящее время, съ цѣлью выбора лучшаго изъ нихъ. Попутно авторъ сообщаетъ о переводахъ покойнаго Александрова.

Передвижныя народныя художественныя выставки. Въ среднихъ числахъ мая, текущаго года, предположено устроить три передвижныя художественныя выставки въ шести губерніяхъ: 1) Для херсонской, полтавской и харьковской г.г. (отправной пунктъ Одесса), сопровождать выставку будетъ художникъ А. И. Лажечниковъ по маршруту: Березовка, Вознесенскъ, Бобринецъ Елисаветградъ, Александрія, Кременчугъ, Полтава, Харьковъ. 2) Для черниговской и кіевской губ. (отправной пунктъ гор. Черниговъ), сопровождать выставку будутъ художники И. С. Макушенко и Д. Е. Лосевскій, по маршруту: Конотопъ, Борзна, Нѣжинъ, Кіевъ, Васильковъ, Гребенки, Бѣлая-Церковь, Шамраевка, Сквира, Липовецъ, Ильинцы, Кальникъ, Монастырище, Умань, Ситковцы. 3) Для подольской губ. (отправной пунктъ Каменецъ-Подольскъ), сопровождать будутъ художники Курилко и Матвѣевъ по маршруту: Дунаевцы, Новая-Ушица, Могилевъ, Бандышовка, Шпиковъ, Жмеринка, Сутиски, Винница, Немировъ, Литинъ, Летичевъ, Проскуровъ. Останавливаются выставки на два-три дня. Двигаясь по грунтовымъ дорогамъ, выставки обслужатъ между вышеозначенными

пунктами болѣе населенныя села. Живущимъ среди крестьянъ или соприкасающимся съ ними лицамъ не составитъ особаго труда помочь дѣлу. Устроители выставки обращаются съ просьбою къ интеллигентнымъ лицамъ содѣйствовать успѣху дѣла. Поддержка и участіе можетъ выразиться въ предоставленіи помѣщенія для сопровождающихъ выставку художниковъ (картины помѣщаются въ приспособленной для этой цѣли палаткѣ), оказаніемъ помощи при передвиженіи ея, сообщеніемъ болѣе населенныхъ пунктовъ, которые слѣдовало бы обслужить, указаніемъ на недостатки и антихудожественность „лубка", распространеніемъ въ народѣ идеи выставокъ картинъ и мысли о необходимости ихъ посѣщеній; плата не обязательна, по желанію и сколько кто можетъ: цѣль сбора окупить расходы по передвиженію („Кіевскіе Отклики", № 125).

Каталогъ выставокъ издается на украинскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ „Спис картин народноі вистави". Содержаніе его составляетъ обращеніе къ крестьянамъ съ приглашеніемъ расспрашивать художника, сопровождающаго выставку, о содержаніи выставленныхъ картинъ, а затѣмъ даетъ самый списокъ картинъ, составленный отчасти по русски, отчасти по украински. Такое смѣшеніе діалектовъ мы находимъ нецѣлесообразнымъ. Разъ составитель каталога имѣлъ въ виду сдѣлать свой каталогъ вполнѣ понятнымъ для крестьянъ, онъ не долженъ былъ оставлять цѣлый рядъ названій картинъ безъ перевода на на украинскій языкъ. Въ концѣ каталога помѣщенъ очень живо написанный по украински очеркъ: „Маляр" („Художникъ"), разъясняющій въ беллетристической формѣ, что такое художникъ, и указывающій значеніе живописи. На обложкѣ каталога изображена крестьянская дѣвушка. Рисунокъ, къ сожалѣнію, далеко не такъ хорошъ, какъ тотъ, которымъ украшена была обложка каталога народной выставки въ прошломъ году. („К. О.," № 126).

18 мая выставка открылась въ Каменецъ-Подольскѣ, а 26 мая въ Черниговѣ при личномъ участіи иниціатора, художника Развадовскаго („К. О.", № 140).

Музыкальная школа для крестьянъ. Директоромъ мѣстной музыкальной школы Ѳ. Д. Ганицкимъ подано въ губернскую земскую управу ходатайство о выдачѣ ему субсидіи въ размѣрѣ 4.000 руб. Испрашивая эту субсидію и понимая, конечно, что такая значительная сумма не можетъ быть выдана земствомъ, такъ сказать, безвоз-

мездно, директоръ школы предложилъ управѣ устроить на эти средства музыкальное отдѣленіе при училищѣ для крестьянъ подольской губерніи. Цифра учениковъ на первый разъ обозначена въ количествѣ 24 человѣкъ т. е. по 2 на каждый уѣздъ. Преподаваніе предполагается вести по слѣдующимъ предметамъ: 1) теорія и гармонія, 2) инструментовка и дерижерство, 3) игра на одномъ струнномъ и одномъ духовомъ инструментѣ, а также на рояли, и основательное ознакомленіе со всѣми струнными и духовыми инструментами, 4) хоровое пѣніе и 5) квартетная и оркестровая игра. Условія пріема въ отдѣленіе: начальный возрастъ—18 лѣтъ, грамотность въ предѣлахъ курса начальнаго училища, музыкальный слухъ, здоровый организмъ и незапятнанное въ нравственномъ отношеніи прошлое. Курсъ обученія трехлѣтній («Кіевскіе Отклики», № 129).

Произведенія молодыхъ украинскихъ композиторовъ. Недавно вышли въ свѣтъ музыкальныя произведенія начинающихъ украинскихъ композиторовъ: 1) *К. Стеценка*—«Писни и спивы»,—одиннадцать номеровъ на слова Шевченка, Гринченка, Коваленка и др. и 2) *Анатоля Сеговського*—романсы «Надіе верныся» и «На стривання» (слова г-жи Олены Пчилкы).

Командированный для собиранія произведеній пѣсеннаго народнаго творчества среди кубанскаго козачества г. Кошицъ записалъ чрезвычайно богатый и интересный матеріалъ. Въ настоящее время этотъ матеріалъ подвергается обработкѣ и въ скоромъ времени появится въ свѣтъ. Текущимъ лѣтомъ г. Кошицъ снова предпринимаетъ экскурсію съ тою же цѣлью на Кубань.

Спектакли труппы 1. Саксаганскаго (Письмо изъ Винницы). Съ 3 по 9 мая въ зрительномъ залѣ Народнаго Дома въ г. Винницѣ труппою А. К. Саксаганскаго (въ составѣ 29 душъ) было поставлено 7 спектаклей: «Суета» (2 раза), «Мартынъ Боруля», «Сто тысячъ», «Жытейське море», «Круты, та не перекручуй» и «За двома зайцямы». Не смотря на прекрасную игру всѣхъ артистовъ, особенно самого А. К. Саксаганскаго труппа не имѣла полныхъ сборовъ, что слѣдуетъ отнести отчасти на счетъ отдаленности отъ центра города Народнаго дома, а болѣе всего на счетъ некультурности винницкой публики, на-

ходящей возможнымъ одновременно биткомъ наполнять «Эденъ Театръ» клоуна Франца съ его дрессированными животными и балеринами. За то тѣмъ болѣе привѣтливо и сердечно отнеслась національно сознательная часть Винницкаго общества, усердно посѣщавшая всѣ спектакли и устроившая съ артистами загородное катаніе на лодкахъ, во время котораго всѣ перезнакомились между собою и чувствовали себя, какъ члены одной великой украинской семьи. Во время послѣдняго прощальнаго спектакля (совпавшаго съ бенефисомъ А. К. Саксаганскаго) Саксаганскому былъ поднесенъ публикою лавровый вѣнокъ съ красными лентами, на которыхъ золотыми буквами значилось: «Від Винницьких Украінців А. К. Саксаганському зъ його сподвижниками», и былъ переданъ въ видѣ свертка перевязанный красною же лентою адресъ слѣдующаго содержанія (адресъ былъ переданъ, а не прочтенъ, такъ какъ не надѣялись, чтобы мѣстная администрація дала согласіе на его прочтеніе):

«Високошановний і любий наш Панасе Карповичу! Дозволь нам, щирий сину Украіни, яко братам і сестрам твоім, від усього серця принести тобі гарячу подяку за те, що талановитою і правдивою грою ти пробужуеш в нас благородні і високи почуття і бажання, а ще бильше за те, що усе життя свое ти віддав нашій рідній Украіні, виховуючи і розвиваючи іі чарівну гармонічну мову. З театрального кону ти будиш в нас національне самопізнання, нагадуеш нам, що ми сини великоі Украіни і що 34 милліони народу мають право на самобитне життя і самобитню культуру.

Слава ж тобі, наш любий і милий артисте! Прийде час, коли весь вільний український народ, як один чоловік, могутно крикне «слава»!.. і низенько поклониться.

Засвідчаем сердечну подяку й усім сподвижникам твоім, котрі вкупі з тобою служать великому ділі выховання національноі ідеі й дарують нам естетичні втіхи». Далѣе слѣдуетъ 40 подписей.

Къ сооруженію памятника Т. Г. Шевченку въ Кіевѣ. 32 гласныхъ кіевской думы въ томъ числѣ, И. В. Лучицкій, Ф. С. Бурчакъ, Н. П. Рузскій, О. О. Эйхельманъ, М. В. Гнѣвушевъ, М. Д. Аристарховъ, С. А. Тубиковъ, О. И. Левицкій, Ф. Н. Никифоровъ 19 мая подали въ думу заявленіе о сооруженіи памятника въ Кіевѣ украинскому народному поэту Т. Г. Шевченку. Въ виду того, что 25 февраля 1904 года истекло 90 лѣтъ со дня рожденія народнаго украин-

скаго поэта, получившаго не только мѣстную, но и общеевропейскую извѣстность, Т. Г. Шевченко, золотоношское уѣздное земство, желая увѣковѣчить память о немъ, какъ объ одномъ изъ самыхъ выдающихся дѣятелей родного края, въ засѣданіи своемъ 17 сентября прошлаго года постановило: 1) испросить разрѣшеніе на открытіе при золотоношской земской управѣ подписки на сооруженіе памятника поэту; 2) избрать комиссію для выработки проекта памятника и исполненія другихъ дѣйствій по сооруженію его; 3) мѣстомъ постановки памятника избрать г. Кіевъ; 4) ассигновать ежегодно опредѣленную сумму для составленія капитала на сооруженіе этого памятника. Иниціативу въ этомъ случаѣ золотоношское земство взяло на себя, между прочимъ, еще и потому, что по постановленію полтавскаго губ. земскаго собранія 1882 г. на золотоношское земство возложена была губ. собраніемъ обязанность заботиться объ исправленіи и поддержаніи могилы Шевченка, для чего и выдана была губ. земствомъ сумма въ 500 руб. Въ декабрѣ прошлаго года вопросъ, поднятый золотоношскимъ земствомъ, былъ поставленъ на обсужденіе губ. земскаго собранія, которое, исходя изъ тѣхъ же мотивовъ и тѣхъ же соображеній, изъ которыхъ исходило и золотоношское земство, мотивовъ и соображеній, совершенно понятныхъ всякому, дорожащему интересами и славою родного края, единогласно присоединилось къ рѣшенію золотоношскаго земскаго собранія, въ свою очередь ассигновало опредѣленную сумму, ежегодно вносимую въ смѣту, и единогласно высказалось въ пользу сооруженія памятника въ Кіевѣ, какъ важнѣйшемъ умственномъ и культурномъ центрѣ всего родного края. Въ настоящее время ходатайство золотоношскаго земства уже направлено въ надлежащія сферы для полученія разрѣшенія открыть подписку на памятникъ великому поэту. Поэтому, въ виду единогласно высказаннаго полтавскимъ земствомъ желанія видѣть памятникъ выдающемуся малорусскому поэту въ Кіевѣ, съ которымъ такъ тѣсно связана жизнь Шевченка—уроженца кіевской губ., гласные предлагаютъ думѣ: 1) присоединиться къ рѣшенію полтавскаго и золотоношскаго земствъ; 2) признать необходимымъ сооруженіе памятника именно въ Кіевѣ; 3) возбудить и съ своей стороны ходатайство о разрѣшеніи поставить памятникъ Т. Г. Шевченку въ гор. Кіевѣ и объ открытіи подписки на образованіе необходимыхъ для этого денежныхъ средствъ и 4) избрать членовъ комитета по сооруженію памятника и сбору пожертвованій на него и поручить имъ войти по вопросамъ о сооруженіи памятника

Шевченку въ соглашеніе съ золотоношскимъ земствомъ и избраннымъ имъ комитетомъ по сооруженію памятника. Заявленіе будетъ доложено думѣ 31 мая. («Кіевскіе Отклики», № 139).

Открытіе памятника А. А. Андріевскому. 8 мая на новомъ Байковомъ кладбищѣ состоялось освященіе памятника основателю кіевскаго общества содѣйствія начальному образованію, А. А. Андріевскому. Памятникъ сооруженъ на пожертвованія, собранныя кіевскимъ обществомъ содѣйствія начальному образованію. Онъ—изъ бѣлаго мрамора, въ видѣ четырехъ-угольной колонны съ крестомъ наверху. Внизу памятника, на лицевой сторонѣ, надпись: „Алексѣй Александровичъ Андріевскій. Родился 17 марта 1845 г., скончался 9 іюля 1902 г.". Немного ниже: «Отъ кіевскаго общества содѣйствія начальному образованію, отъ земляковъ, сослуживцевъ, учениковъ, друзей и знакомыхъ». Съ правой стороны памятника:

«Упорствуя, волнуясь и спѣша.
Ты честно шелъ къ одной высокой цѣли».

Съ другой стороны:

... «І оживу
І душу вольную на волю
Із домовини воззову.. »
... «Борітеся —поборете».

На четвертой сторонѣ:

«Духа не угашайте» (Сол. 1 гл. 5, ст. 19).

Послѣ освященія памятника была отслужена панихида, по окончаніи которой предсѣдатель Кіевскаго общества содѣйствія начальному образованію очертилъ почтенную дѣятельность А. А. Андріевскаго на нивѣ народнаго просвѣщенія на всякомъ мѣстѣ, куда бы его ни забрасывала судьба. Вторымъ произнесъ привѣтствіе отъ имени одесскаго городского общественнаго управленія и сиротскаго дома г. Сигаревичъ, который охарактеризовалъ А. А., какъ дѣятельнаго работника на нивѣ народнаго просвѣщенія въ Одессѣ, куда его одно время забросила судьба „на радость и счастье Одессы". Отъ имени одесскаго городского общественнаго управленія и сиротскаго дома были возложены вѣнки.

Членъ о-ва содѣйствія народному образованію г. Щербина произнесъ рѣчь, въ которой охарактеризовалъ А. А., какъ человѣка и общественнаго дѣятеля, закончивъ слѣдующимъ четверостишіемъ, могущимъ служить какъ бы поэтическимъ завѣщаніемъ Андріевскаго:

І мене в семьі великій,
В семьі вільній, новій
Не забудьте помянути
Незлим тихим словом!

Затѣмъ произнесли рѣчи гг. Якубовичъ, Андреевъ, Науменко и Климовичъ, произнесшій рѣчь отъ славянскаго благотворительнаго общества, земляковъ, учениковъ и почитателей покойнаго; прочитано также привѣтствіе отъ поляковъ-почитателей А. А. Послѣ рѣчи г. Климовича, членомъ общества, докторомъ Корчакъ-Чепурковскимъ были прочитаны многочисленныя привѣтственныя телеграммы, полученныя въ обществѣ ко дню открытія памятника («Кіевскіе Отклики» № 127; «Кіевск. Слово», № 6231).

О памятникѣ на могилѣ Старицкаго. Украинская писательница Олена Пчилка прислала въ редакцію «Полтавщины» (см. № 123) 50 руб., назначаемыя ею на сооруженіе памятника на могилѣ украинскаго писателя и драматурга М. П. Старицкаго, умершаго въ прошломъ году въ Кіевѣ. Г-жа О. Пчилка предполагаетъ, что и другіе почитатели Старицкаго также отозвутся сочувственно къ мысли почтить такимъ образомъ память поэта.

«Кіевскіе Отклики» въ № 134 съ своей стороны сообщаютъ, что простой бѣлый крестъ стоитъ надъ могилою Старицкаго временно; его семья озабочена постановкою въ непродолжительномъ времени болѣе достойнаго покойнаго писателя памятника и пристройки, гдѣ могли бы помѣститься многочисленные вѣнки, принесенные и присланные близкими лицами, а также разными учрежденіями на гробъ М. П-ча во время похоронъ. «Мы слышали,—прибавляетъ газета,—что друзья и почитатели таланта М. П. намѣрены просить позволенія у его семьи присоединиться также своими средствами къ постановкѣ памятника надъ могилою М. П. по тому проекту, который предположенъ его

семьей. Это желаніе является вполнѣ законнымъ и, несомнѣнно, что къ нему присоединятся многіе и многіе земляки покойнаго Михаила Петровича».

Чествованіе Д. Л. Мордовцева. Откладывавшееся съ самаго января, по независящимъ обстоятельствамъ, чествованіе 50-лѣтняго юбилея литературно-общественной дѣятельности Д. Л. Мордовцева состоялось, наконецъ, 24-го апрѣля въ Петербургѣ въ помѣщеніи ресторана Донона, куда къ 6 часамъ вечера собрался тѣсный литературный кружокъ. Юбиляръ, введенный подъ руки въ обѣденный залъ П. И. Вейнбергомъ и Б. Б. Глинскимъ, былъ встрѣченъ громомъ аплодисментовъ и занялъ за столомъ главное мѣсто между В. И. Ламанскимъ и В. А. Авенаріусомъ. Рядъ привѣтственныхъ рѣчей началъ товарищъ молодости юбиляра В. И. Ламанскій, помянувшій въ своей рѣчи тѣ условія, при которыхъ Даніилу Луьичу приходилось начинать свою дѣятельность. Вслѣдъ за проф. Ламанскимъ, привѣтствовалъ маститаго писателя отъ имени литературнаго фонда предсѣдатель его, П. И. Вейнбергъ. Затѣмъ юбиляру принесла поздравленіе депутація отъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ, причемъ Я. Н. Колубовскій обрисовалъ дѣятельность Д. Л. Мордовцева въ качествѣ предсѣдателя кассы, при которомъ она значительно расширилась и по составу членовъ, и матеріально. О Д. Л. Мордовцевѣ, какъ о литераторѣ, говорилъ Б. Б. Глинскій, привѣтствовавшій въ лицѣ юбиляра поборника свободы религіозной совѣсти, перваго историка нашего земства, бытописателя историческихъ судебъ русской женщины, національнаго украинскаго публициста и крупнаго, выдающагося беллетриста. „Поэтому,—такъ закончилъ свою рѣчь Б. Б. Глинскій,—провозглашая вамъ «славу», какъ русскому историку, романисту и публицисту, остававшемуся всегда и во всѣхъ областяхъ литературнаго слова вѣрнымъ служенію народному благу, предлагаю присутствующимъ дружнымъ хоромъ присоединиться и къ этой «славѣ», которую на нашемъ обѣдѣ провозгласятъ дорогому юбиляру его земляки—украинцы какъ своему общественному дѣятелю и выдающемуся писателю“.

Рѣчь эта вызвала бурю аплодисментовъ, по окончаніи которыхъ принесли привѣтствія своему земляку украинцы: гг. Арабажинъ, Лотоцкій, Русовъ, и Саладиловъ, пожелавшіе своему «дорогому диду»—

«лебединого віку й журавлиного крику». Затѣмъ говорилъ—отъ имени поляковъ—С. Ф. Годлевскій, послѣ котораго проф. А. К. Бороздинъ, заканчивая длинный рядъ рѣчей, обрисовалъ Д. Л., какъ сепаратиста на общечеловѣческой основѣ, которому дорого общее братство людей и народовъ, ихъ равноправіе и духовное и экономическое благополучіе.

Послѣ рѣчей и краткаго отвѣта на нихъ со стороны юбиляра послѣдовало чтеніе поднесенныхъ ему адресовъ, привѣтственныхъ телеграммъ и писемъ. Изъ адресовъ, среди которыхъ были отъ спб. общества взаимопомощи донскихъ казаковъ, отъ женскаго взаимнаго общества и отъ митавскаго русскаго общества, характерно привѣтствіе, присланное А. В. Амфитеатровымъ «по своей хронической иногородности, а теперь и иностранности» изъ Рима. «Кланяются вамъ,—пишетъ между прочимъ А. В. Амфитеатровъ,—изъ Рима земляки ваши—чубатые славяне съ барельефовъ Трояновой колоны. Эти философы много перевидали за 1800 лѣтъ своего каменнаго бытія и намѣрены видѣть еще много, много... Увидятъ они, конечно,—и хочется вѣрить, что скоро,—также и всемірное торжество свѣтлыхъ человѣческихъ правъ: братства народовъ, равенства сословій и свободы личности, за которыя, вы славно боролись рѣчью и перомъ цѣлые полвѣка» („Кіевскіе Отклики“, № 119).

Рецензіи на украинскія изданія. Подъ заглавіемъ «Беллетристика «Кіевской Старины» за 1904 г.» въ № 112 «Кіевской Газеты» помѣщенъ г. *Сьогобочнимъ* отзывъ объ украинскихъ произведеніяхъ, появившихся на страницахъ нашего журнала въ прошломъ году; рецензентъ останавливается на произведеніяхъ г.г. Винниченка, Коцюбинскаго и Днипровои Чайки.—Г-нъ *Дорошенко* въ статьѣ «Очерки украинской литературы», помѣщенной въ газетѣ «Сѣверо-Западное Слово» (№ 2277) даетъ сжатый очеркъ исторіи украинской литературы, доводя ее до послѣдняго времени.—Рядъ рецензій и отзывовъ объ украинскихъ изданіяхъ даетъ «Полтавщина»: въ № 102 помѣщена замѣтка объ издаваемомъ г-номъ Чернявскимъ альманахѣ «Перша ластивка» (подписана иниціалами *Н. Д.*); въ № 105 находимъ рецензію г. *Дорошенка* на «Винокъ, читанку для дитей» г. Билоусенка; въ № 112, за подписью *В. Ч.* помѣщенъ отзывъ объ извѣстной книгѣ проф. Грушевскаго «Очеркъ исторіи украинскаго народа»; въ

№ 114 г. *Дорошенко* даетъ обстоятельную замѣтку о послѣднемъ львовскомъ изданіи стихотвореній Шевченка («Поезиі Тараса Шевченка». Виданне товариства «Просьвіта», 1902).—Въ № 134 «Кіевскихъ Откликовъ» помѣщена краткая замѣтка о книжкѣ стихотвореній г-жи Комаровой «Почынокъ».

Въ № 18 журнала «Южныя Записки» напечатана статья г. И. Житецкаго «Три момента въ жизни Н. И. Костомарова». Авторъ разумѣетъ тѣ моменты въ жизни Костомарова, «въ какіе наиболѣе опредѣленно выступали его общественно и литературно-украинскія убѣжденія, относящіяся непосредственно и къ современнымъ вопросамъ: объ украинскомъ національизмѣ и автономіи, объ языкѣ въ школѣ и литературѣ нашего родного края». Соотвѣтственно этому г. Житецкій разсматриваетъ дѣятельность Костомарова въ періодъ Кирилло-Меѳодіевскаго братства, въ періодъ «Основы» и въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, когда былъ поднятъ вопросъ о смягченіи цензурныхъ строгостей относительно украинскаго слова.

Въ №-рахъ 123 и 127 «Кіевскихъ Откликовъ» помѣщена довольно обширная статья г. Федорченка «Россійская интеллигенція и украинскій вопросъ». Какъ и показываетъ приведенное заглавіе, авторъ задался цѣлью охарактеризовать отношенія русской интеллигенціи къ украинскому вопросу, что въ рамкахъ газетной статьи и по мѣрѣ своихъ силъ и выполнилъ, хотя и не безъ нѣкоторыхъ пробѣловъ и неточностей. Конечно, отъ газетной работы трудно и ожидать исчерпывающей полноты, но все-таки необъяснимо совершенное умолчаніе, напр., о 20—30-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда украинскіе писатели находили съ одной стороны пріютъ на страницахъ русскихъ изданій («Вѣстника Европы» главнымъ образомъ), а съ другой—встрѣчали уже и противодѣйствіе въ такихъ видныхъ дѣятеляхъ, какимъ для того времени былъ хотя бы Полевой (г. Федорченко упоминаетъ только о Гречѣ и Булгаринѣ); мало понятенъ и пропускъ имени Добролюбова, исправившаго въ русской критикѣ грандіозную ошибку относительно Шевченка, допущенную Бѣлинскимъ. Точно также слишкомъ поверхностно было—всецѣло основывать на словахъ Пегасова характеристику отношеній къ украинству Тургенева, упуская совер-

шенно изъ виду фактъ перевода послѣднимъ на русскій языкъ «оповідань» Марка Вовчка, отзывъ его о Федьковичѣ и другіе болѣе существенные и характерные факты. Не вполнѣ удобнымъ является и смѣшеніе подъ общимъ именемъ «россійской интеллигенціи» представителей различныхъ общественныхъ теченій и направленій—Бѣлинскаго и Каткова и т. п. Но и помимо фактическихъ пропусковъ и неточностей, статья г. Федорченка страдаетъ отсутствіемъ рельефныхъ характеристикъ и обобщеній, что несомнѣнно отражается на степени ея убѣдительности для россійскаго читателя, для котораго эта работа главнымъ образомъ и предназначена.

Начиная съ № 2485 «Приднѣпровскаго Края», печатаются «Очерки по исторіи просвѣщенія въ Новороссійскомъ краѣ» г. А. К-ра. Первый очеркъ излагаетъ состояніе просвѣщенія въ Новороссійскомъ краѣ до основанія Харьковскаго университета. Кромѣ печатныхъ источниковъ, авторъ обѣщаетъ использовать также обильный неизданный матеріалъ, хранящійся въ архивѣ Харьковскаго университета, стоявшаго во главѣ всѣхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній харьковскаго учебнаго округа, въ составъ котораго входили и степныя украинскія губерніи.

Въ № 110 «Полтавщины» находимъ замѣтку г. Л. Ж «Два мнѣнія объ украинствѣ», въ которой авторъ передаетъ содержаніе извѣстныхъ нашимъ читателямъ—статьи г. Кіевлянина въ «Гражданинѣ» и отвѣта на нее проф. Грушевскаго въ «Сынѣ Отечества».

ВѢСТИ ИЗЪ ГАЛИЧИНЫ

Св. писаніе на украинскомъ языкѣ среди плѣнныхъ въ Японіи. Профессоръ пражскаго университета Пулюй (переводчикъ свящ. писанія на украинскій языкъ) 5-го февраля с. г. обратился съ просьбой къ ген. Ноги о томъ, чтобы онъ позволилъ агентамъ библейскаго общества распространять свящ. писаніе, на украинскомъ языкѣ, среди плѣнныхъ украинцевъ. 20-го мая нов. стиля проф. Пулюй получилъ отвѣтъ изъ японскаго бюро, завѣдывающаго русскими плѣнными, на французскомъ языкѣ, помѣченный 3-мъ апрѣля, и оканчи-

вающійся слѣд. словами: «Отъ имени генерала Ноги бюро имѣетъ честь извѣстить Васъ, что Ваше желаніе можетъ быть исполнено и назначенныя Вами книги для несчастныхъ военныхъ плѣнниковъ можете выслать по адресу бюро въ Токіо». Для вышеозначенной цѣли проф. Пулюй пожертвовалъ 1,000 экземпляровъ сборника псалмовъ, а библейское общество выслало ихъ пароходствомъ «Гамбургъ-Кобе». Эти псалмы будутъ розданы безплатно плѣннымъ украинцамъ, и можно себѣ представить, — добавляетъ газета, изъ которой заимствуемъ это свѣдѣніе,—какую радость доставитъ плѣннымъ эта книжка на родномъ языкѣ, которая запрещена для нихъ дома на Украинѣ!..

Интересно сопоставить этотъ фактъ съ тѣмъ, что одновременно, въ февралѣ же, проф. Пулюй обратился съ подобною просьбою къ г. Кобеко, предсѣдателю коммиссіи по дѣламъ печати. Онъ послалъ ему два экземпляра псалтыря на украинскомъ языкѣ, и просилъ г. Кобеко выхлопотать разрѣшеніе для распространенія этого псалтыря среди раненыхъ украинцевъ, обѣщая пожертвовать для этой цѣли 2,000 экземпляровъ книги. До сихъ поръ проф. Пулюй не получилъ отвѣта на свою просьбу («Діло», № 107)!

Письмо проф. Пулюя. Отъ профессора пражскаго политехникума Пулюя, извѣстнаго переводчика Библіи на украинскій языкъ, получено въ харьк. университетѣ слѣд. письмо: «До сьвітлого совіта професорів імператорского харьківського університета! Маю честь подати до відомости, що разомъ зъ тим листом вислано рекомендованою посилкою до сьвітлого совіта профессорів дві мої розвідки: «Кругова діаграма генераторів для перемінних пруд» і «Електрична централка Гогенфуртів». Надіючись, що сьвітлій совіт одержить тую посилку, прошу приняти переслані розвідкі до універзитецькоі бібліотеки. Дякую ще за мемориал въ справі українськоі мови і радію, що харьківський университет став въ обороні рідного слова, а тим і в обороні поступу і культурного змагання на землі Руській. З великим поважаннем проф. Пулюй» («Южн. Кр.», 8439).

Въ краковскомъ славянскомъ клубѣ.—Послѣднее очередное собраніе краковскаго славянскаго клуба отличалось большимъ многолюдствомъ, ибо многихъ гостей привлекъ назначенный къ прочтенію

рефератъ проф. Львовскаго университета К. Студинскаго о развитіи въ Галиціи «панрусскихъ» симпатій, извѣстныхъ подъ названіемъ «москвофильства». Реферату предшествовало вступительное слово предсѣдателя проф. Здзѣховскаго, гдѣ была развита мысль о томъ, что, если славянскій клубъ долженъ служить изученію всѣхъ вообще славянскихъ народовъ, то прежде всего интересъ членовъ клуба долженъ направиться на жизнь самаго близкаго полякамъ народа—галицкихъ украинцевъ, «русиновъ». До сихъ поръ кое-что уже дѣлалось для удовлетворенія этого интереса; но нужно надѣяться,—заключилъ свою рѣчь проф. Здзѣховскій,—что появленіе профессора-русина въ собраніи клуба положитъ начало большей близости представителей науки и литературы польской и малорусской.

Референтъ, проф. Студинскій, въ своемъ докладѣ старался разъяснить на основаніи неопубликованной еще до сихъ поръ переписки галицкихъ дѣятелей Головацкаго, Шашкевича, и др., какимъ образомъ распространялась на Руси галицкой и угорской въ 1848—1860 гг. панрусское движеніе («Спб. Вѣдом.», № 67).

Юбилей г. Павлика въ Коломыи. Въ послѣднихъ числахъ апрѣля юбилей извѣстнаго галицко-украинскаго писателя и дѣятеля радикальной партіи Мих. Павлика, отпразднованный въ концѣ прошлаго года во Львовѣ, праздновался въ Коломыи, главномъ городѣ Галицкаго Покутья,—области, въ которой родился Павликъ и гдѣ онъ пользуется большой популярностью среди крестьянскихъ массъ. По прибытіи въ Коломыю, г. Павликъ встрѣченъ былъ на желѣзнодорожной станціи крестьянской депутаціей, во главѣ съ К. Трильовскимъ, извѣстнымъ въ Галиціи организаторомъ русинскихъ народныхъ гимнастическихъ обществъ, «Січей», ставящихъ своей цѣлью національное возрожденіе русинскаго народа. Въ чествованіи юбиляра приняли участіе крестьяне, рабочіе и учащаяся молодежь. Однимъ изъ галицкихъ публицистовъ, Мих. Лозинскимъ, произнесена была рѣчь, въ которой онъ обрисовалъ жизнь и дѣятельность юбиляра. Въ концертѣ приняли участіе крестьяне—«січовики», рабочій хоръ и оркестръ; а въ литературной части—крестьянка Анна Ткачукъ, пользующаяся извѣстностью какъ прекрасная чтица («Кіевскіе Отклики», № 127).

Обстоятельная статья о г. Павликѣ и его юбилеѣ напечатана въ № 126 «Полтавщины», подъ заглавіемъ «Юбилей галицкаго дѣятеля», (подпись К. Т.)

Европейская печать объ украинскомъ вопросѣ. Въ № 23 парижской газеты «Le Courrier Européen» помѣщена статья г. Сембратовича «Le talon d'Achille du Panslavisme—La question ruthène»—о положеніи украинскаго вопроса въ Россіи и объ отношеніи къ нему правительства и общества.

Подобная же статья о притѣсненіяхъ украинскаго слова въ Россіи, подписанная Фридрихомъ Гертцомъ появилась въ № 362 издаваемой Жоресомъ газеты «Humanité» подъ заглавіемъ «Lettre de Vienne. La question ruthène». Авторъ дѣлаетъ любопытное сопоставленіе притѣсненій украинскаго слова съ гипотетическимъ случаемъ изъ европейскихъ отношеній. «Чтобы вообразить все варварство такой политики,—говоритъ онъ,—представимъ себѣ, напр., подобное же запрещеніе итальянцамъ употреблять ихъ языкъ, заставляя ихъ говорить и писать по испански подъ тѣмъ предлогомъ, что оба языка одинаково образовались изъ латинскаго, который однако въ болѣе чистомъ видѣ сохранился въ испанской вѣтви, а итальянская—не болѣе какъ діалектъ первой»... «Если украинскому языку удастся вполнѣ возродиться, то демократія и цивилизація одержатъ крупную побѣду и пріобрѣтутъ могущественнаго союзника»,—такъ заканчиваетъ симпатичную статью авторъ.

Въ майской книжкѣ нѣмецкаго журнала «Die neue Rundschau» находимъ итересную статью Александра Уляра «Das Erwachen Russlands», часть которой посвящена выясненію украинскаго вопроса. Изложивъ исторію украинскаго народа и проведя параллель между нимъ и французами, авторъ особенно останавливается на фактахъ преслѣдованій украинскаго слова въ Россіи.

Въ Парижѣ состоялась публичная лекція объ украинскомъ вопросѣ; лекторомъ выступилъ Georges Weil.

Вопросъ объ украинскомъ университетѣ въ вѣнскомъ парламентѣ. Въ теченіе только что закончившейся весенней сессіи, при обсужденіи вопроса объ открытіи итальянскаго юридическаго факультета въ Роверѣдѣ, г. Романчукомъ вновь поднятъ былъ вопросъ объ

основаніи во Львовѣ хотя бы только юридическаго факультета съ преподаваніемъ всѣхъ наукъ на украинскомъ языкѣ. Министромъ Гартлемъ былъ данъ обычный отвѣтъ, что на это дѣло у государства не найдется ни матеріальныхъ средствъ, ни ученыхъ силъ («Кіевскія Отклики», № 134).

Русины въ среднихъ школахъ Галиціи.—Статистика школьнаго дѣла въ Галиціи за 1904—5 годъ показываетъ, что въ указанномъ году въ среднихъ школахъ Галиціи обучалось поляковъ—15,282 чел., евреевъ—5,297 чел., и русинъ—4,714 чел. (въ частности для реальныхъ училищъ цыфры были таковы: 2,145; 987 и 276). Значеніе этихъ цыфръ станетъ яснѣе, если мы вспомнимъ, что населеніе Галиціи почти поровну распредѣляется между народностями, польской и украинской (по $3^1/_2$ мил.).

Украинская печать Галиціи съ тревогой останавливается на указанныхъ цыфрахъ въ сознаніи того, что, при современныхъ условіяхъ жизни, народъ безъ интеллигенціи или съ малой интеллигенціей почти не можетъ бороться за свое существованіе.

Печать указываетъ на то печальное обстоятельство, что изъ 37 гимназій Галиціи украинскихъ только 4; многимъ русинамъ приходится поступать въ польскія гимназіи и подвергаться опасности ополяченія.

Но есть и еще болѣе роковыя причины слабаго роста количества учениковъ русинъ, обучающихся въ среднихъ школахъ Галиціи, слабаго роста русинской интеллигенціи. Причины эти коренятся въ соціальномъ складѣ украинскаго населенія края.

Подавляющая масса этого населенія—крестьяне—бѣдна вообще и удалена по мѣсту жительства отъ среднихъ школъ; помѣщиковъ русинъ насчитывается всего 2 - 3 десятка. Остальная интеллигенція, дѣти которой должны были бы пополнять украинскія среднія школы, представлена чиновничествомъ и народными учителями да священниками. Къ сожалѣнію, учителя обыкновенно лишены средствъ для образованія своихъ дѣтей, а чиновники часто отдаютъ своихъ дѣтей въ польскія школы («Разсвѣтъ», № 50).

Интересная полемика Въ № 127 «Кіевскихъ Откликовъ» помѣщена статья г. К. «Русинскій вопросъ въ цифровомъ освѣщеніи», авторъ которой задался цѣлью доказать, что русины вовсе не имѣютъ права жаловаться на свое положеніе въ Галиціи. Эта статья вызвала весьма интересный отвѣтъ проф. Грушевскаго, напечатавшаго въ № 141 и 148 той же газеты, подъ заглавіемъ «Къ польско-украинскимъ отношеніямъ Галиціи», начало подробнаго пересмотра вышеприведеннаго утвержденія г. К. Мы надѣемся еще вернуться къ настоящему вопросу по окончаніи статей проф. Грушевскаго.

Въ № 112 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» помѣщена обстоятельная статья «Малорусская печать Галиціи объ «упорствующихъ уніатахъ» и польско-малорусскихъ отношеніяхъ въ Россіи». Отмѣтивъ фактъ единодушнаго отношенія всей галицкой русинской печати къ вопросу о положеніи «упорствующихъ», газета передаетъ содержаніе статей «Діла», посвященныхъ этому вопросу.

Въ № 19 журнала «Южныя Записки» помѣщено Ш-е письмо изъ Галиціи: «Прусская гаката» и «галицкіе вшех-поляки». Авторъ останавливается на польско-украинскихъ отношеніяхъ въ Галичинѣ, иллюстрируя ихъ событіями послѣдняго времени.

«Діло» въ №-рахъ 102—104 помѣстило въ украинскомъ переводѣ «Історию українського театру», заимствовавъ ее изъ вышедшей въ Кіевѣ книжки «Корифеи украинской сцены».

Редакція украинскаго органа на нѣмецкомъ языкѣ «Ruthenische Revue» проситъ присылать для напечатанія статьи на слѣдующія темы: 1) Текущія извѣстія изъ жизни украинскаго народа, 2) Статистика Украины, 3) Этнографія (міровоззрѣніе укр. народа, его пѣсни, думы и т. п.), 4) Исторія (біографіи гетмановъ и др. историческихъ дѣятелей), 5) Исторія литературы, 6) Исторія искусства, 7) Исторія музыки, 8) Исторія театра, 9) Исторія философіи укр. народа (напр. о Сковородѣ). Присылаемыя рукописи могутъ быть написаны по нѣмецки, по украински и по русски. Адресъ редакціи: Wien. XVIII/2, Gersthoferstr. 32.

Замѣтки на текущія темы.

Указъ 1 мая.—Десница и шуйца бюрократіи.—Реформа не съ надлежащаго конца.—Филологическія изысканія комитета министровъ.—Гдѣ дѣвалось украинское населеніе „Юго-западнаго края?"—Реформаторская дѣятельность бюрократіи. - „А возъ и нынѣ тамъ".—„Равною мѣрою".—Не надѣйтеся на князи.—Бюрократическая вѣротерпимость и ея неожиданные результаты.—Торжество бюрократіи, или Овидіевы метаморфозы.—Письмо изъ Холмщины.—„Ликовать или унывать?"—Божья копеечка и чортова дырочка.—Просіяніе свѣдущаго человѣка.—Вопросъ объ украинскомъ театрѣ въ коммиссіи г. Кобеко.—Любопытные документы.—Отношеніе народа къ своему языку.—Еще разъ—не надѣйтеся на князи.—О миѳическомъ Ильѣ.

Мнѣ приходилось уже упоминать мимоходомъ въ прошлый разъ объ указѣ правительствующему сенату отъ 1-го мая, вносящемъ, повидимому, нѣчто новое въ запутанныя національныя отношенія населяющихъ Россію народовъ и имѣющемъ важное симптоматическое значеніе, какъ показатель того поворота, который несомнѣнно совершается во всѣхъ слояхъ русскаго общества, захватывая могучими кольцами своими даже и недвижимую бюрократію. Оставляя въ сторонѣ произведенную этимъ указомъ отмѣну стѣсненій въ области чисто гражданскихъ отношеній, я позволю себѣ еще разъ возвратиться къ облегченіямъ національнаго характера, сосредоточивъ на нихъ вниманіе читателя. Наиболѣе интереснымъ въ этомъ смыслѣ является пунктъ VI упомянутаго указа, дословно гласящій слѣдующее:

допустить преподаваніе литовскаго и польскаго языковъ въ учебныхъ заведеніяхъ края съ программами начальныхъ двухклассныхъ и городскихъ училищъ, а также въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ большинство учащихся принадлежитъ къ литовской или польской народности, предоставивъ министру народнаго просвѣщенія войти въ обсужденіе способовъ безотлагательнаго осуществленія сего [1]).

При всемъ громадномъ принципіальномъ и симптоматическомъ значеніи приведеннаго пункта, практическое значеніе его, къ сожалѣнію, оказывается для насъ совершенно ничтожнымъ. Болѣе того—онъ не соотвѣтствуетъ даже тѣмъ минимальнымъ ожиданіямъ и надеждамъ, которыя въ правѣ было предъявить общество на основаніи хотя бы указа 12 декабря прошлаго года (пунктъ VII) объ устраненіи національныхъ стѣсненій, не вызываемыхъ «насущными интересами государства и явною пользою русскаго народа». Бюрократія, очевидно, предпочитаетъ отвѣшивать свои облегченія въ такихъ незначительныхъ дозахъ, которыя сводятъ къ нулю все ихъ лекарственное дѣйствіе; предлагая правой рукой послабленія, лѣвой она тутъ же уничтожаетъ всякое значеніе ихъ. Это станетъ для насъ совершенно яснымъ при самомъ поверхностномъ чтеніи приведеннаго VI пункта изъ указа 1 мая. Въ самомъ дѣлѣ, помимо уже того обстоятельства, что имъ допускаются въ школу польскій и литовскій языки только *какъ предметы изученія*, а не какъ средства сообщенія знаній, не какъ языки преподаванія—и въ остальномъ онъ представляетъ какое то сплошное недоумѣніе. Почему, прежде всего, реформа коснулась лишь двухклассныхъ и городскихъ училищъ, а также среднеучебныхъ заведеній, если каждому, даже и въ семинаріи не учившемуся, ясно, что употребленіе въ той или иной формѣ народнаго языка наиболѣе настоятельнымъ является именно въ школахъ самаго низшаго типа? Вѣдь именно на этой ступени школа имѣетъ дѣло съ дѣтьми, наименѣе подготовленными къ усвоенію знаній на чужомъ языкѣ и потому наиболѣе нуждающимися въ живительномъ дѣйствіи родного слова. Слѣдовательно, необходимо было начать

---

[1]) «Сынъ Отечества», № 67.

именно снизу, съ этихъ въ буквальномъ смыслѣ начальныхъ школъ и, сдѣлавъ первый шагъ здѣсь, перейти затѣмъ къ школамъ высшихъ типовъ. Очевидно, реформа предпринята не съ надлежащаго конца и это представляется настолько яснымъ, что не нуждается въ какихъ бы то ни было доказательствахъ, и потому тѣмъ необъяснимѣе, тѣмъ непонятнѣе выразившееся въ ней стремленіе сдѣлать второй шагъ, даже не подумавъ о первомъ. Но для насъ еще болѣе интересными представляются дальнѣйшія послѣдствія, вытекающія изъ обсуждаемаго пункта; при этомъ, для правильной оцѣнки его, прошу читателя особенно твердо помнить, что районъ примѣненія указа 1 мая охватываетъ и такъ называемый Юго-западный край, т. е., губерніи Кіевскую, Подольскую, и Волынскую гдѣ главной массой населенія являются украинцы. Въ объясненіи цѣли указа мы встрѣчаемся между прочимъ съ надеждой, что предлагаемая мѣра

> побудитъ *всѣ отдѣльныя части населенія* этихъ искони русскихъ областей къ плодотворнымъ, въ видахъ процвѣтанія края, трудамъ, въ тѣснѣйшемъ единеніи *съ русскими, по происхожденію, мѣстными жителями*.

Но гдѣ же среди «всѣхъ отдѣльныхъ частей населенія» упомянутыхъ губерній, исконно-русскій характеръ которыхъ сугубо подчеркивается, украинское населеніе? Какъ это ни странно, но о немъ не находимъ даже упоминанія въ указѣ, и облегченіемъ національныхъ ограниченій могутъ воспользоваться лишь литовцы, которыхъ здѣсь совершенно не имѣется, и поляки, представляющіе значительное меньшинство населенія Украинцы же, составляющіе по даннымъ переписи 1897 г. въ Кіевской губ. 79,2%, въ Подольской 80,9% и Волынской 70,1% [1]) всего населенія, остались за порогомъ облегченій и очевидно не подводятся подъ категорію приглашаемыхъ

---

[1]) Сводка данныхъ переписи сдѣлана г. Русовымъ въ докладѣ академіи наукъ; см. изданіе академіи: «Объ отмѣнѣ стѣсненій малорусскаго печатнаго слова». Спб., 1905, стр. 91—93.

«къ плодотворнымъ, въ видахъ процвѣтанія края, трудамъ». Этотъ неожиданный оборотъ долженъ, повидимому, означать, что украинцы отнесены къ «русскимъ, по происхожденію, мѣстнымъ жителямъ», не нуждающимся въ смягченіи ужасныхъ въ духовномъ отношеніи условій ихъ существованія, и что подчеркиваніе «искони русскаго» характера края является на этотъ разъ не только façon de parler, но и дѣйствительнымъ убѣжденіемъ бюрократіи. Въ самомъ дѣлѣ, обращаясь къ мотивамъ указа, высказаннымъ въ «Извлеченіи изъ журнала комитета министровъ», мы встрѣчаемъ здѣсь весьма любопытное объясненіе.

Соображая, какія изъ нарѣчій, употребляемыхъ населеніемъ западнаго края, настолько филологически обособились и развились, что могутъ стать предметомъ преподаванія, комитетъ высказалъ, что *малороссійское и бѣлорусское нарѣчія такъ близки русскому языку, что совмѣстное преподаваніе ихъ не вызывается потребностями дѣла* (?); бѣлорусское нарѣчіе къ тому же, не имѣя литературы, едва ли даже можетъ быть преподаваемо самостоятельно [1]).

Къ сожалѣнію, мнѣ не извѣстны филологическіе труды почтенныхъ членовъ высшаго бюрократическаго учрежденія Имперіи и потому я лишенъ возможности судить, на чемъ собственно основаны ихъ соображенія о недостаточномъ филологическомъ обособленіи и развитіи украинскаго языка. Обращаясь же къ мнѣніямъ ученыхъ учрежденій—академіи наукъ и запрошенныхъ университетовъ, я долженъ съ недоумѣніемъ констатировать, что филологическія изысканія комитета министровъ идутъ совершенно въ разрѣзъ съ выводами людей науки [2]). Но мало того, комитетъ мини-

---

[1]) „Кіевлянинъ", № 137.

[2]) „Развиваясь и дифференцируясь естественнымъ образомъ, малорусскій языкъ въ настоящее время достигъ такой степени отличія отъ русскаго литературнаго языка, что пониманіе малороссомъ изданныхъ на немъ книгъ является крайне затруднительнымъ"—это изъ записки харьковскаго университета,—см. „Приднѣпровскій Край", № 2462; тамъ же ссылка на мнѣніе академика Шахматова. То же

стровъ разошелся и съ... своимъ собственнымъ мнѣніемъ, высказаннымъ имъ полгода тому назадъ. Я позволю себѣ напомнить это послѣднее мнѣніе того же бюрократическаго органа, который теперь съ такою легкостью примѣняетъ къ украинскому народу результаты никому невѣдомыхъ филологическихъ изысканій; вотъ это мнѣніе:

> продолжающееся примѣненіе наложеннаго (на украинскую литературу) запрета, значительно затрудняя распространеніе среди малорусскаго населенія полезныхъ свѣдѣній путемъ изданія книгъ на понятномъ для крестьянъ нарѣчіи, препятствуетъ повышенію нынѣшняго низкаго уровня крестьянъ малорусскихъ губерній [1]).

Припомнивъ эти слова, совершенно ясно говорящія о значительномъ «обособленіи», я перестаю что-либо понимать въ этомъ запутанномъ дѣлѣ. Съ одной стороны--стѣсненія препятствуютъ повышенію низкаго уровня украинскаго народа, а съ другой—примѣненіе ихъ не только до сихъ поръ продолжается по всей линіи, но даже самое украинское населеніе въ одной изъ частей своей территоріи объявляется уже прямо несуществующимъ, замѣнившись какими то «русскими, по происхожденію, мѣстными жителями». Что же случилось за это полугодіе? Или предприняты были новыя обслѣдованія, выяснившія капитальную ошибку на счетъ этнографической физіономіи «Юго-западнаго края»? или населеніе его вдругъ измѣнило свой обликъ до неузнаваемости, сдѣлавшись «искони русскимъ» въ томъ смыслѣ, въ какомъ это выраженіе употребляется органами

мнѣніе, только въ болѣе категорической формѣ, выражено и въ академической запискѣ: „Историческія условія *содѣйствовали полному разобщенію* юго-западной Россіи (Малороссіи) и области, занятой Великорусами: отсюда *существенныя отличія* въ языкѣ обѣихъ народностей—великорусской и малорусской. Историческая жизнь этихъ народностей не создала общаго для нихъ языка; она напротивъ *усугубила тѣ діалектическія отличія*, съ которыми предки Малорусовъ съ одной стороны, Великорусовъ—съ другой, выступаютъ въ началѣ нашей исторіи“; см. „Объ отмѣнѣ стѣсненій“ и пр., стр. 14.

[1]) „Наши Дни“, № 30.

охранительной печати или какія-нибудь спеціальныя катаклизмы, пронесшись ураганомъ по тремъ губерніямъ, смели съ лица земли въ ихъ предѣлахъ украинское населеніе? Ничего подобнаго, конечно, не случилось: никакихъ обслѣдованій не было, а внезапныя соціологическія катаклизмы, въ родѣ нашествія гунновъ, теперь даже невозможны и все обстоитъ, разумѣется, по старому. Дѣйствовала лишь десница и шуйца бюрократіи, въ полномъ объемѣ прмѣняющей евангельскую заповѣдь, чтобы лѣвая рука не знала, чтò дѣлаетъ правая...

Вообще говоря, странную, на первый взглядъ, участь испытываютъ попытки бюрократіи въ области реформъ, если послѣднія имѣютъ претензіи выйти за предѣлы петличекъ, погонъ, формы одежды, упраздненія одного какого-нибудь вѣдомства и замѣны его другимъ съ тожественными функціями и т. п. Всѣ такія реформы имѣютъ тенденцію исчезать безъ слѣда, испаряться совершенно безъ остатка и такъ же внезапно, такимъ же порывомъ, какъ и налетѣли. Вся реформаторская эпопея истекшаго полугодія является лучшей иллюстраціей высказаннаго сейчасъ положенія о полнѣйшемъ безсиліи нашей бюрократіи, затѣявшей произвести реформы «своими средствіями», полагаясь лишь на собственныя слабыя силы, упорно отстраняя и отталкивая участіе живыхъ силъ страны. Комиссіи, совѣщанія и тому подобные органы реформаторскаго бюрократическаго зуда растутъ, въ огромномъ количествѣ; члены ихъ собираются, что-то обсуждаютъ, надъ чѣмъ-то совѣщаются, пишутъ 101 томъ своихъ трудовъ, но не смотря на такую интенсивную дѣятельность—«возъ и нынѣ тамъ», гдѣ его застигло учрежденіе всѣхъ этихъ безчисленныхъ комиссій и совѣщаній. Впрочемъ, мало сказать, что «возъ» продолжаетъ безмятежное пребываніе «тамъ»—правильнѣе будетъ выразиться, что онъ имѣетъ весьма недвусмысленную наклонность возвратиться вспять, раздавивъ на своемъ попятномъ пути даже тѣ мизерныя улучшенія, какія произошли просто въ силу фактическаго захвата. Вся русская жизнь за послѣднее время полнымъ полна самыхъ яркихъ иллюстрацій этой «реформаторской» дѣятельности съ ясной тенденціей задержать колесо исторіи и заставить его вращаться въ обратную сто-

рону. Органы общей печати освѣщають по мѣрѣ возможности реформаторскія попытки общаго характера, и потому я остановлюсь лишь на «реформахъ» въ области украинскаго вопроса.

Полгода истекло съ того времени, какъ комитеть министровъ провозгласилъ стѣсненія украинскаго слова не имѣющими никакого смысла и просто вредными; нѣсколько мѣсяцевъ прошло, какъ административная власть и ученыя учрежденія въ лицѣ академіи наукъ и двухъ университетовъ высказались за полную отмѣну ограниченій, а нашъ «возъ» и не думалъ сдвинуться съ мѣста, преспокойно продолжая пребывать на мертвой точкѣ внѣзаконнаго положенія, а по всему фронту бюрократическаго лагеря ведется все та же упорная борьба противъ украинства. По-прежнему ходатайства о разрѣшеніи украинскихъ органовъ печати признаются не подлежащими удовлетворенію [1]); по-прежнему цензура задерживаетъ мѣсяцами [2]) и въ концѣ концовъ не разрѣшаетъ невинныхъ беллетристическихъ или популярно-научныхъ произведеній; по-прежнему учитель «не можетъ во ввѣренномъ ему училищѣ дозволить украинскихъ стиховъ и пѣсенъ» [3]) для исполненія во время литературнаго утра, а учительница, дерзнувшая допустить у себя въ школѣ это противозаконное дѣяніе, трактуется какъ преступница и получаетъ строгій выговоръ [4]); по-прежнему инспектора народныхъ училищъ требуютъ отъ нашихъ ребятъ великорусскаго выговора [5]), а сельская полиція въ лицѣ урядниковъ и стражниковъ, обманувшись въ ожиданіяхъ на счетъ достаточ-

---

[1]) Въ такомъ смыслѣ на дняхъ получилъ отвѣтъ г. Бабичевъ, намѣревавшійся издавать въ Каменецъ-Подольскѣ ежедневную газету «Поділля»,—см. «Кіевскіе Отклики», № 126.

[2]) Поданная мной въ Петербургскій цензурный комитетъ *въ началѣ марта* листовая брошюра г. Коваленка «Як ми боронились од холери», не смотря на приближеніе грозной азіатской гостьи, до сихъ поръ не удостоилась разрѣшенія, да и удостоится ли—неизвѣстно.

[3]) «Полтавщина», № 73.

[4]) «Приднѣпровскій Край», № 2439.

[5]) «Кіевскіе Отклики», № 123.

ной мзды, разгоняетъ «досвітки» и «вечорниці» якобы за нарушеніе общественной тишины и спокойствія[1]). Словомъ, отъ министра до послѣдняго стражника бюрократія ничего не забыла и ничему не научилась, продолжая прежнюю политику насильственныхъ отношеній къ какимъ бы то ни было проявленіямъ украинскаго дѣла[2]). Но этого мало, указъ 1 мая представляетъ какъ указано, выше, совершенно недвусмысленную попытку пойти въ этомъ отношеніи даже назадъ, что не можетъ, конечно, не отразиться новыми осложненіями стараго вопроса,—осложненіями, которыя не внесутъ желаннаго успокоенія въ запутанныя національныя отношенія и, къ сожалѣнію, уже начали проявлять себя въ довольно странныхъ и неожиданныхъ формахъ.

Чтобы стать дѣйствительной реформой, а не частичнымъ мѣропріятіемъ, на практикѣ почти не имѣющимъ значенія, предпринятая указомъ 1 мая мѣра должна была направиться совершенно инымъ путемъ: во-первыхъ, ее слѣдовало начать не съ того конца, а во-вторыхъ, провести въ болѣе широкомъ объемѣ и безъ всякихъ исключеній. Обсуждая значеніе указа 1 мая, проф. Грушевскій въ статьѣ «Равною мѣрою» говоритъ между прочимъ:

---

[1]) «Кіевскіе Отклики», № 130.

[2]) Впрочемъ, въ воздухѣ носится новое обѣщаніе: какъ сообщаютъ «Кіевскіе Отклики» (№ 143), «Высочайше утвержденнымъ 1 мая журналомъ комитета министровъ въ отношеніи девяти западныхъ губерній предоставлено министрамъ и главнымъ начальникамъ вѣдомствъ, безъ замедленія, и во всякомъ случаѣ не позднѣе шести мѣсяцевъ со дня утвержденія журнала—1) распорядиться отмѣною стѣсняющихъ употребленіе мѣстныхъ языковъ въ западномъ краѣ и не основанныхъ прямо на законѣ административныхъ распоряженій и 2) если изъ числа стѣсняющихъ свободу пользованія мѣстнымъ языкомъ административныхъ распоряженій окажутся такія, примѣненіе коихъ и впредь, по соображенію государственнаго порядка, они признаютъ необходимыми, испросить на утвержденіе оныхъ чрезъ государственный совѣтъ Высочайшее Его Величества соизволеніе». Интересно бы знать, будутъ ли при этомъ приняты во вниманіе филологическія изысканія комитета министровъ?

Реформа несомнѣнно необходимая, и остается только желать ея скорѣйшаго осуществленія—но въ объемѣ болѣе широкомъ.

Во-первыхъ, внѣ этой школьной реформы не должны остаться школы низшія, гдѣ допущеніе преподаванія мѣстныхъ языковъ (и на мѣстныхъ же языкахъ—добавлю С. Е.) является вопросомъ еще болѣе настоятельнымъ. Во-вторыхъ, допуская мѣстные языки въ школу, нѣтъ возможности исключить изъ этой реформы прочія народности края, еще болѣе многочисленныя, чѣмъ литовская и польская, а именно: украинскую (малорусскую), бѣлорусскую и еврейскую.

Желательно устраненіе національныхъ стѣсненій, но для всѣхъ одинаково. Допуская, напримѣръ, польскій языкъ въ школахъ въ юго западныхъ губерніяхъ, не допустить малорусскаго нѣтъ никакихъ основаній [1]).

Я не только, разумѣется, ничего не имѣю противъ допущенія польскаго языка въ польскихъ же школахъ (о литовскихъ въ предѣлахъ нашего края говорить, конечно, не приходится), но готовъ отъ всей души привѣтствовать эту мѣру, какъ первый шагъ къ устраненію той исторической несправедливости, которой запятнала себя по отношенію къ польскому народу оффиціальная Россія; мало того, я признаю эту мѣру въ ея настоящемъ урѣзанномъ видѣ далеко недостаточной для такого искупленія и нахожу необходимымъ ея расширеніе во всѣхъ отношеніяхъ. Но не могу при этомъ не присоединиться къ мнѣнію проф. Грушевскаго, что подобныя реформы должны быть проводимы именно «*равною мѣрою*», одинаково относиться ко всѣмъ обдѣленнымъ нынѣ народностямъ; не могу не указать той анамаліи, которая можетъ возникнуть при примѣненіи указа 1 мая на практикѣ въ нашемъ краѣ. Въ самомъ дѣлѣ, введеніе одного лишь польскаго языка въ школы края, гдѣ 70—80% населенія составляютъ украинцы, безъ соотвѣтственной компенсаціи послѣднимъ—развѣ это не имѣетъ вида какой-то необъяснимой при-

---

[1]) «Сынъ Отечества», № 73.

виллегіи одной части населенія въ ущербъ другой? Развѣ такая «реформа» можетъ быть принята иначе, какъ вызовъ обойденной части населенія, сепаратизмъ проводимый сверху, безъ всякихъ основаній лишающій коренное украинское населеніе того, что уже предоставлено его сосѣдямъ, и развѣ такое отношеніе правительства можетъ способствовать тѣмъ «плодотворнымъ трудамъ», которыхъ ожидаетъ указъ? Не будетъ ли при этомъ обдѣленная народность еще живѣе чувствовать свою обдѣленность и то тяжкое оскорбленіе, которое ежечасно наносится ей въ продолженіи вотъ уже двухъ съ половиною вѣковъ?.. Тотъ же авторъ, мнѣніе котораго я сейчасъ привелъ, свидѣтельствуетъ, что именно въ такомъ смыслѣ,—«какъ горькая обида мѣстному украинскому населенію», и была понята разсматриваемая мѣра закордонными нашими земляками [1]), и я могу добавить только, что точно такъ же она понята и у насъ, усиливъ еще болѣе недовольство и возбудивъ разочарованіе, которое можетъ быть формулировано словами: «не надѣйтеся на князи». Эта неудачная попытка благодѣтельствовать бюрократическимъ путемъ лишній разъ доказала, что нечего возлагать какія-либо надежды на бюрократическое творчество, что народъ самъ, въ лицѣ свободно избранныхъ представителей, долженъ взять въ свои руки управленіе своей судьбой. Иначе мы никогда не получимъ реформъ съ надлежащаго конца и въ требуемомъ объемѣ, а будемъ лишь служить матеріаломъ для непонятныхъ экспериментовъ и капризныхъ, измѣнчивыхъ вѣяній, не находящихъ себѣ разумныхъ основаній въ требованіяхъ дѣйствительности...

Что надъ всѣми начинаніями бюрократіи тяготѣетъ весьма опредѣленный фатумъ, сводящій къ нулю или прямой вредоносности даже такія изъ нихъ, которыя имѣли, повидимому, цѣлью установленіе болѣе справедливыхъ отношеній, показываетъ и еще одинъ фактъ изъ области послѣднихъ реформаціонныхъ мѣропрія-

---

[1]) «Кіевскіе Отклики», № 140. Статья «Неотложный вопросъ». Ср. статьи «Безглузда національна політика Росиі» и «Де консеквентність?» въ № 100 и 106 «Діла».

тій. Какъ извѣстно, 17 апрѣля изданъ былъ указъ о вѣротерпимости, вносящій хотя нѣкоторыя поправки въ душную атмосферу уже отжившихъ порядковъ, которые господствуютъ у насъ въ области религіозныхъ отношеній. И что же вышло? Оставляя уже въ сторонѣ то обстоятельство, что указъ очевидно еще «не дошелъ» даже до Москвы, гдѣ въ самое послѣднее время мѣстная администрація даетъ «дружескіе совѣты» старообрядческимъ архіереямъ не появляться на Рогожскомъ кладбищѣ [1]); не говоря уже объ учрежденіи подъ предсѣдательствомъ гр. Игнатьева особой комиссіи, назначеніе которой—изыскать мѣры для воспрепятствованія разрѣшенному указомъ переходу православныхъ въ инославныя исповѣданія,—мы имѣемъ рѣдкій случай наблюдать поразительное по своему значенію явленіе, и именно на украинской территоріи—въ Холмщинѣ. Извѣстно, что послѣ насильственнаго присоединенія въ 1875 г. населяющихъ Холмщину украинцевъ-уніатовъ, къ православію, десятки тысячъ народу не пожелали принять насильно навязаннаго ему исповѣданія и осталась при прежнемъ, получивъ оффиціальное названіе «упорствующихъ», т. е. присоединенныхъ къ православію только номинально, фактически же остающихся уніатами. «Упорствующіе», которыхъ по послѣднимъ отчетамъ оберъ-прокурора св. синода числится около 90000 душъ, дѣйствительно чрезвычайно упорно держались уніи, несмотря на рядъ принимавшихся противъ нихъ репрессивныхъ мѣропріятій. Но вотъ приходитъ давно жданная вѣротерпимость и упорствующіе уніаты массами переходятъ въ... католичество! Извѣстіями объ этихъ массовыхъ переходахъ полны въ особенности галицкія газеты, но достаточно ихъ встрѣчается также и въ русскихъ изданіяхъ. Что же сей сонъ значитъ?.. Не обинуясь можно сказать, что этотъ неожиданный результатъ провозглашенія вѣротерпимости давно уже подготовленъ нашей бюрократіей и является лишь достойнымъ завершеніемъ той системы, какой она всегда придерживалась по отношенію къ украинскому народу.

[1]) «Новости», цит. по «Кіевскимъ Откликамъ», № 144.

Историкъ Украины въ слѣдующихъ словахъ отмѣчаетъ эту странную роль, сыгранную русской бюрократіей въ судьбахъ украинскаго населенія Холмщины:

> подъ вѣковымъ владычествомъ Польши оно отстояло свою украинскую національность и свой восточный обрядъ, и только русская бюрократія *своимъ насильственнымъ введеніемъ оффиціальнаго обрусительнаго православія* добилась стремленія «упорствующихъ» къ переходу въ католицизмъ и крайней вражды ко всему русскому [1]).

Вѣдь это звучитъ уже просто ироніей для круговъ, которые при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ любятъ подчеркивать «искони русскій» характеръ всякаго края! Стремясь во что бы то ни стало перетворить украинцевъ въ великороссовъ и находя, что всѣ средства для этой цѣли хороши, неразборчивая бюрократія достигла одного—она внесла такое затемненіе въ народную среду и настолько ослабила народный организмъ, что утратившій національное самосознаніе и измученный репрессіями народъ получилъ невыразимое отвращеніе къ насильно навязываемымъ ему формамъ жизни и при первомъ подходящемъ случаѣ начинаетъ бѣжать въ прямо противоположную сторону. Унія—исповѣданіе оффиціально не признанное, уніатовъ всячески старались затравить и загнать въ православную церковь и вотъ, когда появился указъ о вѣротерпимости, онъ былъ понятъ съ смыслѣ разрѣшенія выбирать между назойливо навязываемымъ православіемъ и свободно принимаемымъ католичествомъ. Естественно, что народъ обратился къ послѣднему, а вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалъ и рѣшительный шагъ въ сторону полонизаціи. Подобные результаты можно было предвидѣть и на возможность ихъ указывалось неоднократно. Одинъ изъ извѣстныхъ русскихъ публицистовъ писалъ, напр., около 10 лѣтъ тому назадъ слѣдующее:

[1]) Проф. Грушевскій,—корреспонденція изъ Львова въ № 76 «Сына Отечества».

Обрусеніе западнаго края, т. е. программа его денаціонализаціи, *ослабляя мѣстныя народности, облегчаетъ не только обрусѣніе, но и полонизацію...* Относительно же моихъ земляковъ Правобережной Украины могу завѣрить всѣхъ, опасающихся ея ополяченія, что украинское населеніе само отобьется отъ полонизаціи, *лишь бы ему не мѣшала обрусительная администрація, такъ подавляющая народную самодѣятельность, именно необходимую въ этомъ случаѣ.* Запаса самодѣятельности въ украинскомъ населеніи вполнѣ достаточно и, если галичане успѣшно отстаиваютъ свою народность при условіяхъ гораздо менѣе благопріятныхъ, то украинцы справятся и подавно съ этой немудрой задачей. *Лишь бы имъ не мѣшало обрусеніе, которое, по моему глубокому убѣжденію, ведетъ въ западномъ краѣ не къ обрусѣнію, а къ полонизаціи* [1]).

Но подобные голоса оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ; обрусеніе «искони русскаго» края дѣйствовало на всѣхъ парахъ, украинское населеніе неуклонно подвергалось тяжелой операціи опустошенія его національнаго сознанія—и результаты этого въ Холмщинѣ начинаютъ сказываться съ особенной силой, благодаря нѣкоторымъ исключительно-неблагопріятнымъ обстоятельствамъ. Бюрократія можетъ торжествовать: она достигла, наконецъ, чего хотѣла, т. е. денаціонализаціи части украинскаго населенія, но если при этомъ произошла въ нѣкоторомъ родѣ Овидіева метаморфоза, то пусть же и отвѣтственность за нее падаетъ на ея единственныхъ виновниковъ.

Нашей редакціей получено на дняхъ письмо отъ одного изъ дѣятелей Холмщины, представляющее въ буквальномъ смыслѣ вопль совершенно растерявшагося подъ напоромъ неожиданныхъ событій человѣка, который, по собственному признанію, «до сихъ поръ былъ противникомъ такъ называемаго украинофильства и стоялъ за одинъ языкъ, одну народность съ великоруссами», но теперь увидѣлъ, что «это приводитъ только къ ополяченію нашего народа». Къ сожалѣнію, я не могу использовать это письмо цѣликомъ въ виду весьма понятной рѣзкости его тона, и потому приведу лишь нѣкоторыя выдержки. «Ой ратуйте, ратуйте, рідне-

[1]) Южаковъ—Дневникъ журналиста. «Русское Богатство», 1897, сентябрь, 165—166.

сенькі браття!»—такъ начинаетъ свое письмо нашъ корреспондентъ и затѣмъ дѣлаетъ краткій очеркъ событій, которыя привели Холмщину къ ея современному положенію. До возстанія 1863 г. русская бюрократія не обращала ровно никакого вниманія на несчастный народъ, задыхавшійся подъ ярмомъ крѣпостныхъ отношеній, но послѣ возстанія она вдругъ вспомнила, что это «край искони русскій» и, осчастлививъ такимъ образомъ его своимъ вниманіемъ, энергически принялась вколачивать въ мѣстное населеніе сознаніе своей принадлежности къ русскому народу. Вотъ какъ изображаетъ эту дѣятельность и результаты ея авторъ письма.

> Настае повстання, а після «обрусеніе». Ох, скільки злого, нерозважного наробили тоді москалі на шкоду народу! Давай чим скорійше все переробляти на московське копито, щоби викоренити Польщу, а сами же перше були причиною, що Польща так насіла на нас. Розуміється, нашому народному язику не дали ніякого місця. Не можна було й думати, (щоб) заложити якеесь общество для просвіти народу. А як взялись за церкви, то много покасували (такого), що й тепер є в церквах на Волині й на Поділлю. Народ виполошили з церков і много вже тоді пішло в польські костьоли. Та після задумали всім накинути православіє, та так по дурному, що не жалували нагайок, киів, в тюрми сажали, висилали до Оренбургу [1]... От видали свободу віри. Дуже добре. Але яка ж свобода для нашого народу, коли не дають ні русько-уніятських церков, ні духовенства? Так ті, що не пристали на православіє, не мають другого виходу, як іти до польських костьолів... а вже ж ляхи і іх ксьондзи постараються, щоби наш народ хутко вирікся своеі прадідівськоі мови, а став говорити по-польський.

Нашъ корреспондентъ—замѣтьте: *православный* священникъ—предлагаетъ въ качествѣ предупредительной мѣры противъ денаціонализаціи народа открыть уніатскіе приходы; но, какъ мнѣ кажется, не въ этомъ дѣло, какъ и не въ той комиссіи подъ предсѣдательствомъ гр. Игнатьева, которая измыслитъ какія-

---

[1]) Подобные факты сообщены въ № 158 «Кіевскихъ Откликовъ».

нибудь новыя, по въ старомъ духѣ мѣры, которыя на практикѣ окажутся, конечно, вполнѣ непригодными. Ничего, разумѣется, не помогутъ и тѣ циркуляры [1]), которыми варшавскій генералъ-губернаторъ воспрещаетъ «отпаденіе отъ православія» лицъ, никогда православными въ сущности и не бывшихъ. Эти средства уже испытаны и они явно обнаружили свою негодность. Дѣло вѣры—есть прежде всего дѣло совѣсти каждаго и здѣсь менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, умѣстны какія-либо внѣшнія мѣропріятія; кто считаетъ для себя спасительнымъ католичество—пусть обращается къ нему, это его право, но пусть же будетъ правомъ всякое свободное волеизъявленіе въ области духа—религіи, національности, убѣжденій и т. п. А единственнымъ путемъ къ такому свободному волеизъявленію можетъ служить—раскрѣпощеніе духовной личности народа, дѣйствительное участіе его въ управленіи страной на правахъ полноправныхъ гражданъ, широкое развитіе просвѣщенія на родной почвѣ, которое возвратитъ народу утраченное самосознаніе, давъ ему и оружіе въ руки для защиты своего національнаго и просточеловѣческаго «я». При такихъ условіяхъ, я увѣренъ въ томъ, одинаково вооруженные знаніемъ, культурой и свободой народности скоро познаютъ, что не въ борьбѣ и взаимномъ самопоѣданіи заключается задача жизни, а въ мирномъ сотрудничествѣ и согласномъ шествіи по пути прогресса и развитія. Разумѣется, не можетъ быть и сомнѣнія въ томъ, что еще долго будутъ появляться отдѣльныя лица и цѣлыя группы съ желаніемъ денаціонализировать другую народность, но встрѣтивъ стойкій отпоръ всѣми средствами, имѣющимися въ распоряженіи культурнаго общества, эти добровольцы должны будутъ скоро прекратить свою работу, убѣдившись, что человѣконенавистническое дѣло ихъ проиграно безвозвратно. Но циркулярнымъ, такъ сказать, путемъ этого, конечно, не достигнуть; всякая вѣра въ этотъ путь уже утрачена навсегда, такъ какъ каждый подобный шагъ бюрократіи приводитъ къ реформамъ не съ надлежащаго конца и потому встрѣчается въ обществѣ сугу-

---

[1]) „Русскія Вѣдомости“, № 138; „Кіевскіе Отклики“, № 147.

бымъ недовѣріемъ. Несомнѣнно, напр., пробужденію національнаго самосознанія среди украинскаго населенія въ Холмщинѣ содѣйствовало бы разрѣшеніе св. писанія на его родномъ языкѣ; соотвѣтственный актъ, какъ помнитъ читатель, былъ даже изданъ, но подавленное обиліемъ комиссій, производимыхъ ими «реформъ» и издаваемыхъ циркуляровъ общество рѣшительно не знаетъ, ликовать ли ему или унывать по поводу принципіальнаго разрѣшенія украинскаго перевода евангелія. Дѣло вѣдь въ томъ, что, какъ пишетъ по данному вопросу В. В. Лесевичъ—

тѣ самые люди, которые еще вчера утверждали, что украинскаго языка нѣтъ и быть не можетъ, сегодня преисполнятся къ этому самому языку самыхъ нѣжныхъ чувствъ. И какъ же допустить,—скажутъ они,—чтобы переводъ св. писанія на этотъ прекрасный, мелодичный и сильный языкъ не оказался на высотѣ подлинника или былъ ниже перевода на другіе языки, будь то европейскіе, азіатскіе, или—отъ чего уже да сохранитъ Богъ—ниже перевода на языки банту или аджибвеевъ? Допустить этого никакъ нельзя... И вотъ начнется тщательное и томительно долгое изслѣдованіе, въ результатѣ котораго окажется, что есть мѣста въ «Паралипоменонѣ» и Екклезіастѣ», переведенныя крайне неудовлетворительно, и украинцамъ—для ихъ же блага, поймите это—будетъ объявлено, что означенныя мѣста должны быть непремѣнно исправлены. Украинцы, само собою разумѣется, что называется, изъ кожи вылѣзутъ и постараются указанныя мѣста подогнать подъ требованія своихъ радѣтелей и попечителей. Составленныя поправки поступятъ на разсмотрѣніе имѣющихъ на «заставахъ» команду и будутъ ими тщательно изучены, сравнены съ подлинниками и сопоставлены съ переводами на языки банту и аджибвеевъ. Окажется, однако же, что казусное мѣсто украинцамъ рѣшительно не дается. Они изо всѣхъ силъ бьются, надрываются, но такъ какъ тотъ геній, который могъ бы преодолѣть указанную трудность и получить пальму первенства точности и красоты, достойной славнаго украинскаго языка, еще не родился, то всѣ усилія переводчиковъ остаются тщетными, и украинцы не только не могутъ преодолѣть, но не въ состояніи даже и постичь сверхчеловѣческую трудность возложенной на

нихъ задачи. Время идетъ, и въ послѣднемъ итогѣ данная Богомъ копеечка проваливается въ чортову дырочку и получается результатъ, неотличимый отъ нуля [1]).

Картина, набросанная г. Лесевичемъ, настолько знакома всѣмъ по опыту и настолько въ духѣ бюрократіи, что весьма сомнительно, чтобы уніаты, прекратившіе наконецъ свое «упорство» ради католичества, получили при современныхъ условіяхъ понятный имъ переводъ св. писанія. Очень и очень возможно, что если общее положеніе дѣлъ останется безъ перемѣны, то на сценѣ появится «чортова дырочка», въ которую и попроваливаются всѣ обѣщанныя копеечки... Тѣмъ болѣе, что врагъ рода человѣческаго по части всевозможныхъ проваловъ весьма изобрѣтателенъ и даже въ случаѣ положительнаго рѣшенія какого-нибудь вопроса придумаетъ такую форму его осуществленія, которая немногимъ будетъ отличаться отъ пустой дыры. Припомнимъ Данайцевъ, подъ видомъ дара уготовавшихъ «высокой Троѣ» гибель, и обратимся къ одному изъ современныхъ Данайцевъ, въ лицѣ знакомаго намъ уже г. Кіевлянина. Этотъ свѣдущій невѣжда внезапно получилъ просіяніе ума и, преклонившись наружно предъ фактомъ утвержденія извѣстнаго постановленія комитета министровъ, въ своемъ новомъ, весьма беззубомъ и полномъ противорѣчій письмѣ къ редактору «Гражданина» предлагаетъ для будущаго изданія украинскаго евангелія правописаніе ни болѣе, ни менѣе, какъ «строго историческо-этимологическое съ удержаніемъ *ѣ* и *ъ* въ томъ видѣ, какъ его отстаивалъ еще въ 1842 году М. А. Максимовичъ» [2]). Какую вѣдь изобрѣлъ, да еще съ данайскимъ прикровеніемъ,

---

1) „Сынъ Отечества", № 66, статья „Ликовать или унывать?"

2) «Гражданинъ», № 36. Кстати, г. Кіевлянинъ сообщаетъ, что по слухамъ переводъ евангелія Морачевскаго переданъ на разсмотрѣніе епископу подольскому Парѳенію, и даже призываетъ на послѣдняго «премудрость свыше» для рѣшенія вопроса въ томъ направленіи, какое ему, г. Кіевлянину, желательно. См. объ этомъ замѣтку г. Л. Ж. въ № 130 «Полтавщины»—«Любопытный для украинцевъ фактъ въ японскомъ плѣну».

дырочку, въ которую гг. охранителямъ желательно провалить дѣло! Если бы вершителей судебъ украинскаго евангелія въ самомъ дѣлѣ осѣнила премудрость г. Кіевлянина и они, не считаясь съ практикой академіи наукъ, приняли его нелѣпый проэктъ, то этимъ самымъ изданіе было бы безнадежно убито. Читатели, пріученные къ великорусскому выговору буквы *ѣ*, безпощадно калѣчили бы украинскія слова и, разумѣется, недоумѣвали, кому и для чего понадобилось издавать евангеліе на украинско-русскомъ жаргонѣ?.. Охъ, ужъ эти современные Данайцы! Хотя бы постарались прикрыть и замаскировать получше свои предательскія дырочки...

И еще одна «реформа» въ послѣднее время объявилась. Какъ сообщило Россійское телеграфное агенство отъ 12 мая, представителемъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ коммиссіи Д. Ѳ. Кобеко между прочимъ высказано было, что

> относительно пьесъ на малороссійскомъ языкѣ представляется возможнымъ дозволить повсемѣстное исполненіе таковыхъ, снять запрещеніе устройства спеціальнаго малорусскаго театра и формированія труппъ для исключительнаго исполненія пьесъ на малорусскомъ нарѣчіи [1]).

Если эту мѣру и не постигнетъ обычная участь бюрократическихъ начинаній, то во всякомъ случаѣ она далеко не рѣшаетъ во всей его цѣлости вопроса о спосномъ существованіи украинскаго театра. Ни одного слова здѣсь не говорится о цензурѣ украинскихъ пьесъ, а между тѣмъ если для украинскаго театра будетъ сохранена цензура въ ея прежнемъ видѣ, то получится даже не изящная дырочка, а бездонная пропасть, которая по-прежнему будетъ поглощать лучшія произведенія нашей драматической литературы, предоставляя въ то же время полный просторъ всевозможнымъ Бонавентурамъ наполнять сцену убійственными произведеніями. Опять получится реформа не съ того конца, а потому

---

[1]) Кіевскіе Отклики», № 130. См. также замѣтку г. И. Д. «Изъ исторіи малорусскаго театра» въ № 134 «Кіевской Газеты».

едва ли можно возлагать надежды на то, что она внесетъ дѣйствительное улучшеніе въ то дѣло, которое могло бы при иныхъ условіяхъ и организаціи представлять весьма важный факторъ въ духовной жизни народа.

Покончивъ пока на этомъ съ реформами, ожидающими своего осуществленія и въ такомъ выжидательномъ положеніи застывшими я позволю себѣ еще разъ возвратиться къ вопросу объ украинской школѣ, какъ въ виду крайней его настоятельности, такъ и вслѣдствіе новаго матеріала, доставленнаго печатью за послѣднее время. Въ «Полтавщинѣ» находимъ два любопытныхъ документа, которые и предлагаю здѣсь вниманію читателя.

Первый документъ, озаглавленный «Нужды народной начальной украинской школы» и представляющій заявленіе комитету министровъ отъ воспитанниковъ не названной учительской семинаріи, гласитъ слѣдующее:

«Благосостояніе всякаго народа находится въ тѣсной зависимости отъ его культурнаго состоянія, т. е. отъ развитія его матеріальныхъ и духовныхъ богатствъ. Хранителемъ же этихъ духовныхъ богатствъ и проводникомъ ихъ въ сознаніе народа является языкъ — самое дорогое и неоцѣнимое средство выраженія человѣкомъ своего психическаго «Я».

Языкъ каждаго народа органически связанъ съ его образомъ мышленія и составляетъ его отличительную народную черту.

Разсадникомъ культуры въ странѣ является школа. И прежде всего школа—«народная», и потому должно заботиться всѣми силами, чтобы школа самымъ естественнымъ путемъ вошла въ жизнь ребенка и чтобы, незамѣтно для него, приняла въ свое распоряженіе часть его умственной и сердечной дѣятельности» (Собр. педагогич. сочин. К. Д. Ушинскаго 379 стр. 75 г.).

Только при такомъ ходѣ дѣла обученіе будетъ сознательно. А заставлять ребенка съ перваго же урока усваивать новыя понятія на чуждомъ ему языкѣ —значитъ намѣренно грѣшить противъ этого элементарнаго педагогическаго закона и заранѣе обречь на плачевную долю если не полнаго упадка его духовной жизни, то, въ крайнемъ случаѣ, духовнаго недоразвитія. По-

добнаго рода аномалію приходится наблюдать въ нашихъ украинскихъ школахъ: въ нихъ, какъ всѣмъ вѣдомо, преподаваніе ведется на литературномъ русскомъ языкѣ. Имѣя за собою неоспоримыя достоинства, онъ все-таки для украинскихъ дѣтей является чужимъ и мало-понятнымъ, а потому преподаваніе на немъ идетъ туго, вяло и неосмысленно, что приходилось каждому изъ насъ испытать на дѣлѣ.

Смотришь: бѣгаетъ по улицѣ мальчикъ—бойкій, веселый, не пропуститъ ни одного прохожаго, чтобы не сдѣлать ему какого-нибудь мѣткаго замѣчанія! Войдемъ въ хату нашего украинскаго селянина—вся жизнь этого тѣснаго уголка сосредоточена въ дѣтяхъ: они гуляютъ, играютъ. Сколько пѣсенъ народныхъ, сказокъ, пословицъ знаетъ мальчикъ школьнаго возвраста. Просто диву даешься! А какіе глубокомысленные вопросы задаетъ онъ отцу и матери!.. Приходитъ этотъ мальчикъ въ школу и какъ-будто перерождается. Здѣсь отъ него, можетъ быть, даже не слыхавшаго, что есть русскій литературный языкъ, требуютъ говорить по русски и ему все сообщаютъ на этомъ языкѣ. Вмѣсто того, чтобы получить отвѣты на свои запросы, которыхъ у ребенка около этого времени накопилось достаточно, ему приходится ломать голову надъ непонятными словами.

«Ребенокъ за 1 годъ выучивается бѣгло читать», нерѣдко пишутъ въ оффиціальныхъ отчетахъ объ украинскихъ школахъ, «но онъ рѣдко какое слово прочтетъ правильно и сознательно», не мѣшало бы добавить въ тѣхъ отчетахъ; а если еще онъ почти въ каждомъ словѣ переставитъ по-своему удареніе, то и человѣкъ, хорошо свѣдущій въ русскомъ языкѣ, не розберетъ прочитаннаго. Напримѣръ, встрѣчаетъ мальчикъ слово: «ладонь» (по-украински «долоня») и читаетъ: «ладонъ», хотя онъ и видитъ «ь», но онъ соображаетъ: должно быть—ошибка, а слово «ладонъ» означаетъ тотъ же предметъ, что и въ русскомъ. Или встрѣчаетъ на объяснительномъ урокѣ русскаго чтенія слово: «мель» и переводитъ его украинскимъ: «крейда» («мѣлъ» по-русски), потому что это послѣднее онъ знаетъ съ первыхъ уроковъ, вслѣдствіе употребленія мѣла въ классѣ; если же ему замѣтятъ, что это не такъ,—онъ начинаетъ производить слово «мель» отъ глагола месть-мету, мелъ и т. п.

Есть слова тождественныя по начертанію, но различныя, или даже противоположныя по значенію. Такъ напримѣръ—«качка». По-русски—качка на морѣ отъ бури, а по-украински—„утка". Или еще такой примѣръ: „уродливый"—безобразный, а по-украински „уродлывый"—красивый, талантливый.

Нами подмѣченъ такой фактъ. Въ первое время послѣ поступленія въ школу ребенокъ, когда нужно объяснить какое-нибудь слово, переводитъ его на украинскій языкъ, не смотря ни на ка́кія требованія учителя отвѣчать по-русски; потомъ ребенокъ начинаетъ говорить примѣнительно къ русскому, но и тогда влѣпитъ такое словцо, что это вызываетъ смѣхъ болѣе свѣдующихъ учениковъ въ этомъ предметѣ, а иногда и учителя, какъ это ни странно. Конечно, ребенокъ конфузится и впередъ старается отмалчиваться на вопросы учителя, или отвѣчаетъ безсвязными словами и попадаетъ въ число „козлищъ", которыя сидятъ по 3 года въ 1-мъ классѣ. Да и у болѣе способныхъ дѣтей, при такомъ ходѣ дѣлъ, все вниманіе тратится на придумываніе русскихъ словъ, такъ что въ концѣ концовъ мысль, которую нужно было выразить, забывается. И ребенокъ изъ бойкаго, живого и развязнаго, по крайней мѣрѣ, въ школѣ кажется тупымъ, забитымъ и скрытнымъ, не имѣя словъ выразить все, что у него накопилось въ душѣ. А потому неудивительно, если мальчикъ за 3-хъ лѣтнее пребываніе въ школѣ не задастъ учителю ни одного посторонняго вопроса, какъ будто ихъ у него не существуетъ. Тѣ же счастливцы, которымъ пришлось случайно перешагнуть за предѣлы народной школы, осуждены на вѣчную безсистемность; напримѣръ, мы сами, воспитанники учительской школы—не смотря на то, что мы учимся по 8—9 лѣтъ, никто изъ насъ не обладаетъ плавностью и системностью рѣчи. „Что же можетъ дать народная школа крестьянскому мальчику?"спрашиваетъ К. Д. Ушинскій, имѣя въ виду украинскую современную школу и самъ же отвѣчаетъ: „Хуже, чѣмъ ничего!.. Она на нѣсколько лѣтъ задержала естественное развитіе дитяти... душу человѣка такая школа не развиваетъ, а портитъ"... (Собр. педаг. сочин. Ушин. 380 стр. 1875). Къ тому же выводу приходятъ и другіе русскіе педагоги, которымъ была знакома постановка школьного дѣла на Украинѣ баронъ Корфъ, Вессель, Водовозовъ и др.; имена этихъ тружениковъ на нивѣ народнаго просвѣщенія говорятъ сами за себя.

Получается такое, довольно печальное зрѣлище: сочинена какая-то школа, названа «народною» только потому, что зданіе ея стоитъ между крестьянскихъ избъ, сердце же ея далеко отъ народа, и вмѣсто того, чтобы школѣ примѣняться къ территоріальнымъ и этнографическимъ особенностямъ народа, нашъ украинскій народъ долженъ примѣняться къ ней. И выходитъ, «что дитя идетъ въ такую школу, какъ изъ рая въ адъ, и изъ нея бѣжитъ, какъ изъ темнаго ада, въ которомъ все темно, чуждо и непонятно, въ свѣтлый рай, гдѣ все ясно, понятно и близко сердцу!» (Ушинскій 379 стр.).

Въ школѣ дитя находится 5 часовъ въ сутки учебнаго времени года, а остальное время живетъ дома и, какъ говорятъ украинцы, „кохається в рідній мові", слѣдовательно, словъ, заученныхъ безсознательно въ школѣ, не приходится примѣнять на дѣлѣ, въ разговорѣ, и они быстро улетучиваются. И дитя, не научившись въ достаточной степени русскому литературному языку и не имѣя, по независящимъ обстоятельствамъ, возможности читать книги на украинскомъ языкѣ, по выходѣ изъ школы лишается самаго необходимаго и важнаго—продолжать самообразованіе. Есть еще одно печальное явленіе, увеличивающее пропасть между современной украинской школой и семьей—это взглядъ украинца-крестьянина на русскій языкъ, какъ языкъ «панскій»; этотъ взглядъ переходитъ отъ поколѣнія къ поколѣнію со времени крѣпостного права. И если кто-либо изъ крестьянъ скажетъ фразу по-русски, это вызываетъ всеобщую насмѣшку со стороны другихъ: «по-пански, молъ, говоритъ!» И приходится говорить «по своему», или стать въ ненормальное отношеніе къ родителямъ,—конечно, большей частью первое. А что это такъ, видно изъ того, что, не смотря на усиленную пятидесятилѣтнюю просвѣтительную дѣятельность народныхъ школъ на Украинѣ, украинскій языкъ сохранился въ цѣлости, кромѣ селъ, находящихся близъ большихъ культурно-промышленныхъ центровъ, а, какъ подтвердилъ комитетъ министровъ, культурный уровень народа украинскаго замѣтно понизился.

Въ виду всего вышеизложеннаго мы, нижеподписавшіеся—группа воспитанниковъ-украинцевъ учительской школы, какъ сами выходцы изъ народа, болѣе всего испытавшіе ненормальность нашей народной школы *(при чемъ болѣе 10-ти человѣкъ изъ*

насъ были уже учителями) и готовящіеся къ трудной и отвѣтственной должности народного учителя,—считаемъ своимъ нравственнымъ долгомъ заявить: А) что украинская народная школа достигнетъ желательныхъ результатовъ только тогда, когда преподаваніе въ ней будетъ вестись на языкѣ украинскомъ, слѣдовательно, необходима коренная реформа низшей школы. И какъ средства вспомогательныя и переходныя къ болѣе широкой постановкѣ и созданію національной школы, считаемъ необходимымъ введеніе въ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній и особенно такихъ, откуда выходятъ учителя для народной школы (учительскіе институты, семинаріи духовныя и учительскія, церковно-учительскія школы, епархіальныя училища, женскія гимназіи и т. п.), какъ отдѣльныхъ предметовъ преподаванія: а) украинскаго языка, б) исторіи украинской литературы и в) исторіи Украины.

Б) Для дальнѣйшаго развитія народныхъ массъ внѣ школы мы считаемъ необходимымъ: а) полное уравненіе цензуры книгъ и періодическихъ изданій украинскихъ съ русскими; в) допущеніе во всѣ библіотеки всѣхъ книгъ, разрѣшенныхъ цензурою.

Для пополненія же и подготовки знаній учебнаго персонала народной школы въ каникулярное время организовать курсы по вышеназваннымъ тремъ предметамъ: украинскому языку, исторіи литературы украинской и исторіи Украины[1])

Другой документъ представляетъ записку воспитанниковъ херсонской учительской семинаріи, посланную ими на имя предсѣдателя комитета министровъ.

Мы, нижеподписавшіеся, воспитанники херсонской учительской семинаріи, признавая одной изъ существенныхъ нуждъ южной Россіи отсутствіе украинской національной школы, а вслѣдствіе этого лишеніе южно-русскаго народа образованія даже такого, какое доступно въ сѣверныхъ губерніяхъ, рѣшили внести свою петицію въ комитетъ министровъ для разсмотрѣнія изложенныхъ въ ней положеній и проведенія ихъ въ жизнь, о чёмъ

[1]) «Полтавщина», № 117, въ статьѣ г. Л. Ж. «Любопытный документъ». Записка подписана 50-ю лицами.

и рѣшили ходатайствовать. Излишне было бы рисовать картины массового невѣжества украинскаго народа, лишеннаго своей родной школы и литературы, священнаго писанія, популярныхъ книгъ по сельскому хозяйству и другимъ отраслямъ знаній и принужденнаго имѣть дѣло съ книгами, написанными русскимъ совершенно непонятнымъ для него языкомъ. Излишне было бы напоминать о неудовлетворительности современной южно-русской школы, преслѣдующей какія-то эфемерныя и чуждыя духу истинной школы цѣли ассимиляціи украинской національности и не отвѣчающей основному дидактическому правилу, что обученіе должно идти въ строгой постепенности отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Въ южной школѣ, безъ всякихъ предисловій и вступительныхъ бесѣдъ, обученіе начинается на русскомъ непонятномъ для дѣтей языкѣ и даже объясненій и переводовъ на родную рѣчь, хотя на первыхъ порахъ, не дозволяется. Только чрезмѣрными усиліями учителя за 3 мучительныхъ года такого обученія удается достигнуть того, что дѣти заучатъ нѣсколько русскихъ словъ (до фразъ еще далеко!), которыми они пользуются въ стѣнахъ школы, по выходѣ изъ которой скоро забываютъ вмѣстѣ съ злосчастной „наукой", какъ чуждое и непонятное. Печальные результаты постановки обученія въ южной школѣ приходится наблюдать на каждомъ шагу. Почему такая немилость, если не жестокость, обрушилась именно на южную Русь? Чего именно хотятъ добиться этими мѣрами систематическаго лишенія малороссовъ истиннаго образованія? Кто отвѣтитъ открыто и добросовѣстно на эти жгучіе вопросы? А между тѣмъ эти вопросы съ неотразимой силой начинаютъ требовать своего немедленнаго рѣшенія. Начиная отъ интеллигента украинца и кончая простымъ деревенскимъ крестьяниномъ, каждый задаетъ себѣ эти вопросы. Почему же въ самомъ дѣлѣ 25-милліонный народъ лишенъ своей родной національной школы, богослуженія, литературы? Неужели этотъ народъ наравнѣ съ другими не отбываетъ государственныхъ повинностей: не платитъ податей, налоговъ, не проливаетъ своей крови за отечество? Неужели этотъ народъ не въ правѣ называться россійскими гражданами? Какъ граждане, этотъ народъ, а въ томъ числѣ и мы, воспитанники х. у. семинаріи, просимъ немногаго: дайте намъ національную украинскую школу. Снимите съ украинской литературы тѣ спе-

ціальныя запрещенія и ограниченія, которыя тяготѣютъ надъ ней, дайте ей свободный доступъ въ библіотеки, народныя читальни. Мы, воспитанники, будущіе учителя народа, какъ будемъ объяснять въ школѣ, что такое „лапти“, „овины“, и „риги“, когда мы сами еще не имѣемъ настоящаго понятія о „ригѣ“? Мы учимся въ южно-русскихъ семинаріяхъ, но въ этихъ семинаріяхъ нѣтъ ничего, чтобы напоминало югъ; эти семинаріи заражены той же пресловутой идеей ассимиляціи; какъ и народныя школы, не считаются онѣ съ индивидуальными особенностями южно-русскаго населенія. Дайте намъ болѣе пригодныя семинаріи. Вообще наши требованія сводятся къ тому, чтобы для южной Руси были даны: 1) Національно-украинская начальная школа съ украинскимъ языкомъ и русскимъ, какъ отдѣльнымъ предметомъ преподаванія; 2) Освобожденіе украинскаго слова и уравненіе на правахъ съ русскимъ; 3) Національно-украинскія учительскія семинаріи съ украинскимъ языкомъ и русскимъ, какъ отдѣльнымъ предметомъ преподаванія и 4) Разрѣшеніе устройства учительскихъ курсовъ украинскаго языка для учителей, которые пожелаютъ преподавать въ южно-русскихъ народныхъ школахъ. Признавая свою петицію вполнѣ законной, необходимой и своевременной, мы, воспитанники х. у. семинаріи, просимъ, по разсмотрѣніи ея комитетомъ, провести высказанныя въ ней пожеланія обязательно въ жизнь, при чемъ присовокупляемъ, что учиться и учить при теперешнемъ положеніи нашей школы нѣтъ никакой возможности [1])

Приведенные, взаимно другъ друга дополняющіе, документы представляютъ въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно любопытное явленіе не только по своему содержанію, но еще болѣе по своему происхожденію. Въ то время, какъ съ бюрократическихъ вершинъ мы слышимъ мнѣнія о томъ, что украинская школа для украинскаго народа «не вызывается потребностями дѣла»—снизу, изъ среды того же народа, все сильнѣе и сильнѣе раздаются голоса въ совершенно противоположномъ смыслѣ. Люди, которые въ большинствѣ вышли изъ народа, которые готовятся къ незамѣтной, но ве-

---

[1]) „Полтавщина“, № 128. Записка имѣетъ около 80 подписей.

ликой роли народныхъ просвѣтителей, часть которыхъ уже практически знакома съ этимъ тяжелымъ и, при настоящихъ условіяхъ, крайне неблагодарнымъ трудомъ,—прямо и опредѣленно заявляютъ, что школа у насъ народная «только потому, что зданіе ея стоитъ между крестьянскихъ избъ», и что «учиться и учить при теперешнемъ положеніи нашей школы совершенно невозможно». Бывшіе и будущіе дѣятели на нивѣ народнаго образованія, несомнѣнно не разъ задумывавшіеся надъ условіями ожидающей ихъ дѣятельности, неопровержимо осуждаютъ тотъ путь, которымъ идетъ школа на Украинѣ, и указываютъ новый—единственно правильный и цѣлесообразный. Это фактъ огромной принципіальной важности и практическаго значенія,—фактъ, предъ которымъ должны умолкнуть голоса близорукихъ политиковъ, недалекихъ доктринеровъ и просто празднободтающихъ людей, которые и теперь продолжаютъ отстаивать систему калѣченья украинскаго ребенка ради невѣдомыхъ и въ сущности недостижимыхъ цѣлей... Важенъ этотъ фактъ и въ другомъ отношеніи—какъ показатель, что дѣятели будущей украинской школы ждутъ лишь возможности, чтобы приложить свои руки къ дѣлу истинно-народнаго просвѣщенія, что всѣ разсужденія о недостаткѣ учителей и т. п.—пустые и праздные разговоры, не отвѣчающіе дѣйствительности. Вѣдь сотня юношей, которые и въ положеніи учениковъ нашей поднадзорной школы не побоялись смѣло сказать правдивое слово—это готовые кадры учителей, а они, надѣюсь, не стоятъ одиноко, за ними найдутся еще и еще сотни, которые пойдутъ тѣмъ же путемъ. Что это такъ, доказываетъ хотя бы постановленіе общаго собранія кіевскаго педагогическаго общества отъ 22 и 26 мая, принявшаго въ видахъ постановки педагогическаго дѣла на надлежащую высоту, между прочимъ, слѣдующую резолюцію:

> преподаваніе въ низшей школѣ должно вестись на родномъ языкѣ учащихся по учебникамъ, составленнымъ на томъ же языкѣ, при чемъ государственный языкъ преподается какъ обязательный предметъ; въ частности *безусловно необходимо*, чтобы въ

школахъ для дѣтей малороссійскаго населенія преподаваніе всѣхъ предметовъ велось на малороссійскомъ языкѣ [1]).

Этимъ постановленіемъ кіевское педагогическое общество воскресило традиціи 60-хъ годовъ, когда «педагоги кіевскаго учебнаго округа почти цѣликомъ оказались за то, чтобъ ввести преподаваніе въ народной школѣ для малорусскаго населенія на малорусскомъ языкѣ» [2]). Кіевскіе педагоги своей резолюціей лишній разъ подчеркнули ту крайнюю настоятельность употребленія въ школѣ родного языка, на которую всегда указывали народные учителя, болѣе вдумчиво относящіеся къ своей работѣ. Еще, напр., въ 1881 г. съѣздомъ народныхъ учителей и учительницъ херсонской губерніи этотъ вопросъ былъ поставленъ и разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ [3]). Мнѣ кажется, что общій голосъ педагогическаго міра, отъ свѣтилъ науки до скромныхъ практиковъ, долженъ же имѣть значеніе при рѣшеніи вопроса прежде всего педагогическаго.

Не менѣе важно и то, что самъ народъ сознаетъ значеніе преподаванія на родномъ языкѣ. Всякій, кому приходится имѣть дѣло съ деревней (при условіи, разумѣется, не держать себя съ крестьянами недоступнымъ бариномъ) можетъ сообщить любопытныя на этотъ счетъ наблюденія; кое что изъ этихъ наблюденій попадаетъ и въ печать. «Полтавщина» сообщила недавно весьма характерный случай такого рода. На засѣданіи полтавскаго сельско-хозяйственнаго общества, при обсужденіи вопроса о введеніи въ украинскую школу народнаго языка, козакъ Власенко заявилъ, что дѣти желаютъ учиться на родномъ языкѣ, и на вопросъ предсѣдателя: «а по-русски?»—отвѣтилъ: «не желаютъ совсѣмъ» [4]). И

---

[1]) «Кіевскіе Отклики», № 147 и 144.

[2]) Ал. Ефименко—Южная Русь, т. II. СПБ., 1905, стр. 218.

[3]) Н. И. Борисовъ—Продолжительность курса въ одноклассныхъ земскихъ школахъ херсонской губ. Херсонъ, 1897; стр. 24—28.

[4]) „Полтавщина", № 109 («О народномъ образованіи на родномъ языкѣ») и № 115 («Украинскій языкъ въ сельско-хоз. обществѣ»). Ср. сообщеніе «Педагогической Хроники» (1880 г. № 33) что въ с.

г. Власенко—не единственный, который ставитъ вопросъ въ такой рѣзкой и прямолинейной формѣ. Золотоношскій корреспондентъ «Сына Отечества» въ слѣдующемъ видѣ сооообщаетъ результаты предпринятаго имъ опроса:

Мы задались цѣлью собрать кое-какія, не лишенныя интереса свѣдѣнія объ отношеніи нашего золотоношскаго крестьянина къ вопросу о малорусской рѣчи. Приступили мы къ дѣлу безъ всякой предвзятой мысли и старались ничѣмъ не насиловать мысли опрашиваемыхъ; не дѣлали при опросѣ искусственнаго подбора. Среди 378 опрошенныхъ были люди въ возрастѣ отъ 16—65 лѣтъ, бѣдные и богатые, не выѣзжавшіе изъ своей деревни и исколесившіе въ качествѣ грабарей половину Россіи. Изъ опрошенныхъ 145 грамотныхъ, 108 полуграмотныхъ, 125 безграмотныхъ. Мы поставили слѣдующіе три вопроса: 1) На какомъ языкѣ, малорусскомъ или русскомъ, предпочтительнѣе преподаваніе въ школѣ? 2) Малорусскія или русскія книги они охотнѣе слушаютъ и читаютъ? 3) Достаточно ли въ школахъ изучить чтеніе и письмо по-малорусски, или необходимо по-русски читать и писать? Отвѣты получились слѣдующіе: по первому пункту 324 высказались за малорусское преподаваніе, 46 отнеслись безразлично, 8 стояли за русское преподаваніе (всѣ—богатые мужики). По второму пункту 198 стояли за малорусскія

Старые Сенжары, Полт. губ., изъ 73 учащихся только 20 посѣщали школу „по волѣ“, остальные же—по принужденію волостного и окружного начальства; причиной этому, по объясненію учениковъ и ихъ родителей, было то, что «в школі не учать, а мучать», давая сразу читать непонятныя книги. И наоборотъ, изъ Нѣжинскаго у. сообщали туда же, что старики, слушая преподаваніе въ школѣ по „Граматкѣ“ Кулиша, говорили: «съ такой школы будетъ прокъ». Успѣхъ одной школы въ Ананьевскомъ у. объяснялся „прекрасной методой учителя—преподавать на мѣстномъ нарѣчіи, вызывающемъ въ народѣ довѣріе къ школѣ“. Подобныя же свидѣтельства встрѣчаемъ относительно различныхъ мѣстностей Екатеринославской, Полтавской, Черниговской, Подольской и Кіевской губ.; вспомнимъ также успѣхъ воскресныхъ школъ начала 60-хъ годовъ и т. п.

книги, особенно по естествознанію и исторіи, 78 стояли за русскія книги, остальные отнеслись безразлично, особенно безграмотные. По третьему пункту 118 находили достаточнымъ изученіе малорусскаго чтенія и письма, 214 находили необходимымъ читать и писать «по-панськи», «по-ученому». Интересно, что безъ нашего вопроса 221 высказали желаніе имѣть газеты на малорусскомъ языкѣ «по карбованьцю в год, або по полтинныку» [1]). 46 человѣкъ изъ бывалыхъ высказывали, что «гарно, як би ті комедії, що по нашому представляють, приїхали-б в села». Особенно хотѣлось имъ, видѣвшимъ, показать своему селу „Наталку-Полтавку", „По ревизії", „Сорочинський ярмарок" [2]).

Замѣчательно, что тѣ же результаты получались всякій разъ, когда производились опыты подобныхъ обслѣдованій. Еще, напр., въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ одной изъ воскресныхъ школъ въ Полтавѣ

каждому учащемуся предложено было прочитать нѣсколько словъ сперва изъ малорусской книги, потомъ изъ обще-русской и сказать, по какой книгѣ онъ желаетъ учиться? 12 кровныхъ великороссовъ естественно выбрали обще-русскую книгу; изъ 141 остальныхъ учащихся 129 избрали малорусскую книгу; прочіе 12 отнеслись безралично [3]).

И въ этомъ ничего нѣтъ удивительнаго; наоборотъ, было бы страннымъ услышать иной отвѣтъ, такъ какъ онъ противорѣчилъ бы самой натуральной потребности человѣка понимать читаемое

---

[1]) Ср. сообщенное въ № 133 „Полтавщины" извѣстіе, какой оживленный интересъ среди херсонскихъ крестьянъ, вызвалъ оказавшійся, къ сожалѣнію, невѣрнымъ слухъ объ изданіи въ Полтавѣ украинскаго журнала „Перша Ластівка".

[2]) „Сынъ Отечества", № 72. Перепечатано „Полтавщиной" (№ 128) въ замѣткѣ «Хочетъ ли украинскій народъ учиться на своемъ языкѣ?»

[3]) „Педагогическая Хроника" 1879 г., № 4 („Съ юга Россіи"); тотъ же фактъ у г. Протопопова въ его „Исторіи С.-Петербургскаго Комитета Грамотности", СПБ. 1898, стр. 279.

и достоенъ развѣ гоголевскаго Петрушки, читавшаго ради процесса чтенія, а не для удовлетворенія той или иной потребности. Какъ и вездѣ, среди народа Петрушки представляютъ, конечно, исключеніе и потому требованіе на украинскую школу, книгу, газету возрастаетъ съ возрастаніемъ грамотности. По сообщенію нѣжинскаго корреспондента «Кіевскихъ Откликовъ», на 8 сельскихъ библіотекъ-читаленъ нѣжинскаго уѣзда лишь въ 2-хъ не было требованій на украинскую книгу; во всѣхъ же остальныхъ библіотекахъ существовалъ весьма интенсивный спросъ книгъ на родномъ для народа языкѣ. «Неотступно требуются книги на малорусскомъ языкѣ», «тѣ немногія книги, какія есть въ нашей библіотекѣ на малорусскомъ языкѣ, читаются весьма охотно», «книги на малорусскомъ языкѣ требуются», «просятъ книгъ на малорусскомъ языкѣ», «книги на малорусскомъ языкѣ спрашиваются» [1]—таковы тѣ отзывы, которыми неизмѣнно сопровождаются отчеты лицъ, завѣдующихъ сельскими библіотеками, къ сожалѣнію, почти совершенно свободными отъ украинскихъ книгъ. «Чи нема у вас такоі книжки,—обращаются къ учителю въ Константиноградскомъ уѣздѣ,—де б росказувалось про нашого таки брата—мужика, котрий своім розумом до всього доходив і через те добре жив? Може б і ми у його де-чому навчились. Та щоб була книжка написана по нашому, щоб самим можна второпати» [2].

Дайте крестьянину,—пишетъ крестьянинъ же,—сто и болѣе хорошихъ книгъ «на изящномъ» «великороссійскомъ» языкѣ, то всѣ онѣ будутъ „лежать на суднику“ въ порядкѣ не читанными (если не сдастъ лавочнику на обертку сельдей). Книжка же на украинскомъ родномъ для него языкѣ читается съ охотой до изученія наизусть и хранится, какъ святыня. Говорится не для „краснаго слова“—нѣтъ! Самъ я крестьянинъ-малороссъ и хорошо это не по теоріи, но на практикѣ знаю. Примешься, напри-

---

[1]) „Кіевскіе Отклики“, № 44.

[1]) „Полтавщина“, № 79. Корреспонденція изъ Константинограда.

мѣръ, что-нибудь читать людямъ и даже довольно интересное на русскомъ языкѣ, то слушатели совершенно „не внимаютъ“; начни же то, что читаешь, переводить на „рідну мову“, то где только это вниманіе берется у слушателей; мгновенно люди преображаются, гдѣ та дремота и кашель дѣваются; спросите любого же чрезъ нѣсколько дней, онъ все слышанное имъ „продекламируетъ“. Да на что лучше? Каждый и въ проповѣдяхъ церковныхъ, и такъ изъ разныхъ книжекъ слышитъ, что водку пить вредно, но между тѣмъ каждый почти селянинъ говоритъ, что „це все выгадки“; появившаяся же книжка на украинскомъ языкѣ „Страшный ворогъ“ (про горилку) заинтересовала многихъ даже горькихъ пьяницъ,—и написанному въ той книжкѣ вѣрятъ [1].

Я вовсе не думаю исчерпать въ своихъ замѣткахъ море народныхъ заявленій по интересующему насъ вопросу; я привелъ только первые попавшіеся факты, почти безъ всякаго выбора. Всѣ они ясно показываютъ, чего хочетъ народъ и дѣйствительно-ли «малорусское нарѣчіе» такъ близко къ русскому языку, что «совмѣстное преподаваніе его не вызывается потребностями дѣла»; да и не о такомъ, впрочемъ, мизерномъ палліативѣ, какъ «совмѣстное преподаваніе» можетъ идти у насъ рѣчь. Общественныя учрежденія, земскія и городскія собранія, педагогическія общества и писатели, тысячи частныхъ лицъ и представителей народа— вполнѣ, кажется, опредѣленно выражаютъ одну и ту же мысль, что «учиться и учить при теперешнемъ положеніи нашей школы нѣтъ никакой возможности». Но всѣ эти заявленія встрѣчаются полнымъ пренебреженіемъ со стороны всесильной, не отдающей никому отчета въ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ бюрократіи, какъ будто направляются они въ какое то пустое пространство, на-глухо закрытое, огражденное со всѣхъ сторонъ, недоступное внѣшнимъ вліяніемъ и отзывающееся на нихъ только глухими

---

1) Кр—нъ П. О—та—«Къ борьбѣ съ холерой», „Хуторянинъ“, № 16.

звуками, которые не всегда напоминаютъ даже членораздѣльную рѣчь. Выше я свелъ на очную ставку постановленіе комитета министровъ по вопросу научнаго значенія съ отзывами людей науки и даже съ его, комитета, собственнымъ мнѣніемъ, оказывается, что на протяженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ получилось на одинъ и тотъ же вопросъ два взаимно другъ друга исключающихъ взгляда, при чемъ послѣдній по времени, въ силу непонятности своихъ мотивовъ, можетъ быть отнесенъ именно къ категоріи такихъ малоразборчивыхъ звуковъ... И опять повторяю—«не надѣйтеся на князи», такъ какъ отъ нихъ трудно было и ожидать чего-либо иного, принимая во вниманіе особенности бюрократическаго образа дѣйствій и судя по началу пересмотра украинскаго вопроса,—по тому въ высшей степени сложному, томительно-медленному и совершенно ненужному способу его разрѣшенія, который былъ намѣченъ комитетомъ министровъ и въ свое время отмѣчался мною на страницахъ нашего журнала. На этомъ частномъ примѣрѣ, можетъ быть, лучше всего подтверждается извѣстный афоризмъ Токвиля, что «исторія—это картинная галлерея, въ которой мало оригиналовъ и много копій», при чемъ послѣднія рабски воспроизводятъ всѣ ошибки и упущенія прошедшаго, несмотря на очевидную его поучительность во многихъ отношеніяхъ. Бюрократическій механизмъ, при всѣхъ различіяхъ «временъ, нарѣчій, состояній», всегда остается вѣрнымъ себѣ и не можетъ дѣйствовать иначе, какъ съ большимъ, часто непоправимымъ опоздываніемъ и громаднѣйшимъ треніемъ, сопровождающимся непроизводительной тратой силъ и средствъ. Periculum in mora, треніе возрастаетъ при повышеніи давленія—эти законы не для бюрократіи писаны, и такое забвеніе общеизвѣстныхъ законовъ систематически и неуклонно повторяется ею при всѣхъ сходныхъ историческихъ обстоятельствахъ. Характеризуя «старый порядокъ» во Франціи, тотъ же Токвиль отмѣчаетъ, что французская бюрократія всегда обнаруживала «чудовищную дѣятельность, но эта дѣятельность часто оказывается непроизводительной и даже вредной, потому что правительство не рѣдко берется дѣлать то, что́ ему не по силамъ, или въ чемъ его никто не контролируетъ. Оно вовсе не предпринимаетъ или быстро по-

кидаетъ самыя необходимыя преобразованія, для успѣшнаго завершенія которыхъ необходима настойчивая энергія; но оно безпрестанно передѣлываетъ тѣ или другія постановленія и законы. Въ занимаемой имъ области ничто ни на минуту не остается въ покоѣ. Новыя правила слѣдуютъ одно за другимъ съ такою странною быстротой, что агенты, отъ обилія приказаній, часто съ трудомъ могутъ разобрать, какъ имъ повиноваться... Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда самый законъ не подвергался передѣлкамъ, способы его примѣненія видоизмѣнялись постоянно»[1]) и т. д. Я могъ бы выписать всю соотвѣтственную главу изъ сочиненія Токвиля и увѣренъ, что если бы не назвалъ своего источника, читатель едва ли бы догадался, что рѣчь идетъ о столь далекихъ отъ насъ временахъ и отношеніяхъ...

Да, много—слишкомъ много копій въ картинной галлереѣ, именуемой исторіей! И что всего хуже—нѣтъ никакой возможности замѣнить эти малоцѣнныя произведенія борющагося и изнывающаго въ борьбѣ человѣчества более достойными помѣщенія въ галлереѣ плодами людскихъ усилій... Конечно, исторія идетъ своимъ путемъ и часъ предполагаемой замѣны приближается: рано или поздно—копіи будутъ выброшены; но тѣ, отъ кого это сейчасъ зависитъ, весьма напоминаютъ нѣкоего миѳическаго Илью, къ которому какая-то, по имени не названная, особа обращается съ укоризненнымъ нравоученіемъ:

Говорила тебѣ я:
«Ты не ѣшь грибовъ, Илья»,—
Ты не слушалъ,
Грибы кушалъ,—
Такъ пеняй же на себя!..

Хорошо той анонимной особѣ, которая съ такимъ философическимъ спокойствіемъ могла относиться къ результатамъ неумѣреннаго потребленія Ильей грибовъ! Но что дѣлать людямъ,

---

[1]) Токвиль—Старый порядокъ и революція. Москва, 1903. Стр. 82.

которые не могутъ играть роль анонимовъ и оставаться столь же спокойными зрителями происходящаго, такъ какъ понимаютъ, что въ данномъ случаѣ грибы грозятъ опасностями не одному только Ильѣ (это вѣдь его дѣло!), но и другимъ, которые въ Ильиной трапезѣ вовсе и не участвовали? Что дѣлать тѣмъ, кто не можетъ даже сказать о себѣ: «говорила тебѣ я», такъ какъ лишенъ возможности даже упоминать о грибахъ и указывать на ихъ вредоносность для государственнаго организма, въ которомъ завелись элементы броженія и разложенія?..

Илья вѣдь ничего знать не желаетъ,—онъ кушаетъ и не любитъ, если ему мѣшаютъ ..

Сергій Ефремовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ «Кіевской Старинѣ» печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XC.

1905 г.

ІЮЛЬ-АВГУСТЪ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.
1905.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

I В. Н. КАРАЗИНЪ. Его жизнь и общественная дѣятельность. (Окончаніе). *Н. Тихаго.* 1—58

II ОСКОЛКИ СТАРИНЫ ВЪ ЗѢНЬКОВСКОМЪ УѢЗДѢ *А. Твердохлѣбова.* . . . . 59—74

III. НІОБА. (Новеля). *Гл. VIII—XIV* *О. Кобылянськои* 75—107

IV КЪ ВОПРОСУ О НАРОДНЫХЪ РЕАКЦІЯХЪ ВЪ УКРАИНѢ ВЪ XVIII ВѢКѢ. *Вл. П—ко.* 108—116

V СБОРНИКЪ МАЛОРУССКИХЪ СКАЗОКЪ. *Гавріилъ Стрижевскій.* 117—165

VI КІЕВСКІЙ СОБОРЪ ВЪ 1629 ГОДУ. Протоіерей *Петръ Орловскій.* 166—173

VII КЪ ПОЛЬСКО-УКРАИНСКИМЪ ОТНОШЕНІЯМЪ ГАЛИЦІИ. *М. Грушевскій.* . . . . 174—232

Отдѣлъ II.

I БИБЛІОГРАФІЯ: а) 1) Халера; 2) Про холеру й якъ видъ неи стерегтыся. *Врачъ*; б) С. А. Блонскій. Народныя школы съ малорусскимъ языкомъ. *С. Е.*; в) Въ защиту слова. Сборникъ 2-е изданіе. *С. Е.*; г) Иванъ Франко. Збирникъ творивъ. Томъ III. Бориславськи оповидання. *Л. Жигмайло*; д) Обзоръ журналовъ текущаго года . . . . 1—32

II ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Что стоилъ Андрею Полетикѣ процессъ за с. Аксютинцы. Сообщ. *В. Модзалевскій*; б) Зѣньковскій полковникъ Василій Шиманъ и его потомство. Сообщ. *В. Модзалевскій*; в) Грамота Кіевскаго митрополита Іасафа Кроковскаго на утвержденіе скита близъ м. Моровска, основаннаго игуменомъ Лебединскаго монастыря Серапіономъ 1714 г. Сообщ. *В. Перетцъ*; г) Платье и бѣлье малорусской паніи XVIII ст. Сообщ. *Н. К. В—ый*; д) О землетрясеніи въ черниговской и полтавской губерніи въ 1839 г. Сообщ. *П. Фр. Павловскій*; е) И. П. Котляревскій — ученикъ Екатеринославской семинаріи Сообщ. *Вл. П—ко*; ж) О тысячелѣтнемъ юбилеѣ г. Переяслава. *О. Л.*; з) Екатеринославскій областной музей имени А. Н. Поля. *А. Скриленко.* . . . . 33—57

ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ . . . . 57—81

ОБЪЯВЛЕНІЯ . . . . 1—3

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

ТОМЪ XC.

1905 г.

ІЮЛЬ-АВГУСТЪ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра Акціон. О-ва печ. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1905.

Дозволено Цензурою. Кіевъ, 11 іюля 1905 г.

Василій Назаровичъ Каразинъ.

(Его жизнь и общественная дѣятельность [1]).

ГЛАВА X.

Опала.

(1821—1831).

Бѣдственное положеніе Каразиныхъ и просьбы о помилованіи. Письмо къ имп. Николаю I и облегченіе участи семьи. Сельскія занятія съ 1826 г. Семейная жизнь. Знакомство съ М. П. Погодинымъ (1829). Избраніе въ Предсѣдатели Уголовной Палаты (1828—1830). Поѣздка въ Москву и столкновеніе съ А. Х. Бенкендорфомъ. (1831). Пятое наказаніе и высылка изъ Москвы. Письмо къ императору Николаю I (1831).

Ссылка В. Н. Каразина продолжалась до конца 1826 г., слѣдовательно около 6 съ половиною лѣтъ. О жизни въ тотъ періодъ времени Каразина мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Сохранившіяся «Дневныя записки» съ 1821 г. не обнародованы, а переписка, будучи обставлена тяжелыми формальностями, прекратилась. Можно сказать только, что запрещеніе выѣзда изъ деревни очень пагубно отразилось на хозяйственныхъ дѣлахъ В. Н. Каразина. Въ 1824 г. часть села Кручика перешла за долги въ чужія руки. «Сего 1824 г. іюля мѣсяца въ 22 день чиновники земскаго суда, прибывъ съ секретаремъ и приглашенными дворянами въ село Кручикъ, ввели во владѣніе большей половины онаго, поручика графа Подгоричани-Петровича. А еще въ прошедшемъ году остальная часть села взята въ казенный присмотръ»... доносилъ кручанскій священникъ епископу Павлу Саб-

[1]) См. Кіевск. Стар., № 6.

батовскому [1]). Въ 1825 г. онъ, находясь больной въ постели и уже думая о близкой смерти, писалъ въ Таганрогъ къ императору Александру I, прося его «сжалиться надъ несчастнымъ семействомъ», въ виду совершенно разстроившагося хозяйства. Письмо это не дошло по назначенію. Въ іюнѣ 1826 г. Каразинъ отправилъ новую просьбу о помилованіи императрицѣ, при чемъ адресовался отъ имени своей жены [2]). Въ какомъ положеніи находились Каразины къ этому времени, свидѣтельствуетъ «записка слободско-украинскаго губернатора Муратова о статскомъ совѣтникѣ Каразинѣ» отъ 1-го марта 1826 г. «Каразинъ, писалъ онъ въ Петербургъ, такъ обремененъ долгами, что собственное его имѣніе, с. Кручикъ, необходимо подвергнется конфискаціи и продажѣ съ публичнаго торга на уплату его долговъ, почему мнѣ нужно разрѣшеніе, гдѣ долженъ будетъ имѣть пребываніе Каразинъ, когда село Кручикъ обратится въ продажу?» [3])

Государыня обратилась съ запросомъ къ барону Ив. Ив. Дибичу (генералъ-адъютанту), который снесся съ гр. Кочубеемъ. Послѣдній письмомъ отъ 16-го іюля далъ требуемыя справки о дѣятельности Каразина въ Петербургѣ, о его сношеніяхъ съ государемъ Александромъ Павловичемъ, о причинахъ его заточенія въ Шлиссельбургѣ и ссылкѣ въ деревню. «Я съ своей стороны присоединить себѣ позволяю, писалъ Кочубей, что не можетъ, кажется, быть препятствія удовлетворить просьбѣ г-жи Каразиной... Заточеніе мужа ея въ деревнѣ можетъ быть дѣйствительно для семейства его разорительно, между тѣмъ какъ полагать можно, что собывшееся съ нимъ и лѣта успокоили пылкое его воображеніе» [4]). Но просьба А. В. Каразиной, равно какъ и видимое сочувствіе Кочубея, не раздѣлявшаго убѣжденія въ виновности Василія Назаровича, не произвели желаннаго дѣйствія: 4-го августа было получено письмо изъ Петербурга «дежурнаго генерала» съ рѣшительнымъ отказомъ государя на просьбу Каразина [5]). Но въ тотъ же день распоряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ были потребованы отъ разныхъ лицъ «подписки о непринадлежности къ тайнымъ обществамъ, при чемъ Василію На-

---

[1]) „Харьковскій Сборникъ", 1887 г., стр. 59.

[2]) Записки къ импер. Николаю I („Русск. Стар."—1870 г. т. II, 567.

[3]) „Русск. Стар." 1900 г. іюль, 154 стр.

[4]) Шильдеръ. Императоръ Александръ I т. VI, стр. 545.

[5]) Письмо къ Императору Николаю I „Русская Старина", 1870 г. т. II, стр. 567.

заровичу было разрѣшено объяснить въ особомъ всеподданнѣйшемъ письмѣ несчастную его исторію по поводу этихъ обществъ» [1]).

25-го числа того же мѣсяца Каразинъ узналъ о состоявшемся разрѣшеніи и... съ радостью принялся за письмо къ новому государю. Семья пришла въ ужасъ отъ намѣренія Василія Назаровича. По примѣру прежнихъ лѣтъ *можно было ожидать новаго увлеченія* его и еще бóльшаго ухудшенія безотраднаго положенія Каразиныхъ. Два письма удалось перехватить и уничтожить «бѣдному напуганному несчастіями семейству», какъ объяснялъ Василій Назаровичъ въ 3-емъ письмѣ. Наконецъ, третье письмо, «писанное въ квартирѣ Ушинскаго тайкомъ отъ жены» [2]), дошло по назначенію. Характеръ письма Василій Назаровичъ объяснилъ самъ въ началѣ его: «я стану продолжать писать, хотя дрожащею рукою и исполненный глубочайшаго *должнаго* благоговѣнія, но съ тою же самою свободою, которая одушевляла мои бумаги въ продолженіе двадцати лѣтъ, писанныя къ моему незабвенному благотворителю, блаженной памяти августѣйшему брату вашему, государь!» Стараясь оправдать свои мысли и дѣйствія, за которыя пришлось несть столь тяжкія и долгія испытанія, Василій Назаровичъ указывалъ на справедливость своихъ указаній и на то, что результатомъ невниманія къ нимъ явилось 14-ое декабря; что планы его въ 1820 году нашли сочувствіе «нѣсколькихъ извѣстныхъ государю особъ», что всѣ стремленія его клонились къ благу любимаго отечества, ибо, указывая на «странное направленіе умовъ», писалъ Каразинъ «не о себѣ и о *своихъ* я помышлялъ, но о томъ только, какъ бы менѣе всѣмъ существомъ моимъ, хотя бы оно вдребезги разбилось, ударить въ сердце государево». Кончивъ апологію своихъ дѣйствій, Каразинъ съ жаромъ началъ излагать свои мысли о необходимости итти впередъ по пути прогресса: Василій Назаровичъ вновь забылъ о себѣ и своихъ, стремясь «ударить въ сердце государево». «Я хотѣлъ всецѣльно, и сколько отъ ничтожнаго частнаго человѣка могло зависѣть, предупредить—не только казавшуюся мнѣ близкою революцію, не и всѣ возможныя впослѣдствіи времени революціи, обративъ вниманіе государя *не-деспота* на противорѣчія между разливающимся черезъ всѣ сословія въ народѣ просвѣщеніемъ и формами правленія, которыя могли быть приличны прошедшимъ лишь вѣкамъ: противорѣчія, кои необходимо, по об-

---

[1]) Тамъ же, стр. 560.

[2]) Письмо Филадельфа Васильевича Каразина. Г. П. Данилевскій. „Украинская Старина“ Харьковъ, 1886, стр. 167.

щимъ законамъ моральнаго міра, производятъ и всегда будутъ производить одно *дѣйствіе»*, намекалъ Каразинъ на одинаковое не прогрессирующее положеніе вещей при новомъ государѣ: «Ничто не поможетъ, нѣтъ никакого средства, не достанетъ никакой человѣческой силы остановить колесо, или дать ему противное движеніе». «Гдѣ, кромѣ Карамзина, найдемъ историковъ, которые одобряли бы самовластіе?» Здѣсь, какъ бы спохватившись, Василій Назаровичъ добавляетъ. «Но я употребляю во зло, можетъ быть, столь милостиво дарованное мнѣ позволеніе? Для того, можетъ быть, пишу, чтобы увеличить еще вину мою, предоставить ее во всей ея наготѣ?» [1]). Дѣйствительно, трудно было бы ожидать послѣ подобнаго письма улучшенія участи В. Н. Каразина, который, оправдывая «антиправительственныя» дѣйствія свои (какими ихъ по крайней мѣрѣ считали въ Петербургѣ въ 1820 г.), открыто выражалъ порицаніе современному положенію вещей, которое надо также принять къ свѣдѣнію. Но вопреки опасенію самого В. Н. Каразина, императоръ Николай Павловичъ, прочитавъ письмо и приложенные къ нему списки съ поданныхъ Кочубею и имп. Александру въ 1820 г. записокъ и писемъ, помиловалъ опальнаго: въ резолюціи барона Дибича отъ 28-го окт. 1826 г. относительно дальнѣйшей судьбы Каразина было сказано: «Высочайше позволяется ему пребывать и въ Москвѣ, буде желаетъ, но съ тѣмъ, чтобы воздержался отъ всякаго сужденія, къ нему не принадлежащаго [2]). Въ Петербургъ В. Н—чу былъ воспрещенъ въѣздъ до самой смерти. Позднѣе гр. А. К. Бенкендорфъ приписывалъ освобожденіе Вас. Наз—ча своему ходатайству [3]).

Занятія Василія Назаровича послѣ освобожденія отъ стѣснительнаго положенія (т. е. 1826 года) были продолженіемъ его занятій до 1820 г. Домоводство, примѣненіе открытій по химіи и физикѣ къ потребностямъ человѣка, новые опыты по метеорологіи, собираніе историческихъ матеріаловъ, работы въ области литературы и дѣятельная переписка съ незабывавшимъ уважаемаго В. Н. Каразина обществомъ—наполняли жизнь кручанскаго помѣщика; разница лишь въ томъ, что правитель дѣлъ неупраздненнаго de iure филотехническаго общества пересталъ представлять ему и печатать отчеты о своихъ дѣйствіяхъ, благодаря чему мы не можемъ съ точностью обозначить время тѣхъ

---

1) Русск. Стар. 1870 г. т. II, стр. 567.
2) Шильдеръ. „Импер. Алекс. I", с. IV, приб. X.
3) „Русская Стар." 1903 г., апр. стр. 20.

или иныхъ его работъ, какъ это было удобно дѣлать, имѣя передъ собой отчеты филотехническаго общества.

Объ опытахъ своихъ по сельскому хозяйству, домоводству, которыхъ В. Н. не оставлялъ ни на минуту, онъ печаталъ впослѣдствіи (съ 1838 по 1841 г.г.) въ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ». Такъ, мы видимъ здѣсь статьи его «О посадкѣ картофеля на поляхъ», гдѣ рекомендуется сажать больше картофеля, какъ необыкновенно полезнаго въ смыслѣ перемѣны растительности на пахати и въ смыслѣ удобренія почвы листомъ картофеля, дающей лучшіе урожаи зерноваго хлѣба. Рекомендуется посадка однихъ «глазокъ» картофеля, съ цѣлью сбереженія пропадающаго въ землѣ клубня, и *засѣваніе* полей сѣменами картофеля. Въ другомъ мѣстѣ предлагается, *на основаніи собственныхъ опытовъ*, продавать заграницу не хлѣбъ, идущій тамъ на выработку спирта, а самый спиртъ, уменьшивъ, такимъ образомъ объемъ продукта въ пять разъ. Въ виду очевидныхъ большихъ выгодъ, В. Н. задумалъ проектъ торговли съ иностранцами спиртомъ въ большихъ размѣрахъ. «Большой тутъ премудрости не надо! Слишкомъ за годъ началась уже переписка съ чужестранными негоціантами по сему предмету. Заводъ почти готовъ. Составимъ общество для опыта, назначивъ акцію въ сто рублей асс. Есть на лицо четыре члена, которые будутъ ожидать извѣщенія отъ желающихъ въ харьковскую справочную контору» [1]). Проектъ впрочемъ такъ и остался проектомъ. Общество, повидимиму, не состоялось, и выгоды «собственныхъ опытовъ» Каразина никого не тронули. Опытами по винокуренію Каразинъ, какъ мы видѣли, занимался еще съ 1806 года. Теперь въ Кручикѣ стоялъ цѣлый заводъ, вырабатывавшій алкоголь. Заводъ этотъ перешелъ послѣ смерти Каразина къ его зятю-преемнику Сявцилло, а потомъ къ зятю Сявцилло—Земборскому, у котораго и пропалъ совсѣмъ. Крестьяне, глубокіе старики, разсказываютъ еще теперь, какъ Каразинъ отправлялъ «нѣмцамъ» цѣлыми обозами—«алкоголій» въ высокихъ бѣлыхъ металлическихъ цилиндрахъ. Невдалекѣ отъ барскаго дома дѣйствовала лабораторія, вырабатывавшая разные химическіе продукты. Начало этой лабораторіи относится, конечно, къ болѣе раннему времени: вѣроятно ея учрежденіе было въ связи съ учрежденіемъ филотехническаго общества. Крестьяне кручанцы разсказываютъ теперь, что мастерами въ лабораторіи были плѣнные французы (по одной версіи 11, по другой 30), которыхъ Каразинъ послѣ войны 1812 года пріютилъ у себя. Для французовъ этихъ

---

[1]) «О торгѣ за границу хлѣбными спиртами» «Х. Г. В.» *1838 г.* № 50, стр. 421—425.

было выстроено особое общежитіе; тѣ изъ нихъ, которые не знали никакого ремесла, окапывали глубокими рвами (1 кв. саж.) лѣса В. Н. Каразина; эти рвы до сихъ поръ удивляютъ своей необычной глубиной. Большинство же иностранцевъ работали въ лабораторіи или занимались какимъ либо мастерствомъ—дѣлали косы, кирпичи, горшки, вырабатывали прекрасную юфть (кожу), которой, какъ мы видѣли, хвалился Вас. Наз. въ собраніи филот. общества. У опытныхъ мастеровъ въ лабораторіи учились и свои крестьяне-кручанцы, становившіеся потомъ на мѣсто учителей. Отецъ одного старика, разсказывавшаго мнѣ о «рабалаторіи»—Иванъ Катко, былъ однимъ изъ такихъ лаборантовъ.

Занимаясь разными опытами по упорядоченію домоводства, Каразинъ, между прочимъ, описалъ приготовленіе дерева для столярныхъ работъ особымъ способомъ; онъ вываривалъ доски въ спеціальныхъ длинныхъ металлическихъ ящикахъ, послѣ чего дерево ссаживалось, дѣлалось болѣе легкимъ, не трескалось и становилось почти недоступно влагѣ; предвидя дороговизну подобной обработки матеріала, Каразинъ придумалъ совсѣмъ простой и дешевый способъ. Онъ промывалъ доски въ проточной водѣ, хотя въ послѣднемъ случаѣ онѣ уступали въ добротности вывареннымъ [1]). Интересны опыты надъ приготовленіемъ хорошихъ дровъ. Ихъ Каразинъ или получалъ естественной сушкой деревъ въ теченіе зимы, весны и лѣта, или болѣе скорой искуственной. Для этого онъ заключалъ нарубленныя дрова въ металлическіе цилиндры съ замазанными наглухо крышками, чрезъ которыя проходила металлическая же трубка. Въ эту трубку проходилъ дымъ и пары жидкости, которые сгущались въ холодильникѣ и давали составъ, названный Каразинымъ *коптиломъ* и составляющій существенную часть копченыхъ съѣстныхъ припасовъ: ложечки этой жидкости достаточно было прибавить въ воду, гдѣ варится окорокъ, чтобы онъ превосходно прокоптился. Дрова, приготовленныя описаннымъ способомъ, теряли двѣ трети вѣса, жарко горѣли и не дымили, а на приготовленіе ихъ расходовалось всего небольшое количество соломы [2]). Опыты надъ полезнѣйшимъ употребленіемъ дерева продолжались, вѣроятно, долгое время; по крайней мѣрѣ такъ надо судить по техно-хозяйственному трактату «О сженіи угля съ расчетомъ» (напеч. въ «Х. Губ. Вѣд.» за 1841 г. №№ 8, 9, 10 и 11). Опыты эти начались еще до 1820 года, ибо еще въ проѣздъ Гумбольда черезъ Москву (1817 г.)

---

[1]) „О приготовл. дерева на столярн. работу“ 1838 г. № 10, стр. 93—94.

[2]) „Х. Г. В.“ 1838, стр. 55—57, № 6.

Каразинъ уже подарилъ ему жабу бальзамированную извлеченнымъ имъ отъ обработки дерева пирогонономъ. Жаба настолько сохранилась, что «ее можно было почесть за живую». То же дерево при обжиганіи на уголь давало цѣлыя два ведра прекраснаго древеснаго уксуса и смолы, пропадающихъ обыкновенно въ воздухѣ въ видѣ дыма, а между тѣмъ на эти самые продукты, въ свою очередь, приходилось жечь много лѣса, которымъ не безъ основанія такъ дорожилъ Каразинъ. Чтобы проектъ не остался глухой проповѣдью, Вас. Наз. указывалъ на большія выгоды отъ примѣненія рекомендуемыхъ имъ мѣръ (30% экономіи), предлагалъ даромъ дать желающимъ выработанные имъ чертежи заводовъ, печей и приспособленій. Причина такого безкорыстія одна и та же—страстное желаніе принести пользу дорогому отечеству вообще и полуденному краю въ частности. Во всѣхъ упомянутыхъ статьяхъ, да и во всей научно-литературной дѣятельности В. Н. Каразина сквозитъ эта идея. Василій Назаровичъ прежде всего оставался *общественнымъ* дѣятелемъ. «Добрые украинцы!—восклицаетъ въ одной изъ указанныхъ статей Каразинъ,—испытайте насадить хоть по полосѣ картофеля въ хлѣбныхъ поляхъ вашихъ. Увидите, какъ это полезно»! «Далъ бы Богъ, чтобы у насъ въ полуденныхъ губерніяхъ, хоть бы въ сосѣдствѣ городовъ, небольшими попытками, ввелось воздѣлываніе въ поляхъ коренистыхъ растеній! И скотоводство, и земледѣліе нашли бы въ томъ *большія* выгоды: и неурожаи не были бы страшными»! («Х. Г. В.» 1838, стр. 82—83). «Какъ обрадованы будутъ поселяне этимъ для нихъ открытіемъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, рекомендуя *уѣзднымъ начальствамъ* ознакомить крестьянъ съ полезнымъ совѣтомъ сѣять картофель: «мало-по-малу введется у нихъ и *турнепсъ* для корму скота и сахаристая свекловица... между тѣмъ, какъ избытокъ картофлей замѣнитъ драгоцѣннѣйшее хлѣбное зерно, которое, не какъ картофель!.. можетъ пролежать десятилѣтія въ ямахъ и насыщать потомковъ въ несчастные годы» («Х. Г. В.» 1841, стр. 215).

Лѣсоистребленіе въ южной Россіи очень безпокоило Каразина. Съ 1805 года онъ старался искоренить порокъ неосмотрительнаго отношенія къ рубкѣ деревъ, заставляя своихъ крестьянъ сажать деревья на межахъ пахатей, совѣтуя въ брошюрахъ, газетныхъ статьяхъ—бережливое отношеніе къ лѣсамъ или, по крайней мѣрѣ, полную утилизацію срубленнаго дерева. Ко времени проѣзда государя черезъ Харьковъ, въ 1817 году, Каразинъ приготовилъ докладъ филотехническому обществу (въ засѣданіи котораго, онъ надѣялся, будетъ присутствовать государь)—„Рѣчь о важности лѣсоводства наипаче для Россіи“, гдѣ раскрывалъ картину оголѣнія Россіи отъ лѣсовъ и вредныя послѣдствія этого

факта. Печальному положенію лѣсовъ родины, Каразинъ указывалъ исходъ, обращая вниманіе на выгоду лѣсоразведенія, и въ виду поднятія цѣнности земли, а иногда и утилизаціи никуда негодной почвы; нѣкоторые помѣщики дѣйствительно достигли такихъ результатовъ: «Умершій зміевской помѣщикъ Иванъ Яковлевичъ Д-скій оставилъ своимъ дѣтямъ до семи сотъ десятинъ бора, которымъ онъ покрылъ сыпучіе нѣкогда пески, и многія изъ сосенъ уже строевыя деревья о сю пору. Д-скій, по ходатайству гражданскаго губернатора Бахтина, былъ награжденъ за это орденомъ св. Владиміра» [1]). Очень вѣроятно, что эта награда—слѣдствіе хлопотъ В. Н. Каразина во имя общей идеи, которому Бахтинъ во многомъ сочувствовалъ и содѣйствовалъ. Рядомъ съ хлопотами о лѣсоразведеніи Вас. Наз. занимался акклиматизаціей новыхъ родовъ деревъ, выписываемыхъ имъ при посредствѣ заграничныхъ комиссіонеровъ. Помѣщикамъ указывалъ на то-же занятіе и безкорыстно предлагалъ свои хлопоты всѣмъ желающимъ слѣдовать его примѣру: «Я лично берусь за труды выписки сѣмянъ и высадковъ» («Харьк. Вѣд.» 1838, № 15, стр. 148).

О химическихъ и техническихъ опытахъ Каразина, примѣнительно къ потребностямъ домоводства, мы находимъ свѣдѣнія также въ статьяхъ, печатанныхъ позднѣе. Въ лабораторіи Каразина приготовлялась особая крупа изъ картофельнаго крахмала съ яйцами, превосходившая своимъ вкусомъ и питательностью всѣ роды крупъ, макароны на мясномъ отварѣ, крахмалъ, солодило или діастазъ, спиртъ; приготовлялось коровье масло при помощи селитры и сахара, хорошо, въ такомъ случаѣ, сохранявшееся и пріобрѣтавшее лучшій вкусъ, кофе изъ цикорія и лѣсного проса, близко подходившаго вкусомъ къ настоящему кофе;

---

[1]) О прекрасной личности Ив. Ив. Бахтина сообщаетъ намъ свѣдѣнія Фил. Вас. Каразинъ. Василій Назаровичъ просилъ имп. Александра назначить этого человѣка на мѣсто губернатора Артакова; когда указъ состоялся, Вас, Наз., до его объявленія, снялъ потихоньку копію и прочелъ ее за обѣдомъ у Бахтина въ присутствіи всѣхъ гостей; затѣмъ вышелъ въ переднюю, принесъ оттуда бутылку клико и предложилъ присутствующимъ выпить за здоровье новаго губернатора.—Выборъ Вас. Наз-ча былъ очень удаченъ. Иванъ Ивановичъ въ продолженіе своей 13-тилѣтней службы содѣйствовалъ университету, а послѣ отставки, харьковцы въ знакъ признательности поднесли любимому губернатору 40 тыс. рублей въ уплату его долговъ. Имя Бахтина было вырѣзано на мраморной доскѣ, висѣвшей въ залѣ дворянскаго собранія. Графъ Потоцкій съ глубокимъ уваженіемъ аттестовалъ личность Бахтина (въ рескриптѣ отъ 19 апр. 1804 года Завадовскому) „Русс. Стар.“ 1875 г. т. XIV стр. 278—279.

эссенціи изъ разныхъ огородныхъ душистыхъ травъ для кушаній; свѣчи изъ стеарина, воска и «апосидора» (сколько его въ околѣвающихъ овцахъ и другой падали полуденныхъ стадъ!.. Но онъ у насъ даже и волкамъ не всегда идетъ въ пользу); оттопленные мозги разныхъ животныхъ для французской помады, дешевое мыло изъ животнаго сала и растительныхъ маслъ; разные аптекарскіе препараты, эссенціи цѣлебныхъ растеній, масло шпанскихъ мухъ, соду, селитру, скипидаръ, нашатырь, мѣдный купоросъ; деготь изъ коры древесной, эссенціи для душистыхъ ваннъ [1]), краски изъ различныхъ богатыхъ красящимъ сокомъ растеній, (марены, дроку), сахарную кислоту (acidum oxalicum), необходимую для красильныхъ фабрикъ и выписываемую изъ-за границы, добывался «пирогононъ»; эссенція дубильной кислоты, доведенная до густоты патоки, употреблялась самимъ Каразинымъ для выдѣлки прекрасной перчаточной кожи изъ шкуръ зайцевъ [2]). Все вышеописанное не было одними мыслями Вас. Наз-ча; каждый продуктъ былъ имъ самимъ выработанъ и слѣдовательно наглядно представлялъ возможность обработки его; ибо Каразинъ рекомендовалъ обществу то или другое производство; кромѣ упомянутыхъ удачныхъ опытовъ, вѣроятно, Каразинъ работалъ еще очень много по подобнымъ же предметамъ, не достигая благополучныхъ результатовъ; о томъ мы находимъ намеки въ его статьяхъ [3]). Но, кажется, рѣдко принимались обществомъ свѣдѣнія, доставляемыя трудами и заботами Каразина. Мы имѣемъ указанія на одно изобрѣтеніе, получившее примѣненіе—это лекарство Каразина противъ холеры [4]).

---

1) „Парижанки ими будутъ наслаждаться“: „des bains russes? des bains à exstraits? mais c'est delicieux“!..

2) „Хар. Губ. Вѣд.“ 1840 г. № 39, 40, 41, стр. 339—345, 351—353 и 363—365.

3) Москвитянинъ, ч. III, № 6 1842 г., стр. 387.

4) Дѣло было въ 1830 году, когда въ Москвѣ и другихъ городахъ Россіи свирѣпствовала холера. Рецептъ своего средства Вас. Наз. послалъ въ Москву М. П. Погодину: «Поздравляю васъ отъ всего сердца на новомъ поприщѣ благотворенія»,—писалъ Вас. Наз. Погодину, который принималъ разныя мѣры во время эпидеміи: издавалъ особое прибавленіе къ «Московскимъ Вѣдомостямъ» имъ редактированнымъ, „Вѣдомость о состояніи города Москвы“, чтобы предупредить панику населенія отъ разныхъ ложныхъ слуховъ, занимался сборомъ и распредѣленіемъ пожертвованій пострадавшимъ семьямъ и проч. „Донесите, пожалуйста князю Дмитрію Владиміровичу (московск. ген.-губ.), ибо полагаю, что вы ему докладываете лично, что я послалъ подъ адресомъ г. издателю „Московскихъ Вѣдомостей“ средство про-

Приборы для опытовъ вычерчивалъ и составлялъ самъ В. Н. Каразинъ. Отличительная ихъ черта—удивительная простота. Всякій приборъ исполнялъ сразу нѣсколько назначеній: служа для обработки какого-либо продукта сельского хозяйства, онъ, въ тоже время, сохранялъ многіе полезные составные элементы, обыкновенно пропадавшіе въ воздухѣ или выбрасываемые. При добываніи спирта изъ вишенъ, сохранялась алая краска ихъ, при сушкѣ дровъ въ простыхъ жестяныхъ цилиндрахъ собиралось цѣнное «коптило», при сженіи угля добывалась одновременно смола, уксусъ и проч. Способности В. Н. Каразина въ техникѣ сказались особенно ярко въ проектѣ, даже сооруженіи паровой лодки (еще въ 1809 г.) и въ идеѣ отапливать зданія водяными парами. Теперь въ безчисленномъ множествѣ случаевъ пользуются этой идей, но едва ли кто знаетъ, что первая мысль о томъ принадлежитъ В. Н. Каразину. Проектъ свой Вас. Наз. посылалъ въ Петербургъ, въ комиссію для перестройки зимняго дворца, съ детально вычерченными частями; но комиссія «сдала проектъ въ архивъ», а въ 1841 году нѣмецъ Кипферлингъ выдавалъ за свое изобрѣтеніе проектъ В. Н. Каразина [1]).

тивъ холеры, которое вѣрно, лишь бы только было употреблено надъ разнемогающимся еще. Это русская баня. Предохранительное же для пріема внутрь, которое я вамъ, какъ другу, рекомендую, состоитъ въ горькой водѣ, по утрамъ на тощій желудокъ принимаемой. Смѣсь изъ одной части полыня, или одного трилистника, и двухъ частей хмелю въ томъ видѣ, какъ онъ хлѣбниками и пивоварами употребляется; наливается кипяткомъ и поставить немножко попрѣть. Сей смѣси одной щепотки на чашку кипятку довольно. Но послѣ должно простудить и пить холодное". (Н. Барсуковъ „Ж. и Тр М. П. Погодина", т. Ш, стр. 216—217). Въ „Сѣв. Пчелѣ" 1860 г. № 92 находимъ письмо моск. ген.-губернатора Дмитрія Голицина отъ 21 окт. 1830 г.; „М. Г. мой Василій Назаровичъ! Письмо ваше ко мнѣ отъ 15 окт. и приложенныя при ономъ бумаги объ изобрѣтенномъ вами способѣ леченія болѣзни холеры я препроводилъ къ г. управляющему министерствомъ вн. дѣлъ на тотъ конецъ, дабы онъ представилъ изъясненный въ бумагахъ способъ леченія разсмотрѣть медицинскому совѣту управляемаго имъ министерства»... Въ примѣчаніи къ послѣднему письму Фил. Вас. Каразина значится: «Докторъ Маркусъ одобрилъ этотъ способъ леченія холеры, какъ видно изъ замѣтки рукой Вас. Назаровича на этомъ письмѣ».

[1]) Въ доказательство авторства Каразина идеи о паровомъ отопленіи приведемъ слѣдующее свидѣтельство самого Каразина: «Когда дошло къ намъ въ Харьковъ прискорбное извѣстіе о пожарѣ зимняго дворца, то я 5 генваря 1838 года отправилъ въ С.-Петербургъ мою идею о безопасномъ отопленіи; въ февралѣ-же мѣсяцѣ того года пре-

Опыты, конечно, стоили не малыхъ затратъ денегъ и сильно подтачивали разстроенное состояніе неугомоннаго Каразина, а широкой цѣли своей—поднятія хозяйства въ южной Россіи Каразинъ не достигалъ даже отчасти. Сколько ученыхъ и изобрѣтателей и теперь спѣшатъ спасти свои идеи за границей отъ нашей обломовщины! Въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія безучастіе русскаго общества къ научнымъ новостямъ, хотя бы чисто прикладного къ жизни характера, было еще сильнѣе; вотъ какъ *оффиціально* отозвался о научныхъ занятіяхъ В. Н. Каразина харьковскій подполковникъ Бахметовъ на запросъ сенатора Горюли, отъ 28 авг. 1829 года: «Нынѣ г. Каразинъ занимается составленіемъ разныхъ проектовъ, но съ меньшею дѣятельностью и большею осторожностью. Они большею частью относятся къ сему краю и представляютъ, такъ же какъ и прежде написаные, произведенія пылкаго воображенія и остраго ума, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ничтожности по неосновательности». Изъ того же донесенія можно заключить, что Каразинъ «проживалъ въ деревнѣ со своимъ семействомъ и рѣдко пріѣзжалъ въ губернскій городъ, да и то на короткое время» [1]). Между прочимъ Вас. Наз. «прочно занимался личнымъ наблюденіемъ за воспитаніемъ собственныхъ дѣтей и самъ училъ ихъ». Въ 1825 году онъ хлопоталъ о напечатаніи сочиненія сына его Василія, въ то время студента физико-матем. факультета харьковскаго университета «Иліодометръ, для повѣрки часовъ». Книгу эту, состоящую изъ двухъ частей, издалъ Вас. Наз. въ томъ же году. Хлопоталъ о напечатаніи статьи того же сына «О лунѣ» въ Украинскомъ журналѣ» (1824 г.) [2]).—«Кругъ знакомыхъ Каразина,—докладывалъ Бахметовъ,—состоитъ въ лучшемъ обществѣ здѣшней губерніи и незамѣтно, чтобы какіе либо предосудительные люди были съ нимъ въ связи». Дѣйствительно, переписка съ видными лицами не прекращалась. «Живя въ деревнѣ, Вас. Наз. велъ громадную

проводилъ и чертежи. То и другое мнѣ возвращено вслѣдствіе моей прозьбы по полученіи Берлинскаго извѣстія (Кипферлинга), для изданія въ печать; въ чемъ могу удостовѣрить всякаго двумя благосклонными письмами Е. С. Г. А. Х. Б. (вѣроятно: Его Сіятельства графа Александра Христофоровича Бенкендорфа). Первое отъ 31-го генваря 1838, за № 361, а второе отъ 24 марта 1842 годовъ, за № 1818». («Нѣсколько предложеній добраго гражданина», Одесса, 1842. Предувѣдомленіе, стр. 3—4.

[1]) Русская Старина 1903 года, апрѣль, стр. 12.

[2]) «Украинская Старина», стр. 149. Русск. Стар. 1903, апр., стр. 19.

переписку,—говоритъ его сынъ,—писалъ въ годъ до 1200 писемъ. И, что замѣчательно, въ то время, какъ онъ писалъ, рядомъ съ нимъ сидѣлъ грамотный его слуга и тутъ же копировалъ его письма. Одно время списывалъ слуга его Яковъ Котенко. Послѣднимъ списывателемъ его писемъ былъ крѣпостной человѣкъ его Ѳедоръ Манжеренко, послѣ прикащикъ села Кручика» [1]). Къ сожалѣнію масса писемъ погибла во время пожара деревенскаго дома въ 1836 году. Но достаточно важнымъ доказательствомъ уваженія и признательности харьковскаго общества, которому Василій Назаровичъ принесъ въ жертву свое благосостояніе и посвятилъ жизнь свою, служитъ заочное избраніе его въ 1824 году «въ совѣстные судьи въ Харьковѣ», и это тогда еще, когда надъ Каразинымъ висѣло запрещеніе выѣзда изъ деревни. Избраніе Василія Назаровича не было утверждено.

Лѣтомъ 1828 года Каразинъ ѣздилъ въ Петербургъ, но сколько времени онъ былъ тамъ, неизвѣстно. Проѣздомъ черезъ Москву онъ познакомился съ извѣстнымъ М. П. Погодинымъ, въ то время редакторомъ «Московскаго Вѣстника». Съ перваго знакомства они сблизились такъ, что Каразинъ изъ Царскаго Села писалъ Погодину (отъ 28 іюня 1828 г.): «Обязательная ваша привѣтливость въ проѣздъ мой черезъ Москву никогда не выйдетъ изъ моей памяти». Результатомъ этого сближенія было то, что Каразинъ имѣющуюся у него «Статистику Петровскаго времени [2]), которая досталась ему черезъ жену, внучку знаменитаго историка Петра Великаго, Ивана Ивановича Голикова, передалъ Погодину для изданія. Погодинъ былъ очень радъ своему научному пріобрѣтенію. Вмѣстѣ съ Каразинымъ, онъ началъ дѣйствовать въ пользу изданія, которое было сопряжено съ большими издержками. Подъ объявленіемъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ» объ изданіи Статастики, въ числѣ издателей на первомъ мѣстѣ подписался «Василій Каразинъ, статскій совѣтникъ, правитель дѣлъ Харьковскаго Филотехническаго общества, разныхъ Россійскихъ университетовъ и ученыхъ обществъ дѣйствительный и почетный членъ». Но Василій Назаровичъ, вѣроятно, участвовалъ въ изданіи, главнымъ образомъ, своими хлопотами (ибо, выпуская Статистику, Погодинъ объявилъ себя одного издателемъ, объясняя,

---

[1]) „Украинская Старина“, стр. 150.

[2]) Составлена около 1727 года тогдашнимъ оберъ-секретаремъ Правительствующаго Сената статскимъ совѣтникомъ Кирилловымъ. (Н. Барсуковъ. «Жизнь и труды М. П. Погодина», часть третья, стр. 291. Спб. 1803).

что Каразинъ отказался отъ участія [1]). Между прочимъ тогдашній министръ народнаго просвѣщенія князь Ливенъ обѣщалъ Каразину лично, что эту статистику будетъ рекомендовать университетамъ черезъ попечителей, чѣмъ до нѣкоторой степени обезпечивался сбыть изданія [2]). Когда появились первые листы отпечатанной статистики Петрова времени, В. Н. Каразинъ задумалъ новое предпріятіе, осуществить которое думалъ совмѣстно съ М. П. Погодинымъ. Это изданіе «Отечественнаго Архива». Цѣль изданія—сохранить гибнувшіе историческіе документы, находящіеся въ рукахъ частныхъ лицъ, съ полной точностью перепечатывая ихъ на страницахъ журнала. Изданіе «посвящено единственно сему предмету (т. е. сообщенію и опубликованію въ свѣтъ документовъ по русской исторіи), съ сохраненіемъ дипломатической точности, указаніемъ источниковъ, повѣркою оныхъ, съ наблюденіемъ систематическаго порядка, по крайней мѣрѣ, *совмѣстно съ таковымъ собраніемъ*; словомъ что-нибудь похожее на *богатыя свѣдѣніями Бишинговы и Шлецеровы* изданія для Германіи». Въ первые томы изданія В. Н. Каразинъ предполагалъ помѣстить драгоцѣнныя рукописи, наполнявшія его сельскую библіотеку, отчасти имъ самимъ собранныя, отчасти унаслѣдованныя черезъ жену отъ И. И. Голикова. По мѣрѣ того какъ общество узнаетъ объ изданіи, оно само будетъ присылать отовсюду имѣющіеся матеріалы для печати. Первоначальные расходы по изданію Каразинъ думалъ предложить Ал. Серг. Ширяеву, извѣстному тогда московскому книгопродавцу и содержателю Университетской книжной лавки на Страстномъ бульварѣ. Этотъ Ширяевъ уже издавалъ на свои средства статистику Кириллова, которую Каразинъ хотѣлъ считать первымъ томомъ «Отечественнаго Архива». Коммерческую сторону предпріятія Каразинъ разработалъ такъ: 60% чистой выручки шло доставившему печатанные документы; 16%—Ширяеву за комиссію и 24%—Погодину за хлопоты съ типографіею, граверами и литографами (изданіе предполагалось быть иллюстрированнымъ картами, планами и картинами. Ширяевъ отказался отъ участія въ проектѣ В. Н. Каразина 13-го августа 1828 года). Каково было отношеніе къ тому М. П. Погодина, мы не знаемъ, но изданія не было, и послѣ пожара въ Кручикѣ мы лишились богатѣйшихъ историческихъ матеріаловъ, составляшихъ библіотеку Вас. Наз—ча [3]). Мысль объ изданіи историческихъ документовъ не

---

[1]) Н. Барсуковъ. „Жизнь и труды М. П. Погодина", часть III, стр. 288. 1893. СПБ.

[2]) Тамъ же; часть вторая, стр. 203—206.

[3]) Русскій Архивъ, 1893 года, январь, стр. 97—98.

въ первый разъ таилась у В. Н. Каразина. Въ 1818 году на страницахъ «Благонамѣреннаго» [1]) онъ предлагалъ изъ Кручика повторить пріемъ историка Ив. Ив. Голикова—объявить по всей Россіи о присылкѣ для напечатанія хранящихся въ частныхъ домахъ письменныхъ документовъ. Но что значилъ въ то время голосъ какого то помѣщика богодуховскаго уѣзда [2]).

Дружба съ Погодинымъ продолжалась у Вас. Наз—ча до конца жизни; Погодинъ всегда бывалъ у Каразина, когда приходилось бывать вблизи Харькова [3]), переписывался съ нимъ по разнымъ вопросамъ частнаго и общественнаго характера. «Приверженность Погодина къ славянамъ, впервые возбужденная Шлецеромъ, возрастала благодаря знакомству и сближенію его

---

[1]) № XII, Смѣсь, стр. 324—329.

[2]) «Нѣтъ, думаю, человѣка во всей Малой Россіи, который имѣлъ бы болѣе Каразина способностей и средствъ къ пріобрѣтенію матеріаловъ по всѣмъ частямъ о здѣшнемъ краѣ... На него моя крѣпкая надежда»,—писалъ Погодинъ въ своемъ дневникѣ въ 1827 году, намѣреваясь привлечь въ «Моск. Вѣстн.» В. Н. Каразина. (Барсуковъ, „Ж. и Тр. Пог.", т. II, стр. 109.

[3]) Барсуковъ расказываетъ со словъ Погодина о посѣщеніи имъ В. Н. Каразина: Погодинъ вмѣстѣ съ спутникомъ своимъ Щепкинымъ рано утромъ пріѣхалъ къ Каразинымъ, которые были рады гостямъ «безъ памяти». Но телѣжка дала Погодину и его спутнику себя почувствовать. «Растрясло насъ жестоко», замѣчаетъ онъ, «и мы свалились, какъ ни перемогались». Отдохнувши, Погодинъ сталъ знакомиться съ окружающимъ и глаза его „разбѣжались на драгоцѣнную библіотеку, которой должно посвятить недѣлю, а я спѣшу". Затѣмъ гулялъ по саду, по рощѣ, устроенной въ деревнѣ. „Просвѣщенный человѣкъ", замѣчаетъ Погодинъ о хозяинѣ, „знаетъ всякую траву, вездѣ памятники, вездѣ доказательства просвѣщенія". Каразинъ читалъ гостямъ разныя свои письма къ министрамъ, въ которыхъ, по мнѣнію Погодина „много излишняго и вреднаго для него".

Въ эту же ночь на той же телѣжкѣ путешественники выѣхали въ Харьковъ... Здѣсь Погодинъ получилъ письмо отъ Каразина слѣдующаго содержанія „Бога вы не боитесь; какъ можно такимъ образомъ посѣщать друзей въ Украинѣ! Пуще всего для меня больно то, что я не догадался попотчивать васъ покоемъ, въ которомъ вы, проѣхавъ всю ночь на почтовой телѣжкѣ, имѣли прекрайнюю нужду. Я воображалъ, что вы имѣли покойнѣе экипажъ, слѣдовательно, по обыкновенію, спали и выспались, на пескахъ особливо, отъ Харькова до Ольшаны, и отъ Богодухова до насъ. Уложивъ васъ во второмъ уже часу, тутъ я узналъ, увидѣвъ вашу повозку, что ни тѣмъ было начинать, чтобы водить васъ по своему парку и читать". (Барсуковъ, т. II, стр, 318).

съ Венелинымъ и Каразинымъ», пишетъ біографъ Погодина [1]). «Во время пребыванія Каразина зимою 1828 года въ Москвѣ, Погодинъ бесѣдовалъ съ нимъ о славянскомъ вопросѣ, и обрывокъ изъ этихъ бесѣдъ сохранился въ *Дневникѣ* его: «Къ Каразину обѣдать. Планъ его основать сербское государство, подъ покровительствомъ Россіи, куда бы стеклись всѣ австрійскіе славяне» [2]). Проекты и мысли Василія Назаровича находили себѣ сочувствіе у М. П. Погодина. Въ 1868 году, печатая въ издаваемомъ имъ журналѣ «Русскій» [3]) проектъ уже покойнаго Каразина, поданный князю Чарторижскому о возвращеніи политическаго существованія славянскимъ народамъ, находящимся подъ игомъ иноплеменниковъ, Погодинъ замѣтилъ: «Читатели! Это писано въ 1804 году! Славяне! Помянемъ добромъ и благодарностью горячаго автора, котораго близорукіе и односторонніе современники называли мечтателемъ» [4]). Погодинъ и Каразинъ дѣйствовали опять рука-объ-руку и въ заботахъ по изданію «Москвитянина», «Молодика» и по разнымъ литературнымъ вопросамъ.

Въ концѣ 1828 года и началѣ 1829—В. Н. Каразинъ былъ снова въ Москвѣ. Объ этомъ судимъ по издаваемымъ въ это время за его подписью книгамъ въ Москвѣ и печатаемымъ въ періодическихъ изданіяхъ сочиненіямъ его. Въ декабрѣ 1828 года была имъ составлена статья «О удобнѣйшемъ способѣ сохранять и перевозить питательныя и цѣлебныя вещества», которую издавалъ въ началѣ 1829 г.; въ томъ же году онъ издавалъ VI т. «Актовъ Филотехническаго Общества» и печаталъ въ «Историческомъ, статистич. и географ. журналѣ» замѣчанія свои «О древностяхъ Слободско-Украинской губерніи» и т. п. Жилъ въ это время за Арбатскими воротами въ домѣ генералъ-маіора Базилевича—какъ значится его собственной рукой въ экземплярѣ «Актовъ фил. общ—ва», поднесенномъ графу В. П. Кочубею 12-го апрѣля 1829 года [5]).

27 сентября 1828 года, слободско-украинское дворянство, руководясь обширными знаніями Каразина, его честностью и неутомимой дѣятельностью на пользу Украйны, постоянно обращавшей на себя вниманіе общества, избрало Василія Назаровича

---

[1]) Тамъ же, стр. 203—206.

[2]) Дневникъ 1828 г. подъ 6-мъ декабря.

[3]) „Русскій" 1868 г., № 15, стр. 289—294.

[4]) Барсуковъ. «Жизнь и труды М. П. Погодина», книга третья, стр. 290—291.

[5]) Этотъ экземпляръ находится въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

въ предсѣдатели уголовной палаты [1]). Извѣстіе объ этомъ избраніи оживило Каразина; онъ уже видѣлъ передъ собою картину будущей дѣятельности на пользу горячо любимой родины, радовало его и вниманіе харьковскаго общества, какъ видно понявшаго самооотверженные труды его. Постановленіе дворянства пошло на утвержденіе законнымъ порядкомъ и какъ въ воду кануло; прошелъ 1828 годъ и половина слѣдующаго. Каразина не безъ основанія безпокоилъ исходъ дѣла: не такъ давно (въ 1824 году) избраніе его въ совѣстные судьи не было утверждено; можно было ожидать и теперь того же. Между тѣмъ Василій Назаровичъ очень дорожилъ возможностью расширить кругъ своей общественной дѣятельности и рѣшилъ самъ похлопотать объ утвержденіи себя въ должности. 22 іюня 1829 года была потребована въ Правительствующій Сенатъ копія съ формулярнаго списка о службѣ Каразина за подписью губернскаго предводителя дворянства [2]). 6-го іюля 1829 года Каразинъ отправилъ оффиціальную просьбу управлявшему въ то время министерствомъ юстиціи князю А. А. Долгорукому, объ исправленіи своего послужного списка, именно: Василій Назаровичъ указалъ на упущенія въ характеристикѣ его дѣйствій по отношенію къ Харьковскому университету [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, Каразинъ написалъ письмо частнаго характера Долгорукому съ изъясненіемъ причинъ своего прошенія и прибавленіемъ нѣкоторыхъ писемъ вліятельныхъ лицъ, характеризующихъ его какъ человѣка: «Не излишнимъ, вѣроятно, будетъ и приватно, *собственно для васъ* назначенное письмо при моемъ оффиціальномъ прошеніи. Дѣло мое не изъ числа обыкновенныхъ, и оно вашему сіятельству совсѣмъ неизвѣстно. Почему я счелъ *необходимостью* приложить *при семъ письмѣ* (не при прошеніи) то, что можетъ служить къ объясненію онаго, ибо понятіемъ, которое о просителѣ будетъ имѣть вашъ *просвѣщенный* разумъ и ваше *чистое* сердце (такъ разумѣютъ о нихъ вообще въ Россіи), я дорожу, весьма мало *дорожа предстоящимъ мѣстомъ*. Оно, признаюсь, не можетъ быть для меня лестнымъ, послѣ всего со мною случившагося и утраченнаго въ продолженіе пятидесяти шести лѣтъ.—Но выполнять свято его обязанности я тѣмъ не менѣе почту своею славою, равно какъ и зависимость отъ такого начальника, какъ вы—большою честью.

---

[1]) „Украинская Старина" Г. П. Данилевскаго. Харьковъ, 1866 г. стр. 148.

[2]) Неизданные документы, извлеченные проф. Д. И. Багалѣемъ изъ архива Мин. Нар. Просв. Тоже: „Украинская Старина", стр. 148.

[3]) Тамъ же: «Русская Старина», 1903 г., апрѣль, стр. 78.

Это не слова одни, будьте въ томъ увѣрены. Я не льстилъ и царямъ, — и вотъ единственная причина, что я, при самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ, каковыя, вѣроятно, не возобновятся ни для кого въ мірѣ, не пошелъ далеко!..» [1]). Письмо было писано въ Богодуховѣ; черезъ день изъ Кручика Василій Назаровичъ посылалъ дополненія къ письму отъ 6-го іюля: «Послѣ отправленія 6-го числа сего мѣсяца, къ вашему сіятельству, конверта моего, относительно до представленія меня въ кандидаты предсѣдателя уголовной палаты Слободско-Украинской губерніи и моего послужного списка по сему поводу, я нашелъ еще одну бумагу, которую долгомъ ставлю препроводить *также приватно* для свѣдѣнія вашего,—это прошеніе мое послѣ оставки блаженной памяти государю императору. И я предпочитаю представить его въ оригиналѣ («который, по прочтеніи былъ мнѣ возвращенъ, такъ какъ шелъ не общимъ путемъ») того самаго времени, дабы отвратить всякое сомнѣніе. Оно содержитъ въ сокращеніи всю исторію предпріятія моего о харьковскомъ университетѣ. Ваше сіятельство, извольте согласиться, что ложь не могла имѣть мѣсто въ таковомъ послѣднемъ объясненіи подданнаго съ государемъ! Не приказный это документъ, конечно... Онъ передается отъ совѣсти къ совѣсти, и просвѣщенный умъ вашъ дастъ ему полную вѣру»... Говоря затѣмъ о своихъ заслугахъ по Мин. Нар. Просв., которыя могутъ быть оффиціально подтверждены на основаніи документовъ [2]), Вас. Наз. продолжаетъ, намекая на Семеновскую исторію 1820 года: «Правительство, лишивъ меня («безвиннаго») по единому подозрѣнію *всего*, въ томъ числѣ доказательствъ моихъ заслугъ, равно какъ и моей невинности, поступивъ со мною, къ стыду вѣка, безъ суда, не сохраняя даже никакой формы, обязано меня вознаградить при нынѣшнемъ случаѣ, котораго я отнюдь не искалъ и о немъ никогда не помышлялъ. Я былъ неоднократно кандидатомъ въ совѣсные судьи; теперь кандидатъ предсѣдателя уголовной палаты. Слѣдовательно, въ обоихъ случаяхъ имѣя на своей сторонѣ общественное мнѣніе, стану ожидать моего приговора—отъ васъ, какъ отъ генералъ-прокурора, въ разумѣ Петра Великаго. Это дѣло не частное и не бездѣлица! Меня можно вновь запереть, можно конечно назвать сумасшедшимъ, или и убить ненаказанно, но я имѣю шестерыхъ сыновъ съ талантами—куда дѣвать ихъ? Дабы намъ никогда не было стыдно передъ Европою, покажемъ ей, что и мы *европейцы*!..

---

[1]) „Русская Старина“, 1903, апрѣль, стр. 78.

[1]) О прошеніи и упоминаемыхъ документахъ говорилось въ отдѣлѣ занятій Каразина по народному просвѣщенію.

Съ сею надеждою, милостивый государь, съ надеждою, что меня взыщуть, а не отвергнуть по прошествіи многихъ лѣтъ («въ которыя безъ славы и корысти я продолжалъ быть полезнымъ отечеству по силамъ моимъ). Благодѣтельному графу Виктору Павловичу (Кочубею) извѣстны частію мои труды по сельскому быту, наукамъ и прочіе. Отъ васъ, сіятельнѣйшій князь, зависитъ приказать мнѣ сообщить вамъ все то, что по сей части васъ интересуетъ» [1]) и проч.—Характеръ и тонъ этихъ писемъ обратили на себя вниманіе. У Каразина чрезъ земскій судъ богодуховскаго уѣзда потребовали подлинныхъ документовъ, доказывающихъ его участіе въ дѣлѣ основанія харьковскаго университета. Вас. Наз. представилъ рядъ бумагъ слободско-украинскому губернатору, который 16 сентября отправилъ ихъ при оффиціальной бумагѣ въ министерство юстиціи. Въ числѣ отправленныхъ документовъ (поименованныхъ въ письмѣ къ какому-то Михаилу Ивановичу отъ 22 сент. 1829) были копіи съ жалобы Капустянскаго, изюмскаго предводителя («грубая сія жалоба да будетъ первымъ доказательствомъ» участія моего въ дѣлѣ основанія университета — писалъ Каразинъ), съ постановленія Сумскаго дворянства о благодарности В. Н. Каразину (сент. 1802 г.) съ рѣчи, напечатанной въ Вѣстн. Евр. 1803 г. авг. (къ харьковскимъ дворянамъ 1802 г,), и рядъ писемъ къ В. Н. Каразину разныхъ высшихъ должностныхъ лицъ [2]).

Но не успѣли оправдывающіе В. Н. Каразина документы прійти въ Петербургъ, какъ состоялось рѣшеніе Правительствующаго Сената (19 сент. 1829 г.), которымъ принимался отказъ перваго кандидата въ предсѣдатели Уголовной Палаты Гиржева (Каразинъ былъ вторымъ кандидатомъ), но не утверждались избраніе и кандидатура В. Н. Каразина. Указъ Сената 19 сентября 1829 г. на имя Слоб.-Укр. гражданскаго губернатора Каховского, относительно В. Н. Каразина, гласилъ такъ: «Касательно представленнаго нынѣ кандидатомъ ст. сов. Каразина, то Правительствующій Сенатъ, усматривая изъ рапорта вашего, что изъ дѣлъ предмѣстниковъ вашихъ видно, что по Высоч. повелѣ-

---

[1]) Русская Старина, 1903 г., апрѣль, стр. 9—12.

[2]) Отношеніе статсъ-секретаря т. сов. Мих. Ник. Муравьева отъ 12 ноября 1802 г. за № 1924, къ мин. нар. просв.: письмо гр. П. П. Коновницына къ Каразину; копія съ записки въ концѣ 1804 г. представленной мин. вн. д. въ оправданіе своихъ дѣйствій и оффиц. отношеніе къ Каразину за № 5483, 1815 г. управл. военн. мин. кн. Горчакова І-го и мин. вн. д. О. Козодавлева. Упоминается еще о нѣсколькихъ документахъ, обозначенныхъ лишь литерами. (Неизд. документы, хранящ. у пр. Д. И. Багалѣя).

нію, объявленнаго въ предписаніи бывшаго начальника Главнаго Штаба Е. И. Вел., отъ 10 мая 1821 г ему Каразину назначено было непремѣнное мѣстопребываніе въ помѣстьѣ его Слоб.-Укр. губ., съ запрещеніемъ выѣзда изъ онаго и съ подтвержденіемъ о наблюденіи, съ кѣмъ онъ будетъ имѣть сношеніе и чѣмъ будетъ самъ заниматься, а по таковому же высочайшему повелѣнію, объявленному въ предписаніи начальника Главнаго Штаба отъ 5 января 1826 г. разрѣшено Каразину право жить, гдѣ пожелаетъ, съ дозволеніемъ имѣть пребываніе и въ Москвѣ, кромѣ однакожъ С.-Петербурга впредь до позволенія, и съ тѣмъ, чтобы воздержался отъ всякаго сужденія, до него неприпадлежащаго, а потому Правит. Сенатъ и не можетъ представить его въ кандидаты на Высочайшее утвержденіе Предсѣдателемъ въ Палату Уголовнаго Суда и *полагаетъ поставить на видъ Дворянскому Собранію неумѣстность таковаго выбора*» [1]). Итакъ, дѣло кончилось не только неуспѣхомъ В. Н. Каразина, но и выговоромъ харьковскимъ дворянамъ за его избраніе.

Тѣмъ не менѣе управлявшій Министерствомъ Юстиціи тов. мин. Д. Дашковъ нашелъ требованія В. Н. Каразина о пополненіи формулярнаго списка вполнѣ справедливыми и заслуживающими вниманія, почему 13 ноября 1829 года послѣдовала изъ департамента Мин. Юстиціи на имя Слободско-Украинскаго гражд. губ. Каховского оффиціальная бумага, въ которой предлагалось послѣднему составить вмѣстѣ съ губ. предв. дворянства новый, исправленный послужной списокъ В. Н. Каразина, соотвѣтственно съ данными присланныхъ имъ въ министерство бумагъ [2]) Каховской въ свою очередь, 13 дек. 1829 г., отнесся къ губернскому предводителю Времеву съ предложеніемъ исправить формуляръ Каразина [3]). Времевъ поручилъ это исправленіе самому Каразину, какъ это видно изъ приписокъ послѣдняго къ копіи первоначальнаго списка (10 янв. 1830 г.). В. Н. внесъ между прочимъ извѣстныя уже намъ данныя о «художникахъ» и слѣдующія біографическія о себѣ свѣдѣнія. «Въ 1811 г. былъ учредителемъ Высочайше потомъ одобреннаго Филотехническаго общества; получилъ благодарность изъявляющіе отзывы министровъ:

---

[1]) Дѣло Харьк. Губ. Пред. Двор. о ст. сов. Василіи Каразинѣ, кандидатѣ въ Предс. Пал. Уг. Суда здѣшней губерніи, и полковникѣ Веселовскомъ, избранномъ въ сіе званіе. 1829—1830 гг. № 65. Листъ 16 Архивъ Харьк. Деп. Двор. Собр.

[2]) Дѣло объ отношеніи гражданскаго губерн. о дополненіи форм. списка ст. сов. В. Каразина 1829 г. 15 л. № 22 по Описи дѣлъ Губ. Предв. 1828—1835 гг. Листъ 4 и 5. Арх. Харьк. Двор. Собр.

[3]) То же дѣло, листы 1, 2 и 3-й.

внутреннихъ дѣлъ (за учрежденіе и успѣшный ходъ Филотехническаго общества) 1815 г. 15 апр.; военныхъ силъ (за представленіе объ облегченіи заграничнаго продовольствія войскъ и флота, которое одобрено учрежденнымъ нарочно для разсмотрѣнія сего комитетомъ, и о умноженіи въ государствѣ селитры) 1815 г. августа 20; полиціи (за представленіе особливой идеи о хлѣбныхъ магазинахъ) 1817 г. Вторично былъ избранъ депутатомъ Слободско-Украинскаго дворянства для Всеподданнѣйшаго ходатайства о неразрушимости привилегій сей губерніи 1819 г. февр.[1]. 14 января Каразинъ благодарилъ Времева за исправленіе послужного списка и просилъ выдать себѣ копію съ него [2]. Въ началѣ 1830 г. исправленный формуляръ за утвержденіемъ собранія губернскаго дворянства былъ отправленъ въ силу указа Сената отъ 19 сент. 1829 г. не въ это учрежденіе, а въ Министерство Юстиціи, причемъ свое постановленіе собраніе мотивировало тѣмъ, что «отдавать справедливость заслугамъ есть одинъ изъ признаковъ прямо благородной души», и что «господинъ Каразинъ изъ сего подвига (основанія университета) собственно для себя не стяжалъ никакой награды [3]).

Въ то время какъ въ Сенатѣ проходила кандидатура Каразина, сенатору ген.-лейт. Горголи поручено было собрать свѣдѣнія о поведеніи Каразина, какъ въ частной его жизни, такъ и въ соотношеніяхъ съ другими, «узнать объ его занятіяхъ и съ какими людьми наиболѣе стоитъ онъ въ связяхъ, т. е. съ честными и скромными или съ безпокойными и строптивыми. «Статскій совѣтникъ Каразинъ, сказано было въ рапортѣ подполковника Бахметева Горголи отъ 28 августа 1829 года, вообще извѣстенъ, какъ человѣкъ одаренный пылкимъ умомъ и способностью изъясняться, какъ словесно, такъ и письменно, имѣя, сверхъ природныхъ дарованій, хорошія свѣдѣнія въ наукахъ и образованность. Поведеніе его ни съ какой стороны *порицанія не заслуживаетъ*: въ частной жизни его ничего худого не замѣчено.—Занятія его въ быту частномъ состояли въ составленіи проектовъ по частямъ мануфактурной, агрономической, особаго образа управленія крестьянами и нѣкоторыхъ перемѣнъ въ государственныхъ постановленіяхъ, въ коихъ онъ излагалъ политическія мнѣнія свои. Успѣхъ ни въ чемъ не благопріятствовалъ г-ну Каразину: по части сельскаго хозяйства ни одно изъ его

---

[1]) То же дѣло, л. 7, 8 и 9.

[2]) То же дѣло, л. 12.

[3]) Архивъ Харьк. Губ. Правл. за 1829 г. Дѣло за № 279, стр. 16—17.

мнѣній не оказалось возможнымъ къ приведенію его въ дѣйствіе, одинъ онъ дѣлалъ въ томъ опыты и состояніе его весьма разстроено. Образъ мыслей его, въ отношеніи къ правительству, понудилъ принять противъ него мѣры строгости, дабы удержать въ пристойныхъ границахъ». Общество въ которомъ вращался Каразинъ заслужило одобреніе Бахметева. Горголи, въ письмѣ къ графу А. Х. Бенкендорфу, прибавлялъ со своей стороны, что Каразинъ, «не касаясь способностей его ума, въ поведеніи своемъ, сколько мнѣ извѣстно, не имѣетъ ничего предосудительнаго, проживаетъ въ деревнѣ съ своимъ семействомъ и рѣдко пріѣзжаетъ въ губернскій городъ, да и то на короткое время»; что осенью 1829 года онъ находился въ Харьковѣ «для помѣщенія сына своего въ учебное заведеніе университета, а также по случаю ожиданія имъ высочайшаго утвержденія, по избранію дворянства въ предсѣдатели уголовной палаты. Впрочемъ, на здѣшнее дворянство имѣетъ онъ вліяніе очень малое» [1])—Несмотря на такую вполнѣ удовлетворительную аттестацію, вопросъ о предсѣдательствѣ Каразина въ Палатѣ Уголовнаго Суда, какъ мы видѣли, не получилъ осуществленія.

1830 и 1831 годы Василій Назаровичъ, кажется, никуда далеко не отлучался; по прежнему, живя въ Кручикѣ, онъ интересовался жизнью, переписывался съ друзьями. Между прочимъ хлопоталъ сколько могъ (въ 1830 г) у вліятельныхъ лицъ Петербурга по поводу назначенія въ харьковскій округъ новаго попечителя. Въ интересахъ харьковцевъ онъ просилъ «не опредѣлять того или другого сверху, безъ сношенія съ университетомъ» [2]) Посылалъ въ томъ же году Погодину свое средство противъ холеры, тогда свирѣпствовавшей въ Москвѣ. Въ Украйнѣ въ 1830 г. былъ неурожай; Каразинъ откликнулся и на это событіе. Онъ послалъ Слоб.-Укр. губернатору Каховскому рецептъ, какъ увеличить питательность хлѣба на $^1/_4$ и даже $^1/_3$ при тщательномъ выполненіи его; для этого предлагалось ставить хлѣбъ не на водѣ, а на отварѣ исландскаго моха (въ большомъ количествѣ росшаго въ Слоб. Укр. губ.), который въ большомъ количествѣ содержитъ въ себѣ студень (желатинъ). Губернаторъ принялъ къ свѣдѣнію предложеніе, обратился къ губ. предв. дворянства, кото-

---

1) Письмо Горголи къ Бенкендорфу 31 авг. 1829 г. Рус. Стар. 1903 г. апр., стр. 12.

2) Письмо Каразина къ Селиванову отъ 20 марта и 23 апр. 1830 г. Копіи, хранятся у пр. Д. И. Багалѣя.

рый въ копіяхъ разослалъ рецептъ уѣзднымъ предводителямъ для распространенія. [1]).

Въ концѣ 1831 г. Каразинъ пріѣхалъ въ Москву для опредѣленія своего сына (Александра Вас.) на службу въ министерство иностр. д., о чемъ просилъ гр. Нессельроде; тотъ благосклонно отвѣтилъ на просьбу. Но Каразинъ, не довѣряя злой своей судьбѣ, все-таки безпокоился за успѣхъ дѣла и, предполагая, что сыну могутъ повредить, писалъ 13 ноября 1831 года шефу жандармовъ А. Х. Бенкендорфу; «Возвратясь домой, немедленно пишу къ вамъ трепещущею рукою. Ради Бога Всемогущаго не повредите моему сыну у графа Карла Васильевича (Нессельроде); если уже повредили, исправьте это какъ-нибудь. Сжальтесь надо мною: оставьте мнѣ послѣднее это утѣшеніе. Ради Бога, ради самого Бога сжальтесь! Я, который не привыкъ никому раболѣпствовать, мысленно простираюсь у ногъ вашихъ: умоляю васъ! довольно, уже довольно»!.. Чѣмъ объяснить такое письмо? *Можетъ быть*, нѣсколько разъяснитъ дѣло слѣдующая приписка Вас. Наз—ча въ письмѣ къ Бенкендорфу отъ 15 ноября: «Въ смертельномъ страхѣ просилъ о сынѣ, четвертомъ изъ семерыхъ моихъ дѣтей, кои несчастны *по милости* Александра Христофоровича (ибо самъ государь, высокою его особою, не можетъ имѣть противъ меня, давно пораженнаго, ничего, вовсе ничего)!—Но буде (предположимъ) я ошибаюсь въ моемъ мнѣніи, да оправдится Александръ Христофоровичъ предъ честнымъ семействомъ *такъ*, какъ оправдываются обыкновенно честные истинно благородные люди, т. е. *благодѣяніемъ*. Это самое я и намекалъ въ первыхъ числахъ сего мѣсяца, но былъ встрѣченъ и провоженъ бранью предъ лицомъ лакеевъ въ передней!..» Фактъ казался бы намъ совершенно яснымъ если бы не письмо Бенкендорфа, отвѣчавшаго Каразину 13 ноября: «Изъ письма вашего отъ 13 ноября, писалъ Бенкендорфъ, имѣлъ я удовольствіе узнать, что вы имѣете сына,—обстоятельство, которое до сего времени мнѣ не было извѣстно. Но если бы я и узналъ, что у васъ есть сынъ, то, не имѣя никакой причины вредить ему въ мнѣніи Карла Васильевича, я прошу васъ покорнѣйше вѣрить, что наносить вредъ ближнему есть дѣло всегда чуждое моему образу мыслей». На основаніи подобнаго отвѣта Бенкендорфа, Н. Дубровинъ рѣшаетъ, что жалобы Каразина совершенно безпричинны (Русс. Ст. 1903,

---

[1]) „Дѣло о предложенномъ отъ ст. с. Каразина средствѣ употребить исландскій мохъ въ неурожайное время на хлѣбъ 1830 г". на 7 листахъ Архивъ харьк. Двор. Деп. Собр. по описи дѣлъ Губ. Предв. за № 27.

апр. стр. 13). Очевидно, что кто-то кривилъ душой, и мы склонны думать, что неискрененъ былъ Бенкендорфъ. Изъ докладной или объяснительной записки В. Н. Каразина отъ 20 ноября того же года видно, что Бенкендорфъ нѣсколько разъ докладывалъ государю о Каразинѣ и всякій разъ со вредомъ для него. (Тамъ же, стр. 15.) Что Василій Назаровичъ постоянно просилъ возможности увидѣться лично съ государемъ и что, по его мнѣнію, «никто, кромѣ Александра Христофоровича не, могъ полагать сему препоны»; что еще въ 1830 году Каразинъ «просилъ объ этомъ. По прошествіи десяти мѣсяцевъ» получилъ онъ письмо, въ которомъ Бенкендорфъ извѣщалъ о приказаніи своемъ отобрать у Каразина все, что онъ имѣетъ сказать государю, черезъ генералъ-адъютанта Адлерберга (стр. 16). Недоброжелательство свое къ Каразину Бенкендорфъ довольно ясно показалъ своимъ грубымъ пріемомъ. О всѣхъ приведенныхъ мотивахъ Каразинъ упомянулъ въ оффиціальномъ показаніи. Что касается тѣхъ словъ Бенкендорфа, гдѣ онъ говоритъ о совершенномъ своемъ незнакомствѣ съ семьей и обстоятельствами жизни Каразина, то Вас. Наз. такъ писалъ о томъ въ частномъ письмѣ къ флигель-адъютанту московскаго полиціймейстера С. Н. Муханову: «Александръ Христофоровичъ отпирается теперь отъ всякаго знакомства со мною, не зная де и имени, имѣю ли я дѣтей и проч.; лучше всего спросите супругу вашу, она можетъ вамъ сказать, что имя мое было довольно извѣстно въ домѣ Маріи Дмитріевны. Тесть вашъ ко мнѣ милостивъ, равно какъ и графиня. У насъ найдутся и письма отъ нихъ пріятельскія въ украинской деревнѣ» (стр. 17). Не оправдываетъ Бенкендорфа и отношеніе его къ Каразину послѣ 20-го ноября.

На конвертѣ письма Бенкендорфа Каразину отъ 15-го ноября было написано: «Господину Каразину», Москва на Воздвиженкѣ, д. Кошкина. Такой адресъ возмутилъ Василія Назаровича, и онъ, не распечатывая конверта, возвратилъ его присланному жандарму при собственной запискѣ. «Необыкновенная надпись! —писалъ онъ. Она заставляетъ меня думать, что не болѣе приличія соблюдено и въ самой бумагѣ. Почему долгомъ благороднаго человѣка почитаю ее возвратить, не распечатавъ». Указывая на то, что онъ получилъ шесть рескриптовъ государя, изъ которыхъ четыре были собственноручно надписаны, съ обозначеніемъ титула, имени и отчества, что недавно, именно въ 1829, 1830 и 1831 году, получилъ рядъ писемъ «отъ первѣйшихъ особъ имперіи», въ которыхъ незабыта вѣжливость, Каразинъ писалъ: «Отъ его высокопревосходительства зависитъ приказать мнѣ, что нужно чрезъ своего адъютанта, а подобныхъ отношеній я не приму, *имѣя честь быть* русскимъ дворяниномъ,—не говорю о моихъ заслу-

гахъ отечеству и о личномъ уваженіи, коимъ я въ немъ пользуюсь отъ всѣхъ знающихъ мое имя благонамѣренныхъ особъ. Довольно же и того, что я снесъ до сихъ поръ!» Получивъ такую записку, Бенкендорфъ поручилъ исправлявшему должность московскаго оберъ-полицiймeстера флигель-адъютанту, полковнику Муханову пригласить къ себѣ Каразина и вручить ему пакетъ лично. Василій Назаровичъ, 20-го ноября, явился къ Муханову вмѣстѣ съ женою, которую просили удалиться. Мухановъ предложилъ Каразину вскрыть и прочесть адресованное ему письмо. Тотъ отказался это сдѣлать. Мухановъ заявилъ, что *заставитъ* исполнить свое требованіе. Василій Назаровичъ не стерпѣлъ, схватилъ конвертъ и порвалъ его на мелкіе куски. Мухановъ потребовалъ письменнаго объясненія такихъ дѣйствій; Василій Назаровичъ написалъ, что уничтожилъ пакетъ для того, чтобы не читать оскорбительныхъ для себя выраженій, указывалъ на недоброжелательное отношеніе Бенкендорфа и на свое бѣдственное семейное положеніе: «дѣти мои довольно уже со мною несчастны... Дочь, одаренная всѣмъ отъ природы и не бѣдная, сохнетъ въ дѣвствѣ; ей теперь 26 лѣтъ. Она не имѣла ни одного жениха понынѣ. Сынъ съ рѣдкими способностями, что доказалъ онъ книгою Иліодометръ, изданною имъ на 18-мъ году возраста.—Жена въ горести; все имѣніе разорено слѣдствіемъ моего заключенія, истинно безвиннаго.—Но о семъ много писать довольно»... «Мнѣ до сихъ поръ запрещены: 1) въѣздъ въ Петербургъ, впредь до повелѣнія, какъ сказано въ 1825 (1826) году, и сего повелѣнія я жду и испрашивалъ черезъ его высокопревосходительство (Бенкендорфа), ибо черезъ него были препровождены мои бумагы къ Е. И. В.; 2) изданіе чего-либо изъ сочиненій моихъ, даже до земледѣлія» и проч. относящихся». Когда Вас. Наз. писалъ объяснительную записку, Мухановъ «стоялъ» у него «надъ шеею, читая вслѣдъ каждое слово, каждую литеру»; второпяхъ Каразинъ не высказался вполнѣ и въ тотъ же день сѣлъ и написалъ дополнительное письмо. Здѣсь онъ оплакивалъ свою участь, заживо погребеннаго въ Россіи», говорилъ о неисполненныхъ своихъ мечтахъ основать въ Болгаріи университетъ такой именно, какимъ въ свое время думалъ видѣть Харьковскій. На слѣдующій день, 21-го ноября, Вас. Наз. докончилъ дополнительную записку «Я и не мыслю тянуться съ Александромъ Христофоровичемъ,— Богъ съ нимъ. Пускай себѣ стращаетъ народъ... Но да помилуетъ онъ меня, наконецъ; ему охотно предоставляю честь должнаго за меня ходатайства и готовъ доставить ему записку о себѣ. Вотъ и примиреніе. Но онъ кричалъ, размахивая руками: «Этому не бывать, не бывать». Почему жъ не бывать, милостивый государь? Чѣмъ я грѣшнѣе прощаемыхъ теперь измѣнниковъ польскихъ? *Я*,

котораго цѣлая жизнь («позволено въ такомъ случаѣ сказать о себѣ гордо самую истину») *есть цѣпь полезныхъ дѣлъ, который себя никогда ничѣмъ недостойнымъ не запятналъ*. «Смѣлъ-де, уменъ-де слишкомъ, дерзко-де пишетъ», слѣдовательно, за это и погубить его. А? милостивые государи. Бога убойтесь! Вашъ покорнѣйшій слуга»... Затѣмъ приписалъ въ P. S.: «худо, право, что мы въ Россіи не хотимъ узнать другъ друга. Безъ *нарочнаго* высочайшаго повелѣнія у насъ нѣтъ и достоинствъ. И чуть-чуть кто сидитъ повыше у должности, тотъ готовъ толкать въ затылокъ всякаго, кто ему ни представляется. Это болѣе нежели *азіатизмъ*!» Вотъ о этихъ то письмахъ Бенкендорфъ немедленно сообщилъ государю, не умолчавъ конечно и о фактѣ уничтоженія конверта. 23-го ноября состоялась резолюція государя: «*Выслать съ жандармскимъ офицеромъ обратно на обыкновенное мѣсто жительства*». Московскій генералъ-губернаторъ князь Голицынъ, сообщилъ харьковскому губернатору, чтобы онъ имѣлъ Каразина *подъ строгимъ присмотромъ*. Послѣдній выѣхалъ изъ Москвы 11-го декабря и опять появился въ своемъ Кручикѣ. Изъ письма Бенкендорфа къ Филадельфу Каразину можно заключить, что Василію Назаровичу былъ снова запрещенъ въѣздъ и въ Москву, разрѣшенный въ 1826 г. [1]).

21-го декабря того же года сынъ Вас. Наз-ча—Филадельфъ Васильевичъ Каразинъ «служащій въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ» (какъ значилось въ подписи), частнымъ письмомъ просилъ Бенкендорфа о заступничествѣ за отца передъ государемъ; письмо было послано въ силу очень стѣсненнаго положенія семьи Каразиныхъ: «несчастная, добрая наша мать, бѣдная сестра наша, всѣ мы—погибли, если онъ не будетъ помилованъ! На пребываніи его въ Москвѣ основывалась вся надежда наша на поправленіе разстроеннаго, скуднаго нашего достоянія. Теперь же все будетъ потеряно для насъ» [2])!... Письмо Фил. Вас-ча было доложено императору Николаю, который написалъ на немъ резолюцію: «Нужно мнѣ знать, по какому поводу велѣно было при императорѣ Александрѣ выслать Каразина изъ Петербурга». Бенкендорфъ поручилъ графу Чернышову собрать нужныя справки, который и предложилъ выписку изъ письма гр. В. П. Кочубея [3]), запрошеннаго въ 1826 году по тому же предмету.

---

[1]) Письмо отъ 15 янв. 1832 года, за № $^{268}/_{58}$. Русс. Стар. 1903, апр. 20—24.

[2]) Тамъ же, стр. 18—19.

[3]) Къ Ив. Ив. Дибичу, отъ 16 іюля 1826 г. *Шильдеръ*, „Имп. Ал. I“ т. IV, стр. 545. Мы по частямъ уже цитировали это письмо:

Изложивъ содержаніе письма гв. Чернышова, Бенкендорфъ писалъ Филадельфу Вас. Каразину 15 января 1832 года: «Государь императоръ, сообразивъ свѣдѣнія сіи съ послѣднимъ крайне предосудительнымъ поступкомъ отца вашего, учиненнымъ имъ во время нынѣшняго высочайшаго пребыванія въ Москвѣ, изволилъ заключить, что отецъ вашъ, конечно, не умѣлъ восчувствовать оказанную ему его величества милость дозволеніемъ жить въ Москвѣ, и потому его величество, не находя справедливаго повода къ отмѣнѣ нынѣ высочайшаго рѣшенія о немъ императора Александра Павловича, не изъявилъ своего соизволенія на возвращеніе отца вашего въ Москву»... Далѣе, Бенкендорфъ оправдывалъ себя отъ обвиненій во враждебности къ Каразину, доказывая это, какъ ходатайствомъ за него передъ государемъ въ 1826 году о разрѣшеніи жить въ Москвѣ, такъ и представленіемъ государю письма его сына на послѣднюю резолюцію; затѣмъ оправдывался отъ обвиненія въ невѣжливости: письмо было надписано «Г. Каразину» «по неизвѣстности въ канцеляріи (Бенкендорфа) имени и чина» Вас. Наз-ча.

Между тѣмъ самъ Каразинъ, доставленный въ свое имѣніе, не остался спокойнымъ; уже 31-го декабря 1831 года онъ отправилъ на имя императора письмо. Здѣсь Вас. Наз., во первыхъ, жаловался на обнародованіе «дѣйствій тайной экспедиціи» касательно его, которыя были *провозглашены* въ харьковскомъ соборѣ въ присутствіи съѣхавшагося на выборы предсѣдателя уголовной палаты дворянства (11-го января 1830 года; однимъ изъ кандидатовъ былъ Каразинъ); во-вторыхъ, жаловался на Бенкендорфа, который «не отвѣчалъ ни на одно прошеніе... и оффиціальное, то, которое препровождено на имя управляющаго министерствомъ юстиціи, но которое къ нему по связи дѣлъ перешло, оставилъ безъ всякаго отвѣта». «Симъ образомъ затворилъ онъ мнѣ и послѣдній оставшійся путь къ особѣ... государя...» (рѣчь м.-б. идетъ о перепискѣ по утвержденію избранія Каразина въ предсѣдатели уголовной палаты), въ-третьихъ, указывалось на незначительность проступка, за который высланъ былъ виновный изъ Москвы: «что и за святыня кувертъ этотъ!.. Онъ содержалъ партикулярный отвѣтъ на партикулярное письмо: и печать и № (371, а не 4600 по крайней мѣрѣ, еслибы онъ принадлежалъ къ бу-

---

Въ Русск. Стар. 1903, апр. стр. 19—20 прибавка такая въ концѣ. „Освобожденіе его (Каразина) изъ крѣпости и отправленіе на жительство въ Харьковскую деревню послѣдовали по высочайшему повелѣнію, объявленному бывшимъ начальникомъ главнаго штаба княземъ Волконскимъ“.

магамъ по должности), то доказывали»... Въ заключеніе Каразинъ просилъ помилованія ради семьи своей. На письмо не послѣдовало никакого отвѣта.

ГЛАВА XI.

Послѣдніе годы жизни.

(1831—1842).

Разстройство состоянія и тяжбы до 1833 г. Дѣло съ гр. Подгоричани. Помощь со стороны Харьковскихъ профессоровъ и города Харькова (1834). Столкновеніе съ княземъ Трубецкимъ (1834). Разрѣшеніе въѣзда въ Москву (1835). Исторія съ аттестатомъ сына В. Н-ча—Александра Каразина (1835). Пожаръ сельской библіотеки (1836) и судьба Кручика. Сотрудничество въ журналахъ (1837—1842). Проектъ учебно-воспитательнаго заведенія для „женскаго пола въ низшихъ состояніяхъ" (1838—1841). Участіе въ жизни Харькова. Просьбы объ облегченіи участи. Письмо къ Бенкендорфу въ ноябрѣ 1839 г. Послѣдняя попытка выступить снова на сцену оффиціально-служебной дѣятельности въ качествѣ помощника библіотекаря Харьковскаго университета. Участіе въ „Москвитянинѣ" и „Молодикѣ".

Хозяйственныя дѣла В. Н. Каразина шли, между тѣмъ, все хуже и хуже. Уже давно ему приходилось вѣдаться съ судами за свои громадные долги. Еще въ 1804 году ихъ было свыше 40,000 рублей [1]). Въ 1819 году нѣкій Иванъ Куликовскій предъявилъ Каразину какую то (данную ему Куликовскому) закладную; въ 1823 году часть Кручанской земли была взята за долги подъ казенный присмотръ. Въ томъ же 1823 году гр. Подгоричани-Петровичъ искалъ по просроченной закладной, данной В. Н. Каразинымъ дѣду Подгоричани-Куликовскому—30,000 рублей [2]). 22 іюля 1824 г. «чиновники земскаго суда, прибывъ съ секретаремъ и приглашенными дворянами въ село Кручикъ, ввели во владѣніе бо́льшей половины онаго поручика графа Подгоричани-Петровича» [3]). Въ 1825 году Подгоричани взыскивалъ съ Каразина «по заемному письму» деньги. *Изъ указа правительствующаго Сената 30-го мая 1827 года за № 2348 на донесеніе Слобод-*

---

[1]) Прошеніе В. Н. Каразина отъ—ноября 1804 г. государю Александру I-му. „Русс. Старина" 1903, апрѣль, стр. 9—10.

[2]) Рукописи Чирикова. Историческій Архивъ при харьк. унив.

[3]) Донесеніе свящ. П. Базилевича епископу Павлу Саббатовскому „Харьковскій Сборникъ" 1887 г., стр. 59.

ско-Украинскаго губернскаго правленія видно: что къ этому времени графъ Подгоричани-Петровичъ взыскивалъ съ Каразина 24,331 рубль и по долговымъ обязательствамъ послѣдняго дѣду Подгоричани-Куликовскому болѣе 10,000 руб. «На основаніи устава о должникахъ» имѣніе Каразина было передано во временное владѣніе кредитору, а потомъ губернское правленіе хотѣло вовсе продать его съ публичныхъ торговъ, но встрѣтило затрудненія въ послѣднемъ намѣреніи и обратилось къ Правительствующему Сенату за разъясненіемъ. Съ Каразина искали еще и другіе кредиторы. Онъ заложилъ въ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія 59 душъ своихъ крестьянъ, но такъ какъ не выплачивалъ залога, то крестьяне подверглись вмѣстѣ съ ихъ участками земли описи и продажѣ, при чемъ у Каразина осталось для удовлетворенія прочихъ кредиторовъ 140 душъ (и 149 душъ были во временномъ владѣніи графа Подг.-Петр). По предъявленію заемныхъ писемъ Каразина безъ залога—графа Подгоричани.-П.— - 9998 р., поручика Андрея Ковалевскаго 5524 р., тит. сов. Жезлова 9000 р., ком. сов. Парпура 23.456 р. и дѣйств. стат. сов. Квитки 12,400 рублей — 97 душъ крестьянъ изъ оставшихся у Каразина были описаны (равно какъ и «прочія угодія»), а 43 души осталось «на особыя Каразина долги», именно чиновнику 8 класса Шуману 1000 р., коллежской совѣтницѣ Дзюбиной 2173 р., колл. сов. Каменеву 16,097, графу Подгоричани 1000, колл. сов. Шаде 2800 и именитому гражданину Борисову 2250 р.

Въ 1828 году было возбуждено дѣло по заемному акту, данному Каразинымъ филотехническому обществу (на имя 3-хъ членовъ его—Квитки, Позднянскаго и Хорвата) во время его основанія въ 1811 году. Дѣло возникло такимъ образомъ. За долги, главнымъ образомъ графу Подгоричани, судъ постановилъ продать часть имѣнія, бывшаго еще во владѣніи В Н. Каразина. Но когда приступили къ описи и оцѣнкѣ всего имѣнія В. Н. Каразина, онъ заявилъ о неправильности дѣйствій земскаго суда, такъ какъ-де часть имѣнія, подлежащая продажѣ въ уплату долга Подгоричани, заложена въ 10,000 рублей филотехническому обществу (de iure не упраздненному). По праву всякаго частнаго лица (еще съ царствованія имп. Екатерины II-й) переносить разборъ дѣла по желанію въ земскій (съ 1796-го года верхній и нижній земскіе суды слились, вѣрнѣе, остался de facto одинъ *нижній* земскій судъ) или уѣздный судъ [1]), Каразинъ перенесъ дѣло въ Богодуховскій уѣздный судъ. Разборъ начался 21 авгу-

---

[1]) „Земскіе суды“ статья... Словарь Брокгауза и Ефрона, т. 24, стр. 532.

ста 1828 года и кончился 15 сентября того же года. Судъ заявилъ, что представленный Каразинымъ для остановки судебнаго дѣла по искамъ Подгоричани документъ (о фил. общ.), не можетъ быть признанъ причиной уважительной для прекращенія судебнаго разбирательства: актъ филотехническаго общества былъ безсроченъ и въ немъ значилось, что уплата производится по первому предъявленію его членами общества должнику, а таковаго предъявленія, со дня утвержденія акта (25 авг. 1811 г.) «до сего времени» (1827 г.?) не было; кромѣ того самый долговой актъ находился въ рукахъ должника. Тогда Каразинъ заявилъ о своей несостоятельности уплатить всѣ долги, если имѣнье его будетъ продано по частямъ. Послѣ этого заявленія (на основаніи устава о банкротахъ 2 части 18 отд.) судъ и исполненіе приговора остановилось. (Такъ какъ вопросъ о банкротахъ—вопросъ преюдиціальный, то дѣло, до окончательнаго рѣшенія уѣзднаго суда, перешло въ губернское правленіе для опредѣленія свойствъ несостоятельности [1]). Губернское правленіе постановило: 1) Продать цѣликомъ имѣнія В. Н. Каразина, чтобы однимъ должникамъ не дать преимущества при уплатѣ долговыхъ обязательствъ въ ущербъ требованій другихъ; 2) Составить новую опись всему имѣнію движимому и недвижимому и подвергнуть публичной продажѣ; 3) Представить на усмотрѣніе Богодуховскаго уѣзднаго суда просроченную (10-ти лѣтняя давность) закладную филотехническаго общества; 4) На всякое имущество Каразина, которое только у него не состоитъ въ залогѣ, наложить запрещеніе до продажи его, а доходъ съ такихъ имуществъ до продажи ихъ обратить, примѣняясь къ статьямъ устава о банкротахъ 1 части, на удовлетвореніе кредиторовъ; 5) Назначить новые сроки для продажи имущества Каразина и подвергнуть ей, на основаніи справокъ, 149 душъ крестьянъ мужскаго пола съ семействами, 781 десятинъ 2106 кв. саж. пахатной земли, 223 дес. 200 саж. лѣса по рѣкѣ Мерлу и 149 дес. неудобной земли.—Сроки продажи были назначены 27 іюня (1829 г.?), 31-го іюля и черезъ 3 мѣсяца отъ дня напечатанія объявленія о продажѣ и несостоятельности въ «Петербургскихъ» или «Московскихъ Вѣдомостяхъ».—Что касается третьяго пункта рѣшенія губернскаго правленія, то Богодуховскій уѣздный судъ призналъ закладной листъ не подлежащимъ «уваженію», какъ потому, что онъ просроченъ, такъ и потому, что «относительно такихъ документовъ ничего не говорится въ существующихъ законополо-

---

[1]) „Банкротство". Тамъ же, т. 5, стр. 6.

женіяхъ». (Рѣшеніе 16-го сентября 1828 года)[1].—Чѣмъ кончилось на этотъ разъ дѣло—неизвѣстно. Чириковъ (покойный, помощн. библ. Харьк. ун-та), единственный изслѣдователь тяжебныхъ дѣлъ В. Н. Каразина, о процессѣ 1828 года ничего болѣе не говоритъ.

Въ началѣ 1833 года Каразина собрались объявить несостоятельнымъ должникомъ: онъ не могъ уплатить графу Подгоричани-Петровичу срочныхъ 2400 рублей[2] (не въ возвратъ ли заложенной ему земли?) Денегъ у Василія Назаровича вовсе не было. На этотъ разъ харьковское общество пришло на помощь своему ревностному сочлену: профессоры и преподаватели въ императорскомъ Харьковскомъ университетѣ, узнавъ, что Василію Назаровичу Каразину слѣдуетъ внести въ харьковскую гражданскую палату, въ возвратъ графу Подгоричани, пошлинныхъ 2,384 рубля, коихъ онъ, по стѣсненному своему положенію въ назначенный срокъ представить не можетъ, не могли остаться въ равнодушномъ бездѣйствіи при семъ, столь близкомъ для нихъ обстоятельствѣ, но движимые сердечной благодарностью и уваженіемъ къ г. Каразину, какъ первому, единственному виновнику основанія здѣсь университета, въ которомъ большая часть изъ нихъ получили образованіе свое, въ которомъ вмѣстѣ съ симъ открыто имъ завидное поприще передавать образованіе молодымъ людямъ и тѣмъ принести усердную дань благоговѣнія согражданамъ своимъ и отечеству, просятъ взнесть въ помощь г. Каразину собранную ими сумму», 1280 рублей[3]), а черезъ нѣсколько дней 17 января 1838 года харьковскій городской голова Антонъ Матузокъ увѣдомилъ предсѣдателя гражданской палаты, что «по желанію гражданъ, кои въ полной мѣрѣ чувствуютъ труды и предстательства г. В. Н. Каразина о учрежденіи въ г. Харьковѣ университета, который распространилъ свои учебныя отрасли; черезъ сіе г. Харьковъ улучшилъ свое положеніе, а торговый классъ возвысилъ свое состояніе», просилъ принять въ уплату долга Василія Назаровича 1200 рублей «сей малый знакъ истинной признательности»[4]). Благодаря такой, въ то время, можетъ быть, безпримѣрной поддержкѣ общества, «отторгнутое имѣніе» возвратилось въ руки Каразина. Радость свою онъ выразилъ въ

---

[1]) Рукописи Чирикова.

[2]) „Украинскяя Старина", стр. 150.

[3]) Письмо попечителя харьковскаго учебнаго округа Вл. Филатьева къ предсѣдателю гражданской палаты Я. И. Капинцову отъ 12 января 1833 г. „Украинская Старина" стр. 150,—151.

[4]) „Украинская Старина", стр. 151. Харьк 1866.

письмѣ къ Тимофею Ивановичу Селиванову въ февралѣ 1833 года [1]).

Въ 1834 году Василій Назаровичъ задумалъ во 2-й разъ издавать изъ своего Кручика журналъ, подъ названіемъ «Гражданинъ вѣрноподданный» («Собесѣдникъ изъ Украины» 1806 года, кажется, вовсе не выходилъ). Характеръ журнала, его цѣль и назначеніе намъ неизвѣстны. Извѣстно только, что онъ былъ рукописный и составлялъ его одинъ Каразинъ. Журналъ этотъ, вѣроятно, скоро прекратилъ свое существованіе, судя по слѣдующему эпизоду, встрѣтившему первые его выпуски.—Во 2-омъ № «Гражданина вѣрноподданнаго» были какія то замѣчанія насчетъ управленія харьковской губерніей. Этотъ номеръ Каразинъ, между прочимъ, послалъ харьковскому губернатору, въ то время, князю Петру Ивановичу Трубецкому; результатъ этого поступка былъ самый плачевный для Каразина. 29-го марта 1834 года на имя богодуховскаго исправника Меранди послѣдовало слѣдующее предписаніе гражданскаго губернатора: «Помѣщикъ Богодуховскаго уѣзда с. с. Каразинъ черезъ почту прислалъ ко мнѣ второй № журнала, который онъ ведетъ письменно подъ названіемъ «Гражданинъ вѣрноподданный» и въ которомъ, вопреки истребованной отъ него, Каразина, подпискѣ по распоряженію правительства отъ него отобранной, въ томъ, чтобы ему отнюдь не дозволять себѣ входить къ мѣстному начальству съ бумагами особаго содержанія, кромѣ только по собственнымъ его дѣламъ, онъ предоставляетъ себѣ въ неприличныхъ выраженіяхъ дѣлать замѣчанія о моихъ распоряженіяхъ по управленію высочайше ввѣренной мнѣ губерніи. Къ прекращенію на будущее время таковыхъ дѣйствій со стороны г. Каразина, я предписываю вашему высокоблагородію, отправясь лично въ имѣніе помѣщика Каразина, объявить ему, чтобы впредь не осмѣливался доставлять ко мнѣ журналовъ или писемъ, подобныхъ вышеозначенному, для чтенія которыхъ, при исполненіи моей обязанности, не могу и не желаю безполезно терять время, при чемъ обязываетесь предупредить г. Каразина, что если и за силою вышеупомянутой данной имъ подписки онъ вновь станетъ утруждать меня бумагами, подобными послѣдне присланному имъ журналу, упустивъ въ семъ случаѣ и требуемое отъ него уваженіе ко мнѣ въ моемъ званіи начальника губерніи, то я не премину представить высшему начальству о поступленіи за сіе съ нимъ, какъ съ ослушникомъ законной власти, по всей строгости существующихъ постановленій».—Меранди поѣхалъ въ Кручикъ, объявилъ Каразину

---

[1]) Одно изъ неизданныхъ писемъ Каразина къ Селиванову.

предписаніе начальства и отобралъ отъ него требуемую подписку, въ концѣ коей Василій Назаровичъ собственноручно подписалъ: «Сію и всякую предложенную мнѣ отъ начальства подписку охотно даю, никогда и ни въ какомъ случаѣ не отступая отъ его предписаній» [1])...

Къ ударамъ самолюбію Каразина присоединилось новое несчастіе: въ 1835 году имѣніе его Кручикъ должно было итти съ торговъ, и онъ черезъ слободско-украинскаго губернатора просилъ о разрѣшеніи переселиться въ имѣніе жены и дѣтей — сельцо Анашкино, Звенигородскаго уѣзда, московской губерніи; при этомъ Каразинъ просилъ и оффиціальнаго позволенія жить по временамъ въ самой Москвѣ, гдѣ у него былъ свой домъ и куда былъ ему воспрещенъ въѣздъ императоромъ Николаемъ резолюціей отъ 23 ноября 1841 года. 29 мая 1835 года докладывалъ государю о просьбѣ Каразина графъ Бенкендорфъ; 2-го іюня состоялось рѣшеніе; императоръ написалъ: «Согласенъ, но подъ строгимъ надзоромъ, чтобъ никуда не отлучался» [2]).

21 окт. 1835 г. сынъ В. Н—ча Александръ Каразинъ [3]) обратился съ прошеніемъ въ правленіе харьк. ун—та о выдачѣ ему аттестата (диплома) на званіе дѣйствительнаго студента, необходимаго для поступленія на службу. Аттестатъ былъ изготовленъ по окончаніи А. Каразинымъ курса университета еще въ 1833 г., но не былъ выданъ по особому распоряженію попечителя Филатьева [4]). 23 окт. 1835 г. явился въ канцелярію правленія В. Н. Каразинъ съ упомянутымъ сыномъ. Присутствіе перваго нѣсколько объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ про-

---

[1]) Д. П. Миллеръ. „В. Н. Каразинъ и князь П. И. Трубецкой". Историческій Вѣстникъ, 1900 г. іюнь, стр. 887—889. т. 80.

[2]) Русская Старина, 1903, апр., стр. 24.

[3]) Изъ черноваго аттестата Александра Каразина видно, что онъ числился студентомъ по физ.-мат. отд. фил. фак. Харьк. Ун. съ 23 іюня 1829 г. по 30 іюня 1831 г.; потомъ послѣ обученія въ Моск. ун. съ 31 авг. 1831 по 21 іюня 1832 г. вторично поступилъ въ Харьк. ун. по тому же факультету 6 сент. 1832 г. на 3-ій курсъ и находился въ немъ по іюль 1833 г.

[4]) Въ предлож. попеч. Филатьева ректору Харьк. ун—та отъ 1 сент. 1833 г. за № 960: «пріостановить выдачу аттестатовъ на званіе дѣйств. студентовъ поступившихъ изъ Моск. ун—та, въ томъ числѣ и Каразину, по случаю нѣкоторыхъ относительно ихъ свѣдѣній, требуемыхъ г. Управляющимъ Мин. Нар. Просв.»... Дѣло Правленія И. Х. Ун. о выдачѣ с. с. Каразину свидѣтельства о дворянскомъ происхожденіи сына его и о проч. 1839 г. Фундаментальн. библ. Харьк. ун., шк. рук. $^{10}/_{8}$.

шеніи Александръ Каразинъ предлагалъ выдать аттестатъ или ему лично или подъ расписку отца. Когда принесена была нужная бумага, В. Н. Каразинъ, по словамъ рапорта исп. обяз. секретаря правленія, «выхватилъ аттестатъ изъ рукъ державшаго оный Назарова и своевольно положилъ оный къ себѣ въ карманъ, говоря со вспыльчивостью, что сей документъ будетъ ему опорою противу всѣхъ несправедливостей, оказанныхъ сыну его Александру въ семъ учебномъ заведеніи, коего г. Каразинъ называетъ себя основателемъ; и что никто у него не можетъ истребовать сего документа [1]). Исп. обяз. секретаря Туранскій потребовалъ возвращенія документа и указалъ на то, что въ противномъ случѣ онъ донесетъ о происшедшемъ начальству. Каразинъ въ отвѣтъ «*насмѣшливо*» (по словамъ рапорта) предложилъ исполнить намѣреніе. Дѣло происходило въ 6-мъ часу вечера, въ присутствіи нѣсколькихъ мелкихъ чиновниковъ; въ тотъ же вечеръ (23 окт.) былъ представленъ рапортъ о происшедшемъ ректору университета И. Я. Кронебергу. Послѣдній немедленно (въ тотъ же день) препроводилъ дѣло къ попечителю округа (гр. Ю. А. Головкину) съ просьбой заставить Каразина возвратить «самовольно взятую бумагу и тѣмъ оградить университетъ отъ подобныхъ похищеній» [2]). 24 окт. попечитель отнесся за содѣйствіемъ къ губернатору (кн. Трубецкому [3]). 25 числа Каразинъ уже все зналъ объ исходѣ дѣла и писалъ длинное опроверженіе рапорта, представленнаго попечителю. «Въ доносѣ нѣтъ и тѣни справедливости»—писалъ онъ; по всей вѣроятности ректоръ, преслѣдующій Каразиныхъ «болѣе десяти лѣтъ», «заставилъ секретаря подать рапортъ, чтобы имѣть поводъ подать свой попечителю». Рѣшительно опровергался фактъ выхватыванія изъ рукъ бумаги: «это нелѣпость! Назаровъ принесъ ее (бумагу) *изъ другой комнаты*, оторвалъ уголокъ и отдалъ, а я положилъ въ боковой карманъ. Послѣ чего еще съ полъ часа пробылъ въ канцеляріи, помогая Назарову и другимъ отыскивать свидѣтельства о происхожденіи обоихъ моихъ сыновей (за коими, *а не за аттестатомъ* я пріѣзжалъ)». Каразинъ писалъ, что оба (т. е. подлиный и пробный оттискъ) аттестата онъ получилъ утромъ (а не вечеромъ, какъ было въ рапортахъ), что «основателемъ университета» онъ себя не называлъ, что взятый имъ доку-

---

1) Дѣло Правленія И. Х. Ун. «о самоуправномъ взятіи Каразинымъ аттестата» 1835 г. Ф. Б. Х. Ун. $^{10}/_{24}$.

2) «Дѣло о поступкѣ, сдѣланномъ с. с. Каразинымъ въ канцеляріи Правл. Харьк. Ун» 1835 г. Ф. Б. Харьк. Ун. шк. рук. $^{10}/_{3}$, листъ 1-й и 2-й.

3) То же Дѣло, л. 3 и 4-й.

ментъ не представляетъ ничего цѣннаго для начальства, но дорогъ «для растерзаннаго отцовскаго сердца». Въ заключеніе, В. Н. просилъ не слушать «езуита» Кронеберга, взять обратно у губернатора «уничижительную» бумагу и позволить себѣ оставить если не весь оттискъ аттестата, то по крайней мѣрѣ часть, съ напечатаннымъ именемъ сына [1]). Между тѣмъ губернаторъ не замедлилъ дѣйствіями, и 30 октября В. Н. Каразинъ явился въ канцелярію правленія университета съ адъютантомъ кн. Трубецкого Лосевымъ и въ присутствіи послѣдняго возвратилъ взятый аттестатъ сына. Вмѣстѣ съ аттестатомъ Каразинъ пытался передать для попечителя (въ запечатанномъ конвертѣ) свое оправдательное письмо, но «не могъ никакими просьбами и убѣжденіями» заставить чиновниковъ принять его. Неудача преслѣдовала Каразина въ квартирѣ попечителя, его канцеляріи и канцеляріи университетской. Въ тотъ же день, на глазахъ у Лосева, «приставленные къ дверямъ солдаты схватили меня за груди»,—писалъ Каразинъ 5 февр. 1836 г. тому же попечителю гр. Головкину,—«Иванъ де Яковлевичъ (Кронебергъ) намъ приказалъ васъ не впускать», изъ нѣсколькихъ милліоновъ жителей округа *мнѣ одному*, его почетному члену и учредителю, воспрещенъ входъ въ его зданія публично и съ *тяжкою* обидою». Возвращенная бумага оказалась изрѣзанною и кругомъ по полямъ исписанною примѣчаніями [2]). Хотя нравственное униженіе и пришлось перенести В. Н—чу, однако онъ рѣшилъ оправдаться хотя бы во мнѣніи попечителя. Въ началѣ февраля [3]) 1836 года Каразинъ обратился съ просьбой къ кн. Трубецкому снестись съ попечителемъ и убѣдить послѣдняго пріобщить оправдательное письмо его (Каразина) къ «Дѣлу о востребованіи» злополучнаго аттестата. Этимъ надѣялся В. Н. спять съ имени своего «безславіе» въ глазахъ потомства [4]). Кн. Трубецкой нашелъ просьбу Каразина достойной уваженія и

---

[1]) То же Дѣло, л. 6 и 7-ой.

[2]) Примѣчанія эти не безъинтересны; они до нѣкоторой степени проливаютъ свѣтъ на описываемый фактъ. Прим. 1-е: «Примѣчаніе отца безвинно несчастнаго студента, написанное 24 окт. 1835 г Въ 4-хъ прочихъ примѣчаніяхъ стремленіе доказать, что аттестатъ ни на что не нужная бумага, и представляетъ изъ себя лишь пробный неудачный оттискъ настоящаго аттестата. Прим. 2-е передъ вырваннымъ клочкамъ бумаги: «Здѣсь была подпись повытчика, которую онъ самъ, вручая мнѣ эту никому не нужную макулатуру, отодралъ». Предъидущее дѣло, листъ. 8.

[3]) «Дѣло о поступкѣ» Каразина, листъ 7.

[4]) «Дѣло о поступкѣ, сдѣланн. Каразинымъ въ Канц. Пр.» 1835 г. л. 6 и 7.

послалъ письмо его попечителю; послѣдній увѣдомилъ о полученіи документа, а на подлинномъ письмѣ Каразина значится карандашемъ резолюція —оставить безъ отвѣта. Письмо, дѣйствительно, сохранилось при дѣлѣ, и потомство имѣетъ возможность произнести справедливый приговоръ В. Н—чу. Въ 1839 г. Каразинъ снова просилъ выдать дорогой ему аттестатъ уже умершаго сына (Александра) и свидѣтельство о дворянскомъ его происхожденіи, но въ выдачѣ перваго снова получилъ отказъ [1]).

Зиму 1836 года Василій Назаровичъ жилъ въ Харьковѣ (на Екатеринославской улицѣ въ домѣ Панкратьева) [2]). Тогда же случилось новое несчастіе для Василія Наз—ча. Зять его, докторъ Сявцилло [3]) (полякъ родомъ) «поѣхалъ изъ города къ нему въ деревню, нашелъ деревенскій домъ нетопленымъ и велѣлъ его протопить. Неловкіе слуги затопили разомъ во всѣхъ печахъ. Зять хозяина деревни пошелъ по хозяйству, а когда вернулся, увидѣлъ домъ объятымъ пламенемъ; потерявшись, вмѣсто того, чтобы принять мѣры къ спасенію постройки, Сявцилло велѣлъ запрягать лошадей, сѣлъ и уѣхалъ» [4])... Въ этомъ роковомъ пожарѣ сгорѣла вся замѣчательная библіотека В. Н. Каразина, которой нѣкогда восхищался М. П. Погодинъ, всѣ автографы и рѣдкія важныя рукописи, и до 5,000 томовъ книгъ, по разнымъ отраслямъ знанія, хозяйству и проч. (Данилевскій). Между прочимъ, сгорѣло, вѣроятно, не мало еще ненапечатанныхъ трудовъ И. И. Голикова (изъ которыхъ лишь «Статистика Петрова времени» да статья «О Китаѣ» («Благонамѣренный». 1819 г. № VI, ч. V, отд. «Прозы», стр. 337—351) были напечатаны; въ примѣчаніи къ послѣдней Голиковской статьѣ (стр. 347) Каразинъ обѣщалъ издать въ свѣтъ рядъ рукописей Голикова, которыя не были напечатаны и, по всей вѣроятности, сдѣлались жертвою огня въ 1836 году.—О печатныхъ литературныхъ и историческихъ рѣдкостяхъ библіотеки можемъ судить по письму Каразина къ графу Аракчееву отъ 12 ноября 1816 года [5]). Здѣсь перечисляются рѣд-

---

[1]) „Дѣло о выдачѣ с. с. Каразину свидѣтельства о происх. сына его“ 1839 г. л. 2, 3, 4 и 5.

[2]) Письмо В. Н. Каразина къ Т. И. Семенову отъ 6 ноября 1836 года. О томъ же см. Украинскую Старину, стр. 149.

[3]) А не Севцило, какъ передаетъ Г. П. Данилевскій. Такъ называютъ его и крестьяне-кручанцы, такъ значится и въ собственныхъ его купчихъ, хранящихся въ конторѣ гутянскаго свеклосахарн. завода Кенига.

[4]) Украинская Старина 149.

[5]) „Украинскій Вѣстникъ“ 1817 г., декабрь, отд. I.

кіе экземпляры сочиненій церковныхъ историковъ—Евсевія, Оригена, Григорія Назіанина, Степенная книга митроп. Кипріана и проч. Въ «Благонамѣренномъ» за 1818 годъ [1]) находимъ указаніе на существованіе, напр., въ библіотекѣ «Примѣчаній на Вѣдомости» («любопытнѣйшее изданіе съ 1730 по 1741 годъ и далѣе—родъ ученой энциклопедической газеты»), настолько рѣдкихъ, что еще въ 1754 году «Ломоносовъ, которому знаменитый покровитель его поручилъ разыскать для него экземпляръ *«Примѣчаній»*, отвѣчалъ ему: «уже многіе и за нѣсколько лѣтъ ихъ спрашиваютъ; однако сыскать не могли, за тѣмъ, что ихъ по малу было напечатано и не по мѣрѣ Россійскаго Государства (соч. Ломоносова. Т. I, стр. 335, изд. 1791 г.)».—О содержаніи сельской библіотеки можно также судить по напечатаннымъ въ «Молодикѣ» на 1844 года случайно сохранившимся отъ пожара рукописямъ.—Крестьяне-кручанцы, разсказывая о пожарѣ Каразинской библіотеки, называли ее «книжнымъ магазиномъ»—свидѣтельство о ея размѣрѣ. Они даже пріурочиваютъ смерть Вас. Наз—ча къ гибели библіотеки: Каразинъ послѣ пожара «съ досады умéръ». Дѣйствительно, Василій Назаровичъ очень жалѣлъ о своей невознаградимой потерѣ. Г. П. Данилевскій разсказываетъ: «Я помню, въ зимній бурный вечеръ, худого сѣдого старичка, который заѣхалъ на хуторъ моего отца и плакалъ, разсказывая о пожарѣ... Это былъ В. Н. Каразинъ». Отъ пожара библіотеки уцѣлѣли однако семь томовъ собственноручныхъ записокъ и копій съ «Писемъ В. Каразина»—съ 1821 по 1842 годъ [2]). Эти документы теперь неизвѣстно гдѣ находятся; у родственниковъ и потомковъ В. Н. Каразина ихъ нѣтъ.

Съ точностью неизвѣстно, когда Каразинъ принужденъ былъ оставить Кручикъ. Въ 1837 году Василій Назаровичъ адресовалъ еще свою статью «О вѣроятной причинѣ всеобщаго измѣненія температуры» въ Журн. Мин. Нар. Просв. изъ «Богодуховскаго уѣзда» [3]), а съ 1838 года всѣ статьи и письма Каразина помѣчены г. Харьковомъ [4]), Москвой или Одессой. Въ описи судебныхъ дѣлъ, веденныхъ В. Н. Каразинымъ, составленной Чириковымъ (въ рукописяхъ), значится подъ 1838 годомъ за № 22: «Дѣло ст. сов. Кара-

---

[1]) Часть IV, декабрь, въ отд. „Смѣси", стр. 25.

[2]) Украинская Старина, стр. 150.

[3]) 8 мая 1837 г. Ж. М. Н. Пр. 1837 г., октябрь, стр. 691.

[4]) См. напр. письма къ Тройницкому 1838 г. („Русскій Архивъ" 1894, I, 563). Статья „Польскій вопросъ" 1839 года (Русская Стар. 1870, II, 596). Рядъ статей въ Харьковск. Вѣдомостяхъ 1838, 1839, 1840, и 1841 г.г. Письма помѣщенныя въ Русс. Стар. 1903 г. (апрѣля, 26, 27). Статьи въ „Молодикѣ" на 1844 г. (стр. 45, 230) и мн. др.

зина съ помѣщикомъ Топчіевымъ о имѣніи» и подъ 1839 годомъ за № 10: «Дѣло о выдачѣ графу Егору Подгоричани-Петровичу данной на утвержденіе за нимъ съ публичнаго торгу имѣніе, принадлежащее статскому совѣтнику Каразину богодуховскаго уѣзда въ с. Кручикѣ». Г. П. Данилевскій говоритъ: «Село Кручикъ досталось теперь (1866 г.), *по покупкѣ отца*, по наслѣдству двумъ дочерямъ зятя В. Н. Каразина, Ольгѣ Ив. и П. Ив. Севцилло, въ замужествѣ г-жѣ Мягкиной и г-жѣ Зимборской» [1]). Теперь Кручанскія владѣнія В. Н. Каразина раздробились на множество частей, изъ которыхъ ни одна не принадлежитъ родственникамъ его [2]).

Въ сентябрѣ 1837 года Василій Назаровичъ былъ въ Одессѣ, (жилъ на Преображенской ул. въ домѣ Попова). Тамъ между прочимъ сотрудничалъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», издателемъ котораго былъ А. Г. Тройницкій. Послѣдній, на страницахъ издаваемыхъ имъ журналовъ [3]), проводилъ неустанно идею объ усиленіи черноморской *вывозной* торговли Россіи. В. Н. Каразинъ тоже мечталъ объ усиленіи вывозныхъ средствъ отечества; онъ самъ торговалъ съ чужими краями изъ своего Кручика, и учрежденіе филотехническаго общества имѣло главнымъ образомъ цѣль торговать съ иностранцами продуктами, на мѣстѣ обработанными; вотъ почему онъ послалъ Тройницкому для напечатанія свою статью: «Отрывокъ изъ разсужденія о Черноморской торговлѣ», гдѣ указывалъ русскимъ помѣщикамъ на возможность выгодно торговать съ Европой разными продуктами хозяйства, почти не использованными на мѣстѣ. 5-го марта слѣдующаго года Вас. Наз. настаивалъ передъ Тройницкимъ о напечатаніи этой статьи, почему то ненапечатанной, и послалъ новую: «Объ алкоголѣ»: «Я такой дуракъ въ 66 лѣтъ: изъ шкуры лѣзу ни за копѣйку, на всѣхъ навязываю свой патріотизмъ. Но что то зараза эта, не какъ восточная язва, рѣдко къ кому пристаетъ», объяснялъ свои дѣйствія Вас. Наз. [4]). Тройницкому же Каразинъ посылалъ одну критическую замѣтку на переводъ А. Фабромъ

---

[1]) Часть имѣнія, гдѣ былъ домъ и учрежденія Вас. Наз—ча, досталась Егору Арсеньевичу Зимборскому; сынъ его Данило Егоровичъ былъ послѣднимъ наслѣдникомъ собственникомъ кручанскихъ земель изъ родственниковъ Вас. Наз—ча (до 30 апр. 1883 г. Дм. Ник. Мягкій—до 8 іюня 1882 г.).

[2]) См. подробности о томъ въ приложеніяхъ: Поѣздка въ Кручикъ.

[3]) Кромѣ „Одесскаго Вѣстника“ А. Г. Тройницкій издавалъ одновременно „Journal d' Odessa“.

[4]) Русскій Архивъ, 1894, I, 556—563.

«Перипла Понта Евксинскаго» Арріана, которая свидѣтельствуетъ о развитіи эстетическаго чувства В. Н. Каразина [1]). Въ Одесскомъ же Вѣстникѣ Каразинъ печаталъ въ 1842 г. статью «О сахарѣ арбузнаго сока» [2]); туда же посылалась и статья «О сженіи угля съ расчетомъ», впрочемъ ненапечатанная.

Въ 1838 году въ Харьковѣ начали издавать «Губернскія Вѣдомости». В. Н. Каразинъ принялъ въ нихъ дѣятельное участіе и въ теченіе 4-хъ лѣтъ (1838—1841) напечаталъ цѣлый рядъ статей по вопросамъ, касающимся главнымъ образомъ Харькова и родной губерніи. Въ 1839 году, печатая замѣтку о «Переходѣ института благородныхъ дѣвицъ въ новое жилище», Каразинъ поднялъ впервые вопросъ о необходимости моральнаго, систематическаго женскаго образованія «въ низшихъ состояніяхъ». «Старое помѣщеніе благородныхъ дѣвицъ да займется училищемъ, дѣвичьимъ же, но *для средняго состоянія*» [3]); нѣсколько позже (1841 г.) Каразинъ развилъ эту идею въ проектѣ «О воспитаніи женскаго пола въ низшихъ состояніяхъ» [4])—устроеніе спеціальныхъ школъ. Не только въ Россіи, но и за границей ничего подобнаго никому не приходило тогда въ голову; намеки на идею Вас. Наз—ча представляли школы Швейцаріи и Пруссіи для женскихъ рукодѣлій.—Каразинъ предлагалъ устроить на средства общественной благотворительности женское училище въ Харьковѣ. Это по его мнѣнію было естественной необходимостью: «Сама природа назначила *матерей* учительницами ихъ дѣтей»... Идея Каразина нашла себѣ откликъ въ обществѣ: «Начальница этого института благородныхъ дѣвицъ, да и многіе, очень одобряли эту мысль»—писалъ онъ графу А. Х. Бенкендорфу [5]) «Легко ей состояться, если вы подкрѣпите на одной изъ приватныхъ бесѣдъ вашихъ» съ великой княгиней Маріей Николаевной, въ честь (и подъ покровительствомъ) которой Каразинъ думалъ учредить свое учебное заведеніе.—«Мысль Каразина, говоритъ по поводу проекта Василія Назаровича проф. Дм. Ив. Багалѣй, «осуществилась уже въ наше время съ устройствомъ извѣстной ремесленной школы общества грамотности. Не забудемъ, что эти передовыя идеи развивалъ не юноша, а 69-лѣтній ста-

---

[1]) Тамъ же, стр. 561—562.
[2]) Одесскій Вѣстникъ, 1842 г. № 68.
[3]) Харьк. Губ. Вѣд, 1839 г. Приложенія, стр. 234.
[4]) Харьк. Губ. Вѣд. 1841 г. ч. неофф, № 4, стр. 21—23,
[5]) 29 сентября 1839 года „Русская Старина“ 1903 годъ, апрѣль, стр. 26.

рецъ за годъ до своей смерти». «Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ о широкомъ пониманіи имъ идеи образованія»...[1]).

Предлагая тѣ или другія дѣйствія харьковскимъ обывателямъ, Вас. Наз. имѣлъ въ виду улучшеніе, прогрессъ любимаго Харькова: «Городъ моей отчизны, любезный Харьковъ! какъ желалъ бы я, чтобы ты послужилъ примѣромъ для пышнаго Лондона и *цивилизованнаго* Парижа», писалъ онъ въ 1840 году, предлагая провести канализацію въ городѣ и спасти харьковскія рѣки отъ засоренія путемъ возвышенія ихъ береговъ[2]). Путемъ печати старался Каразинъ побудить харьковскихъ помѣщиковъ, указывая на результаты собственныхъ опытовъ, заняться обрабатывающей промышленностью; цѣлый рядъ статей содѣйствовалъ этой цѣли[3]). Въ 1841 году Вас. Наз. въ статьѣ «О значеніи Харькова для полуденной Россіи» предложилъ возобновить филотехническое общество[4]), которое бы усилило вывозную торговлю отечсетва и при наличности нужныхъ средствъ въ Харьковской губерніи возвысило-бъ значительно благосостояніе родного края[5]): «выработанные концентраты могутъ быть съ большою пользою отправляемы во всю Европу черезъ порты Чернаго моря»[6]).

Въ 1839 году Каразинъ отозвался сочиненіемъ на вопросъ, составлявшій въ то время злобу дня. Читая разъ въ Journal des Debats «сострадательную статью о Польшѣ», Каразинъ не вытерпѣлъ и составилъ отвѣтную статью (23 февр. 1839 г., Харьковъ), которую посылалъ въ Journal de S.-Petersburg и Journal des Debats; статья эта не была напечатана тогда, но рукописные экземпляры Вас. Наз., можетъ быть, посылалъ разнымъ лицамъ; о томъ свидѣтельствуетъ, напр., письмо Бенкендорфа[7]). Задачей

---

1) „Просвѣтительная дѣятельность В. Н. Каразина“. Записки Харьк. ун—та 1891 г. кн. I, стр. 21.

2) Харьк. Губ. Вѣд. 1840, № 12, стр. 113.

3) Самый серьезный проектъ: „О сженіи угля съ расчетомъ“. Х. Г. В. 1841 г. №№ 8—11; также: „О приготовл. дерева на стол. раб.“ и др. 1838, № 10.

4) Каразинъ тѣмъ легче думалъ возобновить фил. общ., что оно не было оффиціально упразднено.

5) Та же идея проводилась въ статьяхъ: „О торгѣ за границу хлѣбными спиртами (1838 г. № 50, 421—425. „О химич. превр.“ 1840, № 438).

6) „О значеніи Харькова для полуденной Россіи 1840, № 39, 40 и 41; 339—345, 351—363, 363—365.

7) „Сѣверная Пчела“ 1860 г., № 92, письмо 28-е. Отъ 20 марта 1839 года.

статьи было указать иностранцамъ на безсмысленность заявленій иностранныхъ журналовъ о возстановленіи «экс - государства» Польши.

Съ 1835 года, по Высочайшему повелѣнію, Каразину было разрѣшено пребываніе въ Москвѣ, но «подъ строгимъ надзоромъ, чтобъ никуда не отлучался». Подобный надзоръ, вѣроятно, сильно тяготилъ Василія Назаровича, ибо онъ не воспользовался даннымъ ему разрѣшеніемъ. Въ 1839 году онъ рѣшился испросить себѣ «помилованіе совершенное и рѣшительное»; 15 іюля Вас. Наз. послалъ просьбу, на имя великой княгини Маріи Николаевны, похлопотать за него предъ государемъ: «Милостивѣйшая великая княгиня!» писалъ онъ,—«1820 года, также помнится въ іюлѣ мѣсяцѣ, выѣзжая съ женою и тремя дѣтьми («въ С.-Петербургѣ») изъ Сергіевской улицы на набережную Фонтанки, увидѣлъ я остановившійся придворный экипажъ, у котораго ось изломалась. Изъ окна выглядывало, сидя на колѣняхъ прислужницы, прелестное дитя. Подбѣжать, предложить свою карету дамѣ, сопровождавшей на прогулкѣ ваше императорское высочество, было дѣломъ одного мгновенія. О, какъ мило улыбнулись вы намъ тогда, несравненная царевна!.. Еще до сихъ поръ рисуется въ воображеніи 66-тилѣтняго старика протянутая изъ дверецъ кареты нѣжная ручка!..—Теперь вы счастливая супруга уже, и супруга того самаго принца, къ которому, на прогулкахъ его въ Одессѣ. влекло меня какое-то особенное чувство. Примите мое поздравленіе!—Царевна! Улыбнитесь мнѣ еще разъ; прострите мнѣ сей разъ руку помощи! Испросите мнѣ помилованіе совершенное и рѣшительное у августѣйшаго вашего родителя! Поставьте меня въ то положеніе, небезполезное для службы ему и отечеству, въ которомъ я, въ первые годы царствованія великаго дяди вашего, готовилъ по его повелѣнію уставы народнаго просвѣщенія. Да посвятится черезъ ваше ходатайство *сей части*, которой я преданъ полстолѣтія уже всею душею и благодарности вамъ, остатокъ моего вѣка!..» [1]).

Графъ Бенкендорфъ, которому было послано письмо, сочувственно отнесся къ желанію Василія Назаровича, мысленно уже помирившагося съ нимъ и находившагося, какъ упомянуто, въ перепискѣ съ графомъ. 11-го августа 1839 года Бенкендорфъ сдѣлалъ докладъ государю о прошеніи Каразина и, высказавъ свое мнѣніе въ пользу его, прибавилъ: «прощеніе Каразина *будетъ для меня тѣмъ болѣе радостно*, что онъ, по заблужденію, считаетъ себя преслѣдуемымъ мною». Императоръ Николай, 22-го

---

[1]) Русская Старина, 1903 г. апрѣль, стр. 24--25.

августа, написалъ на прошеніи: «Согласенъ, кромѣ столицъ» [1]). Разрѣшеніе не очень обрадовало В. Н. Каразина; въ отвѣтъ Бенкендорфу на полученную резолюцію государя, онъ высказалъ свою радость за семью, но замѣтилъ, что лично для себя въ общемъ ничего не пріобрѣлъ, такъ какъ и до сего времени безпрепятственно выѣзжалъ изъ деревни въ городъ, ѣздилъ въ Кіевъ и Одессу напр. Желая чѣмъ либо болѣе существеннымъ выразить свою благодарность великой княгинѣ, ходатайству которой Вас. Наз. приписывалъ свой успѣхъ, или, можетъ быть, надѣясь воспользоваться минутнымъ расположеніемъ къ себѣ двора для исполненія одной изъ идей на пользу отечества, Каразинъ (въ томъ же письмѣ къ Бенкендорфу) проектировалъ учредить задуманное имъ училище «для забытыхъ нынѣ дѣвицъ бѣднаго рода» въ честь благодѣтельствовавшей его великой княгини. 4-го октября Каразинъ послалъ Бенкендорфу исправленный свой проектъ «О воспитаніи женскаго пола въ низшихъ состояніяхъ», и съ нетерпѣніемъ ждалъ отъ него извѣстій о результатѣ доклада великой княгинѣ. Въ половинѣ ноября Вас. Наз обратился снова къ Бенкендорфу; молчаніе и подозрѣнія на враждебность его къ себѣ снова забродили въ головѣ Каразина. Какъ бы оправдываясь, онъ характеризовалъ свою жизненную дѣятельность и результаты ея для себя лично; письмо это—сплошной стонъ непознаннаго, отвергаемаго великаго человѣка: „Удостойте одобрить, оживить меня одною строкою!.. Я такъ давно не получалъ уже отвѣта! Жажду особливо узнать о послѣдствіи моей всенижайшей благодарности ея императорскому высочеству. Дайте мнѣ старику, старому другу воспитательныхъ и учебныхъ заведеній, еще разъ отъ умиленія поплакать, какъ плакалъ я въ 1802 г., когда увидѣлъ въ манифестѣ 8-го сентября внесеннымъ министерство народнаго просвѣщенія между прочими.

Ахъ, добрѣйшій графъ! Неужели вы не захотите или не можете сколько-нибудь подѣйствовать на *предубѣжденіе* (противъ меня) наилучшаго изъ царей?

Безвременное усердіе, безумное дерзновеніе говорить то, что я святымъ долгомъ почиталъ сказать, есть все, что составляетъ вину мою въ продолженіи 40 лѣтъ...

Высочайшій гнѣвъ имѣлъ послѣдствіемъ ополченіе ябеды. Предсѣдатели палатъ и сенаторы говорили не безъ основанія: на что щадить врага общественнаго? Сказавъ это, они лишили меня имѣнія, пожалованнаго за пролитую кровь и другія заслуги моему отцу. Вѣдь я живу теперь скудными доходами жены моей.

---

[1]) Тамъ же, стр. 25.

Сіятельнѣйшій графъ! И прошенія ея о пересмотрѣніи дѣла въ Государственномъ Совѣтѣ лежатъ безплодно и у васъ, и въ комиссіи прошеній. А бѣдныя, уже чисто безвинныя дѣти не потерпѣли ли отъ этого же предубѣжденія? Старшій сынъ, напримѣръ, гордость моя, котораго я воспиталъ сообразно природнымъ его способностямъ, чтобы блеснуть имъ передъ августѣйшимъ моимъ благотворителемъ блаженной памяти, готовя его для генеральнаго штаба, этотъ молодецъ, владѣющій тремя-четырмя языками, какъ своимъ отечественнымъ, этотъ математикъ, физикъ и проч.—что онъ теперь на 33 году его жизни? онъ, которому принадлежало бы въ флигель-адъютантахъ дѣлать честь своему званію? бѣдный прострѣленный въ егеряхъ подпоручикъ въ отставкѣ.

Чудное дѣло, графъ! Человѣкъ, съ ума сшедшій на усердіи къ своимъ государямъ и отечеству, написавшій сильнѣйшіе доводы въ защиту самодержавнаго правленія [1]), считается какимъ то карбонаріемъ, потому что онъ смѣлъ! Забыто одно, что онъ писалъ и пишетъ подъ печатію тайны, какъ нѣжный сынъ отцу, котораго обожаетъ»... [2])

Былъ ли отвѣтъ на письмо, неизвѣстно, но проектъ Каразина объ училищѣ «для низшаго состоянія» не состоялся въ то время.

Въ 1840 году мы снова видимъ В. Н. Каразина на казенной службѣ. Согласно прошенію, онъ былъ назначенъ сверхштатнымъ помощникомъ библіотекаря при Харьковскомъ университетѣ, безъ жалованья. Объ утвержденіи Каразина въ новой должности помощникъ попечителя харьковскаго учебнаго округа кн. Цертелевъ доносилъ министру народнаго просвѣщенія 24 апрѣля 1840 г. (за № 713). Въ слѣдующемъ году открылась вакансія библіотекаря университета. Василій Назаровичъ, не надѣясь самъ попасть на это мѣсто, прочилъ на него сперва своего сына Василія [3]), а когда тотъ не захотѣлъ, самъ обратился сперва къ попечителю (27 авг. 1841 г.), а потомъ и къ министру (6 сент. 1841 г.) съ просьбою назначить его (Каразина) библіотекаремъ. Дѣло затягивалось. Каразинъ былъ сильно заинтересованъ въ рѣшеніи министра и 14 марта 1842 года (боясь исхода дѣла подобно 1824 и 1829 г.г.) снова обратился къ министру (въ то

---

[1]) „Защищеніе противу иностранцевъ существующей въ Россіи подчиненности поселянъ ихъ помѣщикамъ“... произнесенное Каразинымъ въ собраніи дворянъ въ 1816 году.

[2]) Русс. Стар. 1903, апр. стр. 27.

[3]) Согласно неизданн. рукописямъ, хранящ. въ библ. Х. у-та.

время Сер. Сем. Уварову) и чтобы поддержать свое прошеніе, приложилъ лестную для него переписку въ 1829 году слободско-украинскаго губернатора съ министерствомъ юстиціи.—О рѣшеніи дѣла ничего не знаемъ [1]). Можетъ быть оно и не застало въ живыхъ Василія Назаровича.

Въ началѣ 40-хъ годовъ другъ Василія Назаровича М П. Погодинъ задумалъ издавать новый журналъ «Москвитянинъ». В. Н. Каразинъ, принимавшій нѣкогда живое участіе въ изданіи Погодинымъ «Московскаго Вѣстника», и теперь, доживъ до «Москвитянина», не остался и къ нему равнодушенъ. Посредникомъ между имъ и Москвитяниномъ явился проживавшій въ Харьковѣ И. Е. Бецкій. Погодинъ поручилъ послѣднему доставить Каразину письмо; но съ этимъ письмомъ случилась презабавная исторія, которую и описалъ Бецкій. «Не посѣщавши Каразина,—писалъ онъ Погодину,—«я не пошелъ самъ къ нему, а просилъ его стараго знакомаго передать ему письмо, чтобъ избавиться отъ лишняго знакомства. Но письмо ваше начиналось слѣдующимъ образомъ: Честь имѣю представить вамъ *Москвитянина*, и пр., и пр., —Журнала вашего Каразинъ еще не получалъ, и вовсе не зналъ о его существованіи. Вотъ онъ и вообрази себѣ, что *Москвитянинъ*-то я!!! Онъ и пишетъ ко мнѣ записку, въ которой проситъ обѣдать. Я прихожу.—Послѣ обыкновенныхъ фразъ, онъ спрашиваетъ меня: «Скажите пожалуйста, какимъ образомъ вы меньшой сынъ Михаила Петровича, а *Московскій Вѣстникъ* вамъ съ родни?—Вы вѣрно участвовали въ немъ?» Я признаюсь подумалъ, что попалъ къ сумасшедшему. Дѣло объяснилось, когда онъ показалъ мнѣ ваше письмо. Сцена была довольно забавная. Тому-то, можетъ быть, стало жаль обѣда,—а мнѣ жаль потраченнаго времени. Я отвѣчалъ ему, что я въ самомъ дѣлѣ *москвичъ*, но *Москвитяниномъ* едва ли буду и на томъ свѣтѣ.—Только что хотѣлъ идти, старикъ опять на меня напалъ: «Да почему же вы мнѣ не принесли *Москвитянина*? Гдѣ же онъ? Вамъ вѣрно его прислалъ Михаилъ Петровичъ?» Представить ему *Москвитянина* я не могъ, оттого что онъ и до сего дня не полученъ въ Харьковѣ.—Насилу могъ выбраться отъ него; онъ охотникъ, кажется, толковать, и страдаетъ тою же страстью, какою и азъ грѣшный,—записки писать. Я уже получилъ одну, въ которой онъ проситъ прочесть что-нибудь изъ моихъ трудовъ(!!). —Разсказывалъ мнѣ, какъ Александръ плакалъ съ нимъ, и какъ онъ плакалъ съ Александромъ, какъ поднесъ онъ ему на колѣ-

---

[1]) Неизданн. документы извлеч. изъ Арх. М. Н. Пр. пр. Дм. Ив. Багалѣемъ.

няхъ прожектъ объ Университетѣ Харьковскомъ, о Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія и пр. и пр, какъ потомъ засадили его въ Шлиссельбургскую крѣпость, «гдѣ свѣта Божьяго не видно... Много испыталъ я въ жизни... Мнѣ уже семьдесятъ лѣтъ... Занимался химіей... Теперь пишу... (тутъ вручилъ онъ листокъ *Харьковскихъ Вѣдомостей)* о новомъ заведеніи для образованія школъ для низшаго сословія... Почта въ Россіи скверная».... и пр. и пр.—Я уже не зналъ, что мнѣ отвѣчать, плакать ли вмѣстѣ съ нимъ, когда онъ плакалъ съ Александромъ и Александръ плакалъ съ нимъ,... написать ли ему оду, яко Іову, или притвориться такимъ ужъ болваномъ, чтобы онъ отложилъ всякое попеченіе добиться отъ меня *сочувствія.*—Растолкуйте мнѣ пожалуйста, что это за вещь на свѣтѣ: умные дураки. Спереди уменъ, ученъ, ну просто геніальный человѣкъ... а повернется задомъ, такъ и кажется, что рехнулся немного. Я, впрочемъ, извлекъ пользу изъ моего посѣщенія: Каразинъ обѣщалъ мнѣ напечатать въ *Харьковскихъ Вѣдомостяхъ* объявленіе о *Москвитянинѣ* съ содержаніемъ первыхъ двухъ номеровъ» [1]). Когда Каразинъ получилъ первый № «Москвитянина», то писалъ къ его издателю: «Плѣняясь журналомъ вашимъ, я предполагаю непремѣнно вносить въ него кое-что изъ моихъ портфелей» [2]). Дѣйствительно, въ 1842 году Василій Назаровичъ уже не помѣщалъ статей своихъ въ Харьковскихъ Вѣдомостяхъ и думалъ кажется сотрудничать въ новомъ журналѣ. Вмѣстѣ съ упомянутымъ письмомъ Погодину Каразинъ отправилъ для Москвитянина какой то автографъ Екатерины Великой [3]). Въ № 6 «Москвитянина» за 1842

---

[1]) Барсуковъ „Жизнь и Труды М. П. Погодинъ" кн. 6, стр. 65—66. Спб. 1392. Нѣсколько позднѣе тотъ же Бецкій, ближе узнавъ В. Н. Каразина, далъ о немъ такой отзывъ въ письмѣ къ Погодину отъ 13 янв. 1843 года: „Мнѣ кажется, еслибъ обстоятельства не передѣлали бы навыворотъ этого неутомимаго дѣятеля науки, онъ могъ бы много, много принести пользы при энергіи необузданнаго ума и страстнаго желанія быть полезнымъ. Жаль, что онъ скончался не въ Харьковѣ,—прибавилъ Бецкій, извѣщая о смерти Вас. Наз-ча;-я съ особеннымъ наслажденіемъ берегъ бы его въ послѣднія минуты жизни потому именно, что покойникъ не имѣлъ друзей" (Тамъ же, стр. 314.)

[2]) Барсуковъ, кн 6, стр. 67.

[3]) Документъ этотъ не былъ напечатанъ въ журналѣ и о немъ сохранилось только нѣсколько строкъ самого Каразина: „Императрица, учреждая Комиссію о Училищахъ, повелѣла прежде ея президенту, а потомъ и другому члену, написать руководство для воспитанниковъ, которое бы, напечатано бывъ во множествѣ экземпляровъ, могло быть

годъ помѣщена была статья Каразина «О новомъ открытіи въ Англіи»..., оспаривавшая у нѣмца честь изобрѣтенія паровой лодки [1]). — Есть указаніе, что Вас. Наз. посылалъ и другія статьи въ «Москвитянинъ», впрочемъ ненапечатанныя [2]). Въ 1842 году И. Е. Бецкій, питомецъ Погодина, задумалъ издавать въ Харьковѣ при участіи Г. Ѳ. Квитки, князя А. А. Шаховскаго, Н. И. Костомарова, Т. Г. Шевченко и другихъ, украинскій сборникъ подъ заглавіемъ «Молодикъ» [3]). Сборникъ этотъ началъ выходить по смерти Каразина (1843 г.), но проектъ изданія былъ еще при жизни его, и Василій Назаровичъ «первый» отозвался на предпріятіе Бецкаго и первый «простеръ ему руку помощи» [4]). Содѣйствуя придпріятію, Каразинъ, однако, не сочувствовалъ назвать новый журналъ по малороссійски «Молодикомъ»: «Предложеніе Бецкаго о Харьковскомъ альманахѣ идетъ довольно успѣшно,—писалъ Каразинъ Погодину,—вотъ и я уже успѣлъ раздать до сорока билетовъ. Жаль, что онъ нарекъ его по-хохлацки, противъ моего совѣта. Это имя, заставляя подозрѣвать, что будетъ наборъ только хохлацкихъ піесъ, кои уже всѣмъ надоѣли, и которымъ, вѣрьте, меньше всѣхъ дорожатъ наши Харьковцы (съ гордостью давно причисляющіе себя къ старой Россіи), многихъ останавливаетъ»» [5]).

Въ одинъ изъ первыхъ годовъ изданія «Молодика» (на 1844 г.), Бецкій воспользовался рядомъ матеріаловъ, предоставленныхъ въ его пользованіе В. Н. Каразинымъ, изъ которыхъ одна статья принадлежала перу самаго Каразина. Это «Взглядъ на украинскую старину», гдѣ Вас. Наз. *по памяти,* на основаніи погибшихъ въ 1836 году отъ пожара документовъ, собран-

---

раздаваемо каждому отроку при его вступленіи въ училище. Прочитавъ принесенные ей прожекты, она ни тѣмъ, ни другимъ не осталась довольна. И, чтобы изъяснить, въ какомъ слогѣ написанною и какого содержанія она желала бы видѣть требуемую ею книгу, изволила немедленно взять перо, и въ полчаса, при краснѣющемъ президентѣ, котораго она между тѣмъ посадила въ своемъ кабинетѣ, написала... съ грамматическими, конечно, ошибками, свойственными иностранкѣ, но въ духѣ Государыни, *Матери* своихъ Россіянъ,“ посланную Погодину бумагу.

[1]) «Москвитянинъ» 1842 г. часть III, № 6, стр. 387—389. Харьковъ, 10 апр.

[2]) «Москвитянинъ» 1843 г. часть I, № 2, стр. 628, прим.

[3]) Барсуковъ «Ж. и Тр. М. П. Погодина» кн. 7, стр. 136.

[4]) «Молодикъ» на 1844 годъ, Спб. 1844, «Отъ Издателя,» стр. 241.

[5]) См. [3]).

ныхъ имъ «многотрудно въ теченіе 55 лѣтъ», воспроизводилъ *картину* населенія и развитія Украйны, подкрѣпляя свои свидѣтельства воспоминаніями старожиловъ [1]). Къ «Взгляду на укр. стар.» Вас. Наз. приложилъ нѣсколько сохранившихся у него документовъ: «Рапортъ отъ 14-го февраля 1732 года, изъ харьковской полковой таможенной въ бѣлогородскую канцелярію—цѣны провіанту въ Харьковѣ въ 1732 году»; Условіе помѣщика съ учителемъ за 40 лѣтъ назадъ» (отъ 7-го октября 1800 года). Въ томъ же выпускѣ «Молодика» помѣщено «Письмо къ издателю» Каразина, по поводу прилагаемыхъ писемъ и записокъ Г. С. Сковороды (стр. 229—230); «Духовное завѣщаніе генеральнаго обознаго Ивана Ломѣковскаго, писанное въ Яссахъ марта 25 дня 1711 года». Между прочимъ, тамъ не была помѣщена очень важная бумага въ историческомъ отношеніи, сообщенная Каразинымъ, это: «Подлинная бумага, почерка послѣдней половины XVII вѣка, о поставкѣ двухъ шпиталень или богадѣлень» по указу Θеодора Алексѣевича, изъ дѣлъ Аптекарскаго Приказа. Эту бумагу Вас. Наз. нашелъ во время своихъ работъ по исторіи медицины въ Россіи въ архивѣ медицинской конторы въ Москвѣ [2]). Погодинъ такъ отозвался о важности обнародованнаго Каразинымъ документа: «изъ него ясно видно, что всѣ почти преобразованія Петра І-го были уже начаты, и всѣ намѣренія уже зародились, съ самаго вступленія на престолъ фамиліи Романовыхъ», т. е. что переломъ исторіи Россіи надо искать на два вѣка раньше, чѣмъ это считалось до того времени [3]).— Всѣ упомянутыя статьи были, какъ сказано, напечатаны по смерти его.

ГЛАВА XI.

Нравственная личность В. Н. Каразина.

(1842 г.).

Благотворительность. Добрыя свойства души Каразина; любовь къ нему крестьянъ. Указанія на недостатки Каразина. Послѣдній годъ жизни и смерть. Отношеніе общества къ смерти В. Н. Каразина. Характеръ дѣятельности В. Н. Каразина

Въ первые мѣсяцы 1842 года Василій Назаровичъ былъ живо занятъ однимъ благотворительнымъ дѣломъ. Сынъ Ив. Яковл. Колтуновскаго (старшаго совѣтника по винному, соляному и та-

---

[1]) «Молодикъ» на 1844 г. Харьковъ, 1843., стр. 39.

[2]) Тамъ же, стр. 281.

[3]) Барсуковъ, Ж. и Тр. М. П. Погодина, кн. 7, стр. 210, Спб. 18.

бачному отдѣленіямъ харьковской казенной палаты) Егоръ Ив. Колтуновскій, окончивъ Петербургскую Академію Художествъ, пріѣхалъ въ Харьковъ и обратилъ на себя вниманіе В. Н. Каразина своими картинами. Послѣдній былъ хорошо знакомъ съ семьей Колтуновскихъ и часто бывалъ у нихъ. По пріѣздѣ Егора Ивановича, Каразинъ постоянно заходилъ къ нему въ мастерскую и цѣлые часы проводилъ, наслаждаясь прекрасными картинами: особенно сильное впечатлѣніе производили на него картины религіознаго содержанія. Случалось, онъ, сидя передъ ними, плакалъ. Вас. Наз. разспрашивалъ Е. И. Колтуновскаго о художественныхъ новостяхъ, вышедшихъ въ Петербургѣ, предлагалъ тѣ или другія темы для работъ. Но этимъ не ограничилось знакомство Каразина съ Колтуновскимъ. Василій Назаровичъ твердо рѣшилъ добиться того, чтобы отправить молодого художника въ Италію и тѣмъ довершить развитіе его таланта. Надо замѣтить, что Колтуновскіе были люди не богатые и не могли дать сыну возможность жить за границей за ихъ счетъ. Въ свою очередь, дѣла Василія Назаровича были въ конецъ разстроены и деньги свои онъ, можетъ быть, и далъ бы, да ихъ не было. И вотъ Каразинъ прибѣгаетъ къ не разъ испытанному имъ ходатайству; онъ обращается къ общественной благотворительности. Ревностно упрашивалъ Вас. Наз. харьковскую аристократію помочь его кліенту и отправить его въ складчину въ Италію. Къ доброму начинанію Каразина отнеслись сочувственно. Архіепископъ Иннокентій, извѣстный духовный ораторъ, графъ Орловъ-Денисовъ, богатый откупщикъ Кузинъ, очень цѣнимый В. Наз—чемъ какъ человѣкъ[1]), и др. собрали 400 рублей Колтуновскому на проѣздъ, а В. Н. Каразинъ выхлопоталъ ему возможность безплатно жить и работать подъ руководствомъ проживавшаго въ Римѣ даровитаго русскаго художника А. Д. Алфераки. Насколько близко принималъ къ сердцу интересы благодѣтельствуемаго человѣка Каразинъ, служитъ письмо къ Колтуновскому отъ 28 апрѣля 1842 года. Въ немъ Василій Назаровичъ писалъ о картинѣ, приготовляемой художникомъ въ подарокъ графу Орлову-Денисову, отъ котораго ожидалась денежная помощь: «Оканчивайте съ Богомъ вашу картину. Представимъ ее вмѣстѣ. Авось еще прибавятъ что-нибудь на дорогу къ четыремъ стамъ? Но знаете ли, что мнѣ пришло на мысль? Весьма бы не худо, чтобы вы отдѣльно написали головку умирающаго на крестѣ, для того, чтобы ее взять съ собою

---

[1]) Къ нему относятся слѣдующія строки заглавнаго листа одного изъ сочиненій Каразина: „Посвящаю благодѣтельному Гражданину, усердному и умному любителю своего Общества Козьмѣ Никитичу Кузину". (Нѣсколько предложеній добраго гражданина. Одесса 1842).

и на первый случай показать г-ну Алфераки. Если будете имѣть время, то сдѣлайте это; если нѣтъ, такъ и быть. Надѣюсь, что когда будетъ приходить къ концу работа ваша, вы меня предварите. Назначьте когда именно представить. А я и архіерея приглашу къ графу на этотъ разъ.

Кстати посылаю вамъ журналъ Министерства Н. П. тотъ №, гдѣ о Гайвазовскомъ найдете, къ концу книжки загнутый листъ. Вотъ какъ пошли наши! Не отстанете и вы, милый Егоръ Ивановичъ! Надѣюсь несомнѣнно!.. Покажите эту статью папенькѣ. А о Римѣ пришлю послѣ»... и т. д. [1]).

Послѣдняя пирписка свидѣтельствуетъ о постоянной руководящей идеѣ въ жизни Каразина—это успѣхи любимой родины.—Безкорыстные труды Каразина не увѣнчались успѣхомъ въ данномъ случаѣ, благодаря рѣшительному противодѣйствію И. Я. Колтуновскаго, когда насталъ часъ разлуки съ сыномъ [2]).—Но для насъ важенъ, конечно, фактъ любви Каразина къ живописи и свидѣтельство о его прекрасной душѣ.

Приближаясь къ изложенію послѣдняго года жизни В. Н. Каразина, намъ кажется умѣстнымъ пополнить характеристику его изложеніемъ нѣсколькихъ фактовъ, ярко рисующихъ доброту этого человѣка.

О заступничествѣ Каразина за обиженныхъ и несчастныхъ передъ государемъ во время своей силы мы уже говорили не разъ. Несчастій и страданій другихъ Вас. Наз. вообще не выносилъ. Во время тѣлесныхъ наказаній своихъ крестьянъ, признаваемыхъ за необходимость въ теоріи, Каразинъ страдалъ не меньше самихъ наказуемыхъ: заслышавъ шумъ розогъ, онъ выскакивалъ и приказывалъ прекратить наказаніе; разъ, увидѣвъ, что сѣкутъ крестьянина сосѣда-помѣщика за невзносъ подушныхъ или оброчныхъ денегъ, онъ поспѣшилъ самъ заплатить недоимку, чтобы только избавить несчастнаго отъ страданій [3]).—О симпатіи В. Н. Каразина къ простому народу намъ нечего распространяться; тому свидѣтельствомъ и заботы «отца»—помѣщика о крестьянахъ, и отзывы послѣднихъ о немъ, и ихъ благоденствіе и отрадныя воспоминанія ихъ потомковъ о времени управленія крестьянами Василіемъ Назаровичемъ. Слава о добротѣ Каразина распростра-

---

[1]) Сборникъ Ист.-фил. общества при Имп. Харьк. унив. Харьковъ 1891 г. т. 3 стр. 340.

[2]) Тамъ же стр. 338—341.

[3]) Разсказы крестьянъ-кручанцевъ автору сочиненія. Подобный же разсказъ передаетъ сынъ В. Н—ча, Фил. В. Каразинъ, въ напечатанномъ письмѣ къ Н. А. Лавровскому.

нилась между помѣщичьими крестьянами, и мы имѣемъ нѣсколько свидѣтельствъ о довѣріи къ нему ихъ. Крестьяне кручанцы разсказываютъ и теперь, что крестьяне сплошь да рядомъ бѣжали отъ помѣщиковъ къ Каразину, ища его заступничества. Въ рукописяхъ Чирикова «О В. Н. Кавазинѣ» находимъ нѣсколько указаній на тяжбы съ Василіемъ Назаровичемъ сосѣдей за укрывательство бѣглыхъ крестьянъ. Въ 1891 году былъ опубликованъ замѣчательный документъ, свидѣтельствующій о заботахъ В. Н. Каразина и хлопотахъ за крестьянъ и о ихъ безграничномъ къ нему довѣріи. Это—довѣренность однодворцевъ с. Вольнаго (отъ 19 мая 1891 года), выданная Василію Наз—чу по случаю размежеванія ихъ «съ яменскими обывателями». Пять разъ уже межевались поля; отъ исхода шестого зависѣло утвержденіе земли за вольновцами или «разореніе» послѣднихъ: «Мы—люди безпомощные, недальновидные, безграмотные,—писали крестьяне.—Войдите въ положеніе наше, благодѣтель нашъ! Довершая сдѣланное намъ добро, не откажитесь присутствовать лично при всѣхъ дѣйствіяхъ сего межеванія отъ начала его до конца въ званіи главнаго нашего повѣреннаго. *Мы вамъ не только вѣримъ, но совершенно ввѣряемъ участь нашу: защиту нашей собственности»*... «Вы, благодѣтель нашъ, съ 1801 года еще и по нынѣ безкорыстно участвуете въ дѣлахъ нашихъ, всегда защищали насъ, ходатайствовали о нашихъ нуждахъ у начальства, даже недавно, въ началѣ 1818 года, въ Москвѣ содѣйствовали къ объясненію учиненнаго намъ неслыханнаго неправосудія — предъ очами Всемилостивѣйшаго Государя Императора» [1])... Мы ничего не знаемъ, на какой фактъ намекаютъ послѣднія строки, но дѣло само за себя—Каразинъ, по признанію самихъ крестьянъ «безкорыстный» печальникъ за нихъ и «благодѣтель».

Въ 1832 году В. Н. Каразинъ хлопоталъ за какого то «гимназическаго ученика Рогинскаго», назначеннаго смотрителемъ Усть-Медвѣдицкой станицы. Послѣдній не имѣлъ денегъ, чтобы выѣхать на мѣсто служенія, и обратился къ Василію Назаровичу. Тотъ немедленно обратился къ своему хорошему знакомому, директору училищъ въ Области Войска Донского, Тим. Ив. Селиванову, настаивая, чтобы онъ добился у мѣстныхъ богачей пожертвованія бѣдняку, добился желаемаго и устроилъ Рогинскаго [2]). «Когда идетъ дѣло о томъ, чтобы пособить бѣдности, чтобы истинно

---

[1]) Сборн. Ист. Фил. Общ. при Харьк. ун. кн. Ш, стр. 310—311, Харьковъ, 1891.

[2]) Письма къ Т. И. Селиванову 1832—1836 г.г. Копіи хранятся у проф. Дм. Ив. Багалѣя.

несчастнаго человѣка, совершенно пропадающаго единственно лишь отъ непріязненности къ нему судьбы его, вытащить, такъ сказать, изъ ямы,—тогда, о! тогда смѣло ступай къ Василію Назаровичу, *не просить* его о воспомоществованіи,—нѣтъ! Ты только представь ему бѣдняка того лично, или разскажи горькую его исторію. Эта добрая душа такъ жадничаетъ не отпускать отъ себя ни одного горюна безъ помощи, что въ твоемъ ходатайствѣ и нужды никакой не будетъ, лишь бы то не превышало силъ его!»... писалъ о Василіи Назаровичѣ неизвѣстный пріятель его: «Такъ говорящихъ слышалъ я нѣсколько человѣкъ, очень коротко знающихъ рѣдкаго сего добродушника».

«Титулярный совѣтникъ Александръ Новоселовъ, человѣкъ весьма мнѣ знакомый и потомъ учитель мой,—безъ нѣсколькихъ только мѣсяцевъ семнадцать лѣтъ занимался обученіемъ нашей братіи рисовать въ Моск. унив—тѣ. За весьма усердное исполненіе своей должности шесть лѣтъ получалъ онъ по 90 р. въ годъ, а въ послѣднія *одинадцать* (лѣтъ) добился и до того, что стали давать ему по 150 р.—Всѣ жалостные вопли его, всѣ представленія нищенской его бѣдности всегда оставались безуспѣшными... Человѣкъ многосемейный, окончательно выбиваясь изъ силъ, обратился къ Вас. Н. Каразину»; тотъ употребилъ все свое вліяніе, бѣгалъ, суетился, и добился, наконецъ, полнаго обезпеченія бѣднаго самейства. «Не нахожу себя въ состояніи,—писалъ тотъ же пріятель В. Н. Каразину, дойтить до того, чтобы обо мнѣ сказали нѣкогда то-же, что слышалъ я въ разговорѣ вашихъ знакомыхъ о васъ [1])... Простите, милостивый государь, вольный слогъ пера моего! какъ думалось такъ и написалось! А изъяснять чувствъ моихъ предъ истиннымъ человѣкомъ, открывать сердца моего передъ такимъ, который самъ его имѣетъ,—никогда не поставлялъ себѣ въ преступленіе тотъ, который, уважая достоинства ваши, будетъ уважать ихъ безпрестанно!» [2])

Такъ помогалъ нуждающимся людямъ Василій Назаровичъ, не разбирая ихъ званія, по влеченію лишь доброй души; и причинъ такой отзывчивости мы напрасно стали бы искать въ несчастіяхъ, претерпѣнныхъ самимъ Каразинымъ; во время своей силы онъ былъ одинаково отзывчивъ къ людскому горю и не щадилъ своего вліянія, настаивая на содѣйствіи сильныхъ людей, которымъ, въ концѣ концовъ, такъ надоѣлъ своими ходатайствами и хлопотами.—Вотъ еще одно благодарственное письмо Каразину профессора Баузе, каталогъ погибшей въ 1812 году библіотеки

---

[1]) Пропущены строки въ печатномъ подлинникѣ.

[2]) Харьк. Губ. Вѣд. за 1875 годъ, № 241.

котораго нашелся у Вас. Наз—ча: «Сердце мое слишкомъ полно радости и благодарности, душевно уважаемый дорогой мой другъ, чтобы выразить ихъ словами. Напрасно бы хотѣлъ я воздать радостію за радость; это не въ моихъ силахъ; но Господь Богъ конечно воздастъ Вамъ за меня. Семейство мое столько же тронуто, столько же безмолвно, какъ и я отъ неожиданныхъ великихъ милостей, которыхъ безъ сомнѣнія я не заслужилъ, равно какъ и безцѣнной Вашей дружбы, но я постараюсь, вѣрьте, всѣми силами моими ихъ заслужить... Спѣшу лично обнять Васъ и благодарить [1]).

Несмотря на столь рѣзкія указанія добрыхъ свойствъ характера В. Н. Каразина, есть нѣсколько данныхъ, *не изслѣдованныхъ*, впрочемъ, біографами его, бросающихъ сильную тѣнь на нравственную личность этого человѣка.—Намъ извѣстно, напримѣръ, о томъ, что Василій Назаровичъ поссорился въ послѣдніе годы жизни съ братомъ своимъ, Иваномъ Назаровичемъ Каразинымъ, съ которымъ раньше дружно дѣйствовалъ. Иванъ Назаровичъ съ радостью привѣтствовалъ успѣхи брата въ дѣлѣ устроенія университета, первымъ отозвался на предложеніе учредить филотехническое общество и по учрежденіи былъ ревностнѣйшимъ сотрудникомъ его. Госпожа Каразина (супруга сына Ивана Назаровича, Ивана Ивановича Каразина, Богодуховскаго помѣщика) говорила мнѣ, что послѣ смерти Ивана Назаровича отношенія между Василіемъ Назаровичемъ и опекуномъ оставшихся сиротъ были крайне обостренныя. Дядѣ совсѣмъ не показывали племянниковъ, остерегая ихъ отъ него, какъ отъ врага. Иванъ Ивановичъ только разъ, и то случайно, видѣлъ Василія Назаровича—средняго роста старика съ нависшими сѣдыми бровями и сердитымъ видомъ, который пріѣхалъ на линейкѣ въ Основинцы. Объ отношеніяхъ Василія Назаровича съ семьей брата Чириковъ разсказываетъ слѣдующее со словъ опекуна А. Н. Витинскаго: «Каразинъ затѣялъ процессъ, желая оттягать имѣніе умершаго брата своего Ивана Наз-ча, отъ котораго остались двое малолѣтнихъ дѣтей, сынъ и дочь, именно—деревню Основинцы, находящуюся невдалекѣ отъ Кручика». Въ основаніе своихъ требованій Василій Назаровичъ поставилъ фактъ уничтоженія опекуномъ имущества брата (Витинскимъ) его (В. Н. Каразина)

---

[1]) Оригиналъ по-нѣмецки. «Сѣверная Пчела» за 1860 г. № 92, письмо 4-е. Можно указать еще на хлопоты В. Н—ча въ пользу жены проф. Шада, попавшей въ безвыходное положеніе послѣ отставки мужа. (Записки Ист. Фил. Общ. при Харьк. ун. кн. 8. См. также Х. Лопаревъ, описаніе рукописей, 16 и 17 §§).

сада и лѣса. Но А. Н. Витинскій взялся серьёзно за дѣло, и В. Н. Каразинъ проигралъ процессъ. Крестьяне, спрошенные на мѣстѣ, показали, что никакого истребленія сада и лѣса не было.

Изъ описи судебныхъ дѣлъ В. Н. Каразина, за это время, у Чирикова находимъ указанія на «Дѣло 1839 года за № 108, помѣщика Каразина о причиненіи имъ дѣтямъ умершаго помѣщика Каразина обиды» на 262 листахъ, («Дѣло 1840 года за № 120 Каразина совѣтника съ товарищи о причиненіи имъ штабсъ-капитану Витинскому на письмѣ обиды» 84 листа) и «Дѣло 1839 года, за № 118, о производившемся статскимъ совѣтникомъ Василіемъ Каразинымъ спорѣ на составленное умершимъ братомъ его титулярнымъ совѣтникомъ Иваномъ Каразинымъ распоряженіе въ пользу жены его» на 810 листахъ. Доставившій намъ приведенныя указанія покойный Чириковъ началъ было разбирать тяжебныя дѣла В. Н. Каразина, но далеко не кончилъ предпринятой работы, а упомянутыхъ документовъ вовсе не трогалъ. Въ своихъ рукописяхъ вообще отрицательно относясь къ нравственной личности Василія Назаровича, Чириковъ приводитъ еще одинъ невыгодный для Каразина фактъ, о которомъ ему (Чирикову) разсказывалъ Витинскій.

В. Н. Каразинъ будто бы пріѣхалъ разъ къ одной старухѣ помѣщицѣ, полуграмотной и глупой женщинѣ, имѣвшей 200 душъ крестьянъ, и попросилъ показать бумаги—документы на ея владѣнія. Старуха показала. Каразинъ воскликнулъ: «Боже мой, съ этими бумагами вы можете лишиться имѣнія». По просьбѣ старухи Каразинъ взялся быть ея повѣреннымъ и забралъ къ себѣ всѣ документы. Каразинъ умышлялъ оттягать имѣніе въ свою пользу, но добрые люди заступились за старуху—и онъ принужденъ былъ возвратить бумаги.

Конечно, этотъ разсказъ нуждается въ лучшемъ освѣщеніи и доказательности, и полагаться на одну версію недруга Каразина невозможно. Изъ приведеннаго разсказа, равно какъ и изъ жалобы Витинскаго, мы можемъ только навѣрное заключить, что онъ непріязненно относился къ В. Н. Каразину. Мы склонны видѣть причину этой непріязненности во всегдашней прямотѣ, даже рѣзкости характера Каразина. Жалобы на него «За причиненіе на письмѣ обиды» сплошь-да-рядомъ разбирались въ судахъ. Кромѣ жалобы «Витинскаго съ товарищи», на Каразина было еще нѣсколько жалобъ за оскорбленіе (дѣло 1835 года за № 144 о причиненіи Залѣсскому обиды Каразинымъ, дѣло 1833 г. за № 92 о причиненіи Лелянову на письмѣ обиды...» и пр.)... Дѣло по одной жалобѣ мы нашли у Чирикова разобраннымъ,—именно засѣдателя земскаго суда Лелянова на Каразина.

6 февраля 1833 года В. Н. Каразинъ послалъ Лелянову письмо такого рода (изъ Кручика): «Удивляюсь, милостивый государь, Иванъ Михайловичъ!.. Мало того, чтобы страннымъ поведеніемъ довести себя до такой надписи на... (?), каковую вы получили 11 числа мая прошедшаго года: надобно еще заслужить и совершенное презрѣніе. Развѣ вы не засѣдатель отъ дворянства, а наемный слуга П.—Петровичевой?... Но если бы высшее начальство это узнало! Какъ вы думаете? Но я не хочу унижать себя жалобами. Напротивъ, къ вамъ собственно обращаюсь и прошу васъ свести бѣдныхъ этихъ сторожей, которые денно и нощно мерзнутъ на дворѣ, въ лѣсу, ни за что ни про что, проклиная всякаго виннаго и невиннаго. Ежели не сведете, то я стану жаловаться и все долженъ буду обнаружить. Что же касается до предположенія вашего вводить графиню во владѣніе, то знайте, что это ея бабья мечта, которая сбыться не можетъ. Ибо сенатскаго указа уничтожить нельзя и гражданская палата сдѣлала уже постановленіе; вѣроятно сего вечера, не позже, будете вы читать указъ въ земскій судъ. Вашъ покорный слуга В. Каразинъ» и въ P. S. Я взялъ сіе письмо отъ посланнаго, для того, чтобы сказать вамъ, что указы за №№ 549 въ земскомъ судѣ, а 550-мъ въ опекѣ уже въ Богодуховѣ.

Богъ васъ проститъ во всемъ! Только перестаньте безполезно стремиться дѣлать мнѣ зло. И поскорѣе отпустите бѣдныхъ людей»[1]). Приведенное письмо Леляновъ 12 мая 1833 года представилъ въ судъ съ жалобой на Каразина «о причиненной ему въ письмѣ обиды». 21 августа 1840 г. Богодуховскій судъ постановилъ: такъ какъ жалоба не должна была быть приносима въ земскій судъ «то» по смыслу 15 части законовъ ст. 381, Лелянову въ искѣ навсегда отказать, а статскаго совѣтника Каразина по дѣлу сему оставить свободнымъ». Едва ли могъ быть для Каразина иной приговоръ суда, но для насъ этотъ случай характеренъ, какъ показывающій, среди какого мелочнаго общества приходилось вращаться Вас. Наз-чу.

Рядомъ съ тяжбами «за оскорбленіе» Каразинъ велъ дѣла о взыскиваемыхъ съ него деньгахъ, за имѣнія, лѣса и т. п. Чириковъ разсказываетъ, что въ судѣ скоплялось по 17 дѣлъ Каразина и что въ Харьковѣ сложилась даже поговорка: «у него столько дѣлъ, сколько у Каразина». Впрочемъ, фактъ скопленія и 17

---

[1]) Рѣчь идетъ, какъ видно, о пристрастномъ отношеніи засѣдателя земскаго суда въ тяжбѣ Василія Назаровича съ графиней Подгоричани-Петровичъ и, главнымъ образомъ, о тяжелой, незаслуженной обязанности крестьянъ В. Н. Каразина, столь имъ любимыхъ.

дѣлъ одного лица не представляетъ ничего удивительнаго при тогдашней судебной волокитѣ; по описи дѣлъ Каразина (у Чирикова же), кромѣ тяжебъ *до* 1830 года (см. стр. 513—518) и немногихъ вышепоименованныхъ, Василій Назаровичъ велъ лишь 4 дѣла: 1833 года «О заложенномъ имѣніи Куликовскому», 1840 г. «О забратіи у Каразина лѣса», и 1839 «По прошенію Каразина и обывателей Ковальчика и Бѣлогора съ жалобою на Богодуховскую дворянскую опеку за продажу лѣса».

Но средства В. Н. Каразина, дѣйствительно, истощились. Чириковъ, между прочимъ, разсказываетъ, что Каразинъ не платилъ податей лѣтъ по 10, и что нерѣдко земская полиція силой описывала и отбирала у него въ уплату хлѣбъ. Дѣло дошло, наконецъ, будто бы до того, что Каразинъ разъ съ ружьемъ въ рукахъ защищалъ свой хлѣбъ и надо было собрать 300 мужиковъ, чтобы произвести нужную операцію.. (Отъ заимодавцевъ Каразинъ отдѣлывался такимъ пріемомъ. Онъ выходилъ къ кредитору, краснорѣчиво убѣждалъ его обождать уплаты долга и на настойчивыя требованія выносилъ какую-либо кость, черепъ, или археологическую рѣдкость, со словами: «вотъ мое богатство») (??).

Тяжбы кредиторовъ В. Н. Каразина продолжались нѣсколько лѣтъ и послѣ его смерти. (1843-года за № 130 «О взысканіи съ него графомъ Подгоричани-Петровичемъ за лѣсъ денегъ», на 154 л.; 1846 г. за № 12 «О доставкѣ имъ наслѣдникамъ Кузина денегъ», 1846 г. за № 155 «О взысканіи съ него поручикомъ Богаевскимъ 4000 руб.»).

Въ послѣдніе годы жизни В. Н. Каразинъ занялся опытами надъ обработкой вина. Сохранился цѣлый рядъ писемъ его, свидѣтельствующихъ объ интересѣ къ этому дѣлу [1]) Новыя работы увѣнчались, повидимому, успѣхомъ. Вас. Наз. достигъ того, что предохраняя выжатый виноградный сокъ отъ воздуха, вызывалъ броженіе вина безъ улетучиванія спиртуозныхъ и ароматическихъ частицъ. Каразинъ тотчасъ предложилъ правительству использовать свою мысль въ казенныхъ крымскихъ виноградникахъ. Министръ государственныхъ имуществъ предоставилъ Каразину отправиться въ Крымъ для производства опытовъ въ большихъ размѣрахъ [2]).—Осенью 1842 года Василій Назаровичъ написалъ уже отчетъ о своихъ наблюденіяхъ и планахъ культивированія Крыма. Эту статью Каразинъ назвалъ «Безпристрастнымъ взгля-

---

[1]) Разумѣемъ письма къ Т. И. Селиванову (неизданн.) хранящ. у проф. Дм. Ив. Багалѣя.

[2]) Русская Старина, 1872 г. т. 5, стр. 665. Московскія Вѣдомости, 1842 г., № 101, стр. 766.

домъ на южный берегъ Тавриды»[1]) и предназначалъ ее, вѣроятно, къ напечатанію.—Прежде всего Василію Наз-чу бросилось въ глаза то обстоятельство, что дары крымской природы остаются неиспользованными. Прекрасный виноградъ обрабатывался самымъ первобытнымъ способомъ; для скотоводства были всѣ данныя, но никто имъ не занимался, а между тѣмъ эта отрасль хозяйства представляла существенное значеніе. Каразинъ изслѣдовалъ причины неправильности винодѣлія и способы достигнуть въ будущемъ желательныхъ явленій. Состояніе крымскихъ школъ виноградарей, стоящихъ правительству огромныхъ денегъ, возмутило Каразина. «Въ 14 лѣтъ изъ 60 или болѣе учениковъ не вышло ни одного отличнаго садовника? Безотвѣтнымъ доказательствомъ тому, что и въ нынѣшнемъ году, при отставкѣ Никитскаго садовника Гуле на его мѣсто опять выписанъ саксонецъ». «Я видѣлъ учениковъ, которые, не имѣя ни малѣйшаго дарованія къ своему дѣлу, безполезно ѣдятъ казенный хлѣбъ». «Видѣлъ другихъ, очень даровитыхъ и жадныхъ къ познаніямъ молодыхъ людей, но и. эти продолжаютъ многіе годы работать заступомъ, точно такъ, какъ и первые, какъ и едва только принятые ученики. Вниманія на ихъ умственныя способности и нравственность, не обращаютъ». Между тѣмъ «на содержаніе Никитскаго сада и его винодѣльное училище издерживается 15 т. руб., и за это отправляется ко двору ежегодно 50 боченковъ винограда—изъ 50-ти тысячъ кустовъ!.. Въ прошедшемъ году, въ первый разъ послано 300 бутылокъ посредственнаго вина. Казалось бы, съ 1812 года, когда первое изъ сихъ заведеній началось, въ 30 лѣтъ можно ожидать что-нибудь значительнѣе, еслибъ кто занимался въ этомъ мѣстоположеніи, необыкновенномъ въ нашемъ отечествѣ, съ *русскимъ сердцемъ*». А между тѣмъ во главѣ дѣла стояли иностранцы, нисколько нерадѣвшіе о цѣляхъ правительства, устроившаго училища съ намѣреніемъ культивировать край: «эти люди питаютъ ко всему русскому какое то непріязненное чувство, въ которомъ сами по себѣ отчета отдать не въ состояніи».

Исполненіе Каразинымъ порученія министра государственныхъ имуществъ кончилось, по всей вѣроятности, статьей о «Тавридѣ», помѣченной 28 октября 1842 года.

Изъ дѣятельности В. Н. Каразина на югѣ Россіи въ концѣ 1842 года, кромѣ изслѣдованія Крыма, можемъ указать только на изданіе имъ въ Одессѣ (въ концѣ августа) брошюры «Нѣсколько предложеній добраго гражданина», заключающей въ себѣ проектъ

---

[1]) Русс. Стар. 1872, 5 стр. 661—669, помѣчено: «Магарачское казенное заведеніе. 28 окт. 1842 г.».

парового отопленія, и двѣ статьи по домоводству, напечатанныя раньше въ «Харьковскихъ Вѣдомостяхъ».

«Ѣздя по Крыму на перекладной, Василій Назаровичъ простудился въ туманную дождливую погоду, и, пробывши на заводахъ въ Никитскомъ саду, близъ Ялты, съ сентября по октябрь, прибылъ больной уже въ Николаевъ, гдѣ служилъ при знаменитомъ Лазаревѣ сынъ его Филадельфъ Васильевичъ Каразинъ» [1]). 4-го ноября 1842 года, въ восемь часовъ по полудни, на рукахъ у сына скончался отъ горячки Василій Назаровичъ Каразинъ [2]).

17-го ноября (1842 г) Филадельфъ Васильевичъ Каразинъ извѣщалъ А. Г. Тройницкаго о смерти своего любимаго родителя и просилъ напечатать въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» (редакторомъ котораго былъ Тройницкій) краткій некрологъ о Василіѣ Назаровичѣ. «Съ *нетерпѣніемъ стану ожидать вашего отвѣта*,—писалъ онъ;—если вы не рѣшитесь безъ документовъ, основываясь только на моихъ словахъ, сказать въ газетѣ вашей, что отецъ мой былъ виновникомъ учрежденія Министерства Народнаго Просвѣщенія и Харьковскаго университета, то сдѣлайте одолженіе, лучше ничего о немъ не говорите; я спишусь съ графомъ Бенкендорфомъ или съ Киселевымъ или съ Канкринымъ (которые всѣ конечно отъ души пожалѣютъ о его кончинѣ) и тогда посмотримъ» [3])!

28-го ноября 1842 года въ 95 № «Одесскаго Вѣстника» появилось извѣстіе о кончинѣ В. Н. Каразина съ краткимъ изложеніемъ записки Фил. Вас. Каразина о жизни отца; 19 декабря того же года въ 101 № «Московскихъ Вѣдомостей» помѣщенъ былъ перепечатанный изъ «Одесскаго Вѣстника» некрологъ. Въ январьской книжкѣ «Москвитянина» за 1843 годъ помѣщено было письмо В. Н. Каразина къ М. П. Погодину, издателю этого журнала, отъ 23 мая 1842 года, писанное еще изъ Харькова. Здѣсь Василій Назаровичъ, какъ бы предчувствуя свою смерть, говорилъ о непризнанныхъ своихъ трудахъ и планахъ, осуществленныхъ на дѣлѣ другими лицами, помимо автора, *характеризуетъ самъ* свою неудавшуюся жизнь. «Кто знаетъ, что живущій нынѣ,

---

[1]) Г. П. Данилевскій, «Украинская Старина» Харьковъ 1866, стр. 151.

[2]) Русскій Архивъ, 1894 г. т. I, стр. 564. Какъ бы на зло судьбѣ, въ день смерти Василія Назаревича родился новый славный отпрыскъ фамиліи Каразиныхъ, извѣстный беллетристъ и художникъ Николай Николаевичъ Каразинъ. (Письмо его ко мнѣ отъ 26 авг. 1903 года).

[3]) Русскій Архивъ, 1894 г. т. I, стр. 572.

хотя уже въ гробъ заглядывающій, старикъ далъ идею и выполнилъ ее на полустопѣ бумаги своею рукой объ отдѣльномъ министерствѣ народнаго воспитанія, которое нигдѣ въ Европѣ еще не существовало? *Насилу* проговорили гдѣ-то въ журналѣ, что онъ-де подалъ мысль къ основанію такого-то университета. *И только то!!* Кто знаетъ, что тотъ же старикъ бился, какъ рыба объ ледъ, домогаясь возсоединенія уніатовъ, которое совершилось спустя больше тридцати лѣтъ? Кто знаетъ, что онъ же въ 1805 году еще учредилъ у себя постановленіе точь-въ-точь такое, на каковое вызываетъ теперь указъ 1842 года апр. 2. Что онъ изобрѣлъ давно и въ началѣ 1838 года напечаталъ о карболейнѣ, по изобрѣтенному другимъ этому имени, *присвоенномъ другому*, въ 1839 или 40 годахъ! Что онъ для царскаго дворца предлагалъ отапливаніе или, справедливѣе сказать, нагрѣваніе водяными парами (заключенными въ трубкахъ), которое теперь произведено въ Берлинѣ, въ тамошней библіотекѣ—«eine Cifindung des Rigferlind» [1])! «Право, скучно и писать, не только жить въ этомъ мірѣ»... «Сберегаете ли вы письма друзей вашихъ? такъ! хоть для потомства»? «Думалъ г. Каразинъ, что это письмо такъ скоро сдѣлается матеріаломъ для его біографіи»—прибавилъ отъ себя М. П. Погодинъ [2]). —«Замѣчательно, что «Отчетъ Харьковскаго университета» за 184²/₃ годы и «Харьковскія Губернскія Вѣдомости» за 1842 годъ вовсе умолчали о смерти В. Н. Каразина.

Таково отношеніе общества къ Вас. Наз. Каразину было въ первое время по смерти его. И. Е. Бецкій такъ описывалъ [3]) отношеніе къ покойному и памяти его семьи, жившей въ Харьковѣ: «Безъ меня здѣсь умеръ Каразинъ. Бѣдный старикъ! Миръ праху твоему... Много оставилъ онъ по себѣ бумагъ. *Дневникъ* самый подробный, который свидѣтельствуетъ о неутомимой дѣятельности, неугасавшей въ дни дряхлой старости. И теперь вообразите: пріѣзжаю къ вдовѣ и вижу этотъ *Дневникъ*, свидѣтель учености, неудавшихся плановъ, жизни самой безпокойной,—лежитъ въ передней и его разбираютъ лакеи. Вотъ конецъ печальной драмы. Спрашивалъ я о библіотекѣ, автографахъ, о бумагахъ. Все это досталось какимъ то нелѣпымъ наслѣдникамъ. *Дневникъ* его—это, ей-ей, рѣдкость во всѣхъ отношеніяхъ, особенно въ психологическомъ, для всякаго, кто зналъ, что это былъ за че-

---

1) Вѣроятно ошибка: „Erfindung des Cypferling“. См. Харьк. Губ. Вѣд. 1841 г. № 20, стр. 187.

2) „Москвитянинъ“ 1843 г. № 2, стр. 628—329.

3) Въ письмѣ къ Погодину отъ 13 января 1843 года.

ловѣкъ-феноменъ покойникъ» [1])... «Покойникъ не имѣлъ друзей», замѣтилъ въ томъ же письмѣ Бецкій, можетъ быть, заключая такъ по безучастному отношенію общества къ смерти В. Н. Каразина. Приготовляя къ изданію выпускъ «Молодика» на 1845 годъ, Бецкій такъ извѣщалъ публику о незамѣнимой утратѣ общества: ...«Съ душевнымъ прискорбіемъ произношу имена В. Н. Каразина и Г. Ѳ. Квитки, такъ неожиданно похищенныхъ у насъ смертію. Они первые подали мнѣ руку помощи и благословили мое предпріятіе. Почти всѣ статьи, помѣщенныя мною въ третьемъ выпускѣ, были сообщены мнѣ почтеннымъ *основателемъ Харьковскаго университета*; вмѣстѣ съ его смертію я лишился богатѣйшаго источника, откуда бы могъ почерпать всѣ возможныя свѣдѣнія о Харьковѣ, едва ли теперь кому такъ хорошо извѣстномъ, какъ былъ онъ ему извѣстенъ. Первый выпускъ «Молодика» былъ отпечатанъ уже послѣ смерти Василія Назаровича— и мнѣ судьба отказала въ удовольствіи принести ему съ благодарностью первый экземпляръ моей книги»... «Вмѣсто того, чтобъ украшать свой сборникъ новыми трудами сихъ двухъ достойныхъ мужей, составлявшихъ опору ученаго и литературнаго общества въ Харьковѣ, издателю предстоитъ горькое утѣшеніе—писать ихъ біографіи» [2])! И не скоро появилось это «горькое утѣшеніе».

Н. Тихій.

---

[1]) Н. Барсуковъ. кн. 6, стр. 313, 314. „Тутъ отдается должное и выдающемуся уму Вас. Наз., и его безкорыстнымъ трудамъ на пользу общества; мало того,—ясно сквозитъ и чувство жалостливаго участія къ покойнику, вызванное, быть можетъ, желаніемъ загладить впечатлѣніе перваго не совсѣмъ справедливаго отзыва о Каразинѣ“ (Проф. Дм. Ив. Багалѣй. „Просв. дѣят. В Н. Каразина“).

[2]) У Бецкаго осталось не мало рукописей В. Н. Каразина, которыя онъ намѣревался напечатать въ Молодикѣ на 1845 годъ. Изъ ненапечатанныхъ намъ извѣстны: „Географическое, статистическое и топографическое обозрѣніе Харьковской губерніи, составленное по рукописнымъ тетрадямъ г. Шафонскаго и В. Н. Каразина.“ „Харьковская памятная книжка“ (Сочиненія В. Н. Каразина.—Матеріалы для его біографіи—Нѣсколько писемъ его...) См. Молодикъ на 1844 годъ изд. И. Бецкимъ. Спб. 1844, стр. 241, 242—243 Нѣкоторыя же рукописи Бецкій передалъ впослѣдствіи О. Бодянскому (равно и записку Анастасовичу), который печаталъ ихъ въ „Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн.“).

Осколки старины въ Зѣньковскомъ уѣздѣ.

Зѣньковскій уѣздъ, купно съ окольными окраинами сосѣдящихъ съ нимъ уѣздовъ Полтавской и Харьковской губерній, чуть только початая, да и то мимоходомъ, вскользь, terra incognita въ отношеніи мѣстной старины. Удаленный отъ рельсовыхъ путей, съ населеніемъ, по большей части, апатично относящимся ко всему, что слабо соприкасается или мало имѣетъ точекъ соприкосновенія со злобой дня, онъ благодушно и не спѣшно переживаетъ режимъ общежитія, унаслѣдованный отъ предковъ, не переча эволюціямъ, исподоволь, будто бы не замѣтно, но тѣмъ не менѣе энергично, стирающимъ слѣды старины въ бытовомъ обиходѣ и вообще въ житейскихъ дѣлахъ его населенія. Вещественные памятники послѣдней, въ свою очередь, тоже захватываются волнами общаго теченія, и что ни годъ, обликъ ихъ все тускнѣетъ, а численность умаляется. Пройдутъ десятки, пожалуй, сотня лѣтъ,—и кто скажетъ навѣрное, не отойдутъ ли эти вещественные памятники въ туманную область преданія, миѳа? Правда, крупнѣйшіе изъ нихъ—по крайней мѣрѣ нѣкоторые—зарегистрованы, или попали въ альбомы случайныхъ изслѣдователей мѣстной старины. Но много ли таковыхъ?—отвѣтить на этотъ вопросъ не легко, съ одной стороны потому, что не всѣ изслѣдованія попали въ печать, а съ другой далеко не установлено, кто были изслѣдователи и въ какой степени исчерпанъ объектъ ихъ наблюденія.

По порученію предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ, осень 1891, а затѣмъ весну и лѣто 1902 г. я экскурсировалъ по Зѣньковскому уѣзду, отыскивая подходящіе для означеннаго съѣзда экспонаты. Попутно, въ самомъ г. Зѣньковѣ и во многихъ поселеніяхъ Зѣньковскаго уѣзда мнѣ приводилось слышать, что до меня *недавно* кто то наѣзжалъ въ Зѣньковщину изъ Петербурга, какъ изслѣдователь старины. Что именно и въ какой степени было имъ изслѣдовано, говорили разно; всѣ, впрочемъ, сходились въ показаніи, что дѣло велось по широкому масштабу и при участіи оффиціальныхъ лицъ. Носились еще слухи, что зѣньковцы ждутъ къ себѣ археологовъ; однако, послѣднихъ ни до съѣзда, ни послѣ съѣзда они не дождались...

Какъ собиратель экспонатовъ для выставки вышепомянутаго съѣзда, я не имѣлъ ни времени, ни средствъ обстоятельно заняться посильнымъ изученіемъ памятниковъ старины: бросающееся въ глаза пришлось намѣчать наскоро, въ видѣ набросковъ туриста. Для меня, какъ мѣстнаго жителя, эта работа нѣсколько упрощалась, главнымъ образомъ потому, что нива изслѣдованія была своя, родная. Часть моихъ работъ уже отдана въ распоряженіе харьковскаго историко-филологическаго общества; другою теперь дѣлюсь съ читателями «Кіевской Старины», испрашивая у нихъ извиненія за нѣкоторую запоздалость.

Кстати, маленькая оговорка по поводу грѣха запоздалости, за мною—чистосердечно радъ въ этомъ уже сознаться—уже не первымъ...

Изслѣдователь архивовъ Харьковской губерніи, Д. П. Миллеръ, на сей счетъ по моему адресу въ 1902 г. далъ такой отзывъ: «Ахтырскій архивъ уже подвергался изученію: въ восьмидесятыхъ годахъ здѣсь дѣятельно работалъ изслѣдователь мѣстной старины А. Д. Твердохлѣбовъ, извлекшій изъ архивныхъ дѣлъ обширный матеріалъ по разнымъ интересовавшимъ его вопросамъ прошлой жизни уѣзда. *Къ сожалѣнію, собранный имъ матеріалъ и до сихъ поръ лежитъ втуне, и только небольшая часть его вошла въ напечатанный г. Т. очеркъ по исторіи*

Ахтырскаго монастыря, напечатанный въ одномъ изъ приложеній къ «Харьковскому Календарю» («Сборникъ Харьк. импер.-фил. общ. Т. 13-й, стр. 335).

Добавлю къ цитуемымъ словамъ Д. П., что у меня и еще кой-что изъ извлеченій изъ архивовъ имѣется ненапечатанное; но въ отношеніи этого грѣха за меня, какъ и за многихъ отечественныхъ архивистовъ, особенно—провинціальныхъ, такая масса оправдательныхъ мотивовъ, что если бъ ихъ сгруппировать и положить въ перетяжку съ обвинительными на вѣсы *правосудія*, то врядъ бы перевѣсъ оказался на чашкѣ послѣднихъ. Въ полной увѣренности, что г. Миллеръ по этому поводу не станетъ со мною спорить, перехожу къ моей заглавной темѣ.

Исходными пунктами моей экскурсіи по Зѣньковскому уѣзду въ 1901 и 1902 годахъ были село Буды и смежное съ нимъ мѣстечко *Куземинъ*.

Такъ какъ оба эти поселенія, по укладу быта обывателей и и по своей внѣшности, довольно характерны, то я и скажу нѣсколько о томъ и другомъ.

Куземинцы и будяне—почти сплошь козаки, потомки тѣхъ козаковъ, которые числились за гетманами по Гадячскому ключу, а потомъ, когда хозяевами здѣсь, вмѣсто гетмановъ, стали Гадяцкіе полковники, исподоволь при нихъ мало-по-малу освобождались и вошли въ ряды вольныхъ козаковъ, независѣвшихъ отъ ключа и обособившихся въ кругѣ своихъ мѣстныхъ интересовъ. Часть старшины, краевой и пришлой извнѣ, выдѣлилась въ привилегированное сословіе пановъ и полупанковъ и вмѣстѣ съ старшими изъ духовенства подчинила себѣ бѣднѣйшихъ изъ козацкой громады,—сначала, въ качествѣ подданныхъ, а потомъ зарегистрована крѣпостными, приписавъ къ своимъ обширнымъ маетностямъ и ихъ самихъ, и числившіеся за ними грунты и угодья; большинство же, по старому, осталось въ рядовой громадѣ, сохранивъ за собою и права на участковое землевладѣніе на правахъ собственниковъ. Въ общемъ, козацкое участковое землевладѣніе превышало панское землевладѣніе, а послѣ крестьянской реформы, съ теченіемъ времени, еще болѣе расширилось. Изоли-

рованность отъ просвѣтительныхъ и бойкихъ торгово-промышленныхъ пунктовъ была также и причиной того, что мѣстное населеніе до послѣдняго времени слишкомъ мало выдѣляло изъ своей среды грамотныхъ людей, да и теперь по этой части значительно отстало отъ ближайшихъ къ нему поселеній своей и Харьковской губерній. Отсюда—устойчивость предковскихъ традицій, консерватизмъ во внѣшней обстановкѣ быта и въ способахъ добыванія насущныхъ средствъ къ жизни. Тѣмъ не менѣе, вѣянія времени и здѣсь берутъ свою дань.

Непочатый уголокъ назадъ тому 40—50 лѣтъ, Буды и Куземинъ въ наши дни уже не тѣ, что были тогда: руины былого, что ни годъ, все рельефнѣй и рельефнѣй стали обнаруживаться.

Въ Куземинѣ—идущій по-надъ Ворскломъ старинный валъ мѣстами сталъ распахиваться, вмѣстѣ съ Песковатою горой, на выдѣлку кирпича, благо рѣка подъ бокомъ; гора Замокъ сильно испещрена выемками и царапинами, удѣляя изъ себя на обывательскій обиходъ глину—«замкуху», весьма цѣнимую, какъ суррогатъ кирпича, при выстилкѣ «пода» варистыхъ печей. Повысохли старинные сады и замѣнены посадками изъ щепъ новыхъ сортовъ сѣмянныхъ и косточковыхъ плодовыхъ деревьевъ; порѣдѣли осѣняющія ихъ дубровы—и въ Куземинѣ и въ Будахъ. Когда то бывшія на ложбинѣ рѣчки Чечечвы въ Будахъ роскошные пруды съ мельницами теперь или совершенно изсякли, превратились въ капустники и коноплянники, или уступили мѣсто убогимъ копанкамъ съ мутною водой и совсѣмъ безрыбнымъ; нѣтъ панскаго каравана, нѣтъ густыхъ очеретовъ и осокъ съ рогозомъ. Въ обоихъ поселеніяхъ исчезли и бурты... Одинъ за однимъ бовдуры съ фигурными крышками и безъ нихъ уступаютъ мѣсто кирпичнымъ трубамъ, соломенныя кровли—желѣзнымъ и кое-гдѣ черепичнымъ. По костюму только немногіе старики да старухи напоминаютъ старосвѣтчину; масса же, особенно молодежь,—тѣ же горожане почти, особенно когда принарядятся по праздничному. И улица уже не та, что раньше, и досвѣтки, и пѣсни... Во всемъ, во всемъ надо искать, улавливать старину.

Даже исконный обычай куземинцевъ и будянъ для сокращенія сообщеній, вмѣсто улицъ ходить стежками черезъ сады и лѣса, даже этотъ обычай сталъ не то привилегіей немногихъ, не то одряхлѣвшимъ культурнымъ пережиткомъ.

Буды и Куземинъ, тѣмъ не менѣе, выглядятъ еще сплошнымъ садомъ: бѣлыя стѣны хатъ, ихъ крыши и крыши надворныхъ строеній только въ одиночку то тамъ то тамъ выглядываютъ изъ-за древесныхъ сѣней. По отношенію къ вещественнымъ памятникамъ старины, оба эти поселенія, въ частности, представляютъ нѣкоторый интересъ церковными древностями.

Въ *Будахъ* церковь во имя архистратига Михаила, трехглавая, деревянная, въ формѣ креста. Она сооружена еще въ XVIII в. Къ ней пристроена новая башня-колокольня назадъ тому около 40 л. Изъ древностей церкви достойны вниманія: *кипарисовый крестъ* съ датой 1642 г., *Евангеліе*, изданное во Львовѣ въ 1644 г. и *три требника Петра Могилы.* Евангеліе съ рисунками. На нижнихъ поляхъ его листовъ, между прочимъ, значится, что оно «наддано при іереѣ Евстафіи Максимовичѣ прихожаниномъ той церкви Хомою Горбатымъ «съ женою Вовдею (Явдоха, Евдокія) за находящагося въ неволѣ бѣсурменской сына своего Левка... Господу-Богу охвѣруючи и святому Михаилу, а далеби Богъ милостивый его съ той неволи высвободити рачилъ (=благоизволилъ»). Куплено же оно у игумена (имя неразборчиво) «за муку́ и лѣсъ». Интересны еще 2 *холщевые подризника*, съ цвѣтами, шитыми металлическими и шолковыми нитками (они теперь въ музеѣ изящныхъ искусствъ при Харьковскомъ университетѣ), и дарохранительница съ датой 1769 г.

Въ м. Куземинѣ 2 церкви, Покровская и Троицкая. *Покровская* старинная объ одномъ куполѣ. Къ ея оградѣ примыкаетъ древнее кладбище, вначалѣ, думать надо, общее, а впослѣдствіи—фамильное пановъ Трипольскихъ. Нынѣ на немъ уже не хоронятъ покойниковъ. Съ ограды промежъ деревьевъ открываются чудные виды на долину р. Ворскла и на степь за нею, идущую къ р. Мерлу. Изъ экспонатовъ этой церкви на XII археологическомъ съѣздѣ были выставлены нѣсколько иконъ, 2 оло-

вянныя чаши. Дарохранительница въ формѣ башни и фелонь изъ чисто-золотой парчи съ вышитыми на превосходномъ бархатѣ цвѣтами. Другія древности на выставку съѣзда не попали, какъ вещи, требовавшія спеціальной укупорки для доставки ихъ въ Харьковъ.

Троицкая церковь раньше стояла по сосѣдству съ Покровской на холмѣ взгорья, но ее сломали и замѣнили новою на новомъ мѣстѣ, въ верстѣ разстоянія отъ холма вотъ по какому случаю. Въ старой, за относительно короткое время одинъ за другимъ умерло 12 священниковъ. При 13-мъ настоятелѣ, зятѣ о. Саввы Онуфріевича Чичибабина, о. Ѳедорѣ Засядкѣ рѣшено было строить новое зданіе Троицкой церкви. Аналогичный случай смерти подрядъ и за сравнительно недолгій срокъ 18 настоятелей былъ и въ Зѣньковѣ въ церкви Преображенія Господня; но тамъ 13-й настоятель, о. Димитрій Засядько, просвященствовалъ благополучно до 30 лѣтъ, и храмъ все еще остается старый деревянный.

Заношу въ настоящій очеркъ эту легенду въ виду широкой ея популярности въ Зѣньковщинѣ. Тамъ еще и теперь вѣрятъ многіе, что плотники, особенно москали, «маютъ дидька въ носи» и могутъ чарами зло творить людамъ: «або зроблять такъ, що само собою згорыть те, що воны строють, або заложать на чіинебудь толовы, колы имъ чымъ не догодять», поясняютъ свѣдущіе и бывалые люди...

Древности Кузeминской Троицкой церкви: 2 шитыя по бархату металлическими нитками *иконы Богоматери и Спасителя*, *крестъ* съ рельефами Саваоѳа, Распятія и Іерусалима, *оловянная* дарохранительница, съ фигурами святыхъ въ орнаментахъ, Львовскій *Евангеліонъ* съ датой 1644 г., *ноты*, изданныя въ Москвѣ въ 1708 г.

Старинныхъ метрикъ и исповѣдныхъ записей въ церквахъ Кузeмина и Буды нѣтъ раньше конца XVIII в.; а еще недавно *были*. Куда дѣвались онѣ?—преданіе молчитъ.

Дорога изъ Кузeмина и Будъ на Зѣньковъ сама по себѣ памятникъ старины. Когда въ Кузeминѣ была таможня, эта до-

рога имѣла значеніе военно-транспортной, потомъ была дорогой почтовой, наконецъ стала, и до сихъ поръ еще остается, трактомъ для отхожаго промысла населенія, стремящагося по ней весной на заработки въ южныя степи, а осенью обратно оттуда домой. Она еще недавно имѣла солидную ширину, но владѣльцы нивъ, сопутствующихъ ей по обѣ стороны, пріорали себѣ отъ нея чуть ли не $^{3}/_{4}$ грунта.,.

На этой дорогѣ, невдалекѣ отъ с. Довжка, есть старинное укрѣпленіе, можетъ быть и болѣе раннее. Оно защищено чечевицевидными холмами съ N и NO и открыто къ ZW, куда съ него открывается обширная панорама дали съ поселеніями и окаймляющими степь лѣсами. Оно состоитъ во владѣніи частнаго лица, и владѣлецъ, по всѣмъ признакамъ видно, не любитель древностей, такъ какъ ежегодно валы и холмы укрѣпленія оборудываетъ вспашкой подъ посѣвъ бахчевыхъ овощей и подсолнуха.

Проѣхавъ около 3 верстъ отъ укрѣпленія, вы вступаете въ лѣсъ «Безвидне», въ коемъ есть широкое углубленіе—остатокъ неудачнаго опыта рытья колодца и, гласитъ преданіе, могила пана, убитаго и выброшеннаго грабарями въ яму «за те, що бувъ сердытый и знущавсь надъ людьмы». Фамиліи погибшаго пана преданіе не сберегло; но какъ изъ преданій, такъ и изъ бумагъ Харьковскаго историческаго архива извѣстно, что по дорогѣ и въ лѣсу въ эпоху Уманской рѣзни «вешталысь гайдамакы и харцызы» и что Желѣзнякъ на ней же былъ, послѣ поимки, конвоированъ по этапу черезъ Куземинъ на Котельву, откуда учинилъ неудачный для него побѣгъ.

Очень красивыя панорамы приходится наблюдать путнику при выходѣ изъ Безвиднаго по пути на с. Ступки. Надъ долиной села идутъ возвышенія съ лѣсками и перелѣсками, въ которыхъ ютятся старосвѣтскіе хутора—влѣво Геевщина, вправо—и не перечтешь сколько, и все—старинныхъ пановъ. Ступки—это царство гусей и голубей. Что ни хата, то и голубятня. Гуси съ утками «хряснуть» (=сплошь кроютъ) рѣчные плеса, окаймляемые густымъ очеретомъ, поросшимъ вербами и верболозомъ на все

видимое глазомъ протяженіе рѣчки по обѣ ея стороны. Такого «схову» и «прыхылу» пернатыя рѣдко гдѣ въ бассейнахъ Ворсклы и Псла отыщутъ себѣ. Далекою стариною вѣетъ отъ этой будящей думы о прошломъ края панорамы.

Въѣхать въ с. Ступки, даже лѣтомъ, послѣ мало-мальски «спирного» дождя, несовсѣмъ удобно, на самомъ въѣздѣ въ него—«ковбаня», топкая и очень глубокая. Подъ росталь весной и во время осенней слякоти, говорятъ, здѣсь фурщикамъ горе... Да и улицы нельзя сказать, чтобъ были удобопроѣзжи по причинѣ глееватаго грунта. Церковь въ Ступкахъ изъ такъ называемыхъ «позыченыхъ»: она перевезена сюда изъ м. Куземина и есть та самая Троицкая церковь, въ которой такъ часто умирали священники. На Ступкахъ—слава Богу, благополучно. Украшеніемъ села служитъ зданіе земской школы, нѣсколько казенной, впрочемъ, архитектуры.

Г. Зѣнковъ не бѣденъ памятниками прошлаго, болѣе или менѣе отдаленнаго отъ нашихъ временъ. По отношенію къ эпохѣ Гетманщины онъ самъ, можно сказать, довольно почтенный памятникъ. Это сказывается даже при бѣгломъ обзорѣ его нелишенной оригинальности панорамы. Далеко протянулся онъ, по теченію р. Ташанской Груни, съ юга на сѣверъ, по обѣ ея стороны сливаясь съ тонущими вдали, подъ сизою дымкой мглы, селами и хуторами. Восточная часть его покоится на низинѣ Подола, а западная раскинулась по горѣ, которая, въ свою очередь, за чертою города сливается съ господствующимъ надъ нею возвышеніемъ поля, упирающагося въ темную широкую полосу нагорныхъ лѣсовъ. Въ общемъ, фигура площади города имѣетъ форму креста; крестомъ же стоятъ на ней и городскія церкви, по устройству своему тоже крестообразныя. Таковъ Зѣньковъ издали, съ дороги на него изъ Куземина. Въ чертѣ осѣдлости его населенія онъ начинается усадьбами-садами, изъ которыхъ прилегающая къ тракту на Полтаву такъ и просится на полотно художника, какъ осколокъ не близкой уже къ нашимъ днямъ старины. Гребля, раньше подъ грязь невылазная, теперь высоко приподнятая и изрядно шоссированная камнемъ, сопутствуется справа

тонущими въ вишенникахъ и гаяхъ усадьбами, а слѣва обширными сѣнокосными левадами, обсаженными еще аллеей вербъ и растущими враскидку группами столѣтнихъ яворовъ. За греблей старина перемежается съ постройками новой архитектуры; но послѣднія, у моста черезъ р. Ташанскую Грунь, опять теряются изъ виду: тутъ, на лѣвой сторонѣ плотины, цѣлымъ таборомъ толпятся ряды крытыхъ дерномъ кузницъ, едва ли не современницъ если не Хмельницкаго, основателя города, по преданію, то ужъ навѣрное Брюховецкаго и Дорошенка. За мостомъ, почти до подъема на гору, опять—влѣво старина, вправо—архитектурныя новшества. Истыми представителями былого выглядятъ: дома бывшаго уѣзднаго, теперь городского, училища, храмъ Преображенія Господня съ крестами надъ могилами въ оградѣ и нѣкоторые уцѣлѣвшіе отъ сломки домики. . Но я, въ силу данной мнѣ въ Харьковѣ инструкціи, не могъ располагать достаточнымъ временемъ для подробнаго изученія внѣшности Зѣнькова. Мнѣ предстояло въ немъ осмотрѣть древности церквей и выбрать изъ числа ихъ экспонаты для археологическаго съѣзда, предстояло выгадать время для развѣдокъ по части этнографіи съ цѣлію что-нибудь купить для выставки на съѣздѣ. Итакъ, вообще говоря, скоро всего не сдѣлаешь; въ Зѣньковѣ же, гдѣ нельзя не считаться съ мѣстными обыклостями, и подавно. Не знаю уже, въ силу ли традиціи, или такъ по какимъ-либо мѣстнымъ специфическимъ причинамъ, многіе жители Зѣнькова кэйфъ послѣобѣденнаго сна, между 2 и 5 часами по полудни, поддерживаютъ на степени настоящаго культа. «Тогда къ нимъ, хоть пушками пали, не достучишься»,—предварилъ меня хозяинъ постоялаго двора, въ коемъ я остановился. Сообразно съ этимъ, я сталъ пріискивать себѣ дѣло тамъ, гдѣ, по моимъ соображеніямъ, послѣобѣденному служенію Мороею я не могъ сдѣлать помѣхи; однако, оказалось, что и 5 часовъ по полудни—не у всѣхъ въ Зѣньковкѣ конечный срокъ этому звычаю-культу... Слава Богу, однако, все хорошо обошлось въ концѣ концовъ.

Изъ церквей Зѣнькова *соборная, во имя архистратига Михаила*, замѣчательна и по архитектурѣ, и по нѣкоторымъ па-

мятникамъ старины. Она о 5 куполахъ, 5-тиглавая, деревянная. Колокольня ея стоитъ особо. Внутри—хоры. Иконостасъ въ 3 яруса, съ 3 полуярусами; всѣ иконы на немъ старинной, весьма оригинальной, живописи. Болѣе другихъ, какъ остатки старины, выдаются намѣстныя иконы *Спасителя и Богоматери*, *Св. Тройцы и Соборъ архангела Михаила*, а въ особенности икона, изображающая *Предвѣчнаго Младенца*, лежащаго на головѣ Адама: сверху надъ Нимъ—Саваоѳъ и Духъ Святый въ видѣ голубя; слѣва—гербъ, а справа—Николай Чудотворецъ и Варвара Великомученица. На горнемъ мѣстѣ въ олтарѣ—оригинальной старинной кисти изображенія Спасителя, Божьей Матери и Предтечи. Стариной же вѣетъ и отъ иконъ на жертвенникахъ. Царскія врата—по архитектурѣ, орнаментовкѣ и живописи—замѣчательны. Изъ другихъ древностей храма отмѣтимъ: *Евангеліе* подъ датой 1735 г., съ рисунками. На немъ надпись: «1740 года генваря 1 дня здѣлано сіе святое Евангеліе коштомъ пречестного Кондрата, намѣстника и послуженца печерскаго, а родимца г. Зѣнькова,—до святой соборной церкви до св. архистратига Михаила за отпущеніе грѣховъ своихъ. Мастеръ сего Іеремій Бѣлецкій во имя Господне вигравировалъ». *Евангеліе* 1757 г. *Антиминсъ* 1780 г. Надпись: «Освятилъ митрополитъ Гавріилъ въ Кіевѣ до храму Іоанна Крестителя (придѣлъ въ соборѣ). *Дарохранительница* въ формѣ башни—даръ архимандрита Златоверховскаго монастыря, Іосифа Томашевскаго, жителя гадяцкаго полку г. Зѣнькова. Дата 1763 г. Интересны металлическія выпуклыя фигуры воскресшаго Спасителя, Духа Святого и ангеловъ въ райскихъ одеждахъ. Въ соборѣ 3 престола. *Архивъ* его начинается съ конца XVIII в.

Къ описаннымъ памятникамъ старины въ соборѣ присоединимъ живую лѣтопись его, *Меркурія Ивановича Потакевича*, 90-лѣтняго старца, рукоположеннаго дьячка, нынѣ пребывающаго на покоѣ взаштатѣ, но еще бодраго и обладающаго свѣжей памятью.

Покровская церковь въ Зѣньковѣ отступаетъ отъ общей мѣстнымъ церквамъ формы креста. Она перенесена въ Зѣньковъ

изъ упраздненнаго при императрицѣ Екатеринѣ II Преображенскаго Скельскаго монастыря; ея форма--корабль; деревянная изъ сосны. Въ притворѣ на дверяхъ рѣзная по дереву надпись гласитъ: «Обновися сія Преображенія Господня церковь тщаниемъ превелебнаго отца нашего благословеніемъ Бога Отця и поспѣшеніемъ Сына... по предложенію господина нашего преосвященнаго митрополита Кіевскаго Арсенія Могилянскаго денежнимъ отъ доброхотныхъ дателей любящихъ благолѣпіе домовъ Божиихъ собраннихъ 1759 г. игумена иеромонаха Порѳирія Туманского иждивениемъ». Здѣсь остатки старины: въ олтарѣ—*горнее мѣсто и жертвенники;* въ церкви—*иконостасъ*, многія *иконы*, *хоругви*, *фелонъ* шелковая съ оплечьемъ, на коемъ лики святыхъ вышиты золотомъ и серебромъ, 2 *плащаницы*—одна на желтой, другая на красной шелковой матеріи, 2 *пары* металлическихъ золоченыхъ *вѣнцовъ*, 2 *рипиды* съ головками ангеловъ, *подризники полотняные*, 2 *Евангелія* московскаго изданія съ датами 1763 и 1782 г.г.

Церковь *Преображенія Господня*. Въ ней древности: *Трипѣснецъ* подъ датой 1631 г., Львовское *Евангеліе*—1644 г., «*Бесѣды Іоанна Златоуста*»—1709 г., *Евангеліе* съ датою 1719 г., вѣнчальные *вѣнчики* въ формѣ ободка съ цвѣтами, «Поученія» 1777 г., *выносной крестъ* 1751 г. съ надписью: «Коштомъ атамана Зѣньковской сотни Антона Довбни обновленъ 1799 г., *выносной крестъ*—даръ Юліаніи Лѣсавицкой, *складень* (панагія), *шелковые подризники* въ цвѣтахъ *и старинныя иконы.*

Воскресенская церковь никакихъ древностей не имѣетъ. Въ *Троицкой* есть: старинныя *Евангелія*—Львовское 1688 г., Кіевское 1746 г. съ рисунками и надписью надъ ними; «Изобрази Аверкій Козачковскій. Даръ іеромонаха, намѣстника лавры св. Кіево-Печерской 1750 г. Окладъ здѣлалъ Казанковъ». *Панагія съ мощами*, безъ даты, съ изображеніемъ св. Тихона, *Евангеліе* 1791 г., *дарохранительница* серебро-вызлащенная, съ рельефной орнаментовкой ликовъ святыхъ, изображающей погребеніе Спасителя.

Въ Трехсвятительской церкви, по времени одной изъ старѣйшихъ въ Зѣньковѣ, памятники старины, по преданію, когда то были;

но теперь ихъ слѣдовъ не осталось. Самая церковь—деревянная и обветшала совсѣмъ; взамѣнъ ея воздвигнута каменная, оконченная только вчернѣ. Архивы церквей Зѣнькова старинными манускриптами небогаты совсѣмъ: по неимѣнію удобныхъ помѣщеній, негдѣ хранить таковые.

Въ 7 верстахъ отъ Зѣнькова прячется въ густыхъ фруктовыхъ садахъ с. *Великая Павловка.* Въ немъ 2 церкви, старая и новая. Послѣдней я не осматривалъ. Первая имѣетъ три престола: во имя *Успенія пресв. Богородицы, Константина и Елены и Варвары Великомученицы.* Она—деревянная. Уважаемый настоятель ея, священникъ Петръ Митрофановичъ Крамаренко, вручилъ мнѣ, какъ даръ отъ него Харьковскому историко-филологическому обществу, древнюю рукопись «*Сложеніе устава церковнаго*», переданную мною по принадлежности. Это—выдающаяся древность церковнаго архива. Кромѣ нея, есть при церкви *Евангеліе* львовскаго изданія 1644 г. съ интереснымъ рукописнымъ посвященіемъ, *требникъ* безъ даты, и нѣсколько иконъ мѣстной живописи съ тенденціей на оригинальность. Архивъ скуденъ.

Въ Павловкѣ мнѣ случайно привелось прослушать и записать нѣкоторыя свадебныя пѣсни. По словамъ супруги о. Петра Крамаренка, Анны Антоновны, Павловка еще обилуетъ старинными народными пѣснями, обрядовыми и уличными.

Отъ Великой Павловки рукой подать къ с. Бобровнику. *Бобровникъ*, какъ и Павловка, вся въ садахъ. Въ дачахъ его беретъ начало ручей Рудый, впадающій въ Псіолъ возлѣ с. Романовки. Село славится фруктовыми садами, изъ которыхъ лучшіе помѣщиковъ Бѣлявскаго, Горонескуля и бывшаго штатнаго смотрителя Зѣньковскаго уѣзднаго училища Василія Павловича Ковтуна; послѣдній теперь — маститый старецъ за 80 лѣтъ, но бодрый и юношески энергичный. Онъ очень любимъ мѣстными простолюдинами; по спеціальности—самъ хлѣборобъ. Къ сожалѣнію, за выѣздомъ священника къ роднымъ, а церковнаго старосты въ Полтавщину, церковь Бобровника мнѣ не привелось осмотрѣть. Отсюда мы съ сыномъ, гимназистомъ Митей, повернули черезъ Зѣньковъ на с. Шенгеріевку.

Путь на Шенгеріевку изъ Зѣнькова идетъ низами и буераками; въ сухую погоду онъ не изъ удобныхъ, въ мокрую же ѣхать по немъ, по общимъ отзывамъ, чистое мученье. И не интересенъ онъ, т. к. окрестности его прячутся за кряжами возвышеній, ему сопутствующихъ.

Сама *Шенгеріевка* выглядитъ не особенно красиво. Про нее въ народѣ ходитъ легенда, будто бы въ ней когда то, вмѣсто колоколовъ, «дзвоныли у вершу бурякомъ». Какимъ обстоятельствомъ вызвана эта легенда, ни въ Шенгеріевкѣ, ни въ Груни мнѣ никто не могъ объяснить. «Чулы, що, буцимъ, дзвоныло»—вотъ и все объясненіе... До эмансипаціи село было помѣщичье.

Церковь Шенгеріевки во имя архистратига Михаила построена въ 1795 г. Въ ней замѣчателенъ иконостасъ, сооруженіе коего приписывается бывшему владѣльцу села, помѣщику Ивану Федоровичу Дубягѣ; по другимъ свѣдѣніямъ, украшалъ ее бывшій ея настоятель, современникъ Ивана Федоровича. Можетъ быть, они оба въ 1820 г. трудились надъ украшеніемъ храма. Иконостасъ весь въ рѣзьбѣ съ колоннами и выпуклыми фигурами ангеловъ и святыхъ. Подъ иконою, изображающею Тайную вечерю,—балдахинъ, осѣняющій царскія врата. На немъ изображенъ Спаситель въ видѣ Агнца, на коемъ стоятъ крестъ, хоругвь и древесная вѣтвь въ листьяхъ. На царскихъ вратахъ—чаша съ сіяніемъ, влѣво отъ нея—скрижали, вправо—Евангеліе. Самый древній памятникъ старины при церкви *Акафистникъ* 1625 г.; кромѣ него, къ XVII ст. относятся: *Львовское* Евангеліе 1690 г. и *Минея Общая* временъ царствованія Феодора Алексѣевича; къ XVIII—*Евангеліе* съ датой 1705 г., *ноты* 1729 г., *трифоліонъ* (безъ даты), *журналъ входящихъ бумагъ* 1718—1735 гг. съ копіями дѣлъ; сохранились также отъ прежнихъ временъ *оловянная чаша* со лжицею и *2 холщевыхъ подризника* огромнаго размѣра, шитые заполочью. Иконы оригинальной мѣстной живописи, всѣ болѣе или менѣе неудачно подновлены кистью реставрировавшаго ихъ живописца. Архивъ мало интересенъ и не полонъ.

Мѣстечко Грунь. Про него въ окрестномъ населеніи ходитъ обидная поговорка: «Грунь—хоть плюнь»; но она, по крайней

мѣрѣ примѣнительно къ нынѣшней Груни, несправедлива: Грунь—мѣстность довольно красивая, и только развѣ что постройки въ ней, раскинувшіяся въ безпорядкѣ по взгорьямъ, не совсѣмъ мѣстами картинны. Груняне и грунянки еще несовсѣмъ утратили простоту старины. Дивчата и молодицы «кохаютця» въ плахтахъ, украшаютъ голову повязкою изъ шелковыхъ платковъ въ формѣ креста, на намистѣ носятъ дукаты и цвѣтные галстучки, рукава и подолъ рубахи вышиваютъ мережками и цвѣтною—чорною, синею и красною—заполочью; чоботы—сапьянци и «мышеви» жолтые въ большомъ употребленіи. Не бросаютъ старинной одежды и мужчины; цыгарки еще не совсѣмъ вытѣснили традиціонную люльку—Зинькивку.

Благодаря просвѣщенному содѣйствію мѣстнаго благочиннаго, о. Ѳеодора Павловскаго, станового пристава г. Млыко и помѣщика Е. В. Хижнякова, въ Груни по части старины мнѣ удалось гораздо больше пораздобыть экспонатовъ, чѣмъ я предполагалъ. Немало помогъ мнѣ и настоятель церкви Воскресенія Христова, о. Захарій Васильевичъ Штепенко, самъ большой любитель археологіи. Отъ него поступили на выставку XII археологическаго съѣзда очень цѣнные экспонаты: *рукопись—«Минея мѣсячная»* 1627 г. *и деревянная чаша.*

Въ церкви Воскресенія хранятся: рукописное Евангеліе 1636 г. [1]) и печатныя львовскія Евангелія 1683 и 1690 г.г.,—послѣднее съ подписью: «1703 г. отъ ктиторовъ и братства церкви войсковой. При Назаріи Яновскомъ пресвитера того жъ храму намѣстника Грунскаго (по преданію, церковь В. Х. была соборною); *Требникъ* безъ даты, съ интересною «предмовою», *Минея*

---

[1]) Подарено оно до церкви Успенія войсковымъ товарищемъ Константиномъ Дмитріевичемъ, обывателемъ Груни Черкасской. Въ обычномъ заклинаніи любопытно слово, послѣ анаѳема,—*амаѳанаѳта.* О. Захарій Штепенко говорилъ намъ, что Успенская ц. была перенесена въ Лютенскія Будища, а новая переименована въ Воскресенскую, и въ нее поступило это Евангеліе вмѣстѣ съ другою утварью старой церкви.

общая, изданная при королѣ Іоаннѣ III, *вѣнчальные вѣнцы* въ формѣ головныхъ цвѣтовъ, *двѣ оловянныя чаши*, *плащаница* зеленая бархатная; на ней—лики святыхъ, шитые серебромъ, а волосы—шелкомъ, *старинная серебротканная риза*, *«тѣльный»* (наперстный) *крестъ и медальонъ*—оба съ частицамм мощей святыхъ.

Николаевская церковь. Въ ней: Евангеліонъ, изд. во Львовѣ въ 1644 г. На заглавномъ листѣ его значится: «Евангеліонъ сирѣчъ Благовѣстіе Богодх̃овенныхъ, четверопрестольныхъ патріархъ тщаніемъ и иждивеніемъ братства Ставропигіонъ храма Успенія Пресвятыя Богородица опасно вторицею издадеся», и стихи:

Свѣтомъ гроба твоего воскресенія,
Христе, просіяша повсюду ученія
Евангельскихъ ученій и всѣхъ просвѣщенна
Свѣтомъ познания, въ вѣрѣ утвержденна:
Тѣмъ, Боже, даждь крестоносному братству свѣтлѣти
Въ заповѣдехъ Ти непорочнымъ пребывати
Мирно безмятежно жизнь здѣ провожати
И паки грядуща Тя въ славѣ видѣти»

Еще: *вѣнчики-цвѣты*, *плащаница на шелковомъ платѣ*, *крестъ оловянный*, помѣченный 1689 г.

Покровская церковь стоитъ на южной окраинѣ мѣстечка на перепутьѣ изъ Зѣнькова и Будъ. Она перенесена сюда послѣ пожара, бывшаго въ 1834 г. [1]), въ 1842 г. Древности церкви: *Евангеліонъ* 1600 г., съ надписью: «іерея Константина Дмитріевича съ женою Агаѳіею Михайловною и сыномъ Саввою 1703 г.

---

[1]) Пожаръ этотъ былъ грандіозный и произошелъ отъ поджога. Виновницей поджога мѣстное преданіе называетъ красавицу-горничную паніи Др—ской Федосью, которую пани «катувала и мордувала за те, що на іи чорни бровы заглядалысь уси панычи, а панянкы, дочкы пани, не хотилы браты за себе». Федосья не пошла, будто бы, на каторгу, п. ч. «іи зъ плахы повивъ на шлюбъ судовыкъ.

(даръ) до храму святителя Христова Василія въ Грунъ за іерея Іоанна Шимановскаго, пресвитера того храму». Васильевскою народъ и понынѣ именуетъ Трехсвятительскую церковь. Фамилія Шимановскихъ долгіе годы священствовала наслѣдственно въ этой церкви. Они—сородичи Зѣньковскаго полковника Шимана, фундатора Скельскаго монастыря. Вѣтвь рода Шимана, дворяне Шимановы,—и по настоящее время благополучно здравствуютъ въ г. Ахтыркѣ. Одна изъ дочерей священника Шимановскаго была замужемъ за Гнилосыромъ, въ м. Котельвѣ Ахтырскаго уѣзда.

А. Твердохлѣбовъ.

НІОБА.[1])

(Новеля).

ГЛАВА VIII.

Навкругы було пусто и тыхо, не выдно ничого, хиба видъ часу до часу—урываное сумне скавулиння собакы, що стерегла нашои хатыны на далекыхъ самитныхъ поляхъ. Тоди, тои морозыстои мисячнои осиннёи ночи, мала я почуття, неначе-бъ я справди чула округъ моеи самитнёи хатыны смерть, що за мною старою, або за кымъ иншымъ, чатуючы, роззыралася. Такъ сумно и мучлыво переймало щось мою душу; такъ невымовно глыбоко видчувала я свою самитнисть, горе и опущеннисть.

Я кажу «опущеннисть», мій сыну, бо стильки мала я васъ ще пры жыттю, тоди ще всихъ пьятёхъ здоровыхъ и сыльныхъ, цвитучыхъ, а помымо того була моя старисть така смутна и гирка, а вси прочи кримъ васъ мертви. Иванъ, Марійка, и тіи передъ нымы поклыкани Богомъ...

Наразъ (оно могло вже буты около другои по пивночи) мене оттакъ сыдячу въ потемкы мовъ щось трутыло, такъ що я зъ своеи скуленои позицыи зъ переляком очу́тылася.

Я вытрищыла очи, котри остаточно утома затулыла, и стала надслухуваты...

---

[1]) См. К. Ст. 1905 г. № 6.

Чы добре я чула? Ни. Це выразно загуркотило щось мовъ фира. Фира Андруши; и почувся нибы ступитъ його сыльного, велыкого коня.

«Андрушка!»—зойкнуло щось въ мени на-пивъ радистно, на-пивъ жахлыво.

Андрушка!—и якась пропасныця запанувала мною по довгій, мовъ заштовпилій нерухомости, въ котрій я доси дожыдаючы и надслухуючы пересыджувала, и я пидвелася скоро.

Хапаючы судорожно за палыцею, домацалася я якъ можлыво скорымъ крокомъ на двиръ, мижъ тымъ колы мени щокы мовъ въ лыхорадци тремтилы. Я не була въ сыли що небудь думаты,—такъ невымовно тяжко и повно неясныхъ и прыкрыхъ передчувань тяжило на моеи души. Одно я знала: доброго не ждало мене ничого.

Въ киньци ступыла я непевнымъ крокомъ на поригъ, поглянула впередъ себе и побачыла: онъ-тутъ недалечко передъ хатою стоявъ нашъ кинь и фира, кыдаючы въ мисячній ночи велыку незграбну тинь обичъ себе, поскубуючы голосно и пыльно высоку мураву подвирья, а коло коня — зъ видкрытою головою и мовчкы його розпрягаючы Андруша. Але мени выстарчало поглянуты на него лышъ разъ, щобъ заразъ-же пизнаты, якый оборотъ взявъ нынишній його выйиздъ.

Пьяныця видгадавъ мою блызькисть. Якый вже и бувъ тоди пьяный, а видчувавъ мою прысутнисть инстынктывно. Теперъ винъ не пидводывъ голову, але вмисто всякого, хоча-бъ и одного слова прывиту (щобъ все-таки видозватыся своею прысутнистію), пиднявъ ногу въ гору и вдарывъ нею що сылы коня въ бикъ.

— «Гадюко ты!»—заклявъ винъ,—«завше мусышъ ты, колы тебе розпрягаю, стануть мени на поводы». И зъ тымы словамы ставъ зновъ коня быты, що по тверезости не бувъ бы николы своему любымцеви не чынывъ.

Я не втерпила, не можучы довше глядиты, щобъ вирне, мудре, въ додатку и змучене звирья, котре його непокаличено прывезло до-дому, до голоду ще и збыткованo. «Дай коневи спокій,

Андруша!»—упимнула я строго,—«винъ певно бійку не заслужывъ, винъ голоденъ и змученый и заслугуе скорше на добрый гарнецъ оброку».

На отци слова винъ доперва пидвивъ голову въ гору и въ мисячнимъ сяеви, що насъ и коня ярко осявало, глянула я въ пару здычилыхъ палаючыхъ очей.

— Вы не спыте, стара?--спытавъ грубо, охрыплымъ голосомъ:— я хтивъ бы лышъ знаты, чому вы не спыте! Звычайно спыте вы о тій пори такъ мицно, що вашъ беззубый ротъ выкрывляется въ васъ якъ у мерця, а цеи ночи вы таки жвави якъ молода».

Пры єго обыди обняло мене холодомъ, хотяй я по интонацыи єго голосу замитыла, що винъ мало не на божевильного походывъ,—такымъ неспокійнымъ и дыкымъ выдався мени ныни єго позиръ, такымъ видражаючымъ звукъ голоса єго. И хоть и якъ знала я добре єго пьяныхъ, такъ цилковыто роззвиреного не бачыла, здается, єго николы! Я зрозумила наразъ, що теперъ треба було остатыся спокійною и умиркованою, щобъ не даты злій потузи въ нимъ розлытыся, а мени стратыты власть надъ нымъ, власть матери, котру все таки въ тверезости узнававъ, а котрій по пьяному иноди и опирався.

— Скажы мени, Андрушо!—заговорыла я знову до него, нибы не зважаючы на єго образлыви слова: «Чы ты бувъ у батька и передавъ єму и Лидіи, що було треба»?

— «Чортови передавъ я все!»—выкрыкнувъ ся на мене—«чортови, колы вже йе вамъ такъ спишно довидатыся о тимъ! чортови! А теперъ йдить и не быйте мени довше голову, инакше:.. оттакымъ якымъ я йе ныни... бачыте... онъ тамъ якъ выблыскуется ставъ? Гадаете, я не знаю, чому вы дотеперъ не лягалы?»—крычавъ винъ, «я це жъ надто добре знаю, и не потребуете мени бильше ани словечка казаты»!

«Андруша, мій сыну!»—упимнула я єго, сама себе до супокою сылуючы, мижъ тымъ колы мною передъ моею дытыною якъ въ пропасныци телипало. «Андруша, Господь зъ тобою! що ты говорышъ таке безумне? Я не хочу видъ тебе ничого, лышъ знаты: чы ты бувъ у батька, бачывъ єго, и чы передавъ грошы

и клунокъ Лидци. Тому и пересыдила я доси ничъ. Я не мала супокою. Чы ты того не розуміешъ? Мени здается, що я на видповидь заслужыла».

— «Мовчить, стара потворо!»—рыкнувъ винъ на мене. «Завсигды мусыте вы розжаруваты пекло въ моеи груди! Якъ колы бы лышъ те було важне, що вась обходыть, а бильшъ нищо! Мовчить—кажу вамъ!.. я не скажу бильше ани слова—инакше... Бигъ-ме.. убью васъ, якъ»...

Винъ не вымовывъ послидне слово, бо я... хоть и якъ телипало мною, опынылася биля него.

— «Теперъ ты видповишъ мени на мое пытання»—сказала я ёму—«а видтакъ можешъ мене, про мене, и въ воду кынуты, якъ це тоби твое сумлиння наказуе. Я хтила лышъ зъ твоихъ устъ почуты, якъ поводытся батькови. Я жыла зъ нымъ зверхъ пятьдесять рокивъ, и мени не байдуже, якъ ёму въ ёго послиднихъ дняхъ поводытся. Тутъ бувъ ныни въ мене Дмытро и оповидавъ, що винъ мается дуже лыхо. Отже я мушу щось певного знаты. Дывысь, мій сыну!»—сказала, взявшы ёго за руку и потягаючы за собою въ хату,—«наколыбъ ты мени прысягався онъ тутъ всю ничъ пидъ голымъ небомъ тысячу разивъ, що ты не мавъ ныни въ твоихъ устахъ ани крапли напытку, я тоби того не увирю. Але наколыбъ ты мавъ для мене и найгиршу звистку про батька, то я тоби повирю, бо маю то пересвидчення, що ты матиръ пидъ тымъ выглядомъ не обманышъ. Вона надто за тебе натерпилася».

Винъ вырвавъ свою руку зъ моеи, видтрутывъ мене видъ себе, и крычавъ, затыкаючы соби обома рукамы уха! «Ничого не передавъ я ёму, ніякыхъ грошей и ничого, бо мусивъ я въ корчми лышыты, лышъ кильки шматкивъ билля передавъ я Лидци, въ котри перебере ёго ныни-завтра до гробу, бо винъ вже такъ выглядае. А теперъ вже знаете, що хтилы знаты. И знайте таки *на добре*, колы вже васъ такъ прыпекло, що ажъ мене на тортуры ставыте, стара потворо! Гадаете, я не проклынавъ вже васъ ныни, колы выйихавъ зъ корчмы зъ порожнимы рукамы? Васъ и того старця, що звется моимъ батькомъ и сёгодня-завтра на

викы очи замкне? проклынавъ, що далы мени жыття. Нехай вамъ це Богъ простыть, а я це вамъ не можу простыты, бо въ моеи груди не маю ничого кримъ мукы и пекла, а це становыть мое буття, котре маю вамъ завдячыты. Охъ, наколысь наступыла вже разъ тота хвылына, дебъ я побачывъ васъ занимилу и нерухому на марахъ, тоди я бъ пишовъ спокійно—спокійнымъ крокомъ до онтои тамъ воды и напывся іи такъ, щобъ остався на іи дни ажъ до судного дня... и всёму наставъ бы кинець. Але такъ я мушу черезъ васъ те собаче жыття пиддержуваты, абысьте не доходылы жебраючы видъ хаты до хаты за кусныкомъ хлиба, бо вси вашн прочи розпанашени диты не хотять о васъ ничого знаты. И имъ выгиднійше дбаты о себе, якъ про своихъ старыхъ».

«Причъ видъ мене. причъ! — крыкнувъ наразъ здычилымъ голосомъ въ тыху ничъ и глуху простиръ навкругы и, вырвавшы мени палыцю зъ рукъ та кынувшы нею въ отверти сины, оставывъ мене коло розпряженого коня на мисци, попілентавшыся самъ заточуючыся въ хату. Тамъ замкнувъ такъ сыльно дверьмы за собою, що малá хатына певно задрижала, а мали виконьця неначе видзойкнулы.

ГЛАВА IX.

Я осталася переляканa зъ ослабшымы телипаючымыся колинами, и обглянулася. Але я не побачыла ничого. кримъ голыхъ, самитныхъ пиль. освиченыхъ мисячнымъ сяевомъ; надъ нымы тутъ и тамъ розлягалась имла, и я—я засміялася, мій сыну! Господы, просты мени це, але я розсміялася—и такъ пагано, що сама того переляĸалася.

Смутна звистка про чоловика, и горе зъ отымъ моимъ сыномъ булы засыльни, а хвылына для мене, старои жинкы, загирка та тяжка, щобъ я могла повзяты якусь певну думку и перевесты іи якъ-небудь диломъ.

Одначе, колы я оттакъ стояла, зворушена до глыбыны душы, почула я наразъ въ своимъ вуху такый переражаючый и болистный окрыкъ, що я не опысала бы ёго николы словамы. Не-

наче задеревила зъ остраху, переражена и въ тій хвыли до всякого руху нездибна, зойкнула я и оглянулася. Звидкись-то мусивъ винъ питы, той окрыкъ... звидки-то конечно. Але Андруши и не було вже коло мене,—винъ що недавно до хаты зайшовъ. Я мало не безъ памьяты лежала, наколыбъ наша собака не була разъ голосно забрехала.

Це збудыло мене; я пидвелася насылу; и ныни Господь одынъ знае, якъ я заволиклася до хаты. Тутъ же застала я двери видъ кимнаты, въ котрій я ще недавно дожыдаючы зкулена сыдила, шырокоотворени, а Андрушу, зъ лыцемъ до земли оберненымъ, хрестомъ лежачого.

Я прыклякла коло єго; мои рукы зложылыся мымоволи до молытвы, и я почала молытыся. Голосно и дрожачымы устамы слово въ слово почала я говорыты «Отче нашъ». Це мало мене успокоиты; ще мала я той страшный переражаючый окрыкъ надто выразно въ ухахъ, була занадто зворушена тильки що пережытымъ.

Одначе, Андруша ледве що почувъ мою прысутнисть и мои слова, якъ пидвився насылу на колина и почавъ мене рукамы доторкатыся.

Ёго очи горилы мовъ въ гарячци, и винъ крычавъ зминенымъ голосомъ:

— Мамо, вы вже вмерлы! я васъ вже вбывъ... я чувъ, якъ вы крычалы! Мамо, Андруша убійныкъ!.. идить, скажить це татови, я сёгодня свого патрона втратывъ!!»

Мене переняло страхомъ; я була пересвидчена, що я знаходылася проты чыстого божевилля.

— Тыхо, мій сыну, Андруша! тыхо,—успокоювала я ёго дрожачы, мижъ тымъ колы мій власный голосъ зминывся въ тій хвыли до непизнання. «Господь зъ намы, а твоя мама жые, и знаходытся ось тутъ коло тебе. Ходы молыться, мій сыну, молыться. Просы зо мною о Господню опику и помичъ, бо обое мы гришни, безталанни сыроты. Тому, хоть бы и смерть десь тутъ коло насъ на насъ чыгала, безъ Божои охороны не сміемо мы на тамтой свитъ перенестыся.

— Господы, просты намъ грихы нашы, мы выновати! Господы; просты намъ! Я былася въ груды—говорячы голосно свою молытву—все наново, разъ-по-разъ земли чоломъ и устамы доторкаючыся.

А Андруша, кынувшыся наново хрестомъ до земли, повторявъ охрыплымъ белькотлывымъ голосомъ разъ-по-разъ: «мы гришни и вынувати»! Такъ хрестячыся и цилуючы землю та доторкаючыся іи чоломъ и устамы, врешти обое мы успокоилыся.

Тоди я встала и, помигшы ёму, оскилько це мени мои сылы позволылы, пиднятыся на ривни ногы, проводыла до постели.

Тутъ винъ повалывся мовъ кавалокъ глыны, почавъ хлыпаты и бытыся головою объ стинку. «Я замордувавъ маму!»—белькотивъ винъ—«а тато мусивъ вже таکожъ померты; Лидка це казала».

При тыхъ его словахъ повалылася я коло ёго на постиль, и, зарывшы лыце въ подушкы—*я наразъ и видчула и знала*, що мій прыятель, мій одынокый прыятель въ жыттю, батько моихъ дитей—видійшовъ вже навикы видъ мене и я осталася *сама одна.*

— Молытыся, Андруша, молытыся!—белькотивъ пьяный розмахуючы рукамы за мною, не тямлячы навить о тимъ. Мои уста молылыся, а винъ белькотивъ молытву за мною.

Такъ тревало се якыйсь часъ, докы винъ не уснувъ и мы обое не помовклы, а въ хати не утыхло цилковыто.

Тоди я пиднялася наново, мій сыну, и мои ногы понеслы мене ще разъ изъ хаты на двиръ... Прочъ хтила я, прочъ до ёго, до моёго одынокого прыятеля, которому я пры прыстоли шлюбувала любовъ и вирнисть.—До ёго хтила я, котрый мене своимъ оклыкомъ до себе до смертельного ложа поклыкувавъ. *Нихто цёго мени не казавъ и никого я не бачыла*; навкругы мене дышала лышъ пустыня пиль и самитнисть и мыготилы зори, блыстила вода въ ставу, але *я знала це сама зъ себе*, и вкладаю це *въ твою душу, мій сыну*, бо знаю, що хто иншый мени не повирыть.

Въ тій ясній мисячній ночи померъ справди твій батько, а переразлывый окрыкъ въ моимъ уху бувъ мени мовъ ознакомъ о тимъ. Слава Богу, що я ёго вчула, зрозумила.

Я мовчу о тимъ жалю, котрый мене пры тимъ пизнанню обгорнувъ, бо видрады по такій страти для мене не булю и не могло буты.

Мною запанувало лышъ одно однисинькe почуття: «сама, *вже безъ ёго*—сама». Бильше не думала я и не знала ничого. Свидомисть мусыла мене остаточно опустыты,—бо на порози отцёго долгу, черезъ якый вы мало не вси переступалы, повалылася твоя стара маты и перебула туть дальшу ничъ.

Жадне зъ іи дорогыхъ для неи дванадцятеро дитей не пидняло іи въ іи найтяжшій хвыли, не потишыло. Жадне зъ ныхъ не промовылю теплымъ словомъ до неи,—такъ выдно ій вже доля судыла...

...Ривно жебрачци, лежала онъ-тутъ... а може и гирше ще. Бо тамъ десь въ свити булы въ неи диты, котри одначе до неи мовъ не належалы...

Николы не видчула вона потугу самитности и опущення такъ могутно, якъ тоди—николы. А хто іи николы такъ не видчувъ, той и николы не зрозуміе, що *въ мовчанню и самитности* творятся ричи, котри въ ясній дныни не можуть ани розумитыся, ани вирытыся...

...Така була тая ничъ, мій сыну!.. тая горестна ничъ, котра мое волосся до решты побилыла и мене до сёгоднишнои дныны смуткомъ прыкрыла.

ГЛАВА X.

Сынъ сыдивъ мовчкы передъ матирью, уклавшы голову на іи колина, и ёго пальци рылы черезъ цилый часъ судорожно въ волоссю. Въ киньци прытыснувъ ихъ до своихъ ухъ и клыкнувъ:

— «Не говорить бильше ничого, мамо; не говорить ныни бильше ничого, я не годенъ бильше сёгодня слухаты».

Вона усмихнулася похытнувшы головою.

Теперъ вже все одно, мій сыну, теперъ вже все мынулося и *перебулося*, а то, що ще по тимъ наступыло, трагичне и тяжке, застаю мене вже однаково саму, зъ моимъ пьяныцею. Тіи прочи мусилы мене покынуты. Така була Божа воля, и такъ було вже мени суджено! Я лышъ дывуюся, що мене ще мои ногы по свити носять. Але и то мало свои прычыны, якъ все мае свою пидставу. Я мала, окримъ тебе й Андрушы, ще четверо иншыхъ дитей пры жыттю. Васылька десь далеко въ горахъ сотрудныкомъ и Лидку, и Олену, и Зоню.

Мала жъ дожыты, якъ ихъ доля до кинця розвынется... Але теперъ вже *може* смерть по мене прыйты, бо я не маю вже ничого дожываты, чы радше перетерпиты... Дожыла бильше-менше до кинця всёго...

Одначе, ранійшъ нижъ я тоби на-борзи драму твоихъ сестеръ розскажу, ты розглянься трохы на двори, якъ тамъ ничъ запови-дается. Я все такы-боюся заметильныци въ-ночи, и мусила-бъ просыты сусида выйихаты проты Андрушы до млына. Туды по-гана дорога, и хочъ Андруша може спокійно спустытыся на свою конычу, я все-таки не затулыла бъ ока, закымъ не побачыла его вдома.

...Сынъ сповнывъ волю матери и одягнувшыся выйшовъ; однакъ повернувъ ажъ геть пизнійше...

— На двори,—оповидавъ,—зтыхло зовсимъ, и винъ ишовъ до-брый кусень дорогою, котрою пойихавъ братъ; уперше, щобъ розглянутыся за нымъ, а вдруге, щобъ успокоитысь, бо, зворушывшысь матерынымъ оповиданнямъ, не хтивъ бы розизле-ный брата зустриты, особлыво жъ колы бъ той не повернувсь и ныни тверезый.

Здалека доносылося воздухомъ щось мовъ дзвиночкы, и колы винъ не помыляется, то це дзвинкы братовыхъ залубнивъ. Ста-ренька маты выйшла соби на двиръ, и сама пидслухувала. Вона не потребувала довго ждаты. Звукъ звинкивъ чымъ разъ скорше стававъ голоснишій, а не довго по тимъ зайихавъ и самъ дожы-даный на подвирья.

Винъ бувъ ныни лышъ легко пидпытый, але (оправдовався) що дорога полямы не була видъ вчорашнёи заверюхы добре уйихана, винъ йихавъ повильнишымъ крокомъ и отъ «трохы» прыпизнывся...

ГЛАВА XI.

Пьяныця спавъ вже давно крипкымъ сномъ, колы стара маты выйняла зъ старои дубовои скрыни, берегучій вже видъ килькохъ рокивъ смертельный іи стрій и де-яки памяткы по чиловикови и дитяхъ, и показувала ихъ сынови.

Де-що зъ того подарувала ёму, а одну фотографію, представляючу пяты-шестылитню дивочу головку, та одынъ запысаный зошытъ, лышыла соби, вымовляючыся, що мусыть одно й друге забраты зъ собою, якъ выйиде до нёго; тіи дви ричи (говорыла), особлыво жъ фотографіи, нехай положать по смерти на груды и въ домовыну, а все инше оставляе Андруши и ёму.

Осыпъ похылывся нызько до свитла, задывляючыся на фотографію. Маты задержала зошытъ въ рукахъ и, усивпысь покійно въ кутъ старенькои софы, прыглядалася мовчкы до сынового облычча, ще завше гарного.

— Може булабъ стала до тебе подибною, мій сыну!—обизвалася врешти, колы сынъ видложивъ фотографію своеи малои померпюи сестры на бикъ.—Лышъ ты, Зоня и вона малысьте ясне око батькове и его темне шовкове волосся. Зоня мусыть ще й теперъ, колы вже іи перша молодисть мынула, буты велыкою красою.

Я не бачыла іи вже зъ-чотыры рокы.... саме видъ похорону батька, але якъ разъ тоди була вона незвычайно гарною. Велыки, ясни сталёви очи, отинени чорнымы шовковымы віямы, зорилы зъ іи билого облыччя предывно-тужлывымъ выразомъ и такъ и водылы нымы чоловика за собою.

Але *отце* мое чудове любе дытынятко, «чародіечка» моя, це було бы не що инше, и сонцемъ стало-бъ у моей хаты, а може й по

за мурамы моеи хаты, колы бъ невмолыма смерть була мени іи немилосердно, передвчасно не забрала!....

— Бачъ, сыну мій—тягла дальше—я багато тяжкого перебула и переболила, багато де-чого забула и зреклася, багато зъ де-чымъ помырылася, що не пійшло якъ слидъ,—але лышъ разъ видчувала я огорчення проты поставлень Господнихъ, а то тоди, колы мени Господь, черезъ два рокы нисля твого видлучення видъ насъ, забравъ зъ помежы васъ отъ-цю любу незвычайну дытынку.

Не за красою цеи пьятылитнёи дытыны сумую я донынн, хочъ маю іи пышни, мудри чорно-отинени оченята въ своій души жывымы донынн. Лыше *за тымъ, що въ ній и зъ нею* пійшло въ землю; це чудно, це для де-кого, може, и смишно, що маты сумуе за тымъ въ дытыни, *що було бъ до-перва може колысь вырobылося зъ неи.*

И хоть и якъ то все могло-бы буты для третёго байдужне, але для мене, матери тіеи дытыны, або для тебе, іи братика, повынни буты цинни й интересни характеръ и успособлення тіеи помершои дытыны, такъ само, якъ и заключення зъ того дытячого успособлення.

— Такъ, мій сыну,—тягнула дальше—мовъ за якымъ прекраснымъ прывыддямъ сумую я (такъ назву я тее, що пишло зъ тіею дытыною въ могылу), за *тымъ, чымъ заповидала статы*, а не могла статы; кажу: плачу я и сумуе мое серце, колы іи згадую!

Бачъ, мій сыну! колы погляне бувало на кого своимы ясносталёвымы велыкымы оченятами, то той мусивъ іи до своихъ грудей прытыснуты,—такъ щыро, любо и мудро умило вона иноди на чоловика споглядаты.

Не було такого заняття, котре не було бъ воно зъ захватомъ сповняло; и май бачнисть мій сыну, що я сповидаю тутъ о пятылитній дытыни и слово захватъ ужываю вмысне, бо *це* якъ разъ було те гарне и порываюче въ тій дытыни, що воно, маленьке, було въ своимъ думанню и дрибнимъ почуванню таке сыльне. Дисталы вы, диты, прымиромъ, въ дарунку якый небудь пода-

рочокъ, або одижечку, вы радувалыся, убыралыся въ неи, або заховувалы, якъ кому чый тогдашній настрій наказувавъ.

Вона поводылася инакше:

Найсампередъ, побачывшы та прянявшы свій подаруночокъ, вона зъ радощивъ скрыкувала, видтакъ прытыскала до щичокъ и кыдала его причъ. А сама або летила на двиръ, звычайно въ цвитныкъ передъ хатою, окружаючы его шаленымъ лётомъ, ухкаючы зъ радощивъ, або якъ ни, то, вхопывшыся якого стола, скакала коло нёго на однимъ мисти такъ довго, сміючыся зъ утихы, ажъ докы не задыхалася або не заточувалася зъ утомы. Тоди выпочывала якый часокъ, задывлюючыся сіяючымы очыма на дарунокъ, а описля розпочынала зновъ попередню радисну гульбу.

Таке заводыла вона въ своій радости, сыну, що намъ зъ батькомъ иноди, прыглядаючыся ій, слёзы тыснулыся до очей.

И не думай, що я пестыла іи бильше, якъ васъ прочыхъ; на те не ставало мени взагали часу и було въ мене за-багато клопотивъ; я навить бувала часамы зъ нею гостра, бо вона бувала упряма й розпальчыва: упиръ и запальчывисть у дивчатъ я ганыла й здавлювала.

Вона николы не зносыла вразы й зневагы видъ братовъ и сестеръ, або другыхъ дитей,—заразъ загожувала себе сама. А колы я за лайкы, бійку та сваркы мижъ вамы строго карала, вона виддувала лышъ свои мали губенята, о скилько це ій вдавалося, и видворкувала пивъ-голосомъ (а въ тій іи интонаціи лежала іи помста): «завтра, о тій самій пори, прыйде по тебе Маранда (страховыще), або може й цыганъ, и забере тебе зъ собою; бо я вже зъ тобою (цебъ то выновныкомъ) не можу выдержаты, такый ты вже нечемный»!

Це все есть маленьки дрибныци, яки соби моя душа про неи мымоходомъ затямыла,—але воны держуть зъ собою всю іи жызнь въ моій памьяты. Вона не боялася ничого и іи и не можна було такъ полохаты, якъ звычайно нашыхъ дитей. Вона хтила заразъ самому небезпеченьству въ-вичи заглянуты, нехай бы іи и якъ полохано.

Трудно повирыты, Осыпе, яка сыла фантазіи була въ тои дытыны и якъ вона,—я можу це безъ пересады сказаты,— иноди и по пивъ-годыны сама зъ собою розмовляла. Богъ знае що зворушувало та прыводыло въ такый сыльный рухъ іи маленьки дытячи думкы. Але воно такъ бувало.

Вона оповидала казкы, хотяй те, що оповидала, властыво не булы казкы, а и такыхъ взагали лышъ дуже ридко зачувала.

Вона не була зъ тыхъ дитей, що, мовъ ти мавпочкы, старыхъ и дорослыхъ послидують,—ни.

На те займалыся мы, родычи, и вы старши диты, нею мало; и була вона соби надто багато сама полышена. Можу лышъ сказаты, що на іи пьять и пивъ рочкивъ (май бачнисть, мій сыну, пьять и пивъ) була вона «мала особыстисть». «Особыстисть» мыслово незвычайно розвынена и мало не геніальна. Выгадлыва, подій жадибна, а на будуче—щось незвычайне, заповидаюче.

Я не въ сыли соби сказаты, хочай якъ добре знала я ту дытыну, зъ котрои душечкы жыття было хвылямы,—що могло бъ було зъ неи выйты, колы-бъ була мени дальше жыла.

Одно знаю напевно: була бъ стала *выдатною* по вдачи,— въ добримъ чы злимъ змысли. Але одна велыка прыкмета, або якый таланъ, булы бъ въ ній, певне, пизнійше проявылыся. Якый небудь вылыкый таланъ, Осыпе, що бувъ въ іи, може зъ тисныхъ стинъ іи батькивськои хаты вынисъ, а може и далеко, далеко по-за граници іи батькивщыны...

Що за таланъ, я не можу означыты,—за-скоро померла вона мени, щобъ я змогла була его вже тоди змиркуваты и означыты. Те, що мени по ній въ памьяты осталося, бувъ іи жыттямъ пройнятый духъ, іи чудовый темпераментъ и іи захватъ до кождого заняття.

Все проче зъ іи маленького й коротенького истнування поглынувъ зъ моеи памьяты часъ.

Отце, о чимъ теперъ тоби такъ радо згадую—іи пышни сынё-сыви оченята, колы глядилы спокійно и мудро, або усмихаючыся, дали іи гарни, пры усмиху може за-шыроки устонька

осталыся въ моій памьяты, и те все, що ще зъ неи маю въ серцю, передаю тоби въ душу.

Добре мени теперъ на души, сыну, що я могла хочъ теперъ зъ кымъ-небудь про неи поговорыты, бо-жъ вона була радисть и втиха тогдишнёи моеи души, що потопала въ клопотахъ...

Але дорослою, дорогый сыну, дорослою я не можу соби іи вылвыты; хиба найдальше до пьятнадцатылитнёго пидлитка, жывого темпераменту, повного смиху и слизъ; вся одушевлена, вся готова до дилъ. О, Господы милосердный! — зитхнула,—чому взявъ ты видъ мене теплокрове дытя и заставывъ вложыты въ холодну чорну землю!

Чому поклыкавъ ты іи видъ мене?...

Я-жъ потрибувала таможъ щось ясного, якесь сонце въ моимъ невеселимъ жыттю, повнимъ грызотъ и турботъ, повнимъ слизъ и драмъ,—потрибувала тако-жъ сонця!

Але Твоя воля сталася, не моя,—и тому я мусыла зъ тымъ поеднатыся...

— Поглянь на неи, мій сыну, на отцю твою прекрасну маленьку сестрычку; прыдывыся до неи и возьмы іи видтамъ соби. Лышъ колы я помру, вложить мени іи на груды въ домовыну. Нехай пиде зо мною въ могылу. Сама я не хочу въ чорній земли лежаты.

Зъ іи смертію почалося видтакъ горе твоихъ сестеръ,—найсамперёдъ зъ Марійкою, а видтакъ по часи... по часи и зъ тымы другымы.

Братъ оглядавъ ще черезъ хвылыну образецъ сестры. Видтакъ, вложывшы въ коверту, сховавъ у грудну кышеню. Описля, пройшовшыся ще килька разивъ мовчкы по кимнати, обизвався:—я можу соби цю дытыну, котру вы мени трохы характерызували и котру я трылитню послидне бачывъ, дорослою доволи жыво уявыты. Я можу вамъ сказаты, *щó*, на мою думку, було бъ зъ нею, *може*, выйшло.

Я кажу «може», мамо, бо мы тильки граемося зъ фантомомъ, заключаючы зъ дытынпои ще натуры цее або тее: та все такы кортыть мене заключыть, щó було бъ выйшло зъ тои пы-

шнозложенои маленькои «особыстости», въ добрыхъ для іи прыкметъ варункахъ.

«Може, значна або велыка артыстка».

— Що за артыстка, мій сыну?—спытала маты, прыдержуючы духъ.

— Яка велыка артыстка, мамо?—прымиромъ акторка яка.

— *Акторка?*—поклыкнула зъ жахомъ стара маты.—Моя дытына? *попивська* дытына? ни, мій сыну, зъ неи не выйшла-бъ акторка! Вона, донька священныка, внучка священныкивъ, вона-бъ николы не выйшла комедіанткою! Іи маты николы не дозволыла-бъ того и вона сама не мала жылкы до такого легкодушного жыття въ соби!

Сынъ усмихнувся на дытынячый переполохъ и наивнисть матери.

— Я не кажу, мамо,—обизвався винъ,—що зъ неи була бъ зъ певностію выйшла акторка; мы жъ такъ соби, просто, якъ вы самы казалы, «фантомъ» выроблялы. Я зробывъ лышъ заключення зъ того, що вы оповидалы, и тому, що спимнулысьте, що зъ неи було-бъ, мабуть, щось велыке и значне выйшло. Але чы вы думаете, мамо, що маты доньку велыкою артысткою це не йе честь?

— Може воно и честь, мій сыну,—видповила маты журлыво,—лышъ я стара, мабуть, не розумію ся, мій сыну, на тій чести... Може, була-бъ славна газдыня, якъ іи бабуся, або инши жинкы священныкивъ. Отце було-бъ, може, зъ неи выйшло. А ты видбираешъ мени твоимы новосвитськымы поглядамы мою думку про неи. Чы це не досыть зъ жинкы—выйты славною газдынею?

Сынъ зновъ усмихнувся.

Бачывъ винъ, що маты жыла такъ далеко въ своихъ традыційныхъ поглядахъ; мижъ его й іи поглядамы лежало стильки часу, зъ его переминамы, здобуткамы и новостямы, що це не було й ніякымъ дывомъ, колы вона тутъ въ своимъ далекимъ, глухимъ закутку, неторкнутимъ новитнишымъ жыттямъ, держалася тыхъ думокъ и поглядивъ, зъ якыхъ выйшла.

— Заспокойтеся, мамо!—тягнувъ дальше и вже обережнише:—колыбъ въ ній бувъ справди акторскій талантъ проявывся и вона такою й на дали зосталася, якою вы іи змалювалы,—скорою до дила, способною легко одушевлятыся,—вона була-бъ вамъ межы вашымы стинамы не выдержала! Була-бъ якои небудь дныны прывела до ришення своеи доли и видлетила,—хочъ зъ вашымъ позволомъ, хочъ безъ позволу,—въ свитъ, щобъ свою долю довершыты. Бачыте, мамо, талантъ може знидиты непиддержуваный и занедбуваный, звыхнутыся, але задавытыся цилко́мъ—не дастся винъ николы. Мени здается, мамо, що хоча й якъ вы, родычи, провадылы насъ й строго й старанно, въ кинци пишло кожде зъ насъ тіею дорогою, якою хотило. Що до мене,—додавъ,—то я бувъ бы тую пышну душечку,—колыбъ була осталася мижъ жывымы и той талантъ справди проявляла,—зо всихъ сылъ пиддержувавъ и ратува́въ. Зъ неи мусило бъ щось пышного, чудового выйты, гордыня й честь и для нашого народа.

— Такъ, такъ, мамо!—тягнувъ трохы роздражнено дальше, колы маты лышъ заперечаючы хытала головою.—Мы не маемо обовязкивъ лышъ проты себе и своихъ родычивъ, а маемо ихъ ще й проты своеи народности. Гляньте, мамо, на жиноцтво иншыхъ народивъ: яки булы жинкы и що́ теперъ сповняють. Це бъ то, прымиромъ на поли штукы, наукы, литературы и, можно сказаты, всихъ прочыхъ поляхъ, де доси булы лышъ мужчыны заняти. Чы вы-бъ хтилы, щобъ наше здорове, способне,—я скажу вамъ навить зъ пересвидчення *дуже способне*,—жиноцтво держалося завсигды лыше одного напряму? Намъ треба й иншыхъ тыпивъ, якъ цёго часъ и вымогы часу жадають. Окримъ добрыхъ газдынь и матерей, котримъ оставляю я завсигды и всюды першенство, намъ треба ще й интелигентныхъ робитныць въ суспильности, треба артыстокъ и взагали бильшыхъ и, такъ сказаты-бъ, знатнишыхъ жинокъ.

Цёго вымагае розвій культуры и такожъ самъ поступъ. Воно, може, смишно, мамо, що мы обговорюемо зъ такою повагою, мрію про пятылитню померщу дытыну, чы *радше те, що могло-бъ колысь* зъ неи выйты. Але воно гарно хоть бы хвылыну

порадуватыся тою уявою, що та дрибна истота могла выйты напрочудъ гарною и значною людыною въ жыттю.

Мене вдовольняе вже и те, що наша народнисть, котра вже видъ викивъ ничого инъшого не зазнае, якъ утыску й прыгнобленъ, вытворюе зъ себе всежъ таки гарни й способни тыпы, котри въ данныхъ добрыхъ варункахъ моглы-бъ такъ само осягнуты рижни высоты, на котрыхъ мы звыклы бачыты истоты лышъ намъ чужыхъ народностей.

А такою хоть ще малою истотою була и отця люба неустрашыма квитка, котра вже дытыною видзначалася своею способною й незвычайною особыстостью. Чому бъ намъ и ту маленьку геніальну душу хоть щырою згадкою не пошануваты?

Бачте, мамо, хоча й яке тяжке и невидрадне було ваше жыття, въ грунти булы вы, мамо, все такы *счаслывою* матирью. Въ тимъ змысли, мамо, що малы вы способни й прыродою гарно выпосажени диты, обмынаючы те, що въ ныхъ особыстого счастя не було. Гляньте, яка пышна, гарна була отця зозулька... якою интелигентною, пожаданою и значною була, и йе ще десь и теперъ, Зоня, а тіи прочи не меньши, зъ выняткомъ Андрушы, що выбравъ соби багно за циль жыття и... Олена... Але хто, впрочимъ, знае, що було бъ въ инъшихъ обставынахъ зъ него выйшло; я не хочу судыты. Але взагали я можу ныни, яко цилковыто дозрилый чоловикъ, спокійно все осудыты.

— Такъ, такъ, мій сыну!—потвердыла стара маты зъ несказаннымъ смуткомъ,—гарнымы, розумнымы и способнымы булы вы въ мене, що правда, вси,—кожде въ своимъ роди и напрями, лышъ треба було кожде зъ васъ окремо молотомъ судьбы розпалыты, якъ те зализо, щобъ вы кынулы навкругъ себе искрамы и—або выйшлы довершени, або зломалыся...

— Може само черезъ те мы такы правдыви *русыны*, разъ яко одыныци, а тамъ яко цила народнисть...,—видповивъ сынъ.—Теперъ бьють насъ молотомъ, але вже тутъ и тамъ выпрыскують искры, а зъ часомъ, мамо... зъ часомъ... бо часъ йе *паномъ судьбы народа*... зъ часомъ выйдемо, якъ не *заломымося*...

до кинця довершенымы, якъ вси други культурни народы, на котрыхъ споглядаемо теперъ зъ пóдывомъ и поважаннямъ.

— Такъ, мамо, така наша доля, яко народности и яко твоихъ дитей, и зъ тымъ мусымо помырытыся. Чы вже мы тамъ вси вынни, що вы стилько натерпилыся, зазналы горя, сталы опущени, безъ даху надъ головою, осталыся на сыли мало не одного тилько пьяныци,—я вже не знаю... Але я маю те почуття, що кожде зъ насъ неначе закоsване въ якись тяжки оковы и мусыть ихъ двыгаты ажъ до хвыли, прызначенои до закинчення своеи доли, смуткомъ и сылою перемишанои...

— Такъ, моя мамо!.. А отсю маленьку, прегарну артыстку заберу я зъ собою, бо вона мени, надто своимы очыма, нагадуе Зоню. А до Зони, мамо,—тягнувъ сынъ дали,—колы вже саме теперъ зійшлы мы на сестры, маю свій окремый жаль. Скильки я разивъ видзывався до неи та просывъ пысаты мени обшырнійше про родыну, іи жыття-буття, а головно про себе, то вона все такъ завзято мовчала, що я остаточно стратывъ надію розрухаты іи до перепыскы зо мною, и всяка кореспонденція межы намы урвалася.

Вона якось такъ дывно держалася проты насъ всихъ, мамо, такъ дывно, неначе-бъ мы не булы іи браты й сестры, неначе-бъ вона сама не належала до священныцькои родыны.

Се мене иноди зъ іи стороны дуже болило. Болило тымъ бильше, бо я добре знавъ, що хочъ якымъ огирченымъ та розжалобленымъ бувъ батько проты мене,—винъ жадному зъ дитей не заборонявъ лыстуватысь зо мною.

И колы бъ не бувъ Васыль, чы якъ то я его радше зву «малый»,—бувъ бы я николы не знавъ, що діется въ родыни, хто жывый, а хто ни. Зоня мене найбильше дывувала, бо про иншыхъ знаю, що кожде мало якусь працю, особлыво-жъ Лидка й Васыль, — але Зоня, прожываючы пры заможній титци въ добробыти й супокою, могла колы-небудь взятысь за пысання й повидомыты мене, о чимъ я іи стильки просывъ!

Вона чудна дивчына, мамо, вично въ думкахъ понурена... бодай такою вы́далася мени, колы я іи послиднимъ разомъ бачывъ.

Чы вона мала въ дытынстви щось спильного зъ отцею малою артысткою, мамо?

Въ очахъ обоихъ лежыть велыка подибнисть.

Дуже мени жаль, що я не мигъ іи передъ смертью батька бачыты; хочъ бувъ бы це радо хтивъ,—та я жывъ такъ далеко видъ титкы, до-того держала мене моя служба й мій несчасный хлопець, мовъ оковамы, такъ що я одвидыны зъ родыною все видкладавъ до мого повороту въ батькивщыну, якъ и сталося. А иноди я такъ тужывъ за всима вамы, особлыво-жъ за сестрамы, що лышъ оденъ Богъ знае якъ!..

Лидка одна була тою необмежено доброю, що мала для всихъ любовъ и часъ, лышъ знову вона була надто прывалена працею и занята справамы всеи ридни, щобъ була могла мени часто, а до того, якъ я бажавъ, «обшырно», про все пысаты, що діялося въ родыни. За тою зъ моихъ сестеръ буду я сумуваты, мамо, докы жыття мого..,—додавъ винъ зъ нетаенымъ сумомъ въ голоси. Бо що вона мусыла такъ вчасно и такъ рано зъ жыттямъ розпрощатыся, була за-жестока гра судьбы, щобъ зъ нею хоть бы й колы можна було бъ помырытыся. И колыбъ вы не булы нымы надто змучени, я бъ васъ просывъ оповисты мени докладно драму сестеръ. Хто знае,--додавъ поважно,—колы будемо зновъ такъ разомъ, въ такій тышыни и свободи, якъ теперъ, де я у васъ зъ своихъ звычайныхъ клопотивъ, денныхъ зворушень прыпочываю. Такъ само знаете може вы и здрадыте мени «тайну» нашого Васылька,—чому винъ не хоче, щобъ а ни я, а ни хто небудь иншый зъ нашыхъ одвидавъ ёго въ ёго забутимъ закутку, та не прыглянувсь ёго чынамъ.

Що за тою ёго сторонею видъ людей и родыны не може ничого доброго крытыся, а що найменше ничого соняшного,--я годенъ соби й сказаты, але все жъ такы хотивъ бы я розибраты, котре зъ вашыхъ дитей було найтяжче молотомъ судьбы быте.

Старенька билоголова маты не видповила ничого.

Вона тыснула судорожно дневныкъ своеи найкращои донькы Зони до грудей и іи уста прошепталы ледви чутно:

— Кожде зъ васъ окремо, а зо всима вамы и *за всихъ васъ—ваша маты,* мій сыну!..

ГЛАВА XII.

По недовгимъ часи мовчанкы съ обохъ сторинъ, почала старенька маты свое оповидання:

— «Колы я прыбула на похоронъ вашого батька въ Н., я здывувалася, що Васылька, котрый, якъ и ты, запомогавъ намъ матеріально по змози,—саме въ такій поважній хвылыни не було на мисци. Бо що тебé не буде, я знала, зрозумившы, що часъ до прыйизду не похоронъ бувъ за-короткый, и ты дойихаты не вспіешъ, хочъ-бы и якъ бажавъ виддаты батькови послидню честь.

На Васылька одначе я чыслыла зъ певностю. Бо хочъ и якъ бувъ винъ далеко въ горе службове закыненый, на похоронъ батька мусивъ винъ, сынъ, священыкъ, конечне прыбуты. Се выдалося мени просто обовьязкомъ зъ ёго стороны. Одначе винъ не прыйихавъ зовсимъ и похоронъ видбувся безъ нёго. Килька день по похорони сыдила я зъ своимы трёма дивчатамы (бо й Зоня знаходылáся ще тутъ) у Лидкы въ кимнати, и мы про рижне радылы й оповидалы, особлыво-жъ про Олену, пры чимъ Зоня радыла, щобъ Олена не оставалась довше въ мисти, але выйихала надовше до Васыля.

Винъ—мотывувала вона свою пораду,—самъ оденъ, безженный, буде певно радъ, якъ сестра зажыве въ нёго, ожывыть ёго самитну хату, та перейме почасты ёго газдивство въ свои рукы. На таку думку обурылася Олена такъ сыльно, накыдаючыся незвычайно на сестру, що я просто мусила іи до чемности упимнуты.

— Де вы хочете мене загребты?—крычала,—межы мужыкивъ, медведивъ та лисивъ? И вы думаете, що я вамъ туды справди пиду?.. Такы заразъ!—репетувала,—почекайте трохы! Я не така дурна, якъ вы гадаете, и выбыйте соби те зъ головы!—Окримъ того,—додала зъ неопысаною злобою,—Васыль мене не потребýе: винъ мае *вже жинку пры соби* и не потребýе никого. Абсолютно

никого! Винъ...—вона видитхнула, отворывшы уста до дальшого говорення, але тутъ вже впало мени въ око, що Лидія замкнула ій своею рукою уста. Одначе Олена, видтрутывшы іи руку, клыкнула грубо, роздраженно:

— Що се зъ «мода» зъ тіею вичною таемничестію? Воно вже часъ видслоныты тую «глупу» тайну, «скарбъ» той. Щó знае ёго село,—знае, певно, цила околыця, знають други, Лидія и я,—те може й мама тако-жъ знаты!

— Любовныцю мае винъ пры соби, мамо!—клыкнула,—любовныцю... абысьте зналы просту хлопьянку, óтъ що мае!— *А мае*, бо бувъ въ своій молодости глупый боягузъ, сторонывся видъ дивчатъ и жиноцтва, не залюбывсь якъ слидъ, щобъ ажъ оженытыся... хоча-бъ навить такъ, якъ Ёсипъ, *а теперъ мае.* До того давъ на себе, будучы ще богословомъ, вплынуты пидмовамъ всякыхъ церковныхъ «властей»,—высвятытыся безженнымъ и потимъ то все помстылося на ёму въ такый спосибъ!

— Теперъ мае «безженство», мамо!—глумылася,—мае наслидкы всихъ «высокыхъ идей» про «католицызмъ» и «Рымъ», котрымъ тіи «власти» фанатызують де-якыхъ зъ нашои идеальнійшои молодижы, выкорыстуючы якъ разъ той ихъ идеализмъ и мріи до своихъ политычныхъ цилей, а въ другимъ змысли ихъ ныщуть. Се я, мамо,—додала енергычно,—не говорю зъ своеи власнои головы... се я видъ другыхъ, старшыхъ чула. Де, якъ и колы... не належыть сюды, *але воно правда.* Бо Васыль не йе счаслывый мамо!—репетувала вона, мовъ молотыла,—винъ справди не йе счаслывый; ба навить дуже безталанный! Неначе той злодій глядивъ намъ въ очи, а видъ батька то такъ уныкавъ, перебуваючы тутъ одного разу по якыхсь тамъ своихъ церковныхъ справахъ, неначебъ забравъ ёму тайкомъ ёго майно.

Але мени сказавъ, видходячы въ поспиху, на самоти, ось що по щырости:

— Не виддавайся лыше, бороны Боже, ніякымъ мріямъ, та идеямъ сестрычкы а колы тоби якый чесный чоловикъ подобается,—не перебирай багато, а выходь за нёго. Се ще найрозумнійше для обохъ сторинъ. Самота прыводыть лышъ несчастя,

прыводыть завсигды драмы зъ собою,—правда не кривави и не все выдыми й голосни, але будь певна,—не менше трагычни. *Я ихъ маю ось тутъ!*—Пры тимъ вдарывся въ груды, що ажъ задуднило, и пишовъ, а я розплакалася.

Винъ дуже несчаслывый, мамо!

Запизно,—казавъ,—отворылыся ёго очи! та що вже робыты!—«пропало»!.. Таке ёго жыття, и тому я такъ до нёго не пиду. Не пиду!—клыкнула дуже розъярэна,—бо мени не хочется межы мужыкивъ. Не зъ якыхъ тамъ естетычныхъ прычынъ, а по просту, якъ кажу, що мени не хочется йты въ пустыню и буты якоюсь шаховою фыгуркою, котру можна соваты сюды-туды по вподоби. Щобъ вы се зналы, мамо!—додала енергичнише: помыриться зъ тымъ, або ни, *а я останусь тутъ*. А моею будучыною не журиться,—я соби іи вже сама улажу. Незадовго довидаетеся о всимъ. Отже не журиться мною! И ты, Зоню... не турбуйся!.. звернулася йидко до тіеи моеи прекраснои, поважнои дивчыны, що мовчкы нерухомо сыдила и до сестры прыдывлялася, затягнувшы бровы надъ чоломъ, мовъ у фызычнимъ болю.

— Не журыся и ты, бо тоби се й такъ байдужно, що зъ намы теперъ по смерти батька станется. Ты, чы виддасыся, чы ни,—будешъ у всякимъ рази вуйкомъ и титкою «забезпечена», тому и забралы воны тебе видъ мамы, бо мала доволи насъ. Тому ты можешъ буты за твою будучыну спокійна и укладаты пляны на карбъ другыхъ, якъ отъ теперъ и про мене. Але я дякую тоби за те дуже красно! Будьте мудри для себе! а ты,—звернулася наново до Зони,—повынна бъ уже такожъ замужемъ буты, не есы вже така надто молоденька!

Вона не вспила ще свое речене зикинчыты, якъ вже Зоня пидвелася била, билисенька, неначе бъ зъ іи облыччя зныкла послидня крапелька крови, вхопыла безвзглядну дивчыну за плечы—и зъ сылою, та одважнистю, якои не бувъ бы нихто по іи нижній тыхій постати сподивався, выкынула іи, не говорячы ни слова, зъ кимнаты.

— Иды!—клыкнула потимъ погаслымъ голосомъ,—ты, негидна и безсовисна! Я вже пересычена твоимъ «сестрынныцтвомъ», я переконана, що такъ, якъ ты себе отце *показуешъ*, ты готова появытыся завтра и оповистыты намъ щось подибного, зъ тою самою безсоромнистію, и зъ твоёго жыття. Я не хочу тебе бильше бачыты!—Вона замкнула за нею двери, потимъ ще й засунула; и мижъ тымъ колы Олена грымала й товкла зъ лютости въ двери, сила вона и, зъ раптового сыльного зворушення, тяжко виддыхаючы, сказала, гладячы мою руку пестлыво:—Мамо, *вы моя далека, горемъ похылена, мамо*! скильки то крови мусило вже ваше серце наплакаты, що вы зъ намы всима перебулы!.. И, зхылывшыся, закрыла старанно свое гарне облычча рукамы.

Я сыдила мовъ параличемъ диткнена.

Ледви що очутылася я трохы по тяжкій утрати вашого батька, ледви прыпочыла трохы зъ превелыкои фызычнои утомы, що мене перемагала,—спавъ на мене цей новый смутокъ.

— Я тоби кажу, мій сыну,—звернулася вона до своёго другорядного,—я попросту не могла соби раду даты. Васылько, отця моя вся надія, цей мій тыхый чутлывый хлопчына, винъ запхався въ багно!.. О, не дурно сказавъ ты, видходячы видъ насъ, що въ нашій родыни священныкы не «правлятся». Ты мымоволи мовывъ уже тоди гирку правду... И непроты нёго зворохнулася моя душа, не проты нёго одного, лышъ проты правдывыхъ выновныкивъ ёго безженства.

А Лидія, цей мій добрый ангелъ, зрозумившы ажъ надто добре мій настрій, прысунулася блызько до мене и, вхопывшы своимы обома рукамы мою правыцю та прытыснувшы до себе, стала мене потишаты:

— Не гнивайтесь на нёго, мамо, винъ не такый дуже вынуватый, якъ бы хто думавъ,—винъ лышъ невымовно несчасный! Вынувати суть лыше «велыки» и тіи,—именъ котрыхъ я не хочу назваты,—що найлипшыхъ и найидеальнишыхъ нашыхъ пытомцивъ хытро, тайкомъ, нибы нехотячы, до безженства намовляють и ихъ религійный захватъ до своихъ политычныхъ цилей выкорыстують. Що зъ ныхъ тамъ дальше выробляется,—

ихъ це не обходыть. Имъ потрибни лыше сами безженни. Я це вже такожъ розумію, якъ и багато иншыхъ розуміе й знае. Мамо, — додала вона пошепки, — Рымъ терпыть скорше таки й подибни переступкы, *нижъ билого священства.* Васылько не перша жертва и не послидня; окримъ нёго найдется ще багато иншыхъ, котри дадутся, въ своимъ идеализми та своимъ молодечимъ запали, *затягты й зигнуты.*

Не журиться, мамо, воно вже й такъ не дастся зминыты!.. Вы вже помырылыся зъ тымъ фактомъ, що винъ дався безженнымъ высвятытыся. Це бувъ для васъ, може, такый самый ударъ, якъ той, колы вамъ Рутъ Ёсыпа вырвала. Жаль лыше въ тимъ...

Вы поклалы всю свою надію на Васылька. Винъ бувъ ще одынокый вашъ сынъ, видъ котрого могла вамъ прыйты на старисть якась радисть и розвага. Счаслыво одруженого надіялыся вы ёго пры соби бачыты, а зъ часомъ и на тимъ кусничку земли такъ само трудящогося для своёго люду и тіеи громадкы, для котрои батько щыро посвячувавъ, черезъ стилько роківъ, свои сылы и знання, — а врешти зъ всёго того ничого...

— Багно!—простогнала я на-сылу.

— Смутокъ, мамо!..—поправыло благородне дивча.

— Васыль не прыйиде николы въ ваши стороны, мамо,— говорыла Лидія дальше,—винъ надто циныть и шануе памьять своёго батька и надто чесного успособлення, щобъ мигъ видважытыся въ очахъ громады своёго такъ дуже шанованого батька провадыты звыхнене жыття, яке тамъ въ своимъ видлюдпимъ закутку провадыть, а яке змиваты вже,—якъ самъ мени прызнався,—*не годенъ.*

Справди, мамо! це сказавъ винъ мени самъ, и це була прычына, чому не хтивъ зъ вамы стринутыся и въ очи поглядиты, не мигъ на похоронъ батька прыбуты. Ёму, мовлявъ, невымовно тяжко зъ намы бачытыся, бо,—каже,—заразъ пересвидчуется на-ново, чымъ бувъ мигъ для насъ стануты, а на чимъ опынылося ёго жыття... Винъ не уміе неправдою орудуваты,—

на те винъ вже зъ прыроды за-чесный и за-сыльный въ почуттю обовьязку, и вже якъ не черезъ що инше, то черезъ те саме можна ёго все ще шануваты и любыты. И тому, дорога мамо, любить ёго й дальше, якъ доси любылы! Винъ добрый, мамо, лышъ покаличеный судьбою...

— Якъ можу я—казавъ мени—проповидаты людямъ слово Боже, колы проваджу самъ жыття ложне и нечесне?..

— Про це и много про що инше жалився винъ мени—и серце мени краялося пры ёго словахъ! Бо кожде зъ ёго сливъ була кровъ и кровава правда. Ёго жыття звыхнене, бо винъ, по своій натури, бувъ бы найлипшымъ мужомъ и батькомъ а теперъ, може, й добрымъ священныкомъ не буде, хотяй самъ выбравъ соби свій станъ. Хлопчыною хтивъ бидный на море иты,—тымъ часомъ на суши навикы втопывся!..

Для нёго теперъ найлипше, колы останется тамъ, въ глыбыни своихъ велыкыхъ гиръ и лисивъ, посередыни своеи, ёму прыхыльнои, громады; буде далеко видъ культурного свита и нихто ёму и винъ другымъ въ дорогу не стане.

Вы думаете, що ёго справди не хтила жадна дивчына и тому винъ безженнымъ высвятывся? Колыбъ не безвзглядписть и жорстокисть Олены, я бъ вамъ не була николы ёго сумну тайну не выявыла; а такъ — перенесить вже іи, перенесить, мамо, бо вже-жъ воно инакше не буде... Помолиться за нёго, якъ вже за Есыпа и за насъ всихъ прочыхъ до Господа Бога молылысь... А Олена!.. о, мамо!..—крыкнула вона на-разъ болизно:—мени выдается, що вона межы намы лышъ на те, щобъ ще колысь вамъ, а особлыво-жъ мени, навела велыкого жалю и горя!

— Нехай Богъ бороныть іи и насъ видъ несчастя, але я маю таки прыкри почування,—особлывожъ колы вона входыть раптово и несподивано въ мою кимнату,—що заразъ впадаю въ переполохъ и мымоволи гадаю: ось, ось, вже несе якусь смертельну звистку!.. Я боюся іи, мамо, и колы молюся вечерамы, то прошу все Господа Бога, щобъ одвернувъ видъ неи всяке горе, бо тоди мусила-бъ одна ёго часть и на мене спасты...

Я не могла ничого видповисты.

Я була надто сыльно зворушена и зранена заявленнямъ и тайною Васыля, щобъ була въ сыли яку-небудь думку про Олену скласты и голосно заявыты. Я пидняла лыше мымоволи мои рукы и опустыла ихъ на головкы моихъ, обикъ мене сыдячыхъ, добрыхъ, теперъ тяжко затурбованыхъ голубокъ, а мои уста прошепталы благословенство.

Лидія захлыпала, розплакавшысь такъ голосно, що я вслидъ за нею розворушылась наново до слизъ; а Зоня похылыла ще ныжче голову и заслонене облыччя.

Вона ледви чы дыхала,—такою неповорушною выдалася мени. Що іи тоди зворушувало, могла я соби ажъ пизнише сказаты, або вгадаты... а однакъ!.. однакъ, яке несказанно чутлыве, глыбоко чутлыве дытя сыдило тоди коло мене! О, ты моя жрыкыне! ты моя прекрасна й чыста жрыкыне!. —прошептала на-разъ билоголова маты, встала и выйшла мовъ тажко зворушена зъ тыхои кимнаты.

—

За килька хвылынъ вернула назадъ и, усившы у свій куточокъ, оповидала дальше:

Остаточно успокоилася Лидія и перестала плакаты, а Зоня, прысунувшыся до неи, сказала:

— Не про яке-небудь въ воздухахъ звысаюче несчастя пора тоби теперъ думаты, Лидочко, та мучытыся сею дивчыною, що кыпыть зъ самолюбства й нерозуму; подумай про твое здоровья, та про те, що ты небавомъ заступышъ матиръ осыротилымъ дитямъ нашои сестры. Олена не потребує твоеи журбы. Іи мисце видъ-теперъ, якъ и твое,—це димъ нашои матери. Тутъ нема що багато розбыраты й роздумуваты. Вона *мусыть* слухаты. вона ще не повнолитня, а колы ій цымъ разомъ полыпытся іи воля, вона внесе намъ справднишне горе въ димъ.

У мамы на сели знайдется для неи досыть заняття, а ты мусышъ передъ всимъ выпочыты и на сылахъ скрипляться. Такъ, моя добра и щыра сестрыце! Не трать заразъ видвагу!

Ты обезсылена и зденервована и бачышъ все въ найчорнійшимъ свитли, а це не повынно буты и за-для тебе, и за-для матери!—

О, якъ правду говорыла отця моя дытына и якъ добре угадала вона характеръ Оленынъ, хотяй и не знала іи такъ надто добре. Пры звычайно недовго трываючыхъ одвидынахъ моеи сестры зъ нею въ насъ, не малы сестры багато часу, щобъ соби обопильно заглянуты въ душу и розибраты по услособленню.

Лидія оперлася довирочно и безмовно о гарну свою сестру, не сказавшы бильше ани слова, лышъ утыраючы видъ часу до часу слёзы, що сунулыся ій неповздержно зъ очей.

— Ты маешъ слушнисть,—обизвалася въ кинци.—Я знаю, що ты маешъ слушнисть, але я неначе выджу, що Олена не мае ничого доброго на думци, и побачыте, що не потривае довго, а вона внесе намъ несчастя въ димъ! Колыбъ мы моглы лыше якъ найшвыдше звидсы выбратыся, мамо! колыбъ якъ найшвыдше,—тоди бъ я напевно свобиднише видитхнула! Але видтакъ я не поверну скорше сюды назадъ, якъ ажъ по моимъ весиллю. Але вже тоди буде все добре и я не буду *ніякыхъ тиней* въ своій хати терпиты!—Такъ говорыла вона и ставала чимъ разъ тымъ спокійниша.

Але що іи незвычайно вражлыва вдача въ своихъ передчуванняхъ не помылылася, справдылося заразъ же другого дня, о тій же самій поры, въ найстрашнишый спосибъ.

ГЛАВА XIII.

Другого дня... (це було—прыгадую соби—въ понедилокъ) сыдила я зновъ зъ Зонею въ Лидыній кимнати, и мижъ тымъ, колы Зоня вызырала въ викно, чи не надийде часомъ титка, котру дожыдала, щобъ вернутыся зъ нею до дому, шыла Лидка поквапно якусь одежыну для наймолодшого свого будущого насерба.

Наразъ почулыся крыкы въ синяхъ и по недовгимъ часи отворылыся двери и въ кимнату увійшлы—мій будущый зять, Лидчынъ нареченый, а за нымъ Олена...

Мій поглядъ опынывся мымоволи на Лидчынимъ облыччу. Вона стала била, якъ полотно, и здавалося—неначе задеревила. Іи нареченный знаходывся, ривно ій, въ незвычайнимъ зворушенню, одначе, якъ здавалось, дуже квапывся, бо прывитавшыся зъ намы обома (пры чимъ уныкавъ хочъ абы й поглянуты на Зоню), усивъ не перечекавшы навить, щобъ ёго до того запрошено, на крисло коло насъ, и почавъ безъ всякого уступу:

— Я прыходжу, мамо,—мовлявъ,—въ справи, котра видносытся до ващыхъ обохъ донёкъ, т. е. моеи дотеперешнёи нареченнои Лидіи и Олены. Мени прыкро и несказанно жаль, що черезъ де-яки прычыны визьме справа заручынъ змины, котри васъ, зъ прычыны свого характеру, не врадують. Але позаякъ справа ричей вже разъ скоилася, я не въ сыли даты ій давній станъ; чоловикъ, мамо, часто не знае, чы жадае видъ Бога въ свое добро, чы горе... Я помыну прычыны, зъ якыхъ сумни наслидкы повсталы, а сконцентруюся на самимъ результати, котрый и прывивъ мене ныни до васъ...

Простить мени, мамо, — тягнувъ дали, — що я справляю вамъ, зъ свого боку, тяжкый жаль, але заразомъ знайте, що я *прымушеный зирваты заручыны зъ Лидіею*, зъ тіеи прычыны, що мижъ мною и Оленою зайшлы послиднимы часамы видносыны, котри потяглы за собою проты неи гонорови обовьязкы зъ моеи стороны...

Прощення видъ Лидіи я не прошу и не жадаю, але маю надію, що Лидія, шляхетна и мудра, якою завсигды бувала, въ интереси чести своеи сестры зречется дотеперишнихъ своихъ правъ проты мене и уступыть ихъ Олени.

Зъ моеи стороны я готовъ заразъ зъ Оленою, хочабъ и завтра, одружытыся, бо це въ нашимъ спильнимъ интереси, щобъ цю справу якъ найскорше до ладу прыпровадыты.—

Винъ ледви докинчывъ речення, колы Лидія пидвелася и, стоячы, черезъ яку хвылю глядила на него... Господы Боже! що та дивчына за очи тоди мала! . Била, билисенька, стояла вона, а очи здраджувалы стилько прыскаючои, невымовнои погорды й ненавысти, що ледви чы була-бъ якась людська душа

въ сыли бильше вызвиты; вона неначе чогось ждала; ани одно словечко не перейшло іи усть.

Це, може, й не було-бъ можлыво, бо страшне зворушення, що запанувало нею въ послиднихъ хвыляхъ, спарализувало цилковыто іи уста.

Але я задрижала за неи.

— Чы сказаты тоби, що ты йе?—спытала врешти на-сылу, зъ цилковито погаслымъ голосомъ:—чы оставляешъ мени и тее?—

Пидлый трусъ махнувъ, зрикаючыся видповиди, рукою и вмисто всёго почавъ оправдуваты свое негидне поступовання.

— Олена,--оповидавъ винъ,--заходыла послиднимы мисяцямы и тыжднямы,—саме колы Лидія поралася не видступаючы коло хворого батька и дитей внызу, — надто часто сама до него, хоть и якъ це було ёму иноди немыло и противно, впевняючы ёго кождымъ разомъ, що здоровья Лидіи «высыть лыше на одній нытци», и по правди кажучы ёму, що ёго жде зъ другою жинкою не багато добра.

Окримъ того сылувала ёго супроводжаты іи то тутъ, то тамъ, давала заедно доказы своеи прыхыльности до нёго, докы... докы не взяла ёго въ полонъ, а видтакъ и верхъ надъ нымъ...

— Прызнайся, впрочимъ, сама по правди, Олено!—звернувся негидный чоловикъ до моеи ще негиднійшои донькы, що ховалася полохлыво за ёго плечыма, видъ вступу въ кимнату не спускаючы звидты своихъ холодныхъ очей зъ Лидіи й Зони.

— Прызнайся и зробы немылій сцени кинець!—наказувавъ строго,—бачъ вси терплять пидъ нашымъ проступкомъ, терплять черезъ насъ, не заслужывшы на це ніякымъ чыномъ, бо Лидія шанувала мене ще здавна не абы якъ; а въ тебе, я знаю, голова и нервы мицни. Тожъ иды и просы сестру на колишкахъ прощення, бо я потолочывъ то право ногамы!

Зъ тымы словамы обернувся и мало не трутывъ дивчыну передъ Лидію.

Але Лидія не выслухала ёго сливъ до кинця. Пры его останнихъ словахъ, вона, въ кинець вже знервована, не выдержала себе: видтрутыла вона бурхлыво передъ нею стояче крисло.

кыдаючыся, мовъ не тямлячы себе, до дверей и... погнала... Колы Зоня хтила за нею бигты, видтрутыла іи зъ всею сылою ажъ въ середыну кимнаты, а сама погнала въ горишни покои свого нареченого...

Тоди пидсунулася Олена до мене, щобъ мене поцилуваты въ руку, але Зоня заступыла ій прыступъ до мене и, вытягнувшы іи видтакъ ажъ на середыну кимнаты, задержуючы іи руку въ своій, спытала зъ погорды ажъ дрижачымъ голосомъ:

— Чы ты гадаешъ зъ поцилункомъ Юды нечувану зраду твоіи сестри поправыты. Це було бъ справди дуже легко! Але закымъ пидешъ мени, — бо теперъ маешъ зи мною дило, а не зъ старою, горемъ прыбытою матерью, — закымъ, кажу, пидешъ мени зъ очей причъ, покажу тоби, якъ поступается *зъ такымы якъ ты!*»

Пры тимъ розмахнула рукою зо всіеи сылы и влучыла Олени такый сыльный ударъ въ лыце, що тая, заголосывшы на цилу кимнату, ажъ заколыхалася. Видтакъ, отворывшы шыроко двери, вказала очыма, що вже своимъ выразомъ помстылася за покрывджену сестру, и, не ворушывшысь ани на волосокъ, безмовно вказала на двиръ...

Воны выйшлы...

Винъ пидлымъ здрадныкомъ, а вона, наймолодша моя донька, яко...

— А теперъ идимъ, мамо, *мы*,—звернулась до мене моя видважна дивчына.—Намъ нема вже чого тутъ шукаты. Вы зрозуміете, що мы не сміемо тутъ въ доми цёго чоловика хоть бы одну хвылынку довше перебуты. Наколыбъ лыше Лидка вернулась,—додала занепокоенно,—колыбъ лыше Лидка вернулася!

Куды могла погнаты?.. Выглядала, неначе не пры уми. Безъ всякои накыдкы погнала, колыбъ де лыше не зомлила! Останьтеся тутъ, дорога мамо, а я пиду іи видшукаты. Вы тымъ часомъ збериться; а колы я вернуся, перепровадымося до часу нашого видийзду до готелю.—

Зъ тымы словамы оставыла мене саму.

А колы повернула (я мало не годыну очикувала обохъ),—перенеслася вже була Лидка на тамтой свитъ... Вона не була въ сыли перенесты препогану зраду сестры и судженого, котрого, якъ слушно говорывъ, шанувала вже зъ першого часу ёго знаемства зъ Марийкою,—кажу, не годна була перенесты и, поришывшы заразъ, въ першій хвыли, туть-же видибраты соби жыття, погнала просто до ёго спальни на гору.

Тамъ роздобула ёго набытый револьверъ и погнала соби, не надумуючысь ани хвылыну, кулю въ серце. Вона вцилыла такъ добре, що колы судженый и Зоня, поклыкани выстриломъ, полетилы въ гору, найшлы вже іи ледви дышучу...

ГЛАВА XIV.

— Такъ мій сыну!...

Такъ видбулася драма обохъ сестеръ въ нашій родыни.

Що зо мною описля діялося, я не въ сыли тоби ныни переповисты. Ще того самого дня прыбула моя сестра по свою Зоню и забрала й мене зъ собою.

Тамъ осталася я мало не черезъ цилый рикъ, щобъ прыйты до сылъ, спокою та ривновагы по всихъ страшныхъ выпадкахъ и страхахъ.

Сестра и іи добрый чоловикъ, вашъ вуйко, не хтилы мене взагали бильше видъ себе пустыты, але колы я зновъ почула трохы сылы въ соби,—не задержувало мене ничого довше пры ныхъ.

До того прылучылася велыка туга за моимъ давнимъ глухымъ закуткомъ, а кримъ того хтила я побачыты и своихъ чотырёхъ внукивъ въ перейизди. Але це послидне мени вже не вдалося.

Зять,—чы якъ вже я ёго видъ часу здрады прозвала—Оленынъ «мужъ»,—подався, перше нижъ розпочалыся несчасни зносыны зъ Оленою, у Г... и, скоро одержавшы мисце (и то въ коротци по одруженню зъ Оленою), выйихавъ, и я дитей до ныни не бачыла.

Зъ того часу розпочалося для бидныхъ сыротятъ пекельне жыття. Негидна мачуха, занедбавшы ихъ до крайности, обернула ихъ въ послугачивъ и затроювала жыття систематычно.

Видъ нього одержала я одного разу, а то зъ негоды якъ ёму вродылася одниська его дытына видъ Олены,—лыстъ, де жаливсь гирко на легкодушнисть, безсовистнисть и недбалисть своеи жинкы.

Закинчывъ пысьмо врешти тымъ, що ёго зрада колышній его несчасній судженій, пимстылася на нимъ сама собою въ тяжкый способъ.

— «Я йе—пысавъ—черезъ Олену найнесчаслывишый чоловикъ, котре несчастя не опынылося лыше на мени, але перейшло и на мои бидни диты, зъ котрыхъ одно, наймолодшый сынокъ, любымчыкъ Лидчынъ, перенисся черезъ недбалисть мачухы у вичнисть, за своею матерію и тётею...

Позаякъ Лидія вже не пры жыттю, щобъ мала смутну сатысфакцію, що вона пимщена, то винъ, іи «убійныкъ», заявля це бодай іи матери, що пережыла іи.

А бильше немае винъ чого до напысання.

Буваютъ похыбкы въ жыттю,—додавъ ще,—котрыхъ не можно вже бильше николы поправыты, а такою похыбкою, чы радше заблудженнямъ бувъ ёго звязокъ зъ Оленою. Винъ прывивъ, окримъ ихъ обохъ, и ёго бидни диты въ несчастя!

—

До-дому зо мною хтила и Зоня йихаты и бодай якыйсь часъ пры мени остатыся. Але що моя сестра не конечне зъ тымъ згоджувалася, а я своею дорогою не могла ришытыся поволокты те гарне й тонке дивча въ свою смутну пустыню,—то вона зосталася, и я выйихала сама.

Я знала. Жадне зъ моихъ дитей не потрибувало вже бильше старои матери... Зоню, зъ іи билымы, нижнымы рукамы, вырываты зъ заможного окруження, де надъ нею дрижалося, и забираты сюды, въ нужденну й самитну оселю, я не мала права передавшы іи сестри такъ сказаты-бъ «разъ на завжды», а

Васылько не потребувавъ мене. И такъ, я вернула спокійно и радо назадъ до свого пьяныци.

Винъ потребувавъ стару матиръ завсиды, и мы прожывалы до сеи поры разомъ.

Колы мени въ моій малій, тыхій хатыни ставало тисно й самитно, я брала свою палыцю въ рукы и одвидувала стару Катерыну. Тутъ, розговорывшыся й посумувавшы зъ нею про чоловика и дитей, здоровыла серцемъ и очыма, въ якій бы то не було пори, и вертала розрадувана й заспокоена назадъ.

Такъ запомигъ мени Господь Богъ, и такъ пролынувъ часъ ажъ до нынишнёи хвылыны.

За той часъ одержала я отцей дневныкъ видъ Зони и зъ тымъ наставъ вже кинець зъ всима моимы дитьмы...

—

Теперъ полышаю Андрушу зъ старою Катерыною и, колы це вже воля Божа, пойиду до свого слипенького внука.

Ёму стане, може, стара, «горемъ похылена» бабуня въ потреби. Але потимъ, мои диты... потимъ... колы настане весна... прывезить мене сюды назадъ.

Я може вмру; бо я вже слаба и чую дзвенькитъ смертельнои косы, я може вмру.

Старисть ёго зачувае, мій сыну. Старисть ёго зачувае, и слава Богу, що часъ вже прыблыжается; мени бо зачынае вже на цимъ свити самій самитно буты... А колы я вмру, то поховайте мене красно. Чого иншого я не вымагаю видъ васъ. Поховайте мене гарно! Якъ довго я жыла, я все працювала и терпила, я все вирыла въ Господа и всимъ добра хотила.

Поховайте мене гарно!...

О. Кобылянська.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Къ вопросу о народныхъ реакціяхъ въ Украинѣ въ XVIII вѣкѣ.

Восемнадцатый вѣкъ въ исторіи Малороссіи—переходная эпоха, заканчивающая собою исторію свободной Украины и начинающая жизнь малороссійскаго народа въ теперешнихъ ея условіяхъ.

На рубежѣ 17 и 18 вѣковъ подъ пепломъ сожженныхъ городовъ и мѣстечекъ правобережной Украины погребена была свобода Малороссіи и ея оплотъ—козачество. Но пламени горящаго костра сразу не потушить: еще нѣкоторое время будутъ тлѣть его искры, готовыя вновь вызвать пламя при благопріятныхъ условіяхъ. Послѣ эпохи такъ называемой «руины» (падающей собственно на 60 и 70 годы 17 вѣка), Малороссія уже не могла вернуть себѣ автономію и времена «Хмельничины», но горючаго матеріала было еще достаточно и въ 18 вѣкѣ: сыны и внуки козаковъ не могли легко разстаться со своей свободой и скоро забыть ее. Начались народныя реакціи, которыя тянутся на протяженіи всего 18 вѣка.

Въ то время въ Украинѣ было два хозяина: по правую сторону Днѣпра малороссами властвовала обезсиленная въ государственномъ отношеніи панская Польша, на лѣвомъ берегу Днѣпра упрочивалось «самовластіе Москвы». Опекуны лѣвобережной Украины держали населеніе ея въ ежовыхъ рукавицахъ; правый-же берегъ Днѣпра лежалъ въ предѣлахъ государства,

«стоявщаго своимъ безнарядьемъ» («Polska nierządem stoi»),— тутъ было, конечно, больше простора для протеста. Естественно поэтому, что украинскія народныя реакціи сосредоточиваются въ предѣлахъ польской Украины.

Начало этимъ народнымъ движеніямъ положили *«гайдамаки»*. Гайдамачество, если смотрѣть на него съ внѣшней стороны—со стороны однихъ жизненныхъ проявленій, представляло собою разбойничество въ широкихъ размѣрахъ. Возможно оно было только въ Польшѣ, при ея тогдашней внутренней неурядицѣ, при полномъ разстройствѣ въ ней исполнительной власти. Но далеко не одно это обстоятельство и не одинъ только просторъ украинскихъ степей, да сосѣдство Запорожья и воспоминанія о недавней козаччинѣ создали гайдамачество. Главная причина появленія и живучести этого болѣзненнаго отзвука былой козаччины лежала гораздо глубже—въ самыхъ условіяхъ жизни украинскаго народа того времени. Что это такъ, о томъ свидѣтельствуютъ симпатіи къ гайдамацкимъ «рухамъ» народа малороссійскаго, который время отъ времени, въ значительной своей части, бросалъ мирную жизнь и въ компаніи гайдамаковъ разбойничалъ.

Ежегодно, въ бо́льшихъ или меньшихъ размѣрахъ, шайки гайдамаковъ, съ наступленіемъ весны, собирались вокругъ своихъ предводителей—«ватажковъ» и разсыпались по польской Украинѣ, грабя и разоряя помѣщиковъ и ихъ имѣнія. Успѣху гайдамаковъ много способствовало содѣйствіе крестьянъ—обычно тайное; порою-же значительныя массы народныя открыто соединялись съ гайдамаками для совмѣстныхъ дѣйствій. Сильнѣе другихъ гайдамацкія движенія въ Малороссіи проявились въ 1734, 1750, 1768 и 1789 г.г. Изъ нихъ наибольшаго вниманія безусловно заслуживаетъ украинское возстаніе 1768 года (*«Коліивщина»*), которое преимущественно предъ прочими можетъ быть названо возстаніемъ *народнымъ*, а не гайдамацкимъ. Остановившись нѣсколько на разсмотрѣніи этого возстанія и его причинъ, мы легче увидимъ, чѣмъ главнымъ образомъ обусловливались народныя реакціи на Украинѣ въ 18 вѣкѣ.

Солидность размѣровъ даннаго возстанія не можетъ подлежать сомнѣнію. Правъ былъ поэтъ (Т. Г. Шевченко), сказавшій объ участникахъ возстанія 1768 года, что они «добре погулялы: трохы не рикъ (почти годъ) шляхетською кровью наповалы Украину». И оффиціальные, и неоффиціальные документы того времени свидѣтельствуютъ, что это былъ не простой гайдамацкій «рухъ» или набѣгъ, а нѣчто гораздо бóльшее—«мужицкій бунтъ», грозившій принять чрезвычайно широкіе размѣры. Явившись результатомъ всеобщаго тогда возбужденія украинскаго народа, онъ готовъ былъ охватить собою всю Украину—оба берега Днѣпра; тогда, по выраженію поэта, «задзвонылы въ уси дзвоны *по всій Украини*».

Гдѣ-же причины этого «огнедышащаго изверженія народной мести и вражды» [1]), этого «бурнаго порыва изнеможенной народной души и неистощенной физической народной мощи» [2]), выразившагося въ безпощадномъ пролитіи крови цѣлыхъ десятковъ тысячъ людей?

Вопросъ о причинахъ даннаго возстанія—«*Коліивщины*»—учеными рѣшается разнообразно.

Несомнѣнно, что причины возстанія сложны и многочисленны, чтó однако не должно препятствовать отысканію главной прочины, доминирующей надъ остальными.

Первой и, думаемъ, главной причиной даннаго возстанія, какъ и прочихъ украинскихъ возстаній, было соціально-экономическое положеніе народа. Польское панство превратило украинскую народную массу въ безправныхъ «хлоповъ». Вспомните слова знаменитаго Костюшко, истиннаго польскаго патріота 18 вѣка, который писалъ объ украинскихъ крестьянахъ, что они «не имѣютъ никакого права» и «едва смѣютъ думать безъ воли своихъ пановъ». Рядомъ съ безправіемъ украинскаго «хлопа»,

---

[1]) М. А: Максимовичъ, собр. сочиненій, Кіевъ, 1876 г., т. I, стр. 625.

[2]) Я. Шульгинъ, «Очеркъ Коліивщины», Кіевъ 1890 г., стр. 179.

развился до крайности помѣщичій произволъ, злоупотребленія арендной системы, эксплоатація крестьянскаго труда и имущества. Если въ началѣ и срединѣ первой половины 18 вѣка крестьяне правобережной Украины пользовались нѣкоторыми льготами, то къ концу той-же половины и къ началу второй (т. е. какъ разъ незадолго предъ возстаніемъ 1768 г.) положеніе ихъ, по минованіи срока льготъ, сильно ухудшилось и сразу стало невыносимымъ (что было особенно чувствительно послѣ предшествовавшаго періода льготъ).

При такомъ положеніи вещей могъ быть выходъ—бѣгство изъ польскихъ предѣловъ, и оно практиковалось, но въ размѣрахъ весьма незначительныхъ. Куда было бѣжать? Бѣгство въ совершенно чуждую по вѣрѣ и языку, полуварварскую Турцію мало кого могло прельстить. Въ Запорожье могли уйти немногіе, въ комъ не было склонности къ осѣдлой жизни; да къ тому-же въ то время Запорожье доживало свои послѣдніе дни, постепенно теряя свои права и вольности,—близокъ уже былъ часъ уничтоженія Сѣчи (послѣдовавшаго въ 1775 году). Естественнѣе всего, если разсуждать теоретически, было уходить въ предѣлы единоплеменной и единовѣрной Россіи. Но практика жизни говорила другое. Тяжелый помѣщичій гнетъ нарождавшагося на лѣвомъ берегу Днѣпра малороссійскаго дворянства—бывшей войсковой старшины, отсутствіе правильной администраціи и выработанныхъ самою жизнью народа законовъ, властно давящая сильная рука русскаго правительства, задавшагося цѣлью «обрусенія» края,—все это создавало такія условія жизни, что вынуждало порою малоросса бѣжать и изъ лѣвобережной Украины.

Соціально-экономическое положеніе малороссійскаго народа, въ его массахъ, было по существу одинаковымъ на обоихъ берегахъ Днѣпра,—оно было тягостно народу, и изъ него былъ собственно одинъ выходъ—протестъ въ видѣ кроваваго возстанія. На русской территоріи не было простора для бунта,—возстанія устраивались на польскихъ земляхъ. Но въ числѣ участниковъ возстанія 1768 г. вы встрѣтите многихъ недовольныхъ и изъ лѣвобережной Украины. Малороссовъ—подданныхъ обоихъ госу-

дарствъ—объединяло недовольство своими властями, своими порядками, своими панами, своею приниженностью, своею вынужденною нищетою,—и это недовольство неудержимо влекло и тѣхъ и другихъ къ возстанію. Возстаніе 1768 г., самое серьезное изъ украинскихъ возстаній, возникши въ предѣлахъ Польши, взволновало и жителей русской Украины, и еслибы не было своевременно подавлено русскими войсками, оно перенеслось-бы въ лѣвобережныя земли Украины, гдѣ несомнѣнно существовало тогда народное недовольство.

Прочитайте воззваніе руководителей возстанія 1768 г. къ народу [1]), и вы ясно увидите, что больше всего волновало народъ, чего онъ жаждалъ, къ чему стремился. Украинскому народу хотѣлось «выбиться изъ неволи», «освободиться отъ ярма и тягостей», и его возмущали «кривды» и «обирательства» властей и пановъ, его манила мечта—стать свободнымъ и получить «права и вольности». Развѣ не имѣютъ сходства эти мотивы недовольства возставшихъ съ мотивами недовольства, высказаннаго всѣми слоями населенія лѣвобережной Украины какъ-разъ за годъ предъ возстаніемъ, въ 1767 году, чрезъ депутатовъ въ екатерининскую «комиссію о сочиненіи проекта новаго уложенія»? Прочитайте записку современника—Теплова [2]) о тогдашнемъ состояніи жившаго въ предѣлахъ русскаго государства малороссійскаго народа, и изъ одной этой записки вы увидите, насколько печально было соціально-экономическое положеніе народныхъ массъ въ лѣвобережной Украинѣ въ то время и сколько здѣсь было отдѣльныхъ причинъ и поводовъ, вызывавшихъ народное недовольство. Неудивительно поэтому, что лѣвобережные крестьяне въ 1768 г. бѣжали за Днѣпръ, чтобы, соединившись со своими братьями-подданными Польши, за одно выразить свой кровавый протестъ

---

[1]) См. у Н. И. Костомарова.—«Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой», 2 изд., Спб., 1870 г., стр. 102, и у В. А. Мякотина «Крестьянск. вопросъ въ Польшѣ», Спб., 1889 г., стр. 88.

[2]) Напечатана во 2 т. «Записокъ о Южной Руси» П. А. Кулиша.

противъ своей общей «недоли». И когда противъ возставшихъ выступили русскія войска, то на увѣщанія русскихъ офицеровъ сдаться—возставшіе отвѣчали выстрѣлами [1]).

Главный факторъ возстанія—соціально-экономическій. Но нѣкоторыми учеными (напримѣръ, покойными—М. А. Максимовичемъ, М. О. Кояловичемъ, Ѳ. Г. Лебединцевымъ и др.) на первый планъ выдвигается факторъ религіозный—до того, что всѣ прочіе сводятся почти къ нулю. Согласиться съ ними нельзя. Конечно, не можетъ быть совершенно игнорируемъ фактъ религіозныхъ преслѣдованій въ Польшѣ, которыми до нѣкоторой степени питалось тутъ народное недовольство. Насильственное распространеніе уніи, несомнѣнно, было ненавистно народу [2]), но религіозный гнетъ для православнаго украинца былъ лишь частицей того общаго гнета, въ которомъ прежде всего и сильнѣе всего чувствовался элементъ соціально-экономическій. Если бы это возстаніе носило прежде всего колоритъ религіозный и возникло исключительно на религіозной почвѣ, оно не увлекло бы въ своемъ потокѣ лѣвобережныхъ малороссовъ, незнакомыхъ съ гнетомъ религіознымъ, оно не ставило бы главнымъ объектомъ ненависти возставшихъ «панське тило», оно меньше задѣло-бы душу народа, неспособнаго ясно различать тонкости вѣроисповѣдныхъ различій уніи и православія [3]), оно утихло бы сразу по прибытіи въ край православныхъ русскихъ войскъ...

---

1) См., напр. свидѣтельство объ этомъ кн. Н. В. Репнина въ письмѣ къ А. Обрѣзкову отъ $^{10}/_{21}$ іюля 1767 г. (въ польск. дѣлахъ Моск. Гл. Арх. М-ства Иностр. Д., св. 21).

2) См., напр., объ этомъ польскія свидѣтельства—«Основа», 1862 г., мартъ, стр. 11 и у Т. Корзона въ его «Wewnętrzne dzieje», 2 изд., Варшава, 1897, т. I.

3) Вѣрно по этому вопросу высказывается кн. Н. В. Репнинъ въ письмѣ отъ 24 іюня 1768 г. къ генералу Кречетникову, говоря о возставшихъ, что «они подлинно того въ своемъ невѣжествѣ сами не знаютъ, какого они закону» (т. е. исповѣданія); письмо см. въ связкѣ 20 въ названномъ выше архивѣ и дѣлахъ.

Нѣкоторые (напримѣръ, Д. Л. Мордовцевъ, Скальковскій и др.) особенно подчеркиваютъ роль въ возстаніи одной личности—православнаго игумена Мелхиседека Значко-Яворскаго, стоявшаго во главѣ духовенства, боровшагося въ польской Украинѣ съ уніей. Они готовы взвалить на этого монаха всю вину за возстаніе. Не подвергая детальному разсмотрѣнію этого вопроса [1]), скажемъ лишь, что подобное подчеркиваніе роли одной личности врядъ-ли допустимо съ научной точки зрѣнія и это тѣмъ болѣе, что документальныхъ данныхъ, которыя-бы подтверждали участіе въ возстаніи Мелхиседека, не имѣется. Еслибы возстаніе было дѣломъ рукъ этого игумена, оно, конечно, носило-бы самую яркую религіозную окраску и не приняло-бы тѣхъ широкихъ размѣровъ, въ какихъ проявилось. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать нѣкотораго отношенія къ возстанію игумена Мелхиседека. Мелхиседекъ своею дѣятельностью поспособствовалъ проясненію въ народныхъ массахъ религіозно-національнаго самосознанія и усиленію недовольства противъ поляковъ, какъ гонителей вѣры отцовъ; онъ возбудилъ борьбу украинцевъ съ поляками на почвѣ религіозной, а это послужило сигналомъ къ вспышкѣ возстанія противъ гнета во всемъ его объемѣ. Тутъ уже Мелхиседекъ не игралъ роли.

Были и другія причины и обстоятельства, благопріятствовавшія возстанію. Воспоминанія о прошломъ Украины увлекали народную фантазію въ заманчивую даль былой вольной жизни, пробуждали стремленіе къ волѣ, рождали надежду на возвращеніе потеряннаго. Въ народной памяти какъ живые стояли образы козаковъ—непримиримыхъ протестантовъ противъ гнета и зависимости, отважныхъ добытчиковъ желанной воли; эти образы манили къ себѣ и звали на подражаніе. Отважные гайдамаки и запорожцы, тѣсно соприкасавшіеся съ народными массами, под-

---

[1]) См. объ этомъ въ нашей замѣткѣ въ «Кіевск. Старинѣ», 1905 г., январь.

держивали въ нихъ старый козацкій духъ и мѣшали всецѣло втянуться въ мирную жизнь безмолвнаго, покорнаго раба. Постоянные безпорядки и волненія въ предѣлахъ польскаго государства, разнаго рода конфедераціи, присутствіе русскихъ войскъ,— все это волновало украинцевъ, нарушало ихъ мирную жизнь, пріучало къ выраженію протеста, порождало надежду на успѣхъ. Составившаяся въ началѣ 1768 года Барская конфедерація раздѣлила Польшу на два враждебныхъ лагеря,—соблазнъ къ возстанію былъ великъ. Польская политика императрицы Екатерины сбивала съ толку украинцевъ относительно цѣлей ея, и заигрыванья ея съ малорусскимъ населеніемъ Польши могли вызывать въ народныхъ массахъ разныя объясненія, неясныя надежды и во всякомъ случаѣ волновали народъ. При томъ-же борьба съ поляками, веденная раньше вѣками, вошла уже въ народную традицію. Послѣднее обстоятельство, вмѣстѣ съ указанными особенностями польской государственной жизни того времени, обусловило то, что возстаніе, несмотря на присутствіе горючаго матеріала на обоихъ берегахъ Днѣпра, вспыхнуло именно на польской территоріи.

Всѣ эти причины и обстоятельства, не исключая и религіозныхъ преслѣдованій православныхъ въ Польшѣ, имѣли значеніе только дополненія къ тому главному, что прежде всего возмущало народъ. Правовое и экономическое положеніе малороссійскаго народа играло тутъ главную роль. Оно главнымъ образомъ придало возстанію 1768 г. характеръ возстанія народнаго и крестьянскаго, упорнаго и продолжительнаго; оно же лежало и въ основѣ всѣхъ народныхъ реакцій въ Малороссіи въ 18 вѣкѣ и позже.

Украинское возстаніе 1768 года стоитъ на рубежѣ двухъ эпохъ въ исторіи Малороссіи. Оно—послѣдній, слабый уже отзвукъ старой борьбы Малороссіи съ Польшей и собственно первое крестьянское возстаніе на Украинѣ, начинающее собою рядъ вспыхивающихъ время отъ времени вотъ уже полтора вѣка бун-

товъ и волненій, въ которыхъ не слышно уже старой борьбы козаковъ за вѣру и народность, но раздается настойчивый протестъ противъ ненормальностей соціальнаго строя и экономическаго положенія народныхъ массъ украинскаго народа [1]).

Вл. П—ко.

---

[1]) Едва-ли не лучше другихъ подходятъ къ разрѣшенію вопроса о народныхъ реакціяхъ въ Украинѣ въ 18 в. г.г. Мякотинъ («Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ», Спб., 1889 г.) и Истоминъ («Къ вопросу о причинахъ, порождавшихъ народныя реакціи противъ Польши въ юго-зап. Россіи въ 18 в.», «Кіев. Унив. Извѣстія», 1892 г., февраль.

СБОРНИКЪ МАЛОРУССКИХЪ СКАЗОКЪ.[1]

Представляю вниманію читателей собранныя мною эпическія сказанія, разрабатывающія вопросъ о добродѣтеляхъ и о грѣхахъ. Я не ставлю своей задачей дѣлать какіе-либо выводы и обобщенія, а только повергаю на судъ спеціалистовъ записанныя мною сказки нравственно-поучительныя, въ которыхъ простой народъ выразилъ свои представленія этическія.

Сказанія о возмездіи за дѣла и поступки человѣческіе разработаны народомъ въ двухъ направленіяхъ: 1) возмездіе на этомъ свѣтѣ, при жизни человѣка и 2) возмездіе въ загробной жизни, на томъ свѣтѣ.

Главныя добродѣтели, за которыя человѣкъ награждается и на этомъ и на томъ свѣтѣ, суть: милосердіе, справедливость и любовь ко всѣмъ людямъ вообще и въ особенности къ страждущимъ, неимущимъ, покинутымъ, униженнымъ и презираемымъ.

---

[1]) Настоящее маленькое собраніе малорусскихъ народныхъ сказокъ представляетъ только небольшую часть обширнаго матеріала, записаннаго Г. Стрижевскимъ въ теченіе многолѣтней его жизни. Почтенный собиратель былъ такъ любезенъ, что охотно подѣлился съ нами этою частью своихъ записей, обѣщая въ будущемъ предать печати и остальные свои цѣнные матеріалы.

Ред.

Столь же важная добродѣтель—уваженіе къ родителямъ и къ старости; отъ сохраненія ея зависитъ самое существованіе всѣхъ живущихъ людей. Наконецъ—искренность, беззавѣтная прямота и правдивость, и отсутствіе своекорыстнаго эгоизма. Вотъ тѣ основы, на которыхъ зиждется и которыми поддерживается благосостояніе и счастіе людей. Напротивъ: гордость, жестокость, злоба и коварный эгоизмъ—суть пороки, влекущіе за собою тяжкое наказаніе, постигающее преступника и здѣсь и тамъ.

Гавріилъ Стрижевскій.

1.

Якъ ставъ свитъ, такъ булы люде велетни: пиде косыты раненько та за шистьдесятъ верстовъ иде снидаты до матери!

Отъ, разъ, иде снидаты, дывытся—орють: восьмеро воливъ, два погоныча й плугатарь. Винъ, пидставывъ жменю, а воны й зійшлы на долоню! Винъ и прынисъ ихъ до матери. «Дывысь», каже, «мамо: яки комашкы орють землю!» А маты подывылась... «Э», каже: «сынку! понесы—де взявъ!»

— «Що-жъ воно таке?»

— «Комашкы!»—каже.

Винъ и виднисъ. А вона вже тоди ёму й каже: «це»—каже—«пислял насъ таки будуть люде!» А сынъ тоди; «а! колы-бъ я бувъ знавъ, такъ бувъ бы всихъ роздавывъ у жмени»!.. Посли—Господь истребывъ ихъ—покамьянилы! Бо воны горди булы. Якъ стало на неби сонце, то воны почалы сміятысь—отъ ихъ Богъ и покамьянывъ усихъ. Воны жылы въ норахъ, якъ звири.

И теперчекы камьяныхъ людей багато есть... Середь степу баба стоить—я самъ бачывъ! Стоить,—ще, колы хочете, въ намысти! И намысто на шыи скамьянило.

А кажуть, що й теперъ воны у яки дни ожывають и говорять. Кажуть, що на Святъ-Вечиръ [1]),—то воны говорять и сходятся одынъ до одного—роспытуются:

---

[1]) Ще якъ диждемо Святъ Вечира! (христытся).

— А ще, каже, посыла внукъ до бабы вечерю?

— Посыла.

— То ще, каже, намъ довго стояты! А якъ перестане носыты, такъ тоди вже, каже, намъ воскресаты!..

Ихъ торкаты—не можна! Знущатысь изъ ихъ—грихъ!

Ишлы козакы. А вона недалеко стоить—баба камьяна. А козакъ—шутныкъ одынъ бувъ—прыбигъ конемъ до неи та заразъ за груды съ коня полапавъ. Вона стоить. Полапавъ за груды, посли—й ныжче... Такъ вона якъ черкнула ёго, такъ и голова ёму одлетила! И зновъ стала баба недвыжыма!.. Позываты камьяну бабу не можно и накараты не можно: и вона така жъ камьяна зосталась! Козакы пишлы соби дали, а того-- поховалы.

(Полтава. Зап. отъ крестьян. Павла Кислаго 70 л. старика).

2.

У якому-сь то сели, десь далеко, ажъ биля моря бувъ соби дуже багатый сырота. Ну, хочъ винъ бувъ багатый, а все-жъ такы винъ боявся Бога: никого не крывдывъ, багато де́-кому помагавъ, изъ биды вызволявъ, сказано—до́брый бувъ чоловикъ.

Оце було на святкы: наваре, напече, понаготовля всёго та й пиде скризь по дорози склыкаты слипцивъ та безрукыхъ та безногыхъ, та й розговляется зъ ными.

Ото-жъ разъ передъ святкамы пишовъ винъ склыкаты каликъ, та скильки не ходывъ, найшовъ тильки одного старого дида.

Розговилысь воны зъ дидомъ та побалакалы, та такъ полюбылыся одынъ о́дному, що цей багатый сырота узявъ ёго за батька. Дидъ согласывся буты ёму батькомъ тильки зъ такою умо́вою, що те все, що винъ добуде зъ того часу, воны передилять пополамъ.

Сталы воны жыты вдвохъ, и цей чоловикъ зове дида батькомъ, а той ёго сыномъ.

Отъ той дидъ и каже ёму: «пойидьмо, лышень, мы у инше царство та поторгуемо тамъ, то може такы бильше розжывемось, нижъ тутъ.

— Э!—каже чоловикъ:—изъ чымъ же мы пойидемо, колы у насъ немае краму? Хиба повеземо пшеныци?

«Дарма!» – каже дидь:—«навищо тая пшеныця! Я найду краму, ты тильки излагодь баркасъ».

— Ну, добре.

Излагодывшы той баркасъ, винъ и пытае въ дида: «а де жъ вашъ, тату, крамъ»?

А батько каже ёму: «наносы, сынашу, на баркасъ оттыхъ цеглынъ, що въ насъ за хатою, то отъ-то й буде крамъ! Здывувавсь той чоловикъ, що батько таке говорыть, та ничого робыты, треба батька слухать. Наклавъ тыхъ цеглынъ повенъ баркасъ, а стины пообмощувавъ ганчиркамы, щобъ цеглыны не пообтыралы смолы.

Ну, батьку, будемъ йихать!—каже.

— Пойидемо!—каже батько.

Силы й пойихалы.

Чы довго, чы ко́ротко — бо не такъ дило робытся, якъ казка кажется—прыйиждjaють воны въ трыдевьяте царство, а въ тимъ царстви та бувъ царь, и була въ ёго едына дочка, та така гарна, що не сказаты! Одно тильки пагано: була въ ній нечыста сыла! Ото вже чого ій царь не робывъ! Понасклыкавъ звидусюды ликаривъ, шептунивъ, бабъ—такъ ни! ничого не помоглы; а царь побачывъ, що воны тильки дурно хлибъ йидять, та взявъ ихъ и попрого́нывъ.

Мучыла нечыста сыла царивну до́ты, покы не замучыла. Царивна вмерла саме тоди, якъ наши у те царство прыйихалы. И, кажуть, якъ умирала, такъ дуже, лыбонь, прохала батька, щобъ непреминно чытавъ хто-небудь тры ночи пидърядъ надъ нею, а щобъ такъ не ховалы неодчытану.

Положылы ту царивну у зализну труну и виднеслы въ церкву.

На перву ничъ замкнулы зъ нею въ церкви дяка, щобъ одчытувавъ.

Уранци—одчынылы церкву,—ажъ бачать, що видъ того дяка зосталысь тильки сами кисточкы!

На другу ничъ заперлы другого, такъ и видъ того зосталысь тильки кисточкы. Тоди самый найстаршый надъ попамы пипъ ставъ казаты цареви, що въ ёго не стане дякивъ на обиходъ, и дуже прохавъ, щобъ уже не бралы дякивъ.

Задумався царь: шкода й дякивъ, а хочется, щобъ и дочка була видчытана. Думавъ-думавъ, та й выдумавъ. Пошлю я людей шукаты такого мыстюка, щобъ не боявся нечыстои сылы,—може й найдется.

Отъ бижать видъ царя люде по городу скризь и крычать: дае царь пивцарства тому, хто визьмется видчытаты царивну!

Почулы й наши крамари съ цеглынамы оти слова. Дидъ и каже сынови: «визьмысь ты, сынку, дочытуваты: я знаю таке, що тебе не займе нечыста сыла.

А той, слухаючы батька, пійшовъ до царя та й каже: «я можу видчытаты царивну!»

Царь дуже зрадивъ. «Хто-жъ ты такый есть?—пытае.

— Я, каже, крамарь: тутъ стою на прыстани зъ баркасомъ.

Отъ царь звеливъ, щобъ винъ сіеи-жъ ночи почавъ дочытуваты царивну, и якъ винъ одчыта іи, то царь ёму дасть пивцарства, а якъ не одчыта, то царь звелыть ёму голову одрубаты.

Отъ, передъ тымъ, якъ иты въ церкву, той чоловикъ зайшовъ до батька порадытыся. А батько вже трывае ёго. Першъ,—каже батько,—ты добре найижся, щобъ бувъ крипшый и смилывишый, а тоди я тебе навчу, що робыты.

Найився той чоловикъ. Батько й каже: якъ прыйдешъ у церкву, то ты обведы себе крейдою кругомъ такъ, якъ на сажень у-ширшкы, и гляды—не выходь изъ ціеи ограды, щобъ тамъ ни було, якъ бы тамъ ни прыйшлось, щобъ ни робылось кругомъ тебе! Ты все тильки чытай и ничого не кажы.

Пишовъ той чоловикъ одчытувать и заразъ же такъ усе зробывъ, якъ казавъ батько.

Труна стоить, свичи палають, а винъ стоить та чытае святе пысьмо, та такъ голосно, що ажъ луна́ йде по порожній церкви.

Колы це—такъ о пивночи—щось якъ лусне,—неначе хто роздавывъ волоськый горихъ... а дали крышка зъ труны такъ и

злетила и сама царивна стала пидводытысь мовъ на пружынахъ! А въ того чоловика такъ и похолóло въ жыжкахъ! Стоить винъ ни жывый ни мертвый, и тильки неначе въ чаду чытае молытвы.

А царивна пиднялась... Та якъ завые собакою! Якъ гайнé по церкви! Та все крычыть: тутъ бувъ та нема!

Бигала вона такъ прави що до свита, и все що пидскоче до крейды, та заразъ видтиля неначе опечена. Колы це—заспивалы свитови пивни: вона зновъ лягла у труну, и зновъ та покрышка сама закрылась надъ нею.

Отъ уже свитъ. Прыйшлы видъ царя посылачи подывытысь, чы жывый цей чоловикъ, чы ни. И якъ побачылы, що винъ жывый, то дуже зрадилы и повелы ёго до царя.

А царь давъ ёму попойисты тай одиславъ, каже: «готуйся на другу ничъ»!

Прыйшовъ той чоловикъ до батька. Батько каже: ця ничъ не страшна, що оце буде, а трéтя буде найстрашнійша. Цю ничъ иды, зробы те-жъ саме, що робывъ и передъ цымъ.

Пійшовъ той чоловикъ и на другу ничъ и такъ само видчытувавъ царивну.

На третю ничъ, передъ тымъ якъ ёму йты, батько ставъ ёго навчаты. «Ты, каже, якъ увійдешъ у церкву, то зробы те-жъ саме, тильки гляды: щобъ вона ни казала, не выходь зъ крейды. А передъ свитомъ, якъ стане вона просытысь протягты за крейду рукы, ты ій позволь, и якъ протягне, то ты вхопы іи за рукы мицно и державы такъ, не пускай, хочъ якъ пручатымется, ажъ до свиту.

Пійшовъ той чоловикъ одчытуваты й на третю ничъ. Колы це—саме о пивночи—труна якъ лусне! Якъ злетыть крышка, якъ схопытся царивна та якъ гайне по церкви! ганяе та все вые собакою... Бигала,—такъ такы не найшла ёго. Та вже передъ свитомъ вона побачыла ёго, такъ не може перейты за крейду. Стала вона коло краю та й просыть: позволь мени простягты до тебе рукы!

— Простягай!

Тильки що вона простягла до ёго рукы, а винъ якъ ухопывъ ихъ та й не пуска, держыть. Стала вона пручатысь, смыкала, смыкала, и крычала и выла, такъ ни: не пуска, держыть зъ усіеи сылы.

Колы це пивень: кукурикý!

Вона стала ще дужче просыть, щобъ пустывъ уже й плакала передъ нымъ. Такъ винъ не потура: поты державъ, покы не заспивавъ третій пивень.

Якъ заспивавъ третій пивень, царивна такъ и впала передъ нымъ навкóлишкы, та дуже-дуже плакала та дякувала, що винъ іи одволавъ видъ смерти. И сказала: я буду тоби жинкою!

У-ранци прыйшлы видъ царя люде. Та якъ побачылы царивну, та давай тикаты, хто куды мòга.

А царь, якъ узнавъ, що дочка ожыла, самъ побигъ у церкву. Та такъ зрадивъ, що й плаче й сміется! И дочку цилуе и цёго чоловика цилуе! а якъ сказала ёму дочка, що пиде замижъ за цёго чоловика, такъ царь заразъ сказавъ: добре! Я васъ заразъ и звинчаю.

Такъ той чоловикъ каже: ни, въ мене батько йе, старый. Я безъ батька не хочу!

Отъ такъ заразъ царь пойихавъ до батька та й прывезлы ёго, та того-жъ дня й повинчалы молодыхъ. Повинчалы, добре весилля справылы!..

Отъ погостювалы у царя тыжднивъ зо два. Батько каже: ну, сынку, пора до-дому. Такъ царь не пуска, просыть, каже: зоставайтесь у мене жыты. Такъ батько каже: не можна теперъ,— треба до-дому йихаты. Отъ погулялы тамъ ще скильки днивъ— рушылы до-дому.

Якъ выйихалы въ море далеко, такъ, що вже й те царство покрылось, дидъ и каже тому чоловикови: ну сыну, памьятаешъ нашу умову? Давай дилытысь пополамъ тымъ, що прыдаблы!

А той чоловикъ и каже: якъ же мы подилымось царивною, батьку? Уже-жъ іи не можна розрубаты!

— Чому не можна? Каже дидъ. Та взявъ сокыру та й розрубавъ царивну.

Якъ крыкне той чоловикъ: батьку! що вы робыте! батьку!

А батько: онъ—що: дывысь!

Колы въ ній: жабъ, гадюкъ, усякои нéчысти—стильки! Та такъ и кышать, такъ и вьются й лизуть... Бачъ, каже дидъ, що вона—нечыста! Треба іи вычыстыты. Заходылысь коло неи вдвохъ: вычыстылы все, вымылы іи свяченою водою, повыкыдалы оту пóгань.. «Теперъ, каже дидъ: стулымо іи знову»! Стулылы. Тоди дидъ узявъ та й дмухнувъ на неи. И вона—ожыла! И встала и стала ще краща, нижъ була!

Тоди дидъ каже тому чоловикови; «ну, жывы-жъ, сынку»! Будь счаслывый! Робы-жъ и до смерти такъ, якъ ты робывъ доси: годуй слипцивъ, каликъ и помагай кожному чоловикови въ биди! И буде тоби и твоимъ дитямъ за це велыка награда!

Сказавъ, та хто ёго зна де й дився: ставъ невыдымый!

Той чоловикъ прыйихавъ до-дому и зажывъ паномъ и жывъ такъ, якъ дидъ ёму казавъ.

А це, я чувъ, прыславъ до ихъ батько іи царь, що: прыйиздить,—нездужаю. Нема въ мене наслидныка! Наслидуйте царство мое. Такъ воны пойихалы. И той чоловикъ пойихавъ царюваты.

(Диканька. Николай Перецъ).

3.

Богъ ходывъ... такый!.. старцемъ! Такый обидраный! Прыйшовъ разъ до одного чоловика. А той чоловикъ каже: «вары, жинко, вечеряты, то мы зъ оцимъ дидомъ повечеряемо». Отъ, а та жинка плюе, хрякае, що такый дидъ обидраный,—гыдуе такъ.

Наварыла вона вечерять.

Такъ воны посидалы и вечеряють.

Такъ та жинка ёго, колы-бъ не той чоловикъ, такъ того-бъ дида изъ хаты выгнала,—такъ плюе, хрякае, такъ и хрякае на дида, та на чоловика сердытся:

«Навúщо, каже, ты прыймаешъ у хату таку огыду?»

Такъ чоловикъ не потура жинци, каже:

«Я те знаю, що роблю! Якъ бы й ты такъ робыла, то краще бъ було!»

У-ранци (переночувалы ничъ) такъ той дидъ уставъ та й каже: «одягайся, чоловиче добрый!»

Отъ выйшлы на двиръ... Колы—де такый кинь узявся, страшенный, изъ повозкою.

Такъ воны посидалы—той дидъ и чоловикъ—тай пойихалы скризь по свиту.

Прыйихалы. Колы—таки хаты въ того Бога, горныци! Богъ уже того чоловика зовсимъ угостывъ, прышановавъ и всюды выводывъ. Отъ водывъ туды, де смола́ кыпыть, водывъ туды, де й золото, де й гроши,—всюды водывъ. И одиславъ того чоловика; каже: «йидь до-дому!»

Той кинь самъ повизъ того чоловика, кинь сывый.

Отъ, той чоловикъ уже прыйихавъ, уставъ, у хату увійшовъ;—а той кинь стоить у двори. Дакъ чоловикъ той каже жинци: «одягайсь, да беры гостынци, та сидай на того коня—на визъ да йидь до того дида: тамъ колы-бъ ты знала, якый славный дидъ, да якъ хо́роше жыве! Якъ винъ мене прышановавъ!»

Жинка, якъ розсказавъ чоловикъ усе, такъ вона заразъ убралась, забрала гостынци, сила на визъ.

Отъ той кинь не визъ до Бога—ни що зъ гостынцямы, та прывизъ туды, де смола кыпыть, да такъ изъ гостынцямы у смолу ту жинку й перекынувъ, такъ вона тамъ и спеклась у смоли, де кыпыть смола!

А то—Бо́гивъ кинь бувъ, сывый такый та розумный! Богивъ кинь—дакъ и розумный!

(Переясл. у. Волошиновка 1859).

4.

На Велыкдень сталы розговлятыся чоловикъ и жинка. И прыйшовъ до ихъ старець, та такый обирваный, що на ёму лахмиття высе, та такый гыдкы́й, нечепурный!

Ну, отъ той чоловикъ и сказавъ: «дай ёму, жинко, сорочку та штаны, та счеши его и змый, та й сядемо розговлятыся!»

А вона й каже: «празднykъ—якъ празднykъ, та прывивъ Богъ ёго зна що въ хату, та ще ёго буду й мыть рады праздныка? Якъ що тоби треба, такъ беры ёго та й мый самъ, а я сорочкы та штанивъ не дамъ!..

Отъ, а винъ каже: «та дай такы-жъ сорочку й штаны, дай!»

Отъ вона дала. А винъ узявъ, того старця измывъ, исчесавъ. Ну, надивъ той старець сорочку на себе и штаны—били... Силы розговлятыся.

Отъ винъ, той старець, и каже:

Гляды-жъ, чоловиче, будь ты мени братъ! И якъ диждемо того́ Велыкодня, такъ прыбижыть до тебе сывый кинь, та якъ заржé, такъ ты выйды та й сидай на ёму, та куды винъ бигтыме, ты туды й йидь: винъ зна, куды бигты»...

Розговилысь. Попрощався той старець, пишовъ. Та-жъ жинка перемовчала, покы старець у хати бувъ, а пóтимъ зачала зъ свого чоловика сміятыся.

«Отъ, каже: «дожыдай Велыкодня другого, то сывый кинь до тебе прыбижыть та зарже! та ты сядешъ и пойидешъ?

Чоловикъ не змагается, одмовляе:

«Чы чуешъ, жинко: прыбижыть—прыбижыть, а не прыбижыть—-то й такъ буде! Хиба що?»

А вона не гамуется:

«Такъ-такъ!»—каже:—таке прывивъ у хату, що страшно й дывытыся, а винъ ище ёму сорочку й штаны давъ! Сподивайсь, сподивайся сывого коня!»

Та ввесь рикъ усе зъ ёго сміется.

Отъ воны диждалы й Велыкодня.

Прыйшовъ той чоловикъ изъ церквы. Перехрестывся... Гулькъ у викно,—ажъ стоить сывый кинь, та ще й заржавъ!

Тоди чоловикъ каже жинци:

Отъ, ты сміялась мени! Отъ, а воно справдывылось—ёго слово. Ну, прощавайте, розговляйтесь сами, а я—пойиду!»

Та сивъ та й пойихавъ.

Йиде та йиде... Колы дывытся — чоловикъ: стоить — тынъ пидоперъ.

Наблыжывся цей чоловикъ, а той, що тынъ пидпиравъ, глянувъ та й каже:

«Бóгивъ кинь, та не Богъ на ёму йиде... Скажы, чоловиче добрый, тамъ и про мене: докы я буду цей тынъ пидпираты?...

— Скажу, якъ не забуду.

Йиде та й йиде.

Колы—чоловикъ до чоловика землю кыдае лопатамы одынъ одному: той до тóго, а той до тóго.

Отъ воны побачылы цёго чоловика, кажуть:

«Богивъ кинь, та не Богъ на ёму йиде! Скажы, чоловиче добрый, и про насъ: дóкы мы цю землю будемъ кыдать одынъ до однóго?»

— Скажу, якъ не забуду!

Йиде та й йиде.

Колы: дивка—така гарна, така гарна!—птычку лове по терну. Така птычка манисинька та гарнисинька. И дивка гарна, та обирвала плаття на соби чысто, ловлячы ту птычечку, и тило на соби подрала, лазячы по терну... такъ—не піймала!

Глянула вона на цёго чоловика та й каже:

«Богивъ кинь, та не Богъ на ёму йиде... Чоловиче добрый! Спытай тамъ и про мене; докы я цю птычечку буду ловыть? Я на соби тило порвала, та ніякъ іи не піймаю»!..

— Добре!—каже: скажу, якъ не забуду...

И прыйихавъ винъ до Бога.

Богъ выйшовъ: «Здоровъ, брате!»

Поклыкавъ ёго въ рай, давай изъ имъ розговлятыся—паскою.

«Гляды-жъ, чоловиче добрый!»—каже Богъ:—Я Самъ Господь находжусь, щобъ ты знавъ».

Розговилыся, сталы що инше йисты.

Тоди цей чоловикъ и каже:

«Господы! Що то за чоловикъ, що тынъ пидпиравъ? Я йихавъ, а винъ и каже: Богивъ кинь, та не Богъ на ёму йиде...

Богъ и каже:

«Отъ-то вы люде, якъ на тимъ свити гуляете, та що вы вытворяете! та и кажете: на цимъ-то мени свити роскишъ, а на

тимъ—нехай мною хочъ тынъ пидопруть—байдуже!—Такъ не можно, брате, казать. Отъ-то-жъ винъ такъ казавъ, а якъ умеръ, такъ Я нымъ тынъ пидперъ до Страшного Суду».

— Ну, а то, Господы, що, що два чоловикы одынъ до одного землю кыдають?

«То, каже, таки люде, що якъ орють, такъ одынъ у óдного одъорують землю—той у того, а той—у того. Такъ и ци робылы. Такъ ото воны померлы та до Страшного Сýду кыдатымуть землю».

— А то, Господы, що, що дивка, така гарна, птычечку лове по терну, та чысто на соби одежу пóрвала и тило подрала, та ніякъ не пійма!

«То така дивка, що дивкою дытыну спровадыла та й истребыла іи, такъ ото вона до Страшного Суду тую птычечку ловытыме та ніякъ и не пійма. То не птычечка, а то—дытына!

— Ну, каже: Господы! вона-жъ чысто на соби тило пообрывала вже...

«Ще й не такъ пообрыва до Страшного Суду!»

Отъ погостювалы. Чоловикъ той спочывъ трошкы. Тоди Богъ ёму каже:

«Ну, щожъ, брате, чы будешъ ты въ Мене, чы пидешъ додому жыть? Якъ будешъ ты въ мене, такъ будешъ ты въ раю въ сáмому; а якъ до-дому, такъ тоди вже не туды попадешъ».

А винъ и каже:

— Я бъ, Господы, не пишовъ, такъ дитей жалько:—хочъ бы я настояще попрощавсь, а то якъ—такъ, наче у гости йихавъ»...

«Якъ соби знаешъ!»—каже Богъ.

— Ну, вже-жъ, Господы! уже куды Богъ дасть, попаду, а вже пойиду до-дому—попрощаюсь, тоди до Васъ и прыйиду!

А Богъ и каже:

«Не то, брате, до-дому,—назадъ обернеся и тó—согришышъ, а то—до-дому? прощаться! Та ще жинка буде лаять, та не пускатыме, та плакатыме».

Такъ ни: винъ такы не слухавъ; попрощавсь, пойихавъ додому. И не довго й барывся. Прыйихавъ, попрощався, сказавъ жинци, де бувъ, що бачывъ, якъ ёму Богъ говорывъ и якъ ёму

було у Бога—усе чысто. И сказавъ, що прыйихавъ тильки попрощаться, та й зновъ до Бога. Жинка заплакала, стала благать, диты за ею.

А винъ поблагословывъ, попрощався, каже: Я не можу дома зоставаться, пойиду—и пойихавъ.

Прыйихавъ, такъ уже на третю часть попавъ того добра и счастя, що тоди було указано.

Отъ и ставъ винъ тоди Богови молыться: «Дай, Господы, хочъ на половыну!

А Богъ ёму тоди:

«Ище Я на тебе змылосердывся, що на третю часть давъ: тоби недостойно було й на третю, та Я вже змылосердывся.

Тоди чоловикъ сказавъ:

— Якъ бы я бувъ знавъ, що такъ буде, я бъ и не пишовъ...

«А Я жъ казавъ: не йды!»

(Горпына Ивченко. Сергіевка. Маріуп. у. 1885).

5.

Якъ ходывъ Богъ изъ Петромъ по пеклу, дывытся Петро,—а тамъ ёго маты въ смоли кыпыть!

Петро до Бога:

«Боже, каже, правый! Боже мылосердный! Не вже-жъ мою матинку не можно зъ пекла вырятувать!»

Такъ молытся Богови, такъ молытся! Сказано—сынъ: жалко матери!

Отъ Богъ ёму й каже: «на тоби оци тры перынкы цыбули; хай твоя маты за ныхъ ухопытся,—попробуй, чы не вытягнешъ іи. Тильки нехай не трипается!

Отъ Петро прыйшовъ до матери, каже:

«Матусю моя ридна! вхопысь ты за ціи тры перынкы цыбули та гляды не трипайся, стыха берысь, то може я тебе вытягну.

Якъ ухопылась Петрова маты за тіи тры перынкы; Петро ставъ іи потыху вытягаты зъ пекла; отъ-отъ-отъ вытягне—уже не багато зосталось.

Тутъ тіи гришніи души, що кыпилы вмисти зъ нею, побачылы, що вона скоро зъ пекла вылизе, почалы за неи чыплятысь, хто за рукы, хто за ногы... сказано—несчасніи души думалы за нею спастыся! А вона отъ-отъ-отъ уже выйде зъ пекла... Що-жъ вы думаете! Чуе, що за неи други почыплялысь, та якъ трипнется. и рукамы и ногамы, щобъ ихъ струсыты зъ себе!

«Гетьте»—каже—«васъ къ нечыстій матери!»

Якъ сказала це, перынкы ввирвалысь, и вона ще глыбше впала въ пекло!

Така заклята! Не захотила, щобъ за нею ще скилько несчасныхъ душъ спаслося, думала сама вылизты зъ пекла!

А вона за ввесь свій викъ тильки тры перынкы дала ныщымъ! Одже и цымы перынкамы вона спаслася-бъ була, якъ бы не була така заклята.

(Изъ Чигиринск. у. пожилая женщина).

6.

Якъ сынъ батькови обиходытся, такыхъ и соби сынивъ матыме.

Бувъ соби дидъ, а въ ёго бувъ сынъ жонатый.

Дидъ бувъ такый старый, що ставъ уже забуваться.

Отъ сынъ сыдыть разъ изъ жинкою та й почалы балакаты. Що мы будемо зъ батькомъ робыты; що не вмира та й не вмира?

— Знаешъ що: визьмемъ лубокъ здоровый—у насъ йе, та зсадымъ ёго зъ печи на лубокъ та вынесемъ на холодъ!

Отъ, добре.

Прыступылы воны до дида.

А винъ, старесенькый, уже зовсимъ нездужа, сыдыть на печи: панькайся коло ёго, годуй ёго, оббырай та прыбырай! Надокучывъ своимъ дитямъ.

Взялы воны лубокъ изъ лыпы, той що возы вшываютъ, унеслы ёго въ хату.

«Що вы, тату, все сыдыте та й сыдыте на печи! Такъ-же не здорово! Прохолодылысь бы на двори!

А на двори—морозъ!

Тато одмагается, а воны не слухають: стаскалы зъ печи, посадылы на лубокъ, вынеслы старого на прохолоду!

А маленькый внучокъ—такъ невелычкый хлопчыкъ—сыдыть у куточку та й дывытся.

Вынеслы старого. Винъ плаче, просытся: помылуйте—мени холодно!

Воны такы подержалы ёго, покы вже винъ и слова не вымове,—трусытся ввесь, трохы не замерзъ.

Тоди зновъ унеслы въ хату и зновъ посадылы на пичъ.

«Теперъ нагрійтесь, тату: такъ вамъ буде здоровише!»

А внукъ ажъ крекче та мостыть щось соби въ куточку,—грается.

Узявъ трисочку, взявъ палычку, положывъ на трисочку и довго мудровавъ, покы такы палычку поклавъ такъ, щобъ не падала. Тоди—несе!

«Що ты тамъ робышъ?»—пытають ёго батько та маты.

— «Оце—лубокъ, а оце—дидусь!»

— «Нá-що-жъ ты це робышъ?»

— «Це, якъ будете вы таки стари якъ дидусь, то я тоди й васъ на лубокъ та й вынесу на морозъ, щобъ и вамъ було те, що дидови!»

(Токари. Отъ старой бабуси).

7 и 8.

У бесéди.

Ни, я не вжываю табаку. Отъ вы чы не находылы де покнығамъ: есть грихъ якый за цей табакъ, чы нема ніякого? Де хто каже, що—грихъ, а де-хто, що—нема гриха. Отъ я—не находывъ нигде... Бо ни Библія, ни Евангелія цёго не доказуе, та й у Псалтыри объ цимъ нигде не сказано...

Богъ ёго зна, чы воно такъ, чы не такъ, тильки я чувъ помижъ люде розказують отъ-якъ.

1. У однiеи вдовы було два сына: йиденъ бидный, другый багатый. Пры бидному вона и жыла.

Отъ разъ на Велыкдень и пишла маты до багатого,--думала въ нёго розговитысь, бо въ бидного сына може й ничимъ було..

Отъ прыйшовъ багатый зъ церквы зъ своею хазяйкою до дому. Силы розговлятысь. Колы зыркъ хазяинъ у викно—ёго маты иде.

«Клады мерщій, жинко, порося та паску въ ваганы та ховай у синяхъ за пичью, а то онъ бачышъ?—та гадюка иде!»

Це винъ на матиръ такъ!

Жинка зибрала все зо столу въ ваганы та й сховала въ синяхъ за пичью.

Увiйшла маты въ хату, похрыстуосвалася зъ сыномъ та зъ невисткою, якъ зъ добрымы дитьмы, та й сила на лави.

Сыдыть, сыдыть... Не просять диты матери до столу!

Посыдила ще трохы, а дали знялась та й стала прощатысь, щобъ-то иты додому. А сама дума: чы не стане сынъ iи завертаты? Такъ—ни: тутъ ще й ради, що недовго сыдила.

Постерегла це маты та й пишла до-дому, умываючысь дрибненькымы слизонькамы!

Отъ, якъ пишла вона, чоловикъ и каже жинци: «давай ваганы на стилъ,—будемъ розговлятысь.

Выйшла жинка за ваганамы. Тильки намирылась узяты ти ваганы, а зъ тыхъ ваганивъ изъ самого поросяты здоровенна гадюка! Якъ выгляне, якъ засычыть!

Такъ ту жинку неначе що откынуло назадъ икъ дверямъ! И зипнула вона на всю хату: «гадюка!»

«Що ты чорты батька зна що выдумуешъ? Де тутъ може взятысь теперъ та гадюка? Що тоби прыдалось? Тебе куды не пошлы, та й самъ иды!»

Изъ симы словамы убигъ винъ у сины та хвать згáрячу за ваганы!

А гадюка—товста та довга—такъ и кынулась ёму на шыю й обвылася скильки разъ коло шыи й коло грудей...

Скильки-жъ винъ выносывся зъ нею! Ніякъ гадюкы не здійме!

Чому не здійме?—вы пытаете.

А того, шо вона укусыть того чоловика,—тутъ ёму й аминь!

Такъ отъ, щó винъ тильки ни робывъ, до якыхъ тильки бабкивъ та дохтуривъ ни выйиздывъ, скильки вже тихъ грошей на ныхъ высыпавъ,—нихто гадюкы не може знять! Ссе гадюка ёго за груды та й ссе.

Бачыть, що вже ёму прыходытся пропасты...

Кынувся винъ тоди до Бога! по манастырямъ—душу спасаты!

Скризь дае на акахвысты та молебни, справляе обиды та обдиляе ныщыхъ... И въ матери выпросывъ прощеныя...

Отъ, разъ бачыть винъ у-ви сни якого-сь старця, сывого-сывого! Старець и каже ёму:

«Найды», каже, «такого чоловика, щобъ зроду винъ табаку—не тильки не курывъ або не нюхавъ, а навить и въ рукы николы не бравъ: винъ тоби зниме гадюку».

Прокынувся винъ, та не може вже й заснуть. Жде свиту.

Колы незабаромъ стало вже на свитъ благословытыся. Розвыднилось.

Кынувся винъ по селу—отпытувать такого чоловика, що зъ роду не курывъ и не нюхавъ и въ рукы не бравъ табаку. Шатнувся сюды-туды по слободи,—нема такого чоловика!

Що тутъ робыть!

Ударывся винъ у друге село... Довго ще шукавъ, покы найшовъ такого чоловика! И той чоловикъ знявъ зъ ёго гадюку!..

То—выдно вже винъ спокутовавъ свій грихъ по манастыряхъ, та и Господь зглянувся на ёго и пославъ ёму того старця у сни...

2.

Жывъ у однимъ сели чоловикъ та мавъ двохъ сынивъ. Поженывъ винъ ихъ и подилывъ худобою и всимъ хазяйствомъ, по-

робывъ ихъ хазяинамы на все село. Самъ остався жыты пры меньшому сынови: винъ уже немощный бувъ,—сами сыны хазяйнувалы.

Отъ, що не посіе старшый сынъ, що не продасть, що не купыть,—усе ёму въ нажытокъ, усе ёму у пользу. А меньшій щобъ не посіявъ, щобъ не зробывъ,—усе на втрату!

Сказаты, щобъ пьяныця винъ бувъ, або ледащо,—такъ ни: роботящый, невсыпущый, та—счастя не було...

Отъ, старшый прыдбавъ доволи й худобы й де-якого хазяйства; а меньшый такъ уже прыопавъ, такъ прыопавъ, — хоть до Бога рукы знимай: тамъ—не вродыло, тутъ—худоба выгынула—зовсимъ обныщавъ! Шматочку хлиба жадѐнъ ставъ...

А тутъ, са́ме середъ литку, у гарячу пору старый батько тяжко занепавъ, недовго и боливъ — та й поме́ръ.

А въ хати а ни свичечкы, а ни шматочка хлиба! Куды кынешся? Де чого взяты?

Се-бъ то прыходылося ёму йты до брата просыты якои пидмогы у цимъ дили, але винъ не пійшовъ, скильки жинка не змагалась, скильки не посылала. Бо винъ добре знавъ натуру брата, що винъ не дуже долюблявъ подилятьса тымъ, що въ нёго йе.

Бачыть жинка, що ничого не вдіе зъ чоловикомъ, та й пишла сама. Бо треба! Тило лежыть на лави, а тутъ ще ничого не прыготовляно.

Не застала вона брата дома, стала плакаты та жалытысь братовій жинци, що ничымъ поховаты батька.

Та не втерпила: одмиряла ій мирку пшеничного борошна, дала іи ще й тры карбованьця грошей. Думала, що чоловикъ и не знатыме.

Воно такъ бы й було, бо вся комора була заставляна зрызкамы та соломьяныкамы, понасыпуванымы до верха усякого борошна; та й гроши такы зайви булы. Такъ вона думала, а до того байдуже, що тутечкы-жъ стоить іи маленька дивчынка та все це й бачыть.

А іи чоловикъ ще вранци якъ налагодювався йихаты въ поле, наказувавъ: «а ты не конче тутъ квапся братови роздаваты та розносыты де що йе. Такъ мы николы не матымемо ничого зайвого. Я знаю, прыйде сёгодня!»

Оттакый-то бувъ скупирдяга: навить для батька жалувавъ.

Отъ, узяла та борошно та гроши, подякувала та й піишла до-дому.

Колы оце, якъ сонечко спочыло, йиде старшый братъ зъ поля. А ёму назустричъ, якъ на грихъ, бижыть, пиднявшы въ гору рученята, та малесенька дивчынка, ёго дочка, бижыть та лементыть: «Татку, татку! а въ насъ булы титка, й мамка далы имъ борошна, ще й грошей на похороны»!

Отъ, посадывъ батько дивчынку на визъ та й уйизджае въ двиръ. А дали, чы вспивъ выпрягты коней чы ни, убигае якъ несамовытый у хату, накынувся мокрымъ ряднoмъ на жинку: «На́-що ты дала борошна та грошей? Говоры, на́-що? Ступай, видберы!

А жинка: «Хоть убый, не пиду видбираты. Що, въ мене Бога въ серци нема? Що, въ мене лыця нема? Пиды самъ одберы: колы тоби такъ жаль»!

Ну,—й досталося-жъ жинци за ци слова! А дали чоловикъ: «Ты думаешъ,—не пиду? подарую»? Тай выбигъ зъ хаты.

Побигъ запиняный одъ злости. Прыбигае до брата та прямо въ хату. Зыркъ, зыркъ по хати!.. Посередъ хаты стоить клунокъ борошна—ще ничого навить не роспочыналы зъ нёго робыть,—на лави покійныкъ лежыть, а на викни, противъ покійныка лежыть бумажка—тры карбованьця.

Чы сказавъ винъ «помагай Бигъ» людямъ у хати, чы ни—пидбигае до викна та за ти гроши... Нахылывся черезъ покійныка батька, щобъ—отто—взять гроши... А батько якъ пидведется, та якъ ухватытся за сына обома рукамы! Та такъ и повысъ на шыи, и одчепыть ніякою сылою не можна!..

И що-жъ вы думаете! Отъ уже тры годы такъ носыть сынъ батька по манастыряхъ! Скризь наймае молебни...

— Де це було?

— Да це не далеко — онъ, у Ракови[1]), и не було, а й теперъ есть, и теперъ носыть!.. Це не казка, а правда! Казалы таки люде, що брехать не стануть!

(1889. Маріуполь. Сообщено Н. Ф. Осадчимъ).

Тры браты.

9.

Бувъ соби чоловикъ, мавъ соби тры сыны.

Отъ, два—розумныхъ, а третій дурень.

Отъ, старшый сынъ каже: «пиду я соби, тату, службы шукаты»!

Батько каже: «йды»!

Отъ винъ пишовъ. Иде́ та й иде́... Зайшовъ у яку-сь хату. Ажъ—лежыть хлибъ на столи, и пляшка зъ выномъ стоить. Отъ, винъ хлиба укусывъ и выномъ запывъ.

Отъ, выходыть до его старый дидъ, пытается его: «куды ты, хлопче, йдешъ»?

Каже: «йду службы шукаты»!

Дидъ каже: «наймыся въ мене»!

— Що робыть?

Каже: вивци пасты.

Винъ каже: «добре, наймуся».

«Тильки»—каже дидъ:—«куды воны йтымуть, туды й ты за нымы, тильки спать не лягай»!

Отъ винъ выгнавъ ихъ пастысь, а самъ лигъ спать. Воны пишлы соби, куды зналы...

Отъ воны ходылы соби тамъ, де имъ треба було, и прыйшлы назадъ до его. Винъ заннявъ и погнавъ ихъ уже до дида. Отъ, прыгнавъ, а дидъ его й пытается. Каже: «не спавъ»?

— Ни, не спавъ.

«А що-жъ ты, каже: бачывъ»?

Каже: ни, ничого не бачывъ.

Ну, дидъ ему давъ копійку и сказавъ: «йды соби зъ Богомъ»!

---

[1]) Новобатайскъ, ростовск. уѣзда.

Прыйшовъ винъ до-дому. А середульшый уже каже: «тату! пиду ще я»!

Отъ, и той йшовъ, йшовъ.., зайшовъ соби въ хату. Отъ, лежыть хлибъ на столи й выно стоить. Винъ узявъ хлиба вкусывъ, выномъ запывъ... Выйшовъ до его дидъ, пытается его: «Куды ты, хлопче, йдешъ»? Каже:—йду соби службы шукать.— Винъ каже: «наймыся въ мене»!—Що робыть?—«Вивци пасты».

— Добре, наймуся.—«Тильки»—каже: куды воны йтымуть, туды й ты за ными».—Добре, буду ходыть.

— «Тильки»—каже: не лягать спать»!—Ни, каже: не буду!

Ну, отъ винъ выйшовъ на степъ. Вивци пишлы соби, куды зналы: винъ соби лигъ спаты и спавъ, до́кы вивци впьять до ёго не прыйшлы. Винъ заннявъ и погнавъ ихъ тоди до того дида.

Отъ, пытаетця ёго дидъ, каже: «Ходывъ за нымы»?

— Ходывъ.

«А не спавъ?

— Ни, не спавъ.

«Що-жъ ты (каже) бачывъ»?

— Ни, я (каже) ничого не бачывъ!

Отъ, дидъ ёму взявъ—копійку давъ... «йды, каже, соби зъ Богомъ»!

Прыйшовъ й цей до-дому.

А той уже—дурный—каже: «Пиду я, тату»!

А воны—ти, кажуть: «що ты, дурный! Мы—розумни, ходылы ничого не заробылы, а ты—дурный, та щобъ ты заробывъ?..

А винъ такы пишовъ!

Йде та й йде, и зайшовъ соби въ хату въ лиси. Зайшовъ, ажъ хлибъ лежыть на столи й выно стоить. Отъ винъ хлиба не займае й вына не займае,—ставъ соби та й стоить.

Выйшовъ до ёго дидъ та й каже: «куды ты йдешъ, хлопче»?

А винъ каже: йду соби службы шукать.

А дидъ каже: «наймыся въ мене»!

— Що робыть?—«Вивци пасты».

— Добре. — «Та тильки (каже) такъ: куды воны йтымуть, туды й ты за нымы, а спать не лягать»—Добре!

Отъ винъ выгнавъ вивци на степъ. Воны йдуть, йдуть, а винъ усе за нымы и спать не ляга. Прыйшлося вже имъ черезъ ричку бресты. Отъ,. воны перебрелы черезъ ричку, а винъ не може ніякъ. То винъ піймавъ соби барана й перейихавъ на баранови Йде, ажъ стоить чоловикъ у ставку та й крычыть: «дайте воды! дайте воды! за Хрыста--рады»!

Отъ винъ каже: «та онъ-же вода недалеко — возьмы та й напыйся!

А вона такъ ёму якъ черезъ губу не капне въ ротъ! Такъ винъ не може напыться.

Йде дали. Ажъ стоить на гребли дубъ; у тому дубови дви диркы; а чоловикъ ганяется, а голубъ литае — хоче заховаться; а чоловикъ ганяется за нымъ—хоче ёго вбывать, а голубъ туды влетыть, а туды въ другу дирку вылетыть...

Отъ, доходыть дали... Ажъ стоять коровы на писку, та таки жырни, що ажъ вылыскують... а други стоять на трави по саму шыю, та таки худи, якъ щепкы,—бикъ до бока злыпается!

Отъ йде дали. Ажъ стоить церква и ти вивци у тій церкви булы. И той, що который бувъ бараномъ,—та ставъ попомъ! Звисно—душа! А ёму показуется вивцямы, а пипъ бараномъ,— тильки що винъ у церкви правывъ—винъ самъ бачывъ!

Отъ, прыйшлося имъ назадъ йты черезъ ричку. Вивци перебрелы, а винъ на баранови перейихавъ.

Прыгнавъ уже ихъ до того дида, вивци. Той дидъ пытается ёго.

«А що каже не спавъ»?

— Ни, не спавъ.

«А що-жъ ты, каже, бачывъ»?

— Бачывъ, каже, що стоить у води, такъ вода ёму якъ черезъ губу не капне, а винъ крычыть: пробі, дайте воды!

«Що дали, каже, бачывъ»?

— Бачывъ, каже, стоить дубъ, а голубъ литае кругомъ дуба, а чоловикъ ганяется, хоче ёго вбыть...

«А що ты, каже, йще бачывъ»?

— Бачывъ, каже: стоять коровы на писку, та таки жырни, ажъ вылыскують, и бачывъ, каже: стоять на трави—по саму шыю, такъ таки худи, якъ щепкы!..

Отъ той дидъ: «то, каже: що то воды просыть, то то винъ бувъ на цимъ свити дуже скупый,—хто просывъ не то що, а воды, то винъ не дававъ,—шкода ёму було А то чоловикъ зробывся дубомъ, а душа голубомъ, а розбойныкъ хоче вбыть, а душа хоче заховаться. А коровы, то которіи на цимъ свити багати, що вже черезъ ладъ багати,—такъ на тимъ свити худи; а которіи на цимъ свити бидни, такъ на тимъ свити жырни. Бо бидный швыдче мылостыну дасть, якъ багатый».

Отъ дидъ ёму тоди давъ усякого хлиба по зерныни и копійку грошей и сказавъ: «йды до-дому и закажы, щобъ тоби булы бочкы на ци гроши и на цей увесь чысто хлибъ»!

Прыйшовъ винъ до-дому та й каже: «робыть мени бочкы на цей хлибъ и на ци гроши»!

А воны ёму кажуть: «що ты, дурный, выдумуешъ? Чы можна, щобъ изъ копійкы та була повна бочка грошей або зъ одной зерныны та щобъ була хлиба повна бочка»!

Отъ, а винъ намигся; «зробить та й зробить такы»!

Узялы воны ёму—зробылы.

Винъ узявъ—повкладавъ у кожну бочку по зерныни, а въ одну бочку—копійку.

Переночувалы.

Колы вранци всталы,—ажъ сталы вси бочкы повни хлиба, и бочка грошей повна зъ одной копійкы!

И тоди ти люде дывуются, що дурный та лучше заробывъ, якъ ти розумни.

А той дидъ бувъ—Богъ!

(Андріевка, Чигиринскаго уѣзда. Кіев. губ. 1877).

10.

Чортова спокуса.

Отъ теперечкы, що называется, ы́долъ! Такъ винъ пиднуща́ чоловика у такому дили...

Рыбалка,—одынъ чоловикъ рыбалывъ соби,—та якось надъ ричкою дощъ его напавъ. А винъ човенъ перевернувъ та й лежыть пидъ човномъ.

А ыродъ чоловиковои думкы не зна!

Отъ воны выходять—сáме коло того човна и товкуются про свои заходенькы. «Йдить-же! Той, самый настоятель ихъ прыказуе: «пиднущайте! Щобъ мени непреминно—або хто въ шынку щобъ побывся, такъ щобъ и вбылы, або сынъ батька злаявъ та позывъ подавъ, або щобъ дивку завелы та зничевылы!.. Та то все ыдолъ имъ розсказуе.

Отъ той чоловикъ и слуха. Слухавъ, слухавъ, выслухавъ усе! «Э! стривай-же, каже, не такъ!»

Отъ якъ поросхóдылысь чорты, вылизъ той чоловикъ изъ-пидъ човна, та такъ ему моторошно стало на серци! И до-дому забувъ,—ходе по березі! То туды пишовъ, то сюды,—думкою перебира, чы такъ воно справди, якъ чорты казалы? Думавъ, думавъ, нагадувавъ и що бачывъ и що чувъ... «Э,—такъ!» каже.

Та якъ прыйшовъ до-дому (рыбкы пiймавъ соби, оддавъ жинци), каже: «Жинко! оттакъ, каже, и такъ!»

А жинка, и каже: «не бiйся! Богу молытымемось, не бiйся!»

(Полтава. Павло Кыслый).

11.

Евладiй.

Була царивна—такый лыцарь, що iи нихто не мигъ розсмишыть.

Отъ, вона объявыла по своему царству: хто iи розсмишыть, то за того вона замижъ выйде.

Отъ, конюхъ того царя прыложывъ соби печаль до серця: якъ бы iи взять? А дiяволъ пидскочывъ до его та й каже: «розпышысь,—я iи розсмишу! Я буду зайцемъ; ты мене поймай да й несы коло оболонь, де вона жыве, то я вже iи розсмишу!»

Винъ согласывся розпысаться. Да дiяволъ его одурывъ (сказано—дiяволъ!): мало давъ ему времени на свити пожыть.

Ото винъ уже несе того зайця коло оболони... А царивна й побачыла. «Евладію, Евладію! Що ты несешъ?»—каже царивна.

— Заёнка!

— «Несы сюды!»

Отъ, винъ ёго й прынисъ.

— «Ахъ! да якый гарный! Можно ёго пустыть?»

— Можно—каже.

Отъ, винъ пустывъ, а заець—скикъ, скикъ, скикъ! а потимъ сивъ да лапкамы тра-та-та, тра-та-та, тра-та-та! А царивна тоди: «ха-ха-ха! Якый гарный, неначе ученый!»

— Це я васъ, сударыня, розсмишывъ!..

Ну, що-жъ! Отъвона й выйшла за ёго.

Жывуть воны потимъ, чы довго чы ни — отъ уже въ ихъ йе дытына. Але Евладій бачыть, що вже прыходыть кинець.. Отъ винъ зажурывся дуже, дуже,—ажъ плаче! А вона побачыла, пытае ёго:

— Чого ты плачешъ, Евладію?

— Да то—я ходывъ по лису, да дерево мене вдарыло, отъ того я й плачу.

Вона позвала вси дерева:

— «Котре вдарыло мого мужа. Винъ плаче, може ослипнуть!

— Ни, мы ёго не былы: якъ винъ иде, то мы пиднимаемъ до горы ризкы, щобъ ёго не вдарыть.

Отъ вона знову до ёго. Якъ узяла пытать, якъ узяла, якъ узяла,—да винъ и прызнавсь:

«Я»—каже—«запысавъ душу діяволу, да вже мени небагато зосталось вику, вже скоро вмру:»

Вона тоди до Васылія да й начала просыть:

«Васыліе, чоловиче, отче щедротлывый!

«Бувъ есы пастырь добрый ще й мылостывый,—

«Умолы Бога, умолы Сына и Духа Святого

«За ёго, Евладія, за мужа моёго!

— «Кайся, кайся, чоловиче!

«Бога Отця прогнивылъ есы,

«Сына Божого охулылъ есы
«И Духа Святого...
И зачынывъ Евладія у своему дому,
А самъ пишовъ молытыся до Божого дому.
Діяволы крышу вскрылы,
Въ церкви банюю розломылы...
На Васылія нарикають,
Евладія проклынають!
Окномъ запысь укынулы...
Рече Демонъ Васылію:
Не чыны намъ пакости,
Бо винъ-бо намъ запысався
Объ свитовій слабости,
Теперъ же одбыраешъ,
Въ рукы наши не даваешъ
Мужа нашого!

(Кіев. у. 1861, с. Черняховъ зап. Ѳ. Т. Панченко).

12.

Пипъ та чужа жинка.

Бувъ соби чоловикъ багатый,
Та трохы соби на розумъ плоховатый:
Женывся винъ на молодій та гарній,
Колы винъ самъ старый та поганый.
Жывуть соби тамъ чы рикъ, чы два...
Винъ соби неборакъ ничого не зна,
Що ёго жинка зъ попомъ выробля.
Чоловикъ иде въ поле до роботы
А пипъ-добродій до жинкы до господы.
Сыдять соби вдвохъ та любуются,
Цилуются та мылуются
Йидять смачненьке,
Пьють солоденьке.

А чоловикъ якъ прыйде ввечери зъ роботы, то нема ёму часомъ и шкорынкы хлиба. Чоловикъ, якъ дурень, потура жинци, бо дуже щыро любыть.

А жинка все вередуе, та все нездужае, та все вередуе. А чоловикъ годыть та постачае своій любій жинци.

Отъ разъ чоловикъ задумавъ йихаты на ярмарокъ. А жинка каже ёму: «нездужаю! Пойидь, достань мени ликивъ изъ города». Страждае жинка!.. Ну, ёму жаль,—каже: «прывезу»!

Отъ зибравсь, йиде. Постричавъ попа. Пипъ давъ ёму порученіе, щобъ винъ тамъ то того купывъ, то другого, а мавъ про себе таку думку, щобъ тильки ёго въ городи забарыты, щобъ вильнише було зъ ёго жинкою погуляты.

Справывшысь изъ попомъ, колы це зустричается ёму наймытъ попивськый та й почавъ ёго турбоваты, щобъ винъ не йихавъ ничого попови куповаты. Каже: «ты лучче, чоловиче, де-небудь переховайся до-ночи, а я тоби щось искажу, такый секретъ, що ты мени ще и могорычъ поставышъ!»

Чоловикъ послухавъ наймыта та пишовъ та у попивську клуню забравсь та тамъ и днюе.

Колы дывытся,—надвечоры бижыть наймытъ выпровадывшы вже попа въ дорогу.

Прыбигъ та й каже: «одягайся швыдче та пойидемо до твого дому—тамъ пипъ изъ твоею жинкою гуляе и мене пидждае».

Прыйихалы воны туды. Винъ и каже: «сидай у мишокъ,—я тебе зашнурую!»

Той пытается: «нá-що»?

Каже: «що ты—ледащо: не вмієшъ жинкы глядиты! Сидай та мовчы!»

Завьязавъ ёго та й поставывъ, а самъ пишовъ до паниматкы, де воны гулялы.

Винъ и пыта: «паниматко!

Позвольте мини збрую въ мишку
Поставыты у васъ у кутку,

Щобъ лыхого чоловика обійты
И себе одъ лыхои годыны зберегты!»

Вона каже: «поставъ»!

Выйшовшы винъ на двиръ, та й каже чоловикови: «слухай, свате:

Якъ я тебе поставлю въ хати, то ты слухай, якъ я буду спиваты! Першый разъ и другый разъ заспиваю, то ты мовчы,— слухай, що я буду казаты, а якъ третій разъ заспиваю, то ты робы те, що я буду научаты!

Тоди прынисъ мишокъ и поставывъ у кутокъ промижъ рогачи, а самъ сивъ та й сыдыть—дожыда, що ёму будуть загадуваты. Каже соби: нехай и я подывлюся, якъ буде чужа жинка попа шануваты!»

Колы тутъ не дуже згодомъ, розвеселывшыся, пипъ изъ паниматкою почалы спиваты.

Жинка:

«Гоца-дра! гоца-дра!
Нема мого Грыгора—
Пойихавъ до Чорного моря
Шукаты ликы...

А пипъ:

«Щобъ его чорты взялы.
И не вернуться бъ ёму видтиля на викы.

Наймытъ слухавъ, слухавъ, а дали и каже: «паниматко! Позвольте и мени заспиваты!»

«Заспивай»!

А пипъ почавъ лаяты:

«Якъ ты смієшъ до нашои кумпаніи встряваты?

«Та нехай заспива!»—каже жинка; «може винъ яку веселу зна!»

Отъ наймытъ и почавъ спиваты:

«Чы ты чуешъ, Грыгоре,
Що твоя жинка говоре?

Маешъ нижъ пры соби—
Шматуй мишокъ на соби!
На прыпичку макогинъ,
Зробы жинци перегинъ...
Жинку разъ, попа—два:
Отто тоби гоца-дра!»

Жинка засміялась, та до батюшкы:

«А що, батюшко! Оттакъ! Мене разъ, а васъ два... Ха-ха-ха-ха! Якый жартовлывый! Выгадавъ писню!

А пипъ: «Якъ ты смієшъ такои писни спиваты?!»

— «Та ничого!»—каже жинка: «а ну ще: и я перейму».

Заспивавъ винъ у-друге. И вона за нымъ. А винъ и третій разъ заспивавъ... Якъ заспивавъ у трете, тоди той уже чоловикъ мишокъ розшматкувавъ, якъ схопывсь, якъ ухопывъ изъ прыпичка макогинъ,—та й зробывъ жинци добрый перегинъ! Жинку разъ, попа—два! Та ще й прымовля: «отъ-то тоби, батюшечко, за чужыхъ жинокъ—гоца-дра! гоца-дра!

(Полтава, записано отъ парубка).

13.

Якъ отъ було страження[1]), такъ бралыся салдаты вельмы. Такъ одынъ чоловикъ узявъ та й поскыдавъ своихъ сынивъ вовкамы. Тай сказавъ имъ: сядьте жъ вы въ лиси отъ пидъ такымъ и такымъ кущемъ тамъ чы деревомъ (назначывъ имъ) и ждить, каже, на мене.

Одвивъ ихъ у лисъ та попрощався зъ нымы та й сказавъ: «у таку пору прыйдете на це мисце (тамъ черезъ тыждень чы що):—я прыйду, скажу вамъ слово,—знову станете людьмы!»

Такъ воны бродылы той тыждень и прыйшлы пидъ те дерево. Ажъ тилько ихъ два, а третій уже десь дився—нема! Прыйшлы воны, силы, дывлятся одынъ на одного—такъ не промовлять! Отъ, ждалы-ждалы,—нема батька! Пишлы воны знову.

---

[1]) Подразум. Крымская война.

А той чоловикъ саме тоди въ городи бувъ и ніякъ не можна було ему вернутысь: ёго схопылы, повезлы. «Де ты сынивъ подивавъ? Одвичай!» А потимъ якъ пустылы ёго вже ажъ на третимъ тыжни... прыйшовъ винъ у лисъ,—ажъ тилько мистечко знать, де лежалы сыны! Пишовъ винъ роспытуваться, зустривъ людей: «Чы не бачылы, каже вовкивъ трёхъ—оттаки и таки?

— Ни, не бачылы!

— Чы не проходылы?

— Ни, не прохóдылы!

Такъ воны и по сей день пропалы!

(Радомысльскій у. с. Злодіевка: 1859).

14.

Дякъ.

Була хата въ гаю. Жинка й чоловикъ жылы соби. Винъ бувъ лиснычымъ. Такъ вона цей случай знала, що винъ изъ тымъ лукавымъ—зазнавався, та й не знала, колы й вмре винъ.

А винъ вмеръ, якъ сонце зайшло,—що никуды було йты, а до села верстовъ зъ двадцять було, то вона побоялась у ночи́ йты—за людьмы ото вже. И то вона сама ёго вбрала, и напекла, й наварыла, прыготовыла, столы позастылала.

Лежыть покійныкъ на лави. Сама сыдыть въ кинци стола,—плаче.

А зъ того села йшовъ дякъ: що ёго сестра десь-то вмерла, и винъ пишовъ до тіеи сестры, та ничъ ёго захопыла.

Йде винъ... Колы въ лису хата—а въ тій хати свитытся. Ввійде въ хату—покійныкъ у хати!

Увійшовъ винъ у хату, перехрестывсь та й пытае жинкы: «це твій чоловикъ, жинко?—Каже: «мій».

Вона ёго просыть: «ночуйте въ мене, бо я бъ мала йты за людьмы, такъ далеко йты — сама побоюся!»

Винъ самъ соби подумавъ, гришнымъ тиломъ не злякався того мертвого, та, не думавшы ничого, зоставсь ночувать. Та й каже до мертвяка: «въ мене сестра вмерла,—не сама вона лежыть,

надъ нею люде есть; одначе—що мавъ чытать псалтырь надъ сестрою, то прочытаю надъ тобою!»

Чытавъ винъ, чытавъ, покы ёму йисты захотилось. Отъ винъ выпывъ чарку горилкы и закусывъ трошкы. Та вже жинка заснула соби, спыть и байдужкы!

Сыдивъ дякъ, чытавъ до пивночи,—ничого дякови й не случалося.

Пройшло пивночи,—сталы шумить лысты, сталы зрывать крышы, сталы бряжчать викна! Дякъ злякався,—ажъ дывытся трошкы згодомъ—встае мертвый зъ лавы!—Каже: «чытаешъ, дяче, надо мною?.. Прочытаю й я надъ тобою!»...

Якъ ставъ мертвый уставаты, стало на дякови тило похоложаты: хочъ бы-жъ маленькый мертвякъ, а то ставъ такый здоровый, що й у хати не помистытся—страшно за ёго братысь!

Узявъ мертвякъ изъ дякомъ у рукы, водытся по хати!

Прокынулася мертвякова жинка, стала дяка оборонять... А мертвякъ хватывъ жинку за горло—и духу не стало, задавывъ! А до тыхъ поръ зъ дякомъ возывся, ажъ покы той уже упоганывся!

Писля того—заспивавъ пивень, на хати сыдя, одвалавъ дяка одъ смерти.

Лигъ покійныкъ, а дякъ сивъ соби самъ та й думае: чы йты, чы зостаться? Подумавъ своею гришною душею: зостануся, що мени Богъ дасть! Якъ не напысавъ мени Богъ такои смерти, то до свита жытыму!

Одійшовъ трохы дякъ, одійшло одъ ёго серця... Гляне на полыцю—лежать штаны и сорочка... Такъ винъ давай изминяться.

Переминывъ дякъ одежу, сивъ на лави, выпывъ чарку горилкы, закусывъ або й такъ найився! Бидный вытрюхавъ!..

Третій пивень спива, дякъ сыдыть, псалтырь чыта. Вже свитъ...

Ажъ чуе—йдуть люде поузъ хату...

— «Ну, не буду-жъ я тикаты, а буду тыхъ людей ждаты!»

Зайшлы люде въ хату та й сталы хрестыться:

«Що ты, дяче, наробывъ? Убывъ жинку й чоловика, а самъ хочешъ прысвятыться?

— Та де вамъ, люде добри: я горе знаю, а якъ хочете, добри люде, такъ я и вамъ розповидаю! Йшовъ я своеи сестры ховаты та й зайшовъ до цієи хаты... Та побоявся въ ночи йты—зайшовъ у хату: сыдыть жинка въ кинци стола та й плаче, лежыть мертвякъ на лави. Просыть мене жинка въ іи зостаться. Подумавъ я самъ гришною душею: чы йты мени, чы зостаться? Подумавъ—останусь! Та й чытавъ я псалтырь до пивночи — не було ничого. Одъ пивночи встае мертвый зъ лавы! Я жъ думавъ тикать зъ хаты, а дали: «не буду тикать!»—подывывся що страшный, що дуже велыкый...

Якъ уставъ же винъ зъ лавы, узявсь зо мною у ручкы та й ставъ по хати водыться! Встала ёго жинка, стала мене рятуваты. А винъ іи прыцавывъ за горло—и духу немае!..

Розсказавъ дякъ. Люде поховалы того чоловика й жинку.

(Остапивка Лохв. у. 1869.)

15.

Мыслывый.

Бувъ такый соби—мыслывый (охотныкъ, значыть, по вашому!) И винъ усе ходывъ—такъ соби—мыслувавъ, звира бывъ. И винъ мавъ соби шритъ, порохъ, такый—простый порохъ окроме, а свяченый тежъ окроме державъ про якый-небудь случай...

Отъ разъ найшовъ ёго у лиси туча-громъ,—дощъ! Винъ пидъ дубомъ и сивъ одъ того дощу; и той дубъ стоявъ саме навпроты горы.

Якъ пайшовъ уже громъ и туча, начало вже грякать... Такъ винъ побачывъ, що тамъ баранъ вылазыть изъ горы и бекае—такъ якъ отъ бараны бекають—такый баранъ—бараномъ зовсимъ. Оце якъ блыскавка отъ-отъ-отъ блысне, то винъ и сховается въ гору, а якъ гримъ уже грякне, тоди винъ зновъ вылазыть и зновъ бекае.

А мыслывый це бачыть... Та такъ ёму захотилось ударыть того барана! То винъ те вже вынявъ, що було въ середыни въ

рули, а вже того заложывъ, свяченого, и вже прымирывся, якъ винъ буде звидтиль вылазыть, то шобъ уже ёго стрилять.

Оть, той баранъ зновъ—тильки вылизъ проты блыскавкы, бекнувъ, а винъ ёго заразъ и вдарывъ.

Заразъ—де тая и туча дилась! Стало ясно, и сонце, и весело стало!

Оть, пишовъ мыслывый дывытыся, шо таке вбывъ; прыйшовъ на те мисце, де баранъ бекавъ, ажъ—нема ничого, тильки смола лежыть!

Винъ здывувався; постоявъ, постоявъ, подывывся та й пишовъ соби до-дому.

И зостривъ чужого чоловика: иде старый чоловикъ и несеть рушныцю, може два разы або тры разы бильшу одъ ёго. Надійшовъ, поздоровкавсь изъ нымъ и пытае:

— Ты, каже, стрилявъ?

— Стрилявъ—каже.

— Шо жъ ты, каже, вбывъ?

— Та не знать, що: якъ прымирявся, то воно барапомъ увыжалося, а якъ ударывъ та пишовъ подывыться, ажъ тамъ тильки смола лежыть!

Оть той дидъ заразъ сказавъ ёму минятыся рушныцямы.

А мыслывый говорыть: «мени, говорыть, важко носытыся изъ такою превелыкою рушныцею!

А дидъ ёму говорыть: «такъ шожъ, шо моя бильша за твою! Такъ тоби жъ треба у твою рушныцю порохъ та шритъ закладаты, а мени (говорыть) не треба ничого сюды кыдать».

— А якъ же можна (каже) безъ пороху и безъ шроту?

— А такъ: якъ схочешъ выстрелыть, то намирся та хукны та й бильшъ ничого! Та вона не дуже и важка: на мене вона трохы важенька, бо я̆ вже старый, а тоби вона—саме добре буде, саме по твоій сыли. Поминяймось! Якъ же не схочешъ моеи держаты, роздумаешъ, то прыйдешъ зновъ сюды, скажешъ мени, то зновъ—мою виддашъ, а свою заберешъ, я тоби виддамъ!

— Ну, добре!

Отъ, поминялысь. Пишовъ той дидъ. Тоди цей мыслывый пишовъ соби до-дому. И съ того часу переставъ мыслувать: и не здумавъ, и забувъ зовсимъ и ни разу не ходывъ мыслувать ажъ до Гордану, до Хрещенія. Тильки якъ ишлы на Гордань, тоди винъ здумавъ: «пиду я на Гордань та й рушныцю озьму,— якъ будуть воду хрестыть та стануть стрилять, то и я тоди стрелю».

Пишовъ. Отъ, якъ освятылы воду, якъ почалы стрелять, тоди винъ якъ хукнувъ та якъ стрелывъ, такъ усе попадало на землю, и такый гукъ изробывся, мовъ справди гримъ горохнувъ! Тильки цей мыслывый и оставсь, а то вси люде, яки тамъ булы, попадалы нежыви.

Якъ побачывъ мыслывый, шо воно сталося зъ тіеи рушныци, тоди винъ изъ страху побигъ, куды тильки бачывъ! И самъ не стямывся, такъ ёму страшно стало, шо винъ стильки людей побывъ! Бижыть та й бижыть... И зновъ опынывся у тому жъ такы лиси, де колысь барана вбывъ. И заразъ зострывъ того старого дида, того самого, шо ёму рушныцю проминявъ. Якъ побачывъ того дида, тоди ставъ, прыпынывся.

— Ну, каже: «бачыте, яку вы мени далы рушныцю! Скильки вона клопоту мени наробыла,—шо я тильки самъ-одынъ остався, а то вси попадалы на землю! Нащо вы мени іи надилылы?! Теперъ я черезъ неи повикъ несчаслывый, шо я стильки людей побывъ!»

Тоди той старый узявъ свою рушныцю, а ёго оддавъ ёму, та й говорыть:

— Бачъ, моя — яка: ты встрелывъ, усе на землю попадало; а твоя: ты тильки шо вдарышъ, те тильки и убьешъ своею. Одже—те, шо ты вбывъ у гори тоди, литомъ, то ты тоди не барана вбывъ, а то—ты чорта вбывъ! Такъ я уже симъ годъ стрилявъ ёго, та не могъ убыть, а ты вбывъ—такъ тоби Богъ давъ! Такъ я тоби у прызнакъ дававъ мою рушныцю, щобъ ты знавъ, изъ якои сылы я бывъ на ёго... Иды теперъ до-дому, не бійсь,— ты никому ніякого лыха не зробывъ,—уси вже теперъ такъ якъ було, такъ и есть: уси вже повставалы, шо попадалы булы,— уси жыви и здорови.

Сказавъ, та хто ёго зна, де и дивсь той дидъ.

Мыслывый вернувсь. Прыйшовъ, такъ усе вже стало—якъ було, такъ и есть.

Такъ винъ съ того часу зовсимъ переставъ мыслувать: не злюбывъ. (Кіевъ. Записано отъ молодого [лѣтъ 20] парубка.

16.

Вогонь.

Вогонь сердытся: хочъ якыхъ сырыхъ дровъ наклады, та скажы: «стыдно вогню на споди лежать!»,—дакъ розгорытся зразу. Мы, було, якъ пасемо, то якъ накладемъ вогню, та скажемъ: стыдно вогню на споди лежать, то розгорытся выще дуба. А якъ коло будкы, колы блызько коло села, дакъ и тушымъ землею. А якъ выхоръ пидбижыть, дакъ бида! Разъ и я будку спалывъ. Выхоръ пидбигъ, будка занялась! Я злякався та злизъ на соху та й дывлюсь—такъ якъ той китъ, що цыганамъ городъ спалывъ.

17.

Якъ китъ цыганамъ городъ спалывъ.

Колысь цыгане въ городи жылы. Городъ ихъ бувъ велыкый—такъ, якъ оце Кыйивъ, або що. А може хочъ и не такый, якъ оце Кыйивъ, а все-такы здоровый бувъ городъ. И цыгане жылы въ ёму, такъ якъ оце мы жывемо. А потимъ розійшлыся, покынулы жыты въ городи, сталы шлятысь по всихъ усюдахъ, сталы жыты въ шатрахъ. И не те щобъ що велыке выгнало ихъ изъ города, а простисынькый китъ налякавъ ихъ такъ, що воны росточылысь по свитахъ.

У одного цыгана нанявся руськый за челядныка. Отъ, служыть винъ мисяць, може два. А въ ныхъ росплодылось мышъ такого, що не то що—дитямъ ушы пообйидалы, такого багато. И воны не знають, що зъ имы робыты.

Отъ, дакъ винъ каже: «въ мене дома такый звирокъ йе, що буде мыши ловыть!»

А воны и кажуть: прывезы «голубчыку»!

Отъ, винъ имъ прывизъ кота.

Дакъ уже той китъ якъ ставъ мыши ловыть, якъ ставъ ловыть, дакъ незабаромъ мышъ поменьчало, а потимъ и не выдно стало—поховалысь. И дитямъ уже ничого, вже и мышъ немае. Ридко колы покажется мышка, дакъ китъ іи заразъ и задавыть.

Отъ руськый дослужывъ до сроку, лагодытся до-дому, прощается.

Воны заплатылы ёму, подякувалы, ще й на дорогу коня далы. Винъ сивъ и пойихавъ соби.

Якъ пойихавъ, тоди воны здумалы, що забулы спытаты за кота: що воны робытымуть зъ нымъ, якъ мыши пойисть.

Дакъ цыганъ мерщій на коня. Догоныть того руського, ставъ ёму гукать:

— Чуешъ? А що китъ йистыме, якъ мыши пойисть?

А руськый не почувъ, да и каэ: «гась»? Дакъ той думавъ, що «васъ», да якъ гуне до-дому, мовъ несамовытый, да бижыть швыдче до своихъ да крычыть:

— Ой лышечко! Казавъ, що: васъ! Ой тикаймо швыдче зъ города! Запалымо городъ, нехай винъ згорыть изъ котомъ, бо китъ насъ пойисть! Отъ, воны повирылы ёму, заразъ запалылы городъ, а самы повтикалы.

Забралы що найпохипнише зъ собою въ повозочкы та й дременулы, не оглядаючысь. Геть-далеко въ поли сталы шатрамы, стоять.

А городъ згоривъ! Цилый тыждень горивъ, а то вже погасъ... и дыму вже не выдно стало.

Отъ воны черезъ тыждень посылають того цыгана:

— А побижы, пошукай попилу зъ кота: нехай мы будемо знаты, що вже винъ згоривъ!

Отъ той цыганъ сивъ на коня, пойихавъ. Прыйиздыть до свого руйна,—ледви найшовъ свое печыще, бо вси печыща однакови—дакъ усе згорило, тильки одынъ стовпъ якось зоставея цилый коло хаты, той стовпъ, що до ёго кони прывьязувалы кувать, дакъ той стовпъ не згоривъ.

Отъ винъ прывьязавъ коня та й не баче, що китъ жывисинькый и цилисенькый сыдыть на тому стовпови.

А китъ, якъ прыпекло звидъусюды, то винъ—куды дитысь? та й злизъ на стовпъ та тамъ и сыдыть.

Отъ цыганъ шука пужалномъ, перебира попиломъ—шука попилу зъ кота.

А китъ якъ плыгне зъ стовпа та на коня! Кинь якъ ирвоне, да одирвавсь та до-дому якъ гунувъ до табору!

Якъ побачылы цыгане, що кинь бижыть, а на коневи китъ сыдыть,—якъ скочылы, якъ заметушылысь!

«Це того мабуть зйивъ (цыгана), це по насъ бижыть йисты!» Та за сумкы, та за повозкы—хто встыгъ, запряглы—та дали!..

А той цыганъ що на печыщи зоставсь, якъ побачывъ кота, тежъ соби навманя побигъ на лисъ або куды...

Такъ воны по свиту розійшлысь, по шатрахъ жывуть. Розійшлыся та вже и не споружаться городъ збудоваты,—шо треба багато прыпасу, шобъ багато хатъ поставыты, шобъ городъ бувъ. А то сперву и воны въ городи жылы. (Переясл., у.).

18.

Жаба.

Жаба здохне—не смердыть, черезъ те, шо якъ Хрыста замучылы, то Богородыця ишла та й плакала, издыбала жабу, шо такъ же плакала. «А чого ты, каже, плачышъ?»—Де жъ, каже, мени не плакаты, колы моихъ дитей хтось розйихавъ!»—«Ну, каже, то воны не будуть за то смердиты—тоби на потиху». (Подольск. губ. Гайсинъ).

19.

Кума.

Бувъ соби чоловикъ та жинка. Родыла жинка дытыну. Поклыкалы кумою—хрестыть дытыну—дивку. Перехрестыла та дивка въ жинкы дытыну, а сама, два мисяци пожывшы, вмерла.

Изрядылы іи у зрядъ у гарный: положылы на неи плахту, запаску, и керсетъ хороший, и перстени на рукахъ дороги.

И тій куми сподобалысь ти перстени. Заховалы ту дивку... Отъ, та кума издумала полизты въ яму пидъ склепъ, полизты въ яму и забрать у неи перстени ношнои добы.

На другый день—у ночи—полизла вона у склепъ—туды, въ яму. Здыймала вона, здыймала ти перстени—ніякъ не зняла. Прыдумала—що робытъ: поодризувала пальци съ перстнямы!..

Прыйшла до-дому. Заразъ, никому ничого не кажучы, пидпалыла въ печи и стала топыть. И склала пальци въ горщечокъ и стала ихъ варыть. Поварыла ти пальци; сама сила коло колыскы дытыну годувать.

Колы—та сама кума іи йде пидъ викно: «Добрывечиръ, кумо! Чы ты и доси не спышъ? Чы ты мое тило въ горшку варышъ?

«И куры сплять,
И гусы сплять,
Тильки моя кума не спыть,—
Мое тило въ горшку кыпыть»!

«Одчыны, кумо, двери, або сама влизу»!

Та вже кума сыдыть—околила! Злякалась! Одчыняе кума двери, ввиходыть у хату.

«Ой що це ты, моя кумо, що ты наробыла! Выймы-жъ, кумо, мои перстни,—чы вже поварыла?

Стала кума изъ полу вставаты, стала въ тіеи кумы опрощення прохаты:—простыи мени, моя кумо, що я такъ зробыла!

Я-жъ такъ не хотила,
Тильки мене лыха лычына зйила!..

—

Ну кума іи простыла.

(Остапивка).

20.

Якъ чортъ ляка.

Разъ у беседи зайшла розмова про чортивъ. Одынъ чоловикъ похвалывся: «чого, каже, чортивъ бояться! Я хочъ бы де

побачывъ чорта—не злякаюсь, бо въ мене проты его йе слово «херувымъ»: перехрестысь, скажы «херувымъ», то чортяка й знынне. Адже й у церкву, бува часомъ, чорты заглядають, покы не заспивають «иже херувымы»; а якъ тильки почнуть лагодытысь спиваты «иже херувымы», то чорты заздалегидь изныкають изъ церквы.

Отто такъ похваляется чоловикъ. А чортъ тамъ такы въ тій же хати бувъ и чувъ та й дума: «ну, постій, я-жъ тебе злякаю»!

Отъ гостювалы и выпылы добре. Вертается той чоловикъ до-дому. Ничъ була мисяшна, дорога—якъ скло, снигъ ажъ полыскуется та блыщыть, и витру немае. Весело йихаты,—тымъ паче, що й до-дому недалеко.

Колы це—щось такъ жалибно мекекекае, неначе козеня, або ягня, и недалеко. Глянувъ той чоловикъ,—ажъ справди козеня малисеньке пидбылось пидъ кучугуру снигу, копотыть копыткамы та все: мекеке! мекеке!

Стало ёму жалко того козятка. «Стій»!—каже на хлопця. Визьмимо оце козеня, а то воно замерзне.

Уставъ до ёго. А воно ледви встоить, тремтыть, зовсимъ измерзло. Винъ ёго взявъ на рукы, прынисъ у санкы, положывъ биля себе, ще й кожухомъ накрывъ полою, та й йиде дали.

А, каже—бидненьке козеня измерзло! Узявъ и погладывъ ёго.

Колы це якъ вытрищытся на ёго козеня, и стало росты и стало выще ёго! Изъ очей вогонь блыснувъ и ротъ роззявывся и зубы заскреготалы!

Страшенно перелякався чоловикъ.

И не стямытся зъ переляку, що робыть: хоче промовыты—зубы сципыло, хоче поворушытысь—тило заклякло!

Тоди винъ догадавсь. Затремтила бидна душа у страшенній муци, зибрала неначе передъ смертю усю свою сылу и потрудувала тиломъ. Чоловикъ посылкувався, поворухнувся, поворушывъ рукою и языкомъ и голосомъ; та тильки не змигъ вымовыты хе-ру-вымъ, а выйшло тильки хавыръ! И рука не подужала зложыты хреста, а тильки замахала!

Чортъ зупынывсь. Глянувъ ще разъ палючымы очима та й засміявсь.

«А що, каже: будешъ хвалыться? Я тильки налякаты тебе хотивъ, щобъ ты на мене не хвалывся»! Та тоди—стрыбъ изъ сапокъ тай счезъ.

Ото, бачыте, не слидъ похвалятысь, а треба Бога не забуваты ни на годыну, ни на хвылыну.

(Кіев.)

21.

Козьма Демьянъ та Змій.

Колысь то.. діялось давно, дуже давно,—якъ мижъ людьмы бильше святыхъ водылось. Тоди то жывъ Кузьма-Демьянъ Божый коваль, и жывъ недалеко видъ Переяслава и мавъ соби кузьню мурованy, здоровенну кузьню зъ дванадцятьма зализнымы дверыма.

Отъ якый-сь то чоловикъ бигъ по полю верхы, а за нымъ у слидъ змій крылатый за тымъ чоловикомъ уґнався—що той не втече, а той не дожене.

Отъ той чоловикъ бачыть—не перелывкы, та й прямуе до кузни та ще здáлека крычыть: «гей! Кузьмо-Демьянъ, Божый коваль! Одчыны кузьню—съ конемъ улечу»! А тутъ Кузьма-Демьянъ заздалегидь прыготовывъ—розпикае зализни клещи. Отъ, тильки чоловикъ добигъ до кузьни, такъ Кузьма-Демьянъ и роззявывъ двери чоловикъ прожогомъ и влетивъ у кузьню. Кузьма-Демьянъ зачынылы вси двери мерщій.

Отъ змій розлютовався, якъ прыскочыть до дверей! Разъ лызнувъ языкомъ—дверей мовъ не було! Другый, третій, ажъ до послиднихъ уси одынадцятеро дверей мовъ корова языкомъ злызавъ!

Отъ якъ проткнувъ же языкомъ уже прозъ дванадцяти дверы, а Кузьма-Демьянъ хипъ ёго за языкъ гарячымы ажъ червонымы клищамы!

Тоди де вродывся зализный плугъ. (Бо бачыте—винъ святый бувъ)! Узявъ того гадючого змія та й запригъ ёго до плуга.

Якъ запригъ до плуга та й пишовъ—куды свитъ, куды очи бачуть! Йшовъ, йшовъ, да ажъ до моря дойшовъ... Зміяка захотивъ пыты, да якъ почавъ жлуктыты воду зга́ряча, та на тымъ мисьци й лопнувъ!

Одже той валъ и доси ще зветься зміинымъ валомъ.

(Подъ Переяславомъ 1860. Записалъ Т. И. Думитрашко-Раичъ).

22.

Не можно знаты, колы кому вмыраты.

Якъ ходывъ Богъ съ Петромъ по земли. Йдуть... а мужыкъ тынъ городыть. И говорывъ Господь съ святымъ Петромъ, що каже: «святый Петре! ото чоловикъ городыть,—усёго тынови стояты тому тры дни... А пиды, каже, святый Петре, спытай, що винъ робыть»!

Прыходыть святый Петро и пытае его: «що ты, каже, чоловиче робышъ»?

— А що-жъ, каже: тынъ городю!

— Що-жъ ты некрипкый, каже, такый городышъ?

— Такъ, каже, чоловиче: на мій викъ хвате!

— А якый же, каже, твій викъ?

— Бо мени, каже, вже, чоловиче, у тимъ мисяци вмираты!

Отъ винъ вернувсь, святый Петро, до Господа небесного и говорыть Ему, що каже: «сказавъ: городю тынъ, и на мій викъ хватыть».

«Э, каже: святый Петре! треба-жъ ёму, каже, такъ даты, щобъ винъ не могъ розсуждаты цёго»!

Отъ воны знялысь и пишлы видъ ёго въ даль.

Посли то́го, поговорывшы мижъ собою, и пославъ Господь святого Петра упьять ёго, того чоловика спытать.

Прыйшовъ святый Петро и то пытае ёго... дали подывывсь святый Петро, що винъ начавъ крипшый уже тынъ робыты... А винъ не взнавъ ёго, святого Петра.

И впьять святый Петро спрашуе: «Що ты, чоловиче, робышъ»?

— Та, каже, тынъ городю!

«Чы довго-жъ винъ буде, каже, стояты»?

Винъ знявъ шапку и ставъ голову чухаты... и не мигъ бильше ничого отвитыты. Думавъ, думавъ... и впосли сказавъ: «Богъ зна, покы стоятыме»! И забувъ того, що винъ знавъ що колы ёму вмыраты!

Вернувсь святый Петро... а Господь каже: святый Петре! а якъ лучче буде: якъ знатымуть люде, колы имъ умыраты, чы якъ не знатымуть»?

— А що-жъ, каже, Господы, не знаю сылъ Твоихъ!

А Господь каже: «що мы есть за отци, що позволымо усякому знаты, кому колы вмыраты»!

(Полтава. 1864. Записано отъ старика).

23.

Чому жинка не старша.

Колысь, якъ жинка старша була одъ чоловика, дакъ прыйшла пьяна изъ корчмы, и лежавъ Павло одъ краю. Вона заразъ крайнёго почала быть, а посли уже пишла, погуляла зновъ.

А Богъ сказавъ, щобъ уже Петро лигъ одъ краю, а Павло въ середыни. А вона прыйшла да говорыть: «уже», говорыть, «крайнёго была, а вже, говорыть, цёго!»—та й зновъ начала Павла быть А посли уже Богъ лигъ одъ краю. А вона прыйшла зновъ, говорыть: «я была цёго и цёго а ще цёго», говорыть, «не была!», та почала быть Петра и вухо одбыла Петрови. Петро сказавъ: «Господы! (говорыть) ухо одбыла!»

— «Беры», говорыть, да тулы! Нехай, говорыть, прыростае!

А воно и прыросло зновъ.

И тоди вже Богъ сказавъ, щобъ уже чоловикъ бувъ старшый, а щобъ жинка вже меньча була.

(Кіевъ, отъ старой женщины).

24.

Русалка.

Русалкы—нехрыщени диты: котре вмре, да не перехрыщене, такъ то—русалка.

Ховають ихъ у хати на порози и коло синешныхъ дверей на порози, пидъ стрихою ховають, пидъ хатою—такъ де. Йихъ на гробовыщахъ не годытся ховать, а въ городи коло хаты, усе коло хаты блыжче. Для того щобъ маты, якъ итыме, щобъ перехрестылась—такъ русалка не буде. Маты вже перехрестытся на тій могыли що-вечира, щобъ не русалка була. Килько тамъ разъ иде черезъ могылу, такъ щобъ усе молылась на тій могыли, то та дытына не буде русалкою, а то—вылизе, русалка буде!

Русалкы—по гаяхъ, по травахъ, у води и по жытахъ жывуть. Воны тилько литомъ жывуть, а зимою ховаются; хто ёго зна вже, де воны—ихъ не бачять зимою.

А на святу недилю, такъ самы воны ходять по травахъ и, якъ піймають кого,—залыскочуть. И хочъ якъ чоловикъ дужый, то іи не поборе—залыскоче! Хочъ скилько тамъ душъ буде, то всихъ русалка поборе. Вона, кажуть, лыскотатыме, то та людына буде сміяться, покы и посыніе. Одъ іи не одхрыстышся! Одъ чорта одхрыстышся, а одъ неи ни; вона хреста не боится. Тилько чортъ боится, а вона не боится. А якъ залыскоче—покыне. Вона, якъ оце піймае на св. недилю тамъ, у трави, кого, такъ вона и пытае: «шо твоя маты варыла?» То та людына якъ скаже: «борщъ та полынь варыла!»—то та пусте, ничого не зробе; а якъ скаже: «борщъ та кашу», такъ залескоче, скаже: «ступай у нашу!»

Дивкы, якъ смили, то ходять съ полынням у берегъ по травахъ. Якъ визьмуть зъ собою полынь, такъ бачать русалокъ и беруть ихъ за поясъ. Вона имъ ничого не зробе. А якъ безъ полыню, такъ позалыскочуе.

Іи и сокырою рубай, такъ не перерубаешъ,—вона такъ якъ зализна! Хочъ и перерубаешъ надвое, такъ вона зновъ однакова;

хочъ ты іи побый чысто, такъ вона зновъ однакова—нечыста сыла!

Вона така, якъ дытына маленька: якъ уродытся дытыночка,—таке воно и йе. Вона и котомъ перекыдается!

Воны и ростуть... Выросте и дивкою велыкою зробытся.

У насъ кажуть, шо бувъ чоловикъ, убогый соби та стрелець такый добрый! та ходывъ на охоту по лисови, да йде, да йде,—колы сыдыть чоловикъ на дубови та й крычыть: рятуйте! А то—нечыста сыла крычала на дуби «рятуйте»!

Оть той чоловикъ и каже: «постій, я тебе порятую! да якъ прыйшовъ да якъ бухнувъ—да й убывъ. Той, шо на дуби сыдивъ, якъ упавъ зъ дуба, такъ наскрозь такъ и пишовъ прозъ землю нежывый. И дирка така стала здорова—земля провалылась. Оть той чоловикъ у недилю на выгони такъ, якъ збирается громада, та й винъ и похвалывся, шо такъ и такъ мини було. Оть дакъ воны тамъ зачалы... Хотилы ёго въ судъ у полыцію заразъ, шо «ты вбывъ чоловика!»

Такъ винъ каже: «постойте, я васъ поведу, я, каже, покажу вамъ и ту дирку и самъ полизу!»

Оть громада пишла туды, и веревокъ забралы. Дакъ винъ тоди каже: я полизу! Тоди веревкамы ёго прывьязалы, такъ винъ у ту дирку и пролизъ у землю. Такъ дирка, якъ чоловикъ упавъ клубкомъ,—така дирка и йе! Такъ той чоловикъ полизъ туды. Лизе да и лизе... Веревокъ тридцять мо звьязувалы и пускалы того чоловика... Колы лизе да и лизе, ажъ тамъ горныци таки гарни проты тіеи диркы и на доливци чоловикъ той лежыть та й росплатався—нежывый! Оть и дивка тамъ пораестся въ тыхъ горныцяхъ така хороша, въ сподныци! И вона зъ тымъ чоловикомъ балакала, каже: «я зъ вашыхъ людей!» Такъ той чоловикъ іи взявъ зъ собою. Веревкою якъ здвыгнувъ, такъ воны и тяглы ту дивку и чоловика того—громадою. Дакъ та дивка балакала зъ тымъ чоловикомъ покы ажъ сюды вже вытяглы, такъ стала малюсинька дытынка въ рукахъ—може тій дытыни и года не було! А тамъ—дивкою була!

И маты найшлась тій дытыни: у тимъ же сели вкравъ винъ дытыну. Такъ ту дытыну охрестылы.

А той чоловикъ бувъ—нечыста сыла, чортъ, марюка!

Якъ дытына народытся та свитло не горыть цилу ничъ (якъ дытына ще не обхрыщена: мо, попа нема, або-що...), такъ винъ украде, переминыть: хлопця положыть, а дивчыну соби визьме. Якъ визьме, то то маленьке буде, а стане въ ёго дивка! Вона въ ёго все дило робыть. И цилый викъ вона въ ёго, вона вже въ ёго не вмре, и вона вже стане така якъ и винъ. А якъ сюды вынесуть, то стане знову мала. (Переясл. у., записано со словъ).

25.

Липыть Богъ вивци зъ глею, а чортъ дывытся. Богъ излипывъ одну, дмухнувъ,—вона: ме—э—э! та и побигла; злипывъ другу, дмухнувъ; вона бе—э—э! та й побигла...

А чортъ дывытся та й соби липыть! Излипывъ козу! та дмухавъ, дмухавъ, и казавъ, шобъ побигла, такъ не бижыть! Такъ винъ прыйшовъ до Бога. «Господы!» каже: «я бачывъ, якъ Вы липылы, та й самъ излипывъ таке саме,—такъ не бижыть!».

А Богъ глянувъ... «Э! це, каже, не вивця, це—коза!»

— Нехай же, каже: Господы, и мое за Божою мылостью иде, нехай и дійвечко зъ неи буде, нехай воно буде благословенне!

«Нехай»!—каже Богъ та й дмухнувъ, а вона; ме—ке—ке! а вивци видъ неи, а вона бижыть до овець такы, покы потоварышувалысь.

И теперъ коза—передъ веде вивцямъ! Такъ Богъ давъ!

А чортъ такы: «э! каже: я такы злиплю таке саме, якъ и Богъ (злипывъ), и я дмухну такъ якъ Богъ!..

Узявъ—излипывъ вовка! «Оце жъ, каже: зовсимъ таке, якъ Богъ липывъ, ище и лучче»!

Отъ винъ дмухавъ-дмухавъ,—вовкъ не йде! Тоди винъ зновъ до Бога:

«Господы!» каже: я злипывъ таке, якъ и Вы, такъ дмухавъ, дмухавъ,—не встае!

Прыйшовъ Господь, подывывсь... «Э, ни, каже: дыяволе, це вовкъ!»

— А що жъ зъ його каже, Господы, буде?

— А що жъ! каже Богъ: чы ты хочъ, щобъ винъ ожывъ, скажы ёму: вовче, вовче, зйижъ чорта,—то винъ и ожыве».

Богъ и пишовъ.

А винъ и каже: «вовче, вовче, зйижъ Бога!

Вовкъ не встае.

А винъ тоди взявъ його та й прыволикъ до берега и до вильхы и до воды (ото вже—думка, що на вильху втече!), та тоди и каже: *вовче, вовче, зйижъ чарта*! А вовкъ якъ схватывся та до його! А винъ на вильху и утикъ.

Та такы вовкъ його обранывъ,—вырвавъ пьяту ёму!

Винъ черезъ це—*Гнатко-безъпьятко*! Такъ винъ и называется—*безпьятый*! (Полтава. Павло Кыслый).

26.

Колосокъ.

Господь ходывъ по земли. А тоди жыто було—одъ земли колосъ у все стебло. И люде не вмилы жаты. Господь изъ Петромъ ходывъ по земли въ двохъ зъ апостоломъ. И дывытся Господь, що воны колють шыламы, пиддовбують стебло, та ніякъ. Такъ Винъ узявъ—серпъ изробывъ; до коваля пишлы, зробылы серпъ. Прыйшлы на ныву Господь и Петро. Господь и каже: Петре, нажны пивкопы (трыдцять снопивъ) и клады у полукипокъ, щобъ воны зналы, якъ складаты, и положы серпъ на верхъ снопу, щобъ воны бачылы.

Воны выходять на ранокъ, дывлятся—накладано полукипокъ, и лежыть ключка зализна. И воны дывуются, такъ боятся прыступыты, не насміють: нема такого, хто-бъ доставъ тую ключку.

Такъ одынъ тамъ бувъ Тымоха смилый. Отъ винъ хворостыну взявъ и той серпъ изнявъ. А серпъ по хворостыни побигъ та ёму на шыю. А винъ — за ручку: хотивъ скынуты, та соби шыю й обризавъ. Ти люде розбиглыся—перелякалысь.

Господь Петрови святому: ходимъ, каже, а то воны порижутся тильки.

Прыходять. «Здорови будьте! Здорови будьте, люде Божи! Що тутъ у васъ? Та тутъ, кажуть, таке лыхо.

Та, каже, воно -- ничого; це каже показаніе одъ Бога, якъ вамъ оцымъ серпомъ хлибъ святый жаты. Отъ возьмы оцей серпъ за ручку та й жатымешъ оттакъ. Давъ одному чоловикови. Той узявъ нажавъ... Ну, каже, и ты!—(другому) и ты! (йше одному) Отъ, щобъ було у васъ—жаты!

(Полтава).

Ходывъ Господь по земли. А хлибъ тоди бувъ—корха не було а на все стебло колосокъ.

Заходыть Господь до одніи хаты, мылостыни просыть. А въ тій хати дытына вкалялася и гречаныкъ вкаляла. А маты й вынесла цей гречаныкъ, подае. Такъ Господь изъ Петромъ поднялысь на воздухъ и хлибъ у жменю забралы. Такъ собака завыла: Господы! хочъ на мою долю зоставъ!

Такъ Богъ зоставывъ те, що не дошморгнувъ до верха стебла. Отто собака выпросыла, а тобъ бувъ и того не зоставывъ.

Полтава Павло Кыслый.

Колысь оце, що въ насъ жыто оце росте, такъ одъ самой земли бувъ колосокъ ажъ у вершокъ—таке жыто було! Такъ люде й кажуть, що «Богъ зна яке жыто!»—не вгодне вже имъ. Дакъ Богъ якъ узявъ—изъ кориня якъ шморгнувъ, то ото на собачу долю та на кошачу зоставывъ колоска: собакы й кишкы на лапкахъ стоялы, въ Бога ласкы прохалы, щобъ Богъ зоставывъ жыта, а тобъ чысто не було—солома! Колысь дурни люде булы! Що, якъ одъ самой земли зерно ажъ у вершокъ, та снипъ нажны! А теперъ мы собачу долю йимо та кошачу!

Переяслав. у. Волошиновка. Хлопець литъ 13—14.

27.

Папороть.

Той, якъ ёго?... Одже й не здумаю... Папороть!.. Хто ёго достане, такъ знатыме, де гроши, де все...

Ну, тильки-жъ воно й трудно й страшно.

Одынъ чоловикъ — такъ господськый (ще якъ булы господськымы)—та й найшовъ ёго де винъ есть; темнои ночи напротывъ купала Йвана, найшовъ та й сыдыть—дожыдае, покы винъ зацвите. Сыдыть... Тильки це—де не взялась квочка! Така страшна: квокче, надулась, наскакуе на ёго, клюе, крыламы бъе! Винъ—байдуже—сыдыть.

Пропала квочка.

Колы це—копыця гарача иде́, сунется. Винъ сыдыть. Вона черезъ ёго,—сыдыть! Потимъ того—вода! Такъ и верне, такъ и верне горою! Такъ якъ горы отто йе, то такъ вода: шумыть, клекотыть... А винъ не потура, сыдыть. Перейшла вода,—винъ не вставъ!

А це цвитъ—тильки що зачына цвисты! Писля тіеи воды—козакы! Якъ набиглы зъ нагайкамы, якъ узялы ёго чыстыты! Такъ и то́—не злякавсь, покы такы папороть зацвивъ! Винъ тоди цвитъ узявъ, йде вже до-дому.

Прыходе у те село у панське. Ажъ выходять заразъ два лакеи на зустричъ ёму и ёго тягнуть до пана: «Де ты, сякый такый сыну, бувъ»?

Прытягнулы до пана. Панъ уставъ, выйшовъ, давай ёго допытуваты: «де ты бувъ?» — и ризкамы ёго хотилы быты.

Винъ прызнався передъ паномъ... Колы це—нема ничого! Нема того и пана, нема и тыхъ лакеивъ! Винъ до-дому та й заснувъ.

И съ ёго вкрадено той цвитъ,—такъ и пропало!

А то—ыдолы все заходылысь коло ёго, щобъ цвитъ одибраты!

А то—чумакъ: волы пасъ. Воны поочередно волы пасуть. Тильки — загубывъ винъ волы и бига, шука. Це було проты цёго дня самого.

Бигаючы, винъ и самъ не знавъ и не дывывся, куды ступае: ёму одно на думци—де волы дилыся.

И наступывъ винъ ногою на той цвиточокъ, и бижучы—стебельце струснувъ, незнамкы зачепывъ: цвиточокъ и упавъ за постиль.

Якъ упавъ, такъ винъ—той чумакъ—заразъ узнавъ, де и волы, и все: ставъ усе бачыты! И бачывъ гроши, де закопано, и скризь, куды не повернется, то́ все зна.

Тилько: дви бабы случаются ёму на зустричъ (то вже и бабы тіи—ыдолы!) Тильки: просять ёго—земли зъ-за постола. Кажуть такъ,—що «мы ходымо, шепчемо,—такъ дай намъ тіи земли: вона для насъ удобна».

Винъ не дае, каже: «мини николы,—треба до обозу гнаты волы. (Уже зна, де воны зайшлы, та поспиша до ныхъ). Такъ ни: «дай тай дай»! И воны, тіи цыганкы, поты ёго морочылы, покы такы выманылы въ ёго ту землю.

«Берить каже, та швыдче, бо мени николы!»

Такъ воны ёго попросылы, щобъ зъ правого постола наперёдъ отрусювавъ землю. Винъ вытрусывъ... Воны ёму подякувалы... Винъ пишовъ...

Якъ пишовъ, тоди зразу забувъ усе и не взнавъ уже ничого — забувъ! И зоставсь такъ! и пропало такъ! Винъ не мигъ згадать, що воно й було, тилько вписля догадався: «Э, каже: було бъ, каже, не даваты земли!

(Полтава. Павло Кыслый).

Кіевскій соборъ въ 1629 году.

29 числа сего іюня исполнилось 276 лѣтъ, какъ въ нашей Кіево-Успенской Печерской лаврѣ были открыты соборныя засѣданія. На открытіе этого собора, имѣвшаго продолжаться въ теченіе двухъ недѣль, начиная съ 29 іюня, далъ разрѣшеніе польскій король Сигизмундъ III еще въ началѣ января 1629 года. Вслѣдствіе королевскаго разрѣшенія кіевскій митрополитъ Іовъ Борецкій составилъ пригласительную грамоту и, напечатавши ее въ типографіи Кіево-Печерской лавры 12 апрѣля того же года, а затѣмъ подписавши своею «власною рукою» и приложивши печать, разослалъ ко всѣмъ православнымъ, входившимъ тогда въ составъ Кіевской митрополіи [1]). Архипастырскою грамотою приглашались на соборныя совѣщанія лица всякаго достоинства «духовнаго и свѣцкаго высокаго шляхетного и нижняго посполитаго стану», но въ ней не было упомянуто о запорожскомъ козачествѣ, которое въ 1620 году главную роль играло въ возстано-

---

[1]) Сверхъ архипастырской грамоты, митрополитъ Іовъ Борецкій болѣе важнымъ ревнителямъ православія писалъ особыя приглашенія, а именно—къ Львовскому братству 21 апрѣля 1629 г.; къ князю Григорію Святополку-Четвертинскому того же апрѣля, и къ другимъ. Въ особыхъ приглашеніяхъ онъ просилъ о пособіи лицамъ небогатымъ для поѣздки въ Кіевъ, какъ духовнымъ, такъ и посполитымъ.

вленіи западно-русской іерархіи и всегда считало для себя священнымъ долгомъ охранять права и привилегіи православной церкви.

Хотя Кіевскій соборъ на четвертый день послѣ открытія своихъ совѣщаній былъ закрытъ по требованію уполномоченныхъ отъ запорожскаго козачества и хотя объ этомъ соборѣ сохранилось весьма немного свѣдѣній, но такъ какъ эти свѣдѣнія служатъ весьма вѣскимъ доказательствомъ искренней любви запорожцевъ нашихъ къ православію, то мы считаемъ вполнѣ умѣстнымъ напечатать ихъ.

Послѣ возстановленія въ 1620 г. западно-русской церковной іерархіи, борьба между православными и уніатами значительно усилилась. Православные, вслѣдствіе многочисленныхъ и притомъ весьма тяжкихъ притѣсненій и обидъ, иричнненныхъ уніатами, въ январѣ 1629 года подали жалобу въ Варшавскій сеймъ и усиленно просили оказать имъ законную защиту и возстановить ихъ древнія права и привилегіи. По совѣту пропагандистовъ католицизма, желавшихъ, чтобы и митрополитъ Борецкій съ подчиненными ему епископами, подобно Михаилу Рогозѣ, попалъ въ іезуитскія сѣти папизма, Сигизмундъ III универсаломъ своимъ приказалъ жалующимся войти въ соглашеніе съ уніатами и для этой цѣли предназначилъ въ октябрѣ того же года съѣздъ или соборъ въ Львовѣ, куда къ 24 числу октября должны были съѣхаться обѣ враждующія стороны. Но разрѣшая православнымъ и уніатамъ совмѣстный соборъ во Львовѣ, король, для надлежащаго подготовленія къ нему, предназначилъ тѣмъ и другимъ отдѣльные соборы: для православныхъ въ Кіевѣ, въ теченіе двухъ недѣль, начиная съ 29 іюня, а для уніатовъ въ то же самое время во Владимірѣ-Волынскомъ. Въ настоящей статьѣ мы ограничимся описаніемъ только Кіевскаго собора.

Кіевскому собору предшествовала разсылка упомянутой грамоты ко всѣмъ православнымъ польской короны и великаго княжества Литовскаго. Одинъ экземпляръ этой грамоты, еще нигдѣ не перепечатанный, хранится въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго каѳедральнаго собора. Копію съ него мы печатаемъ рѣшительно безъ всякаго

измѣненія. Грамота Іова Борецкаго весьма замѣчательна и потому, что въ ней помѣщены тѣ лица, которыя, по его взгляду, имѣли право участвовать въ совѣщаніяхъ помѣстнаго церковнаго собора.

„Іовъ Борецкій милостію Божіею Архіепископъ, Митрополитъ Киевскій, Галицкій и всея Россіи.

Всѣмъ посполите Россійскаго рода, какъ въ Короне Польской яко и у великомъ Княжестве Литовскомъ всякого достоинства духовного и свѣцкого Высокого шляхетного и нижшого посполитого стану людемъ церкве Святое Восточное Греческое благопослушнымъ сыномъ ласка, покой и милосердіе отъ вседержителя Бога, и благословеніе отъ нашего смиренія.

Ознаймуемъ побожности вашой, ижъ отъ многихъ лѣтъ за великою докукою о успокоене релѣи нашое православное Греческое по всѣ часы на сеймахъ валныхъ коронныхъ, за ласкою Наяснѣйшого Государя Короля Пана нашого милостивого, и за причиною ихъ милостей Пановъ радъ теперь по близко прошломъ Сеймѣ универсаломъ его К. М. есть намъ самымъ православнымъ сыномъ восточнаго благочестія назначоный часъ до зъѣхання и до згодное намовы на соборъ помѣстъный партикулярный въ року теперешнемъ ахко мѣсяца іюля ѳ ведле нового, а ведле старого іюня кд дня на празникъ и свято святыхъ Великихъ Апостолъ Петра и Павла, на мѣсце певное въ мѣсте его К. М. въ Киевѣ, яко бысмы конечне мѣли и могли успокоены быти въ нашихъ велькихъ докучливостяхъ, которые терпимо предъ отступство нѣкоторыхъ щекгульныхъ особъ отъ благочестія нашого, где всякимъ покоемъ и обезпеченствомъ на недѣль двѣ обваровано насъ, на который часъ и мѣсце и соборъ всѣхъ а всѣхъ милостей вашихъ, иле кто сыномъ церкве святое восточное отзывается, пилно а пилно запрашаемъ изъ повинности пастырское и о имени Христовомъ взываемъ, абы милость Христа и благословеніе нашого смиренія зъ побожностями вашими зоставало: чого милости вашой вѣрно сприяемъ: зъ монастыря Михайловъского церкве Златоверхое, въ Киевѣ мѣсяца Априля ві дня ахко року.

Іовъ Борецкій Митрополитъ Киевскій Галицкій и всея Россіи власною рукою».

Православные, входившіе въ составъ тогдашней Кіевской митрополіи, еще со временъ Брестской уніи довольно знакомы были съ іезуитскими дѣйствіями латиноуніатской партіи и потому на предстоявшіе Львовскій и Кіевскій соборы посмотрѣли (что слѣдовало и сдѣлать), какъ на новую ловушку для привлеченія ихъ къ церковному подчиненію папѣ. Вслѣдствіе сей причины разосланныя грамоты Іова Борецкаго среди ревнителей православія вызвали большое безпокойство и протесты. Уже 29 апрѣля 1629 г., спустя только семнадцать дней послѣ напечатанія грамоты, православные жолнерскаго польскаго полка, находившагося въ предѣлахъ Пруссіи, прислали на родину свою слѣдующій протестъ»: дошло до насъ изъ русскихъ краевъ извѣстіе, которому не хотѣлось бы вѣрить, что отъ короля нашего, отъ посполитой Рѣчи и папы Римскаго послѣдовали лукавые замыслы, т. е. что они хотятъ перевести всѣхъ насъ изъ греческой вѣры въ унію... Находясь въ Пруссіи, на службѣ королю нашему и Рѣчи Посполитой, мы вправѣ ожидать награды за наши рыцарскія заслуги, между тѣмъ у насъ замышляютъ отнять нашу греческую вѣру, наше набоженство и наши церкви... Ради самого Господа Бога, умоляемъ всѣхъ, которые имѣютъ присутствовать въ Кіевскомъ соборѣ, заявить тамъ, что всѣ мы, сколько насъ есть въ польскомъ войскѣ, для защиты нашей святой вѣры, готовы пролить нашу кровь... Сей листъ подъ Мальборкомъ, при полномъ собраніи нашего товарищества 29 апрѣля 1629 года подписали: Андрей Шмарчевній съ повѣту Жидочовскаго; Александръ Голатицкій съ княжества Литовскаго; Иванъ Жицевскій съ повѣту Галичского; Илія Боярскій съ повѣту Каменецкаго; Иванъ Попель съ повѣту Премыскаго; Иванъ Соколовскій съ повѣту Винницкаго».

Протестація эта, писанная на польскомъ языкѣ, находится въ Кіевской Археографической Коммиссіи.

Гораздо рѣзче и опредѣленнѣе высказались относительно разрѣшенныхъ королемъ Соборовъ ревнители православія, населявшіе Кіевское воеводство. За три дня до открытія Кіевскаго Собора, они въ своемъ протестѣ заявляли, что «королевскій уни-

версалъ, разрѣшавшій соборы въ Кіевѣ, во Владимірѣ (Волынскомъ) и затѣмъ въ Львовѣ, нарушаетъ права и привилегіи русскаго православнаго народа, и что для нихъ хотя весьма желательно успокоеніе греческой религін (о чемъ они многократно, но безуспѣшно хлопотали на сеймахъ), но они хотятъ и требуютъ, чтобы это успокоеніе совершилось безъ всякаго нарушенія ихъ вольностей и привилегій, безъ искаженія церковныхъ обрядовъ, обычаевъ и вѣроученій греко-восточной россійской церкви, съ сохраненіемъ зависимости отъ цареградскаго патріарха. А такъ какъ соборы, предназначенные по распоряженію короля, безъ ихъ вѣдома и согласія, имѣютъ, повидимому, иную цѣль, то они, обыватели Кіевскаго воеводства, протестуютъ противъ открытія соборовъ. Если же эти соборы состоятся и на нихъ сдѣланы будутъ какія-либо постановленія, противныя благочестію и нарушающія древнія права и привилегіи православнаго русскаго народа, то постановленія эти должны считаться необязательными и недѣйствительными».

Протестація эта написана на польскомъ языкѣ и хранится также въ Кіевской Археографической Коммиссіи.

Митрополитъ Іовъ Борецкій пригласительной грамоты не послалъ запорожцамъ, что, какъ они предполагали, было сдѣлано не случайно, а съ умысломъ. Считая священнымъ для себя долгомъ всегда и вездѣ защищать интересы своей церкви, запорожцы на состоявшейся радѣ постановили избрать изъ своей среды двухъ уполномоченныхъ и послать на предстоящій Кіевскій соборъ съ тѣмъ, чтобы они зорко слѣдили за соборными совѣщаніями и, если найдутъ нужнымъ, потребовали закрытія собора. Послѣ состоявшейся рады, они 15 іюня послали митрополиту Борецкому слѣдующее письмо:

«Преосвященный въ Бозѣ велебный и намъ милостивый и велце ласкавый господине Отче Митрополите!

Унижоныя и на всемъ повольные послуги наши рыцарскія залецаемъ яко найпильней ласце и молитвамъ вашей святительской велебности.

Копія зъ универсалу Его Королевской Милости изъ листу, писаннаго В. М. до всего народу Христіанскаго въ вѣрѣ нашей православной, за порогами насъ отъ товариства нашого зъ городовъ дошла, зъ которого универсалу и листу В. М. зрозумѣлисмо, ижъ есть часъ терминъ близко назначоный, то есть въ день Св. Петра, до зъѣханяся, яко постановлено, въ Кіевъ; ачъ впрежде до себѣ отъ В. М. писаня жадного немѣлисмо, еднакъ жевучи православными вѣрѣ своей, въ которой есмо народили, для взятя певное вѣдомости, щось тамъ дѣлается, посылаемъ двохъ товарищовъ нашихъ Андрея Лагоду и Сапрона Сосимновича, и пилне покорне просимъ, абысмо презъ оныхъ о всемъ вѣдомость могли мети, бы што противного было, абысмо завчасу старане мѣли такъ, якобы противникъ помехи не одержалъ, кгдыжъ то есть повинность наша и кождого христіанина за вѣру умрети. Затымъ и повторе ласце и молитвамъ Вашей Святительской милости отдаемось. Данъ за порогами у Осмяновцѣ іюня 25 дня 1629 року.

Вашой милости всего добра зычливый и служить готовый Леонъ Ивановичъ зо всимъ войскомъ запорозскимъ Его Королевской Милости.

Списано съ копіи, находящейся въ Кіевской Археограф. Коммиссіи.

При прописанномъ положеніи дѣлъ, отъ предстоявшихъ соборовъ нельзя было ожидать благопріятныхъ послѣдствій для латино-уніатской партіи, во главѣ которой стоялъ польскій король Сигизмундъ Ш. Таковое положеніе дѣлъ вполнѣ сознавалъ и митрополитъ Іовъ Борецкій, а потому безошибочно слѣдуетъ предполагать, что онъ рѣшился открыть Кіевскій соборъ 29 іюня, въ назначенное королемъ время, главнымъ образомъ въ тѣхъ видахъ, чтобы пощадить гоноръ найяснѣйшого своего короля и не выставить себя ослушникомъ верховной польской власти.

Дѣйствительно Кіевскій соборъ пришелъ въ разстройство при самомъ своемъ началѣ. Въ польскомъ королевствѣ на церковныхъ соборахъ, созываемыхъ съ разрѣшенія правительства, обязательно присутствовали королевскіе комисары, которые должны были наблюдать за порядками на соборныхъ совѣщаніяхъ. Таковыми ко-

мисарами на Кіевскій соборъ были назначены со стороны латино-уніатовъ князь Александръ Заславскій, ревностный защитникъ уніи, а со стороны православныхъ—Адамъ Кисель. Между тѣмъ удалить князя Заславскаго отъ присутствованія на соборныхъ засѣданіяхъ члены собора опасались, такъ какъ это было противно государственнымъ законамъ и сочтено было бы за бунтъ.

Принимая во вниманіе заявленныя протестаціи противъ собора и крайне тревожное настроеніе ревнителей православія прибывшихъ въ Кіевъ, Іовъ Борецкій колебался открывать соборныя совѣщанія, но наконецъ вынужденъ былъ открыть ихъ, вслѣдствіе настойчивыхъ требованій князя Александра Заславскаго и Адама Киселя.

Соборъ открылся 29 іюня въ Кіево-Печерской лаврѣ послѣ литургіи, которую совершалъ самъ митрополитъ. Но какъ только было открыто засѣданіе и маршалкомъ (предсѣдателемъ) былъ избранъ князь Александръ Заславскій, тотчасъ среди ревнителей православія произошло сильное волненіе и многіе изъ нихъ громогласно заявили, что королемъ предназначены соборы не для успокоенія греко-восточной религіи, а въ исключительныхъ интересахъ уніатовъ, для подавленія уніею православія и для привлеченія православныхъ подъ власть римскаго папы, и затѣмъ настоятельно потребовали закрыть соборъ. Митрополитъ не находилъ возможнымъ исполнить это требованіе; его поддержали нѣкоторые изъ членовъ собора, опасавшіеся закрытіемъ собора оскорбить короля и навлечь на себя гнѣвъ. Но въ это время со стороны прибывшихъ на засѣданіе козаковъ послышались слишкомъ недовольные голоса. Князь Заславскій именемъ короля приказывалъ козакамъ, какъ лицамъ неприглашеннымъ на соборъ, не медля удалиться изъ засѣданія, но на таковое приказаніе козаки не обратили вниманія и продолжали громогласно требовать закрытія собора. Члены собора должны были разойтись. На слѣдующій день соборъ опять открылся въ лаврѣ; но опять явились козаки и заявили настоятельное требованіе о закрытіи собора, угрожая въ противномъ случаѣ прибѣгнуть къ насилію. На четвертый день послѣ открытія собора нѣкоторые изъ членовъ его

собрались въ Пустынно-Никольскомъ монастырѣ, но собрались только для того, чтобы заявить маршалку князю Заславскому о невозможности продолжать соборныя засѣданія и о закрытіи собора

Благодаря главнымъ образомъ противодѣйствію запорожцевъ, въ нашей отечественной церкви не повторилось то, чего достигли въ 1596 г. на Брестскомъ соборѣ пропагандисты католицизма.

Послѣ закрытія Кіевскаго собора, Іовъ Борецкій уже не считалъ нужнымъ присутствовать и не присутствовалъ на Львовскомъ соборѣ, на которомъ, по распоряженію Сигизмунда Ш должно было состояться примиреніе между православными и уніатами.

Протоіерей **Петръ Орловскій.**

Къ польско-украинскимъ отношеніямъ Галиціи.[1])

Въ № 127 «Кіевскихъ Откликовъ» появилась статья: «Русинскій вопросъ въ цифровомъ освѣщеніи»: Авторъ ея, г. К. (такъ подписана эта статья), въ своемъ письмѣ въ редакцію, напечатанномъ при статьѣ, поясняетъ, что имъ, какъ полякомъ, руководило желаніе возстановить репутацію своихъ галицкихъ соотечественниковъ и устранить «весьма обидное для поляковъ мнѣніе о производимыхъ ими притѣсненіяхъ русиновъ», и выражаетъ надежду, что опубликованіе статьи его, «способствуя выясненію истины», послужитъ «дѣлу примиренія родственныхъ между собою народностей, населяющихъ и юго-западный край». Исполняя желаніе автора, редакція высказала пожеланіе, чтобы статья вызвала спокойный и безпристрастный обмѣнъ мнѣній и послужила выясненію взаимныхъ отношеній двухъ народностей, населяющихъ Галицію.

Какъ кіевлянинъ по происхожденію и воспитанію, силою обстоятельствъ перенесенный въ центръ галицкихъ, польско-русинскихъ отношеній, я считаю своимъ долгомъ откликнуться на призывъ, заключающійся въ словахъ редакціи, и съ своей стороны посильно содѣйствовать выясненію польско-украинскихъ

---

1) Съ любезнаго разрѣшенія автора, мы перепечатываемъ эту статью цѣликомъ изъ газ. «Кіевскіе Отклики» (№ 141, 148, 161 и 189).

отношеній Галиціи. Я всегда интересовался національными отношеніями вообще и польско-украинскими въ частности. Они имѣютъ за собою почтенную историческую давность, и изученію ихъ исторіи я посвятилъ немало труда, а проживъ одиннадцать лѣтъ въ центрѣ галицкой жизни, имѣлъ достаточно возможности ознакомиться съ ихъ настоящимъ. Установленіе справедливыхъ національныхъ отношеній въ Украинѣ правобережной (т. е. юго-западномъ краѣ) является для меня вопросомъ чрезвычайнаго значенія и интереса, и я вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ автора статьи, что уясненіе галицкихъ національныхъ отношеній съ этой точки зрѣнія можетъ быть весьма полезно. Этого уясненія, однако, трудно достигнуть нѣсколькими цифровыми табличками и общими фразами—цифры требуютъ нѣкоторыхъ объяснительныхъ комментаріевъ, а общіе выводы—болѣе детальныхъ наблюденій, и чтобы понять смыслъ и значеніе національнаго спора Галиціи (спора весьма поучительнаго съ разныхъ точекъ зрѣнія тѣхъ общественныхъ отношеній, къ которымъ открываетъ дорогу нынѣшнее освобожденіе Россіи), мы должны войти въ этотъ вопросъ нѣсколько глубже.

I.

Авторъ «Русинскаго вопроса», какъ обыкновенно поступаютъ защитники польскаго господства въ Галиціи, исходитъ изъ современнаго соотношенія культурныхъ силъ поляковъ и русиновъ, то есть изъ того, что называется «состояніемъ владѣнія» (status possidendi, Besitzstand). Онъ указываетъ на то, что если взять отношеніе студентовъ, учениковъ, профессоровъ русинъ и поляковъ, и вообще культурныхъ силъ и средствъ русинскихъ и польскихъ, то число школъ, гимназій, каѳедръ и т. д. съ русинскимъ языкомъ вполнѣ достаточно, даже слишкомъ велико; что русинамъ не ставится никакихъ препятствій къ достиженію ученыхъ степеней, занятію должностей; что они въ большомъ числѣ встрѣчаются среди преподавателей гимназій, а судебный отдѣлъ положительно ими переполненъ; «въ мѣстномъ центральномъ

учрежденіи они занимаютъ много должностей по выбору» (фраза, настоящій смыслъ которой остается мнѣ неяснымъ), словомъ, если взять пропорцію культурныхъ силъ русиновъ и поляковъ, то русины оказываются въ положеніи даже привилегированномъ, (это отзвукъ того, что въ Галиціи означается техническимъ терминомъ: «угнетеніе русинами поляковъ», ucisk polaków przez rusinów), и если они не имѣютъ больше, чѣмъ сколько имѣютъ въ настоящее время, то виною тому только слабость ихъ собственныхъ силъ, недостатокъ культурности, «равнодушіе къ наукѣ», словомъ, ихъ собственная несостоятельность, обезоруживающая ихъ претензіи и непозволяющая имъ использовать даже тѣ средства и возможности, которыя имъ уже предоставлены.

Авторъ остается на почвѣ интересовъ и силъ культурныхъ; другіе защитники польскаго господства переносятъ эту аргументацію и на почву экономическихъ отношеній, указывая, что поляки, въ качествѣ представителей крупной собственности и капиталистической буржуазіи, представляютъ, сравнительно съ русинами, болѣе значительную платежную силу и съ точки зрѣнія конституціонной (буржуазной) должны пользоваться бóльшимъ вліяніемъ, бóльшимъ голосомъ въ управленіи края и его представительствѣ. При этомъ, защитники польскаго господства, какъ и авторъ, отчасти пользуются статистическими данными, отчасти общими соображеніями о неспособности русиновъ использовать ту возможность самоопредѣленія и развитія, которая имъ предоставляется, и о «болѣе высокой культурѣ» поляковъ, вслѣдствіе которой русины подпадаютъ культурному вліянію польскаго элемента, и т. д. Какъ мы будемъ имѣть случай видѣть, даже исходя изъ такой сравнительной оцѣнки современныхъ культурныхъ и экономическихъ силъ обѣихъ народностей, нынѣшнее состояніе господства (stan posiadania) поляковъ въ Галиціи совершенно не находитъ себѣ оправданія ни въ цифрахъ, ни въ фактахъ, могущихъ служить мѣрою силъ и средствъ обѣихъ народностей. Но прежде чѣмъ перейти на эту почву, мы должны напомнить, что такой учетъ современныхъ отношеній далеко не является единственнымъ принципомъ, съ точки зрѣнія котораго можетъ и должна быть про-

изведена оцѣнка національныхъ отношеній Галиціи. Существуютъ другія точки зрѣнія, гораздо болѣе существенныя, и прежде всего точка зрѣнія историческая, на которую я позволю обратить вниманіе читающаго эти строки. Это впрочемъ не исторія хартій и привилегій, а исторія общественныхъ и культурныхъ отношеній.

Русины и поляки въ Галиціи не представляютъ изъ себя двухъ незнакомцевъ, встрѣтившихся въ настоящее время на новой, нейтральной почвѣ и устанавливающихъ modus vivendi на основаніи учета численныхъ отношеній и экономическихъ и культурныхъ средствъ обѣихъ національностей. Я разумѣю тутъ, конечно, восточную, украинскую, русинскую Галицію, которой, собственно, принадлежитъ это имя и которая является ареною польско-русинскихъ культурныхъ отношеній и борьбы, почти не затрагивающей западной (польской) ея части—Краковскаго воеводства, старой Польши, между тѣмъ какъ восточная Галиція составляла, въ главныхъ чертахъ, воеводство Руское, носившее это характеристическое имя все время существованія польской Рѣчи Посполитои [1]). Національныя польско-украинскія отношенія въ этомъ краѣ, со времени славянскаго разселенія заселенномъ южною (украинскою) вѣтвью восточнаго славянства (говорю объ отношеніяхъ національныхъ внутри края, оставляя въ сторонѣ предшествующую политическую борьбу Руси и Польши за пограничныя земли), завязываются въ половинѣ XIV в., когда въ 1349 г. поляки явились сюда какъ завоеватели, подъ предводительствомъ Казимира Вел. Какъ свидѣтельствуютъ современники и болѣе поздніе писатели, въ тѣ времена Галичина представляла богатый, изобильный дарами природы, благоустроенный край, съ могущественною туземною аристократіею, богатыми городами, оживленными сношеніями съ западной Европой и Востокомъ. Экономически и культурно она стояла если не выше, то во всякомъ случаѣ едвали

[1]) Въ Галичинѣ по старой традиціи термины: Русь, русин, руський обозначаютъ національность малорусскую (украинскую—по принятой теперь терминологіи).

ниже современной Польши [1]). Съ тѣхъ поръ, съ небольшимъ интерваломъ послѣ перваго раздѣла Польши (когда австрійская бюрократія взяла было администрацію Галиціи въ свои руки), въ продолженіе слишкомъ пятисотъ лѣтъ Галичина находилась во власти поляковъ: во владѣніи Польши и подъ польскимъ господствомъ—подъ владѣніемъ Австріи. Въ продолженіе пятисотъ лѣтъ поляки исполняли здѣсь, среди туземнаго русинскаго населенія, свою «историческую культурную миссію», о которой все еще очень серьезно, съ энтузіазмомъ говоритъ польская исторіографія и польская публицистика. И что сдѣлалось съ этою «текущею медомъ и млекомъ» землею, чаровавшею своею роскошью и богатствомъ средневѣковыхъ польскихъ историковъ, за эти пятьсотъ лѣтъ польской опеки, польской культурной миссіи?

Состояніе, въ которомъ получила Галицію австрійская бюрократія въ 1772 г., подводитъ итоги польскаго управленія, польской культурной работы въ этомъ краѣ [2]). Она получила край страшно бѣднымъ и отсталымъ. Торговля и ремесла были въ упадкѣ, города наполнены полуголодными евреями; крестьянство забито, подавлено, разорено; туземный элементъ репрезентовался полуграмотнымъ духовенствомъ, польскій—своевольною, малокультурною шляхтою. Столѣтіе дальнѣйшаго господства поляковъ въ краѣ увѣнчалось тѣмъ состояніемъ, въ какомъ видимъ восточную Галичину теперь: краемъ наиболѣе запущеннымъ, наиболѣе бѣднымъ, наиболѣе темнымъ во всей Западной Европѣ; краемъ безъ торговли, безъ промышленности, совершенно пассивнымъ въ своемъ балансѣ; краемъ, гдѣ голодный тифъ является совершенно обычнымъ и регулярнымъ гостемъ; краемъ, въ которомъ дневной заработокъ взрослаго работника колебался между 15—20 кр. (12—

---

[1]) Объ этомъ всемъ писалъ я подробно въ своей «Історіи Украіни Руси», т. III, IV, V; потому не считаю нужнымъ входить въ детали и цитировать источники; вкратцѣ о польско-украинскихъ отношеніяхъ въ моемъ «Очеркѣ исторіи украинскаго народа».

[1]) Memorial Antoniego hr. Pergena pierwszego gubernatora Galicyi o stanie kraju—Kwartalnik histor. 1900.

15 коп.), до послѣднихъ крестьянскихъ стачекъ, подавленныхъ, впрочемъ, «желѣзною рукою» польской бюрократіи; краемъ, по числу безграмотныхъ составляющимъ настоящее черное пятно на картѣ Европы; краемъ, прославленнымъ самоуправствомъ своей администраціи и неслыханными «разбоями» въ выборахъ, производимыхъ искусною рукою той же администраціи, словомъ, ославленнымъ краемъ нищеты, эпидеміи и безправія, широко популярнымъ съ этой стороны у ближнихъ и дальнихъ сосѣдей.

На днѣ послѣдняго круга этой юдоли горя и мрака очутились старые хозяева края—русины. Передъ своимъ пробужденіемъ, совершившимся въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ XIX в., они представляли почти исключительно этнографическую массу, состоявшую изъ совершенно подавленнаго, темнаго и до крайняго экономическаго истощенія доведеннаго крестьянства, между тѣмъ какъ единственную интеллигенцію (весьма невысокаго качества) составляло духовенство; и представители господствующей народности, польскіе шляхтичи, въ 1860-хъ гг. торжественно заявляли въ галицкомъ сеймѣ, что они не знаютъ русинскаго народа—знаютъ только мужиковъ и поповъ (niema Rusi, są popi i chłopi)!

Старое боярство Галичины, подорванное конфискаціями и отобраніемъ имѣній, сразу отодвинуто было на дальній планъ привилегированными пришельцами, и его остатки утонули въ морѣ польской шляхты. Всевозможными запрещеніями и исключеніями русины были оттиснуты отъ муниципальной жизни, отъ торговли и ремеслъ. Крестьяне, съ развитіемъ барщины и доминіальной власти, обращены въ безгласный рабочій инвентарь польскихъ помѣщиковъ. Земля и угодья перешли въ руки польской шляхты (послѣднимъ актомъ было присвоеніе помѣщиками, послѣ упраздненія подданства (въ 1848 г.), угодій, находившихся въ общемъ пользованіи помѣщика и крестьянъ: безчисленные процессы крестьянъ съ помѣщиками за эти «ліси і пасовиска», лѣса и пастбища, были проиграны крестьянами въ галицкихъ судахъ). Лишенное образовательныхъ средствъ, духовенство упало до уровня полуграмотныхъ «луцаковъ», пока не подняли его

уровня мѣры австрійскаго правителества. Духовная жизнь народа низведена до убогихъ остатковъ церковной литературы и устной словесности. До такого убожества дошла галицкая Русь предъ своимъ возрожденіемъ—и, несмотря на геройскія усилія послѣднихъ десятилѣтій, она и теперь недалеко ушла отъ этого печальнаго положенія.

Состояніе, несомнѣнно, жалкое. Но вмѣсто того, чтобы на этомъ фактѣ, т. е. что сравнительно съ польскимъ элементомъ, господствовавшимъ въ этомъ краѣ въ продолженіе пяти столѣтій и сохраняющимъ по сіе время свою привилегированную позицію, элементъ русинскій оказывается болѣе слабымъ экономически и культурно (самъ по себѣ польскій элементъ также не высоко зашелъ въ экономическомъ и культурномъ преуспѣяніи и можетъ соперничать только съ подавленнымъ вѣковымъ гнетомъ элементомъ русинскимъ),—вмѣсто того, говорю, чтобы на этомъ фактѣ основывать права на дальнѣйшее господство поляковъ въ Галиціи, права держать въ черномъ тѣлѣ русиновъ и пользоваться всѣми экономическими и культурными средствами края (находящагося теперь въ ихъ безконтрольной власти) исключительно въ интересахъ своей народности и ея національныхъ интересовъ,—мы должны спросить: господа поляки, вы пять столѣтій господствовали въ этомъ краю и насаждали въ немъ культуру, какъ говорятъ, ваши историки и публицисты,—почему же этотъ край вообще и его туземное населеніе въ частности очутилось въ такомъ невозможно жалкомъ состояніи? что сдѣлали вы за время вашего господства для поднятія его изъ этого жалкаго состоянія? Вы овладѣли его землями и водами—что дали вы ему взамѣнъ? Вы сдѣлались господами на его землѣ и русины стали «наймытами», работающими на дворахъ и поляхъ вашихъ,—зачѣмъ же заграждаете имъ пути къ улучшенію быта, къ возстановленію ихъ человѣческихъ правъ?

Это одна точка зрѣнія. Въ связи съ нею стоитъ другая, которую также никакъ нельзя упускать изъ вида для правильнаго пониманія польско-украинскаго спора въ Галичинѣ и оцѣнки здѣшнихъ національныхъ отношеній.

Русины въ восточной Галиціи составляютъ коренное населеніе [1]). До сихъ поръ, несмотря на многовѣковую денаціонализацію русинскаго элемента, вольную и невольную, они и теперь составляютъ крупное большинство въ этомъ краѣ. Даже по оффиціальной галицкой статистикѣ, вообще представляющей процентъ поляковъ большимъ (иногда значительно большимъ) сравнительно съ дѣйствительностью, русины по переписи 1900 г. [2]) изъ 50 повѣтовъ восточной Галиціи въ 35 повѣтахъ составляли болѣе 60 проц. населенія, въ 18 повѣтахъ болѣе 70 проц., въ 7 болѣе 80 проц., а въ дѣйствительности, вѣроятно, составляютъ около 70 проц. всего здѣшняго населенія, между тѣмъ какъ остальные 30 проц. дѣлятся между евреями и поляками. (Цифры оффиціальной статистики не даютъ настоящаго понятія о дѣйствительныхъ отношеніяхъ, такъ какъ: 1) онѣ въ рубрику поляковъ зачисляютъ евреевъ, которыхъ австрійская статистика не выдѣляетъ въ особую національную категорію, разсматривая ихъ не какъ національность, а какъ исповѣданіе; 2) въ рубрику поляковъ вносятся обыкновенно русины римско-католическаго исповѣданія, на основаніи этой конфессіи, хотя по національности они русины; 3) при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ она производится, эта статистика даетъ, вообще, болѣе благопріятные результаты для господствующей національности; эти соображенія нужно будетъ имѣть въ виду и далѣе, при оффиціальныхъ статистическихъ данныхъ [3]). Своею безотносительною численностью русины предста-

---

[1]) То есть они живутъ здѣсь со времени славянскаго разселенія; болѣе давней метрики не имѣетъ никакое другое славянское населеніе.

[2]) Пользуюсь оффиціальнымъ изданіемъ: Podręcznik statystyki Galicyi п. VII, 1903.

[3]) Въ моментъ присоединенія Галиціи къ Австріи первый губернаторъ ея гр. Пергенъ считалъ населеніе цѣлой Галиціи (восточной и западной, нѣсколько отличавшейся, однако, своими границами отъ нынѣшней) въ 2 милліона, въ томъ числѣ $^2/_3$ русиновъ и около $^1/_4$ поляковъ. По переписи 1900 г., русиновъ въ цѣлой Галиціи было 3,074 тыс., поляковъ 3,988 тыс., но изъ этого числа поляковъ нужно въ дѣйствительности исключить 800 т. евреевъ, и перечислить изъ

вляютъ также очень замѣтную величину среди народовъ Австріи: они занимаютъ третье мѣсто среди народовъ Цислейтаніи, уступая численностью только нѣмцамъ и чехамъ и превосходя поляковъ [1]). Являясь кореннымъ населеніемъ одной изъ обширнѣйшихъ провинцій Австріи, составляющимъ и теперь большинство ея, представляя по численности своей одну изъ крупнѣйшихъ національностей Австріи, русины, конечно, имѣютъ право требовать, чтобы государство, берущее съ нихъ подати и рекрутъ, заботилось и объ ихъ экономическихъ и культурныхъ нуждахъ.

Болѣе или менѣе равняясь по численности съ поляками (собственно—превосходя ихъ), русинская народность имѣетъ право требовать отъ государства, чтобы оно удѣляло ея нуждамъ болѣе или менѣе столько же попеченія и вниманія, сколько удѣляется его полякамъ. Тотъ фактъ, что русины стоятъ экономически и культурно слабѣе поляковъ, нисколько, конечно, не уменьшаетъ ихъ правъ па вниманіе. Наоборотъ, народности отставшія, поставленыя въ менѣе выгодныя для своего развитія условія, имѣютъ право на усиленное вниманіе правительства, если понимать роль

польской въ русинскую категорію, не менѣе, вѣроятно, 200 т. русинъ римско-католическаго исповѣданія. Такимъ образомъ въ настоящее время число русиновъ въ Галиціи почти равняется числу поляковъ (лищь нѣсколько превосходитъ). Если за сообщеніемъ Пергена признать только приблизительную вѣрность, все же приходится констатировать большія потери русинскаго элемента за послѣднее столѣтіе. Причины ихъ отчасти будутъ ясны изъ дальнѣйшаго.

[1]) По переписи 1900 г. въ Австріи (Цислейтаніи) было 4,259 тыс. поляковъ и 3,375 тыс. русиновъ (Галиція и Буковина). Сообразно вышесказанному, исключивъ 811 тыс. галицкихъ евреевъ и перенеся изъ польской категоріи въ русинскую римско-католиковъ русинъ, мы получили отношеніе 3,2 мил. поляковъ и 3,5 мил. русиновъ, но цифра русинъ все еще, несомнѣнно, ниже дѣйствительной. Къ этой русинской территоріи Цислейтаніи примыкаетъ еще территорія Угорской Руси (входящая уже въ составъ другого политическаго организма) съ русинскимъ населеніемъ не менѣе 450 тыс,, такъ что русинская територія Австро-Венгріи въ общемъ заключаетъ около 4 милліоновъ украинскаго (русинскаго) населенія.

государства не въ формѣ пресса, выжимающаго изъ своихъ членовъ подати и рекрутовъ, или даже банкира, ведущаго текущіе счета своихъ кліентовъ и выплачивающаго соотвѣтственные ихъ вкладамъ проценты. Принципъ, который проводятъ поляки (и въ томъ числѣ и г. К.) и который сводится, собственно, къ словамъ: кто имѣетъ много, тому будетъ еще дано, а у неимущаго будетъ взято и то, что онъ имѣетъ, не соотвѣтствуетъ современному понятію о государствѣ.

Въ продолженіе послѣднихъ сорока лѣтъ правительствомъ для Галиціи фактически была польская шляхта. Начиная съ 1860-хъ гг. и до нынѣшняго дня она играла роль лейбъ-гвардіи вѣнскаго правительства и династіи и за это требовала отъ правительства сохраненія своего господства въ Галиціи, неприкосновенности преобладанія польской національности, невмѣшательства центральныхъ органовъ въ управленіе Галиціи. Составляя тѣсно сплоченную, хорошо организованную группу, преслѣдующую, собственно, свои сословные (феодальные) интересы, но прикрывающую ихъ программою національнаго господства, во имя которой она требуетъ солидарности и отъ польской буржуазіи (впрочемъ слабой), и отъ прочихъ польскихъ общественныхъ элементовъ,—польская шляхта дѣйствительно оказываетъ существенные услуги вѣнскому правительству, поддерживая его во всемъ и служа оплотомъ бюрократическо-феодальныхъ элементовъ, и за то дѣйствительно безконтрольно и всевластно правитъ Галиціей. Всѣ высшія позиціи въ управленіи края замѣщаются по рекомендаціи польскаго шляхетскаго клуба, а спеціальный министръ для Галиціи и рядъ польскихъ директоровъ департаментовъ въ вѣнскихъ министерствахъ, назначаемые по рекомендаціи того же клуба, тщательно слѣдятъ, чтобы изъ правительственныхъ круговъ не вышло ничего, что могло бы нарушить польскій stan posiadania въ Галиціи, а въ противномъ случаѣ кладутъ свое veto и пускаютъ въ дѣло и могущественное вліяніе польскаго клуба.

Поэтому по адресу поляковъ и въ частности польской шляхты обращаютъ русины тѣ претензіи, которыя они считаютъ себя вправѣ предъявить правительству и государству. Ихъ дѣ-

лаютъ они отвѣтственными за то, что для подъема и развитія украинской (русинской) народности дѣлается такъ мало, что ее держатъ въ подневольномъ положеніи, и намѣренія центральнаго правительства сдѣлать что нибудь для русинъ разбиваются о сопротивленіе польской шляхты. Ихъ считаютъ они отвѣтственными за то, что управленіе краемъ сводится лишь къ поддержанію польскаго господства въ немъ всякими средствами, въ ущербъ не только русинскому населенію, но и экономическому и культурному развитію края вообще. Ихъ обвиняютъ они въ томъ, что къ бюрократической косности Австріи присоединяются еще тормазы національнаго и сословнаго характера, и русинскія народныя массы безплодно бьются о стѣны этой формы въ своихъ стремленіяхъ къ экономическому, культурному и политическому развитію.

Русины требуютъ раздѣла этнографическихъ территорій—отдѣленія восточной (украинской) отъ западной (польской) Галиціи, національной автономіи, предоставленія украинскому (русинскому) элементу въ восточной Галиціи такой роли, какая слѣдуетъ ему, какъ національности, превосходящей болѣе чѣмъ въ три раза польское населеніе. Они требуютъ, чтобы украинской (русинской) народности были предоставлены тѣ культурныя и образовательныя средства, какими пользуется польская народность въ западной, польской, части Галиціи; чтобы было обращено вниманіе на тяжелое положеніе крестьянскихъ массъ, изъ которыхъ состоитъ главнымъ образомъ русинское населеніе восточной Галиціи; чтобы были устранены тѣ искусственно созданныя и поддерживаемыя условія, которыя держатъ ихъ въ полной зависимости отъ землевладѣльцевъ—польской шляхты и затрудняютъ всякую возможность экономическаго и культурнаго развитія

Поляки противятся раздѣлу этнографическихъ территорій. Объединеніе восточной и западной Галиціи, скрѣпляетъ положеніе польскаго элемента въ восточной Галиціи обезпечиваетъ ему (особенно при нынѣшней системѣ представительства) полное преобладаніе въ мѣстномъ сеймѣ, даетъ возможность держать въ рукахъ управленіе обѣихъ частей Галиціи, наводнять восточную

Галицію чиновниками, учителями и пр. изъ западной Галиціи (традиціонная система заключается въ томъ, что чиновники, учителя и пр. русинской народности, особенно почему либо «неудобные», назначаются въ польскія мѣстности западной Галиціи, а тамошніе—въ повѣты восточной Галиціи система, не утратившая практическаго значенія и доселѣ, несмотря на громкіе протесты русиновъ), и вообще пользоваться всѣми средствами края для усиленія польской національности.

Утративъ, можетъ быть, надежду денаціонализировать вполнѣ русинское населеніе, польская правящая партія (поддерживаемая, впрочемъ, въ этихъ стремленіяхъ польскимъ обществомъ вообще) рядомъ искусно обдуманныхъ мѣръ, слагающихся въ цѣльную систему, стремится къ тому, чтобы ослабить русинскій элементъ численно и качественно, задержать его по возможности въ состояніи этнографической массы, не дать развиться національной жизни. Какъ откровенно признаются они сами въ болѣе искренніе моменты, ея представители стремятся къ тому, чтобы вознаградить утраты, понесенныя польскою народностью въ Пруссіи и въ Царствѣ Польскомъ, усиленіемъ ея въ Галиціи—и это усиленіе можетъ произойти только цѣною народности русинской (также и еврейской).

Тутъ лежитъ центръ тяжести національнаго спора Галиціи. Русины домогаются, чтобы съ ними считались, какъ съ національностью, наравнѣ съ польскою, дали имъ то мѣсто въ восточной Галиціи, какое поляки занимаютъ на своей этнографической территоріи Галиціи. Поляки поддерживаютъ принципъ неравноцѣнности національностей и, ссылаясь на культурное и экономическое превосходство поляковъ и скромно умалчивая, что до своего экономическаго и культурнаго упадка русины доведены поляками и ими же удерживаются въ этомъ состояніи,—желаютъ для польской національности сохранить положеніе народности господствующей (nacyi dominującej w kraju), а украинскую—въ положеніи подчиненной и низшей.

Съ точки зрѣнія національнаго эгоизма—политика понятная. Но теперь національный эгоизмъ обыкновенно не рѣшается вы-

ходить на свѣтъ божій безъ прикрытія. Для этого служатъ толки о высшей и низшей культурности, о культурныхъ миссіяхъ и даже о высшихъ и низшихъ расовыхъ качествахъ. Приходится обращаться къ такимъ прикрытіямъ и полякамъ Галиціи, тѣмъ болѣе, что толки объ угнетеніи русинъ поляками компрометируютъ протесты поляковъ противъ національнаго безправія, претерпѣваемаго ими въ Россіи и Пруссіи. Тамъ безправіе также оправдывается разговорами о низшей культурѣ поляковъ, низшей славянской расѣ или даже—о неспособности поляковъ къ политической жизни, отсутствіи государственной способности и т. д. Полякамъ приходится обращаться тамъ къ аргументамъ національной справедливости и естественныхъ правъ человѣка. Г-нъ К. въ своей защитѣ польскаго режима Галиціи также заявляетъ, что отношенія поляковъ къ русинамъ совершенно не нарушаютъ «національной справедливости», и единственною причиною превалирующаго положенія поляковъ является ихъ высшая культурность въ сравненіи съ русинами. Болѣе детальное разсмотрѣніе вопросовъ, затронутыхъ въ его статьѣ, покажетъ намъ, насколько основательны эти утвержденія, бросающія такой невыгодный свѣтъ на украинскую народность, и откроетъ намъ тѣ дѣйствительные устои, на которыхъ опирается польское господство. Къ этому детальному разсмотрѣнію перехожу теперь.

II.

Въ своей статьѣ г. К. обращаетъ особенное вниманіе на университетскій вопросъ. Онъ начинаетъ свои выкладки университетской статистикой и ею же оканчиваетъ; при этомъ, какъ онъ заявляетъ, университетскій вопросъ имъ разсматривается «исключительно съ точки зрѣнія народной справедливости».

A la bonne heure! Будемъ и мы въ обсужденіи этого вопроса имѣть въ виду эту точку зрѣнія «національной справедливости». А такъ какъ университетскій вопросъ дѣйствительно вопросъ очень громкій и наболѣвшій, нѣсколько лѣтъ тому назадъ

прогремѣвшій на всю Европу (благодаря поголовному выходу студентовъ русиновъ изъ львовскаго университета въ 1901 г.), потрясшій все украинское населеніе Галичины и выросшій до значенія національнаго вопроса первой величины, то мы тоже дадимъ ему приличное мѣсто и начнемъ съ него. Разсмотрѣніе его разъяснитъ намъ, какъ понимаетъ «національную справедливость г. К. и тѣ люди, мнѣнія которыхъ отражаетъ его статья [1]).

И здѣсь, какъ и въ другихъ вопросахъ, г. К. оставляетъ въ сторонѣ исторію вопроса, хотя она имѣетъ существенное значеніе для его пониманія [2]).

Львовскій университетъ былъ учрежденъ въ 1784 г. австрійскимъ правительствомъ и, съ перерывомъ въ 1805—1818 гг., существуетъ съ тѣхъ поръ до настоящаго времени. До 1870-хъ гг. онъ имѣлъ характеръ нѣмецкій, но несомнѣнно имѣлъ въ виду культурныя потребности русинскаго населенія восточной Галиціи; для приготовленія русинской молодежи къ университетскимъ курсамъ, при немъ былъ учрежденъ лицей съ богословско-философскими предметами, преподававшимися профессорами-русинами. Въ 1818 году, послѣ упомянутаго перерыва (въ теченіе котораго существовалъ только лицей, а университета не было) лицей преобразованъ въ университетъ, а мѣсто его заняла т. н. академическая гимназія (первая львовская гимназія, по традиціи ставшая русинскою при национализаціи школъ). Свой взглядъ на національное, такъ сказать, назначеніе львовскаго университета

---

1) Статья г. К. составляетъ сокращеніе, или, точнѣе, сокращенный (съ нѣкоторыми пропусками и измѣненіями) переводъ статьи Т. Гиральтовскаго (T. Gieraltowski. Kwestya ruska w cyfrach), напечатанной въ журналъ Przegląd Wszechpolski, 1902 (статья первая,—вторую г. К. оставилъ въ сторонѣ).

2) Подробнѣе исторія вопроса изложена въ моей брошюрѣ: „Справа українського університету у Львові", 1899 (перепечатка изъ журнала „Литерат.-Науковий Вістникъ", съ подписью Obserwator.). Большая (оффиціальная) исторія Львовскаго университета: Finkel i Starzinski «Historya uniwersytetu lwowskiego», Львовъ, 1894.

вѣнское правительство высказало въ изданномъ въ 1848 году распоряженіи о введеніи нѣмецкаго преподаванія въ гимназіяхъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ русинской части Галиціи. Въ немъ нѣмецкое преподаваніе какъ въ гимназіяхъ, такъ и въ университетѣ объявлялось временнымъ, пока не найдутся профессора, способные преподавать предметы на мѣстномъ языкѣ, т. е. русинскомъ. Обращеніе львовскаго университета въ русинскій, въ ближайшемъ будущемъ, считалось вопросомъ рѣшеннымъ, и такъ смотрѣла на это сама университетская корпорація. И это, конечно, было совершенно справедливымъ и разумнымъ планомъ, такъ какъ поляки имѣли свой университетъ въ Краковѣ, а въ восточной, русинской части Галиціи нужно было имѣть въ виду культурные и образовательные интересы мѣстнаго, русинскаго (украинскаго) населенія. Но, заявивъ эти благія намѣренія, австрійская бюрократія ничего не сдѣлала для ихъ осуществленія—для подготовки «способныхъ и соотвѣтственно приготовленныхъ» профессоровъ и преподавателей и постепеннаго введенія преподаванія на русинскомъ языкѣ. Учреждены были только (въ 1848—1849 гг.) каѳедры русинскаго (украинскаго) языка и литературы (на философскомъ факультетѣ) и пастырскаго богословія (на богословскомъ факультетѣ), съ преподаваніемъ на русинскомъ языкѣ, а въ остальномъ «временное» преподаваніе на нѣмецкомъ языкѣ шло дальше, и правительство вспомнило о русинскомъ языкѣ снова лишь въ 1860-хъ годахъ, когда снова вышелъ на очередь вопросъ о націонализаціи галицкихъ университетовъ. Въ 1861 г. введено въ краковскомъ университетѣ преподаваніе на польскомъ языкѣ вмѣсто нѣмецкаго (сначала, впрочемъ, съ нѣкоторыми ограниченіями). Львовскій университетъ правительство предназначило опять-таки для русиновъ, но въ виду отсутствія въ немъ профессоровъ русиновъ (кромѣ богословскаго факультета, на которомъ преподаваніе происходило, главнымъ образомъ, на нейтральномъ латинскомъ языкѣ, сохраненномъ и позже), не ввело тутъ русинскаго языка въ тѣхъ размѣрахъ, какъ сдѣлало это въ Краковѣ съ польскимъ, а учредило только нѣсколько параллельныхъ каѳедръ

съ русинскимъ языкомъ на юридическомъ факультетѣ. Оно поручило факультету замѣстить двѣ изъ нихъ (гражданскаго судопроизводства и уголовнаго права и судопроизводства) готовыми кандидатами безъ представленія диссертаціи, а учрежденіе дальнѣйшихъ русинскихъ каѳедръ обусловливало наличностью кандидатовъ, которые бы удовлетворили университетскимъ требованіямъ.

Если мы припомнимъ сказанное въ предшествующей статьѣ о глубокомъ упадкѣ, въ который къ этому времени былъ приведенъ русинскій элементъ въ Галиціи вѣковою опекою польской народности и ея руководящихъ круговъ, если, съ другой стороны, мы примемъ въ соображеніе, что какъ разъ польская шляхта, смѣнивъ политику фронды по отношенію къ австрійскому правительству на политику ультра-правительственную, вполнѣ захватываетъ въ свои руки управленіе краемъ и своимъ могущественнымъ вліяніемъ въ Вѣнѣ начинаетъ тормозить все, что могло бы содѣйствовать развитію русинскаго элемента,—мы не будемъ удивляться, что среди русиновъ не много нашлось лицъ, рѣшившихся воспользоваться возможностью университетской карьеры. Приготовленіе къ профессурѣ вещь очень не легкая, требующая не только способностей, энергіи, но и средствъ, а правительство ничего не сдѣлало, чтобы облегчить приготовленіе къ профессурѣ кандидатамъ-русинамъ—ничего того, что всегда практикуется въ такихъ условіяхъ (раздача стипендій, ученыя командировки и т. п.). Между тѣмъ, на пути русиновъ стояли такія недоброжелательныя инстанціи, какъ нѣмецкая профессорская корпорація, польская администрація и представительство края, оказывавшая существенное вліяніе на вопросъ университетскій, какъ и на другіе вопросы мѣстныхъ отношеній. И неудивительно, что среди слабой еще тогда и количественно, и качественно русинской интеллигенціи. подавленной польскимъ господствомъ, лишенной вѣры въ возможность достичь чего-либо и занятой заботой о кускѣ хлѣба, не находилось смѣльчаковъ, готовыхъ плыть между Сциллой и Харибдой къ такой проблематической цѣли, какою были эти «могущія быть учрежденными» русинскія каѳедры.

Между тѣмъ, поляки, обезпечивъ себѣ господство въ краѣ и достигнувъ того, что польскій языкъ введенъ былъ уже въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ восточной (русинской) Галиціи, безъ устали штурмовали центральное правительство, домогаясь введенія польскаго языка и во львовскомъ университетѣ. Польская администрація края и представительство были проводниками этихъ требованій и по отношенію къ центральному правительству, и по отношенію къ университетскимъ властямъ, подъ этимъ давленіемъ дѣлавшимъ разныя уступки польскому элементу. Но австрійское правительство не рѣшалось все таки разстаться съ мыслью, что львовскій университетъ принадлежитъ русинамъ, хотя и не дѣлало ничего для осуществленія этой мысли. Наконецъ, уступая давленію, оно предоставило рѣшить вопросъ самимъ борющимся національностямъ (другими словами—предоставило сильнѣйшей оттѣснить слабѣйшую собственными средствами). Въ 1871 г. императорскій рескриптъ отмѣнилъ во львовскомъ университетѣ преподаваніе на нѣмецкомъ языкѣ; профессора, которые бы не могли преподавать на одномъ «изъ языковъ края» (Landessprache), въ продолженіе трехъ лѣтъ имѣли быть перемѣщены въ другіе университеты, и къ преподаванію въ университетѣ должны были на будущее время допускаться только лица, владѣющія однимъ изъ языковъ края, т. е. русинскимъ или польскимъ.

Это распоряженіе, такимъ образомъ, не рѣшало вопроса о языкѣ преподаванія. Но при тогдашнемъ положеніи обѣихъ народностей, результатъ очень легко можно было предвидѣть. Въ продолженіе трехъ лѣтъ факультеты философскій и юридическій [1]) были замѣщены поляками, благодаря дружнымъ усиліямъ польской администраціи, университета и министерства, въ которомъ польское вліяніе было достаточно сильно. Отысканы были подающія надежду лица и имъ дана возможность подготовиться къ

[1]) Богословскаго факультета реформа не касалась, а медицинскаго тогда во Львовѣ еще не было.

преподаванію; за неимѣніемъ мѣстныхъ силъ были приглашены поляки преподаватели или заявившіе себя въ наукѣ люди изъ Россіи, изъ Германіи и т. д. Въ 1874 г. львовскій университетъ былъ уже фактически польскимъ, и, разъ завладѣвъ университетомъ, поляки оказались въ немъ вполнѣ господами положенія, благодаря университетской автономіи.

Въ Австріи автономія университетовъ и de jure довольно значительна; если же за профессорскою корпораціею, какъ въ данномъ случаѣ—за польскою корпораціею львовскаго университета, стоитъ и мѣстная администрація, и могущественное вліяніе польскаго шляхетскаго клуба, и другія связи, то университетъ является твердынею, можно сказать, неприступною. Вакантныя каѳедры замѣщаются министерствомъ кандидатами, предложенными факультетомъ; факультетъ иногда предлагаетъ нѣсколькихъ кандидатовъ на выборъ, иногда только одного; замѣщенія помимо предложенія факультета случаются рѣдко и принимаются съ неудовольствіемъ, какъ нарушеніе автономіи. Допущеніе къ преподаванію (venia legendi) зависитъ вполнѣ отъ факультета. Чтобы получить званіе приватъ-доцента, кандидатъ (онъ при этомъ долженъ имѣть степень доктора даннаго факультета) долженъ представить самостоятельную научную работу [1]), а по принятіи ея факультетомъ—подвергнуться устному испытанію въ засѣданіи факультета (colloquium) и прочесть двѣ пробныя лекціи. Признавъ всѣ эти стадіи испытанія удовлетворительными, факультетъ представляетъ кандидата министру къ утвержденію въ званіи приватъ-доцента; министръ запрашиваетъ мѣстную администрацію относительно политической благонадежности кандидата и утверждаетъ его, получивъ благопріятный отвѣтъ. Приватъ-доценты или профессора, желающіе перенести свое преподаваніе въ другой университетъ, нуждаются также въ согласіи факультета этого университета.

---

[1]) Отъ диссертаціи на степень доктора философіи полной самостоятельности изслѣдованія не требуется, по крайней мѣрѣ, не въ такой степени. Докторатъ же правъ и медицины дается на основаніи только устныхъ испытаній, безъ диссертаціи.

Я нарочно остановился на этихъ порядкахъ, чтобы дать понять, какое значеніе имѣетъ факультетъ при замѣщеніи каѳедръ и при допущеніи къ университетской дѣятельности, какимъ полнымъ хозяиномъ, и въ положительномъ и въ отрицательномъ смыслѣ, является онъ въ этихъ вопросахъ. Противъ воли факультета почти нѣтъ возможности проникнуть въ университетъ (если министерство не имѣетъ намѣренія ему насолить—чего при галицко-вѣнскихъ отношеніяхъ нѣтъ возможности допустить). Оцѣнка научнаго качества диссертаціи, удовлетворительности устнаго испытанія, лекторскихъ достоинствъ при пробныхъ лекціяхъ—все это вещи, почти не поддающіяся учету, и на судъ факультета здѣсь нѣтъ апелляціи. Провалиться же при юбилитаціи, получить неблагопріятную оцѣнку своей диссертаціи отъ факультета и т. п.—все это вещи очень тяжелыя для каждаго, дорожащаго своей научной репутаціей, и поэтому очень трудно разсчитывать на смѣльчаковъ, которые бы рисковали искать veniam legendi, зная, что для факультета они являются нежелательными гостями.

И вотъ мы видимъ, что, завладѣвъ фактически университетомъ, польская корпорація удерживаетъ его въ полномъ своемъ обладаніи. За исключеніемъ нѣсколькихъ каѳедръ, учрежденныхъ спеціально для преподаванія на русинскомъ языкѣ (въ 1840—1860 гг. было учреждено четыре [1]), потомъ явилось еще двѣ [2]), всѣ остальныя каѳедры замѣщались исключительно поляками. За все это время на эти каѳедры факультетами не было предложено министерству ни одного кандидата русинской народности. Зная настроеніе факультетовъ, права преподаванія во львовскомъ

---

[1]) Каѳедра украинскаго (русинскаго) языка и литературы—на философскомъ, гражданскаго права, уголовнаго права и процесса—на юридическомъ, пастырскаго богословія—на богословскомъ.

[2]) Каѳедра всеобщей исторіи (съ 1894 г.); вторая каѳедра рутенистики съ присоединеніемъ церковно-славянскаго языка и украинской церковной литературы (съ 1899 г.)—на философскомъ факультетѣ.

университетѣ обыкновенно искали только лица, надѣявшіяся проплыть благополучно подъ исключительно-счастливыми созвѣздіями [1]). Остальные уходили въ другіе университеты—чешскіе, хорватскіе, нѣмецкіе (такъ изъ русинъ-галичанъ, преподававшихъ въ другихъ университетахъ въ 1880—90 г., извѣстны мнѣ: извѣстный физіологъ Горбачевскій—въ пражскомъ университетѣ, извѣстный физикъ и электротехникъ Пулюй въ пражской политехникѣ, извѣстный окулистъ Борисиневичъ въ грацкомъ университетѣ, славистъ Калужняцкій и историкъ Мильковичъ въ черновецкомъ, юристъ Зобкинъ въ загребскомъ и т. д.).

Даже во львовской политехникѣ, гдѣ не было національнаго вопроса, такъ какъ ей съ самаго основанія, въ 1870-хъ гг., правительствомъ былъ сообщенъ польскій характеръ, и вслѣдствіе того, что среди студентовъ русиновъ было мало, вопросъ о преподаваніи на украинскомъ (русинскомъ) языкѣ и не подымался,—даже здѣсь получили каѳедры русины (минералогъ Медведскій, ботаникъ Волощакъ, механикъ Мариякъ, технологъ Залозецкій и т. п.). Въ двери же львовскаго университета стучаться обыкновенно не дерзали. Если же кто-либо, «не спросясь броду», пробовалъ счастья во львовскомъ университетѣ, то результатъ часто былъ неблагопріятный. Такъ неудачны были пробы д-ра Зобкова, отъ котораго факультетъ сначала не принялъ прошенія, потомъ забраковалъ диссертацію (на основаніи которой онъ затѣмъ получилъ venіam docendi въ Загребѣ) и наконецъ отклонилъ его просьбу о допущеніи къ преподаванію въ качествѣ суплента [2])

---

[1]) Этимъ объясняется «огромный» процентъ русиновъ, допущенныхъ къ чтенію лекцій, фигурирующій—и у г. К. Изъ кандидатовъ русиновъ получило veniam legendi 75%, а поляковъ только—40%. Нужно только прибавить, что всѣхъ кандидатовъ русиновъ при этомъ было 4 (позднѣйшія забраковки, о которыхъ я говорю, здѣсь не приняты въ расчеты), а поляковъ нѣсколько десятковъ...

[2]) Суплентами называются лица безъ званія приватъ-доцента, допущенныя временно къ чтенію лекцій на вакантной каѳедрѣ впредь до ея замѣщенія

на вакантной тогда каѳедрѣ гражданскаго права; такъ потерпѣлъ неудачу др. Франко, искавшій veniam legendi по исторіи литературы и этнографіи (онъ былъ принятъ факультетомъ, но не утвержденъ вслѣдствіе неблагопріятной аттестаціи галицкой, польской администраціи), и не возобновлялъ послѣ того уже попытокъ къ университетской дѣятельности; такъ потерпѣлъ неудачу д-ръ Мильковичъ, занявшій затѣмъ каѳедру въ черновецкомъ университетѣ; не принята была диссертація д-ра Студинскаго, который вслѣдъ затѣмъ на основаніи ея же получилъ veniam legendi въ Краковѣ и немного позже, когда заблистало благопріятное созвѣздіе, былъ приглашенъ на каѳедру изъ Кракова во львовскій университетъ; такъ, наконецъ, недавно былъ принужденъ взять назадъ свое прошеніе математикъ д-ръ Левицкій...

Для русиновъ оставались доступными (и то при наличности благопріятныхъ созвѣздій) только упомянутыя каѳедры съ русинскимъ языкомъ. Но и тутъ не обходилось безъ попытокъ въ противоположномъ смыслѣ. Въ 1880 г. юридическій факультетъ предложилъ министерству упразднить каѳедры съ русинскимъ языкомъ (въ то время было ихъ двѣ, обѣ экстраординатуры) и вмѣсто нихъ учредить вторую ординатуру гражданскаго права общаго характера (т. е. безъ ограниченія русинскимъ языкомъ, а съ правомъ преподаванія или по русински или по польски,—какъ мы знаемъ такая альтернатива существовала для всѣхъ общихъ каѳедръ, на этомъ основаніи обратившихся въ каѳедры фактически польскія). Министерство, однако, не согласилось. Въ 1890-хъ гг. была попытка, забраковавъ кандидата-русина, провести на вакантную каѳедру гражданскаго права доцента поляка, но она уже не удалась, и въ концѣ концовъ пришлось назначить русина.

Такое положеніе вещей начало возбуждать въ украинскихъ (русинскихъ) кругахъ Галиціи все болѣе рѣшительное неудовольствіе съ подъемомъ національной жизни (начинающимся особенно съ 1890-хъ гг.), съ ростомъ интеллигенціи, съ увеличеніемъ ея культурныхъ и научныхъ запросовъ.

Культурныя силы наростали. Число студентовъ-русиновъ все увеличивалось. Потребность въ украинскихъ курсахъ чувствовалась все живѣе, и сознавалась возможность ихъ созданія. Началась замѣтная научная работа въ реорганизованномъ «Науковомъ товариствѣ імени Шевченка». Указывали на лицъ, которыя могли бы вполнѣ удовлетворить требованіямъ университетскаго преподаванія. Изъ Россіи вызывались лица, которыя были не прочь взять на себя преподаваніе тѣхъ или иныхъ курсовъ на украинскомъ языкѣ въ львовскомъ университетѣ...

На эти или подобныя представленія съ русинской стороны, съ польской стороны обыкновенно отвѣчали увѣреніями, что поляки готовы удовлетворять всѣ дѣйствительныя (по мнѣнію поляковъ) культурныя (не политическія!) потребности русиновъ; что увеличеніе русинскихъ каѳедръ зависитъ только отъ наличности научныхъ силъ; что университетъ не будетъ дѣлать никакихъ препятствій имъ въ достиженіи veniae legendi и т. п. Но дѣйствительность плохо гармонировала съ этими увѣреніями. Сильное впечатлѣніе произвелъ упомянутый выше эпизодъ, когда по смерти профессора гражданскаго права—русина, занимавшаго каѳедру съ русинскимъ языкомъ, искавшій доцентуры др. Зобковъ былъ забракованъ, а преподаваніе было поручено доценту-поляку. Нѣсколько другихъ проваловъ кандидатовъ-русиновъ около этого же времени усилили впечатлѣніе. Стали появляться голоса, все болѣе и болѣе настойчивые, что пока вопросъ о русинскихъ доцентурахъ и каѳедрахъ будетъ рѣшаться факультетами, состоящими изъ профессоровъ-поляковъ, онъ будетъ безнадежнымъ; что единственнымъ выходомъ было бы основаніе отдѣльнаго украинскаго университета, для котораго отчасти нашлись бы готовыя силы, отчасти могли бы быть приготовлены впродолженіе двухъ-трехъ лѣтъ, если бы это дѣло поведено было при участіи учрежденій, интересующихся культурными успѣхами русиновъ, какъ «Науковое Товариство ім. Шевченка», которое въ этомъ смыслѣ обращалось съ записками въ министерство, и т. п. Но на это изъ министерскихъ и другихъ сферъ опять получился отвѣтъ, что нужно прежде всего имѣть готовыя силы—профессо-

ровъ и доцентовъ, рекомендовалось пріобрѣтать veniam legendi во львовскомъ университетѣ, а предложеніе обратиться къ вызову преподавательскихъ силъ изъ-за границы пропускалось мимо ушей, какъ бы невозможное и неисполнимое, хотя такія замѣщенія заграничными кандидатами практикуются вездѣ сплошь да рядомъ, и постоянно практиковались и практикуются при замѣщеніи каѳедръ польскими силами.

Вопросъ дѣлался жгучимъ. Напряженное состояніе разрѣшилось кризисомъ: осенью 1901 г. произошло столкновеніе съ университетскими властями студентовъ-русиновъ, домогавшихся впродолженіе нѣсколькихъ семестровъ расширенія правъ украинскаго языка въ сношеніяхъ студентовъ съ университетскими органами. Раздраженные поведеніемъ университетскихъ властей студенты-русины рѣшили коллективно и солидарно выйти изъ львовскаго университета и дѣйствительно поголовно, въ числѣ около 600, выписались изъ львовскаго университета и перешли въ другіе—вѣнскій, пражскій, краковскій. Эпизодъ былъ громкій, со временъ сецессіи студентовъ нѣмцевъ изъ пражскаго университета небывалый. Въ русинскихъ кругахъ онъ вызвалъ цѣлое движеніе. Вопросъ дебатировался цѣлые мѣсяцы во всевозможныхъ формахъ, включительно до крестьянскихъ «віч» (митинговъ). Была собрана очень значительная для убогаго русинскаго населенія Галичины сумма (ок. 60,000 кронъ), чтобы доставить студентамъ сецессіонистамъ средства для продолженія образованія въ другихъ университетахъ (немало жертвовали крестьяне). Предлагались проекты основанія русинскаго университета по подпискѣ (это, конечно, было неосуществимо, даже независимо отъ огромныхъ, необходимыхъ для этого средствъ, также и потому, что получить права для такого университета было бы немногимъ легче, чѣмъ добиться основанія государственнаго русинскаго университета). Сочувствіе русинамъ-сецессіонистамъ выражалось также прогрессивными элементами среди польской и еврейской молодежи. Но тѣ польскія сферы, отъ которыхъ зависѣло рѣшеніе этого вопроса, перенесли этотъ эпизодъ вполнѣ стоически. Никакихъ уступокъ, чтобы впредь не повадно было! Въ этомъ смыслѣ были сдѣланы

надлежащія представленія правительству,—и на всѣ запросы, депутаціи, меморіалы съ русинской стороны министръ отвѣчалъ: пока продолжается сецессія, не можетъ быть рѣчи о какихъ-либо уступкахъ; когда студенты-русины вернутся въ львовскій университетъ, тогда правительство и университетъ сдѣлаютъ все возможное въ смыслѣ исполненія русинскихъ требованій. Студенты дѣйствительно вернулись въ львовскій университетъ съ зимнимъ семестромъ 1902 г.,—но въ смыслѣ расширенія правъ украинскаго языка въ сферѣ администраціи или въ сферѣ преподаванія въ этомъ университетѣ не было сдѣлано *ничего*, ни тогда, ни позже.

Съ тѣхъ поръ прошло почти три года. Вопросъ сталъ на мертвой точкѣ. На повторяющіяся отъ времени до времени представленія, депутаціи, запросы о необходимости отдѣльнаго украинскаго университета, о невозможности нынѣшняго положенія вещей и т. п., даются старые отвѣты; впрочемъ, ихъ нѣсколько разнообразятъ: иногда министръ указываетъ на недостатокъ средствъ у государства; иногда повторяется совѣтъ—прежде всего позаботиться приготовленіемъ доцентовъ (на себя этой заботы брать правительство не считаетъ обязаннымъ) и высказывается увѣренность, что львовскій университетъ съ своей стороны не будетъ дѣлать никакихъ препятствій и т. д. Но въ русинскихъ кругахъ надежды достигнуть чего-либо этимъ путемъ давно исчезли; а если находились еще смѣльчаки, пожелавшіе пробовать счастья, то о результатахъ попытокъ говорилъ я выше. Съ польской же стороны высказываются постоянно разныя соображенія и аргументы и противъ умноженія русинскихъ каѳедръ въ нынѣшнемъ университетѣ, и противъ учрежденія отдѣльнаго русинскаго университета. Отголоски ихъ находимъ и въ статьѣ г. К.

Я, такимъ образомъ, подошелъ къ аргументамъ, которыми г. К. доказываетъ неосновательность претензій русиновъ имѣть свой особый русинскій (украинскій) университетъ. Разсматривая этотъ вопросъ «исключительно съ точки зрѣнія національной справедливости», онъ приводитъ такія соображенія противъ этого

требованія. Студенты-русины составляютъ весьма малую величину сравнительно со студентами-поляками и ихъ для отдѣльнаго университета слишкомъ мало («желаніе русиновъ сводится собственно къ открытію новаго высшаго учебнаго заведенія для 200 слушателей»); по мнѣнію г. К. (или его источника), бюджетъ русинскаго университета пропорціонально числу своихъ слушателей долженъ быть весьма ничтоженъ, и потому самый университетъ, въ случаѣ учрежденія, будетъ такъ жалокъ, что русины предпочтутъ итти въ чужіе университеты, какъ и теперь будто бы предпочитаютъ параллельные польскіе курсы русинскимъ (авторъ вообще, повидимому, склоненъ думать, что преподаваніе на русинскомъ языкѣ не можетъ стоять на такомъ уровнѣ, какъ преподаваніе на языкѣ польскомъ, и нѣсколько выше высказываетъ предположенія, что учебныя заведенія, «благодаря русинскому языку, приносятъ весьма сомнительную пользу); наконецъ, не найдется для будущаго университета и профессоровъ, такъ какъ, несмотря на то, что русины во львовскомъ университетѣ не испытываютъ никакихъ препятствій, и процентъ русинскихъ диссертацій, принятыхъ факультетомъ, превосходитъ процентъ польскихъ [1]), русины «открыли лишь 7 русинскихъ каѳедръ», что, по мнѣнію автора, вполнѣ очевидно доказываетъ «равнодушное отношеніе къ наукѣ».

Эта аргументація, заимствованная г. К. цѣликомъ изъ упомянутой статьи г. Гиралтовскаго [2]), повторяетъ ходячіе доводы галицко-польскихъ шовинистовъ, неблагодарную роль популяризаціи взглядовъ которыхъ взялъ на себя г. К. Съ дѣйствительностью, не говоря уже о «національной справедливости», они расходятся довольно сильно.

---

[1]) Объ этомъ блистательномъ процентѣ я говорилъ уже выше.

[2]) Г. К. довольно глухо цитируетъ свой источникъ, вскользь упоминая о «періодическомъ изданіи», гдѣ онъ былъ помѣщенъ. Можетъ быть г. К. извѣстна печальная репутація этого органа крайнихъ шовинистовъ-поляковъ?

Итакъ, число студентовъ русиновъ вовсе ужъ не такъ ничтожно въ сравненіи съ числомъ поляковъ, какъ представляетъ г. К. Число поляковъ и здѣсь выше дѣйствительнаго, такъ какъ включаетъ въ себѣ и евреевъ, bongrè-malgrè фигурирующихъ въ рубрикѣ польской народности университетской, какъ и всякой другой здѣшней статистики, и поднимающихъ ея численность ad maiorem Poloniae gloriam. Оставляя въ сторонѣ число русиновъ и поляковъ въ другихъ университетахъ, не идущее къ дѣлу, такъ какъ ни русины, ни поляки не имѣютъ претензій на учрежденіе своихъ университетовъ въ Вѣнѣ или Прагѣ, я обращусь къ цифрамъ студентовъ львовскаго университета. Авторъ для зимняго семестра 1896—1897 г. отмѣчаетъ: поляковъ 1,094 русиновъ 443.

Въ дѣйствительности въ числѣ поляковъ фигурируютъ въ этой табличкѣ 316 евреевъ, не считая нѣкоторыхъ болѣе мелкихъ группъ (армянъ, русиновъ изъ категоріи непомнящихъ родства и т. п.), и въ дѣйствительности главныя составныя части львовскаго студенчества 1896—1896 г. представляются такъ: поляковъ около 770, русиновъ ок. 450, евреевъ 316, но общее число 1551. Въ нынѣшнемъ году, въ зимнемъ семестрѣ во Львовѣ русиновъ было около 800 (вписалось въ рубрику русинской народности 792). По факультетамъ распредѣляются они такъ: богословскій 300, юридическій 278, медицинскій 12, философскій 202. Какъ видите, за исключеніемъ медицинскаго факультета (вообще малочисленнаго) [1]), цифры русиновъ студентовъ вполнѣ достаточны для того, чтобы изъ нихъ хоть сейчасъ сформировать отдѣльный университетъ изъ трехъ факультетовъ. Въ Австріи и внѣ ея были и есть университеты гораздо менѣе людные. Такъ, напр., университетъ въ Черновцахъ только въ послѣдніе годы началъ приближаться къ числу 400 студентовъ на всѣхъ трехъ своихъ факультетахъ, а въ прежніе годы имѣлъ гораздо меньше.

---

[1]) Всѣхъ студентовъ на медицинскомъ факультетѣ въ этомъ году было 105 и вольнослушателей 8.

Итакъ, г. К. совершенно напрасно говоритъ, что для русинскаго университета нѣтъ студентовъ. Не болѣе основательно его утвержденіе, что для такого университета не нашлось бы профессоровъ. Можно указать среди галицкихъ русиновъ цѣлый рядъ людей, заявившихъ себя научными работами, которые могли бы занять и занимали бы несомнѣнно каѳедры во львовскомъ университетѣ при иныхъ условіяхъ; рядъ галичанъ занимаетъ каѳедры въ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Австріи; несомнѣнно, нашлись бы желающіе занять каѳедры съ украинскимъ преподавательскимъ языкомъ и изъ Россіи. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ три года, назначенные для національзаціи львовскаго университета въ 1870 г., можно бы теперь сформировать украинскій университетъ во Львовѣ, въ качественномъ отношеніи не уступающій вовсе тому, какой былъ сформированъ въ 1871—1874 гг. Какими причинами вызывается нынѣшнее, усмотрѣнное г. К., «равнодушіе» русиновъ къ университетской дѣятельности, вслѣдствіе котораго русины «открыли» лишь семь каѳедръ, — достаточно выяснено предшествующимъ. Слѣдуя аргументаціи г. К., я могъ бы подобнымъ образомъ вывести заключеніе о чрезвычайномъ равнодушіи къ наукѣ поляковъ въ Россіи, въ виду того, что число профессоровъ поляковъ въ Варшавѣ въ 1870—1890 постоянно убывало и ихъ мѣста занимали великороссы и украинцы. Я могъ бы совершенно такъ-же говорить о чрезвычайномъ равнодушіи къ наукѣ евреевъ въ Россіи, и также точно въ Галиціи, и по точно тѣмъ же причинамъ, и въ концѣ концовъ, пользуясь методомъ г. К., могъ бы притти къ заключенію о болѣе низкомъ культурномъ уровнѣ поляковъ и евреевъ въ Россіи сравнительно съ великороссами и украинцами...

Къ наукѣ и галицкіе украинцы не равнодушны, даже очень. При всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, они интересуются ею и заявляютъ себя научною дѣятельностью (см. ученыя изданія «Наукового Товариства ім. Шевченка», обращающія на себя вниманіе въ наукѣ и весьма значительныя, несмотря на стѣсненное матеріальное положеніе этого единственнаго высшаго ученаго учрежденія Галицкой Руси). При весьма стѣсненномъ матеріаль-

номъ положеніи, они ухитряются предпринимать ученыя экскурсіи, ѣздятъ въ большіе ученые центры и за границу для усовершенствованія. Только къ университетской дѣятельности приходится имъ быть «равнодушными», такъ какъ не въ ихъ силахъ измѣнить ея условія. Относительно *потребности* украинскаго университета во Львовѣ не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Оставляя въ сторонѣ безчисленныя резолюціи, петиціи, представленія, записки, запросы, депутаціи, исходившія по этому вопросу за эти пять лѣтъ отъ русинскихъ депутатскихъ клубовъ, ученыхъ обществъ, митинговъ студенческихъ и всеобщихъ, городскихъ и даже сельскихъ,—я укажу лишь общія соображенія, не оставляющія мѣста сомнѣнію. Львовъ является въ настоящее время центромъ національной жизни украинской народности Галичины; ея культурные запросы за это время сильно выросли и культурный уровень поднялся; это видно въ наукѣ, литературѣ, искусствѣ. 800 студентовъ русиновъ львовскаго университета служатъ также наглядными свидѣтельствомъ количественнаго и качественнаго наростанія интеллигенціи. Все это само по себѣ подразумѣваетъ необходимость русинскаго университета. Онъ необходимъ также въ силу причинъ болѣе практическаго характера. Существуетъ рядъ гимназій, въ которыхъ всѣ предметы преподаются по-украински; это обстоятельство одно уже дѣлаетъ весьма желательнымъ существованіе философскаго факультета русинскаго, гдѣ будущіе преподаватели среднихъ учебныхъ заведеній могли бы прослушать курсы на томъ языкѣ, на которомъ имъ предстоитъ преподавать [1]). Тоже самое нужно сказать и о юридическомъ факультетѣ: эти сотни русиновъ юристовъ не только изъ чисто культурныхъ, но и практическихъ мотивовъ желали бы прослушать курсъ юридическихъ наукъ на родномъ языкѣ, которымъ будутъ затѣмъ пользоваться въ своей дальнѣйшей дѣятельности. Сообщеніе г. К., что студенты-русины предпочитаютъ

---

[1]) Философскій факультетъ австрійскихъ университетовъ соотвѣтствуетъ историко-филологическому, естественному и математическому, вмѣстѣ взятымъ, университетовъ въ Россіи.

параллельные польскіе курсы русинскимъ, относится къ разряду беллетристики; я могу сказать это достаточно рѣшительно [1]).

Полнымъ незнаніемъ грѣшитъ соображеніе его, что отдѣльный русинскій университетъ могъ бы получить очень небольшія средства, сообразно числу студентовъ, и потому былъ бы очень жалокъ. Бюджетъ университета вовсе не зависитъ отъ числа студентовъ (краковскій университетъ имѣетъ слушателей гораздо меньше львовскаго, а въ немъ каѳедръ и преподавателей больше, чѣмъ въ львовскомъ). Всѣ главныя каѳедры должны существовать одинаково, имѣеть ли факультетъ 20 или 2 000 студентовъ. Впрочемъ, какъ мы видѣли уже, украинскій университетъ изъ трехъ факультетовъ уже теперь имѣлъ бы вполнѣ достаточный контингентъ слушателей.

И средства для этого нашлись бы. Правительство находитъ возможность содержать дорогой медицинскій факультетъ (содержаніе русинскаго университета изъ трехъ факультетовъ не обошлось бы дороже) во Львовѣ для ста студентовъ. Въ 1870-хъ гг. оно не пожалѣло средствъ для основанія отдѣльнаго универсиситета для маленькой Буковины, съ ея полумилліоннымъ (тогдашнимъ) населеніемъ, а собственно—въ интересахъ нѣсколько десятковъ тысячъ мѣстнаго нѣмецкаго населенія. И теперь оно учреждаетъ отдѣльный юридическій факультетъ для студентовъ-

---

[1]) Впрочемъ, прошу оцѣнить это утвержденіе автора, что проф. Стебельскій принужденъ читать лекціи по-польски, чтобы не остаться безъ слушателей: выходитъ, что въ то время какъ русины предпочитаютъ параллельные курсы польскихъ префессоровъ, поляки предпочитаютъ слушать пр. Стебельскаго, когда онъ читаетъ по-польски, чѣмъ своихъ профессоровъ-поляковъ. Или можетъ быть тѣ же русины предпочитаютъ слушать того же проф. Стебельскаго, когда онъ читаетъ по-польски, а не по русински? Въ дѣйствительности, профессорамъ-русинамъ рекомендовалось раньше читать отъ времени до времени курсы по-польски изъ куртуазіи для господствующей польской корпораціи: и русины-де не исключительно читаютъ по-русински. Но въ настоящее время этотъ благой совѣтъ уже не исполняется.

итальянцевъ небольшого инсбрукскаго университета, мотивируя это тѣмъ, что національный антагонизмъ нѣмецкихъ и итальянскихъ студентовъ препятствуетъ правильному теченію академической жизни инсбрукскаго университета. Если нашлись средства для удовлетворенія культурныхъ запросовъ небольшого [1]) итальянскаго населенія Австріи (при существованіи итальянскихъ университетовъ не въ дальнемъ разстояніи за границей), и правительство такъ близко принимаетъ къ сердцу правильное теченіе академической жизни въ Инсбрукѣ, то оно, конечно, нашло бы средства для отдѣльнаго университета русинскаго, для удовлетворенія культурной потребности 4 милл. своего русинскаго населенія и устраненія весьма обостреннаго національнаго антагонизма во львовскомъ университетѣ. Но препятствіе встрѣчается со стороны польской: польскіе правящіе круги и общество противодѣйствуютъ культурной эмансипаціи русиновъ и видятъ во всякомъ культурномъ пріобрѣтеніи русиновъ новый ударъ своему господству въ краѣ (**stanu posiadania**). Они рѣшительно противятся изъ этихъ соображеній и учрежденію отдѣльнаго русинскаго университета, и умноженію русинскихъ каѳедръ, а проявляютъ въ этомъ вопросѣ чрезвычайную заботливость объ интересахъ государственнаго казначейства и отважно свидѣтельствуютъ о недостаткѣ культурныхъ средствъ у русиновъ, отсутствіи научныхъ преподавательскихъ силъ и «равнодушіи» ихъ къ наукѣ.

О «національной справедливости» лучше ужъ и не говорить въ виду этого.

III.

19 параграфъ австрійской конституціи, утверждающій національную равноправность народовъ Австріи, постановляетъ, что каждой народности государства должна быть предоставлена воз-

---

1) По переписи 1900 г. въ Австріи (Цислейтаніи) было 727 тыс. итальянцевъ.

можность получать образованіе на своемъ родномъ языкѣ и не быть поставленной въ необходимость учиться чужому языку. Въ восточной Галиціи, гдѣ украинское (русинское) населеніе составляетъ около 70%, при 13% евреевъ и около 16% поляковъ, интересы украинскаго большинства кореннного населенія имѣютъ преимущественное право на вниманіе, и мы вправѣ ожидать, что въ организаціи школьнаго дѣла они прежде всего будутъ приняты въ разсчетъ: къ услугамъ украинскаго населенія будутъ созданы школы всѣхъ типовъ, начиная отъ начальныхъ и кончая высшими, и ему будетъ предоставлена полная возможность просвѣщаться на своемъ родномъ языкѣ. Конечно, это его естественное право—только утверждаемое, а не создаваемое указаннымъ параграфомъ конституціи, его «національное право». Но увы—ни это «національное право», ни основной законъ не обезпечиваютъ этой возможности въ дѣйствительности, и эта дѣйствительность стоитъ въ полномъ контрастѣ съ признаннымъ закономъ правомъ украинскаго населенія на національную школу. Мы видѣли это на примѣрѣ университета—теперь увидимъ то же на примѣрѣ среднихъ учебныхъ заведеній.

Необходимость національзаціи школы въ интересахъ культурнаго развитія украинскаго населенія Галиціи сознавалась при первомъ пробужденіи русинской народности, въ 1848 г., и сдѣланныя въ этомъ смыслѣ представленія правительству имѣли результатомъ извѣстное намъ министерское распоряженіе 4 дек. 1848 г., объявлявшее, что нѣмецкій языкъ въ преподаваніи гимназій русинскихъ частей Галиціи сохраняется временно, пока наличность преподавателей, владѣющихъ русинскимъ языкомъ, не дастъ возможности ввести преподаваніе на этомъ послѣднемъ. Однако и тутъ, какъ и въ университетскомъ вопросѣ, правительство само ничего не сдѣлало для приготовленія такихъ преподавателей и введенія русинскаго языка, и гимназіи сохранили свой нѣмецкій характеръ вплоть до самой конституціонной эры—до 1867 г., принесшаго вмѣстѣ съ признаніемъ права народностей національзацію школы. Но, какъ мы знаемъ, отношенія въ Галиціи за это время успѣли радикально измѣниться сравни-

тельно съ 1848 годомъ, и правительство, склонное тогда поддерживать культурныя и національныя стремленія русинской народности, въ 1860-хь годахъ признало вполнѣ гегемонію польской шляхты въ Галиціи. Въ результатѣ, при замѣнѣ нѣмецкаго преподаванія въ гимназіяхъ Галиціи «мѣстными языками», только *одна* гимназія—старая «академическая» гимназія Львова—получила преподаваніе на языкѣ русинскомъ, въ двухъ гимназіяхъ сохраненъ нѣмецкій языкъ (въ интересахъ, главнымъ образомъ, еврейскаго населенія), во всѣхъ остальныхъ введено преподаваніе на польскомъ языкѣ. Это пріобрѣтеніе польскіе владыки Галиціи поспѣшили закрѣпить за собою закономъ, принятымъ галицкимъ сеймомъ, не смотря на энергическую оппозицію русинскаго меньшинства (22 іюня 1867 г., § 7): на основаніи его введеніе на будущее время русинскаго языка въ преподаваніе какой либо гимназіи или реальнаго училища, или открытіе такого средняго учебнаго заведенія съ преподаваніемъ на русинскомъ языкѣ могло состояться не иначе, какъ по особому постановленію галицкаго сейма, которому имѣетъ предшествовать еще благопріятный отзывъ мѣстной «повѣтовой рады» (уѣздной земской управы). Этотъ законъ остается до сихъ поръ единственнымъ и исключительнымъ: въ прочихъ провинціяхъ Австріи подобное ограниченіе совершенно неизвѣстно. Несмотря на свою исключительность, онъ, однако, благодаря всемогущему вліянію польскаго клуба, получилъ санкцію правительства и сохраняетъ силу до сихъ поръ; тенденція его очевидна: галицкій сеймъ, въ которомъ австрійская избирательная система обезпечиваетъ подавляющее большинство представителямъ польской народности, сдѣлался властнымъ блюстителемъ господства польскаго языка въ средней школѣ. Онъ могъ отнынѣ наложить veto на каждую попытку правительства сдѣлать что нибудь для русинской народности въ этой сферѣ. Законъ этотъ обезпечивалъ польской народности не только дальнѣйшее владѣніе средними школами восточной Галиціи, захваченное въ 1867 г., но и гарантировалъ, что ущербъ, причиненный этимъ русинской народности, не будетъ вознагражденъ открытіемъ новыхъ среднихъ учебныхъ за-

веденій съ преподаваніемъ на русинскомъ языкѣ. Польское представительство края получило привилегію быть тормозомъ культурнаго развитія русинской народности. Съ этихъ поръ поляки могли быть спокойны относительно своего культурнаго преобладанія: ключъ къ культурному развитію русиновъ лежалъ въ ихъ рукахъ.

Изъ этихъ опасныхъ правъ, которыя давалъ имъ законъ 1867 г., польское общество и его сеймовые представители сдѣлали какъ нельзя болѣе рѣшительное употребленіе. Хотя среднія учебныя заведенія открываются правительствомъ на средства государственнаго казначейства (и поэтому всюду въ Австріи учреждаются просто министерствомъ безъ санкціи сеймовъ), поляки усвоили взглядъ, что каждое новое среднее учебное заведеніе съ русинскимъ языкомъ, учреждаемое въ Галиціи, является уступкою, великодушнымъ даромъ русинской народности съ ихъ стороны, и вообще существованіе такихъ школъ—одно великодушіе съ ихъ стороны. Съ другой стороны, держась такого взгляда, что каждое культурное пріобрѣтеніе русиновъ является ущербомъ для полнаго и нераздѣльнаго господства польской народности, они старались не выпускать изъ рукъ этихъ «великодушныхъ подарковъ» и давали свое согласіе на учрежденіе новыхъ русинскихъ учебныхъ заведеній только въ крайности, т. е. тогда, когда уже никакъ нельзя было не дать: когда центральное правительство производило съ своей стороны слишкомъ сильное давленіе въ этомъ направленіи, или нужно было дать какую нибудь подачку русинамъ—какъ вознагражденіе за уступки или потери, причиняемыя имъ какимъ нибудь новымъ смѣлымъ «завоеваніемъ» поляковъ въ жизни и устройствѣ края. При этомъ, однако, принимались всѣ мѣры къ тому, чтобы такая новая русинская школа могла какъ можно меньше конкурировать съ школами польскими. Правда, за это уже въ сильной степени ручалась школьная администрація, находящаяся вполнѣ въ польскихъ рукахъ [1]), но кромѣ того принимались еще и другія мѣры

---

[1]) Г-нъ К. въ своей статьѣ также, очевидно, не допускаетъ возможности основанія русинской гимназіи иначе, какъ въ видѣ парал-

въ этомъ направленіи. Такъ польскія сферы, администрація и представительство, разъ навсегда приняли принципъ, что русинскія учебныя заведенія могутъ учреждаться только въ городахъ, гдѣ уже имѣются такія же польскія учебныя заведенія. Этотъ принципъ, совершенно нераціональный съ педагогической точки зрѣнія, такъ какъ создаетъ конкурирующія школы въ одной и той же мѣстности вмѣсто того, чтобы учреждать ихъ въ мѣстностяхъ, лишенныхъ вовсе средней школы, имѣетъ въ виду не допустить до того, чтобы поляки и евреи отдавали, за неимѣніемъ польскаго учебнаго заведенія, своихъ дѣтей въ русинское, гдѣ они были бы принуждены учиться по украински (русински) и подпадали бы ruszczeniu, какъ принуждены подпадать polszczeniu русинскія и еврейскія дѣти въ польскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ [1]). Русинскія среднія школы польскій сеймъ хотѣлъ допустить только въ видѣ параллельныхъ классовъ при польскихъ, и въ такой формѣ допускалъ первую изъ разрѣшенныхъ имъ русинскихъ гимназій (въ Перемышлѣ). Министерство не нашло возможнымъ держаться вполнѣ этого требованія; но все-таки русинскія гимназіи учреждаются сначала въ видѣ параллельныхъ классовъ при польскихъ, часто въ весьма неудобныхъ, невозможныхъ даже, помѣщеніяхъ, имѣющихся при польской гимназіи, и остаются и позже pod jednym dachem съ польской, хотя и получаютъ, достигнувъ полнаго числа классовъ, самостоятельную организацію, и т. п.

Чтобы показать, какъ трудно достается русинамъ учрежденіе среднихъ учебныхъ заведеній съ русинскимъ языкомъ, я представлю вкратцѣ исторію основанія этихъ школъ и нѣсколько

лельной къ польской. Предпочитается оставить дѣтей, въ томъ числѣ и польскихъ, данной мѣстности, не имѣющей никакой гимназіи, вовсе безъ образованія, только бы они не имѣли соблазна поступить въ гимназію русинскую.

[1]) Средними и низшими учебными заведеніями завѣдываетъ «училищный совѣтъ края» (краєва шкільна рада, rada szkolna krajowa), состоящая изъ инспекторовъ и совѣтниковъ, подъ предсѣдательствомъ намѣстника Галиціи.

подробнѣе остановлюсь на весьма характерной исторіи послѣдней изъ нихъ.

Послѣ того, какъ поляки завладѣли всѣми средними школами въ 1867 г., оставя русинамъ только одну львовскую, русинамъ только въ 1880-хъ гг. удалось поставить на очередь дѣло объ учрежденіи новыхъ русинскихъ гимназій. Въ первую очередь былъ возбужденъ вопросъ объ учрежденіи русинской гимназіи въ Перемышлѣ (самомъ большомъ центрѣ восточной Галиціи послѣ Львова), гдѣ къ этому времени число учениковъ-русиновъ, доходило до 200, а по австрійскимъ школьнымъ правиламъ двѣсти учениковъ представляютъ число достаточное для отдѣльной гимназіи. Министерство признавало справедливость этого требованія, но польское большинство сейма отказывало въ своемъ согласіи, прибѣгая ко всѣмъ, возможнымъ и невозможнымъ, аргументамъ начиная отъ недостаточнаго числа учениковъ и преподавателей-русиновъ и кончая соображеніемъ, что совмѣстное обученіе учениковъ русиновъ и поляковъ способствуетъ смягченію національнаго антагонизма (хотя принудительное обученіе русиновъ въ польскихъ школахъ съ польскимъ режимомъ, къ которому на практикѣ сводится эта теорія, именно усиливаетъ антагонизмъ, какъ показываетъ жизнь и какъ, впрочемъ, и по себѣ знаютъ это поляки, ратующіе противъ подобнаго школьнаго режима въ Россіи и Пруссіи). *Четыре* года (1884—1887) велась борьба въ сеймѣ за эту бѣдную перемышльскую гимназію, и наконецъ поляки, уступая внушеніямъ, исходившимъ отъ центральнаго правительства, дали согласіе на учрежденіе русинскихъ параллельныхъ классовъ при польской гимназіи, «по мѣрѣ того, какъ въ нихъ окажется потребность». Это рѣшеніе было однако нѣсколько модифицировано при сообщеніи ему правительственной санкціи, и въ принципѣ была рѣшена русинская гимназія: параллельные русинскіе классы пополнялись съ каждымъ годомъ и затѣмъ были сформированы въ отдѣльную гимназію, которая съ началомъ учебнаго 1903—4 года уже имѣла 579 учениковъ и продолжаетъ увеличиваться [1]).

---

[1]) Статистическія данныя черпаю изъ оффиціальныхъ отчетовъ (Sprawozdanie rady szkolnej krajowej; послѣдній вышедшій отчетъ за 1902—3 г.

Разрѣшеніе на двѣ слѣдующія гимназіи — коломыйскую и тернопольскую было дано при исключительныхъ обстоятельствахъ, и онѣ не проходили чрезъ столь долгія мытарства. Разрѣшеніе на открытіе русинской гимназіи въ Коломыѣ входило въ число тѣхъ «уступокъ», которыя должны были свидѣтельствовать о перемѣнѣ національнаго курса въ Галиціи, а за эту перемѣну должна была состояться такъ называемая ugoda, русинско-польское соглашеніе, заключавшееся въ томъ, что русинская національная партія (народовці), представлявшая большинство русинской интеллигенціи, должна была принять знамя австрійскаго легитимизма, подобно полякамъ, а въ дѣйствительности—сдѣлаться вѣрными друзьями или слугами польской правящей партіи и ея господства въ Галиціи. Такъ какъ русины такого характера соглашенія не предвидѣли и въ дѣйствительности перемѣны національнаго курса не усматривали, то эта «угода» просуществовала очень коротко, но оставила послѣ себя нѣкоторыя «концессіи» русинской народности, въ томъ числѣ и учрежденіе гимназіи въ Коломыѣ. Гимназія же въ Тернополѣ была учреждена по случаю 50-лѣтія правленія нынѣшняго императора; пользуясь этимъ случаемъ, поляки рѣшили достигнуть эвакуаціи стараго королевскаго замка въ Краковѣ, занятаго австрійскими казармами. Въ сеймѣ было проведено постановленіе—реставрировать этотъ замокъ на счетъ края, т. е. цѣною спеціальнаго увеличенія податей съ рабочихъ массъ, которыя должны были покрыть милліонные кредиты, вотированные на этотъ предметъ. Такъ какъ это предложеніе имѣло въ виду исключительно польскія національныя цѣли, то чувствовалась ощутительная надобность дать какую нибудь «концессію» и русинамъ, и такъ состоялось великодушное разрѣшеніе открыть въ Тернополѣ русинскую гимназію имени имп. Франца-Іосифа. Открытыя сначала также въ видѣ параллельныхъ классовъ при польскихъ гимназіяхъ, русинскія гимназіи, несмотря на крайне неудобныя, ставшія притчею во языцѣхъ помѣщенія и тяготѣвшую на нихъ руку школьной администраціи, развивались все-таки успѣшно, и въ началѣ школьнаго года 1903—4 коломыйская гимназія, ставшая полной въ 1899—900 г., имѣла

уже 485 учениковъ, а тернопольская, въ составѣ всего шести классовъ (полною она будетъ съ будущаго года)—497 учениковъ.

Если бы русины усвоили вполнѣ ту умѣренность въ требованіяхъ, которую усиленно имъ рекомендуютъ галицкіе поляки, а заодно съ ними и г. К., они, вѣроятно, для учрежденія еще одной гимназіи подождали бы слѣдующаго юбилея императора, и дѣло пошло бы, можетъ быть, глаже. Но будучи въ своихъ культурныхъ требованіяхъ очень прытки, они, едва успѣвъ получить великодушный даръ въ видѣ гимназіи въ Тернополѣ, начали хлопотать о новыхъ гимназіяхъ. На первый планъ выступилъ Станиславовъ, въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ сдѣлавшійся третьимъ (послѣ Львова и Перемышля) административнымъ центромъ восточной Галиціи. Число учениковъ-русиновъ было здѣсь весьма значительно—приближалось къ двумстамъ, не очень многимъ уступая числу поляковъ, и сначала родители учениковъ, затѣмъ и русинскія общества и институціи начали ходатайствовать передъ школьною администрацією объ открытіи въ Станиславовѣ русинской гимназіи. Послѣ разныхъ препонъ и мытарствъ, поглотившихъ нѣсколько лѣтъ, дѣло это вышло на торную дорогу галицкой рутины въ 1900—1 г.: повѣтовая рада поддержала ходатайство, училищный совѣтъ края и министерство признало его законность и основательность. Не доставало только согласія сейма. Но тутъ то и загвоздка! Большинство сейма рѣшительно не хотѣло согласиться на открытіе новой русинской гимназіи. Въ виду требованій русиновъ правительство приняло было ее уже въ свою смѣту, но польскій клубъ поставилъ рѣшительно свое veto, и вопросъ переданъ въ сеймъ, а этотъ послѣдній, точнѣе — его польское большинство рѣшительно не хотѣло дать благопріятное рѣшеніе вопросу. Положеніе становилось очень неловкимъ. Станиславовская гимназія выросла до значенія вопроса первостепенной важности, заинтересовавшаго политиковъ цѣлой Австріи. Самъ императоръ, пріѣхавъ въ Галицію осенью 1903 г., выражалъ съ рѣдкою въ русинскихъ дѣлахъ рѣшительностью свое желаніе, чтобы сеймъ рѣшилъ вопросъ въ благопріятномъ смыслѣ. Но большинство постановило выдержать ха-

рактеръ: сеймъ, сначала отложивъ рѣшеніе вопроса до слѣдующей сессіи, въ концѣ концовъ отказалъ въ своемъ согласіи. Депутаты-русины сложили свои полномочія. Выбранные снова, они опять поставили вопросъ объ этой несчастной гимназіи. Положеніе дѣлъ на этотъ разъ было иное: Поляки проводили цѣлый рядъ очень существенныхъ законовъ, имѣвшихъ цѣлью дальнѣйшее упроченіе ихъ господства въ Галиціи! во главѣ ихъ стоялъ законопроектъ о рентовыхъ хозяйствахъ, имѣвшихъ цѣлью раздачу сельскихъ участковъ на льготныхъ условіяхъ польскимъ крестьянамъ, для привлеченія такимъ образомъ польскихъ колонистовъ въ восточную Галицію, въ видахъ ея полонизаціи. Вотированный уже разъ, онъ не получилъ правительственной санкціи вслѣдствіе рѣзкой оппозиціи русиновъ, видѣвшихъ въ немъ ударъ, направленный противъ самого существованія русинской народности. Нужно было что нибудь дать русинамъ, и подъ конецъ сессіи было поставлено и вотировано учрежденіе станиславовской гимназіи, какъ своето рода вознагражденіе за очень сдержанную оппозицію депутатовъ-русиновъ. Обстоятельства, при которыхъ была сдѣлана польскимъ большинствомъ эта уступка, произвели гнетущее впечатлѣніе въ русинскомъ обществѣ и отравили всякое удовольствіе отъ этого пріобрѣтенія. Вдобавокъ, данная такой дорогой, эта новая русинская гимназія даже въ своемъ окончательномъ осуществленіи встрѣчается все съ новыми препятствіями; по послѣднимъ извѣстіямъ, открытіе гимназіи встрѣтилось съ непредвидѣнными трудностями относительно помѣщенія: подъ вліяніемъ антирусинской агитаціи разные домовладѣльцы отказываются отдать въ наемъ свои дома подъ русинскую гимназію...

Такова печальная исторія этой послѣдней гимназіи. Шесть лѣтъ пришлось ея добиваться русинамъ, какъ Богъ знаетъ какой благодати, и, несмотря на сочувствіе этому требованію центральнаго правительства, получить только въ видѣ унизительной подачки польскаго большинства при обстоятельствахъ, осквернившихъ это новое культурное пріобрѣтеніе. Подобная печальная перспектива предстоитъ, очевидно, и дальнѣйшимъ гимназіямъ,

ожидающимъ давно своей очереди. Изъ нихъ опять придется выбрать одну, отодвинувъ прочія на дальнѣйшую очередь; годами добиваться, обращаясь ко всѣмъ возможнымъ инстанціямъ, и ждать случая, когда полякамъ понадобится опять торговать русинскую душу, или русинскія кости...

А между тѣмъ, для преподаванія на польскомъ языкѣ, и такъ уже поставленнаго въ сравненіи съ русинскимъ въ чрезвычайно выгодныя условія, создаются все новыя и новыя школы; для этого не встрѣчается никакихъ препятствій, никакихъ мытарствъ. Съ горечью указываютъ русины на то обстоятельство, что пока они съ такими трудностями добивались и не могли добиться одной станиславовской гимназіи,—учреждено простыми административными распоряженіями *четырнадцать* новыхъ среднихъ учебныхъ заведеній съ польскимъ преподаваніемъ [1]). Польская администрація и общество не перестаетъ очень настойчиво указывать на то, что Галиція, сравнительно съ своей территоріей и населеніемъ, имѣетъ среднихъ школъ гораздо меньше, чѣмъ другія провинціи Австріи, и требуетъ отъ правительства умноженія ихъ числа. Въ этомъ разсчетѣ фигурируетъ русинская (гораздо большая) половина Галиціи и русинское (также нѣсколько превосходящее польское) населеніе ея, и если кто имѣетъ право сравнительно съ другими провинціями и народностями Австріи на увеличеніе образовательныхъ средствъ, въ частности среднихъ школъ, то именно русины. Но польская администрація, польское правительство домогаются и получаютъ на основаніи этихъ разсчетовъ школы польскія, а русинскія школы—это ужъ «другое дѣло», со innego, какъ говорится обыкновенно. Вотъ и г-нъ К.,

---

[1]) Это обстоятельство послужитъ отвѣтомъ на разсужденія г. К. (или его источника) на тему, что вмѣсто учрежденія новыхъ русинскихъ гимназій лучше бы улучшить матеріальное положеніе учительскаго персонала. Когда учреждаются новыя польскія гимназіи, тогда объ этомъ нѣтъ и помину. А относительно русинскихъ гимназій всякій аргументъ бываетъ хорошъ, лишь бы препятствовалъ или оттягивалъ ихъ учрежденіе.

совершенно не стѣсняясь, заявляетъ, что русинскія среднія школы «представляются въ нѣкоторомъ родѣ роскошью и, благодаря русинскому преподавательскому языку, приносятъ весьма сомнительную пользу»; по его мнѣнію, даже увеличеніе числа русинскихъ гимназій влечетъ за собою «пониженіе уровня просвѣщенія». Такъ какъ среднія школы съ русинскимъ языкомъ подвѣдомственны тому же польскому школьному совѣту, обученіе происходитъ въ нихъ по учебникамъ, изданнымъ тѣмъ же совѣтомъ, преподавателями являются лица окончившія университетъ, который поляки такъ любятъ называть «польскимъ», испытанію подвергались въ экзаменаціонной комиссіи польской, то приходится придти къ заключенію, что, по мнѣнію г. К. и его единомышленниковъ, самъ русинскій (украинскій) языкъ этихъ школъ понижаетъ ихъ культурный уровень—какъ я отмѣтилъ это уже выше; убѣжденіе очень характерное для польско-украинскихъ національныхъ отношеній.

Насколько уже теперь поставлена въ привилегированныя условія польская школьная молодежь въ сравненіи съ русинскою въ Галиціи, покажутъ намъ нѣсколько цифръ [1]).

Съ началомъ учебнаго года 190³/₄ было въ Галиціи 49 среднихъ учебныхъ заведеній (гимназій и реальныхъ училищъ [2]);

---

[1]) Къ сожалѣнію, галицкая статистика вообще, и школьная въ частности, питаетъ непреодолимое отвращеніе къ національнымъ рубрикамъ, и поэтому не даетъ возможности представить все значеніе и напряженность національной политики Галиціи. Учебные отчеты даютъ только двѣ таблички съ національными рубриками: школъ съ преподаваніемъ на томъ или другомъ языкѣ и учениковъ въ концѣ учебнаго года по религіи и національности. При этомъ и здѣсь категоріи національности нуждаются въ поправкахъ. Евреи обыкновенно фигурируютъ въ рубрикѣ поляковъ. Поэтому таблички учениковъ по національностямъ, приведенныя г. К., вовсе не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Такъ напр. въ общемъ числѣ учениковъ гимназій 1897/8 г., данномъ имъ, въ число поляковъ включено ок. 2700 евреевъ, составляющихъ свыше 18% общаго числа учениковъ...

[2]) Въ эту цифру включены 3 филіальныя учебныя заведенія, т. е. параллельные классы, выдѣленные фактически въ отдѣльныя учебныя заведенія.

въ томъ числѣ съ польскимъ преподаваніемъ 43, съ русинскимъ 4, съ нѣмецкимъ 2 [1]). На восточную (русинскую) Галицію приходится въ томъ числѣ польскихъ школъ 25, русинскихъ 4, нѣмецкихъ 2. Итакъ, коренное русинское большинство восточной Галиціи, превосходящее число поляковъ въ четыре раза, имѣетъ среднихъ школъ съ русинскимъ языкомъ въ шесть разъ меньше, чѣмъ сколько имѣютъ поляки восточной Галиціи. Одна польская средняя школа приходится здѣсь приблизительно на 30 тыс. польскаго населенія, одна русинская—на 820 тыс. русинскаго населенія!..

Эта вопіющая неравномѣрность оказываетъ весьма существенное вліяніе на культурные успѣхи украинской народности Галиціи. Шансы русинскаго населенія, принужденнаго посылать большинство своихъ дѣтей въ гимназіи и реальныя училища польскія, и шансы населенія польскаго, посылающаго своихъ дѣтей въ гимназіи почти исключительно польскія, совсѣмъ не равны. Перспектива прохожденія курса на языкѣ родномъ или чужомъ оказываетъ чрезвычайное вліяніе на количество дѣтей, пользующихся услугами средней школы. Передъ введеніемъ польскаго языка въ среднія школы число учениковъ-русиновъ въ восточной Галиціи превосходило число поляковъ. Нѣкоторыя цифры изъ этого времени кажутся теперь почти баснословными. Такъ, напр., въ гимназіи въ Самборѣ въ 1858 г. было 202 русина, 97 поляковъ. Въ Дрогобычѣ къ испытаніямъ зрѣлости въ 1870 г. (т. е. уже при польскомъ преподаваніи, но въ такомъ составѣ класса, какъ онъ сложился предъ введеніемъ польскаго языка) поступило 36 русиновъ и 5 поляковъ. Теперь, послѣ нѣсколькихъ энергическихъ «чистокъ», русины въ обѣихъ гимназіяхъ оказываются въ меньшинствѣ: по послѣднему отчету (1902/3 г.) въ Самборѣ было 313 поляковъ, русиновъ 166, въ Дрогобычѣ 177 поляковъ, русиновъ 125, и вообще число русиновъ въ среднихъ школахъ

---

[1]) Изъ двухъ нѣмецкихъ гимназій одна—въ Бродахъ теперь также преобразовывается въ польскую.

восточной Галиціи значительно уступаетъ числу поляковъ: въ гимназіяхъ восточной Галиціи въ концѣ учебнаго года 190²/₃ (послѣднія опубликованныя цифры) было около 6.000 учениковъ поляковъ и около 4.000 русиновъ, а съ реальными школами около 7.000 поляковъ и свыше 4.000 русиновъ [1]). Переходъ школьнаго дѣла въ руки польской администраціи и введеніе польскаго преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Галиціи были причинами, приведшими къ такой перемѣнѣ. Учрежденіе русинскихъ школъ, гимназій и реальныхъ школъ во всѣхъ значительнѣйшихъ пунктахъ восточной Галиціи и созданіе отдѣльнаго управленія для русинскихъ школъ (этотъ постулатъ занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ національной программѣ галицкихъ русиновъ, но эти требованія «раздѣла училищнаго совѣта» остаются до сихъ поръ безплодными, разбиваясь о противодѣйствіе поляковъ) несомнѣнно очень скоро и сильно подняли бы число учениковъ русиновъ и радикально измѣнили бы процентное отношеніе учениковъ обѣихъ народностей.

Въ русинскихъ кругахъ не умолкаютъ жалобы на то, что школьное дѣло въ рукахъ польской администраціи, а особенно польскія школы служатъ ареною національной борьбы; что въ польскихъ гимназіяхъ и реальныхъ школахъ къ ученикамъ русинамъ относятся гораздо строже, чѣмъ къ полякамъ; что они подвергаются здѣсь очень усердной «чисткѣ» со стороны преподавателей и начальства, весьма усердно противодѣйствующихъ «перепроизводству» русинской интеллигенціи и энергически искореняющихъ среди русинской молодежи вольный духъ и національный антагонизмъ; что такіе факты и поступки, для которыхъ по отношенію къ польской молодежи находятъ оправданіе въ «юношеской горячности», «патріотическомъ увлеченіи»—по отношенію къ молодежи русинской караются очень строго и безпощадно... Нѣко-

---

[2]) Въ виду отмѣченныхъ выше свойствъ галицкой школьной статистики, цифры русиновъ и поляковъ могутъ быть выведены только приблизительно.

торые эпизоды получили широкую огласку. Таково, напр., недавнее дѣло о преслѣдованіи учениковъ-русиновъ въ бродской гимназіи; Дрогобычъ, извѣстный вообще своими избіеніями русинскихъ младенцевъ, подкосившими прежнее численное преобладаніе учениковъ-русиновъ въ этой гимназіи, недавно снова напомнилъ о себѣ довольно характернымъ эпизодомъ: антипольскій дебошъ, произведенный въ городѣ *неизвѣстными* людьми, далъ поводъ гимназическому начальству исключить рядъ учениковъ-русиновъ изъ гимназіи, вовсе безъ всякихъ уликъ, а на пріемныхъ экзаменахъ, происходившихъ чрезъ нѣсколько дней по упомянутомъ событіи, изъ 20 русиновъ, державшихъ экзаменъ, волею судебъ провалилось *семнадцать*.

Этими условіями—дѣйствіемъ предохранительнаго клапана, по мановенію руки освобождающаго учебное заведеніе отъ нежелательныхъ излишковъ [1]), объясняютъ сравнительную малочисленность русиновъ въ польскихъ школахъ и то обстоятельство, что имъ никогда не удается сравняться въ числѣ съ поляками. Напр., такой въ свое время опубликованный фактецъ. Въ самборской гимназіи въ 189⁸/₉ г. было въ VII классѣ 23 русина, 22 поляка и 6 евреевъ; изъ нихъ въ VIII классъ перешло 11 русиновъ, 21 полякъ и 6 евреевъ, провалилось 12 русиновъ, 1 полякъ и ни одного еврея,—равновѣсіе было возстановлено!

Въ силу подобныхъ эпизодовъ, въ русинскомъ населеніи установилась за польскими гимназіями довольно невеселая репутація. Независимо отъ нея, самое преподаваніе на польскомъ языкѣ и роль польскаго языка, какъ главнаго предмета въ преподаваніи, является немалымъ препятствіемъ къ успѣшному прохожденію курса русинами: польскій языкъ служитъ камнемъ преткновенія для русинскихъ дѣтей, особенно крестьянскихъ, уже

---

[1]) Фактъ не лишенный значенія, что директорами въ учебныхъ заведеніяхъ съ польскимъ языкомъ никогда не назначаются русины, исключая вполнѣ отказавшихся отъ своей національности, хотя между преподавателями этихъ учебныхъ заведеній русиновъ довольно много,

на порогѣ гимназіи и не перестаетъ для нихъ быть и впослѣдствіи. Поэтому, крестьяне, очень часто изъ послѣдняго тянущіеся, чтобы дать дѣтямъ образованіе, неохотно отдаютъ ихъ въ польскія гимназіи. При всѣхъ недостаткахъ гимназій русинскихъ, зависящихъ отчасти отъ общихъ условій школьнаго дѣла въ Австріи, отчасти отъ спеціальнаго вниманія, которымъ пользуются онѣ у польской администраціи, весьма тщательно подбирающей для нихъ составъ преподавателей,—все-таки преподаваніе на родномъ языкѣ очень сильно облегчаетъ прохожденіе въ нихъ курса русинскимъ дѣтямъ, и атмосфера въ нихъ несомнѣнно для нихъ легче—хотя, конечно, поблажки не дается тутъ. Наоборотъ, находясь подъ очень бдительнымъ надзоромъ администраціи, русинскія гимназіи относятся къ своимъ питомцамъ съ требовательностью несомнѣнно даже большею, чѣмъ та, какую встрѣчаютъ поляки въ польскихъ [1]). Напр., въ 1900/1 г. процентъ вышедшихъ до окончанія курса и не выдержавшихъ испытаній въ русинскихъ гимназіяхъ далъ 25%, въ польскихъ и нѣмецкихъ гимназіяхъ восточной Галиціи 22%, въ западной Галиціи, гдѣ ру-

---

[1]) Кромѣ того, нужно имѣть въ виду, что на громадномъ большинствѣ учениковъ русинскихъ гимназій лежитъ бремя почти невѣдомое ученикамъ-полякамъ: изученіе другого мѣстнаго языка. Въ польскихъ гимназіяхъ долженъ преподаваться украинскій (русинскій) языкъ, какъ необязательный предметъ, въ русинскихъ—польскій. Но украинскій языкъ преподается въ дѣйствительности далеко не во всѣхъ польскихъ гимназіяхъ, преподаваніе его происходитъ по программѣ очень сокращенной сравнительно съ польскимъ, и ведется обыкновенно спустя рукава, а учится ему очень мало учениковъ-поляковъ; польскій же языкъ въ русинскихъ гимназіяхъ поставленъ очень серьезно, и школьное начальство прилагаетъ всѣ старанія къ тому, чтобы это дѣло было поставлено какъ можно лучше, и ученики русины записывались на этотъ предметъ въ возможно большемъ числѣ. Поэтому ученики русинскихъ гимназій въ огромномъ большинствѣ учатся польскому языку не всегда даже добровольно. Заботливость о польскомъ языкѣ доходитъ иногда до курьезовъ; напр., при учрежденіи русинской гимназіи въ Коломыѣ, прежде всего былъ назначенъ въ эту гимназію преподаватель польскаго языка (необязательнаго предмета!)

синскій элементъ почти отсутствуетъ, около 19%. При пріемныхъ экзаменахъ того же года въ русинскихъ гимназіяхъ не выдержало испытаній 25%, въ прочихъ восточно-галицкихъ—23%, въ западныхъ—18, 8%. Несмотря на эту сравнительную строгость, все-таки, благодаря родному языку, положеніе русинской молодежи здѣсь много сноснѣе, и потому наплывъ ея въ эти гимназіи очень значителенъ.

Насколько русинское населеніе дорожитъ русинскими гимназіями, показываетъ уже одинъ тотъ фактъ, что въ четырехъ русинскихъ гимназіяхъ восточной Галиціи обучается почти половина всѣхъ учениковъ-русиновъ среднихъ школъ восточной Галиціи—въ 1902/3 г. около 48% Каждая изъ русинскихъ гимназій притягиваетъ учениковъ изъ очень большого района. Еще большую притягательную силу имѣетъ она для своей ближайшей окрестности. Несмотря на крайне стѣсненное матеріальное положеніе и всякіе расходы, еще больше затруднившіе доступъ въ среднюю школу неимущему люду въ послѣдніе годы [1]), крестьяне ближайшей окрестности тянутся изъ послѣднихъ силъ къ русинской школѣ: изъ ближайшихъ подгородныхъ селъ, за нѣсколько верстъ, дѣти ходятъ въ гимназіи пѣшкомъ; изъ болѣе дальнихъ крестьяне держатъ дѣтей въ городѣ на своихъ харчахъ у родныхъ, знакомыхъ и т. д. Такимъ образомъ, открытіе каждой новой русинской гимназіи создаетъ новый контингентъ учениковъ изъ русинскаго крестьянскаго бѣднаго городского населенія данной мѣстности, страстно рвущагося въ настоящее время къ образованію, къ свѣту, но не имѣющаго возможности посылать дѣтей въ болѣе отдаленныя русинскія гимназіи, и далеко не такъ охотно обращающагося къ гимназіямъ польскимъ, съ чужимъ языкомъ и чужимъ режимомъ. Этимъ объясняется быстрый ростъ

---

[1]) Такъ увеличена была очень значительно плата за ученіе, введена форменная одежда—нововведенія, тяжело легшія на неимущіе классы. Былъ ли тутъ умыселъ, какъ подозрѣвали, трудно сказать, но что эти мѣры утруднили и безъ того нелегкій доступъ къ средней школѣ неимущему русинскому населенію, это не подлежитъ сомнѣнію.

учениковъ-русиновъ въ городахъ, гдѣ появляется русинская гимназія. Такъ 15 лѣтъ тому назадъ, предъ учрежденіемъ русинской гимназіи въ Перемышлѣ было гимназистовъ-русиновъ 212, въ 1903 году ихъ тамъ было 546, а въ началѣ 1893—4 г. около 650. Въ Коломыѣ предъ открытіемъ русинской гимназіи, въ концѣ 1889—90 г. было русиновъ 168, въ концѣ 1902—3 г. 428, въ началѣ 1903—4 г. свыше 500. Въ Тернополѣ въ 1895—6 г. было русиновъ 151, въ концѣ 1902—3 г. 438, въ началѣ 1903—4 около 560 [1]). Можно себѣ представить, какой переворотъ въ статистикѣ учениковъ, какія перемѣны въ культурѣ края вызвало бы учрежденіе хотя бы приблизительно такого числа русинскихъ гимназій, какое слѣдовало бы украинской народности Галиціи по соображеніямъ «національной справедливости»—если бы они, превосходя числомъ поляковъ, получили хотя бы приблизительно такое число среднихъ школъ, сколько имѣется теперь школъ съ польскимъ языкомъ, если бы школы съ русинскимъ языкомъ появились во всѣхъ значительнѣйшихъ городахъ и городкахъ восточной Галиціи... [2])

Теперь посылать своихъ дѣтей въ русинскую гимназію, за десятки и сотни верстъ, для большинства является совершенно недоступною роскошью. Въ 1902—3 г. около 55% всѣхъ руси-

---

[1]) Цифры учениковъ при окончаніи школьнаго года вообще значительно ниже его начала; много бываетъ принуждено уйти послѣ первыхъ отмѣтокъ, такъ какъ одинъ плохой баллъ лишаетъ на право освобожденія отъ платы за ученіе, а эта довольно высокая плата для очень многихъ создаетъ непреодолимую преграду къ дальнѣйшему обученію. Интересно, что и въ этомъ отношеніи русины, кажется, поставлены въ худшія условія, чѣмъ поляки; на это указываетъ разница между восточною и западною Галиціею: въ послѣдней процентъ освобожденныхъ отъ платы выше. Напр. въ 1900—1902 г. въ гимназіяхъ восточной Галиціи было освобождено 65% учениковъ, въ гимназіяхъ западной—74%.

[2]) Малое число учениковъ-русиновъ въ реальныхъ школахъ несомнѣнно также объясняется отсутствіемъ реальныхъ школъ съ русинскимъ языкомъ: учрежденіе одной такой школы сразу бы подняло ихъ число.

новъ, учениковъ среднихъ школъ Галиціи, обучалось въ учебныхъ заведеніяхъ съ не-роднымъ языкомъ (главнымъ образомъ польскимъ), между тѣмъ какъ изъ числа учениковъ—поляковъ около 2% (*два!*) посѣщало среднія школы съ преподаваніемъ не на польскомъ языкѣ!..[1]) Еще одна маленькая, но краснорѣчивая цифра..

При продолжающемся хроническомъ обѣднѣніи русинскаго населенія Галиціи, при тѣхъ трудностяхъ, которыя встрѣчаютъ русинскихъ дѣтей въ школѣ (онѣ въ суммѣ, несомнѣнно, гораздо выше, сравнительно съ условіями, въ которыхъ обучаются польскія дѣти), главнымъ образомъ русинскимъ гимназіямъ обязано русинское населеніе тѣмъ, что процентъ русинскихъ дѣтей въ общей суммѣ учащейся молодежи не только не падалъ, но даже понемногу увеличивался за это время. Все складывалось такъ, что онъ долженъ былъ падать: вѣдь польскія среднія школы за это время росли въ Галиціи, какъ грибы, сравнительно съ русинскими; всячески покровительствовалась польская школьная молодежь; въ огромномъ (сравнительно) числѣ двинулся въ среднія школы еврейскій пролетаріатъ, ища въ образованіи выходъ изъ своего также бѣдственнаго положенія; не хочу уже говорить о чисткахъ и всякихъ стѣсненіяхъ... Но несмотря на все это, процентъ учениковъ-русиновъ понемногу возросталъ: въ 1897 г. ученики-русины составляли 17,79% въ общей суммѣ учениковъ гимназій Галиціи (восточной и западной), въ 1898—18,29%, въ 1899 г.—19,01%, въ 1900—19,20%, въ 1901 г.—19,54%[2]).

Итакъ, украинская средняя школа является жгучей потребностью въ современной Галиціи, и учрежденіе новыхъ школъ съ украинскимъ языкомъ—неотложной вопіющей необходимостью. Такъ какъ польское большинство, конечно, не допускаетъ и мысли

---

[1]) Они посѣщали гимназіи съ нѣмецкимъ языкомъ; въ русинскихъ гимназіяхъ, благодаря указанной выше политикѣ польскихъ правящихъ сферъ, поляковъ нѣтъ *вовсе*.

[2]) За 1902 г. отчетъ даетъ процентъ невѣрный, потому его не привожу.

о преобразованіи какихъ-либо школъ съ польскимъ языкомъ въ школы русинскія (и сами русины не требуютъ этого), то значитъ—необходимо учредить новыя учебныя заведенія съ русинскимъ языкомъ. Польское большинство не допускаетъ существованія ихъ въ мѣстностяхъ, лишенныхъ вовсе средней школы—значитъ, необходимо учреждать параллельныя школы при существующихъ польскихъ. Если мы примемъ во вниманіе, въ какихъ стѣснительныхъ условіяхъ стоятъ русинскія дѣти въ польскихъ школахъ, то является совершенно очевиднымъ, что во всѣхъ городахъ, гдѣ, несмотря на эти неблагопріятныя условія—дѣйствіе предохранительныхъ клапановъ, недовѣріе къ польской школѣ среди русинскаго населенія и т. п.,—число учениковъ русиновъ достигаетъ все-таки сотни, тамъ уже вполнѣ назрѣла нужда и необходимость въ украинской гимназіи, а для нея имѣется уже полный контингентъ учениковъ. Опытъ показалъ уже на прежнихъ гимназіяхъ, что тамъ, гдѣ передъ учрежденіемъ русинской гимназіи было 150—200 русиновъ, по учрежденіи русинской гимназіи, когда она достигла полнаго числа классовъ, въ ней оказывалось до 400 и 500 учениковъ. Въ настоящее же время, когда стремленіе къ образованію въ русинскомъ населеніи все усиливается, каждая русинская гимназія имѣетъ въ будущемъ шансы развивать въ окрестномъ населеніи все большую притягательную силу.

Въ концѣ 1902—3 учебнаго года, не считая Станиславова, въ слѣдующихъ гимназіяхъ число учениковъ-русиновъ перешло за сто: Бережаны 213 русиновъ, Санокъ 171. Самборъ 166, Стрый 165, Золочивъ 139, Бучачъ 136, Броды 130, Дрогобычъ 125. Итого, не считая Станиславова, уже получившаго русинакую гимназію—in spe, было уже два года тому назадъ *восемь* такихъ пунктовъ. Въ этомъ году, вѣроятно, число ихъ достигло десятка. Въ каждомъ изъ нихъ русинская гимназія, если бы дошла до полнаго числа классовъ, несомнѣнно имѣла бы число учениковъ гораздо выше признаваемаго австрійскою школьною администраціею достаточнымъ числомъ—двухсотъ учениковъ.

Учрежденіе украинскихъ среднихъ школъ въ упомянутыхъ восьми мѣстностяхъ—это тотъ minimum, который долженъ бы быть данъ русинамъ безотлагательно теперь же, чтобы хотя отчасти смягчить ущербъ, причиненный русинской народности въ этой сферѣ. Но о такомъ требованіи русины не смѣютъ даже помышлять. Такъ трудно исполняются требованія даже одной гимназіи! Каждый разъ сначала съ польской стороны поднимается крикъ о томъ, что польскому stanu posiadania грозитъ ущербъ; что русины и безъ того занимаютъ привилегированное положеніе въ школьномъ дѣлѣ [1]); что русинскія гимназіи служатъ разсадникомъ .дурныхъ нравовъ и національнаго антагонизма (хотя въ русинскихъ гимназіяхъ, подъ усиленнымъ надзоромъ польской администраціи, школьной молодежи въ этомъ отношеніи предъявляются требованія гораздо болѣе строгія, чѣмъ какія предъявляются молодежи польской); что вмѣсто того, чтобы учреждать русинскія гимназіи для горсти учениковъ-русиновъ, слѣдуетъ позаботиться объ учрежденіи новыхъ польскихъ школъ во избѣжаніе ихъ переполненія [2]); что для русинскихъ гимназій не найдется преподавателей русиновъ, хотя ихъ въ дѣйствительности много преподаетъ въ польскихъ гимназіяхъ, а немало находится «въ заточеніи» въ школахъ западной Галиціи [3]), и т. п.

---

[1]) Такое утвержденіе, являющееся настоящею насмѣшкою надъ галицкой дѣйствительностью, находимъ и у г. К.; неосторожно также говоритъ онъ, что „учащійся русинъ обходится государству несравненно дороже учащагося поляка“. Въ интересахъ польской народности, давшей въ учебномъ году 1902/3 ок. 15.500 учениковъ, правительство содержало 40 среднихъ школъ съ польскимъ языкомъ; учениковъ-русиновъ было свыше 4000 при четырехъ школахъ русинскихъ; значитъ, въ интересахъ учениковъ-поляковъ правительство дѣлало почти въ три раза больше, чѣмъ для учениковъ-русиновъ, и приходится сказать, что именно ученикъ-полякъ дороже всего обходится ему.

[2]) И это соображеніе повторяетъ г. К. Въ общемъ, однако, русинскія гимназіи не менѣе людны, чѣмъ польскія, въ среднемъ насчитывая по 509—600 учениковъ.

[3]) Я могъ насчитать (статистики такой, конечно, нѣтъ) не менѣе 15 преподавателей русиновъ, занимающихъ, конечно, противъ

Этимъ утвержденіямъ и предположеніямъ едва ли вѣрятъ серьезно и тѣ господа, которые пускаютъ ихъ въ ходъ, когда заходитъ рѣчь о русинскихъ гимназіяхъ. Причина упорнаго сопротивленія, которое оказываютъ поляки учрежденію новыхъ русинскихъ гимназій (за счетъ государственнаго казначейства), лежитъ въ сознаніи ими того обстоятельства, которое заставляетъ русиновъ такъ упорно ихъ добиваться: что польскія школы задерживаютъ культурное развитіе русинскаго населенія, а распространеніе украинской средней школы послужило бы могущественнымъ средствомъ его культурнаго подъема. Стараясь всѣми средствами сохранить политическое и національное, экономическое и культурное господство и преобладаніе польской народности надъ русинскою, польскіе круги и представляющее ихъ большинство галицкаго сейма всѣми мѣрами противодѣйствуютъ всему, что можетъ содѣйствовать подъему и развитію русинской народности—политическому, національному или культурному.

IV.

Галицкій сеймъ, гдѣ полновластно царитъ вполнѣ солидарное въ національныхъ вопросахъ польское большинство, благодаря принятой избирательной системѣ и установившейся подъ польскимъ режимомъ практикѣ, составляющее около 90 проц. всего его состава—можетъ служить вообще хорошимъ показателемъ національныхъ отношеній Галиціи. Я не буду, однако, пускаться въ характеристику національной тактики сейма и господствующихъ въ немъ отношеній, а ограничусь краснорѣчивымъ языкомъ цифръ сеймовыхъ бюджетовъ—они дадутъ достаточно характерный образчикъ этихъ отношеній. При этомъ, хотя вся вообще земская организація, находящаяся въ завѣдываніи сейма и питаемая его бюджетомъ, имѣетъ сильно выраженный польскій

воли, по извѣстной уже намъ административной политикѣ, мѣста преподавателей въ среднихъ школахъ западной Галиціи.

характеръ, я ограничусь тѣми рубриками его бюджета, гдѣ въ самыхъ ассигнованіяхъ достаточно ясно указывается ихъ національный характеръ.

Итакъ, въ бюджетѣ на 1904 г.[1]) находимъ:

а) Въ отдѣлѣ ассигновокъ на частныя учебныя и воспитательныя учрежденія мы видимъ:

Субсидіи школамъ и учрежденіямъ польскимъ	74.830	кр. [2]).
Школамъ и учрежденіямъ русинскимъ. .	10.400	»
Гимнастическимъ обществамъ польскимъ .	4.600	»
Гимнаст. обществамъ польскимъ и русинскимъ	4.000	»

(Изъ этой суммы русинскія получаютъ лишь нѣсколько сотъ кронъ, остальное польскія).

б) Въ категоріи научныхъ и просвѣтительныхъ обществъ и изданій:

Польская академія наукъ въ Краковѣ . .	79.000	кронъ.

(Одновременно сеймъ ходатайствуетъ объ увеличеніи субсидіи государственнаго казначейства съ 40.000 на 50.000 кр.).

Для ученыхъ обществъ и изданій польскихъ	6.800	кронъ.
Русинскому Науковому товариству ім. Шевченка (объединяющему теперь всю научную дѣятельность галицкаго украинства и являющемуся единственнымъ русинскимъ научнымъ учрежденіемъ)	10.000	»

(Предъ правительствомъ въ его интересахъ сеймъ не считаетъ нужнымъ ходатайствовать).

---

[1]) Отчеты галицкаго тейма 1902—3 г.—Budżet krajowy na r. 1904 (послѣдній изъ опубликованныхъ).

[2]) Крона—полгульдена, почти равняется франку.

г) Польскимъ просвѣтительнымъ обществамъ и популярнымъ изданіямъ	20.100	кронъ.
Русинскимъ	9.400	»

(При нѣкоторыхъ русинскихъ изданіяхъ оговаривается, что субсидія имѣетъ быть выплачена только въ томъ случаѣ, если въ изданіяхъ не будетъ замѣчено ничего вреднаго).

На изданіе учебниковъ польскихъ субсидія.	3.000	кронъ.
На русинскіе	12.000	»
д) На театры польскіе	119.000	»
На театръ русинскій	18.500	»
Польскимъ учрежденіямъ художественнымъ, музыкальнымъ и пр.	38.900	»
Русинскимъ—ничего	—	
На пѣвческія общества	3.000	»
На стипендіи	6.000	»

(Изъ послѣднихъ двухъ ассигнованій получаютъ кое что и русины).

е) Поддержаніе историческихъ памятниковъ (исключительно польскихъ)	48.220	кронъ.
Расходы администраціи (польской) архивовъ и охраны памятниковъ	42.320	»
ж) Польскія сельско-хозяйственныя школы и общества	659.274	»
Русинскія (обществу Просьвіта)	4.000	»
з) Ремесленныя школы (польскія, русинскихъ нѣтъ)	73.976	»
Практическіе курсы и учебныя мастерскія (съ польскимъ характеромъ)	191.888	»
Субсидіи для технич. училищъ (польскихъ).	30.332	»
Коммерческія училища (польскія) . . .	32.000	»
и) Благотворительныя учрежденія польскія.	45.000	»
Русинскія	1.800	»

Я оставлялъ въ сторонѣ тѣ ассигновки, изъ которыхъ могли получать кое-что и русины, или оговаривалъ эту возможность и старался отмѣтить все, что могло имѣть характеръ поддержки культуры или національности русинской. Въ общей сложности такихъ ассигновокъ не наберется и на сто тысячъ при милліонныхъ ассигновкахъ на цѣли польскія, на учрежденія съ польскимъ характеромъ. Ассигновки на русинскія цѣли являются ничтожнымъ исключеніемъ изъ общаго правила: польское большинство смотритъ на нихъ, какъ на великодушную подачку отъ своихъ шляхетскихъ щедротъ; нужды нѣтъ, что средства на эти ассигновки даютъ народныя массы, въ которыхъ русины составляютъ неменьшій процентъ, чѣмъ поляки. Вся дѣятельность, развиваемая сеймомъ, его исполнительные органы, его учрежденія имѣютъ польскій характеръ, выражаемый не менѣе, а еще болѣе рѣзко, чѣмъ въ казенной польской администраціи, и вся «автономическая (земская) машина Галиціи представляетъ одинъ большой полонизирующій аппаратъ, бросающій только обрывки русинской народности и всѣми силами работающій для упроченія политическаго, культурнаго и національнаго господства польскаго элемента. Русинская народность, по своей слабости и обездоленности имѣющая право на особенное вниманіе мѣстнаго представительства, имѣетъ въ немъ, вѣрнѣе—въ его сеймовомъ большинствѣ, могучаго противника, пользующагося довольно значительнымъ бюджетомъ края (ок. 25 мил. кронъ) всецѣло для усиленія элемента польскаго. Принято за принципъ въ польскихъ кругахъ, что, внѣ субсидируемыхъ сеймомъ русинскихъ учрежденій и обществъ, всѣ учрежденія и институціи общаго характера должны имѣть характеръ польскій, одинаково въ польской (западной), какъ и въ русинской (восточной) Галиціи, хотя по всей справедливости въ этой послѣдней онѣ должны были бы имѣть характеръ русинскій. Но объ этомъ нечего и думать! Вѣдь польскій элементъ—господствующій, поддержаніе его является альфою и омегою сеймовой политики, и всякая ассигновка для русинскихъ учрежденій, русинскихъ обществъ разсматривается какъ

небезопасный ущербъ полнотѣ этого господства. Галицкій сеймъ не находитъ нужнымъ считаться съ нуждами русинской народности даже настолько, насколько считается съ ними центральное правительство—наоборотъ, какъ мы видѣли въ вопросѣ о гимназіяхъ, по мѣрѣ силъ онъ тормозитъ дѣйствія правительства, предпринимаемыя въ интересахъ русинскаго населеня.

Я не имѣю возможности продолжать далѣе этотъ обзоръ польско-украинскихъ отношеній Галиціи, хотя было бы очень поучительно присмотрѣться къ отношеніямъ въ политической сферѣ, къ условіямъ экономическимъ, созданнымъ польскимъ режимомъ Галиціи, къ организаціи народнаго образованія, къ практикѣ конституціонной жизни. Но и приведенныхъ мною фактовъ, я думаю, достаточно для того, чтобы составить себѣ понятіе о характерѣ національныхъ отношеній, и прочитавшему предшествующія главы этой статьи не покажутся, надѣюсь, голословными мои общія замѣчанія относительно того нравоученія, которое г. К. намѣревался извлечь изъ галицкихъ польско-украинскихъ отношеній для такихъ же отношеній Россіи, и которое я также хочу извлечь въ заключеніе моей статьи.

Галичина послужила пробнымъ камнемъ для польско-украинскихъ отношеній въ новыхъ условіяхъ конституціоннаго государства. Какъ сложились эти отношенія, мы видѣли. Пользуясь тѣми преимуществами, какія давало имъ крупное землевладѣніе, наличность нѣкоторыхъ (значительныхъ только въ сравненіи съ полнымъ отсутствіемъ ихъ у русиновъ) культурныхъ средствъ, нѣкоторой (также самой по себѣ очень небольшой) интеллигенціи, поляки, т. е. верхніе слои польской народности, захватили въ свои руки управленіе и представительство края и постарались использовать конституціонныя формы для утвержденія полнаго и прочнаго господства своего класса и своей народности, придавивъ совершенно народность украинскую и связавъ ее, вмѣсто прежнихъ цѣпей крѣпостныхъ, густою сѣтью болѣе тонкихъ, но прочныхъ узъ. И сдѣлала это не какая либо группа мрачныхъ крѣ-

постниковъ. Въ этой «органической работѣ» (praca organiczna), какъ называютъ ее поляки, видную роль сыграли выдающіеся представители польскаго общества, либералы и патріоты, «борцы за нашу и вашу вольность»[1]), умѣвшіе предъ тѣмъ смѣло и самоотверженно выступить въ борьбѣ съ сильнѣйшимъ врагомъ—австрійскимъ централизмомъ,—но не сумѣвшіе найти руководящей идеи справедливости и гуманности, когда пришлось установить отношеніе къ слабѣйшимъ—къ русинской народности, «за вольность» которой мнили они себя борцами... Въ этомъ станѣ господствующихъ оказалось много выходцевъ и изъ Россіи, участниковъ демократическихъ, свободолюбивыхъ движеній, которыхъ на первыхъ порахъ отношенія къ русинамъ шокировали иногда довольно сильно, но скоро они осваивались съ галицкими отношеніями, и теперь, напр., среди крайнихъ націоналистовъ, т. н. вшехполяковъ, также можно немало указать выходцевъ изъ Россіи—эти выходцы собственно и создали вшехпольское движеніе...

Эпизодъ достаточно поучительный и для россійской Украины. Западная часть—Подолье, Волынь, не говоря уже о Побужьѣ, (Холмщина и Подлясье)—долго жила въ однихъ условіяхъ съ Галичиною и очень сильно напоминаетъ теперь состояніе передъ конституціонной эрой Австріи. Все почти крупное землевладѣніе въ рукахъ поляковъ; они составляютъ верхній слой мѣстнаго населенія, они, главнымъ образомъ, представляютъ мѣстную интеллигенцію. Мѣстное украинское населеніе темно и безпомощно; при отсутствіи украинскихъ интеллигентныхъ силъ, оно стоитъ еще въ худшемъ положеніи сравнительно съ галицкимъ русинскимъ населеніемъ, благодаря отчужденію отъ народныхъ массъ мѣстнаго духовенства, составившаго въ Га-

---

[1]) Такъ называются участники польскихъ возстаній, старавшіеся привлечь къ участію также и русинское населеніе и называвшіе, а иногда и искренно считавшіе себя борцами за вольность не только польской, но и русинской народности Галиціи.

лиціи первые кадры (хотя и не высокаго качества) русинской интеллигенціи.

Какъ въ Галичинѣ, такъ и въ упомянутыхъ мѣстностяхъ Западной Украины, шансы коренного украинскаго населенія, несмотря на его полное численное преобладаніе, въ настоящее время несомнѣнно стоятъ хуже, чѣмъ мѣстной польской народности. Польское населеніе было ограничено до сихъ поръ въ своихъ гражданскихъ и имущественныхъ правахъ,—это правда. Но мѣстному украинскому населенію это никакого преимущества не давало; массы оставались и остаются въ экономической зависимости отъ польскаго владѣльческаго класса, а при сохраненіи существующихъ порядковъ въ будущемъ имъ грозятъ также и иныя категоріи зависимости. При всѣхъ стѣсненіяхъ, польская народность и теперь сравнительно съ украинской занимаетъ фактически привилегированное положеніе, благодаря имущественному преобладанію. Въ отношеніи культурномъ и національномъ польская народность была поставлена въ условія несравненно болѣе благопріятныя.

Статья г. К., поляка изъ юго-западнаго края, берущаго въ свою оборону польско-украинскія отношенія Галиціи и доказывающаго, что эти отношенія совершенно соотвѣтствуютъ «національной справедливости», являются довольно непріятнымъ симптомомъ—тѣмъ болѣе, что я не вижу, чтобы кто-нибудь изъ его ближайшихъ земляковъ заявилъ, въ какой-угодно мягкой формѣ, свою несолидарность съ такимъ пониманіемъ національной справедливости въ польско-украинскихъ отношеніяхъ. Серьезнымъ симптомомъ являются недавнія событія въ Холмщинѣ, гдѣ проблескомъ раскрѣпощенія мѣстныхъ отношеній польское общество воспользовалось далеко не въ духѣ «національной справедливости». Впродолженіе тридцати лѣтъ выступало оно въ роли защитника и покровителя насильственно упраздненной уніи, теперь же, когда указъ о вѣротерпимости открывалъ возможность возвращенія уніи и созданія народной украинской церкви, оно не только не поддержало стремленій къ возстановленію уніи, но отнеслось къ

нимъ даже враждебно: въ польскихъ органахъ и кругахъ открыто заявляли, что возстановленіе уніи было бы не въ интересахъ польской національности, и «общество покровительства уніи» въ своихъ циркулярахъ поручало бывшимъ уніатамъ, не упоминая объ уніи, требовать причисленія ихъ къ католичеству, а заявлять желанія о возстановленіи уніатской церкви рѣшительно отсовѣтывало. Нужно ли говорить, что въ основѣ этого привлеченія бывшаго уніатскаго украинскаго населенія къ католичеству лежали и лежатъ мотивы національные? Вмѣсто того, чтобы помочь украинскому населенію въ національномъ самоопредѣленіи, польское общество постаралось использовать представившійся моментъ для усиленія польской стихіи въ ущербъ украинской.

Я не сомнѣваюсь, что среди поляковъ юго-западнаго края и вообще среди поляковъ Россіи есть немало людей чуждыхъ стремленій «воинствующей Польши» - Poloniae militantis. Но они очень слабо себя проявляютъ. Я не встрѣтилъ указаній, чтобы съ этой стороны раздался трезвый предостерегающій голосъ по уніатскому вопросу. Не вижу, чтобы кто-нибудь указалъ на странный совершающійся теперь подмѣнъ понятія этнографической Польши Польшею 1815 года или такъ называемымъ Привислянскимъ краемъ, причемъ въ границахъ автономной Польши имѣли бы остаться украинскія, бѣлорусскія и литовскія территоріи нынѣшняго Привислянскаго края, совершенно случайно включенныя въ него. Не вижу, чтобы кто-нибудь обратилъ вниманіе на невозможность обойти интересы украинской или бѣлорусской народности, когда вводится въ школу или сельское дѣлопроизводство языкъ польскій, и т. п. Все это явленія, затрогивающія очень сильно вопросы національной справедливости, и мы вправѣ бы ожидать, что передовые элементы польскаго общества, заявляющіе о своемъ полномъ несочувствіи воинствующей Польшѣ, отзовутся на нихъ вполнѣ опредѣленно, чтобы не было основанія судить о полякахъ вообще по воинствующимъ ихъ представителямъ. Иначе сами эти элементы малоцѣнны. Въ Галиціи также

нѣтъ недостатка въ людяхъ, готовыхъ заявить въ частной бесѣдѣ, съ глазу на глазъ, свое сожалѣніе относительно проявленій польскаго шовинизма и свою надежду, что національныя отношенія со временемъ потеряютъ свою остроту. Но такія платоническія заявленія никакой цѣнности не имѣютъ, и такъ какъ ихъ носители обыкновенно ограничиваются такими платоническими чувствами, предоставляя вести національную политику представителямъ агрессивной, воинствующей Польши, то съ стремленіями и настроеніями этой послѣдней, а не тѣхъ «сочувствующихъ» элементовъ, и приходится поневолѣ намъ считаться въ Галиціи, и точно также—въ Россіи.

Несомнѣнно, огромное большинство украинской интеллигенціи въ Россіи относится къ полякамъ безъ всякой предвзятости и вражды. Даже болѣе. Установленіе modus vivendi въ раскрѣпощенныхъ отношеніяхъ представляется ей въ видѣ очень привлекательной національной гармоніи. Знаю это по себѣ и не сомнѣваюсь, что такое настроеніе довольно распространено и теперь. Выразителемъ его является нашъ поэтъ, протягивающій руку своимъ товарищамъ по изгнанію—полякамъ и приглашающій ихъ общими силами «возобновить тихій рай», забывъ историческій споръ, вызванный «несытыми ксендзами и магнатами»... Но намъ, младшимъ поколѣніямъ, на глазахъ которыхъ вмѣсто «тихаго рая» былъ аранжированъ съ благосклоннымъ участіемъ подобныхъ бывшихъ изгнанниковъ и узниковъ «за нашу и вашу вольность» настоящій зубоскрежещущій адъ на одной изъ частей украинской территоріи, въ Галиціи,—приходится смотрѣть трезвѣе на дѣйствительность и не скрывать отъ себя трудностей, лежащихъ на пути къ установленію желательныхъ національныхъ отношеній.

Историческія отношенія Польши и Украины сводятся къ тому, говоря безъ обиняковъ, что украинская народность была обобрана польскою: она завладѣла богатствами Украины—ея землями, она втянула въ себя въ теченіе вѣковъ все, что появлялось болѣе выдающагося въ украинской средѣ и низвела

украинскую народность до массы работниковъ, трудящихся на представителей польской народности и культуры. Это звучитъ непріятно, но нужно имѣть мужество, по крайней мѣрѣ, назвать по имени этотъ историческій процессъ, плодами котораго пользуется и теперь польская народность. Не возобновляя исторической тяжбы, нужно признать, однако, что національная справедливость налагаетъ на поляковъ освобожденной Россіи нелегкую, но благодарную задачу: воспользоваться тѣми матеріальными средствами, которыя собрали въ ихъ рукахъ предки—завоеватели и угнетатели, для возрожденія, экономическаго и культурнаго подъема тѣхъ народностей, на счетъ которыхъ создалась сила и значеніе и привилегированное положеніе народности польской: населенія украинскаго, бѣлорусскаго, литовскаго. Если поляки Украины, Бѣлоруссіи, Литвы станутъ на эту точку зрѣнія, если они почувствуютъ себя гражданами того края, привилегированное положеніе въ которомъ создала имъ исторія,—гражданами, призванными трудиться для блага его рабочихъ массъ безъ различія ихъ національности, для интересовъ края,—то желательный modus vivendi тѣмъ самымъ установится. Если же свои матеріальныя и культурныя преимущества, свое привилегированное положеніе они будутъ стараться использовать только для своихъ національныхъ цѣлей, если этими преимуществами и тѣми возможностями, какія открываетъ классамъ, національно и культурно лучше вооруженнымъ, конституціонное устройство, они будутъ пользоваться только для того, чтобы усилить польскій элементъ, расширить сферы его вліянія, создать ему превалирующее положеніе—то modus vivendi установить будетъ трудно. Дѣятельность ничего не забывшей и ничему не научившейся польской шляхты Галиціи въ такомъ националистическомъ направленіи только оживила вѣковой національный споръ. Если такую дѣятельность поляки россійской Украины или иного края примутъ за образецъ, за формулу національной справедливости, то о modus vivendi нечего и говорить..

Мои слова, вѣроятно, для многихъ зазвучатъ рѣзко и непріятно, и мнѣ самому тяжело говорить все это. Но я долженъ

былъ исполнить долгъ историка и гражданина того края, о которомъ идетъ рѣчь, въ рѣшительный моментъ его исторіи. И я хотѣлъ бы вѣрить, что мои слова найдутъ сочувственный откликъ въ тѣхъ элементахъ польскаго общества, чуждыхъ національнаго шовинизма и сознающихъ свои обязанности предъ воспитавшими ихъ народными массами, о которыхъ я говорилъ.

М. Грушевскій.

Библіографія.

Халера. *Напысавъ по кныжкахъ дохторивъ Сычугова та Геллерта Дмытро Ивановычъ Эварницкій. Екатеринославъ. Тип. губ. Земства 1905.*

Про холеру и якъ видъ неи стерегтыся. *Напысавъ Я. Жарко Выдання «Комитета Екатеринод. Отдѣла Кубан. Попечит. о народ трезв.» № 1. Катерынодаръ. Зъ друкарни И. Бойко и К°. 1905 р Цина $1^1/_2$ коп.*

Къ цѣлому ряду бѣдствій, внѣшнихъ и внутреннихъ, обрушившихся на Россію, готово присоединиться еще одно: надвигается холера.

И въ предстоящей, быть можетъ завтра, борьбѣ съ этимъ новымъ врагомъ паки и паки обнаружатся съ новой рельефностью наши «язвы»: пресловутая «неподготовленность», наболѣвшая полицейская опека надъ всякимъ, даже «холернымъ» проявленіемъ общественной самодѣятельности, недостатокъ врачей и денегъ, бѣдность и темнота сельскаго населенія.

И наши шансы на успѣхъ въ борьбѣ съ надвигающеюся холерою несравненно меньше теперь, чѣмъ были они 12 лѣтъ назадъ, въ холерную эпидемію 1892—3 г.г.

Въ самомъ дѣлѣ: въ тѣ годы руки земствъ были свободны, по крайней мѣрѣ, для борьбы съ эпидеміями — нынѣ онѣ связаны закономъ 11 августа 1903 г., наслѣдіемъ недоброй памяти системы «все подавленія», системы покойнаго Плеве.

Въ тѣ годы земства располагали достаточными средствами, получали еще пособія и ссуды отъ казны, да и само населеніе было за-

житочнѣе; нынѣ земскія кассы истощены, казна не только не дастъ ссуды, но сама накладываетъ на земства новыя тяготы, въ видѣ пособій семьямъ солдатъ; самообложеніе ограничено % нормой, да и облагать теперь нельзя: населеніе обнищало.

Въ тѣ годы свободныхъ врачей было много, были студенты-медики; нынѣ врачей не хватитъ: не только «свободныхъ», но и земскихъ забрали на войну, а студенты—медики... гдѣ ихъ взять, если въ университетахъ фактически почти три года нѣтъ ученія?

Въ тѣ годы темный, невѣжественный народъ встрѣчалъ врачей кольями, избивалъ ихъ, вѣря, будто они «сѣютъ холеру», разрушалъ и сжигалъ холерныя больницы. Сталъ-ли нашъ народъ просвѣщеннѣе за послѣдніе 12 лѣтъ?

Нѣтъ. Нынѣ народъ тоже будетъ разрушать холерныя больницы и избивать врачей, даже болѣе прежняго. Ибо, благодаря стараніямъ «истинныхъ патріотовъ» и «черныхъ сотенъ», онъ во врачахъ будетъ видѣть не только «сѣятелей холеры», но и «внутреннихъ враговъ», подкупленныхъ японцами. А если, не дай Богъ, врачъ окажется «жидъ» и вздумаетъ лѣчить холерныхъ больныхъ въ Кишиневѣ, Житомірѣ, Гомелѣ или Смѣлѣ?..

И если эти мрачныя условія, при которыхъ предстоитъ борьба съ надвигающимся народнымъ бѣдствіемъ, если эти условія считать общими для всей Россіи (а это несомнѣнно такъ, если не считать неизмѣримо выше просвѣщенную Финляндію), то для нашего края, для Украины положеніе надо признать еще болѣе мрачнымъ: въ Россіи есть хоть малая возможность разбивать народные предразсудки и суевѣрія путемъ популяризаціи здравыхъ научныхъ понятій въ народѣ при помощи чтеній, бесѣдъ и, главнымъ образомъ, распространенія популярныхъ брошюрокъ и листковъ о холерѣ.

Нашъ край лишенъ и этого оружія въ борьбѣ съ холерою и народною тьмой: донынѣ дѣйствующій законъ 1876 г. запрещаетъ изданіе популярно-научныхъ книгъ на родномъ и понятномъ для населенія украинскомъ языкѣ («малороссійскомъ нарѣчіи»).

Многочисленныя популярно-научныя книжки на этомъ языкѣ систематически запрещались цензурою, за единичными и крайне рѣдкими исключеніями, допущенными по «особымъ» сильнымъ ходатайствамъ и протекціямъ.

Поэтому украинцы должны привѣтствовать, какъ первыхъ весеннихъ ласточекъ, двѣ появившіяся недавно брошюрки о холерѣ. За

необходимость изданія такихъ брошюрокъ высказывались уже многія общественныя учрежденія нашего края, но надежды на ихъ появленіе, вѣроятно, ни у кого не было.

Обѣ книжечки имѣютъ очень много общаго между собою, поэтому и говорить можно объ обѣихъ сразу.

Изложены обѣ довольно сжато, яснымъ, толковымъ, хотя и не вполнѣ правильнымъ народнымъ языкомъ. Хорошо, полно и понятно изложены въ обѣихъ пути и способы распространенія заразы и вытекающія изъ этого предохранительныя мѣры. Жаль только, что въ обѣихъ книжечкахъ пропущена одна, очень важная мѣра предосторожности противъ разнесенія заразы: устройство общественныхъ «громадськихъ» журавлей или воротовъ при колодцахъ съ прикованными къ нимъ бадьями или ведрами. Въ минувшую холерную эпидемію въ очень многихъ мѣстахъ общественные колодцы сдѣлались очагами заразы потому, что каждый обыватель погружалъ въ колодезь свое собственное ведро, стоявшее, быть можетъ, въ той-же хатѣ, гдѣ лежалъ больной.

Въ книжечкѣ Я. Жарка ничего не сказано о предохранительныхъ прививкахъ; это—важное упущеніе, особенно въ виду того, что въ былыя времена народъ запугивали тѣмъ, что врачи прививаютъ холеру (хотя именно тогда прививки еще не примѣнялись), и очень важно объяснить народу, что холеру, какъ и оспу, и дифтерію, можно «щепить».

Д. И. Эварницкій въ своей брошюркѣ далъ сообщеніе о прививкахъ, но такъ неудачно, что, пожалуй, лучше было-бы, если-бы онъ, подобно Я. Жарку, ничего не говорилъ о прививкахъ.

«Такожъ (какъ оспу и дифтерію) можна робыты щепу и сыроты холеры. Тутъ такожъ, якъ и пры дифтеріи, набирають щепійный настій изъ пляшечкы у скляну прыскавку и вцыркують іи пидъ шкуру на руци, або на жыво*ту* (*-ті* ?), або-жъ на спыни, чы на *боку* (боці ?), а чы на грудяхъ, а хочъ и на ногахъ».

Къ чему перечислять чуть-ли не всѣ части тѣла, когда принято холерныя, какъ и дифтерійныя прививки, дѣлать подъ кожу туловища, вблизи лопатки?

«Перегодя зъ пивгодыны писля того, мисце, де було зроблено вцыркання (? де прыщеплено), розпухае, шкура робытся червоною и

дуже болисною (не дуже!) Але днивъ за тры (не вѣрно: реакціи иногда вовсе не бываетъ, а если бываетъ она, то меньше сутокъ) биль почынае переставаты, *краснота* (?) и опухъ *вбавляютця* (проходять, мынають?), а ще днивъ за два усе проходе».

Слишкомъ сгущены краски при описаніи реакціи на прививку, а это можетъ запугать не только недовѣрчиваго и подозрительнаго крестьянина, но и болѣе довѣрчивыхъ людей.

Такой недостатокъ въ изложеніи нельзя ставить въ вину Д. И. Эварницкому: онъ, кажется, не врачъ, и болѣе виноваты тѣ авторы, трудами которыхъ онъ пользовался для своей книжечки.

Этимъ и ограничиваются возраженія противъ содержанія разбираемыхъ книжечекъ. Во всемъ прочемъ онѣ изложены вѣрно, сжато и понятно, а это важное достоинство изданій, назначаемыхъ для малоразвитаго, а иногда даже для малограмотнаго читателя.

Нельзя умолчать о языкѣ брошюрокъ. Онѣ пестрятъ узкими провинціализмами лѣвобережной Украины, и потому многія выраженія въ нихъ покажутся странными, а подчасъ и непонятными жителю правобережному.

Въ виду того, что литературный украинскій языкъ еще не вполнѣ выработался, слѣдовало-бы тщательно избѣгать введенія въ книги узкихъ провинціализмовъ, а тѣмъ болѣе грамматическихъ неправильныхъ формъ и оборотовъ. А для народныхъ книгъ — тѣмъ болѣе. За образецъ языка слѣдовало-бы брать языкъ «Кобзаря», приднѣпровскій, какъ наиболѣе чистый: онъ одинаково понятенъ и близокъ и подоляннну, и харьковцу.

Одинаково общи для обѣихъ разсматриваемыхъ брошюрокъ такія неправильныя глагольныя формы, какъ проходе, выходе, выличе, попросе, вступе и т. д.

Одинаково оба автора употребляютъ такіе провинціализмы («москализмы»), какъ *винбарчыкъ* (комора), одинаково любятъ узаконять въ печати неправильное народное произношеніе: *дохторъ*, *хвершалъ*, *хвамилія*, а Д. И. Эварницкій свою книжечку почему-то предпочелъ назвать *халера*, а не холера.

У Я. Жарка встрѣчаются такія выраженія: *родныкы и колодязи* (почему не сказать: жерела та крыныци?), *змазаты звесткою* (змастыты вапномъ?), даты звистку ликар*ю* або хверш*алу* (-еви, -ови).

Ужъ кому иному, а не Д. И. Эварницкому простятся такія выраженія: розносытся халера черезъ чоловичый (а не жиночый? може

людськый) калъ», «не коженъ *чоловикъ* (а баба кожна?) *хворае* на *ха*леру», «переходе въ холодну *душачу* (?) халеру», «*килька разъ замичалы*», «теплого *времьяни*», «ягиды», «головна *забота*», «на жывот*у*, на бо*ку*», «не слидъ въ халеру наидатысь до отягчення тлунка», «въ халерне *времья* треба берегты *отъ* простуды *свого жывота*» и т. д.

Указанные недостатки тѣмъ не менѣе не такъ велики, чтобы сдѣлать разбираемыя брошюрки непригодными для народа. Онѣ сослужатъ свою службу и принесутъ не малую пользу населенію, если получатъ широкое распространеніе. Авторы — не врачи, а потому могли-бы сказать: feci, quod potui, faciant meliora potentes. Но бѣда въ томъ, что potentes faciunt, да ихъ работа не можетъ увидѣть свѣта, благодаря злополучному закону 1876 г. Извѣстно нѣсколько брошюръ о холерѣ, написанныхъ свѣдущими людьми (врачами, фельдшерами), но имъ не повезло такъ, какъ повезло брошюркамъ Д. И. Эварницкаго и Я. Жарка.

Вотъ почему нельзя не привѣтствовать этихъ «первыхъ ласточекъ» въ популярной украинской литературѣ и пожелать имъ не быть послѣдними, а предвѣщать весну,—настоящую, не временную весну.

Врачъ.

С. А. Блонскій. Народныя школы съ малорусскимъ языкомъ. *Житоміръ, 1905. Стр. 22. Цѣна 10 коп.*

Петръ Ивановичъ Бобчинскій, который очень желалъ заявить себя во всеобщее свѣдѣніе и даже высокопоставленнымъ особамъ представиться, часто находитъ себѣ послѣдователей между пишущей братіей. Придетъ такому Петру Ивановичу, успѣвшему уже ознакомиться съ употребленіемъ письменнаго прибора, въ голову какая-нибудь, какъ ему кажется, блестящая идея,—и онъ спѣшитъ изложить ее на бумагѣ, предаетъ тисненію и, обозначивъ на обложкѣ свой полный адресъ, съ замираніемъ сердца ждетъ славы, почестей, доходовъ... Въ большинствѣ случаевъ Петръ Ивановичъ подвизается по части художественной литературы, но иногда пробуетъ себя и въ публицистикѣ...

Степанъ Александровичъ Блонскій, какъ намъ кажется, состоитъ въ ближайшемъ родствѣ съ Петромъ Ивановичемъ Бобчинскимъ,— по крайней мѣрѣ, изъ-за строкъ его брошюры намъ часто представ-

лялись черты знаменитаго гоголевскаго героя. Въ вопросѣ, который послужилъ темой для работы г. Блонскаго, ему несомнѣнно удалось сказать свое собственное—«э», и никакой Добчинскій на это «э» претендовать не смѣетъ. Судите, впрочемъ, сами.

Прежде всего г. Блонскій устанавливаетъ «желательный типъ школъ для народа», при чемъ исходитъ, разумѣется, изъ требованій самого же народа. По г. Блонскому, крестьянинъ «не утратилъ сознанія, что опредѣленный для него Промысломъ Божіимъ удѣлъ состоитъ въ томъ, чтобы на своей родной деревенской нивѣ, въ потѣ лица, ѣсть хлѣбъ свой»; въ согласіи съ народными взглядами, г. Блонскій пуще всего боится, чтобы «голова, обученная *читать, писать и считать* (курсивъ автора) не отуманилась высшими отвлеченными познаніями» (стр. 6); наконецъ, и то отъ нашего автора не укрылось, что «ужасающій ростъ пролетаріата есть прямое послѣдствіе насажденія для простого народа школъ не подходящаго типа» (стр. 7). Въ виду всего изложеннаго г. Блонскій предлагаетъ передать всѣ школы въ вѣдѣніе духовенства, обративъ ихъ въ школы грамоты существующаго типа, совершенно справедливо полагая, что головы, обученныя въ такихъ школахъ, будутъ надежно застрахованы отъ «высшихъ отвлеченныхъ познаній». Остановится ли при этомъ и «ужасающій ростъ пролетаріата—авторъ къ сожалѣнію не сообщаетъ; нужно думать, что и этотъ вопросъ рѣшается имъ въ положительномъ смыслѣ.

На этомъ не оканчивается «э», сказанное г. Блонскимъ. Далѣе онъ полагаетъ, что въ школахъ рекомендуемаго имъ типа обученіе должно производиться на малорусскомъ языкѣ, и при томъ не только у насъ, но и по всей Россіи, должно идти одновременное изученіе великорусскаго, малорусскаго и бѣлорусскаго языковъ. «При одновременномъ изученіи всѣхъ трехъ нарѣчій, — поясняетъ свою мысль авторъ, — неизбѣжно получится убѣжденіе въ дѣйствительномъ, а не предполагаемомъ (!) только, родствѣ этихъ трехъ народностей» (стр. 17); получатся и другія выгоды, которыя авторъ подкрѣпляетъ ссылкой на... извѣстнаго адмирала Шишкова!

Во избѣжаніе недоразумѣній спѣшимъ оговориться, что г. Блонскій защищаетъ именно *малорусскій* языкъ, но ни въ какомъ случаѣ не *украинскій*, такъ какъ о послѣднемъ онъ заявляетъ: «не было и быть не должно языка украинскаго» (стр. 12). Достаточно, кажется, категорично выражено. Но на той же страницѣ, не многимъ ранѣе, читаемъ, что «въ половинѣ минувшаго 19 столѣтія народилась такъ

называемая украйнофильская партія людей (sic), которые, стараясь доказать, что украинскій народъ не состоитъ (?) въ племенномъ родствѣ съ народомъ русскимъ, принялись проводить эту мысль въ разныхъ сочиненіяхъ *на малорусскомъ языкѣ, переименовавъ этотъ языкъ въ украинскій*" (стр. 12) и т. д. Итакъ, защищаемый г. Блонскимъ малорусскій языкъ, будучи переименованъ въ украинскій, не только лишается авторскаго благоволенія и покровительства, но даже права на существованіе. Почему такая немилость—это тайна нашего автора, проникнуть въ которую читателю не дано.

Много еще мудрыхъ и назидательныхъ мыслей можно бы извлечь изъ брошюры г. Блонскаго, но и сказаннаго, намъ кажется, довольно, чтобы съ несомнѣнностью установить два положенія. Во-первыхъ, Степанъ Александровичъ Блонскій приходится сродни Петру Ивановичу Бобчинскому, и во-вторыхъ, сказанное нашимъ авторомъ «э» принадлежитъ ему и только ему...

С. Е.

Въ защиту слова. Сборникъ. 2-е изданіе. *Спб., 1905 г. Стр. II+255. Цѣна 2 р.*

Первое изданіе сборника «Въ защиту слова» было въ буквальномъ смыслѣ слова расхватано публикой въ Петербургѣ, и въ провинціи совсѣмъ не поступало въ продажу; понадобилось сейчасъ же второе изданіе. Этотъ фактъ показываетъ, на сколько несомнѣнная сама по себѣ свобода печатнаго слова нуждается у насъ въ «защитѣ» и насколько такая «защита» популярна среди читающей публики. Въ цѣломъ рядѣ статей, замѣтокъ, этюдовъ и т. п. лучшіе русскіе писатели даютъ неопровержимыя доказательства необходимости свободы слова, сливающейся, по выраженію г. Пѣшехонова, со свободой народа и являющейся «предтечей народнаго счастья».

Изъ всѣхъ статей, помѣщенныхъ въ сборникѣ, двѣ имѣютъ для насъ и спеціальный интересъ, такъ какъ касаются ограниченій, тяготѣющихъ надъ украинскимъ словомъ. Статья г. Коробки «Вредныя буквы», въ связи съ запрещеніемъ (уже отмѣненнымъ) литовскаго алфавита, касается также вопроса о запрещеніи украинскаго правописанія, т. е. такъ называемой фонетики, отмѣчая тѣ вредныя послѣдствія, которыя явились плодомъ указаннаго запрещенія. Г-жа Русова въ

замѣткѣ «Шевченко» вновь поднимаетъ наболѣвшій вопросъ о невольныхъ искаженіяхъ и урѣзкахъ стихотвореній Шевченка въ подцензурныхъ изданіяхъ. «Можно, конечно, понять, — говоритъ почтенная писательница,—запрещеніе тѣхъ произведеній, которыя прямо высказываются противъ существующаго порядка вещей и открыто призываютъ къ борьбѣ съ нимъ, но совершенно непонятно, почему запрещены чисто-лирическія стихотворенія, выражающія настроенія и личныя чувства поэта, не направленныя ни противъ кого, но такъ выразительно обрисовывающія его душевное состояніе. Эти сокращенія и исключенія мѣшаютъ пониманію духовнаго образа поэта и являются лишней жестокостью къ памяти поэта, такъ много страдавшаго въ своей жизни».

Этими двумя статьями исчерпывается въ настоящемъ сборникѣ защита украинскаго слова. Къ сожалѣнію, мы здѣсь не находимъ спеціальной статьи, посвященной положенію украинскаго слова въ Россіи, а между тѣмъ такая статья могла бы представить любопытнѣйшія иллюстраціи къ положенію у насъ печатнаго слова вообще. Того, что претерпѣла и продолжаетъ претерпѣвать украинская литература, не испытало вѣдь никакое другое человѣческое слово. Политика воспрещеній, достигла здѣсь высшаго развитія и отсутствіе посвященной этому предмету спеціальной работы представляетъ поэтому замѣтный пробѣлъ.

С. Е.

Иванъ Франко. Збирныкъ творивъ. Томъ III. Бориславськи оповидання. *У Кыиви 1905, 1—273 (выдавныцтво Викъ, № 12).*

Въ третьемъ томѣ сочиненій Ивана Франка, выпущенномъ вновь въ Кіевѣ, всего пять разсказовъ: „Рипныкъ“, „Наверненный гришныкъ“, „Яць Зелепуга“, „Полуйка“ и „Вивчаръ“.

Всѣ эти разсказы вновь выпущеннаго тома объединены общимъ заглавіемъ „Бориславськи оповидання“ и посвящаются изображенію условій крестьянской жизни мѣстечка Борислава въ Галиціи.

Условія жизни крестьянина въ Бориславѣ носятъ не столько земледѣльческій, сколько промышленный характеръ, благодаря обилію нефти и такъ называемаго земляного воску, что и составляетъ особенность и вмѣстѣ съ тѣмъ богатство края. Но это богатство ничуть не улучшаетъ, а даже скорѣе портитъ и безъ того незавидную жизнь галицкаго крестьянина.

Франко во всѣхъ своихъ разсказахъ раскрываетъ передъ глазами читателя всѣ тѣ невзгоды, которыя посыпались на голову обитателей Борислава съ открытіемъ въ ихъ мѣстечкѣ нефтяныхъ источниковъ, по мѣстному „кыпячкы“.

Во-первыхъ, благодаря открытію нефти, явилась возможность быстрой и легкой наживы, что́ привлекло въ Бориславъ массу евреевъ спекулянтовъ, которые мало-по-малу захватили въ свои руки всю землю у крестьянъ.

«Жидова перлася у Борыславъ мовъ мухы до меду. Роямы цилымы воны глотылыся [1]) по селу, швендялы по полю, по хатахъ. До кожного газды [2]) прыставалы, мовъ реп'яхы до кожуха. „Продавай грунтъ, газдо, та продавай! Ось я тоби за частку стилькы... а я стилькы... а я ще бильше!.. Нетреба намъ усього—часткы зъ насъ буде!“ Выймають гроши, кладуть на руку, горилку ставлять и пидмовы не жалують. И не одного пидмовылы, не одного бидолаху заманулы». (Стр. 70). Правда, не всѣ крестьяне поддавались на уговоры, были и такіе, что любили свою землю и считали чуть ли не грѣхомъ отдавать ее въ еврейскія руки, справедливо разсуждая, что, если евреи богатѣютъ, добывая нефть, то и они могутъ заняться тѣмъ же прибыльнымъ дѣломъ, не бросая крестьянскаго хозяйства.

Васыль Пивторакъ въ разсказѣ „Наверненный гришныкъ“ даетъ такой совѣтъ своимъ односельчанамъ: „А що, панове газды, копають жыды кыпячку, копаймо й мы. Тыснуть воны гроши за кыпячку, будемо й мы тыснуты“.

Но увы, совѣтъ Васыля оказался гибельнымъ для большинства крестьянъ и въ томъ числѣ для него самого.

Дѣло въ томъ, что Васыль Пивторакъ, считаясь зажиточнымъ хозяиномъ, будучи отцомъ трехъ взрослыхъ сыновей, казалось, имѣлъ на своей сторонѣ всѣ шансы для добыванія нефти.

Но, благодаря полнѣйшему неумѣнію взяться за такое, повидимому, простое дѣло, какъ добываніе нефти, Васыль лишился двухъ сыновей: одного при копаньи засыпало пескомъ, другой задохся; къ довершенію несчастья жена Васыля, потерявъ двухъ сыновей, умерла съ горя, и вотъ онъ остался съ однимъ сыномъ, правда, разбогатѣвшій (ему таки удалось добыть нефть), но нравственно убитый.

[1]) Глотытыся—до купы збиратыся, тыснутыся.

[2]) Газда—господаръ, хазяинъ.

Богатство же, добытое цѣною такихъ жертвъ, оказалось не такъ велико, какъ думали: источникъ не далъ того количества нефти, на которое разсчитывали Васыль и Иванъ, продавая евреямъ „закипъ", вмѣсто 1000 кибливъ нефти смогли доставить только 800; чтобы добыть остальное, нужны были время и деньги, но денегъ не было, срокъ истекалъ, и этимъ обстоятельствомъ воспользовался „жидъ" Шмило, чтобы забрать источникъ въ свои руки за ничтожную плату.

Съ этого начался постепенный переходъ имущества Васыля Пивторака въ руки Шмила, который, отлично понявъ, что въ лицѣ Васыля имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, пришибленнымъ судьбою и потому безотвѣтнымъ, опуталъ его сѣтью всевозможныхъ обязательствъ. Наклонность къ пьянству, появившаяся у Васыля послѣ постигшихъ его несчастій, оттолкнула отъ него всѣхъ близкихъ, начиная съ сына Ивана, нанявшагося въ батраки, и кончая пріятелями—односельчанами, которыхъ „панъ отецъ" въ громовыхъ проповѣдяхъ убѣдилъ, что за общеніе съ такимъ грѣшникомъ, какъ Васыль Пивторакъ, придется дать отвѣтъ на томъ свѣтѣ. Благодаря такому всеобщему осужденію и отчужденію, Васыль сдѣлался окончательно жертвой Шмила, корчма котораго стала единственнымъ пріютомъ бѣдняка, гдѣ онъ и проводилъ цѣлые дни, пока Шмила не сталъ гнать его, увѣряя, что онъ не можетъ никого кормить и поить даромъ.

Впрочемъ, тотъ же Шмило не остался въ накладѣ, такъ какъ, воспользовавшись уходомъ Ивана въ батраки въ другое село, успѣлъ доказать, что Васыль ему задолжалъ, и за этотъ фиктивный долгъ все имущество Пивторака перешло въ руки Шмила, а Иванъ, единственный сынъ Васыля, остался съ пустыми руками.

Въ разсказѣ „Яць Зелепуга" Франко изображаетъ другого крестьянина, занявшагося тоже добываніемъ нефти и въ концѣ концовъ ставшаго тоже жертвою еврейскихъ происковъ, несмотря на удачу своего предпріятія.

Изъ этихъ двухъ разсказовъ читатель можетъ сдѣлать заключеніе, что при теперешнемъ положеніи крестьянина, благодаря его бѣдности, невѣжеству и беззащитности, самое богатство края, при наилучшихъ обстоятельствахъ, ведетъ его къ гибели въ буквальномъ смыслѣ этого слова: евреи болѣе воздержанные, болѣе свѣдущіе во всякаго рода предпріятіяхъ и, наконецъ, болѣе пронырливые въ своихъ сношеніяхъ съ чиновниками, разумѣется, всегда будутъ дѣйствовать

успѣшнѣе бѣднаго «хлибороба», тѣмъ болѣе, что въ средствахъ они не очень-то разборчивы и въ стремленіи къ наживѣ не останавливаются ни передъ чѣмъ. Шмило опаиваетъ Васыля Пивторака, Мендель поджигаетъ Яця Зелепугу, укравъ у него предварительно деньги, полученныя имъ за добытую съ гигантскими усиліями нефть; третій жидъ, чтобы завладѣть деньгами Ивана «рипныка», подсовываетъ ему «лынву», политую ветріолемъ, благодаря чему она переламывается при опусканіи Ивана въ яму, и нажитыя тяжелымъ трудомъ деньги остаются въ рукахъ жида.

Вообще евреи въ Бориславѣ стали ужасною язвой.

„Перекупства, споювання й шахрайства здеморализировалы урядъ громадськый и зробылы його слухнянымъ знарядомъ въ рукахъ багатшихъ жыдивъ". (Стр. 196).

Что народъ сдѣлался послушнымъ орудіемъ въ рукахъ „багатшихъ жыдивъ", это объясняется полнымъ отсутствіемъ какой-нибудь власти, которая взяла бы на себя охрану крестьянскихъ интересовъ. „Жыды робылы, що хотилы, а повитови уряды дрогобыцькы, мабуть, и рукою махнулы, почуваючы свою неспромогу завесты въ Борыслави якый-небудь трывкый порядокъ. Тымъ то й не бувъ нихто безпечнымъ що до свого добра и навить жыття. Части несчастя въ ямахъ мыналы властивцямъ безкарно, а до того въ рубрыкы „несчастя въ ямахъ" зачислювано дещо й таке, въ чимъ переляканi Борыславськи люде бачылы очевыдни злочынства й забійства". (Стр. 196).

Какъ на примѣръ такого „нещастя въ ями" можно указать далеко на неслучайную гибель Ивана «рипныка» въ разсказѣ „Рипныкъ".

Впрочемъ, не всегда въ злоключеніяхъ бориславцевъ можно обвинять евреевъ, которые вообще, несмотря на свою алчность, не были бы такъ страшны для крестьянъ, если бы крестьянская масса не была такъ бѣдна и въ матеріальномъ, и нравственномъ отношеніи, и если бы тѣ, которые имѣютъ право „кожного разу—прыйты видсудыты, або прысудыты", приходили бы и затѣмъ, чтобы научить и защитить.

Рабочіе на нефтяныхъ источникахъ „рипныкы", проработавъ всю недѣлю въ ямахъ, въ воскресеніе спускаютъ все пріобрѣтенное за недѣлю, теряя въ пьянствѣ и дикомъ разгулѣ всѣ тѣ хорошіе задатки, въ которыхъ природа не отказала крестьянину, и никто не идетъ къ нимъ со словомъ увѣщанія, когда же дурные инстинкты,

несдерживаемые никѣмъ и ничѣмъ, приводятъ къ преступленію, какъ это мы видимъ въ Ганнѣ, убившей соперницу Фрузя въ разсказѣ „Рипныкъ“ или въ шваграѣ Яця Зелепуги, убившаго сестру въ минуту запальчивости—являются паны судить; поневолѣ задаешь себѣ вопросъ вмѣстѣ съ Иваномъ Пивторакомъ: откуда они взяли это право судить и присуждать? (Стр. 70).

Вообще, тяжелое впечатлѣніе производитъ крестьянинъ, выведенный въ разсказахъ Ив. Франка: бѣдность, невѣжество, грубость и полная безполезность въ борьбѣ съ болѣе сильнымъ врагомъ, такъ что при чтеніи этихъ разсказовъ невольно вспоминается стихотвореніе г. Чернявскаго, характеризирующее положеніе тѣхъ же крестьянъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Ныво не орана, ныво не сіяна,
Всимы покынута, всимы забутая,
Ныво кривавымы слизмы полывана,
Ныво туманамы-млою окутая,—
Де твои ратаи, де твои сіячи?“

Глядя на полную заброшенность крестьянъ со стороны тѣхъ, кто могъ бы быть имъ полезенъ, нужно удивляться не тому, что крестьянинъ пьянствуетъ и подъ вліяніемъ алкоголя теряетъ обликъ человѣческій, а тому, что у него являются минуты просвѣтлѣнія, и эта жизнь на промыслахъ становится для него невыносимой, какъ это было съ Иваномъ „рипныкомъ“, уразумѣвшимъ, что „Бориславське жыття, правда, вильне, але жъ хиба се людське, господарське жыття? Та й яке вильне? Тильки твоеи й воли, що въ недилю, та въ свята! А въ будный день ты робочый вилъ, ни-гирше! Ты повный невольныкъ жыда властытеля ямы, або його кассыра. Пидъ землею ты кожнои хвыли небезпечный свого жыття, а поверхъ земли кожнои хвыли лайка, потуркованя, понукованя. И вично той сморидъ, той брудъ, та духота, та піятыка, той одуръ“.

Такъ вѣрно сознать свое положеніе, почувствовать такое глубокое отвращеніе къ нему и, наконецъ, такъ работать, какъ работалъ Иванъ, чтобы уйти изъ той опротивѣвшей ему жизни, можетъ только нравственно здоровая натура, какая и была у Ивана, временно только поддавшагося тому угару, среди котораго проходитъ обычно жизнь рабочихъ на промыслахъ.

Много нравственной силы и у Яця Зелепуги, который „бувъ хлопъ ледащо“, однако нужно было этому „ледащому хлопу“, немного протрезвившись, оглянуться на окружающую его жизнь и увидѣть, что почти вся земля его односельчанъ находится въ рукахъ жидовъ, богатѣющихъ, добывая изъ нея нефть, а также почувствовать, что онъ, считавшій себя со дня смерти жены никому и ни на что ненужнымъ, можетъ быть полезнымъ для семьи своего пьяницы-швагра, и въ душѣ его происходитъ быстрый переворотъ. „Видколы выяснылась йому циль життя, то бачылось, що разомъ прыбуло йому й сылы и енергіи, та смилосты“. (Стр. 192).

Яць Зелепуга такъ же, какъ и Иванъ, сталъ работать съ гигантской энергіей, чтобы достигнуть своей цѣли, но нѣтъ счастья для обездоленныхъ, и оба они, достигнувъ своей цѣли (Иванъ—собравъ деньги, Яць—добывъ нефть), гибнутъ жертвами жидовскихъ происковъ, какъ уже сказано нами выше. И это счастливцы: «кыпячка» далась имъ въ руки, а вѣдь такихъ 6 или 7 на 100. Что же касается остальныхъ, то они, разорившись, продаютъ свою землю евреямъ и затѣмъ копаютъ на ней ямы, но уже не для себя.

Тутъ-то и кончается навѣки жизнь крестьянина, полная глубокаго смысла и нелишенная поэзіи, доступной всякой простой душѣ.

Допустимъ, что иной „рипныкъ“ затоскуетъ за своей землей, начнетъ стремиться, чтобъ выкупить „батькивщину“ и зажить опять хозяиномъ на селѣ, какъ это мы видимъ у Ивана,—смотришь деньги, нажитыя такимъ тяжелымъ трудомъ, привлекутъ вниманіе Менделей, Шмилъ и т. д.,—и тогда прощай не только мечта о волѣ, но и самая жизнь.

Такимъ образомъ, получается заколдованный кругъ: или подъяремная жизнь „рипныка“, или при малѣйшей удачѣ — гибель.

Заключеніе тѣмъ болѣе прискорбное, что ужъ-кого, кого, а Ив. Франка заподозрить въ преувеличеніи или сгущеніи красокъ невозможно, и лица, выведенныя въ его произведеніяхъ, чуждыхъ и тѣни сентиментальности, стоятъ живымъ укоромъ передъ глазами читателя, и хотя авторъ никого не упрекаетъ, но невольно чувствуешь себя отвѣтственнымъ и за Ивана, и за Васыля Пивторака, и за Яця Зелепугу, однимъ словомъ «за всихъ убогыхъ, нещаслывыхъ людей, занедбанныхъ, малыхъ“.

И дай Боже, чтобы это чувство отвѣтственности передъ бѣднымъ и темнымъ людомъ, которое пробуждается въ душѣ читателя при чтеніи произведеній Ив. Франка, не было минутнымъ впечатлѣніемъ, а переходило бы и въ жизнь.

Вообще, относительно разбираемой нами книги можно сказать, что правдивые и чуждые сентиментальности разсказы дѣлаютъ книгу достойной самаго широкаго распространенія. Цѣна книги весьма доступна—65 коп., на кращому папери 85 коп.

Внѣшній видъ книги не заставляетъ желать ничего лучшаго.

Л. Жигмайло.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 5; 2) Русская Старина № 5 и 6; 3) Историческій Вѣстникъ, № 5 и 6; 4) Всемірный Вѣстникъ, № 5 и 6; 5) Русскій Вѣстникъ, № 1—6; 6) Русская Мысль, № 1—5; 7) Журн. Мин. Народн. Пр., № 1—6; 8) Міръ Божій, № 4—6; 9) Вѣстникъ Европы, № 5 и 6; 10) Літературно-Науковый Вістнык, № 1—5; 11) Научно-литературный сборникъ, Т. VI, кн. 1; 12) Варшав. Унив. Изв., № 2; 13) Ученыя Записки Юрьевскаго Университета, № 2; 14) Этнографическое Обозрѣніе 1904 г. № 3 и 4; 15) Извѣстія Отдѣленія русск. яз. и Словесн. Импер. Акад. Наукъ, Т. X, кн. 1.

Русскій Архивъ, № 5.

Воспоминанія И. М. Снѣгирева (№ 5, стр. 10—56). Въ этихъ малоинтересныхъ воспоминаніяхъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ идетъ рѣчь о Троицко-Сергіевой лаврѣ, одна страничка посвящена указанію той розни, какая существовала въ 18 вѣкѣ въ Лаврѣ между монахами великороссами и малороссами. «Въ лаврѣ одна половина монашествующихъ были великороссіяне, другая—малороссіяне. Отъ этого составилось двѣ партіи, между собою враждебныя, что обнаруживалось въ разныхъ столкновеніяхъ. Однажды монахъ-москаль сказывалъ въ Троицкомъ соборѣ поученіе, а гробовымъ тогда былъ инокъ изъ малороссіянъ, неблагорасположенный къ первому. Проповѣдникъ, подражая голосу гробоваго, въ словѣ своемъ замѣтилъ, что нѣкоторые,

имуще образъ благочестія и силы его отвергшіеся, гробовымъ голосомъ повторяютъ: «Боже, милостивъ будь мнѣ грѣшному», а подъ языкомъ у нихъ трудъ и болѣзнь, сердце ихъ полно злобы и лукавства, а карманы серебра и золота". Гробовой, принявъ это на свой счетъ, тотчасъ пошелъ въ алтарь жаловаться архимандриту, своему земляку. Проповѣдникъ за обличеніе поставленъ на поклонъ въ трапезѣ, которой былъ лишенъ въ тотъ день. Но вотъ какой случай обнаружилъ передъ набожною императрицею Елизаветою Петровною враждебное племенное раздѣленіе во святой обители Сергіевой. Архимандриту изъ малороссіянъ дано было знать, что императрица прибудетъ туда на богомолье. Призвавъ къ себѣ своихъ земляковъ, онъ сказалъ имъ: «ея императорское величество изволитъ прибыть въ святую нашу Лавру; а какъ ей извѣстно, что св. обитель благословенна богатствомъ по молитвамъ преподобнаго отца нашего Сергія, и какъ она любитъ велелѣпіе, то постарайтесь, братія, явиться предъ лицемъ ея величества въ лучшихъ одеждахъ». Москалямъ онъ присовѣтовалъ представиться въ худшихъ одеждахъ, чтобы не обнаружить роскоши и показать смиреніе. Такъ и было сдѣлано, какъ приказано. Императрица, замѣтивъ такое рѣзкое различіе, спросила у архимандрита: «вѣдь Лавра всѣмъ изобилуетъ; отчего же одни монахи одѣты весьма прилично и хорошо, а другіе худо, какъ нищіе?»—«Оттого, ваше величество, что первые—малороссіяне, люди трезвые, благоприличные, а другіе—москали, люди невоздержаные и нерадивые о себѣ. Въ такомъ мнѣніи государыня оставалась до тѣхъ поръ, пока не разсказала она объ этомъ любимому своему истопнику, съ которымъ она привыкла говорить въ свободные часы, а у этого истопника былъ монахомъ въ монастырѣ братъ его родной. Тотъ откровенно объяснилъ ей продѣлку настоятеля-малороссіянина. Вотъ что было причиною, что не только въ Троицкую лавру, но и въ Св. Синодъ прегражденъ былъ доступъ малороссіянамъ» (стр. 23—24).

Слишкомъ маловѣроятнымъ является такое объясненіе факта отстраненія малороссіянъ отъ высшихъ духовныхъ должностей.

М. Корецкій. Старина о Базилевскихъ (изъ народныхъ устъ) (№ 5, стр. 105—122). Маленькая замѣтка г. Корецкаго говоритъ объ извѣстномъ уже въ печати фактѣ убійства крестьянами всей семьи Базилевскихъ, факта, разсказаннаго г-жею А. Ефименко на страницахъ нашего журнала въ статьѣ «Турбаевская катастрофа» (см. 1891 г. № 3). Очевидно, автору замѣтки не извѣстна эта статья,

равно какъ и нѣкоторыя дополнительныя замѣтки къ ней [1]), такъ нигдѣ даже не сдѣлано ссылки на нихъ. Народная пѣсня, сложившая по поводу этого событія, приведена почему то въ русскомъ переводѣ, да еще и очень слабомъ.

Письма И. В. Кирѣевскаго (№ 5, стр. 113—173). Среди этихъ писемъ есть одно изъ Кіева, писанное къ матери (А. П. Елагиной). 20 окт. 1835 г. Въ этомъ письмѣ между прочимъ читаемъ: «Кіевъ мы покуда очень мало могли разсмотрѣть, потому что насъ уже съ давняго времени мочилъ почти безпрерывный дождь, который превратилъ всѣ кіевскія улицы въ совершенныя болота, а нынче, послѣ долгаго отсутствія, въ 1-ый разъ наконецъ проглянуло солнце. Мы уже третій день живемъ у Максимовича, который перевезъ насъ къ себѣ тотчасъ послѣ отъѣзда Княжевича и вообще къ намъ очень любезенъ. Онъ не перемѣнился ни капли, кромѣ того, что ректорство его по необходимости сдѣлало дѣятельнѣе; впрочемъ, это ему не по нутру, и черезъ недѣлю онъ подаетъ въ отставку отъ ректорства. Къ этому письму есть приписка М. Погодина: «Что за Кіевъ, прелесть! а погода *карабоска*. Нынѣ выѣзжаемъ. А у меня есть огромный мраморный отломокъ изъ Десятинной церкви и первая монета русскаго времени отца *Донскаго*». стр. 151).

Историческій Вѣстникъ, № 5 и 6.

П. А. Антроповъ. Харьковскій погромъ въ 1872 г. (№ 5, стр. 462—476). Статья эта, написанная очевидцемъ, передаетъ картину народнаго бунта, происшедшаго въ Харьковѣ на Пасху въ 1872 году. Главнымъ виновникомъ разгорѣвшихся народныхъ страстей авторъ считаетъ пристава Шмелева, своимъ безтактнымъ поведеніемъ вызвавшаго такъ рѣзко проявившееся народное движеніе.

Юбилей Д. Л. Мордовцева (№ 5, стр. 944—951). Въ этой краткой замѣткѣ дается описаніе того юбилейнаго обѣда, который состоялся въ Петербургѣ 24 апрѣля 1905 года по поводу пятидесятилѣтія литературной дѣятельности Д. Л. Мордовцева.

Въ отдѣлѣ *критики и библіографіи* данъ отзывъ о слѣдующихъ книгахъ: 1) Труды Подольскаго церковно-археологическаго общества (бывшаго историко-статистическаго комитета). Вып. 10-ый, подъ редакц. прот. Е. Сѣцинскаго и Н. Яворовскаго. Кам.-Под. 1904 г. (№ 5, стр. 679—681); 2) Акты и документы, относящіеся къ исторіи

---

[1]) Тамъ-же, 1891 г. № 4, 5 и 9.

Кіевской Академіи. Отд. II (1721—1795 гг.). Т. 1-ый, част. 1 и 2-я и приложенія. Съ введеніемъ и примѣчаніями Н. И. Петрова (№ 6, стр. 1005—1006).

Всемірный Вѣстникъ, № 5 и 6.

Въ отдѣлѣ «Библіографіи» помѣщенъ отзывъ о книгѣ *А. Ефименко* «Южная Русь» Т. I. (№ 6, стр. 157—159).

Русскій Вѣстникъ, № 1—6.

Въ «Современной Лѣтописи» (№ 6, стр. 758—663) Н. Энгельгардтъ, затронувъ мимоходомъ вопросъ о «малороссійской независимости», обѣщаетъ въ будущемъ подробно остановиться на немъ, когда ознакомится съ достаточнымъ количествомъ матеріаловъ; теперь же онъ ограничивается почти исключительно выдержками нѣкоторыхъ данныхъ изъ „Гражданина", прибавляя, что «Гражданинъ» постарался такъ собрать цитаты чтобы выдвинуть смѣшныя преувеличенія украинофильства. «Просимъ читателей замѣтить. что это не *нашъ* тонъ»—оговаривается Н. Энгельгардтъ. Подождемъ, пока услышимъ *его собственный тонъ*, хотя, признаемся, что мало возлагаемъ надеждъ на что-нибудь приличное, такъ какъ и данный обзоръ всѣхъ разсмотрѣнныхъ авторомъ резолюцій разныхъ съѣздовъ заканчивается вотъ какимъ милымъ восклицаніемъ: «Автономія областей, сеймы, хартіи для каждой народности, упраздненіе государственнаго законодательства и языка, столпотвореніе вавилонское! Дальше идти уже некуда. Остается только учрежденіе демократической республики или босяцкой подвально-кабацкой анархіи».

Русская Мысль, № 1—5.

Ник. Фабрикантъ. Краткій очеркъ изъ исторіи отношеній русскихъ цензурныхъ законовъ къ украинской литературѣ. (№ 3, стр. 127—146). Очеркъ этотъ, представляя переработку статьи «Не было, нѣтъ и быть не можетъ никакой малороссійской литературы», помѣщенной въ «Литературно-Науков. Вистныку», излагаетъ исторію тѣхъ цензурныхъ мѣропріятій, которыя начали примѣняться къ южно-рус-

ской литературѣ еще въ 17 вѣкѣ. Изложивъ вкратцѣ цензурныя стѣсненія до 19-го вѣка, авторъ съ большею подробностью останавливается на второй половинѣ 19 вѣка, когда, начиная съ исторіи Кирилло-Меѳодіевскаго общества въ Кіевѣ въ 1847 г., стѣсненія по отношенію къ малорусскому слову стали обозначаться съ особенною рѣзкостью, достигнувъ высшаго предѣла сначала въ 1863 году, а затѣмъ въ 1876 году.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ даются рецензіи о слѣдующихъ книгахъ: 1) *Проф. М. С. Грушевскій.* Очеркъ исторіи украинскаго народа. Спб. 1904 г. (№ 2, стр. 57—59); 2) *А. Ефименко.* Южная Русь. Т. I, Спб. 1905 г. (№ 3, стр. 94); 3) *Кобзарь Т. Шевченка* въ переводѣ русскихъ поэтовъ подъ редакц. Н. В. Гербеля. Изд. 4-ое, Москва, 1905 г. (№ 5, стр. 153—154).

Журн. Мин. Народн. Просв., № 1—6.

А. И. Соболевскій. Древняя передѣлка начальной лѣтописи (№ 3, стр. 100—105). Въ этой коротенькой замѣткѣ авторъ устанавливаетъ фактъ, что составитель 1-ой Новгородской лѣтописи въ началѣ ея воспользовался начальной лѣтописью, допустивъ нѣкоторыя стилистическія видоизмѣненія, иногда не вполнѣ удачныя, такъ что только сличеніе двухъ текстовъ—изъ Новгородской лѣтописи и Начальной—помогаетъ установить точный смыслъ въ ней.

М. Довнаръ-Запольскій. Крестьянская реформа въ литовско-русскомъ государствѣ въ половинѣ XVI вѣка (№ 3, стр. 137—187, № 4, стр. 221—277). Авторъ настоящаго изслѣдованія, разсмотрѣвъ въ раньше изданномъ имъ трудѣ «Государственное хозяйство вел. кн. Литовскаго при Ягеллонахъ» значеніе финансовой стороны реформъ, касавшихся измѣненія въ организаціи раскладки и взиманія податей и повинностей въ литовско-русскомъ государствѣ въ половинѣ 16 столѣтія, въ своей новой работѣ задается другой цѣлью—выяснить техническую сторону этихъ реформъ и тотъ порядокъ новой администраціи, который установился для управленія финансами.

В. Ляскоронскій. Къ вопросу о переяславльскихъ торкахъ (№ 4, стр. 278—302). Настоящая статья, главнымъ образомъ, вызвана трудомъ А. В. Стороженка «Очерки Переяславльской Старины», въ которой авторъ сдѣлалъ попытку опредѣлить мѣстожительство пере-

яславльскихъ торковъ и ихъ значеніе въ исторіи южно-русской жизни. Не будучи согласенъ съ выводами, сдѣланными А. В. Стороженкомъ по этому вопросу, В. Ляскоронскій подвергаетъ въ началѣ своей статьи критическому разбору трудъ А. В. Стороженка, а затѣмъ высказываетъ рядъ своихъ соображеній по тому же вопросу.

Г. Тельбергъ. Нѣсколько замѣчаній о междукняжескихъ снемахъ въ древней Руси. (№ 6, стр. 332—338). Княжескіе съѣзды или *снемы* (отъ слова *сниматься*) толкуются въ наукѣ двояко: одни считаютъ ихъ *учрежденіями*, авторитетъ которыхъ былъ обязателенъ для князей всей территоріи (проф. В. Ключевскій); другіе видятъ въ нихъ лишь *средство заключенія договоровъ* (проф. Сергѣевичъ). Авторъ настоящей замѣтки, соглашаясь съ послѣднимъ мнѣніемъ, даетъ нѣсколько дополнительныхъ толкованій юридическаго значенія княжескихъ *снемовъ*, указывая отличіе ихъ отъ иныхъ собраній князей.

Въ отдѣлѣ *„Критика и библіографія“* помѣщенъ разборъ труда Проф. *М. Грушевскаго* „Очеркъ исторіи украинскаго народа“. Рецензія принадлежитъ перу Н. Чечулина (№ 4, стр. 393—399).

Вѣстникъ Европы, № 5 и 6.

Ек. Юнге. Изъ моихъ воспоминаній 1843—1860 г. (№ 5, стр. 256—291). Въ этой книгѣ помѣщено окончаніе воспоминаній Ек. Юнге, обнимающее главы XV—XIX. Эти главы представляютъ особенный интересъ, такъ-какъ въ нихъ воспоминанія касаются главнымъ образомъ личности Н. И. Костомарова.

Літературно-Науковий Вістник. 1905 р., кн. I—V.

Книжка I.

М. Грушевський. Що-ж далі? (В справі руських гимназий) (стр. 1—5).

Отмѣтивъ, какого труда стоила галичанамъ станіславіська гімназія, авторъ говоритъ, что она тѣмъ не менѣе является польской подачкой. Такимъ образомъ и другія казенныя гимназіи будутъ стоить такихъ-же усилій, такъ какъ для открытія гимназіи въ Станиславовѣ потребовалось цѣлыхъ шесть лѣтъ. Поэтому авторъ совѣтуетъ оставить въ покоѣ имперскихъ министровъ и заняться устройствомъ учебныхъ заведеній. На это, по его мнѣнію, хватитъ средствъ вполнѣ. Между тѣмъ

такія гимназіи необходимы во многихъ мѣстахъ Галиціи, такъ какъ помогутъ сохранить украинскую народность отъ поглощенія ея другими націями, располагающими своими школами. Авторъ совѣтуетъ употребить на это деньги, собранныя на постройку театра во Львовѣ.

М. Лозинський. Глъосси про міжпартійні відносини галицькихъ Украінців (стр. 19—35). Въ настоящей книжкѣ помѣщено только начало статьи г. М. Лозинскаго, написанной по поводу книги Юліяна Бачинського «Глъосси. У Львові. 1904. Накладом редакциі «Іскри». Стор. 142. Ціна 2 кор.» Какъ извѣстно, г. Ю. Бачинський написалъ раньше книгу «Украіна Irredenta», выдержавшую два изданія. Какъ и первое произведеніе г. Бачинського, «Глъосси» посвящены общественному вопросу въ Украинѣ, при чемъ авторъ ихъ является ревностнымъ послѣдователемъ матеріалистическаго міровоззрѣнія, поддерживаемаго теперь сторонниками научнаго соціализма. Исходя изъ этой точки зрѣнія, г. Бачинський дѣлитъ украинское общество на четыре класса: 1) пролетаріатъ, 2) крестьянство, 3) духовенство, 4) свѣтская городская интеллигенція. Свое соціальное міровоззрѣніе г. Бачинський излагаетъ въ упомянутомъ выше произведеніи, при чемъ оно въ сильной степени тождественно съ первой его работой. Настоящая замѣтка г. Лозинського имѣетъ цѣлью разобрать мнѣнія г. Бачинського на взаимныя отношенія украинскихъ партій, такъ какъ первый далеко не всегда согласенъ съ авторомъ «Глъосс».

І. Франко. Ювилей Івана Левицького (Нечуя) (стр. 36—42). Авторъ указываетъ, что празднованіе юбилея опоздало на цѣлыхъ 10 лѣтъ. Еще въ 1895 году минуло 25 лѣтъ литературной дѣятельности знаменитаго украинскаго писателя, но тогда «Украіна стогнала під тяжким тиском». Въ сущности и теперь обстоятельства не измѣнились къ лучшему, но какимъ-то чудомъ удалось вздохнуть немного легче, и «Украина згадала свій старий довг і сьвяткує 35-літній ювилей літературноі діяльности Ів. Левицького. Въ дальнѣйшемъ авторъ даетъ характеристику юбиляра, какъ писателя, и приводитъ отрывокъ изъ своихъ воспоминаній о посѣщеніи послѣдняго. Въ общемъ характеристика знаменитаго писателя сводится къ слѣдующимъ положеніямъ: онъ не былъ публицистомъ, не былъ борцомъ или полемистомъ, не былъ партійнымъ человѣкомъ, сторонникомъ той или иной политической доктрины или программы,—онъ былъ украинцемъ и украинскимъ писателемъ, и обладалъ всегда художественнымъ чувствомъ. Для выясненія своихъ положеній авторъ сравниваетъ юбиляра съ другими

писателями, какъ украинскими, такъ и россійскими. Къ статьѣ приложенъ портретъ юбиляра.

Ст. Томашівськuй. Нова книжка—нові часи (стр. 43—53). Настоящая статья вызвана появленіемъ въ печати книги проф. М. Грушевскаго. «Очеркъ исторіи украинскаго народа. Спб. 1904». Авторъ останавливается сначала на значеніи этой книги для россійскихъ украинцевъ, а потомъ переходитъ къ характеристикѣ большого труда проф. М. Грушевскаго «Історuя Украіни-Руси», сокращеніемъ которой является данная книга. Авторъ отмѣчаетъ важное научное значеніе и чисто національный характеръ «Історіі Украіни Русі», даетъ краткій обзоръ «Очерка исторіи украинскаго народа» и заканчиваетъ свою статью словами по адресу проф. М. Грущевського: «Вірний син нациии».

В. Гнатюк. Новий русько-німецький словарь (стр. 54—59). Настоящая замѣтка представляетъ рецензію на «Руско-німецкий словар» Омеляна Поповича в Чернівцях (320 стр., 8°), недавно появившійся въ продажѣ.

О. Іванчук. В справі піднесеня домашнього промыслу (стр. 60—66). Авторъ посвятилъ свою статью кустарнымъ промысламъ и указываетъ на необходимость оказать поддержку галицкимъ кустарямъ. При этомъ онъ останавливается особенно на Гуцульщинѣ, гдѣ народные промыслы, какъ извѣстно, достигли высокой художественности. Поддержка кустарямъ должна опираться на чисто экономическую основу.

Въ отдѣлѣ «*Хроніка і бібліографія*» помѣщены только небольшія замѣтки, но нѣкоторыя изъ нихъ мы отмѣтимъ здѣсь:

І. Кр. Новий вірш Маркіяна Шашкевича (стр. 67). Въ виду интереса этой замѣтки для украинскихъ читателей приводимъ ее въ переложеніи, при чемъ въ стихотвореніи М. Шашкевича сохраняемъ правописаніе подлинника. «Въ рукописномъ отдѣлѣ библіотеки Народного Дому» во Львовѣ хранится подъ ч. 350 листокъ сѣрой бумаги въ шестнадцатую долю, подаренный сюда вмѣстѣ съ другими бумагами Яковомъ Головацькимъ. На этомъ кускѣ бумаги написано слѣдующее стихотвореніе:

По за тихий за Дунай
Де мій сокол пробувайе
Лети чадко в гожий край
Де го туга обґортайе.

Неси душу [1]) там мойу
Легкокрилий вытриньку
Руску пыснью несы му
Щчиру брата пысоньку:
Тужно тужно тамъ тобы
Милий брате рідненькій
Но по студенній зимы
Вытрец дихне тепленькій.
Середъ луга край води
Зацвила калына
Будь веселий шчаслыв ти
То шчаслыва й родина.

Подъ стихотвореніемъ рукою Якова Головацького написано: М. Шашкевичъ. Автографъ съ 1833 г. Характеръ письма тождественъ съ характеромъ прочихъ рукописей Маркіяна Шашкевича.. Трудно сказать, дѣйствительно ли стихотвореніе относится къ тому году, который указываетъ Головацький. Посылая рукописи въ 1881 г. изъ Вильна, онъ очень легко могъ ошибиться. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что это стихотвореніе написано рукою М. Шашкевича».

Дальши пробі (стр. 67—68). Приводятся свѣдѣнія о ходатайствахъ, которыя возбуждены разными лицами, желающими издавать журналы и газеты на украинскомъ языкѣ.

В. Новий „очаг“ москвофільський (стр. 68). Сообщается, что завѣщанный капиталъ нѣкогда М. Качковськимъ перешелъ теперь къ «Народному Дому» во Львовѣ.

В. Дивачний проект (стр. 68—69). Авторъ высмѣиваетъ проэктъ устроить памятникъ М. Шашкевичу за 14000 кр. на горѣ, около Пидліся.

Книга II.

Ганна Барвінок. Сьвяте Різдво на хуторі (стр. 77—84). Авторъ описываетъ празднованіе Святокъ въ селахъ и приводитъ тексты колядокъ и щедрівокъ.

Г. Ф. Сухий пень (стр. 85—97). Авторъ описываетъ сначала въ общихъ чертахъ отношеніе россійскаго правительства къ украинскому

---

[1]) Сбоку перечеркнуто: пыснью.

языку и письменности въ періодъ съ 1876 по 1904 годъ, при чемъ указывается замѣчательное «постоянство» правительственной политики въ этомъ вопросѣ. Затѣмъ онъ приводитъ въ подлинникѣ записки кіевскаго генералъ-губернатора кн. Дондукова-Корсакова по вопросу объ украинскомъ языкѣ. Конечно, содержаніе и выводы этой записки тутъ не стоитъ повторять, такъ какъ все это говорится и пишется по сей день «истинно-русскими людьми».

М. Лозинський. Гльосси про міжпартійні відносини галицьких Украінців (стр. 98—105). Въ настоящей книжкѣ напечатано окончаніе статьи, начатой печатаніемъ въ I книжкѣ «Л.-Н. Вістника». Разсмотрѣвъ положенія г. Бачинського, авторъ вноситъ въ нихъ кое-какія поправки, возражаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ противъ тѣхъ или другихъ выводовъ перваго, напримѣръ, о москофильствѣ. Въ заключеніе онъ отмѣчаетъ, что г. Бачинський постоянно путаетъ термины: «руський» и «украінський».

І. Кревецький. Корифей російськоі критики і украгнськое письменство (стр. 106—121). Въ этой книжкѣ помѣщено лишь начало весьма интересной статьи г. Кревецького. Въ первой части своей статьи авторъ отмѣчаетъ, что самые выдающіеся россійскіе дѣятели на поприщѣ литературы и общественности, сталкиваясь съ украинскимъ вопросомъ, обнаруживали не только непониманіе народа, его быта и его особенностей, но даже проявляли какую то антипатію къ тѣмъ или другимъ проявленіямъ украинской жизни. Онъ полагаетъ, что въ этомъ виноваты болѣе или менѣе обѣ стороны. Между тѣмъ сама жизнь постоянно наталкивала россійскихъ писателей и публицистовъ на тѣ или другія явленія въ жизни Украины и заставляла ихъ высказываться по этому вопросу. Отмѣтивъ мнѣнія Хомякова, Герцена, Чернышевскаго, Тургенева и Короленка, авторъ переходитъ къ корифею россійской критики—В. Бѣлинскому. Въ первой главѣ авторъ разсматриваетъ мнѣнія Бѣлинскаго по украинскому вопросу, насколько они выразились въ его рецензіяхъ на сочиненія Квітки-Основяненка и Гребінки. Конечно, Украинѣ не особенно посчастливилось въ отзывахъ извѣстнаго россійскаго критика.

І. Франко. Львівський театр і нардня честь (стр. 122—132). Авторъ указываетъ, что Галичину теперь сильно волнуетъ вопросъ о постройкѣ театра во Львовѣ. Уже куплено мѣсто, и заключенъ контрактъ съ одной вѣнской фирмой относительно постройки. О театрѣ много пишутъ и говорятъ, при чемъ въ періодической печати появ-

ляются не только мнѣнія по этому вопросу отдѣльныхъ лицъ, но и коллективныя заявленія. Такъ, въ ч. 7 «Діла» напечатано подобное заявленіе, при чемъ авторы его возражаютъ противъ предложенія проф. М. Грушевського употребить на устройство частныхъ учебныхъ заведеній деньги, собранныя на постройку театра во Львовѣ, и заявляютъ, что въ театральномъ вопросѣ «заангажована наша народна честь». Авторъ выступилъ въ отвѣтъ на это со своей статьей. Сначала онъ даетъ исторію театральнаго вопроса въ Галичинѣ, а затѣмъ разсматриваетъ со всѣхъ точекъ зрѣнія какъ современное положеніе этого дѣла, такъ и значеніе для страны постояннаго театра во Львовѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отмѣчаетъ, что настоящая театральная затѣя не сулитъ блестящихъ перспективъ для украинскаго драматическаго искусства, при чемъ основываетъ свое мнѣніе на чисто практическихъ соображеніяхъ, съ которыми слѣдуетъ посчитаться лицамъ, задумавшимъ построить театръ во Львовѣ.

І. Кр. Бібліотека „Народного Дому" у Львові (стр. 133—137). Авторъ излагаетъ сначала исторію «Народного Дому» во Львовѣ, а затѣмъ приводитъ данныя о современномъ состояніи библіотеки этого учрежденія. Библіотека раздѣляется теперь на два отдѣла: отдѣлъ «Народного Дому» въ 80000 томовъ и отдѣлъ о. Петрушевича больше чѣмъ въ 20000 томовъ. Но библіотека содержится не въ особенномъ порядкѣ, составъ ея не отличается полнотой, и читальный залъ требуетъ большаго благоустройства. При библіотекѣ имѣются археологическій музей съ нумизматическимъ отдѣломъ и естественно-историческій кабинетъ, но они еще не открыты для публики.

Въ отдѣлѣ *„Хроніка і бібліографія"* отмѣтимъ слѣдующія небольшія замѣтки:

В. Заходи коло знесеня указу з 1876 р. (стр. 138)—относительно кіевской, одесской и др. петицій украинцевъ въ Россіи.

В. Хто піддержує москвофільство? (стр. 138—140)—о коммиссіи, распоряжающейся фондомъ М. Качковського.

Книга III.

Новий документ до старого „спору" (стр. 153—159). Подъ этимъ заглавіемъ редакція «Л.-Н. Вістника» опубликовываетъ въ переложеніи на украинскій языкъ докладную записку одесскихъ украинцевъ въ комитетъ министровъ, при чемъ предпосылаетъ ей коротенькое введеніе, въ которомъ разъясняетъ истинный характеръ этого «спора» между украинцами и ихъ угнетателями.

I. Франко. Михайло Павлик (стр. 160—186). Авторъ написалъ свою статью «замісь ювилейноі сильветки». Михайло Павлик—одинъ изъ весьма замѣтныхъ общественныхъ дѣятелей и игралъ извѣстную роль въ послѣднія 30 лѣтъ. Хотя юбилей его 30-лѣтней дѣятельности и отпразднованъ съ большою торжественностью въ Львовѣ (д. 20 падолиста 1904 р.) и вызвалъ свыше 170 адресовъ и другихъ привѣтствій изъ всѣхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ живутъ украинцы, но др. I. Франко находитъ, что почитатели М. Павлика относили свои симпатіи больше къ особѣ послѣдняго и далеко не выразили яснаго пониманія идей, руководящихъ его дѣятельностью. Лишь въ 5 привѣтствіяхъ «виявляе яснійше розуміне провідних ідей Павликовоі діяльности». Авторъ находитъ, что необходимо прежде всего позаботиться, чтобы личность и дѣятельность не были представлены въ невѣрномъ освѣщеніи и не были окружены легендами. «Обовязокъ мій,—говоритъ онъ,—одного з сучасників і близьких сьвідників Павликовоі діяльности висловити тут декілька увагъ, що причинять ся може до поясненя правди». Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ разбираетъ очеркъ личности М. Павлика, помѣщенный М. Лозинськимъ въ книгѣ «Ювилей 30-літноі діяльности Михайла Павлика (1874—1904). З портретами ювилята і рідні. У Львові, 1905», и сообщаетъ цѣлый рядъ фактовъ частью на основаніи своихъ личныхъ воспоминаній, частью по документамъ. Между прочимъ онъ касается тутъ и столкновенія М. Павлика съ Наук. «Товариством ім. Шевченка» какъ изъ-за библіотеки, которою онъ завѣдывалъ, такъ и по вопросу о печатаніи его статей въ изданіяхъ «Товариства». Авторъ здѣсь взваливаетъ всю вину на юбиляра и осыпаетъ его рядомъ упрековъ. Но еще больше достается М. Павлику, когда авторъ доходитъ до характеристики произведеній послѣдняго. Вообще, статья отличается большой страстностью тона и часто личнымъ характеромъ, хотя авторъ и увѣряетъ въ противномъ.

С. Ефремов. Бонавентура в украінській литературі (стр. 187—202). Настоящая статья посвящена украинскимъ драматургамъ и ихъ творчеству. Въ первой главѣ авторъ даетъ общую характеристику драматической литературы, при чемъ сравниваетъ состояніе послѣдней съ дѣятельностью извѣстнаго Бонавентуры изъ комедіи Карпенка-Карого. При этомъ въ послѣдующихъ главахъ онъ собирается перебрать украинскихъ драматурговъ, начиная отъ наименѣе замѣтныхъ величинъ и кончая самыми крупными именами. Дѣйствительно, во II главѣ разобраны слѣдующіе произведенія: 1) „Въ кого серце щире, той въ не-

щастяхъ гыне", опера на 4 дії Х. Бойця К. 1904; 2) „Корінь", народна драма на 5 дій Писаренка. Х. 1094; 3) „Борці за мрії", драма на 5 дій Тогобочного. Х. 1904; 4) „Въ каламутній воді" („Орися"), комедія Володського. К. 1904. Всѣмъ этимъ произведеніямъ и ихъ творцамъ отъ автора сильно достается, и въ заключеніе онъ заявляетъ: „се-ж не література, а Бонавентура". Статья въ настоящей книжкѣ „Л.-Н. Вістника" не закончена [1]).

О. Вишневськiй. На переломі (стр. 203—210). Настоящая статья излагаетъ современныя событія въ Россіи и положеніе страны съ соціалъ-демократической точки зрѣнія. Въ этой книжкѣ помѣщено только начало статьи.

М. Грушевський. В справі руських шкіл і руського театру (стр. 211—220). Настоящая статья является продолженіемъ той полемики о школахъ и театрѣ, которой посвящены отмѣченныя выше статьи М. Грушевскаго (кн. I) и I. Франко (кн. II). Авторъ старается отстоять свое мнѣніе, что украинскія школы важнѣе для Галичины, чѣмъ театръ.

І. Франко. Замісь діскусії—цьвітки полеміки (стр. 221—237). Настоящая статья относится къ тому же вопросу, что и предыдущая, и полемизируетъ съ мнѣніями, находящими себѣ пріютъ на столбцахъ газеты „Діло".

Ст. Чарнецький. Гостьина театру „Руськоі Бесіди" у Львові стр. 238—248). Авторъ даетъ рефератъ о представленіяхъ труппы „Руськоі Бесіди" во Львовѣ въ 1905 году. Въ общемъ онъ вынесъ самое отрицательное впечатлѣніе и о репертуарѣ, въ которомъ многаго недоставало, а безъ другого можно было обойтись, и объ исполнителяхъ, которые не всегда стояли на должной высотѣ.

Р. Братковський. Перша вистава укр. штуки і промислу у Львові (стр. 241 — 256). Настоящая статья написана по просьбѣ редакціи „Л.-Н. Вістника". Давъ общій хвалебный отзывъ объ этой выставкѣ, авторъ затѣмъ переходитъ къ отдѣльнымъ экспонентамъ, начиная съ удостоившихся наградъ. Сначала онъ отмѣчаетъ инкрустаторовъ Миколу, Василя и Федя Шкрибляків, сыновей Юра Шкрибляка изъ Яворова, косьвського повіта - всѣ 3 брата выставили рядъ типичныхъ гуцульскихъ издѣлій, при чемъ первые двое получили золотую медаль, а третій похвальный листъ. Остальные гуцульскіе мастера, выставившіе здѣсь свои работы, уступаютъ назван-

[1]) Эта-же статья была напечатана въ „Кіев. Стар."

нымъ выше. Изъ живописцевъ авторъ особенно восхищается картинами Івана Труша, а затѣмъ переходитъ къ Ф. Красіцькому изъ Кіева, одна изъ картинъ котораго „Гість із Запорожа“ куплена „Наук. Тов. ім. Шевченка, при чемъ снимокъ ея приложенъ къ настоящей книжкѣ. Изъ другихъ живописцевъ авторъ отмѣчаетъ І. Макушенка, изъ Петербурга, І. Бурачка, В. Масляникова изъ Кіева, Юліана Панкевича изъ Львова, Сосенка, М. Жука изъ Кіева, Михайла Бойчука изъ Львова и Л. Драгоманову изъ Кіева, а объ остальныхъ только упоминаетъ вскользь.

Книга IV.

М. Грушевський. Украінство і питання дня в Россії (стр. 1—10). Въ настоящей статьѣ авторъ говоритъ о положеніи украинцевъ въ Россіи, а потомъ характеризуетъ современное украинское движеніе и указываетъ, какія задачи оно должно преслѣдовать, къ какой цѣли слѣдуетъ стремиться. Вопросъ разсматривается авторомъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, такъ какъ освободительное движеніе, охватившее всю Россію, застало украинцевъ совершенно неподготовленными. Поэтому необходима со стороны послѣднихъ особенно энергичная дѣятельность, чтобы достигнуть завѣтнаго идеала и стать полноправной націей, а не паріями среди другихъ народностей. Многое должны сдѣлать сами украинцы, такъ какъ въ иныхъ случаяхъ на другихъ не слѣдуетъ полагаться.

І. Франко. Отвертий лист до гал. української молодіжи (стр. 11—19). Авторъ выясняетъ важное значеніе современнаго освободительнаго движенія въ Россіи для украинскаго народа, указываетъ будущую роль галичанъ въ судьбахъ ихъ россійскихъ земляковъ и опредѣляетъ тѣ обязанности и задачи, которыя лежатъ теперь на первыхъ въ отношеніи ихъ соплеменниковъ, и которыя предстоитъ выполнить въ будущемъ. Статья дышетъ хорошимъ, теплымъ чувствомъ украинца, любящаго свою родину и народъ, и проникнута такимъ оптимизмомъ, о которомъ мы, живущіе въ Россіи, пока не можемъ думать.

О. Вишневський. На переломі (стр. 21—38). Въ продолженіи интересной статьи о современномъ положеніи въ Россіи авторъ выясняетъ состояніе россійской торговли и промышленности и указываетъ, какое вліяніе это имѣло на бытъ рабочихъ, какъ способствовало это все возникновенію рабочаго вопроса. Авторъ описываетъ также первыя стадіи рабочаго движенія.

І. Кревецький. Корифей российськоі критики і украінське письменство (стр. 39—55). Въ настоящей книжкѣ помѣщено окончаніе статьи, начатой печатаніемъ во II книжкѣ «Л.-Н. Вістника», при чемъ тутъ напечатаны конецъ I главы и II глава. Сначала авторъ знакомитъ насъ съ отзывами Бѣлинскаго о Шевченкѣ, при чемъ критикъ здѣсь обнаружилъ не только полное непониманіе великаго украинскаго писателя, но также страшную ненависть ко всей украинской письменности. Во II главѣ авторъ старается выяснить причины, которыми вызывается это враждебное отношеніе ко всему украинскому какъ у Бѣлинскаго, такъ и у другихъ россіянъ. Свою статью онъ заключаетъ словами: «Знанем Украіни Росія ніколи не грішила!»

Ст. Чарнецький. Де що про теперішній стан галицько-руського театру (стр. 56—64). Авторъ сначала разсматриваетъ вопросъ о театрѣ съ общей точки зрѣнія, а потомъ переходитъ къ современному состоянію украинскаго театра въ Галичинѣ. Поэтому вся остальная, большая часть статьи посвящена единственному театральному товариществу въ Галичинѣ«—Руська Бесіда» во Львовѣ. Постановка дѣла въ этомъ товариществѣ далеко не удовлетворительна и требуетъ настоятельно коренной реформы. Въ сущности единственнымъ вершителемъ судебъ галицкаго театра является П. Губчакъ, который творитъ множество злоупотребленій.

Із сучасних фактів (стр. 65—79). Подъ этимъ заголовкомъ опубликованы четыре совершенно самостоятельныхъ вещи, при чемъ всѣ онѣ переложены на украинскій языкъ: 1) Петиція кіевскихъ украинцевъ министру внутреннихъ дѣлъ о нуждахъ украинскаго слова; 2) Записка ихъ-же о необходимости украинской школы; 3) Открытое письмо молодежи Т. Флоринскому; 4) Кілька слів про будовку чеських театрів.

Др. Е. Олесницький. Кілька слів фактычного спростовання (стр. 80—86). Подъ этимъ заголовкомъ опубликовано письмо др. Е. Олесницького и двѣ замѣтки др. І. Франка. Въ своемъ письмѣ др. Е. Олесницький говоритъ о проектѣ построить украинскій театръ во Львовѣ и возражаетъ противъ тѣхъ обвиненій, которыя взвелъ на него др. І. Франко въ отмѣченной выше своей статьѣ по тому-же вопросу. Это письмо сопровождается полемической замѣткой др. І. Франка. Въ ней послѣдній представляетъ свои возраженія на слова др. Е. Олесницького. Послѣ этого др. І. Франко напечаталъ также «Postscriptum», въ которомъ возражаетъ проф. В. Шухевичу, напечатавшему

статейку по тому же театральному вопросу въ газетѣ «Діло». Вторая замѣтка отличается чрезвычайной горячностью тона.

Книжка V.

І. Франко. Щиристь тону і щирість переконань (стр 101—112) Настоящая статейка написана по поводу замѣтки др. Ів. Копача «Згосини у других», напечатана въ № 16 газеты „Діло". Др. Копачъ въ своей замѣткѣ описываетъ юбилейный концертъ москофильскаго студенческаго общества «Другъ» и касается при этомъ случаѣ новаго направленія, наблюдаемаго въ средѣ москвофильской молодежи. Въ отвѣтъ на это др. І. Франко характеризуетъ современное москвофильство въ Галичинѣ и даетъ ему надлежащую оцѣнку.

О. Вишневський. На переломі (стр. 113—131). Въ настоящей книжкѣ напечатано продолженіе интересной статьи О. Вишневського, первыя части которой помѣщены въ III и IV книжкѣ. Въ этой книжкѣ авторъ говоритъ о россійскомъ законодательствѣ по фабричному дѣлу и рабочему вопросу, а также излагаетъ въ связи съ этимъ исторію рабочаго движенія съ точки зрѣнія соціалъ-демократовъ.

М. Грушевський. Фрази і факти (стр. 132—137). Настоящая статья написана для газеты „Сынъ Отечества" и имѣетъ цѣлью опровергнуть увѣреніе „Гражданина" (№ 22), будто „не нужно свободы украинскому языку".

М. Лозинський. Українська Народня Партія (стр. 145—160). Настоящая статья даетъ характеристику дѣятельности и задачъ этой партіи, при чемъ авторъ относится къ вопросу критически и отмѣчаетъ тѣ стремленія партіи, которыя отличаются неясностью или не способны вызвать сочувствіе среди украинцевъ, такъ какъ проникнуты духомъ чрезмѣрной національной нетерпимости. Статья представляетъ большой интересъ для южно-руссовъ и сообщаетъ нѣкоторые такіе факты изъ нашей жизни, о которыхъ россійской прессѣ пришлось умолчать.

М. Грушевський. Меморіял Петербурськоі Академії (стр. 160—163). Авторъ сначала излагаетъ содержаніе записки Императорской Академіи Наукъ „объ отмѣнѣ стѣсненій малорусскаго печатнаго слова" (Спб. 1905, ст. III+96), а потомъ даетъ оцѣнку ея, при чемъ признаетъ чрезвычайную важность этого документа.

Реферат Комісиі у справі знесеня заборон українського друкованого слова (стр. 164—174). Подъ этимъ заглавіемъ начата печатаніемъ

упомянутая выше записка Имп. Академіи Наукъ. Записка печатается въ переложеніи на украинскій языкъ; переложилъ ее В. Гнатюкъ.

Історична записка К. А. Военского (стр. 175—185). Настоящая записка подана К. А. Военскимъ въ 1900 году начальнику Главнаго управленія по дѣламъ науки. Въ ней авторъ доказываетъ, что необходимо уравнять въ правахъ украинскій языкъ съ россійскимъ. Записка напечатана здѣсь въ переложеніи на украинскійи языкъ, переложилъ ее І. Франко.

Научно-литературный сборникъ, т. IV, кн. I.

Ф. И. Свистунъ. Митрополитъ Спиридонъ Литвиновичъ и о. Иванъ Наумовичъ въ 1864 г. (стр. 57—65). Подъ этимъ заглавіемъ опубликована записка о. Наумовича по поводу лишенія его прихода митрополитомъ Спиридономъ Литвиновичемъ. Въ видѣ вступленія къ этой запискѣ г. Свистунъ описываетъ по своему тѣ причины, которыя заставили митрополита рѣшиться на такую мѣру.

„Галицко-русская матица“ (стр. 66—72). Подъ этимъ заголовкомъ опубликована переписка этого москвофильскаго общества съ митрополитомъ Андреемъ Шептицкимъ, который, въ качествѣ покровителя, воспротивился затѣянной перемѣнѣ устава „Г.-Р. Матицы“.

Б. А. Дѣдицкій. Открытое письмо къ митрополиту Андрею Шептицкому (стр. 73—92). Письмо относится къ тому-же вопросу объ уставѣ „Г.-р. мктицы“ и представляетъ дѣло съ точки зрѣнія воротилъ этого сообщества.

О. А. Мончаловскій. Къ юбилею В. И. Ламанскаго (стр. 93—100). Авторъ даетъ характеристику извѣстнаго слависта и приводитъ тексты нѣкоторыхъ адресовъ, при чемъ старается провести свои излюбленныя тенденціи. Къ статьѣ приложенъ весьма плохой портретъ.

Въ отдѣлѣ *„Библіографія“* даны отзывы о слѣдующихъ книгахъ; 1) *А. С. Крыловскій.* Львовское Ставропигіальное Братство. К. 1904 (стр. 101—105); 2) Архивъ Юго-Западной Россіи, т. X—XI (стр. 105—106); 3) *Ю. А. Яворскій.* Очерки по исторіи русской народной словесности. II. К. 1905 (стр. 106—107).

Д-ръ И. С. Свѣнцицкій. Рукописи библіотеки „Народнаго Дома“ во Львовѣ (стр. 108—149). Въ настоящей книжкѣ авторъ оканчиваетъ свое описаніе рукописей на иностранныхъ языкахъ изъ собранія „Народнаго Дома“. Нѣкоторыя рукописи изданы въ приложеніи. Описаніе сопровождается указателями фамилій, рукописей по содержанію и учрежденій.

Этнографическое Обозрѣніе, 1904 г., № 3—4.

Въ этихъ двухъ книжкахъ, вышедшихъ съ сильнымъ опозданіемъ, помѣщены въ отдѣлѣ *„Критика и Библіографія“* отзывы *Е. Н. Е—ой* о слѣдующихъ книгахъ: 1) *въ № 3*—о книгѣ *Нарбекова* „Южно-русское религіозное искусство XVII—XVIII в.в. (стр. 98); 2) *въ № 4*—о книгѣ *Лисенка* „Очерки домашнихъ промысловъ и ремеслъ Полтавской губерніи (стр. 188).

Извѣстія Отдѣл. Рус. яз. и Словесн. Имп. Ак. Наукъ, т. X, кн. I.

В. Н. Перетцъ. Къ исторіи польскаго и русскаго народнаго театра (стр. 51—104). Настоящая статья посвящена памяти А. Н. Пыпина. Авторъ даетъ разборъ нѣсколькихъ интермедій XVII—XVIII столѣтій по рукописнымъ метеріаламъ. Статья представляетъ важное значеніе для исторіи украинскаго театра и драматической литературы. Она является первой въ серіи другихъ статей по тому-же вопросу, намѣченныхъ авторомъ.

Н. В. Державинъ. Замѣтка о болгарскомъ говорѣ с. Терновки Мелитопольскаго у. Таврической г. (стр. 136—146). Авторъ даетъ краткую характеристику фонетическихъ и этимологическихъ особенностей этого говора и даетъ матеріалы для словаря.

Г. П. Георгіевскій. Двѣ драмы Петровскаго времени I—III (стр. 185—307). Настоящая статья посвящена дѣйствіямъ о князѣ Петрѣ Златыхъ Ключахъ и о Есѳири. Обѣ пьесы представляютъ примѣръ того вліянія, которое имѣли кіевскіе ученые на развитіе школьной драмы Москвы. Въ ихъ языкѣ много слѣдовъ украинскаго языка.

А. И. Соболевскій. Древне-кіевскій говоръ I—III (стр. 308—323). Настоящая статья представляетъ въ сущности повтореніе ряда статей автора, въ которыхъ онъ доказывалъ, что древніе кіевляне говоромъ бѣлорусско-великорусскаго типа, а украинскій языкъ появился въ Кіевщинѣ не раньше Руины. Статья въ сущности не даетъ почти ничего новаго. Не ново также наименованіе ученыхъ противниковъ автора украинофилами.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Что стоилъ Андрею Полетикѣ процессъ за с. Аксютинцы (роменскаго уѣзда). Родоначальникомъ Полетикъ былъ полтавскій житель Андрей Павловъ, который впослѣдствіи сталъ роменскимъ войтомъ (1727—28) и принялъ фамилію Полетикъ. Это былъ очень ловкій человѣкъ. Женясь на внучкѣ лубенскаго полковника Илляшенка, Полетика послѣ долгихъ усилій овладѣлъ роменскимъ селомъ Коровинцами [1]), право на которое у него оспаривали Полуботки, а затѣмъ купилъ у дочерей Якова Гречанаго, Настасьи, Авдотьи и Маріи, село Аксютинцы, тоже въ роменской сотнѣ. Купчая на это село была совершена весною 1748 года, но скоро послѣ этого право на Аксютинцы стали оспаривать у Полетики бунчуковый товарищъ Туранскій и черниговскій полковой судья Василій Каневскій, и Полетикѣ пришлось вновь начинать долгій и требующій большихъ денежныхъ затратъ процессъ. Въ общемъ исторія села Аксютинецъ, насколько можно видѣть изъ данныхъ, находящихся въ доказательствахъ, представленныхъ обѣими спорящими сторонами въ Сенатъ, была такова. При Самойловичѣ этимъ селомъ владѣлъ полковой лубенскій писарь (1672—1684) Ѳедоръ Васильевичъ Билимъ, по смерти котораго оно было отдано брату гетмана, роменскому протопопу Мартирію Самойловичу. Затѣмъ, послѣ событій на Коломакѣ, село это было отдано Мазепой „войсковому товарищу“ Степану Прокофьевичу Гречаному по универсалу 10 марта 1689 г., вопреки листу полковника лубенскаго

[1]) Кіев. Стар. 1891 г., апр. стр. 99.

Свѣчки, отдавшаго въ 1688 г. Аксютинцы черниговскому протопопу Синдаровскому. Гречаный въ свое время былъ замѣтнымъ человѣкомъ въ „войскѣ", чѣмъ и объясняется фактъ дачи Мазепой цѣлаго села безъурядному человѣку. Такъ, еще въ 1649 г. Стефанъ Гречаный былъ записанъ реестровымъ козакомъ сотни Костенковой, Корсунскаго полка, причемъ онъ написанъ въ реестрахъ рядомъ съ сотникомъ [1]),— но въ 1662—65 годахъ онъ былъ уже генеральнымъ писаремъ и гетманъ Брюховецкій бралъ его съ собой въ 1665 году въ Москву [2]). Здѣсь Гречаный, въ числѣ прочихъ, былъ пожалованъ въ дворяне, но въ 1667 году онъ уже не занималъ никакого уряда, когда вмѣстѣ съ генеральнымъ судьей Петромъ Забѣлой и лубенскимъ полковникомъ Богданомъ Щербакомъ производилъ, по порученію Брюховецкаго, розыскъ по тяжбѣ монаховъ Мгарскаго монастыря съ мѣщанами лубенскими за „бернардинскіе грунта, въ урочищѣ Тернахъ лежачіе" [3])...

Въ 1676 г. Степанъ Гречаный былъ полковымъ судьей Гадяцкаго полка и получилъ, въ числѣ прочей старшины, государева жалованья по случаю царскаго вѣнчанія двѣ пары соболей [4]). Вотъ этому-то Гречаному Мазепа и далъ въ 1689 году Аксютинцы, и оно было за нимъ въ слѣдующемъ году утверждено и царскою грамотою. По смерти Степ. Гречаного, Аксютинцы были отобраны Мазепой отъ его сыновей Якова и Ѳедора и отданы бунчуковому товарищу Василію Громѣкѣ, который въ актахъ именуется племянникомъ Мазепы, но затѣмъ на Аксютинцы выхлопоталъ въ 1709 году царскую грамоту протопопъ Синдаровскій, представивъ, вѣроятно, при доказательствѣ своихъ правъ на это село универсалъ полковника Свѣчки и объяснивъ, что „измѣнникъ" Мазепа отобралъ отъ него это село для отдачи своему родственнику. Событіями шведской руины воспользовались многіе „вѣрные престолу монаршему" малороссіяне, не упускавшіе удобныхъ случаевъ ходатайствовать о надѣленіи ихъ „измѣнничьими" маетностями... Такимъ образомъ на одно и то же село имѣлось двѣ подтвердительныхъ царскихъ грамоты, данныя разнымъ лицамъ. Выходъ изъ этого затруднительнаго положенія найденъ былъ тотъ, что Аксютинцы не были отданы ни Синдаровскому, ни Гречанымъ, а ге-

---

[1]) Реестра 1649 г., стр. 93.

[2]) Книги разрядныя, II, 981, 997, 999; А. Ю. и З. Р., т. VI, стр. 4.

[3]) Акты Мгарскаго монастыря, рукоп., л. 256—7.

[4]) А. Ю. и З. Р., т. XIII, ст. 55

неральному судьѣ Туранскому „на рангъ". Въ 1716 году Туранскій умеръ, причемъ въ своемъ завѣщаніи отдалъ Аксютинцы своему меньшему сыну Демьяну, но при этомъ оговорилъ, что уступаетъ сыну это село только „до ласки ясневелможного". Туранскій сомнѣвался въ томъ, что ранговая маетность будетъ оставлена за его сыномъ, тѣмъ болѣе, что преемникомъ его по должности генеральнаго судьи былъ зоркій Иванъ Чарнышъ, но на всякій случай пытался передать ее своимъ дѣтямъ.. [1]) Чарнышъ, конечно, не могъ допустить и мысли о томъ, чтобы цѣлое село, данное его предшественнику на урядъ генеральнаго судейства, какимъ либо путемъ миновало его рукъ. Это было-бы совершенно невѣроятнымъ событіемъ, и 31-го іюля 1716 года Чарнышъ получилъ универсалъ отъ Скоропадскаго, по которому ему были даны „села Аксютинцы съ Пустовойтовкою и съ млинами, подъ Аксютинцами будучими, и инними грунтами и угодіями, ко вспоможенію домовственному, что онъ при боку его гетманскому будетъ жити" (намекъ на то, что Чарнышъ долженъ былъ, послѣ смѣщенія съ гадяцкаго полковничества, жить въ Глуховѣ, при гетманѣ)... Въ 1718 году Аксютинцы были утверждены за Чарнышемъ тоже царской грамотой, являющейся уже третьей по числу выданныхъ на одно и то же село, но разнымъ лицамъ... [2]). Въ 1724 гооу Чарнышъ былъ въ Москвѣ и сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости по дѣлу Полуботка... Этимъ моментомъ и воспользовались Яковъ и Ѳедоръ Гречаные, оттягавъ отъ Чарныша Аксютинцы, хотя онъ въ первомъ бракѣ былъ женатъ на ихъ родной сестрѣ Еленѣ Степановнѣ Гречаной, умершей еще до 1710 года. Вторая дочь Степана Гречаного—Евдокія была замужемъ за товарищемъ Лубенскаго полка Григоріемъ Рубаномъ-Яненкомъ (1709), который, вѣроятно, тоже принималъ участіе въ тяжбѣ своихъ шурьевъ за Аксютинцы. Такимъ образомъ, Аксютинцы временно возвратились во владѣніе Гречаныхъ. Пробыли они у нихъ, однако, недолго, такъ какъ оба брата Гречаныхъ были людьми малозамѣтными: Ѳедоръ не занималъ никакого уряда, числясь лишь „значнымъ войсковымъ товарищемъ, а Яковъ былъ Гадяцкимъ полковымъ есауломъ (1712 г.). Поэтому Михаилу Забѣлѣ, ставшему съ 1729 г. генераль-

---

[1]) А. Лазаревскій. Опис. Стар. Малор., II, 917—19.

[2]) Кіев. Стар. 1904 г., мартъ, стр. 347; апр. стр. 94; Генер. слѣдствіе о маетностяхъ Нѣжинскаго полка, изд. Н. П. Василенкомъ, стр. 267—280.

нымъ судьей на мѣсто Чарныша, не трудно было выпросить это село на томъ основаніи, что оно когда-то принадлежало генеральному судьѣ на рангъ. Но тутъ предъявили свое право на Аксютинцы: черниговскій полковой судья (1728—32) Василій Каневскій, какъ зять протопопа Синдаровского, и бунчуковый товарищъ Туранскій, который, кажется, тоже былъ женатъ на дочери Синдаровскаго. Каневскій началъ искъ за Аксютинцы и въ 1731 году подавалъ челобитную на имя императрицы[1]), но дѣло его, кажется, не имѣло успѣха и Аксютинцы находились во владѣніи Забѣлы, по смерти котораго на село предъявили свои права Гречаные и Каневскій съ Туранскимъ. Въ это время на Аксютинцы и обратилъ свое вниманіе Андрей Полетик , уже перешедшій изъ роменскихъ войтовъ въ ряды значковыхъ товарищей Лубенскаго полка и владѣвшій кое-чѣмъ подъ Аксютинцами. Еще въ 1715 году имъ была куплена здѣсь мельница о двухъ колахъ отъ сотника бѣлопольскаго (Сумскаго полка) Өедора Яснопольскаго; получивъ на мельницу въ 1735 году универсалъ генеральной канцеляріи, Полетика въ 1740 году купилъ у своего дяди, смѣлянскаго городового атамана Ивана Громѣки, два амбара на той же мельницѣ, а затѣмъ все это утвердилъ за собою царскою грамотой 1744 года вмѣстѣ съ другими своими имѣніями. Затѣмъ, ознакомясь съ правами Гречаныхъ на Аксютинцы, Полетика рѣшился на смѣлый шагъ и въ началѣ 1748 года купилъ у дочерей умершаго Якова Гречанаго, Анастасіи, Евдокіи и Маріи, все село цѣликомъ... Дѣло въ томъ, что Полетика въ то время, когда покупалъ спорныя Аксютинцы, заканчивалъ очень успѣшно почти аналогичный процессъ за село Коровинцы, на которое претенденты предъявляли тоже нѣсколько грамотъ, выданныхъ разнымъ лицамъ. Поэтому, покупая село Аксютинцы у тѣхъ лицъ, въ родъ коихъ оно было дано царской грамотой раньше другихъ, Полетика могъ разсчитывать, что ему вполнѣ удастся выиграть процессъ и здѣсь. И онъ не ошибся: дѣло объ Аксютинцахъ хотя и долго тянулось, но рѣшено было въ Сенатѣ въ 1767 году въ его пользу... На Коровинцы Полетика издержалъ около 1500 р., а на Аксютинцы—около 1300 рублей, но онъ понималъ, что владѣніе этими селами скоро возвратитъ ему убытки, понесенные при тяжбѣ за

---

[1]) Генер. слѣдствіе о маетностяхъ Черниговск. полка, изд. А. М. Лазаревскимъ, стр. 195—196.

нихъ... Аксютинцы перешли, затѣмъ, къ сыну Андрея Полетики, извѣстному Григорію Андреевичу, бывшему инспекторомъ Морского Корпуса, а затѣмъ—депутатомъ отъ Лубенскаго шляхетства въ Комиссію о Новомъ Уложеніи 1767 года.

Прилагаемый реестръ показываетъ размѣры тратъ Полетики и тѣ судебныя мытарства, при которыхъ неизбѣжно приходилось раскошеливаться всякому просителю...

„Реестръ, сколко именно вытратилъ денегъ и на что в Глуховѣ, нижей сего явствуетъ, 1748 году, ноябра 20 дня, добиваючись села Аксютинецъ.

Купилъ сахару шесть головъ, за которіе дано 5 рублей; такожъ на всякіе харчи вытратилъ денегъ два рубли разними часи. Еще пойшло на харчъ рубль; еще купилъ пять головъ сахару, за которіе далъ 5 рублей; еще пошло на харчъ рубль; еще 2 рубли; на сахаръ рубль. Руновскому 2 рубли; на харчъ рубль; еще купилъ сахару голову, далъ рубль; еще выйшло на харчъ рубль. Далъ Константиновичу 15 рублей; еще на харчъ рубль пойшолъ. Подполковнику Семенову—50 рублей. Пану бунчучному далъ 30 рублей. Далъ протоколѣсту 5 рублей. Далъ Петру Прокоповичу 2 рубли. За кватиру далъ рубль; еще на харчъ выйшло 4 рубли. Далъ Стефану на прогони 2 рубли; протоколѣстѣ—полтину; канцеляристѣ Базилевичу—полтину; еще на харчъ рублей 2. Войсковому канциляристѣ Василю Высоцкому далъ готовихъ денегъ 40 рублей, а панциръ—в 30 рублей, кромѣ домашнихъ харчей, водки, вина и вишневки и протчихъ харчей чрезъ всю Пилиповку.

1749 году реестръ, что вытратилъ в Глуховѣ за другою февраля 15 дня поиздкою о селѣ Аксютинцахъ.

Первимъ разомъ вытратилъ на разніе потребы и на харчи, на себе и на конѣ, 4 рубли с полтиною. Еще вытратилъ 2 рубли съ полтиною; вытратилъ 2 рубли, что дѣло перенесено з суда генералного в верхнюю апеляцію. Еще на харчъ рубль далъ; іскопиеванне челобитной — рубль; еще стратилъ на харчи, на конѣ и на себе, 2 рубли. Далъ канцеляристамъ судовимъ 2 рубли; еще выйшло на харчъ 3 рубли; молодикамъ за двома поиздками далъ 3 рубли, кромѣ домашнихъ харчей, водки, вишневки и протчого чрезъ целой постъ великій.

1749 году, априля 10 дня, реестръ, что вытратилъ за третою поиздкою в Глуховъ. Первимъ разомъ, на дорозѣ, на конѣ и на себе,

и в Глуховѣ на всякіе росходи и на поклонъ господамъ и канцеляристамъ за челобитніе и за ископиеванне свѣдителнихъ документовъ—6 рублей, кромѣ домашнихъ харчей, водки, вышневки и протъчего. Еще на харчъ вытратилъ рубль; еще вытратилъ на харчъ 2 рублѣ; еще на харчъ выйшло 2 рубли. Вербовскому—3 рубли; за кватиру далъ рубль; на харчи выйшло разніе рубль.

1750 году, марта 1 дня, вытратилъ в Глуховѣ по дѣлу Аксютинскому, якъ представленіе выправилъ в Иностранную Колегію,—127 рублей, безъ домашнихъ харчей.

1749 году, февраля 21 дня, послалъ в Москву до сина Григорія Полѣтики чрезъ пана Якова Искру, канцеляриста войскового, червонихъ нѣмецкихъ 100 ровно.

1750 году за двома поездками в Глуховѣ вытратилъ денегъ 40 рублей.

1751 году, ноября 30 дня, будучи в Глуховѣ по дѣлу Аксютинскому, стратилъ 16 рублей.

Въ 1757 году, у трохъ поездкахъ до Глухова: в маи—чрезъ три неделѣ, в іюнѣ и іюлѣ—чрезъ три жъ неделѣ, да в ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ—чрезъ три жъ неделѣ,—издержалъ денегъ 32 рубли кромѣ домашнихъ разнихъ харчей.

Въ 1758 году, февраля мѣсяца, чрезъ двѣ неделѣ, ожидаючи вислушанія дѣла, издержалъ денегъ 25 рублей.

1767 года, марта, за полученіемъ указа з Сената, отослалъ Григорію, что онъ своихъ здержалъ на Аксютинцѣ,—279 рублей. Далъ возному повѣтовому Зубковскому 10 рублей. В судѣ земскомъ канцеляристу Gерgелю далъ рубль...“ *(Изъ бумагъ А. М. Лазаревскаго, съ подлинника).*

В. Модзалевскій.

Зѣньковскій полковникъ Василій Шиманъ и его потомство. Зѣньковскій полкъ былъ образованъ въ 1661 или 1662 году, при чемъ въ составъ его вошли нѣкоторыя сотни Полтавскаго и Миргородскаго полковъ, а также числившееся до тѣхъ поръ ранговымъ гетманскимъ имѣніемъ Гадяцкое староство, заключавшее въ себѣ г. Гадячъ съ округомъ. Неизвѣстно, почему центромъ новаго полка былъ сдѣланъ первоначально Зѣньковъ, а не Гадячъ, куда при Многогрѣшномъ и было перемѣщено полковничество съ переименованіемъ и са-

мого полка Гадяцкимъ, а не Зѣньковскимъ. Единственный извѣстный изъ полковниковъ зѣньковскихъ былъ Василій Симоновичъ Шиманъ, упоминаемый на этомъ урядѣ съ іюня 1662 года по 1665 годъ. Это былъ простой, неграмотный человѣкъ, но тѣмъ не менѣе игравшій кое-какую роль въ событіяхъ «Руины»... Сперва Шиманъ держался Сомка, но послѣ его казни явился ревностнымъ слугою Брюховецкаго, по порученію котораго ѣздилъ вмѣстѣ съ Степаномъ Шубою въ началѣ 1665 года въ Москву съ челобитной и грамотою [1]). Фактъ, что Брюховецкій оставилъ его на прежнемъ полковничьемъ урядѣ, а не смѣстилъ, какъ это случилось со многими полковниками въ то время, указываетъ на то, что Шиманъ былъ довольно ловкимъ человѣкомъ.

Мѣстожительствомъ Шимана была, повидимому, Грунь Черкаская сотенное мѣстечко его полка. Здѣсь онъ построилъ въ 1663 г. церковь Николая; на Ворсклѣ у него былъ цѣлый рядъ млиновъ, изъ которыхъ одинъ онъ продалъ въ апрѣлѣ 1665 года Преображенскому Скельскому монастырю. Вотъ его продажная запись: «Се азъ Василей Шиманъ, полковъникъ вѣрного войска его цар(ского) прес(вѣтлого) вел(ичества) Запорозкого Зѣнковский, явъно чиню симъ моимъ доброволнимъ писмомъ при стар(шинѣ) город овой) грунъской, меновите: при Стефану Безжономъ - сотнику Грунѣ Черкаской, Семен(у) Пол...,—атаман(у) гор(одовому) грунскихъ, Иван(у) Костенку и при мелникох Скелских... и инишхъ людей добрих и вѣри годних притомъ було немало, іжъ я вишписанний полковъникъ даю сей мой записъ з доброй волѣ в обитель Святого Спаса, рекомий манастиръ Скелский, іжъ млинокъ на сазѣ, в томъ лузѣ стоячой, Ворскляной, идучей от Лутицѣ (?), збудованый коштомъ моимъ, котораго то млинокъ отдаю на святую обител вѣчними часы»... При этомъ была, однако, сдѣлана слѣдующая оговорка: «Упоминаю при людехъ зацныхъ вишписанных, абы оние черноризцѣ, мешкаючи в обители святого Спаса, контентовались тоею сагою, узявъши... границѣ, ажъ до устя, не чинячи прешкоди жадной мѣской греблѣ и не псуючи береговъ, которие... (берега?) *мѣское посполство все гатитъ* и остерегаетъ мѣской греблѣ, аби не било и тихъ млиновыхъ перешкодъ, идучихъ на скарбъ войсковий»—Самъ Шиманъ былъ неграмотенъ, а потому этотъ «записъ»

---

[1]) А. Ю. и З. Р., V, 115, 236.

былъ выданъ при его печати и съ подписомъ руки писарской». «Дѣялося» все это «у Черкаской Грунѣ, априля 2, 1665 року. Устне упрошоний панъ Григорей Василевичъ о подписъ руки своей, що и подписавъ» [1]).

Упоминаемый въ концѣ документа Григорій Васильевичъ—не кто иной, какъ одинъ изъ сыновей Василія Шимана, подписавшійся за отца и на статьяхъ Брюховецкаго (Московскихъ). Послѣдующихъ упоминаній о Шиманѣ намъ не встрѣтилось, но въ октябрѣ 1665 года, когда Брюховецкій былъ въ Москвѣ, Шиманъ еще былъ зѣньковскимъ полковникомъ.

По смерти Василія Шимана, вдова его вышла замужъ за какого-то Забузкого, который впослѣдствіи былъ монахомъ Скельскаго монастыря. Кромѣ сына Григорія, у нея былъ еще другой сынъ—Иванъ Шимановичъ, бывшій священникомъ въ Груни, и дочь, вышедшая замужъ за какого-то Паска Гавриленка. О потомствѣ Григорія Шиманенка намъ ничего неизвѣстно, но отъ брата его Ивана остались дѣти, по крайней мѣрѣ—былъ сынъ Иванъ. О двухъ послѣднихъ лицахъ мы узнаемъ изъ документа 1690 года. 22 октября этого года предъ урядъ Груни Черкаской, въ составъ котораго входили: сотникъ Филиппъ Ивановичъ, атаманъ—Григорій Донецъ, Яхно Уманецъ—войтъ, Остапъ Рибалка — бурмистръ, при нихъ же былъ «честный отецъ Назарий Яновский, презвитеръ свято-воскресенский грунский ринъковий, и инихъ особъ зацнихъ не мало», — явилась «Меланка» попадя, жона отца Івана Шимановича, сполне з Иваномъ Івановичемъ, синомъ своимъ», и «протестовали свою рѣчь в тую цели (?) мовячи: «Панове урядъ і всѣ при немъ будучие особи честние! Чинимъ явне, ясне и доброволне оповедъ симъ нашимъ писмомъ... іжъ з доброй волѣ нашой, нѣ откого не примушоние, обще зо всѣми пріятелми нашими слушне порадившися, на подпору господарства нашого, продалисмо млинъ свой власний, нѣкому нѣ в чомъ не заведений і не пенний, стоячий на рецѣ Ворсклѣ под монастиремъ Скелскимъ, з хатою, стоячою там-же, нижей млиновъ; которого млина славной памяти небожчикъ Василий Шиманъ, свекоръ мой, а дѣдусь Івана, сина моего, мѣлъ собѣ в поссесию за певную сумму отъ Якова Котляренька, древними часи; от которого Якова на тотъ млинъ писмо

[1]) Съ подлинника.

даньное і теперъ остаеть у Паска Гавриленка [1]), зятя Шиманова, тилько жъ безъ всѣхъ тихъ належитостей, якъ в томъ писмѣ виражено к млину, от насъ одейшлихъ; але власний виреченний млинъ з хатою продали, не менуючи болшъ нѣчого к нему, в Бозѣ превелебному его милости іеромонаху отцу Вениямину, ігумену святия обители Всемилостивого Спаса Скелскому, з братиею, за певную сумму готовихъ грошей доброй монети лѣчбы полской за золотихъ восѣмъ сотъ. А одебравши виреченную сумму, ми, вишъменование, своими руками от превелебного отца ігумена і при немъ будучого брата монаха Аврамия Забузкого, бившаго второго мужа свекрухи моей Шиманихи, за млинъ, на насъ спадаючий, от которого южъ отдаляемъ самихъ себе і потомковъ нашихъ і пріятелей, близкихъ і далекихъ, вѣчними часи.—Тутъ же докладаемъ; хтоби мѣвъ въ томъ млинѣ, нами проданомъ, превелебному отцу ігумену і братии якие прикрости і втиски чинити з приятелей нашихъ і отъ кого колвекъ, где би мѣвъ отецъ ігуменъ зъ братиею за тотъ млинъ, копою іли осмакомъ прилоложитися,—въ томъ совито нагорожати повинни.—К сему запису я Иванъ Ивановичъ Шиманъ, вмѣсто матки своей, по еи веленю руку приложивъ». Кромѣ того, здѣсь же росписались и всѣ члены мѣскаго уряда, въ томъ числѣ и городовой писарь Стефанъ Стеблина, а также и Петръ Кириловичъ, іерей святовасилевский грун(скій") [2]).

Продажа этого млина, сдѣланная по словамъ попадьи „Мелашки" ради „подпоры господарства", тѣмъ не менѣе въ конецъ, вѣроятно, разорила потомковъ полковника Шимана. Впрочемъ, начало обѣдненія его семьи положилъ, вѣроятно, еще сынъ его Иванъ, который не могъ добраться до какого-либо уряда въ войскѣ, а надѣлъ священническую рясу... Сынъ послѣдняго и внукъ полковника, Иванъ Ивановичъ Шиманъ, былъ тоже священникомъ въ Груни; священствовали здѣсь же его потомки, называвшіеся уже Шимановскими (довольно многочи-

---

[1]) Вѣроятно, жена его имѣла тоже млины на Ворсклѣ. Михаилъ Богуцкій (бывшій къ 1692 г. сотникомъ грунскимъ), продавая въ 1714 г. Скельскому монастырю млинъ, „стоячій на Ворсклѣ на гребли Скельской въ трехъ колахъ (два мучнихъ камени, а третое—ступное"), и двѣ при немъ хаты съ дворомъ, садомъ и двумя лѣсами за 1700 золотыхъ,—говоритъ, что млинъ этотъ былъ купленъ имъ отъ „Шимановни".

[2]) Съ подлинника.

сленные) и въ концѣ XVIII вѣка, причемъ нѣкоторые члены этого рода были войсковыми канцеляристами и сотенными атаманами. Въ доказательство того, что предокъ ихъ былъ зеньковскимъ полковникомъ, Шимановскіе представили въ дворянскую комиссію свидѣтельство, выданное въ 1782 году изъ духовнаго правленія Грунскаго намѣстничества сотенному атаману Якову Шимановскому, въ которомъ между прочимъ удостовѣрялся и такой фактъ, что при выходѣ въ Грунскую Николаевскую церковь, «на входныхъ въ оную одвѣркахъ написано такъ: «Року 1663, мѣсяца маія 9 дня, рабъ Божій Василій Шиманъ, полковникъ войска его царского Величества Запорожского Зѣньковскій, создалъ домъ сей святый своимъ коштомъ и накладомъ въ честь славному Богу и святителю Христову Николаю за отпущеніе грѣховъ своихъ». Интересно было бы знать, сохранились ли и донынѣ въ Грунской Николаевской церкви эти «одвѣрки» съ означенною надписью?

В. Модзалевскій.

Грамота кіевскаго митрополита Іоасафа Кроковскаго на утвержденіе скита близъ м. Моровска, основаннаго игуменомъ Лебединскаго монастыря Серапіономъ, 1714 г. Настоящій документъ можетъ служить точнымъ указаніемъ относительно происхожденія Онуфріевскаго Моровскаго скита, просуществовавшаго до 1786 г., т. е. до закрытія импер. Екатериной II излишнихъ монастырей въ Малороссіи. Печатается онъ по копіи 1750—1760-хъ годовъ, находящейся въ томѣ Румянцевской Описи Малороссіи, заключающемъ дѣла Моровской сотни. О земельныхъ владѣніяхъ кіевской митрополіи (которой принадлежалъ и Моровскъ) см. у митр. Евгенія «Описаніе Кіево-Соф. собора», стр. 175 - 190, прибавленія.

„*Іосафъ Кроковскій*, божіею милостію православній архиепископъ митрополитъ кіевскій, Галицкій і всея Малия Россіи.

Всѣмъ обще, кому колвекъ вѣдати надлежить, симъ нашимъ писаніемъ извѣствуемъ, ижъ превелебній в Богу отецъ *Серапіонъ* ігуменъ Лебединскій, ради неспокоенія и тривог частих перенесшіся от своего монастира на тот бокъ Днепра, ізбралъ мѣстце удобное поблизу мѣстечка Моровска и скитокъ устроилъ ради хотящих безмолвно жителствовати, при которомъ озеро, сѣножать и млинокъ з ступникомъ (з

какого двѣ части на насъ належнихъ по любови нашей тому мѣсцю даровалисмо) обрѣтаются, а понеже еще не имѣлъ на потвержденіе листу нашего архипастирского, превелебній отецъ *Серапіонъ* о видання оного з катедри нашей просил насъ. Ми, любящи умноженіе обителей божіихъ и не возбраняющи хотящимъ на томъ мѣстцу іночествовати, в посту и молитвах работати Господеви, даемъ сей листъ нашъ на утвержденіе превелебному отцу *Серапіону* скита того новозачинающагося и при немъ будучой сѣножатѣ, озера и двох частій млина і ступника и третой аще умершого поссесора подданого....... суксессорове доброволне схотятъ продати. Приказуемъ такъ отцемъ городничимъ, по близу тамъ в маетностяхъ нашихъ будучимъ, іако і людемъ подданнимъ нашимъ, жадной нечинити мѣстцу тому пакостей і живущим в немъ, ниже в кгрунтахъ вишпереченыих, до его прилежащихъ, кривди і препятія, но паче вспомогати, помоществовати, щедробливостію посѣщати. Ми же архипастирско молим всея твари Создателя, да мѣсто тое благословитъ, малое сущее да распространитъ во великое, яко жъ инія святія обытели от малих во великія благодатію своею претворил, во еже бы о немъ імя Господне благословенно было всегда усердствуем. Данъ з Кіева, априля 9, 1714. Звышь именованній митрополитъ Кіевскій рукою власною".

Сообщ. **В. Перетцъ.**

Платье и бѣлье малорусской паніи XVIII ст. *Реестръ, сколко в сундукъ положено платя покойной паней, ниже сего значи(тся).* Кунтушъ помаранцевой старой, кунтушъ бѣлоносевой дикой, кунтушъ штофной по темной землѣ разноцвѣтной, з сѣткою сребреною, кунтушъ полуканавацовой помаранцовой з сѣткою золотою; кунтушъ штофовой зеленой з сѣткою золотою, з сребромъ; кунтушъ штофовой жолтой, под сѣбѣрками чорними, з сѣткою сребреною; кунтушъ штуфовой жолтой, под сѣбѣрками сѣрими, з сѣткою серебреною, приношеной; сподниця атласная красна, з сѣткою сребреною; сподниця жолта табаковая с квѣтками з сѣткою сребреною; запаска парчевая по бѣлой землѣ з золотими квѣтами разними цвѣтами; запаска штофовая по бѣлой землѣ з разними цвѣтами з сѣткою золотою; запаска темного штофу з цветами разними, з сѣткою золотою; запаска штофовая по жолтой землѣ, разними цвѣтами, з сѣткою золотою; запаска оберная жолтая; запаска красна оберна, приношена; шнурувка парчева сре-

бреная; шнурувка по собери жолтой, шитая сребромъ; шнурувка штофная темная, з сѣткою серебреною; шнурувка штофна красная, з сѣткою золотою; шуба штофова квѣтчастая, лисями подбыта; кгрезету зеленого на два портища; штофу голубого на портище; атласу китайского вишневого штучка; рубку (?) штучка; чулки шолкови синѣи, с стрѣлками белими; завѣси на постѣль полосастіи, тафтяніи, вершокъ на шайку, по золотой денцѣ шитой сребромъ.

Сундуки два и в оныхъ рубашки. Рубашокъ илняних тонкихъ додѣлнихъ двадцять восѣмъ; рубашокъ московскихъ десять; рубашокъ ровнѣйшихъ десять с подточками; селфетокъ канчатихъ дванадцять; скатертей канчатнихъ тонка една; постѣль шитая золотомъ и шолкомъ краснимъ; простира шитая една; наволочокъ пять; полотна илняного три штучки; скатертей простихъ три куска; передниковъ шитихъ три, гладкихъ три; простинь кгаланскихъ двѣ, держанихъ; кисей квѣтчастихъ аршинъ десять; рубку квѣтчастого на двѣ пари рукавовъ; лиштва кужелная една простирная; простиръ пасистихъ болшихъ три, держанихъ.

Характеръ и содержаніе приведеннаго „реестра" заставляютъ отнести его ко времени „старой Малороссіи", во всякомъ случаѣ, не позже XVIII столѣтія. Подлинникъ его, писанный на листѣ сѣрой, побурѣвшей бумаги, находится въ историческомъ музеѣ им. В. В. Тарновскаго въ Черниговѣ.

Сообщ. **Н. К. В—ый.**

О землетрясеніи въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ въ 1838 г. Первое землетрясеніе въ прошломъ столѣтіи въ полтавской губерніи было въ 1802 г.[1]) Повторилось оно въ 1838 году. Вотъ донесеніе на высочайшее имя полтавскаго губернатора П. Могилянского. «Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу, что сего января 11 числа, съ полдня, въ 9$^1/_2$ часовъ послѣдовало здѣсь землетрясеніе. Явленіе сіе не сопровождалось ни подземными выстрѣлами, ни гуломъ—трескомъ, но колебаніе земли, продолжавшееся около двухъ минутъ, было довольно сильно и ощутительно до того, что въ домахъ люстры качались и стѣнные часы останавли-

---

[1]) См. нашу замѣтку. Кіев. Старина 1904. Январь.

вались, а въ нѣкоторыхъ деревянныхъ домахъ стѣны и крыши трещали, а многіе люди, особо слабаго здоровья, чувствовали головокруженіе Впрочемъ отъ происшествія сего никакихъ примѣчательныхъ поврежденій не произошло и состоитъ во всемъ благополучно».

Въ частности, есть донесенія о землетрясеніи уѣздныхъ властей. Въ Кременчугѣ, какъ доноситъ кременчугскій полицеймейстеръ «слышанъ былъ самопроизвольный ударъ колокола» на колокольнѣ церкви Преображенія Господня.

Въ Кобелякахъ былъ слышанъ подземный ударъ и сотрясеніе почвы. отчего свалилась труба «на казенномъ корпусѣ присутственныхъ мѣстъ». Въ Золотоношѣ, какъ увѣдомляетъ полиція, землетрясеніе продолжалось 7 минутъ, дольше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. П. Масюковъ, богатый помѣщикъ Гадячскаго уѣзда, жившій въ Веприкѣ. прислалъ генералъ-губернатору письмо, гдѣ такъ описываетъ землетрясеніе (рѣдкое явленіе въ природѣ, какъ выразился онъ): «Вечеромъ, по захожденіи солнца въ 9 часовъ и 36 минутъ, при 8 градусахъ мороза, ощущаемо было довольно сильное землетрясеніе, продолжавшееся, по моему замѣчанію, отъ 7 — 10 секундъ. такъ что въ домѣ моемъ, въ нижнемъ этажѣ, колебались диваны, стулья и шкапы съ посудою, а на верху гораздо сильнѣе шатались столы и кровати до того, что дочь моя старшая (10 лѣтъ) проснулась отъ испугу, полагая, что за ножку ея кровати кто-то тянулъ или нарочито шаталъ. По наблюденію и замѣчанію моему, землетрясеніе имѣло направленіе отъ сѣверо-востока къ западу».

Болѣе донесеній въ дѣлѣ нѣтъ; быть можетъ, оно и ограничивалось только этими мѣстами; въ противномъ случаѣ, мѣстныя власти сочли бы долгомъ довести объ этомъ до свѣдѣнія начальника края.

Есть донесенія изъ черниговской губерніи; такъ, землетрясеніе было въ Стародубѣ, Нѣжинѣ, гдѣ образовались на стѣнахъ каменныхъ зданій трещины. въ Черниговѣ, гдѣ у «купца 3 гильдіи Вангейгейма часы, остававшіеся отъ поврежденія болѣе двухъ лѣтъ безъ дѣйствія, гирями и маятникомъ били объ стѣну».

Въ тотъ же день было ощущаемо землетрясеніе въ Ахтыркѣ, о чемъ счелъ должнымъ донести ахтырскій городничій. Оно продолжалось не болѣе двухъ минутъ «Въ нѣкоторыхъ домахъ стоявшія вещи и висѣвшія на стѣнахъ картины пришли въ сильное колебаніе, потрясеніе было ощутительно тѣмъ, кои уже были въ кроватяхъ; отъ землетрясенія поврежденія никакого не было, кромѣ въ тюремномъ замкѣ,

вѣроятно по ветхости онаго строенія, въ печи сводъ и бокъ обрушились, а съ наружи присьба отвалилась». (Архивъ Полт, губ правленія 1838, по описи № 19).

Сообщ. **И. Фр. Павловскій.**

И. П. Котляревскій — ученикъ Екатеринославской семинаріи. [1]) Въ архивѣ св. синода, въ дѣлѣ 1790 г. № 344, въ составляющей части этого дѣла «Вѣдомости о ученикахъ Екатеринославской семинаріи за истекшій 1789 годъ», я случайно нашелъ нѣкоторыя свѣдѣнія о пребываніи И. П. Котляревскаго, знаменитаго автора перелицованной «Энеиды» и «Наталки-Полтавки», въ Екатеринославской семинаріи въ качествѣ ученика. Въ числѣ 9 учениковъ богословскаго класса Екатеринославской семинаріи значится въ вѣдомости и «Иванъ Котляревскій, полтавскаго уѣзда, сынъ умершаго канцеляриста города Полтавы Петра Котляревскаго, 21 годъ» [2]). Отмѣчено, что въ Екатеринославскую семинарію И. П. Котляревскій поступилъ 13 февраля 1780 г. (между тѣмъ какъ большинство его товарищей начали обучаться въ семинаріи съ сентября того-же 1780 г.); пробылъ здѣсь онъ до лѣтнихъ каникулъ 1789 г. (т. е. свыше 9 лѣтъ). Вышедши изъ богословскаго класса лѣтомъ 1789 года, Котляревскій сюда уже не возвращался и такимъ образомъ полнаго семинарскаго курса не окончилъ. Въ спискѣ учениковъ богословскаго класса за 1790 г. (см. Арх. Свят. Син. д. 1790 г., № 361) онъ уже не значится, между тѣмъ какъ всѣ товарищи его, какіе имѣются въ спискѣ 1789 г., помѣщены и въ спискѣ 1790 г.

Изъ находящейся въ томъ-же дѣлѣ вѣдомости объ учителяхъ Екатеринославской семинаріи получаемъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ учителяхъ Котляревскаго. Вопервыхъ, протопопъ Іоаннъ Башинскій, малороссъ изъ г. Славянска, получившій образованіе въ Харьковскомъ коллегіумѣ. Въ Екатеринославской семинаріи онъ преподавалъ съ 24 апрѣля 1784 г. по январь 1786 г. риторику и піитику, а съ 21 января 1786 г., когда открытъ былъ въ этой семинаріи богослов-

---

[1]) Екатеринослав. семинарія, именовавшаяся такъ оффиціально, находилась въ г. Полтавѣ.

[2]) Онъ былъ младшимъ по возрасту среди своихъ соучениковъ, одинъ изъ которыхъ былъ даже 31 года.

скій классъ, онъ сталъ учителемъ богословія и префектомъ, въ каковыхъ должностяхъ оставался и въ 1790 г. Такимъ образомъ, протопопъ Башинскій былъ около 3 лѣтъ префектомъ (какъ-бы инспекторомъ) семинаріи при Котляревскомъ и преподавалъ ему богословіе и (вѣроятно) риторику и піитику. Другой педагогъ, обучавшій Котляревскаго, «философіи учитель Яковъ Артемовъ, малороссіанинъ, сынъ мѣщанина Федора Артемова». Этотъ образованіе получилъ въ Кіевской Академіи. Философію въ Екатеринославской семинаріи онъ преподавалъ съ декабря 1784 г. и такимъ образомъ былъ учителемъ Котляревскаго во все время пребыванія послѣдняго въ классѣ философіи.

Кромѣ этихъ двухъ, бывшихъ несомнѣнно преподавателями Котляревскаго, слѣдуетъ упомянуть еще архимандрита Гавріила, съ небольшимъ годъ (съ 4 марта 1788 г.) состоявшаго при Котляревскомъ ректоромъ семинаріи, выходца изъ семиградской области, получившаго образованіе у себя на родинѣ въ гимназіи и въ греческихъ школахъ, да еще священника Іоанна Станиславскаго—малоросса, сына протопопа изъ Полтавы, который, по всей вѣроятности, тоже училъ Котляревскаго (съ октября 1783 г. по сентябрь 1786 г. онъ обучалъ екатеринославскихъ семинаристовъ «латинской поэзіи», а затѣмъ состоялъ въ той-же семинаріи учителемъ риторики и поэтики латинской и россійской).

Болѣе полныхъ свѣдѣній о пребываніи И. П. Котляревскаго въ Екатеринославской семинаріи и объ его учителяхъ по этой семинаріи намъ, къ сожалѣнію, отыскать не удалось.

Вл. П—ко.

О тысячелѣтнемъ юбилеѣ г. Переяслава [1]). Среди городовъ полтавской губ., вообще не могущихъ похвалиться древностью своего историческаго существованія, есть одинъ, время основанія котораго затеряно во мракѣ вѣковъ: это городъ Переяславъ. Городу съ такой неопредѣленной метрикой мудрено справлять свой юбилей. Ну, какъ, въ самомъ дѣлѣ, опредѣлить срокъ юбилея, когда неизвѣстенъ не то что годъ, но даже вѣкъ возникновенія города. Однако, нашлись празднолюбцы, давно уже затѣявшіе въ печати разговоры о юбилеѣ г. Пе-

[1]) Перепечатывается изъ газ. „Полтавщина“ №№ 144 и 145.

реяслава. Сколько извѣстно, первымъ заговорилъ въ Петербургѣ какой-то генералъ-лейтенантъ Савельевъ. Празднуя въ февралѣ 1894 г. собственный служебный юбилей, онъ въ застольной бесѣдѣ попрекнулъ своихъ почитателей, что вотъ, дескать, его генеральскій юбилей, почтили вниманіемъ, а юбилей г. Переяслава прозѣвали, между тѣмъ ему доподлинно извѣстно, что истекшій 1893 г. «долженъ быть отмѣченъ, какъ 900-лѣтній юбилей г. Переяслава, полтав. губ., и онъ объ этомъ напомнитъ въ печати». Лишь только въ «Нов. Вр.» появилась замѣтка объ этой застольной бесѣдѣ, на нее тотчасъ отозвался бывшій предсѣдатель переяславской уѣздн. земской управы А. В. Стороженко обширной статьей подъ заглавіемъ: «Какой юбилей имѣетъ право праздновать г. Переяславъ?» [2]) Обладая большой эрудиціей и спеціальными свѣдѣніями по древне-русской исторіи, г. Стороженко безъ труда опровергаетъ ссылку генералъ-лейтенанта Савельева на извѣстное лѣтописное сказаніе о заложеніи якобы св. Владиміромъ въ 993 г. Переяслава на мѣстѣ, гдѣ Янъ Усмошвецъ одолѣлъ въ единоборствѣ печенѣжскаго богатыря и тѣмъ «перея славу» у печенѣговъ, доказалъ, что это сказаніе, по суду ученыхъ историковъ, давно признано народной легендой, не заключающей въ себѣ ничего достовѣрно историческаго, затѣмъ обстоятельно разобралъ всѣ мѣста древней лѣтописи, упоминающія о Переяславѣ, начиная съ 907 года, и пришелъ къ правильному заключенію, что городъ этотъ существовалъ уже раньше X в. и время его основанія не можетъ быть опредѣлено хотя бы съ приблизительною точностью. Но, связанный съ Переяславомъ продолжительною въ немъ жизнью и дѣятельностью, нашъ ученый не могъ сдержать порывовъ уѣзднаго патріотизма и не рѣшился отказать родному городу въ удовольствіи отпраздновать-таки юбилей—если не сейчасъ, то въ ближайшемъ будущемъ: по его мнѣнію, «г. Переяславъ въ 1907 г. имѣетъ право отпраздновать тысячелѣтній юбилей своей культурной, торговой и промышленной жизни». На какомъ же основаніи? На томъ, что это будто-бы—«тысячный годъ со времени вступленія Переяслава на поприще исторической жизни». А что же особенно важное случилось въ Переяславѣ въ 907 году? Въ Переяславѣ—ничего, но въ этомъ году, видите ли, Олегъ будто бы ходилъ походомъ на Царьградъ и заключилъ съ греками мирный договоръ, по

---

[1]) Кіев. Стар. 1894, № 4.

условіямъ котораго послѣдніе обязывались платить опредѣленную сумму «на Русскыя грады: на Кіевъ, на Черниговъ, на *Переяславъ,* на Полтѣскъ, на Ростовъ, на Любечь и на прочія грады», и русскіе купцы изъ этихъ городовъ, пріѣзжая въ Царьградъ по торговымъ дѣламъ, имѣли право получать содержаніе отъ византійскаго правительства. Но гдѣ же здѣсь «первое вступленіе Переяслава на поприще исторической жизни»? Этого г. Стороженко не разъясняетъ. Ему такъ хочется устроить въ родномъ городѣ юбилейное торжество, что онъ, не потрудившись опровергуть мнѣнія ученыхъ историковъ, признающихъ лѣтописное сказаніе о походѣ Олега въ 907 г. сказкой, спѣшитъ перейти къ рѣшенію болѣе детальнаго вопроса: «къ какому дню слѣдуетъ пріурочить празднованіе этого юбилея въ 1907 году»? Такъ какъ по его соображеніямъ, русскія рати первыхъ князей отправлялись обыкновенно въ Византію со вскрытіемъ рѣкъ и возвращались домой поздно осенью, примѣрно къ ноябрю, то тысячелѣтній юбилей Переяслава приличнѣе всего было бы устроить 1-го ноября 1907 г. Но вспомнивъ, какая непролазная грязь и распутица обыкновенно бываетъ въ эту пору въ его родномъ городѣ, г. Ст-ко милостиво разрѣашетъ перенести празднество на 15-е августа, т. е. на престольный праздникъ мѣстнаго соборнаго храма; а что этотъ день не совпадетъ вполнѣ со временемъ возвращенія изъ Византіи побѣдоносныхъ переяславцевъ въ 907 г. и бывшаго по сему поводу торжественнаго пира»—такъ это не бѣда: «упрежденіе дѣйствительнаго срока на какихъ-нибудь $2^1/_2$ мѣсяца не имѣетъ никакого значенія, когда дѣло идетъ объ истекшемъ тысячелѣтіи».

Такимъ образомъ, 11 лѣтъ еще назадъ категорически былъ рѣшенъ вопросъ о тысячелѣтнемъ юбилеѣ г. Переяслава. Но почему-то это рѣшеніе не удовлетворило полтавскую ученую архивную комиссію, и лишь только она успѣла организоваться, какъ въ числѣ первыхъ задачъ своихъ стала дебатировать вопросъ: когда же именно надо праздновать тысячелѣтній переяславскій юбилей? Не знаемъ, какъ тамъ шли дебаты по этому нетерпящему отлагательства вопросу, но въ концѣ-концовъ молодая комиссія призналась въ своемъ безсиліи рѣшить его и смиренно обратилась къ старшему собрату, кіевскому историч. обществу Нестора-лѣтописца, съ просьбою о помощи. Это было ровно годъ тому назадъ, въ іюнѣ 1904 года. Правду сказать, общество Нестора слабо заинтересовалось вопросомъ, столь живо волновавшимъ полтавскую комиссію: оно не сдѣлало его предметомъ об-

сужденія въ своихъ засѣданіяхъ, а лишь поручило тремъ своимъ сочленамъ, спеціалистамъ, представить свои соображенія. Спеціалисты тоже не очень торопились: двое изъ нихъ и до сихъ поръ ничего не представили, и только одинъ проф. Голубовскій составилъ небольшую записку, которая и была доложена обществу въ послѣднемъ его засѣданіи 22 мая. Въ виду заслуженной авторитетности ученыхъ мнѣній проф. Голубовскаго и того несомнѣннаго интереса, какой должна представлять для полтавцевъ точная начальная исторія г. Переяслава, приведемъ существенное содержаніе означенной записки.

Г. Голубовскій подвергаетъ критическому анализу извѣстія древней лѣтописи, впервые упоминающія о Переяславѣ. Вопреки мнѣнію г. Стороженко, походъ Олега 907 г. на Царьградъ не можетъ считаться фактомъ несомнѣннымъ, такъ какъ о немъ говоритъ лишь наша лѣтопись, при общемъ молчаніи византійскихъ источниковъ. Иное дѣло договоръ Олега съ греками 907 г., давно уже признанный въ русской исторической наукѣ за несомнѣнный документъ; но его правильнѣе считать *торговымъ трактатомъ*, а не мирнымъ договоромъ. Если даже предполагать, что онъ явился результатомъ войны, то и въ такомъ случаѣ мы не можемъ сказать, ограничились ли военныя дѣйствія однимъ походомъ, или они состояли изъ цѣлаго ряда военныхъ предпріятій русскаго князя противъ Византіи, а потому говорить о походѣ въ опредѣленномъ году у насъ нѣтъ достаточнаго основанія. Важно одно, что въ договорѣ 907 г. впервые упоминается Переяславъ, какъ одинъ изъ важныхъ политическихъ и торговыхъ центровъ древней Руси, занимающій третье мѣсто послѣ Кіева и Чернигова. Упоминая о выговоренной дачѣ греками опредѣленной суммы въ годъ на эти (и другіе) города, лѣтопись поясняетъ: «по тѣмъ бо городомъ седяху велиции князи подъ Олгомъ суще». Переяславскіе купцы, наравнѣ съ кіевскими и черниговскими, пріѣзжая въ Царьградъ, имѣли право, по договору, на безмездное продовольствіе со стороны византійскаго правительства. Итакъ, Переяславъ въ самомъ началѣ X вѣка является уже давно населеннымъ торговымъ городомъ, въ которомъ правитъ племенной сѣверянскій князь, признающій верховную власть кіевскаго великаго князя.

Какъ же относиться къ разсказу лѣтописи подъ 993 годомъ о заложеніи кн. Владиміромъ г. Переяслава «на Трубежи, на броду»? Очевидно, городъ, существовавшій какъ политическій, племенной и торговый центръ въ 907 г., не могъ быть основанъ въ 993 г. По-

добныхъ анахронистическихъ сказаній много въ исторіи; для примѣра возьмемъ г. Москву. По письменнымъ сказаніямъ, этотъ городъ заложенъ Юріемъ Долгорукимъ въ половинѣ XII ст., а мѣстныя археологическія изысканія свидѣтельствуютъ, что онъ существовалъ, какъ поселеніе, еще въ X столѣтіи. Въ Переяславѣ также найдены греческія монеты VI—X вѣковъ, слѣдовательно, какъ поселеніе, Переяславъ могъ уже существовать въ VI—IX вв. Владиміръ же святой въ 993 г. возвелъ лишь укрѣпленія вокругъ Переяслава, какъ важнаго поселенія на р. Трубежѣ. Такъ и о кіевскихъ укрѣпленіяхъ, сооруженныхъ Ярославомъ Мудрымъ, лѣтопись выражается: *«заложи Ярославъ городъ великій Кыевъ»*, но никому же не придетъ въ голову утверждать, что городъ Кіевъ основанъ Ярославомъ.

Подводя итогъ всему сказанному, проф. Голубовскій устанавливаетъ слѣдующія хронологическія даты для начальной исторіи г. Переяслава:

1) Переяславъ, весьма возможно, существовалъ въ VI—IX вв.

2) Переяславъ, какъ торговый пунктъ и мѣстопребываніе племенныхъ князей, существовалъ несомнѣнно въ самомъ началѣ X в

3) Переяславъ, какъ городъ съ политическимъ и торговымъ значеніемъ, впервые выступаетъ на историческую сцену въ несомнѣнномъ документѣ въ 907.

и 4) Въ Переяславѣ были возведены укрѣпленія кн. Владиміромъ въ 993 г.

На этомъ почтенный профессоръ могъ бы и остановиться. Но вѣдь полт. архивная комиссія настойчиво спрашиваетъ: въ какомъ именно году? Проф. Голубовскій рѣшаетъ этотъ вопросъ такъ: монетная дата по своей неопредѣленности не можетъ служить исходной точкой для лѣтосчисленія; 993 годъ тоже не годится, потому что городъ существовалъ задолго до этого; слѣдовательно, остается дата 907 г. Но чѣмъ же этотъ годъ такъ знаменателенъ для Переяслава? По убѣжденію г. Стороженко, переяславцы ходили въ этомъ году съ Олегомъ на Царьградъ и помогали ему прибить свой щитъ на воротахъ греческой столицы, но г. Голубовскій считаетъ все это сказкой. Такъ въ чемъ же, по его мнѣнію, выразилось въ 907 г. «выступленіе Переяслава на историческую сцену»? А вотъ будто бы въ чемъ. Изъ текста второго договора Олега съ греками въ 912 г. мы узнаемъ, что посланные въ Царьградъ для заключенія договора русскіе послы считали себя уполномоченными не отъ одного только кіевскаго князя,

но «и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его, свѣтлыхъ и великихъ князь», въ томъ числѣ, значитъ, и отъ князя переяславскаго. «Слѣдовательно, заключаетъ г. Голубовскій, въ 907 г. Переяславъ впервые (?) выступаетъ, какъ дѣйствующее лицо на аренѣ исторіи: его князь оказываетъ большее или меньшее вліяніе на условія мира съ греками (откуда это видно? и какого *мира*, когда не было войны, а былъ лишь торговый договоръ?), его купцы впервые получаютъ опредѣленныя торговыя привилегіи заграницей, его торговля впервые (?) закрѣпляется и регулируется государственнымъ актомъ». На основаніи этихъ, какъ видитъ читатель, довольно шаткихъ соображеній, проф. Голубовскій приходитъ къ выводу, что «1907-й годъ есть лучшій и самый законный моментъ для празднованія юбилея тысячелѣтней дѣятельности г. Переяслава на исторической сценѣ».

Конечно, если переяславцы найдутъ эти историческія соображенія убѣдительными и устроятъ въ 1907 г. юбилейное празднество,— пусть празднуютъ; худого въ этомъ ничего не будетъ. Но пусть они вѣдаютъ, что за тысячу лѣтъ до этого года ничего другого не произошло, какъ только то, что въ 907 г. кіевскій князь Олегъ заключилъ съ греками торговый договоръ, въ которомъ упоминается г. Переяславъ и его купцы, торговавшіе съ Византіей. Дѣло простого случая, что до насъ не дошли другіе, столь же несомнѣнные, но болѣе ранніе историческіе документы съ упоминаніемъ о Переяславѣ, но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что ихъ не могло и быть и что только въ 907 г. Переяславъ «впервые выступаетъ какъ дѣйствующее лицо на историческую сцену и его торговля впервые закрѣпляется и регулируется государственнымъ актомъ».

О. Л.

Екатеринославскій областной музей имени А. Н. Поля. Новороссійскій край, арена передвиженія безчисленныхъ народовъ, начиная съ самыхъ раннихъ періодовъ исторіи, представляетъ изъ себя неисчерпаемый архивъ, или, лучше сказать, богатую сокровищницу археологическихъ памятниковъ, до сихъ поръ еще весьма мало затронутую изслѣдованіями.

Начало послѣднимъ положено, собственно говоря, предыдущимъ XII археологическимъ съѣздомъ, когда устройство его въ Харьковѣ потребовало изученія окрестной «половецкой степи», значительную

часть которой составляетъ и Екатеринославская губернія; но еще и раньше производились раскопки отдѣльныхъ кургановъ, и многими любителями собирались коллекціи различныхъ предметовъ старины, обратившія на себя вниманіе археологическаго міра своимъ богатствомъ и разнообразіемъ.

Этими качествами въ особенности отличается коллекція А. Н. Поля, представлявшая въ свое время едва ли не единственное собраніе мѣстныхъ древностей, по которому можно было судить объ изобиліи ихъ въ нашемъ краѣ, такъ какъ остальныя коллекціи, существовавшія одновременно или вскорѣ послѣ нея, остались неопубликованными и вслѣдствіе этого—неизвѣстными большинству археологовъ.

Указанныя условія вызвали потребность въ устройствѣ общественнаго учрежденія, въ которомъ природныя богатства нашего края могли бы собираться, сохраняться, систематизироваться и дѣлаться достояніемъ широкой публики, вмѣсто тѣснаго круга избранныхъ, и, такимъ образомъ возникъ екатеринославскій областной музей, которому благодарное потомство присвоило названіе инидіатора научнаго и промышленнаго развитія края, А. Н. Поля.

Идея устройства музея принадлежитъ екатеринославскому научному обществу, а осуществленіе ея—щедрости екатеринославскаго земства.

Музей въ настоящее время уже почти достроенъ и представляетъ изъ себя одно изъ красивѣйшихъ зданій гор. Екатеринослава; всѣ четыре фасада его выходятъ на Соборную площадь и украшены различнымъ лѣпнымъ орнаментомъ, произведеннымъ съ большимъ вкусомъ.

Еще въ декабрѣ прошлаго года сюда были привезены принадлежащія музею коллекціи, помѣщавшіяся до сихъ поръ въ одной изъ залъ Потемкинскаго дворца, и съ января настоящаго года началась разборка и систематизація ихъ, подвигавшаяся по мѣрѣ внутренняго устройства самаго зданія.

Въ настоящее время работа эта, вмѣстѣ съ составленіемъ каталога, уже закончена, и, такимъ образомъ, является возможность привести точныя свѣдѣнія о содержаніи наиболѣе обильнаго его отдѣла,—историко-археологическаго (отдѣлы естественный и минералогическій, состоящіе въ вѣдѣніи научнаго общестаа, еще не приведены въ извѣстность).

Несмотря на кратковременное существованіе музея, составляющія его коллекціи настолько разнообразны, что, естественно, распадаются на многочисленные отдѣлы, количество предметовъ которыхъ до настоящаго времени можетъ быть выражено слѣдующими цифрами: 1) *отдѣлъ первобытныхъ древностей* (палеонтологія)—74 №№; 2) *неолитъ* (каменныя орудія и керамическія издѣлія)—318 №№; 3) *начало эпохи металла* (погребенія скорченныхъ окрашенныхъ скелетовъ)—176 №№; 4) *бронзовый вѣкъ*—19 №№; 5) *греко-скифская эпоха*—217 №№; 6) *древности классическія*—100 №№; 7) varia (древности египетскія, мусульманскаго востока и т. п.)—29 №№; 8) *древности славянскія* (IX—XIII в.)—104 №№; 9) *предметы изъ погребеній кочевниковъ* (XIV в.)—725 №№; 10) *древности историческія* (XVIII—XIX в.)—94 №№; 11) *древности запорожскія*—486 №№; 12) *древности церковныя*—86 №№; [1]) 14) *нумизматика* и *сфрагистика*—1728 №№ (не считая дубликатовъ), и 15) *библіотека* музея, распадающаяся въ свою очередь на слѣдующіе подъотдѣлы: 1) *рукописи*—17 №№; *архивъ*—117 №№, *старопечатныя книги*—126; №№, *исторія*—59 №№; *нумизматика*—15 №№; *археологія*—53 №№; *этнографія*—110 №№; 7) *статистика, географія и областной отдѣлъ* (книги, касающіяся исключительно г. Екатеринослава и Екатеринославской губ.)—28 №№; 8) *беллетристика*—61 №№; 9) *научно-популярный отдѣлъ*—27 №№; 10) *карты и планы*—28 №№ и 11) *фотографіи и рисунки*—83 №№; всего—720 №№; а въ общей сложности около 6,000 №№.

Всѣ эти предметы происходятъ: 1) изъ раскопокъ, 2) изъ случайныхъ находокъ и пожертвованій и 3) изъ пріобрѣтеній музея.

Относительно раскопокъ первое мѣсто принадлежитъ, какъ извѣстно, неутомимому и энергичному дѣятелю въ сферѣ изученія прошедшаго нашей мѣстности, проф. Д. И. Эварницкому, собравшему въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ богатый матеріалъ, который даетъ возможность освѣтить многіе изъ неразъясненныхъ и даже еще не затронутыхъ данныхъ.

Въ настоящее время безполезно разъяснять тотъ общеизвѣстный фактъ, что для всесторонняго ознакомленія съ древней жизнью данной мѣстности значеніе можетъ имѣть только добросовѣстное изученіе

---

[1]) Исключаемъ неразобранный еще отдѣлъ № 13—Этнографія, для котораго свѣдѣнія будутъ доставлены позже.

содержащагося въ ея почвѣ матеріала путемъ систематическихъ раскопокъ,—медленное, постепенное, руководимое указаніями исторіи и регулируемое строгой научной критикой, гарантирующей отъ слишкомъ поспѣшныхъ заключеній и выводовъ, стоящихъ не на почвѣ фактовъ; безъ этого, безъ точнаго обозначенія происхожденія предмета и условій, при которыхъ онъ добытъ изъ земли, значеніе его для характеристики извѣстной эпохи и для провѣрки того или другого научнаго явленія неполно, если не совсѣмъ ничтожно, и собираніе предметовъ, добытыхъ какъ попало и, по выраженію археологовъ, «безпаспортныхъ», давно уже отошло въ область преданія въ научномъ мірѣ.

Музей, въ которомъ были бы только такіе предметы, заслуживалъ бы названія собранія раритетовъ, но не могъ бы быть названъ научнымъ учрежденіемъ, и, возбуждая любопытство толпы, не далъ бы ей никакихъ основательныхъ свѣдѣній, хотя бы въ смыслѣ подтвержденія извѣстныхъ уже каждому школьнику историческихъ фактовъ, тогда какъ музей, поставленный на прочную научную почву, какъ въ смыслѣ добытаго метеріала, такъ и въ смыслѣ систематизаціи и группировки предметовъ, всегда будетъ имѣть важное воспитательное и образовательное значеніе.

Въ этомъ смыслѣ екатеринославскому музею, начавшему формироваться при такихъ благопріятныхъ условіяхъ, какъ будущій XIII археологическій съѣздъ, изслѣдованія для котораго начаты и продолжаются уже Д. И. Эварницкимъ, В. А. Городцовымъ и гг. Воронцомъ и Харламовымъ, предстоитъ весьма отрадное будущее; благодаря имъ, онъ сразу станетъ на прочномъ фундаментѣ добытыхъ фактовъ, и дальнѣйшее развитіе его пойдетъ нормальнымъ и послѣдовательнымъ путемъ.

Въ пользу этого говорятъ уже и теперь незначительные по количеству, но рѣзко намѣченные отдѣлы его, служащіе продолженіемъ и дополненіемъ другъ друга.

Разумѣется, пробѣловъ еще чрезвычайно много, да это и не удивительно при его кратковременномъ существованіи, но bonum initium—demidium facti,—говоритъ пословица,—и мы вправѣ ожидать отъ нашего музея, что въ недалекомъ будущемъ онъ станетъ лучшимъ украшеніемъ Екатеринослава не только съ внѣшней, но и съ внутренней своей стороны.

Придавая раскопкамъ подобающее имъ первенствующее значеніе, мы не можемъ также умолчать о многочисленныхъ пожертвованіяхъ, красноръчиво говорящихъ въ пользу общаго участія и интереса, внушаемаго музеемъ; съ нихъ, собственно говоря, и началось его фактическое существованіе, и имъ онъ обязанъ значительной частью своихъ коллекцій.

Если онѣ, за немногими исключеніями, и не представляютъ существеннаго научнаго интереса, главнымъ образомъ, благодаря отсутствію свѣдѣній о мѣстѣ и условіяхъ ихъ находки, то, тѣмъ не менѣе, онѣ служатъ залогомъ единенія общества съ его учрежденіемъ, и, какъ таковой, заслуживаютъ благодарнаго упоминанія; тѣ же изъ нихъ, которыя относятся къ отдѣлу историческихъ древностей и вообще къ близкимъ намъ эпохамъ, вполнѣ удовлетворяютъ своему назначенію и потому имѣютъ самостоятельную цѣнность.

То же слѣдуетъ сказать и о пріобрѣтеніяхъ музея, дѣлаемыхъ, впрочемъ, въ послѣднее время съ большимъ выборомъ и въ крайне ограниченномъ количествѣ.

Несмотря на незаконченную еще вполнѣ отдѣлку внутреннихъ помѣщеній, препятствующую окончательной разстановкѣ коллекцій, музей охотно посѣщается публикой, въ особенности—группами воспитанниковъ различныхъ учебныхъ заведеній г. Екатеринослава.

Интересъ парализуется нѣсколько отсутствіемъ каталога, который въ настоящее время еще только начатъ печатаніемъ и выйдетъ, вѣроятно, не ранѣе 1—$1^1/_2$ мѣсяца.

Кромѣ собственныхъ коллекцій, въ музей поступаютъ въ послѣднее время частныя, предназначенныя для будущей выставки съѣзда.

Приготовленія къ послѣдней вызовутъ, вѣроятно, временное закрытіе музея для публики въ теченіе 1—2 недѣль, предшествующихъ съѣзду, такъ какъ понадобится усиленная и сосредоточенная работа въ теченіе многихъ дней, но за то выставка представитъ интересъ новизны и, безъ сомнѣнія, удовлетворитъ какъ научнымъ, такъ и эстетическимъ требованіямъ большинства посѣтителей.

Въ заключеніе позволимъ себѣ указать интересующимся, что подробные ежемѣсячные отчеты о новыхъ поступленіяхъ музея печатаются въ «Вѣстникѣ Екатеринославскаго Земства».

Тѣсные предѣлы газетной замѣтки не позволяютъ намъ распространяться детально объ особенностяхъ и наиболѣе интеретныхъ экземплярахъ музейныхъ коллекцій; мы надѣемся сдѣлать это въ другой разъ, довольствуясь въ настоящее время ознакомленіемъ читателей съ его общимъ характеромъ. (Приднѣпр. Край, № 2519).

Хранитель музея **А. Скриленко**.

Текущія извѣстія.

Къ украинскому вопросу. Рѣшеніе вопроса объ украинской литературѣ и вообще о положеніи украинскаго слова что-то опять очень замедлилось, не смотря на то, что еще въ началѣ февраля одно высокопоставленное лицо въ Петербургѣ, при пріемѣ украинской депутаціи, сказало: „потерпите мѣсяца два-три—вѣдь вы больше терпѣли“. Терпѣть, положимъ, намъ не привыкать стать, но выиграетъ-ли отъ этого дѣло? А между тѣмъ въ печати нѣтъ-нѣтъ да и появится опять какой-нибудь доморощенный филологъ, который съ упрямствомъ, достойнымъ лучшей участи, опять заговоритъ на тему, что молъ, малорусскаго языка нѣтъ, что это тотъ-же россійскій языкъ, только испорченный подъ вліяніемъ польскаго и т. п. Такъ, въ „Полтав. Вѣстн.“ (№ 785) выступилъ одинъ изъ таковыхъ филологовъ, не считающій даже нужнымъ справиться съ мнѣніемъ нашихъ академиковъ, и выступилъ по поводу ходатайства полтавской городской управы о разрѣшеніи вести въ школѣ имени И. П. Котляревскаго преподаваніе на малорусскомъ языкѣ. Вотъ образчикъ его разсужденія.

«Мнѣ кажется, что особаго малорусскаго языка у насъ не существуетъ, а есть въ южной Россіи нѣсколько иной говоръ, сравнительно съ русскимъ, изъ котораго, если выбросить нѣкоторыя польскія слова, употребляемыя г. Чикаленко, напримѣръ въ своихъ книжечкахъ, то особый говоръ этотъ или нарѣчіе мало будетъ отличаться отъ языка общерусскаго; да и польскія слова эти народомъ забыты и почти ему не понятны. Г. Чикаленко очень хорошо сдѣлаетъ, если на будущее время въ своихъ книжкахъ по сельскому хозяйству,—замѣчу, между прочимъ, очень полезныхъ,—не будетъ употреблять такихъ словъ; они только затрудняютъ нашего малорусскаго читателя. Я думаю, что Котляревскій, такъ любившій свою родину, теперь-бы самъ пожалѣлъ полтавскихъ дѣтей, которымъ, вмѣсто

того, чтобы дать возможность пользоваться богатой уже литераурой, созданной общерусскими силамя, стали преподавать мѣстный языкъ, не имѣющій ни грамматики, ни литературы, ни учебниковъ. Кто создастъ все это и когда? Кто выработаетъ общій малорусскій языкъ, который въ каждой губерніи, даже въ различныхъ уѣздахъ, имѣетъ свои особенности. Хорошо сдѣлалъ Н. В. Гоголь, что предпочелъ русскій языкъ, хотя онъ и очень любилъ свою родину. Да и что могъ-бы онъ выразить на этомъ нелитературномъ языкѣ? Писать на немъ было-бы для него такъ-же трудно, какъ великому музыканту сыграть сонату Бетховена на грошовой малороссійской балалайкѣ (?!). Противъ преподаванія малорусскаго языка въ нашихъ школахъ я скажу еще, что народъ нашъ замѣтно старается говорить по русски, т. е. языкомъ образованнаго человѣка, а свой мѣстный говоръ онъ избѣгаетъ также, какъ избѣгаетъ и своей національной свитки, охотно мѣняя ее на пиджакъ".

Возражать на подобныя разсужденія, конечно, мы не станемъ, а приведемъ лучше перепечатку изъ „Рус. Вѣд." статьи С. Моравскаго, посвящённой вопросу о безправіи украинскаго народа, называемаго авторомъ „забытымъ народомъ".

„Какъ это ни странно, но забытымъ народомъ въ настоящее время оказываются не юкагиры какіе-нибудь или жители Новой Земли, а многомилліонное населеніе Малороссіи; забыто оно при «пересмотрѣ дѣйствующихъ постановленій, ограничивающихъ права инородцевъ, уроженцевъ отдѣльныхъ мѣстностей Имперіи».

Черезъ полгода послѣ того, какъ этотъ пересмотръ былъ возвѣщенъ съ высоты Престола, комитетъ министровъ опубликовалъ, наконецъ, свои положенія по этому вопросу, среди которыхъ есть, между прочимъ, и признаніе, что «средствомъ къ первоначальному обученію каждой изъ проживающихъ въ Восточной Россіи иноплеменныхъ народностей должно быть ея народное нарѣчіе».

Малороссовъ нельзя причислить къ иноплеменникамъ Восточной Россіи, ни къ населенію трехъ прибалтійскихъ губерній, о которыхъ говорится раньше въ положеніи комитета министровъ, а потому они и теперь, послѣ Высочайшаго утвержденія этого положенія, по-прежнему, остаются лишенными права учить своихъ дѣтей на родномъ языкѣ; печатаніе же малорусскихъ книгъ, особенно для народа, по прежнему обставлено такими стѣснительными условіями, въ сравненіи съ кототорыми даже положеніе многострадальной русской народной литературы должно представляться недосягаемымъ идеаломъ благополучія.

Національный вопросъ и тѣсно связанный съ нимъ вопросъ о религіозной терпимости—одинъ изъ самыхъ „проклятыхъ“ вопросовъ нашей общественной жизни.

Трудно измѣрить всю ту массу зла, которую породило неправильное рѣшеніе его, легшее въ основу административной практики послѣднихъ десятилѣтій: оно не только держало чуть не половину населенія имперіи въ положеніи тажкихъ преступниковъ, лишенныхъ гражданскихъ правъ,—оно развратило русское общество, пріучило его къ мысли, что во имя какихъ-то высшихъ государственныхъ интересовъ за людьми, платящими подати и налоги и несущими всѣ государственныя повинности, можно не признавать самыхъ элементарныхъ гражданскихъ и человѣческихъ правъ,—права передвигаться въ предѣлахъ своего государства, права учиться, права пользоваться своимъ роднымъ языкомъ, права пріобрѣтать имущество.

И деморализація эта сказалась не только въ дѣйствіяхъ темныхъ людей, производящихъ еврейскіе и иные погромы или пишущихъ человѣконенавистническія статьи въ «охранительныхъ» газетахъ и журналахъ,—язва проникла гораздо глубже, и еще недавно можно было встрѣтить просвѣщенныхъ, гуманныхъ и либеральныхъ россійскихъ интеллигентовъ, далеко небезукоризненныхъ въ своемъ отношеніи къ національному вопросу.

Теперь, надо думать, это время прошло, и русское общество,—по крайней мѣрѣ передовая часть его,—прозрѣло въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ; но бюрократія наша, даже послѣ указа 12-го декабря, все еще не хочетъ отказаться отъ своего основного принципа: вмѣсто того, чтобы разъ навсегда признать полное равноправіе всѣхъ національностей и всѣхъ вѣроисповѣданій, существующихъ въ нашемъ государствѣ, по своему этнографическому составу чуть не самомъ пестромъ изъ всѣхъ государствъ земного шара,—вмѣсто этого, комитетъ министровъ постановляетъ предоставить министру внутреннихъ дѣлъ или народнаго просвѣщенія пересмотрѣть тѣ или другія детали національнаго вопроса и результатъ этого пересмотра внести на обсужденіе государственнаго совѣта.

Можно ли послѣ этого удивляться, что такое рѣшеніе дѣйствительно наболѣвшаго вопроса мало кого удовлетворяетъ?

Но если даже затронутыя положеніемъ комитета министровъ народности почувствуютъ нѣкоторое разочарованіе, то что же сказать о такомъ, совсѣмъ ужъ «забытомъ народѣ, какъ малороссы?

Бѣда въ томъ, что украинское населеніе среди многочисленныхъ объектовъ націоналистической политики нашей бюрократіи занимаетъ совершенно особое, исключительное положеніе.

Единственнымъ доступнымъ ей признакомъ для зачисленія той или другой народности въ разрядъ гонимыхъ козлищъ являлось, и до сихъ поръ является, вѣроисповѣданіе: полякъ, котораго надо лишить права поступить на службу при извѣстныхъ условіяхъ,—это человѣкъ, исповѣдующій католичество («польскую вѣру», какъ у насъ и теперь многіе выражаются); еврей, которому необходимо запретить жительство въ Москвѣ,—это существо іудейскаго вѣроисповѣданія (принявъ православіе, онъ уже дѣлается «русскимъ»). Но при этомъ никто не додумался до того, чтобы не признавать поляка полякомъ, еврея евреемъ.

Малороссы исповѣдуютъ «русскую» вѣру, и этого совершенно достаточно, чтобы россійскіе администраторы пришли къ выводу, что малорусскаго народа нѣтъ и что малороссійскій вопросъ—не что иное, какъ праздная и вредная выдумка кучки украинофиловъ, съ которыми можно, конечно, справиться «домашними средствами».

Было объявлено, что малорусскій языкъ—не языкъ, а нарѣчіе, чуть не испорченный русскій языкъ, а малорусской литературы «не было, нѣтъ и быть не можетъ».

И вотъ, если евреевъ и поляковъ преслѣдовали за то, что они имѣютъ національную самобытность, вредную и опасную съ точки зрѣнія интересовъ государства и русской національности, то малороссы оказались лишенными правъ потому, что за ними не захотѣли признать національной самобытности; и въ результатѣ вотъ уже сорокъ слишкомъ лѣтъ, какъ несчастные малороссійскіе ребята вынуждены обучаться на малопонятномъ имъ русскомъ языкѣ, а весь украинскій народъ почти совершенно лишенъ книгъ: за десять лѣтъ (отъ 1863 до 1872 г.) была пропущена только одна брошюрка; правда, теперешнюю цензуру нельзя уже назвать прямо запретительной, но и въ послѣднее время, по свидѣтельству проф. Сумцова («Русск. Вѣд», № 73-ій), не разрѣшенъ былъ цѣлый рядъ самыхъ невинныхъ книгъ объ оспѣ, о горахъ, о жизни св. Кирилла и Меѳодія и др.

А вѣдь просвѣщеніе народное нужно, и даже наши г.г. чиновники должны теперь признать, что оно нужно не только для распространенія вредныхъ идей въ народѣ, но и для развитія сельскаго хозяйства, и для подъема отечественной промышленности, и даже, какъ утверждаютъ нѣкоторые, для удачнаго веденія войнъ.

А что народное просвѣщеніе, которымъ вообще Россія похвастаться не можетъ, въ Малороссіи находится въ особенно плачевномъ состояніи,—объ этомъ на основаніи фактовъ единогласно свидѣтельствуютъ всѣ близко стоящіе къ мѣстной жизни и въ особенности—къ дѣлу народнаго образованія.

Вотъ что, напримѣръ, говорятъ объ этомъ 500 кіевлянъ, собравшихся 26-го февраля для обычнаго чествованія памяти Г. Т. Шевченка:

«Мы, нижеподписавшіеся, соединяясь въ чувствѣ величайшей боли, которую вызываетъ въ насъ тяжелое положеніе народа, давшаго намъ великаго нашего поэта, и находя, что одной изъ главныхъ причинъ такого положенія являются царящіе среди народныхъ массъ мракъ и невѣжество, пришли послѣ обсужденія къ слѣдующимъ выводамъ: существующая для украинскаго народа народная школа совершенно не отвѣчаетъ требованіямъ просвѣщенія ни по языку, ни по содержанію преподаваемаго.

Родной языкъ народа изгнанъ изъ школы, нашихъ дѣтей учатъ презирать его, какъ грубый и недостойный употребленія жаргонъ; преподаваніе ведется на языкѣ чужомъ, малопонятномъ, вслѣдствіе чего дѣти не могутъ усвоить даже простой грамотности.

Почти все учебное время въ школѣ уходитъ на заучиваніе непонятныхъ словъ, что дѣйствуетъ угнетающе на дѣтскій умъ, притупляетъ его пытливость и часто пораждаетъ даже отвращеніе къ книгѣ.

Поэтому нѣтъ возможности пріобрѣтать какія-либо полезныя знанія, тѣмъ болѣе, что само учебное начальство умышленно ограничиваетъ кругъ этихъ знаній.

О нашемъ родномъ краѣ въ школѣ или совсѣмъ умалчиваютъ, или даютъ извращенныя свѣдѣнія.

Вслѣдствіе этого *у насъ въ дѣйствительности нѣтъ народнаго образованія*.

На тяжелое положеніе народной литературы въ Малороссіи указываетъ и докладная записка въ комитетъ министровъ, составленная представителями украинской интеллигенціи въ Одессѣ (напечатана въ одномъ изъ февральскихъ нумеровъ «Полтавщины»): «Результатомъ гоненія на малорусское слово —читаемъ мы въ этой запискѣ,—было то, что у насъ въ Россіи переводныя, научныя и духовныя произведенія на малорусскомъ языкѣ появиться въ печатномъ видѣ не могутъ;

всѣ ходатайства о разрѣшеніи издавать на малорусскомъ языкѣ газеты, журналы, брошюры, учебники и т. д. постигла печальная участь запрещенія».

Что касается затрудненій, испытываемыхъ учениками народныхъ школъ въ Малороссіи, то весьма интересные факты указываетъ по этому поводу г. Гр. Сѣгобочный въ своей статьѣ «Тоже на очереди», напечатанной въ нумерѣ 6-мъ „Южныхъ Записокъ" (цитируемъ по «Кіевскимъ Откликамъ» отъ 3-го мая текущаго года).

Производя анализъ учебниковъ, употребляемыхъ въ томъ школьномъ раіонѣ, который наблюдалъ авторъ, онъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: въ «Букварѣ» Бунакова первые пять уроковъ содержатъ въ себѣ 64 слова, изъ которыхъ 17 малорусскому дитяти совсѣмъ не понятны; четыре представляютъ собой омонимы, имѣющіе на малорусскомъ языкѣ иное значеніе, чѣмъ на русскомъ; напримѣръ, кули́ (ребенокъ прочтетъ ку́ли, что значитъ по-малорусски: пули), сила (сѣла); восемь словъ есть и въ украинскомъ языкѣ, но читаются иначе (вусъ вм. усъ, китъ вм. котъ); наконецъ семь словъ отличаются лишь произношеніемъ: итого болѣе половины словъ такихъ, которыя затруднятъ ученика, и почти четверть совсѣмъ незнакомыхъ! Въ шестомъ урокѣ изъ 14-ти словъ—совсѣмъ незнакомыхъ 7, въ седьмомъ—9 изъ 18-ти и т. д. Въ «Букварѣ» Тихомирова на первыхъ же трехъ страницахъ—половина словъ непонятныхъ.

Въ результатѣ получается то, что ученики (какъ это выяснилось при опросѣ одной изъ школъ Екатеринославской губ.) слово «пенька́» смѣшиваютъ съ пенькомъ (пень), «прибыль» переводятъ словомъ прибыли (пріѣхали), «колоколъ» производятъ отъ слова (колоть), «лучи» переводятъ «тамъ, гдѣ лучше», «улитку» считаютъ женскимъ именемъ, а въ тетради, по своему понимая «русскую мо́ву» учителя, записываютъ, что «слива--плотоядное дерево», «дыня--огородная насѣкомая».

Еще худшій оборотъ принимаетъ дѣло, когда школьники переходятъ къ изученію церковно-славянскаго языка: здѣсь имъ приходится производить совсѣмъ уже странныя съ точки зрѣнія здравой педагогіи манипуляціи,—переводить непонятныя церковно-славянскія слова при помощи столь же непонятныхъ великорусскихъ словъ! Неудивительно поэтому, что народная школа въ Малороссіи почти ничего не даетъ своимъ ученикамъ, такъ какъ $^2/_3$ учебнаго времени уходитъ на то, чтобы овладѣть самимъ орудіемъ обученія—русскимъ языкомъ, да и этотъ результатъ,—умѣніе съ грѣхомъ пополамъ понять, что гово-

ритъ учитель и чтó напечатано въ учебникѣ,—достигается контрабандой: выбившись изъ силъ, учитель волей-неволей прибѣгаетъ къ употребленію запрещеннаго и даже «несуществующаго» въ глазахъ начальства малорусскаго языка. Не проще ли прямо разрѣшить малороссамъ наравнѣ съ „иноплеменниками, населяющими восточную Россію", невозбранно употреблять свой родной языкъ, а съ его помощью изучить какъ государственный русскій языкъ, такъ и все то, что полагается усвоить въ начальной народной школѣ?

Пора, давно пора приступить къ радикальному рѣшенію вопроса о національной и религіозной терпимости, отъ отсутствія которой страдаютъ въ настоящее время насущнѣйшіе интересы громаднаго большинства неселенія Россійской имперіи.

Особенно необходимо сдѣлать это именно теперь, когда все усиливающееся недовольство существующими порядками и взаимное раздраженіе сталкивающихся общественныхъ группъ и безъ того грозятъ разразиться страшною катастрофой.

Въ этомъ дѣлѣ, болѣе. чѣмъ въ какомъ бы то то ни было другомъ, опасно ограничиваться полумѣрами, робкими попытками и неисполненными обѣщаніями.

Хочетъ ли украинскій народъ учиться на своемъ языкѣ? 5-го марта с. г. лубенскій отдѣлъ полтавскаго сельско-хозяйственнаго общества принялъ слѣдующую резолюцію: «Ожидая, что свобода печати повліяетъ самымъ благотворнымъ образомъ на развитіе сельскаго хозяйства, въ виду этнографическихъ особенностей края, луб. отд. с.-х. общ. находитъ необходимымъ, чтобы такая свобода была распространена на украинскій языкъ». Вслѣдствіе этой резолюціи, состоялось постановленіе ходатайствовать о разрѣшеніи устраивать чтенія по сельскому хозяйству на украинскомъ языкѣ, съ правомъ разъясненія прочитаннаго также по украински. Это ходатайство было препровождено въ губернское сельско-хозяйственное общество для дальнѣйшаго движенія его въ министерство. Въ двухъ общихъ засѣданіяхъ полтав. с.-х. общества вышеизложенное ходатайство обсуждалось. Выяснилась необходимость не только чтеній по сельскому хозяйству на мѣстномъ языкѣ, но и преподаванія въ начальныхъ школахъ на немъ. Подавляющее большинство членовъ общества было согласно съ этимъ положеніемъ, но все-таки были слышны единичныя

возраженія; слышались сомнѣнія въ томъ, что русскій языкъ мало понятенъ украинскому народу, что народъ желаетъ учиться на своемъ языкѣ. Между прочимъ. почему-то возникъ вопросъ и объ укр. сепаратизмѣ, давно уже разоблаченный, какъ миѳъ, которымъ «охранители» пользуются въ смыслѣ «жупела», лишь только зайдетъ рѣчь о необходимости самобытнаго развитія украинскаго народа... Почему онъ возникъ—это неясно въ газетныхъ отчетахъ о засѣданіи и не видна связь его съ обсуждаемымъ предметомъ.

Какъ-бы въ отвѣтъ на выраженныя сомнѣнія объ отношеніи народа къ своему языку, ученіи на нёмъ и чтеніи, мы прочитали въ 72 № «Сына Отечества» интересное изслѣдованіе, сдѣланное въ Золотоношкомъ уѣздѣ, которое приводимъ цѣликомъ:

«Мы задались цѣлью собрать кое какія, не лишенныя интереса, свѣдѣнія объ отношеніи нашего золотоношскаго крестьянина къ вопросу о малорусской рѣчи. Приступили мы къ дѣлу безъ всякой предвзятой мысли и старались ничѣмъ не насиловать мысли опрашиваемыхъ; не дѣлали при опросѣ искусственнаго подбора. Среди 378 опрошенныхъ были людп въ возрастѣ отъ 16—65 лѣтъ, бѣдные и богатые, не выѣзжавшіе изъ своей деревни и исколесившіе въ качествѣ грабарей половину Россіи. Изъ опрошенныхъ—145 грамотныхъ, 108 полуграмотныхъ, 125 безграмотныхъ. Мы поставили слѣдующіе три вопроса: 1) На какомъ языкѣ, малорусскомъ или русскомъ, предпочтительнѣе преподаваніе въ школѣ? 2) Малорусскія или русскія книги они охотнѣе слушаютъ и читаютъ? 3) Достаточно ли въ школахъ изучить чтеніе и письмо по-малорусски, или необходимо по-русски читать и писать? Отвѣты получились слѣдующіе: по первому пункту 324 высказались за малорусское преподаваніе, 46 отнеслись безразлично, 8 стояли за русское преподаваніе (всѣ—богатые мужики). По второму пункту 198 стояли за малорусскія книги, особенно по естествознанію и исторіи, 78 стояли за русскія книги, остальные отнеслись безразлично, особенно безграмотные. По третьему пункту 118 находили достаточнымъ изученіе малорусскаго чтенія и письма, 214 находили необходимымъ читать и писать «по-панськи», «по-ученому». Интересно, что безъ нашего вопроса 221 высказали желаніе имѣть газеты на малорусскомъ языкѣ «по карбованьцю въ годъ, або по полтынныку». 46 человѣкъ изъ бывалыхъ высказали, что «гарно, якъ бы ти комедіи, що по нашому представляютъ, прыихалы бъ и въ

села». Особенно хотѣлось имъ, видѣвшимъ, показать своему селу «Наталку-Полтавку», „По ревизіи“, „Сорочинскій ярмарокъ“.

Итакъ, изъ 378 опрошенныхъ, 324 высказались за преподаваніе въ школахъ на ихъ родномъ языкѣ. Не краснорѣчивы ли эти цифры, и не способны ли онѣ разсѣять сомнѣнія въ томъ, что всякій человѣкъ хочетъ говорить, учиться и читать на своемъ языкѣ? Вѣдь самый этотъ вопросъ, беря его безотносительно, прямо-таки—неестественный, праздный, а вотъ подите же!.. Надо еще убѣждать въ законности желаній народа, и что удивительнѣе всего—убѣждать людей образованныхъ. Вотъ къ чему привела наша оторванность отъ своего народа, наша культура, чуждая своей народности... (Полтавщина, № 128).

Л. Ж.

Объ изданіи книгъ св. писанія на украинскомъ языкѣ. Въ настоящее время, когда, наконецъ, снято съ св. писанія на украинскомъ языкѣ столько лѣтъ тяготѣвшее надъ нимъ запрещеніе, мнѣ кажется, нужно прежде всего позаботиться, чтобы первыя изданія переводовъ были настолько хороши, чтобы не было надобности впослѣдствіи издавать вторыя, взамѣнъ первыхъ негодныхъ.

Достигнуть этого нужно путемъ приведенія въ извѣстность всѣхъ тѣхъ переводовъ св. писанія, которыя дѣлались украинскими писателями въ періодъ тяготѣвшаго запрещенія. Всѣмъ, конечно, извѣстны труды покойнаго П. А. Кулиша по переводу св. писанія, однако, и переводами Кулиша (приспособленными при содѣйствіи д-ра Пулюя для галичанъ) нѣкоторые, украинскіе же, писатели были недовольны. Такъ, покойный А. П. Стороженко, въ опубликованной перепискѣ, предпочитаетъ переводъ евангелія на украинскій языкъ, сдѣланный Морачевскимъ, переводу Кулиша. Кромѣ этихъ переводовъ, извѣстныхъ по печатнымъ свѣдѣніямъ, есть, навѣрно, еще много переводовъ, сдѣланныхъ украинскими писателями, о которыхъ въ печати или вовсе не было говорено, или же говорено давно, и то въ летучихъ замѣткахъ.

Я хочу напомнить объ одномъ такомъ переводчикѣ: покойный украинскій писатель д-ръ В. С. Александровъ († 1893), желая перевести весь ветхій завѣтъ на украинскій языкъ,—чтобы лучше перевести его,—изучилъ (на 53 г. жизни) древне-еврейскій языкъ и, пе-

реводя съ этого языка, сличалъ свой переводъ, какъ съ изданіемъ св. Синода, такъ и съ Берлинскимъ—Мандельштама, и поэтому, по свидѣтельству одного изъ его біографовъ, далъ дѣйствительно замѣчательные переводы. Однако, работа эта, по обыкновенію, къ изданію не была разрѣшена. Мнѣ извѣстно, что имъ переведены кн. Бытія, Исхода, Іова и Товита. Рукописи эти хранились у сына покойнаго—В. В. Александрова и, кажется, переданы имъ харьковскому историко-филологическому обществу при университетѣ,—по крайней мѣрѣ, туда они были обѣщаны. Неудача издать эти переводы заставила пок. А-ва заняться переводомъ псалтыря уже въ формѣ стихотворной (хотя и возможно близкой къ подлиннику передачѣ), и часть этихъ переводовъ издана имъ подъ заглавіемъ: «Тихомовні співи на св. мотіви» (Хар. 1883), а послѣдніе такіе же переводы были имъ помѣщаемы въ галицкихъ изданіяхъ.

Если бы каждый подѣлился свѣдѣніями объ извѣстныхъ ему переводахъ св. писанія на украинскій языкъ, то, собравши всѣ эти переводы и сравнивши ихъ, только тогда, мнѣ кажется, и можно было издать лучшій изъ переводовъ,—потому что издавать переводъ такой важной вещи, какъ св. писаніе, нужно очень осмотрительно, чтобы не нужно послѣ, по выраженію одного изъ персонажей Квитки:—«Для хохловъ и такой богъ сбряде». (Полтавщина, № 123).

М. Оленинъ.

Холмская Русь и причины отпаденія отъ православія. Подъ такимъ заглавіемъ напечатана въ «Спб. Вѣд. (№ 129) статья Н. Дурново, въ которой авторъ даетъ справку о положеніи бывшей уніатской церкви въ Холмщинѣ, справку настолько интересную ввиду частыхъ сѣтованій русской печати объ отпаденіи отъ православія многихъ тысячъ украинцевъ, что мы считаемъ нужнымъ перепечатать ее цѣликомъ.

Въ 1596 г. Холмская епархія отпала въ унію и, такимъ образомъ, признала надъ собою власть Римскаго папы. Римъ, принявъ въ свое вѣдѣніе церковь, а Польша—русскій народъ, не дремали и съ тѣхъ поръ занялись первый—окатоличеніемъ, а послѣдняя—ополяченіемъ украинцевъ. Первое время, конечно, успѣховъ было ждать нельзя и, когда въ 1620 году въ Кіевѣ возстановлена была митрополія, то и въ Холмѣ явились православные епископы, которые 35 лѣтъ упра-

вляли епархіей. Окончательно Холмская епархія отпала въ унію въ 1655 г. и пребывала въ ней до 1875 г. т. е. ровно 220 лѣтъ. За это время не только укрѣпилась унія, но и много малорусскаго народа было ополячено.

Никто изъ дѣятелей Холмской Руси не станетъ отрицать, что въ 1874 и 1875 г. многіе уніаты добровольно возвратились въ вѣру своихъ предковъ: нѣкоторые безъ всякихъ религіозныхъ убѣжденій, послѣдовали ихъ примѣру,—прочіе же, за оффиціальнымъ уничтоженіемъ уніи, зачислены въ православіе.

Воинствующій римскій католицизмъ силенъ тамъ, гдѣ пастыри далеки отъ пасомыхъ, мало бодрствуютъ. Что же сдѣлало наше духовное вѣдомство ради торжества православія въ Холмской Руси?

1 мая 1875 послѣдовало окончательное возсоединеніе Холмской епархіи и тогда же она была закрыта и подчинена Варшавскому архіепископу. Главный виновникъ возсоединенія Хомской Руси, бывшій администраторъ епархіи, ученый о. протоіерей Маркеллъ Попель, былъ посвященъ 8 іюня того же года во епископа Люблинскаго и сдѣланъ викаріемъ архіепископа Варшавскаго, иначе сказать лишенъ самостоятельности. Онъ зналъ свою паству, какъ и она знала его; онъ умѣлъ съ ней говорить, объясняться, считался человѣкомъ добрымъ, доступнымъ, и ему паписты не были страшны; его перемѣстили въ Каменецъ-Подольскъ, затѣмъ въ Полоцкъ, а въ 1889 г. уволили на покой и вызвали въ Петербургъ, для присутствованія въ Синодѣ. 14 лѣтъ епископъ прожилъ безъ дѣлъ въ Петербургѣ. Если бы преосв. Маркеллъ оставался до своей кончины 29 сентября 1903 г. въ Холмѣ, т. е. 28 лѣтъ, то православіе настолько укрѣпилось бы въ Холмской Руси, что о кризисѣ въ ней—православной церкви—не пришлось бы говорить. Преемникомъ епископа Маркелла былъ преосв. Модестъ Стрѣльбицкій, съ 1878 по 1885 годъ; онъ былъ уроженцемъ Подоліи, объяснялся съ паствою на малорусскомъ языкѣ. Назначеніе его было какъ бы уступкой Холмскимъ малоруссамъ. Но послѣ него епископы въ Холмѣ не засиживались; къ тому же, будучи великоруссами (Флавіанъ Городецкій съ 1885 — 1891 г., Гедеонъ Покровскій съ 1892 — 1896, Тихонъ Бѣлавинъ съ 1897—1898, Германъ Ивановъ съ 1898—1902 и Евлогій Георгіевскій съ 1903 г.), они были совершенно чужды своей паствѣ по языку, незнакомы съ духомъ латинской пропаганды, религіоз-

ными обычаями паствы, говорили проповѣди на великорусскомъ языкѣ. Что же дѣлало священство? Пока оно было малорусское, оно знало свою паству, жило ею и для нея. Возсоединивъ холмскихъ уніатовъ, духовное вѣдомство выхлопотало у правительства содержаніе священникамъ по 1,000 р., оставивъ за ними и церковную землю, и платы за требы. Прельстившись такимъ значительнымъ содержаніемъ, многіе изъ великорусскихъ и бѣлорусскихъ священниковъ поспѣшили бросить свою паству и отправились въ Холмщину искать хлѣбныхъ мѣстъ, съ занятіемъ которыхъ можно прожить и безъ паствы. Болѣе 50 пастырей долженъ былъ удалить изъ Холмщины высокопреосв. Леонтій, впослѣдствіи Московскій митрополитъ, но отъ этого дѣло православія не было выиграно. Наемники и чиновники каждый шагъ или каждую требу цѣнили на вѣсъ золота. Интересующіеся могутъ прочесть объ этомъ въ газ. «Востокъ» 1882 г.—статья высокопреосв. Леонтія (въ то время авторъ не былъ названъ). Несмотря на значительное содержаніе священникамъ, Варшавская консисторія ко многимъ церквамъ не опредѣляла священниковъ и оставляла ихъ приходы приписными, ради, конечно, прибытка излюбленнымъ ею пастырямъ.

Въ настоящее время въ Холмскомъ уѣздѣ имѣется 5 приписныхъ церквей, въ Замостскомъ 3, въ Бѣлгорайскомъ 1, въ Грубешовскомъ 18, Томашевскомъ 36 (на 30 самостоятельныхъ), въ уѣздахъ Сѣдлецкой губерніи, приписныхъ — 9 церквей.

Всего православнаго населенія (безъ войскъ) было въ 1904 году въ Холмскомъ уѣздѣ около 50 тыс., Грубешовскомъ до 55 т., въ Томашевскомъ до 45 т., въ Бѣлгорайскомъ до $32^1/_2$ т., въ Замостскомъ до 25 т. и въ Красноставскомъ до 10 т. Всего въ южной части Холмской Руси—около 220 т. Въ Подляшьѣ, т. е. въ Западной части Сѣдлецкой губерніи, въ уѣздахъ: Влодавскомъ—болѣе 55 т., въ Бѣльскомъ— 40 т., Константиновскомъ—32 т., Радинскомъ—30 т., всего—около 160 т. Въ Сувалкской губерніи возсоединенныхъ уніатовъ считалось до 20 тыс. и около 5 тыс. въ прочихъ уѣздахъ Люблинской и Сѣдлецкой губерній.

Надо полагать, что духовное вѣдомство великорусскихъ пастырей, лишившихся паствы, оставитъ на прежнихъ мѣстахъ, съ содержаніемъ изъ государственнаго казначейства, предоставивъ имъ въ тоже время занятіе сельскимъ хозяйствомъ; впослѣдствіи нѣкоторые приходы можно приписать, что, безъ сомнѣнія, увеличитъ прибытокъ па-

стыря. Если сейчасъ въ Холмской Руси есть по два приписныхъ прихода,—то почему же не быть въ будущемъ и по пяти и болѣе.

Духовное вѣдомство преподнесло Риму такой подарокъ, который онъ никогда не могъ бы ожидать отъ православной, свободной іерархіи, не закрѣпощенной вѣдомству. То, что россійское духовное вѣдомство посѣяло въ Холмской Руси, то оно пожинаетъ на радость Риму и на печаль православной церкви и русской земли.

Въ настоящее время слѣдовало бы принять слѣдующія мѣры: 1) Возстановить Холмскую епархію въ предѣлахъ малорусской народности и назначить епископомъ іерарха, уроженца Волыни или Подоліи, а еще лучше Холмщины (какъ преосв. Амвросія Гудко, изъ крестьянъ Томашевскаго уѣзда; 2) удалить всѣхъ великорусскихъ пастырей, возродить при всѣхъ церквахъ Холмской Руси церковныя братства и предоставить самой паствѣ избрать себѣ пастырей, а въ случаѣ если паства не найдетъ достойныхъ и знающихъ свящ. писаніе лицъ, которыя могли бы быть священниками, то таковыхъ пригласить изъ Галиціи и Угорской Руси, а еще лучше изъ Буковины. Во всякомъ случаѣ пастыри Холмской Руси должны быть изъ малоруссовъ. Жалованье должно быть пожизненно сохранено тѣмъ пастырямъ, которые съумѣютъ уберечь свою паству отъ расхищенія, но на будущее время желательно, чтобы самъ приходъ опредѣлилъ содержаніе своему пастырю, ибо это составляетъ его нравственный долгъ и обязанность, такъ какъ пастырь служитъ паствѣ, но не государству, которое можетъ быть даже враждебнымъ церкви. Надо укрѣплять связь паствы со своимъ пастыремъ, духовное вѣдомство же дѣйствуетъ какъ разъ наоборотъ».

Къ этимъ заключительнымъ словамъ автора можно бы прибавить, что было бы еще справедливѣе, въ видахъ сохраненія принцина свободы совѣсти, предоставить право желающимъ имѣть свою уніатскую церковь и выборное духовенство.

Духовный органъ и украинскій вопросъ. Послѣ долгаго молчанія объ украинскомъ вопросѣ заговорила наконецъ и русская духовная пресса. Въ № 23 органа С.-Петербургской духовной академіи „Церковный Вѣстникъ“ находимъ статью „Доброе начало“, привѣт-

ствующую извѣстное постановленіе комитета министровъ, которымъ отмѣнено запрещеніе украинскаго перевода евангелія. Органъ петербургской академіи идетъ дальше и высказывается за то, чтобы воспользоваться украинскимъ языкомъ не только въ проповѣди, но и въ печати для распространенія религіозно-нравственныхъ воззрѣній среди украинскаго населенія, при чемъ возлагаетъ надежду на то, что редакціи „Епархіальныхъ Вѣдомостей“ „не откажутся дать мѣсто на своихъ страницахъ религіозно-нравственнымъ статьямъ на малороссійскомъ языкѣ“. Къ сожалѣнію, при этомъ упущено изъ виду, что въ послѣднее время большинство „Епархіальныхъ Вѣдомостей“, вмѣстѣ со всевозможными „Губернскими Вѣдомостями“, сдѣлались главными органами реакціи и черносотенныхъ заявленій, и если онѣ начнутъ помѣщать въ такомъ же духѣ (а въ иномъ ожидать трудно) статьи и на украинскомъ языкѣ, то народное просвѣщеніе не только не будетъ въ выигрышѣ, но несомнѣнно потерпитъ значительный уронъ. Проповѣдь фанатизма, изувѣрства и нетерпимости тѣмъ опаснѣе, чѣмъ болѣе понятна массамъ...

Отмѣтимъ кстати одну чисто фактическую ошибку „Церковныхъ Вѣдомостей“. Напрасно онѣ полагаютъ, что народу предлагается „въ читальняхъ *множество* самыхъ дешевыхъ и доступныхъ беллетристическихъ, историческихъ, медицинскихъ, сельско-хозяйственныхъ и другихъ книгъ и брошюръ на малороссійскомъ языкѣ“ и что только религіозно нравственныя произведенія составляютъ исключеніе. Не только въ читальняхъ никакого множества такихъ книгъ не находимъ, но украинская книжка до сихъ поръ въ народной читальнѣ—запретный плодъ, и всѣ усилія измѣнить такой порядокъ вещей до сихъ поръ разбивались о незыблемую устойчивость и твердость министерствъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, а также и конкуррирующаго съ ними въ этомъ отношеніи вѣдомства православнаго исповѣданія ..

Предстоящее изданіе малорусскаго евангелія. Какъ извѣстно, 25 февраля Высочайше утверждено положеніе комитета министровъ о дозволеніи изданія священнаго писанія на украинскій языкъ съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, чтобы такое изданіе происходило всякій разъ съ благословенія св. синода. Разрѣшеніе это состоялось по ходатайству академіи наукъ, причемъ ею былъ рекомендованъ готовый

уже переводъ четвероевангелія, сдѣланный еще въ 1860 г. Морачевскимъ и дважды одобренный академіею. Съ тѣхъ поръ слухи о дальнѣйшемъ движеніи этого дѣла замолкли. Въ настоящее время мы имѣемъ совершенно точныя свѣдѣнія о томъ, что дѣло это не заглохло и уже близится къ благополучному окончанію. Синодъ поручилъ разсмотрѣть переводъ Морачевскаго преосвященному Парѳенію, епископу подольскому и брацлавскому, который далъ о немъ благопріятный отзывъ, послѣ чего тому же преосвященному было предложено сдѣлать въ переводѣ Морачевскаго необходимыя исправленія и вообще взять на себя редакцію этого изданія. Преосв. Парѳеній, самъ природный малороссіянинъ, оказался вполнѣ на высотѣ возложеннаго на него святого и великаго дѣла. Онъ и лично посвящаетъ ему много времени и труда, и сверхъ того умѣлъ привлечь къ нему усердныхъ сотрудниковъ изъ среды подольскаго духовенства. Главный процессъ работы состоитъ въ томъ, что каждый стихъ перевода Морачевскаго подвергается тщательному сличенію съ греческимъ, славянскимъ и другими текстами, причемъ имѣется въ виду, чтобы переводъ вполнѣ соотвѣтствовалъ точному смыслу и духу подлинниковъ, а съ другой стороны, чтобы онъ въ такой же степени соотвѣтствовалъ характеру малорусскаго языка, и чтобы такимъ образомъ не повторить ошибки, допущенной нѣкогда при переводѣ евангелія на русскій языкъ, когда въ жертву буквализму была принесена живая, свободная русская рѣчь. Какъ ни трудна сама по себѣ двойная задача, мы полагаемъ, однако, что она въ значительной степени облегчается достоинствами перевода Морачевскаго. Насколько мы можемъ судить по непосредственному знакомству съ его трудомъ (списокъ его перевода имѣется и въ Кіевѣ), Морачевскій является великимъ мастеромъ и знатокомъ родного слова и въ то же время трудъ его глубоко проникнутъ евангельскимъ настроеніемъ. Въ настоящее время исправленіе евангелія отъ Матѳея уже окончено, и можно надѣяться, что въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ будутъ исправлены и остальныя евангелія. Вмѣстѣ съ тѣмъ состоялось уже распоряженіе синода о томъ, чтобы переводъ, по мѣрѣ его окончательнаго просмотра и исправленія, передавался въ синодальную типографію для немедленнаго напечатанія въ двухъ параллельныхъ текстахъ, церковно-славянскомъ и малорусскомъ. Такимъ образомъ, близокъ уже день, когда исполнятся, наконецъ, вѣковыя чаянія милліоновъ украинскаго народа—читать и слышать Христово ученіе на родномъ языкѣ. (Кіевск. Откл., № 165).

Отъ Правленія Благотворительнаго общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ въ Петербургѣ. Петербургское Благотворительное Общество изданія книгъ на украинскомъ языкѣ, въ виду того, что ожидается государственное преобразованіе нашей Имперіи и введеніе на тѣхъ или иныхъ началахъ представительнаго образа правленія, признало необходимымъ ознакомить и украинскій народъ съ основными принципами конституціоннаго государственнаго строя. Съ этою цѣлью Правленіе названнаго Общества рѣшило издать рядъ брошюръ на украинскомъ языкѣ, въ которыхъ была бы изложена сущность представительнаго правленія, а также исторія введенія его въ жизнь въ западно-европейскихъ государствахъ. Однимъ изъ сотрудниковъ Общества уже составлена первая брошюра такого рода объ избирательномъ правѣ. Если въ силу состоявшагося уже 31 мая разсмотрѣнія въ комитетѣ министровъ вопроса объ уничтоженіи стѣсненій для печатнаго украинскаго слова эта брошюра будетъ одобрена цензурой наравнѣ съ книжками того же содержанія на великорусскомъ языкѣ, то можно надѣяться, что и другіе сотрудники Общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ отзовутся на его начинаніе составленіемъ книгъ о государственномъ строѣ разныхъ странъ, съ указаніемъ, какими средствами законодательства обезпечена въ нихъ областная автономія и національная равноправность. Рукописи просятъ направлять Предсѣдателю Общества А. А. Русову (С.-Петербургъ, Офицерская, д. № 47, кв. 12).

Къ тридцатипятилѣтію профессорской дѣятельности В. Б. Антоновича. Въ 1870 году В. Б. Антоновичъ защитилъ въ кіевскомъ университетѣ диссертацію на степень магистра русской исторіи и въ сентябрѣ того же года сталъ читать лекціи въ качествѣ доцента. Осенью этого года исполняется, такимъ образомъ, тридцать пять лѣтъ съ начала профессорской дѣятельности почтеннаго профессора, имя котораго съ большимъ уваженіемъ произносится всѣми его учениками. Среди учениковъ и почитателей В. Б. Антоновича возникла мысль издать научный сборникъ, посвященный В. Б. Антоновичу, какъ вѣрному „сыну Украины“. Недавно, происходило въ помѣщеніи редакціи „Кіевскихъ Откликовъ“ общее собраніе учениковъ и почитателей В. Б. Антоновича. Избранъ редакціонный комитетъ, въ составѣ проф. Н. П. Дашкевича, проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго, проф. А. М.

Лободы, О. И. Левицкаго, В. И. Щербины и И. М. Каманина. На этомъ собраніи постановлено, между прочимъ, обратиться къ ученикамъ и почитателямъ В. Б. Антоновича, живущимъ внѣ Кіева, съ приглашеніемъ къ матеріальной и литературной поддержкѣ сборника. За свѣдѣніями о сборникѣ слѣдуетъ обращаться и всю переписку по поводу него направлять въ Кіевъ, Университетъ. Центральный Архивъ Ивану Михайловичу Каманину для редакціи сборника въ честь В. Б. Антоновича.

Кіевское историческое общество Нестора лѣтописца, однимъ изъ основателей и затѣмъ предсѣдателей котораго былъ В. Б. Антоновичъ, также рѣшило ознаменовать тридцатипятилѣтіе его профессорской дѣятельности учрежденіемъ при обществѣ научной преміи имени В. Б. Антоновича за труды по южно-русской археологіи и исторіи. Для дальнѣйшей разработки и осуществленія этого вопроса въ засѣданіи общества 22 мая избрана особая комиссія изъ почетнаго члена общества проф. Н. П. Дашкевича и дѣйствительныхъ членовъ: проф. С. Т. Голубева, проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго, проф. Г. Г. Павлуцкаго, проф. А. М. Лободы; Н. П. Василенка, О. И. Левицкаго, В. П. Науменка, И. М. Каманина и проф. львовскаго университета М. С. Грушевскаго. В. Б. Антоновичу въ настоящее время 71 годъ. Чтеніе лекцій въ университетѣ онъ прекратилъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, такъ какъ здоровье его не позволяло ему зимой оставаться въ Кіевѣ. Онъ уѣзжалъ, поэтому, въ Италію. Въ послѣднее время здоровье В. Б. Антоновича настолько оправилось, что послѣднюю зиму онъ прожилъ безвыѣздно въ Кіевѣ. Вслѣдствіе слабости здоровья, жизнь онъ ведетъ замкнутую; ни въ какихъ общественныхъ дѣлахъ и собраніяхъ за послѣднее время онъ обыкновенно участія не принимаетъ. (Кіевск. Откл. № 145).

Характерное заявленіе. «Приднѣпровскій Край» приводитъ слѣдующее любопытное письмо въ редакцію, характеризующее до извѣстной степени настроеніе украинской деревни: «Покорнѣйше прошу напечатать въ вашей уважаемой газетѣ, что я, крестьянинъ Кузьменко (изъ малороссовъ), знаю, какъ многіе крестьяны-малороссы хотятъ, шобъ була малороссійска газета «Запорозька Січъ». Можетъ найдутся

богатые и образованные люди, которые испросять разрѣшеніе издавать такую газету. Крестьянинъ новомосковскаго уѣзда *Романъ Кузьменко*». («Кіевск. Газ.», № 181).

Къ сожалѣнію, осуществленіе мысли г. Кузьменка менѣе всего зависитъ отъ «богатыхъ и образованныхъ людей»,—иначе мы давно бы уже имѣли украинскую прессу.

Украинскій народный хоръ. Кромѣ хорошо извѣстнаго въ нашемъ краѣ *Охматовскаго* крестьянскаго хора, организованнаго докторомъ П. Д. Демуцкимъ, существуетъ у насъ въ Украинѣ еще нѣсколько такихъ же хоровъ, меньшихъ по количеству и менѣе распространившихъ о себѣ извѣстій. Такъ, теперь намъ только стало извѣстнымъ, что въ с. Чуковѣ, брацлавск. у., подольск. губ., уже около 20 лѣтъ назадъ образовался крестьянскій хоръ, состоящій въ настоящее время изъ 40 душъ обоего пола. Руководитъ этимъ хоромъ сельскій учитель К. Г. Лукашевичъ, который недавно рѣшилъ предпринять маленькую экскурсію и познакомить съ результатами своихъ трудовъ болѣе широкую публику. Изъ „Елисаветградск. Новостей" (№ 499) узнаемъ, что въ Елисаветградѣ состоялись два концерта этого хора. Репертуаръ состоитъ изъ народныхъ пѣсенъ, произведеній Н. В. Лисенка и нѣкоторыхъ другихъ композиторовъ.

Письмо по поводу критич. замѣтки о брошюрѣ „Нелюдымъ". Въ майской книжкѣ „Кіевской Старины" въ отдѣлѣ Библіографіи сдѣланъ г. Поточнымъ рѣзко порицательный отзывъ о брошюрѣ „Нелюдымъ", изданной Харьковскимъ Изд. Комитетомъ Общества Грамотности. Хотя я не стояла во главѣ Комитета въ то время, когда издавалась эта брошюра, но, въ качествѣ члена Комитета, готова взять на себя всю тяжесть предъявляемыхъ къ Комитету обвиненій.

Г. Поточный такъ излагаетъ содержаніе брошюры: „Авторъ сдѣлалъ необычайное открытіе, что причиной бѣдности крестьянъ являются плотники, печники, портные и прочіе ремесленники, къ услугамъ которыхъ онъ совѣтуетъ крестьянамъ не обращаться ни въ какомъ случаѣ, такъ какъ эти враги матеріальнаго благополучія крестьянъ только отбираютъ у нихъ деньги".

Нѣтъ, г. Поточный, это не совсѣмъ то, что говорится въ брошюрѣ, и даже—совсѣмъ не то. Авторъ брошюры — г. Калениченко,

настоящій крестьянинъ, „хліборобъ“ сумскаго у., харьковской губ., извѣстный Комитету. Въ брошюрѣ онъ излагаетъ живо и образно, въ видѣ личныхъ переживаній, свои соображенія о томъ, какъ можетъ крестьянинъ использовать свое свободное время для улучшенія своего матеріальнаго положенія. Онъ совѣтуетъ крестьянамъ—не поддаваться тому господствующему настроенію, которое побуждаетъ крестьянина при всякой потребности въ спеціальномъ видѣ ремесленнаго труда обращаться къ спеціальному ремесленнику, а совѣтуетъ по мѣрѣ возможности замѣнять этотъ покупной трудъ собственнымъ, домашнимъ, подкрѣпляя свои совѣты практическими указаніями и ясными цифровыми разсчетами. Такимъ образомъ брошюра его имѣетъ цѣлью развитіе самодѣятельности въ сферѣ опредѣленныхъ отношеній крестьянской хозяйственной жизни.

Вотъ все не хитрое содержаніе этой брошюры, и однако же оно заставило Комитетъ глубоко задуматься. Конечно, не трудно было поставить себя на готовые рельсы шаблонныхъ разсужденій въ родѣ того, что: „патріархальная деревня разлагается, приходитъ естественная дифференціація труда, противъ которой ретроградно выступаетъ авторъ“ и т. н., вплоть до конца, т. е. до отсылки рукописи автору „за непригодностью“.

Но Комитетъ иначе взглянулъ на это. Онъ задался прежде всего вопросомъ: „дѣйствительно-ли брошюра эта есть плодъ личнаго опыта ея составителя, или она сочинена имъ на предвзятую тему?“ И только тогда, когда на объективныхъ данныхъ былъ утвержденъ отвѣтъ, что брошюра дѣйствительно излагаетъ результаты личнаго опыта и наблюденій умнаго и добросовѣстнаго человѣка, Комитетъ пришелъ къ рѣшенію, что брошюру необходимо напечатать, такъ какъ она можетъ быть полезной какой-то части нашего крестьянства, хотя Комитетъ и не рѣшается ближе опредѣлить размѣръ этой полезности. Подкрѣпленіе своему рѣшенію Комитетъ нашелъ въ языкѣ брошюры—въ томъ языкѣ, неподражаемомъ въ своей наивной простотѣ, какимъ умѣетъ говорить только народъ и иногда геніальный художникъ.

Какъ видно изъ предыдущаго, брошюра появилась не въ силу „непредусмотрѣннаго стеченія обстоятельствъ“, какъ предполагаетъ критикъ. „Будемъ надѣяться, что почтенная фирма впредь будетъ строже относиться къ выбору матеріала для изданій“, внушаетъ онъ Комитету. Нѣтъ, надѣяться нечего: строже отнестись къ своимъ за-

дачамъ Комитетъ не въ силахъ. А если онъ въ данномъ случаѣ ошибся, то errare humanum est.

Предсѣдательница Издательск. Комитета Харьк. Общества Грамотности. *Александра Ефименко.*

Письмо въ редакцію. Милостивый Государь, Господинъ Редакторъ. Желая почтить память моего дѣда, покойнаго малорусскаго поэта Петра Петровича Артемовскаго-Гулака изданіемъ ко дню чествованія столѣтняго юбилея Императорскаго Харьковскаго Университета, профессоромъ и ректоромъ котораго онъ состоялъ, по возможности полнаго собранія его сочиненій и писемъ, и тѣмъ спасти отъ забвенія тѣ изъ его произведеній, которыя могутъ представлять нѣкоторый литературный интересъ,—обращаюсь черезъ посредство Вашего журнала ко всѣмъ лицамъ, располагающимъ печатными или рукописными сочиненіями П. П. Артемовскаго-Гулака и письмами его, имѣющими общественное значеніе, съ просьбою не отказать въ присылкѣ мнѣ этихъ документовъ для включенія въ предпринятое мною изданіе.

Подлинники, по снятіи съ нихъ копій, будутъ мною возвращены собственникамъ съ глубокою признательностью, или, по желанію ихъ, направлены въ Харьковскій Университетъ, основавшій особый отдѣлъ для собиранія и разработки матеріаловъ, относящихся до дѣятелей Университета.

Редактированіе предположеннаго мною изданія сочиненій П. П. Артемовскаго-Гулака принялъ на себя съ полною готовностью профессоръ Императорскаго Харьковскаго Университета Дмитрій Ивановичъ Багалѣй.

Съ совершеннымъ уваженіемъ *Б. Гулакъ-Артемовскій.*

Адресъ: Г. Курскъ, 204 пѣхотный Обоянскій полкъ. Борису Іосифовичу Гулакъ-Артемовскому.

Украинское слово и искусство. «Артыстычный Вістныкъ». 1905 г. Подъ такимъ заглавіемъ начало выходить въ Галиціи, ежемѣсячное изданіе, посвященное музыкѣ, живописи и театру. Изданіе принадлежитъ союзу львовскихъ музыкальныхъ «товарыствъ», редактируютъ его Филаретъ Колесса и Дометъ Людкевичъ, при чемъ бли-

жайшее участіе въ сотрудничествѣ принимаетъ также художникъ Трушъ. Въ выпускахъ «А. Вістн.», появившихся до сихъ поръ,—помѣщены, между прочимъ, статьи о духовной музыкѣ, о записываніи и гармонизаціи народныхъ пѣсенъ (съ письмами по этому поводу Н. В. Лисенка), характеристика молодыхъ украинскихъ художниковъ, статья о театрѣ и разныя мелкія замѣтки.

Выпуски журнала имѣютъ нотныя приложенія и снабжены очень хорошими иллюстраціями, которыя не представляютъ собою наборъ случайно попавшихся клише (какъ это часто бываетъ въ начинающихъ,—да и нѣкоторыхъ старыхъ,—изданіяхъ), а изготовляются нарочно, соотвѣтственно тексту «Артыст. Вістныка», причемъ клише заказываются въ Прагѣ, а печатаются во Львовѣ, подъ наблюденіемъ художника Труша. До сихъ поръ въ «Арт. Вістн.» помѣщены очень хорошо исполненные снимки съ картинъ и рѣзныхъ работъ, бывшихъ на недавней украинской художественной выставкѣ во Львовѣ, а также разные другіе снимки.

Такимъ образомъ, помимо того, что «Арт. Вістныкъ», является первымъ украинскимъ изданіемъ этого рода,—самъ по себѣ журналъ, по своему содержанію, заслуживаетъ полнаго вниманія интересующихся украинскимъ искусствомъ. Въ виду того, что навѣрное у насъ найдутся «прыхыльныкы» журнала, которые пожелаютъ поддержать его, какъ сотрудничествомъ, такъ и выпиской, сообщаемъ адресъ «Арт. Вістныка» и условія подписки на него: «Артыстычный Вістныкъ» выходитъ во Львовѣ,—улица Вірменська, № 2,—стоитъ 10 кронъ на годъ, съ пересылкою (для Россіи—5 руб.). («Полтавщина», № 183).

О. П.

Осторога проты холеры. Подъ такимъ заглавіемъ изданъ Кременецкой уѣздной управой по дѣламъ земскаго хозяйства листокъ на украинскомъ языкѣ, съ рядомъ наставленій, какъ слѣдуетъ оберегать себя отъ холеры и какъ бороться съ нею. Отъ всего сердца привѣтствуемъ этотъ хорошій починъ Кременецкой земской управы и надѣемся, что ему послѣдуютъ и другія земства, не только по поводу пугающей насъ нежеланной гостьи, но и по поводу безконечнаго ряда вопросовъ жизни, требующихъ свѣта и знаній въ нашихъ селахъ.

Къ расширенію городского музея въ Харьковѣ. Комиссія, завѣдующая городскимъ художественно-промышленнымъ музеемъ, въ настоящее время озабочена пополненіемъ его коллекцій. Предсѣдатель комиссіи проф. Д И. Багалѣй представилъ планъ систематическаго расширенія его художественно-промышленнаго отдѣла, имѣя въ виду придать ему современемъ характеръ и облостнаго хранилища, на подобіе всѣхъ лучшихъ провинціальныхъ музеевъ. Императорская академія художествъ прислала недавно нѣсколько прекрасныхъ акварелей и типичныхъ русскихъ гравюръ. Возбуждены ходатайства и передъ другими учрежденіями о пожертвованіи памятниковъ. Было-бы желательно, чтобы и мѣстное харьковское общество пришло на помощь городскому музею своими пожертвованіями—картинъ и другихъ художественныхъ предметовъ, а также предметовъ художественной промышленности, въ особенности имѣющихъ какое либо отношеніе къ Харьковской губерніи и Малороссіи вообще (виды Харькова, портреты мѣстныхъ дѣятелей). Съ другой стороны, рѣшено пріобрѣтать и за деньги памятники искусства, преимущественно русскаго, сѣвернаго и южнаго, относящіеся къ области живописи, архитектуры и т. п.; интересны издѣлія художественной промышленности, преимущественно старой, и все то, что имѣетъ историческій интересъ; наконецъ, этнографическіе предметы, носящіе на себѣ печать искусства (конечно, относительно). Обращаться съ предложеніями слѣдуетъ въ городской художественно-промышленный музей или къ предсѣдателю музейной комиссіи. («Южный Край» № 8450).

Украинскій декламаторъ. Издатель русскаго «Чтеца Декламатора», вышедшаго уже пятымъ изданіемъ, И. И. Самоненко (Кіевъ, Крещатикъ № 39) издаетъ украинскій декламаторъ «Розвага», составленный О. Коваленкомъ. Уже оканчивается печатаніе этого сборника и онъ на дняхъ поступитъ въ продажу. Въ сборникъ вошли лучшія произведенія всѣхъ корифеевъ украинской литературы, а также молодыхъ писателей и поэтовъ Украины Россійской, Галиціи, Буковины и Америки. Всего помѣщено произведеній болѣе 100 авторовъ съ 50 портретами поэтовъ, писателей и артистовъ. Сборникъ вмѣщаетъ въ себѣ 520 страницъ, текстъ украшенъ стильными орнаментами въ краскахъ, видами и художественными украинскими закладками. Цѣна книги 1 р. 25 к., въ роскошномъ переплетѣ 1 р. 75 коп.

Подписка принимается въ Кіевѣ: въ книж. магазинахъ—Леона Идзиковскаго, Крещатикъ, № 29; Иванова и К°, Фундуклеевская, № 2, и у издателя.

Полтавской архивной комиссіей изданъ первый выпускъ ея трудовъ; онъ заключаетъ въ себѣ около 25 печатныхъ листовъ. Комиссія уже разослала ихъ въ уѣздныя управы тѣхъ уѣздныхъ земствъ, которыя ассигновали ей пособія. Всѣхъ разослано 319 экземпляровъ Помимо этого разослано по экземпляру всѣмъ губернскимъ гласнымъ и въ библіотеки всѣхъ уѣздныхъ управъ. Въ послѣднія разослано, помимо этого, по два экземпляра брошюры «О межеваніи въ полтавской губерніи», изданной комиссіей. («Полт. Вѣд.» № 777).

Къ XIII екатеринославскому археологическому съѣзду. Московскій предварительный комитетъ по устройству XIII археологическаго съѣзда въ Екатеринославѣ, при помощи вспомогательныхъ комитетовъ, существующихъ при харьковскомъ и одесскомъ университетахъ, при обществѣ Нестора лѣтописца въ Кіевѣ, при нѣжинскомъ лицеѣ, при новочеркасскомъ музеѣ, при полтавской, черниговской, курской, воронежской, таврической и херсонской архивныхъ комиссіяхъ, при обществѣ любителей изученія кубанской области, дѣятельно готовится къ съѣзду, который, какъ извѣстно, созывается въ этомъ году съ 15-го по 26-ое августа.

Каждый изъ предварительныхъ комитетовъ работаетъ, производитъ раскопки и предпринимаетъ разныя изслѣдованія въ своемъ раіонѣ: одесскій комитетъ производитъ изслѣдованія въ Бессарабіи, подготовляетъ огромный трудъ проф. Фонъ-Штерна по части новооткрытыхъ могильниковъ, долженствующихъ связать находки Хвойко въ Трипольи и другихъ мѣстностяхъ кіевской губ. съ до-микенскою культурою; Кіевскій—печатаетъ интересный трудъ по изслѣдованію украинскихъ древностей, производитъ раскопки въ сѣверныхъ предѣлахъ екатеринославской губ., съ цѣлью выясненія городищъ, служившихъ нѣкогда охраной и защитой по р. Орели, Сулѣ и проч., и представилъ цѣлый рядъ лицъ, посланныхъ для изученія и разработки архивовъ на Волыни, Подоліи и въ Екатеринославѣ.

Харьковскій комитетъ производилъ раскопки въ разныхъ мѣстностяхъ губерніи, командировалъ одного изъ своихъ членовъ на р. Кальміусъ и готовитъ къ съѣзду интересный сборникъ матеріаловъ.

Комитеты въ Нѣжинѣ, Полтавѣ, Черниговѣ, Курскѣ, Воронежѣ, Екатеринодарѣ, Симферополѣ и Херсонѣ собираютъ свѣдѣнія по мѣстнымъ памятникамъ старины, каменнымъ бабамъ, архивамъ, частнымъ коллекціямъ и подготовляютъ для выставки этнографическій матеріалъ.

Москва руководитъ всѣми этими работами, даетъ средства на болѣе значительныя поѣздки и раскопки, заканчиваетъ печатаніе трехъ томовъ трудовъ харьковскаго съѣзда, готовитъ интересный трудъ по Херсонесу, который предполагается посѣтить подъ конецъ съѣзда.

Не мало потрудился также надъ устройствомъ съѣзда мѣстный екатеринославскій комитетъ: Д. И. Эварницкимъ произведенъ рядъ удачныхъ раскопокъ, въ городѣ спѣшно заканчивается музей имени Поля, готовится выставка, которая размѣстится какъ въ музеѣ, такъ и въ Потемкинскомъ дворцѣ, готовятся помѣщенія для съѣзда и его членовъ, подготовляются раскопки и поѣздки на пороги до Никополя и пр. и пр. («Приднѣпр. Край» № 2464).

Частная иниціатива въ дѣлѣ народнаго образованія въ Галичинѣ. По уровню народнаго образованія Галичина занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ въ Западной Европѣ. Какъ показываетъ отчетъ галицкой «Ради шкільноі», въ 1902—3 г.г. на 6240 сельскихъ обществъ 2214 не имѣли правильныхъ школъ (изъ нихъ 981 не имѣли школъ вовсе, т. е. цѣлая треть Галичины не можетъ удовлетворять потребностей даже въ низшемъ образованіи. Если взять спеціально русинскую печать Галичины, то это отношеніе окажется еще болѣе неблагопріятнымъ, такъ какъ даже существующія школы, благодаря недостатку учителей-русиновъ, не могутъ выполнять свои функціи болѣе или менѣе правильно. Изъ учащихся въ учительскихъ семинаріяхъ лишь 1/4 (900 изъ 2686) принадлежитъ къ русинамъ, и, разумѣется, это число оказывается далеко недостаточнымъ для удовлетворенія нуждъ Галиціи въ учительскихъ силахъ.

Такое положеніе дѣлъ зависитъ отъ общаго состоянія школьнаго дѣла въ Галичинѣ, отъ того фактическаго преобладанія, какое принадлежитъ тамъ польскому элементу. Оставивъ надежды на улучшеніе

этого положенія путемъ государственной организаціи образованія, русины начинаютъ придавать все большее значеніе частной иниціативѣ. Первымъ средствомъ къ этому служитъ подготовка учителей-русинъ, и недавно коломыйская филія «товариства педагогичного» обратилась съ воззваніемъ къ галицкому обществу о сборѣ пожертвованій на открытіе учительской семинаріи въ Коломыѣ («Діло», № 125). Коломыя избрана, какъ одинъ изъ болѣе значительныхъ русинскихъ центровъ, обладающій уже полной украинской гимназіей, что облегчитъ возможность открытія и семинаріи, такъ какъ на мѣстѣ имѣются готовыя уже преподавательскія силы въ лицѣ учительскаго персонала гимназіи. Если сборъ пожертвованій пойдетъ успѣшно, то въ началѣ 1906—7 уч. года семинарія будетъ уже открыта.

Воззваніе коломыйской филіи горячо поддерживаетъ въ іюльской книжкѣ «Л.-Н. Вістника» проф. Грушевскій. Редакціей названнаго журнала открытъ сборъ пожертвованій на указанную цѣль, и нужно надѣяться, что наши галицкіе земляки съ полнымъ сочувствіемъ и отзывчивостью отнесутся къ этому въ высшей степени важному предпріятію.

Вышла Іюльская (седьмая) книга

ежемѣсячнаго литературно-политическаго изданія

„РУССКАЯ МЫСЛЬ".

Содержаніе: I Осенніе дни. — *С. Богдановскаго.* II Новая. — *Анна Догановачъ.* III Паяцъ. — *Карла Эмиля Францоза* пер. съ нѣм. *Н. К.* IV Пріѣхали косить — *Печальный.* V На полѣ славы. — *Сенкевича.* пер. съ польск. *В. М. Л.* VI Захолустье. — *Н. Степаненко.* VII Стихотворенія. — *Ив. Бѣлоусова.* VIII Стихотвореніе — *Е. Чернобаева.* IX Эмпиріокритицизмъ и импрессіонизмъ — *В. Лисевича.* X Съ Земскими отрядами на далнемъ востокѣ. — *Н. Н. Ковалевскаго.* XI Этика Ницще. — *В. Хвостова.* XII Церковь и республика. — XIII Новыя времена — Новыя вѣянія. — *Н. Рубакина.* XIV Польскій вопросъ. — *А. Ледницкаго.* XV Англія въ Индіи. перев. *Н. Гиляровской.* XVI Адвокатъ человѣчества. — *Ник. Эфросъ.* XVII Литературные дебюты. — *В. В. Каллаша.* XVIII Заманчивыя перспективы. — *М. Богомъпова.* XIX Журнальное обозрѣніе. XX Внутр. обозр. XXI Иностран. обозр. — *В. А. Г.* XXII Великій грѣхъ. — *Л. Толстого.* XXIII Библіограф. отд.

Изданія редакціи. Нов. книги: 1) **Олстонъ Л.** Краткій очеркъ современныхъ конституцій. Пер. съ англійск. профес. К. Тимирязева. Второе изд. цѣна 30 коп. 2) **Лабулэ Эдуардъ.** Политическія идеи *Бенжамена Констана.* Цѣна 40 коп. 3) Планъ Государственнаго преобразованія графа М. М. Сперанскаго. цѣна 1 руб.

Редакторъ *В. М. Лавровъ.*

Издатель *В. А. Гольцевъ.*

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ «Кіевской Старинѣ» печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XC.

1905 г.

СЕНТЯБРЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мерингoвская ул. № 6.
1905.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

I	ИЗЪ ИСТОРІИ ОБРАЗОВАНІЯ НА УКРАИНѢ. *Вл. П—ко*	235—247
II	НІОБА. (Новеля). Окончаніе *О. Кобылянськои*	248—316
III	ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРАЙ ПО ДАННЫМЪ ПЕРЕПИСИ 1897 ГОДА. *Л. Личкова* . . .	317—366
IV	УКРАИНСЬКИ ОПОВИДАННЯ А. П. СТОРОЖЕНКА *Иг. Житецкаго*	367—382
V	В. Н. КАРАЗИНЪ. Его жизнь и общественная дѣятельность. (Окончаніе). *Н. Тихаго*	383—389

Отдѣлъ III.

I	БИБЛІОГРАФІЯ: а) Научая критика, памфлетъ или пасквиль?. Проф. *Д. И. Багалѣя;* б) Нові і перемінні зьвізди. Написавъ проф. д-ръ І. Полюй. *В. Н—ка;* в) Труды Полтавской Ученой Архивной Коммиссіи. *В. Н.*	83—103
II	ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Отзвукъ былины о змѣеборствѣ Добрыни-Никитича въ украинскомъ фольклорѣ. *Владиміръ Даниловъ;* б) Къ исторіи пребыванія монаховъ траппистовъ въ Россіи. Сообщ. *В. Страшкевичъ;* в) О принадлежавшемъ базиліанамъ въ г. Римѣ домѣ. Сообщ. *В. Страшкевичъ;* г) Пѣсня на освобожденіе отъ панщины въ 1861 г. Сообщ. *Л. М.;* д) Сенатскій указъ Кіевскому архіепископу Рафаилу Заборовскому, отъ 16 декабря 1742 года, въ отвѣтъ на его ходатайство о возстановленіи нѣкоторыхъ правъ южно-русскаго духовенства и Кіевской Академіи. Сообщ. Проф. *Н. Петровъ;* е) «Стужа» въ Малороссіи въ мартѣ 1748 г. *Вл П—ко;* ж) Свѣдѣніе о количествѣ провіанта, выданнаго изъ магазиновъ Кіевской губерніи на расквартированные въ Малороссіи полки (1718—1717 гг.). *В. Модзалевскій;* з) Извѣщенія редакціи	104—1[illegible]
	ПРИЛОЖЕНІЕ: Литература о В.Н. Каразинѣ. *Н. Тихаго.*	

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

ТОМЪ ХС.

1905 г.

СЕНТЯБРЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра Акціон. О-ва печ. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Меринговская улица.
1905.

Дозволено Ценсурою. Кіевъ, 11 августа 1905 г.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 90-го:

іюль-августъ, сентябрь, 1905 г.

Книга первая и вторая — іюль-августъ.

Отдѣлъ I.

I	В. Н. КАРАЗИНЪ. Его жизнь и общественная дѣятельность. *Н. Тихаго.*	1—58
II	ОСКОЛКИ СТАРИНЫ ВЪ ЗѢНЬКОВСКОМЪ УѢЗДѢ. *А. Твердохлѣбова.*	59—74
III.	НІОБА. (Новеля). *Гл. VIII—XIV. О. Кобылянськои*	75—107
IV	КЪ ВОПРОСУ О НАРОДНЫХЪ РЕАКЦІЯХЪ ВЪ УКРАИНѢ ВЪ XVIII ВѢКѢ. *Вл. П—ко.*	108—116
V	СБОРНИКЪ МАЛОРУССКИХЪ СКАЗОКЪ. *Гавріила Стрижевскаго.*	117—165
VI	КІЕВСКІЙ СОБОРЪ ВЪ 1629 ГОДУ. Протоіерея *Петра Орловскаго.*	166—173
VII	КЪ ПОЛЬСКО-УКРАИНСКИМЪ ОТНОШЕНІЯМЪ ВЪ ГАЛИЦІИ. *М. Грушевскаго.*	174—234

Отдѣлъ II.

I	БИБЛІОГРАФІЯ: а) 1) Халера; 2) Про холеру и якъ видъ неи стерегтыся. *Врачъ;* б) С. А. Блонскій. Народныя школы съ малорусскимъ языкомъ. *С. Е.;* в) Въ защиту слова. Сборникъ 2-е изданіе. *С. Е.;* г) Иванъ Франко. Збирникъ творивъ. Томъ III. Борыславськи оповидання. *Л. Жигмайло;* д) Обзоръ журналовъ текущаго года	1—32
II	ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Что стоилъ Андрею Полетикѣ процессъ за с. Аксютинцы. Сообщ. *В. Модзалевскій;* б) Зѣньковскій полковникъ Василій Шиманъ и его потомство. Сообщ. *В. Модзалевскій;* в) Грамота Кіевскаго митрополита Іосафа Кроковскаго на утвержденіе скита близь м. Моровска, основаннаго игуменомъ Лебединскаго монастыря Сера	

піономъ 1714 г. Сообщ. *В. Перетцъ*; г) Платье и бѣлье малорусской паніи XVIII ст. Сообщ. *Н. К. В—ый*; д) О землетрясеніи въ черниговской и полтавской губерніи въ 1839 г. Сообщ. *И. Фр. Павловскій*; е) И. П. Котляревскій — ученикъ Екатеринославской семинаріи Сообщ. *Вл. П—ко*; ж) О тысячелѣтнемъ юбилеѣ г. Переяслава. *О. Л.*; з) Екатеринославскій областной музей имени А. Н. Поля. *А. Скриленко*. . . . . 33—57

ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ . . . . 57—81

ОБЪЯВЛЕНІЯ . . . . 1—3

Книга третья — сентябрь.

Отдѣлъ I.

I ИЗЪ ИСТОРІИ ОБРАЗОВАНІЯ НА УКРАИНѢ. *Вл. П — ко* . . . . 235—247

II НІОБА. (Новеля). Окончаніе *О. Кобылянськои* 248—316

III ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРАЙ ПО ДАННЫМЪ ПЕРЕПИСИ 1897 ГОДА. *Л. Личкова* . . . . 317—366

IV УКРАИНСЬКИ ОПОВИДАННЯ А. П. СТОРОЖЕНКА *Иг. Житецкаго* . . . . 367—382

V В. Н. КАРАЗИНЪ. Его жизнь и общественная дѣятельность. (Окончаніе). *Н. Тихаго* . . . . 383—389

Отдѣлъ II.

I БИБЛІОГРАФІЯ: а) Научая критика, памфлетъ или пасквиль?. Проф. *Д. И. Багалѣя*; б) Нові і перемінні зьвізди. Написавъ проф. д-ръ І. Полюй. *В Н—ко*; в) Труды Полтавской Ученой Архивной Коммиссіи. *В. Н.* . . . . 83—103

II ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Отзвукъ былины о змѣеборствѣ Добрыни Никитича въ Украинскомъ фольклорѣ. *Владиміръ Даниловъ*; б) Къ исторіи пребыванія монаховъ траппистовъ въ Россіи. Сообщ. *В. Страшкевичъ*; в) О принадлежавшемъ базиліанамъ въ г. Римѣ домѣ. Сообщ. *В. Страшкевичъ;* г) Пѣсня на освобожденіе отъ панщины - въ 1861 г. Сообщ. *Л. М.*; д) Сенатскій указъ Кіевскому архіепископу Рафаилу Заборовскому, отъ 16 декабря 1742 года, въ отвѣтъ на его ходатайство о возстановленіи нѣкоторыхъ правъ южно-русскаго духовенства и Кіевской Академіи. Сообщ. Проф. *Н. Петровъ*; е) «Стужа» въ Малороссіи въ мартѣ 1748 г. *Вл П—ко*; ж) Свѣдѣніе о количествѣ провіанта, выданнаго изъ магазиновъ Кіевской губерніи на расквартированные въ Малороссіи полки (1715 — 1717 гг.). *В. Модзалевскій*; з) Извѣщенія редакціи . . 104—120

ПРИЛОЖЕНІЕ: Литература о В.Н.Каразинѣ. *Н. Тихаго.* 1—26

Изъ исторіи образованія на Украинѣ.

I.

Нѣсколько данныхъ объ украинской семинаріи въ г. Переяславѣ въ 18 в.

До сихъ поръ въ печать проникло немного свѣдѣній о состояніи украинской духовной семинаріи въ г. Переяславѣ въ 18 в. [1]). Тѣмъ цѣннѣе должны быть тѣ данныя, которыя мы находимъ въ архивѣ св. синода (дѣло 1737 г. № 380, въ 5 томахъ) объ этой семинаріи. Тамъ найдено нами 8 донесеній переяславскаго епархіальнаго начальства, нѣсколько обрисовывающихъ состояніе семинаріи въ первые годы ея существованія (1738—1745 г.г.).

Во исполненіе синодскаго указа, послѣдовавшаго по волѣ императрицы Анны въ 1737 г., епископъ переяславскій Арсеній Берло 20 іюня 1738 г. представилъ первое донесеніе въ синодъ о своей семинаріи, тогда только еще основывавшейся. Въ своемъ донесеніи Арсеній пишетъ, что, прибывъ на Пере-

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1888 г., т. 20; 1889 г., февр.; 1899 г., янв.; брош. А. Берло—„Арсеній Берло, еп. Переясл.“, Кіевъ, 1904 г.; въ брошюрѣ игумена Поліевкта „Свѣдѣн. о Полт.—Переясл. епарх. и ея архипастыряхъ“, Полтава 1868 г.; въ Полт. Епарх. Вѣдом. за 1891 г. №№ 10—11, 17—18, 22 и др.

яславскую каоедру 9 ноября 1733 года, онъ «такъ училищъ, яко учителей, и никакихъ учениковъ не засталъ, и прежде не бивало»; теперь-же, въ 1738 году, «школи устроени», «въ которыхъ нинѣ священническіе дѣти по состоянію новосооруженнихъ училищь на россійскомъ язике грамоти и латинскимъ початкомъ писать и елементаровъ начали обучаться, а протчіи Алваровъ [1]) заправляються, и школи инфиміи и грамматики слушають»; высшимъ же наукамъ дѣти священниковъ Переяславской епархіи обучались тогда въ Кіевской академіи и Черниговскомъ коллегіумѣ, гдѣ проходилы школы—поэтику, риторику, философію и богословіе. Къ своему донесенію Арсеній приложилъ и вѣдомость объ ученикахъ «школы славено-латинской», которыхъ (все—священническія дѣти) показано 47 человѣкъ, въ возрастѣ отъ 9 до 16 лѣтъ. Изъ нихъ 12 человѣкъ «обучаются писать на россійскомъ и латинскомъ діалектѣ» съ 1738 г., 11—«елементари учатъ» тоже съ 1738 года, 11—«обучаеться Алвара» съ 1737 г., 8—«обучаеться школи инфими» съ 1736 г. и, наконецъ, 5 человѣкъ «обучаеться школи грамматики». Объ учителяхъ нѣтъ ни слова, нѣтъ и ихъ подписей въ вѣдомости. Думаемъ, что данное донесеніе и вѣдомость кое-чего не договариваютъ, именно того, что все это только—проектъ, близкій къ осуществленію, а не самая дѣйствительность. Извѣстно уже, что открытіе семинаріи послѣдовало осенью 1738 г.,—слѣдовательно, 20 іюня, когда писалось это донесеніе, ея еще не было. Зданіе для училища тогда только еще достраивалось, ученики еще собирались съ епархіи, учителей не было. Указаніе на то, что ученики обучаются съ 1737, 1736 и даже 1735 г.г., не слѣдуетъ принимать въ смыслѣ утвержденія основанія семинаріи раньше 1738 г.; это, думается, просто означаетъ то, что дѣти священниковъ Переяславской епархіи, учившіяся раньше въ Кіевѣ и Черниговѣ съ указанныхъ годовъ, въ 1738 г. намѣчены были къ переводу въ соотвѣтствующіе классы Переяславской семинаріи.

---

[1]) Разумѣется тогдашняя учебная книга Альвара по лат. яз.

Слѣдующее донесеніе Арсенія, отъ 5 іюля 1739 г., болѣе интересно, такъ какъ даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о первомъ учебномъ годѣ Переяславской семинаріи.—«За неимѣніемъ при домѣ архіерейскомъ Переяславскомъ»,—пишетъ въ донесеніи Арсеній,—«учителнихъ монаховъ, також и свѣтскихъ людей, принужденъ опредѣлить во учители мирскихъ трохъ священныковъ честнихъ, изучившихъся богословіи, которіе, на особливомъ моемъ трактаментѣ будучи содержаны и консоляціею удоволены, с охотою должность свою учителскую исполняють». Къ донесенію приложена вѣдомость, изъ которой видно, что въ первомъ учебномъ году въ Переяславской семинаріи были школы или классы: фара (30 уч.), инфима (27 учит.), грамматика (11 учит.), синтаксима (24 уч.), поэтика (6 уч.) и риторика (12 уч.), въ нихъ всего обучалось 110 человѣкъ. Достойно вниманія, что въ этой семинаріи, въ первый-же годъ ея существованія, при 65 священническихъ дѣтяхъ, обучалось 45 дѣтей «разночинцовъ». Въ числѣ разночинцевъ, приславшихъ въ переяславскую семинарію своихъ дѣтей въ первый годъ ея существованія, встрѣчаются слѣдующія званія: есаулы («асаулы»), сотники, старосты, 2 компанійскихъ полковника, компанійскіе козаки, 1 факторъ полковой и—больше всего—мѣщане и «люди посполитые». Какъ оказывается, въ переяславскую семинарію присылали и изъ такихъ мѣстъ, лежавшихъ внѣ предѣловъ переяславской епархіи, какъ Кіевъ, Черниговъ, Нѣжинъ, Сумы, Конотопъ, Гадячъ, Глуховъ, Любечъ и т. п. Такимъ образомъ, переяславская семинарія сразу-же получила значеніе крупнаго просвѣтительнаго центра въ Украинѣ.

Большинство учениковъ опредѣлено было въ семинарію 12 сентября 1738 г., но были и поступившіе позже—въ октябрѣ и ноябрѣ и даже 9 января 1739 г. Первыми учителями переяславской семинаріи, какъ видно изъ подписей къ вѣдомости, были священники: въ фарѣ и инфимѣ—Іоаннъ Лисіевичъ, въ грамматикѣ и синтаксимѣ—Стефанъ Древецкій[1]), въ поэтикѣ и рито-

---

[1]) Вѣроятно, это то же лицо, которое въ слѣдующемъ донесеніи имѣетъ фамилію Деревецкій.

рикѣ Іоаннъ Журовскій. Неизвѣстно, имѣлъ-ли изъ нихъ кто-нибудь званіе «префекта»—начальника семинаріи.

Въ донесеніи отъ 12 іюля 1740 г. еп. Арсеній указываетъ уже другихъ преподавателей семинаріи (за исключеніемъ, кажется, одного); въ риторикѣ и поэтикѣ священника Стефана Деревецкаго, въ синтаксимѣ и грамматикѣ—«ѳеолога Козму Богдановича», въ инфимѣ и фарѣ—Симеона Прокопова. Изъ нихъ два послѣднихъ отнесены къ числу «студентовъ». Подобно тому, какъ въ предыдущемъ донесеніи, объ учителяхъ замѣчено, что они, «на особливомъ препитаніи будучи содержаны и награжденіемъ пристойнимъ удоволены, по надлежащему должность свою учителскую исполняли». Священникъ Стефанъ Деревецкій именуется «коллегіума переяславскаго префектомъ». Въ 1739—40 уч. году учащихся въ семинаріи было 123, въ томъ числѣ дѣтей разночинцевъ 44.

Въ донесеніи 23 іюля 1741 г. указываются слѣдующіе учителя семинаріи: священникъ Троицкой церкви мѣстечка Баришевки Михаилъ Исаевичъ («Ісаевичъ»), «философіи изучившійся» (т. е. окончившій въ Кіевѣ или Черниговѣ классъ философіи) и преподававшій въ 1740—41 уч. году въ Переяславской семинаріи риторику и поэтику; затѣмъ «мирскіи студенты, философіи изучившіеся»—Семенъ Прокоповичъ, учитель грамматики и синтаксимы, и Трофимъ Горлянскій, учитель фары и инфимы. Званіе префекта имѣлъ священникъ Михаилъ Исаевичъ. Учащихся было 124 человѣка, изъ нихъ дѣтей разночинцевъ—49.

Донесеніе отъ 3 іюля 1742 года даетъ указаніе, что съ 1741—42 учебнаго года въ Переяславской семинаріи введено было обученіе польскому языку и уничтожена была самая низшая школа—фара, вѣроятно, оказавшаяся лишней—въ виду существованія приходскихъ школъ. Въ этомъ году префектомъ «училищъ славенолатинскихъ переяславскихъ» и учителемъ риторики былъ священникъ Іоаннъ Лиссіевичъ, въ синтаксимѣ и поэтикѣ учительствовалъ «Алексей Малѣновскій»—лицо свѣтское, въ инфимѣ и грамматикѣ—священникъ Филиппъ Стефановъ. Изъ 120 воспитанниковъ, бывшихъ на лицо въ этомъ году въ семинаріи, 49—дѣти разночинцевъ, остальные—духовнаго званія.

Судя по послѣднему донесенію епископа Арсенія Берла отъ 26 іюня 1743 г., въ 1742—43 уч. году въ Переяславской семинаріи преподавали: префектъ «коллегіума» и учитель риторики Алексѣй Малиновскій, учитель поэтики и синтаксимы священникъ Филиппъ Гошкевичъ и учитель грамматики и инфимы Филиппъ Покорскій. Всѣхъ учащихся на лицо было 136, изъ нихъ 62—дѣти разночинцевъ.

Въ 1743—44 уч. году префектомъ «училищъ славенолатинскихъ, при домѣ преосвященнѣйшого архіерея переяславскаго имѣющихъся», былъ учитель риторики Василій Лаврентіевъ Зеленскій; въ поэтикѣ и синтаксимѣ преподавалъ Григорій Павловъ Гиновскій, въ грамматикѣ и инфимѣ—Іаковъ Павловъ Фаворскій. Учащихся было—61 духовныхъ и 48—свѣтскихъ.

Въ слѣдующемъ 1744—1745 учебномъ году въ семинаріи оставался тотъ-же преподавательскій персоналъ, что и въ предыдущемъ году, учащихся-же было: 66—дѣтей духовенства и 45—свѣтскихъ.

Но мирное теченіе жизни переяславской семинаріи скоро было, какъ узнаемъ изъ другого дѣла синодскаго архива (1748 г. 12 сентября, № 232), нарушено: 18 іюля 1748 г., при епископѣ Никодимѣ Сребницкомъ (1745—1751 г.г.), сильный пожаръ уничтожилъ «училищные школы» вмѣстѣ со многими постройками переяславскаго каѳедральнаго Вознесенскаго монастыря. Вслѣдствіе этого Никодиму пришлось до постройки новаго зданія перенести семинарію въ смежный съ каѳедральнымъ монастыремъ пустовавшій домъ Семена Мировича, раньше принадлежавшій умершей генеральшѣ Кантакузиной. Домъ оказался подходящимъ для того, чтобы въ немъ «для ученія собиратись безъ утѣсненій», но его пришлось нѣсколько ремонтировать и дворъ его заборомъ оградить. Синодъ и сенатъ одобрили это дѣйствіе Никодима, давъ ему заднимъ числомъ на это разрѣшеніе.

Новое зданіе для семинаріи выстроено было уже преемникомъ Никодима, Іоанномъ Козловичемъ (1753—1757 г.г.), который проявлялъ особую заботливость о переяславской семинаріи. Такими-же заботливыми попечителями ея были и послѣдующіе

епископы Переяславскіе и Бориспольскіе: Гервасій Линцевскій (1757—69 г.г.), Іовъ Базилевичъ (1771—1776 г.г.), устроившій въ семинаріи философскій классъ въ 1774 г., и Иларіонъ Кондратковскій (1776—1785 г.г.), открывшій заключительный классъ—богословскій.

Дѣло синодскаго архива 1781 года № 501 содержитъ въ себѣ подлинное донесеніе епископа переяславскаго и бориспольскаго Иларіона Кондратковскаго объ открытіи имъ съ 1781—82 учебнаго года въ Переяславской семинаріи богословскаго класса.

Въ этомъ своемъ донесеніи епископъ Иларіонъ, между прочимъ, пишетъ, что въ Переяславской семинаріи, учрежденной въ силу указа 1737 г., «до 1773 года преподаваемо было ученіе точію по риторику; а того года антецессоромъ моимъ Іовомъ (Базилевичемъ) учреждена и философія; нынѣ же усматривая обстоятельства нужные для учениковъ сея семинаріи и ползу, къ лучшему для епархіи благосостоянію, учредилъ быть богословскому ученію, къ преподаванію коего опредѣлилъ префекта семинаріи, философіи учителя заграничного Мошногорскаго монастыря игумена Варлаама Шишацкаго, вѣдая доволно по разуму его къ тому благонадежна и способна».

Это доношеніе епископа Иларіона отъ 13 сентября 1781 г. не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что открытіе богословскаго класса въ Переяславской семинаріи послѣдовало послѣ лѣтнихъ каникулъ 1781 года.

Еще одно дѣло архива св. синода (1782 г. № 377) сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о состояніи Переяславской семинаріи—уже въ началѣ 80 годовъ того-же 18 вѣка. Изъ содержащагося здѣсь донесенія въ синодъ послѣдняго епископа Переяславскаго и Бориспольскаго Иларіона Кондратковскаго, отъ 7 ноября 1782 г., видно, что этимъ архіереемъ въ Переяславской семинаріи «богословское ученіе зъ прошлого 781 года учреждено» (т. е. богословскій классъ въ этой семинаріи открытъ и устроенъ былъ *въ 1781 г.*, а не въ 1778 г., какъ доселѣ думали). Изъ этого-же

донесенія получаемъ слѣдующія свѣдѣнія о семинарскихъ зданіяхъ того времени: низшіе классы помѣщались въ каменномъ зданіи, «въ одинъ атажъ подъ древянную кришу выстроенномъ» еще епископомъ Іоанномъ Козловичемъ (1753—1757 г.г.); философскій классъ помѣщался въ «братской трапезной келліи» каѳедральнаго монастыря; кромѣ того, при семинаріи числился еще «особливой древяной домъ въ городѣ (т. е. внѣ монастырскихъ стѣнъ, въ которыхъ помѣщалась самая семинарія) выстроенной, називаемой *бурса*, въ коемъ болшею частію осиротѣліе, а между тѣми и прямо убогіе священно и церковнослужителскіе дѣти содержуются для продолженія ученія». Зданіе «бурсы» и живущіе въ ней ученики содержались на «окладѣ, собираемомъ въ сылу Духовнаго Регламента зъ епархіи»; вслѣдствіе «скудости» переяславской епархіи, въ годъ собиралось на «бурсу» всего «зъ денегъ до 80 рублей, да хлѣба разнаго до 50 четвертей»,—почему «прокормленіе» «бурсаковъ» производилось «со всякою умѣренностію». На содержаніе самой семинаріи давалось пособіе изъ экономіи каѳедральнаго монастыря; что-же касается семинарскихъ преподавателей, то они, по словамъ донесенія, «никакова оклада и доходовъ не имѣя, содержатся на монастырскомъ [1]) и архіерейскомъ иждивеніи».

Еп. Иларіонъ испросилъ разрѣшеніе у св синода взять изъ денегъ, собранныхъ въ переяславской епархіи на «заграничные монастыри и церкви», 600 рублей на пристройку къ семинарскому зданію «одной каменной школы», т. е. помѣщенія для одного класса (вѣроятно, новооткрытаго-богословскаго), и на покрытіе всего семинарскаго зданія «листовимъ желѣзомъ», да еще 400 рублей на постройку новаго деревяннаго зданія для «бурсы» вмѣсто стараго, «въ давнѣхъ годѣхъ выстроеннаго» и пришедшаго уже въ «крайнѣйшую ветхость». Получивъ разрѣшеніе си-

---

[1]) Сколько шло изъ монастырей переясл. еп. на семинарію въ 60 г.г. 18 в., объ этомъ см. въ нашей статьѣ „Гервасій Линцевскій“ въ дек. кн. „Кіевск. Стар.“ за 1904 г.

нода на производство этихъ построекъ, Иларіонъ въ ноябрѣ 1783 г. закончилъ ихъ, о чемъ и донесъ синоду 18 декабря того-же 1783 г.

II.

Нѣсколько данныхъ объ украинскомъ Черниговскомъ коллегіумѣ въ 18 в.

Украинскій черниговскій коллегіумъ, основанный въ 1700 г. знаменитымъ архіепископомъ Іоанномъ Максимовичемъ, впослѣдствіи митрополитомъ Тобольскимъ и Сибирскимъ, въ 1730-хъ годахъ состоялъ изъ 6 школъ или классовъ—аналогіи или фары, инфимы, грамматики, синтаксимы, поэтики и риторики. Въ это время коллегіумъ наполнялся учащимися не только изъ дѣтей духовенства, но и свѣтскихъ разнаго званія; количество послѣднихъ даже значительно превосходило количество первыхъ. Такъ въ 1736 г.[1]) учащихся духовнаго званія было въ коллегіумѣ всего 78 человѣкъ изъ 253 «студентовъ всѣхъ» коллегіума. Остальныя сословія были представлены такъ: 76 дѣтей козаковъ бунчуковыхъ, значковыхъ и рядовыхъ, 30—сыновья мѣщанъ и купцовъ; изъ людей посполитыхъ—69. Въ 1737 г. учащихся въ черниговскомъ коллегіумѣ было меньше, чѣмъ въ предыдущемъ году, всего 210, которые такъ распредѣлялись между сословіями: духовнаго—74, козацкаго—62, мѣщанскаго и купеческаго—31 и посполитыхъ—43. Въ 1738 г. въ коллегіумѣ обучалось 188 человѣкъ, въ томъ числѣ дѣтей духовенства—60, козачьихъ—56, мѣщанъ и посполитыхъ—72.

---

[1]) См. въ дѣлѣ архива св. синода 1737 г. № 380 (въ томахъ—1 и 2) донесенія архіепископа черниговскаго Иларіона Рогалевскаго (1735—38 г.г.) отъ 28 апрѣля 1737 г. и 16 мая 1738 г.; донесенія эти существенно дополняютъ свѣдѣнія о черниговскомъ коллегіумѣ, сообщаемыя покойнымъ архіеп. черниговскимъ Филаретомъ Гумилевскимъ во 2 т. его «Историко-статист. описанія черниг. еп.», Черниговъ, 1873 г.

Далеко не одна черниговщина посылала сюда своихъ уроженцевъ для полученія образованія, и не одна только лѣвобережная Украина; было тутъ не мало и пришедшихъ «з Полщи» какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ; показанъ даже одинъ «венгерской націи», бывшій въ классѣ риторики въ 1737—38 учебномъ году. Такимъ образомъ, черниговскій коллегіумъ въ 1730-хъ годахъ, какъ и вообще въ 18 вѣкѣ, игралъ большую роль въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія на Украинѣ, давая въ своихъ стѣнахъ среднее образованіе для представителей населенія разныхъ сословій со всей Украйны—и лѣвобережной, и правобережной.

Учащіеся въ черниговскомъ коллегіумѣ въ данное время жили: 1) или на отдѣльныхъ квартирахъ «на кошту отческомъ»—это дѣти состоятельныхъ родителей; 2) или «на інспекторіахъ»—на содержаніи родителей учениковъ, репетиторами которыхъ они были,—это бѣдные и болѣе способные ученики изъ старшихъ классовъ—поэтики и риторики (главнымъ образомъ послѣдней); 3) или «на хлѣбѣ епархіалномъ» и «на хлѣбѣ монастырскомъ» «в бурсацкихъ домѣхъ»—это «нищіе и прокормленіе себѣ получать откуда неимущіе». Въ 1736 г. «на кошту отческомъ» въ черниговскомъ коллегіумѣ было 116 учениковъ, «на інспекторіахъ»—33 (изъ нихъ 29 изъ класса риторики и только 4 изъ поэтики), «на хлѣбѣ епархіалномъ»—104. Въ 1737 г. «на кошту отческомъ» состояло 99, «на інспекторіахъ» 26, «на хлѣбѣ монастырскомъ в бурсацкихъ домѣхъ»—85. Для жилья бѣдныхъ семинаристовъ при черниговскомъ коллегіумѣ въ 1720-хъ и 30-хъ годахъ существовало «два жилніе домы», иначе называвшіеся «*бурсацкими* домами». Содержались эти дома, въ силу распоряженія, сдѣланнаго при вступленіи въ управленіе черниговской епархіей архіепископомъ Иродіономъ Жураковскимъ (1722—1733 г.г., † 1736 г.), на особые взносы монастырей и церквей епархіи. Практиковалось такъ: одинъ годъ взносили на «бурсу» монастыри деньгами и «харчами», другой годъ приходскія церкви—одними только деньгами. Въ 1723, 25, 27, 29, 31, 33, 35 и 37 г. г. взносъ дѣлали церкви, каждый годъ равномѣрно—по 54 рубля 27 коп. На эти 54 рубля 27 копеекъ и содержались

круглый годъ человѣкъ 80--110 «бурсаковъ», Въ 1722, 24, 26, 28, 30, 32, 34 и 36 г.г. взносы дѣлались монастырями черниговской епархіи. Монастыри взносили на содержаніе «бурсы» въ годъ—24 рубля деньгами, 24 четверти ржаной муки, 1 четверть пшеничной муки, 6 четвертей «гречаной» муки, 7 четвертей крупъ, 100 «квартъ олѣи» и 9 пудовъ сала. Отпускалось неопредѣленное количество «харчевого викту» и отъ дома архіерейскаго—«по возможности».

Обученіе въ коллегіумѣ велось на 3 языкахъ—славянскомъ, польскомъ и латинскомъ.

Въ 1736 и 1737 г.г. префектомъ коллегіума и учителемъ риторики былъ іеромонахъ Іоасафъ Григоріевъ Липяцкій (или Лѣпяцкій), 37 лѣтъ отъ роду, происходившій изъ г. Полтавы, сынъ священника. Въ то же время въ другихъ классахъ преподавали: въ поэтикѣ—монахъ Софроній Ивановъ Зѣмѣнскій (послѣ былъ тутъ-же префектомъ), 32 лѣтъ, сынъ священника, урожеиецъ «заграничного полского мѣстечка Зѣлочова»; въ синтаксимѣ и грамматикѣ—іеромонахъ Пафнутій Захаріевъ Захаржевскій, 40 лѣтъ, «мѣщанскій сынъ з заграничного города Лвова»; въ аналогіи (фарѣ) и инфимѣ—іеродіаконъ Варнава Ивановъ Корогодскій, 29 лѣтъ, сынъ священника изъ Чернигова.

Учителя коллегіума получали также содержаніе: изъ черниговскаго каѳедральнаго монастыря «истного и питного викту»: имъ отпускалось «ежеденно» «удвое» больше прочихъ монаховъ этого монастыря; кромѣ того, ежемѣсячно имъ на всю «компанію» изъ дому архіерейскаго отпускалось нѣкоторое количество ржи, соли, хлѣба, крупъ и муки; принимали они также участіе въ братской монастырской кружкѣ; одѣяніе получали «з келіи архіерейской и с казни» архіерейскаго дома. Былъ еще одинъ источникъ доходовъ для учителей коллегіума: родители «знатного чина», отдававшіе для обученія въ коллегіумъ дѣтей своихъ, «за честь тѣхъ знатного чина учениковъ», давали учителямъ «полѣтическое приношеніе» 4 раза въ годъ—передъ каникулами, послѣ каникулъ и къ праздникамъ Рождества Христова и Пасхи. По-

слѣдній источникъ содержанія учителей коллегіума считался вполнѣ естественнымъ,—о немъ, какъ обычномъ явленіи, архіерей, между прочимъ, доноситъ синоду.

Не смотря на то, что, при совокупности всѣхъ указанныхъ доходовъ, учители коллегіума «безъ нуждно доволствовались», должность учительская не считалась интересною: архіепископъ Иларіонъ доноситъ въ синодъ, что свѣтскіе учителя не могли-бы выдержать положеннаго трехгодичнаго срока прохожденія учительской должности, только монаховъ и можно было удерживать на преподавательскомъ мѣстѣ три года.

По окончаніи семинаристами коллегіума,—доносилъ синоду архіепископъ Иларіонъ,—ихъ, вслѣдствіе «малороссійской свободы», нельзя было удерживать въ духовномъ званіи: очень многіе — иные по окончаніи коллегіума, а другіе «и школъ латинскихъ совершенно ученіе не прошедши»,—уходили на свѣтскую службу, занимали разныя должности въ козацкихъ полкахъ или канцеляріяхъ, иные-же уѣзжали довершать свое образованіе въ другихъ коллегіяхъ.

Еще нѣсколько цифръ за послѣдующіе годы.

Въ 1738—39 учебномъ году въ черниговскомъ коллегіумѣ, въ 6 школахъ его обучалось 67 сыновей духовенства и 135—свѣтскихъ, въ томъ числѣ 12—дѣти бунчуковыхъ козаковъ, 27—значковыхъ и 24—рядовыхъ козаковъ, 37—дѣти мѣщанъ, 11—«поселянскихъ» и кромѣ того «виходцовъ с Полщи»—разныхъ чиновъ и званій—24.

Въ слѣдующемъ учебномъ году учащихся здѣсь было нѣсколько больше—213, изъ нихъ—90 духовныхъ, изъ козаковъ—бунчуковыхъ—23, значковыхъ—22, рядовыхъ—12, изъ мѣщанъ—32, «поселянскихъ»—12, вышедшихъ изъ Польши—22 (кромѣ дѣтей духовенства).

Въ 1739 г. на содержаніе «нищихъ студентовъ» коллегіума, т. е. «бурсаковъ», поступило съ церквей черниговской епархіи 54 рубля 27 копеекъ, изъ которыхъ израсходовано было 51 р. 62 коп.

Въ 1740—41 учебномъ году число учащихся сильно возросло—ихъ было 254 человѣка. Лицъ духовнаго званія въ этомъ году обучалось въ коллегіумѣ 85 (т. е. около $^1/_3$ всего количества учащихся), остальныя двѣ трети состава воспитанниковъ коллегіума распредѣлялись между другими сословіями такимъ образомъ: козаковъ—бунчуковыхъ 30, значковыхъ 19, рядовыхъ 26, мѣщанъ 40, поселянъ 14, выходцевъ изъ Польши (не — духовнаго происхожденія) 40.

На содержаніе «бурсы» въ 1740 г. взнесено было отъ монастырей черниговской епархіи 6 четвертей и 1 четверикъ ржаной муки, 2 четверти крупы, 4 пуда и 19 фунтовъ сала и 22 рубля денегъ. Израсходовано было въ теченіе года все, кромѣ $93^1/_2$ копеекъ.

Въ 41—42 учебн. году количество учащихся значительно понизилось—до 202 человѣкъ. Кромѣ 85 духовныхъ (въ томъ числѣ 4 выходца польскихъ), обучалось 27 дѣтей бунчуковыхъ козаковъ и старшинъ, 17—значковыхъ, 15—рядовыхъ козаковъ, 23 — мѣщанъ, 15 — поселянъ, 29 — свѣтскихъ выходцевъ изъ Польши. Въ слѣдующемъ учебномъ году училось 89 духовныхъ (въ томъ числѣ 7 вышедшихъ изъ Польши) и 124 свѣтскихъ,—въ числѣ послѣднихъ—дѣтей старшинъ и бунчуковыхъ козаковъ—25, значковыхъ козаковъ — 11, рядовыхъ—26, мѣщанъ—28, поселянъ—12, польскихъ выходцевъ—22.

Въ 1743—44 учебномъ году изъ 267 учащихся духовныхъ было 105, сыновей старшинскихъ и бунчуковыхъ козаковъ—38, значковыхъ козаковъ—12, рядовыхъ козаковъ—37, мѣщанъ—19, поселянъ—27, вышедшихъ изъ Польши свѣтскихъ—29. Въ числѣ 105 дѣтей лицъ духовныхъ въ этомъ году было 7 вышедшихъ изъ предѣловъ польскаго королевства; дѣти заграничнаго духовенства обычно значатся обучающимися только въ старшихъ классахъ, начиная съ класса синтаксимы.

На содержаніе «бурсы» при черниговскомъ коллегіумѣ израсходовано было: въ 1741 г.—37 рублей 71 коп. (изъ поступившихъ 54 руб. 29 коп.); въ 1742 г. — 14 четвертей ржаной

муки, 7 четвертей «гречаной», 4 четверти крупы, 6 пудовъ сала и 16 рублей денегъ; въ 1743 г. — показано израсходованныхъ только 16 рублей (изъ 53 рублей 24 коп., собранныхъ съ церквей епархіи).

Въ данное время (вторая четверть 18 в.) въ черниговскомъ коллегіумѣ было всегда 6 школъ, начиная съ фары или аналогіи и кончая риторикой. Упраздненія класса фары (какъ то случилось въ переяславской семинаріи въ 1741 г.) здѣсь не было.

Вл. П—ко.

НІОБА.[1]

(Новеля).

ГЛАВА XV.

Зонынъ дневныкъ.

Стара бабуня чытае своему двадцятылитнёму слипому внукови дневныкъ своеи доньки Зони, видъ уступу до уступу, объявляючы пры тимъ (забувшы цилковыто на его прысутнисть) свои думкы и розмиркованння, такъ що дневныкъ зъ іи замиткамы мае характеръ якогось музычного duo.

—

(Зоня): «Чытайте мій дневныкъ, моя далека, горемъ похылена мамо, чытайте мій дневныкъ! Уперше въ жыттю потребую я сповидныка. Але не такого, котрый подавъ бы мени религійну розраду, чы тамъ потишення, а такого, котрый носывъ черезъ циле свое жыття тяжкый хрестъ.

Я бувала завсигды въ соби замкнена, уныкала (хоча зъ прыроды доволи покирлыва) всякого хочъ бы и найменьшого упокорення — а остаточно... потребую сповидныка! Вы дорога, далека маты! Вы, зъ вашою горемъ пригнобленою душею, та

---

[1]) См. К. Ст. 1905 г. № 7 —

глыбоко зарысованною линією болю коло добрыхъ устъ,—будьте *вы* моимъ сповидныкомъ, що прынявъ бы мою сповидь, потишывъ бы мене, а остаточно простывъ мени, бо чїёгось прощення я потребую!

Вы, моя далека мамо, зъ хрестомъ, що ёго наложылы на васъ ваши диты, а котрого вы сами неслы, будьте вы, мамо, моимъ сповидныкомъ!

(Бабуня, чытаючы, хытае смутно билою головою и говорыть пивголосомъ):

— «Такъ, такъ, моя сумовыта доню! я вже видчуваю, чому тоби сповидныка потрибно. Ты потребуешъ мого благословенства до твоихъ терпинь, и не дурно звернулася ты до твоеи матери!..

—

(Зоня). Вы знаете, мамо, яке выховання я отрымала, и зъ якою любовію и стараннямъ обдавалы мене тётя и вуйко,—якъ мене описля выпровадылы въ товарыство и, хотяй того николы не говорылы устамы,—леліялы въ своимъ серцю бажання выдаваты мене замижъ за якогось чесного и образованного чоловика, найрадше за пытомця.

Тёти и стрійкови, особлывожъ тёти, здавалось, що це мусыло бы для мене найлипше буты, бо звычайно воны зналы станъ духовенства, якъ и ёго добри и недогидни стороны.

Въ своимъ вильнимъ часи виддавався вуйко (о скилько це ёму було можлыво) де-якымъ студіямъ, особлывожъ выучуванню чужыхъ мовъ, якъ тако-жъ литературы и поэзыи. И не дыво, мамо, що я, чымъ ставала старшою и поважнійшою, стала ёго ученыцею. Особлыво-жъ де-яки чужи мовы прысвоювала я соби, за ёго порадою и помочею, радо и охотно, що уможлывляло мени описля пизнаваты чужу литературу. Це зновъ справляло мени завсигды таку приємнисть и вдоволення, що я, хоча мы жылы доволи спокійно, и [illegible] для себе, не зазнавала николы нудьгы и не боялася самоты, якъ де-яки зъ моихъ ровесныць и иншыхъ знаёмыхъ [illegible]. Я любыла самоту, мамо.

Въ ній працювалося и роздумувалося такъ свобидно и легко, а наколы вона видъ часу ожывлялася мылымы и товарыськымы знаёмымы, все выривнювалося въ гармонію и корысть.

—

Мени соромно, мамо, сказаты вамъ:

Я доволи завчасу зачувала, що моя врода сымпатычна, та що я можу вважатысь «доброю партіею»; зразу не робыло це на мене ніякого враження, хыба що справляло на хвылыну прыемнисть. Пизнійше ставало це мени прыкро и якогось рода тягаромъ, а часомъ просто и разыло, и ображало. Я зрозумила, що у всимъ тимъ булы замиры и натякы на вуйковый маетокъ; а я, що мала въ такыхъ справахъ свои власни погляды, була въ тимъ напрями незвычайно вражлыва и горда.

Найбильше гнивалы и ображалы мене сами женщыны. Николы не смила я буты дотепнійшою цее або тое розумиты липше, якъ де хто иншый зъ знаёмыхъ жинокъ нашого товарыства, або моихъ «товарышокъ», щобъ не видограла заразъ «спадщына» по вуйкови якусь свою ролю.

Остаточно довелы до того, що я стала видъ ныхъ стороныты, стала непрывитна, замкнена и зблыжувалася радше до мужчынъ, довиряючы имъ скорійше, нижъ жинкамъ и дивчатамъ.

Але и мужчыны не говорылы правду, мамо!..

Брехалы иноди навить дуже ганебно... але, що найменше, не булы бодай таки вузкоглядни и завыстни и прызнавалы хочъ те, що въ мене бровы, барва устъ и зубы не булы пидроблювани. Бо проты тамъ-тыхъ я не була навить и зъ того погляду безпечна.

Наколыбъ я хотила вамъ розповисты, мамо, якъ поплыло мое дотеперишне жыття въ цилости, моглабъ я хыба сказаты,— що до полудня була я титчынымъ завидателемъ въ господарстви, себъ-то коморы, хаты и т. и., а по обиди—вуйковою ученыцею (вуйко взагали мало господаркою займався), товарышкою и «камраткою студій». Це булы мои наймыльши хвыли, доты покы не насталы инши, мени ще мылійши и пожаданійши...

Я начытала и навчылася багато зъ вуйкомъ разомъ; це змиркувала и зрозумила я ажъ тоди, колы стала старшою и мала нагоды пизнаваты дивчатъ и женщынъ зъ иншыхъ попивськыхъ родынъ. (Хоча—нема де правды диты, мамо,—донькы нашого «духовенства» выховуются теперъ гарно и тонко, ихъ выховання трактуется далеко поважнійше, якъ утрымують, прым., родыны «урядныкивъ», що мають себе все за щось лучшого и интелигентнійшого).

«Учыся и чытай и це и те, а пры тимъ и господарства не занедбуй, упомынавъ иноди вуйко,—колы мы въ бесиди сходылы прыпадкомъ на тему выховання жинокъ, ихъ становыська въ суспильстви, родыни, та проты селянського люду. Щобъ (мовлявъ), якъ станешъ колысь жинкою священныка, и, якъ Господь дасть, матерію, знала свои диты инакше выховуваты, якъ наши чесни бабкы и прабабкы, та мала инши поняття для видносынъ мижъ народомъ и интеллигенціею, нижъ ихъ мае велыка часть нашои интеллигенціи, що—або вже надто «per-distance» держытся видъ нёго, або, якъ не то, то вже до такои степени интимна, що хиба лышъ за шыю обнимайся та цилуйся. *Перше—ёму корысти не прыспособлюе, а друге—розуму и хлиба не дае.* Винъ мене добре вчывъ, мамо, и мудро. Прыспособлявъ до жыття, але зъ другои стороны хтивъ, щобъ я и штуку *розумила.* Винъ дуже бье на те, щобъ наше жиноцтво було «хоча дрибочку» артыстычно выховане. Жинка (мовлявъ) безъ тончыхъ почувань—то якъ арфа безъ струнъ. А почуття, говорывъ, ушляхетняется не лыше самою наукою и знаннямъ, але и артызмомъ (себъ то штукою) и красою. Взагали прыпысувавъ вплывови штукы и литературы велыку и благородну сылу на выховання людства, особлыво жъ на жиночу вдачу. И завше, мамо, якъ винъ оттакъ въ тимъ напрями говорывъ, ставало мени чомусь такъ добре и любо на души и въ товарыстви ёго мыло, я була саме така (я це видчувала), *якою була дійсно зъ прыроды: гармонійна,* мамо, и себе певна.

Я ёму багато завдячую, мамо, дуже багато. Своею интелигенціею и розумомъ выховувавъ мене, якъ знавъ, простувавъ зо мною до найлипшого и найтоншого.

Лышъ одного, мамо, я не годна була николы затаиты, або хочъ бы и лыцемирыты, а це въ тимъ, що я простый народъ не любыла николы, якъ це мене вуйко навчавъ, переповившы и ёго кровію пидплывшу історію, котрои частки я ще и теперъ дорослою въ жыттю бачу и розумію... Не могла и не можу, якъ слидъ любыты, хочъ належу до нёго...

Одначе, мамо, выслухайте мене.

Не тому не люблю я ёго, що винъ поставленый въ суспильстви нызше, нижъ интелигенція, лыше я *жахаюся передъ тымъ, що ще йе неестетычне въ нызшимъ народи*, и не можу перемогты себе, щобъ зъ нымъ брататыся, якъ це чыныть багато нашыхъ интелигентныхъ жинокъ и мужчынъ. Черезъ тое мае вуйко до мене иноди жаль, и бувае це точка огирчень и суперечокъ межы намы.

Я, мамо, не можу соби порадыты, но и не вмію вси тіи «идеи» и почування, котрымы, прым., наша «молодижъ», а зъ нею и багато нашыхъ поважныхъ и умныхъ людей переймаются,—ставыть на прапоръ борбы,—не вмію, кажу, *переводыты въ практычне*. Мени здается, мамо, що до того треба маты окремый даръ и хыстъ, а передовсимъ змогу перемогты себе.

И теперъ, колы я вамъ отце оповидаю, видчуваю я, що справляю тымъ не лыше вуйкови прыкристь, котрый йе дійсно щырымъ народолюбцемъ и прыхыльныкомъ ёго, покладае стилько на мене, прыгадуючы и переконуючы мене за едно, що жинка мусыть также прыкладаты рукы до розвою просвиты народа,—але видчуваю я, що и вамъ справляю тымъ прыкристь.

Але що я тому вынна, мамо?..

Що се йе за вына?..

Це не йе зарозумилисть зъ моеи стороны, мамо, о Боже мій добрый, певно що ни! бо сотню разивъ ставлю я соби пытання: а щожъ таке есы властыво ты?.. Но въ слидуючій хвыли насувается мени ще и ось яке пытання: «Для чого есы ты саме такою, а не *такою*, чи такою, якымы суть инши?..

О, моя далека, горемъ похылена маты! Якъ бы вы зналы, колы я оттакъ про багато де-чого зъ життя роздумую та розбираю, якъ глыбоко переймае мене чуття покоры! Я покирна, мамо, вже черезъ мое религійне выхованнѧ и що сама моя интелигентнисть сылуе мене до скромности,—а по друге, я добре видчуваю, що—наколыбъ я хтила вже себе навить вважаты женщыною «стылю».—я все такы ще не йе довершенымъ тыпомъ, и ще ничого въ жыттю значнійшого не сповныла.

Та про те, мамо, я йе ще и иншою.

Що я по вашій думци за тыпъ, мамо?

Мамо! чы не було бъ воно липше зробыты зъ мене вже зъ дытынства яку «ремиснычку» и выслаты въ народъ, щобъ я попросту зъ моимы спрацёванымы рукамы прыучувала видъ хаты до хаты селянськи жинкы до якого небудь ремесла?

Кому я можу, оттакою якою есть, корысть прынесты? Жыття не вымагае ничого иншого, якъ саму практычнисть, саму одну практычнисть, зъ котрои выплывають дальше, неначе ланцюгъ, знову корысни результаты. А помымо того, дорога мамо, суть люде, що прыходять, глядять тыхо зъ подывомъ на мене, прыслухуются такъ само мовчкы сёму або тому, колы я розговорюся,—и въ кинци кажуть: яка-жъ вона прегарна!»

Мамо! я турбуюся сама собою.

Якъ бы вы зналы, вы, що черезъ циле свое жыття не зналы ничого окримъ журбы и грызоты и праци, а передъ ничимъ не жахалыся, хиба передъ правдывымъ зломъ, — якъ бы вы зналы, якъ журюся я собою... а черезъ себе и за васъ...

(Бабуня). Я не знаю, моя доню, що тоби видповисты; я йе лыше проста жинка, що у своимъ жыттю не побырала багато, (ба навить жаднои наукы), и котрій выстарчало святе пысьмо одно. Та я лышъ видчуваю, що ты не поступаешъ въ слидъ твоеи матери. А себе за щось незвычайного, неначе за яку тропычну рослыну уважаты—я остерегаю тебе, щобъ колысь черезъ власну выну (себъ-то уяву) не прыдбала соби за-багато розчаро-

вання. Наколыбъ твій образованный батько бувъ жывъ и ты твою сповидь зложыла въ ёго душу, винъ бувъ бы тоби безъ сумниву ось якъ видповивъ:

— «Пиды межы люде, мое гарне, нижне дытя, помирь твои сылы и умыслови здатности на другыхъ—и *ты виднайдешъ себе.* Виднайдешъ и змиркуешъ, якою повыннна ты буты. Тоби збудылася туга за твоимъ власнымъ багатымъ «я», и вона мучыть тебе и ты будешъ тратыты дорогый часъ твоеи молодости на сами мріи та фантастычни пытання. Але вважай! Найкращи мріи и найглыбша туга не прычыняются ни на волосокъ *до зросту и розвою людського духу».*

Лыше чесна есы ты и покирна, якъ и прыстоить правдывій христіянській женщыни, и це вспокоюе мене, и нехай тебе Господь удержуе такою и надали. А що ты пидъ тыпомъ руськои жинкы «стылю» думаешъ—я не розберу. Але держыся *простоты,* моя доню. *Поедынчои и чыстои простоты,* а колы заховаешъ гарне и чысте серце, то стыль выбьется на тоби самъ собою...

А народъ шануй! Гляды-бо! колы йдешъ въ лисъ, ты не застанешъ тутъ такого ладу, якъ въ гарно выплеканимъ и зъ розвагою заложенимъ саду,—та за те стринешъ ты въ лиси таку сылу и потугу, стильки несвидомои поэзіи и красы зъ першои рукы, о якій въ гарно выплеканимъ саду иноди и не снять, а тоби иноди зъ подыву серце замовкне, и ты-бъ чымъ разъ глыбше и глыбше въ лисъ заходыла... Це—той нашъ народъ, моя доню!

Нашъ дыкый, некультурный, такъ часто погорджуваный и зневажуваный народъ.

Народъ шануй!!!

—

(Зоня). Мамо!

Колы мы любымо, а видтакъ предметъ свого боготворення не можемо бильше любыты, то це такъ само сумно, иначе бъ мы и николы не любылы,—такъ здается мени.

Той мужчына,—и я можу сказаты значный, пожаданый и взагали шанованый мужчына,—котрого вуйко и титка вы-

бралы зъ моихъ поклонныкивъ для мене за мужа и котрому я вже слово дала,—якъ и бувъ винъ мени ще до-недавна все и всимъ,—винъ мени чомусь вже *теперъ* неначе не той ставъ.

Ни, мамо! винъ бувъ бы мени тымъ ще и теперъ, наколыбъ якесь заважаюче щось не стануло межы насъ. Уперше черезъ ёго завысть,. що пидмулюе за-едно ёго довирья до мене, а видтакъ черезъ ёго вже надто крытычни вымогы до моеи особы. И все той страшенно практычный змыслъ, котрого той чоловикъ всимъ объявляе. Винъ прыводыть до розпукы!.. И *це* я повынна, и *то* я повынна. И *такою* я есть, а такою *не* есть; но Господь Богъ знае, якъ тутъ дійты до кинця! И пры тимъ запевняе мене (Олексою люблю я ёго называты), що любыть мене до «безумства» и готовъ мене на рукахъ носыты, щобъ я лыше була вдоволена и счаслыва.

Мамо!

Становысько, яке винъ незадовго займе, оставляе мене доволи байдужою, хотяй то становысько моёго померплого батька и вуйка.

Винъ, покинчывшы впередъ философычни студіи, кинчае саме богословіе.

Але не объ тимъ хтила я говорыты..О це мени тутъ не розходытся, лышъ о нимъ, яко чоловику, чы радше яко особыстости.

Гляньте, мамо! винъ мудрый и чесный и те, що мы звыклы назваты въ жыттю «порядный» и высшого образовання, якъ ни одынъ зъ ёго товарышивъ зъ нашого липшого товарыства, або и ёго ровесныкивъ. Винъ працюе надъ собою, такъ що просто змушуе другого шануваты ёго. Лышъ що мене на нимъ, а опроче и на другыхъ багатыхъ нашыхъ «молодыхъ», немыло вражае, це те (мени о нёго, а не о ныхъ розходытся)— що винъ показуе надто «киньське копыто прозы». И якъ-разъ тоди, де я буваю найвражлывиша. Наколы бъ винъ хтивъ хоть крыхитку зъ моею вдачею погодыться, хтивъ зрозумиты мене, не сылувавъ тилько до своихъ «принципивъ», не прыстосовувавъ на сылу,—о скильки меньше тиней ставало бы межы насъ!

Я жъ, мамо, добра и слухаю охотно, и я ёго шаную, и винъ подобается мени (мій золотоволосый); ба навить бувають, мамо, иноди хвыли, въ котрыхъ хтила бъ сама не знаю що, нижъ ёго втратыты! Въ тимъ чоловикови йе щось, що мене сылуе ёго шануваты и циныты и въ де чимъ ёго вчынкы наслидуваты. Я навить кажу, мамо, що мени не годенъ нихто ёго заступыты. Лыше бида въ тимъ, що своею вдачею разыть мене иноди до глыбыны души, и завсигды якъ-разъ въ хвыли, колы моя душа видчынена прыйматы саме щось найтонше и найкрасше.

Оттакъ любымося и мучымося мы вже бильше якъ два рокы, тыхо и потайно, мамо. Бо обое хтилы мы, щобъ свитъ знавъ объ тимъ, що мы заручени; и зъ насъ мае выйты пара.

Наколы въ мене йе яке бажання, нехай бы воно соби и яке тамъ було дрибненьке й неважне, а сповнення ёго для мене саме значыть «счастя»; винъ не сповныть ёго николы (хоча бы и мигъ), тоди колы мени на тимъ залежыть,—докы не мыне впередъ кильки тыжднивъ и я зъ тугы за тымъ не перемучуся и не поблиднію (це дрибный зъ прымиривъ «тактычного» ёго поступовання зо мною).

А колы вже мыне часъ мукы, зъявляется винъ, сповищаючы, що ось-то мое бажання сповнено, и глядыть, чы я радуюся; мамо, и ще «якъ» радуюся! Голосна и бурлыва мае буты та втиха, котру бъ винъ узнававъ за щыру, якъ іи вымагае (такъ винъ запевняе) «шырока украинська натура»

А я вже не годна радуватыся.

Вся моя энергія увійшла ще зъ-початку въ тугу за сповненнямъ того бажання, такъ що я годна ледви всмихнутыся. Тоди винъ ображается, каже, що жадна жинка на свити не знае точно, чого и колы вона хоче;—вмовкае, а якъ ни, то зачне о такыхъ поверховныхъ и буденныхъ ричахъ говорыты, що я, ій-Богу, не можу инакше, якъ въ такыхъ для мене невыносымыхъ хвыляхъ за все те ненавыдиты ёго.

Часомъ мени здается, що въ ёго натури крыется своёго рода деспотызмъ, котрый не хоче узнаваты вражлывійши вдачи и тому видчувае видъ часу до часу потребу—тую вдачу перемагаты, або бодай доводыты до мукы, щó ёму очевыдно справляе вдоволення.

О скильки я пидъ тымъ терплю, я не годна вамъ, мамо, сказаты, и колы-бъ не булы зъ другого боку ёго гарни и цинни душевни прыкметы и ёго несказанно сымпатычна для мене особыстисть, мижъ намы було-бъ уже давно до «сценъ» прыйшло.

Але я пиддаюся тому, мамо, пиддаюся, щобъ не турбоваты вуйка и титку. Бо проты ныхъ зъ якою скаргою на Олексу выступаты—значыло-бъ зъ моеи стороны те саме, що найбильше проступство. Бороны Боже! Винъ то вже есть такою досконалостію зъ кождого погляду и такъ зовсимъ довершенный, що на нимъ нема ничого ни на волосочокъ схыбленого. До того прылучылыбыся и ёго патріотычни здибносты и дила пидъ «розвагу», и я бъ вже тутъ напевно проты ныхъ всихъ троихъ програла!

Яки мали и никчемни булы вси мои «вчынкы» проты ёго патріотычнои праци! Яка маловажна и незначна моя будучнисть, зъ полемъ праци, проты ёго будучности и дилъ!..

И це йе правда, мамо.

Я це соби и сама кажу, бо вуйко и титка надто мене люблять, щобъ мени те все явно говорыты.

Це йе сотню разивъ правдою, але що я можу вдіяты, мамо? Що я можу вдіяты, що межы отцимъ гарнымъ чоловикомъ и мною йе щось, щó мене видъ нёго помымо всёго въ де-якыхъ хвыляхъ видпыхае!..

Наколы-бъ вы моглы чуты и бачыты, якъ винъ провадыть себе межы народомъ, мамо! Вы бъ, хоть и яки стари, а напевно прыйшлы бъ до ентузіязму.

Просто на рукахъ ёго носять,—такъ знае винъ до ныхъ промовляты и соби зъеднуваты людей. Колы часомъ лучается, що винъ правыть богослуженіе вмисто вуйка, а видтакъ по служби

зачепыть цёго або того господаря на розмову, якъ заразъ юрбою сходятся до нёго люде, неначе бъ тутъ котрый зъ св. апостоливъ зъявывся и мавъ для кожного пораду и науку,—для кожного, неначе зъ-окрема до ёго потребъ и жыття, осибни слова.

И ёго поведення не йе пидроблене, мамо, ни. Воно правдыве, гарне и щыре, винъ самъ походыть зъ-пидъ сильськои стрихы, и тому въ нимъ нема зъ того погляду ничого фальшывого. А однакожъ, я не можу такъ видчуваты, якъ винъ,—хоча я добре бачу, що воно (якъ каже вуйко) йе знаменыте и на будучнисть «хосенне». (Вуйко пророчыть ёму колысь посольство до рады державнои). Я стою оподаликъ видъ всёго ёго патріотычного дила, прыдывляюся тыхо—и, нема де правды диты, я радуюся нымъ. Я жъ бачу чоловика, котрого я люблю,—винъ здатный, шанованый... винъ значный, одначе... одначе, що це за несчастя, мамо, жые въ мени и моему пожыттю зъ тымъ чоловикомъ загрожуе? По сценахъ въ народи (иноди буваю я свидкомъ), прыходыть винъ до мене — глядыть мени поважно въ очи, гладыть по лыцю, якъ малу дытыну, и пытае: «Якъ выдается тоби те все? Чы було добре?.. Чому ты не пишла межы люде, щобъ ихъ думку почуты? Ты можешъ це прецинь зробыты; ты-жъ тутъ въ себе дома и зъ людьмы знакома. Имъ мыло, якъ проты ныхъ бувается добрымъ и займается ихъ горемъ и втихою. Ты мусышъ завсигды такъ поступаты, щобъ познаёмытыся на-скризь зъ клопотамы сильськыхъ людей. Це навить по-часты и твій обовьязокъ. Не треба все такъ видсторонь держатыся и поводытыся холодно и вздержлыво. Мени це мыло. Яка буде разъ зъ тебе «попадя»? Поважъ сама! Ты мусышъ бильше до народа зблыжытыся! (и знову гладыть по щокахъ).—И я вже чымсь то немыло вражена и чымсь то видъ нёго *видопхана*.

— «Я це такъ не розумію, якъ ты, Олексо!»—звыняюся я; «я зроблю це або надто вызначно, що люде ледве чы схотять по правди говорыты, або и зовсимъ не вчыню».

«Це не мудро»,—видказуе винъ роздражнено,—«ты показуешъ себе такою, якъ мійськи поверховни панны. Шкода лыше,

що называешся попивськоюю дытыною, и то ще дочкою значного священныка, якымъ бувъ твій батько. Якъ образовани жинкы и чоловикы не внесуть свитла и культуры въ темный народъ, то само зъ себе воно мижъ нёго не ввійде. Я не розумію, на що може прыдатыся тоби на сели все твое образовання и очытання, якъ не на те, щобъ зъ нёго и други корыстувалы.

Иды! ты не подобаещся мени нынi зъ твоимы «зворушеннямы» арыстократызму. Не знавшы твою чесноту и чыстоту твоеи души, що не вміе лыцемирыты, я-бъ иноди бравъ твое штывне поведення мижъ людомъ за афектацію,—такъ немыло вражае воно мене въ тоби мижъ нашымъ людомъ».

Пры тимъ вхопыть мене такъ сыльно за руку, що я зъ болю зойкну, оставляе на мисци и йде зновъ въ село, - неначе направыты на людяхъ те, що я мовчаннямъ и своимъ пассывнымъ захованнямъ наброила.

Я остаюся засоромлена сама, хотяй по правди не маю прычыны соромытыся, бо я сказала ёму правду, не затаюючы ничого, и видчуваю выразно, що то, що мене споводувало поступаты саме такъ, а не инакше, було не менше сыльне и правдыве, якъ прычыны до ёго поводиння.

Иноди здается мени, що колы-бъ те, що я зву въ нёго «кинськимъ копытомъ прозы», взяло надъ нымъ верхъ проты мене, винъ бувъ бы въ стани, помымо своеи доброты, чесносты и справедлывосты, розпалывшыся, пидняты и руку на мене.

Таки уявлення, мамо, наводять на мене иноди безсонни ночи,—такъ дуже вражлывою буваю я иноди на ёго поведення. Винъ, розуміеся, немае и поняття о тимъ всимъ.

А зновъ *ёго* роздражнюе якесь «щось» въ мени, въ тій самій мири, якъ мене въ нёго «кинське копыто прозы».

Такъ бувае деякымы часамы.

А иншымы зновъ люблю ёго, мамо, такъ, що якый винъ соби и велыкый та мицный, я-бъ ёго просто «проковтнула» въ свою душу. Такый сымпатычный мени та потрибный для души,

а наколы-бъ, хороны Боже, прыйшло мижъ намы до розлукы, я бъ була въ стани поступыты, якъ Лидія.

Чы це не любовъ, мамо?..

Це любовъ, бо винъ подобается мени, а ёго врода мени, якъ кажу, несказанно сымпатычна, бо—гарный. (Винъ трохы похожый на Ёсыпа, мамо, лышъ трохы выщый).

Наша любовъ, мамо, то щось такого якъ казка. Барвна, повна надій и тревогы, повна суперечокъ, а може потрохы и штучна.

Тётя радуется намы обома, неначе зъ нашымъ одружиннямъ отворытся и для неи якыйсь тамъ «рай». Такъ дуже цинытъ и шануе вона того чоловика, и такъ само и вуйко. Липшого обезпечення (мовляютъ) не могла мени доля выробыты. Чесный мужчына, интелигентный, тіеи самои народности, що и я, значыть и шанованый,—варункы прымовляютъ вси за счастямъ. И я сама це бачу. Одно зъ насъ йе доброю партіею, мамо: винъ, або я. Одно зъ насъ обохъ йе тымъ певно,—але *котре*, я не знаю вамъ сказаты.

Я склоню лыше свою голову нызько передъ вамы и прызнаюся до якоись то выны проты мого чоловика.

Лыше вына тяжыть въ мени якоюсь *ще мени самій незнаёмою тайною*...

Стильки кажу вамъ мамо.

Олекса и гарный, и добрый, и значный, и я ёго «люблю». Але, мамо,—моя далека, горемъ похылена мамо,—прыйдить мени на помичъ!

Колы Андрушу, пьяного, на-пивъ мертвого, ёго кони до-дому волочуть, винъ не такый безпомичный, якъ ваша гарна, боготворенна донька въ де-якыхъ хвыляхъ своего такъ часто и такъ дуже завыдуваного жыття...

(Бабуня): Я чую, моя дорога дытыно, що ты терпышъ; твое лыце чымъ разъ то блидне й блидне, а очи твои, тіи мои

прекрасни оченята, дывлются чымъ разъ сумнише впередъ себе.

Але въ жинокъ бувають иноди настрои, що ихъ такъ легко словамы не розвіещъ. Я вже стара и горемъ похылена, можу тебе хыба до серця прыгорнуты, поблагословыты и виддаты опеци Господній. «Виддай Господу Богу твою жыттёву дорогу», кажу я, а дали: «Зносы терпливо отце твое «*ныни*» за-для *будучыны* твоеи.

Мужчына, о котримъ розповидаешь.. винъ... (я бачу) мудрый и чесный, саме для жыття спосибный. Ёго чеснота и розумъ не стерплять, щобъ ты мала въ жыттю терпиты и плакаты.

Те, що ты называешъ въ нёго и другыхъ «киньськымъ копытомъ прозы», це зъ твоеи стороны лыше пуста уява и химеры, а по правди нищо инше, *якъ твердый свитоглядъ, котрый тоби бракуе.* Ты надто вже въ добри и безжурности выховувалася и выростала, щобъ на жыттю розумитыся. Наколы бъ якый выхоръ жыттёвый надъ тобою звіявся, ты-бъ або зламалася, або згынула зъ журбы. Та отцю несчасну вражлывисть мусышъ ты старатыся въ соби гартуваты и прытупляты. Вона тоби,—особлыво жъ въ пожыттю зъ простымъ людомъ,—не выйде на добре и въ корысть. Якъ хочешъ ты, прымиромъ, зъ такою вражлывистю и тонкистю видбыраты видъ людей для прыходства даткы, котрыхъ и такъ тверезымъ чуттямъ... тяжко выдобуты. А ты будешъ мусыла це робыты, моя донцю; жыття, ба и досвидъ, прысылують тебе до того. Чы тётя поступае, може, инакше? А други, а и я—чынылы мы инакше?

Ни, моя дивчыно, ты поступыла твоимъ почуваннямъ и думкамы на якыйсь... доси нетыканый намы шляхъ: ни я такъ не думала, ни старши сестры твои; жадне зъ моихъ дитей не було таке, якъ ты!

Держыся лыше того чоловика, якого тоби Господь надиславъ въ тимъ добримъ и чеснимъ молодци. Зрозумившы ёго зъ твоихъ оповидань на свій ладъ, я дякую Господу, що винъ звивъ васъ разомъ.

И не забувай, що винъ здобувъ те все, чымъ вже доси йе, власнымы сыламы. Твій обовьязокъ твердо по ёго сторони

стояты. А передовсимъ будь добра, моя дытынко, будь доброю! Ты ще не знаешъ, яку вагу мае доброта и смыренныстъ въ домашнимъ пожыттю. Правда, воно вже давно, якъ була я молодою и пареченою, але николы не було въ мене иншого бажання, якъ бажання въ твого батька.

Стережыся, моя доню! гляды на твою будучыну и твое счастя тверезымы очима. Бо яка тоби остаточно корысть, якъ мовыть слушно Олекса, зъ всёго твого образовання и очытання? На що воно, якъ остаточно не на те, щобъ зъ нёго набуты въ жыттю хисна? Яко будуча жинка священныка, маешъ ты передъ собою шыроке и гарне поле до праци, и ты мусышъ працюваты. Ты будешъ и диты маты, а воны прыведуть зъ собою для тебе горе и клопоты, бо зъ ихъ прыбуттямъ на свитъ рукы и ногы не спочываютъ бильше.

Ты турбуешъ твою матирь, моя прекрасна дытыно, такъ, якъ (я це замичаю мижъ твоимы словамы) турбуешъ и роздражнюешъ твого судженого. Слухай ёго и йды въ слидъ за нымъ, мовъ за учытелемъ твоимъ! Ёго воля нехай буде и твоя воля. А народъ шануй и любы, бо интелигенцыя не йе ничымъ иншимъ, якъ лышъ ёго выцвитомъ,—а ты сама ничымъ иншымъ, якъ дрибна квитка зъ іи осередку.

(Слипый внукъ): Бабуню, бабуню! не говорить до неи такъ строго. Чы вы не видчуваете іи потайный смутокъ? Подумайте и про іи душу! (По хвыли задумы): опышить мени іи вроду. Якъ вона выглядае, колы іи вже вси находять такою гарною? Яки въ неи очи? Я ще не втратывъ змыслу до барвъ.

(Бабуня): Вона, мій сынку, высока и нижнои тонкости въ постати, и очи іи немовъ зъ небесноі блакити выкроени и чорнымы віямы отинени, велыки и таки прегарни, выразомъ тугы и мягкости, що проты ныхъ не мигъ бы хочъ бы й хто холоднымъ устоятыся. И чорне въ неи волоссячко, що прылягае пестлыво до іи жывчыкивъ и чола.

Лыше вона и моя дрибненька квиточка, що мени іи Господь дытыною забравъ, булы соби таки подибни и гарни. Але колы

тá була бъ (колыбъ жыла) переминыла хату видъ стинъ до горы,—ступае *отця* тыхо своею дорогою и справляе мовчкы всимъ найлипшымъ, що іи люблять, смутокъ!..

(Зоня): Мамо! Отце мала я не-абы-яку суперечку зъ Олексою.

Винъ указувавъ мени на килькохъ дивчатъ зъ попивськыхъ родынъ, що видзначалыся своею працею и спивудиломъ въ народнихъ справахъ и выклыкалы послидними своимы диламы, мижъ иншымъ агитаціямы и видчытамы, пóдывъ и похвалу цилои нашои околыцы.

— «Чому оповидаешъ ты мени це зъ такымъ сыльнымъ прытыскомъ?«—спытала я ёго, видгадуючы вже и безъ того прычыну ёго меморій.

— Тому, моя мыла, бо мене гниваe твоя пасивнисть проты такои потрибнои въ насъ діяльности. Чы ты соромышся тіеи народности, до котрои належышъ, що держышъ себе одсторонь видъ всякого національного и патріотычного руху, та взагали видъ народнихъ справъ?

Ёго слова збунтувалы мене.—

— «Я не маю до того наименшои прычыны, Олексо. Въ мене нема лыше натхнення щось въ тимъ напрями робыты. А щось удавáты—до того немаю правдывого дару и почування (чы радше охоты), мени протывно. Я не маю здибности до голосной, неспокійнои праци, що бувае иноди переповнена и рижными ривножъ голоснымы сценамы. Ты жъ це прецинь знаешъ, а помымо того лучышъ мене однаковымы зáкыдамы. Оставъ то, Олексо,—зъ того погляду не буде воно иначе. Бачышъ, помымо того, що мене одушевлення и энтузіазмъ, якъ и взагали щыри й тепли поривання нашои патріотычнои молодижи, часто до подыву порываютъ, то що до мене—я себе не можу перемогты, щобъ ни зъ цёго ни зъ того выступаты зъ себе и свою душу выставляты на оглядання.

— «Такъ?»—клыкнувъ винъ,—то це значыть въ тебе «ни зъ цёго ни зъ того», якъ яка учытелька йде въ народъ, якъ агы-

таторка, выставляючыся на небезпеченьства утратыты свою посаду, або, якъ то въ насъ бувае, буты (хоча часто и цилкомъ невынно) замкненою за «бунтивныцтво» народа и т. и.? Я справди цикавый, що мае властыво въ тебе значиння и выклыкуе пóдывъ, колы въ тебе все безъ вартости и ты дерешъ носа. Попивська дытына—и така безгранычна зарозумилисть. Фу! Зоню!

Охъ... (додавъ зъ ненавыстю) якъ я це въ тоби не терплю! якъ воно завсигды неначе вмысне мусыть мене роздражныты и найлипшый настрій попустыты. Ни, Зоню, це не дасть доброго звуку мижъ намы, колы ты таке не покынешъ!

На таке я добре зворохобылася.

— «Вы вси хочете заразъ одушевлення»,—почала я боронытыся,—заразъ «музыку, спивъ и тосты», чы то дило йде вже справди про щось поважне й далекосягле, чы тамъ про мизерный выборъ якого, часто въ дійсности незначного; чоловика на посольство,—вамъ все одно! и выстарчае, щобъ выступаты зъ себе и одно й друге оклыкаты, якъ велыкый здобутокъ на будучнисть!»

— «Я не знаю, Олексо», додала я запановуючы надъ собою, завважывшы, що ёго очи заблестилы злистно,—«я соби не можу порадыты, але мени не здаются наши дила, праця и здобуткы доволи велыкымы и далекосяглымы, и вже такымы незвычайно культурнымы, щобъ могла зъ энтузіязму зъ себе ажъ «выступаты». Хоча, зъ другого боку, посидае нашъ народъ прыкметы й характерыстычни черты, що своею красою й сылою подибныхъ соби не мають.

— «Скажы мени, прымиромъ, Олексо», говорыла я,—«чы тебе не зворушувалы николы велыка щыристь, наклинъ жертвуваты себе для другыхъ и даръ прыстосування до всёго, хоча-бъ и найтяжшого, у нашого народа? Не зворушувавъ ёго непереможный наклинъ до поэзіи, мягкости й чутлывости, ёго препышна музыкальнисть, котра и на смертельній постели не хоче выпускаты лиру зъ рукы?

Мене це все въ нашого народа страшно зворушуе и прывязуе до нёго.

Бачъ. одного разу...—це мы ще тоди не зналыся—перебувала я зъ титкою далеко, далеко на чужыни. Въ чужыни, котрои народъ зъ старыннои культуры кышивъ, а зъ богацтва и просвиты неначе духъ запыравъ.

Колы мени, пры огляди на те багацтво и культуру, станувъ мій народъ, въ своимъ невымовнимъ убожестви, утыску и занедбанню передъ душею, колы я згадала его злыдни и нужду, що сылувала соткы ёго покыдаты свій шматокъ земли, управлюваный столиттямы его кровію, та йты за-для лишшыхъ днивъ въ чужыну черезъ море,—тоди, вирь мени, Олексо, мала я таке почуття, неначебъ мени прычувався десь надъ моею головою жалькый спивъ видлитаючыхъ журавливъ, и я мымоволи мусила держатыся, щобъ не опынытыся на мисци, не пидняты и не просыты видлитаючыхъ остатыся на своій ридній земли!

Вирь мени, Олексо! неразъ була-бъ я роспростерла рамена, и благала тамъ въ далекій тій чужыни:

«Прыходьте вы вси, велыки и потужни, вы, освичени й насычени, подайте отцимъ нуждарямъ помичну руку, станьте имъ до помочи—выдобутыся зъ багна, въ котримъ мучатся соткамы литъ, до людського гидного жыття. Воны носять, ривно вамъ, въ своихъ грудяхъ скарбы, глыбокі й гарни и таки правдыви, що колы-бъ вы пизналы ихъ глыбше, подалы-бъ радо помични рукы та сталы хоронытелямы тыхъ прыныженыхъ и покрывдженыхъ въ своихъ людськыхъ правахъ.

Такъ, Олексо, видчувала я и видчуваю й теперъ, и колы тоби це не выстарчае и не йе доказомъ, що я до свого народу прыхыльна и мени на ёго добри залежыть, то це не споводуе мене крывыты свою душу и вдачу, и щось удаваты, до чого не почуваю себе здибною и чымъ я не йе. И це не могло бъ и тоби буты пожадане, вже черезъ те саме, що було-бъ перемишане зъ лыцемирствомъ

Попередне, що я замитыла (про энтузіязмъ и т. и.), видношу я до молодижи и говорыла я це не разъ и до свого серця. Пра-

цюйте,—кажу я, Олексо,—умыслово, «ризьбить» надъ собою, не тратьте ваши сылы й засобы на чужыхъ, багныстыхъ мисцяхъ велыкыхъ мистъ. Вы корыстуйте свои сылы въ себе дома. Перепроваджуйте ваши студіи, де-бъ вы ихъ и не побиралы—въ риднимъ краю, чы заграныцею. Збагачуйте свого духа наукамы, штукою и досвидамы велыкыхъ умивъ. Ушляхетнюйте ваше поведення тонкымы звычаямы, лышъ все те не майте лышъ для того, щобъ (якъ колысь осядетеся вже въ себе дома, на ридній земли) пустыты въ блаженне забуття, заколысуючы себе тымы нибы гарнымы «спомынамы» до тупого жыття, мовъ до сну,—а майте вси свои культурни здобуткы для того, щобъ обернуты дома все въ практычне.

Але мы чымъ небудь задоволени и бида наша въ тимъ, що намъ бракуе вытрывалости, пыльности.

Не тои пыльности, Олексо, видъ ныни до завтра, лыше тои, що встоюется невсыпущо *литами*, бувае завсигды однакова и гармонійна и сама одна творыть велыке й трывале.

Ни, Олексо, не украшуймо себе самыхъ, бо це не выходыть намъ все на добре. Мы мусымо те, що въ насъ йе мызерне й погныле, зъ себе скынуты. Власный нашъ энтузіязмъ и захватъ надъ власнымы нашымы диламы и працею не дасть намъ культуры и липшои будучности, не допровадыть до идеалу.

Ще одно. Не выносимъ такъ легко и охочо нашу даровытисть и духови здибности въ таборъ протывныкивъ, бо зъ часомъ могло-бъ лучытыся, що не зможемо и нашу власну барву назадъ выдобуты.

Въ насъ йе гарни чоловикы, Олексо, и «гарни жинкы»—додала я. Лыше однымъ и другымъ бракуе рукы артысты, щобъ ихъ допровадыла до укинченности, выризбывшы гарне й красне, що въ ихъ йе до тонкости стылю. Тому, Олексо, я мала-бъ ще стилько сказаты; часамы бувае моя душа така переповнена рижнымы думкамы, що мени въ голови роятся, лышъ я мовчу, бо знаю,—це, що мною володіе и вырывается на уста, тоби не въ смакъ, и ты есы въ тимъ напрями, якъ бувають иноди

матери, що не хотять про хыбы своихъ дитей чуты, тому, що це ихъ диты...

Мы есьмо ще въ розвытку и въ дорози до культуры, и тому мусымо ще багато де-чого зъ свого ества скынуты, а иншого набуты, щобъ дійты до тыхъ самыхъ результативъ, що други народы.

Все те вымагае праци й жертвы, а *передвчасне* одушевлення оставымо!

— «Дывысь, дывысь, Зоню! що за резонъ выявляють ныни твои звычайно строго мовчазни уста. Справди, це не йе нищо инше, якъ лыше гарни слова», сказавъ винъ,—котри тебе, сказавшы по пры тимъ, украшають, а бильшъ ничого! Та все я-бъ тебе и за це поцилувавъ! («кинське копыто», мамо! «кинське копыто»). Але скажы мени ще, — почавъ дальше, колы я, стоячы передъ нымъ, не мала охоты говорыты дальше:— «Скажы—чы була-бъ ты въ стани зректыся твого теперишнёго выгидного жыття за для переведення якои тамъ идеи въ якимъ небудь народнимъ интереси? Въ теоріи буваетcя заразъ зъ всимъ готово, и въ той спосибъ бувъ вже не оденъ діяльнымъ героемъ, сказавъ до всего радо «такъ и аминь». Але въ практыци показалася его праця дуже мизерна...

— «Такъ, Олексо, видказала я,—«колы-бъ идея, для котрои я-бъ боролася, переймала мене до такои степени, що становыла-бъ змистъ моеи души, становлячы зъ глыбыною моеи душы одно, въ такимъ рази я бъ, може, й була въ сыли зробыты такъ. Але на мою думку, тоди воно й не було-бъ ніякымъ геройськымъ вчынкомъ, о якыхъ мова, а чымсь такымъ, що выплывало-бъ само зъ души и було-бъ тому прыродне!»

— «Бачъ, це доволи интересни видкрыття, котри я ныни на тоби роблю»,—обизвався винъ,—«я не бувъ бы цёго николы видъ тебе сподивався, не бувъ бы николы тримавъ тебе за здибну до геройськыхъ учынкивъ,—мижъ тымъ колы ты»...

Я усмихнулася.

«Такъ, бо ты, якъ и багато иншыхъ зъ нашыхъ и не нашыхъ, хочете, щобъ все заразъ выносылося на голосный «ярмарокъ» и було або хвалене, або ганене.

Але ще йе люде, котри працюють такожъ и зъ самого *самоповажання мовчать*,—надъ тымъ не застановлялася мабуть твоя дума николы...

— «Я ще не знаю, Олексо, яки вымогы постановыть жыття до моеи особы, одначе будь переконаный,—додала я,—що колы-бъ воно жадало жертвъ и зречення, вопо ихъ видъ мене одержыть; але будь певный, що це станется безъ «музыкы й шуму»! бо «тосты» не въ-пори, якъ и взагали всякый «галасъ» мени до глыбыны душы протывни!»

— «Такъ, такъ»,—сказавъ винъ зъ легкымъ глумомъ,—«я знаю, що вы посидаете (килько й було васъ всихъ разомъ) особлывшый даръ каличыты свою долю власнымы рукамы, помымо того, що булы-сте зъ прыроды такъ добре вси—сказаты-бъ—«выпосажени», и вамъ не бракувало въ жыттю й рижныхъ счаслывыхъ прыпадкивъ. «Ты тако-жъ»,—додавъ зъ дывнымъ поглядомъ па мене.

— «Одначе ты зъ твоею умиркованою вдачею и хороблывымъ змысломъ для всёго, що «особлывше и выбране», ты ледве чы ришылась бы до того сповныты якый небудь геройськый вчынокъ, а то хоть бы й зъ тои прычыны, щобъ не звернуты на себе увагу другыхъ. Я-жъ тебе добре знаю. Або якъ ни—додавъ твердо — то выконаешъ въ затышку яку хороблыву, безкровну штуку въ жертву «краси», котра хиба по твоій смерти стала-бы голосна»...

— «Зъ чымъ зновъ ты не згодышся, Олексо?—правда, що ни?—докинчыла я глумлыво, впадаючы ёму сміючыся въ слово.

— «Ни, Зоню»,—видповивъ винъ,—«бо я ніякыхъ захованыхъ геройствъ не терплю и не згодывся-бъ на тее, щобъ о тоби, якъ о моій жинци, було говорено глумлыво и зъ усмихомъ на устахъ. Мое имя, хоча и яке скромне и походяче зъ-пидъ сильскои стрихы, дорожче мени надъ геройськи жиночи вчынкы, хоча-бъ и въ жертву «краси». Я чомусь гордый па свое имя, Зоню; замить це соби»!

Я розсміялася.

— «Бачъ, якый ты боягузъ, Олексо»!—не могла я вздержатыся, щобъ не сказаты ёму. «Мы деспотуемо покы що мырно и сперечаемося, щобъ ввесты наши души въ «оборотъ», а ты вже тремтышъ за твое «имя» передъ геройськымъ вчынкомъ, якый мавъ-бы буты выконанымъ якымсь «щось» въ мени. «Не бійся, Олексо»,—додала я все ще нервово,—тее «щось» въ мени, не сымпатычне тоби, воно лежыть ще спокійно зъ зложеными крыльцямы въ мени, ёго хвылыпа ще не прыйшла. Окримъ того, уплыне ще доволи часу, закымъ стану твоею жинкою... а до тіеи поры...

— «До тіеи поры», — перебывъ винъ мени мало не брутально,—роздумае соби те «щось» въ тоби ще багато разивъ, що буде для нёго корыстнійше: чы прысвоиты соби практычного змыслу, чы... «Винъ урвавъ и замовкъ.

— «Оставлю сю пусту балаканку»,—сказавъ видтакъ—«бо до якогось путнёго кинця не дійдемо й такъ, и шкода лыше того доброго настрою, котрого внисъ я ныни и котрого ты зъ твоимъ высокопарнымъ полетомъ твоеи фантазіи попсувала. Я волію тебе, колы ты здаешъ титци твои господарськи справоздання, чымъ...

— «Чымъ колы тоби свою душу видкрываю, Олексо»?—спыталася я.

— «Про мене, нехай буде й на твоимъ!.. И колы бъ въ тебе, Зоню, не булы таки гарни очи, що чоловикъ пишовъ бы за нымы мовъ ослипленый и въ воду, я бъ»...

— «О ты одынъ—не пишовъ бы за нымы въ воду, Олексо!»—докинчила я скоро, вмисто нёго, речення:—«хоча и якый ты соби тамъ видважный и неустрашымый, але отце ты певно бъ не вдіявъ! До такого вчынку була бъ вже скорійше я здибна!»

Бачыте вы це, мамо, и вважаете?

Воно пидносыть чымъ разъ выще и выще свою голову межы намы. А тоди стаю я на стилько сыльнійша, на скилькы винъ мене до крайности доводыть. И въ такыхъ хвыляхъ стае мени зовсимъ ясно, що мій братъ оженывся, помымо всякихъ грозьбъ

и благання, помымо всякыхъ упимнень, зъ своею Рутьею, а Андруша и вси прочи поступылы все такы такъ, якъ ихъ внутришній голосъ, добрый, чы лыхый, наказувавъ.

Молитеся за мене, мамо, молитеся!

Мени такъ тяжко на души, такъ сумно, а чоловикъ, за котрого маю выйты, такый спосибный и чесный, такый въ повнимъ значинню слова гидный, а помымо того...

—

Чы вы чытаете мій дневныкъ, моя далека, горемъ похылена мамо, чытаете?..

Чытайте.

Округъ мене смутокъ и осинь.

Били, фіолетови й червони хрызантемы стоять вже въ повнимъ цвити. Небо йе сыне и чысте, а помымо того, тхне щось въ воздуси смертью...

—

Бабуня хытае болизно головою, а видтакъ опускаючы ін покирлыво на руку.

— «Такъ, такъ, моя доню! я молюся за тебе, бо отце добре видчуваю, що тоби потрибно материнськои молытвы. Я`жъ и бачу вже, якъ несчастя, котре ты сама лышъ неясно видчуваешъ, розвывается коло твоеи истоты. Твій суженый мае слушнисть, колы каже, що вси вы покаличылы власною рукою свою долю. Це дійсно правду винъ каже.

Але якымъ чыномъ мала бъ ты ёго покаличыты? я не годна соби навить уявыты, хоча есьмъ доволи багата на рижни досвиды въ жыттю.

Твое несчастя зачувае лышъ мое перемучене серце, бо такъ, якъ вже ты маешъ вси варункы до счастя, мае ихъ ридко хто колы въ жыттю, а зъ моихъ прочыхъ дитей не мало жадне.

И вмисто того, щобъ маты душу завсигды звернену на тее, звидкы воно тоби прыплывае, хто про те теперъ дбае, и на будуче буде дбаты,—сталыся твои очи и змыслы крытычнымы.

Зоню! я ганю тебе за це строго, бо що твое старанне выховання допровадыть до такыхъ результативъ въ поглядахъ и по-

чуванню, не булы бы справди а ни я, а ни тётя (и певно й вуйко,—колы вже завважывъ), не сподивалыся.

Бачъ, що я тоби скажу, хоча и якъ терпко и немыло буде воно тоби звучаты.

Поважай того чоловика, котрый стане борше, чы пизнійше твоимъ мужемъ и паномъ. Не чыны николы таке, що могло бъ ёго розизлыты, або невдоволыты. Знай, николы не вносыть жинка забагато податлывости, а забагато доброты въ подружне жыття; и николы не выходыла гармонія тамъ, де жинка ишла лышъ за своимы поглядамы, не пиддавшыся остаточно... умови свого чоловика.

Одначе колы ты будешъ жадаты багато оглядности для твоеи вражлывои вдачи, воно не допровадыть мижъ вамы до добра и сталои гармоніи. Старайся позбутыся того, о чимъ миркуешъ, що воно ёму не по души, а твои думкы и змыслы звернуты, якъ ёму це пожадано, на практычни дила, тымъ бильше, колы бачышъ, що винъ ценыть практычнисть и таки-жъ погляды и дила въ жинкы бильшъ, якъ проче.

Не прывьязуй душу до надто фантастычныхъ и высокыхъ ричей, чы идей; нехай бы воны соби булы въ теоріи хоть и яки гарни та прываблыви, хоть яки добри и артызмомъ натхнени, воны все-такы не мають ничого спильного зъ буденнымъ, тверезымъ жыттямъ и суть далеки видъ всякои тверезои дійсности.

Зоню, це правда, що чоловикъ повыненъ багато чыныты зъ самоповажання, але винъ повыненъ все маты пытання на думци,—чы въ тимъ, що винъ діе, лежыть такожъ и практычнисть.

Жыття, зъ своею старшенною повагою, горемъ и невтомымостію, довело мене до такыхъ заключень, а що я тоби въ моимъ вику не можу вже статы пидпорою и помочею, то можу зъ тобою подилытыся хыба моимъ поважнымъ досвидомъ. Я знаю, що воны такымъ, якъ ты, мій голубе, не по души, одначе знай, жыття зъ обставынамы йе паномъ надъ намы, а це мы сами, якъ це иноди омыльно утрымуемо.

Стережыся, моя дорога дытынко, щобъ твое власне нутро не сталося пропастю твого счастя. Я молю тебе объ тимъ и журюся тобою, видчуваючы выразно, що тее «щось», о котримъ заедно згадуешъ и що здіймае голову гризно межы вамы, забирае въ твоеи душы першый голосъ.

Винъ не йе сыльный и жестокый, але винъ йе пануючый и выразыстый. Мабуть, бувъ и винъ тымъ факторомъ, що видрижнявъ тебе такъ выразысто видъ моихъ прочыхъ дитей, и звертае тебе на иншу дорогу, якъ може на счаслыву.

А и погляды Олексы, що до національныхъ справъ, старайся вырозумиты. Воны суть здорови, дытынко, и я бачу, що винъ народъ и жыття, на скилько ёму це ёго викъ и часъ позволяють, знае...

Держыся ёго, бо зъ нымъ вступышъ въ те жыття, що кышыть не счастямъ и роскошею, а слёзамы, смуткомъ и розчаруваннямъ.

А по сій мови, нехай тебе Господь хороныть, моя дорога дытынко, и знай,—твоя стара, горемъ похылена маты клоныть свою билу голову до-долу и буде святу землю цилуваты и дотыкаты іи чоломъ, въ мольбахъ о твое счастя...

—

(Слипый внукъ):

«Вы бачыте якесь несчастя коло іи истоты, а я видчуваю, що вона йе лыше незрозумилою для звычайныхъ людей.

О, моя прекрасна тётю, якъ же я люблю тебе!»

—

(Зоня):

Мамо!

Вже мисяць мынувъ, видколы той «чужынець» заходыть въ нашъ димъ. Винъ (наколы це васъ займе, йе професоромъ рысункивъ), теперъ на видпусти и у нашого дидыча въ гостяхъ. А позаякъ займается малярствомъ, а часто и портретуваннямъ, то, перебуваючы тутъ, и портретуе дидыча.

Винъ йе сынъ одного вуйкового шкильного товарыша, нимця. И не знаю, чы тому, чы може тому, що винъ нимець, а вуйко

до тои мовы (якъ самъ иноди говорыть) ще видъ шкильныхъ часивъ видносытся сымпатычно, тожъ прыгорнувъ того чоловика такъ до себе, що титка вуйкови просто закыды робыть, що буцимъ то винъ увесь за-для якогось чужыньця», «мазайла», котрый не то що не займается нашымы народнимы справамы (хыба поверховно), але навить и нашою мовою слабо володіе.—А вуйко по-мымо того перенявся нымъ такъ тепло, неначе бъ винъ бувъ ёго якый улюбленый своякъ.

И господарку, каже, занедбуе и робитныкивъ .. (хоча вона, по правди, найрадше всёго сама доглядае, щобъ винъ здоровья шанувавъ), а все черезъ того якогось «чужыньця», все черезъ «германистыку», въ котрій не то що, а «розлюбывся».

А той професоръ, «чужынець», мамо, бачыть радо, колы вуйко забыраетсн супровождаты ёго въ ёго «артыстычныхъ проходахъ», пидъ часъ котрыхъ збирае винъ соби матеріалъ зъ нашои околыци и людей, нарысовуючы на-борзи рижни эскизы и мотывы, и дякуе кождымъ разомъ вуйкови щыро за провидъ, пояснення и всяки инши дрибни услугы, котри ёму вуйко робыть. Иноди вертаются обыдва въ такимъ добримъ и веселимъ настрою зъ своихъ проходивъ, або колы винъ вуйка зъ двору до дому провадыть, що титка, хочай якъ морщыть чоло на выдъ чужыньця, бачывшы добрый настрій обохъ, сама добріе, и «ненавыстного» чужыньця на свою пышну каву прыдержуе.

Той чужынець, мамо, хоча видъ Олексы лыше на килька рокивъ старшый, робыть черезъ свою повагу вражиння, немовъ бы бувъ видъ него бодай на цилыхъ десять рокивъ старшый. И колы бъ не ёго гарный и мылый смихъ, якымъ розсмивается иноди, вражаючы нымъ незвычайно мыло,--можна бъ подуматы, що той чоловикъ, або за-едно чымсь то грызется, або що ёму лышъ недавно померъ хтось дорогый и ридный.

Що до мене, то я маю въ ёго прысутности таке почуття, неначе бъ мижъ намы пробувало *щось значучого*; я тутъ не маю на думци ёго особыстись *верхъ беручого*.

Я зворушуюся, стаю маломовна, радуюся, колы винъ *видходыть*, и лякаюся, дизнавшыся, що ось-то винъ обицявся знов «прыйты».

Я такъ лякаюся, мамо, иноди ёго прыходу, що часомъ зныкаю куды-небудь зъ дому, щобъ лыше зъ нымъ прывиту уныкнуты.

И винъ интелигентный, той чужынець, мамо, и стоить духово зъ Олексою на-ривни, лыше колы интелигенція ёго есть, сказала бъ я, характеру бильше хаотычного, интелигенція Олексы,—навпроты,—есть ришучо отяжилою.

«Ты чужый мени, чужый!—тыснется мени въ ёго прысутности мымоволи на уста,—чужый, и стоишъ такъ далеко *у всимъ* видъ мене, що межъ намы нема, мабуть, а ни однои точкы, въ котрій мы бъ щыро порозумилыся и въ щыримъ порозуминню моглы бъ соби рукы податы.

Чы тота видчужаюча стина походыть видты, що винъ належыть до народности въ культури мало вже не довершеній и ёму все те, що насъ переймае, для насъ йе ще важнымъ и велыкымъ, выдается не достоважнымъ и хосеннымъ (хоча я и того не зовсимъ певна, и це зъ моеи стороны навить невыразный здогадъ),—чы походыть вона звидты, що винъ йе артыстою и ёго думкы зверпени звычайно на цилкомъ инши предметы, нижъ я це звыкла у своихъ знакомыхъ бачыты,—чы врешти йе це быстрота ёго ума, котрою можна мени завсигды трохы мою особысту видвагу видобраты,—досыть, що я буваю заполохана проты того въ грунти гарного та мудрого чоловика и не зовсимъ можу запануваты надъ собою передъ нымъ. Ище одно, мамо, (не опысуючы вамъ ёго вроды, бо жъ це, якъ и ёго назвысько, для васъ не важне) мымоходомъ замичу. Отцей чоловикъ мае львыни очи. Чы можете вы соби те уявыты? Це выдымо часто у людей, лышъ поривняння не впадають намъ заразъ въ-вичи. Але... щобъ вы мене ще липше зрозумилы, винъ мае очы подибни якъ тіи велыки полёви собакы, що перележують иноди годынамы на земли нерухомо, не звертаючы пры тимъ зъ насъ своихъ вирныхъ очей...

Мижъ тымъ колы Олекса йе дуже гарный на вроду, есть цей чужынець (винъ темноволосый и тонкыхъ очертивъ лыця), черезъ свою быстроумнисть, легкисть и елеганцію въ поведенню, майже непереможный.

Мени здается, що це послидне и есть головною прычыною, що настроюе Олексу проты чужынця недовирчыво, хоча винъ не може ёму а ни однои некоректности довесты.

Чоловикъ цей есть заповаженый и посидае надто добре выхованя, щобъ ёму можна щось, хочъ и найменше доганне, закынуты.

Колы заженутся иноди обыдва въ диспуты, маю я таке почуття, непачебъ воны поборювалы несвидомо одынъ въ другимъ щось кождому зъ ныхъ незвычайно важне и значне, що—я не розумію, хоча темы, котри зачипають, не бувають зовсимъ и завше таки святочно поважни, якъ бы це хто утрымувавъ зъ ихъ бесидъ, интонаціи голосу и розпаленыхъ очей.

Колыбъ не повага и тонка доброта цёго чоловика,—що й здается буты головною чертою ёго характеру,—обыдва тіи чоловикы не розходылысь бы николы такъ мырно, якъ це звычайно бувае пры кинци ихъ стричъ.

Такый йе онъ-той професоръ («чужынець», якъ титка ёго назавсигды прозвала), мамо, котрого знаю вже цилый мисяць и про котрого буду вамъ ще й дальше пысаты,—бо моя далека, горемъ похылена мамо, буду *мусила* пысаты. Лыше не знаю, чы я ёго добре, цебъ-то по правди, характерызую, бо, опысуючы ёго, не можу освободытыся одъ вражиння, яке полышае ёго истота за кождымъ разомъ на мени...

—

Мамо!

Вдома постановлено, що професоръ мае портретуваты вуйка, а писля, наколы ёму ще доволи часу остане,—и мене. Це послидне постановлено на спеціальне бажання титкы, бо Олекса йе, зъ прычынъ намъ ще невидомыхъ, тому протывный.

Винъ часамы такый чудный,—хотя й я стараюся ёму хочабъ и найменше бажання зъ очей видгадаты. Може я не була ще николы проты нёго така ввичлыва и добра, якъ теперъ.

Часто не показуется въ насъ и тыжнямы.

Каже, що прыйде вже въ свій часъ по мене, и я нехай лыше пыльно прыучуюся коло титкы «господарыты».

Це послидне гнивае мене зъ ёго стороны, бо цилкомъ лышне—робыты мене уважною на таке, тымъ бильше, мамо, що въ мене йе щыре стремлиння оснуваты соби идеальне домивство и родынне счастя. Взагали я бунтуюся, якъ мене хто на мои обовьязкы иначе «навертае». Я все вчыню сама, все... лыше нехай я маю волю вчыныты це добровильно, изъ власнои иниціятывы, а не черезъ насыльство и наказы.

Такъ ведется мени зъ Олексою.

А однакожъ, мамо, однакожъ... тужу я въ-деякыхъ хвыляхъ такъ дуже за нымъ, бажаючы соби якъ найгорячійше ёго прысутности. Мени здается, иначебъ винъ повыненъ якъ разъ *теперъ не занедбуваты мене.*

До чого хоче винъ мене своею сылою прысылуваты, цебъ-то допровадыты?

Але вы знаете, якый винъ йе, и тому, що я соби цёго бажаю, винъ зъ самои упрямости цёго не зробыть. Богъ знае чому воно укладается якъ разъ теперъ такъ чудно, що винъ лышъ ридше до насъ зайизджае...

. . . .

... Пры портретуванню мушу я буты завсигды прысутною, бо вуйко любыть мене пры соби маты. Бодай щось шыты мушу я въ тій кимнати, а прысутною мушу буты.

И я радо пересыджую пры тыхъ сеансахъ, бо воно бувае мыло прыслухуватыся тому, що «чужынець» оповидае. И винъ оповидае интересно й багато, бо подорожувавъ доволи багато, и чувъ и бачывъ не одно. Часамы пытае винъ мене про цее або тее о мою думку, и мене радуе, колы винъ зъ моимы поглядамы згоджуется, або бувае зъ моеи видповиди вдоволеный.

Килька развъ прыносывъ мени де-яки свои ескызы и рысункы, та выпытувавъ, чы воны мени подобаются.

Де-яки подобалыся мени, що правда, дуже, а про де-яки, що выдалыся мени зхыблени, або не досыть умотывовани, я казала ёму прямо свою гадку, а часомъ и радыла зминыты въ ныхъ де-що въ цей або той спосибъ, або и закынуты гадку цилковыто.

Винъ не видповидавъ тоди нічого и забыравсь натомисть назадъ до своеи праци.

Але по якимъ часи писля того сказавъ вуйкови, що въ мене йе дуже багато змыслу для штукы, и що я ришучо артыстычно основана вдача, и колыбъ винъ не знавъ, що я заручена, винъ зробывъ бы вуйкови и мени пропозыцію, щобъ я брала въ него лекціи рысункивъ.

Колы ёму вуйко на те одповивъ, що я вже може и закилька мисяцивъ стану жинкою Олексы, винъ сказавъ, що Олекса може буты гордый своимъ выборомъ. Що стильки гармонійнои красы, душевнои и зверхнои, не лучалося ёму ще въ жыттю стричаты и що це радуе его незмирно, що сміе мене портретуваты. Мій портретъ (каже), зъ котрого зладыть соби описля копію, буде въ его збирци найкращою студіею.

Колы мени титка тіи его слова переповила, я не була въ сыли хоть бы и однымъ словомъ на те видповисты. Але я радувалася, моя мамо, я радувалася такою шаленою втихою, неначебъ тіи слова становылы для мене якыйсь скарбъ, и я зъ якоись-то утихы себе не чула!..

Бачыте, мамо! Колыбъ винъ зачыслювався до гурту моихъ поклонныкивъ, воно оставляло-бъ мене байдужною, якъ боготворення моеи особы не одынымъ иншымъ поклонныкомъ; але тутъ зворушылы мене отци слова до самои глыбыны моёго ества.

... Цей чоловикъ, мамо, цей «чужынець», винъ стоявъ такъ далеко видъ мене, бувъ такъ далеко видъ того, щобъ зблыжатыся до моеи особы въ якый небудь спосибъ, або здобуваты соби мою ласку, що мене гарна похвала цёго тонкого и доброго чоловика наповныла самымъ счаслывымъ почуттямъ.

Я кажу навмысне «доброго» чоловика, мамо, бо теперъ я вже знаю, яка безгранычна доброта крыется въ нимъ.

Ни, мамо, не лыше Олекса выробывся власнымы сыламы на те, чымъ йе, але и винъ... и винъ пишовъ одыноко власнымы сыламы вгору. Але видтакъ саме въ посередыни ёго праци змииылася ёго доля. Ёго батько померъ, осталася маты зъ трёма незабезпеченымы донькамы, и винъ, що жывъ и дыхавъ тильки штукою, перервавъ малярськи студіи и перебравъ мисце професора рысункивъ пры одній выщій школи, щобъ маты можлывисть утрымуваты матиръ и сестры; а зъ своею малярською карьерою... попрощався.

Зъ тои прычыны розбылыся и ёго заручыны зъ одною красною и доброю дивчыною, котру дуже щыро любывъ. И мижъ тымъ якъ вона стала жинкою другого, пишовъ винъ «въ робитныкы» за для кусныка хлиба, рады матери и сестеръ, и до того навить не ридныхъ сестеръ. Цила радисть и втиха ёго теперешнего жыття концетруется въ тимъ, колы може въ вильныхъ хвыляхъ збираты ескизы и студіи, та видъ часу до часу подорожуваты въ таки миста, де може побираты змогу и матеріялы до дальшого выобразовання свого таланту.

Отже вы чуете, мамо, винъ не йе ніякый велыкый артыстъ. Йе бильши и голоснійши, чымъ винъ, котрыхъ все ще не можна назваты въ повнимъ значинню «голоснымы»; а винъ, здается, и не буде николы такымъ «голоснымъ», бо до всихъ варункивъ, котри роблять неможлывымъ для ёго досягты того, чого бажавъ, цебъ-то цилковытого выобразовання артыстычного, винъ не йе й честолюбывый.

А помымо того всёго, мамо, я шаную и циню ёго незвычайно высоко. Видъ хвыли, мамо, въ котрій ёго истота перестала буты для мене такою чужою, якъ зъ початку, займае мене все те, чымъ переймается винъ,—а то штука и малярство. Ба, я пишла навить ще дальше, якъ бы вы цёго сподивалыся. Мене займае навить и церковъ, до котрои винъ належыть.

Мы звыклы уважаты іи, якъ вже не за «геретычну», то бодай за щось менше довершене, якъ нашу.

Все отце, мамо, *йе моею тайною.* Яко суджена будущого священныка, я не смію видносытыся сымпатычно до иншыхъ соборивъ, якъ до того, до котрого винъ и я належымо.

Одначе, мамо!... вы моя далека, горемъ похылена мамо, гнивайтеся, або ни,—а я вамъ свій грихъ, чы якъ хочете мій вчынокъ назваты, оповимъ, щобъ лыше его зъ кымъ небудь добрымъ подилыты и чіесь прощення одержаты.

Будучы послиднимъ разомъ зъ вуйкомъ въ мисти и маючы до видйизду ще доволи багато часу, я пишла въ околыцю, де мала знаходытыся ёго церковъ.

Врешти добралася до неи.

Мене тягнуло кынуты бодай поглядомъ въ іи нутро, бо доси не займалы мене и не заходыла я до иншыхъ соборивъ, кримъ до тои церквы, до котрои належала я.

Опынывшыся врешти вже на схидцяхъ передъ нею,—вирьте мени,—потрясло мною неначе въ пропасныци, и я выдалася соби чомусь мовъ якою проступныцею.—Не тому, що я вступыла до церквы, котру мы звыклы булы уважаты за геретычну, лышъ що мени Олекса неустанно передъ душею стоявъ, и мене мучыло почуття, неначебъ я ёму зъ отцею хвылыною спроневирылася. Винъ бувъ-бы мени цей крокъ,—хоча въ грунти ричей и якый невынный,— по своіи гордости и своимъ деспотызми *николы не простывъ.*

Двери церквы булы одчынени... и вона була порожня...

Въ ній було тыхо, тыхесенько, и знаете, мамо, що я зробыла? Я лышъ оглянулася велыко и звильна, майже боязько,— и николы не забуду глыбокого враження, яке зробыла на мене велыка поедынчисть нутра тіеи церквы.

Я видитхнула глыбоко, неначе мени спавъ зъ души велыкый тягаръ.—Видтакъ, сившы на одну зъ послидныхъ лавокъ, я опустыла голову на лавку передъ собою, и—моя далека, горемъ похылена мамо, не плачте, мамо!—*я задумалася надъ добрымъ чужынцемъ.*

Николы и нигде не думала я такъ интенсывно и зъ цилою душею про него, якъ саме въ тимъ Божимъ доми.

Отъ, врешти опынылася я наразъ въ ёго *церкви*. Чы я поповныла тымъ щось неправого?.. Я думаю, що ни.

Я-жъ вступыла лыше въ церковъ чоловика, котрого велыку интелигенцію, даровытисть и гарну душу я *шануваты мусила*, и бильшъ ничого. Мы-жъ стоялы соби такъ далеко, а церковъ, чы тамъ вона ёго, чы вже моя, була такъ щось для себе цилкомъ окремого,—що я *могла* тутъ пробуваты...

Мавъ хто право мени зъ того за́кыдъ робыты?

О, Боже мій, мамо!—Олекса, Олекса, певно. Винъ бувъ бы на мене самымъ громомъ кынувъ.

Але́ я осталася ще хвылынку радо

А видтакъ пишла.

Станувшы вже на порози входныхъ дверей, я обернулася ще разъ и попрощала очима велыкый, престольный хре́стъ.

Мамо! я це сказала лышъ разъ и то тоди, *въ тій хвылыни, до своеи души*, а теперъ кажу це и вамъ:

Якъ-бы це Спасытель зійшовъ ще колы-небудь назадъ на землю и переходывъ вси церквы свита, затрымавбыся въ тій церкви, тутъ найдовше.

И бильше не скажу о тимъ *словамы ничого.*

О, моя далека, горемъ похылена мамо!

Колы-бъ мала наступыты хвыля, що вы-бъ мусилы пролыты черезъ мене слёзы, то прочытайте,—вмисто того, щобъ жалиты нади мною,—лыстъ св. Апостола Павла до Корынтейцивъ, XIII.

—

Мени такъ тяжко на души! такъ сумно... такъ безвглядно якось, що... О, Боже добрый!

—

О, Андруша, Андруша! и ты, мій дорогый брате, Есыпе! прыйдить до вашои «гордои» сестры та прыгорнить іи до вашои щырои братерськои груды, котра не здрадыла никого!

Прышлить мени ихъ, моя маты, бо округъ мене все цилкомъ якось змиHылося. Щось чужого и значного, щось *далекосяглого* находыть... и бере верхъ...

Моя голова схыляется нызько на грудь, якъ ваша, моя мамо; а помымо того, кажуть вси, вси воны, що прыходять и видходять, кажуть мовъ зъ одныхъ устъ: «якажъ вона прекрасна!!»... А помочи ніякои.

—

(Бабуня зъ гиркымъ смуткомъ):

«Помочи ніякои», моя дытынко,—я вже видчуваю, що «помочи ніякои».

Вже зблыжается двадцята годына и для тебе. Бачышъ? *Вже и ёго церковъ тебе займае.* Ты хтила лыше однымъ поглядомъ позырнуты въ іи глыбыну?

Ты?.. О, смутку мій! суджена будучого священныка?

Ты не религійна на спосибъ твоеи матери, тому змогла пиддатыся спокуси переступыты зъ особои цикавости (котрои кориння лежыть въ сымпатіи до чужынця!!) поригъ иншои церквы, нижъ тіеи, до котрои належалы твои предкы, и виддаватыся тамъ мріямъ про якогось «чужынця»!

Тому ты и годна потищатыся думкою, що сама церковъ, чы ёго вже, чы твоя, *йе щось для себе окроме.* Знай, те знання, яке ты сама соби прысвоила и котре вызырае зъ помежы всихъ твоихъ сливъ, воно выпыло тоби и виру зъ души и оставыло самый тильки крытычный змыслъ. Я бачу вже, якъ воны надплывають на тебе, хвыли твого горя... чымъ разъ блызче й блызче... и якъ видтакъ остаточно прывалять тебе своею потугою до-долу.

Таке бувало вже межы людьмы, бувало!!.. Чуже ослиплюе тебе, забирае твою молоду душу въ полонъ, а якась «доброта», котрій ты ничого не завдячуешъ, *ажъ зворушуе* тебе. Ты це ще не знаешъ, але я, моя дытыно, що дали чы не циле столиття дожываю, бачу, що пропасть твого счастя *крыется въ твоимъ власнимъ нутри* и одчыняе вже поволи свою пащу.

О, мій Олексо! ты мій гарный, тверезый, ты мій сыльный, простого люду сыну! котрого мои очи, може, николы и не побачуть, а уста николы не поблагословлять, ходы, спишы! Заберы мое вагаючеся дытя на твою грудь, схороны ёго передъ поглядомъ чужого!

Бачъ! вона дрожыть вже перецъ «львыпымы» очыма и потребу́е тои твоеи охороны.

Я вже стара и горемъ похылена, а іи батько мертвый, и вона мени утоне!

О, вы мои дороги, прегарни диты! що́ за потугу крыете вы въ своихъ грудяхъ, котра васъ всихъ майже въ одну пору, безъ пощады зъ собою порывае! вы-жъ мени вси булы чысти й добри, мовъ ти квиткы!..

А теперъ и ты, моя дытыно! послидня зоре моя, и ты!..

И «гарною» звуть тебе вси. Але такою ты вже бильше не йе.

Твоя далека, горемъ похылена маты каже, що ты вже такою не йе. Схыляй твое чоло, схыляй його покирно, и того ще замало. Зъ твоимъ почуваннямъ для чужынця, котре ще и сама добре не розуміешъ, вразыла вже твою церковъ, твого будучого мужа, а до зрады твоій народности вже не далеко.

Я плачу, моя дытыно! я вже маю слёзы въ своеи души, и видъ тебе буде залежаты—чы це будуть слёзы кровави, чы слёзы радости.

(Слипець):

— Бабуню, бабуню, не ранить іи такъ тяжко! вона така смутна зъ своимъ почуваннямъ! О, моя дорога бабуню,—«сама»! Чы вы розуміете те горестне слово?

О, моя тётю! чому вы въ своій краси таки засмучени? Прыбудьте до слипця; винъ заграе вамъ щось зъ своеи души.—Душа *слипого* не йе для вашои *такою слипою, якъ души тыхъ, що васъ окружають и бачуть ваше* прекрасне облыччя и ваши били, нижни рукы...

(Зоня):

Мамо! Чы я не казала вамъ, що межы мною й Олексою пиднимае щось гризно голову?.. Теперъ видчувается щось вже цилкомъ выразно його прысутнисть, и воно не хоче уступатыся.

Олекса перебувае въ насъ вже видъ килькохъ день, але прывизъ поганый настрій.

Вчора зъ ранку укладала я въ вазу кытыцю цвитивъ, а Олекса сыдивъ оподаликъ мене зъ доволи неласковою мыною, а наразъ спытавъ:

— «Скажы мени, люба дивчыно, чы ты будешъ и въ насъ дома тратыты стильки часу на марныци?.. Отъ, я сыджу вже повныхъ 15 мынутъ, прыдывляючыся, якъ ты сылкуешся тыхъ килька квитокъ уложыты гармонійно и зъ смакомъ одни коло другыхъ въ отцёго рода черепъ, и, по щырости сказавшы, це нетерплывыть вже мене.»

— «Ни, Олексечко»,—видповидала я—«якъ ты не перестанешъ роздражнюватыся всимъ тымъ, що мени справляе прыемнисть, то я певно що не буду того николы чыныты».

Тоди винъ сказавъ:

— «Дывыся! Робыты можешъ ты соби такъ,—цёго я тоби не забороняю, лыше я не бачу прычыны, для чого воно *мусыть* буты зроблено.

— «Якый ты ныни зновъ чудный! Хто тутъ говорыть про якесь «мусыть?» Це робытся лыше за для доброго смаку и змыслу красы.—Мени здается, що нема ни въ чимъ утраты, колы плекается добрый смакъ и то для нашои власнои втихы.

— «Ни»,—видповивъ винъ,—«але колы мы вже сталы объ тимъ говорыты, то мени прыходыть на думку нашъ гисть—професоръ, чы якъ ёго тамъ титка прозвала—«чужынець». Чы ты не маешъ охоты побыраты въ нёго лекціи рысунку?..—«Такъ, такъ»,—додавъ винъ трохы зворушено,—«я вже видъ титкы чувъ, що винъ видкрывъ въ тоби особлывши «артыстычни» инстынкта, и навить мавъ жалуваты, що ты вмисто статы артысткою, станешъ лыше простою попадею. Скажы по щырости и одверто,—тягнувъ дали, кынувшы погирдлыво рукою въ сторону на кытыцю квитокъ,—чы въ твоій нынишній охоти упорядкуваты квиткы артыстычно не крыется по-трохы и пожадання выклыкаты й слово похвалы въ артыста? Хто бы васъ не знавъ, яки вы вси однакови и хытри! и о скильки котра спокійниша зъ выду, о стильки гирша и небезпечнійша зъ души! Скажы, чы я не маю слушнисть?»

Въ мене *затовклося* серце скорійше, и я поглянула на нёго.

— «Може. *Винъ* розуміется и знается на такыхъ ричахъ; и мене це буде радуваты, колы отця дрибныця, якъ ты впрочимъ мыльно утрымуешъ, зверне ёго увагу. Мене тишыть завше, колы я стричаю розуминня, а винъ же артыста. Впрочимъ нема о чимъ балакаты,—винъ такый поважный и скупый на свій часъ, що ледве чы й побачыть цей мій «твиръ».

— «Ты цёго не можешъ знаты; я довиряю такъ само мало ёго повази, якъ самолюбывости жиночій».

— «Я не розумію, що ты думаешъ пидъ тымы словамы»,— видповила я, сылуючыся до супокою,—«а що до лекцій рысункивъ, то и самъ знаешъ, що вже теперъ таке зачынаты мени за-пизно, и що я не выявляла доси николы таланту до подибныхъ ричей. Що иншого—любыты и розумиты штуку, а що иншого—буты самому артыстомъ.

— «Це правда, що не «выявляла». И таке бажання не моглабысь вже навить и сповныты: за найдальше тры, чотыри мисяци, якъ Богъ допоможе, поберемося, и тебе ждуть, якъ сама знаешъ, инши обовьязкы, нижъ обовьязкы штукы.

Ты будешъ мала багато на своихъ плечахъ, Зоню. Будешъ мусила взяты сама доглядъ надъ цилымъ господарствомъ, такъ якъ тутъ це робыть титка,—бо парахвія, котру я правдоподибно одержу, йе велыка и розшырена, парохъ—слабовытый, бездитный вдовець, и я буду мавъ досыть зъ своимы занедбанымы парафіянамы до дила; я маю замиръ заразъ зъ самого початку забыратыся до реформъ.

Я йиду зъ певнымъ планомъ мижъ народъ на село, и ты будешъ мусила мени буты въ моихъ працяхъ помичною. Якъ бачышъ, тоби не стануть тутъ твій добрый смихъ и змыслъ до красы и штукы въ велыкій помочи. Тутъ треба практычного дила и тверезого розсудку, и певно... що наша праця не пиде намъ марно.

... Такъ, такъ,—додавъ чомусь глумлыво, якъ передше,— вуйко хыбывъ, по-трохы выплекуючы въ тоби чуття для самого артызму и этыкы, а занедбавшы змыслъ для практычности, що

въ жинкы повынно буты першымъ. Теперъ (pardon) мучыть тебе тее лыхо, розгниздывшыся въ твоій вдачи, и я побоююся, що хоча и якъ я тебе люблю, ты помымо всёго не внесешъ доволи практычного змыслу въ нашу хату. А до того всёго появляется ще и *такый*, якъ *онъ* цей, и хоча винъ и ничого не говорыть, то я не можу позбутыся тои думкы, що той чоловикъ здавлюе въ тоби своею працею и своимы бесидамы (чы радше поглядамы) ще й рештку практычныхъ поглядивъ, яки въ тоби осталыся. Справдишне счастя, що ще титка тутъ йе и мовъ той добрый ангелъ стереже и чувае надъ тобою въ тимъ напрями (зъ вуйкомъ ты мабуть одна душа); инакше, я бъ мусивъ побоюватыся, що... вернувшы колы-небудь видъ своихъ парафіянъ, застану тебе не за господарськымы справамы, а... зъ пензлемъ и краскамы»!—«Винъ розсміявся вымушено глумлывымъ смихомъ, котрый зовсимъ споганывъ ёго звычайно спокійне и гарне лыце;—а я одвернулася видъ ёго, прыступаючы до викна.

Тутъ я неначе вдывлялася черезъ хвылыну на улыцю, мижъ тымъ колы я ничого иншого не хтила, якъ лышъ успокоитыся.

Якъ що винъ почавъ о чужынцю говорыты, опанувало мене зворушення, неначе пропасныця. Одначе я тутъ не стояла такъ довго. Олекса пиднявся зи свого мисця и опынывся немногымы крокамы наразъ коло мене.

Я стояла до ёго звернена профылёмъ, тому винъ не мигъ мени въ очи глядиты, але я видчула, що ёго очи спочывалы вырребущымъ позоромъ на мени.

— «Чому ты не кажешъ ничого въ свою оборону?»—спытавъ винъ,—«мени подобаются жинкы ридко, колы воны мовчать: тоди працюе ихъ мозокъ, напевне, на шкоду мужчыни».

Я не рушалася зъ своёго мисця.

— Скажы мени, Олексо,—запытала я, не поглянувшы на ёго а-ни «ни впоглядомъ»,—чому ты показуешся доперва теперъ зъ отціи немылои стороны?.. Давнійше не бувъ ты николы проты мене такъ крытычно и ризко успособленый. Говоры по щыростп и прямо, такъ, якъ звычайно *я* це роблю. Ты жъ шануешъ, здается, якъ и я, правдомовнисть у людей.

— Давнійше?—видповивъ винъ усмихнувшыся (а той усмихъ, мамо, вразывъ мене такъ само, неначе его «кинське копыто прозы»),—давнійше захопляли мене твои очи такъ сыльно, що я не бувъ доволи спокійный анализуваты твою душу. Ты маешъ, дивчыно, таки хвыли, що чоловикъ давъ бы за тебе безъ намыслу свою душу. Чы вирышъ ты въ мое чуття? Такъ було зо мною зпершу. А теперъ я прыдывляюся до *твоеи души.*

— И чы мусышъ ты мени пры тій анализи справляты прыкрости?»

— Чы я це вчынявъ?

— Я жъ думаю—такъ. Мене обгортае пры твоій крытыци моеи истоты таке почуття, неначе бъ ты стававъ зъ моею интелигенціею (або и зъ тымъ, шо становыть саму сылу моеи души), до якои боротьбы. Одначе, я тебе прошу, Олексо, пошануй мене и оставъ мене въ тимъ напрями въ супокою. Бачъ! Ты подобаешся мени такымъ, якымъ ты вже саме йе,—до чого жъ тому це злышне ображання моеи души, колы воно не доведе й такъ до ничого. Помырыся зъ моею вдачею, а побачышъ, що я не ворогъ тоби, Олексо! будь лышъ *добрый* проты мене!

— Ты посидаешъ за-мало прыхыльности до практычного жыття, а за-багато для абстрактныхъ ричей и де-якыхъ справъ, въ котрыхъ и такъ ничого не вдіешъ, хоть бы и якъ ихъ добре розумила. Колысь будешъ разъ сама зъ себе усмихатыся,—такъ дуже отверезыть тебе само жыття, та покы що я хочу тебе власною рукою зъ тыхъ высотъ звесты назадъ до земли. По-що часу тратыты и розчаровування пережываты? Тебе не жде ни що инше, якъ обовьязкы жинкы,—жинкы священныка,—и обовьязкы украинсько-руськои женщыны.

— И мусышъ ты при тимъ, конечне, показуваты «кинське копыто прозы»?—спытала я тономъ, такымъ вже чомусь беззвучнымъ, що сама его перелякалася.

Винъ вытрищывся на мене и замовкъ на хвылыну, а дали спытавъ:

— Що я маю пидъ твоимы загадочнымы словамы розумиты?..

— Чы це непреминно потрибно, щобъ ты мени твоимъ «кинськымъ копытомъ прозы», на котре покладаешъ таку вагу, справлявъ пры кождій нагоди прыкрости? Чы ты мени не довиряещъ, що я сповню обовьязкы жинкы,—и жинкы священныка, и украинкы,—тому що въ мене йе змыслъ и для тоншыхъ и шляхетнійшыхъ ричей, чымъ до самои лышъ домовои господаркы?—сказала я. Не бійся, я выповню свои обовьязкы такъ, що ты будешъ цилкомъ вдоволеный, нехай бы я пры тимъ и сама змарнувалася,—черезъ мене не понесешъ ты страты ни въ чимъ!

Я не дарма попивська дытына и въ попивськимъ доми вихована, щобъ не знаты, що мене жде навить и найгрубша праця: але мени того не страшно, Олексо,—я здорова и люблю працю.

Але, колы въ мене, окримъ того, ще и таки прыкметы душі, котри зъ твоимы экономычнымы поглядамы не згоджуются, то ты не маешъ найменьшого права здавлюваты ихъ въ мени и справляты мени на кошть прыкрости, тымъ бильше, що доси я а ни одною подїею не доказала тоби, що могла бъ тебе, черезъ бракъ, якъ ты кажешъ, змыслу для дійсности,—пхнуты въ несчастя. Все те въ тебе чысто уроене—пересудъ, пусти комбинаціи и выплывъ деспотычнои вдачи.

Впрочимъ,—додала я, але тутъ же заразъ и урвала, згадавшы «чужынця», и васъ, моя далека, горемъ похылена мамо, згадала и замовкла...

— Скажы мени, спытавъ винъ,—чы ты розвываешъ такый резонъ та энергію и проты артысты, колы винъ говорыть тоби комплимента про твои очи?.. Бо що винъ говорыть, я можу соби уявыты. Здается, винъ буде теперъ десь саме пры малюванню очей? Якъ разъ ныни зъ-ранку бачывъ я въ кимнати вуйка твій розпочатый патретъ.

— Оставъ того чоловика въ супокою!—обизвалася я,—не мишай ёго въ нашу дисгармонію. Винъ стоить у всимъ видъ

насъ такъ далеко, мае такъ мало зъ намы спильного, що було бъ несправедлыво крывдыты и ображаты ёго хоть бы и найменьшымъ пидозриннямъ.

Опроче, мавъ есы вже доволи часу переконатыся, що це чоловикъ наскризь честный и характерный.

— Мени, що правда, стоить *винъ* дуже далеко.— обизвався винъ,—але чы винъ и тоби такый «далекый», я позволю соби сумниватыся. Замылування для штукы и красы, котре посидаете обое, ледве чы буде таке невражлыве, щобъ краса одного, а интелигенція другого не стритылыся сымпатычно. А интелигентный йе той чоловикъ,—це мусыть ёму хоть бы и хто прызнаты.

— Такымъ винъ и йе,—додала я и (дорогá моя одынока матинко!) переляқалася. Що я сказала моя мамо, що я своихъ власныхъ словъ такъ переляқалася? По-що було мени ихъ говорыты? Чы не було бъ лиnше мовчаты?..

А Олекса лышъ глянувъ на мене.

— Чы ты зъ нымъ багато розмовляешъ?—спытавъ.

— Не конче. Винъ по найбильшій части бувае пры роботи дуже поважный и мовчазный, а по друге—пры сеансахъ сыдыть звычайно вуйко, або титка.

— Але стилько, то вже певно (мучывъ мене дали), щобъ заглянуты соби въ душу.

— О тимъ не можу тоби вже ничого докладного сказаты. Стилько йе певно, що винъ змушуе насъ шануваты ёго. Я вже не мовлю о соби и титци, але вуйко, що йе прецинь образованый и досвидченый чоловикъ, шануе и цинытъ ёго надзвычайно.

— Вуйко—то ентузіастъ, хоча въ ёго и яка соби тамъ сыва голова; ты жъ ёго ученыця и своячка; а якъ цей професоръ—германець, до котрыхъ видносытся вуйко здавна сымпатычно, до того ще й артыста (котрого значиння, якó такого, я въ свити артыстычнимъ позволю соби пидозриваты), то захватъ и ушанування готови.

— Чы винъ самъ собою, *яко чоловикъ*, не може буты *значный* (спытала я), и мусыть то ёго значиння вязатыся заразъ доконче изъ ёго фаху?

— Мени здается, що якъ разъ тутъ въ ёго есть такый выпадокъ, де винъ свій фахъ, яко артыста, не мигъ до кинця довесты.

— Але *не яко артысту* циню я ёго... ривно вуйкови,—бо въ тимъ знаю я ёго замало, або радше и зовсимъ не знаю,—*лыше яко чоловика*,—уважай, Олексо: чысто, яко людына змушуе винъ шануваты ёго.

А що до твого неумотывованого пидозриння, що винъ говорыть мени комплименты про мою поверховнисть, то запевняю тебе, що винъ не говорывъ мени доси а ни пивъ-словечкомъ щось подибного. Та за те мае винъ багато де-чого иншого въ соби передъ намы, якъ и цила велыка народнисть, до котрои винъ належыть, що мене змушуе поважаты и цыньты ёго.

— Олексо, прызнай по щырости, винъ йе *добрымъ репрезентантомъ* своеи народности.

— Такъ, такъ, чуже!—сказавъ винъ,—це вплывало и слипыло часто наши душы, такъ що мы наше,—хоча бъ и найлипше и найкраще,—не бачылы, бо павить пашыхъ найвластывійшыхъ намъ барвъ, *рады чужого*, видрикалыся и, немовъ гиппотизовани, въ таборъ протывныкивъ переходылы (це Олекса, мамо, тутъ проты перекинчыкивъ такъ мовлявъ).

Часто чынымо це и несвидомо, и лышъ тому, що въ насъ йе наклинъ прыстосовуватыся до иншого, и бракъ видвагы, чы радше постійнои, вытрывалои сылы *до гидного культурного истнування, яко менша народнисть*.

Такъ, такъ, Зошю,—тягнувъ винъ гирко дальше, опускаючы сумно голову въ рукы, та дывлячыся мени въ очи:—*Мы носымо жылку зрады въ соби*. Скилько то нашыхъ перейшло и переходыть въ таборъ протывныкивъ, а то лышъ тому, що *велыке и чуже* здавалося имъ бильшымъ и липшымъ, чымъ свое; чы вже теперъ одно зъ тыхъ велычій звалося такъ, або сякъ,—остается байдужнымъ; заридъ до такого кроку *въ насъ йе*. Тому, що було

бъ и задыво, колы бъ *и ты* склоныла зъ подывомъ твою голову передъ «чужою сылою», хоть я не хочу тымы словамы ничого бильше сказаты.

Але воно мени не йе вынною, моя мыла, лыше интересно. А интересно специально въ тебе,—я радъ бы знаты, котра точка буде *тутъ* тіею перемагаючою сылою.

Але иды!—клыкнувъ паразъ зворушеный, неначе бъ пидъ вплывомъ якоись лыхои, надъ нымъ верхъ беручои думкы,—идить вси вы, неправдыви и «вагаючіися», идить и оставте насъ самыхъ! *Не чысло* становыть мицъ и сылу, *лышъ свидома сыла и интелигенція*!

Я поглянула на него счудовано, не видповившы ничого, и згадала зновъ чужынця, ёго и васъ, моя далека маты; а видтакъ шукала соби запятія.

Въ Олекси щось коится, мамо,—я це видчуваю, и знала-бъ це навить тоди, колыбъ поводывся й менше чудно проты мене.

Я боюся ёго, якъ боимося бури, що зблыжается.

За те чужынецъ, мамо... Я мушу заедно про чужынця думаты.. Мене обгортае иноди така сыльна туга за ёго повагою, *ёго нижною добротою*, та за ёго мени несказанно сымпатычною истотою, що колыбъ все не було такъ, якъ воно йе,—я-бъ прыпала найрадше до ёго грудей... и тутъ бы выплакалася.

Не карайте мене, мамо.

Я така смертельно смутна и перемучена... що мене може лышъ доброта, и все на-ново сама одна доброта, удержаты на сылахъ.

—

(Бабуня): Я знала, моя Зоню, що въ мужчыни, котрого жинкою маешъ статыся, мусыть прыйты до такого почування и настрою. И воно й не можлыво инакше: я не маю для тебе сливъ, бо ты виддалюешся видъ всёго, чого ты всимы нервамы твоёго серця повынна держатыся.

Олекса мае слушнисть, колы каже: «*мы вси маемо жылку зрады въ соби*», бо вона видзывается и въ тоби.

Неначе та божевильна, выдаешся ты мени, що свое счастя затопчуе ногамы, а простягае рукы за якоюсь-то мріею.

Будь *смутна*, колы твоя душа пры всимъ своимъ багацтви здобула соби лышъ смутокъ, *и плачъ сама одна*, колы не можешъ выплакатыся на грудяхъ твого судженого.

Твоя далека, горемъ похылена маты, не мае слизъ для тебе, а колыбъ и хтила заплакаты, то мусилабъ плакаты кровію.

Ухаменыся, опамьятайся: не легковажъ твою будучнисть, бо тяжки суть хвыли и лита въ старости, колы пережываемо ихъ на самоти и въ злыдняхъ...

—

(Зоня): Мамо!

Чы чытаете вы мій дневныкъ? Чытаете?

Я прыходжу до васъ, бо видчуваю, що вси, почавшы видъ Олексы, мають до мене жаль, хотяй нихто справу жалю по имени не называе. До того немае нихто, кримъ Олексы, видвагы.

Я хочу сама передъ вамы все розкрыты и розибраты.

Мамо, вы моя далека, горемъ похылена мамо! Вы одни знаете, якъ то бувае, колы наши очи почалы зъ жалю й горя до сну незатулюватыся.

А теперъ діется таке зо мною.

Знайте мамо! Чужынець затопывъ свои очи въ мои и забувъ йихъ въ моій души.

Теперъ я маю йихъ за едно въ своій души, и воны не дають мени супокою.

Бувае... рано, ранесенько... люде десь пры свитли (теперъ же зима!) встаюсь и берутся до праци. Я рано, ранесенько до праци не встаю,—нихто іи видъ мене ще не жадае и не прыймае,—и я лежу у пивсни. Навить и не въ пивсни.—Яжъ бо чую, якъ въ груби трискае дерево и бачу, кризь прыжмурени очи, жовтяве пасмо свитла полумини передъ грубою, а дали и сире, денне свитло сунется несмилыво викномъ въ мою кимнатку.

Я лышъ такъ лежу, а спаты не сплю.

Лежу такъ тыхесенько, неповорушно и бережу львыни очи, мовъ скарбъ въ моій души.

Це моя глыбока тайна.

Знаете вы, мамо, про кого я думаю, моя мамо?

Вы одни може вже знаете.

Винъ утопывъ пры портретуванню свои очи въ мои и забувъ йихъ въ моимъ серци. Тому мене сонъ не бере.

Ранкамы, сирымы, зимовымы ранкамы, зъ сумракомъ въ хати, тышыною перерываною лышъ трыщаннямъ дровъ у печи, утомлена безсоннямъ ночи, я-бъ рада хоть такымы сирымы поранкамы засыпляты.

И ни...

Округъ мене така тышына и супокій, що я сама свою душу зачуваю. Такымы хвылынамы борюся я зъ чужынцемъ. А тая борба тяжка и поважна, бо пидъ часъ неи вырынае (иначебъ ждавъ лышъ видповидноi хвыли) гарна, пышна, энергична голова Олексы.

И нихто, нихто не може мени въ тій страшній борби помогты, бо львыни очи, мамо... *це моя найглыбша тайна.*

Слухайте.

Колы довидуюся, що винъ мае надійты, почынается для мене цила історія.

Мамо, я видчуваю це кожнымъ разомъ цилою истотою.

Особлывожъ, колы винъ переходыть ривне, невелычке подвирье... до входовыхъ дверей, що ведуть прямо до титчыного покою.

Звычайно я сыджу, або якъ титкы нема въ кимнати, лежу на софи и дывлюся на билу стелю.

Наразъ бачу, якъ на тій стели лягае скисна, подовгувата тинь.

Тоди *винъ* надходыть.

Винъ надходыть, и одынокымъ шырокымъ викномъ въ титчынимъ покою... надае... (чы це не чудно?) на стелю його тинь. А тому, що я лежу,—я бачу іи на стели.

Отже, мамо, насамперецъ на стели *тинь;* видтакъ чую, жыви, скори, элястычни кроки; видтакъ бачу ще выразнійше тинь... а видтакъ... видтакъ... нападае мене мука... себъ-то лыхорадка.

— О, мамо! мамо моя!.. якъ страшенно зворушуе мене моя глыбоко захована тайна. — *Я жъ здрадныця.*

Але якъ хто думае, що мени зъ моею здрадою добре на души, той помыляется. Я мучуся. Тоди то почынаю себе вмовляты, що винъ мени зовсимъ непотрибный и байдужый... що я хочу всимы сыламы держатыся Олексы. А вже въ слидуючій хвыли почынаю робыты поривняння межы *нымъ* и Олексою, и моя душа почынае кривавытыся. Такъ часто, несказано часто вражала мене сувористь мого судженого, мижъ тымъ, колы тонкисть и доброта *його* гоилы ти раны, немовъ лышъ навмысне цстнуючы на те.

— Николы не сказавъ винъ такого слова (ни до мене, ни до другыхъ), котре бъ було мени колы заболило; николы нищо не вражало прыкро въ його истоти,—немовъ до добродійного свитла звернулася моя душа до неи, такъ добре бувае мени зъ його ествомъ.

— Ни, мамо, винъ не йе мени чужый, не бувъ такымъ николы, лышъ я мусила, здаесь, на його *такъ довго ждаты.* А теперъ, колы винъ врешти зъявывся, я мушу такъ тяжко мовчаты и передъ його прыходомъ дрожаты.

И дійшло до того, що я його (теперъ ще гирше якъ зразу) боюся; а колы винъ видходыть, опынюется на порози мовъ олень и ще разъ обертается, *у послидне здоровлячы* мою душу своимы очыма за собою. Такъ воно діется часто, густо.

Теперъ працюе винъ пыльно надъ патретомъ, бо мусыть незадовго выйизджаты, и мы дійшлы, чого Олекса такъ duже боявся,—саме до очей.

Ихъ тяжко малюваты.

Винъ малюе. Я мовчу.

— Вы можете щось говорыты,—каже винъ.

Мовчання.

Видъ часу до часу споглядае винъ на мене и хоча й мои уста бувають въ його прысутности инакше спарализовани, *видчуваю я свое несчастя, що воны говорять.*

Я не знаю, що воны говорять, але пры тимъ я буваю страшенно поважна, навить ще поважнійша, якъ винъ, и колы бъ винъ схотивъ мене до розмовы прысылуваты, я бъ зъ якогось тожалю заплакала.

Якось просывъ знову щось «говорыты». На те я отвитыла ёму коротенько, що я, будучы разъ зъ вуйкомъ за справунками въ мисти, заходыла и до ёго церквы.

Винъ дывывся черезъ хвылыну на мене сіяючымы очыма, а видтакъ сказавъ два слова: «дякую вамъ».

Опислля мовчалы мы вже обое.

Винъ хтивъ щось сказаты и я хтила щось сказаты, але видтакъ не сказалы мы обое ничого...

Иноди бувае мовчання таке тяжке, мамо, переповнене чуттямъ, таке несказано тяжке, що... Боже!!..

Ёго грудь виддыхае, чы радше «працюе» такъ важко,—а я закушую зубы щипко, щобъ зъ жалю въ голосъ не зойкнуты.

— Чы вы плачете, моя мамо? Плачте, бо я не смію плакаты. Я суджена другого.

—

Мамо!

Я потребую чіись слёзы.

. . . .

Межъ намы бувають таки нижни хвыли, що я не въ сыли йихъ вамъ словамы передаты, бо все, що видчувается тонко, грубіе заразъ черезъ переказування словамы.

Колы недавно просывъ мене знову оповидаты що-небудь, бо, якъ мовлявъ, ёму малюется липше», пожалилася я ёму, що буцимъ то «люде» закыдають мени браку змыслу для дійсности и практычныхъ поглядивъ на жыття: та що я черезъ те въ жыттю не стану, якъ бы мени лычыло, николы корыстною.

Отце переповила я ёму, а винъ,—не поглянувшы на мене,— видповивъ черезъ хвылыну:

— Не журиться тымъ. Вы йе *вродженою жрыцею красы и ваша* (це бъ то вашои вдачи) *жиноча* задача йе—все, що чысте и гарне, плекаты чуттямъ.

Успокойтеся и знайте, що гарно, чысто и тонко видчуваты йе такожъ своёго рода «счастямъ», котре не кождому дане.

Мамо!

Чы вы видчуваете мое счастя? Увійдить въ мою душу.

Цей чоловикъ такый маломовный, поважный, вздержлывый, а помымо того мае те, що винъ говорыть, стилько доброго и благородного змисту для моеи истоты.

До того знае и розуміе винъ мене такъ добре, якъ, здается, нихто досы на свити.

Николы не бувае ёму щось въ мени неясне, не настроюе прыкро, або ворохлыво. При тимъ винъ йе прямый и отвертый, и що я въ нимъ головно циню и люблю—це ёго тонкисть и доброта,—якъ разъ те, що я въ мого судженого проты себе не знаходжу. Воно само собою укладается, мамо, що воны обыдва вставляются передъ мою душу и выклыкують до порившянь.

Винъ не говорыть зо мною николы про мои заручыны, чы про Олексу, або и взагали про особысти видносыны, якъ це Олекса такожъ подозривае;—лышъ разъ пытавъ мене, що я утрымую за всправдишну задачу «любовы».

На те я видповила:

— Велыка и справдишна задача любовы йе дбаты о те, щобъ вона для своихъ выбранныхъ заховала тіи сами свижи очи, що зъ самого початку. Ба, кажу,—а ни прыязнь, а ни розумъ, а ни вси прочи такъ сказаты бъ «змыслы», чы тамъ зворушиння, не мають для людыны такыхъ очей, якъ любовъ. Бо колы тіи вси позабувалы давно, якый тамъ хто разъ бувъ, *вона одна* не забувае и заховуе однакови очи для ёго.

Та видповидь ёго вдоволыла.

. . . .

Незабавкы, мамо, напышу я вамъ, що мое счастя кинчается... Винъ зблыжается до выкинчення патрету. О Боже, не доторкайтеся того, що мене болыть и выклыкуе въ грудяхъ одробыну «счастя».

. . . .

Якось винъ прыйшовъ и завважывъ, що въ мене булы очи зпалакани. (Титка справыла мени немылу сцену за-для Олексы,

закыдуючы мени, що я роздражнюю ёго нарочне въ тій цили, щобъ винъ, разъ роздраженый, мене обиждавъ и я на тій пидстави могла зъ нымъ заручыны зирваты,—до чого вона зъ своеи стороны николы не допустыть).

Побачывшы слиды слизъ на моихъ очахъ, прыступывъ винъ зтурбовано до мене, колы мы на хвылыну осталыся сами, взявъ мою голову поважно, мовъ старшый братъ, межъ рукы и поглянувъ мени выгребуще въ очи.

Колы я погляду ёго уныкла (зачуваючы наново слёзы въ очахъ), видтягнувъ винъ свои рукы видъ моеи головы и, нахылывшыся неначе зъ поспихомъ надъ своимы краскамы, спытавъ:

— «Чы вы не моглы-бъ мени сказаты, зъ якои прычыны вы плакалы? Вы можете *мени* все сказаты».

— «Мамо! те слово «мени» маю я ще до ныни въ души. И, о Боже!! я сама знала, що «ёму» могла я все сказаты. Винъ не бувъ бы мени ніякои прыкрости вчынывъ.

Одначе—«цёго я не можу!»—выбовтнула я зворушенно, бо вже почула наново слёзы въ очахъ.

— «Незадовго скинчытся вже все, и вы позбудетеся мукъ»,—видповивъ винъ зворушенымъ голосомъ. Видтакъ додавъ зъ вымушенымъ супокоемъ:

«Будьте ласкави, сядьте ще на хвылынку, я васъ не буду ныни довго трудыты».

А колы я все ще зъ своего мисця не рушалася и мене щось мовъ желизомъ держало, обглянувся винъ зчудовано, а потимъ опынывся заразъ биля мене.

— «Що вамъ ныни?—спытавъ,—«я не можу на васъ глядиты, такъ дуже болять мене ваши люби очи. Чому журытеся такъ дуже? чы я такожъ вcase ненъ що въ тому?..

Я не могла довше держатыся.

Я не сказала ничого, моя одынока моя правдыва мамо! не бійтеся, ни. Мои уста булы мицно стулени и не здрадылы ничого, а ни словечкомъ: я-жъ була суджена другого.

Лыше я не супротывлялася тому, колы винъ взявъ мою голову, якъ перше, межы рукы, прытулывъ іи до своихъ грудей и

прытыснувъ іи тутъ же; и такъ по доброму, мамо, такъ по доброму и зъ щыростію, якъ це нихто въ жыттю не чынывъ...

— «Моя жрыкыне!»--сказавъ въ найглыбшимъ зворушенню,--«Ты моя прекрасна й чыста жрыкыне!.. я видчуваю вповни твои мукы, але знай, не лышъ ты одна носышъ хрестъ, ёго носыть *кожный* въ жыттю. И колы ты думаешъ, що цей, або *той* счаслывишый видъ тебе, то знай, що саме винъ найнужденнишый»...— и освободывъ мою голову.

Я выйшла скоро зъ хаты, не повертаючысь туды бильше назадъ, а винъ прыйшовъ доперва ажъ щось въ тры дни по тимъ знов до роботы.

Це йе циле счастя тіеи твоеи доньки, мамо, за котрою глядилы вси зъ завыстію, мовляючы видъ часу до часу зъ подывомъ:

«Якажъ вона прекрасна!»

Бувають, мамо, (я це повторяю) въ нашимъ жыттю таки тонки й нижни хвыли, що мы не годни ихъ словамы переповисты.

Мижъ нымъ и мною бувалы таки хвыли,—то хвыли ґлыбокого мовчання, колы наши души до себе промовлялы. И ничого, що не вымовылося словамы, мамо, не пропало въ мовчанню.

Ничого.

И не пропаде, бо люде, таки якъ винъ (нехай и буде винъ для насъ якымъ тамъ «чужынцемъ»), находять завсигды въ ривно соби думаючыхъ пошану и любовъ. Говорытся стилько о счастю.

Що це за таке дило те счастя?..

Нищо, мамо, нищо инше, якъ власне оттаки нижни хвыли, таки поодыноки проминня въ жыттю, и я маю те переконання, що не одна глыбока и поважна душа згодытся зъ отцею моею думкою.—

Таки хвыли мають свою *трывку* вартисть, лыше для нижно видчуваючыхъ душъ воны суть,—щобъ це тоби выясныты зрозумило,—*видчутою музыкою*, котра не йе зъ ничымъ до поривняння; бо лышъ сама на себе похожа.

И *це* счастя маю я ёму одному завдячыты.

Мамо, далека и горемъ похылена мамо! Це йе онъ те, що жрыкыня красы и чыстоты своимъ «счастямъ» назвала, и въ своій души до кинця жыття збереже.

Не сумуйте, бо вона не сумуе...

Квиткы въ моій души посхылылы свои головкы... Мое счастя коротке й мелянхолійне и кинчытся зъ ёго видйиздомъ, а все цвитуче въ моій тій души поволичется за нымъ.

Поблагословить, мамо, мое счастя...

—

Бабуня,—пры чытанню на окруження цилкомъ забувшы,—хытае, якъ попереднимы разамы, сумно головою и шепче зтыха, мовъ у сни:

— «Такъ, такъ, моя дытынко! я бачу твое тинысте счастя, и будь спокійна, воно для твоеи старои, горемъ похыленои матери за-темне й загадочне, щобъ вона ёго доторкалася. Якъ ты тамъ соби кажешъ?

Мое счастя мелянхолійне и зъ ёго видйиздомъ кинчается, а вси квиты моеи души поволичутся за нымъ! Поблагословы мое счастя!»

— Я благословляю ёго, моя дытынко, я благословляю твое смутне счастя, але возьмы и кровъ моёго серця до того.

(Слипець): Бабуню, моя бабуню! мени выдается, неначебъ я чувъ здалека прегарну музыку, а вы супровожаете іи. Я бачу це счастя, *я бачу тую видчуту музыку;* я, *слипець*, бачу іи очима моеи души!

(Бабуня, гирко): «Такъ, мій внуку! для выдющыхъ очей не йе це крепою сповыте счастя до побачення, хиба лыше для невыдющихъ.

(Слипець): Бабуню! моя бабуню! я бъ мою титку любывъ, колыбъ мавъ іи пры соби. Чы я не буду николы такый счаслывый? іи крокъ мусыть буты легкый, якъ шелестъ шовку, а іи блызкисть повна гармоніи.

Моя прекрасна, сумовыта титко! хочъ я тебе николы не бачывъ, то помымо того знаю, що твое чуття йе дійсно... видчутою музыкою.

Бабуню! поблагословить іи счастя!..

(Бабуня): «Такъ, такъ, моя донько, я благословляю ёго сотню разивъ, лыше возьмы кровъ мого серця до того!

«Жрыкыня красы»!—называе тебе твій чужынець, котрого истота звыхнула тоби цилу твою будуччыну.

Що ты, чужынце, за артыста? чы маете вы яке счасття, мій незнаёмый сыну? Бачъ! стара билоголова маты твоеи жрыкыни не розуміе того вашого счастя; це йе, може, счастя теперешнёго часу, коротке, перелётне, мовъ той скорый и нездоровый ударъ серця, колы вже одчысляете вы ёго на хвылынкы и звете «видчутою музыкою», отце ваше «счастя артыстивъ». Вамъ, мабуть, выстарчае бачытыся, обминятыся душамы, сотворыты якый артыстычный твиръ въ честь того почування, и кожде йдете своею дорогою дали.

За моихъ часивъ значыло счастя щось иншого. Але вона, та твоя «жрыкыня», выступыла вже зъ того «мого» свиту и ёго свитогляду. Степнёво виддалялася вона видъ нёго. Зразу новійшымъ выхованнямъ, образованнямъ, дали збудылася въ ній туга за чымсь досконалышимъ, вильнымъ и выкинченымъ, а видтакъ прыйшовъ ты и безъ жадного слова й руху взявъ іи твоимъ тонкымъ змысломъ, твоею повагою и твоимы «львынымы» очыма и (Олекса мавъ слушнисть) твоимъ «чужынецькымъ» свитоглядомъ, та видтягнувъ есы іи видъ звычайного, але справдишнёго счастя, котре стричается межы нашымы щырымы и чеснымы родынамы.

Инакше мрила іи маты и іи выховавци про іи счастя.

Зъ своею красою и чыстотою, зъ своимъ счастямъ, мала вона—горе та дни смутку іи безталанныхъ бративъ и сестеръ огриты й прысмыриты. И що-жъ ій теперъ?

И що почнешъ ты? О мій, а все такы не мій, чужый незнаёмый сыну! Працюй для твоихъ, для котрыхъ ставъ-есы вже опикуномъ, колы вже твоя судьба поришена на тимъ, не покыдай ихъ всихъ самыхъ, не оставляй! А твоя «жрыкыня» такожъ не зложыть рукъ бездильно, такою вона не йе; хочъ и якъ посуджуе іи несправедлыво въ своимъ серци Олекса, та такою вона

не йе. Я благословляю ваше меляихолійне счастя, благословляю сотню разивъ, але возьмить и кровъ моёго серця до того.

—

Мамо!

Колы мы стоимо на початку якои бури, то наше серце дрижыть ляклыво, якъ застановляемося надъ закинченнямъ іи, але колы вже вдарыть гримъ, стаемо наразъ спокійни, неначебъ не зазнавалы николы передше почуття несупокою и мукы.

Такъ було и зо мною.

Я мучылася й боролася, и моя душа знаходылася въ безнастаннимъ болизнимъ напруженню. А теперъ раптомъ успокоилася до тои степени, неначебъ мене морозомъ заморозыло.

Я цилкомъ коротко розповимъ.

Я була передвчора зъ вуйкомъ у дидычивъ въ гостяхъ. Вертаючы, супровождавъ насъ чужынець частыну дорогы.

Зимовый день бувъ лагидный и мылый и мы прыпялы ёго бажання супровождаты насъ радо, тымъ бильше, що винъ мавъ вже за 2—3 дни видйизжаты.

Вуйко держався мовчазлыво,—бо ёго астма не позволяла ёму въ зими, идучы, говорыты,—и такъ велы мы лышъ сами розмову.

Винъ оповидавъ мени, що колы вернется звидсы до-дому, перейизджае заразъ въ друге мисто, бо саме цымы днямы одержавъ звистку, що диставъ посаду въ Н. (це тамъ, де Ёсыпъ оселывся). Мисцевисть тая, оповидавъ, не йе ёму, що правда, дуже сымпатычна, але позаякъ винъ теперъ, посвятывшыся разъ матери и сестрамъ, мусыть свое жыття прыстосовуваты до жыття ихнёго и ихнихъ бажань, тожъ винъ радъ, що ихъ бажання, дистатыся якъ разъ туды, сповнылося.

Для себе,—додавъ поважно,—не ожыдае винъ и такъ багато видъ жыття и колы ёму лышъ остается доволи часу до праци (пидъ «працею» розумивъ винъ за-едно свое малярство),—котра утрымуе ёго душу въ ривновази,—то винъ вже радъ.

Свій сонъ «артызму», — додавъ усмихнувшыся,—выснывъ винъ вже давно, а колы якый чоловикъ може буты своій родыни,

чы тамъ блыжнёму, зъ своею працею корыстный, то повыненъ це чыныты.

«Вирьте мени»,—сказавъ, дывлячыся задумлыво далеко впередъ себе,—«колы мы те, що вважаемо за щось менше цинне въ жыттю, сповняемо чесно и точно, а воно мае для блыжнихъ свою велыку вартисть, хоча може для насъ особысто бувае менше важне и пожадане... то все таки не пишло наше жыття марно и безкорыстно, и мы можемо на нёго сами зъ пошаною оглянутыся.

Вправди,—мовлявъ дали,—бажавъ винъ, ще молодымъ хлопчыною, статы колысь велыкымъ артыстомъ,—однаково, якымъ вже тамъ, колыбъ лыше доволи «велыкымъ и блыскучимъ», доволи «славнымъ и голоснымъ»,—але судьба уладыла потрохы инакше.

Ёго артыстычна карьера скинчылася тымъ, що винъ ставъ лышъ звычайнымъ кормыльцемъ и опикуномъ своеи хоровытои матери й своихъ трёхъ неридныхъ незабезпеченыхъ сестеръ.

И такъ воно може и добре.

Що правда, зъ тымъ похоронылося де-що изъ ёго особыстого счастя, але позаякъ винъ зъ тымъ, якъ пересвидчывся, не стратывъ такожъ багато, то винъ остаточно и радъ, що ёго доля взяла по своій воли оборотъ.

Николы,—додавъ поважно,—не треба намъ сумуваты за чымсь, чого намъ доля не дала, николы,—бо николы вона не забирае намъ одно, вмисто чогобъ не подала заразъ друге; хотяй мы часто те «друге» навить не вважаемо, бо часто наступае тее ажъ по такимъ часи, колы мы вже нашъ жаль за «втраченымъ» давно неребулы и забулы. А не зважаемо иноди й тому, що те, що намъ дистается,—дистается въ дрибныхъ дозахъ, неначе дрибни перлыны. Але тіи перлыны,—додавъ поважно зъ прытыскомъ,—можуть буты часамы такымы дорогоцинными, що стаются намъ скарбомъ на циле наше довге жыття.

Тіи перлынкы—це суть хвылынкы счастя, *сотворени надзвычайнымъ почуванням незвычайныхъ истотъ.* На тимъ становыську находытся теперъ и винъ; отже винъ радъ, що воно такъ, якъ саме йе.

Я слухала ёго мовчкы, не обзываючыся ани разу, а вуйко прытакувавъ ёго словамъ зъ вдоволеннямъ. Потимъ йшлы мы ще якусь хвылыну мовчкы поручъ,—я, зостановляючыся надъ ёго словамы, прыстосовуючы ихъ и до своёго жыття, а винъ не менше задуманый и поважный.

Наразъ, колы мы, йшлы оттакъ, збудылы насъ зъ нашыхъ думокъ дзвинкы надйизджаючыхъ позадъ насъ саней и змусылы насъ уступытыся тымъ залубнямъ зъ дорогы.

Зчудовано обглянулыся мы, и на наше велыке зчудовання, побачылы въ залубняхъ Олексу. Винъ казавъ фурманови стануты й запросывъ насъ, особлывожъ вуйка систы въ саны.

Вуйко зо мною всилы, артыста-жъ попрощався, додаючы побижно, що зайде до насъ ще передъ видйиздомъ попрощатыся.

Видтакъ мы пойихалы.

Олекса не промовивъ пидъ часъ йизды до мене ани словечка.

Лыше въ-вечери, колы вуйко зъ титкою выплачувалы якымсь-то робитныкамъ въ окремій кимнати належыте за де-яки господарськи роботы, прыйшовъ Олекса до мене (я якъ разъ запалыла велыку звысаючу лямпу, та збиралася выкинчаты якесь шытво), и спытавъ:

— То твій портретъ вже готовый?

— Готовый. Ты бачывъ его?

— Бачывъ. Я навить самъ передъ пивъ-годыною повисывъ ёго въ вуйковій кимнати.

— Чому пытаешъ, чы винъ вже готовый?

— Бо я думавъ, що, може, будутъ ще де-яки поправкы робытыся.

— Ни. Портретъ цилкомъ готовый; подобается тоби?

— Подобается. Теперъ навить липше, чымъ оригиналъ.

— Чы я збрыдла, Олексо?—спытала я зъ вымушенымъ усмихомъ (я знаходылася въ неустаннимъ зворушенню видъ ёго прыйизду, неначе въ ожиданню якоись бури).

— Для мене ты збрыдла. Але то оставмо теперъ. Твоя поверховнисть не грае въ мене бильше жаднои роли. Поверховнисть въ жинокъ йе, о скильки вже и я пересвидчывся, наскризь обманчыва.

— Чы вона тебе и въ мене обманыла?—спытала я дрижачымы устамы.

— Це скажу я тоби пизнійше, видказавъ мени, уныкаючы мого погляду, и почавъ въ нервовимъ поспиху крутыты папироску.

— Але скажы мени, чому бабрався властыво вашъ артыстъ такъ довго коло того портрету? Я сподиваюся, що твоя поверховнисть не обманыла и ёго, особлыво-жъ твои очи.

— Олекса!—вырвалося мени крыкомъ зъ устъ. Чому ты ныни зновъ такый ображаючый? Якъ ты маешъ що проты мене, то скажы мени радше прямо и честно въ-вичи, бо таки неустанни натякы на цёго чесного чоловика и мене вражають и ображають мене до глыбыны души, а я не дамъ себе ображаты.

— Ты не дашся ображаты—це я самъ бачу, але видповидай на мое пытання, чому надъ твоимъ портретомъ такъ довго малёвано, я все ще не знаю. Я маю лышъ одне пояснення на те. Або цей чоловикъ не розуміе свого фаху,—чому заперечуе само дуже тонке техничне выконання и велыка подибнисть портрета,—або якъ не те...—утрымую, що винъ, вмисто пыльнуваты своеи праци, провадывъ дыскусіи зъ тобою.

— Ани одне, ани друге не есть правдою, видказала я, виддыхуючы глыбоко.

Скильки разивъ тутъ бувъ, то малювавъ завсигды дуже пыльно, але по-пры тому выготовлявъ винъ соби и копію.

— Копію зъ твоёго портрета?!

— Такъ, Олексо.

— И ты сыдила ёму й до копіи?..

— Ни, лышъ по-деколы.

— Для кого потребувавъ винъ ту копію?

— Для себе. Винъ потребувавъ копію яко студію, котру хоче на якусь выставу до В. высылаты.

— И ты знала о тимъ?

— И знала й не конче знала. Винъ сказавъ це вуйкови, а вуйко немавъ ничого проты того. Щожъ въ тимъ дывного Олексо?..

— Ничого, — видповивъ винъ коротко, видкыдаючы на-пивъ выкурену папироску.

— Ходы сюды!—сказавъ 'наразъ прыказуючымъ тономъ, пиднымаючыся зъ своёго мисьця, та выпрямовуючыся просто.

Я не рушалася зъ крисла. Брутальный, деспотычный тонъ, въ котримъ вымовывъ винъ отци два слова, збудывъ всей упиръ, властывый моій истоты, и я затремтила цилымъ тиломъ.

— Я хочу тебе щось спытатыся, Зоню!—додавъ винъ вже лагиднійше, замитывшы по моихъ очахъ мій настрій; бо я видчула, якъ мени наразъ видбылося все зворохоблене нутро въ очахъ.

— Це можешъ ты и такъ вчыныты, Олексо!--видказала я зъ вымушенымъ супокоемъ.—Лыше я раджу тоби въ твоимъ власнимъ интереси говорыты въ иншимъ тони. Твоя власна интелигенція и образовання, на котри ты стильки покладаешъ, не повынни допускаты, щобъ твоя несчасна завысть брала верхъ надъ тобою и ты ображавъ мене. Я ще терплю до якогось часу всяки таки прыкрости, маючы заедно въ памьяти слова, разъ давно вымовлени мени моею несчасною, далекою матерею... що жинка не буває *николы за-багато терплывою и за-багато гордою.* Проты тебе я не хочу буты замало доброю, але що до моеи гордости, то я остеригаю тебе не нарушаты іи нáдто; инакше ты-бъ довивъ мене до того, що я взяла-бымъ тую свою доброту сама пидъ ногы.

Винъ усмихнувся зневажлыво.

— Я хочу въ тебе лышъ одно спытаты,—сказавъ винъ,— и того й прыйихавъ я саме теперъ сюды. Ты знаешъ, тіи два—тры мисяци, котри маемо ще передъ собою, мусять межы насъ

поясненпя внесты. Я мушу знаты: *чы маю высвячуватыся жонатымъ, чы безженнымъ?*

За цилый часъ, що тутъ перебувавъ германець, я натерпився доста мукъ и прыкрыхъ почувань. Ты, зъ твоимъ тонкымъ языкомъ и «арыстократызмомъ», якъ такожъ и зъ твоимы очима, зналась за кождымъ разомъ выкручуватыся передъ ришаючымъ пытаннямъ.

Але ныни я мушу маты ясну видповидь.

Побачывшы тебе, якъ ты йшла такъ прыязно зъ чужынцемъ, котрый вищувавъ мени заразъ, зъ самого початку, несчастя, зворохобылася моя душа до крайности. А мое теперешне поведення проты тебе—маешъ одыноко ёму й соби завдячыты.

Знай! Въ мени вже мирка повна. Я не хочу ничого по половини и по брехни. Видповидай же мени по правди, якъ ото я пытаюся. Чы такъ, якъ ты отце *мене* знаешъ и якъ знаешъ глыбинь *своеи* души,—*може мени ще* твоя душа прынесты счастя, чы ни?..

Зъ тымы словамы прыступывъ винъ до мене, взявъ мою голову въ свои рукы (о, мамо!), такъ якъ... и поглянувъ выгребущымъ, та гризнымъ поглядомъ въ очи.

Зъ несказаннымъ опоромъ высвободыла я голову зъ ёго рукъ и, видступывшы видъ нёго на крокъ назадъ, спытала.

— Чы годенъ ты мени даты запоруку, що я буду зъ тобою счаслыва въ выду твоеи безнастанпои недовирчывости й твоихъ нáпадивъ завысти? Годенъ?

— Выкрýты...—пробурмотивъ винъ лыхо.—А *я* мушу маты певнисть и супокій. Що каже твое нутро? Твое высоко-арыстократычне, «красою натхненне» нутро, що не зносыть ничого «невыкинченного»?...

— Мени вищуе воно понури дни»,—видповила я по щырости,—хоча воно посидае здибности *творыты* и счастя. Одначе...

Одначе?.. Зоню?..

— Одначе, Олексо—хоча й якъ мени прыкро сказаты це тоби, то мушу це помымо всёго вчыныты. Знай,—ты маешъ даръ,

чы радше спосибъ мене такъ перестроюваты, *що циле багацтво моеи души перетворяется передъ тобою въ каррыкатуру.* Отъ, що! це не може до доброго межы намы допровадыты!

Винъ поблидъ и вхопывъ мене мовъ клищамы за рукы.

— А германецъ?..

Пры тыхъ словахъ я почула, якъ мени видступыла вся кровъ зъ лыця, и якъ мои уста стратылы свою рухлывисть.

— Ну, якъ-же?—винъ вньялывъ свои розгорилы очи въ мене.

— *Германецъ* бувавъ проты мене такый добрый и тонкый, якымъ ты николы ани однисенькій разъ не бувавъ.

Впрочемъ винъ завтра видйизджае, прыйде ще разъ, щобъ попрощатыся, якъ це ты й самъ чувъ,—и якъ хочешъ, можешъ зъ нымъ говорыты!

— Можу й зректыся тіеи прыемности,—видповивъ винъ.

Тіи слова винъ вымовывъ зъ такою неопысаною погордою, що я не могла спокійно держатыся.

— Це твоя ричъ,—обизвалася я, а видтакъ додала ще зъ нетаемною ненавыстію: «Винъ прыйде щобъ зъ вуйкомъ, титкою *и зо мною* попрощатыся».

— Можу соби подуматы! Видйихаты, не поглянувшы ще разъ на модель студіи, було бъ дійсно шкода! Модель справди незвычайна!

Я здвыгнула тупо плечыма.

«Вуйко тратыть въ нимъ тонкого й дуже мылого товарыша.

— А ты?

— А я буду одну людыну менше маты, котру навчылася высоко циныты й шануваты.

— Ты уважай. Зоню, що про того чоловика въ моій прысутности говорышъ!—клыкнувъ винъ роздражнено, и въ ёго голоси затремтило щось зловистне.

Цёго я не потребую!—видповила я гордо,—якъ и безъ того знаю, до чого ты прямуешъ. Я лышъ не знаю, звидкы берется въ тоби видвага мучыты мене такъ довго, вмисто того, щобъ поста-

выты прямо и честно для тебе таке важне пытання, котре кризь циле твое поведення заедно пробывается?

— То ты гадаешъ, що въ мене нема достаточно видвагы поставыты тоби те «важне» пытання въ килькохъ словахъ?

— Я це думаю.

— То добре,—буркнувъ, зъ побиливпымы устамы,—будемо выдиты, хто зъ насъ обохъ йе видважнишый! Чы я, що маю поставыты те пытання, чы ты, що будешъ мусила на ёго видповисты... Въ кождимъ рази буде видъ твоеи видповиди залежаты добра частына твоеи доли. И я думаю, що ты роздумаешъ соби все-таки не кыдаты своеи доли такъ легко на вагу!

— Мамо! моя далека, горемъ похылена мамо! якъ колы истнувала яка подибнисть межъ всима намы, твоимы дитьмы, то знайте, николы не выступала вона мижъ намы такъ выразно, якъ въ тій хвыли, колы Олекса въ мени *якесь щось*, котре винъ вже неразъ хотивъ опануваты,—*теперъ такъ сыльно выклыкувавъ и ображавъ. Такъ* мусивъ мій несчасный братъ Ёсыпъ видчуваты, якъ на ёго натыскалы зирваты зъ своею Рутъ, а винъ давъ слово не покынуты іи; *такъ* видчувала Лидія, колы ришыла стрилыты въ себе, зъ жалю... зъ зрады, а Андруша, колы помымо упимнень и гризьбъ, або и благання зъ твоеи стороны, прямуе полямы... до корчмы... *такъ* и Васыль, колы бравъ, помымо прысягы, нешлюбну жинку до себе.

— Хто знае,—сказала я зъ цилковыто безгучнымъ голосомъ,—хто знае! ты жъ знаешъ, що въ крови нашои родыны лежыть не церемоныться багато зъ своею судьбою. И ты самъ сказавъ мени одного разу, що мы маемо даръ въ соби своимы власнымы рукамы каличыты свою долю.

Въ кождимъ рази есы *ты* той, котрый розбирае свою долю розважнише. Вже твои безчысленни докоры,—що въ мене нема практичного змыслу и такого жъ погляду на жыття,—можуть тоби буты доказомъ, що чоловикъ чуття зажене соби скорше кулю въ лобъ, чымъ чоловикъ розвагы, та що тымы людьмы зъ чуттямъ—не можна такъ кермуваты, якъ тягаровымы кіньмы!

Тому розважъ соби добре, *чы це буде въ твоимъ интереси*—доводыты мене рижнымы мукамы и прыкростями до крайности. Бо що мижъ намы дійшло дійсно до оттакои хвыли, есы лышъ ты самъ одынъ выненъ, ты!—повторыла я дрижачы зъ зворушення цилымъ тиломъ:—*ты*, що помымо всеи твоеи даровытости и интелигенціи, помымо чесноты, давышся твоею несчасною завыстю, а радше твоимъ «кинськымъ копытомъ прозы». Зайшло такъ далеко, що мы стоимо ныни проты себе, мовъ два ворогы,—и ожыдаемо въ мукахъ выкипчення якоись то драмы. Я не боюся взяты на себе (докынула я), щобъ не прыйшло!

Ты робы, що хочешъ! якъ бачышъ, *я* не боюся ничого. Роздумай соби добре, чы воно не видважнише,—пытання, про котре передше спомынавъ есы, *поставыты* мени, чы—*почуты* мою видповидь на ёго.

Винъ прыступывъ блызько до мене.

Мамо! о моя мучена мамо! николы не бачыла я чоловика въ бильшимъ зворушенню, якъ теперь Олексу (але цёго вечера бувъ винъ и найкрасшый, видь колы я ёго знала). Билый, мовъ смерть, въ лыцю, а очи горилы такымъ чорнымъ блыскомъ, неначебъ хтилы мене тутъ же на мисци пожерты. Винъ вхопывъ мене обома рукамы за плечи, потягнувъ пидъ велыку, звысаючу лямпу (іи свитло сплывало ясно на насъ обохъ), а видтакъ... видитхнувъ глыбоко.

Я стояла передъ нымъ, звернувшы на ёго свои очи (въ котрихъ чула цилу свою терплячу душу), выжыдаючы дальшои своеи доли...

Я знала вже, що за пытання перейде черезъ ёго уста... знала наперёдъ.

Одначе, нехай прыйде, нехай прыходыть...

Нехай и въ форми, въ якій не було бъ,—мени однаково; я знала лышъ те одно, що ніяка ложъ не сміе сплямыты мои уста. За жадну цину, низащо въ свити! колыбъ навить той мужчына передо мною мавъ бы мене до своихъ нигъ зтягнуты и мучыты.

— *Чы ты любышъ чужыньця?*—спытавъ погаслымъ голосомъ и зъ билымъ лыцемъ, зарывшы свои пальци въ мои рамена, мижъ тымъ, колы его палаючи погляды стереглы одынако мои очи, звернени на его.

Я мовчала черезъ хвылынку, мабуть найтяжчу въ моимъ жыттю—(я думала про васъ всихъ, вуйка, титку, про васъ, моя далека, горемъ похылена мамо,—про «его», котрого «жрыкынею красы и чыстоты» була я, про чоловика, що стоявъ передо мною и, ривно мени, боровся за щось, що такъ тяжко осяглося), а видтакъ видимкнулыся мои уста:

— Я люблю чужыньця, Олексо! я люблю его,—прошептала я,—хотя й я зъ самого початку боролася зъ всеи сылы проты того... Одначе... я не знаю, его велыка и тонка доброта, котра такъ потрибна моій вдачи, вона поборола мене—и я люблю его, Олексо! А теперь робы, що хочешъ!

— Безчестна!—крыкнувъ нетямлячы себе и видтрутывшы мене такъ сыльно видъ себе, що я далеко назадъ похытнулася.

— То иды жъ соби до его! бо до двохъ не можешъ належаты!

— Навить до одного ни.—видповила я зворушено, ледве чутно.—Але ты, ты Олексо!—клыкнула я благаючы, зложывшы зъ благанням руки передъ нымъ,—ты не смієшъ высвячуватыся безженнымъ, *ты оженышся!* подумай надъ твоимъ жыттямъ, подумай надъ Васылемъ!

Мамо, я вже не тямлю, якъ що я просыла и якъ воно склалося, що я, помымо дыкости его въ тій хвыли, вчепылася въ его рамена и за-едно свою мольбу повторяла.

Винъ трутывъ мене вдруге видъ себе.

— *Зъ тобою женытыся?*—клыкнувъ зъ неопысаною ненавыстю,—зъ тобою, що ты мое счастя твоею душею и фальшывымы очыма въ пропасть загребала? *Теперъ ще?* Иды до твого артыста; бо до такои ложи я не здибный, хоть и якый въ мене розумъ буденный и твоею „тонкою душею“ легковаженый. *Я* не оженюся николы! Те затямъ соби!

Одначе—колы мое жыття обернется въ таку одну велыку ложъ, якъ жыття твоёго брата Васыля, то знай—лышъ ты одна будешъ мене на совисти маты! бо я бувъ себе до иншого жыття прыладывъ!

Я крыкнула, неначе винъ стрелывъ у мене; такъ тяжко влучылы мене ёго страшни слова. Тяжче не мигъ вже влучыты.

Але такъ не смило буты, якъ винъ казавъ, не смило... ни-за-що въ свити, не смило!—и я зновъ зблыжалася до нёго.

И щобъ вы зналы, мамо, щобъ вы зналы... я не уныкала навить и упокорення.

Я вчепылася ёго, и тую саму руку, що мене ще передъ хвылыною неначе безчестну видопхнула—ту руку, разъ-по-разъ цилуючы, я за-едно молыла:

— *Не зо мною*, Олексо... не зо мною:—зъ другою... зъ котрою *ты схочешъ*, лышъ нежонатымъ не оставайся, на свое горе такымъ не оставайся! *а зо мною—ни*!!!

— Ни. Зъ тобою—ни!—видповивъ винъ твердо (о мамо, вы не знаете ёго консеквенцію и чыстолюбывисть,—винъ въ тимъ йе велыкый!) и зъ фанатычною погордою: «зъ тобою ни; ты мени за-нечестна!

Мои уста усмихнулыся насылу: Я жрыкыня, Олексо!—прошептала я, хапаючыся ёго зъ усіеи сылы, щобъ не зомлиты, бо на ногахъ я вже ледве держалася... Жрыкыня!

— Що?—крыкнувъ винъ мени въ лыце—и, дотягнувшы мене до софы, тутъ же трутывъ.

— Красы и чыстоты!—дошептала я.

Але винъ розсміявся, мамо, вмисто всёго, такъ твердо и брутально, що я маю той смихъ ще й до-ныни въ ушахъ; и се йе одынока памятка, яку мени той, въ грунти такый гордый и чесный, такый мудрый, та для моеи вдачи такыи неможлывый чоловикъ, зъ часу своихъ заручынъ зо мною полышывъ...

. . . .

Поблагословить, мамо, вашу доньку, поблагословить іи, моя правдыва, одынока мамо, бо видъ теперъ ани одно добре слово не спаде на іи молоду, а вже смуткомъ похылену голову.

—

(Бабуня твердымъ беззвучнымъ голосомъ):

— Я благословлю твои молоди, горемъ переповнени дни. Але пропасть, котра поглынула твое земне счастя,—*це твое власне нутро.*

Шукай теперъ практычнисть твоего «жрыкынства», що также не йе иншимъ, якъ аккордъ твоеи души, и сотворы соби зъ него опору въ жыттю..

Я благословлю тебе...

(Слипець зъ жалемъ):

Бабуню, бабуню! будьте справедлыви проты неи; вона не вынувата, що Богъ вложывъ іи въ груды вмисто крамарськои души *саму одну арфу,* котору вона несподивано посыла, прыслухаючысь іи бильше, чымъ всимъ зверхнимъ обчысленнямъ практычныхъ поклыкивъ жыття.

Черезъ те вона гарна.

(Бабуня):

— Мовчы, мовчы, мій сыну! Ты не маешъ права судыты жыття.

(Слипець):

Ни, маю, бабуню! я слипець, але въ мене душа выдюща. Титко, моя прекрасна титко! такыхъ, якъ тебе одну, сотворяе Господь *одыноко для душъ...*

—

Мамо!

Я бачу добре, що въ мене не буде такои исторіи, якъ въ тыхъ женщынъ, котри повыходылы замижъ; тожъ нехай соби и буде!.. Лыше титка не може зъ тымъ поеднатыся и ходыть зъ такымы заплаканымы очима въ-округы, неначе бъ ій хто померъ. А вуйко мовчыть, мовъ у ёго въ голови прокыдаются нови думкы зъ поводу моеи будучности, и винъ лышъ не може ихъ ще выявыты; але впрочимъ винъ проты мене добрый и ласкавый, и я мушу насылу ёго зажуреныхъ поглядивъ уныкаты, щобъ, стринувшыся зъ нымъ, не выбухнуты голосно плачемъ. Олекса

видйихавъ заразъ другого дня, заявывшы вуйкови пысьменно, що зрывае зо мною заручыны, бо моя вдача и цила истота не видповидають для жинкы священныка, та що лилше, пизнавшы себе обопильно, видступыты видча́су видъ звязку, чымъ потягаты обыдви стороны въ горе и мукы. Колы я подала вуйкови и титци жадани пояснення, заломыла титка мовчкы рукы и выйшла зъ кимнаты.—А вуйко, походывшы якыйсь часъ въ думкахъ по кимнати, прыступывъ видтакъ до мого портрета и, поглядивши довше на его, сказавъ:

— Бидна ты мо́я квиточко! навить твои гарни очи не моглы тёбе охороныты передъ окаличеною долею; такъ глыбоко лежыть зародокъ горя въ цилій вашій родыни. Нехай тебе Госпоць мае въ своій опици, та такою чыстою и правдывою и на дальше береже!

Титка, выплакавшыся добре, обсыпала мене пизнише дориканнямы, що я своимъ «боготвореннямъ» якогось «чужыньця» затоптала свое счастя ногамы и такого чоловика, якъ Олексу, «втратыла».

Я не боронылася бильше.

Мене мучыло оправдуватыся все въ тимъ самимъ.

А то, що я въ своій души маю и знаю, не переконае ни іи, ни другыхъ.

Олекса не бувъ для мене чоловикомъ; насъ надто рижнывъ спосибъ нашого почування. Винъ и не бачывъ николы въ мени то, що артыста бачывъ и цинывъ. Его гнивало и дражныло те, що мене радувало и порывало; и за-едно стояло ему мое чуття на дорози, и винъ спотыкався въ своихъ буденныхъ обчысленняхъ на его.

А зъ чужынцемъ мы неначе одну душу и одно почування становылы. Безъ сливъ, безъ запевнень, а самою одынокою тонкою любовію, що мовчкы злучыла наши души навикы.

Це моя тайна.

Чымъ я тутъ спроневирылася своій (якъ титка каже) «народности» и всёму, що до неи належыть? Я не знаю.

Въ мене, мамо, лыше не доставало сылы опертыся тонкости, доброти и интелигенціи чужынця, котри елемента саме зъ *его* истоты на мене вплывалы незвычайно благородно. Саме шляхетне и выобразоване въ нимъ, мамо, ото взяло верхъ нади мною. Я прызнаюся до выны... прызнаюся, о Господы!.. и зъ тымъ схыляю свою голову глыбоко, покирно передъ вамы,—судить мене вы на послидку...

Я знаю и бачу, мамо, що мое нутро зныщыло вси ваши обчыслення.

Вы, якъ и вуйко й титка, надіялыся бачыты мене колысь жинкою, матерью и попадею, и воно було-бъ, може, и выйшло на добре, оттакъ, якъ вы це хотилы; але теперъ я стою проты того всёго, мовъ якый упавшый ангелъ. Небеса ёму зачынени, земля за-мало небесна, и циле ёго счастя—*то ёго ангельськи крыла*.

Оставте мени мое мелянхолійне счастя,—воно для души.

Не будьте проты мене тверди й строги и не плачте, бо я сама броджу въ слёзахъ по колина...

Шануйте, мамо, вашу далеку дытыну, бо вона осталася, помымо своеи велыкои любовы до чужынця, чыста и добра.

И рукы іи не будуть въ жыттю бездильни. Будьте добри й тонки проты неи и не жалуйте мени справедлывости.

Жадне зъ жыючыхъ ще нашыхъ, мамо, не йе таке счаслыве, щобъ не потребувало мене колы въ жыттю.

Андруша, ты мій бидный, змарнованый брате! Чы прыгадуєшъ ты соби твою гарну сестру, за котрои рухамы ты завсигды за такымъ прызырствомъ позыравъ?

Чыслы на тую сестру, Андруша; вона ступае такъ само самитно межы людьмы зъ своею душею, якъ ты на твоихъ далекыхъ пустыхъ поляхъ, зъ твоимъ несчаснымъ нахыломъ. Але колысь, Андруша, колысь... якъ ты будешъ осыроченый и опу-

щеный, будешъ зблыжатыся... проты кинця твоёго сумного жыття, *вона* виднайде тебе на твоихъ пустыхъ поляхъ и не покыне...

Чыслить вси, вси на мене... *вси вы, котри тіеи думкы, що я не посидала розуминня для дійсного жыття и не була-бъ умила занятьи межы вамы гидне мисце...*

И моёго слипого братанця десь тамъ въ далечыни, котрого я не бачыла николы, а котрого напомацкы люблю, — ёго-жъ вичный смутокъ *мени ридный*,—поздоровить сотню разивъ.

Нехай винъ не розпачуе и самоту не оскаржуе. Докы ёго титка жыве, винъ не останется одынъ на свити. Чы може хоче хто иншый крокы слипця стерегты?.. Нехай це робыть, колы годенъ; але ёго душу оставте мени. Въ неи багацтва бильше, якъ для одного. Поздоровляю ёго сотню разивъ!

И чужыння въ тимъ мисти поздоровляе тайкомъ моя душа ..

Мы розсталыся, моя мамо.

Одного похмурого поранку, въ-коротци по брутальній сцени зъ Олексою, прыйшовъ винъ до насъ, щобъ у послидне зъ намы попрощатыся.

Зъ тымы другымы попрощався винъ окремо, а зо мною— колы выйшовъ проты мене въ довгыхъ нашыхъ синяхъ.

Ни, моя далека, горемъ похылена мамо! не думайте про яку небудь любовну історію межы намы; на те мы обое надто багато мовчалы...

Николы не просывъ винъ видъ мене ничого, а я не обицювала ёму ничого.

Я була судженою другого, а винъ одынъ зъ тыхъ, що не надіются видъ жыття вже бильше ничого.

И мы обое розумилы себе.

Але колы я ёго (для васъ правда винъ «чужый») безгранычно любыла, то це була одынока заслуга ёго гарнои душы.

— Николы, николы не хочу я въ друге таку хвылю пережыты, якъ того поранку колы мы на-завше розсталыся.

Я до ныни не знаю, чы винъ дизнався о тимъ, що я вже не була нареченною, чы ни; бо я не спомынала ёму о тимъ жаднымъ словечкомъ... Одначе, колы винъ выйшовъ проты мене (я переходыла синьмы до титкы), выйшовъ несказанно зворушено, зъ очыма одыноко на мене зверненымы, а я, прыступывшы до него, майже несвидомо уклала свои рукы на ёго рамена,—взявъ винъ, якъ вже разъ тому передше, мою голову нижно межы свои рукы и задывывся на мене...

О, ты Господы могучый!

Чы винъ зачувъ оклыкъ жалю въ моій души за нымъ?

Винъ мусивъ ёго зачуты, мамо, бо наразъ, надывывшыся на мене мовчкы и довго, прытыснувъ мене такъ сыльно й щыро до своихъ грудей, такъ щыро, мамо, що мене прошыбло почуттямъ, немовъ винъ впывае мене цилкомъ и навикы, въ свою душу... И тутъ-же пролежала я и на хвылынку занимила...

Ани одно слово не перейшло черезъ ёго уста, ани одно слово черезъ мои. Це не було намъ обоимъ можлыво...

Сыльне, глыбоке, потужне мовчання мижъ намы договорыло все, все, все...

—

Мамо! моя далека, горемъ похылена мамо!

Багато зъ людей ступало за твоею гарною донькою зъ любовію; багато зъ ныхъ клало ій те почуття пидъ ногы,—але жаденъ зъ ныхъ, мамо, жаденъ—не бувъ такый правдыво *щырый* и правдыво *добрый* для неи и проты неи, якъ отой «чужынець».

Винъ не «обицявъ» ничого, не ломывъ ничого,—винъ мавъ лыше дійсно правдыву «душу» въ грудяхъ и *доброту*...

Доброту, мамо...

—

И тому, мамо, благословить мое смутне, *никому незнáне* счастя, благословить ёго тысячу разъ!..

—

Бабуня глыбоко схылена, на-пивъ молячыся, на-пивъ шепчучы:

— Я благословлю ваше смутне, никому незпане счастя... благословлю ёго тысячу разъ. Але возьмить и кровъ моёго серця до того...

—

Слипець плакавъ.

Ольга Кобылянська.

Выс.-пов. Ц. К. санит. совитныку и доцентови д-ру Фридриху Маерови прысвячуе авторка.

Юго-западный край по даннымъ переписи 1897 года.

Пространство. Плотность населенія вообще и по мѣстностямъ. Различіе въ размѣрахъ отдѣльныхъ уѣздовъ. Распредѣленіе городского населенія. Неточности въ счетѣ городского и сельскаго населенія. Соотношеніе между численностью городского и сельскаго населенія.—Распредѣленіе населенія по половому составу въ сельскихъ и городскихъ поселеніяхъ.—Повозрастное распредѣленіе населенія.—Распредѣленіе населенія по семейному состоянію. Этнографическій составъ иаселенія.—Способъ опредѣленія его по родному языку. Дефекты этого способа. Распредѣленіе всего населенія края по этнографическимъ группамъ. Тоже—среди городского и среди сельскаго населенія. Вѣроисповѣдный составъ населенія.—Сословный его составъ. Распредѣленіе населенія по сословіямъ въ селахъ и городахъ. Этнографическое распредѣленіе населенія по сословіямъ.—Данныя о количествѣ лицъ съ физическими недостатками. Распредѣленіе ихъ среди населенія.—Грамотность населенія. Неточная формулировка табличныхъ заголовковъ. Степень развитія грамотности. Развитіе грамотности среди сельскаго и городского населенія. Грамотность по возрастамъ и поламъ. Тоже—по національностямъ. Низкое развитіе грамотности въ краѣ. Грамотность по вѣроисповѣданіямъ и по сословіямъ. Данныя о численности и распредѣленіи лицъ съ образованіемъ выше начальнаго. Данныя о грамотности на нерусскомъ языкѣ.—Данныя о занятіяхъ населенія. Вѣроятность ихъ недостаточной точности. Трудность сводки этихъ данныхъ для настоящей статьи. Неоднородность сводки данныхъ въ „обзорахъ", составленныхъ Центр. Стат. Комитетомъ. Недочеты въ отношеніи группировки данныхъ. Распредѣленіе населенія по занятіямъ. Соотношеніе между лицами работающими и кормящимися отъ нихъ. Сравнительное участіе разныхъ народностей въ различныхъ видахъ занятій населенія.—Краткость программы статистическаго изслѣдованія 1897 г. Отсутствіе экономическихъ данныхъ. Значительное сокращеніе этой краткой программы послѣ 1897 г. Устарѣлость опубликованныхъ данныхъ.

Составляющія Юго-западный край три губерніи занимаютъ площадь въ 144.735 кв. верстъ, превышая своимъ простанствомъ Швейцарію и Португалію, вмѣстѣ взятыя. Наличное населеніе края равно 9.567.010 чел., т. е. на полтора милліона болѣе населенія этихъ странъ. Губерніи эти далеко не одинаковы по занимаемому ими пространству: первое мѣсто по величинѣ занимаетъ Волынская губернія (63.036 кв. в.), почти вдвое превышающая своимъ пространствомъ губернію Подольскую (36.921 кв. в.); Кіевская же губернія занимаетъ въ этомъ отношеніи среднее между ними положеніе (44.778 кв. в.), въ то же время болѣе приближаясь по своей величинѣ къ Подольской губ. Наоборотъ, по абсолютной численности своего наличнаго населенія Волынская губ. занимаетъ послѣднее мѣсто—2.989.482 душъ о. п., Кіевская же—первое: 3.559.229 душъ о. п. (на что отчасти оказываетъ вліяніе присутствіе такого крупнаго городского центра, какъ Кіевъ, безъ котораго цифра населенія губерніи равна 3.311.506 душъ о. п.); что касается численнаго состава населенія Подольской губ., то онъ немного выше такого же состава Волынской—3.018.299 душъ о. п.

Отсюда ясно, что плотность населенія этихъ трехъ губерній неодинакова: при средней для края плотности населенія 66 душъ о. п. на кв. версту, наибольшею плотностію отличается Подольская губернія — 81,8 душъ о. п. на кв. версту, близко къ которой находится плотность населенія кіевской губ.—79,7 душъ на кв. в., тогда какъ плотность населенія волынской губ. почти вдвое меньше—47,4 д. на кв. в.

Аналогичныя явленія замѣчаются и по отношенію къ отдѣльнымъ уѣздамъ этихъ губерній: они очень неодинаковы и по пространству и по населенію, и плотность ихъ населенія весьма разнообразна. Такъ какъ въ каждой изъ этихъ трехъ губерній по 12 уѣздовъ, то, по разсчету пространства каждой изъ нихъ, средній размѣръ уѣзда долженъ бы быть: въ Волынской губ. 5250 кв. верстъ, въ Кіевской 3700, въ Подольской 3100. На самомъ же дѣлѣ это далеко не такъ: въ волынской губ. самый обширный уѣздъ, Овручскій, занимаетъ пространство, почти вдвое превышающее вышеуказанную среднюю цифру—9274 кв. в., а самый мень-

шій—Старо-Константиновскій, наоборотъ, вдвое меньше ея (2246 кв. в.); въ подольской губерніи самымъ крупнымъ по пространству является Балтскій уѣздъ (6824 кв. в.) и слѣдующій за нимъ Ольгопольскій, имѣющій уже вдвое меньшій объемъ—3521 кв. в., а наименьшими Проскуровскій и Летичевскій (2364 и 2371 кв. в.). Въ свою очередь, въ Кіевской губ. уѣзды тоже весьма различны по величинѣ: наибольшій—Радомысльскій занимаетъ 8435 кв. в. а слѣдующій за нимъ Кіевскій 4968 кв. в., наименьшій же Липовецкій—2540 кв. в.

По абсолютной численности населенія уѣзды этихъ трехъ губерній, какъ было сказано, тоже весьма неодинаковы и численность населенія уѣздовъ не всегда совпадаетъ съ занимаемымъ ими пространствомъ. Такъ, наиболѣе обширные уѣзды Овручскій и Радомысльскій принадлежатъ къ группѣ уѣздовъ съ сравнительно невысокой цифрой абсолютной численности населенія (всего отъ 220 до 315 тыс. насел. на уѣздъ). Словомъ, густота населенія отдѣльныхъ уѣздовъ тоже весьма неодинакова и колеблется между цифрами: 22 души о. п. на кв. в. (для Овручскаго уѣзда) и 109 (для Кіевскаго—считая его съ населеніемъ г. Кіева), или, если не считать населенія городовъ—между 21 душа о. п. на кв. в. (для Оручскаго же уѣзда) и 92 д. о. п. (для Каневскаго уѣзда), изъ которыхъ первый является такимъ образомъ наименѣе, а второй—наиболѣе густонаселеннымъ изъ всѣхъ уѣздовъ края. О распредѣленіи уѣздовъ на группы по отношенію къ густотѣ населенія (считая съ населеніемъ городовъ) можно судить по нижеслѣдующей табличкѣ.

Количество уѣздовъ съ густотой населенія на 1 кв. версту

Въ губерн.:	20—30	30—40	40—50	50—60	60—70	70—80	80—90	90 и болѣе
	душъ обоего пола.							
Кіевской	—	1	—	—	—	2	5	4
Волынской	1	3	1	2	3	1	1	—
Подольской	—	—	—	1	—	2	5	4
Итого	1 [1])	4 [2])	1 [3])	3 [4])	3 [5])	5 [6])	11 [7])	8 [8])

[1]) Овручскій. [2]) Радомысльскій, Ковельскій, Луцкій, Ровенскій. [3]) Владимірвол. [4]) Дуб., Новоградвол., Балтск. [5]) Житом., Засл., Остр.

Такъ какъ средняя плотность населенія края опредѣляется (см. выше) въ 66 (или круглымъ счетомъ 60 — 70) душъ о. п. на кв. версту, то съ густотой населенія меньше средней для края оказывается 9 уѣздовъ (изъ которыхъ 8 принадлежатъ къ Волынской губ.), а съ густотой населенія выше средней—24 уѣзда (въ большинствѣ уѣзды Подольской и Кіевской губ.).

Эта группа уѣздовъ относится, такъ сказать, вообще ко всему населенію уѣздовъ. Исключеніе же изъ общей цифры населенія уѣздовъ населенія собственно городского нѣсколько видоизмѣняетъ эту группировку—въ смыслѣ перемѣщенія нѣкоторыхъ уѣздовъ (гдѣ имѣются болѣе крупные города) въ группы съ меньшею плотностью населенія. Это относится главнымъ образомъ къ Кіевскому уѣзду, который, за исключеніемъ населенія города, оказывается имѣющимъ плотность населенія 61 чел. на кв. вер., къ Житомірскому (54), Кременецкому (69), Чигиринскому, Бердичевскому, Уманскому и Староконстантиновскому (75—78), Звенигородскому, Могилевскому, Проскуровскому и Винницкому (81—86 ч. на кв. в.).

Городское населеніе группируется въ краѣ въ 3 губернскихъ, 33 уѣздныхъ городахъ, 5 безъуѣздныхъ городахъ и мѣстечкахъ особо поименованныхъ въ изданіи «первой всеобщей переписи» (т. XXXII) по Подольской губ. [1]), а также во многихъ мѣстечкахъ Кіевской, Волынской и Подольской губ., совершенно не выдѣленныхъ при переписи и цѣликомъ причисленныхъ къ сельскому населенію; таковы, наприм., такіе крупные центры, имѣющіе характеръ городскихъ поселеній, какъ Жмеринка и м.м. Дунаевцы, Ермолинцы, Новоконстантиновъ, Шепетовка, Славута, Смѣла, Златополь, Корсунь, Чернобыль, Богуславъ, Шпола и т. ц. Само

---

[6]) Сквир., Чигир., Кремен., Летич., Литин. [7]) Васильк., Липов., Таращ., Уман., Черкас., Старокон., Брацл., Ольгоп., Ушицк., Ямпол., Гайсинск. [8]) Кіевск., Бердичев., Звениг., Каневск., Камен., Винницк., Могилев., Проскур.

[1]) Сальница, Хмѣльникъ, Баръ, Ст. Ушица, Вербовецъ.

собою разумѣется, что такое невыдѣленіе данныхъ о значеніи такихъ пунктовъ изъ общаго счета сельскаго населенія уѣздовъ составляетъ несомнѣнную ошибку центральнаго статистическаго комитета. Благодаря ей, цифра чисто сельскаго населенія въ произведенной комитетомъ сводкѣ данныхъ является преувеличенной, а городского—преуменьшенной и самое число поименованныхъ въ «переписи» городскихъ поселеній оказывается тоже значительно уменьшеннымъ. При различіи характера того и другого населенія и занятій его, слѣдовало бы выдѣлить городскія поселенія оффиціальнаго названія городовъ въ особую группу отдѣльно отъ сельскихъ и городскихъ поселеній, что было бы совсѣмъ не трудно [1]).

Оперируя съ этимъ преуменьшеннымъ количествомъ (41) городскихъ поселеній, слѣдуетъ признать, что населенность ихъ, какъ это видно изъ нижеприводимой таблички [2]), крайне разнообразна:

Число городск. посел. съ насел. тыс. душъ:

	до 5	отъ 5 до 10	10-15	15-20	20-25	25-30	30-35	35-40	50-65.	Итого.
Кіевской . .	—	3	3	2	—	1	1	—	1	11
Подольской	—	2	4	4	1	—	—	—	1	12
Волынской	3	8	1	—	3	—	1	1	—	17
Итогъ .	3 [3])	13 [4])	8 [5])	6 [6])	4 [7])	1 [8])	2 [9])	1 [10])	2 [11])	40

[1]) Само собою разумѣется, что, благодаря этому, и всѣ послѣдующіе выводы изъ этихъ цифръ должны страдать нѣкоторою неточностью.

[2]) Откуда выдѣленъ г. Кіевъ, какъ имѣющій исключительно крупную цифру населенія: 247,723 чел.—по переп. 1897 г.

[3]) Сальница, Ст. Ушица, Вербовецъ. [4]) Каневъ, Липовецъ, Чигиринъ; Овручъ, Владимірвол.; Брацл., Гайс., Летич., Литинъ, Баръ, Ольгоп., Н. Ушица, Ямполь. [5]) Васильковъ, Радом., Тараща; Дубно, Заславъ, Луцкъ, Острогъ; Хмѣльникъ. [6]) Звенигородка, Сквира; Ковель,

Въ общемъ, населеніе этихъ городовъ (съ Кіевомъ) составляетъ 9,6% всего населенія края (въ дѣйствительности, если присоединить городскія поселенія, ошибочно привключенныя къ сельскому населенію, этотъ % долженъ быть выше); при этомъ въ Кіевской губ. оно составляетъ 12,8%, въ Волынской 7,8% и въ Подольской 7,4%[1]). Сравнительно съ губерніями Европ. Россіи, гдѣ городское населеніе составляетъ 12,8%, городское населеніе края составляетъ меньшій процентъ. Считая вмѣстѣ съ Кіевомъ, средняя населенность городскихъ пунктовъ составляетъ въ краѣ 22000 чел., а безъ Кіева 16600 чел., въ томъ числѣ для Подольской губ., въ среднемъ на 1 городъ приходится 13000 ч. населенія[2]), въ Волынской 17800, въ Кіевской 22500. Изъ приведенной таблицы видно, что большинство городскихъ поселеній края имѣютъ населенность ниже средней.

Кончая съ группировкой населенія по городамъ, не лишнее упомянуть о невозможности охарактеризовать условія разселенія сельскихъ жителей по сельскимъ населеннымъ пунктамъ въ виду того, что центральный статистическій комитетъ, къ сожалѣнію, не опубликовалъ этихъ добытыхъ переписью 1897 г. данныхъ.

Распредѣленіе населенія края по половому составу выражается нѣкоторымъ преобладаніемъ женскаго пола надъ мужскимъ: въ среднемъ выводѣ для всѣхъ трехъ губерній на 1000 мужчинъ приходится 1002 женщины; въ частности по отдѣльнымъ губер-

---

Кременецъ, Новоградволынс., Староконст. 7) Ровно; Балта, Проскуровъ, Могилевъ. 8) Черкассы. 9) Умань; Винница. 10) Каменецъ. 11) Бердичевъ; Житоміръ.

1) Если же взять, по примѣру остальныхъ двухъ губерній, только губернскій и уѣздные города—то 7%.

2) Если же исключить (какъ въ предыдущемъ примѣчаніи) безъуѣздные города и мѣстечки, то—15800.

ніямъ численное преобладаніе женскаго пола надъ мужскимъ замѣчается однако только въ Подольской (на 1000 м.—1006 ж.) и Кіевской губ. (на 1000 м.—1014 ж.). Волынская же губернія представляетъ исключеніе: въ ней на 1000 мужчинъ приходится только 989 женщинъ. Въ частности въ городскомъ населеніи края замѣчается почти повсюду численное преобладаніе мужскаго пола надъ женскимъ: въ среднемъ итогѣ на 1000 мужчинъ въ городахъ края приходится 892 женщины; это преобладаніе въ большинствѣ городовъ мужскаго пола надъ женскимъ въ значительной степени объясняется присутствіемъ въ нихъ войскъ и приходомъ на зимніе заработки (перепись 1897 г. производилась зимой) мужчинъ изъ селъ. Исключеніе (въ распредѣленіи полового состава) составляютъ лишь отдѣльные города: Овручъ, Летичевъ, Ямполь, Сальница, Хмѣльникъ, Баръ, Каневъ, Липовецъ, Радомысль, Таращa и Чигиринъ, гдѣ, наоборотъ, женское населеніе превышаетъ мужское.

Если же исключить изъ счета все городское населеніе, чтобы такимъ образомъ установить соотношеніе половъ среди одного только сельскаго населенія, то окажется, что въ итогѣ для каждой губерніи (считая и Волынскую) женскій полъ численно преобладаетъ надъ мужскимъ (составляя въ Подольской губ. 50,5% всего сельскаго населенія, въ Кіевской 51%, въ Волынской 50,1%).

Слѣдовательно, вышеуказанное численное преобладаніе мужскаго пола надъ женскимъ среди всего вообще наличнаго (сельскаго плюсъ городского) населенія Волынской губ. объясняется вліяніемъ на этотъ выводъ цифръ городского населенія этой губерніи, гдѣ, кстати сказать, въ одномъ только (самомъ маленькомъ уѣздномъ) городѣ Овручѣ замѣчается небольшое численное преобладаніе женскаго пола надъ мужскимъ, въ остальныхъ же городахъ—вездѣ наоборотъ. Только что указанное явленіе—численное преобладаніе среди сельскаго населенія женскаго пола надъ мужскимъ—замѣчается однако не во всѣхъ уѣздахъ края: исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ 5 уѣздовъ волын-

ской[1]) и 3 уѣзда подольской[2]) губ., гдѣ—въ первыхъ—на 1000 душъ м. п. приходится въ среднемъ 988 женщинъ, и во вторыхъ 990.

Въ общемъ итогѣ для всего края вышеуказанное численное преобладаніе женскаго пола надъ мужскимъ (на 1000 м.—1002 ж.) представляется менѣе значительнымъ, чѣмъ въ большинствѣ остальныхъ губерній Евр. Россіи (на 1000 м. около 1005 ж.).

Повозрастное распредѣленіе населенія, какъ и вообще въ Евр. Россіи, отмѣчается пониженіемъ группового состава по мѣрѣ повышенія возрастной градаціи, при чемъ наибольшая величина группового состава, или, иначе говоря, наибольшій процентъ лицъ, приходится на принятую переписью возрастную градацію въ 0—9 лѣтъ, а слѣдующій затѣмъ—на возрастную градацію отъ 10—19 лѣтъ, начиная съ которой пониженіе группового состава становится особенно замѣтнымъ:

% ко всему населенію:	Волынская	Кіевская	Подольская
отъ 1— 9 л.	29,4	28,6	27,8
— 10—19 л.	21,9	22,9	22,8
— 20—29 л.	17,1	15,4	15,4
— 30—39 л.	11,9	12,1	12,3
— 40—49 л.	8,2	9,2	9,3
— 50—59 л.	6,2	6,3	6,6
60 и болѣе	4,3	5,5	5,8
	100,0	100,0	100,0

О распредѣленіи состава населенія по возрастамъ и полу въ городахъ и уѣздахъ можно судить по слѣдующимъ цифрамъ (въ % къ количеству городскаго и сельскаго населенія):

---

1) Житомірскій, Ковельскій, Кременецкій, Луцкій, Ровенскій.

2) Балтскій, Винницкій, Летичевскій.

В ъ г о р о д а х ъ

Возрастъ	Кіевск. губ.		Волынск. губ.		Подольск. губ.	
	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.
1—9 л.	19,7	21,6	20,0	24,3	22,6	24,9
10—19 л.	19,4	23,1	17,7	24,3	20,0	24,8
20—29 л.	28,1	19,1	35,2	17,5	24,7	16,1
30—39 л.	13,4	13,5	10,4	12,3	10,8	12,0
40—59 л.	14,5	16,6	11,8	15,6	14,0	16,2
60 и выше	4,9	6,1	4,9	6,0	5,1	6,0

В ъ у ѣ з д а х ъ

Возрастъ	Кіевск. губ.		Волынск. губ.		Подольск. губ.	
	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.
1—9 л.	30,0	29,5	30,1	29,9	28,0	28,0
10—19 л.	23,9	23,5	21,6	22,5	22,0	23,4
20—29 л.	13,5	14,8	15,9	16,5	14,5	15,3
30—39 л.	11,8	11,9	11,9	11,9	12,0	12,5
40—59 л.	15,9	15,2	14,6	14,4	17,2	15,7
60 и выше	4,9	5,1	5,8	4,7	6,3	5,1

Разсмотрѣніе процентнаго отношенія возрастныхъ группъ указываетъ, что наиболѣе многочисленной возрастной группой среди сельскаго населенія является дѣтская группа (0—9 лѣтъ), а второе мѣсто занимаетъ группа подростковъ (возраста 10—19 л.) и въ такомъ же порядкѣ каждая послѣдующая возрастная группа представлена все меньшими и меньшими числами[1]). Въ городскомъ же населеніи это распредѣленіе отличается преобладаніемъ жителей въ цвѣтущемъ возрастѣ—отъ 20—29 л., наблюдаемымъ однако только по отношенію къ мужскому полу и объясняющимся

[1]) Группа въ возрастѣ 40—59 л. хотя и характеризуется (въ таблицѣ) болѣе крупными цифрами, но не составляетъ исключенія, такъ какъ въ ней совмѣщено двѣ десятилѣтнія группы (тогда какъ въ прочихъ по одной).

значительнымъ притокомъ молодыхъ мужчинъ этого возраста въ города. Рядомъ съ этимъ, въ городахъ замѣчается значительно бо́льшее колебаніе въ соотношеніяхъ обѣихъ половъ, чѣмъ въ селеніяхъ: въ возрастѣ отъ 20—29 л. женщинъ значительно меньше, чѣмъ мужчинъ, въ возрастѣ же отъ 40—59—наоборотъ.

По семейному состоянію взрослое (съ 15 л. и выше) населеніе края распредѣляется въ относительныхъ величинахъ такъ:

	% ко всему взрослому населенію губерніи					
	Волынская		Кіевская		Подольская	
	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.
Холостыхъ и дѣвицъ	31,9	23,7	31,0	24,5	29,9	21,9
Состоящихъ въ бракѣ	62,9	65,4	64,5	63,6	65,9	65,4
Вдовыхъ	5,0	10,6	4,3	11,5	4,0	12,3
Разведенныхъ	0,07	0,2	0,1	0,3	0,1	0,2
Неуказавшихъ	0,07	0,09	0,1	0,1	0,1	0,2
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Какъ не трудно видѣть изъ этой таблички, наибольшая часть взрослаго населенія края состоитъ въ бракѣ, при чемъ процентъ мужскаго и женскаго пола приблизительно одинаковъ. Холостая группа вездѣ почти вдвое меньше только что упомянутой; это уменьшеніе въ особенности замѣтно у женщинъ, у которыхъ за то болѣе значительный процентъ вдовыхъ сравнительно съ мужчинами.

Этнографическій составъ населенія опредѣлялся во время переписи на основаніи показаній самихъ жителей о родномъ языкѣ. Поэтому, прежде чѣмъ воспользоваться данными объ этнографическомъ составѣ, необходимо остановиться на уясненіи вопроса, на сколько точны были показанія населенія, а слѣдова-

тельно и записи счетчиковъ въ этомъ отношенiи. Степень точности показанiй населенiя по этому вопросу въ значительной мѣрѣ зависѣла отъ той внимательности и сознательнаго отношенiя къ дѣлу, какое проявляли въ данномъ слачаѣ опрашивавшiе населенiе счетчики. Составъ производившихъ перепись счетчиковъ, въ общемъ, достаточно извѣстенъ. Это—добровольцы, до того момента никогда переписью не запимавшiеся, а статистикою не интересовавшiеся, т. е. люди, къ этому дѣлу недостаточно подготовленные и работавшiе или изъ-за вознагражденiя, или изъ-за «статистической медали». Для многихъ изъ нихъ совершенно не было интересно при опросѣ каждой семьи обстоятельно разъяснять опрашиваемымъ, что именно нужно подразумѣвать подъ понятiемъ «родной языкъ»; а немалое ихъ количество, не смотря на полученныя инструкцiи, вѣроятно, не сумѣло бы даже и дать такого разъясненiя. Опрашивавшiе удовлетворялись часто тѣмъ пониманiемъ заданныхъ ими вопросовъ, какое обнаруживали опрашиваемые въ своихъ отвѣтахъ, не интересуясь удостовѣриться степенью правильности этого пониманiя, а опрашиваемые отвѣчали такъ, какъ умѣли. И вотъ часто на вопросъ о родномъ языкѣ опрашиваемый отвѣчалъ «русскiй», а опрашивающiй, ничтоже сумняшеся, сейчасъ же зачислялъ его въ великороссы, хотя бы отвѣчавшiй въ качествѣ малорусса, подразумѣвалъ именно языкъ малорусскiй. Съ другой стороны тѣ изъ малороссовъ, которые одинаково владѣютъ и малорусскимъ и великорусскимъ языкомъ, могли и сами вполнѣ безразлично относиться къ вопросу о томъ, куда ихъ запишутъ по одному изъ двухъ родныхъ имъ языковъ. Малороссы, обучавшiеся въ школахъ, гдѣ преподаванiе, какъ извѣстно, повсюду ведется на великорусскомъ языкѣ, и потому съ дѣтства привыкшiе къ этому языку, а также малороссы, въ семьѣ которыхъ принято говорить по-великорусски (что главнымъ образомъ, конечно, относится къ интеллигенцiи), могли, благодаря именно этому, показывать своимъ роднымъ языкомъ, по собственному усмотрѣнiю, или великорусскiй или малорусскiй, смотря по желанiю, или точкѣ зрѣнiя, съ которой они смотрѣли на данный вопросъ. И тѣ изъ нихъ, которые показывали при этихъ усло-

віяхъ роднымъ своимъ языкомъ великороссійскій, попадали въ число великороссовъ, хотя не только сами родились въ Малороссіи, имѣя своими предками исконныхъ малороссовъ, но можетъ быть никогда даже и не выѣзжали изъ Малороссіи. Отсюда неизбѣжная неточность въ цифрахъ, сводящаяся къ увеличенію числа великороссовъ за счетъ уменьшенія цифры малороссовъ. Отсюда неточность въ выводахъ хотя бы, напр., относительно развитія грамотности и образованія среди того и другого племени [1]). Въ этомъ отношеніи особенно бросаются въ глаза цифры лицъ, получившихъ образованіе выше начальнаго. При полной одинаковости условій полученія образованія выше начальнаго какъ въ Малороссіи, такъ и внѣ ея, при общеизвѣстности факта, что малорусская интеллигенція въ общемъ отнюдь не менѣе многочисленна (по сравненію съ общей массой *своего* населенія), чѣмъ великорусская, по даннымъ переписи оказывается, что (въ общемъ итогѣ для Евр. Россіи) изъ общаго числа грамотныхъ своего племени у малороссовъ только $1^1/_2\%$ лицъ мужеск. пола и 4,4% женскаго принадлежитъ къ числу получившихъ образованіе выше начальнаго, тогда какъ у великороссовъ эти же проценты равны 5,8% и 11,1% т. е. вчетверо и втрое больше. Такая значительня разница только и можетъ быть объяснена указанною неточностью цифръ, такъ какъ въ дѣйствительности нѣтъ никакихъ данныхъ для существованія и объясненія столь значительнаго различія. Такое различіе по цифрамъ переписи замѣчается не только въ итогахъ для цѣлыхъ губерній (гдѣ слѣдовательно превалируютъ цифры сельскаго населенія), но и въ цифрахъ, относящихся къ городскому населенію—и тамъ % лицъ, получившихъ образованіе выше начальнаго (къ общему числу грамотныхъ), больше у великороссовъ, чѣмъ у малороссовъ даже и въ городахъ Малороссіи. Такъ, въ уѣздныхъ гор. Кіевской г. процентъ этихъ лицъ среди великороссовъ составляетъ 21,7, а среди мало-

---

[1]) О чемъ подробнѣе будетъ ниже.

россовъ только 5,2. Единственнымъ объясненіемъ такихъ странныхъ цифровыхъ комбинацій является именно неточность самихъ переписныхъ данныхъ, обусловленная самымъ способомъ установленія принадлежности населенія къ той или иной этнографической группѣ.

Отмѣтимъ кстати совершенно правильную оцѣнку этого пріема, сдѣланную въ № 30 «Южныхъ Записокъ» за 1905 г. въ статьѣ «Народное Образованіе въ Юго-западномъ краѣ по даннымъ переписи 1897 года» Б. Лелича:

... «языкъ, которымъ говоритъ человѣкъ, не представляетъ никогда достаточно вѣрнаго и полнаго доказательства его національности. Не приводя никакихъ доказательствъ этой безспорной истины, мы ограничимся ссылкой хотя бы на столь широко распространенную на русскомъ языкѣ книгу знаменитаго англійскаго ученаго Эд. Б. Тайлора «Антропологію», въ которой, названный авторъ, приходя къ тому же выводу, говоритъ между прочимъ, что «языкъ человѣка въ дѣйствительности свидѣтельствуетъ не о его происхожденіи, но о его воспитаніи». Если такая истина, извѣстная каждому, хоть сколько-нибудь научно-образованному человѣку, неизвѣстна была лицамъ, организовавшимъ разработку данныхъ переписи, то можно только удивляться ихъ невѣжеству. Подобные руководители возможны лишь въ такомъ бюрократическомъ учрежденіи, какимъ является Центр. Стат. Комитетъ».

Обращаясь теперь къ этнографическому составу населенія края, мы встрѣчаемся съ слѣдующими цифрами, располагая этнографическія группы въ нисходящемъ порядкѣ [1]).

---

[1]) Что отнюдь не соблюдается въ цитируемыхъ изданіяхъ Ц. Ст. К-та, гдѣ на первомъ планѣ, несмотря на ихъ малочисленность, непремѣнно красуются великороссы, евреи же занимаютъ всегда одно изъ послѣднихъ мѣстъ.

	Всего по краю.	Въ томъ числѣ въ губерніяхъ: Кіевской.	Волынской.	Подольской.
малороссы	7357543	2819145	2095579	2442819
евреи	1194569	430489	394774	369306
великороссы	413290	209427	104889	98974
поляки	322108	68771	184161	69156
нѣмцы	190107	14707	17331	4069
чехи	31850	3294	27670	886
молдаване	27592	250	314	27028
бѣлоруссы	11017	6389	3794	834,

при чемъ надо имѣть въ виду, что цифры малороссовъ, какъ видно изъ предыдущаго изложенія, являются преуменьшенными за счетъ увеличенія количества великороссовъ, которыхъ такимъ образомъ должно считаться еще меньше, чѣмъ показано. Въ процентахъ эти числа выражаются слѣдующимъ образомъ:

	Всего по краю.	Въ томъ числѣ въ губерніяхъ: Кіевской.	Волынской.	Подольской.
малороссовъ	**77,6**	79,3	70,3	81,0
евреевъ	**12,5**	12,3	13,2	12,2
великороссовъ	**4,4**	6,0	3,5	3,3
поляковъ	**3,4**	1,9	6,3	2,3
нѣмцевъ	**2,0**	0,4	5,7	—
чеховъ	—[1])	—	0,1	—
молдаванъ	—	—	—	0,9
бѣлоруссовъ	—	—	—	—
прочихъ	—	—	—	—
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Отсюда ясно, (даже и безъ поправокъ указанной неточности цифръ), что во всѣхъ трехъ губерніяхъ главную массу населенія составляютъ малороссы, а слѣдующее за ними мѣсто

---

[1]) Черточками отмѣчены процентныя величины ниже 0,1.

принадлежитъ евреямъ. Великороссы же занимаютъ по численности своей только третье мѣсто въ итогѣ по краю, уступая даже въ Волынской губ. это третье мѣсто полякамъ; но вообще поляковъ въ краѣ сравнительно мало—всего 3,4% общаго количества населенія (отъ 1,9% въ Кіевской до 6,3% въ Волынской).

Преобладающій малорусскій составъ населенія края (и, какъ увидимъ ниже, въ особенности сельскаго) предопредѣляетъ крупное значеніе въ немъ такъ наз. малорусскихъ вопросовъ, каковы, напр., вопросъ о преподаваніи на малорусскомъ языкѣ, о малорусской печати и т. п.; съ другой стороны немаловажное значеніе имѣетъ здѣсь и вопросъ о положеніи и судьбахъ еврейскаго населенія, какъ занимающаго по численности своей первое мѣсто послѣ малороссовъ. Съ другой стороны, хотя поляки, въ среднемъ по краю, занимаютъ по своей численности четвертое мѣсто, но, благодаря огромности численнаго состава первой группы, право ихъ на это четвертое мѣсто опредѣляется сравнительно ничтожной цифрой 3,4% общей численности всего мѣстнаго населенія. Одна уже ничтожность этой цифры съ полной убѣдительностью должна показать каждому непредубѣжденному человѣку, какъ неосновательно и чрезмѣрно вздутъ здѣсь такъ наз. «польскій вопросъ», сводящійся къ опасеніямъ вреднаго вліянія «польскаго элемента» на остальное населеніе края; то же самое можно сказать и по вопросу объ иностранныхъ колонистахъ (нѣмцахъ и чехахъ), которыхъ въ краѣ всего 2%.

Обращаясь къ вопросу о распредѣленіи отдѣльныхъ національностей въ сельскомъ и городскомъ населеніи края, надо отмѣтить прежде всего, что малорусское племя является численно преобладающимъ среди сельскаго населенія, а еврейское—среди городского, что замѣчается въ итогахъ для всѣхъ 38 губерній по исключеніи лишь изъ итога по Кіевской губ. города Кіева (съ его въ процентномъ отношеніи значительно меньшимъ количествомъ евреевъ), присутствіе котораго отчасти вліяетъ на итогъ по его губерніи.

Вотъ эти процентныя отношенія въ городахъ (съ Кіевомъ):

	Евреи	Мал.	Велик.	Пол.	Нѣм.	Бѣл.	Чехи	Проч.	Итогъ
Весь край:	40,0	27,0	25,0	5,5	0,8	0,4	0,2	1,1	100,0
въ томъ числѣ:									
Кіевская	31,0	28,0	33,0	4,7	1	0,7	0,2	1,4	100,0
Волынская:	51,0	19,0	19,0	7,9	0,8	0,1	0,9	1,7	100,0
Подольская:	46,1	32,5	14,8	4,9	—[1])	—	—	1,7	100,0

Кромѣ того замѣчается, что въ городахъ численность малороссовъ и великороссовъ въ общемъ почти одинакова. Изъ детальнаго же разсмотрѣнія опубликованныхъ цифровыхъ таблицъ по отдѣльнымъ городамъ видно, что въ громадномъ большинствѣ городовъ малороссы численно преобладаютъ надъ великороссами, въ Кіевѣ же, Бердичевѣ, Балтѣ и Житомирѣ, наоборотъ, преобладаютъ великороссы.

Обращаясь затѣмъ къ дальнѣйшему сравненію племеннаго состава населенія городовъ и уѣздовъ безъ городовъ, мы видимъ, что численное преобладаніе евреевъ въ городскихъ поселеніяхъ далеко не такъ замѣтно, какъ преобладаніе малороссовъ среди сельскаго населенія, такъ какъ въ городахъ имѣются еще двѣ довольно многочисленныя племенныя группы: малороссы и великороссы (27 и 25%), тогда какъ среди сельскаго населенія остальныя племенныя группы крайне малочисленны. Наиболѣе видной изъ нихъ по величинѣ является группа евреевъ (9,6%), но и то, очевидно, главнымъ образомъ потому, что въ составъ сельскихъ поселеній при переписи, какъ было сказано выше, зачислено много такихъ (мѣстечковыхъ) поселеній, которыя и по характеру своему, и по многочисленности населенія должны быть причислены къ городскимъ. Что касается поляковъ, то въ процентномъ отношеніи къ составу мѣстнаго населенія они болѣе многочисленны въ городахъ, чѣмъ въ уѣздахъ [2]). Все это видно

---

[1]) Черточки тамъ, гдѣ % ниже 0,1.

[2]) Среди сельскаго населенія волынской губ. они, не въ примѣръ другимъ губерніямъ, многочисленнѣе малоруссовъ, и это вліяетъ на итогъ по краю.

изъ нижеприведенной таблички, относящейся исключительно къ сельскому населенію, и изъ сравненія ея съ предыдущею:

	Мал.	Евреи	Велик.	Пол.	Нѣм.	Чехи	Молд.	Проч.	Итого
Весь край:	82,0	9,6	2,1	3,2	2,1	0,3	0,3	0,4	100,0
въ томъ числѣ:									
Кіевская:	87,0	9,3	1,9	1,5	0,3	—	—	—	100,0
Волынская:	74,2	10,0	2,2	6,0	6,1	0,9	—	0,6[1]	100,0
Подольская:	85,0	9,6	2,3	2,1	0,1	—	0,9	—	100,0

Сказаннымъ уясняется только вопросъ о племенномъ составѣ населенія деревенскихъ поселеній и населенія городовъ; но изъ приведенныхъ цифръ не видно еще, гдѣ преимущественно живетъ *каждая* отдѣльно взятая національность: въ городахъ, или внѣ ихъ. Это уясняется нижеприводимою табличкою (гдѣ въ процентахъ выражено, какая часть каждаго даннаго племени живетъ внѣ городовъ и какая въ городахъ):

	Кіевская		Волынская		Подольская		Въ итогѣ по краю	
	въ уѣз. безъ г.	въ г.	въ уѣз. безъ г.	въ г.	въ уѣз. безъ г.	въ г.	въ уѣз. безъ г.	Въ гор.
Малороссовъ	95	5	97,5	2,5	97	3	97	3
Евреевъ	67	33	70	30	72	28	70	30
Великороссовъ	27	73	57	43	66	34	45	55
Поляковъ	69	31	90	10	84	16	87	13
Нѣмцевъ	67	33	99	1	89	11	96	4
Чеховъ	67	33	97	3	82	18	96	4
Молдованъ	54	46	50	50	95	5	98	2
Бѣлорусовъ	47	53	92	8	74	26	63	37

Изъ этой таблички видно, что малороссы живутъ главнымъ образомъ внѣ городовъ (97% по всему краю). Евреи оказываются живущими тоже по преимуществу среди сельскаго населенія (70% по всему краю), но на это показаніе, какъ было указано,

[1]) Въ т. ч. 0,1% бѣлорусовъ.

повліяло зачисленіе многихъ поселеній городского характера въ число сельскихъ поселеній,—извѣстно, что евреи края, живущіе «среди сельскаго населенія», ютятся въ чертѣ такъ наз. мѣстечковыхъ поселеній. Относительно великороссовъ замѣчается разница между показаніями по кіевской губ.—съ одной стороны, и остальными двумя—съ другой: въ то время какъ въ кіевской великороссы живутъ преимущественно въ городахъ, въ волынской и подольской—они живутъ преимущественно въ селахъ. На эту разницу показаній, какъ оказывается, вліяютъ цифры, относящіяся къ г. Кіеву. Если изъ итога великороссовъ (152190 душъ о. п.), живущихъ въ городахъ этой губерніи, выключить цифру великороссовъ, живущихъ собственно въ Кіевѣ (134278), то оказалось бы, что и въ кіевской губерніи процентъ великороссовъ (76%), живущихъ внѣ городовъ (въ данномъ случаѣ только уѣздныхъ), выше % великороссовъ (24), живущихъ въ городахъ. Поляки, нѣмцы и чехи во всѣхъ губерніяхъ (и въ особенности въ волынской—90, 99 и 97%) живутъ преимущественно среди сельскаго населенія, какъ и молдаване въ подольской губ. [1]).

Что касается распредѣленія различныхъ этнографическихъ группъ по отдѣльнымъ уѣздамъ края, то въ этомъ отношеніи отличаются: по волынской губ.—житомірскій, луцкій, новоградволынскій уѣзды, гдѣ нѣмцы составляютъ свыше десятой части населенія; поляки же и чехи преобладаютъ въ западной полосѣ губерніи: первые главнымъ образомъ въ уѣздахъ ровенскомъ, луцкомъ и владимірволынскомъ, также въ заславскомъ, дубенскомъ и острожскомъ, вторые составляютъ свыше 5% населенія дубенскаго уѣзда. По кіевской губ. поляковъ болѣе всего въ кіевскомъ уѣздѣ (3,4%) и бердичевскомъ (5,8%), нѣмцевъ въ радомысльскомъ (2,2%) и кіевскомъ (1,1%), евреевъ—въ бердичевскомъ—

---

[1]) Соотвѣтственныя цифры по остальнымъ двумъ губерніямъ могутъ не приниматься въ разсчетъ въ виду ничтожности самаго числа молдаванъ въ нихъ: 250 и 314; то же слѣдуетъ сказать и о бѣлорусахъ въ подольск. губ. (834), которыхъ впрочемъ и вообще мало въ краѣ (11016 душъ о. п.).

23,1% (въ томъ числѣ въ г. Бердичевѣ, гдѣ ихъ 77,1% всего населенія города) и въ чигиринскомъ (8,6%). Въ подольской губ.—наибольшій % поляковъ въ проскуровскомъ (6,4) и винницкомъ (5,2) уѣздахъ; молдаванъ—въ балтскомъ (4,5%) и ольгопольскомъ (2,8%), евреевъ—въ могилевскомъ (14,5%), балтскомъ (13,6%) и летичевскомъ (13%).

Вѣроисповѣдный составъ населенія отчасти предопредѣляется его племеннымъ составомъ, такъ какъ племя, главенствующее по численности—малороссы—въ огромномъ большинствѣ исповѣдуютъ православную вѣру (въ волын. губ. 94,8% всѣхъ малороссовъ, въ подольской 92%, въ кіевской 98,8%); изъ нихъ лишь небольшое число принадлежитъ къ римско-католикамъ (отъ 1% въ кіевск. губ. до 7,5% въ подольской) и еще меньше къ старообрядцамъ (отъ 0,01% въ волынск. губ. до 0,7% въ под. губ.). Второе по численности племя—еврейское почти сплошь исповѣдуетъ іудейскую вѣру[1]). Великоросы тоже по преимуществу принадлежатъ къ православнымъ (отъ 79% въ под. губ. до 90% въ кіевской), и затѣмъ среди нихъ имѣется нѣкоторое число старообрядцевъ—

---

[1]) Въ этомъ отношеніи очень интересны данныя таблицы XIV «распредѣленіе населенія по вѣроисповѣданіямъ и родному языку». Тамъ, согласно опредѣленію племеннаго состава по показаніямъ о родномъ языкѣ, показано: по кіевск. губ. великороссовъ *іудейскаго вѣроисповѣданія* 3091, малороссовъ 345, бѣлоруссовъ 6 и т. д.; по подольск.: великор. 887, малороссовъ 536 и т. д.; по вол. губ. великорос. 600, малорос. 537 и т. д. Хотя это и надо, всего вѣроятнѣе, понимать такъ, что эти числа обозначаютъ евреевъ, показавшихъ своимъ роднымъ языкомъ не еврейскій, а малорусскій, великорусскій и т. д., но и при такомъ толкованіи, цифры эти представляются до нѣкоторой степени сомнительными, такъ какъ евреи края обыкновенно знаютъ и свой, и малорусскій, и великорусскій языки одновременно, и зачисленіе ихъ «по родному языку» въ названныя группы должно быть объяснено произвольнымъ толкованіемъ дававшихъ показанія или ведшихъ регистрацію о родномъ языкѣ.

значительно впрочемъ большее, чѣмъ и у малорос. и у бѣлорусовъ— въ кіевск. губ. 5,6%, въ вол. губ. 7,6% и въ под. губ. 18%. Большинство бѣлорусовъ тоже православные (74% въ вол. губ. и 90 и 94% въ под. и кіев.); старообрядцевъ среди нихъ только отъ 2,5 (под. губ.) до 4% (кіев. губ.); но значительно больше римско-католиковъ (22,3% въ вол. губ. и 7,5% въ под., а въ кіев. только 1,8%). Надо впрочемъ помнить, что вообще число бѣлорусовъ очень незначительно въ краѣ—всего 11016 ч. (въ томъ числѣ въ вол. губ. только 834 чел.). Поляки — въ огромномъ большинствѣ римско-католики (97,7—99%); нѣмцы по преимуществу протестанты (81% въ под. губ., 87 въ кіев. и 98,7% въ вол. губ.) и частію римско-католики (0,9% въ вол. губ., 6,5% въ кіев. и 16% въ под. губ.). Изъ таблицы по кіевской губ. видно также, что 4% изъ нихъ принадлежитъ къ баптистамъ, въ подольск. губ. таковыхъ нѣтъ, а имѣются ли баптисты изъ нѣмцевъ или даже какихъ либо иныхъ національностей по волынской г., изъ таблицъ видѣть нельзя, такъ какъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, таблица (XIV) о распредѣленіи населенія по вѣроисповѣданіямъ и родному языку для волынской губ. составлена въ сокращенномъ видѣ—безъ выдѣленія въ особыя графы (какъ это сдѣлано для остальныхъ двухъ губерній) такихъ исповѣданій, какъ армяно-григоріане, армяно-католики, баптисты, лютеране, реформаты, англикане-менониты, караимы; вслѣдствіе этого данныя по тремъ губерніямъ являются въ этомъ изъясненіи недостаточно сравнимыми. Заканчивая затѣмъ съ вопросомъ о вѣроисповѣдномъ составѣ главнѣйшихъ племенныхъ группъ мѣстнаго населенія, надо сказать еще, что большинство чеховъ исповѣдуютъ православную вѣру (въ под. губ. 30%, въ кіев. 40,5, въ вол. 66%) и римско-католическую (въ вол. губ. 28,6%, въ кіев. 55 и въ под. губ. 65%); кромѣ того между ними имѣется нѣкоторое количество протестантовъ (въ кіевск. губ. 2,9%, въ под. 4 и въ вол. губ. 5,2%) [1]).

---

[1]) Не лишне замѣтить кстати, что какъ бы ни подлежала сомнѣнію въ нѣкоторыхъ случаяхъ степень достовѣрности данныхъ не-

Что касается вопроса о распредѣленіи вѣроисповѣдныхъ группъ между сельскимъ и городскимъ населеніемъ, то на немъ нѣтъ надобности подробно останавливаться послѣ сдѣланныхъ выше указаній о племенномъ составѣ городского и внѣгородского населенія и только что приведенныхъ данныхъ о вѣроисповѣдномъ составѣ племенныхъ группъ, такъ какъ распредѣленіе это достаточно характеризуется сказаннымъ.

О сословномъ распредѣленіи населенія можно судить по даннымъ нижеприводимой таблички (въ % къ общему числу населенія):

	Кіев. г.	Вол. г.	Под. г.
Крестьянъ	77,8	75,0	81,0
Мѣщанъ	18,9	21,4	16,3
Дворянъ пот. и личн.	1,7	1,6	1,3
Лицъ духовн. зван.	0,5	0,5	0,5
Купцовъ и поч. гражд.	0,3	0,3	0,4
Иностр. подданныхъ	0,3	1,0	0,4
Лицъ прочихъ сослов.	0,5	0,2	0,1
Итого	100,0	100,0	100,0

Отсюда слѣдуетъ, что первое мѣсто по численности принадлежитъ во всѣхъ трехъ губерніяхъ (послѣ крестьянъ) мѣщанамъ, а слѣдующее затѣмъ дворянамъ, которыхъ однако не свыше 1,7%. Это же соотношеніе, въ общемъ, сохраняется и—въ частности — внѣ городовъ; въ городахъ же первое мѣсто принадлежитъ обыкновенно мѣщанамъ, второе крестьянамъ и третье тоже дворянамъ.

реписи по такимъ, наприм., такъ сказ. щекотливымъ пунктамъ, какъ принадлежность къ извѣстному вѣроисповѣданію (старовѣры, штундисты и т. п.), тѣмъ не менѣе опубликованное изслѣдованіе не содержитъ никакихъ данныхъ для ихъ провѣрки и поправки. Поэтому всѣ такія данныя принимаются мною безъ всякихъ оговорокъ, какъ они есть, независимо отъ ихъ качества.

Затѣмъ данныя переписи уясняютъ, что изъ первенствующихъ по численности сословій крестьяне живутъ въ городахъ лишь въ сравнительно весьма небольшомъ числѣ (отъ 1,6% въ под. губ. до 4,6% всего числа крестьянъ въ кіевской губ.); мѣщане же живутъ преимущественно внѣ городовъ (отъ 61,5 въ кіевской губ. до 76% общаго числа мѣщанъ въ волынск. губ.), но такъ какъ большую часть мѣщанъ составляютъ евреи, которые, какъ извѣстно, въ большинствѣ составляютъ населеніе поселеній, имѣющихъ городской характеръ, но переписью въ города незачисленныхъ (да и особо не выдѣленныхъ), то приведенныя только что цифры (собственно о мѣщанахъ) не могутъ считаться выражающими дѣйствительность.

Изъ какихъ именно сословныхъ группъ состоитъ каждая національность, это видно изъ слѣдующей—сводной для всего края—таблички (въ процентахъ):

	Дворян. пот.	Дворян. личн.	Духов. хр. исп. съ ихъ семьями.	Поч. граж. и купцы.	Мѣщ.	Крест.	Иностран. подд.	Проч.	Итого.
Малорос.	0,3	—[1])	0,2	0,1	5,1	93,8	—	0,5	100,0
Евреи.	—	—	—	1,1	96,8	2,1	—	—	100,0
Великорос.	7,4	6,5	5,3	3,5	30,1	43,0	0,5	3,7	100,0
Поляки	14,3	2,6	—	—	27,2	38,2	6,9	10,8	100,0
Нѣмцы	0,3	0,3	—	0,4	27,5	57,5	7,7	7,3	100,0
Чехи	0,1	0,2	—	0,1	6,9	80,3	1,9	10,5	100,0
Молдаваны.	—	—	—	—	1,8	98,2	—	—	100,0
Бѣлоруссы.	1,7	1,1	0,5	0,6	16,1	78,5	0,4	1,1	100,0

Изъ этой таблички видно, что огромное большинство мѣстныхъ жителей малороссовъ—крестьяне и частію мѣщане, къ остальнымъ же сословіямъ принадлежитъ лишь ничтожный процентъ малороссовъ. Евреи—почти всѣ мѣщане; 2,1% ихъ принад-

---

[1]) Черточкой обозначены величины менѣе 0,1.

лежащихъ къ крестьянскому сословію — это евреи земледѣльцы, живущіе отдѣльными колоніями. Одну изъ наиболѣе разнопер-стныхъ группъ по сословному составу своему представляютъ великороссы, дающіе значительный процентъ дворянъ (13,9), духовенства (5,3), купцовъ и почетныхъ гражданъ (3,5), еще большій—мѣщанъ (30,1) и наибольшій—крестьянъ (43%). Довольно разнообразенъ и сословный составъ поляковъ, дающій сравнительно меньшіе проценты мѣщанъ (27,2) и крестьянъ (38,2) и бóльшіе проценты дворянъ—16,9%[1]), иностранныхъ подданныхъ—6,9% (въ значительной части—«колонисты») и «прочихъ сословій»—7,3%. Большинство чеховъ принадлежитъ къ крестьянскому (57,5%) и мѣщанскому (27,5%) сословію, а также къ числу иностранныхъ подданныхъ (тоже—наши колонисты) и прочихъ сословій (7,7 и 7,3%). Молдаване—почти всѣ крестьяне (98,2%); изъ бѣлорусовъ же большинство тоже принадлежитъ къ крестьянскому сословію (78,5%) и довольно значительная часть къ мѣщанамъ (16,1%); кромѣ того въ числѣ бѣлорусовъ имѣется 2,8% дворянъ. Если теперь сравнить данныя только что приведенной таблички съ данными приведенной раньше таблички, уясняющей, какой процентъ численнаго состава каждаго племени живетъ въ городахъ и какой внѣ городовъ, то окажется, что (не считая евреевъ, какъ поставленныхъ въ смыслѣ сословности и жизни въ селахъ въ исключительныя условія) племенныя группы, дающія наибольшій процентъ лицъ, живущихъ въ городахъ (великороссы, бѣлоруссы и поляки) отличаются и большимъ разнообразіемъ своего сословнаго состава; онѣ же, кстати сказать, отличаются и наибольшимъ процентомъ лицъ, принадлежащихъ къ дворянскому сословію.

---

[1]) Въ томъ числѣ личныхъ дворянъ только 2,6%, что объясняется незначительностью процента поляковъ, состоящихъ на госуд. службѣ въ краѣ.

Чтобы покончить съ характеристикой состава мѣстнаго населенія, необходимо еще привести данныя о количествѣ лицъ съ физическими недостатками. Данныя объ абсолютномъ и относительномъ количествѣ ихъ приведены ниже:

	Всего съ физ. недостатк. мужч.	женщ.	Въ томъ же числѣ (въ % къ об. ч.) слѣп.	ослѣп.	глухонѣм.	нѣм.	умал.	% лицъ съ нед. къ об. числу нас.
Кіевская.	7783	6561	17,5	26,1	26,2	8,1	22,1	0,4
Волынская	5651	4530	18,2	22,0	31,4	11,4	17,0	0,3
Подольск.	6543	5140	16,4	26,3	26,4	8,6	22,3	0,4

Изъ этихъ цифръ видно, что % лицъ съ физическими недостатками въ общей массѣ мѣстнаго населенія составляетъ не свыше 0,4% и что онъ приблизительно одинаковъ во всѣхъ трехъ губерніяхъ, при чемъ женщинъ съ физическими недостатками нѣсколько меньше, чѣмъ мужчинъ. Во всѣхъ трехъ губерніяхъ изъ числа лицъ, имѣющихъ физическіе недостатки, наибольшій процентъ даютъ глухонѣмые (26,2—31,4), но если къ слѣпымъ отъ рожденія присоединить ослѣпшихъ впослѣдствіи, то общій процентъ всѣхъ слѣпыхъ превыситъ и % глухонѣмыхъ (40,2—43,6); что касается нѣмыхъ, то они даютъ наименьшій процентъ (8,1—11,4) изъ числа лицъ съ физическими недостатками.

Такъ какъ процентъ лицъ съ физическими недостатками, несомнѣнно, можетъ находиться въ зависимости отъ условій жизни населенія, то небезъинтересно отмѣтить, что среди сельскаго населенія края замѣчается значительно меньшій процентъ умалишенныхъ, чѣмъ среди городского населенія, и—наоборотъ—значительно большій процентъ слѣпыхъ и глухонѣмыхъ, что видно изъ нижеслѣдующихъ цифровыхъ сопоставленій (въ процентахъ) къ общему числу увѣчныхъ:

	слѣпыхъ	ослѣпш.	итого	глухон.	нѣм.	умалиш.	
въ городахъ	11,5	22	33,5	20,5	6,5	39,5	=100
внѣ городовъ	17,8	25,3	43,1	28,8	9,4	18,7	=100

Что касается степени распространенности физическихъ недостатковъ среди различныхъ (наиболѣе крупныхъ) этнографи-

ческихъ группъ, то объ этомъ можно судить по нижеслѣдующей табличкѣ (въ процентахъ) къ общему числу увѣчныхъ):

	слѣпыхъ	ослѣпш.	итого	глухонѣм.	нѣмыхъ	умалиш.	Итого
малор.	18,5	26,1	44,6	28,2	9,0	18,2	100
евреи	12,3	19,6	31,9	27,8	12.8	27.5	100
великор.	13,1	25,1	38,2	22	6,2	33,6	100
поляки	15,8	18,6	34,4	24,5	8,3	32,8	100
нѣмцы	11,2	22,0	33,2	29,7	9,3	27,8	100

Наименьшимъ процентомъ умалишенныхъ отличаются малороссы, что объясняется, конечно, принадлежностью огромнаго ихъ большинства къ негородскимъ жителямъ, среди которыхъ % умалишенныхъ, какъ было сказано, наименьшій. Если принять во вниманіе, что значительная часть нѣмцевъ тоже живетъ въ селеніяхъ, великороссы же, евреи и поляки отличаются значительнымъ процентомъ лицъ, живущихъ въ городахъ, то отсюда понятнымъ станетъ болѣе высокій % умалишенныхъ именно среди этихъ трехъ этнографическихъ группъ, у которыхъ онъ выше всего у великороссовъ (33,6%) и ниже—у евреевъ (27,5%). Наибольшимъ процентомъ слѣпыхъ, какъ и слѣдовало ожидать послѣ всего сказаннаго, отличаются малороссы; наименьшій же процентъ ихъ замѣчается у евреевъ и нѣмцевъ. Распредѣленіе различныхъ категорій физическихъ недостатковъ въ предѣлахъ различныхъ сословныхъ группъ только подтверждаетъ напрашивающійся изъ предыдущаго выводъ, что повидимому болѣе культурныя группы населенія отличаются меньшимъ процентомъ слѣпыхъ и большимъ процентомъ умалишенныхъ, сравнительно съ менѣе культурною частью населенія. Такъ:

	% къ общему числу			лицъ съ физич. недостатками:			
	слѣп.	ослѣпш.	итого	глухон.	нѣмыхъ	умалиш.	Итого
у дворянъ	8,0	19,0	27,0	16,0	4,0	53.0	100
у духовенства	7,4	12,4	19,8	48,5	4,4	27,3	100
у гор. сосл. [1])	12,3	20,3	32,6	29,1	10,2	28,1	100
у сельс. сосл.	17,5	27,5	45,0	28,0	9,0	18.0	100

---

[1]) Поч. гражданъ, купцовъ, мѣщанъ и т. п.

У сельскихъ сословій слѣпыхъ значительно больше, чѣмъ у остальныхъ, умалишенныхъ же, наоборотъ, процентъ всего меньше. и особеннаго размѣра достигаетъ онъ среди дворянъ.

Что же касается распредѣленія тѣхъ же физическихъ недостатковъ въ связи съ возрастнымъ составомъ населенія, то наименьшимъ развитіемъ ихъ, отличаются, съ одной стороны, маловозрастныя группы, съ другой—наиболѣе пожилыя группы:

% лицъ съ физическими недостатками въ возрастѣ:

до 1 года,	1-9 л.,	10-19,	20-29,	30-39,	40-49,	50-59,	60 и бол.	Итого:
0,5	7,5	21,8	20,5	15.3	11,5	8,8	14,1	100,0

Переходя къ вопросу о грамотности мѣстнаго населенія, необходимо помнить тѣ указанія на неточность переписныхъ данныхъ, о которыхъ говорилось при характеристикѣ собраннаго переписью матеріала объ этнографическомъ составѣ населенія (малороссахъ и великороссахъ). Но напомнивъ объ этой неточности переписныхъ данныхъ, относящихся къ вопросу о грамотности населенія, слѣдуетъ указать еще на неточную формалистику заголовковъ переписныхъ таблицъ въ опубликованныхъ изданіяхъ центральнаго статистическаго Комитета: въ таблицѣ XV грамотные подраздѣляются на: 1) грамотныхъ по-русски, 2) грамотныхъ на другихъ языкахъ и 3) получившихъ образованіе выше начальнаго. Такіе заголовки даютъ право предполагать, что въ число «грамотныхъ по-русски» должны быть зачислены, кромѣ грамотныхъ *только* по-русски, также и тѣ, которые грамотны и на другихъ языкахъ, что всѣ «получившіе образованіе выше начальнаго», въ качествѣ грамотныхъ, тоже должны быть засчитаны и въ первую графу, и что, съ другой стороны, тѣ «грамотные (только) на другихъ языкахъ», которые получили (напр., за границей) образованіе выше начальнаго, должны быть включены и въ графу «получившихъ образованіе выше начальнаго». Однако, этого въ таблицахъ не сдѣлано. Въ таблицахъ «грамотные по-русски» плюсъ «грамотные на другихъ языкахъ» и плюсъ «получившіе образованіе выше средняго» составляютъ *общій итогъ*

всѣхъ грамотныхъ. Видимо, таблицы включаютъ въ число «грамотныхъ на другихъ языкахъ» только тѣхъ, кто грамотный *не* по-русски (?)[1],—въ такомъ случаѣ таблицы эти не даютъ свѣдѣній о томъ, сколько же *всѣхъ* «грамотныхъ на другихъ языкахъ». Словомъ, заголовки далеко не исчерпываютъ дѣйствительности и, сбивая въ кучу величины, подлежащія (по смыслу самихъ заголовковъ) разъединенію, даютъ неточное представленіе объ этой дѣйствительности. Объ этихъ дефектахъ необходимо помнить при пользованіи опубликованными цифрами относительно грамотности населенія, принимая ихъ съ должною осторожностью и соотвѣтствующими оговорками, какъ данныя, не отличающіяся желательною точностью.

Степень грамотности населенія видна изъ слѣдующихъ данныхъ:

	Кіев. г.		Вол. г.		Под. г.	
	м. п.	ж. п.	м. п	ж. п.	м. п.	ж. п.
% грамотныхъ къ общему количеству населенія.	27,6	8,9	24,4	9,8	23,0	6,9

Для обоего пола.

	Кіев. г.	Вол. г.	Под. г.	Итого по краю
% грамотныхъ къ общему количеству населенія.	18,1	17,1	15,5	17,3

Изъ этой таблички видно, что во всѣхъ трехъ губерніяхъ грамотность развита очень слабо и что повсюду процентъ грамотныхъ значительно ниже среди женщинъ, чѣмъ у мужчинъ; но и у послѣднихъ онъ все-таки весьма не великъ. Наименьшимъ развитіемъ грамотности у обоихъ половъ отличается подольская губернія. Грамотность значительно выше развита среди городского населенія сравнительно съ сельскимъ, что видно изъ нижеслѣдующаго:

---

[1]) Включая всѣхъ грамотныхъ одновременно и по-русски и на другихъ языкахъ въ число «грамотныхъ по-русски».

		Кіев. г.		Вол. г.		Под. г.	
		м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж п.
% грамотн. къ	въ городахъ	55,7	35,0	50,2	30,8	44,2	22.6
общ. кол. насел.	въ уѣзд. безъ гор.	23,1	5,2	22,0	8,2	22,0	6,1

Волынская губ. отличается нѣсколько меньшею разницею въ развитіи грамотности между мужскимъ и женскимъ поломъ, какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ, сравнительно съ остальными двумя губерніями.

Развитіе грамотности въ различныхъ городахъ не одинаково; по проценту грамотныхъ (къ общему количеству населенія этихъ городовъ) оно колеблется между 17,4 и 53,4%. Такъ какъ для читателей нашего края небезъинтересно знать, какіе города наиболѣе отстали и какіе наиболѣе ушли впередъ, по распространенности грамотности, то ниже приводится полный перечень всѣхъ городскихъ поселеній, о которыхъ имѣются свѣдѣнія этого рода: Кіевъ 53,4%; Владимірволынскъ 49%; Дубно 46,5%; Каменецъ и Ровно по 46; Житоміръ 45; Бердичевъ 43,8; Острогъ 42,5; Ковель 41,5; Радомысль 39,1; Винница и Луцкъ по 38,5; Проскуровъ 38; Черкассы и Летичевъ по 37,5; Сквира 37,4; Заславъ 37,3; Кременецъ 37; Умань 36,9; Могилевъ 35; Староконстантиновъ 33,7; Новоградволынскъ 32,7; Ямполь 31,8; Таращa 30,7; Звенигородка 29; Брацлавъ 27,2; Баръ 27; Овручъ 26,7; Каневъ 26 2; Липовецъ 25,7; Гайсинъ и Литинъ по 25,5; Н. Ушица 24,7; Васильковъ 24,3; Ст. Ушица 24; Ольгополь и Чигиринъ по 23,3; Хмѣльникъ 20,7; Сальница 20,3 и Вербовецъ 17,4.

Въ среднемъ для всего края грамотность городского населенія выражается 42%, для отдѣльныхъ же губерній: Подольской 33,8, Волынской 41,2 и Кіевской 45,7%, а безъ г. Кіева 34,4%. Какъ видно изъ только что приведеннаго перечня, только 8 городовъ имѣютъ % грамотныхъ выше средняго для городовъ края (42), всѣ же остальные отличаются меньшимъ развитіемъ грамотности.

Грамотность сельскаго населенія, какъ видно изъ предыдущаго, значительно ниже, чѣмъ у городского населенія. Въ среднемъ для края она достигаетъ всего 14,5% общаго числа насе-

ленія, живущаго внѣ городовъ; по отдѣльнымъ губерніямъ эти цифры колеблются такъ: по Кіевской губ. 14%, по Подольской 14,2%, по Волынской 16,2%. Такимъ образомъ, если исключить изъ счета населеніе г. Кіева, то надо признать, что изъ трехъ губерній края, въ среднемъ, грамотность и городского и сельскаго населенія въ Волынской губ. выше, чѣмъ въ остальныхъ двухъ.

При указанной средней для края—14,5% грамотныхъ къ общему количеству сельскаго населенія, уѣзды дѣлятся по степени распространенности грамотности почти пополамъ, т. е. въ половинѣ уѣздовъ грамотность выше средней и въ половинѣ—ниже ея. По проценту грамотныхъ среди сельскаго населенія уѣзды распредѣляются (въ порядкѣ пониженія %) такъ: Житомірскій 23,5%; Новоградволынскій 18,6; Винницкій 17,6; Заславскій 17,4; Ровенскій 16,3; Дубенскій, Луцкій и Каневскій по 16,1; Каменецкій, Острожскій и Звенигородскій по 15,3; Бердичевскій и Брацлавскій по 15,1; Кіевскій 14,7; Черкасскій, Староконстантиновскій, Ушицкій и Летичевскій по 14,5; Гайсинскій, Чигиринскій, Владимірволынскій и Липовецкій по 14,4 — 14,1; Балтскій и Васильковскій по 13,6; Литинскій, Проскуровскій, Ямпольскій, Кременецкій, Сквирскій и Уманскій по 13,5—13,0; Радомысльскій, Таращанскій, Могилевскій и Ольгопольскій 12,8—12,1; Ковельскій 10,5; и Овручскій 6,4%.

О степени грамотности населенія по возрастамъ можно судить изъ нижеприведенныхъ данныхъ:

Возрасты.	Въ процентахъ къ общему колич. населен.					
	Кіевской губ.		Волынск. губ.		Подольск. губ.	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
1— 9 л.	5,0	2,3	5,2	2,3	4,3	1,8
10—19 »	42,1	14,0	35,8	14,8	38,5	12,7
20—29 »	43,4	13,7	38,2	14,4	37,6	10,8
30—39 »	37,8	10,5	32,7	12,3	30,0	7,4
40—49 »	32,5	8,4	28,5	10,8	27,2	6,3
50—59 »	23,5	7,5	22,7	10,2	19,8	5,4
60 л. и выше	18,0	6,9	19,5	10,4	14,3	5,2

Отсюда видно, что по развитію грамотности женскій полъ отстаетъ отъ мужскаго во всѣхъ возрастахъ безъ исключенія. У обоихъ половъ процентъ грамотныхъ убываетъ параллельно съ повышеніемъ возраста, при чемъ наибольшей высоты % грамотныхъ достигаетъ въ возрастѣ 20—29 л., у мужчинъ и 10—19 л. у женщинъ, что вѣроятно можно объяснить тѣмъ, что склонность населенія къ обученію женщинъ грамотѣ развилась лишь въ послѣднее время.

Тѣ же данныя относительно городского населенія выражаются въ слѣдующихъ цифрахъ:

Возрасты:	Въ процентахъ къ общему числу населенія городовъ					
	Кіевск. губ.		Волынск. губ.		Подольск. губ	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
1—9 л.	14,8	11,3	12,2	9.0	9,5	6,8
10—19 —	70,3	48,4	60,9	42,2	53,0	33,0
20—29 —	67,2	47,2	59,7	42,6	58,5	34,2
30—39 —	67,7	41,2	64,3	37,2	57	25,9
40—49 —	63,4	33,9	62,0	32,0	53	20,7
50—59 —	59,0	29,8	56,7	28,4	44,5	17,8
60 л. и выше	45,3	27,5	50,1	27,7	41,3	17,6

Здѣсь также у обоихъ половъ процентъ грамотныхъ убываетъ съ повышеніемъ возраста, при чемъ въ Кіевской и Волынской губ. наивысшаго размѣра процентъ этотъ достигаетъ въ группѣ возраста 10—19 л., а въ Подольской—20—29 л.

Данныя о грамотности по возрастамъ среди сельскаго населенія приведены въ нижеслѣдующей табличкѣ:

Возрасты:	Въ процентахъ къ общему числу сельскаго населенія					
	Кіевск. губ.		Волынск. губ.		Подольск. губ.	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
1—9 л.	3,3	1,4	4,8	1,4	3,9	1,5
10—19 —	38,3	9,3	33,9	12,5	37,4	11,2
20—29 —	35,6	8,0	33,8	12,1	34,3	9,0
30—39 —	32,5	5,7	30,1	10,4	28,0	6,0
40—49 —	27,8	4,6	26,0	8,6	27,4	5,3
50—59 —	18,6	3,9	16,9	8,7	17,7	4,4
60 л. и болѣе	13,7	3,5	29,0	9,4	12,4	4,1

Тѣ же явленія пониженія процента грамотныхъ съ повышеніемъ возраста (не считая дѣтскаго, какъ и выше) замѣчаются и здѣсь. Разница между % грамотныхъ мужчинъ и женщинъ, вообще очень значительная во всѣхъ возрастахъ, особенной высоты достигаетъ въ возрастахъ 30—49 и частію 50—59 лѣтъ.

Степень грамотности по національностямъ выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

	% грамотныхъ къ общ. числу лицъ даннаго племени			
	Кіевск. губ.	Волынск. губ.	Подол. губ.	Итого по кр.
Малороссы	10,4	9,26	10,4	10,8
Евреи	35,0	33,0	33,7	34,0
Великороссы	56,1	37,0	44,5	54,0
Поляки	52,0	25,5	29,5	43,0
Нѣмцы	51,8	37,8	72,0	39,5
Чехи	68,0	59,0	59,5	61,0
Бѣлорусы	39,5	25,9	48,0	36,0

Изъ этой таблички ясно, что въ среднемъ выводѣ для всего края (а также и для отдѣльныхъ губерній) наибольшимъ развитіемъ грамотности отличаются чехи, а затѣмъ великороссы, значительная часть которыхъ, какъ видно изъ предыдущаго положенія, представляютъ собою жителей городовъ. Слѣдующее затѣмъ мѣсто по развитію грамотности принадлежитъ полякамъ и нѣмцамъ, съ нѣкоторыми впрочемъ отступленіями въ ту или другую сторону по отдѣльнымъ губерніямъ,—отступленіями, частію зависящими отъ малочисленности племенныхъ группъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ [1]). Пятое мѣсто въ краѣ по распространенности грамотности занимаютъ евреи, если не считать очень малочисленную во всѣхъ трехъ губерніяхъ этнографическую группу бѣлорусовъ, значительная часть которыхъ, какъ выяснилось, тоже живетъ въ городахъ. Послѣднее же мѣсто—и при томъ выдающееся по крайне слабому развитію грамотности—занимаетъ представляющее глав-

[1]) Напр., въ Под. губ. всѣхъ нѣмцевъ 4069 чел., тогда какъ въ Вол. губ. свыше 17000.

ную массу нашего сельскаго населенія многочисленнѣйшее въ краѣ племя малороссовъ, малограмотность котораго оказываетъ вліяніе и на общее пониженіе процента грамотности по краю (всего только 17,3%).

Изъ всего этого видно, что дѣло народнаго образованія въ краѣ стоитъ—въ особенности среди мѣстнаго сельскаго, по преимуществу малорусскаго населенія—на весьма низкой степени развитія, чѣмъ и обусловливается, конечно, крайняя необходимость широкихъ мѣръ, направленныхъ къ повышенію грамотности въ краѣ.

Судить о томъ, на сколько развита грамотность у разныхъ этнографическихъ группъ у мужчинъ и у женщинъ, можно изъ слѣдующихъ данныхъ:

	% грамотныхъ къ общ. числу лицъ дан. плем. и пола							
	Кіевск. губ.		Вол. губ.		Под. губ.		Въ средн. по краю.	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
Малороссы	21,0	2,1	16,6	2,3	18,4	3,1	18,7	2,5
Евреи	47,5	23,5	44,5	21,5	46,5	21,6	48,0	22,3
Великороссы	61,5	41,5	54,1	35,4	53,0	33,5	57,0	38,0
Поляки	55.0	46,1	30,0	25,9	48,0	42,0	39,2	34.3
Нѣмцы	53,5	51,0	40,1	38,5	71,7	70,0	42,0	40,5
Чехи	70,0	65,0	64,5	55,0	69,0	47,0	64,0	55,0
Бѣлорусы	44,9	28,5	34,6	17,5	57,0	25,6	42,5	2,4

Пользуязь приведенными въ табличкѣ процентами, надо не упускать изъ виду указанную выше немногочисленность этнографическихъ группъ: нѣмцевъ и чеховъ въ Подольск. и Кіевск. губ. и бѣлорусовъ во всѣхъ трехъ губерніяхъ—чтобы имѣть въ виду, что относящіяся къ нимъ процентныя величины могутъ въ извѣстной мѣрѣ считаться случайными. Останавливаясь поэтому главнымъ образомъ на остальныхъ этнографическихъ группахъ, необходимо прежде всего указать на то, что малороссійская (къ которой, повторяемъ, принадлежитъ по преимуществу сельское населеніе) отличается слабѣйшимъ развитіемъ грамотности у

обоихъ половъ, при чемъ грамотность мужчинъ въ 6—10 разъ превышаетъ все-таки грамотность женщинъ. Наиболѣе близка грамотность женщинъ къ грамотности мужчинъ у нѣмцевъ и чеховъ, затѣмъ у поляковъ и великороссовъ (изъ нихъ, какъ извѣстно, много городскихъ жителей); грамотность женщинъ у евреевъ, въ общемъ, вдвое ниже, чѣмъ у мужчинъ. Наивысшаго развитія грамотность мужчинъ достигаетъ у чеховъ, затѣмъ у великороссовъ. Первое же мѣсто по грамотности женщинъ принадлежитъ чехамъ и нѣмцамъ.

Обращаясь къ даннымъ относительно развитія грамотности среди главнѣйшихъ вѣроисповѣдныхъ группъ въ краѣ, необходимо прежде всего оттѣнить разницу въ степени распространенности грамотности между православными и единовѣрцами—съ одной стороны, и старообрядцами и уклоняющимися отъ православія—съ другой.

% грамотныхъ.

	Кіев губ.		Вол. губ.		Под. губ.	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
Правосл. и единов.	23,7	5,3	19,3	3,8	20,2	4,0
Старов. и уклоняющ.	38,6	12,0	22,6	3,8	22,4	2,3

Изъ этой таблички видно, что старообрядцы и уклоняющіеся, въ общемъ болѣе грамотны, чѣмъ православные и единовѣрцы.

Что касается развитія грамотности у другихъ вѣрноисповѣдныхъ группъ, то судить о немъ можно по нижеслѣдующимъ даннымъ:

% грамотныхъ.

	Кіев. губ.		Волын. губ.		Под. губ.	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
римско-катол.	44,7	37,7	25,3	20,3	24,3	16,4
протест. всѣхъ наименованій	95,0	52,0	40,3	36,1	73,1	71,4
іудеи	48,0	23,8	44,7	21,7	41,3	21,7

Изъ приведенныхъ цифръ видно, что наивысшимъ развитіемъ грамотности обладаютъ протестанты, у которыхъ высока и грамотность женщинъ, значительно при томъ менѣе отличающаяся у нихъ отъ грамотности мужчинъ, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ вѣроисповѣдныхъ группахъ. При всемъ этомъ грамотность вѣроисповѣдныхъ группъ, помѣщенныхъ въ только что приведенной таблицѣ, значительно выше грамотности вѣроисповѣдныхъ группъ предшествовавшей таблички (православныхъ, старовѣровъ и пр.)

О степени развитія грамотности въ предѣлахъ отдѣльныхъ сословій можно судить по слѣдующимъ даннымъ:

	Двор. пот. и личн.	Лица дух. зв. хр. исповѣд.	Поч. граж., куп. мѣщ. и др. гор. сос.	Лица сел. сосл. (кр., каз., иностр. посел. и т. п.)	Иностранные подданные.	Итогъ по краю (всѣ сословія).
% грам. къ общ. колич. лицъ въ сословіи.	70,0	74,0	31,5	11,8	38,0	17,3

Такимъ образомъ наибольшимъ развитіемъ грамотности отличается духовное сословіе (74%), а за нимъ дворянское [1]); третье мѣсто по грамотности занимаютъ иностранные подданные и предпослѣднее—лица «городскихъ сословій»: почетные граждане, купцы, мѣщане и т. п. Но несмотря на это, грамотность этой предпослѣдней группы все-таки почти вдвое выше средней по краю (17,3%) и почти втрое выше грамотности сельскихъ сословій, безграмотность которыхъ при ихъ многочисленности и оказываетъ свое понижающее вліяніе на цифру процента грамотныхъ по краю.

Эти цифры грамотныхъ слагаются изъ слѣдующихъ:

---

[1]) Въ эту группу включены въ итогахъ переписи дворяне пот. и личные, чиновники не изъ дворянъ и ихъ семьи.

СОСЛОВІЯ.	% къ общему количеству грамотныхъ даннаго состоянія и пола.													
	% всѣхъ грамотныхъ.		всѣхъ съ образов. выше начальнаго.		учившихся въ унив.		учившихся въ высш. спец. учеб. завед.		учившихся въ средн. специальн. учебн. зав.		учивш. въ средн. уч. завед.		учившихся въ высш. воен. уч. завед.	въ средн. воен. уч. завед.
	м.	ж.	м.	ж	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	м.
Двор. и пр.[1])	72,0	68,5	55,4	25,3	12,0	0,4	2,0	0,04	3,5	0,4	27,5	24,5	0,4	10,0
Духовные	80,5	68,0	62,5	29,0	2,8	—[2])	—	—	0,7	—	59,0	28.6	—	—
Город. сосл.	42,0	21,5	3,6	2,8	0,4	—	0,05	—	0,5	0,01	2,6	2,7	—	0,05
Сельск. сосл.	20,0	3,2	0,5	1,0	—	—	—	—	0,1	—	0,3	0,8	—	—
Иностр. поддан.	40,0	35,5	13,2	7,2	2,7	0,1	0,6	—	1,4	0,4	8,5	6,7	—	—
Средній выводъ изъ данныхъ по этимъ 5 сослов. группамъ.	25,0	8,0	4,9	6.1	0,7	—	0,1	—	0,4	—	3,2	6,1	—	0,4

1) Заголовки предыд. таблицы.

2) Черточкой обозначены величины менѣе 0,01.

Ясно, что рядомъ съ одинаковымъ процентомъ грамотныхъ среди женщинъ изъ дворянъ и женщинъ изъ духовнаго вѣдомства, духовные отличаются наиболѣе высокимъ развитіемъ грамотности,— именно у мужчинъ. При наиболѣе видномъ процентѣ [1]) получившихъ образованіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ у духовнаго сословія (и у мужчинъ и у женщинъ), у нихъ сравнительно малъ процентъ лицъ, окончившихъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, который наиболѣе великъ, наоборотъ, именно у дворянъ. Надо замѣтить кстати, что дворяне отличаются также и высшимъ процентомъ окончившихъ среднія военныя учебныя заведенія. Что же касается вообще окончившихъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, то послѣ дворянъ наибольшій процентъ ихъ даютъ иностранные подданные и затѣмъ духовное сословіе. По распространенности средняго образованія слѣдующее мѣсто послѣ духовенства и дворянъ занимаютъ иностранные подданные, а затѣмъ городскія сословія, занимающіе такимъ образомъ четвертое (въ ряду указанныхъ сословныхъ группъ) мѣсто и по проценту лицъ имѣющихъ образованіе выше начальнаго. Послѣднее мѣсто, какъ и слѣдовало ожидать, принадлежитъ во всѣхъ указанныхъ отношеніяхъ сельскому сословію и въ немъ въ особенности женскому полу. Въ общемъ же итогѣ для всѣхъ названныхъ сословныхъ группъ (при условіи, что % грамотныхъ женщинъ значительно менѣе % грамотныхъ мужчинъ), въ числѣ грамотныхъ женщинъ получившихъ среднее образованіе вдвое больше, чѣмъ у мужчинъ. Но у обоихъ половъ процентъ лицъ, какъ получившихъ образованіе высшее, такъ и получившихъ образованіе среднее, чрезвычайно малъ, что опять указываетъ на слабое развитіе образованія въ населеніи края.

Надо признать вполнѣ естественнымъ, что при огромномъ преобладаніи русскаго элемента среди населенія края, грамотность на русскомъ языкѣ довольно развита и среди лицъ другихъ національностей. Изъ данныхъ переписи дѣйствительно видно, что у поляковъ, напр., лица грамотныя по-русски превышаютъ число

[1]) Къ общему числу грамотныхъ у нихъ.

лицъ грамотныхъ не по-русски, т. е. на другихъ только языкахъ (преимущественно на польскомъ?). То же явленіе наблюдается и у чеховъ и у евреевъ. Нѣмцы же Волынской и Подольской губ. усвоили русскую грамоту менѣе другихъ національностей, благодаря чему грамотные не по-русски у нихъ численно преобладаютъ надъ грамотными по-русски. Интересно также, что и у поляковъ и у нѣмцевъ въ числѣ грамотныхъ не по-русски женщины численно преобладаютъ надъ мужчинами.

Переходя къ даннымъ о промысловыхъ занятіяхъ населенія, необходимо прежде всего остановиться на вопросѣ о степени точности этихъ данныхъ. Точная регистрація промысловыхъ занятій населенія составляетъ одну изъ труднѣйшихъ задачъ подворной переписи даже въ земской статистикѣ, гдѣ это дѣло ведется людьми, обыкновенно вполнѣ подготовленными къ этой работѣ, интересующимися и преданными дѣлу. Не то при данныхъ условіяхъ, когда перепись производилась людьми неопытными и случайными, подъ руководствомъ людей, тоже не обладающихъ достаточнымъ опытомъ и знаніемъ дѣла, имъ порученнаго. Тутъ неточности данныхъ о промыслахъ должны, конечно, значительно усугубиться. Главную трудность правильнаго учета промышленниковъ составляетъ отношеніе самаго населенія къ этому вопросу. Во первыхъ, вопросъ о занятіяхъ обыкновенно вселяетъ въ опрашиваемыхъ подозрѣніе относительно дѣйствительныхъ цѣлей производимыхъ разспросовъ,—подозрѣніе въ томъ, что разспросы о занятіяхъ ведутся съ фискальными цѣлями, для какого-нибудь налога на промыслы. Это, конечно, побуждаетъ многихъ скрывать или по меньшей мѣрѣ умалчивать значеніе занятій, дающихъ имъ тѣ или иныя средства къ существованію. Во вторыхъ, многое зависитъ тутъ и отъ точки зрѣнія самого населенія на то или иное изъ своихъ занятій. Когда промыселъ осуществляется лишь въ теченіе сравнительно непродолжительнаго времени года, когда онъ маловыгоденъ, приноситъ лишь весьма небольшіе доходы, когда онъ является только нѣкоторымъ подспорьемъ къ какому

либо другому основному занятію (напр., къ земледѣлію) и т. п., многіе искренне не считаютъ его «промысломъ», не придаютъ значенія и умалчиваютъ о его существованіи. Стереотипные отвѣты въ родѣ «какіе наши промыслы: *только званье одно*... «*съ хлѣба на квасъ—вотъ и толку всего, а тоже промысломъ называется!*»... наилучше всего характеризуетъ отношеніе къ такимъ промысловымъ занятіямъ самого населенія. А при такомъ отношеніи, какъ само собою понятно, учетъ занятій населенія долженъ представить большія трудности даже для людей опытныхъ, искренно интересующихся полученіемъ точныхъ данныхъ, знающихъ народъ, умѣющихъ понимать и говорить съ нимъ.

Таковы причины, обусловливающія трудность точнаго учета знаній населенія и дающія несомнѣнное основаніе думать, что въ данномъ случаѣ учетъ въ особенности долженъ страдать неточностью и неполнотою, т. е. что перепись 1897 г. установила меньшее число лицъ и хозяйствъ «занятыхъ въ томъ или иномъ промыслѣ», чѣмъ это есть въ дѣйствительности. Этими же недостатками должно отличаться и устанавливаемое переписными таблицами раздѣленіе на самостоятельно трудящихся и на членовъ ихъ семей, въ виду трудности установленія въ отдѣльныхъ случаяхъ разницы между самостоятельно и несамостоятельно трудящимися въ томъ или иномъ промыслѣ. Кромѣ того и самое это «раздѣленіе на самостоятельно трудящихся и на членовъ семей», по признанію предисловія къ т. XXXII «Подольская губернія» «не даетъ полной численности дѣйствительно занятыхъ лицъ въ томъ или иномъ промыслѣ» и т. п.

Все это и надобно имѣть въ виду при пользованіи цифрами переписи, принимая ихъ какъ неисчерпывающія дѣйствительности [1]).

Въ дополненіе къ сказанному, прежде чѣмъ приступить къ изложенію выводовъ даннаго отдѣла относительно юго-западнаго

---

[1]) Само собою разумѣется, что безъ новой переписи опредѣлить предѣлы сдѣланныхъ ошибокъ и выяснить точныя дѣйствительныя цифры невозможно.

края, нелишне будетъ указать на тѣ трудности, съ которыми была сопряжена сводка цифръ о занятіяхъ по тремъ губерніямъ для настоящей статьи.

Дѣло въ томъ, что каждый томъ, составляющій сводъ переписныхъ данныхъ по отдѣльной губерніи (т. VIII Волынская г., т. XVI Кіевская и т. XXXII Подольская), состоитъ изъ таблицъ (составленныхъ по одинаковымъ формамъ) и текста, въ которомъ приводится «краткій обзоръ цифровыхъ данныхъ по губерніи». Въ «обзорахъ» цифры таблицъ подъитожены въ различныхъ комбинаціяхъ такимъ образомъ, чтобы дать читателю возможность, не прибѣгая къ таблицамъ, составить необходимое представленіе о главнѣйшихъ выводахъ изъ собранныхъ данныхъ. Такимъ образомъ, пользуясь этими «краткими обзорами» и сводя приведенныя въ нихъ и одинаково скомбинированныя цифры по разнымъ губерніямъ въ одинъ общій итогъ, казалось бы легко можно было бы составить и «краткій обзоръ» для трехъ губерній юго-западнаго края, не прибѣгая къ необходимости спеціальныхъ подсчетовъ по таблицамъ. Но, къ большому сожалѣнію, краткіе обзоры по разнымъ губерніямъ составлены почему то не по одинаковымъ программамъ и съ далеко неодинаковою подробностью. Это устраняетъ возможность по однимъ обзорамъ, не пользуясь таблицами, ознакомиться въ одинаковой подробности съ главнѣйшими выводами изъ данныхъ переписи и вынуждаетъ каждаго составителя печатанныхъ обзоровъ (по нѣсколькимъ губерніямъ) прибѣгать для этого къ сложнымъ спеціальнымъ подсчетамъ. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Въ то время какъ «краткій обзоръ» по Волынской губ. составленъ (г. Паткановымъ) сравнительно очень обстоятельно, такіе же обзоры по Кіевской (г. Львова) и Подольской губ. (г. Бечаснова) написаны чрезвычайно сжато и далеко не исчерпываютъ программы обзора г. Патканова. Помимо разницы въ степени подробности, и самыя цифры «обзоровъ» по разнымъ вопросамъ сгруппированы нерѣдко въ различныхъ комбинаціяхъ, что не даетъ возможности сравнивать ихъ между собою. Явленія эти замѣчаются вообще по всѣмъ отдѣламъ переписныхъ данныхъ. Но особенная разница въ сводкѣ перепис-

ныхъ цифръ замѣчается въ этихъ обзорахъ относительно занятій населенія. По Подольской губ. сводка данныхъ этого интереснаго отдѣла выдѣляется своей краткостью, а по Кіевской она, вульгарно выражаясь, короче куринаго носа[1]), въ то время какъ по Волынской занимаетъ нѣсколько страницъ текста. И вмѣстѣ съ тѣмъ, несмотря на всю подробность послѣдней сводки и разнообразіе приведенныхъ въ ней цифровыхъ комбинацій, въ ней не оказалось именно тѣхъ изъ нихъ, которыя сдѣланы авторами обзоровъ по двумъ другимъ губерніямъ.

Все это, конечно, составляетъ крупный недочетъ названныхъ изданій. Въ данномъ же случаѣ обстоятельство это имѣло то значеніе, что вынудило меня произвести по названному отдѣлу много спеціальныхъ подсчетовъ для цѣлей настоящей статьи и вмѣстѣ съ тѣмъ сократить разборъ цифръ этого отдѣла до возможныхъ предѣловъ, не исчерпывая даже комбинацій обзора Волынской губ., такъ какъ это повело бы къ слишкомъ большой затратѣ времени.

Данная работа усложнилась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ группировкахъ промысловыхъ занятій по Подольской и Кіевской губ., примѣняясь къ которымъ (ради сокращенія подсчетныхъ работъ) пришлось произвести и подсчетъ однородныхъ данныхъ по Волынской губ., допущенъ, какъ выяснилось уже послѣ производства подсчетовъ по ней, недосмотръ, вынудившій затѣмъ произвести въ нѣкоторыхъ частяхъ пересчеты тѣхъ же данныхъ наново по всѣмъ тремъ губерніямъ. Дѣло въ томъ, что при комбинаціи занятій по группамъ всегда найдутся такія занятія, которыя могутъ быть, по усмотрѣнію, отнесены къ той или иной изъ намѣченныхъ группъ, между тѣмъ ни въ предисловіяхъ къ описаніямъ губерній, ни въ краткихъ обзорахъ нѣтъ рѣшительно никакихъ указаній относительно того, какіе именно виды занятій отнесены къ намѣченнымъ составителями группировкамъ. Въ данномъ случаѣ группировки занятій, намѣченныхъ составителями

---

[1]) Всего 16 строчекъ печати.

обзоровъ по Подольской и Кіевской губ., имѣли въ виду слѣдующее распредѣленіе занятій: 1) «непромысловыя», 2) «земледѣліе и добывающая промышленность», 3) «обрабатывающая промышленность», 4) «торговля и средства передвиженія» и 5) «остальныя». Недочетъ этой группировки по двумъ губерніямъ (отсутствующій въ сходной группировкѣ по Волынской г.) заключается главнымъ образомъ въ томъ, что въ группу «остальныхъ» отнесено было вообще слишкомъ много разнообразныхъ занятій, которыя правильнѣе было бы обособить въ отдѣльныя группы, и въ томъ числѣ занятія общественною, сословною и административною службой, свободныя профессіи, учебная и медицинская дѣятельность, а также и «вооруженныя силы». Поэтому послѣднія, т. е. «вооруженныя силы», я совершенно выдѣлилъ при новыхъ разсчетахъ изъ счета промысловыхъ занятій, первыя же выдѣлилъ въ особую группу интелигентныхъ занятій[1]). Иначе приведенная группировка была бы слишкомъ груба и очень недостаточно группировала бы населеніе по профессіямъ. (Эта то необходимость перегруппировки занятій, какъ само собою понятно, и повела къ пересчету части промысловыхъ данныхъ наново по всѣмъ тремъ губерніямъ).

Здѣсь, заговоривъ о группировкахъ занятій и вмѣстѣ съ тѣмъ заканчивая рѣчь о недочетахъ отдѣла о промыслахъ, нелишнимъ считаю указать на тотъ порядокъ, въ какомъ подсчитаны всѣ занятія населенія въ основныхъ таблицахъ. Промыслы распредѣлены здѣсь не по степени ихъ значенія и распространенности и не по главнѣйшимъ (только что указаннымъ выше) группамъ, намѣченнымъ затѣмъ въ обзорахъ (такъ какъ промыслы разныхъ группъ отчасти перепутаны въ таблицахъ между собою)

---

[1]) При этомъ, благодаря тому, что въ таблицахъ поденщина и прислуга неправильно соединены вездѣ съ «дѣятельностью и службой частною» (которая въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ быть отнесена къ интеллигентнымъ занятіямъ), эту группу занятій пришлось оставить въ «остальныхъ» въ силу невозможности разъединенія въ нихъ интеллигентнаго труда отъ простой работы.

и даже не просто по алфавиту названій отдѣльныхъ занятій, а до извѣстной степени случайно. Но не случайнымъ, конечно, является для такого бюрократическаго учрежденія, какъ центральный статистическій комитетъ, отнесеніе во главу всѣхъ занятій населенія подъ *первымъ* нумеромъ весьма немногочисленной, сравнительно, группы лицъ, служащихъ по «*администраціи, суду и полиціи*»!.. Надо сказать кстати по поводу тѣхъ же основныхъ таблицъ, что въ нихъ замѣчены и нѣкоторые, вызывающіе недоумѣніе, пропуски. Такъ, по Кіевской губ., въ таблицѣ XXII совершенно отсутствуютъ данныя о промыслѣ «№ 23, выплавка металловъ», тогда какъ онъ существуетъ въ губерніи и не дальше какъ въ таблицѣ XXI данныя о немъ проведены по всѣмъ многочисленнымъ графамъ ея.

. . . .

Окончивъ съ краткой характеристикой отдѣла о промыслахъ, по скольку недочеты его могли повліять на вытекающіе изъ его цифръ выводы, перехожу къ этимъ послѣднимъ:

Группы занятій:	На 100 душъ обоего пола приходится		% населенія кормящагося отъ занятія.
	Лицъ самостоятельно трудящихся.	Остальныхъ членовъ семьи	
I Земледѣліе и добывающая пром.	20	80	74,4
II Обрабатывающая пром.	32,5	67,5	8,5
III Торговля и средства передвижен.	26,0	74,0	7,8
IV Интеллигентн. занятія и своб. проф.	32,5	67,5	2
V Непромысловыя	60	40	1,8
VI Остальныя	51.5	48,5	5,5
Всѣ занятія	24,0	76,0	100,0

Таблица эта показываетъ, что свыше 74% [1]) всего населенія края кормится отъ земледѣлія и добывающей промышленности, что свидѣтельствуетъ о его земледѣльческомъ характерѣ. Второй по важности группой занятій является промышленность обрабатывающая, отъ которой живетъ $8^1/_2$% населенія, и затѣмъ занятія торговлей и средствами передвиженія—7,8% населенія. Послѣднее по распространенности занятій мѣсто принадлежитъ интеллигентнымъ занятіямъ и свободнымъ профессіямъ (2%), а затѣмъ группѣ, не занимающейся никакими промыслами—всего 1,8%. Отдѣльныя губерніи края въ отношеніи этого распредѣленія ихъ населенія по названнымъ группамъ въ общемъ даютъ тѣ же соотношенія. Какъ на болѣе выдающіяся отличія, можно указать только на сравнительно меньшій процентъ населенія, кормящагося отъ земледѣлія въ Кіевской губ. (71,5% вмѣсто 76% въ Подольской и 76% же въ Волынской) и на сравнительно бо́льшій въ ней процентъ населенія, кормящагося отъ обрабатывающей промышленности (9,5% при 8% въ Волынской губ. и 7,7% въ Подольской), а также--отъ торговли и средствъ передвиженія (8,3% при 7,3% въ Подольск. губ. и 6,6% въ Волынской губ.).

Обращаясь къ той же таблицѣ (вертикальныя графы 1 и 2-ая), необходимо прежде всего отмѣтить, что въ среднемъ по краю изъ 100 душъ жителей на 24 самостоятельно работающихъ приходится 75 членовъ ихъ семей. Какъ видно изъ таблицы, на этотъ итогъ по краю оказываютъ наибольшее вліяніе цифры, относящіяся къ группѣ занятій: «земледѣліе и добывающая промышленность», какъ безусловно и значительно преобладающія по величинѣ. Въ ней именно, какъ разъ, это соотношеніе наиболѣе рѣзко: на 20 человѣкъ самостоятельно трудящихся тамъ приходится 80 членовъ ихъ семей. Объясненіемъ такой значительной разницы цифръ въ этой группѣ занятій служитъ то указанное въ самихъ же трудахъ по переписи обстоятельство, что у нашего

[1]) См. третью вертикальную строку только что приведенной таблички.

крестьянства неотдѣлившіеся взрослые сыновья еще не считаются самостоятельными въ своемъ занятіи (какъ то имѣетъ мѣсто въ другихъ видахъ занятій), и потому они оказались зачисленными въ составъ семей. Наиболѣе близкія цифры къ только что указанной нормѣ даетъ занятіе торговлей и средствами передвиженія (на 26 самостоятельно трудящихся 74 членовъ семей). У непромысловыхъ (живущихъ доходами отъ капиталовъ и недвижимыхъ имуществъ, средствами отъ родныхъ, отъ казны, обществен. учрежденій и частныхъ лицъ, а также небольшой группы лицъ лишенныхъ свободы и отбывающихъ наказаніе) отношеніе это совершенно обратное, такъ какъ на 60 самостоятельныхъ лицъ въ нихъ приходится 50 членовъ семей, такъ же какъ въ группѣ «остальныхъ занятій» (низшіе служащіе при церквахъ, кладбищахъ и т. п., прислуга, поденщики, дѣятельность и служба частная [1]), занятія, касающіяся чистоты и гигіены тѣла, проститутки, лица неопредѣленныхъ занятій и неуказавшія ихъ и лица непричисленныя къ предыдущимъ группамъ занятій), гдѣ это отношеніе опредѣляется цифрами 51,5 на 48,5.

Таковы соотношенія этихъ цифръ въ итогѣ для всего края. По отдѣльнымъ губерніямъ онѣ нѣсколько видоизмѣняются. Прежде всего надо указать, что въ итогахъ для Подольской (24,5 на 75,5) и въ особенности для Кіевской губ. (25,8 на 74,2) отношеніе между числомъ самостоятельно трудящихся и питающихся около нихъ членами семей болѣе благопріятно, чѣмъ въ Волынской губ., гдѣ на 22,8 самостоятельно трудящихся приходится 77,2 членовъ ихъ семей. Наибольшее вліяніе на эту разницу между итогами по губерніямъ оказываетъ, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, наиболѣе многочисленная группа занимающихся земледѣліемъ и добывающею промышленностью, такъ какъ именно въ ней по Волынской губ. на 18,5 самостоятельно трудящихся приходится 81,5 членовъ семей, тогда какъ въ остальныхъ двухъ губерніяхъ эти цифры равны: 20 на 80 въ Кіевской губ. и 20,5 на 79,5 въ Подольской. Въ общемъ же соотношенія вышеуказанныхъ цифръ

---

[1]) О причинахъ включенія ихъ сюда сказано выше.

въ остальныхъ изъ болѣе крупныхъ группъ занятій (II и III) по Волынской и Подольской губ. въ одно и тоже время и близки къ среднимъ по краю, и сходны между собою; цифры же по Кіевской губ. и не такъ сходны съ таковыми же по остальнымъ двумъ губерніямъ, и не такъ близки къ вышеприведеннымъ среднимъ по краю, что видно изъ нижеприведенной таблицы (и на что оказываютъ вліяніе цифры, относящіяся къ г. Кіеву, гдѣ во II группѣ занятій % самостоятельно трудящихся 52, а въ III—45):

	Кіевская		Волынск.		Подольск.		Весь край.	
	на 100 душъ обоего пола.							
Группы занятій:	Трудящих. самост.	Остальн. член. сем.	Трудящ. самост.	Остальн. член. сем.	Трудящ. самост.	Остальн. член. сем.	Трудящ. самост.	Остальн. член. сем.
I Земл. и доб. пром.	20	80	18,5	81,5	20,5	79,5	20	80
II Обраб. промышл.	35	65	31	69	31	69	32,5	67,5
III Торг. и ср. передв.	28,5	71,5	24,5	75,5	24,5	75,5	26	74
IV Инт. зан. и св. пр.	30	70	32,5	67,5	35	65	32,5	67,5
V Непромысловыя.	59	41	66	34	50	50	60	40
VI Остальныя.	55	45	48	52	49	51	51,5	48,5
Всѣ занятія	25,8	74,2	22,8	77,2	24,5	75,5	24,5	75,5

Что касается размѣровъ участія обоихъ половъ въ самостоятельной работѣ по различнымъ занятіямъ, то процентъ самостоятельно работающихъ женщинъ въ общемъ незначителенъ (въ среднемъ на 21 самостоятельно трудящихся мужчинъ 5 таковыхъ же женщинъ) и только въ группахъ занятій: «остальныхъ» и «непромысловыхъ» процентъ самостоятельно трудящихся женщинъ болѣе или менѣе приближается къ таковому же проценту мужчинъ. Но такъ какъ обѣ эти группы незначительны по численности своей, то и оказывается въ итогѣ, что самостоятельный женскій трудъ всетаки развитъ слабо и главное его примѣненіе остается для домашняго хозяйства.

При разнообразіи состава мѣстнаго населенія, весьма интереснымъ является вопросъ о размѣрахъ сравнительнаго участія

отдѣльныхъ народностей въ различныхъ видахъ занятій. Размѣры этого участія видны изъ нижеприводимой таблицы, гдѣ указанъ % участія каждой народности въ соотвѣтствующихъ занятіяхъ (при чемъ выдѣлены въ особыя группы малороссы, великороссы и бѣлорусы, чего почему то не сдѣлано въ обзорѣ Подольской губ., гдѣ, вопреки характернымъ особенностямъ этихъ народностей, всѣ онѣ соединены въ одну группу подъ именемъ «русскихъ!»:

	Землед. и добыв. пр.	Обраб. пром.	Торг. и ср. пер.	Интел. зан. и своб. пр.	Непро-мысл.	Осталь-ныя.	
Малороссы	90.0	3,6	0,9	0,7	0.5	4,3	100
Евреи	2,5	31,5	47,5	4.5	3,5	10,5	100
Великорос.	18,4	21,0	13,5	17,0	12,8	17,0	100
Поляки	50,9	13,8	5,8	3,3	6.5	20,6	100
Нѣмцы	82,4	8,1	1,2	1,4	1,3	5,6	100
Чехи	70.3	17,4	3,8	1,2	1,5	5,8	100
Бѣлоруссы	31,7	33,0	11,5	4,8	5,2	13,8	100

Эта табличка показываетъ, что малороссы заняты главнымъ образомъ земледѣліемъ и добывающею промышленностью, что и вполнѣ понятно въ земледѣльческомъ районѣ, гдѣ они составляютъ главную массу сельскаго населенія. Нѣмцы и чехи тоже по преимуществу живутъ этими же занятіями, также какъ и половина поляковъ, но всѣ эти три національности даютъ въ то же время и довольно значительные проценты занимающихся обрабатывающею промышленностью, а частію (кромѣ нѣмцевъ) торговлей и средствами передвиженія. Но наиболѣе высокій процентъ живущихъ отъ этого рода занятій (торговля, средства передвиженія и обрабатывающая промышленность) даютъ евреи, у которыхъ, наоборотъ, наиболѣе слабо развито земледѣліе. Евреи, вмѣстѣ съ поляками, бѣлорусами и въ особенности съ великороссами (все это, какъ мы видѣли, національности, составляющія значительный процентъ жителей городскихъ поселеній) даютъ и наибольшее, сравнительно, количество лицъ, кормящихся отъ интеллигентныхъ занятій (максимумъ у великороссовъ—17%), а также и наибольшій % непромысловыхъ.

Что касается уже затронутаго выше вопроса о соотношеніи между количествомъ самостоятельно работающихъ и числомъ ѣдоковъ (остальныхъ членовъ семьи), кормящихся отъ ихъ занятія, то у національностей, по преимуществу занимающихся земледѣліемъ (малороссы, чехи, нѣмцы), замѣчается наименьшій % самостоятельно трудящихсл къ общему число ѣдоковъ. Но выше уже было замѣчено относительно мѣстнаго крестьянства, что явленіе это объясняется тѣмъ, что въ его средѣ неотдѣленные сыновья, занимающіеся земледѣліемъ на семью, не считаются самостоятельными работниками; слѣдовательно, на цифры эти оказываетъ извѣстное вліяніе самая условность этого дѣленія (о которомъ въ текстѣ одного изъ обзоровъ приведена оговорка, что оно не имѣетъ исчерпывающаго характера). Надо думать, что та же причина вліяетъ на уменьшеніе % самостоятельно работающихъ (къ общему числу ѣдоковъ) также и у другихъ двухъ національностей, занимающихся преимущественно земледѣліемъ, т. е. у чеховъ и нѣмцевъ. По крайней мѣрѣ предположеніе это подтверждается сопоставленіемъ у нихъ % самостоятельно работающихъ въ группѣ земледѣльческой съ таковыми же процентами въ группахъ неземледѣльческихъ.

Группы занятій:	Малороссы къ общему числу ѣдоковъ: % самост. раб.	% остальныхъ	Нѣмцы къ общему числу ѣдоковъ: % самост. раб.	% остальныхъ	Чехи къ общему числу ѣдоковъ: % самост. раб.	% остальныхъ
Земледѣліе и добыв. пром.	20	80	20,1	79,9	33	67
Остальныя занятія:	46,7	53,3	44,5	55,5	44	56,

изъ которой видно, что дѣйствительно среди національностей, занимающихся главнымъ образомъ земледѣліемъ малый % самостоятельно работающихъ наблюдается только въ группѣ, занимающейся земледѣліемъ. Поэтому проведенное въ обзорахъ дѣ-

леніе это по отношенію къ земледѣльческой группѣ занятій является очень условнымъ и приблизительнымъ. Устранивъ же названную группу по этой причинѣ изъ разсмотрѣнія и примѣняя тотъ же пріемъ дѣленія населенія только къ остальнымъ группамъ занятій, мы неизбѣжно придемъ къ заключенію, что самое невыгодное соотношеніе между числомъ самостоятельно работающихъ и количествомъ ѣдоковъ при нихъ имѣется у евреевъ (27,7%) [1]), что видно изъ слѣдующаго сопоставленія процентовъ самостоятельно трудящихся къ общему числу ѣдоковъ:

	Мал.	Евреи	Вел.	Пол.	Нѣм.	Чехи	Бѣлор.	Въ средн. выводѣ
у всѣхъ группъ занятій кромѣ землед. и добыв. пром.:	46,5	27,7	51	42	42	42,5	68	37,5

Наиболѣе выгодное соотношеніе, какъ видно изъ этихъ же цифръ, наблюдается у бѣлорусовъ (68%) [2]) и великороссовъ (51%).

Ограничиваясь сводкой только этихъ главнѣйшихъ выводовъ изъ опубликованныхъ данныхъ переписи 1897 г., относящихся къ Юго-западному краю, необходимо оговориться, что самое статистическое изслѣдованіе 1897 г. носило исключительно демографическій характеръ и лишь въ дополненіе къ данымъ по демографіи попутно собраны были краткія свѣдѣнія о занятіяхъ населенія. Изъ программы переписи 1897 г. совершенно были исключены данныя по экономикѣ населенія, и эта самая перепись послужила даже препятствіемъ къ производству спеціальнаго статистико-экономическаго изслѣдованія Юго-западнаго края въ періодъ генералъ-губернаторства графа А. П. Игнатьева, на что мною было уже указано въ статьѣ «Нужды статистики въ Юго-

---

[1]) Значительно ниже средняго (37,5) для всѣхъ національностей вмѣстѣ взятыхъ и каждой въ отдѣльности.

[2]) Что можетъ быть объясняется тою или иною случайностью, такъ какъ эта группа населенія въ краѣ весьма немногочисленна.

западномъ краѣ» [1]). Такимъ образомъ краткостью программы переписи 1897 г. опредѣляются и узкія рамки сдѣланной мною сводки выводовъ изъ переписныхъ данныхъ въ настоящей статьѣ. Съ другой стороны односторонность собранныхъ данныхъ (относящихся почти исключительно къ области демографіи) не даетъ возможности найти въ опубликованномъ переписномъ матеріалѣ объясненія нѣкоторыхъ полученныхъ выводовъ, которые приходится поэтому только констатировать, не пытаясь ихъ объяснить. Надо замѣтить кстати, что хотя изслѣдованіе 1897 года и страдало, какъ сказано, односторонностью своей программы, тѣмъ не менѣе даже и то, что было собрано переписью, передъ опубликованіемъ подверглось значительнымъ сокращеніямъ. На производство переписи были, какъ извѣстно, ассигнованы спеціальныя и при томъ огромныя средства, размѣръ которыхъ предопредѣленъ былъ заранѣе составленной смѣтой. Но «Особое совѣщаніе, образованное по высочайшему повелѣнію, въ январѣ 1902 г., подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутр. дѣлъ, сенатора П. Н. Дурново, на которое, въ виду опредѣлившагося къ тому времени недостатка ассигнованныхъ на перепись суммъ, было возложено окончательное установленіе общаго плана дальнѣйшей разработки матеріаловъ первой всеобщей переписи населенія 1897 г. и опредѣленіе суммы необходимыхъ для сего расходовъ, нашло предположенную центральнымъ статистическимъ комитетомъ программу разработки *слишкомъ обширной* [2]) и признало необходимымъ съ цѣлью возможнаго сокращенія дальнѣйшихъ расходовъ, *значительно* [2]) ограничить ея рамки [3]).

Но несмотря на такія «значительныя» сокращенія, разработка и опубликованіе переписныхъ данныхъ значительно за-

[1]) «Кіевская Старина» 1898 № 11.

[2]) Курсивъ мой.

[3]) Предисловіе къ VIII т. переписи (по Волынск. губ.); тамъ же приведенъ и перечень произведенныхъ сокращеній программы разработки переписныхъ данныхъ.

поздали: данныя по 3 губерніямъ Юго-западнаго края опубликованы только во второй половинѣ 1904 года, слѣдовательно на седьмой только годъ послѣ производства переписи. Поэтому данныя эти и вытекающіе изъ нихъ выводы являются значительно устарѣвшими, что тоже нельзя упускать изъ виду какъ при пользованіи ими, такъ, конечно, и при чтеніи настоящей статьи.

А. Личковъ.

Украинськи оповидання А. П. Стороженка

род. 1805, ум. 1874.

Историко-литературные отзывы о писателѣ. Біографія и литературные труды его. Повѣствовательные и описательные элементы; лиризмъ и юморъ автора. Историко-этнографическій характеръ повѣствованій. Марко Проклятый. Значеніе литературной дѣятельности Стороженка.

Въ очеркахъ исторіи малорусской литературы были попытки установить значеніе и отвести подобающее мѣсто малорусскимъ повѣствованіямъ А. П. Стороженка. Проф. Петровъ опредѣленно, но мало доказательно, утверждалъ, что всѣ разсказы и повѣсти Стороженка съ этнографическимъ и бытовымъ содержаніемъ отличаются веселымъ комизмомъ и служатъ продолженіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ прежней карикатурной и комической литературной дѣятельности Котляревскаго, Гулакъ-Артемовскаго и др., но съ тою существенною разницею, что темы для своихъ комическихъ разсказовъ Стороженко заимствовалъ изъ устной народной словесности и иногда пользовался мотивами народныхъ сказаній. Проф. Дашкевичъ осторожно, но неопредѣленно, указалъ по поводу этого утвержденія, что не было ли бы удобнѣе выдѣлить нѣкоторыхъ писателей, напримѣръ Н. В. Гоголя, Стороженка, Раевскаго, Свидницкаго, въ особую группу украинскихъ беллетристовъ-изобразителей народнаго быта и воспроизводителей народныхъ преданій и повѣрій? Проф. Огоновскій никакой новой точки зрѣнія на произведенія Стороженка не высказалъ,

несмотря на пространное изложеніе и подробную передачу содержанія ихъ. По его мнѣнію,—и фантастичности много, и исторической правды не мало: «Стороженко любовавъ ся въ романтызми и видтакъ прыкрашавъ фантастычными выдумкамы не тилько творы устнои словесности народнои, але иноди и подіи исторычни... Все жъ таки зъ того фантастычного сяева вырынають справдешни запорожци, котрыхъ исторычный образъ уважае ся подекуды идеализованнымъ тилько за-для фантастычнои декораціи». Огоновскій не согласенъ съ Петровымъ по поводу его оцѣнки этнографически-бытовыхъ повѣствованій, но ничего яснаго не даетъ, только взамѣнъ ея стороною дѣлаетъ намекъ на нѣкоторое сближеніе таланта Стороженка и Квитки-Основьяненка. Дѣйствительно, кое что сходно въ ихъ литературной физіономіи, но многое различно. Оба они владѣли малорусской народной рѣчью въ совершенствѣ, оба были мастерами въ веденіи разсказа, оба, кромѣ повѣстей и разсказовъ, обращались еще и къ драматической формѣ (мелодраматическія сцены Стороженка «Гаркуша»), но избѣгали размѣренной стихотворной рѣчи, наконецъ, оба оставили послѣ себя нѣсколько произведеній, полныхъ настоящаго южно-русскаго юмора. Но далѣе сходство двухъ малорусскихъ писателей не идетъ, и занимаютъ они въ исторіи малорусской литературы мѣста весьма различныя: Квитка—одинъ изъ первыхъ провозвѣстниковъ натурализма въ малорусской (отчасти и великорусской) литературѣ, одинъ изъ первыхъ писателей-народниковъ въ опредѣленномъ смыслѣ этого слова, онъ же — создатель малорусской, такъ называемой, «прозы»; Стороженко — временный и до извѣстной степени случайный гость въ малорусской литературѣ, талантливый и сильный разсказчикъ — и ничего больше. Въ этомъ, мы надѣемся, можно убѣдиться изъ самаго краткаго обзора его жизни и литературной дѣятельности.

Прежде всего мы должны помнить, что Стороженко, съ одной стороны, малорусскій писатель (произведенія его на великорусскомъ языкѣ весьма малоцѣнны), а съ другой — представитель крайней бюрократіи, настоящій «государственный чиновникъ». Происхожденіемъ онъ былъ изъ козацкаго рода (подъ 1610 г.

упоминается его предокъ, какъ «полковникъ войскъ запорожскихъ»). Родился А. П. въ Полтавской губерніи ровно сто лѣтъ назадъ; установить точнѣе дату его рожденія мы никакъ не могли: вѣрнѣе всего, что онъ родился 17-го марта, когда, по старинному обычаю, и праздновалъ свои именины. Воспитанный въ Петербургѣ, въ кадетскомъ корпусѣ, Стороженко съ 1823 по 1831 г. проходилъ военную службу, участвовалъ въ русско-турецкой войнѣ, усмирялъ польское возстаніе, а потомъ перешелъ на гражданскую службу въ качествѣ чиновника особыхъ порученій при Кіевск. Генер. Губернат., извѣстномъ Д. Г. Бибиковѣ, а затѣмъ—при немъ же, какъ министрѣ внутр. дѣлъ. Въ 1863 г. мы застаемъ его въ томъ же положеніи при М. Н. Муравьевѣ въ сѣверо-западномъ краѣ. Онъ, между прочимъ, обладалъ большимъ искусствомъ въ раскрываніи самыхъ трудныхъ слѣдственныхъ казусовъ, хотя не былъ слѣдователемъ по служебной профессіи, но къ данному его таланту ген. Бибиковъ обращался иногда въ случаяхъ затруднительныхъ и особенно важныхъ. Въ концѣ 60-хъ гг. Стороженко жилъ въ своей усадьбѣ «Горишинъ» около гор. Бреста Литовскаго, состоя уѣзднымъ брестскимъ предводителемъ дворянства и предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ судей, т. е. находился въ рядахъ обрусителей-чиновниковъ, осѣвшихъ въ западномъ краѣ послѣ возстанія. Тамъ же онъ и умеръ 7 ноября 1874 г. и похороненъ. Отмѣтимъ, что это былъ упорный и безусловный врагъ поляковъ, которые рисовались ему и въ исторіи, и въ современномъ быту исключительно своевольными шляхтичами. Рвеніе его по службѣ въ борьбѣ съ польскимъ элементомъ иногда выходило даже за предѣлы правительственныхъ намѣреній: такъ, когда онъ служилъ въ западномъ краѣ, былъ поднятъ вопросъ о богослужебномъ языкѣ для католиковъ этого края, и Стороженко явился горячимъ защитникомъ введенія русскаго языка, но встрѣтилъ отпоръ во взглядахъ нѣкоторыхъ администраторовъ («Правда», 1875, VIII). Таковы немногія біографическія данныя, которыя извѣстны до сихъ поръ объ А. П. Стороженкѣ. Среди этой чиновничьей дѣятельности онъ отдавался отъ времени до времени литературной работѣ. Объемъ литературнаго матеріала, оставленнаго имъ, не

великъ. Въ 1863 г. вышло два томика его «Украинськихъ оповиданнь»—21 повѣствованіе. «Споминки про Ник. Коржа» и истор.-драматич. картины «Гаркуша»; въ 1879 напечатана поэма «Марко Проклятый»; кромѣ того, въ «Основѣ» же, гдѣ помѣщено и большинство разсказовъ двухтомнаго изданія, появились «Стехинъ Рогъ» (1861 г. № 1) и «Матусине Благословення» (1861 № 9); по великорусски напечатаны — «Братья Близнецы» («Библіотека для чтенія» 1857), «Сотникъ Петро Серпъ» (изъ XVII в.) 1858 г., переводы на великорусскій языкъ повѣстей Квитки «Свѣтлый праздникъ мертвецовъ», «Солдатскій портретъ» и «Козырь-дѣвка» (1860 — 1861 г.); остальныя печатныя произведенія и другія мелочи, помимо развѣ воспоминаній о Гоголѣ («Отеч. Зап.» 1859 г. № 4), не имѣютъ никакого значенія. Отсюда мы видимъ, что почти вся малорусская литературная дѣятельность А. П. Стороженка, кромѣ поэмы, относится къ неполнымъ двумъ годамъ, 1861-му и 1862-му, т. е., во-первыхъ, носила диллетантскій характеръ [1]), во-вторыхъ, поддерживалась въ немъ украинскимъ народническимъ настроеніемъ до польскаго возстанія, послѣ котораго сочинительства А. П., уже исключительно на общелитературномъ языкѣ, могли появляться только въ такихъ изданіяхъ, какъ пресловутый «Вѣстникъ Западной Россіи», и не имѣли никакихъ литературныхъ достоинствъ.

Остановимъ свое вниманіе на художественной дѣятельности Стороженка и сдѣлаемъ обзоръ его украинскимъ оповиданнямъ, чтобы опредѣлить общія черты литературнаго творчества. Прежде всего мы должны отмѣтить, что онъ былъ необыкновеннымъ мастеромъ разсказа. Нѣкоторые разсказы А. П.—небольшіе пустяки, «приказки» анекдотическаго характера, передача народныхъ сказаній и бродячихъ разсказовъ. Таковы: «Се така баба, що чортъ їй на маховыхъ вылахъ чоботы оддавъ», «Вчы линывого не мо-

[1]) Диллетантомъ былъ онъ и въ другихъ проявленіяхъ своихъ поэтическихъ настроеній: Стороженко хорошо игралъ на віолончели: какъ скульпторъ, имѣлъ даже академическую медаль; какъ художникъ, извѣстенъ проектомъ памятника Нестору лѣтописцу.

лотомъ, а голодомъ», «Нехай лучче буде злый, чимъ дурный», «Скарбъ», «Чортова корчма», «Дурень», «Жонатый чортъ», «Два браты», «Стехинъ Рогъ» и др. Иногда искусство разсказа, выразительность и сила изложенія достигаетъ высокой степени. Наряду съ этимъ часто встрѣчаются необыкновенно сжатыя, сильныя и образныя описанія малорусской природы: почти каждая повѣсть, даже небольшой разсказъ, сопровождаются художественными описаніями большой яркости. Въ оповиданни «Закоханый чортъ» мы на первой же страницѣ читаемъ описаніе природы Слободской Украины:

Якъ перехопысся черезъ ричку Харькивъ... тутъ заразъ почынаетця оттой велыкый боръ, що высоки сосны ажъ хмару пидпырають. Оцежъ вамъ и Основа, де батько нашъ Квитка збывъ соби зъ своихъ повистей такый мицный човенъ, що до вику вичнёго буде плавать по плюгавій ричці Лети. (Далѣе слѣдуетъ сцена народнаго гулянья въ Основѣ). Пройхавши килька верстовъ боромъ, станешъ пидниматця на гору. Тутъ вже темна соснына почына мишатця зъ дубомъ, лыпою, клыныною, уже стае густише, густише; дерево переплелось витами, якъ те волосся; оришныкъ, глодъ, шепшина позростались, стоять, якъ добра огорожа. Чимъ дальше йидешъ, тимъ краще врода: пишлы и долынкы зъ прогалынамы, якъ рута зеленымы, и яры зъ проваллямъ, що якъ глянешъ, то голова закрутытця. Мій Боже мылый, що за лисъ! Якого тутъ нема дерева! И высокыхъ, велычезныхъ, и старыхъ, скорченыхъ и похнюпыхъ, що вже вику свого дожывають. Инше, зламане хуртовыною и опалене блыскавкою, стоить соби край дороги, якъ чернець; тамъ трухлявый пень схылывсь, якъ той старець зъ торбою. Куды ни глянь—усе тебе чаруе, прывитае, усе тоби всмихаетця. Здаетця, сама ридна наша Украина выйшла тоби на зустричъ: то спогляне на тебе гарячимъ сонцемъ, то прытулытця пахучымъ холодкомъ изъ темного лису, то промовыть писнею, то озоветця соловейкомъ жайворонкомъ, то неначе граетця зъ тобою: затурчыть у вухо горлыцею, залоскоче тыхесенькымъ витерцемъ... Якъ одйидешъ одъ Харькова верстовъ двадцять, лисъ почына ридиты. Зъ высокои горы уже выдко село Мерехву, зъ церквамы, дзвиныцямы, садкамы и левадамы—геть-геть розкынулось по долыни. За селомъ блыщать течіи, затоки и озера

Мжи. Потекла вона у-ливо промижъ кущивъ верболозу и вильхи; а напроты гладко стелетця зъ могыламы шырокый степъ. Сывіе старенькый, якъ море, мріе, мріе, поки не зійдетця зъ небомъ, а небо зъ землею. Гуляйте очи, гуляйте думы, якъ колысь гуляло по сему степу вильне козацтво!

Въ повѣствованіяхъ и описаніяхъ Стороженко является не только мастерскимъ разсказчикомъ, но и глубокимъ лирикомъ. Многія страницы въ его оповиданняхъ проникнуты сильнымъ лиризмомъ, иногда нѣсколько искусственнымъ, чаще искреннимъ, мягкимъ, полнымъ грусти и печали. Прочтите, напримѣръ, разсказъ стараго гайдамаки въ одной изъ лучшихъ повѣстей «Киндратъ Бубненко Швыдкый» о прошломъ народномъ горѣ, которое выливается тяжелой, горячей, кровавой слезой въ народно-козацкихъ возстаніяхъ... Мы напомнимъ читателю одно только мѣсто изъ оповиданья «Прокипъ Ивановичъ». Тамъ два козака—Прокипъ и Грыцько Клюшныкъ—трогательно прощаются съ Сичью послѣ ея разрушенія:

Мы перейихалы у човни на другый берегъ Днипра, зійшлы на гору и глянулы на Кошъ. Якъ на долони передъ намы. Зовсимъ опорожнывсь, де ни де побачышъ козака, и курени поразвалювалысь, други зовсимъ розйбрани; тильки стоить одна церковця, неначе стара ненька, выпроводывшы диточокъ и попрощавшысь зъ нымы на вики вични. Прокйпъ Ивановычъ упавъ на колина и ставъ прощатця зъ Сиччью. Що винъ казавъ—не памьятаю, тай не чувъ—такъ важко стало! Здавыло серце, неначе обценькамы; не стямывсь, якъ и самъ упавъ, на колина и, вже не знаю зъ чого, ставъ чытать: «ныни отпущаеши раба твоего, Владыко, по глаголу твоему зъ миромъ». Хочъ, правду кажучы, и не було того мыру, та вже бачу, такъ уста промовылы одхидну молытву нашому бездольному козацтву. Всталы, обнялысь, крипко прытулылысь одынъ до одного и гйрко заплакалы. «Въ першый разъ, якъ жыву на свити», каже Прокйпъ Ивановычъ, «оце заплакавъ». «И я въ першый», кажу. «Було до чого и прыберегаты цю слезу», каже Прокйпъ, «Теперечки мы, Грыцьку, не сичовыкы, не лыцари, та все таки честни люде: свое отдалы, та чужого не загарбалы! Охъ, важко, каже, и не вымовышъ: здается, якъ бы

все те лыхо, що на серци, выхопылось словомъ, то й каминь, почувшы, триснувъ бы и вылывъ зъ себе родныкъ слизъ». «Такъ, кажу, такъ!» Та прыхылывшысь одынъ до другого плачемо. Ще разъ глянулы на копъ, поклонылысь на вси чотыри стороны, перехрестылысь тай пишлы. Идемо мовчки; у кожного одно горе на думци.

Какъ лиризмъ, особенно въ описаніяхъ, такъ юморъ въ повѣствованіяхъ, являются постоянными настроеніями автора, сопровождаютъ и проникаютъ весь характеръ его разсказовъ изъ украинской жизни. Въ оповиданни «Закоханый чортъ», цѣнномъ только отдѣльными картинами и блестками неподдѣльнаго юмора, запорожецъ Кирило съ чортомъ Трутикомъ, какъ разсказываетъ Стороженко,

пишлы поручъ, якъ товарыши. Дидъ изъ свого рижка натрусыть чортови кабаки, а чортъ ему натрушуе своеи—такый вслужлывый. Скоро дидъ набье люльку, а чортъ заразъ вогню выкреше. Дидъ згадавъ про горилку, а чортъ заразъ и частуе, и на закуску тягне зъ сумки печену качку и пшенышный буханець. Выпывшы и попойившы, дида взяла охота подратувать чорта: хотивъ бувъ перехрестыть его, та подумавъ: цуръ ему, хоть винъ и чортъ, а все таки товарышъ,—не честно товарыша обижать. Дали якъ глянувъ на чорта, то ажъ жаль его стало: иде, звисывшы голову, неначе на шыбеныцю его ведуть (дѣдъ пообѣщалъ чорту помочь въ сватовствѣ на Одаркѣ, за что онъ долженъ былъ ему служить 5 лѣтъ конемъ; но запорожецъ усумнился въ правдивости чортоваго слова; тотъ далъ ему отвѣтъ:) «Намъ не велено — не то обманювать, а и зачепляты Запорожцивъ; бо воны бьютця за православну виру. Та не велика и корысть, каже, колы якого и завербуешь: убьють его на війни, а винъ вже й не нашъ. Видкы визьметця Петро зъ ключемъ и одбывъ: такъ и товче на того брата, не розглядаючы чы де око, чы де морда; а ще якъ выхопытця Мыкола, то швыдче втикай, бо вернешся у пекло безъ хвоста,—отдыре!» «А багато у васъ у пекли запорожцивъ?» пыта дидъ. «Ни однисенького: яки булы, то й тихъ повыганялы». «За що жъ ихъ повыганялы?» пыта дидъ. «Для нашого брата вамъ жалко и кутка въ пекли?» «Колыжъ такый гармидеръ роблять»,

> каже чортъ, «що усихъ чортивъ изъ пекла порозгонялы. Хиба не чувъ про того Марка, що товкся по пеклу?» «Щожъ воны вамъ роблять?» спытавъ дидъ. «Понапываютця горячои смолы», розсказуе чортъ, «якъ тіеи горилки, позалазять у печи, тай почнуть шпурлять видтиля головешкамы. Разъ трохи пекла не спалылы. Або ляже на сковороду, тай звелыть пидпалювать себе. Печешъ его, печешъ, ажъ шкура на тоби трискаетця, а вйнъ тебе лае, кепкуе зъ тебе та крычыть на усе пекло, що змерзъ. Бида зъ нымы». Идуть чортъ и дидъ дальше. Якъ пишли по надъ Лыманомъ, той переличыты не можно, що тихъ чортенятъ повыскакувало зъ болота. «Здрастуйте, дядечку!» озываютця до чорта, а дида такъ жахаютця: бачуть, що Запорожець. «Не бійтесь, дитки», каже чортъ, «се, щобъ вы зналы, мій сватъ Кырыло». Дидъ розсказувавъ, що бисенята поки ще молоди, то зелени, якъ осытнякъ,—нема у ныхъ ни рижкивъ, ни кигтивъ. Тай втишни-жъ, розсказувавъ: бигають, крутятця, якъ жабы, граютця, якъ кошенята; пирне у воду, а нижки высуне зъ болота тай дрыга. Дидъ хотивъ бувъ ихъ подратувать, показавъ имъ дулю (кукишъ), такъ воны у одынъ голосъ такъ и запыскотилы: «Спасыби вамъ, дядечку Кырыло, за вашу ласку». А чортъ и каже: ты ихъ и цукеромъ не годуй, тильки покажы имъ дулю.

Тотъ же дѣдъ разсказывалъ, что онъ,

> разъ заспорывсь и въ закладъ пишовъ, що пойиде у Бахчисарай и самому Крымському ханови у вичи плюне. И що бъ вы думалы? Пойихавъ тай плюнувъ, тай ще добре вылаявъ. Дидъ знатно лаявсь,—у якогось москаля вчывсь: «ты, каже, хане, покійного чорта племенныкъ, бусурманськый, кателыцькый, анахвемськый, гаспытивъ сынъ, трыста тоби чортивъ у жывитъ».

Эта сценка какъ то невольно напоминаетъ картину Рѣпина «Запорожцы, пишущіе отвѣтъ Султану». Но наиболѣе цѣльнымъ изъ подобныхъ полныхъ юмора разсказовъ являются, конечно, «Вусы». Кто не помнитъ всей этой трагикомедіи съ усами, кто не любовался картиной появленія старосвѣтскихъ дворянъ изъ Опошни. выборныхъ засѣдателей, въ передней предсѣдателя пѐредъ невѣдомой книгой для записи визитеровъ? Самый «пысьменный» изъ нихъ Кирилло Онуфріевичъ Пищи-Муха изобразилъ въ ней стихи:

И вчора галушки, и сегодня галушки,
Прыйды, прыйды, серденько, на били подушкы.
И учора кулишъ, и сегодня кулишъ,
Прыйды, прыйды, серденько, мое серце потишъ.

Другой засѣдатель начерталъ:

Спробувавъ пера й чернила,
Що въ ему за сыла.
Такъ перо пыше,
Якъ муха дыше.

А Назаръ Семеновичъ Тупу-Табунець-Буланенький «при сей вирной оказіи щей жалобу на свого сусида напысавъ, що зйивъ у него «многоплоднаго» индыка». Самъ разсказчикъ, полагая, что роспиской въ книгѣ посѣтителей они приглашаются предсѣдателемъ на закуску, написалъ: «буду, хлиба—соли не цураюсь». Да хто его и сподивавсь, яка тамъ хлибъ-силь буде»... Кто могъ подумать, что придется перенести и разносъ начальства, и усы сбрить... Однако, среди смѣхотворнаго приключенія, среди «смишкивъ», въ разсказѣ этомъ звучитъ и другая нота, напоминающая о чиновничьемъ произволѣ,—когда, говоритъ авторъ, разыскивали среди законовъ статью о томъ, распространяется ли на военныхъ въ отставкѣ съ мундиромъ ношеніе усовъ или не распространяется, авторъ вспоминаетъ время, когда законовъ, за неприсылкою ихъ, никакъ не могли розыскать и тогда: «таке було лыхо, що не повирыте: колы скажуть, що право ношенія не то вусивъ— головы на твоихъ плечахъ не распространяетця, то не турбуйтесь и шукать (законовъ) чи воно правда, чи брехня,—стынай голову, та такъ и ходы».

Какъ мы уже упоминали и какъ можно было видѣть изъ нѣкоторыхъ приведенныхъ выше отрывковъ, въ повѣствованіяхъ Стороженка преобладаютъ историко-этнографическіе элементы. Онъ относился своеобразно къ этой важнѣйшей сторонѣ своихъ произведеній. Историческое прошлое украинской жизни А. П. идеализировалъ и рисовалъ рѣзкими, яркими, такъ сказать, «героическими» красками. Этнографическій же матеріалъ перераба-

тывалъ, комбинировалъ и излагалъ, нисколько не гоняясь за этнографическою точностью. Такой характеръ носятъ почти всѣ разсказы Стороженка. Одна сказка, впрочемъ, записана была стенографически,—это «Тры сестры» «Спомынки про Ник. Леон. Коржа» носятъ наибольше сохранившуюся близость къ этнографической записи; въ нѣкоторыхъ же оповиданняхъ непосредственная характерность разсказа остается на лицо, что особенно можно сказать объ одномъ изъ лучшихъ произведеній А. П. «Межигорськый дидъ». Въ немъ старая бабуся Орыся разсказываетъ о давнемъ прошломъ, и колоритность разсказа ея сохранена въ цѣлости:

> Ну, такъ бачите... Що жъ я таке розсказувала? Отъ ій же Богу забула... Якъ згадуешъ молоди лита, то здаетця и не вернулась би назадъ,—тамъ бы зъ думкою и осталась! Эге, про думки, про ченця (межигорського дида). «Хочешъ, каже, я тебе навчу писнямъ и думкамъ? Якъ я вмру, то воны ще зъ тобою прожывуть якый часъ». Отъ я и вывчылась, и старшу дочку навчыла, такъ шкода́-жъ: дочка моя вмерла, а зъ нею и писни й думки. Та ще якъ небога вмерла! наглою смертю: глыныще завалыло, и іи й прыдавыло... Писля себе оставыла двое диточокъ,—хлопчыка и дивчынку, манюсенькыхъ, ще такъ тильки що одъ земли пі́днялысь. Тай сыротамъ не давъ Богъ талану: унука отдалы въ некруты и пигналы пидъ турка, то тамъ десь у шпитали и вмеръ, а унучка... Опьять забрехалась! Що бо я розсказувала? Ій же Богу забула! Эге! Навчывъ мене чернечый дидъ писнямъ и думкамъ, и яки жъ гарни булы ти писни й думки! Такъ до серця и прыкыпилы. Дебъ не була, куди бъ не пі́шла, а воны за мною, якъ курчата за квочкою. Засну, такъ и въ сонъ мій залитають, якъ ти бжилки, що гудуть въ витахъ лыпы, якъ вкрыетця вона пахучимъ цвытомъ; а теперечки усе забула, усе развіялось, якъ та роса, що нихто й не зна, куды вона ховаетця и т. д.

Какъ на образецъ сильной литературной переработки народныхъ разсказовъ и «приказокъ», мы укажемъ хотя бы на оповидання «Дурень», въ которое вошелъ рядъ бродячихъ разсказовъ, искусно скомбинированныхъ Стороженкомъ. Историческая идеализація,

особенно запорожцевъ—лидивъ», достигаетъ высшей точки въ изображеніи и характеристикѣ пасичника Дороша (разсказъ того же названія).

Особенно, однако, выразительно сказываются указанныя особенности литературныхъ пріемовъ повѣствователя, переходящія въ недостатки, въ его послѣднемъ по времени созданія литературномъ трудѣ «Марко проклятый» (напеч. 1879). Это повѣствованіе Стороженко пожелалъ назвать поэмой и самъ цѣнилъ ее выше всѣхъ своихъ произведеній. Въ предисловіи къ нему онъ говоритъ, что Марко Проклятый—«отверженный скиталецъ, котораго за грѣхи не принимаютъ ни земля, ни адъ. У малороссіянъ существуетъ поговорка: товчетця, якъ Марко по пеклу, стало быть въ изустномъ преданіи народа должна существовать и легенда о похожденіяхъ Марка. И вотъ, болѣе тридцати лѣтъ отыскивалъ я и собиралъ куски раздробленной легенды и успѣлъ много собрать. По народнымъ преданіямъ, похожденія Марка относятся къ далекимъ временамъ Запорожской Сѣчи и имѣютъ связь съ войною 1648 г., бывшею послѣдствіемъ возстанія Хмельницкаго. Поэма эта выношена подъ сердцемъ. Народныя преданія для нея добывались ревностно изъ устъ народа во многихъ мѣстахъ». Мы отказываемся признать за предсмертнымъ произведеніемъ Стороженка какую то особенную цѣнность, несмотря на долгое собираніе матеріала и долгую работу надъ излюбленной поэмой: она не только не представляетъ шага впередъ сравнительно съ болѣе ранними повѣствованіями, но рельефно выказываетъ недочеты литературнаго таланта и литературныхъ пріемовъ автора, подчеркиваетъ въ гораздо большей степени тѣ несовершенства, которыя сказывались, но не такъ рѣзко, въ предшествующій періодъ его художественнаго творчества. Въ поэмѣ переплетены въ одно цѣлое какъ этнографическій матеріалъ, такъ и историческія свѣдѣнія изъ эпохи Богд. Хмельницкаго. Все это насыщено измышленіями авторской фантазіи и сдобрено гиперболическими по ужасу разсказами и «патріотическими» тирадами. Благодаря прикрасамъ, этнографическій матеріалъ въ поэмѣ теряетъ всякую цѣну. Съ этой точки зрѣнія, гораздо, напримѣръ,

и цѣннѣе, и интереснѣе запись вирши о «Маркѣ пекельномъ», помѣщенная въ «Кіев. Старинѣ» 1885 г. № 8. Историческая обстановка носитъ подобный же прикрашенный и невѣрный колоритъ. Хотя авторъ старается яко бы сохранить историческую точность (есть и ссылки на источники), но далекъ отъ нея даже въ разсказѣ о Вовгуряжцахъ, похожденія которыхъ могъ бы изобразить хотя бы по «Повѣсти о томъ, что случилось на Украинѣ XVII в.». Желаніе автора произвести «ужасное» впечатлѣніе приводятъ самаго непредубѣжденнаго и нетребовательнаго читателя къ обратному настроенію. Смѣшно становится, когда читаешь описаніе умиранія, видѣній и возврата къ жизни величайшаго въ мірѣ преступника Марка, убившаго мать, сестру, невѣсту, ея возлюбленнаго и мн. др., или же вскармливанье его кровью живыхъ птицъ, изображеніе лютѣйшихъ истязаній поляковъ надъ козаками и обратно и т. п. Вотъ ведутъ козаковъ подъ изряднымъ конвоемъ для мученій и казни изъ замка Вишневецкаго къ лобному дубу, на которомъ ихъ вѣшали. Одинъ изъ пановъ Пидпальскій,

Зибравши кинци (веревки, связывавшей запорожца Кобзу) у ливу руку, подравсь на дуба и выбравшись на середыну сухого гилля, прымостывся якъ разъ надъ Кобзою и гукнувъ: «А пидіймайте «харцыза». «Тай важкый же діявольскый сынъ», крехтилы патеръ и жолниръ, пидіймаючи Кобзу. Панъ Пидпальскій натягнувъ виревку и ставъ завьявувать. Не вспивъ винъ у друге завузлыть, якъ зъ лыствы просунулась здоровенна рука и вхопыла его за чубъ; блыснувъ кинжалъ, и окомъ не змыгнуть, якъ разомъ зъ обезголовленнымъ трупомъ звалывся зъ дуба чоловикъ въ чорному кобеняку и татарськії кучми. Но доторкуючись ще до земли, винъ одною рукою затопывъ патера по тимью, а другою жолнира у высокъ такъ, що обыдва попадалы мертви. Щука (стремянный кн. Вишневецкаго), побачывши се, выхопывъ шаблю, та не вспивъ замахнутця, якъ той чоловикъ пирнувъ ему кинжалъ у груды, у саме серце. Жолниры схопылысь було за палаши, та бачать, що вже и Кобза зъ розвязаннымы рукамы хапаетця за саблю Щуки, повернулы назадъ тай чкурнулы на втикача.

Понятно, что герой этотъ былъ никто иной, какъ Марко—вѣчный освободитель козацтва въ трудныя минуты. Идеализація козацтва, особенно запорожской удали, доведена въ послѣдней поэмѣ Стороженка до высшихъ предѣловъ, далеко превосходящихъ всякую дѣйствительность и вѣроятность. При этомъ не только симпатіи, но слѣпое преклоненіе руководитъ авторомъ по отношенію къ землякамъ, и самая глубокая ненависть--ко всему польскому и, въ значительной степени, къ еврейскому. Испытывая всевозможныя нечеловѣческія муки, подвергаясь жесточайшимъ казнямъ, козаки ни въ чемъ не выказываютъ человѣческихъ слабостей, весело шутятъ, издѣваются надъ мучителями и гордо гибнутъ безъ единаго звука о пощадѣ или снисхожденіи. Конечно, иначе ведутъ себя враги ихъ, когда попадаютъ въ подобное же положеніе, — они малодушны и смѣшны, громко раздаются ихъ просьбы и вопли о пощадѣ, а одинъ, напримѣръ, претолстый и заносчивый (это ужъ само собою разумѣется) панъ «крычыть особлыво», когда съ него живого сдираютъ кожу, проклинаетъ и козаковъ, и патеровъ, и тотъ день, когда родился, и даже самого папу и т. п. Вообще въ изображеніи отрицательныхъ сторонъ «пановъ-ляховъ» Стороженко не жалѣетъ густыхъ мазковъ и черныхъ красокъ. Любопытно, что широко набросанная картина жизни богатой польской шляхты въ Лубенщинѣ (Полт. г.) въ срединѣ XVII в. мало носитъ характерныхъ чертъ именно этого времени, а можетъ быть скорѣе отнесена къ характеру магнатской и вельможной жизни второй половины XVIII в. (и позже). Черты эти относятся, безъ сомнѣнія, и къ самодурству нѣкоторыхъ представителей польскаго высшаго класса, владѣвшаго тогда уже землями на западъ отъ Днѣпра, но если говорить о лѣвобережной Украинѣ (да вообще о Россійскомъ государствѣ того времени), то собранныя и сгруппированныя А. П. черты нравовъ крѣпостной эпохи, какъ нельзя лучше, могутъ характеризовать и нѣкоторыя (не менѣе частыя, чѣмъ въ польскомъ обществѣ) проявленія самодурства въ XVIII в. и среди великорусскихъ, и среди малорусскихъ помѣщиковъ, предковъ и земляковъ того же Стороженка. Евреямъ авторъ удѣляетъ меньше вниманія, болѣе отдѣлывается насмѣш-

ками, характеризуя только въ самомъ концѣ поэмы всѣхъ ихъ, огуломъ, какъ націю.

«Скильки Марко не вештався по свиту Божому, а ниде не бачывъ, щобъ жыдъ бувъ якымъ небудь хлиборомъ и щобъ хоть зерно хлиба зйивъ одъ своихъ робочихъ у степу рукъ, або збудувавъ хату, або зробывъ колесо, або полагодывъ его, або бувъ ковалемъ; а то ничогисенько того не роблючи, джиркочуть тильки та дурять людей хрещеныхъ, та обманствомъ добувають гроши и жывуть соби панамы».

Стороженко писалъ, что «каждый народъ имѣетъ своего скитальца: древніе греки — Одиссея, французы — вѣчнаго жида, испанцы — Мильмота, у нѣмцевъ и англичанъ ихъ не перечтешь, у русскихъ—Кащей Безсмертный, а у малороссіанъ — Марко Проклятый, но, кажется, малороссійскій Марко *заткнетъ за поясъ всѣхъ другихъ скитальцевъ*». Вообще же это не только не «кажется», но весьма сомнительно, а въ частности въ томъ изображеніи, которое ему придалъ нашъ авторъ, совершенно невѣрно. Отзывъ о поэмѣ престарѣлаго малорусскаго писателя Гулака-Артемовскаго: «зъ роду лучшого не чытавъ и до смерти вже не прочытаю»,—конечно, одно только недоразумѣніе. Поэма Стороженка и съ этнографической, и съ исторической, и съ художественной, и съ общественно-этической точки зрѣнія самое большее по объему, но и самое слабое по литературному значенію произведеніе повѣствователя.

Такимъ образомъ, мы могли убѣдиться, что въ дѣйствительности А. П. Стороженко краткое время, всего около двухъ лѣтъ, серьезно отдался творчеству на малорусскомъ языкѣ. Попытка его слишкомъ черезъ десять лѣтъ выступить на то же поприще съ большой художественной поэмой, въ которой онъ какъ бы старался ссумировать свое литературное творчество, оказалась вполнѣ неудачной. То, что было недостаткомъ малозамѣтнымъ и нехарактернымъ въ первыхъ произведеніяхъ Стороженка, проявляется въ послѣднемъ съ особенною и настойчивою рѣзкостью: онъ хотѣлъ придать поэмѣ цѣльность, а она оказалась мозаикой,

сложенной изъ неискусно обдѣланнаго матеріала, раскрашенной въ фантастическіе кричащіе, неестественные цвѣта; онъ хотѣлъ придать Марку Проклятому широкій, обобщающій, даже какой то идейный смыслъ, а поэма оказалась ходульно - тендеціозной мелодрамой сомнительной идейности и художественной цѣнности. Нѣкоторые блестки прежняго таланта разсказчика, мастерского изобразителя украинской природы, лирическаго настроенія расплываются въ общей нагроможденной массѣ фантастически историческихъ и этнографическихъ картинъ; тонкій юморъ совсѣмъ отсутствуетъ. Между тѣмъ этотъ своеобразный описательно-повѣствовательный характеръ таланта Стороженка, сильно выраженный лиризмъ и юморъ его и составляютъ наибольшую цѣнность и придаютъ значеніе его украинскимъ оповиданнямъ 1861—1862 годовъ. Правда, въ теченіе всей жизни автора не покидалъ ни его талантъ разсказчика, ни лиризмъ и юморъ и выражался и въ устной живой бесѣдѣ, и въ набросках для себя и для близкихъ, но только временно онъ отдался дѣйствительному малорусскому литературному движенію—это время связано для него преимущественно съ изданіемъ журнала «Основа» и съ именами Кулиша, Костомарова и друг. Не даромъ они тогда же издали нѣкоторыя его оповидання для народа въ видѣ маленькихъ дешевыхъ брошюръ, такъ называемыхъ «метелыкивъ». Не даромъ А. П. посвятилъ имъ нѣкоторыя свои произведенія, напримѣръ, «Вусы»—Кулишу, «Сужена»—Костомарову, а всѣ свои оповидання—«любымъ моимъ землякамъ». Эти люди и это движеніе толкнуло его на путь литературной малорусской дѣятельности, вскорѣ угасшей. Оно осталось для Стороженка въ прошломъ, какъ только въ прошломъ рисовалась ему и его родина, и ея козацкіе сыны, и ея мирные обитатели, ихъ радости и горести, и та «чудная украинская природа, согрѣтая горячимъ полуденнымъ солнцемъ», которая недолгое время навѣвала на его душу «сѣмена поэзіи и чаръ». Въ заключительныхъ словахъ «Матусыного благословення» авторъ говоритъ: «Пойихавъ я и все думавъ, яка то гарна старовына була! Що за люде, що то за души булы у насъ пидъ ту велыку Руину! Та дежъ воно дилося? На що переводы-

лось, що теперъ мало такихъ людей задержалось на свити, простыхъ, щырыхъ и богобоязлывыхъ... Тильки и жыты намъ спомынкамы»... Да, Стороженку оставалось жить только ими, что лишь и было для него цѣннымъ въ его родной Украинѣ...

Думается намъ, что мы не ошибемся, если скажемъ, что малорусская литературная дѣятельность нашего автора, именно его украинскія оповидання, опредѣляетъ не извѣстную стадію въ поступательномъ движеніи въ общемъ развитіи малорусской литературы, а только характеризуетъ одну изъ сторонъ историческаго момента, пережитаго украинскимъ движеніемъ въ концѣ 50-хъ и самомъ началѣ 60-хъ годовъ: въ этихъ ограниченныхъ рамкахъ и заключается значеніе украинской литературной дѣятельности А. П. Стороженка.

Иг. Житецкій.

Василій Назаровичъ Каразинъ.

(Его жизнь и общественная дѣятельность).

(Окончаніе [1]).

ГЛАВА XII.

Могила и портреты В. Н. Каразина. Заключеніе. Генеалогическая таблица рода В. Н. Каразина.

Погребенъ Василій Назаровичъ Каразинъ въ г. Николаевѣ. Могила находится за кладбищенскою церковью, на восточной сторонѣ ея; надъ могилой былъ поставленъ памятникъ, представлявшій собою обыкновенную небольшихъ размѣровъ каплицу, выстроенную изъ камня, безъ особыхъ архитектурныхъ затѣй; въ сѣверо-восточномъ углу каплицы стоялъ столикъ и на немъ двѣ старыя иконы съ лампадкой [2]). Изображеніе надгробнаго памятника помѣщено въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и въ І-мъ томѣ «Исторіи Харьковскаго Университета» проф. Д. И. Багалѣя. Къ 1889 году старый памятникъ былъ уже очень ветхъ: во многихъ мѣстахъ сверху до низу образовались сквозныя трещины въ стѣнахъ, несомнѣнно предполагающія близкое и совершенное разрушеніе памятника» [3]). Теперь могила Василія Назаровича имѣетъ еще болѣе жалкій видъ. У задней стѣны памятника была похоронена старушка, сопровождавшая В. Н. Каразина въ Крымъ и бывшая свидѣтельница его смерти. Она нѣкоторое время ухаживала за могилой умершаго господина и, умирая, просила по-

---

[1]) См. Кіевск. Стар., № 7—8.

[2]) «Южный Край» 1889 г. 17 января, № 2766.

[3]) Тамъ-же.

хоронить себя какъ можно ближе къ могилѣ Вас. Наз—ча. Теперь могила этой старушки провалилась, началъ заваливаться въ сторону ея ямы и памятникъ-каплица В. Н. Каразина. Харьковскій университетъ ассигновалъ нѣкоторую сумму на реставрацію надгробнаго памятника.

Портретовъ В. Н. Каразина существуетъ 4, по крайней мѣрѣ мы имѣли 4 разныхъ копіи съ нихъ. Двѣ копіи съ портретовъ Каразина (въ болѣе молодомъ возрастѣ), можетъ быть, сдѣланы даже съ одного и того же оригинала, ибо лицо В. Н. Каразина поразительно одинаково. Разница только въ позѣ: на одномъ снимкѣ, гравированномъ въ Лейпцигѣ Геданомъ и приложенномъ къ біографіи В. Н. Каразина, составленной Я. В. Абрамовымъ, изображенъ бюстъ Каразина, находящагося въ прямомъ положеніи; на другомъ, приложенномъ впервые въ Русской Старинѣ 1875 г. (апр.), изображенъ, повидимому, бюстъ Каразина тѣхъ же лѣтъ, при чемъ голова склонена на лѣвую руку. Оригиналъ послѣдняго снимка написанъ (акварелью) на слоновой кости французскимъ эмигрантомъ Де-Шатобуромъ[1]), проѣзжавшимъ въ 1803 году черезъ Харьковъ и списавшимъ съ братьевъ Каразиныхъ (Вас. Наз — ча и Ивана Наз — ча) одинаковой величины портреты. Портретъ Ивана Назаровича сохранился у его сына Ивана Ивановича Каразина и находится въ имѣніи его Основинцахъ (Богод. уѣзда), а портретъ В. Н. Каразина теперь неизвѣстно гдѣ; у И. И. Каразина сохранился списокъ съ этого портрета въ нѣсколько увеличенномъ форматѣ, срисованный Б. И. Каразинымъ. При жизни Филадельфа Вас. Каразина портретъ хранился у него въ футлярѣ, на крышкѣ котораго выбито было самымъ Василіемъ Назаровичемъ золотыми буквами: «для моихъ друзей», а съ другой стороны: «въ 1803 г. на тридцатомъ году жизни». Вас. Наз. изображенъ оченъ моложавымъ (даже для своихъ лѣтъ) съ голубыми глазами и темно-русыми густыми, недлинными волосами; на немъ синій сюртукъ-плащъ, какіе тогда носили. Шея новязана пестрымъ платкомъ-галстухомъ. Съ этого портрета была снята фотографія Филадельфомъ К — нымъ, которая передана въ свое время комитету по постановкѣ Каразину памятника. Въ 1847 году академикъ Шведе списалъ масляными красками съ упомянутаго портрета копію въ увеличенномъ видѣ; этотъ списокъ висѣлъ до 1880 года въ библіотекѣ Харьковскаго универси-

---

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1892 г. № 287. «Опытъ ист. X. ун — та» т. I, проф. Д. И. Багалѣя.

тета, а теперь хранится въ музеѣ университета. Наверху портрета, по срединѣ, на серебряномъ щитѣ, находится слѣдующая надпись печатными буквами: «Василій Назаровичъ Каразинъ, Почетный членъ Императорскаго Харьковскаго Университета наиболѣе содѣйствовавшій къ его учрежденію», затѣмъ курсивомъ: «Изображенъ на 30 году жизни (1803). Скончался 1842, ноября 4-го въ г. Николаевѣ, Херсон. губ.». Копіи съ портрета напечатаны, какъ сказано, въ Русской Старинѣ за 1875 годъ (апр.), также въ Харьковскихъ Губ. Вѣдомостяхъ за 1892 г. № 287, Южномъ Краѣ 1892 г. № 3793, Кіевской Старинѣ за 1892 г. (февраль).

Одинъ изъ портретовъ В. Н. Каразина въ старческомъ возрастѣ написанъ масляными красками художникомъ Е. И. Колтуновскимъ, которому покровительствовалъ и такъ старался помочь въ поѣздкѣ его за границу для окончанія художественнаго образованія В. Н. Каразинъ. Портретъ написанъ послѣ смерти Каразина «вѣроятно по наброскамъ, которые относятся къ 1842 году»[1]). Оригиналъ въ 6 вершк. въ вышину и полуовальной формы, съ лѣвой стороны монограмма Колтуновскаго. Вас. Назаровичъ изображенъ въ профиль сморщеннымъ старичкомъ съ рѣдкими волосами на головѣ и нависшими бровями. Этотъ портретъ принадлежитъ теперь проф. Н. Ѳ. Сумцову, а копія была помѣщена въ Южномъ Краѣ за 1892 г. № 4066.

Другой портретъ В. Н. Каразина въ преклонномъ возрастѣ помѣщенъ въ «Опытъ исторіи Харьковскаго университета» т. I. проф. Д. И. Багалѣя. Это портретъ вырѣзанный на деревѣ съ дагерротипа, снятаго въ Одессѣ, передъ смертью В. Н. Каразина въ 1842 году[2]).

Какой же смыслъ жизни и дѣятельности В. Н. Каразина? Была ли продуктивна его работа и соотвѣтствовали ли ея содержанію достигнутые результаты?

«Я иду впередъ съ малыми надеждами, безъ всякой подпоры, подвигаюсь медленно по путямъ, наполненнымъ стремнинами и терніями заросшимъ. Я льщусь принести *нѣкогда*[3]), можетъ быть, не прежде, какъ уже по смерти моей, пользу дра-

---

[1]) Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ. Южный Край 1892 г. № 4066, 4-е ноября.

[2]) Украинская Старина, стр. 164. Тотъ же портретъ былъ помѣщенъ въ Историческомъ Вѣстникѣ за 1900 г., іюнь.

[3]) Курсивъ подлинника.

жайшему моему отечеству. *И тогда*[1]) уповаю быть оправданъ». Вотъ самое краткое и, въ то же время, замѣчательно вѣрное опредѣленіе жизненнаго пути В. Н. Каразина, имъ самимъ сдѣланное[2]). Въ самомъ цѣлѣ, вся жизнь Каразина представляетъ рядъ порывовъ, стремленій создать нѣчто грандіозное, великое. Цѣль — благо и слава родины, средство — общественная дѣятельность. И сочиненія, и образъ дѣйствій В. Н. Каразина носятъ одинаковый характеръ — стремленія соединить на совмѣстную работу всѣхъ членовъ великой родины или, по крайней мѣрѣ, «полуденной Россіи». Основаніе Харьковскаго университета, образованіе филотехническаго общества, крестьянскія учрежденія, характеръ благотворительности Каразина, настойчивость предложеній составлять акціонерныя общества для промышленныхъ предпріятій[3]), проекты о всероссійскомъ метеорологическомъ комитетѣ[4]), о совмѣстномъ и повсемѣстномъ въ Россіи собираніи историческихъ документовъ, взгляды на роль «общественнаго мнѣнія», наконецъ, постоянное стремленіе къ публицистической дѣятельности[5]), — все это доказываетъ, что Каразинъ «шелъ впередъ» на

---

[1]) Курсивъ подлиника.

[2]) Въ «письмѣ къ гр. А. А. Арачкееву отъ 12 янв. 1814 года. Сборн. Ист. мат. Канц. Е. Вел. СПБ. 1878 г., стр. 439.

[3]) Кромѣ Филотехническаго общества, Каразинъ проектировалъ акціонерныя общества въ статьяхъ: 1829 года «О самомъ удобнѣйшемъ способѣ сохранять и на больш. разст. перевозить питательн., цѣлебн. и въ рукодѣліяхъ употребл. вещества изъ царства животн. и раст.»; 1838 г. «О торгѣ за границу хлѣбными спиртами»; 1840 г. «О химическихъ превращеніяхъ»; 1841 г. «О значеніи Харькова для полуден. Россіи».

[4]) «Письмо къ В. Г. Муратову», (Сынъ Отечества 1817 № II). Тоже: «Письмо Муратова — Марченку» (Сборн. ист. мат. в. II, Спб. 1889, стр. 508 — 512) и письмо В. Н. Каразина В. Р. Марченку (Тамъ же, отр. 514).

[5]) Въ продолженіи своей жизни В. Н. Каразинъ издавалъ 4 журнала:

«Журналъ для Императрицы Маріи Ѳеодоровны» (1801 г.) рук.
«Ежемѣсячное сочиненіе объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія» (1803 г.)
«Акты Филотехническаго Общества» (1817 — 1829) и
«Гражданинъ Вѣрноподанный» (1834 г.) рукописн.
Кромѣ того проектировалъ неудавшіяся изданія:
«Собесѣдникъ изъ Украйны» (1806 г.).
«Отечественный Архивъ» (1828 г.)
и неизвѣстно подъ какимъ названіемъ журналъ, замышленный въ 1820 г. (См. Письмо митроп. Евг. Болоховит. къ В. Г. Анастасевичу отъ 16 апр. 1820 г. Русс. Арх. 1889 г. т. II, стр. 342).

поприщѣ *общественной* дѣятельности. Онъ стоялъ выше современнаго ему общества, но недостаточно понималъ, или, вѣрнѣе, считался съ окружающей его обстановкой; эту послѣднюю ему приходилось *чувствовать*.

Попытки подвинуть по пути прогресса современное общество привели къ самымъ жалкимъ результатамъ. Отъ грандіознаго проекта южно-русскаго, а можетъ быть и славянскаго, университета — осталась жалкая тѣнь «по нѣмецкому образцу устроеннаго» [1]), «испорченнаго и портимаго Харьковскаго» [2]). Это единственный существенный успѣхъ В. Н. Каразина, при жизни, о которомъ можно сдѣлать категоричное заключеніе. Значеніе дѣятельности В. Н. Каразина было понято близко знавшими его людьми и немногочисленнымъ кругомъ ученыхъ современниковъ, предложившихъ ему званіе почетнаго члена 7 ученыхъ корпорацій [3]). Большинство же общества не понимало В. Н. Каразина и нерѣдко надъ нимъ издѣвались и «убивали пренебреженіемъ» [4]) его творчество. Достаточно вспомнить «тернія», доставляемыя Каразину членами интеллигентнаго общества — нападки Воейкова, Державина, Васильчикова, насмѣшку Аракчеева и иронію Гулакъ-Артемовскаго; надо только прослѣдить хоть исторію Филотехническаго Общества, чтобы представить себѣ, сколько добрыхъ начинаній и открытій гибло въ «стремнинахъ» неподвижности провинціальнаго и чиновной важности столичнаго общества.

---

[1]) Слова В. Н. Каразина. Письмо къ Аракчееву отъ 12-го янв. 1814 г. «Сборн. Ист. мат. 1-го отд. Канц. Е. Вел. Спб. 1878г. стр. 440.

Тоже самое повторяетъ Фил. Вас. Каразинъ въ „Письмѣ къ Тройницкому о жизни отца. Русс. Арх. 1894 г. т. I.

[2]) Письмо В. Н. Каразина къ С. Н. Муханову отъ 21-го сент. 1831 г. Русск. Стар. 1903 г., апр., стр. 16.

[3]) Каразинъ числился:

«Почетнымъ членомъ Московскаго университета» (съ 1805 г.).

«Ординарнымъ членомъ Московскаго Общества Естествоиспытателей» (по даннымъ — въ 1807 г.).

«Почетнымъ членомъ Харьковскаго университета» (съ 1811 г.).

«Почетнымъ членомъ Общества Любителей Россійской словесности при Московс. университ.» (съ 1818 г.).

«Почетнымъ членомъ С.-Петербургскаго Общества Любителей Россійской Словесности» (по даннымъ — 1820 г.).

«Почетнымъ членомъ Общ. Ист. и Древн. Росс.» (по даннымъ — 1827 г.).

Членомъ Вольно-Экономическаго Общества.

[4]) Слова Вас. Наз. Каразина.

Но можно ли сказать, что значеніе Каразина исчерпалось ролью его въ жизненной дѣятельности? Можно ли сказать, что съ Каразинымъ умерли его недосказанныя мысли, его идеи набросанныя смѣлой кистью художника? Нѣтъ! Еще при жизни Василія Назаровича стали приводиться въ исполненіе имъ составленные, можетъ быть, у него заимствованные проекты [1]); еще задолго до смерти онъ сознавалъ, что опередилъ окружавшее его общество, что «нѣкогда», — когда общество разовьется до возможности понять *Каразина* — идеи его воскреснутъ и «принесутъ ему больше славы, чѣмъ даже основаніе Харьковскаго университета» [2]).

И правда! Кто знаетъ, что теперешнія чаянія обновленія университетской жизни были высказываемы В. Н. Каразинымъ еще въ 1802 и 1810 годахъ, что школы Общества Грамотности выполняютъ только отчасти идею его «о воспитаніи женскаго пола въ низшихъ состояніяхъ», что современные Сборники Историческихъ Матеріаловъ даютъ только слабое понятіе о проектѣ «Отечественнаго Архива», что предсказанія за годъ впередъ погоды—лишь начало богатыхъ идей Каразина о метеорологіи и воздушномъ электричествѣ... Кто знаетъ, какова судьба прочихъ многочисленныхъ идей Василія Назаровича Каразина, сохранившаяся часть которыхъ скоро будетъ доступна разбору всѣхъ свѣдущихъ лицъ? Не Фусы, а новые Каразины поймутъ и продолжатъ дѣло Василія Назаровича и статуя «оправданнаго» вдохновеннаго труженника, съ протянутой рукой, будетъ долго указывать *путь* сынамъ родного «любезнаго» [3]) края — идти впередъ».

Н. Тихій.

---

[1]) Разумѣемъ идею о паровомъ отопленіи, опубликованную Кипферлингомъ, и о паровомъ водяномъ двигателѣ. См. Х. Г. В. 1841 г. № 20 и «Москвит.» 1842, II, 3.

[2]) Неизв. авт. статьи: «В. Н. Каразинъ и господство надъ природою». Рус. Арх. 1982 г. кн. 5.

[3]) Такъ любилъ называть Украйну Василій Назаровичъ.

Генеалогическая таблица Каразиныхъ.

Григорій Караджи, (Софійскій Архіепископъ въ Болгаріи).

Александръ Караджи (капитанъ русской гвардіи).

Назаръ Каразинъ (отецъ В. Н. Каразина).

Василій — Иванъ

Иванъ (сын Ивана)

Борисъ, Иванъ (сыновья Ивана, сына Ивана)

Дети Василія: Василій, Георгій, Филадельфъ, Александръ, Николай, Валеріанъ.

Сын Филадельфа: Николай

Сыновья Николая: Николай, (извѣстный художникъ и беллетристъ). Вадимъ †.

Сын Вадима: Борисъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Научная критика, памфлетъ или пасквиль?[1])

(По поводу брошюры г. И—ва «В. Н. Каразинъ, мнимый основатель харьковскаго университета»).

„...Недостатки не умалятъ общепризнанныхъ заслугъ, а только освѣтятъ ихъ истиннымъ свѣтомъ".
(Н. А. Лавровскій).

Недавно появилась въ свѣтъ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ брошюра г. И—ва, силящагося доказать, что В. Н. Каразинъ былъ не выдающійся общественный дѣятель, а преступникъ, достойный тяжкихъ уголовныхъ каръ. Авторъ называетъ В. Н. Каразина знаменитымъ авантюристомъ (стр. 5), жалкимъ маніакомъ, страдавшимъ маніею величія и преслѣдованія (стр. 6), человѣкомъ съ разстроеннымъ воображеніемъ (10), невмѣняемымъ (26), малообразованнымъ коллежскимъ совѣтникомъ (10), мелкопомѣстнымъ дворяниномъ (6), мелкимъ чиновникомъ (7), канцелярскою крысою, письмоводцемъ (10), мелкою чиновничьею сошкою (24), лжецомъ (12—13), обманщикомъ, желавшимъ выпутаться изъ обмана новымъ обманомъ (14—16), «пошлымъ доносчикомъ» (23), доносившимъ и на губернатора Артакова (17), и на попечителя Румовскаго (23), и на Министровъ народнаго просвѣщенія Завадовскаго и на кн. А. Н. Голицына (23), и на харьковскій университетъ (30), и на журналы, и на писателей (37), и на Библей-

---

[1]) Перепечатано изъ „Южн. Края" № 8467.

ское Общество, и на секты (38), шельмовавшимъ въ своихъ-доносахъ всѣхъ и вся и такимъ образомъ какъ бы укоряющимъ самого Императора (42), сдѣлавшимъ въ Петербургѣ изъ доносовъ и шпіонства свбе ремесло (33) и имѣвшимъ своихъ собственныхъ доносчиковъ (40); онъ противопоставляетъ тайныхъ совѣтниковъ и графовъ, занимавшихъ высокіе государственные посты, мелкой сошкѣ, нищему богодуховскому дворянину (23), обвиняетъ его въ подкупѣ царскихъ лакеевъ (6) и дворянъ (15), въ сочиненіи подложнаго письма къ Императору Павлу и извращеніе исторической правды (5), въ неудачной попыткѣ прикарманить 4,000 руб. университетскихъ денегъ и въ присвоеніи денегъ Каретникова и Захаржевскаго (19), основываясь на «явной преступности его въ растратѣ университетскихъ суммъ», готовъ признать его воромъ (21), обзываетъ «Предначертаніе» его о харьковскомъ университетѣ «глупѣйшимъ фантастическимъ планомъ» (14), дѣятельность по части найма мастеровъ и пріобрѣтенія эстамповъ «дѣлишками», роль его въ дѣлѣ основанія харьковскаго университета неблаговидной (29), а замѣчательную коллекцію эстамповъ Аделунга, имъ пріобрѣтенную, «ненужнымъ хламомъ» (18); заявляетъ, что отзывъ Державина о немъ, какъ о человѣкѣ не весьма завидной честности, нужно признать слишкомъ умѣреннымъ (5—6), что «проекты», поданные имъ Императору Александру, не удостаивались другого мѣста, кромѣ корзины подъ столомъ (8), чтъ «этотъ маньякъ былъ ни при чемъ въ ассигнованіи харьковскаго дворянства и сыгралъ въ данномъ случаѣ скорѣе отрицательную роль (13), что благодаря поведенію его и нѣсколькихъ его благопріятелей, это благое дѣло превратилось въ пошлую интригу (15), *единственная* же заслуга его состоитъ въ томъ, что онъ велѣлъ прибить къ зданію, отведенному подъ университетъ, доску съ надписью: Государственный университетъ, за что памятникъ поставить нельзя (17); говоритъ, что «этотъ поборникъ мракобѣсія предупредилъ и далеко опередилъ въ своихъ ретроградныхъ взглядахъ даже знаменитаго гасителя просвѣщенія Магницкаго» (32), что основанное имъ Филотехническое Общество чрезъ нѣсколько лѣтъ было закрыто, и Каразинъ преданъ суду по обвиненію членами его въ мошенничествѣ акціями (33), что Императоръ Александръ учинилъ ему «Высочайшую головомойку» и указалъ на всю мерзость его поступка, ибо онъ, дворянинъ, сообщаетъ Императору чрезъ придворныхъ лакеевъ свои пасквили (24), что совѣтъ харьковскаго университета избралъ его въ почетные члены, боясь его доносовъ (29);

утверждаетъ, что столяры, слесаря и т. п., по его мысли, должны были занять *каѳедры* по своей спеціальности въ университетѣ (17); по поводу заключенія его въ крѣпость по обвиненію въ политическомъ преступленіи выражается такъ: «по поводу бунта въ Семеновскомъ полку въ 1820 г. онъ *угодилъ* въ Петропавловскую крѣпость» (34), а затѣмъ прибавляетъ: «В. Н. Каразинъ дѣйствуетъ не по сезону, невпопадъ и безтактно, подобно Иванушкѣ-дурачку. И потому неудивительно, что и его такъ же вздули, какъ и послѣдняго» (42); «всѣ современники смотрѣли на него, какъ на несчастнаго и вреднаго человѣка! И ужъ конечно, *презирали* совсѣмъ не за то, за что думалъ самъ Каразинъ» (44).

Заключаетъ свою критику авторъ такимъ обличеніемъ университета и харьковскаго общества: «На основаніи всего изложеннаго читатель, мы увѣрены въ этомъ, пойметъ, что́ за личность былъ Каразинъ. Памятникъ ему въ Харьковѣ будетъ вѣчнымъ позоромъ и для харьковцевъ, и для харьковскаго университета» (45).

Я извиняюсь передъ читателями, что заставилъ ихъ ознокомиться со столькими гнусными обвиненіями, направленными противъ давно уже почившаго общественнаго дѣятеля, которому общество и университетъ ставятъ памятникъ. Очевидно, такой «заборной» литературы, испещренной столькими непристойными эпитетами, не могло помѣстить на своихъ страницахъ ни одно уважающее себя повременное изданіе— и данное произведеніе должно было по необходимости выйти отдѣльною брошюрою. Приведенныя in extenso выдержки, совершенно не соотвѣтствующія достоинству печатнаго слова, ясно показываютъ, съ какого рода произведеніемъ мы имѣемъ дѣло. Къ критической исторіи, которая должна быть безпристрастна, эта, брошюра во всякомъ случаѣ никакого отношенія не имѣетъ. Ее нельзя причислить и къ популярно историческимъ трудамъ, потому что эти послѣдніе, основываясь не на первоисточникахъ, а на пособіяхъ, все же добросовѣстно излагаютъ ихъ содержаніе.

Изъ дальнѣйшаго разбора мы убѣдимся, что это — не историческій трудъ, а нѣчто среднее между памфлетомъ и пасквилемъ, и если мы останавливаемся на немъ, то только потому, что тема, затронутая авторомъ, представляетъ глубокій общественный интересъ. Само собою разумѣется, что въ настоящей замѣткѣ нѣтъ возможности подвергнуть систематическому разбору всѣ измышленія и

ложныя заключенія автора.—Такой раборъ, одобренный историко-филологическимъ факультетомъ, сколько мнѣ извѣстно, будетъ напечатанъ скоро въ запискахъ харьковскаго университета однимъ молодымъ спеціалистомъ въ этой области; — я же ставлю себѣ одну цѣль, — доказать, что брошюра не имѣетъ никакого научнаго значенія, и что ею нисколько не разрушены выводы о В. Н. Каразинѣ даже старыхъ работъ проф. Н. А. Лавровскаго.

О дѣятельности В. Н. Каразина и въ частности о роли его въ дѣлѣ основанія харьковскаго университета существуетъ цѣлая литература. Авторъ разбираемой брошюры кореннымъ образомъ расходится со своими предшественниками въ оцѣнкѣ дѣятельности и личности В. Н. Каразина; выходитъ такимъ образомъ, что *всѣ* заблуждались, и при томъ не въ какихъ либо частностяхъ, а въ самыхъ существенныхъ, коренныхъ вопросахъ. Конечно, возможно допустить ошибки у каждаго изъ писавшихъ о В. Н. Каразинѣ. Но совсѣмъ невѣроятно, чтобы всѣ писавшіе о В. Н. Каразинѣ ранѣе автора брошюры такъ грубо ошиблись въ самомъ основномъ — признали полезнымъ, выдающимся общественнымъ дѣятелемъ человѣка, достойнаго презрѣнія. Невозможно этого допустить, между прочимъ, и потому, что каждый изъ предшественниковъ г. И — ва основывался на документальныхъ данныхъ и стремился добросовѣстно къ достиженію научной истины. Авторъ же брошюры не только не вводитъ никакихъ новыхъ документовъ о В. Н. Каразинѣ, которые позволили бы ему освѣтить личность его съ иной стороны, а, наоборотъ, очень мало освѣдомленъ въ пособіяхъ и еще менѣе того въ первоисточникахъ.

Чтобы сказать «новое слово» о В. Н. Каразинѣ, необходимо было предварительно опровергнуть выводы и Г. П. Данилевскаго, и Н. А. Лавровскаго, и Я. В. Абрамова, и мои, и наконецъ, г. Тихаго. Г. П. Данилевскій первый привелъ въ извѣстность значительный запасъ разбросанныхъ въ разныхъ изданіяхъ матеріаловъ, и далъ монографію о немъ, нашедшую компетентную оцѣнку со стороны Императорской академіи наукъ. Н. А. Лавровскій въ своихъ работахъ преимущественно остановился на центральномъ вопросѣ — уясненіи роли В. Н. Каразина въ дѣлѣ основанія харьковскаго университета и сдѣлалъ это на основаніи богатыхъ данныхъ университетскаго архива. «Свѣдѣнія эти, говоритъ онъ, сами отвѣчаютъ за свою точность. Мы позволили себѣ дѣлать выводы изъ нихъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда эти

выводы прямо вытекають изъ фактовъ, заключающихся въ означенныхъ оффиціальныхъ документахъ». Я. В. Абрамовъ хотя далъ популярный очеркъ (въ Павленковской серіи біографій замѣчательныхъ дѣятелей), но воспользовался въ немъ для оцѣнки политической дѣятельности его цѣнными данными, опубликованными сыномъ В. Н. Каразина, Филадельфомъ Васильевичемъ. Мнѣ также удалось найти рядъ новыхъ документовъ для біографіи В. Н. Каразина и характеристики его роли въ дѣлѣ просвѣщенія и основанія харьковскаго университета, и я воспользовался ими въ своей статьѣ «о просвѣтительной дѣятельности В. Н. Каразина» и въ «Опытѣ исторіи харьковскаго университета». Въ настоящее время, по порученію совѣта Императорскаго харьковскаго университета, я занятъ собираніемъ и редактированіемъ перваго собранія сочиненій и писемъ В. Н. Каразина. Дѣлами писателя являются главнымъ образомъ его мысли, т. е. сочиненія. Понятно, слѣдовательно, какъ важны для оцѣнки В. Н. Каразина его труды, относящіеся къ самымъ разнообразнымъ отраслямъ знанія, политической и общественной жизни [1]. Само собою разумѣется, что я не дѣлаю никакого подбора и напечатаю все, что удалось розыскать, въ томъ числѣ и переписку, не предназначавшуюся къ опубликованію, хотя бы она и подавала поводъ къ разнымъ кривотолкамъ. Часть новыхъ документовъ о В. Н. Каразинѣ я напечаталъ въ «Запискахъ харьковскаго университета». Не имѣя возможности лично заняться составленіемъ полной біографіи В. Н. Каразина и считая появленіе въ свѣтъ такого труда крайне желательнымъ (въ особенности въ виду скораго открытія памятника В. Н. Каразину въ Харьковѣ), я предложилъ студентамъ темою очередного сочиненія по русской исторіи для соисканія медалей вопросъ о жизни, общественной дѣятельности и значеніи В. Н. Каразина. На эту тему было представлено два сочиненія, изъ коихъ одно — студента Тихаго — было удостоено золотой медали, въ настоящее время печатается въ журналѣ «Кіевская Старина» и выйдетъ скоро отдѣльнымъ изданіемъ. Это — обстоятельная, крити-

---

1) Свои поиски я дѣлалъ систематически, наводя справки во всѣхъ нашихъ архивохранилищахъ, не исключая и такихъ, доступъ въ которыя сопряженъ съ особыми затрудненіями. И съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія могу сказать, что мнѣ удалось найти цѣнные документы, лежавшіе подъ спудомъ болѣе 100 лѣтъ.

ческая монографія, дѣлающая честь усердію и добросовѣстности молодого автора.

Авторъ брошюры, оставивъ безъ разсмотрѣнія всѣ перечисленные выше труды, почему то дѣлаетъ исключеніе только для меня и, хотя я схожусь въ своей оцѣнкѣ со всѣми перечисленными выше авторами, выставляетъ меня *одного* виновникомъ распространенія въ обществѣ ложныхъ свѣдѣній о В Н. Каразинѣ. Такимъ образомъ брошюра г. И—ва посвящена не только развѣнчиванію общественныхъ заслугъ В. Н. Каразина, но и развѣнчиваніе моихъ заслугъ, какъ историка университета. Неутомимый изобличитель рѣшилъ, такъ сказать, одновременно убить двухъ зайцевъ и въ своемъ «произведеніи» «далъ, какъ выражается самъ, не одну, а двѣ повѣсти» — повѣсть о мнимомъ основателѣ харьковскаго университета В. Н. Каразинѣ и повѣсть объ историкѣ, сдѣлавшемъ изъ мухи слона. Не знаю, чѣмъ объяснить такое *исключительное* ко мнѣ вниманіе г. И—ва, но невольно напрашивается выводъ, что если бы *я* ничего не писалъ о В. Н. Каразинѣ, то не было бы и изобличенія послѣдняго, и вспоминается нѣмецкая пословица—da ist der Hund begraben! Пріемы изобличенія меня, какъ историка, столь же гомерически просты, какъ и пріемы «развѣнчиванія» В. Н. Каразина. Чтобы не утруждать себя непосильнымъ разборомъ моей «Исторіи харьковскаго университета», имъ очевидно, не прочитанной, авторъ брошюры роняетъ мимоходомъ о ней такой свой авторитетный приговоръ: «Опыты» Д. И. Багалѣя написанные такъ, что въ нихъ исторической правды и на волосъ не видно, не говоря уже о томъ, что такъ писать и грѣхъ и стыдно!» (стр. 32). Вышло даже нѣчто вродѣ стиховъ, очевидно, подъ вліяніемъ чувства или лирическаго настроенія критика. Къ сожалѣнію, г. И—въ не приводитъ въ пользу своего уничтожающаго приговора рѣшительно никакихъ доказательствъ, а немотивированное впечатлѣніе его было бы для меня интересно только въ томъ случаѣ, если бы подъ загадочными иниціалами И—въ скрывался дѣйствительно какой-либо извѣстный спеціалистъ, что однако, по содержанію брошюры, отнюдь недопустимо. Неужели мало-мальски серьезный ученый могъ высказать такое абсурдное положеніе, что въ двухтомномъ сочиненіи, состоящемъ изъ 2300 страницъ текста, основанномъ почти исключительно на оффиціальныхъ данныхъ, правительственныхъ распоряженіяхъ, Высочайшихъ повелѣніяхъ и т. п., не оказалось ни на волосъ правды, когда въ большинствѣ случаевъ авторъ вмѣсто своихъ словъ приводитъ прямо

in exstenso эти документы? И какого же наивнаго и довѣрчиваго читателя г. И—въ имѣлъ въ виду при составленіи своей брошюры? Вѣдь, его «повѣсть», очевидно, недалеко ушла отъ сказокъ про Бову королевича и Еруслана Лазаревича. И развѣ возможно мнѣ, работавшему 12 лѣтъ надъ этими 2 томами и получившему уже оцѣнку 1-го изъ нихъ отъ Академіи наукъ, отвѣчать на такую (sit venia verbo!) «критику»?!

Впрочемъ, для опроверженія «новыхъ взглядовъ» г. И—ва мнѣ нѣтъ надобности пользоваться своими сочиненіями о В. Н. Каразинѣ. Мы можемъ совершенно устранить ихъ, такъ же точно, какъ и свидѣтельства самого В. Н. Каразина, и, пользуясь однѣми старыми работами Н. А. Лавровскаго, которыя не только не опровергаются г. И—вымъ, а, наоборотъ, служатъ главнымъ его источникомъ въ вопросѣ объ основаніи харьковскаго университета, рѣшить вопросъ о томъ, какова была роль В. Н. Каразина въ этомъ дѣлѣ.

Съ какимъ научнымъ багажомъ выступаетъ авторъ брошюры?

Съ самымъ скуднымъ и совершенно недостаточнымъ для рѣшенія поставленной себѣ имъ задачи. Главнымъ матеріаломъ для него служили пособія (въ особенности Н. А. Лавровскій) и въ самой ничтожной степени собственныя сочиненія В. Н. Каразина. А какъ можно изучать писателя, не зная его мыслей?

До какой степени доходитъ невѣжество автора въ тѣхъ вопросахъ, которые онъ смѣло и рѣшительно разрѣшаетъ, доказываетъ слѣдующій примѣръ. Чтобы отвергнуть во что бы то ни стало заслуги В. Н. Каразина въ дѣлѣ основанія харьковскаго университета, онъ силится доказать, что Харьковъ 1800—1802 гг. и самъ по себѣ, безъ В. Н. Каразина, могъ быть избранъ мѣстомъ для учрежденія университета, и прибавляетъ, что «здѣсь уже существовали серьезные разсадники просвѣщенія — коллегіумъ, главное училище и семинарія» (стр. 11). Но кому же неизвѣстно, что коллегіумъ и семинарія это одно и то же учебное заведеніе, а не два разныхъ, что въ Харьковѣ тогда былъ только коллегіумъ, переименованный въ семинарію въ 1841 году, и что, слѣдовательно, въ Харьковѣ было тогда не три, а только двѣ среднихъ школы. Очевидно, авторъ брошюры не только не заглядывалъ въ прекрасную монографію о харьковскомъ коллегіумѣ проф. А. С. Лебедева, но даже и въ 1-ю главу моего «Опыта исторіи харьковскаго университета» (т. 1-й), гдѣ также говорится о коллегіумѣ; это, однако, не помѣшало ему высказать о немъ уничтожающій при-

говоръ! Недостатокъ данныхъ авторъ брошюры восполняетъ смѣлостью заключеній; здѣсь для него не существуетъ никакихъ затрудненій; здѣсь полетъ его фантазіи безграниченъ. Впрочемъ необходимо сдѣлать оговорку: фантазія его работаетъ всегда только въ одномъ направленіи—обличительно-ругательномъ, но зато здѣсь она не знаетъ удержу. Гдѣ нѣтъ никакихъ данныхъ, онъ выдумываетъ отъ себя, сочиняетъ. Гдѣ есть отрицательныя, неудобныя для него данныя—онъ сознательно умалчиваетъ о нихъ. Гдѣ есть и положительныя, и отрицательныя данныя, онъ беретъ только тѣ, которыя ему нужны, нанизывая ихъ на свою предвзятую тенденцію.

Но самый излюбленный его пріемъ—это гипербола, которою онъ пользуется постоянно, смѣло и систематически и переходя въ область совершенно неправдоподобнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ грубаго, неприличнаго; къ этому у него особенное тяготѣніе, и мы не находимъ у него даже самой элементарной научной добросовѣстности; вездѣ преувеличеніе или искааженіе истины; нѣтъ даже добросовѣстнаго изложенія чужихъ изслѣдованій. свойственнаго и научно-популярнымъ трудамъ. Вся его брошюра отъ первой до послѣдней страницы представляетъ сплошное отрицаніе элементарнѣйшихъ требованій научной критики, рядъ умолчаній, недомолвокъ, произвольныхъ толкованій текста, явныхъ преувеличеній. Перефразируя слова автора брошюры, можно сказать, что это именно онъ сдѣлалъ изъ мухи слона, раздулъ недостатки В. Н. Каразина, которые были отмѣчены въ предшествующей литературѣ, широко и безъ всякой критики использовавъ тѣ пересуды и сплетни, которые ходили о В. Н. Каразинѣ и отъ которыхъ не можетъ гарантировать себя ни одна выдающаяся личность, а въ особенности такая сложная, какъ В. Н. Каразинъ, исполненная противорѣчій,—смѣси выдающихся достоинствъ и значительныхъ недостатковъ.

Пересуды и сплетни современниковъ В. Н. Каразина, конечно, понятны, но не извинительны въ устахъ автора, выступающаго въ роли историка.

Авторъ брошюры силится доказать охарактеризованными выше пріемами, что В. Н. Каразинъ ни при чемъ въ основаніи харьковскаго университета. Единственно несомнѣнная услуга, которую Каразинъ оказалъ харьковскому университету, замѣчаетъ авторъ (стр. 17), состояла въ томъ, что онъ приказалъ прибить къ университетскому дому доску съ надписью—Государственный университетъ. В. Н. Каразинъ, по его словамъ, не повліялъ даже на выборъ Харькова, какъ

мѣста для университета. А вотъ что говоритъ по этому поводу Н. А. Лавровскій: «Каразинъ, состоявшій въ должности правителя дѣлъ сначала въ коммиссіи училищъ, а потомъ и въ главномъ правленіи училищъ, находясь въ близкихъ отношеніяхъ къ кн. Чарторижскому и гр. Потоцкому, имѣлъ полную возможность склонять сужденіе о выборѣ мѣста для университета въ пользу Харькова» (стр. 59). Въ доказательство вліянія, какимъ пользовался В. Н. Каразинъ въ главномъ правленіи училищъ, Н. А. Лавровскій ссылается на то, что при обсужденіи проекта общаго устава университетовъ принято было за основаніе его предначертаніе университетскаго устава, служившее началомъ имъ же составленнаго предначертанія устава объ общественномъ воспитаніи. (Ibidem). Авторъ же брошюры отрицаетъ всякое вліяніе В. Н. Каразина въ этихъ учрежденіяхъ, презрительно называя его письмоводителемъ и письмоводцемъ.

О выборѣ Харькова для университета Н. А. Лавровскій высказываетъ такое категорическое сужденіе. «Выборъ незначительнаго тогда во всѣхъ отношеніяхъ Харькова для южнаго университета, помимо старѣйшаго и представлявшаго дѣйствительно важныя преимущества Кіева[1]) объясняется еще болѣе, независимо отъ общаго вліянія Каразина на ходъ сужденій объ этомъ предметѣ въ главномъ правленіи училищъ, весьма значительными для того времени пожертвованіями, какія поспѣшилъ сдѣлать Харьковъ».

Въ указѣ 24 января (1803 года) прямо сказано, что университетъ учреждается въ Харьковѣ «во уваженіе патріотическаго приношенія, предложеннаго дворянствомъ и гражданствомъ сей губерніи» (стр. 59—60). Авторъ брошюры отрицаетъ тотъ очевидный фактъ, что именно В. Н. Каразинъ подвинулъ дворянское общество на «патріотическое пожертвованіе». А Н. А. Лавровскій говоритъ по этому поводу слѣдующее: «*Первая мысль объ этихъ пожертвованіяхъ и воодушевленное возбужденіе къ нимъ дворянства и гражданъ Харьковской губерніи принадлежитъ тому же Каразину, такъ что онъ дѣйствительно является на всѣхъ пунктахъ единственнымъ виновникомъ назначенія Харькова для южнаго университета; безъ него это назначеніе, конечно, никому и въ голову не пришло бы, даже Чарторижскому, Фуссу и Озерецковскому; такимъ горячимъ участіемъ Кара-*

[1]) Конкуррентомъ Харькова являлся Кіевъ.

зинъ навсегда связалъ свое имя съ основаніемъ харьковскаго университета» (стр. 60).

Далѣе Н. А. Лавровскій разсказываетъ о тѣхъ трудностяхъ, которыя предстояли В. Н. Каразину въ Харьковѣ, во время дворянскаго собранія 11-го августа 1802 года. «Это было торжественное собраніе, говоритъ онъ, весьма знаменательное въ существованіи харьковскаго университета, *какъ исходная точка его исторіи»* (стр. 64). И судьбу пожертвованій рѣшила, по словамъ Н. А. Лавровскаго, именно страстная рѣчь В. Н. Каразина и все то, что ее сопровождало. «Имъ руководило страстное воодушевленіе идеей и горячее желаніе добра родной сторонѣ, а такія побужденія не осуждаются, но оправдываютъ естественныя увлеченія. Можно съ рѣшительною увѣренностью сказать: не будь этого страстнаго элемента въ Каразинѣ, не было бы и пожертвованій, не былобъ и университета въ Харьковѣ, такъ какъ значительность этихъ пожертвованій главнѣйшимъ образомъ и склонила дѣло въ пользу Харькова, какъ это точно и означено въ Высочайшемъ указѣ 24 января объ устройствѣ училищъ» (стр. 65). О томъ, что дворянское пожертвованіе ускорило открытіе университета въ Харьковѣ, упоминается и въ утвердительной грамотѣ его (5 нояб. 1804 г.), гдѣ читаемъ: «Учреждая новый образъ существованія училищной части въ Имперіи, съ сердечнымъ удовольствіемъ увидѣли мы поревнованіе слободско-украинскаго дворянства и гражданства, которые, ускоривъ вѣрноподданническимъ прошеніемъ объ устроеніи въ Харьковѣ университета, отъ собственныхъ стяжаній въ пользу онаго принесли государству достойное признательности нашей и вѣчной памяти потомковъ пожертвованіе» (стр. 75—76).

Документальными данными доказываетъ Н. А. Лавровскій живѣйшее участіе В. Н. Каразина во всемъ дѣлѣ учрежденія университета въ Харьковѣ

Изъ оффиціальныхъ документовъ видно, говоритъ Н. А. Лавровскій, что всѣ дѣла по устройству университета попечителемъ первоначально предоставлены были Каразину, такъ что во все время, отъ начала 1803 до 11 апрѣля 1804 года (день перваго засѣданія комитета правленія) онъ былъ главнымъ и, можно сказать, единственнымъ распорядителемъ всѣхъ приготовительныхъ работъ и мѣръ для снабженія университета на первое время всѣмъ необходимымъ (стр. 77). Далѣе Н. А. Лавровскій сообщаетъ, что сотрудникомъ его сдѣлался проф. Тимковскій. Авторъ брошюры, основываясь исключительно на

статьѣ Н. А. Лавровскаго, приходитъ къ выводу о «явной преступности Каразина въ *растратахъ* университетскихъ суммъ», (стр. 21), обвиняетъ его въ попыткѣ *«прикарманить»* 4,000 руб. университетскихъ суммъ, *присвоеніи* денегъ Каретникова и пожертвованія Захаржевскаго (стр. 19). Но что же дѣйствительно говоритъ объ этомъ самъ первоисточникъ обличителя—Н. А. Лавровскій?

На основаніи имѣвшихся у него документальныхъ данныхъ, онъ ни слова не говоритъ ни о *растратѣ* университеткихъ суммъ, ни о попыткѣ *прикарманивать* ихъ, ни о *присвоеніи* денегъ Каретникова и Захаржевскаго. Онъ отмѣчаетъ только замѣшательство въ денежныхъ разсчетахъ съ В. Н. Каразинымъ, явившееся результатомъ его «патріархальнаго обращенія съ казенными денежными суммами, его непрактичности и самонадѣянности (стр. 82). Изъ дальнѣйшаго выясняется, что подъ этимъ «патріархальномъ обращеніемъ съ казенными суммами» онъ разумѣлъ исключительно недостатки счетоводства, бухгалтеріи, а не отсутствіе безкорыстія. Вотъ его подлинное выраженіе. «Такая путаница въ денежныхъ счетахъ, вслѣдствіе совершенно патріархальной простоты въ обращеніи съ деньгами, вслѣдствіе займа первыхъ оказавшихся свободными денегъ на встрѣтившіяся въ данную минуту потребности, весьма живо и наглядно рисуетъ нашего перваго дѣятеля въ пользу харьковскаго университета. *Не сомнѣваясь нисколько въ безкорыстіи Каразина,* мы, къ сожалѣнію, должны признать совершенно естественнымъ то скоро обнаружившееся явленіе, что всѣ, кто привлеченъ былъ къ соучастію съ нимъ въ томъ же дѣлѣ и особенно на кого могла падать отвѣтственность, должны были признать его неисправимо плохимъ и безнадежнымъ распорядителемъ и должны были поспѣшить покончить съ нимъ всѣ счеты» (стр. 84).

Покупку эстамповъ Н. А. Лавровскій называетъ «непроизводительной растратой денегъ» въ смыслѣ нераціональнаго употребленія; но самъ же доказываетъ, что уплату для нихъ Аделунгу сдѣлалъ В. Н. Каразинъ изъ своихъ средствъ и потому былъ правъ, когда добивался возвращенія себѣ всей этой суммы. Что же касается другихъ денегъ, которыя хотѣли вычесть изъ этой суммы, то на 2,000 руб., взятыхъ изъ городской думы, В. Н. Каразинъ выдалъ росписку и затѣмъ вручилъ ихъ на расходы по университету своему довѣренному лицу Шишкину. И на то, чтобы эти деньги не были возвращены имъ думѣ, нѣтъ ни малѣйшихъ указаній въ документахъ.

То же самое произошло и съ 2.000 руб., взятыхъ у Аникѣева—нѣтъ указаній, чтобы они не были истрачены на нужды университета, а В. Н. Каразинъ обязался вернуть ихъ университету, когда окончательно ликвидировались его сложные счеты съ этимъ послѣднимъ. То же самое нужно сказать и о деньгахъ Донца-Захаржевскаго. Каретникову онъ выслалъ деньги, но не получилъ отъ него росписки.

Отсутствіе средствъ, необходимыхъ на расходы, сопряженнные съ мѣрами къ скорѣйшему открытію университета, невольно заставляли В. Н. Каразина прибѣгать къ такимъ позаимствованіямъ и даже затрачивать собственныя средства въ экстренныхъ случаяхъ, какъ это было, напримѣръ, въ дѣлѣ съ ремесленниками, которымъ онъ выдалъ первоначально изъ своихъ денегъ болѣе $9^1/_2$ тыс. руб. Конечно, это ставило его въ затруднительное положеніе, потому что собственныя средства его были довольно скудныя. Неожиданное устраненіе отъ дѣлъ въ разгаръ хозяйственной дѣятельности еще болѣе усложнило денежные счеты В. Н. Каразина съ университетомъ—вотъ почему ихъ трудно было распутать правленію и совѣту. Такимъ образомъ, вышеприведенныя обвиненія автора брошюры явно пристрастны, ибо не доказаны, а между тѣмъ порочатъ честь и доброе имя В Н. Каразина.

Столь же недобросовѣстно поступаетъ авторъ брошюры, совершенно умалчивая о томъ, какъ опредѣлилъ роль В. Н. Каразина въ дѣлѣ основанія харьковскаго университета самъ *университетъ*. Предумышленность умолчанія его доказывается тѣмъ, что онъ позаимствовалъ у Н. А. Лавровскаго извѣстіе о выборѣ В. Н. Каразина въ почетные члены харьковскаго университета, но ни единымъ словомъ не упомянулъ о той специальной мотивировкѣ, которая была сдѣлана по этому поводу Совѣтомъ А въ ней-то и заключается вся сила. Ad hunc virum eligendum, говорится въ протоколѣ, Senatus praeter eximias cognitiones, quibus excellit, etiam quodam grati animi sensu impulsus est, quia ejus singulari industriae et labori inacceptis referendum est, quod universitas Charcoviae sit constituta» (стр. 101), т. е. къ выбору этого мужа Совѣтъ былъ подвинутъ, кромѣ его превосходныхъ выдающихся познаній, также чувствомъ благодарности, ибо *единственно его заботѣ и труду нужно приписать то, что университетъ былъ учрежденъ въ Харьковѣ*.

Не менѣе опредѣленно професора и преподавателя харьковскаго университета выразили свой взглядъ на его роль въ дѣлѣ основанія

харьковскаго университета въ 1833 году, о чемъ также сообщилъ Н. А. Лавровскій въ своей статьѣ, прочитанной въ торжественномъ университетскомъ собраніи по поводу столѣтія со дня рожденія В. Н. Каразина. Узнавъ о денежномъ взысканіи. предъявленномъ къ В. Н. Каразину гр. Подгоричани, они собрали между собою добровольно 1280 р. въ его пользу, «движимые сердечною благодарностью и уваженіемъ къ Каразину, какъ *первому и единственному виновнику основанія здѣсь университета,* въ которомъ большая часть изъ нихъ получили образованіе свое, въ которомъ вмѣстѣ съ симъ открыто имъ завидное поприще передавать образованіе молодымъ людямъ и тѣмъ принести усердную дань благоговѣнія согражданамъ своимъ и отечеству» (Ж. М. Н. П. 1873, февраль, стр. 310). Такое же признаніе заслуги В. Н. Каразина передъ университетомъ и *городомъ* Харьковомъ мы находимъ и въ третьемъ документѣ, опубликованномъ Н. А. Лавровскимъ и относящемся къ тому же 1833 году. О немъ, однако, также умолчалъ авторъ брошюры. Вотъ этотъ документъ: «Увѣдомился я, писалъ харьковскій городской голова А. Мотузокъ предсѣдателю харьковской гражданской палаты, что ст. сов. В. Н. Каразинъ имѣетъ въ слободской украинской гражданской палатѣ дѣло; къ окончанію онаго потребна сумма въ 2000 р. Желая предупредить его въ доставленіи сей суммы, по желанію моему и гражданъ, кои въ полной мѣрѣ чувствуютъ *труды и предстательства В. Н. Каразина предъ престоломъ* блаженной и вѣчно достойной памяти покойнаго всеавгустѣйшаго монарха *Александра I объ учрежденіи въ Харьковѣ университета;* который распространилъ свои учебныя отрасли, чрезъ сіе самое г. Харьковъ улучшилъ свое положеніе, а торговый классъ свое состояніе—сей малый знакъ истинной признательности покорнѣйше васъ, мил. госуд., прошу оную сумму принять и употребить по дѣлу выше прописанному». (Ib.). Спрашивается: имѣетъ ли авторъ брошюры самое минимальное стремленіе къ исторической правдѣ и справедливости, если, при вполнѣ отрицательномъ рѣшеніи вопроса о роли В. Н. Каразина въ основаніи харьковскаго университета, не только не опровергнулъ этихъ основныхъ документальныхъ свидѣтельствъ, принадлежащихъ не В. Н. Каразину, а двумъ коллегіямъ, но сознательно умолчалъ о нихъ, дабы ввести въ заблужденіе своихъ читателей? Какъ назвать такой пріемъ? И можно ли причислить его брошюру къ разряду историческихъ трудовъ? Конечно, нѣтъ!

Подобно тому какъ для возстановленія нарушенной авторомъ брошюры истины о роли В. Н. Каразина въ дѣлѣ основанія харьковскаго университета намъ достаточно было напомнить содержаніе неизвѣстной широкой публикѣ статьи Н. А. Лавровскаго [1]), такъ точно и для опроверженія его характеристики В. Н. Каразина, какъ общественнаго дѣятеля, достаточно обратиться къ тому же Н. А. Лавровскому. И теперь его заключеніе остается въ силѣ, несмотря на произвольныя обличенія г. И—ва. Вотъ какъ характеризуетъ В. Н. Каразина Н. А. Лавровскій. «В. Н. Каразинъ, *какъ бы ни судили о немъ*, безспорно принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей начала нашего вѣка. Уже одна его близость къ Императору Александру, *доходившая до дружескихъ отношеній*, особенно въ то время, когда мы переживали въ мѣсяцы больше, чѣмъ прежде въ цѣлые годы, одно участіе его въ такихъ правительственныхъ мѣрахъ, какъ учрежденіе Министерства Народнаго Просвѣщенія и университетовъ и вообще въ начертаніи новой образовательной системы, достаточно объясняютъ значеніе его дѣятельности для того времени и способны возбудить въ ней живѣйшій интересъ. Можно указывать на недостатки его характера, на преобладаніе фантазіи надъ умомъ, чѣмъ и объясняются всѣ его увлеченія и крайности, на недостатокъ практическаго житейскаго такта, на его самонадѣянность, заносчивость, неровность въ его дѣйствіяхъ и отношеніяхъ, вообще на недостатки, отъ которыхъ прежде всего и больше всего приходилось страдать ему самому, но при самомъ легкомъ и поверхностномъ знакомствѣ съ его дѣятельностью, а также съ нѣкоторыми напечатанными его сочиненіями, невозможно отказать ему, съ одной стороны, въ искреннемъ, горячемъ, подчасъ восторженномъ отношеніи къ каждой занимавшей его мысли и въ глубокомъ патріотическомъ чувствѣ, а съ другой—въ основательности и многосторонности его образованія, рѣдкихъ въ то время и дѣлавшихъ его вполнѣ достойнымъ того положенія, которое такъ внезапно выпало ему на долю въ самомъ началѣ новаго царствованія. Можно часто не соглашаться съ его мыслями, но нельзя не уважать ихъ искренности и тѣхъ побужденій, изъ которыхъ они исходили, и нельзя не пожалѣть, что оффиціальная его дѣятельность

---

[1]) Она помѣщена была болѣе 30 лѣтъ тому назадъ въ спеціальномъ журналѣ и отдѣльнымъ изданіемъ не выходила.

прекратилась такъ быстро. При ближайшемъ точнѣйшемъ знакомствѣ съ этою замѣчательною личностью, можно встрѣтиться и съ нѣкоторыми уклоненіями ея отъ прямыхъ путей, и это естественно: кто можетъ похвалиться безупречностью и безусловною чистотою своихъ дѣйствій?» (стр. 57—58).

Въ спеціальной статьѣ о В. Н. Каразинѣ [1]), какъ о замѣчательномъ общественномъ дѣятелѣ вообще, Н. А. Лавровскій даетъ слѣдующую основу для оцѣнки его значенія. «Дѣятельность каждаго человѣка, великая и малая, съ ея средствами и цѣлями, оцѣнивается съ нравственной точки зрѣнія, прежде всего чистотою своихъ побужденій, достоинствами руководящей его идеи. Чѣмъ возвышеннѣе эти побужденія, чѣмъ рѣшительнѣе возвышаются они надъ частными и личными интересами и проникаются интересами общими; чѣмъ больше вносится въ эту дѣятельность жизни, страсти, самопожертвованія, чѣмъ полнѣе и цѣльнѣе она охватываетъ всѣ силы и способности человѣка, тѣмъ выше достоинство самой дѣятельности... Эти общія замѣчанія полезно имѣть въ виду при оцѣнкѣ общественной дѣятельности Каразина. Изъ обнародованныхъ до сихъ поръ его записокъ, мнѣній, писемъ—къ сожалѣнію немногаго сравнительно съ тѣмъ, что остается еще не обнародованнымъ—можно, кажется, вывести то заключеніе, что онъ влагалъ въ общественную дѣятельность всю свою страстную душу, что онъ былъ одушевленъ безпредѣльною любовью къ своей родинѣ, безпредѣльнымъ желаніемъ ей добра и всесторонняго развитія. Можно иногда не соглашаться, вообще или въ частности, съ содержаніемъ разныхъ его бумагъ, можно находить это содержаніе нынѣ непригоднымъ или неосуществимымъ; но едва ли позволительно отказать ему въ беззавѣтной искренности стремленій, въ томъ, что всѣ его помыслы, большей части коихъ такъ и не суждено было осуществиться, имѣли своимъ источникомъ родившіеся въ его воображеніи возвышенные идеалы наилучшаго государственнаго и общественнаго порядка»...

Переходя къ характеристикѣ взглядовъ В. Н. Каразина по существу, Н. А. Лавровскій прежде всего останавливается на его извѣстномъ письмѣ къ Императору Александру I, которое заключало его

[1]) Статья эта извѣстна автору брошюры; ее онъ цитируетъ на стр. 10—11.

profession de foi, и характеризуетъ его такъ: «На *что* же надѣялся и *чего* ожидалъ отъ новаго царствованія Каразинъ вмѣстѣ съ Россіей, которой онъ явился представителемъ? Онъ ожидалъ отъ наступившаго царствованія непреложныхъ законовъ, вмѣстѣ съ государственнымъ постановленіемъ, составленнымъ «совѣтомъ мужей мудрыхъ, окружающихъ престолъ, и другихъ, голосъ которыхъ изъ отдаленнѣйшихъ краевъ государства истину повѣдать можетъ... Онъ ожидалъ *праваго суда*, предоставленнаго избраннымъ изъ народа, суда при открытыхъ дверяхъ, съ правомъ тяжущихся публиковать опредѣленія.

Онъ ожидалъ улучшенія финансовъ и доведенія ихъ до избытка государственнаго не посредствомъ умноженія налоговъ, а посредствомъ уменьшенія непроизводительныхъ издержекъ и точнаго опредѣленія повинностей каждаго *по непреложному размѣру*... Онъ ожидалъ всевозможнаго распространенія въ народѣ воспитанія и образованія... Онъ ожидалъ *человѣческихъ правъ для помѣщичьихъ крестьянъ...»* (стр. 295—296). Иными словами, слѣдовательно, онъ выставилъ такую политическую и соціально-экономическую программу, какая выдвинута только теперь переживаемымъ нами историческимъ моментомъ и современнымъ общественно-освободительнымъ движеніемъ.

«Такіе идеалы, опереживающіе время, замѣчаетъ Н. А. Лавровскій, обыкновенно напечатлѣваются неизгладимыми чертами въ памяти народовъ и свято чтутся, какъ свидѣтельства великихъ дарованій, двигающихъ ихъ впередъ» (стр. 297).

Въ заключеніе своего обзора Н. А. Лавровскій высказываетъ мысль о необходимости постановки памятника В. Н. Каразину (стр. 311).

Итакъ, устранивъ свидѣтельства самого В. Н. Каразина и свои собственныя работы о В. Н. Каразинѣ, простыми справками изъ двухъ статей Н. А. Лавровскаго, основанными на документальнныхъ данныхъ и не опровергнутыхъ авторомъ брошюры, я достаточно показалъ читателю всю произвольность и бездоказательность заключеній г. И—ва. Останавливаться на той части брошюры г. И—ва, гдѣ онъ, понадергавъ нѣсколько выписокъ изъ записокъ и писемъ В. Н. Каразина, обвиняетъ его въ мошенничествѣ акціями Филотехническаго Общества, въ доносахъ, шпіонствѣ и т. п., я не буду. Утверждаю только, что и здѣсь авторъ доказываетъ свои положенія такими же пріемами, какіе мы видѣли раньше: онъ совершенно извращаетъ роль В. Н. Каразина въ Филотехническомъ Обществѣ, на нужды котораго тотъ истратилъ

19,000 рублей изъ собственныхъ средствъ; онъ называетъ доносами всѣ записки В. Н. Каразина, въ которыхъ тотъ бичевалъ недостатки тогдашняго строя, за что подвергался многократнымъ политическимъ карамъ [1]); онъ говоритъ о презрѣніи къ В. Н. Каразину современниковъ, когда, наоборотъ, фактическія данныя доказываютъ ихъ полное уваженіе къ нему; по пословицѣ «не любо не слушай...» онъ приписываетъ В. Н. Каразину нелѣпую мысль назначать преподавателями въ университетѣ выписанныхъ имъ мастеровыхъ; онъ выставляетъ его бóльшимъ ретроградомъ, чѣмъ былъ Магницкій, основываясь на письмѣ къ Реману, которое въ полномъ своемъ видѣ не только не имѣетъ ничего общаго съ идеями гасителей образованія, а, наоборотъ, является гимномъ просвѣщенія и т. д.. Прибавлю къ этому, что вновь открытые мной многочисленные и достовѣрные матеріалы еще болѣе способны утвердить всякаго непредубѣжденнаго читателя въ положительныхъ заключеніяхъ о В. Н. Каразинѣ. Но мы на нихъ останавливаться не будемъ: ими въ значительной мѣрѣ воспользовался добросовѣстный біографъ В. Н. Каразина г. Тихій, и я отсылаю интересующихся къ его монографіи. Но чѣмъ же объяснить такую произвольность выводовъ г. И—ва? Характеромъ его труда!

Это нѣчто среднее между памфлетомъ и пасквилемъ.

«Памфлетъ — это небольшое литературное произведеніе публицистическаго и чаще всего вызывающаго личнаго характера»... Онъ не предполагаетъ въ читателѣ никакихъ предварительныхъ размышленій и свѣдѣній о данномъ вопросѣ. Памфлетистъ не разсчитываетъ на спокойное объективное разсужденіе публики; его цѣль — общественная сенсація, безпокойство, пробужденіе недовольства. Произведеніе по преимуществу боевое, созданное въ минуту и для цѣлей политической борьбы. Памфлетъ чаще всего чуждъ соображеній безпристрастія

---

[1] Что же касается предложенія быть „обсерваторомъ", то это вопросъ сложный, и къ оцѣнкѣ его нельзя подходить съ современной точки зрѣнія, не принявъ во вниманіе условій того времени и внутреннихъ побужденій самого В. Н. Каразина, который во всякомъ случаѣ, какъ видно изъ его признанія, гнушался доносовъ. Изъ недавно опубликованныхъ документовъ видно, что и А. С. Пушкинъ въ 1831 г. принялъ предложеніе „употребить свое перо для политическихъ статей", т. е, издавать оффиціозный журналъ, чтобы такимъ образомъ руководить общественнымъ мнѣніемъ въ интересахъ правительства.

и умѣренности, не считаетъ нужнымъ щадить врага и слѣдуетъ правилу: на войнѣ всѣ правила хороши. Но памфлетъ рѣзко отличается отъ пасквиля какъ своей основной цѣлью, такъ и тѣмъ, что касается не личной жизни извѣстнаго лица, а общественной стороны его дѣятельности». Пасквиль — сочиненіе, содержащее въ себѣ ложныя, оскорбительныя для кого либо свѣдѣнія, распространяемыя въ печати. Цѣль его — злостная обида.

Брошюра г. И—ва носитъ на себѣ всѣ типическія черты памфлета, но безъ благородства побужденій, присущаго этого рода произведеніямъ; наоборотъ, она заключаетъ въ себѣ основную черту пасквиля — распространяетъ *ложныя*, позорящія добрую память покойнаго В. Н. Каразина свѣдѣнія.

Перефразируя заключеніе г. И — ва, мы можемъ сказать, что памятникъ В. Н. Каразину въ Харьковѣ будетъ достойнымъ увѣковѣченіемъ его памяти, а разбираемая брошюра — вѣчнымъ и заслуженнымъ позоромъ для ея автора. И авторъ — мы увѣрены въ томъ — изъ опасенія этого позора никогда не откроетъ своей фамиліи, никогда не украситъ заглавіемъ ея списка своихъ ученыхъ трудовъ, особенно если онъ былъ питомцемъ харьковскаго университета, каковымъ себя называетъ.

Проф. **Д. И. Багалѣй.**

Нові і перемінні зьвізди. Написав проф. д-ръ І. Полюй. *Трете доповнене виданне. У Відні 1905. Стр. 1—121.*

Еслибы въ лежащей передъ нами книжкѣ только помѣщено было то, что сказано въ заглавіи, то мы не считали бы нужнымъ отмѣчать на страницахъ нашего журнала этой брошюры, популярно излагающей ученіе о новыхъ и перемежающихся звѣздахъ, т. к. во 1-хъ содержаніе ея выходитъ за предѣлы программы „Кіевской Старины", а во 2-хъ—брошюрка эта не является новинкой, а повторяется уже третьимъ изданіемъ. Оказывается, впрочемъ, что не всегда надо довѣрять заглавію книжекъ: въ данномъ случаѣ мы находимъ въ книжечкѣ значительно бóльшую часть посвященною воспоминаніямъ автора о П. А. Кулишѣ и его супругѣ Ганнѣ Барвинокъ, и при томъ воспоминаніямъ, связаннымъ съ очень интересными подробностями, касающимися жизни, литературной и общественной дѣятельности П. А. Кулиша. Не будемъ останавливаться на подробномъ изложеніи той восторженной характе-

ристики, которую встрѣчаемъ здѣсь на каждомъ шагу по адресу П. А. Кулиша, т. к. считаемъ, что для характеристики лицъ гораздо важнѣе знакомство съ фактическими указаніями ихъ дѣлъ и поступковъ, нежели лирическія изліянія друзей. Мы хотимъ познакомить читателя только съ тѣми фактами, которые встрѣчаемъ въ этой книжечкѣ.

Въ первыхъ главахъ, гдѣ разсказывается объ извѣстномъ хуторѣ Кулиша Мотроновкѣ (около Борзны), авторъ помѣщаетъ стихотвореніе Кулиша „Молитва", навѣянное звѣздной ночью на Украинѣ и посвященное д-ру Полюю. Стихотвореніе это, съ эпиграфомъ изъ оды Державина „Богъ", написано въ стилѣ Державинскомъ. Вотъ оно:

Всесильний! я Тобі молюся,
Молекул козмоса Твого...
Де Ти, хто Ти,—даремне бьюся,
Ні, не збагну во вік сього!

——

Во вік науці не обняти
Всього, що Ти создав еси...
Даремно розум наш крилатий
Шукае краю небеси.

——

Знемігшися, на ту пилинку
Спускается, що ми звемо
Вселенною, що на хвилинку
Іі в імперіі рвемо.

——

І тут безодня животвору,
І тут премудрість без кінця...
Однаково горі і долу
Сияе світ Твого лиця

——

Молюсь, не дай мені з розпуки
Зректися розуму мого:
Нехай не гасне сьвіт науки
В промінних сяева Твого!

——

Нехай мій дух, в земній юдолі,
Не знижуется до зьвірят;

З Твоеі пресьвятоі волі
Нехай во віки буде сьвятъ!

Тутъ-же, впрочемъ, въ письмѣ Кулиша къ д-ру Полюю находимъ и другое стихотвореніе, тоже молитву, обращенную къ Шекспиру, къ которой авторъ молится, какъ говоритъ онъ, *від щирого серця*, но молитва эта напоминаетъ намъ тѣ научныя статьи автора, въ которыхъ многое такъ и просится поскорѣе забыть его для бо́льшей славы Кулиша. Авторъ обращается въ этой молитвѣ къ Шекспиру со словами:

Нехай нас укротить твоя душа велика:
Нехай покине нас козацька воля дика,
Що кровью тішилась, хвалилась пожарами,
Туманила людей брехливими вістями,
Піснями славила безумне гайда́мацтво,
Кляла культурників, як людожерне паньство.

Въ этихъ-же первыхъ главахъ помѣщено нѣсколько писемъ къ автору Ганны Барвинокъ, гдѣ сообщаются интересныя подробности то о переводѣ и печатаніи Св. Письма въ переводѣ Кулиша, то о судьбѣ хутора Мотронівки и будиночка Кулиша, пріобрѣтеннаго и перевезеннаго М. Н. Кочубеемъ въ с. Конашевку, для того чтобы устроить въ немъ украинскій музей имени Кулиша.

До сихъ поръ все въ этой книжечкѣ читается не безъ удовольствія, но съ стр. 72-й начинается защита П. А. Кулиша отъ нападковъ критики, главнымъ образомъ д-ра Франка, имѣвшаго смѣлость высказать свое сужденіе о достоинствѣ переводовъ Шекспировыхъ произведеній. Горячая защита д-ромъ Полюемъ положительно переходитъ черезъ край: не говоря уже о рѣзкихъ полемическихъ выходкахъ автора, иногда изъ писемъ Ганны Барвинокъ д-ръ Полюй сообщаетъ ни къ сему ни къ тому какіе-то факты, скорѣе похожіе на сплетни, набрасывающія даже тѣнь на личности. Дружба—великое дѣло, но защищая друга,—скажемъ мы д-ру Полюю,—нужно помнить, что въ литературной полемикѣ должны быть вполнѣ корректные пріемы.

В. Н—ко.

Труды Полтавской Ученой Архивной Коммиссіи. *Вып. І-ый. Полтава 1905 г.*

Полтавская Ученая Архивная Коммиссія, начавшая свою дѣятельность съ 26 октября 1903 года, недавно выпустила въ свѣтъ первый томъ своихъ трудовъ. Въ этомъ томѣ помѣщены краткіе протоколы всѣхъ засѣданій коммиссіи до 1905 года (ихъ было 12) съ указаніемъ тѣхъ текущихъ дѣлъ и рефератовъ, которые были обсуждены въ нихъ. Нельзя не обратить вниманія на то, что во 2-ой половинѣ 1904 года энергія коммиссіи значительно уменьшилась, т. к. съ мая мѣсяца до конца года состоялось только два засѣданія.

Вслѣдъ за протоколами напечатаны ученые труды членовъ Коммиссіи: 1) *В. И. Василенка*. Къ исторіи размежеванія земель въ Полтавской губерніи; 2) *Н. Г. Максимова*. Церковь въ с. Запсельѣ во имя св. Николая; 3) *А. Ф. Мальцева*. Св. Ефремъ Переяславскій, строитель первыхъ больницъ въ Россіи; 4) *И. Ф. Павловскаго*. Къ исторіи Малороссіи во время генералъ-губернаторства кн. Н. Г. Репнина (цылый рядъ замѣтокъ по архивнымъ даннымъ; часть ихъ была напечатана раньше въ нашемъ журналѣ); 5) *Л. В. Падалки*. Древнія земляныя сооруженія въ предѣлахъ Полтавской губерніи. Ч. 1-ая: о древнихъ городкахъ, городищахъ и насыпанныхъ валахъ (съ рисунками и картами).

Въ концѣ тома помѣщены приложенія: 1) Отчетъ по межеванію въ Полтавской губерніи; 2) Положеніе о размежеваніи въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ; 3) Матеріалы для исторіи Полтавскаго полка; сообщ. *В. Л. Модзалевскій*; 4) Къ родословной Гоголей-Яновскихъ. Заканчивается этотъ томъ спискомъ членовъ Коммиссіи, почетныхъ и дѣйствительныхъ; первыхъ — 19, вторыхъ — 60.

Отъ души привѣтствуемъ появленіе 1-го выпуска трудовъ Полтавской Ученой Архивной Коммиссіи, давшей въ первый годъ своего существованія нѣсколько цѣнныхъ изслѣдованій и матеріаловъ, и выражаемъ полную надежду, что она въ будущемъ внесетъ много свѣта для изученія и разработки матеріаловъ родной намъ Полтавщины.

В. Н.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Отзвукъ былины о змѣеборствѣ Добрыни Никитича въ украинскомъ фольклорѣ. Въ настоящей замѣткѣ я намѣренъ остановиться на одномъ украинскомъ преданіи, записаномъ Я. П. Новицкимъ и помѣщенномъ въ его обширной статьѣ «Съ береговъ Днѣпра», напечатанной въ изданномъ къ XIII археологическому съѣзду въ г. Екатеринославѣ «Сборникѣ статей Екатеринославскаго Научнаго Общества по изученію края». Я говорю о преданіи объ островѣ Перунѣ на Днѣпрѣ, представленномъ Я. П. Новицкимъ въ четырехъ редакціяхъ (стр. 75 — 76).

Приведу цѣликомъ первую редакцію преданія. — «Колысь — говоритъ оно — кажуть, змій бувъ на неби и литавъ по всёму свиту, ёго вси боялысь, а инчи и кланялысь ёму. Якъ узнавъ Богъ, що ёму поклоняются, взявъ и пооднимавъ крыльця; винъ упавъ зъ неба въ Днипро и поплывъ. Идолопоклонци биглы берегомъ и крычалы: «Перуне, Перуне, прыплывы до берега!» Прыплывъ винъ до острова, и показалась ёму глыбока нора; винъ туды и пропавъ. Видъ того часу прозвано остривъ Перуновымъ». Вторая редакція говоритъ, что на этомъ островѣ приплылъ «змій видкильсь зъ горы», т. е. съ верховьевъ Днѣпра. Когда онъ плылъ, то по одному берегу шли идолопоклонники и звали его на берегъ, а «другимъ выйшлы назустричъ православни и почалы молебствовать и заклынать. Де стоялы нашы съ корогвамы, туды винъ пидплывъ и ставъ...» Третья редакція преданія повѣствуетъ: «Якыйсьто, кажуть, богъ Перунъ плывъ Днипромъ и ёго хвылею выкынуло на остривъ; тутъ ёго заховано, а потимъ одкопано. На ёму, кажуть, було золота тры пуды, а самъ зробленный зъ дерева. Видъ того и остривъ

ставъ Перунъ. На Перуни, видъ Днипра есть нора: колысь, кажуть, жывъ тамъ змій и ёму носылы людей...» Наконецъ четвертая редакція передаетъ слѣдующее: «До Хрыстового рожденія, кажуть, жывъ тамъ (въ пещерѣ на Перунѣ) змій; винъ гарбавъ пидъ себе жинокъ и дивокъ, а мужей пожыравъ. Якъ Хрыстосъ народывся — змія проклявъ; а потимъ звоювавъ его якыйсь богатырь. У змія було, кажуть, тры головы и крыла. Винъ якъ летыть — освищае весь свитъ, а огонь такъ и палае».

Постараемся анализировать преданіе и привести на память извѣстные намъ историко-литературныя данныя. Первая, отчасти вторая и третья редакціи преданія близки къ разсказу начальной лѣтописи о низверженіи въ Кіевѣ идола Перуна подъ 987 годомъ: «Влекому же ему (Перуну) по Ручаю къ Днѣпру, плакахуся его неверни людье, еще бо не бяху приняли святаго крещенья; и привлекше, вринуша и въ Днѣпръ... (Перунъ) пройде сквозѣ порогы, изверже и вѣтръ на рѣнь, и оттолѣ прослу Перуня Рѣнь, якоже и до сего дне словеть». Лѣтопись точно опредѣляетъ мѣстонахожденіе Перуновой Рѣни, за порогами, гдѣ находится нынѣшній островъ Перунъ. Третья редакція преданія присоединяетъ къ тому же лѣтописную подробность о матеріалѣ, изъ котораго былъ сдѣланъ Перунъ: «Володимеръ .. постави кумиры... Перуна древяна, а главу его сребрену, а усъ златъ...»

Хотя и является вопросъ, дошли ли всѣ подробности, сообщаемыя преданіемъ, до нашего времени путемъ устнымъ изъ глубины вѣковъ, или же здѣсь сказывается послѣдующее книжное вліяніе, что вполнѣ возможно, тѣмъ не менѣе мы должны признать, что самая основа преданія не могла явиться въ народѣ въ послѣдующее время извнѣ, но жила въ немъ изстари. Вѣдь народная топографическая номенклатура очень крѣпка, чему доказательствъ въ нашей исторіи много, и во всякомъ случаѣ вслѣдствіе постороннихъ вліяній на народъ, каково вліяніе книжное, никогда бы островъ Перунъ не получилъ среди народа своего настоящаго имени. Такимъ образомъ необходимо заключить, что, съ одной стороны, фактъ, который имѣетъ въ виду преданіе, и фактъ, передаваемый лѣтописью, тождественны, и что, съ другой стороны, украинское преданіе объ островѣ Перунѣ столь же древне, какъ и лѣтописное извѣстіе о низверженіи Перуна. Словомъ, наше преданіе является отголоскомъ той эпохи русской исторіи, когда происходила смѣна язычества на христіанство.

Разсматривая далѣе преданіе, мы видимъ. что вторая его редакція близка къ новгородскому преданію о Юрьевскомъ скитѣ, именуемомъ въ народѣ *Перюньскимъ*. Преданіе говоритъ, что жилъ «звѣрь-зміяка», который каждую ночь „ходилъ спать въ Ильмень-озеро съ волховскою Коровницею. Перешелъ зміяка жить въ самый Новгородъ; а на ту пору и народился Володимеръ князь въ Кіевѣ... Сказалъ Володимеръ князь: „всей землѣ Русской — креститься". Ну и Новгороду — тоже. Новгородъ окрестился. Чорту съ Богомъ не жить. Новый городъ схватилъ Зміяку Перюна, да и бросилъ въ Волховъ. Чортъ силенъ; поплылъ не внизъ по рѣкѣ, а въ гору—и къ Ильмень-озеру; подплылъ къ старому своему жилью—да и на берегъ. Володимеръ-князь велѣлъ на томъ мѣстѣ церковь рубить, а дьявола опять въ воду. Срубили церковь: Перюну и ходу нѣтъ!" [1]) Какъ въ новгородскомъ преданіи о борьбѣ христіанъ со змѣемъ Перуномъ, такъ и во второй редакціи украинскаго преданія, мы, исключивъ детали, видимъ одну и ту же основу: змѣй Перунъ останавливается, безсильный передъ проявленіями христіанской вѣры. Такъ какъ къ Новгороду относится также лѣтописное извѣстіе подъ 988 годомъ о низверженіи въ этомъ городѣ идола Перуна, то является предположеніе о мѣстномъ новгородскомъ происхожденіи преданія о „звѣрѣ-зміякѣ". Но посмотримъ на это дѣло съ другой стороны.

Прежде всего отвѣтимъ на вопросъ, почему Перунъ, какъ въ украинскомъ, такъ и въ новгородскомъ преданіи, является въ видѣ змѣя?

Для этого обратимся наконецъ къ четвертой редакціи украинскаго преданія объ островѣ Перунѣ. Элементы данной редакціи таковы: огненный змѣй, похищающій женщинъ и пожирающій мужчинъ, проклятіе змѣя свыше, и пораженіе змѣя богатыремъ. Здѣсь передъ нами тѣ же элементы, какіе входятъ въ сюжетъ былины о борьбѣ богатыря Добрыни Никитича со Змѣемъ-Горыничемъ. Относительно же этой былины В. Ѳ. Миллеръ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ. Былина о змѣеборствѣ Добрыни имѣетъ въ своемъ основаніи историческій фактъ, а именно—дѣятельность прототипа былиннаго героя, дяди князя Владиміра, по введенію христіанства въ Новгородѣ, что въ памяти народа сохранилось въ видѣ пословицы: „Путята крести мечемъ, а

[1]) В. Миллеръ: „Очерки рус. нар. слов." — стр. 147.

Добрыня огнемъ". Это доказывается религіозною окраскою былины и реминисценціею о сотрудникѣ Добрыни въ Новгородѣ, выразившеюся въ отчествѣ героини былины Запавы — *Путятична*. По эпическому шаблону борьба Добрыни съ язычествомъ отлилась въ сказаніе о борьбѣ его со змѣемъ, какъ въ духовныхъ стихахъ о святыхъ змѣеборцахъ Георгіи и Ѳеодорѣ Тиронѣ. Согласно съ тѣмъ же этическимъ шаблономъ въ былинѣ является героиня подъ именами—Запавы, Марфиды, Марьи Дивовны. Таковы положенія относительно былины о змѣеборствѣ Добрыни, установленныя проф. В. Ѳ. Миллеромъ.

При этомъ мы замѣтимъ, что, хотя мотивъ о змѣеборствѣ принадлежитъ къ международнымъ литературнымъ мотивамъ, однако мы не можемъ признать его исконною принадлежностью русскаго эпоса, а относимъ его происхожденіе на русской почвѣ къ христіанской эпохѣ. Многочисленныя иконы съ тѣмъ же сюжетомъ (о св. Георгіи), а также житія святыхъ давали большой просторъ вліянію мотива о змѣеборствѣ на русскій народный эпосъ. Гораздо позже, въ XVII в. къ предыдущему вліянію присоединилось вліяніе западно-европейской повѣсти, пользующейся до сихъ поръ симпатіями народа, что, впрочемъ, въ нашемъ случаѣ значенія не имѣетъ. Въ этотъ-то книжный мотивъ и облеченъ былъ фактъ какъ вообще борьбы христіанства съ язычествомъ на Руси, такъ въ частности фактъ борьбы съ язычествомъ Добрыни Никитича. Къ этому надо прибавить, что самую мысль олицетворить язычество во образѣ змѣя подавало тоже христіанство, символизировавшее дьявола въ видѣ змѣя, а язычество представлявшее въ фигурѣ дьявола, какъ то мы видимъ, напр., въ лѣтописи.

Гдѣ же указанные факты получили данное выраженіе, т. е. гдѣ возникла легенда о змѣѣ Перунѣ и борьбѣ съ нимъ? Въ частности гдѣ возникла былина о змѣеборствѣ Добрыни?

Проф. В. Ѳ. Миллеръ по этому поводу высказываетъ слѣдующее мнѣніе: „Въ виду тѣсной связи историческаго Добрыни съ Новгородомъ, можетъ быть поставленъ вопросъ, не былъ ли именно въ Новгородской области, гдѣ ходили о Добрынѣ преданія, сложенъ прототипъ былины о змѣеборствѣ. У насъ нѣтъ данныхъ для положительнаго рѣшенія этого вопроса, но въ виду тѣсной исторической связи Новгородской области съ Кіевской въ XI, XII вѣкахъ и въ виду не меньшаго участія историческаго Добрыни въ новгородскихъ событіяхъ, чѣмъ въ кіевскихъ, можно думать, что эпическій Добрыня равно при-

надлежалъ и южному--кіевскому и сѣверному—новгородскому эпосу"[1]. Такъ отвѣчаетъ на поставленный вопросъ проф. Миллеръ. Но теперь, когда намъ извѣстно украинское преданіе о Перунѣ, мы съ большею опредѣленностью можемъ отвѣтить, что легенда о змѣѣ, олицетворявшемъ язычество, и о борьбѣ съ нимъ Добрыни—продуктъ кіевскаго поэтическаго творчества.

Къ такому отвѣту приводятъ насъ слѣдующія соображенія. Легенда о змѣѣ Перунѣ, какъ олицетвореніи отжившаго свой вѣкъ язычества, скорѣе могла появиться въ болѣе просвѣщенной христіанствомъ, болѣе культурной Кіевской области, чѣмъ въ землѣ Новгородской. На югѣ книжное вліяніе было сильнѣе, чѣмъ на сѣверѣ, и книжные мотивы широкимъ потокомъ лились въ народную поэзію, выражаясь въ духовныхъ стихахъ, былинахъ, сказкахъ. Затѣмъ, детальный анализъ былинъ такъ называемаго Кіевскаго цикла опредѣленно свидѣтельствуетъ объ ихъ южномъ происхожденіи. Въ этомъ отношеніи нѣтъ исключенія и для былины о Добрынѣ Никитичѣ и его борьбѣ со змѣемъ. Поэтому болѣе основаній предполагать, что вся легенда о змѣѣ-Перунѣ и въ частности преданіе о борьбѣ съ нимъ Добрыни возникли на югѣ, а не на сѣверѣ. Что же касается новгородскаго преданія о змѣѣ Перунѣ, то по нашему мнѣнію оно въ эпическомъ отношеніи является отзвукомъ легенды южнаго происхожденія, но по своей сущности представляетъ воспоминаніе о дѣйствительномъ фактѣ низверженія идоловъ, о чемъ говорятъ и лѣтописное извѣстіе подъ 988 годомъ и названіе Юрьевскаго скита *Перюньскимъ*.

Такимъ образомъ мы думаемъ, что въ украинскомъ преданіи объ островѣ Перунѣ мы имѣемъ отзвукъ древней легенды Кіевской области о борьбѣ христіанства съ язычествомъ, выразившейся подъ вліяніемъ христіанскихъ мотивовъ въ фантастической формѣ, а въ четвертой редакціи этого преданія находимъ далекій отголосокъ древняго южнорусскаго былиннаго творчества.

Владиміръ Даниловъ.

Къ исторіи пребыванія монаховъ-траппистовъ въ Россіи. Въ 1799 г. въ Россію прибыло нѣсколько французскихъ эмигрантовъ—монаховъ и монахинь ордена de la Trappe. Монахи этого ордена были

[1]) Очерки, 148.

помѣщены на жительство въ Жидичинскій и Дерманскій базиліанскіе монастыри; причемъ первый изъ этихъ монастырей долженъ былъ отпускать ежегодно на содержаніе прибывшихъ траппистовъ 5250 р. с. а второй—3750 р. с. Монахинямъ-трапписткамъ былъ назначенъ Оршанскій (мужской) базиліанскій монастырь, и на ихъ содержаніе поступало опредѣленное число денегъ изъ разныхъ бѣлорусскихъ монастырей. Въ слѣдующемъ 1800 году, по удаленіи монаховъ-траппистовъ, суммы отпускавшіяся на ихъ содержаніе, въ общей сложности 14,200 р., были обращены, по Высочайшему повелѣнію, на устройство школъ для бѣдныхъ дѣтей [1]).

В. Страшкевичъ.

О пранадлежавшемъ базиліанамъ въ г. Римѣ домѣ. „1822 г. въ одномъ изъ засѣданій 2 Департамента Римск.-Католическ. Духовн. Коллегіи митрополитъ унитскихъ церквей устно заявилъ, что, какъ ему обстоятельно извѣстно, „со времени присоединенія Польши къ Россіи базиліане не посылали въ Римъ никого изъ юныхъ лицъ своего ордена. Тѣ же 4 молодыхъ человѣка, которые посылаемы были туда за польскаго владѣнія, принимали науки и имѣли содержаніе въ двухъ папскихъ семинаріяхъ (два въ Collegia de propaganda fide, а два въ Греческой коллегіи при церкви св. Аѳанасія). Ихъ посылали черезъ каждые три года бывшія тогда двѣ базиліанскія провинціи Литовская и Русская. Оный фундушъ весь былъ папскій подъ вѣдомствомъ кардиналовъ конгрегаціи de propaganda fide; а что касается дома, принадлежащаго вообще къ польскимъ базиліанамъ, сей былъ поданъ и записанъ кардиналомъ изъ фамиліи князей Барбариныхъ, при коемъ домѣ находилась и небольшая уніатская церковь. Въ немъ прежде жилъ іеромонахъ, избранный въ повѣреннаго (прокураторъ) для ходатайства по дѣламъ ордена, послѣ того доданъ былъ и другой ему іеромонахъ для содержанія ризницы. Еще до 1790 г. отправленный изъ Русской базиліанской провинціи іеромонахъ и нынѣ тамъ находится и по присоединеніи не возвратился, и никто больше туда посланъ не былъ. Нынѣ же кто онаго дома владѣетъ, тотъ ли самый іеромонахъ

---

[1]) Архивъ св. Синода. Дѣло 1817 г. № 17 по каталогу 2 департамента Римск.-Католич. Духов. Коллегіи.

или кто другой, о томъ никакого формальнаго извѣстія не имѣется, но достовѣрно, что оный домъ къ учебному составу не принадлежитъ, но фундованъ прямо для прокуратора. Юноши тамъ не помѣщались. По окончаніи наукъ возвращались къ своимъ монастырямъ снабженные аттестатами на ученыя степени по выдержаніи экзамена по Академическимъ уставамъ папскаго государства" [1]).

Этотъ докладъ внесенъ митрополитомъ въ виду сдѣланнаго попечителемъ Виленскаго учебнаго округа министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія представленія о томъ, что въ Римѣ будто бы находится принадлежащій базиліанскому ордену домъ, въ которомъ содержится 4 монаха, посылаемые туда изъ ордена для усовершенствованія въ наукахъ, и что домъ этотъ пользуется будто бы покровительствомъ Императора.

В. Страшкевичъ.

Пѣсня на освобожденіе отъ панщины — въ 1861 году. Пѣсня эта представляетъ собою одинъ изъ откликовъ украинскаго народа, или отъ лица народа, на великое дѣло освобожденія крестьянъ отъ крѣпостнаго права. Она составлена въ видѣ *пародіи* на слѣдующую очень распространенную въ Малороссіи старинную народную любовную пѣсню:

Котылыся возы зъ горы
Тай въ долыни сталы.
Любылыся-кохалыся, —
Теперь перестaлы.

Ой такъ! моя мыла!
Коханая—чорнобрыва!
Я зъ тобою жыть не буду, —
По викъ тебе не забуду!

Котылыся возы зъ горы —
Поломалысь спыци,
А вжежъ мени не ходыты —
На ти вечорныци.

Ой такъ — и проч.

---

[1]) Архивъ св. Синода. Дѣло 1822 г. № 54 по каталогу 2 Департ., Римск.-Католич. Духовн. Коллегіи.

Котылыся возы зъ горы —
Поломалысь ярма;
А вжежъ мени не ходыты —
Де дивчина гарна!
Ой такъ — и проч.

И еще дальше есть нѣсколько куплетовъ...

—

Нижеслѣдующая пародія на эту пѣсню, осуждающая и осмѣивающая панщину и ея жестокости,—записана нами въ Уманскомъ уѣздѣ, Кіевск. губ., въ концѣ 60-хъ годовъ прошлаго вѣка, — отъ одного изъ кіевскихъ семинаристовъ.

Котылыся возы зъ горы,
Тай въ долыни сталы!
Паны дуже щыро былы, —
Теперъ — перестaлы.

Ой такъ — будьмо жыты —
За крипацьтвомъ не тужыты!
Ой такъ, дождалысь!
Тай утерлы комусь нисъ!

Ругалыся, згнущалыся,
Якъ сами хотилы, —
А мы мовчки та кризъ слезы
Панщину робылы!

Котылыся возы зъ горы —
Поломалы ярма:
Вжежъ намъ бильше не ходыты
На панщину дарма!

Булы паны, що й праздныки
По поламъ дилылы.
Про тежъ саме намъ й сусиды
Часто говорылы.

Котылыся возы зъ горы —
Поломалы оси:

Вжежъ намъ дворни не выдаты,
Де голи та боси...

Еще боси у застольни
Якъ небудь-бы жылы;
А то въ поли — зъ отарою
Безъ чобитъ ходылы.

Котылыся возы зъ горы —
Поломалы спыци:
Вжежъ панамъ не заглядаты
Дивкамъ пидъ спидныци!

Инши туды заглядалы,
Якъ булы сердыти;
Бильшъ же того, що робылы
Не за тымъ, щобъ быты...

Котылыся возы зъ горы —
Поломалы шворни;
Нема панамъ прежнёй воли. —
Будутъ жинкы вирни!

Першъ бувало якъ дивчину
Панъ яку полюбыть, —
Женыть хлопця протывъ воли,
Долю ёго згубыть!..

Ой такъ — будьмо жыты —
За крипацьтвомъ не тужыты!
Ой такъ — дождалысь!
Тай утерлы комусь нисъ...

Сообщ. **Л. М.**

Сенатскій указъ Кіевскому архіепископу Рафаилу Заборовскому, отъ 16 декабря, 1742 года, въ отвѣтъ на его ходатайство о возстановленіи нѣкоторыхъ правъ южнорусскаго духовенства и Кіевской Академіи. По указу Ея Імператорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ, слушавъ учиненного въ Сенатѣ экстракта по прошенію Вашему и всего той епархіи духовенства, которымъ просили: 1) о подтвержденіи указами Ея Імператорского Величества, дабы свѣтскіе командиры какъ священно, такъ и церковно-служителей безъ

вѣдома духовныхъ управителей къ мірскому суду, по силѣ прежнихъ указовъ, не привлекали и насильно не брали; 2) о подтвержденіи прежде данной отъ великого Государя и Царя и великого князя Іоанна Алексѣевича и государя императора Петра Великаго и благовѣрной Государыни Царевны Софіи Алексѣевны въ 7194-мъ году грамоты Гедеону Святополку князю Четвертенскому, митрополиту Кіевскому, на право тамошняго духовнаго чина и протчія въ Малой Россіи поведенія Ея Імператорского Величества грамотою вновь; 3) чтобъ въ Малой Россіи духовного чина людямъ покупку и продажу, доброхотное даяніе грунтовъ и протчихъ угодей къ монастырямъ и церквамъ попрежнему дозволить; 4) о защищеніи въ Польской области благочестиваго духовенства, къ епархіи Кіевской принадлежащихъ, понеже де нынѣ великія тяжести, озлобленіи и гоненіи отъ ляховъ оные благочестивые претерпѣваютъ, и ищутъ они ляхи крайняго святому благочестію искорененія, и многія святыя Церкви отъ благочестивыхъ уже отняли насильно и обратили на унію; 5) чтобъ прежде данныя Академіи Кіевской жалованныя грамоты подтвердить Ея Імператорскаго Величества всемилостивѣйшею грамотою и во оную опредѣленную на учителей и для содержанія и возобновленія церкви и чинамъ повсегодную сумму по двѣсти рублевъ, которые велѣно изъ Малороссійскаго войсковаго скарбу по давному обыкновенію и указу 741 года состоявшемуся отпускать; 6) чтобъ монастырскимъ Кіевской епархіи на сей сторонѣ Днѣпра обывателемъ за понесенные во время прошедшей войны многія тягости и за издержанныя отъ монастыря подъ слѣдующі[illegible]сійского и турецкаго пословъ на наемъ подводъ деньги 3091 ру[illegible]копѣекъ въ податяхъ учинить облегченіе; *приказалъ*: по 1, о небраніи [illegible]ховныхъ персонъ подъ свѣтской судъ безъ сношенія съ духовнымъ Правительствомъ подтвердить въ Малую Россію, въ Генеральную Войсковую Канцелярію, и въ Кіевъ, и въ Слободскіе полки указами, дабы въ томъ съ духовными персоны поступано было по силѣ состоявшагося блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государя Імператора Петра Великаго на докладѣ Св. Синода 1721 года марта 15 дня и посланныхъ изъ Правительствующаго Сената въ губерніи въ подтвержденіе оного въ нынѣшнемъ 742 году въ іюлѣ мѣсяцѣ указовъ, подъ опасеніемъ за неисполненіе надлежащаго по указамъ штрафа; по 2-му, съ Иностранною Коллегіею справиться по силѣ данной Его Преосвященству въ 7194 году на прежнія тамошняго духовнаго чина права и поведеніи грамоты другія въ подтвержденіе

даваны были ль, и въ которыхъ годѣхъ имянно, и на такомъ ли основаніи, какъ оная дана, или съ какими при томъ отмѣнами, и буде даны были, со оныхъ въ Правительствующій Сенатъ сообщить точныя копіи, и какъ получены будутъ, тогда доложить; по 3-му, духовному чину къ монастырямъ и церквамъ недвижимыхъ имѣній не покупать ни подъ какимъ видомъ и никакими сдѣлками въ поминовеніе вкладомъ никому не давать и не укрѣплять, ибо то состоявшимися въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ въ 728 году рѣшительными пунктами точно отрѣшено; по 4-му, о защищеніи и охраненіи обрѣтающихся въ Польской области благочестивыхъ церквей и духовенства разсмотрѣть и опредѣленіе учинить коллегіи иностранныхъ дѣлъ, и что учинено будетъ, въ Сенатъ прислать извѣстіе; по 5-му, данную Кіевской Академіи грамоту со внесеніемъ во оную о повсягодномъ по силѣ Правительствующаго Сената 741 году октября 2 дня опредѣленія на учителей и на починку церквей и школъ изъ войскового скарбу по двѣсти рублевъ отпускѣ подтвердить и нынѣ опредѣленную сумму ежегодно отпускать (и сочиня оную, предложить Правительствующему Сенату къ подписанію); 6, что же Ваше Преосвященство съ тамошнимъ духовенствомъ просили о полегченіи монастырскихъ подданныхъ въ общенародныхъ податяхъ для понесенныхъ отъ 733 году въ бывшихъ военныхъ тамо обращеніяхъ ихъ тягостей, и объ ономъ объявить, дабы обождано было до того времяни, когда, по силѣ имяного Ея Императорского Величества указу, состоявшагося въ прошломъ 1741 году декабря 15 дня о всѣхъ въ Малой Россіи въ то время понесенныхъ убыткахъ генерально разсмотрѣно будетъ. Преосвященному Архіепископу, и проч. [1]).

Примѣчаніе. По содержанію сего указа, ходатайство возбуждено было Кіевской Духовною Консисторіею, въ составъ которой входили: Кіево-Никольскій архимандритъ Назарій Солонина, Кіево-Михайловскій архимандритъ Сильвестръ Душницкій, архимандритъ Платонъ (Левицкій), Выдубецкій игуменъ Гавріилъ (Леопольскій), Кирилловскій игуменъ Германъ (Конашевичъ), Кіево-Софійскій Намѣстникъ Іеронимъ (Миткевичъ), іеромонахъ Варсонофій Гуторовичъ, катедральный писарь іеромонахъ Модестъ (Стефановичъ) и архидіаконъ Викентій.

---

[1]) Книга указовъ въ архивѣ Кіевской Духовной Консисторіи за 1743 годъ, № 11.

Представленіе о семъ архіепископа Рафаила Заборовскаго подписано 9 мая 1742 года и послано въ Москву къ отправившемуся туда для поздравленія Императрицы, архимандриту Кіево-Братскаго монастыря и ректору Кіевской Академіи Сильвестру Кулябкѣ[1]).

Сообщ. Проф. **Н. Петровъ.**

„Стужа“ въ Малороссіи въ мартѣ 1748 г. Мартъ 1748 года выдался въ Малороссіи настолько холодный, что отъ „безмѣрной стужи“ не только погибла масса скота, но были и человѣческія жертвы. Имѣются данныя о количествѣ погибшихъ людей и скота въ Полтавскомъ полку, гдѣ, какъ кажется, „стужа“ была особенно сильна. Отъ этой мартовской „безмѣрной стужи“ въ Полтавскомъ полку „змерзло“ 10 человѣкъ, а скота погибло — 416 лошадей, 5485 головъ рогатаго скота и 72364 овецъ. Особенно сильна стужа была, надо полагать, въ сотнѣ „Керебердянской“ (Келебердянской), гдѣ погибло—2 человѣка, 86 лошадей, 1733 головы рогатаго скота и овецъ — 16287. Были жертвы и въ самомъ городѣ Полтавѣ — 1 человѣкъ, 24 лошади, 360 головъ рогатаго скота и 2158 овецъ. Донося объ этомъ Императрицѣ Елизаветѣ, малороссійская генеральная войсковая канцелярія добавляла: „небезуповатепно, что от той стужи і в других малороссійских полках таковъ же убытокъ послѣдовал“, — только о другихъ полкахъ канцелярія не располагала цифровыми данными. (Моск. Арх. Министерства Юстиціи, № 151/1878).

Вл. П—ко.

Свѣдѣніе о количествѣ провіанта, выданнаго изъ магазиновъ Кіевской губерніи на расквартированные въ Малороссіи полки (1715—1717 г.г.). Какъ извѣстно, съ 1712 года стали расквартировываться въ Малороссіи великорусскіе полки. Помимо, конечно, цѣлей чисто экономическихъ, подъ этимъ фактомъ скрывалось желаніе правительства исключить всякую возможность повторенія тѣхъ событій, которыя совершились въ Малороссіи въ 1708—1709 годахъ... Поводъ къ такой мѣрѣ подалъ Шереметьевъ: по замѣчанію малоросс.

---

[1]) Тамъ-же.

лѣтописца, «въ року 1712 какъ сталъ Борисъ Петровичъ Шереметьевъ съ дивизіею своею на вѣнтер-квартирахъ въ Малой Россіи, с позволенія гетмана Скоропадского, такъ и по всякій годъ начала армия великороссійская въ Малороссіи имѣть зимніе квартири и сустентацію на себе и коней от обивателей получать» [1]). Продовольствіе всѣхъ этихъ войскъ и ихъ лошадей возложено было на всѣхъ обывателей; какъ самый провіантъ, такъ и доставка его были безъ платы со стороны правительства; мука, крупа, овесъ, сѣно, сало и пр. должны были доставляться въ натурѣ. Для сбора продовольствія на консистентовъ были учреждены въ полкахъ и сотняхъ коммиссары, которые должны были собирать съ обывателей «порціоны и раціоны»... Само собой разумѣется, что стоянка великорусскихъ войскъ въ Малороссіи ложилась тяжкимъ бременемъ на народъ, который имѣлъ на своихъ плечахъ еще и державцевъ; къ тому-же при пріемкѣ и доставкѣ провіанта имѣла мѣсто масса злоупотребленій со стороны русскихъ офицеровъ, сопровождавшаяся надругательствами и насмѣшками надъ малороссіянами [2]). Понятно поэтому, что Скоропадскій, подавая въ 1722 г. челобитную Петру Великому, въ первомъ ея пунктѣ поставилъ просьбу объ отмѣнѣ „стаціи", „ибо, писалъ онъ, такъ козаки, яко и посполитые остались малочислены, съ которыхъ козаки знести того не могутъ, чтобъ и драгунъ кормити и по званію своему Вашему Величеству служити" [3]). Небезъинтересно поэтому привести цифры, въ которыхъ выражалась эта повинность малороссіянъ, — содержаніе великорусскихъ полковъ.

„Вѣденіе, сколко чрез тры года, 1715, 1716 и 1717, въ лѣтніе мѣсяцѣ од людей рейменту нашего на полки армейскіе, зде консистуючіе, видано провіанту, якихъ консистентовъ монаршимъ указомъ, в премощнѣйшихъ его царского пресвѣтлого величества грамотахъ изображеннимъ провіантомъ з магазеновъ кгуберніи кіевской в помянутіе лѣтніе мѣсяцѣ велено сустентовать, да оних не сустентовано".

1-mo. Року 1715. Въ семъ выжей намѣненномъ року виданый на два мѣсяцѣ лѣтніе провіантъ декляровалъ словесно его княжое сіателство господинъ Димитрій Михайловичъ Голицинъ, кгубернаторъ

---

[1]) Краткое описаніе Малороссіи, стр. 211, изд. 1878 г.

[2]) См. Маркевичъ. II, стр. 541—43.

[3]) Маркевичъ. III. 338.

кіевскій, приняти в зачотъ за Камянозатонскій; когда ѣхалъ его сіятелство до Санктъ Пѣтербурха, и мы на встрѣть посилали тогда до Конотопу пана писара нашого войскового енералного в року 1717, хочай тотъ провіантъ прежде указовъ сенатскихъ и прежде листовъ кгубернаторскихъ подлугъ енералного расположенія виданъ:

На одинадцать полковъ, рахуючи в томъ же числѣ главный коммѣссаріатъ, полевую аптеку и инные придатки за полкъ, видано провіанту на два лѣтніе мѣсяцѣ:

Муки четвеpичковъ (якихъ в четверти осмъ числится) — 52800; з того чинитъ четвертей — 6600.

Крупъ на одного человѣка по два кгарци в мѣсяцъ, виноситъ за два мѣсяца кгарцовъ — 52800; з того числа кгарцовъ чинитъ четвеpичковъ — 6600; з четвеpичковъ виноситъ четвертей — 825.

Соли по два фунти на человѣка в мѣсяцъ, виноситъ на два мѣсяци фунтовъ — 52800; з того чинитъ каменей – 1320 [1]).

Сала по пятнадцять фунтовъ на одного человѣка в мѣсяцъ, виноситъ на два мѣсяцѣ фунтовъ — 396000; з того чинитъ каменей — 9900.

2-do. Року 1716. На одинадцять же полковъ армейскихъ видано на пять лѣтныхъ мѣсяцей:

Муки четвеpичковъ 132000; з того чинитъ четвертей—16500.

Крупъ кгарцей виноситъ — 132000; з того чинитъ четвеpичковъ—16500; з того четвертей—2062 и четвеpичковъ—4.

Соли фунтовъ—132000; з того чинитъ каменей—3300.

Сала фунтовъ—1980000; з того чинитъ каменей — 49500.

В. В сихъ виpаженныхъ рокахъ были полки в комплетѣ и числилося в нихъ людей—13200, которіи всѣ вижей спецѣфікованную муку, крупи, соль и сало получали.

3-tio. Року 1717. На девять армейскихъ полковъ, в которихъ комплетъ чинилъ людей 10800, такожъ видавано в лѣтніе мѣсяцѣ на шесть, а поневажъ з тихъ же полковъ было коммендеровано на работу людей—2400 (которимъ в дорогу такожъ на мѣсяцъ провіанту

---

[1]) Слѣдовательно, *камень* (единица вѣса, употреблявшаяся въ старой Малороссіи) равнялся 40 фунтамъ.

видано),—теды на 8400 тилко провіантъ даванный на шесть мѣсяцей зде числится, а именно видано:

Муки четверичковъ - 100800; з того чинитъ четвертей—12600.

Круповъ кгарцей—100800; з того четверичковъ виноситъ --12600; з тихъ чинитъ четвертей—1575.

Соли фунтовъ—100800; з того чинитъ каменей—2520.

Сала фунтовъ—864000; з того чинитъ каменей—21600.

За сіе всѣ три роки счисливши вкупу виданный провіантъ виноситъ in summa:

Муки четвертей—35700.

Круповъ четвертей—4462 и четверичковъ 4.

Соли каменей—7140.

Сала каменей—81000

Вѣденіе, сколко подлугъ листовъ подлинныхъ од сіателнѣйшого князя его милости господина Димитрія Михайловича Голицина, кгубернатора кіевского, до насъ писанних, выдано чрез два года, 1716 и 1717, в лѣтніе мѣсяцѣ на войска армейскіе од людей рейменту нашего за Камянозатонскій провіанту:

1-mo. Року. 1716. На одинадцять комплетовихъ полковъ на два лѣтніе мѣсяцѣ видано:

Муки четвертей--6600; крупъ четвертей—825; соли каменей—13200; сала каменей—9900.

2-do. Року 1717. На девять полковъ некомплетовихъ (бо з каждого по 300 человѣкъ посилано на роботу, опрочъ коммѣссаріату, полевой аптеки и проч., що за полкъ числилося) видавано на шесть мѣсяцей, а именно на человѣка--8400:

Видано теды: муки четвертей—12600; круповъ четвертей—1575; соли каменей—2520; сала каменей—21600.

Да в семъ-же року 1717 коммендерованнымъ 2400 человѣкамъ в Санктъ Пітербурхъ видано провіанту на одинъ мѣсяцъ, которого чинитъ:

Муки—600 четвертей; крупъ—75 четвертей; соли—120 каменей; сала—900 каменей. Итого всего учинитъ: муки—19800 четвертей; крупъ — 2501 четверть; соли — 3960 каменей; сала — 32400 каменей.

В сихъ двохъ рокахъ виданного провіанту, соли, крупъ и сала виноситъ сумма:

Муки четвертей—19200.

Крупъ четвертей—2400.

Соли каменей—3840.

Сала каменей—31500.

Сюю чрезъ трилѣтнее время од обывателей рейменту нашего на войска армейскіе, зде консистуючіе, в помянутіе лѣтніе мѣсяцѣ провіанту выдачу для лучшого достовѣріа рукою нашею подписуемъ.

Іванъ Скоропадский, гетманъ войска его царского пресвѣтлого величества запорожского.

Такое віденіе за собственною рукою рейментарскою подано в канцелляріи Кіево-кгубернской року 1719, мая дня 23",

(Съ современной подлиннику копіи, находящейся среди бумагъ А. М. Лазаревскаго).

В. Модзалевскій.

Извѣщенія Редакціи. Редакція журнала «Кіевская Старина» симъ извѣщаетъ нижепоименованныхъ лицъ, что ею получены въ теченіе іюня, іюля и августа 1905 г. слѣдующія суммы.

1) На сооруженіе *памятника Т. Г. Шевченку:* а) Отъ Единецкаго кружка любителей драматическаго искусства — 25 р; б) изъ Петербурга — Н. Кармалыга 3 р., И. Калениченко 3 р., Я. Калениченко — 2 р., Т. Кальмуцкій, И. Порубаймихъ, К. Назаренко, В. Цехмистренко, Г. Ченакалъ, А. Калениченко, С. Мотинъ, Адамовичъ, Н. Кожикинъ — по 1 р., — итого 17 рублей; в) черезъ магазинъ «Кіевской Старины» — Иванъ Слыва 20 к., Степаныда Щербынына и Харитонъ Горощенко по 15 к., Федько Царенко 10 к., — итого 60 к. Всего поступило—*42 р. 60 к.;* что, вмѣстѣ съ прежними 502 р. (см. № 4-ый), составитъ *544 р. 60 к*, которые будутъ храниться въ редакціи до времени учрежденія постоянной коммиссіи по устройству памятника Т. Г. Шевченку. Туда-же будутъ направлены и всѣ новыя пожертвованія.

2) На поддержаніе *могилы Т. Г. Шевченка*: а) черезъ *г. П-цкаго* Катря Рябоконь и Григорій Кузнецъ по 50 к., Мотря Сичова, Окса-

на Сичова, Иванъ Зимніусъ, Наталка Квитковская, Василь Тарасенко, Владиміръ Бойко, Степанъ Шкуратъ, Михайло Кужиль, Василь Долженко — по 25 к., П-цкій 20 к., — итого 3 р. 45 к.; б) отъ И. и З. Мѣрныхъ — 5 р. Всего *8 р. 45 к.*, что, вмѣстѣ съ прежде поступившими 434 р. 75 к. (см. № 3-й), составитъ *443 р. 20 к.* На эти средства будетъ устроена каменная лѣстница на могильный курганъ, а также будетъ произведена посадка деревъ и кустарниковъ на площади, вновь прирѣзанной г. Каневомъ къ усадьбѣ Шевченковой Горы.

ЛИТЕРАТУРА

О

В. Н. КАРАЗИНѢ.

Источники и пособія.

Абрамовъ, Я. В. „В. Н. Каразинъ, его жизнь и общественная дѣятельность“. Спб. 1891 г.

Анастасевичъ, В. „Записка о Василіи Назарьевичѣ Каразинѣ“. Чтеніе въ Общ. Ист. и Древн. Россійск. 1861 г. т. 3-й.

Проф. Багалѣй, Д. И. „Опытъ исторіи Харьковскаго университета (по неизданнымъ матеріаламъ“, т. I-й. Харьковъ, 1893 — 1898 гг.

Его-же. „Просвѣтительная дѣятельность Василія Назаровича Каразина“. Записки Императ. Харьковск. университ. 1893 г. кн. 3.

Его-же. „Къ біографіи В. Н. Каразина“. Сборникъ Харьковскаго Историко-Филол. Общества, т. 3. Харьковъ, 1891 г.

Его-же. „Матеріалы для біографій южно-русскихъ научно-литературныхъ дѣятелей XIX вѣка“. Кіевъ, 1903 г.

Его-же. „Назарій Александровичъ Каразинъ и его колоколъ“. Кіевская Старина, 1892 г. ноябрь.

Его-же. «Каразинъ Василій Назаровичъ». Энциклопедич. словарь Брокгауза и Ефрона, т. 27.

Барсуковъ. Н „Жизнь и труды М. П. Погодина“ кн. 2, 3, 6 и 7. Спб 1888 — 1893 г

Бодянскій, О. „Замѣчаніе къ запискѣ о В. Н. Каразинѣ“. Отзывъ по поводу „замѣчанія къ запискѣ о В. Н. Каразинѣ“. Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Россійск. 1861 г. т. 3.

Его-же. „Попытка В. Н. Каразина бѣжать за границу“. Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Россійск. 1866 г. т. 3.

Бочаровъ. „Памяти В. Н. Каразина“. Московская Иллюстрирован. Газета, 1892 г. № 307.

То-же въ „Южномъ Краѣ“ 1892 г. № 4070 (отъ 8 ноября).

Геннади, Г. Н. „Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ и списокъ русскихъ книгъ съ 1725 по 1825 гг. т. II. Берлинъ, 1880 г.“.

Герценъ. „Императоръ Александръ I и В. Н. Каразинъ“. Полярная звѣзда 1862 г. изд. Герценомъ т. VII, вып. II стр. 57 — 72. Лондонъ.

Гулакъ-Артемовскій. „Солопій та Хивря або Горохъ пры дорозі“.— Казка. Украинскій Вѣстникъ, 1819 г. ч. 16, кн. 8, октябрь.

Данилевскій, Г. П. „Матеріалы для исторіи украинской литературы и народнаго образованія. Украинская Старина, Харьковъ, 1866 г.

Его-же. „В. Н. Каразинъ“. Харьковск. Губернск. Вѣдомости за 1860 г., №№ 67—68.

Его-же. „Василій Назаровичъ Каразинъ“ Русская Старина, 1872 г. т. VI.

Державинъ, Г. Р. „Записки“ Изд. Русской Бесѣды, Москва, 1860 г.

Дубровинъ, Н. „Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка“. Русская Старина, 1900 г.—октябрь, ноябрь; 1901 г.—октябрь.

Его-же. „Графъ А. А. Бенкендорфъ и В. Н. Каразинъ“. Русская Старина, 1903 г.—апрѣль.

Его-же. „Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе Императора Александра I-го (съ 1807 по 1829 гг.), Спб. 1883 г.

Его-же. „Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива 1-го отдѣленія Канцеляріи Его Величества“. Вып. I-й, Спб. 1878 г.

Его-же. „Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи“. В. 2-й, Спб.—1889 г.; вып. 5-й—1892 г.; вып. 7-й—1895 г.; вып. 9, Спб. 1897 г.; вып. 11-й, Спб. 1898 г. (подъ редакціей Дубровина).

Н. Д. (Дубровинъ) „Стихотвореніе В. Н. Каразина, написанное имъ въ 1809 году“ (не принадл. Каразину). Русская Старина, 1903 г. сент. стр. 558.

Жихаревъ. „Записки современника или записки студента“, т. II-й, стр. 444.

Иконниковъ, В. С. „Графъ Н. С. Мордвиновъ“. Спб. 1873 г.

Его-же. „Опытъ русской исторіографіи“, т. I, кн. 1-я, стр. 702, 803, 847; т. I-й, кн. 2-я, стр.: 925, 935, 938, 1154, 1161, 1181, 1183, 1184.

Илляшевичъ, Л. В. „Очеркъ исторіи харьковскаго дворянства“. Харьковъ, 1885 г.

Каразинъ, Ф. В. „Василій Назаровичъ Каразинъ, основатель Харьковскаго университета“. Русская Старина 1875 г., т. XII, XIII и XIV.

Его-же. „Отвѣтъ г. Оресту Миллеру“. Голосъ, 1871 г. № 38.

Его-же. „Василій Назаровичъ Каразинъ. Біографическія замѣтки“. Русская Старина, 1871 г. т. 3;

— Также—Русская Старина 1870 г., т. 2.

Его-же. „Письмо Ф. В. Каразина (біографич. записка) объ отцѣ его А. Г. Тройницкому“. Русскій Архивъ. 1894 г., т. I-й.

Его-же. „Замѣтки на біографіи В. Н. Каразина“, составленныя Г. П. Данилевскимъ и напечатанныя въ Сѣверной Пчелѣ за 1860 г. № 92.

Его-же. Статья въ „Сѣверной Пчелѣ“ за 1855 г. № 4.

См. также въ „Сѣверной Пчелѣ“ за 1854 г. № 235.

Его-же. „Письмо къ Г. П. Данилевскому“. Современная лѣтопись, 1865 г. № 16. Ст. Н. Н.

Калайдовичъ, К. Ф. „Записки важныя и мелочныя“. Лѣтописи русской литературы и древности, изд. Н. Тихонравовымъ, т. III, стр. 81 и 105. М. 1861 г.

Кеппенъ, Г. „Нѣкоторыя свѣдѣнія о В. Н. Каразинѣ“. Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Россійск. 1863 г., т. III-й смѣсь.

Проф. Лавровскій, Н. А. „Василій Назарьевичъ Каразинъ и открытіе Харьковскаго университета“. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, ч. CLIX, Спб. 1872 г.

Его-же. „Воспоминаніе о Василіи Назаровичѣ Каразинѣ“. Журн. Минист. Народн. Просв., ч. CLXV, 1873 г., февраль.

Прот. о. Н. Лащенковъ. „Василій Назарьевичъ Каразинъ, какъ помѣщикъ села Кручина“. Харьковскій Сборникъ на 1887 г. Харьковъ, 1887 годъ.

Л. (Лесли). „Иванъ Филипповичъ Вернетъ“. Современникъ 1847 г., т. I-й, стр. 172—173.

Лопаревъ Хрусанѳъ. — „Описаніе рукописей импер. общ. любител. древней письменности“, ч. I, Спб. 1892 г. CXXXI, 15, 16, 17, 18, 21 и 22.

Лященко, А. „Къ исторіи Харьковскаго университета“. Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества, т. 8-й. Харьковъ, 1896 г.

Межовъ. Библіографическій указатель книгъ и статей по русской и по всеобщей исторіи, т.т. I-й, II-й, III-й и IV.

Жозефъ-де-Местръ. „Письма изъ Петербурга въ Италію“. Русскій Архивъ, 1871 г, стр. 135—138.

Миллеръ, Д. П. „Арестъ и ссылка В. Н. Каразина“. Историческій Вѣстникъ, 1900 г. - апрѣль.

Его-же. „В. Н. Каразинъ и кн. П. И. Трубецкой“. Историческій Вѣстникъ, 1900 г.—іюнь.

Миллеръ, О. „Каразинъ и Карамзинъ“. Голосъ, 1871 г., № 18.

N, N. „Ст. о В. Н. Каразинѣ“. Голосъ, 1870 г., № 340, фельетонъ, (переписка съ Кочубеемъ и критич. записки К — на).

Петровъ, Н. И. „Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія“. Кіевъ, 1884 г.

Погодинъ, М. „Николай Михайловичъ Карамзинъ, по его сочиненіямъ, письмамъ и отзывамъ современниковъ“, ч. II. Москва, 1866 г.

Пыпинъ, А. Н. „Общественное движеніе въ Россіи въ царствованіе Императора Александра I-го“. Изд. 3-е. Спб. 1900 г.

П. Е. Статья въ „Николаевскомъ Вѣстникѣ“ за 1873 г. № 13.

Рождественскій, С. В. „Историческій обзоръ дѣятельности Мин. Нар. Просв. 1802—1902“. Изд. Мин. Нар. Просв. Спб. 1902 г.,

Проф. Роммель. „Пять лѣтъ изъ исторіи Харьковскаго университета“. Харьковъ, 1868 г.

Сахаровъ, И. П. „Записки“, Русскій Архивъ, 1873 г., т. I-й.

Семевскій, В. И. „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка“, т. I-й. Спб., 1888 г.

Его-же. „Нѣсколько словъ о В. Н. Каразинѣ“. Вѣстникъ Европы, 1893 г.—февраль.

Семевскій, М. И. „О сооруженіи памятника В. Н. Каразину“. Русская Старина, 1873 г., т. 7, стр. 418.

Сербиновичъ, К. „Н. М. Карамзинъ и А. О. Воейковъ“. Русская Старина, 1872 г., т. 5.

Срезневскій, И. „Каразинъ Василій Назаровичъ“. Русскій біографическій словарь Половцева. Спб., 1897 г.

Проф. Сумцовъ, Н. Ѳ. „Три письма В. Н. Каразина“. Сборникъ Харьковскаго Историко-филолог. Общества, кн. III. Харьковъ, 1891 г.

Его-же. „Культурный уголокъ Харьковской губерніи (Поповская Академія)“. Харьковъ, 1888 г. Отд. оттискъ „Харьк. Сборн.“ за 1888 г.

Сухомлиновъ, М. „Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Императора Александра I-го. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, ч. CXXVIII, Спб. 1865 года и ч. CXXXII, Спб. 1866 годъ.

Сушковъ, Н. „Изъ записокъ о времени Александра I-го“. Вѣстникъ Европы, 1867 г., т. II-й.

С—ій. „Къ біографіи В. Н. Каразина“. День, 1865 г. № 16.

Тихонравовъ, Н. „Лѣтописи русской литературы и древностей“, т. III. Москва, 1861 г.

Tourgeneff, N. „La Russie et les Rusees, t. I. Paris, 1847.

Трифильевъ, Е. „Бѣгство В. Н. Каразина за границу“. Записки Харьковскаго ун—та, 1901 г. кн. 2-я.

Тройницкій, А. Г. „Некрологъ“. Одесскій Вѣстникъ, 1842 г. № 95 (28 ноября). — Также „Одесскій Вѣстникъ“, 1873 г. № 23.

Толль, Ф. „Настольный Словарь“, т. II: „Каразинъ“. Изд. 1864 г.

Т. В. „Письмо къ Издателю“ Сынъ Отечества. Критики статьи В. Н. Каразина: „Чистая Правда“. Сынъ Отечества, 1819 г. ч. 57, № 44.

Фойгтъ, К. „Историко-статистическія записки о Харьковскомъ унив—тѣ“. Харьковъ, 1859 г.

Его же „Матеріалы для исторіи основанія Харьковскаго уни-та“. Харьковскія Губернскія Вѣдомости, 1878 г. №№ 9—47.

Фортунатовъ, Ѳ. „Памятныя записки Вологжанина“ Русскій Архивъ, 1867 г.

Х*** „О В. Н. Каразинѣ“ Харьков. Губернск. Вѣдомости, 1875 г. № 241.

Шашковъ, С. „Движеніе русской общественной мысли въ началѣ XIX вѣка“. Дѣло, № 6.

Шильдеръ, Н. К. „Императоръ Александръ Первый, его жизнь и царствованіе“, т. II, Спб. 1897 г.; т. IV Спб. 1898.

Его же „Имп. Ник. I-ый“, т. I-ый Спб. 1903. 528 стр.

Его же. „Два доноса въ 1831 г." Русская Старина, 1899 г. т. 97, стр. 294—5; 608—9.

Шмидъ, Е. „Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи". Переводъ съ нѣмец. А. О. Нейлисова, Спб. 1878 г.

Шугуровъ, Н. „Илья Өедоровичъ Тимковскій. педагогъ прошлаго времени". Кіевская Старина, 1891 г. т. 34.

Ярославскій, В. И. „Воспоминанія". Харьковскій Сборникъ на 1887 г. Харьковъ, 1887 г.

Z. „Дополненіе къ „Запискѣ" Каразина императору Александру I-му". С.-Петербургскія Вѣдомости, 1871 г. № 9.

„В. Н. Каразинъ и господство надъ природой". Рус. Арх. 1892 г. кн. 5.

„Данныя о сочиненіяхъ В. Н. Каразина". Кіевская Старина, т. 38, стр. 180.

Записка губернатора Муратова о статскомъ совѣтникѣ Каразинѣ". Русская Старина, 1900 г. т. 103, стр. 153.

„Чествованіе памяти В. Н. Каразина въ Харьковскомъ унив-тѣ по случаю 50-лѣтія со дня его кончины". Кіевская Старина, 1892 г. декабрь.

Молодикъ, журналъ на 1844 г.; изд. И. Е. Бецкимъ. Спб. 1844. стр. 241–243.

Московскія Вѣдомости, 1842 г. № 101, стр. 766 То же: 1861 г. № 114 стр. 914.

Харьковскія Вѣдомости, 1869 г. № 1—51. То же, 1873 г. № 27 и № 140. То же, 1874 г. № 241. То же, 1880 г. № 155. То же, 1892 г. №№ 283, 287, 288, 290, 291.

Южный Край, 1889 г. № 2766 (отъ 17-го янв.) 1890 г. № 3108 (отъ 17-го янв.). То же, 1891 г. № 3793 (отъ 17-го янв.). То же, 1892 г. № 4066 (отъ 4 нояб.), № 4070 (отъ 8 нояб.) и № 4071 (отъ 9 ноября).

„Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки" за 1878 г. Спб. 1879, стр. 23—25.

„Сборникъ постановленій по Министерству Народнаго Просвѣщенія т. I (1802—1825 гг.). Спб. 1864 г.

„Сборникъ статей по славяновѣдѣнію", изд. учениками В. И. Лошанскаго [1]).

„Евгеніевскій Сборникъ" XV—XVI [1]).

„Собраніе мнѣній Н. Р. Мордвинова", т. X. Отвѣтъ В. Н. Каразину о состояніи финансовъ въ Россіи отъ 28-го мая 1832 г. [1]).

---

[1]) На эту книгу найдено лишь указаніе; ею мы не пользовались и указываемъ лишь въ интересахъ полноты литературы о В. Н. Каразинѣ.

„Труды Общества любителей россійской словесности“ за 1819 г. тт. VIII и IX.

„Циркуляръ по Харьковскому Учебному Округу“, 1875 г., № 7.

Нѣкоторые матеріалы помѣщены также въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1863 г. стр. 461, 469; и за 1875 г. т. I-ый, стр. 352.

Рядъ статей изъ Энциклопедич. Слов. изд. Брокгауза и Ефрона.

Письма.

Н. Карамзина къ В. Н. Каразину отъ 25-го мая 1818 г. Русская Старина, 1900 г. апрѣль, стр. 138.

Н. М. Карамзина къ Каразину. Тамъ же, мартъ, стр. 684.

Н. М. Карамзина къ князю Вяземскому отъ 11-го сентября 1818 г.— „Старина и Новизна“. Историч. Сборникъ, изд. при Обществѣ ревнителей русскаго просвѣщенія имп. Александра III, Спб. 1897 г. стр. 61—62.

Тамъ же справки о В. Н. Каразинѣ, стр. 296.

„Письма Карамзина къ Дмитріеву“, изданныя Гротомъ и Пекарскимъ, Спб.

М. Н. Муравьева къ В. Н. Каразину. Русская Старина, 1900 г. т. 103, стр. 56.

Тамъ же отъ 28-го марта 1805 г. и „Дипломъ В. Н. Каразина на званіе почетнаго члена Московскаго ун-та. Русская Старина 1900 г. апрѣль, стр. 186.

Коновницына П. къ В. Н. Каразину отъ 26-го мая 1813 г. Тамъ же, т. 103, стр. 392.

О. Козодавлева къ В. Н. Каразину, по поводу устройства въ Москвѣ конторы Филотехническаго Общества. Русская Старина, 1901 г. стр. 200, іюль, (отъ 17 апр. 1815 г.).

Прокоповича-Антонскаго: „Избраніе Василія Назаровича Каразина въ дѣйствительные члены Общества любителей россійской словесности“. Тамъ же, февраль, стр. 470 (отъ 22-го апрѣля 1818 г.).

Кіевскаго митрополита Амвросія къ петербургскому митрополиту отъ 7-го марта 1804 г. Русская Старина, 1901 г. мартъ. стр. 742.

Гр. В. Кочубея къ В. Н. Каразину отъ 13-го февр. 1811 г. Русская Старина, 1900 г. іюнь, 592.

Е. Константиновича В. Н. Каразину отъ 9-го іюля 1801 г. Русская Старина, 1900 г. октябрь, стр. 192.

Г. Р. Державина къ В. Н. Каразину, по поводу его рѣчи, произнесенной въ Филотехническомъ Обществѣ, отъ 5-го марта 1814 г. Русская Старина, 1900 г. ноябрь, 482.

Императора Александра I-го къ кн. Салтыкову. Русскій Архивъ 1876 г., № 1, стр. 59.

Три письма Сперанскаго къ Каразину 1801 г. Харьковскія Губерн. Вѣдомости 1875 г. № 241.

NN къ Каразину. Тамъ же.

Ѳедора Манжаренки. Тамъ же.

А. А. Палицына къ В. Н. Каразину. Молодикъ на 1844 г. Харьковъ, 1843 г. стр. 204—205.

И. В. Васильчикова къ кн. А. С. Меньшикову. Русскій Архивъ 1875 г. т. III, стр. 417—418.

И. В. Васильчикова къ императору Александру І-му отъ 26 ноября 1820 г. Тамъ же, т. II, стр. 925.

М. Погодина къ Шевыреву Русскій Архивъ 1894 г. I 561—572. 1882 г. кн. 5—6.

Митрополита Евгенія Болховитинова къ В. Г. Анастасевичу. Русскій Архивъ 1889 г. кн. 2-я.

„Письмо изъ С.-Петербурга къ автору рѣчи о важности лѣсоводства". Украинскій Вѣстникъ, 1818 г. январь.

Переписка митр. Евгенія съ гр. Д. И. Хвостовымъ.

29 писемъ къ В. Н. Каразину разныхъ лицъ въ періодъ отъ 1801 по 1841 гг. напечатаны въ „Сѣверной Пчелѣ" за 1860 г. № 92.

Матеріалы собраны до 1903 года включительно. Мелкія замѣтки въ Харьковскихъ газетахъ не указаны за незначительностью ихъ.

Кромѣ указанныхъ печатныхъ пособій, матеріаломъ для монографіи служили многочисленные документы въ рукописяхъ, частью которыхъ далъ намъ воспользоваться проф. Д. И. Багалѣй; другая часть найдена нами въ архивахъ Харьковск. И. Ун-та, Х. Дворянскаго Деп. Собранія, церкви села Крючика и рукописяхъ, хранящихся въ Фунд. Библ. Харьк. ун-та. Между прочимъ найдены и разсмотрѣны слѣдующія „Дѣла" еще не опубликованныя:

„О внесеніи въ дворянскую родословную книгу Василія Назарьева сына Каразина 1799 года" на 5 листахъ. По описи дѣлъ Слоб. Укр. Деп. Двор. Собр. о внесеніи въ родосл. кн. № 8.

„Объ отправленіи Депутатовъ въ г. Москву для принесенія имп. Алексанру I вѣрноподд. благодарности за подтвержденныя грамоты дворянамъ, жалованными Екатериной Второю, и обзорѣ для таковой поѣздки на содержаніе", 1801 г. на 184 л. По описи дѣлъ Харьк. Деп. Собр. и Губ. Предв. Двор. 1783—1827 г. № 6.

„О разсылкѣ къ Уѣздкымъ Предводит. Двор. по 4 экземпляра Филотехническаго Общества правилъ" 1811 г. на 15 л. По той же описи № 10.

„О внесеніи въ двор. родосл. кн. Каразина В. Н. ст. сов. жены его Александры и дѣтей Василія, Егора, Филадельфа, Александра, Николая, Валеріана и Пелагеи" 1828 г. на 12 л. По описи дѣлъ Сл. Укр. Деп. Дв. Собр. о внес. въ родосл. кн. № 32.

„По отношенію гражд. губернатора о дополненіи формул. списка о службѣ ст. сов. Василія Каразина" 1829 г. на 15 л. По описи дѣлъ Губ. Предв. Двор. 1828—1835 гг. № 22.

„Харьковскаго Губ. Предв. Дворянства о ст. сов. Василіи Каразинѣ, кандидатѣ въ Предсѣдатели Палаты Уголовнаго Суда здѣшней губерніи и полковникѣ Веселовскомъ, избранномъ въ сіе званіе" 1829—1830 гг. на 77 л. По той же описи за № 65.

„О предложенномъ отъ ст. сов. Каразина средствѣ употреблять исландскій мохъ въ неурожайное время года на хлѣбъ" 1830 г. на 7 л. По той же описи за № 27.

„Дѣло о поступкѣ, сдѣланномъ ст. сов. Каразинымъ въ канцеляріи Правленія Харьк. ун-та 1835 г. на 8 л. Фунд. Библ. Харьк. ун-та, шкафъ рукописей $^{10}/_{3}$.

„Дѣло Правленія Имп. Харьк. ун-та о самоправномъ взятіи Каразинымъ аттестата" 1835 г. Тамъ же $^{10}/_{24}$ на 9 л.

„Дѣло Правленія Имп. Харьк. ун-та о выдачѣ ст. сов. Каразину свидѣтельства о дворянскомъ происхожденіи сына его и проч." 1839 г. Тамъ же $^{10}/_{8}$.

„Дѣло Правленія Харьк. ун-та о сдѣланіи надлежащаго полиціи отношенія, въ разсужденіи свободнаго выѣзда въ деревню ст. сов. и кав. Каразина Крючекъ мастерамъ" 1805 г. на 6 листахъ. По описи Правл. Х. ун. за № 47.

„Дѣло Совѣта Харьк. ун-та объ учрежденіи нѣкоторыхъ лицъ въ званіи почетныхъ членовъ сего ун-та" 1811 г. на 9 л. По описи дѣлъ совѣта Х. ун. за № 5.

„Біографія В. Н. Каразина", составленная въ рукописи помощн. библіотекаря Харьковскаго ун — та Чириковымъ еще въ 70-хъ годахъ, также разсмотрѣна нами; (рукопись эта содержитъ свыше 400 страницъ (четвертушекъ) и заключаетъ въ себѣ цѣнныя данныя, гл. обр., по судебнымъ тяжбамъ В. Н. Каразина) находится она въ Архивѣ Историко-Филолог. Общ. при Харьк. ун — тѣ.

Въ архивѣ церкви с. Кручика (бывшаго имѣнія В. Н. Каразина) найдено нами нѣсколько писемъ В. Н. и церковныя приходо-расходныя книги имъ собственноручно веденныя. Эти матеріалы будутъ помѣщены въ собраніи сочиненій В. Н. Каразина, которое теперь печатается.

Кромѣ документовъ, при составленіи монографіи имѣлись въ виду показанія устныя лицъ, лично помнившихъ В. Н. Каразина, потомковъ лицъ, приходившихъ въ соприкосновеніе съ нимъ, разсказы родственниковъ Каразина, крестьянъ и жителей села Кручика, а также личныя наблюденія автора на мѣстѣ дѣятельности В. Н. Каразина (въ Кручикѣ).

Сочиненія В. Н. Каразина,

въ хронологическомъ порядкѣ (1798 — 1842).

Письмо къ имп. Павлу I отъ „14 августа 1798 г. Ковно", (помѣтка В. Н. Каразина). Письмо это въ пересказѣ по памяти „многіе годы

спустя послѣ 1798" (Прим. М. И. Семевскаго). Русская Старина 1873 г. апрѣль стр. 567—568.

Письмо къ имп. Павлу I отъ «30 августа, 1798 г. Г. Ковно». Подпись: Дворянинъ Слободско-Украинской Губерніи, Василій Каразинъ». Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Росс. 1866 г. т. III, Смѣсь, стр. 32—33.

Показаніе В. Н. Каразина, данное въ Петербургѣ «Октября 1-го, 1798 г.». Подпись: «Василій Назаріевъ сынъ Каразинъ». Тамъ же стр. 34 — 35. Этотъ и два приведенные выше документа напечатаны также въ Запискахъ Харьковск. ун — та за 1901 г., кн. II, стр. 171 — 179 — въ статьѣ Е. Трифильева: «Попытка В. Н. Каразина бѣжать за границу».

«Возлюбленному царю! одинъ изъ прямыхъ его подданныхъ». Письмо писанное имп. Александру I-му 12 — 22 марта 1801 года». Безъ подписи. Н. К. Шильдеръ, «Императоръ Александръ I». Томъ второй, Спб 1897. Приложеніе III-е, стр. 324 — 330.

«Мысли относительно до присутственныхъ мѣстъ». «15 маія, 1801 г.», въ сноскѣ къ заглавію значится: «Подано Д. П. Трощинскому». Подпись В. Каразинъ. «Чтенія» 1863 г. т. III, Смѣсь, стр. 115—122.

«О причинахъ постепеннаго упадка курса въ Россіи и о средствахъ поднять оный». «Списокъ съ бумаги, которая между прочими подана была Государю въ іюнѣ 1801 года». Безъ подписи. Бумага эта (или копія съ нея) передана В. Н. Каразинымъ издателю „Молодика"— Бецкому. „Чтенія"... 1861 г. т. III. Смѣсь, стр. 177 — 191. Подлиная бумага носила названіе: „Предначертаніе прожекта о одобреніи торговли, государственныхъ долговъ и пр.". Сборн. Ист. Мат. канц. Е. В. вып. 11, стр. 14.

Письмо къ о. Василію Фотіеву отъ „2 мая 1802 года" Первоначально въ Харьк. Губ. Вѣд. за 1860 г. № 35, часть неофф.; затѣмъ въ „Украинской Старинѣ" Г. П. Данилевскаго Харьковъ, 1866 г. стр. 135—139 и во мног. друг. изд.

„Предначертаніе о Харьковскомъ университетѣ", читанное собранію дворянъ 20 августа 1802 г. и

„Пояснительная записка къ предначертанію о Харьковскомъ университетѣ", поданная кн. Чарторижскому и гр. Потоцкому. Русс. Стар. 1875 г. т. 13, стр. 66—71—76.

„Рѣчь, говоренная, августа 31-го дня 1802 года, въ собраніи Харьковскаго дворянства, депутатомъ его, коллежскимъ совѣтникомъ В. Н. Каразинымъ, испросившимъ Высочайшее соизволеніе на основаніе въ г. Харьковѣ университета". „Молодикъ" на 1844 г. Харьковъ 1843 г., стр. 245—250. Тоже самое помѣщено въ „Вѣстникѣ Европы" 1803 г. № 16. Смѣсь, стр. 235 — 242 и въ „Русской Старинѣ" 1875 годъ т. XII, стр. 333 — 336.

Отчетъ о дѣятельности по устроенію Харьковскаго университета Н. Н. Новосильцову 10-го іюня 1803 года. Подпись: „Василій Назаріевъ сынъ Каразинъ". Въ „Опытѣ Исторіи Харьковскаго университета" проф. Д. И. Багалѣя. Т. 1, гл. II, стр. 107—112.

Письмо къ князю Адаму Чарторыжскому: „21 Novembre 1804. Au Prince Czartoryskij". Подпись: Basile Karasine. Оригиналъ по-французски.

„Supplement à me lettre du 21 Novembre (à son Altesse le Prince Czartoryskij) подпись: 27 de Novembre 1804. St.-Petersburg. B. Karasine. Тоже по-французски. Переводъ этихъ статей Фил. Вас. Каразина, съ приложеніемъ оригиналовъ помѣщенъ въ Русс. Стар. 1871 г. т. Ш, стр. 701—707—718. Переводъ помѣщенъ также въ газетѣ Погодина „Русскій" 1868 г. № 15.

„Идея 1803 или 1804 годовъ, или 1801 еще, но написана, когда я занимался сербами въ 1804 году", съ примѣчаніемъ за подписью В. К. Русс Стар. 1871 г. т. Ш, стр. 718—719.

„Церковная запись" Каразина: отъ 8 декабря 1805 года. Харьковскій Сборникъ 1887 г., стр. 54—55.

Описаніе снаряда для гонки вина изобрѣтеннаго ст. с. Каразинымъ. Съ приложеніемъ статьи: „Въ совѣтъ имп. моск. университета отъ почетнаго члена, Василія Каразина, покорнѣйшее представленіе, отъ 21-го февраля 1806 года". Подпись: В. К. Въ „Повременномъ изданіи о полезныхъ изобрѣтеніяхъ въ искусствахъ, художествахъ и ремеслахъ и важнѣйшихъ предметахъ земледѣлія и торговли, издаваемой при московской губернской гимназіи" № 12, 1807 г. стр. 72—78.

„Рѣчь, произнесенная въ публичномъ собраніи москов. общества испытателей природы, 18-го сентября сего (1807) года, членомъ общества, ст. сов. и кав. В. Н. Каразинымъ, по случаю представленія нѣсколькихъ окаменѣлостей, найденныхъ имъ въ окрестностяхъ Москвы". Вѣстникъ Европы 1807 г. часть XXXV, октябрь, № 20; собственно рѣчь на стр. 241—247; къ рѣчи приложена „Записка представленныхъ окаменѣлостей и породъ" на стр. 248—250.

„Ѡмега. Послано чрезъ почту въ 1808-мъ году, предъ отъѣздомъ Его Величества въ Эрфуртъ, но получено по возвращеніи". Собственноручная надпись В. Н. Каразнна на оригиналѣ, хранящемся въ Имп. Публ Библ. См. Отчетъ Императорской Публичн. Библ. за 1878 г. стр. 24—26. Къ подлинику есть позднѣйшія собственноручныя приписки Каразина.

„Письмо къ императору Александру о невмѣшательствѣ въ дѣла Европы". „1809 года, октября 4-го дня"; подпись: Василій Каразинъ. „Чтенія Общ. Ист." за 1863 г. т. Ш, Отд. Смѣси, стр. 123—130.

Письмо В. Н. Каразина къ Слободско-Украинскому губернатору Ивану Ивановичу Бахтину, отъ 30 января 1810 г., изъ Москвы. Подпись: Василій Каразинъ. Русская Старина 1871 г. т. III, стр. 335—336.

Mémoire lû à la Societé Impériale des Naturalistes (de Moscou) dans la séance du 15 mars 1810, par le membre ordinaire B. N. Karasinn. Kharhov. 1812. 8° 10 р. Переводъ этой статьи напечатанъ въ „Сынѣ Отечества" за 1817 г. № LII, ч. XLII, стр. 265—274, за подписью: Перев. П. Гвоздевъ, и называется: „Записка ординарнаго члена Имп. моск. общ.

естествоиспытателей, В. Н. Каразина". Эта же записка, написанная на русскомъ языкѣ въ 1812 году самимъ В. Н. Каразинымъ, помѣщена въ „Русс. Стар." за 1871 г. т. III, стр. 719—722 за подписью: В. Каразинъ и озаглавлена: „Записка, читанная въ императорскомъ моск. общ. естествоиспытателей дѣйствительнымъ членомъ онаго, В. Н. Каразинымъ, 15 марта 1810 года.

„Практическое защищеніе противъ иностранцевъ существующей нынѣ въ Россіи подчиненности поселянъ ихъ помѣщикамъ, или соглашеніе сей подчиненности со всеобщими началами монархическаго правленія и государственной полиціи, также и съ истиннымъ благосостояніемъ человѣчества". Письмо одного помѣщика *** ской губерніи къ своему губернатору". Безъ подписи. Помѣчено: „Москва, апрѣля 11-го дня 1810 года". „Чтенія въ Общ. Ист." за 1861 годъ, т. III, Смѣсь, стр. 135—176.

Письмо къ доктору Реману 1810 года. (О постановкѣ просвѣщенія въ Россіи) „Русская Старина" 1875 г., апр. стр. 750—758

„Мысли о учрежденіи въ полуденныхъ губерніяхъ россійской имперіи общества, подъ названіемъ филотехническаго въ пользу домоводства сихъ губерній". Харьковъ, въ универс. типографіи, 1811 г. 12°, 38 стр. Безъ подписи. Брошюра заключаетъ въ себѣ 1) „Мысли о учрежденіи филотехническаго общества" (3—14 стр.). 2) „Предначертаніе правилъ филотехническаго общества" (15—26 стр.) состоящ. изъ 24 §§ и въ приложеніи. 3) „ Письмо помѣщика Слободско-Украинской губерніи дѣйст. ст. сов. и кав., Григ. Ром. Шидловскаго, къ г. губернскому предводителю", за скрѣпою самого губ. предводителя А. Ѳ. Квитки.

„Извѣстіе о филотехническомъ обществѣ, составившемся въ Харьковѣ, 17 января и высочайше утвержденномъ 10-го марта сего 1811 года. Въ Харьковѣ, въ унив. типогр. (12° 36 стр.) 1811 г.". Безъ подписи. (Одобр. ценз. 24 апр. 1811 г.). Въ брошюрѣ помѣщены 1) „Предувѣдомленіе", 2) „Первоначальный актъ филотехническаго общества" (отъ лица учредителей за подписью 35 членовъ), 3) „Правила филотехническаго общества" 4) Хозяйственныя распоряженія общества", 5) „Высочайшій указъ" объ утвержденіи общества и 6) „Примѣчанія" Каразина.

„Извѣстіе о филотехническомъ обществѣ, изданное въ послѣднихъ числахъ апрѣля мѣсяца 1811 года продолженіе первое". Въ Харьковѣ въ унив. типогр., 1811 года 12°. Стр. 40—89. Подпись: Василій Каразинъ. (Одобр. ценз. 24 сент. 1811). Въ брошюрѣ помѣщены: „Протоколъ засѣданія общества 10-го августа 1811 г." и приложенія: 1) „Слѣдствія опыта, учиненнаго надъ выпаривательнымъ снарядомъ селитры г. Каразина", 2) „Отчетъ за май, іюнь и іюль 1811 г." Каразина, 3) „Продолженіе списка членовъ общества", 4) Замѣтка о собраніи 16 августа и 5) Дополнительный списокъ членовъ Ф. Об.

„Рѣчь о пользѣ просвѣщенія въ домоводствѣ", „говоренная въ Харьковѣ августа 18, 1811 г. въ публ. собр. фил. общ. Вас. Наз. Каразинымъ. Харьковъ 1811 г. 20 стр. На стр. 18—20 помѣщенъ отрывокъ

изъ рукописи: „Практическое защищеніе противу иностранцевъ установленной въ Россіи подчиненности поселянъ ихъ помѣщикамъ". Та же рѣчь помѣщена въ „Вѣстникѣ Европы" за 1811 г. № 20, октябрь, стр. 259—290. На стр. 286—290—отрывокъ изъ „Практич. защищенія".

„Изъ Харькова". Исторія основанія и утвержденія филотехническаго общества. Затѣмъ помѣщены: 1) „Первоначальный Актъ фил. общ.", 2) „Правила фил. общ.", 3) „Хозяйственныя распоряженія фил. общ." и 4) „Указъ" о утвержденіи общества. „Вѣстникъ Европы" 1811 г. № 20, октябрь, стр. 318—329.

„О филотехническомъ обществѣ въ Харьковѣ" „Извѣщеніе изъ протоколовъ онаго послѣднихъ засѣданій въ Крещенскій съѣздъ сего 1812 года генваря 15, 17 и 20". Въ журналѣ „Улей" за 1812 годъ, ч. III, мѣсяцъ апрѣль, № XVI, стр. 319—327.

Письмо къ имп. Александру I 22 марта 1801 г., воспроизведенное „по памяти" съ примѣчаніями за подписью: Б. К. 1812 годъ. Въ концѣ приписка В. Н. Каразина: „Было послано А. С. Шишкину изъ Харькова, 14 іюня 1812 г." „Русская Старина" за 1874 г. т. IV, стр. 68—80.

„Рѣчь произнесенная въ печальномъ собраніи Харьковскаго университета послѣ погребенія экстраординарнаго профессора Авраама Яковлевича Калкау, ст. сов. В. Н. Каразинымъ". Брошюра „Рѣчей" за 1812 годъ, говоренныхъ въ торжественныхъ собраніяхъ Харьк. ун-та. (По указанію Г. П. Данилевскаго [„Украинская Старина" Х. 1866, стр. 169], но въ указанной брошюрѣ рѣчи Каразина *нѣтъ*. Въ рукописяхъ проф. Рославскаго-Петровскаго объ этомъ сочиненіи значится такъ „*Рѣчь*, произнесенная *генваря въ 27 день* 1812 г. въ Печальномъ Собраніи И. Х. У. непосредственно послѣ погребенія екстраординарнаго профессора А. Я. Калкау. Х. 812, с. 3—7. Рукописи Росл.-Петр. находятся въ Арх. Ист. Фил. Общ. при Харьк. ун-тѣ).

„Рѣчь о необходимости въ настоящихъ обстоятельствахъ усилить домоводство" („произнесена въ Харьковѣ 13-го января 1813 г., въ собраніи фил. общ. В. Н. Каразинымъ). Въ „Вѣстникѣ Европы" 1813 г., № 1, янв. ч. LXVII стр. 1—35. И отд. брош. съ подписью: Харьковъ. 1812", 4°, 20 стр. (О послѣднемъ см. „Укр. Стар." Г. П. Д—скаго стр. 154).

„Справочникъ филотехническаго общества, цѣнъ стоящихъ въ Москвѣ въ ноябрѣ 1813 года", съ примѣчаніями за подписью: Василій Каразинъ. Въ „Сборникѣ историческихъ матеріаловъ 1-го отдѣленія собственн. Его Имп. Вел. Канцеляріи" Спб. 1878 г. стр. 413 –437.

„Объявленіе филотехническаго общества № 2-й; филотехническому обществу правителя его дѣлъ, Каразина, отчетъ за 1813 годъ, представленный 1-го января 1814 г., изъ столичнаго города Москвы". Прибавленіе къ „Московскимъ Вѣдомостямъ" 1814 г., № 8; въ 4°, стр. 1—22. Здѣсь кромѣ 1) „ Отчета за 1813 г." помѣщены 2) „Правила фил. общ. съ перемѣнами, по которому 17-го января 1812 г., на кои получено согласіе министра внутреннихъ дѣлъ, и 3) „Высочайшій указъ" утвер-

дившій фил. общество. Въ примѣчаніи сказано: „Объясненіе № І-й издано въ Харьковѣ". * „Копія съ отчета фил. обществу правителя его дѣлъ В. Н. Каразина посланнаго обществу изъ столичн. города Москвы 1-го января 1814 г." помѣщена въ „Сборникѣ Ист. Мат. І-го Отд. Канц. Его Вел." Спб. 1878 г., стр. 446.

„Выписка изъ протокола собранія Филотехническаго Общества бывшаго въ Успенскій съѣздъ въ Харьковѣ, 19 августа 1814 года". Подпись: Василій Каразинъ. „Сборн. ист. мат. извлеч. изъ архива Соб. Его Имп. Вел. канцеляріи" издаваемый подъ редакціей Н. Дубровина. Выпускъ второй. Спб. 1889, стр. 446—450.

„Филотехническому обществу правителя его дѣлъ, Каразина, отчетъ о происходившемъ послѣ успенскаго съѣзда прошлаго 1814 года" („Читано въ публичномъ собраніи въ Харьковѣ, въ крещенскій съѣздъ, 1-го января 1815 г."). Въ „Сынѣ Отечества" за 1815 г. № XI—XII, ч. 20-я, стр. 177—198 и 225—241. Тоже помѣщено въ „Сборн. Ист. Мат." изд. подъ ред. Н. Дубровина, вып. второй, стр. 451—472; Спб. 1889 г.

„Копія съ протокола собранія Филотехническаго Общества 1815 года, генваря 16-го дня. Харьковъ". Подпись: Василій Каразинъ. Тамъ же, стр. 450—451.

„Копія съ протокола собранія Филотехническаго общества 1815 года генваря 19-го. Харьковъ". Подп. Василій Каразинъ. Тамъ же, стр. 473—475.

„Списокъ дѣйствительныхъ и почетныхъ членовъ, также и корреспондентовъ Филотехническаго общества, по старшинству ихъ вступленія и за исключеніемъ умершихъ, сдѣланный къ 16-му марта 1815 года". Подпись: Василій Каразинъ. Тамъ же, стр. 476—489.

Письмо къ издателямъ—В. Каразина. Подъ письмомъ подпись: „іюля 25-го, 1815 г. С.-Петербургъ". Съ приложеніемъ протокола комитета, учрежденнаго для разсмотрѣнія предположеній филотехническаго общества касательно: „Облегченія продовольствія заграничныхъ войскъ и флота и объ умноженіи въ государствѣ селитры, посредствомъ новаго способа". Самый протоколъ за скрѣпою В. Н. Каразина, имѣетъ заглавіе: „Управляющему военнымъ министерствомъ, г. генералу отъ инфантеріи и кавалеру, князю Горчакову І-му" Въ „Сынѣ Отечества" 1815 г. ч. XXXII, стр. 221—241. Эти же документы напечатаны въ „Сборн. ист. мат. изв. изъ Арх. Е. И. В." выпускъ второй, стр. 493—503. Спб. 1889.

„Письмо къ графу А. А. А. (Аракчееву), относительно одного россійскаго историческаго анекдота" Помѣтка въ концѣ: „В. К.—12-го ноября, 1816 г. Село Кручикъ".—Въ „Украинскомъ Вѣстникѣ" на 1816 годъ, декабрь. Отд. І. Науки и искусства. Стр. 265—279.

„Харьковскія записки филотехническаго общества, 1816 г. августа 21-го числа". („Протоколы общества за послѣдній съѣздъ не доставленные прежде—„по болѣзни правителя дѣлъ"). Тамъ же, стр. 352—358.

„Изъ Кручика. Выписка изъ метеорологическихъ наблюденій". Въ „Харьковскихъ Извѣстіяхъ" 1817 г. до 43 №. Подъ первою выпиской: В. К.

„Ученое Извѣстіе" (получено изъ Кручика). Подпись В. К. „Харьковскія Извѣстія" 1817 г. № 15.

„Протоколъ послѣдняго собранія филотехническаго общества", 1817 г. января 16-го.—Послѣдняя подпись: „членъ и правитель дѣлъ Василій Каразинъ"). Въ „Украинскомъ Вѣстникѣ" 1817 г., ч. V, кн. I, ноябрь, стр. 122—127.

„Всеподданнѣйшій рапортъ статскаго совѣтника Василія Каразина". „Сентября дня 1817 года. Харьковъ". Съ приложеніемъ статьи: „О учрежденіи и успѣхахъ Филотехническаго общества" („Записка для моего Государя". Въ „Сборн. ист. мат. Собств. Е. И. В. канц." подъ редакц. Н. Дубровина. Выпускъ второй. Спб. 1889, стр. 504—507.

„Филотехническому Обществу Правленія его дѣлъ Каразина Отчетъ за первые восемь мѣсяцевъ 1817 г.", „Укр. Вѣстн." окт. стр. 75—93. Подпись: Василій Каразинъ, сентября 23, село Кручикъ.

Объявленіе объ изданіи актовъ филотехническаго общества, В. Н. Каразина. Въ „Харьковскихъ Извѣстіяхъ" за № 1817 г. № 38; „Сынъ Отечества" 1817, ч. XLI, № 48, стр. 152, „Украинскомъ Вѣстникѣ" на 1817 г., стр. 256 и „Вѣстникѣ Европы" 1817 г. № 2-й, стр. 104.

„Рѣчь о важности лѣсоводства наипаче для Россіи" „Василія Каразина". Въ „Духѣ Журналовъ" 1817 г. ч. XVIII, С.-Петербургъ, стр. 265—288. (Въ примѣчаніи: „Была назначена для торжественнаго собранія филотехническаго общества, сентября 18-го, въ Харьковѣ"... То же въ „Вѣстникѣ Европы" 1817 г. ч. XCV, стр. 199—214, съ примѣчаніемъ: „Сія рѣчь будетъ издана въ актахъ филотех. общества"... Съ тѣмъ же примѣчаніемъ въ „Сынѣ Отечества" 1817 г., № XLIV, стр. 201—222, и, наконецъ, въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ" 1817 г., ноябрь, № 89 и 90, стр. 386—389 и 390—393.

„Выписка изъ письма къ г. слободско-украинскому гражданскому губернатору В. Г. Муратову, отъ 3-го ноября 1817 года". (Съ приложеніемъ письма къ „Издателю Сына Отечества"). Подпись: Василій Каразинъ. „Сынъ Оточества" 1817 г. № LI, стр. 215—227, ч. XLII. То же, самое (кромѣ письма къ издателю) помѣщено въ „Сборн. Ист. Мат." изд. подъ ред. Н. Дубровина, выпускъ второй, стр. 508—512, (въ формѣ письма В. Г. Муратова къ В. Р. Марченку).

„Одна глава изъ рукописи". Подъ заглавіемъ—Примѣчаніе: „Сей отрывокъ принадлежитъ къ сочиненію, которое въ концѣ истекшаго 1816 года поднесено В. Н. Каразинымъ слободско-украинскому дворянскому собранію. Титулъ его есть слѣдующій: „Защищеніе противу иностранцевъ, существующей нынѣ въ Россіи, подчиненности поселянъ ихъ помѣщикамъ". Въ „Вѣстникѣ Европы" 1817 г. ч. XCI, № 2. стр. 104—134.

„Отвѣтъ на сію рецензію В. Каразина". Въ „Украинскомъ Вѣстникѣ" 1818 г. январь, стр. 20—35. (По поводу помѣщенной въ томъ же

выпускѣ „Украинскаго Вѣстника“ статьи, безъ подписи: „Письмо изъ С.-Петербурга къ автору рѣчи о важности лѣсоводства наипаче для Россіи“.

„О возможности приложить электрическую силу верхнихъ слоевъ атмосферы къ потребностямъ человѣка“. „Февраля „ “ дня 1818 года. Членъ разныхъ ученыхъ обществъ и правитэль дѣлъ филотехническаго Василій Каразинъ. Москва у кузнецкаго Моста въ домѣ Бекерса“. (Оригиналъ записки въ Арх. М. Н. Пр. въ дѣлѣ подъ № 20,008, карт. № 296). Въ „Русс. Стар.“ 1873 г. февраль, стр. 228—234. Статья: В. Н. Каразинъ“.

„Письмо помѣщика Богодуховскаго уѣзда В. Н. К. объ обсадкѣ дорогъ деревьями“ „Мая 26-го 1818 г. Село Кручикъ“. Въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“ 1818 г. стр. 353—362.

Въ „Украинскомъ Вѣстникѣ 1818 г. май, отд. I, стр. 121—143 и іюнь, стр. 246—253 напечатана „Записка о достопримѣчательностяхъ Москвы“ Н. М. Карамзина. Подъ заглавіемъ сноска: Писанная всеконечно Николаемъ Михайловичемъ Карамзинымъ, по случаю отбытія изъ С.-Петербурга въ сію столицу Ея Величества вдовствующей Государыни Императрицы. Я щастливо досталъ этотъ, можетъ быть, не совсѣмъ полный и исправный списокъ, и прошу гг. издателей п мѣстить оный въ своемъ журналѣ, буде угодно съ моею личностію. Василій Каразинъ“. Съ примѣчаніемъ въ текстѣ за подписью: В. К.

„Къ Издателю“. (Предложеніе по инициативѣ правительства собирать историческіе докуметы и матеріалы со всей Россіи) съ приложеніемъ статьи: „Россійскій Анекдотъ“. Помѣтка: Село Кручикъ 26 октября 1818 В. Каразинъ. Въ „Благонамѣренномъ“ ч. IV, 1818 г. декабрь. От. „Смѣси“, стр. 324—328—329.

„О имени Славянъ“. Труды Общ. Люб. Росс. Слов. при Имп. Моск. Ун. часть двѣнадцатая, Москва 1818, стр. 79—86. В. Каразинъ.

„Чистая Правда, безъ малѣйшаго украшенія и увеличенія“ („Отрывокъ изъ дневной записки пріѣзжаго украинца, которая, можетъ быть, будетъ напечатана“) въ „Сынѣ Отечества“ 1819 г., ч. LVI, стр. 286—288, подпись В. К.

„Статистика Харьковской Губерніи“. Москва, 1819 г. Указаніе на это сочиненіе находимъ въ біограф. словарѣ, изд. подъ редакціей А. Половцова. Мы не пользовались этимъ произведеніемъ и не провѣрили справедливость указанія; въ „Словарѣ“ есть ошибки; можетъ быть это есть ошибочно названное „Статистическое описаніе Слоб.-Укр. Губ.“ М. 1820 г.

О Китаѣ—Рукопись И. И. Голикова, доставлена Каразинымъ издателю „Благонамѣреннаго“. Передъ статьей письмо къ издателю В. Н. Каразина. Заключительная NB ($1^1/_2$ страницы) и одно примѣчаніе за подписью В. К. Въ „Благонамѣренномъ“. Ч. V, 1819 г. мартъ, № VI, Отд. Прозы“, стр. 337—352.

„Опытъ сельскаго устава для помѣщичьяго имѣнія, состоящаго на оброкѣ. С.-Петербургѣ, въ типогр. Греча 1819 г. Подпись подъ пре-

дисловіемъ: Василій Каразинъ. Октября 29-го; 1819 г. С.-Петербургъ. Отдѣльная брошюра, въ 8-ю д., 16 стр. Въ брошюрѣ кромѣ „Предисловія" помѣщенъ „Временный уставъ сельца Анашкина, съ деревнями" изъ 22 статей. Эта же статья помѣщена въ „Украинскомъ Вѣстникѣ" за 1818 г. май „Смѣсь", стр. 234—241 г. подъ названіемъ „Временный уставъ сельца Анашкина съ деревнями". Подпись: В. К.

„Филотехническому обществу—правителя дѣлъ его, Каразина, отчетъ за послѣдніе четыре мѣсяца 1818 года", Харьковъ, ун. тип. 1819 г., 40 стр. Подпись: Василій Назаріевъ сынъ Каразинъ. То же помѣщено въ „Украинскомъ Вѣстникѣ" за 1819 г. ч. XIV, стр. 3—38, гдѣ не помѣщено одно „заключеніе", имѣющееся въ брошюрѣ.

„Языческій праздникъ въ Европѣ, въ XIX столѣтіи христіанскаго лѣтосчисленія" въ сноскѣ къ заглавію: „Изъ записокъ Украинца"... Подпись В. К. Въ „Сынѣ Отечества" 1820 г. № 5, „Смѣсь", стр. 238—240.

„Отрывокъ изъ дневной записки Украинца". Подпись В. К. „Сынъ Отечества" 1820 г. № 2, стр. 93—96. (Описаніе собранія Россійской Академіи).

О бывшихъ злоупотребленіяхъ въ продажѣ людей. Три собственноручн. записки В. Н. Каразина, представлен. гр. Кочубею въ январѣ 1820 г. Русская Старина 1903 г. августъ стр. 457—465.

„Докладная записка министру внутреннихъ дѣлъ гр. В. П. Кочубею, по поводу циркуляра попечителя Харьк. учебн. округа З. Я. Карнѣева отъ 25 янв. 1819 г. Подпись: „Апрѣля 16-го, 1820 года". „Сборникъ Харьк. Ист. Фил. Общ." кн. 8, 1896 г., стр. 31—37.

„Объ ученыхъ обществахъ и періодическихъ сочиненіяхъ въ Россіи". Разсужденіе читанное В. Н. Каразинымъ въ собраніи С.-Петербургскаго общества любителей россійской словесности 1-го марта 1820 года. Подпись: Василій Каразинъ. „Русская Старина" 1871 г. т. Ш, стр. 330—335. Это же сочиненіе было выпущено отдѣльной брошюрой подъ названіемъ: „О ученыхъ обществахъ и періодическихъ сочиненіяхъ въ Россіи". Спб., марта 3-го, 1820 года въ 4 д. л., 10 стр. Подпись: В. Каразинъ, цѣна 5 рублей.

Письмо къ Императору Акександру Павловичу отъ 21 апрѣля 1820 года. Подпись: „Вашего имп. вел. вѣрноподд. В. Каразинъ". „Русская Старина" 1870 г. т. II, стр. 568—571.

Письмо къ министру вн. дѣлъ гр. В. П. Кочубею. Подпись: „Каразина". Тамъ же, стр. 571—574.

Объяснительная записка В. Н. Каразина министру вн. дѣлъ графу Виктору Павловичу Кочубею 13 мая 1820 года.—Записка состоитъ изъ 7 тетрадей; примѣчанія подписаны: В. К. Первыя четыре тетради помѣщены въ „Русс. Старинѣ" 1870 г. т. II, стр. 575—590 и 3 послѣднія въ „Русс. Старинѣ" 1871 г. т. Ш, стр. 16—38 за подписью: Василій Каразинъ. Записки составлялись съ апрѣля по ноябрь 1820 г.

Письмо графу В. П. Кочубею отъ 4-го іюня 1820 года по поводу либеральнаго и противоправительственнаго направленія русской литературы. Въ „Русской Старинѣ“ за 1899 г., май стр. 277—279.

„Подробная таблица обстоятельствъ народонаселенія Слободско-Украинской Губерніи на основаніи десятилѣтней сложности“ (1808—1817 гг.) на 7 листахъ (in folio), печатанныхъ въ Спб. въ типографіи Греча въ числѣ 600 экземпляровъ (какъ сказано внизу на послѣднемъ листѣ) съ помѣткою: мая 1-го дня, 1820. Цензоръ, Стат. Сов. и Кав. И. Тимковскій. Въ выноскѣ къ заглавію этой таблицы сказано: „Принадлежитъ Статистическому обозрѣнію сей Губерніи, которое въ 1817 году было поднесено Г. Г. Г—мъ одной высокой особѣ въ проѣздѣ ея черезъ Харьковъ“.

„Еще нѣкоторыя замѣчанія о слободско-украинской губерніи“. Въ примѣчаніи къ оглавленію: „отрывокъ составляющій заключеніе рукописнаго Статистическаго Обозрѣнія сей Губерніи, которое въ сентябрѣ 1817 года было поднесено Г. Г. Г—мъ одной высокой особѣ въ проѣздѣ ея черезъ Харьковъ, и очень милостиво Ею принято: что видно было изъ полученнаго по сему предмету отзыву изъ Москвы. В. К.“ Статья не подписана. Въ „Соревнователѣ Просвѣщенія и благотворенія“ 1820 г. № II, Спб. Отд. „Прозы“ стр. 129—141. Статья дѣлится на двѣ части: оборѣніе губерніи 1) „Въ философскомъ отношеніи“ и 2) „Въ отношеніи политическомъ и нравственномъ“.

„Объясненіе подробной таблицы обстоятельствъ народонаселенія въ Слободско-Украинской Губерніи, сравненіе выводимыхъ изъ нея перечней („результатовъ“) и подобными имъ, извлеченными изъ таковыхъ же обстоятельствъ прочихъ Губерніи Россійской Имперіи и другихъ земель Европы“: Подпись: „С.-Петербургъ 26 ноября 1820 года“, съ примѣчаніемъ подъ чертой (стр. 21): „Въ рукописи, которая была назначена для публичнаго чтенія, въ тотъ самый день, столько достопамятный въ моей жизни, въ печати не перемѣнилъ я не единаго слова; даже очевидныя ошибки слова (по быстрому изложенію въ то время) не исправлены. Марта 20, 1829 года Москва. Василій Назарьевъ сынъ Каразинъ“. 21 стр. При „Объясненіи“ приложены 7 статистическихъ таблицъ изслѣд. Слободско-Украинской Губерніи, напечатанныхъ въ 1820 году въ тип. Греча. „Объясненіе“ съ „Таблицами“ помѣщены вмѣстѣ въ „Актахъ Филотехническаго Общества“ томъ VI. Москва, 1829 г. Въ Унив. Типогр.—На экземплярѣ, которымъ я пользовался (хранится въ Имп. Публ. Библ.), на 1-й страницѣ собственноручная надпись В. Н. Каразина: „Его Сіятельству Графу Виктору Павловичу Кочубею, которому извѣстны уже включенныя здѣсь таблицы, во время печатанія ихъ *въ 1820-мъ году*, хотя объясненіе къ нимъ тогда *не успѣло* быть изданнымъ, почтительнѣйше подноситъ издатель, всеусердно поздравляя Праздникомъ свѣтлаго воскресенія и—надѣясь, что удостоенъ бу-

детъ отзывомъ на письмо его отъ 13-го декабря прошедшаго года. Москва. За Арбатскими воротами, домъ Генералъ-Маіора Базилевича. Апрѣля 12-го дня 1829 года".

„Oga Богъ на латинскомъ языкѣ" критическія замѣчанія Каразина Передъ P. S. Подпись: Василій Каразинъ. Въ „Соревнователѣ Просвѣщенія и Благотворенія" 1820 г. № II, стр. 198—213, отд. „Смѣси".

„О примѣчательнѣйшихъ новѣйшихъ открытіяхъ, сдѣланныхъ внѣ Россіи". (Научныя новости по Географіи, Ботаникѣ, Химіи, Зоологіи и проч.) „Вступленіе" подписано: В. К. такъ и примѣчанія. Съ приложеніемъ статей по техно-химіи члена-сотрудника филотехническаго общества Власова. Тамъ же, отд. „Ученыхъ Извѣстій", стр. 214—223 (и статьи Власова стр. 224—238).

Письмо къ императору Николаю I. 18 сентября 1826 года съ примѣчаніями за подписью: В. К. „Русская Старина" 1870 г. т. II, стр. 561—568.

„О древностяхъ Слободско-Украинской Губерніи" въ скобкахъ: („списокъ съ письма Члена Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ В. Н. Каразина къ Г-ну Вице-Губернатору Слободско-Украинской Губерніи (управлявшему тогда оною) С. Ф. Паскевичу, декабря отъ 19-го 1827 года. Безъ подписи. „Историческій, Статистическій и Географическій журналъ или современная исторія свѣта" на 1829 г. Часть вторая, книжка третья, мѣсяцъ іюнь. „Смѣсь". Стр. 256—260.

„Нѣчто относительное къ метеорологіи" Василія Каразина. Въ „Сынѣ Отечества" 1828 года, ч. CXVIII, стр. 177—187. Помѣтка: 1828 г., марта 7-го. Село Кручикъ.

Проэктъ изданія „Отечественнаго Архива" (Письмо къ Погодину) 1828 г. Августъ. Въ „Русскомъ Архивѣ" 1893 г. т. I, стр. 97—98.

„О самомъ удобнѣйшемъ способѣ сохранять и на большія разстоянія перевозить питательныя, цѣлебныя и въ рукодѣліяхъ употребляемыя вещества изъ царствъ животныхъ и растеній". „Записка, которая назначена для помѣщенія въ журналѣ, а нынѣ напечатана только въ числѣ ста экземпляровъ". Москва. Въ Типографіи Н. Степанова. 1829. Подпись: „С. С. и К. Василій Назаріевъ сынъ Каразинъ. Москва, дек. 17, 1828 года". 18 стр. in 8°.

„О средствѣ употреблять исландскій мохъ въ неурожайное время на хлѣбъ". Письмо къ Харьк. Гражд. Губернатору. Архивъ Харьк. Двор. Деп. Собр. По описи дѣлъ 1828—1835 г. за № 27, листы 2-й и 3-й.

Критика „Перипла Понта Евксинскаго" Арріана. (Письмо къ А. Г. Тройницкому) „27 марта 1873 года". Въ „Русскомъ Архивѣ" 1894 г. т. I, стр. 561—562.

„О вѣроятной причинѣ всеобщаго измѣненія температуры". (Подпись: В. Каразинъ. Мая 8-го, 1837 г. Богодуховскій уѣздъ). Въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія" 1837 г., ч. XVI, стр. 687—691.

„О заготовленіи дровъ" „Василія Каразина". 23-го января, 1838 г. № 6, стр. 55—57.

„О посадкѣ картофеля въ поляхъ“. В. К. 19-го Февраля. Въ „Харьк. Губ. Вѣд.“ 1838 г. № 9, стр. 81—82.

„О приготовленіи дерева на столярную работу“ В. К. Въ „Харьк. Губ. Вѣд.“ 1838 г., № 10, стр. 93—94.

Частныя извѣщенія: о продажѣ акклиматизированныхъ растеній у В. И, Кристера. В. К.—Въ „Харьк. Губ. Вѣд. 1838 г. № 15. стр. 148.

„О цѣлебной водѣ въ дачахъ надъ Орелью“. Василій Каразинъ. Въ Харьк. Г. Вѣд. 1838 г. № 38, стр. 337—338.

„О лѣсоводствѣ или лѣсоразведеніи“ „Василія Каразина“. Въ „Харьк. Г. Вѣд.“ 1838 г. № 48, стр. 413—416 и № 51 стр. 428—432.

„О торгѣ за границу хлѣбными спиртами“. В. Каразина. Въ „Харьк. Г. Вѣд.“ 1838 г. № 50, стр. 421—425.

„Переходъ харьковскаго института благородныхъ дѣвицъ—въ новое жилище“. В. Каразина. Въ „Харьковск. Губ. Вѣд.“ Прибавленія 1839 г., № 34, стр. 233—234.

„Объ открытіи палаты государственныхъ имуществъ“ В. К. Въ „Харьк. Губ. Вѣд.“ 1839 г. № 1, стр. 1-я.

„О предвѣстіяхъ погоды“. Василія Каразина. Въ „Харьк. Г. Вѣд.“ 1839 г., № 12, стр. 67—71.

„Польскій вопросъ въ 1839 году“. Харьковь, 23-го февраля 1839 года. Подпись: Василій Каразинъ. Въ „Русской Старинѣ“ за 1870 г., т. II, стр. 591—596.

„Нѣчто о кадастрѣ“. В. Каразина. Въ „Харьк. Губ. Вѣд.“ 1839 г., № 45—стр. 295—296 и 47 № стр. 306—307.

„О химическихъ превращеніяхъ“. В. Каразинъ. № 4, стр. 38. „Харьк. Губ. Вѣд.“ 1840 г.

„О кончинѣ праведника“ (Мелетія, архіепископа харьковскаго и ахтырскаго). Василія Каразина. Въ „Харьк. Губ. Вѣд.“ 1840 г. № 9. Отдѣльное незанумерованное прибавленіе.

«Дополненіе къ статьѣ о нашихъ древностяхъ, напечатанной въ предъидущемъ №» (т. е. къ статьѣ Пассека: «О древностяхъ Харьковской Губерніи», помѣщенной въ 19 № Х. Г. Вѣд.). Перепечатанная съ прибавленіями статья Каразина «О древностяхъ Слободско-Украинской Губерніи», напечатанная въ «Историч. Стат. Географ. журн.» на 1829 г. Помѣтка: Маія 21 дня 1839. Харьковъ. В. Каразинъ. Прибавленіе къ «Харьк. Губ. Вѣд.» за 1839 г., № 20, стр. 127—130.

«О содержаніи рѣкъ въ городахъ В. К. Въ «Харьк. Губ. Вѣд. 1840 г. № 12, стр. 113. Подпись: В. К.

«О университетскомъ музыкальномъ вечерѣ». В. К. Въ «Харьк. Г. Вѣд.» 1840, № 15, стр. 140—141.

«О значеніи Харькова для полуденной Россіи». В. Каразина. Въ «Харьк. Г. Вѣд.» 1840 г. № 39, стр. 339—345; № 40, стр. 351—353, № 41, стр. 363—365.

«О воспитаніи женскаго пола въ низшихъ состояніяхъ». Василія Каразина. Въ «Харьк. Г. Вѣд.» 1841 г. № 3, стр. 21—23.

„О сженіи угля съ разсчетомъ“. В. Каразина. Въ „Харьк. Г. Вѣд.“ 1841 г. № 8, стр. 66—69; № 9, стр. 74—77, № 10, стр. 82—84 и № 11 стр. 93—96.

„Способъ выгоднѣйшаго и безопаснѣйшаго отопленія зданій“ В. Каразина. Въ „Харьк. Губ. Вѣд.“ 1841 г., № 20, стр. 187—189.

„О посадкѣ картофеля въ поляхъ“. В. Каразина. Въ „Харьк. Губ. Вѣд.“ 1841 г. № 23, стр. 214—215.

Изъ Харькова. „О новомъ открытіи въ Англіи, которое однако есть повтореніе россійскаго изобрѣтенія 1809 года“. За подписью: Василій Каразинъ, Харьковъ 10-го апрѣля 1842 года. Въ „Москвитянинѣ“ 1842 г. № 6. Ч. III, стр. 387—389.

„Арбузы“. В. К. Въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ 1842 г. № 68 Фельетонъ „О сахарѣ арбузнаго сока“.

„Нѣсколько предложеній добраго гражданина“. Одесса. 1842 г. Подпись: В. К. Посвященіе: „Благодѣтельному гражданину и умному любителю своего отечества Козьмѣ Никитичу Кузину, Одесса, въ концѣ августа 1842 года“. 8°, 20 стр.—Въ брошюрѣ помѣщены: 1) „Мысли объ отопленіи или нагрѣваніи комнатъ парами“ съ подписью: Василій Каразинъ. Января 5-го, 1838 года, г. Харьковъ. 2) „О заготовленіи дровъ“ его-же, съ подписью В. К. 23-го января 1838 года. Харьковъ. Напечатано въ Харьковской газетѣ № 6. 3) „О приготовленіи дерева на столярную работу“ изъ 11-го № Харьковскихъ Вѣдомостей 1838 года, съ подписью В. К. Передъ статьями „Предувѣдомленіе“. В. Каразина.

„Безпристрастный взглядъ на южный берегъ Тавриды и на его произведенія“. Помѣтка: „Магарачское казенное заведеніе. 28-го окт. 1842 г.“ Съ примѣчаніями помѣченными В. К. Въ „Русской Старинѣ“ 1872 г., апрѣль, стр. 661—669.

„Взглядъ на украинскую старину“. В. Каразина. Въ „Молодикѣ“ на 1844 годъ. Харьковъ 1843 г. стр. 33—45. Подъ статьей помѣтка: Харьковъ 1842 г. Къ этой статьѣ тамъ же (стр. 225—229) приложены сообщенные въ редакцію В. Н. Каразинымъ 1) Рапортъ отъ 14 февраля 1732 года изъ харьковской полковой таможенной въ бѣлгородскую канцелярію „Цѣны провіанту въ Харьковѣ въ 1732 году“ 2) „Условіе помѣщика съ учителемъ за 40 лѣтъ назадъ“ отъ 7 октября 1800 года. Въ томъ же выпускѣ „Молодика“ напечатаны: 1) „Подлинная бумага послѣдней половины XVII вѣка“ о поставкѣ двухъ „шпиталень или богадѣлень“ по указу Ѳеодора Алексѣевича,—2) „Духовное завѣщаніе Ломѣковскаго“ отъ 1711 года, сообщенныя В. Н. Каразинымъ.

„Каталогъ славяно-русскихъ рукописей погибшихъ въ 1812 году профессора Баузе“. Подпись: В. Каразинъ. О. Бодянскій указываетъ, что каталогъ этотъ написанъ рукою Василія Назаровича. Даты нѣтъ. (См. „Чтенія въ Общ. Ист. и Древ. Росс.“ 1861 г. т. III, стр. 202—203— указанія О. Бодянскаго и К. Ф. Калайдовича). „Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Росс.“ 1862 г. т. III, стр. 45—79.

Въ пятомъ выпускѣ „Молодика" И. Е. Бецкаго (не изданномъ) предполагалось помѣстить „Географическое, статистическое и топографическое обозрѣніе Харьковской губерніи, составленное по рукописямъ г. Шафонскаго и В. Н. Каразина". См. о томъ „Молодикъ" на 1844 г., Спб. Въ типогр. Жернакова, 1844 г. стр. 243.

Статья „Мнѣніе одного Украинскаго помѣщика выраженное послѣ бесѣды съ своими собратіями объ Указѣ 23-го мая, 1816 года, и объ Эстляндскихъ постановленіяхъ", напечатана впервые въ „Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. Росс." 1860 года, томъ II, Смѣсь, стр. 218—227 за подписью: В. Каразинъ. Это же сочиненіе помѣщено въ „Сборн. Ист. Мат. извлеч. изъ арх. собств. канц. Его Имп. Вел. выпускъ седьмой, изд. подъ редакціей Н. Дубровина Спб. 1895 г. съ указаніемъ въ заголовкѣ на принадлежность его „В. Н. Каразину". Принадлежность Каразину этого произведенія опровергнута О. Бодянскимъ (въ „Чтеніяхъ 1816 г. т. III, стр. 201—202), что подтверждается Г. П. Данилевскимъ („Украинская Старина" Харьковъ, 1866 г. стр. 165—166). Содержаніе „Мнѣнія объ эстляндскихъ постановленіяхъ", равно какъ и хронологическія данныя не соотвѣтствуютъ убѣжденіямъ и времени дѣятельности В. Н. Каразина.

Частная переписка В. Н. Каразина,

въ хронологическомъ порядкѣ (1798 — 1842).

Къ кн. Вяземскому отъ 30-го августа 1798 года. Чтенія, 1866 г., смѣсь, стр. 31—32.

1801 г.

„Бумага къ 12-му декабря 1801 г.", присланная изъ Москвы: „*сновидѣніе*", въ которомъ Александръ Невскій представленъ бесѣдующимъ.

1802 г.

Къ Государю Александру I-му отъ 8 августа 1802 г. Русская Старина, 1875 г., т. 13, стр. 79.

Къ нему же. Тамъ же, стр. 79—80.

Къ нему же—отъ 28-го октября 1802 г. черезъ министра народнаго просвѣщенія—Завадовскаго. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1872 г., ч. CLIX, стр. 72—73.

Къ министру внутреннихъ дѣлъ, гр. Кочубею, отъ 4-го декабря 1802 г. Русская Старина, 1875 г., т. 14, стр. 186—188.

1803 г.

Къ императору Александру I-му. 1803 г. Русская Старина, 1875 г., т. 14, стр. 194—195.

Къ Кочубею, 1803 г., январь. Тамъ же, стр. 190.

Къ нему же, отъ 29-го января 1803 г. Тамъ же, стр. 191—193.

Къ императору Александру I-му, 1803 г. февраль. Тамъ же, стр. 196—198.

Къ И. Ѳ. Тимковскому, отъ 24-го марта 1803 г. Кіевская Старина, 1891 г., т. 34, стр. 233—236.

Къ губерн. предвод. дворянства—Донецъ-Захаржевскому, отъ 26-го марта 1803 г. Опытъ исторіи Харьковскаго ун—та проф. Д. И. Багалѣя, т. I, стр. 100—101, 103.

Къ Н. Н. Новосильцеву отъ 10 іюня 1803 г. „Опытъ ист. Харьк. унив—та" проф. Багалѣя, т. I, гл. II, стр. 107—112.

Къ Кочубею, отъ 14-го іюня 1803 г. Русская Старина, 1875 г., т. 14, стр. 198—200.

Къ И. Ѳ. Тимковскому—отъ 2-го августа 1803 г. Кіевская Старина, 1891 г., т. 34, стр. 383—384.

Къ государю Александру I-му—отъ 16-го августа 1803 г. Русская Старина, 1875 г., т. 14, стр. 273—278.

Къ нему же—отъ 23-го августа 1803 г. Тамъ же, стр. 470—471.

Къ нему же—отъ 12-го сентября 1803 г. Тамъ же, стр. 278.

Къ нему же—отъ.. 1803 г. Тамъ же, 474—476.

Къ И. Ѳ. Тимковскому—отъ 1-го октября 1803 г. Кіевская Старина, 1891 г., т. 34, стр. 384—387.

Къ Шишкину—отъ 14-го октября 1803 г. Журн. Мин. Нар. Просв. 1872 г., ч. CLIX, стр. 89.

1804 г.

Прошеніе Каразина, представленное кн. Черторижскимъ императору Александру I-му въ ноябрѣ 1804 г. Русская Старина, 1903 годъ,— апрѣль, стр. 9—10, примѣчаніе (2).

1805 г.

Письмо въ Комитетъ Правленія Харьковскаго Ун—та, отъ 31-го марта 1805 г. Опытъ исторіи Харьков. унив-та проф. Д. И. Багалѣя, т. I, стр. 139—140.

1806 г.

Епископу Христофору Сулимѣ—отъ 29-го января 1806 г. Харьковскій Сборникъ 1887 г. стр. 59—60.

Митрополиту Амвросію—отъ 9-го февраля 1806 г. Тамъ же, стр. 57—58.

Епископу Христофору Сулимѣ отъ 10-го іюня 1806 г. Тамъ же, стр. 56.

1807 г.

Къ священнику Иванѣву — отъ 31-го іюня 1807 г. с. Анашкино. Харьковскій Сборникъ, 1887 г., стр. 63.

1809 г.

Къ госуд. Александру 1-му—отъ 4-го октября 1809 г. Ссылку на это письмо находимъ въ статьѣ „О невмѣшательствѣ въ дѣла Европы". Чтеніе, 1863 г., т. Ш, стр. 123 и 126.

1810 г.

Къ М. М. Сперанскому—отъ 18-го апрѣля 1810 г. Москва. Русская Старина, 1872 г., январь, стр. 82—83. Сообщ. Ф. К. То же, т. 108, стр. 31.

1813 г.

Къ гр. А. А. Аракчееву, посланное черезъ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 12-го декабря 1813 г. Москва. Сборникъ историч. матеріаловъ 1-го отд. канцеляріи Его Величества, вып. І-й, 1878 г., стр. 410—412. Также: Москва. Иллюстр. Газета, 1892, № 307 (сообщ. Бочаровымъ) и Южный Край, 1892 г. № 4070 - отъ 8-го ноября.

1814 г.

Къ гр. А. А. Аракчееву—отъ 12-го января 1814 г. Москва. Тамъ же (въ трехъ мѣстахъ). Послано черезъ министра внутрен. дѣлъ А. И. Горчакова.

Къ нему же—отъ 29 марта 1814 г. Тамъ же (въ трехъ мѣстахъ).

Къ нему же—отъ 9 апрѣля 1814 г. Москва. Тамъ же (въ трехъ мѣстахъ).

1815 г.

Къ нему же—отъ 5 апрѣля 1815 г. С.-Петербургъ. Сборникъ историческ. матеріал. вып. ІІ-й. Спб. 1889 г., стр. 489—491.

Къ князю Н. И. Салтыкову отъ... мая 1815 г. Русская Старина, 1900 г. ноябрь, стр. 259.

1816 г.

Къ гр. А. А. Аракчееву—отъ 14-го іюня 1816 г. Сборникъ историч. матер. вып. II-й. Спб. 1889, стр. 492—493.

1817 г.

Къ нему же—отъ 1-го января 1817 г. Н. Дубровинъ „Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе имп. Александра I-го, стр. 178. Спб. 1883 г.

1818 г.

Къ В. Р. Марченку—отъ 11-го февраля 1818 г. Москва. Сборникъ историч. матеріаловъ, вып. II-й, стр. 514.

1819 г.

Его Благородію П. И. Головачеву, Ахтырскому Г-ну землемѣру—отъ 6-го іюня 1819 г. Вольное. Сборникъ Харьковскаго Историко-Филотехническаго Общества, кн. 3, стр. 311. Харьковъ. 1891 г.

Собственноручное прошеніе статскаго совѣтника Василія Каразина въ С.-Петербургскую цензуру—отъ 29 октября 1819 г. Русская Старина, 1901 г., январь, стр. 244.

Къ Кочубею въ концѣ октября (1820 г.) Ист. Вѣстн. 1900 г. апрѣль, стр. 1049.

2 письма къ кн. Вяземскому отъ 2 іюня 1821 г. Тамъ же, стр. 1052—1053.

1827 г.

Письмо ст. совѣтника В. Каразина къ дѣйствительному статскому совѣтнику Василію Гавриловичу Муратову—отъ 3-го марта 1827 г. Съ примѣч. Кар—на. С. Кручикъ. Русская Старина, 1902 г. апрѣль, стр. 224.

1829 г.

Къ А. А. Долгорукому—отъ 6-го іюля 1829 г. Богодуховъ. Русская Старина, 1903 г. апрѣль стр. 7—8.

Къ нему же—отъ 8-го іюля 1829 г. Кручикъ. Тамъ же, стр. 9—11.

1830 г.

Къ М. П. Погодину—1830 г. (о средствахъ противъ холеры). Н. Бэрсуковъ. „Жизнь и труды Погодина“, кн. III, стр. 216.

1831 г.

Къ А. Х. Бенкендорфу - отъ 13-го ноября 1831 года Русская Старина, 1903 г. апрѣль, стр. 13.

Къ нему же - отъ 15-го ноября 1831 г. Тамъ же, стр. 13—14.

Объясненіе Каразинымъ своихъ дѣйствій по растратѣ университетскихъ суммъ (покупка коллекціи Аделунга)—отъ 20-го ноября 1831 г. Русская Старина, 1903 г. апрѣль. стр. 14—16.

Къ С. Н. Муханову—отъ 20 и 21 ноября 1831 г. Тамъ же, стр. 16—17.

Къ императору Николаю 1-му — отъ 31 декабря 1831 г. Тамъ же. стр. 21—24.

1837 г.

Къ А. Г. Тройницкому—1837 года. Русскій Архивъ, 1894 г., т. I стр. 563.

1839 г.

Къ Бенкендорфу - отъ 15 іюля 1839 г.—для Великой княгини Маріи Николаевны. Русская Старина, 1903 г., апрѣль, стр. 24 25.

Къ нему же—отъ 26 сентября 1839 г. Тамъ же, стр. 25 26.

Къ нему же - отъ 15 ноября 1839 г. Тамъ же, стр. 26—27.

1842 г.

Къ Погодину (о Молодикѣ) 1842 г. Барсуковъ „Жизнь и труды Погодина", кн. VII, стр. 136.

Къ нему же—1842 г. То же, кн. VI, Спб. 1892 г., стр. 67—68.

Къ Е. И. Колтуновскому отъ 15 апрѣля 1842 г. Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества, т. III, стр. 340. Харьковъ, 1891 года.

Къ нему же—отъ 28 апрѣля 1842 г. Тамъ же.

Къ нему же—безъ даты (послѣ 28 апрѣля). Тамъ же.

„Письмо къ издателю" Молодика—Бецкому—отъ 2-го мая 1842 г. Харьковъ. Молодикъ на 1844 г., стр. 229—230. Харьковъ, 1843 г.

Къ М. П. Погодину—отъ 23 мая 1842 г. Впервые: Москвитянинъ, 1843 г. № 2, стр. 628—629, потомъ въ другихъ изданіяхъ.

Въ настоящемъ обзорѣ источниковъ и пособій отсутствуютъ указанія на *неизданныя* письма В. Н. Каразина, не имѣющія научнаго характера; соотвѣтствующія указанія на нихъ, равно какъ и на неизданные документы оффиціальнаго характера, сдѣланы подъ текстомъ сочиненія.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ «Кіевской Старинѣ» печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XCI.

1905 г.

ОКТЯБРЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.
1905.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

I. КЪ БІОГРАФІИ И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО. Сообщ. *И. Фр. Павловскій* . . . . 1—10

II. ПРЫЯЗНЬ. (Оповидання зъ жыття волынського полисся). *Леси Украинки* . . . . . 11—72

III. МАТЕРІАЛЫ ПО ЭТНОГРАФІИ БЕССАРАБСКИХЪ РУСИНОВЪ. Сообщ. *Петръ Несторовскій* . . . 73—125

IV. Дополненіе къ статьѣ. „КЪ ИСТОРІИ ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ УКРАИНѢ“. Сообщ. *Вл. П—ко.* . . . 126—132

V. УЧАСТІЕ ЗАПОРОЖСКИХЪ КОЗАКОВЪ ВЪ ВОЗСТАНОВЛЕНІИ (ІЕРУСАЛИМСКИМЪ ПАТРІАРХОМЪ ѲЕОФАНОМЪ) ПРАВОСЛАВНОЙ ЮЖНО-РУССКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ІЕРАРХІИ ВЪ 1620 ГОДУ. Сообщ. Прот. *Петръ Орловскій*. . . . . 133—141

Отдѣлъ II.

I. ДОКУМЕНТЫ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Указъ императрицы Анны Ивановны правителю Малороссіи князю Шаховскому — о бракахъ малороссовъ. Сообщ. *Вл. П—ко;* б) Къ вопросу о доходахъ и расходахъ архіерейскихъ каѳедръ въ 18 в. Сообщ. *Вл. П—ко*; в) Дѣло епископа Черниговскаго Ираклія и іеромонаха Іеремія Гусаревскаго. Сообщ. *Вл. П — ко*; г) Статистическія свѣдѣнія о церквахъ и православномъ населеніи русской части Малороссіи въ 1780 г. Сообщ. *Вл. П — ко*; д) Избіеніе евреевъ въ Малороссіи въ 1631 — 1632 гг. Сообщ. *В. Затуловскій;* е) Еще варіантъ малорусской баллады о Бондаривнѣ. Сообщ. *Л. М.*; ж) Объ одномъ изъ памятниковъ Украинской старины; з) Извѣщенія редакціи . . . . 1—17

ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ . . . . 17—50

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Труды по изученію этнографіи Екатеринославской губерніи. *Владимиръ Даниловъ*; б) Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана. *Н. Ш.*; в) „Михайловецъ“, еженед. журн. *Ник. Стасюкъ*; г) Обзоръ журналовъ. . . . . 51—63

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

ТОМЪ XCI.

1905 г.

ОКТЯБРЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра Акціон. О-ва. печ. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Меринговская улица.
1905.

Дозволено Цензурою. Кіевъ, 27 сентября 1905 г.

Къ біографіи И. П. Котляревскаго.

Съ 1810 г. Котляревскій былъ надзирателемъ въ „домѣ воспитанія бѣдныхъ дворянъ», основанномъ по мысли кн. А. Б. Куракина. На содержаніе этого дома полтавская городская дума ежегодно выдавала 5551 р. 34½ коп. Деньги эти по третямъ или помѣсячно получалъ И. П. Котляревскій, увѣдомленія котораго о полученіи ихъ сохранились въ архивѣ полтавской думы. При этомъ, Котляревскій нерѣдко писалъ о полученіи этихъ денегъ съ прибавленіемъ «ввѣреннаго мнѣ заведенія», что указываетъ на завѣдываніе имъ этимъ учрежденіемъ. Изъ-за полученія этихъ денегъ, между нимъ и городскимъ головой П. Ворожейкинымъ произошли препирательства. Надо еще сказать, что Котляревскій съ 1827 года былъ попечителемъ полтавскаго богоугоднаго заведенія, на которое городъ также ежегодно давалъ не малую субсидію: на содержаніе главной больницы — 6151 р. 27 к., на медикаменты — 4421 р. 18 к., на ремонтъ и устроеніе 3 частныхъ больницъ — 1983 р. 90 коп. Эти деньги также получалъ Котляревскій, какъ попечитель богоугоднаго заведенія. Опозданіе со стороны думы присылкою этихъ денегъ, а также присылка болѣе монетою, чѣмъ ассигнаціями, вызвали со стороны Котляревскаго жалобу приказу общественнаго призрѣнія, въ вѣдѣніи котораго было богоугодное заведеніе. Приказъ отправилъ бумагу по этому случаю въ думу, которая и заслушала ее въ засѣданіи 22 іюля 1832 г. Приводимъ это предло-

женіе Приказа въ подлинникѣ, а также и другія данныя по этому вопросу. Вотъ журналъ засѣданія, рисующій отношенія между К — имъ и городскимъ головою. «Предложеніе Полтавскаго приказа общественнаго призрѣнія отъ 20 сего іюня за № 3138, коимъ по представленію попечителя полтавскаго богоугоднаго заведенія, изъяснявшаго что сія Дума за май и іюнь мѣсяцы положенныхъ на содержаніе ввѣренныхъ ему богоугодныхъ заведеній съ медикаментами и для дома воспитанія не отпустила до сего времени денегъ и тѣмъ ощутительно стѣснила и почти отнимаетъ способъ къ должному содержанію оныхъ заведеній; что сіе происходитъ отъ того, что градскій глава купецъ Ворожейкинъ, не желая вникнуть или, можетъ быть и по ограниченному понятію своему о богоугодныхъ заведеніяхъ, не разумѣетъ сущности ихъ и для того стѣсняетъ его неотпускомъ денегъ, чтобы принудить симъ способомъ принять деньги отъ думы одною мѣдною монетою или съ малымъ или вовся несоразмѣрнымъ назначенію количествомъ ассигнацій: что высшее начальство положило въ числѣ отпускаемой суммы для содержанія заведеній отпущать третью часть ассигнаціями, слѣдовательно, городской глава обязанъ отпущать непремѣнно всякому мѣсту назначенное количество мѣдною монетою и ассигнаціями, не входя ни въ какіе разсчеты, по своему произволу, на что ему не дано права или власти. Всякому извѣстно, что въ городѣ Полтавѣ невозможно найти достаточное количество потребныхъ и необходимыхъ многихъ вещей для заведеній, но должно выписывать изъ другихъ городовъ, для чего должно посылать деньги не мѣдныя, но ассигнаціи; но сего обстоятельства градской голова будто не понимаетъ и подумать можно, что онъ ассигнаціи собираетъ для своихъ по промыслу купца оборотовъ, и просившаго (?) онаго приказа употребить свою власть къ скорѣйшему отпуску слѣдующихъ за два мѣсяца на содержаніе заведеній денегъ и если возможно внушить главѣ Ворожейкину, что отпускаемыя деньги отдавать онъ долженъ по принадлежности и по назначенію высшаго начальства, а не по собственному произволу, предлагаетъ думѣ, чтобы какъ за прошедшій май и іюнь мѣсяцы поспѣшили вы-

слать слѣдующую сумму на содержаніе заведеній приказа, такъ и впредь отсылали бы таковую немедленно по принятіи денегъ изъ уѣзднаго казначейства и въ такой непремѣнно пропорціи ассигнацій и мѣдной монеты, какая отъ казенной палаты къ отпуску въ думу предписана, и 2-е, учиненную справку, по которой оказалось: что слѣдовавшіе за прошедшій май мѣсяцъ на содержаніе полтавскаго хозяйства богоугодныхъ заведеній и на медикаменты 881 руб. $3^1/_2$ коп., да особо частныхъ больницъ 165 руб. $32^1/_2$ коп. и на содержаніе дома воспитанія бѣдныхъ 462 р. $61^1/_4$ к., а всего 1508 р. $97^1/_4$ к., деньги были записаны расходомъ по шнуровой книгѣ 9 числа іюня и отсылаемы къ г. попечителю и надзирателю маіору Котляревскому не въ одной мѣдной монетѣ, а съ присовокупленіемъ ассигнацій, но по непринятію имъ оставались въ Думѣ до 30-го, а до того числа записаны опять приходомъ и состоятъ на лицо: — приказали: о вышеписанномъ по справкѣ оказывается, полтавскій приказъ общественнаго призрѣнія увѣдомить, и записавъ теперь же по книгѣ расходомъ слѣдуемые за май и іюнь мѣсяцы на содержаніе полтавскаго хозяйства богоугодныхъ заведеній и на медикаменты 1762 р. 7 к., на содержаніе больницъ 330 р. 65 к. и на содержаніе дому воспитанія бѣдныхъ 925 р. $22^1/_2$ к., всего 3017 р. $94^1/_2$ к., дать знать о томъ г. попечителю и надзирателю Котляревскому съ тѣмъ, чтобы благоволилъ для принятія означенныхъ денегъ командировать чиновника и кто будетъ назначенъ, думу сію извѣстить для отпуска оныхъ подъ его росписку. А въ опровержение представленія его г. попечителя Котляревскаго, заключающаго въ себѣ жалобу на сію думу, присовокупить приказу общественнаго призрѣнія, что оное представленіе есть неосновательное, потому 1-е, что если бы и подлинно, какъ г. Котляревскій объясняетъ, черезъ неполученіе положенныхъ на содержаніе ввѣренныхъ ему богоугодныхъ заведеній и дома воспитанія бѣдныхъ денегъ, заведенія сіи ощутительно стѣснялись въ способахъ къ должному оныхъ содержанію, то дума нисколько сему не причиною. Ибо слѣдовавшія ему г. Котляревскому на тѣ заведенія за май мѣсяцъ деньги всего 1508 р.

$97^1/_4$ к. были высланы къ нему 9 числа іюня, которыя деньги онъ обязанъ былъ принять и, объяснивъ количество отпущенныхъ мѣдныхъ и ассигнацій, тогда войтить съ своимъ представленіемъ о добавленіи послѣднихъ, ежели, по его мнѣнію, ему болѣе слѣдовало, нежели думою выслано; чѣмъ самымъ были бы отклонены и тѣ стѣсненія, о коихъ онъ пишетъ. Но онъ сказанныхъ денегъ не принялъ и обратилъ въ думу; а симъ уже доказывается, что онъ не имѣлъ такой въ деньгахъ крайности, о коей изъясняется. 2-е, что сумма по росписанію полтавскаго губернскаго правленія, назначенная на всѣ городскія надобности, отпущается въ полное распоряженіе думы и что ни въ ономъ росписаніи и ни въ какихъ другихъ начальственныхъ предписаніяхъ, на которыя г. Котляревскій ссылается, неограничено, какое именно количество отпущать ему ассигнацій? Но дума, сама соображаясь съ мѣстными обстоятельствами и съ крайнею возможностью, назначаетъ оныхъ въ отпускъ столько, сколько у себя имѣетъ. Если же полагать, подобно Котляревскому, что на всѣ назначенія, должно стѣснять третью часть ассигнацій, то дума не могла бы удовлетворить вполнѣ зависящихъ отъ нея расходовъ, поелику есть такіе предметы, кои выполняются собственно одними ассигнаціями, безъ примѣси мѣдной монеты, которая рѣшительно не принимается и не можетъ быть принята. Въ прочемъ г. Котляревскому на содержаніе означенныхъ заведеній отпущается въ годъ только 18107 р. $69^3/_4$ к., которыхъ едва ли достаточно для покрытія мѣдною монетою удовлетвориться могущихъ на мѣстѣ въ Полтавѣ. А дума обязана кромѣ его выслать и употребить болѣе 15 тыс., слѣдственно ей нужно болѣе и ассигнацій, нежели ему. На объясненіе же г. Котляревскимъ, сколько въ точности отпущалось ему Думою ассигнацій, служитъ подтвержденіемъ, что оныхъ отдѣлялось соразмѣрное количество, и 3-е, что градскій голова 2 гильдіи купецъ Ворожейкинъ, собственнымъ своимъ лицомъ въ думѣ не дѣйствуетъ, но въ оной по своимъ частямъ управленія дѣлаются опредѣленія за согласіемъ и подписомъ всѣхъ членовъ, полное присутствіе по Высочайше конфирмованному городовому положенію составляющихъ. И слѣдственно, онъ относя

дѣйствія по думѣ къ одному его лицу, не только обижаетъ прочихъ членовъ властью поставленныхъ и довѣріемъ облеченныхъ, но и обнаруживаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и личное свое къ градскому головѣ неудовольствіе. По всѣмъ симъ обстоятельствамъ приказъ общественнаго призрѣнія просить, принявъ во вниманіе напрасное г. Котляревскимъ членовъ думы, наиболѣе же градскаго голову, обжалованіе, поставить его въ обязанности слѣдуемые на содержаніе богоугодныхъ заведеній и дому воспитанія бѣдныхъ, принимать на мѣстѣ въ Думѣ съ такимъ количествомъ ассигнацій, какое она по крайней возможности отпускать можетъ. А какъ г. попечитель и надзиратель Котляревскій между прочаго въ своемъ представленіи написалъ: «что отпускъ ему ассигнацій въ меньшемъ количествѣ происходитъ отъ того, что градской голова купецъ Ворожейкинъ, не желая вникнуть или можетъ быть и по ограниченному понятію своему о богоугодныхъ заведеніяхъ, не разумѣетъ сущности ихъ и для того стѣсняетъ его неотпускомъ денегъ, чтобы припудить симъ способомъ принять деньги отъ думы одною мѣдною монетою или съ малымъ или вовся несоразмѣрнымъ назначенію количествомъ ассигнацій». «И что онъ собираетъ ассигнаціи для своихъ по промыслу купца оборотовъ». Каковыя выраженія будучи крайне дерзки, оскорбительны и обидны для званія и чести градскаго головы Ворожейкина, избраннаго въ сію должность купеческимъ сословіемъ и утвержденнаго начальствомъ и продолжающаго службу съ отличнымъ усердіемъ и неутомимою дѣятельностью; заключаютъ въ себѣ доносъ о преступленіи должности и вмѣстѣ съ тѣмъ нарушаютъ должное къ присутственному мѣсту уваженіе; то объ ономъ съ прописаніемъ всего вышеизложеннаго представить рапортомъ гг. малороссійскому военному губернатору и полтавскому гражданскому губернатору, да полтавскому губернскому правленію и покорнѣйше просить милостиваго распоряженія о защитѣ градскаго главу Ворожейкина и прочихъ членовъ думы отъ невмѣстныхъ по службѣ и нестерпимыхъ г. Котляревскаго язвительныхъ порицаній и колкостей начальственнымъ покровительствомъ о томъ, чтобы онъ заставленъ былъ неосновательный свой въ отношеніи

удержанія ассигнацій для купеческихъ оборотовъ извѣтъ, доказывать гдѣ и какъ слѣдуетъ на основаніи генеральнаго регламента 19-ой главы. (Подпись Ворожейкина и трехъ гласныхъ) [1]).

Котляревскому очень не понравилось рѣшеніе думы выдавать деньги чиновнику, присланному въ Думу, и онъ 28 іюля отправилъ слѣдующую бумагу городской думѣ, гдѣ набрасываетъ тѣнь на дѣятельность городского головы.

Полтавской городской думѣ.

Служа надзирателемъ полтавскаго дома воспитанія бѣдныхъ двадцать два года, въ продолженіи которыхъ попечителемъ полтавскихъ богоугодныхъ заведеній около пяти лѣтъ, не получалъ никогда таковаго отношенія отъ думы, чтобы откомандировывать чиновниковъ въ думу для принятія денегъ, ассигнованныхъ на содержаніе управляемыхъ мною заведеній. Таковое новое, небывалое, не въ примѣръ другимъ учиненное думою распоряженіе, приписываю единственно неблагорасположенію ко мнѣ градскаго главы Ворожейкина, за непринятіе мѣдныхъ денегъ отпускаемыхъ мнѣ для содержанія заведеній, по его произволу. Глава Ворожейкинъ, имѣя умъ тонкій, изворотливый, который онъ показалъ во многихъ случаяхъ, а особливо при покупкѣ темнозеленаго сукна для обмундированія малороссійскихъ полтавскихъ козаковъ [2]), не захотѣлъ, повидимому вникнуть и уразумѣть, что дѣлаемыя имъ лично для меня выходки и выдумки, суть стѣсненіе для должнаго содержанія заведеній.

Для прекращенія всякихъ неблаговидныхъ переписокъ, прошу полтавскую городскую думу, устранивъ подстреканія главы Ворожейкина къ причиненію мнѣ затрудненій, а заведеніямъ мнѣ ввѣ-

---

[1]) Гор. арх. 1832, дѣло № 4603, жур. засѣд. 22 іюля.

[2]) Въ 1831 г. Ворожейкинъ ѣздилъ въ Москву и др. города для покупки сукна, самъ предложилъ свои услуги и отказался отъ издержекъ на свою поѣздку, пробылъ въ поѣздкѣ $2^1/_2$ м., получилъ признательность Репнина. Гор. арх. 1832 г. дѣло № 4587, жур. засѣд. 6 мая.

реннымъ притѣсненія, приказать доставить мнѣ слѣдующія заведеніямъ за два мѣсяца деньги, коихъ третья часть должна быть въ ассигнаціяхъ, и тѣмъ сохранить наблюдаемый черезъ 22 года порядокъ, не придерживаясь нововведеній главы Ворожейкина. Попечитель маіоръ Котляревскій [1]).

Бумага была получена 19 іюля и въ тотъ же день заслушана въ Думѣ. Интересенъ отвѣтъ думы, которая указываетъ К—ому, какое наказаніе полагается лицу, оскорбляющему «присутственное мѣсто» и лицъ состоящихъ на службѣ. Вотъ журналъ засѣданія. «По указу Его Императорскаго Величества полтавская городская дума, по выслушанію сего отношенія, опредѣлила: какъ во ономъ господинъ попечитель полтавскихъ богоугодныхъ заведеній маіоръ Котляревскій написалъ на щотъ первенствующаго члена сей думы, градскаго головы 2 гильдіи купца Ворожейкина оскорбительныя и къ дѣлу непринадлежащія выраженія таковы: «глава Ворожейкинъ, имѣя умъ тонкій, гибкій и изворотливый, который онъ показалъ во многихъ случаяхъ, а особливо при покупкѣ темнозеленаго сукна для обмундированія малороссійскихъ козаковъ, не захотѣлъ вникнуть и уразумѣть, что дѣлаемыя имъ выходки и выдумки суть стѣсненія; усторонить подстреканіе главы Ворожейкина, непридерживаясь нововведеній его. А законами повелѣно: указомъ 1764 сентября 13, дабы впредь во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ съ поносительными и къ дѣлу о чемъ прошеніе есть непринадлежащими словами челобитень подаваемо и нигдѣ принимаемо и въ посылаемыхъ указахъ и сношеніяхъ писано не было; подъ опасеніемъ штрафа, какой за пренебреженіе формы о судѣ по указу 1723 года ноября 5 положенъ». «Онымъ 1723 года указомъ: «Всѣ суды и розыски имѣютъ по сей формѣ отправляться не толкуя, что сія форма суда къ тому служитъ, а къ другому не служитъ. А ежели кто будетъ инымъ образомъ судить и розыскивать, или челобитныя принимать, тотъ яко нарушитель государственныхъ правъ наказанъ будетъ; а ежели что

[1]) Гор. архивъ 1832 года, дѣло № 4618.

во оной пренебрегать будетъ или слабо поступать, то въ первыя пять сотъ рублевъ, въ другой разъ тысячу, въ третье половины движимаго и недвижимаго и чина лишенъ будетъ». Генеральнаго регламента 55 главою: «при семъ объявляется всѣмъ и каждому особливо, какого бъ чина и достоинства кто ни былъ, чтобы никто ругательными словами коллегіи касаться не дерзалъ, ибо оные которые тому противно учинятъ, по состоянію обстоятельствъ дѣлъ и персонъ, яко помѣшатели добрыхъ порядковъ и общаго покоя, такожде яко противники и непріятели Его Величества Воли и учрежденія на тѣлѣ и лишеніемъ чести и имѣнія наказаны быть имѣютъ, понеже оный который противъ рѣшенія и поступковъ коллегіи у Его Императорскаго Величества ревизіи или милости просить намѣренъ, то надлежитъ ему сіе съ надлежащимъ воздержаніемъ чинить и почтенія коллегію никогда неповреждать и тако не о особахъ, но о самомъ сущемъ дѣлѣ доносить имѣетъ». И Высочайше утвержденнымъ 13 апрѣля 1810 года мнѣніемъ Государственаго Совѣта, дабы всѣ вышепрописанныя узаконенія исполняемы были со всею точностью безъ малѣйшаго послабленія. То на основаніи сихъ законоположеній, означенное г. Котляревскаго отношеніе, яко наполненное вышеобъясненными дерзскими и непринадлежными къ прямому дѣлу выраженіями, возвратить съ надписью и оное для врученія ему по принадлежности отослать при сообщеніи въ полтавскую городскую полицію съ тѣмъ, чтобы благоволила при отдачѣ сказаннаго отношенія г. Котляревскому объявить ему, во первыхъ, чтобы онъ съ подобными дерзскими бумагами въ Думу, какъ въ мѣсто присутственное, освященное Высочайшимъ Его Императорскаго Величества зерцаломъ, не входилъ. Во вторыхъ, что слѣдовавшія за май мѣсяцъ на содержаніе полтавскихъ богоугодныхъ заведеній и дому воспитанія бѣдныхъ 1508 р. 97 к. были записаны расходомъ и отсылаемы къ нему еще 9 іюня, но по непринятію имъ обращены 30 числа того мѣсяца опять въ приходъ. Въ третьихъ, что подлежащія на тѣ же заведенія за тотъ же май и іюнь мѣсяцъ деньги всего 3017 р. $94^1/_2$ к., тоже записаны расходомъ еще 26 числа сего іюня, но по неявкѣ его и не присылкѣ чиновника въ думу для пріема (о чемъ

было къ нему писано) остаются въ оной на лицо и во всегдашней готовности къ отдачѣ. И въ четвертыхъ, что дума прежняго своего опредѣленія о прикомандированіи имъ Котляревскимъ во оную чиновника для пріема сказанныхъ на содержаніе заведеній 3017 р. 94½ к. денегъ, отмѣнить не можетъ за силою 130-й статьи Высочайше о губерніяхъ учрежденія. А потому и исполнилъ бы онъ первоначальное о томъ требованіе, какъ законное, ибо дума не имѣетъ ни обязанности, ни возможности разсылать ко всякому денегъ по домамъ съ зашнурною книгою, сколько изъ опасенія растраты первыхъ и потери послѣдней, столько же и потому, что на такову разсылку нѣтъ распоряженія и отъ полтавскаго губернскаго правленія, отъ коего препровождено и самое о удовлетвореніи думою расходовъ росписаніе. Въ возвращеніи же ему Г. Котляревскому подлиннаго его съ надписью отношенія, взявъ отъ него подписку, доставить въ сію думу [1]).

Это рѣшеніе думы было написано на томъ же отношеніи Котляревскаго и черезъ полицію отослано ему. Котляревскій не принялъ этой бумаги, о чемъ думу и увѣдомилъ полиціймейстеръ Монжосъ. «Онъ, Котляревскій, — писалъ Монжосъ 8 августа,—принять того отношенія не захотѣлъ, почему полиція, не имѣя болѣе никакой возможности къ порученію означеннаго отношенія Котляревскому, обращаетъ оное при семъ въ городскую думу для дальнѣйшаго со стороны ея распоряженія». Дума, получивъ это увѣдомленіе, порѣшила: «оное сообщеніе съ приложеннымъ подлиннымъ г. маіора Котляревскаго отношеніемъ, пріобщивъ къ дѣлу, доложить съ онымъ къ особому опредѣленію» [2]). Губернское правленіе, которому жаловалась Дума, предписало отослать деньги, слѣдуемыя за май и іюнь мѣсяцы, и на будущее время отсылать съ книгою для росписки въ ней кого либо изъ членовъ (т. е. гласныхъ). Что же касается, «неприличныхъ, какъ читаемъ въ указѣ, на щотъ думы выраженій г. Котляревскаго,

---

[1]) Гор. архивъ 1832, дѣло № 4603, жур. засѣд. 29 іюня.

[2]) Гор. арх. 1832 г. дѣло № 4618.

«то предоставлено думѣ ожидать рѣшенія губернатора и генералъ-губернатора [1]). Такъ губернское правленіе не пожелало вмѣшиваться въ недоразумѣнія, возникшія между поэтомъ и Думой, а между тѣмъ, Губернское правленіе было учрежденіемъ, которому всецѣло была подчинена дума. Какъ отнеслась къ этому дѣлу администрація, мы не знаемъ; къ сожалѣнію, данныхъ объ этомъ мы не нашли въ архивѣ.

Собщ. **И. Фр. Павловскій**.

---

[1]) Гор. арх. 1832 дѣло № 4614, жур. засѣд. 21 Августа.

ПРЫЯЗНЬ.

(Оповиданння зъ жыття волынсъкого полисся).

На прызьби пидъ хатою въ Мартохы Билашыхы сыдыть мале дивча, зъюрдывшысь; блиде, жовте лычко ажъ пидпухло, а сыви очи якось побилилы; трясется несчасне и видъ пропасныци й видъ плачу, бо маты саме набыла, а теперъ стоить коло одвирка зъ прутомъ въ руци, та ще й прыказуе.

— И была, и ще бытыму! отъ не сыды-но мени тилько въ хати, отъ побижы-но мени ще разъ до лиса зъ панною, то я объ тебе виныка обламаю! Казала я тоби, не лазь по сонци! Такъ отъ же буде лазыты, покы зновъ іи трасця вхопыть!

— Та хиба воно одъ сонця? — озвалась кризь слёзы мала Дарка.

— А то жъ одъ чого, дурне верысько?

— Панна казалы — зъ болота та зъ комаривъ...

— Зъ комаривъ? Чы ты скрутылась, чы що, и зъ твоею панною? Чы то мало кого комари кусають...

— Тажъ и по сонци вси ходять! — не вдержалась такы Дарка, хочъ знала, що маты не терпыть «языкатыхъ».

— Отъ не мовчы-но мени, отъ тилько не мовчы, я-а-а-а тоби! — скрыкнула Мартоха и замахнула ризкою, а Дарка зибрала остатню сылу тай чкурнула видъ матери по-за городдямъ на пастовень, що коло панського садка, прыщулылась у виль-

хахъ, сыдыть и хлыпае та чекае, чы не надійде іи по́друга й однолитка панна Юзя.

Часомъ Дарка такъ и до смерку ждала, а Юзя не прыходыла, не могла вырватыся зъ дому, але здебильшого, хутко чы не хутко, прыходыла такы товарышка вирна, и тоди воны сидалы поручъ у кущахъ, обыдви тоненьки й пожовкли видъ пропасныци, и гирко скаржылысь одна одній на свою хатню неволю та справувалысь межы собою, хочъ бильше Дарка панни докоряла. Такъ и теперъ Дарка почала «вычытуваты» панни, ледве тая прыйшла.

— Чомъ вы-те, панно, не выйшлы заразъ по вбиди? Я вже тутъ чекаю, чекаю, ажъ мени нудно, а до дому йты боюся, маты зновъ набьють, якъ вы-те не вборопыте.

— Та колы ніякъ не можна було, — выправдовувалась Юзя, — по обиди заразъ дидунё казавъ ёму газету чытаты, пото́му я бабуни нытки мотала, а тамъ мусила таткови рахупкы свои зробыты та̀ зъ мамою французську кныжку чытаты.

— Овва! А вы-те чомъ не втиклы?

— Та якъ же я втечу?

— А такъ, якъ отъ я: втичу и вже!

— Э, тоби що иншого, тоби не кажуть учытысь, ты соби можешъ гуляты, — задумлыво промовыла Юзя, немовъ сама до себе, дывлячысь у далечинь.

— Эге! нагуляюся — зъ Приськoю на рукахъ! — палко и немо́въ ображено видмовыла Дарка.

— И якъ ты тую Приську носышъ? вона така важка! — такъ само задумлыво говорыла панна, тилько звернувшы поглядъ на Дарку, — ты бъ сказала матери, що ты не можешъ, що ты слаба, вона бъ тоби позволыла не носыты Приськы.

— Маты того не пытають. Воны кажуть: «Якъ зъ панною по лисахъ гоняты, то не слаба, а якъ дытыны глядиты, то тебе нема!»

— И чого ты повынна тую Приську глядиты?

— А вы чого дидунёви газету чытаете?

— Бо... бо дидунё на очи слабый, винъ самъ не може.

— А бабуни на що моталы ныткы? Бабуня жъ не слаби.

— Бабуня гнивалась бы.

— Ото мени бида! Нехай бы соби гнивалысь, — я бъ на те вважала? Я бъ и видъ рахункивъ утикла и тую кныжку хранцюзську геть закынула, якъ бы такъ на мене.

— А чому жъ ты кужиля не кидаешъ? Чому видъ гусей не втикаешъ, якъ заставлять пасты?

— Ну, бо набьють, якъ покыну, а васъ же зрода́ не бьють, чы жъ не правда?

— Та... правда... зъ тыхымъ зитханнямъ промовыла панночка, и іи сыви, якъ и Дарчыни, очи зайшлы смуткомъ; вона похылылась, якъ вер̂бычка. Дарци стало шкода лагоднои тыхенькои панночкы, вона раптомъ зважлыво пидвелася и мовыла веселымъ голосомъ.

— Панно, ходимо до Рывкы на гойдашку, тамъ вже доси наши дивчата зибралыся!

Але панночка хылылася ще ныжче.

— Ни, Дарко, я не можу бильше ходыты до Рывкы...

— А то чому?

— Якъ бы ты знала, що мени вчора було за те, що зъ тобою ходыла гойдатыся до Рывкы!..

Дарка вжахнулась: — Эй, чы жъ былы?

— Ни, не былы, — панночка блидо всмихнулась, — а нехай бы вже липше былы... Бронекъ у-вечери пры гостяхъ дратувавъ мене, що я зъ жыдивкамы ќизъ дою, а зъ хлопкамы свыни пасу. Винъ, подлый, самъ насъ пидглядавъ, самъ все таткови розсказавъ, а теперъ ще й сміется... А я зовсимъ кизъ не доила, неправда ёго, тилько гойдалася! — Юзя почына́ла хлыпаты.

— А винъ доправды бачывъ, якъ вы-те зъ намы позавчора свыни паслы? — цикавылась Дарка.

— Я не знаю, може й бачывъ. Що жъ я вже зроблю?... Теперъ мамця плаче... и бабуня гниваеться... и татко каже, що мамця черезъ мене захорує... я не можу... я не знаю...

Де-дали за слизьмы ничого не можна було розибраты зъ Юзинои мовы.

— Панно Юзю!—почувся зъ садка тонкый голосъ панськои покоивкы, — панно Юзю! До гарбаты! Мамуня гниваются! Панно Юзю!

А тутъ и Дарчына маты голосъ подавала зъ свого дворыща: — Дарко! Дарко! А не прыйдешъ ты до хаты? Холеро! Дарко! Дарко!

Мала Приська долучала и свій голосъ до матерыного.

— Ой побижу вже, а то гирше бытымуть! Йдить, панно, й вы-те до дому, — онъ клычуть, — не бижить за мною, щей на васъ насварять.

Але Юзя такы бигла за Даркою.

— Ни, я зъ тобою, я зъ тобою! Не дамъ быты, я не хочу! Я скажу вдома, що не чула... що вчылась... коло кролыкивъ була... я не дамъ тебе быты!

Задыхани, блиди, а не червони, видъ швыдкого руху, прыбиглы обыдви дивчынкы на подвирья до Дарчынои матери.

Мартоха стояла на воротяхъ зъ прутомъ въ рукахъ и саме въ той часъ, якъ Дарка хотила прошмыгнуты позъ неи до хаты, вона вхопыла дивча за руку и замахнулась прутомъ, але Юзя повысла на іи правыци, и Мартоха мусила спынытысь, щобъ не затяты ненарокомъ панськои дытыны.

— Пустите, панно, оступиться, не бороните іи, вы-те не знаете, що то за холерна дивчына!

— Не пущу! Вы не сміете іи быты! — здавленнымъ голосомъ перечылась Юзя, и іи блиде лычко вкрывалось неривнымы рожевымы плямамы.

— Не смію? А то чому? гукнула Мартоха, — отакои не бый, то до чого вона роспаскудытся!

И Мартоха пробувала ворухнуты рукою зъ прутомъ, все таки вважаючы, щобъ не штовхнуты Юзи, тымъ часомъ якъ Дарка пручалась, надіючысь втикты, покы тамъ розмова скинчытся!

Юзя здавыла скилько сылы Мартоху за руку.

— Неправда, не роспаскудытся! Дарка й такъ все робыть для васъ... А чого вона повынна все робыты? отъ не схоче и не буде! — закинчыла Юзя розпачлыво дзвинкымъ голосомъ.

Мартоха споважнила й насупылась.

— Вы-те, панно, не вчить мени Даркы такого. То, може, тамъ у васъ, у панивъ, такый звычай, щобъ дытына матери не слухала, а въ насъ того нема. Чы то я на те надъ нею ночей не досыпляла, соби одъ рота хлибъ одрывала, щобъ мени якесь дармойидысько въ хати росло? Я на те маеткивъ не маю. Та я липше ій забью, а дармойиды мени непотрибни!

Тутъ Мартоха вырвала свою руку видъ Юзи и такъ потягла Дарку прутомъ, що та ажъ звылася зъ болю.

Дарчынъ крыкъ покрывся голосомъ Юзи, що впала до долу, трясучысь и кыдаючысь, якъ непрытомна, та лементуючы.

Видъ панського двора надбигла покоивка. Пани, Юзына маты, почула зъ рундука Юзынъ крыкъ и послала дивчыну, щобъ заразъ завела панночку до дому, але Юзю прыйшлося скорійшъ несты, нижъ весты. Дома дивчынку заразъ роздяглы и поклалы въ лижко, бо въ неи почався нападъ пропасныци.

Юзя лежала укрыта двома ковдрами и хутромъ, вся посынила видъ холоду, що проймавъ іи и трясъ до болю, до млости. Про те вона все слидкувала очыма, якъ татко ходывъ зъ кутка въ кутокъ по компати та все вычытувавъ ій за неслухнянисть. Чутно було по голосу и выдно по очахъ, що винъ щыро жалувавъ свою хвору дытыну, а все такы й щось прыкре, дражлыве прокыдалося въ ёго словахъ: «Отъ завжди такъ, — не слухаешся, бигаешъ, куды непотрибно, покы захоруешъ, а потимъ возыся зъ тобою!» Тее «возыся зъ тобою» боляче ризало Юзи серце, и вона думала: «Та я-жъ и не прошу, щобъ зо мною возылысь... ябъ липше пишла до Даркы на сино, тамъ бы й перележала безъ вашыхъ ковдръ та безъ хины... хочъ бы не грызъ нихто!..» Тилько вона не смила того вымовыты, бо вже й такъ мама зросыла геть чысто одну хусточку слизьмы, сыдячы мовчкы надъ Юзею; вже й такъ бабуня казала прынесты ароматычного оцту та оливцивъ видъ мигрены, а дидуню зъ велыкымъ прытыскомъ роспочавъ

зновъ мову про те, що вже крайня пора взяты до Юзи гувернантку, а то дытына де-дали зовсимъ зхлопіе». Мама давнише було завжди брала Юзю пидъ свою оборону, доводячы, що вона не може допустыты чужу людыну, гувернантку, справляты матерынськи обовьязкы коло Юзи. Але на сей разъ мама тилько плакала, та вже не перечылась.

Юзю зъ холоду кынуло въ палъ. Таткова постать порушувалась немовъ у тумани, голосъ долитавъ урывкамы, и Юзя вже часто не могла розибраты, чы то Мартоха крычыть десь на двори: «мени дармойиды непотрибни!», чы то зновъ татко вымовляе: «захоруешъ, а потимъ возыся зъ тобою». Де дали ци ризни слова злылыся до купы: «возыся зъ дармойидомъ!»,—и Юзи було такъ гирко, немовъ вона була вынна проты когось, чы, навпакы, хтось проты неи завынывъ. Іи гаряча, хвора голивка не могла того збагнуты, а прымара-пропасныця несла іи геть зъ покоивъ, зъ двора до Даркы на сино...

II

Зъ того всёго выйшло, що до Юзи, не вважаючы на іи слёзы, просьбы та обицянкы буты «гречною», згодомъ взялы такы гувернантку, але за те бабуня сама пишла до Мартохы Билашыхы и ришуюче «поговорыла» зъ нею, щобъ вона «не робыла авантуръ», себъ то не была Даркы, прынаймни не доводыла бъ до галасу и прылюдного бешкету.

Мартоха зрозумила ту «розмову» за наказъ,—якъ же инакше розумиты паньски «розмовы»? До того жъ Мартоха була найблыжча панська сусидка, а іи родына найубожча въ сели, то ій такы конче выпадало не въ одному «послухаты» панивъ, щобъ не втратыты сусидськои ласкы. Якъ бы не поденна робота въ двори та на панськыхъ ланахъ, то хто зна, якъ бы Мартоха прожыла зъ дрибнымы дитьмы за своимъ «пьяныцею-недбалыцею», що запродувавъ лыхвярамъ збижжя ще въ накоренку и перевивъ увесь Мартошынъ посагъ пусто-дурно, на жыдивську корысть.

Правда, Мартошыне жыто неразъ высыпалось нежате, Мартошыни конопли марнувалысь нетипани черезъ панську роботу, бо вже Мартоха му́сила йты чы въ пору, чы не въ пору, колы тилько клыкалы. Тай за тую «совыну» (такъ Мартоха звала хину), що стара пани давала для Даркы, и за стареньке шмаття зъ паненятъ для малыхъ дитей, и за маслянку та сыроватку видъ панськыхъ коривъ, за все выпадало неразъ «послухаты» панивъ, колы не роботою, то чымъ иншымъ. Адже й писля сеи «розмовы» пани дала такы теи «совыны» для Даркы, а «порошкивъ видъ жывота» для Приськы, ще й наказала прыйты до двора взяты де-що старого зъ паныча Бронка для Мартошыного Ивана, а при тій нагоди й «послухаты» трохы: пограсуваты стежкы въ саду, бо челядь вся въ роботи, а на вечеръ мають прыйихаты гости, то стежкы мусять буты чысти.

— Та добре, прошу пани, я въ духъ, отъ такы заразъ и прыйду, — сказала Мартоха, поцилувала пани въ руку за ликарство и видпровадыла іи за ворота, щей надвела трохы вулыцею, для пошаны.

У Мартохы двоилось почуття: и дражныло іи панське втручання въ іи родыну, и пидлещала панська ласка до іи дытыны; вона неразъ передъ багатымы сусидкамы немовъ ненарокомъ спомынала, якъ то панна ажъ захорувала за іи Даркою: — «Вже жъ вона й любыть мою Дарку, Господы, якъ ридна сестра! вже нема ій другои такои на всимъ сели!» Багатыркы надымалы прызырлыво губы, а Мартоха думала: «заздростять!»

Провившы пани, Мартоха вернулась до хаты й клыкнула Дарку.

— Йды й ты, недоторкана!

— Куды?—обизвалась Дарка, що сыдила зъ Приською на полу, ще жовта писля нападу пропасныци, але вже не гаряча й прочумана.

— До двора, — видповила маты, — я буду стежкы грасуваты, а ты замитаты.

— А Приська?

— Якъ то ты за Прыську журышся, чы ба! якъ до роботы, то й за Прыську згадала! . Прыськы батько поглядыть. Занесыно іи до батька, онде до стодолы.

— А батько схотять глядиты?—пытала неймовирна Дарка.

— Кажу, несы, то й несы! Мени твоеи гуторкы непотрибно! — гукнула Мартоха такъ, що Дарка поспишылася зъ Прыською за двери.

Перейшовшы черезъ ясный двиръ и вступившы на тикъ у темну клуню, Дарка одразу не могла розгледиты, де сыдивъ батько, и клыкнула:

— Тату, тату, а де вы-те?

— А чого тоби? — озвався ядушлывый голосъ зъ кутка.

Се тамъ на соломи лежавъ Дарчынъ батько, Семенъ Билашъ. Винъ часто такъ лежавъ не тильки въ свято, якъ то вси добри люде роблять, — але и въ будень. Найчастише винъ лежавъ такъ зъ похмилля, порозгонывшы дитей въ хати, та набывшыся жинкы, що николы ёму «не мовчала», ни тверезому, ни пьяному. Та тверезый ще винъ ій мовчавъ. Тверезый винъ мовчкы згожувався, що вона всихъ «издержуе», що тильки за нею й дыхае вся родына, тай винъ самъ, — мовляла жинка, — «ядуха проклята», «пьяныця невсыпущый». Винъ тямывъ добре, що жинка правду каже. Винъ и пьяный це тямывъ, але тоди та правда лютыла ёго. Може, якъ-бы винъ бувъ такый багатыръ та щей самъ дужый здоровый-здоровый и до всякои роботы здатный, якъ отъ хочъ бы сусидъ Якымъ Гречукъ, а жинка недолуга и вбогого роду, якъ Гречучыха, то винъ бы не бувъ такый лыхый пьянымъ. Винъ бы може сміявся, прытанцёвувавъ пьяный, лыцявся бъ до жинкы, окручувавъ бы іи навколо себе, мовъ у танци, называвъ бы іи «робитнычкою» своею, «хадзяечкою», и хто зна якъ ще, покы бъ и вона подобрила, тай соби засміялась бы, що старый «чудака зъ себе робыть». Адже такъ завжди бувае у Гречукивъ, колы Якымови Гречукови трапытся прыйты до дому «пидъ охотою» (правда, Якымови воно не такъ часто трапляется, якъ Семенови, — такъ багатырь же такои биды не мае, щобъ мусивъ залываты). Уляна Гречучыха сама знае, яка тамъ зъ неи

«хадзяєчка» та «робитнычка», — за Якымомъ же тилько й на свити держытся, — вона Бога хвалыть, що іи чоловикъ жалуе, та ще добрый чоловикъ. Але й Семенъ такои жинкы не зачипавъ бы. «Отъ Бигъ-ма, не зачипавъ бы,» — думавъ винъ соби неразъ, — «хочъ нехай бы й ризно называла, такъ якъ и моя. Колы жъ бо моя сама якъ муръ, а на мене каже: ядуха! Чортъ ій вынёнъ, що така багатырка зъ билои хаты та за мене въ курну хату пишла. Що вона мае мени дотынаты? я ій покажу!..» И ядушлывый Семенъ «показувавъ» жинци зпьяна усю, скилько мавъ, свою сылу. такъ що вона пры всёму своему здоровьи не вмила оборонытысь видъ нёго. Але писля бійкы Семенъ лежавъ на соломи, и вси кости ёму болилы, и въ грудяхъ рыпило, и заздро й неначе соромъ було ёму дывытысь, якъ Мартоха, ще проворонища зо злости нижъ звычайно, звывалася коло господарства, даючы ладъ и въ хати, и на двори, та гукаючы на диты згризна, по господарськы. Такъ нибы-то не іи було быто, а ёго, бо винъ лежавъ «якъ збытый», «ни до чого», а вона «отъ таки якъ муръ», мовлявъ Семенъ.

Але сёго разу Семенъ лежавъ не зъ похмилля и не писля бійкы. Винъ вже третій день бувъ тверезый и третій день лежавъ. Видколы опысалы быдло за податкы, видколы Мартоха вызволыла те быдло, выблагавшы въ пана грошей на видробитокъ, а сама того жъ такы дня побигла до волости на скаргу проты чоловика, — такъ Семенъ и зовьявъ. Мовчкы выслухавъ винъ ришенець у волости, що вже теперъ не винъ, а жинка мае пéредъ весты въ господарстви, «бо вона податкы платыть, то іи й право въ хазяйстви буде». Зъ якыхъ законивъ волосни судди высудылы той ришенець, того ни Семенъ, ни Мартоха, ни самы судди не зналы, але про пысани законы якось нихто не думавъ пры тому. «Согласенъ?»—спыталы въ Семена. «Та.. щожъ»...—мовывъ винъ, похнюпывшысь, и зновъ замовкъ. Дорогою зъ волости до дому жинка ще пояснила ёму той ришенець просторо: «Тепера вже не диждешъ мене быты, тепера мое право въ хати: схочу — дамъ на горилку, не схочу — не дамъ, схочу— дамъ йисты, не схочу — й такъ буде, а що самъ визьмешъ —

позыватыму, якъ злодія». Даремне Семенъ змагався, що такого «права» нема, щобъ жинка чоловика голодомъ морыла,—Мартоха доводыла, що нема жъ и такого, щобъ «дармойидивъ» годуваты:— «Якъ заробышъ, такъ и зйисы. Бездаремне морыты не буду, тай не годуватыму дурно, не бійся». И въ першый же день дотрымала слова. Семенъ зъ досады залигъ и не йшовъ ни до якои роботы. Мартоха не говорыла до его и не клыкала ни до обиду, ни до вечери. Такъ винъ и заночувавъ у клуни, не йившы. Другого дня по снидании Дарка, крадькома видъ матери, прынесла батькови шматокъ палинкы: — «Йижте, тату, хутчій палинку, а часныку неможна, бо маты почують, що вы-те йилы, та будуть сварыты». — «Я не хочу йисты», сказавъ тыхо Семенъ та такъ подывывся, що Дарци ажъ на плачъ зибралося. До вечера Семенъ зовсимъ охлявъ и ставъ кашляты та стогнаты въ голосъ. Жинка вже сама вынесла йому въ мысчынци кулишу, якъ диты полягалы спаты, але винъ мовчкы штовхнувъ ту мысчынку, вывернувъ кулишъ и зновъ обернувся до стины.

Мартоха постояла надъ нымъ мовчкы, потимъ здійняла зъ долу мысчынку, обтерла хвартухомъ и пишла повагомъ до хаты. Семенъ зновъ заночувавъ у клуни. Ранкомъ диты пидгледилы и матери сказалы, ще «тато йилы гнылыци пидъ грушкою, та все оглядалыся, а впосля ще назбиралы, тай въ ямку закопалы». Мартоха саме надумувалась надъ тымъ, якъ бы его обійтыся зъ чоловикомъ, колы тутъ надійшла пани зъ тіею «розмовою». Тоди Мартоси впало на думку взяты й Дарку зъ собою до двора на роботу, — «вже не така мала, все хочъ десятку видробыть», — та ще маячыла й невыразна думка, що може бъ варто Дарку частише панамъ на очи накыдаты. «А дытыны и той нероба може доглянуты», — зважыла вона раптомъ.

Колы батько озвався до Даркы «чого тоби?», голосъ его бренивъ такъ хрыпко й понуро, що дочка не одразу зважылась видповисты. Дарка перше посадыла Прыську доли коло батька на голимъ току, а потимъ, видступывшы до выходу зъ клуни, промовыла шпарко, але неголосно:

— Маты казалы, щобъ вы-те Приськы глядилы, а мы пидемо до двора на роботу! — и зъ остатнимъ словомъ помчала до матери.

Семенъ спочатку сыдивъ нерухомо, дывывся похмуро на малу Приську, але дытына ще немицна въ спынци незабаромъ втомылась сыдиты, хытнулась, перекынулась и, вдарывшысь потылыцею объ твердый тикъ, зайшлася безгучнымъ плачемъ, тилько выдко було, якъ тремтивъ язычокъ и сынило лычко. Семенъ не вытрымавъ. Винъ не диждався, покы те мовчазне рыдання прорвется голоснымъ крыкомъ, схопывся зъ мисця, здійнявъ дытыну и почавъ тулыты до себе, колышучы та зацыткуючы.

— Цыть, цыть, моя малейка, моя Присюню! Овва! забылась дытына! Цыть, цыть, не плачъ, ось я дамъ грушку, цыть!— Винъ добувъ зъ за пазухы гнылычку и тыкавъ іи Присьци въ ротъ.

Приська помалу замовкла, забавывшысь грушкою, посмоктуючы та схлыпуючы, и сыдила тыхо въ батька на рукахъ. Винъ трохы незграбно, прытыскаючы, гладывъ іи долонею по билій головци и прымовлявъ:

— О, то въ мене дивчына! вона не плаче! Даты ще грушку? даты? А ось, дывысь, Бозя.

Дытына почала всмихатысь, а батько лагидными, смутнымы очыма дывывся на неи и бавывъ мидянымъ хрестыкомъ, що висывъ у ёго на зсохлыхъ грудяхъ.

III

Видъ того часу Семенъ все частише лышався зъ Приською, а Дарка стала разъ у разъ ходыты до панивъ на роботу зъ матирью, зъ старшою сестрою Ярыною, а то й сама. Колы маты не мала часу, а Ярыни прыпадала черга пасты быдло (воны все чергувалыся зъ братомъ Иваномъ), то Дарку посылалы й саму въ двиръ до легшои роботы: квитокъ полоты, кревавныкъ для индыкивъ збыраты, стежкы замитаты, то що.

Праця всеи Мартошыной родыны на панськимъ двори йшла за довгъ панамъ, а на панськимъ поли оплачувалась готовымы

грішмы окроме. Дарци заздро було, що Ярына въ жныва заробляла по злоту, крутячы перевесла на панськыхъ ланахъ, бо хочъ маты й забирала ти гроши до себе, а такы справыла Ярыни по жнывахъ нового «каптана», бо дочка «заробыла». Дарка жъ прыходыла до дому зъ порожнимы рукамы, хиба що грудочку цукру Присьци прынесе, або яку стару лахманынку, — отожъ и ходыла вона въ старому лахмитти, та такъ и не выплакала видъ матери новои спидныччкы того лита.

— Буде зъ тебе й старои, навчыся-но перше робыты, — дала вырокъ маты, и на тому скинчылося.

Дарка разъ попробувала довесты, що й вона жъ робыть, якъ не за готови гроши, то все одно за видробитокъ. Маты навить не розсердылась, тилько легковажно здвыгнула плечыма и спокійно промовыла:

— Одчепыся зъ такою роботою: на десятку заробышъ, на двайцятку зъисы́шъ. А зъ видробиткивъ у новому не пaverагодышся, хиба що батько справыть.

Пры тому Мартоха засміялася, а Семенъ, посередъ обиду, вставъ, выйшовъ зъ хаты и почавъ рубаты дрова. Рубавъ до самого вечора, мовъ найнявся.

Одно потишало Дарку на панській роботи, що тамъ вона частенько могла бачытыся зъ панною. Правда, Юзи вже невильно було побигты зъ Даркою въ лисъ або на пастовень, бо гувернантка, пидстаркувата Fräulein Therese николы не спускала своеи выхованкы надовго зъ очей. Ледве оце Юзя почне крадькома простуваты до вильхъ за ставкомъ, а вже зъ альтанкы, або зъ ганку чутно рыпучый голосъ: «Jussa! Jussa! wo gehn sie hin?» И Юзя зновъ мусыть братысь до нудпои нимецькои кныжкы (sehr interessant — каже Frl. Therese!), або до вышывання на папировій канви якого «сувениру» мамци, бабуни або иншымъ родычамъ. Юзя теперъ вже волила тую, колысь таку осоружну французську кныжку и навить рахункы, нижъ оци «интересни исторійкы» та роботкы, що нибы-то малы бавыты іи. Чытання й роботкы видбувалыся конечне пры нимци, а вчытыся завданкивъ дозволялося де-небудь недалечко въ садку, на самоти, бо, запевнывшы таке

корысне заняття своій выхованци, Frl. Therese вважала вже згиднымъ зъ своимъ професcіональнымъ сумлинням узятыся до своихъ нескинченныхъ лыстивъ, або до чытання интересныхъ вже для неи самои романивъ Фрейтага. А Юзя бигла зъ кныжкою въ садокъ або на городъ, видповидно до того, де працювала на той часъ Дарка. Колы Дарка замитала стежкы, панночка «клепала» нимецьки слова, ходячы сюды й туды, а кожный разъ, поривнявшыся зъ Даркою, всмихалася або озывалася словомъ, тилько сторожко, бо стежку могло буты выдко звидкы небудь панни Терези. Колы Дарка полола квиткы, тоди було нудно, бо квиткы булы пидъ самымы викнамы, передъ будынкомъ, а зъ покоивъ було все чысто выдко, тай Дарка полола здебильшого не сама, а пры другыхъ не розговорышся такъ, якъ у двохъ. Та ще подумають, що Юзя прыйшла наглядаты за роботою, а Юзя того якось зроду не могла. Вона не така, якъ Бронекъ, що ёго й не просять, а винъ навысае надъ парубками. Ій и такъ соромъ було, якъ Ярына разъ, полючы, сказала: «А що, панно, добре въ холодку сыдиты? Пустите-но мене до кныжкы, а вы-те поможить Дарци полоты». Яка та Ярына! вона й забула, якъ Юзя, покы ще не було гувернанткы, выполювала вкупи зъ Даркою іи жъ такы, Ярынынъ, зильныкъ, що за хатою на клынку насаженый. Ще жъ Юзя ій тоди «панськои мняты» й «оргиніи» въ мамци выпросыла, а Ярына не дала Юзи «чоловичка» пересадыты: — «Вы-те однаково зопсуете, мали ще садыты!» Вже тая Ярына! Думае, що якъ ій 12 чы 14 лить — (а отъ и сама не знае, скилько ій йе!) — то вже вона й «дивка!» На музыкы ходыть, хустку вывьязуе, якъ велыка! Юзя іи николы не любыла... Отъ найлипше, якъ Дарка прыходыть сама кревавныкъ збираты, тамъ, де щепы, въ новый садокъ. Туды невыдко ни зъ будынку, ни зъ альтанокъ, тамъ Юзя лягае въ траву коло Даркы, помогае, ій збираты кревавныкъ (тай щавель — Мартоси на борщъ), кныжка лежыть блызенько — «на всякый выпадокъ» — але Юзя не вчытся, воны зъ Даркою балакають по щыросты.

— И на що вы-те, панно, стилько вчытесь? — пытае Дарка.

— Ну, бо кажуть мени.

— А на шо воно имъ?

— Такъ, бо въ насъ уси диты вчатся.

— А шо зъ того?

— Якъ то що? — здывувалась Юзя, але видповиди не знайшла.

— А видомо, щó вамъ зъ того?

Ну, отъ вы-те вчытесь по нимецькому и по храньцюзькому, а на шо воно вамъ?

Юзя всмихнулась, немовъ старша до дытыны.

— Якъ же на що? А якъ я пойиду за граныцю—тамъ же вси говорять або по-французькы, або по нимецькы, то я жъ бы ничого не розумила тамъ.

Дарка насупылась.

— Потрибно вамъ за граныцю йихаты!.. Чомъ вы-те не хочете тутъ сыдиты?

Теперъ уже Юзя сміялась.

— Та ну, яка ты, Дарко! Хиба жъ я кажу, що отъ я вже маю йихаты? Я такъ тилько, *якъ-бы!*

— Ну то й непотрибно вчытысь, — напосидалась Дарка, — якъ не пойидете, то шо вамъ зъ того прыйде, якъ будете по якомусь тамъ, невидь-якому знаты?

— Ну... що?... А на що жъ вси вчатся?

— Або я видаю? — понуро видказала Дарка.

— Ну, отъ же й вашъ Иванъ до школы ходыть.

— Ба, хлопець! Хлопцямъ що ничого! — Дарка ожывылась, забула гниватысь и повернулась до Юзи, — хлопець менче у війську буде, коли вывчытся въ школи, хлопець може на пысаря выйты, на вчытеля...

— И дивчына може на вчытельку выйты! — перебыла Юзя.

— То вы-те булы бъ учытелькою въ школи?

— Може й була бъ, — неришучо, безъ всякои певности промовыла Юзя.

— Эй, годи-те! Такъ вамъ хочется говорыты!

— Ну, може гувернанткою була бъ, — трохы певнише промовыла Юзя.

— По чужыхъ панахъ служылы-бъ, якъ ота ваша нимка? Та на шо вамъ того? Та жъ вы-те багатыи!

— Ай, одчепыся. я не знаю!

Юзя нагнулась надъ кныжкою, и губы ій почалы тремтиты.

— То на шо вчытыся, якъ такъ? — слыве пошепкы спытала Дарка, скоса дывлячысь на Юзю и щыпаючы якусь травынку.

Юзя раптомъ кынула кныжку, впала въ траву и заплакала безгучно.

— Панно, панно! — збентежылась Дарка, — чого вы-те? чого? Або жъ я що? Та я жъ ничого...

— Чого ты мене мучышъ? — озвалась Юзя кризь слёзы,— хиба я знаю, на що вчытысь? Вчусь, бо такъ кажуть... бо мушу... Я й за границю не хочу... Обрыдло мени все! и нимка, и кныжкы!.. А ты ще допытуешся... Що я тоби скажу?

Дарка сыдила ни въ сихъ, ни въ тыхъ и не знала, якъ одминыты розмову Кынувшысь у траву, Юзя ненарокомъ покрыла Дарчыни ногы своею шырокою спидничкою. Дарка взяла въ руку фалдочку тіеи «марынарськои» спиднычкы, сынёи зъ билымы стяжечкамы, и промовыла, ніяково всмихаючысь.

— То вы-те нову спиднычку вбралы? Шось бо я іи ще не бачыла... Колы то вамъ іи пошылы?

— Вчора, — кризь билу хусточку озвалась Юзя.

Вона тежъ рада була одминыты розмову и тежъ не вмила того.

— Яке жъ то хоропейке, — провадыла Дарка гладячы пальцемъ стяжечкы, — безмаль дороге? — Въ голоси Дарчыному забренила вже натуральна цикависть.

— Не знаю... ни, дешеве, по два злоты, чы що, — безъ интересу, але вже спокійнише видповила Юзя.

— Ой, моя долейко! — скрыкнула Дарка, — то то вамъ ще недороге?.. Колы то я соби на таку зароблю!?.. маты въ одно го-

ворять: заробы! Добре то имъ говорыты, колы жъ мое все йде на видробокъ.

Юзя почервонила. Вона знала, що іи прыятелька робыть имъ, панамъ, «за довгъ».

Дарка сыдила замыслена.

Юзя пождала трохы, потимъ обизвалась.

— Про що ты думаешъ, Дарко?

Дарка стрепенулась.

— Та все про той довгъ—колы то мы ёго видробымо?.. Эй, вже хочъ тамъ якъ, а на той рикъ и я пиду на поле. Вже жъ тоди я буду бильша. Ярына торикъ вже ходыла... Тильки щó я соби за одно лито зароблю? Така дорога спидныця, а въ мене жъ и каптана такъ само нема... Ще то чы маты дадуть справыты..

— Якъ же вона може не даты?—палко вступылась Юзя,—то жъ будуть твои власни гроши! Вона й такъ повынна тоби все справляты! Зъ якои речи вона може браты твои гроши соби? Якъ мени татко даруе срибни пьятачкы, то мамця ихъ николы не забирае, а твоя маты все соби горне!

— Та не такъ то й соби,—розсудлыво поясныла Дарка,—отъ такъ, видомо, то солы намъ тра купыты, а тутъ нема видкы, то селенця, то запалокъ, чы тамъ ще чого, а то такы й хлиба не стане, та вже й по грошахъ... Про те може бъ якось такы можна справыты спидныцю, колы жъ дорогá! По два злоты локоть, то жъ то сумá!.. А встаньте-но, панно, нехай я подывлюся на вашу спидныцю, чы рясна,—килько то на неи йде?

Юзя встала, а Дарка розпьяла на ній спиднычку, шукаючы швивъ та рахуючы пилкы.

— Якось воно такъ поризано, що я й ладу не дійду... Въ насъ не такъ шыють, якъ у панивъ,—мовыла знеохочена Дарка.

— А ты прымиряй, може й такъ добре,—и Юзя хутенько спустыла зъ себе спиднычку, зоставшысь сама у спидній билій, ще коротшій. Дали скынула й блузку, щобъ Дарка могла зовсимъ «буты панною».

Дарка тымъ часомъ розперезала крайку, скынула «хвартухъ»—билу домоткану спиднычку, переткану въ подоли черво-

ною заполоччю въ пьять рядкивъ — и зосталася въ самій сорочыни. Потимъ надила Юзине убрання, насылу насунувшы вузеньки рукавця блузкы поверхъ шырокыхъ рукавивъ, поверхъ сорочкы зъ десяткы. Юзина спидничка ледве сягала за колина Дарци.

— Ой, яке жъ куце, та яке жъ тисне! якъ вы-те въ такому ходыте? Дывиться, геть балы [1]) выдко!—зареготалась Дарка.

Юзя тежъ дзвинко засміялась.

Раптомъ за нымы хтось голосно сплеснувъ у долони й скрыкнувъ.

— Matko cudowna!

Дивчата занимилы зъ переляку.

Пидъ найблыжчою грушею стояла клюшныця, пани Качковська, жинка панського эконома. Зморшки на іи пидстаркуватимъ облыччи якось поглыбшалы видъ гнивного здывування, и черезъ те облыччя здавалось зовсимъ старымъ и гризнымъ.

Matko cudowna!—волала вона, — панно Юзю! Якъ же панянка може позволяты, щобъ отакый кучкуданъ напынавъ на себе сукенку зъ паненкы? Та жъ то паненка може Богъ зна чого набратыся! Потóму ликарь буде паненку видъ коросты хороваты! Фе, встыдъ! А хто жъ таке выдавъ?.. Ну, а ты чого стоишъ, якъ пень?—звернулась вона до Даркы, зминывшы проныклыво-докирлывый тонъ на грубо-лютый,—скыдай-но панськи сукни та беры свою радюгу!—Дарка похоплыво стала роздягатысь, але Качковська не вгамувалась.

— Що то ты соби думаешъ? Чы то твое дило въ машкарады бавытысь? Я іи клычу, я іи шукаю, а вона .. Дывысь ты на неи! Нехайно я матери скажу, вона зъ тебе панськи игращкы прутомъ выбье!

— Мартоха не буде Даркы быты, мамця не позволяе,— оступылась Юзя.

Пани Качковська затыснула губы, потимъ зновъ озвалась тонкымъ, проныклывымъ голосомъ.

— Прошу панну Юзю, нехай паненка не псуе Даркы, бо то хлопській дивци на добро не выйде. А паненка липше нехай

[1]) Ногы, лыткы.

о тимъ погадае, що то ще панна Тереза паненци скаже. Панна Тереза вже видъ годыны шукае паненкы до лекціи музыкы.

На спогадъ про Frl. Терезу Юзя метнулась до свого вбрання, але Качковська перейняла іи.

— Jesus-Marya! Чи жъ паненка буде то писля тои-ó вбираты? Я прышлю дивку забраты сукенку до прання, нехай паненка того не зачипае.

— А якъ же я до дому пиду?—плаксыво скрыкнула Юзя.

— А о тимъ було панни Юзи ранише подуматы, — завважыла клюшпыця масненько.

— Jussa! Jussa! Aber wo sind sie doch? Du, liebe Zeit!— почувся заклопотаный голосъ панны Терезы, и за хвылыпу зъявылась и вона сама

Пани Качковська, гукнувшы ще разъ на мовчазну Дарку и кынувшы проймаючый погдядъ на Юзю, подалась геть. Идучы, вона пидганяла Дарку, а та на ходи пидперизувалась и старалась не впустыты зъ рукъ кошыка зъ кревавныкомъ.

Fräulein Therese лышылась коло плакавшои Юзи. Чы мало часу мынуло, покы вона допыталась видъ панночкы, щó власне трапылось. Тымъ часомъ прыйшла дивка й забрала Юзине убрання. Frl. Therese розточылась въ довгій нотаціи про Юзину «невыхованисть» и ще не скинчыла тіеи «литаніи», якъ надійшла задыхана, зовсимъ перетурбована бабуня,—вона застала въ садку пани Качковську и вже «все знала». Стара пани, зовсимъ несподивано. напалась не на Юзю, а на Frl. Терезу.

— Якъ моглы вы,—докоряла бабуня Терези каличеною нимецьыною зъ выразнымъ польськымъ акцентомъ,—якъ моглы вы такъ занедбаты дытыну? А теперъ тутъ простужуете іи! Ведить же іи до покоивъ! Вона жъ тремтыть видъ холоду!

Юзя тремтила, але не видъ холоду. Бабуня вкрыла іи своимъ велыкымъ чорнымъ шалемъ и повела до дому. Frl. Тереза, похнюпывшысь, йшла за ными позаду. Вси тры дійшлы до покоивъ мовчкы.

Ну, вже жъ и було того дня! всякого було: и слизъ, и докоривъ, и мигренивъ! На родынній ради зважено було, що Frl.

Therese зовсимъ «ни до чого»; бабуня прыгадала, що вона й одразу те казала и що взагали «тильки француженка може даты панни видповидне выховання, до того жъ Юзя вже досыть вміе по-нимецькы, а французьку вымову нимка ій навить попсувала».

Що гувернантку треба взяты иншу, на тому згожувалыся вси, але незгода була, чы нимку заразъ видправыты, чы затрыматы іи, покы нагодытся француженка. На село французкы не дуже то охочи выйиздыты, и може статысь, що Юзя килька тыжнивъ, чы навить скилька мисяцивъ буде сама,—бо мамця «завше хора», а бабуня стара, и наглядаты за Юзею нема кому,—а се вже жъ цилкомъ не выпадае, бо дивчынка «зъ капрысивъ» може ще бильше прывернутысь до тіеи Даркы и всякыхъ подибныхъ, — мовляла Качковська,—«кучкуданивъ». Зновъ же буты ій зъ нимкою писля того, якъ нимчынъ авторитетъ захытаный въ іи очахъ, тежъ не годылось, зъ погляду педагогычного.

Трудне пытання помогла ришыты такы пани Качковська. Увечери, здаючы справу зъ денного господарства старій пани, клюшныця обережно запытала, чы не мають пани що «do dyspozycyi», бо, здается, панна Тереза щось казала, нибы мае выйизжаты, то може годылось бы що ій на дорогу спекты. Стара пани не могла втрыматысь, щобъ не розповисты «коханій Качкоси» («можна, зрештою, маты довирья до такои поштывои кобиты») усихъ родынныхъ клопотивъ въ тій справи.

Качковська несмило, спустывшы очи и пидвившы бровы, заговорыла.

— Якъ бы такъ пани позволылы, то я могла бъ тымчасово знайты видповидне товарыство для паненкы... ну, натурально, не зовсимъ видповидне, але хочъ jako-tako... Бо то, прошу пани, я маю въ сели Красыловци—тры мыли видсы, тильки тры мыли— молоденьку небогу, сыритку по небижчычци сестри. То та небога мешкае пры мачуси и пры витчымови,—чы якъ то казаты?— отъ, прошу пани такъ: вмерла іи мама, а батько оженывся тай самъ потому вмеръ, тай мачуха за другого виддалася. Тай ото мачуха якось тамъ нибы зъ ласкы трымае ту бидну сыроту. То добра ласка, моя пани ласкава... opieka oczy wypieka... кождый

бы таку ласку показавъ, якъ дивчына задурно и шые, й гафтуе... Кобы пани бачылы ту роботу!.. Biedactwo!

— Чы вона жъ мае якусь едукацію, та ваша небога?— недбало спытала пани.

— Акъ же, моя пани ласкава, а якъ же! За жыття родычивъ дивчына зазнала липшыхъ часивъ, бо то покійный татко іи бувъ управытелемъ у пана графа въ Красыловци — пани маютъ знаты того графа. То Зоня...

— Вона звется Зоня?—перебыла пани.

— А такъ, прошу пани, Зоня, Зофія... Ну, то вона, можна сказаты, зросла пры молодій грабянци и мае досконале выховання, а якъ для простои шляхцянкы, то навить niepospolite. Якось то не выпадае выхваляты своихъ, але то жъ такы можна сказаты, що Зоня була бъ видповиднишою товарышкою для пани Юзи, нижъ якась Дарка.

— А скильки ій литъ?—зновъ перебыла пани.

Качковська трохы подумала.

— Отъ може вже йе зъ шиснадцять...

— Трохы за-молода,—сказала пани.

— Але жъ, прошу ласкавои пани, що то шкодыть? Може то ще й липше: панни Юзи трынадцятый рикъ, а въ такимъ вици трудно жыты все межы старшымы особамы, то панянка зъ нудивъ и водытця зъ такымы Даркамы. Запевне, зъ нудивъ, бо панна Юзя dziecko послушне и шляхетне,—де жъ бы вона вдавалася въ таке, якъ бы мала коло себе липшу и навить веселишу товарышку видповидного выховання? Зоня весела и розмовна дивчына, се-бъ то, була такою за жыття родычивъ... biedactwo!..

На остатнимъ слови пани Качковська пиднесла кинчыкъ хвартушка до очей, а стара пани промовыла, поклавши руку ій на плече:

— Aleź, kochana Kaczkosiu, Pan Bóg nigdy nie zapomina o sierotach. Качкося може йты спаты, я сама поговорю про те зъ своимы.

Качковська пишла спаты, зовсимъ заспокоена про долю своеи небогы.

Другого дня рано Fräulein Therese, заплакана, складала свои пакункы. Бидна нимка плакала и зъ жалю та сорому за таку видправу видъ панивъ и такы передъ розлукою зъ Юзею. Добродушна стара дивчына мала те несчастя, що завжды щыро прыхылялась до своихъ выхованокъ, а та прыхыльнисть була здебильшого безъ видповиди. Юзя зъ гречности мала поважный выразъ въ той день (тай тямыла неначе якусь выну за собою проты ни въ чымъ неповынной нимкы, що сталась «козломъ видпусту» на цей разъ). Але навить зъ гречности Юзя не могла плакаты за гувернанткою.

Дарка жъ навить не вважала за потрибне крыты своеи втихы зъ того видъизду «холерного нимчыська». Колы брычка зъ панною Терезою произжала селомъ позъ Мартошыну хату, Дарка выбигла вкупи зъ меншымы сестрамы й братомъ за ворота и протанцювала щось подибне до танцю дыкыхъ, прыспивуючы:

Ой ты, бабо, ой ты, стара видьмо,
Запрягаймо, йидьмо,
За границю по пшаницю,
А покы ще выдно!

Дарка радила, що теперъ уже безъ нимчыного дозору зновъ почнутся таемни стривання у вильхахъ (хочъ у недилю, колы въ будень николы!), а може навить у Ривкы на гойдашци, въ порожній жыдивській шопи... Але ба! Та сама брычка, що вполудня одвозыла заплакану стару нимку до зализныци, прывезла у вечери скромно-усмихнену молоденьку панну Зоню зъ Красыловкы.

Дарка спала и не бачыла того въизду.

IV.

Панна Зоня хутко знайшла дорóгу до Юзиного серця, дорогу, що була на-глухо замкнена для Fräulein Therese. Все спрыяло тому. Першъ усéго, Зоня не звалася знепавыженнымъ словомъ »гувернантка», вона отрымала скромный титулъ «пани гардеробянои», хоча коло гардеробы ій, властыве, мало було роботы,—пани не любыла туалетивъ домашнёго выробу. Зоня була не вчытелькою, а старшою литамы и меншою становыщемъ товарышкою, пры тому товарышування зъ нею було дозволене и навить бажане родычамъ Юзинымъ, але не прымушене. Юзи не казалы, що Зоня прыихала вмысне для неи, бо й сама Зоня не мала того знаты, щобъ «не заносылась» дуже, хоча спрытна Зоня хутко про те догадалась. Для Юзи було новымъ маты таку товарышку, зъ якою не треба було по куткахъ ховатысь, щобъ—бороны Боже—нихто не побачывъ. Зоня була «така добра», вона не гордувала увиходыты у вси ще напивъ-дытячи интересы Юзины, хочъ сама вже мала «секреты» 16-литнёи панны. Зоня знала стильки веселыхъ, дотепныхъ краковякивъ, умила такъ гарно танцюваты—и Юзю навчыла, служачы ій «за кавалера». Зъ іи прыйиздомъ якось повеселила хата, мамуся стала ридше плакаты, дидунё прыгадавъ гречности своихъ молодощивъ, а бабуня часомъ доводыла свою ласку до того, що грала для панночокъ старосвитськыхъ «вальчыкивъ» до танцю. Писля кожного «вальчыка» Зоня такъ зграбно пидлитала до бабуни, щобъ поцилуваты іи въ плече, що навить ця стара воркотлыва пани зволяла называты молоду дивчыну «motylkiem» и «przepióreczką». Зима, завжды така тяжка для хоровытои Юзи, здалась далеко лехчою того року, и весна немовъ скорише наступыла, нижъ звычайне.

Юзя ожыла тои весны. Навить пропасныця мучыла іи менше. Може це було тымъ, що Юзя не пересыжувала теперъ по вохкыхъ, захованыхъ куткахъ, якъ то робыла ранише для Даркы, а то такы й весна выдалась добра, не мокра, немовъ не полиська. Май бувъ ясный, сухый на прочудъ. Зоня и Юзя цилымы ранкамы то ходылы по лукахъ, шукаючы незабудокъ, то по лисахъ,

зрываючы конваліи, то пустошылы рожеви й жасмынови кущыкы въ садку,—все те йшло на покрасы до «маёвого набоженьства».

Въ Юзиномъ покоику спала теперъ и Зоня, «тымъ часомъ», покы мала прыйихаты все ще незнайдена французка-гувернантка. Охъ, Юзя такъ ревне молылась, щобъ та гувернантка якъ-найдовше не знаходылась. На ту «интенцію» вона прочытувала довги литаніи та антыфоны (такъ ій порадыла Зоня), стоячы на колинахъ передъ олтарыкомъ, що воны обыдви врядылы въ своій хати. Николы до сеи весны олтарыкъ не бувъ такъ гарно и рясно вбраный и николы Юзя не молылась такъ щыро. Доси вона молылась бильше зъ обовьязку, іи думка пры тому мовчала, іи серце спало, а теперъ мовъ якась таемныча брама въ рай одчынылась передъ нею и кризь квиты передъ образомъ Матери Божои ій марылося щось блакитно-срибне, немовъ хвыли чогось мистычного, небесного, осяяни проминнямъ незбагнутои Зиркы Моря, Матери-Дивы Маріи. Вона забувала навить про свою «интенцію» и промовляла палки, мовъ серенада, слова литаніи зъ захватомъ, мовъ у нестями, — воны пьянылы іи.

«Матиръ святая, молыся за намы!.. Диво пречыста, молыся за намы!.. Роже духовна, молыся за намы!.. Зоре поранння, молыся за намы!..»

Зоня стояла поручъ, мовъ билый ангелъ, и тыхымъ, нижнымъ голосомъ подавала слова литаніи: Kyrie eleison! Christe eleison!.. таемнычи слова, непаче зъ ангельськои мовы... Часомъ Юзя не вытрымувала, кыдалась въ обійма до Зони и залывалася слизьмы.

— Панно Юзечко, люба, солóдка, чого? — пытала Зоня, прыгортаючы іи.

— Не знаю... мени такъ добре... такъ добре...

— То прошу не плакаты! Моій дорогій панни Юзечци недобре плакаты, кохана панна Юзечка мусыть уважаты на сéбе.

— Чому?

— Тому, що панну Юзечку вси такъ люблять, вси жалують, и що жъ почне бидна Зоня, колы панна Юзечка, моя найдорожча, буде хвора?

Тымы нижнымы, солодкымы словамы Зоня могла все зробыты зъ Юзею, що хтила. Зоня не плакала, якъ мама, не «гдырала», якъ бабуня, не «злостылась», якъ Дарка. И Юзя почала зражуваты въ души свою Дарку для Зони, але разомъ зъ тымъ ій мулыло серце якесь невыразне почуття... Юзи часто прыгадувалась іи остатня лялька въ той день, колы Юзя зважыла вже не гратысь въ ляльки, бо въ дванадцять литъ—то вже «соромъ». Юзя одягла ляльку въ найкращу сукню, зибрала всю іи «выправу» и видчынила велыку скрыню въ мамыній кимнати, щобъ покласты ляльку туды на саме дно. Лялька тымъ часомъ сыдила на велыкій канапи, сама така маленька, зъ безпомично розставленнымы рукамы, зъ шыроко розкрытымы невынныммы блакитнымы очыма; волосся ій якось незугарно загорнулось надъ головою вгору, выпростани нижкы въ дытячыхъ плетеныхъ черевычкахъ выставылысь безпорадно зпидъ сукенкы; здавалося, що ляльци холодно и невыгидно, що вона така бидна и зайва, и тямыть це .. Юзя тоди выйшла зъ хаты зъ слизьмы на очахъ и попросыла Зоню сховаты ляльку, а сама навить въ ту хату довго-довго не навертал́ась. И теперъ завжды, якъ тилько вона згадувала про ляльку, (а це бувало часто), вона чогось мусыла згадуваты про Дарку, неразъ навить плакала пры тому — чы за лялькою, чы за Даркою, вона якось сама не могла соби здаты справы въ тому...

Надходыло свято Божого Тила, врочысте свято маёвого зилля й квитокъ. Служныци чепурылы покои, поденныци билылы будынокъ знадвору, мижъ нымы й Дарка зъ матирью й зъ Ярыною, а Зоня зъ Юзею ходылы по зильныку и рвалы квиты для несчысленныхъ кытыць та виночкйвъ, що панночкы малы повьязаты на завтра до косцёла.

— Боже, Боже, панно Юзечко! — бидкалась Зоня, розставывшы хвартушокъ повный зилля и квитивъ,—у насъ тилько одынадцять гатункивъ квитокъ, а треба що-найменше дванадцять, що найменше! И то конечне, инакше не годытся на Boże Ciało!

— Чому не годытся? — здывувалась Юзя. Выхована на самоти, безъ дивчатъ-католычокъ, вона багато чого зъ дрибныцъ паненського маёвого культу довидувалась тилько теперъ видъ Зони.

— Ну, бо дванадцять було апостоливъ! — пояснила Зоня.

— А, правда...

— И що найгирше, панно Юзечко, у насъ росхиднику нема! а то дуже добре для коривъ, якъ потому будуть ихъ колы виночкамы пидкурюваты, видъ росхиднику дуже прыбувае молоко. Панна Юзечка того не знае? Тажъ то ричъ видома!

Пры слови «росхидныкъ» Юзя стынулась и почервонила, потимъ нагнулась нызенько до кущыка стокротокъ и прожебонила:

— То его багато йе... росхиднику... десь за потеребомъ, тилько я не знаю, де... Дарка знае, — вырвалось у Юзи, и вона ще гиршъ почервонила.

— Яка Дарка?

— Онъ ота, що тамъ билыть, найменша, коло тои, що въ червоній спидныци.

— Чому вона мае знаты, де росхиднык?

— Напевне знае, у неи въ хати завжды висыть винокъ зъ росхиднику пидъ образамы.

— А панна Юзечка видкы знае, що въ якій хлопській хати висыть? — засміялась Зоня.

— Я... часомъ ходыла... зъ мамою... воны вбоги...

У Юзи ажъ плямы пишлы по лыци, а коло серця зновъ щось замулыло боляче. Зоня не завважала того змишання, думаючы, що Юзя просто задыхалась видъ нахыляння та видъ спекы.

— То нехай бы та Дарка пишла по росхиднык, або намъ показала де винъ росте, — промовыла Зоня спокійно.

— Прошу сказаты пани Качковській щобъ іи пустыла, — сказала Юзя, и въ серци ій щось ажъ закололо мовъ дрибненькымы голочкамы.

— Липше бы панна Юзечка сама сказала.

— Ни... вона мене не послухае... прошу сказаты видъ себе, тилько видъ себе... такъ липше буде.

Зоня злегка здвыгнула плечыма, про те пишла до своеи титкы пани Качковськои и заразъ же достала дозвилъ «взяты»

Дарку, щобъ показала, де росте росхиднykъ. Зоня сама й до Даркы пишла.

— Ты, слухай-но! Ходы, покажешъ мени и панни, де йе росхиднykъ.

— Я не маю часу! — понуро видповила Дарка, кынувшы скоса на Зоню темносирымы очыма зпидъ билыхъ одъ вапны бривъ.

— Цёця дозволыла.

— Яка то цёця? — такъ само понуро спытала Дарка.

— Ну, моя цёця, пани Качковська!

— Ага, клюшныця...

Дарка замахала квачемъ по стини, не оглядаючысь на Зоню.

— Щожъ, пидешъ ты, чы ни? — крыкнула Зоня, — та по малу ты зъ тымъ квачемъ! Ось, на мене ляпнуло!

— Та йды, Дарко! — сказала Ярына.

— Та видомо, йды, колы кличуть, — додала й маты зъ тривожнымъ поспихомъ, торкнувшы Дарку локтемъ.

Дарка оглянулась. За нею, трохы виддаликъ, стояла Юзя и такъ жалибно-тужно дывылась...

Дарка поклала квача коло видра, втерла облыччя рукавомъ, обсмыкнула пидтыкану хвартушыну и подалась до фирткы, мовывшы черезъ плече Зони: то ходить!

Юзя перейняла ихъ коло хвиртки и пишла порядъ зъ Даркою, несмило-нижно поглядаючы на неи, але мовчкы.

— Та не бижите такъ, — спыныла ихъ Зоня, якъ воны вже булы коло «офицыны», «на тимъ двори», коло панськихъ оборъ, — почекайте, я забула парасольку, на тимъ пастовни засмалышся, якъ цыганка.

— Якъ вы-те будете по парасолькы заходыты, то я йду мазаты, я не маю часу довго ходыты, бо ще мени клюшныця впосля выверне пивзлитку, скаже — не цилый день робыла.

Пры слови «клюшныця» Зоня злисно стыснула губы, а Юзя почервонила и швыденько заговорыла:

— Ни, ни, пани Качковська того не зробыть, вона жъ дозволыла, вона жъ...

— Добре вамъ говорыты!.. Я йду на настовень, а хто якъ хоче, про мене!

И Дарка ришучо поступыла напередъ. Зоня було видстала и надулась, але Юзя щось зашепотила ій на вухо и такъ заметушылась, що Зоня змылувалась и пишла за Даркою, закрываючысь, якъ могла, хустынкою и шырокымъ рукавомъ блузкы.

На самому соняшному мисци пастовня яснивъ блидымъ золотомъ островокъ дрибного, нызенького, немовъ воскового, росхиднyку, середъ моря барвыстого маёвого морижку.

— Генде-о! — показала Дарка на той островокъ, и вси тры почалы рваты рясни зирчасти квиточкы.

Але Зоня хутко видстала, сказавшы, що вона не може знесты цеи «шаленои спекы», одійшла соби на протеребъ [1]) и лягла тамъ у холодку пидъ кущыкомъ.

Юзя провела іи поглядомъ. Потимъ тыхо, трохы тремтячымъ голосомъ обизвалась до Даркы.

— Що ты теперъ робышъ, Дарко?

— Бачыте, росхиднyкъ збираю.

— Ни, не теперъ... а завше?

— А завше, якъ завше: ходжу на роботу, вдома все роблю, быдло гоню.

Дарка говорыла не дуже-то прыветно, але все жъ не такъ понуро та жорстко, якъ недавно до Зони, скорише смутно. Іи очи розшырылысь и нерухомо дывылысь на дрибненьку квиточку зъ росхиднyку, що тремтила въ іи руци.

— А Приськы хто глядыть?

— Приська велыка, на шо іи глядиты? Та же Гапка менча е.

— А Гапкы хто глядыть?

— А наша Улянка! Вже жъ Улянка безмаль шисть литъ мае тепера, — чы жъ не догляне?

— А ты... а... а зъ кымъ ты теперъ бавышся?

Дарка перевела очи зъ квиткы на Юзю.

---

[1]) Порубъ, мисце, де бувъ лисъ.

— Або мене йе часъ бавытыся? Хиба я ма́ла?

— А тоди жъ бавылася?

— Тоди!.. Тай тоди, я́къ я тамъ бавылася? Пры гусяхъ та пры дитяхъ — то-то вже грання! Ну, та ще тоди можна було якось хочъ у свято, або втикачемъ.

— А теперъ? Хиба й у свято неможна?

— Ни.

— А що жъ ты робышъ у свято?

— Що? По ягоды ходжу, по щавель, а що зберу, несу продаваты. А то ще й зъ быдломъ маты посылають, бо Иванъ все бильше пры коняхъ, на ночлигъ издыть, а Ярына въ свято на музыкы йде.

— А ты на музыкы не ходышъ?

— Мало колы.

— Чому?

— А хто жъ буде быдло гоныты?

— Чому жъ Ярына не чергуется зъ тобою въ свято? — наставала Юзя, по давнёму проныкаючысь интересамы своеи прыятелькы.

— Маты кажуть, що Ярына вже дивка, то ій впадае йты на музыкы, а я ще ма́ла.

— Ты жъ тилько-що казала, що не ма́ла?

— То якъ до чого! — Дарка всмихнулась уперше за всю розмову и то смутно. Але Юзю та усмишка все жъ пидбадёрыла.

— Слухай, Дарко, чы ты жъ соби справыла таку спидныцю, якъ то була въ мене, памьятаешъ?

— Эй, де тамъ! Маты зъ дымкы пошылы—тай вже.

— А ты, Дарко, знаешъ, що? Ты отъ увечери прыйды, такъ колы небудь, ну, може й сёгодня, то я тоби ту спидныцю дамъ, мамця позволыть. Спидныця ще добра, але я зъ неи выросла. А, правда!.. то жъ и ты выросла...

Юзя якось засоромылась. Але въ Даркы щокы спалахнулы й очи загралы и вже не здавалысь темнымы.

— То ничого, панно! Я надточу коло комира, въ насъ такъ роблять, зъ-пидъ каптана невыдко! То колы́, кажете, прыйты?

— Увечери, якъ доитымуть коривъ. Я тоди буду вчытыся въ своїй хати... сама... ты прыйды пидъ викно.

— Може нехай бы липше маты пошлы?

— Ни, ни, Дарко, ты прыйды, ты сама, сама! Прыйдешъ?— Юзя нышкомъ сипнула Дарку за рукавъ и заглянула їй въ-вичи.

Дарка всмихнулась, не такъ, якъ першый разъ, а немовъ розцвила, ажъ Юзи прыгадалысь найвеселиши хвылыны зъ йихъ колышнихъ таемныхъ забавъ: жыдивська гойдалка... совгання по сини...

— Добре, прыйду! — и Дарка весело, зважлыво кывнула головою дивчи.

— Ой, чы хутко вы тамъ? Тутъ комари зайидають! — протягла немовъ заспанымъ голосомъ Зоня, линыво встала зпидъ куща и, звильна переступаючы, подалась до ихъ.

— Та вже, вже досыть! — спишно гукнула їй Юзя и побигла на зустричъ. Дарка пишла повильнише.

Дорогою до дому вси тры йшлы поручъ, Юзя по середыни. Дарка несла въ хвартушку росхидныкъ. Сонце прыпикало, дивчата розимлилы, якось не говорылося. Якъ прыйшлы до будынку, Юзя казала несты росхидныкъ до її покою, де було складене й все инше зилля на Юзиному столыку поверхъ кныжокъ та зшыткивъ.

Юзя сила пысаты на довгастыхъ папирцяхъ слова́: A słowo stało się Ciałem i witało między nami.

Зоня сила тамъ же пры столи, закладала ти папирци вузенькымы смужечкамы, звязувала въ каблу́чкы й брала ихъ за основу для маленькыхъ виночкивъ, вплитаючы въ кождый виночокъ по килька стебелъ зъ кождого розбору зилля й квитокъ. Виночкы выходылы въ неи дуже зграбненьки та малесеньки, мовъ для королевы эльфивъ. Дарка, поклавшы росхидныкъ на стилъ, не пишла зъ кимнаты, а стала за стильцемъ у Юзи й задывылась на роботу панночокъ, на Юзину зъ цикавистю, на Зонину зъ похмурою заздристю.

Згодомъ Зоня выйшла до сальону, щобъ ущыпнуты килька гыльочокъ мирту й розмарыну на найменьшый зеленый виночокъ, що мавъ прыкрасыты завтра найсвятишу святыню «монстранцію»

зъ Св. Дарамы. Ледве прычынылысь за нею двери, Дарка пошепкы обизвалась до Юзи:

— А дайте-но, панно, й мени того папирка, нехай-но я зроблю одрого виночка.

Юзя дала ій папирця, глянувшы перше на двери. Дарка почала ёго закладаты, незручно, мнучы й каляючы пальцямы, замазанымы въ вапну та зеленыну. Нарешти, папирець порвався, але Дарка не посмила просыты другого и почала выты виночка на зелыни, замотуючы на ній квиткы й зилля просто стебламы, безъ нытокъ. Винокъ выходывъ велыкый, пелехатый, але Дарка хапалась выты скорише и ни на що не вважала.

Зоня увійшла въ кимнату, спиваючы побожный гимнъ «Do Serca Jezusa» (ій хотилося взагали спиваты, та напроты такого свята не годылося спиваты іи звычайныхъ веселыхъ писенёкъ), але, глянувшы на Дарку зъ винкомъ у рукахъ, урвала спивъ и залылася смихомъ.

— Ой, панно Юзечко, прошу подывытыся, що вона злипыла! Якесь чепирадло!.. На що ты переводышъ зилля? хто тоби позволывъ? — звернулась вона до Даркы вже безъ смиху.

— Та ничого... нехай... — прожебонила Юзя и, почервонившы до болю, схылылась, немовъ пышучы.

— Чы то панна Юзечка дозволыла ій?

Юзя промовчала. За те Дарка обизвалась.

— А шо тамъ дозволяты? Або то мало того зела́ на городи? Чы жъ я не збирала росхиднытку такъ, якъ и вы? щей бильше!

— Ну, ну, мовчы-но, ты! Роздерла губу видъ уха до уха! То казала: «не маю часу», а теперъ стала соби тай стоить, а робота нехай почекае! Я цёци поскаржуся!

— Не вельмы я боюся вашои цёци! — одризала Дарка, про те кынула недоплетеного винка на стилъ и выбигла геть.

— На що було такъ?.. Нехай бы соби... — несмилыво прожебонила Юзя.

— Ай, я не зношу такыхъ грубіяпокъ! — палко заговорыла Зоня, — тай по що ій тутъ буты? Якъ бы ще яка порядна чыстенька дивочка, а то — зъ курнои хаты!

— Видкы Зоня знае, зъ якои вона хаты?

— Але жъ прошу! Та жъ видъ неи за мылю чуты стухлымъ дымомъ! Фе, ажъ доси чую. — Зоня помахала хусточкою въ себе передъ носомъ, дали видчынила настежы викно и выкынула въ нёго Дарчынъ винокъ. Дарка те бачыла, бо власне билыла стинку блызько викна.

Юзя сыдила, одкынувшысь на стильци, склавшы рукы на колинахъ, и нерухомо дывылась въ викно.

— Панна Юзечка вже вси папирци надпысала?

— Вси.

Короткый и прыглушеный тонъ того «вси» стревожывъ Зоню: вона ще не чула такои нотки видъ Юзи.

— Чому жъ панна Юзечка не плете виночкивъ? — запытала Зоня, немовъ запобигаючы ласкы.

— Такъ.

— Але жъ прошу сказаты, чому?

— Бо Зони не сподобается, и Зоня выкыне за викно, — у Юзи вже тремтилы губы, и голосъ ледве прорывався, такъ що той ущыплывый тонъ, якымъ вона хотила це промовыты, зовсимъ не вдався, а выйшло жалибно, плаксыво, зовсимъ по дытячому.

— Панна Юзечка гнивается на мене?

Юзя вже не мала голосу видповисты.

Зоня заглянула їй въ лыце, Юзя спустыла тремтячи віи.

— Панна Юзечка гнивается на мене, на свою Зоню? и за що жъ? За тую хлопку? Хиба жъ то неправда, що зъ курнои хаты вси ричи дымомъ видгонять? Чы жъ я вынна, що я не зношу дыму? И що жъ я тій дивчыни зробыла? Що не дуже гречно заговорыла? Та жъ вона преци не грабянка!

Юзя такы здобулася на голосъ.

— Fräulein Therese казала, що треба буты гречною до всихъ, навить до челяди. Вона казала, що такъ поводятся вси аристократкы. Хиба жъ ни? Зоня повынна те найлипше знаты, бо Зоня выховувалася зъ грабянкою.

Зоня злехка почервонила, але ще завзятише заговорыла.

— Нихто не може буты гречный до грубіянокъ. Чы панна Юзя вважае, що кожна хлопка мае право мени якъ хоче говорыты, а я ій повынна гречненько кланятысь за те?

— Але жъ Дарка Зони перша не зачипала, — тыхенько и немовъ не Дарку, а себе выправдуючы сказала Юзя.

— Було послухаты, якъ вона говорыла зо мною ще зъ початку! Я іи клыкала, якъ добру, а вона мене мало не зйила! И передъ всима хлопкамы, ажъ мени встыдъ було!.. А панна Юзечка забула, якъ те опрысклыве дивчысько вызвирылось, колы я хтила пійты по парасольку?.. Та що маю говорыты? Панни Юзечци то все одно. Нехай бидну Зоню хто хоче ображае, панна Юзечка ще й гниваетcя, що вбога сырота Зоня не вміе буты гречною, якъ грабянка. А якъ же було Зони браты прыкладъ зъ грабянкы? Передъ грабянкою вси на пальцяхъ ходылы, а Зоньку годувалы штурханцямы по куткахъ, бо за неи нихто не вставывся бъ. Зонька мусыть все одъ всихъ прыйматы, на те вона бидна...

— И Дарка жъ бидна, Зонечко, — благальнымъ голосомъ промовыла Юзя.

— Чымъ вона бидна? Мае хату, до роботы звыкла, мае батька-матиръ, мае завжди, де прытулытысь. А я? Все на ласкавимъ хлиби, все пидъ опикою, все по чужыхъ куткахъ, никому не потрибна, сама одна на цилимъ свити, нихто мене не любыть... На що мени жыты?.. Охъ Боже, якъ бы я хотила вмерты!.. Боже, Боже!..

Зоня вже плакала справжнимы слёзамы.

— Зоню, Зонечко! — кынулась до неи Юзя, и якъ можна такъ казаты? А я жъ? Я жъ люблю Зоню, якъ ридну, якъ сестру! Зоня жъ моя едына, едына прыятелька! хиба жъ Зоня вже не вирыть? Зоню! Зоню! — Юзинъ голосъ бренивъ роспачлыво, вона стала на колина и обняла Зоню за станъ. Зоня прыпала облыччямъ до волосся Юзи.

— Я вирю... тилько... мени жаль... такъ жаль... бо панна Юзечка гниваетcя...

— Ни, ни! Я не гниваюся, не гниваюся! Я прошу Зоню не гниватысь на мене! — Юзя въ порыви каяття и любови взяла Зонину руку и прытулыла соби до устъ.

— Панно Юзечко! але жъ... — и Зоня стыснула въ обіймахъ Юзю, а та ревнѐ розплакалася, сылкуючысь поцилуваты Зоню.

Раптомъ стукнуло викно. То Дарка наблыжылась пидбилюваты коло лутокъ. Кризь прычынену шыбку глянуло іи облыччя, поцятковане вапною, биле, ажъ страшне, якъ маска.

— Чого ты? Що тоби? — озвалыся вразъ обыдви панночкы злякано.

Дарка ничого не видповила, тилько такъ шпарко-завзято замахала квачемъ, що й шыбка хутко забилила незгиршъ видъ іи облыччя.

Панночкы зибралы зилля и пишлы довываты виночкивъ на веранду. Потимъ вопы довго ходылы по садку, ажъ покы стемнило, бо мама дозволыла Юзи не вчыты завданкивъ проты свята. Зоня росповидала ризни смутни прыгоды зъ своихъ дытячыхъ литъ, Юзя до слизъ проймалася пымы, стыскала Зони рукы, прысягалася, що любытыме іи «завжди, завжди, до самои смерти», а въ кинци взяла слово, що Зоня казатыме на неи просто «ты» и «Юзю» або «Юзечко», тилько вже безъ «панны». Зоня довго видмагалася, потимъ згодылася такъ говорыты, тилько на самоти, бо инакше старши гнивалысь бы на неи.

Тее «ты» було першымъ спильнымъ «секретомъ» межы нымы. Сыдячы за вечерею, воны обминювалысь таемнычо-радиснымы поглядамы, а потимъ, якъ булы вже сами въ своій кимнати, Зоня сказала Юзи:

— Визьмы, Юзечко, кныжку. Ты будешъ молытыся, а я повторятыму.

Юзя поцилувала іи довгымъ-довгымъ поцилункомъ, и того вечора душа Юзина була въ раю, тамъ де «лилія чыстости» и «джерело святости» вабылы іи до себе Зонинымъ голосомъ: Kyrie eleison! Chryste eleison!..

Лежачы въ лижку, вже отъ-отъ засыпаючы, Юзя раптомъ здригнулась. Охъ, то жъ певне Дарка прыходыла по спидныцю и дарма простояла пидъ викномъ, хто зна, якъ довго!

Юзя даремне турбувалась, — Дарка по спидныцю не прыходыла.

V.

Видколы Зоня зъ Юзею перейшлы на «ты», въ йихъ прыязни непомитно, але хутко сталася змина и, хочъ Юзя не смила навить сама передъ собою скаржытысь на ту змину, але душу іи мулыло вже не одно, а два почуття, однаково тяжки, хочъ знову таки однаково невыразни, неокреслени словамы. Теперъ Юзи часто спадало на думку, що Зоня такы не забувае николы, що вона «велыка», и тильки «зъ ласкы» товарышуе зъ «малою» Юзею. Ну, не дуже малою, бо Юзи вже пьятнадцятый рикъ пишовъ, а вже жъ вона ще въ короткій сукни ходыть и «не знае» багато такого, про що, каже Зоня, вси доросли панны знають. А що жъ то за прыязнь, колы одно щось знае, а другому не каже? Але жъ хиба Зоня не прысягалась, що вона не мае блыжчои, дорожчои прыятелькы надъ Юзю? Ще недавно прысягалась памьятею своеи небижкы-мамы. «То може недавно такъ и було,—думалось Юзи,—а сёгодня може воно вже й не такъ?» Юзи треба було що-дня, що-годыны доказивъ прыязни видъ Зони. Юзина прыязнь була неспокійна, забаглыва. Вже зныкло те почуття тыхого видпочынку, що було въ першу зиму по прыизди Зони. Юзя не любыть, що до Зони стала ходыты фершалова сестра панна Октуся, Зонина ровесныця, чорнява, повновыда, зъ такымъ «протывнымъ» блыскучымъ, мосткымъ волоссямъ и зъ «коровьячымы» очыма. Зоня сама ридко ходыть до Октуси, бо Юзя коженъ разъ плаче видъ того. Ахъ, на що було Юзи показуваты передъ Зонею ти слёзы! Теперъ нема потихы, якъ Зоня й не ходыть до новои товарышкы, бо якъ бы жъ то вона *«сама»* не хотила, а такъ, зъ прымусу—що то варте? Може жъ вона сама й хоче, тильки не сміе, або «щадыть» Юзю? И Юзя неможлыво обрыдала Зони то

домаганнямъ «правды», то каяттямъ за свои «kaprysy i grymasy», то благаннямъ, щобъ Зоня іи «хочъ трошкы-трошечкы любыла». Зоня збувала іи смихомъ, але одвернувшысь, кусала губы зъ досады и ждала Октуси «jak zbawienia».

Юзя здебильшого выходыла зъ хаты, колы зъявлялась Октуся, але довго не вытрымувала осторонь и зновъ наверталась. Кожный разъ ій здавалось, немовъ панны укрываютъ або зминяютъ розмову, якъ вона увійде, але впевнытысь у тому вона сама не могла, а Зоня казала... Охъ, Юзя не мала певности въ тому, що Зоня казала, такы не мала, хочъ и картала себе за те, хочъ и щоночи (колы Зоня спала) лежала крыжемъ на голій пидлози на ту «интенцію», щобъ Богъ ій давъ певнисть и щыре довирья до прыятелькы. Юзя зновъ набула соби пропасныцю тымъ лежаннямъ, а певности й довирья такы не було.

И Юзя не выдержала: пидійшла одного разу пидъ дверы й пидслухала, отъ такъ такы просто, «простацько» пидслухала, «якъ покоивка»,—корыла вона себе въ думци. Кризь шумъ своеи стурбованои крови въ вухахъ вона почула прыглушеный грубенькый смихъ Октусинъ, дали Зонинъ поклыкъ:—«Панъ Феликсъ? Ахъ, чы жъ то може буты?! Ха-ха-ха! Ото добре маты такого брата!.. То якъ, якъ?» Октуся щось въ пивъ-голоса проказала, потимъ воны обыдви заспивалы на голосъ краковяка такый діалогъ нибы мижъ «паненкою» и іи «кавалеромъ», що въ Юзи серце типнулось и замерло. Брудни натякы въ писни ставалы все выразнишымы, а въ Юзи очи все шыршалы, шыршалы, немовъ до неи наблыжалося щось несподиване й страшне, а вона не мала сылы одвернуты очей видъ нього.

Дивчата скинчылы писню и зновъ заляглыся смихомъ. Юзя стрепенулась и мовъ не своею сылою влетила въ кимнату задыхана, тремтяча, мовъ видъ холоду, а разомъ зъ тымъ червона, розжеврена.

— Що вы спиваете? На що це вы спиваете? Що це? Якъ вы можете?

— А паненка якъ чула, що мы спивалы?—спытала Октуся, прыжмурывшы не то хытро, не то безсоромно кари очи.

Зоня въ першій хвылыни змишалась, а потимъ шпарко пидвела голову и глянула просто на Юзю.

— Ну, и що жъ? Спивалы! Мы жъ не зналы, що насъ може пидслухаты хто-небудь недорослый, а дорослымъ то ничого не шкодыть.

— А вже жъ,—пидхопыла Октуся,—отъ нехай-но паненка вбере довгу сукню, то прызнае намъ рацію. А зрештою до того не конечне довгои сукни треба, то якъ для кого...

Юзя дывылась на неи безпорадно. Зоня смыкнула Октусю за рукавъ и зъ прыкростю мовыла до Юзи:

— Найлипше було бъ не пидслухуваты нашыхъ секретивъ, або не зражатысь ными, а такъ одно зъ другымъ не йде!—Тутъ Зоня взяла шыття и почала гаптуваты, вже не дывлячысь на Юзю.—Октусю,—звернулась вона до товарышкы,—чы добре такъ буде отаке Z на хусточци, чы може воно за-велыке?

— Трошкы за-велыке, для панны треба менше,—скромнише якось выглядае. Якъ бы такъ ще для mężatki...

Юзя, похнюпывшысь, тыхенько выйшла зъ хаты. Панны мовъ и не помитылы того, про те Юзи здалось, якъ вона вже була за дверыма, що которась панна прыснула, втрымуючы смихъ. Юзя спынылась и замерла, прыслухаючысь, але ничого бильше не почула и подалась дали.

Юзя пройшла черезъ садокъ вузенькою протоптаною стежечкою геть до вильхъ коло тыну—на те мисце, де колысь воны зъ Даркою сходылысь на розмову,—лягла у высоку траву ныцьма, лыцемъ на долони, и лежала тыхо-тыхо. Ій неначе ніяково було дывытысь на думлыви, поважни вильхы, на малу водыцю, що бигла зъ лиса въ ставокъ, ій немовъ не хотилось зустрытыся поглядомъ зъ блакитнымы очыцямы незабудокъ. Вона не плакала, тильки дрибно тремтила и почувала въ середыни якусь прыкру порожнечу, якусь омлилисть у всимъ тили. Вона хотила не думаты про те, що тильки заразъ що почула... Таки погани, таки брыдки ти слова, тая писня, те все... На що, на що було слухаты тее? Теперъ Юзя не така, якъ була, не така и николы вже не буде такою!.. Господы, липше николы не буты дорослою!..

Кризь стулени Юзыни пальци почалы протыскатыся слёзы, дуже помалу. Юзя не крывылась, не хлыпала по дытячому, якъ звычайне, вона ледве сама завважала, що плаче. Слёзы мовъ-бы не зъ очей лылысь, а зъ глыбшого якогось джерела.

— Не хочу! не хочу!—хрыпло вымовыла Юзя въ голосъ, пидвелася и, стоячы навколишкахъ, зняла рукы вгору, — Боже! Найсвятиша Диво! Я хочу все забуты!.. Диво Пречыста, зробы цее чудо!

Кризь вильхове лыстя пробывся проминь сонця, и въ Юзи раптомъ загралы золоти стрилкы въ очахъ,—то соняшне свитло переломылось у невысокыхъ крапляхъ слизъ на віяхъ... Юзи то здалося «знакомъ зъ неба», початкомъ чуда.

Заспокоена Юзя вернулась до дому, але не до Зони, а до салёну, де булы старши. Помогла бабуни набраты на дротыкы спущени вичка въ панчишци, дидунёви прочытала картокъ зъ десять дуже нудныхъ «мемуаривъ», таткови заграла мазура «На смерть Конарского», зъ мамою поговорыла по-французькы. Була така «гречна», що справди заслугувала на всяке чудо.

Але чуда все такы не сталося.

Того жъ такы вечора, лежачы въ лижку и дожыдаючы Зоню зъ гостыны видъ Октуси, Юзя все згадувала, все думала про те, що була сподивалась забуты. И мучылы іи жаль, видраза и злисть до Зони и гнитылы душу прысягы на вичну прыязнь до «бидноп сыроты».

— Невже я зражу іи такъ, якъ зрадыла Дарку?—це Юзя вперше сама передъ собою зважылась назваты свою змину до Даркы зрадою,—такъ Дарци жъ я не прысягалась, ни, справди жъ, ничого не обицяла, а Зони передъ олтарыкомъ запрысяглась! Яка я недобра, яка зрадлыва!

Якъ Зоня прыйшла, Юзя зробыла ій «сцену». Юзя чула, що Зоню провадывъ до дому фершалъ, молодый панъ Феликсъ, и почала гирко докоряты Зони, що вона зражує прыятельку для кавалера.

Напивроздягнена Зоня сила коло Юзи на постиль и зашепотила, затуляючы ій вуста рукою:

— Тыхо, тыхо! ще старши почують... Ну, Юзечко, не будь же дытыною! Хто жъ ровняе прыятельку до кавалера, а кавалера до прыятелькы? Бачу, що справди липше вже тоби все розсказаты, а то жъ це чыста кара Божа!

Зоня лягла коло Юзи, поклала іи голову соби на плече, обняла голымы рукамы іи худеньку постать и прыгорнула до свого теплого, повного здоровьямъ тила. И все розсказувала, розсказувала... Юзя слухала, роскрывшы въ темряви очи й уста, и ій чулося, немовъ серце іи бьется десь уже въ самому горли, ажъ дыхаты заважае...

Заснула Юзя вже ажъ тоди, якъ била грубка зовсимъ выразно выступыла зъ темного кутка, а надъ образомъ Матери Божои можно було одризныты въ випку червони квиты видъ сынихъ. Прокынулась Юзя дуже пизно, зъ важкою головою, зъ тупою нудьгою на серци. Зоня вже була вбрана и видмовляла «różaniec» передъ образомъ. Юзя мляво и недбало одяглась, одчынила викно и сила край нёго, бездумно дывлячысь у просторъ.

— Чому ты, Юзечко, не молышся зо мною? — обизвалась Зоня.

— Нехай потимъ... я ще не вмывалась, — вьяло протягла Юзя.

— Ну, то вмывайся скоришъ.

— Н-не хочется, — крыво протягаючысь, такъ само протягла Юзя.

Юзя поклала голову на пидвиконня и безвладно простягла вздовжъ ёго одну руку, а другою накрыла голову.

... «Ой ты, дивчынонько хорошого строю,
Берыся за выла, ходимо до гною!»

Зоня и Юзя здригнулысь видъ цёго несподиваного спиву, що знявся десь посередъ кущивъ малыны.

— То та дурна Дарка! — мовыла зъ прыкростью Зоня, — цуръ ій, ажъ злякала! Вже жъ и писня деликатна: «ходимо до гною!» То такъ хлопськый кавалеръ свою даму запрошуе. Ото чыстенька писня! ажъ пахне!

Дарка не чула тои крытыкы и выгукувала соби дали умысне грубшымъ голосомъ видъ натурального, по полиському:

Ой ты, дивчынонько, робы, не робы,
А прыйде недиля, хороше ходы!

Дарчына голова въ червоній хустци краснила середъ темнозеленыхъ кущивъ, якъ велыка ягода. Писня замовкла, лыбонь уста у спивачкы зайнялыся иншою роботою. Дарка збирала малыны панамъ на конфитуры, — ну, то вже певне й соби брала якыйсь видсотокъ натурою на мисци.

Прыйшла пани Качковська и клыкнула Зоню помогаты перебыраты ягодъ, бо то «робота до нескинчення».

Юзя лышылася сама и все не рушала зъ мисця.

Дарка завела весильнои. Тамъ булы всяки дыва: и «виночокъ зъ перламы», и «теренъ золотомъ перевытый», та все те якась «Марьюня» покыдала для свого «Иванка», бо полюбыла ёго «якъ душу». Дарка спивала те все такъ бадёро, голосно, завзято видбываючы кожне слово такъ само, якъ и ту писню, де хлопець дивчыну заклыкавъ иты до гною.

Юзя, слухаючы, почала усмихатысь. На хвылыну сталося чудо: Юзя такы забула вчорашній день и сю мынулу ничъ и все. Іи зробылося весело: вона завважыла, що сёгодня було и гаряче и разомъ зъ тымъ легке повитря, що пахло малынамы и мисячною рожею, и такъ се було просто и мыло, дуже мыло. Юзя хутенько вмылася, освижыла голову и стала коло викна, выхылывшысь трохы зъ нёго та спираючысь на рукы.

Зъ-за кущивъ уявылась высоченька, але тонка Дарчына постать. Сухорляви, але мицненьки рукы держалы на плечи велыкый кошыкъ повный малынъ; зпидъ закачаныхъ по ликти рукавивъ выдко було, якъ мускулы на рукахъ напьялысь, мовъ пружыны; ще зовсимъ дытячый станъ, тисно вперезаный вузенькою крайкою, одкынувся назадъ, и черезъ те вся постава здавалась гордою, а лыце видъ легкои напругы було поважне и зовсимъ «доросле». Дарка вже не спивала и мовчкы пидійшла стежкою по-пры Юзине викно.

— Добрыдень, Дарко!—весело прывиталась до неи Юзя и хотила щось спытаты, але Дарка поважно видповила: — Добре здоровья,—и, не спынывшысь, не глянувшы на Юзю, подалась тою самою ходою до кухни.

Юзя зновъ сила, схылыла голову на пидвиконня,— въ голови зновъ стало важко, мовъ писля чаду, и почало думатысь щось безладне. Десь далеко, въ кухни, Зоня заспивала краковяка, сливъ не можна було розибраты. Якъ нытка зъ кынутого зъ рукъ до долу клубка, хутко-хутко почалы розмотуватысь у Юзи въ думци спогады про вчорашній день, мынулу ничъ... Чудо вже зныкло.

— Юзечко, чому не йдешъ до гербаты, дытынко?—запытала бабуня, увійшовшы въ кимнату.

— Заразъ иду,—видповила Юзя, цилуючы бабуню въ руку и въ плече.

— Ты сёгодня заспала, koteczko. Чы вже молылась?

— Уже,—тыхо мовыла Юзя, спустывшы очи въ землю.

— Ты щось неначе зновъ хора. Выпый, серце, хины передъ гербатою.

— Добре, бабуню, я выпью,—и, покирно похылывшы голову, Юзя пишла за бабунею до йидальни.

VI.

Чуда не сталося, але сталося багато иншого, покы Юзи скинчылось шиснадцять литъ. Найголовнише—розлука зъ Зонею. Раптова, несподивана, жорстока розлука. Юзя сама не знае, якъ вона пережыла тее. Очи ій днивъ тры не высыхалы видъ слизъ передъ Зониньмъ видйиздомъ. Вона благала усихъ родычивъ навколишкахъ, цилуючы руки, обицяючы все можлыве и неможлыве, абы Зоню не видправлялы зъ двора. Але родычи булы невблаганни: «такъ мусыть буты; то конечне и для неи самои лиише»,—отъ и все, що почула Юзя. Ни слова пояснення ни видъ кого. Юзи такъ-такы николы й не сказалы прычыны видйизду Зони. Юзя пытала й Бронка, що прыйихавъ на вакаціи

до дому тыжнивъ за тры до того несчастя. Бронекъ — веселый, моторный гимназыстъ,—здвыгнувъ плечыма, помахавъ палычкою, посвыставъ, кынувъ сестри недбало: «Найлипше, спытай іи саму, може скаже»—и пишовъ соби, поспивуючы «ja kawaler, a ty wdowa» зъ дуже веселою прыспивкою «trom drita, trom ta drita»... А Зоня на пытання Юзины видповидала тильки слизьмы, нариканнямъ на свою сыритську долю, на жорстокисть якихсь «людей безъ серця» (але не Юзиныхъ родычивъ) и говорыла щось таке, чого зовсимъ ніякъ неможна було зрозумиты; передъ панамы мала упокореный выдъ, а титци своій не смила въ очи дывытысь. Качковська не дала Зони на прощання и рукы своеи поцилуваты, а Качковськый, зайихавшы зъ возомъ-драбынякомъ передъ офицыну (остатни дни Зоня вже тамъ жыла, а не зъ Юзею), не йшовъ, якъ звычайне, у хату сидаты передъ выйиздомъ, «щобъ усе добре сидало», тильки крыкнувъ зъ воза на Зоню: «Ну, то йды вже! кони не стоять!» Блида, сплакана, завьязана хусточкою Зоня сила, згорбывшысь, на визокъ; робочи кони сипнулы, и Зоня пройихала повзъ гуртъ цикавои челяди геть зъ двора и зныкла въ сирій куряви. Юзя лежала въ своій кимнатци и безъ намьяти рыдала.

Але дывно, Юзя не довго тужыла. Лыбонь уся туга занадто невтрымлыво, раптово вылылася заразомъ и надали іи не стало. Хутко наставъ часъ, колы Юзи треба було нагадуваты соби, щобъ думаты про Зоню рано й вечиръ пры молытви, якъ то вона обицяла, розлучаючысь; прыйшлось навить вузлыкы на хусточци завьязуваты, щобъ не забуты. Лысты жъ не пысалыся. Юзи якось зовсимъ не було чого *пысаты* до Зони, хочъ сказаты знайшлось бы чымало. Юзя пысала лысты ще зовсимъ по дытячому, самымы фактамы, тай тыхъ не вмила склеиты до купы инакше, якъ словамы «i donoszę tobie»; це іи саму дражныло,—и такъ ни одынъ лыстъ до Зони не бувъ ани скинченый, ани посланый. А Зоня певне не посмила обизватысь лыстомъ перша.

Тай не було колы Юзи розплыватыся въ спогадахъ та жалощахъ. Прыйихала нова вчытелька француженка («липше пизно, якъ николы», зважено було въ родыни) и зовсимъ вона не була

така страшна, якъ Юзя соби уявляла; навпакы, весела, прывитна, цикава, трошкы насмишкувата, але «прыемна». Юзя почала надолужаты «ходомъ поспишнымъ» прогалыны въ своій науци й выхованню. Наука хутко выйшла до того выщого ступня, що Юзя робыла вже тильки ти ортографични помылкы у французькому пысьми, яки робыла сама вчытелька, колышня продавцыця въ велыкому Magazin du Louvre. А що музыкы, рахункивъ та инъшыхъ наукъ Юзя набувала и передъ тымъ, спочатку дома, а потимъ йиздячы трычи на тыждень въ повитове мисто до однои «диплёмованои» панны, то ій и небагато бракувало до повнои панськои «эдукаціи». Выховання тежъ багато посунулось напередъ: теперъ Юзя вже твердо знала, на що й по що треба панни вчытыся, а власне, «щобъ умиты показатыся въ товарыстви, щобъ не сміялыся люде, щобъ буты негиршою видъ иншыхъ и щобъ инши навить заздрилы». Для чого жъ це все було потрибно, ій не казалы, та вона й такъ догадалась. Юзя теперъ вже багато чого нагадувалась безъ наивныхъ и пастырлывыхъ пытаннивъ. Французка докинчыла Юзине выховання, почате пидъ Зониною орудою, докинчыла и самохить, и несвидомо. Все служыло за пидручныкы до «наукы жыття»,—першъ усего вся власна особа Mademoiselle Lucie, шнурована, глянсована, фрызована, уроча своею парыжською неподильностю штучного й натуральнего въ найменшому рухови й слови; навчалы й кныжкы ти, що николы не давалыся зъ рукъ въ рукы, але завжды лежалы або пидъ подушкою, або въ незамкненій шуфляди въ учытелькы. Юзя навчылася чытаты ти кныжкы тежъ поспишнымъ ходомъ и то такъ, що николы никому не наверталася на очи зъ такымъ «пидручныкомъ». Якымъ наивнымъ здавалося ій теперъ те нескладне ABC Зониныхъ та Октусиныхъ краковякивъ, перейнятыхъ видъ пана Феликса! Якъ та бидна Зоня мало знала! Та що може знаты панна, колы вона не вміе по французкы и навить Прево не може прочытаты въ оригинали? Правда, и въ цій новій науци жыття все ще зостався якыйсь таемный куточокъ, завишеный поетычнымъ напивъ-прозорымъ серпанкомъ; винъ вабывъ, але вже не лякавъ Юзю. Вона вже не хотила чуда повороту до дытячои

несвидомости,—ни, навпакы, вона прагнула швыдче пизнаты на дили те життя, опысане такъ повабно въ кныжкахъ. Хочъ бы вже швыдче тыи 16 литъ кинчалысь! Тоди, казавъ татко, воны пойидуть на зиму до Варшавы (бабуня зъ дидунькомъ лышатся на господарстви), и мама вывезе Юзю «въ свитъ», на той оспиваный, обмареный «першый баль»... Юзя вже знае прелюдіи ёго, бо M-lle Lucie намагалася, щобъ іи повезты на кильки дытячыхъ вечорkивъ до миста,—метка францюзка уважала, що Юзине выховання було доси trop isolée. Писля тыхъ вечорkивъ Юзя неразъ по ночахъ не спала, думаючы про «першый баль», справжній баль, для дорослыхъ... Чы дижде вона тыхъ 16 литъ?!...

Шиснадцять литъ такы скинчылысь! Сёгодня, сёгодня Юзины роковыны! Скилько буде гостей, яка буде забава! У Юзи теперъ багато прыятелёкъ, все завдякы тій добрій M-lle Lucie, що вмила пидтрыматы знаёмости и згуртуваты товарыство молодыхъ сусидокъ, ризныхъ сильскыхъ панночокъ. Юзи справылы на роковыны таку гарну-прегарну, билу, *довгу* сукню... Ахъ шкода, що вчора цилый день ишовъ дощъ — уже тая проклята полиська осинь! — булобъ такъ гарно походыты въ легкій билій сукни по сухому лысти, пидъ жовтымы й червоными витамы деревъ! Десь йе такый опысъ въ романи: «вона була, мовъ била душа весны середъ руинъ умерлои осени»... Ни, все-такы, це ничого той дощъ, бо отъ винъ уже не йде сёгодня, а татко наказавъ посыпаты свижымъ пискомъ уси стежкы коло будынку и ту довгу стежку, що веде до альтанкы. Онъ уже Максымъ и Яkивъ прывезлы першый визъ и зсыпалы писокъ на купу, а Дарка зъ Улянкою розносять и розсыпають ёго по стежкахъ. Славно буде! Чудово! Якый татко добрый!

Дарка зъ Улянкою хутко звывалысь. У Даркы ажъ хустка зъ головы зсунулась; вона трохы засапалась, носячы кошыкомъ важкый писокъ зъ воза,—а все-такы кожный разъ, высыпавшы писокъ на стежку, вона жваво вымахувала порожнимъ кошыкомъ и пидбигцемъ спишылася по нову ношу. Улянка жъ, навпакы, швыдче бигла зъ повнымъ кошыкомъ, згынаючы въ тры погыбели недолугу постать, а въ-порожни йшла помалу, човгаючы

ногамы и безсыло баламкаючы рукамы. Улянка ще тилько почынала ту боротьбу, зъ якои Дарка вже выходыла зъ перемогою. Дарка вже поделала «шиплю» [1]), зжылася зъ пивголодомъ, выросла зъ «няньки» та «пидпаска» въ дивчыну-робитныцю (хочъ бильшъ якъ сорокивку, за день роботы, ій такы не давалы) и несвидомо, але жыво, цилою своею истотою тишылася зъ свого молодого жыття, зъ молодои але вже загартованои сылы, вынесенои зъ трудного дытыньства наче скарбъ изъ пожару. Про колышню, ще недавню, недолугисть нагадувавъ тилько надто тонкый станъ, та тонки, хочъ и мицни, немовъ сталёви, ногы зъ вузькымы, довгымы ступнямы,—за це іи й теперъ, якъ бувало за малыхъ литъ, свои й чужи дражнылы «тонконогою». Барва іи лыця не була й теперъ румьяною, зоставсь й доси легкый видтинокъ слоневои кости въ смуглявимъ облыччи, щокы не булы кругли, въ очахъ не було дивочои легкодумнои безжурности, облыччя здавалося выризьбленнымъ скупою на легки еффекты рукою думлывого артыста, що, творячы красу, зовсимъ не дбавъ про неи. Тай мало хто, дывлячысь на цю дивчыну, тямывъ, що вона гарна, и не було звычаю называты іи такъ, а проте хто разъ прыдывывся до неи, той пизнававъ іи скризь, хочъ и самъ не мигъ бы сказаты, чымъ видбываютъ ти неблыскучи и невелыки сыви очи видъ иншыхъ сывыхъ очей, чымъ одризняется видъ тысячивъ такыхъ «створиннивъ Божыхъ» оця просто русява, не билява й не руда, не велыка й не мала, навить не чернобрива дивчына. Може тымъ, що, дывлячысь на неи, здавалось, нибы дивчына ця знае щось таке, чого не знаютъ або не тямлять багато иншыхъ, а вона въ тому допевнылась и видъ того дывытся такъ поважно и просто въ очи кожному, безъ тои звычайнои дивочои соромлывости, трошкы щырои, а трошкы й удаванои, що наказуе хыхотиты й закрыватысь рукавомъ прылюдно. Дытыною Дарка часто було дывылась понуро, спускала очи въ землю, насупывшы бровы, немовъ шукала на земли щось загублене, або дывылася скоса на

---

[1]) Малярію.

того, хто говорывъ до неи, и морщыла лоба та прыкрывала очи рукою; теперъ вона мала звычай здебильшого дывытысь просто попередъ себе, хочъ бы передъ нею булы люде, чы просто далекый просторъ, и здавалося, що іи очи булы створени власне для такого погляду.

Отакъ вона й теперъ дывылась на Максыма, спынывшыся зъ порожнимъ кошыкомъ коло воза зъ пыскомъ. Максымъ, молодый двирськый паробокъ, подывывся й соби на неи и всмихнувся.

— Ну, чого стоишъ? Ты, топконога!

— Або то вже й постояты неможна? — спокійно промовыла Дарка, — та жъ я не коняка.

— Ба, дивчыно, — озвався Якивъ, старшый, жонатый вже робитныкъ,—колыбъ то ты була конякою, то бъ мала часъ стояты такъ, якъ отъ оця, — винъ ткнувъ пужалномъ коня въ бикъ.

Дарка помалу перевела очи зъ Максыма на Якова.

— А вы-те, дядьку, проте стоите.

— Н-ну, я... Поповозыла бъ ты, та попокыдала бъ лопатою оте писчысько!..

— Дыво! Я й глыну копала, не то що. А вы-те, дядьку, лыпше тачку прытягнить, та поможить зъ Максымомъ розкыдаты писокъ, бо такъ до вечора не вправымося, а дивчына, дывить вже й такъ прыстала, ледве лазыть. — Дарка показала на Улянку, що стояла, поспускавшы рукы.

— Потрибно було таке здыхля браты на роботу, лыпше бъ Ярына прыйшла, — завважывъ Максымъ.

— Ярына не прыйде, — коротко й поважно мовыла Дарка.

— Нашу Ярыну вчора запылы, прыходылы сваты одъ Гаптона, — тоненькымъ голоскомъ, зъ дытячою вымовою обизвалась Улянка.

— Эй, чы жъ пакъ? — скрыкнувъ Максымъ.

— А ты нибы й не знавъ? — неймовирно спытала Дарка.

— Та що тутъ будешъ знаты, колы ганяють тебе, якъ хорты зайця, то до миста, то по панахъ, то зновъ по писокъ, то нема видома по що? Геть подурилы зъ тымы менынами, — закинчывъ Максымъ значно тыхшымъ голосомъ, нижъ почавъ.

— Колы весилля? — перебывъ ёго Якивъ, звертаючысь до Даркы.

— Отъ, абы заповиди выйшлы.

— Спишытся Гаптинъ!

— А видомо, бо маты ёму слаба, та ще вмре, то вже жъ тоди не годытся весилля справляты, а хто жъ имъ буде робыты, якъ стара вмре?

— Правда, — сказавъ Якивъ.

— А Ярыпа жъ за ёго хоче? — запытавъ Максымъ.

— А чому жъ бы не хтила?

— Правда, — зновъ сказавъ Якивъ, а Максымъ промовчавъ.

Вси четверо стоялы мовчкы й думалы.

Въ тимъ надбигъ «окомонъ» Качковськый зъ крыкомъ:

— Ну, чого поставалы? Кара Божа зъ тымы людыськамы! Отъ тилько не стій надъ нымы!.

Дарка зъ Улянкою кынулысь до роботы. Зъ поспиху, а то й зъ перестраху Улянка спотыкалась и розсыпáла безъ пуття писокъ. Качковськый вырвавъ у неи зъ рукъ кошыка.

— Эй, така мени робота, то липше нетреба! Вамъ тилько дарма гроши давай! Максыме, беры тачку. А ты, Якове, будешъ зъ Даркою носылкамы вдвохъ посыты, покы ще йе писокъ на вози, — чого дармуешъ? Ну, а ты, Улянко, пишла до дому, нехай прыйде та, засватана!

— Ярына рушныкы торочыть на весилля, ій нема колы,— озвалась Дарка.

— Велыке свято ваше весилля! Поспіе зъ козамы на торгъ. А якъ не хоче, то забирайтесь соби вси къ чортовій матери, я знайду иншыхъ! Ще якись церегели: одна хоче, друга не хоче. Я васъ просыты не ставъ. Або нехай Ярына цю мынуту йде сюды, або жадноi нетра, сказавъ разъ!

Дарка кывнула Улянци и та побигла до дому.

— Скажы й матери, щобъ прыйшла! — гукнувъ ій у слидъ Качковськый и звернувся до Максыма:—Ага, слухай, якъ прыйде Мартоха, то стане на твое мисце, а ты збирайся до Жабокры-

кивъ по панней. А вы тутъ глядить, щобъ до обида було все готове, — наказавъ винъ Дарци й Якову и подався спишною ходою до стайни.

Максымъ пишовъ у слидъ за Качковськымъ, досадлыво знызавшы плечыма.

Прыйшлы Мартоха зъ Ярыною, тай Улянку такы зновъ прывелы зъ собою. Носылы писокъ и въ кошыкахъ, и на ношахъ, и въ прыполахъ, возылы въ тачкахъ, кыдалы рукамы й лопатамы, зашурувалы одежу, запорошылы соби очи, ажъ такы ще до обида, передъ панськымъ другымъ снеданкомъ, панна Юзя пробигла мазурковымъ крокомъ по довгій, жовтенькій, мовъ золотій, стежци до альтанкы, увытои червонымъ дыкымъ выноградомъ, злегка черкаючы по писочку довгою билою сукнею.

— По писку навить липше, — зважыла вона, — а то мокре пале лыстя шелестыть такъ смутно... тай сукню може забруднити, покаляты.

И панна Юзя поспишылася до покоивъ, бо почалы зйиздытыся гости, то выпадало прыйматы повиншуванння й дарункы, та прыпрошуваты панночокъ до кавы зъ усякымы прысмакамы; обидъ мавъ буты далеко пизнише и дуже парадный, а потимъ забавы, танци, та урочыста вечеря. Юзины родычи не жалувалы коштивъ на учту, на ушановання 16-литнихъ роковынъ дочкы-одыначкы.

VII.

Тымъ часомъ Мартоха зъ родыною, вернувшыся зъ роботы, засилы вже до обиду. Ярына сила поручъ зъ батькомъ на покути, — ій, яко засватаній, належало чильнише мисце въ хати, тай вона вже не выходыла зъ-за столу помагаты матери коло печи. Воно, правда, мало що й потребы було въ помочи, бо страва була звычайна: жытня затирка, та картопляни товкмачи зъ макомъ, отъ и все. Але Дарка все жъ помагала, то ложкы подавала, то хлиба вкроила, разъ-у-разъ встаючы зъ ослона, де вона сыдила проты покутя. Улянка зъ Иваномъ сыдилы на вузькій лави,

а Приська, теперъ вже опецькувата, мордатенька семылитка, сыдила «по-турецькы» на полу, держачы на рукахъ незвычайно головату и черевату, але тонконогу й тонкоруку Гапку, и посыла черезъ іи голову соби до рота ложкою страву зъ мыскы, що стояла въ ногахъ. Гаряча страва неразъ капала на дытыну, и тоди Приська мусила кыдаты йисты та зацытькувала малу. Жвавій Присьци обрыдла така повильна йида, и вона вже крадькома видъ матери дала Гапци штурханцивъ зо два. Дытына вереснула.

— Та цыть ты, бодай ты скопотила! Цыть, нехъ ты скыснешъ! — не втерпила Приська.

Мартоха одвынулась видъ печи, дала потылышныка Присьци, але такы забрала видъ неи Гапку.

— Я тоби разъ казала, не смій мени клесты дытыны,ще, бороны Боже, въ такый часъ скажешъ! — мовыла Мартоха и сила на лаву годуваты Гапку, щобъ іи вгамуваты, — сама здорова, якъ кобыла, та щей клене, бодай тебе заглумыло!

Приська щось проморнотила, але заразъ урвала, бо маты загрозыла: — Ну, ну, поговоры, поговоры мени!

Мартоха зъ усихъ своихъ дитей найбильше любыла «головату» Гапку и не терпила, якъ сусидкы хыталы головамы надъ дытыною та пророкувалы, що «безмаль зъ неи ничого не буде, бо въ неи жъ, кумойко, и перениссячко сыне и очи якъ у стареи». Гапка була облыччямъ «выкопана» маты, тилько здоровьямъ найгирша за всихъ; вже третій рикъ ій кинчався, а вона ледве голову трымала. И Мартоха немовъ спишылася натишытысь цею дытыною и пестыла іи такъ, що Приська зъ Улянкою ажъ зненавыдилы «мазуху». Мартоха навить неразъ спыхала головну господарську роботу на старшыхъ дочокъ, меншымъ попускала «байды быты», а сама сыдила зъ Гапкою, то бавлячы іи, то ликуючы всякымы ликамы.

И на цей разъ Мартоха черезъ Гапку передала свій головный хатній обовьязокъ Дарци (зновъ такы мынаючы засватану Ярыну), промовывшы лагиднише, нижъ звычайно:

— Дарусю, вытягны тамъ зъ печи товкмача... Ага, слухай, тамъ десь видъ учора кришку горилкы зосталося, то подай батькови.

Видколы Гапка прыйшла на свить, Мартоха злагоднила до чоловика

Черезъ свою хвору мызыночку вона лыбонь навчылася бильше жалуваты та розумиты и свого нещасного «ядуху» чоловика. Колы сёгодня вона доривняла здорову, колысь наймылишу ій за те здоровья Прыську до «кобылы», то въ души ій ворухнулось щось дуже подибне до того почуття, зъ якымъ бувало Семенъ бывъ іи саму та докорявъ, що вона «отъ такы, якъ муръ»: тилько Мартошыне почуття було ще тяжче.

Семенъ тремтячымы рукамы взявъ «порційку», що подала ёму Дарка, мовчкы кывнувъ головою до жинкы, на знакъ «дай, Боже, здоровья», — жинка такъ само до нёго кывнула, то бъ то «здоровъ бувъ, пывшы». Спочатку Семенъ хотивъ выпыты маленькымы ковточкамы, щобъ продовжыты втиху, знаючы, що бильшъ, якъ одну чарку, вже не дадуть, але не втерпивъ и выхылывъ цилу разомъ и хрыпко-голосно крекнувъ «а-а-а!» Писля вчорашнихъ «запоинъ» ёму такы конечне треба було похмелытысь, а жинка доси не догадувалась даты, просыты жъ — Семенъ николы не просывъ у неи ничого: цей «гоноръ» у нёго мицно держався.

Якый часъ Семенъ йивъ, якъ звычайно, мовчкы, але похмильна чарочка дражныла языка до розмовы, тожъ винъ такы нарешти обизвався, ни до кого зъ-осибна не звертаючысь:

— Такъ, такъ... запылы мы, знацця, нашу Ярынку, а отъ невыдно, якъ и Дарочку запьемо.

— Та мени, тату, ще лита не выйшлы? Що вы-те мене замижъ выпыхаете? — жартовлыво обизвалась Дарка, прыязно подывывшысь на батька, немовъ усмихнувшысь очыма. Вона любыла, якъ батько говорывъ вильно и весело, хочъ це бувало тилько тоди, колы винъ выпывавъ и то не занадто, бо, спьянившы сыльно, винъ стававъ понурый и, хочъ не бывся теперъ николы,

та стыскавъ кулакы и клявъ кризь зубы невидомо кого. Дарка часомъ навить купувала ёму «малу порційку» за свои зароблени гроши, «абы батько поговорылы трошкы».

— Я тебе, Дарочко, не выпыхаю, — высокымъ и тыхымъ голосомъ заговорывъ Семенъ, — а тилько видомо: дочкы — чужа корысть. А лита, хто жъ ихъ видае, чы воны выйшлы, чы воны не выйшлы? про те пипъ знае. Отъ якъ пиду по метрыкы Ярынини, то й про тебе попа запытаю, — Бигъ-ма, запытаю, — думаешъ, ни? А ну-жъ тебе святатымуть такы теперъ, до Дмытра, то треба жъ намъ знаты, що людямъ казаты.

— Нема тамъ чого знаты, — обизвалась Мартоха, — бо я Даркы однаково тепера не дамъ.

— А то чому, стара?

— Чому! Ты жъ бы й самъ подумавъ: Ярыну виддамо, Улянка ще мала тай невдáла, ну, тай хто жъ мени робыты поможе?

— А мы Ивана оженымо, отъ и невисточка буде! — ще веселише перечывся Семенъ.

— Вже то за невисткою нажывешся! — Що невистка, то не дочка. Тай куды тамъ ще Иванови женытыся?

— Хто рано женытся, той не кается, — напосидався Семенъ; выдко, вчорашни запоины розохотылы ёго до думкы про весилля.

— Этъ, дай спокій, старый! — розсердылась Мартоха, — ажъ не хочется слухаты! Та нехай бы тамъ хочъ и сто невистокъ було, а я Даркы не дамъ, бо я безъ неи, якъ безъ рукъ. Пошукай-но ще такои дивкы!

Дарка спаленила. Це вперше маты такъ выразно похвалыла іи. Ни, це, власне, не було хвалою, але це бильше варто було, нижъ звычайне велычання матирокъ своимы дочкамы. Це маты вымовыла въ голосъ те, що Дарка й сама знала и тямыла добре, тилько Дарка николы не думала, що выбачлыва маты колы небудь це скаже, та ще пры всихъ.

— Ну, чого розсилася? — звернулась до Даркы маты знову суворо, — зберай зо стола та поможы Ярыни рушныкы торо-

чыты. Батько плете безъ толку, а вона слухае, якъ бы що доброго!

Дарка всмихнулася и почала збираты зо стола, переглянувшыся зъ Ярыною.

Перехрестывшысь, Семенъ выйшовъ зъ-за стола, постоявъ трохы, мовъ хотивъ ще про щось поговорыты, але роздумавъ и пишовъ зъ хаты. За хвылыну вернувся знову.

Ага, скажить вы мени, чого це у двори такый ярмарокъ? Все чужи паны йидуть? Та жъ сёгодни не свято?

— То паннынн меныны справляють, ій сёгодня 16 литъ выйшло, — сказала Дарка.

— Шиснадцять литъ!.. тссъ... дывы ты!.. А котра зъ васъ старша, чы ты, чы панна?

— Чы жъ я знаю? Мамо, якъ вы-те кажете.

Мартоха трохы подумала, потимъ сказала.

— А такъ, що одныхъ литъ... день у день! Ще то до пани тую кушерку прывозылы, та вона й мени щось тамъ радыла, бо я такы ледве не сконала тоди за тобою. Такъ такы воно йе, що вы въ оденъ день обыдви знайшлыся, — и ты, и панна.

— Эй, то треба й нашій Дарци меныны справыты! — раптомъ гукнувъ Иванъ, що доси мовчкы щось стругавъ. Винъ вставъ и пацнувъ Дарку зъ розмаху по плечахъ.

— Одчепыся, холеро! — видгрызнулась Дарка.

— Ну, ну, ще побыйтеся! — спыныла ихъ Ярына, а Приська захыхотила.

Раптомъ у хату вбигла чорна якъ жукъ, прысадкувата дивчына, Ярынына товарышка, Мотруна. Вона зъ розгону пидбигла до Ярыны, выхопыла въ неи зъ рукъ недотороченого рушныка и потягла іи за рукавъ зъ-за столу.

— Братыце, бижимо хутчій до двора!

— А то чого?

— Та чы жъ ты не чуешъ? О! — Мотруна зняла пальця вгору и вси почалы прыслухатысь: въ покынути розчыненымы двери долитавъ видгукъ скрыпокъ та решиткы.

— Музыкы? Де жъ то? На панськимъ току? Чого? — пыталы навперебій дивчата.

— Та то жъ панъ найнявъ челяди музыкы. Меньшы паннынu, чы що... Тамъ такый баль! То ввечери паны танцюватымуть — буде гынча музыка, а теперъ панъ позволывъ на току челяди танцюваты. Та ще, кажуть, старымъ та хлопцямъ по порціи дадуть, а дивкамъ косныкы роздаватымуть, чы що... Ой, бижимо, мои любойки, хутчій!..

Остатни слова Мотруна договорювала, вже бижучы вулыцею до панського току, а за нею поспишала вся родына Билашивъ. Мартоха навить и Гапку понесла зъ собою.

На панській обори зибралось чымало людей, а коло самого току бувъ правдывый тыскъ. Про те жвава Мотруна и дужа Мартоха протовпылыся такы наперёдъ, а за нымы вже й вся родына Мартошына, тилько Улянка лышылась позаду, бо якыйсь паробокъ одсунувъ іи локтемъ, и вона вже не зважылась бильше потыкатысь у натовпъ, а пишла въ кутокъ межы хливомъ и стáнею, де малеча танцювала, дрибно кружляючы, мовъ ти маленьки блакитни й червонясти метелычкы, що въ горячу пору жнывъ нызько вьются понадъ стернею, прудко-прудко.

На току зостався вильнымъ видъ натовпу вже тилько невелыкый кругъ землi и на нёму вытыналы «крутяхá» пара молоденькыхъ дивчатъ, побравшыєь попидъ рукы, и тройко—хлопець зъ двома дивчатамы, — хлопець по середыни, а дивчата, кожна обичъ нёго, — и винъ обіймавъ обохъ ихъ за шыи, одну правыцею, другу ливыцею. Вси трое кружлялы, трохы важкымъ крокомъ, не звертаючы ніякои увагы на пару, що неразъ налитала на ныхъ зъ розгону. Дивчата булы дуже поважни, а парубокъ здавався гордымъ видъ тои поставы зъ пиднятымы на дивочи плечи рукамы, усмихався, якъ переможець, та пидморгувавъ товарышамъ. Музыкы сыдилы высоко на соломи; гуркитъ решиткы славcя нызомъ, немовъ розкочуючысь по темныхъ куткахъ, а дрибчасти перебои скрыпкы та басоли литали понадъ людьмы и вырывалыся зъ клуни вкупи зъ проминнямъ осиннёго пообиднёго сонця, що стриляло кризь стину, де була выйнята одна дилына.

и слалося черезъ увесь тикъ ажъ до розчыненыхъ ворить шырокою яскравою смугою, жывою видъ миліонивъ блыскучыхъ порошынокъ, що минылысь, якъ дрибни золоти комашкы. Свитло черкалось объ людськи головы и ярило въ переднихъ рядахъ людей на дивочыхъ та молодычыхъ билыхъ, сынихъ, червоныхъ, зеленыхъ та рябыхъ убранняхъ, що краснилы якъ весняный цвитъ; дали свитло гасло въ осинних, темныхъ колирахъ чоловичыхъ шапокъ та сермягъ, ппорынало въ старечыхъ брунатныхъ каптанахъ, «бархaнкахъ» та «набыванкахъ», що глушылы де-не-де ту веселу мишанину барвъ. Вси дивчата булы завьязани хусткамы такъ само, якъ молодыци, тилько Дарка та «дурна» Грыпа булы «простоволоси». Дарка любыла такъ ходыты, колы не «закручувалась» хусткою «якъ мала», хочъ маты сварыла, а товарышкы доривнювалы до «дурнои Грыпы». «Не грихъ и такъ,—ще находжуся колысь по-бабськы», казала Дарка.

Пара дивчатъ, утомывшысь, покынула танцюваты. Мотруна вхопыла Ярыну пидъ руку и полетила зъ нею въ танець, сыпнувшы, навперебій музыци, веселою танцюрыстою писнею. На писню обизвався парубокъ, що танцювавъ зъ двома дивчатамы, теперъ уже не въ рядъ, а крутячысь по черзи то зъ одною, то зъ другою, пускаючы одну й хапаючы другу на перемину; раптомъ винъ, держучы одну дивчыну, закынувъ вильну руку по-за шыю Дарци, але Дарка выпручалась, видмовывшы: «Я втрохъ ненавыджу, загайно такъ!» Тоди хлопець пустывъ дивчыну, потягъ саму Дарку въ танець и хутко-хутко закрутывся зъ нею, държачы пидъ руку. Воны не бачылы облыччя одно одного, ливыця ливыцю держала, а правыцею хлопець немовъ хотивъ пійматы Дарку за станъ, вона жъ утикала видъ нёго, все вколо, все вколо, а все не выпускаючы ёго рукы. Обое спивалы навперeймы, и писня Дарчына немовъ утикала, глузуючы, видъ писни парубка. Раптомъ писни й погляды зустрилысь — хлопець перейнявъ Дарку за другу руку й заглянувъ въ очи; Дарка урвала писню, вырвала ливыцю и выхремъ закружляла въ иншый бикъ, зъ иншею писнею, и зновъ хлопець бачывъ тильки блыскучу плетеныцю русыхъ кисъ, що немовъ одбывалысь видъ нёго тон-

кымы розвіяными киспыками, черкаючы по лыци й прымушуючы хлопця одхылятысь назадъ, дарма, що ливыця простягалась впередъ, немовъ шукаючы дивочого стану. Середъ прудкого танцю Дарка була така сама поважна, якъ и други дивчата, тильки не спускала очей въ землю, а дывылась просто на людей. Колы краска вступыла ій въ облыччя, а волосся потемнило, змокривши, Дарка, трохы задыхавшысь, але спокійно, сказала хлопцеви: «ну, вже годи, пусты» и винъ заразъ же пустывъ іи тай самъ зійшовъ зъ круга.

Покы люде «йшлы козака», покы поважно, по трое протывъ одного, водылы «чумака», Даркы не було выдко. Вона трохы потопталась въ «вальци», тай зновъ видстала. Але раптомъ музыкы вризалы «гречкы»; увесь передній рядъ людей, найблыжчый до круга, захвылювавъ кóломъ, побравшыся за рукы, и заразъ посередъ кóла замаёрила Дарчына голова, кружачы въ пари то зъ парубоцькою шапкою, то зъ дивоцькою хусткою. Кóло важко прытупувало въ ладъ музыци, разъ-по-разъ чоловичи голосы, розбываючы жиночый дрибный спивъ на ривни частки, выгукувалы «самъ пью, самъ гуляю»... але кинець тои прыспивкы губывся въ швыдкому дыханни гурту, въ тупанни килькохъ десяткивъ нигъ та въ несамовытому гуркоти решиткы. Кóло розрывалось, выпускало однихъ людей, прыймало другыхъ и зновъ оберталось жывымъ колесомъ; пары едналысь, розлучалысь, двойилысь, чысло йихъ росло въ очахъ, воны кружлялы и въ кóли, й по-за кóломъ, танець выкочувався геть за ворота клуни и выкыдавъ де-яки пары на двиръ, на вильне мисце, и тамъ воны литалы, якъ буйни пчолы, що видбылысь на простиръ зъ тисного рою. Танець докотывся до куткивъ, де кружляла дитвора и до прызьбы коло пекарни, де сыдила старыня; тутъ музыка запалювала гострымъ вигнемъ невынни дытячи очыци и дратувала безсыли старечи ногы своею непереможною, дыкою сылою. «Самъ пью!.. Самъ пью!..» бухало урывчасто, мовъ важки гупання збунтованои крови въ жылахъ.

— Музыка, ша!—гукнувъ раптомъ голосъ Качковського, та такъ зычно, що скрыпка й басоля заразъ замовклы, мовъ урвалы

струны, тильки решитка ще загурчала сама, але заразъ и іи вгамувавъ хтось, сипнувшы решитныка за полу.

Танцюрысти пары не встыглы одразу спынытысь, а ще килька разъ окрутнулысь, поглядаючы здывовано на музыкъ.

— Ну, годи вамъ крутытыся!—крыкнувъ на ихъ Качковськый,—за панськи гроши готови до вечора скакаты!.. Вы, мужыкы, бабы й парубкы, ступайте на пекарню, тамъ вамъ самъ панъ дадуть по порціи, а вы, дивкы, йидить до ганку, передъ покои,—паннунця вамъ памьяткового подарують.

Качковськый вымовывъ се такымъ самымъ грубымъ, начальныцькымъ голосомъ, якымъ звычайно дававъ розпорядокъ на роботи. И заразъ же юрба подилылась на два гурты, — бильшый сунувъ до «чорнои» пекарни, а меншый подався черезъ вулыцю на «билый» двиръ.

У пекарни, на стильци, коло чысто застеленого стола сыдивъ молодшый панъ (старый загрався въ безика и не пишовъ), за нымъ на лави засило скилька панивъ гостей и мовчкы пересмихувалысь межы собою.

Качковськый спынывъ юрбу въ синяхъ и почавъ упускаты людей по одному, по два въ пекарню.

Семенъ Билашъ поткнувся було въ першу пару, але Качковськый вызвирывся на нёго въ пивъ-голоса: — Куды лизешъ? Чы то нема старшыхъ видъ тебе?

Семенъ, засоромленый, сховався въ гуртъ, а якыйсь парубокъ вголосъ пожартувавъ:—А видомо, цядьку, по старшыни батька въ лобъ!

— Ш-ша! — зашыпивъ, якъ гусакъ, Качковськый; де-хто зъ мóлоди прыснувъ, затуляючысь долонею.

— Выпый, диду, за панныне здоровья, се вже ій шиснадцять литъ скинчылось, вона у мене панна на выдáнню, — казавъ тымъ часомъ панъ, частуючы старого дида Ляша що стоявъ передъ паномъ, спершысь на ципокъ и прытыснувшы долонею почеплену на ципокъ шапку. Дидова правыця такъ тряслась, що винъ на сылу Божу влучывъ нею чарку, тай то розхлюпавъ половыну горилкы, несучы до рота.

— А дай Боже, дай Боже,—прошопотивъ дидокъ, зовсимъ не дочувшы, що саме панъ сказавъ,—дай Боже, здоровья и панови, й пани, и панычеви, и... и...—решта сливъ десь загубылось у кущастій сывій бороди старого.

Ляшъ хотивъ поставыты чарку на стилъ, але рука типнулась, чарка впала до долу й розбылась на скалкы. Инши диды охнулы зъ остраху, якыйсь панъ зъ гостей не втерпивъ и вголосъ промовывъ:—«И по що таку старызну склыкаты?»—Качковськый зробывъ люту мину, але панъ, надзвычайне ласкавый зъ радощивъ, сказавъ тильки:—«To nic, to nic, to szczęście... подайте другу чарку».

Въ тій заметни Матроха, швыденько ткнувшы Гапку на рукы сусидци-куми, промкнулася въ дверы позъ Качковського, що прогавывъ іи нечерговый выходъ, вхопыла зъ мысныка малу шкляночку зъ зеленого шкла, звычайного мужыцького «половынчыка» (Матроха добре знала, де що стоить у панській пекарни), и, прыступывшы до пана, подала ёму того половынчыка, обвынувшы «для церемоніи» краечкомъ хвартуха.

— Ось-ось-о, прошу пана, порційка.

— Держы, бабо, — сказавъ панъ и налывъ Мартоси горилкы.

— Дай вамъ господы и зъ росы, и зъ воды, — прыговорювала Мартоха, кланяючысь разъ-по-разъ панови нызько-нызесенько, — щобысьте сыхъ менынъ и на безрикъ диждалы изъ паннунцею въ счасти, въ здоровьи. И дай вамъ Боже изъ панійкою дочечку до року до винця благословыты...

— Спасыби, бабо, спасыби, дай Боже! — перебывъ іи втишно панъ, думаючы, що «тостъ» уже скинченый.

Але Мартоха провадыла дали.

— И дай вамъ Маты Божа зятейка багатого тай унучечкивъ хорошыхъ, тай щобы паннунця въ золоти ходылы й на золоти йилы, тай якъ золото ясне, щобъ такъ було жыття счасне!—Тутъ Мартоха почала хылыты горилку маленькымы-маленькымы ковточкамы, крывлячысь, тежъ «для церемоніи», але не дуже потимъ, лышывшы трохы горилкы на дни, пидкынула брызгамы

вгору, пры тому вона не вымовыла вголосъ, якъ то звычайно, бажання «выбрыкуваты» панни, тямлячы, що то булобъ якось незугарно, — кожный же й безъ сливъ тямыть, протывъ чого тее пидкыдання. Поставывшы чарку на стилъ, Мартоха втерлася, дали обережно, мовъ святощи, поцилувала пана въ руку и тыхымъ крокомъ подалась до дверей, спустывшы очи и якось особлыво пидобгавшы губы.

— Чы ба', запышалась, панська пидлыза! — шепотилы молодыци, — думае, пидмастыла, то вже панська ласка такъ и сплыве на неи «и зъ росы, и зъ воды»! А якъ же!..

Панъ обернувся до гостя, що найблыжче сыдивъ, и промовывъ: — А треба прызнаты, що неразъ у такыхъ хлопськыхъ тостахъ трапляется якась наивна поезія, щось таке щыре, дытяче... Poczciwy ludek, якбы тилько нихто ёго не баламутывъ...

Панъ почастувавъ ще килькохъ старыхъ. Тыи «промовылы» далеко не зъ такою «поезіею», якъ Мартоха, — заикувалысь и мымрылы. Панъ, прыжмурывшысь, подывывся у сины, — тамъ бовванило щось багато poczciwego ludku. Панъ кывнувъ на Качковського.

— Слухай, коханку, ты вже тутъ самъ ихъ дочастуй, бо я...

Панъ, не договорывшы, передавъ половынчыка окомонови и выйшовъ, а за нымъ и паны гости. Въ синяхъ юрба, душачысь до млости, дала панамъ шыроку дорогу.

Покы панъ зъ гостямы дійшовъ до билого двору, Мартоха була вже тамъ, у зильныку, передъ ганкомъ. Вона заразъ же знайшла въ дивочому гурти своихъ дивчатъ и стала по-за Даркою й Ярыною, держачы на рукахъ малу Гапку (вона встыгла на бигу забраты іи видъ сусидкы); Улянка й Приська прытулылысь до неи сами. Поручъ зъ Мартохою стояло ще килька матирокъ, то поправляючы хусткы на дочкахъ, то перешиптуючысь мёжы собою.

— Тамъ, кажуть, таки хороши застяжкы даватымуть, геть чысто шовкови, — казала высока, чепурна Олександра Чухаиха до Уляны Гречучыхы.

— Эй, де! — видшепнула та прызырлыво, — покоивка казала — пять грошей локоть. Або то наши паны що доброго дадуть? Оть, якъ за нáпасть...

— Цытьте-но, кумо, генде вже паны йдуть! — перебыла іи Олександра.

Зъ будынку на ганокъ выйшла панна Юзя зъ панночкамы-гостямы. Не вважаючы на довгу сукню, вона здавалась дытыною пры дорослыхъ товарышкахъ, — тоненькый, нерозвыненый станъ, маленьке, блиде лычко мало нагадувалы, що Юзя вже «панна на выданню». Вси панночкы малы, або намагалысь маты, безжурный пташыный выразъ, покручуючы головкамы та щебечучы; Юзя тежъ нагадувала пташку, але прыборкану, зъ прыхованою на дни погляду мріею вырватысь кудысь на волю, або въ ширшу клитку. За Юзею йшла покоивка зъ кошыкомъ, повнымъ стричокъ, поризаныхъ на ривни, не дуже довги кинци. Писля панночокъ въявылысь паничи, але не пишлы на самый рундукъ, а спынылыся въ дверяхъ и почалы поверхъ панянськыхъ головъ и плечей роздывлятыся на дивчатъ, хто въ pincenez, хто такъ, прыжмурывшысь. Паничи переморгувалысь межы собою, але ніякои крытыкы вголосъ не вымовлялы, може зъ увагы на панночокъ. За те панночкы ни на кого не вважалы и щебеталы, що спадало на думку.

— Чы то все дивчата, чы замужни? — пытала одна варшавянка и, не диждавшысь видповиди, засміялась, — ахъ, тутъ же й зовсимъ маленьки есть, що жъ то за mężatki? О чимъ я мыслю? Але то, що воны вси въ хусткахъ, то я думала... Скажить, чы то тилько въ поезіяхъ дивчата-селянкы бувають заквитчани? Якъ то у Мицкевича про винкы — «z róż, lilii i tymianku»...

— Не знаю, якъ де,—заважыла одна сильська панночка,— але тутъ на Полисси дуже шпетно одягаются.

— А правда, — докынула друга, убрана зъ великою претензіею, — дывиться, навить биле убрання на ихъ негарне.

— Чому?—озвалась несмило молоденька дочка посесора, — якъ чысте и добре выкачане, то...

— Але жъ прошу! — перебыла «елегантка», — «чысте, выкачане», що жъ то поможе, якъ воно зъ грубого полотна?

— И такы страхъ неформенно пошыте,—зновъ умишалась варшавянка, — не розумію, на що воны роблять таки вузьки рукава и таки шыроки выложысти комири, якъ хомуты.

— То, прошу панны Ванды, марынарськый стрій, — вкынувъ, сміючысь, панычъ Бронекъ.

— Milcz pan! — кынула ёму черезъ плече варшавянка, стрелывшы очыма, — панове не розуміются на строяхъ.

— Але на чимъ иншимъ, — докинчывъ Бронекъ, а варшавянка загрозыла ёму пальцемъ.

— Якъ такъ, то панська здатнисть до обсерваціи даремне пропадае,—завважыла, иронично всмихаючысь, чорнява, струнка «грабянка», — бо на Полиссi страшно ордынарный типъ у селянъ, навить у молодыхъ дивчатъ.

— Вплывъ климату й оточення! — зъ удаванымъ педантизмомъ бовкнувъ Бронекъ.

— О, то мусыть буты дуже непрыемо мешкаты въ такому негарному краю! — сказала варшавянка.

— А певне! страхъ непрыемно! — потвердыло килька панянськыхъ голосивъ.

— Але то може не скризь по селахъ такъ, — защебетала варшавянка, — я соби то цилкомъ, цилкомъ инакше уявляла, бо якъ я бачыла разъ въ театри «Wesele na Mazowszu», то зовсимъ що-иншого, нижъ тутъ, — и строи и все, навить не зле, зовсимъ не зле...

Тымъ часомъ дивчата стоялы, збывшысь у гуртокъ, и не зналы, що почaты. Панна Юзя тежъ була ни въ сихъ, ни въ тыхъ. Але покоивка перебыла ту ніяковисть.

— Чы паннунця кажуть имъ по одній сюда поступаты, чы нехай я имъ роздамъ, а паннунця подывлятся?

— Нехай прыйдуть сюды по одній

Покоивка поставыла кошыка па ганку, на поруччи коло Юзи, а сама метнулась выклыкаты дивчатъ.

— Ну, йдить хучій, котора тамъ найстарша, чы найменша, а то панна чекають. А бабы чого попрыходылы? — зашепотила вона до Даркы, — то жъ тилько дивчатамъ даватымуть.

Мартоха почула те и въ голосъ обизвалась.

— То мы, Марысю, тилько-но подывытыся прыйшлы. А я жъ и найменчу дивочку прынесла, вона жъ самейка не зайде, ще нижкы малейки, — и Мартоха голосно поцилувала свою мызыночку.

— Ну, на такыхъ дивочокъ ще киснықы не порослы! — засміялася покоивка, — нехай-но перше косы выростуть.

— А воно на шапочку почепыть, — облеслывымъ голосомъ провадыла Мартоха, поправляючы на Гапци обшыту барвыстымы кытыцямы перкалёву шапочку. Але Марыся вже іи не слухала и зновъ почала клыкаты дивчатъ.

— Та йдить котора! Иды ты, Ярыно, ты засватана, тобі годытся передъ весты.

Ярына почервонила й сховалась за Мотруну.

— Ну, то ты, Мотруно!—и Марыся сипнула Мотруну за рукавъ.

— Эй, Бигъ-ма, не пиду, Бигъ-ма, не пиду, — забурмотила та, кыдаючы полохлыво чорнымы очыма на вси бокы.

— Иды ты, Дарко!

Дарка подывылась на Марысю мовчкы и не рушыла зъ мисця.

— Ото дурни дивкы, не хтять иты! — звернулась до Юзи вже розгнивана Марыся.

— Та, прошу паннунци, воны не сміють, — озвалась Мартоха, — бо то, видомо, зросло, якъ у лиси, тай що воно выдало? Нехай паннунця будутъ выбачни...

Говорячы те, вона крадькома пидштовхувала Дарку, щобъ та йшла, але Дарка стояла, якъ вмурована.

— То я вже сама имъ роздамъ, — зважыла Юзя и подалася зъ ганку внызъ по сходахъ, — Марысю, несы кошыка за мною.

И вдвохъ зъ Марысею Юзя почала обходыты дивчатъ, надиляючы кожну уризкомъ стричкы. Стричкы булы простеньки, зъ шовковои жычкы, такои, якъ на ярмаркахъ по яткахъ продаются. Багатшымъ дивчатамъ ти стричкы булы не въ дывовыжу, але вбоги булы ради, бо й такыхъ не малы. Юзя, почавшы зъ краю, спершу роздавала всимъ, и дорослымъ дивчатамъ, и малымъ дитямъ. Доросли сами нахылялысь и цилувалы панну въ руку, де-котри ще прымовлялы: «Дзинькую паннунци», а малыхъ або старши сестры наштовхувалы, наказуючы: «Поцилуй панну въ руцю»! Зъ дорослыхъ тилько «дурна» Грыпа не вклонылась и не поцилувала рукы. Вона кынула сынeньку стричку до долу и сказала: «Не хочу! Дай красну»! Але «красной» Юзя не дала и пишла дали надиляты иншыхъ.

Вже десяткивъ зо два барвыстыхъ голивъ нахылылось до Юзинои рукы, але саме, якъ Мартоха выставыла свою Гапку черезъ Мотруныне плече до панны, покоивка сказала:

— Прошу паннунци, нехай не дають тымъ малымъ, а то дивкамъ не стане, тутъ уже небагато зосталося. Мале однаково не розумiе.

И Гапка зосталася базъ стричкы.

Надилено Мотруну, Ярыну, ажъ ось и Дарчына русява голова зъ непокрытою короною кисъ похылылась до билои ручкы панны Юзи; запечени видъ смагы уста торкнулы ту руку сухымъ поцилункомъ и промовылы безвыразно, спокiйно: «Дзинькую паннунци». Потимъ Дарка выпросталась и подывылась просто попередъ себе черезъ паннину голову кудысь у далыну́.

— А це жъ моя Дарка, ровесныця паннунци, — не втерпила Мартоха, — ій же якъ разъ сёгодни симнайцятый рикъ пишовъ.

— Такъ? — зъ ласкавымъ усмихомъ промовыла панна Юзя и чогось поглянула на биле, дуже зашуроване убрання Дарчыне, але бильшъ ничого не сказала и, скинчывшы надилляння (де кому такы не стало), вернулась до ясного гурту панночокъ.

1—V 1905 року. Тифлисъ. **Леся Украинка.**

Матеріалы по этнографіи бессарабскихъ русиновъ.

Бессарабскіе русины или руснаки—малороссы сѣверной Бессарабіи — занимаютъ верхнее днѣстровское побережье и такъ называемую бессарабскую Буковину, соприкасающуюся съ австрійской провинціей того же имени, съ которой когда-то она составляла одно неразрывное цѣлое.

По своему внѣшнему облику бессарабскіе русины мало похожи на нашихъ малороссовъ. Ихъ часто съ перваго взгляда ошибочно принимаютъ за молдаванъ, ихъ сосѣдей. Дѣйствительно, благодаря продолжительной совмѣстной жизни съ молдаванами, они успѣли отъ нихъ кое-что перенять, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже и совершенно орумыниться.

Въ этнографическомъ отношеніи русины сѣверной Бессарабіи стоятъ въ ближайшемъ родствѣ съ русинами Буковины и Галиціи. Правда, минувшія столѣтія влили въ ихъ порѣдѣвшую, благодаря румунизаціи, массу не мало малорусскаго элемента изъ заднѣстровскихъ и заднѣпровскихъ губерній. Вслѣдствіе этого старинный русинскій типъ, въ особенности по днѣстровскому побережью, на югъ отъ города Хотина, является въ настоящее время нѣсколько видоизмѣненнымъ.

Всѣхъ русиновъ въ предѣлахъ Бессарабіи насчитываютъ 250 тысячъ.

Территорія, занимаемая русинами, обнимаетъ не болѣе 150 верстъ въ длину и 30—40 верстъ въ ширину. При столь сравни-

тельно ограниченной площади земли, бессарабскіе русины имѣютъ однако между собою кое-какія индивидуальныя отличія въ отношеніи своего внѣшняго и внутренняго быта. Въ отношеніи этихъ отличій они могутъ быть подраздѣлены на слѣдующія три группы: 1) буковинцевъ или русиновъ бессарабской Буковины, удержавшихъ болѣе другихъ старинный русинскій типъ, 2) русиновъ поселеній, прилегающихъ къ городу Хотину и въ 3) русиновъ, группирующихся возлѣ мѣстечекъ Бричанъ и Секурянъ.

Запись предлагаемыхъ матеріаловъ сдѣлана въ слѣдующихъ селахъ: Грозинцахъ (буковинское поселеніе), Каплевкѣ и Керстинцахъ (поселенія, прилегающія къ городу Хотину) и Вѣтрянкѣ (южное русинское село, неподалеку мѣстечка Секурянъ).

Мною записаны: 55 пѣсенъ (22 свадебныхъ, одна колядская, двѣ хороводныя и 30 различнаго содержанія), пять разсказовъ, четыре заговора, 26 загадокъ, 79 пословицъ и поговорокъ и одна молитва.

Небольшое количество свадебныхъ и колядскихъ пѣсенъ я уже имѣлъ случай помѣстить въ своемъ очеркѣ «Бессарабскіе русины». Изъ другихъ записей свадебныхъ пѣсенъ русиновъ (села Атакъ) мнѣ извѣстна запись г. Яблоновскаго въ его статьѣ «Весилля въ Отакахъ» (Кіев. Стар., май 1905 г.).

Записаны предлагаемые матеріалы отъ крестьянъ и крестьянокъ.

ПѢСНИ.

I. Свадебныя.

а) Записанныя въ с. Керстинцахъ.

1.

Хóды голубко по голубныку
Тай жалобно гуде,
А за нею сывый голубъ.
Чого-жъ ты, голубко, гудешъ?

Якъ же-жъ мени ны гудиты:
Вымкнулы пирца
Съ правого крильца
Еще вчера-а звечера.
Ходы молода по подвирычку
Тай жалобно плаче,
А за нею іи ридна мамка.
Чого ты, дочко, плачешъ?
Якъ же-жъ мени ны плакаты:
Росплелы кискы
На дрибни снизкы (мелкія косы).
Еще вчера-а звечера.

Поется въ субботу по окончаніи плетенія вѣнка невѣсты, сопровождаемаго обыкновенно плачемъ послѣдней.

2.

Зеленый барвинъ,
Зеленый барвинъ,
Калынка са ломы,
Дитятко са клоны:
Отцеви и мамочки,
Всеи мои родыночки,
Наименьшои детыночкы.

Поется въ субботу по окончательномъ изготовленіи для невѣсты вѣнка при исполненіи ею вслѣдъ за этимъ обряда троекратнаго земного поклона отцу, матери и всѣмъ роднымъ.

3.

Мама сына родыла,
Мисяцемъ обгородыла,
Сонцемъ вперезала,
Въ село выряжала,
Благословы, Боже,

Отецъ и маты
Свою детыну
Въ село выряжаты.

Поется въ субботу при отправленіи жениха къ священнику, роднымъ и знакомымъ съ приглашеніемъ на свадебный вечеръ.

4.

Просымо, батьку, зъ намы идитъ
Тай съ собою матку беритъ
Не въ далеку дорогу,
Лышь до столу молодого.
Куда батько ишовъ,
Туда васылёкъ зійшовъ,
Куда матка шла,
Туда мятка зійшла.

Этой пѣсней приглашаются къ жениху въ субботу посаженые отецъ и мать («батько» и «матка»).

5.

Сывый соколъ въ постолахъ скаче,
Въ червоныхъ чобиткахъ пляше,
И йистъ и пье и въ бубенъ бье,
Въ сопивочку грае,
Батька прыпрошае:
Батьку честный,
Батьку поважный!
Повечеряйты зъ намы:
Пшенычный хлибъ,
Солоткій мидъ,
Ще и выно зелене
Для батька поставлене.

Поется при приглашеніи посаженнаго отца (а также и другихъ гостей, находящихся въ комнатѣ) къ свадебному ужину.

6.

Изъ-за горы ясный мисяцъ сныяе,
Изъ-за другои Иванъ конемъ грае,
На прави руци сриблый перстинь мае.
Грае — вигравае, свои Маріи перстинецъ даруе.
До него війшлы селяны Кирстечина (с. Кирстинецъ),
Сталы перстинецъ торгуваты.
Я сей перстинецъ ны даю — ны продаю,
Я его Маріи подарую.

Поется при отправленіи жениха за невѣстой.

7.

Бувай, матко, здорова,
Бо я вже ны твоя.
Дай вареныки кочалысти (круглыя)
Ще и волыки чубанысти.

Поется когда невѣсту забираютъ изъ родительскаго дома въ домъ жениха.

8.

Изъ-за горы мисяцъ сныяе,
Выбирайся, Маріе, зъ намы.
Якъ же-жъ мени зъ вамы ся выбираты,
Ны хочы ненько сыви волы даты.

Поется тогда же, когда и пѣсня № 7-й, причемъ повторяется нѣсколько разъ, пока родители не выдадутъ дочери-невѣстѣ все ея приданое.

9.

Утворы, мамко, лиску,
Бо веземъ тоби невистку,

Еще и вареныки кочалысти
И волыки чобанысти;
Коровы тоби ны здоитъ,
Бо ся фоста боитъ,
Хлиба ны замисы,
Бо шмарокъ зъ носа высы.

Пѣсня, шутливо обрисовывающая неопытность новой молодой хозяйки, поется при въѣздѣ невѣсты съ приданымъ въ домъ родныхъ жениха.

10.

Впала звызда зъ неба
Тай россыпалася,
А молода позбырала
Тай обтыкалася.

Пѣсня имѣетъ въ виду украшенія въ видѣ звѣздъ на одѣяніи невѣсты, главнымъ образомъ въ головномъ уборѣ. Украшенія дѣлаются изъ сусальнаго золота.

11.

У нашого батька
Малёвана хатка,
Зелененьки лавочкы,
Шобъ сидалы свашечкы.

Поется въ понедѣльникъ «свашками», ѣдущими за носажеными отцомъ и матерью.

12.

А мы у батька булы,
Мидъ-горивку пылы,
Мидъ-горивку тай выно,
Дай ему, Боже, все добро.

Поется «свашками» и другими участниками свадебнаго поѣзда при возвращеніи отъ посаженаго отца.

13.

Ны думáй ты, Маріе, ны думáй,
Переплылы дви рички, а третій Дунай.
А за Дунаемъ черешенька съ ягидкамы,
Бо вже тоби ны гуляты съ парубкамы.
А вышенька-черешенька ны подастся,
А твій станочекъ до дивочекъ ны придастся (т. е. къ [дѣвушкамъ уже не пристанешь).

Поется при исполненіи обряда покрытія головы невѣсты въ понедѣльникъ вечеромъ.

14.

По пидъ Каменецъ
Втолоченный гостинецъ (вбитая дорога).
Хто-жъ его вбывъ?
Иванко зъ боярамы.
Ему калына дорогу заступыла,
Виймавъ шабельку,
Ставъ калыну рубаты,
А до ёго калына
Стала промовляты:
Ны для тебы
Калына насажена,
Тилько для тебы
Марійка наряжена.

б) Записанныя въ с. Вѣтрянкѣ.

1.

А въ городи[1]) чернобрывци росцвитають,
Вже Марійци русу-косу росплитають.

---

[1]) Въ огороди.

Росцвилыся чернобрывци до лику,
Вже росплелы Марійци русу-косу до вику.

Поется въ субботу какъ во время самаго плетенія вѣнка для невѣсты, такъ и по окончаніи его.

2.

Свиты, мисяцу-роговычу,
Намъ всю дорожыцу,
Шобы мы ны зблудылы,
Виночка ны загубылы.

Поется въ субботу, когда идутъ за вѣнкомъ, который затѣмъ прикрѣпляется невѣстой къ шапкѣ жениха.

3.

Братъ сестру за стилъ веде.
И хто туби, сестро, наймильнищый?
Наймильнищый отецъ,
Наймильнища маты,
И молодый Иванко.
Стань, отецъ, передъ свое дытя,
Та выпый передъ нею
Повну, повнесеньку (т. е. рюмку вина),
Съ доброю долесечкою (т. е. съ пожеланіемъ доброй доли).
Станьты, маты, передъ мены,
Та выпыйты до мены
Съ повною, повнесечкою,
Съ доброю долесечкою.

Поется въ то время, когда ведутъ жениха и невѣсту за столъ на такъ называемый «Поссадъ».

4.

Йилы маточка, йилы,
Пивъ горобчыка зъилы,

Въ масельце мочаючы,
По столи качаючы.

Поется при усаживаніи за столъ посаженой матери.

5.

Туби, ненько, ны журытыся,
Туби, ненько, высылытыся:
Твоя дочка добра,
Піймала суби бобра
Въ зеленимъ жыти,
Въ червонимъ кармазыни.

Поется въ понедѣльникъ «свашками» предъ домомъ матери невѣсты послѣ отправленія изъ дома жениха.

6.

Буды-жъ намъ, буды-жъ,
Забарылы-жъ насъ люды,
Видъ пана молодого,
Бо мы служечки его.
Ны бійтыся, люды,
Ничого вамъ ны буды,
Якъ тамъ люды,
Такъ тутъ люды,
Ничого вамъ ны буды.

Поется послѣ предложеннаго въ домѣ невѣсты угощенія «свашкамъ». Пѣсня выражаетъ какъ бы боязнь послѣднихъ, чтобы женихъ не сердился на нихъ за продолжительное отсутствіе.

7.

Пропій са бы чуе (т. е. чувствуется приближеніе
Медъ-горивочку чуе; [конца свадьбы),

Будемъ са бы чуваты,
Шобы у свата ночуваты.

Поютъ, когда ѣдутъ на такъ называемый «Пропій».

8.

По за двери ны ховайтыся,
За поронци ны лякайтыся.
Просымо до хаты
Марійку даруваты.
Чого дары тугіи?
Бо сусиды скупіи,
Ныхтя насъ даруваты,
Бо сами са хотятъ
Гараздъ маты (т. е. имѣть побольше денегъ).

II. Хороводныя, исполняемыя во время праздниковъ св. Пасхи.

Записаны въ с. Вѣтрянкѣ

1.

Крывого танцу.

Туманъ танецъ выводы;
Шо выведе тай стане,
По дивочкахъ погляне:
Вси дивочкы у винкахъ,
Лышь идна безъ винка,
Тота моя мыленька.

2.

Довгои лозы.

Та скакалы терномъ козы.
Якъ бы кизка ны скакала,

Тобы нижку ны зломала.
Выйтыся, огырочки,
Та зылени пупляночки,
Най са вьють,
Най са вьють,
Най са дивкы виддають.
Гей якъ, якъ мыленького выглядаты,
Гей якъ, якъ мыленькому воротечка вычыняты,
Гей якъ, якъ мыленького пускаты,
Гей такъ, такъ.

Варіантъ хороводной пѣсни № 2-й, записанный въ с. Каплевкѣ.

Скакалы дыки козы
По пидъ попови лозы,
За ными козынята
Поломалы ножынята
То угору, то въ долыну,
То въ гай, то въ калыну.

III. Колядская.

Записана въ с. Вѣтрянкѣ.

Качалася снигурочка,
А ны есть то то снигурочка,
А есть то то гришная[1]) панна,
Гришная панна,
Панна Параска.
По хати ходы,
Ключыки носы.
Гей вы, ключыки,
Та ны брынить,
Мого братчыка
Та ны збудить,

---

[1]) Конечно «гречная».

Бо мій братчыкъ
Та иструженный (утомленъ),
Сегодня съ Хотиня
Та и пріизженный (пріѣхалъ).
Тай прывизъ мени
Дви-тры радуци (радости):
Першая радисть —
Та дорóга сýкня,
Другая радисть —
Шоловый поясъ (шелковый),
Третя радисть —
Золотый перстинчыкъ.
Дорогá сýкня
Слидъ замитае,
Шоловый поясъ
Клубы врывае,
Золотый перстинчыкъ
На пальци сіяе.

IV. Пѣсни различнаго содержанія.

1.

Вчера була ныдилечка,
Сегодня другый день,
Ишовъ мылый коло мены,
Ны казавъ: добрый день.
Ни добрый день, ни добрый день,
Ни добраго слова,
Махнувъ, махнувъ фустынкою:
Будь, мыла, здорова.
Гей, у выру [1]) воду быру,

---

[1]) У источника.

Коромысло гнется,
Стоитъ мылый зъ другою
Тай зъ мены сміется.
Гей, ны смійся, мій мыленькій,
Смихъ и съ тебы буды,
Трусыла тя симъ рикъ трясця,
Щей на осьмый буды.
Колы мене, мылый, любышь,
Любимся обое,
Бо якъ зроблю лыхо тыхо,
Зигне тебе вдвое.
А ны зроблю я сама,
Зробы туби моя маты,
Таки туби буды лыхо
Видъ нашои хаты.
Ны зробыть моя маты,
Зробыть моя титка;
Змарніешь и счерніешь,
Якъ изъ ружи квитка.

с. Вѣтрянка.

2.

Летила пава,
На ворота впала,
Шо Иванъ, то Марійка,
То соби пара.
Хоть пара, хоть ны пара,
Мусыть буты пара,
Бо Марійка Иванковы
Поясъ засукала [1]).

---

[1]) Для уясненія содержанія этой пѣсни необходимо отмѣтить слѣдующій обычай у русиновъ. Дѣвушка, прежде чѣмъ парень засы-

Засукала, засукала
Въ дванацать гудзивъ (узловъ)
А винъ ще іи до того
Корецъ кукурузивъ.
Корецъ кукурузивъ,
Коробочку проса:
Купы, купы черевычки,
Та ны ходы боса,
А якъ цеси зносышь,
Я други куплю,
Лышь ны кажы свои неньци,
Шо я тебе люблю.

с. Вѣтрянка.

3.

Мала ненька сына
Тай его оженыла,
Молоду невистку
Тай зненавыдила.
Тай послала сына
Въ далеку дорогу,
Молоду невистку
Въ поле до лену:
Якъ доберешь лену,
То прыйды до дому,
А ны доберешь лену,
То ны йды до дому.
Брала ленъ, брала

лаетъ къ ней сватовъ, даритъ ему нѣкоторые предметы, въ родѣ платка, коверчика, пояса (см. стихъ пѣсни: «поясъ засукала») и т. п., что служитъ какъ бы залогомъ ея согласія на вступленіе съ нимъ въ бракъ. Подарки уже никогда не возвращаются дѣвушкѣ обратно, даже если бы свадьба почему-либо разстроилась.

Тай ны дибрала,
Та на своимъ поли
Тополею стала.
Прыйшовъ сынъ съ дороги
Тай впавъ неньци въ ногы:
Ненько моя, любко моя,
Де мо́я мыленька?
Ны пытай, сынку,
Де твоя мыленька,
Алы пытай, сынку,
Де барда [1]) гостренька,
Та зрубай тополю
На своимъ поли,
Бо то ны тополя,
Твоя ридна доля.
Шовъ я, ненько,
Тры почти молдови (молдавскія),
Ны выдивъ тополи,
Лышь на своимъ поли,
Взявъ я бардынку
Та вдарывъ я разъ;
Вона стала са просыты:
Я жъ ны тополя,
А твоя ридна доля.

с. Вѣтрянка.

4.

Шовъ Грыць зъ вечерныць
Темненькои ночи,
Якъ ся вдарывъ въ потылыцю,
Ажъ вылизлы очи.

с. Вѣтрянка.

---

[1]) Топоръ.

5.

Гей, на гори корчма,
Муромъ мурована,
Билемъ билёвана,
Тамъ стоить дивчына,
Якъ намалёвана.
А е въ ти корчми
Та два та тры женци,
Та пьють та гуляють,
Дивча пидмовляють:
Мандруй, дивча, зъ намы,
Зъ намы козакамы,
Буде лучше,
Якъ у ридпои мамы.
Дурне дивча послухало,
Сило въ визокъ поихало.
Перевелы дивча
На свій розумочокъ,
Та повелы дивча
Въ вишневый садочокъ.
Та повелы дивча
Темнымы лугамы,
Та привязалы дивча
До сосны косамы.
Выкрысалы огню
Съ черного кремню,
Зацалылы сосну
Зъ верха до корня.
Сосночка горыть
Дивчына говорыть:
Хто въ поли ночуе,
Най мій голосъ чуе,
Хто дивча мае,
Най его научае:

Въ вечеръ до корчмочки,
Най ны пускае.

с. Вѣтрянка.

6.

По той бикъ Днистра, Днистра,
Тай тамъ сыдыть сестра,
Та пшеныченьку полы,
Та кукелецъ выбырае,
Свого братчыка выглядае.
Йиды, братчыкъ, йиды,
Ворота мынае,
А до мены биднои
Тай ны повертае.
Горе, горе въ чужыни жыты,
Та такъ горе жыты,
Якъ той камень злоймыты.
Камень здойму —
Тай спочыну,
А въ чужыни жыты —
Марно згыну.
Хто чужыны тай ны знае,
Ныхай мене попытае.

с. Вѣтрянка.

7.

Зацвыла калыночка
Тай дыренъ,
Любывъ мени гарный хлопецъ
Тай Семенъ.
Прышло мени съ Семеномъ до ладу,
Россыпала коралычки на леду,
Прышло жъ мени съ Семеномъ на биду,

Вызбырала коралычки на леду.
Я думала, шо Семенъ чоловикъ,
А Семенъ поблика [1]) на весь викъ.

с. Вѣтрянка.

8.

А зъ вышеньки на колоду
Впала Марія по пахи въ воду.
Серце Маріе,
Душу загубышь.
Скажы по правди,
Кого ты любышь?
Люблю медочокъ,
Бо винъ солоденькій.
Люблю Иванка,
Бо винъ молоденькій.

с. Вѣтрянка.

9.

На гори сосна,
Тоненька выросла.
Витеръ повивае,
Сосною хиляе.
Ны хилыся, сосно,
Бо шосъ мени тосно,
Бо я у чужыни,
Якъ на пожарыни.
Нихто ны порады
При лыхи годыни;

---

[1]) Дрянный человѣкъ.

Ны порады отецъ,
Ны порады маты,
Лышь тота дивчына,
Шо я хочу взяты.

с. Вѣтрянка.

10.

Тай чого-съ мени фортуна ны служы
Тай чого-съ мене мій мылый ны любы:
Зъ вечера цулуе, любуе,
А въ пивночь до другои мандрує.
На разсвити до дому прыходы,
А мене молодую видъ хаты видгоны:
Иды, невгидна, видъ мены,
Бо е у мены краща видъ тебы,
Най ихъ буде двацать и штыре,
А я май [1]) старша мыжъ нымы.
Де ты, моя мыла, старшыны са набрала?
Середъ церковци на иднимъ рушнычку стоялы,
Тамъ идному Богу мы прысягалы,
Тамъ я и старшыны са набрала.

с. Вѣтрянка.

11.

Гей ты, мій мыленькій,
Голубе сывенькій,
Не по правди жыешь:
Ты съ свого околу (двора),
А въ мои ворота,
Та до другои идешь.

---

[1]) Май старша = найстарша.

Посады, мыла,
Ты, голубко сыва,
На воротяхъ вербу́;
Якъ я буду йсты (итти)
Видъ тои другои
Тай до тебе поверну.
Гей посадыла
Тай ще полывала,
Верба коринь ны прыймае.
А иде мыленькій
Видъ тои другои
Тай до мены ны повертае.
Гей ходыть мыленькій,
Тай голубъ сывенькій,
Та по крути гори,
Та грае въ супилку
А въ биленькыхъ ручкахъ,
Та робыть жаль мени.
Ны ходы, мыленькій,
Голубе сывенькій,
По крути гори,
Та ны грай въ супилочку
А въ биленькихъ ручкахъ,
Ны робы жаль мени.
Обтерны, мыленька,
Голубко сывенька,
Терныною двиръ,
Шобы ны заходывъ,
Витеръ ны заносывъ
Тай до тебы голосъ мій.
Устелы, мыленька,
Голубко сывенька,
Тай китайкою двиръ,
Шобы я ны поволявъ
Червоныхъ чобитокъ,

А золотыхъ пидкивъ.
А шобы ты, мылый,
Тай, голубе сывый,
Тай ты того ны диждавъ,
Шобы ты мою червону китайку
Пидъ ногамы топтавъ.

с. Вѣтрянка.

12.

Прывыды-но мени, хлопче,
Коня вороного,
Чы ны заговорыть моя мыла
Тай до мены молодого.
Козаче ныбожы,
Воронъ-коныкъ ны поможы
Якъ ны любыла тай ны говорыла
И говорыты ны буду.
Прынысы-но мени, хлопче,
Золоте сидельце,
Чы ны заговорыть
Тай слово промовыть
Тай до мены мое серце.
Козаче ныбожы,
Сиделечко ны поможы,
Якъ ны любыла тай ны говорыла,
Говорыты ны буду.
Прынысы-но мени, хлопче,
Золоту нагайку,
Чы ны заговорыть
Тай слово промовыть
До мены на останку.
Козаче ныбожы,
Нагаичка ны поможы,
Якъ ны любыла, ны говорыла,

Говорыты ны буду.
Вже-жъ моя нагаечка
Хатою забренила,
А вже-жъ моя мыла,
Мыла чернобрыва
Тай до мены загудила:
Гей, мылый мій, мылый,
Мылый мій друже,
Ны бый мене дуже:
Мое тило билесечке,
Якъ папиръ тонесечке,
Бо болыть мене дуже.

с. Вѣтрянка.

13.

Молодыце молодая,
Маешь чоловика,
Кажышь мени прыходыты,
Збавышь мени вика.
Не бійся, гильтяеку,
Мого чоловика,
Доки въ саду барвиночку,
Доты въ него вика.
Кевала молодыця
Пальчыкомъ до мены:
Покень, покень ципъ па току,
Та ходы до мены.
Та покень, покень ципъ на току,
Шапку на стози,
Поверны та до мены
Колы по дорози.

с. Вѣтрянка.

14.

Любы мене, мій мыленькій,
Та ны кажы никому,
Бо рознесуть люды селомъ,
Якъ витеръ солому.
Любылыся, кохалыся
До повтора року,
Ажъ доки са ны дизналы
Ворожечкы зъ боку.
Любылыся, кохалыся,
Шобъ ненька ны знала,
А теперь са залышаемъ,
Бо ненычка взнала.
Пиду я на толоку,
Та накосю дроку,
Хто на мены ворогуе,
Шобъ ны диждавъ року.
А ни року, ни пивроку,
А ни годыночки,
Шобы его вытлумило (поубивало, уничтожило),
Шо до родыночки.

с. Вѣтрянка.

15.

Въ саду, саду
Трава зелененька,
Гниваетця, пани брате,
Моя мыленька.
Визьму я косу,
Траву пидкосю,
Спросю [1]) людый добрыхъ,

[1]) Соберу.

Най мылу пырыпросять.
Просятъ іи люды добри
И вся родынка,
Видей [1]), іи пырыпро́сы
Лыхая годынка.
Ты гора каминная,
Чомъ са ны лупаешь?
Ты дивчына безумная,
Чомъ са не прызнаешь?
Хиба-бъ я съ писку була,
Шобъ я са лупала,
Хиба-бъ я дурна була,
Шобы са прызнала.

с. Вѣтрянка.

16.

Доломъ-долыною,
Та заросла стешка
Тай терныною.
Терномъ заросла,
Пыломъ прыпала,
Чөрвона калына понадвисала.
Визьму я косу,
Теренъ пидкосю,
Червону калыну
Въ пучкы вывъяжу.
Видъ насъ пишла
Щей дытыною,
До насъ прылетила
Щей пташыною.
Летила я черезъ два сады,

---

[1]) Вѣроятнѣ.

А якъ закувала,
Та все ны туды.
Прылетила по надъ батькивскій садъ,
Та якъ закувала,
То прышло на ладъ.
Старый, старый!
Послухай мене,
Шо за пташына
Въ нашимъ саду е?
Гей, стара, стара!
Послухай мене:
То-то ны пташына,
А наша ридна детына,
Видъ насъ пишла детыною,
До насъ прылетила пташыною.

с. Вѣтрянка.

Варіантъ пѣсни № 16. Записанъ въ с. Каплевкѣ.

Тырномъ, тырномъ, терныною,
Давно була зъ родыною.
Я у дядьки росла,
Видъ дядьки пишла,
А та стешка тырномъ заросла,
Пыломъ прыпала,
Червона калына понадвисала.
Ой сяду я у вишневимъ саду,
Та якъ закую,
Увесь садъ розивью,
Якъ заплачу,
Увесь садъ прымочу.
Мій дядычокъ по двори ходы,
Неридну мамку за ручку воды.
Старый, старый, послухаймо,
Шо въ нашимъ саду зозулька куе.

То-жъ ны зозулька,
То-жъ моя дочка,
Вона безъ доли уродылася,
Въ далеку чужыну виддалылася.

17.

Пиду въ садочокъ,
Нарву квиточокъ,
Нарву квиточокъ
Повный фартушокъ
Тай сплету винокъ,
Пустю на ставокъ,
Кто винокъ пійме,
Той мене возьме.
Пріихавъ козакъ съ Краинушки (Украйны),
Привязавъ коня до калынушки,
А самый пишовъ
Винокъ лапаты.
Первый разъ ступнувъ —
По колинца вгрязъ,
Другій разъ ступнувъ —
По поясъ загрязъ,
Третій разъ ступнувъ —
По шыйку загрязъ.
Четвертый разъ ступнувъ —
Лышь му волосъ всплывъ.
Якъ волосъ всплывъ,
Тай заговорывъ:
Ны стій, коню, коло калыны,
Иды дай знать до родыны,
Ны кажы, коню,
Шо я ся втопывъ,
Але кажы, коню,
Шо я ся оженывъ,

Били каминци —
То мои винци,
Жовти писочки —
То мои свашки.

с. Капліевка.

18.

Хтила мне маты
За мелныка даты.
Я мелныка ны люблю,
За мелныка не пиду:
Мелныкъ мирки выбирае,
А мене проклынае.
Хтила мне маты
За шевчыка даты.
Я шевчыка ны люблю,
За шевчыка ны пиду:
А швецъ ходы горою,
Та все смердыть смолою.
Хтила мне маты
За пысаря даты.
Я пысаря ны люблю,
За пысаря ны пиду:
Пысарь буде пысаты,
Мене дома лышаты.
Хтила мне маты
За паныча даты.
Я паныча ны люблю,
За паныча ны пиду:
Панычъ буде пануваты,
А я буду бидуваты.
Хтила мне маты
За косаря даты.
За косаря пиду:

Косаръ буде косыты,
Мене щиро любыты.

с. Капліевка.

19.

Ивась на току,
А я хатку мету,
У Ивася черни очи,
За Ивася пиду.

с. Керстинцы.

20.

Гонывъ тато маму
Та загнавъ у вовчу яму;
Гей, мамо, ны смутыся,
Зъ нашымъ татомъ ны сварыся.

с. Керстинцы.

21.

Черни очи, щей кучери,
Ото-сте мни докучылы,
Всю ничъ ходю тай моргаю,
А въ день роблю тай дримаю.
Черни очи! ходимъ спаты,
Треба рано вставаты.

с. Каплевка.

22.

Ой ты, Маріе, ой ты,
Куды до тебы зайты.
Садомъ, Иаане, садомъ,
У мены горивка зъ медомъ,

Щей коныкови обрикъ (зерновый кормъ),
Подушечка пидъ бикъ,
Щей коныкъ вороненькій,
Иванъ молоденькій.

с. Керстинцы.

23.

Ой у поли береза стояла,
На березп зозулька кувала.
Ой кувала, березу пытала:
Ой, березо, чому ны зелена?
Видки мени зеленою буты:
Пидъ долыною козакы стоялы,
Шабелькамы гиля постынялы,
Копытамы норы добувалы,
Шенкареви бутли[1]) налывалы,
Шобы повни булы.

с. Грозинцы.

24.

Злетивъ оревъ съ чорнои хмары,
Розбывъ, розлучывъ голубку съ пары,
Голуба убывъ на дырывыни,
Пирячко рознисъ по всеи родыни,
А голубку взявъ за свою любку
Тай повивъ іи въ садъ-выноградъ
Тай давъ яру пшыныцу.
Голубка ны йисть, голубка ны пье,
Лышь пидъ яблуньку тужыты иде.
Ой чо ты, голубко, ны йишь тай ны пьешь,

---

[1]) Сосуды для воды, водки и т. п.

Пидъ яблуньку тужыты идешь?
Я того ны йимъ тай того ны пью,
Витки мни йисты и пыты,
Нема съ кымъ жыты.
Ой е у мены симъ паръ голубивъ,
Выбырай суби якій бувъ твій мылый.
Хоть най будутъ двацать и штыре,
Нема тай ны буды,
Якъ бувъ мій мылый, чернобрывый.

с. Грозинцы.

25.

Ой на гори жито-жито,
Добре его жаты,
При долыни кырныченька
Коня напуваты.
Чо ты, коню, ны йишь, ны пьешь,
Лышь на воду дуешь?
Чо ты, сынку Васыленьку,
Дома ны ночуешь?
Якъ мени, моя мамко,
Дома ночуваты,
Яка ничка осилна (т. е. осенняя, длинная)
Не съ кымъ розмувляты.
Маешь коня вороного,
Розмовляй до раня.
Абы тоби, мамко,
Такъ лехко конаты,
Якъ мени лехко
Съ конемъ розмувляты.
Рубай, сынку, яворынку,
Будуть гладки клыня,
Сватай, сынку, сыротынку,
Буде господыня.

Та ны съ всякои яворынки
Буде гладке клыня,
Та ны съ всякои сыротынки
Буде господыня.
Гой на ставу, па ставочку
Качка каче (кричитъ)
Сватай, сынку, сыротынку,
Най богачка плаче.

с. Каплевка.

26.

Ой прыихавъ чумакъ
Съ Крыму на базаръ
Тай волы-жъ му ся поболилы,
Самъ чумакъ заслабъ.
Охъ заслабъ, заслабъ,
Щей дужы лыжыть
Тай нихто-жъ го ся ны спытае,
Шо его болыть.
Охъ болыть тило-голова,
Тай бидна-жъ моя головочка,—
Се-жъ чужа сторона.
Прыходыть чумакъ,
Товарышъ его,
Тай береть его за голову,
Жалуеть его.
Охъ, товарышу мій,
Ны жалуй мене
Тай возьми-жъ соби сыви волы,
Поховай мене.
А тоти други
Дай мои жени
Тай шобы-жъ вона спомынала
Мене въ чужи сторони.

Въ ныдилю чуть свитъ,
Та вдарылы въ звинъ,
Та збигалыся, зъизжалыся
Увесь чумацкій ридъ.

с. Каплевка.

27.

Надлетилы вóроны съ чужои стороны,
Заплакалы брави хлопци,
Шо сыдя въ неволи.
Та якъ воны заплакалы,
Та ще и заголосылы:
А у кого-жъ мы, наши братя,
Сего заслужилы?
Чы въ Господа Бога,
Чы у сеи громады,
Шо насъ такыхъ молоденькыхъ
Въ некруты забралы.
Давай, соцкій, кони, кони-ворони,
Най повеземо до пріёму хлопцивъ молодыхъ!
Ой везуть ихъ, везуть,
Зъ дороги ны звыртають,
А за нымы ридни мамкы
Зъ жалю умливають.
Ой везуть ихъ, везуть
Сывымы воламы,
А за нымы десятныки
Зъ голымы шаблямы.
Ой везуть ихъ, везуть
Бытымы шляхамы,
А за нымы плаче дивчына
Съ чернымы бровямы.
Ой плаче вона, плаче,
Та ще и прыповидае:

На кого жъ ты, мій мыленькій,
Мене покыдаешь?

с. Каплевка.

28.

Въ ныдилю рано
Тай море ся розиграло.
Та ны море то-то грае,
То Ганыпа потопае
Тай на мамку покрыкае:
Гой, я, мамко,
Гой, виратуйты мене зъ моря!
Тай ны моя, дочко, воля
Ратуваты тебе зъ моря,
Васыля, дочко, воля.
Тай подай ему ручку
Тай подай ему оби,
Най ратуе тебе соби.

с. Керстинцы.

29.

Ой за горъ горы
Идуть-идуть мазуры,
Идуть-идуть мазурыки,
Идуть-идуть нывылычки.
Оденъ мазуръ старый,
А другый молодый.
Стукъ! Брякъ! въ виконечко.
Выйды, моя коханечко,
Дай коню воды.
Я ны можу встаты,
Коню воды даты:
Мени маты прыказала,

Шобъ я съ паномъ ны гуляла
— Матуси боюсь.
Ты матуси ся ны бійсь,
Сидай на мій визъ,
Мы пойидемъ въ добрый край,
Обручаемся тай звинчаемся
Мы обое съ тобою.
Идуть мазурыки,
Идуть-идуть нывылычки,
Ведуть-ведуть симъ паръ коней,
Самъ панъ чернобровый
Дивчыночку везеть.

с. Каплевка.

30.

Ганусю якъ я тебе сподобавъ
До тебе рано-ввечеръ
Славну стежечку втоптавъ.
Топче, топче, бравый хлопче
Я ще ширшу простружу,
По надъ твою дорожечку
Виноградъ засадю.
Засадю я виноградомъ, тополею,
Побудь, мій мыленькій,
Хоть цу ничку зо мною.
Ой радъ бы я, моя мыла,
Зъ тобою ночуваты,
Лышь боюся, моя мыла,
Шобъ походу ны втыряты.
Ны бійся, мій мыленькій,
Я зорю ны засплю,
Лышь запіють перши куры,
Я тебе розбудю.
Піють куры, піють други,

Уже трети часують,
Я, маленька, мыленького
Лышь за ручку стыснула.
Вставай, вставай, мій мыленькій,
Бо вже день биленькій,
Стоять кони осидлани,
Лышь на тебе чекають.
Нехай воны зачекають,
Нехай воны постоять,
Най я съ своею мыленькою
Хоть сю ничку говорю.

с. Каплевка.

РАЗСКАЗЫ.

1

Тры дурни.

Бувъ соби чоловикъ и жинка, та малы сынка Иванка и дочку Марынку. Оть давъ Богъ имъ сативъ и посваталы Марынку, але на друге село. Выпылы, якъ воно са належы, могорычь тай пишлы сваты. Стара шось вздумала суби, сила тай плаче. Входы старый тай пытае жынку: «чого ты, стара, плачешъ?» Жинка говоры: «якій ты, старый, дурный; а якъ Марынка буды родыты, то хто у неи буды за мошу? [1]) А старый говоры: «добре ты, стара, кажышъ», сивъ тай суби плаче. Плаче и Марынка. Входы Иванко тай пытае: чого це вы вси поросплакувалыся?» Мама каже: «якій ты, сынку, дывный; якъ намъ ны плакаты, якъ Марынка иде на друге село и буды родыты,

---

[1]) Повивальная бабка.

то хто у неи буды за бабу?» Иванко каже: «тьфу, щезнить! стари-сты та дурни. Пиду свитомъ видъ васъ. Якъ найду такыхъ трехъ дурнивъ, якъ вы, то вернуся до васъ, а якъ ны найду, то ны вернуся.» Перехрестывся, взявъ торбу хлиба тай пишовъ.

Идé, идé, идé, та здыбае хату, въ котри чоловикъ не прорубавъ викна [1]). Чоловикъ вмеръ тай лышылыся викна непрорубани, а жинка ны знае, що зъ ными робыты. Тай каже: «Боже, Боже мій мылосердный! Въ людскыхъ хатахъ вытко, а въ мои ни; шо я буду робыты? Беру сыто тай буду загоныты сонце до хаты.» Выйшла зъ хаты и куды сонце и вона бигае съ сытомъ въ рукахъ и крычытъ: «сонце! сонце! до хаты, бо въ людскыхъ хатахъ вытко, а въ мои ни.» Але иде Иванко, вбачывъ жинку тай каже: «день добрый!» «Доброго здоровля!» Пытае Иванко: «що вы, титочко, робыты?» «Ны бачы—ты сонце загоняю до хаты. Дала бы-мъ тры рубли, якъ бы мени хто порадывъ, шобы було мени вытко». А винъ каже: я заразъ порадю. Дайты пылу». Жинка говоры: «почекай ты, а то я зразу ны зможу найсты». Отъ нашла тай дала му. Взявъ Иванко пылу, прорубавъ викна тай каже: «а дитъ [2])—зашло сонце до хаты.» «Отъ, дай же вамъ, Боже, здоровля за це,» каже жинка тай дала му тры рубли. Взявъ Иванко гроши и самъ суби говоры: «Слава Богу! маю тры рубли, та вже найшовъ идну таку дурну, якъ моя мама».

Идé, идé, идé винъ тай захопыла го ничь. Просытся винъ на ничь до иднои жинки. А та каже: «ны знаю, шо робыты, бо у мены свыня съ поросяткамы пидъ прыпичкомъ и хлибъ маю мисыты, та щей чоловика нема дома, боюся, шобы винъ мене ны

---

[1]) Въ селахъ, прилегающихъ къ мѣстечку Секурянамъ, существуетъ у нѣкоторыхъ русиновъ обыкновеніе не сразу пробивать въ новыхъ домахъ всѣ окна. Нерѣдко одна половина дома цѣлыми годами стоитъ безъ оконъ. Для послѣднихъ оставляются снаружи стѣнъ или только простые слѣды или же маленькія отверстія, куда проходитъ воздухъ.

[2]) А глядить.

сварывъ». «Ны бійтыся, титочко, я ся прытулю де-ныбуть на лавци, шобы лышь въ хати буты, тай сидае на лавку, а вона каже: «сидаете таки? то вже сидайты». Тай стала вона класты хлибъ до печи, а лёха [1]) съ пидъ прыпичка: «рохъ, рохъ, рохъ!» «А бодай же ты здохла, а бола [2]) на твою голову!» Крычытъ жинка на свыню: «вона мени сего досы ны робыла, а витколысты силы, то я ны знаю, шо сесе таке». А Иванко каже: «ны знаете, титочко, чого вона се вамъ робы? Я вамъ скажу. Вона мене пизнала, бо я съ Поросяткова; вона до роду [3]) крычытъ; хоче, шобы я іи взявъ». Жинка каже: «ой, любко, якъ бы вы цу биду видъ мены взялы». Иванко говоры: «возьму, титочко, якъ ны возьму»! Дае вона ему свыню съ поросяткамы тай каже: «Дай же, Боже, вамъ, чоловиче добрый, здоровля, шо вы ся лучылы [4]). Я сбудуса цего клопоту». Иванко взявъ свыню съ поросяткамы тай займывъ ихъ напередъ себе.

Отъ прыходы чоловикъ до дому. Сюды ны туды тай пытае: «жинко, жинко! а наша лёха де съ поросяткамы?» А та каже: «Богъ бы тебе побывъ! ты хиба, поблико, ны тямышь, шо вона давно хоче до Поросяткова? Бода просты Боговы святому [5]), шо мени добрый чоловикъ лучывся, шо винъ іи взявъ, и я цего клопоту збулася, бо я черезъ свыню хлиба ны могла всадыты въ пичь». А винъ пытае: «але давно?» А жинка крычытъ: «ще я буду туби розсказуваты колы взявъ! болы [6]) шо винъ іи взявъ». Поторкотивъ, поторкотивъ [7]) чоловикъ на жинку, та увыдивъ, шо зъ дурною ничого не вскурае [8]), сивъ скорище верхомъ на

---

[1]) Свинья.

[2]) Болѣзнь.

[3]) Родныхъ.

[4]) Случились.

[5]) Благодареніе Богу.

[6]) Хорошо.

[7]) Поворчалъ.

[8]) Ничего не подѣлаетъ.

коня тай пойихавъ за Иванкомъ паздогинъ. А Иванко вздривъ, шо его догоняютъ, тай запровадывъ свыню съ поросятками въ лисъ, а самый иде противъ чоловика. Чоловикъ пидъихавъ до него тай каже: «день добрый!» «Доброго здоровля!» «Прошу я васъ, вы ны бачылы, ны гнавъ часомъ чоловикъ лёхи съ поросяткамы?» А Иванко каже: «ба гнавъ, гнавъ. Якъ бы-сты пишки, то бы его догонылы, а верхомъ ны догоныты, бо паскудно йихаты.» А винъ каже: «Отъ сарачія! [1]) шо-жъ я съ конемъ зроблю?» А Иванко говоры: я вамъ го можу потрематы. «Отъ, спасыби вамъ, якъ вы». Злизъ чоловикъ съ коня и давъ его трематы Иванковы, а самъ, дай Боже ногы, за горбочокъ. Побигъ тай ны вытко до Иванка, а той утявъ фистъ коневы та застромывъ его въ землю, а коня завивъ въ лисъ и наробывъ крыку: «Ай, гвавтъ, гвавтъ! чоловиче, чоловиче! кинь лизе въ землю!» Той чоловикъ вчувъ тай прыбигъ назадъ. Вздривъ винъ шо Иванко трымае коня за фистъ тай говоры: «Боже! поможы мени коня виратуваты». Якъ ухопывъ за фистъ, та до горы тай лышь фистъ вытягнувъ. Поклавъ его на плечи тай пишовъ зъ плачемъ до дому: «Боже, Боже! шо мени се Ты давъ, шо я таке нысщастя побачывъ: поверхъ лёхи съ поросяткамы ще и коня са збувъ».

А Иванко взявъ коня, свыню съ поросяткамы, тры рубли грошей тай вернувся до дому, бо найшовъ такыхъ трехъ дурнивъ, якъ батько, маты тай сестра.

с. Вѣтрянка.

2.

Святый Ныколай и Кассіянъ.

На мори потопавъ корабель зъ народомъ. Копитанъ роспорядывся, шобы всяка душа, скилько ихъ було на кораблi, купыла свичкы, по тры гроши каждy, и шобы ся вси молылы и

---

[1]) Бѣда, несчастіе.

просылы св. Николая спасты ихъ видъ потопа. Святый Ныколай явывся съ Кассіяномъ. Каже св. Ныколай Кассіяновы: «ходимъ та виратуемъ корабель. Выдышь вси, скилько ихъ е на корабли, каждый даѐ свичку за тры гроши». А святый Кассіянъ каже: «шо я буду талапатыся въ води за тры гроши. Иды, якъ маешъ охоту.» Взявъ тай пишовъ соби до Бога. Якъ винъ прыйшовъ, Богъ его пытае: «де святый Ныколай?» А Кассіянъ каже: «отъ тамъ, Боже, талапается въ води за тры гроши». Посля прыйшовъ и св. Ныколай до Бога. Пытае го Богъ: «де ты бувъ, Ныколаю?» А винъ ему каже, шо ратувавъ народъ съ корабля. Тогды Богъ говоры: «тобѝ, Ныколаю, за сесе на рикъ два празныки, не оденъ, а тоби, Кассіяны, въ штыре роки оденъ та и то въ ночи, а не въ день.»

с. Керстинцы.

3.

Гайдáмаки.

Бувъ соби иденъ багачъ тай прожывавъ въ полю, у степу. Пишовъ винъ разъ на весилля, а вдома лышывъ дивку — свою дочку. Дочка, шобы іи не такъ було скушно и страшно въ ночи, пишла въ село за дивкамы. Отъ, вернулася вона до дому съ трема дивкамы, и началы ти прясты кудели. Прядуть воны, а господыня тымъ часомъ кладе въ печи вогонь. Але чують чужи дивкы, шо пидъ постелью якъ-нибо шось шопортается; поглядилы збоку туды тай вздрилы гайдамакивъ. Штурхнула идна другу, выйшлы на двиръ, а видты прутко втиклы до дому. Звертилася багацька дивка, шо ихъ нема, выйшла на двиръ, здывувалась, чого-то дивкы пропалы, тай вернулась до хаты. Сумно іи стало на серци, але варыть вона соби вечерю. Тымъ часомъ киточка зачала вавкаты. Вона и каже китци: «небого! будемъ лышъ обыдви вечеряты, бо не маемъ кумпаніи». А иденъ зъ гайдамакивъ и

видклыкается съ-пидъ постели: «ны журыся, дивко, будешъ маты кумпанію». Уздрила дивка гайдамакивъ тай ся напудыла, а ти, иденъ за другымъ, вылазять съ-пидъ постели. Ихъ було тры. Кажуть воны дивци, шобы дала имъ грощи. Веде дивка ихъ. Иденъ иде за нею, а вона вылизла на пилъ, взяла косу и, лышь прыйшовъ туды гайдамака, видризала му голову; потимъ прыйшовъ другый, вона и тому видризала голову, а нарешти и третёму. Напослидокъ сама стала якъ-нибо безъ души; такъ ся залякала.

Пріизжае тато зъ весилля и каже на подвирю; «дочко, дочко! видей тебе вже на свити нема, шо худоба моя рыкае голодна коло хаты.» Скоро винъ іи надыбавъ чуть жыву, бо вона тры дни зъ переляку ны йила а ны пыла; насылу лышь видходывъ тато свою дочку.

Отъ разъ прыйшовъ иденъ зъ братив гайдамакивъ, котрыхъ зарізала дивка, та файный на вроду [1]) и зачавъ свататы у тата дочку. Тай засватавъ. Дядя зробывъ имъ весилля. Цилу недилю пылы та гулялы. Букурія [2]) була така, шо люде давно вже ны бачылы и ны чулы. Каже дочка дядеви посли весилля: «ны жалуйты, дядю, мени дерявого мишка зъ мукою». Тато давъ іи дрантывый [3]) мишокъ зъ мукою тай пойихали соби молоди на нове жытельство. Дорогою, якъ воны йихалы, жинка лышала зъ мукы слидъ, шобы знаты дорогу до свого тата.

Отъ прывизъ гайдамака жинку до себе въ свій двиръ, лышывъ іи съ своею мамою, а самъ пишовъ на полюване. Мама и каже жинци: «шкода тебе, дытынко, тай твого роду; ты бачышь — сесе пичь ся готуе для тебе: ты маешь въ ни ся спыты. Якъ хочышь ще вику маты, то послухай, шо я туби скажу. За годыну вернется твій чоловикъ. Беры шматя [4]) тай иды буцимъ

---

[1]) Красивый лицомъ.

[2]) Торжество.

[3]) Порванный.

[4]) Бѣлье, одежда.

его праты до кирныци. Коло кирныци е пень; завый его рушныкомъ, шобы винъ походывъ нибо на жинку, а сама тикай прутко до свого дому видъ смерты. А якъ верныся чоловикъ, я скажу, що ты мыешь сорочкы коло кирныци и ны забавышся тамъ.»

Крѣпко налякалася жинка, але такъ и зробыла: взяла казанъ для воды, цыберчыкъ [1]), шматя и праныкъ [2]) тай пишла до кирныци, лышыла це все коло пеп, завыла пень рушныкомъ, тай пустылася бигцемъ черезъ лисъ по слиду зъ мукы. Здыбае вона на дорози тры пидводи и просытся у идного чоловика: «бадю! [3]) визмить мене на возъ». А винъ ны хоче. Посли просе другого и той ны хоче. А третый, хоть мавъ благеньки бычкы, послухавъ жинку, взявъ іи и схоронывъ въ вози. Якъ завизъ винъ іи до дому, тато жинки надарывъ его гришмы и давъ ему пару добрыхъ воливъ.

Пройшовъ тыждень. Прыходы до тестя зять тай каже: «день добрый!» «Доброго здоровля!» каже тато. Пытае тато зятя: «що здорова дочка? якъ хазяюеты, що поробляеты?» А той каже: «щожъ, ны знаеты, якъ жинка въ хати». А жинка сыдыть соби въ хати свого тата на печи. Тогды тато зъ дочкою за те, що гайдамака хтивъ іи стрибыты, росклалы вогонь въ печи тай спалылы го тамъ. Шо мала жинка получыты, то ся дистало гайдамакови.

с. Каплевка.

---

[1]) Продолговатый деревянный сосудъ.

[2]) Небольшой деревянный приборъ для мойки бѣлья.

[3]) Хозяинъ.

4.

Хытрый хлопецъ.

Шлы селомъ два злодіи — Клымъ та Максымъ. Вбачывъ Клымъ хлопця тай кажы Максымовы: «ады[1]), мой[2]) Максымы, хлопецъ. Наймымо его». Порадылися злодіи тай крыкнулы на хлопця: «мой хлопче! ны хочышь наймытыся у насъ?» Хлопецъ каже: «чого-жъ, бадіи[3]), можу наймытыся». Отъ идутъ воны вже вси трое, а напередъ ныхъ веде якій-съ газда[4]) въ мисто барана. Кажутъ злодіи хлопцу: «мой бры! якъ украдешь видъ чоловика барана, будешь у насъ служыты, а ны вкрадешь, то намъ тебе ны треба». А хлопецъ говоры: «чы вкраду барана? ны тилько барана, але вкраду и штаны съ чоловика». «Добре», кажуть ти. Идутъ воны дорогою, а хлопецъ пишовъ въ село буцимъ просыты хлиба, та десъ вкравъ жовтый чобитъ и вернувся назадъ. Пишлы воны лисомъ. Хлопецъ выйшовъ на дорогу тай добре замастывъ вкрачженный чобитъ и кыпувъ его напередъ того чоловика, шо вивъ барана, а самъ утикъ въ лисъ. Надходы чоловикъ. Выды—лыжытъ чобитъ, але крѣпко заваляпный, та ще якънибо и старый. Ны захотивъ винъ его браты и пишовъ соби дали, а хлопецъ выйшовъ зъ лису, взявъ обтеръ чобитъ и, другымъ бокомъ, зновъ кынувъ его напередъ чоловика. Увыдивъ чоловикъ зновъ чобитъ тай началъ жалуваты, шо ны взявъ той замаряпный, бо принисъ бы жинци жовти чоботы. Прывъязуе винъ барана до корча[5]), а самъ вертается за тымъ замащеннымъ чоботомъ. Прыйшовъ туды, а его вже нема, вернувся назадъ и сего вже нема чобота, тай ще и барана нема. А хлопецъ укравъ ба-

---

1) Смотри.

2) Эй, братъ. Точная передача значенія этого слова, часто употребляемаго въ русинскомъ языкѣ, затруднительна. Слово «мой» нерѣдко встрѣчается въ сочетаніи съ словомъ «бры», усиливающимъ его.

3) Хозяева.

4) Хозяинъ.

5) Куста.

рана и повивъ дальше въ лисъ тай тамъ зарубавъ его, голову встромывъ на патыкъ [1]) тай забывъ у воду, такъ шо тилько вытко було пысокъ [2]) и рогы. Газда шукавъ, шукавъ барана та увыдивъ, шо зъ воды вытко тилько пысокъ и рогы, подумавъ, що баранъ ся топы въ води. «А шобъ тебе прымха взяла [3]), це мои злыдни [4]) съ тобою»... куды securityзализъ!» — крычыть винъ. Скынувъ штаны, полизъ за бараномъ, а хлопецъ зайшовъ тай укравъ штаны. Чоловикъ имывъ за рогы витягаты барана, а тамъ тилько голова. Выйшовъ винъ на берегъ, а тутъ вже и штанивъ нема.

с. Керстинцы.

5.

Заблудывъ.

Було то въ зыми. Прыйшовъ кумъ до кумы тай ны мавъ якъ до хаты війты, бо песъ загавкавъ. Якъ песъ начавъ гавкаты, жинка и каже чоловиковы, шобы винъ злизъ съ печи: «злизь хоть на прыпичокъ», а винъ съ прыпичка на пса: «гуйтъ, гуйтъ, гуйтъ»! А жинка съ печи: «якій же ты, чоловиче, лыдащій, та злизь хоть на землю». Чоловикъ злизъ на землю та все на пса: «гуйтъ, гуйтъ, гуйтъ!» Крычыть жинка: «але жъ ты, чоловиче, нелюдяный [5])! Шо ты боешься выйты хоть за поригъ, чы шо»? Выйшовъ винъ за поригъ, а жинка зновъ: «та выйды, мой, хоть по за хату». Пишовъ винъ по за хату тай травыть пса: «гуйтъ, гуйтъ, гуйтъ!» А кумъ изъ-за другои стины та въ хату тай каже: «запры, Маріе, хутко хату». Тарахъ замкомъ—тай замкнулы.

---

[1]) Палка.

[2]) Ротъ.

[3]) Чертъ побралъ.

[4]) Несчастіе.

[5]) Нехорошій.

Чоловикъ подывывся по двори, баче, що нема никого, тай вертается назадъ до хаты, а тутъ... двери заперти. Крычыть до жинки: «Маріе! Маріе! вичыны». А кумъ съ хаты: «ны пиды, ны пиды, я туби дамъ Марію; тутъ де Марія?» Чоловикъ бере клыче собачку; дывытся — рябенька, иде до воритъ — нови ворота, щытае хату — трета видъ Киндрата. «Тьфу!» каже: «рябый песъ... нови ворота... трета хата видъ Киндрата — моя хата! Маріе! Маріе вичыны»,—крычыть винъ зновъ. А кумъ съ хаты: «почекай, почекай, я выйду до тебы; яка тутъ твоя хата!» Той ходы по пидъ викна босый тай зновъ клыче пса: дывытся — рябый, иде до воритъ — нови ворота, щытае хату — трета видъ Киндрата. «Щезны!» каже: «рябый песъ... нови ворота... трета хата видъ Киндрата—моя хата!» Зновъ стукае въ двери: «жинко! жинко! отворы». А кумъ съ хаты: «мой бры! витчипыся, бо якъ выйду до тебы съ хаты»...

Ставъ чоловикъ. «Агій[1]) що це таке», говоры винъ: «вытко дило, що я заблудывъ; якій-съ дидько мене воды». Иде видъ хаты и надыбае кошару[2]). Бачыть — корова лыжыть; всунувъ ногы пидъ черево коровы тай гріе ихъ, бо було дуже студено. Тымъ часомъ жинка выпустыла кума, стала на порози хаты та крычыть: «Иване! Иване! де ты подився? Та иды-жъ-но до хаты, бо ногы видморозышь!» Схопывся чоловикъ. Виходы зъ кошары тай каже: «ой, ой, ой! якъ же я змерзъ». А вона говоры: «любчику ты мій! А тилько я на тебе крычала, а ты ны обизвався, ты, видей, до кого-съ ходывъ»? Каже Иванъ: «я твого голосу, жинко, ны чувъ... на мене крычавъ той, що я пидъ его хату пійшовъ. Вытко дило, Маріе, що я заблудывъ... шось мене водыло, бо то ничь... Дывлюсь на пса — рябый, на ворота — нови, щетаю хату — трета видъ Киндрата... Крычу на тебе, колыжъ съ хаты якій-съ чужый голосъ мене сварыть... Отъ лыхо! Заблудывъ, жинко, вытко дило заблудывъ».

---

[1]) Проклятіе, обычное у русиновъ.

[2]) Строеніе для скота.

Взяла жинка въ хату чоловика тай высадыла на пичь, обкрыла ногы кожухамы тай каже: «Иванку! Иванку! якъ бы са твои ножки ны полупылы, кабы ты са ны простудывъ, бо посыротышъ дитый тай мене бидну зъ ными». Тай стала Марія голубыты свого чоловика.

с. Вѣтрянка.

ЗАГОВОРЫ.

1.

Отъ такъ называемой болѣзни «золотныка» (желудочнаго происхожденія).

Золотныкъ съ крыку,
Золотныкъ съ пыску,
Золотныкъ съ охоты,
Золотныкъ зъ роботы,
Золотныкъ съ страхомъ,
Золотныкъ зъ лыхомъ часомъ,
Золотныче, золотныче,
Добрый чоловиче!
Я жъ тебе просю,
Я жъ тебе молю,
Золотныкъ бушае (бушуетъ)
Золотныкъ пидъ груды пидступае.
Беру-жъ я тебе
Пятема пальцамы, шестою долонею,
Съ пидъ груды тя видтягаю,
Пидъ пупъ тя установляю,
Сядь соби на свое мисцечко
Такъ, якъ царь на крислычко,
Ны сама я прымовляю,
Свята Пречыста помогае
Рабу Божію (имя).

Заговоръ повторяется обыкновенно три раза въ сѣняхъ подъ дымовой трубой («каглой») при ножѣ, иголкѣ и вѣникѣ.

с. Керстинцы.

2.

Отъ укуса собаки для уничтоженія послѣдствій испытаннаго страха.

Бигъ песъ черезъ овесъ
И заросывся и замочывся.
Якъ пы повадыло
Псовы въ вивсовы,
Такъ шобы мени ны вадыло.

с. Вѣтрянка.

3.

Заговоръ, чтобы дѣвушка скорѣе вышла замужъ.

Водычко Орданна (Іордана),
Видъ Бога наданна,
Обмываешь прылуги (луга),
Каминня и креминня,
Вербамъ кориння,
Возамъ колеса,
Конямъ копыта,
А воламъ ратыци (ноги)
Вивцамъ папороты (ноги)
А теперь обмываешь мене,
Видъ виры, видъ суруги,
Хрещенну, наврожденну Паладію.

с. Каплевка.

4.

От болѣзни «жовны» (опухоль шейныхъ желѣзъ).

Бувъ соби жовниръ,
Та мавъ девять жинъ,
Зъ девять висимь,
Зъ висимь симь,
Съ симь шисть,
Съ шисть пять,
Съ пять штыре
Съ штырехъ тры,
Съ трехъ дви,
Зъ двухъ идну,
Зъ идпои ни одпои.
Якъ ся розишлы жоны́,
Шобъ такъ розишлыся жовны́.

с. Керстинцы.

ЗАГАДКИ.

1. Маленьке, крывеньке все поле збигало (серпъ).

2. Безъ виконъ и безъ дверей повна хата людый (арбузъ).

3. Загородю хливецъ на пять овецъ, а межы тымы вивцамы золотый баранецъ (церковь, люди, священникъ).

4. Идно каже — свитай Боже, друге каже — не дай Боже, а треты каже — мени идпако якъ въ день, такъ и въ ничь (постель, двери, окна).

5. Червоный кугутъ, пидъ землею піе (свекла).

6. Черненьке, маленьке по пидъ землю ходы червонци находы (плугъ).

7. А дядя ще ся ны вродывъ, а сынъ вже ся находывъ (дымъ).

8. Пало съ поду (чердакъ) — ны разбылося, пишло на воду — ны роспылося (пухъ, перья).

9. Порося зилизне, а фистъ мутюзянный (питяный) (иголка).

10. Въ одни бочци два выпа — биле и червоне (яйцо).

11. Шыло — мотовыло по пидъ небеса са выло (дымъ).

12. Шовъ волохъ (молдаванинъ) — розсыпавъ горохъ, зачало свытаты, винъ взявъ збыраты (заря, звѣзды).

13. Надъ водою трусы червоною бородою (калыпа).

14. Билый песъ воду хлепчы (пьетъ) («пранык» — небольшой продолговатый деревянный четвероугольникъ, которымъ выбиваютъ моющееся бѣлье).

15. Штыре братя: два назади, а два впереди бижуть, николы одни другыхъ ны наздогонять (колеса).

16. Пидъ дубкомъ ся звывся клубкомъ (ежъ).

17. Середъ села заризалы вола, въ кажди хати по букати (куску) (выкопанный колодезъ и вода изъ него).

18. Въ Коленкивцахъ дрова рубають, а въ Грозинцы трискы (щепки) литять (колокольный звонъ) [1].

19. Круть, верть въ черепочку смерть (блоха).

20. За лисомъ, за пролисомъ Костянтынъ кони гоны (гребешокъ).

21. Выса высыть, хода ходыть; выса — пукъ, хода — хапъ (яблоко и человѣкъ).

22. Корова лыжыть, шкира до воды бижыть (моющаяся рубаха).

23. Середъ лиса шмать (кусокъ) желиза (змѣя).

24. Бизъ рукъ, бизъ нигъ на пидъ лизе (дымъ).

25. Сыдыть кугутъ на верби, спустывъ косы до земли (береза).

26. Пидъ борознóю перевернулася коза до горы ногамы (тыква)

---

[1]) Коленкоуцы и Грозинцы — два смежныя буковинскія села.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ.

1. Якъ нема добра зъ ранку, то ны буды и на останку.

2. Пишла Гандзя въ поле жаты тай забула серпы взяты, вернулася за серпамы тай забула хлибъ съ торбамы.

3. Ны будышь торкаты, то нихто ны буды вичыняты.

4. Якъ бы знавъ, де упаде, то бы простылывъ.

5. На то курка гребе, шобы выгрибла.

6. Половына свита плаче, а половына скаче.

7. Чого бы плакавъ слипъ, якъ бы бачывъ свитъ.

8. Хто годенъ, той ны голоденъ.

9. Якъ лизе въ болото, то ще втрутыты треба.

10. Обибрався грыбомъ, то лизь въ боршъ.

11. Добры диты — винецъ, а лыхи кинецъ.

12. Одна сорока съ кола, а десять на килъ.

13. Чешыся тымъ рогомъ, котрымъ ся можешь дистаты.

14. Просылы на дорози, шобы ны буты на порози.

15. Шо въ воду впало, то пропало.

16. Ны тогды псивъ годуваты, якъ на влове[1]) итты.

17. Ны мала баба клопоту, та купыла порося.

18. Приде, ляше, и на наше.

19. На тоби, гоже[2]), шо мени ныгоже.

20. Рана птаха зубы теребе, а пизна очи протырае.

21. Говоримъ на вовка тай говоримъ и за вовкомъ.

22. Ны радъ песъ шо убытый, ще и ногою дрыгае.

23. Якъ освятывъ пипъ паску, то ны стое въ ласку.

24. Баба зъ воза — кобыли лехче.

25. Якъ ны пыригъ, то и ны пырожыся.

26. Якъ бы то знатя, яке у кума пытя.

27. Пишла по масло — въ печи погасло.

28. Петривный гній робеть на волахъ лій[3]).

---

[1]) Охоту.

[2]) Пріятелю.

[3]) Сало.

29. Не все въ середу Пéтра.
30. Далеко куцому до зайца.
31. Старшый Грыцко якъ Параска.
32. Приде коза до воза, скаже: «ме-ке-ке, дай сина»!
33. Прышла середа — розигнала весилля.
34. Ны кажы «гопъ» доки ны перескочышь.
35. Дурный думкою богатіе.
36. Якъ тревога, то до Бога.
37. Ны журится мновъ[1]), бо я иду зновъ.
38. Чорты съ хвостамы жыють пидъ мостамы.
39. Бабине грымне[2]) всимъ людямъ дывне.
40. Гуляй, доню, ны бороню.
41. Мовчы, смутку[3]), въ кутку.
42. Лышь до Дмытра[4]) дивка хытра.
43. Де верба—тамъ вода.
44. Треба путя (ума) до жытя.
45. Чувъ звинъ та ны знае де винъ.
46. Носывъ сало доки стало.
47. Якъ стара стала баба, ны цулують хоть бы рада.
48. Меньше на двори — лехче въ голови.
49. Якъ са гараздъ маемъ, то и кумы насъ знають.
50. Якъ бидный са жены, то и ничь мала.
51. Купывъ бы панъ село, колы въ кышени голо.
52. Шо буде, буде, а ты, Мацьку, грай.
53. Яке йихало, таке здыбало.
54. Ны шукай пана доброго, а сусида.
55. Бида биди и на слободи[5]).
56. Дурного хресты, а винъ каже пусты.
57. Якъ Богъ годыть, то и вогонь горыть.

---

[1]) Форма твор. над. ед. ч. лич. мѣст. 1-го л.

[2]) Ошибка, промахъ.

[3]) Бѣдняга, несчастный.

[4]) Осенній праздникъ св. Димитрія.

[5]) Среди русинскихъ поселеній есть не мало слободъ.

58. Старша свашка заведія (коноводъ), а на свашку вся надія (надежда).

59. Скачы, враже, якъ папъ каже.

60. Ласкаве теля дви мамй сце (сосетъ).

61. Де не посіешь, тамъ ся вроды.

62. Береженного и Богъ береже.

63. Бодлыви корови Богъ рогивъ ны дае.

64. Плывъ, плывъ, а коло берега втопывся.

65. За мое жыто, та мене же быто.

66. Зъ вылыкои хмары дощу нема.

67. Ны дай, Боже, зъ Ивана да папа.

68. Куды голка, туды и нытка.

69. Выдя очи, шо быруть.

70. Ны стане кышка за начинку.

71. Хоче гыря[1]) кисныка[2]).

72. Якъ помастышь, то и поидешь.

73. Зійшовся Якымъ съ такымъ.

74. Кого Богъ любе, того навичжае (посѣщаетъ).

75. Сподивався дидъ на мидъ, та лягъ безъ вечери.

76. Каждый цыганъ свою кобылу фалыть.

77. Якъ бы ны диты, то бы добре въ корчми сыдиты.

78. Свыню пусты пидъ стилъ, а вона лизе на стилъ.

79. Ны бійся сердытого, а дурного: сердытый пересердытся, а дурный дурнымъ лышытся.

80. Бида ны ходы по лиси, а по людяхъ.

МОЛИТВА. *Сонъ Божьей Матери.*

Записана въ с. Керстинцахъ.

На Осыянски гори въ зилю, въ дывыни (бурьянъ).
Свята Пречыста спала, спочывала,

---

[1]) Волосы.

[2]) Ленточка, тесемка для волосъ.

Суса Христа дожидала.
Прыснывся іи сонъ пречудесный:
Шо іи сынка жыдова спіймала,
На трехъ древахъ роспинала:
Одно калына, друге малына, трете кедрына,
Ручки-нижки до дошки гвоздямы прыбывала,
На головку терновый винокъ надивала.
Его кровь струямы спускала,
Зъ землею мишала.
А Винъ говоры мами:
«Сесе не сонъ, а истая правда.
Мене жыдова спіймала
И на трехъ древахъ роспынала
И терновый винокъ на голову надивала,
Ручки-ножки гвоздямы прыбывала.
Въ ныдилю рано, якъ сонце сходе,
Свята Пречыста по раю ходе,
Іисуса Христа за ручку воде.
Превыла его на утреню,
Зъ утрени на осонощны,
Зъ осонощны на службу Божу,
Съ службы Божей на сыне море.
На сынимъ мори тамъ плыта лежыть.
На плыти престолъ сыдытъ,
А на престоли Іисусъ Христосъ лыжыть,
Ручки сложывъ, ножки стулывъ,
Передъ Богомъ свои раны утворывъ.
Пришлы до него Святый Петро и Святый Павло:
Іисусе Христе! шо ты гадаешь (думаешь),
Шо за насъ таки муки прыймаешь.
Винъ имъ каже: «ны пытайте мои муки,
Беритъ золотый крестъ въ руки,
Ходитъ по свити и на вики,
Заказуйты старому и малому,
Крывому и слипому, нимому и глухому,

Хто буде Пресвятои Маріи Дивы
Сонъ при соби носысы и молытву цу говорыты,
То якъ буде маты гриху,
Якъ въ мори писку, а на дереви лыстку,
А якъ буде умираты,
Богъ ему буде вси грихы прощаты,
Богъ пришле два ангела
И возмутъ его душечку
До раю свитлого, до покою вичного,
Де вси святи и праведни витпочываютъ,
И ангелы-херувимы писни спиваютъ. Аминь.

Сообщ. **Петръ Несторовскій.**

Дополненіе къ статьѣ

„Къ исторіи образованія въ Украйнѣ". [1])

1) О Переяславской семинаріи въ 60-хъ и 70-хъ годахъ.

Найденныя нами въ старомъ архивѣ Кіевской духовной консисторіи три вѣдомости даютъ нѣсколько свѣдѣній о состояніи Переяславской семинаріи въ 1760-хъ и 1770-хъ годахъ.

Первая изъ нихъ вѣдомость за 1764 г. Въ этомъ году въ Переяславской семинаріи преподавали: префектъ и учитель риторики священникъ Назарій Яворскій (состоявшій въ то же время настоятелемъ Рождество-Богородичной церкви въ Борисполѣ), въ піитикѣ—священникъ Герасимъ Калѣновичъ, въ синтаксимѣ и грамматикѣ — священ. Іоаннъ Савѣнскій, въ инфимѣ и аналогіи — Кондратъ Стрѣха, неимѣвшій священнаго сана. Учащихся было 137 человѣкъ, изъ нихъ—71 разночинецъ и 66 духовныхъ. По классамъ распредѣлялись такъ: въ аналогіи 19, въ инфимѣ 20, въ грамматикѣ 13, въ синтаксимѣ 33, въ піитикѣ 14 и въ риторикѣ 38.

По вѣдомости 1770 года префектомъ семинаріи былъ священникъ Іоаннъ Савѣнскій, преподававшій вмѣстѣ съ тѣмъ въ школѣ риторику, бывшій въ 1764 г. учителемъ синтаксимы и грамматики (единовременно съ преподаваніемъ въ семинаріи онъ состоялъ, какъ кажется, настоятелемъ въ Переяславѣ, въ Преображенской церкви, а послѣ былъ настоятелемъ Переяславской Покровской церкви и членомъ консисторіи).

---

[1]) См. Кіев. Стар. № 9.

Въ остальныхъ школахъ въ 1770 году преподавали: въ піитикѣ—Стефанъ Максимовичъ, свѣтское лицо, въ синтаксимѣ и грамматикѣ—іеродіаконъ Авраамъ, въ инфимѣ и аналогіи—Лука Романовскій, свѣтскій. 169 учащихся такъ распредѣлялись по классамъ: риторика—53, піитика—25, синтаксима—20, грамматика—14, инфима—12, аналогія—45. Дѣтей разночинцевъ въ семинаріи было въ данномъ году 73, духовныхъ значительно больше—96.

Такимъ образомъ начинается наблюдаемое и дальше увеличеніе количества учениковъ изъ дѣтей духовенства и уменьшеніе учащихся изъ свѣтскихъ. Первому содѣйствовали мѣры синода и мѣстныхъ архіереевъ, старавшихся о поднятіи образованія въ духовенствѣ, а также упроченіе новаго пути къ священству — не чрезъ избраніе прихода, а благодаря архіерейскому назначенію; второе было показателемъ пониженія вкуса къ образованію въ народѣ, экономическое положеніе котораго падало и котораго все больше и больше порабощало крѣпостное право, въ 1780 годахъ окончательно въ Малороссіи введенное.

17 сентября 1773 года епископъ Іовъ Базилевичъ открылъ въ семинаріи Переяславской школу-философію [1]). Вѣдомость 1774 года даетъ такія свѣдѣнія о тогдашнемъ состояніи Переяславской семинаріи, только что увеличившей курсъ своихъ наукъ. Въ новооткрытой 17 сентября 1773 года школѣ философіи сталъ преподавать учительствовавшій съ конца 1771 года въ семинаріи въ школѣ риторики священникъ Петръ Васильевичъ Базилевичъ, братъ епископа Іова; онъ-же все время епископства въ Переяславѣ брата (1771—1776 гг.) былъ префектомъ семинаріи. Въ другихъ школахъ 1774 г. учительствовали: священникъ Димитрій Смолодовичъ—въ риторикѣ, Иванъ Сподинскій, свѣтскій, въ грамма-

[1]) Найденная нами вѣдомость 1774 г. (см. въ стар. арх. Кіев. дух. кон.) даетъ несомнѣнныя данныя для этого утвержденія; такимъ образомъ должно быть отвергнуто принятое было въ печати положеніе, что философія открыта была въ Переясл. семинаріи въ 1774 г.

тикѣ и Иванъ Воскобойниковъ, тоже свѣтскій, въ аналогіи [1]). Учащихся въ 1774 году было 232. Разночинцевъ обучалось: въ аналогіи—22, въ грамматикѣ—14, въ риторикѣ—21 и въ философіи—6, всего—63. Количество воспитанниковъ изъ духовныхъ въ 1774 г. превышаетъ количество свѣтскихъ уже больше чѣмъ въ два съ половиною раза: ихъ было 169. По классамъ дѣти духовенства распредѣлялись такъ: аналогія—56, грамматика—42, риторика—60, философія—11.

Еще одно дѣло стараго архива Кіевской консисторіи даетъ нѣкоторыя данныя о Переяславской семинаріи—въ 1771—72 годахъ. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія эти отрывочны. Узнаемъ, что въ 1770—71 учебномъ году въ Переяславской семинаріи преподавали слѣдующія лица: въ риторикѣ префектъ Іосифъ Камѣнскій, въ піитикѣ—Стефанъ Максимовичъ, въ синтаксимѣ и грамматикѣ Лука Романовскій, въ аналогіи и инфимѣ—Василій Россинскій (всѣ свѣтскіе). Въ слѣдующемъ учебномъ году (1771—72) былъ такой составъ лицъ преподающихъ: учитель риторики и префектъ—вышеупомянутый Петръ Базилевичъ, учитель піитики Лука Романовскій, преподававшій въ предыдущемъ году въ синтаксимѣ и грамматикѣ, гдѣ теперь преподавалъ бывшій учитель аналогіи Василій Россинскій, уступившій свое мѣсто учителя аналогіи Григорію Шишацкому.

Получаемъ также извѣстіе, что въ іюлѣ 1771 года всѣмъ четыремъ преподавателямъ семинаріи изъ суммъ «кондиціональныхъ» (т. е. полученныхъ съ новорукоположенныхъ священниковъ и діаконовъ) выдано было по 10 рублей. Дальше, въ теченіе 1771—72 учебнаго года (какъ, кажется, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ—какъ прежде, такъ и послѣ этого года) преподаватели получали свое жалованье изъ «казны архіерейской» по третямъ въ такомъ размѣрѣ: префектъ и учитель риторики 10 рублей въ треть, учителя піитики и грамматики (съ синтаксимой)—по 8 рублей $33^1/_3$ коп.,

---

[1]) Классы—инфима, синтаксима и піитика въ вѣдомости 1774 г. вовсе не упоминаются; они, видимо, были соединены—инфима съ аналогіей, синтаксима съ грамматикой и піитика съ риторикой.

учитель аналогіи и инфимы—по 6 рублей 66 1/3 коп. Изъ той-же «казны архіерейской», составлявшейся изъ сборовъ съ духовенства—и главнымъ образомъ со ставленниковъ, покупались и учебники для семинаристовъ: такъ, въ іюлѣ 1771 г. епископъ Іовъ выдалъ изъ казны 150 рублей на покупку въ Москвѣ «нужныхъ для семинаристовъ книгъ»; въ февралѣ 1772 г. куплены были въ «Кіевѣ 40 «Платоновскихъ катихисисовъ» (т. е. катихизисовъ, написанныхъ Платономъ, впослѣдствіи бывшимъ митрополитомъ Московскимъ), при чемъ за каждую книжку «катихисиса» платили по 15 копѣекъ. Не лишена своей выразительности такая запись, указывающая на экстраординарный расходъ «казны архіерейской»: 23 мая 1772 г. «куплено семинаристамъ ради праздника Вознесенія Господня мяса за рубль».

2) Семинаріи въ Лѣвобережной Украйнѣ въ 1785—97 годахъ.

Въ періодъ времени съ 1785 по 1797 гг. въ Лѣвобережной Украйнѣ было четыре семинаріи.

Древнѣйшая изъ нихъ—Черниговская, основанная Іоанномъ Максимовичемъ въ 1700 г., полвѣка существовала безъ двухъ высшихъ классовъ—философіи и богословія, безъ послѣдняго-же обходилась еще четверть вѣка. Въ 1790 г. въ ней обучалось 426 человѣкъ, въ томъ числѣ разночинцевъ всего 40 (между тѣмъ какъ въ первой половинѣ 18 вѣка число разночинцевъ значительно превышало количество духовныхъ). Распредѣлялись они по классамъ такъ: богословіе—13, философія—49, риторика—101, піитика—39, высшій классъ латинской грамматики—121 и низшій классъ грамматики—103. Въ 1797 г. въ этой семинаріи было 716 учащихся [1]), изъ нихъ разночинцевъ—88. Въ богословскомъ

[1]) Столь значительное увеличеніе количества учащихся, надо полагать, вызвано было послѣдовавшимъ въ началѣ 1797 г. закрытіемъ сосѣдней Новгородсѣверской епархіи и вмѣстѣ съ нею и семинаріи въ Новгородъ-Сѣверскѣ.

классѣ училось 52 человѣка, въ философскомъ—72, въ риторикѣ—142, въ піитикѣ—120, въ высшемъ грамматическомъ—169, въ низшемъ—161.

Вторая по времени своего основанія (въ 1730 г. Арсеніемъ Берло), Переяславская семинарія, преподаваніе философіи въ которой началось въ 1773 г., а богословія—въ 1781 г., послѣ закрытія самостоятельной Переяславско-Бориспольской епархіи указомъ 28 марта 1785 г. была подчинена Кіевской академіи и утратила характеръ законченной школы—классы философіи и богословія были закрыты. Въ 1785—1797 гг. эта семинарія состояла изъ слѣдующихъ классовъ: риторики, піитики, высшаго грамматическаго и низшаго грамматическаго. Учащихся здѣсь было: въ 1790 г. — 205 человѣкъ, изъ которыхъ разночинцевъ — 55, въ 1797 г.—237, въ томъ числѣ 52 разночинца. На рубежѣ XVIII и XIX вѣковъ Переяславская семинарія снова сдѣлана была полной со всѣми классами.

Во время существованія епархіи Новгородско-Сѣверско-Глуховской, 1785—1797 гг., была семинарія въ Новгородъ-Сѣверскѣ. Открыта она была въ 1785 г. въ сентябрѣ и, кажется, сразу-же, имѣла всѣ классы [1]). Въ 1790 г. здѣсь обучалось 473 человѣка, изъ нихъ разночинцевъ только 28. Въ богословіи было 20 учениковъ, въ философіи—27, въ риторикѣ—132, въ піитикѣ—112, въ низшемъ—125.

Въ концѣ 70-хъ годовъ XVIII вѣка, вслѣдъ за учрежденіемъ въ 1775 г. епархіи Словенско-Херсонской, скоро переименованной въ Екатеринославскую, учреждена была еще одна семинарія въ Лѣвобережной Украйнѣ—въ Полтавѣ, которая избрана была временной резиденціей архіереевъ новой епархіи. Въ Полтавѣ се-

---

[1]) По сей вѣдомости, еп. Иларіонъ, переведенный въ 1785 г. изъ Переяслава въ Новгородъ-Сѣверскъ, перевелъ съ собою большинство учениковъ Переяславской семинаріи въ новооснованную семинарію.

минарія эта просуществовала около 20 лѣтъ. 21 января 1786 г. здѣсь открытъ былъ заключительный классъ—богословскій. Въ 1789 г. здѣсь училось 271 человѣкъ, изъ нихъ разночинцевъ—73; по классамъ они распредѣлялись такъ: богословіе 9, философія—16, риторика—84 [1]), высшій классъ грамматики — 59, низшій—45, россійскій классъ—58.

Въ 1790 г. обучалось 292 человѣка, изъ нихъ 76 разночинцевъ (въ богословіи учениковъ было 16, въ философіи 26, въ риторикѣ 88, въ высшемъ грамматическомъ—54, въ низшемъ—58, въ россійскомъ классѣ—50). Въ 1793 г. здѣсь учащихся было 309, въ томъ числѣ 78 разночинцевъ (въ богословіи училось 18, въ философіи — 35, въ риторикѣ — 62, въ піитикѣ или школѣ поэзіи—46, въ высш. граммат.—65, въ низшемъ—54, въ россійскомъ классѣ—28). Въ 1797 г. училось въ Екатеринославско-Полтавской семинаріи 319, изъ которыхъ разночинцевъ было 66 (въ богословіи — 14, въ философіи — 25, въ риторикѣ — 77, въ піитикѣ—30, въ высш. граммат.—49, въ низшемъ—50, въ россійскомъ классѣ—74).

Въ Екатеринославско-Полтавской семинаріи въ данное время обучались: авторъ «Перелицованной Энеиды» и «Наталки-Полтавки» Ив. П. Котляревскій, пробывшій въ семинаріи съ 13 февраля до лѣтнихъ каникулъ 1789 г. (когда онъ вышелъ изъ богословскаго класса, немного не вполнѣ закончивъ семинарское образованіе), и переводчикъ «Иліады» Гомера Ник. Ив. Гнѣдичъ, поступившій въ семинарію 3 ноября 1792 г. и неизвѣстно когда изъ нея выбывшій [2]).

Преподавателями указанныхъ семинарій въ данное время были преимущественно малороссы. Такъ, въ 1790 г. изъ 7 на-

---

[1]) Въ вѣдомостяхъ этой семинаріи за 1789 и 1790 гг. почему-то вовсе не показаны ученики піитики.

[2]) Въ спискахъ 1793 г. онъ значится въ числѣ учениковъ низшаго класса латинской грамматики, при чемъ въ графѣ—«въ наукахъ имѣютъ ли понятіе?» о немъ значится «остръ, успѣваетъ хорошо»; въ спискахъ 1797 г. мы его уже не нашли.

чальствовавшихъ и учившихъ въ Черниговской семинаріи малороссовъ было 6 (1—префектъ и богословія учитель—великороссъ); всѣ 3 преподавателя Переяславской семинаріи—малороссы, изъ 7 учителей Новгородско-Сѣверской семинаріи — 6 малороссовъ (1— преподаватель французскаго языка—иностранецъ), въ Екатеринославско-Полтавской — изъ 9—7 малороссовъ (1 уроженецъ Семиградской области—ректоръ и 1 венгръ—учитель нѣмецкаго языка [1]).

Вл. П—ко.

---

[1]) См. дѣла архива св. синода—1790 г. № 344, 1791 г. № 361, 1794 г. № 417 и 1797 г. № 641.

Участіе запорожскихъ козаковъ въ возстановленіи (іерусалимскимъ патріархомъ Θеофаномъ) православной южно-русской церковной іерархіи въ 1620 году.

На Брестскомъ соборѣ, состоявшемся въ 1596 году, кіевскій митрополитъ Михаилъ Рогоза съ тремя подвѣдомственными ему епископами принялъ унію, и тогдашній польскій король Сигизмундъ III отдалъ приказъ, чтобы и всѣ западно-русскіе православные епископы съ подвѣдомственными имъ паствами приняли унію, угрожая карою тѣмъ, которые не измѣнятъ православію. Но тогда же, въ томъ же Брестѣ, одновременно состоялся соборъ изъ множества ревнителей православія—епископовъ, князей, игуменовъ, священниковъ, дворянъ и выборныхъ отъ разныхъ городовъ и приходовъ, а особенно отъ церковныхъ братствъ. Всѣ они единодушно отвергли унію, предали проклятію всѣхъ отступниковъ отъ благочестія и дали за весь литовско-русскій православный народъ зарокъ или обѣтъ твердо стоять за сохраненіе православія, не щадя живота своего. Вслѣдъ затѣмъ они отправили къ Сигизмунду III петицію о низложеніи владыкъ-отступниковъ и о разрѣшеніи избрать на ихъ мѣста изъ шляхетскаго сословія лицъ, исповѣдующихъ греческую православную вѣру.

Отвѣтомъ на таковую петицію были тяжкія гоненія противъ всѣхъ ревнителей православія, а по преимуществу противъ епи-

скоповъ. Нѣкоторые изъ послѣднихъ, для удержанія за собою архіерейскихъ каѳедръ, измѣнили православію, а твердые въ благочестіи были удалены изъ своихъ епархій и замѣнены приверженцами уніи. Спустя двадцать пять лѣтъ послѣ Брестскаго собора, на всю православную Русь, подвѣдомственную польскому королю, остался только одинъ епископъ Львовскій Іеремія Тиссаровскій, не принявшій уніи. Посполитая рѣчь тѣшила себя надеждою, что съ прекращеніемъ православной іерархіи сама собою уничтожится греко-россійская вѣра въ литовско-русскомъ краѣ. Но надежда эта не осуществилась, благодаря главнымъ образомъ заботливости запорожскихъ козаковъ о возстановленіи православной іерархіи.

Передъ описаніемъ живого участія запорожцевъ въ возстановленіи іерархіи, мы считаемъ весьма умѣстнымъ сообщить нашимъ читателямъ религіозно-нравственную характеристику запорожскаго войска, сдѣланную тогда же самыми компетентными въ этомъ дѣлѣ лицами. Въ рукописномъ синодальномъ архивѣ западно-русскихъ уніатскихъ митрополитовъ, подъ № 458, значится протестація кіевскаго митрополита Іова Борецкаго, которую онъ съ другими іерархами отъ 28 апрѣля 1621 года представилъ польскому королю Сигизмунду Ш. Въ этой протестаціи Іовъ Борецкій, между прочимъ, такъ пишетъ: «Козаки—нашъ родъ, наши братья и христіане православные. О нихъ думаютъ, что они простецы, не имѣющіе ни занятій, ни разума, что они отъ духовныхъ получили внушеніе... У нихъ отъ природы острый умъ и Богомъ дарованная разсудительность. Ревность же по вѣрѣ, усердіе и любовь къ церкви издавна живутъ въ нихъ и процвѣтаютъ... До сего дня они рождаются, крестятся и живутъ въ той христіанской вѣрѣ, которую ихъ предки вмѣстѣ съ Владиміромъ Святымъ приняли отъ Константинопольской церкви. Живутъ они не какъ язычники, а какъ христіане; имѣютъ священниковъ, изучаютъ святое писаніе, знаютъ Бога и правила своей церкви. Когда пускаются въ море, они прежде всего творятъ молитву, свидѣтельствуя, что за вѣру христіанскую идутъ на невѣрныхъ.

Другою своею цѣлью ставятъ освобожденіе взятыхъ въ неволю. Даютъ при этомъ благочестивые обѣты: часть добычи удѣлять на церкви, монастыри, «шпитали» и на духовенство. Ради спасенія души своей выкупаютъ невольниковъ; церкви новыя и монастыри строятъ и обогащаютъ. Если въ пустынныхъ мѣстахъ они памятуютъ о вѣрѣ и благочестіи, то тѣмъ болѣе должны радѣть и заботиться, по возвращеніи домой, въ волости, имѣя отцовъ, братьевъ и родныхъ среди духовенства... Раньше того, какъ мы стали іерархами и какъ мы поселились въ Кіевѣ и на Украйнѣ, они о своей вѣрѣ заявляли, писали и присягали. Вѣдомо и слышно далеко, что они не только не нуждаются въ побужденіяхъ къ тому со стороны духовныхъ лицъ, но и сами наблюдаютъ, какъ за ними, такъ и за мѣщанами, напоминаютъ имъ, даже съ угрозами, чтобы въ вѣрѣ никакой не было перемѣны и чтобы съ отступниками уніатами не было общенія. Достаточно вспомнить о томъ, что недавно было и что едва не произошло въ Печерскомъ монастырѣ изъ-за того, что кіевскій бискупъ вошелъ въ олтарь. Какой ропотъ былъ и какое раздраженіе! Едва ихъ успокоили. Жалобу на монаховъ Печерскаго монастыря подали въ самое Запорожье, въ генеральное коло... Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что они имѣютъ свѣдѣнія о преслѣдованіи православныхъ уніатами: изъ разныхъ уѣздовъ, изъ городовъ и деревень, приходятъ люди для вступленія въ козачество—одни по своей охотѣ, другіе вслѣдствіе обидъ и разоренія, какъ духовные, такъ свѣтскіе. Ничто другое не производитъ столько смуты на Украйнѣ, сколько унія и преслѣдованіе изъ за нея Руси, а также беззаконіе и притѣсненіе бѣдныхъ людей. Поистинѣ уніаты сами разжигаютъ гнѣвъ козаковъ, когда гонятъ къ нимъ нашу обиженную братію и наполняютъ ею Украину».

Протестація митрополита Іова Борецкаго и другихъ православныхъ іерарховъ, изъ которой мы привели въ извлеченіи религіозную характеристику запорожцевъ, представляетъ нѣсколько данныхъ, позволяющихъ сдѣлать предположеніе о существованіи предварительныхъ (до прибытія на Южную Русь) сношеній запорожцевъ съ іерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ.

«Въ одно время,—сказано въ протестаціи,—въ одномъ году (въ январѣ и февралѣ 1620 г.) были въ Москвѣ и патріархъ и козаки въ числѣ пятнадцати человѣкъ во главѣ съ атаманомъ Петромъ Одинцемъ»... Безошибочно слѣдуетъ предполагать, что еще передъ отъѣздомъ изъ Москвы въ Южную Русь, патріархъ Өеофанъ былъ ознакомленъ съ религіозными интересами православныхъ въ польско-литовскомъ государствѣ. Самое прибытіе его въ Кіевъ не было для запорожцевъ неожиданнымъ. На границѣ, отдѣлявшей тогда московское государство отъ литовско-польскаго, патріарха встрѣчаетъ значительный отрядъ запорожцевъ, во главѣ съ гетманомъ Петромъ Сагайдачнымъ, и съ большимъ почетомъ провожаетъ его въ Кіевъ, куда онъ прибылъ 22 марта 1620 года (Исторія Русской Церкви Макарія т. XI стр. 247).

Въ Кіевѣ знаменитому гостю отведено было помѣщеніе въ домѣ Богоявленскаго Братства на Подолѣ, гдѣ онъ находился подъ защитой магистранскихъ властей и еще подъ особой козацкой охраной. Въ Густынской монастырской лѣтописи повѣствуется, что козаки, окруживши братскій домъ, «обточиша его (патріарха) стражбою, аки пчелы матицу свою». Хотя отъ польскаго правительства ему не выдано было разрѣшенія на церковно-іерархическія дѣйствія, однако же онъ, на основаніи своихъ полномочій отъ Цареградскаго патріарха, считалъ себя вправѣ не только посѣщать церкви и монастыри въ Кіевѣ и окрестныхъ мѣстахъ, но особыми благословенными грамотами утверждать существованіе православныхъ братствъ, давая имъ права патріаршихъ ставропигій. Изъ Кіева ѣздилъ онъ и въ козацкій Терехтемировскій монастырь, по приглашенію запорожцевъ.

Пріѣздъ въ Кіевъ патріарха Өеофана самъ по себѣ благопріятствовалъ осуществленію завѣтнаго желанія ревнителей православія возстановить свою оскудѣвшую церковную іерархію. Но во время этого пріѣзда и политическое положеніе польскаго государства представлялось наиболѣе удобнымъ для рѣшительныхъ дѣйствій православныхъ въ интересахъ своей церкви. Польшѣ угрожали тогда войны съ сосѣдними государствами; наконецъ Це-

цорская битва окончилась полнымъ пораженіемъ турками польскаго войска. Кромѣ того, Посполитой Рѣчи слишкомъ опасно было раздражать своихъ еще многочисленныхъ православныхъ подданныхъ, а еще опаснѣе было раздражать запорожское войско, которое священнымъ долгомъ своимъ считало защиту угнетаемаго православія и которое неоднократно спасало Польшу отъ ея непріятелей.

Всѣми этими обстоятельствами и воспользовался гетманъ запорожскаго козачества Петръ Сагайдачный. Онъ и приглашенные имъ ревнители православія «почали раду чинити, жебы могли пастырей православныхъ мѣти въ церкви своей». Послѣ такой рады они явились къ патріарху и настоятельно просили возстановить православную іерархію. Въ этой просьбѣ наиболѣе активная роль принадлежитъ запорожскому козачеству. Митрополитъ Іовъ Борецкій съ другими іерархами въ своей вышеупомянутой протестаціи пишутъ такъ: «правда, были такіе, что не совѣтовали этого святѣйшему патріарху изъ-за тѣхъ опасностей, которыя теперь грозятъ намъ (т. е. новопосвященнымъ іерархамъ). Но люди рыцарскіе и пламенѣющіе духомъ сказали его святѣйшеству: «не будешь ты патріархомъ, не будешь добрымъ пастыремъ, не будешь намѣстникомъ Христа и апостоловъ, если не посвятишь и не оставишь русскому народу митрополита и епископовъ, въ особенности нашедши насъ гонимыхъ и безъ пастырей».

Настойчивая просьба запорожцевъ преодолѣла долго продолжавшуюся нерѣшительность патріарха въ небезопасномъ для него дѣлѣ—возстановленіи церковной іерархіи, объ уничтоженіи которой латино-уніатская партія въ теченіе двадцати пяти лѣтъ безостановочно хлопотала на всѣхъ сеймахъ, бывшихъ въ королевствѣ Польскомъ. Отъ имени патріарха были разосланы грамоты, убѣждавшія православныхъ обитателей тогдашней Польши, чтобы они избрали изъ своей среды лицъ, достойныхъ для посвященія въ епископскій санъ. Православные съ великой радостью отозвались на призывъ Θеофана, прибыли въ большомъ количествѣ въ Кіевъ къ храмовому празднику (15 августа) Печерскаго

монастыря и здѣсь избрали кандидатовъ на епископскія каѳедры. Хиротонія избранныхъ кандидатовъ началась въ октябрѣ 1620 года. Первымъ хиротонисомъ былъ 6 октября на Перемысльскую каѳедру межигорскій игуменъ Исаія Копинскій. Хиротонія его совершалась въ Богоявленской церкви Кіево-Братскаго монастыря. Но такъ какъ на возстановленіе православной іерархіи не имѣлось разрѣшенія отъ польскаго короля, то приняты были предосторожности противъ возможнаго вмѣшательства польскихъ властей, имѣвшихъ подъ своею командою значительные отряды жолнеровъ. Время для совершенія хиротоніи избрано было позднее, окна храма были завѣшены, читали и пѣли тихо, монастырь окруженъ былъ значительнымъ отрядомъ запорожцевъ. Кромѣ патріарха, въ хиротоніи Исаіи принимали участіе: болгарскій митрополитъ Неофитъ, уже нѣсколько лѣтъ проживавшій въ западно-русскихъ монастыряхъ и къ этому времени нарочно вызванный въ Кіевъ, и Стагонскій епископъ Авраамій, находившійся при Ѳеофанѣ. 8 октября въ той же Богоявленской церкви, съ такими же предосторожностями и при участіи тѣхъ же іерарховъ, посвященъ былъ на кіевскую и галицкую митрополію игуменъ Кіево-Михайловскаго монастыря Іовъ Борецкій. Вскорѣ послѣ того посвященъ былъ на полоцкую архіепископію Мелетій Смотрицкій. Затѣмъ, уже по выѣздѣ Ѳеофана изъ Кіева, на пути къ Востоку, имъ посвящены были (въ сослуженіи съ прежде хиротонисанными іерархами, провожавшими патріарха подъ охраною трехъ тысячъ козаковъ): въ Терехтемировскомъ монастырѣ тамошній архимандритъ Іезекіиль Курцевичъ на епископство владимірское и брестское; въ городѣ Бѣлой-Церкви игуменъ Исаакій Борисковичъ на епископство луцкое и острожское; въ городѣ Животовкѣ—мелецкій игуменъ Паисій Ипполитовичъ на епископство холмское и белзское. По всей вѣроятности, въ это же время, на туровскую и пинскую каѳедру назначенъ былъ греческій Стагонскій епископъ Авраамій. Православный Востокъ, въ лицѣ іерусалимскаго патріарха Ѳеофана, оказалъ православной Руси весьма цѣнную услугу въ очень трудный для нея моментъ. Честь и слава

запорожскому козачеству, которое главнымъ образомъ заботилось о возстановленіи западно-русской церковной іерархіи!

Возстановленіе православной іерархіи съ крайнимъ негодованіемъ и озлобленіемъ встрѣчено было латино-польскими и уніатскими властями. Они пустили въ ходъ всевозможныя средства и способы для подавленія всякаго значенія ея и немедленнаго уничтоженія. По проискамъ уніатскаго митрополита Рутскаго, Ѳеофанъ въ изданныхъ польскимъ королемъ универсалахъ объявленъ былъ шпіономъ турецкаго султана и обманщикомъ, не имѣвшимъ не только патріаршаго сана, но даже и священническаго, и посвященные имъ архіереи обвинялись въ ослушаніи королевской власти, въ измѣнѣ отечеству и возмущеніи народа, почему объявлялись внѣ покровительства государственныхъ законовъ. Ихъ велѣно было ловить, какъ государственныхъ преступниковъ, и заключать въ тюрьмы. Но, конечно, такіе универсалы легче было писать и разсылать, чѣмъ приводить въ исполненіе. Православные обитатели южно-русскаго края, а по преимуществу запорожцы, ревностно оберегали возстановленную іерархію, и примѣненіе къ ней королевскихъ универсаловъ могло вызвать на Украинѣ бурю народнаго негодованія. Впрочемъ, само польское правительство, въ лицѣ своихъ найболѣе умныхъ и дальновидныхъ представителей, предвидѣло тѣ пагубныя послѣдствія, которыя могли произойти отъ исполненія королевскихъ универсаловъ. Канцлеръ великаго княжества Литовскаго Левъ Сапѣга, къ которому были присланы упомянутые универсалы для оффиціальной скрѣпы, долгое время колебался прикладывать къ нимъ государственныя печати и мотивировалъ передъ королемъ свое колебаніе опасеніемъ поголовнаго возмущенія и большого кровопролитія, которое могутъ произвести въ Польшѣ и на Литвѣ православные обыватели, а въ особенности козаки, у которыхъ «сила много значитъ». Принимая во вниманіе такое вполнѣ основательное опасеніе, самъ Сигизмундъ Ш вынужденъ былъ измѣнить свое слишкомъ враждебное отношеніе къ возстановленной православной іерархіи и этимъ вызвать единодушную помощь козаковъ, въ которой

Польша тогда нуждалась гораздо больше, чѣмъ въ прежнія времена [1]).

Когда митрополитъ Іовъ Борецкій, имѣя въ виду опровергнуть передъ польскимъ правительствомъ клеветы, распространенныя латино-польскою партіею относительно патріарха Θеофана и оправдать его дѣйствія въ западно-русскихъ областяхъ Польши, отправилъ къ Сигизмунду III для личныхъ объясненій по этому предмету новопосвященнаго епископа Іезекіиля Курцевича, то король довольно ласково принялъ посланнаго, допустилъ его къ своей рукѣ и при прощаніи сказалъ: «имѣешь наше благоволеніе; скажи и другимъ (іерархамъ), чтобы поступали такъ же (т е. чтобы лично явились къ нему, королю),—въ такомъ случаѣ и они пріобрѣтутъ нашу милость». Черезъ Курцевича посланы были митрополиту Борецкому и архіепископу Мелетію Смотрицкому охранныя грамоты, которыми гарантировалась безопасность предстоявшей имъ поѣздки въ Варшаву. Борецкій и Смотрицкій, заручившись охранными грамотами, въ началѣ 1623 г. пріѣхали въ Варшаву и подали королю петицію объ утвержденіи православной іерархіи и возстановленіи привилегій и правъ православной церкви. На состоявшемся тогда же сеймѣ польское пра-

---

[1]) Судя по документальнымъ даннымъ, обнародованнымъ въ послѣднее время, дѣло возстановленія православн. іерархіи въ 1620 г. представляется нѣсколько въ иномъ видѣ: король не только зналъ объ этомъ заранѣе, но и далъ тайное согласіе на посвященіе іерарховъ, обусловивъ его требованіемъ участія гетмана Сагайдачнаго и козаковъ въ Хотинскомъ походѣ, при чемъ посредникомъ въ этомъ тайномъ договорѣ былъ не кто иной, какъ самъ патріархъ Θеофанъ, при содѣйствіи королевскаго агента Обелковскаго (см. напр., Сборникъ Лѣтописей, относящихся къ исторіи Ю. и Зап. Руси, стр. 87—90 и предисловіе, стр. XXVI и LII). Изданный же затѣмъ грозный универсалъ противъ патріарха и посвященныхъ имъ іерарховъ былъ не болѣе, какъ дипломатической уступкой со стороны короля всемогущей въ тогдашней Польшѣ клерикальной партіи, чѣмъ и объясняется то обстоятельство, что универсалъ этотъ не имѣлъ для православныхъ іерарховъ никакихъ дурныхъ послѣдствій. *Примѣч. Ред.*

вительство, вслѣдствіе настойчивыхъ просьбъ своихъ православныхъ подданныхъ, а по преимуществу запорожскаго козачества, окончательно смѣнило грозные королевскіе универсалы противъ возстановленной іерархіи и обѣщало спокойное существованіе всему православному народонаселенію государства. Заручившись такимъ обѣщаніемъ, православные іерархи безбоязненно начали дѣйствовать въ видахъ охраненія и возвеличенія православной церкви. Съ этой цѣлью ими созываются соборы, на которыхъ изыскиваются мѣры къ уничтоженію разнаго рода недостатковъ церковной жизни, къ поднятію уровня просвѣщенія въ духовенствѣ и народѣ, къ изданію книгъ религіозно-нравственнаго содержанія, къ обращенію въ православіе отпадшихъ въ унію; разсылаются по всѣмъ литовско-русскимъ областямъ посланія съ воззваніями удаляться отъ апостатовъ-уніатовъ и при своихъ религіозныхъ нуждахъ обращаться къ своимъ православнымъ пастырямъ. Усилившееся религіозное движеніе стало охватывать всѣ западно-русскія области, но по преимуществу сосредоточилось въ Кіевѣ, который со времени хиротоніи Іова Борецкаго въ санъ митрополита опять сдѣлался резиденціею кіевскихъ митрополитовъ.

Протоіерей **Петръ Орловскій.**

Документы, извѣстія и замѣтки.

Указъ императрицы Анны Ивановны правителю Малороссіи князю Шаховскому — о бракахъ малороссовъ. Секретнѣйшей к князю Шаховскому. Понеже мы убѣдились, что смоленская шляхта с малороссійскими жителями в свойство вступаетъ, и со обоихъ сторонъ сыновей женятъ, и дочерей выдаютъ, что кажется *противно нашему інтересу*, а за пристойнее і полезнее разсуждаетца, дабы оной малороссійской народъ охоту імѣлъ своитца, і в свойство вступать с нашимъ великороссійскимъ народомъ (какъ было особливое намѣреніе к тому ихъ привесть блаженныя и высокодостойныя памяти Государя Дяди Нашего [1]), того ради повелеваемъ вам, дабы вы по вашему іскуству секретно под рукою особливо трудились малороссіянъ от свойства с Смоляны і с поляки і з другими зарубежными жителями отводить, а побуждать их і іскуснымъ образомъ приводить в свойство с великороссійскими, и пристойными разсужденіи дабы они своились і в свойство вступали болѣе с нашими великороссійскими подданными, и сие содержать секретно. Анна. Генваря 31, 1734 года. (Моск. Арх. м—ства юстиціи, № $^{79}/_{1806}$).

Сообщ. **Вл. П—ко.**

Къ вопросу о доходахъ и расходахъ архіерейскихъ каѳедръ въ 18 в. (доходы и расходы каѳедры переяславской въ 1771—1776 гг.). До изданія указа 10 апрѣля 1786 г., которымъ учреждены

---

[1]) Т. е. императора Петра перваго.

были въ Лѣвобережной Украинѣ штаты опредѣленнаго казеннаго содержанія архіереевъ, архіерейскихъ домовъ и монастырей, архіереи и учрежденія и лица, при нихъ состоявшія, не получали вовсе содержанія отъ казны, а существовали на сборы съ духовенства епархій. Сборы эти не имѣли строго опредѣленнаго характера и опредѣлялись обычно каждымъ архіереемъ при вступленіи въ управленіе своей епархіей; однако тутъ большое значеніе имѣлъ обычай—примѣръ сборовъ при предыдущихъ архіереяхъ. Дѣло синодскаго архива 1776 г. № 106 (о наслѣдствѣ, оставшемся послѣ Іова Базилевича, епископа Переяславскаго) сообщаетъ намъ нѣкоторыя свѣдѣнія о сборахъ, какіе практиковались въ Переяславской епархіи при епископѣ Іовѣ Базилевичѣ (1771—1776 гг.), а также отчасти при его предшественникахъ—Никодимѣ Сребницкомъ (1745—1751 гг.), Іоаннѣ Козловичѣ (1753—57 гг.) и Гервасіи Линцевскомъ (1757—1769 гг.). Какъ видно, сборы назначались по «собственнымъ опредѣленіямъ» каждаго архіерея, когда онъ вступалъ въ управленіе епархіей: сборы были «чинены мимо консисторіи» «однымъ вѣдѣніемъ архіереевъ»; казначеемъ состоялъ ризничій іеромонахъ архіерейскаго дома. При указанныхъ четырехъ епископахъ переяславско-бориспольскихъ, за время съ 1745 г. по 1776 г., взимаемо было однообразно: со ставленническихъ грамотъ принимающихъ священничество—15 рублей 45 копеекъ. если рукополагаемый бралъ грамоту на цѣлый приходъ, 12 руб. 40 коп., если онъ назначался на приходъ, съ котораго имѣлъ получать половину священническихъ доходовъ, 10 руб. 55 коп., если онъ назначался викарнымъ священникомъ; съ рукополагаемаго въ діаконы взималось за грамоту 10 руб. 20 коп.; съ антиминсовъ, которые разсылала по церквамъ архіерейская каѳедра, взимали отъ 1 до 5 рублей, «смякая какъ доброту ихъ, такъ и различіе матеріаловъ ихъ шелковыхъ и холстяныхъ, такъ же и во что они зъ Москвы (откуда получала ихъ каѳедра) становлятся». Кромѣ того, ежегодно въ пользу каѳедры собирались деньги такъ называемыя «столовыя» и «мировыя». Въ какомъ размѣрѣ онѣ собирались ежегодно съ духовенства—точно неизвѣстно и опредѣлить трудно [1]).

---

[1]) Г. Крыжановскій въ своей обширной статьѣ „Очерки быта малороссійскаго сельскаго духовенства въ 18 в.“ („Руководство для сельскихъ пастырей“ 1861, 62 и 64 гг.) пытается, между прочимъ, точно опредѣлить количество этихъ сборовъ, утверждая, что „столовыхъ“ каждый годъ брали по 2 к. съ приходского двора, а „мировыхъ“ по $^1/_2$ к.; но указанія даннаго синодскаго дѣла нельзя согласить съ этимъ.

Съ 15 апрѣля 1771 г. по 29 декабря того-же года Переяславская каѳедра собрала денегъ: за грамоты (священническія, діаконскія и друг.) 848 руб. 95 коп, «мировыхъ» 142 руб. 50 коп. и «столовыхъ» 27 руб., всего 1018 руб. 45 коп. Изъ этихъ денегъ съ 5 іюля по 24 декабря того-же года было израсходовано 532 руб. 82 коп., въ томъ числѣ: учителямъ семинаріи Переяславской выдано было 43 рубля, на содержаніе семинаристовъ употреблено 193 руб. 15 коп., на домъ архіерейскій и служителей при немъ—132 руб. 50 к., на братію каѳедральнаго монастыря и служащихъ при немъ—102 руб., на консисторскихъ канцеляристовъ—30 руб., на «строеніе и подчинку церковныхъ вещей» (видимо, имѣются въ виду церковныя вещи каѳедральнаго монастыря)—14 руб. 32 к., на «нищихъ»—2 р. 50 к., на другіе разные расходы—15 р. 35 к. Отъ 1771 г. осталось 485 руб. 63 к. Въ теченіе 1772 г. со ставленническихъ грамотъ разнаго рода получено было 2805 руб. 45 коп., съ антиминсовъ—131 руб. 25 коп., «столовыхъ»—50 руб., «мировыхъ»—88 руб. 46 к., «данныхъ на церковь» (пожертвованныхъ на соборную церковь каѳедральнаго монастыря)—10 руб. 16 к., всего—3085 руб. 32 к. Въ 1772 г. расходъ каѳедры былъ такой: на учителей семинаріи—121 руб. 99$^1/_2$ к., на семинаристовъ—39 руб. 50 к., на пѣвчихъ архіерейскихъ—170 руб. 48 к., на домъ архіерейскій и служителей—954 р. 7 к., на братію и служащихъ каѳедр. монастыря—119 руб. 90 к., на «строеніе и подчинку церковныхъ вещей»—1082 р. 50$^1/_2$ к., на «нищихъ»—5 р., разныхъ расходовъ—288 р. 72 к., всего—2782 руб. 17 коп. Осталось 788 р. 78 к. Въ 1773 г. (когда особенно много было ставленниковъ изъ Польской Украины) въ каѳедральную казну поступило: съ грамотъ 5548 р. 50 к., за антиминсы—587 р., «столовыхъ» 37 р. 50 к., «мировыхъ» 203 р. 11 к., всего—6376 р. 11 к.; израсходовано-же было: на учителей—99 р. 99$^3/_4$ к., на семинаристовъ—12 р., на пѣвчихъ—125 р. 56 к., на домъ архіерейскій и служителей—1306 р. 85 к., на братію и служителей—86 р., «на строеніе и подчинку церков. вещей»—788 р. 38 к., на «нищихъ»—15 р., друг. расходовъ—110 р. 37$^3/_4$ к., всего 2544 р. 16$^1/_2$ к. Отъ 1773 г. осталось въ казнѣ—4620 р. 73 к. Въ 1774 г. собрано: съ грамотъ—1507 р. 5 к., за антиминсы—49 р. 25 к., «мировыхъ»—147 р. 50 к. [1]), «данныхъ на церковь»—

[1]) За 1774, 75 и 76 гг. полученіе „столовыхъ“ денегъ вовсе не указано.

20 р., всего—1723 р. 80 к.; израсходовано: на учителей—112 р. 90 к., семинаристовъ—9 р. 93 к., пѣвчихъ—167 р. 34 к., домъ арх. и служителей—989 р., братію и служителей—181 р., «строеніе и подчинку церк. вещей»—994 р. 89$^{3}/_{4}$ к., «нищихъ»—25 р., друг. расходовъ—398 р. 95 к., всего—2879 р. 1$^{3}/_{4}$ к. [1]). Оставалось въ казнѣ «въ наличіи» 3465 р. 51$^{1}/_{4}$ к. Въ 1775 г. поступило: съ грамотъ 816 р. 10 к., съ антиминсовъ—28 р. 50 к., «мировыхъ»—77 р. 83 к., на церковь—60 р., всего 982 р. 43 к.; израсходовано: на учителей—135 р., семинаристовъ—66 р. 1 к., пѣвчихъ 275 р. 84 к., домъ арх. и служителей—391 р. 90 к., братію и служителей—92 р., «строеніе и подчинку церк. вещей» [2])—953 р. 25 к., «нищихъ»—17 р., друг. расходовъ—73 р. 77$^{1}/_{4}$ к., всего—2004 р. 77$^{1}/_{4}$ к. Оставалось—2443 р. 17 к. «Зъ генваря по мая 2» [3]) 1776 г. поступило: съ грамотъ—90 р. 85 к., съ антиминсовъ—10 р. 25 к., «мировыхъ»—103 р. 97 к., на церковь—130 р., всего—335 р. 7 к.; израсходовано было: на учителей—83 р. 35$^{1}/_{4}$ к., семинаристовъ—6 р. 35 к., пѣвчихъ—39 р. 41$^{1}/_{2}$ к., домъ арх.—377 р. 35$^{1}/_{2}$ к., братію и служителей—125 р., «строеніе и подчинку церк. вещей»—1015 р. 95 к., нищихъ—19 р. 50 к., друг. расходовъ—434 р. 91 к., всего 2102 р. 83$^{1}/_{4}$ к. Осталось въ казнѣ 675 р. 40$^{3}/_{4}$ к. Всего за время епископства въ Переяславѣ Іова Базилевича (за 5 лѣтъ, 1771—76 гг.) собрано было съ духовенства епархіи въ казну каѳедральную—13521 р. 18 к., израсходовано—12845 р. 77$^{1}/_{4}$ к. Неизвѣстно, сколько получалъ денегъ лично архіерей. Братья Іова Базилевича послѣ смерти его заявляли, что на 1776 г. онъ долженъ былъ лично получить 2876 р. 66 к. Консисторія съ ними не согласилась, но и сама высказалась по этому вопросу уклончиво.

---

[1]) Так. образ. расходы 1774, 75 и 76 гг. значительно превышали доходъ.

[2]) На деньги, предназначавшіяся „на строеніе и подчинху церковныхъ вещей", при Іовѣ, между прочимъ, довершалось въ деталяхъ возобновленіе каѳедральнаго Переяславскаго Вознесенскаго монастыря, пострадавшаго отъ пожара 1748 г.,—такъ: въ 1771 г. устроена была „ризница пономарка", въ 1774 г. куплены въ Москвѣ 2 колокола (одинъ—въ 83 пуда, другой—въ 50 пуд.), въ 1776 г. „на черно" сдѣлана была колокольня каменная и т. п.

[3]) 2 мая 1776 г.—день кончины еп. Іова. Вѣдомость составлена за время пребыванія Іова въ Переяславѣ на каѳедрѣ.

При преемникѣ Іова—Иларіонѣ Кондратковскомъ (на Переяславской каѳедрѣ съ 1776 по 1785 гг., потомъ на Новгородско-Сѣверской—1785—97 гг., ум. съ 12 на 13 янв. 1799 г.) сборы съ духовенства (судя по дѣлу синодскаго архива 1781 г. № 476) значительно возрасли и тѣмъ горшимъ бременемъ ложились на духовенство, что съ 1765 г. правительствомъ введена была опредѣленная незначительная такса за требы, уничтожена роковщина (сборъ съ прихожанъ натурою) и отдача земли въ пользованіе священникамъ [1]).

Вл. П—ко.

Дѣло епископа Черниговскаго Ираклія и іеромонаха Іереміи Гусаревскаго. Въ 1758 г. обострились отношенія между епископомъ Черниговскимъ Иракліемъ и префектомъ черниговской семинаріи іеромонахомъ Іереміею Гусаревскимъ. Ираклій, недовольный поведеніемъ Іереміи, сталъ его преслѣдовать; дѣло дошло до наказанія Іереміи плетьми. Тогда въ 1759 г. Іеремія бѣжалъ изъ Чернигова въ Петербургъ и тутъ принесъ Синоду жалобу на Ираклія. Послѣдній прислалъ объясненіе въ Синодъ, въ которомъ обвиняетъ Іеремію главнымъ образомъ въ слѣдующемъ: «въ проповѣдяхъ своихъ мене ругалъ подъ видомъ якобы нравоученія». Особенно возмущенъ былъ Ираклій проповѣдью Іереміи, какую тотъ произнесъ 30 августа 1759 г. въ черниговскомъ Преображенскомъ соборѣ послѣ архіерейской литургіи предъ молебномъ; въ этой проповѣди, по увѣренію Ираклія, Іеремія «ясно разругалъ» своего архіерея. Тема проповѣди была — «въ каких должностях по чинам своим духовнаго и мирскаго класовъ

---

[1]) Любопытно, что послѣ смерти еп. Иларіона осталась масса вещей и денегъ—по билетамъ въ Московскомъ банкѣ—19,000 р., по 2 векселямъ—5050 р., наличной суммы—23,997 р. 10 к. и сверхъ того 334 червонца. Есть основанія предполагать, что кромѣ того еще часть денегъ была утаена. Столь богатое наслѣдство сильно разожгло аппетиты Черниговскихъ духовныхъ властей, но встрѣтился отпоръ въ лицѣ родственниковъ Иларіона. Дѣло затянулось и едва закончилось въ 1804 г. Къ этому дѣлу оказался въ значительной степени причастнымъ извѣстный дѣятель въ борьбѣ съ уніей Викторъ Садковскій, бывшій въ то время архіеп. Черниговскимъ (раньше онъ былъ еп. Переяславскимъ). Дѣло окончилось уже, когда Виктора не было въ живыхъ (см. дѣло арх. св. синода 1799 г. № 236).

а в том числѣ и духовніе пастиріе находятся иногда и при неудачахъ их по их предприниманіям и какъ находитис должны». Проповѣдникъ, по словамъ Ираклія, «прылучаніе неудачи изяснялъ» такъ, что всякій «моглъ узнать», что рѣчь направлена по адресу Ираклія. Особенно непріятна была Ираклію притча въ стихахъ, которою, вставивъ ее въ свою проповѣдь, Іеремія, по увѣренію Ираклія, «явно обругалъ» своего архіерея. Къ рапорту Ираклія въ Синодъ приложены и самые эти стихи, вызвавшіе такой гнѣвъ епископа Ираклія.

Вотъ они:

«Лишь толко дневной шумъ замолкъ,
Наделъ пастушье платье волкъ,
И взялъ пастушей посохъ в лапу
Прывесилъ к поясу рожокъ,
На уши зделъ широку шляпу
И крался тихо сквозь лесокъ,
На ужинъ для добичу к стаду.
Увиделъ тамо, что Жучко спитъ,
Обнявши пастушку Фирсъ храпитъ,
И все овцы лежалы сряду,
Онъ моглъ из них любую взять
Но не довольствуясь уборомъ
Хотелъ прыкрасить разговоромъ,
По имени овецъ назвать,
И толко свою пасть разинулъ
Раздался в рощахъ волчой вой,
Пастухъ свой славной сонъ покинулъ
И Жучко бросился к нему в бой.
Еденъ дубиной волка встретилъ,
Другой за горло ухватилъ.
Тутъ позд(н)о бедной волкъ прыметилъ,
Что чрезчуръ перемудрылъ:
В полахъ и в руковахъ связался
И волчимъ голосомъ сказалъ,
Но Фирсъ не долго размишлялся
Уборъ и кожу с него снялъ.
Я прытчу сію коротшимъ толкомъ

Могу вамъ господа мои протолковать
Кто в светѣ семъ родился волкомъ
Тому лисицею векъ не бывать».

Дѣло Ираклія съ Іереміею протянулось до смерти послѣдняго, послѣдовавшей 31 января 1764 г. (См. въ архивѣ св. синода дѣло 1759 г. № 217).

Вл. П—ко.

Статистическія свѣдѣнія о церквахъ и православномъ населеніи русской части Малороссіи въ 1780 годахъ. Въ началѣ 1780-хъ гг. Кіевская епархія (въ той части своей, которая тогда входила въ составъ Россійской имперіи) заключала въ себѣ 963 церкви, 100.565 приходскихъ дворовъ, 558.787 мужчинъ и 552.843 женщины—православнаго населенія. Въ Черниговской епархіи тогда-же было 550 церквей, 40.525 приходскихъ дворовъ, 285.260 мужч. и 273.381 женщ. Переяславская епархія въ это-же время имѣла всего 340 церквей, 34.109 приходскихъ дворовъ, православнаго населенія—225.800 муж. и 218.149 жен. Такимъ образомъ, въ Кіевской епархіи на 1 церковь приходилось (по приблизительному разсчету) 104 двора и 580 человѣкъ мужскаго населенія, въ Черниговской—73 двора и 518 мужчинъ, въ Переяславской—100 дворовъ и 664 мужчинъ.

Кромѣ этихъ трехъ епархій, малороссійскихъ въ полномъ смыслѣ этого слова, съ преобладающимъ малороссійскимъ населеніемъ были епархіи—славянская (архіерей которой жилъ въ Полтавѣ) и бѣлгородская. Въ первой въ данное время было 424 церкви, 62.801 приходскій дворъ, 297.036 мужч. и 250.469 женщ. (т. е, на 1 церковь приходилось 149 дворовъ и 700 мужч.). Во второй (бѣлгородской)—1.146 церквей, 157.053 приходскихъ двора, 740.444 мужч. и 726.147 женщ. (т. е. на церковь—137 дворовъ и 654 мужч.).

Сообразно съ состоявшимся въ 1781 г. раздѣленіемъ имперіи на губерніи, рѣшено было произвести новое распредѣленіе епархій. Въ 1785 г., между прочимъ, послѣдовало такое новое распредѣленіе малороссійскихъ епархій: къ кіевской отнесено 636 церквей (въ томъ числѣ 340 бывшей переяславской и только 296 прежней кіевской), 61.104 прих. двора, 380.210 мужского населенія; къ черниговской—572 церкви (въ томъ числѣ отъ прежней черниговской 124 и отъ кіев-

ской 448), 59.495 дворовъ и 357.532 мужч.; новообразованная Новгородская епархія получила 636 церквей (отъ Черниговской 426 и отъ Кіевской 210), 53.183 прих. двора и 326.609 мужч. (см. дѣло арх. св. Синода 1784 г. № 28).

Вл. П—ко.

Избіеніе евреевъ въ Малороссіи въ 1631 — 1632 гг. (*изъ раввинскихъ книгъ XVII в.*). Въ респонсахъ Брестъ Литовскаго раввина р. Іоиля Серкесса, издан. въ 1697 г. въ Франкфуртѣ на Майнѣ подъ названіемъ „Шалосъ Утшувосъ Габахъ“, находимъ факты объ избіеніи евреевъ козаками на Украйнѣ въ 1631 г.

№ 105. Передъ нами въ засѣданіи трехъ судей явился Іуда Израилевъ изъ Гридинга, что близъ Сатанова, и далъ такое показаніе: Впавъ по недоразумѣнію въ уголовное дѣло, я переселился изъ Гридинга въ Украйну, гдѣ возлѣ Днѣпра шли тогда сраженія, въ которыхъ убито много евреевъ. Разоренный вслѣдствіе этого и обуянный страхомъ, я долженъ былъ съ пустыми руками, какъ нищій, оставить тотъ край и на вопросъ: куда? я отвѣтилъ, что изъ-за упомянутаго уголовнаго дѣла я не могу вернуться въ родной край, а долженъ направиться въ Бреста-гродненскую страну. Тогда мнѣ мѣстные люди вручили списокъ убитыхъ, подписанный канторомъ и служкой синагоги г. Пирятина. Списокъ мною потерянъ, но въ немъ значился Аврамъ сынъ Шабсевъ изъ Гродна убитымъ въ сраженіи козаковъ того времени. Показалъ въ Вильнѣ 2-го мѣс. Швата 5391 (1631 г.).

№ 106. Передъ нами въ засѣданіи судей явился Гершъ Шмаревъ изъ Львова и показалъ: въ будущій праздникъ Пятидесятницы (5392) исполнится два года, какъ въ Обусѣ-Анейнѣ (Басань?) во время войны съ козаками возлѣ Пиреислава (Переяславъ) близъ Днѣпра, засталъ я много евреевъ, между прочими нѣкоего Авраама. На мой вопросъ послѣдній мнѣ сообщилъ, что онъ изъ Городна; ростомъ онъ былъ очень высокій, но худого сложенія. Въ Обусъ-Анейнѣ я вступилъ съ нимъ въ товарищество по покупкѣ товаровъ, при чемъ я ему вручилъ 50 золотыхъ, а также лошадь съ повозкой, и онъ поѣхалъ купить спирта вмѣстѣ съ другими евреями, которые были убиты *всѣ*... Узнавъ объ этомъ, мы Обусъ-Анейнск. евреи наняли 30 козаковъ для доставки убитыхъ евреевъ. Козаки дѣйствительно доставили убитыхъ, и мы ихъ хоронили. Упомянутаго Аврама я своими руками

похоронилъ во второй день праздника Пятидесятницы 2 года тому назадъ. 12-го Ира 5392 (1632 г. по Р. Х.).

Равинъ Іоиль Серкессъ занималъ должность раввина въ разныхъ городахъ въ Литвѣ и Польшѣ. Допросъ свидѣтелей объ убитомъ Аврамѣ былъ адресованъ къ нему, какъ видно, во время пребыванія его въ Краковѣ.

В. Затуловскій.

Еще варіантъ малорусской баллады о Бондаривнѣ. Въ мартовской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1905 г. сообщены г. В. Доманицкимъ *новые варіанты* замѣчательной народной пѣсни *о Бондаривнѣ* и *Панѣ Каневскомъ*; при чемъ указана литература этой пѣсни. Не такъ давно намъ посчастливилось записать еще одинъ варіантъ этого характернѣйшаго памятника малорусской народной словесности; такъ какъ онъ особенно выдается своею простотою и естественностію въ сравненіи съ другими варіантами, — то мы полагаемъ, что и его слѣдуетъ прибавить ко все увеличивающейся литературѣ этого памятника.

У мистечку Берестечку
Команда стояла, —
Молодая Бондаривна
Въ ратуши гуляла.

—

Десь ны взявся Панъ Коневській —
Звеливъ танець граты,
Та якъ начавъ Бондаривну
За ручку стыскаты.

—

Молодая Бондаривна
Цыхъ жартивъ не знала,
Та пидняла билу ручку —
Ему въ морду дала.

—

А тамъ булы таки люды,
Що сказалы стыха:

«Тикай, тикай, Бондаривно,
Буде тоби лыхо!..»

—

Утикала Бондаривна
Зъ миста та на мисто,
А за нею Панъ Коневській
Зо всимъ своимъ військомъ...

—

Утикала Бондаривна
Темнымы лугамы,
А за нею два гайдуки
Зъ гострымы мечамы.

—

Одынъ піймавъ, одынъ піймавъ
Прыгорнувъ до себе:
— Ой жаль мени, Бондаривно,
Ой жаль мени, тебе!

—

Другый піймавъ, другый піймавъ
За чорную косу:
— Годи жъ тоби, Бондаривно,
Щей гуляты доси!

—

Та прывелы-жъ Бондаривну
Въ новіи покои,
Посадылы Бондаривну
За столы тесови.

—

Посадылы Бондаривну
До стины плечима,
А до пана Коневського
Чорнымы очима.

—

Посадылы Бондаривну
На золотимъ кресли.
— Спивай, спивай, Бондаривно,
Жалобнои пѣсни.

—

Якъ начала Бондаривна
Писеньки спиваты, —
Ой якъ начавъ панъ Коневській
Жалью умливаты!

—

— А чы маишъ, Бондаривно,
Въ цыхъ покояхъ жыты, —
А чы маишъ, Бондаривно,
Въ сыри земли гныты?

—

— Лучче жъ мени, лучче мени
Въ сыри земли гныты,
Чимъ зъ тобою безлюдныкомъ
Въ цихъ покояхъ жыты!..

—

Якъ ударывъ панъ Коневській
Зъ новои рушныци,
Та попавъ же Бондаривну
Въ ти красненьки лыця.

—

— Дайте жъ, слуги, дайте слуги
До Бондара знаты,
Нехай прыйде старый Бондаръ
Дочку поховаты.

—

Якъ прыйшовъ же старый Бондаръ —
Якъ начавъ плакаты:
— Однымъ одну дочку маю —
Мушу поховаты.

—

Нема-жъ меи Бондаривны,
Тилько тая прысьба,
Що сыдило що-вечира
Кавалеривъ триста.

—

Записано 12 Августа 1905 г. въ г. Одессѣ — отъ *Елизаветы Григорьевны Бѣловой*, которая заучила эту пѣсню отъ своей матери

Маріи Өедоровны Даниловой, для коей эта пѣсня была *любимой*. М. Ө. Данилова скончалась 6 авг. 1904 г., 53 лѣтъ отъ роду. Много знала малорусскихъ пѣсенъ и при работѣ пѣла ихъ.

Сообщ. **Л. М.**

Объ одномъ изъ памятниковъ Украинской старины. Въ Полтавскій земскій естественно-историческій музей поступило цѣнное пожертвованіе П. Д. Шкларевича, а именно: замѣчательная старинная рукописная книга 1-ой половины 18 столѣтія „Проэктъ свода законовъ для малорусскаго народа". Проэктъ этотъ, занимающій свыше 1000 страницъ, состоитъ изъ 30 главъ, обнимающихъ весь кругъ регулируемыхъ закономъ отношеній въ старой Украинѣ. Вотъ, представляющій не малый интересъ, перечень нѣкоторыхъ изъ этихъ главъ.

1-я глава, о «силѣ и важности правъ малороссійскихъ». Здѣсь устанавливается всеобщность и неизмѣнность примѣненія этихъ правъ «Малороссіи», какъ по отношенію къ коренному населенію, такъ и по отношенію къ проживающимъ здѣсь иностранцамъ, а также къ пріѣзжимъ изъ другихъ областей Россіи и вообще изъ-за границы;

2-ая глава относится къ «чести Божіей»;

3-ья — «о Высочайшей чести и о власти Монаршеской»;

4-ая — «о вольности и свободахъ малороссійскихъ и о выборѣ военныхъ чиновъ;

5-ая — «о службѣ Государевой и о порядкѣ воинскомъ»;

6-ая — «о судахъ духовнымъ чинамъ съ мирскими и о приходскихъ священникахъ»;

7-ая — «о судахъ, судіяхъ и другихъ персонахъ къ суду надлежащихъ и о содержаніи правнаго порядка въ дѣлахъ судебныхъ и о выборѣ ихъ»;

8-ая — «о челобитчикѣ и отвѣтчикѣ и о судовомъ процессѣ, о декретахъ или приговорахъ, о апелляціяхъ»;

9-ая — «о произвожденіи суда въ разныхъ случайныхъ дѣлахъ и о давности земской»;

10-ая — «о сговорахъ свадебныхъ, о приданномъ и вѣнѣ, о наслѣдіи мужа по женѣ и жены по мужу и о разводахъ».

Дальнѣйшія главы, подробное обозначеніе которыхъ въ настоящемъ случаѣ заняло бы слишкомъ много мѣста, касаются права лич-

наго и общественнаго, опредѣляютъ отношенія имущественныя вообще и земельныя въ частности, касаются проступковъ гражданскихъ и уголовныхъ, опредѣляютъ сословныя отношенія въ старой Украйнѣ и т. д.

Происхожденіе свода объясняетъ сдѣланная въ концѣ занимающей насъ книги приписка составителей этого крупнаго труда, на выполненіе котораго, какъ увидимъ ниже, потребовалось много лѣтъ работы цѣлой коллегіи украинскихъ законовѣдовъ козацкой поры.

Вотъ эта приписка, приводимая здѣсь дословно. „Вишшеписанніи права изъ полского и латинскаго языковъ на россійскій діалектъ нами нижеподписавшимися въ комиссію перевода и свода правныхъ книгъ опредѣленніи, мы по данной въ ту комиссію инструкціи, въ силу имянного указа, изъ трехъ книгъ въ одну книгу сведени и, что надлежало въ тѣхъ же трохъ книгахъ къ сокращенію, сокращено, и неприличное одставлено, а что надлежало къ прибавленію изъяснено и поправлено, на Высочайшую Ея Императорскаго Величества волю и благоусмотрѣніе.

О томъ по силѣ вышеозначенного жъ имянного указу и инструкціи Всеподданнѣйше одъ оной перевода и свода комиссіи проэкти, особливо учиненніе, и при семъ сообщени суть, которие такъ какъ (далѣе два слова неразобраны) сочиненіи права руками нашими подписани».

Подписей членовъ комиссіи, составлявшихъ занимающій насъ сводъ, не находимъ, однако, въ данномъ экземплярѣ.

Цѣнныя указанія на обстоятельства, при которыхъ выдвинутъ былъ вопросъ о составленіи свода законовъ для „малороссійскаго" народа находимъ въ обширной монографіи выдающагося правовѣда, покойнаго профессора А. Ѳ. Кистяковскаго „Права, по которымъ судится Малороссійскій народъ". Приводимъ наиболѣе существенныя подробности названнаго ученаго труда.

По договорнымъ статьямъ 1654 г. между Царскимъ правительствомъ и войскомъ Запорожскимъ, Малороссія получила право управляться и судиться по своимъ стародавнимъ правамъ и законамъ. Ненарушимость правъ Малороссіи неоднократно подтверждалась какъ въ 17, такъ и въ первой половинѣ 18 столѣтія. Даже Петръ Великій, предпринявшій первую рѣшительную попытку наложить крѣпкую руку центральной власти на самоуправленіи Малороссіи, въ отдѣльныхъ случаяхъ въ своихъ указахъ признавалъ особыя права „малороссійскаго" народа. При преемницѣ Петра Великаго Императрицѣ Ека-

теринѣ 1-й, рѣшительными пунктами 1728 года былъ возстановленъ прежній порядокъ суда и управленія Малороссіей. Тогда же предписано было особымъ указомъ перевесть права, по которымъ судится малороссійскій народъ, на великороссійскій языкъ и потомъ свесть ихъ въ одно цѣлое. Указъ этотъ мотивировался тѣмъ, что въ Малороссіи дѣйствуютъ магдебурскіе и саксонскіе статуты, которые другъ съ другомъ не согласны, вслѣдствіе чего, — говорится въ указѣ — можетъ происходить въ судахъ помѣшательство. Для составленія этого свода законовъ предоставлялось избрать надлежащій составъ изъ представителей судебной власти, включая въ этотъ составъ также и епископа, какъ представителя духовной власти. Мѣстомъ дѣятельности комиссіи назначенъ былъ городъ Глуховъ.

Дѣятельность комиссіи, однако, не налаживалась. Въ инструкціи, данной въ 1734 г. временному правленію, замѣнявшему въ эту пору гетманскую власть въ Малороссіи, говорится, что „хотя рѣшительными пунктами повелѣно было перевесть и свесть въ одни права, по которымъ судится малороссійскій народъ, но что по сіе время того всего не сдѣлано". Предписывалось приложить стараніе для осуществленія того повелѣнія и при томъ безъ упущенія времени. Послѣ этого комиссія составлена была изъ 12 членовъ въ тѣхъ цѣляхъ, чтобы „оныя права для пользы малороссійскаго народа въ совершенство приведены были". Выборъ лицъ въ комиссію предоставленъ былъ правителю Малороссіи кн. Шаховскому. Мѣстомъ работы комиссіи назначена Москва вмѣсто Глухова. На содержаніе 12 членовъ комиссіи назначено было всего 2 тыс. р. въ годъ. Жалованье это выдано членамъ комиссіи только за 1735 годъ, а затѣмъ съ переводомъ дѣятельности комиссіи въ 1836 г. изъ Москвы снова въ Глуховъ, уже не выдавалось „по соображенію, что будучи тамо, члены комиссіи могутъ довольствіе свое имѣть отъ домовъ своихъ". Характерна одна подробность, относящаяся къ дѣятельности комиссіи въ Москвѣ. Въ 1735 году было предписано сенатской конторѣ къ 12 членамъ изъ малороссійскихъ чиновъ присоединить „одну искусную персону изъ великороссіянъ", „дабы и тѣ малороссіяне подъ смотрѣніемъ той персоны свое дѣло прилежнѣе отправляли и непродолжительно кончили". Этотъ странный, по замѣчанію пр. Кистяковскаго, способъ дисциплины, объясняемый только тогдашними нравами, не обезпечилъ, разумѣется, успѣшности работы. Успѣшность работы тормозилась, вопервыхъ, тѣмъ, что комиссія не получила отвѣта на поставленный ею рядъ вопросовъ принципіаль-

наго характера, разрѣшеніе которыхъ она считала необходимымъ для успѣшности своей дѣятельности. На эти вопросы комиссія просила дать выразную реляцію, „понеже дѣла, нами зачатаго, производить далѣй нельзя будетъ".

Еще болѣе существеннымъ тормазомъ для дѣятельности комиссіи было несогласіе во взглядахъ въ составѣ комиссіи по вопросу о методѣ составленія свода. Наиболѣе яркими выразителями мнѣній по этому предмету были генеральный судья Иванъ Борозна, (предсѣдатель комиссіи), являвшійся сторонникомъ группировки матеріала по образцамъ старинныхъ статутовъ, а съ другой стороны лохвицкій сотникъ Василій Стефановъ, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ составителей свода. Въ концѣ концовъ взяли перевѣсъ взгляды лохвицкаго совѣтника, который изложилъ и основанія метода, какимъ руководились члены комиссіи при составленіи свода. „Вышепрописанное все не такимъ порядкомъ, якъ въ старыхъ книгахъ, но новымъ, *къ натуральному близкимъ*, располагаемъ и пишемъ, чтобы одно, елико возможно, ближе другого слѣдовало и вязалось; инако же дѣлать показалось намъ не порядочно и не моцно".

Составъ членовъ комиссіи нѣсколько разъ измѣнялся, такъ какъ члены ея, по распоряженію изъ Петербурга, нерѣдко получали другое назначеніе. Въ 1738 г. составъ членовъ комиссіи былъ восполненъ до 18 человѣкъ, выполнявшихъ свою работу въ Глуховѣ до ея окончанія. Оконченъ сводъ составленіемъ въ 1743 году, т. е. черезъ 15 лѣтъ послѣ начала этого дѣла. Въ 1744 сводъ былъ представленъ въ сенатъ, гдѣ и пребывалъ безъ движенія въ теченіе 12 лѣтъ. Въ 1756 году по именному указу Императрицы Елисаветы Петровны возвращенъ былъ гетману Разумовскому, который только черезъ два года созвалъ генеральную старшину въ Глуховъ для разсмотрѣнія этого свода. Въ генеральной канцеляріи 1785 года закипѣла работа. Пересмотръ свода, однако, былъ прерванъ и отложенъ до слѣдующаго года. Но ничего не было сдѣлано и въ слѣдующемъ году. Вскрылись опять разногласія относительно способа составленія свода, повторился старый споръ лохвицкаго сотника Василія Стефанова и генеральнаго судьи Ивана Борозны. Послѣ этого оффиціальныя свѣдѣнія о сводѣ прекращаются.— Сводъ, очевидно совсѣмъ не имѣлъ практическаго примѣненія. Въ 1761 году ставится уже вопросъ о новой редакціи литовскаго статута и уже въ видѣ прибавочной работы въ связи съ общимъ планомъ кодификаціи отечественныхъ законовъ. Въ 1767 году

созывалась Екатериной II извѣстная комиссія для новаго уложенія уже общерусскихъ законовъ. Хотя мѣра эта тогда не осуществилась, но было ясно, что въ это время уже не могло быть и рѣчи о составленіи свода отдѣльныхъ малороссійскихъ законовъ. Уже подготовлялось распространеніе на Малороссію положенія о губерніяхъ. Это произошло въ 1783 году. Вмѣстѣ съ тѣмъ старое судоустройство козацкое, гдѣ оно оставалось, замѣнено порядкомъ установленнымъ въ положеніи о губерніяхъ. Настали земскіе суды, земскіе исправники и городничіе, дѣйствовавшіе до реформы 1861 года. Отъ стародавнихъ правъ малороссійскихъ сохранились къ тому времени лишь обломки, удержавшіеся и до нынѣ въ видѣ особыхъ законовъ, дѣйствующихъ въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ.

Необходимо замѣтить, что источниками для занимающаго насъ проекта свода законовъ явились Литовскій статутъ, Зерцало Саксонское, порядокъ права Цесарскаго, право Магдебургское и разнаго рода указы Петербургскаго правительства, давшіе матеріалъ для „прибавленій" въ сводѣ.

Крайняя суровость, можно сказать, жестокость, соотвѣтствовавшія стародавнимъ порядкамъ жизни, въ велѣніяхъ закона по названнымъ источникамъ, поражаютъ современнаго читателя. Проектъ свода интересенъ, такимъ образомъ не своимъ содержаніемъ, а своимъ общимъ смысломъ. Существованіе проекта является краснорѣчивымъ указаніемъ на то, что полтора вѣка съ небольшимъ тому назадъ право украинскаго народа на самоопредѣленіе пользовалось всеобщимъ признаніемъ.

Извѣщенія Редакціи. Редакція журнала «Кіевская Старина» симъ извѣщаетъ нижепоименованныхъ лицъ, что ею получены въ теченіе сентября мѣсяца 1905 г. слѣдующія суммы.

1) На сооруженіе *памятника Т. Г. Шевченку:* а) Отъ доктора Л. В. Гогина — 5 руб.; б) отъ М. Ф. Лободовскаго — 3 руб. — *всего 8 руб.*; что, вмѣстѣ съ прежде поступившими 544 р. 60 к. (см. № 9-ый), составитъ *562 р. 60 к.*, которые будутъ храниться въ редакціи до времени учрежденія постоянной коммиссіи по устройству памятника Т. Г. Шевченку. Туда-же будутъ направлены и всѣ новыя пожертвованія.

2) На поддержаніе *могилы Т. Г. Шевченка:* а) изъ Петербурга—отъ С. Ф. Жилко, С. И. Соловьева, Е. С. Грибенюка — по 5 руб., А. П. Кобелева, О. Г. Лопатинскаго—по 3 р., К. І. Храневича—2 р., Ниночка Жилко, В. В. Рудницкаго, Е. Р. Ярмольчука, М. Булаха, К. А. Болеславлевой, М. А. Стальбергъ — по 1 р., В. Н. Люшковскаго, В. Якобсона — по 50 к., Е. О. Магеровской — 35 к., — итого 30 р. 35 к.; б) отъ Марка и Лизы — 1 р.— всего 31 р. 35 к., что, вмѣстѣ съ прежде поступившими 443 р. 20 к. (см. № 9-й), составитъ *474 р. 55 к.* На эти средства будетъ весной 1906 года устроена каменная лѣстница на могильный курганъ, а также начаты уже работы по посадкѣ деревъ и кустарниковъ на площади, вновь прирѣзанной г. Каневомъ къ усадьбѣ Шевченковой Горы.

3 На образованіе *капитала имени И. С. Левицкаго-Нечуя:* отъ М. Ф. Лободовскаго 2 р., отъ Мани и Лизы 1 р., — итого 3 р., что, вмѣстѣ съ прежде поступившими 135 р. 11 к. (см. № 5-й), составитъ *138 р. 11 к.*

Текущія извѣстія.

35-лѣтній юбилей профессорской дѣятельности В. В. Антоновича. Въ сентябрѣ сего года исполнилось 35 лѣтъ со времени вступленія на кафедру заслуженнаго профессора Университета Св. Владиміра—Владиміра Бонифатьевича Антоновича. По этому поводу, въ виду заслугъ В. Б. Антоновича по изученію южно-русской исторіи, по преподаванію въ университетѣ и по дѣятельности въ качествѣ члена историч. Общества Нестора-Лѣтописца, въ Совѣтѣ послѣдняго былъ возбужденъ вопросъ объ учрежденіи при названномъ Обществѣ преміи В. Б. Антоновича за труды по южно-русской археологіи и исторіи.

Въ настоящее время, согласно постановленіямъ Совѣта и общаго собранія Истор. Общества Нестора-Лѣт., уже возбуждено соотвѣтствующее ходатайство о разрѣшеніи объявить подписку для сбора капитала на упомянутую премію; дальнѣйшая же разработка вопросовъ, связанныхъ съ организаціей сбора капитала на эту премію, возложена на особую комиссію изъ лицъ, подавшихъ объявленіе въ Совѣтъ Общества объ учрежденіи преміи (Н. П. Дашкевича, Г. Г. Павлуцкаго,

И. М. Каманина, С. Т. Голубева, А. М. Лободы, М. В. Довнаръ-Запольскаго, и О. И. Левицкаго, В. П. Науменка, Н. П. Василенка, М. С. Грушевскаго.

Паралелльно съ этимъ, независимо Общества, возникла мысль о сборникѣ въ честь В. Б. Антоновича на началахъ, о которыхъ можно судить по слѣдующему обращенію иниціаторовъ этого дѣла къ ученикамъ и почитателямъ В. Б. Антоновича:

«Въ сентябрѣ 1905 г. исполняется тридцатипятилѣтіе со времени вступленія на кафедру, а въ 1906 г. сорокапятилѣтіе со времени появленія первой статьи въ „Основѣ" профессора В. Б. Антоновича. Ученики и почитатели маститаго ученаго, ввиду этихъ юбилеевъ, рѣшили издать Сборникъ статей, посвященныхъ В. Б. Антоновичу. Сборникъ будетъ носить названіе „Сыну Украины".

Лица, взявшія на себя трудъ веденія изданія Сборника, обращаются къ Вамъ съ просьбой принять въ немъ участіе и прислать для него статью. При этомъ необходимо выяснить имена лицъ, пожелавшихъ принять участіе въ Сборникѣ, въ первыхъ числахъ сентября 1905 г. и названія обѣщанныхъ ими статей (хотя бы приблизительное) такъ какъ предполагается оглавленіе Сборника съ первыми статьями (печатаніе ихъ начнется лѣтомъ) преподнесть юбиляру. въ сентябрѣ же. Окончательный срокъ присылки статей предположенъ въ октябрѣ —ноябрѣ 1905 г.

Относительно средствъ на изданіе статей въ Сборникѣ предположено слѣд.: 1) предположено обратиться къ почитателямъ В. Б. Антоновича, которые бы не пожелали принять участіе въ Сборникѣ своими статьями, принять таковое участіе добровольнымъ денежнымъ взносомъ для покрытія, или, по крайней мѣрѣ, уменьшенія типографскихъ расходовъ, падающихъ на участвующихъ въ сборникѣ своими статьями; 2) въ случаѣ, еслибы означенными добровольными взносами почитателей участниковъ Сборника не были покрыты расходы по его изданію, то недостающая сумма будетъ разверстана на авторовъ статей, пропорціонально числу страницъ.

Въ виду того, что почитателей и учениковъ проф. В. Б. Антоновича весьма много и лица, живущія въ Кіевѣ, легко могутъ не знать всѣхъ, то они покорнѣйше просятъ Васъ сообщить имъ имена учениковъ и почитателей для привлеченія ихъ къ участію въ „Сборникѣ".

Извѣщенія, статьи и запросы просятъ обращать къ одному изъ слѣд. лицъ: 1) Оресту Ивановичу Левицкому (Круглый Спускъ № 4, съ 1-го сентября, а до 1-го сент. Центр. Архивъ Университета); 2) проф. Митрофану Викторовичу Довнаръ-Запольскому (М-Владимірская 45); 3) проф. Николаю Павловичу Дашкевичу (Университетъ); 4) проф. Андрею Митрофановичу Лободѣ (Михайловскій пр. 30); 5) Владиміру Ивановичу Щербинѣ (Рыбальская, 16; 6) Ивану Михайловичу Каманину (Университетъ, Центр. Архивъ).

Пожертвованія на изданіе Сборника слѣдуетъ направлять казначею Ист. Общ. Нестора Лѣтоп. проф. Григорію Григорьевичу Павлуцкому (Никольско-Ботаническая, соб. домъ).

Оффиціальное увѣдомленіе объ этихъ начинаніяхъ и чествованіе маститаго ученаго назначены мѣстными учениками и почитателями послѣдняго, по соглашенію съ истор. Обществомъ Нестора-Лѣтописца, —на 14-ое ноября 1905.

Народный языкъ въ народной школѣ. Народная школа должна передавать учащимся въ ней дѣтямъ все на родномъ языкѣ; и учитель, и фельдшеръ, и врачъ, и священникъ тысячу разъ убѣждались въ этомъ и считались съ этимъ въ повседневной практикѣ; но, несмотря на это, находятся еще люди, и они даже составляютъ пока превалирующее большинство, для которыхъ политика обрусенія въ инородческихъ школахъ, иначе говоря, политика огульнаго обезличиванія представляетъ одно изъ самыхъ необходимыхъ условій правильнаго и, по ихъ мнѣнію, послѣдовательнаго развитія государства.

Я уже высказывался однажды въ печати, („Южныя Записки", книжка 37, стр. 50. „Печальное недоразумѣніе") о томъ, что преподаваніе въ инородческихъ школахъ должно вестись только на родномъ языкѣ. Касаясь малорусскихъ школъ, я указывалъ, между прочимъ, на то обстоятельство, что ребенокъ-малороссъ, являясь въ школу, на первыхъ же порахъ сталкивается съ чужою и мало понятною для него рѣчью; между нимъ и его домашними сразу устанавливается никому не нужная рознь; „въ школи треба балакаты по паньски, а дома по мужицьки"—думаетъ мальчуганъ, и, при всемъ желаніи, онъ не въ состояніи передавать семьѣ свои школьныя впечатлѣнія и наблюденія, такъ какъ добрая половина великорусской книжной рѣчи и для него, и для семьи кажется китайскою грамотою. Можетъ быть, „че-

резъ милліонъ лѣтъ“, какъ выражается одинъ мой добрый пріятель, міръ будетъ пользоваться однимъ общимъ для всѣхъ языкомъ и нарѣчіемъ, теперь же намъ необходимо проводить знаніе въ народъ тѣмъ путемъ, который разумнѣе и доступнѣе.

14 лѣтъ безвыходно я пробылъ учителемъ въ малорусскомъ селѣ, и все время мнѣ приходилось переводить книжную рѣчь на понятный для школы языкъ, иначе говоря, къ тяжелому и безъ того учительскому труду прибавлялась лишняя работа.

Конечно, я могъ отнестись, согласно циркуляру, къ своей миссіи гораздо спокойнѣе и ко времени экзаменовъ приготовить нѣсколько довольно сносныхъ экземпляровъ, выпускныхъ попугаевъ, но, къ несчастью, я былъ учителемъ по призванію и считалъ такого рода дѣятельность безсовѣстной и преступной: повторяю, что я 14 лѣтъ мучился съ переводомъ на малорусскій языкъ всего, что мнѣ приходилось читать и говорить дѣтямъ и народу; неимовѣрныхъ усилій стоило мнѣ завоевать довѣріе населенія и вызвать его на откровенность; тогда только я разглядѣлъ ту бездну, которая раздѣляетъ народъ и школу, тогда только, убѣжденный личнымъ горькимъ опытомъ, я увидѣлъ, что народная школа можетъ жить и развиваться, при условіи преподаванія въ ней на родномъ для населенія языкѣ, и что лишь при такихъ условіяхъ могутъ слиться и объединиться въ одно цѣлое семья, школа и народъ.

Минувшее тираспольское собраніе уклонилось отъ прямого рѣшенія вопроса, касающагося свободнаго выбора языка при обученіи дѣтей въ инородческихъ и малорусскихъ школахъ, и передало детальное разсмотрѣніе этого чрезвычайно важнаго и назрѣвшаго вопроса управѣ, поручивъ ей представить къ слѣдующему собранію подробно разработанный докладъ.

Собраніе прибѣгло въ данномъ случаѣ къ излюбленному способу откладыванія дѣлъ въ долгій ящикъ, несмотря на то, что членъ тираспольской управы Н—ъ, близко стоящій къ школьному дѣлу, представилъ минувшему собранію богатый фактическій матеріалъ, коротко ознакомившись на экзаменахъ въ начальныхъ училищахъ уѣзда съ результатами, какіе даетъ „система“ обрусенія; онъ, между прочимъ, говоритъ: „Если въ прошломъ году у меня еще осталась тѣнь сомнѣнія, то теперь я твердо убѣжденъ, что въ инородческихъ школахъ обученіе обращается въ самое тяжелое мученіе, въ одинаковой степени, какъ для учащихся, такъ и для учащихъ.

Отупляющее дѣйствіе русской грамоты на нѣмецкихъ дѣтей можно легко прослѣдить, переходя изъ отдѣленія въ отдѣленіе и всматриваясь въ физіономіи учащихся. Въ первомъ изъ нихъ вы видите веселыя, оживленныя дѣтскія лица съ устремленнымъ на васъ яснымъ взглядомъ, но чѣмъ дальше вы подвигаетесь впередъ, тѣмъ болѣе лица становятся печальными, вытянутыми, а взоръ затуманеннымъ и, наконецъ, въ выпускномъ отдѣленіи предъ вами рядъ измученныхъ дѣтей, съ убитыми лицами и совершенно отупѣлымъ взоромъ. Неужели это — не мученіе для обѣихъ сторонъ: учащихъ и обучаемыхъ, неужели это просвѣщеніе, а не помраченіе“?

Вспоминаю случай, когда даровитую учительницу, уроженку Тверской губерніи, учебное начальство послало, въ видахъ обрусенія населенія, въ молдавское село; полная энергіи, творческаго таланта, дѣвушка до того измѣнилась, пробывъ лишь одну зиму среди молдаванъ, что ее трудно было узнать; она постарѣла, осунулась, потеряла вѣру въ свои силы и въ самую жизнь, а почему? потому только, что вмѣсто простой, родной для ребенка фразы „кумъ нумиле“ (какъ твое имя) она глушила новичка великорусскою рѣчью, и онъ, таращa на нее недоумѣвающіе глазенки, вѣроятно, думалъ въ своемъ маленькомъ молдаванскомъ мозгу: „какъ же это такъ, наша учительница пришла насъ учить и не знаетъ нашего языка“; и правъ, тысячу разъ правъ этотъ ребенокъ, ибо *„наша учительница непремѣнно должна знать нашъ языкъ, иначе она чужая, безполезная для школы и для народа“* (Югъ, № 2160).

Георгій Федоровъ.

Родной языкъ — родная и школа. Совѣщаніе по народному образованію, при херсонской губернской земской управѣ, прошло довольно оживленно; особенно много вниманія было удѣлено вопросу — какой языкъ долженъ имѣть превалирующее значеніе въ преподаваніи въ начальной школѣ.

Прежде всего, я считаю долгомъ отмѣтить, что представительство отъ учительскаго персонала на совѣщаніи было выражено весьма слабо, вслѣдствіе чего не представлялось возможнымъ имѣть болѣе или менѣе опредѣленное мнѣніе мѣстныхъ, стоящихъ непосредственно у дѣла работниковъ, что значительно ослабляло продуктивность совѣщанія.

Замѣтна была также нѣкоторая тенденція на предрѣшеніе вопросовъ со стороны доминирующаго элемента; но нужно отдать справедливость меньшинству, которое упорно и горячо отстаивало каждое свое положеніе.

Сторонники преподаванія въ начальныхъ школахъ на русскомъ языкѣ, исходя, между прочимъ, изъ положенія, что школа должна облегчать задачу государства, отводили родному языку лишь мѣсто вспомогательнаго орудія; и то на первыхъ ступеняхъ обученія, дальше, по ихъ мнѣнію, господствующая роль должна была переходить къ русскому языку, какъ языку государственному; при чемъ однимъ изъ участниковъ совѣщанія было даже выражено опасеніе, что если мы допустимъ распаденіе школъ въ смыслѣ преподаванія на отдѣльныя національныя группы, то тѣмъ самымъ дадимъ возможность нѣкоторымъ изъ нихъ, хотьбы, напримѣръ, нѣмецкимъ, совершенно отказаться отъ русскаго языка.

Сторонники преподаванія во всѣхъ школахъ на родномъ языкѣ, устраняя такое опасеніе, находили его даже нелогичнымъ и непослѣдовательнымъ уже потому, что врядъ-ли кто откажется отъ изученія русскаго языка, который имѣетъ для всякой національности, входящей въ составъ русскаго государства, чисто практическое и научное значеніе. Что-же касается родного языка, то въ защиту его выставлялось два главныхъ основанія: во первыхъ, двумя участниками совѣщанія указывалось на значеніе родного языка, съ точки зрѣнія чисто педагогической; говорилось, что такъ какъ главная и основная задача школы воспитывать изъ ребенка будущаго гражданина, то болѣе чѣмъ нецѣлесообразно мучить его непонятной терминологіей, заставлять его вникать не въ сущность вещей, о которыхъ ему сообщаютъ, а прежде всего въ форму, вслѣдствіе чего ему приходится все преподаваемое претворять и приспособлять къ своимъ національнымъ понятіямъ и представленіямъ. Во вторыхъ, ребенокъ, получившій первоначальное развитіе и воспитаніе на родномъ языкѣ, затѣмъ будетъ болѣе способенъ къ воспринятію и всякихъ другихъ незнакомыхъ языковъ, въ томъ числѣ и необходимаго для него государственнаго языка, такъ какъ при ихъ изученіи онъ будетъ работать уже сознательно.

Если мы теперь оставимъ педагогическую точку зрѣнія и посмотримъ на родной языкъ съ точки зрѣнія государственной необходи-

мости, то врядъ ли здѣсь является настоятельная потребность подчиненія и обезличиванія національнаго народнаго духа.

Всякое насиліе вызываетъ ненависть и озлобленіе и въ наименьшемъ случаѣ тупое равнодушіе; если мнѣ скажутъ, что при свободномъ существованіи каждой отдѣльной національности, нашей арміи придется считаться съ разнорѣчіемъ новобранцевъ, какъ съ однимъ главнѣйшимъ тормазомъ ея правильнаго и планомѣрнаго развитія, то я на это отвѣчу, что именно въ томъ заключается все зло современнаго строя, что онъ наивно думаетъ на почвѣ насильственно порабощеннаго духа строить будущую защиту и оплотъ государства; татаринъ-новобранецъ, избравшій висѣлицу вмѣсто изученія «устава» на русскомъ языкѣ, довольно ясно иллюстрируетъ продуктивность подобнаго строя.

Будемъ же надѣяться, что въ народной школѣ въ самомъ недалекомъ будущемъ будетъ и народный языкъ; такъ по крайней мѣрѣ рѣшило минувшее совѣщаніе; можно думать, что къ такому же выводу придетъ и предстоящее губернское земское собраніе. (Югъ, № 2168).

Къ украинской печати и слову. 1) Газеты сообщили, что вопросъ объ отмѣнѣ ограниченій для украинской печати снятъ съ очереди.

Несомнѣнно, говорятъ «Кіевск. Откл.», вопросъ объ украинскомъ языкѣ въ теченіе почти сорока лѣтъ носилъ политическій характеръ, и ему придавалось большое значеніе въ дѣлѣ государственной безопасности. Въ этомъ смыслѣ былъ сдѣланъ запросъ и начальнику юго-западнаго края ген.-ад. Н. В. Клейгельсу, который, какъ и его предшественникъ М. И. Драгомировъ, дали заключеніе вполнѣ благопріятное для снятія органиченій съ украинскаго слова. Но комитетъ министровъ не ограничился однимъ этимъ. Имъ были запрошены также академія наукъ и университеты кіевскій и харьковскій. Всѣ эти учрежденія высказались за необходимость безусловной отмѣны всякихъ ограниченій украинскаго слова. Академія наукъ обосновала свое рѣшеніе въ особой запискѣ. Стоя на научной точкѣ зрѣнія, она доказывала, какой большой вредъ для культурнаго развитія страны приноситъ ограниченіе украинскаго слова. Казалось, послѣ этого могло бы быть одно только рѣшеніе—всѣ ограниченія украинскаго языка должны быть немедленно сняты. Слабую надежду на это давали про-

никшіе въ печать слухи о печатаніи украинскаго евангелія. Это до сихъ поръ была запретная для украинцевъ книга на родномъ языкѣ. Но, съ другой стороны, ясно было, что вопросъ въ его цѣломъ остается безъ движенія.

Теперь носятся упорные слухи о его отрицательномъ рѣшеніи.

Такимъ образомъ, послѣ того какъ начальникъ юго-западнаго края высказался за отмѣну ограниченій для украинскаго слова; послѣ того какъ высшее ученое и два высшихъ учебныхъ заведенія признали необходимой такую отмѣну для культурной жизни страны—бюрократія рѣшаетъ дѣло по своему.

Удивляться тутъ, впрочемъ, нечему. Мы имѣемъ дѣло съ обычнымъ явленіемъ нашей жизни, когда игнорируются самые жизненные интересы, какъ-бы настоятельно, какъ-бы властно ни заявляли они о себѣ. Бюрократія, какъ всегда, такъ и въ данномъ случаѣ, остается вѣрной себѣ. Все—и заключеніе начальника края, и заключеніе академіи, и университетовъ—для нея не имѣетъ значенія. Она поступаетъ какъ разъ наоборотъ. Логика говоритъ одно, бюрократія дѣлаетъ другое. Она не думаетъ даже о внесеніи вопроса въ государственную думу и рѣшаетъ его по своему усмотрѣнію. Это является лучшимъ доказательствомъ того, какъ живучъ еще бюрократическій режимъ, и какъ мало придаетъ онъ значенія происшедшимъ въ нашемъ государственномъ строѣ перемѣнамъ.

2) *Протесты на археологическомъ съѣздѣ въ Екатеринославѣ.*

Члены археологическаго съѣзда въ г. Екатеринославѣ подали слѣдующее заявленіе:

При изученіи Южной Руси и устройствѣ областныхъ съѣздовъ на Югѣ Россіи, Императорскому археологическому обществу пришлось установить чрезвычайно интересный фактъ, что Южная Русь составляетъ предметъ всесторонняго изученія на территоріи части той-же исторической Южной Руси, а именно—въ Галиціи и Буковинѣ. Отсюда было естественное желаніе использовать труды этихъ ученыхъ, привлечь ихъ къ совмѣстной работѣ. Одновременно съ этимъ, многими изъ сказанныхъ ученыхъ была изъявлена полная готовность примкнуть къ общей работѣ.

Но еще на XI съѣздѣ въ Кіевѣ возникъ вопросъ чисто формальнаго характера о полной свободѣ участія галицкихъ и буковинскихъ ученыхъ въ занятіяхъ съѣзда, въ виду того, что работы ихъ будутъ представлены иа украинскомъ языкѣ. Свобода же этого языка,

свобода выраженія духовной жизни цѣлаго народа оказалась подъ сомнѣніемъ даже въ уставѣ ученаго общества. Въ концѣ концовъ условность немедленнаго разъясненія этихъ затрудненій министерствомъ народнаго просвѣщенія, съ явнымъ ущербомъ для дѣла, заставила кіевскій съѣздъ совершенно отказаться отъ возможности заслушать доклады галицкихъ ученыхъ въ Кіевѣ.

Но идя на встрѣчу правильному разрѣшенію этого вопроса въ будущемъ, Императорское археологическое общество исходатайствовало измѣненіе части устава, которое, казалось бы, безусловно обезпечивало свободное участіе галицкихъ ученыхъ въ дальнѣйшихъ работахъ съѣздовъ.

Однако на XII съѣздѣ въ Харьковѣ приглашенія отдѣльнымъ ученымъ хотя и были посланы, но очень поздно, такъ что они не имѣли возможности принять участіе въ работахъ того съѣзда. Вотъ почему тогда-же въ Харьковѣ было отмѣчено это печальное явленіе и было высказано безусловное пожеланіе предупредить его на будущее время.

Теперь намъ стало извѣстно, что на XIII археологическій съѣздъ, посвященный главнымъ образомъ изученію Южной Руси, сказаннымъ ученнымъ совершенно не посылались приглашенія.

Имѣя въ виду все предыдущее, несомнѣнно для каждаго, что пріѣздъ галицкихъ и буковинскихъ ученыхъ возможенъ былъ бы при непремѣнномъ условіи приглашенія ихъ на съѣздъ.

Неприглашеніе вообще заграничныхъ ученыхъ на XIII съѣздъ должно быть признано фактомъ крайне печальнымъ, но отсутствіе галицкихъ и буковинскихъ ученыхъ, послѣ того какъ еще на XI съѣздѣ принципіально признано желательнымъ ихъ участіе, послѣ того какъ былъ даже измѣненъ уставъ общества, является для настоящаго съѣзда не случайнымъ и непоправимымъ ущербомъ всему дѣлу широкаго, всесторонняго и правдиваго изученія прошлаго Южной Руси, исторической Украины.

Въ виду всего вышеизложеннаго, мы нижеподписавшіеся члены XIII археологическаго съѣзда, предлагаемъ съѣзду признать: что отсутствіе на XIII съѣздѣ зарубежныхъ ученыхъ наноситъ существенный ущербъ дѣлу научной разработки исторіи нашего родного края. Но такъ какъ время упущено и уже нельзя сдѣлать возможнымъ присутствіе зарубежныхъ гостей на нашихъ засѣданіяхъ, то мы предлагаемъ: 1) выразить отъ имени съѣзда глубокое сожалѣніе по поводу

отсутствія среди насъ зарубежныхъ ученыхъ; 2) выразить крайнее удивленіе предварительному комитету съѣзда, что не были приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы даже на историко-археологическомъ съѣздѣ въ центрѣ Запорожья присутствовали всѣ ученые, посвятившіе свои силы изученію исторіи козачества и Украины вообще; 3) послать отъ имени съѣзда телеграмму ученымъ историкамъ Галичины и Буковины, выразивъ привѣтствіе съѣзда и глубокое уваженіе ихъ ученымъ трудамъ и крайнее сожалѣніе по поводу ихъ отсутствія и 4) принять мѣры, чтобы на будущихъ археологическихъ съѣздахъ такіе печальные инциденты болѣе не повторялись и чтобы интересы свободной науки не нарушались больше какими бы то ни было чуждыми ей вліяніями и соображеніями».

Слѣдуетъ 40 подписей изъ 106 всѣхъ членовъ.

Лицами, не пожелавшими принять участія въ съѣздѣ, былъ заявленъ протестъ слѣдующаго содержанія:

«Пожелавъ принять участіе въ засѣданіяхъ XIII археологическаго съѣзда, мы узнали, однако, къ крайнему нашему удивленію, что въ занятіяхъ его не будутъ участвовать представители научныхъ силъ родственной намъ Галиціи и Буковины. Какъ оказывается, предварительный комитетъ не счелъ нужнымъ на нынѣшній съѣздъ, какъ и и на съѣзды, бывшіе въ Кіевѣ и Харьковѣ, посвященные, главнымъ образомъ археологіи и исторіи юга Россіи,—пригласить Галичанъ, работавшихъ въ этой области и которыми, какъ это извѣстно, приготовлено было много серьезныхъ докладовъ. Въ зависимости отъ этого и нѣкоторые изъ желающихъ принять участіе въ съѣздѣ, къ сожалѣнію, не могли внести своихъ докладовъ, такъ какъ они имѣли тѣсную связь съ докладами галичанъ.

«Въ объясненіе принятія столь непонятнаго и оскорбительнаго для насъ рѣшенія говорятъ, что комитетомъ постановлено вообще не приглашать на съѣздъ ученыхъ изъ заграницы, въ виду яко-бы грустнаго положенія дѣлъ въ Россіи.

«Археологическіе съѣзды посвящены разработкѣ науки, а область научной дѣятельности должна быть чужда всякой условности, которая въ данномъ случаѣ проявлена предварительнымъ комитетомъ. Но принимая во вниманіе, что галичане на кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ были поставлены въ такія условія, при которыхъ читать докладовъ не могли, такъ какъ они были написаны на украинскомъ языкѣ, а на харьковскій и нынѣшній екатеринославскій съѣздъ, со-

бравшійся на территоріи бывшаго Запорожья, и совсѣмъ не были приглашены, а также принимая во вниманіе всѣмъ извѣстное положеніе, въ которомъ находятся языкъ и литература украинскіе въ Россіи,—по необходимости приходится признать, что вышеозначенное рѣшеніе комитета является результатомъ извѣстной системы и продиктовано въ дѣйствительности или политическою нетерпимостью, или недостойною науки угодливостью.

«Но то, что по печальной необходимости переносилось въ прежнее время, не можетъ быть допущено теперь, когда пробуждающіеся къ новой общественной и политической жизни народъ и общество властно заявляютъ о своихъ правахъ на участіе въ творческой работѣ своего общественнаго устроенія. Проникнутые такимъ сознаніемъ и отвѣтствѣностью передъ нашимъ народомъ, въ сознаніи нашихъ правъ и обязанностей, мы,—подписавшіе настоящее заявленіе,—горячо протестуемъ противъ принятаго комитетомъ съѣзда рѣшенія въ отношеніи научныхъ дѣятелей Галиціи, какъ оскорбительнаго для насъ и нашего народа; вмѣстѣ съ этимъ протестуемъ и противъ тѣхъ преслѣдованій, которымъ подвергаются въ Россіи языкъ и литература украинскіе».

Протестъ покрытъ 290 подписями.

3) *Ходатайства объ украинской газетѣ и украинскомъ клубѣ въ Кіевѣ.*

Необходимость освободить украинскую литературу отъ тяготѣющихъ надъ нею специальныхъ стѣсненій и допустить изданіе повременныхъ изданій на украинскомъ языкѣ давно уже сознана передовыми элементами юга Россіи независимо даже отъ ихъ національности. Въ послѣдніе годы—особенно же въ «эпоху довѣрія»—заявленія въ этомъ смыслѣ сдѣланы весьма многими общественными учрежденіями и, кромѣ того, возбуждено много ходатайствъ частныхъ лицъ о разрѣшеніи ежедневныхъ или еженедѣльныхъ изданій. Къ сожалѣнію, всѣ эти ходатайства и въ эпоху довѣрія, и послѣ нея, какъ и прежде, оставляются безъ удовлетворенія. Тѣмъ не менѣе, попытки въ этомъ направленіи продолжаются. Такъ, г. Сташевскимъ послано ходатайство о разрѣшеніи издавать въ Кіевѣ ежедневную газету на украинскомъ языкѣ. Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ и другое ходатайство, возбужденное передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ кіевскимъ домовладѣльцемъ Рябошапкой, о разрѣшеніи открыть въ Кіевѣ «клубъ украинцевъ». Главная цѣль клуба—объединеніе разрозненныхъ украинцевъ; членамъ вмѣняется въ обязанность учиться и разговаривать на малорусскомъ языкѣ.

Имѣя въ виду необходимость развитія украинскаго языка и изученія его возможно большимъ числомъ интеллигентныхъ силъ въ цѣляхъ подготовки достаточнаго контингента учителей для будущихъ украинскихъ школъ, — нельзя не пожелать этому начинанію возможнаго успѣха.

4) Записка Полтав. Общ. сельскаго хозяйства.—Записка полтавскаго общества сельскаго хозяйства *объ уравненіи правъ украинскаго языка* съ русскимъ, въ отпечатанномъ видѣ, препровождена на дняхъ въ особое совѣщаніе по пересмотру законоположеній о печати, предсѣдателю этого совѣщанія, въ главное управленіе землеустройства и земледѣлія и нѣкоторымъ другимъ правительственнымъ учрежденіямъ и лицамъ. Въ заключеніе этой записки о—во сельскаго хозяйства признаетъ необходимымъ: 1) немедленную отмѣну ограничительныхъ распоряженій 18 мая 1876 года и 8 октября 1881 года, 2) полное уравненіе правъ малороссійскаго языка съ языкомъ русскимъ въ устномъ словѣ, печати и преподаваніи въ низшихъ школахъ; 3) преподаваніе малороссійскаго языка, какъ отдѣльнаго предмета въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Между прочимъ правленіе о-ва сельскаго хозяйства, имѣя въ виду, что *свобода украинскаго языка* для населенія Харьковской губ. столь же важна, какъ и для Полтавцевъ, особенно въ смыслѣ изданія сельскохозяйственныхъ книгъ, которыя бы съ наибольшимъ успѣхомъ могли быть распространены въ народѣ, обратилось къ Харьковскому сельскохозяйственному обществу съ предложеніемъ поддержать въ правительственныхъ сферахъ ходатайство объ отмѣнѣ всѣхъ ограничительныхъ распоряженій относительно украинскаго языка. Вмѣстѣ съ тѣмъ отослана Харьковскому обществу въ двухъ экземплярахъ записка Полтавскаго о-ва по этому вопросу. 18 сентября, въ общемъ собраніи харьковскаго с.-х. общества была розсмотрѣна эта *записка*. Собраніе постановило поддержать ходатайство полтавскаго с.-х. общества.

—

Къ сооруженію памятника Т. Г. Шевченку. Золотоношское уѣздное земское собраніе, желая почтить память поэта Т. Г. Шевченка сооруженіемъ ему памятника въ г. Кіевѣ, въ сентябрѣ 1904 года постановило учредить особый фондъ путемъ ежегодныхъ ас-

сигнованій опредѣленной суммы и испросить разрѣшеніе на подписку для сбора пожертвованій. Но такъ какъ подписка разрѣшена Полтавскимъ губернаторомъ только въ предѣлахъ Полтавской губерніи и едва-ли можетъ вполнѣ обезпечить выполненіе предпринятаго дѣла, то земство вошло съ представленіемъ о разрѣшеніи всероссійской подписки на этотъ памятникъ. Одновременно съ этимъ Полтавское губернское земское собраніе 40 очереднаго созыва, въ засѣданіи 9 декабря 1904 года ознакомившись съ содержаніемъ постановленія золотоношскаго земства, поручило управѣ ходатайствовать и отъ губернскаго земства о разрѣшеніи такой подписки въ предѣлахъ всей имперіи. Возбуждая въ настоящее время передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ это ходатайство, губернская земская управа, съ своей стороны, добавляетъ: «что поэтическія произведенія незабвеннаго пѣвца Украины, стяжали ему вполнѣ заслуженную извѣстность повсюду, гдѣ только слышится южнорусская народная рѣчь, а сказавшаяся въ этихъ задушевныхъ произведеніяхъ безграничная любовь автора къ опоэтизированному имъ родному краю создали такую благодарную память о немъ, что мысль о постановкѣ ему памятника къ предстоящему 100-лѣтію его рожденія составляетъ завѣтное желаніе всего малорусскаго народа, независимо мѣста жительства отдѣльныхъ его членовъ. Поэтому, управа находитъ, что не представляется справедливыхъ основаній ограничивать подписку на памятникъ чтимому поэту предѣлами только одной Полтавской губерніи и лишать всѣхъ другихъ его почитателей возможности откликнуться на призывъ избранной золотоношскимъ земствомъ комиссіи къ посильному участію и своей лептой въ этой подпискѣ».

Въ своемъ докладѣ земскому собранію *объ ассигнованіи суммы на сооруженіе памятника поэту Т. Г. Шевченку*, полтавская уѣздная управа замѣчаетъ, что въ необходимости сооруженія памятника не можетъ быть и сомнѣнія, но что, по ея мнѣнію, фондъ для этой цѣли долженъ быть образованъ всѣмъ населеніемъ Украины не путемъ обязательныхъ взносовъ въ видѣ земскихъ сборовъ, а добровольными сборами. «Пусть это будетъ копѣйка,—говоритъ управа,—пусть на эти копѣйки будетъ воздвигнутъ скромный памятникъ, за то памятникъ этотъ будетъ дѣйствительно народнымъ, а не земскимъ».

Въ общемъ управа все-таки высказывается за единовременное ассигнованіе на сооруженіе памятника ста рублей. *Полтав. № 252.*

Украинское евангеліе. Въ кіевскихъ газетахъ на-дняхъ уже опровергнутъ ложный слухъ, будто печатаніе украинскаго перевода Евангелія Морачевскаго встрѣтило какія-то непреодолимыя препятствія. Слухъ этотъ возникъ, вѣроятно, вслѣдствіе того, что московская синодальная типографія, куда послана была изъ Каменца исправленная и одобренная особымъ комитетомъ рукопись евангелія, еще въ началѣ іюля, почему-то замедлила присылкой корректуръ; но теперь эти корректуры уже получены въ Каменцѣ и дѣло печатанія пойдетъ безостановочно. На-дняхъ намъ пришлось видѣть первые корректурные листы, заключающіе въ себѣ I—VIII главы евангелія отъ Матѳея, и мы хотѣли бы хоть въ нѣсколькихъ словахъ подѣлиться вынесеннымъ впечатлѣніемъ. Языкъ перевода Морачевскаго положительно плѣняетъ своею простотою и какою-то задушевностью, такъ гармонирующею съ духомъ евангелія. Ни такъ называемыхъ «кованныхъ» словъ, ни искуственныхъ ad hoc придуманныхъ выраженій — ничего этого нѣтъ и въ поминѣ. Живая, вполнѣ народная рѣчь, свободная отъ вульгаризмовъ, строго соотвѣтствуетъ точному смыслу основныхъ текстовъ—греческаго и славянскаго. Иныя выраженія настолько удачны, что равныхъ имъ по силѣ, точности и колоритности рѣчи намъ не случалось находить ни въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ переводовъ.

Форматъ изданія будетъ тотъ-же, что и въ русскомъ переводѣ, т. е. in 8° Украинскій текстъ напечатанъ параллельно съ церковнославянскимъ.

Если будетъ осуществлено первоначальное намѣреніе св. синода — выпускать въ свѣтъ украинскій переводъ отдѣльными выпусками, по евангелистамъ, то можно полагать, что евангеліе отъ Матѳея мы будемъ имѣть въ рукахъ еще нынѣшнею осенью, во всякомъ случаѣ не позже конца текущаго года. (Полтавщина № 231).

О. Левицкій.

Вопросъ о національной автономіи на Московскомъ съѣздѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей. 1) Приводимъ отчетъ со словъ «Нов. Дня». Денное и вечернее засѣданіе 14 сентября, происходившія подъ предсѣдательствомъ Н. Н. Щепкина, посвящены были обсужденію доклада о правахъ національностей.

Открылъ пренія представитель Ковно г. Врублевскій. Онъ утверждалъ, что заблуждаются тѣ, которые увѣряютъ, что поляки заняты

агрессивной политикой, что они стремятся подавить другія національности. Если бы это было такъ, то это, по мнѣнію г. Врублевскаго, было бы со стороны поляковъ равносильно самоуничтоженію, самопожиранію, потому что, напримѣръ, въ сѣверо- и юго-западныхъ губерніяхъ они все таки составляютъ меньшинство. Поляки явились на съѣздъ отстаивать не свои только интересы, но и интересы всѣхъ другихъ шести народностей, населяющихъ сѣверо-западный и юго-западный край и Царство Польское. Если бы поляки такъ широко не смотрѣли на вопросъ, они не отстаивали бы, напримѣръ, предоставленія евреямъ участія въ городскомъ самоуправленіи, завѣдомо зная, что евреи подавятъ ихъ въ томъ же городскомъ самоуправленіи численностью. Поляки протестовали противъ всякихъ ограниченій вообще, рискуя даже оставаться въ меньшинствѣ. Это—единственный принципъ, который они проводили, и на съѣздъ они явились за тѣмъ, чтобы добиться права на культурное самоопредѣленіе для малороссовъ, литовцевъ, бѣлоруссовъ и евреевъ, а не только для себя.

Попутно г. Врублевскій выдвинулъ и вопросъ о правѣ меньшинства, о защитѣ правъ меньшинства въ народномъ представительствѣ, чтобы это меньшинство населенія, принадлежащее къ той или другой національности, тоже имѣло свое представительство. Онъ привелъ нѣсколько примѣровъ, какъ этотъ вопросъ разрѣшенъ въ испанской и германской конституціяхъ, и предложилъ съѣзду, чтобы онъ поручилъ бюро разработать вопросъ о гарантіи правъ меньшинства въ народномъ представительствѣ. Это предложеніе единогласно принято съѣздомъ.

Представитель Сибири, редакторъ мѣстной газеты „Восточное Обозрѣніе" г. Поповъ, горячо отстаивалъ права народностей, населяющихъ Сибирь, изображая ихъ положеніе въ высшей степени загнаннымъ и тяжелымъ.

Представитель Екатеринослава г. Александровъ, доказывалъ, что предоставленіе правъ національностямъ и децентрализація ведутъ не къ сепаратизму, а къ единенію. Общество устало отъ централизаціи. Не въ силу писанной конституціи, а въ силу реальныхъ соображеній общихъ выгодъ государства надо стремиться къ децентрализаціи.

Когда затѣмъ перешли къ отдѣльнымъ пунктамъ, графъ Гейденъ настаивалъ, чтобы съѣздъ принялъ только принципъ, не вдаваясь въ детали, потому что каждая мѣстность имѣетъ свои особенности, свое численное преобладаніе одной народности надъ другой. Какъ устано-

вить свободу языковъ въ школѣ въ такой мѣстности, гдѣ сразу живетъ шесть народностей, какой языкъ признать тогда роднымъ? Нельзя же вести школу на разныхъ языкахъ для каждой отдѣльной національности, которая будетъ въ данной школѣ. А между тѣмъ у насъ въ одномъ Сѣверо-Западномъ и Юго-Западномъ краѣ—шесть народностей, на Кавказѣ—еще больше. Эти детали затруднительно разрѣшать безъ точныхъ статистическихъ данныхъ, безъ серьезной разработки. Графъ Гейденъ напоминалъ собранію, чтобы оно не забывало, что оно представляетъ изъ себя только съѣздъ, а не законодательное собраніе. Вырабатывая извѣстную программу, которой члены съѣзда должны будутъ держаться, если они попадутъ въ государственную думу, съѣздъ не долженъ связывать своихъ сочленовъ такими деталями, которыхъ они не смогутъ осуществить, которыхъ они не смогутъ отстоять. Вѣдь не всегда то, что кажется прекраснымъ въ теоріи, возможно провести на практикѣ. Взявъ же на себя обязательство отстаивать детали, какія навязываются проектомъ бюро, что сдѣлаютъ члены съѣзда, если они встрѣтятъ сопротивленіе, невозможность провести эти детали? Такое собраніе, какъ съѣздъ, направленное къ образованію сплоченной партіи, должно установить только абстрактные принципы, не вдаваясь въ конкретныя детали, и поэтому представляется совершенно достаточнымъ ограничиться установленіемъ основнаго принципа о правѣ каждой національности на культурное самоопредѣленіе. Все остальное должно уже быть работой законодательнаго учрежденія. Но съѣздъ не согласился съ этими доводами и принялъ всѣ предложенія бюро о правахъ національностей.

Вопросъ о децентрализаціи управленія и децентрализаціи законодательства вызвалъ горячія пренія. Оппозиція возражала главнымъ образомъ противъ децентрализаціи законодательства, т. е. противъ федеративнаго государственнаго устройства, въ которомъ усматривала опасность для цѣлости Россіи. Къ этой группѣ ораторовъ принадлежали А. И. Гучковъ, графъ П. А. Гейденъ, саратовскій городской голова Немировскій, калужскій земецъ Кашкаровъ, г. Дмитріевъ и нѣкоторые другіе.

Ораторы другого направленія и сторонники децентрализаціи и автономіи были гораздо многочисленнѣе. Первымъ изъ нихъ говорилъ г. Колюбакинъ.

Ораторъ убѣждалъ съѣздъ согласиться съ его доводами тѣмъ болѣе потому, что онъ проситъ не законодательства, а принципа.

Оратора поддерживаетъ проф. М. М. Ковалевскій, указывающій, что если можно еще говорить противъ широкаго самоуправленія для внутреннихъ русскихъ губерній, то несомнѣнно существуютъ въ Россіи части Имперіи, которыя по основамъ своего историческаго прошлаго могутъ разсчитывать на автономію. Таковы, напримѣръ, Финляндія, Польша, отчасти Украйна, которая еще въ XI вѣкѣ имѣла свои автономныя учрежденія. Во всякомъ случаѣ, желательно, чтобы съѣздъ установилъ не какія нибудь философскія теоріи, а практическое положеніе, что желательна широкая свобода въ мѣстныхъ дѣлахъ равенство всѣхъ передъ закономъ, автономія Польши.

Петербургскій гласный Оппель, сочувствуя идеѣ автономнаго устройства, предлагалъ, однако же, считаться съ избирателями, которые не поймутъ всѣхъ этихъ деталей, предлагаемыхъ бюро. Избирателямъ надо выставить только принципъ, не разбрасываясь въ деталяхъ; давъ, напримѣръ, обѣщаніе полякамъ, мы не будемъ, можетъ быть, въ состояніи ихъ исполнить, какъ мы проведемъ эти обѣщанія въ государственной думѣ? А разъ мы провозгласимъ принципъ, поляки уже сами, на основаніи этого принципа, смогутъ добиваться въ думѣ осуществленія своихъ идеаловъ. Въ виду этого г. Оппель предлагалъ замѣнить всѣ семь пунктовъ по вопросу о децентрализаціи законодательства, предложенные бюро, однимъ принципіальнымъ пунктомъ о желательности въ будущемъ автономнаго устройства.

Затѣмъ, съѣздъ перешелъ къ разсмотрѣнію резолюціи относительно автономіи Царства Польскаго.

Первымъ опять говорилъ представитель Ковно, г. Врублевскій, призывавшій къ демократическому чувству съѣзда. Польша давно нуждается въ реформахъ, она давно требуетъ гминныхъ судовъ. Для членовъ съѣзда и для Россіи это не имѣетъ значенія, но когда Россія требовала реформъ, они говорили, что ихъ требованія неотложны, необходимы,—пусть они этой же точки зрѣнія придерживаются и по отношенію къ полякамъ. Основной принципъ этики—желать другому всего того, чего желаешь себѣ. Если русскіе стремились къ освобожденію, пусть они желаютъ того же для поляковъ. Если члены съѣзда — демократы и добиваются отвѣта на свои демократическія стремленія, они должны отвѣтить и полякамъ на ихъ призывъ, и на этотъ ихъ призывъ они могутъ отвѣтить только утвердительно.

Г. Кашировъ говорилъ, что надо поскорѣе покончить съ этимъ кошмаромъ, что пора исправить историческую ошибку, и, чѣмъ скорѣе,

чѣмъ единогласнѣе отвѣтитъ съѣздъ на это требованіе, тѣмъ это будетъ справедливѣе...

Г. Родичевъ говорилъ, что хотя общее мнѣніе съѣзда и установилось, но надо еще выяснить, что этотъ вопросъ поднятъ не поляками, а иниціативой самаго съѣзда, что поляки явились не какъ истцы, а какъ полноправные члены съѣзда. Съѣздъ не можетъ допустить, чтобы часть страны управлялась не по праву и справедливости, а по силѣ завоеванія. Съѣздъ долженъ оттѣнить, что первыя слова русскаго народа и русской націи—будутъ освобожденіе тѣхъ, кого угнетали много лѣтъ. Принявъ автономію для Польши, мы отпускаемъ старый грѣхъ, въ которомъ русскій народъ неповиненъ. Но, кромѣ вопроса права и справедливости, тутъ существуетъ еще вопросъ европейскаго мира. Свободная Польша явится оплотомъ противъ имперіалистскихъ стремленій нѣкоторыхъ нашихъ сосѣдей. Русскіе должны создать такое положеніе, при которомъ русскій полякъ будетъ гордиться званіемъ русскаго патріота. Теперь, когда нарождается русскій гражданинъ, польскій гражданинъ долженъ гордиться связью съ Россіей, долженъ видѣть въ ней оплотъ. Въ этомъ шагѣ польской автономіи есть еще другая сторона. Современники недостаточно оцѣниваютъ значеніе обновленной Россіи для всего міра. Мы пойдемъ теперь не назадъ, не въ Монголію, а къ идеаламъ Запада. Автономія Польши—это первый шагъ къ огромной федераціи славянъ съ Россіей во главѣ. Одно изъ первыхъ условій общаго мира—это возстановленіе права на окраинахъ. Если русскіе не хотятъ гибели русскаго государства, они должны стремиться къ автономіи, къ автономному управленію.

Противъ польской автономіи возстаетъ только А. И. Гучковъ. Онъ думаетъ, что автономія Польши будетъ первымъ шагомъ къ федеративному устройству Россіи, на что онъ согласиться не можетъ; въ этомъ не представляется, по его мнѣнію, надобности, такъ какъ будущія реформы дадутъ возможность процвѣтать окраинамъ и безъ федеративнаго устройства.

Затѣмъ резолюція объ автономіи Польши принимается большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ одного (А. И. Гучкова).

2) Пользуемся выдержками изъ другихъ газетъ для пополненія только-что приведенныхъ дебатовъ по этому вопросу, особенно тѣхъ лицъ, мнѣнія которыхъ слишкомъ слабо освѣщены были выше.

Г. Дмитріевъ, выражая пожеланіе видѣть Россію сильной, спрашивалъ, достигнемъ ли мы этой цѣли, если пойдемъ на уступки тре-

бованіямъ автономнаго управленія со стороны Польши, Украйны, Кавказа?

Мы выслушали проектъ о федеративномъ устройствѣ всего государства, т. е.—что вся Россія будетъ разбита на массу областей, и невольно является представленіе о тяжеломъ времени удѣльно-вѣчевого періода. Съ другой стороны, мы видимъ смуты въ Грузіи, домогательства Финляндіи, смуты въ Царствѣ Польскомъ.

Сепаратизмъ ли это, или стремленіе къ лучшимъ формамъ государственнаго устройства? Вопросъ слишкомъ сложный.

Объ этомъ вопросѣ рѣчь должна быть тогда, когда Россія получить народное представительство. Говорятъ, что нужно выдѣлить вопросъ о Польшѣ и дать ей автономію, которой она вполнѣ достойна по своему историческому прошлому.

Но чѣмъ хуже Остзейскія губерніи, Кавказъ и т. п.?

Если начнемъ заниматься устройствомъ Польши, то получимъ массу заявленій отъ бѣлоруссовъ, Украйны и т. п. Лучше передать этотъ вопросъ для разработки въ бюро.

Обновленная Россія саздастъ условія, при которыхъ будетъ возможна совмѣстная жизнь.

Представитель новгородскаго земства А. М. Колюбакинъ высказалъ мысль, что относительно областной автономіи совѣщаніе находится въ томъ же положеніи, какъ при обсужденіи вопроса о конституціи, когда точно также возражали, что государство распадется, а ему необходимо быть сильнымъ.

Но несомнѣнно, что и при областной автономіи сила государства отнюдь не уменьшится.

Развѣ Сѣверо-Американскіе штаты слабы, развѣ кто посягаетъ на ихъ самостоятельность? Развѣ Германія не сильнѣе въ военномъ смыслѣ? Развѣ бюро предлагаетъ распаденіе Россіи на рядъ суверенныхъ государствъ? Среди окраинъ нѣтъ никакого стремленія къ отпаденію.

Если Польша будетъ стремиться къ отдѣленію, то ее сейчасъ же проглотитъ Германія. Сознаніе выгоды жить въ правовомъ государствѣ, гдѣ нѣтъ мѣста произволу, всегда удержитъ окраины отъ отпаденія.

Мы только что провозгласили права личности, — и развѣ мы убоялись, что свобода, предоставляемая 140 мил. личностей, составля-

ющихъ населеніе Россійской имперіи, поведетъ къ ослабленію государства?

Такой же принципъ надо провозгласить и для отдѣльныхъ національностей. Провозглашеніе это имѣетъ особенно важное значеніе. Недостаточно только написать конституцію, но важно, чтобы она была и сохранена. Возможно, что и послѣ объявленія конституціи наступитъ реакція, но съ ней легче справиться, когда въ странѣ будетъ цѣлый рядъ самоуправляющихся единицъ.

Стремленіе къ болѣе обширному союзу, чѣмъ губернія, развѣ теперь не существуетъ? Когда является желаніе болѣе широкаго объединенія, не мѣшайте объединиться и не мѣшайте разъединенію крупныхъ административныхъ центровъ.

Когда отдѣльныя мѣстности получатъ права не только административнаго хозяйства, но и политическія, тогда никто не посягнетъ на ихъ свободу.

Почему отдѣльнымъ провинціямъ и областямъ не предоставить право суда, завѣдыванія народнымъ образованіемъ и т. п.?

Нельзя всѣми этими огромными механизмами управлять изъ центра. Мы такъ отстали отъ народовъ западной Европы, что намъ нужно лихорадочно работать въ дѣлѣ развитія своей страны, чтобы сравняться съ ними. Повторяю, не нужно бояться распаденія, это—миражъ, теперь не время мелкихъ государствъ, отъ союза—всѣ выгоды.

Кто пойдетъ изъ свободнаго государства, когда каждая мѣстность можетъ развивать свою культуру?

Наоборотъ, сепаратизмъ развивается изъ централизаціи, изъ подавленія мѣстныхъ органовъ. Чѣмъ болѣе свободны мѣстные организаціи, тѣмъ прочнѣе ихъ союзъ.

При автономіи провинцій государство будетъ сильнѣе уже потому, что ему во время какой либо внѣшней войны не придется отвлекать свои военныя силы на поддержаніе внутренняго порядка; при такомъ строѣ явится движеніе не къ отпаденію, а къ присоединенію провинцій.

Великое государство можетъ создаться тамъ, гдѣ свобода и право получатъ полное господство. Безъ областной федераціи осуществленіе этого невозможно.

Въ заключеніе ораторъ предлагалъ провозгласить принципъ: если гдѣ народъ стремится къ соединенію или разъединенію, откройте свободный выходъ, чтобы достигнуть осуществленія областной автономіи.

Представитель г. Саратова А. М. Немировскій, заявляя, что онъ рискуетъ не встрѣтить сочувствія своимъ мнѣніямъ, считаетъ, однако, же, необходимымъ высказать то, что онъ думаетъ. Высказываются за автономію и устраненіе централизаціи. Говорятъ, автономія—самоуправленіе въ самомъ широкомъ смыслѣ. Но если къ такому самоуправленію присоединяется право законодательства, то это и есть автономія.

Намъ говорятъ, что федеративный строй обезпечиваетъ силу государства, и, между прочимъ, приводятъ въ примѣръ Германію. Но съ 1870 года въ Германіи все дѣлается для усиленія центра, прусское правительство противодѣйствуетъ федеральнымъ стремленіямъ германскихъ государствъ, вводятся общіе уголовные и гражданскіе суды и т. п.

М. М. Ковалевскій указываетъ, что нѣкоторыя части имперіи должны имѣть автономію. Что касается Малороссіи, то нельзя понять возстановленія малороссійской автономіи. Нѣтъ языка малороссійскаго есть только малороссійское нарѣчіе русскаго языка.

Развѣ малороссъ Гоголь не есть великій русскій писатель, а великороссъ Тургеневъ развѣ не великій писатель и для Малороссіи? Если страшно давленіе изъ центра, то развѣ не страшенъ сепаратизмъ? Развѣ нельзя ожидать, что на окраинахъ могутъ образоваться самостоятельныя государства и Россія сойдетъ на нѣтъ? Какъ бы при такой децентрализаціи не пришлось, какъ встарь, идти на Волгу, Каму, снова завоевывать эти области, не говоря уже объ отдаленныхъ окраинахъ.

Говорятъ, не будетъ такихъ частей Россіи, которыя пожелали бы въ свободномъ государствѣ отдѣлиться. Но вопросъ даже не объ отдѣленіи. Я сомнѣваюсь, чтобы русскій народъ послалъ въ народное представительство лицъ, которыя подписались бы подъ разъединеніемъ государства. Я боюсь уронить наше значеніе въ глазахъ населенія. Когда мы явимся къ своимъ избирателямъ съ программами федераціи, автономіи, боюсь, что населеніе намъ скажетъ: вы—мечтатели, а не практическіе политики, мы за вами не пойдемъ, а пойдемъ за другими, на знамени которыхъ написано: „единство Россіи". Либеральная Англія даетъ автономію своимъ колоніямъ, которыя находятся за

тридевять морей, но по отношенію къ Ирландіи у нея иная политика. Дѣло государственнаго устройства не есть дѣло чувства сердца, это—суровое дѣло, дѣло разсчета, ума. Пусть съѣздъ совершенно устранитъ вопросъ объ автономіи. Если этотъ вопросъ современемъ возникнетъ, онъ найдетъ разрѣшеніе въ болѣе компетентномъ собраніи. Повторяю я боюсь съ такой программой являться къ избирателямъ,—они скажутъ: мы пойдемъ за другими.

А. И. Гучковъ, считая крайне важнымъ вопросъ о федераціи, заявилъ: «Если только по одному этому вопросу мы разойдемся, мы—политическіе враги, если сойдемся—мы союзники». Говорятъ, наше государство должно сдѣлаться федеральнымъ, союзнымъ, но гдѣ будетъ положенъ предѣлъ количеству федеральныхъ областей, что останется за центральною властью, къ какимъ областямъ и народностямъ это относится, намъ не говорятъ. Неудивительно, если тогда многіе города вспомнятъ о своихъ вольностяхъ,—Новгородъ, Псковъ,—а за ними потянется Тверь, и дѣло, пожалуй, дойдетъ и до Москвы. Неизвѣстно, какъ далеко пойдутъ въ дѣлѣ раздробленія государства, Когда у насъ, стоящихъ за обновленіе существующаго строя, будетъ предъ избирателями партійная программа скрытаго федерализма, то несомнѣнно сильнымъ нашимъ противникомъ явится партія, защищающая настоящій режимъ и самыя реакціонныя мѣры. Тогда нельзя сомнѣваться, какой партіи народъ дастъ предпочтеніе, и въ обновленной Россіи явится прежній произволъ. Между тѣмъ, и безъ федераціи окраины найдутъ удовлетвореніе своихъ нуждъ, получивъ права политическія, которыхъ нѣтъ еще и у передовыхъ государствъ, права самаго широкаго мѣстнаго самоуправленія. Дальше предоставленія этихъ правъ самоуправленія съѣзду нельзя идти—ни на одну іоту больше, ни на одну іоту меньше.

Представитель калужскаго земства В. М. Кашкаровъ высказалъ, что, высказываясь за федерацію, съѣздъ поставитъ на карту все, что было выработано и достигнуто земскими и городскими дѣятелями за послѣдніе два года,—все это должно погибнуть.

Представитель тамбовскаго земства проф. В. И. Вернадскій возражалъ противъ мнѣнія А. И. Гучкова и другихъ ораторовъ, что будущій автономный строй поведетъ къ распаденію русскаго государства. Напротивъ,—автономный строй представляетъ собою единственную возможность сохранить силу и величіе государства и необходимость его вызывается условіями нашей жизни. Если предполагаютъ,

что это—теоретическій вопросъ, грозящій цѣлымъ рядомъ плохихъ практическихъ послѣдствій, то это—большая ошибка. Напротивъ, это—вопросъ практическій, и немного мѣсяцевъ пройдетъ, когда онъ явится во всей наготѣ. Автономное устройство русскаго государства вызывается не требованіями національностей, а иными требованіями, которыя стоятъ на нашей платформѣ. Самое главное изъ этихъ требованій—есть демократическій строй русскаго государства. Демократическій строй Россіи, при огромности территоріи, захватывающей 150 мил. жителей, не можетъ быть построенъ на національныхъ началахъ. Вызовъ живыхъ силъ страны возможенъ, когда цѣлый рядъ функцій центральнаго управленія будетъ переданъ на мѣста.

Предстоящая Россіи мировая задача совершенно новаго устройства, не имѣетъ примѣра въ исторіи, такъ какъ нѣтъ такого огромнаго государства съ демократическимъ строемъ. При разнообразіи физическихъ, географическихъ, бытовыхъ условій разныхъ мѣстностей Россіи, разные вопросы, какъ напр. аграрный, не могутъ получить единообразнаго рѣшенія изъ центра. Разрѣшеніе такихъ вопросовъ надо предоставить мѣстнымъ живымъ силамъ страны. При автономіи, при вызовѣ живыхъ силъ къ мѣстному управленію, Россія будетъ сильной и могущественной страной. Организація автономнаго государства должна разрабатываться съ точки зрѣнія не центральной власти, а народныхъ потребностей. Отъ разрѣшенія этого вопроса зависитъ сохраненіе тѣхъ гарантій свободы, которыхъ мы добиваемся.

С. А. Котляревскій, защищая принципъ автономіи, выражалъ опасеніе, что при иномъ строѣ политическая свобода можетъ остаться только на поверхности общества дѣломъ небольшого слоя населенія.

Когда французскія провинціи получили свободу, то мѣстная жизнь (мѣстное самоуправленіе) была раздавлена.

Большое счастье для Россіи въ томъ, что мы прошли черезъ школу учрежденій мѣстнаго самоуправленія. Отъ этого мѣстнаго самоуправленія нужно идти далѣе до областной автономіи.

Необходима децентрализація политической свободы, необходимо ввести ее въ мѣстную обывательскую жизнь, а при этомъ ни о какомъ раздробленіи Россіи не можетъ быть и рѣчи.

Проф. И. В. Лучицкій указалъ, что при автономіи громадная масса денежныхъ средствъ, затрачиваемая на петербургскую централизацію, отвлечется на мѣста. Касаясь затѣмъ федеративнаго строя, ораторъ находитъ въ немъ большую гарантію для мѣстнаго само-

управленія, которое не можетъ быть достигнуто въ полной мѣрѣ безъ автономіи. Не бойтесь распаденія государства. Въ Швейцаріи, если какая либо область не исполняетъ общихъ законовъ страны, то центральная власть принимаетъ мѣры, посылаетъ даже войска для возстановленія законнаго порядка. Не бойтесь федераціи,—если есть одно центральное представительство, то оно, въ силу своего положенія, имѣетъ право дѣлать измѣненія въ законѣ. Въ федераціи — самая вѣрная гарантія свободы, конституціи, которая безъ нея можетъ быть легко измѣнена. Вторая палата не представляетъ надежнаго средства для охраны конституціи. Сохраненіе конституціи, власти народныхъ представителей, обусловливается только дарованіемъ права каждой области имѣть свою конституцію, согласную съ общей, и существованіемъ верховнаго суда. Безъ автономіи каждая область будетъ стремиться къ сепаратизму.

Представитель тамбовскаго земства В. В. Измайловъ видитъ какую-то наивность въ отрицаніи автономіи. Это все равно, если бы оградить себя китайской стѣной отъ всего свѣта. Но ограждаютъ стѣнами только тюрьмы, изъ которыхъ бѣгутъ. Неужели-же Россію хотятъ сдѣлать тюрьмой, чтобы изъ нея бѣжали народности? Мы только наканунѣ признали права человѣка и гражданина, а теперь хотимъ тоже сдѣлать для національностей? Неужели же можно бояться дать имъ это право?

В. Е. Якушкинъ заявилъ, что онъ принадлежитъ къ числу приверженцевъ федераціи, но не думаетъ, чтобы она возможна была завтра вездѣ. Принципъ федераціи не чуждъ Россіи. Онъ выдвинутъ былъ еще въ конституціи, намѣченной декабристами. Федеративный строй будетъ содѣйствовать и облегчитъ ей задачу ея доставленіемъ полныхъ мѣстныхъ данныхъ.

О. Ѳ. Кокошкинъ, возражалъ противникамъ автономіи тѣмъ, что за программой бюро пойдутъ Польша, Кавказъ, Сѣверо-западный край, а за другой они не пойдутъ. Довольно выдвинуть разные пугала и страхи о распаденіи государства отъ автономіи, которые также выдвигались при обсужденіи вопроса о конституціи и всеобщемъ избирательномъ правѣ. Предполагается лишь существованіе мѣстнаго законодательнаго собранія, а это не федерація. Съ того времени, какъ въ Россіи начали возникать проекты конституціи, всѣ они были основаны на одномъ началѣ — областной автономіи. Даже

славянофилы стояли за политическое освобожденіе Польши. Неужели мы сдѣлаемъ шагъ назадъ, неужели бюрократическій режимъ на насъ такъ подѣйствовалъ, неужели мы откажемся отъ того, что лучшіе русскіе люди говорили въ XIX столѣтіи?

Украинскій митингъ. На 29-е сентября въ аудиторіи стараго физическаго института спб. университета назначена была сходка у студентовъ-украинцевъ.

Къ назначенному времени собралось очень много публики—студентовъ-университантовъ, студентовъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, курсистокъ, рабочихъ...

Помѣщеніе оказалось настолько тѣснымъ, что не было возможности открыть сходки. Послана была депутація къ ректору съ просьбой разрѣшить перенести сходку въ актовый залъ университета. Ректоръ удовлетворилъ ходатайство студентовъ.

Собравшаяся толпа, около 2,000 человѣкъ, направилась въ актовый залъ, гдѣ избраннымъ предсѣдателемъ былъ открытъ украинскій митингъ.

Первый ораторъ указалъ, что данное собраніе есть *первый* украинскій митингъ въ Россіи за 250 лѣтъ. Украинцы получили возможность въ первый разъ заявить о своихъ нуждахъ передъ русскимъ обществомъ, охарактеризовать отношеніе русскаго правительства къ украинскому вопросу.

Затѣмъ приступлено было къ выполненію программы митинга, т. е. чтеніе намѣченныхъ рефератовъ.

Сущность перваго реферата „Генезисъ автономнаго движенія на Украйнѣ", сводится къ слѣдующему: начало движенія среди украинскаго общества необходимо считать съ того момента, когда оно начало себя отличать отъ татаръ, поляковъ.

Въ началѣ XIX вѣка начинается движеніе національно-демократическое.

Движеніе это на первыхъ порахъ проявлялось лишь въ университетскихъ городахъ, затѣмъ постепенно распространялось и по провинціи.

Лучшимъ выразителемъ этого движенія является „Кирилло-Мефодіевское братство“, организаторами котораго были — Шевченко, Костомаровъ, Кулишъ и друг.

Основная мысль этого братства — равноправіе всѣхъ національностей, уничтоженіе сословности и автономія Украйны.

Въ заключеніе референтъ высказалъ увѣренность, что украинскій народъ будетъ добиваться своихъ естественныхъ національныхъ правъ просвѣщенія, школъ, газетъ на украинскомъ языкѣ.

Второй ораторъ въ яркихъ краскахъ охарактеризовалъ отношеніе русскаго правительства и общества къ украинскому вопросу и полагаетъ, что по отношенію къ освободительному движенію украинскаго народа русское общество дѣйствовало заодно съ русскимъ правительствомъ.

Третій и четвертый ораторы отмѣтили „драконовскіе“ законы по отношенію къ украинскому слову.

Послѣдній же ораторъ подробно остановился на существующихъ различныхъ украинскихъ партіяхъ. Онъ указалъ, что въ настоящее время существуютъ слѣдующія партіи: буржуазно-демократическая и пролетарская, которая въ свою очередь подраздѣляется на украинско-революціонную партію и чисто народную.

Послѣ прочтенія докладовъ, приступлено было къ преніямъ, въ которыхъ ораторы старались доказать крайнюю исключительность даннаго момента, необходимость сплоченія для достиженія намѣченныхъ цѣлей.

Представитель польской молодежи, привѣтствуя собраніе товарищей-украинцевъ, сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: „польская молодежь, страдающая вмѣстѣ съ вами, готова вмѣстѣ съ вами бороться“. Привѣтствіе это было покрыто дружными аплодисментами. Послѣ всѣхъ преній приступлено было къ чтенію резолюціи.

Единогласно принята слѣдующая резолюція:

„Мы, украинцы, собравшись 28-го сентября 1905 года на первомъ украинскомъ митингѣ въ Петербургѣ, постановили:

„Въ виду того, что употребленіе родного языка во всѣхъ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ является однимъ изъ важнѣйшихъ способовъ культурнаго и экономическаго развитія науки;

въ виду того, что Украйна, какъ національная единица, выражается еще цѣлымъ рядомъ соціально-экономическихъ особенностей, находимъ, что при существующемъ режимѣ никакое обезпеченіе національныхъ правъ невозможно. А потому мы признаемъ необходимымъ: 1) созваніе учредительнаго собранія на основахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права; 2) возстановленіе автономіи Украйны на широкихъ демократическо-федеративныхъ началахъ. (Бирж. Вѣд. № 9055).

Къ вопросу о музеѣ имени И. П. Котляревскаго въ Полтавѣ. Истина, что уваженіе къ древности въ жизни народовъ наступаетъ не скоро и служитъ показателемъ ихъ развитія; истина, что дикари, какъ и животныя, не знаютъ ни своихъ предковъ, ни героевъ, а малокультурные народы скоро ихъ забываютъ или вообще мало ими интересуются. Поэтому проявленіе интереса къ старинѣ служитъ однимъ изъ показателей культурности народа. Полтавцы не такъ давно проявили свою культурность. Послѣ того, какъ ихъ земляки, со всѣхъ сторонъ Украины, начали настойчиво указывать на приближающееся столѣтіе со дня выхода въ свѣтъ безсмертной „*Энеиды*“ И. П. Котляревскаго, не только заинтересовались свѣтлой, полной обаянія личностью перваго національнаго поэта, но даже памятникъ и школу ему поставили. Нельзя, разумѣется, умолчать о томъ, что всѣ это сдѣлано „*съ немалыми хлопотами и великою запомогою*“ многихъ иногороднихъ почитателей поэта, но все же поставили... Да какъ же и непоставить тому, о комъ одно воспоминаніе (а оно еще живетъ въ Полтавѣ) уже вызываетъ улыбку симпатіи, тому, кто еще при жизни своей пользовался исключительно любовію согражданъ, кто однимъ своимъ присутствіемъ уже овладѣвалъ обществомъ, настраивалъ его на бодрый, жизнерадостный тонъ; тому, чье остроуміе озаряло собравшихся подобно вспышкамъ молніи, чья сатира, чья ѣдкая каррикатура и пламенныя изреченія такъ и искрились неподражаемой веселостью, скрашивая въ дѣйствительности горькіе замыслы автора моралиста; тому, наконецъ, кто шелъ далеко впереди своего вѣка, не только какъ гуманный образованный и талантливый писатель, но и какъ сознательный украинецъ, проводившій взгляды, которые лишь теперь получаютъ должное объясненіе и оцѣнку. Кстати сказать, мы совершенно не можемъ согласиться съ людьми, пишущими, что И. П. былъ,

такъ сказать. — стихійный украинецъ и руководствовался въ своихъ работахъ не сознательно поставленной цѣлью, а лишь инстинктомъ любви къ родинѣ. Достаточно припомнить его слова, сказанныя имъ въ 1837 году И. Срезневскому объ исторіи и этнографіи Украины, чтобы убѣдиться, что мы ничуть не преувеличиваемъ называя И. П. сознательнымъ украинцемъ.

„Когда то мы дождемся историческаго описанія Малороссіи, ея достойного!“— воскликнулъ глубокій старикъ, — „когда желаніе понять ее будутъ замѣнять желанія ее описать“—отвѣчалъ молодой ученый. — „Ваша правда: теперь оно невозможно“, — „и Иванъ Петровичъ, припоминая о томъ, что сдѣлано, прекрасно высказалъ, чего еще недостаетъ въ массѣ матеріаловъ. Видно было, что онъ слѣдитъ зорко за движеніемъ разработки матеріаловъ“... — Когда разговоръ коснулся патятниковъ народной словесности, то И. П. винилъ собирателей въ недальнозоркости, въ неумѣніи пользоваться сокровищами. — „А сокровища все болѣе пропадаютъ, и скоро не надъчѣмъ будетъ и трудиться; бывало десятками, сотнями слышимъ старинныя пѣсни и думы, а теперь разъ въ годъ придется услышать одну.

Пусть бы эти сокровища остались не болѣе какъ тѣмъ, чѣмъ остались пирамиды для Египта, все же-бъ остались памятникомъ народа, стоющаго памяти“... Когда Срезневскій сообщилъ Ивану Петровичу свои надежды и предположенія объ этнографическихъ записяхъ на Украйнѣ, то послѣдній, ободряя его, произнесъ: — „Колыбъ-то такъ уси за дило приймалысь! Та ще колыбъ не москали, а наши“... послѣ чего перешелъ съ нимъ на исключительно украинскій языкъ. Свидѣтельство ученаго слависта о томъ, что И. П., предварительно разобравъ, что сдѣлано по исторіи Малороссіи, прекрасно высказалъ, чего еще не достаетъ, и что видно было, что онъ зорко слѣдилъ за движеніемъ разработки матеріала (и это въ 68 лѣтъ!),—очень цѣнно и говоритъ въ пользу нашего предположенія.

Какъ бы то ни было, однакожъ, въ культурномъ мірѣ такъ ведется, что постановка памятника не есть еще окончательное дѣйствіе выраженія признательности общества. Оно, это общество, и далѣе не перестаетъ заботиться и собирать все, что такъ или иначе касается памяти чествуемаго писателя. Такъ должно быть и въ Полтавѣ по отношенію къ И. П. Котляревскому — вѣдь каждая его книга, каждая рукопись или письмо — это частица его души, это чистый, благо-

ухающій экстрактъ его разума. Каждая картина, иллюстрація или рисунокъ — это наглядная лѣтопись, художественное поясненіе невоплощенныхъ въ реальныя формы недосказанныхъ мыслей и образовъ, принадлежащихъ автору. Каждое воспоминаніе, каждое изслѣдованіе или критическій, разборъ его произведеній — это новый лучъ, въ преломленіяхъ котораго засверкаетъ обновленный образъ гуманиста, возродителя литературной Украины.

Каждая мелочь его обстановки, а также быта его времени — это необходимое дополненіе фона картины, въ которой долженъ представиться будущему потомству этотъ первый «*вторично-рожденный*» избранникъ народа. Все перечисленное должно собирать самымъ тщательнымъ образомъ и сохранять на память будущему потомству; потомство же наше несомнѣнно будетъ и образованнѣе и любознательнѣе насъ. Оно съ величайшей признательностію вспомнитъ тѣхъ, кто позаботился о первомъ національномъ писателѣ и тѣмъ самымъ облегчилъ трудъ разысканія матеріаловъ о немъ. Короче: нужно возможо скорѣе осуществить музей имени И. П. Котляревскаго. Полтава, въ лицѣ своей думы, какъ извѣстно, принципіально признала необходимымъ устройство такого музея, но признать — одно, а исполнить другое. Прошло уже очень много времени, а дѣло едва ли серьезно подвинулось впередъ. Мало желающихъ и свѣдущихъ лицъ, чтобы энергично работать въ этомъ направленіи. Очень давно было какое то приглашеніе «жертвовать что можно», собиралась комиссія, но общество толкомъ ничего не знаетъ. Тѣмъ не менѣе, очень упорно передавался слухъ, что музей имени Котляревскаго предполагается соединить съ музеемъ губернскаго земства. Ничего не могло быть пагубнѣе подобнаго предложенія! И если таковое дѣйствительно исходило отъ г. членовъ управы, то оно можетъ разсматриваться какъ формальное умываніе рукъ отъ данныхъ обществу обѣщаній. Нельзя лучше похоронить идею музея!..

Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что всякая небольшая коллекція, будучи поставлена въ губернскій музей, обязательно потонетъ тамъ въ числѣ множества другихъ вещей. Только индифферентизмъ къ судьбѣ музея имени Котляревскаго, только колючія тернія косности, очевидно уже вонзившіяся въ прекрасное культурное начинаніе, тормозятъ и губятъ начатое благородное дѣло. Музей имени И. П. Котляревскаго долженъ быть самостоятельнымъ учрежденіемъ. — Пусть онъ начнетъ свое скромное существованіе при той же школѣ имени

Котляревекаго. Что бы ни говорили, а пока лучшаго мѣста для него и придумать невозможно. Пуста онъ ютится только въ одной изъ комнатъ построеннаго зданія, — для начала этого вполнѣ достаточно. Современемъ, когда общество увидитъ его, повѣрьте, оно озаботится, чтобы музей развился и даже процвѣталъ, оно добровольными пожертвованіями охотно дополнитъ отдѣлы музея. У многихъ почитателей поэта найдется кое-что достойное занять мѣсто въ музеѣ его имени, но эти же почитатели врядъ ли отдадутъ свои вещи при условіи, что коллекція будетъ размѣщена въ губернскомъ земскомъ музеѣ, гдѣ нибудь рядомъ съ коллекціей сорныхъ травъ черноземной полосы или со сторонними литографіями допотопной фауны земного шара. Посмотрите на европейскіе, даже небольшіе городки: вѣдь тамъ всюду существуютъ, а съ величайшей ревностію поддерживаются, мѣстные музеи въ честь родившихся или только жившихъ тамъ писателей родины. Муниципалитеты тамошнихъ городковъ отлично сознаютъ, что подобныя учрежденія, какъ единицы культурныхъ институцій, прежде всего поднимаютъ въ глазахъ всей страны значеніе самого городка. Туда ѣдутъ туристы, туда заглядываютъ многіе соотечественники. Естественно поэтому, что жители съ гордостью показываютъ и говорятъ о своихъ достопримѣчательностяхъ. Почему-же Полтавѣ не послѣдовать этому благоразумнѣйшему примѣру нашихъ западныхъ сосѣдей? Результатъ вѣдь будетъ тотъ же, что и тамъ — всякій просвѣщенный посѣтитель Полтавы заинтересуется ея достопримѣчательностями, и это помимо основного значенія такого музея не только для Полтавы, но и для всей Украины. И многіе изъ этихъ просвѣщенныхъ посѣтителей скажутъ свое благодарное слово по адресу отцовъ города, озаботившихся устройствомъ просвѣтительнаго учрежденія. Значеніе И. П. для Украины огромно, и оцѣнка его дѣятельности будетъ современемъ лишь расти. Надо удивляться, что болѣе ста лѣтъ назадъ этотъ необыкновенный человѣкъ первымъ поднялъ высоко знамя сознательнаго украинскаго писателя и безъ всякаго колебанія держалъ его въ рукахъ всю свою долгую жизнь.

Везикій Гоголь, называвшій украинскій языкъ «*языкомъ души*», всю свою жизнь не могъ выработать себѣ такого «*убѣжденія*» и, по выраженію г. Ефименко, «палъ жертвой душевной раздвоенности, имѣвшей свои глубочайшіе корни въ раздвоенности національной». Такъ кто-же повѣритъ въ непоколебимость «убѣжденій» современныхъ «сыновъ Украины»?

И. П. Котляревскій былъ на прямой дорогѣ, ведущей въ сердце его родины, онъ не зналъ колебаній, онъ зналъ, что дѣлалъ и что надо дѣлать для блага его жизни. Такіе писатели заслуживаютъ и памятниковъ и музеевъ ихъ обожаемаго имени.

А. Сластіоновъ.

Выставка при Кіевскомъ музеѣ. Комиссія по устройству выставки прикладнаго искусства и кустарныхъ издѣлій при Кіевскомъ музеѣ опубликовала слѣдующее воззваніе.

«На Югѣ Россіи кустарные промыслы и особенно тѣ, въ которыхъ проявляется народное художественное творчество, вообще слабо развиты, въ большей же части нашего обширнаго края и совсѣмъ отсутствуютъ.

Съ другой стороны, благодаря наплыву фабричныхъ издѣлій, изъ крестьянскаго обихода постепенно вытѣсняются предметы домашняго производства, очень часто интересные въ художественномъ отношеніи, и то, что явилось результатомъ многовѣковой самобытной жизни народа, безслѣдно исчезаетъ.

Имѣя въ виду хотя отчасти прійти на помощь дѣлу развитія на Югѣ Россіи кустарныхъ промысловъ, могущихъ служить, какъ показалъ примѣръ центра и сѣвера Россіи, немаловажнымъ подспорьемъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, и съ цѣлью собрать, пока еще не поздно, образчики народнаго искусства, которые должны лечь въ основу дальнѣйшаго, практическаго ихъ примѣненія, въ Кіевскомъ Музеѣ Императора Николая II предположено устроить въ январѣ 1906 г. „*Выставку прикладного искусства и кустарныхъ издѣлій*“.

Выставка будетъ заключать предметы по слѣдующимъ производствамъ:

I.

I. *Гончарство* (посуда, изразцы, игрушки).

II. *Плетеніе* (издѣлія изъ соломы, лозы, лыка, бересты, рогозы, шерсти и т. д.).

III. *Ткачество* (издѣлія изъ холста и шерсти съ затканнымъ орнаментомъ; изъ шерстяныхъ издѣлій особаго вниманія заслуживаютъ старинныя плахты и ковры).

IV. *Вышиваніе* (только самобытныя народныя вышивки).

V. *Набойки* (а также набойныя рѣзныя доски).

VI. *Издѣлія изъ цвѣтной кожи* (выкладки на полахъ кожуховъ).

VII. *Рисованіе* (рисунки на разныхъ предметахъ; писанки).

VIII. *Рѣзьба по дереву.*

IX. *Издѣлія изъ кости и рога.*

X. *Издѣлія изъ камня, фаянса и стекла.*

XI. *Издѣлія изъ металловъ.*

XII. *Фотографіи и рисунки*, иллюстрирующіе процессъ различныхъ производствъ, а также фотографіи и рисунки костюмовъ, построекъ, бытовыхъ сценъ и т. д.

II.

Особый отдѣлъ на выставкѣ займутъ *предметы прикладного искусства, исполненные на основѣ народнаго орнамента.*

—

Комиссія по устройству выставки обращается съ покорнѣйшей просьбой не отказать въ просвѣщенномъ содѣйствіи новому дѣлу и принять участіе въ выставкѣ.

О согласіи принять участіе въ выставкѣ Комиссія проситъ заблаговременно ее увѣдомить.

Свѣдѣнія для желающихъ принять участіе въ выставкѣ:

Послѣдній срокъ пріема предметовъ — 15 января 1906 года.

При отсылкѣ предметовъ просятъ обозначать мѣстность, гдѣ изготовлены предметы, а также имя, отчество, фамилію и точный адресъ отправителя.

Если предметы предназначены для продажи, то просятъ обозначать это, указывая цѣны.

Всѣ посылки просятъ адресовать: *г. Кіевъ, Музей Императора Николая II.*

За справками и разъясненіями просятъ обращаться туда-же, къ директору Музея *Н. Бѣляшевскому.*

ВѢСТИ ИЗЪ ГАЛИЧИНЫ.

„Чествованіе“ памяти Б. Хмельницкаго во Львовѣ. Львовскою городскою думою постановлено праздновать 250-лѣтнюю годовщину освобожденія Львова отъ «нашествія» Хмельницкаго.

Въ день «юбилея» должно быть богослуженіе во всѣхъ церквяхъ, публичное чтеніе въ засѣданіи Думы, и розданы будутъ соотвѣтственныя польскія брошюры народу и, наконецъ выбита медаль. Русины возмущаются такимъ постановленіемъ польской думы, считаютъ ее вызовомъ Украинѣ и обѣщаютъ устроить контръ-торжество. Неблагожелательно отнеслась къ затѣямъ львовской думы и нѣкоторая часть прессы, заявляющей протестъ противъ траты общественныхъ денегъ по такому поводу. Тѣмъ болѣе, что львовская дума руководилась специфической оцѣнкой Б. Хмельницкаго со стороны пристрастныхъ историковъ, какъ Бобжинскій.

На самомъ же дѣлѣ, говорится въ одной изъ газетъ «Monitor'ѣ», не лучше-ли было бы для Польши, если-бы она когда-то внимательнѣй отнеслась къ замысламъ Хмельницкаго.

—

Украинскій университетъ. Въ открытой парламентской сессіи русинскій посолъ Романчукъ снова настаивалъ на необходимости основанія украинскаго университета.

—

Украинская гимназія въ Бережанахъ. Въ осеннюю сессію Львовскаго сейма русинскимъ посломъ Олесницкимъ внесена петиція о необходимости основанія въ Бережанахъ украинской гимназіи. Петиція, снабженная обширной мотивировкой, по настоянію посла передана въ школьную комиссію.

—

Украинская гимназія въ Дрогобичѣ. На созванномъ народной организаціей собраніи «мужей довірья» въ Дрогобицкомъ уѣздѣ состоялось постановленіе о возбужденіи ходатайства объ основаніи украинской гимназіи въ Дрогобичѣ.

—

Украинскій „народный домъ“. На дняхъ состоится закладка «народного дому» въ борщевскомъ уѣздѣ (Галиція).

—

Общество „взаімно-поміч галицких і буковинских учителів і учительок“. Съ такимъ наименованіемъ образовалось въ Австріи новое общество, цѣль котораго разностороннее объединеніе русинскихъ учителей.

—

Украинскій театръ во Львовѣ. На постройку театра собрано за сентябрь м-цъ 2889 кор. 99 сот., а всего, съ прежде поступившими, 160 229 кор. 6 сот.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Труды по изученію этнографіи Екатеринославской губерніи.

1) *Сборникъ статей Екатеринославскаго Научнаго Общества по изученію края.* Изданъ къ XIII археологическому съѣзду въ г. Екатеринославѣ. Подъ общей редакціей проф. В. В. Курилова. Е. 1905. 2) *В. А. Бабенко. Этнографическій очеркъ народнаго быта Екатеринославскаго края.* Изд. Екат. Губ. Земства къ XIII археологическому съѣзду (Съ 75 фототипіями, рисунками и чертежами въ текстѣ). Е. 1905. 3) *В. Бабенко. Изъ этнографическихъ наблюденій въ Екатеринославской губерніи.* Харьковъ. 1905. 4) *Каталогъ Екатеринославскаго Областного Музея имени А. Н. Поля.* Археологія и этнографія. Е. 1905.

Этнографія есть наука объ общихъ и устойчивыхъ формахъ проявленій человѣческаго духа среди отдѣльныхъ группъ человѣчества, поставленныхъ природою въ различныя условія существованія, и, какъ таковая, этнографія должна занимать самостоятельное мѣсто въ кругу другихъ наукъ, трактующихъ о жизни человѣчества. Общность и устойчивость формъ жизни, изучаемыхъ этнографіею, это — ея differentia specifica, полагающая ей грани и указывающая ей цѣль. Но вполнѣ наукою этнографія станетъ только, какъ міровая этнографія. До тѣхъ же поръ, пока разработка этнографическаго матеріала будетъ вестись главнымъ образовъ по отдѣльнымъ народностямъ, этнографія будетъ оставаться болѣе или менѣе на степени науки описательной. Однако, чѣмъ болѣе скопитъ она описательнаго матеріала, тѣмъ болѣе блестящимъ и прочнымъ выйдетъ зданіе этнографіи научной. Поэтому

мы привѣтствуемъ появленіе въ свѣтъ названныхъ выше изданій, посвященныхъ украинской этнографіи.

Появленіе всѣхъ этихъ изданій связано съ XIII археологическимъ съѣздомъ въ г. Екатеринославѣ. Самъ по себѣ XIII съѣздъ не далъ значительныхъ трудовъ въ области этнографіи. Рефератовъ этнографическаго содержанія на съѣздѣ было прочитано мало, спеціалисты-этнографы отсутствовали, вслѣдствіе чего одинъ рефератъ по этнографіи даже былъ исключенъ изъ программы самимъ его авторомъ. Однако, какъ бы ни были глубоки причины нѣкоторой неудачливости XIII археологическаго съѣзда, все же будемъ надѣяться, что эти причины исчезнутъ ко времени открытія XIV археологическаго съѣзда въ древнемъ Черниговѣ, и что черниговскіе люди сдѣлаютъ все для того, чтобы XIV съѣздъ далъ богатые результаты въ области историческаго знанія, въ частности въ области этнографическихъ изученій. Тѣмъ не менѣе, если не прямо, то косвенно, Екатеринославскій археологическій съѣздъ повліялъ на изученіе мѣстной этнографіи, и мы имѣемъ теперь передъ собою новые труды, примыкающіе къ обширному уже матеріалу по украинской этнографіи.

Эти труды открываются статьею проф. Н. Ѳ. Сумцова „Объ этнографическомъ изученіи Екатеринославской губерніи", помѣщенной въ первомъ изъ указанныхъ въ перечнѣ изданій. Н. Ѳ. Сумцовъ, отмѣчая въ началѣ, что, сравнительно съ другими мѣстностями Украины, Екатеринославская губ. мало обслѣдована въ этнографическомъ отношеніи, останавливается на краткой характеристикѣ наиболѣе видныхъ дѣятелей въ области екатеринославской этнографіи, каковы Н. Д. Мизко (1818—1881), И. И. Манжура, Я. П. Новицкій и Д. И. Эварницкій. Характеризуя общее направленіе екатеринославской этнографіи, Н. Ѳ. Сумцовъ говоритъ: „Екатеринославскихъ этнографовъ воодушевляла романтическая меланхолія, историческія минисценціи о старинѣ, какъ ее представлялъ и понималъ Шевченко, т. е. непремѣнно славной, козацкой; но при этомъ современность какъ-то незамѣтно отходитъ на второй планъ, и внукамъ-сѣятелямъ не удѣляется достаточнаго вниманія..." И вотъ провозвѣстникъ „утилитарной этнографіи" вноситъ поправку въ это романтическое направленіе екатеринославскихъ этнографовъ: „Серьезная задача современной этнографіи — говоритъ онъ — показать, какъ пользуются своей жизнью нынѣ живущіе, въ какія формы нынѣ эта жизнь укладывается, гдѣ и въ чемъ скрываются ея идеалы, ея новыя творческія начала".—„Изъ новизны

продолжаетъ далѣе авторъ — громадный во многихъ отношеніяхъ въ высшей степени жизненный интересъ представляетъ, напр., вопросъ о современныхъ формахъ общенія и взаимнаго вліянія народностей въ предѣлахъ екатеринославской губ., вліянія фабричной и заводской промышленности, прилива иностранныхъ капиталовъ и инородческой колонизаціи".

Въ томъ же „Сборникѣ статей Екатеринославскаго Научнаго Общества" помѣщена большая и богатая интересными матеріалами статья Я. П. Новицкаго „Съ береговъ Днѣпра", на которую я уже указывалъ на страницахъ *Кіевской Старины*. Названная статья представляетъ изъ себя замѣчательное сочиненіе не только по тѣмъ матеріаламъ, которые въ ней находятся, но и по своимъ художественнымъ достоинствамъ. Въ видѣ путевыхъ записокъ авторъ рисуетъ передъ нами картины быта, объясняетъ древнія названія селъ и урочищъ, сообщаетъ свѣдѣнія изъ историческихъ и бытовыхъ воспоминаній народа, приводитъ преданія и сказанія о запорожцахъ, украшая свое повѣствованіе описаніемъ картинъ днѣпровской природы. Къ статьѣ приложены иллюстраціи. Тому-же автору принадлежитъ еще одна статья „Сборника", имѣющая отношеніе къ этнографіи, именно— „Старожитные уѣзды Екатеринославской губерніи — Новомосковскій и Павлоградскій".

На тѣ требованія, которыя ставитъ современной этнографіи проф. Н. Θ. Сумцовъ, отвѣчаетъ статья того же „Сборника"—Краткій обзоръ экономическаго положенія населенія Маріупольскаго уѣзда", М. Е Земцова. Къ статьѣ присоединены четыре приложенія: 1) Экономическіе признаки населенія по подворнымъ переписямъ 1886 и 1901 г.г. 2) Бюджетъ семьи крестьянина Прокофія Анисимовича Кучерявенко (изъ с. Срѣтенки, маріуп. у.). 3) Списокъ книгъ семьи Прокофія Кучерявенко, и 4) Списокъ праздничныхъ дней, въ которые не производится работа въ с. Срѣтенкѣ, маріуп. у. (Такихъ дней съ воскресеньями оказывается 31,5%). Очень интересенъ указанный списокъ книгъ. На долю книгъ духовнаго содержанія приходится 20 заглавій, преимущественно это — житія святыхъ въ лубочныхъ изданіяхъ. Таковы же свѣтскія книжки, среди которыхъ, между прочимъ, имѣются „Три сказки Л. Толстого"; остальныя книжки въ такомъ родѣ: „Страшный Мавръ или заколдованный замокъ". „Громъ русскихъ побѣдъ въ Японіи", „Споръ полушампанскаго съ ерофеичемъ и пр.

Обстоятельныя работы изъ области матеріальной культуры населенія Екатеринославской губ. представляютъ работы В. А. Бабенко, объѣхавшаго въ 1904 и 1905 г.г. губернію по предложенію Екатеринославскаго предварительнаго комитета по устройству XIII археологическаго съѣзда. Въ своемъ „этнографическомъ очеркѣ“ В. А. Бабенко останавливается не только на бытѣ украинскаго населенія Екатеринославской губ., но и другихъ народностей, населяющихъ ее, каковы великороссы, греки, валахи, нѣмцы. Авторъ начинаетъ свой очеркъ съ описанія общаго вида поселеній различныхъ народностей, затѣмъ переходитъ къ описанію усадебъ, жилищъ, одежды, промысловъ, обрядовъ, останавливаясь подробно на свадебномъ ритуалѣ, наконецъ даетъ свѣдѣнія о народныхъ празднествахъ, музыкѣ, пѣсняхъ, дѣтскихъ играхъ и знахарствѣ. Для фольклора въ данномъ „Очеркѣ“ цѣннымъ является описаніе малорусской свадьбы въ с. Августиновкѣ, екатерин. уѣзда, и особенно цѣнными украинскіе заговоры, видъ поэзіи, какъ извѣство, трудно добываемый изъ устъ народа. Жаль только, что авторъ, по его же собственнымъ словамъ, приводитъ не всѣ собранные имъ заговоры, а лишь нѣкоторые.

Остановлюсь на нѣкоторыхъ частностяхъ „Этнографическаго очерка“. На стр. 32 говорится: „Въ приднѣпровскихъ поселеніяхъ существуетъ типъ такъ называемыхъ пловучихъ мельницъ или сукноваленъ. Такія мельницы бываютъ исключительно дощатыя и ставятся на рѣкѣ на баркахъ“. Слова автора безъ рисунка не даютъ никакого представленія о днѣпровской мельницѣ, а между тѣмъ это сооруженіе — весьма оригинальное и при томъ не распространенное. Двѣ небольшія барки (или „дубы́“), соединенныя одна съ другою двумя бревнами такъ, что между барками остается нѣкоторое пространство, укрѣпляются якорями на водѣ. На одной изъ барокъ находится самая мельничная постройка; другая служитъ лишь для укрѣпленія одного изъ концовъ оси мельничнаго колеса, которая кладется на обѣ барки, причемъ колесо помѣщается между барками и приводится въ движеніе теченіемъ Днѣпра. Авторъ „Очерка“ помѣщаетъ въ немъ рисунки мельницъ, различныхъ видовъ, но рисунка описанной мельницы почему-то не даетъ. На стр. 41 говорится: „Верхняя одежда малороссовъ бываетъ по мѣстности весьма различна. Старинная—изъ синяго сукна, халаты, жупаны, „киреи“ съ капюшонами и „чекмени“ и проч. Всѣ эти одежды запорожскаго происхожденія хранятся и изрѣдка носятся древними стариками, получившими ихъ отъ отцовъ и

дѣдовъ...“ На страницѣ же 43 авторъ говоритъ, что свита это одежда „съ видлогою или кобенякомъ изъ грубаго сукна, очень длинная; къ вороту придѣлывается капюшонъ, „кобенякъ“, или же просто съ большимъ воротомъ „видлогою“, носится исключительно въ дурную погоду и чаще въ дорогу“. Для тѣхъ, кто привыкъ къ народной терминологiи другихъ мѣстъ Украины (напр. нѣкоторыхъ уѣздовъ черниговской губ.), нѣтъ различiя между *киреею* и *свитою съ видлогою*, такъ какъ по этой терминологiи послѣдняя также носитъ названiе *киреи*, и потому для многихъ непонятно, что собственно называется въ екатеринославской губ. *киреею*. Авторъ, подробно описывавшiй *свиту съ видлогою*, долженъ былъ бы дать такое же описанiе и *киреи*. На стр. 44 указывается мужская малорусская обувь: *чоботы съ широкими халявами* и *черевыкы* Но екатеринославскiе малороссы носятъ также и *постолы* — лапти изъ цѣльнаго куска кожи, или сплетенныя изъ веревокъ. На стр. 41 говорится: „Картинъ порядочной работы у насъ не существуетъ, поэтому поневолѣ приходится крестьянину самому придумать свое что-нибудь для украшенiя жилища“. Интересно знать, неужели у екатеринославскихъ крестьянъ настолько развитъ художественный вкусъ, что они отвергаютъ лубочныя картины, и послѣднiя поэтому совершенно не встрѣчаются по селамъ въ видѣ украшенiя жилищъ? Вѣдь лубочная книга, какъ мы видѣли, идетъ въ среду малорусскихъ крестьянъ, — почему же нѣтъ къ нимъ доступа лубочной картинѣ? На стр. 63 указывается, что на концахъ рушниковъ вышиваются часто орлы. Необходимо замѣтить, что это — двуглавые орлы, съ коронами надъ ними, т. е. изображенiе русскаго государственнаго герба. На той же стран. авторъ не упоминаетъ о томъ, что приготовляемые для домашняго украшенiя *голубки* дѣлаются не только изъ тѣста и бумаги, но и изъ дерева, что представляетъ изъ себя очень трудную и тонкую работу. На стр. 68 описывается домашнiй способъ помола зерна на ручныхъ мельницахъ. Авторъ ошибочно приписываетъ принадлежность ихъ исключительно екатеринославской г., такъ какъ въ черниговской г. такiя ручныя мельницы и такого же устройства очень часты. На стр. 76 говорится о рыболовной принадлежности *блешняхъ*, блестящихъ мѣдныхъ крючкахъ съ расширенiемъ на подобiе мелкой рыбы; хищныя рыбы проглатываютъ эти *блешни*, принимая ихъ за рыбъ. Надо прибавить къ этому, что подобiе между *блешнями* и рыбами достигается еще привязыванiемъ къ первымъ красныхъ суконокъ или нитокъ, напоминающихъ рыбныя перья. На

стр. 97 ничего не говорится о томъ, какъ ходятъ дружки съ молодою по селу, сзывая гостей на свадьбу, съ пѣніемъ или безъ него, что интересно для характеристики степени современнаго обрядоваго пѣснопѣнія. Далѣе, говоря о похоронахъ (стр. 103 — 104), авторъ совершенно умалчиваетъ о похоронныхъ причитаніяхъ. А если бъ авторъ обратилъ на нихъ свое вниманіе, то онъ не сказалъ бы, что народные похоронные обряды утратили въ настоящее время свое значеніе.

Не останавливаясь на второй книжкѣ г. Бабенко — „Изъ этнографическихъ наблюденій въ Екатеринославской губерніи", представляющей лишь конспектъ только что разсмотрѣнной книги, укажу еще на „Каталогъ Екатеринославскаго Областного Музея имени А. Н. Поля, въ которомъ второй отдѣлъ, посвященный этнографіи (составленъ также г. Бабенко), представляетъ самостоятельный интересъ, внѣ связи съ Музеемъ, такъ какъ въ немъ даются краткія свѣдѣнія объ имѣющихся въ Музеѣ предметахъ. Кромѣ того въ каталогѣ помѣщены тѣ же рисунки, что и въ „Этнографическомъ очеркѣ".

Заканчивая свою библіографическую замѣтку, не могу не пожелать, чтобы у насъ этнографическія наблюденія на территоріи Украины развивались все болѣе и болѣе, и чтобы къ XIV археологическому съѣзду, на берегахъ Десны, мы имѣли бы новые этнографическіе описанія и матеріалы, касающіеся Черниговской земли, какъ имѣли мы новыя разобранныя выше работы по этнографіи Екатеринославскаго края ко времени открытія недавно закончившаго свою дѣятельность археологическаго съѣзда на каменныхъ берегахъ Днѣпра.

Владиміръ Даниловъ.

Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана *съ 1 октября 1904 года по 1 октября 1905 года. Годъ X.*

Настоящій Ежегодникъ мало похожъ на ежегодникъ предшествующихъ лѣтъ, какъ своимъ объемомъ (всего въ немъ 124 страницы), такъ и своимъ содержаніемъ. Измѣненіе это, можно сказать къ худшему, произошло отъ того, что педагогическія статьи выдѣлены теперь въ спеціальный журналъ. Настоящій Ежегодникъ состоитъ изъ Отчета и, такъ сказать, неоффиціальной части—свѣдѣній о бывшихъ воспитанникахъ.

Первая часть, какъ и въ прежнихъ Ежегодникахъ, знакомитъ съ личнымъ составомъ Коллегіи, который въ истекшемъ году остался тѣмъ же, что и раньше; о занятіяхъ правленія Коллегіи, которое выработало програму по естествовѣдѣнію для II класса и дало инструкцію двумъ помощникамъ воспитателей для практическаго обученія воспитанниковъ французскому и нѣмецкому языку; рѣшало также разныя хозяйственныя дѣла.

Воспитанниковъ въ Коллегіи въ настоящее время 59, въ возрастѣ отъ 14 лѣтъ до 21 года и болѣе; между ними преобладаютъ дворяне (59,33%), затѣмъ идутъ лица изъ духовнаго званія (18,64%), горожане (13,56%), сельскіе жители (5,08%) и иностранцы (3,39%).

Въ отдѣлѣ „Учебный годъ" находится обстоятельная программа по естествовѣдѣнію; обозрѣніе остальныхъ предметовъ — повтореніе прошлогодняго отчета.

Приходъ и расходъ Коллегіи представлены: приходъ выразился въ суммѣ 151711 р. 82 к., а расходъ 77598 р. 44 к.; при этомъ имѣнія Коллегіи въ 11545 десятинъ дали доходу 53426 р. 61 к., или каждая десятина слишкомъ $4^1/_2$ р. въ годъ. Расходъ на каждаго воспитанника опредѣленъ 1316 р. въ годъ; а какъ своекоштные воспитанники выплачиваютъ за свое содержаніе 650 р. въ годъ, то значитъ — каждый своекоштный воспитанникъ становится для коллегіи стипендіатомъ въ суммѣ 666 р.

Интересно приложеніе № 6—списокъ лицъ, сдѣлавшихъ взносъ на капиталъ имени учредителей коллегіи. Списокъ этотъ печатается изъ года въ годъ, хотя изъ него никакъ невозможно понять, сколько внесено этихъ пожертвованій. Вмѣстѣ съ тѣмъ каждый годъ печатаются 6 фамилій тѣхъ лицъ, что обѣщали сдѣлать взносъ и не выполнили своего обѣщанія. Не лучше-ли было бы напомнить имъ про эти обѣщанія письмами?

Статья „обозрѣніе преподаванія" изложена на 10 страницахъ довольно обстоятельно и съ указаніемъ разнообразныхъ руководствъ и пособій.

Приложеніе № 9 состоитъ изъ двухъ стихотвореній „Тайна" и „Мечта"—воспитанника Кострицкаго и очевидно напечатана для поощренія молодого таланта.

Списокъ воспитанниковъ по выпускамъ есть перепечатка прошлыхъ годовъ съ прибавкою 30-го выпуска. Онъ занимаетъ 5 страницъ, а прибавка 10 строкъ. Такою же перепечаткою, но только съ неисправ-

ляющимися никогда ошибками, являются свѣдѣнія о лицахъ, окончившихъ Коллегію.

Таково содержаніе Ежегодника минувшаго года.

Нельзя не указать на то обстоятельство, что Коллегія является благотворительнымъ учрежденіемъ не только для своихъ воспитанниковъ, доплачивая за каждаго своекоштнаго сумму бо́льшую, чѣмъ они вносятъ за свое воспитаніе, но она также благотворитъ и арендаторовъ, отдавая имъ по столь дешевой цѣнѣ свои земли въ аренду. Если эти арендаторы мѣстные поселяне, то такая дешевизна очень извинительна. Отчетъ на этотъ вопросъ не даетъ никакихъ указаній.

Бросается также въ глаза обиліе воспитательнаго элемента: директоръ, четыре воспитателя и четыре ихъ помощника, что даетъ на каждое лицо воспитательскаго персонала менше, чѣмъ 7 воспитанниковъ. Думаемъ, что такое обиліе воспитательнаго наблюденія и воздѣйствія чрезмѣрное.

Н. Ш.

„Михайловецъ", ежемѣсячный журналъ, издаваемый михайловскимъ артилерійскимъ училищемъ, № 2, 3, 4, 5, 6 за 1905 г.

Съ пріятною неожиданностію констатируемъ существованіе цѣлаго украинскаго отдѣла въ этомъ журналѣ. Во второмъ номерѣ имѣется этнографическо-историческій очеркъ „Новомосковскъ"; въ пятомъ—переводъ двухъ миніатюръ Гринченка „Вѣтеръ" и „Лѣсъ"; въ шестомъ—„Смерть Зораба" Чернявского, въ шестомъ же номерѣ въ отдѣлѣ библіографіи находимъ критическую замѣтку съ очень благопріятнымъ отзывомъ на „Голоту" Виниченко. Переводы исполнены Ю. Бачинскимъ очень хорошо. Кромѣ того, начиная съ третьей и вплоть до шестой книжки, тянется статья, еще не оконченная, подъ заглавіемъ «Современная украинская литература». Первая глава посвящена эпохѣ возрожденія украинской литературы до Шевченка включительно; вторая и третья—главнымъ образомъ писателямъ, начавшимъ писать въ эпоху съ 40-хъ по 70-е года, четвертая — украинской драмѣ какъ стараго періода до Котляревскаго, такъ и новаго. Даны критическіе очерки всѣхъ новѣйшихъ украинскихъ драматическихъ писателей, за исключеніемъ Карпенко-Карого, которому авторъ (С. Васілекъ) объ-

щаетъ посвятить цѣлую пятую главу. Статья составлена хорошо, удачно подобраны яркія характеристики писателей; она снабжена обильными библіографическими указаніями по украинской литературѣ и критикѣ, такъ что даетъ возможность приступить и къ самостоятельному изученію предмета. Видна большая начитанность автора и нѣкоторый литературный талантъ. Ошибокъ почти нѣтъ, за исключеніемъ развѣ приписанія „Галицко-рускоі библіографіи“ Ивану Семеновичу Левицкому. Можно съ чувствомъ глубокой радости привѣтствовать „Михайловца“ за починъ ознакомленія съ украинствомъ офицерской среды (Михайловецъ расходится въ 600 — 700 экземплярахъ преимущественно среди бывшихъ воспитанниковъ Михайлов. арт. училищ.). Украинскій отдѣлъ „Михайловца“ есть яркій симптомъ пробужденія и усиленія украинскаго національнаго самосознанія рѣшительно во всѣхъ слояхъ общества.

Мик. Стасюкъ.

ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ № 6—9; 2) Русская Старина № 7—9; 3) Историческій Вѣстн. № 7—9; 4) Всемірный Вѣстн. № 7—9; 5) Вѣстникъ Европы № 7—9; 6) Русская Мысль № 6—9; 7) Міръ Божій № 7—9; 8) Русскій Вѣстникъ № 7—9.

Русская Старина № 7—9.

Изъ царскихъ резолюцій императоровъ Павла и Александра I. (№ 8, стр. 490 — 492). Напечатано 4 резолюціи Павла, начиная съ января 1799 года по іюнь того-же года, на имя Кіевскаго генералъ-губернатора Беклешова: 1) по поводу заключеннаго Беклешовымъ условія па покупку въ казну отъ князя Понятовскаго за 600 тысячъ польскихъ злотыхъ староства корсунскаго; 2) по поводу выдачи паспортовъ полякамъ, имѣющимъ собственности въ русскихъ, австрійскихъ и прусскихъ владѣніяхъ; 3) по поводу наблюденія за тѣмъ, чтобы «папа, не взирая на изгнаніе его изъ престольнаго града, не послалъ къ епископамъ или другимъ начальникамъ духовныхъ католическихъ властей булловъ, могущихъ произвесть недоумѣнія и клонящихся на

присвоеніе себѣ власти управлять онымъ краемъ»; 4) по поводу перевода суммъ на содержаніе въ Кременчугѣ и Кіевѣ мостовъ и перевалов изъ казеннаго счета на городскіе доходы. Кромѣ этихъ четырехъ резолюцій Павла, напечатаны также 3 резолюціи Александра 1801 года: 1) генералу Розенбергу о разрѣшеніи возвратиться въ Россію бывшему литовскому подскарбію Михайлѣ Огинскому, польскому генералу Михайлу Забіелѣ и еще нѣкоторымъ польскимъ помѣщикамъ; 2) кіевскому военному губернатору Феншу по поводу освобожденія из-подъ надзора его дѣтей и о пропускѣ ихъ въ Петербургъ; 3) ему-же по поводу доноса священника Загурскаго на помѣщичьяго эконома Билецкаго, при чемъ сказано: «нужнымъ почитаю предписать вамъ, чтобы вы не относили сего дѣла къ большой важности, а принявъ его въ видѣ пустословія и глупой лжи, достойной презрѣнія, произнесшимъ оную здѣлать увѣщаніе быть впредь воздержными отъ нелѣпыхъ разговоровъ».

Историческій Вѣстникъ, № 7 — 9.

Л. Н. Савчукъ. Изъ воспоминанія сельскаго дѣятеля (№ 7, стр. 43 — 60). Эти воспоминанія записаны авторомъ со словъ отца своего, Никифора Савлука, крестьянина по происхожденію, прослужившаго въ теченіе 40 лѣтъ въ общественныхъ сельскихъ должностяхъ, сначала въ волынской губ., а потомъ въ Холмщинѣ. Воспоминанія идутъ отъ годовъ дѣтства. Болѣе интересными страницами являются тѣ, гдѣ описывается Межигорская писарская школа, положеніе сельскихъ писарей, а также дается характеристика первыхъ мировыхъ посредниковъ на Волыни

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» помѣщены отзывы о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) *Ю. А. Яворскій.* Очерки по исторіи русской народной словесности. I. Легенда о панщинѣ. Львовъ 1901 г. II. Духовный стихъ о грѣшной дѣвѣ. Кіевъ 1905 г. (№ 8, стр. 578—579); 2) *I. T. Lubomirski.* Adam Kisiel, wojewoda kijowski. Warszawa 1905 г. (№ 8, стр. 584—585); 3) *С. Иваницкій.* Переяславскій епископъ Гервасій Линцевскій и начало возсоединенія уніатовъ въ Западной или Польской Украинѣ (1757—1769 г.) Камен.-Подольскъ 1904 г. (№ 9, стр. 941—944).

Вѣстникъ Европы. № 7 и 9.

Евреи-земледѣльцы. В. В. № 7, стр. 117—128.

Въ этой статьѣ между прочимъ разсматривается положенiе евреевъ земледѣльцевъ въ губернiяхъ: Херсонской, Екатеринославской и Бессарабской.

Въ Херсонской г. насчитывается 21 еврейская колонiя съ 3186 семействами. Земли при колонiяхъ считается 57,6 тысячъ десятинъ, но распредѣлена она очень неравномѣрно, такъ что 28% еврейскихъ колоиистовъ совершенно не производятъ посѣвовъ. Въ силу этого многiе евреи прибѣгаютъ къ постороннимъ заработкамъ, но среди этихъ заработковъ первое мѣсто принадлежитъ занятiю земледѣлiемъ въ качествѣ наемныхъ рабочихъ, такъ что 73% евреевъ-колонистовъ занимается исключительно земледѣлiемъ.

По даннымъ таврической земской статистики можно провести параллель между евреями и христiанами-земледѣльцами. Земля обрабатывается, какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ, самыми несовершенными способами, но среднiй сборъ (34 пуда съ 1 дес.) у еврevъ выше.

Крестьяне болѣе обезпечены рабочимъ скотомъ, у нихъ большее число пахатныхъ орудiй, меньше (въ $2^{1}/_{2}$ раза) уходитъ въ наймы. Благодаря преобладающему почти во всѣхъ русскихъ селенiяхъ общинному владѣнiю землей, каждый имѣетъ доступъ къ надѣльной землѣ.

У крестьянъ преимущественно крупные посѣвщики, у евреевъ много мелкихъ.

Въ Екатеринославской губ. 17 еврейскихъ колонiй: хозяйственное состоянiе ихъ такое же, какъ и въ Херсонской губ.

Въ Бессарабской г. только 8 еврейскихъ колонiй, которыя рѣзко отличаются отъ колонiй двухъ предыдущихъ губернiй: онѣ основаны на купленной, а не на казенной землѣ, которой очень мало — всего 3 тысячи десятинъ земли.

Только въ колонiи Домбровены настоящiе хлѣборобы.

Большею частью обрабатываютъ кукурузу; много не-земледѣльческихъ промысловъ: торговля, извозъ и различныя ремесла. Вообще у евреевъ иное отношенiе къ земледѣлiю, чѣмъ у крестьянъ: оно у нихъ носитъ случайный характеръ. Приступая къ земледѣлiю, еврей прежде всего смотритъ на него, какъ на средство къ доходамъ и въ случаѣ неудачи бросаетъ его. Крестьянинъ-земледѣлецъ оказывается болѣе устойчивымъ въ хозяйственномъ отношенiи, чѣмъ еврей, потому

что при одинаковомъ съ нимъ доходѣ онъ больше затрачиваетъ на производительныя цѣли, тогда какъ у еврея много расходовъ на обученіе дѣтей (въ еврейскихъ школахъ), на лѣченіе и пр.

Хроника. Наше земство и его экономическія мѣропріятія. Дм. Ярошевичъ № 7, стр. 318 — 323. Коллегіальные совѣщательные органы были введены въ Полтавскомъ земствѣ въ періодъ 1898 — 1901 г. Найбольшее число этихъ органовъ приходится на южныя губерніи: Черниговскую — 6, Харьковскую — 5, Екатеринославскую—4.

Замѣчательны труды Полтавскаго земства по организаціи кредита: ссуды оно начало выдавать съ 1894 г. и на эти суммы уже куплено 570 десятинъ и еще на такъ назыв. Александровскій капиталъ губернскаго земства (330000 рублей) куплено 2802 дес.

Помогаетъ земство кустарной промышленности, которая развивается при благопріятныхъ условіяхъ изъ домашнихъ промысловъ въ свободное отъ полевыхъ занятій время.

Но эта помощь не придаетъ жизненности промышленности, не развиваетъ ея до возможности конкурировать съ фабричной. Туганъ-Барановскій въ своемъ сочиненіи «Кустари и земство» приводитъ примѣръ роскошной земской ткацкой школы въ Дегтяряхъ (Полт. г.), которая совершенно чужда для населенія. Кромѣ такихъ школъ, которыхъ въ Полтавской г. нѣсколько, необходима цѣлая организація, способствующая распространенію техническаго знанія внѣ школы и ознакомленію массы съ улучшенными способами производства, наприм. — со станомъ-самолетомъ. Туганъ-Барановскій осуществилъ на практикѣ этотъ проектъ, и онъ имѣлъ очень большой успѣхъ когда инструкторомъ былъ назначенъ искусный ткачъ-кустарь. Онъ разъѣзжалъ по селамъ и демонстрировалъ усовершенсгвованные станки, къ которымъ отнеслись съ большимъ интересомъ.

Этотъ удачный опытъ доказалъ громадную пользу организаціи разъѣзжающихъ земскихъ кустарныхъ инструкторовъ. Полтавское земство убѣдилось въ этомъ и послѣ пятилѣтняго опыта приступило къ реорганизаціи своихъ ткацкихъ школъ. Оно полагаетъ, что жизнь въ эти школы можно вдохнуть введеніемъ орнаментировки издѣлій въ малорусскомъ духѣ.

Ткачъ-инструкторъ можетъ съ успѣхомъ выполнить эту задачу.

Въ Литературномъ обозрѣніи. данъ отзывъ о книгѣ проф. *Н. Ѳ. Сумцова.* «Изъ украинской старины» (№ 8, стр. 811 — 812).

Русская Мысль, № 6—9.

О санитарномъ положеніи сельско-хозяйственныхъ рабочихъ Екатеринославской г. (*№ 6 стр. 152—172; № 9 72—97*). Эпиграфъ— Мало словъ, а горя рѣченька, горя рѣченька бездонная — характеризуетъ содержаніе статьи. Говорится въ ней о все растущей нуждѣ населенія въ заработкѣ и о тѣхъ ужасныхъ условіяхъ, въ которыя ставятъ своихъ рабочихъ хозяева: о непосильномъ трудѣ—16 – 17 час. въ сутки, о гнилой пищѣ, грубомъ обращеніи и о всевозможныхъ заболѣваніяхъ среди рабочихъ, какъ слѣдствіяхъ этихъ условій. Составлена эта статья по отчетамъ г.г. студентовъ и сообщеніямъ г.г. врачей земскимъ санитарнымъ врачомъ Кондорскимъ.

Памяти М. П. Драгоманова. С. Русовой, № 8, стр. 50—70. Написана эта статья по поводу десятилѣтія со дня смерти Михаила Петровича Драгоманова. Очерь живо и полно очерчена его личность, какъ выдающагося политическаго дѣятеля Малороссіи, какъ генія, высоко поднявшаго національное значеніе своей горячо любимой родины. Приводится его біографія и содержаніе «Вильной Спилки», кот. заключаетъ въ себѣ синтезъ его политическихъ убѣжденій, — убѣжденій украинца-націоналиста, вѣрящаго и ждущаго лучшаго будущаго Малороссіи посредствомъ объединенныхъ силъ со всей Россіей.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся Южной Россіи: 1) *Ѳ. А. Кудринскій.* Императрица Екатерина II и раздѣлъ Польши. Вильна 1905 г. (№ 6, стр. 181); 2) «Кіевская Старина» 1906 г. № 1—6 (№ 8, стр. 237—241).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ «Кіевской Старинѣ» печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

Историческій журналъ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XCI.

1905 г.

Ноябрь—Декабрь.

КІЕВЪ.
Типографія Н. А. Гиричъ, Трехсвятительская улица, соб. домъ № 14.
1905.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

I. УКРАИНСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ ЕГО ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОСВѢЩЕНІИ (М. П. Драгомановъ. Историческая Польша и великорусская демократія) . . . . 143—172

II. ПОЛТАВСКАЯ ИНТРИГА 1714 года *В. Модзалевскаго*. . . 173—185

III. ДОВГЫЙ РЯДЪ ДНИВЪ. (Оповидання) *Л. Пахаревського* 186—197

IV. ОДНА ГЛАВА ОБЪ УКРАИНСКИХЪ ПОХОРОННЫХЪ ПРИЧИТАНІЯХЪ. Сообщ. *Владиміръ Даниловъ* . . . . 193—209

V. ЗАВОРОЖЕННЫЙ ХУТИРЪ. *Ол. Будянской* . . . . . 210—227

VI. ПОЛТАВА ВЪ XIX СТОЛѢТІИ. (Очерки по архивнымъ даннымъ, съ рисунками. *И. Фр. Павловскаго* . . . . . 228—342

VIII. КОНЕЦЪ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ. (1733—1788 годы въ исторіи лѣвобережной Украины). Сообщ. *Вл. П—ко* . . . 343—349

VIII. ПАМЯТИ ВЛ. В. ЛЕСЕВИЧА (Некрологъ). *С. Ефремова* . 350—358

Отдѣлъ II.

I. ДОКУМЕНТЫ. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ біографіи И. П. Котляревскаго. Сообщ. *И. Фр. Павловскій*; б) Заговоръ отъ рожистаго воспаленія (бышыхы). Сообщ. врачъ *Туркевичъ*; в) Дѣло вбъ избраніи войта въ Кіевѣ въ 1734 году. Сообщ. *Вл. П—ко* . . . . 65—67

ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ . . . . 68—6

ОБЪЯВЛЕНІЯ . . . .

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XCI.

1905 г.

НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ.

Кіевъ.

Типографія Н. А. Гиричъ. Трехсвятительская собств. домъ. № 14.

СОДЕРЖАНІЕ 91-го ТОМА

октябрь и ноябрь-декабрь.

Книга первая—октябрь.

Отдѣлъ I.

I. КЪ БІОГРАФІИ И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО. Сообщ. *И. Фр. Павловскій* . . . . 1—10

II. ПРЫЯЗНЬ. (Оповидання зъ жыття волынського полисся). *Леси Украинки* . . . . 11—72

III. МАТЕРІАЛЫ ПО ЭТНОГРАФІИ БЕССАРАБСКИХЪ РУСИНОВЪ. Сообщ. *Петръ Нестеровскій* . . . . 73—125

IV. Дополненіе къ статьѣ „КЪ ИСТОРІИ ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ УКРАИНѢ". Сообщ. *Вл. П—ко* . . . . 126—123

V. УЧАСТІЕ ЗАПОРОЖСКИХЪ КОЗАКОВЪ ВЪ ВОЗСТАНОВЛЕНІИ (ІЕРУСАЛИМСКИМЪ ПАТРІАРХОМЪ ѲЕОФАНОМЪ) ПРАВОСЛАВНОЙ ЮЖНО-РУССКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ІЕРАРХІИ ВЪ 1620 ГОДУ. Сообщ. Прот. *Петръ Орловскій* . . . . 134—141

Отдѣлъ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Указъ императрицы Анны Ивановны правителю Малороссіи князю Шаховскому—о бракахъ малороссовъ. Сообщ. *Вл. П—ко*; б) Къ вопросу о доходахъ и расходахъ архіерейскихъ каѳедръ въ 18 в. Сообщ. *Вл. П—ко;* в) Дѣло епископа Черниговскаго Ираклія и іеромонаха Іереміи Гусаревскаго. Сообщ. *Вл. П—ко;* г) Статистическія свѣдѣнія о церквахъ и православномъ населеніи русской части Малороссіи въ 1780 г. Сообщ. *Вл. П—ко;* д) Избіеніе евреевъ въ Малороссіи въ

1631—1632 гг. Сообщ. *В. Затуловскій;* е) Еще варіантъ малорусской баллады о Бондаривнѣ. Сообщ. *Л. М.;* ж) Объ одномъ изъ памятниковъ Украинской старины; з) Извѣщенія редакціи . . . . 1—17
ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ . . . . 17—50
II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Труды по изученію этнографіи Екатеринославской губерніи. *Владиміра Данилова;* б) Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана. *Н. Ш.;* в) „Михайловецъ“, журн. *Ник. Стасюкъ*; г) Обзоръ журналовъ . . . . . 51—63

Книга вторая и третья—ноябрь-декабрь.

Отдѣлъ I.

I. УКРАИНСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ ЕГО ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОСВѢЩЕНІИ (М. П. Драгомановъ. Историческая Польша и великорусская демократія) . . . . 143—172
II. ПОЛТАВСКАЯ ИНТРИГА 1714 года *В. Модзалевскаго*. . . 173—185
III. ДОВГЫЙ РЯДЪ ДНИВЪ. (Оповидання) *Л. Пахаревського* 186—197
IV. ОДНА ГЛАВА ОБЪ УКРАИНСКИХЪ ПОХОРОННЫХЪ ПРИЧИТАНІЯХЪ. Сообщ. *Владиміръ Даниловъ* . . . . 193—209
V. ЗАВОРОЖЕННЫЙ ХУТИРЪ. *Ол. Будянской* . . . . . 210—227
VI. ПОЛТАВА ВЪ XIX СТОЛѢТІИ. (Очерки по архивнымъ даннымъ, съ рисунками. *И. Фр. Павловскаго* . . . . . 228—342
VIII. КОНЕЦЪ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ. (1733—1788 годы въ исторіи лѣвобережной Украины). Сообщ. *Вл. П—ко* . . . 343—349
VIII. ПАМЯТИ ВЛ. В. ЛЕСЕВИЧА (Некрологъ). *С. Ефремова* . 350—358

Отдѣлъ II.

I. ДОКУМЕНТЫ. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ біографіи И. П. Котляревскаго. Сообщ. *И. Фр. Павловскій*; б) Заговоръ отъ рожистаго воспаленія (бышыхы). Сообщ. врачъ *Туркевичъ*; в) Дѣло объ избраніи войта въ Кіевѣ въ 1734 году. Сообщ. *Вл. П—ко* . . . . 65— 67
ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ . . . . 68—116
ОБЪЯВЛЕНІЯ . . . . 1—9

Украинскій вопросъ въ его историческомъ освѣщеніи.

(М. П. Драгомановъ. Историческая Польша и великорусская демократія).

Въ настоящее время, когда, подъ вліяніемъ освободительнаго движенія, рельефно выступаютъ наружу всѣ вопросы, связанные съ установленіемъ разумныхъ правовыхъ нормъ для отдѣльныхъ личностей, общественныхъ группъ, народностей, что въ суммѣ и должно дать одну стройную систему правового порядка въ цѣломъ государствѣ,—естественно было выступить на очередь и украинскому вопросу. Вопросъ этотъ большею частью разсматривался до сихъ поръ только съ одной его стороны—со стороны грубо-запретительныхъ мѣръ, направленныхъ якобы къ искорененію языка путемъ недопущенія для него возможности развиваться. Въ этомъ отношеніи въ послѣднее время среди хоть сколько-нибудь прогрессивныхъ группъ нельзя было замѣтить сочувствія такимъ запрещеніямъ, но трудно сказать, чтобы идея національной самобытности и самоопредѣленія была признаваема, какъ безусловное право украинскаго народа, особенно когда вопросъ касается національной автономіи и принципа областности на началахъ этнографическихъ. Наступаетъ теперь моментъ спокойнаго, вполнѣ безпристрастнаго рѣшенія этого вопроса не только въ теоріи, но, можетъ быть, и въ практическомъ осуществленіи его въ правовомъ устройствѣ свободной Россіи. Сознательнымъ представителямъ украинскаго народа не мало придется поработать въ ближайшемъ будущемъ для счастливаго разрѣше-

нія этого сложнаго вопроса, особенно въ виду многихъ переплетающихся обстоятельствъ, какъ вытекающихъ изъ современныхъ условій жизни, такъ еще болѣе опирающихся на давнія и недавнія историческія осложненія.

Около 25 лѣтъ назадъ покойный М. П. Драгомановъ въ своей обширной статьѣ, напечатанной пока только заграницей, подъ заглавіемъ „Историческая Польша и великорусская демократія“ [1]), такъ сказать, подвелъ итоги вопросу и далъ блестящее освѣщеніе всѣхъ тѣхъ затрудненій, которыя встрѣчаются на пути къ благополучному разрѣшенію его. Хотя статья писана четверть вѣка назадъ, хотя она имѣла въ виду совсѣмъ иныя условія въ жизни Россіи, но и теперь, читая ее, чувствуешь всю силу могущихъ возникнуть, и даже уже возникающихъ, недоразумѣній и споровъ, которые велись въ теченіе прошлаго полустолѣтія и, пожалуй, продолжатся и еще на много лѣтъ. Пусть новые работники въ свободной теперь Украинѣ поведутъ жизнь по новому руслу; пусть они и въ ученыхъ трактатахъ, и въ публицистической дѣятельности, и въ практическомъ примѣненіи своихъ силъ поработаютъ для торжества дорогихъ намъ принциповъ, составляющихъ наше „credo“,—но для данной минуты мы въ журналѣ, посвященномъ исторической разработкѣ судебъ нашей родины, считаемъ себя обязанными ознакомить читателей пока съ одной частью этой статьи М. П. Драгоманова, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ, въ силу необходимости, она рѣдко кому попадала въ руки.

Революціонное и вообще оппозиціонное движеніе въ Россіи въ концѣ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ XIX-го вѣка „напоминаетъ то,—говоритъ М. П. Драгомановъ,—котораго мы были свидѣтелями въ 1860—63 гг.; какъ тогда, такъ и теперь, главнѣйшіе вопросы, которые занимаютъ мыслящихъ людей въ странѣ,—это вопросы соціально-экономическіе“. Но какъ въ 60-е годы, такъ и въ 80-е (можно прибавить—и во всякіе иные) начала самодержавія и произволъ такихъ же чиновниковъ не могли рѣшить сколько-нибудь удовлетворительно этихъ главнѣйшихъ вопросовъ, почему естественнымъ путемъ предъ мыслящими людьми возставала еще и другая задача—измѣненіе политическаго устройства въ государствѣ такимъ образомъ, чтобы страна сама могла управляться

---

[1]) Напечатано въ „Вольномъ Словѣ“ 1881 года и перепечатано отдѣльными изданіями въ Женевѣ въ 1882 г. и въ Парижѣ въ 1905 г.

съ своими дѣлами, съ чѣмъ неминуемо связывается цѣлый рядъ элементарныхъ гражданскихъ правъ личности. Въ 60-е годы въ этомъ оппозиціонномъ движеніи очень живое участіе принимали поляки, но совсѣмъ не то обнаружилось въ 80-е годы: „можно сказать, что поляки, какъ поляки, не только не принимали активнаго участія въ теперешнемъ политическомъ движеніи въ Россіи, но и не составили себѣ опредѣленнаго мнѣнія о томъ, какъ отнестись къ этому движенію“. Причину этого явленія М. П. Драгомановъ видитъ въ томъ, что въ концѣ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ представители русскаго революціоннаго движенія придали ему исключительно *русскій* характеръ, хотя мимоходомъ упоминали и о „несчастной Польшѣ“, и о сочувствіи „своимъ польскимъ братьямъ“, и даже въ свои печатныя программы вносили пункты о *самоуправленіи* каждой мѣстности,—но все это имѣло очень неопредѣленный характеръ. „Вообще, эти программы говорятъ исключительно отъ имени „русскаго“ народа, объ „русскомъ“ народѣ,—и изъ немногихъ частныхъ объясненій, которыя проскальзываютъ въ этихъ программахъ и заявленіяхъ органовъ „русскихъ революціонеровъ“, напр., изъ ссылокъ на исторію, народный бытъ и его учрежденія и преданія,—оказывается, что подъ словомъ „русскій“ народъ они разумѣютъ, какъ это обыкновенно и бываетъ въ разговорномъ языкѣ,—народъ великорусскій, хотя страннымъ образомъ они тутъ же насчитываютъ то 70, то 80, то 90 милліоновъ этого „русскаго“ народа, вмѣсто 40, каковые находятся въ дѣйствительности. Можно предположить, что „русскіе“ революціонеры разумѣютъ въ послѣднемъ случаѣ всѣхъ гражданъ (подданныхъ) Россіи, называемой иначе „русскимъ“ государствомъ, хотя въ этомъ случаѣ уже не можетъ быть мѣста ссылкамъ на народныя преданія, бытъ, учрежденія и исторію,—вещи, которыя у разныхъ народовъ Россіи разныя.“ Совершенно вѣрно подчеркивается тотъ фактъ, что и созывъ „учредительнаго собранія“ не всегда гарантируетъ торжество началъ справедливости по отношенію даже къ политической свободѣ личности, не говоря уже о неприкосновенности негосударственныхъ національностей или объ областномъ самоуправленіи.

„Примѣръ Германіи показываетъ намъ прогрессистовъ и республиканцевъ 1848 г., отвергающихъ „отдѣльное положеніе“ польской Познани и вотирующихъ включеніе ея въ нѣмецкую имперію и слѣдовательно предоставленіе ея политикѣ гарманиза-

ціи. Въ Австріи мы видимъ, что цѣлые народы отказываются посылать депутатовъ въ центральный парламентъ, пока не будетъ обезпечена неприкосновенность ихъ національности и мѣстное самоуправленіе, которыя могутъ быть затерты извѣстнымъ составомъ центральнаго парламента. Повсюду мы видимъ примѣры политиковъ, которые начинали свою карьеру радикальнымъ направленіемъ и даже баррикадами и которые становились деспотами, спасая „единство государства", необходимое, какъ имъ казалось, для огражденія „свободы и прогресса" отъ попользновеній „сепаратизма", по ихъ мнѣнію, символа „реакціи". Мы не видимъ причины, почему бы не повториться всему этому и въ Россіи, если только отмѣна самодержавія не будетъ сопровождаться широкой мѣстной свободой и серьезными гарантіями для неприкосновенности національностей,—что невозможно, если самая борьба противъ теперешняго политическаго строя не будетъ устроена на федеративномъ началѣ".

Вотъ обо всемъ этомъ, по мнѣнію М. П. Драгоманова, русскіе революціонеры мало думали въ то время, равно какъ и поляки не выработали какъ слѣдуетъ своей программы, въ результатѣ чего и получились крупныя ошибки со стороны однихъ и другихъ.

Для того, чтобы яснѣе обрисовать тѣ пункты, на которыхъ зиждутся всѣ основныя недоразумѣнія въ русско-польскихъ отношеніяхъ среди оппозиціонныхъ кружковъ, М. П. Драгомановъ дѣлаетъ историческую справку о томъ, какъ уже въ очень давнія времена сложились неблагопріятно условія перекрестныхъ отношеній славянскихъ народовъ, занявшихъ великую восточную равнину Европы съ продолженіемъ ея на западъ до нижней Эльбы, т. е. поляковъ, бѣлоруссовъ, украинцевъ и великороссовъ. Такъ какъ въ этомъ вопросѣ нашей Украинѣ пришлось сыграть очень спутанную роль, то мы считаемъ умѣстнымъ почти цѣликомъ воспроизвести здѣсь эти главы изъ статьи М. П. Драгоманова.

В. Н.

Исторія каждаго народа обусловливается географіей страны, какую онъ занимаетъ, или иначе почвою, на какой онъ живетъ. Счастливы тѣ народы, которымъ довелось занять земли удобныя и, такъ сказать, удобопонятныя, т. е. такія, свойства и отношенія которыхъ легко понимаемы даже и тогда, когда народъ еще находится на невысокой степени развитія. Но бѣда тому народу,

которому доведется жить въ странѣ, географическія свойства которой увлекаютъ его въ отношенія сложныя, и справиться съ ними можно только при высокомъ уровнѣ нравственномъ: при тонкости пониманія, настойчивости и послѣдовательности. Такія весьма „трудныя“ страны достались почти всѣмъ славянамъ, въ томъ числѣ и тѣмъ, которые занимаютъ великую Восточную равнину Европы съ ея продолженіемъ на Западѣ до нижней Эльбы: т. е. полякамъ, бѣлоруссамъ, украинцамъ и великоруссамъ. Равнинный характеръ страны манитъ ея жителей къ распространенію въ ширь. Нитями собирательными служатъ только рѣки, но такъ какъ онѣ переплетены въ своихъ притокахъ, то бассейны ихъ легко переходятъ одинъ въ другой,—и рубежи народовъ, ихъ населяющихъ, перепутываются между собою.

Взглянувъ на карту рѣкъ, горъ и болотъ вышеупомянутой страны, не трудно замѣтить, что она распадается на естественныя области именно по рѣчнымъ бассейнамъ: Одера и Вислы, Нѣмана, З. Двины, Днѣпра съ Днѣстромъ, Ладожскаго озера и Волги. Десять-одиннадцать вѣковъ тому назадъ мы видимъ здѣсь соотвѣтственное распредѣленіе племенъ: поляки на Одерѣ и въ значительной части на Вислѣ, литовцы на Нѣманѣ, кривичи (бѣлоруссы) на верхнемъ Днѣпрѣ съ верхней же Двиною, поляне (украинцы) съ родичами своими на среднемъ Днѣпрѣ съ сосѣдними областями; въ ладожскомъ бассейнѣ, а также на верхней Окѣ сѣли славянскіе колонисты, которые, подвигаясь на югъ и на востокъ и смѣшиваясь съ разными финно-алтайскими и туранскими племенами, образовали многочисленное племя великоруссовъ. Линіи рѣкъ опредѣлили здѣсь и дороги международныхъ отношеній, и ближайшіе племенные союзы. Уже находки новоперсидскихъ, арабскихъ, греческихъ, франкскихъ и англо-саксонскихъ монетъ въ разныхъ этихъ областяхъ опредѣляютъ раздѣленія и связи этихъ бассейновъ между собою,—бассейновъ: великорусско-азіатскаго, литовско-бѣлорусско-украинскаго и польско-украинскаго съ присоединеніемъ теперь румынской области Прута.

Но почти въ каждомъ изъ этихъ рѣчныхъ бассейновъ и по каждой изъ этихъ междурѣчныхъ линій, природа помѣстила по одному, по два условія пертурбаціи отношеній. Такъ, начиная отъ колѣна Нѣмана, примѣрно отъ Гродна, по линіи на Торунь по Вислѣ и далѣе по теченію Нетцы, она помѣстила рядъ нѣкогда почти непроходимыхъ болотъ и мелкихъ озеръ, которыя отдѣляли поляковъ собственной польской равнины отъ ихъ По-

морскихъ братьевъ настолько, что политическій союзъ ихъ между собою почти никогда не существовалъ сколько-нибудь прочно. Поморяне находились въ болѣе тѣсныхъ сношеніяхъ по морю и по сушѣ съ западомъ, чѣмъ съ единоплеменнымъ имъ югомъ,— и затѣмъ были подвержены съ этого запада нѣмецкому вторженію, которое превратило ихъ въ „Померанцевъ" и лишило польское племя Балтійскаго моря между Одеромъ и Вислой. На востокъ отъ устья Вислы такія же, если не худшія, болота совсѣмъ не пускали польской колонизаціи къ морю, а предоставили заболотную страну колонизаціи понѣманскихъ литовцевъ, пруссовъ, которыхъ тщетно силились одолѣть первые польскіе короли и князья верхне- и средневислянскаго округа. Желаніе сломить здѣсь литовцевъ, пруссовъ, усиленное католическою политикою, заставило этихъ польскихъ князей пригласить сюда нѣмцевъ же,—которые положили на литовской землѣ зерно государства, со временемъ сломавшаго самое Польшу. Распространяясь дальше по поморью, нѣмцы захватили и Ригу, на устьѣ рѣки, которая течетъ долго въ бѣлорусской области, но потомъ, перешедши тоже линію болотъ и мелкихъ озеръ, втекаетъ въ область литовскую же (латышей). Соперничество полоцкихъ бѣлоруссовъ съ латышами и латышей съ эстами, какъ и соперничество поляковъ и литовцевъ,—помогаетъ утвержденію пришлыхъ нѣмцевъ на всемъ южномъ берегу Балтійскаго моря, во всѣхъ пунктахъ, которые составляютъ исходныя точки великихъ между-бассейныхъ коммуникаціонныхъ линій: въ Данцигѣ, Кенигсбергѣ, Ригѣ. Международныя отношенія на балтійскомъ побережьѣ такимъ образомъ слишкомъ усложнились, къ явной невыгодѣ поляковъ, литовцевъ, бѣлоруссовъ,—требуя отъ нихъ, для своего улаживанья, слишкомъ большихъ нравственныхъ рессурсовъ.

Нелегкія условія оказались и на южныхъ концахъ вышеупомянутыхъ линій, по берегу Чернаго моря. Тутъ полоса степей, все распространяющаяся по направленію къ востоку, привлекаетъ съ востока кочевниковъ, которые нѣсколько разъ отрѣзываютъ украинскую колонизацію отъ Чернаго моря и по временамъ почти уничтожаютъ великое международное значеніе Днѣпра, едва сохраняя транзитную линію отъ Данцига на Варшаву, Галичъ (или Львовъ), Галацъ, которую и стремятся поляки отобрать у украинцевъ, ослабленныхъ натискомъ кочевниковъ.

Такимъ образомъ, географическо-историческія условія странъ между Балтійскимъ и Чернымъ морями вели къ тому, что народы тамошніе, будучи отталкиваемы отъ морскихъ береговъ,

должны были наталкиваться одинъ на другой къ явной своей невыгодѣ. И, дѣйствительно, мы видимъ, что оттираемые съ запада нѣмцами, поляки еще въ X—XI в. напираютъ на украинскую Галицію, а оттираемые отъ черноморскихъ степей волынцы въ XII—XIII ст. ведутъ истребительную войну съ нѣманскими ятвягами и литовцами, на которыхъ въ свою очередь напираютъ и поляки. Но окончательно бѣдственнымъ для всѣхъ оказывается этотъ взаимный напоръ народовъ въ Днѣпровско-Нѣманско-Вислянской области послѣ того, какъ поляки окончательно теряютъ передъ нѣмцами Поморье и область Одера, и начинаютъ рѣшительно искать себѣ вознагражденія на Востокѣ, т. е. съ половины XIV в.

А, между тѣмъ, временно на восточной европейской равнинѣ были установлены отношенія между племенами, довольно выгодныя для нихъ самихъ и для цивилизаціи вообще. Съ XIII в. установились тѣсныя федеративныя связи между нѣманскими литовцами и двинско-днѣпровскими бѣлоруссами; въ XIV в. въ этотъ союзъ входятъ и припетско-днѣпровскіе и деснянскіе украинцы,—и союзное государство Гедиминовичей успѣваетъ отбить отъ татаръ бугско-днѣпровскую Подолію и довести славянскую колонизацію до самаго Чернаго моря,—до земли старыхъ тиверцевъ и улучей, гдѣ въ началѣ XV в. является гавань Ходжибей (нынѣшняя Одесса), которая уже тогда посылаетъ хлѣбъ въ Византію. Тѣмъ временемъ, оживляются и итальянскія колоніи на Черномъ морѣ, въ то время какъ на Балтійскомъ находится въ полномъ цвѣту союзъ городовъ ганзейскихъ, который черезъ Ригу входитъ въ тѣсную связь съ городами бѣлорусскими.

Обширная, съ значительнымъ развитіемъ довольно свободной городской жизни, держава Гедиминовичей даетъ собою образецъ культурнаго бѣлорусско-украинскаго государства съ довольно естественными границами (бассейны Нѣмана, Двины и Днѣпра) и представляетъ опору для болѣе свободныхъ или болѣе культурныхъ элементовъ и великороссійской области (Рязани, Твери, Новгорода), угрожаемыхъ Москвою, которую проф. Буслаевъ називалъ полудикимъ, полутатарскимъ военнымъ лагеремъ. Просуществуй подобныя отношенія два-три столѣтія, и вся судьба Востока Европы была бы совсѣмъ иная, конечно болѣе счастливая, чѣмъ теперь. Но равновѣсіе было нарушено движеніемъ на Востокъ Польши, а также захватомъ береговъ Чернаго моря турками. Послѣднее имѣло значительное вліяніе на окончательное утвержденіе такъ называемой уніи Литвы съ Польшей въ 1569 г. Эту

унію и до сихъ поръ почти всѣ польскіе историки и политики зовутъ братскимъ союзомъ трехъ народовъ (Польши, Литвы и Руси). Меду тѣмъ, собственно въ одной тогдашней Литвѣ было три народа (литовцы, бѣлоруссы, неправильно называемые Литвой, и украинцы, или „Русь"). Но что еще важнѣе,—унія 1569 года была собственно раздѣломъ федераціи, основанной Гедиминовичами, и подчиненіемъ южной, украинской, части ея Польшѣ,—такъ какъ за Литвою, которой сохранены были нѣкоторыя, второстепенныя автономныя права, оставлены были только собственно литовскія и бѣлорусскія области, а Украйна-Русь (Волынь, Кіевъ и Черниговъ) были прямо присоединены къ числу малопольскихъ воеводствъ безъ всякой цѣльной областной, или національной, автономіи и цѣльнаго представительства. За злополучною уніею политическою 1569 г. послѣдовала не менѣе злополучная унія церковная 1596 г.

Совокупность этихъ уній показала, что тогдашніе польскіе политики взяли на себя—сознательно, или нѣтъ,—задачу, которая была совсѣмъ не по силамъ Польшѣ. Во-первыхъ, поставивъ столь обширный край въ зависимость отъ польской короны, а южныя области—даже въ прямое ей подчиненіе, они брались удовлетворить всѣмъ политическимъ нуждамъ края, начиная отъ внѣшней его защиты, главнымъ образомъ, отъ Турціи. Во-вторыхъ, Польша взялась распространить на край, котораго соціальный строй былъ совсѣмъ не похожъ на польскій, свои соціальные порядки, признававшіе, внѣ городовъ, только два класса населенія: шляхту и подчиненное ей посполъство. На первыхъ порахъ литовская, особенно украинская, мелкая шляхта была довольна полученіемъ правъ польской шляхты, уравнивавшихъ ее юридически съ магнатами. Но на Украинѣ сложился новый классъ вооруженныхъ людей,—козаки, которые пожелали и себѣ уравняться въ правахъ со шляхтой. А за козаками и крестьянство, еще далеко не подчиненное панамъ, какъ въ Польшѣ, особенно въ близкихъ къ степямъ мѣстахъ, считало себя достойнымъ той же вольности. Польскому правительству пришлось или признать шляхетскія права за всѣмъ населеніемъ Украины, или же попробовать сразу подчинить громадную массу народа ничтожному меньшинству. Стефанъ Баторій попробовалъ выдѣлить изъ массы козаковъ 6000 семействъ, дать имъ шляхетскія права, а остальныхъ повернуть въ посполъство, которое должно было подчиниться шляхтѣ. Но изъ этого проекта, который долго выставлялся и польскими, и русскими писателями, какъ благодѣтель-

ное дарованіе правъ козакамъ, вышла только путаница: шляхта не признавала правъ новыхъ своихъ товарищей; непопавшіе въ реестры козаки не хотѣли обращаться въ посполъство, а посполъство все хотѣло быть козаками, т. е вольными и самоуправляющимися людьми. Отсюда рядъ козацко-польскихъ войнъ съ конца XVI до половины XVII ст.

Въ довершеніе всего, религіозная унія была явнымъ приступомъ не только къ окатоличенію, но и къ ополяченію милліоновъ бѣлоруссовъ и украинцевъ, и какъ разъ въ то время, когда начатая въ городахъ (Львовѣ, Вильнѣ, Луцкѣ, Острогѣ, Кіевѣ и др.) правильная школьная наука, не чуждая и вліяній европейскаго вѣка возрожденія и реформаціи, пробудила въ мѣстномъ обществѣ,—особенно въ мѣщанскомъ—сознаніе національное и традиціи національной независимости, и когда значительная часть населенія въ Литвѣ и Бѣлоруссіи отпала прямо въ протестантство. Очевидно, что унія Бѣлоруссіи и Украины съ Польшей,—и то исключительно политическая,—могла бы удержаться только тогда, когда бы эта унія была дѣйствительно федеральною, — насколько возможна была федерація уже шляхетской Польши съ еще разношерстно-феодальными Литвою и Бѣлоруссіей и довольно демократической Украиной. Но польскіе политики хотѣли не федераціи, а ассимиляціи, а потому приготовили распаденіе уніи, которое должно было увлечь къ гибели и самую Польшу, уже слишкомъ притянутую къ восточнымъ областямъ и оттянутую отъ болѣе естественныхъ ей союзовъ съ Силезіей, съ Чехіей и Венгріей, гдѣ тѣмъ временемъ успѣлъ пустить корни нѣмецкій элементъ, который долженъ былъ возобновить наступленіе на новую Польшу.

Какъ неизбѣжная реакція противъ непрактичной централистической программы Польши относительно Литвы, Бѣлоруссіи и Украины, явилось центробѣжное стремленіе, при чемъ династическія и церковныя традиціи, а также потребность въ союзникѣ, заставили центробѣжные элементы обратить взоры въ Москву. Уже при первомъ натискѣ Польши на Литву, Сѣверщина поколебалась и потянулась къ Москвѣ. Затѣмъ католическая политика Ягеллоновъ, хотя въ началѣ и слабая, послужила для Ивана III, предлогомъ придать характеръ крестоваго похода своей войнѣ съ Новгородомъ, когда этотъ послѣдній призвалъ себѣ князя изъ Литвы, между тѣмъ, какъ въ XIV в. это дѣлали не разъ и Псковъ, и Новгородъ, не возбуждая ни въ комъ опасенія на неприкосновенность православія. Послѣ брестской уніи Москва явилась естественнымъ прибѣжищемъ надеждъ православной ин-

теллигенціи, а дальше и козаковъ, и поспольства украинскаго, и мѣщанъ бѣлорусскихъ. Переговоры съ Москвой о поступленіи всего „русскаго“ народа подъ высокую царскую руку изъ-подъ „польской неволи“ начались задолго до Богдана Хмельницкаго и переяславской уніи 1654 г. Практически дѣло началось съ того, что на востокъ отъ границъ новой Польши, на порожнихъ и номинально принадлежащихъ Москвѣ земляхъ,—образовалась новая, Слободская Украйна, которая собственно привела въ непосредственное сосѣдство старую Украину съ Московіей, а дальше и вся старая Украина рѣшила въ Переяславлѣ приступить „въ союзъ и протекцію царя восточнаго“. Польша сама своею неумѣлостью подарила обширную провинцію своему будущему могущественному сопернику.

Но теперь наступила очередь неумѣлости за Москвою, которая тоже не была въ состояніи иначе отнестись къ новымъ провинціямъ, какъ по своему шаблону. Польскіе политики прикладывали къ Бѣлоруссіи и Украйнѣ мѣрку шляхетской республики и католической административной нетерпимости; московскіе стали примѣнять къ нимъ аршинъ боярской монархіи и нетерпимости православно-обрядовой.

Людямъ, которые приходятъ въ восторгъ отъ „русскаго единства“, установленнаго московско-петербургскимъ царствомъ на развалинахъ Польши въ 1773 до 1795 гг. (хотя и съ потерею Галиціи), слѣдовало бы почаще думать, отчего это единство не установилось въ 1654—1657 гг., когда вся Украйна была въ возстаніи противъ Польши за Москву и когда бѣлорусскіе города до самой Вильны отворяли свои ворота московскому царю?—Не почему другому, какъ по тому, что Москва—была Москва и не могла себѣ представить иной жизни, кромѣ своей, московской. Начать съ того, что Москва, какъ теперь Россія, была всегда болѣе разбухшею, чѣмъ дѣйствительно-великою, внутреннесильною державою. Къ ней всегда были примѣнимы слова представителей ея южныхъ провинцій, сказанныя на земскомъ соборѣ 1642 г.: „а разорены мы пуще (нежели отъ) турскихъ и крымскихъ бусурмановъ московскою волокитою, отъ неправдъ и отъ неправедныхъ судовъ“,—а потому она неспособна была къ большому финансовому напряженію, необходимому для того, чтобъ сразу покончить съ поднятымъ вопросомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, московскіе люди не въ состояніи были сойтись съ людьми, которымъ они должны были помогать освободиться отъ чужой державы, напр. нѣкогда Польши, потомъ Турціи. Какъ тупоголовы

были московскіе политики въ моментъ, когда Украйна обращалась къ ихъ „союзу и протекціи“, видно изъ того манифеста, съ которымъ обратился Алексѣй Михайловичъ къ православнымъ жителямъ Польши и Литвы, вступая въ ихъ предѣлы въ 1654 г.: „и вы бы, православные христіане, освободились отъ злыхъ (отъ зла, „нечестія“ церковнаго), въ мирѣ и благоденствіи прочее житіе провождали; и сколько васъ Господь Богъ на то доброе дѣло возставилъ, прежде нашего царскаго пришествія раздѣленіе съ Поляками сотворите, какъ вѣрою, такъ и чиномъ (наружностью), хохлы, которые у васъ на головахъ, постригите“ [1]). При такой обрядовой тупости, которую повторяютъ и на нашихъ глазахъ московскіе лже-славянофилы, гдѣ же было москвичамъ, не говоримъ уже понять мѣстные политическіе и культурные интересы присоединявшихся къ нимъ народовъ, но попросту ужиться съ ними въ ежедневной жизни. И дѣйствительно, едва сошлось московское войско съ украинскими козаками, какъ мы встрѣчаемъ жалобы послѣднихъ на то, что москвичи имъ рѣжутъ „хохлы“ и всячески издѣваются надъ ними. Прибавьте къ этому хлопско-монархическія понятія, по которымъ московскій посолъ Кунаковъ огорчился, и вчужѣ, какъ это смѣлъ Богданъ Хмельницкій отвѣтить королю попросту „гаразд, кролю, мовиш“,—и при этомъ „вѣжества и учтивости никакія всловесне и ни въ чомъ не учинилъ [2]),—холопско-монархическія привычки, которыя тѣмъ паче должны были возмущаться, когда уже поддавшіеся „православному царю“ украинцы смѣли называть себя „вольными“, а не „вѣчными“ подданными царя [3]). Прибавьте къ такимъ холопскимъ понятіямъ естественное ихъ дополненіе—нахальство ближайшаго къ царю холопа, которое заставило воеводу Хитрова говорить козакамъ объ ихъ выборномъ человѣкѣ: „онъ, вашъ полковникъ, (непечатныя слова). Я тутъ отъ государя посланъ болей всѣхъ, а вы (непечатное слово) всѣ подчерти!“ [4]). Вспомните также неизбѣжное въ деспотіяхъ отношеніе чиновника къ странѣ, которой ему поручено управлять, отношеніе, по которому воевода кн. Ба-

---

[1]) Соловьевъ. Ист. Россіи, X, 318. О возможности привлечь на свою сторону и протестантовъ въ Москвѣ и не думали, а между тѣмъ литовскіе и бѣлорусскіе протестанты еще въ XVI в. заключили союзы съ православными противъ католической политики.

[2]) Акты отн. къ ист. Зап. и Южн. Россіи, III, стр. 397.

[3]) Тамъ же, IV, стр. 397.

[4]) Акты Зап. и Южн. Росс. VI, № 47.

рятинскій говорилъ: „ѣхать де мнѣ вскорѣ къ Москвѣ; послѣ де мене въ Кіевѣ, хотя и трава не рости“ [1]).—Сообразите все это, и вы поймете, почему не могло состояться во времена Богдана Хмельницкаго „единство русское“,—и почему уже черезъ четыре-пять лѣтъ послѣ приступа Украйны „въ союзъ и протекцію царя восточнаго“ сербъ Крижаничъ засталъ у украинцевъ сильную „политическую ересь, что жить подъ преславнымъ царствомъ московскимъ горше турецкой муки и египетской работы“ [2]),—и почему, не успѣлъ еще окончиться споръ между Москвою и Польшею за обладанье Поднѣпровьемъ, какъ среди самого поднѣпровскаго населенія явились партіи, которыя предпочитали православной Москвѣ даже уже испытанную Польшу, или мусульманскую Турцію.

Украинскіе историки не щадятъ своихъ предковъ, выставляя аристократическія идеи у козацкихъ либераловъ и федералистовъ отъ Виговскаго до Мазепы, но не уравновѣшивая (благодаря цензурѣ) эти недостатки антимосковскихъ партій яркимъ изображеніемъ прелестной московской политики и ея предательства относительно Запорожья и черни, поддержавшихъ Москву изъ ненависти къ панству, хотя бы и либеральному. Московскіе же историки съ удовольствіемъ подхватываютъ обличенія демократовъ противъ „измѣнниковъ“ въ Москвѣ, но не считаютъ нужнымъ примѣнять и къ послѣдней какого бы то ни было логическаго критеріума: у нихъ все дурно, что идетъ противъ царя и централизаціи; и все хорошо, что изъ нея исходитъ, а потому во всей крови, пролитой отъ Богдана Хмельницкаго до паденія Мазепы, у нихъ выходятъ виноваты только украинцы, особенно привыкшіе къ „шатости“ и буйству козаки. Но въ тогдашней драмѣ участвовалъ еще одинъ элементъ, котораго почему то не принимаютъ во вниманіе, хотя факты о немъ можно найти и у адвоката Москвы, С. М. Соловьева. Элементъ этотъ—бѣлорусскіе мѣщане,—не военные люди, не бунтари по промыслу,—а люди труда, а если хотите, то и капитала, люди и не безъ школьной науки. Бѣлорусскіе города сначала охотно переходили на сторону Москвы, при чемъ порознь заключали съ нею договоры, подобные тѣмъ, какіе заключали украинскіе козаки разомъ за всю Украйну. Такъ, напр., жители города Могилева въ 1654 г. выго-

---

1) Акты Зап. и Южн., Росс., VI, № 111.
2) Солов.. XI, 70—71.

ворили себѣ: волю по прежнему управляться по магдебургскому праву, носить одежду по прежнему, не ходить на войну, не быть выселяемыми въ другіе города, освобожденіе отъ военныхъ постоевъ, выборъ своихъ шаферовъ для завѣдыванія приходами и расходами въ городѣ, держаніе школъ по образцу кіевскому и т. п. (Соловьевъ, Ист. Россіи, X, 321). Подобныя условія были заключены и другими бѣлорусскими городами. И что же:—прошелъ всего годъ,—и бѣлоруссы говорили, что они „вмѣсто лучшаго въ пущую неволю попали“: города стали „измѣнять“ одинъ за другимъ, а могилевцы устроили настоящую Сицилійскую Вечерню, перебивъ въ 1661 г. семитысячный московскій гарнизонъ (за что въ 1708 г. Петръ Великій,—который было сначала самъ сказалъ могилевскому войту, что „тогда Москва дурна была“,—отмстилъ городу, приказавъ своимъ солдатамъ, татарамъ и калмыкамъ зажечь его съ четырехъ концовъ [1]).

Крестьяне бѣлорусскіе въ свою очередь сначала возставали противъ Польши, такъ что поляки-современники жаловались, что „мужики очень имъ враждебны; вездѣ на царское имя сдаются и дѣлаютъ больше вреда, чѣмъ сама Москва; надобно опасаться чего-нибудь вродѣ козацкой войны“. И дѣйствительно, скоро цѣлые уѣзды въ Могилевскомъ воеводствѣ „покозачѣли“. Но московское правительство, въ разсчетѣ на то, что оно завладѣетъ краемъ, предпочитало имѣть дѣло съ неорганизованными и безправными хлопами, чѣмъ съ козаками, и потому само остановило развитіе козачества въ Бѣлоруссіи, ссылаясь на то, что по старымъ польскимъ правамъ и договорамъ здѣсь не положено было быть козакамъ.

Итакъ, значитъ, не одни буйные и своевольные украинскіе козаки не могли ужиться съ московскимъ „порядкомъ“—и вовсе не одна „шатость“ украинскихъ людей, а и деспотизмъ и безъидейность Москвы были причиною, почему она не могла совершить въ XVII в. „раздѣла Польши“, который, будучи собственно только ампутаціей отъ Польши непольскихъ земель, которыми она оказалась не въ состояніи управлять, быть можетъ, спасъ бы самостоятельное существованіе остальныхъ, чисто-польскихъ земель. Разъ оказавшись не въ состояніи удержать за собою симпатіи населеній Литвы, Бѣлоруссіи и Украйны, московскіе поли-

[1]) Безкорниловичъ. Истор. свѣдѣн. о примѣч. мѣст. въ Бѣлоруссіи. 160, 166—171.

тики должны были вступить въ переговоры съ польскими о томъ, какъ бы хоть подѣлиться ими, да при этомъ сообща укротить неподдающійся безусловно ни Польшѣ, ни Москвѣ козацкій элементъ.

Оба государства заключили, наконецъ, въ 1667 г. договоръ, по которому Москва отказалась отъ Бѣлоруссіи и Правобочной Украйны, чтобъ вѣрнѣе управиться съ Украйной Лѣвобочной. Этотъ договоръ, котораго первымъ послѣдствіемъ было обращеніе Правобочной Украйны подъ покровительство Турціи, вскорѣ былъ дополненъ геніально-нелѣпыми договорами съ Турціей и Польшей, по которымъ половина Правобочной Украйны (почти вся теперешняя Кіевская губернія и часть Подольской) была осуждена оставаться пустынею между тремя державами, чтобъ каждая изъ нихъ могла управляться съ остальными своими владѣніями, не будучи безпокоема непокорными козаками. Этотъ „раздѣлъ“ Украйны былъ смертнымъ ударомъ ея самостоятельному развитію, на которое налегли Польша, Москва и Турція, каждая по своему. Украинскіе подданные каждой державы рвались отъ нихъ и по неволѣ обращали взоры къ сосѣднему государству,—какъ напр., правобочный герой Палій, который тянулъ къ Москвѣ, въ то время, когда лѣвобочный гетманъ Мазепа тянулъ къ Польшѣ. Украинская интеллигенція, сокращавшаяся подъ ударами невѣжества, на которое была осуждена страна, лишаемая школъ опустошеніемъ и политическою централизаціею [1]), а также подъ вліяніемъ денаціонализаціи высшихъ классовъ, все болѣе теряла цѣлостность національно-политическаго идеала,—въ то время, какъ массы народа подпадали господству крѣпостного права польскаго, а потомъ и московскаго. Національность украинская замерла до самаго XIX в., когда она была открыта горстью поэтовъ и ученыхъ, да и они получили себѣ точку опоры только послѣ освобожденія крестьянъ въ Галиціи и Буковинѣ въ 1848 г., а въ остальной, большей части Украйны, только въ 1861 г. Что касается до Бѣлоруссіи, то здѣсь московско-польско-шведскія войны совершенно опустошили города и между прочимъ истребили наиболѣе культурный, протестантскій элементъ, который преслѣдовала московская окупація при Алексѣѣ Михайловичѣ, какъ и при Иванѣ IV,—такъ что правительству

1] Школы не переставали заботить козаковъ украинскихъ, какъ видно и изъ договоровъ гетмановъ Виговскаго [1658], Дорошенка [1679], Орлика [1710].

польскому, которое получило обратно этотъ край, легко было заселить города его евреями, а протестантскія (городскія) школы и учрежденія замѣнить іезуитскими (панскими) и такимъ образомъ обратить бѣлорусскую націю исключительно въ жителей разбросанныхъ среди лѣсовъ деревень.

Польское государство, хотя и лишилось Лѣвобережной Украйны и Кіева,—но могло торжествовать, что отдѣлалось дешево отъ кризиса, поднятаго козацкими войнами: оно получило назадъ большую часть спорныхъ земель, да еще очищенную отъ оппозиціонныхъ элементовъ, при помощи самого его соперника. Еще столѣтіе владѣла Польша Бѣлоруссіей и Правобочной Украйной довольно безпрепятственно, если не считать крестьянско-гайдамацкихъ волненій на юго-восточномъ концѣ послѣдней. Между тѣмъ такое полученіе обратно нѣкогда волновавшихся странъ было гибельно для самой Польши. Козацкія возстанія заставляли многихъ поляковъ относиться критически къ политикѣ своего правительства и, быть можетъ, указали бы большинству польскаго общества на необходимость серьезныхъ реформъ въ странѣ. Теперь же ничто не напоминало объ ихъ необходимости, и польское общество уснуло, предоставивъ своей олигархіи іезуитамъ и евреямъ обрабатывать Украйну, Бѣлоруссію съ Жмудью и, конечно, и самую Польшу. А между тѣмъ окончательно обработать не только Украйну, но даже совсѣмъ разбитую Бѣлоруссію польская политика все-таки не была въ силахъ. Еще менѣе она была въ силахъ удержать эти провинціи отъ захвата Москвы, которая во всякое время могла воспользоваться тлѣвшею въ нихъ ненавистью къ польскому государству.

Это отсутствіе цѣльной національно-политической программы въ Украйнѣ и Бѣлоруссіи и слѣдованіе ошибочной программѣ со стороны Польши очень было на руку Москвѣ, какъ государству, которое все болѣе и болѣе дѣлалось завоевательнымъ. А такимъ оно должно было стать послѣ того, какъ присоединеніе Украйны и голоса кіевскихъ ученыхъ показали ему перспективу возможности овладѣть всѣмъ прежнимъ достояніемъ дома св. Владиміра, съ тѣхъ поръ, какъ, по присоединеніи Украйны же, стали чаще доноситься къ нему и черезъ украинцевъ, и прямо, голоса запрутскихъ и задунайскихъ христіанъ, приглашавшіе Москву взять на себя роль разрушителя и Турціи. Москва по прежнему не имѣла широкой политико-соціальной программы, способной привлечь и сразу упрочить за нею присоединеніе столь обширныхъ и разнообразныхъ странъ, недовольныхъ существую-

щимъ порядкомъ вещей. Но зачѣмъ же присоединять сразу, когда можно присоединять понемножку, и зачѣмъ ломать голову надъ политико-соціальными программами, когда одна ненависть могущихъ быть присоединенными земель противъ правящихъ ими системъ, можетъ облегчить присоединеніе?! Вмѣсто политики дѣйствительно политической и соціальной, Москва развиваетъ у себя политику военно-дипломатическую. Кое-какъ поправивши послѣдствія ослабленія русскаго элемента на берегахъ Балтійскаго моря черезъ разрушеніе Новгорода „мудрою" политикою двухъ грозныхъ централизаторовъ, Ивановъ III и IV, и утвердившись вновь на берегахъ Невы, Москва принимается за Турцію и Польшу. При этомъ, правда, въ войнахъ съ первою Москва подвигается медленно, потому что долго не можетъ опираться на украинскую колонизацію, опустошенную „мудрыми" договорами конца XVII в. и первымъ разореніемъ Рѣчи въ 1709 г.,—но все-таки подвигается,—къ удовольствію и самой Украйны, которая получаетъ таки черезъ 300 лѣтъ берега Чернаго моря. Что до Польши, то это кусокъ вѣрный, надо только постараться какъ можно больше удержать изъ него для себя, при дѣлежѣ съ западными соперниками. Но на то и существуетъ дипломатія.

Какъ и слѣдовало ожидать, всего куска получить Москвѣ не удалось;—дѣлежъ состоялся, и при томъ такъ, что бывшій вассалъ славянской Польши получилъ добрые куски славянскихъ земель,—а одно изъ достояній св. Владиміра получила королева Венгріи, внукъ который сталъ императоромъ австрійскимъ. Но не мало „губерній возвратилось" отъ Польши и къ Москвѣ, хотя—(новое торжество логики!)—въ этихъ губерніяхъ пришлось удовольствовать польскихъ пановъ утвержденіемъ и развитіемъ крѣпостного права надъ „возсоединеннымъ православнымъ населеніемъ!" Какъ бы тамъ ни было,—а послѣ этихъ присоединеній на Востокѣ Европы образовалась имперія, „превосходящая по величинѣ Римскую въ самыя ея цвѣтущія эпохи". И эта имперія образовалась на развалинахъ соединенныхъ Литвы и Польши и единственно благодаря неудачному ихъ соединенію!

Само собою разумѣется, что столь обширная и такимъ способомъ образовавшаяся имперія не могла быть ни свободною, ни благоустроенною. Когда въ XVI в. московскіе князья всѣми правдами и неправдами соединили подъ своимъ скипертомъ все великорусское населеніе, они почувствовало необходимость, для какого нибудь благоустроенія своихъ старыхъ и новыхъ вотчинъ, созывать земскіе соборы. Земскіе же совѣты и соборы спасли націо-

нальную независимость Великороссіи и въ эпоху самозванцевъ. Конечно, и цари московскіе со временемъ должны были, подобно другимъ государямъ Европы, постараться обходиться безъ созванія этихъ, всегда неудобныхъ для претендующей на самодержавіе власти, совѣтниковъ, которые естественно стремятся перейти въ контролеровъ. И дѣйствительно, къ концу XVII вѣка земскіе соборы въ Москвѣ все становятся рѣже и рѣже,—подобно тому, какъ въ это время ослабляется значеніе такихъ же собраній и въ другихъ большихъ государствахъ Европы, кромѣ Англіи, въ которой парламентъ укрѣпляетъ свою силу двумя революціями. Но совершенно уничтожить всякій слѣдъ представительныхъ учрежденій государи не успѣли нигдѣ въ западной Европѣ и, конечно, не успѣли бы уничтожить его и въ Московскомъ государствѣ, если бы оно сохранило болѣе цѣльный національный составъ и не стало столь завоевательнымъ,—тѣмъ болѣе, что, кромѣ боярскаго либерализма, проявившагося при случаѣ попыткою ограничить власть Анны Ивановны, въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка и въ купеческой, и въ раскольнической средѣ ходили идеи о необходимости „народосовѣтія“. Но, съ постепенно возрастающимъ количествомъ не-великорусскихъ провинцій, которыя въ добавокъ еще стояли выше по культурѣ, чѣмъ провинціи „коренныя“, съ украинцами и бѣлоруссами на епископскихъ каѳедрахъ, которыя должны были обезоруживать національно-староверческую оппозицію, съ возрастаніемъ разнонаціональнаго элемента въ шляхетской бюрократіи,—земскіе соборы и вообще совѣщающееся съ населеніемъ управленіе стало затруднительнымъ. По мѣрѣ расширенія Московскаго царства, ставшаго Петербургскою, Россійскою имперіей, государственная машина должна была все больше и больше принимать видъ организма съ гипертрофіей вѣдомствъ военнаго и иностранныхъ дѣлъ, всегда и вездѣ наиболѣе уклоняющихся отъ общественнаго контроля, особенно контроля предварительнаго. Бюрократія въ администраціи, и диктатура въ политикѣ стали неизбѣжными формами въ государственной жизни обширной имперіи. Сначала администрація имѣла до извѣстной степени децентрализованный характеръ, приноравливаясь къ разнообразнымъ условіямъ новоприсоединенныхъ странъ,—болѣе, впрочемъ, къ ихъ болѣзненнымъ условіямъ, которыя возможно было эксплуатировать въ интересахъ политической централизаціи. Такъ напр., петровская администрація покровительствовала аристократическому нѣмецкому элементу въ Остзейскомъ краѣ передъ народнымъ эсто-латышскимъ, который было начало

поднимать шведское правительство,—въ то же время въ Малороссіи старалось эксплуатировать въ свою пользу нерасположеніе черни противъ козацкой старшины, но при этомъ вовсе не поднимая правъ черни, а насаживая надъ нею чиновниковъ великорусскихъ. Такъ, администрація Екатерины II считала нужнымъ въ новоприсоединенной Бѣлоруссіи покровительствовать польской аристократіи, чтобъ парализовать вліяніе на нее демократическаго патріотизма Костюшки и въ то же время не давать соблазна сосѣднимъ великорусскимъ крестьянамъ относительной вольностью бѣлорусскихъ крестьянъ. При нѣкоторомъ либеральномъ вѣяніи, идя далѣе въ томъ же направленіи, можно было давать парламентское правленіе Финляндіи и Конгрессовой Польшѣ, чтобъ сначала отдѣлить ихъ отъ Швеціи и польскихъ земель подъ Пруссіей и Австріей, а потомъ уже стѣснить дальнѣйшее развитіе автономныхъ учрежденій Финляндіи и совсѣмъ ихъ отмѣнить въ царствѣ Польскомъ. Мало по малу, когда политическая централизація брала верхъ, когда автономныя партіи теряли свою центробѣжную силу,—бюрократія должна была принять направленіе рѣшительно централистическое, нивелирующее, обрусительное. Направленіе это намѣчено вполнѣ сознательно уже нѣмкою Екатериной II, которая писала въ инструкціи генералъ-прокурору, кн. Вяземскому: „Малая Россія, Лифляндія и Финляндія суть провинціи, которыя правятся конфирмованными имъ привилегіями; нарушить оныя отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма непристойно бъ было, однакожъ и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ же основаніи есть больше нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностію глупостію. Сіи провинціи, также Смоленскую, надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобъ они обрусѣли и перестали бы глядѣть какъ волки къ лѣсу.“ [1]). Мы были свидѣтелями, какъ эти слова стали лозунгомъ Катковыхъ, Самариныхъ, Аксаковыхъ и основой цѣлаго ряда государственныхъ мѣропріятій централистическаго и обрусительнаго характера.

Между этими мѣропріятіями было нѣсколько такихъ, которыя имѣли демократическій оттѣнокъ. Весьма многіе склонны думать, будто бюрократически-централизаціонная диктатура способна болѣе ужиться съ демократическими интересами, нежели автономный либерализмъ, который будто бы благопріятствуетъ

---

1) Соловьевъ, XXVI, 39.

интересамъ аристократіи. Но даже оставляя въ сторонѣ примѣры въ прежней Россіи, въ которой диктатура помогала именно развитію аристократіи (въ Остзейскомъ краѣ, въ западныхъ провинціяхъ, въ Украинѣ, Крыму, на Кавказѣ, у юговосточныхъ инородцевъ), можно доказать примѣромъ древнихъ государствъ, Франціи, и самой недавней Россіи, что играющій въ демократію цезаризмъ только до тѣхъ поръ боролся съ аристократіей, пока она не отрекалась отъ политической независимости и не обращалась въ его слугъ; въ послѣднемъ случаѣ онъ сейчасъ же предавалъ ей демосъ, если не заводилъ себѣ новую аристократію. И въ недавнее время въ Россіи мы видимъ, какъ недолговѣчно было въ Царствѣ Польскомъ и западныхъ губерніяхъ теченіе императорской демократіи,—Милютина съ Черкасскимъ, Муравьева и Безака; да и то еще вопросъ, было ли бы и оновозможно безъ того либерально-демократическаго движенія, какое проявлялось и въ русскомъ, и въ польскомъ обществѣ передъ 1863 г.?

Опытъ всѣхъ странъ показываетъ, что только свобода и самоуправленіе могутъ быть прочной гарантіей послѣдовательнаго развитія демократической политики. Девятнадцатое столѣтіе показало не мало людей и среди поляковъ, и среди великоруссовъ, которые желали приложить къ политикѣ своихъ странъ начала свободы и демократіи. Бѣда была только въ томъ, что имъ не удалось найти для той и другой такую формулу, которая бы вполнѣ подходила къ реальнымъ условіямъ странъ, составляющихъ бывшую Польшу и нынѣшнюю Россію. Для того, чтобы найти эту формулу, надо совершенно отрѣшиться отъ всѣхъ традиціонныхъ политическихъ идей и привычекъ мысли, какъ польскихъ, такъ и великорусскихъ,—да и вообще вмѣсто инстинктовъ, традицій и привычекъ поставить въ основу политики изученіе, въ данномъ случаѣ прежде всего изученіе особенностей тѣхъ странъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Никогда въ XIX ст. не было такъ возможно установленіе здравой политики въ Россіи съ польскими ея областями, какъ въ 1860—1863 гг.,— но никогда такъ же ярко и не обнаружилось и въ польскомъ, и въ великорусскомъ обществѣ отсутствіе необходимаго отрѣшенія отъ традиціонныхъ взглядовъ и отсутствіе изученія тѣхъ странъ, которыя составляютъ предметъ спора между такъ называемой Польшей и такъ называемой Россіей.

Физическое и моральное опустошеніе и угнетеніе, которымъ подвергли Польша и Россія Бѣлоруссію и Правобочную Украйну

въ XVII—XVIII в., были таковы, что, когда въ концѣ XVIII в. эти области присоединяли отъ Польши къ Россіи, то въ нихъ почти не было замѣтно признаковъ народной жизни, и за аристократіей,—конечно, польской,—никто изъ нихъ не видѣлъ массъ народа и ихъ націй, которыя успѣли было обратить на себя вниманіе даже иностранныхъ писателей во время козацкихъ войнъ. (Beauplan, Descirption d'Ukraine, 1660. Chevalier, Histoire de la guerre des Cosaques contre la Pologne, 1663 и др.). Теперь это были „польскія провинціи", и если Екатерина II называла ихъ „отъ Польши возвращенными",—то въ томъ же смыслѣ, въ какомъ Марія Терезія, какъ королева Венгріи, назвала еще раньше ея (въ 1700 г) „возвращенными землями" Спижскій округъ съ Величкой и Бохніей, и на томъ же основаніи, на какомъ эта венгерская королева заняла въ 1772—1773 г. „Малую или Красную Русь или Галицію и Ладимирію", по родству старыхъ венгерскихъ королей съ галицкими князьями дома св. Владиміра, наслѣдницей котораго считала себя и ангальтцербстская принцесса на петербургскомъ тронѣ. Въ глубинѣ духа и Екатерина, какъ и Марія Терезія, считала „возвращенныя провинціи" польскими, и если усматривала въ нихъ что-либо непольское, то развѣ „православіе", да и то больше всего благодаря агитаціи православныхъ духовныхъ изъ украинцевъ, въ родѣ извѣстнаго бѣлорусскаго епископа Георгія Конисскаго. Бѣлорусскій же католицизмъ и протестантизмъ считались такъ мало „русскими" съ оффиціальной великорусской точки зрѣнія, что они и ополячились окончательно именно послѣ перехода края подъ владычество Россіи. Даже уніаты стали полячиться подъ этимъ владычествомъ еще болѣе, чѣмъ подъ польскимъ. Не только заурядные люди въ Россіи считали „губерніи, отъ Польши возвращенныя" польскими, хотя, пожалуй, и подлежащими „обрусенію", но самъ императорскій исторіографъ Карамзинъ въ своей „Исторіи государства Россійскаго" проглядѣлъ существованіе подъ не-русскою династіей Гедиминовичей своего рода русскихъ, хотя и не великорусскихъ, національныхъ элементовъ. Даже возставая противъ плана Александра I возстановить подъ своимъ скипетромъ Польшу въ границахъ 1772 г., черезъ присоединеніе къ новообразованному королевству (царству) Польскому Литвы, Бѣлоруссіи и Правобочной Украйны, Карамзинъ признаетъ этотъ планъ великодушнымъ, но только невыгоднымъ для Россіи, при чемъ упоминаетъ о правѣ меча, о старой династической принадлежности этихъ краевъ Россіи, но ни словомъ не упоминаетъ о не-

польскихъ національностяхъ этихъ краевъ [1]). Въ существѣ своемъ понятія Карамзина остались до сихъ поръ понятіями средняго великорусскаго человѣка, для котораго и до сихъ поръ за Смоленскомъ начинается „Польша".

А между тѣмъ уже и въ первой четверти XIX в. успѣли прорѣзаться всходы непольскаго сознанія въ „губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ". Прежде всего это сознаніе, конечно, должно было исходить изъ Лѣвобочной Украйны, въ которой преданія XVII вѣка не могли затереться окончательно и въ которой съ конца XVIII в. началось литературное изученіе еще свѣжей козацкой старины, а затѣмъ и этнографіи, которое не могло, конечно, остановиться на днѣпровской границѣ. Затѣмъ, подъ вліяніемъ школьной науки, хотя бы и польской (въ Виленскомъ университетѣ и Кременецкомъ лицеѣ), и въ мѣстныхъ польскихъ кругахъ стали образовываться зародыши литво- бѣлоруссо- и украйно-фильства.—При этомъ въ столь явно оригинальной Литвѣ возобновились и попытки писать по-литовски, а въ переполненной козацкими преданіями Украйнѣ появилась не только украинская школа поэтовъ на польскомъ языкѣ (Мальчевскій, Б. Залѣскій, Гощинскій и др., которые соотвѣтствуютъ автору „Вечеровъ на хуторѣ близь Диканьки" и „Тараса Бульбы" въ русской литературѣ), но и попытка писать на языкѣ украинскомъ (подобно лѣвобережнымъ Котляревскому, Гулаку, Квиткѣ и др.) и даже агитировать пѣснями на этомъ языкѣ народъ въ пользу Польши (Тымко Падура).

Но всѣ эти зачатки будущихъ національныхъ возрожденій, зачатки тѣхъ движеній, которыя должны стать центробѣжными и отъ Москвы, и отъ Польши, были еще на столько слабы, что ихъ почти не замѣчали образованные круги господствовавшихъ національностей, которые не могли себѣ представить націй внѣ государствъ и аристократій. А между тѣмъ время ставило передъ этими кругами вопросы политическіе и соціальные, которые въ столь деспотическомъ государствѣ, какъ Россія, не могли быть подняты иначе, какъ путемъ революціоннымъ. Революціонныя общества образовались и среди поляковъ, и среди русскихъ,— при чемъ сразу же намѣтилась и разница между тѣми и другими, разница, которая объясняется, главнымъ образомъ, разли-

[1]) Карамзинъ писалъ: „Литва, Волынь хотятъ возстановленія королевства польскаго,—а мы желаемъ единства государства россійскаго".

чіемъ положенія націи побѣжденной и господствующей: въ то время, какъ польскіе революціонеры на первый планъ ставили вопросы національно-политическіе, у русскихъ преобладали вопросы политико-соціальные. Пункты соприкосновенія, впрочемъ, были,—и попытка соглашенія должна была быть сдѣлана уже ради удобства одновременной борьбы „съ общимъ врагомъ“, т. е. съ царскимъ самодержавіемъ. При первой же попыткѣ этого соглашенія долженъ былъ быть поднятъ и вопросъ о будущихъ политическихъ отношеніяхъ „Польши“ и „Россіи“. Но при этомъ оказалось, что обѣ стороны способны были обсуждать этотъ вопросъ только на основаніи господствующихъ, чисто-государственныхъ, т. е. узко-польскихъ и узко-великорусскихъ понятій,—такъ какъ между тогдашними поляками, даже украинцами, какъ С. Гощинскій, демократическія и центробѣжныя идеи еще не созрѣли до полнаго разрыва съ традиціонными польскими стремленіями, а среди русскихъ было совсѣмъ мало даже такихъ, которые, подобно Рылѣеву, совмѣщали бы въ себѣ слабыя украинскія воспоминанія съ западнымъ либерализмомъ („Исповѣдь Наливайка, „Войнаровскій“).

Когда въ 1824 и 1825 гг. встрѣтились члены русскихъ и польскихъ тайныхъ обществъ въ Кіевѣ (Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ, потомъ Пестель, съ одной стороны и Кжыжановскій и Яблоновскій, съ другой), то собственно обѣ стороны оказались стоящими не только на старыхъ государственныхъ точкахъ зрѣнія, но даже весьма упорными государственными унитаристами. Когда между Муравьевымъ и Кжыжановскимъ поднятъ былъ вопросъ о будущемъ Польши, то первый высказалъ мысль, что среди русскихъ многіе стоятъ за цѣлость имперіи, хотя предлагаютъ федеративное устройство, въ родѣ С.-Американскаго;—въ другой разъ Муравьевъ и Бестужевъ предложили мысль о поголовной подачѣ голосовъ по вопросу о границахъ между Россіей и Польшей,—противъ чего Яблоновскій выставилъ рѣшительное требованіе признанія нераздѣльности границъ „исторической Польши“, т. е. границъ, если не 1772, то 1793 г. [1]). Ни съ одной стороны не было заявлено и сомнѣнія относительно того, что спорныя области собственно ни Россія, ни Польша! Это обстоятельство мало предвѣщало успѣха обѣимъ сторонамъ,—а разногласія ихъ въ вопросѣ о границѣ между ихъ Россіей и Польшей и темнота по-

---

[1]) Lisicki. Wielepolski et son temps. I, 51—54.

нятій на счетъ спорныхъ провинцій (Николай Тургеневъ, напр., считалъ Кіевъ Россіей, а Подолію—Польшей),—не обѣщали возможности солидарнаго дѣйствія противъ „общаго врага". И дѣйствительно, солидарности между польскими политиками и русскими „декабристами" оказалось на дѣлѣ очень мало, при чемъ повидимиму и принципіальныя разногласія ихъ могутъ быть сведены къ разногласіямъ по вопросу о границахъ Польши и Россіи: такъ, нѣкоторые русскіе требовали отъ поляковъ, чтобъ они свергли и даже убили Константина Павловича, въ то время, когда въ Петербургѣ будетъ тоже сдѣлано съ Александромъ I. На это поляки отвѣчали, что цареубійство не въ нравахъ Польши, и что ей бы лучше оставаться конституціонной монархіей, чѣмъ республикою. Но русскіе подозрѣвали, что поляки хотятъ, въ случаѣ революціи въ Петербургѣ, получить свое отъ остающагося во власти Романова, который дѣйствительно могъ бы охотно взяться возстановить историческія границы Польши на Волгѣ, лишь бы сохранить за собою хоть какой-нибудь тронъ [1]).

Какъ извѣстно, оба русскіе „пронунсіаміенто" 1825 г., петербургское и бѣлоцерковское, обошлись безъ всякой поддержки поляковъ, а затѣмъ во время польскаго возстанія 1830—31 гг., не произошло никакого русскаго движенія. Возстаніе 1830—31 гг. имѣло между прочими своими послѣдствіями закрытіе университетовъ въ Варшавѣ и Вильнѣ и лицея въ Кременцѣ, слабо вознагражденное открытіемъ „для поляковъ" университета въ Кіевѣ, въ которомъ долго преподаваніе имѣло вполнѣ казенный характеръ. Это осужденіе обширныхъ странъ на невѣжество оказалось выгоднымъ прежде всего, вовсе даже не русскому правительству (въ полицейскомъ смыслѣ), а польской централистической исключительности. Централизмъ и исключительность всегда идутъ объ руку съ невѣжествомъ. Изученіе прошлаго и настоящаго непольскихъ областей старой Польши сильно упало въ польскомъ обществѣ послѣ 1831 г.; вмѣстѣ съ тѣмъ критическое отношеніе такихъ ученыхъ и демократовъ, какъ Лелевель, къ

---

[1]) О переговорахъ декабристовъ съ поляками см. Mochnacki, Powstanie narodu polskiego w roku 1830—1831, т. I., изд. 1863, 243—250. Тутъ видно, какое смутное понятіе имѣли декабристы о народахъ Польши, Литвы, Бѣлой Руси и Украйны и какъ и тѣ изъ нихъ, которые желали сохраненія единства Россіи, и тѣ, которые готовы были различными способами подѣлить ее съ поляками (Пестель),—одинаково отправлялись не отъ „народныхъ", а отъ „историческихъ" правъ.

старому польскому государству смѣнилось крайней его идеализаціей. Въ польскомъ обществѣ установилось мнѣніе, что козацко-украинскія возстанія не были дѣломъ естественной реакціи противъ магнатско-іезуитской политики, какъ признавали серьезные историки школы Лелевеля,—или же соціальной реакціей, осложненной реакціей національною, какъ учатъ продолжатели Лелевеля, историки украинскіе,—но дѣломъ разбойниковъ (козаковъ), подвинутыхъ московскою интригой, какъ не стыдится проповѣдывать, напр., популярный у поляковъ историкъ, пр. Шуйскій. Украинская школа въ польской литературѣ съ 30-хъ годовъ замерла; постепенно стало замирать у поляковъ съ 1840 г. и этнографическое изученіе Украйны, начатое Ходаковскимъ, Залѣскимъ, Паули и др. Совсѣмъ забыть о существованіи оригинальныхъ чертъ исторіи и быта украинскаго не могли и поляки, тѣмъ болѣе, что объ этомъ напоминало все болѣе увеличивающее національное самосознаніе лѣвобережной Украйны, перенесенное Максимовичемъ, Метлинскимъ м Костомаровымъ въ кіевскій университетъ. Но признаніе украинскихъ особенностей приняло у поляковъ странную форму извѣстнаго ученія г. Духинскаго, которое, усиливая различія украинцевъ отъ великоруссовъ до отнятія у послѣднихъ права на имя славянъ, въ тоже время стушевывало различіе украинцевъ отъ поляковъ. Наконецъ, въ польскомъ обществѣ установилось мнѣніе, которое видитъ въ политической границѣ Польши и Россіи 1772 года границу и этнографическую, мнѣніе, по которому лѣвобережная Украйна, уже не принадлежавшая Польшѣ въ 1772 г., совсѣмъ будто бы отличается по національности отъ Украйны правобережной, народъ которой польскіе этнографы записываютъ въ провинціальную разновидность націи польской на ряду съ мазурами, малополянами и т. д. Туда же записывалась и національность бѣлорусская, этнографическое изученіе которой все-таки подвигалось у поляковъ, почти не встрѣчая себѣ соперничества съ „русской“ стороны.

На русской сторонѣ послѣ революціи 1830—1831 гг. стали образовываться о спорныхъ съ Польшею провинціяхъ своего рода ученія, похожія на сейчасъ упомянутыя польскія мнѣнія. Въ оффиціально-ученыхъ кругахъ Россіи поняли недостаточность карамзинской точки зрѣнія на эти провинціи, принадлежащія Россіи только по праву меча, или династическаго наслѣдства, но, конечно, круги эти не были въ состояніи уразумѣть и мысли о самостоятельныхъ отличіяхъ и правахъ этихъ провинцій и передъ

Великороссіею, какъ и передъ Польшею. Императоръ Николай надумался (не знаемъ, самъ ли, или подъ чьимъ-либо вліяніемъ), что самое лучшее—стирать съ западныхъ и южныхъ провинцій всякія мѣстныя отличія, начиная съ именъ ихъ, которыя употреблялись со времени раздѣленія ихъ на губерніи при Екатеринѣ II. Въ 1840 г., когда ему поднесли для подписанія бумаги, въ которыхъ встрѣчались обычныя названія „Литовскія губерніи" (Виленская,—отъ которой въ 1842 году отдѣлена была Ковенская,—Гродненская) и „Бѣлорусскія губеніи" (Витебская и Могилевская), Николай I зачеркнулъ слова: „Литовскія и Бѣлорусскія" и приказалъ переписать бумаги, подписавъ на нихъ резолюцію: „правила сего держаться и впредь, никогда иначе не приписывая, какъ поименно губерніи". А еще раньше того Николай приказалъ называть Слободско-Украинскую губернію Харьковскою (1835) и уничтожилъ названіе Малороссійскаго генералъ-губернаторства, обнимавшаго двѣ Лѣвобочныя губерніи (Черниговскую и Полтавскую) съ Слободско-Украинскою. Въ то же время историкъ Устряловъ дѣятельно хлопоталъ объ исправленіи упущенія Карамзина, настаивая на „русскомъ" характерѣ населенія Литовск. княжества въ XIV—XVв., конечно—„русскомъ" въ великорусскомъ смыслѣ этого слова. Для этого ученія Устрялову было достаточно усвоить противопольскія идеи православно-украинскихъ писателей старой школы (Конисскаго, Бантыша-Каменскаго) съ исключеніемъ всякихъ автономныхъ идей, которыя все-таки пробивались у нихъ сквозь православную кору и проскакивали въ печать, несмотря на всѣ цензурныя предосторожности. Любопытныя подробности на счетъ того, какъ хлопоталъ Устряловъ о томъ, чтобъ выставить на видъ въ оффиціальныхъ сферахъ эту новую для великорусской публики антипольскую обработку исторіи Литовскаго княжества, находимъ въ запискахъ Устрялова, напечатанныхъ въ 1880 г. въ „Древней и Новой Россіи". Но новыя идеи туго усваивала даже оффиціальная публика [1]). Что же до публики част-

[1]) Устряловъ говоритъ, что „Карамзинъ имѣлъ смутное понятіе о Литовскомъ княжествѣ", а „у насъ привыкли его считать коренною Польшею". Въ 1835 г. оберъ-прокуроръ Синода Протасовъ и мин. народ. просв. Уваровъ пришли „въ восторгъ", узнавъ отъ Устрялова, что Литовское княжество, которое „важно было для Протасова по политическимъ соображеніямъ", было тоже Русь, и Уваровъ сказалъ Протасову (по французски), что объ этомъ надо доложить государю. Но въ 1840 г., въ указѣ о замѣнѣ въ западныхъ губерніяхъ Литовскаго Статута Сводомъ Законовъ, была напечатана глупость, а именно: будто Литовскій Статутъ

ной, то большинство ея слушало совершенно индифферентно обо всѣхъ этихъ Ягеллахъ и Свидригайлахъ, еще болѣе обезцвѣченныхъ оффиціальнымъ историкомъ, чѣмъ даже московскіе Иваны,—а болѣе независимое меньшинство считало антипольскую,—и вмѣстѣ съ тѣмъ и антилитовскую,—обработку исторіи юго-западной Руси, лишенную всякихъ указаній на жизненныя особенности ея націй, новою выдумкою академическаго лакейства. Въ полякахъ же, которые тоже были обязаны выучивать въ школахъ эту обработку, она производила только отвращеніе. Сынъ Устрялова разсказываетъ анекдотъ, какъ самъ историкъ нашелъ совершенно естественнымъ, что одинъ студентъ-полякъ не захотѣлъ отвѣчать на экзаменѣ попавшійся ему вопросъ изъ исторіи „возвращенія" къ Россіи ея старыхъ провинцій. А мы помнимъ случай, когда на студенческой сходкѣ въ Кіевѣ въ 1860 г. одинъ украинецъ сказалъ: „исторія показываетъ, что здѣшній край не Польша",—на что студентъ-полякъ воскликнулъ: „не исторія, а Устряловъ". Восклицаніе было покрыто аплодисментами поляковъ, которые заглушили замѣчаніе другого украинца: „не одна исторія, а и статистика!"

Представить живо и въ то же время правдиво исторію Понѣманья и Поднѣпровья и ихъ этнографическую статистику могъ только нѣкто третій, а не сторонники оффиціальныхъ идей, польскихъ и русскихъ. Судя по тому, что показываетъ намъ исторія національныхъ возрожденій у западныхъ славянъ, у которыхъ національныя партіи образовались даже около нѣмецкихъ университетовъ,—мы имѣемъ основаніе думать, что, если бы продолжалъ существовать даже польскій виленскій университетъ, то около него образовались бы вполнѣ автономныя партіи литовская и бѣлорусская. Вотъ почему русское правительство поступаетъ по своему вполнѣ умно, не заводя университетовъ ни въ Вильнѣ, ни въ Тифлисѣ. Но послѣ 1831 г. на всей славянской, но не великорусской, полосѣ Россіи университетъ существовалъ только въ Харьковѣ, а потомъ и въ Кіевѣ. А потому изъ всѣхъ западно-

---

ввели въ княжествѣ поляки, тогда какъ онъ былъ редижированъ до люблинской уніи и на бѣлорусскомъ языкѣ! Дѣло въ томъ, что сама теорія Устрялова, по которой порча юго-западной Руси началась сейчасъ, какъ она отпала отъ Владиміровичей до Гедиминовичей, и по которой уже бракъ Ягелла и Ядвиги (1386), а не Люблинскій сеймъ (1569) установилъ „унію Литвы и Польши", служила поддержкою теорій о силѣ польскаго вліянія на Литовское княжество и о польскомъ его характерѣ.

россійскихъ негосударственныхъ племенъ національное возрожденіе организовалось только у однихъ украинцевъ.

Начало оно организоваться сейчасъ послѣ открытія университета въ Харьковѣ, въ началѣ XIX ст. Мы уже сказали, что въ первое двадцатипятилѣтіе XIX ст. сдѣланы были попытки поэзіи и беллетристики на чисто народномъ украинскомъ языкѣ (писаніе на языкѣ мѣстномъ, украинско-церковномъ, не прекращалось и въ XVIII в., и замерло только послѣ введенія въ Кіевскую академію „россійскаго краснорѣчія“ въ 1784 году и изгнанія изъ украинскихъ училищъ книгъ мѣстнаго изданія указомъ 1785 г.). Затѣмъ появился на языкѣ, близкомъ къ великорусскому, первый памятникъ ново-украинской политической мысли: „Исторія Русовъ или Малой Россіи“, долгое время приписываемая Георгію Конисскому. Это исполненное ошибокъ въ историческомъ отношеніи произведеніе представляетъ чрезвычайно замѣчательное соединеніе старой антіуніатской оппозиціи, но безъ вѣроисповѣдной православной исключительности, и козацкаго республиканства съ новымъ либерализмомъ и демократизмомъ—украинскаго автономизма съ всероссійскимъ федерализмомъ. „Исторія Русовъ“ имѣла большое вліяніе на лѣвобережныхъ украинцевъ и даже, какъ признавался намъ одинъ старый польскій писатель, не осталась безъ вліянія и на правобережныхъ поляковъ, пробуждая хоть у нѣкоторыхъ изъ нихъ украинскія традиціи. Около 30-хъ годовъ настоящаго столѣтія слободско-украинскій, харьковскій, университетъ положилъ въ мѣстномъ обществѣ начало систематическаго изученія мѣстной народности въ связи съ изученіемъ всей славянщины. Къ слобожанамъ (Срезневскій, издатель Запорожской Старины, потомъ Костомаровъ) пристали полтавцы, перенесенные судьбою въ Москву (Максимовичъ, потомъ профессоръ въ Кіевѣ,—Бодянскій) [1]). Эти первые ученые украинофилы вмѣстѣ съ подоляниномъ Григоровичемъ и съ венгерскимъ украинцемъ Венелинымъ, подобно Бодянскому, Максимовичу и Срезневскому, писавшимъ объ украинскихъ народныхъ пѣсняхъ, были основателями въ Россіи науки о славянствѣ, которая должна совершенно видоизмѣнить постановку въ Россіи польскаго вопроса. Подъ перомъ Костомарова уже въ 40-ые годы украинофильство явно

---

1) Здѣсь нельзя не упомянуть и харьковца князя Цертелева, издавшаго еще въ 1819 г. „Опытъ собранія стиринныхъ малороссійскихъ пѣсенъ“, въ которомъ впервые были напечатаны украинскія политическія пѣсни и „думы“.

сложилось въ ученіе о федерально-демократическомъ панславизмѣ.

Въ такомъ видѣ перешло лѣвобережное украинофильство въ Кіевъ, гдѣ Костомаровъ и Шевченко начали организовывать Кирилло-Меѳодіевское братство, которое должно было приступить къ практическому осуществленію идей украинскихъ федералистовъ посредствомъ народнаго образованія и освобожденія крестьянъ. Само собою, братство было захвачено полиціей Николая I и размѣщено по мѣстамъ столь и не столь отдаленнымъ. Но созданное первыми украинофилами литературное движеніе не исчезло, по крайней мѣрѣ, для науки объ исторіи и этнографіи Украйны. Козацкіе лѣтописи и документы, напечатанные въ Москвѣ Бодянскимъ, изданія Кіевской археографической комиссіи, основанной по мысли Максимовича, пѣсни, собранныя Максимовичемъ, Лукашевичемъ, Метлинскимъ, показали, по крайней мѣрѣ, ученому міру цѣльную украинскую національность отъ верхней Тиссы въ Венгріи до Кубани въ Россіи, существовавшую, не взирая на границы Россіи и Польши въ 1772 г., и существующую, не взирая на послѣдующія границы Австріи и Россіи съ ихъ административными подраздѣленіями. Національность эта оказалась слишкомъ велика, чтобы образованіе ея отличій отъ великорусской можно было по старому объяснить польскимъ вліяніемъ, испортившимъ будто бы прежде „чистую русскую народность, которая сохранилась подъ господствомъ московскихъ князей“, ибо украинскія отличія существуютъ въ такомъ же самомъ порядкѣ, какъ напримѣръ, въ Галиціи или на Волыни, и въ такихъ странахъ, гдѣ никогда не было польской власти, какъ напримѣръ въ Венгріи или въ Буковинѣ. Въ то же время явно враждебное польскому государству настроеніе, которое бьетъ изъ каждой страницы украинскихъ народныхъ пѣсенъ, старыхъ и новыхъ, очевидно, не могло быть объяснено „московской интригой“. Признаніе органичности украинскихъ отличій обязывало ученыхъ передѣлать всѣ оффиціальныя польскія и московскія построенія исторіи Восточной Европы—и, логически, должно было обязывать сообразоваться съ нимъ и практическихъ дѣятелей политики.

Само собою разумѣется, что для пріобрѣтенія практическаго значенія новыя украинскія идеи, особенно федерально-демократическаго оттѣнка, нуждались въ пропагандѣ, а она то, какъ показала судьба Костомарова и Шевченка, и не была возможна при николаевскихъ порядкахъ, которые задерживали по нѣскольку лѣтъ въ цензурѣ даже сырой матеріалъ; пѣсни—собранныя Мет-

линскимъ и Максимовичемъ. Вотъ почему идеи эти мало распространились даже въ мѣстномъ обществѣ, а въ Великороссіи кіевское братство осталось непонятнымъ, но несмотря на то обруганнымъ и западникомъ Бѣлинскимъ, и восточникомъ Хомяковымъ, какъ это мы показали въ нашемъ предисловіи къ „Письму Бѣлинскаго къ Гоголю". Поляки узнали о Шевченкѣ и Костомаровѣ только уже съ конца 50-хъ годовъ и тоже почти безъ исключенія встрѣтили ихъ идеи враждебно.[1]) Такимъ образомъ, къ концу царствованія Николая I въ массѣ какъ русскаго, такъ и польскаго общества оставались почти нетронутыми старыя церковно-государственныя идеи объ отношеніяхъ „Россіи" и Польши. Когда въ началѣ царствованія Александра II наступила въ Россіи либеральная оттепель, великорусскіе круги, дающіе и до сихъ поръ черезъ столицы сигналы общественному мнѣнію, настроились благопріятно къ польскимъ стремленіямъ, и, не зная основательно границъ дѣйствительной Польши, готовы были признать Польшею все, что не было великорусское, исключая, конечно, тѣхъ краевъ, къ обладанію которыми слишкомъ уже прывыкло россійское государство, а имѣнно, лѣвобережной Украйны, которую одну привыкли въ Россіи звать Малороссіей, и Новороссіи, о которой никто уже и не зналъ, что она была населена и до Екатерины II, и называлась „Вольностями Войска (или Товарства) Запорожскаго". Только Кіевъ,—этотъ всероссійскій Римъ,—возбуждалъ нѣкоторыя сомнѣнія въ русскомъ литературномъ обществѣ, но край западнѣе отъ Кіева оно вполнѣ было готово признать Польшею. По крайней мѣрѣ, самъ И. С. Аксаковъ помѣстилъ въ своемъ либеральномъ „Парусѣ" (1859 года) довольно тенденціозное „Письмо изъ Польши" (какъ говорили тогда, принадлежащее перу извѣстнаго польскаго беллетриста) съ помѣткою: Житоміръ! Даже впослѣдствіи грозный бичъ „польской интри-

[1]) Шевченко и до сихъ поръ имѣетъ въ польской публикѣ репутацію врага поляковъ, и еще недавно Сырокомля не рѣшился перевести его Гайдамаковъ. Даже въ настоящее время г. Спасовичъ увидѣлъ въ этой поэмѣ „выдаваніе звѣрства и безчеловѣчности за геройство". А, между тѣмъ, достаточно хладнокровно прочесть поэму Шевченка, чтобъ замѣтить въ ней плачъ надъ тѣмъ, что онъ описываетъ, и такія, напримѣръ, слова:

Болить серце, јак згадајеш?
Старихъ славјан діти
Впились кровју,—а хто винен?!
Кзьондзи, језуіти!

ги" М. Н. Катковъ велъ по польски переписку съ г. Киркоромъ, издававшимъ въ Вильнѣ журналъ съ обычными польскими „историческими" тенденціями, и только полемика, поднятая въ виленскихъ польскихъ изданіяхъ противъ появившагося въ 1857—1859 гг. „Богдана Хмельницкаго" Костомарова, на которую украинскій историкъ отвѣчалъ въ „Современникѣ", предвѣщала тѣ бури, которыя не замедлили разразиться около польскаго вопроса нѣсколько времени спустя.

Этимъ историческимъ обзоромъ, лучше сказать—этими историческими итогами, такъ рельефно выдвинутыми талантливымъ ученымъ и публицистомъ, мы закончимъ освѣщеніе намѣченной нами темы, оставляя всю послѣдующую, болѣе близкую къ нашему времени, исторію россійско-польско-украинскихъ отношеній для ряда другихъ статей, которыя, надѣемся, найдутъ себѣ мѣсто на страницахъ нашего журнала въ будущемъ году.

Полтавская интрига 1714 года.

Полтава и полкъ, центромъ котораго она была въ періодъ Гетмащины, жили во второй половинѣ XVII вѣка особою отъ другихъ полковъ жизнью, характерной особенностью которой является демократическій строй, находившій выраженіе въ свободномъ выборѣ „чернью“ своей старшины, особенно полковниковъ. Тогда какъ сѣверные полки Малороссіи (стародубскій, черниговскій) уже къ концу XVII вѣка выдѣлили въ себѣ цѣлый рядъ старшинскихъ фамилій, удерживавшихъ въ своихъ рукахъ власть, въ Полтавщинѣ этого времени нельзя замѣтить чего-либо подобнаго: здѣсь каждый представитель „товариства“ могъ достигнуть высшей власти въ краѣ, т. е. власти полковника, и наоборотъ—спуститься на болѣе низкіе уряды и даже стать вновь въ ряды простыхъ козаковъ. Напримѣръ: Кирикъ Пушкаренко, бывшій въ 1659 году полковникомъ, въ 1676 году занималъ самый низшій изъ полковыхъ урядовъ,—урядъ городового атамана; Филона Горкушу въ 1658 и 1669 годахъ мы видимъ полковникомъ, а въ 1678—городовымъ атаманомъ; Демьянъ Гуджолъ въ 1661, 1669 и 1672 годахъ избирался полковникомъ, въ 1676 г.—былъ атаманомъ, съ 1678 по 1680-й—судьею, потомъ именовался лишь „славетнымъ паномъ и козакомъ полтавскимъ“, а въ 1694—былъ снова атаманомъ; Кость Кубницкій въ 1669 году занималъ полковничій урядъ, съ 1674 по 1684—судейскій, съ 1688 по 1690-й урядъ обознаго, и т. д. Подобные факты, какъ правила, были присущи только Полтавѣ; въ другихъ полкахъ такіе случаи были крайне рѣдки и являлись лишь исключеніями. Различіе между внутреннимъ строемъ жизни Полтавщины и другихъ полковъ имѣло нѣсколько причинъ.

Одной изъ нихъ была—близость Запорожья. Это, можно сказать, было основной причиной болѣе свободныхъ формъ жизни въ Полтавщинѣ. Запорожье, какъ извѣстно, всегда стояло въ нѣкоторой оппозиціи къ гетманской власти и стремилось къ подчиненію послѣдней своему вліянію. Агенты Запорожья (вродѣ Петрика), возбуждавшіе населеніе противъ гетмановъ, нерѣдко находили пріютъ и откликъ въ Полтавѣ, такъ что гетманы особенно осторожно и мягко обращались съ полтавцами, боясь раздражать какъ ихъ, такъ и Запорожье, ибо послѣднее жило съ ними „совѣтно, что мужъ съ женой" [1]). Поэтому-то гетманская власть и не заводила въ Полтавщинѣ тѣхъ порядковъ, которые установились въ другихъ полкахъ и повлекли за собой, съ одной стороны, возникновеніе цѣлаго владѣльческаго класса—родовитой старшины, а съ другой—быстрое порабощеніе не только крестьянскаго, но и козачьяго сословія. Кромѣ того, нарожденію владѣльческой старшины въ предѣлахъ Полтавскаго полка мѣшало и отсутствіе особенныхъ экономическихъ выгодъ владѣнія землею, такъ какъ край этотъ носилъ чисто степной характеръ и менѣе другихъ полковъ былъ защищенъ отъ частыхъ нападеній татаръ; къ тому-же онъ былъ удаленъ и отъ центра Малороссіи. Польша съ ея сословно-шляхетскимъ строемъ тоже не могла здѣсь имѣть своего вліянія, такъ какъ была далека и по разстоянію, и по тому различію, которое лежало между общественными понятіями, съ одной стороны—поляковъ, а съ другой—полтавцевъ, вдохновлявшихся Запорожьемъ. А въ сѣверныхъ полкахъ, сопредѣльныхъ съ Польшею, вліяніе ея на образованіе сословій (отдѣленіе „товариства" отъ „посполыства" и выдѣленіе изъ перваго—владѣльческой старшины, будущаго—дворянства) было довольно велико.

Всѣ эти причины: близость Запорожья, слабое вліяніе и контроль центральной власти и отсутствіе старшинскаго гнета,—дѣлали населеніе Полтавщины, сравнительно съ населеніемъ другихъ полковъ, свободнымъ и свободолюбивымъ, долго помнившимъ свои стародавніе обычаи и „вольности"... Послѣднія выражались, впрочемъ, почти исключительно въ свободномъ выборѣ старшины. Съ 1649 года, когда произведено было новое полковое дѣленіе Малороссіи, и даже до начала XVIII вѣка, Полтава является единственнымъ городомъ, гдѣ еще сохранялось право вы-

---

[1]) А. Ю. и З. Р., т. VI, 99.

бора старшины „вольными голосами“, хотя нужно сказать, что выборщики—полчане находились подъ большимъ вліяніемъ небольшого кружка мѣстныхъ богачей, которые ими и руководили. Поэтому въ Полтавѣ имѣли мѣсто всегда „шатости“ и интриги, порождаемыя тѣмъ или другимъ претендентомъ на полковничій перначъ, старавшимся помощью весьма разнообразныхъ средствъ заслужить расположеніе большаго числа представителей „товариства“, или „черни“. Послѣдняя ревниво охраняла право избирать себѣ старшину, но пользовалась имъ неумѣло, выбирая часто на полковничій и другіе войсковые уряды людей вовсе недостойныхъ. На это указываетъ ужъ слишкомъ частая смѣна полковниковъ, которые избирались и „скидывались“ скорѣе изъ каприза осуществлявшихъ свои „вольности“ полтавцевъ, чѣмъ изъ-за дѣйствительной необходимости... Картину борьбы партій въ Полтавѣ во второй половинѣ XVII вѣка далъ А. М. Лазаревскій въ своей статьѣ „Полтавщина въ XVII вѣкѣ“, [1] поэтому я здѣсь ограничиваюсь замѣчаніемъ, что въ теченіе 50 лѣтъ (съ 1649 по 1699 годъ) въ Полтавѣ полковники смѣнялись 28 разъ, причемъ власть переходила изъ рукъ въ руки всего лишь между 14 лицами, изъ коихъ нѣкоторые (напримѣръ Федоръ Жученко) были избираемы полтавцами на полковничій урядъ до пяти разъ... Трудно представить себѣ, чтобы такая частая смѣна властителей Полтавщины всегда вызывалась дѣйствительными потребностями населенія; по всей вѣроятности, важную роль здѣсь играли интриги лицъ, добивавшихся урядовъ и искусно пользовавшихся самыми маловажными поводами къ недовольству полчанъ своей старшиной. Напримѣръ, Павелъ Герцикъ добился въ 1675 году полковничества такъ: Прокопъ Левенецъ, занимавшій въ это время урядъ полтавскаго полковничества, подтопилъ своею мельницею сосѣднія; этимъ его промахомъ воспользовался Герцикъ и уговорилъ полтавцевъ жаловаться на Левенца гетману, а полтавцы, прежде чѣмъ подать жалобу, скинули его съ полковничества и выбрали Герцика [2]...

Въ концѣ концовъ, по мѣрѣ ослабленія мѣстной автономіи въ Малороссіи и все усиливавшагося вліянія центральной власти, участіе „черни“ въ выборахъ старшины стало невозможнымъ, да и сами полтавцы пришли къ заключенію, что частая смѣна пол-

---

[1]) Кіев. Стар., 1891 г., сент., стр. 357—374.

[2]) Ibid.

ковниковъ отзывается неблагопріятно на нихъ-же самихъ. Такой рѣзкій поворотъ въ общественныхъ воззрѣніяхъ полтавцевъ и утомленіе отъ всевозможныхъ интригъ, центромъ которыхъ былъ ихъ городъ въ продолженіе всей второй половины XVII вѣка, совершился уже въ XVIII вѣкѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ любопытный документъ 1714 года, имѣющійся въ нашемъ распоряженіи [1]).

Документъ этотъ представляетъ собой просьбу гетману отъ имени всѣхъ полтавскихъ полчанъ не допустить до уряда полтавскаго полковничества Василія Кочубея, чего добивалась одна партія. Въ описываемое время полковникомъ въ Полтавѣ былъ Иванъ Чернякъ, получившій этотъ урядъ въ 1710 году; но противъ него вели интригу полковой судья Петръ Кованька и писарь Иванъ Залѣсскій, добивавшіеся предоставить полковничій перначъ Кочубею. Петръ Кованька былъ сыномъ стараго полтавца Олешка Кованька, записаннаго уже въ 649 г. въ числѣ полтавскихъ козаковъ [2]) и бывшаго затѣмъ (1675—78 годахъ) городовымъ атаманомъ; урядъ судейства Петръ Кованька получилъ около 1710 года. Его товарищъ по интригѣ Иванъ Залѣсскій сталъ писаремъ около того же времени, получилъ урядъ по свойству съ Федоромъ Жученкомъ, такъ какъ былъ его внукомъ. Причина стараній Кованьки и Залѣсскаго добиться уряда полтавскаго полковничества для Василія Кочубея (сына казненнаго Мазепой генеральнаго писаря) заключалась въ желаніи Кованьки пріобрѣсти въ немъ человѣка себѣ доброжелательнаго, а это необходимо ему было для того, чтобы вызволить изъ бѣды дочь, которая неоднократно замѣчена была согражданами въ слишкомъ неумѣренныхъ амурныхъ похожденіяхъ... По закону ея преступленіе влекло за собой смертную казнь, и Кованька надѣется спасти ее отъ этого защитой Кочубея, который могъ-бы пользоваться своей властью болѣе твердо, чѣмъ Чернякъ, такъ какъ смерть отца служила ему источникомъ царскихъ милостей.

Такъ, по крайней мѣрѣ, сами полтавцы въ своей челобитной объяснили подкладку интриги, предпривятой Кованькой. Что же касается его товарища въ этомъ дѣлѣ, полкового писаря Залѣс-

---

[1]) Документъ этотъ, списанный Н. П. Василенкомъ изъ дѣлъ Х. И. Арх. Полт. отд., св. 1, № 8, находится въ бумагахъ А. М. Лазаревскаго. Печатаемъ его въ концѣ статьи полнымъ текстомъ.

[2]) Реестра, стр. 279.

скаго, то онъ, считая свое положеніе на писарскомъ урядѣ непрочнымъ, тоже могъ надѣяться на защиту и покровительство Кочубея, въ случаѣ, еслибы послѣдній сталъ полковникомъ. Про Залѣсскаго полчане писали, что онъ „пока до писарскихъ дѣлъ не зголенъ"... Свою челобитную полтавцы начинаютъ самыми откровенными разоблаченіями грѣховъ дочери Кованьки... „Чого во снѣ добронравнимъ людемъ не снило-би-ся", то случилось, по ихъ словамъ, въ Полтавѣ, въ семьѣ судьи Петра Кованьки: дочка его „нецнота", вступивъ въ любовную связь съ двоюроднымъ своимъ братомъ Дорошомъ Емченкомъ, прижила трое дѣтей, изъ которыхъ одно „еще дѣвкою забили и въ погребъ заховали"; другое (родившееся послѣ выдачи ея замужъ черезъ нѣсколько недѣль)—было брошено около монастыря и, хочъ то окрещено—однакъ и тое (же нѣкому было добре досмотрѣти) тожъ якъ бы забито, бо з голоду умерло; третье дитя дочь Кованьки родила во время замужества, но какъ прижитое „вшетечне" съ двоюроднымъ братомъ и „имѣючи нѣякуюсь злость между собою",—тоже зтратила, зложивши пеню на русского человѣка „Цурикова, квартермѣстра полкового, будто онъ въ ней, судейской дочки, вибилъ дитя"... Послѣ всего этого у Коваңьковны родилось четвертое дитя, но опредѣлить отца его челобитчики ужъ затруднялись; „Богъ вѣсть", писали они, „кто ему отецъ: чи той первій убійца Дорошъ, чи вже сей бѣдній Іванъ Желѣзняченко (законный супругъ обвиняемой)? Дѣло въ томъ, что строгіе блюстители чистоты полтавскихъ нравовъ „досконале довидались" о „безчеловѣчіи", которое „въ дому судейскомъ поводится", лишь тогда, когда „оная нецнота" была беременна четвертымъ ребенкомъ, и хотя за свое преступленіе она „мѣла подлугъ права быти сужена,—однакъ до рожденія дитяти справа стала удержана"... А кара, которая грозила грѣшницѣ, была очень тяжелой. По аналогичному дѣлу, разбиравшемуся въ 1698 году въ полтавскомъ полковомъ судѣ, судьи приговорили виновныхъ къ смертной казни (отсѣченіе головы) и основали свой приговоръ на „Статутѣ Князства Литовского", котораго арт. 60 розд. 11 гласитъ: „Кгды бы которая бѣлая голова, не живучи въ станѣ малженскомъ але вшетечне ся и нерядне справуючи, а такъ плоду набувши, а потомъ для встыду албо боязни караня тотъ плодъ сама албо черезъ кого иного стратила и о смерть приправовала, таковые,—якъ тотъ, хто ся того чинити и плодъ такый губити подвязалъ, яко и тая, которая плодъ свой на страту дала, маютъ горломъ ка-

рани быти"... [1]) На спасеніе Кованьковны и выступилъ поэтому ея отецъ, начавшій агитировать въ пользу Кочубея.

Когда у его дочери родилось четвертое дитя (послѣ чего стала извѣстна и судьба первыхъ трехъ дѣтей), онъ, по разсказу полтавцевъ, „прибравшись на нѣякиесь концента и змовивши къ себѣ таковаго-жъ товариша, писара полкового Івана Залѣского и другого, нѣ мужика, нѣ козака, Иванця Кириленка, уфаючи въ надѣю, невѣдомо якую",—стали „збирать собѣ на урядъ" безъ вѣдома всѣхъ остальныхъ полтавцевъ пана Василія Кочубея. Какъ челобитчики старались уронить въ глазахъ гетмана Кованьку, Залѣсскаго и Кириленка, раскрывая семейную неурядицу перваго, показывая негодность для уряда второго и намекая на сомнительное общественное положеніе третьяго, который былъ „ни мужикъ, ни козакъ", такъ и ведущіе интригу „наносили з своей злой завзятости" на полковника Черняка „злость", „разсѣвая въ Полтавѣ плевели, же будто всеконечне Василій Кочубей" („якій еще дитя молодое", замѣчаютъ челобитчики) мѣетъ быти полковникомъ"... Интрига Ковальки и Залѣсскаго возмущала полтавцевъ главнымъ образомъ тѣмъ, что они старались провести Кочубея на полковничество „безъ всѣхъ насъ, общой ради", какъ писали челобитчики... Видимо, полтавцы дорожили еще своими стародавними обычаями и „вольностями" и не хотѣли допустить ихъ попиранія...

Оправдывая въ дальнѣйшемъ своемъ челобитьи Ивана Черняка, полтавцы подчеркиваютъ то обстоятельство, что онъ былъ избранъ вольными голосами, согласно войсковымъ обычаямъ [2]): А ми, ясневелможній нашъ милостивѣйшій рейментару, яко за вѣдомомъ велможности вашой, нашего милостивого пана,—вседобще, полюбовне, згодними голосами, з цѣлого полку зобравши старшину и значное товариство и мѣщанъ полтавскихъ и волостнихъ людей, при битности его милости пана Якова Лизогуба, на тотъ часъ у Полтавѣ одъ велможности вашой панской резидуючого, сего своего полковника пана Ивана Черняка на тую годность избрали"... Чернякъ не только былъ избранъ совершенно

---

[1]) Ор. Левицкій, Очерки народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII ст., стр. 72—73.

[2]) Въ этомъ, однако, полтавцы самообольщались: Того жъ (1709) года бунчучный енеральный Яковъ Лизогубъ посыланъ въ Полтаву съ компаніею для обережности отъ непріятеля где и роковалъ и „*Черняка полковникомъ устроилъ*"... (Сборникъ лѣтописей, К. 1888, стр. 49).

законнымъ образомъ, но, по свидѣтельству челобитчиковъ, былъ человѣкомъ и безъ порока, какъ на урядѣ полковничества, такъ и раньше... „Чрезъ тіе роки, сколко у насъ на урядѣ найдуется [1]),—жадного по немъ порока не чули и не знаемъ", писали они,—„развѣ теперь судія изъ писаромъ по своей злости чого на его, пана полковника, чи не измислили"... Но и тутъ проглядываетъ у полтавцевъ сознаніе своего права принимать участіе во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ, а тѣмъ болѣе—въ дѣлѣ такой важности, какъ избраніе новаго полковника, что хотѣли сдѣлать помимо нихъ Кованько и Залѣсскій. Они пишутъ далѣе: „А однакъ хочъ бы що измышленного мѣли що доносити, то можетъ бы не было имъ за сіе грѣха, если-бы и намъ ознаймили", потому что когда „при отданю клейноту з рукъ велможности вашой, нашого милостивого добродѣя, ему, полковниковѣ, всѣ естесмо (хто тилко згодилъся при немъ быти)—едною рукою на вѣрность царскому его освященнѣйшому величеству присягали,—и повинни би всѣ сполне знати, що би якая мѣла бити вина полковничая и хтожъ бы то за нею вязалъся. А то такъ зхватившися и въ полку *якіе есть порядки возмутивши,*—ввесь народъ хотятъ два ихъ безъ всякой нашой волѣ такому молодому человѣку, а до того гордому, заневолити, що якось есть намъ, полковой старшинѣ, такъ же сотникомъ, товариству войсковому, мѣщаномъ и всему посполитому народу, немило"... Высказавъ это откровенное отрицательное отношеніе къ замысламъ Кованьки и Залѣсскаго, челобитчики далѣе просятъ гетмана не вѣрить ихъ навѣтамъ, которые могутъ быть пристрастны: „Всякъ тое можетъ разумѣти", писали они, „же не толко якую напасть ради бы вымислити, но и горы на его, наветь и самое небо, обрушити хотѣли-бъ!"

Однако, челобитчики понимали, что Черняка можно было обвинить въ нѣкоторой „людской тягости" не безъ справедливости, но его вина, по ихъ мнѣнію, вполнѣ простительна. Хотя Чернякъ, „якъ въ конецъ звоеваній человѣкъ будовалъ домъ свой и не безъ того, жебы не мѣлъ споможення з полковихъ якихъ городковъ въ привезеню деревнѣ з пущи", но, пишутъ они, „всѣ ми знаемъ, що *всякая власть безъ такой повинности не обходится, штобы не мѣти въ будовнѣ з полку споможення полковникамъ*... Наветь (чого, Боже, уховай!) если-бы чрезъ якую неволю

---

1) Чернякъ въ 1692 г. былъ полковымъ писаремъ, а въ 1699—полковымъ сотникомъ полтавскимъ.

имѣлъ стати гды и Кочубей полковникомъ, то на плечахъ изъ собою нѣчого готоваго не принесетъ, тилко хиба новую и прибавочную вымислитъ людемъ бѣду! А намъ довлѣло бъ и сихъ тягостей, якіе теперь по замѣшанню проклятого Мазепы в народѣ есть, же не могутъ по несщасливій руини не толко убогій, лечъ и зажилій, къ первому прійти глузду"?.. Послѣдняя фраза показываетъ, что полтавцы уже достаточно испытали на себѣ непріятностей, сопраженныхъ съ частой смѣной полковниковъ, и потому хотѣли лишь одного—мирнаго житья. Это имъ необходимо было еще и для того, чтобы поправиться отъ разгрома, понесеннаго ими въ имуществѣ во время шведской руины... Въ концѣ XVII в. полтавцы еще не прочь были поинтриговать другъ противъ друга, но въ описываемое время уже утомились, придя къ заключенію, что отъ этихъ интригъ терпитъ больше всего простой народъ; да и времена уже настали другія... „Панъ Кочубей", пишутъ они, „з Ковалькою и зъ Залѣскимъ новую *не полковникомъ затѣваютъ бѣду, лечъ все бѣднимъ людямъ, бо всякая власть при заводахъ такихъ непотребнихъ не буваетъ безъ людской утрати, якъ старинная приповѣтъ в народѣ есть, же когда болшіе сварятся, а в убогихъ и волосовъ на головѣ не стаетъ"*... Этимъ интереснымъ признаніемъ собственно и исчерпывается интересъ документа. Въ концѣ его они лишь повторяютъ гетману просьбу не вѣрить „возмутителемъ" Кованькѣ и Залѣсскому и не посылать ихъ челобитной къ царю, чего они хотѣли добиться вмѣстѣ съ Кочубеемъ. Челобитную свою они заключаютъ слѣдуюшимъ патетическимъ образомъ: „Прійми, всемилостивѣйшій пане, сіе наше за полковникомъ челобите за благо и не попусти такимъ людемъ насъ и пана полковника въ поруганіе, велце, велце просимъ и доживотними зостаемъ"... Далѣе слѣдуютъ подписи всей полковой старшины (кромѣ, разумѣется, Кованьки и Залѣсскаго), сотниковъ, мѣщанъ, ремесленниковъ и нѣкоторыхъ представителей „товариства"...

Несомнѣнно, челобитная эта имѣла у гетмана успѣхъ, и онъ не далъ ходу интригѣ Кованьки и Залѣсскаго, такъ какъ Иванъ Чернякъ долго еще оставался полковникомъ, и его замѣнилъ Василій Кочубей лишь въ 1727 году. Любопытно также и то, что ни Кованька, ни Залѣсскій нисколько не пострадали за свои дѣянія, въ которыхъ выказалось ихъ полное презрѣніе къ войсковымъ обычаямъ и остальной старшинѣ: на своихъ урядахъ они оставались безсмѣнно, такъ какъ Кованька былъ судьею еще и въ 1716 году, а Залѣсскій писаремъ—въ 1715. Очевидно, въ дан-

ное время полчане были безсильны „скидывать" съ урядовъ ненавистныхъ и неугодныхъ имъ лицъ и право раздачи уже урядовъ перешло отъ черни" къ гетману. Послѣдній, быть-можетъ, и самъ остерегался трогать Коваеньку, отличавшагося своею вѣрностью царю во время шведской „руины" [1]... Случись всѣ эти событія двумя десятилѣтіями раньше, Кованька и Залѣсскій несомнѣнно лишились бы своихъ урядовъ, а, быть-можетъ, и подверглись какой-либо „войсковой карности"... Судьба виновницы всей интриги, дочери Кованьки, къ сожалѣнію, неизвѣстна. Была-ли она предана суду за свои прегрѣшенія, или отцу удалось ее спасти—не знаемъ...

В. Модзалевскій.

Ясне велможній милостивій пане гетмане, намъ велце всенадежнѣйшій пане и великій добродѣю!

Чого во снѣ добронравнимъ людемъ не снило би ся, то тое по всезлобномъ неспокойнихъ и непостояннихъ людей, злоба и зло....ку неспокойности людемъ (?) въ народѣ невиннимъ, плевелы звикли сѣяти и високіе гонори для якихсь собѣ ку погибелному пожитку шукати способовъ именно въ семъ: ижъ Петро Кованка, судя полковій нашъ полтавскій, видячи свою въ своемъ дому явную погибель, что дочка его, нецнота, жиючи з двоюроднымъ своимъ братомъ Дорошомъ Емченкомъ, прижили собѣ трое дѣтей, з которыхъ едно еще дѣвкою забили и въ погребѣ заховали, потомъ другое живое тожъ въ погребѣ, вже замужъ когда выдана была беременна, въ килко недѣль зродивши,—подъ монастиръ подвезли, и тамъ покиненное было найдено, и хочъ то окрещено,—однакъ и тое (же нѣкому было добре досмотрѣти) тожъ якъ-бы забито, бо з голоду умерло; а потомъ третое, такъ же будучи вже замужемъ и живучи вшетечно мимо мужа своего зъ тимъ же братомъ, прижили; и имѣючи нѣякуюсь злость между собою,—и тое зтратила вже, пеню зложивши на русского человѣка Цурикова, квартермѣстра полкового, будто онъ въ ней, судейской дочки, вибилъ дитя; а теперь четвертое вже мужеска полу рождено, тожъ одъ двоихъ прижитое, тилко вже сему Богъ вѣсть, хто отецъ: чи той первій убійца Дорошъ, чи вже сей бѣдній Іванъ Желѣзняченко? Бо не можемъ для того сей дитины

---

[1]) Матеріалы Судьенка, II, 186; Костомаровъ, Мазепа и Мазепинцы, 636.

отца знати, що якъ отъ первого раза Дорошъ, такъ яжъ до сего четвертого есть причиненъ, бо вже симъ хлопцемъ когда была беременна, досконале довѣдались, же такое безъчеловѣчіе въ его дому судейскомъ поводиться, за що хочъ, то, подлугъ права, мѣла оная нецнота быти сужена,—однакъ до рожденія дитяти справа стала удержана; а когда дитя родилось, тимъ часомъ чрезъ сее, почто онъ, судія, прибравшись на нѣякиесь концента и змовивши къ собѣ таковаго жъ товариша, писара полкового Івана Залѣского (якій зголa до писарскихъ дѣлъ не згоденъ), и другого нѣ мужика, нѣ козака Иванця Кириленка, уфаючи въ надѣю, невѣдаемо якую, збираютъ собѣ на урядъ безъ вѣдома всѣхъ насъ, нижей писанныхъ особъ, пана Василія молодого Кочубея, наносячи нѣякіесь з своей злой завзятости на нынѣшнего нашего полтавского полковника пана Івана Черняка злости и вже розсѣявши у Полтавѣ плевели, же будто всеконечне Василій Кочубей мѣетъ быти у насъ въ Полтавѣ (якій еще дитя молодое) полковникомъ, и безъ всѣхъ насъ, общой ради.

А ми, ясневелможній нашъ милостивѣйшій рейментару, яко за вѣдомомъ велможности вашой, нашего милостивого пана, всеобще полюбовне згодними голосами, зъ цѣлого полку зобравши старшину и значное товариство, и мѣщанъ полтавскихъ, и волостнихъ людей, при бытности его милости пана Якова Лизогуба, на тотъ часъ у Полтавѣ одъ велможности вашой панской резидуючого, сего своего полковника пана Івана Черняка на тую годность избрали, такъ еще чрезъ тіе роки, сколко у насъ на урядѣ найдеться,—жадного по немъ порока не чули и не знаемъ, развѣ теперь судія изъ писаромъ по своей злости чого на его, пана полковника, чи не измислили. А однакъ хочъ бы що измышленного мѣли що доносити, то можетъ бы не было имъ за сіе грѣха, если бы и намъ ознаймили, бо кгдыжъ при отданю клейноту зъ рукъ велможности вашой, нашого милостивого добродѣя, ему, полковниковѣ,—всѣ естесмо, хто тилко згодилъся при немъ быти, едною рукою на вѣрность царскому его освященнѣйшому величеству присягали, и повинни би всѣ сполне знати, що би якая мѣла быти вина полковничая и хтожъ бы то за нею вязалъся. А то такъ зхватившися и въ полку якіе есть порядки возмутивши,—ввесь народъ хотятъ два ихъ безъ всякой нашой волѣ такому молодому человѣку, а до того гордому, заневолити. що якось есть намъ, полковой старшинѣ, такъ же сотникомъ, товариству войсковому, мѣщаномъ и всему посполитому народу, немило.

Такъ нынѣ чрезъ сію нашу супплѣку до ногъ панскихъ велможности вашой главы наши склоняючи, покорне бьемъ чоломъ, же когда бы судія и писаръ, прибувши у Глуховъ къ велможности вашой, якіе заносити имѣли на полковника чолобиття или якіе доношення, не дати имъ вѣри; бо еслибъ що знали на полковника противного, то бы имъ належало, не в злобѣ будучи, велможности вашой доносити и намъ явити, а теперъ, когда завзяли злость на полковника, то всякъ тое можетъ разумѣти, же не только якую напасть ради бы вымислити, но и горы на его, наветь и самое небо, обрушити хотѣли-бъ. Толко жъ намъ сей полковникъ нѣ в чомъ не есть подзоренъ, поневажъ отъ давнихъ часовъ въ жадномъ домъ ихъ Черняковъ не былъ позориску ку якой противной зрадѣ, развѣ хиба они, Кованка и Залѣскій, чи не положатъ чого, вмѣняючи за тягость людскую, же яко в конець звоеваній человѣкъ будовалъ домъ свой и не безъ того, жебы не мѣлъ споможення з полковихъ якихъ городковъ в привезеню деревнѣ з пущи; то вже сее все ми знаемъ, що всякая власть безъ такой повинности не обходится, чтобы не мѣти в будовлѣ з полку споможення полковникамъ, наветь (чого Боже уховай) если бы чрезъ якую неволю имѣлъ стати гды и Кочубей полковникомъ, то на плечахъ изъ собою нѣчого готового не принесетъ, тилко хиба новую и прибавочную вымислитъ людемъ бѣду, а намъ довлѣло-бъ и сихъ тягостей, якіе теперъ по замѣшанню проклятого Мазепы в народѣ есть, же не могутъ по нещасливой руини не толко убогій, лечъ зажилій къ первому прійти глузду. А панъ Кочубей з Кованкою и зъ Залѣскимъ новую не полковникомъ затѣваютъ бѣду, лечъ все бѣднимъ людямъ, бо всякая власть при заводахъ такихъ непотребнихъ не буваетъ безъ людской утраты, якъ старинная приповѣть в народѣ есть, же когда болшіе сваряться, а в убогихъ и волосовъ на головѣ (не) стаетъ. Теперъ же всякъ з насъ знаючи, же вже Кочубей одъехалъ в Кіевъ, а Кованка з писаремъ ку Глухову якобы до велможности вашой, нашому милостивому добродѣеви, будьто допрашиватись, жебы ихъ чолобитную послать до двору монаршого, добиваючись Кочубееви полковнитства полтавского, якую тутъ, у Полтавѣ, потайно всѣхъ насъ справили и нѣкоторихъ товариства нѣсколко безъ вѣдома имена ихъ в той чолобитной, чили доношенняхъ, подписовали,—а ми яко того ихъ доношення не естесмо свѣдоми, такъ покорне велможности вашой, нашого милостивого добродѣя, просимъ, яко вишше наменилось: не толко не дать имъ вѣри, но и не посилать до двору царского

величества ихъ чолобитя, поки в отой ставцѣ з нами и зъ полковникомъ не исправляются. Кгди жъ если имъ двомъ, возмутителемъ, дати вѣру, мимо всѣхъ насъ вѣдомости, то ми, бѣдніе, развѣ негодніе стаемся милостивой вашой велможности панской обрѣсти ку себѣ и ку всему полку ласки, что двомъ вѣра мѣлабы дана быть: а намъ нѣтъ; однакъ, не отчаеваючи в семъ надежди нашей, вторично молимъ: прійми, всемилостивѣйшій пане, сіе наше за полковникомъ челобитя за благо и не попусти такимъ людем насъ и пана полковника нашого в поруганіе, велце просимъ и доживотними зостаемъ.

Велможности вашой, нашому велце милостивому пану и великому добродѣеви, вѣрними и унѣжоними слугами.

З Полтави, септеврія 9, 1714 року.

Климъ Нащинскій, обозній полковій полтавскій; Василь Сухій, асаулъ полковій; Григорій Буцкій, асаулъ полковій; Стефанъ Мизинъ, наказній судія; Павло Гарасимовичъ, хоружій полковій; Лаврентій Никитовичъ, асаулъ гарматній; Яковъ Фѣрѣнка, хоружій гарматній; Іванъ Коломакъ, атаманъ городовій; Василь Артюхъ, Корнило Бутенко, Ігнатъ Горунъ, Андрей Панченко, Іванъ Бѣлохвостій, Савка Великій, Іванъ Фѣрѣнка, Семенъ Емченко, Кондратъ Бойко, Федоръ Кобижчанъ, Хведоръ Науменко, Василь Бабичъ, Андрей Кривошапка; Грицко Терещенко, атаманъ Мачоскій, з товариствомъ: Маркомъ Пилипчинымъ, Максимомъ Кгуджелемъ; Хведоръ Кривошія, атаманъ Шостаковскій, з товариствомъ: Мирономъ Кабачникомъ, Павломъ Лупиченкомъ; Іванъ Гоманенко, атаманъ Супруновскій, з товаришомъ Грицкомъ Чигиринскимъ.

Василь Дручина, атаманъ Милчанскій, з товариствомъ: Панасомъ Трущенкомъ и Лукяномъ Яременкомъ. Федоръ Кублицкій, атаманъ Кгуджулянскій, з товаришомъ Яковомъ Великимъ.

Федоръ Яциченко, атаманъ Івашковскій, з товаришомъ Трохимомъ Мурашкою.

Семенъ Носаченко, атаманъ Пушкарувскій, з товаришомъ Іваномъ Демяненкомъ.

Уласъ Матѣйченко, атаманъ Яковчанскій, з товаришомъ Мискомъ Боженкомъ.

Трохимъ Невпряганій, атаманъ Івончинскій, з товариствомъ: Андреемъ Бородаемъ и Яковомъ Задорожнимъ.

Кирикъ Педоренко, атаманъ Тахтауловскій, з товариствомъ: Федоромъ Овдѣенкомъ и Ігнатомъ Павленкомъ.

Іванъ Стрѣльченко, атаманъ Жуковскій, з товариствомъ: Іваномъ Сухомлиномъ и Павломъ Рохвалемъ.

Павло Глоба, Петрувскій атаманъ, з товариствомъ: Василемъ Плахотнимъ, Тимошемъ Слуцкимъ, Сидоромъ Плахотнимъ и Лаврѣномъ Одноволомъ.

Гринець, атаманъ Брусѣевскій, зъ товариствомъ: Гавриломъ Емченкомъ и Петромъ Переченкомъ.

Федоръ Кунтіянъ, атаманъ Стасевскій, з товаришомъ Андреемъ Твердохлѣбомъ.

Іванъ Сагайдакъ, сотникъ Старосанжаровскій, з товариствомъ. Ярема Федоровичъ, сотникъ Решетиловскій, з товариствомъ. Хведоръ Швидкій, сотникъ Бѣлицкій, з товариствомъ. Матфей Буцкій, сотникъ новосанжаровскій. Сава Михайловичъ, сотникъ Кобеляцкій, з товариствомъ.

А инніе еще не поспѣли на сей часъ пріехать.

Мѣщане полтавскіе.

Кирило Івановичъ, войтъ; Богданъ Марковичъ, Григорій Макденко, Терентій, Стефанъ Семеновичъ, Яковъ Петровичъ, Гаврило Романовичъ, Василь Маляровъ, Левко Гавриловичъ, Пантелеймонъ Марковичъ, Демянъ Керебердянского, Парфенъ Григоріевъ, Семенъ Нѣжинець, Ілія Нѣжинець, Яковъ Іляшевичъ, Андрей Василіевичъ, Григорій Софоновичъ, Іванъ Марковичъ, Іванъ Бѣлка, Максимъ Керебердянского, Іванъ Федоровичъ, Антонъ Шарпило, Андрей Роменець, Андрей Ващенко, Пасько Цалій, Григорій Будлянскій, Юрій Кгрекъ; Семенъ Василіевичъ, Родіонъ Гавриловичъ, бурмистри.

Федоръ Мусѣенко, цехмистръ кравецкій, з братіею. Филиппъ Шлота, цехмистръ ризницкій, з братіею. Ювхимъ, цехмистръ шевскій з братіею. Данило Романъ, цехмистръ ковалскій. Захарка Миренко, цехмистръ ткацкій. Ярема, цехмистръ гончарскій, з братіею. Іванъ Локушинъ зять, цехмистръ бондарскій.

ДОВГЫЙ РЯДЪ ДНИВЪ.

(ОПОВИДАННЯ).

Весело стало въ школи, въ невелычкій кимнати вчытелькы Олександры Мыхайливны.

На святкы въ Домашивку прыбувъ братъ іи Андрій, студентъ-ликарь, якый мавъ на лито скинчыты университета.

Обое—братъ зъ сестрою—змалку зосталыся сыротамы.

Давно-давно померъ батько-священыкъ. Тутъ, въ Домашивци померъ, тутъ и працювавъ винъ, недовго працювавъ и, хорый змалку, тыхенькый, зъ гарною небесною душею, умыраючы лышывъ свою надію—Олесю та Андрійчыка на рукахъ у жинкы. „Дитокъ... диточокъ доглядай“—промовывъ въ останне о. Иванъ.

И маты доглядала, бидувала, вчыла диточокъ та й бидуючы померла... Диточкы вже въ той часъ пидрослы, пиднялыся. Олеся—старшенька—вже мала скинчыты „епархіальну“ школу, а Андрій вже вступывъ до семынаріи.

Якъ давно це було!..

Съ того часу Олеся, скинчывшы свою науку, стала домашивськoю вчытелькою. Працювала вона та думкою юнацькою марыла про той часъ, колы братъ вылюдніе, колы вони обое, таки одыноки, забути людьмы, працюватымуть вкупи тутъ, въ Домашивци: вона въ школи, а винъ, яко ликарь, та щырою, гарячою роботою дадуть сыромахамъ—селянамъ змогу жыты краще, яснишъ. Вона марыла та тыхенько соби працювала зъ „хлопчыкамы та дивчаткамы“. Нихто не бачывъ іи радисною, не бачывъ нихто й сумною: вси зналы Олександру Мыхайливну робитныкомъ певнымъ, спокійнымъ.

Вона працювала. Могутня сыла темрявы наступала на неи, змагалась зъ тымъ маленькымъ яснымъ проминнямъ, що по-малу роскыдалось навкругы домашивськои школы. Вона бачыла горе народне, величнее, жалибне горе; чула писню сумну, жалибну писню народню. Та писня выныкала зъ-пидъ хорыхъ грудей, лунала въ неби, благала помочи, повитря, ясного, божого свитла благала та писня...

Чула Олександра Мыхайливна цю жалибну писню и ждала... нервово ждала, що, отъ-отъ, засяе надъ Домашивкою ясне сонце правды, що дійде до самого Бога та жалибна писня, що прыйдуть нови робитныки, сыльни, весели прыйдуть, прыйде зъ нымы Андрій, сыльный, веселый.

О! тогди не пануватыме тутъ пошестна хороба, не мертымуть бильшъ безъ помочи люде.

Довго жде Олександра Мыхайливна.

Писня жалибна розрывае іи серце, а робитныкы не йдуть. Писня плаче, писня благае. Люде мруть. Олександра Мыхайливна жде... та чекаючы не шануе свого молодого жыття, своихъ хворыхъ грудей.

Ось Андрій вже въ университети... Вже скоро!

Писня плаче, писня благае; люде бидують, мруть, та вже теперъ не даремне працюе Олександра Мыхайливна. Іи „хлопчыкы" пидрослы. Розумнымы очыма глянулы воны на свитъ Божій. Воны знають, що не скризь та й не всимъ важко жыть, що есть краще жыття, есть веселе, ясне небо, есть писня весела, ясна... въ иншыхъ краяхъ, въ иншыхъ людей. Це воны чулы въ школи, та про це росповидалы сестрамъ, батькамъ, матерямъ.

И народня жалибна писня немовъ бы змінылась. Вона вже смилыво, голосно лунае, вона благае и вкупи вымагае кращого жыття, того чужого, ясного жыття... Якись нови згукы почуваются въ тій писни, щось нове наростае въ хворыхъ грудяхъ спивцивъ.

Воны ждалы...

Андрій прыбувъ въ Домашивку веселый, рухлывый, молодый. Його гарный настрій пидтрымувався гарячымъ чуттямъ молодои любовы. Андрій любывъ, вперше, чыстою любовію Лесю, дочку тутешнього батюшкы, зъ іи чыстою душею, ясною, мовъ сонце весняне—душею дытыны.

Леся торикъ скинчыла „епархіальну“ школу. Братове та Лесине щастя влывало теперъ багато гарного свитла, багато молодыхъ згукивъ въ нудну, невеселу, одыноку душу Олександры Мыхайливны. И вона въ ци ясни та холодни риздвяни дни немовъ бы забула за чужымъ счастямъ свое горе, нудне, одыноке. Якоюсь ясною радистью немовъ черезъ край налывалась іи хвора душа. И тильки хвылынамы, якъ, бувало, пидуть десь Леся зъ Андріемъ та понесуть разомъ зъ собою вси ясни, весели згукы— знову насувалось на душу іи давне, нудне горе. Тогди здавалося, що ци сумни хвылыны мстятся за той спокій, та за ту радисть, що заразъ тильки лышылы Олександру Мыхайливну: такъ важко було тымы хвылынамы.

Захowани глыбоко, стари, сумни думкы вcase знову.

„Мынулы дни, лита молоди, якъ скоро мынулы воны!.. Мынулы, щобъ бильшъ не вернутысь... Мынуло вже двадцять висимь рокивъ—довгый рядъ довгыхъ днивъ“!

Зъ такою думкою Олександра Мыхайливна стричала свій „новый рикъ“.

Сьогодня Леся чогось спизнылась, не йде.

Въ кимнатци сумно, тыхенько. Свитло, розлываючысь зъ-пидъ блакитного абажура, на все, що есть въ кимнатци, кладе сумный, одноманитный видбытокъ.

Олександра Мыхайливна сыдыть край стола, пидперла рукою голову.

Андрій, стоячы пидъ грубою, дывытся на сестру зъ-заду. И те, що вона якось, немовъ бы покирно, схылыла голову, и взагали вся іи фигура, прыбыти незрымымъ, могутнимъ велетнемъ— выявлялы Андріеви настрій сестры. Бажалось запомогты ій, подать втиху.

— Олесю! чого ты сумуешъ?—запытавъ винъ писля довгои мовчанкы.

Олександра Мыхайливна повернула голову до брата та обвела його здывованымъ поглядомъ.

— Тоби важко, сестро? Такъ?

— Ой, братику, та ще й якъ важко! Давыть...

— Такъ, такъ... давыть. Я самъ завше почувавъ въ соби таку муку, якесь ярмо на души, колы, а надто пидъ новый рикъ, уявлявъ соби власне майбутне жыття. Не розумію черезъ що це, але завше пидъ новый рикъ я почуваю въ соби якый-сь острахъ,

одъ моеи воли незалежный, якый-сь перелякъ передъ жыттямъ. Розумієшъ, сестро, мене часомъ лякае и разомъ якось безъ воли моеи тягне до себе цей невидомый намъ жыттьовый шляхъ. Иноди я уявляю його соби цилкомъ простымъ, знайомымъ, а иноди винъ вьется на моихъ очахъ страшный, далекый безъ краю... Куды цимъ шляхомъ я прыйду? Хто поведе?

— Твій шляхъ?—знову здывовалась Олександра Мыхайлывна.—Винъ же въ тебе, Андрію, простый, ясный та щаслывый!? Це тильки обовьязкова плата юнацькій меланхоліи. Биля тебе Леся. Вона прыгріе тебе своею гарячою душею, втиху та розвагу вилье въ душу, колы вона заболыть. Вона жъ у тебе така хороша! А ось мени хто дасть втиху, виру, колы вона потухне, прыгріе хто, колы замре, замерзне душа? Хто, Андрію?

— Олесю! Спокій, втиху та радисть дадуть тоби наслидкы твоеи роботы? Ты це забула. Вирь мени, сестрычко, колы ты вглядышъ, що це сельце повынно дякувать тоби за той проминь божого сонця, що засяявъ тутъ, писля довгыхъ, холодныхъ, страшныхъ днивъ, колы побачышъ, що твое жыття пишло на корысть темному, прыбытому людови,—це буде твоя найдорогша нагорода, винокъ твій, втиха, радисть твоя, сестро!

Це я знаю. Я жъ прыйшла сюды прямо зъ епархіяльнои школы, зъ святымъ бажаннямъ прыйшла сюды, щобъ прынесты зъ собою хочъ краплю свитла, божого сонця, яке неодминно потрибне цимъ несчаснымъ домашивцямъ. За-для цього свитла я працюю—одынадцятый рикъ. Дякуючы моій праци, жыття глухои забытои Домашивкы може стане кращымъ, яснишымъ. Я певна, що колы-небудь, рокивъ може за трыдцять, моя Домашивка матыме бильшу частыну селянъ грамотныхъ.

Жыття ціеи половыны буде, безумовно, лишшымъ видъ попереднього, завдякы моій „жертви", якъ вы тамъ кажете. Та тильки жъ, Андрію, чы стане, хочъ бы й тогди, на души въ мене ясно, тепло?

Андрій здывовано поглянувъ на сестру та, залышывшы грубку, швыдко, нервово ставъ ходыть по кимнати.

— Стане, Олесю, неодминно стане и тепло, и ясно,—якось несмилыво, зтыха промовывъ винъ. Але чого це ты така сьогодня? Невже це одчай?

— Такъ... одчай лютый, безрадисный...

Дали Олександра Мыхайливна не мала сылы говорыть. Давыло въ горли, налягло на груды—и вона зарыдала голосно, немовъ дытя зарыдала и...

Андрій самъ не свій дывывся, якъ пидводылысь та й знову падалы плечи сестры. Винъ не сподивався цього видъ неи, такои завше спокійнои, певнои въ соби людыны.

— Сестрычко, не плачъ!

— Ой якъ же мени та не плакаты?!

— Це перший разъ, — згодомъ, бильшъ спокійно промовыла Олександра Мыхайливна. Тутъ въ школи за роботою не помичаешъ, якъ скоро-скоро мынають ясни молоди лита, якъ почынаешъ вьянуты, черствиты. Я ось сыдила тутъ, сыдила тыхенько и тильки думкамы мережанымы облитала далеко, незнани краи, въ думкахъ неспокійныхъ заглядала въ викна счаслывыхъ, гарныхъ людей, Э-эхъ! та що тамъ... Мохомъ обросла, мовъ та камьянюка. А тамъ десь розумне, гарне, ясне жыття велыкыхъ центривъ кыпыть, хвылюе, и хочъ бы крапли, хочъ бы згукы тыхъ хвыль голосныхъ та пышныхъ сюды долиталы! Ни! тутъ було спокійно, темно и тильки сторинкы та рядкы розумныхъ, палкыхъ кныжокъ та газетъ росповидалы, якъ вже высоко та суворо вгору пиднялысь ти сыви, гризни жыттьови хвыли. И я хотила розсказаты своимъ селянамъ, якъ кыпыть жыттьове море, чому въ останни часы воно такъ гризно хвылюе, та, якъ бы ты знавъ, Андрію, якъ боляче мени робылось, колы спочатку я не могла, не вмила зацикавыты людей, звернуть ихъ увагу на бикъ видъ Домашивкы. Плакала я, сердылась — не помагало. Тогди я почала зъ дитей, зъ школяривъ,—и теперъ я горда своимы хлопчыкамы; воны, Андрію, мои теперъ. Въ дытячу душу я легче влыла вогонь, якый часамы почувала въ соби. Це не скоро, не видразу. Трудно було перейты той ривчакъ, якый стоявъ межы мною та селянамы. Я засыпаю його потроху тильки теперъ. И отъ, Олександра Мыхайливна знову невесело зитхнула та знову загасъ той гострый вогонь, якый бувъ зажеврививъ въ іи очахъ,—и отъ я прожыла двадцять висимъ рокивъ... Мынуло багато. Слухай, Андрію, невже-жъ я теперъ никому не потрибна, мизерна? Невже-жъ я даремно жыла, працювала?

— Та що тоби сьогодня таке? Сестро? Не пизнаю тебе. Видкиля твое розчарованння?

— Не знаю видкиля, не знаю. Мени заразъ робытся страшно видъ тіеи думкы, що може я жытыму ще двадцять висимъ рокивъ, страшныхъ, холодныхъ...

— А школа, Олесю? Невже жъ ты забула вже свои попередни мріи, наши загальни, таки гарни пляны? Мы жъ умовылысь ридну Домашивку зробыты здоровою та освиченою?

— Такъ, умовылысь. Не забула, памьятаю, та тильки жъ важко мени заразъ, невымовно важко! Андрію дорогый! важко... Колы бъ ты знавъ, якъ трудно саму себе, все свое цилкомъ виддаты комусь иншому... виддать мріи, молоди сны—чаривни, гарни сны—и вси, вси гарячи порывання юнацтва закопаты пидъ ызенькымъ сволокомъ домашивськои школы. Якъ не давы власне серце, якъ не кличъ його до праци, а воно кыпыть окремымъ власнымъ счастямъ, власнымъ горемъ нудьгуе... Воно нудьговало, болила душа... Правда, робота проганяла цей биль, та черезъ це таки хвылыны, якъ заразъ, ставалы ще важчи. Ты знаешъ, що я николы не жалилась, терпила багато, довго терпила, та вже занадто налягло на душу того болю, стало самои себе жалко... и теперъ я злякалась свого „нового“ року. Нехай це буде слабодушнисть, эгоизмъ, але жъ це вырвалось зъ души, зъ мукою вырвалось черезъ те, що довше носыты зъ собою цей биль не стало сылы. А тамъ... въ „новому“ роци сылкуватымусь знову мовчаты...

— Эхъ, Олесю, Олесю! Вирю—важко оттакъ безъ краю волокты самитне жыття: симьи тоби бракуе.

— Теперъ вже мени, мабуть, ничого не бракуе!—вырвалось боляче въ Олександры Мыхайливны.—Сылкуватысь помырытысь зъ жыттямъ...—И вона знову схылыла голову на рукы...

„Бидна ты, сестро“—думавъ Андрій, дывлячысь на ту схылену голову.

Колы це рыпнулы двери, и зъ синей въ кимнату вскочыла Леся, рожева зъ морозу.

„Щедрыкъ-ведрыкъ.
Дайте вареныкъ,
Дайте ковбасу,
Бо я хату рознесу“—

зъ жартомъ защедрувала Леся.

— Отъ до-правды рознесу васъ отутъ. Побачыте! Давайте вареныка! Ну! Заразъ мени давайте!

— Ой ты, золото мое, ну йды, йды сюды. Я дамъ,—вже весело видповивъ Андрій.

Винъ прыгорнувъ до себе гарну, веселу Лесю. А вона сміялась, щебетала и, жартуючы, сховала йому на грудяхъ свою гарненьку головку. Видразу въ кимнати повіяло морозомъ, жыттямъ, молодою сылою: це Леся прынесла зъ собою, разомъ зъ веселымъ жартомъ, немовъ бы поклыкъ до жыття.

„Не плачте, радійте, дывиться на мене! Я весело та смилыво наблыжаюсь до жыття, жыття не боюсь“—казалы сміючысь Лесыни очи.

— А якъ чудово теперъ на сели! До-правды, чудово! Усе село щедруе гуртомъ, голосно, смилыво, весело. Слухала, слухала, а дали самій скучно стало...

— А ты жъ кажешъ—„весело“?—и Андрій ще мицнишъ прытулывъ до себе Лесю, надзвычайно хорошу въ цю хвылыну.

— Ходимте заразъ уси! Олесю, йды!—казала вона, выставляючы на Божый свитъ свою голову, що була зовсимъ сховалась въ мицныхъ Андрійовыхъ обіймахъ.

— Ни! я, мабуть, не пиду, — сумно видказала Олександра Мыхайливна.

— Чому жъ не пидешъ? Зъ намы? Отъ тоби й разъ! Та ты якась така... сумна? Сльозы на очахъ? Що тутъ сталось?

И Леся залышыла Андрія та прытулылась до Олександры Мыхайливны.

И въ тихъ обіймахъ молодои дивчыны Олександра Мыхайливна нагадала себе молодою, гарною, подибною до Леси; згадала, якъ колысь, давно-давно, іи, свою „квитоньку“, прыгортала до себе старенька, слаба маты. Давно-давно... „квитонько, завьяла ты“,—сказала бъ теперъ стара маты.

И вразыла ця думка Олександру Мыхайливну боляче, боляче...

— Ничого не сталось, ничого. Лесю, серденько, жыть мени дуже важко стало. Заздра на тебе.

— Невже?

— Ты гарна, Лесю, така молода, весела, твое счастя въ твоихъ рукахъ, маешъ майбутнисть, а въ мене ничого свого немае: нема въ мене бильше „нового року“, ридни мои!

— Олесю, дорога! въ тебе жъ твоя велыка, корыстна праця?

— У мене, Лесю, тильки й есть, що довгый-довгый, безъ краю довгый рядъ днивъ, ночей, чужыхъ, не мойхъ...

Здавалось, що въ цихъ жалибныхъ словахъ блидои, сумнои вчытелькы вылывався гострый биль багатьохъ сирыхъ, маленькыхъ робитныкивъ сумнои, тыхенькои нывы, вылывалося давне горе людьмы забутыхъ, невидомыхъ Олесь, горе велыке, звычайне, щоденне, и черезъ те—горе страшне. Тутъ воно блызенько, пидъ самымъ серцемъ, жыло, наростало; въ души молодій звывало соби мицный покійный закутокъ и, скинчывшы працю-бу-

дивлю, зсушывшы молоду душу, вынькло заразъ наверхъ гризне, кожному досыть видоме... Сміется воно!

— Ось здается—казала Олександра Мыхайливна—я й корыстна людына, роблю корыстну роботу, щыро вирю въ наслидкы своеи праци, а тымъ часомъ бракуе мени ще чогось, дуже потрибного за-для роботы моеи, для мене самои. То правда, що школа захоплюе мене, колы я въ школи, але за те жъ жыття, що дали—то бильше, мучыть въ вильный часъ. Не сыла перемогты клятый власный голосъ, себе, особыстисть кляту здолаты не сыла моя! Ой, якъ же мени заразъ важко, колы бъ вы зналы!...

Леся схылылась до плечей Олександры Мыхайливны та, дывлячысь ій въ сумни очи, невесело промовыла:

— Це правда, але жъ, мени здается, Олесю, що ты повынна почувать себе счаслывою черезъ те вже, що мала въ соби таку моральну сылу: пишла сюды, въ школу, забула, поховала тутъ, пидъ ныженькымъ сволокомъ, власне счастя, молодисть, все, все... А я ось не вмила-бъ такъ, не одважылась бы. Ты, Олесычко, просто свята!

— А якъ-же! свята!—раптомъ нервово зареготала Олександра Мыхайливна, дывлячысь гострымъ поглядомъ кудысь далеко. Ха-ха! Не видъ мыру цього! Лесю, Лесю! не знаешъ ты ничого. Зовсимъ не свята. Ось заразъ, колы я спыняюсь думкою биля нового року, зъявляется въ мене гришна, дыка прымха, жадання залышыть це все: школу, корыстну працю, та втикты, втикты далеко-далеко, на край свиту полынуть, перебуть щось нове, гарне, гришне, веселе, яскраве! Досыть напытысь нового жыття, втомытысь имъ и потимъ, колы дознаю, що есть добро и що есть зло, знову повернутысь сюды въ школу зъ жыттьовымы переконаннямы та може й зъ розбытою душею. Тутъ вона видпочыла бъ. Ось колы дизнала бъ я цины своій роботи. Тогди я знала бъ, чы свята я, чы ни...

— Ну, та це мріи мои,—писля сумнои мовчанкы вже спокійно казала Олександра Мыхайливна,—це марево, що ввыжается хворій души.

А Леся, здавалось, була стурбована такою гарячою сповидью Олександры Мыхайливны.

— Слухай, Олесю! И Лесыне облыччя стало надзвычайно розумнымъ, спокійнымъ. Мени здается, що намъ зъ тобою не варто перебуваты щось велычнье, яскраве. Маленьки мы люде, маленьки й робитныкы...

— Жыття наше сиреньке—додавъ Андрій.

— Ни, ни!—и Леся стрепенулась. Знову іи облыччя, що було постарило зразу на десять литъ, засяяло сылою, жыттямъ, молодою красою. Зовсимъ не сиреньке! Неправда! Я вирю, що мое жыття такымъ не буде,—сиренькымъ. Я жытыму ясно, весело! Я хочу такъ жыты! Мое маленьке, никому невидоме жыття не матыме въ соби ничого темного! Отъ побачышъ, Андрію! Я такъ хочу, такъ вирую, и вира моя повынна перейты въ жыття. Правда жъ, Олесю, повынна?

— Повынна, повынна,—усмихнулась Олександра Мыхайливна.

— Не смійся, Олесю! Я хочу и дійсно зроблю зъ свого жыття не сири, сумни дни—ни!—а маленьку жыву идилію. Побачыте, зроблю! Коженъ рикъ я стричатыму, яко дійсно новый; вирытыму, що винъ прынесе въ наше, Андрію, жыття новый аккордъ, новый виршъ, нову мелодію.

— Ой, ой, ой!—спынывъ Лесю Андрій. Це вже ты дійшла до того, що зветея „поэзія жыття“!

— Облышъ! Писля! Нехай бо я вже скажу!

— Гараздъ, гараздъ, слухаю.

— А я вже ничого бильше не казатыму. Перебывъ, а теперъ не можу. Годи!

Леся зъ Андріемъ весело сміялыся, а Олександра Мыхайливна лышъ сумно усмихнулась.

— Чому жъ ты не судышъ мене, Олесю? Суды, розбывай мене, тильки вже не плачъ. Годи!

— Перестану, Лесю. Не плакаты, щобъ ты знову думала, що я свята? Не буду. Теперъ вже, Лесю, я жытыму биля твого маленького, веселого жыття. Дывытымусь на васъ и знову сылкуватымусь все жыття скласты зъ самыхъ мрій. Якъ и перше марытыму про той гарный часъ, колы освичена та здорова Домашивка стане радисною, счаслывою...

Нызенько, дуже нызенько похылылась голова Олександры Мыхайливны и всимъ видразу стало сумно, та це не той бувъ сумъ, що вынықае зъ слабого серця, наростае жалибнымъ аккордомъ невидомои музыкы. Росте сумна мелодія, вылывае музыка свою думку, горе свое... и краю немае тій мелодіи сумній... вона тыхенько-тыхесенько плаче, утихы немае вона... Не той це сумъ!

Це той безпидставный смутокъ, що обіймае душу въ ту добу вечирню, колы зайшло сонце, ясне, золоте заховалось. Темніе, смеркае, немовъ бы вже свитла не буде... Замерла земля, не

дыхне. Ажъ ось-ось, гляньте, зажеврила зирка, ось друга... высоко, далеко! Ось писня закохана десь-тамъ лунае; ось, чуете, смихъ мелодычный. Це звукы жыття поэтычни! Жыття вже вернулось—и легче на серци. Це сумъ поэтычный, легенькый це смутокъ...

Андрій сивъ биля Леси.

Вона поклала йому на плече головку и въ задуми дывылась въ далеку-далечинь, лыше знайому ій, Леси.

Тамъ десь далеко бачыла себе Леся веселою, жывою. И тамъ, якъ сьогодня, вона стричала свій новый рикъ зъ яснымы очамы; и тамъ, якъ сьогодня, вона вирыла въ свою сылу жывои людыны, въ свою правду.

Андрій дывывся на Лесю, на ясни очи, на головку гарненьку, и отъ въ його власнимъ серци прокынулась Лесына молода сыла. Йому захотилось жыты ясно, розумно, сміятысь, спиваты радисно, голосно...

— Куды жъ ты дывышся такъ далеко, золото, сонце мое? Що ты тамъ бачышъ?—запытавъ Андрій и нижно-нижно прыгорнувъ до себе свою гарну Лесю. Неначе дытына, вона прытулылась, замерла.

— Дывлюсь впередъ, въ наше жыття,—почувъ винъ тыхеньку видповидь.

Эхъ, ваше жыття!—зитхнула Олександра Мыхайливна.—Щыро бажаю вамъ, диты мои, перейты його такъ, якъ бажаете.

— Перейдемо, сестро, перейдемъ! Хиба жъ, Олесю, мы не втремо багато-багато, море циле, гиркыхъ слизъ голодныхъ, хворыхъ селянъ? Олесю! а якъ радисно въ насъ стане тогди на души! Лесю, невже жъ я неправду кажу?

— Правду.

— Эхъ ты, мое славне мале! Якъ маленька дытына я жыву ціею мріею. Ни, я певенъ, що тутъ буде больныця, библіотека, краща школа. Боже мій! та це жъ все те, до чого я йду, чымъ жывъ, жыву заразъ. Вирь мени, вси сльозы, мука, вся наша нудьга—це дурныця наривни зъ слизьмы голоднои, хворои Домашивкы. А скильки такыхъ Домашивокъ? Миліоны! Наша маленька Домашивка повынна попереду всихъ засяяты гарячымъ, яскравымъ проминнямъ счастя людыны, а тамъ повынни засяяти вси инши, бо треба одніеи тильки гыскры, а тамъ... тамъ все запалае, засяе. И мы станемъ ясни, весели, забудемъ власне горе! Такъ?

Олександра Мыхайливна кывнула головою.

— Правду я казавъ, Лесю?

— А правду! Мени весело... „щедрыкъ-ведрыкъ“...

— А яки вы обое гарни!—немовъ прокынувшысь описля страшного кошмару, весело казала Олександра Мыхайливна. — Гарни, славни... Зъ вамы мени стане легче. Ты, Лесю, якось вміешъ своимъ радиснымъ настріемъ пидняты духъ, виру...

Леся раптомъ обняла за шыю Олександру Мыхайливну.

— Ага, ага, я хороша, славна дивчына,—сміючысь щебетала вона.—Дайте мени вареныка, бо хату рознесу. Ха-ха.—И дивчына не вгавала.

На велыку сылу Олександра Мыхайливна вырвала себе зъ мицныхъ Лесыныхъ обіймивъ, а та голосно сміялась и облыччя іи видъ счастя стало рожевымъ.

-- Ото, дзвоныкы наши якъ роздзвонылысь. Годи тоби! На́ вареныка, на́ тоби!

И Андрій, прытулывшы іи до себе, поцилувавъ разъ, другый...

...Пидъ самисенькымъ викномъ весело заспивалы дзвинкымы голосамы. Це школярыкы прыйшлы щедрувать своій „барышни“.

Вси трое, навить Леся, замовклы прыслухаючысь.

Школярыкы щедрувалы

Скинчывшы одну щедривку, почалы другои.

— А що, Олесю! Молода Домашивка и заразъ якъ спивае, а колысь-то,—отъ-отъ, вже скоро,—голосно та смилыво вси, старый и малый, заспиваютъ жыттьовои писни, здорови, освичени...

И очи Андріеви свидчылы про те, що винъ вирыть, цилою своею истотою вирыть, що дійсно настане жаданый часъ и до самого неба лунатыме писня „новыхъ“ домашивцивъ, писня перемогы.

— Колыбъ-то заспивалы!? А якъ не заспиваютъ, а якъ мои довги, холодни рокы страчени даремно?

— Ни, ни! будь певна. Вже скоро...

Олександра Мыхайливна слухала щедривку, и поглядъ іи очей ставъ певный, спокійный.

Вона повирыла.

Олександра Мыхайливна выйшла до хлопчыкивъ зъ торбынкою цукеркивъ.

Разомъ зъ нею выйшлы Андрій та Леся.

А на двори падавъ густый мокрый снигъ. Винъ спадавъ на землю чудовымы казковымы платкамы. Зъ чорнои безодни винъ

падавъ на землю. Казкови платкы навивалы на Домашивку казковый спокій. Воны сылкувалысь заколыхаты іи въ царстви непрогляднои темрявы. Здавалось, що снигови платкы, гарни, чудовни, злитаючы на Домашивку, наважылысь на викъ-вичный обгорнуты іи холоднымъ, мертвымъ покрываломъ, задавыть льодовымы обіймамы вси іи рухы, перши думкы, першый самостійный голосъ правды, першу голосну, смилыву писню,

Пизно! Не ти часы! Въ голосній писни молода Домашивка смилыво каже: „геть" нижнымъ, гарнымъ, холоднымъ сниговымъ платкамъ та тій безпросвитній темряви, що не одынъ рикъ, не сотни литъ, а черезъ довгый рядь довгыхъ литъ давыла іи въ холодныхъ, жорстокыхъ обіймахъ, давыла суворо и суворымъ, холоднымъ та никчемнымъ зробыла все іи жыття. Зъ темрявы, зъ безодни страшнои сыпалысь безъ краю дни, налиталы та й пролиталы страшни рокы. Люде жылы, стогналы пидъ вагою цихъ важкыхъ литъ, мучылысь та жылы, жылы та мучылысь, а надъ тіею мукою, надъ тымъ пекломъ, що звалось жыттямъ, литалы чудовни снигови платкы и ховалы видъ Божыхъ очей правду мученыкивъ земли. Годи! Нова, видроджена Домашивка хоче— Боже, якъ хоче!—буты певною, що безсыла ця безодня темрявы, що вже йдуть на землю ясни зори; воны засяють, воны здолають люту безпросвитну безодню.

Такъ хоче вирыть нова Домашивка и зъ жадобою новои виры вона смилыво йде назустричь новому рокови.

Новій Домашивци вже снятся кращи часы, зори та перемогы...

Радисно застукало серце въ грудяхъ Олександры Мыхайливны: іи праця не пропала даремно. Смилыво радисно це жъ спивалы и славни школярыкы!

И вже не такымъ страшнымъ здавався Олександри Мыхайливни рядъ холодныхъ днивъ іи жыття.

Л. Пахаревськый.

1905 р. 14 вересня.

Одна глава объ украинскихъ похоронныхъ причитаніяхъ.

На страницахъ „Кіевской Старины“ я уже не одинъ разъ останавливалъ вниманіе читателей на украинскихъ похоронныхъ причитаніяхъ.

Причитанія, какъ особый видъ народной словесности, связанный съ похороннымъ ритуаломъ, распространены среди всѣхъ племенъ—отъ представителей низшей культуры до высшихъ членовъ индо-европейской семьи народовъ.—„Смерть — говорилъ проф. А. Котляревскій въ своей книгѣ „О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ“ (стр. 212)—есть синонимъ горя и лишеній. Выраженіе скорби, при смерти близкаго лица, естественно вытекаетъ изъ чувства любви и нравственной привязанности и, конечно, существуетъ съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ вошелъ въ семейныя и общественныя формы быта и узналъ нравственныя отношенія; потому выраженія печали: плачи, причитанія или нареканія по мертвымъ идутъ съ глубокой, незапамятной старины“.

То же самое мы имѣемъ право сказать и объ украинскихъ причитаніяхъ. Безъ сомнѣнія, генезисъ ихъ теоретически должно отнести еще къ пра-славянской эпохѣ. Историческихъ же предшественниковъ нашихъ причитаній мы можемъ намѣтить уже въ Кіевскую эпоху. Въ лѣтописяхъ и другихъ памятникахъ неоднократно упоминаются плачи при погребеніи умершихъ. Эти плачи въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ понимать именно въ значеніи причитаній. Такъ, по поводу смерти Олега подъ 912 годомъ говорится: „И плакашася людие вси плачемъ великимъ, и

несоша, и погребоша его на горѣ“ (Лавр. сп.).—Объ Ольгѣ подъ 945 годомъ находимъ: „Ольга же... приде къ гробу его (Игоря), и плакася по мужи своемъ“ (Лавр. сп.).—О смерти князя Ростислава лѣтописецъ разсказываетъ подъ 1093 годомъ: „Ростислава же искавше, обрѣтоша и въ рѣцѣ; и вземше и принесоша и Кіеву; і плакася по немъ мати его“ (Ипат. сп.); то же самое картинно описываетъ пѣвецъ „Слова о полку Игоревѣ“: „рѣка Стугна, худу струю имѣя, пожръши чужи ручьи и стругы, ростена къ усту, уношу князю Ростиславу затвори Днѣпръ. Темнѣ березѣ плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславѣ“. Кромѣ свидѣтельствъ о плачахъ, въ памятникахъ находимъ также примѣры этихъ плачей. Лѣтопись разсказываетъ слѣдующее о погребеніи князя Изяслава въ 1078 году: „и вземше тѣло его, привезоша и въ лодьи, и поставиша противу Городьцю, изиде противу ему весь городъ Кыевъ, и възложивше тѣло его на сани, повезоша и съ пѣсни, попове и черноризци понесоша и въ градъ, и не бѣ лзѣ слышати пѣнья во плачи и велицѣ вопли, плакася бо по немъ весь градъ Кыевъ; Ярополкъ же идяше по немъ, плачася съ дружиною своею: „отче, отче мой! что еси пожилъ безъ печали на свѣтѣ семь, много напасти приимъ отъ людей и отъ братья своея? се же погыбе не отъ брата, но за брата своего положи главу свою“ (Лавр. сп.). Плачъ—причитаніе находимъ также въ „Сказаніи о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ“: „Присла Ярославъ къ Глѣбу, река: Не ходи брате, отець ти оумерлъ, а братъ ти оубиѥнъ отъ Святополка. И си слышавъ блаженыи възопи плачемъ горькомъ и печалию сердечною и сице глаголаше. Оувы мнѣ господине мои! о двою плачю плачуся и стеню. Двою сѣтованию сѣтую и тужю. Оувы мнѣ, оувы мнѣ! плачюся по отци, плачюся паче, зѣло отчаꙗвся по тебѣ брате и господине Борисе. Како прободенъ ѥси, како безъ милости прочеѥ смерти предася, како не отъ врага, но отъ своего брата пагубу въсприꙗлъ ѥси. Оувы мнѣ! оуне бы ми съ тобою оумрети, неже оуѥдинену и оусирену отъ тебѣ въ семь житии пожити. Азъ мняхъ лице твоѥ оузрѣти аньгельскоѥ. Селика туга постиже мя. Оунилъ быхъ съ тобою оумрети господине мои; нынѣ же что створю? оумиленъ и отуженъ отъ твоѥꙗ доброты и отца моѥго многаго разума. О милыи мои брате и господине! аще ѥси получилъ дерзновениѥ оу Бога, моли о моѥмъ оуныньи, да быхъ и азъ сподобленъ былъ ту же смерть приꙗти и съ тобою жити,

неже въ свѣтѣ семь прелестнемь." [1]) Таковы древнѣйшіе извѣстные намъ предшественники нашихъ причитаній. Наиболѣе же старый примѣръ уже вполнѣ сложившагося бытового украинскаго причитанія мы находимъ лишь въ XVI вѣкѣ, но, къ сожалѣнію, на латинскомъ языкѣ. Я разумѣю похоронное причитаніе въ поэмѣ „Roxolania" Себастіана-Фабіана Кленовича Acernus'a.[2]) Затѣмъ мы встрѣчаемся съ причитаніями уже въ литературѣ XIX вѣка, когда этнографы, начиная съ Метлинскаго, стали обращать на нихъ вниманіе.

Однако же вниманіе украинскихъ этнографовъ къ похороннымъ причитаніямъ нельзя назвать благосклоннымъ. Даже Чубинскій не удѣлилъ имъ надлежащаго вниманія. Онъ не вникнулъ въ причитанія, какъ слѣдуетъ, и замѣтилъ лишь, что на Украинѣ они „вездѣ отличаются своимъ однообразіемъ."[3]) Вслѣдствіе такого мнѣнія покойный этнографъ и не отвелъ причитаніямъ должнаго мѣста въ своихъ „Трудахъ", представивъ до скудости незначительное количество образцовъ ихъ. Въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія г. С. Брайловскій, по примѣру г. Е. Барсова, издавшаго „Причитанія Сѣвернаго края", задумалъ издать „Причитанія Южнаго края", но ограничился лишь небольшимъ сборникомъ причитаній, причемъ, какъ и Чубинскій, назвалъ ихъ однообразными.[4])

Въ виду такого представленія объ украинскихъ причитаніяхъ, въ этнографической литературѣ они представлены слабѣе всѣхъ другихъ народно-поэтическихъ видовъ; исключеніемъ въ этомъ случаѣ является одинъ только сборникъ г. Милорадовича, давшаго достаточно полное собраніе причитаній Лубенскаго уѣзда.[5])

Ошибка, которая привела этнографовъ къ такому неблагопріятному мнѣнію о причитаніяхъ, заключалась въ томъ, что они оцѣнивали причитанія только со стороны ихъ бытового содержанія. Въ этомъ отношеніи, дѣйствительно, украинскія причитанія не отличаются такимъ разнообразіемъ, какъ, напр., причитанія

---

[1]) Сказаніе о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ. Сильвестровскій списокъ XIV вѣка. Издалъ И. И. Срезневскій, 55.

[2]) См. мою замѣтку: „Древнѣйшее малорусское причитаніе." К. Ст. 1904 г. декабрь.

[3]) Труды Этн.-Ст. Эксп. т. IV, стр. 705.

[4]) См. Русскій Филологическій Вѣстникъ, 1884 г., XII, 181.

[5]) Пѣсни и обряды Лубенскаго уѣзда.

братьевъ-великороссовъ. Но интересъ къ народно-поэтическимъ произведеніямъ не можетъ исчерпываться однимъ ихъ содержаніемъ. Метрическая форма и та поэтическая оболочка, въ которую заключено содержаніе, а именно—выразительныя и изобразительныя средства произведенія народной поэзіи, въ своемъ развитіи достигающія законченности и опредѣленности поэтическихъ образовъ и мотивовъ,—все это представляетъ интересъ не меньшій, чѣмъ само содержаніе. Изучая народную литературу со стороны ея бытового или историческаго содержанія, мы знакомимся со словесными проявленіями культурныхъ формъ жизни и быта, какія переживалъ или какихъ достигъ данный народъ. Изучая развитіе стиля и словесныхъ образовъ народной литературы, мы какъ бы видимъ духъ человѣка въ его исканіяхъ лучшихъ, прекраснѣйшихъ и совершенныхъ формъ мысли и чувства, въ его стремленіяхъ вѣчно впередъ!—

Я надѣюсь со временемъ—fiat voluntas Domini!—дать, поскольку возможно, полное обслѣдованіе поэтическихъ представленій украинскихъ похоронныхъ причитаній, а теперь желалъ бы предложить одну главу о послѣднихъ, именно—о тавтологизаціи мысли въ причитаніяхъ, представляющей характерную ихъ особенность.

Изъ всѣхъ видовъ народной литературы происхожденіе надгробныхъ причитаній болѣе всего покоится на непосредственномъ рефлексѣ опредѣленнаго психическаго состоянія. На причитанія въ ихъ первичной формаціи, какъ на продуктъ сильнаго чувства скорби и горя, менѣе всего могла реагировать самосознающая дѣятельность интеллекта. Въ такихъ причитаніяхъ выразилось непосредственно глубокое чувство утраты близкаго человѣку лица, невольно стремившееся проявиться въ членораздѣльныхъ звукахъ, такъ какъ объективированное въ звукѣ состояніе человѣческой психики, какъ бы оно сильно ни было, облегчается, какъ боль въ крикѣ, и при томъ уже не подчиняетъ себѣ всецѣло сознанія, но уже само разумно покоряется ему. Какъ произведеніе, возникшее непосредственно подъ вліяніемъ чувства, причитанія въ ихъ чистомъ не стилизованномъ опредѣленнымъ образомъ видѣ, подобно всякому произведенію первобытной поэзіи, представляютъ изъ себя синкретизмъ впослѣдствіи развившихся поэтическихъ видовъ. Лирическіе моменты жалобы—восклицанія смѣшиваются съ моментами эпическими—воспоминаніями о жизни умершаго, смѣняющимися обращеніемъ къ покойному—вопросомъ, а иногда отвѣтомъ на вопросъ отъ лица покойнаго, въ

чемъ видимъ зачатокъ драматическаго діалога. Въ такомъ видѣ должно представлять причитанія, явившіяся непосредственно надъ гробомъ покойника.

Но съ теченіемъ времени похоронныя причитанія развиваются въ отношеніи содержанія и формы въ опредѣленномъ направленіи. Мотивы причитаній, созданные почти всегда одинаковымъ по своему характеру психическимъ состояніемъ, вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства, повторяются. Это приводитъ причитанія къ опредѣленнымъ и постояннымъ мотивамъ. Искусственный литературный подборъ въ причитаніяхъ, совершаемый ихъ носителями, иной разъ даже профессіональными, которые были и на Украйнѣ, усугубляетъ опредѣленную постоянность мотивовъ похоронной причети, располагаемыхъ по одной и той же схемѣ, и однообразіе стиля.

Стиль причитаній, какъ результатъ продолжительной и искусственной выработки, представляетъ большой интересъ для характеристики народнаго литературнаго творчества. Съ другой стороны, происхожденіе извѣстныхъ мотивовъ, ихъ видоизмѣненія и развитіе въ похоронныхъ причитаніяхъ интересуютъ насъ, какъ факты психологіи народнаго творчества. Какъ первая изъ указанныхъ сторонъ, т. е. стиль, такъ и вторая, т. е. поэтическіе мотивы причитаній, однако лишь съ крайнимъ ограниченіемъ, могутъ быть разсматриваемы независимо другъ отъ друга, въ виду тѣсной связи внѣшней формы и внутренняго содержанія поэтическаго произведенія. Тѣмъ не менѣе, мы выдѣлимъ въ данномъ очеркѣ одно изъ явленій выработаннаго причитаніями стиля, именно—тавтологическій способъ выраженія мысли въ нихъ, который можно разсмотрѣть независимо отъ самыхъ мотивовъ причитаній.

Приступая къ разсмотрѣнію указаннаго стилистическаго явленія украинскихъ похоронныхъ причитаній, необходимо остановиться сначала на метрической ихъ формѣ. По характеру стиха причитанія приближаются къ *думамъ*. Какъ въ послѣднихъ, такъ и въ первыхъ, силлабизація стиха совершенно отсутствуетъ, т. е. по количеству слоговъ стихи являются не равными между собою. Однако и отъ стиха думы стихъ причитаній имѣетъ свои отличія. Раздѣленіе думы на отдѣльные стихи построяется на синтаксической цѣльности каждаго стиха, съ одной стороны, и выдѣляющей его въ самостоятельную единицу риѳмѣ съ другой. Ту же сантаксическую цѣльность стиха и риѳму (чаще всего

глагольную, какъ и въ думахъ), строго опредѣляющую стихъ, мы находимъ и въ причитаніяхъ, какъ, напр.:

Та якъ же я до тебе ходытыму,
Та якъ я съ тобою говорытыму?
Якъ я съ тобою поражатымусь,
Якъ я съ тобою розважатымусь?..
Та яжъ надъ чужымъ дилечкомъ назневажалась,
Я жъ по чужыхъ ныхъ наспотыкалась...[1])

Но въ стихахъ причитаній мы замѣчаемъ и нѣчто другое. Приведу любой примѣръ причитаній:

1. Мій хозя́ине, моя й па́ра дорога́!
2. Моя́ й пра́вда дорога́!
3. До ко́го жъ мени прыхылы́ться и прытулы́ться:
4. Чы мені́ до холо́дноі сти́ны́,
5. Чы мені́ до чужо́и чужыны́?
6. Що холо́дна стина́ не нагріе,
7. А чужа́я чужына́ не пожаліе.
8. Видкиля́ мени те́бе выгляда́ть,
9. И де́ мени те́бе пизнава́ть?
10. Чы мені́ межъ косаря́мы,
11. Чы мені́ межъ гребця́мы?
12. Чы́ мени зъ по́ля,
13. Чы́ мени зъ мо́ря?
14. Чы мені́ зъ глыбо́кои долы́ны,
15. Чы мені́ зъ высо́кои могы́лы?
16. И колы́ за для те́бе столы́ застыла́ть, [2])
17. И кубо́чкы наповня́ть?
18. Чы те́бе къ Риздву́, чы къ Велыко́дню,
19. Чы те́бе икъ святі́й недило́нци?..

---

[1]) Примѣры взяты изъ слѣдующихъ сборниковъ и сочиненій: 1) Милорадовичъ: „Пѣсни и обряды Луб. у." *(цитаты безъ указанія)* , 2) Шухевичъ: „Гуцульщина" III ч. *(Шух.)*, 3) Малинка въ „Эт. Об." 1898 г., *(Мал.)*, 4) Метлинскій: „Южно-русскія пѣсни" *(Мет.)*. Не дѣлаю подъ примѣрами подробныхъ ссылокъ на страницы изданій и смѣю увѣрить въ полной точности цитируемыхъ стиховъ.

[2]) Стихъ представляетъ правильно построенный по тоникометрической системѣ анапестъ въ 4 стопы.

Не трудно замѣтить, что, кромѣ указанныхъ выше метрическихъ условій созданія стиха въ причитаніяхъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло также съ тоническимъ принципомъ версификаціи. Большинство стиховъ обладаютъ тремя ритмическими удареніями, притягивающими къ тѣмъ слогамъ, надъ которыми они стоятъ, слоги неударяемые, сводящіеся поэтому на нѣтъ въ ритмическомъ отношеніи. Стихъ съ тремя удареніями—преобладающій въ причитаніяхъ. Но тутъ же мы видимъ стихи съ двумя и четырьмя удареніями. Тонизація стиха, кромѣ выразительности ея, имѣетъ въ причитаніяхъ еще то значеніе, что тѣ два стиха, которые не опредѣлены риѳмами, тѣмъ не менѣе чувствуются, какъ два самостоятельныхъ метрическихъ періода, на основаніи одинаковаго числа тоническихъ на нихъ ударений, что мы замѣчаемъ въ 18 и 19 стихахъ. Чтобы покончить съ метрическою формою причитаній, укажу еще на то, что риѳму замѣняютъ иногда лишь аллитерація и ассонасъ, играющіе ту же роль, что и первая, какъ, напр.:

Та не йдить же вы п*оле*мъ,
Бо нижечкы пок*оле*те...
Куды вы выбыраетесь?
Чы въ Крымъ, чы въ Р*ы*мъ,
Чы въ дорогу по с*и*ль?...
Та мое дилечко, мій таточку, не въ л*а*дъ,
Та мое словечко не т*а*къ...

Въ такомъ видѣ представляется намъ метрическая форма украинскихъ похоронныхъ причитаній.[1])

Пара стиховъ, которые соединяются риѳмою, въ весьма большомъ числѣ случаевъ выражаютъ одну и ту же мысль, и такимъ образомъ риѳма закрѣпляетъ логическую связь между этими двумя стихами; напр.:

Хто жъ мене теперъ буде поряжать,
Хто мени—порядокъ давать?..

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ записяхъ причитанія не имѣютъ метрической формы, какъ, напр., у г. Малинки (Этн. Об. 98 г.), но по всей видимости, это произошло отъ недостаточной опытности записывателей, доставившихъ г. Малинкѣ подобныя записи и ихъ неумѣнья извлечь изъ носительницы причитанія все возможное и настроить ея мысль подходящимъ для передачи причитанія образомъ.

Кому ты дитокъ поручаешъ,
Кому ты ихъ училаешъ?..
Прыймай и мене зъ собою,
Щобъ я не скиталась,
По чужыхъ поляхъ не спотыкалась..,
Якъ мени безъ тебе прывыкать,
Якъ мени тебе забувать?.,
И куды ты наряжаешся,
И куды ты вбыраешся?..
Видкиль тебе выглядаты,
Видкиль тебе вызыраты?..
Та щобъ я не горювала,
Та щобъ я горенька не знала...
Хто жъ ихъ буде кормыты,
Кому ты прыказавъ ихъ пытаты? (Собств. мат).

Подобное сочетаніе двухъ различныхъ стиховъ, выражающихъ одну и ту же мысль, объясняется тѣмъ психическимъ состояніемъ, въ силу котораго одна навязчивая идея овладѣваетъ сознаніемъ настолько, что человѣкъ не сразу имѣетъ возможность оторваться отъ нея, чѣмъ задерживается теченіе его мыслей. Въ причитаніяхъ, явившихся выраженіемъ самаго скорбнаго чувства утраты близкаго человѣка, такое замедленіе мысли наиболѣе естественно. Чувство столь сильно по своему характеру, и каждая рождаемая имъ мысль получаетъ такое большое значеніе, что теченіе мысли останавливается, и одна мысль задерживаетъ появленіе другой. Какъ одинъ изъ героевъ Чехова— учитель словесности, находясь въ подавленномъ состояніи духа, вызваннымъ страданіемъ дѣвушки, которой не удается выйти замужъ, ничего не можетъ думать и писать, кромѣ двухъ словъ: „Бѣдная Варя!"—такъ и причитающая женщина повторяетъ одну мысль, лишь измѣняя ее внѣшнимъ образомъ;

И хто вамъ буде порядочокъ давать?
И хто васъ буде воспытать,
И хто надъ вамы батькувать?

Выразительная сила даннаго явленія заключается въ слѣдующемъ. Вниманіе причитающей женщины и смущающихъ ее лицъ задерживается на одной и той же мысли, чѣмъ усугубляется ея вліяніе. Но если бы эта мысль облекалась въ одни и тѣ

же слова, она была бы лишена выразительной силы и даже потеряла бы интересъ, тогда какъ повтореніе ея въ различныхъ формахъ, сообщая ей новизну внѣшности, необходимо приковываетъ снова къ ней вниманіе. Этотъ способъ двухъ- и трехчленнаго выраженія мысли можно назвать *варіирующею тавтологіею*, т. е. повтореніемъ одной и той же мысли въ различныхъ формахъ.

Въ приведенныхъ примѣрахъ стихи, выражающіе одну и ту же мысль, равны другъ другу по своей синтаксической силѣ. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ мысль, повторяемая въ слѣдующихъ стихахъ, выдѣляется въ предложеніе, построенное неодинаково съ первымъ въ синтаксическомъ отношеніи. При этомъ новое построеніе мысли синтаксически таково, что само по себѣ увеличиваетъ силу фразы и сообщаетъ ей большее значеніе; напр.

А моей мамочкы *немае*,
Моей голубочкы *якъ нема!* (Собств. мат.)
Прыйды до мене
И порадь мене
На *чужый чужынонъци*,
На *далекій краинонъци*,
Далека краиночка,
Чужа чужыночка!..
Видкиля васъ дожыдать?..
Чы зъ *высокои могылы,*
Чы зъ *глыбокои долыны?*
Высока могыла высоко высыпана!
А глыбока долына глыбоко выкопана!..

Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ тѣмъ же пріемомъ выразительности, что и въ градаціи. Но въ послѣдней усиленіе впечатлѣнія отъ извѣстной идеи достигается подборомъ постоянно усиливающихся по своему значенію понятій, тогда какъ тутъ то же самое дѣйствіе рѣчи основывается на синтаксическомъ усиленіи выраженія, развивающаго предыдущую мысль; я бы позволилъ себѣ назвать данный пріемъ рѣчи *синтаксическою градаціею.*

Варіирущая тавтологія, какъ мы ее опредѣлили, является въ причитаніяхъ высшею ступенью развитія способа повторенія мысли. Къ ней примыкаетъ также то выразительное *средство, которое обычно называется тавтологіею* и которое по отношенію къ причитаніямъ имѣетъ за собою то же психическое основаніе,

что и тавтологія логическая, и создаетъ то же выразительное значеніе рѣчи. Въ отношеніи къ тавтологіи въ послѣднемъ обыкновенномъ значеніи въ причитаніяхъ можно установить двѣ группы тавтологическихъ выраженій.

I. Тавтологія синонимическая—выраженіе одного и того же понятія двумя словами съ однимъ и тѣмъ же содержаніемъ, напр.:

А я свого (сына) заховала и прыкопала, (Соб. мат,).
Я жъ тебе, моя дочечко, кохала и леліяла (также).
Я туей стежечкы и дорожечкы не забуду (также).
До кого жъ мени прыхылыться и прытулыться?,.
Людямъ оддамъ, то вы будете плакать и рыдать...
Я й служыла и людямъ годыла...
Моя ненько, моя матюнко!..
А теперъ на що жъ вы мене кыдаете
На горе та на несчастя,
Та на велыке безталання?..

Присматриваясь къ указаннымъ примѣрамъ синонимической тавтологіи, нельзя не замѣтить въ большинствѣ изъ нихъ опредѣленной системы расположенія словъ. Слова, ярче выражающія извѣстное понятіе, ставятся на второмъ мѣстѣ. *Прытулыться, рыдать, прыкопала, леліяла* суть болѣе сильныя выраженія, чѣмъ соотвѣтствующія имъ *прыхылыться, плакать, заховала, кохала.* Въ послѣднемъ изъ приведенныхъ явленій имѣется три синонима, изъ которыхъ каждый слѣдующій обладаетъ большею степенью внутренняго содержанія, нежели предыдущій. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ синонимическая тавтологія соединяется съ *обычною градаціею* понятій, какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ тавтологіи варіирующей въ послѣдней наблюдается градація синтаксическаго характера.

II. Простая тавтологія, т. е. повтореніе одного и того же слова; напр.:

Ой йижъ же, йижъ, сусидонько,
Ой йижъ, не журыся...
Да звыныть, моя матюнко,
Звыныть, моя утюнко,
Звыныть, моя голубонько! (Мал.)
Мамко моя золота, мамко злота (Шух.).

А дружынонько жъ моя, дружынонько (Мал.).
Дилечка учыты, дилечка робыты (также).
Встань, моя матинко,
Встань, моя риднесенька!
Прыкажы мыни, мамочко, що робыты.
Мовъ слова ласкави,
Мовъ слова прывитлыви!
Не чуешъ, моя родытелько!
Не чуешъ ты мене, моя риднесенька! (Мет).

Въ примѣрахъ простой тавтологіи также находимъ случаи соединенія ея съ выразительною силою градаціи, причемъ усиленіе содержанія понятія происходитъ путемъ измѣненія этимологической формы слова въ форму болѣе сильную, что можно назвать *этимологическою градацією,* какъ напр.:

Ты жъ, моя мамусю, найриднисенька,
Ты жъ, моя мамусю, найсрибнисенька.
Ты жъ, моя матинко, найриднійша,
Ты жъ, моя матинко, найсрибнійша...

Хотя самая основа тавтологическаго способа выраженія мысли въ украинскихъ похоронныхъ причитаніяхъ, какъ мы выше указали, и лежитъ въ полусознательномъ творчествѣ, возбужденномъ сильнымъ потрясеніемъ психическаго состоянія скорбящей женщины, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ признать, что лишь въ силу сознательнаго стремленія къ совершенству формы тавтологія украинскихъ причитаній могла быть доведена до той степени разнообразія и совершенства, какъ мы то видѣли. Чтобы такъ искусно соединить тавтологію съ градаціею и отыскать для той и другой различныя формы выраженія, нужно было, если и не понятіе о красотѣ языка, то развитое сознаніе его красоты; нужно было уловить чувствомъ то поэтическое впечатлѣніе, которое языкъ въ нѣкоторыхъ своихъ проявленіяхъ вызываетъ такъ-же, какъ прекрасное содержаніе, потому что онъ „языкъ—сказалъ А. А. Потебня—есть не только матеріалъ поэзіи, какъ мраморъ—ваянія, но сама поэзія“.

Подыскать такія проявленія языка, которыя были бы независимо, сами по себѣ, поэтическими—задача художника слова, требующая искусства. Вотъ передъ нами три отрывка изъ Тургенева, который воспользовался тѣмъ же пріемомъ тавтологіи,

чтобы сообщить извѣстнымъ частямъ своего разсказа соотвѣтствующее имъ поэтическое настроеніе:

„Онъ забрался въ самую глушь сада и, опершись подбородкомъ на скрещенныя руки, сидѣлъ погруженный въ *думы.* Онѣ были глубоки и важны, *эти думы,* но не печальны“. (Отцы и дѣти, XXV).

„Теноровый голосъ... выводилъ одинъ, безъ всякой поддержки, хроматическіе, минорные и бемольные *тоны,*—они были ужасны, *эти тоны*“ (Новь, I, VIII).

„Лаврецкій... внезапно, самъ не зная почему, оборотился и уловилъ глубокій, внимательный вопросительный *взглядъ* въ глазахъ Лизы... Онъ былъ устремленъ на него, *этотъ* загадочный *взглядъ*“ (Дворянское гнѣздо, XXXIII).

Какъ мы видимъ, въ каждомъ изъ приведенныхъ примѣровъ повтореніе слова, на которомъ лежитъ центръ тяжести мѣста, съ прибавкою указательнаго мѣстоименія, всякій разъ усиливаетъ то поэтическое настроеніе, которое стремится создать писатель въ данномъ случаѣ, если еще при этомъ надлежащимъ образомъ интонировать при чтеніи повторяемое слово.

Блестящій европейскій писатель XIX вѣка, воспитанный на лучшихъ образцахъ литературы, и безграмотная украинская женщина, носительница похоронной причети, кромѣ своихъ пѣсенъ не знающая другой литературы, обнаруживаютъ одинаковыя художественныя стремленія и находятъ равноцѣнныя средства воплотить въ языкѣ эти стремленія. Гдѣ-то тамъ въ черномъ тѣлѣ плакальщицы живетъ тотъ же духъ, что и въ бѣломъ тѣлѣ писателя барина,—духъ, ищущій лучшихъ формъ мысли и дѣлающій ихъ столь же прихотливо красивыми, какъ и въ произведеніяхъ великаго художника слова.

Владиміръ Даниловъ.

Завороженый хутиръ.

Лита мои молодіи
Марно пропадають;
Очи плачуть; чорни бровы
Одъ витру лыняють.

Шевченко.

Була спасивка. Тыхый та пахучый ранокъ розлывся надъ старымъ запущеннымъ садомъ. Зъ чыстого блакытного неба яскраво сяло гаряче сонце, и назустричъ йому, тремтячы, поблыскувалы, наче всмихалыся, крапелькы росы на трави, на лысти, на соломьяному садовныковому курини, що жовтивъ у садовій гущыни. Поранковый холодокъ уже змишувався зъ блызькою пивденною спекою; тильки въ повитри почувалася ще нерозимлила миць.

Помищыця, вже немолода панна Инна Васылевна Велецька, ще спала.

Жовти оконныци въ іи невелычкому веселому домыку булы позачыняни. Биленькый та чыстенькый, по стародавнему окрытый соломою, винъ увесь тонувъ мижъ зеленымы столитнимы лыпамы, такъ-наче соромлыво ховався пидъ ихъ таемнычою тинню.

А лыпы ти, тонки та гинки, высоко вытяглысь угору, бо дуже густо булы посажени, и черезъ те здавалыся ще зовсимъ молодымы. Воны булы слыве таки-жъ зелени та свижи, якъ и весною; тильки въ ихъ густыхъ кучерявыхъ вершынахъ уже де-де попадалысь дрибненьки пожовкли лысточкы. И дывлячысь на ихъ, думалось, що отъ-отъ усе почне вьянуть, и въ серце влывався тыхый жалоблывый смутокъ.

Молодый чорнявый кучеръ Петро йшовъ повагомъ изъ саду, зъ рядномъ травы за спыною, разъ-по-разъ поправлявъ, зъ нетерплячкы, кисся на плечи и сердыто лаявся.

— Хм... оце такъ! Хм... добре!—прымовлявъ винъ то зъ насмишкою, то зъ злистью, скоса поглядавъ на куринь и такъ одпльовувавсь, наче покоштувавъ якои-небудь погани.

У двори, тильки що винъ поривнявся зъ кухнею, на його воркотню изъ синей выглянула його жинка, худощава Санька, зъ ножемъ у руци, и спытала наче-бъ то такъ-соби:

— Кого ты тамъ лаешъ?

— Кого! Онъ подывысь: сонце вже-де, а воны въ курини... сплять пидъ однымъ рядномъ!

— Хто — „воны“? — спытала зновъ Санька ще зъ меншою цикавистю въ голоси и такъ просто, мовъ мала дытына.

Въ неи було загориле, темне и завьяле лыце. Тильки іи зеленовато-сири молоди очи поблыскувалы зъ-пидъ чорныхъ бривъ такъ, наче хотилы кожного зачепыть и розсердыть.

Петро зупынывся: що це вона — наче справди не догадуется? А потимъ якъ загремыть на неи:

— Марта зъ Степаномъ! Не знаешъ, хто?

А Санька тильки хытро всмихнулась и, помовчавшы трошкы, льодовымъ голосомъ кынула йому вслидъ:

— Мабуть, заздристно — того й лаешся!

Петро не прыдумавъ зразу, що одказать, и оставшысь ни въ сихъ, ни въ тыхъ, постоявъ трошкы, тай пишовъ, насупывшысь, у станю.

Санька, тежъ мовчкы и съ тіею самою усмишкою, що такъ пидходыла до іи тонкыхъ и блидыхъ губъ, — вернулась у кухню чыстыть картоплю на борщъ.

Оттакъ у ихъ часто выходыло. Петро бувъ добрый, щырый чоловикъ, любывъ побалакать, розсказать про те, що чувъ, що бачывъ. Тильки, про що бъ винъ не заговорывъ, Санька кожный разъ почынала жалыть и колоть его своимы словамы. Петро, бувало, займется й палахне, якъ порохъ, змовкне й одійде, вылаявшы про себе жинку гадюкою.

Иноди таки розмовы кинчалысь у ихъ лайкою, а то й настоящою сваркою, писля чого воны надовго переставалы говорыть мижъ собою.

Оттаке було ихъ жыття. И хто-бъ теперъ повирывъ, що колысь воны булы счаслывою и пидхожою, якъ зерно до гориха, парою! На гарного кароокого Петра, зъ його козацькою постаттю

и гордымъ, якъ у молодого орла, поглядомъ, зазыралысь не тильки сильски дивчата, а й городськи панночкы. Та й Санька своимъ высокымъ та стрункымъ станомъ, своимъ румьянымъ лыцемъ, своею товстою косою ажъ до колинъ — закрутыла голову не одному парубкови, и въ неи не було одбою одъ сватывъ! Тильки, покохавшы Петра, вона вже ни на кого не хотила й дывыться. Батько зъ матирью довго не згожувалысь на те, щобъ узять до себе прыймака зъ чужого села, голого козака, у якого не було ніякого прыстановыща; та Санька зробыла таки по-своему — вышла замижъ за Петра. Повинчалысь воны, найнялысь у Инны Васылевны, да такъ у неи й зосталысь...

И яки жъ воны счаслыви булы спершу! Якъ кохалысь, у якій згоди жылы!

Та давно те мынулось и багато де-чого змынылось, якъ миняется все на свити...

Петро любывъ таки въ гречку стрыбать, та й женывшысь— не одвыкъ. И отъ, разъ, Санька застукала його зъ чужою жинкою... Що зъ нею було! Зъ того часу винъ ставъ ій зовсимъ чужый, наче николы ничого й не було мижъ нымы. Згарячу вона хотила навить зовсимъ покынуть його зъ дитьмы. Що попопросывъ-попомолывъ іи переляканый Петро, якъ уговорявъ іи и тымъ, що люде скажуть, и всякъ, — а вона поблыскувала на нього гнивлывымъ поглядомъ та зъ зневагою одказувала:

— Мени никого не треба...

Кинчылось на тимъ, що вона зосталась, тильки зрады Петру вже николы не могла простыть; и зъ того часу жыття ихъ пишло по-иншому, не такъ, якъ у всихъ — и вкупи й нарizно... Такъ лекше було для обохъ.

Та воно такъ и мусило скластысь, бо дуже вже непохожи воны булы: кожный инше любывъ, про инше думавъ, иншого бажавъ.

Санька жыла въ наймахъ и була така честна, що хазяйка дывувалася, а пры тому була гоноровыта и для себе дуже практычна: въ усьому вмила вона найты соби корысть, и потай одъ усихъ ій марылысь ти часы, якъ жытыме вона своею худобою, въ достаткахъ и въ спокои. Де жъ таки: прожылы воны зъ Петромъ десять литъ, а въ ихъ не то що хлиба посіять, а й хату поставыть ниде! И багато зневагы й злобытельства назбиралось у іи серци проты недбалого, непромитного чоловика. Хамло, лежень, ледащо — ото инакше не думала вона про його и зовсимъ його занехаяла.

А Петро бувъ людына иншого складу. Уродывся винъ поетомъ и вырисъ философомъ. Любывъ винъ не те, що було його, а що подобалось йому, хочъ и чуже. Про те, щобъ нажыть усякого добра, винъ якось не думавъ и не турбувався, що його нема; абы було що йисты та въ що одягтысь! Зробыть хто-небудь йому крывду або шкоду, винъ розсердытся, а потимъ махне рукою: „Хай його чорты визьмуть!“ Вылають його за непорядкы або шкоду въ хазяйстви, винъ не огрызается и не просытся, а каже спокійно: „Вже заплачу, що стоить,—абы все було тыхо та мырно“. Винъ ходывъ повагомъ, линывымъ поступомъ, и все щось думавъ соби. А заговорыть, то не про те, що кожный день бачуть очи, а про те, якъ и що діется на свити, про чужи краи, про далекыхъ людей, про ихъ жыття. Було спытае винъ несмилывымъ голосомъ що небудь въ Инны Васылевны, и якъ почне вона розсказувать йому, винъ весь наче прокынется й повеселіе.

Разъ, якось, йихалы воны въ городъ. Петро раптомъ повернувся бокомъ на козлахъ та й каже:

— Отъ — вы чытаете газеты...

Лыце въ його якось вытяглось, бровы напружылысь: выдно було, що въ його голови заметушылась якась згадка або думка.

— Чытаю. А що?

— Та, кажуть же, скоро кинець свита... У дяка йе така кныга: въ ій выпысано, що земля якось не такъ покотылась, у-бикъ трохы, и безпреминно зачепытся за якусь кавету... И якъ лусне одна въ другу, то обыдви на шматкы розибьются...

На його лыци выдно було бильше цикавости, нижъ страху. Винъ выводывъ у повитри пужалномъ кружало — якъ земля ходыть — и зъ запаломъ розсказувавъ, що пислятого буде: якъ пидуть огненни доци, посыплются головешкы, и увесь свитъ займется...

Инна Васылевна слухала його зъ смутнымъ усмихомъ и думала про те, що зъ Петра безпреминно выйшовъ бы философъ або вченый, якъ-бы доля не загнала його въ темный кутокъ. И про те вона думала, яки непидхожи Петро зъ Санькою, якъ имъ въ тягость ихъ жыття й ридни диты, та й сами воны одно другому.

Обое воны боялысь и всякъ хытрувалы, щобъ бильше не було дитей. А це ще глыбше вбывало клынка въ ихъ росчахнуте жыття, ще шырше росхыляло ихъ одно одъ другого.

У Петра въ серци не зосталось для Санькы й маленького куточка. И винъ самъ бы давно іи покынувъ, — та якъ же безъ жинкы? А надто—якъ трое дитей на рукахъ... Та й жинку таку,

якъ Санька, не зразу знайдешъ: дома все горыть въ неи въ рукахъ, а въ поли — нихто за нею не поспивае.

И отъ надумався Петро покынуть уси свои жарты и жыть, якъ подобае жонатому чоловику.

Та не такъ-то легко було йому вгамоваться, — не даромъ у його жылахъ текла не крипацька, а козацька кровъ. А до того ще винъ бувъ поетъ, и трудно йому було не глянуть прыхыльно на молоду зваблыву вроду.

Въ розмовахъ зъ жинкою Петро, бувало, завжды програе: не прыдумае, що одказать на іи гостре слово, проковтне его мовчкы, та посли й сердытся на себе.

Такъ и сегодня вранци. И треба було! Нащо воны далысь йому—Марта зъ Степаномъ? Чы йому й справди заздристно? Э, куды тамъ йому заздриты! Не те вже теперъ у його на думци.

Та й що тамъ доброго! Вже-жъ старый дякъ не попустыть, щобъ його Степанъ одружывся зъ Мартою. Йому высватають благородну—дякивну зъ грошыма и зъ землею.

— А Марта,— подумавъ соби Петро—яка була, такою й зостанется, та ще й...

И йому здалось, що винъ буде радый, якъ у ихъ на тимъ кинчытся.

Винъ доставъ зъ гвиздка хомуты, та й остався нерухомо на мисци зъ хомутамы въ рукахъ.

У його наче щось засмоктало коло серця: йому стало жаль Марты.

Славна дивчына, правду сказать: прывитна, весела, проворна! Якъ швыдко литае вона зъ кухни въ кимнаты й назадъ,—мовъ та ластивка надъ водою, ледви торкается до земли. Тильки спидныця шамкотыть на ій.

Ну, й гарна-жъ...

Йому згадалысь іи очи, блакытни та ясни: наче ажъ свитятся; и бровы—якъ намальовани, такъ тоненько та кругло выведени; и губы—пухкеньки й червони; и нижна та зваблыва усмишка, и ямкы на щокахъ.

И вся іи невысока огрядна постать наче стала прямо передъ нымъ...

Винъ такъ здушывъ у рукахъ хомуты, що зъ ихъ выступывъ дьоготь и обмазавъ пучкы.

— А отъ-же й Санька була колысь така; а теперъ—зовсимъ якъ суха груша,—мыготила думка за думкою въ Петровій голови.—Нудно жыть! Трудно жыть!..

А що вже надто подобалось Петру въ Марти, такъ ото голосъ іи, Ну, й голосъ! Було, якъ заспивае вона свою любыму писню, смутну та вразлыву, Петро й мисця соби не найде. Такъ и проныже його наскризь та чудна писня. Петро знавъ іи слыве всю на памьять, бо вона часто іи спивала.

Віють витры, віють буйни,—
Ажъ дерева гнутся.
Ой, якъ болыть мое серце!..
Сами сльозы льются...

. . . , ...

Сохне—вьяне былыночка
Безъ росы на сонци...
Гирко жыты безъ мылого
На чужій сторонци!

Марта выспивувала цю писню звычайно писля сваркы зъ Степаномъ. А сварылысь воны часто. И іи дзвинкый голосъ далеко розносывся—по-завгородамы, наче хто прыпадавъ до земли, тужывъ та жалувався.

Можна було подумать, що іи мылый и справди пишовъ десь на край свита, за сыне море та за темни горы, а не тутъ ось, за тыномъ у саду.

У Петра було кволе серце, и одъ Мартынои жалибнои писни въ його все падало зъ рукъ, и йому хотилось бигты до неи на помичъ.

Отъ, якбы винъ бувъ на Степановому мисци! Вжебъ нихто не скрывдывъ Марты, нихто—ни батько, ни маты, нихто въ свити!

— Та невже жъ таки Степанъ похватытся на дякивныни гроши, а оттаку дивчыну покыне?—спытавъ самъ себе Петро, та ажъ скынувся...

О! А йому-жъ, Петрови, яке дило до всеи отціеи рахубы?

Винъ поймавъ себе на цій думци и, плюнувшы, повисывъ на мисце хомуты, а самъ пійшовъ до коней.

Його любымый высокый сирый кинь радистно форкнувъ, якъ тильки винъ пидійшовъ, а нызька вгодована кобыла заздрисно озырнулась у його бикъ.

А тимъ часомъ Санька. давшы доброго ляпаса свойому найменшому сыну Дмытру—за те, що вчепывся за іи спидныцю—пишла въ садъ, Ій хотилось самій пройты позъ куринь и впевнытыся, чы Петро не збрехавъ часомъ.

Що Степанъ ходывъ до Марты, а Марта до Степана, про те вона, певне, знала. А вже, щобъ Марта ажъ до ціеи добы (вона глянула на сонце: геть пидбылось!)... ажъ до ціеи добы спала зъ своимъ коханкомъ у курини, — цьому вона не йме виры.

Санька швыдко зашелестила босымы ногамы по сухій спаленій трави...

Ачъ, якъ хытро воны, вражи диты, прыдумалы! Степанъ найнявъ у панны садъ, а Марта найнялась у неи до кимнатъ. И оттакъ кожне лито, якъ прыйиздыть панна.

Про любощи Марты й Степана знало все село, бо отце вже пъятый годъ, якъ воны почалысь. И здавалось, имъ и кинця не буде. Добри люде завирялы, що Марта прыворожыла Степана, и черезъ те винъ зроду не покыне іи.

Знала про ихъ любощи й Инна Васылевна и черезъ-щось спрыяла ихъ коханню. Санька потыхеньку пидсміювалась зъ неи, а ввичи ничого не смила сказать. По Саньчыному—люде не варти того, щобъ ихъ любыть або жалить.

Колысь Санька була дружна зъ панною, и панна іи любыла, якъ сестру ридну. Вона й перве свое горе одъ чоловичои невирности выплакала передъ Инною Васылевною, и завжды, було, якъ поговорыть зъ нею, то й на души полекшае. Кожнои весны вона ждала панны зъ города, „якъ Бога", й розсказувала ій, наче на сповиди все, що пережывала за довгу самитню зиму. А для другыхъ вона була мовчазна, якъ могыла, й нихто не знавъ, що тамъ робылось у неи въ души.

Инна Васылевна, бувало, слухае, слухае Саньку, дывуючысь іи надзвычайній духовій чулости, та й скаже:

— Ты-бъ хочъ сила де-небудь!

А Санька одкаже свое звычайне „ничого", та й простоить оттакъ килька годынъ, прытулывшысь до одвирка; и все говорыть—говорыть, впивголоса та швыдко, наче боится, що не встыгне чогось розсказать, або що ихъ хтось пидслухае, хочъ у доми, опричъ ихъ, нема ни души.

Ихъ розмова, було, почынается зъ того, що Санька пытае, а панна, вже лежачы въ постели, каже ій за обидъ на-завтра. А потимъ якъ розбалакаются, то ажъ писля того перестають, якъ пивни заспивають.

А Саньци-жъ удосвита вставать до коривъ! Тильки вона про те байдуже,

— Ты не выспышся!—нагадуе ій Инна Васылевна, хоча ій самій не хочется облышыть розмову.

— Ничого,—нетерпляче каже Санька:—Ось слухайте, що ще було...

И знову швыдко-швыдко бубоныть и шепче вона, и панна слуха про те, якъ Санька не стуляла очей довгымы зимнимы ночамы, якъ выбигала на морозъ та на глыбокый снигъ, и все ходыла, щобъ якъ-небудь угамувать божевильный гнивъ свого серця, якъ утыхомырыть у йому гострый биль...

Оттакъ воно було колысь. Тильки разъ-по-разъ таки розмовы бувалы все ридше,—чы черезъ те, що самій Инни Васылевни жылось надто трудно й не хотилось колупатыся ни въ своій, ни въ чужій души, чы черезъ те, що Санька все бильшъ зминялась—все бильше робылась черствою та жорстокою и все частише вражала Инну Васылевну. Въ ій росла якась чудна несамовыта злоба, мало не лютисть проты всього на свити. Вона іи зганяла но ни въ чому невыноватыхъ котахъ та собакахъ (такъ шпурне полиномъ, що ажъ перекынется), або на своихъ дитяхъ, и была ихъ безъ жалости, ажъ покы хто-небудь не вырве у неи зъ рукъ ломакы. А разъ вона сама хвалылась, якъ оддубасыла квочку за те, що покынула курчятъ, и якъ та забигла десь свитъ-за-очи.

Здавалось, що не одынъ Петро скрывдывъ іи, а ввесь свитъ, и та крывда пече іи коло серця, и вона кыдается, на кого тильки можна. Якъ скаже, було, ій въ добру годыну Инна Васылевна, що вона тильки прыкыдается такою, а не справди така, вона уперто та смутно одказуе:

— Ни, така... теперъ—така...

Тильки одно почуття зосталось въ пошматованій и злоблызій Саньченій души. Якъ мало пидходыло воно до іи загрубилои постати и зивъялого лыця! Це—отъ що було: вона кохалася въ квиткахъ. Вона насивала й насажувала ихъ батато-пребагато—и коло дому, й коло кухни, й на вгороди, и ходыла за нымы, якъ маты за дитьмы.

— А що, гарно?—пытала вона Инну Васылевну зъ гордовытымъ и вдовольненымъ поглядомъ, ходячы вбрана въ недилю мижъ своимы квиткамы и поправляючы пидставкы й жерточкы.

— Гарно... Скильки ты ихъ понасажувала! И скризь короливъ цвитъ.

— Э, то-жъ мій любымый... огневый!—сміялась Санька и жартовлыво додавала:—Я й чоловика николы такъ не любыла... ій-Богу!

— Ну, то вже ни: колысь любыла-жъ,—не встереглась пошуткувать Инна Васылевна...

Тильки ти часы, колы те діялось, булы вже такъ далеко одъ Санькы, що спомынъ про ихъ не мигъ розигнать мыра, навіяного на іи душу квиткамы; и іи почервониле лыце зоставалось веселымъ и прывитнымъ.

Опричъ квитокъ теперъ Санька вже бильшъ ничого не любыла и нищо іи не веселыло. Выдъ у неи мало не завжды бувъ холодный, байдужый, утомленый, а иноди злый.

Оттакый бувъ у неи выдъ и въ той ранокъ, якъ вона йшла по саду.

Вона дойшла до куриня и, зазырнувшы въ його, подалась назадъ.

— Ачъ яки!—подумала вона.—Петро таки правду казавъ.

Вона йихыдно всмихнулась.

— Отъ, якбы це знавъ старый дякъ! То-то досталось-бы Степану... Та й Марти...

Подумала вона й про те, що такъ, чого доброго, можна увесь садъ обикрасты, и що дуже добре було-бъ, якбы хто провчывъ Степана.

Колы це заразъ, наче въ одповидь на іи зли думкы, Жучокъ якъ заздявулыть! Винъ тежъ спавъ соби мырно на трави, не пизнавъ Санькы спросоння та й загавкавъ.

— Цыть... дурный!—зашыпила на його Санька й хутко пишла назадъ. Ій здалось, наче въ курини, на Жучкивъ голосъ, хтось засовався.

Ни. Тамъ ще спалы, хочъ сонце вже стояло высоченько.

Ничъ була неспокійна. Собакы до самого свита не переставалы гавкать и все кыдалысь зъ одного кинця саду въ другый, и Степанъ цилу ничъ проходывъ—стеригъ садовыну. А теперъ винъ спавъ, якъ убытый, простягшысь на спыни въ увесь ристъ своеи молодецькои постати, въ кумачевій червоній сорочци, розсчепнутій на шыи, въ демыкытоновыхъ штаняхъ и высокыхъ чоботяхъ.

Тутъ спала й Марта, трошкы одсунувшысь, лыцемъ до його, на боци, вкрыта рядномъ.

Залитавшый у куринь витерець змишувавъ ихъ гаряче молоде дыхання. Ихъ лыця розжеврилысь одъ сну, и на ихъ почывъ безтурботный спокій...

Тильки молодисть може вдовольнятыся такымъ неповнымъ и непевнымъ счастямъ.

Ну, й гарни-жъ воны булы обое, молоди, здорови та дужи,—навдывовыжу гармонычни сами зъ собою, и зъ усією обстановою: зъ отцимъ раннимъ, а вже гарячымъ ранкомъ, зъ пекучымъ сонцемъ, зъ доспивавшымы на довгыхъ хвостыкахъ грушамы, зъ повнымы сызымы слывамы, зъ жовтымы середъ зеленои огудыны гарбузамы, зъ выгорилою, а й доси пахучою травою!

Степанъ спавъ спокійно. Винъ знавъ, що його „папаша" звечора пойихавъ у городъ. Ну, а „мамаша", товста та въяла якъ уси дячыхи зъ достаткомъ, такъ далеко не пиде: одъ села до хутора було бильше двохъ верстовъ.

Степанъ, хочъ бувъ дужый и смилывый хлопець и вночи самъ ходывъ черезъ лисъ, де блукалы барсукы та вовкы, а своеи войовытои „мамаши" все-таки побоювався. Було, якъ начне вона лаятьця та верещать не тильки на ввесь двиръ, а навить на пивсела, Степанъ заразъ тикае, куды очи дывлятся, а ногы несуть, бо іи галасовання доставало ему ажъ до печинокъ.

Та ще до того,—у протывнисть Марти Степанъ бувъ по натури мъягкый та безпечный. Винъ и самъ не знавъ, якъ кончытся у його зъ Мартою. Иноди, сыдячы у батькивськимъ доми за чаемъ, зъ „благороднымы" гостьмы, винъ и самъ думавъ, що „мамаша кажуть" правду—що мужычка Марта йому не пара. Винъ навить згожувався, щобъ йому напытувалы молоду.

Якъ тильки начнуть його сватать, винъ ходыть сумный-сумный! И на очи Марти не показуется. А кничается сватання кожный разъ ничымъ.

Якъ не бидкаются батько-маты, якъ не вговоряють,—ничого!

— Не хочу! Вона мени не нравытся.

И наче скынувшы зъ плечей пъятыпудовый мишокъ, винъ заразъ бижыть до своеи Марты.

Прыбигае до неи змученый, ледви дыше, неначе тильки що переплывъ шыроку ричку, и, обіймаючы іи, тремтыть усимъ тиломъ.

— Скучыла? Занудылась?—шепче ій въ ухо.

— Ой, Степаночку мій!.. Степаночку!—тыхо вымовляе вона, и въ неи млосно жмурятся очи, и духъ займае одъ нежданого счастя.

Якъ вона тоди цилувала его, якъ мылувала й голубыла! Тильки Марта, одна на всимъ свити, такъ и вмила... Степанъ це знавъ. Розжалобывшысь, винъ божывся, що николы іи не покыне й ни на кого не проминяе. И одъ тыхъ сливъ, одъ його ласкавого голоса въ неи серце млило, наче роставало; тильки вона

боялась дать ему волю, бо знала, яка въ Степана зминна натура. Вона потыхеньку зитхала, ничого не розсказувала, ни про що не роспытувала, ничого не просыла.

А Степанъ усе допытувався въ неи, що вона про його думала, чы скучала, чы ждала.

— Ждала...—покирно прызнавалась вона, не дывлячысь на його, и просыла його теперъ не згадувать про те.

Марта николы не казала Степану, що не вирыть йому, що боится його зрады. Вона розумила, що слизмы та бидканнямъ не поможешъ,—тильки наскучышъ йому. А про себе вона не переставала думать все одну тривожну думку: колы-жъ воно кинчытся, якъ серцю хочется? Отъ уже бильшъ чотырьохъ литъ! Вже й люди зъ неи сміются й одвертаются. Перше скильки іи свątало,—теперъ перестали,

И вона все частише бигала до ворожкы. Такъ же-жъ и стара ворожка, хочъ усе знала, а тутъ не прыдумала, що й сказать.

— Може, бабусю, покыне?—боязно допытувалась Марта.

— Ни, доню: того не бійся. Винъ мицно держытся... А тильки... ни киньця, ни краю не выдно...

Марта бигла додому, зновъ повеселившы, и дорогою розлывалась веселою писнею, а въ тій писни вси слова летилы до Степана, клыкалы його й мылувалы.

Дуже вже покохала вона Степана, й не було въ неи сылы выкынуть його геть изъ свого серця.

Батько Мартынъ давно померъ, и нихто іи не прыневолювавъ иты замижъ. А якъ заходылась стара маты рыпить на неи— що за Степана ій усе йидно не выпаде выйты, вона сердыто одризала:

— Ну—то въ воду, якъ не за Степана!

Писля того іи бильшъ не займалы—ни маты, ни старшый братъ.

Іи братъ бувъ дуже добрый хлопець и любывъ сестру: якъ ишовъ у Херсонщыну, то одпысавъ ій свою частку грунту.

— Отъ, спасыби тоби, Панасочку,—ласкаво подякувала його Марта, прыймаючы його даровызну, и подумала соби, що все-такы грунтъ може задобрыть сварлыве серце старои дячыхы.

Про сватывъ изъ села Марта й думать перестала. Тилькы разъ, щобъ подражныты Степана, вона сама про себе роспустыла таку чутку, що буцимъ иде замижъ и навить сама, зъ матирью.

свативъ частувала. Степанъ, якъ почувъ це на досвиткахъ, то наче сказывся: хлопци насылу одняли въ его нижъ,—хотивъ заризаться.

— Ты цього й не думай!—сказавъ винъ ій въ лютому гниви на другый день: — Все йидно, не попущу. Прыйду въ церкву й розжену!

Марта слухала його, и серце въ неи колотылось одъ счастя, и вона, потупывшы очи, ледви сдержувалась, щобъ не всмихнуться.

А сама про себе зарикалась, що вже бильшъ не буде такъ жорстоко шуткувать зъ Степаномъ.

Оттакъ ишовъ рикъ за рокомъ. И дякъ зъ дячыхою все гиршъ вызвирювалысь и лютувалы проты Марты.

Чудне, несчаслыве кохання Мартыне схоже було на все, що діялось у цьому хутори: все въ йому було якесь незвычайне й таемныче.

Не дурно про його розсказувалы, буцимъ давно колысь його заворожено чы навить заклято. И съ того часу ни одна жинка й ни одна дивка, яки жылы въ ему, не булы счаслыви въ коханни. Вси воны закохувалысь такъ, що й розумъ терялы, разъ та гараздъ — на весь свій викъ, и якъ розлучалыся зъ мылымъ, то николы ии въ чому не знаходылы соби втихы.

Ридна титка Инна Василевны навить отруилась, зовсимъ молоденькою, якъ батько не схотивъ выдать іи за мылого. Іи прахъ почывае въ высокій самитній могыли въ саду, въ куточку биля дорогы, и вночи наганяе велыкый страхъ на всихъ боязькыхъ, кому прыходытся йты або йихать повзъ те мисце,

И въ самои Инны Васылевны було колысь несчасне кохання, и писля того вона видкынула думку про залыцяння и поришыла зивъянуть на самоти.

Вона всю душу свою втопыла въ музыку. Зимою вона жыла за кордономъ, або въ Петербурзи, а раннею весною поспишала сюды, въ свое ридне гниздо.

Цилисенькій день вона сыдыть соби де-небудь у свойому старому тиныстому саду, зъ кныгою або зъ вышываннямъ; а якъ стане прымеркаты, вона вертается въ кимнаты и за рояль, въ безнадійно-смутныхъ палкыхъ згукахъ, вылывае тугу зъ переповненного серця,

Та хто тутъ іи почуе? Хто обизвется жывымъ одгукомъ?

Ну, а всежъ таки тутъ вона почувала себе спокійнише. Тутъ на всьому наче лежавъ слидъ іи надломленои, прымершои души: такый бувъ и двиръ, на одшыби одъ села, мижъ горамы та лисамы, и садъ, запущеный, зъ тиныстымы дорижкамы та куточкамы, наганявшымы на душу мріи, зъ таемнычымъ проваллямъ, зъ высокымъ бурьяномъ, якого Петро не хотивъ косыть — черезъ те, що винъ, усе йидно, зновъ выросте...

Все тутъ було не таке, якъ у другыхъ мисцяхъ, все посвоему, — навить любыма собака Инны Васылевны, Сирко; винъ бильше любывъ людську компанію, нижъ собачу, и выявлявъ иноди зовсимъ людськи звычаи: сяде було нерухомо, якъ його хазяйка, въ мисячну ничъ, тай дывытся-дывытся на небо, на далеки лиса та взгирья... Хто зна: що ему марылось?

Прыдывляючысь до Сирка, Инна Васылевна дывувалась: таки выразни та розумни булы въ його очи. Вона давала ему нижни назвыська, прыголубно гладыла рукою его мьяхку шерсть. И ій здавалось, що Сирко, такый непохожый на другыхъ собакъ своею натурою, вдовольнявъ іи невсыпуще бажання чого-небудь надзвычайного, деликатного.

Санька, по-свойому, тежъ дывувалась, що Сирко такый чудный, и многозначно додавала:

— Якъ не заговорыть!

Сирко зовсимъ не знавъ быття. До своеи хозяйкы винъ бувъ болизно прыхыльный. Якъ выйиде вона зъ хутора на зиму, винъ ажъ заслабне зъ розлукы и зовсимъ полюдськи горюе. Жалостлывый Петро бере его тоди въ хату й ходыть коло його, якъ коло дытыны.

— Сирко! У, сучый сыну! иды сюды, — годи вже тоби бидкаться... — вговоряе его Петро добрымъ голосомъ. И Сирко, пиднявшы голову, поглядае на его такъ, наче дякуе, и помаленьку крутыть хвостомъ.

А на друге лито, якъ пойиде Петро на вокзалъ за панною, Сирко вже знае, цилый день неспокійно метушытся и за килька верстовъ, ажъ по другимъ боци села, выбигае назустричъ, а стрившы кыдается пидъ кони, пидъ колеса, гавкае, скавучыть и доты стрыбае, покы такы не вскочыть въ экипажъ и, тремтячы, не прытулытся до своеи хозяйкы.

— Ну, й чудна собака! — каже тоди, озыраючысь, Петро.

А сами Петро та Санька, що прожылы стильки рокивъ у хутори Инны Васыльевны! Якъ мало булы воны похожи на другыхъ селянъ — жылы зовсимъ по иншому и навить ридко малы зъ

нымы дила й стосункы. Та й сами мижъ собою — жылы вмисти, а булы якъ чужи. И винъ — ій, и вона ему, и обое — другимъ людямъ николы не давалы зазырнуть соби въ душу... зовсимъ, якъ сама ихъ хазяйка!

Санька давно й балакать зъ жинкамы розучылась; воны слыве й не заходылы до неи,—хиба за якимъ диломъ. А Петро, якъ спытае його хто-небудь, чы йому не сумно въ лиси безъ людей, одказуе по философськы, трошкы похмуро:

— Я прывыкъ...

А все такы ни винъ, ни Санька и не пробувалы покынуть хутора, хоча въ ихъ уже була збудована на сели своя хата.

Въ той самый день надъ Степаномъ и Мартою грякнувъ гримъ, чого воны зовсимъ и не гадалы. Якыйсь потайный ворогъ шепнувъ дячыси про ихъ любощи. Степана поклыкалы до „мамаши“, до-дому; скоро надйихавъ изъ города й „папаша“. Началась велыка гучна сварка, лайка и, мабудь, бійка. Всього, що тамъ у йихъ робылось, нихто не знае. Тильки Степанъ вернувся на хутиръ такымъ розлютованымъ, якымъ його нихто й николы не бачывъ; а пры тому винъ бувъ самъ не свій, наче його прысудылы на шыбеныцю. У нього навить найкращу яблоню въ той день обикралы.

А найдывнишымъ, найнеможлывишымъ було те, що, стрившы Марту, винъ безъ усякои прычыны роскрычався на неи й прогнавъ одъ себе, наказавши ій гризно, щобъ вона не смила й на очи ему натыкаться.., а то—винъ самъ, Степанъ, скрутыть ій голову!..

Санька на той часъ колупалась на вгороди и все те чула.

— Що-жъ теперъ буде?—подумала вона:—Оце вже кинець!

Ій дуже хотилось заразъ розсказать про це Петру; та вона подумала—и здержалась.

Зрешту буря въ Степановому серци скоро вгамовалась. Тильки зосталась тупа роздратованнисть; та холодный безпросвитный сумъ, якъ осиння темрява, залывавъ его душу.

Понуро ходячы по саду, винъ думавъ про Марту: не варта вона того, щобъ черезъ неи та оттаке терпить. Думавъ винъ про нови замиры его батька: высватать за его дочку городського дяка, за якою давалы тысячу карбованцивъ грошыма, десять десятинъ земли, коривъ, овечокъ!..

И въ йому закыпала злоба проты Марты—за те, що черезъ неи винъ и доси не зажывъ по-людськы.

Мартыни думкы—нышкомъ обвинчаться зъ Степаномъ у чужого попа и перейихать у городъ—служыть тамъ, або-що,—теперъ йому здавалысь нерозумнымы. Що зъ того, що вона готова йты за нымъ на край свита, кохать його й служыть йому до смерти? На гаспыда вона йому на краю свита, колы для ціеи мандривкы ему треба зирваться зъ нагритого мисця, все покынуть и наклыкать на себе прокльонъ батька-матери. Такы-жъ подумать: одного поля та города скильки выпаде на його долю писля „папаши!“ Не дурно-жъ „папаша“ багато прыслуговувавъ панамъ по хазяйству, то-що,—накупывъ такы земелькы!

Тутъ выявлялось, якъ трудно було Степану одирваться одъ земли, одъ осели, якъ боязно рушыть въ незвычни блукання, на зустричъ хто-зна чому...

— Це все пусте! Дурныця! И такыхъ Мартъ—хочъ греблю гаты!..—думавъ винъ и навить, у-ладъ зъ своимы думкамы, подзвонювавъ у кишени срибнякамы, выторгованымы за яблока.

На тому винъ и зупынывся, що теперъ уже—годи: наче Марты й не було; добре, що вона сама не почне мыриться, бо винъ іи дуже образывъ.

Тильки, якъ винъ не одганявся наче одъ мары, а іи лыце часамы вымальовувалось въ його думкахъ и іи голосъ дзвенивъ въ його ушахъ, тремтячы зъ прыйнятои крывды.

— Хай тоби лыхо! Я й сама тебе не хочу!—крычала вона, якъ божевильна, й не прымичала, що въ неи котяться слезы по выду.

А Степанъ бачывъ—и ти слезы, и тремтяче пидбориддя, и все іи лыце, скрывлене мукою, и не мавъ сылы забуть. И отце турбувало його кволе серце и трохы збывало зъ новои коліи.

Марту зразу такъ прыбыло неправдывымъ Степановымъ гнивомъ, що вона зробылась слыве нетямуща. Ій здалось, наче пидъ нею заходыла земля, и вона шугнула у якусь безодню...

А черезъ хвылыну вона одійшла; въ неи серце зайнялось и закыпило... Вона вразъ зрозумила, що зъ нею склалось: кинець!. И не вернется... Николы, николы не простыть Степану його крывды... Винъ ставъ ій—„гирше лютого ворога“...

Ще вся въ сльозахъ, вона прыбигла до Инны Васылевны, упала ій въ ногы и почала вмолять—завезты іи въ ту чужу сторону, куды сама йиздыть, щобъ ій николы й не чуть, и не бачыть...

— Та годи тоби: вы ще помыретесь,—вговоряла Марту Инна Васылевна своимъ мьягкымъ глухымъ голосомъ.

А Марта, затулывшы очи рукавомъ вышытои сорочкы, тильки нетерпляче хытала головою. Ни, вона—не Степанъ, и въ неи симъ пъятныць на тыжню не бувае.

Инна Васылевна втишала и вспокоювала ии, якъ умила й могла, и таки пообищала узять ии зъ собою, якъ вона не обдумается.

Выйиздъ Инны Васылевны бувъ назначеный черезъ два дни. И Сирко вже давно, не одходячы, лежавъ пидъ ии викномъ, слыве не пиднимавъ головы зъ понуро простянутыхъ лапъ и не гавкавъ.

Марта никому не розсказувала, що йиде зъ панною; а проте, скоро вси вже зналы.

Санька стала трохы прыязнища до Марты й хвалыла ии замиры. Вона згадала соби, якъ, за килька рокивъ до того, сама хотила оттакъ зробыть—зовсимъ выйихать у чужу сторону, покынувшы чоловика й двое дитей. Третього тоди ще не було, а ти двойко, все йидно, жылы не дома, а залякани матирью, було по тыжню й по два сыдилы у своеи бабы, и Санька про ихъ слыве забувала.

Тильки, то колысь воно такъ було! Теперъ уже й Инна Васылевна не така до неи, щобъ узять изъ собою, та й постарила Санька—ни сылы, ни охоты до нового жыття вже нема...

Петро ще щырише, нижъ Санька, прыйнявъ до серця все, що склалось. Винъ дуже сердывся на Степана й лаявъ його. А въ його души до гниву цього прымишувалась крапелька якогось вдовольнення,—хоча йому й жаль, дуже жаль, було Марты.

Марта старалась не думать про свою прыгоду и, не прысидаючы, метушылась зъ платтямъ та одежою коло подорожнихъ скрыньокъ Инны Васылевны. А все такы, ій здавалось, що дню кинця не буде. А ще два дни зосталось — ажъ подумать страшно. Колыбъ уже скорише звидсиля! Якбы можна, заразъ бы втикла...

Тильки надъ вечиръ, якъ вона покынула вкладання й стала, якъ завжды, накрывать до вечери для панны, въ ии серци щось змінылось—розмъякло, и воно защемило съ тугы й болю.

Вона пересылыла себе—не заплакала.

Пизнише вона стрилась и розбалакалась зъ дядькомъ Петромъ, и ій стало ще гирше, ще смутнише.

Винъ стоявъ биля крыныцы й тягавъ для коней воду, а вона—по другый бикъ тыну, въ саду, середъ Саньчыныхъ квитокъ.

Говорылы воны, звистно, про скорый одйиздъ Мартынъ. Винъ допытувався въ неи: невже ій такъ-такы й не жаль покынуть усе тутешне и йихать на чужу сторону?! И одъ його прывитного голоса, якымъ винъ говорывъ до неи на прощання, въ неи ще гирше болило серце.

Вона слыве не слухала сливъ, яки говорывъ Петро, и тильки мовчкы обрывала лысточкы „корольового цвиту", насаженого Санькою.

Чому не жаль? Ій усього, усього жаль!..

Вона подумала про Степана—вперве за цилый день зовсимъ ясно та спокійно, и здывувалась, що злобы проты його въ іи серци вже не було—ни крыхты.., Вона пробувала розбудыть у своій памьяти все те страшне та вразлыве, що зкоилось тоди, а згадувалось ій зовсимъ друге... и вона все ныжче хылыла свою голову, лякаючысь того, що іи все мицнише обгортало...

Тымъ часомъ Санька дывылась-дывылась у викно и подумала соби, що Петро зъ Мартою вже надто довго балакають. Треба розигнать! Вона выйшла зъ хаты й накрычала на Марту, що ій давно вже часъ подавать вечерю.

Колы це Санька—зыркъ черезъ тынъ, та якъ закрычыть:

— Нащо то ты пообрывала!..

А Марта тильки рукою махнула и побигла—та не въ кимнаты, якъ треба було, а такъ—куды очи.

Вона перебигла слыве черезъ увесь садъ и зъ нестямы, якъ укопана, стала на спуховатимъ лужку, де росла самитня сосна и де воны зъ Степаномъ такъ часто й довго простоювалы.

А теперъ?!.. Що жъ ій зъ собою робыть? Куды ій диться?

— Боже мій, Боже мій!—застогнала вона зъ несылы, наче задыхаючысь, и мымохить пидняла очи до неба.

Вона зрозумила, що ій никуды йихать, що въ неи ничого не зосталось пры души. Всю свою душу вона оддала цьому поганому Степанови... И нема на свити правды... и нема въ неи сылы жыть, якъ не вернется до неи Степанъ...

Вона, якъ прычынна, простягла рукы до того высокого холодного неба, де вже почыналы мыготить зори, наче хотила вхопыться за ихъ,—та оттакъ и захолола нерухомо на мисци.

И въ ту-жъ мыть, наче въ одповидь на іи безнадійне порывання, за Мартыною спыною, въ кущахъ густого байбарысу, щось зашелестило.

Вона затремтила, та не одважылась обернуться.

— Сердышся?—тыхо й смутно спытавъ іи знакомый голосъ; и вона, озырнувшысь, побачыла, що передъ нею—Степанъ.

Вона кынулась до його, прытулылась до його плеча та й заголосыла.

Марта не памъятае, що вона казала тоди Степану и що винъ їй казавъ, та чы й говорылы воны що небудь... Тильки, якъ зовсимъ смеркло, вона зновъ побигла до його. Воны силы биля куриня—и ледви не всю ничъ, ажъ до свита, обнималысь та цилувалысь пидъ высокымъ чорнымъ небомъ, де, наче переморгуючысь, мыготилы ясни та весели зори.

Марта сміялась и плакала, и все тулылась до Степана; а, винъ злегка тремтячы, державъ іи мицно-мицно, наче боявся, що іи заразъ у його однимуть...

И Марта знову зосталась у цьому завороженому хутори, де вси такъ щыро кохалы, такъ гирко мучылысь и булы таки незадовольнени своимъ жыттямъ. Зосталось и іи кохання, що вона хотила вырвать зъ свого серця...

Чы надовго?

Все на свити миняется...

Ол. Будянська.

Полтава въ XIX столѣтіи.

(Очерки по архивнымъ даннымъ, съ рисунками).

ГЛАВА I.

Преемники кн. А. Б. Куракина кн. Я. И. Лобановъ-Ростовскій и Н. Г. Репнинъ. Біографіи ихъ.

Преемникомъ кн. А. Б. Куракина въ должности малороссійскаго генералъ-губернатора былъ князь Я. И. Лобановъ-Ростовскій. Онъ былъ знатнаго рода, какъ и всѣ генералъ-губернаторы, управлявшіе полтавской губерніей въ теченіе первой половины XIX ст. Всѣ они были или графы, или князья, за исключеніемъ послѣдняго, генерала Кокошкина. Князь Я. И. Лобановъ-Ростовскій родился въ 1760 г., былъ сыномъ ротмистра конной гвардіи, а мать его была родная внучка князя Б. И. Куракина. Воспитаніе получилъ онъ домашнее, какъ это было въ обычаѣ у знатныхъ людей того времени. Съ малолѣтства былъ онъ записанъ сержантомъ въ гвардейскій полкъ. Въ военной службѣ князь пробылъ до 1784 года, когда оставилъ ее съ чиномъ капитана. Въ этомъ же году получилъ званіе камеръ-юнкера и вскорѣ послѣ этого камергера. Этимъ онъ обязанъ былъ покровительству своихъ богатыхъ и знатныхъ родственниковъ, графа Н. И. Панина и князя Н. В. Репнина, устроившихъ ему службу въ сенатѣ. Въ день коронаціи императора Павла I князю Лобанову повелѣно надзирать за всѣми дѣлами въ московскомъ департаментѣ сената и за всѣми присутственными мѣстами московской губерніи. Въ 1798 г. кн. Лобановъ оставилъ службу, но ненадолго; при Александрѣ I былъ назначенъ сенаторомъ съ порученіемъ надзирать

за постройкой больницы въ Москвѣ, что онъ выполнилъ съ большой пользой для казны. Въ началѣ 1808 года состоялось его назначеніе малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ; на этомъ посту онъ пробылъ до 22 февраля 1816 года, когда былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта и затѣмъ предсѣдателемъ коммиссіи прошеній. Въ 1829 г. былъ предсѣдателемъ департамента законовъ въ государственномъ совѣтѣ. Скончался въ 1831 году, 18 января, на 71 году отъ рожденія. По словамъ его біографа, князь Лобановъ отличался „благороднымъ образомъ мыслей, возвышенными правилами, сохранивъ живость, веселость характера и въ старости маститой, одушевлялъ собой общество, любилъ радоваться и вмѣстѣ дѣлить горе съ другими, былъ молодъ въ кругу молодыхъ людей, участвовалъ въ играхъ прекраснаго пола, но въ совѣтахъ со старцами былъ важенъ, твердъ, не косноязыченъ, часто горячъ тамъ, гдѣ видѣлъ неправду, не любимъ за то, но всегда уважаемъ, какъ мужъ нелицепріятный, прямодушный. Любилъ дѣлать добро безъ тщеславія, былъ гордъ только противъ гордыхъ, ласковъ, обходителенъ со всѣми, преданъ престолу безъ всякихъ своекорыстныхъ видовъ. Хвалилъ за глаза, бранилъ открыто“. [1])

Въ періодъ управленія кн. Лобанова Полтава мало измѣнилась. При немъ, между прочимъ, заканчивались постройки казенныхъ зданій, начатыхъ еще при кн. А. Б. Куракинѣ: губернаторскаго и вице-губернаторскаго домовъ, зданія занимаемаго нынѣ полицейскимъ управленіемъ, дворянскаго дома, сооруженнаго на средства полтавскаго дворянства. Мѣсто для послѣдняго дома пріобрѣтено кн. А. Б. Куракинымъ на счетъ суммы (400 т.) высочайше пожалованной на постройку казенныхъ зданій въ Полтавѣ и въ полтавской губерніи вообще. При князѣ Лобановѣ построенъ въ Полтавѣ и первый театръ, стоимостью въ 20 тыс. асс. Помѣщался онъ за нынѣшнимъ епархіальнымъ женскимъ училищемъ. Интересно, что при театрѣ этомъ были устроены квартиры для почтальоновъ, вѣроятно—благодаря тому, что театръ находился вблизи почтамта.

О состояніи театра при Лобановѣ-Ростовскомъ данныхъ у насъ нѣтъ. Много обращалъ вниманія на театръ его преемникъ, кн. Н. Г. Репнинъ, большой любитель театра и музыки. Познакомимся съ его біографіей, что необходимо въ виду того, что при

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, Словарь достопамятныхъ людей, ч. 3.

изложеніи очерка того или другого учрежденія мы встрѣтимся съ дѣятельностью ихъ обоихъ.

Князь Николай Григорьевичъ Репнинъ родился 28 января 1778 года. Онъ былъ сыномъ генералъ-адъютанта, кн. Г. С. Волконскаго, а матерью его была дочь фельдмаршала кн. Н. В. Репнина. По высочайшему повелѣнію, въ 1801 г. онъ принялъ фамилію своего дѣда по матери Репнина. Н. Г. Репнинъ получилъ образованіе въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда вышелъ въ кавалергадскій полкъ. Въ войнахъ съ Наполеономъ принималъ дѣятельное участіе, бывалъ въ походахъ за границей, гдѣ подъ Аустерлицемъ былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ. Послѣ заключенія Тильзитскаго мира, былъ посланникомъ при дворѣ братьевъ Наполеона I, Іеронима и Іосифа. Послѣ 1812 года, по порученію союзныхъ монарховъ, Репнинъ управлялъ Саксонскимъ королевствомъ, съ званіемъ вице-короля. Послѣ вѣнскаго конгресса, онъ былъ назначенъ 22 іюля 1816 года на постъ военнаго губернатора Малороссіи и управляющаго гражданскою частью полтавской и черниговской губ. На этомъ посту онъ пробылъ 18 лѣтъ, до 1 янв. 1835 года, когда былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта.

Первое впечатлѣніе Полтавы на князя Р. было не въ ея пользу. Вотъ что онъ писалъ Г И. Затерману: „Здѣсь, въ Полтавѣ, знакомиться труднѣе черниговскаго; въ огромныхъ зданіяхъ остался какой-то духъ важной и почти придворной церемоніи, спорящей съ военными моими обыкновеніями, но отчаяваться не должно, авось преодолѣемъ“ [1]). Такой отзывъ о Полтавѣ мало понятенъ: гдѣ эти были огромныя зданія, этотъ „духъ важной“ почти придворной церемоніи? Полтава въ то время была небольшимъ городомъ, гдѣ мало еще жило знатныхъ, „генералитета“, какъ выражались въ то время. Въ скоромъ времени, однако, кн. Репнинъ съумѣлъ снискать себѣ уваженіе всѣхъ сословій города и края своею дѣятельностью, обходительностью. Это былъ, по словамъ А. С. Лашкевича, „высокогуманный и благонамѣренный администраторъ. Онъ любилъ свой край, заботился о благосостояніи всего населенія, охранялъ интересы крѣпостныхъ и энергично отстаивалъ уцѣлѣвшія еще права козаковъ, чѣмъ навлекъ на себя подозрѣніе въ сепаратизмѣ, несогласное вовсе съ его возвышенными стремленіями, ни съ духомъ и обстоятельствами

---

[1]) Арх. полт. губ. правл. 1817 г. по описи № 73.

того времени [1]). Кн. Репнинъ былъ очень доступенъ и требовалъ отъ подчиненныхъ непосредственнаго обращенія къ нему при рѣшеніи болѣе или менѣе важныхъ дѣлъ. Такъ, когда на имѣніе прилуцкаго предводителя Я. А. Горленка было наложено запрещеніе за то, что назначенные имъ опекуны продали движимость умершаго помѣщика Будлянскаго, а Я. А. Горленко написалъ письмо правителю канцеляріи съ просьбой защитить его передъ генералъ-губернаторомъ, то князь, узнавъ объ этомъ, послалъ Горленку внушительную бумагу, въ которой между прочимъ писалъ:—„Стыдно маршалу оправдываться не прямо передъ начальникомъ, а искать посредниковъ. Стыдно маршалу не знать способности и правила дворянъ, живущихъ въ предводительствуемомъ имъ повѣтѣ. Стыдно маршалу не знать, что происходитъ въ его повѣтѣ и не извѣщать о томъ главнаго начальника, требовавшаго торжественно отъ него правды и открытія злоупотребленій [2]). Въ 1828 году жители г. Роменъ, вмѣстѣ съ городскимъ головой Киріономъ Нестеренкомъ, подали прошеніе императору съ ходатайствомъ о продленіи пятилѣтней льготы, данной для устроенія города. Это не понравилось Репнину и, будучи въ Ромнахъ, онъ это высказалъ городскому головѣ, при чемъ отрѣшилъ его отъ должности. Кн. Репнинъ не отрицалъ права жителей жаловаться императору, но городскому головѣ поставилъ въ вину неувѣдомленіе его, какъ начальника края, о тѣхъ притѣсненіяхъ, какія терпѣли жители отъ мѣстныхъ властей. Заступничество мѣстнаго помѣщика А. Полетики и С. В. Капниста смягчило Репнина, и городской голова остался на мѣстѣ [3]). Въ томъ же родѣ былъ поступокъ черниговскаго губернскаго предводителя дворянства С. М. Ширая, жаловавшагося государю на неправильности при рекрутскомъ наборѣ. Въ чемъ состояли эти неправильности, мы не знаемъ, но кн. Репнинъ остался очень недовольнымъ его поступкомъ и когда наступили новые дворянскіе выборы, вотъ что писалъ о Ширaѣ черниговскому губернатору Н. И. Жукову: „До свѣдѣнія моего дошли слухи, что С. М. Ширай пріѣхалъ въ Черниговъ и желаетъ при предстоящихъ выборахъ вступить въ должность губернскаго маршала. Послѣ

---

1) Кіев. Старина 1887 г., янв. 172—177.

2) Арх. губ. правл. 1819 г., по описи № 213; цѣликомъ помѣщено въ 1 вып. Трудовъ Полтавской Арх. Коммиссіи.

3) Арх. губ. правл. 1826 г. по описи № 5; 201—207 стр.

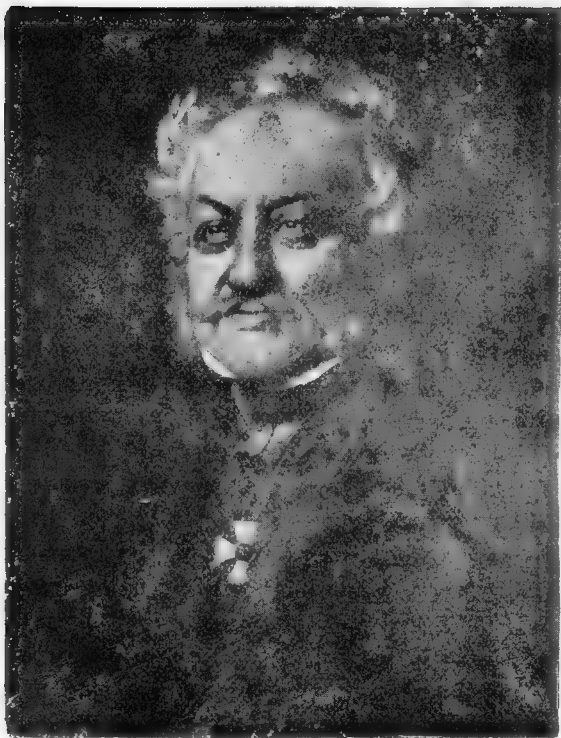
жалобы, принесенной имъ на меня Государю Императору, не намѣренъ я допустить его къ должности на нынѣшнее трехлѣтіе, но если дворянство изберетъ его на будущее и онъ перемѣнитъ свое поведеніе, то радъ буду утвердить въ оной. Почему я покорнѣйше прошу В. Пр—во извѣстить меня о семъ до пріѣзда моего въ Черниговъ для соображенія, ибо я весьма буду благодаренъ, если В. Пр—во найдете случай дать ему о семъ почувствовать [1]). Эти данныя указываютъ, насколько Репнинъ требовалъ откровенности и непосредственнаго отношенія къ себѣ при рѣшеніи дѣлъ. Въ архивѣ полтавскаго губернскаго правленія сохранилась переписка князя съ разными лицами („партикулярная переписка генералъ-губернатора"). Просматривая эту переписку, сохранившуюся за всѣ годы его управленія Малороссіей, мы встрѣчаемъ здѣсь очень много прошеній о предоставленіи мѣстъ, объ опредѣленіи дѣтей въ школы, о пособіи и т. под. И всѣмъ просителямъ князь отвѣчалъ и дѣлалъ, что было возможно. Во многихъ прошеніяхъ и письмахъ проглядываетъ иногда лесть. Нѣкто Полторацкій свои просительныя письма обыкновенно начиналъ такъ: „Сдѣлать доброе дѣло есть пища князя Репнина". Поздравительная ода, сочиненная гимназистомъ IV класса черниговской гимназіи Василіемъ Лазаревскимъ и присланная ко дню имянинъ князя (6 декабря), несомнѣнно была вызвана желаніемъ директора гимназіи П. Левицкаго угодить генералъ-губернатору. Нельзя допустить, чтобы гимназисту IV класса пришла въ голову мысль послать начальнику края длиннѣйшую высокопарную оду, состоящую изъ 200 слишкомъ стиховъ. Но разсчетъ директора не удался, онъ не угодилъ князю. Послѣдній вотъ что писалъ директору: „Я имѣлъ удовольствіе получить письмо ваше и приложенную при ономъ оду, составленную воспитанникомъ IV класса черниговской гимназіи Василіемъ Лазаревскимъ, и видя въ семъ доказательство его усердія ко мнѣ, я покорнѣйше прошу васъ, М. Г., объявить ему за сіе мою благодарность. Но, отдавая справедливость талантамъ молодого человѣка, по участію въ немъ, совѣтовалъ бы ему не употреблять оныхъ на занятія, имѣющія цѣль лесть начальству, стараться усовершенствовать способности, Провидѣніемъ ему дарованныя для пользы отечества, которое его призрѣло и дало возможность быть достойнымъ гражданиномъ" [2]).

---

[1]) Ар. губ. правл. 1828 по описи № 400, л. 91.

[2]) Ода напечатана нами въ 1 т. Трудовъ Архивной коммиссіи. Къ исторіи Малороссіи во время Репнина. Арх. г. правл. 1832 г., по описи № 188.

Таково было деликатное внушеніе со стороны Репнина педагогу, пріучавшему молодежь къ лести и сервилизму. Но были письма, и даже подарки князю со стороны не подчиненныхъ ему лицъ, которыхъ, повидимому, нельзя было заподозрить въ иныхъ побужденіяхъ, кромѣ искренняго къ нему расположенія. Такъ супруга д. с. с. Марія Глазенапъ, выражая князю свое уваженіе, прислала въ подарокъ коверъ съ изображеніемъ тигра и при



Кн. Н. Г. Репнинъ.

этомъ писала ему: „Не быстро скачущаго въ африканскихъ пустыняхъ тигра, но листовидную кроткую его тѣнь, сдѣланную на фабрикѣ моей, посылаю вамъ и прошу покорно совершенные его недостатки замѣнить въ истинномъ моемъ къ вамъ уваженіи" и пр. Однако князь ковра не принялъ и отправилъ его обратно „за ненадобностью" [1]) Нѣкто Благодаровъ, замѣтивъ, что Репнинъ

[2]) Арх. г. правл. 1819 г., по описи № 59.

курить папиросы изъ мундштука, прислалъ ему въ подарокъ хорошій мундштукъ. На этотъ разъ князь почему-то не отвергъ подарка и благодарилъ дарителя [1]).

Репнинъ былъ человѣкъ просвѣщенный. Онъ много заботился о собираніи историческихъ документовъ, лѣтописей, и переписывался по этому поводу съ Чепой, Полетикой и др. При его содѣйствіи была составлена первая исторія Малороссіи Бантышъ-Каменскимъ, о распространеніи которой онъ не мало заботился [2]). Это достаточно свидѣтельствуетъ о томъ, насколько онъ сознавалъ пользу и необходимость знакомства съ прошлымъ края, которымъ управлялъ.

Репнинъ очень энергично отстаивалъ свои ходатайства о нуждахъ края. Его переписка съ тогдашнимъ министромъ финансовъ Канкринымъ хорошо рисуетъ его настойчивость. Канкринъ не всегда относился сочувственно къ ходатайствамъ Репнина и, напр., не хотѣлъ удовлетворить его ходатайство объ облегченіи дворянства въ уплатѣ податей по случаю неурожаевъ; но въ такихъ случаяхъ Репнинъ обращался непосредственно къ государю и настойчиво отстаивалъ нужды края [3]). Не пользовался онъ расположеніемъ и другого вліятельнаго сановника того времени, министра внутреннихъ дѣлъ графа (впослѣдствіи князя) В. П. Кочубея. Въ письмѣ къ извѣстному М. М. Сперанскому, Кочубей, сообщая о перемѣщеніи въ совѣтъ министровъ его зятя Александра А. Фролова-Багрѣева, занимавшаго въ 1824 г. постъ черниговскаго губернатора, между прочимъ писалъ: „я считаю для самаго Александра Алексѣича это большое счастье, не потому что новое мѣсто было весьма выгодно, но вслѣдствіе опасности, которая предстоять можетъ и самому благонамѣренному мѣстному начальнику, когда зависимость его также на мѣстѣ не руководствуется ни правилами, ни законами. О безпорядкахъ здѣшнихъ [4]) я много слышу со времени пребыванія моего въ семъ краю. Слухъ пронесся было, что Репнинъ не возвратится, а за нимъ послѣдовалъ и другой, всѣхъ въ унывіе приведшій, будто генералъ Эртель назначается ему въ преемники. Эртеля здѣсь знаютъ всѣ по пребыванію его въ Ромнѣ для сформированія ре-

---

[1]) Арх. г. правл. 1819 г., № 322.

[2]) См. 1 т. Трудовъ Полтавской Архив. Коммиссіи, гдѣ приведена нами переписка его съ Бантышомъ-Каменскимъ, Мартосомъ, Чепой и др.

[3]) Арх. Губ. Правленія 1824. № 597.

[4]) Т. е. въ Малороссіи, откуда писано письмо.

зервовъ. Такъ прославился онъ своими привычками, кои продолжая, обобралъ было онъ и могилевскаго помѣщика Яншина, о чемъ и его величеству извѣстно". Въ другомъ письмѣ Кочубей еще рѣзче отзывается объ управленіи Репнина: „Багрѣеву я лично повторилъ о убѣжденіи моемъ, что не могло быть для него ничего счастливѣе, какъ перемѣщеніе его въ столицу. Здѣсь (т. е. въ Малороссіи) все идетъ противъ здраваго разсудка и злоупотребленія неисчислимы. Генералъ-губернаторъ въ деревнѣ своей ѣстъ и пьетъ, а управляютъ губерніями канцелярскіе чиновники, изъ всего дѣлающіе деньги" [1]). Отзывъ очень суровый, но едва ли справедливый. Что Репнинъ часто проживалъ въ своемъ любимомъ имѣніи Яготинѣ, это вѣрно; что въ то время было слишкомъ развито взяточничество, никто не станетъ оспаривать; но едва ли будетъ справедливо сказать, чтобы управленіе Репнина Малороссіей прошло безслѣдно. Онъ боролся со взяточничествомъ, сильно распространеннымъ въ то время; боролся противъ злоупотребленій, вызываемыхъ крѣпостнымъ правомъ. Онъ пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ стать на защиту крѣпостныхъ, нерѣдко говорилъ онъ на дворянскихъ съѣздахъ, призывая дворянъ къ кроткому обращенію со своими крестьянами: „Сіи отеческія попеченія ваши, говорилъ онъ, да не будутъ подвержены кратковременности жизни человѣческой; оснуйте и на будущія времена благоденствія чадъ и внучатъ вашихъ. По мѣстнымъ позназньямъ вашимъ изыщите способы, коими, не нарушая спасительной связи между вами и крестьянами вашими, можно было бы обезпечить ихъ благосостояніе и на грядущія времена, опредѣливъ обязанности ихъ. Черезъ сію единственную мѣру предохраните вы ихъ навсегда отъ тѣхъ притѣсненій, которыя, по несчастью, еще доселѣ случаются. Избавьте правительство отъ горестной обязанности преслѣдовать оныя и благородное сословіе ваше отъ нареканія, происходящаго черезъ поступки людей, недостойныхъ быть сочленами онаго. Иные изъ васъ совершенно сіе исполнили, другіе своими попеченіями о подвластныхъ имъ крестьянахъ весьма къ нимъ сблизились, Но да будетъ сіе подвигомъ общимъ и да удостоится малороссійское дворянство быть по истинѣ умомъ и душою своего народа". Въ случаѣ притѣсненій крестьянъ Репнинъ предписывалъ всегда производить строгое разслѣдованіе. Въ имѣніи Гриневича крестьяне убили управляющаго. Лукаше-

[1]) Рус. Старина. 1902. Ноябрь, стр. 310 и 312.

вичъ, занимавшій должность предводителя, взялъ подъ свою защиту этого помѣщика. „Я не могу, писалъ Репнинъ Лукашевичу, по долгу моему и по самой совѣсти ослабить строгости мѣръ, предписанныхъ мною по сему дѣлу, ибо тамъ, гдѣ жестокостью и изнуреніемъ прихотливыхъ владѣльцевъ или послабленіемъ ихъ отъ управляющаго доведены крестьяне до рѣшимости посягнуть хладнокровно на убійство, тамъ оправданіе о невѣдѣніи отъ помѣщиковъ слишкомъ слабо и принято быть не можетъ. Изнуренный видъ и состояніе крестьянъ не могли быть сокрыты, а знавъ оное, они не отвратили жестокости, то не значитъ ли сіе, что поведеніе управляющаго было съ вѣдома и одобренія ихъ?“ Поэтому Репнинъ не соглашается освободить Гриневича отъ отвѣтственности по этому дѣлу, пока онъ не оправдается [1]). Самоубійство 12-лѣтняго мальчика въ имѣніи генерала Сталя заставляетъ Репнина собрать конфиденціально свѣдѣнія о положеніи крестьянъ въ этомъ имѣніи [2]). Въ такомъ родѣ можно указать не мало примѣровъ.

По ходатайству Репнина былъ открытъ въ Полтавѣ институтъ благородныхъ дѣвицъ; онъ же подалъ мысль основать въ Полтавѣ кадетскій корпусъ. Вообще это былъ просвѣщенный дѣятель.

Кн. Репнинъ оставилъ постъ малороссійскаго генералъ-губернатора въ январѣ 1835 года, когда былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Оставляя Малороссію, онъ благодарилъ дворянство за доброе отношеніе къ нему. Въ отвѣтномъ письмѣ губернскій предводитель дворянства гр. И. В. Капнистъ писалъ князю, что „таковый прощальный отзывъ Вашъ дворянство несомнѣнно пріиметь со всеобщимъ чувствомъ прискорбія и съ искреннею признательностью къ великодушному обѣту сердца вашего содѣйствовать пользамъ и благосостоянію Малороссіи, дастъ полную цѣну тому преимуществу, коимъ доблестное имя Ваше присоединяется къ сословію дворянъ полтавской губерніи,—преимущество, которымъ позднѣйшее потомство справедливо гордиться будетъ...“ [3]) Прилукское дворянство, въ знакъ признательности, порѣшило поставить бюстъ кн. Репнина въ залѣ дворянскаго собранія.

---

[1]) Арх. П. Губ. Правл. 1817 г., по описи № 73.
[2]) Арх. П. Губ. Правл. 1818 г., по описи № 34.
[3]) Двор. арх. 1835 г., № 8.

Въ іюнѣ 1838 г. кн. Репнинъ отправился за границу, гдѣ прожилъ нѣсколько лѣтъ. Въ это время стряслась надъ нимъ бѣда изъ за полтавскаго института благородныхъ дѣвицъ, созданнаго имъ вмѣстѣ съ супругой своей, внучкой послѣдняго гетмана Кир. Разумовскаго, унаслѣдовавшей его богатыя имѣнія въ Малороссіи. И. д. малороссійскаго генералъ-губернатора гр. Строгановъ [1]) донесъ объ оказавшихся значительныхъ недочетахъ по постройкѣ институтскаго зданія. Предсѣдателемъ комиссіи по постройкѣ института былъ самъ Репнинъ. По разслѣдованіи оказалось, что отчетностей по постройкѣ не было, шнуровыя книги были найдены безъ печати, было взято, по словеснымъ приказаніямъ кн. Репнина, изъ приказа общественнаго призрѣнія 200 тысячъ р.. Комиссія, ревизовавшая дѣло постройки, порѣшила уволить отъ должности казначея и содержать его подъ присмотромъ, а на имѣнія Рѣпнина наложить запрещенія. На докладѣ объ этомъ рѣшеніи императоръ Николай I написалъ: „Согласенъ. Князю Репнину черезъ вице-канцлера велѣть немедля возвратиться въ Россію для отдачи отчета въ своихъ дѣйствіяхъ“ [2]).

Въ концѣ концовъ дѣло окончилось тѣмъ, что изъ числа богатѣйшихъ имѣній кн. Репнина, заключавшихъ болѣе 22,000 душъ крестьянъ, ему остался одинъ Яготинъ съ 5000 душъ, а всѣ остальныя были распроданы счетной комиссіей на пополненіе недочетовъ. Разумѣется, не могло быть и рѣчи о какомъ либо злоупотребленіи со стороны кн. Репнина при постройкѣ института. Сама ревизіонная комиссія оцѣнила это зданіе въ 465,000 руб., между тѣмъ на его постройку изъ казны отпущено было всего 200,000 руб. асс.; слѣдовательно, помимо занятыхъ въ приказѣ 200,000 р., изъ личныхъ средствъ Репниныхъ израсходовано на постройку 65,000 р. асс. [3])

Въ 1842 г. князь Репнинъ возвратился изъ за границы въ свое имѣніе Яготинъ, гдѣ и скончался 7 января 1845 г. Похороненъ онъ въ Густынскомъ монастырѣ, близъ г. Прилукъ, гдѣ впослѣдствіи погребена и его супруга Варвара Алексѣевна, скончавшаяся въ Москвѣ 10 октября 1864 г., въ глубокой старости.

---

[1]) Зять непріязненно расположеннаго къ Репнину князя В. П. Кочубея.

[2]) Истор. обзоръ Комитета министровъ, т. 2, 115 и 116 стр.

[3]) Подробнѣе и вѣрнѣе всего исторія о постройкѣ зданія полт. института разсказана въ запискахъ И. Сердюкова, современника и сослуживца кн. Репнина, помѣщенныхъ въ XI кн. „Кіев. Стар.“ за 1896 г.

ГЛАВА II.

Устройство города по плану кн. А. Б. Куракина. Нѣмецкая колонія. Вызовъ фабрикантовъ-колонистовъ изъ-за границы и постройка для нихъ домовъ. Отзывъ кн. Долгорукаго о полт. колоніи. Злоупотребленія губернатора Козачковскаго при устройствѣ колоніи. Внутренній бытъ полтавскихъ колонистовъ.

Еще въ 1805 г. генералъ-губернаторъ кн. А. Б. Куракинъ составилъ планъ устройства города. По этому плану приходилось немало прорѣзывать новыхъ улицъ, нерѣдко черезъ частныя усадьбы, уже застроенныя. Этимъ дѣломъ завѣдывала городская дума; она входила въ сношеніе съ владѣльцами, уплачивала имъ деньги за усадьбы, а чаще всего промѣнивала ихъ на другіе участки, уплачивала и за переноску строеній. При думѣ были оцѣнщики, опредѣлявшіе стоимость построекъ, садовъ и т. под. Платили нерѣдко полною суммою за извѣстный участокъ, но чаще всего отъ квадратнаго сажня.

Замѣчательно, что цѣна на городскую землю не поднялась за весь разсматриваемый періодъ, т. е. съ 1808 по 1834 г., за время управленія краемъ кн. Лобанова-Ростовскаго и Н. Г. Репнина. Дума уплачивала за квадратный сажень по 3 к. за пустопорожнюю землю, да и сами владѣльцы запрашивали такую же цѣну. Чаще всего недоразумѣніе и торгъ съ думой происходили изъ-за построекъ и садовъ. Дѣла по обмѣну и покупкѣ усадебъ тянутся въ теченіе всего разсматриваемаго нами періода и ими наполнены архивныя связки. Укажемъ для примѣра нѣсколько сдѣлокъ для составленія понятія о тогдашней стоимости земли. Такъ, усадьба Клименка (14 саж. въ длину и 3 въ ширину) съ „садомъ родючаго дерева“, отошедшая подъ монастырскую улицу, была пріобрѣтена за 50 р.[1]) Нѣкто Мамонтовъ уступилъ для выгона 3 дес. 1872 кв. саж. за 400 р.[2]) Супруга генералъ-губернатора В. А. Репнина пріобрѣла возлѣ Николаевской горы 1 дес. 494 кв. саж., а въ другой разъ 1 дес. 111 кв. саж., и за все это уплатила 304 р. 15 к.[3])

Въ 1813 году городская дума пріобрѣла мѣсто у прапорщика Өедора Наливайка для устройства на немъ кладбища (нынѣ Старое кладбище), мѣрою 2310 кв. сажень. Наливайку предложили

---

1) Гор. арх. 1809 г., № 1438.

2) Гор. арх. 1816 г., дѣло № 2367, журн. засѣд. 14 Іюля.

3) Гор. арх. 1819 г., дѣло № 2753, и 1823 г., дѣло № 3475.

мѣсто въ другой части города мѣрою въ 420 кв. саж. и деньгами 110 р., но онъ желалъ получить 290 р. Губернское правленіе, утверждавшее постановленія думы, назначило 150 р.[1]) За переноску простой хаты съ соломенной крышей платили 25 р. асс. (хаты съ „сѣнцами и погребомъ“ [2]). Бѣднымъ жителямъ отводили земли для постройки на нихъ хатъ съ соломенными крышами чаще всего по Гончарной горѣ и около Рогизнянскаго моста.[3]) Для постройки этихъ избъ выдавались ссуды изъ приказа общественнаго призрѣнія.[4]) Дѣла по обмѣну и покупкѣ земель не всегда велись добросовѣстно и тянулись долгое время.

Укажемъ на покупку земли городской думой для нѣмецкихъ колонистовъ. Дума слишкомъ довѣряла секретарю своему Полонцу, за что и поплатилась. Въ 1809 г. дума пріобрѣла у дворянки Гречаниной дворовое мѣсто съ фруктовымъ садомъ за 990 р. съ придачей въ другомъ мѣстѣ усадебнаго участка въ 674 кв. саж. Нѣсколько позже пріобрѣтены были на условіяхъ такого же обмѣна усадьбы Селеховой, Марины Лобинской и прапорщика Детора. Нѣкоторые изъ этихъ владѣльцевъ, получивъ отъ думы формальные акты, построили на новыхъ мѣстахъ дома. Прошло нѣсколько лѣтъ, и оказалось, что дума дала этимъ владѣльцамъ земли, принадлежащія гр. Разумовскому. Поднялось дѣло, тянувшееся нѣсколько лѣтъ. Въ 1814 году дума предписала полиціи отобрать у означенныхъ лицъ акты, выданные думой на владѣніе этими участками, но полиція медлила, да нѣкоторыхъ владѣльцевъ, за выѣздомъ изъ города, не могла и разыскать. Несмотря на многократныя настоянія думы „поспѣшить съ этимъ дѣломъ, отчего легко можетъ разрѣшиться отъ бремени полиція“, документы у владѣльцевъ не были отобраны. Губернское правленіе, куда перешло это дѣло, порѣшило: „чтобы члены, бывшіе въ думѣ, возчувствовали виновность свою въ слабомъ за секретаремъ надзорѣ, взыскать съ нихъ за переносъ строеній, устроенныхъ на незаконной землѣ“. Такъ поплатилась дума за свой недосмотръ. Дѣло это окончилось въ 1827 году; земли были отобраны, инымъ владѣльцамъ уплачены деньги, другимъ даны

---

1) Гор. арх. 1813 г., дѣло № 2051 и 1424.
2) Гор. арх. 1808 г., дѣло № 1223.
3) Гор. арх. 1820 г., дѣло № 2900.
4) Гор. арх. 1809 г., дѣло № 1386.

новые участки[1]), Въ 1821 году, по распоряженію губернскаго правленія, городская дума надѣлила нѣмцевъ-колонистовъ 12 дес. 209 саж., пріобрѣтенными по 100 р. за десятину. Въ 1834 году, когда рѣшено было построить зданіе для кадетскаго корпуса, то земля эта была отобрана подъ устройство на ней кирпичнаго завода для выдѣлки кирпича на постройку корпуснаго зданія, а колонистамъ, помимо ихъ желанія, было отведено въ другомъ мѣстѣ 11 дес. 1995 кв. саж.[2]).

Устройство нѣмецкой колоніи въ Полтавѣ относится къ началу управленія краемъ кн. Лобанова-Ростовскаго. Кромѣ Полтавы, такія колоніи были устроены еще въ Константиноградѣ. Населены онѣ были нѣмцами, суконными фабрикантами, вызванными изъ Богеміи, Саксоніи, Эльзаса. Въ ноябрѣ 1808 года прибыло въ Полтаву 6 семействъ первыхъ колонистовъ, „суконныхъ и шерстяныхъ дѣлъ мастеровъ". Кн. Куракинъ предписалъ занять для колоніи два квартала около кирпичныхъ заводовъ, принадлежащихъ приказу общественнаго призрѣнія,[3]) и приступить къ постройкѣ домовъ. Но Куракинъ скоро оставилъ Полтаву и устройство нѣмецкихъ колоній было дѣломъ его преемниковъ кн. Лобанова-Ростовскаго и Репнина. Всѣхъ нѣмцевъ прибыло 249 д. обоего пола (54 семьи), въ Константиноградѣ было поселено 41 сем. (218 д. обоего пола). Нѣмцы-колонисты вызваны были на слѣдующихъ условіяхъ, высочайше утвержденныхъ 20 февраля 1804 года: имъ была обѣщана 1) свобода вѣры, 2) свобода отъ платежа податей и всякихъ повинностей въ теченіе 10 лѣтъ, а послѣ этого срока колонисты должны платить поземельную подать въ первые 10 лѣтъ по 15—20 коп. за каждую десятину и затѣмъ они должны быть относительно податей уравнены съ казенными поселянами. „Что же принадлежитъ до прочихъ зем-

---

[1]) Гор. арх. 1814 г., № 2169, 1825 г., № 3776, журн. засѣд. 5 дек. 1817 г., журн. засѣд. 25 марта 1827 г., № 4037.

[2]) Гор. арх. 1821 г. № 3118, 1834 г., № 4851 и 4849, журн. засѣд. 5 сентября. Въ 1820 г., на основаніи указа отъ 27 дек. 1818 г. рѣшено отдать въ собственность колонистовъ казенные дома, присоединивъ часть земли для огорода и сѣнокоса. Гор. арх. 1820 г., дѣло № 2907.

[3]) Одинъ изъ заводовъ прилегалъ къ оврагу. Кн. Куракинъ предполагалъ устроить здѣсь и пруды и другія водохранилища... но не успѣлъ, такъ какъ выѣхалъ на службу въ Петербургъ. Кн. Куракинъ самъ избралъ мѣста для поселенія колонистовъ, предписалъ купить сейчасъ мѣста для нихъ; раньше здѣсь были земли Донца, Кочубея, приказа, Иващенка и др. Гор. арх. 1808. № 1305.

скихъ повинностей, оныя тотчасъ, по истеченіи льготы, колонисты повинны нести наравнѣ съ тѣми россійскими подданными, между которыми водворены будутъ, исключая постоевъ, кромѣ тѣхъ, однако, случаевъ, когда воинскія команды проходить будутъ". 3) „Свобода отъ воинской и гражданской службы. По собственному желанію въ оную всякому дозволяется поступать, однако черезъ то не избавляются они отъ платежа своего долга казнѣ". 4) Уплата ссудныхъ денегъ отъ казны, по прошествіи льготныхъ лѣтъ, располагается на послѣдующія десять. 5) Всѣмъ колонистамъ дается безденежно земля. 6) Со дня прибытія на границу начинается выдача кормовыхъ денегъ по 10 к. взрослой и по 6 к. малолѣтней душѣ въ сутки, до самаго того времени, пока прибудутъ на поселеніе, и сіи деньги употребляются на счетъ безвозвратныхъ издержекъ; однако, когда кто пожелаетъ выѣхать изъ Россіи, то и оныя возвратить долженъ. 7) По прибытіи на мѣсто поселенія, до первой собственной жатвы, производится отъ 5 до 10 к. каждой душѣ, судя по цѣнѣ жизненныхъ припасовъ, и сія сумма ими должна быть возвращена вмѣстѣ съ общею ссудою. 8) Ссуда на построеніе домовъ, покупку скота и вообще на все обзаведеніе хозяйствомъ простирается до 300 р.; людямъ же, которые пріѣдутъ съ хорошимъ достаткомъ, можетъ быть и увеличена, если для какого-нибудь полезнаго заведенія они того требуютъ. 9) Позволяется ввозить имъ при поселеніи имѣніе свое, въ чемъ бы оно ни состояло, безпошлинно и сверхъ того каждому семейству, разумѣя въ ономъ мужа и жену съ малолѣтними дѣтьми, или двухъ совершенныхъ работниковъ, или же четырехъ женщинъ, одинъ родъ товаровъ для продажи по цѣнѣ до 300 р., только бы товары эти были собственные ихъ, а не отъ посторонаихъ людей имъ порученные или въ долгъ взятые. 10) Ежели кто, когда бы то ни было, пожелаетъ выйти изъ государства, то въ томъ дается ему свобода, но съ тѣмъ, чтобы, сверхъ уплаты всего причитающагося на немъ долга, единовременно внесъ въ казну трехгодичную подать. 11) Позволяется заводить фабрики и другія нужныя ремесла, вступать въ гильдіи и цехи и вездѣ въ имперіи продавать свои издѣлія. Если кто изъ прибывшихъ на поселеніе окажется ослушнымъ и непокорнымъ постановленному начальству или пустится въ развратъ, таковый непремѣнно, по взысканіи съ него должнаго казнѣ, высланъ будетъ за границу.[1]).

[1]) Записки о Полтавѣ—Бучневича 2 изд. 286—287; то же у Арендаренка, ч. II, 75—77 стр.

На постройку домовъ для колонистовъ въ Полтавѣ и Константиноградѣ, на покупку земли, на выдачу ссудъ и т. под. казна истратила до 400 тыс. рублей. Въ Полтавѣ было выстроено 50 такихъ домовъ. Дома были однообразные, построены по одному плану, плетневые, обмазанные навозомъ, какъ строились они въ то время (да и теперь) въ Малороссіи. Путешествовавшій по Малороссіи въ 1810 году владимірскій губернаторъ И. М. Долгорукій посѣтилъ, между прочимъ, Полтаву и заинтересовался ея нѣмецкою колоніей. Она произвела на него крайне дурное впечатлѣніе. Говоря о постройкахъ, Долгорукій пишетъ: „Въ этихъ карточныхъ домикахъ живутъ ткачи и при нихъ поставленъ станъ каждаго. Считаютъ, что какъ постройка сей слободы, такъ и двухъ еще подобныхъ въ Кременчугѣ и Константиноградѣ, т. е. въ полтавской губерніи, обошлась казнѣ въ 400 тыс.; тамъ, однако, домы рубленные изъ дерева, здѣсь иныя связи обратились въ настоящія тюрьмы; окончины (т. е. окна) одинокія и двойныя, обѣ для прочности разъ навсегда вмазаны въ стѣны и не отворяются ни лѣтомъ, ни зимой. Но дышать необходимо: никакая власть въ свѣтѣ лишить сего блага натуры не можетъ ниже въ тягчайшихъ узахъ неволи. Что же дѣлаютъ эти бѣдные нѣмцы? Они выламываютъ рамы, выбиваютъ стекла, чтобъ пустить себѣ воздухъ. Стѣны, въ основаніе домовъ поставленныя, такъ прозрачны, какъ рѣшето и отъ сотрясенія становъ во время работы чувствительно даже, какъ онѣ зыблются и держатся только на угловыхъ столбахъ“.[1]) Почему новые дома выглядѣли такими развалинами—намекъ на причину этого находимъ въ запискахъ того же Долгорукаго. „Къ особенной чести нынѣшняго начальника (т. е. кн. Лобанова)—говоритъ онъ—сказать должно, что онъ съ огорченіемъ смотритъ на расточеніе суммъ казенныхъ и городскихъ, кои послѣдовали до него въ Полтавѣ. Взглядъ его былъ справедливъ, поступки осторожны; онъ отвелъ отъ себя отвѣтственность. Бывшій уже губернаторъ смѣненъ, но еще новаго при насъ не было и никто не смѣлъ войти въ управленіе этой колоніей. Всѣ ея боялись, какъ огня, да и не безъ причины. Жалко, что зло не можетъ такъ легко истребляться, какъ тотъ, кто его сѣмена посѣетъ. Съ человѣкомъ, какъ бы онъ великъ ни былъ, всегда сладить можно и смѣна одного лица никогда труда не стоитъ. Но вотъ бѣда, что худое учрежденіе не скоро поправ-

---

[1]) Долгорукій „Славны бубны за горами“, стр. 82—83.

ляется, а еще труднѣе искоренить его, когда наипаче становится предметомъ большого денежнаго счета".[1]) Авторъ воспоминаній намекаетъ на бывшія злоупотребленія. Смѣненный губернаторъ былъ Алексѣй Өедоровичъ Козачковскій, занимавшій этотъ постъ съ 14 марта 1808 г. по 17 мая 1810. Въ чемъ собственно состояли злоупотребленія, мы не знаемъ, но намъ извѣстно, что на Козачковскаго, уже послѣ его смерти, былъ сдѣланъ начетъ на сумму 34800 р., передержанныя имъ при постройкѣ домовъ для колонистовъ. При увольненіи въ отставку, Козачковскому была назначена пенсія въ половинномъ размѣрѣ получаемаго жалованья на службѣ. Послѣ кончины его, 20 мая 1820 года, вдова его подала на высочайшее имя прошеніе о назначеніи ей пенсіи за службу мужа. Тутъ то вспомнили о постройкѣ покойнымъ домовъ для колонистовъ, и въ пенсіи было отказано. Министръ внутреннихъ дѣлъ В. П. Кочубей, которому было передано это прошеніе, запросилъ кн. Репнина объ имуществѣ покойнаго Козачковскаго и его долгахъ. Оказалось, что у Козачковскаго былъ домъ въ Кременчугѣ, а въ екатеринославской губерніи въ верхнеднѣпровскомъ уѣздѣ 129 душъ крестьянъ и 1800 дес. земли. Казенныхъ долговъ не было, а частный долгъ вдовой былъ уплаченъ. Въ пенсіи было, какъ мы сказали, отказано, и вотъ мотивъ отказа: „прошеніе сіе (т. е. Козачковской), пишетъ В. П. Кочубей, вмѣстѣ съ собранными въ отношеніи Козачковскаго свѣдѣніями, разсматриваемо было въ комитетѣ министровъ. Какъ изъ свѣдѣній сихъ открылось, что г. Козачковскій, по порученію бывшаго малороссійскаго генералъ-губернатора кн. Куракина, имѣвъ въ своемъ распоряженіи сумму, назначенную на обзаведеніе выѣхавшихъ изъ Саксоніи и водворенныхъ въ полт. губ. фабрикантовъ, сдѣлалъ изъ оной при постройкѣ ихъ домовъ многія передержки и недостройки противъ смѣты, количество которыхъ простирается на сумму до 34800 р., и какъ, съ другой стороны, оставилъ онъ женѣ своей достаточное имѣніе, состоящее въ Кременчугѣ и екатеринославск. губ., то комитетъ гг. министровъ положилъ: просьбу г-жи Козачковской о производствѣ ей пенсіона оставить безъ уваженія". [2])

Кромѣ отвода земли и постройки домовъ, правительство выдавало колонистамъ инструменты, покупало шерсть. За работу

---

[1]) Долгорукій, стр. 84.

[2]) Арх. Губ. Пр. 1820 г., № 308.

отъ штуки сукна имъ платили 30 р. асс. Можно было выдѣлывать сукно въ сырцѣ, изъ собственной шерсти; въ этомъ случаѣ платили отъ штуки 20 р. асс. Каждый станъ, по словамъ Долгорукаго, долженъ былъ выработать до 800 арш. въ годъ, что полагалось на семью колониста. Сукно казна принимала по 82 коп. за аршинъ.

„Тутошніе мастера, говоритъ тотъ-же Долгорукій, сами дѣлаютъ корды, на какихъ чешутъ шерсть, и изобрѣли машину (но она еще не выдержала опытовъ), посредствомъ коей 40 веретенъ вдругъ отъ одной руки дѣйствовать могутъ. Одинъ изъ мастеровъ ткалъ при мнѣ сукно безъ товарища за своимъ станомъ и довольно скоро мечется съ конца на другой, но для корпуса это движеніе тяжело и даже насильственно". Всѣми фабрикантами завѣдывалъ инспекторъ фабрикъ

Несмотря на предоставленныя полтавскимъ колонистамъ льготы, матеріальное положеніе ихъ изъ года въ годъ ухудшалось. Въ 1818 г. правительство констатировало фактъ, что „иностранные суконщики находятся въ разстроенномъ состояніи." Въ силу этого, колонистамъ предоставлены были еще бо́льшія льготы, состоявшія въ томъ, что 1) повелѣно казеный долгъ съ колонистовъ сложить и не взыскивать; 2) каменные дома, въ коихъ они живутъ, предоставить имъ въ собственность и присоединить къ дому необходимую часть земли для огорода и сѣнокоса; 3) казенные инструменты для суконодѣлія отдать имъ тоже въ собственность; 4) выдать заимообразно изъ казны на каждое семейство по сту рублей на три года, и 5) предоставить колонистамъ свободу заниматься какимъ угодно ремесломъ. Полтавскіе колонисты были поручены попечительству князя Репнина, который составилъ въ 1820 г. особую инструкцію для управленія ими. Былъ учрежденъ приказъ изъ старосты и двухъ бейзицеровъ. Лица эти избирались самими колонистами, срокомъ на три года.[1]) Правительство не жалѣло средствъ на устройство этихъ колоній.

Въ 1842 г., по ходатайству генералъ-губернатора кн. Н. А. Долгорукаго, колонистамъ было выдано заимообразно изъ приказа общественнаго призрѣнія 40 тыс. изъ 6%. При этомъ было предписано фабрикантамъ доставлять выдѣланное ими сукно въ кре-

---

[1]) Въ 1821 г. Репнинъ назначилъ особое лицо, шт. ротмистра Листовскаго, на обязанности котораго было разбирать дѣла колонистовъ, входить въ ихъ нужду, сноситься съ генералъ-губернаторомъ и т. п. (Гор. арх. 1821. дѣло № 3165.

менчугскую коммиссаріатскую коммиссію для обмундированія рекрутъ полтавской губерніи. Казна платила за выдѣлку штуки сукна въ сырцѣ мѣрою 42 ар. 7 р. 43 к. Въ 1860-хъ годахъ платилось за аршинъ по 75 коп. Слишкомъ малая цѣна, платимая казной, была главною причиной бѣдственнаго положенія колоніи. А колонисты были очень трудолюбивы. Сами они объясняли обѣдненіе свое слѣдующимъ образомъ: 42 аршина, говорили они, выдѣлывается семьей изъ 4 душъ въ 14 дней. Кромѣ труда, колонистъ несетъ расходъ на масло, клей, освѣщеніе, отопленіе, починку инструментовъ, на валку, стирку и отдѣлку сукна. Далѣе, на свой счетъ ему надо доставить сукно въ Кременчугъ, гдѣ ему платили по 75 к. за аршинъ. По разсчету выходитъ суточный заработокъ колониста въ 7—10 к.[1]) Для улучшенія матеріальнаго положенія колонистовъ былъ организованъ комитетъ, подъ предсѣдательствомъ попечителя колоній, изъ шести человѣкъ, избираемыхъ обществомъ.

Конецъ существованію полтавской колоніи положилъ высочайшій указъ 1867 года, въ которомъ было сказано: „За вызванными въ 1808 году изъ-за границы и поселенными въ полтавской губерніи суконными фабрикантами укрѣпить права неограниченной собственности, надѣленныя имъ отъ казны; срокъ для обязательной приписки полтавскихъ суконщиковъ къ податнымъ сословіямъ—шестой мѣсяцъ со дня настоящаго высочайшаго повелѣнія“. Многіе изъ колонистовъ приписались къ купеческому обществу, другіе къ мѣщанскому. Такова исторія учрежденія этой колоніи, стоившей многихъ средствъ правительству, но едва ли способствовавшей улучшенію въ Россіи суконнаго производства.

Въ 1832 году, 25 іюня, въ полт. нѣмецкой колоніи была освящена кирха во имя св. Петра. На освященіи ея тремя пасторами: Дитгофомъ, Розенштраухомъ и Штейнманомъ присутствовали кн. Репнинъ, губернаторъ Могилевскій и др. Этой кирхи нынѣ не существуетъ, она снесена послѣ того, какъ построилась нынѣшняя кирха около присутственныхъ мѣстъ (ноября 1881 г.). До 1832 г. колонисты собирались для молитвы въ частныхъ домахъ, гдѣ богослуженіе совершали дивизіонные „проповѣдники“.

Еще при Екатеринѣ II, согласно ея указу отъ 15 ноября 1767 года, въ Россіи было образовано 7 евангелическо-лютеранскихъ должностей „дивизіонныхъ проповѣдниковъ“, между кото-

---

[1]) А. Конисскій, Основа, 1861, 70 стр.

торыми былъ особый дивизіонный проповѣдникъ для Украины. Первымъ такимъ проповѣдникомъ былъ назначенъ 8 марта 1768 года прусскій подданный Христіанъ Веберъ, пробывшій въ этой должности до смерти своей, 9 октября 1809 года. Изъ Полтавы онъ объѣзжалъ Украину для совершенія духовныхъ требъ въ войскахъ. Въ Полтавѣ онъ совершалъ богослуженіе въ своемъ домѣ. Съ прибытіемъ фабрикантовъ-колонистовъ изъ Германіи, былъ нанятъ большой залъ для совершенія богослуженія, а затѣмъ, съ 1811 года, храмомъ служилъ залъ въ домѣ пастора Леммера, пріемника Вебера (нынѣ домъ наслѣдниковъ Фролова-Багрѣева, противъ классической гимназіи). Изъ нѣмецкихъ колонистовъ былъ образованъ церковный совѣтъ. Послѣ выхода въ 1818 г, въ отставку Леммера, богослуженіе совершалось въ домѣ Фаренкруга, но вскорѣ церковный совѣтъ нанялъ большой домъ вдовы Цейшнеръ на колоніи, гдѣ и былъ устроенъ молитвенный залъ. Естественно, частые переходы изъ дома въ домъ должны были навести на мысль устройства постояннаго храма. Къ 1 января 1830 г. нѣмцы-колонисты имѣли капитала, собраннаго на этотъ предметъ въ теченіе многихъ лѣтъ, всего 2610 р. асс., да имѣли еще достаточно матеріала, годнаго для постройки, отъ какого-то магазиннаго зданія, подареннаго колоніи императоромъ Александромъ I. Это и дало имъ возможность построить храмъ, освященный въ 1832 году. Извѣстный украинскій писатель А. Я. Конисскій нерѣдко посѣщалъ въ 1860 годахъ богослуженіе колонистовъ и дѣлаетъ такой отзывъ о нихъ: „О чистотѣ, опрятности и честности нечего и говорить: стоитъ только прійти въ воскресный день въ церковь, чтобы увидѣть, какъ эти бѣдные труженики прилично одѣты. За все существованіе колоній едва ли между колонистами были два, три уголовныхъ преступленія, и наши присутственныя мѣста не могутъ жаловаться на обремененіе ихъ дѣлами отъ колонистовъ или о колонистахъ“.[1]) Для призрѣнія престарѣлыхъ фабрикантовъ, колонисты организовали особый сборъ для образованія капитала. Каждый мастеръ вносилъ ежегодно 10 р., подмастерій—5, а ученикъ —1 р. При удостоеніи званія мастера, при выдачѣ свидѣтельства, взималось единовременно 5 р, асс. Колонисты имѣли у себя школу, гдѣ обучали дѣтей грамотѣ, а затѣмъ нѣкоторые отдавали дѣтей своихъ въ гимназію.

---

[1]) Основа, 1861 г., стр. 71.

ГЛАВА III.

Городская дума. Городскіе головы. Дѣянія Черкасова. Городскіе головы Михайловскій, Прокофьевъ, Зеленскій и Чубенко. Выборныя засѣданія въ 1820 и 1826 г. Гласные думы, ихъ обязанности, непосѣщеніе думы, безграмотность. Секретари думы. Дѣлопроизводство. Бильбасовъ. Ревизія думы и проектъ увеличенія штатовъ ея канцеляріи.

Обратимся теперь къ городской думѣ и прослѣдимъ ея дѣятельность за время управленія краемъ Лобанова-Ростовскаго и Репнина. Мы уже говорили объ устройствѣ ея на основаніи городоваго положенія 1785 года.[1])

Помимо городского головы, въ составъ думы входило 6 гласныхъ. Избирались они на три года изъ городского общества, въ составъ котораго входили купцы, ремесленники и мѣщане, безъ различія вѣроисповѣданія. Мѣщане дѣлились на собственно мѣщанъ и посадскихъ. Мѣщане, занимавшіеся торговлей, пріобрѣтали право участія въ думскихъ выборахъ.

За время управленія названныхъ двухъ генералъ-губернаторовъ обязанности городского головы несли слѣдующія лица: въ 1808 году заканчивалъ свое трехлѣтіе купецъ Яковъ Локощенковъ, котораго смѣнилъ Илья Прокофьевъ, избранный вторично на эту должность. Это былъ очень состоятельный купецъ 2-й гильдіи, имѣвшій въ Полтавѣ 11 лавокъ; помимо этого, имѣлъ онъ торговлю въ Одессѣ. Пробылъ онъ не долго, его смѣнилъ Николай Черкасовъ (съ 1811—1814 г.). Дѣятельность этого городского головы далеко была не безупречна. Надо, впрочемъ, сказать, что администрація была имъ очень довольна. Губернаторъ М. И. Бровинъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до оставленія своей должности, предписалъ городской думѣ довести до свѣдѣнія гражданъ „объ отличномъ служеніи, замѣченномъ начальствомъ, правящаго должность городского головы Черкасова“. Городской голова повѣстками собралъ гражданъ въ думу, гдѣ и прочиталъ лестную аттестацію его собственной дѣятельности[2]).

Но не прошло и года, какъ начали обнаруживаться его далеко не похвальныя дѣянія. Мѣщанинъ Иванъ Михайловскій, бывшій при немъ гласнымъ и всегда исполнявшій въ его отсутствіе должность городского головы, подаетъ заявленіе въ губернское правленіе, что Черкасовъ, безъ участія другихъ гласныхъ

---

[1]) См. 1-й вып. „Полтава, въ началѣ XIX стол.“.

[2]) Гор. арх. 1812 г., дѣло № 1917.

думы, вынималъ самолично деньги изъ сундука, покупалъ матерьялы на устройство моста черезъ рч. Рогизну по высокой цѣнѣ, а также платилъ и рабочимъ дороже существующихъ цѣнъ, и т. п. Губернское правленіе потребовало смѣты и журнальныя постановленія думы.[1] Заявленіе Михайловскаго послужило какъ бы сигналомъ къ открытію многихъ другихъ погрѣшностей въ дѣятельности Черкасова. На Сампсоніевской площади, въ гостинномъ ряду (около нынѣшняго Спасскаго храма) городомъ была устроена „шофа“ (крытый амбаръ) для продажи печенаго хлѣба. Самъ Черкасовъ получилъ за нее въ 1811 г. 60 р., а въ 1812 г. 63 р., но первую сумму не внесъ въ городскую кассу. Купецъ Трофимъ Ковалевскій занялъ въ городской кассѣ тысячу рублей и когда возвратилъ, то Черкасовъ не внесъ ихъ тотчасъ въ кассу, а пустилъ предварительно ихъ въ оборотъ. У Черкасова черезъ полицію потребовали объясненія[2]. То же самое было и съ деньгами Носова, внесенными за городскія мѣста[3]. Не перечисляя другихъ его злоупотребленій, замѣтимъ, что на Черкасова былъ сдѣланъ начетъ въ 528 р. 66 к. асс. Начетъ этотъ взыскивался губернскимъ правленіемъ черезъ полицію въ теченіе долгаго времени[4]. Въ концѣ концовъ Черкасовъ, какъ и бывшій нѣсколько лѣтъ спустя городскимъ головой А. Зеленскій, вмѣстѣ съ гласными Труновымъ, Штенбергомъ и др., угодилъ подъ судъ и только въ 1826 году, манифестомъ по случаю коронаціи, оба они были освобождены отъ слѣдствія[5].

Преемникомъ Черкасова, былъ мѣщанинъ Иванъ Михайловскій,—единственный примѣръ избранія въ городскіе головы изъ мѣщанскаго сословія. Онъ, какъ мы видѣли, первый обнаружилъ злоупотребленія Черкасова и этимъ способствовалъ его паденію. Но и самъ онъ былъ неаккуратенъ въ денежныхъ счетахъ. Пробылъ онъ городскимъ головой до 1818 года, когда его смѣнилъ Илья Прокофьевъ, избранный городскимъ головой въ третій разъ. Послужилъ онъ въ этотъ разъ всего два года.

Много лѣтъ спустя, въ 1823 году открылось, что и онъ не вполнѣ добросовѣстно расходовалъ городскія суммы.[6]

---

1) Гор. арх. 1814, дѣло № 2169, журн. засѣд. 1 февраля 1814 г.
2) Гор. арх. 1814, дѣло № 2197, жур. засѣд. 21 апрѣля 1814.
3) Гор. арх. 1814, дѣло № 2218, засѣд. 5 мая.
4) Гор. арх. 1814, дѣло № 2446 и 2229, жур. засѣд. 20 мая и др.
5) Гор. арх. 1826, дѣло № 3914.
6) Гор. арх. 1823, дѣло № 3380, жур. засѣд. 22 марта.

Послѣ него городскимъ головой былъ Авраамъ Моисеевичъ Зеленскій, іудейскаго вѣроисповѣданія („еврейскаго закона", какъ писали въ то время) и пробылъ въ этой должности три года, до конца 1822 г. Это былъ единственный примѣръ избранія въ городскіе головы лица іудейскаго вѣроисповѣданія не только въ разсматриваемый періодъ, но со времени введенія городового положенія 1785 года. Онъ былъ очень богатый человѣкъ, единственный въ то время купецъ 1-й гильдіи. До избранія въ должность головы Зеленскій служилъ въ квартирной комиссіи, а затѣмъ въ городскомъ магистратѣ бургомистромъ. Купцы въ то время должны были по совѣсти объявить имѣющійся у нихъ капиталъ. Зеленскій объявилъ его въ суммѣ 56 тыс., съ котораго и платилъ 4% пошлины въ казну. Такой капиталъ и далъ ему возможность записаться въ купцы первой гильдіи. Помимо торговли, онъ занимался казенными подрядами, для чего нерѣдко ѣздилъ въ Петербургъ.

Умеръ онъ въ 1854 году. Послѣ Зеленскаго городскимъ головой былъ купецъ Павелъ Артемьевичъ Чубенко. Чубенку было уже за 50 лѣтъ, когда онъ занялъ эту должность. Всю предыдущую службу свою онъ провелъ по выборамъ. Въ 1813 г. купеческое и мѣщанское общество избрали его словеснымъ судьей, а въ 1815 году ратманомъ, въ каковой должности и оставался до избранія городскимъ головой. Просматривая журналы засѣданія думы и вообще дѣла за время его пребыванія въ этой должности, нельзя не видѣть, какъ онъ энергично отстаивалъ права городского головы и вообще права думы, особенно въ сношеніяхъ съ полиціей, о чемъ еще рѣчь будетъ впереди. Администрація цѣнила его. Помимо медали, полученной во время коронаціи императора Николая I, на которой онъ присутствовалъ [1]), какъ представитель города, онъ имѣлъ золотую медаль на аннинской лентѣ и брилліантовый перстень съ „цвѣтнымъ камнемъ". Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1824 г. городская дума, вмѣстѣ съ магистратомъ „свидѣтельствовала передъ губернскимъ правленіемъ о Чубенкѣ, который отправляетъ настоящую должность съ отличнымъ усердіемъ и успѣхомъ", въ доказательство чего было представлено свидѣтельство, выданное изъ магистрата отъ имени обществъ купеческаго и мѣщанскаго. Въ послѣднемъ указывалось,

---

1) На издержки по поѣздкѣ его на коронацію въ Москву, все купеческое сословіе было обложено сборомъ, пришлось на каждаго по 5 р. 61 к. Гор. арх. 1826, дѣло № 3888.

что Чубенко „при всякомъ прибѣжищѣ къ нему бѣдныхъ вдовъ и сиротъ былъ ревностнымъ объ нихъ ходатаемъ и оказывалъ имъ пособіе со свойственнымъ ему человѣколюбіемъ и совершенною готовностью". При постройкахъ, при ремонтахъ соблюдалъ „значительное пониженіе противъ справочныхъ цѣнъ и особливо при покупкѣ пожарнымъ лошадямъ фуража". Такой отзывъ двухъ обществъ и послужилъ мотивомъ для Репнина къ представленію его къ наградѣ. [1]) Это былъ, несомнѣнно, честный дѣятель. Преемникомъ его былъ Петръ Ворожейкинъ, послѣдній городской голова въ разсматриваемый нами періодъ. Послѣ избранія его въ городскіе головы, кн. Репнинъ потребовалъ формулярный его списокъ. Въ немъ значилось, что служба Ворожейкина „сопровождалась отличными для общаго блага подвигами": въ 1812 г., въ тяжелую годину войны съ Наполеономъ, Ворожейкинъ былъ избранъ купеческимъ обществомъ казначеемъ по собиранію и храненію пожертвованій на военныя нужды; по выборамъ того же общества служилъ городскимъ старостой и былъ членомъ сиротскаго суда; помимо этого, собиралъ пожертвованія въ пользу пострадавшихъ въ 1824 г. отъ наводненія жителей Петербурга; былъ членомъ по завѣдыванію благотворительной сберегательной кассой, учрежденной приказомъ общественнаго призрѣнія. Будучи городскимъ головой, Ворожейкинъ въ разное время передалъ до 7 тысячъ „на счетъ возврата" для ремонта городскихъ сооруженій, когда въ кассѣ городской не было наличныхъ средствъ. Не мало онъ потрудился и во время эпидеміи холеры въ 1831 г., и наконецъ, по собственному вызову, оставивъ комерческія дѣла, поѣхалъ въ Москву и другіе города для закупки сукна для армейскихъ полковъ, при чемъ отказался отъ уплаты ему издержекъ по двухмѣсячной его поѣздкѣ.[2]) Таковы были дѣянія Ворожейкина до избранія его городскимъ головой.

Ворожейкинъ пробылъ головой только одно трехлѣтіе, замѣстителемъ его былъ купецъ 3 гильдіи Андрей Панасенко, имѣвшій торговлю желѣзными товарами.

Такимъ образомъ въ первой четверти прошлаго вѣка городскіе головы избирались изъ купеческаго и мѣщанскаго обществъ, безъ различія вѣроисповѣданія. Изъ этихъ же сословій избирались и гласные думы, въ числѣ 6 человѣкъ. Въ большинствѣ

---

[1]) Гор. арх. 1824, дѣло № 3619.

[2]) Гор. арх. 1832, дѣло № 4587, жур. засѣд. 6 мая.

случаевъ, гласными были мѣщане, избиравшіеся, какъ и городскіе головы, безъ различія вѣроисповѣданія. Выборы производились каждые три года. Они происходили всегда спокойно, за исключеніемъ выборовъ въ 1820 и 1826 годахъ, когда были партіи, преслѣдовавшіе свои интересы. На выборахъ въ 1820 году бургомистръ Подсудевскій, купцы Яковенко и Ворожейкинъ подняли въ собраніи принципіальный вопросъ, возможно ли допустить къ выборамъ купцовъ и мѣщанъ, хотя и уплачивающихъ всѣ подати, но не имѣющихъ недвижимости въ городѣ. Почему былъ поднятъ этотъ вопросъ, трудно сказать. По городовому положенію, не запрещалось такимъ лицамъ участвовать въ выборахъ, при условіи, конечно, если они приписаны къ городу. Большинство въ собраніи находило, что купцы и мѣщане, не имѣющіе собственныхъ домовъ, „яко сочлены общества, имѣютъ неопровергаемое на сіе право", да и въ законѣ нѣтъ прямого указанія, что „на такое удаленіе честныхъ людей не было еще примѣра во всѣ прошедшіе времена". Послѣ долгихъ и шумныхъ преній, партія Подсудевскаго взяла верхъ и принудила болѣе 20 мѣщанъ, имѣвшихъ постоянное жительство въ Полтавѣ, но не имѣвшихъ собственности, оставить собраніе или, какъ читаемъ въ журналѣ засѣданія, „удалиться со стыдомъ изъ среды общества, собравшагося для выборовъ". „Выгнавши такимъ образомъ,— читаемъ въ журналѣ,—мѣщанъ, они настаивали на непремѣнномъ устраненіи отъ выборовъ купца Зульмана Ровенскаго". Этотъ купецъ былъ приписанъ къ гильдіи въ Полтавѣ, занимался откупами и хотя доказывалъ свое право тѣмъ, что имѣетъ дома въ Новомосковскѣ и Константиноградѣ, но долженъ былъ съ крайнимъ огорченіемъ оставить собраніе. При выходѣ изъ собранія онъ заявилъ, что считаетъ для себя „таково удаленіе нестерпимымъ порокомъ и безчестіемъ" и пригрозилъ пожаловаться начальству. Эта угроза подѣйствовала, его поспѣшили вернуть, и онъ былъ допущенъ къ выборамъ. Другая партія, противная Подсудевскому, имѣя во главѣ Зеленскаго, считала, что купцы и мѣщане, на основаніи 52—57 ст. городового положенія, какъ платящіе подати, имѣли право участія въ выборахъ.

Интересно заключеніе думы относительно этихъ выборовъ. „Подсудевскому, какъ бургомистру, знающему, или лучше сказать, долженствующему знать законы, не было никакихъ резоновъ, кромѣ однихъ, повидимому, личностей, ибо, если не хотѣлъ уже Подсудевскій поруководствоваться изъясненными законами,

то оставалось посудить ему здраво".[1]) На выборахъ 1826 г. также образовалась партія, руководимая тѣмъ же Ворожейкинымъ. 18 сентября губернаторъ Тутолминъ предписалъ произвести выборы. Городского головы Чубенка еще не было въ городѣ, онъ не возвратился изъ Москвы, куда ѣздилъ на коронацію. Его замѣнялъ бургомистръ Ковалевскій, назначившій выборы на 27 сентября, чѣмъ остались недовольны многіе торговцы, такъ какъ это былъ будничный день. Выяснилось, что образовавшаяся партія, во главѣ съ Ворожейкинымъ, очень желала воспользоваться отсутствіемъ Чубенка и произвести выборы именно въ этотъ день. Но разсчетъ ихъ не удался. Чубенко пріѣхалъ изъ Москвы 26 сентября и неожиданно для многихъ явился на выборы. Партія Ворожейкина требовала непремѣнно произвести выборы въ этотъ день, притомъ допустить всѣхъ безъ разбора къ присягѣ, а затѣмъ къ выборамъ. Но Чубенко на это не соглашался и предложилъ отложить выборы на 30 сентября. Долгіе споры не привели ни къ чему, и Чубенко оставилъ засѣданіе и уѣхалъ домой. Понятно, что этимъ было прервано засѣданіе. Вечеромъ того же дня, приверженцы Ворожейкина собрались у него на частное совѣщаніе и порѣшили жаловаться губернатору, обвиняя главнымъ образомъ секретаря думы, Бильбасова, считая его главнымъ виновникомъ несостоявшихся выборовъ. Губернаторъ, получивъ эту жалобу, предписалъ думѣ принять мѣры, „дабы секретарь отнюдь не вмѣшивался въ распоряженія городскихъ выборовъ, къ должности его вовсе не относящіяся, и тѣмъ не дѣлалъ бы никакого въ обществѣ разстройства". Чубенко отстоялъ своего секретаря; онъ указалъ губернатору, что Бильбасовъ не вмѣшивался въ выборы, „руководствуясь собственнымъ благоразуміемъ, совершенно былъ и есть чуждъ,—какъ писалъ Чубенко,—всего прошлаго и обжалованъ во всемъ вышеописанномъ напрасно и несправедливо." Поэтому Чубенко просилъ губернатора „не давать вѣры столь низкой, несправедливой и обидной клеветѣ для секретаря, обнесеннаго передъ начальствомъ отъ неблагонамѣренныхъ лицъ по одному личному неодобренію". При этомъ Чубенко писалъ, что Ворожейкинъ и Подсудевскій и при прежнихъ выборахъ были замѣчены въ неосновательныхъ спорахъ". Несомнѣнно, это была партія, желавшая провалить Чубенка, но это

---

[1]) Гор. арх. 1820, дѣло № 2937.

ей не удалось. Чубенко вновь былъ избранъ городскимъ головой[1]).

Городская дума, какъ мы уже сказали, была исполнительнымъ органомъ, лишеннымъ всякой иниціативы. Просматривая журналы засѣданія за данный періодъ, мы видимъ рѣшенія думы по предложеніямъ генералъ-губернатора, губернатора и губернскаго правленія. Начинаются они такъ: „слушали указъ губернскаго правленія" и пр., затѣмъ излагается въ подлинникѣ самый указъ и рѣшеніе думы, въ родѣ: „исполнить", „принять къ свѣдѣнію" и т. под. Заканчивались журналы: „слушали и апробовали". Засѣданія думы начинались въ 8 ч. („по полуночи", какъ писали") и оканчивались въ 1 ч. Въ засѣданіяхъ присутствовалъ городской голова, два, три гласныхъ; остальные были „въ различныхъ командировкахъ" или занимались ремонтомъ, нѣкоторые были командированы на ярмарки, на скотную площадь и т. п. словомъ, исполняли тѣ же функціи, что нынѣ исполняются членами городской управы.

Быть гласнымъ въ то время было не легко, особенно для торговыхъ людей, такъ какъ служба отвлекала отъ своего дѣла. Многіе очень тяготились этою обязанностью. Въ 1809 г. гласный Галабурда, избранный отъ мѣщанскаго общества, въ прошеніи своемъ губернатору Козачковскому жаловался, что обязанности гласнаго отвлекаютъ его отъ его прямыхъ занятій. Губернаторъ согласился его уволить и писалъ думѣ, что „обязанности гласнаго влекутъ по ремеслу его въ совершенное разореніе и тѣмъ съ большею обидою, что по балотировочному списку, онъ состоитъ третьимъ кандидатомъ.[2]) Въ 1817 г. просилъ объ увольненіи отъ званія гласнаго Максимъ Макаренко. „Въ прошломъ 1814 году,—писалъ онъ—полтавское мѣщанское общество, по выбору своему, не уваживъ бѣдственнаго моего состоянія, избрало меня на трехлѣтіе въ должность гласнаго, въ которой и нынѣ состою, а какъ съ сего времени нахожусь я въ крайнемъ изнеможеніи здоровья своего, что не только сей должности несть не могу, но даже не имѣю у себя собственнаго жилища, въ которомъ бы могъ съ женой и семействомъ своимъ прожить, скитаясь по чужимъ домамъ, и даже не могу снискивать для себя, жены и семейства своего дневнаго пропитанія, а поэтому, дабы поддержать семей-

---

1) Жур. засѣд. 30 сент. 1826 года.

2) Гор. арх. 1809, дѣло № 1453.

ство свое, находящееся въ столь горестномъ положеніи, хотя при истеченіи лѣтъ своихъ, покорнѣйше прошу помянутой думы до выслуги уже настоящаго года избрать на мое мѣсто другого состоятельнаго человѣка".[1])

Въ то время не легко было сложить съ себя званіе гласнаго. Весьма нерѣдко производилось разслѣдованіе о причинахъ неявки или отказа гласныхъ отъ посѣщеній думы. Очень строго слѣдили за непосѣщеніемъ думы, о чемъ увѣдомлялась полиція съ предписаніемъ о „высылкѣ гласнаго въ думу для занятія его поста". Такъ поступила дума въ 1813 году съ гласнымъ отъ рѣзницкаго цеха Яковомъ Шевченкомъ [2]).

Въ 1809 году дума вмѣстѣ съ полиціей производила разслѣдованіе, почему не посѣщаютъ засѣданій думы гласные Кириченко и Вишневецкій. Перваго даже не нашли въ городѣ, а второй былъ тяжко боленъ [3]). Въ 1819 году не посѣщали думы. Ѳедоръ Рѣшетниковъ, еврей Авраамъ Бродскій и Михайловскій. Полиція навела о нихъ справки, и оказалось, что Бродскій былъ тяжко боленъ, вмѣсто него былъ избранъ другой, а остальныхъ двухъ заставили посѣщать собранія. Полиція увѣдомила, что они „отосланы въ думу" [4]). Въ 1821 году не посѣщали думы Иванъ Полтавщенко и Михайло Миняйленко. Городская дума просила полицію выслать ихъ „надлежащимъ порядкомъ къ своимъ должностямъ"; полиція увѣдомила, что „Полтавцевъ висланъ въ думу [5]). Былъ случай, когда дума не повѣрила гласному, еврею Ицкѣ Фуксу, просившему объ увольненіи его „по приключившейся ему въ ногахъ ломотной болѣзни". Дума нашла, что Фуксъ нес раведливо уклоняется отъ возложенной на него обществомъ обязанности, отказала ему въ его просьбѣ и предложила должность эту „исправлять, какъ порядокъ службы сего требуетъ" [6]). Въ 1830 году гласный еврей Шлома Коповскій также не посѣщалъ засѣданій думы. Городской голова Ворожейкинъ писалъ по этому случаю полицеймейстеру Манжосу: „Гласный сей думы, еврей Шлома Коповскій, уклоняясь отъ прямой своей обязанности по одному упорству и примѣрной строптивости его характера, не только не хочетъ быть послушнымъ по долгу службы и не яв-

---

1) Гор. арх. 1817 г., дѣло № 2441.

2) Гор. арх. 1813 г., дѣло № 2012, жур. засѣд. 11 января.

3) Гор. арх. 1809 г., дѣло № 1376.

4) Гор. арх. дѣло № 2671.

5) Гор. арх. 1821 г. дѣло № 3110.

6) Гор. арх. 1829 г., № 4242, засѣд. 20 марта.

ляется въ присутствіе думы за многократными призывами черезъ сторожа и за приглашеніями равныхъ ему лицъ, но отвѣчаетъ имъ съ дерзостью и не отдаетъ надлежащаго отчета въ сборѣ суммы при существовавшемъ подъ Полтавою перевозѣ, подъ завѣдываніемъ его бывшемъ". Полицеймейстеръ препроводилъ Коповскаго въ думу при слѣдующей бумагѣ: „Гласный думы Шлема Коповскій, сходно сообщенію оной думы, сего числа съ № 57 полученному, при семъ препровождается".[1]) Былъ случай, когда сама дума, входя въ бѣдственное положеніе гласнаго, ходатайствовала объ его увольненіи. Въ іюнѣ 1830 года гласный Вихтиченко просилъ объ увольненіи его „по одиночеству и по бѣдственному до безконечности разоренію". Не задолго до этого онъ овдовѣлъ и малолѣтнія дѣти оставались безъ присмотра; хотя въ домѣ и жила его мать, но она была въ преклонныхъ лѣтахъ. Дума все это приняла во вниманіе и ходатайствовала „на увольненіе его вовсе отъ настоящей должности".[2])

Среди гласныхъ нерѣдко были неграмотные. Въ 1819 г. такимъ оказался Колодяжный. Городской голова Илья Прокофьевъ просилъ губернское правленіе о назначеніи вмѣсто него купца Недоборскаго. Но губернское правленіе не сочло себя въ правѣ удовлетворить эту просьбу, такъ какъ этимъ нарушалось бы право избирателей. „Поелику, читаемъ въ его указѣ, Колодяжный въ должность гласнаго утвержденъ по большинству шаровъ, отправленіе жъ по думѣ дѣлъ предлежитъ болѣе попеченію и отчетности градскаго головы, то и нѣтъ надобности перемѣнять его другимъ, о чемъ и послать градскому головѣ и въ магистратъ указъ".[3]) Въ 1824 г. изъ 10 избранныхъ гласныхъ въ магистратъ и думу, 8 человѣкъ оказались неграмотными, на что обратилъ вниманіе магистратъ и, находя это неудобнымъ, рѣшилъ довести объ этомъ до свѣдѣнія начальства. Но выборы не были кассированы и гласные остались.[4])

Списки избранныхъ гласныхъ не всегда внимательно просматривались губернскимъ правленіемъ. Въ 1819 г. вступилъ въ званіе гласнаго Акимъ Михайловскій и послѣ пяти мѣсяцевъ губернское правленіе нашло, что Акимъ Михайловскій неправильно зачисленъ и предписало указомъ думѣ „оставитъ Михай-

---

[1]) Гор. арх. 1830, № 4565.

[2]) Гор. арх. 1830, № 4382, жур. засѣд. 21 іюня.

[3]) Гор. арх. 1819, дѣло № 2792, ук. Губ. Правленія № 35549.

[4]) Гор. арх. 1824, дѣло № 3635, жур. засѣд. 8 февраля.

ловскаго свободнымъ отъ званія гласнаго" и вмѣсто него назначить Недоборскаго. [1])

Дѣлопроизводство въ думѣ было въ очень дурномъ состояніи, особенно въ первую половину разсматриваемаго періода.

Причиной этому была отчасти малая ассигновка на содержаніе канцеляріи. Всего отпускалось 576 р. $94^{1}/_{2}$ к., изъ которыхъ 300 р. получалъ секретарь, остальные расходовались на наемъ писцовъ, отопленіе, освѣщеніе, канцелярскія принадлежности и т. п. А работы было много, особенно по планировкѣ города, по перепискѣ по этому поводу съ землемѣромъ, губ. правленіемъ и т. п. Немудрено, что дѣлопроизводство велось небрежно, съ крайнимъ опозданіемъ рѣшенія дѣлъ по многимъ вопросамъ, особенно при господствовавшемъ въ то время канцелярскомъ обычаѣ писать цѣликомъ, при рѣшеніи того или другого вопроса, получаемыя бумаги, указы, отношенія и т. п. Первые два секретаря управы Полонецъ и Гавриленко были удалены кн. Лобановымъ-Ростовскимъ отъ должности. Первый изъ нихъ не сдалъ дѣлъ и даже захватилъ ключи отъ шкафовъ, гдѣ они хранились, и думѣ пришлось нѣсколько разъ обращаться къ содѣйствію полиціи, чтобы она, „непріемля отъ него никакихъ изговоровъ, выслала бы его немедленно въ думу для приведенія въ довлѣемый порядокъ оставленныхъ имъ безъ описи дѣлъ.[2]) Полиція много разъ пыталась заставить Полонца отправиться для занятій въ думѣ, но тщетно. Впрочемъ, Полонецъ скоро умеръ. Преемникъ Гавриленка, смѣненнаго Лобановымъ-Ростовскимъ, не былъ удаленъ, а самъ бѣжалъ. Въ 1818 году губернское правленіе оштрафовало его 10-ю рублями за слишкомъ позднее составленіе рапорта, о чемъ опубликовало его по всей губерніи, какъ было въ обычаѣ того времени.[3])

Не мало было заботъ у думы заставить Городниченка, занявшаго мѣсто послѣ Гавриленка, привести дѣла въ лучшій порядокъ. На предписаніе объ этомъ губернскаго правленія Городниченко отвѣтилъ, что онъ „ни почему не имѣетъ обязанности, да и самой возможности не предвидится, по неимѣнію въ думѣ канцелярскихъ служителей", и обѣщался заняться только въ томъ случаѣ, если городской голова Ив. Ми-

---

[1]) Гор. арх. 1819, дѣло № 2766.

[2]) Гор. арх. 1811, дѣло № 1798.

[3]) Гор. арх. 1818, дѣло № 2670, указъ губ. правл. № 22702.

хайловскій сдержитъ свое обѣщаніе заплатить ему 150 р. А такъ какъ Михайловскій не выполнилъ своего обѣщанія, а „дума не возъимѣла старанія объ исходатайствованіи на отпускъ суммы, то онъ и не приступилъ къ упорядоченію дѣлопроизводства". Губернское правленіе нашло, что у секретаря достаточно свободнаго времени, и поставило ему на видъ его объясненіе „съ грубыми выраженіями". Помимо этого, губернское правленіе предписало думѣ: „если Городниченко не обратится съ лучшею дѣятельностью къ отправленію своей должности и къ приведенію въ порядокъ дѣлъ, по замѣченной въ немъ думою лѣности и нерадѣнію, то подвергнетъ себя неминуемому взысканію и отрѣшенію отъ должности".[1]) Быть можетъ лѣнь, а съ другой стороны и невозможность привести дѣла, за недостаткомъ времени, побудили его сбѣжать съ этой должности. Губернское правленіе послало ему указъ составить отчетъ за 1819 годъ. Въ отвѣтъ Городниченко подалъ слѣдующее, не лишенное интереса, заявленіе: „Признаюсь съ немалымъ прискорбіемъ для себя въ откровенности въ нижеслѣдующемъ, прося на все сіе благоуваженія, что оныхъ отчетовъ сочинить не въ состояніи, не имѣя уже столько знанія, сколько потребно онаго къ соображенію съ тѣми формами, какія существуютъ на правильное сочиненіе сихъ отчетовъ и къ тому, чтобы узнать, изъ какого рода суммы объяснить. Сіи причины не были ни мною, и никѣмъ доведены до свѣдѣнія начальства, почему уповательно и вышеясненный указъ воспослѣдовалъ, однако жъ истинно наиболѣе меня побудили еще въ прошломъ въ 1819 г. подать прошенія: въ іюнѣ въ городскую думу, а въ октябрѣ его сіятельству г. малороссійскому военному губернатору просить самоскорѣйшаго увольненія отъ должности секретаря думы на тотъ конецъ, чтобы тѣмъ недопустить къ сочиненію отчетовъ, какъ до дѣла, къ которому до того еще совершенно на отчеты нашелъ себя не склоннымъ; но причины или винности моей ни малѣйшей нѣтъ тому; за всѣми тѣми тремя прошеніями и даже за воспослѣдованіемъ отъ его сіятельства полтавскому губернскому правленію предложеніемъ, чтобы я былъ въ три дня уволенъ, задержанъ при той моей должности до прошедшаго декабря. Слѣдственнно, по всѣмъ симъ обстоятельствамъ не повиненъ и не въ силахъ я заняться сочиненіемъ отчетовъ, какихъ сдѣлать совершенно такъ не въ состояніи, что всякое за-

---

[1]) Гор. арх. 1816, дѣло № 2138, указъ губ. правл. № 3162.

нятіе оными останется тщетнымъ и напрасно отвлечетъ меня отъ издачи дѣлъ, которыя я обязанъ издать въ скоромъ времени и которые черезъ такову неиздачу секретарю думы могутъ растратиться, а черезъ все то воспослѣдуетъ напрасное задержаніе меня въ Полтавѣ, могущее привесть меня съ семействомъ, при моемъ недостаточномъ состояніи, къ совершенному разоренію". Въ заключеніе, онъ привелъ указъ императрицы Екатерины II, гдѣ сказано: „а Ея Императорское Величество не взыскиваетъ ни отъ кого, сверхъ его возможности, но желаетъ, чтобы каждый трудился по собственной силѣ и способности, а ежели кто найдетъ себя не склоннымъ къ возложеннымъ на него дѣламъ, то всякому всемилостивѣйшее Ея Величества снисхожденіе неотъемлемо и каждый можетъ просить къ службѣ такого мѣста, къ которому находитъ силы уравнены". Это откровенное признаніе не удовлетворило думу, она нашла въ этомъ объясненіи „недѣльныя изговорки" и предписала Городниченку сдать всѣ дѣла въ недѣльный срокъ, о чемъ извѣстила и полицію. „Ежели окажется, писала дума полиціи, самомалѣйшая уклонность, то, по извѣщеніи сей думы, обязана оная полиція употребить всю законную строгость, чтобы онъ не занимался ничѣмъ другимъ, какъ отчетами". Рѣшено было запретить ему выѣзжать изъ города, но все напрасно!.. Такъ Городниченко и не сдалъ дѣлъ и не представилъ отчета, что уже было поручено замѣстителю его, А. А. Бильбасову. При немъ дѣлопроизводство значительно улучшилось. Бильбасовъ началъ службу въ 1810 году въ Константиноградской полиціи, откуда въ 1813 году перешелъ на службу въ канцелярію „по части водворенія въ Константиноградѣ иностранныхъ фабрикантовъ". Съ февраля 1820 года, по предложенію кн. Рѣпнина, занялъ мѣсто секретаря полт. думы. Онъ вскорѣ хотѣлъ оставить эту должность, въ силу большой переписки и недостатка писцовъ, но городской голова Зеленскій упросилъ его остаться, обязуясь платить ему 300 р., да нанять еще трехъ писцовъ по 250 р. и 300 р. То же самое дѣлалъ и преемникъ Зеленскаго, Чубенко. Бильбасовъ былъ, несомнѣнно, большой труженикъ, относившійся къ дѣлу „по душѣ", какъ писали въ то время. Его цѣнили въ думѣ, цѣнилъ его и Репнинъ. На сколько довѣрялъ ему князь, видно изъ того, что онъ назначилъ его въ помощь магистру при разборѣ дѣла объ убійствѣ евреями подъ Гадячемъ 5 человѣкъ „молочанскихъ менонниковъ". Онъ сохранилъ за собой и секретарство въ думѣ, но черезъ годъ долженъ былъ на время отказаться, такъ какъ слиш-

комъ много было занятій при разслѣдованіи этого убійства; дѣло заключало въ себѣ слишкомъ 8 тысячъ листовъ.[1]) Въ 1829 г. онъ задумалъ выйти въ отставку по болѣзни, но губернское правленіе не согласилось на его увольненіе впредь до исправленія имъ неточностей въ означенномъ слѣдствіи, замѣченныхъ генеральнымъ судомъ.[2]) Въ 1831 г. Бильбасовъ получилъ мѣсячный отпускъ, но, пробывъ въ отпускѣ двѣ недѣли и узнавъ о развивающейся эпидеміи холеры въ Полтавѣ и о смерти отъ нея магистратскаго секретаря Булановскаго, явился на службу. „За таковое усердіе къ службѣ“ дума изъявила ему совершенную признательность.[3]) Въ іюлѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года Репнинъ назначилъ его секретаремъ совѣстнаго суда. По просьбѣ думы, онъ оставилъ за собой секретарство, впредь до пріисканія ему замѣстителя, которымъ былъ С. Бильбасовъ, вѣроятно, его братъ.[4]) Послѣдній пробылъ до осени 1833 года, когда его смѣнилъ Педченко-Андреенко.

Губернское правленіе не находило нужнымъ увеличить штатъ служащихъ въ городской управѣ, хотя назначило ревизію ея. Ревизоромъ былъ совѣтникъ перваго департамента генеральнаго суда Никифоровъ. Результатомъ ревизіи было прикомандированіе трехъ чиновниковъ изъ другихъ повѣтовыхъ присутственныхъ мѣстъ для приведенія въ порядокъ дѣлъ, запущенныхъ до вступленія въ должность Бильбасова [5]). Городская дума согласилась съ ревизоромъ о необходимости увеличенія штата служащихъ и прибавки имъ содержанія. Всего по разсчету необходимо было 2940 р. Въ частности, секретарю прибавлено 500 р., двумъ повытчикамъ—600 р., писцу—400 р., архиваріусу, онъ же журналистъ—400 р.[6]) Всѣ эти соображенія о расширеніи канцеляріи дума порѣшила представить начальству. Надо замѣтить, что прибавка исчислена въ той суммѣ, какая была проектирована при Лобановѣ-Ростовскомъ. Тогда эту прибавочную сумму предполагалось раздѣлить по числу купеческихъ капиталовъ и мѣщанскихъ ревизскихъ душъ; но этотъ способъ изысканія средствъ не былъ одобренъ начальствомъ и потому прибавка не состоялась. Но и

---

1) Гор. арх. 1829, дѣло № 4240 и 4247.
2) Гор. арх. 1829, дѣло № 4299.
3) Гор. арх. 1831, дѣло № 4603, жур. засѣд. 1 іюля.
4) Гор. арх. 1831, № 4502, жур. засѣд. 1 іюля.
5) Гор. арх. 1826, № 3906. журн. засѣд. 1 іюля.
6) Гор. арх. 1827, дѣло № 4076, журн. засѣд. 1 сент. и 22 декабря.

теперь проектъ не былъ приведенъ.въ исполненіе. Въ 1834 г. дума ходатайствовала о прикомандированіи чиновника для занятій въ думѣ, но губернское правленіе отказало. „При усердномъ занятіи секретаря, писало губернское правленіе, можно привесть дѣла въ порядокъ безъ постороннихъ, къ тому, по особой и излишней переписки, навлекающей только затрудненія начальству". Такъ губернское правленіе даже обидѣлось, что его дума затрудняетъ своей просьбой.[1]).

ГЛАВА IV.

Бюджетъ города—приходъ. Расходъ городскихъ суммъ на нужды, чуждыя городу. Винный откупъ, число шинковъ, цѣна за вино. Скатная бочковая площадь. Постройки и пріемъ ихъ думой. Герберги. Домогательства мясниковъ повысить цѣны на мясо. Ярмарки и эксплоатація площадей. Неопредѣленные городскіе доходы. Правила торговли 1812 и 1824 гг. Статистика купцовъ. Жалоба ихъ. Торговая депутація. Воспрещеніе торговать въ городѣ захожимъ венгерцамъ.

Бюджетъ города въ разсматриваемый періодъ, начиная съ 1808 года, постепенно возрасталъ, что было естественно въ виду роста населенія города и развивающихся потребностей. Въ 1808 году онъ достигалъ всего 40407 р. 90 к. асс., а въ послѣдній годъ генералъ-губернаторства Репнина, въ 1834 году, онъ возросъ до 75 тысячъ. Прежде чѣмъ коснуться подробностей городского бюджета, замѣтимъ, что весьма нерѣдко, по приказанію администраціи, городскія средства расходовались на нужды, ничего общаго не имѣвшія съ интересами города. Укажемъ нѣсколько примѣровъ. Во время эпидеміи холеры въ 1831 году былъ приглашенъ для борьбы съ нею въ золотоношскомъ уѣздѣ врачъ Коляда изъ слободско-украинской губерніи (съ 1837 г. харьковская) съ платою по 3 р. въ сутки, и деньги были уплачены изъ городскихъ средствъ.[2]) Кобелякскому землемѣру нужно было исправить астролябію, и губернское правленіе предписало полтавской думѣ уплатить за починку 25 р.[3]) Въ мѣстечкѣ Опошнѣ была учреждена должность смотрителя съ жалованьемъ 350 р., и деньги на это уплачивались изъ тѣхъ же городскихъ средствъ.[4]) Въ тюремномъ

---

[1]) Гор. арх. 1834, дѣло № 4841, жур. засѣд. 1 августа.

[2]) Гор. арх. 1831, № 4512, жур. засѣд. 1 октября.

[3]) Гор. арх. 1830, дѣло № 4389, жур. засѣд. 25 августа 1890.

[4]) Гор. арх. 1830, дѣло № 4396.

замкѣ въ 1830 г. была устроена церковь и первому священнику ея, Андрею Смородскому, Репнинъ назначилъ жалованье 150 р. изъ городскихъ средствъ[1]), а спустя годъ было назначено изъ городскихъ доходовъ жалованье причту, дьячку 100 р., пономарю 50 р., и въ томъ же году для этого храма были пріобрѣтены думой два колокола. [2]) Въ Срѣтенскомъ храмѣ образовалась трещина; дума получила предписаніе исправить ее, на что издержано 96 р. 40 к.[3]) Въ 1822 году губернаторъ предписалъ думѣ уплатить 300 р. за взятые имъ въ лавкѣ бумагу, сургучъ.[4]) Въ 1833 году Репнинъ предписалъ выдать на канцелярію губернатора 1000 р.[5]) Такихъ примѣровъ можно представить очень много. Но все это были, сравнительно, мелкіе расходы, а случались и очень крупныя траты. Такова, наприм., была уплата за деньги, взятые изъ заемнаго банка, въ суммѣ 150000 р., съ расплатою на 20 лѣтъ, изъ 6°/o годовыхъ. Изъ этого капитала было издержано на постановку памятника въ Александровскомъ саду 35087 р., а остальныя истрачены на устройство мостовой въ Нѣжинѣ и прорытіе русла рѣки Остра, въ черниговской губерніи.[6]) По приказанію губернскаго правленія, городъ часто ассигновывалъ суммы на правительственныя учрежденія, получавшія на свое содержаніе средства отъ казны. Такъ, еще кн. Куракинымъ была учреждена при губернскомъ правленіи экспедиція для завѣдыванія постройками. Дума уплачивала ей сначала по 666 р., затѣмъ сумма эта была увеличена до 1000 р., а послѣ закрытія этой экспедиціи дума вносила на содержаніе губернскаго правленія, съ 11 ноября 1817 года, по 3655 р. 45 к. въ годъ.[7]) Въ 1814 году было предписано думѣ вносить на канцелярію губернскаго прокурора по 374 р. 15 к., а затѣмъ сумма эта была увеличена до 500 р. Былъ случай, когда на нужды города Полтавы расходовались суммы, высланныя ратушами и городскими думами уѣздныхъ городовъ полтавской губерніи. Это было въ 1818 году, когда изъ уѣздовъ было получено 12200 р. Эти средства Репнинъ употребилъ на устройство городского сада, расширеніе его черты,

---

[1]) Гор. арх. 1831 г., дѣло № 4396.
[2]) Гор. арх. 1831 г., дѣло № 4482.
[3]) Гор. арх. 1809 г., дѣло № 1468.
[4]) Гор. арх. 1822 г., дѣло № 3325.
[5]) Гор. арх. 1833 г., дѣло № 4670, жур. засѣд. 4 февраля.
[6]) Гор. арх. 1809 г., дѣло № 1441.
[7]) Гор. арх. 1817, ук. губ. правл. № 9497.

вырытіе въ немъ пруда, превратившагося нынѣ въ болото, расчищеніе бугровъ и насыпей, быть можетъ, остатковъ укрѣпленій послѣ осады Полтавы шведами въ 1709 году[1]). Эти данныя указываютъ, что администрація вполнѣ распоряжалась суммами городскихъ думъ и употребляла ихъ на нужды, не связанныя въ большинствѣ случаевъ съ интересами города.

Обратимся теперь къ самому бюджету. Въ числѣ неизмѣнныхъ приходныхъ статей было полученіе отъ казны за владѣніе крестьянами деревень, нѣкогда принадлежавшихъ Полтавѣ; по этой статьѣ городъ получалъ 2294 р. ежегодно. Самой выгодной статьей дохода былъ винный откупъ, приносившій съ 1808 года по 1813 годъ ежегодно около 20000 р., а иногда немного болѣе; но съ 1813 г., когда откупъ перешелъ во владѣніе казны, городъ получалъ изъ мѣстнаго казначейства 52 тыс. съ небольшимъ, а съ 1823 года до 55 тыс., съ небольшими колебаніями. Эта статья прихода равнялась большей половинѣ городского бюджета; она носила названіе: „за винную, пивную и медовую продажу“. Шинковъ въ городѣ было достаточно, даже, пожалуй, больше, чѣмъ нужно, если принять во вниманіе количество населенія въ первое десятилѣтіе прошлаго вѣка. Въ 1810 г. ихъ было 58, выпито въ нихъ 11589 вед. водки, всего на сумму 46882 р.[3]).

Имѣются данныя, дающія возможность судить о томъ, какія напитки были употребляемы сто лѣтъ назадъ. Въ 1807 году было продано горячаго вина 9857 в. 5 кв., водки передвоенной на разныя специі 187 в. 3 кв., сладкой сахарной разныхъ сортовъ—37 в. 1 кв., наливки на травы (Ерофѣичъ)—63 в. 5 кв., наливки на разныя ягоды—78 в. 1 кв. Напитки холодные: меду питнаго—1150 в., пива кабацкаго—400 в., полпива—700 в., пива на манеръ аглицкаго—30 кв. и портеру—35 кв.[4]). Въ 1810 г. за 9 мѣсяцевъ было выпито: 7470 в. вина, ординарной водки—118 в., полынной—56 в., сладкой—27 в., наливки—67 в.,пива 670 в., полпива—715 в. и меду—715 в.[5]). Цѣны водкамъ и др. напиткамъ были слѣдующія: орди-

---

[1]) Гор. арх. 1818, дѣло № 2634. Константиноградская ратуша выслала 213 р., лохвицкая дума 2000 р,, пирятинская 500 р., золотоношская 787 р., зѣньковская 1905 р., гадячская 2295 р., миргородская 1590 р. и т. под.

[2]) См. объ этомъ I вып. „Полтава въ началѣ XIX ст.“, стр. 44—45.

[3]) Гор. арх. 1810 г., дѣло № 1575.

[4]) Гор. арх. 1808, дѣло № 1196.

[5]) Гор. арх. 1810, дѣло № 1575.

нарная—8 р. асс. ведро, Ерофѣичъ—6 р., пиво—1 р. 20 к., медъ—1 р., сладкая водка—12 р., наливки—6 р., полпива ведро—1 р. 20 к.[1]).

Другой крупной статьей городского бюджета былъ доходъ отъ такъ называемой „скатной площади“, иначе называемой „винной бочковой площадью“. Она помѣщалась на нынѣшнемъ Новоселовскомъ базарѣ. Называлась она такъ потому, что здѣсь былъ складъ бочекъ съ водкой, откуда ее продавали для трактировъ, шинковъ. Питейная контора (нынѣшнее акцизное вѣдомство) взимала въ казну по 1 р. съ бочки, такую же цѣну взималъ и городъ. Чаще всего эта площадь отдавалась на откупъ, если же эксплоатировала ее сама дума, то доходъ былъ незначителенъ. Въ 1808 г. площадь, отданная „въ откупъ“, дала доходъ городу въ 3503 р., но съ 1812 г. охотниковъ арендовать ее не было, и городъ получалъ всего нѣсколько сотъ рублей. Почему такъ понизилась арендная плата, мы не знаемъ; быть можетъ, недобросовѣстное или небрежное веденіе дѣла было тому причиной. Съ 1824 года возстановляется почти прежняя арендная плата за скатную площадь—2200 р. Въ 1811 году дума получила ничтожный доходъ, чему причиной было вымогательство чиновъ питейной конторы. Въ мартѣ мѣсяцѣ, къ удивленію гласныхъ, на площади не оказалось однажды ни одной бочки вина. По разслѣдованіи дѣла выяснилось, что питейная контора, взимавшая въ казну по 1 р. налога, столько же требовала и въ свою пользу. Это вымогательство повело къ тому, что владѣльцы бочекъ съ виномъ вывезли ихъ за городъ и близъ с. Супруновки образовали „скотную площадь“. Дума объ этомъ довела до свѣдѣнія губернатора, которымъ были приняты мѣры къ искоренію этого взяточничества[2]).

Кн. А. Б. Куракинъ, какъ мы знаемъ, много заботился о благоустройствѣ города. Онъ изыскивалъ доходныя статьи и съ этою цѣлью были, по его приказанію, устроены кузницы, 10 каменныхъ будокъ, съѣзжія избы и трактиръ. Устроены были эти зданія экспедиціей при губернскомъ правленіи на счетъ комитета въ 400 тыс. р., отпущеннаго по высочайшему повѣленію кн. Куракину для устройства присутственныхъ мѣстъ, богоугодныхъ заведеній и др. какъ въ Полтавѣ, такъ и въ губерніи. Израсходованныя суммы городъ долженъ былъ уплатить съ разсрочкою въ нѣсколько лѣтъ. Кузница обошлась въ 10182 р. 88 к., двѣ хар-

---

1) Гор. арх. 1809, дѣло № 1412.

2) Гор. арх. 1811 г., дѣло № 1766.

чевни въ 9600 р. 60 к., съѣзжія избы—7967 р. 15 к., станціонный дворъ—6886 р. 34 к., трактиръ—12182 р. и 10 каменныхъ будокъ въ 2183 р. Сохранились данныя, какъ строились эти зданія. Въ 1810 г. губернское правленіе предписало думѣ назначить кого-либо изъ гласныхъ для пріема 10-ти каменныхъ будокъ. Губернское правленіе командировало чиновника Байкова для сдачи ихъ городу, а дума назначила гласнаго Ивана Михайловскаго. При осмотрѣ этихъ будокъ, не оказалось стеколъ въ рамахъ, запоровъ, заслонокъ у печей; наружныя двери были очень коротки, всѣ будки, притомъ, не были оштукатурены, какъ это слѣдовало по смѣтѣ. Михайловкій отказался подписать актъ о пріемѣ ихъ, а составивъ подробное описаніе сдѣланнаго осмотра, донесъ объ этомъ думѣ. Интересенъ отвѣтъ губернскаго правленія. Оно нашло, что опись по пріему подписана только однимъ гласнымъ Михайловскимъ и описаніе неисправностей сдѣлано „нерезонно, потому что описаніе и пріемъ нужно было сдѣлать вмѣстѣ съ чиновникомъ экспедиціи, при соблюденіи чего и не нашлось бы неисправностей, ибо упоминаемыя думою вещи не наличными, какъ то: дверки, полудверки и проч. имѣются въ готовности, но только не приправлены для того, что при караульняхъ нѣтъ сторожей, а черезъ то и не было бы кѣмъ похищено; приправить все въ то время, когда дѣйствительный пріемъ оныхъ со стороны думы будетъ, дано приказаніе отъ экспедиціи смотрителю Клименкову. Но губернское правленіе скрыло отсутствіе штукатурки, короткія двери и др. недостатки, а предписало думѣ принять эти будки въ свое вѣдѣніе. Но дума отвѣтила, что она готова это сдѣлать при условіи приведенія этихъ будокъ „въ исправный видъ“. Губернское правленіе вторично предписало думѣ принять ихъ, что ей и осталось исполнить, какъ учрежденію вполнѣ подчиненному губернскому правленію[1]).

Годомъ раньше, тотъ же гласный Ив. Михайловскій осматривалъ построенный той же экспедиціей каменный трактиръ и также не принялъ его, такъ какъ нашелъ течь въ крышѣ. Губернское правленіе предписало принять, исправивъ замѣченныя дефекты въ постройкѣ. По смѣтѣ на постройку трактира ассигновано было 11802 р., но на дѣлѣ стоимость его, какъ это часто бываетъ съ архитекторскими смѣтами, возросла до 12182 р. 37 к.[2]) Одинъ изъ трактировъ, построенныхъ экспедиціей, былъ на отку-

[1]) Гор. арх. 1810, дѣло № 1563.
[2]) Гор. арх. 1809, дѣло № 1387.

пѣ у князя А. Я. Лобанова-Ростовскаго. Встрѣтить арендаторомъ трактира человѣка съ княжескимъ титуломъ было большою рѣдкостью, особенно для того времени[1]). Помимо трактировъ были еще герберги, замѣнявшіе нынѣшнія гостиницы. Городъ имѣлъ 9 герберговъ; это число для Полтавы было велико, чѣмъ и возможно объяснить, что не всегда они были отдаваемы на откупъ. Въ 1814 году не нашлось ни одного арендатора[2]). Въ 1808 г. за всѣ 9 герберговъ дума получила 810 р. асс.[3]), Въ этомъ году содержателями ихъ были Иващенко и Пономаревъ. Купцы Деторъ и Кобзаревъ открыли у себя тайную продажу виноградныхъ винъ „мелочною роспивочною продажею". Это было подрывомъ для содержателей герберговъ и они подали въ думу жалобу. Иващенко писалъ, что нанялъ 11 служителей, купилъ на „знатную сумму напитки, посуды и билліарды" и просилъ „по неустоемому отъ думы контракту освободить его отъ платежа, и по законному порядку увольнить его, дабы черезъ сіе не прійтить мнѣ въ крайнее разореніе". Дума черезъ полицію запретила Детору и Кобзареву продажу виноградныхъ винъ[4]). Арендная плата за герберги постоянно колебалась, да и не всѣ они, несмотря на постоянную публикацію по всей губерніи, были на откупѣ. Въ 1819 г. были наняты только три герберга, за 250 р. Выше арендной цѣны въ 810 р. въ разсматриваемый періодъ не было. Въ 1816 году думой были изданы правила содержанія этихъ герберговъ. „Покои въ оныхъ гербергахъ—читаемъ въ этихъ правилахъ—имѣть въ порядкѣ, полы должны быть устланы пескомъ или травой, и притомъ службы необходимыя были бы безъ недостатка; имѣть въ услугахъ мужчинъ и женщинъ добраго поведенія". Въ гербергахъ разрѣшалась продажа винъ виноградныхъ, французскихъ, аглицкихъ, полпива, а также имѣть чай, кофе, шеколадъ и курительный табакъ[5]). За продажу въ гербергахъ, а также и въ трактирахъ, спиртныхъ напитковъ, городъ уплачивалъ въ казну 68 р. 66 к. въ годъ[6]). Съ арендаторами герберговъ дума всегда заключала условія, за которыя была отвѣтственна передъ

---

1) Гор. арх. 1814, дѣло № 2179.

2) Гор. арх. 1814, дѣло № 1957.

3) Гор. арх. 1809, дѣло № 1231.

4) Гор. арх. 1808, дѣло № 1239.

5) Гор. арх. 1816 г., дѣло № 2288. журн. засѣд. 22 января.

6) Гор. арх. 1814 г., дѣло № 2223. Весь налогъ на полтав. губернію былъ 840 р., наиболѣе платили Ромны—133 р. 60 к., Кременчугъ—127—33, наименѣе Миргородъ—9 р. 12 к.

губернскимъ правленіемъ. Былъ случай, когда ей пришлось отвѣтить по суду. Генеральный судъ второго департамента въ 1827 г. присудилъ съ бывшаго городскимъ головою Ильи Прокофьева и съ гласныхъ Янченка, Соколова и Соловья за одинъ герберrъ, отданный въ 1819 г. Ивану Лубенскому, 282 р. 19 к. Въ чемъ состояла вина ихъ, къ сожалѣнію, изъ журнала засѣданія не видно[1]).

Въ 1821 году, 14 марта, было издано высочайшее повелѣніе о взиманіи съ учреждаемыхъ гостиницъ 100 р. акциза въ годъ, съ рестораций и харчевень—75 р., съ кофейныхъ домовъ—50 р. Доходъ этотъ шелъ въ пользу города[2]).

Помимо герберговъ, городъ имѣлъ двѣ харчевни, за которыя получалъ 600 р., а въ 1830-хъ годахъ цѣна на нихъ пала, что можно объяснить появленіемъ въ городѣ лучшихъ трактировъ и гостиницъ. (Герберговъ уже не было).

Постояннымъ доходомъ, притомъ неизмѣннымъ, былъ доходъ съ „мясныхъ, соляныхъ, рыбныхъ лавокъ и скотобойни". Въ 1808 году этотъ доходъ составлялъ 422 р., а затѣмъ 542 р. и эта цифра остается неизмѣнной въ теченіе всего разсматриваемаго нами періода. Лавки эти помѣщались на „гостинномъ дворѣ", около нынѣшней Спасской церкви. Построенъ онъ былъ, по мысли Куракина, въ 1807 году. Администрація особенно внимательно слѣдила за продажею мяса и не позволяла мясникамъ продавать выше положенной таксы, а между тѣмъ, по мнѣнію мясниковъ, такса эта была низка и они то и дѣло просили о ея повышеніи. Въ 1808 г. такса на мясо была: фунтъ 1-го сорта—5 к. асс., 2-го сорта—4½ к. асс.[3]). Затѣмъ цѣны на мясо постепенно повышаются и въ 1816 году фунтъ 1-го сорта стоилъ 12 к., второго—8, третьяго—4 к. Но продажа по этой таксѣ, въ виду дороговизны скота, была для мясниковъ убыточна, и мясники въ томъ же году подали отъ всего мясницкаго цеха просьбу объ увольненіи ихъ „навсегда отъ занятія мясницкимъ промысломъ", въ виду его убыточности.

Дума просила ихъ не оставлять столь нужнаго промысла и воспретила продажу мяса въ другихъ мѣстахъ, кромѣ городскихъ лавокъ[4]). Губернское правленіе, куда перешло это дѣло,

---

[1]) Гор. арх. 1827 г., дѣло № 4070, журн. засѣд. 10 августа.

[2]) Гор. арх. 1822 г., дѣло № 3357.

[3]) Гор. арх. 1808, дѣло № 1300.

[4]) Гор. арх. 1816, дѣло № 2326, журн. сасѣд. 19 марта.

стало на формальную точку зрѣнія и подтвердило думѣ, что торгъ мясомъ и другими предметами первой необходимости по закону долженъ производиться такъ, „дабы корысть въ торговлѣ никакого мѣста не имѣла, о чемъ полиція должна слѣдить всемѣрно"[1]). Кн. Репнинъ, заинтересованный этимъ дѣломъ и не желавшій допустить увеличенія таксы, захотѣлъ на опытѣ убѣдиться, насколько были правы мясники въ своей жалобѣ. Онъ предписалъ совѣтнику губернскаго правленія и члену приказа общественнаго призрѣнія, вмѣстѣ съ думой, заняться нѣкоторое время продажею мяса, имѣя цѣлью удешевить его. Были созваны члены мясницкаго цеха, которымъ и былъ представленъ этотъ указъ генералъ-губернатора. Отъ цеха было избрано три лица, которыя вмѣстѣ съ избраннымъ думой полтавскимъ обывателемъ Павломъ Заболотькомъ, „яко опытнымъ въ знаніи скотины жирной отъ худой", были командированы въ кобелякскій уѣздъ для покупки скота. Скотъ былъ купленъ, сдѣлали пробу продажи мяса по существующей таксѣ, и оказался въ итогѣ убытокъ. Тѣмъ не менѣе кн. Репнинъ предписалъ думѣ озаботиться пониженіемъ таксы на мясо. Дума пригласила мясниковъ и, соединивъ ихъ „въ совмѣстную торговлю", назначила слѣдующую таксу: 1 сортъ—12 к., второй—7 к. Дума дала въ займы рѣзникамъ 4000 р. срокомъ на два мѣсяца. Кн. Репнинъ утвердилъ это постановленіе думы[2]).

Эта субсидія не удовлетворила цеха и онъ вскорѣ же опять просилъ думу о повышеніи таксы, но теперь дума послала указъ мясникамъ, „чтобы съ недѣльными прошеніями воздержались затруднять начальство"[3]). Прошло три года, и мясники въ 1820 году опять жалуются на низкую таксу, отъ которой они будтобы потерпѣли разорительные убытки, и просятъ о повышеніи перваго сорта до 14 к. за фунтъ. Но губернское правленіе предписало, въ видахъ провѣрки, купить двухъ быковъ и сдѣлать пробу, что и было исполнено думой. Такса осталась прежняя[4]). Черезъ годъ опять жалоба. Дума пригласила мясниковъ въ засѣданіе, гдѣ имъ были прочитаны 235 и 272 пункты „устава благочинія" и обѣщано было вызвать на мѣсто ихъ мясниковъ изъ другихъ го-

---

1) Гор. арх. 1816, дѣло № 2342.
2) Гор. арх. 1817, дѣло № 2445.
3) Гор. арх. 1817, дѣло № 2477, жур. засѣд. 29 августа.
4) Гор. арх. 1820, дѣло № 2285.

родовъ[1]). Въ 1822 г. мясники вновь жалуются на свое разореніе, но и теперь въ ихъ просьбѣ о повышеніи таксы было отказано. Губернское правленіе не нашло таксу низкой и предписало впредь торговать по установленнымъ цѣнамъ; въ случаѣ же упорства и несогласія кого-либо продавать по этимъ цѣнамъ и „не по какимъ либо уважительнымъ причинамъ, а по однимъ корыстолюбивымъ видамъ, то, удаливъ таковыхъ отъ дѣла навсегда, яко вредныхъ общей пользѣ и выгодѣ корыстолюбивцевъ, поступить съ ними по 235 и 272 пунк. устава благочинія и вызвать путемъ публикаціи на мѣсто ихъ другихъ"[2]). Такимъ образомъ, несмотря на домогательства мясниковъ, прежняя такса оставалась неизмѣнной до 1825 года, когда она была понижена: 1 сортъ 9 к., второй—6 к. и третій—4 к., что объясняется дешевизной скота; за пару быковъ въ томъ году платили 90 р.[3]). Въ 1834 г. цѣна на мясо понизилась до 8 к.[4]). Это пониженіе цѣнъ объясняется недородомъ въ полтавской губерніи; начался онъ въ 1825 году, а въ 1833 г. былъ страшный голодъ; а при неурожаяхъ вообще скотъ бываетъ очень дешевъ.

Всѣ мясники, принадлежавшіе къ цеху, вносили въ ремесленную управу отъ 8 до 10 р. ежегодно. Въ 1829 г. введенъ былъ налогъ и для мясниковъ-евреевъ,—по 10 р. въ годъ[5]).

Въ гостинномъ дворѣ, помимо мясныхъ, рыбныхъ и соляныхъ лавокъ, были и другія, принадлежавшія городу и отдаваемыя имъ на откупъ. Площадь для гостиннаго двора была выравнена еще въ 1808 г., когда и приступили къ постройкѣ лавокъ. Устройство этой площади, по вычисленію землемѣра Акимова, обошлось въ 112 р. 80 к. Необходимо было очистить ее отъ пней, вырубить деревья, что указываетъ на существованіе здѣсь лѣса. Площадь эта простиралась отъ нынѣшней Спасской церкви церкви до собора и называлась Сампсоніевской [6]). На этой площади экспедиція построила въ 1808 г. „шахвы" для продажи печенаго хлѣба и въ этомъ же году передала ихъ въ вѣдѣніе города. Въ 1808 г. на этой площади помѣщались 52 торговки, платившія за мѣста по 1 р. и по 2 р. Дума однажды хотѣла повы-

---

1) Гор. арх. 1821, дѣло № 3087, жур. засѣд. 25 іюня.
2) Гор. арх. 1822, дѣло № 3285.
3) Гор. арх. 1825, дѣло № 3691.
4) Гор. арх. 1831, дѣло № 4490.
5) Гор. ара. 1829, дѣло № 4247, жур. засѣд. 21 іюня.
6) Гор. арх. 1808, дѣло № 1135.

сить плату за эти мѣста, но торговки рѣшительно этому воспротивилось, и дума увѣдомила губернское правленіе, что „по всѣмъ склоненіямъ думою означенныхъ промышленниковъ, они платить больше не согласились“. Шахвы эти давали небольшой доходъ, 60 р. слишкомъ [1]). Въ гостинномъ ряду торговали и черными товарами: дегтемъ, саломъ, мыломъ и др. На это дума обратила вниманіе и въ 1828 гоцу уничтожила эту торговлю. Видимо, присмотра за торговлей не было никагого. Дума замѣтила, что „разнаго рода званія, дворяне, мѣщаче и разночинцы, постепенно одинъ за другимъ, располагаясь съ продажею дегтя, соли, свѣчей и т. п. на самомъ средоточіи городской площади и, выстроивши деревянныя гарбы, крайне безобразныя для вида, заняли подъ оные самые наилучшіе мѣста по собственному произволу, гдѣ кому вздумалось, и размножились въ количествѣ до того, что сближаются съ красными и бакалейными лавками и во время торговыхъ дней все подвигаются впередъ и самыя дороги со всѣхъ сторонъ стѣсняютъ до невозможности имѣть свободнаго проѣзда; сверхъ того отъ дегтя, во множественномъ числѣ сосудовъ разставленнаго, и отъ подобныхъ ему вешей происходитъ несносное зловоніе и тѣмъ стѣсняется и заряжается воздухъ“. Дума признала эти дѣйствія промышленниковъ „постыднымъ самовластіемъ“ и порѣшила перенести торговлю чернымъ товаромъ за городъ, на ярмарочную площадь,—вѣроятно, на нынѣшнюю Сѣнную, бывшую въ то время за городомъ [2]).

Помимо Сампсоніевской, были въ Полтавѣ еще площади: Петровская, Преображенская и Полтавская [3]). На этихъ площадяхъ были ярмарки, четыре раза въ годъ. Ярмарки приносили въ то время городу доходъ. Взымалось за мѣста, отдаваемыя подъ постройку лавокъ, а также взымался сборъ съ возовъ съ товарами, привозимыми на эти ярмарки. Доходъ былъ не всегда одинаковъ. Съ 1808 по 1817 г. доходъ колебался между 400 и 700 р., а въ 1818 году возросъ до 1400 р. Въ 1832—1834 г. около 1380 р. Интересенъ размѣръ обложенія на этихъ ярмаркахъ. Вотъ такса, утвержденная въ 1818 году для городовъ полтавской губерніи. За сажень земли, отдаваемый для постройки небольшой лавки, взымалось 2 р. 50 к., для торговли посудой, бакалейнымъ товаромъ—7 р., желѣзнымъ товаромъ—6 р., за продажу сбитня, квасу—

---

1) Гор. арх. 1808, дѣло № 1282.

2) Гор. арх. 1822, дѣло № 3208, жур. засѣд. 26 окт.

3) Гор. арх. 1808, дѣло № 1286.

10 р., съ шалаша для закупки хлѣба—15 р., съ воза съ красной рыбой и икрой— 5 р., съ малыхъ возовъ съ тѣмъ же товаромъ—2 р. 50 к., а затѣмъ цѣны были отъ 50 к. до 1 р. за торговлю другими продуктами; съ бочки хлѣбнаго вина, скатываемаго на площадь—1 р., съ бочки дегтя—3 р., съ загоновъ для продажи лошадей—10 р. [1]) Въ 1829 г. такса эта была нѣсколько измѣнена; такъ за возы съ деревянной посудой взымалось по 1 р., за продажу соли и мелкой рыбы также 1 р., съ возовъ черепяной посуды взымалось 2 р. 50 к., за многіе продукты цѣны вообще были понижены [2]).

Въ первые годы разсматриваемой нами эпохи сборами на ярмаркахъ завѣдывала дума, но губернское правленіе всегда предпочитало отдавать эти сборы на откупъ, т. е. въ арендное содержаніе. Самъ городской голова Черкасовъ взялъ эти площади въ аренду. Это было въ 1819 году. Въ то время было въ обычаѣ, что городскіе головы и гласные занимались городскими подрядами, всякаго рода доставками матерьяловъ для городскихъ построекъ, которыми сами и завѣдывали. Если не было желающихъ взять на откупъ извѣстное городское предпріятіе, то дума сама его эсплоатировала, и это называлось—„на вѣрѣ у самой думы". Отдача на откупъ ярмарочныхъ площадей не встрѣчала сочувствія среди купеческаго и мѣщанскаго обществъ, въ рукахъ которыхъ была торговля въ городѣ. Въ мартѣ 1814 г. губернское правленіе предписало думѣ вызвать путемъ публикаціи желающихъ взять на откупъ эти площади. Находились желающіе въ самой думѣ, городской голова Черкасовъ и гласные Чернявскій, Московченко и Недоборскій, Узнавъ объ этомъ, купеческое, мѣщанское и козачье общества обратились съ коллективнымъ прошеніемъ въ думу не отдавать этихъ площадей, а также вѣсовъ, сѣнокосную луку на откупъ, а оставить ихъ „на вѣрѣ въ думѣ". Мотивъ былъ слѣдующій: „черезъ излишніе наборы откупщиковъ можетъ быть стѣсненіе и ярмарки разстроены, между тѣмъ какъ дума помѣрно съ нихъ собирала деньги и можетъ получить свои выгоды, а ярмарки останутся увеличенными на всегда и городъ не можетъ терпѣть никакихъ нуждъ къ прокормливанію и содержанію жителей". Дума раздѣляла этотъ взглядъ, что и понятно, такъ какъ многіе изъ гласныхъ всегда готовы были взять на

---

[1]) Гор. арх. 1818, дѣло № 2520.

[2]) Гор. арх. 1829, дѣло № 4240, жур. засѣд. 1 февраля.

откупъ эти площади; но губернское правленіе предписало все-таки отдать ихъ на откупъ [1]).

Помимо указанныхъ главныхъ статей, городъ получалъ еще доходъ,—правда, незначительный,—и отъ другихъ статей, Такъ за городскіе вѣсы получалось дохода отъ 85 до 180 р. въ годъ, отъ найма город. домовъ генеральному суду, приказу общественнаго призрѣнія тоже поступалъ небольшой доходъ. Были и неопредѣленные доходы, такъ называемыя „печатныя пошлины", т. е. пошлины, взымаемыя за совершеніе думою актовъ объ обмѣнѣ земель, о передачѣ ихъ другимъ владѣльцамъ и т. п. Пошлина эта взымалась отъ 50 к. до 1 р. Всѣ пріѣзжающіе въ городъ должны были заявлять о своемъ пріѣздѣ; не заявившій подвергался штрафу. Хозяинъ, нанявшій прислугу безъ паспорта, платилъ 2 р. Всѣ эти штрафы также поступали въ городскую кассу [2]). Въ 1831 г. полиція оштрафовала Кельмана Зеленскаго, сына бывшаго городского головы, человѣка хорошо извѣстнаго, за то, что не далъ знать полиціи о своемъ пріѣздѣ, а остановился онъ у губернскаго предводителя дворянства [3]).

Въ числѣ доходныхъ статей былъ штрафъ за бродячихъ собакъ, поступавшій въ городскую кассу. Всѣ обыватели, согласно распоряженію, должны были собакъ держать на цѣпи, въ противномъ случаѣ платили штрафъ. Но штрафы эти давали незначительный доходъ. Въ 1820 г. получено было всего 3 р. [4]), въ 1819 г.—39 р. [5]) Это распоряженіе, направленное къ уничтоженію бродячихъ собакъ, не дало желаемаго результата; бродячихъ собакъ было не мало и съ цѣлью ихъ уничтоженія, полицеймейстеръ подполковникъ Стоцкій внесъ въ думу просьбу о покупкѣ для него пороха и дроби, при чемъ обѣщался вносить получаемый штрафъ за собакъ въ городскую кассу, но дума отклонила эту просьбу „по неимѣнію предписанія отъ начальства" [6]). Но полицеймейстеръ все таки достигъ своей цѣли. Ему было разрѣшено нанять особаго „гицеля" за 240 р. въ годъ, на обязанности котораго было истреблять по городу собакъ „черезъ огнестрѣль-

---

1) Гор. арх. 1814 г. дѣло № 2127, жур. засѣд. 8 апрѣля и дѣло № 2223.
2) Гор. арх. 1814 г. дѣло № 2154.
3) Гор. арх. 1831 г., дѣло № 4157, жур засѣд. 25 ноября.
4) Гор. арх. 1820 г. дѣло № 2807.
5) Гор. арх. 1819 г. дѣло № 2800, жур. засѣд. 12 декабря.
6) Гор. арх. 1824 г. дѣло № 3575.

ное оружіе“ [1]). Въ 1831 г. предписано было думѣ выдавать ежегодно по 50 р. на покупку пороха и дроби [2]).

Неопредѣленнымъ доходомъ была плата за перевозъ черезъ рѣку Ворсклу. Плата эта была установлена кн. Репнинымъ въ 1820 году. Плата была установлена высокая; такъ, за переправу экипажа съ одною лошадью взымалось 1 р., съ двумя—2 р. 50 к., съ тремя—3 р., съ пѣшаго—20 к. Воинскія команды, курьеры, проѣзжавшіе по казенной надобности, были освобождены отъ платы. Нѣсколько позже, въ 1830 году была установлена плата за перевозъ черезъ р. Рогизную (Рогизна), о которой нынѣ осталось одно только воспоминаніе. Здѣсь взымали согласно высочайшему повелѣнію 1824 г. о сборѣ за переправу въ Кременчугѣ: съ лошади въ коляскѣ и каретѣ—32 к., съ лошади въ бричкѣ и др. экипажѣ—20 к., съ верховой лошади и въ упряжи въ повозку, безъ клади—12 к., съ пары воловъ—32 к., съ бочки вина—40 к. и др.

Таковъ былъ доходъ города въ описываемую эпоху. Постараемся сдѣлать выводы на основаніи изложеннаго матерьяла. Доходъ города составлялся изъ оброчныхъ статей, изъ отдачи на откупъ торговыхъ помѣщеній, герберговъ, харчевень и т. п. Главной статьей дохода былъ винный откупъ, составлявшій во вторую половину описываемой эпохи большую половину городского бюджета. Откупъ отдавали обыкновенно на 3—4 года, а на большее число лѣтъ очень рѣдко. Сами городскіе обыватели, домовладѣльцы, не несли никакихъ налоговъ, имущественнаго обложенія не было. Сама дума весьма нерѣдко брала на откупъ многія статьи дохода, брала подряды по доставкѣ фуража для пожарныхъ лошадей, матерьяловъ для построекъ и т. под. Торговля, какъ мы сказали, была въ рукахъ купцовъ и мѣщанъ. Въ 1812 году, 29 декабря, были изданы новыя правила о торговлѣ. По этимъ правиламъ разрѣшалось крестьянскому сословію, не говоря о купцахъ, мѣщанахъ, содержать почтовыя станціи, харчевни и „упражненіе во всякихъ ремеслахъ рукодѣлья и работа—развозка дровъ, матерьяловъ, предметовъ огородничества и т. п.“. Имъ предоставлено право нанимать во время ярмарокъ лавки. Продажа же произведеній не своего издѣлія, пріобрѣтеннаго притомъ изъ другихъ рукъ на сумму свыше 2 тыс. р., составляли

[1]) Гор. арх. 1828 г. дѣло № 4107.

[2]) Гор. арх. 1832 г. дѣло № 4574, жур. засѣд. 4 марта.

промыселъ мѣщанскій и купеческій. Для торга выдавались свидѣтельства, которыя были 4 родовъ: 1) на сумму 50 тыс., за что взымалось въ казну 2500 р.; 2) на 25 тыс., взымалось 1000 р.; 3) на капиталъ 8000 р. и болѣе, со взносомъ въ казну 400 р. и наконецъ на сумму 2000 р. и болѣе, за что взымалось 2% съ объявленнаго капитала. Предписано было помѣщикамъ „наблюдать и вразумлять крестьянъ, чтобы они не производили торговли, присущей мѣщанскому и купеческому сословіямъ". Надзоръ за этимъ былъ порученъ и городскимъ думамъ. Крестьяне, поступавшіе приказчиками или коммиссіонерами, обязаны были брать свидѣтельства съ уплатою 100 р., сидѣльцы и артельщики платили 40 р. Если купецъ во избѣжаніе платежа пошлинъ „употребитъ подлогъ и будетъ у него торговать крестьянинъ подъ именемъ купца, то, по изобличеніи въ подлогѣ, сверхъ пени или штрафа, взыскивается двойная годовая подать; во второй разъ пеня удваивается, въ третій разъ, сверхъ удвоенной пени, купецъ лишается „добраго имени" [1]). Вотъ статистическія данныя за нѣкоторые годы о купцахъ и мѣщанахъ въ Полтавѣ:

Годы.	Купцы-христ.	Купцы-евреи.	Мѣщ.-христ.	Мѣщ.-евреи.
1814	25	2	43	
1815	19	3	45	
1816	20	4	43	3
1818	30		26	2
1819	31		26	2
1820	18	7	51	2
1821	23	7	18	2
1822	24	6	20	2

Число купцовъ увеличилось съ изданіемъ закона 14 ноября 1824 года. Этимъ закономъ купеческое общество дѣлилось на три гильдіи. Купцы первой гильдіи имѣли право вести оптовую внутреннюю и заграничную торговлю всякими товарами, имѣть фабрики и заводы (кромѣ винокуренныхъ), имѣть страховыя конторы, брать казенные подряды, заключать контракты и маклерскія условія на всякую сумму. Интересно, что вести розничную торговлю дозволялось купцамъ этой гильдіи только въ томъ городѣ, гдѣ они прописаны, въ противномъ случаѣ купецъ долженъ взять

1) Гор. арх. 1813, дѣло № 2030.

свидѣтельство 3 гильдіи по окладу того города. Это сдѣлано, несомнѣнно, въ виду полученія большихъ средствъ. Сумма объявленнаго капитала этой гильдіи была 50 тыс., за что вносилось гильдейскихъ пошлинъ 2200 р., да еще платили за „особый билетъ“ на лавку, въ столицахъ 100 р., а въ остальныхъ городахъ—75 р. Купцы второй гильдіи пользовались почти тѣми же правами, какъ и купцы первой гильдіи, но не могли имѣть банкирскихъ и страховыхъ конторъ и торговать болѣе какъ на 50 тыс. и на эту только сумму брать казенные подряды. Купцы третьей гильдіи вели розничный торгъ, могли содержать харчевни, питейные дома, портерныя лавочки, заводы, въ которыхъ должно быть не болѣе 32 человѣкъ рабочихъ, въ противномъ случаѣ должны перейти въ высшую гильдію. Купцы второй гильдіи платили пошлинъ 880 р., а третьей — 320 р.

Правила эти коснулись и мѣщанъ, занимавшихся торговлей. Торгующій мѣщанинъ (не торгующій назывался „посадскимъ“) долженъ получить свидѣтельство на право торговли. Онъ имѣлъ право имѣть одну лавку въ гостинномъ дворѣ или другомъ публичномъ зданіи или частномъ помѣщеніи, имѣлъ право содержать гостиницы, кофейные дома (такихъ въ Полтавѣ не было), харчевни, бани и т. п. Имѣть фабрики и заводы запрещалось, а если мѣщанинъ занимался какимъ-либо ремесломъ, то могъ имѣть не болѣе 8 чел. рабочихъ или соразмѣрное число мальчиковъ, полагая двухъ мальчиковъ не моложе 15 лѣтъ за одного работника. Если же желалъ имѣть болѣе работниковъ, но во всякомъ случаѣ не болѣе 16 человѣкъ, то долженъ взять другое свидѣтельство торгующаго мѣщанина, а если болѣе 16 человѣкъ, то необходимо приписаться къ гильдіи. Частныя сдѣлки не должны превышать 4 тыс. Плата за свидѣтельство въ столицахъ 120 р. и за лавку 50 р., въ остальныхъ городахъ отъ 40 до 80 р., а за лавки отъ 15 до 30 р. Правила эти были очень подробны; мы коснулись только главныхъ, существенныхъ положеній. [1])

Эти правила, при надзорѣ со стороны думы и другихъ казенныхъ учрежденій, увеличили число купцовъ и торгующихъ. Вотъ статистич. данныя о купцахъ послѣ изданія этихъ правилъ: въ 1826 году ихъ было 44, въ 1834 г.—50. До 1832 года купцомъ первой гильдіи былъ только Зеленскій, въ 1832 году записался Авр. Португаловъ, а годомъ позже П. Ворожейкинъ. Дума слѣ-

[1]) Гор. арх. 1824 г., дѣло № 3943.

дила очень внимательно за соблюденіемъ этихъ правилъ. Руководствуясь ими, она замѣтила, что на Всеѣдной ярмаркѣ не всѣ торгующіе брали свидѣтельства на торговлю, о чемъ и заявила полиціи, съ предписаніемъ строго слѣдить за этимъ. Полицеймейстеръ Стоцкій командировалъ на ярмарку квартальнаго надзирателя. Дума въ своемъ донесеніи губернскому правленію указывала, что 31 человѣкъ мѣщанъ и козаковъ, „возчувствовавъ всю важность монаршаго благоволенія, видя явную отъ онаго себѣ пользу, передавая мнѣнія свои одинъ другому, по собственной волѣ, желанію и состоянію подали въ думу о причисленіи въ купцы 3-й гильдіи, что давало казнѣ дохода 8460 р.“ Дума заставляла всѣхъ лицъ, замѣченныхъ въ незаконной торговлѣ, брать свидѣтельства. Полицеймейстеръ Стоцкій, враждуя съ городскимъ головой Чубенкомъ (о чемъ мы будемъ еще говорить), черезъ десятниковъ собиралъ торговцевъ въ съѣзжія избы и убѣждалъ ихъ жаловаться на незаконныя дѣйствія думы. Дума, конечно, не могла оставить безъ вниманія эти дѣянія полиціи и порѣшила въ засѣданіи 12 марта 1825 г. принести жалобу на препятствія, устраиваемыя „по торговлѣ, яко важной вѣтви государственной силы и благосостоянія“, генералъ-губернатору, губернатору, казенной палатѣ и губернскому правленію. [1])

Съ цѣлью поддержки и расширенія торговли въ городахъ, указомъ сената отъ 5 апрѣля 1809 года повелѣно взымать съ купеческихъ капиталовъ $^1/_4$% и вносить его въ приказъ общественнаго призрѣнія для выдачи ссудъ купеческому сословію „съ надежнымъ залогомъ или поручательствомъ.“ Цѣлость этого капитала была на отвѣтственности городскихъ думъ. Этими ссудами прежде всего воспользовалась городская дума и магистратъ. Отъ думы зависѣла выдача, и она сочла за лучшее прежде всего воспользоваться самой этими ссудами. Въ 1810 году этого капитала было 3659 р. 36$^1/_4$ к., которые и были позаимствованы городскимъ головой Ильей Прокофьевымъ подъ залогъ дома, бывшаго около Воскресенской церкви. [2]) Нѣсколько позже взялъ ссуду Трофимъ Ковалевскій, служившій бургомистромъ, а затѣмъ и преемникъ Ильи Прокофьева, Николай Черкасовъ. [3]) Ссуды эти практиковались до 9 іюня 1813 года, когда онѣ были воспрещены. Прокофьевъ и Черкасовъ не внесли взятую ссуду въ срокъ,

---

[1]) Гор. арх. 1825 г., дѣло № 3682, жур. засѣд. 13 марта.

[2]) Гор. арх. 1810, дѣло № 1415.

[3]) Гор. арх. 1813, дѣло № 2082.

за что на основаніи „вексельнаго устава“ съ нихъ взыскано было 8% штрафа. [1])

Для правильнаго производства торговли, согласно правиламъ 14 ноября, 1824 года, при думѣ была учреждена торговая депутація, въ составъ которой должны быть избраны лица, пользующіяся особымъ довѣріемъ общества. Такими были избраны: купецъ первой гильдіи Авраамъ Зеленскій и купцы третьей гильдіи Андрей Панасенко, Степанъ Подсудевскій и Логинъ Труновъ. Они должны были завести книги и записывать въ нихъ о количествѣ объявленныхъ купцами капиталовъ для взыманія съ нихъ процентовъ, а также наблюдать за исполненіемъ правилъ 1824 года[2]).

Достойно вниманія, что полтавская дума предупредила законъ 1824 года и въ 1820 году избрала два лица изъ купеческаго сословія, возложивъ на нихъ наблюденіе за правильностью торговли, на что натолкнула сама жизнь. Въ 1820 г. купцы 3 гильдіи Подсудевскій, Чубенко, Труновъ, Шатуновъ, Панасенко, Носовъ, Недоборскій и Калобуховъ[3]) подали въ думу заявленіе, что въ городѣ, по ихъ наблюденію, незаконно занимаются торговлей два дворянина, 6 мѣщанъ и 3 козака; помимо этихъ много есть еще заѣзжихъ или гостей, венгерцевъ и евреевъ, которые также ведутъ незаконно торговлю. Дума, выслушавъ это заявленіе, предложила съ своей стороны двумъ купцамъ, Ефиму Недоборскому и Моисею Островскому взять на себя трудъ наблюденія за торговлей и не допускать къ торговлѣ лицъ, не имѣющихъ на то права. Кн. Репнинъ одобрилъ эту мѣру, но предложилъ думѣ собрать всѣхъ купцовъ и предоставить имъ самимъ избрать изъ своей среды двухъ лицъ. Это былъ первый примѣръ, когда цѣлой корпораціи было предоставлено право выбора въ дѣлѣ, затрагивающемъ ея интересы [4]). Собраніе избрало того же Ефима Недоборскаго, а вмѣсто Островскаго, Василія Недоборскаго, „яко благонадежныхъ и добросовѣстныхъ“. И въ то время, какъ и нынѣ, можно было встрѣтить торгующихъ венгерцевъ, переходящихъ изъ одного города въ другой. Въ 1821 году появились въ Полтавѣ два венгерца, Якубъ Янощинъ и

---

[1]) Гор. арх. 1814 г., дѣло № 2719.

[2]) Гор. арх. 1824, дѣло № 3651.

[3]) Изъ потомковъ этихъ купцовъ одинъ Недоборскій продолжаетъ торговлю, внуки Панасенка недавно прекратили, а остальные роды не существуютъ.

[4]) Гор. арх. 1820, дѣло № 2903.

Матвѣй Филліо. Избранные для надзора за торговлей, братья Недоборскіе запретили имъ торгъ, на что венгерцы принесли жалобу кн. Репнину, запросившему объ этомъ думу. Основываясь на городовомъ положеніи 1785 года, гдѣ сказано: „само собою разумѣется, что иностранецъ, гость или заѣзжій, чуждый правъ гильдіи, ничѣмъ не торгуетъ въ розницу въ домѣ своемъ или квартирѣ или въ гостинномъ дворѣ и не открываетъ ни лавки, ни магазина или подобнаго заведенія",—дума, состоявшая изъ торговыхъ людей, соблюдала свой интересъ и настаивала, что допущеніе такихъ торговцевъ поведетъ къ упадку торговли въ Полтавѣ и уменьшенію числа купцовъ. Губернское правленіе нашло объясненіе думы „съ законами согласнымъ" [1]).

ГЛАВА V.

Расходъ.

(1808—1834).

Ассигнованіе на богоугодное заведеніе. Содержаніе полиціи. Отношенія полиціи къ думѣ, вражда городского головы съ полицеймейстеромъ Стоцкимъ. Заботы о благоустройствѣ города. Городской садъ. Начетъ на городского голову Прокофьева. Военный постой. Пособіе школамъ. Смѣта на „исправленіе и экстраординарные расходы". Холерная эпидемія въ Полтавѣ.

Наиболѣе крупнымъ городскимъ расходомъ было ассигнованіе на содержаніе богоугоднаго заведенія, учрежденнаго первымъ генералъ-губернаторомъ Малороссіи кн. А. Б. Куракинымъ. Въ началѣ разсматриваемаго періода, городъ вносилъ на содержаніе главной больницы—6151 р. 27 к. и на устройство трехъ частныхъ больницъ, которыя никогда не были открыты—1983 р. 90 к., всего 8135 р. 17 к. Больница была въ вѣдѣніи приказа общественнаго призрѣнія. Попечителями ея были: Остроградскій, Левенецъ и поэтъ И. П. Котляревскій. Съ 1813 года взносъ города увеличился. Еще князь А. Б. Куракинъ устроилъ въ Пол-

¹) Гор. арх. 1821 г.. дѣло № 3039 и дѣло № 3202, жур. засѣданія 25 марта и 4 мая. Въ архивѣ не мало встрѣчается донесеній этихъ двухъ купцовъ о многихъ лицахъ, незаконно торгующихъ, и дума черезъ полицію запрещала эту торговлю.

тавѣ первую аптеку, которой завѣдывалъ Иванъ Сессъ [1]). Въ 1813 году она была отдана ему въ арендное содержаніе, а деньги, въ суммѣ 4421 р. 18 к., вносимыя прежде на содержаніе аптеки, по предписанію губернатора Тутолмина, вносились на медикаменты больницы. Такимъ образомъ на богоугодное заведеніе городъ вносилъ ежегодно 12556 р. 35 к. [2]).

Полиція въ то время также содержалась на городскія средства, на нее ежегодно расходовалось 6257 р. Отношенія полиціи къ городу не были урегулированы закономъ: то дума „предписываетъ" полиціи, то обратно, полиція считаетъ думу учрежденіемъ ей подчиненнымъ. Въ силу этого нерѣдки были недоразумѣнія, что, впрочемъ, зависѣло чаще всего отъ характера лицъ, находившихся во главѣ полиціи. Въ 1820-хъ годахъ полтавскимъ полицеймейстеромъ былъ подполковникъ Стоцкій, любившій, при удобномъ случаѣ, напоминать, что онъ былъ на войнѣ, дрался не одинъ разъ съ непріятелемъ и проливалъ кровь свою за отечество. Этотъ храбрый подполковникъ, въ теченіе своего пребыванія въ этой должности, велъ борьбу съ городскимъ головой Чубенкомъ, который, впрочемъ, энергично отстаивалъ свои и думскія права, Полицеймейстеръ и городской голова впервые столкнулись на ярмаркѣ, въ февралѣ 1824 года. Стоцкій хотѣлъ распоряжаться, но забылъ, что хозяиномъ ярмарокъ является дума. Пререканія между нимъ и городскимъ головой кончились тѣмъ, что полицеймейстеръ, въ присутствіи многочисленной публики, пригрозилъ городскому головѣ связать его и отправить въ острогъ. Это и было началомъ дурныхъ отношеній. Чубенко о такомъ поступкѣ донесъ по начальству. Въ августѣ мѣсяцѣ того же года городской голова Чубенко, вмѣстѣ съ секретаремъ Бильбасовымъ, отправились въ полицейскія части, быть можетъ, съ цѣлью ихъ осмотра. Полицеймейстера не было, но о посѣщеніи головы тотчасъ же донесъ ему частный приставъ. „Не имѣя никакого начальственнаго предписанія,—пишетъ въ думу полицеймейстеръ,—на счетъ учиненія головою Чубенкомъ и секретаремъ Бильбасовымъ такого обревизованія, не былъ даже отъ думы о томъ извѣщенъ и заключая изъ сего, что глава Чубенко принялъ на себя должность гораздо выше ему предоставленной, прошу оную думу, дабы благоволила объяснить, съ какого поводу

---

[1]) См. 1 выпускъ „Полтава въ началѣ XIX стол."

[2]) Гор. арх. 1813, дѣло № 2094.

глава Чубенко съ секретаремъ Бильбасовымъ вчерашняго числа ревизовали полицейскія части". При этомъ полицеймейстеръ предупреждалъ, что „если и впредь подобные обревизованія сами собою будутъ производить, то члены, приступающіе къ такому обревизованію, будутъ взяты подъ стражу". Дума нашла, что „угрозы взять подъ стражу невмѣстны и для членовъ думы, въ казенныхъ должностяхъ находящихся, одинаково, какъ и онъ, на вѣрность службы присягу учинившихъ, обидны", поэтому она объявила Стоцкому, что будетъ жаловаться высшему начальству и просить его „оградить думу отъ подобныхъ господина полтавскаго полиціймейстера оскорбительныхъ угрозовъ, и оные, какъ присвоенные имъ свыше всякой власти, на будущее время воспретить". Стоцкій написалъ еще болѣе колкій отвѣтъ на эту бумагу. Не отказываясь отъ своихъ угрозъ, онъ писалъ: „Людей своевольныхъ, дѣйствующихъ не по прямой своей обязанности, можно оставить подъ стражею до разрѣшенія начальства. Въ разумѣ сего нѣтъ угрозъ, которые не позволены бываютъ иногда въ личности; сказавъ сіе, прошу думу въ отзывахъ ко мнѣ изъясняться правильнѣе и знать, что члены оной не внѣ закона; хотя дума изъяснила, что для нихъ сіе несовмѣстимо и обидно, потому что онѣ состоятъ въ дѣйствительныхъ казенныхъ должностяхъ, одинаково, какъ и я, на вѣрность присягу учинившихъ, но къ чему сіе сказано?.. Оставляю разсуждать о семъ самой думѣ". Дума, не входя въ дальнѣйшія препирательства съ полицеймейстеромъ, велѣла его увѣдомить, что она „по означенному предмету сказала все, что сказать слѣдовало".

У Стоцкаго правой рукой былъ частный приставъ Вареницынъ, которому онъ особенно покровительствовалъ. Вскорѣ открылось, что у Вареницына полиція нанимала помѣщеніе для „съѣзжихъ избъ", при чемъ показала больше комнатъ („покоевъ", какъ писали въ то время), чѣмъ было на самомъ дѣлѣ, а между тѣмъ Вареницынъ плату и отопленіе получалъ отъ города. Выяснилось, что вторая съѣзжая изба помѣщалась въ кухнѣ, значитъ второго дома не было нанято, а плата получалась. Чубенко обратилъ на это вниманіе, и дѣло было передано въ повѣтовый судъ для разслѣдованія, а полицеймейстеру было предписано на будущее время „быть осмотрительнѣе". По этому дѣлу секретарь думы былъ вызванъ въ Черниговъ кн. Репнинымъ для личнаго доклада [1]).

[1]) Гор. арх. 1824 г., дѣло № 3550 и № 3637 и жур. засѣд. 7 и 21 марта.

Фуражъ для лошадей пожарной команды поставлялся самой думой по справочнымъ цѣнамъ, утвержденнымъ губернскимъ правленіемъ. Справочная цѣна на овесъ въ 1824 г. была 6 р. за четверть, а сѣна—40 к. за пудъ. Стоцкій не увѣдомилъ думу о необходимости доставить фуражъ, а распорядился купить этотъ фуражъ, при чемъ увѣдомилъ думу, что присылка фуража натурой „излишня“, а просилъ отпускать ему деньги. Дума съ этимъ не согласилась и порѣшила просить губернское правленіе запретить на будущее время чиновникамъ полиціи покупать фуражъ на счетъ думы.[1]) Полицеймейстеръ Стоцкій самъ желалъ покупать не только фуражъ, но и дрова, что дѣлалъ изъ-за личнаго интереса. При всякомъ удобномъ случаѣ онъ старался дѣлать непріятности думѣ. Опоздаетъ ли дума доставкою дровъ на отопленіе полиціи и острога или уплатою жалованья десятскимъ, онъ тотчасъ же пишетъ въ думу бумагу, очень рѣзкую, нисколько не стѣсняясь въ рѣзкихъ выраженіяхъ по ея адресу. Смотрителемъ острога былъ нѣкто Лукьяненко, безропотно исполнявшій всѣ распоряженія полицеймейстера. Онъ донесъ послѣднему, что дума доставляетъ въ острогъ дрова не сажнями, а возами, почему трудно провѣрить ихъ количество; самъ же Лукьяненко, видимо, не пожелалъ сложить привезенныя дрова въ сажени. Дума донесла объ этомъ губернскому правленію, при чемъ сообщила о распоряженіи полицеймейстера брать дрова для острога у подрядчика Пиндруса, на что, конечно, онъ не имѣлъ права. Губернское правленіе, разобравъ дѣло, такъ оцѣнило поведеніе полицеймейстера: „Достойно примѣчанія начальственнаго то главное обстоятельство, что сія о дровахъ и разные другіе невмѣстные и несправедливые господина полиційместера Стоцкаго къ думѣ претензіи и переписка заведены по личнымъ его къ градскому головѣ Чубенкову неудовольствіямъ, извѣстнымъ уже начальству изъ того происшествія, которое дѣлалъ онъ, Стоцкій, 13 сего февраля, во время всеядной ярмарки въ гостинномъ ряду, при многочисленной публикѣ, съ крайнею неблагопристойностью и съ дерзкими похвалками связать градскаго голову и въ острогъ отправить“. Губернское правленіе поставило на видъ Стоцкому его незаконное отношеніе къ думѣ, но Стоцкій мало обращалъ вниманія на замѣчанія губернскаго правленія. Послѣ полученія этой бумаги, полицеймейстеръ предписываетъ думѣ доставлять

[1]) Гор. арх. 1824 г, дѣло № 3637.

слѣдуемыя для острога дрова на полицейскій дворъ, для освидѣтельствованія. Дума, конечно, не согласилась на это и сообщила полицеймейстеру о своемъ отказѣ уплатить деньги за дрова, взятыя у Пиндруса. Эти дѣйствія полицеймейстера губернское правленіе нашло притѣснительными и замѣтило, что „полиціймейстеръ хотѣлъ показать неограниченность власти, самимъ собою присвоенной". Дума указала на неправильность дѣйствій смотрителя острога, при чемъ объяснила дѣйствія его желаніемъ „приласкаться къ своему начальству". Послѣдняя фраза вызвала очень рѣзкую бумагу со стороны Стоцкаго. Онъ писалъ: „Лукьяненко болѣе разумѣетъ долгъ службы, болѣе каждаго изъ членовъ думы и секретаря оной". О секретарѣ Бильбасовѣ онъ выразился такъ: „дума положилась на логику своего секретаря, а сей не зналъ, какова есть кубична сажень". Упоминая о членахъ думы, онъ счелъ нужнымъ сказать для характеристики ихъ, что гласные Гальченко и Зборовскій были подъ арестомъ на съѣзжей. И эта бумага дошла до свѣдѣнія губернскаго правленія. Очень интересенъ отвѣтъ послѣдняго. Губернское правленіе взяло подъ свою защиту обиженныхъ гласныхъ. „Они, писало губернское правленіе, люди честные, трезвые, ни въ какихъ неблагопріятныхъ поступкахъ не замѣченные. А на съѣзжей они побывали по волѣ полиціи, и это сдѣлано было безъ вины, не по суду, а по власти полицейской. Ибо, когда полицеймейстеръ однимъ своимъ лицемъ, безъ всякой причины, на присуственное мѣсто, на думу, желая притѣснить и очернить всѣхъ членовъ, иногда съ азартомъ среди ярмарки, передъ многочисленной публикой осмѣлился грозить связать и въ острогъ отправить самого градскаго голову, предводителя обоихъ обществъ купеческого и мѣщанскаго, то чего уже не можетъ сдѣлать съ людьми простыми, мѣщанами, коихъ гласъ самый справедливѣйшій и невинный, изъ одной боязни сугубѣйшихъ притѣсненій, до свѣдѣнія начальства не доходитъ" [1]). Для того времени это очень выразительная характеристика представителя полиціи, сдѣланная притомъ административнымъ учрежденіемъ, которое, впрочемъ, ничего не предприняло для обузданія храбраго подполковника. Дѣло съ поставкой дровъ окончилось тѣмъ, что дума вычла изъ жалованья смотрителя острога 52 р. за взятыя имъ у Пиндруса дрова, а послѣднему уплатила [2]). Полицеймейстеръ

[1]) Гор. арх. 1824 г., жур. засѣд. 3 августа

[2]) Гор. арх. 1824 г., дѣло №. 3651. жур. засѣд. 14 декабря.

все-таки, несмотря на получаемыя замѣчанія, продолжалъ дѣлать непріятности думѣ. Требованія послѣдней онъ или вовсе не исполнялъ, или очень медлилъ съ исполненіемъ, что, понятно, дѣлалъ съ умысломъ. Въ ноябрѣ 1824 года дума въ пятый разъ просила его о вызовѣ желающихъ купить старые тулупы, но онъ все-таки медлилъ [1]. Губернское правленіе обратило вниманіе на поведеніе полицеймейстера, хотя и по другому поводу, и сдѣлало ему замѣчаніе „о непомѣрной медлительности въ выполненіи требованія сей думы". Въ данномъ случаѣ дѣло шло о пожарныхъ лошадяхъ. Дума запросила о количествѣ старыхъ, негодныхъ лошадей на пожарной командѣ.[2] Во время ярмарокъ Стоцкій желалъ быть полнымъ хозяиномъ, самъ желалъ отдавать мѣста для торгующихъ. Но дума жаловалась губернскому правленію, которое ставило на видъ полицеймейстеру, что это дѣло не его, а думы; оно нашло „все дѣлаемое полиціей неразумнымъ и клонящимся къ одному только стѣсненію торговцевъ и промышленниковъ" [3]. Подобныя замѣчанія не обуздывали Стоцкаго и онъ все изыскивалъ поводъ дѣлать непріятное думѣ, не разбирая при томъ средствъ. Въ январѣ 1827 г. городской голова былъ въ полицейскомъ управленіи, о чемъ зналъ Стоцкій. Изъ полицейскаго управленія городской голова, вмѣстѣ съ секретаремъ Бильбасовымъ, отправился въ казначейство. Тогда Стоцкій отправился въ думу, гдѣ, конечно, ихъ не видѣлъ, и донесъ губернатору о томъ, что, посѣтивъ присутствіе думы, онъ никого тамъ не видѣлъ изъ гласныхъ, не было и городского головы. Надо сказать, что это было спустя нѣсколько дней послѣ выборовъ и новые гласные не вступили еще въ должность, такъ какъ не приведены были къ присягѣ [4]. Иногда, желая сдѣлать думѣ непріятность, полицеймейстеръ попадалъ впросакъ. Въ 1825 году онъ донесъ о необходимости исправленія пожарныхъ инструментовъ. Наряженная для освидѣтельствованія ихъ комиссія признала инструменты всѣ въ полной исправности. Стоцкій за это получилъ замѣчаніе отъ кн. Репнина „за неосмотрительное донесеніе" [5]. Стоцкій пробылъ полицеймейстеромъ въ Полтавѣ около 8 лѣтъ, до конца 1830 г., когда былъ переведенъ на ту же

---

1) Гор. арх. 1824 г., дѣло №. 3650, жур. засѣд. 18 ноября.
2) Гор. арх. 1825, дѣло № 3776, жур. засѣд. 11 декабря.
3) Гор. арх. 1826, дѣло № 3883, жур. засѣд. 4 мая.
4) Гор. арх. 1827, дѣло № 3970, жур. засѣд. 11 января.
5) Гор. арх. 1825, дѣло № 370, жур. засѣд. 20 мая.

должность въ Нѣжинъ; его преемникомъ былъ зѣньковскій городничій Манжосъ [1]) Не·понятно, какъ могли его держать такъ долго въ должности полицеймейстера, когда онъ на каждомъ шагу обнаруживалъ не только полную безтактность, но и недобросовѣстность. Остается предположить, что онъ получилъ это мѣсто въ силу протекціи и пользовался защитою кого-либо изъ высокопоставленныхъ лицъ. Видимо, ему покровительствовалъ самъ Репнинъ.

А между тѣмъ тотъ же князь Репнинъ относился строго въ той же думѣ. Въ 1819 году полицеймейстеръ Кищенко жаловался, что дума опаздываетъ присылкою денегъ для уплаты 16 десятскимъ и требуетъ отъ полиціи расписокъ въ полученіи ихъ. Репнинъ предписалъ думѣ выдавать полиціи деньги въ срокъ, „не требуя никакихъ о употребленіи тѣхъ денегъ отчетовъ; естли же, писалъ Репнинъ, впредь замѣчу я подобные отъ сей думы непорядки, то члены ея подвержены будутъ строжайшему взысканію“ [2]). Служащіе по полиціи были единственными, которымъ дума назначала пенсіи; такъ въ 1833 году была назначена пенсія двумъ частнымъ приставамъ [3]). Еще былъ, впрочемъ, примѣръ назначенія пенсіи секретарю магистрата Булановскому, умершему отъ холеры въ 1831 году [4]).

Все, что ни дѣлалось думою для благоустройства города, дѣлалось не по ея инициативѣ, а по распоряженію начальства. Въ архивѣ мы постоянно встрѣчаемъ приказаніе генералъ-губернатора или губернатора исправить мостики, выравнять улицы, спустить съ нихъ воду, прорыть канавы и т. под. Дума по предписанію администраціи занималась устройствомъ бульваровъ и посадкою на нихъ деревьевъ. Въ 1808 г. было посажено 550 деревьевъ, чѣмъ, по распоряженію генералъ-губернатора, занимался одинъ изъ гласныхъ, но непремѣнно „обще съ членомъ полиціи, съ прежней бережливостью отъ излишней издержки“ [5]). Въ 1818 году на посадки издержано 1350 р.“ [6])

Городской садъ былъ всегда предметомъ заботъ обоихъ генералъ-губернаторовъ, кн. Лобанова-Ростовскаго и Репнина. Они

---

1) Гор. арх. 1830 г., дѣло № 4222.
2) Гор. арх. 1819 г., № 2715, цир. № 2601.
3) Гор. арх 1833 г., дѣло № 4375, жур. засѣд. 26 окт. и 1833 № 4722.
4) Гор. арх. 1833 г., дѣло № 4715.
5) Гор. арх. 1808 г., № 1281.
6) Гор. арх. 1808 г. № 1281.

заботились и объ увеличеніи его. При первомъ была пріобрѣтена земля у дворянки Анны Самарской за 500 руб.; при немъ дума ассигновала въ 1808 году 700 руб. на обдѣлку сада, въ слѣдующемъ 1809 г. столько же на устройство бесѣдки, посадку деревьевъ и на соединеніе аллей съ существующимъ садомъ. [1]). И почти ежегодно дума тратила нѣсколько сотъ рублей на этотъ садъ. Кн. Лобановъ-Ростовскій очень любилъ заниматься садоводствомъ. Вотъ что пишетъ о немъ И. М. Долгорукій, посѣтившій Полтаву въ 1810 году: „Далъ Богъ Полтавѣ на этомъ безлѣсномъ мѣстѣ рощу, натура обогатила ее плодоносными растеніями и деревьями, не вездѣ общими; предмѣстникъ кн. Лобанова велѣлъ исчертить дорожками, обвесть каменной оградой, вычистить и разсыпать по мѣстамъ бесѣдки, примѣчательнѣйшая изъ коихъ сдѣлана на подобіе ветхаго шалаша; она довольно просторна. Тутъ, какъ и во всѣхъ публичныхъ садахъ, пунктъ привлеченія всего общества кн. Лобановъ, охотникъ до садовъ, и это гулянье есть очевиднымъ того доказательствомъ, потому что по всѣмъ путямъ и тропкамъ большой приборъ и чистота. Гуляя съ нимъ по саду, я любовался, видя восхищеніе, съ которымъ онъ каждое дерево выхваляетъ; всякое ему знакомо, онъ не однократно его осмотрѣлъ. Виды отсюда не восхитительны, но изрядны. Мы проходили до сумерекъ. Собраніе было не велико: можно было счесть не болѣе 50 прогульщиковъ" [2]). Кн. Репнинъ также заботился о городскомъ садѣ. При немъ была также расширена черта его, было прикуплено у сосѣдей, козаковъ, земли на сумму 2900 р. Помимо этого Репнинъ устроилъ въ 1819 г. прудъ, что обошлось въ 2624 р. 55 к. (вырыто 948 кв. саж,); устроены были теплицы, стоимостью въ 2624 р. 55 к. А средства на это Репнинъ предписалъ выслать думамъ другихъ городовъ полтавской губерніи, о чемъ мы уже говорили. [3]) Всѣ бугры въ саду Репнинъ приказалъ уничтожить, при чемъ были уничтожены и оставшіяся укрѣпленія послѣ осады Полтавы въ 1709 г. Куракинъ началъ ихъ уничтожать, а Репнинъ закончилъ.

Репнинъ лично наблюдалъ иногда за работами въ городсконъ саду. Въ 1818 г. онъ посѣтилъ городской садъ нѣсколько разъ во время работъ и замѣтилъ, что поденные рабочіе плохо работаютъ. „Усматривая,—писалъ онъ въ думу,—лично много

---

[1]) Гор. арх. 1808 г., дѣло № 1208, 1809 г., дѣло № 1384 и 1245.

[2]) „Славны бубны за горами," стр. 86.

[3]) Гор. арх. 1818 г., дѣло №—2634, и 1819 г. дѣло №—2790.

разъ, что нанимаемые отъ сей думы поденно къ отдѣлкѣ городскаго сада люди не занимались, какъ должно, порученною имъ работою, частью просиживали праздно и работа ихъ оставалась не значущею, о чемъ хотя и былъ, по приказанію моему, отъ г. прокурора извѣщаемъ городской голова, но содѣйствіемъ къ лучшему успѣху не занялся, черезъ что тѣ наемные люди получили въ протекшія до нынѣшняго числа пять дней заплату напрасно; почему, дабы побудить градскаго голову къ должному вниманію къ его обязанности и къ сбереженію казеннаго интереса, предписывается думѣ отпущенныя за означенные пять дней рабочимъ людямъ деньги обратить на счетъ городскаго головы Прокофьева и изъ городской суммы не показывать, не записывать, о исполненіи по сему мнѣ донести“. Прокофьеву не хотѣлось платить. Въ засѣданіи 9 сентября онъ заявилъ, что виновнымъ себя въ этомъ онъ признать не можетъ, тѣмъ болѣе, что эти дни объ былъ занятъ въ думѣ, надзоръ же за работами въ саду имъ былъ порученъ гласному Кравченку, который, по словамъ его, не исполнилъ приказанія, да и „до того неоднократно ослушивался внушеніямъ его.“ Въ такомъ родѣ и было отправлено донесеніе кн. Репнину, который, однако, не только не отмѣнилъ прежняго распоряженія, но еще сдѣлалъ думѣ внушеніе, зачѣмъ она входила „съ таковымъ недѣльнымъ ко мнѣ представленіемъ.“ [1]) Любопытно, что наблюденіе за работами въ городскомъ саду кн. Репнинъ поручилъ не кому-либо, а губернскому прокурору Гербовскому. [2]) Надо думать, самъ прокуроръ пожелалъ взять на себя эти хлопоты, будучи, быть можетъ, любителемъ садоводства, но возможно, что его назначилъ самъ Репнинъ, нисколько не стѣснявшійся навязывать подчиненнымъ обязанности, ничего общаго неимѣющія съ ихъ прямыми занятіями. Черниговскій прокуроръ, передъ открытіемъ въ Черниговѣ дворянскихъ выборовъ, по предложенію Репнина, устраивалъ сцену и наблюдалъ за труппой, дававшей спектакли во время съѣзда дворянъ.

Кн. Репнину хотѣлось привлечь жителей Полтавы къ устройству около домовъ своихъ тротуаровъ и бульваровъ. Выработана была смѣта ихъ стоимости: за погонный сажень бульвара 5 р.; тротуара 4 р., о чемъ и было объявлено жителямъ.

---

[1]) Гор. арх. 1818 г., дѣло № 2669, журн. засѣд. 9 сентября, и 1818 г., № 2679, журн, засѣд. 5 октября.

[1]) Былъ прокуроромъ до 1829 г., когда вышелъ въ отставку.

Желающихъ оказалось много, они охотно вносили въ думу причитающіяся съ нихъ деньги; но завѣдываніе устройствомъ бульваровъ и тротуаровъ кн. Репнинъ поручилъ не думѣ, какъ бы это слѣдовало, а штабсъ-капитану Амантову, не принадлежавшему къ ея составу. [1])

Заботились и объ освѣщеніи улицъ, на что городъ тратилъ всего 300 р. въ годъ. Освѣщали по вечерамъ только въ праздничные и торжественные дни. Полицеймейстеръ Стоцкій въ 1823 г. внесъ въ думу предложеніе, „что къ удобнѣйшему дѣйствію городской полиціи въ ночныя времена, въ искорененіи могущихъ происходить разныхъ злоупотребленій", слѣдуетъ освѣщать городъ до 11 ч. вечера, на что просилъ ассигновать по 1200 р. въ годъ. Дума отказала, такъ какъ не имѣла отъ начальства предписанія, но донесла объ этомъ губернскому правленію, изъявляя свое согласіе, если будетъ получено предписаніе. [2]) Но губернское правленіе отклонило предложеніе полицеймейстера, „такъ какъ по извѣстному недостатку въ Полтавѣ городскихъ доходовъ оно можетъ быть затруднительно и почти неудобно" [3]).

Военный постой, составляющій теперь главную статью расхода городовъ, въ то время не обременялъ исключительно городское населеніе. Помимо натуральнаго постоя, содержаніе войскъ относилось на счетъ общихъ земскихъ повинностей. Въ 1817 году изъ бюджета о земскихъ повинностяхъ было ассигновано на отопленіе и освѣщеніе воинскихъ зданій въ полтавской губерніи 68948 р. 15 к. и на „починку и избереженіе" тѣхъ зданій въ Полтавѣ 1225 р., а въ Кременчугѣ—1940 р. [4]) Но полтавская дума все-таки несла расходы на воинскія части. Забота о расквартированіи войскъ лежала на попеченіи квартирной комиссіи. Законъ того времени позволялъ откупаться обывателямъ отъ военнаго постоя. Въ архивѣ есть данныя за 1817 годъ о внесенныхъ обывателями суммахъ съ цѣлью освобожденія отъ постоя. Такъ купецъ Илья Прокофьевъ согласился ежегодно вносить 300 р., Черкасовъ и Португаловъ столько же трое, изъ гражданъ вносили по 200 р., 5 человѣкъ по 150 р., 7 человѣкъ по 100 р., 5 ч. по 125, 2 по 75 р. и 8 человѣкъ по 50 р. Какъ видно, вносились не малыя

---

[1]) Гор. арх. 1819 г., дѣло № 2742.

[2]) Гор. арх. 1823 г., дѣло № 3392, жур. засѣд. 25 ноября.

[3]) Гор. арх. 1823 г., дѣло № 3393, журн. засѣд. 23 декаб.

[4]) Двор. арх, 1817 г., № 3.

суммы. Въ Полтавѣ въ то время квартировалъ 42 егерскій полкъ [1]). Въ 1825 г. отъ постоя были освобождены дома учителей приходскихъ училищъ, а также учителей и наставницъ „дѣвичьихъ училищъ“ [2]). Городскіе расходы по воинской повинности не были постоянными; на драгунскую команду въ теченіе 1810—1816 годовъ дума израсходовала всего 1508 р. 30 к. [3]). Въ 1817 г. квартирная коммиссія требовала отъ думы 6046 р. 97½ к. на разныя нужды по расквартированію войскъ, на устройство гауптвахты (2053 р. 32½, к.), на ея отопленіе 500 руб., на разные надобности 700 р. и т. п. Дума отвѣтила, что безъ разрѣшенія начальства она расходовать ничего не можетъ, а потому „въ деньгахъ вспомоществовать не можетъ.“ Были ли выданы эти деньги, изъ дѣлъ не видно. Очень можетъ быть, что расходъ этотъ былъ отнесенъ на общеземскія повинности [4]). Въ 1826 г. понадобились исправленія въ лазаретѣ новгородскаго кирасирскаго полка, и думѣ было предписано выдать 94 р. 20 к. [5]). При рекрутскомъ наборѣ дума выдавала по 30 коп. въ сутки на каждаго рекрута [6]). Такимъ образомъ, по содержанію воинскихъ частей дума не несла опредѣленныхъ расходовъ; чаще всего это были случайныя ассигнованія, не ложившіяся тяжело на городскую кассу.

Обратимся теперь къ расходамъ думы по народному образованію. Въ то время дѣятельность ея въ этомъ отношеніи ограничивалась лишь пособіемъ на нужды школъ. Въ 1808 году былъ открытъ въ Полтавѣ, по мысли кн. А. Б. Куракина, пансіонъ для воспитанія бѣдныхъ дворянъ. Заведеніе это было сословное, но по распоряженію генералъ-губернатора дума вносила на его содержаніе ежегодно въ теченіе всего разсматриваемаго періода по 5551 р. 34 к. Деньги эти получалъ извѣстный малорусскій писатель И. П. Котляревскій. Нося скромный титулъ „надзирателя дома воспитанія бѣдныхъ дворянъ“, онъ на самомъ дѣлѣ стоялъ во главѣ этого заведенія. Увѣдомляя думу о полученіи денегъ, онъ всегда писалъ: „для ввѣреннаго мнѣ заведенія“, что опредѣленно указываетъ на то, что роль его въ пансіонѣ вовсе не была подчиненною.

---

1) Гор. арх. 1817 г.. дѣло № 2474.
2) Гор. арх. 1825 г., дѣло № 3801., журн. засѣд. 8 августа.
3) Гор. арх. 1817 г., дѣло № 2433.
4) Гор. арх. 1817 г., дѣло № 2451.
5) Гор арх, 1826 г., дѣло № 3835.
6) Гор. арх. 1828. дѣло № 4875, жур. засѣд. 14 ноября.

Съ 1822 года дума выдавала пособіе мужской гимназіи 1930 р. и смотрителю повѣтоваго училища на содержаніе его 540 руб. [1]). Съ 1825 г. пособіе гимназіи было увеличено: предписано было выдавать на квартиру директору 150 р. и учителямъ 990 руб., всего такимъ образомъ гимназія получала отъ города субсидіи 3070 р. Директоръ гимназіи Огневъ, съ введеніемъ новыхъ штатовъ въ 1828 году, просилъ еще думу о выдачѣ квартирныхъ 3 учителямъ, но изъ дѣла не видно, было ли удовлетворено это ходатайство [2]). При гимназіи въ то время устраивались публичные экзамены, на которые всегда приглашались голова и гласные думы. Экзамены эти начинались въ 4 часа дня. [3]).

Съ разрѣшенія начальства дума выписывала газеты, о чемъ всегда напоминалъ ей магистратъ, и дума пользовалась газетами „обще съ нимъ", т. е. съ магистратомъ. Въ 1813 году разрѣшено было выписать „Московскія Вѣдомости", за что платили 40 р. ас. (газета съ объявленіями [4]). Въ 1832 году дума выписывала газетъ на 125 р., считая въ этой суммѣ и пересылку ихъ (страховыя и вѣсовыя). Цѣны на газеты были слѣдующія: С.-Петербургскія Вѣдомости—50 р., Сенатскія прибавленія 25 руб., Московскія Вѣдомости 27 р., Сенатскія при нихъ прибавленія 20 р. [5]).

Въ смѣту городского бюджета ежегодно вносилось 5000 р., „на городскія исправленія и экстраординарные расходы." Изъ этой суммы расходовалось на устройство мостовъ, перевозовъ и дубовъ на Ворсклѣ и Рогизнѣ, ремонтъ зданій, уплачивалось за промѣнъ земли для устройства города и т. п. Этой суммой распоряжалась и администрація для своихъ нуждъ. Въ 1811 г. при полтавскомъ гарнизонѣ содержалось на эти суммы нѣсколько лошадей „для посылокъ," а также три лошади для генералъ-губернатора, 2 для губернатора и 1 для полицеймейстера, и это дѣлалось по предписанію кн. Лобанова-Ростовскаго [6]). Для работъ по городу привлекали заключенныхъ въ острогѣ („колодниковъ") и уплачивали имъ по 5 к. въ день; такъ было въ 1808 году [7]). Поденная рабочая плата въ началѣ прошлаго вѣка была 30 коп.

---

[1]) Гор. арх. 1822 г., журн. засѣд. 22 апрѣля.

[2]) Гор. арх. 1831 г., дѣло № 4523, журн. засѣд. 30 декабря; 1825 г., № 3776, журн. засѣд. 24 декабря.

[3]) Гор. арх, 1822 г., дѣло № 3204.

[4]) Гор. арх. 1813 г., № 2020.

[5]) Гор. арх. 1832 г., дѣло № 4529.

[6]) Гор. арх. 1817 г., № 2461.

[7]) Гор. арх. 1808 г., № 1249.

Въ 1809 г. по этой цѣнѣ были наняты рабочіе для устройства мостовыхъ, но поработавъ нѣкоторое время, заявили просьбу объ уплатѣ имъ по 35 к. въ день, и губернаторъ Козачковскій предписалъ думѣ уплатить по этой цѣнѣ. [1]). Для работъ по городу еще кн. Куракинъ привлекалъ осужденныхъ воровъ съ тѣмъ, чтобы заработаными ими деньгами вознаграждать потерпѣвшихъ. То же дѣлалъ и кн. Репнинъ. Въ 1830 г. крестьянинъ Таборовскій укралъ у лубенскаго еврея корову и нѣсколько гусей, всего на сумму 51 р, 60 к. Кн. Репнинъ предписалъ привлечь его на городскія работы въ Полтаву, впредь пока не отработаетъ эту сумму [2]). Поденная работа на паромахъ, перевозахъ всегда была выше; платили по 80 коп., а иногда и больше.

На тѣ же смѣтные „экстраордин. расходы" содержались еще жандармскія конюшни, артель трубочистовъ, за услуги коихъ управа взимала съ обывателей по 10 коп. отъ трубы, покупался порохъ и дробь для истребленія бродячихъ собакъ, платилось жалованье „гицелю", занимавшемуся ихъ истребленіемъ, и т. под. Но расходы съ годами увеличивались, и въ 1825 г. дума ходатайствовала передъ губ. правленіемъ объ увеличеніи смѣты „на городскія исправленія и экстраординарные расходы" до 10000 р., но губернское правленіе не изъявило на это своего согласія [3]).

Заканчивая обозрѣніе городского бюджета за время генералъ-губернаторства князей Лобанова-Ростовскаго и Репнина, мы приходимъ, на основаніи архивныхъ данныхъ, къ слѣдующимъ выводамъ: 1) тогдашняя полтавская дума состояла изъ торгующаго класса, купцовъ, мѣщанъ и ремесленниковъ, которые, согласно положенію 1785 г., и составляли собственно городское общество; 2) изъ этого общества, безъ различія сословія и вѣроисповѣданія, избирались городской голова и гласные; 3) дума была лишена самодѣятельности, она была исполнительнымъ органомъ администраціи, дѣйствовавшей на нее черезъ губернское правленіе, въ которомъ сосредоточивались дѣла по управленію учрежденіями въ губерніи; 4) городской голова и гласные нерѣдко сами брали городскіе подряды и пользовались ссудами изъ городскихъ суммъ.

---

[1]) Гор. арх. 1809 г., дѣло № 1422.
[2]) Гор. арх. 1830 г., дѣло — 4383.
[3]) Гор. арх. 1825 г., дѣло—3776., журн. засѣд. 5 декабря.

Скажемъ еще нѣсколько словъ объ эпидеміи холеры, бывшей въ Полтавѣ въ 1831 году. Это была одна изъ самыхъ сильныхъ эпидемій, охватившая большой районъ Россіи. Въ Полтавѣ, какъ и въ другихъ городахъ, губернаторомъ былъ образованъ особый комитетъ, на обязанности котораго было оборудовать больницы. Помимо главной больницы (богоугоднаго заведенія), были наняты дома въ Яковцахъ, у помѣщика Чарныша и купца Зевѣрняева, предназначенные спеціально для холерныхъ больныхъ. Весь городъ былъ раздѣленъ на двѣ части: одной завѣдывалъ врачебный инспекторъ Нейгеборнъ, а другой—отставной врачъ Павловскій. Подъ ихъ начальствомъ были еще врачи: Дыздаревъ, Штернъ, Добышевскій и приглашенный изъ слободско-украинской губерніи врачъ Волковъ. Послѣдній получалъ 3 р. въ сутки, а первые три по 1 р. Въ помощь имъ были избраны отъ купеческаго и мѣщанскаго обществъ „нѣсколько благонадежныхъ гражданъ“ въ качествѣ холерныхъ попечителей. Такими были избраны маіоръ Могилянскій и аптекарь Ив. Сессъ. Большое затрудненіе было вь пріисканіи прислуги: многіе изъ боязни заразиться не хотѣли идти „въ гардіены“. Тогда было сдѣлано распоряженіе набирать прислугу изъ удѣльныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ. Прислуги было нанято 34 ч. съ платою въ сутки по 50 к. На заставахъ задерживали всѣхъ пріѣзжающихъ; неимущихъ прокармливалъ городъ на свой счетъ. Какъ сильна была эпидемія холеры, данныхъ объ этомъ мы не нашли въ дѣлахъ архива. Въ августѣ 1831 года эпидемія настолько ослабѣла, что въ больницѣ богоугоднаго заведенія оставалось всего двое больныхъ, да „на фабрикахъ“, т. е. на нѣмецкой колоніи, былъ одинъ больной; поэтому губернаторъ предписалъ думѣ прекратить наемъ „дрожекъ“ (дума нанимала ихъ для врачебнаго инспектора) и всѣ вещи, находившіяся въ больницахъ, сдать въ вѣдѣніе думы для „цѣлостнаго храненія“. Въ то время еще не сознавали необходимости уничтоженія такихъ вещей, какъ источника заразы. А въ 1833 году приказано было ихъ продать, за что дума выручила 159 р. 25 к. [1]). На борьбу съ холерой 1831 г. полтавской думой было издержано 4967 р.—53 к. Членамъ губернскаго комитета Волковицкому и Мицу, по предписанію губернатора, было выдано наградныхъ за ихъ труды, первому 150 р., второму—100 р. [2]).

---

1) Гор. арх. 1833 г., дѣло № 4720.

1) Гор. арх. 1831 г. дѣло № 4501.

ГЛАВА VI.

Мысль увѣковѣчить мѣсто Полтавскаго боя какимъ-либо памятникомъ. Желаніе кн. Лобанова Р. построить здѣсь храмъ. Пожертвованіе на это Судіенкомъ 100 т. р. Проекты кн. Репнина дать другое назначеніе этому капиталу. Сооруженіе обелиска на мѣстѣ отдыха Петра В. послѣ полтавскаго боя. Почему былъ уничтоженъ памятникъ, устроенный Руденкомъ. Срытіе укрѣпленій, остававшихся послѣ полтавской осады. Посѣщеніе Полтавы Александромъ I.

Кн. А. Б. Куракинъ первый обратилъ вниманіе на „Шведскую могилу", какъ на памятникъ, связанный съ полтавскою битвою, имѣвшею столь важныя послѣдствія для Россіи; во вниманіе къ этой битвѣ и Полтава сдѣлалась губернскимъ городомъ. Преемникъ его, кн. Я. И. Лобановъ-Ростовскій желалъ устроить храмъ на „Шведской могилѣ", и въ 1809 году обратился съ представленіемъ по этому предмету въ министерство вн. дѣлъ, но получилъ оттуда отвѣтъ, что государю императору угодно на мѣстѣ „знаменитаго сраженія устроеніе для инвалидовъ большаго помѣщенія". Такіе инвалидные дома раньше предполагалось устроить въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Смоленскѣ, Черниговѣ и Курскѣ, но императоръ Александръ I, вмѣсто ихъ, выразилъ пожеланіе устроить одинъ большой инвалидный домъ на мѣстѣ полтавскаго сраженія. Были уже составлены планы, но дѣло было отложено, „пока финансы то дозволить могутъ". Такимъ образомъ намѣреніе кн. Лобанова не могло осуществиться, между прочимъ, и по отсутствію средствъ для постройки храма; но здѣсь пожелалъ прійти на помощь князю его пріятель, богатый помѣщикъ черниг. губерніи, Осипъ Степановичъ Судіенко, пожертвовавшій крупную сумму на сооруженіе храма на Шведской могилѣ.

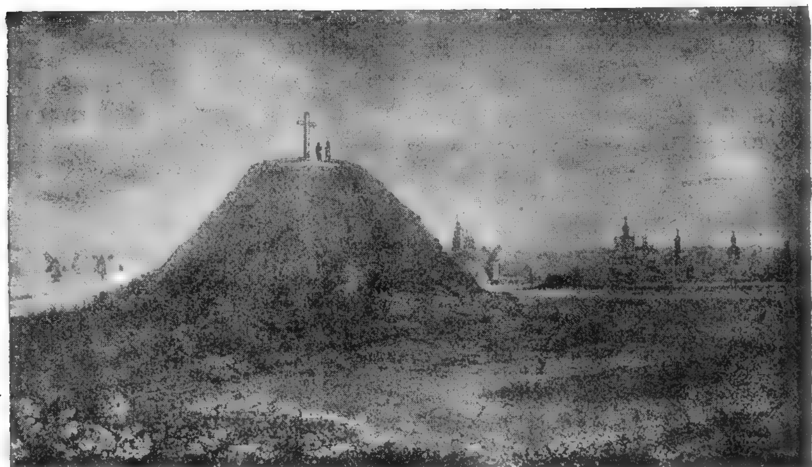
О. С. Судіенко принадлежалъ къ малороссійскому старшинскому роду. Онъ былъ правнукомъ Андрея Ивановича, бывшаго въ концѣ XVII ст. судьей въ стародубскомъ полку, по должности котораго получили фамильное прозвище его потомки. Служилъ онъ по почтовому вѣдомству и завѣдывалъ имѣніями и частными дѣлами гр. Безбородька, которому былъ обязанъ чиномъ тайнаго совѣтника и пожалованіемъ многочисленными имѣніями въ черниг. губ. Владѣя громадными богатствами и не зная, кому передать ихъ, Судіенко, не безъ вліянія, конечно, кн. Лобанова, выразилъ готовность пожертвовать 50,000 р. на сооруженіе на Шведской могилѣ церкви „съ пристойною утварью и колокольней, а также и нѣкотораго прибѣжища для тѣхъ, кои охранять бу-

дутъ то построеніе". Увѣдомляя объ этомъ министра вн. дѣлъ, кн. Лобановъ выразилъ мнѣніе, что постройка предположеннаго храма „не будетъ препятствіемъ предположенію, при лучшей удобности, помѣщенія инвалидовъ, а созидатель удовлетворится въ благомъ намѣреніи общественнаго дѣла. Въ воздаяніе чего,

О. С. Судіенко.

если удостоится онъ получить единую строку, изъявляющую монаршее ему благоволеніе, почтетъ себя счастливымъ". Желаніе кн. Лобанова и Судіенка, который объ этомъ самъ намекнулъ князю, исполнилось: въ августѣ 1811 года Судіенко былъ удостоенъ высочайшаго рескрипта, въ коемъ императоръ, одобряя

его намѣреніе устроить „памятникъ съ церковью“, объявлялъ ему за это свое благоволеніе. Рескриптъ этотъ очень обрадовалъ Судіенка; онъ получилъ его, лежа на смертномъ одрѣ, незадолго до кончины своей, послѣдовавшей 4 декабря 1811 года. Несомнѣнно, что подъ впечатлѣніемъ царскаго вниманія Судіенко пожертвовалъ на то же дѣло еще 50 тысячъ р., внесенныя послѣ смерти его душеприказчикомъ, графомъ И. В. Завадовскимъ. Такъ образовался капиталъ въ 100 тыс. р. на сооруженіе храма и памятника на „Шведской могилѣ“. Съ такими средствами можно



Шведская могила въ началѣ XIX столѣтія.

было немедленно приступить къ дѣлу. Въ 1812 г. кн. Лобанову-Ростовскому былъ присланъ планъ храма, составленный въ Петербургѣ, архитекторомъ, впослѣдствіи академикомъ В. П. Стасовымъ [1]). Но этотъ планъ для своего осуществленія требовалъ большихъ средствъ, чѣмъ тѣ, какія имѣлись на лице, поэтому кн. Лобановъ испросилъ высочайшее разрѣшеніе передать этотъ планъ другому архитектору для сокращенія. Но пока вырабатывался въ Петербургѣ планъ храма, кн. Лобановъ-Ростовскій оставилъ постъ малор. генералъ-губернатора, а преемникъ его кн. Н. Г. Репнинъ не обнаружилъ никакого сочувствія къ идеѣ сво-

---

[1]) В. П. Стасовъ былъ придворный архитекторъ (1769+1848), за планъ и фасады этого храма получилъ званіе академика. Планъ въ архивѣ не сохранился.

его предмѣстника, и дѣло затормозилось. У князя Репнина была своя идея. Надо сказать, что въ это время правительствомъ вырабатывался планъ устройства въ Имперіи кадетскихъ корпусовъ. Въ 1829 г. былъ выработанъ особой коммиссіей „планъ военнаго воспитанія" и намѣчены были города, гдѣ должны быть, при матерьяльной поддержкѣ дворянства, устроены эти заведенія. Кн. Репнинъ, будучи въ Петербургѣ, подалъ мысль устроить такой корпусъ въ Полтавѣ, что и было одобрено. Осуществленіемъ этого проекта Репнинъ былъ очень озабоченъ. Средства нужны были большія; помимо ежегоднаго ассигнованія на содержаніе корпуса, необходимы были большія суммы на постройку зданія. Кн. Репнину и пришла мысль употребить капиталъ Судіенка на сооруженіе кадетскаго корпуса. Въ этомъ смыслѣ имъ сдѣлано было всеподданнѣйшее представленіе; но Николай I, зная о цѣли пожертвованія Судіенкомъ капитала, находилъ, что употребленіе его на сооруженіе кадетскаго корпуса „будетъ несправедливо". Послѣ этого кн. Репнину не оставалось, повидимому, ничего другого, какъ приступить къ постройкѣ храма на Шведской могилѣ, благо для этого уже была избрана строительная коммиссія; но въ слѣдующемъ, 1832 г. Репнинъ вноситъ новый проектъ. „На постройку храма,—писалъ онъ,—потребуется 500 тыс. р., да еще на покупку земли около могилы, чтобы образовать площадь", слѣдовательно, „безъ пособія правительства приступить къ постройкѣ храма нельзя, да и храмъ этотъ, какъ отстоящій отъ Полтавы въ пяти верстахъ, при нахожденіи церквей въ ближайшихъ къ оному селеніяхъ, не только не можетъ имѣть прихода, но едва ли найдутся и молебщики, развѣ въ храмовой праздникъ; слѣдовательно для содержанія какъ храма, такъ и церковно-служителей для онаго, должно внести также капиталъ въ государственныя учрежденія. По всѣмъ симъ уваженіямъ, полагаю я невозможнымъ привесть нынѣ въ исполненіе завѣщаніе тайнаго совѣтника Судіенка и составить смѣту на будущее время было бы совершенно безполезно, ибо цѣны на все необходимо измѣнятся". Въ силу этихъ соображеній кн. Репнинъ предложилъ новый проектъ, въ такой же степени нарушавшій волю завѣщателя, какъ и первый. Припоминая указъ Петра Великаго объ устройствѣ на Шведской могилѣ „въ память викторіи мужескаго монастыря" кн. Репнинъ полагалъ, что завѣтъ Петра будетъ исполненъ, если употребить капиталъ Судіенка на расширеніе существующаго въ Полтавѣ Крестовоздвиженскаго монастыря, пристроивъ къ нему два придѣла, одинъ во имя св. апостоловъ Петра и Павла, а другой во

имя преподобнаго Сампсонія Страннопріимца, а на Шведской могилѣ устроить чугунную ограду, обсадивъ ее тополями, и часовню отъ монастыря. Этимъ проектомъ князь нарушалъ разомъ и завѣтъ Петра В., желавшаго построить монастырь на полѣ битвы, и волю Судіенка, завѣщавшаго построить храмъ на Шведской могилѣ. Но съ проектомъ Репнина не согласился тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Блудовъ. „При всей удобности, писалъ онъ, устройства часовни и приличіи, сіе не можетъ быть приведено въ дѣйствіе“, а слѣдуетъ, сокративъ смѣту, приступить къ постройкѣ храма. Но тутъ возникло новое обстоятельство, задержавшее постройку храма. Нѣкто Лантуховъ, служившій чиновникомъ въ канцеляріи генералъ-губернатора, подалъ заявленіе, что ему достовѣрно извѣстно, будто бы покойный О. С. Судіенко, сверхъ пожертвованныхъ 100 тыс., еще завѣщалъ сто тысячъ „на Шведскую могилу“. Началось слѣдствіе, продолжалось оно очень долго и притомъ безъ результата. Тѣмъ временемъ сынъ жертвователя, Мих. Осиповичъ Судіенко [1]) вошелъ къ кн. Репнину съ ходатайствомъ обратить капиталъ его отца на воспитаніе дворянъ черниговской и полтавской губерніи въ полтавскомъ кадетскомъ корпусѣ, назвавъ ихъ „воспитанниками тайнаго совѣтника Судіенка“. При всемъ сочувствіи этой мысли, кн. Репнинъ не могъ дать ей ходъ, помня, какое рѣшеніе государя послѣдовало на его представленіе употребить Судіенковскій капиталъ на постройку кадетскаго корпуса. Между тѣмъ кн. Репнинъ оставилъ генералъ-губернаторскій постъ, и дѣло о постройкѣ храма на Шведской могилѣ, тянувшееся такъ долго, окончилось ничѣмъ; храмъ былъ здѣсь устроенъ уже впослѣдствіи, въ 1850-хъ годахъ [2]).

Вмѣсто храма на полѣ Полт. битвы, при князѣ Репнинѣ въ 1817 г. былъ устроенъ въ Полтавѣ памятникъ на мѣстѣ отдыха Петра В. послѣ полтавскаго сраженія. Незадолго передъ тѣмъ на этомъ мѣстѣ стоялъ тотъ самый ветхій деревянный домикъ, въ которомъ отдыхалъ Петръ I 27 іюня, 1709 г., но его сломала усердная не по разуму полиція, приводившая въ надлежащій видъ Полтаву для встрѣчи князя Репнина, назначеннаго малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ. По свидѣтельству путешественника А. Глаголева, посѣтившаго Полтаву въ 1823 г., князь

---

[1]) Точнѣе говоря, онъ былъ лишь усыновленъ О. С. С—комъ, не имѣвшимъ родныхъ дѣтей.

[2]) Подробнѣе объ этомъ въ нашей брошюрѣ: „Къ исторіи Шведской могилы“.

былъ очень недоволенъ, узнавши о такомъ неблагоразумномъ распоряженіи полицейскихъ чиновниковъ, а они простодушно оправдывались: „его сіятельство думаетъ, что этотъ домъ былъ какъ обыкновенный домъ, а въ немъ ничего не было и похожаго!“ [1]). Чтобы не забыто было, по крайней мѣрѣ, мѣсто, гдѣ

Обелискъ, сооруженный въ 1817 г.

стоялъ этотъ домикъ, кн. Репнинъ велѣлъ поставить здѣсь сложеный изъ кирпича обелискъ, на которомъ была слѣдующая надпись: „Здѣсь Петръ I покоился послѣ трудовъ своихъ“. Ниже ея, внутри свернувшейся въ кольцо змѣи, годъ и день полтавскаго сраженія, а еще ниже слова: „благоговѣй, мѣсто свято

---

1) Кіевская Стар., 1892 года, т. I, стр. 246.

есть". Памятникъ былъ сооруженъ подъ наблюденіемъ городского головы Ивана Михайловскаго по рисунку, данному Репнинымъ [1]).

Это былъ второй памятникъ полтавской битвы (колонна въ саду—первый памятникъ). Созданный же Руденкомъ [2]) уже не существовалъ въ то время. Дополняемъ наши свѣдѣнія о памятникѣ Руденка на основаніи архивныхъ данныхъ, добытыхъ нами. До послѣдняго времени полагали, что этотъ памятникъ былъ уничтоженъ, потому что психически больной разрубилъ топоромъ картину полтавской битвы, вставленную внизу этого памятника; но архивныя данныя показываютъ иное. Прихожанинъ воскресенскаго храма Иванъ Марченко завѣщалъ своему сыну Авраму Марченку построить возлѣ этой церкви колокольню. Послѣдній, исполняя волю отца, просилъ у кн. Лобанова-Ростовскаго разрѣшенія сломать поставленный Руденкомъ памятникъ, такъ какъ, по его словамъ, „устраиваемая имъ колокольня весьма много потеряетъ своего достоинства отъ близкаго положенія памятника, предположеннаго по высочайше одобренному плану къ уничтоженію". О какомъ планѣ здѣсь говорится, трудно сказать, но едва ли возможно допустить, чтобы по плану кн. Куракина для устройства города могъ быть уничтоженъ этотъ памятникъ. Памятникъ уничтожили, но и колокольня „по домашнимъ обстоятельствамъ" Марченкомъ не была построена. Много лѣтъ спустя, былъ сдѣланъ запросъ губернскому землемѣру Тарасову о статуяхъ, бывшихъ на Руденковскомъ памятникѣ; онъ отвѣтилъ, что „не собиралъ свѣдѣній, по неимѣнію на сіе предписанія". По разсказу священника воскресенской церкви Николая Колосовскаго, статуи были алебастровыя, числомъ 4 и каждая въ ростъ человѣка. Фундаментъ памятника былъ гранитный. Картина полтавскаго боя, вставленная въ этотъ памятникъ, нѣкоторое время хранилась въ полицейскомъ управленіи, и только послѣ 1812 г. года ее помѣстили въ воскресенской церкви. Тотъ же священникъ удостовѣряетъ, что наверху памятника была корона и звѣзда, но не было „никакихъ металлическихъ статуй".

Такъ относились къ памятникамъ въ прежнее время. Въ такомъ

---

[1]) Арх. городской 1817 г., журн. засѣданія 12 и 22 августа, 21 и 25 сентября. Стоимость его была слѣдующая: кладка пирамиды—250 р., 14 тыс. кирпича по 30 р. асс.—420 р., бронзовая отливка надписей на Луганскомъ заводѣ—580 р. 93 к., штукатурка и покрытіе желѣзомъ 79 р. 5 к., перевозка бронзовыхъ вещей 148 р. 38 к., всего 1478 р. 36 к.

[2]) См. о немъ 1 вып. „Полтава въ 19 столѣтіи".

отношеніи заслуживаетъ упрека и кн. Репнинъ, приказавшій срыть укрѣпленія, остававшіяся послѣ осады Полтавы; это было сдѣлано къ пріѣзду императора Александра I въ Полтаву. Александръ I пріѣхалъ въ Полтаву 14 сентября 1817 г., вечеромъ, и направился въ каѳедральный соборъ, гдѣ его встрѣтилъ епископъ полтавскій Меѳодій. Останавливался имераторъ въ домѣ С. М. Кочубея, гдѣ нынѣ институтъ. Прибылъ онъ вмѣстѣ съ Барклаемъ де-Толли и министромъ двора кн. Волконскимъ. На другой день Александръ I посѣтилъ шведскую могилу, вблизи которой былъ расположенъ 3 пѣхотный корпусъ, въ составѣ 13 тысячъ. Послѣ смотра, императоръ возвратился въ городъ. Вечеромъ былъ на балу, данномъ ему полтавскимъ дворянствомъ. На другой день вторично посѣтилъ Александръ I Шведскую могилу, гдѣ послѣ литургіи, отслуженной въ полковой церкви, смотрѣлъ войска, представлявшія, по диспозиціи Петра I, полтавское сраженіе. Вотъ что пишетъ объ этомъ въ своихъ воспоминаніяхъ извѣстный историкъ Михайловскій - Данилевскій: „Сентября 16. Поутру мы отправились на поле безсмертнаго полтавскаго сраженія, на которомъ былъ выстроенъ третій пѣхотный корпусъ съ движеніями войскъ Петра Великаго и Карла XII. Намъ благопріятствовала прекраснѣйшая погода, и государь былъ чрезвычайно веселъ, любезенъ; да и можно ли было не радоваться, находившися посреди войскъ, незадолго торжествовавшихъ надъ всею Европою и въ тотъ же день являвшихся передъ нимъ на поляхъ, на которыхъ за сто лѣтъ спасена имперія, и положено настоящее основаніе ея величію! Во время маневровъ, государь нѣсколько разъ со мною разговаривалъ и, принимая меня, вѣроятно, за знатока нашей старины, предлагалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ касательно расположенія войскъ великаго прадѣда своего. Послѣ маневровъ былъ у императора большой обѣденный столъ, вечеромъ государь занимался бумагами, а я былъ въ театрѣ, гдѣ играли „Козака-стихотворца“. Довольно странно, что въ столицѣ Украины представляли сію пьесу, которая, нѣкоторымъ образомъ, есть сатира на малороссіянъ“ [1]). По случаю посѣщенія Полтавы императоромъ, городъ приводился въ порядокъ, ремонтировался каѳедральный соборъ и притомъ на счетъ городскихъ суммъ. Староста собора, гласный думы Тро-

---

[1]) Подробности путешествія см. газету „Сынъ Отечества“, 1817 г., ч. 41 и 42 стр. 154—156 (приведено цѣликомъ у Бучневича—Записки о Полтавѣ). Воспоминанія Данилевскаго— Рус. Старина 1897, т. XC. іюнь.

фимъ Ковалевскій представилъ Репнину счетъ стоимости ремонта собора въ 315 р. 95 к. Репнинъ приказалъ думѣ уплатить изъ городскихъ суммъ [1]) По случаю царскаго пребыванія была устроена иллюминація, для чего квартальный надзиратель ѣздилъ въ Харьковъ, гдѣ покупалъ шкалики, стаканчики, такъ какъ у мѣстнаго торговца Лѣснокоженка не нашлось требуемаго количества. Лѣснокоженко далъ на прокатъ 3000 стаканчиковъ, но не получилъ ихъ обратно. Полиція увѣдомила, что всѣ шкалики потрескались отъ огня. Этому не повѣрилъ Репнинъ. „Невѣроятно, писалъ онъ въ думу, чтобы въ такомъ количествѣ растрескались оные отъ огня!“ и предписалъ думѣ вознаградить Лѣснокоженка, что дума и исполнила, уплативъ ему 740 р. Переписка объ этомъ тянулась довольно долго [2]). Городской садъ иллюминованъ былъ бумажными фонарями, чѣмъ завѣдывалъ учитель рисованія въ гимназіи Сплитетесеръ [3]). Въ 1820 году Александръ I вторично посѣтилъ Полтаву. Иллюминація и вообще приготовленія къ его пріѣзду стоили городу 39456 р. $57^{1}/_{4}$ к. [4]).

ГЛАВА VII.

Школа чистописцевъ въ Полтавѣ. Заведеніе для спасенія утопающихъ; число спасенныхъ въ 1829 и 1830 годахъ. Отказъ И. П. Котляревскаго платить жалованье фельдшеру этого заведенія. Неостоявшійся проектъ устройства въ Полтавѣ фельдшерской школы. Основаніе института благородныхъ дѣвицъ и кадетскаго корпуса. Открытіе духовнаго училища. Неудавшаяся попытка устроить въ Полтавѣ общественную библіотеку съ читальней. Открытіе здѣсь отдѣленія библейскаго общества.

Въ первой четверти прошлаго столѣтія въ Полтавѣ было открыто весьма рѣдкое учебное заведеніе — такъ называемая „школа чистописцевъ“. Такихъ школъ было всего двѣ въ цѣлой Имперіи: въ Полтавѣ и въ Ярославлѣ. Онѣ были учреждены по мысли министра внутр. дѣлъ графа В. П. Кочубея, который въ своемъ докладѣ комитету министровъ такъ мотивировалъ пользу ихъ учрежденія: „Въ домахъ воспитательныхъ призрѣваются незаконорожденные (подкидыши), которые тожъ воспитываются или

---

[1]) Гор. арх. 1817 г., дѣло № 2493.
[2]) Гор. арх. 1818 г. дѣло № 2683 и 2677.
[3]) Гор. арх. дѣло № 2422, 2486.
[4]) Гор. арх. 1820 г., дѣло № 3027, журн. засѣд. 6 февр. 1820.

въ домахъ сихъ, или внѣ оныхъ; воспитанники таковые увольняемы были изъ вѣдомства приказовъ по собственному ихъ распоряженію и терялись изъ виду, такъ что ни правительство за попеченіе свое о призрѣніи ихъ никѣмъ не вознаграждалось, ни общество не получало никакой пользы. Въ семъ уваженіи государь императоръ, въ 1820 году, обративъ вниманіе на участь воспитанниковъ, приказомъ призрѣваемыхъ, высочайше утвердить соизволилъ представленіе мое объ опредѣленіи ихъ на нижеслѣдующихъ основаніяхъ: 1) чтобы воспитанники уволняемы были изъ приказа съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ не иначе, какъ по засвидѣтельствеціи мѣстнаго начальства о соотвѣтственномъ устроеніи ихъ участи, и 2) чтобы воспитанники обращаемы были въ общеполезныя заведенія по вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ". Этихъ воспитанниковъ по окончаніи обученія министерство отправляло въ петербургскую аптекарскую школу, въ школы садоводства, существовавшія въ полтавской и пензенской губерніяхъ, въ наборщики казенныхъ типографій, и т. п. Изъ этихъ же питомцевъ должны были состоять и школы чистописцевъ, цѣль которыхъ — „приготовить молодыхъ людей на службу для тѣхъ губерній, кои по отдаленности или другимъ причинамъ имѣютъ въ канцелярскихъ служителяхъ большой недостатокъ". Школы эти находились въ вѣдѣніи приказовъ обществен. призрѣнія, на средства коихъ онѣ и содержались. Въ эти школы принимались дѣти не моложе 10 лѣтъ. Они ходили учиться въ гимназію или уѣздное училище (другихъ школъ въ Полтавѣ въ то время не было). Для уроковъ же чистописанія были положены особые часы, такъ какъ воспитанники должны были писать „хорошимъ почеркомъ, правильно и скоро". Болѣе способные изъ воспитанниковъ, проходившіе гимназическій курсъ, могли получить мѣсто помощника столоначальника. Смотря по успѣхамъ, окончившіе курсъ получали званіе старшихъ и младшихъ писцовъ. Образцы письма окончившихъ представлялись въ министерство внутреннихъ дѣлъ, которое и опредѣляло ихъ на службу. За полученное образованіе надо было прослужить отъ 8 до 10 лѣтъ, а по выслугѣ можно было получить оберъ-офицерскій чинъ. Если позволялъ возрастъ, то разрѣшалось опредѣлять воспитанниковъ на службу и до окончанія курса ученія. Неуспѣвающихъ учениковъ или дурного поведенія обращали въ ремесленниковъ, работниковъ въ заведенія, содержимыя приказомъ общественнаго призрѣнія. Опредѣленные же на службу писцами, въ случаѣ дурного поведенія или неспособности къ службѣ, обращаемы были въ податное сословіе.

На такихъ основаніяхъ была открыта и полтавская „школа чистописцевъ“. По штату въ ней положено было 50 воспитанниковъ. Первоначальное обзаведніе ея обошлось приказу въ 9996 р. 55 к. а ежегодное содержаніе стоило 12136 р. $3^1/_2$ к. Для помѣщенія ея былъ нанятъ домъ Руденка, гдѣ раньше помѣщался „Домъ воспитанія для бѣдныхъ дворянъ“ (нынѣ губернская земская управа). Приспособленіе этого дома обошлось приказу въ 16683 р. 90 к.

Первые питомцы этой школы были присланы министерствомъ внутреннихъ дѣлъ изъ воспитательныхъ домовъ смоленскаго, тульскаго, калужскаго и воронежскаго. Первымъ завѣдующимъ этой школой былъ депутатъ полтавскаго генеральнаго суда перваго департамента Ѳедоръ Константиновичъ. Въ школу эту принимались и безграмотные, которыхъ и обучали здѣсь; иные учились ариѳметикѣ и грамматикѣ, но всѣ безъ исключенія обучались чистописанію. Въ 1825 г. было введено рисованіе. Директоръ гимназіи Огневъ разрѣшилъ воспитанникамъ школы не ходить въ уѣздное училище по средамъ и субботамъ, чтобы заниматься рисованіемъ. Школа эта просуществовала до открытія земскихъ учрежденій, когда приказъ общественнаго призрѣнія былъ закрытъ. При ней существовалъ въ 1850-хъ годахъ прекрасный церковный хоръ, пѣвшій въ церкви богоугоднаго заведенія, бывшаго тоже въ вѣдѣніи приказа [1]).

По иниціативѣ кн. Репнина, въ 1829 году было учреждено въ Полтавѣ „заведеніе для спасенія утопающихъ.“ Устроено оно было при р. Рогизнѣ (нынѣ не существующій рукавъ р. Ворсклы). По плану архитектора Карташевскаго, служившаго въ губернскомъ правленіи, былъ устроенъ домъ „о четырехъ комнатахъ“, стоимостью въ 1376 р. 50 к. Въ немъ была квартира „цирюльника“, подававшаго первую помощь утопленникамъ. Это заведеніе состояло въ вѣдѣніи врачебнаго инспектора. Здѣсь была устроена ванна и шкафъ, гдѣ хранились слѣдующіе предметы, необходимые для оказанія помощи: двѣ щетки, перья для „произведенія щекотанья“, листовой табакъ, промывательная трубка, 10 арш. толстаго сукна и кровопускательные инструменты — шнипперъ и ланцетъ. Надворный совѣтникъ Иванъ Сессъ, выписанный еще княземъ Куракинымъ на должность завѣдующаго первой аптекой

[1]) Арх. П. губ. Земства, дѣла Приказа по описи № 317.

въ Полтавѣ, отпускалъ безвозмездно лѣкарства въ заведеніе для утопающихъ. На должность цирюльника былъ приглашенъ отставной юнкеръ Лабезниковъ, бывшій до этого времени штабълѣкарскимъ помощникомъ. Этотъ Лабезниковъ очень усердно занимался оспопрививаніемъ въ Полтавѣ, за что былъ награжденъ, по высочайшему повелѣнію, книгой [1]). Врачебный инспекторъ Нейгеборнъ составилъ очень подробную инструкцію или „наставленіе", какъ спасать утопающихъ.

При „заведеніи" всегда находился лоцманъ и два водолаза. Какъ только окажется утопленникъ, то Лабезниковъ обязанъ былъ увѣдомить объ этомъ всѣхъ городскихъ врачей, которые, по инструкціи, обязывались явиться какъ „по долгу христіанскому, такъ и по самому требованію экстреннѣйшаго случая". Кровопускательные инструменты стоили не дешево: шнипперъ 10 р., а ланцетъ — 6 р. Лабезниковъ получалъ жалованья 450 р. асс. Въ первый же годъ по основаніи этого заведенія изъ 5 утопавшихъ было возвращено къ жизни 4, а въ 1830 г. изъ 4 утопавшихъ только 2. Когда купальный сезонъ прекращался, то Лабезниковъ обязанъ былъ посѣщать богоугодное заведеніе для усовершенствованія въ лѣченіи больныхъ, но онъ посѣщалъ очень рѣдко, а если и бывалъ, то не занимался дѣломъ, а жалованье всетаки просилъ выдать; но противъ этого возсталъ поэтъ И. П. Котляревскій, занимавшій въ то время должность попечителя богоугодныхъ заведеній. „Почитаю,—писалъ онъ въ приказъ общественнаго призрѣнія,—что отставной юнкеръ Лабезниковъ не имѣлъ права требовать отъ меня жалованья и я нахожу себя не обязаннымъ выдавать деньги такимъ людямъ, кои къ заведенію не принадлежатъ и для пользы онаго не трудились" [2]).

Въ томъ же 1829 году министерство внутреннихъ дѣлъ предложило полтавскому приказу учредить фельдшерскую школу. Надо сказать, что незадолго предъ тѣмъ московскій военный губернаторъ обратился въ министерство внутр. дѣлъ съ представленіемъ объ основаніи въ Москвѣ, при Екатерининской больницѣ, особой фельдшерской школы. Это подало мысль министерству устроить такія школы и въ другихъ городахъ. 6 апр. 1829 г. утверждены были руководящія правила о фельдшерскихъ школахъ. Этими правилами, между прочимъ, запрещалось принимать

---

[1]) Арх. П. губ. правленія 1837 года, по описи № 420.

[2]) Архивъ Полт. губ. земства. Дѣла приказа, по описи № 270.

въ такія школы дѣтей казенныхъ крестьянъ, „дабы не отнимать рукъ отъ земледѣлія и отъ упражненій свойственныхъ крестьянскому быту.“ Полтавскій приказъ разсчиталъ, что для больницъ полтавской губерніи нужно всего 20 фельдшеровъ, и поэтому призналъ болѣе выгоднымъ держать 20 пансіонеровъ въ харьковской фельдшерской школѣ, чѣмъ учредить такую школу въ Полтавѣ. Видно, доводъ этотъ былъ найденъ основательнымъ, если министерство не сочло нужнымъ настоять на своемъ предложеніи [1]).

Благодаря заботамъ того же кн. Репнина, основанъ былъ въ Полтавѣ институтъ для воспитанія благородныхъ дѣвицъ. Въ то время такіе институты находились лишь въ столицахъ. Въ другихъ провинціальныхъ городахъ существовали по крайней мѣрѣ частные женскіе пансіоны, но въ Полтавѣ въ началѣ прошлаго вѣка и такого пансіона не было. Впрочемъ, еще до открытія здѣсь института супруга С. М. Кочубея (†1815 г.) открыла у себя въ домѣ школу, гдѣ обучала безвозмездно грамотѣ дѣтей бѣдныхъ дворянъ. То же самое дѣлала и княгиня Варвара Алексѣевна Репнина (урожденная графиня Разумовская), супруга генералъ-губернатора. Будучи дочерью министра народнаго просвѣщенія, она сочувственно относилась къ идеѣ женскаго образованія и, живя еще въ Петербургѣ, основала тамъ женское благотворительное общество, содѣйствовала устройству Елисаветинскаго и Павловскаго институтовъ и пожертвовала въ ихъ пользу значительныя средства [2]). Поселившись въ Полтавѣ, княгиня В. А. Репнина, какъ и Прасковья Васильевна Кочубей, открыла у себя въ квартирѣ родъ пансіона для обученія бѣдныхъ дѣвочекъ дворянскаго званія. Отсюда ей было естественно прійти къ мысли о необходимости основанія въ Полтавѣ женскаго учебнаго заведенія. Мысль эта встрѣтила полное сочувствіе со стороны ея мужа, и въ первый же годъ своего генералъ-губернаторства Репнинъ предложилъ дворянству полтавской губерніи для разсмотрѣнія записку объ учрежденіи „дворянскаго благотворительнаго для дѣвицъ института.“ Дворянское собраніе, разсмотрѣвъ эту записку въ засѣданіи 17 января 1817 года и „видя въ предметѣ семъ существенную и явно ощутительную пользу для края сего, сред-

[1]) Арх. П. Губ. Земства 1831 № 397.

[2]) О ней см. Лихачева—Матерьялы для исторіи женскаго образованія въ Россіи, вып. II.

ствами образованія женскаго юношества вообще весьма скуднаго, опредѣлило: на устроеніе его и содержаніе полагаетъ пожертвовать сумму отъ стяжанія каждаго владѣльца по 50 коп. въ двухгодичный срокъ, въ неусыпномъ упованіи, что ни одинъ изъ сочленовъ его, чувствомъ отца семейства и вообще рвеніемъ къ назиданію нравственности и просвѣщенія оживленный, не отречется участвовать въ столь благотворительномъ подвигѣ". Тотчасъ нашлись и щедрые жертвователи: извѣстный благотворитель, оказавшій такъ много услугъ Полтавѣ, С. М. Кочубей предложилъ для помѣщенія института свою усадьбу, впредь до покупки мѣста и постройки зданія. Въ 1819 г. усадьба эта была куплена дворянствомъ. Всей земли подъ ней было 72 десятины и усадьба съ постройками оцѣнена была въ 100000 р. С. М. Кочубей уступилъ ее за половинную цѣну и изъ этихъ денегъ согласился получить только 30000 р., а 20000 р. жертвовалъ на учрежденіе стипендіи имени его покойной жены. Институтъ былъ открытъ 12 декабря 1818 года, въ день рожденія императора Александра I. По штату въ немъ учреждено было 15 стипендій, по одной на каждый изъ повѣтовъ въ губерніи. Замѣщеніе ихъ дѣвицами дворянками зависѣло отъ уѣздныхъ предводителей. Для завѣдыванія дѣлами института учредился Совѣтъ, гдѣ засѣдали предсѣдатель, два члена отъ дворянъ, казначей и письмоводитель. Дворянство создало институтъ, давало средства на его содержаніе, и потому считало себя вправѣ слѣдить за созданнымъ на его средства заведеніемъ. Ходатайствуя о высочайшемъ покровительствѣ институту, полтавское дворянство такъ мотивировало свое ходатайство: „Независимость сего совѣта и ввѣряемаго управленію его института отъ властей гражданскихъ есть непосредственное и справедливое, на коемъ основываясь, общество предполагаетъ таковое благотворительное учрежденіе, какъ истинное дѣйствіе патріотическихъ чувствъ его, повергнуть подъ покровительство всемилостивѣйшей государыни императрицы Елисаветы Алексѣевны, для чего и осмѣлится просить Ея Величество удостоить обращеніемъ на него Монаршаго ея вниманія и присоединить къ тому патріотическому учрежденію, которое осчастливлено ея августѣйшимъ покровомъ." Дворянствомъ были составлены правила пріема и вообще организація этой школы. Въ Институтъ принимались дѣти отъ 8 до 10 лѣтъ. Принимались и пансіонерки не моложе 9 и не старше 12 лѣтъ, съ платою по 500 р. асс. въ годъ. Въ числѣ пансіонерокъ могли быть и дочери купцовъ, но только первыхъ двухъ гильдій. На обученье

рукодѣлью въ институтѣ дворянство особенно настаивало: „Рукодѣлія женскія и часть домоваго хозяйства будутъ однимъ изъ уважительныхъ предметовъ, преподаваемыхъ при воспитаніи дѣвицъ [1]).

Въ совѣтъ дворянское собраніе избирало изъ своей среды выдающихся лицъ. Въ началѣ были: В. И. Чернышъ, губ. предводитель дворянства, С. Ѳ. Левенецъ, уѣздный предводитель двор., В. В. Капнистъ (поэтъ), М. Н. Новиковъ, С. М. Кочубей, Д. П. Бѣлуха-Кохановскій. В. Ѳ. Яновичъ, А. И. Ротмистровъ и др., Въ 1822 году, по просьбѣ многихъ родителей, въ составъ совѣта вошелъ и кн. Н. Г. Репнинъ, не какъ начальникъ края, а какъ дворянинъ полтавской губерніи. Княгиня В. А. Репнина принимала въ этомъ совѣтѣ, какъ попечительница, самое дѣятельное участіе. Дворянство справедливо оцѣнило ея заслуги въ созданіи института и на другой же день послѣ его открытія поднесло ей благодарственный адресъ. Въ состоявшемся по этому поводу постановленіи дворянскаго собранія читаемъ: „Видѣли мы съ восхищеннымъ чувствомъ радости и признательности, что предположенное ея сіятельствомъ благотвореніе краю сему къ основанію таковаго института приведено къ окончанію и что неутомимое ея сіятельства попеченіе къ устроенію общеполезнаго заведенія сего преодолѣло всѣ трудности, въ предначинаніи его предстоящія, къ чему одна скороисполнительность сословія нашего во взнесеніи потребной суммы была бы недостаточна, ибо къ благоуспѣшному исполненію нужны были дѣятельныя мѣры, принятыя ея сіятельствомъ, и необходимо было пламеннаго рвенія къ совершенію добра, свойственнаго только благороднѣйшей душѣ, а посему положили: принести отъ лица всего дворянства полтавской губерніи чувствительнѣйшую за то къ ея сіятельству благодарность, съ засвидѣтельствованіемъ. что она не изгладится въ сердцахъ дворянства и перейдетъ къ позднѣйшему потомству, ибо вѣчно обновляющійся памятникъ благотворенія будетъ напоминать вѣчно о благотворительницѣ“ [2]). Къ чести кн. Варвары Алексѣевны надо сказать, что она не даромъ носила званіе попечительницы института. Въ 1827 году, получивъ наслѣдство послѣ отца своего, она внесла въ пользу института 6000 р. асс. [3]). Не упоминаемъ о дру-

---

[1]) Двор. архивъ, положенія маршаловъ 1806—1820., № 225—230 и 1818 № 11, 27—31 стр.

[2]) Двор. арх. 1806—1820 гг.

[3]) Двор. арх. 1826 № 34., л. 82.

гихъ ея жертвованіяхъ. Въ 1820 г. дворянство вторично поднесло ей адресъ съ благодарностію за ея попеченіе объ институтѣ [1]). Такой же адресъ былъ поднесенъ и князю Репнину.

Но высокіе гражданскіе порывы, по временамъ обуревающіе наше дворянство, обыкновенно бываютъ не особенно продолжительны. Наговоривъ массу громкихъ фразъ, гг. дворяне разъѣзжаются по деревнямъ и основательно забываютъ о томъ, что такъ сильно ихъ волновало на губернскомъ съѣздѣ. Такъ случилось и съ полтавскимъ институтомъ или, точнѣе, съ его бюджетомъ, всецѣло зависѣвшимъ отъ дворянскаго великодушія. Неаккуратные взносы обѣщанныхъ дворянствомъ на его содержаніе суммъ побудили кн. Репнина ходатайствовать предъ императоромъ Николаемъ I о принятіи института въ вѣдѣніе казны, на что и послѣдовало высочайшее соизволеніе 17 сентября 1827 года.

О постройкѣ нынѣшняго институтскаго зданія и о возникшихъ отсюда непріятностяхъ для кн. Репнина было уже упомянуто при изложеніи его біографіи, подробности же этого дѣла изложены весьма обстоятельно въ автобіографической запискѣ И. И. Сердюкова [2]). Путешествовавшій въ 1823 г. А. Глаголевъ посѣтилъ полтавскій институтъ и съ восторгомъ говоритъ „объ его устройствѣ, объ успѣхахъ дѣвицъ въ наукахъ и искусствахъ и рукодѣльяхъ и въ особенности о способахъ нравственнаго ихъ образованія, которое должно утѣшать всякаго благонамѣреннаго гражданина“ [3]).

Другимъ учебнымъ заведеніемъ, обязаннымъ своимъ существованіемъ кн. Репнину, является полтавскій кадетскій корпусъ. Въ царствованіе императора Николая I больше всего заботились о военномъ образованіи. Въ 1826 году былъ составленъ особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-инженера Опермана, для обсужденія вопроса объ устройствѣ въ Россіи кадетскихъ корпусовъ. До этого времени въ Россіи ихъ было шесть, а къ концу царствованія Николая I число ихъ возросло до 23. Четыре года длились занятія этого комитета. Въ 1830 г. былъ изданъ уставъ военно-учебныхъ заведеній. „Заведенія сіи, читаемъ въ уставѣ, учреждаются съ тою цѣлью, чтобы юному россійскому дворянству дать приличное званію воспитаніе въ томъ направленіи, какъ ему быть должно, дабы укоре-

---

1) ibidem л. 3 и 4. Объ Институтѣ см. работу протоіерея П. Мазанова: Полтав. Инст. Архивныя справки.

2) Кіевск. Старина, 1896 г., XI, 195—197.

3) Кіевск. Старина 1892 г. т. I, стр. 246.

нить въ воспитанникахъ сихъ правила благочестія и чистой нравственности и обучивъ ихъ всему, что въ предопредѣленномъ для нихъ военномъ званіи необходимо нужно, сдѣлать ихъ способными съ пользою и честью служить Государю и благосостояніе всей жизни основать на непоколебимой приверженности къ Престолу". Комитетъ намѣтилъ открытіе корпусовъ въ разныхъ провинціальныхъ городахъ, чтобы дать возможность малолѣтнимъ „воспитываться для военной службы вблизи ихъ семействъ". По ходатайству кн. Репнина, въ число такихъ городовъ включена была и Полтава, причемъ въ этомъ случаѣ имѣлись въ виду особыя историко-политическія соображенія. „Назначивъ учредить въ Полтавѣ кадетскій корпусъ, читаемъ въ высочайшемъ указѣ военному министру графу Чернышеву,—и желая, чтобы и сіе полезное учрежденіе служило памятникомъ знаменитой побѣды, одержанной подъ Полтавою Петромъ I, повелѣваю корпусъ сей именовать Петровско-Полтавскимъ и день учрежденія онаго праздновать въ день побѣды, 27 іюня, дабы и воспитывающіеся въ семъ зданіи молодые дворяне, готовясь также на поприще военное, вспоминали болѣе и болѣе о той славѣ, какую стяжали нѣкогда ихъ предки на поляхъ полтавскихъ и, одушевляясь ихъ подвигами, стремились и сами сдѣлаться сынами отечества и достойными слугами Престола." Въ 1829 г. Репнинъ внесъ на обсужденіе дворянскаго собранія вопросъ объ учрежденіи въ Полтавѣ кадетскаго корпуса. Надо сказать, что къ учрежденію кадетскихъ корпусовъ привлечено было дворянское сословіе Имперіи. Къ корпусу, учрежденному въ томъ или другомъ городѣ, были приписаны четыре или пять сосѣднихъ губерній, дворянству которыхъ и предлагалось внести матеріальное пожертвованіе. Къ полтавскому корпусу были приписаны четыре губерніи: полтавская, харьковская, екатеринославская и черниговская. Дворянство поднесло кн. Репнину адресъ, въ которомъ такъ благодарило его за заботы о просвѣщеніи края: „Образованіе юношества есть единственный и необходимый путь къ достиженію общественнаго благосостоянія, оно рождаетъ счастье семействъ, полезныхъ гражданъ, ревностныхъ сыновъ отечества и твердый оплотъ престола. Въ семъ отношеніи Малороссія, по отдаленію своему отъ столицъ, болѣе другихъ губерній ощущала невыгоду своего мѣстнаго положенія. Вы, сіятельнѣйшій князь, въ теченіе четырнадцати лѣтъ слѣдуя благодѣтельной цѣли, не переставали съ отеческою заботливостью пещись о пользѣ краю, управленію вашему ввѣренному. Въ теченіи четырнадцати лѣтъ всѣ сословія Малороссіи, а въ особенности дво-

рянство, не переставали ощущать пользу благотворительнаго попеченія вашего. Слѣдствіемъ онаго, по соизволенію августѣйшаго монарха нашего, въ серединѣ Малороссіи полагается основаніе кадетскаго корпуса. Нужно ли исчислять всѣ выгоды общественнаго учрежденія сего! Каждый отецъ семейства, каждый добрый гражданинъ, съ чувствами живѣйшей признательности, видятъ въ семъ случаѣ новое неопровержимое доказательство любви вашей къ Малороссіи. Вы, сіятельнѣйшій князь, воздвигли себѣ вѣчный памятникъ въ каждомъ благодарномъ сердцѣ малороссіянина. Юноша, протекая съ пользою поприще государственной службы, съ признательностью воспомянетъ виновника своего образованія; старецъ, указавъ внуку своему сіе благодѣтельное заведеніе, со слезами умиленія благословитъ имя ваше и запечатлѣетъ въ юномъ сердцѣ своего потомка память благотворителя Малороссіи, и доблестное имя ваше перейдетъ къ позднѣйшему потомству нашему и преимущественно поставится впереди всѣхъ благодѣтельныхъ начальниковъ сего края". [1]).

Отбросивъ обычную въ такихъ панегирикахъ реторику, слѣдуетъ признать, что учрежденіемъ въ Полтавѣ кад. корпуса кн. Репнинъ оказалъ несомнѣнную пользу краю. Не забудемъ, что въ то время во всей полтавской губерніи имѣлась единственная средняя школа—гимназія въ Полтавѣ, слишкомъ недостаточная даже для того времени, когда потребность въ образованіи еще не всѣми была сознаваема. Корпусъ былъ учрежденъ на 100 воспитанниковъ. Открытіе его послѣдовало долго спустя послѣ отставки кн. Репнина, 6 дек. 1840 года.

Во время управленія кн. Репнина, 16 января 1818 года открыто было, по иниціативѣ преосвященнаго Меѳодія, полтавское духовное училище. Помѣщалось оно въ усадьбѣ Крестовоздвиженскаго монастыря, въ зданіяхъ, уступленныхъ монастыремъ для этой цѣли. Въ началѣ оно состояло изъ двухъ училищъ: уѣзднаго и приходскаго. Училища эти находились подъ вѣдѣніемъ ректора и инспектора училища. Первымъ ректоромъ былъ архимандритъ Крестовоздвиженскаго монастыря Іосифъ. Всѣхъ классовъ было 4, два въ приходскомъ и два въ уѣздномъ училищѣ. Классы были двухгодичные. Уроки длились по 2 часа и раздѣлялись на утренніе и послѣобѣденные. Испытанія учениковъ производились три раза въ годъ: передъ рождественскими

[1]) Двор. архивъ, Положенія дворянъ 1829, № 3.

праздниками, передъ Пасхой и въ концѣ учебнаго года. Черезъ два года были курсовыя испытанія. Отмѣтокъ не было, а успѣхи учениковъ аттестовали словами: „успѣховъ слабыхъ, малыхъ, преизрядныхъ, средственныхъ“ и т. п. Также словами аттестовали и поведеніе: „хорошаго, добраго, добронравенъ, благонравенъ, порядочнаго, добропорядочнаго, честнаго, похвальнаго, худаго“ и т. д. Ректоромъ титуловался только первый начальникъ училища, архимандритъ Іосифъ, его преемники именовались уже смотрителями. Училище было подчинено правленію семинаріи, находившейся въ то время въ Переяславѣ. Въ первый же годъ въ полт. уѣздн. училищѣ было: въ высшемъ отдѣленіи 23 ученика, въ низшемъ—81. Эти ученики были переведены изъ Переяславскаго духовнаго училища. Чины училища получали крайне скудное жалованье: смотритель 150 р. 15 к. и столько же за преподаваніе, инспекторъ—57 р. 20 к. и 150 р. 15 к. за преподаваніе, два учителя низшаго отдѣленія получали каждый по 128 р. 70 к., учитель 2 класса приходскаго училища 85 р. 80 к. и учитель 1 класса того же училища 71 р. 50 к. Ученики дѣлились на своекоштныхъ, содержимыхъ родителями на частныхъ квартирахъ, и на „бурсаковъ“, бывшихъ на казенномъ содержаніи. Въ „бурсѣ“ могли жить и своекоштные, за что платили 70 р. асс. или же доставляли провизіи на 45 р., а остальные 25 р. доплачивали деньгами. На полное содержаніе бурсака отпускалось всего 56 р. въ годъ, и потому не удивительно, что они во всемъ терпѣли крайнюю нужду.

Объемъ преподаванія былъ слѣдующій: въ 1 классѣ приходскаго училища учили только читать и писать; во 2—преподавали начальныя правила ариѳметики и грамматики, сокращенный катехизисъ, нотное церковное пѣніе, чтеніе книгъ церковной и гражданской печати. Въ низшемъ отдѣленіи уѣзднаго училища: латинскій языкъ, греческій, русскую и славянскую грамматику, нотное пѣніе, церковный уставъ, ариѳметику—именованныя числа и простыя дроби. Въ высшемъ отдѣленіи: катехизисъ, священную исторію, исторію церкви, латинскую и греческую грамматики, географію (части свѣта), ариѳметику (2-ю часть) и нотный обиходъ.

Таковъ былъ строй и программа дух. училищъ до реформы ихъ въ 1854 году [1]).

---

[1]) Подробнѣе см. „Историч. записка о полтав. дух. училищѣ за послѣдніе 25 лѣтъ“ и прот. Г. А. Лисовскаго—„Историческій обзоръ средствъ содержанія бѣднѣйшихъ учениковъ Полт. дух. училища“.

Въ послѣдніе годы управленія кн. Репнина была сдѣлана попытка завести въ Полтавѣ общественную библіотеку. До того времени здѣсь не было и книжнаго магазина, появившагося только въ сороковыхъ годахъ. Инціатива въ дѣлѣ устройства общественныхъ библіотекъ въ губернскихъ городахъ принадлежала извѣстному государственному дѣятелю Н. С. Мордвинову. Между прочимъ, онъ обратился и къ кн. Репнину съ просьбой содѣйствовать учрежденію въ Полтавѣ такой библіотеки „для чтенія книгъ всѣми сословіями", при чемъ обѣщалъ прислать въ эту библіотеку, въ случаѣ она будетъ открыта, всѣ изданія Вольно-экономическаго общества и Академіи Наукъ. По ходатайству того же Мордвинова, министръ внутреннихъ дѣлъ циркулярно обратился ко всѣмъ губ. предводителямъ съ предложеніемъ содѣйствовать учрежденію такихъ библіотекъ „въ видахъ народнаго просвѣщенія". Библіотека была наконецъ открыта и въ Полтавѣ, въ дворянскомъ домѣ, и за время съ 1830 по 1842 г. для нея поступило въ даръ 310 названій, въ 416 томахъ. Завѣдующимъ этой библіотекой былъ назначенъ И. Зозулинъ, смотритель полтавскаго уѣзднаго училища и преподаватель института. Но полтавцы не интересовались чтеніемъ и не посѣщали библіотеки. Средствъ у нея не было никакихъ. Въ 1842 г. Зозулинъ просилъ ассигнованія 450 р. на приведеніе этой библіотеки въ порядокъ и на переплетъ книгъ, такъ какъ (писалъ онъ) „многія книги въ листахъ и сложены въ кипы". Денегъ не было дано; губернскій предводитель просилъ уѣздныхъ ассигновать на это дѣло всего по 15 р. отъ уѣзда, но дворяне не дали и этой грошевой суммы. Такъ библіотека и зачахла. Жалкіе остатки ея существовали еще въ 1866 году. Когда въ этомъ году возникла среди полтавцевъ мысль открыть общественную библіотеку съ читальней, то губернскій предводитель, отнесшійся къ этому сочувственно, обѣщалъ отдать имѣвшіяся въ дворянской библіотекѣ книги; но библіотека въ то время не была открыта. Въ настоящее время остатки старой общественной библіотеки хранятся въ дворянской богадѣльнѣ въ с. Рибцахъ [1]).

---

[1]) Двор. арх. 1842 г., № 39, и 1866 г., № 13.

Столь же слабо привилось на полтавской почвѣ и другое просвѣтительное начинаніе, которому князь Репнинъ оказывалъ энергическое содѣйствіе: разумѣемъ мѣстное отдѣленіе Библейскаго общества. Въ 1804 г. въ Англіи было основано методистами, квакерами и другими сектами мистическаго характера Библейское общество, поставившее своею цѣлью распространеніе св. Писанія на разныхъ языкахъ среди народовъ всего міра. Такое общество, въ подражаніе англійскому, было основано и въ Россіи въ 1813 г. Самъ императоръ Александръ I очень сочувственно отнесся къ учрежденію этого общества и записался въ его члены съ ежегоднымъ взносомъ по 10 тыс. р. и единовременнымъ въ 25 тысячъ. Предсѣдателемъ библ. общества былъ избранъ извѣстный дѣятель того времени, министръ кн. Голицынъ. Въ первое время дѣла общества пошли очень успѣшно. Въ 1825 году общая цифра его изданій, болѣе чѣмъ на 40 языкахъ и нарѣчіяхъ, дошла до 876000 экземпляровъ цѣлой библіи и разныхъ ея частей; одной славянской библіи въ 1823 году было семь изданій. Общество заботилось объ открытіи своихъ отдѣленій въ провинціальныхъ городахъ. Въ октябрѣ 1818 г. первоприсутствующій въ св. Синодѣ митрополитъ Михаилъ (по фамиліи Десницкій, изъ черниговскихъ архіепископовъ) обратился съ предложеніемъ къ своему преемнику, епископу черниговскому Симеону открыть отдѣленіе библейскаго общества въ Черниговѣ. Епископъ Симеонъ просилъ содѣйствія въ этомъ дѣлѣ кн. Репнина, который въ свою очередь получилъ такую же просьбу со стороны предсѣдателя общества кн. Голицына. Благодаря стараніямъ Репнина, отдѣленіе библ. общества было открыто въ Полтавѣ въ 1818 году, 27 іюня, въ день, избранный самимъ кн. Репнинымъ, какъ „день торжественный для Россіи и достопамятный для Полтавы". Самъ князь принималъ всѣ мѣры, чтобы разъяснить мѣстному дворянству пользу и значеніе библейскихъ обществъ и расположить его оказать имъ усердное содѣйствіе. Своими циркулярами онъ энергично побуждалъ предводителей дворянства вербовать членовъ и собирать пожертвованія. Получивъ первое донесеніе отъ маршала Стаховича о пожертвованіи тремя лицами 155 р., князь Р. былъ крайне недоволенъ такимъ малымъ сборомъ и положилъ резолюцію: „написать маршалу, что для меня весьма прискорбенъ сей поступокъ дворянъ, для такого богоугоднаго дѣла не усердствующихъ". Къ сожалѣнію, въ архивныхъ дѣлахъ мы не нашли никакихъ свѣдѣній о дѣятельности полтавскаго отдѣленія библейскаго общества и не можемъ

судить, насколько сочувственно отнеслось къ нему мѣстное дворянство. Есть только данныя о черниговской губ., гдѣ 114 лицъ пожертвовали въ пользу мѣстнаго отдѣленія библ. общества 4326 р. Кажется, полтавскіе дворяне не собрались и на эту сумму [1].

Съ восшествіемъ на престолъ Николая I, какъ извѣстно, Библейское общество подверглось закрытію и его изданія велѣно было отбирать. Во исполненіе этого указа въ 1830 г. архимандритъ полтавскаго монастыря Гавріилъ отобралъ у извѣстнаго поэта И. П. Котляревскаго, бывшаго библіотекаремъ полт. отдѣленія общества, 717 экз. священнаго писанія. Книги эти хранились въ каѳедральномъ соборѣ [2]). Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1833 году отобрано было у члена золотоношскаго духовнаго правленія, протоіерея Даніила Думитрашка книгъ на сумму 56 р. 70 к. [3]). На этомъ и прекращаются наши свѣдѣнія о полтавскомъ отдѣленіи библейскаго общества.

Заканчивая обзоръ разныхъ учрежденій, возникшихъ въ Полтавѣ въ управленіе Репнина, упомянемъ объ открытіи имъ въ 1818 г. при богоугодномъ заведеніи „смирительнаго дома“ на 10 человѣкъ, „къ исправленію худыхъ нравовъ и тѣмъ къ сохраненію благочинія“. Содержаніе его обходилось въ 200 р. асс., каковыя деньги ежегодно были отпускаемы приказомъ общественнаго призрѣнія. Первыми попали сюда военные [4]).

ГЛАВА VIII.

Полтавскіе массоны. Арестъ С. М. Кочубея, Лукашевича, Алексѣева и др. и отправленіе ихъ въ Петербургъ. Ссыльные въ Полтавѣ: архимандритъ Викторъ Черняевъ, камергеръ Ал. Раевскій, генералъ-майоръ Орловъ и студентъ Лисянскій. Комитетъ для сужденія о дѣлахъ, заключающихъ измѣну или нарушеніе общаго спокойствія. Дѣла такого рода въ Полт. губ. Ложный доносъ Черняева. Общественная жизнь въ Полтавѣ; карточная игра. Театръ въ Полтавѣ; заботы о немъ Лобанова-Ростовскаго и Репнина. Заведеніе въ Полтавѣ перваго церковнаго хора. Вербовка пѣвчихъ. Посѣщеніе Полтавы Глинкой. Полтавскіе архіереи и губернаторы со времени учрежденія губерніи по 1834 годъ. Дворянскіе балы и обѣды; тогдашнія цѣны на продукты.

Въ первой четверти прошлаго столѣтія въ Полтавѣ и уѣздѣ полтавскомъ существовали двѣ массонскихъ ложи, одна въ

---

[1]) Арх. Губ. Пр. 1818 г., по оп. № 107. Въ I вып. „Трудовъ Полт. Архивной Комиссіи“ помѣщенъ нами циркуляръ кн. Репнина дворянамъ по поводу библ. общества.

[2]) Терещенко. И. П. Котляревскій, Основа, 1861 г., февраль.

[3]) Арх. п. губ. правл. 1833 г., по описи № 47.

[4]) Арх. п. губ. земства, дѣло приказа общест. призрѣнія, № 265.

уѣздѣ—въ имѣніи Новикова Тагамлыкѣ, другая въ предмѣстьи Полтавы—Тернавщинѣ (между Яковцами и Павленками), принадлежавшей нѣкоему Тарновскому, служившему въ генеральномъ судѣ. Къ сожалѣнію, въ архивахъ мы не нашли подробныхъ свѣдѣній о дѣятельности полтавскихъ массоновъ и объ ихъ собраніяхъ. Когда, по вступленіи на престолъ Николая I, массонскія общества подверглись преслѣдованію, то въ Петербургѣ какимъ-то путемъ узнали и о полтавскихъ массонахъ. И вотъ въ 1826 г. военный министръ Татищевъ сообщилъ кн. Репнину высочайшее повелѣніе арестовать помѣщика переяславскаго уѣзда Лукашевича, Тарновскаго, бывшаго губернскаго предводителя С. М. Кочубея и Алексѣева. Предписывалось произвести арестъ со всѣми предосторожностями, чтобы не дать возможности арестуемымъ уничтожить имѣющіеся у нихъ бумаги и документы. Лукашевича велѣно было доставить въ Петербургъ немедленно съ присланнымъ оттуда фельдъегеромъ, а остальныхъ прислать порознь, препроводивъ туда же и отобранныя у нихъ при обыскѣ бумаги.

Получивъ такое предписаніе, кн. Репнинъ разослалъ чиновниковъ для ареста названныхъ лицъ и снарядилъ особаго чиновника для производства обыска въ деревнѣ Писаревкѣ. Разслѣдованіе выяснило слѣдующія обстоятельства. Въ этой деревнѣ проживалъ надворный совѣтникъ Новиковъ. Кто онъ былъ и гдѣ служилъ,—изъ дѣла не видно. Небольшое его имѣніе было назначено въ продажу за долги. Желая сохранить отъ продажи что-либо изъ движимости, онъ просилъ свою сосѣдку, помѣщицу Анну Михайловну Велецкую позволить ему перевести къ ней въ домъ кое-какія вещи. Получивъ согласіе, Новиковъ и перевезъ туда почти всю свою движимость, благо сама Велецкая жила больше въ Полтавѣ, гдѣ имѣла свой домъ. Тѣмъ временемъ имѣніе Новикова было продано, а спустя двѣ недѣли послѣ продажи скончался и самъ Новиковъ. Не скоро послѣ этого сыновья покойнаго явились вмѣстѣ съ Григорьевымъ, довѣреннымъ лицомъ С. М. Кочубея, и какимъ-то Сахаровымъ въ деревню Велецкой, отперли бюро и вынули находившіяся тамъ бумаги покойнаго Новикова, которыя Григорьевъ долженъ былъ передать Кочубею, но разсмотрѣвъ эти бумаги, Григорьевъ тутъ же ихъ сжегъ. Такъ и не удалось слѣдователю добыть бумаги Новикова, о которомъ ходили слухи, что у него происходили тайныя собранія членовъ массонской ложи.

За то у другихъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ принадлежности къ массонству, добыты были цѣлые тюки бумагъ, которые въ опэчатанномъ видѣ отправлены въ Петербургъ. Изъ числа этихъ лицъ Лукашевичъ былъ богатый помѣщикъ переяславскаго уѣзда и состоялъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. С. М. Кочубей занималъ еще болѣе видное положеніе въ самой Полтавѣ; онъ состоялъ тогда въ чинѣ дѣйствит. ст. совѣтника, что было рѣдкостью въ то время. Одно время онъ былъ полтавскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Это былъ очень щедрый жертвователь, оказавшій не мало услугъ Полтавѣ. Онъ подарилъ городу кирпичный заводъ, городской садъ, прилегающій къ нынѣшней новополтавской улицѣ, уступилъ за полъ-цѣны усадьбу для института и т. под. Арестъ произвелъ на него удручающее впечатлѣніе, что онъ и выразилъ въ письмѣ къ кн. Репнину. Въ немъ онъ указывалъ на милости, получаемыя отъ правительства, на то уваженіе, какимъ онъ пользуется въ обществѣ, на свои общественныя заслуги, и просилъ покровительства князя. С. Л. Алексѣевъ былъ хорольскій уѣздный предводитель (1826—1829). Къ той же ложѣ принадлежалъ и Дм. Алексѣевъ, губернскій предводитель екатеринославской губерніи. О немъ кн. Репнинъ увѣдомилъ графа Воронцова. Изъ числа этихъ четырехъ лицъ не былъ отправленъ въ Петербургъ только В. В. Тарновскій, въ то время дряхлый старикъ, удрученный болѣзнями.

Въ концѣ концовъ дѣло о полтавскихъ массонахъ окончилось ничѣмъ; прокатились они зимой въ Петербургъ и благополучно возвратились оттуда. Только Лукашевичу предписано было безвыѣздно жить въ своемъ имѣніи, м. Бориспольѣ, и отъ него отобрана подписка, что „онъ будетъ заниматься единственно хозяйственными дѣлами и воспитаніемъ дѣтей“. О поведеніи его переяславскій комиссаръ еженедѣльно доносилъ кн. Репнину. Всѣ его донесенія были въ такомъ родѣ: „Лукашевичъ ведетъ жизнь всходственно приличную благородному его званію“. А князь Репнинъ ежемѣсячно доносилъ о немъ то же императору, который только въ ноябрѣ 1828 г. приказалъ оставить Лукашевича подъ наблюденіемъ и больше не доносить о его поведеніи [1]).

Въ первые годы царствованія Николая I мирная Полтава почему-то сдѣлалась мѣстомъ ссылки опальныхъ лицъ; сюда вы-

---

[1]) Арх. губ. Правленія 1826 г., № 19, и 1828 г., № 221.

сылали на жительство за всякаго рода провинности. Въ 1827 г. въ Крестовоздвиженскій монастырь былъ присланъ бывшій архимандритъ нѣжинскаго Благовѣщенскаго монастыря Викторъ Черняевъ „за неповиновеніе и дерзость“. Высланъ онъ былъ сюда изъ Суздальскаго Ефимьева монастыря, служившаго съ давнихъ поръ мѣстомъ заточенія духовныхъ лицъ. Архимандритъ Викторъ не долго пробылъ въ Полтавѣ и сталъ проситься на родину, въ Грецію. Ему это разрѣшили, и до границы онъ былъ отправленъ подъ надзоромъ полиціи [1]). Въ чемъ состояли его „неповиновеніе и дерзость“, за которыя онъ подвергся ссылкѣ,—неизвѣстно. Нѣкоторый намекъ на это находимъ въ письмѣ черниговскаго архимандрита Іеронима Визерскаго къ ректору воронежской семинаріи Филадельфу Пузынѣ, отъ 28 генв. 1827 г. „Вашъ нынѣ полтавскій Викторъ или Виктусъ,—пишетъ онъ,—изъ досады на правленіе, удалившее его туда изъ Нѣжина на покой, отказался отъ пенсіона, называя себя чужестранцемъ. Чѣмъ это кончится, легко знать“ [2]).

Годъ спустя присланъ былъ въ Полтаву отставной камергеръ Александръ Раевскій, какъ сказано въ бумагѣ министра императорскаго двора кн. Волконскаго, „за дурные разговоры, неприличные для образованнаго человѣка“. Онъ лишенъ былъ права выѣзда изъ города [3]), такъ что, когда его отецъ, жившій въ Елисаветградѣ, тяжко заболѣлъ, то лишь по особому ходатайству разрѣшено было ему навѣстить больного, но съ обязательствомъ вернуться въ Полтаву черезъ три дня [4]). Черезъ годъ было предписано потребовать отъ Раевскаго объясненія „о дерзостяхъ сдѣланныхъ графинѣ Воронцовой“. Послѣ подачи имъ объясненія, не сохранившагося въ архивѣ, Раевскому дозволено было жить, гдѣ пожелаетъ, кромѣ столицъ [5]). Въ слѣдующемъ, 1829 г. былъ присланъ въ Полтаву генералъ-маіоръ Орловъ, принадлежавшій, какъ сказано въ бумагѣ, „къ злоумышленному обществу“ (вѣроятно, замѣшанъ въ дѣлѣ декабристовъ). Ему дозволено было жить въ семьѣ Раевскаго [6]). Въ 1837 г. сюда же былъ присланъ подъ надзоръ полиціи студентъ М. Х. Академіи

---

[1]) Арх. Губ. Правл. 1827 г. № 132.
[2]) Кіев. Старина, 1904 г., дек., стр. 388.
[3]) Арх. Губ. Правл. 1828 г. № 289.
[4]) Арх. Губ. Правл. 1829 г., по описи № 485.
[5]) Арх. Губ. Правленія 1830 г., № 664.
[6]) Арх. Губ. Правленія 1829 г., № 54.

Іосифъ Лисянскій [1]). Всѣмъ ссылаемымъ, если у нихъ и не было личныхъ средствъ, не выдавалось въ то время содержанія отъ правительства. Въ 1825 году былъ сосланъ изъ полт. губ. отставной поручикъ Королько за „богохульство и ругательство надъ св. иконами“ въ Спасо-Ефимьевъ монастырь, гдѣ онъ пробылъ до 1832 года, когда былъ поселенъ въ Роменскомъ уѣздѣ. Онъ не имѣлъ никакихъ средствъ, просилъ о пособіи, но получилъ отказъ и предложеніе самому изыскивать средства къ жизни [2]).

Въ то время для разслѣдованія дѣлъ политическихъ не существовало еще корпуса жандармовъ, а былъ учрежденъ въ Петербургѣ „Особый комитетъ для дѣлъ, заключающихъ измѣну или нарушеніе общаго спокойствія“. О мотивахъ, побудившихъ учредить его, вотъ что мы читаемъ въ высочайшемъ указѣ правительствующему сенату: „Обращая вниманіе на способы, которыми коварное правительство Франціи, достигая пагубной цѣли своей разрушенія всеобщаго спокойствія, не переставало дѣйствовать во всѣхъ европейскихъ государствахъ черезъ тайныхъ и явныхъ своихъ сообщниковъ, предписали мы указомъ нашимъ отъ 28 ноября, прошлаго 1806 года, мѣры предосторожности въ разсужденіе проживающихъ въ Россіи французскихъ подданныхъ. Хотя симъ способомъ пресѣчена удобность къ совершенію замысловъ внѣшнихъ враговъ государства черезъ зловредныя переписки, подсматриванія (шпіонства) и разглашенія, но при всемъ томъ неможно вовсе обезпечиться съ сей стороны, и бдительность полиціи должна продолжать неослабное свое наблюденіе. Желая по сему преподать ей правила, настоящимъ военнымъ обстоятельствамъ наиболѣе соотвѣтствующія, а съ другой стороны, при самомъ открытіи злаго намѣреніи или измѣны сохранить строжайшій порядокъ и благоразумную осторожность въ производствѣ слѣдствія по сему роду дѣлъ, гдѣ малѣйшая погрѣшность обратиться можетъ или къ притѣсненію невинности, или къ закрытію преступника, признали нужнымь учредить при таковыхъ обстоятельствахъ Особый Комитетъ“. Въ составъ его входили: министръ юстиціи кн. Лопухинъ, сенаторы Макаровъ и Новосильцевъ, командующій въ столицѣ и военный министръ или, какъ назывался онъ тогда, министръ военныхъ сухопутныхъ дѣлъ, и графъ (впослѣдствіи князь) В. П. Кочубей, министръ внутрен-

---

[1]) Арх. Губ. Правленія 1837 г., № 340.
[2]) Арх. Губ. Правленія 1832 г., № 148.

нихъ дѣлъ. Были изданы правила, по которымъ всѣ дѣла по важнымъ преступленіямъ, „въ коихъ подозрѣваются люди зловредные или измѣна противу общаго спокойствія и безопасности“, должны быть немедленно отсылаемы въ комитетъ, который и намѣчалъ, сообразно обстоятельствамъ, самый порядокъ слѣдствія. Не лишнее ознакомиться, какого рода дѣла въ началѣ прошлаго столѣтія (до учрежденія корпуса жандармовъ въ 1826 г,) подлежали вѣдѣнію этого комитета. Предварительно такія дѣла разбирались въ Полтавѣ и затѣмъ самое слѣдствіе отсылалось „на ревизію“ въ комитетъ. Первымъ оказалось дѣло дворянина Якова Мочуговскаго, жившаго въ Константиноградѣ. Онъ оказался неумѣреннымъ поклонникомъ Наполеона и проявилъ злорадство по поводу его похода въ Россію. „Радуется онъ, — доносилъ о немъ губернаторъ, — желая, дабы Бонапартъ разорилъ Россію, и если бы онъ его здѣсь увидѣлъ, то какъ бы на крыльяхъ къ нему полетѣлъ“. Въ переяславскомъ уѣздѣ отставной солдатъ Федоръ Гуцанъ, на приглашеніе земскаго комисара явиться для выслушанія предписанія губернатора о зачисленіи его въ штатныя команды, сказалъ: „если ему теперь на службу идти, то онъ не обратится на непріятеля, но на москаля, и начнетъ рѣзать до послѣдня“. Въ томъ же уѣздѣ дворянинъ Лукашевичъ „за столомъ пилъ за здоровье Бонопарте“. Нѣкто Леонтій Щербань, родомъ изъ новомосковскаго уѣзда, екатеринославской губерніи, разсказывалъ о себѣ, что „ежели бы онъ пошелъ къ войнѣ, то побѣдилъ бы вдругъ непріятеля, а что есть у него такое деревцо, которымъ можетъ его одолѣть“. Переяславская полиція его задержала и препроводила въ Полтаву. Его допросилъ совѣстный судъ и постановилъ такое рѣшеніе; „не находя въ суевѣріи его таковаго преступленія, которымъ бы онъ учинялъ кому-либо вредъ, обозначенному Щербаневу, за выговоренные имъ нелѣпіе изрѣченія вмѣнивъ въ наказаніе бытіе его подъ судомъ, отъ дальнѣйшаго истязанія оставить свободнымъ“. Его обязали подпискою „въ прекращеніи суевѣрнаго разглашенія“. Найденный у него бумажникъ съ палочкой называемаго имъ „чернаго глода“ велѣно было сжечь. Объ этомъ дѣлѣ А. Б. Куракинъ не счелъ даже нужнымъ доносить въ комитетъ. Но дѣло казеннаго крестьянина Василія Гмири „по поводу выговоренныхъ имъ противу высочайшей особѣ государя дерзостныхъ и безумныхъ словъ“ кн. Куракинъ препроводилъ въ комитетъ. Послѣдній довелъ до свѣдѣнія императора Александра I, который простилъ Гмирю „по снисхожденію къ его глупости“ и повелѣлъ только „подтвердить

Гмирѣ, дабы впредь воздержался отъ продерзскихъ поступковъ, въ которыхъ онъ по повальному обыску обвинялся". [1])

Много лѣтъ спустя въ Полтавѣ произвело большую сенсацію дѣло чиновника казенной палаты Черняева, выдавшаго себя за бывшаго студента. Этотъ чиновникъ задалъ не малую работу чинамъ полиціи и администраціи сообщеніемъ, что въ Харьковѣ существуетъ тайное общество, злоумышляющее на царствующій домъ. Начались допросы; Черняевъ замѣшалъ въ это дѣло одного изъ профессоровъ харьковскаго университета. Слѣдствіе выяснило, что все это была ложь. Донесли объ этомъ императору Николаю I, который написалъ на дѣлѣ: „да въ здравомъ ли онъ умѣ?..." Послѣ этого только Черняевъ попалъ подъ надзоръ врачебнаго отдѣленія, которое нашло, что доносъ онъ сдѣлалъ „въ припадкѣ умопомѣшательства." Дальнѣйшее слѣдствіе выяснило, что это былъ человѣкъ исключенный изъ службы и побывавшій уже въ острогѣ [2]).

Общественная жизнь въ Полтавѣ была слабо развита въ разсматриваемый нами періодъ. За отсутствіемъ въ тогдашнемъ малокультурномъ обществѣ чиновниковъ и помѣщиковъ какихъ-либо высшихъ—научныхъ или художественныхъ интересовъ, единственными развлеченіями для „благородной публики" служили балы, вечера, карточная игра и театръ, заведенный въ полтавѣ при кн. Лобановѣ-Ростовскомъ. Высшей интенсивности эта праздничная сторона жизни достигала во время дворянскихъ выборовъ, когда въ Полтаву съѣзжалась масса помѣщиковъ съ семьями. Въ такую именно пору посѣтилъ Полтаву (въ 1804 г.) извѣстный князь К. Шаликовъ, успѣвшій въ теченіе одной недѣли побывать на 4-хъ балахъ и наплясаться подъ звуки „магическаго екосеза и увлекательнаго вальса" [3]). Но въ обыкновенное время скромный провинціальный городъ погружался въ обычную сонливость, и другой путешественникъ, И. М. Долгорукій, бывшій здѣсь въ 1810 г., замѣчаетъ, что „Полтава не щеголяетъ удовольствіями". Игра въ карты, конечно, не прекращалась и въ періоды затишья. Клубовъ въ то время не было еще въ Полтавѣ, играли въ карты по домамъ. Карточными играми были: бостонъ,

---

1) Арх. Губ. Правленія 1807 г., № 346.
2) Арх. Губ. Пр. 1831 г., № 35.
3) Кіевск. Старина, 1892 г. II, 244.

вистъ и банкъ, который поэтъ Котляревскій назвалъ „курочкой“, очевидно по мѣстному наименованію. Продажею картъ въ то время въ Россіи завѣдывалъ петербургскій Опекунскій совѣтъ „по экспедиціи карточнаго сбора“, имѣвшій своихъ агентовъ въ провинціи. Городскія думы, путемъ публикацій, вызывали желающихъ взять на себя продажу картъ по казеннымъ цѣнамъ, съ правомъ удержать въ свою пользу 10% съ вырученной суммы. Кромѣ этихъ лицъ, никто другой не имѣлъ права торговать картами. Взявшій на себя такую монопольную продажу подвергался штрафу въ 48 р. и болѣе, если продавалъ игранныя или иностранныя карты. Продавцы монополисты имѣли своихъ агентовъ по уѣздамъ, посѣщали ярмарки, гдѣ и продавали карты или раздавали ихъ для продажи по лавкамъ и магазинамъ. Карты въ первую четверть прошлаго столѣтія были дороги. Дюжина колодъ перваго разбора стоила 10 р. асс., игра 83½ коп., второго—дюжина 8 р., игра—66½ коп. и 3-го 5 р., а игра 41½ к. [1]). Въ 1840-хъ годахъ карты были разнообразныхъ сортовъ. Найлучшія по качеству были глазетовыя, игра которыхъ стоила 60 к. сер., затѣмъ атласныя—45 к., золотообрѣзныя—40 к., отборныя—35 к., а затѣмъ были еще карты попроще—въ 30, 25 и 15 копѣекъ [2]).

Съ какихъ именно поръ появились въ Полтавѣ театральныя представленія, мы не знаемъ. Первое зданіе театра было построено при кн. Лобановѣ-Ростовскомъ и находилось за нынѣшнимъ епархіальнымъ женскимъ училищемъ. Это было трехъэтажное каменное зданіе, стоившее городу около 20 тысячъ р. Существовало оно до 1852 года, когда за ветхостью было разобрано. О полтавскомъ театрѣ во время Лобанова-Ростовскаго мы не имѣемъ свѣдѣній. Игру тогдашней полтавской труппы видѣлъ въ 1810 г. И. М. Долгорукій, но не въ Полтавѣ, а въ Кременчугѣ, куда она на время ярмарокъ наѣзжала для гастролей, и вотъ какъ отзывается объ ея искусствѣ: „Мы взяли билеты и отправились. Сегодня для издыхающей ярмарки давали „Мѣщанина въ дворянствѣ“—превосходная и всѣмъ извѣстная фарса. Жалость!.. Двухъ актеровъ нѣтъ, которые бы однимъ нарѣчіемъ говорили: кто по-русски, кто по-черкаски, кто по-малороссійски, иной по-польски—смѣшеніе языковъ! Никакой взаимности въ общихъ вниманіяхъ: одинъ говоритъ, другой отворачиваясь шепчетъ про себя свою

1] Гор. арх. 1820 г., дѣло № 2819.

2) Полтав. губ. Вѣдомости, 1840 года.

ролю, чтобы не забыть того, что слѣдуетъ. Что за актрисы!.. Какое платьешко!.. Куклы на ниткѣ не надоѣдятъ, какъ эти живыя машины!.. Сперва я досадовалъ, тужилъ, негодовалъ, наконецъ разсудилъ хохотать и умеръ было со смѣха. Говорятъ, что гдѣто актеры подобные имъ берутъ со зрителей не за входъ, а за выходъ; не худо бы имъ перенять этотъ обрядъ контрибуціи: они бы вѣрно большій доходъ получили, потому что въ сарай къ нимъ набилось пропасть народу“ [1]). Суровый отзывъ этотъ едвали справедливъ. Долгорукій часто проживалъ въ столицахъ, видѣлъ хорошія труппы, и, понятно, провинціальные артисты не могли удовлетворить его. Вообще въ его воспоминаніяхъ проглядываетъ какое-то насмѣшливое пренебреженіе ко всему, что ему приходилось видѣть.—О театрѣ много заботился кн. Репнинъ, большой любитель сцены и музыки. Въ 1818 году онъ пригласилъ въ Полтаву изъ Харькова труппу Штейна. Въ Полтавѣ началъ при немъ свою артистическую дѣятельность знаменитый впослѣдствіи артистъ М. С. Щепкинъ (1788—1863 г.). По преданію, онъ особенно былъ хорошъ въ роли еврея въ пьесѣ „Жидовская корчма.“ Въ этой роли онъ копировалъ тогдашняго городского голову А. Зеленскаго, который будто-бы обѣщалъ платить ежегодно труппѣ 2 тыс. р., если только пьеса будетъ снята съ репертуара, на что артисты согласились; но кн. Репнинъ, узнавъ объ этомъ, приказалъ возможно чаще играть эту пьесу. Зеленскій, чтобы не навлечь на себя гнѣва начальника края, долженъ былъ посѣщать театръ. Репертуаръ въ это время былъ слѣдующій: „Рекрутскій наборъ“, „Несчастные“, „Подводный камень“, „Военная тюрьма“, „Побѣгъ отъ долговъ“, „Примиреніе двухъ братьевъ“, „Русскій солдатъ“, „Наталья, боярская дочь“, „Попугай“, „Клеветники“, „Дуракъ и шуты“, „Женихъ“, „Уѣздный городокъ“, „Любовная ссора“, „Серебряная свадьба“, „Недоросль“ Фонвизина, „Ябеда“ Капниста и др. Кромѣ того И. П. Котляревскій, состоявшій однимъ изъ директоровъ театра, написалъ для него двѣ малороссійскія пьесы, имѣвшія очень большой успѣхъ. Лучшими актерами въ то время, кромѣ Щепкина, были Барсовъ и Угаровъ, изъ актрисъ—Пряженковская и Медвѣдева. По временамъ полтавская труппа ѣздила въ другіе города: Харьковъ, Кременчугъ и Ромны, на время ярмарокъ, при чемъ членамъ труппы выдавались казенныя подорожныя. Вообще Репнинъ былъ по-

---

[1]) Долгорукій, „Славны бубны за горами“. стр. 96.

кровителемъ артистовъ. Въ 1825 г. посѣтила Полтаву извѣстная въ то время балерина Баньковская, воспитанница танцмейстера Виріанда. Она очень понравилась полтавской публикѣ. Изъ Полтавы она отправилась въ Кіевъ, и кн. Репнинъ послалъ въ Кіевъ И. Г. Ковалеву письмо съ просьбой оказать ей содѣйствіе [1]). Фактовъ подобной предупредительности Репнина не мало встрѣчается въ архивныхъ данныхъ.

При полтавскомъ театрѣ былъ свой оркестръ, изъ 23 человѣкъ. Это были крѣпостные помѣщика Райковича (вѣроятно, Раковича, богатаго помѣщика прилукскаго уѣзда). Въ то время подобные оркестры, или „капелліи“, существовали у многихъ полтавскихъ помѣщиковъ. Оркестръ былъ на жалованьи у дирекціи. Директорами полтавскаго театра при Репнинѣ были И. П. Котляревскій и А. О. Имберхъ, служившій правителемъ канцеляріи генералъ-губернатора. Многіе изъ музыкантовъ были женаты, и семьи ихъ жили въ деревнѣ. Случилось такъ, что когда умеръ Раковичъ, то его наслѣдники лишили эти семьи содержанія, но кн. Репнинъ, узнавъ объ этомъ, принялъ мѣры къ обезпеченію ихъ положенія [2]). Сборы по театру были плохи; приходилось нерѣдко отмѣнять спектакли за малолюдствомъ зрителей. Вотъ что однажды писалъ объ этомъ Котляревскій кн. Репнину: „Зборы по театру такъ малы, что жалованье за сентябрь не всѣмъ еще актерамъ выдано. Въ одинъ вечеръ въ театръ пришли только четыре зрителя, взносу сдѣлали 14 р., и я принужденнымъ нашелся отказать въ спектаклѣ. Теперь у насъ и погода прекрасная, хотя съ холоднымъ вѣтромъ: что же будетъ съ нашимъ театромъ, когда сдѣлается ненастье?..“ [3]) Цѣны мѣстамъ въ театрѣ были: кресло 4 р., партеръ 2 р., галлерея 1 р., табуретъ 5 р., ложи нижнія (нынѣшній бенуаръ) 16 р., верхнія (бельэтажъ) 12 руб. Въ афишахъ не указывали номеровъ мѣстъ [4]). Интересно, что спектакли въ то время начинались въ 6 часовъ вечера и потому не затягивались за полночь, какъ это бываетъ въ настоящее время.

---

[1]) Арх. Губ. Правленія 1825 г., № 675, л. 105.

[2]) Арх. Губ. Правл. 1819 г., по описи № 59.

[3]) О полтавскомъ театрѣ см. нашу статью въ „Кіев. Старинѣ“ 1904 года,— № 11. Заботы Репнина о полтавскомъ театрѣ и о выкупѣ артиста Щепкина“. Въ ней приведена переписка о выкупѣ послѣдняго.

[4]) Образецъ тогдашней афиши приведенъ въ кн. Бучневича „Записки о Полтавѣ“.

Кромѣ любви къ театру, кн. Репнинъ обнаруживалъ такую же любовь и къ церковному пѣнію. Въ то время полтавскіе епископы жили въ Переяславѣ, и потому въ Полтавѣ не было даже архіерейскаго хора; во всѣхъ городскихъ церквяхъ пѣли дьячки. Репнину очень хотѣлось устроить въ Полтавѣ приличный хоръ, но здѣсь не нашлось знающаго человѣка, способнаго руководить имъ. По этому поводу онъ обратился къ управляющему Батуринской экономіей гр. Разумовскихъ съ такимъ письмомъ: „Всякій разъ, когда бываю въ обѣдни, я досадую на несогласное пѣніе церковнаго хора, и чтобы впредь избавиться отъ сего безпокойства, рѣшилъ поручить одному изъ губернскихъ чиновниковъ Полтавы сформировать вокальную музыку. Къ дѣлу сему начальный приступъ сдѣланъ, но теперь встрѣтились затрудненія въ регентѣ, котораго отыскать во всей полтавской губерніи нѣтъ надежды. Извѣстенъ я, что у васъ въ Батуринѣ есть регентъ, по моему замѣчанію, знающій музыку очень хорошо, почему обращаюсь къ вамъ—отпустить въ Полтаву на нѣкоторое время, т. е. пока онъ образуетъ пѣвческій хоръ какъ слѣдуетъ. Онъ будетъ на всемъ моемъ содержаніи съ приличнымъ жалованьемъ; я постараюсь доставить всѣ выгоды, дабы онъ не имѣлъ причины сѣтовать, что труды его не вознаграждены“. Просьба князя была исполнена, и изъ Батурина прислали ему регента Чухнова, который завелъ хорошій хоръ. Репнинъ былъ имъ очень доволенъ и въ апрѣлѣ 1817 г. благодарилъ письмомъ Батуринскаго управляющаго. Изъ Батуринской же „капелліи“ князь выписалъ для своего хора альта, дисканта и тенора.

Малороссія съ давнихъ поръ славится хорошими голосами. И въ настоящее время ее посѣщаютъ регенты изъ придворной капеллы и вербуютъ здѣсь пѣвцовъ; то же было и въ прежнее время. Въ 1820 г. знаменитый духовный композиторъ Бортнянскій писалъ Репнину и просилъ помочь ему въ пріисканіи альтовъ и дискантовъ для придворной каппелы. Было взято въ пѣвчіе 8 мальчиковъ [1]). Въ 1836 году съ тою же цѣлью Полтаву посѣтилъ другой извѣстный композиторъ, М. И. Глинка, служившій тогда капельмейстеромъ въ придворной капеллѣ. Онъ пріѣзжалъ вмѣстѣ съ помощникомъ учителя пѣнія Палагинымъ. Въ Полтавѣ и другихъ мѣстахъ они набрали 20 мальчиковъ. На поѣздку ихъ ассигновано было 7 тысячъ р. [2]). Отправившись да-

---

1) Арх. Губ. Прав. 1820 г., дѣло № 334.

2) Арх. Губ. Прав. 1836 г., дѣло № 166.

лѣе съ тою же цѣлью въ черниговскую губ., М. И. Глинка временно поселился въ имѣніи Г. С. Тарновскаго, Качановкѣ и оттуда ѣздилъ по разнымъ мѣстамъ Малороссіи. Поѣздки эти совершались съ извѣстными предосторожностями, такъ какъ придворные вербовщики пѣвчихъ по опыту знали, что отъ нихъ скрывали пѣвцовъ съ хорошими голосами, какъ это дѣлается и теперь. Въ то время славился хоръ преосвященнаго полтавскаго Гедеона, жившаго въ Переяславѣ. Пріѣхавъ въ Переяславъ, помощники Глинки переодѣлись купцами и отправились на архіерейское служеніе. Намѣтивъ лучшихъ пѣвцовъ изъ архіерейскаго хора, они записали ихъ фамиліи, и прежде чѣмъ архіерей спохватился, пѣвчіе были завербованы [1]).

Архіерейскій хоръ полтавской публикѣ приходилось слышать разъ въ три года, когда епископы полтавскіе пріѣзжали въ Полтаву ко времени дворянскихъ выборовъ. „Обряды" дворянскихъ выборовъ требовали приглашать для приведенія дворянъ къ присягѣ „первенствующую духовную особу". Архипастырями полтавскими со времени основанія полтавской губерніи (1802 г.) до 1834 года, когда Репнинъ оставилъ свой постъ, были слѣдующія лица:

1. *Сильвестръ* (*Лебединскій.*) Былъ онъ раньше ректоромъ астраханской семинаріи, затѣмъ ректоромъ казанской духовной академіи. Въ 1799 г. былъ хиротонисанъ въ Москвѣ во „епископы малороссійскіе." 17 декабря 1803 г. ему велѣно именоваться епископомъ полтавскимъ и переяславскимъ. Пробылъ онъ на каѳедрѣ полтавской до 25 января 1807 г., когда былъ переведенъ въ Астрахань архіепископомъ. Годъ спустя онъ былъ уволенъ на покой въ Глуховскій петропавловскій монастырь, но на пути скончался въ острогожскомъ уѣздѣ, въ селѣ Ровенькахъ, гдѣ и погребенъ. Кн. Куракинъ, горячо взявшійся за насажденіе школъ въ Малороссіи, хотѣлъ привлечь къ этому дѣлу епископа Сильвестра, но встрѣтилъ въ немъ мало сочувствія [2]).

2. *Ѳеофанъ* (*Шіяновъ-Чернявскій*). Родился въ Китайгородѣ, кобелякскаго уѣзда; воспитывался въ Кіевской академіи. Былъ архимандритомъ нѣжинскаго и новгородъ-сѣверскаго монастырей, а въ 1798 г. былъ назначенъ ректоромъ черниговской семинаріи, откуда черезъ два года опредѣленъ викаріемъ кіевской митрополіи. Съ 25 января 1807 г.—епископъ полтавскій. Какъ мѣстный

---

[1]) Біографія Глинки, Базунова, 49—50, изданія Павленкова.

[2]). См. нашу работу: „Приходскія школы въ старой Малороссіи и причины ихъ уничтоженія." Кіев. Старина, 1904,. № 1, и отдѣльные оттиски.

уроженецъ, любилъ говорить помалорусски. По отзывамъ современниковъ, это былъ простосердечный, добродушный пастырь, относившійся ко всѣмъ благосклонно. Скончался отъ паралича 12 января 1812 года и погребенъ въ Переяславскомъ вознесенскомъ монастырѣ.

3. *Анатолій* (*Андрей Максимовичъ*), также мѣстный уроженецъ, изъ с. Усовки, переяславскаго уѣзда. Обучался онъ въ переяславской семинаріи, а затѣмъ въ петербургской семинаріи (на правахъ академіи), гдѣ съ 1790 года былъ учителемъ поэзіи и греческаго языка. Затѣмъ былъ ректоромъ семинаріи въ Петербургѣ, откуда и назначенъ на полтавскую каѳедру. Въ февралѣ 1816 г. переведенъ въ Минскъ архіепископомъ, а затѣмъ 10 февраля 1832 г. въ Симбирскъ, но въ августѣ того же года увольнился на покой въ Сызранскій вознесенскій монастырь, гдѣ и скончался 14 февраля 1844 года.

4. *Меѳодій* (*Писнячевскій*), также родомъ изъ переяславскаго уѣзда (село Остролучье, или Сулимовка). Это былъ всесторонне образованный человѣкъ. По окончаніи кіевской академіи, онъ былъ отправленъ въ московскій университетъ для приготовленія къ профессорскому званію. По окончаніи университета, онъ возвратился въ академію, гдѣ съ 1806 г. занялъ каѳедру; здѣсь же затѣмъ былъ префектомъ. Отсюда его перевели въ петербургскую дух. академію на должность бакалавра, а затѣмъ ординарнаго профессора. Былъ затѣмъ ректоромъ петербургской семинаріи, откуда назначенъ на полтавскую каѳедру. Это былъ краснорѣчивый проповѣдникъ. Изъ устъ его, говоритъ современникъ, „лилися перлы и алмазы“. По его мысли, въ Полтавѣ, при Крестовоздвиженскомъ монастырѣ, основано 7 января 1818 года духовное уѣздное и приходское училище. Управлялъ онъ полтавской епархіей по 1824 годъ, когда былъ переведенъ архіепископомъ въ Астрахань, а оттуда вскорѣ въ Псковъ. 10 мая 1834 г. былъ онъ уволенъ на покой въ Псковской спасомирожскій монастырь, но его тянуло на родину и онъ перепросился въ Лубенскій монастырь, гдѣ и скончался 10 іюля 1845 года.

5. *Георгій (Ящуржинскій)*, родомъ изъ подольской губерніи. Управлялъ полтавской епархіей съ 24 апрѣля 1824 года по 16 августа 1830 года, когда переведенъ былъ въ Архангельскъ, а оттуда въ 1845 г. архіепископомъ въ Тобольскъ, гдѣ и скончался 1 апрѣля 1832 г. Онъ былъ далеко не въ дружественныхъ отношеніяхъ съ кн. Репнинымъ, поводомъ къ чему послужило слѣдующее. Экономія кн. Репнина прирѣзала ружную землю одной

церкви къ господской полосѣ, а взамѣнъ ея отвела для руги въ отдаленномъ мѣстѣ такое же количество десятинъ, но худшаго качества. Епископъ Георгій просилъ губернское правленіе оказать законное содѣйствіе къ возвращенію прежняго участка ружной земли. Губернское правленіе, всецѣло зависимое отъ генералъ-губернатора, имѣло мужество стать на сторону преосвященнаго. Репнинъ, крайне недовольный этимъ исходомъ дѣла, хотѣлъ путемъ личныхъ переговоровъ уладить недоразумѣніе и самъ отправился къ еп. Георгію, съ которымъ имѣлъ жаркій споръ, но преосвященный настоялъ на своемъ.

6. *Наѳанаилъ I (Василій Павловскій)*, уроженецъ архангельской губерніи и воспитанникъ петербургской дух. академіи. Былъ ректоромъ ярославской и затѣмъ петербургской семинаріи, отсюда назначенъ 8 сентября 1830 г. на полтавскую каѳедру, гдѣ пробылъ до 12 мая 1834 года, когда былъ переведенъ въ Псковъ, гдѣ и скончался въ санѣ архіепископа 28 іюля 1849 года. Время его управленія полт. епархіей совпало съ эпидеміей холеры 1831 года и страшнымъ голодомъ, бывшимъ въ Малороссіи въ 1833 году. Епископъ Наѳанаилъ въ эти тяжелые годы оказался достойнымъ пастыремъ; онъ много заботился о голодающихъ и собиралъ для нихъ большія пожертвованія.

Послѣ Наѳанаила, въ годъ оставленія Репнинымъ Малороссіи, полтавскимъ епископомъ былъ назначенъ *Гедеонъ* (въ мірѣ Вишневскій), скончавшійся въ санѣ архіепископа въ 1849 году [1]).

Въ pendant къ архіереямъ перечислимъ и губернаторовъ, служившихъ въ Полтавѣ во время управленія Малороссіей кн. Лобановымъ-Ростовскимъ и Репнинымъ.

1. Первымъ губернаторомъ новооткрытой полтавской губерніи былъ *А. Б. Сонцевъ* (8 окт. 1801 г.—22 апрѣля 1805 г.); изъ Полтавы онъ былъ возвращенъ на ту же должность въ Воронежъ.

2) *Мухановъ Александръ Ильичъ*, д. с. с. Управлялъ губерніей съ 6 мая 1805 г. по 17 мая 1806 г., когда былъ назначенъ губернаторомъ въ Рязань.

3) *Брусиловъ Николай Ивановичъ*, д. с. с. Управлялъ съ 17 мая 1806 г. по 10 марта 1808 года, когда былъ переведенъ на ту же должность въ Вильну.

---

[1]) Мы не касались дѣятельности названныхъ епископовъ по управленію епархіей, что внѣ нашей темы. См. объ этомъ брошюру В. Н. Терлецкаго: Столѣтній юбилей полтавской епархіи. (Полт. Епарх. Вѣд. 1904 г. и отдѣльно).

4. *Козачковскій Алексѣй Өедоровичъ*, д. с. с., былъ съ 14 марта 1808 года по 17 мая 1810 г. Скончался въ маѣ 1820 года.

5. *Бровинъ Михаилъ Ивановичъ*, д. с. с., съ 17 сентября 1810 г. по 17 іюля 1812 года.

6. *Тутолминъ Иванъ Васильевичъ*, т. с. Былъ губернаторомъ съ ноября 1812 года по 22 апрѣля 1828 года.

7. *Могилевскій Павелъ Ивановичъ*. Родился въ Кіевѣ въ 1780 г., учился въ московскомъ университетѣ, служилъ первоначально на Кавказѣ, при Ермоловѣ, затѣмъ былъ черниговскимъ губернаторомъ, а съ 1828 г. полтавскимъ. Скончался въ Полтавѣ 22 авг. 1840 г. и погребенъ въ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ. Епископъ полтавскій Гедеонъ такъ характеризовалъ его въ проповѣди при его погребеніи: „Что сказать вамъ, христіане, объ умершемъ? Онъ оставилъ церкви свою вѣру, царю свою преданность, отечеству труды, семейству родительскую любовь, намъ всѣмъ добрую память“ [1]). На могильномъ памятникѣ его сохранилась отчетливо до сей поры слѣдующая надпись:

Здѣсь прахъ того, кто съ юныхъ дней
Служа отечеству съ любовью,
Жрецъ правды былъ и другъ людей,
Сынъ преданный престолу кровью;
Кто показалъ людямъ во всемъ
Примѣръ въ величіи смиренья
И въ гробъ сошелъ съ святымъ крестомъ
Надежды, вѣры и терпѣнья.

Въ большіе праздники и въ высокоторжественные дни у генералъ-губернатора, а если его не было въ городѣ, то у губернатора бывали пріемы, на которые приглашались высшіе чины города, начальники отдѣльныхъ частей и именитые граждане. По окончаніи дворянскихъ выборовъ, дворянство обыкновенно давало „всему губернскому начальству и всей благородной публикѣ отъ лица всего дворянства балъ и ужинъ“, или же „балъ и фейерверкъ“. На расходы по устройству этихъ „баловъ“ вносили уѣздные предводители по 200 или 250 р. каждый; они же и распоряжались ихъ устройствомъ; такими распорядителями

---

[1]) Полтав. губ. Вѣдомостей 1840, № 36.

чаще другихъ бывали: В. Яновичъ, Левенецъ, Селецкій, Левченко, Магденко и др. Залъ дворянскаго собранія освѣщался восковыми свѣчами (1 пудъ—80 р. асс.) и только съ 1840 г. стеариновыми (1 п.—50 р.). Полъ натирали лакомъ. Найти хорошаго полотера въ то время въ Полтавѣ нельзя было, его выписывали почему-то изъ с. Циглеровки, константиногр. у., и платили 80 р., а въ 1835 г. было уплачено 135 р. Передъ началомъ бала помѣщеніе обязательно окуривали курительными бумажками, пачка которыхъ стоила 3 р. асс., а впослѣдствіи одеколономъ (баночка въ 1841 г, стоила 3 р. 60 к. асс.). Достать музыку стоило немало хлопотъ. Въ то время въ рѣдкихъ воинскихъ частяхъ имѣлись оркестры, за то они были у богатыхъ помѣщиковъ (т. наз. „капелліи"). Такимъ оркестрамъ за игру на дворянскихъ балахъ платили по 200 р. асс. Въ 1840 г., когда дворяне давали обѣдъ генералъ-губернатору кн. Долгорукому, то выписали оркестръ изъ зѣньковскаго уѣзда, при чемъ уплачено было за эстафету 15 р. 40 к. Въ началѣ бала подавали гостямъ чай и къ нему варенье, лимонъ и ромъ. Цвѣточный чай былъ очень дорогъ, за него въ 1820-хъ годахъ платили 16 р. асс. за фунтъ, послѣ онъ былъ нѣсколько дешевле. Особенно дороги были лимоны, такъ какъ это былъ продуктъ привозной. Въ 1829 г. за два десятка лимоновъ было уплачено 6 р. асс., а въ 1840 г. еще дороже — по 30 коп. за штуку. Не дешевъ былъ и сахаръ: пудъ рафинада въ 1826 г. стоилъ 44 р., болѣе чѣмъ по 1 р. за фунтъ; въ 1840 г. цѣна его пала до 90 к. за фунтъ. Благодаря дороговизнѣ сахара дорого было и варенье; для обѣда даннаго дворянствомъ въ 1826 г., было куплено 1 пудъ варенья цѣною въ 60 р. асс. Дессертъ состоялъ изъ конфектъ и фруктовъ; иногда въ качествѣ дессерта подавались и арбузы. Стоимость фруктовъ и арбузовъ (конечно, не въ сезонъ мѣстнаго ихъ созрѣванья) достигала баснословныхъ цѣнъ: за 25 арбузовъ въ 1825 г. было уплачено 5 р. асс., а въ 1829 году за 15 штукъ — 4 р.; за 200 яблокъ въ 1829 г. платили 8 р., за 200 грушъ — 5 р., за 600 сливъ — 4 р. 50 к. Обращаясь къ закускамъ, мы не встрѣтили въ счетахъ большого разнообразія ихъ, какъ нѣтъ разнообразія водокъ. Водка, помимо ординарной, была сладкая, ведро которой стоило 8 р. Изъ закусокъ упоминается паюсная икра, стоимость которой была 1 р. 20 к. фунтъ, и эта цѣна остается постоянной съ 1820 и до 1840 г. Швейцарскаго сыра фунтъ стоилъ 7 р. 50 к., а въ послѣдующіе годы цѣна его понизилась; сельдь голландская — штука 30 к., 1 ф. колбасы (1840 г.) — 60 к.; ящикъ сардинокъ — 10 р. Вина, употребляемыя

въ то время, были слѣдующія: хересъ (лучшій 8 р. бутылка), мадера 3 р., малага 2 р. 50 к. (въ 1840 г. — 4 р.), бургонское— бѣлое и красное — 8 р., шато-лафитъ 8 р., рейнвейнъ 8 р., жульенъ 2 р., заграничный сотернъ 8 р., го-сотернъ 12 р., медокъ 2 р. англійскій портеръ 1 р. 75 коп., остъ-индская мадера 4 р. Что касается съѣстныхъ продуктовъ, то для ознакомленія съ ними приведемъ счетъ обѣда, даннаго въ 1842 г. губернскому предводителю дворянства И. В. Капнисту: палочка ванили 10 р., 5 ф. зеленаго гороха 12 р. 50 к., 3 б. трюфелей 13 р. 50 к., 200 лимоновъ 24 р., 7 пуд. говядины 39 р. 20 к., 60 куръ 23 р., 600 яицъ 60 р., 80 цыплятъ 28 р., 8 ф. миндалю 10 р. 40 к., два мушкатныхъ орѣха 40 к., 3 бут. ямайскаго рома 16 р. 50 к., 1/4 ф. лавроваго листа 30 к., 1 пудъ крупичатой муки 12 р., 1 барашекъ 1 р., возъ льду 2 р. 60 к., 3 кварты молока 2 р. 50 к. (sic), 4 пуда соли 7 р. 20 к., 4 п. ветчины 72 р., 4 бут. прованскаго масла (лучшаго) 12 р., 8 ф. кофе — по 1 р. 50 к. Для изготовленія этого обѣда сожжено 2 костра дровъ (22 р.) Еще небольшое извлеченіе изъ счета обѣда, даннаго кн. Долгорукому въ 1840 году: теленокъ 12 р., дрофа 2 р., пара утокъ 60 к., 1 ф. миндалю 1 р. 20 к., кварта лимоннаго сока 1 р. 20 к., 1 б. уксусу 1 р. 50 к., 1 ф. перцу 1 р., мороженное, шеколадъ и аршадъ стоили 190 р. Стоимость ужина въ 1835 году на 200 персонъ 840 р. асс. Когда устраивали фейерверкъ (или „фейфаркъ", какъ писали въ то время), то иллюминовали весь дворъ, „въ которомъ публика приниматься будетъ".

ГЛАВА IX.

И. П. Котляревскій. Обученіе въ семинаріи. Военная служба. К. на службѣ въ Полтавѣ. Отношеніе къ нему Лобанова-Ростовскаго и Репнина. Забота К. о театрѣ. Его домикъ, обстановка, образъ жизни. Посѣщеніе его И. И. Срезневскимъ. Кончина поэта. Памятникъ на могилѣ и послѣдующія его исправленія. Памятникъ поэту въ Полтавѣ. Литературныя произведенія поэта и его значеніе.

Наши очерки о давней Полтавѣ и жизни полтавской были бы не полны, если бы мы обошли молчаніемъ личность знаменитаго полтавца, жившаго и дѣйствовавшаго какъ-разъ въ разсматриваемый нами періодъ. Его имя не разъ мелькало на предыдущихъ страницахъ, но въ роли очень скромнаго общественнаго дѣятеля; между тѣмъ уже и въ то время это была крупная знаменитость, пользовавшаяся широкою извѣстностью не только

въ родной Малороссіи, но и далеко за ея предѣлами и привлекавшая въ Полтаву туристовъ-почитателей почти въ такомъ же числѣ, какъ Шведская могила привлекала путешественниковъ-патріотовъ. Когда въ 1837 г. прибылъ сюда харьковскій профессоръ (впослѣдствіи извѣстный академикъ) Изм. Ив. Срезневскій, онъ задалъ себѣ вопросъ: „зачѣмъ я въ Полтавѣ?“ и тотчасъ отвѣтилъ: „Могила (т. е. Шведская) и *Котляревскій*—ничто другое не могло меня привлечь въ эту беззаботно-скучную, простодушно-пустынную, хоть и милую Полтаву“ [1]). Это было сказано 70 лѣтъ назадъ, еще при жизни поэта. Теперь, когда историческое значеніи Котляревскаго, какъ родоначальника новой украинской литературы, признано всѣми, его литературныя заслуги оцѣнены по достоинству и въ центрѣ Полтавы красуется его монументъ,—теперь еще съ большимъ основаніемъ можно сказать: „Могила и Котляревскій“—вотъ главныя достопримѣчательности Полтавы, дѣлающія имя ея извѣстнымъ и дорогимъ во всѣхъ концахъ русскаго міра. И разъ мы говорили (что нашли въ архивныхъ данныхъ) о первой, скажемъ и о второмъ.

Иванъ Петровичъ Котляревскій по происхожденію былъ коренной полтавецъ; его отецъ служилъ канцеляристомъ въ полтавскомъ магистратѣ, а дѣдъ былъ дьякономъ въ соборѣ. Родился онъ въ Полтавѣ же, 29 августа, 1769 г. Гдѣ онъ получилъ начальное образованіе—въ точности неизвѣстно; можно полагать, что первоначально онъ учился въ соборной приходской школѣ, существовавшей еще въ XVII ст. Въ 1779 г., при архіепископѣ словенскомъ Никифорѣ Ѳеотоки, поселившемся въ Полтавѣ и отсюда управлявшемъ Словенскою епархіею. основана была здѣсь семинарія, именовавшаяся по мѣсту нахожденія *полтавскою*, по имени епархіи, для которой была предназначена—*словенскою*, а затѣмъ, когда въ 1786 г. словенская епархія была переименована въ „екатеринославскую и Херсонеса Таврическаго“, то и семинарію стали называть *екатеринославскою*. Въ 1793 г. семинарія эта, вмѣстѣ съ архіерейскою каѳедрою, была перенесена въ Новомиргородъ, а оттуда въ Екатеринославъ. Вотъ въ эту семинарію, на одиннадцатомъ году своего возраста, и былъ помѣщенъ Котляревскій и пробылъ въ ней девять съ лишнимъ лѣтъ (съ 13 февраля 1780 г. до лѣтнихъ каникулъ 1789 г.) [2]) Хотя

[1]) Записки Срезневскаго—„Кіев. Стар.“ 1899 г., январь.

[2]) Кіев. Старина, 1905 г., іюль-августъ, стр. 46—47. Здѣсь же перечислены лица, бывшія преподавателями Котляревскаго.

большинство преподавателей полтавской семинаріи были мѣстные уроженцы, воспитанники кіевской академіи и харьковскаго коллегіума, но такъ какъ основатель ея Ѳеотоки, молдаванинъ по происхожденію, получилъ образованіе въ заграничныхъ университетахъ, то можно предположить, что учебный строй ея былъ нѣсколько иной и учебныя программы нѣсколько шире, чѣмъ въ другихъ тогдашнихъ семинаріяхъ; кромѣ древнихъ языковъ, преподававшихся весьма основательно, здѣсь обучали и новымъ языкамъ, французскому и нѣмецкому, и основательно проходили философскія науки [1]). Здѣсь нашъ поэтъ имѣлъ возможность хорошо изучить Виргилія и его Энеиду, отсюда же онъ вынесъ и знаніе французскаго языка. По свидѣтельству школьныхъ товарищей по семинаріи, здѣсь же у него проявился стихотворческій талантъ, за что товарищи прозвали его „риѳмачемъ“. Не чувствуя призванія къ духовной профессіи, Котляревскій не окончилъ полнаго курса семинаріи и выбылъ изъ богословскаго класса лѣтомъ 1789 года. Очевидно, двадцатилѣтній юноша еще не рѣшилъ, куда опредѣлить себя, и нуждаясь въ заработкѣ, поступилъ такъ, какъ поступали въ то время сотни бѣдняковъ по выходѣ изъ школы: сталъ служить въ домахъ разныхъ помѣщиковъ въ должности домашняго учителя. Живя въ деревнѣ, онъ съ интересомъ присматривался къ народнымъ обычаямъ, участвовалъ въ играхъ молодежи, вслушивался въ народный говоръ, записывалъ слова, пѣсни, что дало ему возможность въ совершенствѣ изучить народный бытъ и языкъ. Такъ провелъ онъ около семи лѣтъ. Неудачная любовь и отказъ помѣщика выдать за него свою дочь заставили поэта искать другой службы, и по обычаю молодыхъ людей того времени, онъ рѣшился поступить въ военную службу. Ему было тогда 27 лѣтъ. Поступилъ онъ въ сѣверскій карабинерный полкъ (бывшій затѣмъ драгунскій, а впослѣдствіи конно-егерскій), въ рядахъ котораго ему пришлось совершить въ 1806 г. походъ въ Турцію. По порученію генерала Мейндорфа, очень его цѣнившаго, К. велъ журналъ военныхъ дѣйствій. Знавшій лично поэта С. П. Стеблинъ-Каминскій [2]) передаетъ очень характерный эпизодъ, слышан-

---

[1]) Замѣтимъ кстати, что въ этой же семинаріи получилъ начальное образованіе и другой знаменитый полтавецъ, Николай Ив. Гнѣдичъ, перешедшій, послѣ ея перевода изъ Полтавы, въ Харьковскій коллегіумъ, а съ 1800 года въ Московскій Университетъ.

[2]) Старожилъ полтавскій, б. учитель во многихъ школахъ, скончался въ 1886 году.

ный имъ отъ самого поэта. Переправляя его однажды лодкой черезъ Дунай, гребцы-запорожцы признали въ немъ малоросса и спросили его, кто онъ. Котляревскій назвалъ себя. Гребцы переглянулись и спросили его: „Чи не той, шо скомпонувавъ Энеиду?"—„Той самый", отвѣтилъ Котляревскій.—„Такъ це ты, батьку нашъ"! вскрикнули гребцы и бросились къ его ногамъ, цѣлуя его руки.—„Иды, батьку, до насъ, мы тебе зробымъ старшимъ". Тѣмъ же Мейндорфомъ Котляревскій былъ отправленъ къ буджакскимъ татарамъ склонить ихъ на сторону Россіи, что онъ и исполнилъ удачно. Наградой ему за это былъ орденъ Анны 4 степени.

Въ военной службѣ Котляревскій пробылъ до 23 января 1808 года и вышелъ въ отставку съ чиномъ капитана. Послѣ этого онъ отправился въ Петербургъ для пріисканія мѣста по гражданской службѣ. Не имѣя связей, протекціи, трудно было малороссу устроиться въ столицѣ, и нашему поэту приходилось сильно нуждаться, спать въ сырой холодной комнатѣ; фризовая шинель служила ему одеждой, постелью и одѣяломъ. Не предвидя успѣха въ своихъ хожденіяхъ по пріемнымъ высокопоставленныхъ лицъ и затосковавъ по родинѣ, онъ оставилъ столицу и вернулся въ Полтаву, гдѣ проживала его мать. Здѣсь онъ получилъ мѣсто смотрителя „дома для воспитанія бѣдныхъ дворянъ", незадолго до того основаннаго кн. А. Б. Куракинымъ. Не смотря на незначительность этой должности, оплачиваемой всего 300 р. асс. въ годъ, Котляревскій искренно полюбилъ свою новую службу и много заботился объ улучшеніи быта порученныхъ ему дѣтей. По его инициативѣ, воспитанники были одѣты по формѣ, въ свободное время занимались военными упражненіями, ситуаціей, черченіемъ, танцами, устроена была для нихъ больница. Тогдашній генералъ-губернаторъ кн. Я. И. Лобановъ-Ростовскій очень уважалъ К., какъ образованнаго, даровитаго человѣка, и высоко цѣнилъ его службу. Вотъ что онъ писалъ ему изъ Петербурга 24 апрѣля, 1815 года: „Милостивый государь мой Иванъ Петровичъ! Похваляя печность (попеченіе) вашу о порученномъ вамъ дѣлѣ, не имѣю я еще удобности похвалиться, чтобы успѣхи мои о положеніи дома воспитанія бѣдныхъ дворянъ были значительны; но ручаться могу, что безъ должнаго вниманія не могутъ они остаться. Медленность возвращенія государя императора паче всего сію вещь, какъ и прочіе, обременяетъ, но нѣтъ резону отчаяваться, чтобы доброе попеченіе мое не исправило нужду и не послужило бы

и къ удовлетворенію лицъ, подобно вамъ званіе свое отправляющихъ. Такое удостовѣреніе пріймите, пожалуйста, въ знакъ усерднѣйшаго почтенія, съ коимъ быть не престану. Вашъ вѣрнѣйшій слуга, кн. Яковъ Лобановъ-Ростовскій".—Не чѣмъ инымъ, какъ особеннымъ довѣріемъ и расположеніемъ къ Котляревскому, слѣдуетъ объяснить и то, что кн. Лобановъ въ маѣ 1813 г. отправилъ его съ депешами „въ главную Его Величества квартиру" [1]). Въ 1812 году формировалось въ Малороссіи козацкое ополченіе. И. П. Котляревскому кн. Лобановъ поручилъ формированіе 5-го козачьяго полка. Онъ успѣшно выполнилъ это порученіе и только опасался, какъ бы ему самому не пришлось вести сформированный полкъ на театръ военныхъ дѣйствій. „Твердо уповаю на увѣреніе вашего сіятельства,—писалъ поэтъ въ августѣ 1812 г., что я только употребленъ вами для сформированія полка, а не для служенія въ ономъ. Я и по бѣдности моей, и по старости матери моей, которую поддерживать есть мой долгъ, никакой службы несть внѣ Полтавы не могу. Сверхъ того, что я не имѣю никакого приготовленія ни на службу, ни къ походу, воспитанники остаются до сего времени безъ зимняго платья; по множеству заботъ вашему сіятельству невозможно вспомнить объ нихъ, полтавскій же приказъ очень безпеченъ... А помощники мои—исполнители только. И такъ бѣдные дѣти, до сего пользовавшіяся отеческими вашими попеченіями, теперь оставленныя безъ должнаго призрѣнія, потерпѣть могутъ. Сжальтесь надъ сими сиротами, ваше сіятельство, и удостойте ихъ и меня взаимно вашего вниманія и благоволенія" [2]). Желаніе поэта было исполнено, и онъ возвратился въ Полтаву. Такъ поэтъ любилъ свою родину, любилъ и „домъ воспитанія" и много заботился о немъ. А помощники у него, о которыхъ онъ упоминаетъ, точно были люди мало надежные. Въ числѣ ихъ былъ, напр., Козловъ, служившій раньше квартальнымъ надзирателемъ; въ 1831 г. былъ прикомандированъ „къ дому воспитанія" и другой квартальный надзиратель Зайченко-Жадько [3]).

Цѣнилъ поэта и преемникъ кн. Лобанова-Ростовскаго, кн. Н. Г. Репнинъ. 5 октября 1817 г., по ходатайству Репнина, Котляревскій былъ награжденъ за труды „по улучшенію дома дво-

---

1) Гор. арх. 1813., № 2077.

2) О сформированіи поэтомъ козачьяго полка см. нашу статью въ Кіев. Старинѣ, 1905, іюнь.

3) Гор. арх. 1831 г. дѣло № 4511, журн. засѣд. 12 сентября.

рянъ“ чиномъ маіора, брилліантовымъ перстнемъ и пенсіей въ 500 р. асс. Это было во время посѣщенія Полтавы императоромъ Александромъ I. Есть извѣстіе, что императоръ хотѣлъ наградить его чиномъ коллежскаго ассесора, но К. заявилъ, что лучше выйдетъ въ отставку, чѣмъ разстанется съ военнымъ чиномъ. Александръ I добродушно улыбнулся и сдѣлалъ ему угодное. А годомъ раньше Полтаву посѣтилъ вел. князь Николай Павловичъ и, вѣроятно, по указанію кн. Репнина, осыпалъ знаками вниманія Котляревскаго, какъ извѣстнаго уже въ то время писателя, и пожелалъ имѣть у себя два экземпляра его „Энеиды“[1])

Какъ мы уже упоминали, въ 1818 г. кн. Репнинъ вызвалъ въ Полтаву труппу Штейна, въ которой находился и знаменитый Щепкинъ, и назначилъ Котляревскаго однимъ изъ директоровъ полтавскаго театра. Котляревскій съ любовью отдавался заботамъ о театрѣ и въ слѣдующемъ же году написалъ для мѣстной сцены двѣ малор. пьесы: „Наталку Полтавку“ и „Москаля Чаривныка“.

Кромѣ должности смотрителя дворянскаго пансіона, Котляревскій съ 1827 года состоялъ также попечителемъ полтавскаго богоугоднаго заведенія[2]). Эту должность онъ занималъ до 1835 г., когда вышелъ въ отставку по болѣзни. Уже въ то время онъ чувствовалъ себя совсѣмъ больнымъ и жаловался на онѣмѣніе правой руки и ноги.

Не задолго до кончины своей онъ отпустилъ нѣсколькихъ крестьянъ своихъ на волю. Въ теченіе послѣдняго года жизни своей онъ заперся въ своемъ домѣ, нигдѣ не бывалъ. Скончался 29 октября, 1838 года, на 70-мъ году своей жизни. Кончина его, по словамъ современника, вызвала искреннія слезы у друзей и всѣхъ, кто зналъ его. Хоронили его торжественно, съ музыкой; на похоронахъ была вся Полтава, искренно его любившая.

Котляревскій жилъ въ своемъ небольшомъ домикѣ, на краю Соборной или такъ наз. Подольской горы, на глазисѣ бывшихъ укрѣпленій. Въ 1821 году Котляревскій увеличилъ свою усадьбу, прикупивъ къ ней землю. По плану, высочайше утвержденному еще въ 1805 году, многія городскія усадьбы должны были отойти подъ улицы и площади. Эта планировка города коснулась и

[1]) „Украинскій Вѣстникъ“, 1816 г., № 7.

[2]) Репнинъ, желая оказать вниманіе Котляревскому, назначилъ его въ 1829 г. церемоніймейстеромъ во время дворянскихъ выборовъ. Дворянск. арх. 1829 г., № 4132.

усадьбы поэта. 23 августа 1821 г. губернскій землемѣръ Мордвинкинъ писалъ въ думу, что „по плану должно загородить маіору Котляревскому, близь левады его, 305 кв. саженей, а городской выгонной земли 2340 кв. саж., тамъ должно кварталу быть“. Дума, основываясь на завѣреніи губернскаго землемѣра, „что у маіора Котляревскаго отходитъ въ городскую надобность 305 кв. саж., что остающаяся его левада загородитъ ему городской земли одну десятину и 245 кв. саж.,—рѣшила отдать ему 305 саж. въ замѣнъ отходящей, его собственной, а за остальныя взять съ него деньги, по 3 к. за квад. сажень“. Котляревскій заплатилъ въ городскую кассу 70 р. 20 к. и пріобрѣлъ 2340 кв. саж. [1]). Домикъ Котляревскаго былъ старый. Во время войны со шведами

Видъ бывшаго дома И. П. Котляревскаго (въ 1855 г.).

онъ принадлежалъ купцу Панченку, потомъ Куровой, отъ которой и достался дѣду поэта. Послѣ смерти Котляревскаго домикъ этотъ, по духовному завѣщанію, перешелъ къ экономкѣ его, устроившей здѣсь трактиръ, затѣмъ былъ пріобрѣтенъ Педченковой, также обратившей его въ 1856 г. въ трактиръ.

Въ началѣ 1860-хъ годовъ домикъ этотъ сталъ разрушаться, дымовыя трубы стали угрожать паденіемъ, потолокъ готовъ былъ рухнуть; требовался уже капитальный ремонтъ, но некому было позаботиться о сохраненіи этого историческаго памятника. Въ настоящее время бывшая усадьба поэта раздѣлена между двумя владѣльцами. Въ одномъ изъ этихъ участковъ, въ кухнѣ фли-

[1]) Гор. арх. 1821 г., дѣла № 3118 и 3165, журн. засѣд. 22 авг. и 22 декабря.

геля, сохранился отъ стараго домика Котляревскаго урѣзанный кусокъ „сволока“, на которомъ осталась часть вырѣзанной надписи. По разсказамъ лицъ, посѣщавшихъ поэта, въ его домѣ было 5 комнатъ вмѣстѣ съ кухней. Изъ передней налѣво вела дверь въ небольшой кабинетъ, который былъ и спальней хозяина. На поперечной балкѣ потолка этой комнаты была надпись, вырѣзанная церковными буквами: „Создася домъ сей во имя Отца и Сына и Св. Духа, року 1703“. Обстановка въ домѣ была простая. Въ небольшомъ кабинетѣ стояла кровать, подлѣ нея небольшой письменный столъ и шкафъ съ книгами. Въ библіотекѣ поэта, по разсказу современника, были латинскія и французскія книги, изъ русскихъ—переводные романы: Лафонтена, Дюкро—Дюмониля, Жанлисъ, В. Скотта, Купера и др. Изъ періодическихъ изданій: „Сѣверная пчела“, „Сынъ Отечества“ съ Сѣвернымъ архивомъ, „Вѣстникъ Европы“, „Благонамѣренный“. Лучшей комнатой, наиболѣе просторной и свѣтлой, была гостинная, изъ которой былъ выходъ на крыльцо съ балкономъ, откуда открывался чудный видъ на окрестности города. Здѣсь любилъ просиживать поэтъ часами съ зрительной трубой. Весной, при разлитіи Ворсклы, особенно очаровательны были виды на эти окрестности; къ поэту нарочно собирались въ это время пріятели и знакомые полюбоваться этими видами съ его балкона. Обстановка гостинной была очень проста: канапе, обитое кожей съ мѣдными гвоздиками, нѣсколько такихъ же стульевъ, да три ломберныхъ столика—вотъ и вся мебель. Стѣны были украшены портретами императора Александра I и самого поэта, а также картинами фламандской школы. Одна изъ картинъ изображала испанца, держащаго въ рукѣ рака, другая—торговку живностью. Были еще портреты кн. Репнина и В. П. Кочубея, лично ими подаренные поэту. На одной изъ стѣнъ, между фламандскими картинами, висѣли часы, на циферблатѣ которыхъ было изображеніе Адама и Евы подлѣ дерева познанія добра и зла; змѣй искуситель вертѣлся на деревѣ по качанью маятника. Вмѣсто иконы въ углу была копія картины „Марія Магдалина надъ черепомъ“. Такова была обстановка поэта, какъ описываетъ ее лично знавшій поэта С. П. Стеблинъ-Каминскій.

Такъ же скромна была и жизнь поэта. Любилъ онъ иногда бывать въ гостяхъ и у себя принять хорошихъ знакомыхъ и пріятелей. Вездѣ онъ былъ желаннымъ гостемъ. Его разсказы, пересыпанные юморомъ и остроуміемъ, привлекали къ нему общество. Мастеръ онъ былъ разсказывать анекдоты, изъ которыхъ

многіе касались малороссійскаго быта. Любимыми домами, гдѣ онъ чаще бывалъ, были: графа Ламберта[1]), А. Ѳ. Лукьяновича, П. Д. Бѣлухи-Кохановскаго[2]) и П. С. Стеблина Каминскаго[3]). Съ семействомъ послѣдняго поэтъ былъ очень друженъ и часто просиживалъ у нихъ цѣлые вечера. Здѣсь онъ иногда читалъ свою „Энеиду", но только послѣ долгихъ, настойчивыхъ просьбъ. Читалъ поэтъ превосходно. Любилъ поэтъ принимать и у себя, особенно близкихъ ему лицъ. Въ понедѣльникъ первой недѣли поста у него всегда былъ обѣдъ для пріятелей, на который онъ приглашалъ „полоскать зубы", какъ онъ выражался. Подавались постныя малороссійскія блюда, запиваемыя наливками и венгерскимъ, замѣнявшимъ въ то время шампанское. Пріятели его нерѣдко игрывали у него въ карты; самъ поэтъ любилъ это развлеченіе. Играли въ бостонъ и вистъ. Послѣ ужина поэтъ не прочь былъ поиграть въ „маленькій банчикъ", рублей въ 5 асс. Обхожденіе поэта было просто, привѣтливо. Любилъ онъ посѣщать и простыхъ людей, козаковъ, мѣщанъ; въ Полтавѣ его всѣ знали и уважали.

— „Здоровъ бувъ, пане Иване Петровичу!" говорили ему при встрѣчѣ на улицѣ. Поэтъ непремѣнно останавливался и бесѣдовалъ съ каждымъ. А многія изъ простыхъ женщинъ, при встрѣчѣ съ поэтомъ, кланяясь, говорили: „Здоровеньки булы, добродію, куме!"—„Здоровеньки и вы, кумо!". отвѣчалъ онъ.

Раньше, въ молодые годы, а главное—пока въ Россіи возможны были хоть какіе-нибудь прогрессивно-общественныя начинанія, увлекавшія лучшіе умы и въ отдаленной отъ столицъ глуши, И. П. Котляревскій всегда отзывался на нихъ съ горячимъ сочувствіемъ. Такъ мы видѣли, что онъ былъ дѣятельнымъ членомъ полтавскаго отдѣленія Библейскаго общества и до конца его существованія оставался его библіотекаремъ. Есть извѣстіе, что онъ принадлежалъ и къ масонской ложѣ подъ титуломъ „Любовь къ истинѣ", дѣйствовавшей въ Полтавѣ около 1820-хъ годовъ[4]). Но въ суровую эпоху Николая I отъ этихъ начинаній не осталось и слѣда; да и годы и здоровье поэта были уже не

---

[1]) Гр. Ламбертъ, полный генералъ, помѣщикъ Константиногр. уѣзда.

[2]) П. Д. Бѣлуха-Кохановскій, бывшій съ 1826—29 гг. губ. предводителемъ дворянства,—помѣщикъ Золотоношскаго уѣзда.

[3]) П. С. Стеблинъ-Каминскій служилъ въ приказѣ общ. призрѣнія, былъ правой рукой Репнина. Скончался въ 1856 году.

[4]) Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I, А. Пыпина, 321.

тѣ. Тѣмъ не менѣе до конца дней своихъ онъ сохранилъ способность съ живѣйшимъ сочувствіемъ откликаться на такія всегда ему близкія темы, какъ вопросы о научной разработкѣ исторіи Малороссіи, о собираніи памятниковъ народной украинской поэзіи и т. под. Съ особенною яркостью эта благородная способность сказалась при посѣщеніи поэта Изм. Ив. Срезневскимъ, нарочно пріѣхавшимъ изъ Харькова въ Полтаву, чтобы познакомиться съ авторомъ Энеиды. Это было въ іюлѣ 1837 г., съ небольшимъ за годъ до смерти Котляревскаго, когда онъ, больной и слабый, жилъ затворникомъ. Отправляясь къ нему вечеромъ, Срезневскій думалъ: „О, если бы онъ меня принялъ хорошо, радушно, хоть съ тысячной долей того чувства, которое влечетъ меня къ нему!“ Описывая далѣе обстановку поэта, Срезневскій говоритъ: „Едва я успѣлъ окончить мой tour вокругъ комнаты, какъ въ комнату вошелъ довольно высокаго роста старикъ, въ кашемировомъ халатѣ. Это онъ. Пріятная улыбка на лицѣ и рука протянута ко мнѣ. „Извините, Иванъ Петровичъ, если я васъ обезпокоилъ. Быть у васъ и засвидѣтельствовать вамъ лично то глубокое, душевное уваженіе, которое издавна питаю къ вамъ,— вотъ одна изъ немногихъ причинъ, которыя заставили меня воспользоваться нѣсколькими днями досуга и поѣхать въ Полтаву. Позвольте мнѣ представить вамъ первый опытъ моихъ трудовъ объ Украинѣ, странѣ, хотя и не родной мнѣ, но тѣмъ не менѣе любимой“. Я подалъ ему мою „Запорожскую Старину“.—„А, очень радъ, Измаилъ Ивановичъ, знакомству съ вами. Я давно знаю васъ и жалѣлъ, что до сихъ поръ мнѣ удалось читать только одну изъ книжекъ вашего прекраснаго труда“. Онъ поцѣловалъ меня, дружески пожалъ руку и повелъ къ дивану. Мы сѣли. Разговоръ завязался. Иванъ Петровичъ говорилъ мало, и все по-русски; но говорилъ умно, отчетливо, просто. Мнѣ очень пріятно было сойтись съ нимъ въ мысли, что исторія Украины или, какъ я зову, Малороссіи, составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ эпизодовъ въ исторіи Россіи и что этотъ эпизодъ долженъ быть обработанъ съ особеннымъ тщаніемъ, потому что Украинѣ принадлежитъ слава разрѣшенія судьбы и Польши и Россіи. „Когда то мы дождемся историческаго описанія Малороссіи, ея достойнаго!“—„Когда желаніе понять ее будетъ замѣнять желаніе ее описать“, отвѣчалъ я.—„Ваша правда; теперь она невозможна“. И Иванъ Петровичъ, припоминая о томъ, что сдѣлано, прекрасно высказалъ, чего еще не достаетъ въ массѣ матерьяловъ. Видно было, что онъ слѣдилъ зорко за движеніемъ разработки матерья-

ловъ. Потомъ у насъ завязался маленькій споръ о важности памятниковъ народной словесности: онъ отчасти отрицалъ эту важность, называлъ современную любовь къ собиранію народной поэзіи порожденіемъ моды, ведущимъ къ немногому, и собирателей винилъ въ недальнозоркости, въ неумѣньи пользоваться сокровищами: „А сокровища все болѣе пропадаютъ и скоро не надъ чѣмъ будетъ и потрудиться; бывало десятками, сотнями слы-

Прежній памятникъ на могилѣ Котляревскаго.

шишь старинныя пѣсни и думы, а теперь разъ въ годъ прійдется услышать одну. Пусть бы эти сокровища остались не болѣе, какъ тѣмъ, чѣмъ остались пирамиды для Египта, все жъ бы остались памятникомъ народа, стоющимъ памяти". Я разсказалъ ему свои попытки къ собиранію памятниковъ народности, свои предположенія, свои надежды, говорилъ, какъ думалъ, какъ чувствовалъ.

— „Коли бъ то такъ уси за дило прыймались!“

Не знаю, что я отвѣчалъ на это, но съ этихъ поръ Иванъ Петровичъ, позволяя мнѣ мѣшать русскія фразы съ украинскими, самъ говорилъ почти все поукраински. Взоръ его, до того направленный на меня какъ-то недовѣрчиво, какъ-то холодно, оживился, слова полились рѣкою, и нѣсколько разъ почтенный старикъ откашливалъ свой смѣхъ, свои краснорѣчивые періоды“ [1]).

Котляревскій, согласно его желанію, былъ погребенъ на южномъ углу стараго полтавскаго кладбища, вблизи дороги, ведущей на Кобеляки, подъ тѣнью вѣтвистаго тополя. Другъ поэта П. Стеблинъ-Каминскій въ 1839 году устроилъ на свои средства на его могилѣ небольшой кирпичный памятникъ, въ родѣ низкой колонны, на четыреугольномъ пьедесталѣ. Наверху колонны былъ небольшой позолоченный крестъ. На одной сторонѣ пьедестала была вдѣлана мѣдная доска съ надписью: „Маіоръ И. П. Котляревскій, сочинитель Энеиды на малороссійскомъ нарѣчіи, род. 1769 г., августа 29, скончался 1838 года, 29 октября“. Въ столѣтіе рожденія поэта почитателями его была собрана небольшая сумма, на счетъ которой былъ исправленъ памятникъ и сдѣлана вокругъ него рѣшетка. На памятникѣ, вмѣсто украденной въ 1863 году прежней доски, была прибита новая мѣдная доска съ надписью: „Иванъ Петровичъ Котляревскій, авторъ „Энеиды“, „Наталки-Полтавки“ и „Москаля-Чаривныка“ на малороссійскомъ нарѣчіи; родился 29 августа 1769 года, скончался 29 октября 1838 г.“. Сверху доски, въ лавровомъ вѣнкѣ „1869 годъ“—годъ столѣтняго юбилея, а внизу—изображеніе лиры. Въ 1881 г. памятникъ этотъ былъ вновь исправленъ на средства полт. гор. думы, и вокругъ него вновь была сдѣлана ограда. Въ 1885 г. мѣдная доска съ надписью вторично была украдена. Въ 1891 г. почитатели поэта въ Одессѣ прислали черезъ П. Т. Климовича 80 р. для обновленія памятника, затѣмъ начали поступать пожертвованія изъ другихъ мѣстъ. Всего поступило съ 1881 по 1893 годъ 465 р. 11 к. сер. Въ 1893 г. полтавское губернское земское собраніе ассигновало 1000 р. Столь щедрое пожертвованіе дало возможность соорудить роскошный памятникъ на могилѣ поэта, съ изображеніемъ его бюста и четверостишіемъ Шевченка.

[1]) Кіевская Старина, 1899 г., январь.

Новый памятникъ на могилѣ Котляревскаго.

„Будешъ, батьку, панувати,
Поки живуть люде,
Поки сонце зъ неба сяе,
Тебе не забудуть“.

Тѣмъ временемъ росла и ширилась въ обществѣ идея постановки поэту памятника въ самомъ городѣ Полтавѣ. Въ мартѣ 1894 года полтавская дума постановила возбудить передъ правительствомъ ходатайство о разрѣшеніи подписки на сооруженіе памятника Котляревскому, если не повсемѣстно, то въ предѣлахъ черниговской и полтавской губерній. Въ концѣ 1895 года разрѣшена была подписка, но только въ предѣлахъ одной полтавской губерніи. Тѣмъ не менѣе добровольныя пожертвованія поступали изъ разныхъ мѣстностей Россіи. Всего собрано 11798 р. 67 к., а съ процентами по 1 января 1903 года—14107 р. 1 коп. Въ частности, въ предѣлахъ полтавской губерніи собрано 7558 р. 39 к., остальные получены изъ разныхъ мѣстъ. Пьедесталъ сдѣланъ по рисунку архитектора А. И. Шершова, бюстъ поэта и барельефы сдѣланы по проекту художника-скульптора Л. В. Позена. Открытіе памятника очень торжественно было совершено 30 августа 1903 года. На памятникѣ слѣдующія надписи:

Рідний край своему першому поэтові
Іванові Котляревскому.
1798—1898 г.г.

И далѣе цитаты: 1) изъ „Наталки-Полтавки:“

„Де згода в семействі, де мир і тишина,
Счастливі тамъ люде, блаженна сторона“,

и 2) изъ посвященія Шевченка „На вічну память Котляревському:“

„Слава
Сонцемъ засіяла:
Не вмре кобзарь, бо навіки
Його привітала“ [1]).

Котляревскій писалъ мало. Вотъ его литературныя произведенія: Энеида, оперетта „Наталка-Полтавка“, водевиль „Мо-

---

[1]) Подробности о сооруженіи памятника—см. брошюру, изданную полтавской городской думой: „Отчетъ о сооруженіи памятника И. П. Котляревскому“ и статьи въ Кіев. Старинѣ 1903 года за октябрь: „Къ исторіи открытія памятника“ Н. Дмитріева и „Праздникъ украинской интеллигенціи“ С. Ефремова. Въ послѣдней приведены привѣтственные адресы, читанные въ торжеств. засѣданіи думы.

скаль-Чарывникъ“ и шутливая ода кн. Куракину; имъ же написаны по-русски: журналъ военныхъ дѣйствій 2-го корпуса 1806 г. и „Размышленія о расположеніи, съ какимъ должно приступать къ чтенію и размышленію о св. Евангеліи Луки“, переводъ съ французскаго, сдѣланный по порученію В. А. Репниной.

Со времени перваго изданія „Энеиды“ (1798 г.) прошло слишкомъ сто лѣтъ и около 90 лѣтъ со времени составленія „Наталки-Полтавки“ и „Москаля-Чаривныка“. Первая до сей поры читается, а послѣднія также до сей поры не сходятъ со сцены. Это лучшее свидѣтельство жизненности этихъ произведеній. Въ „Энеидѣ“ въ первый разъ живой народный языкъ Украины сдѣлался языкомъ художественно-литературнаго произведенія, затмившаго собою все, что было писано южно-русскими писателями предшествовавшаго времени. Котляревскій понялъ, что духъ народа можетъ найти полное для себя выраженіе единственно въ живой, народной рѣчи. Выясненію значенія произведеній Котляревскаго посвящены ученыя изслѣдованія П. И. Житецкаго, проф. Н. П. Дашкевича, Сумцова и мн. другихъ.

И. Фр Павловскій.

Конецъ старой Малороссіи.

(1733—1786 годы въ исторіи лѣвобережной Украины).

Послѣ „руины“ стало надвигаться „начало конца“ старой Малороссіи. Цѣлое столѣтіе—съ конца 17 до конца 18 вѣка—шелъ процессъ постепеннаго упраздненія исторической Малороссіи. Сто лѣтъ шла борьба, пока подъ напоромъ внѣшней силы не стушевались выработанныя исторіей формы козацкой жизни.

Борьба шла diminuendo. Первое полустолѣтіе—постепенное подавленіе автономіи, во второе—автономія лишь мечта, почти неуловимая, звукъ пустой: борьба идетъ уже партизанская—за каждую пядь старины, стараго уклада. Второе полустолѣтіе, 1730-ые—1780-ые годы,—интереснѣйшая эпоха въ исторіи Малороссіи, когда послѣдняя пережила капитальнѣйшую передѣлку не столько внѣшняго, сколько внутренняго бытія своего. Это полустолѣтіе въ собственномъ и ближайшемъ смыслѣ—конецъ старой Малороссіи, потому что именно въ это время совершилась ломка старыхъ историческихъ формъ и условій жизни Малороссіи, созданныхъ вѣками. Если нужно данную эпоху заключить въ строго датированныя рамки, то начало ея мы укажемъ въ 1733—34 г.г., конецъ—въ 1783—86 г.г.

Въ дѣлѣ разрушенія стараго уклада жизни Малороссіи главную роль сыграли два фактора: умѣлое и энергичное воздѣйствіе внѣшней силы и соціально-экономическое положеніе украинскаго народа.

Во главѣ Россіи въ началѣ эпохи стояло правительство императрицы Анны Ивановны. Будучи для Россіи чужеземнымъ, оно обладало однимъ несомнѣннымъ достоинствомъ—опредѣле-

ностью своей программы и систематичностью въ осуществленіи ея въ жизни. Въ отношеніи къ Малороссіи оно поставило себѣ цѣль—прибрать ее къ рукамъ,—какую ставилъ еще Петръ Первый. Рядъ мѣръ, умѣло и энергично веденныхъ, направленъ былъ къ тому, чтобы „малороссійскій народъ пріобыкалъ къ великороссійскому правленію“ [1]. Съ одной стороны старались въ малороссійскомъ обществѣ заглушить самую память о „древнихъ правахъ“ [2], съ другой стороны—малороссовъ „къ исполненію россійскихъ регуловъ и указовъ помалу привлекали“, политично наблюдая при этомъ, „чтобъ они не дознались“ о томъ [3]. И прежде всего воспользовались кончиною гетмана Даніила Павловича Апостола (послѣдовавшею въ пятомъ часу пополудни 17 января 1734 г.), чтобы фактически упразднить гетманство, не объявляя объ этомъ оффиціально.

Дѣйствуя, по удачному выраженію г. Джиджоры, „без галасу і шуму“, правительство императрицы Анны успѣшно добивалось того, что „Україна поволі засипляла“ [4]. Но умерла Анна Ивановна, и вскорѣ на престолъ русскій вступила дочь Петра—Елизавета, которая въ малороссійскомъ вопросѣ по чисто случайнымъ побужденіямъ измѣнила политикѣ своего отца и правительства Анны Ивановны, вслѣдствіе чего на два десятилѣтія задержался процессъ постепеннаго разрушенія стараго уклада малороссійской жизни. Елизавета возстановила въ Малороссіи упраздненное Анною гетманство и облекла этимъ званіемъ брата своего фаворита—юношу графа Кир. Гр. Разумовскаго. Но гетманство Разумовскаго, обязанное своимъ происхожденіемъ прихоти императрицы, было прежде всего одною изъ тѣхъ обстановочныхъ феерій, которыя такъ любилъ тогдашній веселый и роскошный дворъ, и потому народу малороссійскому принесло мало пользы. Малороссъ по происхожденію, Разумовскій былъ рано оторванъ отъ своей родной почвы и потому плохо зналъ нужды своихъ

---

[1]) См. Сборн. Р. И. О., Т. 108, стр. 24.

[2]) Любопытенъ въ этомъ отношеніи выговоръ кіевскому, черниговскому и переяславскому архіереямъ за ихъ коллективную просьбу о правѣ духовенства на грунты, содержавшую въ себѣ ссылку на „древнія права“, каковая ссылка была названа правительствомъ „грубыми и предосудительными словами“. См Сб. Р И О, т. 114 стр. 84—85.

[3]) Сб. Р. И, О., т. 117, стр. 567.

[4]) См. въ 61 т. „Зап. науков. Товар. ім. Шевченка“ интересную статью г. Івана Джиджоры—„Нові причинки до історії відносин росийського правительства до України в 1720-х и 1730-х р.р.“.

земляковъ, да и мало занимался дѣлами края, доставшагося ему въ управленіе; все вниманіе гетмана было приковано къ блеску и интригамъ двора Елизаветы. И потому, хотя въ царствованіе императрицы Елизаветы въ Петербургѣ до нѣкоторой степени и имѣли въ виду то, чтобы „народъ малороссійскій лучшимъ порядкомъ и совершеннымъ радѣніемъ былъ управляемъ и при своихъ издревле пріобрѣтенныхъ вольностяхъ и правахъ наилучше сохраненъ и содержанъ“ былъ [1]),—однако пользу изъ этого извлекала главнымъ и существеннымъ образомъ лишь козацкая старшина, стремившаяся попасть въ дворянство и захватить себѣ побольше земель (по части безцеремоннаго захвата чужихъ земель весьма грѣшенъ былъ и самъ гетманъ) [2]).

Но вотъ 25 декабря 1761 г. умерла Елизавета. Послѣ безслѣдно промелькнувшаго въ исторіи полугодичнаго царствованія дурно воспитаннаго, нетактичнаго и простодушнаго племянника Елизаветы, тронъ русскій надолго заняла Екатерина Вторая, прозванная Великой. Свыше 34-лѣтнее царствованіе этой замѣчательной женщины, оставившее весьма замѣтный слѣдъ въ исторіи Россіи, останется навсегда памятнымъ и въ исторіи Малороссіи. Личность этой императрицы, нанесшей рѣшительный ударъ историческимъ формамъ жизни Малороссіи, заслуживаетъ особеннаго къ себѣ вниманія.

Эта прилежная, старательная и вмѣстѣ съ тѣмъ сообразительная и находчивая нѣмка, еще въ дѣтствѣ имѣвшая „склонность слушать одно, а разумѣть другое“ [3]), и прошедшая затѣмъ съ отличіемъ трудную школу интригъ и лавированія между разными партіями при дворѣ Елизаветы, вступила на престолъ 33-лѣтней, ловкой, чрезвычайно тактичной и хорошо приспособленной къ жизненной борьбѣ женщиной. Огромное честолюбіе и жажда славы—были главными кумирами, которымъ она служила. По словамъ знаменитаго А. И. Герцена, „Екатерина хотѣла царить не только властью, но всѣмъ на свѣтѣ—геніемъ, красотой; она хотѣла обращать вниманіе всѣхъ, у ней была ненасытимая

---

[1]) См. жалованую грамоту гетману К. Г. Разумовскому отъ 22 мая 1751 г. у А. А. Васильчикова въ его соч. „Семейство Разумовскихъ“, СПБ., 1880 г., т. I стр. 145.

[2]) См. массу дѣлъ о захватѣ земель въ Моск Архивѣ Мин. Юст., дѣла 3-го департамента Сената за 2-ю половину XVIII ст.

[3]) См. стр. 9 въ I т. „Исторіи Екатерины Второй“ В. А. Бильбасова, Берлинъ, 1890 г.

жажда нравиться" [1]). Это, кажется, была главная пружина всѣхъ ея дѣйствій. Лучшимъ средствомъ къ достиженію этого всеобщаго предъ нею поклоненія было умѣнье Екатерины „стать на уровень каждаго" [2]). „Не стѣсненная узами, налагаемыми чуткой совѣстливостью и тонкимъ нравственнымъ чутьемъ, совершенно чуждая добродѣтели, Екатерина была щедро одарена талантами государственнаго человѣка" [3]). Но, не будучи отъ природы геніальной, лишенная „безумства храбрыхъ", слишкомъ чутко прислушивавшаяся къ тому, что говорили о ней при дворѣ, въ народѣ, въ Европѣ,—Екатерина не могла явиться новаторомъ, начинающимъ собою новую эпоху въ исторіи; она была по справедливому утвержденію проф. С. Ѳ. Платонова, „традиціоннымъ дѣятелемъ", при которомъ и благодаря которому „были подведены итоги предыдущей исторіи, завершились историческіе процессы, раньше развивавшіеся" [4]).

Такимъ „традиціоннымъ дѣятелемъ" явилась Екатерина и въ исторіи Малороссіи. По отношенію къ послѣдней она рѣшительно и энергично покончила съ тѣмъ дѣломъ упраздненія стараго строя Малороссіи, которое задумано и начато было еще Алексѣемъ Михайловичемъ и къ которому стремились—Петръ Первый и правительство императрицы Анны.

Къ малороссіи и Малороссамъ Екатерина была явно нерасположена. Причинъ къ тому было достаточно. Знаменитый митрополитъ Ростовскій Арсеній Маціевичъ, испортившій Екатеринѣ немало крови своимъ смѣлымъ протестомъ, былъ родомъ малороссъ; уже онъ внушилъ императрицѣ недовѣріе къ малороссамъ и подозрѣніе ихъ въ зараженности „многими ненасытнаго властолюбія началами". Случай столкновеній съ нѣкоторыми другими малороссами только усиливалъ предубѣжденіе противъ нихъ императрицы. Къ тому же честолюбивой, болѣзненно ревнивой къ своей власти, императрицѣ чрезвычайно не нравилось самое званіе гетмана и тѣ „конфирмованныя привилегіи", которыми пользовались малороссы. Ее безпокоила привязанность малороссій-

---

[1]) Цит. по рукоп. Имп. Публ. Библ., О. IV. № 53, л. 60.

[2]) Se mettre a la porfée de chacun —„выраженіе по адресу Екатерины матери ея первой невѣстки.

[3]) Вольный переводъ выраженій Leroy—Beaulieu—см. стр. 252 въ I т. его „L'Empire des tzars et les russes", Paris, 1881 г.

[4]) См. Лекціи проф. С. Ѳ. Платонова по русской исторіи, СПБ., 1904 г. стр. 559—560.

скаго народа къ своимъ старымъ порядкамъ и вольностямъ, его отчужденность отъ великороссовъ. Вообще малороссы въ ея глазахъ—не „добрые подданные, благоденствующіе подъ ея державой, а люди недовольные правительственной опекой, желающіе себѣ автономіи, способные къ протесту и отпору—они „какъ волкъ къ лѣсу“ глядятъ [1]). Неудивительно поэтому, что еще въ самомъ началѣ своего царствованія Екатерина задалась цѣлью Малороссію „легчайшими способами привести къ тому, чтобы она *обрусѣла*“ [2]). Воспользовавшись первымъ удобнымъ поводомъ, она 10 ноября 1764 г. упразднила гетманство, а затѣмъ пошелъ рядъ рѣшительныхъ реформъ, направленныхъ къ полной отмѣнѣ стараго строя Малороссіи и введенію въ дѣйствіе здѣсь общеимперскихъ порядковъ.

Въ 20 лѣтъ ломка эта была произведена.

Какъ-же отнесся къ этому малороссійскій народъ?

При передѣлкѣ строя малороссійской жизни умѣлому и рѣшительному воздѣйствію сверху гармонировала слабость протеста снизу, обусловленная тогдашнимъ соціально-экономическимъ положеніемъ народа малороссійскаго.

Въ жизни народовъ, какъ и въ жизни отдѣльныхъ личностей, юность съ ея лучезарными снами и весенними порывами бываетъ лишь разъ. Эту пору юности—эпоху героическую—украинскій народъ пережилъ въ 16—17 в.в., когда, полный свѣтлыхъ грезъ и мечтаній, бодрый, трепещущій избыткомъ жизненныхъ силъ, онъ горячо ратовалъ за свои идеалы, беззавѣтно служилъ имъ. Эпоха „руины“ ослабила и утомила народъ и физически, и нравственно; юношеское воодушевленіе, пролившись въ цѣлыхъ потокахъ козацкой крови, стало изсякать. А вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ рушиться и отживать свой вѣкъ украинскій демократическій строй „безъ хлопа и пана“: „можнійши“, забывъ свои „младенческіе сны“, заразились микробами удушливой, но соблазнительно-головокружительной атмосферы панской Польши. На Украинѣ разомъ стали вырисовываться два новыхъ соціальныхъ типа—пана и холопа, и соціально-экономическій принципъ восторжествовалъ надъ національно-автономистическими тенденціями. Погоня малороссійской старшины за привилегированнымъ соціальнымъ положеніемъ—„благороднымъ“ россійскимъ дворян-

1) См. Сб. Р. И. О., т. 7, стр. 348, 376, 378 и др.

2) Ibidem, стр. 348.

ствомъ—была той чечевичной похлебкой, цѣной которой въ послѣднюю минуту проданъ былъ ею старый укладъ украинской жизни; овладѣвшая-же старшиной жажда къ обогащенію еще нѣсколько ранѣе разобщила ее съ народомъ и привела народныя массы къ нищетѣ, рабству и невѣжеству, вслѣдствіе чего старшина, еслибы и захотѣла, не могла-бъ уже опереться на народъ въ борьбѣ за свои національныя права. Въ теченіе полустолѣтія, отъ смерти гетмана Д. П. Апостола (въ 1734 г.) до введенія въ Малороссіи дворянскихъ учрежденій (въ 1785 г.), Малороссія обзавелась своимъ доморощеннымъ „благороднымъ шляхетствомъ". Но за него она заплатила дорого. Въ это полустолѣтіе украинскій народъ окончательно разслоился на сословія, началась въ немъ форменная классовая борьба. Въ Петербургѣ всячески содѣйствовали этому, старались разжигать аппетиты старшины,—тамъ прекрасно понимали, что „царство раздѣльшееся на ся не устоитъ", и спѣшили пользоваться удобнымъ моментомъ для проведенія мѣръ, нужныхъ для „обрусѣнія" края. Въ то же полустолѣтіе—къ концу его,—Малороссія преобразилась: козацкое управленіе и полки были упразднены, память объ автономіи стерта, введены великороссійскіе порядки, вступило въ свои права крѣпостное право, выборное духовенство превратилось въ правительственныхъ чиновниковъ, разобщенныхъ съ паствой[1]), просвѣщеніе народа пало и т. д. Возьмите одну сторону дѣла—просвѣщеніе народныхъ массъ. Если вы заглянете, напримѣръ, въ вѣдомости объ ученикахъ одного изъ крупнѣйшихъ разсадниковъ просвѣщенія въ Украинѣ—Черниговскаго коллегіума, вы увидите тутъ такія краснорѣчивыя цифры: въ началѣ даннаго полустолѣтія, въ 1730-хъ и 1740-хъ годахъ, около $^{2}/_{3}$ всего состава учащихся составляли дѣти разночинцевъ—разнаго ранга козаковъ, мѣщанъ и посполитыхъ или поселянъ [2]); не то—по истеченіи этого полустолѣтія: въ 1790 г., напримѣръ, изъ 426 учащихся коллегіума свѣтскаго элемента лишь 40 человѣкъ (т. е. менѣе 10% [3]).

---

[1]) Въ дѣлѣ разрушенія стараго уклада церковной жизни Малороссіи большую роль сыграли указы: 1765 г., установившій таксу за требы и упразднившій договоръ священника съ приходомъ, 1778 г., преобразовавшій приходскіе штаты, и 10 апрѣля 1786 г., о секуляризаціи церковныхъ и монастырскихъ имуществъ и о штатахъ для монастырей лѣвобережной Украины; изъ лицъ много поработали надъ этимъ митроп. Кіевскіе 70 и 80 г.г.—Гавріилъ и Самуилъ.

[2]) См. въ д. арх св. синода 1737 г. № 380, выдержки см. въ сент. кн. „Кіев Ст" 1905 г. въ нашей статьѣ „Изъ исторіи образованія въ Украинѣ".

[3]) См. въ арх. св. синода д. 1791 г. № 361.

То же замѣчается и въ другихъ украинскихъ семинаріяхъ и въ кіевской академіи. Въ то же время, въ послѣдней четверти 18 вѣка, вмѣстѣ съ закрѣпощеніемъ народныхъ массъ и преобразованіемъ института „дяковъ“ (на основаніи указа 1778 г. о приходскихъ штатахъ), какъ слѣдствіе того и другого, вымираютъ въ Малороссіи приходскія школы, раньше числившіяся въ полкахъ десятками и сотнями [1]) и бывшія источникомъ грамоты для народа. Для раба школа оказалась излишней роскошью, да и некому было просвѣщать его: „дякъ-бакаляръ“ былъ упраздненъ и „школяры“ разогнаны; новая-же система свѣтскихъ школъ, задуманная правительствомъ, нескоро захватила народныя массы.

Но съ упраздненіемъ старого украинскаго строя и съ поднявшимся вмѣстѣ съ тѣмъ гоненіемъ на все украинское и принятіемъ радикальныхъ „обрусительныхъ“ мѣръ, національная идея въ украинскомъ народѣ не умерла. Эпохой Екатерины Второй закончилась не вся исторія украинскаго народа, а лишь одна изъ ея эпохъ,—на смѣну ей наступила новая, тоже исполненная большихъ аномалій.

Вл. П—ко.

---

[1]) См. въ статьѣ А. Лазаревскаго—въ майск. кн. „Основы“ 1862 г.

Памяти Вл. В. Лесевича.

Смерть жатву жизни коситъ... Подъ громъ и грохотъ выстрѣловъ на Дальнемъ Востокѣ, подъ шумъ отчаянной борьбы старой и новой жизни внутри Россіи сходятъ въ могилу одинъ за другимъ самоотверженные борцы за лучшее будущее изстрадавшагося народа. Умеръ Михайловскій, проводили въ могилу Чехова, недавно похоронили Куперника, Сѣченова и кн. Трубецкого,—и вотъ опять свѣжая могила, заставляющая оглянуться на пройденный путь, подвести итоги потерямъ и сосчитать остающихся борцовъ. Въ пылу борьбы смерть даже тѣхъ людей, имена которыхъ извѣстны каждому образованному человѣку, не производитъ того потрясающаго впечатлѣнія, какое несомнѣнно получилось бы въ иное, болѣе спокойное время: война вѣдь пріучаетъ къ потерямъ,—и хотя больно становится при мысли, что ряды борцовъ рѣдѣютъ, но какъ то невольно мысль переносится къ другимъ впечатлѣніямъ и злобамъ дня, которыя заслоняютъ собою и сглаживаютъ тяжесть утраты. Быть можетъ, пройдетъ, много времени прежде чѣмъ наступитъ возможность спокойной созидательной работы, и тогда только общество будетъ въ состояніи произвести надлежащую оцѣнку тѣмъ людямъ, которыхъ лишилось въ настоящую трудную минуту.

13 ноября скончался въ Кіевѣ одинъ изъ заслуженныхъ борцовъ на поприщѣ русской общественности—Владиміръ Викторовичъ Лесевичъ. Кипучая жизнь и общественно-литературная дѣятельность покойнаго охватываетъ не только всю Россію, какъ цѣлое, но нѣкоторыми своими сторонами принадлежитъ также и Украинѣ, тѣсно соприкасаясь съ нашими спеціальными дѣлами и заботами. Не касаясь общей характеристики почившаго писа-

теля, заслуги котораго будутъ по достоинству оцѣнены въ общей же прессѣ, отмѣтимъ на страницахъ „Кіевской Старины“ тѣ черты изъ дѣятельности В. В-ча, которыя ставятъ его въ ряду дѣятелей Украины.

В. В-чъ родился въ 1837 г. въ селѣ Денисовкѣ лубенскаго уѣзда полтавской губ.; первоначальное образованіе получилъ въ одной изъ кіевскихъ гимназій, но пробылъ въ ней только два года и въ 1850 г. долженъ былъ надолго разстаться съ Украиной, будучи опредѣленъ родными въ инженерное военное училище въ Петербургѣ. Здѣсь В. В. проживалъ безвыѣздно до окончанія курса, такъ какъ ни отца, ни матери его къ тому времени уже не было въ живыхъ, а опекуны Горбаневскіе почему то не брали его домой даже на каникулы. Окончивъ училище и прослушавъ въ теченіе года лекціи въ инженерной академіи, В. В. служилъ нѣкоторое время на Кавказѣ (1856—1859 г.г.), а затѣмъ поступилъ въ академію генеральнаго штаба. Время академической жизни В. В—ча совпало съ знаменательной эпохой пробужденія общественныхъ силъ; освободительныя вѣянія проникли даже въ военную среду и нашли здѣсь, какъ извѣстно, горячихъ послѣдователей въ отдѣльныхъ личностяхъ. Такъ такъ военная обстановка въ общемъ все-таки весьма мало гармонировала съ убѣжденіями этихъ отдѣльныхъ личностей, тѣмъ болѣе что въ воздухѣ уже чувствовалась надвигавшаяся гроза польскаго возстанія, то В. В—чъ по окончаніи академіи предпочелъ оставить военную службу, посвятивъ себя всецѣло литературѣ и избравъ своей спеціальностью философію. Въ печати В. В. дебютировалъ еще во время своей кавказской жизни, а затѣмъ, переселившись въ Петербургъ, примкнулъ къ прогресивному лагерю, участвуя разновременно въ такихъ изданіяхъ этого направленія, какъ „Современное Обозрѣніе“, „Отечественныя Записки“, „Знаніе“, „Дѣло“, „Недѣля“, „Сѣверный Вѣстникъ“ (первой редакціи), „Русское Богатство“, „Русская Мысль“, „Сынъ Отечества“ (ред. Шеллера и послѣдней) и друг. Въ 1879 г., по распоряженію с.-петербургскаго генералъ-губернатора Гурко, В. В. былъ высланъ административнымъ порядкомъ въ Сибирь, откуда возвратился въ 1881 г., получивъ право въѣзда въ Петербургъ лишь въ 1888 г. Въ 1901 г., послѣ звѣрскаго избіенія учащейся молодежи на Казанской площади, В. В., подписавшій извѣстный протестъ литераторовъ, вторично былъ высланъ изъ столицы и послѣдніе годы своей жизни проводилъ большею частью на родинѣ, въ полтавской губерніи.

Оторванный по условіямъ личной жизни и общественной дѣятельности отъ родной почвы съ дѣтскаго возраста, В. В. тѣмъ не менѣе не превратился въ „общеросса" того весьма, къ сожалѣнію, распространеннаго между нашими земляками типа, который характеризуется совершеннымъ игнорированіемъ спеціальныхъ нуждъ Украины и холоднымъ равнодушіемъ къ участи ея народа. Впечатлѣнія дѣтства, проведеннаго В. В. среди родной обстановки, на всю жизнь остались для него той путеводной звѣздой, которая манила его къ себѣ и заставляла время отъ времени откликаться на спеціально украинскіе вопросы жизни. Эта сторона дѣятельности почившаго философа, можетъ быть, мало извѣстная публикѣ, составляетъ тѣмъ не менѣе любопытныя страницы въ его біографіи,—тѣ интимныя страницы, на которыхъ онъ отдыхалъ душею и на которыхъ особенно любилъ останавливаться въ своихъ воспоминаніяхъ. Съ годами эта привязанность В. В—ча къ родной странѣ не только не проходила, но все усиливалась, дойдя, наконецъ, до того, что въ послѣдніе годы своей жизни онъ уже прямо и непосредственно примкнулъ къ украинскому движенію.

Первымъ обнаруженіемъ украинскихъ симпатій В. В-ча была основанная имъ въ 1864 г. въ Денисовкѣ народная школа, обезпеченная покойнымъ съ матеріальной стороны и прекрасно обставленная въ чисто педагогическомъ отношеніи. Исходя между прочимъ изъ той педагогической аксіомы, что предлагать учащимся знанія возможно только въ понятной формѣ и родственной обстановкѣ, В. В. практически разрѣшилъ тотъ вопросъ, который и до нынѣ пугаетъ любителей умственнаго равненія и приведенія къ одному знаменателю. Руководствуясь въ педагогическомъ дѣлѣ однимъ стремленіемъ—идти на встрѣчу запросамъ народа, В. В. какъ въ личномъ преподаваніи, такъ и при подборѣ учителей для своей школы, пользовался украинскимъ языкомъ, единственно понятнымъ для того населенія, которое обслуживала его школа. Къ сожалѣнію, этотъ починъ, поддерживавшій лучшія традиціи воскресныхъ школъ (къ тому времени уже сметенныхъ реакціей) въ нашемъ краѣ, обратилъ на себя неблагосклонное вниманіе мѣстныхъ Мымрецовыхъ, зорко слѣдившихъ, не появится ли гдѣ подлежащая немедленному искорененію „крамола". Отъ одного изъ такихъ добровольныхъ будочниковъ, священника Михайловскаго, послѣдовалъ доносъ на денисовскую школу, результатомъ котораго было любопытное „дѣло", занесенное на страницы современной прессы и породившее цѣлую ли-

тературу [1]). Желая напомнить читателю подробности этого забытаго „дѣла“, и теперь еще интереснаго не только какъ историческій матеріалъ, я приведу тѣ свѣдѣнія о немъ, которыя сообщалъ въ свое время Драгомановъ, тѣмъ болѣе, что статья послѣдняго едва ли извѣстна въ широкой публикѣ.

Д. Лесевич, сотрудник петербур. журналів „Русское Слово“, „Знаніе“, „Отечеств. Записки“,— недавно видавший книгу про „Позітивну Філософію“—ще за часи, як заводилась воля крепаків, зрікся взяти з викупноі плати за землю, що одійшла в його селі до крестян, 4000 рублів, обернувши іх по умові з крестянами на позичкову кассу, щоб з процентів од іх содержалась школа. Крестяне вибрали д. Лесевича попечителем школи. Учителя взяли в 1864 р. з київськоі педагогичноі школи. Як водиться, до вчителя став чіплятись піп,—а ще гірше, що піп і благочинний задумали, як би захопити гроші в своі руки, як би підвести, щоб школу закрили, а гроші обернули на поміч школам по всьому повіту; тоді б попи поділили гроші між собою. Піп і благочинний завели такий спор з учителем, громадою і д. Лесевичем. Тим часом, в 1866 р., після нашоі (Драгоманова С. Е.) статі в 93 № СП. В(ѣдомостей) піднялося знов полювання на украінство. Як ми згадували, земець д. Ігн. Закревський, підпіраючи наші думки, написав, що ось мов есть добра школа в Полтавщині, що мирить науку на мові украінській і на казенній і далі на церковній. З Києва од князя Ш(иринського)-Шихм(атова) [2]) пішов у Полтавщину приказ—знайти ту школу. Не знаемо допевне, чи про школу д. Лесевича чи про иншу писав д. З—ий, (але) іереі лубенські одписали в полтавський училищний совіт, в котрому усердствовали директор Кульжинський, губернатор Мартинов і архіерей Іван, а виборні земські (хто?) мовчали і підписували бумаги,—одписали, що ось мовляв, денисівська школа д. Лесевича і есть та школа, на котру вказують „поклонники кулішовки“ (??!), як писав опісля Кульжинський в газетах. Лубенський повітовий училищний совіт не знайшов, щоб в школі тій справді вчили по украінському і не схотів закривати школу, але губернський совіт заборонив учителеві, д. Безуглому, бути

---

[1]) См. у Я. Колубовскаго—„Матеріалы для исторіи философіи въ Россіи“, Вопросы философіи и психологіи, 1891 г., кн. 8, стр. 134, приложеніе. Кстати, цитируемая мною ниже статья Драгоманова у г. Колубовскаго пропущена.

[2]) Попечитель кіевскаго учебнаго округа въ то время.

де-небудь учителем. Крестяне з д. Лесевичем заявили, що вони не хотять зовсім школи і гроші обернуть на що инше, як не вернуть ім учителя. Попи тоді виступили з тим, що гроші, данні раз на „народное образованіе“, вже не гроші тільки денисовськоі громади і д. Лесевича, а мусять бути поділені на повіт. Губерньский уч. совіт закрив школу. Однако д. Лесевич подав жалобу в сенат, котрий мусів рішати спор з земськими урядами, якими вважались тоді училищні совіти. Сенат згодивсь з лубенським повітовим уч. совітом проти губерньского і звернув школі й уч. Безуглому іх права, про що сам совіт полтавський мусів звістити лубенський. Полтавський совіт, щоб таки його було зверху, написав тільки, що лубенський совіт мусить доглядати, щоб у школі не читались украінські книжки і щоб іх не було в книгарні шкільній. Дуже жаль, що в свій час д. Лесевич не пожалівся в сенат і на цей останній вчинок полтавського совіту, бо уставом шкільним 1864 р. було звелено тільки, щоб учили в школі мовою казенною, але ніде не було заборонено давати ученикам читати по-за школою і книги украінські, ні шкільним книгарням держати іх, як поміч і як книги для читання, а міністерського списка книг, що тільки й можна держати при школах, тоді ще не було. В той час д. Лесевичь певно виграв би і на цьому ділі. Та такий вже звичай в украінців - не доводити діла до кінця! [1])

Изъ приведенной выдержки видно, среди какой обстановки пришлось дѣйствовать В. В—чу и съ какими трудностями бороться при попыткѣ стать на почву практическаго дѣла на пользу народа. Не смотря на то, что отъ того времени, къ которому это дѣло относится, насъ отдѣляетъ промежутокъ въ сорокъ лѣтъ, приведенная картинка дышетъ современностью. Добавимъ еще, что едва ли основательно Драгомановъ возлагалъ надежду на безпристрастіе сената: вѣдь именно около этого времени на украинское слово обрушились Валуевскія гоненія, которыя изгнали его не только изъ школы, но даже изъ популярной литературы. Представляется поэтому весьма сомнительнымъ, чтобы сенатъ пошелъ противъ ясно выраженной въ правительственныхъ кругахъ тенденціи, направленной къ умерщвленію украинскаго слова. Во всякомъ случаѣ В. В—чу принадлежитъ въ этомъ дѣлѣ немаловажная заслуга, какъ одному изъ піонеровъ истинно-педагогическихъ пріемовъ на украинской почвѣ.

---

[1]) Громада, украінська збірка, впорядкована Драгомановим, № 2. Женева 1878, стор. 209—210

Жизнь вдали отъ Украины—въ Петербургѣ и Сибири—надолго оторвала В. В—ча отъ родины и непосредственныхъ сно-сношеній съ нею. Вторая половина 60-хъ и 70-е годы были временемъ, когда общество вело напряженную борьбу за новыя формы общественной жизни, выдвинутыя молодой Россіей. Въ сравненіи съ этой борьбой остальные вопросы казались второстепенными и мало занимали общественное вниманіе. В. В. вполнѣ опредѣленнымъ образомъ примкнулъ къ лѣвому крылу русской интеллигенціи, именно къ тому направленію, которое представлялось „Отечественными Записками", и въ своихъ литературныхъ и философскихъ трудахъ отстаивалъ и развивалъ общую для этого направленія точку зрѣнія, за что въ свое время претерпѣлъ бичи административныхъ преслѣдованій и скорпіоны ссылки. Нужно думать, что все это вмѣстѣ взятое отразилось и на литературныхъ отношеніяхъ В. В—ча къ украинскому вопросу: при своей довольно значительной литературной плодовитости, въ это время онъ почти ничего не писалъ на украинскія темы,—по крайней мѣрѣ, кромѣ четырехъ писемъ о Шевченкѣ въ испанской Jlustracion Espanola (1877 г.), мы не встрѣчаемъ другихъ его работъ въ этой области. Правда, къ этому именно времени относятся его сношенія съ Драгомановымъ, которому В. В—чъ оказывалъ нѣкоторую помощь; есть также несомнѣнныя указанія на сношенія и съ другими украинскими политическими дѣятелями однороднаго направленія, напр. съ Малеванымъ. Раздѣляя въ общемъ политическую программу Дрогоманова, В. В. популяризировалъ ее въ тѣхъ литературныхъ кружкахъ Петербурга, въ которыхъ пользовался авторитетомъ, выступая всегда защитникомъ идеи федераціи[1]) и права украинскаго народа на самостоятельное развитіе. Не задолго до ссылки В. В. задумалъ было одно литературное изданіе, которое въ случаѣ осуществленія несомнѣнно могло дать знательные результаты для изученія Украины. Организовавъ въ Петербургѣ изъ учащейся молодежи украинское землячество, В. В. подалъ мысль издать рядъ сборниковъ, посвященныхъ всестороннему описанію различныхъ мѣстностей Украины и выясненію ея особенностей въ этнографическомъ, экономическомъ, культурномъ и т. п. отношеніяхъ. Первый выпускъ этой коллективной работы, обнимавшій Полтавщину и содержавшій между прочимъ и статью В. В—ча, былъ уже почти готовъ къ печати; но

---

[1]) Работа В. В—ча въ защиту принципа федераціи (по поводу сочиненій Пія Маргаля), къ сожалѣнію, не могла появиться по цензурнымъ условіямъ.

арестъ и ссылка В. В—ча лишила изданіе иниціатора и главнаго сотрудника, сведя вмѣстѣ съ тѣмъ на нѣтъ и все предпріятіе. На сколько извѣстно, сборникъ въ печати не появился вовсе.

Возвратившись изъ ссылки въ началѣ 80-хъ годовъ, рядомъ со своими спеціальными работами по философіи, публицистическими и литературными трудами по общимъ вопросамъ, В. В. все болѣе и болѣе начинаетъ интересоваться вопросами изъ области украинской этнографіи, культуры и языка. Послѣдній вопросъ въ его общей формѣ—о народныхъ языкахъ въ литературѣ вообще—онъ поставилъ и въ печати, впервые разработавъ его въ извѣстной своей работѣ о Данте; тому же вопросу посвящены и другія журнальныя статьи В. В—ча, а спеціально объ украинскомъ языкѣ онъ далъ рядъ газетныхъ замѣтокъ въ „Сынѣ Отечества“ (редакціи Шеллера и послѣдней), „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, „Новостяхъ“ и другихъ изданіяхъ. Еще раньше матеріалъ о народномъ языкѣ былъ разработанъ В. В—чемъ въ его публичныхъ лекціяхъ о провансальской литературѣ, прочитанныхъ въ концѣ 90-хъ годовъ въ многихъ городахъ Украины и возбудившихъ въ публикѣ большой интересъ къ предмету чтеній. Своеобразную оцѣнку этихъ чтеній сдѣлала администрація, воспретивъ лекціи и прекративъ, такимъ образомъ, то живое общеніе, которое начало устанавливаться между В. В—чемъ и его слушателями.

Въ области украинской этнографіи, помимо ссылокъ на украинскій этнографическій матеріалъ въ работахъ общаго характера, Вл. В—чу принадлежитъ интересный трудъ, изданный въ 1903 г. въ Львовѣ Науковим Товариством імени Шевченка—„Оповідання Р. Ф. Чмихала“ („Етнографічний Збірник“, т. XIV). Сборникъ этотъ замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что представляетъ собою исчерпывающую запись этнографическаго матеріала отъ одного лица; здѣсь собранъ весь репертуаръ, какимъ только обладалъ данный разсказчикъ, и потому книга является показателемъ того, что можетъ вмѣстить репертуаръ народнаго разсказчика. Къ сборнику приложена статья о Чмыхалѣ самого Вл. В—ча—первый опытъ покойнаго на украинскомъ языкѣ[1]). Второй и послѣдней работой Вл. В—ча по украински

---

[1]) Еще раньше Вл. В—чемъ была напечатана статья о Чмыхалѣ на русскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Денисовскій козакъ Чмыхало, его сказки и присказки“. („Міръ Божій“, 1895 г., апрѣль).

была статья для „Наукового Збірника“, предпринятаго учениками и почитателями проф. Грушевскаго. Эта статья, озаглавленая „Помпеяньське Ізіюм, памятка боротьби східніх культів за переваґу в греко-римськім сьвіті“, представляетъ набросокъ изъ исторіи религіозныхъ воззрѣній, въ высокой степени интересовавшихъ В. В—ча въ послѣднее время.

Къ сказанному прибавлю еще, что Вл. В—чу принадлежитъ идея извѣстнаго каждому украинцу Благотворительнаго общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ. Послѣ одного изъ Шевченковскихъ вечеровъ въ Петербургѣ г. Федоровскій, выступившій впослѣдствіи иниціаторомъ общества, пригласилъ къ себѣ нѣкоторыхъ земляковъ, въ томъ числѣ и Вл. В—ча, съ цѣлью обсудить тѣ способы, какими можно было бы помочь духовному развитію украинскаго народа. При этомъ г. Федоровскій опредѣленнаго плана не имѣлъ въ виду и при обмѣнѣ мнѣній В. В—чемъ была подана идея общества, которое занялось бы издательской и вообще просвѣтительной дѣятельностью среди украинскаго народа съ цѣлью популяризаціи въ народной средѣ научныхъ знаній въ доступной формѣ—на народномъ языкѣ. Мысль эта была принята присутствовавшими и затѣмъ осуществлена, благодаря энергіи г. Федоровскаго. Впрочемъ, непосредственнаго участія въ дѣятельности общества В. В. не принялъ въ виду несогласія съ первоначальнымъ его направленіемъ, особенно рѣзко выразившимся въ рѣчи г. Федоровскаго при открытіи общества. Когда же общество вступило на новый путь, вполнѣ отвѣчавшій взглядамъ В. В—ча, послѣдній былъ уже далеко отъ Петербурга.

Пересматривая наслѣдіе покойнаго и оцѣнивая его дѣятельность, необходимо замѣтить, что въ одной области талантъ его, по условіямъ русской жизни, остался совершенно неиспользованнымъ; мало того—даже попыткамъ въ этомъ направленіи была поставлена непреодолимая преграда. В. В. обладалъ замѣчательнымъ даромъ слова — именно въ устной бесѣдѣ. Настоящимъ мѣстомъ для него была кафедра, съ которой онъ могъ бы развернуть предъ слушателями весь свой богатый жизненный опытъ и громадную эрудицію, вліяя настоящимъ живымъ словомъ и непосредственнымъ общеніемъ. Нѣсколько сухой тонъ его научныхъ работъ совершенно исчезалъ при устномъ изложеніи; рѣчь пересыпалась блестящими образами и сравненіями, остроумными сближеніями, ѣдкимъ юморомъ; самая отвлеченная мысль, подтверждаемая иллюстраціями изъ жизни и литературы, цитатами изъ любимыхъ авторовъ, пріобрѣтала особенную выпуклость

и безъ труда усваивалась слушателями. Память у Вл. В—ча была замѣчательная и его богатѣйшія воспоминанія о пережитомъ, о лицахъ и событіяхъ прошедшаго и давно прошедшаго времени были блестящими характеристиками эпохи, мѣтко воспроизводившими особенности послѣдней. Но охотно дѣлясь своими воспоминаніями съ слушателями, Вл. В., къ сожалѣнію, не фиксировалъ ихъ на письмѣ, и общество безвозвратно лишилось весьма цѣнныхъ данныхъ о своемъ прошломъ въ оригинальномъ освѣщеніи Вл. В—ча.

Точно также не использованъ покойный и въ качествѣ украинскаго дѣятеля, какимъ онъ всегда оставался по своимъ наклонностямъ и симпатіямъ. Вовлеченный въ шумный водоворотъ общерусской жизни, туда онъ отдавалъ по преимуществу свои силы, свой талантъ и знанія, удѣляя украинской жизни лишь слабое сравнительно вниманіе. Впрочемъ, чисто украинская дѣятельность Вл. В—ча отмѣчена одной весьма характерной чертой: будучи оторванъ въ раннемъ возрастѣ отъ родной обстановки, онъ не удалился отъ родины совершенно, но, пройдя, если можно такъ выразиться, цѣлый кругъ отдаленія, въ преклонныхъ лѣтахъ возвратился къ той же отправной точкѣ, съ которой началъ свою жизнь; сталъ лицемъ къ лицу съ тѣмъ же вопросомъ о просвѣщеніи родной земли, который такъ занималъ его въ юности, выразившись въ педагогической дѣятельности. Свое чисто литературное творчество Вл. В. завершилъ работами на родномъ языкѣ, въ тоже время посвящая свои замѣтки въ русскихъ изданіяхъ наболѣвшимъ вопросамъ о свободѣ украинскаго слова, о просвѣщеніи родного народа и т. п. (см. рядъ замѣтокъ покойнаго въ „Сынѣ Отечества“ за послѣдній годъ). Можно думать, что въ нарождающейся украинской печати В. В. принялъ бы дѣятельное участіе, что вполнѣ совпадало съ его горячимъ желаніемъ, не разъ высказываемымъ въ послѣднее время.

Но смерть не ждетъ. Накунунѣ долгожданнаго возрожденія украинскаго слова, при первыхъ проблескахъ начинающейся и для него свободы—и въ этомъ, можетъ быть, высшій трагизмъ оборвавшейся жизни—Владиміра Викторовича не стало...

С. Ефремовъ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ біографіи И. П. Котляревскаго. Въ 1803 г. первымъ малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ кн. А. Б. Куракинымъ былъ составленъ планъ Полтавы, согласно которому въ теченіе очень многихъ лѣтъ устраивался городъ. Необходимо было произвести отчужденіе многихъ усадьбъ, отходившихъ подъ улицы или площади. Эти усадьбы оцѣнивались; за нихъ платили деньги, но чаще взамѣнъ ихъ выдавались участки въ другихъ частяхъ города. Коснулась эта планировка города и усадьбы поэта. Онъ, какъ извѣстно, жилъ въ своемъ небольшомъ домикѣ около собора, на склонѣ большой горы, но какихъ размѣровъ была эта усадьба—данныхъ не было. Въ архивѣ городской думы, за 1821 годъ, мы нашли эти данныя. Въ этомъ году 23 августа дума заслушала слѣдующее заявленіе губернскаго землемѣра Мордвинкина, который писалъ: „что по плану должно загородить маіору Котляревскому близъ левады его городской выгонной земли, за исключеніемъ отходящей его Котляревскаго левады 305 квад. саженей на планъ № 1 (плана мы не нашли), а во 2-хъ городской выгонной земли 2340 квад. сажень, такъ должно кварталу быть и назначенное мѣсто подъ застроеніе неудобное; которой земли сочиненные три плана препровождая въ сію думу, требуетъ: представить начальству на утвержденіе. Приказали: основываясь на завѣреніи г. губернскаго землемѣра, что у г. маіора Котляревскаго отходитъ въ городскую надобность левады 305 квад. саженъ и что близь остающейся его левады, загородитъ ему городской выгонной земли одну десятину и 245 квад. саженей, слѣдуетъ по плану, ибо, по его землемѣра сообщенію, такъ должно кварталу быть, и мѣсто есть низменное подъ застроеніе неудобное; городская дума по вниманію къ тѣмъ обстоятельствамъ, мнѣніемъ полагаетъ: помянутую городскую землю въ количествѣ одной

десятины и 245 кв. саж., согласно назначенію г. землемѣра, позволить г. маіору Котляревскому загородить. Изъ коей 305 саженей отдать ему въ замѣнъ отходящей его собственности, а за послѣдніе двѣ тысячи триста сорокъ саженей съ него въ городской доходъ деньги, за каждый сажень по 3 к., всего семдесятъ рублей двадцать копѣекъ, за полученіемъ которыхъ денегъ, выдать ему г. маіору Котляревскому на спокойное владѣніе помянутою землею узаконенную данную со взысканіемъ печатнопошлинныхъ денегъ и о томъ, съ приложеніемъ въ двойнѣ плановъ, представить малороссійскому полтавскому губернскому правленію рапортомъ и просить въ резолюцію указа".

Губернское правленіе, указомъ 18 октября, вполнѣ согласилось съ мнѣніемъ думы. И. П. Котляревскій въ декабрѣ мѣсяцѣ внесъ 70 р. 20 к. за землю и 52½ к. печатнопошлинныхъ денегъ. Такимъ образомъ, усадьба поэта заключала въ себѣ 2645 квадр. саженей. Нужно полагать, что эта неудобная земля, о которой говорится въ журналѣ думы, что „мѣсто есть низменное подъ застроеніе неудобное", и есть та гора, идущая къ подольской горѣ, на которой нынѣ оканчивается постройка школы имени поэта. (Архивъ гор. думы 1821 г. № 3118, журналъ засѣданія 23 августа и № 3165, журналъ засѣданія 22 декабря).

Сообщилъ **И. Фр. Павловскій.**

Заговоръ отъ рожистаго воспаленія (бышыхы). Ты бышыха бышыце, ты нежить нежитыще, ты подумана, ты погадана, ты помыслына прыслана, спрацьована, стурбована, ты хлопяча, ты дивчача, турецька, нимецька, лядська, француззська. Я буду тебе вызывать, вышиптувать, буду вымовлять; тутъ тоби не стоять, жовтои кости не ломыть и щырого твого серця не нудыть; изъ твоихъ очей, изъ твоихъ плычей, изъ твоихъ жылъ, изъ твоихъ пажыливъ, изъ твоихъ пальцивъ, изъ твоихъ суставцивъ, изъ твоихъ семыдесяты суставивъ раба Божого нарожденного (ймення хворого). Не я помагаю, Господь помага своимъ духомъ подыха (дмухае трычи надъ болячымъ мисцемъ навхрестъ и трычи плюе). Поможы мени Маты Божа другымъ разомъ иншымъ часомъ, иншои годыны, иншои часыны сю бышыху шептать и Господа Бога на помичъ прохать и вси святи ликари допомочи ззывать.

Цей проклынъ проказуецця трычи; якъ же шептуха бачыть, що дохидъ буде велыкый, то шепче до 9-ты разъ; кримъ того кладе въ покрышку жару, а на жаръ зъ-пидъ лавъ павутыны, жытнього борошна, всього свяченого, та кусочокъ рызы старои, що дистае видъ церковного старосты, и колы розжевріется—держыть надъ дымомъ боляче мисце".

Этотъ заговоръ противъ „бышыхы“ (воспаленіе кожи съ подкожной клѣтчаткой) записанъ фельдшеромъ Е. Коцаремъ отъ бабъ шептухъ въ Черкасскомъ уѣздѣ. Записанъ дословно. Вѣроятно употребляютъ это заклинаніе шептухи и при другихъ болѣзняхъ (здѣсь, напримѣръ, есть слово „нѐжыть“—насморкъ).

Сообщилъ врачъ **Туркевичъ**.

Дѣло объ избраніи войта въ Кіевѣ въ 1734 году. Въ 1734 г. Кіевскими мѣщанами избранъ былъ въ войты Козьма Кричевецъ. Избраніе это должна была утвердить императрица. Императрица Анна отнеслась къ этому избранію подозрительно: народнаго избранника не утвердила; въ указѣ сенату по этому поводу она рекомендовала постараться объ избраніи въ войты „доброго і неподозрительного человѣка, а при томъ особливо къ тамошнему губернатору послать секретной указъ, дабы онъ того ихъ выбору подъ рукою смотрѣлъ і какъ возможно старался, чтобъ они въ тотъ войтской чинъ выбрали і атестовали *ізъ природныхъ великороссійскихъ людей*, которые нынѣ въ Кіевѣ мѣщанами состоятъ, самого доброго і *вѣрного* і *безподозрительного* человѣка“. Въ силу этого указа императрицы отъ 5 сентября 1734 г., произведены были вторичные выборы въ Кіевѣ. При выборахъ присутствовали—Кіевскій губернаторъ Шереметевъ и представитель Кіевскаго генералъ-губернатора Вейдбаха—полковникъ Шиповъ; оба они „подъ закрытіемъ провѣдывали, чтоб кто мог сыскатца из русских (т. е. великороссовъ) способенъ“ къ несенію должности войта, но безуспѣшно: „нимало кого способных из русских к тому не нашлось“; пришлось остановиться на малороссѣ Павлѣ Войничѣ, дѣло объ избраніи котораго послано было въ сенатъ. Сенатъ однако остался неудовлетвореннымъ представленіями Кіевскаго генералъ-губернатора и губернатора и послалъ за справками къ князю Шаховскому. И только тогда, когда пришлось окончательно убѣдиться въ невозможности пріискать изъ кіевскихъ мѣщанъ войта—великоросса, императрица 11 марта 1735 г. согласилась утвердить въ должности кіевскаго войта Павла Войнича. (Моск. Арх. М-ства Юстиціи, № 6—116.

Вл. П-ко.

Текущія извѣстія.

Украинскіе переводы манифестовъ 17 октября и 3 ноября. Одинъ переводъ манифеста 17 окт. изданъ въ Лубнахъ, съ прибавленіемъ къ нему доклада гр. С. Ю. Витте, а другой переводъ того-же манифеста, равно какъ и манифеста 3-го ноября, изданъ Полтавской Губерн. Земской Управой, съ приложеніемъ къ нимъ пояснительной записки для сельскаго населенія. Ввиду исторической важности этихъ документовъ, приводимъ ихъ цѣликомъ, оставляя до другого времени оцѣнку текстовъ этихъ переводовъ со стороны языка.

ЦАРСЬКИЙ МАНІФЕСТ.

З ласки Божоі, Ми, НИКОЛАЙ Вторий, Імператор і Самодержець Всеросийський, Царь Польський, Великий Князь Финляндський, і иньше, і иньше, і иньше.

Ознаймуемо усім вірним підданцям Нашим, що неспокій та колотнечи по столицях і по багатьох місцевостях Держави Нашоі великого жалю й смутку завдають сердцеві Нашому. Щастя Царя Росийського нерозлучне зв'язане із щастям народнім і скорботи народні — Його скорботи.

Через розрухи, що тепер почалися, може зчинитись глибоке безладдя народне та небезпека за-для суцільности і едности Держави Нашоі.

Великий зарік слугування Царського наказуе Нам усіма силами розуму і влади Нашоі пильнувати, аби найшвидче перепинити тую небезпешну за-для Держави колотнечу.

Наказавши приналежним начальствам пильнувати, аби не чинилося справдішнього безладдя, бешкету й надсильства, щоб оберегти людей мирних, які бажають спокійне одбувати належні до кожного обов'язки, Ми, аби успішне виконати загальні діла, призначені Нами задля заспокойіння життя державного, визнали неминуче потрібним з'еднати діяльність вищого уряду (правительства).

На обов'язки уряду покладаемо Ми зповнити *непохитну волю Нашу.*

I. Дарувати людність незламними підвалинами громадянськоі свободи на підставах справдішньоі недоторканности особи, свободи віри, слова, зборів та спілок.

II. Не зупиняючи призначених до Думи Державноі виборів і маючи на увазі короткий час, що зостався до зкликання Думи, дати по змозі, право виборів до Думи тим частинам людности, які тепер тих прав зовсім позбавлені, з тим, щоб дальша зміна загального права виборчого переводилась новим порядком законодавчим.

III, Постановити таке незламне правило, щоб ніякий закон не міг бути заведений без ухвали Думи Державноі та щоб виборним від народу забезпечена була можливість справдішньоі участи у догляді за тим, щоб начальства, від Нас наставлені, діяли по закону.

Кличемо усіх вірних синів Росиі згадати обов'язок свій перед рідним краем, допомогти перепинити цей нечуваний заколот і укупі з Нами напружити усі сили, щоб завести спокій та мир на рідній землі.

Даний у Петергофі падолиста у 17 день.

Року Божого 1905, Царювання-ж Нашого літа одинадцятого.

На правдивому власною Його Царського Величества рукою підписано

„НИКОЛАЙ"

Докладъ Графа. С. Ю. Вітте.

Року Божого 1905 подолиста у день 17-й ЙОГО ІМПЕРАТОРСЬКЕ ВЕЛИЧЕСТВО зволили власною рукою написати: *„Принять къ руководству Всеподданѣйшій докладъ статсъ-секретаря С. Ю. Витте"*.

Доклад Вітте такий: „Ваше Імператорське Величество зволили переказати мені думку Вашого Величества про те, у якім напрямку повинен іти уряд, маючи на оці сучасний стан Росиі, і загадати мені відповідно до цього зробити Всепідданійший доклад. Через це вважаю обовязком своім Всепідданійше подати доручене.

Неспокій, що обгорнув ріжні стани суспільства росийського, не можна вважати наслідком безладдя державного й громадсько-господарського (соціального) або хоч тільки наслідком діяльности крайніх партий.

Коріння неспокою того треба шукати геть глибше,—саме поміж ідейними домаганнями мислячого суспільства росийського і околишніми формами життя його. Росию вже не задовольняють форми теперішнього ладу державного; вона домагається ладу правного на підвалинах громадянськоі свободи. Околишні форми життя росийського треба неодмінне погодити із тими гадками, які панують поміж розсудливою більшостю суспільства. Перш над усе уряд повинен дбати про те, щоб зараз же, не ждучи, поки ухвалить Дума Державна, видати закони про те, без чого не може бути ніякого ладу правного (законного), саме—закони про свободу друкувати, вірувати, збіратись, зав'язувати товариства і про недоторканність особи. Потім і ці найважніші умовини політичного життя народнього повинні бути зміцнені звичайним законодайним шляхом поруч із законами про рівні права усіх підданців Вашого Царського Величества, якоі б віри і нациі вони не були. Розу-

міеться, що даруючи людности права громадянськоі свободи, треба разом із тим самим законом і оберегти людей, спокій і захистити державу. Удруге, уряд повинен завести такий лад громадській та таке законодавство, які відповідалиб гадкам більшости российського суспільства про державний устрій і навсправжки забезпечували, щоб дарована громадянська воля була сталою. Це значить, щ, новий правний лад повинен допомогти завести у державі спокій та безпечність. Економична політика уряду повинна дбати про вигоди широких народніх мас, оберегаючи маеткові та громадянські права, що забезпечні по усіх культурних краінах. Згадані тут коротко початки урядовоі діяльности для повного свого виконання вимагають великоі законодавчоі роботи і зміни ладу адміністрацiйного. Потрібний деякий час, щоб перевести ті принціпи по законах, а також, щоб суспільство могло почати йіми користуватись, а агенти урядові йіх пильнувати. Принціпи правного ладу переходять в життя о стільки, о скільки людність призвичаюеться до йіх.

Державу, що мае 135 міліонів усяких народів, силу великого та малого начальства, яке звикло до старих порядків, враз переробити і навчити пильно додержуватись нових законів—цього ніякому урядові не сила зробити. Ось через що за-мало було б урядові виступити з гаслом „свободи", аби завести усюди повний лад і спокій: для цього потрібне, щоб усяке начальство тримало себе твердо, справедливо і однаково, а цього можна осягнути тільки тоді, коли весь уряд буде однаковий, одніх думок, однакових бажань. Треба щоб усі міністри мали однакові політичні погляди, та щоб ціми поглядами переняпось все останне начальство, як мале, так і велике, а для цього потрібно багато ще працювати. Уряд мусить пильнувати, аби перевести в життя усі головні правила громадянськоі свободи. Загальне становище справ потрібуе, аби уряд показав свою щирість і правдивість своіх замірів, а для цього усяке начальство мусить неодмінне тримати себе так, щоб не втручатись у справу виборів до Державноі Думи, а також показати свое щире бажання здійснити усе те, що виголошено наказом 12 студня.

Відносно будучоі Державноі Думи уряд повинен дбати, аби підтримати повагу і віру до роботи Думи та забезпечити йій потрібне значіння. Уряд повинен триматись думки, висловленоі Вашим Імператорським Величесьтвом у маніфесті про заведення Державноі Думи, а саме: що закон про Думу належить змінити після того, як видко стане, чим він недобрий і як його покращати. Уряд мае довідатысь, що і як треба змінити, кермуючись, звісне, думками, які панують у більшости суспільства, а не настроями, хоча-б й різко виявленими, через те, що ці настроі раз-у-раз міняються. Все-ж дуже потрібне задоволь-

нити бажання поступових частин суспільства, аби таким, чи инщим законом був забезпечений громадівський справедливий лад.

Дуже потрібне, приміром, так змінити „Государственный Совѣтъ“, щоб у йому брали участь виборні люди, бо тільки в такому разі можна сподіватись, що відносини між Державною Думою і „Государственнымъ Совѣтомъ“ будуть нормальні.

Не подаючи дальших заходів, які повинні виходити з обставин, я гадаю, що правдива влада по усіх статтях повинна триматися ось яких принціпів:

1. Щоб подаровані людности громадянські свободи одверте і щире були заведені і забезпечені по усіх царинах життя громадського.

2. Щоб скасовані були виключні закони.

3. Щоб погодити діяльність усіх частин уряду.

4. Щоб скасовати примусові постанови проти вчинків, які не загрожують суспільству і державі і оператись, на закони та на порозуміння з розсудливою більшостью суспільства. Звісне, що зповнити усе те можливо тільки при великій та діяльній запомозі суспільства та при потрібному спокою, що допоможе виповнити тую пожиточну працю. Треба сподіватись, що Росийське суспільство має політичний такт.

Неймовірне, щоб Росийське суспільство бажало безладдя та розгардіяшу, що загрожує, крім всяких страховищ боротьби, ще розкладом державним“.

Царьскый манифест.

З Божойи ласкы Мы, НИКОЛАЙ Вторый, Император и Самодержавець Всероссійскый, Царь Польскый, Велыкый Князь Финлядськый, и ынче, и ынче, и ынче.

Ознаймуемо усим Нашым пидданцям вирным. Розрух и колотнеча по столыцях и по ынчых сторонах Царства Нашого велыкою и тяжкою журбою обнялы серце Наше. Щастя Цареве мицно звязане з щастям народним, а горе народне—Его горе. Вид заколоту, що тепер выявывся, може вынyкты страшне безладдя помиж людьми й лыха погроза суцильности и едности Державы Нашийи.

Велыкый зарик Царьскойи службы наказуе Нам усимы сыламы розуму и власти Нашойи пыльнуваты, абы найшвыдче прыпыныты отой шкодлывый за-для Царства розрух. Наказавшы начальныкам,—до кого то йдетця,—добраты способу, як утыхомыриты выдыми проявы заколоту, бешкету и насыльства, за-для обороны людей мырных, що мусять спокійно видбуваты лежачый на кожному обовьязок,—Мы, за

для того, щоб як-найкраще справыты зазначени Намы до втыхомырювання жыття в державі заходы,—прызнаемо потрибным зъеднаты діяльнисть выщого Начальства.

В обовьязок Начальству покладаемо Мы вчыныты неодступну Нашу волю:

1. Одарыты людей непохыбнымы правамы громадськойи воли на пидставі правдывойи незалежносты особы, воли виры, слова, зибрань и спилок.

2. Не впыняючы зазначенных уже выборив до Державнои Думы, даты зараз же спромогу прыняты участь у Думи, наскилько се можлыво, завважуючы короткый час, що зостався за для зибрання Думы,—тым становыщам людей, що до сего часу зовсим булы позбавлени выборных прав, доручывшы писля сего дальше впорядкування почат ив вселюдного выборчого права заново наставленному за-для видання законив ладу.

и 3. Установыты за непохыбне правыло, щоб ниякый закон не миг здобуты сылы, докы его не ухвалыть Державна Дума и щоб выборным вид народу була забезпечена справжня можлывисть доглядаты за тым, щоб зазначени Намы начальныкы робылы все по закону.

Заклыкаемо всих вирных сынив Росийи памьятаты свій обовьязок перед ридною Землею, даты помочи до втыхомырювання сего нечуваного розруху и разом з Намы напружыты усю сылу, щоб залучыты спокій и мыр на ридну землю.

Даный в Петергофи, в 17 день октября, в лито вид Риздва Хрыстового 1905, а Царювання Нашого одыналцяте.

На подлынному власною Его Царського Велычества рукою напысано: „НИКОЛАЙ“.

Яки прызнани права за росийським народом Царським манифестомъ 17 октября.

17-те октября до вику буде жыты в спомынци людей. У цей день зазначено, що теперешни порядкы нашы недоладни и треба настановыты нови. Руське Царство таке велыке, що бильшого вид его не мае, а людей у ему наличуется 135 мілліонив. Бильше всего у нас селян; на кожну сотню чоловика выпада 75 хлиборобив, через це Россию по правди называють „селянським царством“. Одного нам не ставало—не було у нас порядку. Всякойи грозы було багато, та правды не легко було доступатысь, через це в народи и поговирка склалася: „до Бога высоко, до Царя—далеко“.

Найпаче недобре жылось селянам. Земли омаль и заарендуваты у кого часом недостача. В инчого села земли так трохы, що й куркы

никуды выпустыты. Выселытыся б куды—прыпыняють, та й саме переселення недоладу впорядковане, а через темноту та недосвид и та земля, що йе у людей, негаразд ными обробляетця. Хвабрык и заводив мало, заробыты на сторони—сутужно. Як запомогты лыхови; до кого вдарытысь, де знайты правду,—нихто про це не миг даты доброи рады. Подати велыки, заробитки мали, а зборщыкови у свій час виддай, що зазначено.

За-для селян заведени окремни волосни суды, де не легко знайты правды. Велыкого треба щастя, щоб хлопець з села вывчывся як слид; кожный селянын, як скинчыв выщу школу, повынный по закону выпысатыся з хлиборобського становыща, и свій чоловик робытця чужым за-для ридного села. Ученых людей не допускалы доступытыся до села, боялыся, що селяне багато де-чого вывидають вид их и перестануть корытыся своій тяжкій доли.

У нас не про всячыну можна було пысаты въ кныжках та газетах, а тильки про те, чого не заборонять окремни чыновныкы (цензора), котори переглядалы кныжкы; а за-для селян булы заведени окремни порядкы. Одного дозволу вид цензора було мало, кныжка задля народу посылалась на розгляд ще другым чыновныкам и тоди тильки мусыла попасты въ народни безплатни кныгарни та чытальни. Тры лыха шкодылы добробыту селян: биднота, темнота та йих безправья.

Вид оцього всього почався миж людьмы велыкый розрух и не тильки серед селян, а и помиж другымы людьмы—робочымы въ городах, бо всим гирко жыветця. Не зналы селяне, якъ дійты правды, та й сами почалы робыты не те, що треба: почалы грабуваты и палыты чуже добро и думалы, що такъ йимъ буде краще. От же з того не буде добра, хиба ще гирше буде.

Писля Царського манифесту вид 17 Октября селяне мають ынчи шляхы, щоб полипшаты свое жыття и розвязаты нужду про землю.

Усією Руською землею заправля и буде заправляты Царь. Звисно, що потребы всього шырокого царства и его, бильше чим на сотню милліонив, народу розсудыты Цареви не можна и Вин повынный був здаватысь на выщых чыновныкив, що зовутця министрамы. Воны пысалы законы и пидносылы Цареви, щоб ствердыв йих. Всяки бувають министры, одже не багато було такых, що дбалы про нужду людську. Як люде мовчалы, воны доводылы, що все гаразд и ниякои нужды немае, а як почыналы гвалтуваты, то воны казалы: „тепер не той час, щоб про нужду дбаты, треба спершу втыхомырыты народъ“. Булы и таки министры, що ростягалы та переводылы народне добро. Говорыты и пысаты про це неможна було, бо в йих руках була вся сыла; и тых,

хто правду казав, завдавалы въ тюрмы, або засылалы у далеку Сибирь. У насъ не було воли за-для слова и печатання, через те мы и не зналы, хто з чыновныкив неправдыво доводывъ Цареви, бо пысаты про це не дозволялы. Добре жылося пры такых порядках тилько тому, хто грив рукы биля казны та брав хабари, та ще тым, хто, маючи сылу, роскрадав людське добро. Розрух та колотнеча выявылы, що порядки таки—никчемни.

Цареве сердце повылося велыкою и тяжкою журбою. „Щастя Цареве мицно звязане з щастям людей, а горе народне—Его горе“. „Велыкый зарик царськойи службы наказуе нам,- каже Царь,—усимы сыламы розуму и власти нашои пыльнуваты, абы найшвыдче зупыныты отой шкодлывый за-для Царства розрух“.

Царь вырішыв склыкаты выборных вид народу, щоб укупи з нымы, а не з чыновныкамы—министрамы, выдаваты законы и настановыты нови порядкы у руській земли.

Ще в Августи Царь ствердыв „Статут до Державнои Думы (Положеніе о Государственной Думѣ“), де выбрани вид народу повынни булы миркуваты про законы; одже ніякых прав тій Думи не було удилено, бо чыновныкы, що пысалы про неи закон, клопоталысь бильш усього про те, щоб не була поменьшена их сыла. Царськый манифест вид 17 Октября наддае велыке право; ниякый закон не мусе здобуты сылы, докы его не ухвалыть Державна Дума.

Нашы выборни вид народу будуть наглядаты за тым, щоб начальныкы робылы все по правди, що велыть закон.

За-для того, щоб выбраты догепных людей до Державнои Думы, треба збиратыся усим гуртом и добре порадытысь, якый чоловик буде до того здатный. Ранише зибрання заборонялысь; ще не боронылы зійтыся на сход, а щоб зійтыся прочытаты, що пышуть в газетах, або порадытысь про свои потребы, то цего робыты не можна було. Тепер же збиратысь можна, бо манифестом зазначается **воля зибрання**, абы тилько те, за-для чого збираются, не було заборонено законом про кары, напрыклад: крадижка, палійство, душегубство. За таки дила и тепер, каратымуть однаково, як и попереду.

Багато е доброго дила, що не пид сылу его одному зробыты, а зибравшысь гуртом и заложывшы за-для цього спилку, можна зробыты чимало добра и соби, и другим. У нас и на це не було права. Право це зоветця **волею спилокъ.** Тепер селянам можна заводыты хлиборобськи спилкы, щоб на их радытысь про свои потребы, а найголовнише побалакаты про земельну нужду, бо це дило велыке, цю нужду полагодыть нелегко и треба добре подуматы, як найкраще зробыты, щоб никому не було шкоды. Нужды всякои у селян багато, мирку-

ваты про це треба вильно, щоб нихто не посмив за правдыве слово караты. И таке право наддаетця царським манифестом. Правду тепер можна казаты вильно, хоч бы вона була и не довподобы начальству, або кому инчому. Це право зовется **волею слова**. Не можна тилько заклыкаты до розбою, грабижкы та одбирання сылою землн и ынчого добра, бо за всяке насыльство будуть тягты до суду.

У нас дуже часто засылалы людей без усякого суду в Сибирь и накладалы ынчи кары. Тепер буде выданый закон, щоб ніяке начальство не мало права заслаты, або забраты в тюрму чоловика, або як ынче покараты без суду. Це зоветця **незалежнистю особы** (личности).

За виру у нас багато людей гонылы, видбиралы навик дитей вид батькив та матерок, не вдаючы на те, що наша чыста хрыстіянська вира навчае буты добрым, любыты и всякого прощаты. Начальство часто без всякого мылосердя робыло цьому навпакы. Хрыстос заповидав нам любыты блыжнего свого и своею смертю доказав, до чого повынна доводыты любов до людей. Мы повынни слухатысь заповиту Хрыстового и любыты усих людей, а не мучыты и гоныты йих, а бильше всього за виру, бо вира належе до Царства Божого, а одын Богъ знае, що Ему угоднише. **Воля совисти** в тим и вызначается, щоб кожный мусыв вирыть в Бога по своему и щоб никого за виру не гонылы.

От же бачыте, Царськый манифест прызнав за намы велыки и добри права.

Треба нам потурбоватыся, щоб нови порядкы ввійшлы въ жыття и набралысь сылы, а це все можлыво тилько тоди, як мы добре зрозуміемо, що таке **воля**, и напередъ будемо добуваты правды тымы шляхамы, що зазначае закон.

Царь клыче всих вирных сынив Россіи, щоб помогалы завесты добрый лад, мыр и згоду у ридній земли.

Багато треба поклопотатыся над цим, а через те грих буде перед Богом и вына перед ридною землею збываты бучы та колотнечы. Треба збиратысь и радытысь по своій потреби, щоб нашы повномочнн выборви вид народу—зналы, що потрибно народови, яки законы треба уводыты. Найголовнише жъ треба обмиркуваты нужду земельну. За-для цього можна збиратысь и гуртом выробляты заявы про свои потребы. Теж треба обмиркуваты закон про Державну Думу. Треба тилько памятаты, що тепер самый уже народ через своих выборных до Державнои Думы буде выробляты законы и заводыты нови порядкы, и як законы будуть недоладни, то це вызначатыме, що мы не вмилы выбраты дотепныхъ до цього людей; може це ще не бида, бо выборни будуть выбиратысь на зазначеный строк и колы выявытця, що чоловик до цього не здатный, то выберемо другого.

Йе багато супротывныкив новым порядкам; це все люде, що йим добре жылось и пры старых порядках, а найголовнише не люби тым, хто, не боячысь Бога, ростягав народне добро. Цим людям бажалося б, щоб нови порядкы не прыжылыся и булы зминени, и за для цього пидбывають темных людей до заколоту и розруху. Тоди воны скажуть: „Хыба слид отакым недолюдкам даваты волю; воны не розбырають добре, що таке воля, и думають, що волю дано за-для того, щоб быты та грабуваты одын одного; йим потрибна не воля, а добрячый вид начальства кулак, ризка та нагайка“.

Щоб нови порядкы вбралысь в сылу, треба разом усим стояты за йих, добуватыся права не грабижкою та гвалтом, а спокійнымы заявамы про свои потребы. Теперъ знайты правду буде не трудно. Пры новых порядках и жыття буде ынче. Наши выборни выроблять нови законы и всим буде краще жыты. Вси люде в Россіи будуть ривни перед законом, вси ввійдуть въ одну симью, кожный буде громадяныном у своему краи, за для усих будуть однакови суды и права.

Тоди кожный з нас с погордою мусе сказаты: „Я громадянын велыкои руськои державы, де усим добре жыветця“.

Спысане выще цього пояснення Царського манифесту вид 17 Октября було обмирковане и ухвалене в засиданни экономычного совиту Полтавського губерського земства, 10 ноября 1905 р., що складався з ныже зазначенных особ: пред. губ. уп. А. Ф. Лизогуба, членив управы: П. М. Бровка, В. Я. Головни, Е. Е. Саранчова и А. И. Смагина, гласн. управы—и прыдставытелив вид повитив—*Гадячского*: И. О. Бобка, В. С. Кіяницина, Ф. И. Мельныкова, В. Ф. Стогнія; *Золотоношского:* Н. Г. Барчана, И. В. Велецкого, П. Ѳ. Гармаша, С. В. Лукашевича; *Зиньковского:* С. Е. Бразоля, П. Л. Галая, П. С. Жука; *Кобелякского*: В. В. Бокія, М. П. Бутовского, А. Ф. Гапона, Н. В. Ольхового; *Константиногр.*: А. И. Бакала, М. К. Бобрицкого, С. И. Гриневича, Е. М. Шейдемана; *Кременчугского:* В. И. Булюбаша, Д. Н. Милорадовича, М. Т. Пенчука, Д. Т. Первака; *Лохвицкого:* Ф. Н. Василенка, Л. Н. Шупты, Г. Е. Одаренка, М. И. Туганъ-Барановскаго, А. Н. Ходолея; *Лубенского*: Д. Р. Бальвы, Н. Ф. Коршуна, В. Н. Леонтовича, проф. А. Е. Зайкевича; *Миргородского*: С. В. Вакулы, Я. С. Дорошенко, К. Б. Лукьяновича, А. А. Малинки, П. А. Малинки, М. Ѳ. Мошуры, А. П. Негеевича, С. И. Смагина; *Переяславского*: В. В. Гамалѣи, А. М. Гопкала, Б. Ѳ. Гудимы; *Пирятинского*; С. С. Иваненко, М. К. Катеринича, А. А. Малафіенка, С. Ф. Фрулевского; *Полтавского*: М. П. Ганька, П. П. Ганька, Д. Ц. Кулика, Е. П. Палапы, А. П. Слуцкого, С. Г. Семенченка, А. М. Чеснока; *Прилукского:* А. Клочка, Т. М. Плошка, Н. Н. Ходолея; *Роменскаго:* Д. Л. Паліонного, Г. Н.

Яхна, *Хорольского*: Н. Н. Смолянского, президента Полт. с.-х. общ.— Д. К. Квиткы, агрон. П. М. Дубровского, губерського агронома Ю. Ю. Соколовского, уѣзд. агрономивъ: П. В. Михайлова, А. И. Печке, И. Г. Сафронова, Т. А. Смолянкина, агрон. И. В. Лещенко и секрет. Полт. уѣзд. управы В. В. Демьяновского.

З Божойи ласки, Мы, НИКОЛАЙ вторый, Император и Самодержавець Всероссійскый, Царь Польскый, Велыкый Князь Финляндськый и ынче, и ынче, и ынче.

Ознаймуемо усим Нашым пидданцям вирным. Велыкою журбою обийма серце Наше рòзрух, що выявывся по селах де-якых повитив, де селяне вчыняють бèшкет по маетках окремых господарив. Не можлыво стерпиты ниякои сваволи й бунтарства, и начальныкам, вид Нас зазначеным, військовым й невійськовым, наказано усякымы способамы зупыняты й прыгашаты бунтарство, караючы вынуватых. Потребы селяньськи дуже блызьки до Нашого серця и неможлыво их не завважыты. Одначе, бешкет и злочынства не допоможуть селянам добуты кращои доли, а на ридный край воны наклычуть багато биды та горя. Тилько едыным шляхом, шляхом--мырным та законным, можлыво зробыты кращым жыття селяньске, и Мы завжде найбильше всего про те дбалы, як бы це зробыты. Останнимы часамы Намы наказано зибраты й податы Нам видомосты, якым способом можна незабаром допомогты селянам. Розглядившы се дило, Мы постановылы: 1) выкупни платежи з хрестян, що булы колысь панськымы, державных (государственных) и удильных поменшыты з першого генваря 1906 року на половыну, а з першого генваря 1907 року зовсим их не браты, и 2) даты Крестьянському Поземельному Банкови спромогу як найлипше допомогаты малоземельным селянам куплею пошыры их земли й за для цього збильшыты банковськи кошты и установыты вильготнишi правыла за для пòзычкы селянам на це грошей. Щоб все оце як слид улагодыты, Намы выдани окреми указы.

Вирымо, що пйсля цього спильною працею Нашою и кращых выборных людей земли російськои, яки повынни буты вильно зазначени й селянамы, наривни з ынчымы пидданцямы Нашымы, пощастыть добуты и на дали запомогу щоденным патребам селяньскым, без ниякойи шкоды для инчихъ господарив. Сподиваемося, що дороги серцеви Нашему селяне, пыльнуючы хрыстіяньськи заповиди добра та любовы, почують Царськый Наш поклык и дбатымуть усюды про мыр та спокій и не будуть ламаты закону и нарушаты права ынчых людей.

Даный (выдано) у Царському Сели, в третій день ноября, в лито вид Риздва Хрыстового (Року Божого) 1905, а Царювання нашого дванадцяте.

На подлынному власною Его Царського Велычества рукою напысано „НИКОЛАЙ".

Къ современному положенію украинскаго дѣла въ Россіи. Выясненію современнаго положенія украинскаго дѣла въ Россіи посвящена статья г. Ефремова „Длящееся преступленіе", напечатанная въ № 304 „Кіевскихъ Откликовъ".

„Около двухъ мѣсяцевъ тому назадъ—говоритъ авторъ названной статьи—почти всѣ русскія газеты облетѣло лаконическое извѣстіе о томъ, что отмѣна тяготѣющихъ надъ украинскимъ словомъ ограниченій признана была въ высшихъ правительственныхъ сферахъ „несвоевременной". Хотя дѣятельность правительства уже въ достаточной степени пріучила насъ ко всевозможнымъ неожиданностямъ, но на этотъ разъ извѣстіе переходило всякія границы нелѣпаго и невозможнаго; оно на первыхъ порахъ могло показаться—и дѣйствительно показалось многимъ—просто какой то дикой выдумкой. Вѣдь преступленіе противъ украинскаго народа, отлившееся въ форму знаменитыхъ секретныхъ циркуляровъ 1865 и 1876 гг., само по себѣ являлось настолько вопіющимъ противорѣчіемъ самимъ элементарнымъ условіямъ сколько нибудь сноснаго общественнаго правопорядка, что существованіе его, казалось бы, возможно только въ непроглядныхъ потемкахъ стараго режима. Разъ, хоть краешекъ таинственной пелены, окутывавшей это преступленіе, былъ приподнятъ, разъ, хоть маленькій лучъ свѣта проникъ въ запретную область—этого, казалось бы, достаточно было, чтобы и преступленіе исчезло безъ возврата.

Такъ подсказывали соображенія здраваго смысла, однако, дѣйствительность вскорѣ опровергла ихъ и выставила рядъ новыхъ фактовъ, показывающихъ, что данное преступленіе относится къ разряду все еще длящихся, а преступники обладаютъ настолько сожженной совѣстью, что потеряли уже всякую способность стыдиться своихъ поступковъ. Между прочимъ, я тогда же пытался было на столбцахъ кіевскихъ газетъ дать надлежащую оцѣнку такого поведенія, но несмотря на вынужденную скромность моихъ замѣчаній, они нашли единственнаго читателя—въ лицѣ г. кіевскаго цензора. Пользуясь тѣмъ, что въ настоящее время указанная монополія лицъ цензурнаго вѣдомства до извѣстной степени сокращена, дѣлаю новую попытку заговорить на старую тему.

Волна освободительнаго движенія, охватившая въ послѣднее время всѣ слои общества, вынесла на поверхность нашей многострадальной жизни и вопросъ объ освобожденіи украинскаго слова. Этотъ вопросъ, о которомъ долгое время нельзя было даже упоминать въ русской подцензурной печати и который, поэтому, казался почти забытымъ, теперь былъ поставленъ, разрѣшенъ въ общественномъ сознаніи, освѣщенъ съ точки зрѣнія принципіальнаго обоснованія и практической настоятельности и, казалось, не допускалъ возможности иного рѣшенія, кромѣ того, какое подсказывалось всѣмъ ходомъ и положеніемъ дѣла. Однако правящая бюрократія (комитетъ министровъ), нашла въ свое время „болѣе осторожнымъ“ собрать предварительно фактическія справки о положеніи дѣла, обратившись за разъясненіями къ ученымъ учрежденіямъ (академія наукъ и университеты кіевскій и харьковскій) и къ высшей административной власти въ нашемъ краѣ. Какъ и слѣдовало ожидать, ученыя учрежденія единогласно высказались за положительное разрѣшеніе вопроса, разсматривая его съ научной стороны; къ этому же рѣшенію примкнула и администрація съ точки зрѣнія, такъ сказать усиленной охраны. Казалось, послѣ этихъ всесторонне-компетентныхъ свидѣтельствъ, не существуетъ болѣе препятствій къ сверженію позорныхъ цѣпей, надѣтыхъ на украинскій народъ; казалось, исчезли всѣ основанія, если таковыя когда нибудь и были, задерживать въ числѣ дѣйствующихъ постановленій возмутительный пережитокъ прошлаго; казалось, пало послѣднее оправданіе длящемуся преступленію противъ украинскаго народа. Но все это только казалось: происходитъ какое то таинственное мановеніе невидимой руки—и все остается по старому: преступленіе продолжаетъ совершаться при свѣтѣ яснаго дня и на глазахъ многочисленныхъ свидѣтелей, вызывая возмущеніе во всѣхъ, кто только способенъ возмущаться подобными циническими зрѣлищами нескрываемыхъ преступленій. Покончить съ преступленіемъ было признано „несвоевременнымъ“,—и какъ мило звучитъ это „несвоевременно“ на оффиціальномъ языкѣ благовоспитанной бюрократіи!..

Какъ все это случилось? Почему? Зачѣмъ? Мы этого не знаемъ, да и никто, вѣроятно, не въ состояніи отвѣтить на эти далеко для насъ непраздные вопросы—почему все это произошло и какія цѣли преслѣдовались въ данномъ случаѣ правительствомъ? Комитетъ министровъ, который съ похвальной откровенностью въ декабрѣ прошлаго года осудилъ ограниченія и лишь въ видахъ большей, якобы, осторожности не отмѣнилъ ихъ тотчасъ же, въ послѣдней стадіи вопроса счелъ болѣе для себя удобнымъ скрыться за фигурой умолчанія, не опубликововавъ даже своихъ глубокомысленныхъ соображеній, какъ это

онъ обычно дѣлалъ по другимъ вопросамъ; дальнѣйшее теченіе дѣла также было покрыто глубокимъ мракомъ неизвѣстности, скрываясь за непроницаемыми стѣнами петербургскихъ канцелярій. Что тамъ происходило,—повторяю, мы не знаемъ: мы видѣли только непостижимые результаты какихъ то таинственныхъ манипуляцій и поражались несоотвѣтствіемъ окончательнаго вывода—постановленнымъ раньше посылкамъ. Тѣмъ не менѣе, положеніе украинскаго вопроса уже тогда окончательно выяснилось; никакимъ сомнѣніямъ и надеждамъ уже болѣе мѣста не оставалось. „Реформаторская" дѣятельнасть, предпринятая „во исполненіе" указа 12 декабря собственными силами бюрократіи безъ участія живыхъ силъ страны, потерпѣла полный крахъ и по настоящему вопросу, какъ и по всѣмъ остальнымъ, съ той только разницей, что здѣсь бюрократія превзошла самое себя, подвергнувъ сѣченію свое собственное благородное тѣло...

Я бы прошелъ мимо этой операціи, не въ первый уже разъ такъ блестяще выполненной русскимъ правительствомъ, если бы она невыносимой болью не отзывалась на организмѣ неповиннаго украинскаго народа. Но, къ сожалѣнію это такъ: операція отозвалась прежде всего на украинскомъ народѣ, лишенномъ средствъ къ просвѣщенію, и потому невозможно оставить ее безъ вниманія. Освободительное движеніе привело къ тому, что русская пресса пользуется въ настоящее время большой свободой сужденій; естественный выводъ отсюда долженъ бы быть тотъ, что и украинское слово можетъ воспользоваться ею въ равной же степени. Но... не забудемъ, что мы имѣемъ дѣло съ фатально длящимся преступленіемъ: вопросъ объ его устраненіи по прежнему стоитъ предъ нами во всей своей грозной настоятельности,—говорю: „грозной" потому, что этотъ вопросъ тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ просвѣщеніемъ, гражданскимъ воспитаніемъ и благосостояніемъ 30-милліоннаго народа, отставшаго въ своемъ развитіи и изнемогающаго подъ бременемъ нищеты, невѣжества и темноты.

Сравнительной свободой, наступившей послѣ 17 октября, украинская печать не могла до сихъ поръ воспользоваться по той причинѣ, что она, эта печать, не существовала вовсе до 17 октября. Вѣдь правительство въ послѣдній моментъ, когда представлялся благопріятный случай покончить наконецъ съ лежащимъ на его многогрѣшной совѣсти преступленіемъ, предпочло и по данному вопросу заниматься самосѣченіемъ и отмахиваться отъ справедливыхъ требованій краткимъ, но достаточно по условіямъ времени выразительнымъ: „несвоевременно". Признанная тогда „несвоевременность" связываетъ намъ руки и въ настоящее время; наслѣдіе позорнаго прошлаго все еще продолжаетъ угнетать наши плечи своей исключительной тяжестью.

Мало того, даже относительно будущаго мы не можемъ питать никакой увѣренности, что правительство пожелаетъ разъ на всегда окончить свою преступную политику національнаго гнета, травли и насилій, несмотр на всѣ его торжественныя обѣщанія и увѣренія въ искренности своихъ намѣреній. Истинную цѣну этимъ увѣреніямъ русскіе граждане еще недавно познали весьма наглядно на примѣрѣ Польши, получившей вмѣсто автономіи—военное положеніе...

Но если украинская печать въ Россіи принадлежитъ къ числу существъ, еще не род вшихся, то, несомнѣнно, что ей пора уже родиться. Украинское общество, которое съ безпримѣрной терпѣливостью выносило въ продолженіе десятилѣтій преступные капризы гг. Юзефовичей, можетъ и должно тѣмъ ли инымъ путемъ фактически осуществить ту свободу родного слова, въ которой ему такъ упорно отказываютъ; борьба, которую не оно вызвало и поддерживало, должна вестись всѣми способами и средствами, какія только возможны въ подобномъ положеніи. И это, несомнѣнно будетъ сдѣлано, и можно думать, что въ конечномъ счетѣ побѣда окажется не на сторонѣ обрусительной бюрократіи, которая уже потерпѣла пораженіе и по данному вопросу. Невольно напрашивается сравненіе настоящаго времени съ 1863 годомъ, когда Украйнѣ былъ брошенъ бюрократіей первый вызовъ, и съ 1876 г. когда этотъ вызовъ принялъ окончательную форму длящагося до настоящаго времени преступленія. Тогда украинскаго общества, общественнаго мнѣнія, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, не существовало; украинская литература и общественное движеніе пускали лишь первые ростки, и потому предпринимаемыя противъ нея мѣропріятія могли, повидимому, разсчитывать хотя бы на нѣкоторый успѣхъ. Жизнь показала, однако, насколько эфемерны были надежды Валуевыхъ и Юзефовичей. Полусотлѣтіе суровыхъ запретительныхъ мѣръ не въ состояніи было убить молодую, начинающуюся литературу; всѣ усилія бюрократіи оказались совершенно напрасными, и украинское слово и среди ограниченій выросло на степень замѣтной уже въ настоящее время культурной силы. Теперь иное время: какъ не какъ, существуетъ уже украинское общество, которое съ каждымъ днемъ растетъ и увеличивается; національное самосознаніе начинаетъ уже пробуждаться и въ народной средѣ. Этому процессу роста и пробужденія національнаго самосознанія акты насилія могутъ лишь содѣйствовать, вызывая естественное чувство протеста и отпора. Вотъ, поэтому то и послѣднее усиліе издыхающаго режима, направленное къ умерщвленію живого дѣла, заранѣе было осуждено на полный крахъ; оно оказалось еще болѣе „несвоевременнымъ“, чѣмъ 40 лѣтъ назадъ; фіаско было обезпечено вполнѣ собственнымъ образомъ дѣйствій пра-

вительства, и съ этой точки зрѣнія мы лишь могли поражаться той удивительной близорукостью и неразборчивостью въ средствахъ, съ которыми оно пытается остановить колесо исторіи. Вѣдь колесо это навѣрное сильнѣе задерживающей его руки...

Покойный Михайловскій какъ то выразился, что въ каждомъ россійскомъ обывателѣ есть нѣчто отъ контрабандиста: это, по его мѣткому выраженію, „контрабандистъ самый разносторонній, искусный и охочій; контрабандистъ не только по своему общественному воспитанію, по нуждѣ, по привычкѣ, но иногда и по обязанности". (Сочиненія, т. IV, стр. 720). Украинцевъ запретительн й системой всегда толкали на путь сугубо контрабандный, такъ какъ только такимъ путемъ и возможно было проводить даже то, что другимъ разрѣшалось вполнѣ правомѣрно и безпрепятственно. Для украинцевъ давно уже, съ перваго шага ихъ сознательной жизни, возникала именно эта, если хотите, нравственная обязанность ступить на контрабандный путь, ибо иного не существовало. Для насъ, слѣдовательно, это дѣло въ достаточной степени извѣстное и привычное, а потому и сейчасъ слѣдуетъ обратиться на испытанный уже путь.

Повторяю: мы должны осуществить свое право на свободное слово независимо и, если окажется нужнымъ, вопреки всѣмъ усиліямъ задержать насъ на пути свободнаго развитія. При твердомъ желаніи, никакія заставы и караулы этому помѣшать, конечно, не въ состояніи.

Только такимъ путемъ, очевидно, и можетъ быть вполнѣ, на всегда и окончательно устранено то длящееся преступленіе противъ украинской народности, съ которымъ не желаетъ порвать русское правительство. Намъ нечего ожидать, пока правящимъ сферамъ заблагоразсудится, наконецъ, произнесть свое „своевременно" и выдать намъ аттестатъ зрѣлости,—мы должны взять его сами, своими собственными руками"

Къ вопросу объ изданіи украинской научно популярной литературы. Украинская интеллигенція всегда сознавала необходимость широкой популяризаціи знаній въ народныхъ массахъ украинскаго селянства и еще съ 60-хъ годовъ минувшаго столѣтія старалась пускать въ деревню, такъ называемые, „метелыкы". Къ сожалѣнію, „независящія" отъ нея „обстоятельства" и особенно тайный (неопубликованный) законъ 1876 г. ставили очень серьезныя препятствія изданіямъ популярныхъ книжекъ (какъ и вообще книгъ) на украинскомъ языкѣ.

Неудивительно поэтому, что народная украинская литература, предназначенная для деревенскаго люда, не можетъ быть признана богатой ни въ количественномъ, ни въ качественномъ отношеніяхъ.

Правда, съ началомъ текущаго десятилѣтія она начала увеличиваться, но въ своемъ содержаніи мало разнообразилась, такъ какъ стѣсняемая цензурными условіями (несравнено болѣе тяжелыми для украинской печати, чѣмъ для русской), не могла пополняться книжками научно-популярнаго содержанія.

Предлагалась только одна беллетристика, и то послѣ строжайшей цензурной фильтровки. Пытались облекать тѣ или другія научно-популярныя истины въ беллетристическую форму, чтобы хоть въ такомъ видѣ приподнести ихъ украинскому селянству, но и здѣсь цензура небыла мягкой.

Масса рукописей, представленныхъ авторами въ главное управленіе по дѣламъ печати, пропала безслѣдно. Только немногія изъ нихъ по чисто случайнымъ обстоятельствамъ попадали въ печать.

Поэтому то и мало мы видимъ народныхъ украинскихъ книжекъ научно-популярнаго содержанія.

Чтобы не быть голословнымъ, укажемъ на дѣятельность кіевскаго издательства „Вік", къ слову сказать, самаго дѣятельнаго книгоиздательства на украинскомъ языкѣ. Количество изданныхъ имъ книжечекъ равняется 51, но изъ нихъ только семь съ содержаніемъ, намекающимъ на популяризацію знаній (напримѣръ: Авраменко—„Різачка, або дизентерія", Коваленко—„Якъ мы боронылыся одъ холеры".

Сравнительно въ лучшихъ условіяхъ шла дѣятельность петербургскаго „благотворительнаго общества изданія общеполезныхъ дешевыхъ книгъ" (на украинскомъ языкѣ): изъ тридцати четырехъ изданныхъ имъ книжечекъ беллетристическаго содержанія находимъ лишь семь, прочія же заключають въ себѣ разныя свѣдѣнія по сельскому хозяйству (особенно хороши книги Ев. Чикаленка, подъ общимъ заголовкомъ „Розмова про сельске хозяйство"), исторія украинскаго народа, жизни и дѣятельности знаменитыхъ людей (Сократа, Рафаеля, Стефенсона и друг.).

Напрасно будемъ искать среди украиских народныхъ изданій книжекъ, касающихся вопросовъ политическихъ, экономическихъ, соціальныхъ: онѣ тщательно запрещались цензурой, и украинскій народъ лишенъ возможности знакомиться съ этими вопросами; несмотря на всю важность ихъ, цензура все запрещала.

Переживаемыя Россіей событія требуютъ возможно широкаго ознакомленія съ ними массъ украинскаго народа. Освободительное движеніе, охватившее всѣ народности Россіи, не миновало и украинцевъ—и они охвачены имъ.

Для правильнаго выясненія и распространенія въ массахъ идей освободительнаго движенія необходима соотвѣтствующая литература на украинскомъ языкѣ, та литература, которая теперь отсутствуетъ.

Разныя украинскія политическія партіи пытаются выполнить этотъ пробѣлъ и довольно дѣятельно выпускаютъ брошюры политическаго, содержанія но и изданіе ихъ сопряжено съ большими трудностями. Прежде всего надо считаться съ препятствіями, которыя ставятся администраціей. Такъ какъ до сихъ поръ не были изданы законы о печати, гарантирующіе, согласно Манифесту 17-го октября, ея свободу, то администрація, руководясь упомянутымъ уже выше закономъ 1876 года, не церемонится съ украинскими изданіями.

Недавно полтавскій губернаторъ велѣлъ конфисковать изданный въ Лубнахъ украинскій листокъ, содержащій въ себѣ переводъ манифеста 17-го октября съ докладомъ гр. Витте.

Результатомъ такого отношенія администраціи къ украинскому печатному слову является и то обстоятельство, что до сихъ поръ не можетъ выходить ни одна украинская газета, хотя желающіе издавать ее находятся во многихъ мѣстностяхъ украинской территоріи. Положеніе въ высшей степени ненормальное... Только какъ то случайно удалось г. Шемету въ Лубнахъ выпустить первые нумера „Хлібороба“ газеты, предназначенной для селянства. Успѣхъ ея, конечно, будетъ несомнѣнный, такъ какъ украинское село жаждетъ имѣть печатный органъ на родномъ языкѣ. На страницахъ „Приднѣпровскаго Края“ было помѣщено нѣсколько писемъ по украински, писанныхъ селянами или лицами, близко стоящими къ нашему деревенскому жителю; въ этихъ письмахъ заявляется о неотложной необходимости имѣть украинскую періодическую печать.

Одинъ изъ корреспондентовъ, г. Прилипка („Придн. Кр.“, № 2656), пишетъ, что крестьяне ему заявляли: „от як би тепер газети писались по нашому, то й ми б розуміли, що там пишеться, а то не тільки чого другого, а и в Маніфестах мало що ми второпаемо“...

Украинскій крестьянинъ пробуждается, самосознаніе его растетъ, благодаря всеобщему оживленію, необычайно быстро. Украинская интеллигенція, организовавшаяся въ политическія партіи, должна придти на помощь своему брату, съ цѣлью удовлетворить его современнымъ духовнымъ и матеріальнымъ запросамъ...

Понятно, что прежде всего должно быть дано ему правильное освѣщеніе и разъясненіе настоящаго грознаго момента, какъ наиболѣе благопріятнаго для улучшенія правового и экономическаго положенія украинскаго селянства. Какъ извѣстно, въ Екатеринославѣ сущест-

вуетъ украинская радикальная партія, поставившая въ числѣ своихъ задачъ и приведеніе самой широкой аграрной программы.

Членамъ этой партіи необходимо обратить самое серьезное вниманіе на распространеніе въ народѣ не только своей партійной литературы, но и вообще научно-популярной. Это тоже входитъ въ задачи дѣятельности украинской радикальной партіи,—вѣдь она, какъ видно изъ ея программы, выставляетъ не только принципы федерализма и соціализма, но культурное возрожденіе украинскаго народа.

Изданіе и распространеніе украинской научно-популярной литературы еще ближе и непосредственнѣе лежатъ на обязанности недавно возникшаго въ Екатеринославѣ украинскаго литературно-артистическаго общества, цѣлью котораго является содѣйствіе культурному развитію украинскаго народа. Оно—не партія съ какой либо опредѣленной политической программой, а научно-просвѣтительное общество, преслѣдующее чисто культурныя задачи. Вопросы политики имъ затрагиваются лишь на столько, на сколько это необходимо для осуществленія преслѣдуемой обществомъ цѣли.

Послѣдняя можетъ объединять въ извѣстной степени всѣ украинскія партіи, какого бы оттѣнка онѣ ни были.

Въ данномъ случаѣ мѣстное молодое украинское литературно-артистическое общество должно брать примѣръ съ петербургскаго благотворительнаго общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ, какъ „Нові царскі закони“, „Державный лад“, „Державна рада з виборних“ и др. подобнаго же рода брошюры, являющіяся неотложной потребностью.

Изданіемъ книгъ для украинскаго народа, книгъ, наиболѣе требуемыхъ событіями переживаемаго момента, екатеринаславское украинское литературно-артистическое общество окажетъ услугу мѣстному украинскому населенію. Послѣднее вправѣ ожидать отъ названнаго общества самой энергичной дѣятельности въ указанномъ направленіи.

В. Широчанскій.

„Украинскій языкъ, какъ подсобное средство“. Подъ этимъ заглавіемъ напечатана въ № 2188 „Юга“ статья г. Сьогобочного, сообщающая интересныя свѣдѣнія о дебатахъ въ Херсонскомъ совѣщаніи по народному образованію. Вопросъ о томъ, на какомъ языкѣ должно вестись обученіе въ народной школѣ въ селѣ съ украинскимъ населеніемъ, вызвалъ горячіе дебаты на бывшемъ въ Херсонѣ при губернской земской управѣ совѣщаніи 2—4 октября по народному образованію. Предсѣдатель совѣщанія А. А. Сорокинъ (членъ губернской

управы, землевладѣлецъ Елисаветградскаго уѣзда), предсѣдатель херсонской уѣздной земской управы Д. П. Горичъ, директоръ херсонскаго земскаго сельско-хозяйственнаго училища Рекало, губернскій статистикъ Ф. А. Василевскій и нѣкоторые еще другіе лица изъ „третьяго элемента“, заявили себя противниками преподаванія грамоты украинскому населенію на его родномъ языкѣ. Г. Василевскій, напримѣръ, и другіе еще украинцы по происхожденію, энергично проводили мысль, что украинскій языкъ можетъ быть допущенъ въ школу лишь какъ „подсобное средство“, исходя изъ того, что существующій русскій литературный языкъ является-де больше малорусскимъ (sic!), нежели великорусскимъ. Г-нъ Василевскій утверждалъ, что велико-русскимъ языкомъ называется языкъ Ивана Грознаго, Калиты, а не языкъ Лермонтова и Пушкина...

Насъ ничуть не удивляло и не печалило, когда такъ называемые „цензовые“ члены совѣщанія высказывались противъ украинскаго языка, отводя ему унизительную роль подсобнаго средства. Вѣдь эти господа привыкли обращаться въ своей практической жизни къ этому языку, какъ къ подсобному средству, когда имъ нужно въ своихъ экономіяхъ выругать неисправнаго работника. Не удивляетъ насъ и директоръ училища г. Рекало, который хотя и полтавецъ, но въ прежней роли инспектора народныхъ училищъ усвоилъ себѣ извѣстное отношеніе къ украинскому языку. Но вотъ какъ могутъ такъ мыслить, какъ г. Сорокинъ, тѣ люди, которые сами вышли изъ народа и на которыхъ, несмотря ни на ихъ преклонный возрастъ, ни на ихъ упражненіе „въ русскости“, слѣды народа, слѣды народнаго языка остались на всю жизнь?.. „Пъять“, „двацять“, „время“, „хлібовъ“ и пр. и пр. слышите вы на каждомъ шагу отъ утверждающаго о ненужности украинскаго языка... Невольно вспоминается незабвенный Т. Г. Шевченко, сказавшій „Своі діти гірше ляха іі (Украіну) розпинають“...

Впрочемъ и среди „своихъ“ нашлась одна личность, которая сочла нужнымъ выступить съ горячимъ словомъ въ защиту родного языка въ школѣ. Редакторъ земскаго сборника А. М. Грабенко, какъ бывшій народный учитель, сказалъ приблизительно слѣдующее: „Я позволю себѣ задать вопросъ, на который, по моему, есть только одинъ отвѣтъ: какую цѣль должна преслѣдовать всякая школа? Она не должна „натаскивать“ ребенка, не должна внушать ему всякія школьныя „дисциплины“, а должна воспитать изъ него *человѣка*. Только школа, стремящаяся къ этой цѣли и достигающая ее, можетъ называться школой въ истинномъ значеніи этого понятія. Можетъ ли достигнуть этой цѣли школа, въ которой преподаваніе ведется не на родномъ языкѣ, въ которой ребенку приходится вникать не въ сущность вещей, о которыхъ

ему сообщается, а прежде всего въ ихъ форму, приходится перетворять все, ему преподаваемое, приспособлять его къ своимъ національнымъ понятіямъ и представленіямъ? Несомнѣнно нѣтъ, такъ какъ въ такой школѣ время тратится не на воспитаніе человѣка, а лишь на усвоеніе имъ формъ той рѣчи, на которой ведется преподаваніе.

Трудно обучать на русскомъ языкѣ нѣмца, молдаванина, но, съ моей точки зрѣнія, еще труднѣе малоросса, такъ какъ въ русскомъ и въ малорусскомъ языкѣ есть масса словъ, звучащихъ и пишущихся совершенно одинаково, но имѣющихъ совершенно разное, иногда противуположное значеніе. Я самъ по происхожденію простолюдинъ— малороссъ, говоритъ ораторъ, и въ силу этого и въ дѣтствѣ, когда я учился въ начальной, а затѣмъ въ средней и высшей школѣ, да и теперь, когда я стою передъ вами, всегда думалъ и думаю по малорусски и мнѣ почти всегда приходится сначала переводить свои мысли на литературный языкъ, а затѣмъ уже громко выражать ихъ. Если это не всегда легко для меня, сравнительно образованнаго человѣка, то какія же трудности долженъ испытывать ребенокъ, совершенно неподготовленный къ воспріятію цѣлаго цикла понятій, излагаемыхъ на незнакомомъ языкѣ"?

Развивъ далѣе въ томъ же направленіи свою мысль, г. Грабенко закончилъ свою рѣчь такъ: „Все это приводитъ меня къ убѣжденію, что въ начальной школѣ обученіе должно вестись на родномъ языкѣ вообще и въ частности въ школахъ съ украинскимъ населеніемъ на украинскомъ. Только тогда школа достигнетъ своей цѣли,—воспитанія человѣка, только тогда народныя средства не будутъ тратиться даромъ".

Однако эта убѣдительная рѣчь мало подѣйствовала на предсѣдателя совѣщанія, которому мерещился въ этомъ вопросѣ „сеператизмъ", умаленіе значенія государственнаго языка и пр. Тщетно также доказывалъ секретарь губернской управы К. М. Яичковъ (великороссъ по рожденію, ярославецъ), что нѣтъ основаній лишать права украинцевъ учиться на родномъ языкѣ, что вопросъ о языкѣ въ школѣ слѣдуетъ рѣшить такъ, какъ рѣшаетъ его всероссійскій союзъ учителей, т. е. что преподаваніе должно вестись на родномъ языкѣ, г. Сорокинъ все же ставитъ на баллотировку предварительно украинскій языкъ: за преподаваніе на этомъ языкѣ высказалось 15, противъ 13. При постановкѣ на баллотировку вопроса въ общей формѣ „родной языкъ въ школѣ" совѣщаніе высказалось единогласно за преподаваніе на родномъ языкѣ. Такимъ образомъ справедливость восторжествовала, не допустивъ языкъ къ унизительной роли „подсобнаго средства", къ каковой роли такъ хотѣли низвести его помазанные культурой украинцы въ кавычкахъ. („Югъ" № 2188—9 ноября).

Украинскій языкъ на губернскомъ съѣздѣ полтавской группы всероссійскаго союза учителей 20 ноября въ губернскомъ съѣздѣ Полтавской группы всероссійскаго союза учителей и дѣятелей по народному образованію членамъ съѣзда Н. А. Дмитріевымъ прочитано нижеслѣдующее заявленіе, касающее реформированія народной школы на Украинѣ при чемъ съѣздомъ единогласно приняты всѣ предложенія доклачика.

Заявленіе.

Земствамъ и городамъ, въ вѣдѣніи которыхъ главнымъ образомъ находится въ настоящее время народное образованіе, безусл вно приходилось подчиняться направленію и тѣмъ общимъ требованіямъ, которыя исходили изъ центральныхъ органовъ министерства народнаго просвѣщенія—изъ бюрократической среды. Послѣдняя же, въ связи съ общегосударственнымъ режимомъ, въ чистый источникъ народнаго просвѣщенія постоянно вводила совершенно постороннія соображенія отчасти политическаго свойства, стремясь къ полному обезличенію индивидуальныхъ духовныхъ особенностей того или другого народа, входящаго въ составъ Россійской Имперіи.

Задавшись цѣлью всячески парализовать развитіе этихъ отдѣльныхъ своеобразныхъ духовныхъ стихій, центральные бюрократическіе органы строго проводили сказанное начало и въ предѣлахъ Полтавской губерніи, какъ части исторической Украины.

Это, конечно не было случайностью, а одннмъ изъ звеньевъ строго проводимой системы обрусенія, что не трудно прослѣдить начиная съ общеизвѣстнаго указа 1720 года 5 сентября, наложившаго руку на бывшія тогда 2 свободныхъ печатни въ Кіевѣ и Черниговѣ. Въ указѣ, между прочимъ, говорилось, чтобы въ печатаемыхъ книгахъ „никакой розни“ и особаго „нарѣчія“ въ нихъ не было и чтобы сравнивать тѣ книги „для совершеннаго согласія съ великороссійскими“.

Наконецъ рядъ репрессивныхъ мѣръ и стѣсненій завершился такъ называемымъ закономъ 1876 г., которымъ воспрещалось печатаніе почти всего на украинскомъ языкѣ: съ этого времени только одна беллетристика могла появиться на свѣтъ. Законъ этотъ, нигдѣ своевременно не опубликованный, примѣнялся съ неумолимой строгостію. Кромѣ того рядомъ послѣдующихъ циркуляровъ путемъ распространительнаго толкованія его наложенъ запретъ на право выхода въ свѣтъ періодическихъ изданій, переводовъ, дѣтскихъ книгъ и прочее.

Надо ли послѣ этого подробно говорить, въ какія невозможныя условія для дальнѣйшаго развитія попала украинская литература и всѣ духовныя силы украинскаго народа.

На ряду съ цѣлой системой обрусенія Украины, на мѣсто стародавней коренной украинской школы съ извѣстной Кіевской Могилянской Академіей во главѣ, здѣсь постепенно вводилась великорусская школа.

Печальное наслѣдіе такой ломки пришлось принять нашимъ земскимъ и городскимъ самоуправленіямъ.

Замкнутые въ строго опредѣленныя, узкія рамки школьнаго дѣла, эти органы самоуправленія, вѣдая главнымъ образомъ хозяйственную сторону его, совершенно не могли вноситъ своей инициативы въ смыслѣ надлежащей постановки школьнаго дѣла, согласно духовнымъ потребностямъ, духовнымъ особенностямъ украинскаго народа

Цѣлый рядъ ходатайствъ городскихъ и земскихъ самоуправленій, желавшихъ дать народу его родную національную школу, оставался безъ удовлетворенія.

Потребность же въ знаніи, жажда просвѣщенія настойчиво требовали открытія школъ, хотя бы и не на родномъ языкѣ населенія, и послѣднее такимъ образомъ вынуждено было идти и въ такую, чуждую ему, школу.

Принципіальное и практическое значеніе такой именно постановки школы въ настоящее время широко разработано цѣлымъ рядомъ педагоговъ и общественныхъ дѣятелей, начиная съ Аммоса Каменскаго Гримма, Дистервега, Ушинскаго, Потебни и проч.

Другими словами, вопросъ о національной школѣ для народа является въ настоящее время настолько разработаннымъ, что общая ненормальность постановки учебнаго дѣла въ Полтавщинѣ для украинскаго народа едва ли требуетъ подробной аргументировки.

Вотъ почему теперь, при наступающей общей политической свободѣ, свободѣ слова, печати—для всей интеллигенціи, стоящей близко къ народу, дающей ему школу не на родномъ ему языкѣ, возникаетъ серьезный вопросъ, какъ быть дальше? идти ли по тому же пути насажденія русской школы, или обратиться къ естественному законнѣйшему удовлетворенію элементарныхъ правъ каждаго—свободно развивать свои природныя духовныя силы. При чемъ, конечно, такое право принадлежитъ не только отдѣльнымъ лицамъ, но тѣмъ болѣе коллективнымъ единицамъ — отдѣльнымъ народамъ, отдѣльнымъ національностямъ.

Исходя изъ всего вышесказаннаго, полагаемъ, что на современномъ обществѣ, которому дается больше правъ, несомнѣнно лежитъ и большая нравственная отвѣтственность за то или другое направленіе въ общественной дѣятельности и тѣмъ болѣе въ области образованія подростающихъ поколѣній.

Вотъ почему отдѣльныя лица и цѣлыя учрежденія, которымъ фактически ввѣряется судьба народнаго образованія, должны признать вполнѣ своевременнымъ вопросъ о полномъ и безусловномъ реформированіи народной школы въ смыслѣ приближенія ея къ народной духовной стихіи, какъ это существуетъ во всѣхъ просвѣщенныхъ странахъ Западной Европы въ смыслѣ созданія національной украинской школы.

Настоящимъ заявленіемъ, конечно, не исчерпывается затронутый капитальный вопросъ нашего школьнаго дѣла,—это общія основанія его.

Я только счелъ долгомъ намѣтить ихъ, предлагая передать для подробной разработки губернскому, и затѣмъ всероссійскому съѣздамъ союза уч телей и дѣятелей по народному образованію.

Если прослѣдить всѣ постановленія, резолюціи различныхъ собраній, союзовъ, съѣздовъ за послѣдній годъ, то съ удивительной ясностью обнаруживается, какъ общественное сознаніе все глубже проникается значеніемъ и необходимостью самаго широкаго и свободнаго развитія духовныхъ силъ всѣхъ національностей и введенія родного языка въ народной школѣ.

Постановленіе съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей въ Москвѣ отъ 13 ноября с. г., касающееся въ частности и украинскаго языка и школы, служитъ еще однимъ доказательствомъ всего вышесказаннаго и исходитъ изъ самыхъ широкихъ круговъ и лучшихъ представителей земствъ и городовъ.

Вынужденный пока ограничиться вышеприведенными краткими соображеніями, я считаю необходимымъ внести слѣдующіе пункты для обсужденія и принятія ихъ въ формѣ резолюціи или постановленія ближайшаго общаго собранія съѣзда дѣятелей по народному образованію.

1. Для украинскаго населенія на территоріи Украины народная школа должна быть украинской, т. е. преподаваніе должно быть на родномъ украинскомъ языкѣ. Программы школъ д. б. выработаны заново, при чемъ русскій языкъ составляетъ особый предметъ преподаванія.

2. Необходимо немедленно принять всѣ мѣры къ составленію учебниковъ, и по языку, и по содержанію вполнѣ соотвѣтствующихъ такой школѣ.

3. Необходимо изданіе украинскаго дѣтскаго журнала для разныхъ возрастовъ.

4. Необходимо немедленно открыть временные курсы для учителей и учительницъ по слѣдующимъ предметамъ: 1) по украинскому языку, 2) по исторіи украинской литературы и 3) по исторіи Украины.

5. Въ учебныхъ заведеніяхъ на территоріи Украины, гдѣ подготовляются учителя (учительскіе институты, семинаріи и проч.), должны быть введены вышесказанные предметы (п. 4).

6. Немедленное пополненіе библіотекъ при школахъ произведеніями украинскихъ писателей и сочиненіями по вышеназваннымъ предметамъ (п. 4).

7. Ходатайствовать объ открытіи въ Кіевскомъ, Харьковскомъ, Одесскомъ университетахъ особыхъ каѳедръ по тѣмъ же предметамъ, а также каѳедры украинской этнографіи и исторіи ея.

Резолюціи земскихъ и городскихъ дѣятелей. Исходя: 1) изъ принципа свободы слова, провозглашенной 17-го октября основнымъ закономъ; 2) изъ того убѣжденія, что успѣхъ дѣла начальнаго обученія и образованія (какъ то показалъ опытъ Норвегіи и другихъ странъ) находится въ прямой зависимости отъ того, ведется ли начальное обученіе на родномъ языкѣ, или нѣтъ, и 3) изъ того постановленія, которое сдѣлано было уже на съѣздѣ и которое было принято въ видахъ гарантіи правъ національностей, населяющихъ имперію,—съѣздъ признаетъ необходимымъ теперь же, впредь до созыва собранія народныхъ представителей, ввести по мѣрѣ возможности мѣстные языки (малорусскій, литовскій, латышскій, эстонскій и др.) какъ языки преподаванія въ низшихъ народныхъ школахъ и отмѣнить всѣ циркуляры и распоряженія, касающіеся мѣстныхъ языковъ.

Союзъ имени Шевченка. Вновь организованное общество имеин Шевченка въ Москвѣ признаетъ для себя обязательнымъ слѣдующую платформу.

1) Въ виду того, что употребленіе родного языка во всѣхъ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ является однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ культурнаго и экономическаго развитія націи,

2) Въ виду того, что Украина, какъ отдѣльная національная единица, имѣетъ свои національныя особенности, выражающіеся не только въ языкѣ, но и въ рядѣ соціально-экономическихъ условій,

3) Въ виду того, что никакая гарантія національныхъ нуждъ не возможна при существующемъ строѣ,—мы требуемъ:

1. Созванія учредительнаго собранія на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго выборнаго права.

2. С мостоятельности Украины на широкихъ демократическо-федеративныхъ основаніяхъ.

I) Цѣль общества имени Шевченка—объединеніе сознательныхъ украинскихъ элементовъ какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ городахъ Россіи. Въ этихъ цѣляхъ общество имѣетъ:

а) Въ широкихъ размѣрахъ организовывать какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ городахъ, кружки и союзы,

б) Способствовать учрежденію при московскомъ университетѣ каѳедръ:

1) Исторія Украины, ея языка и литературы.

2) Исторіи общественныхъ движеній въ Украинѣ.

с) Устраивать курсы, лекціи и рефераты, какъ въ цѣляхъ пропаганды идей общества, такъ и въ цѣляхъ уясненія національной самобытности Украины.

д) Издавать газеты, книги на языкѣ украинскомъ, а главнымъ образомъ издавать дешевыя книги, брошюры, листки для народа общественно политическаго содержанія.

е) Оказывать матеріальную помощь учащимся-украинцамъ, преимущественно тѣмъ, которые обучаются въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Москвы; съ этой цѣлью открывать дешевыя столовыя, склады учебныхъ пособій и т. п.

II) Дѣйствительными членами могутъ быть всѣ лица обоего пола, уроженцы Украины.

III) Почетными членами могутъ быть всѣ лица, неудовлетворяющія предыдущему параграфу.

IV) Обязательный взносъ:

а) для дѣйствительныхъ членовъ 3 р. въ годъ.

б) для почетныхъ 10 р. въ годъ.

V) для пожизненныхъ членовъ единовременно 100 р.

в) всѣми внутренними дѣлами общества завѣдуетъ комитетъ изъ 5 лицъ, изъ которыхъ одинъ исполняетъ обязанности—секретаря, другой—казначея, третій—библіотекаря.

VI) Комитетъ созываетъ какъ общія, такъ и чрезвычайныя собранія и вѣдаетъ всѣ дѣла, какія найдетъ нужнымъ поручить ему общее собраніе.

Примѣчаніе. Собранія комитета дѣйствительны при 3 членахъ; вопросы рѣшаются простымъ большинствомъ.

VII) Общія собранія, очередныя и чрезвычайныя считаются состоявшимися при наличности не менѣе 1/5 всѣхъ дѣйствительныхъ членовъ общества.

VIII) Вопросъ объ измѣненіи устава можетъ быть рѣшаемъ при наличности 2/3 всѣхъ дѣйствительныхъ членовъ, простымъ большинствомъ голосовъ.

Комітетъ заснованого товариства імени Т. Г. Шевченка звертается до усіхъ украінцевъ, і прохае, щобъ въ усіхъ справахъ товариства адресуватысь до секретаря: Москва, Собачья площадка, домъ „Краснаго Креста", Сергѣю Михайловичу Хвостову. „Веч. Почта".

Съѣздъ представителей негосударственныхъ народностей. 19—21 но бря въ Петербургѣ состоялся подготовительный съѣздъ представителей слѣдующихъ народностей, населяющихъ Россію: поляковъ, литовцевъ, латышей, эстовъ, бѣлорусовъ, украинцевъ, евреевъ, грузинъ, армянъ адербейджанцевъ (кавказскихъ татаръ), казанскихъ татаръ и киргизовъ. Кромѣ того на съѣздѣ были представители отъ Финляндіи. Участвовало всего около 100 чел.

Съѣздъ, по словамъ „С. Отеч." открылся рѣчью профессора Бодуенъ-де-Куртенэ, предложившаго привѣтствовать всѣхъ борющихся за свободу Россіи и почтить память павшихъ въ борьбѣ съ самодержавнымъ режимомъ.

Послѣ доклада бюро объ организаціи съѣзда профессоръ Бодуенъ-де-Куртенэ произнесъ вторую рѣчь, въ которой проводилъ ту мысль, что освобожденіе народностей отъ обрусительнаго гнета прежняго режима не должно замѣниться новымъ гнетомъ тѣхъ народностей, которыя будутъ преобладать въ данной территоріи. Поэтому настоящій съѣздъ долженъ стремиться къ тому, чтобы каждой народности, независимо отъ того, представляетъ ли она въ данной мѣстности большинство или меншинство, была обезпечена полнота правъ, обезпечивающихъ ей возможность жить національной жизнью.

Представители отдѣльныхъ народностей сдѣлали доклады о развитіи національно-политическаго движенія у отдѣльныхъ народностей и современомъ положеніи политическихъ партій. Получилась удручаю-

щая картина разнообразныхъ видовъ гнета, примѣняемая отживающимъ режимомъ по отношенію къ отдѣльнымъ народностямъ.

Затѣмъ обсуждался вопросъ о средствахъ обезпеченія мирнаго сожительства народностей Россіи, для предупрежденія всякихъ поползновеній на насильственное преобладаніе какой-либо одной изъ нихъ надъ другими. Указывалось, между прочимъ, что необходимо всѣми мѣрами бороться съ развитіемъ шовинистическихъ идей въ нашемъ обществѣ, распространенію которыхъ способствуетъ существующая система школьнаго воспитанія.

Горячія пренія вызвалъ вопросъ о формахъ національной и территоріальной автономіи, причемъ приверженцы того и другого вида автономіи исходили изъ принципа государственнаго единства Россіи.

Въ заключеніе была принята слѣдующая резолюція:

„Собравшіеся въ Петербургѣ представители адербиджанцевъ, армянъ, бѣлоруссовъ, грузинъ, евреевъ, киргизовъ, латышей, литовцевъ, поляковъ, татаръ, украинцевъ и эстовъ, выслушавъ доклады о національномъ положеніи перечисленныхъ народностей и обсудивъ современное политическое положеніе Россіи, пришли къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Освободительное движеніе, постепенно расчищающее почву для переустройства Россійской имперіи на демократическихъ началахъ, есть общее дѣло всѣхъ народностей Россіи.

2) Народности эти кровно заинтересованы въ томъ, чтобы грядущій строй обезпечилъ всѣмъ и каждой изъ нихъ въ отдѣльности свободу и полноту ихъ духовнаго и матеріальнаго развитія.

3) Съѣздъ признаетъ несостоятельность и недопустимость чрезмѣрной централизаціи законодательства, управленія и другихъ государственныхъ функцій въ государствѣ столь обширномъ, столь разнообразномъ и сложномъ въ экономическомъ, религіозномъ и національномъ отношеніяхъ, какъ Россія.

4) Съѣздъ признаетъ, что децентрализація государственной власти и организація въ Россіи народовластія на началахъ автономно-федеративнаго строя есть задача всѣхъ народовъ Россіи.

5) Въ интересахъ народностей, не сосредоточенныхъ на одной опредѣленной территоріи, а также въ интересахъ національнаго меньшинства, въ каждой изъ такихъ территорій должны быть установлены общегосударственной конституціей такія нормы, которыя бы обезпечивали каждому такому меньшинству и всякой народности неприкосновенность ея національныхъ правъ и интересовъ. Для осуществленія намѣченныхъ задачъ собравшіеся считаютъ небходимымъ созданіе союза народностей, въ цѣляхъ взаимной поддержки въ борьбѣ за національныя права“.

Собраніе поручило бюро выработать форму такого представительства, которое обезпечило бы интересы меньшинства не только національнаго, но и партійнаго.

Кромѣ того, на бюро возложено издать всѣ доклады и матеріалы, доложенные съѣзду, дополнивъ ихъ необходимыми статистическими свѣдѣніями, а также организовать въ ближайшемъ будущемъ делегатскій съѣздъ.

О федерализмѣ. *Схема союзнаго устройства Россіи.* Настало время, когда всѣ русскіе народы должны образовать государство, прочное и справедливое для всѣхъ народностей и для всѣхъ гражданъ, чтобы всѣмъ народностямъ, населяющимъ русскія земли, было выгодно поддерживать общій политическій союзъ и чтобы каждый житель имѣлъ возможность и средства быть дѣятельнымъ гражданиномъ, трудящимся на пользу общую, и чтобы онъ могъ вносить свою личную долю для поддержанія общаго всероссійскаго политическаго союза и съ своей стороны укрѣплять общую связь государства.

Возможна ли всероссійская конфедерація союзныхъ народностей?

Повидимому, есть одно большое препятствіе, мѣшающее устройству общаго всероссійскаго политическаго союза русскихъ народовъ. Это — гегемонія великорусскаго народа, его численное преобладаніе надъ другими народами и захватъ власти людьми великорусской народности.

Всякія заявленія о національныхъ правахъ со стороны не государственныхъ народовъ принимаются подозрительно. Идея „недѣлимости Россіи“ засѣла въ головахъ такъ, что затмеваетъ даже правильное пониманіе вещей. Многіе опасаются, что федеративное устройство Россіи есть переходъ къ раздѣлу Россіи, къ ея распаду на отдѣльныя государства.

Такой распадъ былъ бы гибеленъ: русскіе народы могутъ быть завоеваными сильными сосѣдями,—нѣмцами, японцами, англичанами.

Польша можетъ быть завоевана Германской имперіей, которая навѣрно соединилась бы съ Австріей. Финляндія можетъ отойти къ Швеціи. Восточная Сибирь можетъ быть завоевана Японской имперіей. Отъ Россіи могутъ отложиться кавказскіе народы.

И безъ союзнаго устройства при централистическомъ государствѣ нельзя сказать, что распадъ и раздѣленіе Россіи немыслимы. Окраины ужъ черезчуръ изстрадались отъ Россійской имперіи, которая давила хъ на горе и обѣжденнымъ.

Въ правахъ человѣка и гражданина заключается и право національностей. Мало того: чтобы получить гражданскую свободу, надо, чтобы въ нее входило право національнаго самоопредѣленія, право жизни по обычаямъ и навыкамъ своего племени, со всѣми мѣстными особенностями, напр., мѣстный языкъ, какъ руководящая мысль, управляющая дѣйствіями.

Нѣтъ человѣка въ отвлеченномъ смыслѣ, а есть французъ, нѣмецъ, еврей, великоруссъ, полякъ, украинецъ; человѣческая психологія отрастила отъ себя этологію и этнологію, науки о характерѣ лица и народа.

Что такое право быть человѣкомъ своего племени?

Это—право говорить на своемъ языкѣ, право имѣть вырабатывать свою литературу, которая-то и формируетъ народное сознаніе. Это—право держаться экономическихъ навыковъ своего народа, право вырабатывать ту хозяйственную организацію, которая присуща своему народу.

Наконецъ, это право—не быть угнетенными экономической эксплуатаціей другого народа, не платить налоговъ, идущихъ въ пользу другого народа, не быть обдѣленными въ распредѣленіи продуктовъ производства и въ общенародныхъ цѣнностяхъ.

Національное право—основное право человѣка; за этимъ правомъ идутъ ужъ меньшія права человѣческія.

Такъ вотъ такое основное право человѣка и обезпечивается федерализмомъ—т. е., принципомъ союзнаго устройства. И пока не поздно, пока есть еще надежда на мирное сожительство русскихъ народовъ въ одномъ всероссійскомъ политическомъ союзѣ, нужна пропаганда идей федерализма, нужны старанія образовать россійскую конфедерацію.

Но должна ли Россія превратиться въ такое союзное государство, какъ Сѣверо-Американскіе Штаты, какъ Швейцарія?

Нѣтъ, будущей россійской федераціи, какъ и федераціи австралійской, открываются новые пути прогресса, новые порядки улучшенія жизни человѣческой. Русскій федерализмъ тѣсно связанъ съ идеями соціализма.

Постараемся представить себѣ будущее федеративное русское государство—союзную Россію.

Это можетъ быть союзъ Финляндіи, Польши, Украины, кавказскихъ и среднеазіатскихъ государствъ въ мѣстѣ съ Великой Россіей.

Этотъ союзъ можетъ быть крѣпокъ лишь при областномъ устройствѣ всей Россіи,—такомъ областномъ устройствѣ, въ которомъ является въ высокой степени развитымъ мѣстное самоуправленіе.

Русскому народу нужно волостное земство. Въ этомъ послѣднемъ—школа правового воспитанія селянъ,—та школа, въ которой всѣ жители волости должны быть захвачены общими интересами и должны жить сообща.

Во всесословной волости могли бы входить въ тѣсныя сношенія люди образованные съ необразованными со взаимной пользой для себя. Трудящійся сельскій людъ воспитанъ въ терпѣніи и выносливости тяжелымъ земледѣльческимъ трудомъ и историческимъ подборомъ крѣпкихъ людей.

Личность крестьянина—цѣльная, здоровая личность. У селянина крѣпкіе нервы, выдержанный характеръ, развитая воля. У него слово не расходится съ дѣломъ и онъ цѣльный человѣкъ уже потому, что годится ко всякому труду, дѣйствуетъ всѣми своими способностями. Трудовое начало проникаетъ всю его жизнь и вырабатываетъ твердый характеръ. Крестьяне съ пренебреженіемъ относятся къ тѣмъ людямъ, которые переходятъ на „легкій хлібъ" (какъ у насъ говорятъ на Украинѣ), къ тѣмъ людямъ, которые сами мало работаютъ и склонны къ эксплуатаціи чужого труда.

Въ этомъ отношеніи селянинъ можетъ вполнѣ быть основателемъ трудового строя жизни и поможетъ устраивать жизнь на новыхъ, трудовыхъ и справедливыхъ началахъ людямъ другихъ классовъ.

Но съ другой стороны селяне не могутъ обойтись безъ образованныхъ людей, которые въ изобиліи встрѣчаются въ другихъ сословіяхъ и которые окажутся чрезвычайно полезными по своему образованію въ волостномъ земствѣ—основной демократической организаціи.

Волостное земство имѣетъ своей задачей не только веденіе общественнаго хозяйства, но и поземельное устроеніе. И то, и другое—дѣло трудное. Это дѣло —устроеніе новыхъ порядковъ жизни по переходу земли къ народу, къ селянской массѣ, общинная разверстка этой земли между земледѣльцами, открытіе общественныхъ складовъ хлѣба разнаго рода, общественныхъ мельницъ, переустройство школьнаго дѣла и врачебно-санитарнаго, общественная запашка и артельное земледѣліе. Все это требуетъ людей, не только привыкшихъ къ труду, каковые являются крестьяне, но и людей съ образованіемъ, каковые въ изобиліи встрѣчаются въ другихъ общественныхъ классахъ. Крестьянство и интеллигенція должны явиться главными создателями волостного земства.

Организація его могла бы быть такою. Волостной сходъ изъ всѣхъ совершеннолѣтнихъ жителей волости, живущихъ въ волости не менѣе 1 года, съ участіемъ въ немъ женщинъ, выбираетъ волостное собраніе

гласныхъ всеобщей подачей голосовъ, равной, прямой и тайной (записками). Волостное собраніе выбираетъ волостную управу, школьное попечительство, земледѣльческій комитетъ, дорожный комитетъ и вообще ведетъ волостныя дѣла совмѣстно съ управою на подобіе городской думы—по народному образованію, народному здравію, призрѣнію убогихъ, дорожному, почтовому дѣлу и т. п. Образцомъ могли бы быть взяты именно часто собирающіяся городскія думы съ ихъ исполнительными комиссіями, а не нынѣшнія уѣздныя земскія собранія, гдѣ дѣло замерзаетъ и усыхаетъ.

Люди, ставшіе замѣтными по своей дѣятельности въ волостныхъ земствахъ, могли бы являться кандидатами въ уѣздные гласные, по 2 отъ каждой волости и избираемые также всеобщимъ голосованіемъ.

Уѣздное земство должно вѣдать дѣла междуволостныя, дѣла общія для всего уѣзда. Его организація такая же, какъ и волостная—собраніе, управа, комитеты. Члены послѣднихъ избираются волостными комитетами.

Уѣздное собраніе—апелляціонная инстанція по раскладкѣ налоговъ волостями. Уѣздное земство вѣдаетъ образцовыя фермы, уѣздныя опытныя поля и другія учрежденія уѣзднаго хозяйства. Его финансовая система такая-же, какъ и волостная—налоги и хозяйственныя доходныя предпріятія. Города входятъ въ уѣздныя земства или даже многолюдные города, составляютъ особыя земскія единицы, входящія въ составъ губернскаго земства, или даже области.

Губернское земство также составляется изъ такой-же организаціи, какъ и волостное, и уѣздное земство. Губернскіе гласные выбираются всеобщимъ голосованіемъ по 6--8 отъ каждаго уѣзда.

Избираться они должны въ волостяхъ по спискамъ кандидатовъ. Каждый союзъ или партія, имѣющая не менѣе 100 человѣкъ, можетъ избирать своего кандидата, но непремѣнно изъ уѣздныхъ жителей.

Губернское земство вѣдаетъ дѣла междуѣздныя, по широкому общегубернскому размаху, дѣла, главнымъ образомъ, по внѣ-школьному образованію и по губернскимъ съѣздамъ учителей.

Оно должно открывать библіотеки и книжные склады, аптечные склады, склады земледѣльческихъ орудій и сѣмянъ, способствовать врачебной и экономической организаціямъ.

Его финансовая организація также образуется налогами и доходными предпріятіями. Члены губернскихъ комитетовъ выбираются уѣздными комитетами.

Кромѣ экономической (хозяйственной стороны дѣятельности волостного, уѣзднаго и губернскаго земствъ, у нихъ должна быть сто-

рона политическая. То, что дѣлаетъ теперь администрація, должно въ сокращенномъ и полезномъ для населенія видѣ, безъ бюрократизма, перейти въ вѣдѣніе трехъ круговъ земствъ.

Всероссійское государство должно довѣрить административныя дѣла земствамъ; должно довѣрить имъ-же полицію безопасности, сельскую и городскую, должно довѣрить имъ-же и народную милицію. Если-же милиція всероссійскимъ союзнымъ государствомъ будетъ отвергнута, то основными военными законами должны быть:

1) клятва вѣрности народу и конституціи.

2) служба лишь мѣстныхъ людей въ родныхъ мѣстахъ и выходъ войскъ лишь на случай оборонительной войны.

Автономія окраинныхъ народовъ, населяющихъ Россію должна быть основана на своемъ мѣстномъ самоуправленіи и мѣстномъ законодательствѣ.

Автономія не есть отдѣленіе отъ общаго союза, а есть выработка такихъ граней жизни, которыми можно поплотнѣе пристать къ общему цѣлому. Автономія противуположна лишь принужденію.

Но, идя далѣе, автономія должна быть основана на новыхъ началахъ, на народномъ землепользованіи съ передачей земли губерніямъ, уѣздамъ, волостямъ и сельскимъ общинамъ (націонализація и соціализація). Въ мѣстные законы должны входить и законы, ограничивающіе или обезвреживающіе частную собственность.

Окраина или *край* долженъ имѣть свой сеймъ, свой судъ, свои земскія учрежденія, какія указаны выше, свою милицію и свою полицію безопасности.

Въ сеймъ народные выборные должны выбираться всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ на основахъ пропорціональнаго избранія, т. е.—каждая національная группа, входящая въ политическую партію, должна имѣть представителей въ сеймѣ.

Областное законодательство въ областномъ сеймѣ является исправленіемъ историческихъ грѣховъ и ошибокъ, когда были попраны въ теченіе болѣе, чѣмъ 400 лѣтъ мѣстныя особенности, которые такъ дороги въ народной жизни, какъ залогъ прогресса и человѣческаго счастья.

Московская и петербургская централизація постоянно устраивала угнетеннымъ народностямъ прокрустово ложе. Общегосударственное законодательство постоянно равняло на этомъ ложе угнетенныя народности, то отрубывало имъ ноги, то вытягивало ихъ въ длину, увѣчило ихъ.

Но и въ автономіи областей не должно повторять старыхъ ошибокъ централизаціи (какъ это дѣлается въ Галиціи, Венгріи.)

Поэтому-то, для того, чтобы не впасть въ грѣхи національнаго преобладанія, представительство, вообще, въ сеймѣ должно быть пропорціонально группамъ избирателей. Нынѣшнія западно-европейскія представительства несправедливы.

Напр., въ Чехіи округа съ чешскимъ населеніемъ посылаютъ въ ландтагъ число депутатовъ меньшее, чѣмъ слѣдовало-бы по числу жителей чеховъ.

Въ австрійскомъ рейхсратѣ число чешскихъ депутатовъ еще меньшее.

Также неравномѣрно-несправедливо представлены и политическія партіи въ германскомъ рейхстагѣ, гдѣ число соціалъ-демократическихъ депутатовъ должно быть вдвое, чѣмъ теперь.

Принципы федерализма требуютъ не только всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія, но и пропорціональнаго представительства. Идея союзнаго устройства начинается съ человѣческой единицы, свободной и полноправной личности.

Затѣмъ союзъ составляется въ двухъ направленіяхъ:

1) изъ національныхъ группъ,—и

2) изъ политическихъ партій, какъ соціально-классовыхъ группъ.

Такъ раздѣлено и человѣчество—на народности и общественные классы.

Этотъ человѣческій составъ, племенной и классовой, велъ взаимную борьбу во всей исторіи и будетъ продолжать вести ее.

Союзное государство признано примирить національную и классовую вражду, нынѣ довольно свирѣпую.

Федерализмъ обезпечиваетъ политическую и общественную равноправность людямъ, живущимъ въ союзѣ. Этого достигать онъ можетъ посредствомъ всеобщаго голосованія и пропорціональнаго представительства, съ одной стороны. Но съ другой стороны, ради уравновѣшенія силъ борющихся общественныхъ классовъ, союзное государство должно заняться переустройствомъ хозяйственныхъ (экономическихъ) отношеній, въ смыслѣ національзаціи и соціализаціи земли и орудій производства.

Федеративное государство должно быть не только свободнымъ, но и справедливымъ государствомъ. Оно должно обезпечить гражданскія права всѣмъ безъ исключенія—и поэтому идею союза оно должно внести во всѣ человѣческія отношенія.

С.-А. Соединенные Штаты и Швейцарія уже потому не могутъ быть идеаломъ для будущаго Всероссійскаго союза, что тамъ политическая равноправность уживается съ капитализмомъ. Рабочій и тамъ является экономическимъ рабомъ капиталиста.

Въ Россіи учредительное собраніе, не проникнутое идеей федерализма, оказалось-бы не въ силахъ не только разрѣшить, но и начать разрѣшать великую задачу соціализма, т. е.—срраведливаго устройства судебъ человѣчества.

Только союзное устройство можетъ дать такой учетъ всѣхъ силъ населенія, при которомъ станетъ возможнымъ полное разрѣшеніе великой задачи—*чтобы всѣмъ хорошо жилось на Руси.*

Эту задачу станетъ рѣшать все населеніе: на селѣ и въ городѣ, въ волостномъ земствѣ, въ уѣздномъ, въ губернскомъ, въ областномъ сеймѣ, въ союзномъ законодательномъ собраніи всероссійскаго го у-дарства.

И къ этому рѣшенію должны быть призваны всѣ, все населеніе.

Даже подростки и дѣти, не имѣющіе избирательныхъ правъ, участвуютъ въ политическомъ и общественномъ сознаніи народа.

Даже преступники, лишенные правъ, самымъ фактомъ своего преступленія указываютъ на необходимость исправленія порядковъ жизни.

Такимъ образомъ, исторія ведетъ Россію къ тому, чтобы она сдѣлалась федеративной. Не только окраины—Сибирь, среднеазіатскія ханства, кавказскія народности, Украина, Польша, Прибалтійскія области и Финляндія должны получить автономію, но и великая Россія должна получить областное устройство. *Здѣсь нѣтъ сепаратизма.*

Областное устройство проводитъ послѣдовательно связь всей земли—населенія, разорванной еще въ древней Руси удѣльной княжеской властью, московской деспотіей и петербургской имперіей.

Государственный союзъ начинается съ полноправной и свободной личности и проводитъ группировки людей по двумъ путямъ—политическому и племенному—смягчая классовую и племенную рознь и вражду, которыя всю человѣческую исторію наполняли страшными насиліями, кровью и пожарами.

Политическія группировки суть: волостное земство. состоящее изъ сельскихъ общинъ и хуторскихъ колоній, уѣздное земство, состоящее изъ волостей и малыхъ городковъ, губернское земство, состоящее изъ уѣздовъ и городовъ среднихъ, областное представительство (сеймъ) съ представителями, выбираемыми не только на основѣ всеобщаго голосованія (съ участіемъ и женщинъ), но и на основѣ пропорціональнаго представительства, отъ политическихъ партій и группъ.

Самый большой городъ, напримѣръ, Кіевъ на Украинѣ, можетъ и быть, и не быть столицею сейма.

Другіе большіе города могутъ составить отдѣльныя земскія единицы, между-губернскія (напримѣръ, такой большой городъ, какъ Одесса, даже и населенъ международнымъ людомъ).

Другой путь союзнаго объединенія—національный, путь культурный, главнымъ образомъ, но тѣсно соприкасающійся съ политическимъ путемъ.

Автономія областей не должна давать преотладанія одной народности: среди численно преобладающей народности должны быть обезпечены права и другихъ живущихъ колоніями народностей.

И вотъ, это обезпеченіе могутъ дать *національно-политическія партіи*,—партіи стоящія за культурное самоопредѣленіе народностей.

Такова общая схема улучшенія судебъ Россіи—и горе будетъ, если историческій ходъ вещей отойдетъ въ сторону отъ союзнаго устройства Россіи—настанетъ война всѣхъ противъ всѣхъ и человѣкъ для человѣка станетъ волкомъ! (Приднѣпров. Кр. № 2663).

Николай Быковъ.

Заявленіе народныхъ учителей. Въ половинѣ октября въ Екатеринославѣ состоялось многолюдное общее собраніе членовъ общества взаимопомощи народныхъ учителей Екатеринославской губерніи. Между прочими докладами особый интересъ возбудилъ докладъ г. Быкова о преподаваніи въ школахъ на украинскомъ языкѣ. Послѣ оживленныхъ преній, въ которыхъ принимали участіе докладчикъ, г. Синявскій и многіе народные учителя, всѣ единогласно высказались о желательности преподаванія въ украинскихъ школахъ на родномъ языкѣ. Приводимъ заявленіе, выработанное по этому вопросу собраніемъ:

„Указомъ 12 декабря прошлаго года въ числѣ другихъ вопросовъ поставленъ къ ближайшему разрѣшенію и вопросъ о возможныхъ облегченіяхъ для литературы и языка какъ другихъ національностей, такъ и украинскихъ. Несмотря на все это, и до сихъ поръ наша родная литература не восчувствовала никакого облегченія, а для украинскаго языка въ школѣ не предоставлено хотя бы и такого положенія, какое дано польскому и литовскому языкамъ на ихъ родинѣ. Мы знаемъ, что комитетъ министровъ разсматривалъ вопросъ объ украинскомъ языкѣ, но какое рѣшеніе по этому поводу послѣдовало, обществу и до сихъ поръ неизвѣстно.

О взглядахъ комитета министровъ по этому вопросу мы узнаемъ случайно изъ постановленія комитета по дѣлу о порядкѣ выполненія пункта 7-го указа 12 декабря въ отношеніи девяти западныхъ губерній.

Въ этомъ постановленіи говорится: „Соображая, какія изъ нарѣчій, употребляемыхъ населеніемъ Западнаго края, настолько филологически обособились и развились, что могутъ стать предметомъ преподаванія, комитетъ высказался, что малороссійское и бѣлорусское нарѣчія такъ близки русскому языку, что совмѣстное преподаваніе ихъ

не вызываются потребностями дѣла; бѣлорусское нарѣчіе къ тому же, не имѣя литературы, едва ли даже можетъ быть преподаваемо самостоятельно".

Можно думать, что этимъ предрѣшается вопросъ этотъ и въ отношеніи Украины. Мы считаемъ, однако, такое мнѣніе комитета, затрагивающее существенные интересы украинскаго народа, несправедливымъ и неправильнымъ. Вопросъ объ обученіи въ украинской школѣ на украинскомъ языкѣ долженъ рѣшаться не съ точки зрѣнія политическихъ соображеній, которыми до сихъ поръ руководилось правительство, и не съ точки зрѣнія той „ходячей" филологіи, на которую въ данномъ случаѣ опирался комитетъ министровъ, но долженъ быть рѣшенъ на основаніи научныхъ данныхъ филологіи, психологіи и педагогики. Начнемъ съ филологіи.

Филологія, въ лицѣ проф. Потебни, Овсянико-Куликовскаго и пр., устанавливаетъ, что языковое различіе украинскаго языка отъ русскаго настолько велико, что вполнѣ возможно говорить о первомъ, какъ о совершенно отдѣльномъ языкѣ.

Необходимо прибавить къ этому, что въ понятіяхъ языка и нарѣчія содержится много условнаго, получающаго свое ближайшее опредѣленіе въ исторической жизни народа: то, что въ извѣстное время является только нарѣчіемъ какого либо языка, въ зависимости отъ условій, благопріятствующихъ расхожденію нарѣчій, можетъ пріобрѣсти совершенную обособленность въ филологическомъ отношеніи и, наоборотъ, извѣстный самостоятельный языкъ можетъ потерять свою самостоятельность.

Неблагопріятнымъ условіемъ для неизмѣнности украинскаго языка являются потери государственной самостоятельности украинскимъ народомъ и послѣдующая политика русскаго правительства на Украинѣ, поставившая себѣ цѣлью обрусеніе ея, а благопріятными—отдѣльное существованіе украинской народности въ предѣлахъ Австро-Венгріи, гдѣ украинскій языкъ для своего развитія пользуется средствами литературы и каѳедры, а съ закордонной Украиной украинцы Россіи не переставали поддерживать отношенія.

Другимъ благопріятствующимъ условіемъ являются сравнительная слабость русской культуры и ничтожные результаты, которые сдѣлало въ украинской деревнѣ просвѣщеніе, руководимое русскимъ правительствомъ, если можно называть руководительствомъ ту политику торможенія истиннаго просвѣщенія, которой всегда держалось наше правительство.

Затѣмъ—требованія педагогики.

Научная педагогика настаиваетъ на томъ, чтобы первоначальное образованіе давалось на материнскомъ языкѣ.

Требованія педагогики въ этомъ случаѣ основываются на психологіи.

Для разрѣшенія вопроса о правахъ родного языка въ первоначальной школѣ имѣетъ значеніе, главнымъ образомъ, ученіе психологіи объ образованіи понятій.

Психологія учитъ, что въ образованіи понятій первенствующую роль играютъ слово, рѣчь.

Безсловесное дитя не имѣетъ понятій,—понятія у ребенка являются съ произнесеніемъ словъ, съ помощью которыхъ отвлекаются понятія отъ того конкретнаго матеріала, который дается представленіями.

Если это ученіе и наблюденія психологіи вѣрны, то пріобрѣтаетъ важнѣйшее значеніе тотъ словесный субстратъ, который кладется въ основаніе образованія понятій.

При этомъ же условіи представляется недопустимымъ посягательствомъ на всю психику и умственное развитіе ребенка и человѣка веденіе элементарнаго образованія, т. е.—сообщеніе первоначальныхъ научныхъ свѣдѣній на языкѣ, отличномъ отъ того, при помощи котораго ребенокъ получилъ основныя, первыя понятія.

Наблюденія педагоговъ и такихъ корифеевъ, какъ Ушинскій, Корфъ и др , какъ нельзя болѣе подтверждаютъ наличность тормазовъ въ дѣлѣ ученія въ первоначальной школѣ, когда преподаваніе ведется не на материнскомъ языкѣ, и тотъ нравственный вредъ, который отъ этого происходитъ.

Вопросъ о правахъ украинскаго языка въ начальной школѣ опредѣленно рѣшается тѣмъ наблюденіемъ, что въ школѣ въ средѣ украинскаго населенія русскому языку приходится дѣтей учить, а потому онъ, какъ языкъ преподаванія, не годится.

Каковы же результаты болѣе, чѣмъ вѣкового существованія русской школы на Украинѣ?

Передъ нами на лицо одинъ поразительный фактъ—извращеніе культурнаго и чуть не всего этическаго типа украинца?

Въ исторіи мы знаемъ украинцевъ, какъ націю весьма энергичную, полную жизненнаго и воинственнаго пыла и удали; типическій украинецъ настоящаго времени—это синонимъ чего то коснаго, апатичнаго, малокультурнаго и мало интеллигентнаго.

Это тотъ украинецъ, который когда то такъ культивировалъ науку и просвѣщеніе въ своей странѣ, откуда заимствовало свое просвѣщеніе и Московское государство!

Если пассивность характера украинцевъ въ значительной степени объясняется ихъ нынѣшнимъ политическимъ существованіемъ, какъ народности, потерявшей свою государственную самостоятельность, то ея малая культурность и интеллигентность всецѣло объясняются тѣмъ, что русская школа не привилась на Украинѣ. Послѣднее подтверждается и тѣмъ результатомъ, который получился отъ русской школы на Украинѣ въ отношеніи денаціонализирующаго вліянія ея: созданная въ прямыхъ цѣляхъ руссификаціи населенія на Украинѣ, она все таки не сдѣлала изъ украинца русскаго.

Если таковы права украинскаго языка въ школѣ, то не меньшее право имѣетъ и украинская литература.

Между тѣмъ, надъ украинской литературой до сихъ поръ тяготѣетъ почти совершенно запретительный законъ, такъ называемый, по имени человѣка, приложившаго старанія къ его изданію lex Iusephoviana 1876 г.

Какъ можно отнять у народа его литературу, которая составляетъ святѣйшее сокровище каждой національности, сознающей себя таковой. Понятія культурнаго человѣка рѣшительно не могутъ примириться съ этимъ, и потому запретительная политика нашего правительства въ отношеніи украинской литературы принижается не только всякимъ украинцемъ, любящимъ свое родное, но и каждымъ просвѣщеннымъ человѣкомъ, какъ тяжкое оскорбленіе достоинству человѣка.

Въ такомъ именно смыслѣ и высказались многіе ученые и знаменитости западной Европы въ отвѣтъ на опросъ ихъ редакціей, журн. „Bunicshe Revue" относительно положенія украинской печати въ Россіи, каковые отзывы помѣщены на страницахъ этого журнала.

Читая эти отзывы, рѣшительно стыдишься того, что принадлежишь къ составу гражданъ Россіи, который допускаетъ надъ собою подобныя надругательства".

Внося настоящую записку ка разсмотрѣніе общества взаимопомощи учителей, мы руководимся убѣжденіемъ, что этому обществу, какъ обществу учителей екатеринославской губ., должны быть особенно близки и дороги интересы украинскаго языка и что оно сочтетъ необходимымъ возбудить тѣмъ или другимъ способомъ общественное вниманіе къ вопросу о положеніи языка литературы украинскихъ и найдетъ практическіе пути для справедливаго разрѣшенія этого вопроса.

Мы не думаемъ, чсобы стоило еще разъ возбуждать ходатайство по этому поводу передъ существующимъ правительствомъ. Эпоха преобразованій, совершающихся за послѣднее время, въ достаточной степени показываетъ, что наше бюрократическое правительство уступаетъ только подъ натискомъ требованій и народа.

Но и вообще вопросъ о предоставленіи гражданскихъ правъ украинскому языку наиболѣе раціонально возбудить передъ государственной думой, организовавъ подачу петиціи объ этомъ въ послѣднюю. Слѣдуетъ, однако, сказать здѣсь, что правильное разрѣшеніе вопроса объ украинскомъ языкѣ неразрывно связано съ вопросомъ политическаго будущаго Россіи и не только съ завоеваніемъ для всей Россіи условій иного политическаго существованія, о которомъ, можно сказать, грезитъ вся страна, но и съ правильнымъ разрѣшеніемъ вопроса о политическомъ существованіи такъ называемыхъ, не государственныхъ народностей въ Россіи.

Это уже будетъ зависѣть отъ реорганизаціи существующаго государственнаго строя Россіи на началахъ децентрализаціи и автономіи областей, обособленныхъ по національнымъ интересамъ. Въ такомъ разрѣшеніи вопроса о политическомъ устройствѣ Россіи заинтересованы не только государственныя народности ея, но и вся осталяная Россія, такъ кккъ централистическій типъ государственнаго устройства Россіи служитъ угрозой всякой культурѣ, всякому развитію". („Приднѣпровскій Край", № 2628).

Украинскій національно-политическій клубъ. 16 го ноября сорганизовался украинскій національно-политическій клубъ. Цѣлью его является объединеніе украинцевъ на началахъ широкой демократической политической программы для обезпеченія украинскому народу его національно-политическихъ правъ, поднятія его духовныхъ и экономическихъ силъ. Клубъ принимаетъ въ свой составъ и провинціальныхъ членовъ и образуетъ провинціальныя отдѣленія. Членскій взносъ 5 р. въ годъ, при уплатѣ допускается разсрочка. Выбрано 15 старшинъ клуба для дальнѣйшаго веденія дѣла. Болѣе подробныя свѣдѣнія можно получить въ квартирѣ Русова (Офицерская, д. № 36, кв. 19) ежедневно отъ 12—2-хъ часовъ.

Статьи на украинскомъ языкѣ въ русскихъ газетахъ. Въ ожиданіи, пока разрѣшится въ положительномъ смыслѣ вопросъ объ украинской періодической печати, начинаютъ появляться статьи на украинскомъ языкѣ въ русскихъ газетахъ, вздохнувшихъ свободнѣе послѣ 17 октября. Пока мы встрѣтили такія статьи въ слѣдующихъ изданіяхъ: 1) „Кіевскіе отклики", № 285 (статья г. Ефремова „Чи буде суд?"—по поводу еврейскихъ погромовъ); 2) „Кіевское Слово", № — („Амнистіи мужицькым борцям" — съ требованіем амнистіи всѣмъ пострадавшимъ

за дѣятельность среди украинскаго крестьянства); 3) „Югъ“, №№ 2180, 2183, 2186 и 2190 (Статья г. Ковеленка-Коломацкаго „Поклик до украінськоі інтелігенціі“ и рядъ статей того же автора подъ общимъ заглавіемъ: „Листи до селян“, посвященныхъ популярной бесѣдѣ съ крестьянами по поводу послѣднихъ событій, и 4) „Приднѣпровскій край“, №№ 2634 и 2645 (Двѣ статьи г. Сокола: „Селянська річ“ и „Лист до селян“). Конечно, періодически появляющіяся статьи на украинскомъ языкѣ не могутъ восполнить потребности въ украинской прессѣ, и потому слѣдуетъ добиваться осуществленія свободы для украинскаго слова въ видѣ органовъ печати на украинскомъ языкѣ.

Первая Украинская газета. 12 ноября въ г. Лубнахъ явочнымъ порядкомъ, „коштами і заходами Лубенськоі украінськоі Громади“, вышелъ первый номеръ газеты на украинскомъ языкѣ „Хлібороб“, подъ редакціей Миколи Шемета. Содержаніе этой первой ласточки украинской прессы слѣдующее: 1) „Царський маніфест від 3-го грудня (листопада?); 2) „Про вольности громадянські“; 3) „Що таке виборче право?“ 4) „Правда про разбоі, що останніми часами діялися по богатьох городах“, 5) Вірш: „На спогад товаришеві в тюрмі“ 6) „Істория маніфеста 17 падолиста“ (жовтня?) 7) „Звістки з Петербургу“, 8) „Звістки з Одесу“; 9) „Звістки з Київа“, 10) „Звістка з Польщи“, 11) „Звістка з Галичини“, 12) „Лубенське життя“ і 13) Від редакціі. Въ редакціонномъ заявленіи содержится призывъ къ солидарной работѣ на пользу украинскаго народа: „Кличемо усіх прихильників народу, усіх, хто бажае щастя упослідженим, рабочим людям, кличемо *до спільноі працi економічноі та національноі на користь рідного краю.* Щиро прохаемо усіх селян, робітників та інтелігенцію, хто співчувае цім святим завданням і напрямку нашоі часописі, досилати до редакціі „Хлібороба“ статті, дописи та листи. — Усі поспішають жити, усі працюють не спочиваючи, А ми досі спимо. Життя не жде ледачих. „Нумо ж до праці мерщій!“

20 ноября вышелъ второй номеръ той же газеты; помѣщено здѣсь: 1) Вірш „Не стогніть“ Якима Самотнього, 2) „Про автономію“, 3) „Селянський приговор“, 4) „Про Фінляндію“, 5) „Звістки з Галичини“, 6) „Звістки з Петербургу“, 7) „Звістки з Кронштату“, 8) „Канів (Київщина)“ Якима Самотнього, 9) „Віча“, 10) „Що пишуть по часописях“, 11) „З Київа“, 12) „На спомин Володимира Лесевича“ В. Шемета, 13) Від редакціі,

Кромѣ того въ газетахъ появились извѣстія о слѣдующихъ предполагаемыхъ пока изданіяхъ: 1) „Громадське Слово“ (Кіевъ), ежеднев-

ная газета для народа по программѣ „демократично-радикальноі партіі, 2) „Праця“ (Кіевъ) — ежедневная газета соціал-демократическаго направленія и 3) „Вільна Украіна“ (С.-Петербургъ) — ежемѣсячный журналъ того же направленія.

Къ вопросу объ украинской прессѣ. Въ газетѣ „Наша Жизнь“, № 321, было напечатано очень интересное письмо шанхайскихъ украинцевъ:

„*Шанхай, 24 октября.*

Щирим серцем спочуваючи кожному поспіху рідного краю, дякуемо шановну редакцію і всіх діячів і прихильників Украінськоі справи і просимо доручити предсідателеві Мордовцеву на запомогу першім украінськім виданням: евангелія—200 рублів і часописі народнеі—200 рублів.

Украïнська громада Шанхая“.

Но такъ какъ Д. Л. Мордовцевъ умеръ, то редакція означенную сумму передала нынѣшнему предсѣдателю общества изданія популярныхъ малорусскихъ книгъ А. А. Русову, занявшему мѣсто Д. Л. Мордовцева.

Предсѣдатель общества А. А. Русовъ, получивъ эти 400 руб., напечаталъ въ томъ же номерѣ газеты „Наша Жизнь“ нижеслѣдующее письмо шанхайскимъ украинцамъ:

„Прошу черезъ посредство вашей уважаемой газеты довести до свѣдѣнія дорогихъ земляковъ нашихъ, живущихъ въ Шанхаѣ, что 400 руб., присланные ими, переданы мною правленію благотворительнаго общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ на малорусскомъ языкѣ.

„Двѣсти рублей изъ этого пожертвованія назначены ими на изданіе Евангелія; но въ настоящее время переводъ Евангелія на малорусскій языкъ Морачевскаго печатается святѣйшимъ правительствующимъ сvнодомъ, что, кажется, до послѣдняго времени считалось монополіей этого учрежденія. Такъ какъ общество, предсѣдателемъ правленія котораго я имѣю честь состоять, въ настоящее время не имѣетъ возможности употребить даръ шанхайскихъ земляковъ по назначенію, ими данному, то я прошу ихъ увѣдомить правленіе, не позволятъ-ли они и эти 200 рублей употребить на изданіе народной газеты на малорусскомъ языкѣ?

„Изданіе такой газеты въ настоящее время, когда украинскій народъ получилъ политическія права, болѣе чѣмъ желательно. Но съ другой стороны, столь-же необходима и столичная газета на русскомъ

языкѣ, которая могла бы знакомить всѣ остальные народы нашего государства съ психологіей нашего украинскаго народа и его задушевными стремленіями. Я думаю, что между нашими земляками найдутся сочувствующіе осуществленію какъ той, такъ и другой мысли. Съ своей стороны, я обязуюсь будущимъ гг. редакторамъ и столичной русской газеты, посвященной украинскимъ интересамъ, и народной малорусской, въ видѣ пособія ихъ начинанію, внести безвозвратно по 500 рублей.

„Затѣмъ, будучи увѣреннымъ, что при свободѣ печати осуществить изданіе такихъ двухъ газетъ будетъ гораздо легче, чѣмъ то было до настоящаго времени, я обращаюсь съ горячею просьбою ко всѣмъ землякамъ нашимъ послѣдовать примѣру собратьевъ нашихъ изъ далекаго Шанхая и начать сборъ денегъ на двѣ означенныя цѣли. Съ своей стороны, я не откажусь принимать пожертвованія на этотъ предметъ по нижеслѣдующему адресу: Спб., Офицерская, 36, Александру Александровичу Русову, и давать отчетъ въ ихъ полученіи.

А. Русовъ".

Привѣтствуя отъ души такое начинаніе, нельзя не благодарить дорогихъ земляковъ Шанхая и многоуважаемаго предсѣдателя А. А. Русова, за ихъ добрую мысль и пожелать скораго осуществленія намѣченныхъ цѣлей, такъ какъ въ подобныхъ печатныхъ органахъ давно уже нуждается украинскій народъ. (Приднѣпровскій край: № 2646).

Общество „Просвіта" въ Одессѣ. 30 октября состоялось собраніе учредителей украинскаго общества „Просвіта", на которомъ окончательно утверждена редакція устава общества. Общество преслѣдуетъ самыя широкія культурныя цѣли: открытіе школъ и библіотекъ, изданіе газетъ и журналовъ и книгъ, устройство читаленъ, публичныхъ лекцій, курсовъ и. т. д. Въ виду манифеста отъ 17-го октября, разрѣшающаго свободу союзовъ общество рѣшило открыть свою дѣятельность явочнымъ порядкомъ, почему въ вышеуказанномъ собраніемъ общества, произведены были выборы правленія пока не полнаго (4 челов. вмѣсто 10) изъ слѣдующихъ лицъ: д-ра И. М. Луценко, С. П. Шелухина (членъ одес. окружнаго суда), И. М. Бондаренко (пом. секретаря одес. городск. управы) и Э. М. Клюге (банковскій рабочій). Остальные члены правленія будутъ избраны во второмъ общемъ собраніи, которое состоится въ скоромъ времени. Обсуждая свою предстоящую дѣятельность, общество высказалось за необходимость открытія въ ближайшее время своего клуба, читальни, устройства лекцій и изданія собственнаго листка. Редакція послѣдняго поручена правленію,

которому предложено выпустить въ возможно близкомъ времени хотя нѣсколько номеровъ. „Одесскій Листокъ“ № 255.

Резолюція студентовъ-украинцевъ. Студенческая „Украинська Громада“ Новороссійскаго университета соглашаясь съ постановленіями, выработанными „коалиціоннымъ совѣтомъ“ присоединила къ нимъ и спеціальную резолюцію по украинскому вопросу. Сущность этой послѣдней сводится къ слѣдующимъ требованіямъ: „Внести въ резолюцію на національному вопросу требованіе автономіи Украйны на демократически-федеративныхъ началахъ съ Россіей. А такъ какъ въ резолюціи національности поименовываются по принципу количества населенія, то надлежитъ украинцевъ поставить на первомъ мѣстѣ. Въ частности, что касается вопроса о томъ, каковымъ должно быть народное образованіе въ автономной Украинѣ, то оставляя за каждой національностью на территоріи ея обитающей, право на свободное культурное самоопредѣленіе, украинцы, стоятъ за то, чтобы оно сверху до низу, отъ народной школы и до университета, строго согласовалось съ принципами автономіи національной. Какъ практическое требованіе момента выставляются: введеніе въ Новороссійскомъ университетѣ курса „Исторіи Украины“, принципіально на украинскомъ языкѣ, объявленіе на филологическомъ факультетѣ курса украинскаго языка, исторіи украинской литературы, на юридическомъ курсѣ исторіи украинскаго права и. т. п. Считая выраженіе „Малоруссія“, „малоруссы“ проявленіями тенденціозной правительственной терминологіи, и признавая ихъ обидными для національнаго самолюбія, группа требуетъ, чтобы эти понятія правильно выражались словами „Украины“ или „украинцы“ („Кіевскія Новости“, № 286).

Чествованіе памяти Богдана Хмѣльницкаго во Львовѣ. Польское и русинское общества праздновали 250-лѣтній юбилей осады Львова гетманомъ Богданомъ Хмѣльницкимъ. Конечно, мотивы празднованія были діаметрально противоположны. Поляки праздновали защиту Львова отъ осады Богданомъ Хмѣльницкимъ, какъ актъ военной побѣды надъ врагомъ и какъ одну изъ славныхъ картинъ военной доблести. Русины чтили память Хмѣльницкаго, какъ національнаго героя, несшаго освобожденіе Украины.

Польскій юбилей прошелъ спокойно, и можно сказать, оффиціально. Было торжественное засѣданіе въ ратушѣ съ участіемъ достойныхъ

гостей, а вечеромъ спектакль въ театрѣ. Городомъ была издана и раздавалась безплатно юбилейная брошюра. Этимъ торжество и закончилось.

Русинами въ „Народномъ домѣ" было устроено вѣче. Присутствовало на вѣчѣ свыше 3,000 человѣкъ. Редакторомъ газеты „Діло", д-ромъ Е. Левицкимъ, былъ прочитанъ историческій рефератъ о польско-украинскихъ отношеніяхъ и о роли Богдана Хмѣльницкаго въ исторіи украинскаго народа. Для Украины, а въ частности для Львова, Богданъ Хмѣльницкій былъ освободителемъ отъ польской неволи. Отъ Львова Хмѣльницкій отступилъ только благодаря просьбамъ гражданъ, такъ что ни о какой польской побѣдѣ не можетъ быть и рѣчи. Для Украины XV и XVI столѣтія были такими же критическими, какъ и нынѣшнее время. И тогда, и теперь взаимныя отношенія поляковъ и русинъ обострены до крайности. Но борьба не окончилась. На востокѣ свѣтаетъ, начинаютъ падать первые лучи свободы, и, дастъ Богъ, этотъ переломъ украинско-польской борьбы склонится на нашу сторону.

Послѣ реферата д-ра Левицкаго были приняты резолюціи къ данному юбилею и отдѣльная резолюція на имя украинской громады въ Кіевѣ.

„Віче львовских русинів, зібране нині вчесть Богдана Хмельницкаго внагоди 250-літного ювилею его походу под Львів, пересилае закордонним братям слова радости з причини заповіди конституцийних свобід в царстві— а заразом бажаня як найшвидшого здійсеня там на них національних змагань".

Послѣ окончанія вѣча участники его съ пѣніемъ „Ще не вмерла Украина" и „Не пора" вышли на улицу. На углу Трибунальской улицы кордонъ пѣшей полиціи загородилъ манифестантамъ дорогу. Позади стала конная полиція. Часть толпы, по требованію полиціи и убѣждаемая г. Игнатомъ, стала отступать. Оффиціальная „Gazeta Lwowska" передаетъ, будто бы толпа сама напала на полицію, стала ее бить палками и бросать камни, ну и, конечно, изъ толпы были выстрѣлы. Тогда пѣшая и конная полиція, неизвѣстно холоднымъ или огнестрѣльнымъ оружіемъ, разогнала толпу и многихъ арестовала. Получили пораненія 5 полицейскихъ. Арестовано 6 человѣкъ. „К. Т".

Въ № 196 „Сына Отечества" помѣщено письмо въ редакцію Украинца о ненормальной постановкѣ школьного дѣла на Украинѣ, въ частности о преподаваніи закона Божія на родномъ языкѣ учащихся.

Въ № 205 той же газеты помѣщена статья г. Ефремова „Рада бы душа въ рай“ объ условіяхъ изданія книгъ на украинскомъ языкѣ.

Въ № 215 „Волыни“ г. Викшевскимъ помѣщено письмо въ редакцію подъ заглавіемъ „Къ малороссійскому вопросу на Волыни“. Считая несомнѣннымъ, что „нравственный долгъ способствовать по мѣрѣ силъ экономическому и культурному росту крестьянъ (украинцев) лежитъ прежде всего на тѣхъ, кто въ теченіе вѣковъ тормазилъ и убивалъ этотъ ростъ“ (поляки и русскіе), авторъ предлагаетъ редакціи „Волыни“ открыть свои столбцы для всесторонняго обсужденія украинскаго вопроса. На этотъ призывъ пока откликнулись г.г. Марковичъ и Копровскій („Волынь“, №№ 231 и 233), изъ которыхъ первый останавливается преимущественно на мѣрахъ общаго характера, а второй на ограниченіяхъ украинскаго языка.

Въ № 234 „Волыни“ опубликована „Національна програма українців-подолян“, заключающая требованія культурнаго, политическаго и экономическаго характера.

Въ № 2628 „Приднѣпровскаго Края“ напечатана въ переводѣ на русскій языкъ „Программа украинской демократической партіи“.

Въ №№ 260 и 271 напечатаны очерки г. М. Сл. „Юго-Западный край и государственная дума“, въ которыхъ авторъ останавливаетъ группировкѣ различныхъ народностей и партій къ главному населенію края — украинскому крестьянству.

Въ № 293 „Кіевскихъ Откликовъ“ помѣщена статья „Областныя автономіи“, въ которой затронутъ также вопросъ и объ автономіи Украины.

Въ № 302 „Кіевскіе Отклики“ помѣщена статья г. Бердяева „Украинська сцена“, излагающая судьбы украинскаго театра при господствѣ стараго режима. — Въ № 299 той же газеты находимъ замѣтку „Украинскій театръ“, подписанную иниціалами М. П. Тому же

автору принодлежитъ и рядъ рецензій на спектакли украинской труппы г. Гайдамаки, помѣщавшихся въ теченіе послѣдняго мѣ яца.

Въ „Кіевскихъ Откликахъ“ данъ отзывъ объ альманахѣ „Багаття“ (№ 273) и „Отчетѣ Благотворительнаго общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ за 1904 годъ“ (№ 292).

Въ той же газетѣ (№ 260) подъ общимъ заглавіемъ „Галицкія исторіи“ помѣщенъ переводъ съ украинскаго трехъ очерковъ: „Параградъ“, „Воля цисаря“, „Избиратель“. Въ № 287 переведена „Грѣшница“ г. Мортовича и „Нянька“ г-жи Коренецъ подъ общимъ заглавіемъ „Мелочи малорусской литературы“ (переводъ г-жи Славинской).

Въ № 8621 „Южнаго края“ г. Бичъ-Лубенскій помѣстилъ горячій призвъ къ сохраненію древностей Украины подъ заглавіемъ: „Берегите древнія святыни Украины“. Основываясь на изслѣдованіи проф. Павлуцкаго о стихѣ древне-украинскихъ церквей, г. Бичъ-Лубенскій предлагаетъ и мѣстнымъ харьковскимъ строителямъ воспользоваться данными науки для ресторваціи украинскаго церковнаго стиля и разработки его въ духѣ современныхъ требованій.

1—2

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанскаго Университета

На 1906 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія ревизіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студенческія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и заграницей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-воспитательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣніе преподаванія, распредѣленіе лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями, и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб. съ пересылкою 7 руб. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *А. Александровъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„Русская Старина“

на **1906** годъ.

Тридцать шестой годъ изданія.

Если исторія народа описывается на основаніи государственныхъ документовъ, хранящихся въ пыли архивовъ, то это далеко не есть еще исторія народа и его жизни. Архивныя свѣдѣнія, на сколько они доступны для частнаго человѣка, конечно, имѣютъ свою цѣну. Но эти свѣдѣнія рисуютъ только одну сторону,—оффиціальную,—поясняютъ, такъ сказать, внѣшнюю, показную жизнь народа въ извѣстную эпоху. И если бы пришлось ограничиваться только этою стороною, то мы были бы очень далеки отъ задачи полнаго историческаго описанія народной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ въ разное время.

Вотъ почему дополненіемъ къ исторіи и служатъ бытовыя описанія внутренней жизни народа, а матеріалъ для этого заключается въ историческихъ воспоминаніяхъ, историческихъ изслѣдованіяхъ, мемуарахъ и запискахъ частныхъ лицъ, въ дневникахъ, въ описаніяхъ бытовой жизни въ разныя эпохи. Нерѣдко дневникъ простого обывателя своими правдивыми разсказами лучше всякаго оффиціальнаго документа нарисуетъ бытовой характеръ русской старины и въ яркомъ свѣтѣ изобразитъ умственный и нравственный строй народа въ извѣстную эпоху.

Поэтому журналъ „РУССКАЯ СТАРИНА“, имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, будетъ по прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) историческія изслѣдованія; 2) записки, воспоминанія и дневники разныхъ лицъ; 3) очерки и разсказы; 4) жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) статьи по исторіи русской литературы и искусствъ: 6) историческіе разсказы и преданія; 7) документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи и вообще западной исторической бытовой старины; 9) народную словесность; 10) архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, какъ гражданскихъ, такъ военныхъ и духовныхъ, при благосклонномъ участіи которыхъ, журналъ издается въ теченіе 35 лѣтъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 коп. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на **1906** годъ

на ежемѣсячный обещственный, литературный, политическій и историческій журналъ

„Всемірный Вѣстникъ".

(Четвертый годъ изданія).

Въ наступающемъ году журналъ будетъ выходить по расширенной программѣ со включеніемъ въ нее обзора текущей политической жизни и другихъ вопросовъ, которыхъ мы не могли касаться исключительно благодаря предварительной цензурѣ.

Въ 1906-мъ году „Всемірный Вѣстникъ" поставитъ задачей ознамить читателей съ такъ называемой *„нелегальной литературой"*. На страницахъ журнала будетъ помѣщено:

1) Собраніе сочиненій, изданныхъ за границей, **графа Льва Николаевича Толстого**. 2) Библіотека писателей декабристовъ (въ приложеніи). Записки декабриста князя Сергѣя Петровича Трубецкаго. 3) М. А. Бакунинъ, А. И. Герценъ и Н. П. Огаревъ и ихъ отношенія, съ біографіей Бакунина. 4) Записки Александра Ивановича Кошелева (1812—1883 годы). 5) Русская политическая тюрьма: Петропавловская крѣпость, Д. Кенана, 6) Очеркъ Петербургскаго рабочаго движенія конца прошлаго столѣтія. 7) Изъ недавняго прошлаго. Очерки и воспоминанія бывшаго товарища прокурора. 8) Пѣсни русскихъ масоновъ. Подъ ред. и съ примѣч. члена СПБ. Археологическаго общества Т. О. Соколовской. 9) Шесть лѣтъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи. Воспоминанія 80-годовъ прошлаго столѣтія. 10) Главнѣйшія статьи изъ журнала „ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА", издававшагося въ Лондонѣ А. И. Герценомъ. 11) Государство Солнца. Политическій журналъ-утопія Компанелла (будетъ помѣщенъ въ приложеніяхъ). 12) Женщина и соціализмъ (женщина настоящаго, прошедшаго и будущаго). Августа Бебеля (переводъ этотъ запрещенъ цензурой). 13) Общественное движеніе въ царствованіе Императора Александра II. 14) Самодержавіе и печать (положеніе русской печати въ періодъ „усмотрѣнія"). 15) Хранящееся въ архивѣ департамента полиціи дѣло III отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи о графѣ Львѣ Николаевичѣ Толстомъ, 1862 года. 16) О половомъ вопросѣ. Мысли графа Льва Николаевича Толстого, собранныя Владиміромъ Чертковымъ.

17) Путешествіе изъ С.-Петербурга въ Москву. А. Радищева. 18) Гражданская война во Франціи 1870—1871 г.). Карла Маркса. 19) Сибирь и ссылка, Кеннана. 20) Хранящееся въ архивѣ департамента полиціи дѣло III отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи объ Александрѣ Ивановичѣ Герценѣ. (Дѣло это заключаетъ въ себѣ 660 листовъ и содержитъ рядъ неизданныхъ писемъ Герцена). (Печататься будетъ въ приложеніи).

Кромѣ того, будетъ помѣщенъ рядъ беллетристическихъ произведеній—очерковъ, повѣстей, стихотвореній и т. д. главнымъ образомъ изъ исторіи борьбы за освобожденіе личности отъ всякаго рода гнета, произвола и беззаконія.

Съ первой же книжки, помимо существующихъ постоянныхъ отдѣловъ—театральнаго, библіографіи и т. д., вводится особый отдѣлъ—обозрѣнія внутренней политической жизни.

Рядъ статей по вопросамъ внутренней политики явится посильнымъ содѣйствіемъ современной борьбы всѣхъ классовъ за введеніе правоваго порядка въ Россіи, основаннаго на дѣйствительно проведенной въ жизнь всесторонней конституціонной свободы.

Времена гнета, безправія, произвола и беззаконія, съ сожалѣнію, еще не прошли. Только широко-демократическая конституція, съ законами, установленными самимъ народомъ и исполняемыми безусловно отвѣтственной предъ нимъ властью, можетъ обезпечить истинную свободу. Къ достиженію этой цѣли редакція положитъ всѣ свои силы при сотрудничествѣ: Вал. И. Анненскаго, П. А. Антропова, К. И. Арабажина, кн. Л. Б. Барятинской (Яворской), кн. В. В. Барятинскаго, В. П. Батуринскаго, В. П. Бередникова, В. В. Бородаевскаго, Б. П. Богданова, И. Н. Божерянова, А. І. Буковецкаго, А. Г. Генкель, Е. А. Буткевичъ, А. А. Воронова, Л. Е. Габриловича, Н. А. Гастфрейнда, Д. Г. Глоба, С. Ф. Годлевскаго, Е. В. Давыдова, проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго, Е. Дубельтъ (Зеландъ), Е. Д. Жураковскаго, И. И. Забрежнева, А. А. Зноско-Боровскаго, С. В. Каменскаго, Г. В. Квятковскаго, И. И. дю-Кира, А. С. Кушнерева, проф. М. М. Ковалевскаго, проф. П. И. Ковалевскаго, В. Я. Ленскаго, Е. Н. Лебедевой, Г. Ф. Львовича, В. А. Мазуркевича, Н. А. Макшеевой, И. Н. Малыхъ, М. М. Могилянскаго, В. Н. Никитина, В. П. Панаева, проф. Н. Перетца, Л. Д. Писаржевской, И. И. Рачинскаго, Л. М. Рейнгольда, проф. М. А. Рейснера, Н. А. Россовскаго, Ев. В. Святловскаго, прив.-доц. В. В. Святловскаго, Скитальца (О. Яковлева), Т. О. Соколовской, М. К. Соколовскаго, П. Н. Столпянскаго, Ф. Н. Фальковскаго, Н. И. Фалѣева, Н. Б. Хвостова и мн. др.

Подписка на 1906 г. принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Цѣна въ годъ 6 р. съ дост. и перес.: на 1/2 года 4 р., отдѣльный нумеръ 1 р. допускается разсрочка по 1 р. въ мѣсяцъ.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Екатерининскій каналъ, д. № 17.

Редакторъ-Издатель **С. С. Сухонинъ.**

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

КНИГА 11-я.—НОЯБРЬ, 1905.

I.—ХРИСТІАНСКІЙ ЕПИСКОПЪ НА ГРАНИЦѢ VI—V ВѢКОВЪ. АВГУСТИНЪ, КАКЪ ЕПИСКОПЪ.—*В. И. Герье.*—II.—МАХРОВЫЕ ЛЕПЕСТКИ. — Повѣсть. — Окончаніе.—IX—XVI.—*В. И. Б—ной.*—III.—ИЗЪ ПОѢЗДКИ ВЪ САРОВЪ.—Путевыя впечатлѣнія и замѣтки.—Окончаніе.—V—VII.—*Л. Е. Оболенскаго.*—IV. МУЗЫКАЛЬНАЯ БАРЫШНЯ· Повѣсть. *В. Погодиной.*—V.—ЭТЮДЫ О БАЙРОНИЗМѢ.—Часть III: Русская литература.—*Алексѣя Веселовскаго.*—VI.—ЧЕРНАЯ ЗМѢЯ.—Романъ.—Paul Adam „Le Serpent noir."—Ш—V.—Съ франц. *З. В.*—VII. МИСТИЦИЗМЪ ВЛ. G. СОЛОВЬЕВА.—*Э. Радлова.*—VIII.—ЦАРЕКЪ. —Разсказъ.—A monarch of small survey, by Atherton.—Съ англ. *О. Ч.*—IX.—ХОЗЕ ДЕ ПЕРЭДА.—Очеркъ изъ ясторіи современной испанской литературы.—*Шепелевича X.* ХРОНИКА.—АКТЫ, ОТНООЯЩІЕСЯ КЪ ПАМЯТНЫМЪ ОКТЯБРЬСКИМЪ ДНЯМЪ.—XI.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Высочайшій манифестъ 17-го октября. — Почему онъ не положилъ конецъ тревожному настренію.—Возможное отношеніе къ Государственной Думѣ.—Значеніе учредительнаго собранія.—„Либеральные элементы" и пролетаріатъ.—Трагизмъ переживаемой смуты.—Програмта конституціонно-демократической партіи.—Положеніе о совѣтѣ министровъ.—Амнистіш.—Правида о публичныхъ собраніяхъ.—Кн. С. Н. Трубецкой †. — Postscriptnm. — XII. — ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Портсмутскій мирный договоръ.—Заслуга гр. Ламздорфа.—Разоблаченія военныхъ порядковъ.—Значеніе войны для нашихъ внутреннихъ дѣлъ.—Международныя послѣдствія нашей мирной революціи.—Политика Вильгельма II.—Новая попытка къ оправданію манджурской затѣи.—XIII—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—I. Россіевъ, II., „Общіе знакомые" и „Безъ героевъ".—Z.—II. Луначарскій, А., Этюды критическіе и полемическіе.—III. Овсянико-Куликовскій, Д. Н.,, Л. Н. Толстой какъ художникъ. — IV. „Сибирскіе вопросы", періодическій сборникъ.—V. Горленко, В., Отблески.—VI. Подъячевъ, С., Среди рабочихъ.—Евг. Л.—VII. Первая всеобшая перепись населенія Россійской Имперіи, Н. Тройницкаго.—Распредѣленіе рабочихъ и прислуги по группамъ занятій и мѣсту рожденія.—VIII. В. Норовъ, Казенная винная монополія при свѣтѣ статистики. — В. В. — Новыя

книги и брошюры.—XIV.—НОВОСТИ ПО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. — I. H. Sudermann Stein unter Steinen — II. A. Beaumter, Le Roi Tobol.—С. В.—XV.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.— Подъ первыми впечатлѣніями манифеста 17 октября.—Забастовки.— Митинги. — Какъ назвать забастовочные дни: предверіе революціи или революція въ настояшемъ?—Опасная сторона политическихъ забастовокъ въ интересахъ освободительнаго движенія.—Что означаютъ погромы черной сотни?—Новыя задачи общества и печати.—Сорокалѣтіе дѣятельности А. Ѳ. Кони.—М. И. Драгомировъ †.—XVI.— ИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Русская Высшая Школа общественныхъ наукъ въ Парижѣ.—Сборникъ Имп. Русск. Историч. Общества, т. 120-й. — Дмитріевъ-Мамоновъ, Декабристы въ Западной Сибири.—Максутовъ, кн. В. Л., Исторія древняго Востока, т. II. — Симоненко, Г., Основные вопросы статистики, исторіи, соціологіи и этики.—XVII. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Отъ Редакціи.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для напечатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

I. А. И. ГЕРЦЕНЪ И ЕГО ОТНОШЕНІЕ КЪ ПОЛЬСКО-УКРАИНСКОМУ ВОПРОСУ. (Отрывокъ изъ ст. М. П. Драгоманова „Историческая Польша и великорусская демократія) . . . . 1—35
II. ВОСПОМИНАНІЯ И АВТОБІОГРАФІЯ ОДЕССКАГО ПРОТОІЕРЕЯ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА СОКОЛОВА . . . . 36—63
III. СГОВОРЪ МАЛОЛѢТНИХЪ. (Страница изъ исторіи брачного права на украинѣ XVI. в.) *Ор. Левицкаго* . . . . . . 64—72
VI. ВЕСНЯНА ПОВИДЬ. Повисть. Част. I. *М. Чернявського* . 73—128
V. НА СВЯТЪ ВЕЧИРЪ. (Риздвяне оповидання). *Л. Яновськой.* 129—133

Отдѣлъ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Опытъ обязательнаго обученія козацкихъ дѣтей грамотѣ въ Лубенскомъ полку, въ 1762 году. Сообщ. *Н. П.*; б) О колядкахъ и щедривкахъ въ Черниговской губерніи. Сообщ. *Иванъ Абрамовъ;* в) Къ исторіи взаимныхъ отношеній малороссійскихъ свѣтскихъ и духовныхъ властей въ XVIII. вѣкѣ. Сообщ. *Вл. П-ко;* г) Заговоръ отъ бешыхи (Записанъ въ д. Ново-Александровкѣ, Бахмутскаго уѣзда Екатеринославской губ. 1—13
ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ . . . . 13—19
ОБЪЯВЛЕНІЯ . . . . 1—8